И. А. Виноградов

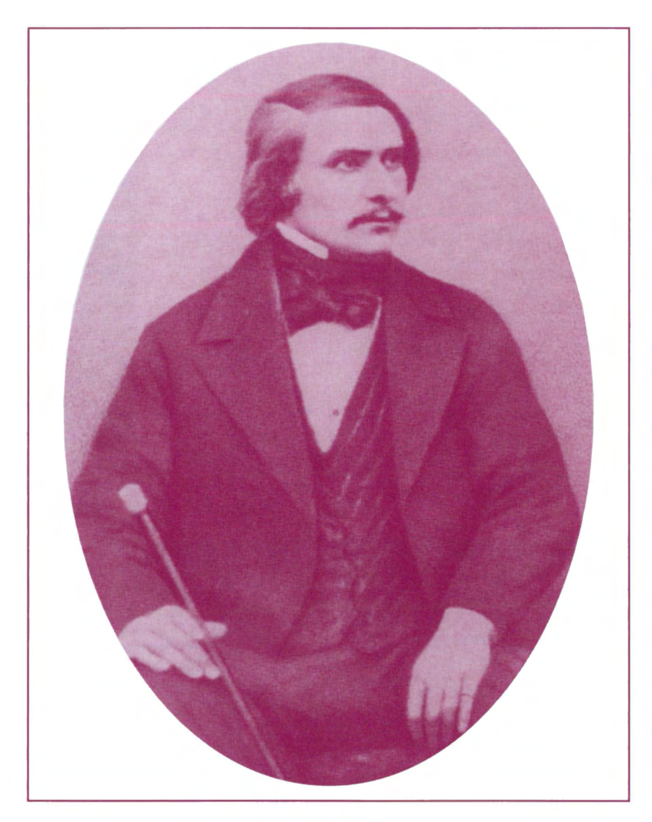

И. А. Виноградов

Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя

ТОМ 5

1845–1847

Перро.
Портрет Н. В. Гоголя
1845 г.
дагерротип

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А. М. Горького

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А. М. Горького

И. А. Виноградов

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Н. В. ГОГОЛЯ

в семи томах

1809–1852

Научное издание

Москва
ИМЛИ РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А. М. Горького

И. А. Виноградов

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Н. В. ГОГОЛЯ

ТОМ ПЯТЫЙ

1845–1847

Москва
2018

ББК 83.3

И. А. Виноградов. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание. В 7 т. Т. 5. 1845–1847. – М.: ИМЛИ РАН, 2018. – 928 с.

Книга представляет собой пятый том впервые издаваемого систематического летописного свода жизни и творчества Гоголя. В томе представлены годы дальнейшего пребывания писателя за границей. Собраны исчерпывающие сведения о неоднократном пребывании Гоголя в этот период в Париже, Франкфурте, Риме, Неаполе, Остенде; общения писателя с графом А. П. Толстым, В. А. Жуковским, А. А. Ивановым; переписки с матерью и сестрами, с А. О. Смирновой, П. А. Плетневым, Н. М. Языковым, Виельгорскими, Аксаковыми, В. Г. Белинским, протоиереем Матфеем Константиновским и др. Детально освещена история создания, прохождения в цензуре и начального восприятия современниками «Выбранных мест из переписки с друзьями» — самой животрепещущей патриотической книги отечественной словесности, публицистического эквивалента первого и второго томов «Мертвых душ». Прослежена работа над составлением сборника «Каноны и песни церковные», над созданием «Учебной книги словесности для русского юношества»; продолжение труда над вторым томом поэмы и книгой о Божественной Литургии. Очерчены образ жизни Гоголя в указанный период и круг занимавших его идей. События представлены в двух временных системах координат: они обозначены датами по новому и старому стилю. В работе использованы многочисленные мемуарные, эпистолярные, дневниковые материалы, документальные архивные свидетельства, собственные воспоминания Гоголя. Отдельные сведения, в частности, датировка более сорока писем Гоголя и его адресатов, получили необходимые уточнения. Данные о каждом дне жизни писателя составляют отдельное аналитическое описание, с своей библиографией и необходимыми хронологическими отсылками. Том сопровожден маршрутным указателем (географической канвой жизни и творчества Гоголя), позволяющим наглядно представить перемещения писателя. Именной указатель насчитывает около двух тысяч имен.

ISBN 978-5-9208-0516-4
ISBN 978-5-9208-0548-5 (том 5)

ЛЕТОПИСЬ
ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
ГОГОЛЯ

1845–1847

ЯНВАРЯ 1 <13>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДНЯ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре[1].

В этот день А. О. Смирнова заканчивает ответное[2] письмо к Гоголю во Франкфурт (послание было начато 30 декабря 1844 г. / 11 января 1845 г.[3]):

«Поздравляю вас с новым годом... <...> Я была у обедни, заехала на минуту поздравить Карамзиных и поскорее домой. Говорят, что Государю лучше. <...> Жука[4] и его жену поздравляю. Усердно молю Бога им продолжения счастия, и Сашу[5] поцелуйте. Учите ее по-русски».

[1] *Ельницкая 1978*. С. 305.
[2] См. ***1844. Декабря 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***.
[3] См. ***1844. Декабря 30 <1845 Января 11>. Суббота. Санкт-Петербург***. – В. А. Жуковский 25 января (н. ст.) 1845 г., пересылая Гоголю из Франкфурта в Париж письмо Смирновой, замечал: «Вот вам письмо от Смирновой; не поглядев на адрес, распечатал, но не читал, хотя и весьма хотелось прочитать; это полный журнал». – См. также ***1844. Декабря 31 <1845. Января 12>. Воскресенье. Санкт-Петербург***.
[4] В. А. Жуковский.
[5] Дочь Жуковского.

ЯНВАРЯ 13 <1>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДНЯ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В семье В. А. Жуковского родился сын Павел[1].

В. А. Жуковский записал в дневнике: «В самый новый год <1845> родился у меня сын. Жена долго хворала. Пребывание и отъезд[2] Гоголя»[3].

В своей книге для записи отправленных писем Жуковский пометил: «1845 <...> генваря 13 к Гоголю»[4].

[1] Павел Васильевич Жуковский (1845–1912), художник.
[2] См. ***1845. Января 10 или 11 <1844. Декабря 29 или 30>. Пятница или суббота. Франкфурт-на-Майне***.
[3] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод*. Т. 2. С. 43.
[4] См. ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***. – См. также ***1845. Января 15 <3>. Среда. Франкфурт-на-Майне***.

ЯНВАРЯ 14 <2>. ВТОРНИК. ПАРИЖ

Гоголь приехал в Париж[1] и остановился у графа А. П. Толстого. Согласно почтовому штемпелю[2], отправил в Москву письмо к Н. М. Языкову (написанное во Франкфурте 10 января (н. ст.) 1845 г.[3]). После обеда посетил А. И. Тургенева[4]. Вечером того же дня Тургенев и графиня Л. К. Виельгорская встретились с Гоголем у Толстого.

Утром этого дня Тургенев, еще не зная о приезде Гоголя в Париж, писал В. А. Жуковскому: «Я получил кучу писем от Сверб<еевых> и от Киреев<ского>. Просят, чтобы я уговорил Гоголя доставить “Москвитянину” что-нибудь пера его. Упроси ты, а если и мое слово не лишнее, то и я прошу»[5].

Вечером того же дня Тургенев записал в дневнике: «Продолжаю писать письмо к Жук<овскому> о К<нязе> Гол<ицыне>, о его болезни, о Гоголе — для Москв<итянина>, и послал... <...> ... Гр<афиня> Велг<урская> уведомила, что Гоголь здесь. Был у Рекамье, не застал, у гр<афа> Толстого и Гог<оля>, не застал, у гр<афини> Велг<урской> — не застал. После обеда ко мне Гоголь — о Жук<овском>, болен, перевод[6] лучше всех прежних стихов — стих полный, как пушк<инский>. С брат<ом>[7] о *Мертвых душах*. Ввечеру я к Лигерту: знакомство с Weiss[8] — автор об Испании, к гр<афу> Толстому, там Велгур<ская>, Гоголь — весь вечер с ними, не попал к Цирк<уру>[9]»[10].

[1] См. ***1845. Января 15 <3>. Среда. Париж.***

[2] См.: *Городецкий.* С. 473.

[3] См. ***1845. Января 10 <1844. Декабря 29>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[4] См. ***1845. Января 20 <8>. Понедельник. Париж.***

[5] Из писем А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 92.

[6] Так Гоголь отзывался о переводе В. А. Жуковского «Одиссеи», а также (согласно письму Тургенева к Жуковскому от 20 января (н. ст.) 1845 г.: ***1845. Января 20 <8>. Понедельник. Париж***) о стихотворении поэта «Две повести. Подарок на новый год издателю “Москвитянина”. (Из Шамиссо и Рюккерта)», опубликованном вскоре в «Москвитянине»: *Жуковский.* Две повести. Подарок на Новый год Москвитянину // Москвитянин. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1845. Ч. 1. № 1 (цензурное разрешение 23 янв.). С. 12–24. О стихотворении «Две повести» Гоголь 14 декабря (н. ст.) 1844 г. писал С. П. Шевыреву из Франкфурта: «...Жуковский мною заставлен сделать для Москвитянина великое дело, которого, без хвастовства, побудителем и подстрекателем был я». Спустя две недели, 26 декабря (н. ст.) 1845 г., он повторял в письме к Н. М. Языкову: «Я <...> подзадорил Жуковского, и он <...> отмахнул славную вещь... <...> Уведоми меня, как она <...> читавшим ее показалась». Об этом переводе Жуковского Гоголь упомянул также в «Учебной книге словесности для русского юношества» (1846) (см. ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4> — 1846. Мая 6–8 <апреля 24–26>. Рим*** — примечания).

[7] Имеется в виду Н. И. Тургенев.

[8] Возможно, имеется в виду французский библиограф Шарль Вейс (1779–1865), издавший в 1833 г. шеститомную «Biographie Universelle».

[9] Граф Адольф Мария Пьер де Сиркур (1801–1879), французский публицист и историк, приятель П. Я. Чаадаева; был женат на Анастасии Семеновне Хлюстиной (1808–1863), хозяйке литературного салона в Париже (в 1841 г. перешла в католичество). Гоголь, вернувшись из Парижа во Франкфурт, 5 марта (н. ст.) 1845 г. писал графу А. П. Толстому: «Познакомьтесь <...> с графинею Сиркур и дайте мне сведение о ней, точно ли она так умна, как говорят, в каком роде ум и в такой ли степени, как говорит Тургенев».

[10] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 79.

ЯНВАРЯ 14 – МАРТА 1 <ЯНВАРЯ 2 – ФЕВРАЛЯ 17>. ПАРИЖ

Гоголь живет в Париже у графа А. П. Толстого[1]; вероятно, вскоре по приезде узнает об обстоятельствах смерти («от изнуренья сил») князя Э. П. Мещерско-

го[2]; бывает у графинь Л. К. и Анны М. Виельгорских[3], у А. И. Тургенева, встречается с Лазаревыми[4]; часто посещает богослужения в русской посольской церкви[5], совершаемые настоятелем протоиереем Д. С. Вершинским[6], продолжает[7] работу над книгой о Литургии, пользуется библиотекой настоятеля («...Не оставался без русских книг, которые были мне потребны и пришлись по состоянию души», — сообщал Гоголь из Парижа Н. М. Языкову[8]).

Протоиерей Димитрий Вершинский в ту пору работал над своим главным сочинением — «Месяцесловом Православно-Кафолической Восточной Церкви» — одним из первых научных трудов по литургике (книга была издана в Петербурге в 1856 г., но написана гораздо раньше — цензуру она проходила уже в 1845 г.[9], а в печатном издании под предисловием стоит дата: «Париж. 1846 г.»). Позднее Гоголь предполагал отправиться с отцом Димитрием в Иерусалим[10].

В этот же период Гоголь принимается за изучение греческого языка[11] — в круг его чтения входит текст Литургии на греческом и латинском языках (в бумагах писателя сохранился ряд рукописей с чином Литургии св. Василия Великого и Литургии св. Иоанна Златоуста). Вероятно, знакомится с трудом известного французского издателя святоотеческих творений аббата Ж. П. Миня (Migne) «Богословская энциклопедия, или серия словарей по всем частям религиозных знаний» (Encyclopédie théologique, ou série des dictionnaires sur toutes les parties de la science religieuse. Paris, 1844–1855; 50 т.) (сам Гоголь позднее называл это издание «Теологической энциклопедией с литургиями»[12]). В занятиях Гоголю помогает отставной учитель-эллинист Ф. Н. Беляев[13].

М. П. Погодин 19 марта 1845 г. записал в дневнике: «Старик Беляев с письмом от сына. Вот славный Еллинист и может быть употреблен в Унив<ерситете>. — Гоголь учился у него в Париже по-Греч<ески>, и тот не взял с него денег»[14].

В Париже Гоголь прочитывает также служебные Минеи за полгода, составляет при чтении рукописный сборник «Каноны и песни церковные» (I–CCXXVI)[15]; переписывает, из того же источника, одну из так называемых паремий — избранных мест из Священного Писания, читаемых в церкви на вечернем богослужении[16]; делает выписку из книги «Выходы Государей Царей и Великих Князей, Михаила Феодоровича, Алексия Михайловича, Феодора Алексиевича, всея Русии Самодержцев. (С 1632 по 1682 год)» (М., 1844; издана П. М. Строевым).

Выписку «Одеяния» — из книги «Выходы Государей Царей и Великих Князей...» — Гоголь поместил в свою записную книжку 1841–1845 гг. Вскоре он воспользовался ею при написании статьи *XV. Предметы для лирического поэта в нынешнее время* «Выбранных мест из переписки с друзьями»[17]. Из письма Гоголя к Языкову от 2 декабря (н. ст.) 1844 г. из Франкфурта следует, что он познакомился с книгой по заметке о ней в «Отечественных Записках» (1844. № 5), где были помещены выдержки из нее[18]. Однако в книжку были занесены выписки из самой книги. Очевидно, что во Франкфурте, где Гоголь жил со второй половины сентября (н. ст.) 1844 г. до начала января (н. ст.) 1845 г.[19], он этой книги не имел. По-видимому, Гоголь познакомился с этим изданием в Париже, найдя книгу в библиотеке отца Димитрия Вершинского.

Выписке «Одеяния» предшествует в гоголевской записной книжке ряд заметок, являющихся, как показывает исследование, выписками из Минеи месячной — церковно-богослужебной книги, состоящей из двенадцати томов, в которой содержатся службы святым и праздникам на каждый день года по порядку месяцеслова. Содержание этих выписок указывает на то, что их появление в записной книжке шло параллельно с составлением Гоголем обширного сборника выписок из той же Минеи, озаглавленного «Каноны и песни церковные». Как явствует из содержания этого сборника, Гоголь прочел Минеи за полгода: с сентября по февраль. Состав-

лять выписки Гоголь начал с января (с 9-го числа ст. ст.), затем оставил этот том и дальнейшие выписки стал делать из Минеи декабрьской, потом вернулся опять к январю[20] (к 1-му числу ст. ст.), прочел Минеи за февраль, а впоследствии обратился к службам осенних месяцев – сентября, октября и ноября[21]. Такая же последовательность прослеживается в тридцати шести выписках Гоголя из Минеи в его записной книжке. Первая выписка сделана из службы 15 января (ст. ст.); затем следуют выписки из служб декабря; далее вновь Гоголь обращается к январю; последние выписки сделаны из Минеи октябрьской[22]. По-видимому, как и книгу «Выходы Государей Царей и Великих Князей...», тома служебной Минеи Гоголь получал в Париже от протоиерея Димитрия Вершинского. Ранее в Ницце, где Гоголь начал работу над книгой о Литургии[23], найти церковнославянские богослужебные книги годового круга было, вероятно, невозможно (православный храм в Ницце появился только в 1858 г.[24]).

Содержание сборника «Каноны и песни церковные» нашло отражение в строках статьи *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Еще тайна для многих этот необыкновенный лиризм – рожденье верховной трезвости ума, – который исходит от наших церковных песней и канонов и покуда так же безотчетно возносит дух поэта, как безотчетно подмывают его сердце родные звуки нашей песни»[25].

В 1848 г., вернувшись в Россию из-за границы, Гоголь писал П. А. Плетневу о работе над вторым томом «Мертвых душ»: «Прежде, чем примусь сурьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и речью. Боюсь нагрешить противу языка»[26]. Можно предположить, что сходным стремлением не нагрешить «противу языка» – и для того «назвучаться» церковнославянскими «звуками и речью» (прежде всего языком канонов, не всегда отчетливо воспринимаемых со слуха в храме) – во многом и объясняется и появление сборника «Каноны и песни церковные», составленного в тот период, когда Гоголь намеревался сделаться духовным писателем в собственном значении этого слова, работая над книгой о Литургии и духовно-нравственными сочинениями и трактатами[27].

Кроме перечисленных книг, в библиотеке протоиерея Димитрия Вершинского Гоголь, вероятно, познакомился с трудом французского археолога Адольфа Наполеона Дидрона (1806–1867) «Iconographie chrétienne. Histoire de Dieu» («Иконография христианства») (Париж, 1843). Из этой книги Гоголь сделал ряд прорисей икон для А. А. Иванова[28].

Предположительно тогда же Гоголь прочел в августовском номере «Журнала Министерства Народного Просвещения» за 1844 г. обзор богословских трудов, напечатанных в русской периодике за первые три месяца этого года[29]. Этот обзор был написан сотрудником министерского журнала Иваном Дмитриевичем Галаниным (1817–1873). Из статьи Галанина Гоголь, в свою очередь, сделал пространную выписку[30], представляющую собой подробное изложение 5–12 глав книги святителя Иннокентия (Борисова) «О грехе и его последствиях: Беседы на Святую Четыредесятницу»[31].

Содержание выписки имеет прямое отношение к статье *XVII. Просвещение* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846), где Гоголь размышляет о значении слова, вынесенного в заглавие статьи: «Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь».

В бумагах Гоголя сохранился также список[32], рукою неустановленного лица, рецензии П. С. Билярского (напечатана в том же номере «Журнала Министерства Народного Просвещения», где помещен обзор Галанина)[33] на статью П. В. Хлудова[34] (Маяк. 1844. Т. 13) о книге А. И. Левшина «Прогулки Русского в Помпеи» (СПб., 1843)[35].

Позднее, в письме от 21 сентября (н. ст.) 1845 г., Гоголь благодарил жену графа А. П. Толстого, Анну Георгиевну, за гостеприимство[36], а в письме от 1 октября (н. ст.) писал ей:

«Я вас полюбил искренно, полюбил, как сестру, во-первых, за доброту вашу, во-вторых, за ваше искреннее желание творить угодное Богу, Ему служить, Его любить и Ему повиноваться. Кто питает это искреннее желание и кто не забывает при этом молиться, да поможет Бог привести его в исполнение, и строго при этом смотрит на самого себя и взвешивает все поступки свои, тот успеет, наконец, выучиться науке угождать Богу во всем и дойдет до того, что Бог повсюду ему будет в помочь! От всей души молю, да будет Он вам помочь!»

В период пребывания в Париже Гоголь отправил письмо к графине С. М. Соллогуб в Петербург[37]:

«Здравствуйте, миленькая моя сестрица! Правда ли то, что вы уже несколько раз бросили копейку нищему[38]? Мне по крайней мере так сказала Анна Миха<й>ловна[39]. Не оттого ли мне часто было так легко и светло на душе, когда вспоминал об вас? Благодетельствуйте и вперед. Вы много можете сделать. Помогайте также и другим понемногу, особенно тем, которых вы увидите в унынии: тут вы можете помочь, потому что бывали сами в унынии и знаете, что такое уныние. Вы можете даже проще всех нас помогать в сем случае и на это одни только имеете право. Помогите особенно Александре Осиповне[40], когда увидите ее в хандре. Погрозите ей только вашим пальчиком и скажите, что вы запрещаете ей быть в хандре и чтобы она сию же минуту рассмеялась; но скажите это твердо, и хандра вмиг исчезнет. Напишите мне о вашем собств<енном> душевном состоянии, о беби[41], о В<ладимире> А<лександровиче>[42] и о прочем хотя два слова. А нищего все-таки не забывайте. Усмехнитесь же немножко таким образом, как я люблю. Прощайте, сестрица вовеки и всюду. Брат ваш Г<оголь>. Расскажите мне также какую-нибудь сказочку».

В Париже, в указанный период, Гоголь встречался с П. Ф. Заикиным[43] и, вероятно, с русским поверенным в делах в Париже Н. Д. Киселевым – давним другом А. О. Смирновой, ставшим одним из прототипов героев второго тома «Мертвых душ»[44].

Позднее, 9/21 декабря 1845 г., М. Г. Карташевская сообщала В. С. Аксаковой в Радонежье (Абрамцево) из Петербурга: «Здесь рассказывают анекдот про Гоголя и Киселева, который очень меня рассердил. Гоголь пришел к Киселеву в чужих краях, и тот с хвастовством рассказывает, что он не знал и не знает, что за Гоголь, и принял его этими словами. Только у нас могут гордиться, что не знают такого человека, которому скоро станут удивляться и в чужих краях»[45].

По-видимому, речь шла не о том, что Киселев не был знаком с Гоголем. Подразумевались гоголевские произведения, которые не читал Киселев. Смирнова познакомила его с Гоголем еще в 1837 г.[46] В своих записках 1880–1881 гг. «Биография Александры Осиповны Чаграновой» Смирнова приводила следующие слова Киселева: «Где же я мог найти Гоголя, я от всего русского отстал»[47].

[1] О быте, который окружал Гоголя в семействе Толстых, см., в частности: ***1838. Октября 6 <18>. Четверг. Москва*** (воспоминания А. О. Смирновой).

[2] См. ***1845. Июня 5 <мая 24>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Гомбург.***

[3] См. ***1848. Января 15. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1845. Января между 18 и 22 <между 6 и 10>. Париж***; ***1845. Февраля 5 <января 24>. Среда. Париж***; ***1845. Февраля 12 <января 31>. Среда. Париж***; ***1845. Февраля 24 <12>. Понедельник. Париж***; ***1845. Марта 1 <февраля 17>. Суббота. Утро. Париж.***

[4] См. ***1845. Февраля 24 <12>. Понедельник. Париж***; ***1845. Марта 1 <февраля 17>. Суббота. Утро. Париж.***

[5] См. ***1845. Февраля 24 <12>. Понедельник. Париж.***

[6] Протоиерей (с 1835 г.) Димитрий Степанович Вершинский (1798–1858), богослов, профессор (с 1830 г.) философии Петербургской Духовной академии, настоятель (с 1835 г.) русской посольской церкви в Париже.

[7] См. ***1843. Ноября 19 <7> – 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***

[8] См. ***1845. Февраля 12 <января 31>. Среда. Париж.***

[9] См. ***1846. Октября 1 <13>. Вторник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург*** (примечания).

[10] См. письмо к нему Гоголя от 15 января (н. ст.) 1847 г.: ***1847. Января 15 <3>. Пятница. Неаполь.***

[11] 29 марта 1845 года Н. М. Языков сообщал Гоголю из Москвы: «Здесь про тебя ходят слухи <...> что ты учишься по-гречески...» (см. ***1845. Марта 29 <апреля 10>. Четверг. Москва***).

[12] См. ***1846. Апреля 18 <6>. Великая суббота. Рим.***

[13] См. ***1845. Февраля 26 <14>. Среда. Париж.*** – Беляев хорошо знал греческий, латинский и церковнославянский языки. Он жил с 1841 г. за границей в качестве наставника в одном из русских семейств. Позднее Гоголь, по-видимому, встречался с ним в Москве. В его записной книжке 1846–1850 гг. есть помета: «Беляев Федор Николаевич на Зубове». Беляев в ту пору занимал должность помощника библиотекаря Московского университета и жил на Зубовском бульваре в собственном доме (см.: *Земенков Б. С.* Гоголь в Москве. М., 1954. С. 98–99).

[14] См. ***1845. Марта 19 <31>. Понедельник. Москва.***

[15] Составлению сборника предшествовала просьба Гоголя к С. Т. Аксакову в письме от 13 марта (н. ст.) 1843 г. из Рима прислать ему «молитвенник самый пространный, где бы находились почти все молитвы, писанные Отцами Церкви, пустынниками и мучениками».

[16] Гоголь выписал последнюю из трех паремий святителю, составленную из 4, 6, 7 и 2-й глав Книги Премудрости Соломона «Премудрости Соломоновы чтение».

[17] См. коммент. в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 6. С. 586.

[18] См. ***1844. Декабря 2 <ноября 20>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне.***

[19] См. ***1844. Сентября 21 <9> – 1845. Января 10 или 11 <1844 декабря 29 или 30>. Франкфурт-на-Майне.***

[20] Такая последовательность объясняется, по-видимому, тем, что книги нужны были о. Димитрию Вершинскому за богослужением, так что Гоголь пользовался «свободными» томами. Предоставив сначала Гоголю возможность ознакомиться с январской Минеей, о. Димитрий для продолжения службы взял у Гоголя этот том, дав ему взамен Минею декабрьскую, а по истечении января, 31 января / 12 февраля 1845 г., Гоголь вновь получил возможность обратиться к январскому тому. Это предположение позволяет приблизительно датировать начало составления Гоголем сборника «Каноны и песни церковные» 14/26 января 1845 г. (см.: ***1845. Января 26 <14>. Воскресенье. Париж***; *Виноградов И. А.* Сборник Н. В. Гоголя «Каноны и песни церковные» (обстоятельства и время составления) // Актуальные вопросы изучений духовной и светской словесности / Ред. М. И. Щербакова. РАН. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017. Вып. 1. С. 117–130). Завершены были выписки не позднее 28 февраля (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Марта 1 <февраля 17>. Суббота. Утро. Париж***).

[21] По мере заполнения тетрадей Гоголь нумеровал свои выписки римскими цифрами. В этом отношении оформление сборника полностью совпадает с оформлением сборников народных песен, записанных Гоголем (см.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 17) Открывающий сборник «Канон Предтечи Иоан<н>у (творение Иосифово)», вероятно, взят Гоголем из обычного молитвослова.

[22] См.: «<1> Благоуханьем жития своего благоухаешь нам. <2> Ангелов единосельник». – Из службы 15 января (ст. ст.) (ср. выписку Гоголя *LV. Преподобных Отец наших Павла Фивейского и Иоан<н>а Кущника* в сборнике «Каноны и песни церковные»);

«<3> Блистаньем духовным просвещая концы». – Из службы 7 декабря («...просвещаяй концы блистанием духовным»; ср. выписку Гоголя *XI. <Иже во святых отца нашего> Амвросия, Епископа Медиоланского, <преподобнаго> Антония, Сийскаго Чудотворца и преставление <преподобнаго> отца нашего Нила, новаго Чудотворца. Декабрь 7/19*) (двойная датировка – по русскому и европейскому стилю, – которой снабжены несколько гоголевских выписок из декабрьской и январской Минеи (в Минее все службы приурочены к старому стилю), в свою очередь свидетельствует, что сборник «Каноны и песни церковные» составлялся Гоголем за границей);

«<4> Добропесенный глас твоих словес». – Из службы 10 декабря (ср. выписку Гоголя *XVI. Святых мученик Ермогена и Евграфа. <Декабря> 10/22*);

«<16> Скверноубийственным сердцем замыслил убийство». – Из службы 21 декабря, предпразднство Рождества Христова («...поучився лютый о убийстве скверноубийственным сердцем»; ср. выписку Гоголя *XXIX. Святые мученицы Иулиании, яже в Никомидии. <Декабря> 21 / <января> 2*);

«<21> Одиян в непобедимую силу». – Из службы 27 декабря («...в непобедимую Его силу одеян...»; ср. выписку Гоголя *XXII. Святого Стефана Исповедника, <архи>епископа Сурожского*);

«<27> Зима безмерных прегрешений». – Из службы 2 января («...предста Креститель в зиме сущим безмерных прегрешений»; ср. выписку Гоголя *XLI. <Иже во Святых отца нашего> Сильвестра, Папы Римского. <Января> 2/14*);

«<31> Исполнил еси твоя уста, учениче, духовного разума. <31> Светозарные словеса, умилощающие сердца мудрых». – Из службы 11 октября (второй стих в источнике выглядит следующим образом: «...воспел еси словеса светозарная, верных соборы и мудрых сердца умащающая»; ср. выписку Гоголя *<CLVII> CLXIII. Св<ятаго> Апостола Филип<п>а и Пр<еподобнаго> Феофана Исповедника, Епископа Никийского*);

«<34> Звезды многосветлые, мысленные тверди». – Из службы 11 октября («...звезды многосветлые мысленныя тверди...»; ср. выписку Гоголя *<CLVIII> CLXIII. Св<ятаго> Апостола Филип<п>а и Пр<еподобнаго> Феофана Исповедника, Епископа Никийского*);

«<36> Блистаньем бесстрастья». – Из службы 17 октября («...весь блистанием безстрастия свет явился еси...»; ср. выписку Гоголя *<CLXV> CLXXI. Св<ятаго> пророка Осии и преподобномученика Андрея Критскаго*).

[23] См. ***1843. Ноября 19 <7> – 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***

[24] См. ***1844. Февраля 10 <января 29>. Суббота. Ницца.***

[25] Идентично само оформление Гоголем его сборников «Каноны и песни церковные» и «Русские песни» (см. ***1841 октября 17 – 1842 мая 23. Москва***).

[26] См. ***1848. Ноября 20. Суббота. Москва.***

[27] См. ***1843. Ноября 19 <7> – 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***

[28] См. ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4>. Рим.***

[29] Обозрение русских газет и журналов за первое трехмесячие 1844 года. *Галанин И.* I. Богословие // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1844. Т. 43. № 8 (выход в свет – сентябрь). Отд. 6. С. 84–91.

[30] См.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 135–140.

[31] Указанные главы книги впервые были напечатаны в основанном святителем Иннокентием журнале Киевской Духовной академии «Воскресное Чтение» (№ 30 и сл.); в 1844 г. книга вышла в Харькове отдельным изданием.

[32] См.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 749–751.

[33] Обозрение Русских газет и журналов за первое трехмесячие 1844 гг. *Билярский П.* X. Свободные Художества // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1844. Ч. 43. № 8. Отд. 6. С. 200–203.

[34] Петр Васильевич Хлудов (1810 – 5 мая 1843), уроженец Херсона, воспитанник Харьковского университета, кандидат юридических наук, отставной чиновник Департамента податей и сборов Министерства финансов. С 1838 по 1842 г. провел за границей, объехав Германию, Францию, Швейцарию, Италию, побывав в Англии и Голландии. Биографические сведения о нем, сообщенные Е. Ф. Бутовичем-Бутовским, содержатся во вступительной заметке С. А. Бурачка, предваряющей предсмертную публикацию статьи Хлудова (*<Бурачек С. А.> Издатель.* <Вступительная заметка> / *Хлудов В.* Прогулки Русского в Помпею. Соч. А. Левшина, члена разных ученых обществ, Российских и иностранных // Маяк. 1844. Т. 13 (цензурное разрешение 1 янв.). <Отд. 5>. С. 35–36). По сообщению С. А. Бурачка, статья Хлудова была доставлена в журнал «за несколько дней» до кончины автора (Там же. С. 36).

[35] Прогулки Русского в Помпеи. Соч. *Алексея Левшина*, члена разных ученых обществ российских и иностранных (СПб., 1843; цензурное разрешение 9 сент. 1842. 232 с.; книга заключает в себе подробное описание, с чертежами и рисунками, древностей Помпеи). Отрывок из книги был перепечатан М. П. Погодиным в «Москвитянине»: Одна из прогулок русского в Помпее, или Описание одного из замечательнейших помпейских домов и классического в нем обеда. (Отрывок из подробного описания развалин Помпеи, составленного Г. Левшиным на месте, и поступившего недавно в печать) // Москвитянин. 1842. № 10 (цензурное разрешение 26 окт.). С. 339–349.

[36] См. ***1845. Сентября 21 <9>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау.***

[37] Датировка письма уточнена. Написано во второй половине января – феврале (н. ст.) 1845 г. в Париже, где Гоголь встречался с графинями Л. К. и Анной М. Виельгорскими. (Возможно, письмо было отправлено 24 февраля (н. ст.) 1845 г. одновременно с письмом в Петербург к А. О. Смирновой; см. ***1845. Февраля 24 <12>. Понедельник. Париж.***) Ответ графини Соллогуб см.: ***1845. Апреля 15 <27>. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Санкт-Петербург.***

[38] Вероятно, имеется в виду исполнение советов Гоголя или совершение добрых дел по его наставлениям (см. также ***1844. Сентября 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Апреля 15 <27>. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Санкт-Петербург***).

[39] Виельгорская, сестра С. М. Соллогуб.

[40] Смирнова.

[41] Старшая дочь С. М. Соллогуб, Софья Владимировна (1841–1850).

[42] Граф Соллогуб, муж С. М. Соллогуб.

[43] См. ***1845. Июля 14 <26>. Суббота. Москва.*** – См. также ***1842. Июнь-август. Германия.***

[44] См. ***1836. Июля конец – августа средина <июля средина – августа начало>. Баден-Баден***; ***1837. Июля около 15 – августа не позднее 27–28 <июля около 3 – августа не позднее 15–16>. Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден.***

[45] Гоголь в письмах М. Г. Карташевской к Аксаковым // *Свод.* Т. 2. С. 961–962.

[46] См. ***1837. Июля около 15 – августа не позднее 27–28 <июля около 3 – августа не позднее 15–16>. Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден***). – См. также ***1844. Марта 29 <17>. Пятница. Париж***; ***1845. Января 17 <29>. Среда. Москва.***

[47] *Свод.* Т. 2. С. 284.

ЯНВАРЯ 15 <3>. СРЕДА. ПАРИЖ

В паспорте Гоголя была сделана помета:

«1845 – [12] 15 янв<аря>. Париж»[1].

В тот же день А. И. Тургенев отметил в дневнике:

«...Для Бецкого (пришел сегодня), о свидании с Жук<овским>, уведомил о Гоголе. <...> У меня Бецкий был <?>, плохо о Ж<уковском>»[2].

[1] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 125. См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***
[2] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 79.

ЯНВАРЯ 15 <3>. СРЕДА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский отмечает в дневнике:

«*3/15 <января>, середа.* <...> Писал к <А. И.> Тургеневу[1] и Гоголю»[2].

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 43.

[1] См. ***1845. Января 18 <6>. Суббота. Праздник Крещения Господня. Париж.***
[2] См. также ***1845. Января 13 <1>. Понедельник. Праздник Обрезания Господня. Франкфурт-на-Майне.***

ЯНВАРЯ 3 <15>. СРЕДА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Точно – Гоголь прав. Я сознал в себе гнев[1]. Я <*1 нрзб.*> его во многом. – Нет, это дружество <?>».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 489.

[1] См. ***1844. Декабря 23 <1845. Января 4>. Суббота. Москва.***

ЯНВАРЯ 16 <4>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский в письме к А. О. Смирновой в Петербург, начатом 16 января (н. ст.) 1845 г. и отправленном 28 января (н. ст.) 1845 г., сообщает:

«Гоголя нет с нами; за два дня до рождения Павла отправился он в Париж[1], приглашенный туда Толстыми и Виельгорскими. Я сам его послал туда, ибо у него начинали колобродить нервы, и сам Копп прописал ему Париж, как спасительное. Весной он ко мне возвратится[2]. Вам бы надобно о нем позаботиться у Царя и Царицы[3]. Ему необходимо надобно иметь что-нибудь верное в год. Сочинения ему мало приносят, и он в беспрестанной зависимости от завтрашнего дня. Подумайте об этом; вы лучше других можете характеризовать Гоголя с его настоящей, лучшей стороны. По его комическим творениям могут в нем видеть совсем не то, что он есть. У нас смех принимают за грех, следовательно всякий насмешник должен быть великий грешник».

Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 57–58.

[1] См. ***1845. Января 10 или 11 <1844. Декабря 29 или 30>. Пятница или суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[2] См. ***1845. Марта 4 <февраля 20>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***
[3] Подробнее см.: ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания).

ЯНВАРЯ 18 <6>. СУББОТА. ПРАЗДНИК КРЕЩЕНИЯ ГОСПОДНЯ. ПАРИЖ

А. И. Тургенев отмечает в дневнике:

«Заходил к Гоголю с запис<кой> о Жук<овском> Павле»[1].

Имеется в виду родившийся 1/13 января 1845 г. сын В. А. Жуковского Павел[2]. Вероятно, извещение Жуковского о рождении сына получил тогда же и Гоголь[3].

[1] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 79.
[2] См. ***1845. Января 13 <1>. Понедельник. Праздник Обрезания Господня. Франкфурт-на-Майне.***
[3] См. ***1845. Января 13 <1>. Понедельник. Праздник Обрезания Господня. Франкфурт-на-Майне; 1845. Января 15 <3>. Среда. Франкфурт-на-Майне; 1845. Января между 18 и 22 <между 6 и 10>. Париж.***

ЯНВАРЯ 20 <8>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПАРИЖ

А. И. Тургенев пишет ответное[1] письмо к В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Где ты и как ты в это время? *Лежишь* ли, как слышу от Гоголя, или уже поправляешься? Гоголь расскажет тебе, что слышал о системе его[2] учения от Циркура.

В ту минуту как я послал к тебе последнее письмо[3], Вельгурская уведомила, что Гоголь здесь, и я видел же здесь его и о вас расспрашивал, а 3-го дня <18 января (н. ст.)> и гр<афине> Вельгурской и ему сообщил о *новом*[4]. Он проживет здесь с месяц, как уверяет. <...> Письмо твое со стихами для Киреевского[5] он получил.

Гоголь уверяет, что эти новые, как и стихи "Одиссеи", лучше всех твоих прежних, полнее, зрелее, простее, прекраснее»[6].

[1] См. ***1845. Января 15 <3>. Среда. Франкфурт-на-Майне; 1845. Января 18 <6>. Суббота. Праздник Крещения Господня. Париж.***
[2] Вероятно, речь идет о П. Я. Чаадаеве (см. ***1845. Мая 6 <апреля 24>. Вторник. Радоница. Париж*** – примечания).
[3] См. ***1845. Января 14 <2>. Вторник. Париж.***
[4] О рождении 13 января (н. ст.) 1845 г. сына Жуковского Павла (см. ***1845. Января 18 <6>. Суббота. Праздник Крещения Господня. Париж***).
[5] Имеется в виду стихотворение Жуковского «Две повести». – См. также ***1845. Января 14 <2>. Вторник. Париж.***
[6] Из писем А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 93.

ЯНВАРЯ МЕЖДУ 18[1] И 22[1] <МЕЖДУ 6 И 10>. ПАРИЖ

Гоголь, в свою очередь[3], пишет ответное[4] письмо к В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Благодарю вас очень, очень за ваше для меня радостное письмецо... <...> Известие о даровании вам сына[5] было принято радостно всеми близкими вам друзьями, а в особенности гр<афиня-

ми> Вьельгорскими[6]. Поздравьте от меня Ел<изавету> Ал<ексеевну> и поцелуйте ее ручку, а потом поздравьте также от меня всё милое семейство Рейтернов, начиная с барона[7]. Я их всех люблю, хотя и не изъясняюсь с ними словами и речами[8]. О себе скажу, что дорога мне сделала добро, но в Париже я как-то вновь расклеился. Время гнуснейшее: мгла и совершенное отсутствие всякого воздуха. Наместо его носится какая-то густая масса человеческих испарений. Время идет бестолково и никак не устраивается, и я рад бы в здешнее длинное утро сделать хотя в половину против того, что делывал в короткое утро во Франкфурте, хотя занятия были и не те, какие замышлял. Я не думаю в Париже пробыть более полутора месяца. Приближаясь к весне, я всегда люблю простор и вольный воздух, а здесь к весне вонь. Говоря вам откровенно, я во Франкфурте совсем не соскучился, но выехал единственно потому, чтобы переломить болезненное и лихорадочное состояние, которого продолжительности я опасался. А наслаждений у меня много было там внутренних и тихих, которые были достаточны разлить спокойствие на весь день».

[1] См. ***1845. Января 18 <6>. Суббота. Праздник Крещения Господня. Париж.***
[2] См. ***1845. Января 24 <12>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***
[3] См. ***1845. Января 20 <8>. Понедельник. Париж.***
[4] См. ***1845. Января 13 <1>. Понедельник. Праздник Обрезания Господня. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Января 15 <3>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***
[5] См. ***1845. Января 13 <1>. Понедельник. Праздник Обрезания Господня. Франкфурт-на-Майне.***
[6] Луиза Карловна и ее дочь Анна Михайловна.
[7] Тесть Жуковского, художник Гергардт (Евграф Романович) фон Рейтерн.
[8] Гоголь не владел немецкой разговорной речью.

ЯНВАРЯ 23 <11>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский пишет в Москву Н. Н. Шереметевой:

«Гоголь жил у меня, накануне рождения моего сына уехал в Париж[1], ибо Копп предписал ему путешествие, как лекарство от расстройства нерв»[2].

В своей книге для записи отправленных писем Жуковский также пометил:

«1845 генваря 23 к Гоголю[3] с письмом Смирновой[4] и Шереметевой»[5].

[1] См. ***1845. Января 10 или 11 <1844. Декабря 29 или 30>. Пятница или суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[2] Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод*. Т. 2. С. 58.
[3] См. ***1845. Января 24 <12>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***
[4] См. ***1845. Января 1 <13>. Понедельник. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург***; ***1845. Января 25 <13>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[5] См. ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

ЯНВАРЯ 11 <23>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Н. М. Языков пишет Ф. В. Чижову в Рим:

«Сейчас получил я письмо от Гоголя[1]. Он поехал в Париж, где пробудет месяц или два, а потом в Италию — но в Рим ли? еще не пишет»[2].

Вероятно, в этот же день Языков послал Гоголю в Париж «вместо письма»[3] стихотворение «К ненашим»[4] (датировано 6 декабря 1844 г.).

[1] Письмо, датируемое периодом между днем отъезда Гоголя из Франкфурта в Париж, 10 января (н. ст.) 1845 г., и днем отправления письма из Парижа, 14 января (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Января 10 <1844. Декабря 29>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***).
[2] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 169.
[3] См. ***1844. Декабря 26 <14>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***
[4] См. ***1845. Января 17 <29>. Среда. Москва.***

ЯНВАРЯ 24 <12>. ПЯТНИЦА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский получает ответное[1] письмо от Гоголя из Парижа[2]; отмечает в дневнике:

«*12/24 января.* <Письмо> к Гоголю»[3].

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 43.

[1] См. ***1845. Января 15 <3>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***
[2] См. ***1845. Января между 18 и 22 <между 6 и 10>. Париж.***
[3] См. ***1845. Января 23 <11>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Января 25 <13>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

ЯНВАРЯ 12 <24>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает М. Г. Карташевской в Петербург:

«Не так давно получено от него большое письмо (от Гоголя)[1], состоящее большею частью из советов братьям, чем им и как заниматься, много очень справедливо. Он здоров и кажется довольно бодр. Но работа его до сих пор шла очень медленно, и он сам пишет, что труд его продолжится гораздо далее, нежели ожидал. Это досадно, когда еще выйдет вторая часть. Все неприятные известия очень его огорчили, но он, преданный вполне теперь религиозному чувству, смотрит на все особенным взглядом. Гоголь ставит очень высоко эту женщину (С<мирнову>), и я уверена, что он прав, несмотря на дурную ее славу».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 843.

[1] См. ***1844. Декабря 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

ЯНВАРЯ 25 <13>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский отправляет ответное[1] письмо к Гоголю в Париж (начато 23 января (н. ст.) 1845 г.[2]):

«Любезный Гоголек, пишу к вам только для того, чтобы сказать вам, что у нас все идет своим порядком: жена и сын здоровы; а я приближаюсь к выздоровлению. Вот вам письмо от Смирновой[3]; не поглядев на адрес, распечатал, но не читал, хотя и весьма хотелось прочитать; это полный журнал. Со временем вы сами все мне прочтете. А ко мне ни строки. Чернушка! Я к ней, однако, писал. То, что вы пишете о своем здоровье, неудовлетворительно. Опыт вам доказал теперь же, что вам всего нужнее движение и воздух. На вашем месте я не остался бы в душном Париже пить ядовитую микстуру из испарины всех французов, а сел бы в дилижанс и объехал Францию: взглянул бы на берега Луары, на Бретань, Вандею; проехал бы южные провинции; полазил бы по горам Овернским и возвратился бы опять через Париж во Франкфурт, где Копп определил бы дальнейшие действия.

Насчет Франкфурта вам должно, однако, согласовать свой план с планом <А. И.> Тургенева, ибо он по проезде в Карлсбад заедет к нам и поживет у нас. Отвечайте на все это. Я за работу еще не принимался и, вероятно, весь генварь не примусь[4]. Вьельгорских обнимите».

[1] См. ***1845. Января между 18 и 22 <между 6 и 10>. Париж.***

[2] См. ***1845. Января 23 <11>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Января 24 <12>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[3] См. ***1845. Января 1 <13>. Понедельник. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург.***

[4] Работу над переводом «Одиссеи» Жуковский возобновил (с XIII песни) только в мае 1848 г. (см.: *Янушкевич А. С.* Примечания // *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2010. Т. 6. С. 409). – Ср. ***1844. Сентября 21 <9> – 1845. Января 10 или 11 <1844. Декабря 29 или 30>. Франкфурт-на-Майне.***

ЯНВАРЯ 26 <14>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПАРИЖ

Протоиерей Димитрий Вершинский после воскресной обедни, предположительно, дает Гоголю том январской Минеи, с просьбой вернуть книгу к следующему вечернему богослужению (возможно, к вечеру понедельника, 15/27 января, или к утру вторника, 16/28 января, – к всенощной службе поклонения честным веригам св. апостола Петра).

Получив книгу, Гоголь, вероятно, за воскресный вечер и в течение понедельника делает из нее две выписки: из служб 9 и 15 января (ст. ст.)[1]. Предположительно после возвращения в назначенный срок январской Минеи, Гоголь получает взамен Минею декабрьскую – и продолжает свои выписки.

[1] См. ***1845. Января 14 – марта 1 <января 2 – февраля 17>. Париж*** (примечания).

1845 ЯНВАРЬ <1844 ДЕКАБРЯ СРЕДИНА – 1845 ЯНВАРЯ СРЕДИНА>. РИМ

А. А. Иванов отправляет записку И. С. Шаповалову:

«Теперь время написать об Вас всем моим знакомым в Петербург, чтоб постарались устроить Ваше счастие. Прежде чем я это сделаю, желаю знать, можете ли Вы оставить Ломтева[1], Федорова[2] и всех лакеев или не можете? Вы мне дайте письменное честное слово в рассуждении этого важного предмета. <...> Ответьте мне на это письмо в продолжение 7-ми дней и занесите его к Сусанне. Если через 7 дней я не увижу Вашего письма, то копия с этого мною будет послана к Гоголю, Чижову и всем тем, которые о Вас старались. Пусть знают, в какой пакостной степени Вы ко мне находитесь. Пусть обсудят, стоите ли Вы внимания».

Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 337.

[1] Николай Петрович Ломтев (1816–1863), исторический живописец. Гоголь и А. А. Иванов считали, что Ломтев с друзьями-художниками спаивает И. С. Шаповалова (см. ***1845. Ноября 8 <октября 27>. Суббота. Рим***). По воспоминаниям В. В. Стасова (1879), «Александр Иванов рассказывал с негодованием брату Сергею про "гусарское" поведение наших художников, про их попойки <см. также ***1843. Июля 11 <июня 29>. Вторник. День памяти св. первоверховных апостолов Петра и Павла. Венеция***> и вечные карты, про их буйные скачки верхом, под хмелек, в Альбано или Фраскати – от скуки, от праздности, от разгулявшегося безалаберного молодчества; про их шумные и крикливые беседы от беспредельной внутренней пустоты; про то, как иные, напившись до бесчувствия, засыпали на Piazza del Popolo, на ступенях обелиска, и просыпались рано поутру нагие, потому что их обчистили ночные воры, и приходилось идти стучать в дверь к ближайшим знакомым, чтоб, ради Бога, поскорей им выбросили рубашку в форточку, не то полиция накроет и заберет; про то, как другие товарищи, тоже натянувшись мертвецки пьяные, попадали в широкие бассейны фонтанов, на

улице, и их потом вытаскивали оттуда еле живых; наконец, десятки анекдотов такого же интересного свойства: все это наполняло строгих, серьезных Ивановых глубоким негодованием и отвращением, и они сторонились от большинства русских пенсионеров, как от людей, может быть и не бесталанных, милых и добрых, но пустых, сильно-глуповатых и лишенных всякого интеллектуального стремления» (Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 416–417; *Свод.* Т. 3. С. 338). В марте 1845 г. А. А. Иванов писал брату С. А. Иванову: «Молодое поколение, видя в наставниках своих безбожников, пьяниц, гуляк, картежников и эгоистов, приняло все эти качества в основание, и вот, свобода пенсионерская, способная усовершенствовать, оперить и окончить прекрасно начатого художника — теперь была обращена на усовершенствование необузданностей. Некогда думать, некогда углубляться в самого себя и оттуда вызывать предмет для исполнения. Сегодня у Рамазанова просиживают ночь за картами и вином, завтра у Ставассера, послезавтра у Климченко» (Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. С. 185; Александр Андреевич Иванов (1806–1858). Письма и записные книжки. Составление, предисл. и примеч. Б. М. Бернштейна // Мастера искусства об искусстве. М., 1969. Т. 6. С. 306; *Свод.* Т. 3. С. 338). В июле (н. ст.) 1846 г. Иванов писал также брату из Неаполя: «Товарищей я всегда любил и люблю, но люди, совестливо не занимающиеся своим делом, заботящиеся о доставлении себе мелких животных удовольствий, издерживая на них беспощадно свою нравственность, невольно отупевают к чувству всего высокого, и даже часто издеваются над людьми, стремящимися к нему в своем затворничестве. Впрочем, личное мое присутствие покажет мне всех их, а беззанозливое мое обращение с ними меня делает даже их другом. Так, по крайней мере, мы здесь устроились. Михайлов, Ставассер, <Ант. Анд.> Иванов и даже Пранг со мной в ежедневном находятся соприкосновении» (Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. С. 253–254; датировка письма уточнена).

[2] Степан Федорович Федоров (Худояров, 1810–1865), художник.

ЯНВАРЯ СРЕДИНА <ЯНВАРЯ КОНЕЦ>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова в разговоре с великой княгиней Марией Николаевной[1] сообщает ей о тяжелом материальном положении Гоголя и просит доложить об этом Государю[2].

[1] См. также ***1844. Декабря 31 <1845. Января 12>. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1845. Января 16 <4>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Января 31 <февраля 12>. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1845. Марта 16 <28>. Пятница. Санкт-Петербург.*** – См. также ***1844. Июля 17 <5>. Среда. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Сентября 26 <октября 8>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1844. Октября 7 <19>. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1844. Декабря 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Января 16 <4>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Января 31 <февраля 12>. Среда. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 17 <29>. СРЕДА. МОСКВА

Н. М. Языков пишет ответное[1] письмо к Гоголю в Париж, с вложением стихотворного послания «К молодому человеку» (К. С. Аксакову)[2].

В стихотворении Языков, в частности, обращал К. С. Аксакову упрек, который ранее не раз адресовали ему же Гоголь и С. П. Шевырев – по поводу увлечения Константина Аксакова немецкой схоластикой[3]. Языков писал: «Дай руку мне! Но ту же руку / Ты дружелюбно подаешь / Тому, кто гордую науку / И торжествующую ложь / Глубокомысленно становит / Превыше истины святой, / Тому, кто нашу Русь злословит / И ненавидит всей душой, / И кто неметчине лукавой / Передался. – И вслед за ней, / За госпожею величавой, / Идет, блистательный лакей... / А православную царицу, / А матерь русских городов / Сменить на пышную блудницу / На Вавилонскую готов!»

В конце декабря 1844 г. Аксаков, в послании «Н. М. Языкову», ответил лишь на строки поэта о Петербурге, уклонившись от ответа по существу: «Но вот ответ мой на посланье, / На дружелюбный твой укор. / Нигде и ни в какое время / Тому руки я не подам, / Кто чтит тот град, народа бремя, / Всея России стыд и срам, / Кто разорвав с народом связи, / Москве и Руси изменив, / Ползет червем в столицу грязи, / И твой упрек несправедлив».

Из письма Языкова: «Твои два письма, писанные тобою, как ты сам говоришь, под влиянием моего стихотворения “Землетрясенье”[4], доставили мне много удовольствия, услаждения и пользы.

Жаль, что их нельзя напечатать: я бы сделал это непременно, не спросившись тебя и взяв ответственность на свою совесть и на свой страх!! Посылаю тебе еще одно из моих стихотворений[5], *писанных по какому-нибудь поводу*; одно таковое же я отправил к тебе на прошлой неделе[6]. Странно мне, что ты о сю пору не получил книг, давным-давно доставленных мною графу И. П. Толстому[7]. Теперь я в недоумении, что мне делать с другими книгами, мною для тебя приготовленными и дожидающимися только выхода 4-й части переводов святых отцов на 1844 <год>[8]? (Она уже объявлена в газетах вышедшею, а подписавшимся еще не выдается!!) Куда пересылать их, когда ты едешь в Италию? Италия велика: в ней есть и Ницца, и Рим, и Неаполь. Разреши мое недоразумение. Воздух благословенного юга, конечно, восстановит твое здоровье: очень естественно, что немецкий воздух действует на тебя разрушительно, – ты русский человек!

Ив. Киреевский все еще не успел выдать 1-й № "Москвитянина"; несчастие, поразившее Елагиных[9], помешало журнальным работам. Как быть? все мы под Богом ходим! Сверх того и цензура придирается к почтенному (с непочтенными она обходится легче и снисходительнее) и замедляет печатание, устремляясь на всякие мелочи, аки лютый зверь на добычу!

Все наши тебе кланяются; я сегодня же пишу в Рим к Чижову, с которым у меня переписка идет довольно живо. Весною поедет в Рим брат Александра Андреевича, Сергей Андреевич Иванов[10] – архитектор, юноша талантливый, и надежный, и самостоятельный, и ничуть не немец: он в начале лета будет пользоваться водами, вероятно в Крейцнахе, а потом уже...

Собрание моих стихотворений выйдет к марту: оно уже печатается. Если ты увидишь Мельгунова, скажи ему, что все мы просим и жаждем от него повестей и статей для "Москвитянина". Не забудь же – для "Москвитянина"[11]! <...> Кланяйся от меня А. И. Тургеневу и Н. Д. Киселеву»[12].

В тот же день, 17 января 1845 г., Языков сообщал родным:

«Гоголь едет в Париж, оттуда в Италию; видно, ему наскучил Франкфурт. В Риме ему все веселее; он любит Италию и даже итальянцев до безумия. Гоголя перевели и по-французски, и Сент-Бев напечатал о нем статью[13], где равняет Гоголя с Шекспиром, и в "Debats" помещен перевод его "Вия"[14]. Я этому сердечно рад: это освежит Гоголя едва ли не больше, чем освежила его холодная вода, и он примется за дело»[15].

[1] См. ***1845. Января 10 <1844. Декабря 29>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Января 14 <2>. Вторник. Париж***. – См. также ***1845. Января 11 <23>. Четверг. Москва***.

[2] См. ***1845. Февраля 17 <марта 1>. Суббота. Москва***.

[3] См. ***1840. Декабря 28 <16>. Понедельник. Рим***.

[4] По поводу стихотворения Языкова «Землетрясение» Гоголь написал поэту не два, а три письма (см. ***1844. Декабря 2 <ноября 20>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Декабря 26 <14>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Января 2 <1844. Декабря 21>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***). Поскольку на первое письмо (от 2 декабря (н. ст.) 1844 г.) Языков уже отвечал (см. ***1844. Декабря 14 <26>. Четверг. Москва***), то, очевидно, в письме от 17 января 1845 г. он имеет в виду последние два послания Гоголя.

[5] «К молодому человеку».

[6] Стихотворение «К ненашим» (см. ***1845. Января 11 <23>. Четверг. Москва***).

[7] См. ***1845. Марта 5 <февраля 21>. Среда. Франкфурт-на-Майне***.

[8] См. ***1844. Февраля 15 <3>. Четверг. Ницца*** (примечания).

[9] Смерть сводного брата И. В. Киреевского Андрея Алексеевича Елагина.

[10] Сергей Андреевич Иванов (1822–1877), архитектор, пенсионер Российской Академии художеств, брат А. А. Иванова.

[11] Намек на то, что Мельгунов сотрудничал не только в «Москвитянине», но и в «Отечественных Записках».

[12] См. ***1845. Января 14 – марта 1 <января 2 – февраля 17>. Париж***.

[13] Фрагмент статьи Ш. О. Сент-Бёва см.: ***1839. Июня после 5 – июля начало <мая после 24 – июня конец>. Рим, Чивитавеккья, Марсель***.

[14] Имеется в виду перевод повести на французский язык И. С. Тургенева и С. А. Гедеонова, впервые опубликованный в 1845 г. в Париже Л. Виардо в числе переводов еще четырех повестей Гоголя («Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики», «Вий») (см. ***1845. Ноября первая половина <октября вторая половина>. Париж***). Отдельно этот перевод «Вия» был перепечатан во французской

газете «Journal des Débats» («Газета прений»). На эту публикацию в 1846 г. откликнулся В. Г. Белинский в январском номере «Отечественных Записок» (Т. XLIV. № 1. Отд. 8. С. 45–51). Вероятно, отсюда этот факт и стал известен Н. М. Языкову.

[15] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 170.

ЯНВАРЯ 30 <18>. ЧЕТВЕРГ. ПАРИЖ

А. И. Тургенев отмечает в дневнике:

«У меня Гоголь – о Бак<унине> молчит[1], о Толст<ом> – молчит. Il n'a pas le courage des ses opinions[2], но – может быть, на чьем возу сидит, ту и песенку поет. Дал ему книг и для гр<афини> Велгур<ской> (Брума[3])».

Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 79.

[1] «...За три дня до записи А. И. Тургенева <т. е. 27 января 1845 г.> в органе французской радикальной партии "La Réforme" была напечатана известная статья М. А. Бакунина, где он открыто выступил против крепостного права, против самодержавия, против деспотического режима Николая I. Вполне возможно, что А. И. Тургенев хотел знать мнение Гоголя об этой статье М. А. Бакунина» (*Гиллельсон М.* Н. В. Гоголь в дневниках А. И. Тургенева // Русская литература. 1963. № 2. С. 142).

В 1843 г. Бакунин за связь с немецкими и швейцарскими левыми радикалами был вызван из-за границы в Россию и, после отказа выполнить это требование, в 1844 г. был заочно осужден правительствующим Сенатом к лишению всех прав и каторжной ссылке в Сибирь. В начале января 1845 г. указ об этом русского правительства был опубликован в парижской «Судебной газете». Письмо Бакунина, напечатанное 27 января 1845 г. в газете «Реформа», было ответом на эту публикацию.

[2] У него нет мужества для мнения (*фр.*).

[3] Имеются в виду сочинения английского лорд-канцлера и оратора Генри Брума (барона Брума и Во, 1778–1868).

ЯНВАРЯ 19 <31>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

М. П. Погодин пишет М. А. Максимовичу в Киев:

«Гоголь колобродит как гений».

Из писем М. П. Погодина // *Свод.* Т. 2. С. 414.

ФЕВРАЛЯ 2 <ЯНВАРЯ 21>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПАРИЖ

А. И. Тургенев отмечает в дневнике:

«Был у гр<афини> <Л. К.> Велгур<ской>, тут и Гоголь».

Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 79.

ФЕВРАЛЯ 4[1] <ЯНВАРЯ 23>[2]. ВТОРНИК. ПАРИЖ

Гоголь в ответ на присланное ему Н. М. Языковым стихотворение «К ненашим»[3] в письме к поэту восклицает:

«Сам Бог внушил тебе прекрасные и чудные стихи "К не нашим". Душа твоя была орган, а брящали по нем другие персты. Они еще лучше самого "Землетрясенья" и сильней всего, что у нас было писано доселе на Руси»[4].

[1] Датируется на основании почтового штемпеля (см.: *Городецкий*. С. 474).

[2] День окончания парижского карнавала. Н. И. Греч в 1845 г. в письме из Парижа извещал читателей «Северной Пчелы»: «Католический карнавал в нынешнем году очень короток: он оканчивается уже 4-го Февраля (23-го Янв<аря> ст. ст.)» (<*Греч Н. И.*> *Н. Гр.* Парижские письма // Северная Пчела. 1845. 22 янв. № 17. С. 67).

[3] См. ***1845. Января 11 <23>. Четверг. Москва.***

[4] См. также ***1845. Февраля 5 <января 24>. Среда. Париж.***

ЯНВАРЯ 23 <ФЕВРАЛЯ 4>. ВТОРНИК. МОСКВА

Цензурное разрешение первого номера «Москвитянина» за 1845 г., вышедшего под редакцией И. В. Киреевского.

В помещенном в журнале библиографическом обзоре Киреевский, в частности, писал: «Величие таланта Крылова заключается не столько в великом литературном достоинстве его произведений, сколько в красоте их народности. <...> Крылов был прекрасен своею народностию, но не в силах был распространить ее влияние на словесность. Это предоставлено было другому. Что Крылов выразил в свое время, и в своей басенной сфере, то в наше время и в сфере более обширной выражает Гоголь. После появления Мертвых душ Гоголя много говорено было за них и против них не только в литературе, но и во всех кругах читателей, – между тем, от восторженных похвал и страстных порицаний осталось, кажется, одно общее убеждение, что Гоголь в словесности нашей есть представитель той новой, великой, до сих пор в ясном виде еще не являвшейся силы, которой неисчислимые результаты могут произвести совершенный переворот в нашей литературе, и которую называют *силою Русской народности*. – До сих пор мы были и находимся еще под влиянием французов и немцев. Жизнь нашей словесности оторвана от жизни нашего народа. Но читая Гоголя, мы понимаем возможность их соединения».

К<иреевский И. В.> Библиография // Москвитянин, журнал, издаваемый М. Погодиным. 1845. Ч. 1. № 1. <Отд. 10>. С. 3–4. – См. также ***1845. Мая 1 <апреля 19>. Четверг Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне.***

ФЕВРАЛЯ 5 <ЯНВАРЯ 24>. СРЕДА. ПАРИЖ

А. И. Тургенев отмечает в дневнике:

«...К гр<афине> Велг<урской>, там Gerard[1] и Гоголь: прочел стихи Язык<ова> *К не нашим*, и едва удержал бешенства. Гоголь не заступался, но находил, что обе партии неправы: напр<имер> Белинский и три журнала в П<етер>Бурге! Да там простор, хотя не евр<опейский>, уму, а в Москве – душно сердцу и уму русскому. Не дал стихов, взял слово – не писать к Яз<ыкову>»[2].

Через день, 7 февраля (н. ст.) 1845 г., Тургенев писал В. А. Жуковскому во Франкфурт: «Я сообщил твое письмецо и Вельгурской[3], которая была нездорова. <...> Гоголь ее ежедневно навещает, я – когда в силах. Третьего дня прочел я там послание Языкова "К не нашим" и так выбранился на фанатизм наших патриотов[4], что ввечеру сильнее болел. Пришли мне эти стихи, если имеешь. Гоголь не дает, хотя и не совсем одобряет их»[5].

На самом деле стихотворение Н. М. Языкова «К ненашим» получило полное одобрение Гоголя. Оно было адресовано «западникам» (Т. Н. Грановскому, А. И. Герцену и, предположительно, П. Я. Чаадаеву). В 1846 г.[6] Гоголь включил это стихотворение в список примеров «Учебной книги словесности для русского юношества» с названием «К нерусским». В начале февраля (до 5 числа н. ст.) 1845 г. Гоголь писал Языкову в ответ на присланное стихотворение: «Сам Бог внушил тебе прекрасные и чудные стихи "К не нашим". Душа твоя была

орган, а бряцали по нем другие персты. Они еще лучше самого “Землетрясенья” и сильней всего, что у нас было писано доселе на Руси». В следующем письме к Н. М. Языкову, от 12 февраля (н. ст.) 1845 г., Гоголь сообщал: «Тургенева видел раз и в другой мельком: он несет дичь. <...> Стихи твои “К не нашим” произвели такое же впечатление, как на меня самого, на моих знак<омых>, т. е. на гр<афинь> Виельгорских и на гр<афа> Толстого, которые от них без ума, но Тургенев, кажется, закрутит [слишком] нос, а, может быть, даже и чихнет».

Отмечено, что «слово “ненаш” для читателя прошлого века предполагало дополнительный смысл, зафиксированный в волжских говорах и присутствующий в словаре Даля»: «“Ненаш – *нечистый, недруг, лукавый, бес*”. И в ходу была поговорка: “А *ненаш* его знает...” Следовательно, уже по названию это стихотворение прямо соотносилось с другим названием – “Бесы”»[7].

В 1847 г. Ф. Ф. Вигель сравнил, по содержанию, с стихотворением Языкова «К ненашим» «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя[8].

[1] Возможно, имеется в виду французский писатель Жерар де Нерваль (Gérard de Nerval, 1808–1855).

[2] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод*. Т. 3. С. 79.

[3] Графине Л. К. Виельгорской.

[4] См. также ***1843. Июля 31 <августа 12>. Суббота. Москва.***

[5] Из писем А. И. Тургенева // *Свод*. Т. 3. С. 93.

[6] См. ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4> – 1846. Мая 6–8 <апреля 24–26>. Рим*** (примечания).

[7] *Кошелев В. А.* Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. М., 2000. С. 332.

[8] См. ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Москва.***

ЯНВАРЯ 26 <ФЕВРАЛЯ 7>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев и М. П. Балабина обсуждают письмо Гоголя к Плетневу из Франкфурта[1].

27 января 1845 г. Плетнев, посылая Я. К. Гроту в Гельсингфорс «журнал» своих текущих дневниковых записей, сообщал: «*Пятница (26 января).* <...> К Балабиной, которая просила приехать поговорить о письме Гоголя. Оно ее тронуло; ибо ясно высказывает его направление чисто религиозное и даже монашеское. Он отказывается от собственных денег в пользу бедных студентов»[2].

В тот же день, 26 января 1846 г., Н. Я. Прокопович через петербургского банкира А. Л. фон Штиглица отправил во Франкфурт вексель на имя В. А. Жуковского. «Четыре тысячи руб<лей> ассигн<ациями>» (или 1168 рублей серебром[3]) по этому векселю предназначались для Гоголя[4].

[1] См. ***1844. Между декабря 1 и 14 <между ноября 19 и декабря 2>. Франкфурт.***

[2] *Свод*. Т. 1. С. 669. – Ответ Грота Плетневу см.: ***1845. Марта 7 <19>. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

[3] См. ***1847. Мая 22 <июня 3>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1846. Июля между 6 и 19 <между июня 24 и июля 7>. Бамберг***; ***1847. Января 17 <29>. Пятница. Санкт-Петербург*** (письмо Плетнева к Гоголю и к Жуковскому); ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Франкфурт-на-Майне*** (письмо Жуковского к Гоголю).

ФЕВРАЛЯ 9 <ЯНВАРЯ 28>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПАРИЖ

Гоголь пишет ответное[1] письмо к В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Письмо ваше вместе с письмом Смирновой[2] получил... Здоровью моему переезд из Франкфурта в Париж сделал пользу, но самое пребывание в душном Париже несколько порасстроило его,

несмотря на то, что стараюсь прогуливаться в окрестностях. Последую вашему совету по мере возможности; выезжаю на днях из Парижа, с тем, чтобы объехать некоторые места Франции, держась, однако ж, франкфуртской дороги, ибо благоразумие и кошелек не позволяют делать больших крюков, да к тому ж зимой не так бывает удобно слишком много двигаться. Во Франкфурте проживу с вами великий пост, а на последней неделе поеду говеть и встретить пасху в Штутгарт[3], откуда уже, вероятно, направлю путь на какие-нибудь воды. Стало быть, с Тургеневым[4] мы всячески устроимся, ибо он не раньше, как после пасхи, будет во Франкфурте...»

[1] См. ***1845. Января 25 <13>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[2] См. ***1845. Января 1 <13>. Понедельник. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1845. Апреля 27 <15>. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Висбаден, Франкфурт-на-Майне.***
[4] Александр Иванович.

ЯНВАРЯ 28 <ФЕВРАЛЯ 9>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

И. В. Киреевский пишет В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Надолго ли уехал от вас Гоголь? Если будете писать ко мне, если доставите мне эту истинную радость, то скажите что-нибудь об нем. Особенно хотелось бы мне слышать от Вас о том сильном религиозном направлении, которое, кажется, теперь овладело им. Откуда оно развилось, куда идет и докуда дошло. Страшно, чтобы в Париже не подольстились к нему иезуиты. Изучал ли он особенно нашу Церковь?»

Гоголь в письмах И. В. Киреевского // *Свод.* Т. 1. С. 757.

ЯНВАРЯ 29 <ФЕВРАЛЯ 10>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Князь П. А. Вяземский пишет к В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Передай Гоголю под его знамением написанные мною стихи[1]. Вы знаете, что у Булгарина страсть выдавать себя посмертным другом всех умерших знаменитостей. Так сделал он и с Крыловым в "Северной Пчеле"»[2].

Гоголь в письмах князя П. А. Вяземского // *Свод.* Т. 1. С. 847.

[1] Речь идет об эпиграмме на Ф. В. Булгарина «К усопшим льнет, как червь, Фиглярин неотвязный...», которое заканчивается строками: «...И, чтоб нажить друзей, как Чичиков другой, / Он души мертвые скупает». Напечатано И. В. Киреевским во втором томере журнала «Москвитянин» за 1845 г.: *Кн<язь> Вяземский.* К усопшим льнет, как червь, Фиглярин неотвязный... // Москвитянин. 1845. № 2 (цензурное разрешение 1 марта). С. 87.
[2] Имеется в виду публикация: <*Булгарин Ф. В.*> Воспоминания об Иване Андреевиче Крылове и беглый взгляд на характеристику его сочинений. Ф. Б. // Северная Пчела. 1845. 11 янв. № 8. С. 30–32; 12 янв. № 9. С. 34–36.

ЯНВАРЯ 30 <ФЕВРАЛЯ 11>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова пишет Гоголю во Франкфурт (послание было отправлено на следующий день, при письме Смирновой к В. А. Жуковскому от 31 января 1845 г.[1]):

«Целый предлинный месяц протянулся, и вы молчали, и я молчала[2]. Но вы — узнала я стороною — порхнули во Франкфурт на Сену[3]... <...> ...Вы, хотя хорошо сделали, что употребили вместо микстуры Париж, однако, верно, Богу благодарны за недуги. Как среди страданий тела чувствуешь свое ничтожество, трусость, подлость! <...> При этом письме вексель посылаю, пока что могу, а со временем будет и остальное. Плетневу я говорила непременно переговорить с Прокоповичем, у которого должны быть деньги по моим расчетам и сведениям, собранным у Иванова[4]. На днях отосланы к вам по почте <сочинения> Тихона <Задонского>[5] и Христианское Чтение за год. У М. М. Вьельгорского должны быть книги, прежде мною пересланные чрез французское посольство. Хочется мне послать вам слово Филарета по освящении храма в кафедральном Чудове монастыре[6]. Оно коротенькое; замечательно своею актуальностью; очень умно отвечает западным притязаниям на первоверховность. Текст главный: "И Аз же тебе глаголю, яко ты еси Петр, и на сем камне созижду Церковь Мою, и врата адова не одолеют ее"[7]. Второй, на котором основано опровержение их притяжений[8], из Пос<лания> Ефес<еям>, IV, 11, 12, 15, 16[9]; а собственно о первоверховности приводятся слова Григория Двоеслова из Пос<лания> к Евлалию[10] Александрийскому: "хотя многие суть апостолы, однако в отношении <к> начальствованию единый престол первоверховного апостола возымел силу в общем уважении — единый в трех местах, ибо он возвысил престол, на котором <и> почить и настоящую жизнь окончить благоволил, т. е. престол Римский. Он украсил престол, на который послал ученика евангелиста, т. е. престол Алекс<андрийский>. Он укрепил престол, на котором седмь лет восседал, хотя после и отошел от него, т. е. престол Антиохи<йский>. Единого, — продолжает с<вятой> Григорий, — и единый есть престол, на котором, по власти Божественной, три епископа <ныне> председательствуют". В конце вот что мне понравилось: "Дело созидания Церкви Вселенския превыше наших усилий и забот, хотя впрочем не должно быть чуждо для наших *молитв*: но есть часть сего дела, ближе касающаяся до каждого из нас и требующая полной заботливости нашей. Это — дело созидания той Церкви, о которой написал апостол: "Вы есте церкви Бога жива"[11] — дело духовного созидания нашей духовной храмины, устроение спасения души нашей". Вы поймете по текстам связь. Передаю, как умею, и думаю, что для вас оно не без интереса.

Вышла вторая книжка Библиотеки для детей[12]. Есть хорошая статья Грановского о Баярде[13], Редкина о Плинии Младшем[14] и конец Рафаэля Шевырева[15]. Шевырев не умеет писать для детей. Есть какая-то спесь слишком зрелого рассуждения и вместе детскости, а не простоты. Иногда как будто Одоевский, когда расшутился. А Баярд Грановского слишком пахнет la Plutarque de la jeunesse[16]. Нет никакого применения возможного к нашим нравам. В его выполнении его Баярда в Тюльери мальчик jeune france лучше помнит, чем наши кадеты. Жду Москви<тянина>. Говорят, есть славная статья Кире<евского> о западных литературах[17].

В городе было расплясались, но траур опять всех погрузил в сон и скуку. Смерть эта[18], столько сближением разительная, погрузила двор в новое горе, возобновила столько тяжких воспоминаний. Импер<атрице> лучше; Государь, слава Богу, здоров. Вы понимаете легко, что *слава Богу* это мы все от глубины сердца и души говорим. В городе очень обеспокоились его нездоровьем. Назначение Воронцова всем по нутру; все полны надежд, все Царю благодарны. Ему в клубе готовят обед по подписке, а мы с вами помолимся за него, да даст ему Господь и силу, и правду, и разум и глагол. Кавказ нам дорого стоит. За свои же грехи мы там своею кровью платимся. Ну, скажем или переведем русский *авось* на Бог поможет. Прощайте, друг и брат. <...> Подумайте, на пора ли вам домой заглянуть».

[1] <*Бартенев П. И.*> *П. Б.* Письма А. О. Смирновой к В. А. Жуковскому // Русский Архив. 1902. № 5. С. 108. — См. ***1845. Января 31 <февраля 12>. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] Ср. ***1845. Января 1 <13>. Понедельник. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург.***

[3] Т. е. в Париж.

[4] «Здесь идет речь, разумеется, не о художнике А. А. Иванове, о котором Гоголь упоминает в одном из писем к Смирновой, принадлежащих к этому времени, <...> но о петербургском книгопродавце, как и в предыдущем письме Смирновой <см. ***1844. Декабря 31 <1845. Января 12>. Воскресенье. Санкт-Петербург***>» (примечание О. Н. Смирновой; см.: Пушкин и Гоголь. (Неизданные исторические документы) // Северный Вестник. 1893. № 1. С. 245).

[5] См. ***1844. Октября 10 <22>. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1844. Декабря 18 <30>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[6] Слово по освящении храма Благовещения Пресвятыя Богородицы в Кафедральном Чудове монастыре, говоренное Синодальным Членом, Высокопреосвященнейшим Филаретом Митрополитом Московским, Декабря 3 дня 1844 г. // Прибавления к Творениям святых Отцев, в русском переводе, издаваемым при Московской Духовной Академии. М., 1844. Ч. 2. Кн. 4. С. 380–392. – См. также: Слово по освящении храма Благовещения Пресвятыя Богородицы в Кафедральном Чудове монастыре, 1844 года, Декабря 3-го дня, говоренное Синодальным Членом Филаретом, Митрополитом Московским // Москвитянин. 1845. Ч. 1. № 1. Генварь (цензурное разрешение 23 янв.). С. 1–10.

[7] Мф. 16, 18.

[8] Притязаний.

[9] «...и Той дал есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же благовестники, овы же пастыри и учители, к совершению святых, в дело служения, в созидание тела Христова, – да возрастим в Него всяческая, иже есть глава Христос, из Негоже все тело составляемо и счиневаемо приличне, всячем осязанием подаяния, по действу в мере единыя коеяждо части, возращение тела творит в созидание самого себе любовию».

[10] Евлогий Александрийский, архиепископ.

[11] 2 Кор. 6, 16.

[12] Библиотека для Воспитания. М., 1845. Отд. 1. Ч. 2 (цензурное разрешение 9 дек. 1844). 286 с. – «Нам давали это читать в 49 году» (примечание О. Н. Смирновой; см.: Пушкин и Гоголь. (Неизданные исторические документы) // Северный Вестник. 1893. № 1. С. 246).

[13] *Грановский Т.* Рыцарь Баярд // Библиотека для Воспитания. М., 1845. Отд. 1. Ч. 2. С. 249–286.

[14] *Редкин П.* Плиний Младший // Библиотека для Воспитания. М., 1845. Отд. 1. Ч. 2. С. 160–179.

[15] *Шевырев С.* Жизнь Рафаэля. (Часть вторая) // Библиотека для Воспитания. М., 1845. Отд. 1. Ч. 2. С. 221–248.

[16] Плутарх для юношества (*фр.*).

[17] *Киреевский И.* Обозрение современного состояния словесности // Москвитянин. 1845. Ч. 1. № 1. Генварь. Критика. С. 1–28. – См. также ***1845. Марта 1 <13>. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1845. Мая 1 <апреля 19>. Четверг Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[18] «Смерть В<еликой> К<нягини> Елисаветы Михайловны: умерла <16/28 января 1845 г.> в родах, в Висбадене, где есть церковь в ее память; В<еликая> К<нягиня> Александра Павловна <Александра Николаевна> умерла в родах в лето 44 г. <см. ***1844. Июля 29 <августа 10>. Суббота. Царское Село***>» (примечание О. Н. Смирновой; см.: Пушкин и Гоголь. (Неизданные исторические документы) // Северный Вестник. 1893. № 1. С. 246). В память о своей супруге герцог Адольф Нассауский приказал построить в Висбадене русский православный храм Св. праведной Елизаветы, в крипте которого была погребена герцогиня с дочерью (см. ***1845. Июня около 10 – июля 11 <мая около 29 – июня 29>. Воскресенье. День памяти св. первоверховных апостолов Петра и Павла. Висбаден***; Некролог 1844 года // Северная Пчела. 1845. 26 янв. № 21. С. 81).

ФЕВРАЛЯ 12 <ЯНВАРЯ 31>. СРЕДА. ПАРИЖ

Гоголь пишет Н. М. Языкову в Москву (согласно почтовому штемпелю[1], письмо было отправлено из Парижа 18 февраля (н. ст.) 1845 г.[2]):

«За разъездами <...> не успел еще написать обстоятельно тебе ничего. В Париж я попал совершенно нечаянно, как тебе известно и как я писал. Остаюсь в нем несколько дней и еду тоже проветрить себя еще несколько по Франции, направляя дорогу на старое гнездо, во Франкфурт... <...> Книги во всяком случае присылай, если случится оказия, во Франкфурт: там складочное место всему. О Париже скажу тебе только то, что я вовсе не видел Парижа. Я и встарь был до него не охотник, а тем паче теперь. Говоря это, я разумею даже [и в самых материальных вещах] и относительно материальных вещей и всяких жизненных удобств: нечист[3], и на воздухе хоть топор повесь. Никого, кроме самых близких моей душе, т. е. графинь Вьельгорских[4] и гр<афа> Ал<ександра> П<етровича> Толстого, не видал. Тургенева видел раз и в другой мельком: он несет дичь[5]. Противу всякого чаяния, я прожил, однако ж, эти три недели хорошо, [в житии] в отношении моральном. Жил внутренне, как в монастыре, и, в прибавку к тому, не пропустил почти ни одной обедни в нашей церкви. Священник[6] наш хороший и умный человек и, благодаря ему, я не оставался без русских книг, которые были мне потребны и пришлись по состоянию души. Больше тебе не пишу, ибо собираюсь в дорогу и спешу дочесть очень нужные книги. <...> Причина, почему не еду в Италию: позднее время, а отчасти и ожидание решения от тебя насчет твоего прожекта лечения. Мне же, во

всяком случае, придется проводить лето на каких-нибудь немецких водах; стало быть, высовывать в Италию нос на такое короткое время было бы никак неудобно».

[1] См.: *Городецкий*. С. 473.
[2] См. ***1845. Февраля 18 <6>. Вторник. Париж.***
[3] 24 февраля (н. ст.) 1845 г. Гоголь сообщал также А. О. Смирновой: «...Париж, или, лучше, воздух Парижа, или, лучше, испарения воздухов парижских обитателей, пребывающие здесь наместо воздуха, помогли мне не много и даже вновь расстроили приобретенное переездом <из Франкфурта> и дорогою, которая одна бывает для меня действительнее всяких пользований».
[4] Графиня Луиза Карловна и ее дочь Анна Михайловна.
[5] См., в частности: ***1845. Февраля 5 <января 24>. Среда. Париж.***
[6] Протоиерей Димитрий Вершинский.

ФЕВРАЛЯ 12 <ЯНВАРЯ 31>. СРЕДА. РИМ

А. А. Иванов отправляет ответное[1] письмо Гоголю во Франкфурт, с вложением ответного[2] письма к А. О. Смирновой в Петербург.

Из письма Иванова к Гоголю: «Я несколько опоздал отвечать вам на письмо от генваря первых чисел, а на днях получил письмецо, самое утешительное, от Александры Осиповны Смирновой. Не передаю вам его в оригинале, но посылаю ей подробный ответ чрез ваши руки. Прочитайте, оцензоруйте и пошлите... <...> На ваше письмо ответить нужно очень подумавши. Погодите, подождите, а покуда знайте, что у меня совершенно никого нет, кто бы ссудил деньгами, особливо такой значительной суммой, как мне нужно.

Чижов проедет чрез славянские земли в Россию; он тронется чрез три недели, сначала в Венецию. Он не будет в Петербурге к выставке академической и обещается мне, что, может быть, найдет покупщика для моей картины малого размера[3], за четыре тысячи ассигнациями, с тем, чтобы деньги мне бы доставить вперед.

Это жалчайшее средство, может быть, и приму. Чтобы кончить картину малого размера, нужно ровно год, а в это время я не могу прожить менее четырех тысяч. Ведь тысячу рублей плачу я только за студию! Прикидываюсь Смирновой, что у меня денег совсем уже нет. Ведь к трем тысячам нужно будет прикладывать четвертую, чтоб продолжать труд. А просить четырех в год — уже совершенно руки у всех отвалятся со страха.

Моллеру отдам письмо ваше[4]. Он уже три недели как в Риме. <...> Моллер весьма доволен картинами Шаповалова на публичной выставке[5]. <...> Мое почтение В. А. Жуковскому»[6].

В письме к Смирновой[7] Иванов сообщал: «Забота о доставлении себе способов для окончания картины заставила меня на время отвлечься и заняться сочинением запрестольного образа в Храм Спасителя в Москве. Архитектор его Конст<антин> Андр<еевич> Тон весьма желает мне его поручить. <...> Чтобы сочинить мне образ Воскресения Христова, множество нужно сведений. Необходимо знать, как этот образ был понимаем Православной Церковью, когда еще религия не была трупом. Эти розыски сделает мне Ник<олай> Мих<айлович> Языков вместе с моим братом. Нужны советы живущих ученых отцов нашей Церкви. Здешний священник[8] слишком мал, а римские с нами рознятся. Посреди сих забот я поджидал Тона в Рим и благодарю вас, что вы заботитесь доставить мне содержание для окончания картины. <...> ...Двухмесячное чтение (во время болезни) церковных книг и постоянное в них вдумывание приучили мысли мои следовать в глубину нового предмета. <...> Тон должен приехать сюда; его хвалят, как человека. Я ему обязан: он обо мне замолвил Государю Императору, и таким образом устроилось мое настоящее содержание, [которого еще на год у меня достанет] которым я до сих пор существую. Боюсь сказать вам, сколько нужно времени, чтобы окончить мою картину... <...> Ведь нужно еще три года! <...> Благодарю вас также за сведения о ходе наших художников в Петербурге. Многие из наших получили тоже известия, что на выставке был один из известных отцов нашей Церкви[9], что, смотря на картины Карла

Брюлло, отдавал всю справедливость его таланту, *совершенно не находя в них никакого религиозного чувства*. <...>

Пименов ездил обвенчаться в Корфу с римлянкой[10]. Он надеялся пожить в довольстве, рассчитывая оставаться всегда здесь и любить искусство в произведениях. Но не долго нажили в очарованиях: жене его назначено здешним правительством или оставить Рим, или быть заключенной навсегда в тюрьму, и Пименов двинулся с ней во Флоренцию, откуда скоро переберется в отечество. Вспомнит он не раз меня».

[1] См. ***1845. Января 9 <1844. Декабря 28>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1844. Декабря 16 <28>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[3] «Аполлон, Гиацинт и Кипарис».

[4] Письмо не сохранилось (см. ***1845. Января 9 <1844. Декабря 28>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***).

[5] Выставка устраивалась в Риме. Вероятно, в черновике настоящего письма к Гоголю Иванов добавлял: «Два слова о Шаповаленке. Его копия с Перуджина так и осталась. Он ее в мае месяце пошлет в Петербург на выставку вместе с альбанской девушкой, греющейся скальдиной, что принадлежит уже Галагану <имеется в виду "Римская зима"; см. ***1844. Июня вторая половина <июня первая половина>. Неаполь***>, и присоединит сюда копию для великой княгини Марии Николаевны с "Мадонны" Рафаеля и ваш заказ головы Христа с "Преображения"; может быть, и еще что-нибудь из этюдов голов римских. Вот уже седьмой месяц, как он ходит к секретарю русских художников Сомову, чтобы получить ответ, согласен ли будет Бутенев ему что-нибудь заказать на казенные деньги или нет. Если бы я еще не имел бы кое-каких денег, то Шаповаленко сто раз бы умереть мог с голоду. Да, да, да, Николай Васильевич, не вините меня, что я за два года заботился о моем положении. 7-мь месяцев недостаточны, чтобы услышать только, будет ли вспоможение или нет. <...> За письмо Чижову 19 <*нрзб.*>».

В письме к Смирновой (приложенном к письму Гоголю) Иванов также сообщал: «...Шаповаленко в мае посылает на выставку Петербургской Академии пять вещей, копию с Перуджино (Madonna con quatro santi), которая, после тщетных стараний сбыть ее, все-таки осталась его собственностию, копию с Рафаэлевой Мадонны из (Coronatione di Virgine), голову Христа из Преображения и две оригинальные свои картины, Вакханку греющуюся, а другая — портрет Римлянки <подразумевается "Римская зима">. Обе эти картины проданы старанием одного из моих друзей, и этими деньгами он их производил и содержался. Шаповаленко, в ожидании академического приговора своим работам, будет жить, как я предвижу, моими ссудами».

[6] Получив во Франкфурте послание Иванова, Жуковский отправил его Гоголю в Париж (см. ***1845. Февраля 24 <12>. Понедельник. Париж***).

[7] См. также ***1843. Февраля 3 <января 22>. Пятница. Рим*** (примечания).

[8] Настоятель православной русской церкви Святителя Николая Чудотворца в Риме (с 1836 г.) архимандрит Герасим (см. ***1838. Марта 17 <5>. Суббота. Рим*** — примечания).

[9] «Moi, je crois que c'était Иннокентий» (я думаю, что это был Иннокентий) (примечание А. О. Смирновой; см.: Письма живописца А. А. Иванова к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1896. № 4. С. 602).

[10] К. Нибби. — См. также ***1845. Мая 1 <апреля 19>. Четверг Светлой седмицы. Рим.***

ЯНВАРЯ 31 <ФЕВРАЛЯ 12>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова пишет В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«При всем письмо волтижёру Гоголю[1]. Неужели же не будет воскресу его Мертвым Душам? Пора бы однако ж. Я уж давно говорила Марье Николаевне о его состоянии[2]; она одна может это устроить, это сладится со временем, без сомнения[3]. <...> Не затеряйте мое письмо к Гоголю, там есть вексель; перешлите, если он велел, в Париж»[4].

Письмо было отправлено Жуковским в Париж к Гоголю[5]. Вексель Гоголь получил от Жуковского по возвращении во Франкфурт[6]. Вместо денег, присланных Смирновой, Жуковский, по-видимому, отправил Гоголю в Париж 600 рублей ассигнациями[7], которые оставались, за 1845 г., из суммы, назначенной для писателя Наследником Александром Николаевичем[8].

[1] См. ***1845. Января 30 <февраля 11>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1845. Января средина <января конец>. Санкт-Петербург.*** — Ср. также ***1844. Декабря 31 <1845. Января 12>. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1845. Января 16 <4>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***
[4] Из писем А. О. Смирновой // *Свод.* Т. 2. С. 201.
[5] См. ***1845. Февраля 24 <12>. Понедельник. Париж.***
[6] См. ***1845. Марта 15 <3>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[7] См. ***1844. Ноября 1 <октября 20>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***
[8] См. ***1844. Мая 25 <13>. Троицкая родительская суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Мая 29 <17>. Среда. Баден-Баден.***

ФЕВРАЛЯ 13 <1>. ЧЕТВЕРГ. ПАРИЖ

А. И. Тургенев отмечает в дневнике:

«Вечер у Толстого: там опять пенье цыганских песен – и вниз по мат<ушке> по Волге! Брат[1] закрывал глаза... Я мигнул, чтобы престали петь; Панаев с женою, рож<денной> Брянскою: дочь актера»[2].

Подробнее об этом вечере А. И. Тургенев рассказал в своей «Хронике русского в Париже», напечатанной в том же году в «Москвитянине»:

«...Знаете ли, отчего трепетало два вечера сряду мое московское сердце? От цыганских песен! – Вообразите себе весь табор Патриарших прудов в парижском салоне! не только знакомые звуки, самый пыл цыганских криков – в самой дикой ярости: топот ногами, размашки и ухватки их и любимая их песня "Общество наше нам запрещает!" И все это с верностию неимоверною! в четыре голоса, коим вторили еще два. Я дрожал, а может быть, и плакал: Петровское, Марьина роща, Сокольники, Москва жили передо мною. Недоставало одной Танюши! – Вдруг услышали мы заунывным, родным голосом: "Вниз по матушке по Волге", – у меня забилось сердце; другой <Н. И. Тургенев> закрыл лицо руками: песельники догадались... и вдруг грянули: "Русский я мужик простой, вырос на морозе", и проч. И это не сон, а быль... Французы, итальянцы и немцы восхищаются ими»[3].

Гоголь, располагавший в квартире графа А. П. Толстого отдельным входом в свою комнату, на этом вечере, вероятно, не присутствовал.

23 декабря (н. ст.) 1844 г., до приезда Гоголя в Париж, графиня Л. К. Виельгорская извещала Гоголя: «Граф Толстой сказал мне, что он приглашает вас в Париж, и показал мне назначенную для вас квартиру. Прекрасная комната на улице, в Rue de la Paix, на солнце с печкой и особенным выходом в коридор, одним словом, весьма удобная для автора и даже для отшельника»[4].

[1] Н. И. Тургенев.
[2] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 79.
[3] <*Тургенев А. И.*> Хроника русского в Париже // Москвитянин. 1845. № 3 (цензурное разрешение 7 апр.). Смесь. С. 9; *Свод.* Т. 3. С. 85.
[4] См. также ***1844. Декабря 12 <ноября 30>. Четверг. Париж.***

ФЕВРАЛЯ 1 <13>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]; в роли Кочкарева – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 253.
[2] *Гриц.* С. 343.

ФЕВРАЛЯ 1–2 <13–14>. ЧЕТВЕРГ-ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь избран в почетные члены Московского университета[1].

С. П. Шевырев 2 февраля 1845 г. сообщал М. П. Погодину: «Поздравляю тебя почетным членом нашего Университета. Прекрасное предложение сделал граф С. Г. Строганов: Герцог Лейхтенбергский, Принц Ольденбургский, ты (*в знак благодарности Университета* — его выражение), Остроградский, Штруве, Востоков, Гоголь. — Каков? Отличается. Я вчера благодарил его и ездил нарочно»[2].

М. П. Погодин в тот же день записал в дневнике: «Известие от Шев<ырева>, что я выбран Почетн<ым> Член<ом> Унивеp<ситета> с Герцог<ом> Лейхтенб<ергским>, Принцем Ольденбур<гским>[3], потом Остроград<ский>[4], Штруве, Восток<ов> и Гоголь. Назначение последнего вопреки мнению Аристократов и, может быть, правит<ельства>...»[5]

[1] См. также ***1845. Июня 16 <28>. Суббота. Москва***; ***1852. Февраля 21. Четверг второй недели Великого Поста. 7 часов 45 минут. Москва.***

[2] *Барсуков.* 1894. Кн. 8. С. 87; *Свод.* Т. 2. С. 493.

[3] В автографе ошибочно: «с Герцог<ом> Ольденбур<гским>, Принцем Лейхтенб<ергским>».

[4] Михаил Васильевич Остроградский (1807–1861), математик.

[5] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 489.

ФЕВРАЛЯ СРЕДИНА <ФЕВРАЛЯ НАЧАЛО>. РИМ

А. А. Иванов отправил Гоголю, друг за другом, два письма в Париж. Второе письмо было приложено к письму Гоголю Ф. А. фон Моллера (послание Моллера не сохранилось).

В первом письме Иванов сообщал: «Вчерашний день получили мы, т. е. я и Чижов, известие, что вы находитесь в Париже, и оттуда приедете в Италию. Я послал на днях к вам во Франкфурт весьма важное письмо — ответ свой А. О. Смирновой[1]. <...> Мы ждем здесь Тона из Парижа, со дня на день. Киля еще нет. Как бы мне хотелось, чтобы без его соприкосновения к моим делам могло бы устроиться мое положение! Право, сил нет ласкаться у сатаны, чтобы он не мешал видеть свет Божий. Чижов уезжает в Венецию через день непременно».

На следующий день Иванов писал Гоголю: «Ф. А. Моллер пишет к вам. Пользуясь сим случаем, я вас извещаю, что послал к вам два письма: одно во Франкфурт, а другое вчера, в Париж. Здесь Тон и г-жа Жеребцова[2]. Она сегодня была у меня в студии и осталась очень довольна моим трудом. Что дальше будет, обо всем вам уведомлю. Сходите, пожалуйста, в Париже к издателю Библии[3]...»

[1] См. ***1845. Февраля 12 <января 31>. Среда. Рим.***

[2] См. ***1846. Сентября конец — декабря начало <сентября средина — ноября средина>. Рим*** (примечания).

[3] См. ***1844. Августа 2 <июля 21>. Пятница. Париж*** (примечания).

ФЕВРАЛЯ 5 <17>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.

[2] *Гриц.* С. 344.

ФЕВРАЛЯ 18 <6>. ВТОРНИК. ПАРИЖ

Гоголь отправляет в Москву написанное 12 февраля (н. ст.) 1845 г. письмо к Н. М. Языкову.

См. ***1845. Февраля 12 <января 31>. Среда. Париж.***

ФЕВРАЛЯ 21 <9>. ПЯТНИЦА. ПАРИЖ

А. И. Тургенев отмечает в дневнике:

«Вечер к гр<афу> Толст<ому>. На лестнице едва не задохся. Испугался. Кайсарова, Гоголь. Обещались зайти».

Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 79.

ФЕВРАЛЯ 23 <11>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПАРИЖ

Гоголь посетил А. И. Тургенева.

На следующий день, 24 февраля (н. ст.) 1845 г., Тургенев записал в дневнике: «У меня вчера Гоголь, в четвер<г> <27 февраля (н. ст.)>[1] сбирается в путь. Писал к Морнет <?> о кукле»[2].

Кукла предназначалась либо для трехлетней дочери В. А. Жуковского Александры, либо для его новорожденного сына Павла[3].

[1] Ср. ***1845. Марта 1 <февраля 17>. Суббота. Париж.***
[2] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 79.
[3] Ср. ***1845. Января 18 <6>. Суббота. Праздник Крещения Господня. Париж.*** – См. также ***1845. Февраля 26 <14>. Среда. Париж.*** – «...Речь идет о кукле, которую А. И. Тургенев пересылал с Гоголем, по всей вероятности, для сына Жуковского» (*Гиллельсон М.* Н. В. Гоголь в дневниках А. И. Тургенева // Русская литература. 1963. № 2. С. 143).

ФЕВРАЛЯ 24 <12>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПАРИЖ

Гоголь пишет ответное[1] письмо к А. О. Смирновой в Петербург:

«Простите меня <...> за то, что давно не писал к вам. <...> С Вьельгорскими[2] я видался мало и на несколько минут. Они погрузились в парижский свет, который исследывают любопытно вместе с Лазаревыми[3], чему я, впрочем, очень, рад. Рассеяние им необходимо нужно, как графине-матери, так и графине-дочери. Они равно наклонны к хандре, а в Париже, при его сером, гадком климате, весьма легко предаться тому, если не ведешь жизни сколько-нибудь в парижском духе. Я, однако же, провел эти три недели совершенным монастырем, в редкий день не бывал в нашей церкви и был сподоблен Богом и среди глупейших минут душевного состояния вкусить небесные и сладкие минуты, за что много и много благодарю».

23 февраля (н. ст.) 1845 г. Н. И. Греч в письме из Парижа извещал читателей «Северной Пчелы»: «Я начал писать это письмо третьего дня при сильном холоде: вы могли это видеть и из неровности моего почерка: здесь не то, что в России; здесь не нужно иметь *наружных* термометров; здесь и в комнатах температура поднимается и упадает наравне с температурою на свободном воздухе. В ночи на вчерашнее число набежали тучи, пошел дождь, но мороз несколько раз силился вступить в права свои, и поутру улицы Парижа представили странную и

невиданную мною картину: все они, без исключения, покрылись тонким слоем льда, и сделались так скользки, что по ним можно было ходить только в самой средине, уже утоптанной тяжелыми экипажами. Бульвары и тротуары были непроходимы. Ежеминутно падали на них прохожие. Часу в двенадцатом дня лед исчез, уступив место знаменитой Парижской грязи, по которой, во времена Помпадур и Дюбарри, называли темно-серый цвет какой-то материи.

У нас еще не наступила масленица, а здесь уже готовятся к празднованию *перелома* поста (mi-carême[4]). Впрочем, в Париже пост существует только *на печати* в календаре, а в свете, в жизни, мясоед не прекращается. Театральные представления идут своим чередом. Ежедневно бывает по нескольку балов. Увеселения здесь <...> обыкновенны и непрерывны...»[5]

Далее в письме к Смирновой Гоголь сообщал:

«На днях, то есть через два дни с небольшим[6], еду во Франкфурт, где оставил начатое, но прерванное недугами длинное и большое письмо к вам[7] по поводу разных объяснений и дел, как прозаических, так и душевных. Приехавши во Франкфурт, допишу его и отвечу на кое-что из ваших писем... <...> Молитесь, чтобы помог Бог мне в труде, уже не для славы и не для чего-либо другого предпринятого, но в Его святое имя и в утешенье душевное брату, а не в увеселение его[8]. Я вижу ощутительней, что климат в Германии не так для меня благотворен, как в Италии. Большая разница во всем. А потому, полечившись лето на водах холодных или морских, я думаю на зиму (будущую) отправиться в Италию и оттуда, уже не откладывая надолго, ехать в Иерусалим, чувствуя, что там только обрету полное выздоровление. Покаместь скажу вам на один пункт вашего письма, именно о деньгах. Скажу вам, что мне крайне тяжело брать у вас. Я просил у вас, основываясь на ваших словах, что у вас лежат деньги для меня, данные вам на случай, когда я буду находиться в нужде, кем — вы умолчали и не сказали имени; рассчитывая это, я попросил твердо, ибо кто так благороден, что скрыл свое имя, помогая, от того можно твердо взять деньги... <...> Теперь, по обещанию вашему прислать мне тысячу, как только успеете собрать <...>, я вижу, что эти деньги ваши, и мне страх жалко взять их у вас, мой добрый, прекрасный (и увы! небогатый деньгами) друг мой! Если вы мне вышлете эту тысячу, я ее возьму и не отправлю назад, но только и возьму от вас одну ее. И объявляю вам вперед, что сверх ее я не приму от вас ничего».

Вексель был получен Гоголем по возвращении во Франкфурт[9]. (Смирнова, посылая письмо к Жуковскому, писала: «Не затеряйте мое письмо к Гоголю, там есть вексель; перешлите, если он велел, в Париж»[10].) Очевидно, Жуковский не решился послать вексель Смирновой в Париж. Вместо этого он, по-видимому, отправил Гоголю 600 рублей ассигнациями[11], которые оставались, за 1845 г., из суммы, назначенной для него Наследником Александром Николаевичем[12]. Позднее, 5 марта (н. ст.) 1845 г., Гоголь писал графу А. П. Толстому из Франкфурта: Скажите <...>, отчего вы вручили мне деньги вдвойне против тех, которые мне следовали? По ошибке ли или же по предположению, что мне в них будет настоять нужда? Я обсмотрелся и увидел это только во Франкфурте, а, принимая от вас в Париже, не сосчитал».

Далее из письма Гоголя к Смирновой:

«Сейчас получил письмо от Иванова[13] и при нем письмо к вам, которое он просит прежде процензоровать мне самому, а потом отправить вам. Но я отправляю вам с тем, чтобы вы сами и процензоровали его».

Возможно, в этот же день Гоголь отправил письмо в Петербург к графине С. М. Соллогуб[14].

[1] См. ***1845. Января 30 <февраля 11>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1845. Января 31 <февраля 12>. Среда. Санкт-Петербург***.

[2] Луиза Карловна и ее дочь Анна Михайловна.

[3] Племянница Л. К. Виельгорской А. Лазарева (рожд. герцогиня Бирон) и ее муж Л. Е. Лазарев. — См. ***1844. Октября 16 <4>. Среда. Франкфурт-на-Майне***.

[4] Средина поста (*фр.*).

[5] *<Греч Н. И.> Н. Гр.* Парижские письма // Северная Пчела. 1845. 1 марта. № 47. С. 187–188.

[6] См. ***1845. Марта 1 <февраля 17>. Суббота. Париж.***

[7] Письмо Гоголя к А. О. Смирновой от 9 января (н. ст.) 1845 г. было отправлено им позднее – 15 марта (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Января 9 <1844. Декабря 28>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Марта 15 <3>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***).

[8] См. также ***1843. Ноябрь <октября средина> – 1844. Марта первая половина <марта начало>. Дюссельдорф или Ницца*** (примечания).

[9] См. ***1845. Марта 15 <3>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[10] См. ***1845. Января 31 <февраля 12>. Среда. Санкт-Петербург.***

[11] См. ***1844. Ноября 1 <октября 20>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[12] См. ***1844. Мая 25 <13>. Троицкая родительская суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Мая 29 <17>. Среда. Баден-Баден.***

[13] Письмо было адресовано во Франкфурт и переправлено оттуда в Париж В. А. Жуковским (см. ***1845. Февраля 12 <января 31>. Среда. Рим***).

[14] См. ***1845. Января 14 – марта 1 <января 2 – февраля 17>. Париж.***

ФЕВРАЛЯ 12 <24>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

М. П. Погодин пишет ответное[1] письмо Гоголю во Франкфурт:

«Горячими слезами облил я письмо твое, любезный друг! Благодарю, благодарю тебя за твое благодеяние. И всякой раз плачу, как его перечитываю. Хотел ответить тебе в тот же день, хотел передать тебе свои ощущения, и до сих пор никак не могу. Да, друг мой, несчастие поучительно. <...> Дети здоровы. Моя нога[2] несколько покрепче ступает, но без костылей не могу. Что Василий Андреевич[3]? Мы слышали, что он болен. Сохрани его Бог. Сколько доставило мне сладких удовольствий письмо его к Государю»[4].

[1] См. ***1844. Декабря 20 <8>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1844. Мая 16 <28>. Вторник. Москва.***

[3] Жуковский.

[4] Письмо Жуковского к Императору Николаю I, вызванное известием о смерти великой княгини Александры Николаевны (см. ***1844. Июля 29 <августа 10>. Суббота. Царское Село***), было напечатано П. А. Плетневым в № 12 «Современника» за 1844 г. (С. 257–262). Погодин перепечатал это письмо в «Москвитянине» (1844. № 12. С. I–IV).

ФЕВРАЛЯ 26 <14>. СРЕДА. ПАРИЖ

Гоголь подарил Ф. Н. Беляеву, в память совместной работы[1], греческий «Евхологий» (сборник молитв для церковного богослужения), изданный в Риме в 1754 г., с надписью:

«Сия книга дарится Федору Николаевичу Беляеву, в знак дружбы и в наказание за неприятие Василия Великого, от Гоголя. Париж. Февраль 26, год 1845».

В тот же день А. И. Тургенев отметил в дневнике:

«Получил куклу[2] (13 fr<ancs> 50 s. <centimes>)[3] и послал к Гоголю. <...> У меня были Гоголь, гр<аф> <А. П.> Толстой (о Фредро) и Циркур[4]. Он объяснил нам мессианизм[5] так, что Гог<оль> и Тол<стой> не поехали к Мицкев<ичу> расспрашивать его о нем»[6].

Граф А. П. Толстой готов был посетить А. Мицкевича, но ехать к нему не пожелал Гоголь[7]. Мицкевич связывал мессианизм с личностью Наполеона I. В 1844 г. А. И. Герцен после прочтения первых двух курсов парижских лекций Мицкевича записал в своем дневнике: «Мицкевич – славянофил, вроде Хомякова и C^{nie}

<кампания>, со всею той разницей, которую ему дает то, что он поляк, а не москаль...»[8] Ф. В. Чижов 29 июня 1844 г. писал Н. М. Языкову о Мицкевиче из Парижа: «...Это славянин душою и телом, но все-таки славянин западный <...> Когда я приехал, лекции его уже кончались, я присутствовал только на одной последней, где он и показался чрезвычайно странным и которую он кончил раздачею Наполеона в апотеозе <...> Это не слово славянина, это влияние западной крови...»[9]

[1] См. ***1845. Января 14 – марта 1 <января 2 – февраля 17>. Париж.***
[2] См. ***1845. Февраля 23 <11>. Воскресенье. Париж.***
[3] Около 5 рублей.
[4] Граф А. М. П. Сиркур.
[5] См. также ***1845. Декабря 16 <4>. Вторник. Рим*** (примечания).
[6] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 79.
[7] См. ***1845. Мая 14 <2>. Среда. Париж.***
[8] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 333.
[9] *Розанов И. Н.* Н. М. Языков и Ф. В. Чижов. Переписка 1843–1845 гг. // Лит. наследство. Т. 19–21. М., 1935. С. 124.

ФЕВРАЛЯ 28 <16>. ПЯТНИЦА. ПАРИЖ

А. И. Тургенев пишет В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Гоголь перескажет тебе всё, что Вяземский писал ко мне. <...> Гоголя я редко видал. Попеняй ему. О Мицкевиче он перескажет[1]. Книга его любопытна, не только лекции. Вторая часть будет о религии и политике. <...> Возьми у Гоголя стихи Языкова[2] и перешли мне. Я уже писал о них в Москву. <...> Не знаю, увижу ли Гоголя. Посылаю к нему это письмо и сбираюсь сам ввечеру к нему, навряд ли застану»[3].

Из писем А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 93.

[1] См. ***1845. Февраля 26 <14>. Среда. Париж.***
[2] См. ***1845. Февраля 5 <января 24>. Среда. Париж.***
[3] Ср. ***1845. Марта 1 <февраля 17>. Суббота. Париж.***

МАРТА 1 <ФЕВРАЛЯ 17>. СУББОТА. УТРО. ПАРИЖ

Гоголь, простившись с Л. К. и Анной М. Виельгорскими и А. П. и А. Г. Толстыми, выехал из Парижа во Франкфурт. Перед отъездом Гоголь просил Ф. Н. Беляева переписать для него чин Литургии св. Василия Великого на латинском языке[1]; подарил графу и графине Толстым первый том «Истории древней и нынешней России» Николая-Габриэля Леклерка (Le Clerc N. G. Histoire de la Russie ancienne et moderne. Paris, 1783), с надписью:

«Графу и Графине Толстым в воспоминание парижских беседований. От Гоголя. Париж. <*Дата неразборчива*>».

В тот же день, 1 марта (н. ст.) 1845 г., А. И. Тургенев отметил в дневнике:

«Гоголь уехал»[2].

Графиня Анна М. Виельгорская после прощания с Гоголем в тот же день отправила ему письмо во Франкфурт:

«Я все о вас думаю и провожаю вас мысленно по вашей дороге, стараясь вообразить себе, какая у вас теперь физиономия, куда вы смотрите, что думаете и играете ли усами или просто сидите с сложенными руками, с полузакрытыми глазами, не смотря ни на что и не думая ни о чем? В такую погоду, как у нас сегодня, и особливо по такой скучной дороге, как та, по которой вы теперь едете, лучшее средство приятным образом провести время, это спать, и я надеюсь, что вы в эту самую минуту нимало ни о Париже, ни о Толстых, ни о нас не думаете, а просто спите и даже не видите нас во сне. Зато когда во Франкфурт приедете, вы хорошенько о нас подумайте и сейчас станете нам писать, чтоб известили нас, каким образом вы ехали, и приехали, и как вас приняли, и как вы чувствуете себя, проч. и проч. Нынешний вечер мы проводим у Толстых, как мы вам обещали, и будьте уверены, что все прочие ваши просьбы будут исполнены. Завтра, как буду у обедни, вспомню о вас и закажу также молебен. Лазарев очень сожалеет, что вас не видел. Я им всем сделала вашу комиссию.

Прощайте, любезный Николай Васильевич. Ведите себя хорошо, а то мы вас не будем любить, то есть будьте здоровы, и мы постараемся со своей стороны удовлетворить вас.

Маменьки[3] дома нет. <...> Сию минуту получили мы известие из П<етербурга>: слава Богу, все здоровы и Софья Михайловна[4] сердечно вам кланяется. Владимир Александрович[5] собирается в К<ишинев>».

Позднее, 15 апреля 1845 г., графиня С. М. Соллогуб (рожд. графиня Виельгорская) в письме к Гоголю сообщала: «Маменька[6] и сестра[7] писали мне, то вы были очень больны, и что вы внезапно оставили Париж»[8].

[1] См. ***1845. Марта 5 <февраля 21>. Среда. Франкфурт-на-Майне***.
[2] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод*. Т. 3. С. 79.
[3] Графиня Л. К. Виельгорская.
[4] Соллогуб, сестра А. М. Виельгорской.
[5] Соллогуб, муж С. М. Соллогуб.
[6] Л. К. Виельгорская.
[7] Графиня Анна М. Виельгорская.
[8] См. ***1845. Апреля 15 <27>. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Санкт-Петербург***.

ФЕВРАЛЯ 17 <МАРТА 1>. СУББОТА. МОСКВА

Н. М. Языков пишет ответное[1] письмо к Гоголю в Париж[2], с вложением своего стихотворения «Старому плешаку» (П. Я. Чаадаеву)[3]:

«Спасибо тебе за похвалы, которыми ты награждаешь меня за мое стихотворение "К ненашим". Получил ли ты другое в этом же роде – послание к К. С. Аксакову[4]? Оба эти мои детища наделали много разных сплетней и разъединений в обществе... <...> Некие мужи важные и ученые, старые и молодые, до того на меня рассердились, что дело дошло бы, дискать, до дуэли, если бы сочинитель этих стихов не был болен. Вот каково!! Страсти еще волнуются и кипят, а мои грозные сопостаты удовлетворяются тем, что пересылают мои стихи в Питер, в "Отечественные Записки", где меня ругают[5] как можно чаще, стихи мои пародируют и печатают эти пародии[6]. Само собою разумеется, что эти на меня устремления и этот беззубый лай нимало не смущают меня и что я продолжаю свое. А. Ив. Тургенев бранит меня за стихотворение "К ненашим"[7], полагая, что оно писано против петербургских журналистов. Совсем нет! В нем идет речь о здешних, московских особах, которым не нравятся лекции Шевырева, и потому они и лгут и клевещут на него во всю мочь – они, которых вся ученость ограничивается берлинскими их тетрадками и все личное достоинство их поддерживается в глазах так называемого большого света только их презрением ко всему отечественному, чего они вовсе не знают и знать не хотят!

Вышел 1-й № "Москвитянина"[8], № отличнейший, полный дела, добра и славный! Ты, ежели будешь во Франкфурте, увидишь его, и напиши мне, что об нем подумаешь. Куда же ты едешь из Парижа? Я не знаю, как быть мне теперь с книгами, для тебя у меня готовыми. Граф И. П. Толстой

уехал в Петербург и там пребудет! Погодин собирается в Иерусалим[9]; на второй неделе Великого поста он пустится отсюда, а на последней будет говеть у Гроба Господня.

Посылаю тебе еще одно мое стихотворение под стать к двум первым; ты догадаешься, к кому[10] оно относится, не давай его списывать: на меня и за него есть гонение — и еще какое? самое неотразимое! — дамское!»

[1] См. ***1845. Февраля 4 <января 23>. Вторник. Париж***; ***1845. Февраля 12 <января 31>. Среда. Париж.***

[2] См. ***1845. Марта 10 <22>. Суббота. Москва.*** — См. также ***1845. Февраля 25 <марта 9>. Прощеное воскресенье. Москва.***

[3] См. ***1845. Апреля 5 <марта 24>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[4] См. ***1845. Января 17 <29>. Среда. Москва.***

[5] Речь идет о статьях В. Г. Белинского «Взгляд на русскую литературу 1844 года» (Отечественные Записки. 1845. № 1. Отд. 5) и «Иван Андреевич Крылов» (Отечественные Записки. 1845. № 2. Отд. 2), в которых негативно освещалось творчество Языкова и пародировался его поэтический стиль.

[6] Имеется в виду пародия Н. А. Некрасова «Послание к другу из-за границы» (Литературная газета. 1845. 1 февраля. № 5).

[7] См. ***1845. Февраля 5 <января 24>. Среда. Париж*** (примечания).

[8] См. ***1845. Января 23 <февраля 4>. Вторник. Москва.***

[9] Подробнее см.: ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь*** (примечания).

[10] Подразумевается П. Я. Чаадаев.

МАРТА 3 <ФЕВРАЛЯ 19>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь приезжает во Франкфурт. Вероятно, по приезде отправляет письмо к матери в Васильевку с «запросом о причине долгого молчания»[1].

В паспорте Гоголя сделана помета: «1845. <...> 3-го марта во Франкф<урте>-на-М<айне>»[2].

[1] См. ***1845. Июля 28 <16>. Понедельник. Карлсбад.*** — Ср. ***1844. Декабря 12 <ноября 30>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[2] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 125. См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

МАРТА 3 <ФЕВРАЛЯ 19>[1] – МАЯ 15 <3>. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ[2]

Гоголь живет во Франкфурте у В. А. Жуковского. Совершает с ним поездку в Висбаден[3]; посещает Гейдельберг[4]. Вероятно, в этот период работает над статьей о русской поэзии, составившей впоследствии одну из глав «Выбранных мест из переписки с друзьями»[5]. По завершении работы Гоголь предполагал отправить статью в Петербург П. А. Плетневу, однако был «остановлен» Жуковским, который не одобрил тогдашнюю редакцию[6].

В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» Гоголь, в частности, писал: «...Не могла оставаться долго наша поэзия на <...> поверхностной светской верхушке. Уже пробуждена была сильно ее чуткость от петровского удара европейским огнивом. Вдруг приметила она, что от французов, кроме ловкости, ничего не переймет в свое воспитанье, и обратилась к немцам. В немецкой литературе происходило в это время явленье странное. Неясные грезы, таинственные предания, небъяснимые чудесные происшествия, темные призраки невидимого мира, мечты и страхи, сопровождающие детство человека, стали предметом немецких поэтов. Можно бы назвать такую поэзию шалостью школьника, если бы в ней не слышался тот младенческий лепет, которым подает в ней о себе весть бессмертный дух человека, требующий себе живой пищи. Чут-

кая поэзия наша остановилась с любопытством младенца перед таким явленьем. Ее собственные славянские начала напомнили ей вдруг о чем-то похожем. Но при всем том мы сами никак бы не столкнулись с немцами, если бы не явился среди нас такой поэт, который показал нам весь этот новый, необыкновенный мир сквозь ясное стекло своей собственной природы, нам более доступной, чем немецкая. Этот поэт – Жуковский, наша замечательнейшая оригинальность! Чудной, высшей волей вложено было ему в душу от дней младенчества непостижимое ему самому стремление к незримому и таинственному. <...> Все в этом роде у него взято у чужих, и больше у немцев, – почти всё переводы. Но на переводах так отпечаталось это внутреннее стремление, так зажгло и одушевило их своею живостью, что сами немцы, выучившиеся по-русски, признаются, что перед ним оригиналы кажутся копиями, а переводы его кажутся истинными оригиналами. Не знаешь, как назвать его, – переводчиком или оригинальным поэтом. Переводчик теряет собственную личность, но Жуковский показал ее больше всех наших поэтов. <...> ...Ни в ком из переведенных им поэтов не слышно так сильно стремленье уноситься в заоблачное, чуждое всего видимого, ни в ком также из них не видится это твердое признание незримых сил, хранящих повсюду человека... <...> Переводя, производил он переводами такое действие, как самобытный и самоцветный поэт. Внеся это новое, дотоле незнакомое нашей поэзии стремление в область незримого и тайного, он отрешил ее самую от материализма не только в мыслях и образе их выраженья, но и в самом стихе, который стал легок и бестелесен, как видение. Переводя, он оставил переводами початки всему оригинальному, внес новые формы и размеры, которые стали потом употреблять все другие наши поэты».

Отмечено влияние европейских романтиков на раннее творчество самого Гоголя, – в частности, значение переводов Жуковского немецких поэтов для создания юношеской поэмы «Ганц Кюхельгартен»[7]. С другой стороны, очевидна полемика Гоголя с произведениями немецких и французских романтиков в целом ряде его последующих произведений: в «Страшной мести»[8], «Невском проспекте»[9], «Портрете»[10], «Вии»[11], «Мертвых душах»[12] и др.[13]

Далее в статье о русской поэзии Гоголь замечал: «В последнее время в Жуковском стал замечаться перелом поэтического направленья. По мере того как стала перед ним проясняться чище та незримо-светлая даль, которую он видел дотоле в неясно-поэтическом отдалении, пропадала страсть и вкус к призракам и привиденьям немецких баллад. <...> Даже прежняя воздушная неопределенность стиха его исчезла: стих его стал крепче и тверже; все приуготовлялось в нем на то, дабы обратить его к передаче совершеннейшего поэтического произведения[14], которое, будучи произведено таким образом, как производится им, при таком напоенье всего себя духом древности и при таком просветленном, высшем взгляде на жизнь, покажет непременно первоначальный, патриархальный быт древнего мира в свете родном и близком всему человечеству, – подвиг, далеко высший всякого собственного создания, который доставит Жуковскому значение всемирное».

[1] См. ***1846. Марта 3 <февраля 19>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1846. Мая 15 <3>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[3] См. ***1846. Апреля 23 <11>. Великая среда. Франкфурт-на-Майне, Висбаден***; ***1846. Апреля 24 <12>. Великий четверг. Висбаден***; ***1846. Апреля 25 <13>. Страстная пятница. Висбаден***; ***1846. Апреля 23–27 <11–15>. Великая среда – Светлое Христово Воскресение. Висбаден***; ***1846. Апреля 27 <15>. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Висбаден, Франкфурт-на-Майне.***

[4] См. ***1846. Мая 6 <апреля 24>. Вторник. Радоница. Франкфурт-на-Майне.***

[5] *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность.*

[6] См. ***1844. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Дармштадт*** (примечания).

[7] См. ***1831. Сентября 10. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания); *Виноградов 2000.* С. 8; *Янушкевич А. С.* В мире Жуковского. М., 2006. С. 298. – Ср. также признание К. С. Аксакова в стихотворении «Путь» (1835): «Давно Германия манила / Воображение мое, / Жуковский лирою унылой / Напел мне на душу ее».

[8] См. ***1831. Января 25. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[9] См. ***1831. Августа 21. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1833. Сентября вторая половина. Санкт-Петербург*** (примечания).

[10] См. ***1843. Марта 29 <апреля 10>. Понедельник. Москва.***

[11] См.: ***1834. Января 7. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания); *Виноградов И.* Повесть Н. В. Гоголя «Вий»: К истории замысла и его интерпретации // Гоголеведческие студии. Нiжин, 2000. Вып. 5. С. 92–105.

[12] См.: *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. М., 2007. Вып. 1. С. 99–220.

[13] См. также ***1829. Мая 7. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1834. Февраля 27. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1836. Июня 28 <16>. Вторник. Гамбург*** (примечания); *Скабичевский А. М.* Три человека сороковых годов // Соч.: В 2 т. 3-е изд. СПб., 1903. Т. 1. Стб. 478–480; *Виноградов 2000.* С. 228–232, 410.

[14] Имеется в виду «Одиссея» Гомера.

МАРТА 4 <ФЕВРАЛЯ 20>. ВТОРНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский на следующий день по приезде Гоголя во Франкфурт[1] отметил в дневнике:

«*20 <февраля> / 4 <марта>, вторник.* <...> Возвращение Гоголя»[2].

[1] См. ***1845. Марта 3 <февраля 19>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне.***

[2] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 43.

МАРТА 5 <ФЕВРАЛЯ 21>. СРЕДА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь отправляет в Париж письмо к графу А. П. Толстому, с вложением ответного[1] послания к графиням Л. К. и Анне М. Виельгорским и письма к Ф. Н. Беляеву.

В письме к Толстому Гоголь сообщал: «До Франкфурта добрался благополучно, хотя на четвертый день и притом поздно вечером, а потому и пишу к вам уже на другой день. В расстоянии двенадцати часов от Парижа я встретил зиму со снегом... <...> Во Франкфурте постоянно с первых чисел генваря держится снег и солнце. Немцы жуируют[2] на санках. У Жуковского в доме всё благополучно. Здесь застал я для меня книги[3] весьма нужные, присланные мне Ив<аном> Петровичем[4]... <...> ...Смотрите же, молитвы обо мне никак не отлагайте. <...> Всё же, что ни говорил я относительно великого поста и предстоящих вам подвигов говения и пощения, выполните с буквальною точностью... <...> Наложите также на себя обет добровольного воздержания в *слове* во всё продолжение этого времени, а именно: 1) говорить более с *дамами,* нежели с *мужчинами,* 2) в разговоре с мужчинами, о ***чем бы*** то ни было, старайтесь заставлять их говорить, а не себя, 3) не спорить ни о чем сильно и не обращать никого в православие, ибо для того, чтобы обратить кого, нужно прежде самому обратиться, а для того, чтобы спорить в чем-либо сильно, нужно быть слишком самонадеянну и уверену в уме своем, умеющем видеть одну только правую сторону вещи. То и другое во время великого поста может оказаться похожим на что-то слишком чуждое смирению и будет останавливать ежеминутно крылья души вашей, готовые распрямиться к возлетанию от ревностного исполнения поста. <...> Помещайте в ваших письмах статьи, результаты разговоров, слушаний, чтений и, наконец, результаты душевные ваши и молитесь сильнее и крепче обо мне грешном. <...> Графине[5] душевный поклон.

Прилагаемую записку передайте графине[6] и уведомьте меня, как часто с ними видитесь и о чем говорите. Видеться с ними почаще вам *нужно.* <...> Еще перешлите это небольшое письмо Беляеву с Жозефом[7], он знает его квартиру. Жуковский вам искренно кланяется. Четыре дня назад тому он отправил вам два моих письма[8], возвратите их немедленно во Франкфурт по известному вам адресу в особом пакете с присоединением вашего собственного».

Виельгорских Гоголь также извещал: «Уведомляю вас, что приехал я благополучно и что, несмотря на хворость мою и на дорогу, не очень завидную, и на три ночи с четырьмя днями, проведенными в дилижансе, не изнурился, и временами было так на душе легко, как будто бы ангелы пели, меня сопровождая. Кто-то, видно, сильно обо мне помолился... И хотя можно сказать, что

до Франкфурта добрался один только нос мой да несколько костей, связанных на живую нитку жиденькими мускулами, но дух бодр... <...> Сейчас получил ваши строчки из Парижа, писанные в самый день моего отъезда. Поцелуйте за них еще раз свои собственные ручки».

В письме к Беляеву Гоголь писал: «Повторяю вам еще раз (чтобы вы не задавали себе двойной работы и труда), что мне Литургия Василия Великого нужна только на латинском. Если ж разберет вас до такой степени неугомонное желание написать и на греческом, то не пишите в два столбца, но постранично, т. е. на правой странице греческ<ий>, на левой латинск<ий>... Попросите также священника нашего[9], поблагодарив его еще раз за все ласки, чтобы он списал для меня собственноручно стихи Филарета в ответ Пушкину[10] и на том же самом листочке почтовой бумаги небольшую выписку из книги, которую я у него брал за день до моего отъезда и в которой собраны некоторые статьи относительно богослужения. Из этой книги я прошу у него выписать о фимиаме и кадиле. Заглавие статьи, кажется: *каждение*, а объем ее: печатная страница с хвостиком. Это весьма удобно может быть мне переслано в письме или им, или вами, или графом Толстым».

В 1892 г. П. И. Бартенев писал по поводу письма Гоголя к Беляеву: «Подлинник этого письма подарен мне известным латинистом Ф. Н. Беляевым, который в 1845 году жил в Париже наставником в одном русском семействе, а позднее служил помощником библиотекаря в Московском университете»[11].

[1] См. ***1845. Марта 1 <февраля 17>. Суббота. Утро. Париж.***

[2] Наслаждаться (*фр.*).

[3] Книги были посланы Н. М. Языковым (см. ***1844. Декабря 14 <26>. Четверг. Москва***; ***1845. Января 17 <29>. Среда. Москва***). 15 марта (н. ст.) 1845 г. Гоголь сообщал Языкову: «Книги, отданные тобою графу Толстому, получил в исправности и благодарю за них много. В пакете, присланном от графа Толстого, находятся Св. Отцы за 1843 и 1844 г., толкование на Св. Писание Амвросия. Он же прислал мне сочинения Дмитрия Ростовского, о которых я его просил и за которые поблагодари его очень, когда увидишь» (см. ***1845. Марта 15 <3>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***). Об этих книгах Языков извещал Гоголя в письме от 2 декабря 1844 г.: «Переводов Святых Отцов вышла и третья часть за 1844 год, все три части посылаю сегодня же к графу Толстому» (см. ***1844. Декабря 2 <14>. Суббота. Москва***). Высылке книг предшествовала просьба Гоголя в письме к Языкову от 26 октября (н. ст.) 1844 г.: «Назад тому две недели, я получил из Берлина четыре книжки Святых Отцов. Полагаю, что они от тебя, хотя и не знаю, кому ты их вручил, потому что мне переслал берлинский наш священник <протоиерей Доримедонт Соколов> с проезжавшим через Берлин соотечественником. Перевод очень хорош, жаль, что мало. Нельзя ли будет переслать продолжения...» (***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***). Языков отвечал: «Радуюсь, что ты получил-таки книги, посланные мною с г-жою Анненковой. Продолжение переводов св. отцов пришлю тебе скоро — через кн<язя> Вяземского или через гр<афа> Толстого,— это продолжение идет, т. е. выходит, очень медленно: в 1844 году явилось только 2 книжки вместо обещанных 4-х, а 1844 г. уже на исходе!» (см. ***1844. Ноября 5 <17>. Воскресенье. Москва***).

[4] Брат А. П. Толстого.

[5] А. Г. Толстая, жена А. П. Толстого.

[6] Л. К. Виельгорская.

[7] Лакей графа А. П. Толстого.

[8] Имеются в виду два письма к Гоголю (см. ***1845. Марта 23 <11>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Апреля 5 <марта 24>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***).

[9] Протоиерей Димитрий Вершинский.

[10] В 1828 г. Пушкин написал стихотворение «Дар напрасный, дар случайный...» Святитель Филарет, митрополит Московский, ответил Пушкину стихотворным посланием «Не напрасно, не случайно...», которое распространялось в списках. Впервые опубликовано С. А. Бурачком в его статье «Видение в царстве духов» без указания на авторство святителя Филарета (Маяк. 1840. Ч. 10):

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Господа дана!
Не без *цели* Его тайной
На тоску осуждена!
Сам я своенравной властью
Зло из бездн земных воззвал;
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.

Вспомнись мне, забытый мною!
Просияй средь смутных дум –
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светлый ум!

Пушкин ответил на это стихотворением «В часы забав иль праздной скуки...» (напечатано в «Литературной Газете» 25 февраля 1830 г.). – См. также ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4> – 1846. Мая 6–8 <апреля 24–26>. Рим.***

В статье *X. О лиризме наших поэтов* «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь писал: «Не говоря уже о Ломоносове и Державине, даже у Пушкина слышится <...> строгий лиризм повсюду, где ни коснется он высоких предметов. Вспомни только стихотворенья его: к пастырю Церкви...» Стихотворение Пушкина Гоголь цитировал в статье *XIV. О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности.* При этом Гоголь замечал: «Христианин, наместо того, чтобы говорить о тех местах в Пушкине, которых смысл еще темен <...>, приведет его величественные стихи пастырю Церкви, где Пушкин сам говорит о себе, что даже и в те годы, когда он увлекался суетой и прелестию света, его поражал даже один вид служителя Христова». – См. также ***1841. Апреля 28 <16>. Среда. Рим*** (примечания).

[11] *Свод.* Т. 3. С. 698.

ФЕВРАЛЯ 21 <МАРТА 5>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев сообщает Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«Некто Пантелеймон Кулиш из Киева, автор исторического, очень интересного романа (особенно по многочисленности фактов для истории Малороссии) “Михайло Чарнышенко”, прислал мне пять глав из нового своего, еще не печатанного романа “Черная рада”. Его письмо и сочинение препровождены мне Юзефовичем, помощником киевского попечителя, который рекомендует мне его как человека и с талантом, и с благими намерениями. Хотя, конечно (строго говоря), не слишком выгодно для журнала, что в нем явятся только пять глав даже отличного романа; но, при неверном материале для 12 книжек, такое неожиданное сокровище соблазнительно – и я тотчас же отдал в набор главу первую с примечаниями к ней, большею частию цитатами из авторов, писавших об истории Малороссии. Я смотрю на эти отрывки не как на роман, а как на дополнения к запискам о Малороссии. Между тем, так как Кулиш не близкий из моих знакомых, то для удовлетворения его желания и придется мне иэ готовых уже материалов для первых нумеров <...> некоторые оставить в экономии для нумеров позднейших».

Свод. Т. 1. С. 669.

ФЕВРАЛЯ 22 <МАРТА 6>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев с А. О. Смирновой составляют записку к великой княгине Марии Николаевне о вспомоществовании Гоголю.

24 февраля 1845 г. Плетнев, посылая Я. К. Гроту очередную часть своего «журнала» текущих дневниковых записей, сообщал: «*Четверг (22 февраля).* <...> Вечером от Шихматова проехал я к Смирновой. Мы сочиняли с нею записку для Великой Княгини Марии Николаевны о Гоголе, чтобы она исходатайствовала для него вспоможение у Государя»[1].

В составленной с Плетневым записке на имя великой княгини Марии Николаевны Смирнова писала: «Ваше Императорское Высочество милостиво изволили принять мою просьбу о Гоголе[2] и приказали составить о нем записку, которую имею честь представить.

Сочинения его известны Вашему Императорскому Высочеству[3]. Публика особенно заметила в них оригинальные комические стороны; но от Вашего взгляда, без сомнения, не ускользнули кра-

соты высшие, чувства всего прекрасного, чисто Русского, народного, которые его поставили наряду с первыми нашими литераторами. Чем более входит он в изображение серьезной стороны Русского быта (о чем упоминает сам в последних своих сочинениях), тем медленнее подвигается его работа, и, следовательно, он лишается выгод, соединенных с продажею книг. Самая первая выручка его сочинений употреблена была им на поправление расстроенного состояния матери и сестер, которые и до сих пор не совершенно обеспечены. Между тем его здоровье было всегда так слабо, что вследствие сильной болезни он вынужден был оставить самую выгодную службу, находившись в здешнем Университете Адъюнкт-Профессором, и отправиться за границу[4]. Лишенный всякого способа достигнуть своих предприятий литературных и касающихся до здоровья, он только благодеяниями Царскими может быть обеспечен. — Конечно, он еще не успел сделать для пользы Русской словесности столько, как Пушкин и Карамзин; но милости Государя не исключают никого, кто из любви к пользе Отечества принесет хотя слабую дань своего усердия. Участие Вашего Императорского Высочества само определит, каким образом может быть поддержано существование человека, который по общему признанию подает много надежд»[5].

Ранее, в письме к Смирновой от 16–28 января (н. ст.) 1845 г., В. А. Жуковский писал о Гоголе: «Вам бы надобно было опять позаботиться <о нем> у Царя и Царицы. Ему необходимо надобно иметь что-нибудь верное в год»[6].

В средине января 1845 г. А. О. Смирнова в разговоре с великой княгиней Марией Николаевной сообщила ей о тяжелом материальном положении Гоголя и просила доложить об этом Государю[7].

22 февраля 1845 г. последовало сочинение Смирновой и Плетневым «записки для Великой Княгини Марии Николаевны о Гоголе».

1 марта 1845 г. Смирнова сообщала Гоголю, что он будет получать «три раза в год <...> по 1000 рублей, а может — и тысячу серебром просто в год»[8]. (4 марта 1845 г. об этом стало уже известно в Москве[9].)

11 марта 1845 г. вечером Смирнова была у Императрицы и напомнила Государю о Гоголе[10].

13 марта 1845 г. великая княгиня Мария Николаевна передала записку Смирновой Государю[11].

На следующий день, 14 марта 1845 г., министр Императорского Двора светлейший князь П. М. Волконский препроводил записку Смирновой «о литераторе Гоголе» министру народного просвещения С. С. Уварову[12].

15 марта 1845 г. Смирнова из разговора с графом А. Ф. Орловым узнала, что Государь поручил ему «заняться Гоголем»[13]. Вследствие этого Смирнова на следующий день отправила послание к Жуковскому, где просила его написать Орлову о Гоголе[14]. (Письмо к Орлову Жуковский написал 19 апреля (н. ст.) 1845 г.[15], когда пособие Гоголю уже было назначено (см. ниже). Об этом Орлов сообщил Жуковскому 30 апреля 1845 г.[16])

18 марта 1845 г. на всеподданнейшем докладе Уварова от 17 марта о денежном пособии Гоголю Государь вынес резолюцию: «Пусть сам М<инистр> определит меру пособия, которого заслуживает»[17].

21 марта 1845 г. Уваров поручил Плетневу спросить у Смирновой, какая сумма нужна для помощи Гоголю, и на следующий день, 22 марта, Плетнев со Смирновой, по совету князя П. А. Вяземского, решили просить для Гоголя на пять лет по тысяче рублей серебром в год[18].

Официальное извещение Гоголю о предоставлении ему пенсиона на три года[19] по тысяче рублей серебром ежегодно[20] Уваров 27 марта 1845 г.[21] передал через Плетнева Смирновой, которая через В. А. Жуковского отправила это извещение Гоголю[22].

Гоголь благодарил Уварова в письме от конца апреля (н. ст.) 1845 г. По свидетельству Смирновой, благодарственное письмо Гоголь написал тогда же и Государю: «Я после узнала, что он писал и Государю»[23].

Во второй половине мая (н. ст.) 1845 г. Жуковский вновь писал Смирновой: «Прошу вас выхлопотать или заставить похлопотать П. А. Плетнева, чтобы деньги были <...> выданы на мое имя во Франкфурте на Майне. Я буду знать, куда пересылать Гоголю. Он теперь на три года обеспечен; от царя милостивого 1000 р<ублей>, да от великого князя <Александра Николаевича> 1000 фр<анков> также; в продолжение трех лет это и будет достаточно, и он может серьезно предаться лечению. А я уже и от Орлова получил письмо очень любезное, в котором он уведомляет меня о сделанном для Гоголя и охотно вызывается сделать для него впредь что может полезного»[24].

13 июля (н. ст.) 1845 г. Жуковский сообщал также Плетневу: «К Уварову я писал <...> о Гоголе. Но Гоголь уже со мною с месяц расстался; он отправился купаться в Гастейн; я однако еще ни строки не имею от него со времени его отъезда»[25].

1 ноября 1845 г. Плетнев писал Жуковскому из Петербурга: «Гоголю прилагаю здесь письмо. Самому мне писать к Бутеневу <русскому посланнику в Риме> показалось как-то совестно. Он и не слыхивал имени моего. Вы, конечно, не затруднитесь переслать. Прошу Гоголя о высылке мне бумаги из миссии, что он жив: иначе и денег не выдадут в Государственном Казначействе»[26].

5 февраля 1846 г. Плетнев вновь извещал Жуковского: «Деньги для Гоголя, со дня подписания указа и до числа, выставленного по посольском сертификате, я получил. Из денег этих вычли, однако ж, 10 проц<ентов> на инвалидов. Чтобы вернее доставить ему посылку, я отправляю ее прямо на имя Бутенева»[27].

[1] *Свод.* Т. 1. С. 670.

[2] См. ***1845. Января средина <января конец>. Санкт-Петербург.***

[3] Сочинения Гоголя в четырех томах (СПб., 1842) были посланы Плетневым великой княгине Марии Николаевне в Рим в феврале 1843 г. (см. ***1843. Февраля 15 <27>. Понедельник. Санкт-Петербург***). О знакомстве Гоголя с великой княгиней Марией Николаевной в Риме весной 1843 г. см.: ***1843. Марта средина – апрель <марта начало – апреля средина>. Утро. Рим***).

[4] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт.***

[5] Из писем А. О. Смирновой // *Свод.* Т. 2. С. 201.

[6] См. ***1845. Января 16 <4>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[7] См. ***1845. Января средина <января конец>. Санкт-Петербург.*** – См. также ***1845. Января 31 <февраля 12>. Среда. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1845. Марта 1 <13>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[9] См. ***1845. Марта 4 <16>. Воскресенье. Москва.***

[10] См. ***1845. Марта 11 <23>. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[11] См. ***1845. Марта 13 <25>. Вторник. Санкт-Петербург; 1845. Марта 16 <28>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[12] См. ***1845. Марта 14 <26>. Среда. Санкт-Петербург.***

[13] См. ***1845. Марта 15 <27>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[14] См. ***1845. Марта 16 <28>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[15] См. ***1845. Апреля 19 <7>. Лазарева суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[16] См. ***1845. Апреля 30 <мая 12>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[17] См. ***1845. Марта 17 <29>. Суббота. Санкт-Петербург; 1845. Марта 18 <30>. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[18] См. ***1845. Марта 22 <апреля 3>. Четверг. Санкт-Петербург; 1845. Марта 23 <апреля 4>. Пятница. Санкт-Петербург; 1845. Марта 24 <апреля 5>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[19] Последняя сумма была получена Плетневым для Гоголя в апреле 1848 г. (см. ***1848. Апреля 26. Понедельник. Санкт-Петербург; 1848. Мая 16. Воскресенье. Санкт-Петербург***).

[20] См. ***1845. Марта 25 <апреля 6>. Воскресенье. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

[21] См. ***1845. Марта 27 <апреля 8>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[22] См. ***1845. Марта 27–28 <апреля 8–9>. Вторник-среда. Санкт-Петербург.***

[23] См. ***1845. Апреля конец, после 25 <апреля между 13 и 18>. Висбаден или Франкфурт-на-Майне.***

[24] См. ***1845. Мая средина (после 17) – мая конец <мая после 5 – мая средина>. Франкфурт-на-Майне.*** – См. также ***1845. Мая 23 <июня 4>. Среда. Санкт-Петербург.***

[25] См. ***1845. Июля 13 <1>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***

[26] См. ***1845. Ноября 2 <14>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[27] См. ***1846. Февраля 5 <17>. Вторник. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 23 <МАРТА 7>. ПЯТНИЦА (УТРО). МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]; в роли Кочкарева – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 253

[2] *Гриц.* С. 344.

ФЕВРАЛЯ 25 <МАРТА 9>. ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего – М. С. Щепкин[2].

В тот же день Н. Н. Шереметева писала Гоголю (письмо она послала Н. М. Языкову, который отправил его в Париж[3]):

«Вот уже вступаем в пост. Дай Бог провести оный в должном умилении. <...> Николай Михайлович[4] сказал, получил от вас из Парижа и собирается к вам писать во Франкфурт... <...> Пользуясь его предложением, несколько строк напишу, чтобы поздравить вас с днем рождения, верно, сие к 19 марту до вас доберется... <...> Более писать нечего, о себе на сей раз приятного не имею. <...> ...Внук Якушкин[5] был очень болен, и мать его[6] занемогла... <...> У Аксаковых дочь[7] все больна, <...> а к этому еще новое у них горе, у Сергея Тимофеевича глаза очень болят. От них слышала, что Погодин собирается в Иерусалим[8], чтобы Страстную неделю там быть. Помоги ему Господи свершить благое намерение. Можно порадоваться его благополучию. <...> Прошу вас Василью Андреевичу[9] сказать о дружеской моей преданности».

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.
[2] *Гриц.* С. 343.
[3] См. ***1845. Марта 14 <2>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.*** – См. также ***1845. Февраля 17 <марта 1>. Суббота. Москва.***
[4] Языков.
[5] Вероятно, Е. И. Якушкин.
[6] Дочь Н. Н. Шереметевой А. В. Якушкина (рожд. Шереметева).
[7] О. Серг. Аксакова.
[8] Подробнее см.: ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь*** (примечания).
[9] Жуковский.

МАРТА 10 <ФЕВРАЛЯ 26>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПАРИЖ

Граф А. П. Толстой пишет ответное[1] письмо к Гоголю во Франкфурт (письмо не сохранилось)[2].

[1] См. ***1845. Марта 5 <февраля 21>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***
[2] См. ***1845. Марта 23 <11>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***

МАРТА ОКОЛО 11[1] <ФЕВРАЛЯ ОКОЛО 27>. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь посылает графу А. П. Толстому в Париж первые[2] тома собрания сочинений святителя Тихона Задонского[3], с сопроводительным письмом, в котором дает советы «относительно чтения» творений святого (письмо не сохранилось)[4].

[1] См. ***1845. Марта 16 <4>. Воскресенье. Париж.***
[2] Ср. ***1845. Апреля 2 <марта 21>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***
[3] Первое или второе издание: Сочинения преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого: В 15 т. СПб., 1825–1826; 2-е изд. – М., 1836–1837.
[4] См. ***1845. Марта 23 <11>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Марта 28 <16>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

МАРТА 1 <13>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова пишет ответ[1] на письмо Гоголя из Парижа (письмо адресует во Франкфурт):

«Я сбиралась вам писать, а теперь, слава Богу, отвечаю. Ваше долгое молчание меня беспокоило, а третьего дня Софья Михайловна[2] мне сказала, что вы больны и в Париже[3]. Я легко верю, что там никак не могло вам сделаться лучше. Серое, грязное небо, улицы еще грязнее, суетливый шум и какая-то пустота неизъяснимая среди этого движения, которое называют жизнью. <...> ...Вы хотите пить какие-то воды. А я, право, вам не советую: трудно определить, какие воды вам помогут. Если просто лечение Присница, то я вам скажу, что Аркадий[4], прожив там 4 месяца, не нашел никакой пользы и бранит водяное лечение на все четыре стороны. Ханыков упрекает его, говоря, что он не довольно долго там оставался: сам он там прожил 9 месяцев. Представьте себе, как вы одни, при вашем нервном расстройстве, при той потребности, какую вы имеете приютить сердце и душу в каком-нибудь семействе, как вы будете скучать и сиротствовать в Грефенберге. Аркадий говорит, что вообще там чувствуешь свежесть и бодрость после первых ванн, но что потом реакция очень сильна и слабость еще усиливается. Словом, после четырех месяцев мучений и скуки он, вернувшись сюда, обратился к Манджу[5]. Ханыков доволен Присницем до сих пор, но продолжает еще купаться, бегать и пить воду, соблюдает диет такой, который вы не в состоянии соблюдать, и убежден (на что и я упираю), что если лечиться гидропатически, то непременно у Присница, и сохрани вас Бог ехать в Бопорт или в Лаубах, где доктора шарлатаны и наобум лечат. Другое дело искупаться в море; на это я даю вам свое благословение. Но какое-то внутреннее убеждение мне говорит, что вам бы не худо заехать домой, повидаться со мною, заехать и в Москву, а там уже на зиму в Италию. <...> Если точно душа ваша чувствует потребность увидеть Иерусалим, верьте ее предчувствию, но ради нас, не оставляйте вы совсем своих занятий: легко и тут увлечься — оставить всякую полезную деятельность. Мне как-то делается за вас иногда страшно: смотрите, не скройте своего таланта, то есть того, настоящего, вам Богом данного *не даром*. Не оставьте нам только первые плоды незрелые, или выходки сатирические огорченного ума. Многие видят в вас даже человека желчного, озлобленного, судя по первым вашим сочинениям. Признаюсь, я улыбнулась, когда передо мной высказали эту ересь на ваш счет. Но для тех, которые вас лично не знают — понятно, что они так перетолковывают ваш смех. Но я, зная, что у вас в душе кроется, вправе желать и требовать от вас продолжения трудов ваших. <...>

Пожалуйста, не беспокойтесь на счет способов существования и не спрашивайте, каким образом я все это устраиваю. Это дело мое, а ваше — молиться за того, кто их дает. Вы теперь у меня в руках; три раза в год будете получать по 1000 рублей[6], а может — и тысячу серебром просто в год; мне только надобно всегда знать, куда их пересылать. Это все меж нами... <...> Деньги у меня есть, я их ни у кого не отнимаю, сама их не лишаюсь.

Довольно. Сегодня я была у первой преждеосвященной обедни в Зимнем дворце. Солнце обливало ярким светом золотой иконостас, приятные голоса пели "Да исправится молитва моя"; я вспомнила вас. Я буду говеть на последней неделе. Может быть, в первую бы лучше, но я люблю всю службу страстной недели и ожидание Светлого праздника.

Счастливые роды Наследницы[7], вероятно, благодетельно подействовали на царское семейство. Вчера меня звали во дворец, но головная боль мне помешала ехать к Импер<атрице>. Они опять стали ко мне привыкать и зовут меня чаще. Там всегда мне хорошо, потому что я их искренно и нежно люблю. Хотя биение сердца теперь уже никогда не перестает у Государыни, она сильнее телом и гораздо бодрее, все также одинакова добра и мила, простосердечна и вместе так женски умна. Государь приметным образом поправился. В городе начались было танцы, но смерть великой княгини[8] все приостановила. На последних днях был бал у посла австрийского, где и ваша покорная слуга явилась, после двухмесячного заточения по причине коклюша. Маскарады нынешний год помещались с тщанием; мне доходили кое-какие слухи. Страсть к итальянцам выразилась наконец доказательствами материальными и увенчала себя в своей пошлой глупости. Высший круг, имена самые звучные, подписались на венец для Рубини золотой с бриллиантами. Брали по 15 р<ублей> сер<ебром> с дома. А кто же собирал? Александр Карамзин. Другие решили, что надобно увенчать и госпожу Виардо, которая, по мнению моему и многих других[9], очень посредственная певица, решились по подписке и ей сделать подарок; а второе общество, по сродному ему обезьянничеству, по подписке поднесло госпоже Ал<ь>бони богатые серьги. Один чувствительный человек нашел, что не надобно обидеть Тамбурини, и поднес ему серебряную кружку. Итог этих даров простирается до

12 тысяч, а итог глупости вы подведите сами. Прибавляю только, что в западных губерниях мрут с голоду и что только заботою Государя там кормят крестьян. <...> С Александром Кар<амзиным> я по сему случаю спорила, но убедилась, что напрасно... <...>

Я слышала от Убри[10], что Василий Андреевич[11] все еще хворает. Вяземский и все мы просим вас подробно и обстоятельно известить нас о его состоянии. Поговорите с Коппом. Он, давно зная Жуков<ского>, может сказать вернее, точно ли здоровье его возбуждает беспокойство. Зачем бы не съездить ему в Рим? и зачем так озабочиваться ему способами денежными? Я думаю, что Наследник[12], в случае нужды, охотно вызовется ему помочь. <...>

Получили ли вы книги, посланные по почте? получили ли вы те, которые я послала чрез фр<анцузское> посольство Михаилу Михайловичу[13]. Да, или нет? В 1-м номере "Москвитянина" за 1845 год есть очень хорошая статья Киреевского о современной литературе[14]. Зная его, вы знаете сущность его мысли и направление собственно мысленное. Слова его оправдаются, вероятно, не скоро, но конечно оправдаются, хотя и предвидеть трудно, в какой форме восток себя покажет. Первая часть его статьи развивает состояние немецкой философии, разногласицы разных исповеданий, наконец, разногласицы приверженцев всякой системы между собою, плоды непременно свободы разума, отвергающего всякую ограниченность. Где же середина меж заблуждениями гордой национальности и слепой покорностью к обветшалому слову, которое потеряло свою соль в руках честолюбивого папизма? Где сохранилась, однако же, та соль, которая все осолит в свое время? Это в руках Божиих, а нам дай Бог силу и терпенье.

Шевырева лекции посещаются многочисленной публикой, как видно из "Москвитянина"[15]. Плетнев у меня бывает редко. Кажется, от Прокоповича он не добился никакого толку. Прощайте. Пишите, когда можете. Ваши письма мне истинную пользу приносят. Я теперь читаю Максима, О любви[16], всякое слово заглядывает в глубину душевную. Дети, слава Богу, здоровы. О Оленьке[17] читают вслух по-русски, по воскресеньям же идет чтение Евангелия после обедни. Софья Михайловна в благодатном состоянии[18], из которого ее сестрица[19] только что вышла, родив дочь на днях. Она не так здорова и не выезжает. А супруг ее[20] поживает кое-как, из пустого в порожнее переливая. Проку от него, кажется, не дождаться. Я мало расспрашиваю их, вижусь довольно редко с ними и никакого влияния не имею. Аркадий вам кланяется».

[1] См. ***1845. Февраля 24 <12>. Понедельник. Париж.***

[2] Графиня Соллогуб (рожд. графиня Виельгорская) (см. ***1845. Марта 1 <февраля 17>. Суббота. Утро. Париж***).

[3] Ср. также ***1845. Января 30 <февраля 11>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[4] Ар. О. Россет, брат Смирновой.

[5] «Доктор Государя и матери моей» (примечание О. Н. Смирновой; см.: Пушкин и Гоголь. (Неизданные исторические документы) // Северный Вестник. 1893. № 1. С. 246). Имеется в виду Мартин Вильгельм фон Мандт (Мондт, Мандж) (1799 или 1800 – 1858), лейб-медик Императора Николая I. – См. также ***1845. Марта 24 <апреля 5>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[7] 26 февраля 1845 г. великая княгиня Мария Александровна (1824–1880) родила сына Александра Александровича, будущего императора Александра III (ум. 1894).

[8] Имеется в виду кончина 16 января 1845 г. великой княгини Елисаветы Михайловны, принцессы Нассауской.

[9] «Виельгорских и Одоевских» (примечание О. Н. Смирновой; см.: Пушкин и Гоголь. (Неизданные исторические документы) // Северный Вестник. 1893. № 1. С. 248).

[10] «Наш министр во Франкфурте» (примечание О. Н. Смирновой; см.: Пушкин и Гоголь. (Неизданные исторические документы) // Северный Вестник. 1893. № 1. С. 250).

[11] Жуковский.

[12] Александр Николаевич.

[13] Граф Виельгорский.

[14] См. ***1845. Января 30 <февраля 11>. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1845. Мая 1 <апреля 19>. Четверг Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[15] См.: *К<иреевский И. В.>* Публичные лекции профессора Шевырева об истории Русской Словесности, преимущественно древней. Письмо в В. (К. А. П. Зонтаг) // Москвитянин. 1845. Ч. 1. № 1. Генварь. Московская летопись. С. 1–6; *3.16.* Несколько слов о публичном курсе истории Русской Словесности профессора Шевырева // Там же. С. 10–13; *Погодин М. П.* Письмо к С. П. Шевыреву о десятой его лекции // Там же. С. 14–22.

[16] См. также ***1844. Июля 17 <5>. Среда. Франкфурт-на-Майне*** (примечания); ***1844. Октября 10 <22>. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1844. Декабря 18 <30>. Понедельник. Санкт-Петербург***.

[17] Дочь Смирновой.

[18] Графиня Соллогуб. «Вскоре у нее родился сын Александр» (примечание О. Н. Смирновой; см.: Пушкин и Гоголь. (Неизданные исторические документы) // Северный Вестник. 1893. № 1. С. 246–250).

[19] А. М. Веневитинова (рожд. графиня Виельгорская).

[20] Супруг графини С. М. Соллогуб, граф В. А. Соллогуб.

МАРТА 1 <13>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«К больной Ел<изавете> Гр<игорьевне>[1] о Гоголе...»[2]

В тот же день получено цензурное разрешение № 2 «Москвитянина» за 1845 г., в котором напечатано «Письмо в Петербург» А. С. Хомякова, с отзывом о творчестве Гоголя:

«Россия около полутораста лет занимает у своих западных братий просвещение умственное и вещественное; и за всем тем много ли она себе усвоила, со многим ли сладила? <...> Не вошла к нам ни одна стихия науки, художества или быта (от западной философии до Немецкого кафтана), которая бы слилась с нами вполне, которая бы не оставила нам глубокого раздвоения. Мы называем свою словесность и считаем ряды более или менее почетных имён, и эта словесность по мысли и слову доступна только тем, которые и по внутренней жизни, и даже по наружности уже расторгли живую цепь преданий старины; за то и бледное слово, и бледная мысль обличают чужеземное происхождение привитого растения. Были, без сомненья, и в словесности нашей явленья, которые кажутся исключениями; но эти явления суть только отдельные произведения или только части произведений, и никогда, до нашего времени, не было ни одного поэта (в стихах или прозе), который бы во всей целости своих творений выступил как человек вполне Русский, как человек вполне свободный от примеси чужой. Конечно, тупа та критика, которая не слышит Русской жизни в Державине, Языкове и особенно Крылове, а в Жуковском, в Пушкине, и еще более, может быть, в Лермонтове, не видит живых следов старорусского песенного слова... <...> Тупа та критика, которая не сознает во всей нашей словесности характера особенного и принадлежащего только нам. Но этот характер никогда не развивался вполне; он робко выглядывал из-под чужих форм, не сознавая себя, иногда и стыдясь самого себя. Нашему времени было предоставлено услышать наконец голос художника вполне свободного, вполне самостоятельного. Трудно сказать, чем он спасен, — силою ли своего внутреннего духа, особенностию ли прекрасной, истинно художнической области, в которой он родился и которая была менее северных областей захвачена нашею умственною жизнию прошедшего столетия? Во всяком случае он принадлежит будущей эпохе, а не прошедшей. В нашу он является великим исключеньем, мало еще понятным для большей части читателей, получивших от образованности завидное право быть судьями»[3].

О «Письме в Петербург» Хомякова Гоголь в письме к Н. М. Языкову от 1 мая (н. ст.) 1845 г. замечал: «Хомякова <...> прочел не без удовольствия...»[4]

[1] Черткова.

[2] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 489.

[3] *Хомяков А.* Письмо в Петербург // Москвитянин. 1845. № 2 (цензурное разрешение 1 марта). С. 78–79; *Свод*. Т. 3. С. 201–202.

[4] См. ***1845. Мая 1 <апреля 19>. Четверг Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне***.

МАРТА 14 <2>. ПЯТНИЦА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет ответное[1] письмо к Н. Н. Шереметевой в Москву (письмо было отправлено на следующий день[2]):

«Благодарю вас, добрый друг, за ваше письмо, писанное ко мне в Париж. В Париж я ездил единственно затем, чтобы сделать куды-нибудь дорогу, и покаместь был в дороге, по тех пор чувствовал себя лучше, чем во Франкфурте. Приехавши в Париж, начал опять прихварывать. Впрочем, я провел время хорошо. Был почти каждый день в нашей церкве, которая хороша и доставила мне много утешения, и виделся только с одними близкими, немногими, но прекрасными душами. Дорогой из Парижа во Франкфурт я опять чувствовал себя хорошо, а приехавши во Франкфурт, вновь дурно. Друг мой, помолитесь как обо мне, так и о бедном моем здоровьи. Я же покаместь вывожу то заключение, что мне нужна дальняя дорога, и не есть ли это знак, что пора, наконец, отправляться в тот путь, ради которого я выехал из Москвы... <...> ...Как только поможет Бог мне дотянуться до будущего года, то в начале его и не откладывая уже на дальнейшее время, отправляюсь в Иерусалим. С нынешнего лета или осени отправляюсь в Италию, с тем, чтобы оттуда быть наготове сесть на корабль. А вы молите Бога, чтобы ниспослал мне силы совершить это путешествие так, как следует, как должен совершить его истинный христианин».

[1] См. ***1845. Февраля 25 <марта 9>. Прощеное воскресенье. Москва.***
[2] См. ***1845. Марта 15 <3>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

МАРТА 14 <2>. ПЯТНИЦА. ПАРИЖ

Графиня Л. К. Виельгорская пишет ответное[1] письмо Гоголю во Франкфурт:

«Благодарим вас, любезнейший друг, за письмо ваше и известия о вашей дорогой для нас особе. Удивительно, что мы все вас так полюбили. Даже Беби[2], когда говорит о grand'mama Solochub[3] и Anolite[4], никогда не забывает прибавить master[5] Гоголь, как будто мы составляем в ее воспоминании какую-то дружескую троицу, для нее совершенно нераздельную. Слава Богу, все здоровы, кроме Владимира Александровича[6], который должен ехать в Кишинев. <...> Нозинька[7] в церкви с графом и граф<иней>[8]. Пишут мне из Петербурга, что граф Иван[9] приехал на 28 дней и ожидает с душевным нетерпением письмо от брата гр<афа> Александра из Парижа. Не понимаю, что за известия он ожидает — какого рода. Как вы думаете, любезнейший Николай Васильевич... неужели гр<аф> Иван еще думает о прошедшем[10]?

Для иногурации нашего дома или, лучше сказать, залы мой супруг[11] и зять[12] дали 13-го числа большой консерт, биографический, классический, состоящий из 14 номеров. Гостями был царский дом женского пола. Италиянские артисты участвовали. Императрица и великие княжны[13] были incognito. Софи[14] принимала публику, Аполлина[15] — царских гостей. Явное доказательство, что, слава Богу, вся царская фамилия здравствует и нимало не хворает, как утверждают газеты. Тургеневу[16], кажется, лучше; он что-то яснее и веселее смотрит. Мише[17] также, слава Богу, лучше, или, лучше сказать, он совершенно здоров. Нет никакой надежды, чтоб Мишу теперь, когда произвели его в младшие секретари, послали курьером в Париж. Сегодня были мы у Шатобриана. Вся душа, воображение, ум, гений сего великого писателя сосредоточились в глазах его. Судя по наружности, он старее кажется, нежели есть в самом деле. Бонапарт и он одних лет. Он слаб на ногах, ходить не может и даже стоит с помощью трости. Завистники его славы, соперники, неприятели и даже друзья говорят, как будто он теперь беспокойного характера, терзаем желанием занимать свет своей особой и славой. Прошедшее невозвратимо, но и слава прошедших дней прекрасна, и ею надобно довольствоваться, когда она бессмертна, как французский язык и французская литература. И вам, любезный друг, и Жуковскому, Пушкину, Языкову, и некоторым

другим предстоит бессмертие и на земле, а нам, несчастным, совершенное забвение. Эта мысль меня часто огорчает. Дайте мне хороший совет[18], чтобы сделаться как можно скорее известною, выдумайте что-нибудь необыкновенное. Но пора кончить, и потому простите. Нозинька хочет прибавить несколько слов; надо ей место оставить. Наш дружеский поклон нашему дорогому Жуковскому».

Графиня Анна М. Виельгорская сделала к этому письму приписку:

«Любезный Николай Васильевич, пожалуйста, пишите Софье Михайловне[19]. Она немножко унывает. Вот ее слова: "Il me faudrait deux ou trois bonnes conversations avec notre cher ami, pour me calmer el me remettre sur la bonne voie"[20]. Прощайте, я вам напишу прежде конца месяца».

[1] См. ***1845. Марта 5 <февраля 21>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***
[2] Софья Владимировна Соллогуб, дочь графини С. М. Соллогуб (рожденной Виельгорской).
[3] О бабушке Соллогуб (*фр.*).
[4] Графиня Анна М. Виельгорская.
[5] Господин (*англ.*).
[6] Граф Соллогуб.
[7] Графиня Анна М. Виельгорская.
[8] А. П. и А. Г. Толстые.
[9] Толстой.
[10] О чем идет речь, неизвестно.
[11] Граф Мих. Ю. Виельгорский.
[12] Граф В. А. Соллогуб.
[13] Мария и Ольга Николаевны.
[14] Графиня С. М. Соллогуб (рожд. графиня Виельгорская), дочь Виельгорской.
[15] А. М. Веневитинова (рожд. графиня Виельгорская), дочь Виельгорской.
[16] Александр Иванович.
[17] Граф М. М. Виельгорский, сын Виельгорской.
[18] См. ***1845. Мая 17 <5>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[19] Графиня Соллогуб.
[20] Две-три беседы с нашим дорогим другом успокоили бы меня и наставили бы на добрый путь (*фр.*).

МАРТА 15 <3>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь отправляет письмо к Н. М. Языкову в Москву, с вложением написанного накануне[1] письма к Н. Н. Шереметевой. В тот же день Гоголь отправил ответное[2] письмо к А. О. Смирновой в Петербург, с вложением письма к ней же, начатого 9 января (н. ст.) 1845 г.[3] (до своей поездки в Париж)[4].

Из письма к Языкову: «Пишу к тебе из Франкфурта, где нахожусь уже почти две недели и где чувствую себя совсем нехорошо. <...> Занятия не идут никакие. <...> Писем от многих давно не получал. В том числе и от Аксакова. <...> Я еще ни на что не решился, еду советоваться к Коппу (Копп тоже болен, а потому не выезжает). Хочу узнать, что он еще скажет: куды мне пока лучше переезжать, в зной или в холод. Странно, что я зябну и не могу согреться в самой теплой комнате. <...> Книги, отданные тобою графу <И. П.> Толстому, получил в исправности и благодарю за них много. В пакете, присланном от граф<а> Толс<того>, находятся Св. Отцы за 1843 и 1844 г<оды>, толкова<ние> на Св. П<исание> Амвросия[5]. Он же прислал мне сочинен<ия> Дмитри<я> Ростовск<ого>, о которых я его просил и за которые поблагодари его очень, когда увидишь. При сем письмо Надежде Николаевне».

В письме к Смирновой (от 15 марта (н. ст.) 1845 г.) Гоголь сообщал: «Приехавши во Франкфурт, я застал ваше письмо, бесценный друг мой Александра Осиповна, и с ним вексель. Благо-

дарю вас за то и за другое и вновь повторяю вам: мне не нужны деньги, не присылайте мне ничего сверх посланных. Вообще не беспокойтесь насчет средств моего существования; мне было гораздо труднее прежде доставать денег, чем теперь. Не думайте также, что, говоря иногда: "Будут деньги", я говорил это в твердой уверенности на Бога. Нет, в грешной душе моей недостает столько веры. Я говорил это вследствие соображений просто арифметических: складывая цифры мысленно, я говорил вам гласно сумму. Да и подумайте, точно, статочное ли дело, чтобы меня допустили теперь погибнуть с голоду: я теперь нужен другим, а потому другие сохранят меня. Притом, слава Богу, во мне теперь всё почти умерло то, что почитается извинительным честолюбием и гордостью. И, как нищий, я могу теперь попросить у первого поперечного, в уверенности, что заплачу ему, если не самым делом, то искренними молитвами. Притом для путешествия моего в Иерусалим я могу собрать вдруг себе деньги, а это самое главное. Но меня мучит теперь другое: меня мучит плохое состояние моего здоровья, которое, признаюсь, никогда еще не было так плохо. <...> Я дрожу весь, чувствую холод беспрерывный и не могу ничем согреться. Не говорю уже о том, что исхудал весь, как щепка, чувствую истощение сил и опасаюсь очень, чтобы мне не умереть прежде путешествия в обетованную землю. <...> Хотя, впрочем, я готов ехать даже к Призницу, единственно ради решительности его средств, и останавливался только мыслию, не нужен ли мне теплый климат и не произошло ли зло оттого, что я остался зиму во Франкфурте, которая, как нарочно, в этом году довольно жестока... <...> Уведомьте меня о состоянии здоровья Аркадия Осиповича[6] и помог ли ему хотя в чем-нибудь Призниц. <...> Просите и молите Бога, чтобы Он удостоил меня увидеть Святую землю. Там, на Гробе Господнем, будут нужны, слишком нужны мои молитвы. Ибо приближается теперь время, молитв, и без Бога ничего не сделает теперь никто в нынешних обстоятельствах и при нынешнем положении дел как всего мира, так и своих собственных. Итак, помолитесь же крепко и сильно. Посылаю вам письмо, давно уже написанное в ответ на ваше желание и намерение перевершить решенное дело. Не сердитесь на меня за него: так мне должно было поступить».

[1] См. ***1845. Марта 14 <2>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1845. Января 30 <февраля 11>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1845. Января 31 <февраля 12>. Среда. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1845. Января 9 <1844. Декабря 28>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[4] См. ***1845. Января 14 – марта 1 <января 2 – февраля 17>. Париж.***

[5] Святитель Амвросий Медиоланский (около 333–397), один из отцов и учителей Церкви (память совершается 7 декабря и 4 апреля ст. ст.).

[6] Россет, брат Смирновой.

МАРТА 15 <3>. СУББОТА. РИМ

А. А. Иванов пишет Гоголю во Франкфурт:

«Три месяца сочиняя эскиз "Воскресения Христова", я все поджидал в Рим Тона. Его встретили все торжественным обедом, где он объявил мне громогласно, что поручает мне самую отличную работу в московском соборе, то есть на парусах написать четырех евангелистов, прибавив, что его слово *верно* и *неизменно*. Все с шумом бросились меня поздравлять. А я, пораженный горькой переменой предмета, не знал, что делать. Тон, как видно, дивился моему безвосхищению; все другие, получившие от него поручения, были в полном восторге. Образ "Воскресения" остался за Карлом Брюлло[1].

В студии моей Тон был очень доволен, но взгляд его на искусство наше и устарел, и никогда не был воспитан высокой тишиной Рима. Он кажется каким-то хозяином-повелителем, привык видеть в живописцах и скульпторах своих покорных работников — слишком трудно уцелеть в Петербурге!

Самое утешительное то, что он обещался за меня поговорить Академии, чтобы доставить мне трехлетнее содержание на окончание моей настоящей картины[2]. <...>

Жеребцова[3] обещалась Моллеру уговорить Волконского, чтобы не останавливать обо мне представления академического. Ведь Петр Михайлович, когда дело идет о выдаче денег, привык обыкновенно без разбору останавливать. Хорошо, если бы вы потрудились написать А. О. Смирновой, чтобы при приезде Тона в Петербург тотчас поговорила бы с Лейхтенбергским[4] обо мне, а то ведь эти господа все забывают. <...>

Моллер часто мне надоедает своими мелкими поручениями и просьбами. Я думаю, что я запрусь от него, хотя его и очень люблю. Киля ждут со дня на день. Я решился его не пускать в студию и не представляться. Знаю, что рискую на беды, но что мне делать? Скажите! <...>

Скажите также, получили ли вы письмо мое к А. О. Смирновой[5] и два других — мое и Моллера, посланные к вам в Париж[6]?

С неделю, как отсюда тронулся Чижов. Он будет до 15 мая в Венеции. Третьего дня уехал Тон. Он — прямо в Петербург, почти нигде не остановится».

[1] В 1840-х гг. в Москве шло строительство храма Христа Спасителя по проекту архитектора К. А. Тона. Заказ на предназначенный для этого храма запрестольный образ «Воскресения Христова» был сделан в 1842 г. К. П. Брюллову. Тон, недовольный Брюлловым, хотел было передать эту работу Иванову.

[2] «Явление Мессии».

[3] См. ***1846. Сентября конец — декабря начало <сентября средина — ноября средина>. Рим*** (примечания).

[4] Лейхтенбергский герцог Максимилиан.

[5] Письмо было адресовано на имя Гоголя во Франкфурт и переправлено оттуда в Париж В. А. Жуковским (см. ***1845. Февраля 12 <января 31>. Среда***). Из Парижа Гоголь послал письмо Иванова к Смирновой в Петербург, вместе с своим письмом к ней (см. ***1845. Февраля 24 <12>. Понедельник. Париж***).

[6] См. ***1845. Февраля средина <февраля начало>. Рим.***

МАРТА 16 <4>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПАРИЖ

Граф А. П. Толстой пишет Гоголю ответное[1] письмо во Франкфурт:

«Нужно ли просить вам раз навсегда письма мои уничтожать[2], и что содержание их про вас одного?»

[1] См. ***1845. Марта около 11 <февраля около 27>. Франкфурт-на-Майне.***

[2] «А их найдено в чемодане за границею 25» (позднейшее примечание П. А. Кулиша; см.: Извлечения из писем графа А. ... Толстого к Гоголю // *РГБ*. Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 57. Л. 1).

МАРТА 4 <16>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Н. М. Языков сообщает брату А. М. Языкову:

«Гоголю выпросил Уваров по 1000 р<ублей> ежегодно[1]: честь и слава! Этак Гоголь освободится наверное от множества забот самых прозаических»[2].

В тот же день Н. М. Языков писал также В. Д. Комовскому в Петербург:

«Честь и слава Вашему министру за пенсию Гоголю. Теперь он будет свободен от забот о собственном своем продовольствовании, которые то и дело наводили на него хандру самую жестокую и мешали ему писать, задушая его юмор»[3].

[1] Подробнее см.: ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] Из писем Н. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 170.

[3] Письма Н. М. Языкова к В. Д. Комовскому за 1836–1846 гг. / Публикация Л. В. Ерастовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 104.

МАРТА 5 <17>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова записывет в дневнике:

«*1845 года.* <...> *5 марта.* <...> Я получила письмо, одно грустное, от Гоголя[1], и другое — от живописца Иванова из Рима[2], того, который пишет Иоанна Крестителя для Наследника. Оно замечательно тем, что в первый раз Русской художник говорит о православной живописи и о различии между нашими и западными образами»[3].

Около 1873 г. Смирнова рассказывала А. Н. Пыпину: «В 1845 г. наша переп<иска> <с Гоголем> б<ыла> очень деятельна, а летом я получала от него самые грустные письма. Жал<овался> на св<ое> здоро<вье> и что его все забыли»[4].

[1] См. ***1845. Февраля 24 <12>. Понедельник. Париж.***
[2] Письмо было адресовано на имя Гоголя во Франкфурт и переправлено оттуда в Париж В. А. Жуковским (см. ***1845. Февраля 12 <января 31>. Среда***). Из Парижа Гоголь послал письмо Иванова к Смирновой в Петербург, вместе с своим письмом к ней (см. ***1845. Февраля 24 <12>. Понедельник. Париж***).
[3] Из дневника А. О. Смирновой // *Свод.* Т. 2. С. 213.
[4] <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 246.

МАРТА 19 <7>. СРЕДА ВТОРОЙ НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА. ПАРИЖ

Граф А. П. Толстой пишет Гоголю во Франкфурт:

«...Говенье, между прочим, никому из нас не удается: без вашего посредства никто не умеет к священному подступиться. — — — В порядочные минуты я с женою[1] или один читаю. Духовное еще не очень, увы, совсем даже не действует на меня».

[1] А. Г. Толстая.

МАРТА 7 <19>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«Гоголя пожертвование есть фантазия. Оказалось, что денег в сборе никаких нет»[1].

Сообщение Плетнева представляет собой ответ на вопрос Грота в письме от 28 февраля 1845 г.: «Какое же Гоголю нужно вспоможение[2], когда он беспрестанно назначает пожертвования в пользу студентов[3] и т. п.»[4]

[1] *Свод.* Т. 1. С. 670.
[2] См. ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1844. Между декабря 1 и 14 <между ноября 19 и декабря 2>. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Января 26 <февраля 7>. Пятница. Санкт-Петербург.***
[4] *Свод.* Т. 1. С. 669.

МАРТА 20 <8>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь получил ответное[1] письмо от графа А. П. Толстого из Парижа[2].

В тот же день В. А. Жуковский отправил письмо к А. О. Смирновой в Петербург:

«Мое письмецо, как видите, написано 7 марта, а пролежало у меня до 20. <...> Надобно прибавить несколько строк, чтобы уведомить вас о жене; вот уже третий день как, благодаря пьявкам и какому-то весьма противному лекарству, она может вставать и ходить по горнице свободно. <...> Я думал, что нам можно будет возвратиться нынешний год в Россию, но выходит на поверку, что это невозможно... <...> Копп хочет, чтобы я поехал в Киссинген. – На будущую весну однако возвращусь непременно; и пущу корень в земле отечественной. Прошу вас, при случае, объяснить это и Государю и Государыне. Я буду и сам писать; но вы знаете сами мои обстоятельства и скажете все, как следует, согласно с правдой. Простите. Гоголь опять у меня. Он похварывает, жалуется на нервы. У нас погода худа, и зима еще не думает трогаться с места: это ему вредит; надеюсь, что весна принесет нам всем исцеление»[3].

[1] См. ***1845. Марта 5 <февраля 21>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1845. Марта 10 <февраля 26>. Понедельник. Париж***; ***1845. Марта 23 <11>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***

[3] Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 58–59.

МАРТА 20 <8>. ЧЕТВЕРГ. ПАРИЖ

Ф. Н. Беляев пишет Гоголю ответное[1] письмо и передает графу А. П. Толстому, для отправки Гоголю во Франкфурт, собственноручный список Литургии св. Василия Великого, на греческом и латинском языках (в два столбца, слева греческий текст, справа латинский) (40 л.). Текст украшен буквицей (л. 2), заставкой (л. 2 об.), на последнем листе тетрадки сделана дарственная надпись славянской вязью:

«Николаю Васильевичу Гоголю, в знак памяти, любви и почтения от Феодора Беляева. Париж. Марта 16 дня 1845 года».

Из письма Беляева: «...Письмо ваше я имел честь получить, но уже тогда, когда *меня разобрало неугомонное желание* (а я прибавлю: и душевное удовольствие) и когда я вследствие сего написал уже большую половину литургии Василия Великого на греческом и на латинском в два столбца. Я не стал переписывать вновь, <...> если вам угодно, то очень легко можно вставить между страницами и славянский текст, стоит только расшить мою тетрадь и опять сшить. <...> На греческий же я переписал (хотя вам греческий, может быть, и не нужен) как бы в возмездие за то лишение, которое, может быть, вы испытали, предоставив мне исправное римское издание. Но и в нем есть ошибочки, напр<имер> в первом слове на первой строке 82-й страницы вм<есто> μεταβαλών напечатано μεταβαλόν, а может быть, найдутся и другие. Зато я в своем списке, посылаемом к вам, старался всячески избежать ошибок, сличая для сего три издания и употребляя смысл. Пунктуацию же я оставил Гоаровскую[2] почти всю, не считая ее важным делом (а признаться, из лени). – Если я найду такую же книгу, то к вам не премину ее доставить, а до сих пор еще не нашел[3]. Священник наш[4], – тип доброумно-русского человека, – списал для вас собственноручно стихи Филарета[5], а выписку из книги посовестился сам списать, говоря, что почерк его руки не хорош. Эти два рукописания при сем имею честь приложить. Он искал и спрашивал в двух протестантских книжных лавках и у протестантского пастора Лютерова катехизиса на французском[6]. Однако ж он говорит, что не потеряет этой книги из виду и все-таки будет искать, и если найдет, то к вам доставит этот.

Наш священник, Дмитрий Степанович Вержинский <Вершинский>, просил меня написать к вам, что он, как постоянный житель Парижа, все может, что только может, с большим удовольствием для вас исполнить и что вам будет угодно, только стоит к нему написать, и об этом он вас просит. Вот его адрес: № 4. Rue Neuve de Berry F–g du Roule. Он бы и сам к вам хотел писать, но говорит: *“не знаю, к чему придраться”*.

Списанную мною литургию Василия Великого в обертке с золотым крестом, стихи Филарета, выписку из книги о каждении и это письмо я передал графу Толстому по вашему назначению для доставления к вам и просил его не замедлить[7].

Затем благодарю вас тысячекратно за то, что вы меня натолкнули на мысль обратить внимание на наши православные священнодействия, которые возвышают мысль, услаждают сердце, умиляют душу и проч. и проч. Без вас я бы не был деятельным в подобном чтении, а имея его только в виду, все бы откладывал, по моему обыкновению, в долгий ящик. Это чтение есть истинная манна, манна вышенебесная!»

[1] См. ***1845. Марта 5 <февраля 21>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***

[2] Жак Гоар (1601–1653), доминиканский монах, литургист, историк, один из основателей византиноведения. Самый известный труд Гоара – «Εὐχολόγιον sive Rituale Graecorum...» (Евхологий, то есть Греческий ритуал...) (Париж, 1647) – первое критическое издание молитв таинств и различных чинопоследований византийского Евхология.

[3] Вероятно, Беляев так и не выполнил этого обещания. Ср. помету в записной книжке Гоголя 1846–1850 гг.: «В Смирне купить... книгу Евхолог<ий>...» – См. также ***1845. Февраля 26 <14>. Среда. Париж.***

[4] Протоиерей Д. С. Вершинский.

[5] Стихи святителя Филарета, митрополита Московского, «Не напрасно, не случайно / Жизнь от Господа дана...»

[6] Ср. заметку в записной книжке Гоголя 1842–1845 гг.: «У священн<ика>: Катих<изис> Лютера. – Заглавие большой книги на греческом». (Датировка записной книжки уточнена; см. ***1842. Марта 14. Суббота. Вечер. Москва*** – примечания; ***1842. Октября 4 <сентября 22> – 1843. Мая 2 <апреля 20>. Рим*** – примечания.)

[7] Переданные Беляевым графу Толстому материалы Гоголь получил, вероятно, во Франкфурте в первой половине апреля (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Апреля первая половина <марта вторая половина>. Франкфурт-на-Майне***).

МАРТА 8 <20>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской:

«Сколько труда тебе стоило, моя милая Машенька, отыскать эту книжку[1]. Ты ее взяла у знакомых, у кого же, ты не сказала. Как особенно приятно приниматься за это чтение, в твердой уверенности найти в нем столько прекрасного <...> и эта уверенность никогда не обманывала меня в Дик<к>енсе. – Удивительно, как он много имеет сходства с Гоголем, я не говорю тут об том высоком, обширном значении Гоголя, которого, кажется, не достигает Дик<к>енс[2], как он ни хорош, но в способе выражения, в обороте фраз, в приемах, в этих малозначащих, по-видимому, подробностях столько сходства, что, право, иногда кажется, как будто бы это перевод из Гоголя, а между тем эти люди не могут даже читать друг друга в оригинале. – Если б переводить Гоголя, то, конечно, только языком Дик<к>енса можно его передать; Дик<к>енс же в переводе, особенно в некоторых местах, требует совершенно гоголевских выражений».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 843.

[1] Возможно, речь идет о второй части «Библиотеки для Чтения» за 1845 г., которую В. С. Аксакова порекомендовала прочесть своей двоюродной сестре. В этом номере журнала было напечатано, без подписи, переложение А. С. Хомякова повести Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе»: Светлое Воскресенье. Повесть (посвящена Д. Н. С<вербееву>) // Библиотека для Воспитания. М., 1845. Отд. 1. Ч. 2 (цензурное разрешение 9 дек. 1844). <Пагинация 3>. С. 1–159. – В предисловии к повести А. С. Хомяков писал: «Мы сожалеем только, что рассказ Диккинса <так> должен был, разумеется, много потерять в такой переделке для детей. Многое

было по необходимости опущено, другое изменено. Местный яркий колорит, которым особенно отличается Диккинс, не мог также быть передан детям, без комментария почти на каждое слово, и потому, чтобы избежать таких комментирий<так> и толкований, сочли мы за лучшее изменить саму сцену действия» (<*Хомяков А. С.*> *М*.... Светлое Христово Воскресенье. <Предисловие> // Там же. <Пагинация 2> С. 2).

[2] См. также ***1840. Октября начало <сентября вторая половина>. Рим*** (примечания).

МАРТА 10 <22>. СУББОТА. МОСКВА

С. Т. Аксаков пишет Гоголю во Франкфурт:

«Давно я не писал к вам, милый друг Николай Васильевич, и сам давно не получал от вас писем. В продолжение этого времени "много утекло воды", как говорит русская пословица. Кажется, я и прежде писал к вам, что начинаю худо видеть левым глазом; это худо все идет хуже. Один глаз – так и быть! Я дожил бы век с правым глазом, но вот беда: в нем уже начинаются те же явления, какие предшествовали помрачению левого!.. Делать нечего, обратился я к гг. докторам и – тут увидел все их невежество, по крайней мере здесь, теперь, по части глазных болезней!.. Назад тому две недели многие говорили не то, что теперь. Альфонский[1] находит, что катаракт начался на обоих глазах. Ради Бога просит не лечиться и не мучить себя по-пустому, ибо ничто не может остановить хода болезни. Броссе[2] ничего не находит покуда; а Иноземцев[3] грозит такой слепотой, которая хуже темной воды, и пр. и пр. Но все согласны (кроме Альфонского), что нужно кровопускание, пиявки, мушки, фонтанели, слабительные, диета... всю эту мерзость я уже испытываю на себе другой месяц... Не видя пользы, я решился отдохнуть и теперь пятый день лечусь – гомеопатией у Хомякова[4]... разумеется, я не верил ей, но первые приемы сначала оказали сильное действие на припадок мой, происходящий от неправильного кровообращения. Как знать, чудес на свете много! Может быть, и глазам моим будет лучше!.. Как истинному другу, должен я вам признаться, что я нехорошо встречаю мою страшную беду. Если нет христианского смирения и покорности воле Божией, то есть человеческое достоинство, твердость, спокойствие духа – я не могу ими похвалиться. Покуда я – гнев, ропот и волненье.

Вероятно, вы, милый друг, не станете более получать от меня собственноручных писем. Я иным уже не пишу их. Пусть эти строки напоминают вам последние усилия моего зрения».

В тот же день, 10 марта 1845 г., Н. М. Языков отправил Гоголю во Франкфурт письмо с вложением своего стихотворного послания «С. П. Шевыреву»[5]:

«Вот тебе еще стихотворение под стать тем, которые я посылал к тебе в Париж[6]. Александр Иванович Тургенев выписывает из Москвы объяснение на мое послание "К ненашим", и Хомяков и Димитрий Николаевич Свербеев послали ему свои комментарии: первый за меня, а другой, вероятно, против того духа, который подвигнул меня на этот подвиг. За стихи к Шевыреву осердился на меня и Английский клуб, а о московских представителях направления "Отечественных Записок" и говорить нечего!

Во Франкфурте ты, конечно, видел уже 1-й № "Москвитянина". Каков И. В. Киреевский? Есть надежда, что наш журнал пойдет ходко: с первого № число подписчиков умножилось от 400 до 700. Оно еще вырастет значительно. 2-й № еще лучше, сильнее, важнее и дельнее, нежели первый. Даже сам П. В. Киреевский выступает на сцену мира сего: пишет опровержение на статью Погодина[7], напечатанную в 1-м №. Это восстание московских писателей и всей нашей братии ото сна – дело вовсе русское! У нас все так: или все притаятся, или если один примется работать, то и другие, на него глядя, встанут и расходятся. Много может сделать русский человек, когда пошло на задор. Это не зависть, не желание перебить другого – это одно благородное чувство, которое, как электричество, разом потрясает всех держащих друг друга за руку!

У нас о сю пору продолжается зима, то и дело бывает по 15 градусов холоду, а весна уже на дворе по календарю. Едва ли пошлет меня Иноземцев за границу; на днях я переговорю с ним об этом подробнее; он, кажется, хочет пользовать меня холодною водою, и я буду проситься у него съездить

летом в Симбирск, в деревню: мне, брат, крайне наскучила столичная жизнь, в уединении мне было бы лучше и как больному и как писателю, если бы я мог только находиться там под надзором хорошего медика. Куда устремишься ты будущим летом? Не во Франкфурте же сидеть тебе? Или на воды? Напиши мне; я буду по-прежнему посылать тебе обычные порции моих каракуль[8]. Прочти в “Москвитянине” все статьи, под коими напечатано “К.”[9]; во втором № прочти и “Спорт”[10] – это хомяковская штучка».

[1] Аркадий Алексеевич Альфонский (1796–1869), доктор медицины и хирургиии, ректор Московского университета.

[2] Петр Федорович Броссе (1793–1857), профессор Московского университета, главный врач Московской глазной больницы. Подробнее см.: *Карташов В. С.* Российские врачи в окружении А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя. М., 2017. С. 75–76.

[3] Федор Иванович Иноземцев (1802–1869), врач, профессор Московского университета.

[4] Алексей Степанович.

[5] См. ***1845. Апреля 5 <марта 24>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***.

[6] Имеются в виду стихотворения «К молодому человеку» (К. С. Аксакову) (см. ***1845. Января 17 <29>. Среда. Москва***) и «Старому плешаку» (П. Я. Чаадаеву) (см. ***1845. Февраля 17 <марта 1>. Суббота. Москва***).

[7] В работе «О древней русской истории. (Письмо к М. П. Погодину)» (Москвитянин. 1845. № 3 (цензурное разрешение 7 апр.). <Отд. 2>. С. 11–46) П. В. Киреевский выступил с возражениями на статью Погодина «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала» (Москвитянин. 1845. № 1 (цензурное разрешение 23 янв.). <Отд. 3>. С. 1–18). Речь шла о разработанной в европейской историографии идее завоевания, поддержанной в трудах М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, Н. М. Карамзина и Погодина. В № 3 «Москвитянина» за 1845 г. был напечатан также ответ Погодина Киреевскому: *Погодин М.* Ответ П. В. Киреевскому // Москвитянин. 1845. № 3 (цензурное разрешение 7 апр.). <Отд. 2>. С. 47–58 (с датой: Марта 31. 1845). Гоголь разделял точку зрения Погодина (см. статью *X. О лиризме наших поэтов* «Выбранных мест из переписки с друзьями»).

[8] Почерк Языкова был неразборчивым.

[9] Статьи И. В. Киреевского.

[10] Статья А. С. Хомякова («примечания на статьи из Английского охотничьего Журнала») была опубликована в «Москвитянине» без имени автора: <*Хомяков А. С.*> Спорт. Охота // Москвитянин. 1845. № 2 (цензурное разрешение 1 марта). Смесь. С. 24–33.

МАРТА 23 <11>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет ответное[1] письмо к графу А. П. Толстому в Париж:

«Ваше письмо от 10 марта несколько грустно. Понимаю, как трудно переносить *черствость* душевных состояний, но знаю вместе с тем, что велико Божие милосердие. Не трудно веселиться и светлеть духом, когда с нами пребывает благодать Божия и Бог не оставляет нас ни на минуту. Но зато в несколько раз выше подвиг того, кто, не получая благодати, не отстает от Бога[2] и выносит крест, тягчайший всех крестов – *крест черствости душевной*. <...> ...Чем меньше исполняется наше моленье и замедляется ответ нам, тем сильней и тверже должны мы быть в надежде на Бога, и поступающий так не будет в убытке в будущей жизни и получит место перед многими праведниками, из которых некоторым относительно его может сказаться то же, что сказано было человеку, вкусившему удовольствие на земли, т. е. ты имел уже на земли многое[3]. <...> Будьте же тверды и не уставайте в молениях, исполните буквально всё, что я вам писал[4] относительно чтения Тихона[5], хотя я и не знаю, получили ли вы письмо мое вместе с посланною книгою. Как вижу из письма вашего, вы не получали вовсе тех двух писем[6], которые были посланы ко мне из Франкфурта Жуковским с аккуратной выставкой адреса вашей квартиры. Убедительно прошу вас разведать и допросить самого шефа парижской почты. <...> Ваше письмо, означенное 10 числом марта, получено здесь 20 марта[7]; стало быть, оно шло ровно десять дней, если только было отправлено тотчас по написании. О себе ничего не могу сказать вам утешительного. Здоровье мое хуже и хуже. Появляются такие признаки, которые говорят, что пора, наконец, знать честь и, поблагодарив Бога за

всё, уступить, может быть, свое место живущим. <...> Часто желалось бы иметь под боком вас или подобно вам думающего только о спасеньи души человека, тем более, что братски и союзно-согласованное чтение книг, полезных душе, мне много помогало всегда. <...> Не раз случалось мне ощутительно слышать всю силу слов Христовых: "Где вас двое, там и Церковь Моя"[8]. <...> Не пропускайте ни одной обедни. Молитесь о себе и обо мне, крепко и сильно молитесь. Просите и графиню[9], о которой я также буду молиться, как и о вас... <...> Пишу к вам в день пасхи лютеранской и католической[10], и да удостоит нас Бог дождаться и нашей[11], и так, чтобы сказать еще с большей верой и надеждой противу прежнего друг другу: "Христос Воскрес!"»

[1] См. ***1845. Марта 10 <февраля 26>. Понедельник. Париж.***

[2] Ср. в выписке <54> *Мысли* сборника Гоголя «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви»: «Высшая степень духовной жизни есть та, когда человек, не имея утешения ни от Бога, ни от мира, однако ж терпелив и спокоен, будучи всем сердцем предан Богу».

[3] Вспоминается евангельское повествование о богаче и нищем Лазаре: «...Авраам сказал: чадо, вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь...» (Лк. 16, 25). – См. также ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва*** (примечания); ***1844. Декабря 26 <14>. Четверг. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[4] См. ***1845. Марта около 11 <февраля около 27>. Франкфурт-на-Майне.***

[5] Сочинений святителя Тихона, епископа Задонского.

[6] См. также ***1845. Марта 5 <февраля 21>. Среда. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Апреля 5 <марта 24>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[7] См. ***1845. Марта 20 <8>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[8] Парафраз слов Спасителя, переданных св. апостолом и евангелистом Матфеем: «...Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (гл. 18, ст. 20). – См. также ***1842. Августа 18 <6>. Четверг. Праздник Преображения Господня. Гастейн*** (примечания).

[9] А. Г. Толстая.

[10] 23 марта (н. ст.) 1845 г. На этом основании датировка письма уточнена.

[11] См. ***1845. Апреля 27 <15>. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Висбаден, Франкфурт-на-Майне.***

МАРТА 11 <23>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова обращается к Императору Николаю I с просьбой о вспомоществовании Гоголю.

Из дневника Смирновой: «*1845 года.* <...> *11 марта.* <...> ...Говорили о письмах Импер<атрицы> Екатерины к Барону Черкасову[1]... <...> Государь перебил разговор. Я ему напомнила о Гоголе, он был благосклонен. "У него есть много таланту драматического, но я не прощаю ему выражения и обороты слишком грубые и низкие"[2]. – "Читали вы «Мертвые души»?" – спросила я. – "Да разве они его? Я думал, что это Соллогуба" (NB). Я советовала их прочесть и заметить те страницы, где выражается глубокое чувство народности и патриотизма»[3].

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «Она <великая княгиня Мария Николаевна> родила преждевременно, забывала[4] мою просьбу[5] и сказала: "Parlez vous-meme a l'Emp<ereur> <Скажите сами Императору; *фр.*>".

На вечере я сказала Государыне, что собираюсь просить Государя, она мне отвечала: "Il vient ici pour se reposer, et vous savez qu'il n'aime qu'on lui parle affaires; s'il est de bonne humeur, je vous ferai signe et vous pourrez laisser votre demande" <Он приходит сюда, чтобы отдохнуть, и вы знаете, как он не любит, когда с ним говорят о делах; если он в добром настроении, я сделаю вам знак и вы сможете отдать свою просьбу; *фр.*>. Он пришел в хорошем расположении, сказал: "«Journal des Debate» imprime des sottises; c'est une preuve que j'ai bien agi <Газета «Des Debats» печатает глупости. Это доказывает, что я поступил правильно; *фр.*>". Я ему сообщила поручение Жуковского, он отвечал: "Вы знаете, что пенсии назначаются капитальным трудам, а я не знаю, удостаивается ли повесть

«Тарантас»". Я заметила, что "Тарантас" – сочинение Соллогуба, а "Мертвые души" – большой роман. "Ну, так я его прочту, потому что позабыл «Ревизора» и «Разъезд»"»[6].

[1] Александр Иванович Черкасов (1728–1788), барон.
[2] См. ***1842. Декабря вторая половина <1842. Декабря конец – 1843. Января начало>. Санкт-Петербург***; ***1843. Февраля 8 <20>. Понедельник. Москва.***
[3] Из дневника А. О. Смирновой // *Свод.* Т. 2. С. 213.
[4] См. также ***1845. Марта 16 <28>. Пятница. Санкт-Петербург*** (письмо Смирновой к В. А. Жуковскому).
[5] См. ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург.***
[6] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 264.

МАРТА 13 <25>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Великая княгиня Мария Николаевна передает Императору Николаю I записку А. О. Смирновой о вспомоществовании Гоголю.

См. ***1845. Марта 16 <28>. Пятница. Санкт-Петербург*** (письмо Смирновой к В. А. Жуковскому).

МАРТА 25 <13>. ВТОРНИК. ПАРИЖ

А. И. Тургенев пишет В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Стихи Языкова – символ их[1]: что же ты не пришлешь мне их[2]?Может быть я сужу о них хуже, чем должно, выслушав только один раз. Пожми руку у Гоголя и скажи ему, чтобы вырвался как можно скорее из объятий *родикийской*[3] *церкви*. Застану ли его во Франкфурте?»

Из писем А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 94.

[1] Славянофилов.
[2] См. также ***1845. Февраля 28 <16>. Пятница. Париж.***
[3] Так в публикации. Возможно, имеется в виду Лаодикийская церковь (Откр. 3, 14).

МАРТА 14 <26>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Министр Императорского Двора светлейший князь П. М. Волконский препроводил записку А. О. Смирновой «о литераторе Гоголе» министру народного просвещения С. С. Уварову «при бумаге следующего содержания:

«По Высочайшему повелению имею часть препроводить к вашему высокопревосходительству для рассмотрения и доклада Государю Императору представленную Ея Императорскому Высочеству великой княгине Марии Николаевне супругою церемониймейстера Смирнова записку о литераторе Гоголе» (От 14 марта 1845 г. Общ. архив министерства императорского двора, д. № 343/1571. Оп. 936)».

Дризен Н. В., барон. Заметки о Гоголе // Исторический Вестник. 1907. Октябрь. С. 167–168.

МАРТА 15 <27>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова записывает в дневнике:

«*1845 года.* <...> *15 <марта>.* <...> Орлов говорил мне, что Импер<атор> желал поместить брата к нему, говорил и нелюбезно и даже сурово. Мое дело просить, и не стыдно просить для других, для себя, слава Богу, ничего не прошу. Государь приказал ему заняться Гоголем, он также говорил: "Ведь он еще молод и ничего такого не сделал". Прошу покорно господ министров сказать, что такое надобно сделать в литературе, чтобы получить патент на достоинство литератора в их смысле. Им сядь и выведи "*Ода*", потом в один присест: такого-то дня и *года*[1]. Право, они смешны; еще если бы читали по-русски. После такого великолепия я вернулась домой и долго размышляла о дворце и царедворцах, хотя их давно знаю»[2].

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «В воскресенье <в четверг, 15 марта 1845 г.[3]> на обычном вечере Орлов напустился на меня и грубым, громким голосом сказал мне: "Как вы смели беспокоить Государя, и с каких пор вы русской меценат?" Я отвечала: "С тех пор, как Имп<ератрица> мне мигнет, чтобы я адресовалась к Императору, и с тех пор, как я читала произведения Гоголя, которые вы не знаете, потому что вы грубый неуч и ничего не знаете и не читаете, кроме гнусных сплетен ваших голубых штанов". За словами я не ходила в карман. Государь обхватил меня рукой и сказал Орлову: "Я один виноват, потому что не сказал тебе, Алеша, что Гоголю следует пенсия". За ужином Орлов заговаривал со мной, но тщетно; мы остались с ним навсегда в разладе»[4].

Из записок дяди Смирновой по матери, декабриста Н. И. Лорера: «...Однажды, известясь, что Гоголь нуждается за границей даже в необходимом, она <А. О. Смирнова> на балу <в покоях у Императрицы> смело подошла к Николаю Павловичу и просто сказала:

– Государь, наш народный поэт умирает в Риме в нищете; помогите ему... Он просит только 3000 рублей.

– Скажите Алексею Федоровичу, чтобы завтра мне об этом напомнили, – отвечал царь.

Смирнова пошла отыскивать Орлова, поймала его, наконец, и объявила ему волю государя.

– Что это за Гоголь? – спросил ее Орлов.

– Стыдитесь, граф, что вы – русский и не знаете, кто такой Гоголь.

– Что за охота вам хлопотать об этих голых поэтах! – возразил Орлов.

Однако на другой день было послано Гоголю 3000 рублей»[5].

[1] Парафраза из сатиры И. И. Дмитриева «Чужой толк» (1794): «...Он тотчас за перо и разом вывел: ода! / Потом в один присест: *такого дня и года!*»

[2] Из дневника А. О. Смирновой // *Свод.* Т. 2. С. 213.

[3] См. также ***1845. Марта 16 <28>. Пятница. Санкт-Петербург*** (письмо Смирновой к В. А. Жуковскому).

[4] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 264.

[5] *Лорер Н. И.* Записки // *Свод.* Т. 2. С. 297.

МАРТА 16 <28>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова записывает в дневнике:

«*1845 года.* <...> *16 <марта>.* <...> Я писала по оказии Жуковскому насчет Гоголя и просила его написать несколько строк к Орлову»[1].

В письме В. А. Жуковскому, отправленном в тот же день через Берлин[2], «по оказии чрез М. М. Вьельгорского»[3], во Франкфурт, Смирнова сообщала:

«...Пишу вам по поводу Гоголя и начинаю просьбою, чтобы он ничего не знал о наших работах на его счет. Месяца два тому назад я говорила с великой княгиней Марьей Николаевной[4], которая очень охотно взялась доложить о нем Государю и приказала приготовить записку. С помощью

Плетнева, я составила довольно казенную штуку[5] и подала ее Ее Высочеству. Великая княгиня беспрестанно хворала и теперь еще лежит в постели, и дело казалось забытым[6]. Однажды[7] в собрании (двухперсонном) Государь был очень со мной милостив, и я не пропустила случая ему сказать несколько слов о Гоголе, упираясь на ваши слова, и просила постоянного пособия в виде пенсиона. Единовременное, да, был ответ, но не пенсию: он еще ничего не сделал такого, что заслуживает пенсию. Вы понимаете, что тут явился вопрос о его пребывании за границею, и я описала положение его здоровья в самых черных красках, не подозревая, что наш бедный Гоголек так скоро и горестно подтвердит мои слова. Вчера явилась ко мне ваша милая и премилая Александра Воейкова[8] и сказала, что Марья Николаевна отдала Государю третьего дня[9] мою записку, вследствие разговора обо мне, в котором он, т. е. Царь, весьма лестно изъяснился насчет моей персоны. Вечером вчера же был во дворце концерт, первый большой вечер после шестимесячного заключения. Ко мне подошел Орлов, нельзя сказать, чтобы с приятным обхождением и весьма без улыбки и сказал: Жуковский вам писал о Гоголе, надобно подать мне записку; ведь он молод и ничего такого не сделал...[10] Вы понимаете, что я на это ничего не отвечала, а только просила убедительно, выставляя расстроенное здоровье и невозможность вылечиться и заняться делом без этой помощи. Я не авторитет для этих господ, а вы une cloune consacrée en littérature, действительный тайный советник в литературе, вам и покойный Государь дал право на бессмертие и на пенсию; потому я и прибегаю к вам, чтобы довершить начатое дело во имя ваше. Как вы думаете? Не написать ли вам Орлову коротенькое письмо[11]? Он, я думаю, читать не охотник, да и завален делом; так пишите ему коротко и ясно, изложите свое мнение насчет, по-моему, неоспоримых прав Гоголя. Пожалуйста, ему, Гоголю, ничего не говорите; я как-то раз с ним в Ницце сказала несколько слов, и он отвергнул именно этими словами: "Я теперь еще не имею никакого права, а может быть, вперед сделаю что-нибудь, которое мне его доставит". Последнее его письмо[12] меня очень огорчило: кроме расстроенного состояния проглядывает как бы еще душевное предчувствие, что он свое дело не окончит»[13].

[1] Из дневника А. О. Смирновой // *Свод.* Т. 2. С. 213. – См. ***1845. Апреля 19 <7>. Лазарева суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1845. Апреля 19 <7>. Лазарева суббота. Франкфурт-на-Майне*** (письмо Жуковского к Смирновой).

[3] См. ***1845. Марта между 16 и 27 <между марта 28 и апреля 8>. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1845. Января средина <января конец>. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[6] См. также ***1845. Марта 11 <23>. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1845. Марта 11 <23>. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[8] Александра Александровна Воейкова, фрейлина великой княгини Марии Николаевны, «дочь "Светланы" <Ал. Анд. Воейковой (рожд. Протасовой)>, внучатая племянница В. А. Жуковского» (<*Бартенев П. И.*> *П. Б.* Письма А. О. Смирновой к В. А. Жуковскому // Русский Архив. 1902. № 5. С. 111).

[9] См. ***1845. Марта 13 <25>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[10] «Точки в подлинном письме» (примеч. П. И. Бартенева).

[11] См. ***1845. Апреля 19 <7>. Лазарева суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[12] Подразумевается либо письмо Гоголя к А. О. Смирновой от 24 февраля (н. ст.) 1845 г. из Парижа (см. ***1845. Февраля 24 <12>. Понедельник. Париж***), либо письмо от 15 марта (н. ст.) 1845 г. из Франкфурта, с приложением письма, начатого 9 января (н. ст.) 1845 г. в Париже и законченного 15 марта (н. ст.) во Франкфурте (см. ***1845. Марта 15 <3>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***).

[13] Из писем А. О. Смирновой // *Свод.* Т. 2. С. 202–203.

МАРТА 28 <16>. ПЯТНИЦА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет ответное[1] письмо к графу А. П. Толстому в Париж («Rue de la Paix, 9. Hotel Westminster») (согласно почтовому штемпелю, письмо было отправлено из Франкфурта четыре дня спустя, во вторник 1 апреля (20 марта) 1845 г.):

«Я получил ваше письмо, писанное 19 марта. Благодарю вас за него и за участие. Здоровье мое, кажется, лучше, хотя я и не смею еще предаваться надежде совершенно поправиться. Но Бог милосерд. Благодарю вас и за молитвы; я чувствую, что вы молились. Не скрою, что признаки болезни моей меня сильно устрашили: сверх исхуданья необыкновенного, боли во всем теле. Тело мое дошло до страшных охладеваний; ни днем, ни ночью я ничем не мог согреться. Лицо мое всё пожелтело, а руки распухли и почернели и были ничем не согреваемый лед, так что прикосновение их ко мне меня пугало самого. Я, однако ж, крепился духом и даже скрыл всё состояние болезни от Жуковского, заметивши, что он начал обо мне беспокоиться и за меня побаиваться. Теперь с оттепелью как будто бы оттаял и я, но, вероятно, не скоро приду в возможность совершить какую-либо дорогу, хотя бы она была мне и полезна. Притом вы, верно, уже слышали о несчастии, постигшем всех по поводу разлития рек. Никогда никто не запомнит подобных наводнений. Пол Франкфурта в воде. Вместо улиц – каналы и лодки. Наш дом, как среди моря: всюду волны, и вода прибывает, и бедные жители уже доныне понесли большие потери. Вид водных пространств, выбирающихся из домов и переезжающих жителей грустен и поневоле надрывает жалостью. Дай Бог, чтоб это продолжалось недолго. Помолитесь и вы. Помолимся все и о всех, потому что несчастных будет много и бедствовать придется многим. Но да обратит Бог всё во спасенье всем! Не позабывайте душеспасительных чтений во всё время поста. Покаместь писать вам много не в силах, по причине слабости и изнурения душевного, от которых еле прихожу <в себя>. Притом не знаю даже, когда дойдет до вас это письмо: всюду моря и нет проезда. К графиням[2] не пишу, но скажите им, что мне лучше. Письмо от графини[3], писанное 14-го марта, получе<но>. От вас я получил также вместе с вашим и то, которое вы получили на имя мое в Париже и которое, завернув в другой пакет, отправили мне. Но двух писем, отправленных Жуковским, я не получал до сих пор; что с ними сделали в Париже – не знаю. По здешним справкам из Франкфурта они точно отправлены. Посылаю вам нарочно расписку из здешней почты на Тихона[4], если вы его не получили, дабы могли показать ее парижским почтовым плутам. Уведомьте, отчего письмо из Брюсселя было отправлено обратно, и что значит: *обратно?* В Брюссель ли или во Франкфурт? Журналов русских здесь не имеется никаких, равно как и новостей, а потому, если бы вы сделали выписки, насчет которых изъявляете готовность, то это был бы подарок. Затем обнимаю от всей души вас, а графине[5] посылаю душевный поклон».

[1] См. ***1845. Марта 19 <7>. Среда второй недели Великого Поста. Париж.***
[2] Виельгорским, Луизе Карловне и ее дочери Анне Михайловне.
[3] Л. К. Виельгорской (см. ***1845. Марта 14 <2>. Пятница. Париж***).
[4] Имеется в виду расписка на посланные Гоголем графу А. П. Толстому сочинения святителя Тихона Задонского. Вероятно, это были первые тома собрания (см. ***1845. Апреля 2 <марта 21>. Среда. Франкфурт-на-Майне***).
[5] А. Г. Толстой.

МАРТА 17 <29>. СУББОТА. МОСКВА

Н. М. Языков сообщает Н. Н. Шереметевой:

«Вчера вечером получил я письмо от Николая Васильевича: он говорит, что ему сильно нездоровится. <...> Он вложил в свое письмо ко мне письмо к Вам[1] – посылаю вам его. Если будете писать к нему, то благоволите прислать вашу грамотку ко мне. Я третьего дни писал к нему[2]. <...> Желаю вам скорейшего выздоровления».

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 171.

[1] См. ***1845. Марта 14 <2>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***
[2] См. ***1845. Марта 10 <22>. Суббота. Москва.***

МАРТА 17 <29>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Министр народного просвещения С. С. Уваров представляет на рассмотрение Императора Николая I доклад о денежном пособии Гоголю:

«Министр Императорского Двора <светлейший князь П. М. Волконский> сообщил мне от 15-го сего марта, за № 828, по Высочайшему Вашего Императорского Величества повелению, для рассмотрения и доклада, представленную Ее Императорскому Высочеству Великой Княгине Марии Николаевне, супругою церемониймейстера Смирнова, записку о литераторе Гоголе[1], при сем всеподданнейше прилагаемую.

Писатель сей с самого начала литературной деятельности своей обратил на себя внимание неоспоримою оригинальностию дарования. – Желая открыть ему способы к полезной деятельности, я определил Гоголя при С.-Петербургском университете в звание адъюнкт-профессора по кафедре Истории; но направление его таланта не согласовалось с постоянными и серьезными занятиями: он оставил ученое звание, чтобы предаться литературе, и на этом поприще разные произведения приобрели уже ему известность. Гоголь, сколько мне известно, находится теперь за границею. Благодеяние Вашего Императорского Величества оживит его деятельность на пользу отечественной словесности. От щедроты Царской зависит определение меры пособия для поддержания его существования».

<Всеподданнейший доклад С. С. Уварова 17 марта 1845 г. о денежном пособии Гоголю, с резолюцией Императора Николая I> // *Свод.* Т. 1. С. 779.

[1] См. ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург.***

МАРТА 18 <30>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Император Николай I выносит резолюцию на докладе С. С. Уварова о денежном пособии Гоголю[1]:

«Пусть сам М<инистр> определит меру пособия[2], которого заслуживает»[3].

[1] См. ***1845. Марта 17 <29>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1845. Марта 21 <апреля 2>. Среда. Санкт-Петербург***; ***1845. Марта 22 <апреля 3>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[3] <Всеподданнейший доклад С. С. Уварова 17 марта 1845 г. о денежном пособии Гоголю, с резолюцией Императора Николая I> // *Свод.* Т. 1. С. 779.

МАРТА 31 <19>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголю исполняется 36 лет.

МАРТА 19 <31>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Старик Беляев с письмом от сына[1]. Вот славный Еллинист и может быть употреблен в Унив<ерситете>. – Гоголь учился у него в Париже по-Греч<ески>[2], и тот не взял с него денег».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 489.

[1] Федор Николаевич Беляев, филолог-эллинист, помощник библиотекаря Московского университета.
[2] См. письмо Гоголя к Ф. Н. Беляеву от 5 марта (н. ст.) 1845 г. из Франкфурта и ответное письмо Ф. Н. Беляева от 20 марта (н. ст.) 1845 г. из Парижа.

МАРТА 20 <АПРЕЛЯ 1>. ВТОРНИК. МОСКВА

Н. Н. Шереметева пишет ответное[1] письмо к Гоголю во Франкфурт:

«Третьего дни получила[2], мой милой друг, через Николая Михайловича[3] ваше письмо, и очень желалось мне вчерашний день[4] к вам отвечать, но все это время нездоровилось, и пустили из руки кровь, то писать и невозможно было. Но надеюсь, что мое поздравление ко вчерашнему новорожденному дошло вовремя, я 25 февраля[5] к вам писала и поздравляла с рождением. <...> Ради Бога не смущайтесь, что доселе не свершили путешествия, которое было побудительною причиною отъезда вашего из Москвы. Замедление наверное нисколько не уменьшило желания вашего поклониться Святым Местам. Если обстоятельства доселе не допустили вас насладиться сим блаженством, то сие нисколько не доказывает, чтобы вы внутренно отдалились от предмета, куды так пламенно душа ваша стремилась; намерение было чисто, свято, Сердцевидец то знает, Он вам и поможет свершить, Только ради Бога не смущайтесь, а уповайте на Того, Кто вам внушил сие желание. <...> По отъезде вашем отсюда мы с вами часто переписывались и именно на сей счет часто беседовали. Вы на мой вопрос, когда отправитесь в дальний путь, всегда отвечали, что вам необходимо прежде кончить свой труд».

Решение посетить Иерусалим, после чего вернуться в Россию не ранее окончания второго тома «Мертвых душ» сложилось у Гоголя еще в 1842 г. Благословение на паломничество Гоголь получил 6 февраля 1842 г. в Москве от святителя Иннокентия (Борисова)[6], которому 22 мая того же года писал: «В Риме я пробуду никак не менее двух лет, то есть пока не кончу труд, а там в желанную дорогу!»

9 мая 1842 г. он сообщал также А. С. Данилевскому: «Это будет мое последнее и, может быть, самое продолжительное удаление из отечества: возврат мой возможен только через Иерусалим».

18 августа 1842 г. Гоголь извещал С. Т. Аксакова о задуманном паломничестве к Святым Местам: «...Помните, что путешествие мое еще далеко. Раньше окончания моего труда оно не может быть предпринято ни в каком случае...»

24 декабря 1842 г. он писал Шереметевой: «Только по совершенном окончании труда моего могу я предпринять этот путь. <...> Окончание труда моего пред путешествием моим так необходимо мне, как необходима душевная исповедь пред святым причащением».

В. С. Аксакова 2 марта 1843 г. писала М. Г. Карташевской: «На днях получили мы очень приятное известие, что Гоголь работает много; это пишет Языков, который живет вместе с ним в Риме. Какое-то необыкновенное значение привязывает Гоголь к окончанию своего труда, который мы и понять не можем теперь, не в отношении к искусству только, но что-то особенное; в Иерусалим он попадет не прежде как по окончании его, и не заезжая в Россию»[7].

16 декабря (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал М. С. Щепкину: «Мне ни в каком случае нельзя заглянуть в Россию раньше окончания работы, которую нужно кончить».

Н. М. Языкову 26 февраля (н. ст.) 1846 г. Гоголь сообщал: «...Еще не судьба ехать и мне в Иерусалим. Впрочем эта поездка в таком случае только предпринималась, если бы я сам был готов и кончил свою работу, без которой мне нельзя ехать, как следует, с покойной совестью».

4 марта (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал А. О. Смирновой из Рима: «И душе, и телу моему следовало выстрадаться. Без этого не будут "Мертвые души" тем, чем им быть должно. <...> Теперь же ехать в обетованную землю не могу <...> потому, что <...> не сделал еще того, вследствие чего и по окончании чего полагал только совершить эту поездку».

В письме к графиням Л. К. и А М. Виельгорским и графине С. М. Соллогуб от 18 апреля (н. ст.) 1846 г. Гоголь также писал: «На зиму проберусь в Италию, на теплейшие места в Средиземном море, оттуда (если будет такая милость Божия, что позволит мне выполнить кое-какие невыплаченные долги, без которых нельзя ехать туда, куда душа хотела бы) проберусь в Иерусалим».

25 января (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал матери: «Если Бог мне поможет устроить мои дела, кончить мое сочинение, без которого мне нельзя ехать в Иерусалим, то я отправлюсь в начале будущего 1848 года в Святую Землю с тем, чтобы оттуда летом того же года возвратиться в Россию. Итак, помните, что это может случиться только в таком случае, если Бог мне поможет все устроить так, как я думаю...»

Как показывает текстологический анализ сохранившихся глав второго тома «Мертвых душ», в январе 1848 г. в Иерусалим к Святым Местам, а затем на родину, Гоголь отправился, как и предполагал, с завершенным (может быть, начерно) вторым томом поэмы, однако дорожные впечатления, полученные по приезде в Россию, и стали причиной переделки готового тома[8].

Далее в письме Шерметева спрашивала Гоголя: «Кончена ли эта работа, которая вас доселе удерживала от исполнения благого вашего намерения? Помоги вам Господи свершить сей труд для пользы ближнего, и собственного успокоения, дабы беспрепятственно могли отправиться, чтобы ничто внутренно вас не теснило. Сподоби вас Господи достигнуть желаемого, и минута этой невыразимо чистой радости, когда вы ступите на Святую Землю, сил не достанет высказать, скорее можно понять блаженство души, достигшей, чего давно жаждет. <...> Говорите, мой друг, заранее о вас молиться, чтобы ниспослал Господь вам силы совершить сие путешествие, как должно истинному христианину. Мой друг, с того времени, как расстались[9], вот 23 маия будет три года, молюсь о сем и прошу Господа, дабы помог вам свершить для Спасения души вашей, и с минуты первого нашего столь нечаянного свидания[10] мне так запало в сердце ваше желание отправиться в Иерусалим... <...> Говели вы первую неделю? я по благости Божией сподобилась приобщиться Святых Таин, помнила о вас и в сие время, и в Самый Великий Праздник при радостном услышании: Христос Воскрес! с любовию о вас вспомню. <...> Вот, другой год, как мой образ с Бабарыкиным странствует и до вас не доберется[11]. <...> Василья Андреевича[12] поздравьте от меня с Великим праздником. <...> О Аксаковых ничего не писала, они сами недавно писали; а о Погодине слышала от них, что он путешествие свое отложил до весны, теперь доктора ему не позволяют».

[1] См. ***1845. Марта 14 <2>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***
[2] См. ***1845. Марта 17 <29>. Суббота. Москва.***
[3] Языков.
[4] См. ***1845. Марта 31 <19>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне.***
[5] См. ***1845. Февраля 25 <марта 9>. Прощеное воскресенье. Москва.***
[6] См. ***1842. Февраля 6. Пятница. Москва.***
[7] См. ***1843. Марта 2 <14>. Вторник. Москва.***
[8] См.: ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь***; *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. М., 2007. Вып. 1.
[9] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.***
[10] См. ***1839. Октября 7. Суббота. Москва.***
[11] Имеется в виду посылка со сборником молитв и двусторонним дорожным образом Божией Матери Иверской и Святителя Николая. Эта посылка отправлялась Н. Н. Шереметевой Гоголю дважды: в декабре 1843 г. (см. письмо Н. Н. Шереметевой к Гоголю от 19–20 января 1844 г.: ***1844. Января 20 <февраля 1>. Четверг. Москва***) и в декабре 1845 г. (см. письмо Н. Н. Шереметевой к Гоголю от 13 декабря 1845 г.: ***1845. Декабря 13 <25>. Четверг. Москва***). Посылка получена Гоголем в конце февраля – начале марта 1846 г. (см. письмо Гоголя к Н. Н. Шереметевой от 24 марта (н. ст.) 1846 г.: ***1846. Марта 24 <12>. Вторник. Рим***).
[12] Жуковского.

МАРТА 20 <АПРЕЛЯ 1>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова отправляет во Франкфурт письмо к Гоголю:

«Любезный друг и брат, мне и за вас и по вас грустно: за вас – зная ваши страдания, по вас – для себя. Мне как-то чувствуется, что вам легче было бы, если бы мы встретились теперь... <...> Мне как-то чувствуется, что вам, вместо всяких вод и лечений, приехать было ко мне в деревню[1], где я провожу лето одна с детьми. (Н<иколай> М<ихайлович>[2] едет лечиться за границу.) <...> В тот день, когда решится минута и час моего отъезда, я к вам напишу, если точно уединение мое так же будет свободно, как в Ницце[3], если точно я одна с детьми поеду в село Спасское, тогда вы отправитесь из Франкфурта на Петербург в Москву, где останется два дня для свидания с Аксаковым С. Т.[4] <...> Вы меня бранили – я слушала; вздумала вас разбранить – вы

меня вдвойне разбранили, потому что мы уже не можем ни сердиться, ни считаться, кто кому обязан. Это Божие дело разузнать. До сих пор я всем у вас в долгу всячески. Знайте же вы, что и эти деньги были не мои. Они точно у меня лежали, но меня просили даже выдать их за мои, но теперь позволили сказать[5], что они были оставлены совсем на мое распоряжение! Вы никогда не узнаете, откуда они, а молитесь за эту особу горячо. Она чиста и прекрасна душою. Меня немного удивляет, что вы не хотите ничего принять у меня. Если бы вы были богаче меня, я никогда бы не остановилась у вас попросить. Вы представьте себе, что я ведь в самом деле очень богата. Мне Н<иколай> М<ихайлович> дал все доходы в полное распоряжение. Прежде я, не зная всего хода дел, сорила деньгами, а теперь я всем дорожу и знаю, как и когда и в чем себе отказать. Если вы у меня возьмете, вы уже меня невольно заставите сделать доброе дело. Давать мне всегда было легко и приятно, но отказывать я себе ни в чем не умела; а теперь я хочу этому учиться, потому что распоряжаюсь без всякого контроля сотнею и более тысяч в год. Но впрочем хорошо и то, что у меня были чужие деньги в руках. Наши души выше обязательств светских. Знайте, что я это чувствую точно так, как чувствую, что мы не можем поссориться никогда. Вы не с лицевой стороны меня видали и полюбили. Хотя бы вы это не сказали мне, так я все-таки это бы почувствовала; оттого и уверена, что никогда и ничто не может отдалить друг от друга. И так подумайте о моем предложении.

Между тем Аркадий[6] вам пишет свое мнение о Приснице, хотя очень затрудняется. Он не совсем против этого лечения, но находит, что есть преувеличенность в способах. Ханыков, напротив, убежден, что Присниц совершенно знающ в своем деле и что каждое его предписание основано на глубоком знании природы человеческой и соединяется с весьма верным взглядом. Ханыков, впрочем, и по словам Аркадия, склонен к энтузиазму. Дело в том, что ему гораздо лучше и что, при малейшем нездоровьи, он лечится водою. Я прилагаю вам записку от каждого из них[7], и вы выберите середину из этих двух мнений.

Вчера я обедала у Веневитиновых[8]. Софья Михайловна[9] беременна и очень нездорова. Ей раз пускали кровь, после приставляли пиявки; у нее кровь в волнении, вечером жар. Несмотря на это, она принимает и выезжает. На Владимира Александровича я махнула рукой. Вчера он проспал и прозевал все после обеда и валялся, как в Ницце. Если не таскается по вечерам, то оттого, что болен, и когда может выйти, то уже ничем его дома не задержишь. Я Софью Михайловну видаю мало и не знаю, что у нее теперь на душе; кажется, однако, что она спокойнее. Дай Бог, чтобы приезд графини Вьельгорской[10] не нарушил это спокойствие. Она ничего не знает об ее здоровьи, и вы — смотрите — не проговоритесь, если встретитесь с ней. А С<офью> М<ихайловну> надобно будет поберечь, когда подойдет время ее родов: особенно избегать всяких душевных тревог и волнений.

Дети, слава Богу, здоровы. Я продолжаю читать с ними по воскресеньям, после обедни. На неделе, когда удастся, читаем по-русски Пушкина, по местам и Жуковского. Читали "Марфу Посадницу"[11] с наслаждением. Надежда Николаевна[12] обыкновенно дуется, когда я читаю вслух. Она любит обращать вниманье публики единственно на свою персону. Она читает изрядно по складам по-русски и выговаривает очень хорошо Э *оборрротное.*

О своей душе сказу, что она полна добрых намерений, желания отказаться от всех наслаждений, от всех увлечений, но все это намерения и старания, а крест тяготит, и душа так изнемогает иногда, что в слезах бессилия и в горючих слезах высказывается ее немощность.

Прощайте. Ваша от души. Жду ответа».

[1] См. ***1851. Июня после 25 – июля не позднее 8. С. Спасское.***

[2] Муж Смирновой.

[3] См. ***1843. Ноября 19 <7> – 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***

[4] См. ***1845. Ноября начало <ноября средина>. Москва.***

[5] «Государь Николай Павлович» (позднейшее примечание дочери Смирновой, Ольги Николаевны).

[6] Ар. О. Россет, брат Смирновой.

[7] Записки Я. В. Ханыкова и Ар. О. Россета не сохранились (на записку Россета Гоголь ссылается в своем письме к Н. М. Языкову от 5 апреля (н. ст.) 1845 г.; см. ***1845. Апреля 5 <марта 24>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***). Вскоре Ханыков и Россет, по настоянию Смирновой, закончили более подробные письма-отчеты о своем лечении у В. Присница, которые, в свою очередь, были отправлены ею Гоголю (см. ***1845.***

Марта 24 <апреля 5>. Суббота. Санкт-Петербург; 1845. Марта 27–28 <апреля 8–9>. Вторник-среда. Санкт-Петербург).

[8] «<Алексей Владимирович> Веневитинов, брат поэта <Д. В. Веневитинова>, муж Аполлонии Михайловны Вьельгорской» (примечание О. Н. Смирновой).

[9] Графиня Соллогуб (рожд. графиня Виельгорская), жена графа В. А. Соллогуба.

[10] «Луизы Карловны, урожденной Бирон» (примечание О. Н. Смирновой).

[11] Повесть Н. М. Карамзина.

[12] Младшая дочь Смирновой.

АПРЕЛЯ 2 <МАРТА 21>. СРЕДА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет ответное[1] письмо А. О. Смирновой в Петербург:

«Отвечаю вам на письмо ваше от 1-го марта. <...> Здоровье мое как бы немного лучше. От денег не откажусь, единственно, чтобы не спорить с вами бесполезно. Но если только милость Божия будет так велика ко мне и пошлется мне освежение и силы для труда, то я вам их выплачу, <...> ибо <...> с такою милостью Бога у меня будет гораздо больше денег, чем можете вы думать, потому что расход тех сочинений, которые бы мне хотелось пустить в свет, т. е. произведений *нынешнего меня*, а не прежнего меня, был бы велик, ибо они были бы в потребу всем. Но Бог, который лучше нас знает время всему, не полагал на это Своей воли, отъявши на долгое время от меня способность творить. Я мучил себя, насиловал писать, страдал тяжким страданием, видя бессилие, и несколько раз уже причинял себе болезнь таким принуждением и ничего не мог сделать, и всё выходило принужденно и дурно. И много, много раз тоска и даже чуть-чуть не отчаяние овладевали мною от этой причины. Но велик Бог, свята Его воля и выше всего Его премудрость: не готов я был тогда для таких произведений, к каким стремилась душа моя[2], нужно было мне самому состроиться и создаться прежде, чем думать о том, дабы состроились и создались другие[3]. Нельзя изглашать святыни, не освятивши прежде сколько-нибудь свою собственную душу, и не будет сильно и свято наше слово, если не освятим самые уста, произносящие слово. Друг мой добрый и прекрасный, помолитесь обо мне, помолитесь сильно и крепко, чтобы воздвигнул Господь во мне творящую силу. Благодатью Духа Святого она может только быть воздвигнута, и без сей благодати пребывает она, как мертвый труп, во мне, и нет ей оживотворения. Слышу в себе силу и слышу, что она не может двигнуться без воли Божией. <...> Лето мне следует провести в путешествиях и переездах: это действует на меня хорошо. В конце лета думаю отведать морского купанья. С вами хотелось бы подчас сильно увидеться, но ехать в Россию теперь на короткое время не могу, с этим много хлопот, особенно возня выезжать вновь и притом весьма скоро. Притом приезд мой мне был бы не в радость; один упрек только себе видел бы я на всём, как человек, посланный за делом и возвратившийся с пустыми руками, которому стыдно даже и заговорить, стыдно и лицо показать. Я слишком знаю и чувствую, что до тех <пор>, пока не съезжу в Иерусалим, не буду в силах ничего сказать утешительного при свиданьи с кем бы то ни было в России. А потому молитесь обо мне; вновь вас прошу и умоляю, молитесь, чтобы Бог споспешествовал моему намерению, чтобы, во-первых, укрепил и послал мне возможность изготовить, что должен я изготовить до моего отъезда, и послать к вам, вместо меня, в Петербург. Это будет небольшое произведение[4] и не шумное по названию в отношении к нынешнему свету, но нужное для многих и которое доставит мне в избытке деньги, потребные для пути. А на осень и зиму чтобы мог я переехать в Рим и провести это время плодотворно и как нужно душе моей, а с началом нового будущего года чтобы мог я изготовить<ся> к отъезду и приехать в Иерусалим к посту и Пасхе, а после Пасхи, исполнивши, как следует, пребывание в Иерусалиме, возвратиться в Россию. Тогда ступлю я твердой ногой на родную землю, и будет в радость и мне и вам мой возврат, и всякому буду тогда, быть может, в помощь, в каком бы положении он ни находился, в каком бы звании ни состоял и какое бы место ни занимал, и всем буду родной, и мне все будут родные... Теперь же, покаместь, и мне все чужие, и я всем чужой. Приехать в Россию мне хочется таким образом, чтобы уже не уезжать из России. Дух мой жаждет деятельности и томится от бездействия, но, не совершивши этого путешествия, я приеду на бездействие и на тоску

в Россию. Любовь уже есть в душе, но не оживотворена и не благословена еще силою высшею и не двигнется благодетельным движением во благо братьям. Молитесь же обо всем этом. Вы уже другой раз говорите мне, чтобы я не скрывал того, что во мне, от всех, да светят дела наши миру. Но того, что есть пока во мне, еще не так много, чтобы засветить миру, да и не от меня зависит, как видите сами, обнаружить его и двигнуть напоказ. Но довольно. Пишу для вас и не показывайте никому моих писем. Уведомьте меня теперь о себе относительно предстоящего лета. Что вы намерены с ним сделать и куда отправляетесь? Об этом напишите мне теперь же, мне это нужно знать предварительно. Жуковский совершенно здоров и бодр духом, продолжает работать; он было на два месяца несколько расклеился, но теперь слава Богу, и я бы желал, чтобы состоянье моего здоровья нынешнего было сколько-нибудь похоже на его. Но мне было так трудно, что уже было приуготовился совершенно откланяться. И теперь я мало чем лучше скелета. Дело доходило до того, что лицо сделалось зеленей меди, руки почернели, превратившись в лед, так что прикосновенье их ко мне самому было страшно, и, при 18 град<усах> тепла в комнате, я не мог ничем согреться. Но Бог милосерд, жизнь моя не угасла; видно, она еще нужна. От вас посылку я получил доселе только одну, в ней заключалось два тома последних Тихона[5] и "Христ<ианское> Чтение" за прошлый год. Миха<ил> Мих<айлович>[6] оказался неаккуратным: даже не уведомил меня, есть ли у него какие-нибудь для меня пакеты с книгами. За то же, что мною получено, вам очень благодарен. Хотелось бы вам писать больше, но устаю. Я думаю, что вы уже получили весьма длинное письмо мое[7], написанное уже очень давно, в ответ на ваши и Плетнева распоряжения. Не позабудьте о том уведомить. Письмо же, писанное мною из Парижа[8], вы, кажется, получили, сколько могу судить из содержания вашего, служащего как бы ответом, хотя вы и не упоминаете о получении как моего, так и приложенного при нем письма от Иванова. <...> На выставку академиче<скую> в Петербург прибудет, может быть, весной или летом в числе других картин из Рима головка Спасителя из "Преображения" Рафаэля, копированная Шаповаловым и принадлежащая мне. Отправьте ее от моего имени преосвящ<енному> Иннокентию в Харьков».

[1] См. ***1845. Марта 1 <13>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] Имеется в виду книга о Божественной Литургии, работа над которой была начата в Ницце зимой 1843/44 г. (см. ***1843. Ноября 19 <7> – 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца***). Хотя формально Гоголь сообщил Смирновой о своей неготовности работы над книгой, однако эта работа продолжалась и позднее. В письме к Смирновой от 4 июня (н. ст.) 1845 г. из Гомбурга Гоголь просил приобрести для него «"Изъяснен<ие> Литургии", недавно вышедшее, священника Нортова» – книгу протоиерея Василия Ивановича Нордова «Беседы на Божественную Литургию», напечатанную в Москве, в Университетской типографии (М., 1842; ценз. разр. 28 окт. 1841 года; 2-е изд. М., 1844; ценз. разр. 3 апр.). Объявление о книге протоиерея В. И. Нордова сделал еще в 1842 г. М. П. Погодин, сообщая тогда же о выходе «Мертвых душ» и новом издании «Ревизора». На обороте обложки «Москвитянина» (1842. № 7; ценз. разр. 10 авг.) было напечатано его сообщение: «В книжкой лавке, учрежденной при Конторе журнала "Москвитянин", поступили в продажу следующие книги: Похождения Чичикова... <...> Москва, 1842 г. <...> Ревизор <...> Москва, 1841 г. <...> Беседы на Божественную Литургию. Москва, 1842 г.». В этом же номере журнала была опубликована статья С. П. Шевырева «Об отношении семейного воспитания к государственному» – которой Гоголь дал в письме к Шевыреву от 2 марта (н. ст.) 1843 г. высокую оценку. Возможно, однако, что извещение Погодина о книге «Беседы на Божественную Литургию» внимания Гоголя в то время не привлекло.

[3] См. ***1843. Апреля средина – мая 2 <апреля начало – апреля 20>. Рим*** (примечания).

[4] Подразумеваются «Выбранные места из переписки с друзьями», предыстория создания которых восходит, по-видимому, к тому времени, когда Смирнова 11 апреля (н. ст.) 1844 г., будучи в Париже, дала прочесть А. И. Тургеневу ряд назидательных писем к ней Гоголя (от 20 и 26 марта, от 7 апреля (н. ст.) 1844 г.) (см. ***1844. Апреля 11 <марта 30>. Четверг. Париж***). Одним из побудительных мотивов создания «Выбранных мест...», по-видимому, явилось также высказанное в 1844 г. П. А. Плетневым недовольство тем, что Гоголь почти не принимает участие в «Современнике» (см. ***1844. Октября 27 <ноября 8>. Пятница. Санкт-Петербург*** – примечания).

[5] Сочинений святителя Тихона Задонского (см. также ***1845. Марта около 11 <февраля около 27>. Франкфурт-на-Майне***).

[6] Граф Виельгорский.

[7] Письмо к Смирновой от 9 января – 15 марта (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Марта 15 <3>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***).

[8] См. ***1845. Февраля 24 <12>. Понедельник. Париж.***

МАРТА 20–21 <АПРЕЛЯ 1–2>. ВТОРНИК-СРЕДА. МОСКВА

Н. Н. Шереметева отправляет записку к О. Сем. Аксаковой:

«Третьего дни мне из правой руки пускали кровь[1]. Поэтому не могла вам отвечать на дружескую вашу записку. <...> Вчера было рождение Николая Васильевича[2], дай Бог ему спастись. Третьего дни[3] от него получила[4] и вчера ему отвечала[5], но за рукой не могу писать, а он, бедный, все нездоров».

[1] См. также ***1845. Марта 20 <апреля 1>. Вторник. Москва***.
[2] См. ***1845. Марта 31 <19>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне***.
[3] См. ***1845. Марта 17 <29>. Суббота. Москва***.
[4] См. ***1845. Марта 14 <2>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***.
[5] Письмо к Гоголю датировано 20 марта 1845 г. (см. ***1845. Марта 20 <апреля 1>. Вторник. Москва***).

МАРТА 21 <АПРЕЛЯ 2>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев сообщает Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«О бедствиях, постигших Погодина, я уже знал[1]. Говорят, он намерен отправиться в Иерусалим. То же замышляет и Гоголь. Не вместе ли они пойдут туда»[2].

Вечером того же дня на вечере в университете С. С. Уваров поручает Плетневу спросить у А. О. Смирновой о желательной сумме вспоможения Гоголю.

24 марта 1845 г. Плетнев, посылая Гроту очередную часть своего «журнала» текущих дневниковых записей, сообщал: «*Вечером в среду (21 марта).* На университетском концерте Уваров поручил мне (так как записку о Гоголе Государь передал ему) спросить у Смирновой, сколько бы просить на вспоможение Гоголя. Об этом я решился говорить с нею в четверг[3] (22 марта)...»[4]

По-видимому, Плетнев поздно вечером того же дня известил Смирнову запиской о поручении Уварова.

Смирнова записала в дневнике: «*1845 года.* <...> *21 <марта>.* <...> Мое дело пошло на лад: Государь приказал Уварову узнать, что нужно Гоголю. Уваров тут поступил благородно, сказал, что Гоголь заслуживает всякую помощь»[5].

[1] 17 марта 1845 г. Я. К. Грот сообщал П. А. Плетневу: «Погодина в прошлом году <...> разнесли его лошади... <...> Он переломил себе ногу <см. ***1844. Мая 16 <28>. Вторник. Москва***>, которая, кажется, и до сих пор не совсем еще зажила. Недавно <см. ***1844. Ноября 6 <18>. Понедельник. Москва*** > у бедного жена умерла» (*Свод.* Т. 1. С. 670; см. также: <*Погодин М. П.*> Погодин, Михаил Петрович... // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... М., 1855. Ч. 2. С. 250).
[2] *Свод.* Т. 1. С. 670.
[3] См. ***1845. Марта 22 <апреля 3>. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1845. Марта 23 <апреля 4>. Пятница. Санкт-Петербург.***
[4] *Свод.* Т. 1. С. 671.
[5] Из дневника А. О. Смирновой // *Свод.* Т. 2. С. 213.

МАРТА 22 <АПРЕЛЯ 3>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев и А. О. Смирнова, по совету князя П. А. Вяземского, решают просить вспомоществование для Гоголя на пять лет в размере по тысяче рублей в год.

24 марта 1845 г. Плетнев, посылая Я. К. Гроту очередную часть своего «журнала» текущих дневниковых записей, сообщал: «<*22 марта*>. Со Смирновой, по совету Вяземского, решились мы просить для Гоголя по 1 т<ысяче> р<ублей> сер<ебром> на каждое из пяти лет. Не знаем, как это будет принято у Уварова и у Царя»[1].

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «Я послала за Плетневым, мы сочинили письмо к Уварову и запросили 6000 р<ублей> асс<игнациями>. Плетнев говорил, что всегда дают половину, у нас уж такой обычай. Между тем мы отписали Гоголю и требовали, чтобы, отложивши лень, он послал Уварову благодарственную писулю[2], когда получит желаемую пенсию»[3].

[1] *Свод.* Т. 1. С. 671.
[2] См. ***1845. Апреля конец, после 25 <апреля между 13 и 18>. Висбаден или Франкфурт-на-Майне.***
[3] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 264.

МАРТА 23 <АПРЕЛЯ 4>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет С. С. Уварову:

«По приказанию Вашему я был у А. О. Смирновой[1], чтобы узнать ее мысли касательно вспоможения Гоголю. Она поручила мне донести Вашему Высокопревосходительству, что, по болезненному состоянию своему, Гоголь никак не может ранее пяти законом дозволенных лет приняться за свои занятия в России, приговорен будучи докторами пользоваться умеренным заграничным климатом и тамошними минеральными водами. Это обстоятельство лишает его всякой возможности самому добывать содержание литературными трудами в течение пяти лет. И так обеспечение его на это время милостию Государя будет с Вашей стороны истинным благодеянием для Гоголя. А. О. Смирнова полагает, что, при самой умеренной жизни Гоголя, он вполне будет счастлив, ежели Ваше Высокопревосходительство удостоите ходатайствовать ему временного вспомоществования по тысяче рублей серебром на каждый из этих пяти годов. Поспешаю довести ее отзыв до сведения Вашего Высокопревосходительства».

Свод. Т. 1. С. 670–671.

[1] См. ***1845. Марта 22 <апреля 3>. Четверг. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 5 <МАРТА 24>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь получает доставленное из Петербурга (вероятно, с случайным срочным курьером) письмо к нему А. О. Смирновой от 20 марта / 1 апреля 1845 г.[1], с вложением кратких записок Ар. О. Россета и Я. В. Ханыкова по поводу лечения В. Присница (возможно, Смирнова во второй раз, через графа М. М. Виельгорского, воспользовалась дипломатической почтой[2]).

В тот же день Гоголь отправил в Москву ответное[3] письмо Н. М. Языкову (в послании к Языкову, имеющем почтовые штемпели: «Frankfurt 5 apr 1845»; «Berlin 8 apr»[4], упоминается записка Россета):

«Письмо от 10 марта получил и с ним стихотворение к Шевыр<еву>[5]. Благодарю за него. Оно очень сильно [и хорошо] и станет недалеко от “К не нашим”, а, может быть, и сравнится даже с ним. Но не скажу того же о двух посланиях: “К молодому человеку”[6] и “Старому плешаку”[7]. О них напрасно сказал ты, что они в том же духе; в них скорей есть повторение тех же слов, а не того же духа. В том же духе могут быть два стихотворенья, ничего не имеющие между собою похожего относительно содержания, и могут быть не в том духе напоминающие содержанием друг друга и, по-видимому, похожие. Это не есть голос, хоть и похоже на голос, ибо оно не двигнуто теми же устами. В них есть что-то полемическое, скорлупа дела, а не ядро дела. И мне кажется это несколько мелочным для поэта. Поэту более следует *углублять* самую истину, чем *препираться* об истине. Тогда будет всем видней, в чем дело, и невольно пониэятся те, которые теперь ерошатся. Что ни говори, а как напитаешься сам сильно и весь существом истины, послышится власть во всяком слове, и против такого слова уже вряд ли найдется противник. Всё равно, как от человека, долго пробывшего в комнате, где хранились благоухания, всё благоухает, и всякий нос это слышит, так что почти и не нужно много рассказывать о том, какого рода запах он обонял, пробывши в комнате. Друг мой, не увлекайся ничем гневным, а особливо если в нем хоть что-нибудь противуположное той любви, которая вечно должна пребывать в нас. Слово наше должно быть благостно, если оно обращено лично к кому-нибудь иэ наших братий. Нужно, чтобы в стихотворениях слышался сильный гнев *против врага людей*, а *не против самих людей*. Да и точно ли так сильно виноваты *плохо видящие* в том, что они плохо видят? Если ж они, точно, в том виноваты, то правы ли мы в том, что подносим прямо к их [носу] глазам нестерпимое количество света и сердимся на них же за то, что слабое их зренье не может выносить такого сильного блеска? Не лучше ли быть снисходительней и дать им сколько-нибудь рассмотреть и ощупать то, что оглушает их, как громом? Много из них в существе своем люди добрые, но теперь они доведены до того, что им трудно самим, и они упорствуют и задорствуют, потому что иначе нужно им публично самих себя, в лице всего света, назвать дураками. Это не так легко, сам знаешь. А ведь против них большею част<и>ю в таком смысле было говорено: “Ваши мысли *все* ложны. Вы не любите России, вы — предатели ее”[8]. А между тем ты сам знаешь, что нельзя назвать всего совершенно у них ложным и что, к несчастию, не совсем без основания их некоторые выводы. Преступление их в том, что они некоторые *частности* распространяют на *общее*, исключенья выставляют в правила, временные болезни принимают за коренные, во всяком предмете видят *тело* его, а *не дух*, и, близоруко руководствуясь аналогией видимого, дерзают произносить свои сужденья о том, что духом своим отлично от всего того, с чем они сравнивают его[9]. Следовало бы, по-настоящему, вооружиться противу сих заблуждений, разъять их спокойно и показать их несообразность, но [сохранить к ним по] с тем вместе поступить таким образом, чтобы в то же время и тут им самим дать возможность выйти не совсем бесчестно из своего трудного положения. Тогда, кроме того, что многие из них сами обратились <бы> на истинный путь, но самой публике было бы доступней всё это и хоть сколько-нибудь понятней, в чем дело. Теперь же она решительно не понимает, в чем дело и отчего так сильно горячатся у нас одни против других в журналах. Десяток людей сражаются между собою; те и другие говорят в слишком общем и пространном смысле; с обеих сторон крайности, не соединяющиеся никаким образом друг с другом; те и другие сражаются друг против друга уже выведенными результатами, не давая никому отчета, как они дошли до своих результатов, и хотят, чтобы всё это понятно было всем читателям. Конечно, многое понимается инстинктивно, потому что дух [времени] идущего века действует своим чередом. Поэт может действовать инстинктивно, потому что в нем пребывает высшая сила слова. Но кто хочет действовать полемически, тут потребна необыкновенная точность, разъятие ясное всего и [облечение всего в простое слово] ощутительное показание, в чем дело. Храни Бог тут быть поэтом, как раз будешь сражаться с тенью и воздухом, бросая, вместо ядер, целые беспредельные пространства мыслей, то есть мысли слишком цельные, которые можно истолковать всячески.
Я бы очень хотел теперь читать лекции Шевырева. Я уверен слишком в их значительности, но знаю также, что он способен человечески увлекаться, переходить нечувствительно в излишество, и потому весьма может быть, что отчасти повредил и себе и своему предмету. Но мы не

получаем здесь решительно ничего. Скажи Киреевскому, что Жуковский на него сердит за то, что он не прислал “Москвитянина”. Я сам также ехал во Франкфурт с приятной надеждой найти здесь 1 номер давно полученный, и вот с приезда моего сюда протекло уже почти полтора месяца, а “Москвитянина” всё нет. Я всё еще нахожусь в больном и расстроенном состоянии. Временами бывает несколько лучше, времена<ми> вновь хуже. До сих пор не в силах писать и трудиться, и малейшая натуга повергает меня в болезнь [и в худшее состояние], а что всего хуже, с этим соединяется всякий раз тоска, и не знаешь, куда от нее деться. Но отложим обо мне речь на конец письма. Продолжаю о тебе. В послании твоем “К плешаку” слышно военнолюбивое расположение, вовсе неприличное твоему мирному характеру, по существу своему [вообще] настроенному к прохладам тишины, а потому я отчасти [заключаю] думаю, не вмешались ли сюда нервы? А потому советую тебе рассмотреть хорошенько себя: точно ли это раздражение законное и не потому ли оно случилось, что дух твой был к тому приготовлен нервическим мятежом. Эту поверку я делаю теперь всегда над собою при малейшем неудовольствии на кого бы то ни было, хотя бы даже на муху, и, признаюсь, уже не раз подкараулил я, что это были нервы, а из-за них, притаившись, работал и чорт, который, как известно, ищет всяким путем просунуть к нам нос свой, и если в здоровом состоянии нельзя, так он его просунет дверью болезни. А потому советую и тебе также в таких случаях всякий раз обсматриваться на себя. А чтобы исполнить это успешней, перечти вновь мои письма, писанные к тебе по поводу “Землетрясения”[10]. И так как там многое, вследствие твоих же слов, согласно с твоими собственными мыслями относительно действований поэта в нынешнее время, то ты можешь весьма скоро сличить и увидеть, не отступил ли сам от собственных своих мыслей. А покаместь я тебе повторяю вновь: перетряхни русскую старину, особенно времена царей. Они живей и говорящей и ближе к нам. И ты в несколько раз выиграешь более, когда те русские стихии и чисто славянские струи нашей природы, из-за которых идет спор, выставишь в живых и говорящих образах. Твои герои (а в героя может обратиться и всякий бездушный предмет) ходом и действием своим защитят сильней, чем бы ты сам защитил истину, ибо дело сильней слова. Но довольно. Обращаюсь от твоей души к твоему телу. На днях я был у Коппа, и он, расспрашивая о тебе, сказал мне, чтобы я написал тебе, чтобы ты съездил непременно еще один раз, и именно в нынешнее лето, в Гастейн, и потом морское купанье на Северном море, или в Остенде, или в другом месте. В то же время прибавил, что не худо бы и мне сделать то же. А потому я и передаю это тебе к сведен<ию>. Как решишь, конечно, зависит от тебя и от твоего нынешнего состояния, но, во всяком случае, если бы тебе случилось, точно, ехать в Гастейн, то я готов тебя сопровождать и туда, ибо к Призницу я не отваживаюсь, тем более, что получил, наконец, известие от Россети[11], который бранит на все четыре стороны холодное свое лечение, говоря, что, кроме каторги самого лечения, никакого от него удовольствия, а пользы и на копейку <нет>, и который притом пророчит, что я никак не в силах буду выдержать курса. Я знаю только то, что где ни случится мне протаскаться летом, но нужно протаскаться и проездиться; дорога и переезды мне делали добро. А осенью — в Рим, где встречу и начало зимы, а в конце зимы — в Иерусалим, к говенью и Пасхе. А из Иерусалима — в Москву. Всё это, разумеется, в таком разе, если Бог будет так милостив, что повелит прийти в порядок душевным и телесным моим силам. Пришли мне “Путешест<вие> к св. местам” Норова[12], хочу посмотреть, что за вещь[13]. Спроси у Шевырева, писал ли он ко мне или нет в ответ на мое письмо, писанное еще в прошлом году[14]. Вопрос этот не упрек и не напоминанье, а хочу только знать, чьи были два письма[15] ко мне, о которых я имею известие то, что они пропали между Франкфуртом и Парижем. Узнай также от Конст<антина> Серг<еевича>, получил ли Сер<гей> Т<имофеевич> от меня письмо[16] с некоторым поученьем сыновьям его, в числе которых и ему, т. е. К<онстантину> Серг<еевичу>, и что он думает о сем. Да распорядись, чтобы к нам какими-нибудь судьбами дошел “Москвитянин”. Может быть, пришествие его оживило бы сколько-нибудь литературные побуждения. Уведоми также, уехал ли Погодин в Иерусалим или отложил[17] свою поездку на другое время. В последнем случае объяви ему о моем намерении, и если ему случится ехать на Рим, то, вероятно, мы отправимся тогда вместе. Намерение твое ехать в Симбирск я не одобряю, а Жуковский, как услышал, даже закричал, чтобы ты ни под каким видом сего не делал, а Копп, если услышит,

вероятно, тоже подымет вопль, да вряд ли и Иноземцев тебя отпустит. Что ни говори, люди всё-таки важная вещь: хоть они подчас и надоедят, но всё же потом обратишься к ним. Хороший доктор под рукой тоже не безделица, а этого в деревне не найдешь. Мой совет уж лучше послушаться Коппа и съездить в Гастейн, а после поездки заграничной наскучившая Москва приглянется вновь. А там подъеду я, и ты увидишь, что при мне будет многое сносно, особенно если я приеду из Иерусалима таким, как хочу приехать, внося мир, а не раздор в домы. Помолись же хорошенько Богу о себе, да и о мне тоже помолись, о здоровьи и о силах моих слабеющих. Восстание наше в Его святой воле, и всё от Него».

[1] См. ***1845. Марта 20 <апреля 1>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1845. Марта 16 <28>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1845. Марта 10 <22>. Суббота. Москва.***

[4] *Городецкий.* С. 473.

[5] Стихотворение опубликовано более года спустя: *Языков.* Тебе хвала и честь и слава! / <*Погодин М. П.*> История Русской Словесности, преимущественно древней. XXXIII Публичные Лекции Степана Шевырева, Профессора Московского Университета. Часть первая. Выпуск первый, в 8-ку 261 с. Москва, в Унив<ерситетской> Тип<ографии> // Москвитянин. 1846. № 5 (цензурное разрешение 30 мая). С. 176.

[6] К. С. Аксакову. Стихотворение датировано Языковым 20 декабря 1844 г.; отправлено Гоголю в Париж 17 января 1845 г. (см. ***1845. Января 17 <29>. Среда. Москва; 1845. Февраля 17 <марта 1>. Суббота. Москва***); вероятно, получено Гоголем во Франкфурте в первой половине апреля (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Апреля первая половина <марта вторая половина>. Франкфурт-на-Майне***); опубликовано в 1871 г. М. И. Жихаревым (см.: *Жихарев М.* Петр Яковлевич Чаадаев. Из воспоминаний современника // Вестник Европы. 1871. № 9. С. 44–45).

[7] П. Я. Чаадаеву. Стихотворение датировано поэтом 25 декабря 1844 г.; отправлено Гоголю в Париж 17 февраля 1845 г. (см. ***1845. Февраля 17 <марта 1>. Суббота. Москва***); вероятно, получено Гоголем во Франкфурте в первой половине апреля (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Апреля первая половина <марта вторая половина>. Франкфурт-на-Майне***); опубликовано в 1871 г. Жихаревым (см.: *Жихарев М.* Петр Яковлевич Чаадаев // Вестник Европы. 1871. № 9. С. 46–47).

[8] Строки относятся главным образом к стихотворению «Старому плешаку», адресованному П. Я. Чаадаеву, но упрек в склонении к «неметчине» содержался и в стихотворном послании Языкова К. С. Аксакову – упрек понятный и разделяемый Гоголем (см. ***1845. Января 17 <29>. Среда. Москва*** – примечания). То, что Гоголь рассматривает оба языковских послания в одном ряду, объясняется его всегдашним стремлением угашать ссоры и вражду (подробнее см. ***1844. Марта 12 <февраля 29>. Вторник. Ницца*** – примечания).

[9] В статье *XI. Споры* «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь также писал о западниках: «...Они говорят довольно подробно и отчетливо о той стене, которая стоит перед их глазами; вина их в том только, что из-за карниза, венчающего эту стену, не видится им верхушка всего строения, то есть главы, купола и все, что ни есть в вышине».

[10] См. ***1844. Декабря 2 <ноября 20>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне; 1844. Декабря 26 <14>. Четверг. Франкфурт-на-Майне; 1845. Января 2 <1844. Декабря 21>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[11] Записка Ар. О. Россета, присланная Гоголю А. О. Смирновой в письме от 20 марта 1845 г., не сохранилась (см. ***1845. Марта 20 <апреля 1>. Вторник. Санкт-Петербург*** – примечания). – См. также ***1845. Марта 27–28 <апреля 8–9>. Вторник-среда. Санкт-Петербург.***

[12] Путешествие по Святой Земле в 1835 году Авраама Норова. СПб., 1838. Ч. 1 (цензурное разрешение 28 сент. 1837). Ч. 2 (цензурное разрешение 20 окт. 1837); 2-е изд., доп. – СПб., 1844 (цензурное разрешение 5 авг. 1843).

[13] Ср. ***1842. Декабря 9 <21>. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

[14] См. ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[15] См. также ***1845. Марта 5 <февраля 21>. Среда. Франкфурт-на-Майне; 1845. Марта 23 <11>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***

[16] См. ***1844. Декабря 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[17] Подробнее см. ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь*** (примечания).

МАРТА 24 <АПРЕЛЯ 5>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Министр народного просвещения С. С. Уваров представляет на рассмотрение Императора Николая I новый доклад о денежном пособии Гоголю (уменьшив

предложенный А. О. Смирновой и П. А. Плетневым[1] срок вспомоществования Гоголю с пяти до трех лет):

«По всеподданнейшему докладу моему[2] о представленной Ее Высочеству Великой Княгине Марии Николаевне супругою церемониймейстера Смирнова записке[3], относительно литератора *Гоголя*, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было повелеть мне определить меру пособия, которое он заслуживает.

При болезненном положении своем Гоголь должен, по приговору врачей, пользоваться умеренным заграничным климатом и тамошними минеральными водами.

Удостоение его на первый случай временного вспомоществования на три года по тысяче рублей серебром на каждый, из сумм Государственного Казначейства, будет, по моему мнению, истинным благодеянием милости Царской»[4].

В тот же день, 24 марта 1845 г., Смирнова писала Гоголю во Франкфурт:

«Я вам посылаю письмо Ханыкова, хотя нахожу его вовсе неудовлетворительным. Но мнение его резко отделяется от мнения Аркадия. Пока этот лентяй соберется вам писать[5], я выписываю несколько слов, им сказанных на счет Присница. Сам же он не хочет вас отговаривать от этого лечения, да и против самого лечения, умеренно сделанного, он и не восстает. Вот как, во-первых, он описывает Грефенберг[6]. Местечко самое печальное; кругом унылые горы с ельником; квартиры как казематы, кушанье самое подлое, народ — что ни есть дряни немецкой, французской, английской и русской; климат хуже петербургского. Присниц — мошенник и не видит своих больных и следует плохо за успехами лечения. Если сказать ему, что хуже, то он только велит прибавить еще лентуха, или сильнее заморозить бригадиршу, или дать сильнее душу. Душа же эта дует с большой высоты и так сильна, что если бы больные не держались за железную опору, то их бы занесло Бог весть куда. Аркадию вдруг он велел, для согревания ног, бегать босому по сырой траве, приводя в пример крестьян, которые всегда так ходят и не бывают больны. Ему же стало еще холоднее после этой прогулки, повторяемой ежедневно. Он говорит, что там находит такое одурение на всех, то в лечении каждый хочет опередить другого, задавая себе более и более всяких душ, зиц-бадов и лентухов. Часто выходит сыпь на теле, и сыпь, производящая ужасный зуд. Он видел француза Наполеоновой vielle garde, который, спеленутый в мокрую простыню, заливался горькими слезами, и когда с удивлением спросил причину этих странных слез, узнал, что живот его так чешется, что ужас, а чесать нельзя, потому что он пошевелить рук не может. Представьте себе, до чего доходит безумие: француз этот прострадал год, не получил облегчения и уехал, ругая Грефенберг. Русский офицер Регалет жил два года, уехал без большой пользы. Томич[7], у которого болела спинная кость, после двух лет, уехал без ног. Железнов[8] так же. Вообразите вы себя с вашими слабыми нервами и вообще тщедушной всей особой, под душей с лентухами, с зиц-бадами, от которых, по словам Аркадия, никогда вполне не согреваешься, и представьте еще материальные неудобства жизни, скуку общества, притом невозможность ничем заняться, потому что более двух часов отдыха с ряду никогда не бывает; представьте, что 6 месяцев такой уродливой и собачьей жизни, по словам Присница, ничего не значат, и легко увериться, что вы не поедете в Грефенберг. Брат мой вовсе не против водного умеренного лечения, т. е. употребления воды и окачивания, даже два и три раза в день повторяемого, но для этого не нужен Грефенберг. Вода там, впрочем, точно хороша, но горная вода везде хороша, даже и в Заксен-гаузен, если бы была она там. Он мне сказал, что вначале он точно чувствовал бодрость, но потом за эту искусственную бодрость почувствовал большое ослабление и по приезде своем сюда обратился тотчас к Мондту[9]. Теперь его уже ничем не заманишь к Присницу. У вас просто — расстроенные нервы, и, от уединения и скучной жизни, вы беспрестанно обращаете на их затеи и шалости внимание. Сей же почтенный Аркадий теперь часто чувствует онемение в ногах и часто после обеда, когда со мной переговорит все, начинает потряхивать ими и бегать по комнате. Я спросила его однажды: "Я, чай, за преферансом, хоть три года сидишь, ноги не немеют". Вышло точно так: развлечения мешают ему подслушивать свои ноги. Поверьте, что для нервных недугов, не упуская из

виду лечения, надобна жизнь с развлечениями, и вы погибнете в Грефенберге от тоски, скуки и уединенья. Что вам делать с немецкими портными и русскими армейскими офицерами, коекакими дрянными полячишками и французишками. Летом пробейтесь где-нибудь, хоть ко мне приезжайте. Уже самое лето вас подкрепит и восстановит равновесие в нервной системе, а там прямо в милый Рим. Я уверена, что способы на это найдутся, и даже в скором времени.

Жду с нетерпением вашего ответа на последнее письмо[10]. Мне смерть как хочется вас видеть в селе Спасском[11]. Н<иколай> М<ихайлович>[12] едет лечиться заграницу. Он точно болен. От Жуковского я получила прелестное письмо, веющее благодатным состоянием его прекрасной мысли, хотя душа еще не соглашается вполне на голос, его зовущий. Состояние его жены меня, однако, беспокоит, хотя опасного тут точно ничего нет. Плетневу я еще не прочитала ваше письмо. Не выбралось такого времени, чтобы нам быть наедине. Он мне вчера читал "Наль и Дамаянти". Вся повесть тиха и ровная, сладкоприветливая, как сама Дамаянти. В ней виден весь теперешний Жуковский. Да сохранит их Бог обоих!

У нас для 25 марта 15 градусов холода, после самой сильной недельной оттепели. Зато и больных много. Мои мопсики[13] здоровы, учатся, гуляют, веселы и очень радуются ехать в деревню. <...> Отвечайте хотя несколькими словами. Сологуб читал нам в среду препошлую комедию "Букеты". Одно лицо у него Тряпка, самое подлое подражание вам, так что совестно было слушать».

В приложенном Смирновой письме Я. В. Ханыков писал:

«Гигиенические способы, устраняя все противоестественное, могут восстановить силы наши лишь в известной степени расстройства; при значительнейшем же расслаблении необходимо более положительное пособие, применение средства, которое, действуя не на один орган, а на весь организм, не увеличивая чрезмерно жизненной деятельности, но только постепенно возбуждая ее, вместе с тем не ограничивалась бы одним отклонением вредного нашему здоровью, но положительно бы укрепляло тело — средство это есть вода: внутреннее употребление ее, содействуя пищеварению и разводя завалы, не ослабляет, как ревень, а укрепляет желудок; наружное — вызывая на кожу, в виде нарывов и чирьев, вредные соки и скопления, не только не разрушает на будущее, подобно теплым минеральным ваннам, деятельности пор, но обеспечивает правильное отправление их, уничтожает раздражительность и омертвение нервной системы, — и все это, не истощая больного, не заставляя его голодать, или сидеть в душной комнате, даже в припадках острых недугов, каковы горячки, лихорадки, корь и проч. Теоретическое объяснение этих результатов в одном из двухсот сочинений, о гидропатии изданных; лучшие: "Hydrotherapie" par Scoutetine и "Die Gröffenberger Wasserheilanstalt"[14] von <C.> Munde; практическое же доказательство в виде греффенбергских больных столь обманчиво, что два английских доктора, посещавших это заведение, печатно объявили, что там нет ни одного истинно больного, а все только недужные, между тем как значительная часть там пользующихся признана была аллопатами неизлечимою. Потому я и не стану утруждать вашего внимания многочисленнейшими рассуждениями; присовокуплю только, что вода, составляя могучее, весь организм укрепляющее средство, открывает также возможность действовать преимущественно и на *одну* страждущую часть тела, возбуждая в ней усиленную деятельность, или оттягивая приливы к другому месту посредством частых ванн и примочек. Сверх того пребывание в гидропатическом заведении чрезвычайно облегчает переход к правильной жизни, как влиянием общего примера, так множеством ежедневных неизбежных обязанностей, на больного возложенных. Наконец положение большей части подобных заведений, — вдали от городов и присутствие там одних истинно больных, а не страждущих жаждою игры и веселий, — изгоняет господствующее почти на всех водах волнение и беспокойство, столь вредное для серьезно лечащихся... Несмотря на отрывочность и несвязность высказанного мною, вам, однако ж, не трудно будет убедиться, что 1) так как водолечение не производит никаких необыкновенных противоестественных напряжений, — то и должно действовать медленно; 2) требует неуклонной точности, и потому утомительно; поглощает почти все время дня — словом, успешное действие его возможно лишь под условиями: значительного времени (в хронических болезнях — не менее года), терпения, постоянства и независимости.

Кроме того, я говорю везде *водолечение*, но разуметь под этим должно одну систему Призница, а отнюдь не толпы бездарных подражателей его, открывших уже с 1839 года до 60 заведений в Европе. Греффенбергская метода имеет с ними столь же мало общего, как с аллопатией, и многие из самых трудных пациентов Призница принадлежат к больным, залеченным гидропатами-невеждами.

Это мнение мое найдет себе в особенности много поборников[15] не только между докторами, которые, будучи не в силах утаить блестящих результатов гидропатии, стараются по крайней мере унизить творца ее, но даже и между недовольными больными греффенбергскими. Причина этому несколько слишком удачных излечений, которые возрождают во всех приезжих несбыточные надежды: не довольствуясь гением, от Призница требуют, чтобы он почти был богом. Обыкновенно упрекают его в неучености и бессилии отдать отчет в своих действиях. Но не возражая уже на первое, — что гений нередко мгновенными соображениями опережает многолетние школьные усилия, — можно привести в опровержение огромную практику Призница: с 1829 г. по первое января 1845 г. в его заведении перебывало 10500 человек лечащихся; он занимался ими исключительно один и из них не умерло и сорока человек, несмотря на то, что значительная часть была осуждена медиками. Что касается до теоретической безотчетности Призница, то он разделяет этот недостаток со многими другими гениями: Лафатер, одно из необыкновеннейших явлений мира, который угадывал уже не болезни или свойства тела, а души, — когда вздумал изложить свою теорию, написал книгу — в объяснениях его заключений совершенно непонятную, чтобы не сказать более. К тому же я и не думаю утверждать, что гидропатическая теория не сделает уже более успехов после Призница; но утверждаю лишь, что как гениальный практик (а это для больных главное) он один стоит на высоте не достигнутой никем или даже недостижимой. Может быть, многие из нынешних дюссельдорфских живописцев, учеников Гегеля, разовьют на кафедре полнее и отчетливее эстетическую теорию, чем бы мог сделать сам Рафаэль, но Преображения <никто из них> не создал еще никогда и едва ли создаст когда».

[1] См. ***1845. Марта 23 <апреля 4>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1845. Марта 17 <29>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[4] <Всеподданнейший доклад С. С. Уварова 24 марта 1845 г. о денежном пособии Гоголю, с резолюцией Императора Николая I> // *Свод.* Т. 1. С. 780.

[5] См. ***1845. Марта 27–28 <апреля 8–9>. Вторник-среда. Санкт-Петербург.***

[6] «Грефенберг, благодаря громкой репутации Присница, был модным местом лечения; кроме Гоголя, в нем были в короткое время А. О. Россет, Ханыков и А. П Толстой...» (позднейшее примечание дочери Смирновой, Ольги Николаевны).

[7] Возможно, полковник Иван Антонович Томич (ум. в 1877).

[8] Возможно, Иван Григорьевич Железнов (1778 — не ранее 1846), генерал-провиантмейстер военного министерства в 1834–1843 гг.

[9] М. В. фон Мандт (Мондт, Мандж) (см. ***1845. Марта 1 <13>. Четверг. Санкт-Петербург***).

[10] См. ***1845. Марта 20 <апреля 1>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[11] «Имение Смирновых Московской губернии, Коломенского уезда» (примечания О. Н. Смирновой). — См. ***1851. Июня после 25 — июля не позднее 8. С. Спасское.***

[12] Муж Смирновой.

[13] «Мопсики — дети, т. е. мы, моськи!» (примечание дочери Смирновой, Ольги Николаевны).

[14] Грефенбергская водолечебница (*нем.*).

[15] Здесь: противников.

МАРТА 25 <АПРЕЛЯ 6>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Император Николай I выносит на докладе С. С. Уварова о денежном пособии Гоголю[1] резолюцию: «С<огласен>»[2].

[1] См. ***1845. Марта 24 <апреля 5>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] <Всеподданнейший доклад С. С. Уварова 24 марта 1845 г. о денежном пособии Гоголю, с резолюцией Императора Николая I> // *Свод.* Т. 1. С. 780.

МАРТА МЕЖДУ 16 И 27 <МЕЖДУ МАРТА 28 И АПРЕЛЯ 8>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова пишет В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Я писала вам по оказии чрез М. М. Вьельгорского; не знаю, переслал ли он вам мое письмо[1]. Дело шло о Гоголе. Я просила вас писать к графу Орлову[2] по этому случаю. Мне некто, очень верный человек, которого вы любите и который вас любит, советовал вам обратиться прямо к Великому Князю Наследнику. Вот что!»

Из писем А. О. Смирновой // *Свод.* Т. 2. С. 203.

[1] См. ***1845. Марта 16 <28>. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1845. Апреля 19 <7>. Лазарева суббота. Франкфурт-на-Майне.***

МАРТА 27 <АПРЕЛЯ 8>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

По ходатайству В. А. Жуковского и А. О. Смирновой[1] Гоголю, отдельным указом[2], назначено денежное пособие от Государя на три года, по тысяче рублей серебром (или приблизительно по 4000 франков[3]) в год. Великий князь Александр Николаевич, прибавил от себя, на тот же срок (в зачет долга Жуковского[4]), по 1000 франков в год[5].

В тот же день министр народного просвещения С. С. Уваров написал письмо к Гоголю, которое передал тогда же П. А. Плетневу. В свою очередь Плетнев тем же вечером отнес письмо Уварова Смирновой – для отправления Гоголю во Франкфурт, на адрес Жуковского[6].

Из письма Уварова Гоголю: «Государь Император по всеподданнейшему ходатайству моему, обращая благосклонное внимание на литературные труды ваши, и принимая в уважение болезненное ваше состояние, требующее пользования заграничными минеральными водами, Всемилостивейше повелеть соизволил выдавать вам в течение трех лет по тысяче руб<лей> сер<ебром> ежегодно, из сумм Государственного Казначейства.

Уведомляя вас о сей Монаршей милости, считаю нужным присовокупить, что пожалованные вам деньги будут отпускаемы в С.-Петербурге под расписку г. действительного статского советника Плетнева, для доставления вам.

Мне приятно надеяться, что милость Царская оживит талант ваш на новую деятельность для пользы отечественной словесности»[7].

В. П. Гаевский в 1852 г. сообщал: «В 1845 году назначено было Гоголю, по Высочайшему повелению, пособие на три года по тысяче рублей серебром из сумм Государственного Казначейства. Гоголь в это время находился за границею. Назначенное ему пособие он получал чрез посредство П. А. Плетнева, которому доставил, в 1846 году, из Неаполя свою "Переписку", для издания ее в свет и поднесения Их Императорским Величествам и блаженной памяти Великому Князю Михаилу Павловичу»[8].

[1] Подробнее см. ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания).
[2] См. ***1845. Ноября 2 <14>. Пятница. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1845. Июня 18 <6>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***
[4] Долг Жуковского Наследнику составлял 4000 рублей (см. ***1844. Мая 25 <13>. Троицкая родительская суббота. Франкфурт-на-Майне***).

[5] См. ***1845. Мая средина (после 17) – мая конец <мая после 5 – мая средина>. Франкфурт-на-Майне.***
[6] См. ***1845. Марта 27–28 <апреля 8–9>. Вторник-среда. Санкт-Петербург.***
[7] Впервые напечатано: Материалы для биографий И. И. Дмитриева и Н. В. Гоголя // Северная Почта. 1865. 19 дек. № 277. С. 1107.
[8] *Гаевский В. П.* Заметки для биографии Гоголя // *Свод*. Т. 1. С. 329.

МАРТА 27–28 <АПРЕЛЯ 8–9>. ВТОРНИК-СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова в письме во Франкфурт, начатом 27 марта 1845 г. и отправленном 28 марта, посылает В. А. Жуковскому для передачи Гоголю[1] письмо к последнему С. С. Уварова[2]. Пишет Жуковскому:

«27-го марта 1845 года. Дело о Гоголе приняло самый счастливый оборот: Государь говорил с Уваровым, который, по словам Плетнева, был очень мил в этом случае, и ему назначили на три года по 1000 рубл<ей> с<еребром> в год. Скажите вы это ему и научите, что делать. Деньги будут получиться в казначействе, за год вперед; вероятно, на днях мы их вышлем. Пусть он знает, что все это сделано именем вашим, а не моим.

<28 марта>. При этом письмо к нему от брата Аркадия, который вам свидетельствует свое почтение. <...> Вчера вечером принес ко мне Плетнев следующее при сем письмо к Гоголю от Уварова, т. е. официальное извещение милостей Государя. Я нечаянно его распечатала. Заставьте, пожалуйста, Гоголя написать Уварову, или сделать то, что следует, по вашему мнению»[3].

В приложенном Смирновой письме к Гоголю Ар. О. Россета (от 28 марта 1845 г.), последний писал:

«Сестра передала мне поклон и желание ваше иметь сведения о последствиях моего лечения в Греффенберге у Призница[4]. Душевно благодарю вас за первое и каюсь, что, не отвечав на последнее ваше письмо[5], поступил, как человек, не получивший никакого тонкого светского обхождения. Очень затруднен отвечать вам положительно на второе. Окунувшись в воду, я вышел, не запачканный энтузиазмом; <не> принадлежу не только к отчаянным гидропатам, а скорее к противникам; между тем, памятуя о животе вашем, склонен посоветовать вам употребить этот способ и думаю, что при известном данном он может быть вам полезен. <...> В Греффенберге вы не возродитесь, как пишут в книгах, а можете поправиться, если на воду будете смотреть, как на гигиеническое средство, а гигиена предполагает умеренность. Боже вас сохрани от пятичасовых потений, салфеток мокрых на животе, душ стремящихся с высоты на ваше грешное тело, – все это хорошо для тех натур, которым можно влепить пятьсот палок, и они встанут, как встрепанные. Я знал одного генерала Олферьева[6] (он и теперь жив), который давал в руки повару и кучеру по нагайке и сам брал нагайку; они его били, он их, до тех пор, пока или он их, или они его не загонят за дверь. Такому благодатному телу под пару грефенбергское лечение, а мы с вами к таким упражнениям неспособны. <...> Предполагаю, что вы сели в дилижанку и едете к Призницу[7]... <...> Проезжая велите остановиться в Freiwaldau, местечке, отстоящем от Грефенберга на полторы версты; остановившись в трактире, <...> сходите в Грефенберг и отыщите Дегалета[8] (адъютанта кн<язя> Меншикова): он очень добрый и простой малый, проживающий там уже три года, и возьмите его к себе в дядьки ради немецкаго языка для приискания квартиры и переговоров с Призницем. Квартиру возьмите непременно в Freiwaldau; оне там дешевы и все устроены с ваннами; Дегалет и все будут вас уговаривать поселиться в Грефенберге, представляя, что там вода лучше, что там по устроению душ вода стремится с высот "четырьмя скалами", что там Призниц нарочно дает гадкую пищу, чтоб приучить желудок к гадостям, и прочее; вы им не верьте, а устройте квартирку комфорта первейшего свойства: чтоб ванна была поближе от спальни, чтоб была теплая и без сквозного ветра; надобно знать, что Грефенберг в горах, климат петербургский, всегда ветер, дождь, сырость, и Боже сохрани от простуды, но о сем последнем

я ниже распространяюсь. Когда будете говорить с Призницем, много не болтайте о болезни, да он вас и слушать даже не станет, скажет: "gut; я приду завтра утром", или тотчас поведет вас в ванную и, по действию воды на ваше тело, как уверяют, предпишет вот что: 1) утром в шесть-семь часов *лентух*, т. е. вас подымут с постели и голого завернут в мокрую простыню на ¾ часа времени, покуда вы не согреетесь, и потом, развернув, бросят в ванную на минуту или две; потом поскорее одевшись, пойдете бегать и пить 8 или 10 стаканов воды до завтрака, состоящего из холодного молока или кислого молока; 2) до двенадцатого отдых и потом зитцбад, т. е. ванна... в ванной на полчаса, потом опять гульба для согревания этой части и во время прогулки питие двух или четырех стаканов воды; после обеда и до 4 или 5 часов отдых; потом опять лентух, т. е. повторение утреннего, и конец. Сверх сего он непременно предпишет вам *умшлаг*, т. е. мокрую салфетку, постоянно на животе с утра до вечера и на ночь. Вы ее *отнюдь* не носите или носите с умеренностью, т. е. носите до тех пор, пока у вас тело не начнет краснеть и образовываться лишай, что обыкновенно бывает после четырех или шести недель; как покраснеет, бросьте умшлаг к чорту; этим лишаям приписывают сумасшедшие удивительную силу, утверждая, что гниением их выходит из живота нечистота и от холодной мокрой салфетки укрепляется желудок и приучается к сырости и холоду; первое — вздор: лишаи происходят не вследствие выходящей нечистоты из живота, а от прикосновения сырости к телу, точно так, как бы прикладывая постоянно мокрую тряпку к руке или ляшке, под тряпкою образовался бы лишай; второе — может быть; но это укрепление от умшлага, конечно, не вознаградит того раздражения нервов, которое произведут лишаи; они так чешутся, что вы будете лезть на стену, плакать от бешенства днем и просто рыдать по ночам. Если пожалуетесь Призницу, что у вас бывают головные боли, он перед обедом или вечером предпишет головные ванны; вы их берите; так как на вид вы крепки, он велит, может быть, сначала становиться под душу, также перед обедом. Соблюдайте следующее: становитесь всегда под слабую, 2) не оставайтесь долго, отнюдь не более минуты или двух, 3) замечайте действие первых душ; если кровь очень будет волноваться, перестаньте их брать (я, например, под душею почувствовал прилив крови к затылку, а на другой день кровь пошла из носу; вечером же в дни душей, ложась спать, не мог заснуть два или три часа, чувствовал такое волнение крови, что, казалось, будто она хлынет у меня из горла); 4) соображайтесь с юмором[9] и состоянием тела; не берите се, если чувствуете зябкость, если сыро или ветрено или просто почувствуете нежелание стать под душу. На сие последнее я особенно напираю и советую даже совсем прекратить лечение на день или два, если будете не расположены. В Греффенберге вы будете под влиянием общей болезни: будете испытывать род угрызения совести, если не возьмете лентух или зитцбад; это совершенный вздор; отнюдь не принуждайте себя и тем себя не раздражайте. Вы увидите также людей, ходящих без шляп и с открытой грудью, с босыми ногами — это все энтузиасты, которые хотят и думают из тела сделать кусок гранита, в полной надежде, что достигнут того, что если их положить на день между двумя льдинами, они не замерзнут. Бойтесь, главное, простуды; главная польза в водолечении это от легкой испарины, возбуждаемой после купанья ходьбою, и потому не возвращайтесь домой иначе, как совершенно согревшись, и для сего одевайтесь теплее; для сего тем необходимее предосторожности, что, как увидите, климат в Греффенберге ужасный: вьюга, ветер, холод, дождь и сырость — даже в летнее время. То, что я вам говорю, говорю вследствие опыта; покуда я брал одни лентухи, разведенные ванны, т. е. не ниже восьмиградусных, зитцбады, т. е. лечился умеренно, я чувствовал себя несравненно лучше. К горю моему, я подпал под влияние тех дураков, которых нашел в Греффенберге, и хотел радикально вылечиться, т. е. быть тем, чем Бог не судил мне быть, каким-то богатырем, и стал увеличивать приемы; души, чесание лишаев, беспрерывная зябкость, — которую ощущал, ибо жил в гадкой квартире, и одевался не тепло, — меня доканали: выехал хуже, чем туда приехал. Мне даже простые ванны были сильны: только что брошусь, чувствую сильный удар в голову и в затылок и вместе кровь шла из носу в самой ванне; я должен был ограничиться разведенными ваннами. Не лечитесь водой, а освежайте ею ваше тело: долгое и постоянное освежение, которое можно всегда производить, разумеется, полезно; питье же воды непременно будет способствовать пищеварению, вас прочистит, и желудок приобретет навык и силу переваривать пищу, и через это получите силу. — Вы можете сказать, что Призница советы будут лучше моих: но дело в том, что Призниц, может быть, лечил

хорошо, когда был беден, был бедный мужик; теперь имеет более ста тысяч дохода, о больных столько заботится, сколько о своих старых сапогах. Он немец, а немец если по натуре выйдет хороший человек, — он бывает очень хорош; если же дурной, то представляет самое холодное животное в мире. Призниц — сие последнее. Участия в больных никакого! Обыкновенно приезжающие вначале смотрят на него, как на Спасителя, потом охлаждаются и после редко с ним советуются, потому что он не любит этого, и лечатся каждый по-своему, приобретя некоторый навык от разговоров между собою.

Вот вам, любезный Николай Васильевич, моя проповедь о воде; передаю вам те мысли, которым бы сам следовал, если б не опротивела мне вода. Прибавляю еще: отнюдь не верьте книгам; я их перечитал много, проверил опытом и убедился только в том, что каждый из нас более или менее знает: "человек есть ложь"[10]. Если вообще в книгах более лжи, чем правды, то в водяных все ложь и нет тени правды. Те люди, над которыми совершились чудеса и которые по книжным спискам давно вылечились и благословляют Призница, сидят и ныне в Греффенберге, в числе их Дегалет, который там три года и семь месяцев переносит это лечение. Жизнь в Греффенберге дешева: месяц обойдется не более 100 или 200 фр<анков>. Если за 5 или 6 месяцев, которые там останетесь, дадите Призницу 100 или 120 фр<анков>, он будет доволен.

О себе скажу, что я плох; думаю ехать за границу, но для этого нужны деньги, а у меня их нет; еще не решил, поеду или нет.

Не знаю, письмо мое облегчит ли вам решение ваше, или только затруднит более. Мой совет вам — ехать, но быть осторожным, умеренным в средствах».

[1] См. ***1845. Апреля 13 <25>. Страстная пятница. Висбаден.***

[2] См. ***1845. Марта 27 <апреля 8>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[3] Из писем А. О. Смирновой // *Свод.* Т. 2. С. 204.

[4] См. также ***1843. Мая 26 <14>. Пятница. Грефенберг-Фрейвальдау.***

[5] См. ***1844. Февраль <января средина — февраля средина>. Ницца.***

[6] Вероятно, имеется в виду генерал-лейтенент (с 1835 г.), генерал от кавалерии (с 1851 г.) Павел Васильевич Олферьев (Алферьев, 1787–1864). Гоголь знал его в Петербурге (см. ***1831. Март. Санкт-Петербург***), а его жену, Софью Васильевну Олферьеву, с дочерьми Марией и Екатериной видел в Риме (см. ***1841. Февраля 14 <2>. Воскресенье. Праздник Сретения Господня. Вечер. Рим***; ***1841. Марта 11 <февраля 27>. Четверг. Вечер. Рим***; ***1841. Марта 19 <7>. Пятница. Рим***; ***1842. Декабря 3 <ноября 21>. Суббота. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Рим*** — примечания; ***1843. Января 9 <1842. Декабря 28>. Понедельник. Рим***).

[7] Гоголь отправился в Грефенберг в августе 1845 г. (см. ***1845. Августа 15 <3>. Пятница. Карлсбад***; ***1845. Августа около 21 <около 8> — сентября 21 <9>. Грефенберг-Фрейвальдау***).

[8] Дмитрий Спиридонович Дегалет, лейтенант, адъютант начальника Главного морского штаба, адмирала князя Александра Сергеевича Меншикова (1787–1868). — См. также ***1846. Июня 18 <6>. Четверг. Грефенберг-Фрейвальдау.***

[9] «Это слово следует здесь понимать в смысле французскаго слова: humeur» (настроение, расположение духа) (примечание В. И. Шенрока; см.: *Шенрок.* Т. 4. С. 341).

[10] Пс. 115, 2; Рим. 3, 4.

АПРЕЛЯ 8 <МАРТА 27>. ВТОРНИК. ПАРИЖ

А. И. Тургенев отметил в дневнике:

«Писал к гр<афу> Толстому, прислал книги Гоголя, но не все!»[1]

Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 79.

[1] Ср. дневниковую запись А. И. Тургенева от 25 октября (н. ст.) 1838 г.: ***1838. Октября 25 <13>. Четверг. Париж.*** См. также ***1845. Апреля 9 <марта 28>. Среда. Париж.***

АПРЕЛЯ 9 <МАРТА 28>. СРЕДА. ПАРИЖ

А. И. Тургенев записывает в дневнике:

«...Писал к Жуков<скому> о приезде: куда и когда? о книгах, не отдан<ных> Гоголем...»

Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 79. – См. также ***1845. Апреля 8 <марта 27>. Вторник. Париж.***

МАРТА 29 <АПРЕЛЯ 10>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Н. М. Языков пишет ответное[1] письмо Гоголю во Франкфурт:

«Я что-то долго уже не писал к тебе[2]; как-то все откладывал день за день и этак этаких дней накопилось у меня довольно много. Ты, брат, кажется мне – я слышал от Надежды Николаевны[3] – предаешься и поддаешься хандре и впадаешь в уныние и следственно в бездействие! Я приписывал это вовсе не нездоровью твоему, а только худой погоде: я, брат, по собственному опыту, по собственному сердцу знаю, как сокрушительно действует слякоть, непроходимый дождик, несвоевременный снег и туманный воздух на нашего брата, как говорится, нервического человека. Теперь, конечно, уже и во Франкфурте весна установилась, и я думаю, надеюсь, что ты стал бодрее и ходче. Воображаю тебя подымающимся ранним рано поутру и уединенно бродящим под густыми каштанами того места, где поставлен памятник Гете!! Здесь про тебя ходят слухи вот какие: что ты учишься по-гречески, что собираешься в Италию и оттуда уже в Иерусалим[4], и только! Я сердечно буду рад, когда узнаю, что все это правда. В Италии ты, конечно, будешь, так сказать, в своей тарелке, а поездка (в) Иерусалим увенчает одно из лучших и заветнейших твоих желаний. Погодин едет в Мариенбад, а его путешествие в Святую землю, кажется, отложено в длинный ящик.

Все ли мои письма дошли до тебя? Я вижу, что ты уехал из Парижа, не получив двух из них[5]?

У нас все идет своим порядком, т. е. новым порядком, хлопочем о "Москвитянине", и есть успех: отовсюду получают похвалы ему, и ты, конечно, похвалишь его.

Иноземцев оставляет меня и на лето текущего года все-таки в Москве, под его близким надзором: это-де необходимо!»

[1] См. ***1845. Марта 15 <3>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[2] Ср. ***1845. Марта 10 <22>. Суббота. Москва.***

[3] Шереметевой. См. письмо к ней Гоголя, приложенное к письму Языкову: ***1845. Марта 14 <2>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Марта 15 <3>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Марта 20 <апреля 1>. Вторник. Москва.***

[4] Вероятно, основанием для слухов послужили строки письма Гоголя к Н. Н. Шереметевой от 14 марта (н. ст.) 1845 г. из Франкфурта: «...Как только поможет Бог мне дотянуться до будущего года, то в начале его и не откладывая уже на дальнейшее время, отправляюсь в Иерусалим. С нынешнего лета или осени отправляюсь в Италию, с тем, чтобы оттуда быть наготове сесть на корабль» (см. ***1845. Марта 14 <2>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***). – См. также ***1845. Мая 5 <апреля 23>. Понедельник. Венеция.***

[5] Имеются в виду письма Языкова с вложением стихотворений «К молодому человеку» (К. С. Аксакову) (см. ***1845. Января 17 <29>. Среда. Москва***) и «Старому плешаку» (П. Я. Чаадаеву) (см. ***1845. Февраля 17 <марта 1>. Суббота. Москва***). – См. также ***1845. Апреля 5 <марта 24>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

МАРТА 31 <АПРЕЛЯ 12>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вице-директор Департамента государственного казначейства А. И. Ростовцев[1] извещает министра народного просвещения С. С. Уварова:

«Во исполнение Высочайшего повеления, объявленного Г. Министру Финансов Г. Министром Народного Просвещения от 26-го сего Марта, за № 445, предписано Главному Казначейству пожалованные Литератору Николаю Гоголю по 1000 р<ублей> сер<ебром> в год, в течении трех лет, отпускать под росписку Ректора С. Петербургского Университета Действительного Статского Советника Плетнева; о чем Департамент Государственного Казначейства имеет честь уведомить Департамент Народного Просвещения»[2].

В тот же день Ф. В. Булгарин в «Северной Пчеле» замечал о «Тарантасе» графа В. А. Соллогуба:

«Автор в этом рассказе, как и во всем, что он до сих пор написал, более *рисует*, нежели мыслит и чувствует, точно так же, как и г. Гоголь, образец и основатель этой новой школы; но *рисунки* графа Соллогуба чисты, опрятны и многие из них даже изящны»[3].

[1] Александр Иванович Ростовцев (1800–1867), тайный советник, вице-директор Департамента государственного казначейства.
[2] *Свод.* Т. 3. С. 563.
[3] <*Булгарин Ф. В.*> *Ф. Б.* Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1845. 31 марта. № 73. С. 291.

АПРЕЛЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА <МАРТА ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь, вероятно, получил от графа А. П. Толстого из Парижа письмо и посылку с рукописным сборником Ф. Н. Беляева Литургии св. Василия Великого на греческом и латинском языках, выпиской Беляева «о каждении», списком протоиерея Д. С. Вершинского стихотворения святителя Филарета, митрополита Московского, «Не напрасно, не случайно / Жизнь от Господа дана...»[1], а также с двумя письмами Н. М. Языкова из Москвы, от 17 января и 17 февраля 1845 г., адресованными Гоголю в Париж[2]. Возможно, тогда же Гоголь написал Толстому ответное письмо[3] (не сохранилось).

[1] См. ***1845. Марта 20 <8>. Четверг. Париж.***
[2] Первое письмо — с вложением стихотворения «К молодому человеку» (К. С. Аксакову) (см. ***1845. Января 17 <29>. Среда. Москва***); второе — с вложением стихотворения Языкова «Старому плешаку» (П. Я. Чаадаеву) (см. ***1845. Февраля 17 <марта 1>. Суббота. Москва***). — См. также ***1845. Марта 29 <апреля 10>. Четверг. Москва***; ***1845. Апреля 5 <марта 24>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[3] См. ***1845. Мая 11 <апреля 29>. Воскресенье. Париж.***

АПРЕЛЯ СРЕДИНА <АПРЕЛЯ НАЧАЛО>. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь посылает иерею Иоанну Базарову, настоятелю вновь учрежденной русской домовой церкви в Висбадене, записку:

«Приезжайте ко мне причастить меня, я умираю».

Из воспоминаний о. Иоанна Базарова: «Как первые крестины для меня были в доме Жуковского[1], так и первая исповедь, которую мне пришлось совершить, была также над ним. Я не забуду, как меня, молодого и неопытного духовника, подавлял собою авторитет этого тогда уже маститого поэта, которого мы изучали в школах как одного из важнейших корифеев нашей отечественной литера-

туры. Выслушав его глубокую, можно сказать, высоко христианскую исповедь, я не мог ему ничего другого сказать, как сознаться в своей молодости и пастырской неопытности перед ним. В ответ на это он поцеловал мне руку, сказав: "Лучше этого урока смирения вы и не могли мне преподать".

Вскоре мне пришлось в семействе же Жуковского познакомиться и с другим нашим литературным художником Н. В. Гоголем. Это было время начинавшейся его нервно-нравственной болезни. Раз я получил от него из Франкфурта записку такого содержания: "Приезжайте ко мне причастить меня, я умираю". Приехав на этот зов в Sachsentrausen[2] (заречная сторона Франкфурта, где жил Жуковский), я нахожу мнимо умирающего на ногах, и на мой вопрос, почему он считает себя таким опасным, он протянул мне руки со словами:

— Посмотрите! совсем холодные!

Однако мне удалось убедить его, что он совсем не в таком болезненном состоянии, чтобы причащаться на дому, и уговорил его приехать в Висбаден поговеть, что он и исполнил[3]»[4].

[1] Крестины сына Жуковского Павла (1/13 января 1845–1912) (см. ***1845. Января 13 <1>. Понедельник. Праздник Обрезания Господня. Франкфурт-на-Майне***).

[2] Литографию «Дом, где жил В. А. Жуковский, в Саксенгаузене, близ Франкфурта на Майне, с мая 1844 до августа 1848 г.» см. в изд.: Живописный Сборник замечательных предметов из наук, художеств, промышленности и общежития. Издание А. А. Плюшара. СПб., 1853. <Т. 3> (цензурное разрешение 6 дек. 1852). С. 360.

[3] См. ***1845. Апреля 23 <11>. Великая среда. Франкфурт-на-Майне, Висбаден***; ***1845. Апреля 27 <15>. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Висбаден, Франкфурт-на-Майне***.

[4] Воспоминания протоиерея И. И. Базарова // *Свод.* Т. 3. С. 564.

АПРЕЛЯ 15 <3>. ВТОРНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский отмечает в дневнике:

«*3/15 <апреля>, вторник.* <...> Кончил сказку о Иване Царевиче. Чтение с Гоголем».

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 43.

АПРЕЛЯ 4 <16>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев сообщает Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«То, что заломили мы со Смирнихой для Гоголя[1], почти исполнилось. Государь уже приказал выдавать ему по 1 т<ысяче> р<ублей> сер<ебром> в течение трех лет».

Свод. Т. 1. С. 671.

[1] См. ***1845. Марта 22 <апреля 3>. Четверг. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 19 <7>. ЛАЗАРЕВА СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский, по просьбе А. О. Смирновой[1], пишет в Петербург начальнику III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии графу А. Ф. Орлову:

«Александра Осиповна Смирнова писала ко мне, что когда она говорила с Вашим Сиятельством о *Гоголе*, то вы выразили ей желание знать о нем мое мнение. Спешу выразить его как можно короче, зная, что вы записной враг длинных писем.

Гоголь есть один из самых оригинальных русских писателей. Написал мало потому, что часто бывает болен, но что написал, то чрезвычайно значительно. В таких людях, как он, самое важное есть та *надежда*, которую подают они: если эта надежда часто не исполняется, то виною тому их обстоятельства, а не их воля. Гоголь есть одна из этих *больших надежд*; но обстоятельства, которые грозят этой надежде неисполнением, суть *болезнь* и *бедность*. Чтобы писать, надобно быть здоровым или хотя полуздоровым; кто же болен, тому надобно вылечиться; чтоб вылечиться, надобно иметь карман полный или хотя бы полуполный; чтобы, вылечившись, писать, надобно что-нибудь притом есть и пить не раз в неделю, а каждый день один раз; и для этого нужна вышесказанная полуполнота кармана. Гоголь болен и болен нервами (это я видел в его шестимесячное пребывание у меня во Франкфурте[2]); вылечиться ему нечем, а если и вылечится, то нечем будет доставлять себе удовольствия есть каждый день. Следовательно, Гоголю ни больному, ни здоровому нельзя будет писать, если не вступится в судьбу его сила высшая. Такого рода забота достойна души графа Орлова. Ломоносову был покровителем граф Шувалов, Карамзину (прежде нежели Александр сделался его искренним другом) М. Н. Муравьев, Пушкину — сам Государь Николай Павлович; Россия им за то благодарна. Она будет благодарна и графу Орлову, если он для нее сохранит дарование Гоголя истинно русское и даст этому дарованию жизнь, избавив его от борьбы с обстоятельствами, часто убийственными. Прибавлю еще одно: Гоголь по характеру и по своей жизни человек самый чистый, а по своим правилам враг всякого буйства; он вполне христианин. За все это я ручаюсь»[3].

Получив письмо Жуковского, граф Орлов составил доклад Императору, в котором сообщал: «Тайный советник Жуковский, узнав, что до меня дошли сведения о бедственном положении писателя Гоголя, известного и уважаемого публикою по комедии его "Ревизора", роману "Мертвые души" и другим сочинениям, в доставленном ко мне письме свидетельствует, что Гоголь, по изданным им сочинениям, по дарованию истинно русскому и еще более по той надежде, которую он подает в будущем, заслуживает исключительного покровительства, по примеру писателей наших Ломоносова, Карамзина и Пушкина, а между тем крайняя бедность угнетает его до такой степени, что он не имеет средств ни лечиться от болезней, коими страдает, ни даже содержать себе, и лишен всякой возможности предаться литературным занятиям. Жуковский присовокупил к сему, что Гоголь и по образу жизни и по правилам своим есть человек в полном смысле благонамеренный.

Как Ваше Императорское Величество сами изволили мне отзываться, что на Гоголя уже обращено Всемилостивейшее Ваше внимание, то представляя при сем в подлиннике письмо тайного сов<етника> Жуковского, имею счастие всеподданнейше ходатайствовать, не удостоите ли Высочайше повелеть выдать Гоголю единовременное вспомоществование»[4].

Однако оказалось, что Гоголю пособие уже было назначено. Об этом Орлов известил Жуковского в письме от 30 апреля 1845 г.[5]

В тот же день, 19 апреля (н. ст.) 1845 г., Жуковский писал А. О. Смирновой в Петербург:

«Милая Иосифовна, не имею ни минуты более для написания к вам длинного письма. Да и не нужно. Ваше получил и малюсенькое[6] и большое[7] из Берлина. По сему последнему писал к Орлову, сославшись на вас. Доделывайте и скажите Орлову пояснее, что помощь единовременная будет только пальятив, что Гоголю нужно что-нибудь верное и что это можно и должно сделать. Мое письмо, надеюсь, его приготовит к вашему более убедительному красноречию, сопутствуемому необыкновенным красноречием очей ваших. <...> Письмо к Орлову отправлено теперь с <*1 нрзб.*>»[8].

[1] См. ***1845. Марта 16 <28>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1845. Марта между 16 и 27 <между марта 28 и апреля 8>. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1844. Около июня 8 — июля 24 или 25 <около мая 27 — июля 12 или 13>. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Сентября 21 <9> — 1845. Января 10 или 11 <1844. Декабря 29 или 30>. Франкфурт-на-Майне.***

[3] Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод*. Т. 2. С. 59–60.

[4] *Свод*. Т. 2. С. 60.

[5] См. ***1845. Апреля 30 <мая 12>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1845. Марта между 16 и 27 <между марта 28 и апреля 8>. Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1845. Марта 16 <28>. Пятница. Санкт-Петербург.***
[8] Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 60.

АПРЕЛЯ 23 <11>. ВЕЛИКАЯ СРЕДА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ, ВИСБАДЕН

Гоголь с В. А. Жуковским переезжают из Франкфурта в Висбаден, где приступают к говению в преддверии Пасхи.

В Висбадене находилась русская домовая церковь, настоятелем которой был иерей Иоанн Базаров.

Из воспоминаний о. Иоанна Базарова: «...Бывши у меня в кабинете и рассматривая мою библиотеку, он заметил и свои сочинения.

— Как! — воскликнул он чуть не с испугом, — и эти несчастные попали в вашу библиотеку!

Это было именно то время, когда он раскаивался во всем, что им было написано»[1].

В. А. Жуковский отметил в дневнике: «*11/23 <апреля>, середа.* Отъезд в Висбаден. Чтение с Гоголем о исповеди»[2].

Имеется в виду либо статья Жуковского «Как достигать состояния покаяния...», законченная 14/26 апреля 1845 г. (на это предположительно указывает дневниковая запись Жуковского от 13/25 апреля 1845 г.: «Продолжал писать о исповеди»[3]), либо, судя по записи в дневнике от 12/24 апреля 1845 г. («О причащении»)[4], — статья «Причащение Святых Тайн...», заключительный фрагмент которой также посвящен исповеди (среди «Мыслей и замечаний» Жуковского эта статья находится непосредственно перед статьей «Как достигать состояния покаяния...» и после статьи, датированной 12/24 апреля 1845 г.)[5]. В эти же дни Жуковский написал отрывок «Без самоотвержения нет молитвы...» (в «Мыслях и замечаниях» находится после статьи «Как достигать состояния покаяния...»)[6]. Позднее отрывок «Без самоотвержения нет молитвы...» Жуковский включил в литературное письмо к Гоголю «О молитве» (конец 1847 г.)[7].

Общение с Жуковским не могло не оказать влияния на создание Гоголем книги о Литургии.

[1] Воспоминания протоиерея И. И. Базарова // *Свод.* Т. 3. С. 564.
[2] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 43.
[3] См. ***1845. Апреля 13 <25>. Страстная пятница. Висбаден.***
[4] См. ***1845. Апреля 24 <12>. Великий четверг. Висбаден.***
[5] См.: *Жуковский В. А.* Мысли и замечания / Публ., вступление и примеч. А. С. Янушкевича; коммент. В. Я. Лазарева // Наше наследие. 1995. № 33. С. 58–60.
[6] *Жуковский В. А.* Мысли и замечания. С. 60–61.
[7] См. также ***1847. Февраля 18 <6>. Четверг. Франкфурт-на-Майне*** (примечания); ***1851. Октября 1. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы.***

АПРЕЛЯ 24 <12>. ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ. ВИСБАДЕН

Гоголь читает с В. А. Жуковским одно из слов св. Иоанна Златоуста и, вероятно, свою выписку «Приготовление к Исповеди и Причащению» из первого тома «Христианского Чтения» за 1842 г. (из помещенного здесь «Слова приготовительного к исповеди и причащению Пречистых Таин Христовых на пяток первыя недели св. Четыредесятницы»)[1].

Вечером присутствуют в храме на службе Страстной пятницы. После службы читают сочинения св. Димитрия Ростовского.

Из дневника Жуковского: «*12/24 <апреля>, четверг.* О причащении. Письмо к жене. Чтение Иоанна Златоуста. О причащении в “Христ<ианском> Чтении”. Прогулка. Письмо от жены. Всенощное чтение XII Еванг<елий>. Чтение в Димитрии Ростовском, разговоры»[2].

[1] См.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 88–94, 824.
[2] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 43.

АПРЕЛЯ 25 <13>. СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА. ВИСБАДЕН

В. А. Жуковский отмечает в дневнике:

«*13/25 <апреля>, <Страстная> пятница.* Продолжал писать о исповеди[1]. Чтение Лютера и выписки из него. Чтение Акафистов с Гоголем. <...> Письмо от Смирновой[2] и от Уварова к Гоголю»[3].

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 43.

[1] См. ***1845. Апреля 23 <11>. Великая среда. Франкфурт-на-Майне, Висбаден.***
[2] См. ***1845. Марта 27–28 <апреля 8–9>. Вторник-среда. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1845. Марта 27 <апреля 8>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1845. Апреля конец, после 25 <апреля между 13 и 18>. Висбаден или Франкфурт-на-Майне.***

АПРЕЛЯ 11–14 <23–26>. ВЕЛИКАЯ СРЕДА – ВЕЛИКАЯ СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова пишет ответное[1] письмо Гоголю во Франкфурт:

«Давно я не писала вам, любезный друг мой, давно не благодарила вас за письмо ваше. <...> Сбылись мои предчувствия: вся живость, легкость, все силы душевные, набранные под вашим руководством, все это меня оставило в беспрестанной и утомимой борьбе с настоящими моими данными. Весна пришла – погода ли, вследствие ли моего коклюша, нравственная ли причина или стеснение причин разных и более или менее грустных, но я так расстроена, так обессилела, что никак не могу прийти в свое прежнее состояние. Ничего не делаю, даже не читаю, плачу беспрестанно, слезы от малейшей вещи навертываются на глаза, молюсь и не нахожу успокоения. Чувствую в особенности такое одиночество; братья мои все разбрелись, да от них и мало отрад; один только Аркадий успокаивает мое сердце. Светские связи и обязанности день ото дня делаются мне тягостнее. Которые из этих связей не основаны на расчетах? спрашиваю я вас. Ни мое положение, ни даже моя собственная фигура не дают мне права ожидать, чтобы мною занимались, и в мои лета становится тягостно искать вне домашнего круга отдохновения. Опять, несмотря на всю натяжку светских отношений, они мне нужны, как развлечение. Это с летами становится беспрестанно тяжелее и тяжелее. Но если бы вы знали, сколько скуки я переношу, потому что и знакомые мои ищут себе веселее круга, а иначе бы зачем и выезжать? Таким образом проходят дни, когда я не выезжаю, что просиживаю одна с книгой в руке и в грустном раздумьи. Нет, не далось мне это счастье – иметь даже друга в Петербурге, которого бы я могла видеть, как вас, ежедневно, с которым говорила бы, если не так откровенно, как с вами, по крайней мере не выискивая сюжетов светских и пустых. Иногда я себя укоряю в этом: вероятно, нет во мне той привлекательной теплоты сердечной, которая переходит невольно в обращение; а между тем, если бы вы знали – да вы и знаете – как мое сердце просто! и с какою благодарностью принимает ласки и малейшее участие! Так как теперь у меня нервы очень расстроены, мне все представляется в преувеличенном виде, и ум настроен самым грустным образом. Плакать я готова беспрестанно. Вчера сподобилась причаститься с детьми. Душа как-то молчала тихо и грустно; мысли сливались с нею в одной неизъяснимое состояние бессознания самой себя в зту минуту. Плакалось, потому что плачется беспрестанно, когда я в церкви; но это не те слезы, до которых достигает душа, уже оторвавшаяся от всего земного. Крепко и крепко привязана я еще к земному, а меж тем не люблю это земное и не чувствую никогда удовлетворения в обладании земных благ.

Меня в особенности терзает скука и одиночество посреди шумного, населенного города, – можно сказать, отчуждение мое от того света, где поставили меня обстоятельства и к которому я не касаюсь никакими интересами. Настоящих дружеских отношений здесь так мало, так много основано на расчетах, и если бы двор меня не поддерживал, то, вероятно, никто бы из старых знакомых и не глядел бы на меня[2]. Здесь я живу так же одиноко, как в Бадене, не могу больше принимать живого участия в пустых сплетнях, не танцую, не вожусь ни с бабенками, ни с молодежью, потому сижу одна, как дура, да и делом не занимаюсь. Если бы глаза мои не так ясно смотрели на все, то я бы жаловалась на окружающие предметы, на ничтожность петербургской жизни, повторяла бы все эти пошлые отговорки тех, которые собою недовольны. Но я знаю, что дело все зависит от меня, и что зло во мне обретается. Зло это есть гордость и тщеславие, с которыми я свыклась, может быть, не столько от собственного расположения, сколько вследствие жизни мне привитой и первых блистательных годов моей жизни. Теперь совершается переход к другой жизни, и этот переход будет труден, пока не подрастут дети и не займут меня исключительно. Слова ваши всегда оправдываются: губерния, на которую я смотрела с ужасом, мне теперь представляется как отдохновение. По крайней мере не будет это несносное ни то, ни се[3]; там буду работать деятельно и усердно, для отдыха читать и писать, и между тем копить барышням на приданое. Ничего нет труднее, как плавать меж двух вод, – не делать ничего положительно дурного и ничего положительно хорошего, а пока принадлежишь свету, невольно светское овладевает душою, до того мельчаешь, доходишь до таких подлых и низких движений, что, не закрасневшись, нельзя в них признаваться. Скажу вам откровенно, что в старину этого со мною не было, что это в особенности развилось нынешний год, а теперь дошло до болезненного состояния. Богу угодно было наказать меня за мои грехи и унизить в собственных глазах. Вы же помолитесь обо мне, потому что я страдаю от этого состояния; помолитесь обо мне крепко, потому что вы уже дошли до благодати молитвы, а мне теперь совершенно нельзя молиться. Сердце не чувствует успокоения и отрады от молитвы; болезненная мысль беспрестанно отрывает его от молитвы. Старые, скверные помыслы заменились теперь другими, исполненными неудовлетворенной гордости и страшным опасением за будущность, которая не представляется самым унылым уединением без друга и без помощника. Вы избаловали мое сердце, и будь вы при мне, все пришло бы в свой порядок, а Бог весть, где и когда нам нужно свидеться. Одно отдохновение для меня, это – присутствие Аркадия, который, благодаря Бога, спокоен душою и теперь у меня почти безотлучно. Я смотрю на него с благодарностию, но чувствую, что ему нет отрады от меня.

У Софьи Михайловны[4] была корь[5] в доме, оттого я ее давно не видала. Она притом беременна, не может много выезжать, и я ее видела очень мало, равно и Апполину Михайловну[6]. Не знаю, что думать о неаккуратности Михаила Михайловича[7]. Он даже мне не отвечал на одно письмо, где я просила у него книг. Поклонитесь от меня Жуковским. Прощайте, я еду в деревню. В теперешнем моем состоянии это хорошо, может быть. Я пишу три дня это письмо. Завтра[8] Светлое Воскресение. Христос воскресе! Обнимаю вас, прекрасный друг мой, могу сказать – единственный. Как бы мне нужно было вас увидеть, вы не можете себе этого и во сне представить».

В 1893 г. дочь Смирновой, Ольга Николаевна, поясняя заключительные строки настоящего письма, замечала: «Вскоре после этого моя мать заболела, и мы все лето 45 г. провели в Павлине, на Петергофской дороге, на даче у Вьельгорских: они занимали с Сологубами и Веневитиновыми большую, а мы маленькую дачу. Отца моего назначили в Калужскую губернию: он пил воды в Павлине, а к *августу* уехал в Калугу, мы же с матерью уехали в Москву в октябре[9], а потом в Калугу[10]. Моя мать очень страдала хандрой много лет, *боялась ее и боялась смерти*»[11].

[1] См. ***1845. Апреля 2 <марта 21>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***

[2] «Петербургское общество очень скоро забывает: 2 года отсутствия – это век в Петербурге» (позднейшее примечание дочери Смирновой, Ольги Николаевны).

[3] Подробнее см.: ***1829. Апреля 30. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[4] Графиня Соллогуб (рожд. графиня Виельгорская).

[5] См. ***1845. Апреля 15 <27>. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Санкт-Петербург.***

[6] Веневитинова (рожд. графиня Виельгорская).

[7] Графа Виельгорского, «относительно присылки книг» (примечание О. Н. Смирновой).

[8] См. ***1845. Апреля 15 <27>. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Санкт-Петербург.***
[9] См. ***1845. Октября около 26 <ноября около 7>. Москва.***
[10] См. ***1845. Ноября 13 <25>. Вторник. Калуга.***
[11] Пушкин и Гоголь. (Неизданные исторические документы) // Северный Вестник. 1893. № 1. С. 258.

АПРЕЛЯ 14 <26>. ВЕЛИКАЯ СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«Конечно, утешительно, что столь замечательному таланту, как Гоголь, доставлено вспоможение[1]; только грустно, что и подобные добрые дела производятся не обыкновенным, натуральным порядком, а проселочными дорогами. <...> Я не перестану говорить, что в благоустроенном обществе должно быть все предусмотрено и на все должны быть постановления».

Свод. Т. 1. С. 671.

[1] См. ***1845. Апреля 4 <16>. Среда. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 23–27 <11–15>. ВЕЛИКАЯ СРЕДА – СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ВИСБАДЕН

В период пребывания в Висбадене Гоголь знакомится с А. С. Жиряевым.

Спустя около месяца, 20 мая (н. ст.) 1845 г., Жиряев сообщал В. В. Ганке: «Русскую Пасху[1] встречал в русской церкви в Висбадене, где познакомился с двумя русскими знаменитостями: Жуковским и Гоголем. Оба приехали из Франкфурта говеть и разговляться. Последний намерен ехать в Испанию и Португалию[2]: он в природе своей — прямая противоположность тому, каким он является в своих уморительных Повестях и Комедиях: гипохондрик в высшей степени. Впрочем, он действительно не совсем-то здоров, хотя болезнь свою он уже слишком преувеличивает в своем воображении».

Свод. Т. 3. С. 566.

[1] См. ***1845. Апреля 27 <15>. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Висбаден, Франкфурт-на-Майне.***
[2] Ср. ***1837. Июня после 27 – июля до 15 <июня после 15 – июля до 3>. Турин, Марсель, Барселона, Мадрид, Лиссабон, Баден-Баден.***

АПРЕЛЯ 27 <15>. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ. ВИСБАДЕН, ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь и В. А. Жуковский в русской домовой церкви в Висбадене приобщаются Св. Христовых Таин[1]. Вероятно, вскоре после пасхального богослужения возвращаются во Франкфурт.

[1] См. ***1845. Апреля средина <апреля начало>. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Апреля 23–27 <12–15>. Висбаден.***

АПРЕЛЯ 15 <27>. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Графиня С. М. Соллогуб пишет ответное[1] письмо Гоголю во Франкфурт:

«Христос Воскрес, любезный Николай Васильевич! <...> Простите долгое мое молчание. Я не только *часто* собиралась писать вам, но оставила с ноября месяца недоконченное письмо в моем бумажнике. Поверьте мне, главная причина тому — незнание русского языка и удивительная трудность облекать мысли и чувства мои в удобопонятные формы. Я недостойна быть вашей сестрой, любезный Николай Васильевич, но я стремлюсь к этой цели и надеюсь на помощь Всевышего. В течение двух месяцев я была больна и совершенно пала духом. Печаль и уныние едва не утопили душу мою. Вдруг Беби[2] занемогла корью; это произвело счастливый *кризис* во мне. Я как будто очнулась, сердце мое смягчилось и я начала опять жить и действовать. Беби перенесла болезнь благополучно, и мне стало как-то легче. На Страстной недели мы все вместе как-то говели; это меня успокоило и подкрепило. Мне теперь светлее на душе. Вот вам, любезный братец, вся моя история. Милому нищему я охотно подаю копейку[3], и как можно более стараюсь остерегаться смущения и уныния. Сама чувствую, какое пагубное влияние оно производит на меня.

Владимир Александрович[4] намерен через несколько дней отправиться в Москву, а оттуда в деревню. Эта разлука уже теперь не смущает меня. Я совершенно предалась воле Божией. Лето я, вероятно, проведу и в Павловском, и на Петергофской дороге. Ваши советы[5] не останутся бесполезными. Положение мое прояснилось для меня и обязанность как-то светлее представляется. Бог милостив: все может одним словом исправить.

Вот уже месяц, как я Александру Осиповну[6] не видела. Она опасается кори[7], и я по той же причине не смею к ней ездить. Она, кажется, намерена ехать в деревню. Муж ее назначен губернатором в какой-то губернии.

Наконец "Тарантас" вышел и появление его произвело не малое впечатление на публику. Всем досталось. Зато многие критикуют, особенно литераторы. Они дуются на седьмую главу: "*Нечто о словесности*", и сильно бранят Владимира. При первом удобном случае я вам пришлю один экземпляр.

Теперь скажите мне, что вы делаете, любезный Николай Васильевич, и как вы поживаете? Что делают "Мертвые Души"? Что делает Василий Андреевич[8], и жена и дети его? Маменька[9] и сестра[10] писали мне, то вы были очень больны, и что вы внезапно оставили Париж[11]. С тех пор не знаю, что с вами было. Напишите мне хоть два слова. Обнимаю вас от всего сердца. Обнимите и вы маменьку и Анну Михайловну за меня. <...> Отец[12] сердечно вам кланяется, как и муж мой».

[1] См. ***1845. Января 14 — марта 1 <января 2 — февраля 17>. Париж***; ***1845. Февраля 24 <12>. Понедельник. Париж***. — См. также ***1844. Декабря 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***.

[2] Дочь графини С. М. Соллогуб Софья (5 декабря 1841 — 19 мая 1850).

[3] Вероятно, имеется в виду исполнение советов Гоголя или совершение добрых дел по его наставлениям (см. также ***1844. Сентября 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Января 14 — марта 1 <января 2 — февраля 17>. Париж***).

[4] Граф В. А. Соллогуб, муж графини С. М. Соллогуб.

[5] См. ***1844. Сентября 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***.

[6] Смирнова.

[7] См. ***1845. Апреля 11–14 <23–26>. Великая среда — Великая суббота. Санкт-Петербург***.

[8] Жуковский.

[9] Графиня Л. К. Виельгорская.

[10] Графиня Анна М. Виельгорская.

[11] См. ***1845. Марта 1 <февраля 17>. Суббота. Утро. Париж***.

[12] Граф Мих. Ю. Виельгорский.

АПРЕЛЯ 28 <16>. ПОНЕДЕЛЬНИК СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ (?)

В. А. Жуковский отмечает в дневнике:

«*16/28 апреля.* Проделка <?> с Гоголем».

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 43.

АПРЕЛЯ КОНЕЦ, ПОСЛЕ 25 <АПРЕЛЯ МЕЖДУ 13 И 18>. ВИСБАДЕН ИЛИ ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет в Петербург ответное[1] письмо министру народного просвещения С. С. Уварову») и послание к А. О. Смирновой (последнее письмо не сохранилось). Вкладывает письмо к Уварову в письмо к Смирновой[2] (на письме к Уварову имеется помета министра: «Получ<ено> 2 мая 1845 г.»):

В послании к Уварову Гоголь писал: «Милостивый государь Сергий Семенович! <...> Благодарю вас искренно за ходатайство и участие. О благодарности Государю ничего не говорю: она в душе моей; выразить ее могу разве одной молитвой о нем. Скажу вам только, что после письма вашего мне стало грустно. Грустно, во-первых, потому, что всё, доселе мною писанное, не стоит большого внимания: хоть в основание его легла и добрая мысль, но выражено всё так незрело, дурно, ничтожно и притом в такой степени не так, как бы следовало, что недаром большинство приписывает моим сочинениям скорее дурной смысл, чем хороший, и соотечественники мои извлекают извлеченья из них скорей не в пользу душевную, чем в пользу. Во-вторых, грустно мне потому, что и за прежнее[3] я состою доныне в неоплатном долгу пред Государем. Клянусь, я и не помышлял[4] даже просить что-либо теперь у Государя; в тишине только я готовил труд[5], который, точно, был бы полезнее моим соотечественникам моих прежних мараний, за который и вы сказали бы, может быть, спасибо, если бы он исполнился добросовестно, ибо предмет его не был бы чужд и ваших собственных убеждений. Меня утешала доселе мысль, что Государь, которому истинно дорого душевное благо его подданных, сказал бы, может быть, со временем о мне так: "Этот человек умел быть благодарным и знал, чем высказать мне свою признательность". Но теперь я обременен новым благодеянием; в сравнении с тем, что сделано уже для меня, труд мой покажется бедней и незначительней [чем прежде], мое же расстроившееся здоровье может отнять у меня возможность сделать [его] и таким, как бы я хотел и даже бы мог; и вот почему мне грустно. Грустно мне даже и то, что сим самым вашим письмом и вашим участием во мне вы отняли у меня право сказать и вам то, что я хотел. Я хотел вас благодарить за [многое, сделанное вами в пользу] [всем нам] все, сделанное для наук, для отечественной старины (от этих дел перепала и мне польза наряду с другими), и что еще более — за пробуждение в духе нашего просвещения твердого русского начала[6]. Благодарить вас за это я прежде имел право, как сын той же земли, как брат того же чувства, в котором мы все должны быть братья, и как не обязанный вам ничем лично. Теперь вы отняли от меня это право [благодарность моя], и что было бы законным делом, может показаться теперь похожим на комплимент. Итак, примите лучше, вместо всякого выражения благодарности, это искреннее изложение моего душевного состояния...»

Из письма А. О. Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «Я после узнала, что он <Гоголь> писал и Государю»[7] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1845. Марта 27 <апреля 8>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1845. Мая 24 <12>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[3] См. ***1837. Ноября 2 <октября 21>. Четверг. Женева***; ***1842. Февраля 2. Понедельник. Праздник Сретенья Господня. Санкт-Петербург.***

[4] Позднее, 10 июля 1850 г., Гоголь писал также А. О. Смирновой: «Вы <...> помните, что я вовсе не просил о том пенсионе, который мне был пожалован неожиданно на время пребыванья моего за границей для леченья.

Я даже вам не заикался об этом» (см. ***1850*. Июля 10. Понедельник. Васильевка**). – См. также ***1844. Сентября 21 <9> – 1845. Января 10 или 11 <1844. Декабря 29 или 30>. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[5] Подразумеваются «Выбранные места из переписки с друзьями».

[6] См. ***1832. Октябрь 18–23. Вторник-воскресенье. Москва*** (примечания).

[7] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод*. Т. 2. С. 264.

МАЯ 1 <АПРЕЛЯ 19>. ЧЕТВЕРГ СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет ответное[1] письмо к Н. М. Языкову в Москву и ответное[2] послание к Ар. О. Россету в Петербург.

Согласно почтовому штемпелю[3], письмо к Языкову было отправлено из Франкфурта 4 мая (н. ст.) 1845 г.[4] Вероятно, тогда же было послано и письмо к Россету.

Из письма к Языкову: «Не хандра, но болезнь, производящая хандру, меня одолевает. Борюсь и с болезнью, и с хандрой и, наконец, выбился совершенно из сил в бесплодном борении. Благодарить Бога следует и за то, что в силах был еще и так бороться. С приходом весны здоровье мое не лучше нимало, и недуги увеличились. Тягостнее всего беспокойство духа, с которым трудней всего воевать, потому что это сражение решительно на воздухе. Изволь управлять воздушным шаром, который мчит первым стремлением ветра! Это не то, что на земле, где есть и колеса и весла. Может быть, помогла бы дорога, но дорога эта должна для этого иметь какой-нибудь интерес для души; когда же знаешь, что по приезде на место ожидает одиночество и скука, и когда сам знаешь, как страшна с ними битва, отнимается дух для самой дороги. Из русских еще никого нигде нет на водах; стало быть, нигде не предстоит мне развлечения, котор<ое> мне теперь необходимо при употреблен<ии> вод. Порадовала меня было мысль встретиться с тобою, но теперь, как вижу из письма твоего, ты остаешься в Москве, несмотря на совет Коппа проездиться в Гастейн. Но что делается, то делается не без воли Божией. Да будет Его святая воля! Говоришь беспрерывно и при всем том не в силах быть покойным, не в силах, сложа руки, опустить на них голову, как ребенок, приготовляющийся ко сну. Еще бы было возможно это, если бы не соединялось с недугами это глупейшее нервическое беспокойство, против которого если и понатужишься воздвигнуть дух, но самая эта натуга воздвигнуться производит еще сильнейшее колебание.

Вот какого рода вещи! При всем том, полученный на днях “Москвитянин” (два номера) доставил мне несколько приятных минут. Статьи за буквою К.[5] все очень замечательны и дельны. О самом же обозрении словесности[6] можно сказать только в охуждение ему то, что оно нескол<ь-ко> длинно, а особенно во второй половине содержан<ия> приступ к словесности русской. Многие вещи следовало бы сказать еще очевидней, осязательней, проще и короче, облечь в видимую плоть; многое довольно отвлеченно, так что повсюду философ берет верх над художником, и это обращается почти в порок в тех местах, где должен художник взять верх над философом. Кажется, как будто многие вещи слышит и чувствует критик *вкусом тонкого ума*, а *не вкусом души и сердца*. Но зато повсюду сказано много истинного, прекрасного, особенно там, где обращено <внимание> на самую идею и мысль разбираемых предметов. По поводу глупых книг сказано много дельного и умного о том, каковы должны быть умные книги. И вообще все статьи, которые, по-видимому, написаны вскользь, оказались существенно значительней тех, которые, по-видимому, обдумывались и писались с трудом. Отрывок из вступительной лекции Шевырева[7] мне понравился очень. Шевырев вызрел и установился в надлежащие границы. Всё теперь как следует, не растянуто и не кратко, в строгом логическом ходе и порядке, и с тем вместе в живом, не похожем вовсе на мертвечину сухопарой логики немецкой[8]. Словом, в первый раз преподает<ся> наука в том виде, в каком ей следует преподаваться в России и русским»[9].

Самому Шевыреву Гоголь 20 ноября (н. ст.) 1845 г. писал: «Я прочел отрывок из нынешних твоих лекций, напечатанный в 1-м номере нынешнего “Москвитянина”, отрывок, служивший как бы проспектом и указанием на то, чем должны быть твои лекции. Прочитавши его, я благодарил Бога, благословившего тебя. В

этом отрывке ты вовсе другой, чем был доселе; в нем всё полно и каждое слово полновесно. Слышен человек, созревший и разумом и душой, и сам дух Божественный, изгоняющий всё лишнее, неуместное и пристрастное, в нем слышится. Скажу тебе, что после него [я стал] становишься еще светлей насчет будущего, и верится тому, что всё, что ни должно сказаться миру, будет сказано, хотя бы смерть и унесла [из нас того, который уже возгорелся] кого-нибудь из тех, который бы мог сказать. В другой, может быть, форме, но возвестятся те же истины».

Далее в письме к Языкову Гоголь добавлял: «Твои стихотворения, мне неизвестные, к Полонскому[10], второе к Киреевой[11] и к какому-то живописцу (вероятно, в роде <А. Н.> Мокрицкого)[12], прочел с удовольствием. Хомякова тоже прочел не без удовольствия и письмо и "Спорт"[13]. Хоть первое и слишком раскинуло<сь> и разбросалось во все стороны, но в нем много ума. Затем устал. Писать долго не могу, прощай; не забывай хотя писать почаще; адресуй по-прежнему. Жуковский перешлет письма ко мне, если я куда уеду».

Из письма к Россету: «Благодарю вас <...> за ваши известия о лечениях Призница. Они изложены и толково и умно. Я и прежде уже отложил это лечение, не найдя его соответствующим со многими вновь обнаружившимися во мне недугами и собственным состоянием моральным. Впрочем, если бы я и лечился, то будьте уверены, что никак не пускался бы в крайности. Это не мое дело. Я не хлопочу из-за совершенного здоровья, и чуть только мне немного делается лучше – я подальше и от докторов и от лечения. Припомните, что я и вам советовал[14] прежде вашего путешествия к Призницу не пускаться в такие глубины водоврачевания, а довольствовать<ся> просто утренним обливанием дома без потения и пиением воды; советовал вам также и тогда, вместо Призница, заехать в Гастейн, который мне казался вашему слабому телу приличнее; им же хвалятся все слабые и старики. Я сам, бывши в Гастейне с Языковым, хотел было попробовать вод, но переменил это намерение единственно от того, что почувствовал себя вдруг лучше от одного гастейнского воздуха, который (в этом надобно отдать ему честь) имеет в себе что-то бальзамическое и лучше всех воздухов, какие я обонял где-либо в летнее время во всех прочих концах Европы, чему причина заключается отчасти в необыкновенном возвышении этого места от поверхности моря. Ключевая же вода в Гастейне решительно первая в мире; подобной я нигде не пивал; ей уступит даже римская. Я бы радостно поехал и теперь в Гастейн, но, признаюсь вам, боюсь страшно одиночества, которое для меня теперь опаснее всего, хотя бы случилось оно и на самых целебнейших водах. Мне очень жаль, что вы остаетесь в Петербурге, на летнее время (хотя ради хандры, если не ради здоровья) следует выезжать из него. Почему знать? Может быть, вы весьма не были бы в раскаянии, если бы даже и рискнули призанять тысячи две для того. Бог поможет, выплатим. Поблагодарите Ханыкова за письмо[15], скажите, чтобы он не сердился на мое неучтивство, то есть что не отвечаю».

[1] См. ***1845. Марта 29 <апреля 10>. Четверг. Москва.***

[2] См. ***1845. Марта 27–28 <апреля 8–9>. Вторник-среда. Санкт-Петербург.***

[3] См.: *Городецкий.* С. 473.

[4] См. ***1845. Мая 4 <апреля 22>. Фомино воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***

[5] Имеются в виду статьи И. В. Киреевского: *К.* Публичные лекции профессора Шевырева об истории русской словесности, преимущественно древней. Письмо в Б. (К А. П. Зонтаг) // Москвитянин. 1845. № 1. Отд. Московская летопись. С. 1–6; *К.* Библиография // Москвитянин. 1845. № 1. Отд. Библиография. С. 3–4. – См. также ***1845. Января 23 <февраля 4>. Вторник. Москва.***

[6] *Киреевский И.* Обозрение современного состояния словесности // Москвитянин. 1845. № 1. Отд. Критика. С. 1–28; <*Киреевский И. В.*> Обозрение современного состояния литературы. (Статья вторая) // Москвитянин. 1845. № 2. Отд. Критика. С. 56–78. – Во второй статье Киреевский, в частности, замечал: «...Я говорю здесь не о тех необыкновенных явлениях, в которых действует личная сила гения. Державин, Карамзин, Жуковский, Пушкин, Гоголь, хотя бы следовали чужому влиянию, хотя бы пролагали свой особенный путь, всегда будут действовать сильно, могуществом своего личного дарования, назависимо от избранного ими направления» (с. 64). – См. также ***1845. Января 30 <февраля 11>. Вторник. Санкт-Петербург; 1845. Марта 1 <13>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[7] <*Шевырев С. П.*> Отрывок из вступительной лекции профессора Шевырева в истории русской словесности, преимущественно древней // Москвитянин. 1845. № 1. Отд. Московская летопись. С. 7–9.

[8] Ср. во втором томе «Мертвых душ» оценку преподавания науки «молодыми профессорами», «забросавшими слушателей множеством новых терминов и слов»: «Мертвечиной отозвалась в устах их мертвая наука». — Подробнее см.: ***Виноградов И. А.*** Гоголь о поэзии и схоластике. (К авторскому определению жанра «Мертвых душ») // Творчество Н. В. Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва, 23–24 марта; Вена, 26–27 марта 2015 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Гоголя — мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.: Новосиб. изд. дом, 2016. С. 226–233. — См. также ***1844. Декабря 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[9] Размышления об этом Гоголь изложил в статье «О науке» (см. ***1846. Июля 6 <июня 24>. Понедельник. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Карлсбад***).

[10] Стихотворение Языкова «Я. П. Полонскому» («Благодарю тебя за твой подарок милый...», 1844) было опубликовано дважды: в № 2 «Москвитянина» за 1845 г., и в сборнике «Вчера и сегодня» (СПб., 1845).

[11] Имеется в виду послание к А. В. Киреевой «Тогда как сердцем мы лелеем...» (первое послание к Киреевой — «Сильно чувствую и знаю...» — было отправлено Языковым Гоголю 14 декабря 1844 г.; оба послания были напечатаны в № 2 «Москвитянина» за 1845 г.: см. ***1844. Декабря 14 <26>. Четверг. Москва*** — примечания).

[12] Имеется в виду стихотворение Языкова «Александру Дмитриевичу Хрипкову» в № 1 «Москвитянина» за 1845 г. (с пометой: «Ноября 4 дня. Москва 1844»). В том же номере «Москвитянина» были напечатаны стихотворения Языкова «Подражание псалму» («Блажен, кто мудрости высокой...») (отзыв Гоголя об этом стихотворении см.: ***1845. Января 2 <1844. Декабря 21>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***), «Сержант Сурмин. (Быль)» (упоминается Гоголем при характеристике повести в «Учебной книге словесности для русского юношества»). Кроме того, в № 2 «Москвитянина» за 1845 г. были напечатаны стихотворения Языкова «Княгине Софье Петровне Голицыной» (1844) и «Элегия» («Есть много всяких мук — и много я их знаю...», с датой: «Декабря 7 дня 1844 г.») (отзыв Гоголя об этой элегии см.: ***1845. Июня 5 <мая 24>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Гомбург***).

[13] «Письмо в Петербург» А. С. Хомякова (см. ***1845. Марта 1 <13>. Четверг. Москва***) и его же статья, без подписи, «Спорт. Охота» были помещены в № 2 «Москвитянина» за 1845 г.

[14] См. ***1843. Апреля 20 <8>. Великий четверг. Рим.***

[15] См. ***1845. Марта 24 <апреля 5>. Суббота. Санкт-Петербург.***

МАЯ 1 <АПРЕЛЯ 19>. ЧЕТВЕРГ СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. РИМ

А. А. Иванов пишет Н. М. Языкову в Москву:

«Удивляюсь я Гоголю, не пишет ко мне да и только; не хочет ли он меня внезапно встретить в Риме[1]? Если узнаете что-нибудь об нем, прошу Вас сообщить мне»[2].

В тот же день Иванов писал А. О. Смирновой в Петербург:

«Не думайте, чтоб я был столь невежлив или беспечен, чтобы не ответить вам тотчас на столь доброе и отрадное ваше письмо от 16-го декабря. Я написал тогда же; но мне казалось, что лучше сначала послать под рассмотр Н. В. Гоголя[3], посредством которого и самое знакомство с вами я имел честь приобрести[4]. С тех пор к недоумению моему ни от него, ни от других о нем не имею никаких слухов, а потому решился теперь писать прямо к вам... <...>

Картина моя, не знаю, подвигается ли; она каждый день пред моими глазами; я очень мало чем доволен. Сколько я ни домогался вообразить еще раз Иоанна Крестителя, но заключил тем, что кончил первую, не переменяя: она всем нравится. Очень помню вашу просьбу: сделаю вам с нее копийку. <...>

Благодарю сердечно вас, что желаете позаботиться о доставлении способов на окончание моего настоящего труда. <...>

Пименов женился и должен был бежать из Рима[5] (она была католичка), которого цену впоследствии узнал во Флоренции. Жалеет, что не произвел ничего значительного, желает и ищет для этого способов; но теперь уж поздно: уж у него ребенок!»[6]

[1] 18 июня (н. ст.) 1845 г. в письме из Франкфурта Гоголь известил А. А. Иванова, что намерен приехать к нему «на осень и зиму» (см. ***1845. Июня 18 <6>. Среда. Гомбург, Франкфурт***). В средине октября (н. ст.) 1845 г. Гоголь прибыл в Рим (см. ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4>. Рим***).

[2] Из писем А. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 339.

[3] См. ***1845. Февраля 12 <января 31>. Среда. Рим.***

[4] См. ***1843. Февраля 3 <января 22>. Пятница. Рим.***

[5] См. также ***1845. Февраля 12 <января 31>. Среда. Рим.***

[6] Из писем А. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 339.

МАЯ 2 <АПРЕЛЯ 20>. ПЯТНИЦА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет ответное[1] письмо С. Т. Аксакову в Москву (письмо было отправлено через день, 4 мая[2]):

«И вы больны, и я болен. Покоримся же Тому, Кто лучше знает, что нам нужно и что для нас лучше, и помолимся Ему же о том, чтобы помог нам уметь Ему покориться. Вспомним только одно то, что в Его власти *всё* и *всё* Ему *возможно*. Возможно всё отнять у нас, что считаем мы лучшим, и в награду за то дать лучшее нам всего того, чем мы дотоле владели. Отнимая мудрость *земную*, дает он мудрость *небесную;* отнимая зренье *чувственное*, дает зренье *духовнее*, с которым видим те вещи, перед которыми пыль все вещи земные; отнимая *временную*, ничтожную жизнь, дает нам жизнь *вечную*, которая перед временной то же, что *всё* перед *ничто*. Вот что мы должны говорить ежеминутно друг другу. Мы, еще доселе не привыкнувшие к вечному закону действий, который совершается для всех непреложно в мире, желающие для себя непрерывных исключений, мы, малодушные, способны позабывать на всяком шагу то, что должны вечно помнить, наконец, мы, не имеющие даже благородства духа ввериться Тому, Кто стоит того, чтобы на Него положиться. Простому человеку мы даже вверяемся, который даже нам не показал и знаков, достаточных для доверия, а Тому, Кто окружил нас вечными свидетельствами любви Своей, Тому только не верим, взвешивая подозрительно всякое Его слово. Вот что мы должны говорить ежеминутно друг другу, о чем я вам теперь напоминаю и о чем вы мне напоминайте. Затем обнимаю вас от всей души и прошу вас вместо меня обнять ваше семейство. Напишите мне, куда едете или остаетесь в Москве, и что делают ваши дети; если можно — порознь о каждом. Если вам писать трудно, прошу Ольгу Семеновну»[3].

Позднее, в 1854 г., С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя», предваряя цитату из настоящего письма, сообщал: «1845-ый год. В начале этого года Гоголь сделался очень болен и до мая месяца ничего ко мне не писал. Вот первое письмо его в этом году. Оно содержит в себе ответ на мое письмо, в котором я уведомляю его, что я теряю один глаз и опасаюсь за другой. [Я находился тогда в ужасном страхе и раздражительном состоянии духа; это письмо показалось мне холодным, не выражающим того участия, которого я вправе был ожидать от дружбы Гоголя; но мы оба ошиблись: Гоголь таким письмом думал меня лучше успокоить, чем выражением горячего участия, а я не понял его намерения и очень огорчился.]»[4]

[1] См. ***1845. Марта 10 <22>. Суббота. Москва.***

[2] См. ***1845. Мая 4 <апреля 22>. Фомино воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***

[3] Аксакова.

[4] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод*. Т. 2. С. 646. — См. также ***1845. Мая 24 <июня 5>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва***; ***1846. Ноября конец — декабря 9 <декабря первая половина — декабря 21>. Москва.***

МАЯ 3 <АПРЕЛЯ 21>. СУББОТА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский отмечает в дневнике:

«*3 мая.* К Гоголю».

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 43.

МАЯ 4 <АПРЕЛЯ 22>. ФОМИНО ВОСКРЕСЕНЬЕ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь отправляет написанные 1 мая[1] письмо в Петербург к Ар. О. Россету и письмо в Москву к Н. М. Языкову, с вложением послания к С. Т. Аксакову, написанного 2 мая[2].

[1] См. ***1845. Мая 1 <апреля 19>. Четверг Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1845. Мая 2 <апреля 20>. Пятница Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне.*** – См. также ***1845. Мая 24 <июня 5>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва.***

МАЯ 5 <АПРЕЛЯ 23>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВЕНЕЦИЯ

Ф. В. Чижов пишет А. А. Иванову в Рим:

«Языков пишет, что Гоголь едет в Италию...»[1]

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 56.

[1] 29 марта 1845 г. Н. М. Языков писал самому Гоголю из Москвы: «Здесь про тебя ходят слухи вот какие: что ты учишься по-гречески, что собираешься в Италию и оттуда уже в Иерусалим, и только!» (см. ***1845. Марта 29 <апреля 10>. Четверг. Москва***). – См. также ***1845. Марта 14 <2>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

МАЯ 6 <АПРЕЛЯ 24>. ВТОРНИК. РАДОНИЦА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский отмечает в дневнике:

«*6 <мая>, вторник.* Отъезд Гоголя в Гейдельберг».

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 43.

МАЯ 6 <АПРЕЛЯ 24>. ВТОРНИК. РАДОНИЦА. ПАРИЖ

А. И. Тургенев пишет В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Что и где Гоголь? <...> Привезу тебе[1] прочесть небольшое письмо Чаадаева к Циркуру – прочтешь вместе с Гоголем»[2].

Речь идет об известном письме П. Я. Чаадаева к французскому публицисту Адольфу де Сиркуру от 15 января 1845 г., отправленном Сиркуру через А. И. Тургенева 15 февраля 1845 г. Письмо посвящено проблеме Россия и Запад. «Наша <...> Церковь по существу, – писал Чаадаев своему адресату, – Церковь аскетическая, как ваша по существу – социальная: отсюда равнодушие одной ко всему, что совершается вне ее, и живое участие другой ко всему на свете»[3].

Позднее в статье *XVII. Просвещение* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846) Гоголь писал: «Когда разбираю пристально нить событий мира, вижу всю мудрость Божью, попустившую временному разделенью Церквей, повелевшую одной стоять неподвижно и как бы вдали от людей, а другой – волноваться вместе с людьми; одной – не принимать в себя никаких нововведений, кроме тех, которые были внесены святыми

людьми лучших времен христианства и первоначальными отцами Церкви, другой — меняясь и применяясь ко всем обстоятельствам времени, духу и привычек людей, вносить все нововведения, сделанные даже порочными несвятыми епископами; одной — на время как бы умереть для мира, другой — на время как бы овладеть всем миром; одной — подобно скромной Марии, отложивши все попеченья о земном, поместиться у ног Самого Господа, затем, чтобы лучше наслушаться слов Его, прежде чем применять и передавать их людям, другой же — подобно заботливой хозяйке Марфе, гостеприимно хлопотать около людей, передавая им еще не взвешенные всем разумом слова Господни (вспоминается евангельское повествование о посещении Спасителем дома Марфы и Марии; см.: Лк. 10, 38–42. — *И. В.*). Благую часть избрала первая, что так долго прислушивалась к словам Господа, вынося упреки недальновидной сестры своей, которая уже было осмелилась называть ее *мертвым* трупом и даже заблудшей и отступившей от Господа. Не легко применить Слово Христово к людям, и следовало ей прежде сильно проникнуться им самой. Зато в нашей Церкви сохранилось все, что нужно для ныне просыпающегося общества».

Сравнение Западной Церкви с Марфой и Восточной — с Марией Гоголь взял из статьи И. К. Яхонтова «О православии Российской Церкви»[4] (чтение этой статьи послужило Гоголю одним из толчков к созданию книги о Литургии)[5]: «Тонко, благородно и остроумно сравнивает Стефан Яворский жалобы двух Церквей друг на друга с жалобами Марфы на Марию. Как нельзя сказать, которая из сих жен оставила другую: Марфа ли Марию, или обратно: "тако и между сими двемя сестрами взаимное есть оставление. Восточная оставила Западную в союзе соединения; Западная же оставила Восточную в растлении, в поврежденности и новости Символа" (см. ответ его Сорбоннской Академии в 3-й части особо собранных его сочинений. Москва, 1805)»[6]. (Проект Сорбонны о соединении церквей был привезен в Россию в 1717 г. Петром I.)

Позднее, в августе 1847 г., Гоголь в письме к графу А. П. Толстому (своему постоянному собеседнику по вопросам инославных исповеданий) высоко отозвался о трактате А. С. Хомякова «Церковь одна» (конец 1844 — начало 1845): «Еще нигде не была доселе так отчетливо и ясно определена Церковь, ее границы, ее пределы». Этот трактат Гоголь переписал для себя в отдельную тетрадь и считал, что он получит отклик во многих странах[7].

В начале 1849 г. в Москве, благодаря святителю Филарету (Дроздову) и А. С. Стурдзе, стало широко известно Окружное Послание восточных Патриархов 1848 г. в ответ на обращение римского папы Пия IX с предложением унии[8]. Свидетельство об этом, в частности, содержится в письме А. С. Хомякова от 1 марта 1849 г. к Ю. Ф. Самарину. Это Послание подвигнуло его к мысли об опубликовании трактата «Церковь одна»[9]. В связи с этим Гоголь, оценивая в письме к графине А. М. Виельгорской от 30 марта 1849 г. впервые опубликованный в том же году «Домострой» священника Сильвестра (ум. около 1566), вновь вспомнил о сравнении преосвященного Стефана (Яворского): «...[В этом быт<е>] видим соединенье Марфы и Марии вместе или, лучше, видим Марфу, не ропщущую на Марию, но согласившуюся в том, что она избрала благую часть, и ничего не придумавшую лучше, как остаться в повеленьях Марии, то есть заботиться только о самом немногом из хозяйства земного, чтобы чрез это <прийти> в возможность вместе с Марией заниматься хозяйством небесным».

Следуя этому сравнению, можно заключить, что возможность «соединенья» Церквей Гоголь видел только при условии отказа Западной Европы от ее чрезмерного и пагубного для души «земного хозяйства» — хотя бы до уровня русского «Домостроя».

[1] См. ***1845. Мая 15 <3>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[2] Из писем А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 94.

[3] Цит. по: *Чаадаев П. Я.* Статьи и письма. М., 1989. С. 296.

[4] См. ***1843. Октября 5 <сентября 23>. Четверг. Дюссельдорф.***

[5] См. ***1843. Ноября 19 <7> — 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***

[6] Христианское Чтение. 1843. Т. 3. С. 58.

[7] См. ***1847. Августа 7 <июля 26>. Суббота. Остенде*** (примечания). — См. также ***1849. Марта 30. Великая среда. Москва.***

[8] Опубл., в переводе А. С. Стурдзы: Христианское Чтение. 1849. Т. 2; том вышел в середине лета; отд. изд. СПб., 1850; см. также: *Стурдза А.* Новейшие церковные события в Константинополе // Москвитянин. 1849. Ч. I. № 4. Февраль. Кн. 2 (цензурное разрешение 14 февр.). Отд. V. С. 79–83 (с подписью: «Одесса. Ноября 15-го дня. 1848»); *Стурдза А.* Духовная жизнь и духовная словесность на Востоке. (Современные очерки) // Москвитянин. 1850. № 4 (цензурное разрешение 14 февр.). Отд. I. С. 267–280; с подписью: «Одесса. 8-го декабря 1849». — См. также ***1838. Марта 17 <5>. Суббота. Рим*** (примечания).

[9] *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 276–277.

АПРЕЛЯ 25 <МАЯ 7>. СРЕДА. МОСКВА

Н. М. Языков пишет ответное[1] письмо Гоголю во Франкфурт:

«Отвечаю тебе на твое письмо от 24 марта[2]. Погодин, вопрошаемый мною о поездке его заграницу нынешним годом и о путешествии его в Иерусалим, сказал мне, что то и другое еще не решено, но что он спишется обо всем об этом с тобою заблаговременно. Шевырев сам будет писать к тебе и разрешит твое сомнение о его прошлогоднем письме. Аксаковы писали, дескать, недавно.

Странно и досадно, что Жуковский о сю пору не получает "Москвитянина". Виноват не Киреевский.

Путешествие в Иерусалим Норова пришлю тебе через князя Вяземского. Да сделай милость, не забудь написать мне, как пересылать к тебе книги, напр<имер> в Рим? И куда до приезда твоего в Рим посылать мне к тебе обыкновенную порцию моих каракуль?

Нынешним летом я было надеялся побывать на родине в Симбирской губернии, да не пускают: сиди в Москве и купайся в соленой воде! Слушаюсь — и слушаюсь!

Всем сердцем и всею душою благодарю достопочтенного Коппа за память его обо мне и за участие, принимаемое им в моем здоровье. Иноземцев говорит, что в Гаштейн ехать мне не надобно, что и самая эта поездка столь дальняя расстроила бы меня крайне.

В бытность мою в Ганау я ходил ровно по 30 м<инут> по комнате сразу: теперь не могу проходить и 4 минут — таковы-то не бойки стали мои ноги! Не оттого ли это, что с тех пор я перестал *точить*? Иноземцев запретил мне это телодвижение, предписанное Коппом, оно-де вредно мне! а Копп называл токарный станок моим спасением! Как тут быть? Не разберешь!»

[1] См. ***1845. Апреля 5 <марта 24>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[2] На самом деле письмо является ответом на послание Гоголя от 17 апреля (н. ст.) 1845 г.

АПРЕЛЯ 25–26 <МАЯ 7–8>. СРЕДА-ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«*Апрель.* <...> *25–26.* Коррект<ура>. — Чувство оскорбления, что не спрашивают моего совета о обеде, который я устроил бы лучше всех. Кому же быть подле Ш<е>в<ырева>, как не мне, его руководителю, помощнику, советчику, которого он <*1 нрзб.*> сам на это попросил и проч. — Как противе<н> этот болтун[1]: год он был без памяти от Гегеля, потом "Мертвых душ", потом лекций Грано<вского>, теперь Шев<ырева>, которого ненавидит и презирает[2]. Но оставляю этот вздор».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 489.

[1] Имеется в виду К. С. Аксаков.
[2] Н. П. Барсуков ошибочно читал иначе: «Как противны эти болтуны: год они были без памяти от Гоголя, потом от "Мертвых душ", от лекций Грановского, теперь Шевырева, которого ненавидели и презирали» (*Барсуков.* 1894. Кн. 8. С. 85).

МАЯ 11 <АПРЕЛЯ 29>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет в Петербург ответное[1] письмо А. О. Смирновой и ответное[2] послание к графине С. М. Соллогуб[3] (последнее письмо не сохранилось).

Из письма к Смирновой: «Друг мой и душа моя, не грустите. Один только год — и я буду с вами, и вы не будете чувствовать тоски одиночества. Когда вам будет тяжело или трудно, я перелечу всякие пространства и явлюсь, и вы будете утешены, потому что третий будет Хри-

стос с нами. Мне не трудно будет никогда приехать к вам, несмотря даже на всякое состояние моего здоровья, но этот год надобно перетерпеть (то есть разумею о себе) и сделать то, что мне следует[4] и без чего я не могу быть полезным никому вполне. Из вашего письма я вижу, что у вас теперь в довольно порядочной степени нервическое расстройство. Поблагодарим прежде всего за него Бога. Оно недаром. В этом году особенно на всех наведено более или менее это нервическое расстройство, приведены в слезы, в унынье и в беспокойство те, которые даже никогда дотоле не плакали, не унывали и не беспокоились. Блаженны избранники, которых посетил Бог ранее других! Поверьте, что ко многому дотоле не испытанному и не узнанному приводится сими болезненными страданиями человек. Сверх всего прочего, оно приводит нас и к тому, чтобы узнать всю силу братской помощи, которую может оказать на земле человек человеку и, вследствие такой помощи, возлюбить так друг друга, что в любви этой предвкушается уже Сам Бог и зарождается к Нему то неугасимое стремление, которого не дадут ни посты, ни молитвы, ни милостыня, раздаваемая бедным. Сколько могу судить теперь о состоянии вашего *здоровья телесного,* вижу, что вам необходимо прежде просто полечить и успокоить ваши нервы водами и переменой воздуха. Поезжайте налегке в Гастейн, который действует хорошо на всякие нервические расслабления и еще более живит необыкновенным своим и как бы обновляющим воздухом. Сколько же могу судить о состоянии вашего душевного *здоровья,* вижу, что и здесь следует дать почти тот же совет вам, ибо встреча наша с вами будет обоюдно живительна для обоюдного нашего душевного здоровья. Нам нужно с вами о многом и о многом еще переговорить, и вряд ли без этого вы будете снабжены достаточным запасом терпения и бодрости для предстоящих вам поприщ, в Петербурге ли то будет или в губернии. <...> Возьмите с собою деток и Аркадия Осиповича[5], которого никак не оставляйте в Петербурге. Поезжайте тихо, не торопясь, чтобы никак не расколебать нерв, а, напротив, успокоить их умеренным движением; на всякую гору подымайтесь пешком, но недолго, и чуть заметите в себе малейший признак усталости, садитесь в коляску. Старайтесь и мыслям, и чувствам дать дремлющее состояние и уподобить себя ребенку, которого колеблют в люльке. Не думая ни о чем, сливайтесь чувством с весенним ветерком, который будет навевать на вас, прилетевши Бог весть откуда, и с запахом полевого цветка, им же нанесенным, и вы приедете в благодатном состоянии в Гастейн. <...> Мне повелено медициной[6] до Гастейна пить воды в Гомбурге для удаления геморроидальных, печеночных и всяких засорений, на которые, по приговору медиков, следует предварительно подействовать Гомбургом, после чего Гастейн, действующий благодетельно на всякие нервические расслабления, может оказать мне значительную пользу. В Гомбурге я должен пробыть не более трех недель. Стало быть, чрез месяц времени я уже полагаю быть в Гастейне».

[1] См. ***1845. Апреля 11–14 <23–26>. Великая среда — Великая суббота. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1845. Апреля 15 <27>. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1845. Мая 12 <24>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[4] Подразумевается издание «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[5] Россет, брат Смирновой.

[6] Имеется в виду доктор Хелиус (см. ***1845. Мая средина (после 17) — мая конец <мая после 5 — мая средина>. Франкфурт-на-Майне***).

МАЯ 11 <АПРЕЛЯ 29>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПАРИЖ

Графиня Л. К. Виельгорская, вернувшись с дочерью Анной в Париж (после месячного отсутствия[1]), пишет Гоголю во Франкфурт:

«Хотя вы не отвечаете[2], любезнейший Николай Васильевич, и только графу Толстому пишете[3], не менее того осмеливаюсь беспокоить вас моей просьбою, т. е. прошу вас прислать мне сейчас письма на мое имя, во Франкфурте находящиеся, на почте или в посольстве. Вернее адресовать на имя Лазарева; он знать будет, куда их переслать, а я, будучи принуждена еще дней десять отсрочить наш отъезд, не хочу все это время быть без известий.

Погода все время, т. е. более десяти дней, довольно холодная для Парижа, и потому мы еще почти ничего не видели. Я охотно сейчас бы уехала, но Нозинька[4] то и другое желает видеть; все друзья и семейство наше здешнее не пускают нас и находятся разные причины, чтобы отложить отъезд. Таким образом, если побуду здесь еще десять дней, то успею получить письмо ваше из Франкфурта. В Петербурге у нас было все печально[5] по причине болезни Беби[6] и Миши[7]. Опять, слава Богу, стало радостно и благополучно. Биша Софи[8] также понесла на свою долю заботы и огорчения. Каждому свой крест по требованиям души и мудрости Господа.

Против воли и желания пустились мы в свет. Нозинька очень по сердцу всем. Герцог Ларошфуко[9] написал нравственную портрет Нози, а стихотворец Ребул[10] — стихи. Пора нам Париж оставить, а то кто-нибудь влюбится, и тогда беда нам.

Прощайте, любезнейший Николай Васильевич. Я так спешу писать потому, что мы отправляемся в St.-Cloud[11], что не знаю, как пишу и как вы мое письмо прочтете. Нози сердечно кланяется. Жуковскому и <А. И.> Тургеневу мой поклон».

[1] См. ***1845. Марта 14 <2>. Пятница. Париж*** (письмо графини Анны М. Виельгорской).

[2] Гоголь не ответил на письмо Виельгорской от 14 марта (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Марта 14 <2>. Пятница. Париж***). Об этом письме Гоголь упомянул в своем ответе Виельгорской от 17 мая (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Мая 17 <5>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***).

[3] См. ***1845. Апреля первая половина <марта вторая половина>. Франкфурт-на-Майне.***

[4] Графиня Анна М. Виельгорская, дочь Л. К. Виельгорской.

[5] Об этом Виельгорская узнала из писем родных.

[6] Дочь графини С. М. Соллогуб (рожд. графини Виельгорской) Софья. — См. также ***1845. Апреля 15 <27>. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Санкт-Петербург.***

[7] Сын А. В. и А. М. Веневитиновых.

[8] Графиня С. М. Соллогуб.

[9] Имеется в виду либо Франсуа XIII де Ларошфуко (1765–1848), либо его сын Франсуа XIV де Ларошфуко (1794–1874), пэры Франции.

[10] Жан Ребуль (1796–1864), французский поэт и политик.

[11] В королевский замок Сен-Клу (Saint-Cloud), к западу от Парижа.

АПРЕЛЯ 29 <МАЯ 11>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

АПРЕЛЯ 30 <МАЯ 12>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Начальник III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии граф А. Ф. Орлов отправляет ответное[1] письмо В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«...Его Величество предупредил мое ходатайство и мне соизволил отозваться, что министру Императорского Двора <князь П. М. Волконский> уже Высочайше повелено сделать Гоголю вспомоществование. <...> Я всегда и по собственному моему чувству уважал талант Гоголя, а с сего времени мне будет еще приятнее делать для него все от меня зависящее, потому что ваше Превосходительство изволите принимать в нем участие»[2].

[1] См. ***1845. Апреля 19 <7>. Лазарева суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[2] *Свод.* Т. 2. С. 60.

МАЯ 13 <1>. ВТОРНИК. РИМ

А. А. Иванов пишет Н. М. Языкову в Москву:

«О Гоголе ни слуху, ни духу. В ноябре послал я к нему три письма[1], ни на одно нет ответа. Говорят, что он в Италии, но этому не верю. Он бы написал».

Из писем А. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 339.

[1] Сохранилось письмо, отправленное А. А. Ивановым Гоголю между 10 и 12 ноября (н. ст.) 1844 г. (см. ***1844. Ноября между 10 и 12 <октября между 29 и 31>. Рим***).

МАЯ 14 <2>. СРЕДА. ПАРИЖ

Граф А. П. Толстой пишет Гоголю во Франкфурт:

«Я чрезвычайно сожалею, что в ваше время мы вместе не побывали у Мицкевича[1]. Очень было бы нам полезно вместе и на досуге заняться решением этого к нам русским близкого вопроса»[2].

[1] См. ***1845. Февраля 26 <14>. Среда. Париж.***
[2] См. также ***1845. Мая 15 <3>. Четверг. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

МАЯ 15 <3>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь выехал в Гомбург.

В этот день А. И. Тургенев записал в дневнике: «В 8 ½ — у Жуковского. Все утро сидел, читал, писал. — Гоголь уехал в Гомбург»[1].

Незадолго до отъезда из Франкфурта Гоголь, вероятно, познакомился с привезенным Тургеневым из Парижа письмом П. Я. Чаадаева к А. де Сиркуру от 15 января 1845 г.[2]

[1] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод*. Т. 3. С. 79.
[2] См. ***1845. Мая 6 <апреля 24>. Вторник. Радоница. Париж.***

МАЯ 15 <3>[1] – ИЮНЯ СРЕДИНА <ИЮНЯ НАЧАЛО>[2]. ГОМБУРГ

Гоголь, по рекомендации доктора Хелиуса[3], пьет воды в Гомбурге, «для удаления геморроидальных, печеночных и всяких засорений»[4]. Бывает во Франкфурте у В. А. Жуковского[5].

[1] См. ***1845. Мая 15 <3>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***
[2] См. ***1845. Июня 18 <6>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***
[3] См. ***1845. Мая средина (после 17) — мая конец <мая после 5 — мая средина>. Франкфурт-на-Майне.***
[4] См. ***1845. Мая 11 <апреля 29>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***
[5] См. ***1845. Мая 17 <5>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Мая 22 <10>. Четверг. Гомбург, Франкфурт-на-Майне.***

МАЯ 17 <5>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь на один день приезжает из Гомбурга во Франкфурт к В. А. Жуковскому, где видится с А. И. Тургеневым.

В этот день Гоголь отправил в Париж ответное[1] письмо графине Л. К. Виельгорской:

«Сейчас только, приехавши на одну минуту к Жуковскому во Франкфурт, нашел у него ваше письмо. Так как я уезжаю опять назад в Гомбург, где лечусь и пью воды, то и поручил ему исполнить вашу просьбу относительно письма. Вы, вероятно, получите его поздно (если только оно находится в посольстве), потому что и ваше письмо, писанное вами от 11-го мая, получено здесь только 16-го, сегодня же семнадцатое.

О себе скажу, что здоровье мое плохо; в Гомбурге пробуду три недели и потом еду в Гастейн. Благодарю вас за ваше, а Анну Миха<й>ловну[2] за ее письмо. Рад душевно, что вам в Париже весело, и что [именно] веселость, а не что другое, замедляет отъезд. Спешить вам, точно, незачем, на воды вам никуда не нужно, в Петербург рано, а потому, не торопясь, вы можете всё высмотреть. Глядите, наслаждайтесь и даже восхищайтесь, но не давайте большой цены всякому дыму похвал и не считайте за слишком важное дело известность. Она худой пашпорт не только на том свете, но даже и на этом. В прошлом письме вашем[3] послышался мне вздох по этой известности: храни вас Бог от этого! Если бы я узнал, что вы меня полюбили несколько более ради бедной известности моей, не показался бы я вам и на глаза никогда; теперь же не без удовольствия помышляю, что покажусь вам на глаза, хотя и больной, хворый. Итак, распоряжайтесь с вашим отъездом так, чтобы хоть два дни нам с вами увидаться и провести вместе».

Тургенев к этому письму Гоголя сделал приписку:

«Сейчас я видел письмо на почте на имя Лазарева, которое по вашему повеленью просил отправлять ему в Париж».

В тот же день Тургенев записал в дневнике:

«...Приписал к гр<афине> Велгур<ской> в письме Гоголя, кот<орый> приезжал к нам из Гомб<урга> – ему на 3 года 1900 <1000> р<ублей> сер<ебром>[4]. Письмо гр<афа> Орлова к Жук<овскому>[5]. Читали *Одиссею, Ивана-царевича*[6]»[7].

На следующий день, 18 мая (н. ст.) 1845 г., Тургенев в письме к княгине В. Ф. Вяземской (на фр. языке) сообщал: «Копп отсутствовал, я не смог еще его спросить о нашем друге: впрочем Гомер и Иван-Царевич – наилучшие врачи. Гоголь, который теперь в Гомбурге, нам вчера прочитал всю эту прелестную поэму»[8].

Позднее, в статье «О Современнике» (1846), Гоголь писал: «Слава Богу, <...> еще Небо хранит нам Жуковского. <...> Его нынешние труды далеко полновесней и значительней прежних. Не нужно судить о нем по тем стихотворным сказкам и повестям, которые были помещены в последнее время в "Современнике"[9]. Они не могли и не должны были произвесть никакого впечатленья на общество, и нечего удивляться, что общество, оценивая всякое новое произведение относительно своих собственных потребностей душевных, ища в нем ответа на тревожные исканья свои, назвало эти стихотворенья *ребячеством* Жуковского. Они, точно, назначены для малолетних детей. Повести и сказки эти должны были выйти особой книжкой под названием: *"Подарок детям от Жуковского"*. Он сделал ошибку, пославши их в журнал. Я говорил это ему тогда же, советуя или ничего не посылать, или послать то, что пришлось бы по душе взрослому человеку».

[1] См. ***1845. Мая 11 <апреля 29>. Воскресенье. Париж.***

[2] Дочь Л. К. Виельгорской.

[3] См. ***1845. Марта 14 <2>. Пятница. Париж.***

[4] Подробнее см.: ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[5] Вероятно, имеется в виду письмо графа А. Ф. Орлова к В. А. Жуковскому от 30 апреля 1845 г. (см. ***1845. Апреля 30 <мая 12>. Понедельник. Санкт-Петербург***).

[6] Имеется в виду «Сказка о Иване-царевиче и сером волке» В. А. Жуковского. См. также письмо Н. М. Языкова к Н. Н. Шереметевой от 14 июля 1845 г.: ***1845. Июля 14 <26>. Суббота. Москва.***

[7] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод*. Т. 3. С. 80.

[8] Из писем А. И. Тургенева // *Свод*. Т. 3. С. 95.

[9] Имеются в виду сказки Жуковского, опубликованные в «Современнике»: «Сказка об Иване-царевиче и сером волке» (1845. Т. 39), «Выбор Креста. Из Шамиссо» (1846. Т. 41), «Тюльпанное дерево» (1846. Т. 46), «Кот в сапогах» (1846. Т. 44). – См. также ***1844. Сентября 21 <9> – 1845. Января 10 или 11 <1844. Декабря 29 или 30>. Франкфурт-на-Майне.***

МАЯ 20 <8>. ВТОРНИК. ГОМБУРГ

Гоголь пишет ответное письмо В. А. Жуковскому во Франкфурт («Francfort s/M. Saxsenhausen»):

«Не постигая, что делать с присланным вами письмом, посылаю его к вам. Таковой Лазаревой я отнюдь не знаю и не могу постигнуть, зачем приписано внизу: "bei G. Gogol"[1]. <...> Знаете ли, что ваше письмо я получил только сегодня? Ибо оно успело уже вновь побывать во Франкфурте за неотысканием меня, тогда как я отправил свой адрес и в полицию, и в здешний кургаус. <...> А потому вот вам мой адрес: Kissileffstrasse, maison Deiainger. В Гомбурге ни души знакомой, так что тоска разбирает. В четверг[2] буду у вас обедать».

[1] Перевод: «У г. Гоголя» (буква «G», очевидно, написана Гоголем ошибочно, вместо буквы «Н» – сокращенное «Herr»). Речь идет о письме, полученном франкфуртской почтой на имя некоей Лазаревой, которое Жуковский, считая, очевидно, эту Лазареву племянницей графини Л. К. Виельгорской, переслал Гоголю для отправки его в Париж. – См. также ***1845. Мая 11 <апреля 29>. Воскресенье. Париж.***

[2] См. ***1845. Мая 22 <10>. Четверг. Гомбург, Франкфурт-на-Майне.***

МАЯ 8 <20>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. В. Никитенко записывает в дневнике:

«В воскресенье был у министра <С. С. Уварова>. Он много говорил о «дурном, грязном и торговом» направлении нашей литературы. Вспоминал о прежнем времени, когда имя литератора, по его словам, считалось почетным. <...>

Уваров хотел показать мне письмо к нему Гоголя[1], да не отыскал его в бумагах. Он передал мне его содержание на словах, ручаясь за достоверность их. Гоголь благодарит за получение от Государя денежного пособия и, между прочим, говорит:

"Мне грустно, когда я посмотрю, как мало я написал достойного этой милости. Все, написанное мною до сих пор, и слабо, и ничтожно до того, что я не знаю, как мне загладить перед Государем невыполнение его ожиданий. Может быть, однако, Бог поможет мне сделать что-нибудь такое, чем он будет доволен".

Печальное самоуничижение со стороны Гоголя! Ведь это человек, взявший на себя роль обличителя наших общественных язв и действительно разоблачающий их не только метко и верно, но и с тактом, с талантом гениального художника. Жаль, жаль! Это с руки и Уварову, и кое-кому другому»[2].

10 мая 1845 г. Никитенко также записал: «Заходил в канцелярию, чтобы, по желанию министра, прочесть письмо Гоголя. Сущность его почти та же, что передавал мне Уваров»[3].

С содержанием гоголевского письма Никитенко, вероятно, тогда же познакомил В. Г. Белинского. Последний в письме к Гоголю из Зальцбрунна от 15 июля (н. ст.) 1847 года, в частности, писал: «Еще прежде[4] <...> в Петербурге сделалось известным Ваше письмо к Уварову, где Вы говорите с огорчением, что Вашим сочинениям в России дают превратный толк, <...> и объявляете, что только тогда останетесь довольны своими сочинениями, когда тот, кто и т. д. Теперь судите сами: можно ли удивляться тому, что Ваша книга уронила Вас в глазах публики...»

[1] См. ***1845. Апреля конец, после 25 <апреля между 13 и 18>. Висбаден или Франкфурт-на-Майне.***
[2] Записи о Гоголе в дневнике А. В. Никитенко // *Свод.* Т. 1. С. 728.
[3] Там же.
[4] Прежде выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847).

МАЯ 21 <9>. СРЕДА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. ГОМБУРГ

Гоголь в день своих именин отправляет в Петербург письмо к А. О. Смирновой[1] (послание не сохранилось).

[1] См. ***1845. Мая 23 <июня 4>. Среда. Санкт-Петербург.***

МАЯ 9 <21>. СРЕДА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Большом театре; в роли Кочкарева — М. С. Щепкин.

Гриц. С. 345; *Ельницкая 1978.* С. 253.

МАЯ 22 <10>. ЧЕТВЕРГ. ГОМБУРГ, ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь приехал из Гомбурга во Франкфурт к В. А. Жуковскому[1].

Гоголь провел тогда во Франкфурте пять дней. Вновь[2] виделся здесь с А. И. Тургеневым[3].

[1] См. ***1845. Мая 20 <8>. Вторник. Гомбург.***
[2] См. ***1845. Мая 17 <5>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[3] См. ***1845. Мая 15 <3>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Мая 26 <14>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне, Гомбург.***

МАЯ 10 <22>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Игроков» в Большом театре; в роли Утешительного — М. С. Щепкин[1].

«...Сколько лет дают «Ревизора» Гоголя, и все-таки, когда его дают, театр бывает полнее обыкновенного. На нашей сцене не упали ни *Женитьба* Гоголя, ни *Игроки* его же. <...> 10 мая. *Игроки*, комическая сцена в 1-м действии, соч. Гоголя. — *Девица-отшельница*, вод<евиль> в 1-м действии (*первый дебют г-жи <Е. Н.> Лавровой*). — *Барская спесь и Анютины глазки*, вод<евиль> в 1-м действии, соч. г-на Ленского. <...> ...Давали *Игроков* Гоголя; надобно видеть эту пиесу на сцене московского театра, чтобы вполне понять ее достоинство. Немного пиес, которые производили бы

на зрителя такое впечатление, как эти «сцены» Гоголя. Волос становится дыбом от удивительно верно схваченных хладнокровных разговоров игроков, о способах выигрывать, от сцены, когда они обыгрывают Злова <Глова>. Пиеса превосходно разыгрывается здесь гг. Щепкиным, Самариным, Садовским, Ленским, Усачевым и Ф. Сахаровым»[2].

В тот же день Н. М. Языков отправил Гоголю ответное[3] письмо во Франкфурт:

«Грустно мне было читать твое письмо от 1 мая. Что это с тобою делается? Болезнь и хандра, хандра и болезнь, и ни та, ни эта о сю пору тебя не покидает. <...> Приписываю это знаешь ли чему? Долговременному пребыванию твоему между немцами, среди чужого языка! Выдь на минуту из себя, взгляни на себя, как на всякого истинно русского человека, живущего и движущегося, положим, уже хоть полгода между шмерцами, и войди беспристрастно и сострадательно в его положение: ты согласишься со мною! Беги скорее от них, беги неоглядкой хоть куда глаза глядят: я уверен, что ты скоро поправишься, пободреешь и что болезнь и хандра убегут от тебя обе вместе, видя себе беду неминучую.

Погодин на днях делает консилиум, где решится судьба его на наступающее лето, т. е. ехать ли ему на воды или нет, и если ехать, то куда? Ноге[4] его стало хуже.

Сердечно рад, что "Москвитянин" таки дошел до тебя. Благодарю за похвалы моим стихотворениям[5]! Ты напрасно думаешь, что Хрипков – живописец вроде Мокрицкого; мое послание к Хрипкову я почитаю одним из удачнейших дел моих сего рода: стало быть, меня обманули чувства, что я восхитился дрянью. Нет! Я с тобою не согласен во мнении о моем кавказском пейзажисте. Спроси о нем Жуковского – он, конечно, помнит его и не назовет дрянью. Прискорбно мне еще и то, что ты вовсе ничего не сказал мне о моей элегии, напечатанной во 2-м № "Москвитянина"[6]; я думаю, что это одна из лучших картин, нарисованных моими стихами; не всякий может оценить ее достоинство, тут нужен взгляд знатока, но ты, мой любезнейший, должен отдать ей должную похвалу, ты, который умеет крепко ограждать себя от надоедников и который истинно геройски защитился от предмета этой элегии! Помнишь?

С. Т. Аксаков будет на днях писать к тебе, Шевырев тоже; Хомяков и Свербеев тебе кланяются – все мы зовем тебя в Москву; полно тебе кочевать в странах не русских и не православных. Пора тебе домой, и если ты боишься борея, то ведь русская земля не клином сошлась; от Черного моря до Белого много климатов, выбирай любой и живи со своими...»

[1] *Гриц*. С. 344; *Ельницкая 1978*. С. 260.

[2] *В. Р.* Московский Театр // Репертуар и Пантеон. 1845. Кн. 7. С. 22–23.

[3] См. ***1845. Мая 1 <апреля 19>. Четверг Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне.***

[4] См. ***1844. Мая 16 <28>. Вторник. Москва.***

[5] См. ***1845. Мая 1 <апреля 19>. Четверг Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне.*** – См. также ***1841.* Ноября 17. Понедельник. Москва** (примечания).

[6] См. ***1845. Мая 1 <апреля 19>. Четверг Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

МАЯ 24 <12>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет П. А. Плетневу в Петербург (согласно почтовому штемпелю[1], письмо было отправлено из Франкфурта на следующий день, 25 мая (н. ст.) 1845 г.):

«Уведомляю тебя только о том, что я сильно болен, и только одному Богу возможно излечить меня. Письмо, однако же, к Уварову[2] я написал и отправил его Смирновой для передачи или ему, или тебе. Если можно, возьми за первый год деньги[3] и перешли на всякий случай к Жуковскому. От него я получу их в минуту надобности повсюду».

[1] См.: *Городецкий*. С. 452.

[2] См. ***1845. Апреля конец, после 25 <апреля между 13 и 18>. Висбаден или Франкфурт-на-Майне.***
[3] Речь идет о получении пожалованного Гоголю Императором Николаем I денежного пособия (подробнее см.: ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург***).

МАЯ 12 <24>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова пишет Гоголю ответное[1] письмо во Франкфурт:

«Грусть и тоска меня пожирают, любезный друг мой. Ежечасно, ежеминутно чувствую сильнее, как силы душевные и даже умственные меня оставляют. Странное чувство отчуждения от всего светского овладело мною. Не только не имею желания видеть кого-либо, но даже, напротив, страдаю в прикосновении с чужими: ни на сердце, ни на уме нет ничего им сказать. Этот свет, к которому я принадлежала случайно, никогда меня не любил и <я> обращала на него мало внимания; но теперь мне кажется, что всякий ищет меня обидеть, что все меня оттолкнули и что я брошена одна, совсем одна на свете[2]. Боже, Боже мой, какое тяжкое одиночество и как оно еще тягостнее падает на сердце, когда смотрю на детей и воображаю, что им предстоит также борьба с этими обстоятельствами, с этим светом, в который меня забросила судьба. Я теперь за них уже страдаю, потому что если бы я была одна давно бы никто меня не видал в этом круге, мне по сердцу, мне по связям чуждому. Теперь я смотрю на место губернатора как на спасительную пристань; по крайней мере там откроется <для> меня полезная деятельность и другое направление сил душевных. Дела мои, притом, расстроены, и живя в маленьком городке, мы можем их поправить. Но и на этот счет ничего нет положительного. Н<иколай> М<ихайлович>[3] служил три года как нельзя ревностнее; им были довольны; теперь дали делать ревизию Петерб<ургской> губернии, а назначение будет зависеть от воли Государя. У нас, по несчастию, имения рассеяны по всем губерниям, а вы знаете, что есть правило — не назначать туда в губернаторы, где есть поместья. Пока, я еду в деревню с детьми, а Н<иколай> М<ихайлович> предполагал ехать за границу, потому что его здоровье точно расстроено. Не знаю, удастся ли ему это сделать, потому что поездкой может прогулять вакансию. Дом было продали; покупщик отказался на другой день; дела же довольно запутаны. Словом, со всех сторон стечение самых неприятных обстоятельств. Но все бы это ничего, если бы я не находилась в таком тягостном расположение духа: следствие светского моего одиночества. Не думайте, чтобы это было чисто болезненное чувство, *расположение все видит в черном виде*. Нет, даже наша милая Софья Михайловна[4], разговаривая со мною, сказала мне, что она понимает, как я должна чувствовать это уединение и отчуждение от того круга, в который судьба меня забросила, которого привычка и требования сделали меня неспособною найтись в другом. Кроме Вьельгорских, Карамзиных, гр<афини> Нессельрод, нет решительно никого доброжелательного ко мне. <...> Все это вам одному могу я сказать, мой прекрасный друг во Христе. <...> Ваше милое письмо я получила. Обещание меня посетить через год навевает на душу прохладу. <...> Решено, что Аркадий со мной едет в Спасское (наша деревня) и останется со мной шесть недель. <...> Государь в отсутствии и вернется 29<-го>. В<еликий> К<нязь> Константин уехал в Константинополь[5]. Императрица едет на Елагин. Здоровье ее не в хорошем состоянии. Поговаривают об ее отъезде за границу на зиму; куда именно — это неизвестно. Боже сохрани нас от несчастия ее лишиться: она нужна нам всем и каждому в особенности. Молиться должны мы за нее горячо и беспрестанно, как и за государя. Его спокойствие зависит от этого семейного круга, которому она служит центром, полным любви и самоотвержения. <...> Софье Михайловне я вручила ваше письмо[6]. Она мила и добра, как ангел. Мне бы нужно их видеть часто но они также живут рассеянно, как графиня[7] в Париже, а мне нужна жизнь, как в Ницце[8], в особенности душевная связь, как с вами. Этого здесь не доищешься, да и Экклезиаст сказал, что одного друга только можно иметь в жизни, что это сокровище дается Богом в награду. Нас сдружило наше обоюдное одиночество в свете и сознание, что способности наши выше того слоя, где мы родились. Талант ваш вам еще дает право на всеобщее уважение, а я ничего не приношу в дань тому кругу, в котором я живу, как в западне. <...> Молитесь обо мне и пишите все-таки в Петербург к Синему мосту[9] <...> Я желала бы познакомиться в Москве[10] с стариком Аксаковым[11]. Устройте мне это».

[1] См. ***1845. Мая 11 <апреля 29>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***

[2] «Тут болезненное состояние высказывется вполне» (позднейшее примечание дочери Смирновой, Ольги Николаевны).

[3] Смирнов, муж Смирновой.

[4] Графиня Соллогуб.

[5] «Об этом см. также "Русск<ий> Арх<ив>", 1882, I, 219» (примечание О. Н. Смирновой).

[6] Письмо не сохранилось (см. ***1845. Мая 11 <апреля 29>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне***).

[7] Л. К. Виельгорская.

[8] См. ***1843. Ноября 19 <7> – 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***

[9] «Наш дом, его продали только в 1854 году» (примечание О. Н. Смирновой).

[10] См. ***1845. Ноября начало <ноября средина>. Москва.***

[11] «Мать уже знала тогда Хомякова, с 1829–1830 гг.» (примечание О. Н. Смирновой). – См. ***1832. Января 27. Среда. Москва*** (примечания).

МАЯ 26 <14>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ, ГОМБУРГ

Гоголь вернулся из Франкфурта в Гомбург.

А. И. Тургенев в этот день записал в дневнике: «Простился с Гоголем...»[1]

«14 августа 1845 года приехал в Москву из Парижа А. И. Тургенев. <...> В Москву Тургенев приехал больным. "Я все страдаю, – писал он Сербиновичу 13 октября 1845 года, – и едва передвигаю ноги от задышки и ревматизма..."»[2] 3 декабря 1845 г. А. И. Тургенев умер[3]. 16 декабря 1845 г. А. О. Смирнова писала Гоголю из Калуги: «Вы, верно, знаете, что Тургенев умер скоропостижно в Москве; не успел и причаститься, хотя первый его крик был, когда сделалось ему дурно: "Попа! попа!" У игуменьи вынимают часть за его упокой»[4].

[1] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 80.

[2] *Барсуков.* 1894. Кн. 8. С. 237.

[3] Там же. Кн. 8. С. 239; ***1845. Декабря 3 <15>. Понедельник. Москва.*** – См. также ***1846. Января 5 <1845. Декабря 24>. Понедельник. Рождественский сочельник. Франкфурт-на-Майне.***

[4] См. ***1845. Декабря 16 <28>. Воскресенье. Калуга.***

МАЯ 27 <15>. ВТОРНИК. ПАРИЖ

Граф А. П. Толстой пишет Гоголю во Франкфурт:

«Между тем напал случайно на старинную ф<ранцузскую> книгу Eloquence des auteurs sacrés[1], в которой многое как будто нарочно для моего положения написано; но, увы, никакие слова, самые сильные, не проникают в глубину прескверной моей души».

[1] Красноречие священных писателей (*фр.*)

МАЯ 28 <16>. СРЕДА. ГОМБУРГ

Гоголь в письме к графу А. П. Толстому в Париж сообщает:

«Уведомляю вас, что отъезд мой отстрачивается[1] еще на одну неделю. Недостает духа уехать, с вами не простившись, хотя на весеннее путешествие и дорогу, как на единственно мне помогавшее доселе средство, была одна моя надежда... Но надеяться следует на Бога. [А потому] Прошу вас просить нашего доброго священника[2] в Париже отправить молебен о моем выздоровлении. Отправьте также молебен о вашем собственном выздоровлении. Бог да хранит вас. Я уверен, что вы

и это письмо мое получите в Париже, потому что, вероятно, успели вновь отложить и без <того> отложенный так надолго отъезд ваш».

[1] Так в источнике.
[2] Протоиерей Д. С. Вершинский.

МАЯ СРЕДИНА (ПОСЛЕ 17)[1] – МАЯ КОНЕЦ <МАЯ ПОСЛЕ 5 – МАЯ СРЕДИНА>. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский сообщает А. О. Смирновой (письмо было приложено Жуковским к его письму П. А. Плетневу в Петербург[2]):

«Я давно получил от вас письмо Уварова к Гоголю[3], и он уже на это письмо отвечал[4]. Но за чем же дело стало в присылке денег? Пора бы уже и прислать. Эта операция весьма кстати. Здоровье Гоголя требует решительных мер; ему надобно им заняться исключительно, бросив на время перо, и ни о чем другом не хлопотать как о восстановлении своей машины. Живучи у меня, во всю почти зиму, он ничего не написал, и неудачные попытки писать только раздражали его нервы. Я его посылал в Париж, полагая, что рассеяние сделает ему добро; но добро сделало ему только самое путешествие, то есть переезд из Франкфурта в Париж, а жизнь парижская никакой не принесла пользы: он возвратился в том же расстройстве. Копп назначает ехать в Гастейн, который, вероятно, поднимет его на ноги, но, по совету Хелиуса, он поехал было в Гомбург пить воды и тем приготовить себя к Гастейну; начал пить и тотчас почувствовал, что питье вредно. Копп велел ему брать ванны в продолжении двух недель, после чего, осмотрев его, назначит, что ему делать. Я думаю, что он должен будет ехать в Гастейн. Оттуда на всю зиму в Италию. Прошу вас похлопотать или заставить похлопотать Петра Александровича Плетнева, чтобы деньги были тоже выданы и высланы на мое имя во Франкфурт на М<айне>. Я буду знать, куда пересылать Гоголю. Он теперь на три года обеспечен; от Царя милостивого 1000 р<ублей>, да от Великого Князя 1000 франк<ов>, также в продолжении трех лет. Этого будет достаточно, и он может серьезно предаться лечению и с Божьей помощью получит излечение. А я уже и от Орлова получил письмо[5] очень любезное, в котором он уведомляет меня о сделанном для Гоголя и охотно вызывается сделать для него впредь что может полезного».

Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод*. Т. 2. С. 61.

[1] См. ***1845. Мая 17 <5>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[2] См. ***1845. Мая 23 <июня 4>. Среда. Санкт-Петербург.***
[3] Письмо графа С. С. Уварова к Гоголю от 27 марта 1845 г. было отправлено Смирновой Жуковскому при ее письме от 27–28 марта 1845 г. (см. ***1845. Марта 27–28 <апреля 8–9>. Вторник-среда. Санкт-Петербург***); получено Жуковским и Гоголем в Висбадене (см. ***1845. Апреля 13 <25>. Страстная пятница. Висбаден***).
[4] См. ***1845. Апреля конец, после 25 <апреля между 13 и 18>. Висбаден или Франкфурт-на-Майне.***
[5] См. ***1845. Апреля 30 <мая 12>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

МАЯ 19 <31>. СУББОТА. МОСКВА

Н. М. Языков сообщает А. А. Иванову в Рим:

«Гоголь писал ко мне, что на осень и зиму 1845 года он переселится в Италию, вероятно в Рим, – он то и дело жалуется[1] на расстройство своего здоровья»[2].

В тот же день Языков писал Ф. В. Чижову:

«Гоголь на осень и на зиму 1845 года, кажется, переселится в Рим»[3].

[1] См. письмо Гоголя Н. М. Языкову от 1 мая (н. ст.) 1845 г. из Франкфурта: ***1845. Мая 1 <апреля 19>. Четверг Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне.***
[2] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 171.
[3] Там же. Т. 3. С. 171.

МАЯ 21 <ИЮНЯ 2>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно почтовому штемпелю[1], П. А. Плетнев получил в этот день письмо Гоголя из Франкфурта[2].

[1] См.: *Городецкий.* С. 452.
[2] См. ***1845. Мая 24 <12>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

МАЯ КОНЕЦ <ИЮНЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ф. М. Достоевский, отдав Н. А. Некрасову рукопись «Бедных людей», вечером идет «к одному из прежних товарищей» (возможно, к К. А. Трутовскому), говорит с ним допоздна о Гоголе и читает «Мертвые души». Утром Д. В. Григорович и Некрасов заходят к Достоевскому, говорят «и о поэзии, и о правде, и о “тогдашнем положении” разумеется, и о Гоголе <...> но главное, о Белинском». На следующий день Некрасов передает рукопись «Бедных людей» В. Г. Белинскому со словами: «Новый Гоголь явился!»

Вскоре, около 1 июня 1845 г., состоялась первая встреча Достоевского с Белинским.

Якубович И. Д., Орнатская Т. И. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 96–98.

ИЮНЯ 4 <МАЯ 23>. СРЕДА. ГОМБУРГ

Гоголь пишет ответное[1] письмо А. О. Смирновой в Петербург:

«Друг мой добрый и прекрасный, ваше письмо от 12 мною получено. Что его читали не глаза мои, а читало сердце, о том нечего и говорить; что всякое из страданий ваших почувствовано самой глубиной того же сердца, о том также нечего говорить. Год этот всем труден, и не без особенных намерений Промысла вышнего он проходит почти для всех во скорби душевной. Напрасно вы также думаете, что я выше всего того, что принадлежит слабейшему человеку, что нашел тайну побеждать страдания и живу в одном Боге. Увы! даже и в первых я ничтожен, не говоря уже о последнем. Жить в Боге значит уже жить вне самого тела, а это невозможно на земле, ибо тело с нами. Я даже не в силах выносить покорно моих болезненных страданий, вот уже скоро полгода нахожусь в беспрерывной борьбе с моими недугами и с немощью моего духа взять власть над своим болезненным телом. Не страдая теперь ни одной душевной болезнью, происходящею от моих отношений и положений к людям (впрочем, может быть, только так это мне кажется и нашептывает так гордость моя), я страдаю весь душою от страданий моего тела, и душа изнывает вся от страшной хандры, которую приносит болезнь, бьется с ней и выбивается из сил биться. Я, верно, исхудал не меньше

вашего, и вы бы ужаснулись, меня увидев. И ни души не было около меня в продолжение самых трудных минут, тогда как всякая душа человеческая была бы подарком, и всякий страждущий, вызвавши меня на помощь себе, сим самым, может быть, исцелил бы хотя на время дух мой. Здоровье мое с каждым часом хуже и хуже. Воды Гомбурга действуют дурно, и этому помогает, может быть, опасное положение совершенного одиночества. Всякое занятие умственное невозможно и усиливает хандру, а всякое другое занятие — не занятие, а потому также усиливает хандру. — Изнуренье сил совершенное. Вот вам мое состояние. Мне казалось бы, что встреча наша была бы нужна с вами, если Богу угодно будет продлить до того времени мою жизнь. Мне казалось, что воды Гастейна вам помогли бы больше всего, и если бы вы решились хотя с одним Аркадием Осиповичем отправиться в Гастейн, оставивши детей с м<исс> Овербек[2] в селе Спасском, то это было бы не дорого. Из Москвы вы отправились бы прямо в Гастейн [прямо] на Вену в легком экипаже. Вы спрашиваете, как познакомиться со стариком Аксаковым. Приехавши в Москву, пошлите прямо за ним, чтобы он приехал к вам. Скажите, что это мое желание. Отыщите также старушку Шереметьеву; скажите [ей] также, что я велел вам с нею познакомиться. В минуты трудные она вам будет очень полезна. Навестите также Языкова. Он без ног, а пото<му> к вам не в состоянии приехать. Прочих всех можете увидеть у Хомякова, который даст для вас вечер и на нем покажет вам всех. Когда вам слишком будет трудно и грусть ваша будет велика, не забудьте взять сочинения св. Димитрия Ростовского (в 5 томах) и в первом томе прочитайте (помолившись прежде крепко Богу) разговор между *утешающим* и *скорбящим* и не один раз потом его перечитывайте[3]. Вот всё, что могу вам посоветовать, изнывая и скорбя сам. <...>

Если будет вам не в труд, то купите для меня книги:

1) "О небесной иерархии" Дионисия Ареопагита[4], в одном томе.

2) "О церковном священноначалии", его же, Дионисия Ареопагита, также в одном томе.

3) "Изъяснен<ие> Литургии", недавно вышедшее, священн<ика> Нортова[5] и

4) книга совершенно мирская, на днях [ед<ва>] вышедшая, что-то вроде "Петербургских сцен", Некрасова[6], которую очень хвалят и которую бы мне хотелось прочесть.

Письма для большей верности адресуйте по-прежнему к Жуковскому; он их мне перешлет. Книги же нужно будет [дост<авить>] уже прямо в Гастейн. Затем прошу вас о том же, о чем вы меня просите: молитесь обо мне; здоровье мое очень плохо».

[1] См. ***1845. Мая 12 <24>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] Мария Яковлевна.

[3] См. также ***1845. Июля 25 <13>. Пятница. Карлсбад.***

[4] Ср. заметку Гоголя в записной книжке 1841–1846 гг.: «О церковном священноначалии, Дионисия Ареопагита. М. 1787; Св. Дионисия Ареопагита. О небесной иерархии. 1787».

[5] См. ***1845. Апреля 2 <марта 21>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***

[6] Вероятно, имеется в виду «Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов, под редакциею Н. Некрасова». СПб., 1845. Ч. 1–2.

МАЯ 23 <ИЮНЯ 4>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова пишет Гоголю ответное[1] письмо во Франкфурт; при этом посылает ему первую часть денежного пособия, пожалованного Императором Николаем I[2]. Сообщает:

«Спешу пересылкою ваших денег, любезный друг. Это первая треть. Уведомьте о получении векселя. <...> Я порядочно пространдала все это время. *Нервы мои в сильном расстройстве, что ни пером не описать, ни языком не рассказать.* <...> Между тем судьба Н<иколая> М<ихайловича>[3] должна решиться, и мы на днях это узнаем. Меня так и тянет вон из Петербурга; вне света, который для меня потерял всякое значение... <...> Сильный, очень сильный перелом был в жизни моей нынешний год. Вы, милый сердцеведец, угадали мою душу, и, как бы предвидя ее будущее *уныние*, приучали обращаться к Тому, Который не оставляет никогда горюющих и погибающих. <...> Уж

не готовиться ли мне оставить этот мир? уж не приходит ли час? или точно мне суждено впасть в душевную болезнь[4] и сделаться ненужным и тягостным бременем для семейства? Плетнев мне передал вашу записку от 21 мая. По всему видно, что и ваше состояние сокрушительно. Вы для меня так нужны, что я даже предвидеть не могу, как я без вас выйду из своего положения. Выезжайте, ради Бога, скорее из Франкфурта в Гастейн. Не умею вам сказать, будут ли там люди, вам нужные. Аркадий узнал в а<нглийском> клубе, что граф Апраксин, Петр Ив<анович>[5], туда едет, и говорил ему, чтобы он вас отыскал. Он говорил, что весьма рад бы с вами познакомиться, но что вы бегаете людей и потому опасается, что и его будете дичиться. Он очень добрый человек и знает много русских анекдотов: вот его характеристика, составленная Аркадием. Итак, вы будете не совсем одни в Гаштейне. Бог даст, еще кто-нибудь выищется. Я решилась теперь не ехать в Москву; наняла дачу в Павлине у Вьельгорских, которые меня туда зазвали, видя мое состояние. Вчера <Плетнев> принес мне известие, что вам нельзя выдавать пенсиона вперед за год, а вы будете его получать по третям, и потому прошу вас извещать меня по крайней мере ежемесячно о перемене вашего местопребывания. Самарин вернулся из Москвы полный жизни и надежд, весьма довольный кругом своих приятелей, которые, по словам его, работают впрок. Не все им отдают справедливость, и даже очень умные люди сильно на них нападают, не говоря уже о бессмысленной толпе. <...> Сейчас подали мне письмо Жуковского[6]; тут и об вас идет речь. Мы с вами, друг мой, в одном положении, как видно».

[1] См. ***1845. Мая 21 <9>. Среда. День памяти св. Николая Мирликийского. Гомбург.***

[2] Подробнее см.: ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[3] Смирнов, муж Смирновой.

[4] «Еще один был у матери *страх* — лишиться ума; она боялась этого, потому что, страдая бессонницей, обратилась к какому-то доктору, который ей сказал, что сумасшедшие страдают бессонницей, и *напугал ее ужасно.* Она вообще была довольно мнительна» (позднейшее примечание дочери Смирновой, Ольги Николаевны).

[5] Граф П. И. Апраксин (1784–1852), генерал-майор.

[6] См. ***1845. Мая средина (после 17) — мая конец <мая после 5 — мая средина>. Франкфурт-на-Майне.***

ИЮНЯ 5 <МАЯ 24>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ. ГОМБУРГ

Гоголь отправляет в Москву письмо к Н. Н. Шереметевой и ответное[1] послание к Н. М. Языкову.

Из письма к Шереметевой: «Ваши молитвы мне нужны были всегда, а теперь нужнее, чем когда-либо прежде. Здоровье мое плохо совершенно, силы мои гаснут; от врачей и от искусства я не жду уже никакой помощи, ибо это физически невозможно; но от Бога все возможно. Молитесь, да поможет Он мне уметь терпеть, уметь переносить, уметь покоряться, уметь молить Его и уметь благословлять Его в самых страданиях. Я слишком знаю, что нельзя зажечь уже светильника, если не стало масла. Но знаю, что есть сила, которая и в мертвом воздвигнет дух жизни, если восхочет, и что молитва угодных Богу душ велика перед Богом. Молитесь, друг мой, да не оставляет меня в минутах невыносимой скорби и уныния...»

Из письма к Языкову: «Твое письмо от 10 мая мною получ<ено>. Друг мой, ты всё еще принимаешь дело легко и почти в шутку, приглашая меня в Москву. Больного в таком состоянии, в каком я, не призывают, но скорее к нему едут. Бог весть, как я еще доберусь до Гастейна. Повторяю тебе еще раз, что болезнь моя сурьезна, только одно чудо Божие может спасти. Силы исчерпаны. Их и без того было немного, и я дивлюсь, как, при моем сложении, я дожил и до сих еще дней. Отчасти, может быть, я обязан тому, что берег себя и не вдавался во всякие излишества; отчасти обязан тому, что Бог крепил и воздвигал, несмотря на всё мое недостоинство и непотребство. Знаю, однако же, и то, что повредил себе сильно в одно время тем, что хотел насильно заставить писать себя, тогда как душа моя была не готова и когда следовало бы покорно покориться воле Божьей. Как бы то ни

было, но болез<ни> моей ход естественный. Она есть истощение сил. Век мой не мог ни в каком случае быть долгим. Отец мой был также[2] сложенья слабого и умер[3] рано, угаснувши недостатком собственных сил своих, а не нападеньем какой-нибудь болезни. Я худею теперь и истаиваю не по дням, а по часам; руки мои уже не согреваются вовсе и находятся в водянисто-опухлом состоянии. Припадки прочие всё те же, которые сопровождали бедного Елима Мещерского[4] (умершего тоже от изнуренья сил) за неделю до его смерти. Вот тебе состояние моей болезни, которой не хочу от тебя скрывать. Ни искусство докторов, ни какая бы то ни было помощь, даже со стороны климата и прочего, не могут сделать ничего, и я не жду от <н>их помощи. Но говорю твердо одно только, что велика милость Божия и что, если самое дыхание станет улетать в последний раз из уст моих и будет разлагаться в тленье самое тело мое, одно его мановенье – и мертвец восстанет вдруг. Вот в чем только возможность спасенья моего. Если сыщется такой святой, чьи молитвы умолят обо мне, если жизнь моя полезней, точно, моей смерти, если достанет хотя сколько-нибудь чистоты грешной и нечистой души моей на такого рода помилование, тогда жизнь вспыхнет во мне вновь, хотя все ее источники иссохли. <...> С. Т. Аксакову и Шевыреву скажи, что напрасно они собираются писать в ответ на письмо[5], на которое [требова<лось>] просилось одного только дружеского: да. С тех пор прошло уже полгода, и молчанье принято, как следует, за совершенное согласие; напоминание же о чем-нибудь уже забытом будет мне неприятно. Итак, да не приходит им в ум заикаться о делах, решенных и сложенных в архив.

Стихотворе<ния> я твои прочел как в "Москв<итянине>", так и в отдельн<ом издании>[6]. Из них многие мне принесли большое удовольствие. В том <числе> самое [прек<расное>] посвящение Авдот<ье> Пет<ровне> Елагиной[7]. Элегию о надоедателе[8] весьма заметил и даже сказал о ней Коппу[9]. В Москве будет, вероятно, на днях Смирнова[10]. Ты должен с ней познакомиться непременно. Это же посоветуй Серг<ею> Т<имофеевичу> Аксакову[11] и даже Н<адежде> Н<иколаевне> Шереметьевой. Это перл всех русских женщин, каких мне случалось знать, а мне многих случалось из них знать прекрасных по душе. Но вряд ли кто имеет в себе достаточные силы оценить ее. И сам я, как ни уважал ее всегда и как ни был дружен с ней, но только в одни истинно страждущие минуты, и ее и мои, узнал ее. Она являлась истинным моим утешителем, тогда как вряд ли чье-либо слово могло меня утешить. И, подобно двум близнецам-братьям, бывали сходны наши души между собою. Она также теперь больна, и дай Бог ей выздоровление для счастия многих. <...> Адресуй еще на имя Жуковского во Франкфурт».

[1] См. ***1845. Мая 10 <22>. Четверг. Москва.***

[2] См. ***1852. Февраля 5. Вторник масленицы. Москва*** (примечания).

[3] См. ***1825. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Кибинцы.***

[4] Князь Элим Петрович Мещерский (род. 1808) умер в Париже в 1844 г. – См. также ***1845. Января 14 – марта 1 <января 2 – февраля 17>. Париж.***

[5] Речь идет о поручении, данном Гоголем С. П. Шевыреву в письме от 14 декабря 1844 г. о пожертвовании Гоголем денег, выручаемых от продажи его сочинений, в пользу «бедных, но достойных» студентов Московского университета (см. ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***). – См. также ***1845. Ноября 20 <8>. Четверг. Рим***; ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим.***

[6] К тому времени Гоголь, очевидно, получил от Н. М. Языкова его сборник «Новые стихотворения Н. Языкова» (М., 1845) (см. ***1844. Декабря 14 <26>. Четверг. Москва***), с дарственной надписью: «Николаю Васильевичу Гоголю Н. Языков» (воспроизведено в виде фотокопии в изд.: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. Между с. 192 и 193; Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 635).

[7] Стихотворение «А. П. Елагиной» («Я знаю в дни мои былые...»), которое было напечатано в сборнике «Новые стихотворения Н. Языкова» (М , 1845) как «посвящение» книги, в самом ее начале.

[8] Имеется в виду шуточная «Элегия» («Есть много всяких мук – и много я их знаю...»), напечатанная в № 2 «Москвитянина» за 1845 г. – См. также ***1845. Мая 1 <апреля 19>. Четверг Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне.***

[9] Франкфуртский врач И. Г. Копп, лечивший и Гоголя, и Языкова, упоминается в «Элегии» как «венчанный славою» «седовласый врач», «герой своей науки».

[10] См. ***1845. Мая 12 <24>. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1845. Октября около 26 <ноября около 7>. Москва.***

[11] См. ***1845. Ноября начало <ноября средина>. Москва.***

МАЯ 24 <ИЮНЯ 5>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ. МОСКВА

С. Т. Аксаков, пользуясь оказией, посылает Гоголю во Франкфурт ответное[1] письмо и «сверток»[2] с произведениями своего сына, Ивана Сергеевича: стихотворной «мистерией в 3-х периодах» «Жизнь чиновника» и драматической поэмой «Зимняя дорога»[3]. Вероятно, прилагает также письмо к Гоголю Н. Н. Шереметевой от 23 мая 1845 г., которое Н. Т. Погуляев[4], ехавший за границу, забыл передать и осенью 1845 г.[5] привез обратно в Москву[6] (письмо Шереметевой к Гоголю не сохранилось).

Из письма С. Т. Аксакова: «Я получил последнее письмецо ваше через Языкова[7]... <...> Все ваши слова справедливы, но... надобно иметь сердце, исполненное теплой веры и преданности воле Божией безусловно, чтоб находить отраду, например, в самой мысли: что значит потеря зрения телесного, когда человеку откроется зрение духовное! Я не спорю, что это истина и что в ней можно найти отраду; но когда? Тогда, без сомнения, когда человек внешний, телесный преобразится в человека внутреннего, духовного. Я еще далек от этого преображения, да и не знаю, буду ли когда-нибудь его достоин, и потому откровенно скажу вам, что мне даже досадно было читать ваше письмо... Я хотел от вас живого участия, боялся даже, что слишком вас огорчил... Я — человек, и потому хотел человеческого огорчения; ропота... Я слепну, рвусь от тоски и гнева, прихожу в отчаяние иногда, и вы думали меня утешить, сказав, что слепота ничего не значит?..

Мы все еще живем в Москве и даже не знаем, когда и куда уедем. Переезд в деревню, куда намереваемся перенесть нашу больную[8] на руках в портшезе,— кажется мне самому несбыточным. В то же время родилось у нас убеждение (происшедшее от слов ясновидящей, даже двух), что гомеопатия может помочь нашей больной и что надобно ее испытать. Для этого нужно жить в Москве или на даче, в самом близком от Москвы расстоянии. Дач теперь уже нет свободных, да и средств нет это исполнить; не говорю уже о том, что я не могу без горести подумать о разделении семейства, подобно прошлогоднему. Оставаться же на некоторое время в Москве на теперешней квартире невозможно по многим причинам: здесь летом слишком шумно и душно.

Киреевский отказался от "Москвитянина" также по многим уважительным причинам: во-первых, Киреевский не создан от Бога, чтоб быть издателем журнала. Это такой чудак в действительной жизни, что, при всем своем уме, хуже всякого дурака. Во-вторых, никакой порядочный человек не может иметь денежных сношений с Погодиным. В-третьих, от нелепого образа занятий Киреевский сделался болен. Довольно этих трех причин. До сих пор идут толки о выборе нового редактора; но все это вздор. Дело кончится тем, что Погодин опять примется за издание журнала и начнет сколачивать его топором, кое-как, или прекратит на шестой книжке. Какое торжество для всех врагов наших! Не останется уже места, где бы мог раздаться человеческий голос. Это нанесет удар возникающему чувству национальности! Но теперь наступает лето, все наши краснобаи разъедутся по деревням, и здесь хоть трава не расти!

Ваше нездоровье, и душевное, и телесное, нас сердечно огорчает. Не знаю, где найдет вас это письмо, посылаемое с одним из товарищей моего сына, Погуляевым. Мой Иван посылает вам две свои стихотворные пиесы[9]. Напишите о них правду. Не бойтесь оскорбить самолюбие молодого человека. <...> Разумеется, 9 мая[10] мы выпили за ваше здоровье. Адрес мой на имя Томашевского, в почтамте».

[1] См. ***1845. Мая 2 <апреля 20>. Пятница Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Мая 4 <апреля 22>. Фомино воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1845. Октября 20 <ноября 1>. Суббота. Калуга.***

[3] Письмо и сверток Н. Т. Погуляев передал В. А. Жуковскому во Франкфурте (см. ***1845. Июля 18 <6>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***). — См. также ***1845. Октября 20 <ноября 1>. Суббота. Калуга.***

[4] Николай Тимофеевич Погуляев (1821–1859), надворный советник, обер-секретарь 5-го департамента Правительствующего Сената; приятель И. С. Аксакова.

[5] См. ***1845. Октября 20 <ноября 1>. Суббота. Калуга.***

[6] См. ***1845. Июня 14 <26>. Четверг. Москва.*** – 3 октября 1845 г. Шереметева сообщала Гоголю: «Аксаковы возвратили мне мое письмо к вам, что их знакомый Пофиснев <ошибка; имеется в виду Н. Т. Погуляев> весной собирался ехать, но отдумал. В другой раз перешлю к вам, а то много за один раз вам читать». 28 ноября 1845 г. Шереметева вновь извещала Гоголя: «...Есть письмо, которое уже полгода, как я к вам писала. Пофиснев <Погуляев> ехал за границу, но отдумал. Аксаковы мне возвратили, посылать его почитаю ненужным, чтобы не затруднять вас чтением. Оно писано было 23 маия – день, когда вы оставили Москву <см. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***>. Мне живо припомнилось и прощанье и проводы до заставы. Дай Бог вам в оную въехать, исполнив свой обет».

[7] См. ***1842. Мая 1 <апреля 19>. Четверг Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Мая 4 <апреля 22>. Фомино воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***

[8] Дочь Аксакова Ольга Сергеевна.

[9] Первая «пьеса» – «мистерия» «Чиновник» (или «Жизнь чиновника») – была написана И. С. Аксаковым в 1843 г.; не пропущена цензурой в 1846 г.; впервые опубл. в изд.: Русская потаенная литература XIX столетия. Лондон, 1861. Вторая «пьеса» – стихотворный рассказ «Зимняя дорога. Поэтическая вольность» (1845; опубл.: Московский литературный и ученый сборник на 1847 г.; с ценз. купюрами).

[10] Ср. ***1845. Мая 21 <9>. Среда. День памяти св. Николая Мирликийского. Гомбург.***

МАЯ 26 <ИЮНЯ 7>. СУББОТА. МОСКВА

Цензурное разрешение № 4 «Москвитянина» за 1845 г., где напечатана статья А. С. Хомякова «Мнение иностранцев о России», с упоминанием о Гоголе:

«...Англия <...> везде <...> является как создание какого-то условного и мертвого формализма, какой-то душеубийственной борьбы интересов... <...> И действительно, такова Англия в ее фактической истории... <...> Но не такова внутренняя Англия <...>, у которой есть еще предание, поэзия, святость домашнего быта, теплота сердца и Диккенс, меньшой брат нашего Гоголя[1]... <...> Остается только вопрос, что возьмет верх, всеубивающий ли формализм или уцелевшая сила жизни...»

Хомяков. Мнение иностранцев о России // Москвитянин. 1845. № 4. С. 28–29; *Свод.* Т. 3. С. 202.

[1] Незадолго перед тем Хомяков напечатал свое переложение повести Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе» (см. ***1845. Марта 8 <20>. Четверг. Москва*** – примечания).– См. также ***1840. Октября начало <сентября вторая половина>. Рим*** (примечания).

МАЯ 27 <ИЮНЯ 8>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. СМОЛЕНСК

Представление «Ревизора» труппой российских актеров на смоленской сцене (содержатель труппы Григорий Башла, «прибывший из Киева»).

Р..цкий Н. Смоленский театр // Репертуар и Пантеон. Издатель и редактор Межевич. 1845. Кн. 11. <Отд. 2>. С. 63.

МАЯ 30 <ИЮНЯ 11>. СРЕДА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь отправляет письмо к сыну во Франкфурт-на-Майне.

См. ***1845. Июля 28 <16>. Понедельник. Карлсбад.***

МАЯ 31 <ИЮНЯ 12>. ЧЕТВЕРГ. ХАРЬКОВ

М. С. Щепкин открывает гастроли на Троицкой ярмарке в Харькове; играет Городничего в «Ревизоре»[1].

«*31 мая. – Ревизор.* – Роль Городничего занимал Щепкин, ангажированный на 10-ть представлений в пользу дирекции и на 4 полубенефиса лучших наших артистов: г-жи <М. Л.> Млотковской, г-жи <Е. Н.> Федоровой, г. <К. Т.> Соленика и г. <П. И.> Толченова, как *режиссера.* Об исполнении этой пиесы на нашей сцене скажем, что ансамбль ее выдержан прекрасно. Щепкин слишком известен всей читающей публике в этой роли, а потому превозносить его я и не стану понапрасну. – *Хлестаков* в первой половине роли был слаб, но зато во второй, где Хрестаков *завирается о петербургской своей жизни,* г. Толченов был *очень натурален.* <...> *Добчинский* и *Бобчинский,* несмотря на все замечания автора пиесы, оделись пугалами, вместо того, как они должны быть гладенькими, чистенькими, опрятными помещиками»[2].

[1] *Гриц.* С. 347.

[2] *Харьковский старожил Wold.... Wolin....* Обзор деятельности на Харьковской сцене в настоящем году // Репертуар и Пантеон. Издатель и редактор Межевич. 1845. Кн. 9. <Отд. 2>. С. 68–69; с датой: «Харьков, 17 июня 1845 года».

МАРТА СРЕДИНА <МАРТА НАЧАЛО> – ИЮНЯ 18 <6>. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ ИЛИ ГОМБУРГ

Гоголь отправил в Васильевку письмо к матери – Марии Ивановне – и сестрам – Анне, Елисавете и Ольге, с «хозяйственными распоряжениями относительно поручения Лизе вести книгу расхода и прихода вместе с хранением денежной кассы»[1].

Письмо не сохранилось; оно относилось к числу тех, которые Гоголь просил мать и сестер перечитывать в своем завещании 1845 г.[2] В письме к С. Т. Аксакову от 29 октября (н. ст.) 1845 г., Гоголь называл это письмо «очень *нужным*»[3]. К наставлениям, изложенным в несохранившемся письме, Гоголь вернулся в позднейших письмах к матери и сестрам[4], а также в статье *XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846).

[1] См. ***1845. Июля 28 <16>. Понедельник. Карлсбад.***

[2] См. ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн*** (примечания).

[3] См. ***1845. Июля 28 <16>. Понедельник. Карлсбад*** (примечания).

[4] См. ***1845. Октябрь – декабря 20 <сентября средина – декабря 8>. Рим.***

ИЮНЯ МЕЖДУ 5[1] И 18 <МЕЖДУ МАЯ 24 И ИЮНЯ 6>. ГОМБУРГ, ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь приехал из Гомбурга во Франкфурт к В. А. Жуковскому. Около 10–12 июня (н. ст.)[2] встречается с находящимися здесь проездом из Парижа в Петербург графинями Л. К. и Анной М. Виельгорскими.

Позднее, 26 июня / 8 июля 1845 г., А. О. Смирнова сообщала о Гоголе П. А. Плетневу: «Графиня Виельгорская его видела во Франкфурте, в первый раз он ей показался очень плох, но потом был веселее и живее»[3].

[1] См. ***1845. Июня 5 <мая 24>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Гомбург.***
[2] См. ***1845. Июня 16 <4>. Понедельник. День Святого Духа. Берлин.***
[3] См. ***1845. Июня 26 <июля 8>. Вторник. Павлино.***

ИЮНЯ 16 <4>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЕНЬ СВЯТОГО ДУХА. БЕРЛИН

Графиня Л. К. Виельгорская в письме к Гоголю во Франкфурт сообщает:

«Мы благополучно приехали, любезнейший Николай Васильевич, и нашли Мишу[1] на железной дороге. Жара ужаснейшая заставила нас ехать ночью и отдыхать несколько часов днем, и мы приехали[2] в субботу[3] в Halle в 5 часов. Отдохнувши часа четыре или пять, мы пустились по железной дороге и были в Берлине в два часа. Барон Mayendorf[4] просил нас жить у него в посольстве, возле Миши. Итак мы целый день вместе: обедаем, чай пьем, завтракаем всегда вместе. Надобно пользоваться моим здешним пребыванием.

Кучу писем нашла я здесь. В Петербурге все здоровы, ожидают нас с нетерпением и бранят, что давно не на месте. К несчастию, пароходы не отправляются из Стетина, — итак мы принуждены продолжать наше путешествие сухим путем. Я отчаянии: от Берлина до Петербурга уже не Европа, а пустыни Африки и Азии. Пугает меня ужасная мысль пуститься в дорогу к жидам и некрещеным народам, которым употребление хлеба почти не известно. Я не знала, что m-me Mayendorf[5] в Гомбурге: я бы к ней явилась. Говорят, Киселева[6] играет в карты и держит банк: берегитесь и не пускайтесь в их общество.

Надеюсь отправиться в Петербург в субботу[7], если Бог велит. Мы все очень устали и стараемся отдохнуть в Берлине. Смирнова наняла дом в Павлине и будет жить с нами все лето. Муж ее[8] назначен губернатором. История развода Валуева[9], к счастью, выдуманная сказка. Волконский[10] здесь по причине болезни. Много русских отправляется за границу. Здоровье Государыни в плохом состоянии. Опасаются, что она не в состоянии будет ехать за границу, а ей хотелось провести зиму в лучшем климате. Киселев[11] едет за границу; вероятно, будет к вам в Гомбург. Радуйтесь этому посещению. Сообщите все эти достоверные известия Жуковскому и поклонитесь ему от нас сердечно. Так спешу, что, мне кажется, вам нельзя будет разобрать мои Hieroglyphe. По крайней мере то разберите, что мать и дочь вам искренно преданы. Миша кланяется, а мы даем вам дружеский *шек хандс*»[12].

К этому письму дочь Л. К. Виельгорской Анна Михайловна сделала приписку:

«Мне некогда вам писать, любезный Николай Васильевич: я a la lettre целый день с братом. Он здоров и весел, а я так счастлива его видеть, что я совсем другими глазами смотрю на будущее. Чем более я приближаюсь к Петербургу, тем более мне становится легче и веселее».

[1] Граф М. М. Виельгорский, сын Л. К. Виельгорской.
[2] Из Франкфурта (см. ***1845. Июня между 5 и 18 <между мая 24 и июня 6>. Гомбург, Франкфурт-на-Майне***).
[3] 2/14 июня 1845 г.
[4] Барон Петр Казимирович Мейендорф (1796–1863), чрезвычайный посланник и полномочный министр России в Берлине.
[5] Софья Рудольфовна Мейендорф (рожд. графиня Буоль фон Шауенштейн; 1800–1868), баронесса.
[6] Возможно, имеется в вниду либо графиня Софья Станиславовна Киселева (рожд. графиня Потоцкая, 1801–1881), жена графа П. Д. Киселева (в разъезде с ним с 1829 г.), либо Елизавета Николаевна Киселева (рожд. Ушакова, 1810-1872), жена С. Д. Киселева.
[7] 21 июня (н. ст.) 1845 г.
[8] Н. М. Смирнов.

[9] Вероятно, речь идет о графе (с 1880 г.) П. А. Валуеве, женатом (с 1836 г.) на дочери князя П. А. Вяземского Марии Петровне.

[10] Светлейший князь Петр Михайлович, министр Двора.

[11] Либо граф (с 1839 г.) П. Д. Киселев, либо его брат С. Д. Киселев (см. примеч. выше).

[12] Рукопожатие (hand shake; *англ.*).

ИЮНЯ 4 <16>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЕНЬ СВЯТОГО ДУХА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова отправляет через Ю. Ф. Самарина[1] письмо к С. Т. Аксакову в Москву:

«Милостивый государь! Хотя не имею чести вас знать лично, знаю вас, однако же, по общему нам другу Николаю Васильевичу Гоголю. Последнее его письмо ко мне наполнило душу мою беспокойства и мрачных предчувствий; я с ним так тесно сблизилась в течении двух последних лет, что и теперь, как бы по особенному усмотрению Божию, страдаю тоже болезнями душевными, и по обстоятельствам нахожусь в невозможности ему помочь действительно. Словом же тому нельзя помочь, который проникнут Им, но который все-таки по слабости человеческой требует души любящей возле себя в тяжкой болезни, ему Богом посланной. Переписываю вам из его письма то, что касается прямо до него; передумайте все это и решите, что делать с ним? Тому назад два месяца, я уже ему предлагала вернуться в Россию, прямо ко мне, и имела тогда намерение провести лето в деревне под Москвой; но он уклонился от моего предложения. Может быть, переезд его сюда был бы спасителен еще: ему нужно общество друзей более, чем он думает, а он себя обрек на страшное одиночество в Германии, которая его натуре уже противна, и живет у Жуковского, погруженного в свой семейный быт, в свои домашние заботы и радости, и который светлою душою своей не может и понять страданий Гоголя. Но пора вам выписать его собственные строки[2]... <...>

Сегодня же я пишу ему и зову его в Россию, ко мне или к вам в Москву; если и назначено Богом кончить ему жизнь или продлить ее в недуге душевном, что было бы ужаснее смерти, то по крайней мере он найдет соболезнующие сердца, и не чуждым языком будут говорить с ним. Не могу пересказать вам, как я скорблю по нем. Или вышлите к нему кого-нибудь или вытребуйте его к себе в Москву, но не оставляйте одного в Германии. Пишите ему во Франкфурт к Жуковскому...»[3]

Самарин, посылая письмо Смирновой, в тот же день писал К. С. Аксакову:

«Любезный Аксаков, пишу к тебе наскоро, по надобности, с поручением, которое и огорчит и изумит тебя. Смирнова получила на днях письмо от Гоголя[4], самое грустное и полное мрачных предчувствий. Он страдает ужасно и физически от болезни и нравственно от одиночества. Будучи не в состоянии помочь ему, она написала письмо к твоему батюшке[5], которое при сем прилагается. Содержание его мне известно из ее слов. Не знаю, что вы решите, а оставлять его там нельзя. Постарайтесь отправить к нему кого-нибудь или соединенными усилиями вызвать его в Москву»[6].

[1] См. ***1845. Июня 6 <18>. Среда. Москва.***

[2] Следуют фрагменты из письма Гоголя к Смирновой от 4 июня (н. ст.) 1845 г. из Гомбурга (см. ***1845. Июня 4 <мая 23>. Среда. Гомбург***).

[3] Из писем А. О. Смирновой // *Свод.* Т. 2. С. 204–205.

[4] Подразумевается письмо Гоголя Смирновой из Гомбурга от 4 июня (н. ст.) 1845 г.

[5] См. также ***1845. Июня 6 <18>. Среда. Москва.***

[6] Из писем Ю. Ф. Самарина // *Свод.* Т. 3. С. 211.

ИЮНЯ 5 <17>. ВТОРНИК. СИМБИРСКИЙ УЕЗД

И. С. Аксаков отправляет «из деревни Симбирского уезда» ответное письмо к Гоголю:

«Я поздно получил ваше письмо[1] и уже распорядился, чтобы из Петербурга высланы были в Берлин требуемые вами реестры. В конце лета буду я сам в Питере и тогда исполню другие поручения, а между тем за письмо вас благодарю, не смотря на весь воз упреков[2], как вы говорите, да за них-то собственно и спасибо, ибо они имели силу от совершенно внешней жизни, какую я веду здесь, обратить меня к самому себе. Это их заслуга. Многое в них и несправедливо, так особенно горько было подозрение в самолюбии и гордости — меня, из глубины души считающего себя из всех детей ничтожных мира наиничтожнейшим без всякого реванша. Впрочем, все это глупости и никому знать их нет надобности. Скажу только, что я могу по вашему совету устоять против всего, исключая хладнокровия, с каким принимается хорошее и дурное, подлое и благородное, труд и шарлатанство. Довольно однако ж. Прощайте, Николай Васильевич. Вы знаете, как я вас уважаю и с каким удовольствием принимаю всякое ваше поручение. Адрес старый».

[1] Письмо не сохранилось.
[2] Ср. ***1844. Декабря 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***.

ИЮНЯ 18 <6>. СРЕДА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет в Рим письмо к А. А. Иванову; посылает в Петербург ответное[1] письмо к А. О. Смирновой и ответное[2] послание к графине Л. К. Виельгорской (последнее не сохранилось).

Из письма к Иванову: «От вас я давно не имею никаких вестей, добрейший мой Александр Андреевич. Напишите хотя два словечка. Я всё время хворал и был болен, и теперь болен, и даже очень болен. Но все-таки имею желание и намереваюсь, если Бог поможет, ехать к вам на осень и зиму в Рим. А потому вы постарайтесь меня уведомить, где будете вы лето, дабы я знал, как отыскать вас, если, на случай, приеду рано. Пишите мне в Гастейн, куда я еду теперь же, и не откладыв<ая> письма вашего, дабы оно меня там застало. Гастейн вы уже знаете: он находится в Австрийском Тироле. Адресуйте в poste restante.

Скажите Моллеру, чтобы он хотя что-нибудь мне написал о себе: что он делает, чем занимается и как его здоровье и силы для работ? Сам же я всё еще не в силах много писать».

Из письма к Смирновой: «Ваше письмецо (от мая 23) получил, находясь на выезде в Гастейн. Как ни слаб, но во имя Божие пускаюсь. Все из тех, которые желали быть в Гастейне или говорили о том, изменили слову... но да будет лучше всего так, как Богу угодно. Относительно вас я рад хотя тому, что вы будете с Вьельгорскими лето. Вот вам мой совет: позабудьте о себе и думайте о них; позабудьте о своих недугах и думайте о их недугах... <...> ...Вы одним сим только исцелитесь от вашего недуга. Постарайтесь сойтись поболее и потеснее с Анной Миха<й>ловной[3]. <...> Вы ее доселе, сколько мне кажется, не оценили и не узнали, но она будет вам более всех теперь нужна, и вы будете нужны ей, укрепляя, бодря, освежая ее и заставляя ее действовать. Слов ваших о векселе я не понял: вы пишете, что посылаете вексель за треть и что я буду получать по третям. Но в таком случае мне бы следовало получить тысячу с лишком франков, потому что, основываясь на письме Уварова[4], я получаю по тысяче рублей серебром в год, что составляет близ четырех тысяч франков в год. Но, вместо этого, я получил от вас вексель только в триста с лишком франков. А потому совершенно недоумеваю, что это значит, равно как и слова ваши: "Посылаю вексель за первую треть". Объясните мне это, написавши в Гастейн[5] и давши в то же время об этом знать и Жуковскому. Если

кто-нибудь едет в Гастейн, попросите его взять с собой те книги, о которых я вас в прошедшем письме[6] просил. <...> Затем Бог да укрепит вас, изравнявши всё в благо. Молюсь ему и в сию самую минуту, да, как освежающий дождь, пронесутся сквозь вашу душу все эти доселе вами испытанные изныванья и скорби, и, как земля, освещенная после [дождя] бури солнцем, будет отныне душа ваша. <...> При сем письмо к графине Виельгорской[7]. Уведомьте <о> их приезде[8] и о прочем».

Вероятно, в тот же день Гоголь, простившись с В. А. Жуковским, выехал в Гастейн[9]. (До Гастейна Гоголь, однако, не доехал[10].)

[1] См. ***1845. Мая 23 <июня 4>. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1845. Июня 16 <4>. Понедельник. День Святого Духа. Берлин.***

[3] Графиня Виельгорская.

[4] Письмо графа С. С. Уварова к Гоголю от 27 марта 1845 г. (см. ***1845. Марта 27 <апреля 8>. Вторник. Санкт-Петербург***); отправлено Смирновой Жуковскому при ее письме от 27–28 марта 1845 г. (см. ***1845. Марта 27–28 <апреля 8–9>. Вторник-среда. Санкт-Петербург***); получено Жуковским и Гоголем в Висбадене (см. ***1845. Апреля 13 <25>. Страстная пятница. Висбаден***).

[5] Смирнова написала Гоголю об этом в Берлин (см. ***1845. Июля 3 <15>. Вторник. Павлино***).

[6] См. ***1845. Июня 4 <мая 23>. Среда. Гомбург.***

[7] Л. К. Виельгорская.

[8] О приезде Луизы Карловны и Анны Михайловны Виельгорских в Петербург из-за границы (ср. ***1845. Июня 16 <4>. Понедельник. День Святого Духа. Берлин***).

[9] 13 июля (н. ст.) 1845 г. Жуковский сообщал П. А. Плетневу: «...Гоголь уже со мною с месяц расстался; он отправился купаться в Гастейн; я <...> еще ни строки не имею от него со времени его отъезда» (см. ***1845. Июля 13 <1>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне***).

[10] См. ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн.*** – Позднее, 23 ноября (н. ст.) 1845 г., Жуковский извещал Н. Н. Шереметеву о Гоголе: «...По слову Коппа <он> отправился в Гастейн; но дорогою рассудил посоветоваться с другими докторами — они его отправили в Карлсбад» (см. ***1845. Июля 20 <8>. Воскресенье. Карлсбад***).

ИЮНЯ 6 <18>. СРЕДА. ПАВЛИНО

А. О. Смирнова пишет ответное[1] письмо Гоголю во Франкфурт[2]:

«Любезный друг, вы легко представите себе, сколько меня огорчило ваше письмо. <...> К вам ехать не могу по разным обстоятельствам, а вас зову и вызываю и желаниями и молитвою к Богу, чтобы Он вас вразумил и решил приехать в Москву. Вам нужны люди и души, вас любящие, а вы в совершенном одиночестве, и это вас теперь погубит. Оставьте вы в стороне мысль, что вам стыдно вернуться с пустыми руками в Россию; против недуга и бессилия посланного Богом, нечего делать, и люди, вас искренно любящие, поймут это, и никто и не вздумает упрекнуть вас[3]. Я пишу вам из Павлина, дачи Вьельгорских, где наняла домик на лето. Они все ангельски добры ко мне, но сердце мое так убито, что ничто не утешает его. <...> Вчера назначили Н<иколая> М<ихайловича>[4] губернатором в Калугу. Мне было хотелось туда ехать скорее, потому что имею сильное расположение к одиночеству. Туда вам бы легко ко мне приехать. В октябре я непременно там буду. Вы напрасно понадеялись на мои силы. Если бы вы знали, как я упала и как истощилась духом! <...> Но “претерпевый до конца, тот спасен будет”[5], и потому и мысль о смерти мне не приходит, хотя чувствую сильное желание умереть, или не чувствовать бремя жизни[6].

Имею надежду, что графиня Вьельгорская[7] вас вытащит в Россию, и уверена, что возврат ваш будет вам спасителен. Мысль одна, что вы меня, может быть, спасете от *болезни умственной*[8], уже вас подкрепит. Аркадий едет в Гельсингфорс на морские ванны. <...> Ханыков в Ригу послан. Карамзины разъехались. Н<иколай> М<ихайлович> едет чрез шесть недель в Калугу. Кроме семейства Вьельгорских, не останется у меня никого. <...> Прощайте, отвечайте, любите, молитесь, и жалейте о той, которой вы указали путь, но которая не могла найти способа извлечь практическое применение к жизни».

[1] См. ***1845. Июня 4 <мая 23>. Среда. Гомбург.***
[2] См. ***1845. Июля 25 <13>. Пятница. Карлсбад.***
[3] «Говоря это, А<лександра> О<сиповна> имела в виду следующие слова письма Гоголя от 2 апреля <см. ***1845. Апреля 2 <марта 21>. Среда. Франкфурт-на-Майне***>: “Приезд мой был бы мне не в радость: один упрек только себе видел бы я во всем, как человек, посланный за делом и возвратившийся с пустыми руками, которому стыдно даже заговорить, стыдно и лицо показать”» (позднейшее примечание дочери Смирновой, Ольги Николаевны).
[4] Смирнов, муж Смирновой.
[5] Мф. 24, 13.
[6] «Это попеременно со страхом смерти» (примечание О. Н. Смирновой).
[7] Луиза Карловна.
[8] «Этот страх устранил страх смерти. В 1848 году у матери была холера и после нее она менее страдала печенью и *страхами,* — а здоровье гораздо более расстроилось, и она до конца жизни страдала желудком» (примечание О. Н. Смирновой).

ИЮНЯ 6 <18>. СРЕДА. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает М. Г. Карташевской:

«Сегодня утром получено неожиданное письмо от Смирновой (бывшей Розетти)[1], переслал его Самарин, оно по поводу Гоголя, который теперь в такой хандре и так болен, что не знают, что с ним делать. Он в переписке с Смирновой и пишет к ней[2] о своем положении, и здесь также получены от него письма такого же содержания[3]. Надобно, чтоб кто-нибудь к нему поехал или его сюда вызвать».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 843.

[1] См. ***1845. Июня 4 <16>. Понедельник. День Святого Духа. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1845. Июня 4 <мая 23>. Среда. Гомбург.***
[3] Вероятно, имеются в виду письма Гоголя к Н. М. Языкову от 1 мая (н. ст.) 1845 г. и к С. Т. Аксакову от 2 мая (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Мая 1 <апреля 19>. Четверг Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Мая 2 <апреля 20>. Пятница Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне***).

ИЮНЯ 8 <20>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Н. М. Языков получил[1] письмо Гоголя из Гомбурга[2].

[1] См. ***1845. Июня 9 <21>. Суббота. Москва.***
[2] См. ***1845. Июня 5 <мая 24>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Гомбург.***

ИЮНЯ 8–9 <20–21>. ПЯТНИЦА-СУББОТА. МОСКВА

Н. М. Языков пишет С. Т. Аксакову:

«По случаю вопроса: как быть нам с Гоголем? я хотел было созвать у себя род веча[1]; но мне не удалось это сделать: Шевырева нет уже в Москве, Погодин едет к Троице. Сегодня вечером переговорю с Хомяковым и завтра же напишу вам его мнение; ехать ли кому к Гоголю[2] и кому именно? По моему ехать необходимо: это одно средство отогнать от него хандру, которая его сокрушает и давит и может задавить до смерти! А на другой вопрос кому ехать? у меня вовсе нет ответа. Я не знаю, кто из московских друзей Гоголя более люб ему? Погодин конечно заходит к вам — посоветуйтесь и с ним. Гоголь должен жить, по крайней мере, сто лет и должны беречь его для России, как зеницу ока, по крайней мере покуда мы живы!!

Сердечно радуюсь поправлению здоровья вашей больной[3]: надеюсь что деревенский воздух и благословенная деревенская жизнь укрепят и восстановят ее постепенно, более и более, сполна и вовсе. Сердечно благодарю вас за желание Ваше видеть меня в вашем Радонежьи[4]... <...>

Знаете ли вы, что на московском небе явилась новая звезда или лучше новое созвездие? Мельгунов с супругою[5]! Ш<евырев> и П<авлов> ездили встречать молодых... <...>

Возвращаю вам письмо г-жи Смирновой[6]: пишет она умно и довольно правильно: но ведь эти достоинства все-таки не мешают ей быть сиреною, плавающею в прозрачных водах соблазна: так понимает ее и Хомяков. <...> Клев вам на рыбу[7]! и всем вашим мои почитание и поклон».

Из писем Н. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 172–173. – Датировка письма уточнена (ср. ***1845. Июня 11 <23>. Понедельник. Москва***).

[1] Попытку собрать «род веча», чтобы решить, «ехать ли кому к Гоголю», Языков хотел предпринять, прочитав письмо к нему Гоголя от 5 июня (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Июня 8 <20>. Пятница. Москва***).

[2] См. также ***1845. Июня 6 <18>. Среда. Москва***.

[3] Имеется в виду дочь С. Т. Аксакова Ольга.

[4] Радонежьем С. Т. Аксаков называл свое подмосковное имение (другое название – Абрамцево; куплено в 1843 г.), находившееся в окрестностях села Радонеж.

[5] См. также ***1844. Июня 2 <14>. Пятница. Москва***.

[6] См. ***1845. Июня 4 <16>. Понедельник. День Святого Духа. Санкт-Петербург***; ***1845. Июня 6 <18>. Среда. Москва***.

[7] См. ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково***.

ИЮНЯ 9 <21>. СУББОТА. МОСКВА

Н. М. Языков сообщает Н. Н. Шереметевой:

«Вчера[1] получил я письмо от Николая Васильевича[2]: это письмо крайне огорчает меня; он продолжает жаловаться на расстройство своего здоровья, сильно тоскует, говорит, что его телесные силы вовсе истощились... <...> Я уже давно старался уверить его, что он сам себе болезнь выдумывает, что эти припадки ее ничто иное, как следствия жизни его одинокой и между немцами[3], что они пройдут, как только он освободится от всего этого злого наваждения. Мои уверения плохо действуют: он стоит на своем, да и только. Потрудитесь написать мне, не веселее письмо его к вам?

Выписываю вам окончание письма его ко мне: "В Москве будет на днях Смирнова; ты должен с нею познакомиться непременно. Это же советую сделать Сергею Тим<офеевичу> Аксакову, и даже Надежде Николаевне Шереметевой[4]. Это перл всех русских женщин... <...>" Мне очень странны эти похвалы Николая Васильевича: я давно уже об ней справляюсь; но о сю пору ни от кого не слышал об ней ничего похожего на то, что он пишет; напротив, я слышал, что она. . . . и проч.»[5]

Из писем Н. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 171–172.

[1] См. ***1845. Июня 8 <20>. Пятница. Москва***.

[2] См. ***1845. Июня 5 <мая 24>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Гомбург***.

[3] 10 мая 1845 г. Н. М. Языков писал Гоголю: «Грустно мне было читать твое письмо от 1 мая. Что это с тобою делается? Болезнь и хандра, хандра и болезнь... <...> Приписываю это знаешь ли чему? Долговременному пребыванию твоему между немцами, среди чужого языка! <...> ...Полно тебе кочевать в странах не русских и не православных». – См. также ***1845. Июня 12 <24>. Вторник. Москва***. – 5 июня (н. ст.) 1845 г. Гоголь отвечал Н. М. Языкову: «Друг мой, ты всё еще принимаешь дело легко и почти в шутку, приглашая меня в Москву. Больного в таком состоянии, в каком я, не призывают, но скорее к нему едут».

[4] Таким образом Языков исполнил просьбу Гоголя и передал Шереметевой его совет (см. ее письмо к Гоголю от 28 ноября 1845 г.: ***1845. Ноября начало <ноября средина>. Москва***). Самому Гоголю Языков 12 июня 1845 г. отвечал: «Жду приезда Смирновой в Москву, познакомлюсь с нею непременно и обещаюсь тебе воспеть ее: я давно уже жажду узнать ее лично, я о ней много слышал разных воспетий...» (см. ***1845. Июня 12 <24>. Вторник. Москва***). При этом Языков писал брату: «Ты, верно, заметил в письме Гоголя похвалы, восписуемые

им г-же Смирновой. <...> ...По всем слухам, до меня доходящим, она просто сирена, плавающая в прозрачных водах соблазна» (см. ***1845. Июня 25 <июля 7>. Понедельник. Москва***).

[5] «Так в подлиннике» (примеч. публикатора письма Е. И. Якушкина).

ИЮНЯ 9 <21>. СУББОТА. ХАРЬКОВ

Представление «Тяжбы» на сцене Харьковского театра. Роль Бурдюкова исполнял М. С. Щепкин[1].

«*9 июня.* – В пользу приезжего гостя, г. Щепкина. <...> *Тяжба.* – Г. Щепкин подарил нас таким наслаждением видеть в нем оригинала-помещика, что, право, так бы ежедневно и смотрел на "Тяжбу". Актер, занимавший роль Пролетова, секретаря, так же похож был на секретаря, как и на хорошего актера»[2].

[1] *Гриц.* С. 347.

[2] *Харьковский старожил Wold.... Wolin....* Обзор деятельности на Харьковской сцене в настоящем году // Репертуар и Пантеон. Издатель и редактор Межевич. 1845. Кн. 9. <Отд. 2>. С. 74; с датой: «Харьков, 17 июня 1845 года».

ИЮНЯ 10 <22>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева пишет Гоголю ответное[1] письмо (письмо было закончено в Москве 14 июня[2]; передано Н. М. Языкову и отправлено им во Франкфурт 15 июня 1845 г.[3]):

«С сегодняшней почтой от Николая Михайловича[4] получила, мой возлюбленной друг, ваше письмо. Оно меня опечалило, видя, как сильно томится душа ваша в беспрерывных страданиях. Сколько раз умоляла вас, мой друг, не предаваться унынию, и теперь именем Иисуса Христа о том же вас прошу. <...> Четвертый год[5], как вас узнала[6], молюсь, мой друг; и уже теперь, как молюсь и что мне за вас чувствуется, один Бог только видит... <...> Я думаю, состояние, в котором вы теперь находитесь, не есть следствие болезни, но болезнь произошла от уныния... <...> Возрадуйтесь о Господе и у подножия Креста Его сбросьте с себя обременяющую вас скорбь. <...> Прощайте, я завтра еду в Москву, там кончу и узнаю ваш адрес».

[1] См. ***1845. Июня 5 <мая 24>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Гомбург.***

[2] См. ***1845. Июня 14 <26>. Четверг. Москва.***

[3] См. ***1845. Июня 15 <27>. Пятница. Москва.***

[4] Языков. – См. ***1845. Июня 9 <21>. Суббота. Москва.***

[5] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.***

[6] См. ***1839. Октября 7. Суббота. Москва***; ***1840. Апреля начало, не позднее 7 – апреля 27. Суббота. Москва***; ***1840. Апреля 23–24. Вторник-среда. Москва.***

ИЮНЯ 11 <23>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

С. Т. Аксаков посылает во Франкфурт письмо к Гоголю:

«Завтра, если Бог допустит, мы с Ольгой Семеновной и нашей несчастной страдалицей Оленькой отправляемся в деревню. Доктора возлагают большую надежду на воздух и движение; но больная так слаба, так расстроена нервами, что я не смею верить в возможность переезда. Из Москвы по камням перенесем ее на руках, а за заставой положим в карету... Мрачно и страшно наше будущее! Особенно потому, что не за себя одного боишься, а за многих...

Несмотря на то, что собственное горе и еще более беспрестанное опасение за каждую минуту будущего ожесточает сердце (вопреки мнению некоторых), или, лучше сказать: лишает способности принимать живое и глубокое участие в положении друга и брата, – последнее письмо ваше к Языкову[1], милый друг Николай Васильевич, сильно меня поразило... Дай Бог, чтоб оно было написано в припадке мрачной ипохондрии! Что можем мы делать? Только молиться Богу, Кто сколько может и умеет, о вашем выздоровлении... Меня сильно тревожит мое последнее к вам письмо[2]. Постоянно находясь в огорчительном и раздражительном состоянии, я, вероятно, написал к вам что-нибудь резкое и, может быть, огорчительное для вас... Я знаю, что вы меня ту же минуту простили; но мне очень прискорбно, если я и на минуту огорчил вас. В нашем душевном союзе, с первой минуты столь чистом и прекрасном, не долженствовало быть ни одной темной минуты.

Уже давно сильно занимает меня Смирнова. Все, что свет говорит о ней с злобным наслаждением, мне хорошо известно. Живя давно на свете, я мало верю его слепым приговорам. Ваши слова возбудили во мне живейшее участие. Я дорого бы дал, чтоб узнать лично эту женщину. К сожалению, она в Москву, как говорят, не будет: ибо наняла дачу под Петербургом; я приехал бы из деревни, чтоб с ней познакомиться.

Прощайте, милый друг! Напишите мне несколько слов через Языкова».

[1] См. *1845. Июня 5 <мая 24>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Гомбург.*

[2] См. *1845. Мая 24 <июня 5>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва.*

ИЮНЯ 12 <24>. ВТОРНИК. МОСКВА

Н. М. Языков пишет во Франкфурт ответное[1] письмо Гоголю:

«Отвечаю на твое письмо от июня 5 дня. Если бы я записывал все, что я передумал о самом себе и о моей болезни, положим, хоть в одно полугодие многолетнего и непрестанного жития моего с нею, у меня недостало бы денег на бумагу. Мнительность – растение, растущее неимоверно быстро: оно разом развивается в огромное мачтовое дерево; наше воображение пользуется им так же быстро: тотчас строит из него и оснащивает корабль, сажает нас в этот корабль, спускает его на бурное море, и мы несемся черт знает куда. Кроме всего этого, ты, мой любезнейший, повторяю[2] тебе, дышишь немецким воздухом, живешь между немцами, движешься на немецкой земле, среди чужого языка!

Жду приезда Смирновой в Москву, познакомлюсь с нею непременно и обещаюсь тебе воспеть ее: я давно уже жажду узнать ее лично, я о ней много слышал разных воспетий, но я держусь слов, сказанных не помню каким летописцем: "Не всякому слуху веруйте, но испытуйте духи: есть бо дух Божий и дух льстечь!"[3]

Что ты делаешь в Гомбурге? Гаштейн, по моему соображению, поможет тебе, только не забудь там устроить себе здоровую и сытную пищу. Гаштейнские воды, правда, укрепляют, но гаштейнская пища – самая слабительная: помнишь?! Вспомни штраубингеровскую говядину, телятину и особенно его супы, и особенно субботний!!

Вспомни и гр<афа> Апр<аксина?>[4] – как, бывало, вылетал он после обеда за общим столом на площадку перед моим окном, распаленный, грозный, браня встречному и поперечному обед, его не удовлетворявший, и в самом деле обед подлейший!

Путешествие А. Норова в Иерусалим[5] я уже отдал Аксаковым, которые имеют с кем переслать его к тебе: оно мне очень понравилось: это не муравьевское[6]! Книга дельная, ученая и необходимая всякому паломнику. Слышно, что Погодин но переменил своего намерения побывать в Святой земле[7], но я еще не говорил с ним об этом; уведомлю тебя, когда и как он решился».

[1] См. *1845. Июня 5 <мая 24>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Гомбург.*

[2] См. *1845. Мая 10 <22>. Четверг. Москва.*

[3] «...Не всякому духу веруйте, но искушайте духи... познавайте духа Божия и духа лестча...» – Первое Соборное послание Иоанна Богослова, гл. 4, ст. 1–2.

[4] Возможно, имеется в виду граф П. И. Апраксин.
[5] См. ***1845. Апреля 5 <марта 24>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[6] Подробнее см.: ***1842. Декабря 27 <15>. Вторник. Рим.***
[7] Подробнее см.: ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь*** (примечания).

ИЮНЯ МЕЖДУ 18[1] И 26[2] <МЕЖДУ 6 И 14>. ГОСТИНИЦА ПО ДОРОГЕ ИЗ ФРАНКФУРТА-НА-МАЙНЕ В ГАСТЕЙН

Предположительно в этот период, выехав из Франкфурта в Гастейен, Гоголь по дороге[3] сжигает рукопись начатого в 1840 г.[4] второго тома «Мертвых душ» (первоначальную редакцию)[5] и пишет завещание.

Позднее, в письме к С. П. Шевыреву от 20 ноября (н. ст.) 1845 г., Гоголь замечал: «Бог еще раз[6] спас меня, когда я уже думал, что приближается конец мой. <...> ...Причиной самой болезни моей было отчасти [сильное] душевное потрясенье и сокрушенье, в котором сыграл также [важную] роль и бедный Погодин[7], которому судьба наносит неумышленно горчайшие оскорбления всем тем, которые имеют или слишком нежную и чувствительную душу, или которых Бог еще не укрепил достаточно для подобных битв. Но зто да останется втайне между нами; об этом ни слова Аксакову и никогда – Погодину».

После сожжения Гоголь принимает решение посоветоваться с веймарским священником С. К. Сабининым о своем уходе в монастырь.

То «душевное спокойствие», которое обрел Гоголь в Веймаре в конце июня – начале июля (н. ст.) 1845 г., – после беседы с протоиереем Степаном Сабининым (убедившим его «не принимать окончательного решения»[8]), после исповеди («очень долгой»[9]) и причащения[10], – почти исключает возможность сожжения второго тома поэмы после посещения Веймара.

Приехав из Веймара в Берлин, Гоголь, находясь в умиротворенном расположении духа, 14 июля (н. ст.) 1845 г. сообщал В. А. Жуковскому: «Я медлил описаньем вам моих плачевных похождений, желая написать вам что-нибудь о себе утешительное. Из Франкфурта я выехал в состоянии совершенно нерешительном насчет моей болезни. Меня смущала не самая болезнь моя, но то, что я не мог добиться от докторов, в чем именно состоит болезнь моя. Что есть во мне нервическое расстройство, это я слышал, но отчего оно произошло, это осталось для меня задачей, а беспрерывное возраст<ан>ье недугов *не нервических* вместе с нервическими, иссушение всего тела и цвет мертвечины, который оно принимало, чем дальше, больше, – всё это запутывало еще больше задачу и не давало мне надлежащего духа отважиться на одинокое и пустынное лечение[11], опасное при хандрическом расположении духа, постоянно преследовавшем меня. А потому я не был спокоен во всё время путешествия, хотя и старался взять всю власть над собою. Для душевного моего спокойствия оказалось мне нужным отговеть в Веймаре. Гр<аф> Толстой[12] также говел вместе со мною»[13].

Составленное в период с 18 до 26 июня (н. ст.) 1845 г. завещание Гоголь поместил позднее (вероятно, предварительно отредактировав) в качестве первой главы «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846) – *I. Завещание*[14] (с датой: 1845). Здесь Гоголь, в частности, писал: «Находясь в полном присутствии памяти и здравого рассудка, излагаю здесь мою последнюю волю.

I. Завещаю тела моего не погребать до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения. Упоминаю об этом потому, что уже во время самой болезни находили на меня минуты жизненного онемения, сердце и пульс переставали биться[15]... <...>

II. Завещаю не ставить надо мною никакого памятника и не помышлять о таком пустяке, христианина недостойном. Кому же из близких моих я был действительно дорог, тот воздвигнет мне памятник иначе: воздвигнет он его в самом себе[16] своей неколебимой твердостью в жизненном деле, бодреньем и освеженьем всех вокруг себя. <...>

III. Завещаю вообще никому не оплакивать меня, и грех себе возьмет на душу тот, кто станет почитать смерть мою какой-нибудь значительной или всеобщей утратой. <...> Не уныныю должны

мы предаваться при всякой внезапной утрате, но оглянуться строго на самих себя, помышляя уже не о черноте других и не о черноте всего мира, но о своей собственной черноте. Страшна душевная чернота, и зачем это видится только тогда, когда неумолимая смерть уже стоит перед глазами!

IV. Завещаю всем моим соотечественникам <...> лучшее из всего, что произвело перо мое, завещаю им мое сочинение, под названием "Прощальная повесть"[17]. <...> Его носил я долго в своем сердце, как лучшее свое сокровище, как знак небесной милости ко мне Бога. Оно было источником слез, никому не зримых, еще от времен детства моего. Его оставляю им в наследство. Но умоляю, да не оскорбится никто из моих соотечественников, если услышит в нем что-нибудь похожее на поученье. <...> ...Соотечественники! страшно!.. Замирает от ужаса душа при одном только предслышании загробного величия и тех духовных высших творений Бога, перед которыми пыль все величие Его творений, здесь нами зримых и нас изумляющих. Стонет весь умирающий состав мой, чуя исполинские возрастанья и плоды, которых семена мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища от них подымутся[18]... Может быть, "Прощальная повесть" моя подействует сколько-нибудь на тех, которые до сих пор еще считают жизнь игрушкою[19], и сердце их услышит хотя отчасти строгую тайну ее и сокровеннейшую небесную музыку этой тайны. <...> ("Прощальная повесть" не может явиться в свет: что могло иметь значение по смерти, то не имеет смысла при жизни[20].)

V. Завещаю по смерти моей не спешить ни хвалой, ни осужденьем моих произведений в публичных листах и журналах: все будет так же пристрастно, как и при жизни. <...> Но возлагаю вместо того обязанность на друзей моих собрать все мои письма, писанные к кому-либо, начиная с конца 1844 года, и, сделавши из них строгий выбор только того, что может доставить какую-нибудь пользу душе, а все прочее, служащее для пустого развлеченья, отвергнувши, издать отдельною книгою. <...>

VI. .... (Статья содержит распоряженья по делам семейственным.)»

Опустив шестой пункт завещания в книге, Гоголь сообщил его матери в письме от 14 ноября (н. ст.) 1846 г.: «Посылаю вам выпущенный в печати отрывок из завещания, относящийся собственно к вам и к сестрам. Хотя, благодаря неизреченную милость Божию, я еще раз спасен, и живу, и вижу свет Божий, но вы все-таки прочитайте это завещание и постарайтесь исполнить (как вы, так и сестры) хотя часть моей воли при жизни моей».

В этом пункте завещания Гоголь писал: «Завещаю доходы от изданий сочинений моих <...> в собственность моей матери и сестрам моим на условии делиться с бедными пополам. <...> Из бедных же должны они помогать только таким, которые возымеют желание искренне переменить жизнь н сделаться лучшими, для чего им следует подробно входить в обстоятельства и положение каждого бедняка и помогать не прежде, как совершенно его узнавши; деньги эти приобретены не без труда, а потому и не должны быть брошены на воздух. Все же мое недвижимое имущество, какое я имел, отдано мною уже давно моей матери[21]. <...> Прошу как мать, так и сестер моих, перечесть сызнова после моей смерти все мои письма к ним, писанные в последние три года, особенно не исключая тех, которые, по-видимому, относятся к одному хозяйству[22]: многое поймется по смерти моей лучше. По кончине моей никто из них уже не имеет права принадлежать себе, но всем тоскующим, страждущим и претерпевающим какое-нибудь жизненное горе. Чтобы дом и деревня их походили скорей на гостиницу и странноприимный дом, чем на обиталище помещика...»

(В завещании, составленном незадолго до смерти, в 1852 г., Гоголь также замечал: «Если сестры не выйдут замуж, дом свой да превратят в обитель, выстроив Церковь посреди двора и открывши у себя приют бедным, живущим без места девицам»[23].)

В заключительном, седьмом пункте завещания Гоголь сообщал: «VII. Завещаю... но я вспомнил, что уже не могу этим располагать. Неосмотрительным образом похищено у меня право собственности: без моей воли и позволения опубликован мой портрет[24]. <...> ...Если бы помог мне Бог совершить этот труд, которым мысль моя была занята во всю жизнь мою, и притом так совершить его, чтобы все мои соотечественники сказали в один голос, что я честно исполнил свое дело, <...> портрет мой в таком случае мог распродаться вдруг во множестве экземпляров, принеся значительный доход тому художнику, который должен был гравировать его. Художник этот уже несколько лет трудится в Риме[25] над гравированием бессмертной картины Рафаэля "Преображение Господне". Он всем пожертвовал для труда своего... <...> Но по причине высокой цены и малого числа знатоков эстамп его не может разойтись в таком количестве, чтобы вознаградить его за все; мой

портрет ему помог бы. Теперь план мой разрушен... <...> Но если бы случилось так, что после моей смерти письма, после меня изданные, доставили бы какую-нибудь общественную пользу <...> и пожелали бы мои соотечественники увидать и портрет мой, то я прошу <...> покупать только тот, на котором будет выставлено: “Гравировал Иорданов”. <...> А еще будет справедливей, если те, которые имеют достаток, станут вместо портрета моего покупать самый эстамп “Преображенья Господня”, который, по признанью даже чужеземцев, есть венец гравировального дела и составляет славу русскую».

19 июня 1845 г. А. О. Смирнова в преддверии своего переезда из Петербурга в Калугу писала Гоголю: «Вспомню я не раз ваши “Мертвые души”, но, к несчастью, смеяться более не могу этим недостаткам; они возбуждают теперь во мне сожаление[26]; не пеняйте на меня за эту правду»[27].

Спустя около месяца, 25 июля (н. ст.) 1845 г., Гоголь, отвечая на слова Смирновой, писал: «Вы коснулись “Мертвых душ” и просите меня не сердиться на правду, говоря, что исполнились сожалением к тому, над чем прежде смеялись. Друг мой, я не люблю моих сочинений, доселе бывших и напечатанных, и особенно “Мерт<вых> душ”. Но вы будете несправедливы, когда будете осуждать за них автора, принимая за карикатуру насмешку над губерниями, так же, как были прежде несправедливы хваливши. Вовсе не губерния и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают, есть предмет “Мертвых душ”. Это пока [покамес<т>] еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех (ибо ни одна душа из читателей не догадалась), раскрыться в последующих томах, если бы Богу угодно было продлить жизнь мою и благословить будущий труд. Повторяю вам вновь, что это [еще] тайна, и ключ от нее покаместь в душе у одного только автора»[28].

На это признание Смирнова 11 августа 1845 г. отвечала: «Каково-то ваше здоровье, друг мой? вот главный мой запрос. Вам нужно воротить силы и кончить свое дело. Вы нужнее, чем кто-либо. Я не сомневалась никогда, что “Мертвые Души” заключают в себе высокое значение, которое должно было развиться в последующих томах, и потому и молилась, чтобы Бог дал вам силу окончить этот труд. Хорошая книга очень нужна в нашу эпоху. Все чувствуют потребность хорошей пищи, и все как будто ищут чего-то; скучают неимоверно, обессилевают в тяжкой борьбе, и часто самые лучшие погибают не но своей вине, а от окружающей их атмосферы».

Позднее, в одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» (1846), Гоголь сообщал: «Затем сожжен второй том “Мертвых душ”, что так было нужно. “Не оживет, аще не умрет”[29], — говорит апостол. Нужно прежде умереть, для того чтобы воскреснуть. Не легко было сжечь пятилетний[30] труд, производимый с такими болезненными напряжениями, где всякая строка досталась потрясением, где было много того, что составляло мои лучшие помышления и занимало мою душу. Но все было сожжено, и притом в ту минуту, когда, видя перед собою смерть, мне очень хотелось оставить после себя хоть что-нибудь, обо мне лучше напоминающее. Благодарю Бога, что дал мне силу это сделать. Как только пламя унесло последние листы моей книги, ее содержанье вдруг воскреснуло в очищенном и светлом виде, подобно фениксу из костра, и я вдруг увидел, в каком еще беспорядке было то, что я считал уже порядочным и стройным. Появленье второго тома в том виде, в каком он был, произвело бы скорее вред, нежели пользу. Нужно принимать в соображение не наслаждение каких-нибудь любителей искусств и литературы, но всех читателей, для которых писались “Мертвые души”. Вывести несколько прекрасных характеров, обнаруживающих высокое благородство нашей породы, ни к чему не поведет. Оно возбудит только одну пустую гордость и хвастовство. <...> Нет, бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколенье к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости; бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого. Последнее обстоятельство было мало и слабо развито во втором томе “Мертвых душ”, а оно должно было быть едва ли не главное; а потому он и сожжен. <...> Верю, что, если придет урочное время, в несколько недель совершится то, над чем провел пять болезненных лет».

В «Авторской исповеди» (1847) Гоголь, имея в виду «Выбранные места из переписки с друзьями», также писал: «В книге моих писем я все-таки стою на высшей точке, нежели в уничтоженных “Мертвых душах”. Темнота выражения во многих местах сбивает только читателя, но если бы пояснее выразил ту же самую мысль, со мною бы многие перестали спорить. В уничтоженных “Мертвых душах” гораздо больше выражалось моего переходного состояния, гораздо меньшая определительность в главных основаниях и мысль двигательней, а уже много увлекательности в частях, и герои были соблазнительны. Словом — как честный человек, я должен бы оставить перо, даже и тогда, если бы действительно почувствовал позыв к нему. <...> Мне кажется, что теперь не только тот, кто пишет, но всякий ум вообще, если только наклонен к тому, чтобы делать выводы и заключенья, а сам в то же время еще... должен удержаться от деятельности. Из людей умных должны выступать на поприще только те, которые кончили свое воспитанье и создались как граждане земли своей... <...>

Не знаю, достало ли бы у меня честности это сделать, если бы не отнялась у меня способность писать; потому что, — скажу откровенно, — жизнь потеряла бы для меня тогда вдруг всю цену, и не писать для меня совершенно значило бы то же, что не жить. Но нет лишений, вослед которым нам не посылается замена, в свидетельство, что ни на малое время не оставляет человека Создатель. <...> ...Как только способность писать меня

оставила, мысли как бы сами вновь возвратились к тому, о чем я помышлял в самом детстве. Мне захотелось служить на какой бы то ни было, хотя на самой мелкой и незаметной должности, но служить земле своей, так служить, как я хотел некогда, и даже гораздо лучше, нежели я некогда хотел. Мысль о службе меня никогда не оставляла. Я примирился и с писательством своим только тогда, когда почувствовал, что на этом поприще могу также служить земле своей. Но и тогда, однако же, я помышлял, как только кончу большое сочинение, вступить, по примеру других, в службу и взять место. Планы мои и виды были только горды и заносчивы. Мне казалось, что если только доказать, что я точно знаю русского человека в корне и в существенных его началах, <...> – то мне дадут такое место, где я буду в соприкосновении с людьми разных сословий, с многими людьми в соприкосновении личном, а не посредством бумаг и канцелярий; где я могу употребить с действительной пользой мое знанье человека и где могу быть полезным многим людям, а для себя самого приобрести еще большее познание человека. Мне казалось, что больше всего страждет все на Руси от взаимных недоразумений и что больше нам нужен всякий такой человек, который бы, при некотором познанье души и сердца и при некотором знанье вообще, проникнут был желаньем истинным мирить[31]. <...> Замыслы мои были горды, но так как они были основаны только на успехе моего сочинения, то и упали вместе с тем, как оставила меня способность производить созданья поэтические. Теперь все должности мне кажутся равны, все места равно значительны... <...>

Итак, после долгих лет и трудов, и опытов, и размышлений, идя видимо вперед, я пришел к тому, о чем уже помышлял во время моего детства: что назначенье человека – служить и вся жизнь наша есть служба. Не забывать только нужно того, что взято место в земном государстве затем, чтобы служить на нем Государю Небесному, и потому иметь в виду Его закон. Только так служа, можно угодить всем: государю, и народу, и земле своей.

Уверившись в этом, я уже готов был тогда взять всякую должность, хотя, соображаясь с своими способностями, старался выбрать такую, которая продолжала бы практически знакомить с русским человеком, чтобы, если возвратится мне способность писать, набрались бы у меня материалы. Одною из главных причин моего путешествия к Святым Местам[32] было желанье искреннее помолиться и испросить благословений на честное исполненье должности, на вступленье в жизнь у Самого Того, Кто открыл нам тайну жизни, на том самом месте, где некогда проходили стопы Его; поблагодарнть за все, что нн случилось в моей жизни; испросить деятельности и напутственного освежения на дело, для которого я себя воспитывал и к которому приготовлял себя».

24 января 1851 г. одесская знакомая Гоголя Е. А. Хитрово записала в дневнике: «M-me Гойер[33] выехала с вопросом: "Скоро ли выйдет окончание «Мертвых Душ»"? – Гоголь: "Я думаю, через год". – Она: "Так они не сожжены?" (При этих словах я убежала.) Он: "Да-а-а... Ведь это только нача-а-ло было..." Он был сонный в этот день от русского обеда»[34].

О работе Гоголя над вторым томом «Мертвых душ» в 1845 г. свидетельствует также его недатированное письмо к графу А. П. Толстому[35].

[1] См. ***1845. Июня 18 <6>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***

[2] Ср. ***1845. Июня 29 <17>. Воскресенье. Веймар.***

[3] Возможно, или по дороге через Дармштадт, Мангейм, Карлсруэ, Штутгарт, Умльм и Аугсбург, или, по другой дороге, через Вюрцбург, Нюрнберг, Ингольштадт и др.

[4] См. ***1838. Июль – августа до 14 <июня конец – августа до 2>. Кастелламаре*** (примечания).

[5] Рукописей этой редакции не сохранилось. Первоначальный текст сохранившегося автографа заключительной главы второго тома «Метвых душ» относится к позднейшему периоду, к осени 1847 – зиме 1847/48 гг. (см. ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь*** – примечания; *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. М., 2007. Вып. 1. С. 135–220).

[6] См. ***1840. Августа вторая половина – конец <августа начало – средина>. Вена***; ***1843. Ноября около 18 <6>. Генуя.***

[7] Подразумевается публикация М. П. Погодиным в № 11 «Москвитянина» за 1843 г. портрета Гоголя без разрешения последнего (см. ниже седьмой пункт *Завещания* Гоголя). Подробнее см.: ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[8] См. ***1845. Июня 30 <18>. Понедельник. Веймар.***

[9] См. ***1845. Июля 2 <июня 20>. Среда. Веймар.***

[10] См. ***1845. Июля 3 <июня 21>. Четверг. Веймар.***

[11] Подразумевается лечение в Гастейне. 1 мая (н. ст.) 1845 г. Гоголь писал Ар. О. Россету: «Я бы радостно поехал и теперь в Гастейн, но, признаюсь вам, боюсь страшно одиночества, которое для меня теперь опаснее всего, хотя бы случилось оно и на самых целебнейших водах» (см. ***1845. Мая 1 <апреля 19>. Четверг Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне***). Н. М. Языкову 25 июля (н. ст.) 1845 г. Гоголь также сообщал: «Оставивши Франкфурт, я не посмел прямо ехать в Гастейн, боясь сильно одиночества и не уверенный в том, какого рода во мне болезнь и прямо ли действителен против нее Гастейн. Я решился ехать в Берлин, воспользовавшись сотовариществом графа А. П. Толстого, с тем, чтобы посоветоваться с Шёнлейном. На дороге, в Веймар<е>,

говел во второй раз <ср. ***1845. Апреля 27 <15>. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Висбаден, Франкфурт-на-Майне***> и приобщался».

[12] Александр Петрович.

[13] См. ***1845. Июля 14 <2>. Понедельник. Берлин.***

[14] Впоследствии, при предполагавшемся переиздании книги, Гоголь намеревался заменить «Завещание» письмом к В. А. Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1848 г. под названием «Искусство есть примирение с жизнью».

[15] В декабре 1844 г. Гоголь писал о себе П. А. Плетневу: «Друг, ну что если <...> <нашелся> один такой страдалец, над которым обрушилась такая странность, что всё, что ни сделает и ни скажет, принимается в превратном значении, <...> что он не может произнести и слова в свое оправдание, подобясь [тому, который, находясь в летаргии, слышит и видит, что его приняли за умершего и зарывают живого в землю <...>]» (см. ***1844. Между декабря 1 и 14 <между ноября 19 и декабря 2>. Франкфурт-на-Майне***). В «Выбранных местах из переписки с друзьями», начинающихся с предупреждения не погребать его «до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения», Гоголь повторит эту мысль в объяснение особенностей своего творчества: «Клянусь, бывают так трудны положенья, что их можно уподобить только положенью того человека, который находится в летаргическом сне, который видит сам, как его погребают живого...» (статья *XXIII. Исторический живописец Иванов*). В «Предисловии» к «Переписке» Гоголь говорит также о том, что его сочинения «почти всех привели в заблуждение насчет их настоящего смысла...» Одним из существеннейших мотивов, побудивших Гоголя к изданию новой книги, явилось стремление писателя остановить развернутое журнальной критикой во главе с В. Г. Белинским радикальное «погребение» настоящего смысла его художественных произведений. Такое литературное «погребение» вызывало у Гоголя столь же тяжелые чувства, как те примеры «нашей неразумной торопливости во всех делах, даже и в таком, как погребение», о которых он мог прочесть ранее в книге немецкого доктора медицины И. Г. (Егора Егоровича) Эллизена (1756–1830), изданной в 1801 г. в Петербурге: «Врачебные известия о преждевременном погребении мертвых, собранные Иоганном Георгом Давидом Еллизеном. С нем. перевел В. Джунковский». В книге рассказано о случаях преждевременного погребения мнимо-умерших за границей и в России. (Протоиерей Е. А. Попов указывал на значение этих фактов для воспитания памяти смертной: «...Слышимый рассказ о том, как иной обмерший в могиле стонал, как потом найден был с признаками страшной борьбы со смертью (изломанная крышка гроба, изорванная рубашка, искусанные персты), тем более ужасает. Да мы стараемся отдалять от себя подобные представления, будто и умирать нужно только другим, а не нам»; *Попов Е.*, протоиерей. Общенародные чтения по православно-нравственному богословию. СПб., 1901. С. 1020.)

«Когда мы хвалили сочинения Гоголя, – заявлял Белинский, – то не ходили к нему справляться, как он думает о своих сочинениях...» (*Белинский В. Г.* Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя // Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 8. С. 237). Подробнее см.: ***1835. Мая после 4 – не позднее 10. Москва*** (примечания).

[16] Ср. в Похвальном слове св. Иоанна Златоуста св. Евстафию, архиепископу Антиохийскому, напечатанном в т. 1 «Христианского Чтения» за 1842 г. (из этого тома Гоголь сделал несколько выписок, в том числе и из самого «слова»): «Памятниками для святых служат не места погребения их, не гробницы, не столпы <...> но святые деяния, ревность по вере и чистая пред Богом совесть. Подлинно, блистательнее всякого столпа сей храм, воздвигнутый в честь мученика <...> каждый из вас <...> есть гроб его одушевленный, духовный гроб. Ибо, если раскрыть совесть каждого из нас <...> то окажется, что в душах ваших пребывает сей святый». В 1894 г. биограф М. П. Погодина историк Н. П. Барсуков писал: «Мы же со своей стороны заметим, что напрасно Н. Ф. Павлов и другие критики напали на второй пункт напечанного *Завещания* Гоголя, который гласит: "завещаю не ставить надо мною никакого памятника и не помышлять о таком пустяке, христианина недостойном". Но почти одновременно с выходом в свет книги Гоголя, в Воронеже, при цельбоносном гробе святителя Митрофана, в Бозе почил святый старец, архиепископ Воронежский и Задонский Антоний. Недавно в *Церковных Ведомостях* было напечатано его Духовное завещание, в котором выражается то же желание, которое выразил и Гоголь в своем *Духовном завещании:* "Погребсти грешное тело мое не в самой церкви, где погребаемы были предместники мои, где тело мое лежать недостойно, а вне церкви, при самом входе в оную... и притом в самом простом гробе безо всяких украшений, отнюдь не делая на сем месте никакого памятника, да вси приходящии попирают меня ногами, яко прах, от праха взятый и в прах обращенный" (Церковные Ведомости. 1893, № 28, стр. 1021). Если же углубимся в древность, то найдем там *Духовное завещание* митрополита Киевского Константина († 1159), о котором *Степенная Книга* сохранила следующее сведение: "Константин же митрополит, бояся Мстислава Изяславича, бежа в Чернигов, в то же время тогда и в болезнь впаде. Уведав же иже к Богу свое отшествие, и тогда написав *грамоту*, и запечатав, призвав же к себе Черниговского епископа Антония, и дав ему грамоту, заклиная его именем Божиим, яко да по преставлении его все тако неизменно сотворить, яко же *в грамоте* той писано есть. Егда же преставися Митрополит, и тогда взем Епископ *грамоту* ону, и иде ко Святославу Олговичу. Отрешиша же печать и прочтоша, и обетоша в ней заповедание страшно, написано сице: Молю ти ся, о Епископе! яко егда по умертвии моем не погребите телеси моего грешного в землю; несть

бо достойно: но повергше его на землю, и поцепивше ужем за нозе, и извлекше вне из града, поверзите его на оном мсте, нарек, яко да пси снедять его" (Книга Степенная. М., 1775. I, стр. 309–310)» (*Барсуков.* 1894. Кн. 8. С. 575–576, 629).

[17] Судьба этого произведения неизвестна.

[18] Настоящие строки перекликаются с содержанием басни И. А. Крылова «Сочинитель и разбойник», о которой Гоголь упоминает в «Выбранных местах из переписки с друзьями» в статье *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность.*

[19] Ср. в письме Гоголя к протоиерею Матфею Константиновскому от конца апреля 1850 г.: «Хотелось бы живо, в живых примерах, показать темной моей братии, живущей в мире, играющей жизнию, как игрушкой, что жизнь – не игрушка».

[20] Ср. в Послании св. апостола Павла к Евреям: «...где завещание, там необходимо, чтобы последовала смерть завещателя <...> оно не имеет силы, когда завещатель жив» (гл. 9, ст. 16–17).

[21] См. ***1829. Июля 23. Вторник. Санкт-Петербург.***

[22] См. ***1843. Апреля средина – мая 2 <апреля начало – апреля 20>. Рим; 1844. Июня 12 <мая 31>. Среда. Франкфурт-на-Майне; 1844. Июля вторая половина – ноябрь <июля средина – ноября средина>. Остенде или Франкфурт-на-Майне; 1845. Марта средина <марта начало> – июня 18 <6>. Франкфурт-на-Майне или Гомбург.***

[23] См. ***1852. Февраля с 18 до 20. С понедельника до среды. Москва.***

[24] См. примеч. выше.

[25] Имеется в виду русский гравер Федор Иванович Иордан (1800–1883), который с 1834 по 1850 г. работал в Риме над гравюрой по картине Рафаэля «Преображение». Выполняя завещание Гоголя, Иордан гравировал его портрет (работы Ф. А. Моллера) для изданных П. А. Кулишом «Сочинений и писем Н. Гоголя» (СПб., 1857. Т. 1).

[26] См. также ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург*** (воспоминания Смирновой).

[27] См. ***1845. Июня 19 <июля 1>. Вторник. Павлино.***

[28] См. ***1845. Июля 25 <13>. Пятница. Карлсбад.***

[29] Слова св. апостола Павла из Первого Послания к Коринфянам (гл. 15, ст. 36).

[30] См. ***1838. Июль – августа до 14 <июня конец – августа до 2>. Кастелламаре*** (примечания).

[31] О связи этих размышлений с замыслом «Мертвых душ» см.: ***1844. Марта 12 <февраля 29>. Вторник. Ницца*** (примечания).

[32] См. ***1842. Февраля 6. Пятница. Москва; 1846. Июня 18 <6>. Четверг. Грефенберг-Фрейвальдау; 1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим.***

[33] Жена А. Н. фон Гойера; возможно, мать В. А. Лохвицкой (рожд. Гойер), бабушка писательницы Н. А. Тэффи (рожд. Лохвицкой) (см. ***1851. Февраля 19. Понедельник – 25. Воскресенье. Одесса***). «А. Н. фон Гойер в 50-х годах был чиновником особых поручений при новороссийском генерал-губернаторе» (*Маркевич А. И.* Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 33).

[34] См. ***1851. Января 24. Среда. Одесса.***

[35] См. ***1845. В течение года.***

ИЮНЯ 14 <26>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Н. Н. Шереметева заканчивает письмо к Гоголю, начатое 10 июня 1845 г. в с. Покровском[1] (письмо было отправлено на следующий день через Н. М. Языкова[2]):

«Вчера была у Николая Михайловича[3] на даче; его нашла за это время лучше. Слава Богу! Спрашивала у него о вашем адресе, он просил к нему прислать: говорит, хоть он вчерашний день послал к вам письмо[4], но что ему хочется еще с вами побеседовать[5]. Погоревали с ним о вас. <...> Недавно к вам писала[6], и не знаю, с кем; общие друзья наши Аксаковы писали ко мне, что их знакомой[7] едет и вас увидит».

[1] См. ***1845. Июня 10 <22>. Воскресенье. С. Покровское.***

[2] См. ***1845. Июня 15 <27>. Пятница. Москва.***

[3] Языков.

[4] См. ***1845. Июня 12 <24>. Вторник. Москва.***

[5] См. ***1845. Июня 15 <27>. Пятница. Москва.***

[6] Письмо Шереметевой к Гоголю от 23 мая 1845 г. до нас не дошло (см. ***1845. Мая 24 <июня 5>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва***).

[7] Н. Т. Погуляев.

ИЮНЯ 15 <27>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Н. М. Языков отправляет Гоголю во Франкфурт[1] новое (второе подряд)[2] письмо, с вложением письма от Н. Н. Шереметевой[3].

В своем письме Языков сообщал: «Я отвечал уже на твое письмо от 5 июня и снова пишу тебе о нем же, и потому, что пересылаю к тебе письмо Надежды Николаевны и потому, что твое нездоровье не выходит у меня из головы. По твоему собственному описанию припадков твоей болезни, видно ясно и несомненно медику и не медику, всем и каждому, что у тебя сильно расстроены и возмущены нервы: это холодение рук и ног, эта безнадежность на выздоровление и вместе с нею все болезни, которые ты сам себе приписываешь и в себе находишь и чувствуешь, все это и в купе и по одиночке ничто иное, как прихоти, каприз или, лучше сказать, буйство нервов – мятежных и бунтующих! <...> Повторяю тебе, что Гаштейн тебе поможет, а потом бы морские купанья и пребывание не между немцами!

Надежда Николаевна послала тебе молитву Ефрема Сирина – книжку, сочиненную пр<еосвященным> Иннокентием[4]. По моему это одно из лучших, если не самое лучшее сочинение нашего великого иерарха. Не забудь прочесть в четвертом № "Москвитянина" жизнеописание Паисия[5]. Статья вовсе не журнальная, вовсе не европейская, и немногие прочтут ее, но мне она очень понравилась, хотя и следовало описать житие этого доблестного праведника еще подробнее. "Москвитянин", как кажется, дойдет до конца 1845 г. и до своего собственного кое-как, нога за ногу, ковыляя и падая. Знать не судьба И. Киреевскому быть редактором журнала: его деятельности хватает только на три №№.

У нас прошел слух, что Смирнова в Москву не будет: она-де на нынешнее лето наняла себе дачу в Питере в перешла уже на дачу. Хомяковы и Свербеевы тебе кланяются».

[1] См. ***1845. Июля 18 <6>. Пятница. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[2] Ср. ***1845. Июня 12 <24>. Вторник. Москва.***

[3] См. ***1845. Июня 14 <26>. Четверг. Москва.***

[4] Речь идет об издании: Молитва св. Ефрема Сирина. Беседы на Святую Четыредесятницу (Харьков, 1844). В гоголевской книге о Литургии встречается реминисценция из этой книги (см. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим*** – примечания).

[5] Житие Молдавского Старца Паисия Величковского (Житие и подвиги Отца нашего Старца Паисия, Архимандрита Молдавских святых монастырей Нямецкого и Секула; Писания Старца Паисия, Архимандрита Молдовлахийския Нямецкия обители; Оглавление) // Москвитянин. 1844. № 4 (цензурное разрешение 26 мая). <Отд. 4>. С. 1–78.

С духовным наследием преподобного Паисия (в мире Петр Иванович Величковский, 1722–1794), уроженца Полтавы, основателя Нямецкого монастыря в Молдавии, схиархимандрита, переводчика святоотеческих творений, связано старчество Оптиной Пустыни (см., в частности: ***1850. Июня 17–19. Суббота-понедельник. Оптина Пустынь*** – примечания; ***1852. Февраля не позднее 5. Москва***). В Оптиной Пустыни Гоголь побывал впоследствии трижды (см. ***1850. Июня 17–19. Суббота-понедельник. Оптина Пустынь***; ***1851. Июня 2 и 3. Суббота и воскресенье. Оптина Пустынь***; ***1851. Сентября 24 и 25. Понедельник и вторник. Оптина Пустынь***).

Ранее в своем «Москвитянине» М. П. Погодин напечатал также отрывки из первого жития преподобного Серафима Саровского, которое было составлено учеником Старца, иеромонахом Сергием (Васильевым): *N. N.* Сказание о жизни и подвигах блаженныя памяти отца Серафима, Саровской пустыни Иеромонаха и затворника. Москва, 1841, в 8-ку, 31 с. // Москвитянин. 1842. № 3. С. 201–205 (см. ***1842. Февраля 25. Среда. Москва*** – примечания; подробнее см.: *Виноградов И. А.* Почитание преподобного Серафима Саровского в ближайшем окружении Гоголя: Москва и Оптина Пустынь // Оптинский альманах. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина пустырь, 2016. Вып. 5. «Добродетель ангелов». С. 86–93; *Виноградов И. А.* Творений Гоголевых чтение. О духовном наследии писателя. М., 2018 (в печати).

ИЮНЯ 15 <27>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ИЮНЯ 16 <28>. СУББОТА. МОСКВА

На имя Гоголя выписан диплом:

«Состоящий под Высочайшим покровительством Государя Императора Николая Павловича Императорский Московский университет, уважив отличные в ученом свете заслуги и литературные труды по части русской словесности господина коллежского советника Николая Васильевича Гоголя, признает его почетным своим членом[1], с полной уверенностию в его содействии московскому университету во всем, что к успехам наук способствовать может. Дан в Москве июня 16 дня 1845 года»[2].

Диплом подписали: Попечитель Московского учебного округа, Его Императорского Величества генерал-лейтенант, сенатор и кавалер граф Сергей Строганов. Ректор Аркадий Альфонский. Секретарь совета Василий Спекторский.

Бочаров Н. П. Новинки для биографии Н. В. Гоголя // *Свод.* Т. 3. С. 576.

[1] См. также ***1845. Февраля 1–2 <13–14>. Четверг-пятница. Москва.***
[2] См. также ***1852. Февраля 21. Четверг второй недели Великого Поста. 7 часов 45 минут. Москва.***

ИЮНЯ 17 <29>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Ревизора» актерами Малого театра на сцене Театра Петровского парка.

Ельницкая 1978. С. 305; *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя> // ГЦТМ. Ф. 299. Ед. хр. 1852.

ИЮНЯ 29 <17>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВЕЙМАР

Гоголь вместе с графом А. П. Толстым приезжают к настоятелю русской домовой церкви Св. Марии Магдалины в Веймаре протоиерею Степану Сабинину.

Гоголь в период между 18 и 26 июня (н. ст.) 1845 г.[1] сжег первоначальную редакцию второго тома «Мертвых душ», предполагая оставить литературное поприще и уйти в монастырь. Отец Степан Сабинин, видя «болезненное состояние» Гоголя, убедил его «не принимать окончательного решения»[2].

Из дневника дочери протоиерея Стефана Сабинина Марфы[3] (опубл. в 1900 г.): «17 (29) июня мы всей семьей поехали навестить семейство профессора Коха[4]; всего два часа езды на лошадях. Когда вечером мы вернулись, то узнали, что приехали и были у отца Николай Васильевич Гоголь и граф Александр Петрович Толстой»[5].

Протоиерей Степан Карпович Сабинин (1789–1863), настоятель русской домовой церкви Святой Марии Магдалины в Веймаре (с 1837 г.), духовник эрцгерцогини Марии Павловны (старшей сестры Императора Николая I); богослов, историк, филолог, археолог. Печатал свои работы в «Христианском Чтении» и исторических сборниках М. П. Погодина; состоял в переписке со многими учеными и литераторами: князем В. Ф. Одоевским,

С. П. Шевыревым, О. М. Бодянским, И. И. Срезневским, чешскими славистами В. В. Ганкой и П. Й. Шафариком. – См. выписку <53> *О почитании святых (Из частного письма протоиерея Сабинина)* в сборнике Гоголя «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви» (1843–1844).

«Сабинины происходят от Ивана Сусанина, дочь которого Антонина вышла замуж за Сабинина»[6]. В 1823 г. Сабинин получил место священника при русской дипломатической миссии в Копенгагене и более четырнадцати лет прожил в Дании. Его дочь вспоминала: «Выдающиеся способности моего отца, как богослова, педагога и археолога, обратили на него внимание императора Николая Павловича, и в 1837-м году, по высочайшему повелению, он был переведен в Веймар духовником к великой княгине Марии Павловне, супруге грос-герцога Саксен-Веймарского Карла Фридриха»[7]. «Осенью 1843-го года мы переехали на новую квартиру, в которой прожили до самой смерти моего отца. Эта квартира была тем удобна, что в том же доме помещалась и православная церковь»[8].

Погодин 21 сентября (н. ст.) 1842 г., будучи в Веймаре, записал в своем дневнике: «Прекрасное утро провел в семействе нашего Священника, протоиерея Сабинина, которого доселе знал только по письмам. Многие у нас упрекают духовенство в пошлом образе жизни, [грубых] [пошлых] странных привычках, неочищенном вкусе, умственной бездейственности. Пожалуйте в дом отца Сабинина. Вот как застал я все семейство. Жена с старшею дочерью писала картину масляными красками, которая с честию могла бы занять место в академическом классе, другая твердила урок на фортепиано, какую-то сонату Моцарта, сыновья сидели за латинскими авторами, а отец читал католический журнал. Столько образованности, любознательности, вкуса нашел я во всем семействе, сколько, разумеется, мудрено у какого-нибудь русского Князя или Графа, где воспитание возложено на немецкого гувернера, французскую мамзель и английскую няньку, и дети живут от родителей через два этажа и пятнадцать комнат и видятся в урочные часы. Следовательно причина вышеупомянутых недостатков нашего духовенства заключается вне, а не внутри, в бедности, а не в закоснелости. Будут средства, и образ мыслей, действий, жизни изменятся, что касается до этих отношений. <...> Мы воротились к русскому радушному обеду, и проговорили весь остаток дня до спектакля в разговорах об ученых Копенгагена, где г. Сабинин прожил лет десять, а потом об отношениях Русской Церкви к католичеству, об оскорблениях, коими она беспрестанно в последнее время подвергалась. Да, настает для всех время взять меч духовный в свою защиту, настает время явить себя. Таких благоприятных обстоятельств, как ныне, еще не было для нее: протестантизм переживает себя, и часть его, спасшаяся от Штраусовского[9] кораблекрушения, готова броситься к ней в объятия; часть католичества, недовольная папою, также; другая часть привлечется отрешением Гельдебрандова постановления о безбрачии Священников. Англиканская церковь сама по себе усердно желает общения»[10].

А. С. Жиряев 20 мая (н. ст.) 1845 г. писал В. В. Ганке из Берлина: «...В Веймаре <...> <я> познакомился с русским протоиереем Степаном Карповичем Сабининым. Он весьма усердно занимается филологическими исследованиями... <...> Он занимается теперь сравнением русского языка с исландским и находит, что ударения русских слов совершенно те же, как и в исландском языке»[11].

П. И. Бартенев вспоминал об о. Степане Сабинине: «Покойный протоиерей Сабинин, когда при нем осуждали супругу императора Николая Павловича <Александру Феодоровну> за ее заграничные траты, замечал, что траты эти ничтожны в сравнении с тем, что истратила его мать <Мария Феодоровна> на один Веймар, в котором лучшие здания воздвиглись на высланные ею деньги»[12].

[1] См. ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн.***

[2] См. ***1845. Июня 30 <18>. Понедельник. Веймар.***

[3] Марфа Степановна Сабинина (1831–1892), дочь С. К. Сабинина; одна из основательниц Общества Красного Креста в России (первоначально – «Общество попечения о раненых и больных воинах»), настоятельница крымской Благовещенской общины сестер милосердия (1876–1892). Получила первоклассное музыкальное образование (ее учителями были Клара Шуман, Г. фон Бюлов, Фр. Лист и др.), состояла преподавательницей музыки при Саксен-Веймарском дворе, с 1860 г. – при русском Императорском дворе. Является автором двух опер и многих других музыкальных произведений.

[4] «1844-й год. <...> Профессор Карл Кох отправился путешествовать на Кавказ; он был ботаник и, по возвращении из Кавказа, он издал описание своего путешествия. Мой отец и он, да и вообще его и наше семейства, находились в дружеских отношениях. Впоследствии он был назначен директором ботанического сада в Берлине, где и оставался до конца своей жизни» (Записки Марфы Степановны Сабининой // Русский Архив. 1900. № 4. С. 533; *Свод.* Т. 3. С. 575).

[5] *Сабинина М. С.* Записки // *Свод.* Т. 3. С. 574.

[6] Записки Марфы Степановны Сабининой // Русский Архив. 1900. № 4. С. 519.

[7] Там же. С. 527.

[8] Там же. С. 532.

[9] Давид Фридрих Штраус (1808–1874), немецкий философ и теолог, протестант, автор книги «Жизнь Иисуса» (Тюбинген, 1835). А. С. Хомяков в 1847 г. по поводу книги Штрауса замечал: «...Отсутствие религии

является <...> в Германии с видом <...> размышляющим... <...> Я не говорю об изданиях, слишком высоко оцененных, а действительно довольно ничтожных, какого-нибудь Страуса, или Брунебаура <Бруно Бауер, 1809–1882>; я не говорю об их временном успехе, свидетельствующем о потребностях читающей публики, ни о целых приходах, признавших себя Страусианцами, ни о журналах, выходивших в том же духе и едва прекращенных усилиями правительств... <...> Мнение ученого Неандера в этом деле <...> доказывает полное отсутствие религии в Германии... <...> В России мы часто слышим, или, лучше сказать, читаем про набожность и религиозность Германии. Не знаю, для чего, или для кого это пишется: впрочем, может быть, со стороны самих писателей это не обман, а добродушная ошибка...» (*Хомяков А. С.* О возможности Русской художественной школы // Московский Литературный и Ученый Сборник на 1847 год. М., 1847 (цензурное разрешение 21 февр.). С. 330–331).

[10] Из статьи «Поездка пр<офессора> Погодина за границу в 1842 году». *Черновой автограф // Свод.* Т. 2. С. 482–483.

[11] *Свод.* Т. 3. С. 566.

[12] *<Бартенев П. И.> П. Б.* Из дневников Вольфганга Гёте // Русский Архив. 1911. № 7. С. 449). — Об отце Степане Сабинине см. также: ***1839. Августа 30 <18>. Пятница. Женева.***

ИЮНЯ 30 <18>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВЕЙМАР

Гоголь и граф А. П. Толстой проводят день в семье протоиерея Степана Сабинина.

Из дневниковых записей М. С. Сабининой: «На другой день[1] мы пришли к отцу[2], и я первый и последний раз видела знаменитого писателя. Он был небольшого роста и очень худощав; его узкая голова имела своеобразную форму — френолог бы сказал, что выдаются религиозность и упрямство. Светлые волосы висели прямыми прядями вокруг головы. Лоб его, как будто подавшийся назад, всего больше выступал над глазами, которые были длинноватые и зорко смотрели; нос сгорбленный, очень длинный и худой, а тонкие губы имели сатирическую улыбку. Гоголь был очень нервный, движения его были живые и угловатые, и он не сидел долго на одном месте: встанет, скажет что-нибудь, пройдется несколько раз по комнате и опять сядет. Он приехал в Веймар, чтобы поговорить с моим отцом о своем желании поступить в монастырь. Видя его болезненное состояние, следствием которого было ипохондрическое настроение духа, отец отговаривал его и убедил не принимать окончательного решения. Вообще Гоголь мало говорил, оживлялся только когда говорил, а то все сидел в раздумьи. Он попросил меня сыграть ему Шопена; помню только, что я играла ему. Моей матери[3] он подарил хромолитографию — вид Брюлевской террасы[4]; она наклеила этот вид в свой альбом и попросила Гоголя подписаться под ним. Он долго ходил по комнате; наконец сел к столу и написал: "Совсем забыл свою фамилию; кажется, был когда-то Гоголем"».

Сабинина М. С. Записки // *Свод.* Т. 3. С. 574.

[1] Ср. ***1845. Июня 29 <17>. Воскресенье. Веймар.***

[2] Протоиерей Стефан Сабинин.

[3] Александра Тимофеевна Сабинина (рожд. Вещезорова, 1806–1882), дочь петербургского кафедрального протоиерея Вещезерова (см. также ***1852. Декабря 29. Понедельник. Санкт-Петербург*** — примечания), жена настоятеля русской домовой церкви Св. Марии Магдалины в Веймаре протоиерея Стефана Сабинина.

[4] Одна из достопримечательностей Дрездена, названная по имени Генриха Брюля (1700–1763), министра Августа III, короля Польского и курфюрста Саксонского.

ИЮНЯ 19 <ИЮЛЯ 1>. ВТОРНИК. ПАВЛИНО

А. О. Смирнова отправляет во Франкфурт[1] ответное[2] письмо Гоголю:

«Я у вас в долгу на два[3] последние ваши письма... <...> Вы не поверите, до какой степени мне тяжело и трудно даже с Вьельгорскими; более или менее говорят о светских мелочных интригах и приключениях, а я так живу далеко от всего, что не могу принести с собою ничего в состав этого

разговора. <...> Семейный и все семейный круг наконец делается скучен, а я почти не выхожу из него, исключая редких выездов к графине *Нессельрод* и во дворец. <...> ...Божия воля мне назначила теперь новую жизнь: Николай Михайлович получил место в Калуге; он едет на днях туда, а я в октябре туда переселяюсь. Слова ваши исполнились, любезный друг, вы мне писали: "Вас скоро не будет страшить губернаторство", и точно: я туда еду с радостию; в отсутствие этих мелочных страданий по крайней мере займусь делом, я буду читать и писать и тем наполню часы одиночества. Странно довольно, что мое одиночество везде повторяется: в Бадене, Ниц<ц>е, в Париже, во Франкфурте все одно и то же, наконец и тут, где, по-видимому, мое дома. Я писала княжне Цициановой[4] и просила ее к себе на житье в Калугу или, лучше сказать, навеки; она умная, добрая и меня любит; в жизни также страдала много и потому отдала себя совершенно Богу. Может быть, и вы к нам подъедете, и тогда мы переговорим обо всем и передумаем вместе многое, о чем прежде не говорили. <...> Еще пред отъездом из города я поручила Аркадию искать для вас книги[5], но ни в одной книжной лавке их нет, и потому я просила Самарина их выписать из Москвы; он, кажется, писал Аксакову[6], но еще не получил ответа; он, т. е. Аксаков, кажется, уехал по расстройству дел в деревню, и потому не пеняйте на мою неаккуратность. Вы мне не сказали, получены ли вами книги, точно ли все они до вас дошли. Последние ваши два письма, от 4 и 18 июня, я получила и отвечаю на них. Я сама не могу вам растолковать, отчего Плетнев мне принес так мало денег и какие тут расчеты; хотя он на даче в Лесном, я ему напишу[7] и узнаю, когда и как вы будете вперед получать свою пенсию[8]. Плетнев или болен, или в хандре, я все это время находила его весьма вялым и странным; скажу с Мухановым: "у каждого Ермишки свои горькие делишки". Графиня Вьельгорская[9] приехала не совсем здоровая, однако ей уже лучше, и сегодня приехал и Владимир Александрович[10]; не знаю, как-то они встретились и какого роду будут их отношения[11]. С Нази[12] я непременно сойдусь, хотя между нами такая большая разница лет; но мне на это надобно время, теперь она еще не переговорила с сестрами[13] и подругами. При проезде моем в Москву, я отыщу Аксакова и Языкова и пошлю за Хомяковым; постараюсь отыскать и старушку Шереметьеву; однако же прошу вас дать мне их адресы и имена собственные по крайней мере. Представьте себе, что у меня нет ни одной души короткой в Москве, и если там придется жить несколько времени, то я со скуки пропаду. Мне нужно их видеть не по одному чувству любопытства, но и потому, что все-таки мне надобно знать их понятия насчет того круга деятельности, который мне предстоит; да и я таки могу им сказать кое-что.

Меня теперь занимают благотворительные общества: я чувствую, что в этом круге действий есть что-то фальшивое, а не могу придумать, каким образом направить это. У нас везде заводят приюты, школы, пансионы; принято уже, что каждая губер<наторша> должна ими заведовать, отдавать отчет почти сюда, в Петербург. Это считается почти доказательством добродетели и доблестей гражданских. Если я не буду этим же промышлять, то прослыву за весьма ненужную губер<наторшу> и могу даже повредить Николаю Михайловичу, а между тем трудно мне придумать, как вывернуться из этой колеи, в которую влезло все наше бытие и, в особенности, воспитание девиц, т. е. будущих матерей нового поколения. Надобно найти середину между совершенным бездействием и этим полуделом. Говорят, что архиерей[14] очень хорош у нас будет, и я считаю <возможным> много<му> научиться у него. Вспомню я не раз ваши "Мертвые души"[15], но, к несчастью, смеяться более не могу этим недостаткам; они возбуждают теперь во мне сожаление; не пеняйте на меня за эту правду. Кстати о книгах: "Тарантас"[16] очень понравился Государю, он очень часто об ней говорил; я желала бы знать ваше мнение о *сей* тарантасе. Критика Плетнева[17] была недурна, а скоро выйдет в "Москвитянине" разбор Самарина[18]. Здоровье Импер<атрицы> все почти одинаково; насчет ее путешествия ничего не решено; мне грустно подумать о дворе; Государь очень озабочен ее состоянием; много тут есть перемен, а есть и благодатные; при оказии я бы вам это все пересказала, но теперь нельзя. Разговоры его приметно серьезные, — вот все, что могла заметить я, бывая там раз в неделю, не более, и не сохраняя никаких сношений с двором вне этого круга царского, где были со мною постоянно ласковы и милостивы. <...> Сколько пришлось мне открыть и поведать того, что никому другому не сказала бы, пусть то останется меж нами».

[1] Одно из писем — от 25 июля (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Июля 25 <13>. Пятница. Карлсбад***).
[2] См. ***1845. Июня 18 <6>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***

[3] Кроме письма от 18 июня (н. ст.) 1845 г., Смирнова имеет в виду письмо к ней Гоголя от 4 июня (н. ст.) 1845 г. (см. ниже), на которое ранее она уже отвечала (см. ***1845. Июня 6 <18>. Среда. Павлино***).

[4] Княжна Елизавета Дмитриевна Цицианова (1800–1859), двоюродная тетка А. О. Смирновой (см. ***1851. Июня после 25 – июля не позднее 8. С. Спасское*** – примечания). Жила в Свято-Троицкой Сергиевой лавре, где заведовала богадельней и гостиницей. Впоследствии приняла монашество. 21 февраля 1846 г. А. О. Смирнова писала Гоголю: «Подъехала <...> моя княжна Цициянова из Тройцы, вся упитанная Антонием (имеется в виду преподобный Антоний (Медведев), архимандрит Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. – *И. В.*) и Голубинским (подразумевается протоиерей Ф. А. Голубинский, профессор Московской Духовной академии. – *И. В.*): постничает н читает по целым часам, стоя, каноны и проч. Ее приезд меня оживил...» (см. ***1845. Февраля 21 <марта 5>. Четверг. Калуга***). 4 июня 1846 г. И. С. Аксаков писал родным из Калуги: «В субботу вечером был я у Ал<ександры> Осип<овны>. <...> Она <...> просила меня передать Вам, чтоб Вы, милая маменька, не принимали к себе княжны Цициановой или, по крайней мере, приняли бы не очень ласково, потому что эта княжна, воспитанная монахами, с расстроенными нервами, может принести вред, особенно Олиньке, которая больна и которая и без того настроена в этом духе; княжна Цицианова видит спасение только в монастыре и под монашеской одеждой... Знаете, все в таком духе, так оно и лучше от нее подальше, женщина-то она страстная. Меня и Константина называет она просто уродами нравственными и поэтому очень сокрушается об Вас, милая маменька, так же, как и m-me <А. П.> Глинка» (*Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 263). Позднее, в 1849 г., Гоголь встречался с Цициановой в Троице-Сергиевой лавре (см. ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье***). Цицианова ранее была «известна» Гоголю по рассказам Смирновой (об этом Смирнова упоминала в одном из своих писем к Гоголю: «...тетушка княжна Цициянова, вам известная по моим рассказ<ам>»; см. ***1845. Декабря 16 <28>. Воскресенье. Калуга***).

[5] Список книг, которые Гоголь просил Смирнову купить для него, см. в его письме от 4 июня (н. ст.) 1845 г. (***1845. Июня 4 <мая 23>. Среда. Гомбург***).

[6] Ср. также ***1845. Июня 4 <16>. Понедельник. День Святого Духа. Санкт-Петербург***; ***1845. Июня 6 <18>. Среда. Москва***; ***1845. Сентября 16–18 <28–30>. Санкт-Петербург***.

[7] См. ***1845. Июня 26 <июля 8>. Вторник. Павлино***.

[8] Речь идет о денежном пособии, назначенном Гоголю Императором Николаем I (подробнее см.: ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург***).

[9] Луиза Карловна.

[10] Граф Соллогуб.

[11] Граф В. А. Соллогуб вспоминал: «С женитьбой мой образ жизни мало изменился; я, каюсь, не родился домоседом и часто злоупотреблял слабостью, свойственной всем пишущим людям, гнаться всюду и везде. Теща моя, графиня Луиза Карловна, как это было известно всему Петербургу, сильно ко мне не благоволила, но... я не обращал внимания на ее замечания» (*Соллогуб В. А.* Воспоминания. М.; Л., 1931. С. 402–403).

[12] Графиня Анна М. Виельгорская.

[13] Графиня С. М. Соллогуб и Ап. М. Веневитинова.

[14] Имеется в виду преосвященный Николай (Соколов, 1780–1851), епископ Калужский и Боровский с 1834 г.

[15] Одно из первых употреблений сочетания «мертвые души» к современникам (см. ***1842. Октября 24 <ноября 5>. Суббота. Москва*** – примечания). – См. также ***1845. Сентября 19 <октября 1>. Среда. Санкт-Петербург***.

[16] Повесть В. А. Соллогуба, вышедшая полностью в 1845 г.

[17] Статья П. А. Плетнева «О “Тарантасе”, новом сочинении графа В. А. Соллогуба» (Современник. 1845. Т. 38).

[18] Разбор «Тарантаса», принадлежащий Ю. Ф. Самарину, был напечатан в «Московском литературном и ученом сборнике на 1846 год», с подписью «М... З... К...», в разделе «Критика». – См., в частности: ***1840. Октября начало <сентября вторая половина>. Рим*** (примечания).

ИЮНЯ 19 <ИЮЛЯ 1>. ВТОРНИК. ХАРЬКОВ

М. С. Щепкин исполняет роль Кочкарева в «Женитьбе»[1].

«19 июня. <...> *Женитьба*. Кочкарев – г. Щепкин. Подколесин – Дранше. – Г. Щепкин хорош во всем, но в творениях Гоголя неподражаем. Г. Дранше[2], сыгравший роль свою прекрасно, мог бы, однако ж, тверже заучить свой последний монолог. Г. Толченов в роли Жевакина, моряка, был как две капли воды схож с режиссером в Губкине. То же чваканье, вероятно, перенятое им у известного домашнего создания, оттеняло его незавидную игру»[3].

[1] *Гриц.* С. 349.
[2] Иван Осипович Дранше (1824–1849), актер. С 16 октября 1842 г. до начала 1845 г. исполнял в Петербурге роль Гибнера в «Ревизоре» (Ежегодник Императорских театров. СПб., 1899. С. 125).
[3] Обзор деятельности на Харьковской сцене // Репертуар и Пантеон. Издатель и редактор <В. С.> Межевич. 1845. Кн. 10. <Отд. 2>. С. 12.

ИЮЛЯ 2 <ИЮНЯ 20>. СРЕДА. ВЕЙМАР

Гоголь и граф А. П. Толстой исповедуются.

Из дневниковых записей М. С. Сабининой: «Он <Гоголь> исповедывался вечером накануне своего отъезда, и исповедь его длилась очень долго».

Сабинина М. С. Записки // *Свод.* Т. 3. С. 574.

ИЮЛЯ 3 <ИЮНЯ 21>. ЧЕТВЕРГ. ВЕЙМАР, ГАЛЛЕ

Гоголь и граф А. П. Толстой после приобщения Св. Христовых Таин отправляются из Веймара в Берлин. По пути по совету протоиерея С. К. Сабинина заезжают в Галле к доктору П. Крукенбергу.

Из дневниковых записей М. С. Сабининой: «После Св. Причастия он <Гоголь> и его спутник сейчас же отправились в дальнейший путь в Россию[1], пробыв в Веймаре пять[2] дней»[3].

14 июля (н. ст.) 1845 г., Гоголь в письме к В. А. Жуковскому из Берлина сообщал: «Добрый веймарский священник советовал мне убедительно посоветоваться еще на дороге с знаменитым доктором в Галле, *Крукенбергом.* К сему склонял меня и граф Толстой, видевший усиливавши<еся> мои припадки, исхуданье и странный, болезнен<ный> цвет кожи. Крукенберг обратил особенное внимание на мою спину, пытаясь отыскать в ней причину этой болезни моей, исхуданья и расслабленья и прочего. Он меня раздел и щупа<л> всего, перебрал и перещупал всякий позвонок в спине, испробовал грудь, стуча по всякой кости, и, нашед то и другое в добром здоровьи, вывел заключение, подобно Коппу, что всё дело в нервах и что мне необходимо прожить три месяца, по крайней мере, на открытом море, купаясь ежедневно, и что для этого всего удобнее мне остров Helgoland[4], недалеко от Гамбурга, что Гастейн меня может разгорячить. Это заключение меня не совсем утешило и не могло прогнать сомнений: во-первых, потому, что я [видел слишком] чувствовал ясно в себе кое-что сверх нерв, а во-вторых, потому, что я не в силах был пренебречь таким сильным авторитетом, каков Коппа, присоветовавшего *Гастейн.* Я решился ехать до Берлина и предоставить то и другое на суд *Шёнлейна,* рассказавши всё мое критическое положение, и с чьим мнением он будет согласней, на то решитель<но> и отважиться, основываясь единственно на большинстве голосов»[5].

В письме к Н. М. Языкову от 25 июля (н. ст.) 1845 г. Гоголь также писал: «На дороге, в Веймар<е>, говел во второй раз[6] и приобщался. Тамошний очень добрый священник наш советовал мне непременно, едучи в Берлин, заехать по дороге в Галль, к тамошней знаменитости, доктору Крукенбергу, о котором он рассказывал чудеса. Крукенберг, осмотревши и ощупавши меня всего — спинной хребет, грудь и всё высохнувшее мое тело — и нашед всё в надлежащем виде, решил, что причина всех болезненных припадков заключена в сильнейшем нервическом расстройстве, покрывшем все прочие припадки и произведшем все недуги. Гастейн советовал мне решительно оставить, как раздражительный, и, вместо то<го>, предписал мне провесть, по крайней мере, три месяца в открытом море на острове *Helgoland* на Северном море. Решение это произвело во мне только нерешимость и [страшное] гадкое состояние сомнения и в Гастейне и в море. То и другое было [советовано] определено врачами известными и прославленными и тем еще более повергало меня в нерешимость».

[1] На самом деле Гоголь и Толстой отправились, через Галле, в Берлин.
[2] См. ***1845. Июня 29 <17>. Воскресенье. Веймар.***
[3] *Сабинина М. С.* Записки // *Свод.* Т. 3. С. 574.
[4] Остров Гельголанд (находился во владении Англии до 1890 г.).
[5] См. ***1845. Июля 14 <2>. Понедельник. Берлин.***
[6] Ср. ***1845. Апреля 27 <15>. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Висбаден, Франкфурт-на-Майне.***

ИЮЛЯ 3 ИЛИ 4 <ИЮНЯ 21 ИЛИ 22>. БЕРЛИН

Гоголь и граф А. П. Толстой прибыли в Берлин. Вероятно, Гоголь получил здесь, от графа М. М. Виельгорского, книги, отправленные ему из Петербурга А. О. Смирновой в конце ноября – первой половине декабря 1844 г.[1]

Позднее, 14 июля (н. ст.) 1845 г., Гоголь в письме к В. А. Жуковскому из Берлина сообщал: «...На мою беду, Шёнлейна в Берлине не застал; он уехал в Гомбург, и я остался, весь преданный нерешительности. А каково мое положенье, это предоставляю судить всякому, кто знает, что такое нерешительность в важную минуту. Уходящее между тем время еще более увеличивало тягость моего положения».

В письме к Н. М. Языкову от 25 июля (н. ст.) 1845 г. Гоголь также писал: «...Ожидал с нетерпением, что скажет *Шёнлейн*, положивши себе наперед [решитель<но>] последовать тому, что утвердит и признает справедливейшим он. Но Шёнлейна не было уже в Берлине. Он уехал за день до моего отъезда <приезда> именно в Гомбург, откуда я выехал»[2].

[1] См. ***1844. Сентября 9 <21>. Суббота. Санкт-Петербург*** (примечания).
[2] См. ***1845. Июня между 5 и 18 <между мая 24 и июня 6>. Гомбург, Франкфурт-на-Майне.***

ИЮЛЯ 5 <ИЮНЯ 23>. СУББОТА. БЕРЛИН

Гоголь пишет А. О. Смирновой в Павлино:

«Пишу к вам, мой прекрасный друг Александра Осиповна, из Берлина, куда притащился я больной и еле движущийся для окончательного совещания с здешним доктором Шёнлейном, ибо мнение докторов о моем лечении раздвоилось: одни[1] советуют в Гастейн, другие[2] решительно морское купанье как можно подольше. Приезд в Берлин вышел неудачен: Шёнлейна я не застал; он уехал [ровно] за день до моего приезда и возвратится нескоро. Я, признаюсь, скорее наклонен к морскому. В нем есть что-то освежающее уже с самого начала, и самому бренному телу моему как-то более желалось бы моря. Но решиться не могу. Морские купанья пока еще все пусты, а остров *Эльголанд*, куда предпочтительно шлют меня, особенно пустынен, и ни одна русская душа туда не заезжает, тогда как он всего в четырех, или с небольшим, часах от Гамбурга. Итак, вот какого рода мое положение: за два дни до моего отъезда[3] я еще не знаю наверно, куда еду. Знаю одно только то, что опаснее всего для меня хандра, а она, как нарочно, предстоит мне в тех местах, куда шлют меня, и, как нарочно, никогда еще не посыла<ли> меня в такие лишенные людства места, как ныне. Не раз приходит мне на ум, какое утешение было бы теперь нам встретиться именно в нынешние минуты. Но это, как видно, Богу неугодно покамест. По крайней мере, во всяком случае, посоветуйтесь сурьезно с докторами насчет ваших нерв, если только вам не лучше. Я уверен, что вам присоветуют или Гастейн, или море с морским купаньем. Если море, тогда переезд не станет вам ничего. Ни экипажей, ни громозду не нужно; на пароход взять надобно одни только сундуки и приехать только в Гамбург, а от Гамбурга в нескольких шагах все притоны морских купаний. Как бы хороши были морские купанья для Софьи Михайловны[4] также! и как бы удобно было вам сделать это путешествие вместе! Издержек вы бы сделали менее, чем в Петербурге летом, а между тем набрались

бы сколько-нибудь здоровья для зимы. Притом самое спокойное путешествие, не сопряженное ни с какими хлопотами и продолжающееся всего одну неделю, если не меньше. А для меня остров Эльголанд превратился бы тогда в рай. Я уверен, что Аркадию Осиповичу[5] помогли бы также весьма сильно морские купанья. Ему нужны укрепляющие и освежающие средства. Но... буди всё по воле и милости Божией! А вы все-таки дайте мне скорый ответ на это письмо, адресуйте на имя Миха<и>л<а> Миха<й>ло<ви>ча[6] в Берлин. Он мне отправит туда, куда я потащусь. Прощайте, друг мой. Устал, не имею сил даже двигать пером, а между тем много и много еще предстоит дороги вперед, если придется ехать в Гастейн. Но если и в Гастейне я узнаю, что вы едете на морс<кие> купанья, то притащусь отвсюду к вам, несмотря ни на какой переезд. <...> Само собой разумеется, что вы должны крепко и сильно обнять за меня всех Вьельгорских».

[1] И. Г. Копп (см. ***1845. Июля 3 <июня 21>. Четверг. Веймар, Галле***).
[2] П. Крукенберг.
[3] Ср. ***1845. Июля 10–11 <июня 28–29>. Дрезден.***
[4] Графиня Соллогуб.
[5] Россет, брат Смирновой.
[6] Граф Виельгорский.

ИЮНЯ 24 <ИЮЛЯ 6>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ. МОСКВА

Представление актерами Малого театра «Женитьбы» на сцене Театра Петровского парка.

Ельницкая 1978. С. 253; *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя> // ГЦТМ. Ф. 299. Ед. хр. 1853. Л. 6, 9.

ИЮНЯ 25 <ИЮЛЯ 7>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Н. М. Языков пишет брату А. М. Языкову:

«Ты, верно, заметил в письме Гоголя[1] похвалы, восписуемые им г-же Смирновой. Эти похвалы всех здешних удивляют. Хомяков, некогда воспевавший ее под именем “Иностранки” и “Девы розы”[2], считает ее вовсе не способной к тому, что видит в ней Гоголь, и по всем слухам, до меня доходящим, она просто сирена, плавающая в прозрачных водах соблазна. Она и Самарина к себе влечет; соблазнительница она славная — и только!»

Из писем Н. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 173.

[1] См. ***1845. Июня 5 <мая 24>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Гомбург.***
[2] См. ***1832. Января 27. Среда. Москва.***

ИЮНЯ 26 <ИЮЛЯ 8>. ВТОРНИК. ПАВЛИНО

А. О. Смирнова пишет П. А. Плетневу в Петербург:

«Я получила письмо от Гоголя[1], любезный Петр Александрович, который меня спрашивает, зачем он получил так мало денег за прошлую треть и когда ему следует еще получить. Потрудитесь мне все это растолковать, пожалуйста; он хочет точного и подробного отчета по этому предмету, потому что, смотря по деньгам, будет путешествовать и назначит нам, куда их высылать. Он теперь выехал в Гастейн, и здоровье его как будто бы поправляется. Графиня Виельгорская его видела во

Франкфурте[2], в первый раз он ей показался очень плох, но потом был веселее и живее. Что с ним будет? не знаю; а со мною пока вот что. Я еду в Калугу в октябре, а Н<иколай> М<ихайлович>[3] теперь, т. е. через три недели. <...> Аркадия мне не достает; но ему нужен Гельсингфорс, которым он до сих пор очень доволен».

Из писем А. О. Смирновой // *Свод*. Т. 2. С. 206.

[1] См. ***1845. Июня 18 <6>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***
[2] Около 10–12 июня (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Июня между 5 и 18 <между мая 24 и июня 6>. Гомбург, Франкфурт-на-Майне***).
[3] Смирнов, муж А. О. Смирновой.

ИЮЛЯ 10–11[1] <ИЮНЯ 28–29>. ДРЕЗДЕН

Гоголь ездил в Дрезден к доктору К. Г. Карусу.

25 июля (н. ст.) 1845 г. Гоголь, будучи уже в Карлсбаде, в письме к Н. М. Языкову, говоря о несостоявшемся визите к доктору И. Л. Шёнлейну, сообщал: «Неделю с лишком[2] в тоске ожидал я его в Берлине. По истечении этого времени пришло от него известие, что он около месяца пробудет в отлучке. Время между прочим было уже слишком подвину<то>, и я рисковал пропустить время вод. И нерешимость и настоящее состояние болезни моей стали мне невтерпеж; я решился отправиться еще к одной знаменитости: к *Карусу*, в Дрезден. Карус осмотрел меня вновь всего, от головы до ног, ощупал и перестучал все мои кости и перещупал живот и нашел, что главная причина всего заключилась в печени, что печень необыкновенно выросла, оставив весьма мало [даже весьма мало] места для легких, что отсюда и нервическое расстройство, и расслабление, и прекратившееся вырабатывание крови, что прежде всего следует излечить печень, что для этого необходим Карлсбад и что я должен как можно скорей туда ехать, дабы не упустить времени. Уставши и выбившись весь из сил, я решился последовать последнему совету, во-первых, [единств<енно>] потому, что он дан после всех, во-вторых, потому, что Карлсбад менее других грозит одиночеством, что было бы для меня совершенно опасно при хандре, порождаемой самой болезнью и увеличивающейся постепенно более, в-третьих, потому, что нужно же на что-нибудь наконец решиться. Карлсбад, по сознанию всех, может действовать благодетельно, если главная причина всех расстройств произошла в печени, и может подействовать вконец разрушительно, если главная причина в самом нервическом расстройстве или же в всеобщем расслаблении и изнурении сил. Одним словом: либо пан, либо пропал».

14 июля (н. ст.) 1845 г. в письме к В. А. Жуковскому из Берлина Гоголь также сообщал: «В Берлине посоветовали мне съездить, по крайней мере, в Дрезден к доктору *Карусу*. Я поехал в Дрезден. Карус, когда я рассказал ему всё дело, расспросил меня обо всем образе моей жизни и обо всех излишествах, каким я предавался в жизни и которые могли бы произвести во мне в такой силе нервическое расстройство. Не найдя их достаточными для произведения совершенного расстройства нерв и найдя жизнь мою довольно для того умеренною, он сказал, что причины должны быть иные и что он приедет ко мне на дом рассмотреть и ощупать меня всего. Раздевши меня всего, он перещупал меня также. Стучал по всем местам и костям в груди, нашел грудь здоровою, щупал живот и потом начал вновь стучать по ребрам в правом боку. Здесь он остановился и нашел, что звук гораздо повыше места печени уже становится глухим, что, по его мненью, есть ясный признак, что печень выросла, оставляя менее и менее места для легких, что дело всё в печени, что отсюда исхудание, зеленый цвет кожи, беспорядок желудочных отправлений, нервическое расстройство и дурное кровообращение крови, что лечить нужно прежде всего печень и что, не теряя времени, следует мне прежде всего ехать в Карлсбад».

На вопрос Жуковского (в письме от 18 июля (н. ст.) 1845 г.): «Но спросили ли вы у Каруса, к которому из карлсбадских докторов надобно адресоваться?», — Гоголь отвечал: «У Каруса я расспросил обо всем; в этом отношении не беспокойтесь. Он составил описание найденного им во мне

недуга в соединении с письмом к здешнему доктору. Доктора имя — Флеклес» (письмо от 24 июля (н. ст.) 1845 г. из Карлсбада).

15 июля (н. ст.) 1845 г. Гоголь писал также из Берлина А. О. Смирновой: «Карус, по выслушании всего, равно как и затруднительного моего состояния насчет того, что предпринять и чему последовать, осмотрел меня всего, перещупал всё мое высохнувшее тело и кости и задал мне новую задачу: нашел, что всё дело у меня в печени, которая сильно выросла, и что мне следует ехать в Карлсбад и лечиться Карлсбадом, как единственным для того средством».

[1] См. ***1845. Июля 11 <июня 29>. Пятница. День памяти св. первоверховных апостолов Петра и Павла. Дрезден, Берлин.***

[2] Ср. ***1845. Июля 3 или 4 <июня 21 или 22>. Берлин.*** — Следовательно, в Дрезден Гоголь должен был отправиться не ранее 10 июля (н. ст.) 1845 г.

ИЮЛЯ 11 <ИЮНЯ 29>. ПЯТНИЦА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. ПЕРВОВЕРХОВНЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА. ДРЕЗДЕН, БЕРЛИН

Вероятно, в этот день Гоголь вернулся из Дрездена[1] в Берлин.

В паспорте Гоголя сделана помета: «1845 29 июня / 11 июля. Берлин. С 11-го июля[2] в Карлсбад».

Шевырев С. П. <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 125. — См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

[1] См. ***1845. Июля 10–11 <июня 28–29>. Дрезден.***

[2] Гоголь выехал в Карлсбад позднее (см. ***1845. Июля 15 <3>. Вторник. Берлин***).

ИЮЛЯ 13 <1>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский сообщает П. А. Плетневу в Петербург:

«К Уварову я писал, но совсем о другом, хотя впрочем и об Одиссее поместил несколько строк в письме своем. Я писал к нему о Гоголе. Но Гоголь уже со мною с месяц расстался[1]; он отправился купаться в Гастейн; я, однако, еще ни строки не имею от него со времени его отъезда».

Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 61. — Датировка письма уточнена.

[1] См. ***1845. Июня 18 <6>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***

ИЮЛЯ 14 <2>. ПОНЕДЕЛЬНИК. БЕРЛИН

Гоголь пишет В. А. Жуковскому во Франкфурт («Francfort s/M. Saxsenhausen»):

«Я медлил описаньем вам моих плачевных похождений[1]... <...> Еду в Карлсбад[2], потому что на что-нибудь должно реши<ться>, потому что мнение это последнее, уже произнесенное по соображении всех мнений прочих докторов, потому что Карлсбад менее других пустынен и, может быть, не так опасен в рассуждении хандры. <...> Объявите и расскажите об этом обстоятельно *Коппу*. Какого он будет об этом мнения? Мне жаль только, что ни мне, ни ему не пришло в ум меня, раздевши, ощупать хорошенько всего, что было бы весьма удобно, потому что по моему телу можно

теперь проходить полный курс анатомии, до такой степени оно высохло и сделалось кожа да кости. Пожмите ему крепко руку и поблагодарите в то же время за всё, и особенно за то, что он не сердился на мою нерешительность, слабодушие и сомнение. Вы сами видите мое положение: все эти слабости уже кроме того, что происходят от критического моего положения, суть в то же время неминуемые следствия самой болезни моей и, может быть, с ней вместе составляют нераздельное и единое. <...> ...Не гневайтесь на меня ни за то, что я доселе не давал вести о себе, ни за то, что я не в силах был действовать, как твердый муж, и не колебаться во время колебанья... <...> Посылаю мой душевный поклон вашей добрейшей супруге, обнимаю мысленно ваших малюток[3]. Обнимаю также доброго бар<она> Рейтерна и посылаю искрен<ний> поклон всей милой семье его. <...> Адресуйте в Карлсбад, poste restante. Приехавши в Карлсбад, я вам пришлю тот же час свой полный адрес. Выезжаю я отсюда завтра[4], а послезавтра[5] надеюсь быть в Карлсбаде».

[1] См. ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн***; ***1845. Июля 3 <июня 21>. Четверг. Веймар***; ***1845. Июля 3 <июня 21>. Четверг. Веймар, Галле***; ***1845. Июля 3 или 4 <июня 21 или 22>. Берлин***; ***1845. Июля 10–11 <июня 28–29>. Дрезден.***

[2] По совету дрезденского врача К. Г. Каруса (см. ***1845. Июля 10–11 <июня 28–29>. Дрезден***).

[3] Дочь Александра и сын Павел.

[4] См. ***1845. Июля 15 <3>. Вторник. Берлин.***

[5] См. ***1845. Июля 16–20 <4–8>. Воскресенье. Карлсбад.***

ИЮЛЯ 15 <3>. ВТОРНИК. БЕРЛИН

Гоголь пишет А. О. Смирновой в Павлино:

«Пишу к вам еще раз из Берлина, где должен был я прожить полторы недели в ожидании Шёнлейна, которого, однако ж, не дождался. Вместо того пришел ответ, что Шёнлейн будет не раньше, как чрез три недели. Чтобы чем-нибудь решить дело, я съездил в Дрезден к Карусу[1]. Карус <...> нашел, <...> что мне следует ехать в Карлсбад... <...> Итак, я теперь, перекрестясь и благословясь, и предаясь совершенно на волю Божию, еду в Карлсбад, а вас прошу помолиться обо мне... <...> Отправьте молебен о моем выздоровлении и попросите помолиться обо мне того из служителей Божиих, чьи молитвы доступнее и действительнее. Молитвы лучших из нас много могут сделать. <...> Карлсбад имеет хотя то преимущество, что там я буду не один; по крайней мере, там редко бывает без большого съезда русских, что теперь, по причине одолевающей меня беспрерывно хандры, не совсем маловажно. Адресуйте или прямо в Карлсбад, poste restante, или в Берлин, на имя Мих<аила> Михалини[2], для отправления ко мне».

Возможно, в этот же день Гоголь выехал в Карлсбад[3]. Отметка об отъезде была сделана в паспорте заблаговременно[4].

[1] См. ***1845. Июля 10–11 <июня 28–29>. Дрезден.***

[2] Граф Михаил Михайлович Вьельгорский. В семье Вьельгорских все дети имели шуточные имена.

[3] См. ***1845. Июля 14 <2>. Понедельник. Берлин.***

[4] См. ***1845. Июля 11 <июня 29>. Пятница. День памяти св. первоверховных апостолов Петра и Павла.***

ИЮЛЯ 3 <15>. ВТОРНИК. ПАВЛИНО

А. О. Смирнова пишет ответное[1] письмо Гоголю в Берлин:

«...Письма ваши все более и более беспокоят и огорчают меня. <...> Отсюда мне оторваться невозможно. Николай Михайлович[2] едет в конце июля в Калугу (если письма мои к вам дошли, то вы знаете, что он назначен туда губернатором). Мне остается здесь кое-какие дела устроить, дождаться Аркадия из Гельсингфорса, и придется ехать в Калугу в конце сентября, прежде дождей

и худых дорог. А вы в Берлине... как близко от нас, и нет возможности надеяться вас видеть. <...> От Плетнева[3] я выведала, почему вы получили так мало денег за прошлую треть[4]. В казначействе все расчеты ведутся от 1-го генваря; приказание вышло гораздо позже и потому за генварьскую треть вы получили так мало. В сентябре вы получите майскую треть сполна, 333 рубля серебром. <...> Виельгорские все, слава Богу, здоровы. <...> Софья Михайловна[5] ждет своих родов в конце июля или в начале августа[6] и супруг[7] очень угомонился. Старая графиня[8], его матушка, тоже притихла, так что мне совершенно нечего делать, и слава Богу. Притом, Петербург не Ницца. Там они жили вне света и оттого слишком увлекались семейным бытом, а здесь есть тысячи развлечений, полезных и тем и другим. Я видаю их часто, боюсь даже надоесть им, потому что вне их круга не вижу никого. <...> Калуга, конечно, произведет большой перелом в моей жизни, и тут я вижу руку Божию; не менее того будет мне тягостно там в первые минуты. Вот месяца четыре, как я оставила все свои занятия, даже молитву и чтение Евангелия. Ничто, решительно ничто меня сильно не интересует; душа болит, а сердце не любит. <...> Аркадий вручил для вас книги <П. И.> Апраксину, который хотел вам их вручить в Гастейне. Прощайте, друг мой. Вас я люблю искренно и с уверенностию, что вы никогда ко мне не переменитесь. Вы мне нужны более, чем вы думаете. Мы оба на разных путях и разными образами пространдали в свете и были без опоры».

[1] См. ***1845. Июля 5 <июня 23>. Суббота. Берлин.***
[2] Смирнов, муж Смирновой.
[3] См. ***1845. Июня 26 <июля 8>. Вторник. Павлино.***
[4] См. ***1845. Июня 18 <6>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***
[5] Графиня Соллогуб (рожд. графиня Виельгорская).
[6] 17 августа 1845 г. С. М. Соллогуб родила сына Александра (см. ***1845. Августа 25 <сентября 6>. Суббота. Павлино***).
[7] Граф В. А. Соллогуб.
[8] Графиня С. И. Соллогуб (рожд. Архарова).

ИЮЛЯ 4 <16>. СРЕДА. МОСКВА

Н. М. Языков пишет С. Т. Аксакову:

«Присылайте письмецо к Гоголю: об его здоровьи будет у меня справка самая верная – в Гаштейн едет моя свояченица, – жена брата П<етра> М<ихайловича>[1]; я уже писал к ней, чтобы она его осмотрела и расспросила об его болезни и сама (он с нею давно знаком и не чинится[2]), и чтобы отобрала подробнейшее о нем сведение от тамошнего врача, который мне короткий приятель и человек знающий свое дело. Звать Гоголя сюда – едва ли нужно: общий наш возглас к нему, кажется мне, только что сильнее раскарежит хандру его».

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 174.

[1] Ел. П. Языкова. Встреча не состоялась, так как Гоголь вместо Гастейна (см. ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн***) отправился на лечение сначала в Карлсбад (см. ***1846. Июля 16–20 <4–8>. Воскресенье. Карлсбад***), затем в Грефенберг-Фрейвальдау (см. ***1846. Августа около 21 <около 8> – сентября 21 <9>. Грефенберг-Фрейвальдау***).
[2] См. ***1842. Апреля между 17 и 26 <между 5 и 14>. Ганау.***

ИЮЛЯ 16[1]–20 <4–8>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. КАРЛСБАД

Гоголь прибыл в Карлсбад (ныне – Карловы Вары).

В курортной книге Карлсбада («Carlsbader Badeliste»; *нем.*) о приезде Гоголя сделана отметка: «2371. 20 Juli. Herr Nicolaus von Gogol, Partikulier[2], aus Moskau. 1[3]». Остановился Гоголь «в доме “Russia” на Егерштрассе»[4].

В 1710, 1711 и 1712 гг. в Карлсбаде был Петр I, установив на одной из вершин Карлсбадских гор дубовый крест, с вырезанными им же инициалами, отчего эта вершина стала называться «высотою Петра» (Peterhöhe). В 1830 г. на этой скале в честь Петра I был установлен каменный памятник с его бюстом. «Петр Великий приезжал в Карлсбад для леченья, но его ум не мог оставаться в покое. В Карлсбаде и его окрестностях не оставалось ни одной фабрики, ни одной мастерской, которых бы он не посетил, а в некоторых из них он сам работал. Он работал на лесах дома "Pfan" в самом Карлсбаде; в деревне Пиркенгаммере собственноручно выковал железную подкову и железную палку, о чем свидетельствует надпись в одном из зданий этой деревни. Карлсбадское предание повествует о том, что Петр I-й строил здесь модели кораблей и крепостей, которые увез с собою в Россию. До сих пор еще сохранилось в Карлсбаде несколько предметов, связанных с именем и личностью Петра I, и рассказов о разнообразных происшествиях, героем которых был этот государь»[5].

[1] См. ***1845. Июля 14 <2>. Понедельник. Берлин.*** – См. также ***1845. Июля 22 <10>. Вторник. Карлсбад.*** – Согласно свидетельству Гоголя в письме к Н. М. Языкову от 25 июля (н. ст.) 1845 г., пить воды в Карлсбаде он начал с 19 июля (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Июля 25 <13>. Пятница. Карлсбад***).

[2] Частное лицо (*нем.*).

[3] Цифра означает количество прибывших.

[4] Записи о Гоголе в курортной книге Карлсбада 1845 г. // *Свод.* Т. 3. С. 580.

[5] *Мальцев А. П., протоиерей.* Берлинский Братский Ежегодник. Православные церкви и русские учреждения за границею. Справочник с календарем на 1906 год. СПб., 1906. С. 147.

ИЮЛЯ 16–20 <4–8> – АВГУСТА 15 <3>[1]. КАРЛСБАД

Гоголь на водах в Карлсбаде.

[1] См. ***1845. Августа 15 <3>. Пятница. Карлсбад.***

ИЮЛЯ 18 <6>. ПЯТНИЦА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский пишет ответное[1] письмо Гоголю в Карлсбад:

«Наконец есть от вас известия; мы с женою начинали уже весьма беспокоиться. <...> ...Кажется мне <...>, что ваша поездка в Дрезден[2] послужила нам к добру. Едва ли не прав Карус! От недугов печени часто бывает великая хандра. <...> Принимайтесь за Карлсбад. Только будьте осторожны; с этими водами шутить не должно; они действуют сильно и могут повредить, если употреблять их неумеренно и без необходимой нужды. Если увидите, что действие их вам вредит – остановитесь и перестаньте пить или на время отдохните. Расскажите как можно подробнее положение ваше доктору. <...> Я послезавтра[3] отправляюсь в Швальбах на три недели вместе с женою, следовательно и со всем домом. Продолжайте писать во Франкфурт. Здесь оставлю на почте назначение, куда ко мне пересылать. <...> Вот вам куча писем[4]. Я их вынул из пакетов, чтобы не обременять письма; но ни одного не читал. У нас была ваша московская красавица Киреева. Отправилась в Эмс; на зиму поедет в Италию. Есть у меня для вас две рукописи поэтические Аксакова[5]; посылать их по почте нельзя; они сохраняются у меня до удобного случая. <...> Жена вам дружески жмет руку. Дети, слава Богу, теперь здоровы... Рейтерн и вся его семья вам сердечно кланяются».

[1] См. ***1845. Июля 14 <2>. Понедельник. Берлин.***

[2] См. ***1845. Июля 10–11 <июня 28–29>. Дрезден.***

[3] 20 июля (н. ст.) 1845 г. Вероятно, именно в день отъезда Жуковский отправил Гоголю свое письмо от 18 июля (н. ст.). Сохранился конверт с надписью: «*Karlsbad.* Monsieur Monsieur de Gogol. M. Г. Николаю Васильевичу Гоголю»; и двумя почтовыми штемпелями: «20 Juli»; «<KARLS>BAD. 22 July». Очевидно, письмо было получено в Карлсбаде 22 июля (н. ст.) 1845 г.

[4] К своему посланию Жуковский приложил шесть писем: три письма к Гоголю из Москвы – письмо С. Т. Аксакова от 24 мая 1845 г. (см. примеч. ниже), письмо Н. Н. Шереметевой от 14 июня 1845 г., письмо Н. М. Языкова от 15 июня 1845 г. (см. ***1845. Июля 25 <13>. Пятница. Карлсбад***); письмо к Гоголю матери из Васильевки от 30 мая 1845 г. (см. ***1845. Июля 28 <16>. Понедельник. Карлсбад***) и два письма к Гоголю

А. О. Смирновой от 6 и 19 июня 1845 г. из Павлино (см. ***1845. Июня 6 <18>. Среда. Павлино***; ***1845. Июня 19 <июля 1>. Вторник. Павлино***; ***1845. Июля 25 <13>. Пятница. Карлсбад***).

[5] Поэмы И. С. Аксакова «Жизнь чиновника» и «Зимняя дорога», были переданы Жуковскому Н. Т. Погуляевым (см. ***1845. Мая 24 <июня 5>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва***). Оставив у себя «сверток» с поэмами И. С. Аксакова, Жуковский, вместе с «кучей писем», очевидно, послал Гоголю переданное Погуляевым письмо С. Т. Аксакова от 24 мая 1845 г. (см. ***1845. Июля 24 <12>. Четверг. Карлсбад***; ***1845. Июля 25 <13>. Пятница. Карлсбад***; ***1845. Сентября 21 <9>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау***).

ИЮЛЯ 22 <10>. ВТОРНИК. КАРЛСБАД

Гоголь получил от В. А. Жуковского из Франкфурта письмо от 18 июля (н. ст.) 1845 г., с вложением писем к Гоголю из Москвы С. Т. Аксакова от 24 мая 1845 г., Н. Н. Шереметевой от 14 июня 1845 г., Н. М. Языкова от 15 июня 1845 г.[1], а также письма к Гоголю матери из Васильевки от 30 мая 1845 г. и двух писем А. О. Смирновой из Павлино от 6 и 19 июня 1845 г.

Все письма были отправлены Жуковским из Франкфурта 20 июля (н. ст.) 1845 г.[2]

[1] См. ***1845. Июля 25 <13>. Пятница. Карлсбад***.

[2] См. ***1845. Июля 18 <6>. Пятница. Франкфурт-на-Майне*** (примечания); ***1845. Июля 24 <12>. Четверг. Карлсбад***.

ИЮЛЯ 12 <24>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

С. С. Уваров пишет В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Любезнейшая Кассандра[1]. Ваше дружеское, истинно-арзамасское письмо от 18/30 июня возбудило во мне и память прошедших дней, и память неизменной дружбы. В деле Гоголя я поступил как во всех случаях, где я считаю себя орудием Государя, Коего высокие чувства вам вполне известны; не скрою от вас, что я счастливым себя сочту, если в обширной летописи Его царствования будет внесена мною скромная строчка, свидетельствующая, что я Его понимал. Вот все, что я могу принять из Вашей радушной похвалы, но Ему *и чашу первую и первой гимн*»[2].

Гоголь в докладах и письмах министра народного просвещения графа С. С. Уварова // *Свод*. Т. 1. С. 780.

[1] В «Арзамасской академии» литераторов, собиравшейся в 1815–1818 гг. (Д. Н. Блудов, А. И. Тургенев, К. Н. Батюшков, Д. В. Дашков, В. А. Жуковский, С. С. Уваров, В. Л. Пушкин, князь П. А. Вяземский), все участники носили шуточные прозвища. С. С. Уваров носил имя Старушки, В.А. Жуковский – Светланы (а не Кассандры, как, по-видимому, ошибочно называет его в письме Уваров).

[2] Цитируются строки из послания В. А. Жуковского «Императору Александру» (1814).

ИЮЛЯ 24 <12>. ЧЕТВЕРГ. КАРЛСБАД

Гоголь пишет ответное[1] письмо В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Ваше милое письмо, а с ним вместе и приложенные на мое имя письма[2] получил и благодарю вас очень за то и за другое. Вот уже пять дней, если не боле[3], как пью воды Карлсбада. Больше ничего не могу сказать: так слаб и в изнуренном состоянии. <...> Доктор Флеклес подтверждает всё то же, что Карус[4], что, впрочем, ни удивительно, ни слишком обнадеживательно, ибо так бывает и водится всегда. Что до меня, надежду более всего возлагаю на Бога. <...> С водами я поступаю осторожно, ибо знаю, что, сколь ни благотворны они в таком случае, если болезнь именно та, которую

определил Карус, столько вредоносны и гибельны, если болезнь не та, то есть если первоначальная причина болезни не в печени, а в нервах и во всеобщем расслаблении и изнурении сил.

Тут середины нет: либо пан, либо пропал, так, по крайней мере, гласят все медицинские описания карлсбадских вод. Но велик Бог, и природа человека еще такая тайна, которая ускользает далеко во многом от глаза докторов. А потому всё клонится к тому, что во время лечения еще крепче и сильней нужно молиться Богу. Молитесь и вы, мой добрый друг. <...> ...Передаю душевный поклон Елисавете Алексеевне».

[1] См. ***1845. Июля 18 <6>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Июля 22 <10>. Вторник. Карлсбад.***

[2] Письма из Москвы С. Т. Аксакова от 24 мая 1845 г., Н. Н. Шереметевой от 14 июня 1845 г., Н. М. Языкова от 15 июня 1845 г., письмо матери из Васильевки от 30 мая 1845 г. и два письма А. О. Смирновой от 6 и 19 июня 1845 г. из Павлино.

[3] См. ***1845. Июля 16–20 <4–8>. Воскресенье. Карлсбад.***

[4] Дрезденский врач, направивший Гоголя в Карлсбад к доктору Флеклесу (см. ***1845. Июля 10–11 <июня 28–29>. Дрезден***).

ИЮЛЯ 25 <13>. ПЯТНИЦА. КАРЛСБАД

Гоголь пишет ответное[1] письмо Н. М. Языкову в Москву и отвечает на два письма А. О. Смирновой из Павлино[2].

Согласно почтовому штемпелю[3], письмо к Языкову было отправлено из Карлсбада на следующий день, 26 июля (н. ст.) 1845 г. В тот же день были посланы и письма к Смирновой[4].

Из письма к Языкову: «Пишу к тебе, расслабленный и еле движущийся, из Карлсбада, куда наконец забросила меня судьба. <...> Жду полного успеха лечения только от одной милости Божией! Сегодня седьмой день[5], как начал пить воды. Пью с осторожностью и ничего не могу еще сказать, кроме того, что слабость увеличилась и в силах могу передвигать ноги. Руки как лед и особенно холоднее не тогда, когда сижу на месте, а когда делаю движение и потею. – Но прощай. В силу мог совладеть с письмом. <...> Поблагодари Аксаковых и Надежду Николаевну[6] за их милые письма[7]. Отвечать же теперь совершенно не в силах, а буду, как только сколько-нибудь приду в состояние».

Из письма к Смирновой: «Слабый и еле движущийся пишу к вам из Карлсбада. Покаместь воды меня повергнули в совершенное расслабление телесное. Вот всё, что могу сказать. Что будет потом, это известно одному Богу. Карлсбад может помочь, если все мои недуги происходят от печени, и может вконец повредить, если прямо от нерв и от расслабления, соединенного с изнуреньем сил. Жуковский переслал[8] мне ваши два письмеца (последнее от 19 июня). Наконец судьба Н<иколая> М<ихайловича>[9] решилась: ему досталась на долю Калуга. Что ж, это хорошо: Калуга близко от Москвы и не так далеко от Петербурга. В Москву вам нужно иногда наведываться для освежения, а иногда и для переговоров с людьми, которых сведения вам могут быть полезны. В Петербург вам нужно наведываться собственно для одной царской фамилии, которой вы будете необходимей и нужней, чем далее, более. К тому ж в краткое время приезда гораздо больше обделывается и делается дел, чем в долгое прерывание. Не смущайтесь вперед предстоящими благотворительными обществами и приютами, какие ныне требуются от губернаторш. Рассмотрите прежде хорошенько место и положение настоящее тех, для которых делаются благотворения, и вы найдете потом средства, как благотворительные заведения только *по имени* обратить в *действительно благотворительные по существу* и как из приютов, оставивши им только имя и форму приютов, сделать вовсе не похожее на то, что иные принимают за приют. Словом, местные надобности и потребности в губернии укажут вам сами весьма ясно, в каком <месте> и в какой силе должно быть у вас основано какое бы то ни было заведение. Постарайтесь только узнать получше всех в губернии, умейте всех и каждого выспросить и не принимайте ничьего показания за непреложное и последнее, пока не отберете и от других таких же показаний, а отобравши, не пощупаете сами собственными руками. И тогда уже с Божией помощью, благословясь, принимайтесь за дело».

По поводу замечания Смирновой, что содержание «Мертвых душ» теперь вызывает у нее не смех, а «сожаление»[10], отвечает, что «вовсе не губерния и не несколько уродливых помещиков, <...> есть предмет "Мертвых душ"»[11], – а вероятно, в связи с возражением Смирновой[12] на его слова, что ему «стыдно и лицо показать» в Россию «с пустыми руками»[13], – замечает: «Многое, многое даже из того, что, по-видимому, было обращено ко мне самому, было принято вовсе в другом смысле. Была у меня, точно, гордость, но не моим *настоящим,* не теми свойствами, которыми владел я; гордость *будущим* шевелилась в груди, – тем, что представлялось мне впереди, счастливым открытием, которым угодно было, вследствие Божией милости, озарить мою душу. Открытием, что можно быть далеко *лучше* того, чем есть человек, что есть средства и что для любви... Но некстати я заговорил о том, чего еще нет. Поверьте, что я хорошо знаю, что я слишком дрянь. И всегда чувств<овал> более или менее, что в *настоящем* состоянии моем я дрянь и всё дрянь, что ни делается мною, кроме того, что Богу угодно было внушить мне сделать, да и то было сделано мною далеко не так, как следует».

Далее в письме к Смирновой Гоголь писал: «Друг мой, укрепимся духом! Примем всё, что ни посылается нам Богом, и возлюбим всё посылаемое, и, как бы ни показалось оно горько, примем за самый сладкий дар от руки Его. Злое не посылается Богом, но попускается Им для того только, чтобы мы в это время сильней обратились к Нему, прижались бы ближе к Нему, как дитя к матери при виде испугавшего его предмета, испросив у Него сил противу зла. Итак, возрадуемся приходу зла, как возможности приблизиться ближе к Богу. Крестом сложивши руки и подняв глаза к нему, будем ежеминутно говорить: "Да будет воля Твоя", и всё примем, благословляя и самую тоску, и скуку, и тяжкую болезнь[14]. Не знаю, как вам дать адресы московских моих знакомых; они все, вероятно, разъехались. О квартире и местопребывании Языкова Никол<ая> Михайловича можете узнать на Кузнец<ком> мосту в доме Хомякова. О Надежде Николаевне Шереметьев<ой> узнаете, если нет Акс<аковых> и Языков<а> в городе, у Авдотьи Петровны Елагиной (в собст<венном> доме, у Красных ворот), с которой вам советую тоже познакомиться. Шевырев Степан Петрович живет в собств<енном> доме, в Дегтярном переулке, близ Тверской; с обоими Киреевскими, Иваном и Петром Васильевичами, познакомит вас их матушка, Авдотья Петровна. Адрес Свербеевых[15] у Хомякова или у Елагиной. Черткова, Елисавета Григорьевна, живет на Мясницкой, близ Мясницких ворот, в приходе Егупла[16]. Всё семейство Аксакова Сергея Тимофеевича, вероятно, переехало в деревню, если ж в городе, то адрес их узнаете, пославши человека или к Шевыреву, или к Погодину, живущему под Девичьим монастырем в собств<енном> доме... <...> Адресуйте в poste restante, Карлсбад. Во время тоски читайте св. Дмитрия Ростовского разговор между *утешающим* и *скорбящим,* напечатанный в его сочинениях[17]. А потом примитесь, отбросивши всякое помышлен<ие>, как ученик и как школьник, учить наизусть псалмы, [которые] как я вам когда-то назначал»[18].

[1] См. ***1845. Июня 15 <27>. Пятница. Москва***; ***1845. Июля 16–20 <4–8>. Воскресенье. Карлсбад.***

[2] См. ***1845. Июня 6 <18>. Среда. Павлино; 1845. Июня 19 <июля 1>. Вторник. Павлино.***

[3] См.: *Городецкий.* С. 473.

[4] См. ***1845. Сентября 12 <24>. Среда. Павлино.***

[5] См. ***1845. Июля 16–20 <4–8>. Воскресенье. Карлсбад.***

[6] Шереметева.

[7] См. ***1845. Июля 22 <10>. Вторник. Карлсбад.***

[8] См. ***1845. Июля 18 <6>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Июля 24 <12>. Четверг. Карлсбад.***

[9] Смирнов, муж Смирновой.

[10] См. ***1845. Июня 19 <июля 1>. Вторник. Павлино.***

[11] См. ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн.***

[12] См. ***1845. Июня 6 <18>. Среда. Павлино.***

[13] См. ***1845. Апреля 2 <марта 21>. Среда. Франкфурт-на-Майне.*** – См. также ***1845. Июля 28 <16>. Понедельник. Карлсбад.***

[14] В отдельном наброске Гоголь также писал: «Одно только здесь ясно, что крест дан Тем, Кто дает одно благо, благо в разных видах, или в виде ясного, понятного нам счастия, или в виде тяжкого, непостижимого для нас страдания. В таком убеждении великая сила; но и эту силу мы получаем от Бога». С содержанием этого наброска перекликаются также строки выписки *<50> Изречения из св. Иоанна Златоуста* сборника Гоголя «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви» (см. ***1843. Ноября 19 <7> – 1844. Мар-***

та не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца): «Бедствия посылаются за грех человеку; но какой же грех имели младенцы, который долженствовали смыть своею кровью, младенцы, убиенные при Ироде? <...> Но разве ты не слыхал сказанного мною, что если нет грехов, то за здешние страдания там воздастся награда?»

[15] Дмитрий Николаевич и Екатерина Александровна Свербеевы.

[16] Т. е. Евпла («Егупл» — народное произношение имени Евпл). Московский храм Св. Евпла Архидиакона на Мясницкой снесен в 1926 г. (см.: Сорок сороков. Краткая иллюстрированная история всех московских храмов: В 4 т. / Автор-составитель П. Г. Паламарчук. Фотографии П. Г. Паламарчука и А. Демченко. М., 1994. Т. 2. С. 250–252).

[17] См. также ***1845. Июня 4 <мая 23>. Среда. Гомбург.***

[18] См. ***1843. Ноября 19 <7> – 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***

ИЮЛЯ 14 <26>. СУББОТА. МОСКВА

Н. М. Языков отправляет письма к Н. Н. Шереметевой (вероятно, в с. Покровское) и к Гоголю (возможно, во Франкфурт[1]), с приложением письма от Шереметевой (последнее не сохранилось).

В письме к Шереметевой Языков сообщал: «С того дня, как имел <...> беседовать с вами о Николае Васильевиче и его болезни, я не получал от него письма <...> получено мною письмо от А. И. Тургенева, который виделся с ним во Франкфурте[2], а об его болезненном состоянии не говорит ни слова: не правда ли в самом деле, что теперешнее расстроенное состояние души нашего Николая Васильевича есть собственно не болезнь телесная, а только следствие хандры — очень естественной русскому, живущему и движущемуся между немцами да немцами! Вчера был у меня один мой знакомый, возвратившийся из чужих краев: он тоже был во Франкфурте неделю, виделся с Жуковским, <*1 нрзб.*> лично Н<иколая> Вас<ильевича> (которого в то время там не было) и про болезнь его ничего не слыхал!! Из Гаштейна же будут у меня самые верные о нем сведения, туда едет Елизавета Петровна Языкова[3]. Я поручил ей расспросить его самого и узнать от тамошнего врача, с коим коротко знаком, и какая болезнь — и болен ли в самом деле наш почтеннейший ипохондрик[4]? <...> Письмо к Гоголю отправляю сегодня»[5].

В письме к Гоголю Языков вопрошал: «Где ты, милый? Что с тобою?! Я давно уже не получал от тебя ни строчки[6]; полагаю, что это время твоего ко мне неписания — время переезда твоего из Франкфурта в Гаштейн[7]. <...> У нас теперь о тебе слухов мало, и те слабые. А. И. Тургенев видел тебя мельком[8]. <И. С.> Аржевитинов не застал тебя во Франкфурте, <П. Ф.> Заикин видел тебя еще в Париже[9], а Мельгунова я еще <не> видал[10]. Он возвратился в Москву и, как слышно, молодец-молодцом, процвел телом от водного лечения и расцвел душою, женившись на красавице[11].

Моя свояченица Ел. П. Языкова, которую ты знаешь, едет в Гаштейн еще в августе; итак, она едва ли найдет тебя там[12], но я все-таки пошлю тебе с нею что-нибудь.

Я прочел роман Кулиша "Михайло Чарнышенко": скука и тоска! Не знаю, о каких отрывках его говоришь ты; где ты читал их[13]?

Мельгунов сказывает, что у Василия Андреевича уже готовы 12 песен "Одиссеи"[14]. <...> О, если бы во всех в нас была хоть десятая часть его славной доблести!

Вышли, одною книжкою, 5-й и 6-й №№ "Москвитянина". Напрасно восклицал Погодин, что журнал его воскрес: книжка тощая, слабая, еле дышит и говорит много вздору! Погодинскому редакторству сильно вредит нелюбовь к нему молодого поколения московских книжников и литераторов; не знаю, праведна ли эта нелюбовь, но она ясна, как свет Божий: все наши юноши решительно отступились от "Москвитянина" с тех пор, как И. Киреевский его оставил, а под редакцию Киреевского шли они ходко и весело, как жених на брак. Панов — юноша тебе знакомый, и дельный, и благонадежный, собирает альманах[15]; не знаю, удастся ли и эта попытка дать сборное место жаждущим движения... Посылаю тебе письмо Н. Н. Шереметевой. Хомяковы, Свербеевы, Елагины и все мы желаем тебе здоровья и бодрости духа. <...> Аксаковы переехали в деревню близ Троицкой лавры[16] и занимаются ужением рыбы[17]; у них цветет благоденствие и сладчайшая деревенская жизнь».

[1] Из Франкфурта В. А. Жуковский, по-видимому, переслал письмо Языкова в Карлсбад (см. ***1845. Августа 2 <июля 21>. Суббота. Карлсбад***).

[2] См. ***1845. Мая 17 <5>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Мая 26 <14>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне, Гомбург***.

[3] Встреча Гоголя с Ел. П. Языковой не состоялась (см. ***1845. Июля 4 <16>. Среда. Москва*** – примечания).

[4] В период между 18 и 26 июня (н. ст.) 1845 г. Гоголь сжег первоначальную редакцию второго тома «Мертвых душ» (см. ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн***), предполагая оставить литературное поприще и уйти в монастырь. Об этом рассказывает в своих «Записках» Марфа Степановна Сабинина, дочь православного священника Стефана Сабинина, к которому Гоголь приехал в Веймар 29 июня (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Июня 29 <17>. Воскресенье. Веймар***).

[5] Из писем Н. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 174–175.

[6] Последнее на тот момент письмо Гоголя, полученное Языковым, – от 5 июня (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Июня 5 <мая 24>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Гомбург***). На это письмо Языков отвечал дважды – 12 и 15 июня (см. ***1845. Июня 12 <24>. Вторник. Москва. Июня 15 <27>. Пятница. Москва***). Ожидать ответа от Гоголя он мог с начала июля 1845 г., однако Гоголь Языкову ответил только 25 июля (н. ст.) 1845 г. (см. следующее примеч.)

[7] См. ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн***. – Не доехав до Гастейна, Гоголь с 29 июня (н. ст.) по 3 июля (н. ст.) был в Веймаре (см. ***1845. Июня 29 <17>. Воскресенье. Веймар***; ***1845. Июля 3 <июня 21>. Четверг. Веймар, Галле***), затем в Карлсбаде (см. ***1846. Июля 16–20 <4–8> – августа 15 <3>. Карлсбад***), откуда 25 июля (н. ст.) 1845 г. написал письмо Языкову (см. ***1845. Июля 25 <13>. Пятница. Карлсбад***), которое тот получил 29 июля 1845 г. (см. ***1845. Июля 30 <августа 11>. Понедельник. Москва***).

[8] А. И. Тургенев простился с Гоголем во Франкфурте 26 мая (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Мая 26 <14>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне, Гомбург***).

[9] См. ***1845. Января 14 – марта 1 <января 2 – февраля 17>. Париж***.

[10] См. также ***1845. Июля 3 <15>. Среда. Москва***.

[11] См. также ***1845. Июня 8–9 <20–21>. Пятница-суббота. Москва***.

[12] Встреча не состоялась (см. ***1845. Июля 4 <16>. Среда. Москва*** – примечания).

[13] Отрывки из романа П. А. Кулиша «Михайло Чарнышенко, или Малороссия восемьдесят лет назад» были напечатаны в 1843 г. М. П. Погодиным в девятом номере «Москвитянина» (см. ***1836. Октября 6 <сентября 24>. Четверг. Женева*** – примечания). В том же году роман был издан в трех частях в Киеве. Об откликах на это сочинение Кулиша см.: *Виноградов И. А.* Первый биограф Гоголя // *Кулиш П. А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 3–81.

[14] Подробнее см.: ***1844. Сентября 21 <9> – 1845. Января 10 или 11 <1844. Декабря 29 или 30>. Франкфурт-на-Майне***.

[15] «Московский Литературный и Ученый Сборник»; вышел в 1846 г. (цензурное разрешение 13 мая).

[16] В Радонежье (Абрамцево).

[17] См. ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково*** (примечания).

ИЮЛЯ 15 <27>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Игроков» в Малом театре.

Ельницкая 1978. С. 260.

ИЮЛЯ 28 <16>. ПОНЕДЕЛЬНИК. КАРЛСБАД

Гоголь пишет ответные письма матери[1] в Васильевку и А. О. Смирновой[2] в Павлино.

Из письма к матери: «Пишу к вам всё еще больной из Карлсбада, куда отправлен теперь лечиться. Помогут воды или нет, это в воле Божией. Мы можем только молиться, молитесь и вы. Ваше письмо, адресованное во Франкфурт (от 30 мая), я получил уже здесь[3]. Слухи, которые до вас дошли, что я будто потому не еду в Россию, что совестно с пустыми руками показаться[4], не со-

всем справедливы. Если мне и совестно, то, верно, не кого другого, а самого себя; а до того, как кто меня примет, мне и дела нет; я даже уверен, что меня лучше примут, чем я стою. Но не в том дело, покаместь главная вещь — здоровье. Недуги мои увеличиваются, и во время всякого приезда моего в Россию я себя чувствовал нехорошо. Здесь поправлялся и чувствовал охоту к труду и занятиям. Но эту зиму (слишком дурную и здесь) стал понемногу хворать, весной даже заболел сурьезно. Но даже теперь еще не совсем вышел из нерешительного состояния, а потому прежде всего помолимся Богу, да устроит всё по своей благости и да будет милостив к нашему слабодушию и бессилию. Письмо это я посылаю в конверте, надписанном на имя Соф<ьи> Вас<ильевны> Скалон. На ваше имя прямо не пишу по тех пор, пока вы не уведомите меня, что два мои письма вами получены. (В одном из них запрос о причине долгого молчания[5], в другом хозяйственные распоряжения относительно поручения Лизе вести книгу расхода и прихода вместе с хранением денежной кассы[6]). Адресуйте в Карлсбад, poste restante. <...> Прошу вас также отправить обо мне молебен не только в нашей церкви, но даже, если можно, и в Диканьке, в церкви святого Николая, которого вы всегда так умоляли о предстательстве за меня[7]. <...> Затем прощайте. Истинно почитающий и любящий вас сын Н. Г<оголь>».

Позднее, в письме к С. Т. Аксакову от 29 октября (н. ст.) 1845 г., Гоголь замечал о своих письмах к матери: «...За письма мои к ней я сильно беспокоюсь. Двух или трех писем моих *сряду* она не получила. Два из этих писем были очень *нужны*. Это для меня неизъяснимо. Пропасть на почте, пожалуй, еще может одно письмо, но *сряду* два, писанные одно за другим, — это странно. У маминьки есть неблагоприятели, которые уже не раз ее смущали какими-нибудь глупыми слухами обо мне, зная, что этим более всего можно огорчить ее. Подозревать кого бы то ни было грешно, но всё не худо бы об этом разведать каким-нибудь образом, дабы узнать, как руководствоваться вперед; последние письма я даже не смел адресовать прямо на имя маминьки, но адресовал на имя одной ее знакомой, С<офьи> В<асильевны> Капнист»[8].

Из письма к Смирновой: «Карлсбад пока расслабил и расстроил меня слишком сильно. <...> ... Тороплюсь поговорить с вами теперь о предстоящей вам жизни внутри России[9] и об обязанностях, с ней сопряженных. <...> Ваше влияние в губернии [будет] гораздо значительнее, нежели вашего мужа, а, может быть, и генерал-губернатора. <...> Их влияние — на чиновников, <...> ваше влияние — на жен чиновников вообще, по мере прикосновения их с жизнью городскою и домашнею и по влиянию их на мужей своих, существеннейшему и сильнейшему, чем все другие власти. <...> Во-первых, все они заражены более, чем где-либо в столицах, страстью рядиться — источник взимания взяток и всяких несправедливостей для их мужей[10]. Смотрите, чтобы вы всегда были одеты просто, чтобы у вас как можно было поменьше платья. Говорите почаще, что теперь и государыня и двор одеваются слишком просто. <...> Что же окажется слишком жестко и нельзя будет расшевелить, что, как застарелая болезнь, будет противиться умягчающим лекарствам, то до времени оставьте, не идите слишком упрямо против него, лучше покамест сообщите это духовному пастырю. Пусть изберет он его текстом проповеди, выставит резко всю черноту его и покажет, как может им погубить свою душу человек; или передайте духовнику (если он сколько-нибудь понимает, что такое духовник), пусть он обратит наиболее на это внимания при исповеди. <...> Склоняйте всех, которые сколько-нибудь поумнее, идти по вашим следам и делать в своем кругу и с своей стороны почти то же. Убедите их, что пора хотя сколько-нибудь, хотя понемногу заботиться о *душе* и среди пустых дел хотя сколько-нибудь отделять времени на занятия и обязанности важнейшие. <...> Когда же умные начнут, глупые поневоле и наконец от скуки станут подлаживать и не так рознить в общем ладу. <...> Если узнаете, что есть хорошие священники, познакомьтесь с ними, беседуйте почаще, именно о том, как они, с своей стороны, по мере и в границах определенных им обязанностей, могут подействовать благодетельно. Представляйте им живее и яснее тех людей, с которыми они имеют дело, чтобы они поняли, каким образом и как поступать с ними. Помните, что священники иногда, при доброте и добрых христианских качествах, лишены познания света и не знают иногда, какой стороной и как применить высокие истины христианские к ежедневно вращающейся жизни. <...> Не оставляйте также и тех священников, которые почему-либо дурны. Нужно понемногу усовещивать также их. Говорите им при случае, что Государь во время проезда у вас будет спрашивать непременно о том, каковы здесь попы. Напоминайте также почаще архиерею,

чтобы он их усовещивал. <...> Обратите потом внимание на должность и обязанность вашего мужа, чтобы вы непременно знали, что такое есть губернатор, <...> и что он может сделать большего и лучшего в указанных ему пределах. Не для того вам нужно это знать, чтобы заниматься делами своего мужа, но для того, чтобы уметь быть полезной ему благоразумным советом в деле трудном и вообще во всяком деле, чтобы исполнить <на>значение женщины — быть истинною *помощницей мужа в трудах его*[11], чтобы исполнить наконец долг <...> верной супруги... <...> Тогда смоется прегрешение ваше[12], и душа ваша будет чиста от упреков совести. Здесь вы также должны познакомиться прежде со всеми давно служащими в губернии и опытными чиновниками, расспросить их обо всем и выведать от них всю подноготную по мере их знания. <...> Когда же вы напишете мне с места, ясно представите положение всех ваших обстоятельств, тогда я буду уметь вам сказать толковей[13], ближе к предмету и удобоисполнимей, словом — вы сами тогда меня научите тому, что должен я вам говорить; ибо вы знаете сами, бесценный друг мой, как я глуп во всяком деле, когда оно не открыто предо мной во всей ощутительной его ясности. Я не могу ходить *не по дороге*. <...> А я, если Богу угодно будет излечить меня и продлить еще на несколько лет жизнь мою, заеду к вам, без сомнения, в Калугу, и, верно, свидание наше будет радостней и плодотворней для душ наших, чем когда-либо дотоле. <...> Письмо это, каково оно ни есть, перечитывайте чаще и передумайте заблаговремен<но> обо всем, что ни есть в нем, хотя бы оно показалось вам и не весьма основательным. Пишите в Карлсбад, poste restante».

Содержание письма к Смирновой было использовано при написании глав *XXI. Что такое губернаторша* и *XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России* «Выбранных мест из переписки с друзьями». Позднейшее письмо к Смирновой от 6 июня – 6 июля (н. ст.) 1846 г.[14], почти без изменений включенное Гоголем в «Переписку с друзьями» в качестве главы «Что такое губернаторша», создавалось на основе настоящего письма уже непосредственно для «Выбранных мест...» «...Не удивляйтесь, — писал о нем Гоголь Смирновой 22 февраля (н. ст.) 1847 г.,— что оно пришлось вам не совсем кстати: я, писавши его к вам, имел уже в виду многих других...»

[1] См. ***1845. Мая 30 <июня 11>. Среда. Васильевка.***

[2] См. ***1845. Июля 3 <15>. Вторник. Павлино.***

[3] См. ***1845. Июля 22 <10>. Вторник. Карлсбад.***

[4] См. письмо Гоголя к А. О. Смирновой от 2 апреля (н. ст.) 1845 г. (***1845. Апреля 2 <марта 21>. Среда. Франкфурт-на-Майне***).– См. также ***1845. Июля 25 <13>. Пятница. Карлсбад.***

[5] См. ***1845. Марта 3 <февраля 19>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне.*** – Письмо, по-видимому, пропало и до адресата не дошло (см. ***1845. Октября 24 <12>. Пятница. Рим***).

[6] См. ***1845. Марта средина <марта начало> – июня 18 <6>. Франкфурт-на-Майне или Гомбург.*** – Письмо, по-видимому, пропало и до адресата не дошло (см. ***1845. Октября 24 <12>. Пятница. Рим***).

[7] См. ***1809. Марта 19. Пятница накануне Лазаревой субботы. 9 часов вечера. Великие Сорочинцы*** (примечания).

[8] С. В. Капнист, в замужестве Скалон (с 1833 г.). Гоголь по привычке именует ее девичьей фамилией. См. также упоминание в письме Гоголя к матери от 3 мая 1840 г.: «...Передайте мой поклон и самое искреннейшее рукопожатие Софии Васильевне и Ивану Васильевичу Капнистам».

[9] В 1845 г. муж А. О. Смирновой Николай Михайлович был назначен губернатором в Калугу.

[10] Ср. в Толковании блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского, на Первое послание св. апостола Павла к Коринфянам (гл. 7, ст. 32–33): «...угодить жене и особенно такой, которая любит украшения и требует золота <...> это и располагает жалких мужей к несправедливости и душевредным распоряжениям вещами». Это толкование было прочитано Гоголем в т. 2 «Христианского Чтения» за 1843 г. В статье *II. Женщина в свете* «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь также писал: «...Большая часть <...> несправедливостей <...> чиновников <...> произошла от расточительности их жен...»

[11] Подразумевается библейское изречение: «И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему» (Быт. 2, 18). В статье *XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России* «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь также писал: «Расскажите ему <мужу> все, что вы делали в вашем доме и домашнем хозяйстве, и пусть он расскажет вам все, что производил в департаменте своем для общего хозяйства. Вы должны знать непременно существо его должности, и в чем состоит его часть, и какие дела случилось ему вершить в тот день, и в чем именно они состояли. Не пренебрегайте этим и помните, что жена должна быть помощницей мужа».

[12] См. ***1837. Июля около 15 – августа не позднее 27–28 <июля около 3 – августа не позднее 15–16>. Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден*** (примечания).

[13] Возможно, содержание настоящего письма Смирнова вкратце пересказала в своих мемуарах, отнеся его к осени 1845 г. (см. ***1845. Сентября 19 <октября 1>. Среда. Санкт-Петербург***).

[14] См. ***1846. Июля 6 <июня 24>. Понедельник. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Карлсбад***.

ИЮЛЯ 19 <31>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Ввечеру были Андрей Карамзи<н> и Серг<ей> Тим<офеевич>[1]. Говор<или> о Кара<мзине>, я расспрашив<ал>, о Гоголе и проч.»

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 489.

[1] Аксаков.

ИЮЛЯ 20 <АВГУСТА 1>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре.

Черневский С. А. <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя> // ГЦТМ. Ф. 299. Ед. хр. 1853. Л. 6, 9.

АВГУСТА 2 <ИЮЛЯ 21>. СУББОТА. КАРЛСБАД

Гоголь отправляет в Дрезден письмо к А. П. Ермоловой[1]:

«...Прошу вас, Александра Петровна, уведомить меня тремя строками о вашей сестрице Елисав<ете> Петровне[2]. Я получил письмо от Ник<олая> Мих<айловича> Языкова[3], в котором он говорит, что она на днях выезжает в Гастейн. А потому я бы хотел знать, едет ли она точно и прямой дорогой в Гастейн или же заедет прежде в Дрезден. Это мне тем более любопытно знать, что я сам, весьма может статься, поеду в Гастейн. Карлсбад мне не только не помог, но даже повредил и сильно расстроил и расслабил. Пишу к вам наудачу, не зная, точно ли в Дрездене или нет».

[1] Александра Петровна Ермолова (рожд. Ивашева, 1818–1888), сестра декабриста В. П. Ивашева, жена помещика Симбирской губернии Александра Ивановича Ермолова (1810–1892), родственника Языковых (мать Н. М. Языкова, Екатерина Александровна – рожденная Ермолова, 1777–1831).

[2] Языкова (рожд. Ивашева), жена П. М. Языкова и сестра А. П. Ермоловой. Встреча Гоголя с Ел. П. Языковой не состоялась (см. ***1845. Июля 4 <16>. Среда. Москва*** – примечания).

[3] См. ***1845. Июля 14 <26>. Суббота. Москва***.

ИЮЛЯ 24 <АВГУСТА 5>. ВТОРНИК. МОСКВА

Н. М. Языков пишет В. Д. Комовскому:

«Прочтите в “Московских ведомостях” № 89 статью Гоголя[1] об Одиссее, переводимой Жуковским».

Из писем Н. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 175.

[1] Статья Гоголя «Об Одиссее, переводимой Жуковским» была опубликована в «Современнике» (1846. № 7) и, при посредстве Н. М. Языкова, в «Московских Ведомостях» (1846. 25 июля. № 89), а также в «Москвитянине»:

Об Одиссее, переводимой Жуковским. (Из письма Н. В. Гоголя к Н. М. Языкову) // Москвитянин. 1846. № 7 (цензурное разрешение 20 авг.). <Пагинация 2>. С. 19–27, с подписью: «Франкфурт на Майне. 7-го Июля 1846 г.»

ИЮЛЯ 24 <АВГУСТА 5>. ВТОРНИК

Г. Н. Геннади[1] записывает в дневнике:

«Местность чрезвычайно действует на расположение духа. Если живешь где-нибудь долго или постоянно, то непременно подвергаешься известному влиянию. <...> Гоголь в Мертвых душах, везде, где описывает усадьбу помещика, его дом и окольные строения, старается показать отношение между наружным видом имения и характером его хозяина. Это чрезвычайно оригинально и верно в применении к русской жизни. В самом деле, помещик степной, необразованный, каким он в разных личностях выведен на сцену Гоголем, строится без архитектора, а по своему плану и произволу... <...> В наших помещичьих усадьбах, при многих общих чертах, есть яркие особенности. Но редко заметно притязание на оригинальность или искусственность, все образовалось по воле помещика и особенности являются потому, что различны характеры помещиков. Как сходно описание дома Плюшкина-скряги в Мертвых душах с нашим Юшинским[2] домом. Тот же образ построения: к одному корпусу все делали пристройки, да крыльца. Все для практических целей. <...> Кто сквозь стены помещичьего дома узнает так самого помещика, как Гоголь?! А есть люди, к<ото>рые называют описания его скучными и растянутыми. Для них теряется впечатление целого. Они читают только исчисление внешних предметов в его дивных описаниях»[3].

[1] Григорий Николаевич Геннади (1826–1880), библиограф.
[2] В Юшино, Смоленской губернии, Сычевского уезда, имении Г. Н. Геннади.
[3] Гоголь в дневниковых записях Г. Н. Геннади 1845–1856 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 860.

АВГУСТА 8 <ИЮЛЯ 27>. ПЯТНИЦА. КАРЛСБАД

В паспорте Гоголя сделана помета:

«8-го авг<уста> из Карлсб<ада> в Грейфенберг[1], через Прагу».

Шевырев С. П. <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 125. – См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

[1] Гоголь выехал из Карлсбада в Грефенберг-Фрейвальдау неделю спустя (см. ***1845. Августа 15 <3>. Пятница. Карлсбад***).

ИЮЛЯ 29 <АВГУСТА 10>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПАВЛИНО

А. О. Смирнова пишет ответное[1] письмо Гоголю в Карлсбад:

«Николай Михайлович[2] уехал уже в Калугу; я в совершенном одиночестве, и, если бы не добрые и прекрасные мои соседи[3], я бы пропала с тоски. В городе у меня только Вяземские и Нессельроды; но туда меня вовсе не тянет, душа там не отдыхает, а моей нужен беспрестанный отдых. Куда, думаете вы, меня тянет? Именно в Калугу. Это ведь странно, но оно так. <...> На днях я читала "Servitude et grandeur militaire" D'Alfred de Vigny[4]. Пожалуйста, прочтите эту маленькую книжку. Она чрезвычайно замечательна в том отношении, что, не упоминая ни слова об отречении от всякой суетности, от всякого тщеславия в жизни, от всякой добродетели, знаемой и уважаемой светом, сочинитель ставит ее всего выше и только самыми простыми словами рассказывает истории, в которых живо и прекрасно выражается его мысль. Это тем замечательно, что в наш век именно все стремится к известности, все ее алчет и жаждет, и смиренная доля уже почитается не-

счастием. Замечательна эта книга еще потому, что в ней нет ничего догматического, не слышен этот обветшалый язык католицизма, который пресмыкался в своих оборотах только, а в душе преподавателя таил и гордость и всякие тщеславные замыслы. Тут все ново, живо, непринужденно и глубоко почувствовано со смирением и сознанием, что смирение — первая добродетель. Прочтите ее, вы будете довольны. Давно говорил мне об этом великий князь Михаил Павлович, которого она очень поразила, а теперь еще рекомендовал и Михаил Юрьевич[5]. <...>

Сейчас получила ваше письмо из Карлсбада. Не знаю, что и думать о вашей болезни. Остается только помолиться; но молитва моя за вами всегда следовала. Бог ведает один, каково будет следствие вод. Мне приходило на мысль, что не хорошо ли вам съездить в Воронеж помолиться? Там многие получили исцеление. По приезде моем в Калугу, я сама имею намерение туда отправиться с княжной Цициановой, которая там у меня будет жить. Ваших друзей я отыщу в Москве[6] через Аксакова или Хомякова. Погодин, кажется, рассорился с ними. По крайней мере, Киреевские более не пишут в "Москвитянин" и "Москвитянин" выходит нерегулярно.

Здоровье императрицы поправилось вследствие хорошей постоянной погоды; однако же Мандт приехал, и говорят, что она едет на зиму в Италию. Надеюсь, что Михаил Юрьевич поедет с нею... 1-го сентября вышлются вам деньги».

[1] См. ***1845. Июля 28 <16>. Понедельник. Карлсбад.***
[2] Смирнов, муж Смирновой.
[3] Виельгорские.
[4] Роман Альфреда де Виньи (1797–1863) «Неволя и величие солдата» (1835).
[5] Граф Виельгорский.
[6] См. ***1845. Октября 29 <ноября 10>. Понедельник. Москва***; ***1845. Октября 30 <ноября 11>. Вторник. Москва***; ***1845. Ноября начало <ноября средина>. Москва***; ***1845. Ноября 3 <15>. Суббота. Москва.***

ИЮЛЯ 30 <АВГУСТА 11>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Н. М. Языков сообщает брату А. М. Языкову:

«Надежда Николаевна[1] сильно беспокоится о Гоголе, которого здоровье, по ее словам, крайне плохо: вчера получил я от него письмо»[2].

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 175.

[1] Шереметева.
[2] См. ***1845. Июля 25 <13>. Пятница. Карлсбад.***

ИЮЛЯ 31 <АВГУСТА 12>. ВТОРНИК. ПАВЛИНО

А. О. Смирнова получила от Гоголя письмо из Карлсбада от 25 июля (н. ст.) 1845 г.

См. ***1845. Июля 25 <13>. Пятница. Карлсбад***; ***1845. Сентября 12 <24>. Среда. Павлино.***

АВГУСТА 15 <3>. ПЯТНИЦА. КАРЛСБАД

Гоголь выехал из Карлсбада, через Прагу, в Грефенберг-Фрейвальдау (Gröfnberg-Freiwaldau; современное название Есенские Лазни, или Приснитцовы Лазне в Есенике), на водное лечение к врачу В. Присницу. Перед отъездом, возможно, встретился в Карлсбаде с приятелем В. А. Жуковского А. А. Плещеевым[1].

В курортной книге Карлсбада («Carlsbader Badeliste»; *нем.*) об отъезде Гоголя сделана отметка: «Hr. Nicolaus v. Gogol, n<ach> Gräfenberg»[2].

Помета об отъезде была сделана в паспорте неделей ранее[3]. (В Прагу Гоголь приехал 17 августа (н. ст.) 1845 г.[4], в Грефенберг – около 23 августа (н. ст.) 1845 г.[5])

[1] См. ***1845. Сентября 4 <августа 23>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***
[2] Записи о Гоголе в курортной книге Карлсбада 1845 г. // *Свод.* Т. 3. С. 580.
[3] См. ***1845. Августа 8 <июля 27>. Пятница. Карлсбад.***
[4] См. ***1845. Августа 17 <5>. Воскресенье. Прага.***
[5] См. ***1845. Августа около 21 <около 8> – сентября 21 <9>. Грефенберг-Фрейвальдау.***

АВГУСТА 3 <15>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Н. М. Языков сообщает Н. Н. Шереметевой:

«Я получил[1] письмо от Николая Васильевича[2]: он теперь в Карлсбаде! Из Франкфурта поехал было в Гаштейн, – не знаю, зачем на Дрезден: в Дрездене советовался с Карусом[3], который сказал ему, что вся его болезнь в печени и, что, следовательно, ему помогут карлсбадские воды – и вот он в Карлсбаде. Пишет, что уже две недели пьет тамошние воды, ослаб еще более, а пользы ни малейшей не почувствовал».

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 175.

[1] 29 июля 1845 г. (см. ***1845. Июля 30 <августа 11>. Понедельник. Москва***).
[2] См. ***1845. Июля 25 <13>. Пятница. Карлсбад.***
[3] См. ***1845. Июля 10–11 <июня 28–29>. Дрезден.***

АВГУСТА 17 <5>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАГА

Гоголь проездом в Праге.

В 1854 г. П. А. Кулиш, вероятно, со слов О. М. Бодянского[1], сообщал: «Проезжая из Грефенберга[2] через чешскую Прагу, Гоголь обратил особенное внимание на национальный музей, заведываемый известным антикварием Ганкою[3], приходил туда несколько раз и рассматривал хранящиеся в нем сокровища славянской старины. Ганка никак не хотел верить, что перед ним тот самый Гоголь, которого сочинения он изучал с такою любовью (так наружность Гоголя, его приемы и разговор мало выказывали того, что было заключено в душе его); наконец спросил у самого поэта, не он ли автор таких-то сочинений.

– И, оставьте это! – сказал ему в ответ Гоголь.

– Ваши сочинения, – продолжал Ганка, – составляют украшение славянских литератур (или что-нибудь в этом роде).

– Оставьте, оставьте! – повторял Гоголь, махая рукою, и ушел из музея.

Но Ганка не таковский человек, чтоб разойтись с подобным путешественником, не взяв с него контрибуции. В альманахе, изданном в Праге Павлом Кларом, под заглавием: "Libussa Taschenbuch für's Jahr 1852", в жизнеописании Ганки, где приведены выписки из его альбома, на стр. 368 мы читаем[4]:

"Желаю (вам) еще сорок шесть лет ровно здравствовать, работать, печатать и издавать во славу Славян. Дня 5 [17] августа 1845. Гоголь"»[5].

«Интересно, что между предыдущей записью в альбоме (она принадлежит перу Адама Мицкевича), сделанной в 1829 году, и строками Гоголя никаких других записей в альбоме нет... <...> Ганка предоставлял страницы своего альбома с большим выбором. Только через шестнадцать лет после строк А. Мицкевича появилась запись Н. В. Гоголя...»[6]

[1] О. М. Бодянский встречался и переписывался с В. В. Ганкой. Часть писем последнего к Бодянскому 1841–1858 гг. опубликована в изд.: *Титов А. А.* Письма Вячеслава Ганки к О. М. Бодянскому. М., 1887. 40 с.

[2] В Грефенберг (см. ***1845. Августа около 21 <около 8> – сентября 21 <9>. Грефенберг-Фрейвальдау***).

[3] Вацлав Ганка (1791–1861), чешский славист, поэт и общественный деятель; с 1819 г.– сотрудник Чешского музея в Праге. П. В. Анненков, посетивший Прагу в начале 1841 г., писал: «Богемия <старое название Чехии> составляет теперь оппозицию Австрии... <...> Старания ее ученых и писателей, каковы Ганка, Шафарик и др., о сохранении народного языка есть оружие этой оппозиции. <...> Отвращение к немцам и приверженность к России развиты в ученом и высшем сословии Богемии весьма сильно» (*Анненков П. В.* Путевые записки // *Анненков П. В.* Парижские письма. М., 1983. С. 275). О В. Ганке, а также о славянских ученых А. Лубенском, Й. Юнгмане, В. С. Караджиче, Гоголь впервые мог прочесть еще в 1827 г. в первом номере «Московского Вестника» (см.: Иностранная переписка // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827. Ч. 1 (цензурное разрешение 7 дек. 1826). № 1. С. 69–71). – См. ***1827. Января 1. Суббота. Праздник Обрезания Господня. Москва*** (примечания).

[4] Ср. полный текст записи Гоголя в альбом В. Ганки: «Гоголь желает здесь Вячеславу Вячеславичу еще сорок шесть лет ровно для пополнения 100 лет здравствовать, работать, печатать и издавать во славу славянской земли и с таким же радушием приветствовать всех русских, к нему заезжающих, как ныне. 1845. 5/17 августа».

[5] Воспоминания О. М. Бодянского в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 3. С. 240.

[6] *Зюзин В.* Автограф Гоголя // Нева. 1965. № 8. С. 219.

АВГУСТА 5 <17>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева отправляет Гоголю в Карлсбад письмо, начатое накануне:

«Августа 4.

Так давно, мой милый друг, ничего о вас не слышно, где вы и что с вами. <...> Николай Михайлович[1] обещал тотчас написать, как получит. Вот и он два месяца[2] как от вас ни слова не имеет. <...>

Августа 5.

Сегодня, благодаря Бога, что-нибудь о вас, мой друг, узнала. Николай Михайлович пишет[3], получил от вас письмо[4], что вы пользуетесь водами в Карлсбаде. Молю Бога, чтобы вам помог, исцелил вас, а более всего желаю, да сохранит Он вас во внутренном спокойствии»

[1] Языков.

[2] Временной промежуток между двумя письмами Гоголя той поры к Языкову – от 5 июня (и. ст.) до 25 июля (н. ст.) 1845 г.

[3] См. ***1845. Августа 3 <15>. Пятница. Москва.***

[4] См. ***1845. Июля 25 <13>. Пятница. Карлсбад.***

АВГУСТА 6 <18>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ. ПАВЛИНО

Графиня С. М. Соллогуб пишет Гоголю в Карлсбад[1]:

«Ваши письма к Александре Осиповне[2], хотя я их и не читала, меня очень огорчили. Вы больны, вы страдаете, вам грустно, верно очень грустно! и когда я думаю, что вы совершенно одни должны бороться против такого расположения духа, то мне также становится грустно. Что же, если бы вы возвратились в матушку Россию? Здесь найдете три семейства, которые соединятся в одну

мысль – рассеять печальные мысли ваши, в одно чувство любви к вам, которые будут счастливы каждым веселым вашим взглядом, каждою веселою улыбкою вашею. <...> Помните ли вы обещание, сделанное в Остенде: придти пожить у нас?

Мы теперь все соединены под одною крышею; живем тихо, приятно, дружно. Маменька[3] здорова, деятельна, только часто жалеет о прекрасной погоде Ниццы и чудесном климате южных стран. Анна Михайловна[4] мой верный друг; могу ей всю душу мою открыть. Предсказания ваши сбылись; все идет ладно, мирно, как я только могла бы желать. Маменька посетила графиню Софью Ивановну[5] в Павловске. Свидание их обошлось как нельзя лучше. О Владимире Александровиче[6] и нечего говорить: он просто милач, настоящая тишка небесная. Понимаете ли вы меня, любезный братец? Пишу вам как чувствую, а я чувствую, что я всего этого недостойна.

Муж мой оканчивает новую повесть "Воспитанницу", которую вам посвящает. Это истинное происшествие, рассказанное ему Щепкиным. Конец ее меня так поразил и расстроил, что я умолила моего мужа переменить его. Читали ли вы "Тарантас"? Напишите хоть словечко о мнении вашем. Милая соседка наша, Александра Осиповна, часто бывает в хандре. К несчастию, никто не может пособить ей – один Бог и религия. С ней должны быть чрезвычайно тяжелые минуты. Она находится на страшной меже наслаждений, осуществившихся в протекшей молодости, и неизвестных испытаний в преддверии к старости. Разочарование всегда трудно переносится. <...> Отец[7] поручил мне вам сказать, что он глубоко чувствует ваше отсутствие; он привык на вас смотреть как на члена своего семейства».

[1] Письмо нашло Гоголя в Грефенберге (см. ***1845. Сентября 11 <августа 29>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау***).
[2] Смирнова.
[3] Графиня Л. К. Виельгорская.
[4] Графиня Виельгорская, сестра С. М. Соллогуб (рожд. графини Виельгорской).
[5] Графиня С. И. Соллогуб (рожд. Архарова), мать графа В. А. Соллогуба.
[6] Граф Соллогуб, муж С. М. Соллогуб.
[7] Граф Мих. Ю. Виельгорский.

АВГУСТА 21 <9>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский пишет Гоголю в Карлсбад:

«Что с вами делается, любезнейший Гоголек? Грешно вам оставлять нас без известий о себе. Бог знает что можно придумать в отдалении. В Карлсбаде ли вы или оставили Карлсбад[1]? Есть ли какое добро от питья вод? Что вы потом хотите с собою делать? Отвечайте на эти вопросы. О себе скажу, что я провел три недели в Швальбахе; пил и купался, несмотря на мерзкую погоду. Теперь нахожусь во Франкфурте, куда приехал праздновать серебряную свадьбу тестя[2], что было вчера, 8/20 августа. Завтра опять дней на десять еду в Швальбах доканчивать лечение. <...> Вот вам какое-то письмо[3]. Распечатал для облегчения пакета, но не читал. И я, и жена обнимаем вас».

[1] Ср. ***1845. Августа 15 <3>. Пятница. Карлсбад.***
[2] Гергардт (Евграф Романович) фон Рейтерн.
[3] Возможно, письмо от графини С. М. Соллогуб (см. ***1845. Августа 6 <18>. Понедельник. Праздник Преображения Господня. Павлино***; ***1845. Сентября 11 <августа 29>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау***).

АВГУСТА ОКОЛО 21 <ОКОЛО 8>[1] – СЕНТЯБРЯ 21 <9>[2]. ГРЕФЕНБЕРГ-ФРЕЙВАЛЬДАУ

Гоголь на водолечении у В. Присница в Грефенберге, куда приехал к лечившемуся здесь графу А. П. Толстому[3]. Общается здесь с М. Григоровым и его женой[4].

[1] См. ***1845. Сентября 11 <августа 29>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау*** (письмо к А. О. Смирновой).

[2] См. ***1845. Сентября 21 <9>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау.***

[3] См. ***1845. Сентября 11 <августа 29>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау***; ***1845. Сентября 12 <августа 31>. Пятница. Грефенберг-Фрейвальдау.***

[4] См. ***1845. Декабря конец <декабря средина > — 1846. Январь <января средина>. Неаполь.***

АВГУСТА 10 <22>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Н. М. Языков пишет Н. Н. Шереметевой:

«О посылке, которую вы поручили мне передать Боборыкину для доставления Гоголю[1], я знаю только то, что я отдал ее, своими собственными руками, Боборыкину — и что это было еще осенью 1843 года. С тех пор об ней и о взявшем ее — ни слуху, ни духу. Справедливо Николай Васильевич называет Боборыкина бабой-бабарихой[2]: вероятно, она или потеряла вашу посылку, или возит ее, о сю пору, по Европе[3]. Я продолжаю ждать письма от Гоголя — еще из Карлсбада, — а между тем пишу к нему во Франкфурт, — оттуда письма, конечно, к нему пересылаются, куда следует. Знаете ли вы, что и мы уже имеем надежду насладиться <*1 нрзб.*> А. О. Смирновой? В ноябре нынешнего года будет она в Москве[4], проездом в Калугу, где муж ее губернатором. В Калугу переведен на службу и И. С. Аксаков: вот и соловей к розе!»

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 176.

[1] См. также ***1845. Октября 3 <15>. Среда. С. Покровское.***

[2] См. ***1844. Июня 15 <3>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[3] Посылка со сборником молитв и двусторонним дорожным образом Божией Матери Иверской и Святителя Николая отправлялась Н. Н. Шереметевой Гоголю дважды: в декабре 1843 г. (см. ***1844. Января 20 <февраля 1>. Четверг. Москва***) и в декабре 1845 г. (см. письмо Шереметевой к Гоголю от 13 декабря 1845 г.: ***1845. Декабря 13 <25>. Четверг. Москва***). Посылка получена Гоголем в конце февраля — начале марта 1846 г. (см. письмо Гоголя к Шереметевой от 24 марта (н. ст.) 1846 г.: ***1846. Марта 24 <12>. Вторник. Рим***).

[4] См. также ***1845. Ноября 21 <декабря 3>. Среда. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Москва.***

АВГУСТА 11 <23>. СУББОТА. ПАВЛИНО

А. О. Смирнова пишет ответное[1] письмо Гоголю в Карлсбад:

«Я давно к вам не писала, любезный Николай Васильевич. <...> Грустно мне и за вас, и на вас. Как нарочно, все то, что я люблю и к чему имею привязанность, или страдает, или погибает. Иногда мне кажется, что я Settattore, как Prospéri[2]. Мне трудно пересказать вам, сколько мною было передумано грустного и мрачного. <...> Еще никогда я не находилась в такой фазе. Губами твержу: “*Веруйте в Бога и в Мя веруйте, да не смущается сердце ваше*”[3], а душа отворачивается от этих слов, как от горькой чаши. <...>

Письмо ваше, полное добрых наставлений и хороших советов, как мне обращаться с чиновным людом[4], я перечитала несколько раз. Увы! надобно много самоотвержения, чтобы жить так, как вы предполагаете, а у меня еще его совсем нет. Впрочем, меня Калуга не пугает, потому что все равно кажется мрачным и скучным. <...>

Москвичей я желала бы видеть. Если у меня нет достаточных познаний, взгляд у меня по крайней мере верный. Если Хомяков будет уже там, я его непременно вызову к себе[5]; также и старика Аксакова[6]. С дамами я не охотница знакомиться, не терплю чопорность. До меня дошло слухами, что там делают глупости. Один из них, например, напомнил мне замечание городничего учителю: “Александр Македонский, конечно, был великий человек, но зачем опять стулья ломать?” Не назо-

ву его; но знаю, что он не только стулья ломает, но еще и платье свое изорвал на себе. Его почитают помешанным в Москве и это дошло ко мне от очевидца и очень хорошо расположенного человека. Не знаю, так ли мне только кажется, или оно точно так, но в течение последних пяти лет сделался большой переворот в мыслительном мире; заметно, предаются анализу, доискиваются как бы точки равновесия между потребностями и данными, но, слава Богу, не в западном глупом, конституционном духе. О форме и помину нет, слава Богу – еще повторяю. Я уверена, что вам будет любопытно поговорить здесь с молодыми людьми. Между ними есть много учащихся и мыслящих.

Новости у нас большие. На Кавказе идет все хорошо, Государь доволен, и все довольны. Взяли Дарго, вытеснили Шамиля из его укрепления, прошли чрез знаменитый Ичкеринский лес, где так несчастливо <погиб>, тому назад два года, Грабе.

Решено, что Императрица на зиму едет в Италию, а именно в Палермо. Государь на это согласился, хотя и очень тягостна для него разлука. Если вы будете в Риме, вероятно, увидите Михаила Юрьевича[7], который поедет хотя не с Императрицей, но будет приглашен в Палермо. Едут все 21 числа, потому что государь отправляется на юг с наследником. Герцог Лейхтенбергский – в Сибирь, по своей части, горной. Тут-то пойдут толки; а теперь пока еще все хлопочет об укладке. Государыню сопровождают граф Ан. Шувалов[8] и гр<аф> Ст. Апраксин[9], фрейлины Тизенгаузен[10] и Нелидова[11], а при в<еликой> кн<яжне> Ольге Николаевне Окулова[12]. Едут пароходом до Штетина, а там и железными и другими путями до Генуи, где будет ожидать ея величество пароход "Камчатка", с которым она приплывет в Палермо на виллу княгини Бутера[13]. <...> Напишите хоть несколько строк о своем здоровье. <...> Где ваш приятель Толстой[14]? <...> Помолитесь за меня, а я за вас съезжу помолиться в Воронеж зимою».

[1] См. ***1845. Июля 25 <13>. Пятница. Карлсбад***; ***1845. Июля 28 <16>. Понедельник. Карлсбад***; ***1845. Июля 31 <августа 12>. Вторник. Павлино***.

[2] Аббат (см. ***1843. Февраля 5–6 <января 24–25>. Воскресенье-понедельник. Рим***; ***1843. Марта 1 <февраля 17>. «Пепельная среда» (начало католического Великого Поста). Рим***). «Monsignore Prospéri слыл в Риме Settattore <сектантом; *ит.*> – это шутка» (позднейшее примечание дочери Смирновой, Ольги Николаевны).

[3] Ин. 14, 1.

[4] См. ***1845. Июля 28 <16>. Понедельник. Карлсбад.***

[5] См. ***1845. Октября 30 <ноября 11>. Вторник. Москва.***

[6] См. ***1845. Ноября начало <ноября средина>. Москва.***

[7] Граф Виельгорский.

[8] Граф Андрей Павлович Шувалов (1817–1876), офицер, генерал-майор (с 1865); вероятный прототип Печорина в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова.

[9] Граф Степан Федорович Апраксин (1792–1862), генерал от кавалерии.

[10] Графиня Екатерина Федоровна Тизенгаузен (1803–1888).

[11] Варвара Аркадьевна Нелидова (1814–1897).

[12] Анна Алексеевна Окулова (1794–1861), фрейлина.

[13] «Рожд. Шаховская, 1-м браком Шувалова, мать братьев Петра и Андрея Павл<овичей>, 2-м за гр<афом> Pollier, 3-м за князем Бутера Радапи. 1-й муж княгини, гр<аф> <П. А.> Шувалов, довез Наполеона I до Тулона, когда его повезли на остров Эльбу в 1814 году» (примечание О. Н. Смирновой). На вилле княгини Бутера, близ Палермо, располагалось русское посольство в Неаполе.

[14] Граф А. П. Толстой.

АВГУСТА 24 <12>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский отмечает в дневнике:

«*12/24 августа.* Худые известия о Гоголе».

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 43.

АВГУСТА 18 <30>. СУББОТА. ГЕЛЬСИНГФОРС

Я. К. Грот пишет П. А. Плетневу в Петербург:

«<*17 августа*>. Ехав в купальни, завез Россету Отечественные Записки и Северную Пчелу. Он жалел о подкупности Н<икитен>ки, которого знал еще в доме Стерича, и о бездействии Гоголя».

Из писем Я. К. Грота // *Свод.* Т. 3. С. 704.

АВГУСТА 19 <31>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре[1].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.

АВГУСТА 19 <31>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПАВЛИНО

А. О. Смирнова сообщает В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Бедному Гоголю все не лучше»[1].

Из писем А. О. Смирновой // *Свод.* Т. 2. С. 206.

[1] См. письма Гоголя к А. О. Смирновой от 5 и от 15 июля (н. ст.) 1845 г. из Берлина (см. ***1845. Июля 5 <июня 23>. Суббота. Берлин***; ***1845. Июля 15 <3>. Вторник. Берлин***) и от 25 и от 28 июля (н. ст.) 1845 г. из Карлсбада (см. ***1845. Июля 25 <13>. Пятница. Карлсбад***; ***1845. Июля 28 <16>. Понедельник. Карлсбад***).

АВГУСТА 20 <СЕНТЯБРЯ 1>. ПОНЕДЕЛЬНИК. КОБРИНО

М. Г. Карташевская сообщает В. С. Аксаковой в Москву:

«Я получаю "Illustration". Пробегая один из прошедших номеров, я с удивлением вижу заглавие: "De la litterature russe contemporaine"[1]. Тут делается разбор Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Эта статья мне очень нравится, и меня очень интригует знать, кто мог написать ее[2]. Француз – это невозможно. Самый характер статьи, ее тон, ее направление – не французские. И потом тут такое глубокое знание наших поэтов, какое мудрено предположить в иностранце, и такая тонкая им оценка, какой мало мы имеем и у нас. Гоголя ставит он выше всех. Говорит о его даре творчества, о том спокойном состоянии художника, который передает жизнь со всеми ее хорошими и дурными случайностями, не негодуя и не восторгаясь. Эта мысль одна уже не французская. Говорится еще, что переводятся повести Гоголя на французский язык[3] и что огромный талант автора ручается за прием публики даже иностранной. Однако, мне кажется, что Гоголь непереводим и они не будут иметь Гоголя в переводе. Оценка Пушкина, кажется, тоже очень верна»[4].

О Гоголе в статье сообщалось: «...В этот момент тревоги и волнения появился талант юный, могучий, многообещающий, на котором сосредоточилось общее внимание. Это был Николай Гоголь. Родившись в Малороссии (около 1808 г.)[5], он провел свое детство в обширных степях Украины, среди населения, совершенно не соприкасавшегося с европейской жизнью. <...> В своих "Вечерах на хуторе близ Диканьки" Гоголь целиком воссоздал Малороссию. Успех этой книги был огромен. Все восхищались мощью и естественностью ее колорита, ее богатым, вдохновенным комизмом, тонкой наблюдательностью и просто сердечной оригинальностью. Гоголь никому не подражал: недостатки и качества – все принадлежало ему самому, все в нем было его собственностью. Он приехал в Россию, обосновался там и выпустил в свет последовательно: комедию ("Реви-

зор"), другую серию "Повестей", драматические сцены и первую часть романа ("Мертвые души"), который он заканчивает в настоящее время в Риме. Каждое из его сочинений сопровождалось шумным успехом, и Гоголь теперь является в России самым популярным и влиятельным писателем, которому подражают более всего. Несмотря на то, что Гоголь пишет только прозой, он первый и самый оригинальный из всех писателей русской литературы. Отличаясь глубоким знанием страны и народа, описываемого им с поразительным талантом рассказчика, он обладает неотразимым комическим даром, которого не хватало Пушкину, – иронией, прикрываемой добродушием и отличающейся этим от резкой иронии Лермонтова; своеобразный юмор, свойственный ему одному и отмеченный тем отпечатком глубокой грусти, которую всегда находишь в глубине славянского сердца. В русской жизни нет для него тайн; все классы общества проходят чередой перед его неодолимой наблюдательностью, и многие выражения, взятые из его сочинений, стали обиходными поговорками; что касается его описаний русской природы, они чудодейственно верны и поэтичны. Наконец Гоголь произвел полный переворот в литературе своей страны. Сознательный отказ от всякой восторженности, от всякого литературного пустозвонства, широкая и спокойная манера воспроизведения настоящего положения России; высказывание положительных сторон без энтузиазма и дурных – без негодования, высочайшая способность создавать типы и жизнетворный дар, проявляющийся во всех его зарисовках предметов и людей, – эти разнообразные, но родственные друг другу качества завоевали Гоголю поразительную популярность и первостепенное место среди современных писателей. Один критик справедливо заметил, что Гоголь убил стихи и версификаторов. Во всяком случае, он, несомненно, содействовал уменьшению числа писателей, ибо сделал непременным условием обладание подлинным талантом, и талантом действительно оригинальным, что не всегда встречалось в книгах до воцарения Гоголя.

Все более возрастающее значение, которое приобрел Гоголь с самого начала своей деятельности, вместе с его неоспоримыми достоинствами, заставляет желать, чтобы его произведения распространились в Европе, где мы считаем возможным обещать им отличный прием. Известие о том, что перевод его лучших повестей должен скоро появиться на самом распространенном в мире языке, принимается нами с удовлетворением и доверием. Мы надеемся, что наши французские читатели присоединятся к мнению русских о самом народном из их писателей. Кроме умственного наслаждения, которое дает прекрасное произведение искусства, они найдут в нем еще самые верные понятия о жителях другой страны, – насколько их можно получить, не покидая своей родины»[6].

[1] О современной русской литературе (*фр.*).

[2] По предположению Л. Р. Каплана, автором анонимной статьи «О русской литературе: Пушкин, Лермонтов, Гоголь» (De la litterature russe contemporaine. Pouchkine. – Lermontoff. – Gogol), напечатанной в № 125 парижского журнала «Illustration» от 19 июля 1845 г. (с. 550–551), был И. С. Тургенев (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 672).

[3] Перевод на французский язык пяти произведений Гоголя («Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики», «Вий») был сделан в 1844 г. И. С. Тургеневым и С. А. Гедеоновым и опубликован в 1845 г. Л. Виардо (см. ***1845. Ноября первая половина <октября вторая половина>. Париж***).

[4] Гоголь в письмах М. Г. Карташевской к Аксаковым // *Свод*. Т. 2. С. 959–960.

[5] См. ***1809. Марта 19. Пятница накануне Лазаревой субботы. 9 часов вечера. Великие Сорочинцы***.

[6] Цит. в переводе Л. Р. Каплана: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 672–673; см. также: *Тургенев И. С.* О современной русской литературе. Пушкин. – Лермонтов. – Гоголь // Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. 2 изд., испр. и доп. М., 1986. Т. 12 / Тексты подготовили и примеч. составили: А. И. Батюто, И. А. Битюгова, А. А. Гозенпуд, Н. С. Никитина и др. С. 514.

СЕНТЯБРЯ 4 <АВГУСТА 23>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский отмечает в дневнике:

«*23 августа / 4 сентября*. Письмо к Гоголю <...> Ниренберг[1] у Гоголя»[2].

В тот же день Жуковский писал Гоголю в Грефенберг:

«Милый Гоголек, вы безбожно и бесчеловечно поступаете с нами. Для чего не уведомляете вы нас о себе? Что с вами делается? Как вы? Где вы? Куда вы? Писать много не нужно; а два слова

написать необходимо; и не написать их грех. Мы об вас в тревоге; и жена только о том и думает, что с вами делается с тех пор, как проехал здесь Плещеев[3] и сказал ей (я был в Швальбахе в это время), что вы бросили Карлсбад и отправились в Гренфенберг. Но Бог знает, в Гренфенберге ли вы теперь или еще куда-нибудь уехали. Как же не написать? Куда же я буду пересылать вам и письма и деньги? — На всякий случай, пишу теперь в Гренфенберг. Я вас прошу отвечать немедленно. Да напишите два письма, то есть две коротенькие записки, одну во Франкфурт, а другую в Ниренберг poste restante. Я туда послезавтра еду навстречу императрице. А от нас вот какое предложение; возвращайтесь прямо к нам и поселитесь опять у нас в доме; вам с вашею теперешнею слабостию разъезжать по свету не можно. Подле нас Копп (жаль, что вы его не послушались и в Гастейн не поехали); да и в моем доме, хотя вам часто бывает и пусто, вы будете посреди своих; о вас будет дружеское, сердечное попечение. Жена этого требует от вас с величайшею о вас заботою, и не должны отказать ей в ее просьбе. Прошу вас скорее решиться и к нам приехать на житье. Не хотите ли, чтобы я к нам прислал Даниила[4], чтобы он вас проводил из Гренфенберга во Франкфурт? Одним словом, приезжайте непременно; у нас ждет вас приют родной, и вам у нас будет спокойно и беззаботно. Отвечайте немедленно (в двух экземплярах)».

[1] Вероятно, имеется в виду сообщение Жуковского в письме к Гоголю, что ответ ему следует адресовать в Нюрнберг.

[2] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод*. Т. 2. С. 43.

[3] Александр Алексеевич Плещеев (1778–1862), композитор-дилетант, литератор, тульский помещик.

[4] Д. Гольберг (ум. после 1852), слуга Жуковского.

АВГУСТА 25 <СЕНТЯБРЯ 6>. СУББОТА. ПАВЛИНО

Графиня Анна М. Виельгорская отправляет к Гоголю во Франкфурт[1] письмо, начатое 23 августа 1845 г.:

«23-го августа 1845.

Любезный Николай Васильевич, я вам объявляю большую новость: у Софьи Михайловны родился сын 17 числа сего месяца, и его назвали Александром[2]. <...> Графиня Соллогуб[3] приехала к нам в Павлино на несколько дней... <...> Двор уехал из Петергофа. Вы уже, верно, давно знаете, что государыня едет в Палермо там провести зиму. Сегодня она выехала из Гатчины. Царь очень грустит и даже сильно унывает. Надобно много за него молиться. Он не хочет ничего видеть, никуда не идти, и он говорит, что он запрется на всю зиму. Никто еще не знает, где он будет жить. Он теперь на шесть недель поехал во внутренность России. Когда он протянул мне руку, чтобы со мной проститься, я ему сказала, смотря ему в глаза: "Sire, que Dieu vous bénisse et vous conserve[4]!" Он улыбнулся и благодарил меня движением головы. Это единственные слова, которые я имела случай ему сказать с тех пор, как мы в Россию воротились.

Любезный Николай Васильевич, я вам все рассказываю о себе и других, но, пожалуйста, вы, однако же, не забывайте, что я все время о вас думаю и что мне очень хочется знать, что вы делаете и как вы чувствуетесь (sic). Когда получу я от вас хоть одну строку? Вы, я знаю, не забыли нас; вы, вероятно, часто думаете о нас, но действуете, как будто вы бы нас совершенно забыли.

Суббота, 25-го августа.

Смирнова собирается ехать в Калугу. Она, кажется, стала бодрее духом, но все-таки она находится еще dans un moment *de crise pénible*[5]. Я теперь очень много бываю с Софьей Михайловной. <...> Я стараюсь как можно больше быть веселой и приятной среди семейственного круга и, сколько можно, полезной в моих нынешних обстоятельствах. Я стараюсь всячески меньше думать о себе и заниматься собою. Бывают у меня минуты уныния, но я гораздо сильнее против них, слава Богу, чем прежде. Были также у меня наслаждения христианские, высокие, qui surpassent toutes les jouissances terrestres[6]. Я третью часть моего долга не исполняю, но малое, которое я исполняю из любви к Богу, уже приносит мне душевную глубокую радость».

[1] См. ***1845. Сентября 21 <октября 3>. Пятница. Павлино.***
[2] Александр Владимирович Соллогуб (ум. в 1888).
[3] Графиня С. И. Соллогуб (рожд. Архарова), мать графа В. А. Соллогуба.
[4] Государь, да благословит вас Господь и сохранит вас!
[5] В минуту тягостного кризиса (*фр.*).
[6] Которые превосходят все земные наслаждения (*фр.*).

СЕНТЯБРЯ 11 <АВГУСТА 29>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ГРЕФЕНБЕРГ-ФРЕЙВАЛЬДАУ

Гоголь отправляет ответные письма к В. А. Жуковскому[1] в Нюрнберг и к графине С. М. Соллогуб[2] (рожд. графине Виельгорской) в Петербург. К последнему письму прилагает ответное послание на два письма А. О. Смирновой[3] и письмо к графине Анне М. Виельгорской.

Из письма к Жуковскому: «Бог милостив: мне, кажется, как будто немного лучше. Во Франкфурте найдете подробное письмо[4]. Обнимаю еще раз сильно и крепко и всею душою вас и всё ваше прекрасное семейство. Помолимся теперь сильно и слезно во глубине души нашей о здоровьи Императрицы, которое, может быть, нужнее для всех нас, чем здоровье наше».

Из письма к графине Соллогуб: «Сам Бог внушил вам ваше миленькое письмо... <...> Оно меня утешило; оно первое[5] пришло ко мне в Грефенберг, куда с отчаяния я убежал из Карлсбада. Карлсбад меня расстроил и разрушил в конец. Не могу сказать вам ничего теперь о моем здоровье. Я как во сне; чувствую только судорожное прикосновение холодной воды и ничего другого не слышу и не вижу. Времени даже нет опомниться от сажаний в ванну, обливаний, завертываний в мокрые простыни и проч. Одно могу только сказать, что мне как-то свежее, и я чувствую теперь дух пуститься в дальнюю дорогу, на которую больше всего надеюсь, потому что дорога мне всегда помогала. На следующей же неделе[6] я полагаю сесть в дорожную телегу, заеду в Берлин[7] переговорить с Шонлейном, не насчет моего излечения, но насчет того только, чтобы узнать, какого рода во мне болезнь, силы и в каком я состоянии. Оттуда же, обнявши Михаила Михайловича[8], в Рим на зиму, где, если Богу будет угодно, восстану вновь здоровьем, ибо, признаюсь, я более всего надеюсь на Него и на святую милость Его, которая уже не раз была мне оказана в Риме. <...> Передайте эти две записочки Алекс<андре> Осип<овне> и Анн<е> Михайловне. Обнимаю всех вас от мала до велика. В Грефенберге граф А. П. Толстой, который всем вам сердечно и душевно кланяется».

Из письма к Смирновой: «Ваши два маленькие письмеца, адресованные в Карлсбад, я получил <...> уже здесь в Грефенберге. Прежде всего благословим наши скорби и поблагодарим за них Бога. Они недаром, они нужны, так как и самая болезнь и неумолимая тоска нужны нам. Утешьтесь! ваша будущность светла. В Калуге она начнется. О здоровьи моем скажу вам только, что его вконец сокрушил было Карлсбад, и я, отчаянный, решился на последнее средство — приехал в Греффенберг, где до сих пор не в силах почти опомниться от холодной воды, но сквозь всю эту жестокую проделку, производимую над моим телом, слышу, как сквозь сон, какое-то освежение и доволен уже тем, что не в силах ни о чем подумать. Это для меня уже много. Я только и прошу теперь хотя минутного освежения. Вот уже скоро месяц[9], как я здесь, и долее пробыть не намерен, довольный тем, что набираются сколько-нибудь силы для дороги. Я с будущей недели отправляюсь в Рим. Надеюсь на дорогу, которая меня всегда спасала; надеюсь на Рим, который всегда меня оживлял и воздвигал, а больше всего надеюсь на Бога, Который доселе не оставлял меня в мои трудные минуты и внушил, без сомнения, и вам ваши утешительные письма и заботы обо мне. Пишите мне в Рим. Деньги и прочее скажите, чтобы были адресованы в Рим. Что поважнее, то адресуйте на имя нашего посольства, прочее прямо в poste restante. В Риме я буду около 15 октября[10], по приблизительному расчету; в дороге проведу не менее месяца. Это мне нужно и полезно. Если успеете написать до того времени, адресуйте в Венецию, poste restante. Попросите доброго вашего священника

Наумова[11] отслужить напутственный молебен о благополучном путешествии и выздоровлении двух путешественников: вас в Калугу и меня в Рим».

Графине Анне М. Виельгорской Гоголь пишет новые наставления по поводу ее «пациента», о котором упоминал ранее в письме к ней же от 23 ноября (н. ст.) 1844 г.[12] (см. также письмо от 29 октября (н. ст.) 1845 г.[13]). Призывает Виельгорскую удвоить усилия: «Не смущайтесь ни недоступностью его, ни сумрачностью вида, ни сухостью приема и подходите к нему как нежнейшая сестра подходит к брату, снедаемая только одним желанием внести утешение в страждущую душу, о том одном только помышляющая, о том одном только молящая и просящая у Бога ежеминутно только того, чтобы внушил для этого средства, просветил и обучил ее разум». Далее замечает, что о собственном здоровье — «нашем здоровье, нашей хандре» — следует позабыть[14].

[1] См. ***1845. Августа 21 <9>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Сентября 4 <августа 23>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***.

[2] См. ***1845. Августа 6 <18>. Понедельник. Праздник Преображения Господня. Павлино***.

[3] См. ***1845. Июля 29 <августа 10>. Воскресенье. Павлино***; ***1845. Августа 11 <23>. Суббота. Павлино***.

[4] См. ***1845. Сентября 12 <августа 31>. Пятница. Грефенберг-Фрейвальдау***.

[5] См. ***1845. Августа 21 <9>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***.

[6] См. ***1845. Сентября 21 <9>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау***.

[7] См. ***1845. Сентября 22 <10>. Понедельник. Берлин***.

[8] Граф Виельгорский, брат С. М. Соллогуб.

[9] См. ***1845. Августа около 21 <около 8> — сентября 21 <9>. Грефенберг-Фрейвальдау***.

[10] См. ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4>. Рим***.

[11] Протоиерей Иоанн Михайлович Наумов.

[12] См. ***1844. Ноября 23 <11>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***. — Речь, возможно, шла о графе В. А. Соллогубе, доставлявшем огорчения своей жене Софье — родной сестре Виельгорской (ср. письмо Гоголя к А. О. Смирновой от 24 сентября (н. ст.) 1844 г.: ***1844. Сентября 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***).

[13] ***1845. Октября 29 <17>. Среда. Рим***.

[14] *Свод*. Т. 3. С. 581. — Ответное письмо Виельгорской см.: ***1845. Сентября 21 <октября 3>. Пятница. Павлино***.

СЕНТЯБРЯ 12 <АВГУСТА 31>. ПЯТНИЦА. ГРЕФЕНБЕРГ-ФРЕЙВАЛЬДАУ

Гоголь пишет второй[1] ответ В. А. Жуковскому, адресуя письмо во Франкфурт («Francfort s/M. Saxsenhausen»):

«Не тревожьтесь обо мне, добрый друг мой! Во всем есть воля Божия, равно как и в том, что я теперь в Греффенберге. Боюсь сказать наверно, но, кажется, мне лучше. Я давно имел тайную веру в воду и в то, что лечение ею может пособить мне, но не имел духа отважиться на эти ужасные, по-видимому, средства, которых так боится наша кожа. Нужно было, чтобы привели меня к тому все безуспешные лечения докторов, начиная от Коппа, увеличившие мои недуги, наконец, до того, что я почти в отчаянии, расстроенный вовсе Карлсбадом, решился, в противность всем советам, ехать в Греффенберг, не столько для излечения, которого я и не ждал, сколько для освежения сколько-нибудь моих сил, дабы быть в состоянии предпринять дорогу, которая одна мне помогала доселе. Еще более меня побудило самое пребывание в Греффенберге графа Алексан<дра> Петр<овича> Толстого, получившего там значительное облегчение (который до сих пор здесь). Всюду, куды бы я ни поехал, я бы умер уже от одной тоски, прежде чем получил бы какую-нибудь пользу от лечения. В Греффенберге же я знал, что уйду не только от тоски, но даже от самого себя, предавши себя совершенно во власть не прекращающейся ни на минуту деятельности всех проделок, производимых над телом. Действительно, мне нет здесь ни одной минуты о чем-либо подумать, не выбирается времени написать двух строк письма. Я как во сне, среди завертываний в мокрые простыни, сажаний в холодные ванны, обтираний, обливаний и беганий каких-то судорожных, дабы согреться. Я слышу одно только прикосновение к себе холодной <воды> и ничего другого, кажется, и не слы-

шу и не знаю. Это покамест всё, что мне теперь нужно, а мне нужно теперь *позабыться*. Сквозь все эти тягостные проделки, чем далее, тем более, слышу, однако же, какое-то живительное освежение и что-то похожее на крепость и как бы на пробуждающуюся силу. Да будет же благословен Бог, спасающий нас и внушающий иногда простому человеку то, что утаивается им от мудрых! Призниц решительно умный мужик, и многое из того, что он говорит, слишком справедливо. Много болезней наших он производит от излишнего обременения нашего желудка *слишком питательною* пищею, изнуряющею наше тело обилием соков, которые при сидячей нашей жизни переходят в источники болезней. Он дает пищу большею частию трудно варимую, мяса мало (и то вываренное, почти не имеющее соков), мучного много (особенно хлеба, спеченного вместе с мякиною и деревянистыми частями, и молока); требует, чтобы желудок не приучался к лени удобноваримою пищей, но, напротив, более работал; требует в то же время уравновешения сил физических и умственных в наших ежедневных занятиях; больные пилят и рубят дрова, копают землю и беспрестанно на воздухе, а что всего удивительней, от непитательной пищи полнеют, и я даже чувствую желудок свой лучше, чем тогда, когда по предписанию докторов ел сочное недожаренное мясо и легкие блюда из зелени. Я много уже заметил разных *гигиенических* средств, которые буду употреблять во всю жизнь, если Богу будет угодно продлить жизнь мою. Еще одну неделю[2] остается мне пробыть здесь, после чего отправляюсь на зиму в Рим, в надежде и на дорогу, и на самый Рим, которые мне помогали всегда. <...> Благодарю вас много за ваше приглашение ехать во Франкфурт прожить с вами вновь. <...> Климат Рима мне больше всего благоприятствовал и воздвигал; весьма быть может, что Бог еще окажет надо мной милость свою. Дорога, и притом дорога в Италию, всегда мне была благотворна. Я же намереваюсь ее совершить вовсе не изнурительно, а как прогулку. Около 15-го октября[3] полагаю быть в Риме (почти месяц на переезд). Письма и всё, что получите на мое имя, адресуйте прямо в Рим, всего лучше и вернее на имя посольства, для большей же уверенности можете присоединить несколько строк или к тамошнему посланнику Бутеневу или к секретарю посольства Скарятину. <...> С дороги буду писать. Рейтерну и всему его доброму семейству усерднейший душевный поклон, а прекрасную Елисавету Алексеевну, которую я полюбил еще более теперь, молю молиться обо мне. Я много верю молитвам прекрасных душ, а ее душа прекрасна, и Бог, верно, внимет всем чистейшим движениям ее, помилует и восстановит меня. <...> Если придет вам желание или надобность известить меня о чем бы то ни было прежде приезда моего в Рим, то адресуйте в Венецию, poste restante, куда я намереваюсь прибыть к 5 октябрю[4]. Письма ваши мною получены исправно, хотя весьма поздно. Вчера я отправил к вам коротенькое письмо в Нирнберг[5]. Письмо это я пишу на другой день по получении вашего, но вы его получите поздно, потому что в Греффенберг почта не ходит прямо. Это захолустье, и письма не прежде, как обошед все австрийские города, приходят сюда. Из *Карлсбада*, который в трех днях расстояния, письма иногда идут 14 дней».

[1] См. ***1845. Сентября 11 <августа 29>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау.***
[2] См. ***1845. Сентября 21 <9>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау.***
[3] См. ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4>. Рим.***
[4] В Венеции Гоголь был позднее (ср. ***1845. Октября 9 <сентября 27>. Четверг. Верона***).
[5] См. ***1845. Сентября 11 <августа 29>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау.***

АВГУСТА КОНЕЦ – СЕНТЯБРЯ ДО 5 <СЕНТЯБРЯ ДО 17>. МОСКВА

К. С. Аксаков пишет Гоголю (адресует письмо, вероятно, в Рим[1]):

«Как давно, дорогой наш Николай Васильевич, как давно я уже не писал к вам. <...> Причина та была в том, что мне совестно было писать вам, не окончa моей диссертации[2]; но диссертация моя окончена, переписана и подана, а все я не сейчас после этого написал к вам. <...> Мы теперь в Москве, т. е. батюшка, я и брат Иван, который назначен в Калугу товарищем председателя уголовных дел. Мы приехали из деревни, чтоб провожать его[3]; брат Иван сам жил с нами в деревне до того времени. <...> Что сказать вам о Москве? Вы, я думаю, уже знаете, что в Москве читаются публичные лекции[4], – явление чрезвычайно утешительное и замечательное. Особенно замечательно

то участие, которое возбуждают они в московском обществе. Лекции Шевырева были прекрасны, особенно некоторые; я полюбил его гораздо больше, нежели прежде, и узнал его ближе. На ту зиму будут тоже лекции — Грановского, но не знаю, буду ли я их слушать. Я намерен, как только позволят мне мои отношения к университету (мне предстоит еще печатание диссертации и диспут), жить все время в деревне, вместе с нашими. Я намерен заниматься и надеюсь, что это намерение исполнится. Много нового нашли бы вы в университете; новые профессоры вышли на кафедру. Сидит на кафедре эта дрянь — <К. Д.> Кавелин; выходит на кафедру <М. Н.> Катков; на него, кажется, нет больших надежд; на кафедре — <С. М.> Соловьев, я его мало знаю, но, кажется, он с достоинством. Были в Москве замечательные диспуты Самарина, Грановского[5]. Блеснул было прекрасно "Москвитянин"[6], но теперь опять в нем всякая всячина, и выходит он по две книжки. Думаем мы издавать сборник и готовим статьи для этого. Я написал о правописании и разбор альманаха Соллогуба[7]. Хотелось мне очень, чтобы вы познакомились со стихами брата Ивана[8]; в них много прекрасного, которое невольно и неожиданно поражает; вообще они идут в глубину, а не в мелководную ширь. Вы, вероятно, уже читали прекрасные статьи Хомякова и Киреевских[9]. Вот вам наскоро наши московские новости; о Петербурге вам говорить нечего нового. Известно, что город <нрзб.>, что петербургские литераторы подлецы — это не новость тоже. Одно скажу, что подлость их развивается не по дням, а по часам и достигает какой-то художественности, какого-то благородства. Да, в Петербурге подлость доведена до благородства, до достоинства, это уже не та низкая подлость, это высокая подлость.— Всякое дело мастера боится.

Что же сказать вам о себе? Признаюсь, светское общество и вообще общество — мне стало несколько в тягость; в свете многие соглашались со мной, многие, казалось, уступали усилиям пробудить в них живое русское чувство, дамы, девушки, особенно последние, казалось, с таким участием принимали всякое русское явление, всякое русское слово — но все это непрочно, ни одна не решается надеть сарафана. Одна из них, которая так высоко стояла в моем мнении, которую часто называл я, указывая на русских душою девушек, кн<яжна> Мещерская, поступила презрительно, вышла замуж за немца, сверх того, за Бирона[10], и навсегда оставила Россию. Я могу сказать только, что во многих пробудилось негодование в Москве. <...>

Из планов моих работ вот какие у меня самые важные: занятие русскою историею и, собственно, междуцарствием, чтобы написать историю междуцарствия; грамматика и потом разные мелкие статьи.

Что вы, дорогой наш Николай Васильевич? Я видел из писем ваших, что вы нездоровы. Родной воздух вас бы вылечил. Приезжайте».

[1] См. ***1845. Сентября 8 <20>. Суббота. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Москва.***

[2] Диссертация К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (М., 1846). — См. также ***1844. Ноября 16 <28>. Четверг. Москва*** (примечания); ***1844. Декабря 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[3] И. С. Аксаков выехал из Москвы в Калугу 5 сентября 1845 г. (см.: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 169–170).

[4] В 1843–1844 гг. в Московском университете публичный курс лекций по истории Средних веков в Западной Европе читал Т. Н. Грановский; в 1844–1845 гг. с курсом лекций по истории русской словесности выступил С. П. Шевырев.

[5] Речь идет о защите магистерских диссертаций Ю. Ф. Самариным 3 июня 1844 г. («Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники») и Т. Н. Грановским 21 февраля 1845 г. («Волин, Иомсбург и Винета»).

[6] Подразумевается редакторство в журнале И. В. Киреевского.

[7] В 1846 г. в «Московском Литературном и Ученом Сборнике» была опубликована статья К. С. Аксакова «Несколько слов о нашем правописании». Рецензия на сборник В. А. Соллогуба «Вчера и сегодня» (Кн. I. СПб., 1845) появилась в «Московском Литературном и Ученом Сборнике на 1847 год» («Три критические статьи *Г-на Имрек*») (см. ***1848. Сентября 11. Суббота. Москва*** — примечания).

[8] См. ***1845. Июля 18 <6>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Января 23 <февраля 4>. Среда. Москва.***

[9] Подразумеваются статьи Хомякова «Мнение иностранцев о России» (Москвитянин. 1845. № 4; см. ***1845. Мая 26 <июня 7>. Суббота. Москва***), И. В. Киреевского «Обозрение современного состояния литературы» (Москвитянин. 1845. № 1–2; см. ***1845. Мая 1 <апреля 19>. Четверг Светлой седмицы. Франк-***

фурт-на-Майне – примечания), П. В. Киреевского «О древней русской истории. (Письмо к М. П. Погодину)» (Москвитянин. 1845. № 3; см. ***1845. Марта 10 <22>. Суббота. Москва*** – примечания).

[10] Княжна Елена Васильевна Мещерская (1820–1905) вышла замуж за герцога Вартенбергского Каликста Бирона (1817–1882), племянника графини Л. К. Виельгорской (рожд. герцогини Бирон) – сына ее брата Густава Каликста Бирона, герцога Курляндского (1780–1821). – См. ***1835. Декабря 10. Вторник. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ 15 <3>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ГРЕФЕНБЕРГ-ФРЕЙВАЛЬДАУ

Гоголь отправляет письмо к матери в Васильевку:

«Пишу к вам из Грефенберга, где нахожусь на холодном лечении. Карлсбад мне не помог. Но, слава Богу, леченье холодною водою, несмотря на утомительность свою, действует, кажется, лучше. Видно, чьи-то усердные молитвы доносятся до неба; по крайней <мере>, припадки мои не так теперь тяжки, как доселе, а с ними вместе и страдания духа несколько утихают. Еще около недели остаюсь здесь[1], дабы сколько-нибудь укрепиться для дороги, и отправляюсь на зиму в Рим. Пребывание в Риме было всегда благотворно для моего здоровья. Климат римский и самая дорога по Италии всегда воздвигали и восстановляли мои силы. <...> Адресуйте письма в Рим, в poste restante, ибо через месяц я полагаю уже быть там»[2].

Возможно, в тот же день Гоголь написал ответное[3] письмо Н. Н. Шереметевой в Москву (датировка письма уточнена):

«Благодарю вас, добрый друг мой, за ваши письма, которые меня утешили в моем болезненном состоянии и всегда утешали. Не могу сказать еще ничего решительного о моем здоровьи. Твердо верю, что если милость Божия захочет, то оно вдруг воздвигнется. Нынешнее лечение холодной водою, по крайней мере, освежает и прогоняет печальные мысли. Я чувствую себя как будто крепче. Через неделю[4], а может быть и раньше, пущусь, перекрестившись и помолившись, в дорогу: в Рим на всю зиму. Там я чувствовал себя всегда хорошо: переезд тоже мне помогал и восстановлял. Бог милостив и обратит, может быть, то и другое в мое излечение. Знаю, что я сам по себе далеко того недостоин, и не ради моих молитв, но ради молитв тех, которые обо мне молятся, в числе которых одна из первых вы, мне ниспошлется облегчение, а что еще выше – уменье покоряться радостно Его святой воле. Итак, покаместь прощайте до Рима».

[1] См. ***1845. Сентября 21 <9>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау.***
[2] См. ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4>. Рим.***
[3] См. ***1845. Августа 5 <17>. Воскресенье. С. Покровское.***
[4] См. ***1845. Сентября 21 <9>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау.***

СЕНТЯБРЯ 7 <19>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает брату Ивану в Калугу:

«Машенька[1] <...> мне пишет[2], что в “Illustration”, номер от 19-го июля, она прочла очень хорошую статью о современной русской литературе и Гоголе и Пушкине; очень верные и совсем не французские суждения; ты, может быть, найдешь где-нибудь этот журнал, так прочти».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 844.

[1] М. Г. Карташевская.
[2] См. ***1845. Августа 20 <сентября 1>. Понедельник. Кобрино.***

СЕНТЯБРЯ 8 <20>. СУББОТА. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. МОСКВА

Н. М. Языков пишет Н. Н. Шереметевой:

«Я продолжаю ожидать письма от Гоголя и не знаю, где он теперь. Из Карлсбада, конечно, он уже давно уехал; говорят, он собирается оттуда в Италию. <...> На днях были в Москве <Аксаковы>, провожали И<вана> С<ергеевича> на службу в К<алуг>у[1]; любопытно будет знать, как подействует на молодое его сердце взгляды тамошней губернаторши[2], известные своею проницательностию?»

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 176.

[1] См. ***1845. Августа конец – сентября до 5 <сентября до 17>. Москва.***

[2] А. О. Смирновой. Назначение мужа Смирновой, Н. М. Смирнова, калужским губернатором состоялось 5 июня 1845 г. (см. ***1845. Июня 6 <18>. Среда. Павлино***). Из Петербурга в Калугу Смирнова отправилась 21 октября 1845 г. (см. ***1845. Октября конец <ноября средина>. Санкт-Петербург***); прибыла туда 13 ноября (см. ***1845. Ноября 13 <25>. Вторник. Калуга***).

СЕНТЯБРЯ 21 <9>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ГРЕФЕНБЕРГ-ФРЕЙВАЛЬДАУ

Гоголь отправляется из Грефенберга в Рим. Перед отъездом отправляет письма С. Т. Аксакову и Н. М. Языкову[1] в Москву (письмо к Языкову не сохранилось[2]) и графине А. Г. Толстой в Париж (последнее письмо оставляет в Грефенберге графу А. П. Толстому, который отправил его 23 сентября (н. ст.) 1845 г.[3]).

Из письма к Аксакову: «Благодарю вас, бесценный Сергей Тимофеевич, за ваши два письма[4]. Они мне были очень приятны. Здоровье мое, кажется, как будто немного лучше от купаний в холодной воде, но не могу и не смею еще предаться вполне надежде. Пишите в Рим, куда я отправляюсь; от Языкова узнаете подробнее. Не име<ю> ни минуты свободной».

Позднее, в 1854 г., С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя», комментируя настоящее письмо, писал: «Вскоре Гоголь поехал лечиться холодною водою в Грефенберг. Это леченье было для него спасительно. Из Грефенберга я получил от него только одно маленькое письмецо, из которого, однако, видно, что Гоголь очень поправился в своем здоровье: ибо он мог уже заниматься своим делом. Вот это письмецо без означения года, месяца, числа и места, откуда писано. <...> Вероятно, это письмецо было писано в июле»[5].

Из письма к Толстой: «Благодарю вас очень много, графиня, за то, что не позабываете меня и прилагаете по поклону в письме к графу[6]. <...> ...Жалею только о том, что вы в Париже, а не в Риме, где вам в несколько раз было бы лучше и спокойней как в отношении телесного, так и душевного здоровья. И если бы вы, помолившись крепко, решились с Богом и во имя Божие переехать на зиму в Италию и склонить также и графа к тому, которому необходимо нужно провести зиму в климате потеплее, то ваш переезд совершился бы не только благополучно, но даже с существенной пользой для самого вашего здоровья. Дорога по Италии так же живительна, как и пребывание в ней. Может быть, и мне посчастливилось бы тогда чем-нибудь, хотя малым, быть вам полезным в отблагодарение за ваше гостеприимство[7], дружеское расположение и добрую память, которую вы постоянно сохраняете обо мне».

Позднее, в письме к графине Толстой от 1 октября (н. ст.) 1845 г., Гоголь упоминал также о переданном ему ее мужем в Грефенберге письме: «Благодарю вас, графиня, много и много за вашу память обо мне и поклоны. Граф мне отдал также письмо ваше, которое вы писали ко мне из Парижа и которым приглашали меня ехать в Париж».

[1] См. ***1845. Октября 9 <21>. Вторник. Троицкий Посад (Радонежье, Абрамцево).***

[2] Возможно, письмо было посвящено переводу В. А. Жуковского «Одиссеи» Гомера, которое позднее Гоголь переработал и отправил для публикации П. А. Плетневу (см. ***1846. Июля 4 <июня 22>. Суббота. Карлсбад***), а затем включил в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» – *VII. Об Одиссее, переводимой Жуковским. (Письмо к Н. М. Я<зыко>ву)*.

[3] По свидетельству Г. М. Фридлендера, письмо «является припиской к письму гр<афа> А. П. Толстого к жене от 23 сентября н. ст. 1845 г.» (*Фридлендер Г. М.* Примечания // *Гоголь 1937–1952*. Т. 12. С. 682). Однако, согласно записям, сделанным С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя, 22 сентября (н. ст.) 1845 г. Гоголь был уже в Берлине: «Берлин 22 сентя<бря>» (см. ***1845. Сентября 22 <10>. Понедельник. Берлин***). По всей видимости, Гоголь, написав письмо к А. Г. Толстой, 21 сентября оставил его графу А. П. Толстому для отправки, после чего тот 23 сентября, сделав приписку на гоголевском письме, отправил его по назначению. Называть, вопреки этой последовательности, письмо Гоголя «припиской к письму гр<афа> А. П. Толстого к жене от 23 сентября н. ст. 1845 г.» неверно потому, что ранний текст (от 21 сентября) не может быть припиской к позднему (от 23 сентября). (Письмо Гоголя к графине Толстой имеет надпись на обороте: «Ее сиятельству графине Анне Егоровне Толстой».)

[4] Одно из писем, от 24 мая 1845 г., Гоголь, очевидно, получил от В. А. Жуковского в июле 1845 г. (см. ***1845. Июля 18 <6>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Июля 24 <12>. Четверг. Карлсбад***).

[5] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод*. Т. 2. С. 646.

[6] А. П. Толстой.

[7] См. ***1845. Января 14 – марта 1 <января 2 – февраля 17>. Париж.***

СЕНТЯБРЯ 22 <10>. ПОНЕДЕЛЬНИК. БЕРЛИН

Гоголь заезжает в Берлин к доктору И. Л. Шенлейну[1]; встречается здесь с графом М. М. Виельгорским.

Позднее, 1 октября (н. ст.) 1845 г., Гоголь сообщал графу А. П. Толстому: «С Шёнлейном переговорил окончательно только перед отъездом; впрочем, по его мнению, более речей тратить было незачем, а следовало поспешать в Рим. Выслушавши всё довольно внимательно, он решил, что во мне расстройство в нервической системе, так называем<ое> *nervoso fascoloso* (в брюшной области); над Карусом, его печенью и Карлсбадом посмеялся и определил: приехавши в Рим, поутру вытираться мокрой простыней, потом принять две капли прописанных каплей, а ввечеру – две пилюли. В апреле же месяце ехать в Неаполь и начать морское купанье в Кастелламаре и пить в то же время там обретающуюся воду *Aqua Media*. Когда же сделается слишком жарко, переехать на северное море и воспользоваться, сколько можно, побольше морским воздухом и купаньем. Словом, почти то же, что и я думал. В пище есть побольше мясного и зелени и поменьше мучнистого и молочного. Когда я изъявил ему спасенье насчет кофию, сказал, что это вздор, что кофий для меня даже здоров и лучше, нежели одно молоко, и когда я объявил ему, что выпивал трактирную порцию, он сказал, что это немного, что если бы даже и две, но с молоком и хлебом, и поутру, а не после обеда или ввечеру, то это для меня имеет укрепляющее свойство. Сему бы, вероятно, я обрадовался прежде. Но теперь от кофия отстал и принял холодно такое разрешение. Впрочем я, в противность вашего мнения, всегда был уверен, что кофий мне не вреден, и это узнал из опыта. Как нарочно именно в то время, когда я пил кофий покрепче, у меня нервы были хороши. Именно в Остенде[2] да в первый раз в Риме[3] (после великого нервического расстройства в Вене[4]) пил я кофий в большом количестве (оба раза непосредственно вслед за нервами) и оба раза был здрав. – Итак, вот вам отчет. Обсудивши и подумавши обо всем строго, я решил внутренно последовать пословице: "Людей расспрашивай, а держись своего разума". Умными советами воспользуйся, а изучай в то же время свою собственную натуру для того, чтобы уметь применить к ней умные советы. – Совещанием с Шёнлейном я доволен, и оно отныне да будет последнее мое совещание с доктором насчет главного свойства болезни. Его мнение уже потому для меня значительно, что не противоречит мнениям других докторов, на его стороне большинство [и стало быть я могу быть больше уверен в том, что знаю, что во мне есть]. Болезнь пояснена, и стало мне открытей, чего следует мне придерживаться, в главном я уже знаю, а потому спокойней и с Божьей помощью буду уметь обходиться с собой. За-

тем уложим это дело, как решенное, в архив и не будем больше никогда заикаться о моих недугах. Мы слишком грешили, что часто говорили о таких предметах, т. е. я. <...> Не знаю, получили ли вы письмо, которое послано было[5] на мое имя в Фрейвальдау[6] гр<афом> Мих<аилом> Мих<айловичем> Вьельгорским, – я его, по крайней мере, обратно не получал. Мне жаль, если вы не догадались его распечатать. В этом письме было приложено письмо к вам от графини Апраксиной[7], выехавшей из Берлина в Рим за несколько дней до моего приезда (кстати: отныне не чинитесь относительно писем на мое имя, распечатать всегда можете, ибо, во-первых, секретов в письмах ко мне не бывает, а, во-вторых, если бы и было написано что, о чем не всякому следует знать, то в вашей скромности я уверен). Виельгорскому Апраксины[8] очень понравились, и он, кажется, с ними хорошо познакомился. Рим, как вы видите, наполняется вашими родственниками и близкими людьми, а потому вам и графине будет теперь почти непростительно не побывать в нем».

В письме к С. Т. Аксакову от 29 октября (н. ст.) 1845 г. Гоголь также писал: «О себе, относительно моего здоровья, скажу вам, что холодное леченье мне помогло и заставило меня, наконец, увериться лучше всех докторов в том, что главное дело в моей болезни были нервы, которые, будучи приведены в совершенное расстройство, обманули самих докторов и привели было меня в самое опасное положение, заставившее не в шутку опасаться за самую жизнь мою. Но Бог спас. После Грефފенберга я съездил в Берлин, нарочно с тем, чтобы повидаться с Шёнлейном, с которым прежде не удалось [вид<еться>][9] посоветоваться и который особенно талантлив в определении болезней. Шёнлейн утвердил меня еще более в сем мнении, подивился докторам, пославшим меня в Карлсбад и Гастейн. По его мнению, сильней всего поражены были у меня нервы в желудочной области (в так называемой системе nervoso fascoloso), одобрил поездку в Рим, предписал вытиранье мокрой простыней всего тела по утрам, всякий вечер пилюлю и две какие-то гомеопатические капли поутру, а с началом лета и даже весной – ехать непременно на море, преимущественно северное, и пробыть там, купаясь и двигаясь на морском воздухе, сколько возможно более времени, – ни в каком случае не менее трех месяцев».

В 1856 г. штаб-лекарь А. Т. Тарасенков отмечал: «В 1845 году он <Гоголь> пишет (к С. Т. Аксакову), что он уверился наконец, что главное дело в его болезни – нервы. Это мнение высказано ему было и Шёнлейном. Авторитет этого врача, вместе со всеми собранными до сих пор сведениями, не оставляют сомнения в том, что это мнение справедливо»[10].

В паспорте Гоголя была сделана помета:

«Берлин 22 сентя<бря>»[11].

Далее из Берлина до Дрездена[12] Гоголь, вероятно, ехал по железной дороге через Галле и Лейпциг.

[1] См. ***1845. Сентября 11 <августа 29>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау*** (письмо к графине С. М. Соллогуб).

[2] См. ***1844. Июля 26 – сентября 15 <июля 14 – сентября 3>. Остенде.***

[3] См. ***1840. Сентября 25 <13> – 1841. Августа средина <августа начало>. Рим.***

[4] См. ***1840. Августа вторая половина – конец <августа начало – средина>. Вена.***

[5] Из Берлина.

[6] В Грефенберг-Фрейвальдау.

[7] Софья Петровна (1800–1886), вдова генерал-майора графа Владимира Степановича Апраксина, сестра Толстого.

[8] С. П. Апраксина путешествовала с дочерьми, Натальей и Марией Владимировнами.

[9] См. ***1845. Июля 3 или 4 <июня 21 или 22>. Берлин.***

[10] *Тарасенков А. Т.* Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя // *Свод.* Т. 3. С. 941.

[11] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 125. См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

[12] См. ***1845. Октября 1 <сентября 19>. Среда. Дрезден.***

СЕНТЯБРЯ 22 <10>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

А. А. Иванов сообщает брату С. А. Иванову:

«Вчера поздно приехал я со всем прибором из гор в Рим, где уже остаюсь до последних чисел июля будущего 1846 г. <...> Я думал эту зиму жить с тобой вместе... <...> Если бы ты мог купить для меня в Париже шестнадцатый и последний том Библии Каена, который, вероятно, уже вышел, то сделал бы большое одолжение; все пятнадцать я имею, благодаря Чижову[1]: La Bible. Traduction nouvelle, avec l'Hebreu en regard, par S. Cahen. <...> Вообще все материалы здесь выписываются из Парижа и Лондона, всегда оборыш и дорого. Ты сюда вези для себя все. что тебе нужно, и совсем не надейся на Рим. <...> Когда задумаешь винить нас за непересылку к тебе писем, то вспомни, сколько ты сам был виноват пред отъездом твоим за границу. Ведь я тогда истинно страдал, а между тем я занят еще более тебя. У меня, кроме моей особы, трое-четверо на руках, о счастии которых нужно думать, да еще и переписку вести с людьми дельными: Гоголем, Языковым и Чижовым. <...> У меня мысль была спровадить нынешней зимой тебя в Бари, чтобы сделать перспективный рисунок церкви соборной, где покоятся мощи Николая Чудотворца, столь важного святого для России. Но эта же мысль пришла теперь Раеву. Он туда сбирается, а я об этом пятый год уже как думал. <...> Графа <Ф. П.> Толстого ждут. Волконский и Киль съехались в Геную, чтобы встретить Императрицу, и ехать с ней на приготовленном пароходе в Палермо. Сказывают, что Государь приедет посетить супругу свою в Палермо».

Из писем А. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 340.

[1] См. ***1844. Августа 2 <июля 21>. Пятница. Париж*** (примечания).

СЕНТЯБРЯ 12 <24>. СРЕДА. ПАВЛИНО

А. О. Смирнова пишет Гоголю во Франкфурт:

«Вот четыре недели, как от вас нет весточки, а мне нужно вам прислать сентябрьскую треть[1]. От Жуковского тоже не получаю никакого известия, и пишу так, на всякий случай, во Франкфурт: авось либо он знает, где вы обретаетесь. Полагаю, что вы давно оставили Карлсбад[2]? Не могу понять, отчего вы хотя словом не уведомили меня о своем здоровье и будущих намерениях. Последнее письмо ваше от 26 июля н. ст.[3] пришло сюда 31 июля ст. ст.[4], а у нас теперь 12 сентября. Это меня все очень смущает. Мы с Анной Михайловной[5] часто говорим о вас и сокрушаемся вашим молчанием. <...> Николай Михайлович[6] уже вступил в должность, а я вступлю только в начале октября. У нас там служит один из Аксаковых[7]; я этому очень рада...

...Последний "Москвитянин" плох и отзывается отсутствием Хомякова и проч. Он весь напитан Погодиным. Сологуб пишет всякую дрянь и сидит теперь у меня. Впрочем, его "Воспитанница"[8] *хороша* и вам посвящена. Это рассказ Щепкина, им изложенный».

Граф В. А. Соллогуб к настоящему письму Смирновой сделал приписку:

«Раб Божий Александр[9] поручает себя вашему дружелюбному расположению. <...> "Воспитанница" теперь на воспитании у Никитенки[10], и как только принарядится, то выдет к вам».

[1] Часть денежного пособия, назначенного Гоголю на три года Императором Николаем I (подробнее см.: ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург***).

[2] См. ***1845. Августа 15 <3>. Пятница. Карлсбад.***

[3] См. ***1845. Июля 25 <13>. Пятница. Карлсбад.*** – См. также ***1845. Июля 28 <16>. Понедельник. Карлсбад.***

[4] См. ***1845. Июля 31 <августа 12>. Вторник. Павлино.***

[5] Графиня Виельгорская.

[6] Смирнов, муж Смирновой, назначенный губернатором в Калугу.

[7] И. С. Аксаков.

[8] Повесть графа В. А. Соллогуба (напечатана в сборнике «Вчера и сегодня». СПб., 1845).

[9] «Новорожденный сын В. А. Сологуба» (позднейшее примечание дочери Смирновой, Ольги Николаевны). – См. ***1845. Августа 25 <сентября 6>. Суббота. Павлино.***

[10] Цензор А. В. Никитенко.

СЕНТЯБРЯ 16–18 <28–30>[1]. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ю. Ф. Самарин пишет К. С. Аксакову в Москву:

«Александра Осиповна Смирнова, наконец, получила записку от Гоголя[2] и, зная, как вы его любите, поручает мне переслать ее к твоему батюшке»[3].

Кроме письма Гоголя к Смирновой, Самарин приложил также к своему письму послание Смирновой к С. Т. Аксакову[4].

[1] См. ***1845. Сентября 19 <октября 1>. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] Имеется в виду письмо Гоголя к А. О. Смирновой от 11 сентября (н. ст.) 1845 г. из Грефенберга. Согласно почтовому штемпелю, письмо было получено в Петербурге 15 сентября 1845 г., в полдень.

[3] Из писем Ю. Ф. Самарина // *Свод.* Т. 3. С. 212.

[4] См. ***1845. Октября 8 <20>. Понедельник. Москва.*** – См. также ***1845. Ноября начало <ноября середина>. Москва.***

СЕНТЯБРЯ 29 <17>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский отмечает в дневнике:

«*17/29 сентября.* Письмо к Гоголю».

Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 43.

ОКТЯБРЯ 1 <СЕНТЯБРЯ 19>. СРЕДА. ДРЕЗДЕН

Гоголь отправляет в Париж письма графу А. П. Толстому и графине А. Г. Толстой:

Из письма к Толстому: «Наконец могу вам дать известье о себе. Из Берлина[1] не успел; пишу из Дрездена. <...> Государыню все в Берлине нашли в хорошем состоянии; она взбежала весьма скоро на лестницу, так что видевшие ее незадолго до того в Петербурге почти не узнали. В Палермо ей никто не советовал из докторов, но она сама ее избрала. Решение это произошло во время сильного жару, который сделался вдруг в Петербурге и в продолжение которого она значительно почувствовала <себя> лучше. Шёнлейна на совет в Берлин не призывали. <...> Жду с нетерпением описанья вашего приезда в Париж и всего, что ни случилось с вами на пути, что всё надеюсь узнать в Риме».

Из письма к Толстой[2]: «Я бы слишком хотел увидеться с вами, если не теперь, то хотя наступающею зимою. Может быть, это случится. Если вы решитесь приехать на зиму в Рим, где вам будет гораздо лучше, чем где-либо, и если Бог продлит жизнь мою и даст мне здоровье, то мы проведем там время душеспасительно и обоюдно полезно. А теперь прошу вас пока молиться обо мне. Мне

слишком нужны молитвы всех молящихся, в том числе и ваши, я же с своей стороны вас помню и не забываю и в ту минуту, как ни грешны мои моленья, но возношу их о вас».

Вероятно, в тот же день, 1 октября (н. ст.) 1845 г., Гоголь отправился из Дрездена — через Прагу, Зальцбург, Гастейн, Верону, Венецию, Болонью и Флоренцию — в Рим.

Согласно записи С. П. Шевырева, в паспорте Гоголя в этот период был сделан ряд помет: «Гастейн[3]. Прага — Зальцбург. Венеция, октябрь. Через Болонью, Флор<енцию> в Рим»[4].

[1] См. ***1845. Сентября 22 <10>. Понедельник. Берлин.***
[2] См. также ***1845. Января 14 — марта 1 <января 2 — февраля 17>. Париж.***
[3] Так в записи Шевырева. На самом деле Гастейн по маршруту следования должен стоять после Зальцбурга.
[4] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 125–126. – См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

СЕНТЯБРЯ 19 <ОКТЯБРЯ 1>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова пишет ответное[1] письмо Гоголю в Рим:

«Вашу записку передала мне Софья Михайловна[2]. Наконец вам немного лучше. Слава Богу! А мне уже снились сны уж подлинно чудесные. Снилось мне, что я получила от вас письмо, которое горело ярким лучом. И бумага, и почерк — все как будто преобразилось. Этот сон рассказан был в доме Вьельгорских, и все ему удивлялись. Пусть оно так, пусть вы преобразились телом и духом, и да увидим мы своими глазами преображение ваших «Мертвых душ» в живительный источник любви и силы для наших собственных мертвых душ[3]. <...> Плетнев ходил в казначейство за вашими деньгами, и там ему сказали, что для получения оных всякую треть вы должны высылать свидетельство посольства или консульства того места, где вы обретаетесь, о вашей драгоценной жизни. Так как за эту треть вы опоздали, то я Дювалю[4] поручила 1000 франков во Франкфурт Жуковскому. Он же, Жук т. е., сидит теперь в Нюрнберге, где ждет Императрицу, но вернется скоро домой, и я ему напишу завтра[5], чтобы вексель выслать к вам в Рим, в посольство. Вы же вышлите Плетневу скорее свидетельство за сентябрьскую и декабрьскую трети. Тогда 1000 франков выплатят здесь Дювалю, а другие 1000 вам вышлет Плетнев в Рим. <...> Аркадий[6] просит меня передать вам его дружеский поклон. <...> Я переслала вашу последнюю записку Аксакову[7] — порадовать старика доброй вестью о вас. <...> Я <...> живу между Петербургом и Москвою; потому часто видаю Самарина[8], напитанного еще духом премудрости ваших друзей и верного ему по сих пор, но грустящего и, кажется, колеблющегося. <...> Императрица у вас в Италии, государь на нашем юге и на днях должен воротиться в Москву, куда едет великий князь Михаил Павлович. Между прочим, скажу вам, что случай доставил мне истинное наслаждение говорить долго с цесаревной[9]. Она настоящее сокровище и душой и умом. Долго расспрашивала меня о воспитании в казенных заведениях и делала такие верные, исполненные здравомыслия замечания, что я удивлялась, как в эти лета, при этой жизни и стольких заботах, она могла так хорошо обдумать этот предмет. Она принимает в Царском Селе раз в неделю, и все разъезжаются обвороженные ее милой, непринужденной обходительностию; особенно довольны ею старики и старухи, которых она никогда не забывает, даже во время танцев. Говорят, что наследник любит ее гораздо более еще и тогда только и счастлив, когда может провести вечер с нею с глаза на глаз. Она совсем несветская, по собственным ее словам, но когда принимает, то показывается именно так, как надобно. За такую цесаревну надобно благодарить Бога и просить, чтобы он ее сохранил для России. Государь от нее без памяти. По-русски она говорит очень хорошо и много читает. Пушкин, Жуковский ей очень известны. Михаила Павловича она очень тронула, изъявив ему желание слушать панихиду в день св. Елизаветы[10]. Всякое слово, которое она ему сказала, было исполнено самого искреннего и глубокого чувства. Пока императри-

ца здесь была, об ней не говорили[11], потому что ей не следовало себя выказывать. Вы понимаете, сколько надобно иметь такту сердечного и сколько ума, чтобы при таких обстоятельствах себя не выказать. Вот вам весть хорошая. Вы охотник до таких очерков нравственных, а я охотница оценять достоинство и его выставлять. На это я артист и с непритворным восхищеньем люблю говорить о тех, в которых чувствую душу и ум.

В Павлине живут благополучно и мирно[12]. Меня отпустили с сожалением. <...> Прошу вас, когда вы будете писать, передать им мою благодарность[13]. Графиня Нессельроде проводит нынешнюю зиму в Риме. Если вы ее случайно встретите, хотя она плохо говорит по-русски, не дичитесь ее. У нее душа предобрая, несмотря на испорченность, неминуемую в таком положении, где все льстят. Памятник Карамзину[14] был открыт 12 сентября. Там отличался Погодин[15]. Андрей Карамзин отвечал коротенькою речью, которую вам выписываю по большой моей к вам дружбе, за что прошу вас быть мне очень благодарным. Вот как изъяснился Андрей Николаевич:

“Милостивые государи, ежели каждому русскому останется памятным торжество, соединяющее нас, то какими словами мне, сыну Карамзина, выразить все, чем исполнена душа моя? Гений и талант не наследственные, но наследственно с малолетства питаемое чувство любви к родине, пламенное, святое, – преданность престолу и государю. Мое русское сердце трепещет радостью, видя, как милое мое отечество ценит великие труды, понесенные бессмертным покойником в пользу русского дела и русского слова. Как сын его, исполненный благодарности, с умилением и восторгом возношу заздравный кубок в честь первых виновников торжества, в честь благородного, просвещенного симбирского дворянства. Ура!”

Погодин, между прочим, сказал: “Да цветет Россия долго, долго, выражусь словами Карамзина, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!”

Я получила письмо от Иванова[16]. Не понимаю, отчего он не получает денег. Это дело шло чрез Василия Алексеевича Перовского, которого я не видаю здесь по причине разных обстоятельств. Посредником был Ханыков; но его услали в Ригу по комиссии. Пред отъездом я поговорю с Прянишниковым[17]. Он хороший человек и любитель русского художества. Радуюсь за Иванова, что вы будете в Риме: его надобно поторопить. <...> Вам собирается писать Самарин длинное письмо. Не ёжьтесь с ним: он прекрасно умен и любит вас за вашу живую душу и за “Мертвые души”. Молебен отслужу. Хотя охота молиться меня оставила теперь, но мои дети за вас помолятся. Тоска, тоска и одиночество!»

Много лет спустя, в письме к И. С. Аксакову от 25 сентября – 2 октября (н. ст.) 1877 г., Смирнова вспоминала: «Зимой[18] мужа моего назначили Губернатором в Калугу; он вывез всю нашу мебель, закупил много посуды, люстры и аплике на сто человек и отправился в Калугу[19]. Я переехала на квартиру Карамзиных на зимние <на осенние> месяцы, получила от Гоголя письмо, в котором он просит меня не смущаться предстоящей новой жизнью. “Вы можете сделать много добра, в моих советах не будет недостатка[20], замечайте сначала все, но будьте, по словам апостола Якова, косны глаголати[21]. Утешайте себя возможностию делать плодотворное добро”. Приезд мой в Калугу был новой эрой в моей жизни...»[22]

[1] См. ***1845. Сентября 11 <августа 29>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау***.

[2] Графиня Соллогуб.

[3] Вслед за А. И. Герценом (см. ***1842. Июля 29 <августа 10>. Москва***) и М. С. Щепкиным (см. ***1842. Октября 24 <ноября 5>. Суббота. Москва***) Смирнова одна из первых применила название гоголевской поэмы к характеристике современного светского общества. – См. также ***1845. Июня 19 <июля 1>. Вторник. Павлино***; ***1852. Февраля 10. Прощеное воскресенье. Москва*** (мнение А. В. Никитенко).

[4] Франфузский дипломат. Ср. в автобиографических записках А. О. Смирновой «Биография Александры Осиповны Чаграновой»: «...Бетюн и Дюваль – губернаторская дочка и Чичиков...» (*Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Издание подгот. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 464). – См. также ***1843. Июля 8 <июня 26>. Суббота – августа 27 <15>. Воскресенье. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Баден-Баден, Карлсруэ, Баден-Баден***.

[5] См. также ***1845. Сентября 20 <октября 2>. Четверг. Санкт-Петербург***.

[6] Ар. О. Россет, брат Смирновой.

[7] См. ***1845. Сентября 16–18 <28–30>. Санкт-Петербург***.

[8] См. там же.

[9] Мария Александровна (рожд. принцесса Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария Гессенская и Прирейнская, 1824–1880), жена (с 1841 г.) наследника Александра Николаевича.

[10] 16/28 января 1845 г. в Висбадене скончалась дочь великого князя Михаила Павловича Елисавета Михайловна, принцесса Нассауская. Панихида, очевидно, совершалась 5/17 сентября 1845 г., в день памяти св. пророка Захарии и праведной Елисаветы, родителей св. Иоанна Предтечи. – См. также ***1845. Января 30 <февраля 11>. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[11] Императрица Александра Феодоровна, мать наследника, противилась браку сына с великой княжной Марией Александровной.

[12] Речь идет о Виельгорских.

[13] Гоголь выполнил эту просьбу (см. ***1845. Октября 29 <17>. Среда. Рим***).

[14] В Симбирске. – См. также ***1833. Июля 14. Пятница. Санкт-Петербург.***

[15] См.: Историческое похвальное слово Карамзину, произнесенное при открытии ему памятника в Симбирске, августа 23, 1845 года, в собрании симбирского дворянства, академиком М. Погодиным. М., 1845 (цензурное разрешение – 22 дек.); То же // Москвитянин. 1846. № 1 (цензурное разрешение – 30 янв.). С. 1–66. Об этом слове М. П. Погодина Гоголь упоминает в статье *XIII. Карамзин* «Выбранных мест из переписки с друзьями». – См. также ***1846. Мая 5 <апреля 23>. Вторник. Рим.***

[16] Письмо не сохранилось.

[17] Федор Иванович Прянишников (1793–1867), сановник, вице-председатель Общества поощрения художников.

[18] 5 июня 1845 г. (см. ***1845. Июня 6 <18>. Среда. Павлино***).

[19] В конце июля 1845 г. (см. ***1845. Июля 3 <15>. Вторник. Павлино***; ***1845. Июля 29 <августа 10>. Воскресенье. Павлино***).

[20] Вероятно, Смирнова неточно, по памяти, пересказывает здесь содержание письма к ней Гоголя от 28 июля (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Июля 28 <16>. Понедельник. Карлсбад***).

[21] Иак. 1, 19.

[22] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 266.

СЕНТЯБРЯ 20 <ОКТЯБРЯ 2>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова пишет В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Дюваль, по моему щучьему веленью, выслал на ваше имя письмо с векселем для Гоголя[1]; перешлите этот вексель скорее в Рим в посольство, любезный Василий Андреевич; он теперь очень в коротких и тонких обстоятельствах. <...>

В Павлине мы прочитали ваше письмо к Сол<л>огубу, по случаю Тарантаса. У него, конечно, есть талант, но признаюсь, вот имя-то Тарантас не что иное как слабый отпечаток Мертвых Душ: то же направление, та же смешная сторона, даже и *de la vulgarité*; но нет той силы, той оконченности, которая у Гоголя так живо рисует лицо и тем самым искупила многие недостатки. При этом отсутствие сильного убеждения, и только намеки и улики в отсутствии горячего чувства между классом мыслящим. В доме Вьельгорского нельзя это сказать, конечно, но таково мое мнение о Тарантасе».

Из писем А. О. Смирновой // *Свод.* Т. 2. С. 206.

[1] См. также ***1845. Сентября 19 <октября 1>. Среда. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ 20 <ОКТЯБРЯ 2>. ЧЕТВЕРГ. СЕКИРЕНЦЫ ПРИЛУЦКОГО УЕЗДА

Ф. В. Чижов пишет А. А. Иванову в Рим:

«Батюшка ваш[1] ждет вашего приезда, но что же и как же иначе хотите вы от старика? Однако помните, что не на вас одних возложен крест, и заставляете страдать людей самых близких! Гоголь любит мать, а обстоятельства заставляют предоставить ее горькой судьбе и постоянной разлуке с ним».

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 57.

[1] А. И. Иванов.

СЕНТЯБРЯ 21 <ОКТЯБРЯ 3>. ПЯТНИЦА. ПАВЛИНО

Графиня Анна М. Виельгорская пишет ответное[1] письмо Гоголю в Рим:

«...Как ваше письмо меня обрадовало... <...> Слава Богу, что вам немножко лучше и что вы в состоянии ехать в Рим. <...> Смирнова также очень беспокоилась на ваш счет. Она мне раз сказала: "Quelquefois quand je pense a lui, j'ai *des angoisses* véritables: je me fais des reproches d'être ici, tandis qu'il est tout seul. J'aurais du aller le rejoindre, aller le soigner[2]". Тогда я ее уверяла, что невозможно ей это сделать: как ей оставить детей и мужа, хоть и на короткое время. <...> Она переехала в город[3], где приготовляется к отъезду в Калугу[4]. <...> Мне кажется, что она еще с собою несогласна, нет в ней ничего твердого и спокойного. Все это лето она вела жизнь вялую и недеятельную. Не было у нее постоянных часов для занятия. Детьми она очень мало занималась; настоящая их мать m-lle Overbeck[5]. Я вам все это пишу потому, что, зная ваше влияние на Александру Осиповну, я уверена, что вы можете ей дать хороший совет. Здоровье ее в (том же) самом положении[6], нервы ее расстроены и она часто страдает головной болью. С<офья> М<ихайловна>[7] вас очень благодарит за письмо[8] и напишет вам, как скоро ей будет возможно. Я уже вам объявила рождение ее сына Александра, но не знаю, получили ли вы мое письмо[9], адресованное русскому посольству во Франкфурте. <...> Первого октября мы хотим переехать в город. Мне очень жалко оставить мое любимое Павлино. Вы не можете вообразить себе, какое счастливое прекрасное время я здесь провела. Ежели у меня иногда бывают грустные минуты, — это вследствие собственных моих подлостей. Мне нужно иметь всего больше терпения с самой собою. Чем больше себя испытываешь, тем делаешься смиреннее и снисходительнее для других. Mon plus grand défaut est *l'amour* du *moi*[10]. Я также против этого всего более стремлюсь. Вы мне пишете, что о собственных ничтожных сокрушениях не следует нам и думать. Эти слова сделали на меня впечатление. Я часто буду о них размышлять. Теперь месяц, что я почти никого не видела. Мы в трауре по сестре Лазаревой, графине Hohenthal»[11].

[1] См. ***1845. Сентября 11 <августа 29>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау.***

[2] Иногда, когда я думаю о нем, у меня возникает *страх*: я упрекаю себя, что я здесь, в то время как он совсем один. Я должна присоединиться к нему, ехать о нем заботиться (*фр.*).

[3] В Петербург.

[4] См. ***1845. Октября 15 <27>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[5] Мария Яковлевна Овербек, гувернантка Смирновых.

[6] Галлицизм (примечание В. И. Шенрока).

[7] Графиня Соллогуб.

[8] См. ***1845. Сентября 11 <августа 29>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау.***

[9] См. ***1845. Августа 25 <сентября 6>. Суббота. Павлино.***

[10] Моя самая большая слабость — *любовь к себе* (*фр.*).

[11] Имеется в виду сестра Антуанетты Лазаревой графиня Луиза Гогенталь (дочь брата графини Л. К. Виельгорской (рожд. герцогини Бирон), герцога Густава Каликста Бирона), скончавшаяся в Париже. — См. также ***1844. Ноября 12 <октября 31>. Вторник. Париж*** (примечания).

ОКТЯБРЯ 6 <СЕНТЯБРЯ 24>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский отмечает в дневнике:

«*6 октября*. Письмо к Гоголю»[1].

В отправленном в тот же день ответном[2] письме к Гоголю в Рим Жуковский сообщал:

«Возвратясь из Ниренберга, я нашел здесь ваше письмо <...>; оно несколько поуспокоило тревоги о вас. В Ниренберге я также получил вашу записочку. Теперь, по письму вашему, вы должны быть в Риме. Хотя и не знаю вашего адреса, но не хочу задерживать писем[3], которые получены мною на ваше имя: отправляю их к нашему посланнику Аполлинарию Петровичу Бутеневу, к которому пишу об вас и с которым прошу покороче познакомиться. Он мой давнишний, добрый приятель; он не только что хороший и умный дипломат, но и человек с теплым сердцем и благовонною душою: я уверен, что вы его полюбите и найдете в его обществе душевную отраду, которая будет лекарственна и для тела. Только не дичитесь с ним, не брыкайтесь и не становитесь на дыбы. <...> Швальбах мне помог. Жене вообще хорошо. Дети здоровы. Мальчишку Павла Васильевича[4] нашел я в благословенном состоянии, он метит в Геркулесы. Теперь начинаю вести жизнь по-старому. Принимаюсь за свои переводы. С одной стороны Послания Павла, а с другой Гомер; но при этих работах не раз придется вздохнуть о вас и о наших сходках на моих антресолях[5]. Весьма надеюсь, что Бог позволит нам возобновить их некогда на Руси, под небом Москвы или на берегах Невы, а может быть, где-нибудь у меня, в моем лифляндском домике. А жаль мне расстаться с своим франкфуртским эрмитажем[6]; он так уютен; и найду ли где-нибудь тот покой, которым мне здесь позволил Бог так беззаботно насладиться? Но тревог допускать до себя не должно: всякая тревога есть родная сестра греха. Скажу вам лучше, что свидание мое с Императрицею[7] произошло по желанию и успокоило насчет ее сердца. Путешествие в Италию и несколько месяцев мирной там жизни исцелят ее непременно. Уже и теперь ей лучше. Я уверен (если что другое не случится), что она воротится к нам с обновленными силами и с воскрешенною жизнию. <...> Прошу вас послать непременно и немедленно к вашим корреспондентам ваш адрес. Иначе письма будут доходить к вам в Рим через Франкфурт: крюк этот уж непозволенно велик; да надобно, чтобы вы написали, куда пересылать вам деньги. Я же не останусь долее июня во Франкфурте».

[1] Гоголь в дневниковых записях В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 43.

[2] См. ***1845. Сентября 11 <августа 29>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау***; ***1845. Сентября 12 <августа 31>. Пятница. Грефенберг-Фрейвальдау.***

[3] Среди отправленных Жуковским писем было, в частности, письмо к Гоголю от графини Анны М. Виельгорской от 23–25 августа (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Августа 25 <сентября 6>. Суббота. Павлино***; ***1845. Октября 29 <17>. Среда. Рим***).

[4] Сын Жуковского.

[5] См. ***1844. Сентября 21 <9> – 1845. Января 10 или 11 <1844. Декабря 29 или 30>. Франкфурт-на-Майне.***

[6] Уединением (от *фр.* ermitage).

[7] Императрица Александра Феодоровна.

СЕНТЯБРЯ 24 <ОКТЯБРЯ 6>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА.

Н. М. Языков сообщает брату А. М. Языкову:

«Гоголь был у Признница[1], едет в Рим на зиму; обещал написать мне, что ему сделало водолечение. <...> Жуковский к будущей весне едет в Москву, и ему уже строят в ней дом».

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 176.

[1] В. Присниц.

ОКТЯБРЯ 9 <СЕНТЯБРЯ 27>. ЧЕТВЕРГ. ВЕРОНА

Гоголь пишет А. А. Иванову в Рим:

«...Я еду теперь к вам в Рим... <...> Моллеру скажите, что я его обнимаю и надеюсь это сделать лично через три-четыре дня[1] после этого письма или много – через неделю».

Поручает Иванову присмотреть для него квартиру:

«Имейте в виду для меня квартирку или в Via Sistina и Felice, или Грегориана, — две комнатки на солнце. Можно даже заглянуть [даже взять] и к Celli, моему старому хозяину[2], хотя он своею безалаберностью и беспрерывной охотой занимать деньги смущает меня, но если, кроме его, не найдется в тех мест<ах>, то можно будет и у него: я привык к этим местам, и мне жалко будет им изменить».

[1] См. ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4>. Рим.***
[2] См. ***1837. Ноября не позднее 30 <не позднее 18> — 1838. Июля начало <июня вторая половина>. Рим*** (примечания).

СЕНТЯБРЯ 28 <ОКТЯБРЯ 10>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего — М. С. Щепкин[2].

В тот же день Н. М. Языков писал Ф. В. Чижову (вероятно, в Секиренцы[3]):

«Гоголь поехал на зиму в Рим, — он лечится холодною водою у самого ее чудодея[4] и пишет, что освежился»[5].

[1] *Ельницкая 1978*. С. 305.
[2] *Гриц*. С. 352.
[3] Ср. ***1845. Сентября 20 <октября 2>. Четверг. Секиренцы Прилуцкого уезда.***
[4] Имеется в виду В. Присниц.
[5] Из писем Н. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 177.

ОКТЯБРЯ ОКОЛО 10–11 <СЕНТЯБРЯ ОКОЛО 28–29>. РИМ

А. А. Иванов в письме к Н. М. Языкову в Москву сообщает:

«Получил я от Гоголя письмо[1], его здоровье расстроено, он собирается к нам в Рим».

Из писем А. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 340. — Датировка письма уточнена.

[1] См. ***1845. Октября 9 <сентября 27>. Четверг. Верона.***

ОКТЯБРЯ МЕЖДУ 12 И 16 <МЕЖДУ СЕНТЯБРЯ 30 И ОКТЯБРЯ 4>. РИМ

Гоголь прибыл в Рим[1]. На первое время (в итоге оказалось более недели[2]) остановился в гостинице. Желая узнать, какую квартиру присмотрел для него А. А. Иванов[3], пишет художнику:

«Уведомляю вас, Александр Андреевич, что я приехал и остановился в Cesari и жду вас, сам же к вам нейду по причине болящей ноги. <...>

Al Signor Alessandro Iwanoff. Александру Андреевичу Иван<ову>. Via Apolinaria 16»[4].

В 2001 г. В. Н. Гасперович указывала: «В письме Гоголь сообщает, что остановился в "Cesari", тогда как на оборотной стороне — адрес: "Via Apolinaria 16". <...> ...Адрес писателем написан неправильно. В Риме никогда

не было виа Аполинария. В районе Трастевере есть виа Аполлония, но там в 1845 г. было только 15 домов. Недалеко от площади Навона есть церковь и площадь S. Apollinare, раньше была и улица. И вот здесь, в доме № 16 и проживал на 1-ом этаже А. А. Иванов со своими итальянскими друзьями – супругами Марини[5], здесь же жил и брат художника – архитектор Сергей. (<...> ...Хочется подчеркнуть, что имена и профессии обоих братьев указаны правильно[6]. Что касается их веры – замечено: "scismatico" (раскольник).) На наш взгляд, не исключено, что Иванов не получил ни этого, ни следующего письма Гоголя[7]. По всей вероятности, писатель по рассеянности перепутал не только двух святых, но и мужской и женский род»[8].

Вероятно, Гоголь привез тогда для Иванова ряд прорисей из книги А. Дидрона «Иконография христианства», сделанных им в начале того же года в Париже[9].

В 1928 г. В. М. Зуммер сообщал: «7 рисунков Гоголя в Музее Слободской Украины представляют перерисовку на прозрачную кальку иллюстраций "Iconographie chrétienne. Histoire de Dieu" M<essieurs> Дидрона (Париж, 1843; рис. 2, 6–8, 14, 24, 126), преимущественно из первого раздела книги – о нимбе, ореоле, "славе". Интерес к вопросам иконографии, знакомство с книгой Дидрона и техника калькирования пришли к Гоголю, возможно, от Ал. Иванова[10]. <...> Прориси с иллюстраций Дидроновой "Histoire de Dieu", что хранятся в Музее Слободской Украины, не есть, конечно, результат художественного творчества Гоголя <...>, <однако> представляют собой любопытный материал, который характеризует круг интересов Гоголя... <...> Со слов И. Ерофеева[11] передаю историю этих рисунков. <Преосвященный> М<ихаил> Грибановский, один из прототипов чеховского "Архиерея", что был викарным епископом в Полтаве, был близок к семье Головни и Быковых. От них он и получил в подарок ряд гоголевских реликвий, и среди них листок с рисунками. <Владыка> М<ихаил> Грибановский умер в Крыму, в Симферополе, в 1898 г. От него листок перешел к его приятелю А. И. Леонтьеву[12], а от Л<еонтье>ва получил его в 1925 г. во время музейной командировки И. Ерофеев»[13].

В. О. Шервуд, познакомившийся с Гоголем около средины февраля 1850 г.[14], в своих «Записках» (1895) сообщал: «Шевыр<ев>, Гоголь, Чижов[15] посыл<али> Иванову древние иконы[16]. Гоголь был другом Иванова, к<а>к<-то> он сам расск<азывал> мне, что спал с ним на одной кровати, и для меня не ост<алось> никак<ого> сомнения, что вся сила высокорелигиоз<ного> одушевления и традиционность типов Иванова в его картине "Яв<ление> Хр<иста> народу" б<ыло> наполовину делом т<а>к назыв<аемых> "Славянофилов"»[17].

Во время проживания в гостинице Cesari Гоголь познакомился с чрезвычайным русским посланником в Риме и при Дворе Тосканском А. П. Бутеневым[18].

[1] См. ***1845. Октября 9 <сентября 27>. Четверг. Верона.*** – См. также ***1845. Сентября 11 <августа 29>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау*** (письмо к А. О. Смирновой); ***1845. Сентября 12 <августа 31>. Пятница. Грефенберг-Фрейвальдау.***

[2] См. ***1845. Октября 25 <13>. Суббота. Рим.***

[3] См. ***1845. Октября 9 <сентября 27>. Четверг. Верона.***

[4] Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. Т. 6. М.; Л., 1961. С. 10.

[5] Хозяина квартиры, где жили Ивановы, звали Лодовик Марини.

[6] Сведения одной из «церковных приходских книг (Stato delle Anime), содержащих записи о ежегодной переписи населения, проводимой приходскими священниками перед Пасхой». Дом, в котором жили братья Ивановы, принадлежал к «приходу Св. Августина (S. Agostino) около площади Навона» (*Гасперович В.* Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы. <1837–1846 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 128).

[7] Имеется в виду записка Гоголя, отправленная А. А. Иванову в октябре-ноябре (н. ст.) 1845 г.: «Что с вами, Александр Андреевич? Мне нужно с вами переговорить. Заходите в Скалинату, где я буду обедать в 4 ½».

[8] *Гасперович В.* Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы. <1837–1846 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 131.

[9] См. ***1845. Января 14 – марта 1 <января 2 – февраля 17>. Париж.***

[10] Семь прорисей на лист прозрачной кальки древних икон – иллюстраций книги А. Дидрона «Iconographie chrétienne» («Иконография христианства»), вышедшей в 1843 г. в Париже, нашли прямое отражение в композиции «Явления Мессии» Иванова (см.: *Виноградов И. А.* Явление картины – Гоголь и Александр Иванов //

Наше наследие. 2000. № 54. С. 110–125; *Виноградов 2001*. С. 670–708; *Виноградов И. А.* Творений Гоголевых чтение. О духовном наследии писателя. М., 2018 – в печати). – См. также примеч. ниже. Кроме того, см. ***1844. Августа 2 <июля 21>. Пятница. Париж*** (примечания).

[11] См. также ***Конец 1820-х (не позднее 1829)***.

[12] Александр Иванович Леонтьев, смотритель Симферопольского духовного училища, близкий друг, душеприказчик и биограф владыки Михаила (Грибановского).

[13] *Зуммер В. М.* Рисунки Н. В. Гоголя в Музее Слободской Украины // *Свод*. Т. 3. С. 364–365.

[14] См. ***1850. Февраля средина. Москва.***

[15] При аресте Ф. В. Чижова в 1847 г. <см. ***1847. Мая 14 <26>. Среда. Санкт-Петербург***> среди его бумаг была обнаружена «Записка московского проф<ессора> <М. П. Погодина> к раскольнику купцу <Т. Ф.> Большакову <1794–1863>» с просьбой допустить Чижова к рассмотрению образов в раскольничьих церквях. «Погодин, между прочим, говорит, что Чижов может быть к этому допущен: ибо вполне русский и носит бороду. Чижов, между прочим, выставляет это причиной, почему он отпустил бороду» (Кирило-Мефодіївське товариство. В 3 т. Київ, 1990. Т. 3. С. 226). Шервуд сообщал: «Ч<и>ж<о>в <был> большого ума, крупного образования, и с необыкновен<но> прекрасным умом соединял глубоко эстетич<еские> и религиозные чувства. Иванова он ценил и понимал. <...> Чиж<ов> поддержив<ал> православие на Востоке и щедро рассылал утварь, ризы и богослужебные книги» (*Шервуд В. О.* Вечера у Шевырева (Гоголь) // *Свод*. Т. 3. С. 713).

[16] 14 декабря (н. ст.) 1844 г. Чижов писал Н. М. Языкову из Рима: «Есть к вам просьба: Ал<ександру> Анд<реевичу> Иванову необходимо знать, как изображалось у нас Воскресение Спасителя. Все, что он ни читает, сколько мы не толкуем, а останавливаемся на одном: что эта минута соединяется в нашей Церкви с искуплением душ, то есть сошествием во ад. Исторического рассказа о воскресении нет, кроме того, что разбежались, и быть не могло, потому что ни Евангелисты, ни кто из Апостолов тут не был. Пожалуйста, растолкуйте брату Иванова <С. А. Иванову>, что нужно перерисовать *со старых образов* сочинение Воскресения Христова...» (*Розанов И.* Н. М. Языков и Ф. В. Чижов. Переписка 1843–1845 гг. // Литературное наследство. Т. 19–21. М., 1935. С. 130). В тот же день А. А. Иванов, в свою очередь, обращался к Языкову: «Федор Васильевич <Чижов> к вам пишет и торопит меня сказать вам два слова... <...> Позовите, пожалуйста, брата моего к вам и укажите ему, где бы можно было в Москве найти иконные образа изображения "Воскресения Христова", и с этих композиций <...> потрудился бы мне начертить в маленьком виде, дабы иметь понятие, как нам передали греки сей образ...» (*Бернштейн Б. М.* Александр Андреевич Иванов (1806–1858). Письма и записные книжки // Мастера искусства об искусстве. М., 1969. Т. 6. С. 305).

[17] *Шервуд В. О.* Вечера у Шевырева (Гоголь) // *Свод*. Т. 3. С. 713.

[18] См. ***1845. Октября 27 <15>. Понедельник. Рим***; ***1845. Октября 28 <16>. Вторник. Рим***.

1845 ОКТЯБРЯ МЕЖДУ 12 И 16 <МЕЖДУ СЕНТЯБРЯ 30 И ОКТЯБРЯ 4> – 1846 МАЯ 6–8 <АПРЕЛЯ 24–26>. РИМ.

Гоголь живет в Риме. Встречается с художниками А. А. Ивановым, А. Н. Мокрицким[1], Ф. А. фон Моллером, Ф. И. Иорданом и др. Знакомится с графиней С. П. Апраксиной (рожд. графиней Толстой)[2]; был с визитами у А. П. Дурново (рожд. княжны Волконской)[3], у графини М. В. Нессельроде (рожд. Гурьевой)[4]; посещает графиню Е. П. Ростопчину (рожд. Сушкову)[5]. Трижды «мельком» видит прибывшего в Рим Императора Николая I[6]. Встречается с сестрами Ек. и Ел. В. Давыдовыми[7], с А. С. Стурдзой[8]. Работает над «Выбранными местами из переписки с друзьями», «Учебной книгой словесности для русского юношества»; возобновляет[9] работу над вторым томом «Мертвых душ».

В 1852 г. С. П. Шевырев на основании отметок в паспорте Гоголя пометил: «1845/6 зима в Риме»[10].

Осенью 1853 г., Иванов писал графине С. П. Апраксиной: «С сердечным трепетом получил я ваше письмо от 12 (24) июня из рук сына, вами рекомендуемого, Михаила Семеновича Щепкина[11] <...> Вы просите меня к вам писать. <...> Скажу <...> здесь то, что чувствовал со дня знакомства с вашей особой, посредством незабвенного Николая Васильевича. <...> Я всегда замечал мои все планы и намерения несравненно меньшими, чем вы когда-либо предполагали, и потому <...> мне не остается ничего более, как совершить мой настоящий труд[12] в границах моего знания в искусстве, и ждать от вас великой милости»[13].

По приезде в Рим Гоголь, вероятно, приступил к работе над «Учебной книгой словесности для русского юношества». Нигде в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (над которыми Гоголь в то время тоже уже работал) нет упоминаний о поэте Ю. А. Нелединском-Мелецком (1752–1828), тогда как в «Учебной книге словесности...» его имя встречается семь раз. По-видимому, это связано с «напоминанием» об этом поэте А. О. Смирновой, которая 16 декабря 1845 г., в своем первом письме из Калуги, сообщала Гоголю: «Между духовными лицами я отыскала одного старого священника, который обратил Юрия Александровича Нелединского к Богу и был его другом». Письмо Смирновой Гоголь получил в Риме в конце января (н. ст.) 1846 г.[14] Вероятно, над «Учебной книгой словесности...» он работал в период с февраля по апрель (н. ст.) того же года (книга осталась незавершенной).

С гимназических лет Гоголю было известно двенадцатитомное «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах и прозе», составленное А. И. Тургеневым, В. А. Жуковским и А. Ф. Воейковым (1-е изд. СПб., 1815–1817; 2-е изд. 1821–1824); «Основание российской словесности» А. С. Никольского (4-е изд. – СПб., 1822); «Опыт о русском стихосложении» А. Х. Востокова (СПб., 1812). (Об этих книгах Гоголь упоминает в своих юношеских письмах 1824–1825 гг.) К ним следует прибавить употреблявшиеся в Нежинской гимназии «Правила словесности» Я. В. Толмачева (1814–1822).

В 1836 г., в черновой редакции статьи «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году», Гоголь упоминал также об «Учебной книге русской словесности, или Избранных местах из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории русской литературы, изданных Николаем Гречем» (СПб., 1819–1822. Ч. 1–4; 2-е изд., испр. – СПб., 1830). «Изданная им Литература, – писал Гоголь, – очень важная и нужная книга в том отношении, что она обстоятельный указатель изданных у нас сочинений, точный формулярный список авторов, требовавший <...> больших трудов и усилий, но она никого не определяет, никакой степени эстетического достоинства писателей». В 1836 г. Гоголь намеревался поместить в «Современнике» «обстоятельный разбор» «Истории поэзии» С. П. Шевырева (М., 1835). «...Шевырев первый, которого имя останется в летописях нашей литературы»[15], – замечал он в рецензии на этот курс, написанной для пушкинского журнала.

Критически отзывался Гоголь о теоретических воззрениях В. Т. Плаксина[16], автора двухтомного «Учебного курса словесности», с примерами (1-е изд. 1832; переизд. 1843–1844).

Среди книг, отправленных Гоголю из Москвы в Рим в июле 1841 г., есть также «Чтения о словесности» И. И. Давыдова, «Умозрительные и опытные основания русской словесности» А. Г. Глаголева (СПб., 1834), «Очерки русской литературы» Н. А. Полевого (СПб., 1839), «Теория поэзии» (М., 1836) и «Общее обозрение развития русской словесности» (М., 1837) С. П. Шевырева и др.[17]

Некоторые переклички обнаруживает «Учебная книга словесности...» Гоголя со статьей В. Г. Белинского «Разделение поэзии на роды и виды» (1841).

К учебной книге Гоголя имеет также отношение составленный им рукописный сборник «Сочинения Ломоносова и Державина», датируемый временем пребывания Гоголя в России с октября 1841 по май 1842 г.[18]

В бумагах Гоголя сохранились переписанные его рукой стихотворения, которые упомянуты в «Учебной книге словесности...»: «К современному поколению» («Дума» М. Ю. Лермонтова), «Молитва», «Ангел», «Завещанье» (последние три с пометой: «К отделу песней»), «Спор»[19] Лермонтова; «Век ума» М. Н. Лихонина[20]; «Недуг» С. П. Шевырева[21]; «К ненашим» Н. М. Языкова. Последнее стихотворение было выслано Гоголю Языковым в начале января 1845 г. и получено в Париже в начале февраля (н. ст.) 1845 г.[22]

Ко времени тогдашнего пребывания в Риме, вероятно, относятся отдельные заметки Гоголя «Московская цена хлеба в 1845» и «О конном заводе [Глебова]». Возможно, тогда же Гоголем была сделана выписка «Птицы, найденные Лепехиным»[23].

[1] См. ***1845. Октября конец – ноября начало <октября средина>. Рим.***

[2] См. ***1845. Октября 28 <16>. Вторник. Рим***; ***1846. Февраля 17 <5>. Вторник. Рим.*** – Графиня Софья Петровна Апраксина (рожд. графиня Толстая; 1800–1886) вдова генерал-майора графа В. С. Апраксина, сестра графа А. П. Толстого. Позднее, 12 мая 1859 г., В. А. Муханов писал сестрам из Петербурга: «Сегодня отправляется туда <в Москву> С. П. Апраксина, добрая, умная и христиански направленная женщина, которую очень уважал покойный Гоголь» (Гоголь в письмах братьев В. А. и Н. А. Мухановых // *Свод.* Т. 3. С. 595).

[3] См. ***1845. Октября вторая половина – ноябрь <октября начало – ноября средина>. Рим.***

[4] См. ***1846. Января 27 <15>. Вторник. Рим.***

[5] См. ***1845. Декабрь – 1846. Февраль <1845. Ноября вторая половина – 1846. Января средина>. Рим***; ***1846. Января 4 <16>. Пятница. Калуга.***

[6] См. ***1845. Декабря с субботы 13 до среды 17 <с 1 до 5>. Рим.***

[7] См. ***1846. Марта конец <марта средина>. Рим.***

[8] См. ***1846. Апреля 16 или 17 <4 или 5>. Страстной четверг (вечер) или страстная пятница. Рим.***

[9] См. ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн.***

[10] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 126. – См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

[11] Д. М. Щепкина.

[12] Картина «Явление Мессии».

[13] Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 355.

[14] См. ***1846. Января 27 <15>. Вторник. Рим.***

[15] См. также ***1847. Июня 20 <8>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[16] См. письмо Гоголя к А. С. Данилевскому от 13 мая (н. ст.) 1838 г.: ***1838. Мая 13 <1>. Воскресенье. Рим. Вилла княгини З. А. Волконской.***

[17] См.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 732, 734, 736.

[18] См. ***1841. Октября 17 – 1842. Мая 23. Москва.***

[19] См. ***1841. Апреля конец – май <мая вторая половина>. Москва.***

[20] Стихотворение впервые опубликовано, с заглавием «Век ума», в журнале «Москвитянин» (1843. № 9 (цензурное разрешение 18 августа). С. 17–18). В списке примеров «од, гимнов и лирических воззваний» «Учебной книги словесности...» Гоголь поставил это стихотворение после «Думы» М. Ю. Лермонтова, дав им одинаковое заглавие «К XIX веку».

В гоголевских бумагах сохранились также списки стихотворений:

– князя П. А. Вяземского «Сюда!» (напечатано в №10 журнала «Москвитянин» за 1842 (цензурное разрешение 26 окт.), с. 284, с заглавием «Сюда!» и подписью: «*К. Вяземский.* Сентябрь. 1842»);

– Ю. В. Жадовской «Лучший перл таится...»: *Ю. Ж—ая.* Лучший перл таится... (напечатано в № 12 журнала «Москвитянин» за 1843 г. (цензурное разрешение 17 дек.), с. 288, с подписью: «Ю. Ж—ая»);

– А. А. Григорьева «Воззвание» («Восстань, о Боже! не для них...») (напечатано: Стихотворения Аполлона Григорьева. СПб., 1846; цензурное разрешение 31 окт. С. 71; с пометой: «1844 Январь»). Список Гоголя отличается от публикации 1846 г.; в последней отсутствует целая строфа, имеющаяся в гоголевской рукописи, одна строка напечатана в иной редакции.

Кроме того, сохранился список Гоголя басни А. П. Сумарокова «Ученый и богач» («Разбило судно»), написанное им заглавие басни Сумарокова «Заяц», а также пять басен неизвестного автора: «Отец и сынок»; «Бабушка и внучка»; «Конь и Свинья»; «Ребенок и Зяблик»; «Господин, Корова и Поросенок» (*Гоголь 2001.* С. 378–382; *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 655–659).

[21] В рукописном фонде Гоголя *РГБ* хранится также список стихотворения Шевырева «Мадонна» (см.: *Гоголь 2001.* С. 565–566; *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 868–869) (написано в августе 1840 г.; опубл.: Отечественные Записки. 1840. № 12 (цензурное разрешение 14 сент.). Отд. 3. С. 227). Здесь напечатан стихотворный ответ А. С. Пушкину князя П. А. Вяземского «Жизнь» («Дар мгновенный, дар прекрасный...»): – *Ф* – Жизнь // Отечественные Записки. 1840. № 12. С. 230. – См. ***1845. Марта 5 <февраля 21>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***

[22] См. ***1845. Февраля 4 <января 23>. Вторник. Париж.***

[23] Гоголь был знаком с двумя изданиями трудов И. И. Лепехина: Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, в 1768 и 1769 году. СПб., 1771. Т. 1–4; Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею наук. Т. 3. Записки путешествия академика Лепехина. СПб., 1821. См. список Гоголя «Книги» в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. Извлечение из записок Лепехина имеется в записной книжке Гоголя 1841–1845 гг. («Суда ходят по поносу паруса или завозом (Лепехин)»). Имя Лепехина встречается также в записной книжке 1841–1844 г.: «Читать путешествия Лепехина, Палласа, Гмелина».

ОКТЯБРЯ 3 <15>. СРЕДА. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева пишет ответное[1] письмо Гоголю в Рим[2]:

«Наконец <...> имела утешение получить письмо ваше, и как-то стало за вас поспокойнее. <...> Порадовали вы меня, сказав, что выше здоровья – это уменье радостно покоряться святой воле. Дай Бог вам пребывать в сих чувствах. <...> Пишет ко мне Николай Михайлович[3], Бабарыкин возвратился в Москву, что посылка, которую я с ним к вам послала, она находится в Берлине у какого-то трактирщика, которому оставил дипломатической курьер, нашедши в каретной сумке,

где забыл ее, как говорит Николай Михайлович, наш любезный Бабарыкин[4]. И это происшествие случилось в генваре 1844 года. Хоть бы он написал о сем к Николаю Михайловичу. Вот в будущем генваре два года. А письмо мое к вам, говорит, пропало[5]. Какой милый человек. Мне 26 сентября минуло 70 лет, я в мою жизнь не встречала такого человека. И как теперь достать, не знаю. Просила Николая Михайловича, не придумает ли он, через кого. Мне грус<т>но, что до вас не дошло. А с каким усердием заказывала. Какой есть в Москве лучший живописец; с одной стороны Николай Чудотворец, а с другой Иверская Божия Матерь — так, чтобы вам можно было на себя надевать, ехав в дорогу. Вы тогда с почтою не велели присылать, вернее бы дошло, чем с этим Бабарыкиным. В этом ящичке еще были молитвы и шнурки для образа. Признаюсь, жаль, что до вас не дошло. Я его никогда не видывала».

[1] См. ***1845. Сентября 15 <3>. Понедельник. Грефенберг-Фрейвальдау.***

[2] К собственноручной копии Н. Н. Шереметевой этого письма, хранящейся в *РГБ* (Ф. 340. К. 35. Ед. хр. 12. Л. 95), подклеена ее выписка из письма Гоголя к А. О. Смирновой от 15 марта (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Января 9 <1844. Декабря 28>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***).

[3] Языков.

[4] См. ***1845. Августа 10 <22>. Пятница. Москва*** (примечания).

[5] Письмо Н. Н. Шереметевой к Н. В. Гоголю от декабря 1843 г. до нас не дошло. — См. также письмо Н. Н. Шереметевой к Гоголю от 13 декабря 1845 г.: ***1845. Декабря 13 <25>. Четверг. Москва.***

ОКТЯБРЯ 4 <16>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет Гоголю в Рим:

«Любезный друг, давно я не писал к тебе[1] — и сам не знаю почему. И еще бы молчание мое продлилось, но сейчас писал к Киреевскому в ответ на его грустное письмо. Он болен. У него болит сердце. Вдруг как-то сильно захотелось написать и к тебе. Ты также болен, как я слышал. Чем? — не знаю. Но, может быть, это болезнь твоя прежняя. Горько слышать и там и тут о больных, и о каких же больных — которые мыслию своею и словом могли бы столько сеять добра на Русской земле. Неужели нет молитвы, которая бы вас исцелила? Неужели нет силы высшей, которая подняла бы и немощь духа вашего, и немощь тела? Есть она, есть она и всегда готова сойти на вас, да, видно, вы ее плохо призываете.

На твое большое письмо[2] я не отвечал. Ты требовал решительного "да" на свое предложение. Я не мог тебе уступить насильно это "да" и вот почему не отвечал. Предложение твое о сумме, сбираемой с твоих сочинений, не могло быть мною исполнено по двум причинам. Первая — ты должен еще Аксакову. Книги продаются туго, и до сих пор еще не все ему заплачено. Между тем я знал, что Аксаковы нуждаются. Они даже на зиму переселились теперь в деревню по этой причине. Мне казалось несправедливым употреблять твои деньги на бедных студентов, когда еще не уплачен тобою долг человеку нуждающемуся. Языков — другое дело, конечно, подождет. Итак, вот первая причина. О другой говорить я теперь не стану, потому что лишнее, а поговорю с тобою тогда, когда уничтожится первая. Для этого уведомь меня, как велика вся сумма, которую ты должен Аксакову. Со времени твоего отъезда я переплатил ему за тебя, как значится в твоей расходной книге, 5605 р<ублей> асс<игнациями>[3]. Сколько еще остается заплатить, уведомь. Когда я расплачусь за тебя с Аксаковым, тогда примусь с тобою рассуждать о будущем назначении твоих денег. <...> Я докончил публичный курс свой[4] хорошо. Много пережил я в это время. Он мне самому был полезен, не столько в ученом, сколько в духовном отношении. Теперь я занимаюсь тем, чтобы положить то на бумагу, что говорил устно. Лето мы проводили около Москвы, в Астафьеве. Я отдыхал от трудов и отчасти занимался курсом. Семья моя, слава Богу, цветет. Катенька очень мила и нас утешает.

Погодин с честью и славой совершил дело, возложенное на него Симбирском. Он сказал похвальное слово Карамзину при открытии памятника[5]. Теперь заботится о его редакции. Киреевский по болезни не мог продолжать, ко всеобщему сожалению, издание "Москвитянина", которого первые три номера были отличны. Он удалился в деревню. "Москвитянин" тянется теперь

по-прежнему. Я занят большим своим делом[6] и потому не могу в нем участвовать. Елизавета Григорьевна[7] ездила нынешним летом в Крым и до сих пор еще не возвратилась. Этой поездки требовало ее здоровье. Свербеева недавно родила сына Дмитрия. Хомяковы в деревне. Он приезжал сюда на несколько дней, с открытием славян на Кавказе в IV веке[8] и опять уехал до порош и снега. Аксаковы уехали в деревню, как я тебе уже говорил, и живут около Троицы, в 50 верстах от Москвы. Вероятно, вызовет их диссертация Константина[9], которая подана в факультет и теперь читается. Он должен будет ее печатать и защищать. Хороший и большой труд, но во многом он был жертвою странного брожения мыслей. В филологическом отношении тут много прекрасных вещей. Исторические взгляды и взгляды на народную жизнь и песню также весьма живые, светлые, новые. Но Гегель подпустил дыму, иногда и в мысль, а всего более в слог. Что делать? Я люблю душою Константина, несмотря на все его увлечения. Все в нем течет из такого чистого, прекрасного источника: душа сильная и благородная. Но фантазия преобладает в нем иногда и увлекает его туда, куда не следует. Тем он вредит и прекрасным своим мыслям. Ты знаешь, что он решительно бородой и зипуном отгородил себя от общества и решился всем пожертвовать наряду. Диссертация заставит его одеться иначе, но это будет на время только, как он говорит. Его дело было бы изучать народный быт, язык, песни, предания, пословицы. Но Гегель до сих пор всему мешает. Немцы напустили такого туману в эту славную русскую голову, что она до сих пор от того болит. Иван Аксаков развивает талант поэтический необыкновенный. Его "Зимняя дорога"[10] прекрасна и стихом и мыслию. По нашей печатной литературной степи промчался только "Тарантас" Соллогуба[11], не без шума, но так скоро, что едва заметили. Интересы общественные сосредоточены около университета, который более и более привлекает внимание. Публичные лекции и диспуты у нас зрелища».

[1] См. ***1844. Ноября 15 <27>. Среда. Москва.***

[2] См. ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[3] Долг Гоголя С. Т. Аксакову доходил до 7000 рублей (см. ***1842. Мая около 17. Москва*** – примечания).

[4] Речь идет о курсе лекций по древнерусской литературе, прочитанном Шевыревым в 1844–1845 гг. в Московском университете. На основе своих лекций Шевырев создал «Историю русской словесности, преимущественно древней» (см. ***1844. Октября 12 <сентября 30>. Суббота. Париж*** – примечания).

[5] См. ***1845. Сентября 19 <октября 1>. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

[6] Имеется в виду работа над «Историей русской словесности...»

[7] Черткова.

[8] Имеется в виду одно из наблюдений, сделанных Хомяковым в процессе работы над его многолетним «И<сследованием> и<стины> и<сторических> и<дей>» (1837–1852). Одной из главных задач этого труда было проследить путь славян в древней истории (см. ***1849 – 1850 июня начало. Москва***). В то время история славянства оставалась во многом неизученной (см. ***1833. Мая 8. Понедельник. Санкт-Петербург*** – примечания).

[9] Диссертация К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» была защищена 6 марта 1847 г.

[10] См. ***1845. Июля 18 <6>. Пятница. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[11] Повесть В. А. Соллогуба «Тарантас» вышла отдельным изданием в 1845 г.

ОКТЯБРЯ 8 <20>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает М. Г. Карташевской:

«На прошедшей неделе отесенька еще получил письмо от Смирновой с пересылкой записки к ней Гоголя[1], который был очень болен и уведомляет ее о том, что теперь ему лучше, но отесенька уже получил прежде от Гоголя такое же уведомление[2]; тон его писем совершенно так же одинаков ко всем. На зиму он уезжает в Рим, чтоб поправить свое здоровье. По вечерам мы перечитываем Гоголя, начиная с самых первых его сочинений».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 844.

[1] См. ***1845. Сентября 11 <августа 29>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау.***

[2] См. ***1845. Сентября 21 <9>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау.***

ОКТЯБРЯ 9 <21>. ВТОРНИК. ТРОИЦКИЙ ПОСАД[1] (РАДОНЕЖЬЕ, АБРАМЦЕВО)

С. Т. Аксаков пишет ответное[2] письмо к Гоголю в Рим:

«Я получил вашу записочку через Языкова, прочел также ваше письмецо к нему[3] и знаю, что вы писали к Александре Осиповне[4], с которой я, к душевному моему удовольствию, познакомился заочно и даже переписываюсь. Мой Ваня служит в Калуге и живет в совершенном пустынном сиротстве: А<лександра> О<сиповна> заранее предлагает ему свой дом как родной, как *его собственный* (так она выражается). Я увижу эту необыкновенную женщину в проезд ее через Москву и нетерпеливо ожидаю этого свидания[5]. Мне очень хочется сохранить ее образ в моей памяти в числе немногих утешительных воспоминаний, и я не хочу пропустить этого случая: ибо слепота моя приближается. Молю Бога, да подкрепит он ваше здоровье. <...> Еще дело не сделано, не кончено, и делатель не должен погибнуть... <...> Констан<тин> мой меня сокрушает: он бездействует в лютой хандре (это между нами)».

В тот же день О. Сем. Аксакова продолжила письмо мужа:

«Слава Богу! Мы получили известие от вас, что вам хотя немного лучше, что вы едете в Рим, а в Риме вы всегда бывали здоровее и бодрее, нежели в этой Германии. Когда вы были в Карлсбаде[6], я надеялась, что вы решитесь приехать в Россию, что мы увидим вас, *всем* уже тяжело становится не видеть вас четвертый год. Да внушит вам Господь мысль возвратиться скорее на родину, в Россию, где много людей, которые любят вас всею душою горячо, так, как вы никого не найдете в Европе, чтоб вас так любили, вы это знаете сами. Мы переехали жить в деревню, в четырнадцати верстах от Троицы, место святое. Филарет[7] устроил скит, куда не пускают женщин; кто расположен молиться в уединении, тот вполне может. Оленька наша менее теперь страдает, но совершенного выздоровления она, кажется, не может получить; лекарства все оставлены; одно чудесное и видимое милосердие Божие ее спасает. Константин с нами, ожидает, когда прочтут его диссертацию профессора. Гриша во Владимире <*1 нрзб.*> хорошая. Иван переехал в Калугу, где нетерпеливо ожидает приезда Алекс<андры> Осип<овны>. Вот вам коротенький отчет о семье нашей, милый друг наш Николай Васильевич. Сколько могу и умею, молюсь о вас».

[1] См. ***1845. Октября 29 <17>. Среда. Рим.***
[2] См. ***1845. Сентября 21 <9>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау.***
[3] Письмо не сохранилось (см. ***1845. Сентября 21 <9>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау***).
[4] Имеется в виду письмо Гоголя к А. О. Смирновой от 11 сентября (н. ст.) 1845 г. из Грефенберга (см. ***1845. Сентября 16–18 <28–30>. Санкт-Петербург***).
[5] См. ***1845. Ноября начало <ноября средина>. Москва.***
[6] См. ***1845. Июля 16–20 <4–8> – августа 15 <3>. Карлсбад.***
[7] Святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский.

ОКТЯБРЯ 23 <11>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский сообщает Н. Н. Шереметевой в Москву:

«...Уведомлю вас о нашем Гоголе. Он, как вам известно, прожил всю прошлую зиму у меня[1], все хворал; для развлеченья съездил в Париж[2]; путешествие ему помогло, а пребывание на месте опять повредило. Возвратясь ко мне, прожил у меня до лета[3]; потом по слову Коппа отправился в Гастейн[4]; но дорогою рассудил посоветоваться с другими докторами – они его отправили в Карлсбад[5]; Карлсбад ему повредил. Вдруг по собственному вдохновению он кинулся в Грефенберг[6]; ле-

чился холодною водою, ему стало лучше, и он отправился в Рим. Но доехал ли до Рима[7] и что с ним там делается, я не ведаю; он не пишет и на письма не отвечает»[8].

[1] См. ***1844. Сентября 21 <9> – 1845. Января 10 или 11 <1844. Декабря 29 или 30>. Франкфурт-на-Майне.***
[2] См. ***1845. Января 14 – марта 1 <января 2 – февраля 17>. Париж.***
[3] См. ***1845. Марта 3 <февраля 19> – мая 15 <3>. Франкфурт-на-Майне.***
[4] См. ***1845. Июня 18 <6>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***
[5] См. ***1845. Июля 16–20 <4–8> – августа 15 <3>. Карлсбад.***
[6] См. ***1845. Августа около 21 <около 8> – сентября 21 <9>. Грефенберг-Фрейвальдау.***
[7] См. ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4> – 1846. Мая 6–8 <апреля 24–26>. Рим.***
[8] Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 62. – Датировка письма уточнена (вместо: 23 ноября, – исправлено: 23 октября; ср. ***1845. Ноября 17 <5>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне***).

ОКТЯБРЯ 24 <12>. ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь пишет в Петербург три письма: письмо к графиням Л. К. и Анне М. Виельгорским (послание к Виельгорским адресовано «Ее сиятельству графине Вьельгорской, урожденной принцессе Бирон»[1]), письмо к графине С. М. Соллогуб (рожд. графине Виельгорской) и письмо к А. О. Смирновой. Пишет также письмо к матери в Васильевку. (Вероятно, все письма были отправлены на следующий день, 25 октября (н. ст.) 1845 г.[2])

Из письма к Л. К. и А. М. Виельгорским: «Спешу вас уведомить, мои [три][3] прекрасные графини, что я в Риме. Мне лучше; переезд в Италию и теперь, как всегда, подействовал хорошо. В poste restante я нашел письмо от Анны Миха<й>ловны[4], за которое весьма ее благодарю. Всех вас прошу выполнить всё то, о чем вас просил, и всех вообще и порознь каждую из вас, и что вы обещали мне выполнить ради братской любви ко мне. <...> Адрес мой: Via de la Croce, № 80[5], 3 piano».

Из письма к графине Соллогуб: «Узнав на лету о существовании Александра Владимировича[6], спешу вас поздравить и прошу поцеловать его лишний раз за меня».

Из письма к Смирновой: «Друг мой Александра Осиповна, не беспокойтесь обо мне. Мне гораздо лучше. Анна Миха<й>ловна[7] мне писала[8], что вы тосковали о том, что не со мною и что не можете ухаживать за моею болезнью. Благодарю вас от всей глубины вас любящей души; но всё делается не без воли Божией. Иногда хорошо, чтобы мы потерпели кое-что и остались одни, и всё идет впрок и во благо! Я вновь в Риме, длинная дорога мне вновь помогла. Вечный Петр вновь перед мною; Колизей, Монте-Пинчио и все наши старые друзья со мною. Бог милостив, и дух мой оживет, и сила воздвигнется! Жду с нетерпень<ем> описанья вашего приезда в Калугу, до малейших подробностей, которые все до единой мне нужны».

Из письма к матери: «Спешу вас уведомить, маминька, что я в Риме. Длинный переезд и дорога подействовали на меня и на сей раз, как и всегда, благодетельно. Не сомневаюсь, что в этом участвовали и усердные ваши молитвы. Я чувствую себя и крепче и лучше. В Риме я нашел (в poste restante) ваше письмо, адресованное в Карлсбад[9], которое меня очень ободрило, освежило и заставило твердо верить в то, что вы так пророчески мне говорите, что Бог продлит мою жизнь и подаст силы действовать на прославление Его. Обо всем прочем поговорим в следующих письмах. Теперь же спешу отправить поскорей это коротенькое и боюсь, чтобы не постигла его такая же участь, как и тех писем[10], которые таким необъяснимым и непостижимым для меня образом не дошли до вас, – тем более, что на почте письма у нас никогда почти не пропадают. Сестры[11] не пишут мне ни слова о том, что мне приятно знать, и зная, что мне нравятся письма дельные, не упоминают ни слова ни о каком деле».

1 Ср. ***1845. Августа конец – сентября до 5 <сентября до 17>. Москва.***

2 См. ***1845. Октября 25 <13>. Суббота. Рим***; ***1845. Октября 29 <17>. Среда. Рим.*** – На письме к Л. К. Виельгорской имеется почтовый штемпель: «Roma 25 okt 45» (*Городецкий.* С. 444).

3 Кроме Л. К. и Анны М. Виельгорских, Гоголь имел в виду графиню С. М. Соллогуб, которой решил тогда же написать отдельную записку.

4 Письмо от 21 сентября 1845 г. (см. ***1845. Сентября 21 <октября 3>. Пятница. Павлино***). Письмо от 23–25 августа 1845 г. (см. ***1845. Августа 25 <сентября 6>. Суббота. Павлино***) было получено Гоголем позже (см. ***1845. Октября 29 <17>. Среда. Рим***).

5 Описка: на самом деле номер дома, где поселился Гоголь, – 81 или 82 (см. ***1845. Октября 25 <13>. Суббота. Рим***).

6 О рождении сына графини Соллогуб Гоголю сообщали в своих письмах ее сестра графиня Анна М. Виельгорская (см. ***1845. Августа 25 <сентября 6>. Суббота. Павлино***; ***1845. Сентября 21 <октября 3>. Пятница. Павлино***) и сам отец новорожденного граф В. А. Соллогуб, в приписке к письму Гоголю А. О. Смирновой (см. ***1845. Сентября 12 <24>. Среда. Павлино***).

7 Графиня Виельгорская.

8 См. ***1845. Сентября 21 <октября 3>. Пятница. Павлино.***

9 Имеется в виду письмо матери Гоголя (не сохранилось) в ответ на его послание от 28 июля (н. ст.) 1845 г. из Карлсбада (см. ***1845. Июля 28 <16>. Понедельник. Карлсбад***).

10 По-видимому, имеются в виду письма Гоголя в Васильевку от 3 марта (н. ст.) 1845 г. и от средины марта – июня (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Марта 3 <февраля 19>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Марта средина <марта начало> – июня 18 <6>. Франкфурт-на-Майне или Гомбург***; ***1845. Июля 28 <16>. Понедельник. Карлсбад***).

11 Анна, Елисавета и Ольга.

ОКТЯБРЯ 25 <13>. СУББОТА. РИМ

Гоголь отправляет написанные накануне[1] письма к матери, к графиням Л. К. и Анне М. Виельгорским, к графине С. М. Соллогуб и к А. О. Смирновой.

В тот же день Гоголь выезжает из гостиницы Cesari[2]. Домовладелицы Антонина и Виттория Гуэрра (Guerra) заключают с ним договор о сдаче в наем части их квартиры на улице Креста (Via della Croce, № 82). По договору Гоголь получает в пользование две меблированные комнаты и большой зал на четвертом этаже палаццо князя С. Понятовского[3] (palazzo Pouniato<v>ski).

Текст договора рукою В. Гуэрра, на ит. яз. Расписка сохранились в бумагах А. А. Иванова[4].

В 2001 г. В. Н. Гасперович указывала: «В конце 1845 г. Гоголь сообщает друзьям свой адрес: “Via de la Croce № 81, 3 piano”. (Виа дела Кроче № 81, 3-ий <4-й>[5] этаж. По-итальянски пишется “via della Croce”. <...> Сегодня дом, где жил Гоголь находится под тем же № 81. Стоит добавить, что в первой половине XIX в. на 1 этаже (piano terra) дворца находились конюшни. <...>). <...> ...Адрес этот соответствует дворцу князя Понятовского, племянника польского короля. <...> ...В период проживания на этой улице Гоголя в <...> доме <№ 85> в 1846 г. весной числится известный итальянский писатель Сильвио Пеллико, с маркизой Фаллетти Джульетта ди Бароло[6]. (<...> Первый русский перевод книги С. Пеллико “Мои темницы” появился в 1836 г. и был широко известен русской интеллигенции.) В связи с тем, что Гоголь оставался в Риме до мая, не исключено, что этот интересный человек мог привлечь внимание писателя[7], и их знакомство вполне вероятно»[8].

1 См. ***1845. Октября 24 <12>. Пятница. Рим.***

2 См. ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4>. Рим.***

3 Князь Станислав Понятовский (1755–1833), племянник польского короля Станислава Августа Понятовского.

4 Сведения о найме Гоголем квартиры в Риме с 28 октября (н. ст.) 1845 г. по 18 апреля (н. ст.) 1846 г. // *Свод.* Т. 3. С. 582.

[5] «...У итальянцев принято считать этажи с нулевого, «земляного», этажа (piano terra), а не с первого, посему 1-й этаж в Италии соответствует 2-му в России и т. д. <...> ...Мы будем придерживаться итальянской традиции, то есть следовать нумерации, обозначенной в приходской книге» (*Гасперович В.* Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы. <1837–1846 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 129).

[6] Сведения одной из «церковных приходских книг (Stato delle Anime) <1846 г.>, содержащих записи о ежегодной переписи населения, проводимой приходскими священниками перед Пасхой». Дом, в котором жил тогда Гоголь, принадлежал к приходу S. Giacomo in Augusta (*Гасперович В.* Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы. <1837–1846 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 128).

[7] См. также ***1839. Сентября 23 <11>. Понедельник. Никольсбург, Брно.***

[8] *Гасперович В.* Н. В. Гоголь в Риме: Новые материалы. <1837–1846 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 131–132.

ОКТЯБРЯ 25 <13>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский сообщает А. О. Смирновой в Петербург:

«Вот уже целые два месяца прошло с тех пор, как я получил ваше письмо, милая Иосифовна; за ним последовало и другое с векселем Гоголю, – а от меня все еще не было вам ответа. <...> Ваш вексель получен; я пошлю его в Рим к Бутеневу, которому уже рекомендовал Гоголя».

Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 61–62.

ОКТЯБРЯ 27 <15>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь пишет ответное[1] письмо А. О. Смирновой в Петербург (письмо отправлено позднее, 30 октября (н. ст.) 1845 г.[2]):

«Я получил ваше письмо, писанное от 19 сентября из Петербурга... <...> ...Приказываю вам не грустить. Во имя Бога повелеваю вам это. Позабудьте о себе, как бы вас и не было вовсе на свете; помышляйте и думайте только о других. Когда перед нами страждут и вопиют о помощи, грех помышлять о своих недугах и не лететь на помощь. Все, что ни вокруг вас, суть больные, и, если всмотритесь пристально, всяк требует вашей помощи. Вся Калуга будет лазарет ваш. Если ж придут такие минуты, в которые вы будете с одною собою, будьте в это время с Богом, а не с собою: молитесь. Если ж вам не молится, учите буквально наизусть, как школьный ученик, те псалмы, которые я вам дал[3], и учите<сь> произносить их с силою, значеньем и выраженьем голоса, приличным всякому слову. <...> Часа, посвященного мне, не забывайте. Теперь вам нужно будет почти каждый день назначить для меня собственно несколько минут, в которые могли бы записать всё, что ни делается с вами. Мне нужен подробный журнал, как ваш, так и того, что *вокруг вас*».

В тот же день, 27 октября (н. ст.) 1845 г., чрезвычайный русский посланник в Риме и при Дворе Тосканском А. П. Бутенев в поисках Гоголя был в гостинице Cesari[4] и, не застав его, отправил ему записку:

«Не застав уже вас, почтеннейший Николай Васильевич, в Hotel Cesari, где никто не умел означить мне новую вашу квартиру, спешу письменно бить челом и просить у вас прощения в непонятной для меня самого рассеянности моей, которая допустила меня два дня задержать прилагаемое при сем письмо к вам от Василия Андреевича[5], мною еще до прибытия вашего полученное».

[1] См. ***1845. Сентября 19 <октября 1>. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1845. Октября 30 <18>. Четверг. Рим.***

[3] См. ***1843. Ноября 19 <7> – 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.*** – См. также ***1845. Июля 25 <13>. Пятница. Карлсбад.***

[4] См. ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4>. Рим***; ***1845. Октября 25 <13>. Суббота. Рим.***

[5] Жуковского. – См. ***1845. Октября 6 <сентября 24>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне.*** – На письмо Жуковского Гоголь отвечал на следующий день (см. ***1845. Октября 28 <16>. Вторник. Рим***).

ОКТЯБРЯ 15 <27>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев прощается с А. О. Смирновой перед ее отъездом в Калугу[1].

17 октября 1845 г. Плетнев, посылая Я. К. Гроту «журнал» своих текущих дневниковых записей, сообщал: «*Понедельник (15 октября).* <...> ...Поехал проститься с Смирновой, которая на житье уезжает в Калугу, где муж ее губернатором[2]. <...> Все мысли ее преданы Гоголю, к которому еженедельно пишет».

Свод. Т. 1. С. 672.

[1] Из Петербурга Смирнова выехала позднее, 21 октября 1845 г. (см. ***1845. Октября конец <ноября середина>. Санкт-Петербург***).

[2] Назначение Н. М. Смирнова состоялось 5 июня 1845 г. (см. письмо А. О. Смирновой к Гоголю от 6 июня 1845 г.: ***1845. Июня 6 <18>. Среда. Павлино***).

ОКТЯБРЯ 28 <16>. ВТОРНИК. РИМ

Гоголь пишет ответное[1] письмо к В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Я в Риме. Передо мною опять Monte Pincio и вечный Петр. Здоровье мое от дороги и переезда поправилось значительно. Молитвы молившихся обо мне услышаны милосердным Богом. Ваше приятное и милое письмо мною получено. С Бутеневым я познакомился[2] и, кажется, мы с ним сойдемся близко. Всем моим добрым друзьям я послал мой адрес, который я прилагаю и вам: Via de la Croce, № 81, 3 piano. Впрочем, вы можете адресовать прямо на имя посольства, что особенно нужно сделать, если случатся деньги. В Риме я нашел некоторых прежних приятелей и весьма милую сестру графа А. П. Толстого, графиню Апраксину. <...> О франкфуртском уголке не жалейте; спокойствие будет повсюду с вами, и в России вы будете радостнее, чем где-либо. <...> Возношу от всей души Богу благодарственные мольбы за то, что здоровье Императрицы поправилось. Из Петербурга я имею утешительные вести о цесаревне[3]. Она, чем далее, обворожает более и более всех. Понемногу открывается, что это сокровище, которым подарил Бог Россию. Государь ее любит более и более, а что всего важнее, наследник считает прекрасным тот вечер, который ему удается провести глаз на глаз с нею. Всё это, я знаю, вам слишком приятно услышать».

В тот же день домовладелицы Антонина и Виттория Гуэрра (Guerra) получили от Гоголя плату за наем квартиры с 28 октября по 24 ноября (н. ст.) 1845 г.

Текст расписки, выданной Гоголю В. Гуэрра, на ит. яз. Расписка сохранилась в бумагах А. А. Иванова[4].

[1] См. ***1845. Октября 6 <сентября 24>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Октября 27 <15>. Понедельник. Рим*** (письмо А. П. Бутенева).

[2] См. ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4>. Рим.***

[3] См. ***1845. Сентября 19 <октября 1>. Среда. Санкт-Петербург.***

[4] Сведения о найме Гоголем квартиры в Риме с 28 октября (н. ст.) 1845 г. по 18 апреля (н. ст.) 1846 г. // *Свод.* Т. 3. С. 582.

ОКТЯБРЯ 16 <28>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Введены новые правила публикации светских сочинений, заключающих в себе предметы духовные.

В 1846 г. эти новые правила, предположительно, осложнили прохождение в цензуре «Выбранных мест из переписки с друзьями».

«Цензурные мытарства нового произведения Гоголя были осложнены тем, что ряд глав "Выбранных мест" попадал под новые правила публикации светских "сочинений и переводов, заключающих в себе предметы духовные, в каком бы виде они ни были". Об этих правилах 16 октября 1845 года министр народного просвещения <С. С. Уваров> уведомил попечителя Санкт-Петербургского учебного округа <графа М. Н. Мусина-Пушкина>, в ведомстве которого находился Санкт-Петербургский цензурный комитет. В связи с имевшим место в Тифлисе инцидентом выхода "двух книг духовного содержания на грузинском языке", обер-прокурор Св. Синода граф Н. А. Протасов предложил, чтобы "прежде разрешения к напечатанию" светские сочинения духовного содержания "препровождаемы были на предварительное рассмотрение в Комитеты цензуры духовной" (*РГИА*. Ф. 777. Оп. 1. Д. 118. Лл. 1–1 об.)».

Вопросы литературы. 2005. № 6. Ноябрь-декабрь. С. 205.

ОКТЯБРЯ 29 <17>. СРЕДА. РИМ

Гоголь пишет в Петербург ответное[1] письмо к графине Анне М. Виельгорской и письмо С. Т. Аксакову в Абрамцево («В Троицкий Посад») (оба письма были отправлены на следующий день[2]).

В письме к Виельгорской Гоголь сообщал: «Едва я получил[3] ваше письмо, добрый друг мой Анна Михайловна (от 21 сентября)[4], как вслед за ним пришло другое, от Жуковского из Франкфурта[5], писанное от 28-го августа[6]. <...> Не позабывайте, повторяю вам, вновь того, которого я вам поручил[7]. Вы будете ему нужны, особенно теперь, по возвращении его. Начало, сделанное вами, прекрасно, и слова, которые вы ему сказали, именно те, которые нужны. Да встречает он в вас нежную душу сестры и твердый взор верующей в Бога, да дышит от ваших слов надежда несокрушимая и укрепленье – Бог вам помогает, в том не сомневайтесь. Имейте только Его, Всемогущего, в своих мыслях присутствующим несомненно и произносите ваше слово, как бы имели Его Самого об руку вашу, а без Него не произносите вашего слова. И будет слово ваше разумно и облечется силою, вам неведомою. <...> Я рад также тому, что вы ближе и ближе сходитесь с Софьей Миха<й>ловной[8] и что она в вас видит свою потребность душевную. <...> Вам нужно будет также сойтись и непременно поближе с Марие<й> Алекс<андровной>[9]: всё, что ни слышу я о ней[10], говорит о многих сокровищах, в ней заключенных, за что должны также благодарить Бога. И вы ей, и она вам может быть очень полезна. Александре Осиповне передайте это письмецо[11], которое, если она прочтет, помолившись сильно Богу, то я уверен, что грусть ее минет, как тень от скоропреходящего облака. Она, вероятно, уже в Калуге; если так, то письмо ей перешлите туда немедленно. Она вам всем очень, очень благодарна за все ваши ласки и дружбу, оказываемую ей в *Павлине*, и, не умея ничем выразить своей признательности, просит[12], бедненькая, меня сказать вам это. Но я, вместо слов с моей стороны, выписываю вам строки ее самой из письма ее, которые вы передайте маминьке и Софье Михайловне: "Из Павлина меня отпустили с сожаленьем; не умею вам пересказать, сколько я им благодарна за милые их ласки; я не умею никак благодарить; есть слова, которые похожи на комплименты, я их не терплю. Прошу вас, когда вы будете писать им, передать им всю мою благодарность". О себе скажу вам, моя добрая Анна Миха<й>ловна, что Бог ко мне бесконечно милостив, чему, без всякого сомнения, способствовали не мои грешные молитвы, но молитвы молившихся обо мне, которых всех, а в том числе и вас, благодарю всею благодарностью души моей. Я чувствую себя после дороги лучше; климат римский, кажется, по-прежнему благосклонствует ко мне».

Из письма к Аксакову: «Уведомляю вас, добрый друг мой Сергей Тимофеевич, что я в Риме. Переезд и дорога значительно помогли; мне лучше. Климат римский подействует, если угодно Богу, так же благосклонно, как и прежде. А потому вы обо мне не смущайтесь и молитесь. Уведомьте об этом также и маминьку мою. Я хотя и написал к ней письмо[13] сей же час по приезде в Рим и к ней первой, но вообще за письма мои к ней я сильно беспокоюсь. <...> ...Последние письма я даже не смел адресовать прямо на имя маминьки, но адресовал на имя одной ее знакомой, С<офьи> В<асильевны> Капнист[14]. Письмо, однако же, из Рима было послано на ее собственное имя[15]. Оно отдано мною здесь на почту 25 октября здешнего стиля[16]. Об этом прошу вас, друг мой С<ергей> Т<имофеевич>, уведомить маминьку немедленно или поручить кому-нибудь из ваших, кто с ней в переписке. О себе, относительно моего здоровья, скажу вам, что холодное леченье мне помогло и заставило меня, наконец, увериться лучше всех докторов в том, что главное дело в моей болезни были нервы...»[17]

Позднее, в 1854 г., С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя», предваряя цитату из настоящего письма, замечал: «Когда Гоголь воротился в Рим, я не знаю; но вот первое его письмо оттуда»[18].

[1] См. ***1845. Августа 25 <сентября 6>. Суббота. Павлино.***
[2] См. ***1845. Октября 30 <18>. Четверг. Рим.***
[3] См. ***1845. Октября 24 <12>. Пятница. Рим.***
[4] См. ***1845. Сентября 21 <октября 3>. Пятница. Павлино.***
[5] См. ***1845. Октября 6 <сентября 24>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне.***
[6] Письмо от 23–25 августа 1845 г. (см. ***1845. Августа 25 <сентября 6>. Суббота. Павлино***).
[7] См. ***1845. Сентября 11 <августа 29>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау*** (письма к графине Анне М. Виельгорской).
[8] Графиня Соллогуб.
[9] Великая княгиня, жена наследника Александра Николаевича.
[10] См. ***1845. Сентября 19 <октября 1>. Среда. Санкт-Петербург.***
[11] См. ***1845. Октября 27 <15>. Понедельник. Рим***; ***1845. Октября 30 <18>. Четверг. Рим.***
[12] См. ***1845. Сентября 19 <октября 1>. Среда. Санкт-Петербург.***
[13] См. ***1845. Октября 24 <12>. Пятница. Рим.***
[14] См. ***1845. Июля 28 <16>. Понедельник. Карлсбад.***
[15] Письмо было получено М. И. Гоголь в Васильевке (см. ***1845. Ноября 18 <30>. Воскресенье. Васильевка***).
[16] См. ***1845. Октября 25 <13>. Суббота. Рим.***
[17] См. ***1845. Сентября 22 <10>. Понедельник. Берлин.***
[18] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 646.

ОКТЯБРЯ 30 <18>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Согласно почтовому штемпелю[1], в этот день Гоголь отправляет в Петербург законченное накануне[2] письмо к графине Анне М. Виельгорской, с вложением письма к А. О. Смирновой (написанного 27 октября (н. ст.) 1845 г.[3]). Посылает также письма в Москву к Н. М. Языкову и к Н. Н. Шереметевой; прилагает написанное накануне[4] письмо к С. Т. Аксакову и послание к матери[5] (Аксаков должен был переслать письмо к М. И. Гоголь в Васильевку; письмо не сохранилось).

В письме к Языкову Гоголь писал: «Уведомляю тебя, что я в Риме... <...> Дорога меня поправила значительно... <...> Слабость и запоры, которые произвел во мне Карлсбад, подействовавший на меня совершенно противоположно, отчасти прогнаны холодной водой, отчасти остаются. <...> Из письма, при сем приложенного, к Сергею Тимоф<еевичу> узнаешь остальное о моих недугах: мнение Шёнлейна и весь лечебный маршрут, мне предстоящий[6]. <...> Уведоми о Смирновой, если

она уже проеха<ла> Москву[7]. Надежде Ник<олаевне> отдай при сем прилагаемое письмецо. Иванов и Иордан здравствуют и тебе кланяются».

Шереметевой Гоголь также сообщал: «...Я приехал в Рим благополучно. Молитвы молившихся обо мне услышаны милосердным Богом: мне гораздо лучше, и не нахожу слов, чем выразить Ему благодарность. <...> Молитесь же, друг мой, теперь о том, чтобы вся жизнь моя была Ему служение, чтобы дана мне была высокая радость служить Ему и чтобы воздвигнуты были Его всемогущею десницею во мне силы на такое дело».

[1] См.: *Городецкий*. С. 441.
[2] См. ***1845. Октября 29 <17>. Среда. Рим.***
[3] См. ***1845. Октября 27 <15>. Понедельник. Рим.***
[4] См. ***1845. Октября 29 <17>. Среда. Рим.***
[5] См. ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим***; ***1845. Декабря 20 <8>. Суббота. Рим.***
[6] См. ***1845. Сентября 22 <10>. Понедельник. Берлин.***
[7] См. ***1845. Ноября 3 <15>. Суббота. Москва***; ***1845. Ноября 13 <25>. Вторник. Калуга.***

ОКТЯБРЯ 31 <19>. ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь отправляет письмо к графу А. П. Толстому в Париж:

«...Отчего до сих пор от вас ни строчки? <...> ...Я думал, что тот же час по приезде в Рим найду от вас письмо. О себе скажу, что дорога мне сделала пользу. Рим и общество, которое я здесь нашел, в числе которого ваша сестрица[1] (с которою я, разумеется, сей же час познакомился), — всё это подействовало хорошо на дух мой, и хотя я еще не осмотрелся, не уселся плотно и ничего еще не начинал доброго, но надеюсь на милость Божию, что она оживит меня вновь охотой и ревностью к труду, для которого, как известно, призван со времени своего грехопаденья человек и без которого ему тоска. Вы, без сомнения, уже знаете, что Государь в Палермо. Говорят даже, что он будет в Рим на два дни, вследствие этого много русских проезжает через Рим. Я видел пока еще весьма немногих. Бутенев отправился вчера в Палермо; я не видал его перед его выездом, известно только то, что он вызван туда Государем. Ваша сестрица вам уже писала письмо, вероятно, с самым убедительным приглашением ехать в Рим. Я же для вящего к тому соблазну вашему скажу только, что здесь не осень, а лето, все в летних панталонах, а народ без курток. Солнце просто голубит своею теплотою и дышит материнскою любовью ко <всем> здесь пребывающим людям. Таковых дней, каковы здесь постоянно весь месяц (ни одного еще дни не было дурного, или дождливого, или холодного), мы не видали ни разу в Греффенберге. Солнце и солнце, а воздух — сущая благотворность и благодеяние. В течение [месяца] двух недель все русские, приехавшие в Рим проездом, разъедутся, и Рим останется наполнен только теми, которых вам приятно видеть. Впрочем, и теперь нет никого из тех ваших знакомых, с которыми вы бы хотели не видаться. Прилагаю к вам письмо от вашей сестрицы, которая, узнав, что я пишу к вам, присовокупляет от себя несколько строк и некоторое письмо, по словам ее, для вас интересное. <...> Графине передайте мой душевный поклон».

[1] Графиня С. П. Апраксина.

ОКТЯБРЯ 20 <НОЯБРЯ 1>. СУББОТА. КАЛУГА

И. С. Аксаков сообщает родным:

«На этой неделе получил я два письмо: одно от Погуляева[1], другое от Гриши[2]. Погуляев (воротившийся) уведомляет меня, что <...> письмо и сверток на имя Гоголя отданы им в доме Жуковского[3]: Гоголь в то время находился в Спа, а Жуковского не было дома».

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 907.

[1] Н. Т. Погуляев.

[2] Г. С. Аксаков.

[3] Погуляев летом и осенью 1845 г. находился за границей. Ему было передано письмо С. Т. Аксакова от 24 мая 1845 г. и две поэмы И. С. Аксакова («Жизнь чиновника» и «Зимняя дорога»), о которых тот хотел знать мнение Гоголя. Эти произведения были переданы Погуляевым В. А. Жуковскому (см. ***1845. Июля 18 <6>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***) и получены Гоголем, вероятно, только в начале июня (н. ст.) 1846 г. по приезде во Франкфурт к Жуковскому (см. ***1846. Июня 5 <мая 24>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***). Подробнее см.: ***1846. Января 23 <февраля 4>. Среда. Москва*** (примечания).

ОКТЯБРЯ КОНЕЦ – НОЯБРЯ НАЧАЛО <ОКТЯБРЯ СРЕДИНА>. РИМ

Гоголь с пятнадцатью русскими художниками (в числе которых – А. Н. Мокрицкий, Ф. А. фон Моллер, но нет А. А. Иванова) снимается в Риме, дагерротипным способом, у французского фотографа Перро.

Позднее живописец и фотограф Сергей Львович Левицкий (1819–1898) (который, среди других, изображен на снимке) сделал фотогравюру с дагерротипа Перро; в 1878 г. художник И. Е. Репин написал портрет Гоголя, использовав снимок 1845 г. (Вероятно, дагерротип был предоставлен Репину В. В. Стасовым, который, в свою очередь, получил снимок от Левицкого.) В 1879 г. Стасов, по-видимому, со слов Левицкого, сделал описание фотогравюры:

«...Фотогравюра, изображающая Гоголя с несколькими русскими художниками[1] в Риме, снята с дагерротипа, деланного в 1845 г. с натуры французским фотографом Перро (Perrault, Roma, Via Pontefici, № 55). <...> Мы очень легко можем определить время снятия дагерротипа. В группе находятся, в числе других, Гоголь и живописец Штернберг; но до конца октября[2] их обоих не было в Риме. <...> Во второй половине <...> ноября[3] Штернберга уже не стало: он умер от скоротечной чахотки. <...> Поводом к этому послужил приезд в Рим вице-президента академии художеств графа Ф. П. Толстого, которого наши художники любили и уважали... <...> Граф Толстой сопровождал императора Николая I во время его поездки в Италию и в Палермо и присутствовал при всех заказах, данных императором нашим художникам. На память о Риме и нескольких днях, приятно проведенных вместе, наши художники решили сняться все вместе, и подарить свои портреты, группами, графу Толстому при его отъезде[4]. Дагерротипом было сделано несколько разных групп: одна из них та, которую мы здесь воспроизводим; другая, где представлен также живописец Ал<ександр> Андр<еевич> Иванов, уцелела на том экземпляре, который принадлежит теперь Московскому публичному музею[5]; третья состояла из русских художников, смотрящих на тарантеллу, лихо отплясываемую молодым архитектором Монигетти и скульптором Рамазановым с моделью Мариуччей, и т. д.

На нашей фотографии (снятой в обратную сторону против дагерротипа) присутствуют следующие личности. В центре картины сидит *Гоголь*, во фраке и бархатном жилете, с тросточкою в руках. По одну сторону от него идут: архитектор *Бейне*, стоящий во весь рост, скрестив руки на груди; подле него архитектор *Эппингер*, положивший руку на плечо архитектора *Нотбека*; далее – скульптор *Рамазанов*, в большой серой шляпе, без сюртука, и опирающийся обеими руками на палку; у самого края картины, под занавесом – живописец *Орлов*, также в большой серой шляпе. Перед Рамазановым, скрестив руки на груди, сидит живописец *Михайлов*, разложивший себе шляпу на колена; подле него, опершись головою на руку, сидит *С. Л. Левицкий* (нынче фотограф, в то время пейзажист); на его колено опирается, сидя на полу, одна из знаменитейших тогдашних моделей *Мариучча*, в костюме «чучары»; по одну сторону ее полусидит, полулежит, прямо на полу скульптор *Ставассер*, обращенный лицом к зрителю; по другую ее сторону сидит, с улыбкою заглядывая ей в лицо, архитектор *Монигетти*, держащий сигарку в руке; рядом с ним – архитектор *Бравура*, в плаще, а пониже его, на полу, скрестив ноги и с палкою в руке – живописец *Мокрицкий*. По другую сторону от Гоголя стоит, заложив руку за пестрый клетчатый жилет, и в черной войлочной шляпе – живописец *Лавеццари*; перед ним – живописец *Штернберг*, которого голова, возвышающаяся тотчас над головою Монигетти, приходится у руки Гоголя, положенной им себе на колено; подле Лавеццари стоит, в громадной серой шляпе и задрапированный в еще более громадный плащ-альмавиву – живописец *Моллер*; немного отступая от него, у края картины, противоположного Орлову, помещается, опустив курчавую черную голову на грудь – архитектор и скульптор *Шурупов*. Наконец, позади

всех, между Гоголем и Бейне, показывается голова *Глебова*[6]: этот уже был ничуть не художник, а только отставной кавалергардский полковник, но зато "друг художников", как все тогда его называли, любитель художества и хороший человек. <...>

...Мне казалось, всем будет интересно увидать, в первый и единственный раз, портрет Гоголя, нарисованный не рукою художника, а напечатанный солнцем»[7].

Из воспоминаний А. Н. Мокрицкого[8] (изображенного, в числе других, на снимке 1845 г.): «Карл Павлович <Брюллов> <...> еще в 1838 году, когда, по возвращении из Малороссии, я показывал ему слабые опыты по пейзажу, <...> угадал настоящее мое призвание и говорил: *вы, Мокрицкий, пейзажист, и займитесь пейзажем — это ваш род.* Но судьбе видно было не так угодно, или я сам уклонялся от этого, несмотря на то, что и Гоголь, и Иванов твердили то же самое»[9].

[1] На дагерротипе изображены: верхний ряд — живописец П. Н. Орлов, скульптор Н. А. Рамазанов, архитекторы Ф. И. Эппингер, К. А. Бейне, «друг художников» Глебов (отставной полковник), Н. В. Гоголь, живописцы А. Лавеццари, Ф. А. фон Моллер, архитектор и скульптор М. А. Щурупов; средний ряд — живописец Г. К. Михайлов, архитектор П. А. Нотбек, живописцы С. Л. Левицкий, В. И. Штернберг, архитекторы И. А. Монигетти, А. А. Бравура; нижний ряд — скульптор П. А. Ставассер, натурщица Мариучча, живописец А. Н. Мокрицкий.

[2] Гоголь прибыл в Рим в средине октября (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4>. Рим***).

[3] См. ***1845. Ноября 8 <октября 27>. Суббота. Рим.***

[4] См. ***1846. Февраля 27 <15>. Пятница. Рим.***

[5] См. ***1846. Февраля 17 <5>. Вторник. Рим.***

[6] Вероятно, Николай Петрович Глебов-Стрешнев, отставной конно-пионер, разбитый параличом. 2 августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал графу А. П. Толстому из Остенде: «Покуда в Остенде немного русских. Из знакомых вам, кажется, один только Глебов...» 14 августа (н. ст.) 1847 г. он сообщал оттуда же графине Л. К. Виельгорской: «Здесь из ваших знакомых покуда <В. А.> Муханов и Глебов-Стрешнев, очень добрый человек, который отчасти вам и родственник». Ср. также: «Из русских <в 1848 г.> были в Гастейне семейство гр<афа> Федора Петровича Палена; он был очень приятный старик, в то время еще очень веселый и большой любитель анекдотов; брат его Николай Петрович, несчастный Глебов-Стрешнев, отставной конно-пионер, — я говорю "несчастный" потому, что он после припадка паралича не владел ногами и его возили в колясочке. Сестра его, г-жа <Н. П. фон> Бреверн, с мужем <Ф. Л. фон Бреверном> и малолетними дочерьми, из которых одна <Е. Ф. фон Бреверн (1846–1924)> теперь замужем <с 1864 г.> за князем <М. В.> Шаховским, которому высочайше дозволено именоваться кн<язь> Шаховской-Глебов-Стрешнев-Бреверн, а другая недавно вышла замуж за молодого кн<язя> Гедройц» (Записки Владимира Ивановича Дена // Русская Старина. 1890. № 1. С. 75). — См. также ***1849. Октября 22. Суббота. Празднование Казанской иконе Божией Матери. Москва.***

[7] *Стасов В.* Гоголь и русские художники в Риме // *Свод.* Т. 3. С. 371–372.

[8] Мокрицкий жил в Италии с осени 1841 до начала 1849 г. В Риме с Гоголем и А. А. Ивановым определенно встречался в 1845–1846 гг. В марте 1849 г. Мокрицкий вернулся в Петербург. Переехав в Москву на службу в Училище живописи и ваяния, вновь виделся здесь с Гоголем (см. ***1851. Декабря конец. Москва***).

[9] *Мокрицкий А. Н.* Автобиография // *Свод.* Т. 1. С. 601.

ОКТЯБРЯ 25 <НОЯБРЯ 6>. ЧЕТВЕРГ. КИЕВ

Ф. В. Чижов отмечает в дневнике:

«Сейчас пойду в библиотеку, наберу для себя книг. <...> ...Еще возьму Гоголя, только для того, чтобы прочесть всего его вместо отдыха от чтения более замысловатого. К тому же я многого не читал, и еще одно: очень не худо сблизиться с его языком. Статья его "Рим" оставила довольно дурное впечатление, хоть больше по ошибкам против языка, нежели по его нехудожественности. Сколько я помню, у него много оригинальности в самом слоге и особенно, кажется, это заметнее всего в "Мертвых душах"».

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 57.

ОКТЯБРЯ СРЕДИНА – НОЯБРЯ НАЧАЛО <ОКТЯБРЯ НАЧАЛО – ОКТЯБРЯ СРЕДИНА>. РИМ

Предположительно к этому периоду относится недатированная записка Гоголя А. А. Иванову:

«Что с вами, Александр Андреевич? Мне нужно с вами переговорить. Заходите в Скалинату, где я буду обедать в 4 ½».

ОКТЯБРЯ МЕЖДУ 8 И 26[1] <МЕЖДУ ОКТЯБРЯ 20 И НОЯБРЯ 7> . МОСКВА

Н. М. Языков пишет Гоголю в Рим[2]:

«Жду от тебя письма из Рима, как ты доехал и уселся ли опять у своего Челли[3]? У нас уже есть хорошие о тебе вести. Смирнова писала к С. Т. Аксакову[4], что тебе гораздо лучше, что ты стал свежее, бодрее, здоровее и крепче. Слава Богу, и честь Присницу! Знаешь ли ты, что твои “Мертвые души” переведены на немецкий[5] и что твое имя переделано переводчиком из Гоголя в Гогеля; уж не думает ли немец, что ты тоже немец!

У нас все идет по-прежнему: Погодин продолжает “Москвитянина” сам собою, выставляя по два №№ на одной книжке; Панов собирает Альманах к новому году[6]; К<аролина> Карл<овна> Павлова написала множество стихов прекраснейших. Хомяковы в деревне, Елагины тоже и просидят там долго: и наступающая осень, и будущая зима будут у нас тихие. Жду известий от Чижова, который уже сидит у Галаганов в Полтавской губернии: он намеревается водрузить новый журнал в Москве. Это было бы дело важное, славное, утешительное. Говорят, что к весне 1846 года будет в Москву Жуковский!! Прощай покуда. Я не в духе – как-то не пишется».

[1] См. ***1845. Октября около 26 <ноября около 7>. Москва.***
[2] Датировка письма уточнена.
[3] См. ***1837. Ноября не позднее 30 <не позднее 18> – 1838. Июля начало <июня вторая половина>. Рим*** (примечания); ***1841. Апреля 8 <марта 27>. Великий четверг. Рим.***
[4] См. ***1845. Октября 8 <20>. Понедельник. Москва.***
[5] Подробнее см.: ***1846. Марта 19 <31>. Вторник. Москва*** (примечания).
[6] См. также ***1845. Июля 14 <26>. Суббота. Москва.***

ОКТЯБРЯ ОКОЛО 26 <НОЯБРЯ ОКОЛО 7>. МОСКВА

А. О. Смирнова с дочерьми приехала из Петербурга[1] в Москву (проездом в Калугу).

[1] См. ***1845. Апреля 23 <11>. Великая среда. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1845. Октября 15 <27>. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1845. Октября 30 <ноября 11>. Вторник. Москва***; ***1845. Октября конец <ноября средина>. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 8 <ОКТЯБРЯ 27>. СУББОТА. РИМ

Кончина В. И. Штернберга.

На следующий день, 9 ноября (н. ст.) 1845 г., Н. А. Рамазанов сообщал сестре Софье Александровне и ее мужу Павлу Алексеевичу Смирновым: «7 ноября вечером мы были у бедного Штернберга и я читал вслух сочинение Гоголя, а 8 ноября Штернберг в 9 часов утра уронил из глаза прощальную слезу с жизнью и оставил нас навсегда»[1].

В тот же день, 8 ноября (н. ст.) 1845 г., А. А. Иванов сообщал Ф. В. Чижову в Киев:

«[Солнцев[2] напишет вид купола Петра в кустах, с дороги Aqua Acetosa, — зимой будет готов. Но Солнцев ленив и хвастун, все хвалит себя и свою работу — плохой знак для высоты художнической. Он мне сказывал, что брат его[3] назначен по Именному повелению ехать в славянские земли и в Италию, для срисовки всего, соприкосновенного русским школам и древностям. Вот наше проектированное путешествие в Альбанию! — хорошо, что еще русскому оно досталось. Вы говорите: "пусть все русские пишут, да пишут, все сбудете" и проч. Я это давно сам знал, да как нас заставить работать? Все как-то нам скучно или грустно в розницу, так и хочется сойтиться; а сойдешься, так вот и пошли пировать, да пировать, а после и давай извиняться то летами, то незнанием новых мест. С первого взгляда (особенно, когда и сам едешь в той же карете) нельзя назвать нас мерзавцами, но, строго разбирая, это то же — совершенный обман. <...> Думают, что Киль ищет устроить академию: на его квартире уже отведен зал, для ежегодной выставки (работ) русских художников. К стыду нашему, он очень удачно сказал Ставассеру[4], что деньги он будет давать только на его произведения, и что долги его, вследствие кутежей, знать он не хочет, и что как бы Ставассер ни нуждался, хоть бы с голоду умирал, он ему наверное ничего не даст. Эти слова показались обидными и для Клименки[5]; однако ж, они все, и Рамазанов[6], серьезно начали работать. Кто сам собой править не умеет, тому нужен правитель[7]. <...> Смотря в мою даль, я замечаю странную силу невежд, готовых попустить меня в жертву крайней нищеты и уничижения. <...> Гоголь здесь со мной в Риме. Это мне очень кстати для советов — ведь нынешняя зима самая замечательная.] <...> Гоголь здоров и бодр с некоторыми нравственными переменами. [Больше терпелив, и в мире с гадостями светскими. <...> Беда с русскими! Гоголь говорит, что русские лишены от природы *база*, на котором можно бы было все безопасно ставить и строить. Это меня теперь очень занимает. Что вы тут скажете, когда это оправдывается беспрестанно? Я грустен, — это потому, что, при всей моей ежедневной деятельности, люди приближаются ко мне, видят во мне бездействие, даже покушаются придумывать способы, чтобы возбудить меня к деятельности — это обиднее насильства невежественного властелина. Вытаскивать глубокие тайны из моей души в оправдание — значило бы истощать силы, и только на короткое время заставлять их убедиться, а между тем, истощая свои силы на это, более ослабеваешь, чем на самой работе. Благодарю вас усердно за предложение мне сумм на окончание картины. Пока я еще не имею надобности, и желал бы очень не доживать до той степени, чтобы существовать вашими трудами.] Он <Гоголь> меня просил известить Вас, чтоб Вы не оставались более году в России этот раз и, если можно, чтоб приехали этого лета в Ельголанд[8] остров, принадлежащий Англии. К нему пароход ходит раз в неделю из Гамбурга. Там, говорят, самое лучшее место для купания в море. Гоголь там пробудет целое лето — и уверяет, что очень хорошо будет именно с ним Вам свидеться после настоящего Вашего взгляда на Россию. <...> Вы, вероятно, скоро соберетесь в Москву. Гоголь просит Вас сыскать у Погодина Зенькова; это молодой художник, которого Вы во имя искусства должны раскусить и сказать мне, что он такое, и если он с талантом и призванием, то и похлопотать, чтобы он был прислан сюда. <...>

Гоголь говорит, что лучше всего будет, если вы Шаповаленко приищете место теперь в Малороссии, потому что ему здесь оставаться — значит спиться под предводительством Ломтева[9], и меня беспрестанно это тревожит. <...> Мы собираемся часто вместе к обеду в Фиано[10], т. е. Гоголь, Моллер, Сверчков[11] и я. К нам хочет присоединиться Галахов[12] — он здесь с сестрой[13]. Но уже мне не до приятностей теперь»[14].

[1] Из писем Н. А. Рамазанова // *Свод*. Т. 3. С. 567.

[2] Егор Григорьевич Солнцев (1818–1865), художник, мозаичист.

[3] Федор Григорьевич Солнцев (1801–1892), художник, археолог.
[4] Петр Андреевич Ставассер (1816–1850), скульптор.
[5] Константин Михайлович Климченко (1816–1849), скульптор.
[6] Николай Александрович Рамазанов (1817–1867), скульптор.
[7] См. ***1845. Январь <1844. Декабря средина – 1845. Января средина>. Рим*** (примечания).
[8] Гельголанд. – См. ***1845. Июля 3 <июня 21>. Четверг. Веймар, Галле.***
[9] Подробнее см.: ***1845. Январь <1844. Декабря средина – 1845. Января средина>. Рим.***
[10] Трактир.
[11] Владимир Дмитриевич Сверчков (1820–1888), художник.
[12] Иван Павлович Галахов (1809–1849), друг А. И. Герцена и Н. П. Огарева.
[13] Вероятно, Надежда Павловна Галахова (в замужестве фон Плец).
[14] Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 340–342.

ОКТЯБРЯ 27 <НОЯБРЯ 8>. СУББОТА. ВЕЧЕР. КИЕВ

Ф. В. Чижов записывает в дневнике:

«Вчера я читал “Женитьбу” Гоголя и еще некоторые драмматические сцены[1]. Везде видно множество наблюдательного таланта; множество таланта, это правда, но это одно голое наблюдение, не озаренное светом идеи. Я не понимаю одного, каким образом наши критики так превознесли его. Талант огромнейший, но самые произведения никак не могут занимать первоклассного места. Хотелось бы еще раз прочесть “Мертвые души”, еще раз насладиться, но вместе с тем и посмотреть, таковы ли они мне покажутся, как показались прежде».

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 57.

[1] Имеется в виду раздел «Драматические отрывки и отдельные сцены» в четвертом томе гоголевских сочинений 1842 г.: «Игроки», «Утро делового человека», «Тяжба», «Лакейская», «Отрывок», «Театральный разъезд после представления новой комедии».

ОКТЯБРЯ 29 <НОЯБРЯ 10>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

А. О. Смирнова провожает детей, в сопровождении няни М. Я. Овербек, в Калугу. Вечером у Мещерских встречается с А. С. Хомяковым.

См. ***1845. Октября 30 <ноября 11>. Вторник. Москва.***

ОКТЯБРЯ 30 <НОЯБРЯ 11>. ВТОРНИК. МОСКВА

А. О. Смирнова пишет Гоголю в Рим:

«...Со временем вы узнаете от меня целый ряд тайных душевных происшествий, которые сильно подействовали на все мое существование и заключили, конечно, на веки страстную жизнь сердца моего. Вам это надобно знать, потому что вы не чужды всему случившемуся; имя ваше произносилось часто, ежедневно с одинаковым душевным участием, с одинаковою благодарностью за ваше доброе влияние, вы были тут неотлучно и осеняли все, всякое слово, движение – освещали его. Рассталась я без страха, упреков и раскаяния, не смотря на тяжкую, очень тяжкую скорбь; встречу всегда с радостью и уверенностью, что время и разлука не устранят ничего.

Мне встретилась душа живая[1], чистая, полная любви ко всему прекрасному, которая сама сторожит за собою, как за сокровищем, и боится не только утраты, но даже ослабления своих святых чувств и убеждений. Мне встретился и ум светлый, все понимающий, все наблюдающий, разум высокий, строгий судья самого себя.

Мне встретилось все, что даже и в светском человеке необходимо. Природа щедро одарила, даже и общественным положением, даже и красотой, это прекрасное существо, под влиянием которого не только не потрясено вами побужденное во мне чувство, но даже его и подкрепило. Не смотря на это доброе влияние, в душе моей была сначала сильная буря, в ней пробудились старые страстные порывы, – колебалась – волновалась вся; но, наконец, восторжествовало все; и убеждение, что жертвою искупится жизнь прошлая и грешная, опять вошло в душу и рассталась я с грустью, но с благодарностию. Хороша, тепла еще эта душа – и верит и любит – и да сохранит ее Господь вечно в своей красоте. Где и когда мы свидимся, мне неизвестно; знаю только, что встретимся, как братья. Вас, любезный друг мой, должна я благодарить много, и часто ежедневно вас благодарили, благословляли и любили нежно, как родного брата. Чрез три дня отправляюсь в Калугу[2]; дети уже вчера[3] уехали со своим причтом. У меня кое-какие делишки, да и кое-кого надобно увидеть; поджидаю Сергея Тимофеевича из деревни[4]; сына его[5] в терлике и мурманке еще не видела. Вчера встретилась с Хомячком у Мещерских; тут Андрей Карамзин болен, и мать его, и Александр тут. Тут и Тургенев[6], все та же милая болтунья. Как мил Хомячок, как прелестно болтлив, как детски добр, какой у него голосок, это пташка, сладка поющая. К сожалению, он завтра едет. Спасибо вам, и мне теперь живее чувствуется душа в каждом человеке. Съезжу к Н. М. Языкову[7]. Если бы мне можно было долее остаться, то непременно бы познакомилась с Свербеевой и Елагиной; теперь возобновила с старыми знакомство. Сегодня еду к митрополиту[8] с княжной Цицияновой; ведь вы знаете, что она со мною отправляется в Калугу; она девушка умная, живая и веселая, не смотря на все горести, через которые прошла. Она мне очень по сердцу, мы плачем и смеемся вместе; она все понимает и любит меня. Потом съезжу с ней в Троицу помолиться и повидаться с Голубинским[9].

А отчего вы, друг мой сердечный, замолкли; в Риме, в посольстве, лежит длинное письмо к вам.

Пишите ко мне прямо в Калугу, не забудьте уведомлять, что у вас толкуют о царях и каков наш ангел императрица. Ведь я не имею никаких сношений с придворными и с двором, кроме моих личных сношений с царями. Их я люблю, как любят отца и мать. Напишите же о них, да скажите, с кем вы видаетесь, кто у вас по душе и сердцу в Риме. Итак прощайте до Калуги, неоцененный друг мой. С Софьей Михайловной Сологуб мы расстались нежно, со слезами[10]. Это голубушка моего сердца; сейчас буду ей писать. Не хандрите, вот и я грущу, но не так уже хандрю. Хомяков кричит: "Иерусалиме, Иерусалиме для Гоголя". А что "Мертвые Души"? Я за вас тут вцепилась с симбирским губернатором Булгаковым[11], уж он сам так и лезет в мертвые души; видно, узнал себя злодей в какой-нибудь гадости. Говорит, что вы хохол: так что ж? и я хохлачка, мы с вами росли на галушках и варениках и не хуже Булгакова. Да что такое хохол? Хохол умен, песни поет прекрасно, ленив, обманывает не хуже русского и, притом, еще помнит... Его менее *дубасили* и это значит что-нибудь. Итак прощайте, милый мой хохол с під Пултавы, ваша от души с благодарностию.

Если к вам будет писать Самарин из Петербурга: отвечайте ему и не дичитесь с ним».

[1] Вероятно, речь идет о Ю. Ф. Самарине. Прочитав письмо Смирновой, такой вывод сделал Гоголь (см. ***1846. Января 3 <1845. Декабря 22>. Суббота. Рим***). Позднее, в письме к Гоголю из Москвы от 14–16 мая 1846 г., Смирнова признавалась: «...Мне тяжело было оторваться от Петербурга; в нем заключалось тогда многое для меня; в этой пустыне было одно существо, еще сильно меня привязывающее, но, как нарочно, все лучшие минуты отравлялись неизъяснимой тоской, глупой неудовлетворительностью моего положения, так что, как ни была тяжела разлука, душа отдыхала при мысли, что я удалюсь от мнимых огорчений. Так чудесно помог мне тогда Господь, так чудесно уберег он меня от вреда и скорби истинной».

[2] См. ***1845. Ноября 13 <25>. Вторник. Калуга.***

[3] См. ***1845. Октября 29 <ноября 10>. Понедельник. Москва.***

[4] Аксакова из Радонежья (Абрамцево). Встреча состоялась в начале ноября 1845 г. (см. ***1845. Ноября начало <ноября средина>. Москва***).

[5] К. С. Аксаков.

[6] Александр Иванович.

[7] С Языковым Смирнова, как и в 1843 г. в Риме (см. ***1843. Февраля 27 <15>. Понедельник. Рим***), по-видимому, так и не познакомилась (см. ***1845. Ноября 21 <декабря 3>. Среда. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Москва***).

[8] Святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский.

[9] Протоиерей Федор Александрович Голубинский (1797–1854), богослов, профессор Московской Духовной академии.

[10] См. ***1845. Октября конец <ноября средина>. Санкт-Петербург.***

[11] Фамилию Смирнова приводит неправильно. Имеется в виду Николай Михайлович Булдаков (1802–1849), симбирский гражданский губернатор с 1844 г.

ОКТЯБРЯ 31 <НОЯБРЯ 12>. СРЕДА. КИЕВ

Ф. В. Чижов отмечает в дневнике:

«Минутами я беру в руки “Мертвые души” Гоголя и беспрестанно прошу внутренно извинения у нашего истинного таланта. Не знаю, с чего мне показался дурным и несовершенным его язык. Теперь он мне кажется превосходным. Нигде, решительно нигде я не заметил, чтоб он выходил за пределы, требуемые предметом. Везде он в рамках рассказа, везде сам язык ровно в ладу с содержанием и с ходом дела. В самых отступлениях он именно таков, каким нужно быть ему, чтоб высказать грусть, наполняющую душу писателя. Есть прогляды, никак не более; разумеется, хотелось бы не видать их; но что же это такое? — не больше как почти типографические ошибки».

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 57.

ОКТЯБРЯ 31 <НОЯБРЯ 12>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

М. Г. Карташевская сообщает В. С. Аксаковой:

«В последних №№ “Illustration” явился перевод Гоголя: “Старосветские помещики” (“Le menage d'autrefois”) и “Les memoires d 'un fou”[1]. Переводил Viardot[2], муж m-me Viardot, который от Гоголя в восхищении. Но этот перевод не дает верного понятия об оригинале. Например, все эти наивные разговоры Пульхерии Ивановны с мужем, которые так характеризуют этих двух лиц, как-то не клеятся по-французски, и вообще, я думаю, не могут быть переведены. Viardot показывал свой перевод George Sand, чтоб дать ей понятие о Гоголе. Она, говорят, пришла в изумление от его таланта, но прибавила: “Странно, у этого человека как будто нет сердца, нет чувства”. Я считаю, что это замечание произошло от перевода[3], который не мог передать всех бесчисленных звуков чувства, разбросанных по всему рассказу и слышимых часто не в словах, а в расположении фразы. Ведь французы сами говорят: “Le ton fait la musique”[4]. И справедливо — часто нет ничего замечательного в словах, но они так сказаны, что выражают много. Говорят, еще явился новый автор, вроде будто бы Гоголя, и его повесть, имеющая будто бы более достоинства гоголевских повестей, печатается в одном петербургском альманахе[5]. Любопытно будет посмотреть!»

Гоголь в письмах М. Г. Карташевской к Аксаковым // *Свод.* Т. 2. С. 961.

[1] Записки сумасшедшего (*фр.*).

[2] Перевод на французский язык пяти произведений Гоголя («Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики», «Вий») был сделан в 1844 г. И. С. Тургеневым и С. А. Гедеоновым и опубликован в 1845 г. Л. Виардо. Перевод «Старосветских помещиков» был напечатан в №№ 136 и 137 парижского журнала «Illustration», от 4 и 11 октября 1845 г.; «Записки сумасшедшего» — в №№ 138 и 139, от 18 и 25 октября (см. ***1845. Ноября первая половина <октября вторая половина>. Париж***).

[3] См. также ***1845. Ноября около 6 <около 18>. Москва.***

[4] Тон делает музыку (*фр.*).

[5] Имеется в виду повесть (или «роман») Ф. М. Достоевского «Бедные люди», напечатанная в изданном Н. А. Некрасовым «Петербургском сборнике».

НОЯБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА <ОКТЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. ПАРИЖ

Вышла в свет книга: Nicolas Gogol. Nouvelles russes. Traduction française publiée par Louis Viardot[1]. В книгу вошли переводы на французский язык пяти повестей Гоголя: «Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики», «Вий».

«В предисловии к этой книге Виардо простодушно объяснил, как случилось, что он, не зная ни слова по-русски, публикует перевод русской книги: "Этот перевод, сделанный в Петербурге, принадлежит мне в меньшей степени, чем двум моим друзьям: И. Т<ургеневу>, молодому писателю, уже приобревшему себе имя как поэт и критик, и С. Г<едеонову>[2], который готовит "Историю славянских народов". Они были так любезны, что диктовали мне французский перевод с русского оригинала. Я же не делал ничего иного, как только исправлял некоторые слова и фразы. И если стиль принадлежит отчасти мне, то передача смысла — исключительно им"»[3].

«...Еще до <...> появления <книги> Виардо опубликовал в "Illustration" переводы "Старосветских помещиков" и "Записок сумасшедшего" (1845, № 136, 4 октября <н. ст.>, с. 74–75; № 137, 11 октября <н. ст.>, с. 86–87 <"Старосветские помещики">; № 138, 18 октября <н. ст.>, с. 106–107; № 139, 25 октября <н. ст.>, с. 122–123 <"Записки сумасшедшего">)»[4].

Почти во всех отзывах французской критики об этом издании (Illustration. 1845. № 125[5]; Journal des Debats. 1845. № 16; Revue des Deux Mondes. 1845. № 12[6]; National. 1846. 13 janvier) предпочтение среди других повестей было отдано «Тарасу Бульбе», который главным образом и создал Гоголю славу во Франции[7]. Положительный отзыв в «Revue des Deux Mondes» («Обозрение двух миров»), принадлежащий Ш. О. Сент-Бёву, был перепечатан в переводе в «Отечественных Записках» (1846. № 1) в статье В. Г. Белинского «Отзывы французских журналов о Гоголе» (статья без подписи)[8].

Сам Гоголь, имея в виду статью Сент-Бёва и публикацию в № 16 «Journal des Debats», 8 января (н. ст.) 1846 г. писал Н. М. Языкову из Рима: «Я уже читал кое-что на французском о повестях в "Revue des Deux Mondes" и в "Des Debats". Это еще ничего. Оно канет в Лету вместе с объявлениями газетными о пилюлях и о новоизобретенной помаде красить волоса, и больше не будет о том и речи»[9].

В 1846 г. Н. И. Греч в письме из Парижа, опубликованном 12 марта в «Северной Пчеле», критически отзывался о переводе повестей Гоголя, изданном Л. Виардо: «Г. Виардо, изданием перевода сочинений Н. В. Гоголя, принес нам и нашей литературной репутации услугу очень сомнительную... <...> Нельзя вообразить себе ничего карикатурнее и смешнее этого перевода. Наблюдательность автора, его искусство схватывать едва уловимые черты Малороссийского быта, его мнимое простодушие, его наивная замысловатость — все это исчезло под губительным пером варвара-переводчика: остались нелепые вымыслы, уродливые сцены, отвратительные подробности, безвкусие и отсутствие всякого благородства и изящества литературного; вместо живого тела видим безобразный скелет. <...> Прочитайте перевод повести "Вий" и скажите, может ли быть что-либо уродливее и нелепее. И еще, в каком странном виде представлено в ней одно из полезнейших и важнейших учебных заведений России[10], в котором образовались многие, не только достойные уважения, но и действительно великие люди. Мы видим в этих картинах забавную карикатуру, а иностранцы принимают все это за чистые деньги»[11].

Эти слова Греча Ф. В. Булгарин сопроводил своим примечанием: «Я совершенно согласен со всем, что Н. И. Греч говорит о сочинениях Г. Гоголя и переводе их на Французский язык, но быв в приятных отношениях к Г-ну Виардо, я обязан, зная дело, представить, при обвинении его, облегчительные обстоятельства... <...> Недавно еще, в текущем году, говорил я в Северной Пчеле (*Всякая Всячина* № 22 Сев<ерной> Пчелы)[12], что у нас есть люди, которые ловят каждого заезжего к нам чужеземного литератора, чтоб внушить ему свои понятия о Русской Литературе и Русских литераторах, т. е. похвальное мнение о своих собственных и приятелей своих сочинениях, и дурное о своих противниках и критиках. Таким образом уловили Г-на Мармье[13] и других; точно так же поймали и Г. Виардо, уверили его, что первый писатель в России, из всех бывших и будущих, есть Г. Гоголь, и пригласили *перевесть* его сочинения. Но как же переводить, когда Г. Виардо, как мне хорошо известно, не знает трех слов по-Русски? К нему отрядили одного из гениев *новой, натуральной школы*, знающего Французский язык (т. е. Французские слова), и он стал надстрочно переводить для Г. Виардо сочинения Г. Гоголя, а Г. Виардо долженствовал сообщить этому переводу слов и свойства Французского языка, как говорится, *офранцузить* чужеземное слово. Встречая часто у Г. Виардо этого гения *новой, натуральной школы*, за бумагами, я однажды

не мог вытерпеть, чтобы не изъявить моего удивления, и тогда Г. Виардо сознался мне, что этот гений переводит для него сочинения Г. Гоголя, с которыми он намерен познакомить Европу»[14].

В. Г. Белинский, процитировав в апрельском номере «Отечественных Записок» (1846. Т. XLV. № 4. Отд. 8. С. 506–510) строки Греча о переводе гоголевских повестей на французский язык, отвечал: «Что сказать на это? "Северная Пчела" вольна находить перевод г. Виардо варварским, как мы вольны находить его превосходным: на вкус товарища нет».

На слова Н. И. Греча о «карикатурности» переводов повестей Гоголя, изданных Л. Виардо, возражал также П. А. Плетнев в «Современнике»[15].

Напротив, вслед за Гречем и Булгариным, критически оценивал позднее, в 1873 г., перевод гоголевских повестей И. С. Тургенева – С. А. Гедеонова – Л. Виардо Ф. М. Достоевский: «Я помню, в моей молодости, как ужасно заинтересовало меня известие, что г-н Виардо <...> переводит нашего Гоголя под руководством г-на Тургенева. <...> И что же? Вышла из этого перевода такая странность, что я, хоть и предчувствовал заранее, что Гоголя нельзя передать по-французски, все-таки никак не ожидал такого исхода»[16]. В 1876 г. Ф. М. Достоевский повторял: «Я не могу без смеха вспомнить один перевод <...> Гоголя на французский язык, сделанный в середине 40-х годов <...> г-м Виардо <...> Вышла просто какая-то галиматья, вместо Гоголя»[17].

[1] Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818–1858) / Составитель Н. С. Никитина. СПб., 1995. С. 106.

[2] Степан Александрович Гедеонов (1816–1878), историк, драматург, сын А. М. Гедеонова.

[3] *Алексеев М. П.* И. С. Тургенев – пропагандист русской литературы на Западе // Труды Отдела новой русской литературы. М.; Л., 1948. <Т.> 1. С. 45.

[4] Примечания // *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. 2 изд., испр. и доп. М., 1986. Т. 12 / Тексты подготовили и примеч. составили: А. И. Батюто, И. А. Битюгова, А. А. Гозенпуд, Н. С. Никитина и др. С. 703.

[5] См. ***1845. Августа 20 <сентября 1>. Понедельник. Кобрино*** (примечания).

[6] Статья Ш. О. Сент-Бёва «Русские повести Николая Гоголя» в «Revue des deux mondes» (Обозрение двух миров. 1845. 1 декабря. № 12) (см. ***1845. Декабря 17 <29>. Понедельник. Москва*** – примечания).

[7] См.: *Некрасова Е. С.* Гоголь пред судом иностранной литературы. 1845–1885 // Русская Старина. 1887. № 9. С. 555.

[8] См.: *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь* 2009. С. 564–567; см. также ***1839. Июня после 5 – июля начало <мая после 24 – июня конец>. Рим, Чивитавеккья, Марсель*** (примечания).

[9] См. ***1846. Января 8 <1845. Декабря 27>. Четверг. Рим.***

[10] Об условности изображенных Гоголем в «Вии» сцен семинарского быта см.: ***1822. Сентября 20. Вторник. Нежин*** (примечания).

[11] *Гр<еч> Н.* Парижские письма. 26 февр. (10 марта) 1846 // Северная Пчела. 1846. 12 марта. № 57. С. 226.

[12] «Много иностранцев приезжают к нам, а никто не хочет взять на себя труда изучить основательно то, о чем намеревается писать. Даже умный и благонамеренный Мармье написал пустяки о Русской Литературе и Русской жизни, почерпая известия от людей, которые навязываются всем грамотным путешественникам, чтоб внушать им выгодное мнение о себе и своих приятелях. <...> А как поступают с нашею литературою Французы? Не зная трех слов по-Русски, они определяют достоинства Русских писателей, а иные даже выдают в свет переводы с Русского языка под своим именем!!!» (*<Булгарин Ф. В.> Ф. Б.* Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1846. 26 янв. № 22. С. 87).

[13] См. ***1842. Мая 28. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Санкт-Петербург.***

[14] Северная Пчела. 1846. 12 марта. № 57. С. 226.

[15] *<Плетнев П. А.>* Разное // Современник. 1846. Т. 42. С. 84–85.

[16] *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. 1873 // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., Наука, 1980. Т. 21. С. 68.

[17] *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. 1876 // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 23. С. 81–82.

ОКТЯБРЯ КОНЕЦ <НОЯБРЯ СРЕДИНА>[1]. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Графиня С. М. Соллогуб пишет ответное[2] письмо к Гоголю в Рим:

«Спасибо вам за последнее письмецо ваше, любезный Николай Васильевич! Оно маленькое, но многозначащее для меня. Вы порадовались моею радостью, и это еще больше увеличило чувство счастья моего. <...> Мы спокойно, мирно и счастливо живем все вместе. Главный центр семейства у маменьки[3]. По воскресеньям мы все у нее обедаем. Владимир Александрович[4] все лето сочинял и писал. Он издает теперь три новые повести, изображающие три эпохи светской женщины[5]. На

днях будут представлять новую комедию его, “Букеты”[6],— критика цвето-страстия нашей публики. Я перевожу теперь с сестрой английскую книгу о воспитании и сама намерена сочинять для Софьи Владимировны[7]. Что вы об этом думаете? У нас большой недостаток в детских книгах, и те, которые существуют, переведены или с немецкого, или с английского. Александра Осиповна уехала 21-го[8]. Она была очень расстроена и много плакала[9]. Мы обещались друг другу писать. Я надеюсь, что она найдет и Калуге если не счастье, то по крайней мере спокойствие. <...> Что делается в Риме? Вы, верно, наслаждаетесь еще теплым воздухом и сверкающим солнцем, а у нас начинает порядочно морозить. Анна Михайловна[10] здорова и весела. Elle a beaucoup gagne depuis un an et travaille enormement sur elle-meme[11]. Мне случается иногда смущаться, но я тогда думаю о милом братце моем[12] и стараюсь успокоиться. <...> Муж мой кланяется вам».

[1] Датировка письма уточнена. Сама С. М. Соллогуб в начале письма пометила: «С. Петербург – 21-го окт<ября> 1845». Однако указанное число совпадает с упоминаемой далее в письме датой отъезда из Петербурга А. О. Смирновой: «Александра Осиповна уехала 21-го» (о чем Соллогуб говорит в прошедшем времени).

[2] См. ***1845. Октября 24 <12>. Пятница. Рим.***

[3] Имеется в виду графиня Л. К. Виельгорская.

[4] Граф Соллогуб, муж С. М. Соллогуб.

[5] Во втором томе изданного в 1855–1856 гг. в Петербурге пятнадцатитомного собрания своих сочинений Соллогуб поместил цикл повестей, озаглавленный «Жизнь светской женщины». В него вошли повести: «Бал» (впервые: *Соллогуб В. А.* На сон грядущий. Отрывки из вседневной жизни. СПб., 1843. Т. 2), «Две минуты» (впервые: Отечественные Записки. 1846. № 1), «Княгиня» (впервые: Отечественные Записки. 1846. № 3), «Старушка» (впервые: Отечественные Записки. 1850. № 4–5). Вероятно, в настоящем письме речь идет о трех последних повестях зтого цикла.

[6] Букеты, или Петербургское цветобесие, шутка в одном действии. СПб., 1845.

[7] Дочь Соллогуб.

[8] См. также свидетельство о близком отъезде Смирновой из Петербурга П. А. Плетнева: ***1845. Октября 15 <27>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[9] См. ***1845. Октября 30 <ноября 11>. Вторник. Москва.***

[10] Графиня Виельгорская, сестра Соллогуб.

[11] Она многого достигла за год и чрезвычайно много работает над собой (*фр.*).

[12] Граф М. М. Виельгорский.

НОЯБРЯ 1 <13>. ЧЕТВЕРГ. КИЕВ

Ф. В. Чижов отмечает в дневнике:

«Напрасно я ищу причины недеятельности в обстоятельствах, в направлении общества, в противоречии с моим внутренним бытом людей, меня окружающих. Всё это существует и для других. Гоголь, судя по его сочинениям, чувствует и глубоко чувствует всё то, что мне кажется, что я чувствую один; понимает и деятельно пускает в ход свои понятия; а между тем Гоголь работает, и, как видно, работает сильно. Не может быть, чтоб такая перемена в языке, какую видно в его сочинениях, начиная от его “Вечеров на хуторе близ Диканьки” до “Мертвых душ”, совершилась без большой работы. Художественное совершенство происходило внутри его, но тут есть еще внешнее совершенство формы, что весьма и весьма важно. Я тоже работаю, тоже стараюсь об обработке моего языка, а между тем всё, или большая часть того, чем я являюсь в обществе, плохо и сильно плохо...»

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 57.

НОЯБРЯ 1 <13>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Графини Л. К. и Анна М. Виельгорские и графиня С. М. Соллогуб получают[1] письма Гоголя из Рима[2].

[1] Согласно почтовому штемпелю на письме к Л. К. Виельгорской (*Городецкий.* С. 444).
[2] См. ***1845. Октября 24 <12>. Пятница. Рим***; ***1845. Октября 25 <13>. Суббота. Рим.***

НОЯБРЯ 2 <14>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев отправляет письмо к В. А. Жуковскому во Франкфурт, с вложением письма к Гоголю.

В письме к Жуковскому, написанном накануне, 1 ноября 1845 г., Плетнев писал: «Гоголю прилагаю здесь письмо. Самому мне писать к Бутеневу[1] показалось как-то совестно. Он и не слыхивал имени моего. Вы, конечно, не затруднитесь переслать. Прошу Гоголя о высылке мне бумаги из миссии, что он жив: иначе и денег не выдают в Государственном Казначействе»[2].

В письме к Гоголю, датированном 2/14 ноября 1845 г., Плетнев писал: «Вероятно ты уже знаешь, любезный Николай Васильевич, почему я до сих пор не могу тебе выслать денег из числа пожалованных тебе Государем. Для получения их из Главного Казначейства каждый раз надобно туда представлять от нашей миссии (смотря по тому, где ты живешь) засвидетельствование, что ты еще в живых. Так как деньги выдаются по третям, то не забывай, что к началу Генваря, Мая и Сентября ежегодно должна ко мне приходить этого содержания бумага, составленная по известной миссии форме и там засвидетельствованная. До сих пор из Главн<ого> Казнач<ейства> я для тебя получил только 98 руб<лей> серебр<ом>, т. е. за последние пять дней марта (указ подписан 27-го числа[3]) и за весь апрель 1845 года. Я знаю, что Смирнова тогда отправила тебе более этой суммы, но это сделано было ею для округления числа отправленных денег и по уверенности, что при начале следующей трети можно будет все это уравнять. Теперь следует мне получить для тебя за две последние трети нынешнего года, за майскую и сентябрьскую по 333 р<убля> 33 к<опейки> сер<ебром> за каждую – всего до 1846 г. 666 р<ублей> 66 к<опеек> с<еребром>.

Смирнова на днях[4] уехала на житье в Калугу, где муж ее получил Губернаторское место. <...> В свое отсутствие пересылку тебе денег поручила она какому-то банкиру. <...>

Не надеюсь, чтобы ты наконец решился хоть раз в месяц писать мне о том, как ты себя чувствуешь, где живешь и что делаешь или сделал. Но это было бы с твоей стороны совсем не лишним. И я так же делал бы, если бы наверное знал, куда писать к тебе. Но ты все оставлял меня в совершенной неизвестности, так что я вот и теперь принужден о самом для тебя нужном деле писать к тебе через Жуковского... <...> Обнимаю тебя в надежде обнять не мысленно, а корпорально».

3 ноября 1845 г. Плетнев, посылая Я. К. Гроту «журнал» своих текущих ежедневных записей, сообщал: «*Журнал трех дней.* <...> *Четверг (1 ноября).* <...> Я <в> эти дни написал письма: Великой Княжне Ольге Николаевне (со сказкою об “Иване царевиче и сером волке”), Жуковскому и Гоголю»[5].

[1] Русский посланник в Риме.
[2] *Свод.* Т. 1. С. 672.
[3] См. ***1845. Марта 27 <апреля 8>. Вторник. Санкт-Петербург.***
[4] 21 октября 1845 г. (см. ***1845. Октября 15 <27>. Понедельник. Санкт-Петербург***).
[5] Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 607–608; см. также: *Свод.* Т. 1. С. 672.

НОЯБРЯ НАЧАЛО <НОЯБРЯ СРЕДИНА>. МОСКВА

А. О. Смирнова знакомится с С. Т. Аксаковым[1], спустя некоторое время – с К. С. Аксаковым, в те же дни – с Н. Н. Шереметевой[2].

Позднее, 22 ноября 1845 г., С. Т. Аксаков писал Гоголю из Радонежья (Абрамцево): «Несколько месяцев тому назад началась у меня переписка с Александрой Осиповной; разумеется, предметом

содержания наших писем были вы; с первой строки она умела восстановить между собой и мной искреннюю короткость. В начале ноября она приехала в Москву, проезжая в Калугу; меня известили, и я ездил туда для свидания с нею. Мы провели целый вечер в самых дружеских и откровенных разговорах, большею частью о вас; она намеревалась ехать к Троице[3] и хотела непременно заехать к нам в деревню; но совершенное бездорожие помешало ей исполнить свое намерение. <...> Первое мое впечатление не во всем согласно с теми понятиями, которые я составил себе об этой необыкновенной женщине; многие черты не похожи на те, которые я придал заочно ее образу. Все это мне надобно согласить. Она захотела видеть Константина, и он был у ней в русском платье и бороде (на днях одно скидается, а другая сбривается); она с первого слова напала и на платье и образ его мыслей. Константин твердо стоял и за то и за другое. По приезде в Калугу[4] она также просто и коротко обошлась с моим Иваном (нападая на его мысли, общие с братом), который, будучи так же неуступчив, сильно ей противоречил[5]. Одно можно положительно заметить, что человеческие убеждения, хотя бы совершенно ложные, но тем не менее задушевные и серьезные, никогда не уступают легкому, шутливому нападению, а даже оскорбляются им. Она так умна, что, без сомнения, не думала перевоспитать этих молодых людей в первые полчаса первого своего в жизни с ними свидания. Я уверен, что она в свое время бывает иною и что даже не без намерения показалась тою, которою является по необходимости в этом душегубном омуте, называемом высшим кругом. Тихое прикосновение стали даже и к острому кремню не извлекает искр; а ничтожные нападения и пустая светская речь, там, где ее не ожидали, извлекла несколько огненных искр, ярко осветивших всю внутреннюю сторону моих юношей...»

Шереметева 28 ноября 1845 г. сообщала Гоголю: «В начале ноября была в Москве и, узнав, что Александра Осиповна в городе, помня, что вы ко мне писали повидаться с нею[6], я поехала. Умна она очень, и мне очень понравилось ея милое простое обращение; без малейшей скрытности много с ней беседовали. Она просила мой адрес, что хочет из Калуги ко мне писать, но не получала еще. В обстоятельствах, в коих она поставлена, нужно много религии, дай Бог ей постигнуть все благо, от сего проистекающее, и что только с религией можно быть счастливу среди несчастия и что одна религия может дать душе силу все нести с любовию, возвышающею душу, которая способна во всяком случае все ниспосылаемое принимать от Бога и никогда не относить к людям, и что они могут ровно ничего, и если мне не нужно претерпеть что-либо, неужели Господь не отвратит, а когда терплю, стало мне нужно. <...> Подожду, если долго от нее не будет, сама напишу. Здоровьем она не богата. Звала меня побывать в Калугу, но мне нельзя, а помню и молюсь о ней. Спаси ея Господи! С нею поехала одна ея родственница, княжна Цицианова[7]. Умная девушка, богомольная; тоже есть свои горести. Не знаю, как они там друг другу будут помогать. Бог всем помощник; лишь бы только мы просили Его помощи...»

Более откровенно свое мнение о Смирновой Шереметева высказала Аксаковым. 15 декабря 1845 г. И. С. Аксаков, получив об этом известие из Москвы, писал родным из Калуги: «Как ни уважаю я Над<ежду> Никол<аевну>, но это выражение, "что Смирнова не совсем на пути христианском", очень смешно. Точно будто бы путь христианский легкая вещь; да кто же на нем?»[8]

Ф. И. Тютчев 26 декабря 1845 г. писал Шереметевой из Петербурга: «Мне очень приятно было слышать, что вы познакомились с Смирновой: умная и очень, очень любезная женщина. Но что же касается до ее несчастной участи, в этом я с вами не могу согласиться, так как я и с нею самою не соглашался... Об ее, как и о многих из нас, несчастии можно со всею справедливостию сказать, что оно *с грехом* пополам...»[9]

[1] См. также ***1845. Марта 20 <апреля 1>. Вторник. Санкт-Петербург; 1845. Мая 12 <24>. Суббота. Санкт-Петербург; 1845. Июня 4 <мая 23>. Среда. Гомбург; 1845. Июня 5 <мая 24>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Гомбург; 1845. Июня 19 <июля 1>. Вторник. Павлино; 1845. Июля 29 <августа 10>. Воскресенье. Павлино; 1845. Августа 11 <23>. Суббота. Павлино; 1845. Сентября 16–18 <28–30>. Санкт-Петербург; 1845. Октября 9 <21>. Вторник. Троицкий Посад (Радонежье, Абрамцево); 1845. Ноября 21 <декабря 3>. Среда. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Москва.***

[2] Тогда же Шереметева познакомилась с М. П. Погодиным (см. также ***1845. Ноября 3 <15>. Суббота. Москва***).

[3] Свято-Троицкая Сергиева лавра в Сергиевом Посаде. Радонежье (Абрамцево) расположено неподалеку от него.

[4] См. ***1845. Ноября 13 <25>. Вторник. Калуга.***

[5] См. ***1845. Ноября 24 <декабря 6>. Суббота. Калуга.***

[6] См. ***1845. Июня 5 <мая 24>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Гомбург***; ***1845. Июня 9 <21>. Суббота. Москва.*** – В бумагах Шереметевой сохранились ее собственноручная копия письма Гоголя к Смирновой от 28 декабря (н. ст.) 1844 г. (*ГАРФ.* Ф. 279. Оп. 1. Ед. хр. 151) и выписка из письма Гоголя к Смирновой от 15 марта (н. ст.) 1845 г. (*РГБ.* Ф. 340. К. 35. Ед. хр. 12. Л. 95).

[7] См. ***1845. Июня 19 <июля 1>. Вторник. Павлино.***

[8] *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 237.

[9] Лит. наследство. Т. 97. Кн. 1. М., 1988. С. 496.

НОЯБРЯ 3 <15>. СУББОТА. МОСКВА

А. О. Смирнова знакомится с М. П. Погодиным.

Погодин в этот день записал в дневнике: «К Смирн<овой> по назначению. Я как <*1 нрзб.*> и никогда не был, не знаком с нею! – <...> Обращение не понравилось. Все род сала с кок<етством>. – (Врешь Тургеньеву[1], гадкий <*1 нрзб.*>, с любовно<й> игро<й>.) Чит<ала> отрывки из писем Гоголя. Он писал то же, что писал мне. А говор<я>т, что он обратился к религиозности! Как все это мелко, пусто. Все-то и тут с плутовством».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 489.

[1] Имеется в виду А. И. Тургенев.

НОЯБРЯ 4 <16>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. СЕКИРЕНЦЫ ПРИЛУЦКОГО УЕЗДА

Ф. В. Чижов пишет А. А. Иванову:

«Запрещение Гоголевских “Мертвых Душ” у меня не выходит из головы и из сердца[1]. <...> Теперь я перечитывал еще, то есть в третий раз, его сочинение; оно меня восхищает до того, что я сказать вам не умею. Сам не постигаю, почему многое делало при первом чтении иное впечатление»[2].

Вероятно, в тот же день Чижов послал письмо аналогичного содержания Н. М. Языкову в Москву[3].

[1] «Пущен был слух, будто вторая часть “Мертвых Душ” от того не выходит в свет, что ее запретила цензура» (примеч. П. И. Бартенева в изд.: *Б<артенев> П.* Ф. В. Чижов к художнику А. А. Иванову // Русский Архив. 1884. Кн. 1. С. 411). – См. также ***1845. Декабря средина <декабря начало>. Рим***; ***1846. Апреля 3 <15>. Великая среда.***

[2] Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 58.

[3] Ответ Языкова см.: ***1845. Ноября 21 <декабря 3>. Среда. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Москва.***

НОЯБРЯ 17 <5>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский пишет ответное[1] письмо к Гоголю в Рим:

«Любезнейший Гоголек, наконец есть от вас известие, и довольно удовлетворительное. <...> Авось Рим угомонит ваши нервы. Ему ли бы, кажется, с ними не сладить, ему, победителю стольких народов? Помоги ему Бог. У нас все идет довольно порядочно: в мыслях готовимся мы к переезду в Россию на будущий год, а желание удерживает здесь[2]. – Не скоро найдется в России

для меня такой покойный уголок, какой я здесь себе устроил; нигде не допишется “Одиссея” на просторе так, как здесь; нигде и первые годы детей так беззаботно не разовьются, как в тишине и беспрепятственности здешнего уединения. Но живи, как велят, а не так, как хочешь, — это русская пословица. Впрочем, скажу вам, что я все еще не принимался снова за “Одиссею”; и ничего нового не сделал с тех пор, как мы с вами расстались[3]; какой-то вредоносный самум на нас обоих повеял. Но теперь снова берусь за перо. Может быть, и вы начинаете острить свое. <...>

Получили ли вы вексель, отправленный мною в Рим, на имя Бутенева. Его доставила мне Смирнова, которая теперь губернаторствует в Калуге, что, конечно, не рассеет ее хандры, которая, кажется, совсем ее лишила всякой бодрости. Ее положение тягостно. Свет ей надоел и не имеет более для нее прелести. Домашней жизни у нее нет; дети еще для нее слишком малолетны. Внутренняя жизнь ее еще не образовалась; это переходное состояние души мучительно; оно часто бывает и гибельным. Напишите к ней. — А меня уведомьте, получен ли вами вексель.— Поклонитесь Бутеневу. Слухи ходят, что будто наш Император будет в Риме. Если это совершится на деле, то опишите мне его там пребывание. <...> Жена вам дружески кланяется. <...> У Авдотьи Петровны Елагиной в доме свадьба; сын ее Василий Елагин женится на Кате Мойер[4]. Это и вас порадует».

[1] См. ***1845. Октября 28 <16>. Вторник. Рим.***

[2] Разрешение о пребывании В. А. Жуковского за границей истекало 1 мая 1846 г., однако болезнь не позволила ему вернуться в Россию.

[3] См. ***1844. Сентября 21 <9> — 1845. Января 10 или 11 <1844. Декабря 29 или 30>. Франкфурт-на-Майне.***

[4] Екатерина Ивановна Мойер (в замужестве Елагина, 1821–1899), дочь Ивана Филипповича Мойера (1786–1858) и Марии Андреевны Мойер (рожд. Протасовой, 1793–1823), племянницы Жуковского.

НОЯБРЯ 5 <17>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Судя по почтовому штемпелю[1], в этот день графиня Анна М. Виельгорская получила[2] от Гоголя письмо из Рима[3].

[1] См.: *Городецкий.* С. 441.

[2] См. также ***1845. Ноября 9 <21>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1845. Октября 30 <18>. Четверг. Рим.***

НОЯБРЯ 6 <18>. ВТОРНИК. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Приехал Кулеш[1] и просил Малороссийской Летописи[2]. Пригласил остановиться у себя, чтобы рассмотреть ее. Нашел он там прекрасные вещи. Не хотелось мне, чтобы он лег спать в кабинете, как будто для того, чтобы не помешать явлению Лизы[3], которую я всегда ожидаю. Но в другой комнате холодно. Делать нечего. Я не ложился спать до часа ее кончины, до 3-го. <...> С Шев<ыревым> к Трут<о>в<скому> <?>, где обедали. Говор<или> с ним о Смирн<овой>... <...> Вечер<ом> с Кулеш<ом> о Киеве, о литературе и Гоголе»[4].

В то время П. А. Кулиш вез с собой в Петербург письмо к нему 1843 г. польского критика М. А. Грабовского, заключавшее в себе главным образом негативную оценку «Тараса Бульбы». Это письмо было опубликовано в 1846 г. в первом номере «Современника», редактируемого П. А. Плетневым, и стало первым отрицательным отзывом польской критики о повести Гоголя[5]. Приехав в Петербург, Кулиш 24 ноября 1845 г. не без лукавства извинялся перед Погодиным: «Мне очень совестно перед Вами, что я не мог доставить Вам для *Москвитянина* письма Грабовского о Гоголе; а не мог я доставить Вам его потому, что лишь только перевел и показал Петру Александровичу <Плетневу>, Петр Александрович послал его в типографию и велел набирать; после уже он хоть и узнал, что это письмо обещано мною Вам, но брать назад из типографии было неловко»[6]. Извиняясь перед Погодиным, Кулиш, несомненно, понимал, что только Плетнев — но отнюдь не Погодин — мог напечатать

послание Грабовского. Уже в 1848 г., в письме к О. М. Бодянскому от 24 октября, Кулиш называл Погодина своим «врагом»[7].

Помещая «разбор» Грабовского в журнале и называя его «глубоким и многосодержательным», Кулиш преследовал, как и польский критик, цели отнюдь не литературные. Одновременно с этим он опубликовал свою «Повесть об украинском народе» (СПб., 1846), сепаратистского содержания. Появление в печати «Повести...» Кулиша привлекло внимание Императора Николая I и вызвало расследование. За свою сепаратистскую деятельность Кулиш был арестован[8], отправлен в трехгодичную ссылку в Тулу; писать ему было запрещено, а потому позднейшие работы Кулиша о Гоголе вышли не под собственным его именем, а под псевдонимом Николай М. Его биографические разыскания о Гоголе, за которые он взялся, надеясь сделать из писателя знамя малороссийского сепаратизма (в чем биограф вполне просчитался)[9], носили субъективный, часто противоречащий взглядам самого писателя тенденциозный характер[10].

[1] Пантелеймон Александрович Кулиш (Кулеш, 1819–1897), украинский писатель и историк, автор первой биографии Гоголя и издатель его сочинений.

[2] Имеется в виду хроника С. В. Величко (см. ***1840. Октября 29 <17>. Четверг. Рим***).

[3] 6 ноября 1845 г. исполнялся год со дня кончины жены Погодина Елизаветы Васильевны (см. ***1844. Ноября 6 <18>. Понедельник. Москва***).

[4] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 489–490.

[5] См. ***1846. Январь. Санкт-Петербург.***

[6] *Савченко Ф. Я.* Листи П. Куліша до М. Погодина (1842–1851) // П. О. Куліш. (Матеріяли і розвідки). Збірник філологічної секції Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1929. Т. XXII. Ч. 1. С. 15; см. также: *Барсуков.* 1894. Кн. 8. С. 252.

[7] *Шацька А.* Недруковане листування П. О. Куліша з О. М. Бодянським (до проблеми відтворення тексту) // Пантелеймон Куліш. Матеріали і дослідження. Львів; Нью-Йорк, 2000. С. 220.

[8] См. ***1847. Апреля 14 <2>. Среда. Варшава.***

[9] См. ***1847. Апреля 14 <2>. Среда. Варшава*** (примечания).

[10] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Первый биограф Гоголя // *Кулиш 2003.* С. 3–81.

НОЯБРЯ ОКОЛО 6 <ОКОЛО 18>. МОСКВА

О. Сем. Аксакова пишет сыну Ивану в Калугу:

«Приятно мне твое знакомство с Унковскими[1], да читали ли они Гоголя? пожалуй, скажут, что непристойно, читая Сю разные гадости[2]. Мы вчера читали “Записки сумасшедшего”, и только одна душа может чувствовать, как это хорошо и высоко, а язык никогда не выразит, а Занд сказала[3], что у сочинителя нет чувства, но, может, этому виною перевод Виардо».

Из писем О. Сем. Аксаковой (рожденной Заплатиной) // *Свод.* Т. 2. С. 780.

[1] Федор Семенович Унковский, товарищ И. С. Аксакова по Училищу правоведения. В письме к родным от 7–8 сентября 1845 г. из Калуги И. С. Аксаков сообщал: «...Поехал к Унковскому. <...> Унковских не было дома, кроме старшего сына Михайлы, который сейчас меня узнал... <...> Скоро приехал сам Унковский с женою. <...> Дочерей я видел только за обедом...» (*Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 171–172).

[2] 3 ноября 1845 г. И. С. Аксаков писал родителям: «У Унковских мне совершенно свободно... <...> Дочери — славные девушки... <...> Мне жалки они тем, что живут в провинции, где нет никаких средств около них для образования, ни книг, ни людей... <...> я насилу мог уговорить их <...> бросить читать глупого Sue...» (*Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. С. 205).

[3] См. ***1845. Октября 31 <ноября 12>. Среда. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 7 <19>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев сообщает Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«На днях жду Кулеша[1]. Мечтается мне, что он снимет с меня много забот по Современнику. Его письма заставляют меня надеяться, что он поймет мою систему и исполнит ее».

Свод. Т. 1. С. 673.

[1] См. ***1845. Ноября 12 <24>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 20 <8>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Гоголь пишет ответное[1] письмо С. П. Шевыреву в Москву (письмо было отправлено позднее, 25 ноября (н. ст.) 1845 г.[2]):

«Письмо твое от четвертого октября я получил уже в Риме... <...> Теперь мне несравненно лучше, хотя слабость и изнуренье сил еще не прошли. <...> Но <...> если Его святой воле угодно, чтобы моя жизнь или жизнь кого другого, которому бы следовало принести много добра на Руси, была снесена с лица земли, то, верно, это лучше, чем если бы она длилась, и не нашим малым умом судить об уме великом. Меня смутило <...> известие твое о Константине Аксакове. Борода, зипун и проч... Он просто дурачится, а между тем дурачество это неминуемо должно было случиться. Этот человек болен избытком сил физических и нравственных; те и другие в нем накоплялись, не имея проходов извергаться. И в физическом и в нравственном отношении он остался *девственник.* Как в физическом, если человек, достигнув 30 лет, не женился, то делается болен, так и в нравст<венном>. Для него даже лучше <бы> было, если бы он в молодости своей, по примеру молодежи, ходил раз, другой в месяц к девкам. Но воздержанье во всех рассеяниях жизни и плоти устремило все силы у него к духу. Он должен был неминуемо сделаться фанатиком, так я думал с самого начала. Благодарю тебя за теперешнее известие о нем. Я напишу к нему[3]: он от меня иногда выслушивал те горькие истины, которые от других не хотел выслушивать. <...> Что же касается до диссертации его[4], то, еще не читая ее, советовал ему[5] не подавать ее, даже уничтожить ее вовсе, напечатав из нее одни только отрывки, как отдельные статьи. Известие твое о таланте Ив<ана> Аксакова меня порадовало, и я пожалел, что ты не прислал мне его стихов.

Наконец я тебе сделаю упрек: ты заговорил о том предмете[6], о котором я просил во всю жизнь мою никогда мне не говорить. <...> ...Я требовал решительного *да* на мое *предложение.* Не предложение я послал к вам на *решение.* Я просил только во имя дружбы выполненья моего решенья, моего обета, данного Богу. Именем дружбы и всего святого просил я одного только *да.* <...> Нужно было хотя каплю веры или хотя тень доверия иметь ко мне. <...> Будто я уже ребенок и не взвесил ничего прежде! <...> ...Аксаков (которому за уплаче<нными> тобою 5605 р<ублей> осталась безделица) не возьмет ни копейки из этих денег, если бы даже оставалась и не безделица... <...> Если ж тебе тяжело выполнить мою просьбу, сдай всё дело Аксакову[7]. <...> Но ради Самого Христа, с этих пор мне ни слова об этом деле. Ответит мне Аксаков».

[1] См. ***1845. Октября 4 <16>. Четверг. Москва.***
[2] См. ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим.***
[3] См. ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим.***
[4] Имеется в виду магистерская диссертация К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (М., 1846).
[5] Ср. ***1844. Декабря 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[6] Речь идет о распоряжении Гоголя по поводу раздачи денег, выручаемых от продажи его сочинений, в пользу «бедных, но достойных» студентов Московского университета (см. ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***).
[7] Шевырев согласился исполнить желание Гоголя, и передача дела С. Т. Аксакову не состоялась.

НОЯБРЯ 9 <21>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Графиня Анна М. Виельгорская отправляет в Рим к Гоголю ответное[1] письмо, начатое 7 ноября 1845 г.:

«Петербург, 7-го ноября.

Я вас очень, очень благодарю, любезный Николай Васильевич, за ваше письмо. Когда я только на обертке узнаю вашу руку, я уже обрадываюсь[2]. <...> ...Ежели Рим вам так полезен, мы вас, верно, нескоро увидим в России. Впрочем все, что будет, будет хорошо.

Александра Осиповна[3] уехала в Калугу. Мы до сих пор от нее письма не получили, но я знаю, что она счастливо путешествовала, приехала в Москву и осталась там десять дней или около того[4]. Она обещала писать Софье Михайловне[5].

Мы переехали сюда из Павлина 12-го октября, и я почти с унынием вошла в новый наш дом. Петербург показался мне ужасно противным, и мысль, что мне надобно будет провести в нем целую длинную и гадкую нашу зиму, — эта мысль едва не наводила на меня тоску. Но — не браните меня — это расположение духа недолго продолжалось. <...> Я теперь вовсе не унываю, но все-таки не довольно весела. Мне бы хотелось ободрить и занимать других веселостью своей, но это совсем не в моем характере и мне очень трудно.

9-го ноября.

Нынешний год очень много танцуют et moi je ne reste pas en arrière[6]. Я была вчера на балу и очень веселилась. Вы часто говорили — я помню, — что мне нужно непременно ехать на бал и развлекаться, и танцовать de bon coeur, как дитя. Это именно со мной ныньче случается. Мне так весело и в то же время так легко на душе. Дашкову[7] я вижу довольно часто, и чем больше ее вижу, тем больше люблю. Одно только часто меня опечаливает, — это собственные дела нашего дома (в обширном смысле, понимаете?). Все недовольны и обвиняют отца[8]. Эх, были бы вы здесь! Мне так часто хотелось бы puiser du courage et de l'espoir dans votre inébranlable foi et dans votre manière consolante d'envisager l'avenir[9]. Грустно и страшно. Надобно молиться, молиться, больше, чем когда-либо.

Прощайте, любезный Николай Васильевич. Буду я помнить ваши слова и стараться искренно исполнить их».

[1] См. ***1845. Октября 30 <18>. Четверг. Рим***; ***1845. Ноября 5 <17>. Понедельник. Санкт-Петербург***.

[2] Так в источнике.

[3] Смирнова.

[4] См. ***1845. Октября около 26 <ноября около 7>. Москва***; ***1845. Ноября 3 <15>. Суббота. Москва***.

[5] Графиня Соллогуб, сестра Анны М. Виельгорской.

[6] И я не остался позади (*фр.*).

[7] Софья Андреевна Дашкова (1822–1908), фрейлина цесаревны Марии Александровны (с 1841 г.), приятельница графини А. М. Виельгорской, впоследствии (с 17 августа 1847 г.) жена князя Г. Г. Гагарина.

[8] Граф Мих. Ю. Виельгорский.

[9] Черпать мужество и надежду в вашей неколебимой вере и в вашем утешительном способе представлять будущее (*фр.*).

НОЯБРЯ 12 <24>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев встречает приехавшего в Петербург П. А. Кулиша[1].

14 ноября 1845 г. Плетнев, посылая Я. К. Гроту «журнал» своих текущих ежедневных записей, сообщал: «*Понедельник (2 ноября).* Приехал Кулеш. Я велел ему ко мне перебраться до приискания квартиры. Обедает и чай пьет он со мною, а работает и спит в моем кабинете, что в университетской канцелярии. Милый молодой человек, интересный и наружностию, и чистотою души, и умом. <...> ***Вторник (13 ноября).*** В 6 ч<асов> гулял с Кулешом — он все мое принимает в образец»[2].

[1] См. ***1845. Ноября 6 <18>. Вторник. Москва.***
[2] *Свод.* Т. 1. С. 673.

НОЯБРЯ 12 <24>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Согласно почтовому штемпелю[1], Н. М. Языков получил в этот день письмо Гоголя из Рима[2].

В. С. Аксакова в тот же день писала М. Г. Карташевской:

«Хомяков очень смешно определяет Тьера[3], он называет его Собакевичем, то есть величайшим плутом. — Хотя я ничего не ожидаю от французского перевода Гоголя[4], однако ж мне любопытно было бы взглянуть, но не знаю, где достать; может быть Занд в том смысле говорит о Гоголе, что у него нет чувства, потому что в "Старосв<етских> Помещ<иках>" привычка как бы сильнее показана чувства; впрочем, во всяком случае, значит, что у ней мало простого, искреннего чувства. <...> Что за новый Гоголь[5] появился в Петербурге? Напиши, что узнаешь; я думаю, это вроде Бенедиктова, которого также вначале называли Пушкиным»[6].

[1] См.: *Городецкий.* С. 474.
[2] См. ***1845. Октября 30 <18>. Четверг. Рим.*** – См. также ***1845. Ноября 21 <декабря 3>. Среда. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Москва.***
[3] Луи Адольф Тьер (1797–1877), французский политический деятель и историк.
[4] См. в наст. изд. письмо М. Г. Карташевской к В. С. Аксаковой от 31 октября 1845 г. (***1845. Октября 31 <ноября 12>. Среда. Санкт-Петербург***).
[5] Подразумевается Ф. М. Достоевский.
[6] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 844. – Ответ М. Г. Карташевской см. ***1845. Ноября 22 <декабря 4>. Четверг. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 25 <13>. ВТОРНИК. РИМ

Домовладелицы Антонина и Виттория Гуэрра (Guerra) получают от Гоголя плату за наем квартиры с 25 ноября по 24 декабря (н. ст.) 1845 г.

Текст расписки, выданной Гоголю В. Гуэрра, на ит. яз. Расписка сохранилась в бумагах А. А. Иванова[1].

В тот же день Гоголь отправил в Москву ответные письма к С. П. Шевыреву (письмо написано 20 ноября (н. ст.) 1845 г.[2]) и к С. Т. Аксакову[3], по поводу раздачи денег, выручаемых от продажи его сочинений, в пользу «бедных, но достойных» студентов Московского университета, а также письмо к К. С. Аксакову, по поводу ношения бороды и «русского кафтана». Кроме того, послал С. Т. Аксакову письмо к своей матери, которой тот должен был переслать в Васильевку[4] (письмо не сохранилось).

В сделанной в этот день приписке к посланию Шевыреву Гоголь замечал: «Я еще устаю и не могу писать писем так обстоятельных и длинных, как бы хотел... <...> Передай здесь прилагаемые Аксакову...»

В письме к С. Т. Аксакову Гоголь сообщал: «Письмо Шевырева[5] меня огорчило. Он заговорил вновь о том, о чем я просил, как о деле конченном, никогда не говорить мне. Вы меня все-таки больше знаете <...>, а потому объясните Шевыреву, что всё то, что я уже положил и определил в душе своей и произношу твердо, то уже не переменяется мною. Это не упрямство[6], но то решение, кото-

рое делается у меня вследствие многих обдумываний. Если ж он найдет исполнение моей просьбы несообразным своим правилам, то пусть передаст всё в одни ваши руки[7]. <...> Помните только то, что деньги не для бедных студентов, но для бедных, слишком хорошо учащихся студентов, для талантов. Имя дающего должно быть навсегда скрыто, потому что у талантов чувствительней и нежней природа, чем у других людей. Многое может оскорбить <их>, хотя и не кажущееся другим оскорбительным. Когда же дающий скрыл свое имя — дар его примется твердо и смело, благословится во глубине благодарной души его неизвестное имя, ибо тот, кто скрыл свое имя, верно, не попрекнет никогда своим благодеянием и не напомнит о нем. Не заботьтесь о том, что книга идет тупо[8], не хлопочите о ее распространении и берегите только экземпляры. Она пойдет потом вдруг; деньги тоже пока не нужны: таланты редки и не скоро один после другого появляются. Нужно только, чтобы ни одна копейка не издержалась на что-нибудь другое, а собиралась бы и хранилась бы, как святая: обет этот дан Богу. Объявите также Шевыреву, сколько я вам остался должен. Не бойтесь, я вам не заплачу этих денег, потому что я взял у вас их таким образом, как бы взял из моего собственного кармана. Но Шевыреву нужно объявить: он, кажется, подозревает, что я вам должен гораздо больше. Хотел было попенять вас за то, что пишете весьма мало о Конст<антине> Серг<еевиче>[9], <...> до меня доходят только временами *слухи,* которые, как известно, даже и тогда бывают нелепы, когда бывают основательны. Передайте ему это маленькое письмецо и пришлите мне что-нибудь из стихов Иван<а> Сергеев<ича>. Мне хвалили очень его "Зимнюю дорогу". Пришлите ее[10] и всё то, что ни было им написано в последнее время[11]. Прилагаю вновь[12] письмо к маминьке и вновь прошу вас переслать к ней; я всё еще боюсь пропажи писем. Ольгу Семеновну[13] благодарю много за ее милую приписку. Здоровье мое хотя и стало лучше, но всё еще как-то не хочет совершенно устанавливаться. Чувствую слабость и, что всего непонятнее, до такой степени зябкость[14], [которой никогда не ощущал так] что не имею времени сидеть в комнате: должен ежеминутно бегать согреваться; едва же согреюсь и приду, как вмиг остываю, хотя комната и тепла, и должен вновь бежать согреваться. В такой беготне проходит почти весь день, так что не имеется времени даже написать письма, не только чего другого».

Позднее, в 1854 г., С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя», предваряя цитату из настоящего письма, замечал: «Следующее письмо Гоголя, последнее в 1845 году, я сообщаю вам в отрывках. Оно касается такого дела, которое было известно только мне и Шевыреву. Последний осердится на меня, если я оставлю в письме те строки, которые непосредственно до него касаются. <...> Выписки для печати этого письма все-таки меня смущают и возникает вопрос: можно ли их печатать без полного объяснения всего дела и без согласия Шевырева. Зачеркнутые строки карандашом прошу непременно выкинуть[15]. Книга, о которой говорит Гоголь, — полное собрание его сочинений, которое, точно, на целый год в продаже останавливалось; причина очевидна: это была петербургская контрфакция, которая на время снабдила экземплярами все книжные лавки»[16].

Из письма к К. С. Аксакову: «Пишу к вам и с тем вместе посылаю мою убедительнейшую просьбу, мой добрый и мною любимый искренно Конст<антин> Сергеевич! Ко мне дошли слухи, что вы слишком привязались к [разным] некоторым внешностям [и к мелочам], как-то: носите бороду, русский кафтан и проч. Это, как водится, истолковывают в неблагонамеренном духе и в виде самом неблагоприятном для вас. Я слишком понимаю, в каком значении вы носите это, и дай Бог побольше Государю таких истинно русских душ и таких верных подданных, каковы вы. Я сам питаю отвращение к нашему обезьянскому европейскому наряду и глупому фраку[17] и чувствую, что скоро мы все начнем носить наш наряд; но знаю, что до времени от многого следует воздержаться и наложить на себя самого запрет. У нас, в русском царстве, или, лучше, в сердце тех людей, которые составляют *истинно-русское царство,* водится так, что царь — глава, и только то, что передастся через него и из его уст, то облекается в законность. Он первый подает знак — и всё вмиг облечется и во внешнюю Русь, не только во внутреннюю. А что он медлит, на то он имеет законные причины, и мы должны терпеливо дожидаться. А потому я вас прошу убедительно и сильно, как только может просить вас больной человек, у которого уже немного сил, исполнить мою просьбу: не быть отличну от других своим нарядом[18] и не отделять себя [до времени] от общества, с которым вы должны быть еще связаны, и подумать слишком о той добродетели, которой у всех нас слишком мало; добродетель эта называется смирение. <...>

Еще вас прошу об одном: вы слишком увлекаетесь красотой тех мыслей[19], которые к вам приходят, но еще не всё умеете живо чувствовать, умеете живо, ясно передавать (я говорю о ваших писаньях). Там у вас много-много лишнего и многословного. Изберите себе какого-нибудь строгого и неумолимого литературного судью, который бы крестил и марал у вас безжалостно целые страницы. Это жестоко, но спасительно; я говорю вам по опыту. Я бы много теперь дал за то, чтобы найти такого смелого и отважного человека. Многих бы глупостей я не сделал. Изберите Шевырева; он более всех вам будет полезен. <...> Послушайтесь хотя один раз моего совета. Иначе грех вам будет, и всю жизнь будете раскаиваться».

[1] Сведения о найме Гоголем квартиры в Риме с 28 октября (н. ст.) 1845 г. по 18 апреля (н. ст.) 1846 г. // *Свод*. Т. 3. С. 582.

[2] См. ***1845. Ноября 20 <8>. Четверг. Рим.***

[3] См. ***1845. Октября 9 <21>. Вторник. Троицкий Посад (Радонежье, Абрамцево)***.

[4] См. ***1846. Января 6 <18>. Воскресенье. Праздник Крещения Господня. Москва***. – См. также ***1845. Октября 29 <17>. Среда. Рим.***

[5] См. ***1845. Октября 4 <16>. Четверг. Москва.***

[6] Шевырев, получив в Москве письмо Гоголя, писал 6 января 1846 г. С. Т. Аксакову: «Твердость его характера не терпит никаких противоречий...» (см. ***1846. Января 6 <18>. Воскресенье. Праздник Крещения Господня. Москва***). Ср. также мнение о Гоголе П. А. Плетнева в письме к Я. К. Гроту 1840 г.: «...Он упрям, как малороссийский бык, и самолюбив, как сатана» (см. ***1840. Декабря 17 <29>. Вторник. Санкт-Петербург***).

[7] Эта передача не состоялась, так как позднее Шевырев согласился исполнить желание Гоголя и принял на себя раздачу пособий нуждающимся студентам.

[8] Речь идет о собрании сочинений Гоголя, изданных под редакцией Н. Я. Прокоповича (СПб., 1842).

[9] Старший сын С. Т. Аксакова.

[10] См. ***1845. Июля 18 <6>. Пятница. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[11] См. ***1846. Января 23 <февраля 4>. Среда. Москва.***

[12] См. ***1845. Октября 30 <18>. Четверг. Рим.***

[13] Жена С. Т. Аксакова.

[14] Жалобы за зябкость особенно часто повторяются в письмах Гоголя конца 1845 – начала 1846 гг. (см. ***1845. Ноября 28 <16>. Пятница. Рим***; ***1845. Декабря 20 <8>. Суббота. Рим***; ***1846. Января 2 <1845. Декабря 21>. Пятница. Рим***; ***1846. Января 3 <1845. Декабря 22>. Суббота. Рим***; ***1846. Января 8 <1845. Декабря 27>. Четверг. Рим***; ***1846. Января 27 <15>. Вторник. Рим***). – См. также ***1846. Апреля 21 <9>. Вторник. Рим***; ***1846. Августа 10 <июля 29>. Понедельник. Остенде***. – Позднее, 24 ноября (н. ст.) 1846 г., Гоголь сообщал А. О. Смирновой: «...Здоровье мое <...> поправилось неожиданно, совершенно противу чаяния даже опытных докторов. Я был слишком дурен, и этого от меня не скрыли. Мне было сказано, что можно на время продлить мою жизнь, но значительного улучшения в здоровье нельзя надеяться».

[15] Имеются в виду следующие строки письма Гоголя: «Если ж он найдет исполнение моей просьбы несообразным своим правилам, то пусть передаст все в одни ваши руки»; «Помните только то, что деньги не для бедных студентов, но для бедных, слишком хорошо учащихся студентов, для талантов»; «Потому что у талантов чувствительней и нежней природа, чем у других людей. Многое может оскорбить <их>, хотя и не кажущееся другим оскорбительным»; «и всю вашу семью попросите помолиться».

[16] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод*. Т. 2. С. 647.

[17] Вопрос о значении русской национальной одежды широко обсуждался в газетах и журналах того времени. См.: <*Мельгунов Н. А.*> *Л–ий Н.* Замечание на замечания об отсутствии русских костюмов в маскараде 30-го декабря // Москвитянин. 1846. № 1 (цензурное разрешение 30 янв.). С. 277–280; *Полушубок*. Фраку, домино, пальто и зипуну // Там же. С. 280–286. В последней статье, представляющей собой ответ на публикации в № 2 и 3 «Московских Ведомостей» за 1846 г. псевдонимов «Домино» и «Зипун», в частности, говорилось: «Русская одежда, мужская и женская, прекрасна, и непременно мы ее наденем, когда сделаемся настоящими европейцами... <...> Пока мы только обрекаемся на жалкую роль подражателей, обезьян, до тех пор будем мы одеваться, как наши подлинники и руководители... <...> Поскоблишь иного – татарин. Поскоблишь другого – француз. Поскоблишь третьего – италианец, и проч. и проч. – Скоблите, скоблите смелей. Там, там, далеко, внутри, вглуби, таится чистый великий человек русский, славянин. И бывают минуты, когда мы вдруг скидаем все свои кожи, и являемся во всем своем естественном величии, напр<имер>, в 1612 и 1812 году» (С. 285–286). Сходное суждение по поводу русской одежды высказывал ранее А. С. Грибоедов. На вопросы следственной комиссии о том, «в каком смысле и с какою целью вы между прочим в беседах с Бестужевым неравнодушно желали русского платья», Грибоедов отвечал: «Русского платья желал я, потому что оно красивее и покойнее фраков и мундиров, а вместе с этим полагал, что оно бы снова сблизило нас с простотою отечественных нравов,

сердцу моему чрезвычайно любезных». «Выражение “с простотою отечественных нравов” совпадает со словами Чацкого в ранней редакции комедии <“Горе от ума”> (“Когда воспитан кто в отечественных нравах...”). И теперь несомненно, что Грибоедов заявил свои собственные, заветные мысли, когда вложил в уста своего героя филиппику против подражательности в обычаях и против европейской одежды по шутовскому образцу» (*Пиксанов Н. К.* А. С. Грибоедов (Биографический очерк) // *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1911. Т. 1. С. XXII–XXIII). – См. также ***1849. Марта 19 <7>. Понедельник. Баден*** (примечания).

[18] В письме от 21 февраля 1846 г. А. О. Смирнова сообщала Гоголю: «Аксаков Константин получил ваше письмо, писал мне – снял все, что не надобно, надел все, что надобно» (см. ***1846. Февраля 21 <марта 5>. Четверг. Калуга***).

[19] Написано на основании отзыва Шевырева о К. С. Аксакове в письме от 4 октября 1845 г.: «...фантазия преобладает в нем иногда и увлекает его туда, куда не следует. Тем он вредит и прекрасным своим мыслям» (см. ***1845. Октября 4 <16>. Четверг. Москва***).

НОЯБРЯ 13 <25>. ВТОРНИК. КАЛУГА

А. О. Смирнова приехала в Калугу[1].

Незадолго перед тем, проездом в Малоярославце, Смирнова посетила преподобного Антония (Путилова, 1795–1865), настоятеля Малоярославецкого Николаевского монастыря (в 1839–1853 гг.): «Мы поехали в Монастырь к обедне, но опоздали, помолились и получили благословение игумена отца Антония; он нам показывал ядра, сложенные в груду за стенами, все стены были испещрены ядрами фр<анцузской> артиллерии, которая была разбита в прах»[2].

[1] См. ***1845. Декабря 16 <28>. Воскресенье. Калуга.***

[2] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 266. – См. также ***1850. Июня 14–15. Среда-четверг. Малоярославец.***

НОЯБРЯ 28 <16>. ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь пишет ответные письма к В. А. Жуковскому[1] во Франкфурт и к П. А. Плетневу[2] в Петербург (согласно почтовому штемпелю[3], письмо к Плетневу было отправлено из Рима на следующий день, 29 ноября (н. ст.) 1845 г.).

В письме к Жуковскому сообщает: «Ваше милое письмо (от 5–17 ноября) получил. <...> Вексель через Бутенева я также получил в исправности. Мыслью о переезде своем в Россию не смущайте себя и не считайте это дело важным. Там или в ином месте, всё это не больше, как квартира и ночлег на дороге. Думает слишком много о месте, где ему придется переночевать, только тот ездок, который мало думает о том, куда и зачем едет. У кого же неотлучно перед глазами цель его путешествия, тот не заботится о том, где и как ему придется переночевать и не слишком глядит на комфорты[4]. С неоконченным делом приехать на родину невесело – это я знаю, но знаю также, что Бог милостив, что по Его святой воле попутный ветер сходит на вдохновение наше, и то, для чего, казалось бы, нужны годы, совершается иногда вдруг. Будьте же покойны и светлы при мысли о будущем, ибо *будущее* в руке Того, Кто Сам есть свет. О Государе покамест известия, что он весел[5], весьма доволен Палермой и приемом короля[6]; погода там стоит удивитель<ная>, не бывает меньше 20 градусов тепла. Спят с открытыми окнами; постоянно продолжающийся широкко начинает Государыне однако же надоедать, она чувствует тяжесть, но это его обыкновенное действие; с переменой ветра она почувствует себя вдруг лучше и освежится. Государя ожидают в Рим на днях; Бутенев для этого уже съехал с своей квартиры и переехал в гостиницу. Но я не думаю, чтобы приезд Государя был так скоро, как думает посланник и как думает *он* сам: в Палерме они хотят прежде дождаться Конст<антина> Никол<аевича>[7]. Констант<ин> Николаевич едет морем, море – не земля, и рассчитывать и полагаться на самое кратчайшее время, в которое может прибыть корабль, нельзя. Разница тут не в часах и днях, а в неделях, месяцах; к тому ж ему, как говорят, предписано

избегать французских портов. В Риме всё католичество, как, я думаю, вам известно, вооружено против Государя. Недавно здесь произвела шум бежавшая из России полячка-униатка Мечиславская[8] рассказами о мучительствах, ею претерпенных, и пытках за непризнание православия. Все чувствительные и нечувствительные сердца были этим вначале возмущены сильно, но, так как униатка сама довольно здоровая и бойкая женщина и притом уже чересчур стала изображать картинно и прибавлять, то начинают уже сомневаться и в том, что вначале казалось похожим на правду. Папа[9] был в недоумении, как принять Государя, и собирал для этого совет кардиналов. Кардиналы советовали избежать этого свидания[10] и сказаться больным, но папа отвечал достойно своего звания: "Я никогда не притворялся и теперь не буду. Я употреблю с своей стороны слезы, моленья, – это всё, что считаю для себя позволенным". Говорят, однако ж, что Государь, узнав еще в Генуе и потом в Палерме [о нераспо<ложении>] о всяких слухах, по поводу гонений, послал Перовскому[11] и Протасову[12] запрос, отчего разнеслись такие слухи, чтобы они разведали хороше<нько>, что такое происходило внутри России, что у него и в мысли не было притеснять каким бы то ни было образом католическую веру. Словцо об "Одиссее". В "Северной Пчеле", уже не помню, в каком номере, попавшемся в мои руки, напечатана статья о Крылове, написанная каким-то его сослуживцем, Быстровым[13]. В числе немногих анекдотов сказано там, между прочим, о занятиях Крылова греческим языком и о попытке переводить "Одиссею", причем приложена была и самая попытка, составляющая начало 1 песни, которую я, разумеется, сей же час списал для вас и при сем посылаю[14]. Сделав попытку, Крылов бросил самое дело, назвавши гекзаметр (по словам Быстрова) Голиафом, с которым ему не сладить. От гр<афинь> Вьельгорских я получил известия[15], для меня самые приятные, то есть, что они здоровы, веселы и много вкушают наслаждений истинных и внутренних. Софья Мих<айловна> и Анна Миха<йловна> написали мне [так<ие>] милые письма. В письмах этих видно в каждой строчке, как хорошеют с каждым днем и часом прекрасные их души. Вы, я думаю, уже знаете, что у Софьи Миха<й>л<овны> родился сын Александр. Она вся теперь всей душой погружена в мысли о воспитании своих детей. Здесь Анна Михайл<овна> ей большая помощница. Кроме того, она сама хочет писать для них, будучи недовольна тем, что написано, и ее простодушно чистые мысли похожи на мысли ангелов, заботящихся о воспитаньи людей. Нельзя, чтобы под такие мысли, как под колыбельные песни, не воспитались нечувствительно и сами собою дети.

От Смирновой я жду письма из Калуги. Вьельгорские пишут, что она с ними простилась 21 окт<ября>, весьма растроганная. Она уже, верно, получила мое письмо, содержащее напутствие ей в Калугу[16]. [Поезд этот будет нужен ее душе] До полученья от ней известия из Калуги я не считаю нужным ей писать. Я за нее не боюсь; состояние души ее хотя и переходное и тяжкое, но для нее не опасно. Бог не оставляет тех, которые уже умеют прибегать к Нему. О себе скажу покаместь только то, что здоровье мое хотя и лучше, но как-то медлит совершенно установиться. Но я решился меньше всего думать о своем здоровьи. Что посылается от Бога, то посылается в пользу. Уже и теперь мой слабый ум видит пользу великую от всех недугов: мысли от них в итоге зреют, и то, что по-видимому замедляет, то служит только к ускорению дела. Я острю перо, помолитесь же обо мне сильно и крепко Богу».

Плетневу Гоголь писал: «Посылаю тебе свидетельство о моем существовании на свете[17]. Государственное наше казначейство право, что так заботится об этом свидетельстве. Существованье мое, точно, было в продолжение некоторого времени в сомнительном состоянии. Я едва было не откланялся, но Бог милостив, я вновь почти оправился, хотя осталась слабость и какая-то странная зябкость[18], какой я не чувствовал доселе. Я зябну, и зябну до такой степени, что должен ежеминутно выбегать из комнаты на воздух, чтобы согреться. Но как только согреюсь и сяду отдохнуть, остываю в несколько минут, хотя бы комната была тепла, и вновь принужден бежать согреваться. Положенье тем более неприятное, что я через это не могу, или, лучше, мне никогда <нельзя> ничем заняться, тогда как чувствую в себе и голову и мысли более свежими и, кажется, мог бы теперь засесть за труд, от которого сильно отвлекали меня прежде недуги и внутреннее душевное состояние. Скажу тебе только то, что много, много в это трудное время совершилось во глубине души моей, и да будет благословенна вовеки воля Пославшего мне скорби и всё то, что мы обыкновенно прием-

лем за горькие неприятности и несчаст<ия>! Без них не воспиталась бы душа моя, как следует, для труда моего. Мертво и холодно было бы всё то, что должно быть живо, как сама жизнь, прекрасно и верно, как сама *правда*. <...> Вексель можешь послать на имя посольства для большей верности, а меня уведомить письмецо<м> на мою квартиру».

[1] См. ***1845. Ноября 17 <5>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. **1845.** ***Ноября 2 <14>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[3] См.: *Городецкий*. С. 452.

[4] Эти строки перекликаются с предупреждением Гоголя, высказанным Смирновой по поводу ее намерения «ехать в Палестину», – что там «комфортов совсем нет» (см. ***1848. Сентября 17–18. Пятница-суббота. Павловск***). Ал. М. Жемчужников позднее сообщал: «В описании усадьбы Тентетникова была фраза, которую Гоголь читал очень выразительно: “И при виде такой природы еще сильнее думал о комфорте скотина Чичиков!”» (см. ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота – июля вторая половина, не позднее 26. Калуга***).

[5] Император Николай I в это время находился с больной женой в Италии, в Палермо.

[6] Фердинанд II (1810–1859), король обеих Сицилий.

[7] Константин Николаевич (1827–1892), великий князь, второй сын Николая I, генерал-адмирал.

[8] В Рим была подослана польская самозванка Макрена Мечиславская, выдававшая себя за подвергнувшуюся гонениям российских властей игуменью Минского базилианского монастыря (впоследствии самозванка была разоблачена; см.: *Сушков Н. В.* Мнимая мученица // Чтения в Имп. Обществе Истории и Древностей Российских при Московском ун-те. 1860. Кн. 3. Отд. 5. С. 238–242; Униатское дело, сооб<щил> Митрополит Литовский *Иосиф <Семашко>* // Чтения в Имп. Обществе Истории и Древностей Российских при Московском ун-те. 1862. Кн. 2. Отд. 5. С. 211–216). Сам Гоголь 2 января (н. ст.) 1846 г. сообщал графу А. П. Толстому: «Донесения гонимой униатки оказались ложью, и она созналась, что была уже подучена потом вне России польской партией» (см. ***1845. Декабря с субботы 13 до среды 17 <с 1 до 5>. Рим***).

[9] Григорий XVI.

[10] Это свидание состоялось в Риме 13 декабря (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Декабря с субботы 13 до среды 17 <с 1 до 5>. Рим***).

[11] Лев Алексеевич Перовский (1792–1856), министр внутренних дел.

[12] Граф Николай Александрович Протасов (1799–1855), обер-прокурор Святейшего Синода.

[13] Иван Павлович Быстров (1797–1850), библиограф, библиотекарь Публичной библиотеки.

[14] Список, рукою Гоголя, перевода И. А. Крылова начала первой песни «Одиссеи» Гомера («Мужа поведай мне муза, мудрого, странствия многи...»), приложенный к настоящему письму, см. в изд.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 17. С. 653–654. Под текстом перевода заметка Гоголя: «Я смеялся, что Крылов сам, по словам Быстрова, говорил, что экзаметр ему не дался, и прибавлял: я не могу сладить с этим Голиафом». Список представляет собой выписку из статьи И. П. Быстрова «Отрывки из записок моих об Иване Андреевиче Крылове», опубликованной в 1845 г. в газете «Северная Пчела» (11 сент. № 203). Во вступительной заметке И. П. Быстров писал: «Когда А. Н. Оленин изъявил свое намерение издать в свет, в буквальном Русском переводе, Одиссею, с рисунками Греческих древностей, то Иван Андреевич не прочь был от любимой мысли своего начальника-друга, и перевел из этой поэмы, экзаметром, двадцать семь стихов первой песни, вот как...» (далее следует текст перевода) (*Быстров И.* Отрывки из записок моих об Иване Андреевиче Крылове // Северная Пчела. 1845. 11 сент. № 203. С. 812). В письме от 6 февраля (н. ст.) 1846 г. Гоголь, отвечая на письмо Жуковского, спрашивал: «Вы не упомянули, однако ж, ни слова о том, получили <ли> мое довольно длинное и обстоятельное письмо с приложением перевода И. А. Крыловым начала первой песни “Одиссеи”». Жуковский 31 марта (н. ст.) отвечал: «Отрывок перевода Крылова из “Одиссеи” хорош; но думаю, что мой перевод, при такой же точности, опрятнее. Наш дедушка Крылов не подмел горницы: убрал ее прекрасно, да на полу валяются бумажки». В статье-письме к Н. М. Языкову «Об Одиссее, переводимой Жуковским», опубликованной в июле 1846 г. в журнале «Современник» (см. ***1846. Июля около 12 <около 24>. Санкт-Петербург***) и газете «Московские Ведомости» (от 25 июля, № 89; см. ***1846. Июля 25 <августа 6>. Четверг. Москва***); в августе – в «Москвитянине» (см. ***1846. Августа 20 <сентября 1>. Вторник. Москва***) – и включенной затем в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» (см. ***1846. Декабря 31 <1847. Января 12>. Вторник. Санкт-Петербург***), Гоголь воспользовался этим сравнением Жуковского, говоря о языке «Одиссеи»: «...Тут малейшая соринка заметна и всем бросается в глаза. Жуковский сравнивает весьма справедливо эти соринки с бумажками, которые стали бы валяться в великолепно убранной комнате, где все сияет ясностью зеркала, начиная от потолка до паркета: всякий вошедший прежде всего увидит эти бумажки, именно потому же самому, почему бы он их вовсе не приметил в неприбранной, нечистой комнате».

[15] Подразумеваются письма графини А. М. Виельгорской от 21 сентября и 7–9 ноября 1845 г. (см. ***1845. Сентября 21 <октября 3>. Пятница. Павлино***; ***1845. Ноября 9 <21>. Пятница. Санкт-Петербург***) и графини С. М. Соллогуб (рожд. Виельгорской) от конца октября 1845 г. (см. ***1845. Октября конец <ноября средина>. Санкт-Петербург***).

[16] Письмо А. О. Смирновой от 27–29 октября (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Октября 27 <15>. Понедельник. Рим***).

[17] Свидетельство для казначейства, которое посылал Гоголь, до нас не дошло.

[18] См. также ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим*** (письмо к С. Т. Аксакову).

НОЯБРЯ 16 <28>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

НОЯБРЯ 16 <28>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

М. С. Щепкин подает прошение в Контору Императорских Московских театров об увольнении его от службы по истечении срока контракта в марте 1846 г., в связи с тем, что он должен позаботиться о восстановлении своего расстроенного здоровья.

Гриц. С. 353.

НОЯБРЯ 17 <29>. СУББОТА. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

С. Т. Аксаков пишет сыну Ивану в Калугу:

«Впечатление, произведенное над тобою свиданием с А<лександрой> О<сиповной>[1] именно таково, какого мы ожидали... <...> Я не так самонадеян, чтобы после таких отзывов Гоголя и Самарина (особенно последнего), поверить первому своему взгляду. <...> ...Любопытство вполне владело мною рассмотреть эту женщину, которую так осуждает общее мнение, и о которой Гоголь в то же время говорит: “едва ли найдется в мире душа, способная понимать и оценить ее”[2].

Два часа с половиной я заставлял говорить ее беспрестанно о том, о чем хотел... и что же? Я так же, как и ты, не спал до 2 часов от изумления. Я не вполне доверял Гоголю и Самарину, и считал, что они обольщены, очарованы (и мне говорили многие, что она сирена, очаровательница, волшебница) и сами того не видят. Но я увидел, что тут нет и тени ничего обольстительного, даже ни в каком отношении: я не нашел в ней женщины; это был мужчина в спальном капоте и чепчике; очень умный, смело обо всем говорящий, но легкий, холодный; я по крайней мере не заметил ни малейшей теплоты, ни даже признака эстетического и поэтического чувства»[3].

В тот же день, позднее, С. Т. Аксаков получил от Гоголя письмо из Рима от 29–30 октября (н. ст.) 1845 г.[4]

На следующий день, в воскресенье 18 ноября 1845 г., Аксаков сообщал сыну: «На этой почте я получил письмо от Гоголя из Рима, от 29 октября. Слава Богу, ему гораздо лучше! И почерк, и язык письма стали похожи на прежние. Вообрази, что все его письма к матери пропадали! Бедная мать сходила с ума от неизвестности, и всё это, вероятно, делалось врагами Гоголя, его земляками и соседями, которые уже не раз сообщали матери ужаснейшие о нем известия. Каковы подлецы-злодеи! Гоголь пишет числа отправления его писем и просит, если можно, исследовать это дело, а я его жестоко обвинял понапрасну. Сообщи об этом Александре Осиповне»[5].

Спустя еще день, 19 ноября 1845 г., В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской: «В субботу получил отесенька письмо от Гоголя, очень успокоительное на его счет. Он теперь в Риме и чувствует себя гораздо лучше, холодное лечение ему очень помогло. Мы продолжаем читать его сочинения»[6].

[1] Смирновой.

[2] 5 июня (н. ст.) 1845 г. Гоголь писал Н. М. Языкову из Гомбурга: «В Москве будет, вероятно, на днях Смирнова. Ты должен с ней познакомиться непременно. Это же посоветуй Серг<ею> Т<имофеевичу> Аксакову и даже Н. Н. Шереметьевой. Это перл всех русских женщин, каких мне случалось знать, а мне многих случалось из них знать прекрасных по душе. Но вряд ли кто имеет в себе достаточные силы оценить ее» (см. ***1845. Июня 5 <мая 24>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Гомбург***).

[3] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 584–585.

[4] См. ***1845. Октября 29 <17>. Среда. Рим***; ***1845. Октября 30 <18>. Четверг. Рим***.

[5] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 585.

[6] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 845.

НОЯБРЯ 17 <29>. СУББОТА. КАЛУГА

И. С. Аксаков сообщает родным в Радонежье (Абрамцево):

«...Приезд Смирновой расстроил мое одиночество, нарушил мой образ жизни. <...> В среду[1] вечером я был у нее; она явилась совсем в другом свете, была гораздо лучше. Много рассказывала мне про Гоголя, которого она искренно любит, повторяет из него целые сцены со всеми выражениями, все-таки странными в устах женщины, рассказывала про свою молодость, про Государя, говорит, что хочет в Калуге на досуге писать свои мемуары... <...> По ее требованию прочел я ей "Чиновника"[2], которого брат ее[3] читал уже в Петербурге у какого-то графа Толстого»[4].

Около 1873 г. А. О. Смирнова сообщала А. Н. Пыпину: «Я поех<ала> осенью[5] в Калугу, в 1846 все еще перепис<ывались>. Он <Гоголь> оч<ень> часто пис<ал> в Калугу и в 1847»[6].

[1] 14 ноября 1845 г.

[2] «Мистерия» И. С. Аксакова в стихах и прозе «Жизнь чиновника» (1843).

[3] Вероятно, Ар. О. Россет.

[4] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 907.

[5] См. ***1846. Октября 15 <27>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[6] <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод*. Т. 2. С. 246.

НОЯБРЯ 18 <30>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

Мать Гоголя, Мария Ивановна, получает его письмо из Рима[1]; делает на письме помету: «Получинна ноября 18-го».

[1] См. ***1845. Октября 24 <12>. Пятница. Рим***; ***1845. Октября 25 <13>. Суббота. Рим.***

ОКТЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – НОЯБРЬ <ОКТЯБРЯ НАЧАЛО – НОЯБРЯ СРЕДИНА>. РИМ

И. П. Галахов[1] пишет Ф. В. Чижову (в Киев или в Секиренцы):

«Гоголь здесь, но, кажется, недотрога?»[2]

В этот же период в Риме Гоголь был с визитом у А. П. Дурново (рожд. княжны Волконской).

Позднее, 16 декабря 1845 г., А. О. Смирнова писала Гоголю из Калуги: «Я писала А. П. Дурновой об Иванове; что она сделает, не знаю. Она мне писала, что вы были у нее однажды и полагает, что не нашли ее достойною ваших посещений. Она очень испуганная, и ее надобно расшевелить, душа у нее прекрасная и благородная, как у всех Волконских, но она впала в апатию вследствие домашних обстоятельств; прочтите ей то, что я пишу, старайтесь ее растормошить. Теперь у нее нет другой мысли, как сын[3], — вот вам ключ к ее уму и душе. От других радостей жизни она отказалась от 26 лет и жила всегда в волю другим, что и убило в ней всякую энергию. Она не делает зла, потому что ее добрая натура не вмещает зло, но добра она не делает положительно, потому что деятельности в ней нет никакой».

Воспитательницей сына А. П. Дурново, Петра П. Дурново, была Е. А. Хитрово, с которой Гоголь тогда познакомился[4] (позднее Гоголь много общался с Хитрово в Одессе[5]).

[1] Иван Павлович Галахов (1809–1849), друг А. И. Герцена и Н. П. Огарева.
[2] *Свод*. Т. 3. С. 75.
[3] Петр Павлович Дурново (позднее — генерал от инфантерии, член Государственного совета, 1835–1918).
[4] См. ***1846. Января 17 <5>. Суббота. Крещенский сочельник. Рим.***
[5] Подробнее о Хитрово см.: ***1850. Октября 24. Вторник. Одесса*** (примечания).

НОЯБРЯ 20 <ДЕКАБРЯ 2>. ВТОРНИК. КАЛУГА

И. С. Аксаков сообщает родным в Радонежье (Абрамцево):

«Получила она <А. О. Смирнова> два письма от Гоголя из Рима[1], которые мне прочла. Он пишет, что ему лучше, что он бодрее. Требует от нее подробного ежедневного описания всего, что она делает, чем окружена, какие испытывает в душе движения, и все это просит и приказывает во имя Бога...»

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 908.

[1] Имеются в виду письма Гоголя к А. О. Смирновой из Рима от 24 октября (н. ст.) и от 27–29 октября (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Октября 24 <12>. Пятница. Рим***; ***1845. Октября 27 <15>. Понедельник. Рим***; ***1845. Октября 29 <17>. Среда. Рим***).

НОЯБРЯ 20 <ДЕКАБРЯ 2>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев принимает к публикации в первом номере «Современника» за 1846 г. письмо польского критика М. А. Грабовского к П. А. Кулишу 1843 г., с негативным отзывом о «Тарасе Бульбе»[1].

21 ноября 1845 г. Плетнев, посылая Я. К. Гроту в Гельсингфорс «журнал» своих текущих ежедневных записей, сообщал: «*Суббота (17 ноября)*. <...> Кулеш благоговейно исполняет, что я ни предложу ему. <...>

Воскресенье (18 ноября). Кулеш прочел после всю мою критику на "Мертвые души". Это почти вся моя эстетика[2]. Я стараюсь всю свою теорию передать Кулишу, чтобы у нас не было разноголосицы, как с Никитенкой. <...>

Вторник (20 ноября). <...> Сегодня Кулиш сделал для меня перевод письма к нему польского литератора Грабовского о сочинениях Гоголя. Это преумная, прекрасная статья[3]. Я напечатаю ее в № 1»[4].

[1] См. ***1846. Январь. Санкт-Петербург.***

[2] Ранее, 23 сентября 1844 г., Плетнев писал также Я. К. Гроту: «Убеждения Розы Карловны <жена Грота>, конечно, сольются с нашими по мере того, как она будет вникать в смысл наших идей и будет сама работать под нашим руководством. Ты советуй ей с отчетом прочитывать из моих такие статьи, как, например, о Мертвых душах Гоголя, о Нале Жуковского и о Баратынском. Нельзя же, чтобы она со временем не привыкла к этому способу анализировать дух и красоты авторов» (*Свод.* Т. 1. С. 667).

[3] Письмо М. А. Грабовского к П. А. Кулишу от 17 ноября 1843 г. заключало в себе главным образом негативную оценку «Тараса Бульбы». Оно было напечатано в 1846 г. в первом номере «Современника», а также по-польски — в журнале «Рубон» (1847. Т. 8). Письмо стало первым отрицательным отзывом польской критики о повести Гоголя (впоследствии такие отзывы о «Тарасе Бульбе» стали традиционными для польских исследователей).

[4] *Свод.* Т. 1. С. 673.

НОЯБРЯ 21 <ДЕКАБРЯ 3>. СРЕДА. ПРАЗДНИК ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. МОСКВА

Н. М. Языков пишет ответное[1] письмо к Гоголю в Рим:

«Из твоего письма вижу я, что ты, мой любезнейший, не получил двух писем, пущенных мною к тебе в Рим[2]. Слава, громкая слава Присницу, что он восстановил, освежил, приободрил и освежил бренное тело твое. Верь ты после этого нашим знаменитостям медицины! Не только нашим, но и всяким, сколько их ни есть. — Больвера[3] также холодная вода выправила.

Смирнова была в Москве несколько дней[4], виделась с Аксаковыми, которые, конечно, уже писали тебе об этом достопамятном их свидании[5]. Александра Осиповна, как слышно, хотела уговорить Константина Аксакова перестать носить русскую рубашку и зипун (костюм, в коем с некоторого времени этот доблий юноша является везде и всюду), но не тут-то было — не на такого попала.

В Калуге служит в губернском правлении Иван Аксаков — юноша с большим талантом: вытребуй от Сергея Тимофеевича стихов его. Теперь в Риме, как и во всей Италии, русских, я думаю, битком набито. Пребывание Императрицы в Палермо просто эпоха в новейшей истории всей Италии. Государя ждут сюда в январе; но это ведь слухи неофициальные.

Кн<язь> Волконский, сын Зинеиды, издал в Москве книгу “Рим и Италия”[6]; я начал читать ее: что-то вроде смеси, всякой всячины, того сего. Шевырев приготовляет к печати свои лекции о истории русской литературы[7]. Погодин печатает свое похвальное слово Карамзину[8] — то, которое сказал он в Симбирске при объявлении памятника, при громе рукоплесканий всего симбирского дворянства!

“Москвитянин” на будущий 1845 <1846 год> пойдет по-прежнему: нового журнала не предвидится. Хомяковы еще в деревне. Свербеевы тебе кланяются».

В тот же день[9] Языков отвечал также Ф. В. Чижову в Секиренцы:

«Слух, вами мне сообщаемый, что 2 часть “Мертвых душ” не пропущена цензурою, едва ли верен[10]. На днях была в Москве г-жа Смирнова... приятельница Гоголя: она объявила, что он написал какое-то богословское сочинение в 2-х томах[11], а о “Мертвых душах” у него, дескать, и помину нет»[12].

[1] См. ***1845. Октября 30 <18>. Четверг. Рим***; ***1845. Ноября 12 <24>. Понедельник. Москва.***

[2] Одно из писем см.: ***1845. Октября между 8 и 26. Москва.***

[3] Э. Бульвер-Литтон.

[4] См. ***1845. Октября около 26 <ноября около 7>. Москва***; ***1845. Октября 29 <ноября 10>. Понедельник. Москва***; ***1845. Октября 30 <ноября 11>. Вторник. Москва***; ***1845. Ноября начало <ноября средина>. Москва***; ***1845. Ноября 3 <15>. Суббота. Москва.***

[5] См. письмо С. Т Аксакова к Гоголю от 22 ноября 1845 г.: ***1845. Ноября 22 <декабря 4>. Четверг. Радонежье (Абрамцево)***.

[6] *Волконский А. Н., князь.* Рим и Италия средних и новейших времен, в историческом, нравственном и художественном отношениях. М., 1845. Т. 1–2.

[7] См. ***1844. Октября 12 <сентября 30>. Суббота. Париж*** (примечания).

[8] См. ***1845. Сентября 19 <октября 1>. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

[9] Датировка письма уточнена (вместо 21 октября; в этот день Смирнова не могла быть в Москве, так как 21 октября 1845 г. только выехала из Петербурга; см. ***1845. Октября конец <ноября средина>. Санкт-Петербург***). – См. также ***1845. Августа 10 <22>. Пятница. Москва.*** – Письмо Языкова, вероятно, является ответом на послание Чижова от 4 ноября 1845 г. (см. ***1845. Ноября 4 <16>. Воскресенье. Секиренцы Прилуцкого уезда***).

[10] Слух о завершении Гоголем второго тома «Мертвых душ» передавал также князь П. А. Вяземский в письме к В. А. Жуковскому от 17 мая 1846 г. (см. ***1846. Мая 17 <29>. Пятница. Санкт-Петербург***).

[11] Ср. также ***1846. Декабря 27 <1847. Января 8>. Пятница. Москва.***

[12] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 177.

НОЯБРЯ 22 <ДЕКАБРЯ 4>. ЧЕТВЕРГ. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

С. Т. Аксаков пишет ответное[1] письмо к Гоголю в Рим:

«Как вы обрадовали меня, милый друг Николай Васильевич, письмецом своим из Рима от 29 октября (вероятно, нового стиля)! Хотя и питал в душе моей теплую веру и надежду, что милосердный Бог подкрепит ваши силы и проявит на вас вновь свою великую милость: ибо еще не свершен ваш подвиг, не окончено дело; хотя я ободрял этими словами и свою семью, горевавшую о вашем болезненном состоянии, и даже написал их в письме к Александре Осиповне[2], которая, в тревоге о вашем тяжелом положении, вошла со мною в переписку; но не без страха и внутреннего волнения повторял я утешительные слова сии!.. Будем молиться Богу, чтоб он вполне восстановил ваши телесные и душевные силы. Мы уже знали через Надежду Николаевну[3], что ваша маменька получила от вас письмо[4] через посторонние руки[5], из которого узнала, что прежние ваши письма пропали. Сообразив прежние обстоятельства, кажется, что пропажа их исходит из того же источника, из которого выходили разные вести о вас, много причинившие вашей маменьке горя[6]. По-моему, это гнуснейшее злодейство; я глубоко возмущен им и, признаюсь, желаю, чтоб эти добрые люди получили достойную награду. Третьего дня моя Вера писала к вашей сестрице[7] обо всем том, о чем вы желали известить их.

Мы живем в деревне тихо, мирно и уединенно; <...> болезненное состояние нашей Оленьки продолжается... <...> Я ничего не вижу левым своим глазом, да и правым вижу нехорошо... <...> По первому зимнему пути, уступая желанию моего семейства, хочу съездить в Петербург для свидания с глазным доктором Кабатом[8], хотя крепко не хочется ехать. Ольга Семеновна моя часто прихварывает: теперь и у ней болит глаз; прочие все здоровы. Константин живет еще с нами; на сих днях будет возвращена из факультета его диссертация, которую профессора читали восемь месяцев; на следующей неделе он переедет жить в Москву, чтобы печатать и потом защищать на диспуте свой пятилетний труд; если он не будет совершенно искажен цензурой факультета и попечителя, то Москва услышит на диспуте много нового, и... мы испытаем много волнения и заочного беспокойства: ибо не поедем в Москву на это время.

С одним из товарищей моих меньших сыновей, Погуляевым, мы послали[9] вам две стихотворные пиесы ("Чиновник" и "Зимняя дорога") моего Ивана; сверток оставлен у Жуковского[10]; когда ваше здоровье восстановится совершенно, то вытребуйте его и напишите мне голую правду.

Несколько месяцев тому назад началась у меня переписка с Александрой Осиповной... <...> В начале ноября она приехала в Москву[11]... <...> Я получил от нее письмо, в котором она пишет, что непременно будет у нас зимой или весной; я нетерпеливо хочу увидеться с ней в другой раз; одного свидания слишком недостаточно. <...>

Я очень давно не видал ни Погодина, ни Шевырева, даже с Языковым не видался в последний приезд в Москву и потому ничего не могу вам сообщить о них, знаю только, что нет в Москве, меж-

ду всеми нашими с вами общими знакомыми, и двух человек, согласных между собою, а потому никакое литературное дело не может иметь успеха. Погодин печатает черт знает что в "Москвитянине"... ну, да лучше не говорить о нем. <...>

От утреннего чая до завтрака и потом до позднего обеда все мы заняты своими делами: играют, рисуют, читают; Константин что-нибудь пишет, а я диктую. Я затеял написать книжку об уженье[12] не только в техническом отношении, но в отношении к природе вообще; страстный рыбак у меня так же страстно любит и красоты природы; одним словом, я полюбил свою работу и надеюсь, что эта книжка не только будет приятна охотнику удить, но и всякому, чье сердце открыто впечатлениям раннего утра, позднего вечера, роскошного полдня и пр. Тут займет свою часть чудесная природа Оренбургского края, какою я зазнал ее назад тому сорок пять лет. Это занятие оживило меня.

После обеда мы уже не расходимся по своим углам, а сидим вместе; весь вечер продолжается уж общее чтение. Каждый вечер мы читаем что-нибудь ваше по порядку выхода. Вчера кончили все; через несколько месяцев станем опять читать. Собирайте, укрепляйте ваши силы; да подействует на вас благодатно и плодотворно воздух вечного Рима».

[1] См. ***1845. Октября 29 <17>. Среда. Рим***; ***1845. Октября 30 <18>. Четверг. Рим.***

[2] Смирнова.

[3] Шереметева.

[4] См. ***1845. Июля 28 <16>. Понедельник. Карлсбад.***

[5] Через С. В. Скалон.

[6] Речь идет, видимо, о земляках Гоголя, клеветавших на писателя. — См. об этом в письме М. Г. Карташевской к В. С. Аксаковой от 23 мая 1843 г. (см. ***1843. Мая 23 <июня 4>. Воскресенье. Санкт-Петербург***) и в ответном письме В. С. Аксаковой от 31 мая 1843 г. (см. ***1842. Мая 28. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва*** — примечания).

[7] Елисавете Васильевне.

[8] Иван Иванович Кабат (1812–1884), врач-офтальмолог.

[9] См. ***1845. Мая 24 <июня 5>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва.***

[10] См. ***1845. Июля 18 <6>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[11] См. ***1845. Ноября начало <ноября средина>. Москва.***

[12] «Записки об уженье рыбы» были завершены в конце 1846 г., опубликованы в Москве в начале 1847 г. Аксаков отправил Гоголю книгу в Васильевку 21 июня 1848 г. (см. ***1848. Июня 21. Понедельник. Радонежье***).

НОЯБРЯ 22 <ДЕКАБРЯ 4>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

М. Г. Карташевская отвечает В. С. Аксаковой:

«Если б была возможность, я бы непременно переслала тебе, моя милая Верочка, те №№ "Illustration", где перевод Гоголя. Viardot напечатал, говорят, уже много переводов Гоголя отдельно. Если бы George Sand прочла только одни "Старосветские помещики", то можно бы сделать то заключение, которое ты делаешь, моя милая Верочка[1], но ведь Viardot читал ей и другие переводы. А я удивляюсь, что она и столько могла оценить Гоголя, сколько оценила».

Гоголь в письмах М. Г. Карташевской к Аксаковым // *Свод*. Т. 2. С. 961.

[1] См. ***1845. Ноября 12 <24>. Понедельник. Москва.***

НОЯБРЯ 24 <ДЕКАБРЯ 6>. СУББОТА. КАЛУГА

И. С. Аксаков пишет брату Константину в Радонежье (Абрамцево):

«...Смирнова, как некий злой демон, огорчив, оскорбив, смутив меня, растравив мое тщеславие и самолюбие, нарушила строй души. <...> Я принес <...> свое "26 сентября"... <...> Я убеждаюсь

теперь, что стихи эти понравились ей только потому, что похожи на проповедь, а она теперь большая охотница до проповедей, читает всякие проповеди и говорит и рассказывает это. <...> Вероятно, еще потому, что эпиграфом стоит стих из псалма[1], может быть, одного из тех, которые Гоголь ей выбрал и приказал читать (как я это слышал из письма его последнего к ней[2]). <...> Может быть, Гоголь считает ее идеалом русской женщины вот почему: она, не хлопоча об эмансипации, как женщина Запада, довольно свободна, выше всех этих предрассудков, условий и приличий, давно признанных ложными и смешными, но которые еще сохраняют над нами власть привычки, все может понять, видеть и говорить, не пачкаясь тем, что видит и говорит, оставаясь чистою, может свободным смехом смеяться всему смешному и стать открытым, не жеманным лицом к лицу с действительностью и природой. Вера в ней искренна, без ханжества и суеверия; она проста и откровенна в обращении, без аффектации... Так, может быть, понимает ее Гоголь, но, черт знает, это все как-то не так».

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 908.

[1] «Всяк человек ложь» (Пс. 115, ст. 2).
[2] Письмо Гоголя к А. О. Смирновой из Рима от 27–29 октября (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Октября 27 <15>. Понедельник. Рим***).

НОЯБРЯ 28 <ДЕКАБРЯ 10>. СРЕДА. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева пишет ответное[1] письмо Гоголю в Рим:

«Не в многих строках, полученных мною из Рима, вы много меня, мой милый друг, порадовали. Вам лучше, и слава Богу. Но еще сильнее порадовали и глубоко тронули мою душу желанием, коим душа ваша проникнута, чтобы вся жизнь была на служение единому Богу. <...> В начале ноября была в Москве и, узнав, что Александра Осиповна[2] в городе. <...> я поехала[3]. <...> Что еще сказать; есть письмо, которое уже полгода, как я к вам писала[4]. <...> ...Молю Господа, чтобы Он помог вам окончить свой труд. Помню с первых пор, когда вы довольно часто ко мне писали, говорили, что не прежде отправитесь в Иерусалим, пока кончите свою работу. Вот о ней-то и думаю, о ней и прошу Милосердого Господа, чтобы вы могли свершить оное на пользу ближнего, следовательно, и Ему, Отцу Небесному, угодное. <...> Пред тем, мой милый друг, вы напишите о времени отъезда, дабы я здесь вместе с вами могла помолиться и заочно вас благословить...»

[1] См. ***1845. Октября 30 <18>. Четверг. Рим.***
[2] Смирнова.
[3] См. ***1845. Ноября начало <ноября средина>. Москва.***
[4] См. ***1845. Мая 24 <июня 5>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва.***

НОЯБРЯ 28 <ДЕКАБРЯ 10>. СРЕДА. НОВГОРОД

В. А. Панов пишет Гоголю в Рим:

«Всегда хотел вам писать, и не писал. И что же? Пришлось мне вам теперь сказывать, чтоб объяснить причину замедления отправки этого письма. Я его отдал... Валуеву, когда он, 3 ноября, больной отправился за границу, и теперь я это письмо взял обратно в Новегороде, где уже не застал моего бедного друга. Он здесь скончался 23 ноября. Я приехал на другой день и имел одно утешение в продолжение четырех суток смотреть на его бренные останки в гробу, сохранившие еще отпечаток всей прелести души, обитавшей в этом теле. Я здесь один его нынче отпел с его спутником и человеком. Но древний Новгород, т. е. народ его, понял, видно, бессознательно все великое достоинство скончавшегося в нем юноши. Церковь была набита народом. <...> Это был мой единственный друг, с которым я никогда, никогда не расходился. Он завещал мне свой труд,

предпринятые им издания. Буду исполнять, сколько сил моих станет. Вы его не знали, может быть; но узнаете[1]; ибо <он> будет жить в России вечно. Нынче ночью я еду обратно в Москву, где живу постоянно. Боюсь я за Языкова: он нынешней осенью плох; часто хворал. Ужасное известие его потрясет. Это был его родной племянник».

[1] См. ***1846. Февраля 18 <марта 2>. Москва.***

ДЕКАБРЯ С СУББОТЫ 13 ДО СРЕДЫ 17 <С 1 ДО 5>. РИМ

Пребывание в Риме Императора Николая I[1].

«Государь прибыл в Рим, под именем генерала Романова, 13-го декабря 1845 года, и в тот же день посетил папу <Григория XVI>»[2].

Ранее, 22 ноября (н. ст.) 1845 г., русский посланник в Риме А. П. Бутенев писал графу К. В. Нессельроде, что приезд Императора Николая I в Рим является «событием, которое само по себе необычайно в истории древнейшего и знаменитейшего города в мире, и которому современные обстоятельства придают еще большее политическое значение и интерес, обращающий на себя, можно сказать без преувеличения, внимание всей Европы»[3]. В 1839 г. при участии Императора Николая I состоялось возвращение в лоно Православной Церкви полуторамиллионной униатской паствы западных областей России. Визит Государя в Рим преследовал цель, с одной стороны, ослабить возникшее вследствие этого воссоединения напряжение между Ватиканом и Россией, с другой, – подойти к решению «польского вопроса», а именно, отклонить — через гласное свидетельство о взаимном доверии между Римом и Россией — латинское духовенство в Польше от участия в заговорах и даже привлечь его на свою сторону. Папа договорился с Николаем I о заключении конкордата (соглашения) с Римской Церковью.

Один из русских дипломатов вспоминал: «Совершенно случайно в полдень попал я в собор Св. Петра, где мне бросилась в глаза кучка молодых людей в праздничной одежде. Бывший среди них мой знакомый художник, родом из Лифляндии, объяснил мне, что это русские художники, обучающиеся в Риме, и что собраны они сюда русским посланником Бутеневым, чтобы представить их Императору, который думает от папы проехать прямо в собор. Конечно, я остался возле них дожидаться Императора, который скоро и приехал. Одетый в зеленый лейб-казачий мундир, гордо выпрямившись, с лицом, слегка покрасневшим и выдающим внутреннее возбуждение, вошел он в собор и остановился с свитой в среднем корабле. Сказав Бутеневу несколько слов, надо полагать, о впечатлении, которое произвело на него величественное сооружение, он подошел к художникам, заговорил с ними по-русски и, видимо, был ласков и милостив. Как мне потом сказали, он обратился к ним: "Мои славные ребята", и посоветовал им трудом и прилежанием поддержать честь России»[4].

20 декабря (н. ст.) 1845 г. Гоголь сообщал матери: «Государя я так же, как и все, видел мельком, но раза три. Он пробыл в Риме только четыре дни; ему дел и занятий была здесь куча и вовсе не до того, чтобы принимать [еще и] всякую мелузгу, подобную мне. Я был рад душевно, что он здоров и весел, и молился за него искренно».

Н. М. Языкову 8 января (н. ст.) 1846 г. Гоголь также писал: «О римских новостях не знаю, что тебе написать; меня, по крайней мере, они не интересуют. Самое важное из происшествий был приезд нашего царя. Я полюбовался им только издали и помолился в душе за него. Да поможет ему Бог устроить всё к лучшему на Руси нашей!»

Более подробно о визите Государя в Рим Гоголь рассказал в письмах к графу А. П. Толстому от 2 января (н. ст.) 1846 г., к А. О. Смирновой от 27 января (н. ст.) 1846 г. и к В. А. Жуковскому от 6 февраля (н. ст.) 1846 г.

Графа Толстого Гоголь извещал: «О Государе вам мало скажу. Я его видел раза два-три мельком. Его наружность была прекрасна, и ею он произвел впечатление большое в римлянах. Его повсюду в народе называли просто *Imperatore*, без прибавления: di Russia, так что иностранец мог подумать, что это был законный государь здешней земли».

Бутенев, в свою очередь, 21 декабря (н. ст.) 1845 г. сообщал графу И. И. Воронцову-Дашкову: «Несмотря на то, что Император путешествовал инкогнито, римское народонаселение повсюду встречало высокого путеше-

ственника с таким энтузиазмом, который невозможно описать. Улицы, примыкавшие к дому русского посольства (palazzo Giustiniani <дворец Юстиниани>), в котором он останавливался, по целым дням были наполнены тысячами лиц различных классов, ожидавших мгновения его увидать и ему поклониться. Когда он ездил по городу или посещал общественные гулянья, такие же толпы стекались на его пути с усердием и восторгом»[5].

Ф. И. Тютчев в 1850 г. также писал: «Я позволю себе <...> припомнить одну подробность посещения Русским Императором Рима в 1846 <1845> году. Там, вероятно, еще памятно то всеобщее душевное волнение, с каким было встречено его появление во храме Св. Петра — появление Православного Императора, возвратившегося в Рим после стольких веков отстутствия...»[6]

В письме к Толстому (от 2 января (н. ст.) 1846 г.) Гоголь продолжал: «О чем был разговор с папой, это, разумеется, неизвестно, хотя, впрочем, следствия, вероятно, будут те, каких и ждали, то есть умягчение мер относительно к католикам. Донесения гонимой униатки[7] оказались ложью, и она созналась, что была уже подучена потом вне России польской партией. К художествам и к искусствам Государь был благосклонен. Показал вкус в выборах и в заказах и даже в том, что заказал немного. Помощь, оказанная бедным, тоже сделана с рассмотрением».

Возможно, в то время в Риме по повелению Императора материальная помощь была выдана и Гоголю. В черновой редакции составленной в декабре 1845 г. русским посланником в Риме А. П. Бутеневым «Общей ведомости деньгам, розданным по Высочайшему повелению Государя Императора Николая Павловича в Риме» значилось:

«Нашему <?> из<вестному> п<исате>лю Гоголю, по болезни. 250 <римских скудо>»[8].

Перед этой записью в документе следуют две пометы о подавших просьбы «челобитчиках»: «Франц<узам> Двум. 150»; «К<о>лл<ежской> Сов<етнице> Оболенск<ой> в пособие на проезд в Болонью. 150». В окончательной редакции ведомости остались лишь две эти записи, упоминание о Гоголе отсутствует[9].

В цитированном письме к Толстому Гоголь писал о Государе: «Бог да спасет его и да внушит ему всё, что ему нужно, что нужно истинно для доставления счастия его подданным! Если он молится и если молится так сильно и искренно, как он действительно молится, то, верно, Бог внушит ему весь ход и надлежащий закон действий. "Сердце царя в руке Божией", — говорит нам Божий же глагол[10]. И если медлит когда исходить от царя всем очевидное благо, то, верно, так нужно; верно, мы стоим того за грехи наши, верно, далеко недостойны еще. Помолимся же вновь, добрый друг мой Александр Петрович, о том, да преклонится Бог на милость ко всем нам, да снимет законный и праведный гнев Свой на всё поколение наше и всё простит нам, показав, что нет на свете грехов, которые в силах бы были пересилить Его милосердие».

Из письма к Смирновой: «Вы пишете известить о пребывании царя в Риме. Он пробыл четыре дни. Я его видел и любовался им издали, когда он прогуливался по Monte Pincio. Лицо его было прекрасно. Исполнен<ная> благоволен<ия> наружность его, несмотря на некрасивое и к нему вовсе не идущее наше штатское платье, не могла не поразить всех. Я не представлялся к нему потому, что стало стыдно и совестно, не сделавши почти ничего еще доброго и достойного [его] благоволения, напоминать о своем существовании. К тому ж в четыре дни столько нужно было ему видеть вещей замечательных, что это было бы с моей стороны одним пустым притязаньем. Государь должен увидеть меня тогда, когда я на своем скромном поприще сослужу ему такую службу, какую совершают другие на государственных поприщах. Впрочем, он был особенно благосклонен к художника<м>, приказывал им быть во время своей прогулки по Ватикану, а архитекторам — во время осмотра древностей и римск<их> памятников. Иванова очень похвалил за его картину[11]. Тут бы можно было обделать прекрасно его дело. Но на беду здешний их директор Киль, севший на место Кривцова, еще хуже в этом деле покойника: все до единого из художников им недовольны. *Человек ни то, ни се* и, кроме то<го>, страшно предубежден противу русских, неблагоразумно, неосмотрительно стал хлопотать и выставлять худож<ников> иностранных... Словом, никто его понять не может. В Иванове, впрочем,

принимает участие Григорий Волкон<ский>[12] и обещался о нем особенно хлопотать. Римом вообще Государь остался бы больше доволен, если бы прожил подолее, если бы погода была получше и если бы квартира не попалась ему такая дурная, каков сырой и мрачный palazzo Giustiniani, занимаемый Бутеневым. О пребывании Государыни в Palermo вы, верно, знаете. Климат Палерма пришелся ей по душе и по здоровью, и нужно только желать, чтоб она осталась там подолее».

В письме к Жуковскому Гоголь сообщал: «О Государе могу вам сказать немного. Он пробыл в Риме мало, всего четыре дни. Был несколько недоволен темною и мрачною своею квартирой, котор<ую> ему припас Бутенев в своем дворце Юстиниани, довольно грязном и почти худшем из всех, какие есть в Риме, и вследствие этого, может быть, поспешил скорее выехать. О переговорах его с папой, разумеется, ничего неизвестно. В четыре дни он, разумеет<ся>, объездил всё и побывал везде. Был очень ласков с художниками. Весьма похвалил Иванова, которого картина[13] ему очень понравилась. Велел художникам сопровождать себя: скульпторам и живописцам по галлереям Ватикана, архитекторам по развалинам и древностям. Заказал сделать слепки с тех антиков, которых у нас недостает в Академии. Заказал несколько копий с картин. Для художников русских можно бы, пользуясь этим обстоятельством, сделать много [кое<-что>] хорошего. Но здешнее директорство их тупо и ничтожно, Кил<ь> бестолковей еще Кривцова, к тому ж, говорят, оно будет вовсе уничтожено, потому что и секретарь, племянник покойного Кривцова, прокутив казенные деньги, убежал в Америку[14]. Я Государя видел только на Monte Pincio, куда он ездил прогуливаться в коляске, и любовался его прекрасной наружностью. Она была величественно-благосклонна и не могла не поразить всех как римлян, так и иностранцев. В лице я нашел более душевного выражения, чем когда-либо прежде. Бывши в куполе Петра, он достигнул самого яблока и написал в нем: "Здесь был император Николай и молился о благоденствии матушки России". Взглянувши случайно на другие надписи, он заметил тут же, что написал прямо над наследником. Вот вам все, что знаю о Государе».

[1] Государь прибыл в Рим из Чивитавеккьи, пополудни (см.: *Попов А. Н.* Сношения России с Римом с 1845 по 1850 год // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1870. № 1. <Отд. 2>. С. 65–66). – См. также ***1845. Ноября 28 <16>. Пятница. Рим***; ***1845. Декабря 16 <4>. Вторник. Рим.***

[2] *Щ<ебальский> П.* История русского конкордата // Русский Вестник. 1871. № 4. С. 626.

[3] *Попов А. Н.* Сношения России с Римом с 1845 по 1850 год. С. 61.

[4] Император Николай I и папа Григорий XVI // Вестник Иностранной Литературы. 1896. № 9. С. 11.

[5] *Попов А. Н.* Сношения России с Римом с 1845 по 1850 год. С. 61.

[6] *Тютчев Ф. И.* Папство и Римский вопрос (1850) // *Тютчев Ф. И.* Россия и Запад: Книга пророчеств. Статьи, стихи / Сост., примеч. И. А. Виноградова; Илл. Ф. В. Домогацкого. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1999. С. 63.

[7] См. ***1845. Ноября 28 <16>. Пятница. Рим.***

[8] *Бутенев А. П., российский чрезвычайный посланник и полномочный министр при Римском Дворе.* Общая ведомость деньгам, розданным по Высочайшему повелению Государя Императора Николая Павловича в Риме // *Свод.* Т. 3. С. 583.

[9] Там же. Т. 3. С. 583.

[10] Книга Притчей Соломоновых, гл. 21, ст. 1.

[11] См. ***1845. Декабря 16 <4>. Вторник. Рим.***

[12] Князь Григорий Петрович Волконский (1808–1882).

[13] «Явление Мессии».

[14] Имеется в виду Алексей Владимирович Сомов с октября 1840 г. по осень 1846 г. был секретарем директора русских художников-пенсионеров в Риме П. И. Кривцова (приходившегося ему дядей), с октября 1844 г. – секретарем Л. И. Киля (вступившего в эту должность). Бежал с казенными деньгами под чужим именем сначала во Францию, затем в Америку. В течение 1843–1845 гг. А. В. Сомов брал, заимообразно, с выдачей векселей на имя Министерства Императорского Двора, деньги у римских банкиров Торлони и К^0 для выплаты русским художникам в Риме «как в долг, так и в счет уплаты за сделанные ими заказы и за купленные у них художественные произведения». Выдав художникам занятые у банкиров деньги, Сомов впоследствии, при поступлении денег из России, не возвращал их в банкирскую контору, а «удерживал часть оных у себя». После бегства Сомов 16 мая 1846 г. был предан, по Высочайшему повелению, уголовному суду (извещение об этом было получено в Риме 3/15 июня 1846 г.; *АВПРИ.* Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 629. Л. 559). 20 июля / 1 августа 1847 г. Киль был извещен о лишении «губернского секретаря Сомова <...> всех прав состояния» – с тем, чтобы «по

возвращении из побега в Россию сослать в Сибирь, на поселение» — и о «продаже причитавшейся Сомову части из принадлежавших ему, вообще с братьями и сестрами его, в Тульской губернии 137 душ, для пополнения похищенных им денег, простирающихся до двадцати одной тысячи рублей серебром» (*АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 696. Л. 111–112). Оставшиеся векселя были «заплачены сполна из Кабинета Его Величества» (*АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 109. Л. 524–527; Ед. хр. 565. Л. 3). — См. также ***1845. Декабря между 20 и 29 <между 8 и 17>. Рим***.

ДЕКАБРЯ 1 <13>. СУББОТА. КАЛУГА

И. С. Аксаков сообщает отцу, С. Т. Аксакову, в Радонежье (Абрамцево):

«Каждый вечер провожу я у А. О. Смирновой... <...> На нынешней неделе прочли мы между прочим “Старосветских Помещиков” и “Шинель”. Читал ее брат[1], не очень хорошо. И то и другое, кажется, читал А<лександре> О<сиповне> “сам Гоголь в Риме”. Впрочем, она говорит, что теперь только начинает ценить Гоголя. Я объяснял ей и содержание Костиной брошюрки[2], толковал ей ту чудесную вещь, которая находится в третьей части его диссертации[3] о воззрении на мир древнего человека[4], о Гомере, о значении юмора в наше время... Но я до сих пор не видел в ней теплоты эстетических ощущений, никакого сердечного движения... Как я бесился внутренно, когда, при чтении в “Мертвых Душах” — этих чорт знает каких чудных страниц о дороге, ночи и пр. и пр., — она вдруг вспомнит про Жорж Занд и скажет, что она также очень хорошо описывает впечатления путешествий!.. В этот раз, впрочем, я ей это заметил. — Среди “Шинели”, в самых чудесных местах, она вдруг, по поводу какого-нибудь квартального вспомнит какие-нибудь глупые стихи Мятлева и скажет или пропоет: “напился, как *каналья*, пьян” и т. п., всегда с особенным удовольствием. <...> А<лександра> О<сиповна> ужасная охотница переписываться! С кем она не в переписке! Всякий светский знакомый ее обязан к ней писать и сообщать все дела и сплетни большого света; она всем отвечает; ведет, кто знает, может быть довольно скандалезную переписку с одним и в то же время пишет о псалмах Гоголю!.. <...> Гоголь просто был ослеплен, и, как ни пошло слово, неравнодушен, и она ему раз это сама сказала, и он сего очень испугался и благодарил, что она его предуведомила и пр. и пр.»

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 908–909.

[1] Л. И. Арнольди.

[2] Имеется в виду брошюра К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (М., 1842).

[3] Имеется в виду магистерская диссертация К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (М., 1846).

[4] Имеются в виду следующие строки из третьей, заключительной части диссертации К. С. Аксакова «Первобытное созерцание и первобытное слово таково, что оно видит и наполняется совершенно созерцаемым предметом, при всем существе своем, при всем достоинстве и высоте, как созерцания. Это слово, обращенное лицом к природе, так сказать, ее изящно отражающее, возвышающееся над нею, являющее все свое величие уже присутствием и существом, делом своим, — во всей простоте, во всем спокойствии, как сама природа. Это признание и сознание природы; это человек, ставший среди природы и взирающий на нее; ибо взор его, взор духа, сознающий и тем сознанием приобретающий себе, признающий и возвышающий природу, — есть слово, в простом и существенном значении. — Такова поэзия древних. Нужды здесь не смущали человека; никакие другие стремления, ни внутренние, ни материальные, не увлекали его; взгляд его был устремлен на мир и видел весь мир. — Но слово не осталось и не могло остаться в таком положении; человек имеет свой путь, свои заботы, свою частную жизнь, свою частную природу и свои новые требования, перешагивающие за границы природы собственно. Слово последовало с ним; оно стало выражением его нужд, стало выражением его человеческой жизни, стало ему орудием, — и возмутилась его созерцательная ясность, побледнели его краски, стал отвлеченным его образ. Искусство, поэзия, хранившая слово как соразмерный себе образ, сама поэзия уже иначе обладала им, уже не то было оно и в поэзии. <...> Среди этой жизни, обращенной в другую сторону, полной других интересов, в то же время мелкой и ничтожной, слово само получило характер, достойный ее состояния. Среди жизни уже другой является, не как зеркало ее, не простирающаяся над нею, но как область в ней, — *поэзия*. Поэзия сама уже не может быть та, что была прежде; содержание ее, также и жизнь переменились; она отрывает от случайности эту жизнь; перед ней

падает в прах все мелкое, все корыстное и низкое, — и то высокое стремление, которое несется в жизни, с одной стороны, — та скорбь и горькая насмешка, юмор, с другой, — одушевляют ее. Этой жизни служит слово; и поэзия, отрывая жизнь от случайности, при этом новом состоянии жизни человеческой, себе преданной, не удовлетворяясь созерцанием жизни: — с одной стороны, отрывая ее благородное внутреннее стремление, с другой, противопоставляя ей, ее образу, более или менее человеческий юмор, — поэзия отрывает от случайности и самое слово; тогда как прежде слово само было оторвание от случайности и было уже потому изящно; в поэзии является эта вечно прекрасная и великая область, великое благородное наслаждение, деятельность человека, освобождающая человека от случайности и дрязга жизни, дающая мир его душе, дающая простое, человеческое наслаждение. Поэзия, вечная хранительница благородного существа духа, вечная уверительница во всей глубине и возвышенности, во всей необходимости и истине, бесконечности его; она так просто хороша, и она никогда не оставит мир, как никогда не оставит человека его человеческое достоинство. Поэзия, это существенная принадлежность человека; конечно, идя вслед за его движением, иное высказывала она, иной характер имело и в ней слово; но это была все же она, поэзия, глубоко человеческую живую потребность осуществляющая: без нее, если бы это можно было вообразить, мир представил бы ледяную поверхность, страшную отвлеченность, жизнь, в которой бы не было сердца. <...> В поэзии вновь является изящным слово, вновь во всем благородстве предстает оно, и, не имеющее уже созерцательного характера, как прежде, оно своею же силою, как слово, выражает, осуществляет внутреннее духа человеческого, содержание поэзии, какой бы ни было» (Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. Рассуждение кандидата Московского Университета *Константина Аксакова*, писанное на степень магистра философского факультета первого отделения. М.: В типографии Николая Степанова, 1846 (Печатать по определению Совета Московского Университета. Декабря 12 дня, 1845 года. Секретарь Совета Василий Спекторский). С. 402–403, 406–407).

По наблюдению В. А. Кошелева, пояснением к брошюре К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (1842) могут служить также строки одного из вариантов его поздней статьи «Обозрение современной литературы», относящегося к концу 1840-х гг. и озаглавленного «О современном стихотворстве в нашей литературе». Здесь также К. С. Аксаков рассуждает об отличии отображения мира Гомером от «акта создания» позднейших художников, полагая, что в современном романе, «воспевающем» жизнь современных людей, возврат к древнеэпической системе воспроизведения мира невозможен. «Аксаков противопоставляет "личное" начало современной "не комической" литературы сатире, ведущей свою генеалогию из древности: "Другое значение имеет у нас комедия и вообще вся комическая сторона литературы; деятельность ее несравненно выше; в ней есть действительный смысл; так и должно быть при ложном положении всего общества; в ней — обличение лжи отвлеченной общественной жизни, и потому наша комическая поэзия имеет в себе много трагического. И в нашей литературе восторг часто смешон, а смех серьезен. Этот серьезный, трагический смех слышится в Фонвизине, в Капнисте, в Грибоедове, в Гоголе. — Общественная ложь — вот предмет русской комедии. Грибоедов сверх того имеет особенный, ему принадлежащий характер сознательного и прямого, горячего обличения лжи"» (*Кошелев В. А.* «Мертвые души» Н. В. Гоголя в трактовке ранних славянофилов // Русская литература. 1976. № 3. С. 89–90). В. А. Кошелев ставит эти размышления К. С. Аксакова в один ряд с упоминанием в его «Проектах литературных занятий», относящихся к началу 1850-х гг., статьи о Гомере, «причем в интересном контексте»: «Очерк истории нашей литературы. Гомер. "Горе от ума"» (Там же. С. 89).

Пояснением к брошюре К. С. Аксакова о «Мертвых душах» может служить также его письмо к М. Г. Карташевской от 16 января 1837 г. (см. в наст. изд.).

ДЕКАБРЯ СРЕДИНА <ДЕКАБРЯ НАЧАЛО>. РИМ

А. А. Иванов пишет отцу, А. И. Иванову, в Петербург:

«Сейчас же, пожалуйста, съездите к лучшему книгопродавцу купить <...> немедленно следующие книги: 1. Повествование о России Николая Арцыбашева, второй том, — первого не нужно[1]. 2. О иконной живописи какого-то архиерея, теперь только изданное в печать[2]. 3. Первый том Мертвых душ Гоголя, а если вышел второй, то и второй том».

Из писем А. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 342.

[1] См. ***1843. Января 9 <1842. Декабря 28>. Понедельник. Рим*** (примечания).

[2] Имеется в виду книга преосвященного Анатолия (Мартыновского) «О иконописании», изданная М. П. Погодиным (М., 1845) (см.: <*Погодин М. П.*> Погодин, Михаил Петрович... // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... М., 1855. Ч. 2. С. 257). 13 февраля 1852 г. Ф. В. Булгарин, в частности, сообщал: «В 1848 году напечатаны в Киеве и сохранились в малом числе

экземпляров: "*Вера, Надежда и Любовь*, изложенные в беседах и размышлениях, с присовокуплением духовных стихотворений. А. Е. М и М." и другое сочинение того же автора: "*Господь и Бог наш Иисус Христос, наше оправдание, или покаянное воспоминание уничижения и крестных страданий Спасителя* (извлечено из Воскресного Чтения)". — В первом сочинении находятся духовные стихотворения Ломоносова, Державина, Мерзлякова, Языкова, Глинки (Федора Николаевича), Пушкина, Дмитриева (Ивана Ивановича), Батюшкова, Карамзина, и других менее известных авторов. <...> Всем любящим духовную словесность известно, что оба сочинения написаны Преосвященным Антонием, Епископом Могилевским и Мстиславским... <...> Без подписи своего имени, Его Преосвященство издал также в Москве, в 1845 г. сочинение под заглавием "*О иконописании*". Это сочинение чрезвычайно важно не только в отношении духовном, но и касательно изящных искусств...» (<*Булгарин Ф. В.*> Заметки, выписки и корреспонденция, Ф. Б. // Северная Пчела. 1852. Февраля 13. № 34. С. 133).

ДЕКАБРЯ 2 <14>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет декабрьского номера «Отечественных Записок» с рецензией В. Г. Белинского на издание перевода пяти повестей Гоголя («Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики», «Вий») на французский язык: Nicolas Gogol. Nouvelles russes. Traduction française publiée par Louis Viardot[1].

«Перевод удивительно близок и в то же время свободен, легок, изящен; колорит по возможности сохранен, и оригинальная манера Гоголя, <...> по крайней мере не изглажена. <...> ... Повести Гоголя с честию выдержали перевод на язык народа, столь чуждого нашим коренным национальным обычаям и понятиям, и сохранили свой отпечаток таланта и оригинальности. Говорят, что этот перевод, обратив на себя большое внимание во Франции, имел там необыкновенный успех. <...> ...Резкого типа национальности <...> недостало бы лучшим произведениям Пушкина и Лермонтова, даже превосходно переведенным на иностранные языки. Гоголь, в этом отношении, составляет совершенное исключение из общего правила»[2].

[1] См. ***1845. Ноября первая половина <октября вторая половина>. Париж.***

[2] <*Белинский В. Г.*> Перевод сочинений Гоголя на французский язык // Отечественные Записки. 1845. № 12 (цензурное разрешение 30 ноября). Отд. 8. С. 115–116.

ДЕКАБРЯ 3 <15>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Кончина А. И. Тургенева.

См. ***1845. Мая 26 <14>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне, Гомбург*** (примечания); ***1846. Января 5 <1845. Декабря 24>. Понедельник. Рождественский сочельник. Франкфурт-на-Майне.***

ДЕКАБРЯ 16 <4>. ВТОРНИК. РИМ

Император Николай I посетил студию А. А. Иванова.

Согласно заметке Иванова в его записной тетради, «4-го (16) декабря 1845 года около полудня во вторник был Государь Император в студии у Александра Иванова и пробыл тут почти с час»[1].

Спустя год, в письме к Н. М. Языкову от 16 декабря (н. ст.) 1846 г., Иванов вспоминал о посещении Государем его студии: «Сего дня 4-го 16<-го> ровно год, как посетил в Риме представительных русских художников Государь Император. <...> Мы были все в горестном положении: накануне архитекторы представили свои работы в кабинет Государю, ожидая милостивого одобрения, но Государь заболел. Их (взяло) уныние! Я перенеси сейчас князю Волконскому. Добрейший и благороднейший вельможа русский внял моей просьбе, и еще обещал мне привести Государя в мою студию. Враги было хотели отвести от меня посещение Государя. Ка-

раулил я у своего переулка, и вот стройный ряд карет пронесся на публичную выставку иностранцев, на Piazza popolo. Это дало мне знать, что Царь и выздоровел, и прекрасно приготовился увидеть произведения русских, посмотрев сначала на ничтожность всех иностранных. Усердный слуга царский, князь Волконский, прискакал во весь опор к моей студии, с известием, что сейчас будет ко мне Государь. Это минута моя была самая высокая в моей земной жизни, я внутренно укреплялся молитвой, и вот — Царь. Он раскрыл во мне чувство, которое до его приезда я совсем не знал — чувство моей собственной значимости, которое так сильно меня занимает. Не сочтите это за гордость и тщеславие, я в этом только вам одним и признаюсь, и то в этот сегодняшний день»[2].

Гоголь в письме к А. О. Смирновой от 27 января (н. ст.) 1846 г. сообщал, что Государь «очень похвалил» Иванова «за его картину»[3]. В письме к В. А. Жуковскому от 6 февраля (н. ст.) 1846 г. Гоголь также писал о Государе: «Весьма похвалил Иванова, которого картина ему очень понравилась»[4].

Сам Иванов в 1857 г. в докладе президенту Академии художеств великой княгине Марии Николаевне, подготовленном для князя Г. П. Волконского, сообщал: «В конце... <1845> года сам Государь Император Николай Павлович был у Иванова в студии; был чрезвычайно доволен трудом, благодарил еще раз его в своих покоях...»[5]

В студии Иванов рассказал Государю о своей картине «Явление Мессии» (в разработке замысла которой принимал участие Гоголь[6]). Иванов раскрыл Императору воплощенную в картине мысль о том, что «второе пришествие Иисуса Христа должно совершиться в славянском мире» — в России[7].

В своих «Мыслях, приходящих при чтении Библии» (1846–1847) Иванов писал: «Мессия, которого ждут жиды, и Второе Пришествие, которому верят символически христиане, есть Русский Царь, Царь последнего народа...»[8] Это представление нашло прямое воплощение в двух картинах Иванова, которые он показывал в 1845 г. Государю, — в пейзаже «Аппиева дорога при закате солнца» (1845) и в его главном труде — картине «Явление Мессии» (1832–1857).

Письмо А. А. Иванова к его отцу А. И. Иванову от 20 декабря (н. ст.) 1845 г. позволяет установить, каким образом художник воплотил свою мессианскую мысль в пейзаже «Аппиева дорога...» На картине изображены остатки знаменитой древней римской дороги, проведенной для военных целей при цензоре Аппии Клавдии в 312 г. до Рождества Христова. 26 сентября 1845 г. Иванов, рассказывая Ф. В. Чижову о работе над картиной, писал: «Ездил с ним <Е. Г. Солнцевым> отыскивать прекрасные места; сильно поражен был видом Рима на девятой версте <...> и занялся сам этим видом, вместе с ним. <...> Вот его описание: древняя дорога Аппия, имеющая по обеим сторонам развалины гробов римских вельмож; на втором плане — акведук, половина дороги от Альбано... <...> за ним — древний Рим в развалинах, потом самый Рим, и в средине — купол Петра царствующий над всеми развалинами, потом — витербские горы за 60 миль, и все это при закате солнца!»[9] «Пожалуй, — добавлял Иванов, — могут толковать, что торжествующий Петр, или католицизм, над древним миром находится при своем закате»[10]. — А. О. Смирнова, общавшаяся в Риме с Гоголем и Ивановым, почти повторяла мысль художника, когда передавала свои впечатления от «вечного города»: «Слава языческого мира там погребена так великолепно; на великолепных развалинах воздвигся другой Рим, христианский, который сперва облекся в смирение в лице мучеников или молчаливых отшельников в катакомбах, но впоследствии веков, зараженный тою же гордынею своих предков, начал погребаться с древним Римом. Развалина материальная и развалина духовная — вот что был он в 40-х годах...»[11]

При посещении студии Императором художник, кроме «Явления Мессии», показал Государю и свою новую картину «Аппиева дорога...» Опасаясь, что от волнения будет не в состоянии говорить с царем, Иванов приготовил к обеим представленным работам записку с объяснениями их замыслов. («Иванов долго готовился к встрече. Он исписал несколько листочков бумаги речью, которую собирался держать, чтобы убедить начальство в важности своего дела. Он намеревался открыть в ней "великую тайну своего замысла"»[12].) В записке, развивая высказанное ранее в письме к Чижову предположение («...могут толковать, что торжествующий Петр, или католицизм, над древним миром находится при своем закате»), Иванов уже прямо утверждает, что в Аппиевой дороге ему видится торжество христианского Рима над древним языческим миром и — в дополнение к тому — последующее избавление человечества православной Россией, прообразуемой в картине горами Севера.

В письме к отцу (от 20 декабря (н. ст.) 1845 г.) Иванов сообщал: «...Я показал Государю вид Рима с древней дороги Аппия, прочитав следующее: "Над пустыней и остатками великолепных гробниц вельмож римских, что древне украшали Via Appia, торжествует христианский Рим, Св. Петр со всеми другими церквами; все это великолепие находится при закате солнца, а зритель видит на горизонте горы Севера, где решится наконец судьба человечества"»[13]. В «Мыслях, приходящих при чтении Библии», как бы «развивая» этот сюжет и приоткрывая замысел главного труда — «Явления Мессии», Иванов писал: «Наконец, человек, испытав и проверив все, уверился в Истине Православия и ждет от последнего народа на поприщах просвещения результата для своего второго благоденствия на земле»[14]. В соответствии с этими строками, Креститель Александра Иванова — указывающий на грядущего вдали Спасителя, несомненно, «знает» о том, что Мессия и Второе Пришествие есть

«Русский Царь, Царь последнего народа». Подтверждение этой мысли содержат знаменательные слова Иванова в «Мыслях, приходящих при чтении Библии», представляющие прямой «парафраз» призыва Иоанна Крестителя к покаянию: «Падем ниц пред Россией. – Соотечественники, трудитесь во Славу Божию. – Покайтесь, приблизилось Царствие Небесное»[15].

[1] *Виноградов 2001.* С. 372.

[2] *Виноградов 2001.* С. 432–433.

[3] См. ***1845. Декабря с субботы 13 до среды 17 <с 1 до 5>. Рим*** (примечания).

[4] См. там же.

[5] *Виноградов 2001.* С. 430–431.

[6] См., в частности: ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4>. Рим*** (примечания).

[7] Ср. показания одного из петрашевцев, Ф. Г. Толя, 15 июля 1849 г.: «О поэте <...> Мицкевиче слышал я (кажется, от Ястржембского), что, читая в Париже славянские наречия (имеются в виду лекции А. Мицкевича в Коллеж де Франс о славянских наречиях. – *И. В.*), он высказал между прочим мысль, что второе пришествие Иисуса Христа должно совершиться в славянском мире, как наследовавшем наименее против остальной Европы элементов от древности, которой живым отрицанием был Спаситель. Почти ту же мысль высказал и Шевырев в своих "Чтениях об истории древней русской словесности" в примечании к одному из первых чтений, где он говорит, что славяне должны совокупить в себе все разнородные элементы европейской жизни и закончить дело Европы; дух "Маяка" также намекал на подобные надежды; в таком же духе писал и Погодин и Савельев <Н. В. Савельев-Ростиславич>» (Дело петрашевцев / Отв. ред. В. А. Десницкий. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. С. 192).

Петрашевцы относились к друзьям Гоголя – Шевыреву и Погодину (и к славянофильству в целом) – крайне негативно. Пользуясь сведениями из вторых рук, они, естественно, не могли увидеть разницу между Мицкевичем и московскими «славянофилами», которая заключалась в прямо противоположной оценке наполеоновских кампаний и фигуры Наполеона в целом (см. ***1845. Февраля 26 <14>. Среда. Париж*** – примечания; *Виноградов И. А.* Славянофильство русское, польское и украинское: Н. В. Гоголь, А. Мицкевич и О. М. Бодянский // Гоголь и славянский мир. Шестнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва, 29 марта; Белград, 30 марта – 4 апреля 2016 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2016. С. 69–77; *Виноградов И. А.* Гоголь и западное славянофильство: К постановке проблемы // Studia Litterarum. 2017. № 4. С. 182–207).

Упомянутое же петрашевцем Ф. Г. Толем место из первой лекции С. П. Шевырева в его «Истории русской словесности, преимущественно древней» (раздел «Надежда и мысль России») выглядит следующим образом: «Мы не были призваны к участию в отдельных развитиях стихий человеческих: не выпадет ли нам на жребий трудная задача – как совместить их все и разрешить загадку о человеке полном и цельном... <...> Россия не собирается ли с внутренними духовными силами, чтобы наконец вымолвить и свое слово в общем деле человеческого образования?» (История Русской Словесности, преимущественно древней. XXXIII публичные лекции *Степана Шевырева,* О<рдинарного> Профессора Московского Университета. М., 1846 (ценз. разр. 19 марта). Т. I. Ч. 1. С. 17). В разделе «Связь нашего народного с Христианским» Шевырев также указывал: «Наше Русское народное тем отличается от других, что оно с самого начала бытия своего окрестилось, облеклось во Христа... <...> В Христианстве начало любви всемирной, и тот народ только может явиться со временем сосудом всеобщего примирения, кто возрастит в себе до конца семя Христово» (Там же. С. 12). – По словам А. С. Хомякова в письме к Ю. Ф. Самарину от 6 апреля 1846 г., святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский, благословил С. П. Шевырева за «Историю русской словесности...» образом (см.: *Аксаков И. С.* Письма А. С. Хомякова к Ю. Ф. Самарину // Русский Архив. 1879. № 11. С. 324). Гоголь также высоко отзывался об этой книге и рекомендовал ее для чтения своим сестрам и графине Анне М. Виельгорской (см. ***1844. Октября 12 <сентября 30>. Суббота. Париж*** – примечания).

[8] *Виноградов 2001.* С. 661. – Мысль, подразумевавшуюся Ивановым в его мессианском «пророчестве» (в такой форме, конечно, не выдерживающем критики с богословской точки зрения), и более точно, и более трезво выразил в те же годы Гоголь в статье «О лиризме наших поэтов»: «Там только исцелится вполне народ, где постигнет монарх высшее значенье свое – быть образом Того на земле, Который Сам есть любовь».

[9] *Виноградов 2001.* С. 360.

[10] Там же. С. 360.

[11] См. ***1843. Февраля 4 <января 23>. Суббота. Рим.***

[12] *Алпатов М. В.* Александр Андреевич Иванов. Жизнь и творчество: В 2 т. М., 1956. Т. 2. С. 89.

[13] *РГБ.* Ф. 332. К. 2. Ед. хр. 3. Л. 1448.

[14] *Виноградов 2001.* С. 653.

[15] Там же. – См. также: *Виноградов И. А.* Явление картины – Гоголь и Александр Иванов // Наше наследие. 2000. № 54. С. 110–125; *Виноградов 2001.* С. 5–24; *Виноградов И. А.* Творений Гоголевых чтение. О духовном наследии писателя. М., 2018 (в печати).

ДЕКАБРЯ 7 <19>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно почтовому штемпелю[1], П. А. Плетнев получил в этот день письмо Гоголя из Рима[2].

[1] См.: *Городецкий*. С. 452.
[2] См. ***1845. Ноября 28 <16>. Пятница. Рим.***

ОКТЯБРЬ – ДЕКАБРЯ 20 <СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА – ДЕКАБРЯ 8>. РИМ

Гоголь пишет письмо в Васильевку к сестрам Анне, Елисавете и Ольге (письмо было отправлено 20 декабря (н. ст.) 1845 г.[1]):

«Относительно поручения кассы и счетной части Лизе[2] скажу вот что: вы бы не изумлялись никто такому распоряжению, если бы, по несчастию, не пропали мои письма[3], в которых всё было пояснено и сверх того находилось много того, что было бы полезно сестрам. Мне скучно повторять всё это сызнова, да и времени нет. <...> ...Если сестрам моим кажется иное ***не умным,*** то это еще не знак, что оно точно не умно, но знак, что еще ум их не достигнул того, чтобы видеть, почему именно оно умно. Странно, что мне более верили те, над которыми я не имел никакого права, чем родные, над которыми я имел небольшое право. <...> *Касса* не потому вручалась Лизе, что она могла лучше сохраниться у нее, такие глупости мне не приходят в голову. Она у всех вас может быть в безопасности, красть для себя, верно, никто из вас не станет, и не потому также, чтобы поучить маминьку, но чтобы поучить Лизу, чтобы понемногу привести ее к тому, для чего у нее есть наклонности и что будет потом слишком ей нужно, хотя она теперь и подозревать не может. Лизе поручено было ввести самый точный и подробнейший счет. Было сказано так: чтобы ни одна копейка в хозяйстве не тратилась и не издерживалась, не побывав прежде в руках Лизы, хотя бы полученные деньги сию минуту следовало взносить куды-нибудь. Лиза должна их взять, записать на одной странице приход: получено столько такого-то числа и ту же минуту выдать, записав: выдано столько, день и число. Всё до последней мелочи должно быть также внесено в приход и расход[4], как и большие суммы. В приходе должно быть означено, за что и откуда получены деньги, в расходе на что и куда отпущены деньги. Когда же кончится месяц, Лиза должна из книги своей списать и расход и приход на тоненьком листике бумаги и переслать мне. Это делается вовсе не из того, что у меня поселилась мысль, что вы много тратите или беспорядочно тратите или что я подозреваю кого-либо из вас, как показалось из вас кому-то, уже не помню. Стыдно вам иметь такое подлое мнение обо мне. <...> Одна из сестер моих имела [глупость] неблагоразумие написать: "Надо бы приехать и увидеть, над чем тут быть казначеем: приход самый маленький и тот же час разойдется на долги, прочее надо уплачивать каждый год в казну и в частные руки". На это я скажу ей, что не тогда важно видеть приход и расход подробнейший всему, когда всего довольства и в избытке, но тогда именно, когда во всем терпятся *недостатки.* <...> Сестра моя, кажется Лиза, начала тут же оправдываться в том, о чем я и намека даже ей не сделал, и говорит, что все [они] вместе живут слишком умеренно, что отказывают себе во всем, что она не имеет вовсе никакого щегольства, что чувствует отвращение к тряпкам[5], точно как будто бы я во всем этом возводил на нее обвинение. <...> ...Это нужно и полезно для меня... <...> Если сестры мои хотят остаться невежами в хозяйстве, то из этого не следует, чтобы я остался невежей. <...> Я хочу помочь; для того, чтобы помочь, мне нужно узнать. <...> Я тогда только и бываю умен, когда всё до последней, до малейшей вещицы рассмотрю и узнаю...»

Далее в письме Гоголь просил сестер «сделать перебор всем избам» в деревне, ответив ему на несколько вопросов по каждому крестьянскому хозяйству[6].

Надпись на обороте этого письма: «Сергею Тимофеевичу Аксакову для отправления маминьке в д<еревню> Васил<ь>евку, близ *Полтавы*», – показывает, что данное послание (вместе с письмом Гоголя к матери от 8 декабря (н. ст.) 1845 г.) было отправлено через Аксакова.

[1] См. ***1845. Декабря 20 <8>. Суббота. Рим.***

[2] См. также ***1845. Марта средина <марта начало> – июня 18 <6>. Франкфурт-на-Майне или Гомбург.***

[3] См. ***1845. Марта 3 <февраля 19>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Марта средина <марта начало> – июня 18 <6>. Франкфурт-на-Майне или Гомбург.***

[4] Ср. наставление Гоголя в статье *XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846): «...Помните, что жена должна быть помощницей мужа. <...> Всю хозяйственную часть дома возьмите на себя; приход и расход чтобы был в ваших руках. Не ведите общей расходной книги, но с самого начала года сделайте смету всему вперед... <...> Какие ни представлялись бы вам в это время выгодные покупки и как бы ни соблазняли они вас своею дешевизною, не покупайте. <...> ...Это вами делается для покупки твердого характера, а эта покупка покамест для вас нужнее всякой другой покупки... <...> Ваши прихоти будут невольно и нечувствительно сжиматься...»

[5] Ср. ***1839. Декабря 21. Четверг – 1840. Апреля 27. Суббота. Москва.***

[6] См. ***1844. Июля вторая половина – ноябрь <июля средина – ноября средина>. Остенде или Франкфурт-на-Майне*** (примечания). – Просьбы и наставления Гоголя сестры постарались выполнить (см. ***1846. Апреля 23 <11>. Четверг. Рим***; ***1846. Мая 1 <апреля 19>. Пятница. Рим***; ***1847. Февраля 16 <4>. Вторник. Неаполь***).

ДЕКАБРЯ 20 <8>[1]. СУББОТА. РИМ

Гоголь отправляет С. Т. Аксакову в Москву письмо к своей матери, с вложением письма к сестрам (Аксаков должен был переслать эти письма в Васильевку)[2]. Вероятно, пишет также сопроводительное послание к самому Аксакову (письмо не сохранилось).

Из письма к матери: «Благодарю вас, моя добрая и почтенная маминька, за всё, за ваши молитвы и за молитвы тех святых и угодных Богу людей, которых вы просите обо мне молиться. Молитвы обо мне нужны, их не следует прекращать и теперь, хотя здоровье мое сделалось лучше. Дорога и переезд мне очень помогли, так что первые две недели по приезде в Рим[3] я чувствовал себя как бы совершенно здоров<ым>, и потом, по прошествии месяца, начали вновь возвращаться многие припадки. <...> Покамест несноснее всего то, что я не могу никакими средствами согреться[4]. Я зябну до такой степени, что должен бегать без отдыха и при всем том не согреваюсь. Даже здесь, где так тепло, мне кажется холодно. Не могу даже писать писем, потому что руки костенеют. <...> Одно письмо мое из Рима вы, я думаю, уже получили через Аксаковых[5]. Письмо же прежнее[6], которое писано мною с дороги, потому дошло к вам скоро, что вы позабыли порядок числ. Я выставляю на письмах числа по [новому] здешнему штилю <...>, т. е. двенадцатью днями вперед. Государя я так же, как и все, видел мельком[7]... <...> Следовало бы мне отвечать на многие пункты ваших прежних писем [и особенно], а также писем сестер моих, но еще не в силах. Вот, однако же, на следующем при сем листе прилагаю, что мог записать на первый раз. Тут предметы более для сестер моих; но однако ж прочитайте и вы. Всё это писано мною гораздо прежде[8], но я в силу теперь только мог окончить».

[1] Датировка письма уточнена. Сам Гоголь датировал письмо: «Декабря 8», – очевидно, по старому стилю, так как упоминает в письме о закончившемся пребывании в Риме Императора Николая I (был в Риме с 13 по 17 декабря (н. ст.) 1845 г.; см. ***1845. Декабря с субботы 13 до среды 17 <с 1 до 5>. Рим***).

[2] См. ***1845. Октябрь – декабря 20 <сентября средина – декабря 8>. Рим.*** – См. также ***1845. Октября 30 <18>. Четверг. Рим***; ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим.***

[3] См. ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4>. Рим.***

[4] См. также ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим*** (письмо к С. Т. Аксакову); ***1845. Ноября 28 <16>. Пятница. Рим***; ***1846. Января 2 <1845. Декабря 21>. Пятница. Рим.***

[5] См. ***1845. Октября 30 <18>. Четверг. Рим.*** – Второе письмо Гоголя к матери из Рима через С. Т. Аксакова было отправлено 25 ноября (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим***).

[6] См. ***1845. Октября 24 <12>. Пятница. Рим.***

[7] См. ***1845. Декабря с субботы 13 до среды 17 <с 1 до 5>. Рим.***

[8] См. ***1845. Марта средина <марта начало> – июня 18 <6>. Франкфурт-на-Майне или Гомбург.***

ДЕКАБРЯ 10 <22>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВАСИЛЬЕВКА

Е. В. Гоголь пишет В. С. Аксаковой в Радонежье (Абрамцево):

«...Вчера только получили ваше письмо, Ангел Верочка, от 19 ноября, и сей час же отвечаю вам. Вы пишете, что отвечали на мое последнее письмо, но я его не получила. От брата же Маминька получила недавно самое коротенькое письмо из Рима[1], насчет же тех двух писем, которые мы не получили, мы полагаем, что они пропали в время разлития рек... <...> Не знаете ли вы, скоро ль возвратится брат, и намерен ли он быть в Иерусалиме; он, кажется, намерен был 3 года проездить, нам же он ничего никогда о себе не напишет, письма его вечно полны наставлений и выговоров, так что теперь каждый раз, как он пишет Анет и мне, то даже со страхом мы распечатываем письмо, и почти никогда не обманывает нас предчувствие; нет, он теперь совсем переменился; прежде мое первое удовольствие было ему писать; теперь же мы так редко к нему пишем, и то так нам трудно, надо каждое слово взвесить, и требует от нас почти невозможного, и говорит, чтобы мы только писали ему о дельном, и так мы должны прежде <в>звесить каждое слово, не будет ли это пустяк; и так несколько уже почт Маминька одна ему пишет. Не показывайте никому, Ангел Верочка, мое письмо, а то как брат узнает, то будет опять меня бранить; уж эти мне выговоры, ужасть как надоели! <...> Наша сиротка Миля учится понемногу. Я с ней занимаюсь, ужасно надо много терпения учить, к тому же она очень тупа, впрочем меня то утешает, что она еще очень молода, ей минуло в ноябре 6 лет, еще может поправиться память»[2].

По-видимому, после 1845–1846 гг. сирота Эмилия (Миля) некоторое время жила не у Гоголей, а в другой семье, после чего, в 1847 г., была вновь взята в Васильевку[3].

Из воспоминаний сестры Гоголя Ольги Васильевны: «Соседи наши, две старые девицы Пселовы, тетки Михаила Ивановича Псела, предлагали нам сиротку. Рассказывали, что в Сорочинцах становой умер[4], а жена его раньше умерла. Четверо детей осталось и никого родных у них не было, и они, бедняжки, у мужика жили. Одну девочку 8 лет, Елизавету, Пселовы взяли, другую 12 лет, Александру, Жданова взяла, а еще третья осталась. Мы просили мать позволить взять нам самую младшую, но мать затруднялась тем, что, кроме нас, и девочку нужно одевать. – "Мы сами будем ее одевать!" А Трушковский говорит: я башмаки буду покупать.

Наконец, упросили, привезли нам Эмилию[5], которая и теперь замужем за доктором К<овриго>[6]. Лиза больше всех с нею возилась, у нее на руках было белье и вся одежа, она сама одевала ее. Когда подросла Миля, тогда начали ее учить. Пселовы привозили свою девочку, той было 8 лет. Говорили, что нам делать с этой девочкой: пока мала, мы тешимся, а когда подрастет, мы не в состоянии ее учить. Мать похлопотала в институте. Как она круглая сирота, то ее приняли на казенный счет; а мальчика мать послала Трощинскому, чтобы он учился вместе с детьми управляющего, а старшая девочка[7] переросла в институт. Пселовы говорили, что Жданова обижала ту девочку. Мне жалко было ее; когда брат приезжал[8], то я просила его уговорить мать принять ее. По просьбе брата она согласилась ее принять[9]. Что-то мало помню, как она у нас жила, то есть росла; а когда взрослая была, ее мать полюбила и, когда я вышла замуж, то сама с нею жила. Мать хлопотала, чтобы ее выдать замуж за священника при нашей церкви, но не удалось... <...> Мать с сестрами второй раз ездила в Кагорлык к Трощинскому погостить[10], а я оставалась с сиротками[11], заставляла их читать и под диктовку писать. Милю начала учить на фортепиано»[12].

В 1909 г. Э. Ковриго вспоминала: «Сиротой я была взята на воспитание матерью Николая Васильевича – Марией Ивановной Гоголь-Яновской. В ее доме выросла, потом была отдана в полтавский институт и, наконец, выдана замуж»[13].

[1] Вероятно, от 24 октября (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Октября 24 <12>. Пятница. Рим Октября 25 <13>. Суббота. Рим***). – См. также ***1845. Октября 29 <17>. Среда. Рим***; ***1845. Октября 30 <18>. Четверг. Рим.*** 8 декабря (н. ст.) 1845 г. Гоголь писал матери: «Одно письмо мое из Рима вы, я думаю, уже получили через Аксаковых».

[2] *Свод.* Т. 1. С. 175–176.

[3] См. ***1847. Апреля 6 <марта 25>. Вторник Светлой седмицы. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Неаполь.***

[4] Вероятно, речь идет о приставе третьего стана Миргородского уездного суда (с 1842 г.) коллежском регистраторе Иосифе Яковлевиче Ващенко. (Становые квартиры располагались в Миргородском уезде в Камышне, Петровцах и Сорочинцах.) Согласно адрес-календарям, к 1 ноября 1844 г. на эту должность, вместо И. Я. Ващенко, поступил И. С. Дивильковский, тогда как Ващенко в календарях более не упоминается (см.: Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1844 год. СПб., <1844>. Ч. 2. С. 176; Адрес-календарь, или Общий штат Российской Империи на 1845 год. СПб., <1845>. Ч. 2. С. 156).

[5] «Сиротка Эмилия – одна из многих, находивших приют в семье Гоголей. Поэт и в ней принимал самое живое участие, и в письмах 1850–51 года мы часто встречаем о ней упоминания. («На письмо Елизаветы об Эмилии, скажу, что ей следует поступить, как лучше и удобнее. Если можно ее как-нибудь поместить в Полтавский институт, – то, конечно, это хорошо. Если же нельзя, то нужно будет ее прислать сюда, в институт для гувернанток, но для этого следует прислать вперед все нужные бумаги, по которым она может быть принята». – Из письма к матери <...> <см. ***1849. Февраля средина. Москва***>)» (примеч. В. А. Чаговца).

[6] Захарий Павлович Ковриго (Коврига, род. в 1830), коллежский советник, вольнопрактикующий лекарь в Полтаве (курс медицинских наук окончил в 1856 г.).

[7] Александра.

[8] См. ***1848. Мая 9 – мая 25; июня 3 – августа 24. Васильевка.***

[9] См., в частности: ***1849. Апреля 3. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Москва.***

[10] См. ***1850. Сентябрь, после 23. Васильевка.*** – В Кагорлык к А. А. Трощинскому отправился тогда (проездом в Одессу), вместе с матерью и сестрами, Анной и Елисаветой, и сам Гоголь.

[11] Эмилией и Александрой.

[12] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 212.

[13] *Ковриго Э.* Из личных воспоминаний // *Свод.* Т. 1. С. 277.

ДЕКАБРЯ 10 <22>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Представление актерами Малого театра «Женитьбы» на сцене Большого театра[1].

В тот же день С. Т. Аксаков в письме к сыну Ивану в Калугу сослался на письмо из Рима графини С. П. Апраксиной, присланное в Москву к К. Н. Щепкиной, с упоминанием о том, что «Гоголь бывает у них всякий день и что они от него в восхищении»[2].

[1] *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя> // *ГЦТМ.* Ф. 299. Ед. хр. 1853. Л. 6, 9.

[2] *Свод.* Т. 2. С. 780. – См. также ***1847. Января 16 <28>. Четверг. Москва.***

ДЕКАБРЯ 11 <23>. ВТОРНИК. КАЛУГА

И. С. Аксаков сообщает родным в Радонежье (Абрамцево):

«...От Ал<ександры> Осип<овны>[1] узнал я о скоропостижной смерти Ал. Ив. Тургенева[2]. <...> Недавно я имел с нею очень долгий разговор; она рассказала мне всю, всю свою жизнь с 8 лет, все свое развитее до встречи с Гоголем, встречу с ним и т. д. до Калуги. И после этого рассказа – я повторяю об ней то же, что Самарин и Гоголь. И так мелки и ограничены кажутся все прежние наши близорукие определения! Я так высоко уважаю эту женщину, так удивляюсь силе ее души, вынесшей ее доброю и *чистою* сквозь тьму тем мерзостей, ее окружавших, что невольно перестаешь

замечать мелочи ее недостатков. Мне очень досадно, что я послал свое письмо к Косте[3]. Вы как-то его не так поняли... Особенно Вера пишет совершенно не то...»

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 910.

[1] Смирнова.
[2] См. ***1845. Декабря 3 <15>. Понедельник. Москва.***
[3] См. ***1845. Ноября 24 <декабря 6>. Суббота. Калуга.***

ДЕКАБРЯ 13 <25>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Игроков» в Малом театре[1]; в роли Утешительного — М. С. Щепкин[2].

В этот день Н. Н. Шереметева через Н. М. Языкова отправила Гоголю посылку в Рим, с вложением своего письма, книги А. С. Норова «Путешествие по Святой Земле в 1835 году» (2-е изд. СПб., 1844. Ч. 1–2), двустороннего дорожного образа Божией Матери Иверской и Святителя Николая Мирликийского и рукописного сборника молитв «Поклонение пяти язвам Христовым. Творение Святителя Димитрия», «Молитва Иисусу сладчайшему и страстем Его», «Поклонение Пресвятой Богородице», «Молитва Ангелу Хранителю», «Исповедание грехов повседневное» и др.[3] В сопроводительном письме Шереметева сообщала:

«Вот, мой милый друг, чему не пропадать, прилагаю при сем письмо, два года назад мною писанное[4]. Не знаю, где Бобарыкин его взял. Говорит, из Берлина ему прислали. Но как бы то ни было, я рада, что он возвратил образ. Я, ничего не распечатавши, так, мой милый друг, и посылаю с князем Васильем Петровичем Голицыным[5], которого я не знаю, но завтра сама поеду и попрошу о доставке сего... <...> Я недавно к вам много писала[6] через Николая Михайловича[7] от 28 ноября из деревни, куды опять отправляюсь. На несколько дней по надобности сюда приезжала. У Николая Михайловича нынче была, сказывала оказию; он хотел завтра прислать к вам книги. Подожду и вместе с своим письмом отвезу к князю. Если его не увижу, то сестра его[8] мне предлагала, что она на себя берет ему доставить, и уверяет, что в точности исполнит. <...> В ящике, где образ, помню, молитвы были. Дай Бог, чтобы пришлось вам по душе».

Позднее, в письме к Гоголю от 22–23 декабря 1845 г., Шереметева еще раз замечала: «Я к вам, мой друг, писала через Николая Михайловича в исходе ноября, и недавно еще писала с княз<ем> Васильем Петровичем Голицыным и послала с ним посылку и письмо, что два года назад посылала с Бабарыкиным, которой так много говорил, где была эта посылка. Но как бы то ни было, на прошедшей неделе я была в Москве — он мне привез и посылку, и письмо мое. Я ни то, ни другое не распечатывала; написав еще к вам несколько строк, отправила. Примите, мой друг, благословение от души, которая крепко с вами сроднилась и не расстается; сопутствуя с вами, молитвою соединяюсь. Николай Михайлович послал к вам с этою оказиею сочинение Норова, путешествие его в Иерусалим. Я князя хотя лично не знаю, но ездила к нему просить о доставлении моего письма и посылки к вам. Не нашла его дома, доставила все это его сестре, и, верно, князю все доставлено. От вас буду ждать известия о получении сего. <...> Бывши на той неделе в Москве, надеялась от Николая Михайловича что о вас узнать, но он говорит, с тех пор от вас не получал».

Спустя еще месяц, в письме от 29–30 января 1846 г., Шереметева писала: «Наконец, думаю, уже вы получили образ, который Бабарыкин два года возил или терял, наконец в декабре мне возвратил, и я с княз<ем> Васильем Петровичем Голицыным к вам в декабре отправила, не распечатав ни посылку, ни письма, которое два года странствовало, а, прибавя вновь несколько строк, отвезла к Голицыну. Его не нашла дома, отдала сестре его. <...> От Николая Михайловича книга к вам была отправлена. Я думала, что и пошла с Голицыным, но после меня известили, что назад прислал, негде положить. Узнав о сем, посылала в Москву, чтобы доставили эту книгу к Николаю Михайловичу. От него имею ответ, что он получил. Найдет случай, с кем к вам доставить».

Ранее, в письме к Н. М. Языкову от 5 апреля (н. ст.) 1845 г. Гоголь обращался с просьбой о присылке книги Норова: «Пришли мне “Путешествие к Св. Местам” Норова, хочу посмотреть, что за вещь». Н. М. Языков отвечал Гоголю в письме от 12 июня 1845 г.: «Путешествие А. Норова в Иерусалим я уже отдал Аксаковым, которые имеют с кем переслать его к тебе: оно мне очень понравилось: это не муравьевское[9]! Книга дельная, ученая и необходимая всякому паломнику». 29 декабря 1845 г. Н. М. Языков писал Шереметевой: «Книгу, которую не взял с собою в Рим князь Голицын, я получил: она уже в другой раз ко мне возвращается тем же образом! Видно не судьба ей доехать [на встречу] к Николаю Васильевичу!»[10] 26 февраля (н. ст.) 1846 г. Гоголь извещал Н. М. Языкова: «Странная судьба книги “Путешествие в Иерусалим” Норова, которая никак не может до меня доехать, показывает мне, что в этот <год> еще не судьба ехать и мне в Иерусалим. Впрочем эта поездка в таком случае только предпринималась, если бы я сам был готов и кончил свою работу, без которой нельзя мне ехать, как следует, с покойной совестью. О сем объясни и Надежде Николаевне». Н. М. Языков в январе 1846 г. отправил книгу Норова через князя П. А. Вяземского и графа Мих. Ю. Виельгорского. О получении книги Гоголь извещал Н. М. Языкова в письме от 21 июля (н. ст.) 1846 г.

[1] *Ельницкая 1978.* С. 260.

[2] *Гриц.* С. 354.

[3] См. в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 13. С. 244–249.

[4] Письмо Н. Н. Шереметевой к Гоголю, отправленное вместе с сборником молитв и двусторонним дорожным образом Божией Матери Иверской и Святителя Николая, до нас не дошло. Посылка с молитвами и образом в первый раз была отправлена Н. Н. Шереметевой в декабре 1843 г. (см. ***1844. Января 20 <февраля 1>. Четверг. Москва***; ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***). Посылка получена Гоголем в конце февраля — начале марта 1846 г. (см. письмо Гоголя к Н. Н. Шереметевой от 24 марта (н. ст.) 1846 г.: ***1846. Марта 24 <12>. Вторник. Рим***).

[5] Князь Василий Петрович Голицын («Рябчик») (1800–1863), камергер, харьковский уездный предводитель дворянства, член харьковского отделения Общества попечительного о тюрьмах.

[6] См. ***1845. Ноября 28 <декабря 10>. Среда. С. Покровское.***

[7] Языков.

[8] Либо княгиня Елизавета Петровна Долгорукова (1800–1863), либо Анна Петровна Наумова (1809–1886), рожденные княжны Голицыны.

[9] См. ***1842. Декабря 27 <15>. Вторник. Рим.***

[10] См. ***1845. Декабря 29 <1846. Января 10>. Суббота. Москва.***

ДЕКАБРЯ 26 <14>. ПЯТНИЦА. РИМ

Домовладелицы Антонина и Виттория Гуэрра (Guerra) получают от Гоголя плату за наем квартиры с 26 декабря (н. ст.) 1845 г. по 28 января (н. ст.) 1846 г.

Текст расписки, выданной Гоголю В. Гуэрра, на ит. яз. Расписка сохранилась в бумагах А. А. Иванова[1].

[1] Сведения о найме Гоголем квартиры в Риме с 28 октября (н. ст.) 1845 г. по 18 апреля (н. ст.) 1846 г. // *Свод.* Т. 3. С. 582.

ДЕКАБРЯ 14 <26>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Князь А. Н. Волконский (сын княгини З. А. Волконской) отправляет записку С. П. Шевыреву:

«Из моих 26 экземпляров[1] хочу я, между прочим, послать один Жуковскому, другой Гоголю, не знаю, где они обретаются».

Мусатова Т. Л. Н. Гоголь, З. Волконская и «социальное христианство» // Творчество Гоголя в диалоге культур. Четырнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва, 29 марта — 1 апреля 2014 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Гоголя — мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2015. С. 231. — В указанной публикации письмо ошибочно датировано 1840 г.

[1] Речь идет о книге Волконского «Рим и Италия средних и новейших времен...» (см. ***1845. Ноября 21 <декабря 3>. Среда. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Москва***).

ДЕКАБРЯ 15 <27>. СУББОТА. КАЛУГА

И. С. Аксаков сообщает отцу, С. Т. Аксакову, в Радонежье (Абрамцево):

«Она <А. О. Смирнова> получила <...> письмо от Плетнева с выпискою из письма Гоголя к нему[1]. Гоголь пишет, что он почти совсем оживает, но еще чувствует слабость и какую-то странную зябкость (нервическую), так что никак не может согреться, и это мешает ему работать, тогда как голова его и мысли довольно свежи, и он чувствует в себе силы приняться вновь за свой труд; что тяжелое он испытал время, но благодарит Бога за посланные недуги и скорби, приготовившие его к продолжению его работы, которая должна быть “*жива, как сама жизнь, свята и верна, как сама правда!*” <...>

...Григорьев[2] дружен и с “Отечественными Записками”. Сии последние нашли новую звезду, какого-то Достоевского[3], которого ставят чуть ли не выше Гоголя, находя в Гоголе много славянофильского духа!!!...»

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 911.

[1] См. ***1845. Ноября 28 <16>. Пятница. Рим.***
[2] А. А. Григорьев.
[3] «Достоевский был тогда страстный западник» (примеч. в изд.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 313).

ДЕКАБРЯ СРЕДИНА <ДЕКАБРЯ КОНЕЦ>. КИЕВ ИЛИ СЕКИРЕНЦЫ

Ф. В. Чижов, получив из Рима письмо от А. А. Иванова, сообщает в Москву Н. М. Языкову:

«Иванов грустит, Гоголь тоже — хоть этот по лени и не пишет, а пишет Иванов».

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 58.

ДЕКАБРЯ 16 <28>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. КАЛУГА

А. О. Смирнова пишет ответное[1] письмо Гоголю в Рим:

«...Я здесь получила от вас две записочки: одну пересланную мне Софьей Михайловной, а другую попавшуюся ко мне не знаю сама каким образом. <...> ...Меня беспокоило, что я вам не отвечала в течение целого месяца[2]. Брат мой Клементий писал: «Губернатор есть самое занятое лицо в мире, разумеется, в своем муравейнике»; если это справедливо, справедливо и то, что губернаторша тоже служит и ни под каким видом не может проживать как партикулярное лицо, как ей угодно. Кроме обязанностей общественных, настигли на меня еще и домашние. Сообразно тому, что сказал великий мудрец Клементий Осипович насчет губернаторской деятельности, Николаю Михайловичу[3] невозможно управлять своим имением (т. е. продолжать его расстроивать), и таким образом ко мне в руки перешло, кроме домашних людей, еще и 2900 душ, которыми отныне управляю вполне, с правом закладывать и выкладывать, продавать леса, уничтожать фабрики и заводы, словом, упрощивать хозяйство так, как только можно. По приезде моем в Калугу, я нашла такой ужасный беспорядок в доме, что с утра до вечера проводила в счетах и расправах, и если вам не писала, то решительно по неимению времени; к этим занятиям, в виде приятных прогулок и развлечений,

были визиты ко всем без изъятия служащим и некоторым здесь живущим помещикам и почетным купеческим женам. Кроме того, я посетила больницы, богадельни и вообще благотворительные заведения. Обреталась же я в Калуге с 13-го числа ноября[4], итого месяц с небольшим. Но пеняйте на мое молчание, по прочтении этой программы. Ни скучать, ни горевать не было еще времени; хорошо уже то, что явилась опять энергия. Отрадными минутами были вечера, которые мы проводим; дома тетушка княжна Цициянова, вам известная по моим рассказ<ам>, брат Лев Арнольди, который тут служит по особым поручениям, и Иван Сергеевич Аксаков. Собираются в 8 часов, и мы сидим до 11 и даже 12-ти. В губернии если попадется порядочный человек, то, верно, или замешан был какого-нибудь числа и года, или разорился в пух, живя в Петербурге и за границей, и не радел о своих поместьях, или женился несчастливо; тетушка говорит, что все с изъянцем и что мы первые с изъянцем. В этом месяце узнала я более об России и человечестве вообще, чем во все мое пребывание во дворце. Там все раны прикрыты золотой парчой, здесь вся внутренняя сторона едва прикрыта лохмотьями. Где лучше люди, там или здесь, — это Богу одному известно. Между духовными лицами я отыскала одного старого священника, который обратил Юрия Александровича Нелединского[5] к Богу и был его другом. Есть, говорят, умные люди, но что такое ум без души и любви там, где она должна преизбыточествовать, как в губернии, чтобы сделать сколько-нибудь пользы! Прекрасная женщина игуменья Ангелика[6], умная сердцем и очень смиренная, почти не живущая этой жизнию. Мы с ней сошлись. В губернии сидят там и сям по монастырям люди удивительные; но влияние их не распространяется за монастырские ограды. В 180 верстах от нас, в Волхове, живет Макарий[7], тот, который был у бурят; в Петербурге он никому не полюбился и сидит теперь под гнетом, обучает детей и лечит больных; преобразовал свой монастырь, который славился развратом. Так как княжна с ним очень знакома, то и я намеревалась к нему съездить; мне нужно переговорить с ним насчет одного священника. Здесь есть заведение, так называемое Хлюстинское[8], где 600 человек и нет своего особенного священника, хотя есть церковь, и я хочу, чтобы он мне дал иеромонаха ему известного и имеющего склонность к занятиям больничного священника.

Вышла прекрасная брошюрка Стурдзы об обязанности духовных лиц в тюрьмах и больницах. Не раз вспоминали мы ваши "Мертвые души", любезный друг; надобно быть точно ослепленным, чтобы отвергать всю их истину. Пожалуйста, не верьте, если до вас дойдут на мой счет какие-нибудь слухи; вообразите, что я решительно не могу сделать шагу, о котором бы на другой день не говорил весь город. Губернаторша была ли у архиерея[9] — на другой день все едут к нему узнавать, что говорила; была ли у всенощной — на другую субботу отправляются ко всенощной; была у купчихи — узнают зачем и не просила ли денег для бедных. До сих пор этой податью, ввиду блага общего, я никого еще не налагала и надеюсь, что без нее обойдусь. Мне теперь иногда смешно, когда я подумаю, как все в моей голове переиначилось. Вместо громких имен: Нарышкиных, Воронцова, Вьельгорских, Карамзиных — звучат только: Писарев, Яковлев, Брылевич[10], Салтанов[11]; вместо приглашения на обед, бал или концерт — впереди у меня визит к архиерею, экзамен в институте, поездка в богадельню или, что всего тягостнее, мой приемный день и бал в дворянском собрании. Вместо рассуждений о камере французской[12] и католическом движении в Германии[13] — продажа или покупка ржи в голодающую западную Русь, перемена смотрительницы умалишенных, которая изволила продавать булки, отпускаемые этим несчастным, потому что они жаловаться не могут. И все эти вещи заменили тот, может быть, условный интерес, и дни проходят незаметно, и всякий день новое дело, и порядку все-таки еще нет. Странная вещь человек! Какая гибкость в его уме и душе! Как скоро привыкает он к тому, что издали казалось ему грозным страшилищем. Вчера я получила письмо от Плетнева[14], он пишет, что распорядился насчет вашего пенсиона; вы жалуетесь[15] на зябкость — это чувство чисто нервическое, — я уверена, что она пройдет в Иерусалиме, а я между тем попрошу игуменью за вас помолиться. Вы, верно, знаете, что Тургенев умер[16] скоропостижно в Москве; не успел и причаститься, хотя первый его крик был, когда сделалось ему дурно: «Попа! попа!» У игуменьи вынимают часть за его упокой. Дети мои здоровы; они учатся и никого не видают; это всего вернее, потому что охотников хвалить губерн<аторских> детей всегда много. Пусть лучше будут как дикие, по крайней мере неиспорченные. Надежда Николаевна[17] нас очень забавляет, но ее надобно держать строго. Я жду братьев, Клементия из Киева и Александра из Петербурга. <...> Всегда пишите: где вы, куда адресовать и куда вы сбираетесь. Что наш царь в Риме?»[18]

[1] См. ***1845. Октября 25 <13>. Суббота. Рим***; ***1845. Октября 29 <17>. Среда. Рим.***

[2] См. ***1845. Октября 30 <ноября 11>. Вторник. Москва.***

[3] Смирнов, муж Смирновой.

[4] См. ***1845. Ноября 13 <25>. Вторник. Калуга.***

[5] Последние два года жизни (1826–1828) Ю. А. Нелединский-Мелецкий провел в Калуге у дочери, А. Ю. Оболенской, муж которой, князь Александр Петрович Оболенский, занимал место калужского гражданского губернатора.

[6] Настоятельница Калужского девичьего монастыря.

[7] Преподобный Макарий Алтайский (см. ***1840. Января 25. Четверг. Москва*** – примечания), настоятель Волховского Троицкого Оптина монастыря Орловской епархии с 1844 г.

[8] Больница в Калуге, построенная в 1809 г. на средства мосальского помещика, майора Антона Семеновича Хлюстина; находилась в ведении Приказа общественного призрения.

[9] Преосвященный Николай (Соколов, 1780–1851), епископ Калужский и Боровский.

[10] Александр Васильевич Брилевич, управляющий калужской палатой государственных имуществ.

[11] Алексей Павлович Салтанов, правитель канцелярии калужского гражданского губернатора.

[12] Французская палата депутатов.

[13] Имеется в виду «немецко-католическое» движение, возглавляемое И. Ронге, в 1845 г. на съезде в Лейпциге составившее собственный символ веры, по сути протестантский.

[14] См. ***1845. Декабря 15 <27>. Суббота. Калуга.***

[15] См. ***1845. Ноября 28 <16>. Пятница. Рим.***

[16] См. ***1845. Декабря 3 <15>. Понедельник. Москва.***

[17] Дочь Смирновой.

[18] См. ***1845. Декабря с субботы 13 до среды 17 <с 1 до 5>. Рим.***

ДЕКАБРЯ МЕЖДУ 20 И 29 <МЕЖДУ 8 И 17>. РИМ

А. А. Иванов пишет Ф. В. Чижову (в Киев или в Секиренцы):

«Теперь только управился я с делами, послал к вам два письма самые важные: первое заключает приезд Государя в Рим, а второе – представление об нас. Это последнее нужно чтобы было под секретом между нами, и если вы послали его к Языкову, то остановите его, чтобы не посылать в Петербург. <...> Сомов разбит параличом почти насмерть, вследствие потребованных отчетов князем Волконским[1]. Бедный Гоголь все прихварывает. Я думаю, что тут много моральных причин в его болезни: его сочинение не пропущено[2], а он к тому же еще бедный человек. Я его понимаю, потому что и сам нахожусь в подобном положении. Цвет России мной доволен, радуется, и с нетерпением ожидает моей картины[3], сам Царь тех же чувств. Но я все-таки вот и теперь остаюсь нищим, а нищий художник большого размера произведений несравненно бессильнее поэта, которого произведения все-таки меньше требуют материальных издержек. Князь Волконский решительно не только не хочет сам посылать представления об нас графа Толстого, но не хочет приказать своим именем, чтобы тот послал его к Лейхтенбергскому. Однако же, он едет к Лейхтенбергскому, хотя на слабых опорах. Я и граф никак не надеемся, чтобы тут что-нибудь вышло. <...> Не одного вас обстанавливают люди пошлые. Высунулся (я) в их толпу, именно потому, что видел их же погибающими, что чувствовал в себе силы им помочь, и что же? В то время, когда я не спал несколько ночей сряду, писал и переписывал сочинения представлений, не угодные одним выражением Солнцеву, послал к нему бумагу для предварительного рассмотрения и подписи его имени, – что же вы думаете? При всех, у Лепри, Солнцев входит, как бешеный зверь, и с позорным словом нападает на меня, кричит и не дает мне выговорить ни слова, – каково! Часов через шесть после этой ужасной сцены он со мной встретился один, извинился, что он горяч, – что что же делать? и проч. Он извинялся наедине, а у гостей и у других товарищей оставил меня в подлецах. Вот чем кончилась моя трагедия! Я дал слово не показываться в русское общество до окончания моей картины.

Овербек окончил картину свою “Положение в гроб”[4] бесподобно, еще сделал несколько рисунков “Тайная Вечеря” и “Христос, удрученный крестом, обращается к плачущей толпе” – бесподобно. Тут же “Маленький Христос-столяр пилит в присутствии Иосифа и Марии” – ну, уже это католическая дичь. В пору тому, что “Христос метлой метет стружки из-под Иосифова столярного

станка". Нельзя, нельзя так вольничать, да и зачем? Поездке в славянские земли я очень рад, но я одного боюсь – лихорадки. Правда ли, что там aria cattiva[5]? Тогда беда, я захвораю и остановлю и вас, и брата моего[6]. Он сюда, я думаю, будет скоро. Он засел в Париже учиться математике у Бориспольца, русского отставного капитана артиллерии».

Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 342–343.

[1] См. ***1845. Декабря с субботы 13 до среды 17 <с 1 до 5>. Рим*** (примечания).
[2] Слух о том, что цензурой не пропущен второй том «Мертвых душ», сообщил А. А. Иванову Ф. В. Чижов в письме от 4 ноября 1845 г. из своего украинского имения Секиренцы, Прилуцкого уезда (см. ***1845. Ноября 4 <16>. Воскресенье. Секиренцы Прилуцкого уезда***).
[3] «Явление Мессии».
[4] Правильно: «Оплакивание Христа» (1845).
[5] Дурной воздух (*ит.*).
[6] С. А. Иванова.

ДЕКАБРЯ 29 <17>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

А. А. Иванов пишет Ф. В. Чижову (в Киев или в Секиренцы):

«Я Вам уже говорил, что Гоголь здесь. Это, признаюсь, для меня так кстати, как нельзя более. Вы не поверите, как иногда дух мой мятется и волнуется обстановкой, обстоятельствами и настоящим наездом гостей[1]. А в Гоголе я нахожу роздых и успокоение».

Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 344.

[1] «Наезд гостей» был вызван пребыванием в Риме с 1/13 по 5/17 декабря 1845 г. Императора Николая I.

ДЕКАБРЯ 17 <29>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

С. П. Шевырев отправляет записку к М. П. Погодину:

«В последней книжке "Revue des Deux Mondes" есть статья Сент-Бёва о Гоголе[1]. Поручи кому-нибудь перевести, и поскорее, и помести в 1-й книжке "Москвитянина". Да сделай это непременно. Это возбудит участие».

Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 93.

[1] Статья Ш. О. Сент-Бёва (познакомившегося с Гоголем лично в 1839 г.) появилась в 1845 г. в т. XII «Revue des Deux Mondes» («Обозрение двух миров») (С. 875–889). Перепечатано в переводе в «Отечественных Записках» (1846. № 1) в статье В. Г. Белинского «Отзывы французских журналов о Гоголе» (статья без подписи). – См. ***1839. Июня после 5 – июля начало <мая после 24 – июня конец>. Рим, Чивитавеккья, Марсель.***

ДЕКАБРЯ 30 <18>. ВТОРНИК. РИМ

А. А. Иванов пишет Н. М. Языкову в Москву:

«Я неосторожно поторопился послать мое письмо чрез вас к моему батюшке с докладами, сделанными об нас графом Толстым к его светлости князю Петру Михайловичу Волхонскому. Сделайте одолжение, когда получите от Чижова это письмо мое, то задержите его у себя до тех пор, пока я сам вам не скажу, чтоб его туда послать. А это письмо ваше препроводите к Ф. В. Чижову немедленно, так чтобы и он почувствовал надобность до времени молчать. Гоголь прихварывает, однако же выходит»[1].

В тот же день Иванов писал неизвестному (лицо не установлено):

«Гоголь прихварывает и Вам нижайше кланяется»[2].

[1] Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 344.
[2] Там же.

ДЕКАБРЯ 31 <19>. СРЕДА. РИМ

И. П. Галахов пишет Ф. В. Чижову (в Киев или в Секиренцы):

«...И Гоголь здесь, но от сближения с ним, видно, нашему брату, неизвестному человеку, надо отказаться; впрочем, нелюдимость его имеет причины основательные – болезнь, занятия и самую известность. Большая часть русских здесь из знатного круга...»

Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 678; *Свод.* Т. 3. С. 75.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

Гоголь пишет графу А. П. Толстому (вероятно, в Париж):

«Вас удивляет, почему я с таким старанием стараюсь определить всякую должность в России, почему я хочу узнать, в чем ее существо? Говорю вам: мне это нужно для моего сочиненья, для этих самых "Мертвых душ", которые начались мелочами и секретарями и должны кончить<ся> делами покрупнее и должностями повыше[1], и это познание точное и верное должностей в том... в каком они должны у нас в России быть. Мне бы не хотелось дать промаха и погрешить против правды, тем более, <что> характер<ы> и люди в остальных двух частях выходят покрупнее обыкновенных и в значительных должностях. Я вас очень благодарю, что вы объяснили должность генерал-губернатора[2]; я только с ваших слов узнал, в чем она истинно может быть важна и нужна в России. Прежде мне казалось, что и без нее организм управления губернии совершенно полон. Кстати рассмотрим этот организм, чтобы видеть, так ли точно я его понимаю, как есть. Мне кажется, что он очень умно соображен в частях, соответствует духу земли и обнаружива<ет> в Государыне Екатерине большое пониманье потребностей наших...»

В этому же времени предположительно относится незавершенная статья Гоголя «О сословиях в государстве».

По содержанию статья тесно связана с «Выбранными местами из переписки с друзьями», в частности, со статьей *XXVIII. Занимающему важное место.* 11 июня (н. ст.) 1847 г. Гоголь, обращаясь к князю П. А. Вяземскому с просьбой написать статью о «тех истинах, о которых могут сказать только люди государственные», замечал: «Если о них не раздадутся теперь здравые определения, годные укрепить хотя некоторых или дать им знать, по крайней мере приблизительно, чего держаться, то их пойдут скоро коверкать вовсе негосударственные люди и могут сбить всех с толку. Вы видите, что некоторое поползновение к тому уже обнаруживается. Даже и я, человек вовсе негосударственный, заговорил о том». Хотя Гоголь имел здесь в виду прежде всего свою «Переписку с друзьями», в еще большей мере это относится к статье «О сословиях в государстве». Возможно, потому она и осталась незавершенной. В статье «Рассмотрение хода просвещения России» (в записной книжке 1846–1850 гг.) сам Гоголь выступил против того, что «науки» стали «совершенно принадлежать частному человеку». 2 августа (н. ст.) 1847 г. он писал графу А. П. Толстому (бывшему тогда в отставке): «Будем исполнять закон Христа относительно тех людей, с которыми нам придется столкнуться <...>, а о России Бог позаботится и без нас». В письме «О лиризме наших поэтов» (1845–1846) Гоголь, как бы отказываясь от замысла статьи «о сословиях», замечает: «Из нас, людей частных, возыметь <...> любовь по всей силе никто не возможет <...> только <...> Государь приобретет тот всемогущий голос любви <...>, который один может только внести примиренье во все сословия...»

Особенностью незавершенной статьи Гоголя является также то, что духовенство в ней только упоминается, причем его миротворческая деятельность ставится в один ряд с примиряющей ролью князей и государя, а черты, которые придает Гоголь государю и дворянству, могут быть истолкованы именно как приметы духовного сословия. Монарх, по Гоголю, «должен отречься от себя и от своей собственности, как монах»; а дворянство — «должно быть сосудом и хранителем высокого нравственного чувства всей нации». Говоря о дворянах, что «они не должны попустить между собой присутствие такого помещика, который жесток или несправедлив», и что они должны приказать ему «выйти» из их круга, Гоголь обращается к своей выписке из Кормчей книги[3], адресованной именно духовенству: «Повелеваем Епископа, или Пресвитера, или Диакона, биющего верных согрешающих или неверных обидевших и чрез сие устрашати хотящего, извергати из священного чина. Ибо Господь нас отнюдь сему не учил: напротив того, Сам быв ударяем, не наносил ударов, укоряем, не укорял взаимно, страдая, не угрожал». Ср. в статье «Русский помещик»: «Мужика не бей».

С содержанием статьи «О сословиях в государстве» связана также заметка Гоголя: «У исповеди собрать все сословия, все как равные между собою. Все дело имеют с Богом». Эта заметка открывает три написанных подряд наброска, которые, по всей видимости, предшествовали созданию речи генерал-губернатора в заключительной главе второго тома «Мертвых душ» («Всем жить на счет казны, сделать себе доходные места из службы...»). Содержание заметки «У исповеди...» перекликается, в частности, с пожеланием, высказанным генерал-губернатору Муразовым: «Скажите им так, как бы вы не пред ними, а пред Самим Богом принесли свою исповедь».

Второй набросок, более пространный, представляет собой, по-видимому, слова, обращенные от лица генерал-губернатора (как «министра внутренних дел, остановившегося на дороге», по словам статьи Гоголя «Занимающему важное место») к местному губернатору: «Помещики, они позабыли свою обязанность. Зачем ты вместо того, чтобы им напоминать весь долг и приводить в знанье и себя самого в чувс<тво>, стал ограничивать их мелочными чиновник<ами> и ограниченьями. Завел новую сложность дел, так что и у них самих закружилось и всё перепуталось, и они уже сами позабыли свои выг<оды>. Или нельзя было на них подействовать, или они не лучше других воспитали [понятье о чести]? Или не восприимчивее была их душа, чем необразованного человека? Или на голос отчизны не откликнулось дело их? Или не из среды их мелькнули Суворовы, Мордвиновы, Чичаговы, Орловы, Румянцевы и ряды героев самоотверженья, которых не уместит на страницах своих подробнейшая летопись.

Нет, Власть, действуй прямо. Укажи нам всем долг наш, но не связывай в то же время и рук наших и не бесчесть нас обидным подозреньем. Говори с нами благородным голосом и будет благороден ответ».

Содержание третьего наброска — «Зачем же ты не вспомнил обо Мне, что Я на тебя гляжу...» — позволяет приоткрыть прообразовательный (символический) подтекст речи генерал-губернатора и одновременно заглянуть в окончание поэмы, которая должна была, по всей вероятности, завершиться картиной Страшного суда и ответа чиновников Богу, послужив тем самым к назиданию гоголевских современников[4].

[1] См. также ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн*** (примечания).

[2] См. ***1844. Мая 23 <11>. Четверг. Баден-Баден.***

[3] См. ***1839. Октября 30 — декабря 17. Санкт-Петербург***; ***1841. Октября 17 — 1842. Мая 23. Москва***; ***1843. Ноября 19 <7> — 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца***; ***1852. Февраля с 18 до 20. С понедельника до среды. Москва*** (примечания).

[4] См. ***1844. Октября 24 <12>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

1846 ЯНВАРЯ 2 <1845 ДЕКАБРЯ 21>. ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь пишет ответное письмо к графу А. П. Толстому в Париж:

«Меня также тронуло много ваше письмецо[1]: в нем столько участия и доброты! Что сказать вам о моем здоровье? <...> ...Я зябну[2] теперь до такой степени, что ни огонь, ни движение, ни ходьба меня не согревают. Мне нужно много бегать, чтобы сколько-нибудь согреть кровь, но этого теперь нельзя, потому что совсем ослабели и ноги, и силы, жилы болят и пухнут. При этом начались запоры и прекращ<ение> всяких отправлений. Но благодарю милосердного Бога, что, несмотря на невыносимо-болезненное чувство, которое слышит всё мое тело, находящееся вечно в лихорадочном состоянии, ни хандра, ни скорбь еще не находили на меня. Я худею, вяну и слабею и с тем вместе слышу, что есть что-то во мне, которое по одному мановению высшей воли выбросит из меня недуги все вдруг, хотя бы и смерть летала надо мной. Да будет же во всем святая воля над нами Создавшего нас, да обратится в нас всё на вечную хвалу Ему: и болезни, и недуги, и всё существова-

нье наше да обратится в неумолкаемую песнь Ему! Благодарю вас много и много, добрейший мой Александр Петрович, за ваши молитвы обо мне, поблагодарите также и графиню. <...> Не смущайтесь никакими препираньями о церквях и тем, что совершается в мире. Время теперь молиться, а не препираться[3]. Одной молитвы от всего сокрушенного сердца нашего требует Бог, слез и воздыханья от самой глубины души нашей. <...> О гр<афах> Вьельгорских могу вам сообщить только то, что они, слава Богу, все и здоровы, и довольны, в хорошем состоянии душевном. Лорнетку для вашего брата[4] мне обещал Мих<аил> Мих<айлович>[5] отправить в Варшаву, но исполнил ли или позабыл — не знаю».

В тот же день А. А. Иванов писал брату, С. А. Иванову, тоже в Париж:

«Купи ты, пожалуйста, эту книгу для Гоголя. Ты, кажется, знаком с его знакомым в Париже[6], который с тобой посылает другие для него книги: "Rituel des prières journalières à l'usage des Israélites. Hébreu et français, traduction de S. Anspach; 1 vol. in 8⁰, 2-me édition, 4 fr."[7]

Теперь только я управился с просьбами художников и представлениями на них Государю, по случаю его приезда в Рим. Все на мне лежало <...> Вот тебе выписка из представления архитекторов герцогу Лейхтенбергскому, при препровождении их представлений Государю, по случаю необыкновенного его путешествия в Рим:

"Награвирование превосходных рисунков архитекторов, прямо относящееся к украшению наших православных церквей, весьма полезно будет для всех вообще, не имеющих средств на выезд за границу, наших архитекторов, и в то же время покажет степень образования всей Европе трудившихся русских. Их содержания, как заметите в приложенной здесь бумаге, достает только для безвыездного прожития в Риме, но для годов путешествия во все стороны света необходимо им испросить хотя бы еще по полторы тысячи для каждого"...

Я тебя, может быть, буду просить купить мне еще экземпляр 16-ти томов Библии[8], Каэна»[9].

В начале 1846 г. в замыслах Иванова возникает проект сооружения в Москве нового — в отличие от строившегося тогда тоновского — храма Христа Спасителя[10]. Росписи и мозаики этого храма — на темы всемирной и отечественной истории — должны были стать, по замыслу художника, новой интерпретацией приобретавшего тогда окончательные очертания «Явления Мессии»[11]. «...В 1846–1847 гг. в связи с замыслом "своего" храма Спасителя Иванов приступает к работе над эскизами, которые позднее получили название "протобиблейских"... К ним относятся рисунки на сюжеты из Ветхого (Книга Бытия и Книга Иова) и Нового Заветов»[12]. «В тетрадях <Иванова> с выписками из Библии (во французском переводе) на полях, против выписок находятся соответствующие им миниатюрные изображения, иногда первоначальные наброски библейских композиций, впоследствии исполненных им в большом виде»[13]. Последнее письмо Гоголя к Иванову, лета 1851 г., художник приклеил на заглавный лист своего цикла библейских[14] эскиэов[15].

В этом свете представляются ошибочными заявления брата А. А. Иванова, Сергея Андреевича[16], в письме к В. В. Стасову от 15 мая (н. ст.) 1862 г. о том, что будто бы Александр Иванов начал работу над библейскими эскизами лишь в 1848 г.: «Отчего вы спрашиваете: не после ли, не прежде ли знакомства с Гоголем [пришла Александру Андреевичу мысль приняться за эти композиции]? Неужели вы думаете, что Гоголь произвел когда-либо и что-либо важное в направлении А. А. Иванова? — Могу вас уверить, что ошибаетесь сильно: этот переворот не Гоголь произвел, а 1848 год»[17].

[1] Письмо не сохранилось.

[2] См. также ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим*** (письмо к С. Т. Аксакову); ***1845. Ноября 28 <16>. Пятница. Рим***; ***1845. Декабря 20 <8>. Суббота. Рим***.

[3] Будучи решительным противником всяческих ссор (см. ***1834. Июня 10. Воскресенье. День Святой Троицы. Санкт-Петербург*** — примечания; ***1836. Июля 17 <5>. Воскресенье. Ахен*** — примечания; ***1841. Октября 17. Пятница. Москва*** — примечания; ***1848. Июня между 5 и 11. Москва, Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье, Москва***), Гоголь в 1837 г. даже писал матери из Рима, что «как религия наша, так и католическая совершенно одно и то же, и потому совершенно нет надобности переменять одну на другую» (см. ***1837. Декабря 22 <10>. Пятница. Рим***). По словам протопресвитера Василия Зеньковского, «яды секуляризма, развившиеся на Западе, достаточно глубоко овладели и православным миром. Именно потому тема обновления жизни на религиозных началах не есть только русская или — шире — только православная тема, она <...> достаточно созрела и на Западе. Это есть почти общехристианская тема <...> Гоголь очень чувствовал это, отчего у него (особенно в письмах) <...> дает себя знать холодноватое отношение к конфессиональным рас-

хождениям» (*Зеньковский В. В., прот.* Памяти Н. В. Гоголя. (К 150-летию со дня рождения) // Трудный путь. Зарубежная Россия и Гоголь. М., 2002. С. 309).

[4] Графа Алексея П. Толстого или графа И. П. Толстого.

[5] Граф Виельгорский.

[6] Графом А. П. Толстым.

[7] Речь идет о молитвеннике на древнееврейском языке с переводом на французский. Книга была нужна Гоголю в работе над «Размышлениями о Божественной Литургии».

[8] См. ***1844. Августа 2 <июля 21>. Пятница. Париж*** (примечания).

[9] Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 345.

[10] Проект естественно вытекал из всего предшествующего творчества художника. В 1833 г., ища средств начать свою картину «Явление Мессии» в больших размерах, Иванов предполагал выполнить ее на суммы, пожертвованные «для производства образа» («образа, составляющего сущность всего Евангелия») «купечеством московским, на тот конец, чтобы по выстройке церкви Спасителя в Москве поместить его там против Иконостаса». Позднее, в 1842 г., архитектор К. А. Тон, автор проекта Храма Христа Спасителя, обратился к Иванову с просьбой сообщить ему точные размеры картины для помещения ее в строившемся храме. Последовавшая затем работа Иванова оказалась тесно связана с этим предложением архитектора. Сообщив в 1843 г. Тону, что картина его на данный момент уже не вполне подходит к храму («предмет» ее «трактован *совершенно* исторически, а не церковно»), художник, однако, не расстался с мыслью принять участие в украшении московского Храма Христа Спасителя и зимой 1844/45 г. начал работу над эскизами огромного запрестольного образа «Воскресения Христова», предназначавшегося для этого собора.

[11] См.: *Машковцев Н. Г.* Творческий путь А. Иванова // Аполлон. 1916. № 6–7. С. 39; *Копировский А. М.* Монументальные циклы Александра Иванова: метод и замысел // Сов. искусствознание. '83. Вып. 1 (18). М., 1984. С. 148.

[12] *Бернштейн Б. М.* А. Иванов и славянофильство // Искусство. 1959. № 3. С. 64.

[13] Отчет Московского Публичного и Румянцевского Музеев за 1879–1882 г. М., 1884. С. 44.

[14] См. ***1843*. Февраля 3 <января 22>. Пятница. Рим** (свидетельство о том, что А. О. Смирнова, которую Гоголь приводил в студию Иванова, подарила художнику славянскую Библию).

[15] См. ***1851. Июля конец – августа начало. Москва.***

[16] Ср.: «Картину свою он <А. А. Иванов> ему <С. А. Иванову> показывал в первое время, но потом и тот ее не видал. <...> Только воскресенье они проводили целый день вместе, осматривая древности» (см. ***1846. Марта начало <февраля средина>. Рим***).

[17] Свидетельства о Гоголе С. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 361. – См. также ***1848. Января 18 <6>. Вторник. Праздник Крещения Господня. Неаполь.***

1846 ЯНВАРЯ 3 <1845 ДЕКАБРЯ 22>. СУББОТА. РИМ

Гоголь отправляет в Петербург ответные письма графине С. М. Соллогуб[1], графу В. А. Соллогубу[2], а также письмо к Ю. Ф. Самарину.

Из письма к графине Соллогуб: «Благодарю вас за ваше письмецо... <...> Мысль ваша писать самой книжки для Беби[3] весьма умна: кто же, кроме самой Матери, может написать что-нибудь лучше для дочери? Я рад, что в Влад<имире> Александр<овиче>[4] пробудилась деятельность писателя. Не позабудьте мне прислать все, что ни выйдет из-под пера его. Теперь же это так легко: курьеры ездят всякую неделю из Петербурга. Поручите Матвею Юрьевичу[5], он это сумеет сделать. Можете также адресовать на имя здешнего секретаря Устинова[6]. Тарантас[7] в печати мне еще больше понравился, чем прежде в рукописи, хотя я успел прочесть его довольно бегло и, к сожалению, не имею у себя под рукой экземпляра. О себе, то есть о здоровье моем, скажу вам только то, что я зябну[8] до такой степени, что не нахожу уже никаких средств согреваться. <...> Передайте эти письма или, лучше, записочки, при сем прилагаемые, по принадлежности[9]. <...> Обнимите вместо меня всех *ваших*, которые также суть в то же время и *мои*, начиная с Граф<ини> Луиз<ы> Карл<овны>[10], Миха<и>ла Юрьев<ича>[11], Матве<я> Юр<ьевича> и до Веневитинова[12], включая туда же и всех прекрасных малюток».

Из письма к графу Соллогубу: «Благодарю вас, Владимир Александрович, за вашу милую приписочку в письме к Александре Осиповне, за память обо мне и за дружеское посвящение мне вашей

Воспитанницы[13], которая, вероятно, и умна и хороша. Я прочел ваш Тарантас еще с большим удовольствием в печати, чем прежде в рукописи. У вас все зреет вместе: и ум, и слог, и наблюдательность, и мысли. Вам нужно только не останавливаться и писать[14]. Все будет у вас обдумываться, соображаться и устраиваться во время самого писания. Христа ради не давайте заснуть вашей деятельности на этом поприще. Вы тут более и более будете находить утешения и *жизни настоящей*. Все вас обманет, и жизнь, и свет, и все привлекательности, привлекающие других людей; но на этом поприще вас ничто не обманет, потому что это ваше законное поприще, и тут выполнять вы будете именно то, что определено свыше выполнять вам. Не пренебрегите ни этими словами вашего хворого и хилого ныне собрата, который, несмотря на свою собственную хилость, от всей души желал бы, чтобы совет его дышал здравием, силою на всех его собратий. <...> Я просил уже Соф<ью> Мих<айловну> и вновь прошу также вас о присылке мне всех выходящих ваших сочинений».

Из письма к Самарину: «Я всё ожидал от вас письма, которое вы, по словам Ал<ександры> Осиповны, собирались писать ко мне[15], но, видя, что этого письма от вас мне не дождаться, пишу сам. Пишу наугад (темы для письма вы мне не дали). Во-первых, я рад, что сошлись с Алек<сандрой> Осиповной. Вы – человек молодой, это первая женщина, которая заговорила с вами языком души, и потому весьма естественно, что вы почувствовали к ней, может быть, даже расположение сильней, чем дружественное[16]. Так и должно быть (говорю всё это наугад). Но чувство это обратится для вас в святое, сохранит и сбережет вас на всю жизнь. Вы были *ненадежны*, и странно, что это говорил всяк, в первый раз вас видевший. Почти всяк был уверен, что все прекрасные чувства, вас одушевлявшие, будут в вас недолговременны и что вы непременно изменитесь в свете; почти то же думал и я. Но теперь я за вас не боюсь, вы спасены; спасла вас сестра и *любовь во Христе*, которую вы отныне будете к ней питать и которую будете питать потом ко всем. Вы в свете. Вы можете много сделать для света. Свет, среди которого вы теперь, не развратен в своем корне и существе, но развратен от тоски и скуки, болезненно-вял и от нечего делать пуст и глуп. Будьте везде и повсюду. Будьте веселы, живы, умны, занимательны для всех и простодушно-добры ко всем. Больше всего обратите вниманье на женскую половину: там скорей, живей и лучше сеются и принимаются семена. Старайтесь, чтобы после всякого разговора с вами каждая становилась [умней] добрей душой и, хотя на сколько-нибудь, лучше, чем была до вашего разговора. Им еще много можно сказать тех вещей, над которыми мужская половина уже смеется. Будьте или, по крайней мере, старайтесь быть постоянно интересны и занимательны для мужчин. Не говорите им о тех вещах, над которыми они уже смеются. Не старайтесь блеснуть перед ними чистотой каких-нибудь нравственных начал и прекрасных, глубоких истин души; напротив, скрывайте даже их в себе при них. Но старайтесь, вместо всего, более узнать природу каждого из них, старайтесь заметить и открыть во всяком именно ту способность, которая в нем создана быть главною и находится в дремлющем состоянии; укажите ему на нее. Возвысьте перед ним его же достоинство и попрекните его, зачем он пренебрег и оплевал его; [зачем он не достоин себя] старайтесь его навести только на деятельность и труд, именно тот, для которого у него таятся сокровенные силы, и он будет спасен и будет признателен вам, как брат, и будет доступен потом ко всему прекрасному, какое вы захотели бы потом внушить ему и к какому он не доступен еще теперь. <...> Дайте мне ответ[17] на это письмо и напишите мне всё, что бы хотела сказать душа ваша родному брату в смысле душевном. Тогда, может быть, Бог поможет мне точно быть чем-нибудь вам полезным».

[1] См. ***1845. Октября конец <ноября средина>. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1845. Сентября 12 <24>. Среда. Павлино.***

[3] Семейное прозвище дочери графини С. М. Соллогуб Софьи.

[4] Граф Соллогуб, муж С. М. Соллогуб.

[5] Граф Виельгорский, дядя С. М. Соллогуб.

[6] Михаил Александрович Устинов, первый секретарь русского посольства в Риме.

[7] Повесть графа В. А. Соллогуба (СПб., 1845).

[8] См. также ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим*** (письмо к С. Т. Аксакову); ***1845. Ноября 28 <16>. Пятница. Рим***; ***1845. Декабря 20 <8>. Суббота. Рим***; ***1846. Января 2 <1845. Декабря 21>. Пятница. Рим.***

[9] Одно из писем – к графу В. А. Соллогубу.

[10] Графиня Виельгорская, мать С. М. Соллогуб.

[11] Граф Виельгорский, отец С. М. Соллогуб.

[12] Алексей Владимирович, зять С. М. Соллогуб, муж ее старшей сестры Аполлинарии Михайловны.

[13] См. ***1845. Сентября 12 <24>. Среда. Павлино.***

[14] Подробнее см.: ***1844. Июня между 15 и 19 <июня между 3 и 7>. Мангейм*** (примечания).

[15] Смирнова сообщала Гоголю об этом дважды — 19 сентября и 30 октября 1845 г. (см. ***1845. Сентября 19 <октября 1>. Среда. Санкт-Петербург***; ***1845. Октября 30 <ноября 11>. Вторник. Москва***). В письме от 14 мая 1846 г. А. О. Смирнова благодарила Гоголя за письмо Самарину: «Благодарю вас за письмо к Самарину, оно его обрадовало и подкрепило...» (см. ***1846. Мая 16 <28>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва***).

[16] Ср. ***1845. Октября 30 <ноября 11>. Вторник. Москва.***

[17] Ответное письмо Самарина см.: ***1846. Февраля средина <февраля конец>. Санкт-Петербург.***

1845 ДЕКАБРЯ 22 <1846 ЯНВАРЯ 3>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Александр Александрович Стахович (1830–1913), воспитанник Первого кадетского корпуса (впоследствии актер), читает в преддверии Рождественских праздников «Ночь перед Рождеством» Гоголя.

Из воспоминаний Стаховича: «Учитель русского языка в четвертом и третьем класах был Н. Я. Прокопович, а русскую словесность во втором и первом классах прекрасно читал А. А. Комаров (приятель <И. С.> Тургенева). Комарову юнкера дали прозвище “плешивая идея”, Прокоповича, друга и товарища по Нежинскому лицею Гоголя, почему-то прозвали цирюльником, и когда Николай Яковлевич входил в класс, со всех сторон раздавалось: “Цирюльник, цирюльник!.. Севильский цирюльник!..” Прокопович часто и прекрасно читал нам Гоголя, и, увы, должен сознаться, что во время его чтения, с задней <...> скамейки раздавался ослиный рев: “Цирюльник!” Заднюю скамейку всегда занимали отпетые олухи... <...> Никогда не забуду впечатления, которое произвело на меня чтение Прокоповичем отрывка из “Ночи перед Рождеством” Гоголя, и моего восторга, когда я прочел всю эту повесть, как сейчас помню, в последние вечерние классные часы, перед роспуском на рождественские праздники в 1845 г. <...> Раз как-то прочел в классе Прокопович повесть “Нос”».

Стахович А. А. Клочки воспоминаний // Русская Мысль. 1898. № 6. С. 6–8.

1845 ДЕКАБРЯ 23 <1846 ЯНВАРЯ 4>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева отправляет в Рим начатое накануне письмо к Гоголю:

«Покровское. Декабря 22.

Сегодня, мой милый друг, по благости Божией сподобилась приобщиться Святых Таин. Вспоминала о вас, молила Отца Небесного, да устроит Он путь ваш. <...>

С великим праздником[1] вас, мой милый друг, поздравляю. Дай Бог, чтобы мы сумели сей радостный для каждого христианина день встретить и провести в чувствах, Ему угодных. И с Новым годом поздравляю. <...>

23 декабря.

<...> Я к вам писала, что Александра Осиповна взяла мой адрес[2]. Если долго не получу, сама напишу. Так и думала, слыша, что она не здорова, но это ошибкой сказали, я и отдумала, и очень просто на сей раз, как и всегда с вами, говорю, отчего отдумала. Если я к ней напишу, тогда поставлю ея в необходимость отвечать, а ей, может, не хочется. Вот почему и отдумала. Услышав, что она нездорова, у меня сердце всегда вперед меня бежит, я и хотела тотчас ея письмом навестить, а узнав, что она не была больна, мне и отозвалось на сердце, что не нужно. Хотя из переписки с ней

могла бы иметь утешение чаще о вас знать. Но в душе моей почувствовалось, что не должно озабочивать других, чтобы себя порадовать. Когда вам вздумается написать ко мне, сказав о себе, о своем спокойствии, коим очень дорожу, много меня сим успокоите, а нельзя вам, то от Николая Михайловича[3] узнаю, что с вами. <...> Дай Бог вам свершить свой труд — чтобы могли отправиться спокойно, чтобы ни малейше ничто не могло зацепить вас за сердце, стремящееся в блаженный путь»[4].

[1] Рождество Христово 25 декабря 1845 / 6 января 1846 г.
[2] См. ***1845. Ноября начало <ноября средина>. Москва.***
[3] Языков.
[4] К Святым Местам.

1846 ЯНВАРЯ ОКОЛО 4 <1845 ДЕКАБРЯ ОКОЛО 23>. РИМ

Новая встреча Гоголя с сестрами Екатериной и Елизаветой Васильевнами Давыдовыми.

20 февраля 1846 г. В. Л. Давыдов отвечал дочерям Екатерине и Елизавете из Красноярска: «...Я завидую вашему удовольствию от новой встречи с Гоголем[1] — автором “Ревизора” и “Мертвых душ”. Это последнее сочинение я прочел два раза, и, конечно, я его перечту еще: оно увеличило восхищение, которое я уже испытывал к этому автору».

Гоголь в письмах В. Л. Давыдова // *Свод.* Т. 3. С. 325.

[1] Согласно приблизительным расчетам о двухмесячном следовании в то время писем из-за границы в Красноярск (см. ***1840. Декабря 23 <11>. Среда. Рим***; ***1841. Февраля 8 <20>. Суббота. Красноярск***), письмо сестер Давыдовых, в котором они сообщали отцу о своей новой встрече с Гоголем, было отправлено в начале января (н. ст.) 1846 г. (послание не сохранилось).

1846 ЯНВАРЯ 5 <1845 ДЕКАБРЯ 24>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский пишет Гоголю в Рим:

«Виноват я перед вами, любезный Гоголь: давно лежит у меня к вам письмо от Плетнева[1], а я все его к вам не высылал. Как это случилось, право, не знаю: на эти дела я человек аккуратный. Правда, во все это время я хворал: Швальбах мне помог, и до декабря я был в добром порядке; но в декабре опять свихнулся: биение сердца, прерывчатый пульс, кровотечение, одышка, слабость и всякие другие приятности. И Копп, кажется мне, потревожился. Но он остановил опять ход болезни; и теперь опять все стало лучше. <...> Впрочем, трудно было не быть больным: зима странная; беспрестанный переход от тепла не к холоду, а к буре и ветру. <...> Словом, и в воздухе революция[2], которая все наши нервы тревожит. <...> К болезни телесной присоединилась и болезнь сердечная: мой пятидесятилетний товарищ жизни, мой добрый Тургенев[3] переселился на родину и кончил свои земные странствия[4]. Бог послал ему быструю, бесстрадальную смерть. 3 декабря (с<т>. с<т>.) он умер в Москве, в доме своей двоюродной сестры[5], у которой жил. Умер ударом. Но он, вероятно, накануне сильно простудился, проведя в холодную, дурную погоду целый день на Воробьевых горах, где раздавал деньги ссылочным в Сибирь, и не одни деньги, но и слезы, и утешения — можно ли лучше приготовиться к собственной дороге, но не в ссылку, а на родину? Думая о нем, каков он был *истинно,* верю упокою души его: ибо, конечно, на этой душе ни малейшего пятна не осталось от жизни. Он всегда был добр, всегда чист и намерением и делом. Жизнь могла покрыть его своею пылью, но смерть легко сдунула с души его эту пыль, которая вся всыпалась в могилу.

Вы давно ко мне не писали. Плетнев требует, чтобы вы к нему высылали аккуратно свидетельство о жизни[6]. Это свидетельство должно быть высылаемо в каждую треть года и всегда 13 генваря, 13 мая, 13 сентября нового стиля. <...>

Пишете ли вы? <...> Гомер мой остановился на половине XIII песни, и вот уже год, как я за него не мог приняться[7] и от болезни, и от лечения, и от поездок. Но перевод Нового завета[8] почти кончен, надеюсь довершить его в самый Новый год (с. с.), то есть в день рождения моего Павла. Жаль, что мы не можем его прочитать вместе.

Напишите мне о пребывании царя в Риме[9]. <...> Жена и все мои вам сердечно кланяются. Скажите мой дружеский поклон Бутеневу».

[1] Письмо до нас не дошло.

[2] 1845–1846 гг. в Германии – время обострения экономического кризиса и политических брожений.

[3] Александр Иванович. – См. также ***1845. Мая 26 <14>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне, Гомбург.***

[4] См. ***1845. Декабря 3 <15>. Понедельник. Москва.***

[5] А. И. Нефедьева.

[6] Свидетельство требовалось для выдачи Гоголю денежного пособия, назначенного ему Императором Николаем I (подробнее см.: ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург***).

[7] См. ***1844. Сентября 21 <9> – 1845. Января 10 или 11 <1844. Декабря 29 или 30>. Франкфурт-на-Майне.***

[8] См. также ***1848. Сентября между субботой 18 и средой 22. Санкт-Петербург.***

[9] См. ***1845. Декабря с субботы 13 до среды 17 <с 1 до 5>. Рим.***

1845/46

1845 ДЕКАБРЯ 25 <1846 ЯНВАРЯ 6>. ВТОРНИК. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет ответное[1] письмо к Гоголю (адресуя послание во Франкфурт к В. А. Жуковскому[2]):

«Какую грусть навело на меня письмо твое, любезный Николай Васильевич! Не умею представить, что с тобой будет по приезде твоем в Петербург, если ты нисколько не можешь поправиться здоровьем и в Риме.

Покамест еще не посылаю тебе денег[3]. Вышло недоразумение между Главным Казначейством и Министром Финансов[4]. Последний, предписавши выдавать тебе деньги, забыл определительно сказать, нужно ли вычитать из этой суммы обыкновенные проценты или нет. Вот об этом и пошла теперь бумага к Министру Финансов, без разрешения которого и отказали пока мне во вторичной выдаче твоих денег. Даже и по разрешении Министра, Главное Казначейство не все выдаст деньги за последнюю треть 1845-го, как я полагаю, а только по то число, которое означено в свидетельстве миссии, уведомляющей о том, что ты, слава Богу, жив и здоров. Теперь, когда ты будешь брать новое оттуда свидетельство для пересылки ко мне, то попроси, чтобы миссия выставляла на нем последнее число целой трети, а именно 31 декабря, 30 апреля и 31 августа».

[1] См. ***1845. Ноября 28 <16>. Пятница. Рим.***

[2] См. ***1846. Февраля 16 <28>. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1846. Марта 20 <8>. Пятница. Рим.***

[3] Речь идет о денежном пособии, назначенном Гоголю Императором Николаем I (подробнее см.: ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург***).

[4] Федор Павлович Вронченко (1779–1852), министр финансов с 1 мая 1844 г., граф (с 3 апреля 1849 г.).

1846/45

1846 ЯНВАРЯ 8 <1845 ДЕКАБРЯ 27>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Гоголь пишет в Париж для С. А. Иванова рекомендательное письмо к графу А. П. Толстому и ответное[1] письмо Н. М. Языкову в Москву. В послание к Языкову вкладывает письмо к Н. Н. Шереметевой[2].

Все письма были отправлены через день, 10 января (н. ст.) 1846 г.[3]

Из письма к Толстому: «Податель сего письмеца есть архитектор наш Иванов, которого вы, может быть, уже знаете[4] и ради которого я беспокою вас убедительною просьбою дать ему (если у вас случатся) денег на проезд в Рим. Проезд этот, разумея в художественном смысле, с осматриванием всех архитектурных памятников, стоит издержек. Из Академии им до сих пор еще не выслали следуемых денег, а он бы не хотел из<-за> этого потерять даром драгоценное время. Если вы можете его ссудить от 500 до 1000, то сим крайне обяжете как его, так и брата его, знаменитого нашего и решительно первого живописца, поборника и защитника иконной живописи, который крайне заботится и беспокоится с примерной братской любовью о своем брате и просит меня обо всем этом убедительно. С ним вы можете переслать мне книги и всё, о чем просил вас. <...> Много бы дал, чтобы увидеть вас здесь, в Риме, где всё уже совершенно успокоилось[5], стало привольно, уединенно и тихо, так что можно сказать, что здесь теперь одни болящие и недужные, в числе которых находится и ваш грешный богомолец, нуждающийся по-прежнему в ваших молитвах. <...> Графине мой душевный и дружеский поклон. Благодарю обоих много и много за то, что вынимаете частицы обо мне[6], молите<сь> обо мне и просите других обо мне молиться. Попросите доброго священника[7] нашего от меня (передавши ему мой искренний поклон) отслужить обо мне молебен о ниспослании сил мне душевных и телесных на совершенье того труда, который нужней и нужней, чем дале, становится [сегодня] в нынешнее время и который хотел бы совершить быстрее и умней и во имя Божие».

Из письма к Языкову: «Два письма твои в Рим (одно без числа, другое от ноября 21) я получил... <...> Я порадовался тому, что Шевырев приготовляет к печати свои лекции, которых я жду с нетерпением, и что у Аксакова Ивана есть талант. Я писал к отцу[8], чтобы прислал мне его стихов; напомни и ты или, лучше, пришли сам... <...> Известие о переводе "М<ертвых> д<уш>" на немецк<ий> язык мне было неприятно. Кроме того, что мне вообще не хотелось бы, чтобы обо мне что-нибудь знали до времени европейцы, этому сочинению неприлично являться в переводе ни в каком случае до времени его окончания, и я бы не хотел, чтобы иностранцы впали в такую глупую ошибку, в какую впала большая часть моих соотечествен<ников>, принявшая "М<ертвые> д<уши>" за портрет России. Если тебе попадется в руки этот перевод, напиши, каков он и что такое выходит по-немецки. Я думаю, просто ни то, ни сё. Если случится также читать какую-нибудь рецензию в немецких журналах или просто отзыв обо мне, напиши мне также. Я уже читал кое-что на французском о повестях в "Revue de Deux Mondes"[9] и в "Des Debats"[10]. Это еще ничего. Оно канет в Лету вместе с объявлениями газетными о пилюлях и о новоизобретенной помаде красить волоса, и больше не будет о том и речи. Но в Германии распространяемые литературные толки долговечней, и потому я бы хотел следовать за всем, что обо мне там ни говорится. <...> Здоровье мое вначале было поправилось значительно, теперь расклеивается вновь; я зябну[11] до такой степени, что не нахожу средств согреваться. Сначала было я прибегал к беготне, которая мне помогала; но теперь ноги начинают болеть и отказываться. <...>

Поздравляю тебя с наступающим *нашим* новым годом. Да будет он нам благотворней и чудотворней всех годов и да восчувствуем в нем всю благодать и милость Бога!

Если что найдется прислать, пошли к Вяземскому или к гра<фине> Вьельгорской (на Михайловс<кой> площади, в собственном доме) с тем, чтобы они отправили с курьером, которые теперь ездят всякую неделю в Палермо и в Рим.

Спроси у Шевырева, получил ли он письмо мое от двадцатых чисел декабря <ноября>»[12].

Из письма к Шереметевой: «Благодарю вас, мой добрый друг, за письмецо ваше. Слова ваши и утешения такого рода, что я должен повторять их в себе ежечасно и ежеминутно. Молитесь же Богу о том, да совершается во мне святая воля Его, да с терпеньем, кротостью и послушаньем выношу все, что угодно Ему ниспослать, в несокрушимой и твердой вере, что только одним таким путем могу достигнуть к той цели, к которой Им же повелено мне стремиться. Молитесь Богу, да воспламенится дух мой весь к Нему любовью безграничной, всепоглощающей, всеумиряющей и

побеждающей все, что бывает трудно победить, и да пребудет Бог милостив и внимателен вечно и к вам и к вашим молитвам.

Поздравляю вас с наступающим годом. Молюсь о вас, да награждены вы будете в нем высокими внутренними наслажденьями. Помолитесь и обо мне, да награжден я буду в нем также высокими внутренними наслажде<ниями> во славу Божию и в спасение душ, как других, так и моей собственной».

Датировка письма уточнена. Оно не могло быть отправлено ни в конце 1847 г. (как ошибочно полагал В. И. Шенрок[13]), ни в конце 1846 г. В то же время в ответном письме к Гоголю от 30 января 1847 г. Шереметева сообщала, что получила письмо от него через Языкова[14]. Языков в послании к Гоголю от 27 января 1846 г. также замечал: «Н. Н. Шереметева <...> поправляется; письмо твое послал я к ней в Рузу»[15]. Неполный адрес на письме («Надежде Николаевне Шереметьевой»), в свою очередь, указывает на то, что гоголевское поздравление Шереметевой с новым годом должно было быть вложено в другое письмо. Таким письмом, по-видимому, и было послание Гоголя к Языкову от 27–29 декабря 1845 / 8–10 января (н. ст.) 1846 г., в котором Гоголь также передает поздравление «с наступающим *нашим* новым годом».

[1] См. ***1845. Октября между 8 и 26. Москва***; ***1845. Ноября 21 <декабря 3>. Среда. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Москва.***

[2] См. ***1846. Января 30 <февраля 11>. Среда. С. Ащерино.***

[3] См. ***1846. Января 10 <1845. Декабря 29>. Суббота. Рим***; *Городецкий.* С. 474.

[4] С. А. Иванов жил в Париже с осени 1845 г.

[5] Намек на отъезд из Рима путешественников, привлеченных приездом в Рим Императора Николая I (см. ***1845. Декабря с субботы 13 до среды 17 <с 1 до 5>. Рим***).

[6] Имеется в виду поминовение христиан о здравии на Божественной Литургии: «И принимая в руки священник четвертую просфору в поминовенье всех живых, изъемлет из нее частицы во имя Императора, во имя Синода и Патриархов, во имя всех живущих повсюду православных христиан и, наконец, во имя каждого из них поименно, кого захочет помянуть, о ком просили его помянуть» (*Гоголь Н. В.* Размышления о Божественной Литургии).

[7] Протоиерей Д. С. Вершинский.

[8] См. ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим.***

[9] Имеется в виду статья Ш. О. Сент-Бёва «Русские повести Николая Гоголя» в «Revue des deux mondes» (Обозрение двух миров. 1845. 1 декабря. № 12) (см. ***1845. Декабря 17 <29>. Понедельник. Москва*** – примечания).

[10] Подразумевается еще один отзыв французской критики в «Journal des Debats» (1845. № 16) об издании перевода пяти произведений Гоголя («Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска» , «Старосветские помещики», «Вий») на французский язык, сделанного в 1844 г. И. С. Тургеневым и С. А. Гедеоновым и опубликованного в 1845 г. Л. Виардо.

[11] См. также ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим*** (письмо к С. Т. Аксакову); ***1845. Ноября 28 <16>. Пятница. Рим***; ***1845. Декабря 20 <8>. Суббота. Рим***; ***1846. Января 2 <1845. Декабря 21>. Пятница. Рим***; ***1846. Января 3 <1845. Декабря 22>. Суббота. Рим.***

[12] Речь, по-видимому, идет о письме к С. П. Шевыреву от 20–25 ноября (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Ноября 20 <8>. Четверг. Рим***).

[13] См.: Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 4. С. 133.

[14] См. ***1845. Января 30 <февраля 11>. Среда. С. Ащерино.***

[15] См. ***1846. Января 27 <февраля 8>. Воскресенье. Москва.***

1845 ДЕКАБРЯ 27 <1846 ЯНВАРЯ 8>. ЧЕТВЕРГ. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской:

«Хотела было я рассказать тебе подробнее о А. О. Смирновой, но об этом надобно говорить много, а теперь мне некогда, я тебе скажу только результат, что Иван говорит то же о ней, что и Гоголь, и в самом деле по его рассказам об ней, она представляется таким необыкновенным существом, такой высшей натурой, что мелкими кажутся все наши прежние определения и заключения об ней. – Несмотря на то, ее прежние привычки часто оскорбляют. – С Иваном она писала к отесеньке и в этом письме слышится как-то ее внутреннее состояние души. Она в постоянной ипохон-

дрии. — Все известия об Гоголе самые приятные: он освежился, укрепился и готов приняться опять за дело, дай Бог! — Слышала ли ты, милая Машенька, об статье St. Beuve о Гоголе в "Revue des Deux Mondes"[1]? Мы ее еще не читали, но Иван читал ее. Он почти сравнивает Гоголя с Гомером... и... Шекспиром, словом сказать, напоминает брошюрку брата[2], против которой многие так восставали, а с St. Beuve, вероятно, те же самые согласятся. — Повести Гоголя произвели необыкновенный эффект во Франции».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 845.

[1] Имеется в виду положительный отклик Ш. О. Сент-Бёва на публикацию в 1845 г. Л. Виардо перевода на французский язык пяти произведений Гоголя («Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики», «Вий»), сделанного в 1844 г. И. С. Тургеневым и С. А. Гедеоновым (см. ***1839. Июня после 5 — июля начало <мая после 24 — июня конец>. Рим, Чивитавеккья, Марсель***). Напечатанная в № 12 «Revue des Deux Mondes» за 1845 г. статья Ш. О. Сент-Бёва была перепечатана в переводе в «Отечественных Записках» (1846. № 1) в статье В. Г. Белинского «Отзывы французских журналов о Гоголе» (статья без подписи).

[2] Имеется в виду брошюра К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (М., 1842).

1846 ЯНВАРЯ 10 <1845 ДЕКАБРЯ 29>. СУББОТА. РИМ

1846/45

Гоголь отправляет написанное 8 января[1] письмо к Н. М. Языкову в Москву, с вложением письма к Н. Н. Шереметевой.

В тот же день А. А. Иванов отправил в Париж брату С. А. Иванову написанное для него Гоголем (тоже 8 января) рекомендательное письмо к графу А. П. Толстому. В сопроводительном письме к брату А. А. Иванов сообщал:

«Я думал тебе послать сейчас еще денег моих, но придумал теперь еще лучше. Сходи ты с приложенным здесь письмом к графу Александру Петровичу Толстому (rue de la Paix, № 9), где получишь от него тысячу рублей ассигнациями, которую я здесь сегодня же заплачу Гоголю, чтобы передал графине Апраксиной, родной сестре помянутого Толстого, что находится теперь в Риме. <...> Тебе здесь тоже назначается работа от Государя, что особенно заплатится, как и другим пенсионерам-архитекторам»[2].

[1] См. ***1846. Января 8 <1845. Декабря 27>. Четверг. Рим***.

[2] Из писем А. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 345.

1845 ДЕКАБРЯ 29 <1846 ЯНВАРЯ 10>. СУББОТА. МОСКВА

1845/46

Н. М. Языков пишет Н. Н. Шереметевой:

«Поздравляю вас с наступающим новым годом — и желаю всех благ и во всем благого поспешения. Книгу[1], которую не взял с собою в Рим князь Голицын[2], я получил: она уже в другой раз ко мне возвращается тем же образом! Видно не судьба ей доехать [на встречу] к Николаю Васильевичу! <...> От Гоголя я давно не имею писем, но госпожа Смирнова получает их от него часто. — Он, слава Богу, здоров — и бодр, и *<1 нрзб.>* — и принимается писать».

Из писем Н. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 177.

[1] Имеется в виду изд.: *Норов А. С.* Путешествие по Святой Земле в 1835 году. 2-е изд. СПб., 1844. Ч. 1–2. — См. ***1845. Декабря 13 <25>. Четверг. Москва*** (примечания).

[2] Князь В. П. Голицын.

1846 ЯНВАРЯ 12 <1845 ДЕКАБРЯ 31 >. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Вероятно, в этот день Гоголь пишет молитву «На 1846 <год>» (по-видимому, о создании книги «Выбранные места из переписки с друзьями», работа над которой была начата в конце марта (н. ст.) 1845 г.[1]):

«Господи, благослови на сей грядущий год! Обрати его весь в плод и в труд многотворный и благотворный, весь на служенье Тебе, весь на спасенье душ. Буди милостив и разреши руки и разум, осенив его светом высшим Твоим и прозреньем пророческим великих чудес Твоих. Да Святый Дух снидет на меня и двигнет устами моими и да освятит во мне все, испепелив и уничтожив греховность и нечистоту и гнусность мою и обратив меня в святый и чистый храм, достойный, Господи, Твоего пребывания. Боже! Боже! не отлучайся от меня! Боже! Боже! воспомни древнюю любовь. Боже! благослови и дай могущество возлюбить Тебя, воспеть и восхвалить Тебя, и возвести всех к хваленью святого имени Твоего».

[1] См. ***1844. Сентября 19 <7>. Четверг. Франкфурт-на-Майне*** (примечания); ***1844. Декабря 2 <ноября 20>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Декабря 26 <14>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Января 2 <1844. Декабря 21>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Марта 3 <февраля 19> – мая 15 <3>. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Апреля 2 <марта 21>. Среда. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Апреля конец, после 25 <апреля между 13 и 18>. Висбаден или Франкфурт-на-Майне***. – См. также ***1846. Января 23 <февраля 4>. Среда. Москва*** (примечания). – При этом Гоголь продолжал работу и над вторым томом «Мертвых душ» (см., в частности: ***1846. Января 27 <15>. Вторник. Рим***; ***1846. Марта 16 <4>. Понедельник. Рим***).

1845 ДЕКАБРЯ 31 <1846 ЯНВАРЯ 12>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]; в роли Кочкарева – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978*. С. 253.
[2] *Гриц*. С. 354.

ЯНВАРЯ 3 <15>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 383.
[2] *Гриц*. С. 354.

ЯНВАРЯ 4 <16>. ПЯТНИЦА. КАЛУГА

А. О. Смирнова пишет ответное письмо к графине Е. П. Ростопчиной в Рим[1]:

«Тысячу раз спасибо, милая и дорогая Eudoxie, за твои два большие прелестные письма... <...> Надеюсь, что прелестный Виктор <сын Ростопчиной> совершенно избавился от лихорадки; если она вернется к нему в Риме, обратитесь к Vohle, моему гомеопату: это прекрасный доктор, он очень

помог Ольге[2], а также сыну Перовского. Он Дунайский мужик и насмешит вас. <...> Повидай художника Иванова; я бы очень желала знать, что Государь думает об его картине[3]. Иванов одинаково интересен как человек и как художник. <...> Если Моллер в Риме, попроси его сделать для меня твой портрет масляными красками, медальоном, как делали их прежде. Это легко устроить через Гоголя. Если он откажется, закажи какому-нибудь другому художнику; я хочу устроить себе маленькую галлерею портретов моих друзей. <...> Тётя Цицианова и Лев Арнольди живут с нами, так как у нас настоящее палаццо в три этажа. <...> ...Вечером за чайным столом собираются тётя, Лев и молодой Аксаков[4], умный мальчик и в то же время поэт. <...> К 12-ти часам каждый направляет путь к своей берлоге, а я еще читаю какой-нибудь роман <...>, а потом я слезами утоляю жажду своей души. Такой образ жизни не способствует восстановлению моего здоровья, но я не дорожу ни здоровьем, ни жизнью. <...> Если мне говорят, что подобная печаль есть неблагодарность к Провидению, я отвечаю, что меланхолия не может мешать исполнять свои обязанности и что, исполняя их, получаешь свое помилование»[5].

[1] См. также ***1843. Февраля 5–6 <января 24–25>. Воскресенье-понедельник. Рим***; ***1846. 1845. Декабрь – 1846. Февраль <1845. Ноября вторая половина – 1846. Января средина>. Рим***.

[2] Дочь Смирновой.

[3] См. ***1845. Декабря 16 <4>. Вторник. Рим***.

[4] Иван Сергеевич.

[5] *Свод*. Т. 3. С. 659–660.

ЯНВАРЯ 17 <5>. СУББОТА. КРЕЩЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК. РИМ

Е. А. Хитрово, воспитательница Петра П. Дурново[1], пишет в Москву своей названной сестре Ольге Васильевне (в замужестве, с 1853 г., Неводчикова; возможно, рожд. баронесса Черкасова)[2]:

«...Я, по милости Божией, стала несколько оправляться, а то было худо пришло: и больна была, и грустна[3]. Хлопоты мои очень уменьшились, а свободное время прибавилось с тех пор, как приехал к П<етру> гувернер... Здесь много русских, и иные приезжают с детьми своими к нам по субботам. Бывает также одна семья итальянцев. Вот дети так дети – милы, добры, просты, умны; впрочем тут и все так. Живешь как в раю, насчет милого обхождения всякой живой твари. А климат, а воспоминания, а искусства – все неописанно приятно. Я познакомилась с Гоголем и считаю это за особенное удовольствие. Он не только умен, но и нравственен чрезвычайно. Всякое слово его пробуждает доброе чувство в душе. Я стала опять заниматься чтением. Начала говорить по-итальянски. Хочу опять приняться за Ботанику[4]; но проку мало во всем – мне невесело»[5].

В позднейшей дневниковой записи от 3 февраля 1851 г. Хитрово вспоминает о своем пребывании в Риме и своей беседе там с князем Д. П. Волконским[6].

[1] Сын Александры Петровны Дурново (рожд. княжны Волконской) (см. ***1845. Октября вторая половина – ноябрь <октября начало – ноября средина>. Рим***).

[2] О. В. Неводчикова – жена автора воспоминаний о Хитрово, иерея Н. В. Неводчикова (впоследствии архиепископ Кишиневский Неофит; 1822–1910): *Неводчиков Н., свящ<енник>*. Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово // Херсонские Епархиальные Ведомости. 1864. № 3. С. 118–128; № 4. С. 260–281; № 7. С. 348–370.

[3] Вместе с семьей Дурново Хитрово «с грустию оставила Россию в мае 1845 года» (*Неводчиков Н., свящ<енник>*. Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово. № 3. С. 122). Около 21 февраля (н. ст.) 1846 г. они переехали из Рима в Неаполь. В письме из Неаполя от 21 марта (н. ст.) Хитрово сообщала: «Мы уже месяц, как в Неаполе. <...> Музей здесь чудесный, и на мое счастие и сад ботанический чудесный. Весело ходить между деревьями, которые у нас в оранжереях и теплицах только растут. Рви что хочешь и сколько хочешь. <...> Как жаль мне Рима! Здесь природа и климат лучше, и Везувий и море есть; но там что-то таинственное и глубокое

теснится в душу, и придает ей крылья. Здесь все говорит: ешь, пей и веселись; а там все напоминает о другой цели возвышенной, к которой надобно идти узкими вратами» (Там же. № 3. С. 123, 124).

[4] См. также ***1850. Октября 24. Вторник. Одесса*** (примечания); ***1851. Марта 26. Понедельник. Одесса.***

[5] *Неводчиков Н., свящ<енник>.* Воспоминания об Екатерине Александровне Хитрово // Херсонские Епархиальные Ведомости. 1864. № 3. С. 122–123.

[6] См. ***1851. Февраля 3. Суббота. Одесса.***

ЯНВАРЯ 6 <18>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК КРЕЩЕНИЯ ГОСПОДНЯ. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет С. Т. Аксакову в Радонежье (Абрамцево):

«Посылаю Вам два письма от Гоголя: одно к Вам[1], другое к его матери[2], которой адрес вы знаете. Когда вы будете в Москве, очень бы желал видеться с Вами, чтобы переговорить о его поручении[3]. Твердость его характера не терпит никаких противоречий и из письма его я вижу, что он оскорбился моей неготовностью исполнить его волю, которой я по совести признать не мог за справедливую. Но с ним невозможно вести разговор, а тем менее спор[4], как с другими. У него своя логика и свои убеждения. Я рад тому, что здоровье его поправляется».

Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 93. – Ответ С. Т. Аксакова: ***1846. Января 15 <27>. Вторник. Радонежье (Абрамцево).***

[1] См. ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим.***

[2] Письмо не сохранилось.

[3] Речь идет о поручении, данном Гоголем С. П. Шевыреву в письме от 14 декабря (н. ст.) 1844 г., о пожертвовании Гоголем денег, выручаемых от продажи его сочинений, в пользу «бедных, но достойных» студентов Московского университета (см. ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***).

[4] См. также: ***1840. Декабря 17 <29>. Вторник. Санкт-Петербург*** (письмо П. А. Плетнева к Я. К. Гроту); ***1852. Февраля 7. Четверг масленицы. Москва*** (свидетельство А. Д. Галахова).

ЯНВАРЯ 7 <19>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Графиня Анна М. Виельгорская пишет Гоголю в Рим:

«Давно я вам не писала, любезный Николай Васильевич, но что-то не писалось, и в самом деле не о чем и было вам писать. Но я часто, очень часто о вас думала и сожалела, что вы так далеко от нас. Я б иногда дорого дала, чтоб видеть вас и переговорить с вами хотя на полчаса. Что можно в письмах сказать? почти ничего. А все-таки ваши письма, любезный Николай Васильевич, для меня полезны. Они всегда меня ободряют, и с некоторого времени мне этого нужно. Я не так спокойна и весела, как была летом в нашем любимом Павлине, но это всегда так бывает, когда я много выезжаю в большой свет и, верно, опять пройдет весной. Я стараюсь преодолеть это унывное расположение духа, но это трудная борьба. La vie me pèse quelque fois et je sens un vide accablant autour de moi[1]. Сверх того, я недовольна собой. Мне кажется, что я ничего хорошего не делаю, ничего полезного для себя или для других... Любезный Николай Васильевич, браните меня, пожалуйста, ваши упреки для меня приятны и я их люблю.

Мы начали новый год все вместе, т. е. вместе с братом[2], который приехал из Берлина настоящим *экспромтом.* Он <...> останется с нами, я надеюсь, по крайней мере шесть недель. Вы, верно, от него самого узнали, что он доволен местом своим и совершенно привык к берлинской жизни и к берлинскому обществу. Уже так давно не случалось, что мы все были вместе соединены, que je jouis maintenant de ce bonheur et que je l'apprécie dans toute son étendue[3]. Владимир Александрович[4] так переменился к лучшему, что до сих пор он нас ничем не огорчил. Он нынче очень занимается учреждением общества для доставления помощи бедным на собственных их квартирах. Софья Михайловна[5] иногда унывает, думая о трудностях, которые ожидают ее в воспитании Беби[6]. <...>

Я видела издали Государя. Говорят, что он очень хорошо расположен.

Пожалуйста, пишите мне о вашем здоровье и скажите мне, видели ли вы Государя в Риме. Скажите мне еще, пишете ли вы теперь?»

[1] Жизнь иногда давит на меня, и я чувствую непреодолимую пустоту вокруг себя (*фр.*).
[2] Граф М. М. Виельгорский.
[3] Я теперь наслаждаюсь счастьем и вполне его ценю (*фр.*).
[4] Граф Соллогуб.
[5] Графиня Соллогуб, сестра Виельгорской.
[6] Дочь С. М. Соллогуб, Софья Владимировна.

ЯНВАРЯ 19 <7>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Н. А. Рамазанов пишет сестре Софье Александровне и ее мужу Павлу Алексеевичу Смирнову:

«Ах, Павлуша, теперь только я вижу всю жалкость нашей литтературы, имея случай читать вещи, которые и не снились нашим мудреным головушкам, которые с виду кажутся очень учеными. Единственный Гоголь, которому воздвигнут олтари, впоследствии, за *Мертвые Души* и *Шинель;* — вот писатель, который станет на ряду с Сервантесом и Мольером. Дивная услуга России. — Не знаю, дают ли ему настоящую цену в отечестве или только оскорбляются?»

Из писем Н. А. Рамазанова // *Свод.* Т. 3. С. 567.

ЯНВАРЯ 10 <22>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Графиня С. М. Соллогуб получает письмо Гоголя из Рима.

См. ***1846 января 3 <1845 декабря 22>. Суббота. Рим.*** — О получении письма свидетельствует почтовый штемпель: «Получено 1846 ЯН 10 Полдень».

ЯНВАРЯ 14 <26>. ПОНЕДЕЛЬНИК. КАЛУГА

А. О. Смирнова пишет Гоголю в Рим:

«...Я на вас очень сердита за ваше молчание; вы эгоист — требуете от меня род журнала, донесение о малейших событиях моей жизни для усмотрения внутренних движений моей души, а сами даже не напишете о своем здоровье. Я живу подаяньем от Плетнева, Вьельгорских, <И. С.> Аксакова, т. е. какими-то крупицами от стола богатых. Известно мне, что вы призрелись у Софии Петровны Апраксиной, чему очень радуюсь, потому что вам всегда нужно какое-нибудь семейство, где бы вам было ловко и приятно. Я ее только знаю почти с вида и по самым отдаленным светским сношениям, она слывет очень гордою, как все Толстые грузинской породы[1]; но издали она мне очень нравилась; теперь моя симпатия оправдывается, потому что вы друг друга полюбили. Я очень рада, что теперь Плетнев взялся вам пересылать пенсион, смотрите будьте же аккуратны высылкою жизненных свидетельств и благодарны благородному казначейству за такую отеческую заботу о ваших драгоценных днях. Плетнев пишет, что вы чувствуете беспрестанную зябкость; это все от прилива крови к внутренности. Как счастливо, что вы теперь в Италии; я уверена, что чем южнее вы будете, тем лучше вы будете себя чувствовать, и что Иерусалим совершенно вас излечит.

Что сказать мне вам из Калуги, из сердцевины России... <...> Это не Петербург: отсюда такая бездна может подняться наблюдений, размышлений, дум печальных и вместе утешительных,

столько мною узнано, сознано, начувствовано, испытано в течение трех месяцев, что я не знаю, с чего и начинать. Скажу вам сперва от Калуги или России, что вас все знают, все читают. Многие, что меня даже удивило, любят, и все ждут, ждут с нетерпением и с любопытством и недоброжелательным, и исполненным какой-то тревожной надежды, все ждут второй том, если не окончание "Мертвых душ". Ждут их и некоторые ***Русские*** в Петербурге; но теперь, благодаря *Viardot*[2], вы сделались известны и не русским Русским петербургским. Я читала "Старосветских помещиков"; перевод был почти невозможен и вышел очень плох. Потом попалась мне статья St. Beuve на "Тараса Бульбу"[3]. Бульба, конечно, удачнее переведен местами, потому что и интерес его более общий, а сам роман уже им доступнее. Что меня удивило и восхитило — это разбор St. Beuve. Верность его чувства убедила меня в превосходстве его прежних критик и разборов французских мне неизвестных авторов или сочинений. Для француза его статья очень замечательна, — так об ней писал мне Аркадий и Самарин, так же показалась она и мне. Странно довольно, что он повстречался мыслью с Константином Аксаковым в сближении описаний сражений с гомеровскими описаниями[4]. Теперь замолчит вся булгаринщина, краевщина и проч., которая так сильно восстала против Аксакова и так смеялась над ним. Ведь для этих ослов мнения Запада авторитет, и в глазах Петербурга вы уже замечательное лицо, потому что vous avez reçu le baptême de l'Occident[5]. Ах, Боже мой, Боже мой, до чего у нас еще... Но лучше мне не выписывать то, что я прошлый год слыхала на ваш счет. Статья St. Beuve в "Revue des deux mondes" 1-го декабря. Вот вам об вас же; но все не видать Калуги. Да вы ее и не увидите, потому что я не умею никогда сделать очерка; в моей голове не усиживается ничего как-то в целости, а только отрывками, а пишу я всегда под влиянием живого впечатления или в ответ на запросы. А вы как-то требуете ведомости или подробного отчета. По приезде моем сюда, первый месяц я была очень озабочена приведением в порядок моего жилья и домашних счетов. Хотя я не обращаю особенного внимания на внешний блеск и нахожу его глупым, когда нет гармонии во всех частях домашнего быта, однако здесь надобно было дать порядочный вид приемным комнатам, потому что принимать обязан всякий губернатор, и принимать всех без разбору звания и чина, исключая только из списка находящихся под надзором полиции. Я же для себя отделила конурочку вверху, где сижу в соседстве с детьми и княжной Цицияновой. Кроме этих занятий, управление имением поглощает у меня пропасть времени. В Калуге, как и во всех наших губ<ернских> городах, страсть к общественной благотворительности дошла до совершенной глупости. Была здесь в старину княгиня Оболенская[6], дочь Нелединского, которая здесь и скончалась. Все сословия, начиная от нищих и до самых богатых, купцов и дворян, все единодушно по ней плакали. Она умерла тому лет 15, но память ее так жива во всех сердцах, что беспрестанно я слышу что-нибудь новое на ее счет. Муж ее был губернатором и очень посредственного ума; она ни во что не входила, но меж тем имела на всех самое благодетельное влияние. Она не завела ни одной школы, ни одного приюта и не собирала податей для нищих, а все повторяют в больницах, богадельнях, тюремных замках и в духовенстве: "Нет, уж не будет более второй княгини Оболенской!" Явилась сюда Жуковская, губ<ернаторша>[7], и завела все эти филантропические дома, комитеты, переписки набело, сношения с человеколюбивыми обществами, получила похвальные листы за добродетель и проч. Таким образом, я нашла уже подготовленную мне работу, но в таком виде, что душа моя не лежит ко всему этому. Боже, Боже, как это все фальшиво и ложно и с какими людьми я должна работать — и все это, чтобы получить название благодетельницы и покровительницы вдов и сирот. Пока я еще делаю это все машинально, потому что не успела обдумать, как дать этому оборот правильный, и, вероятно, долго буду еще в размолвке с моими помощницами. В первую минуту мне хотелось отказаться от председательства[8], но мне доказали, что это неприлично и покажется очень дурно в Петербурге. Все уже находится в зависимости от *центра,* и всякое наше распоряжение, т. е. выдача всякого фунта хлеба, утверждается из Петербурга... Не мало было здесь споров, сплетен и очень гнусных улик на казначея и секретарей общества, некоторые дамы от этого прекратили дружбу и знакомство, — словом, гадости невыразимые. Под этим предлогом являлись ко мне с самыми скверными замыслами. Я все выслушивала, разузнавала не с малым любопытством, потому что в такой наготе еще не высказывалось нигде сердце человеческое, как здесь, и убедилась, что я живу в пустыне, что, исключая трех или четырех лиц, и то еще ограниченных в своих понятиях, я ни с кем не сойдусь. Пришли мне на память ваши слова, друг мой, что вся Калу-

га лазарет. Может быть, способы лечения и у меня в руках, как целительные травы в руках всякого человека, но, увы, как трудно узнать, когда и как их употреблять! На это надобна опытность или уяснение взгляда, т. е. духовное просветление, от которого я еще так далека. Здесь есть один очень умный, ученый и опытный священник[9], который учит детей[10]; он приятель Ивана Михайловича Наумова, вам известного; мы с ним всякую пятницу после урока беседуем часа по три о всевозможных предметах. Мы согласны во всех мнениях наших, но он отвергает всякую возможность к деятельности. На мои возражения он с грустью мне отвечал: “Мы здесь как рабы исключенные, еще в высшем слое общества нас прилично принимают, а мещане равняют нас с батраками, и потому я отделился от всякого общества”. Вы знаете, что Орловская и Калужская губернии весьма обильны раскольниками. Тайна если не распространения, то по крайней мере неубавления их вам известна. Чего не выкупишь и не по<д>купишь золотом, а им этот способ был знаком: сребролюбивые до крайности, они знали, как действовать на подобных им сребролюбцев. Здесь, и особенно в Боровске, нет почти ни одного купеческого или мещанского семейства не зараженного. Эта зараза распространяется посредством так называемых молельщиц, т. е. самых гнусных старух. В одной Калуге их числом 1500. Каждая из них владычествует в нескольких домах и играет совершенно роль иезуитов, т. е. мирит, а чаще всего ссорит семейства, играет свадьбы, входит во все денежные дела и обороты и делает, одним словом, все, что хочет, все это под предлогом чистоты ее учений. Нельзя себе вообразить, до какой степени неприязненны между собой купцы здесь и немногие православные, которые одни служат по выборам, ненавидят уже раскольников за то, что те не несут никаких служб, и жалуются на них как на самых ненужных членов общества. Со всем тем расколы слабеют, однако же, лет с 15 тому назад. То, что не могли сделать ни угрозы правительства (которое не всегда поддерживало исполнителей его повелений), ни убеждения, ни слова, ни проповеди, ни даже покровительство единоверию, как более схожему с православием, что не могли сделать никакие усилия, — сделала мода. Да, мода, — это смешно и как-то глупо; но это верно. Ни одна молодая купчиха ни за что на свете не решится надеть купеческого платья и платка, все непременно хотят танцевать и болтать по-французски, а купцы — курить цигарки и носить немецкий фрак и брить бороду, в раскольничью же церковь они не смеют войти иначе как в платке, а мужчины с бородою, и не подчиняясь этому строгому требованию, исключаются из списков. Проходят годы, что они ходят в православную церковь, но не говеют, наконец им делают запрос, и они вынуждены говеть наконец. Вообразите же, какое у них понятие о религии и до какой степени этот многочисленный класс еще необразован. Замечательно, однако, это явление: влияние моды на один из важнейших вопросов общественности и благосостояния народа. Один очень известный и умный раскольник в Боровске сказал архиерею: “Что ты горячишься, преосвященный Николай[11], табачок без тебя уничтожит нашу настоящую веру!” — и сказал это с унынием и в укоризну своим. Но уничтожение раскольников произведет ли плодотворных последователей православия или умножит только их числом, — вот что мы со временем узнаем. Есть много в нашем обществе *des tièdes*[12], а это зло горше гонителей. Кроме этого священника, других я не успела узнать, потому что случая не было с ними говорить. С архиереем мы живем в ладах; как видное гражданское лицо, я ему, как главному духовному лицу, оказываю много почтения, что было здесь весьма нужно, потому что по разным причинам себе позволяли с ним даже неприличные шутки. В девичьем монастыре есть здесь игуменья[13] удивительная, родом из гречанок нежинских и дворянка. История ее очень интересна. С семилетнего возраста она и брат ее пожелали воспитываться в монастырях; с тех пор и он и она расстались с родными и Малороссией. В течение сорока лет она виделась с ним раза три на самое короткое время. Она живет 40 лет в Калуге, не имея никакого состояния, жила почти служанкой у прежней игуменьи, исполняла самые тяжкие и низкие работы в течение 21 года. Никто не подозревал ее существования. Когда умерла игуменья, весь монастырь единогласно выбрал ее, архиерей[14] подтвердил этот выбор, потому что заметил и кротость и смирение. Теперь она правит монастырем 19 лет, и он славится своим порядком и строгостию своих правил. К ней присылают со всех сторон женщин под начало, и надобно видеть вблизи, что это за подначалки, чтобы убедиться в трудах ее; что такое весь наш светский ловкий ум, вся наша образованность перед высокою смиренностью этой женщины. Притом, не выходя за пределы своего монастыря, она все знает, понимает, ко всему сочувствует и всегда может дать полезный совет; но ничего не делает без молитвы и размышления.

Хотя очень грустно в ее келейке, но между тем душе хорошо и как-то примиряешься со всеми светскими горестями, потому что понимаешь, как человек может стать выше всей этой дрязги с помощью Божией.

Скажу вам теперь о себе, что всякий, кто меня поверхностно знает, думает, что я умираю здесь со скуки; но вы легко поверите, что именно здесь я не могу скучать. Каждый шаг мой есть исполнение долга: визит, вечер, обед, иногда наряд, прогулка — все это долг непреклонный, и что есть лучше покорности и повиновения, что есть легче этого! Минуты отдохновения именно те, которые в Петербурге считались минутами труда и работы. <...> Мои домашние под праздники все разбрелись — брат[15] к отцу[16], <И. С.> Аксаков в Москву, княжна[17] в Троицу, Николай Михайлович[18] в уезды для ревизии, так что я почти три недели совершенно одна. С Петербургом имею мало сношений; мне пишут только братья[19], иногда Самарин и Ханыков. Письма Самарина очень замечательны; он борется с твердостью и, кажется, вознагражден за свою твердость новыми силами. С. М. Соллогуб меня забыла, но она очень занята семейством. Михаил Михайлович[20] приехал к ним из Берлина, я воображаю, что там радости теперь в доме. Дай Бог, чтобы Нози[21] нашла себе хорошего жениха; в ней много прекрасного и бездна ума приятно женского. <...> Отвечайте мне, я не знаю, получили ли вы мое письмо из Москвы[22] и одно из Калуги[23]? Нехорошо, что вы вдруг замолкли.

Что делает графиня Ростопчина в Риме, что Иванов? С кем вы еще из русских видаетесь? У меня висит мой Foro Trojano[24]. С Римом надеюсь повидаться через два года. Прощайте, любезный друг мой, не забывайте меня нигде, особенно в Иерусалиме».

[1] Графиня С. П. Апраксина (1800–1886), ее сестры, графиня Е. П. Гурьева (1795–1863), Анна П. Бахметева (1804–1884), графиня Александра П. Мордвинова (1807–1890), и братья, графы Алексей (1798–1854), Александр (1801–1873), Егор (1802–1874), Владимир (1805–1875) и Иван (1810–1873) Петровичи Толстые, были потомками, по матери, Вахтанга VI Законодателя (1675–1737), царя Картли.

[2] Л. Виардо. — Речь идет о переводе пяти произведений Гоголя («Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики», «Вий») на французский язык, сделанном в 1844 г. И. С. Тургеневым и С. А. Гедеоновым и опубликованном в 1845 г. Л. Виардо (см. ***1845. Ноября первая половина <октября вторая половина>. Париж***).

[3] Статья Ш. О. Сент-Бёва «Русские повести Николая Гоголя» была напечатана в «Revue des deux mondes» (Обозрение двух миров. 1845. 1 декабря. № 12) и перепечатана в переводе на русский язык в «Отечественных Записках» (1846. № 1) в статье В. Г. Белинского «Отзывы французских журналов о Гоголе» (статья без подписи). — См. ***1839. Июня после 5 — июля начало <мая после 24 — июня конец>. Рим, Чивитавеккья, Марсель*** (примечания).

[4] Имеется в виду брошюра К. С. Аксакова «Несколько слов о позме Н. В. Гоголя "Похождения Чичикова, или Мертвые души"» (М., 1842). — См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки*** (примечания).

[5] Вы получили крещение Запада (*фр.*).

[6] Княгиня Аграфена Юрьевна Оболенская (рожд. Нелединская-Мелецкая; 1789–1828), жена князя А. П. Оболенского, бывшего в 1825–1831 гг. калужским губернатором.

[7] Елизавета Николаевна Жуковская (1803–1856), жена Калужского губернатора Н. В. Жуковского. Сведениями о княгине А. Ю. Оболенской и Е. Н. Жуковской Гоголь воспользовался в адресованной Смирновой статье *XXI. Что такое губернаторша* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Предшественница ваша Ж*** завела кучу благотворительных заведений, а с ними вместе — и кучи бумажной переписки и возни, экономов, секретарей, кражу, бестолковщину, прославилась благотворительностью в Петербурге и наделала кутерьму в К***; княгиня же О***, бывшая до нее губернаторшей в том же вашем городе К***, не завела никаких заведений, ни приютов, не прошумела нигде дальше своего города, не имела даже никакого влияния на своего мужа и не входила ни во что, собственно правительственное и официальное, а между тем доныне никто в городе не может о ней вспомнить без слез, и всяк, начиная от купца до последнего бобыля, до сих пор еще повторяет: "Нет, не будет другой никогда княгини О***!"»

[8] В Калужском женском благотворительном обществе для вспоможения бедным (основано в 1840 г.; устав общества Высочайше утвержден 28 марта 1841 г.) (см.: *РГИА*. Ф. 1287. Оп. 16. Д. 1079. 37 л.).

[9] Возможно, о. Петр Степанович Аложинский (см. ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Калуга***).

[10] Имеются в виду дочери Смирновой, Ольга, Софья и Надежда.

[11] Преосвященный Николай (Соколов), епископ Калужский и Боровский.

[12] Умеренные, тепловатые (*фр.*). Имеются в виду слова Откровения св. Иоанна Богослова: «О, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (гл. 3, стих 15–16).

[13] Ангелика (см. ***1845. Декабря 16 <28>. Воскресенье. Калуга***).

[14] Вероятно, владыка Григорий (Постников), епископ Калужский и Боровский в 1826–1828 гг., впоследствии – митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский.
[15] Л. И. Арнольди.
[16] Иван Карлович Арнольди (1780–1860), генерал от артиллерии.
[17] Е. Д. Цицианова.
[18] Смирнов, муж Смирновой.
[19] Аркадий и Александр Осиповичи Россеты.
[20] Граф Виельгорский.
[21] Графиня Анна М. Виельгорская.
[22] См. ***1845. Октября 30 <ноября 11>. Вторник. Москва.***
[23] См. ***1845. Декабря 16 <28>. Воскресенье. Калуга.***
[24] Форум Траяна *(ит.)*.

ЯНВАРЯ 27 <15>. ВТОРНИК. РИМ

Гоголь пишет ответное[1] письмо к А. О. Смирновой в Калугу:

«Наконец от вас письмо из Калуги (от 12 декабря)! Как долго я ждал его! как соскучил без ваших писем! как мне теперь нужны ваши письма! как нужно теперь для вас самих писать ко мне чаще, чем когда-либо прежде, ради вас самих! Я вам говорю это не напрасно. После вы узнаете, как я прав. <...> Я глотал жадно ваши известия калужские, хотя в них только [еще] один легкий очерк вашей жизни. <...> ...Будьте же отныне обстоятел<ьны> и дайте себе слово отвечать на всякий запрос моего письма. <...> Напишите <...>, что такое служащие ваши, что такое помещики и что такое купеческие жены. Сначала их дух вообще, как целого сословия, а потом, какие есть между ними исключения. <...> Не бросайте многих людей и характеров, как уже узнанных и вам известных, но продолжайте присматривать за ними и наблюдать... <...> У вас есть порок, свойственный почти всем женщинам: вы поспешны и быстры и хотели бы иное вдруг сделать. Этот порок, однако же, лучше мужского порока, известного под именем *байбачничества*. От этого порока вы избавитесь уже тем, если дадите себе слово – всякое дело, какое ни захотите сделать, изложить прежде мне в письме, а потом его сделать. Чувствуя, что излагаете его мне, вы уже невольно увидите его обстоятельнее и лучше и, не имея от меня ответа, уже узнаете сами мой ответ. Друг мой Александра Осиповна, не пренебрегайте всеми этими просьбами: просит об этом вас больной и подчас сильно страждущий друг. Вы никогда не любите смотреть в письма мои перед тем, как пишете, и почти никогда не отвечаете на нужные, иногда слишком нужные и слишком душевные запросы. <...> ...Определите мне характеры всех находящихся в Калуге; не пропускайте мелочей и подробностей, вы знаете, что я до них охотник и что по ним мне удавалось узнать многое, многое в человеке, вовсе не *мелочное*, которое иногда он не только не открывает другим, но и сам не знает. Уведомляйте меня также о всех толках, какие ни занимают город, о всех распоряжениях, какие ни делаются в губерниях, и о всех злоупотреблениях, какие ни открываются. Не пропускайте также упоминать о всех мерах, какие предпринимаются противу голода, как раздаются хлеба, то есть какими порядками, образами и средства<ми>. Не пропускайте также извещать меня от времени до времени о крестьянах, находящихся в вашей губернии, как помещичьих, так и казенных, обо всех у них и с ними переменах и вообще обо всем, что ни касается их участи. Не пропускайте также уведомлять меня обо всех важнейших делах, какие предстоят в Калуге Николаю Михайловичу[2] <...>, обо всем, что удалось ему уже сделать, равно как и о множестве всякого рода затруднений, какие предстоят повсюду. За всё это я отблагодарю вам потом не словом, но делом. Я буду вам потом в великой пригоде. Друг мой, дайте мне силы сделать что-нибудь похожее на доброе дело. У меня так мало истинно добрых дел, а жизнь наша так быстро летит, я же к тому и недомогаю, чем далее, тем более. Вы знаете, что я люблю Россию, что всё, что ни есть в ней, мне дорого, что любовь моя растет, несмотря на бренные мои физические силы. Друг мой, исполните мою просьбу! Что вам сказать о самом себе? Я зябну[3] и зябну, и зябкость увеличивается, чем далее, более, а что хуже, вместе с нею необыкновенная леность всяких желудочных и вообще телесных отправлений. Существование мое как-то странно. Я должен бегать и не сидеть на месте, чтобы согреться. Едва

успею согреться, как уже вновь остываю, а между тем бегать становится трудней и труднее, потому что начинают пухнуть ноги или, лучше, жилы в ногах. От этого едва выбирается из всего дни один час, который бы можно было отдать занятиям. Но при всем том Бог милостив: я не унываю. Думаю о многом том, о чем мне следует думать, и мысли мои, несмотря на телесный недуг, нечувствительно зреют. Да будет же во всем Его святая воля! Всё, что ни посылается нам, исполнено смысла, и не наберется потом душа наша благодарений за все трудные и тяжкие минуты жизни. Продолжайте обо мне молиться. <...> Конст<антина> Никол<аевича>[4] ждут сюда к карнавалу; Государыня же не раньше намеревается, как на Пасхе. <...> Русских наехала сюда куча, но таких, с которыми я видаюсь, немного. Чаще бываю у гр<афов> Чернышевых-Кругликовых, потому что они мои старые знакомые[5], потому что больные и потому что, сверх того, очень добры и просты. Часто бываю у Апраксиной, Соф<ьи> Пет<ровны>, потому что она также очень добра и притом сестра моего любезного Александра Петровича (гр<афа> Толст<ого>), который сидит теперь в Париже. Дурнову я видел несколько раз. Она неразговорчива, но в лице ее много доброты. [Это бросилось мне с первого раза, хотя я не мог не заметить в то же время даже в лице присутствия апатии и душевной недеятельности.] <...> Графиня Нессельрод мне понравилась с первого раза[6] именно лицом, в котором много душевного прекрасного выражения. Вы знаете, что я знаток, и если проступила уже хоть сколько-нибудь душа внаружу, она не скроется от меня, я вижу ее на лице [и уже вижу ее на самом лице] прежде, чем откроются уста говорить[7]. С ней мы говорили, разумеется, о вас. Графиня Растопчина тоже здесь[8]. <...> С этими тремя дама<ми> я вижусь реже только единственно потому, что не вижу, каким образом и чем именно могу быть им в текущую минуту полезен. Мне трудно даже найти настоящий дельный и обоюдно-интересный разговор с теми людьми, которые еще не избрали поприще и находятся покаместь на дороге и на станции, а не дома. Для них, равно как и для многих других люд<ей>, готовятся "Мертвые души", если только милость Божья благословит меня окончить этот труд так, как бы я желал и как бы мне следовало. Тогда только уяснятся глаза у многих, которым другим путем нельзя сказать иных истин. И только по прочтении 2 тома "М<ертвых> д<уш>" могу я заговорить со многими людьми сурьезно. Стало быть, никак не думайте, прекрасный друг, что я отталкиваю от себя каких бы то ни было людей. Я просто действую только расчетливо и не хочу тратить пороха даром. Вы писали мне в прежн<ем> письме вашем, чтобы я не дичился с Самариным, если он будет писать ко мне. На это скажу вам, что еще не дичился в таком смысле ни одного человека и не оставлял без ответа ни одного письма, если только было подвигнуто *душевным побужденьем*, если оно было что-нибудь похожее на душевную исповедь или даже на *потребность душевную*. А доказательство всему этому то, что я, не получивши от Самарина ни строки, написал[9] ему на днях сам вызов. Скажите мне также кстати, что это за таинственное письмо[10], о котором вы мне уже раза три писали. Сначала во Франкфурт, что я получу через месяц какое-то длинное письмо[11]; полгода спустя, вы сказали вновь, что мне будет переслано длинное письмо (не упомянув тоже от кого)[12], но я его не получал вовсе. Наконец написали мне уже в Рим, что в посольстве лежит для меня предлинное письмо[13]. Я справлял<ся> и никакого, ниже короткого, не нашел. Скажите мне, наконец, хотя теперь, от кого это письмо и почему вы не захотели ни разу писавшего назвать по имени? и зачем была эта таинственность?»

[1] См. ***1845. Декабря 16 <28>. Воскресенье. Калуга.***

[2] Смирнов, муж Смирновой.

[3] См. также ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим*** (письмо к С. Т. Аксакову); ***1845. Ноября 28 <16>. Пятница. Рим***; ***1845. Декабря 20 <8>. Суббота. Рим***; ***1846. Января 2 <1845. Декабря 21>. Пятница. Рим***; ***1846. Января 3 <1845. Декабря 22>. Суббота. Рим***; ***1846. Января 8 <1845. Декабря 27>. Четверг. Рим.***

[4] Великий князь.

[5] См. ***1834. Декабря 10. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[6] При встрече графиня М. В. Нессельроде обещала Гоголю «быть посредницей» при пересылке ему книг из России (см. ***1847. Января 5 <1846. Декабря 24>. Вторник. Рождественский сочельник. Неаполь***). 12 декабря (н. ст.) 1846 г. Гоголь сообщал П. А. Плетневу: «Графиню Нессельрод я просил <...> устроить, чтобы курьеры могли брать эти посылки» (***1846. Декабря 12 <ноября 30>. Суббота. Неаполь***).

[7] В. И. Шенрок сообщал: «Этот отзыв, по словам О. Н. Смирновой, ясно показывает, что Гоголь отличался чрезвычайно чутким чувством и проницательностью в своих суждениях. <...> Графиня Нессельроде была самым близким другом Смирновых. Н. М. Смирнова она знала еще с детства, а А<лександру> О<сиповну> узна-

ла при дворе в 1826 г.» (<Воспоминания о Гоголе О. Н. Смирновой в «Указателе к письмам Гоголя... в издании Кулиша» В. И. Шенрока> // *Свод*. Т. 2. С. 362).

[8] См. ***1845. Декабрь – 1846. Февраль <1845. Ноября вторая половина – 1846. Января средина>. Рим.***

[9] См. ***1846. Января 3 <1845. Декабря 22>. Суббота. Рим.***

[10] В ноябре 1844 г. Смирнова обещала Гоголю переписать письмо П. Я. Чаадаева к А. де Сиркуру от 15 января 1845 г. (см. примеч. ниже). Сама Смирнова, отвечая на вопрос Гоголя (см. ***1846. Февраля 21 <марта 5>. Четверг. Калуга***), указывала, что под «длинным письмом» подразумевалось ожидавшееся письмо к Гоголю от Ю. Ф. Самарина (см. также примечания ниже).

[11] Ср.: «...Я вам письмо Чаадаева сберусь с силами и перепишу...» (***1844. Ноября 26 <декабря 8>. Воскресенье. Санкт-Петербург***).

[12] Ср.: «Вам собирается писать Самарин длинное письмо» (***1845. Сентября 19 <октября 1>. Среда. Санкт-Петербург***).

[13] Ср.: «Если к вам будет писать Самарин из Петербурга: отвечайте ему...» (***1845. Октября 30 <ноября 11>. Вторник. Москва***).

ЯНВАРЯ 15 <27>. ВТОРНИК. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

С. Т. Аксаков отправляет в Москву ответное[1] письмо С. П. Шевыреву:

«Письмо ваше от 6-го января я получил и надеялся скоро увидеться с вами; но нездоровье не пустило меня в Петербург и даже в Москву. – К Пинскому[2] я написал немедленно, но этот господин, со всеми своими достоинствами, порядочная коряга, и я за него не ручаюсь. Нужно бы нам поговорить о Гоголе; но делать нечего; для него можно истратить последние остатки моего зрения. Вспомните, почтеннейший Степан Петрович, что я предлагал вам сначала исполнить его желание в точности[3]. Вас очень огорчил. Теперь, чтобы поправить это дело, следовало бы мне возвратить вам то число денег, которые я получал, после его письма к нам; но я решительно не могу этого сделать, ибо, между нами, нахожусь в затруднительном положении по этой части. И так остается вам, по моему мнению, приводить в исполнение желание Гоголя с настоящей минуты; о моих деньгах забудьте. Напишите ему, что соглашаетесь, можете даже сказать, что потому прежде не могли согласиться, что мои обстоятельства были слишком трудны. Это извинит вас в его глазах. Гоголь пишет, что если вы решительно откажетесь, то он поручит одному мне[4]; но я не могу за это взяться: я слепну совсем; как же я сохраню тайну? До сих пор никто из моего семейства ее не знает. Смирнова намекнула мне об этом, но я за<*нрзб.*>. – Прошу вас во имя общей нашей дружбы, утешить Гоголя вашим полным согласием на его волю. Это подкрепит его возвращающиеся силы. <...> Поклонитесь Погодину»[5].

В тот же день В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской:

«На днях получено письмо от Гоголя из Рима[6]; кажется, он занимается своими трудами»[7].

[1] См. ***1846. Января 6 <18>. Воскресенье. Праздник Крещения Господня. Москва.***

[2] Матвей Михайлович Карниолин-Пинский (1794–1866), сенатор (с 1850 г.).

[3] Речь идет об определении Гоголем денег, выручаемых от продажи его «Сочинений», на оказание помощи «бедным, но достойным студентам» Петербургского и Московского университетов. Распоряжаться этим фондом Гоголь поручил в Петербурге П. А. Плетневу и Н. Я. Прокоповичу, в Москве – С. П. Шевыреву и С. Т. Аксакову. Штаб-лекарь А. Т. Тарасенков 6 апреля 1852 г. в записках «Н. В. Гоголь в последнее время жизни» сообщал: «У Шевырева осталось около 2000 р<ублей> асс<игнациями> от вырученных за сочинения денег, прочие пошли на воспитание сестер, на долги матери и в помощь бедным студентам – 3000 р<ублей> с<еребром>, розданные втайне» (см. ***1852. Февраля 12. Вторник. Второй день Великого Поста. Москва***).

[4] См. письмо Гоголя к С. Т. Аксакову от 25 ноября (н. ст.) 1845 г. (***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим***).

[5] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 585–586.

[6] Письмо от 25 ноября (н. ст.) 1845 г. (***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим***).

[7] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 846.

ЯНВАРЯ 16 <28>. СРЕДА. МОСКВА

Н. М. Языков отправляет письмо Гоголю в Рим[1] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1846. Февраля 26 <14>. Четверг. Рим.***

ЯНВАРЯ 29 <17>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Домовладелицы Антонина и Виттория Гуэрра (Guerra) получают от Гоголя плату за наем квартиры с 29 января (н. ст.) по 25 февраля (н. ст.) 1846 г.

Текст расписки, выданной Гоголю В. Гуэрра, на ит. яз. Расписка сохранилась в бумагах А. А. Иванова.

Сведения о найме Гоголем квартиры в Риме с 28 октября (н. ст.) 1845 г. по 18 апреля (н. ст.) 1846 г. // *Свод.* Т. 3. С. 582.

1845 ДЕКАБРЯ КОНЕЦ <ДЕКАБРЯ СРЕДИНА > – 1846 ЯНВАРЬ <ЯНВАРЯ СРЕДИНА>. НЕАПОЛЬ

М. Григоров пишет Гоголю в Рим:

«Почтеннейший Николай Васильевич! Суворов привез мне поклон от вас и крайне нас обрадовал известием о хорошем состоянии вашего здоровья. Мы уж пять недель в Неаполе, наслаждаемся благорастворением воздухов. Если я вам о сию пору не писал, то причиной сему непреодолимая лень, которая обуяла меня в первое время пребывания здесь, а после с приездом Государя не было свободной минуты. Зная страсть вашу к Риму, я не надеюсь, чтобы вы решились сделать поиск в Неаполь, хотя короткая поездка сюда, по моему мнению, могла бы иметь полезное влияние на ваше здоровье. Мы будем в Риме в конце февраля и проживем у вас около четырех недель, но до этого временн обрадуйте меня несколькими строками. Прошу не забывать, что греффенбергский[1] друг лучше других двух. От души вам преданный Мих. Григоров. Жена кланяется вам».

[1] См. ***1845. Августа около 21 <около 8> – сентября 21 <9>. Грефенберг-Фрейвальдау.***

ЯНВАРЯ 23 <ФЕВРАЛЯ 4>. СРЕДА. МОСКВА

С. Т. Аксаков, откликаясь на просьбу Гоголя[1], отправляет к нему в Рим письмо[2], к которому прилагает стихотворения сына Ивана «Среди удобных и ленивых...» и «Ночь». Жена С. Т. Аксакова, Ольга Семеновна, вкладывает в письмо вырезку из газеты «Московские Ведомости» (1846. 15 янв. № 7. С. 43–44. Отдел «Смесь»), со словом святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского и Коломенского, в день девятнадцатой годовщины восшествия на престол Императора Николая Павловича[3].

Ранее, 24 мая 1845 г., С. Т. Аксаков писал Гоголю из Москвы: «Не знаю, где найдет вас это письмо, посылаемое с одним из товарищей моего сына, Погуляевым. Мой Иван посылает вам две свои стихотворные пьесы»[4] (Речь идет о поэмах И. С. Аксакова «Жизнь чиновника» и «Зимняя дорога.) Н. Т. Погуляев летом и осенью 1845 г. находился за границей. Он передал поэмы Ивана Аксакова В. А. Жуковскому, который 18 июля (н. ст.) 1845 г. извещал Гоголя: «Есть у меня для вас две рукописи поэтические Аксакова – посылать их по почте нельзя;

они сохранятся у меня до удобного случая»[5]. 4 октября 1845 г. С. П. Шевырев сообщал Гоголю из Москвы: «Иван Аксаков развивает талант поэтический необыкновенный. Его "Зимняя дорога" прекрасна и стихом и мыслью»[6]. 20 ноября (н. ст.) 1845 г. Гоголь отвечал Шевыреву: «Известие твое о таланте Ив<ана> Аксакова меня порадовало, и я пожалел, что ты не прислал мне его стихов»[7]. Вслед за этим последовала просьба Гоголя к С. Т. Аксакову (в письме от 25 ноября (н. ст.) 1845 г.) прислать «что-нибудь из стихов Иван<а> Сергеев<ича>»[8].

В письме от 22 ноября 1845 г. С. Т. Аксаков еще раз напоминал Гоголю: «С одним из товарищей моих меньших сыновей, Погуляевым, мы послали вам две стихотворные пиесы ("Чиновник" и "Зимняя дорога") моего Ивана; сверток оставлен у Жуковского; когда ваше здоровье восстановится совершенно, то вытребуйте его и напишите мне голую правду»[9].

8 января (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал Н. М. Языкову: «Я порадовался тому, <...> что у Аксакова Ивана есть талант. Я писал к отцу <25 ноября (н. ст.) 1845 г.>, чтобы прислал мне его стихов; напомни и ты или, лучше, пришли сам...»[10] 27 января 1846 г. Языков отвечал: «Стихов И. Аксакова я не посылал к тебе и не посылаю, потому что у меня их не было и нет... <...> К. Аксаков сказывал мне вчера, что оные стихи давно уже к тебе посланы со многими книгами и, конечно, находятся и теперь еще у Жуковского»[11].

15 января 1846 г. С. Т. Аксаков писал также Шевыреву: «Не обидно ли, что четыре моих письма Гоголю и посылка (с стихами Ивана, которых Гоголь требует) лежат у Жуковского. Право стыдно ему!»[12]

О сочинениях Ивана Аксакова «Чиновник» и «Зимняя дорога» Гоголь, забыв, по-видимому, извещение о них Жуковского (в письме от 18 июля (н. ст.) 1845 г.), 23 марта (н. ст.) 1846 г. писал С. Т. Аксакову: «Прежних стихов, вами посланных к Жуковскому, я не получил. Жуковский не упоминает даже ни слова в письмах своих, была ли какая-нибудь к нему посылка на мое имя. Я послал, однако ж, к нему запрос, на который доселе еще нет ответа»[13]. 16 марта (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал Жуковскому: «Аксаков пишет, что послал давно на ваше имя во Франкфурт следуемые мне книги, письмо и рукопись стихов сына. Берегите все до моего приезда»[14]. Жуковский 31 марта (н. ст.) 1846 г. откликнулся: «От Аксакова получил я манускрипт для вас, и он у меня хранится. Это какие-то драматические сцены в стихах, под именем мистерий, в которых, точно, смысл есть мистерия. Наши поэты тянутся в гениальную оригинальность немилосердно»[15].

Получив стихотворения И. С. Аксакова «Среди удобных и ленивых...» и «Ночь», Гоголь в письме к С. Т. Аксакову от 23 марта (н. ст.) 1846 г. оценил первое из двух выше второго[16]. И. С. Аксаков, узнав из письма отца об отзыве Гоголя, 14 мая 1846 г. писал родным из Калуги: «Мне кажется, что я уже больше владею формой, чем прежде, что я продвинулся вперед, там что ни говори Гоголь...»[17]

О своих впечатлениях от стихотворений И. С. Аксакова «Среди удобных и ленивых...» и «Ночь» Гоголь сообщал также Н. М. Языкову в письме от 24 марта (н. ст.) 1846 г.: «В юноше виден талаит решительный, стремлен<ье> приспособить поэзию к делу и к законному влиянию на текущие современные события, хотя сам поэт для этого еще не воспитался и, вероятно, будет долго еще ходить и колесить около, пока не попадет на самое дело»[18]. О том, что подразумевал Гоголь под «самым делом», можно судить из другого письма Гоголя к Языкову, от 21 апреля (н. ст.) 1846 г., отправленном в ответ на письмо Языкова от 18 февраля.

18 февраля 1846 г. Языков писал Гоголю: «И. Аксаков всю зиму был болен: получил ли ты его стихи от Жуковского?»[19] Гоголь 21 апреля (н. ст.) 1846 г. отвечал: «От Жуковского я получил извещение, что он, точно, получил стихи Аксакова Ивана, но удержал их у себя, считая лучше вручить их мне лично, по приезде моем к нему. Он находит в них много мистического и укоряет молодых наших поэтов в желании блеснуть оригинальностью. Последнего мнения я не разделяю, хотя и не читаю стихов. Это направление невольное и не есть желание блеснуть. Теперешнего молодого человека мечет невольно, потому что есть внутри у него сила, требующая дела, алчущая действовать и только не знаю<щая>, где, каким образом, на каком месте». (Позднее, в письме к Жуковскому *X. О лиризме наших поэтов* «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь повторил эти размышления: «Тебе напрасно кажется, что нынешняя молодежь, бредя славянскими началами и пророча о будущем России, следует какому-то модному поветрию[20]. Они не умеют вынашивать в голове мыслей, торопятся их объявлять миру <...> И в еврейском народе четыреста пророков пророчествовали вдруг[21]: из них один только бывал избранник Божий <...> тем не менее они слышали неясно и темно то же самое, что избранники умели сказать здраво и ясно...».) «В теперешнее время, — продолжал Гоголь в письме к Языкову от 21 апреля (н. ст.) 1846 г., — не так-то легко попасть человеку на свое место, то есть на место, именно ему принадлежащее; долго ему придется кружить, прежде чем на него попасть. Попробуй, однако ж, дать прочесть Аксакову Ивану мои письма, писанн<ые> к тебе о предметах, предстоящих у нас лирическому поэту, по поводу стихотв<орения> "Землетрясен<ие>"[22]. Они все-таки хоть сколько-нибудь наводят на действительность. Почему знать? Может быть, они подадут ему какую-нибудь мысль о том, как направить силы к предметам предстоящим. Штука не в наших мараньях, но в том, что благодать Божья озаряет наш ум и заставляет его увидеть истину даже и в мараньях. Кстати об этих письмах, ты их береги. Я как рассмотрел все то, что писал разным лицам в последнее время, особенно нуждавшимся и требовавшим от меня душевной помощи, вижу, что из этого может составиться книга, полезная людям, страждущим на разных поприщах[23]. Страданья, которыми страдал я сам, пришлись мне в пользу, и с помощью их мне удалось помочь другим. Бог весть, может это будет полезно и тем, которые находились и не в таких обстоятельствах и даже мало заботятся о страданиях других. Я попробую издать, при-

бавив кое-что вообще о литературе. Но покамест это между нами. Мне нужно обсмотреться и всё разглядеть и взвесить. Двигает мною теперь единственно польза, а не доставленье какого-либо наслажденья».

Поэмы И. С. Аксакова «Чиновник» и «Зимняя дорога» были, по-видимому, получены Гоголем по приезде во Франкфурт к Жуковскому в начале июня (н. ст.) 1846 г.[24]

[1] См. ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим.***

[2] См. ***1846. Марта 23 <11>. Понедельник. Рим.***

[3] См.: Слово в день восшествия на Всероссийский Престол Благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича, говоренное в Кафедральной церкви Чудова монастыря, Синодальным Членом, Высокопреосвященнейшим Филаретом, Митрополитом Московским, Ноября 20-го дня, 1845 года // *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 751–756. – 23 марта (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал С. Т. Аксакову: «Благодарю также О<льгу> С<еменовну> за сообщение прекрасной проповеди Филарета, которую я прочел с большим удовольствием». В конце мая (н. ст.) 1846 г. Гоголь прочел это слово в Париже у графа и графини Толстых, в присутствии П. В. Анненкова (см. ***1846. Мая конец <мая средина>. Париж***). – См. также ***1842. Августа 18 <6>. Четверг. Праздник Преображения Господня. Гастейн*** (примечания).

[4] См. ***1845. Мая 24 <июня 5>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва.***

[5] См. ***1845. Июля 18 <6>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[6] См. ***1845. Октября 4 <16>. Четверг. Москва.***

[7] См. ***1845. Ноября 20 <8>. Четверг. Рим.***

[8] См. ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим.***

[9] См. ***1845. Ноября 22 <декабря 4>. Четверг. Радонежье (Абрамцево).***

[10] См. ***1846. Января 8 <1845. Декабря 27>. Четверг. Рим.***

[11] См. ***1846. Января 27 <февраля 8>. Воскресенье. Москва.***

[12] Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 161.

[13] См. ***1846. Марта 23 <11>. Понедельник. Рим.***

[14] См. ***1846. Марта 16 <4>. Понедельник. Рим.***

[15] См. ***1846. Марта 31 <19>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

[16] См. ***1846. Марта 23 <11>. Понедельник. Рим.***

[17] См. ***1846. Мая 14 <26>. Вторник. Калуга.***

[18] См. ***1846. Марта 24 <12>. Вторник. Рим.***

[19] См. ***1846. Февраля 18 <марта 2>. Москва.***

[20] См. также ***1846. Сентября 16 <28>. Понедельник. Тверь*** (примечания).

[21] См. в Третьей книге Царств (гл. 22). Возможно также, что Гоголь подразумевает слова св. пророка Амоса: «Ибо Господь Бог ничего не делает, не открыв Своей тайны рабам Своим, пророкам. Лев начал рыкать, – кто не содрогнется? Господь Бог сказал, – кто не будет пророчествовать?» (гл. 3, ст. 7–8).

[22] См. ***1844. Декабря 2 <ноября 20>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Декабря 26 <14>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Января 2 <1844. Декабря 21>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[23] Речь идет о замысле «Выбранных мест из переписки с друзьями». – См. также ***1846. Января 12 <1845. Декабря 31 >. Понедельник. Рим.***

[24] См. ***1846. Июня 5 <мая 24>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

ФЕВРАЛЯ 6 <ЯНВАРЯ 25>. ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь пишет ответное[1] письмо к В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Виноват и я также! Не отвечал вам вдруг на ваше милое письмо. Хворал, болел, как и вы, и доселе нахожусь не в лучшем состоянии. Но воля Божья! Да будет она во всем над нами! Покорность и вера Тому, от Которого истекло всё! <...> Вы не упомянули, однако ж, ни слова о том, получили <ли> мое довольно длинное и обстоятельное письмо[2] с приложением перевода И. А. Крыловым начала первой песни "Одиссеи". <...> Государыню ждут сюда не раньше, как к Пасхе. Конст<антин> Ник<олаевич> хотел было быть к карнавалу, но получил вместо этого назначение от Государя осмотреть все порты и гавани италианские, а потому тоже будет к Пасхе».

[1] См. ***1846. Января 5 <1845. Декабря 24>. Понедельник. Рождественский сочельник. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1845. Ноября 28 <16>. Пятница. Рим.***

ЯНВАРЯ 25 <ФЕВРАЛЯ 6>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Н. М. Языков пишет Н. Н. Шереметевой в Рузу (датировка письма уточнена):

«Сердечно радуюсь вашему выздоровлению <...> Посылаю[1] вам письмо от Гоголя[2]: он <...> жалуется на свое нездоровье...»

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 170.

[1] См. также ***1846. Января 27 <февраля 8>. Воскресенье. Москва***; ***1846. Января 30 <февраля 11>. Среда. С. Ащерино.***
[2] См. ***1846. Января 8 <1845. Декабря 27>. Четверг. Рим.***

ЯНВАРЯ 27 <ФЕВРАЛЯ 8>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Н. М. Языков отправляет Гоголю ответное[1] письмо в Рим (датировка письма уточнена):

«Отвечаю на твое письмо от 2 <от 8> января. Стихов И. Аксакова я не посылал к тебе и не посылаю, потому что у меня их не было и нет... <...> К. Аксаков сказывал мне вчера, что оные стихи давно уже к тебе посланы[2] со многими книгами и, конечно, находятся и теперь еще у Жуковского. <...> О немецком переводе "Мертвых Душ" напишу тебе мое мнение; на днях куплю его и местами сверю с подлинником. Об ознобе, на который ты жалуешься и который тебе не дает покоя, вот что оказалось по справкам, собранным мною от Мельгунова и Бодянскаго: они оба лечились и вылечились холодною водою; этот озноб есть обычное последствие водолечения и пройдет сам собою; а польза, тебе сделанная самим водолечением, останется с тобою непременно.

Русских книг пришлю тебе на днях что соберу: хорошего будет немного или вовсе не будет; пришлю кое-что и для Александра Андреевича Иванова.

Н. Н. Шереметева была отчаянно больна, теперь поправляется; письмо твое послал я к ней в Рузу[3].

Нынешняя зима для меня самая скучная, бесписьменная, грустная: хотелось бы мне уединиться, да грехи не пускают»[4].

[1] См. ***1846. Января 8 <1845. Декабря 27>. Четверг. Рим.***
[2] Подробнее см.: ***1845. Января 23 <февраля 4>. Среда. Москва*** (примечания).
[3] См. ***1846. Января 25 <февраля 6>. Пятница. Москва***; ***1846. Января 30 <февраля 11>. Среда. С. Ащерино.***
[4] Ответ Гоголя см.: ***1846. Марта 24 <12>. Вторник. Рим.***

ЯНВАРЯ 27 <ФЕВРАЛЯ 8>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ю. Ф. Самарин пишет К. С. Аксакову в Москву:

«Узнал я <...>, что ты получил письмо от Гоголя[1]; я угадываю содержание – оно для меня в высшей степени любопытно. Я также получил от него письмо на днях[2], которое когда-нибудь сообщу тебе, но рассказать содержание трудно, а выписывать долго. Он вызывает меня на переписку; разумеется, я этим воспользуюсь»[3].

Из писем Ю. Ф. Самарина // *Свод.* Т. 3. С. 212.

[1] См. ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим.***

[2] См. ***1846. Января 3 <1845. Декабря 22>. Суббота. Рим.***

[3] Письмо от Гоголя Самарин, вероятно, получил в средине января 1846 г. и тогда же стал писать ответ, который отправил лишь месяц спустя (см. ***1846. Февраля средина <февраля конец>. Санкт-Петербург***).

ЯНВАРЯ 28 <ФЕВРАЛЯ 9>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

М. Г. Карташевская пишет В. С. Аксаковой в Радонежье (Абрамцево):

«Дяденька[1], нам читает теперь повесть Достоевского, которую иные сравнивали с повестями Гоголя и отдавали ей преимущество. Она называется "Бедные люди" и помещена в "Петербургском сборнике". Только это далеко, далеко не Гоголь! Возможно ли найти такое сходство, не говоря уже о том, чтоб отдать Достоевскому преимущество! У них с Гоголем общего, я думаю, только то, что сцена их действий происходит посреди бедных и довольно низких слоев общества. Но ведь тогда почему не сравнить его и с Eugene Sue? Я даже скорее сравню его с этим последним — только у Достоевского нет штук, часто оскорбляющих чувство, к которым прибегает Sue. Его повесть (мы еще только на половине) недурна; она очень проста и согрета чувством. Я упомянула об Eugene Sue только потому, что он первый, кажется, стал выводить на сцену низкие слои общества с мыслию привлечь на них внимание гордых <и> сильных земли и показать им, что часто в этом бедном классе более человечности, чем у них. Эта же мысль и чувство видно у Достоевского. У Гоголя — совсем другое: у него нет никакой предположенной цели доказать или указать то и то — он просто создает, создает, как есть, и часто, если обращать внимание на одно содержание его повестей, оно довольно грустно. У Достоевского нет, кажется, большого таланта, но он, кажется, не лишен способностей, и главное, он без штук, и видна любящая душа в его повести».

Гоголь в письмах М. Г. Карташевской к Аксаковым // *Свод.* Т. 2. С. 962.

[1] А. Т. Аксаков.

ЯНВАРЯ 30 <ФЕВРАЛЯ 11>. СРЕДА. МОСКВА

Премьера «Тяжбы» в бенефис М. С. Щепкина в Большом театре[1]; Щепкин — в роли Бурдюкова.

На следующий день, 31 января 1846 г., А. Н. Верстовский писал А. М. Гедеонову: «Сцена Гоголя "Тяжба" посмешила гоголевскую партию и тем, что в этой "Тяжбе" есть много гоголевской натуры. Тут и тетка, которая ходила на карачках, родила ребенка с бараньей головой, оставила племяннику три запачканные, затрепанные юбки в наследство, из чего завелась тяжба... <...> Неправдоподобность и даже несвязный вымысел гоголевского юмора посмешил многих...»[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 404.

[2] *Гриц.* С. 356–357.

ЯНВАРЯ 30 <ФЕВРАЛЯ 11>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В «Северной Пчеле» напечатана рецензия Л. В. Брандта на «Петербургский сборник» (СПб., 1846), с отрицательным отзывом о «Бедных людях» Ф. М. Достоевского:

«Нынче мода — в самых обыкновенных, простых положениях насильственно отыскивать <...> какую-то небывалую высоко-знаменательную, многозначительную сторону, <...> самые дюжин-

ные характеры возводить в какой-то недосягаемый идеал, вопреки истине и действительности... <...> Главная причина недостатков скучного романа г. Достоевского заключается, по нашему мнению, в том, что он в тоне своего рассказа хотел соединить юмор Гоголя с наивным простодушием покойного Основьяненко (Квитки)»[1].

В тот же день П. А. Плетнев сообщал Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«Я купил "Петербургский Сборник", чтобы сказать о нем слова два в № 2 "Современника". Это альманах, изданный Некрасовым, где вся шайка Сологуба, Краевского и Белинского. Там и хваленый роман Достоевского "Бедные люди". Он мне почти не понравился, кроме одного места. Все в тон Гоголя и Квитки. Так утомительно»[2].

[1] *<Брандт Л. В.> Я. Я. Я.* Петербургский Сборник, изданный Н. Некрасовым. С. П-бург, 1846 // Северная Пчела. 1846. 30 янв. № 25. С. 99.
[2] *Свод.* Т. 1. С. 673–674.

ЯНВАРЯ 30 <ФЕВРАЛЯ 11>. СРЕДА. С. АЩЕРИНО[1].

Н. Н. Шереметева отправляет в Рим к Гоголю ответное[2] письмо, начатое накануне:

«Ащерино. Генваря 29.

Третьего дни[3], мой милый и возлюбленный друг, от Николая Михайловича[4] получила письмо ваше без числа. Рада была узнать о вас. С тех пор, как вы в Риме, несколько раз к вам писала. <...> Я говела и 22 декабря сподобилась приобщиться Святых Таин и писала к вам[5]. Бог видел, как помнилось о вас, о вашем намерении в Иерусалим. <...> О себе что вам сказать, мой друг. Господь по милосердию Своему еще помиловал после того, как писала к вам, после говенья, приехав сюда, через несколько дней занемогла и отчаянно была больна, так что сын мой[6] потерял надежду к выздоровлению и написал к сестре[7] в Петербург, чтобы она приезжала, а между тем сам хлопотал, чтобы еще меня приобщить. Как я пришла несколько в себя, он отыскал духовника[8], и по неизреченному Милосердию Божию в день Иоанна Крестителя[9] сподобилась приобщиться Святых Таин. После этого болезнь все продолжалась, и опять девять дней была без памяти, но Господь по милосердию Своему из такой опасности, в которой я так долго находилась, обратил к жизни. <...>

30-е Ген<варя>.

<...> Сегодня хотелось к обедни, но сын упросил, что еще слаба, а мороз 20 гра<ду>сов. Прощайте, еще вас благословляю, берегите себя».

[1] Село Ащерино Рузского уезда Московской губернии было приобретено сыном Шереметевой А. В. Шереметевым у Н. А. Галицкой-Чечелевой в 1845 г. (см.: *РГБ*. Ф. 340. К. 14-а (27). Ед. хр. 6, 7). 27 октября 1845 г. Шереметева писала Н. Д. Фонвизиной из Ащерино: «Я думаю, тебе дико показалось название *Ащерино*; мы третьего дни оставили Покровское, дом холоден, и перебрались сюда на зиму в другую деревню...» (*РГБ*. Ф. 319. К. 4. Ед. хр. 48. Л. 45).
[2] См. ***1846. Января 8 <1845. Декабря 27>. Четверг. Рим.***
[3] 28 января.
[4] Языков. – См. ***1846. Января 25 <февраля 6>. Пятница. Москва***; ***1846. Января 27 <февраля 8>. Воскресенье. Москва.***
[5] См. ***1845. Декабря 23 <1846. Января 4>. Воскресенье. Покровское.***
[6] Алексей Васильевич Шереметев (1800–1857), отставной штабс-капитан (в отставке с 1827 г.). Ему посвящено стихотворное послание Ф. И. Тютчева «Насилу добрый гений твой...» (1829; датировка уточнена; см.: *Чагин Г. В.* Родовое гнездо Тютчевых в русской культуре и литературе XIX века. М., 1998. С. 66). Был женат на своей троюродной сестре Е. С. Шереметевой (1813–1890); в их семье было десять детей: Варвара (в замужестве графиня Мусина-Пушкина, 1832–1885), Василий (1834–1884), Сергей (1836–1896), Софья (в замужестве графиня Бобринская, 1842–1871), Владимир (1847–1893), Анна (род. 1849) и др.

[7] Имеется в виду Пелагея Васильевна Муравьева (рожд. Шереметева; 1802–1871), жена М. Н. Муравьева.

[8] Духовником Шереметевой был протоиерей Сергий Алексеевич Владимирский (ум. в 1849). 2 июня 1849 г. святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский, писал Шереметевой: «Соглашаюсь с Вами о мысли, что хорошо переноситься молитвенно в страну, к которой мы с Вами ближе многих по летам жизни, и в добром памятовании о протоиерее Сергии, в котором и я много лишился по службе и по сердцу» (*РГБ*. Ф. 340. К. 37. Ед. хр. 9. Л. 1).

[9] 7 января (ст. ст.) празднуется собор Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

ЯНВАРЬ <ЯНВАРЯ СРЕДИНА – ФЕВРАЛЯ СРЕДИНА>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет т. 41 журнала П. А. Плетнева «Современник», где в качестве предисловия к отрывку из романа П. А. Кулиша «Черная рада» помещено письмо к Кулишу польского критика М. А. Грабовского от 17 ноября 1843 г.[1], с негативной оценкой «Тараса Бульбы»

Грабовский заявлял: «Гоголь ошибочно понимает историю Малороссии, даже самое происхождение украинского народа и козачества, а потому и не мог уразуметь отношений их к Польше»[2]. Кулиш назвал этот «разбор» Грабовского «критически глубоким и многосодержательным»[3]. Одновременно он опубликовал в детском журнале А. О. Ишимовой «Звездочка» (1846. № 1–7), а также отдельным изданием свою «Повесть об украинском народе» (СПб., 1846), смысл которой сводится, по выражению В. Г. Белинского, к тому, что «Малороссия или должна отторгнуться от России, или погибнуть»[4] (появление в печати «Повести...» Кулиша привлекло внимание Императора Николая I и вызвало расследование)[5].

Суждения Грабовского о «Тарасе Бульбе» Кулиш повторил в 1857 г. – уже от своего имени – в эпилоге к отдельному изданию романа «Черная рада»[6]. Это же мнение Кулиш высказал и в примечаниях к изданному им в 1857 г. собранию сочинений Гоголя[7]. (Подробнее о мотивах, которыми руководствовался при этом Кулиш, см.: ***1847. Апреля 14 <2>. Среда. Варшава*** – примечания.)

Отношения между Гоголем и Плетневым – редактором «Современника», поместившим в своем журнале письмо Грабовского, – были некоторое время – вплоть до издания в 1847 г. «Выбранных мест из переписки с друзьями» – натянутыми. Это, в частности, отразилось в письме Плетнева к Гоголю от 27 октября 1844 г.[8] Грабовский, очевидно, был осведомлен (вероятно, от Кулиша, с которым сблизился с 1843 г.[9]) о тогдашнем отношении Плетнева к Гоголю. 24 декабря 1845 г. он писал Кулишу о задуманном им цикле статей о русских и польских литераторах: «...Статьи мои о Гоголе и Пушкине могут служить вступлением к дальнейшему ознакомлению русских с нашею литературою <...> Меня очень занял проект помещения таких статей в *Современнике*. О подобном предприятии я давно уже мечтаю, но мои мечтания не могут осуществиться, пока не восприял их человек, занимающий высокое место в Вашей литературе, – разумею П. А. Плетнева. Сообщал я этот проект и Скальковскому[10] и Добровскому (издателю варшавской *Денницы*)[11], но это было выше их сил; потому-то переезд Ваш в Петербург может составить особую эпоху; если вы, действительно, станете осуществлять свою идею, то я всеми силами буду вам содействовать»[12]. Далее в своем письме Грабовский советовал Кулишу сблизиться в Петербурге с рядом польских писателей, – в частности, с ректором Санкт-Петербургской католической духовной академии ксендзом И. П. Головинским (с 1848 г. – католический епископ; 1807–1855) («Я уже рекомендовал вас Головинскому»; в 1846 г. в плетневском «Современнике» появилась переведенная Кулишом повесть И. П. Головинского «Жизнь моей матери», 1844)[13], с Л. Л. Штюрмером (1809–1886) – впоследствии (с 1858 г.) петербургским военным цензором, запрещавшим на протяжении десятков лет «Тараса Бульбу» к изданию в сборниках для солдатского чтения[14]. В этом смысле Кулиша вполне можно назвать одним из звеньев той польско-католической интриги, которая завязывалась вокруг Гоголя еще при его жизни: княгиня Волконская, Кайсевич и Семененко, Залесский, Мицкевич, Грабовский, Кулиш, Штюрмер. Имея в виду украинских сепаратистов, Гоголь осенью 1851 г. говорил О. М. Бодянскому: «Они все еще дожевывают европейские, давно выкинутые жваки. Русский и малоросс – это души близнецов, пополняющие одна другую...»[15] Эти гоголевские высказывания должны были быть известны Кулишу от земляков-малороссов, общавшихся с Гоголем в Москве, и, в частности, от самого Бодянского, с которым Кулиш был хорошо знаком.

[1] См. также ***1845. Ноября 20 <декабря 2>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] Письмо Грабовского о сочинениях Гоголя // Современник. 1846. Т. 41. С. 51–60.
[3] <*Кулиш П. А.*> <Предисловие> / Отзыв Грабовского о Пушкине // Современник. 1846. Т. 41. С. 234.
[4] Письмо В. Г. Белинского к П. В. Анненкову от 1–10 декабря 1847 г. (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 441).
[5] См. ***1847. Апреля 14 <2>. Среда. Варшава.***
[6] См.: *Кулиш П. А.* Черная рада. Хроника 1663 года. М., 1857. С. 236, 239.
[7] Соч. и письма *Н. В. Гоголя*. СПб., 1857. Т. 1. С. 326–327; Т. 3. С. 4–5.
[8] См. ***1844. Октября 27. Санкт-Петербург.***
[9] См. ***1843. Июль. С. Александровка Чигиринского уезда.***
[10] *См.* ***1848. Мая 1. Суббота. Одесса; 1848. Мая 2. Воскресенье. Одесса.***
[11] Петр Павлович Дубровский (1812–1882), редактор двуязычного польско-русского журнала «Денница»; лично знал Гоголя; с 1825 по 1828 г. Дубровский учился в нежинской Гимназии высших наук (см.: *Супронюк О. К.* Н. В. Гоголь и его нежинское литературное окружение. Дис. ...канд. филол. наук. Л., 1990. С. 100; *Супронюк. Словарь.* С. 68–69). Дубровскому принадлежит самый первый отклик на «Тараса Бульбу» в польской критике. Этим отзывом явилась рецензия Дубровского на собрание сочинений Гоголя 1842 г. (издание вышло в свет в начале 1843-го), напечатанная в 1843 г. в «Деннице». В своей рецензии Дубровский особо отметил «Тараса Бульбу»: «Во втором томе помещен “Миргород” <...> автор проявляет себя здесь как великий поэт и мастер искусства, что особенно видно по повести Тарас Бульба, содержание которой взято иэ времен Запорожья. Прекрасны картины битв малороссиян под городом Дубно и эпизод любви Андрия к прекрасной польке» (Денница. (Варшава). 1843. Ч. 1. С. 207). Позднее, в 1848 г., во время пребывания в Варшаве М. И. Глинки, Дубровский присутствовал на первых импровизациях задуманной русским композитором симфонии «Тарас Бульба» (см. ***1848. В течение года. Варшава***).
[12] Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 922.
[13] Ранее М. П. Погодин опубликовал в «Москвитянине» повесть Грабовского «Колишчизна и степи» (см.: *Победоносцев Сергей.* Кошишчиза и степи. Рассказ Эдуарда Таршы. (Михаила Грабовского) // Москвитянин. 1842. № 4. С. 357–394).
[14] См. об этом: *Виноградов 2000.* С. 196; *Гоголь 2009.* С. 530–531.
[15] См. ***1851. Октября конец, до 30. Москва.***

ЯНВАРЬ <ЯНВАРЯ СРЕДИНА – ФЕВРАЛЯ СРЕДИНА>. КАЛУГА

А. О. Смирнова сообщает П. А. Плетневу в Петербург:

«Благодарю вас за вашу заботливость об Гоголе и за выписку из его письма[1]. Мне также не было времени ему расписаться; до меня дошло, что он поправился, бывает всякий день у Софьи Петровны Апраксиной, которая его очень любит, чему я очень рада. Ему всегда надобно пригреться где-нибудь, тогда он и здоровее и крепче духом. Совершенное одиночество для него пагубно... <...> Читали ли вы коротенькую critique de Ste-Beuve на Гоголя[2]? Он славно разобрал Тараса для француза: полагает, что Гоголь напитан Шекспиром и Гомером, и что гениальность его — есть переимчивость. Он ошибается: Гоголь такой же гений, как и Шекспир. Шекспир же нигде не черпал своих вдохновений. Я здесь перечла всего Н<иколая> Васильевича. Как-то здесь уясняется вся его проницательность, все его столкновения с живом и внутренним ходом дел в России. Гоголь — чудное явление у нас. Если бы вы знали, как им хохлы гордятся, хоть и не паны, а так-таки себе просто хохлы, а все ж люди...»

Из писем А. О. Смирновой // *Свод.* Т. 2. С. 207.

[1] Вероятно, имеется в виду письмо Гоголя к П. А. Плетневу от 28 ноября (н. ст.) 1845 г. из Рима.
[2] Статья Ш. О. Сент-Бёва (см. ***1845. Декабря 17 <29>. Понедельник. Москва*** – примечания).

ФЕВРАЛЯ 13 <1>. ПЯТНИЦА. РИМ

Граф Ф. П. Толстой получил «первую доску» с дагерротипными портретами В. Е. Раева, скульптора Ант. Анд. Иванова, А. К. Росси, П. А. Ставассера, Н. А. Ра-

мазанова, «доктора» Розенберга[1], И. А. Монигетти, Е. Г. Солнцева, А. И. Резанова, Г. Г. Эльсона, А. А. Пищалкина, А. Н. Мокрицкого.

В этот день Толстой записал в дневнике: «Сейчас пришел Рамазанов, Климченко, Раев. Они принесли нам в подарок от всех пансионеров и других знакомых дагерротипные свои портреты на одной маленькой дощечке, прекрасно вышедшей. Первая доска, которую мы получили, на ней портреты: Раева, Иванова, скульп<тора>, Росси, Ставассера, Рамазанова, доктора Розенберга, Монигетти, Солнцева, Резанова, Эльсон, Пищалкин, Мокрицкий».

Гусева Е. Н. О дагерротипе «А. А. Иванов в группе русских художников в Риме» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1995. М., 1996. С. 254, 256. – См. также ***1846. Февраля 27 <15>. Пятница. Рим.***

[1] Возможно, Мориц Богданович (Готфридович) Розенберг (1819–1901), в ту пору лекарь; позднее доктор медицины, тайный советник (см.: *Иордан Ф. И.* Записки ректора и профессора Академии Художеств Федора Ивановича Иордана / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. Н. С. Беляев. СПб.: БАН, 2012. С. 185). – См. также ***1847. Января 22 <10>. Пятница. Рим*** (примечания).

ФЕВРАЛЯ 1 <13>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В «Северной Пчеле» помещен фельетон Ф. В. Булгарина, в котором, в частности, сообщалось:

«Мы слышали, что новый Гомер, г. Гоголь, прервал свое бездействие и написал второй том своей поэмы *Мертвые Души,* и что эта вторая часть будет напечатана вместе с первою, с политипажами. Любопытны будут картинки! Не нарисуют ли и будочника, описанного в поэме, и пляску у Губернатора и прочие диковинки? Новой литературной партии *натуралистов* непременно нужны гении, чтоб блеском их славы помрачить всех прежних Русских писателей, живых и умерших. На первых порах они хватились за г. Гоголя, <...> произвели его в гении, сравнили с Гомером[1], а пустую и неправдоподобную сказку о *Мертвых Душах,* с Илиадою[2]! <...> Г. Гоголь замолчал, и вот по городу разнесли вести о новом гении, г. Достоевском <...> и стали превозносить до небес роман *Бедные люди.* Мы прочли этот роман и сказали: бедные Русские читатели!»[3]

В тот же день Ф. М. Достоевский[4] послал брату Михаилу[5] «Петербургский сборник» (СПб., 1846), вместе с письмом, в котором замечал:

«"Бедные люди" вышли еще 15-го. Какою ожесточенною бранью встретили их везде! <...> Но я помню, как встречали Гоголя, и все мы знаем, как встречали Пушкина. <...> Ругают, ругают, ругают, а все-таки читают. <...> Так было и с Гоголем. <...> Ругали, ругали его, ругали – ругали, а все-таки читали и теперь помирились с ним и стали хвалить[6]. <...> Представь себе, что наши все, и даже Белинский нашли, что я даже далеко ушел от Гоголя. <...> Во мне находят новую оригинальную струю (Белинский и прочие), состоящую в том, что я действую Анализом, а не Синтезом, то есть иду в глубину и, разбирая по атомам, отыскиваю целое, Гоголь же берет прямо целое и оттого не так глубок, как я. Прочтешь и сам увидишь. <...> Сегодня выходит Голядкин[7]. <...> Голядкин в 10 раз выше"Бедных людей". Наши говорят, что после "Мертвых душ" на Руси не было ничего подобного, что произведение гениальное и чего-чего не говорят они. С какими надеждами смотрят на меня! Действительно, Голядкин удался мне донельзя. <...> Тебе он понравится даже лучше "Мертвых душ", я это знаю»[8].

[1] См. ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва.***
[2] См. ***1842. Ноября начало <ноября средина>. Москва*** (примечания).
[3] <*Булгарин Ф. В.* > *Ф. Б.* Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1846. 1 февр. № 27. С. 105–107.

[4] Федор Михайлович Достоевский (1821–1881), писатель; начинал свою литературную карьеру в окружении западников; за чтение «в заседании» петрашевцев 15 апреля 1849 г. «письма Белинского в ответ Гоголю», 23 апреля того же года был арестован и через восемь месяцев, в декабре 1849 г., «за недонесение о рапространении преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского» приговорен к «смертной казни расстрелянием», замененной на эшафоте четырехлетней каторгой в Омске, с лишением всех прав состояния и последующей сдачей в солдаты (см. ***1849. Декабря 29. Четверг. Санкт-Петербург***). Потомственное дворянство было возвращено Достоевскому лишь в 1857 г.; полицейский надзор за ним сохранялся до 1875 г.

[5] Михаил Михайлович Достоевский (1820–1864), военный инженер, писатель, журналист, коммерсант, старший брат Ф. М. Достоевского.

[6] По свидетельству Н. Н. Фон-Фохта, «достаточно было по какому-либо поводу упомянуть о Гоголе, чтобы вызвать у Достоевского горячий восторг, до такой степени он преклонялся пред гением этого великого писателя. Много раз, вспоминая различные места из произведений Гоголя, он говорил, что по реальности изображаемых лиц и по неподражаемому юмору он ничего высшего не знает ни в русской, ни в иностранной литературах. Например, говорил он однажды, ничего более характерного и остроумного не мог придумать ни один писатель, как это сделал Гоголь, когда Ноздрев, после тщетных усилий заставить Чичикова играть в карты и окончательно рассердившись, вдруг отдает приказание своему слуге: “Порфирий, ступай, скажи конюху, чтобы не давал овса лошадям его, путь их едят одно сено”. Это был такой гениальный штрих в характеристике Ноздрева, который сразу выдвинул всю фигуру его и наиболее сильно очертил все внутреннее содержание этого бесшабашного человека» (*Фон-Фохт Н. Н.* К биографии Ф. М. Достоевского // Исторический Вестник. 1901. № 12. С. 1030–1031).

[7] Повесть Ф. М. Достоевского «Двойник. Приключения господина Голядкина» напечатана в № 2 «Отечественных Записок» за 1846 г. (цензурное разрешение 31 января; выпуск в свет 1 февраля).

[8] Из писем Ф. М. Достоевского // *Свод.* Т. 3. С. 584.

ФЕВРАЛЯ 17 <5>. ВТОРНИК. РИМ

Граф Ф. П. Толстой[1] записал в дневнике:

«...Пошел обедать к Софье Петровне Апраксиной, которая непременно просила меня прийти к ней обедать. Там я встретил Гогеля, которого я еще здесь не видал. Я сначала его не узнал, он мне показался моложе и лучше, конечно от того, что гораздо опрятнее, нежели прежде, как бывал у меня в Петербурге[2]. Несмотря на то, что он болен, что утверждает и Розенберг, его лечащий, у него цвет лица очень хорош, свежий, здоровый, и он совсем не худ, и никак нельзя подозревать, чтоб в нем крылась какая-нибудь болезнь, – у него странный припадок, он по временам холодеет весь, и этот холод сопровождается у него самым неприятным чувством, во всем его составе, и это бывает у него, когда он встает ото сна чрез час после завтрака, и тут бывает самый сильный пароксизм, и еще раз то же бывает вечером. Сверх того, сказывал мне Розенберг, он очень мнителен и уверен, что его болезнь неизлечима; он, как видно, очень короток в доме Софьи Петровны и любим ими всеми. И это с Москвы, где Гогель изменил прежним своим правилам и образу мыслей, которые выражались во всех прежних сочинениях, и перешел в ханжи и познакомился и сдружился с сыном[3] Софьи Петровны, вполне ханжою.

Гогель здесь кинул всех своих знакомых художников и других, с которыми был короток до перемены образа мыслей и правил жизни <...>

Теперь он играет роль <в> аристократических домах, которые он посещает, какого-<то> углубленного в думы человека и потому по большей части всё молчит, как и сегодня – и за столом, и после стола, почти ничего не говорил. – Зато хозяйка с дочерьми[4] с подобострастием слушают его молчание. Они слышали, что он замечательный русский писатель, и им как русским, хоть совсем почти не знающим русский язык, не оказывать уважение человеку, отличившемуся в русской литературе! Он обещался непременно зайти ко мне, но мне сдается, что он у меня не будет...»[5]

В тот же день русскими художниками в Риме сделан еще один[6] коллективный дагерротип для графа Толстого с портретами А. А. Иванова, Ф. А. фон Моллера, Ф. И. Иордана, А. А. Пищалкина, В. А. Серебрякова, Е. Г. Солнцева, В. Д. Сверч-

кова, И. С. Шаповаленко, Е. И. Ковригина, С. М. Воробьева, Л. Х. Фрикке, С. Ф. Федорова, А. Н. Мокрицкого и В. Е. Раева[7].

[1] Граф Федор Петрович Толстой (1783–1873), вице-президент Академии художеств, член масонских и декабристских организаций.

[2] См. ***1833. Вторая половина года. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[3] Гоголь с большим уважением относился к сыну графини С. П. Апраксиной – графу Виктору Владимировичу Апраксину (1822–1898) (см. ***1846. Декабря 12 <ноября 30>. Суббота. Неаполь*** – примечания; ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*** – примечания). Однако очевидно, что граф Ф. П. Толстой имеет здесь в виду не сына, а брата Апраксиной – графа А. П. Толстого.

[4] Имеются в виду графини Наталья и Мария Владимировны Апраксины.

[5] *Толстой Ф. П., граф.* Путевые записки за границей // *Свод.* Т. 3. С. 590.

[6] См. также ***1846. Февраля 13 <1>. Пятница. Рим.***

[7] См. ***1846. Октября конец – ноября начало <октября средина>. Рим*** (примечания); ***1846. Февраля 27 <15>. Пятница. Рим.***

ФЕВРАЛЯ 5 <17>. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Тяжбы» в Большом театре; в роли Бурдюкова – М. С. Щепкин.

Гриц. С. 357; *Ельницкая 1979.* С. 404.

ФЕВРАЛЯ 5 <17>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Деньги для Гоголя, со дня подписания указа и до числа, выставленного в посольском сертификате, я получил. Из денег этих вычли, однако же, 10 проц<ентов> на инвалидов[1]. Чтобы вернее доставить ему посылку, я отправляю ее прямо на имя Бутенева[2]. <...> Верно, вам пришлет Соллогуб Петербургский Сборник. Там есть Достоевского роман: Бедные люди. От него наши Некрасовцы (печатающиеся в альманахе какого-то Некрасова) без ума, и говорят, что теперь смерть и Гоголю и всем. Но я пока не думаю этого».

Свод. Т. 1. С. 674.

[1] См. ***1837. Июля 15 <27>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1846. Февраля 14 <26.>. Четверг. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 6 <18>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев на своем вечере читает повесть Ф. М. Достоевского «Двойник».

9 февраля 1846 г. Плетнев, посылая Я. К. Гроту «журнал» своих текущих ежедневных записей, сообщал: «...*Четверг (7 февраля)*... <...> Забыл я сказать, что вчера на середовом вечере <...> мы читали новый роман Достоевского[1] из № 2 Отечественных Записок. И это мне не понравилось, хоть талант виден. Он гоняется за Гоголем. Тут он вывел сумасшедшего – и видно, что хотел уничтожить Гоголевы "Записки сумасшедшего"».

Свод. Т. 1. С. 674.

[1] «Двойник. Приключения господина Голядкина».

ФЕВРАЛЯ 20 <8>. ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь пишет ответное[1] письмо к П. А. Плетневу в Петербург (согласно почтовому штемпелю[2], письмо было отправлено из Рима на следующий день, 21 февраля (н. ст.) 1846 г.):

«Я не отвечал тебе вдруг на твое милое письмо (от 2/14 ноября 1845 го<да>, С.-Петербург), потому что, во-первых, тяжкое болезненное состоя<ние> овладело было мною с новою силою <...>; во-вторых, я ожидал, не дождусь ли ответа на мое письмо[3], отправленное к тебе еще в прошлом году вместе с свидетельством о моем существовании, которое я взял из здешней миссии. Уведоми меня теперь об этом поскорее и пришли все деньги, какие мне следуют. Чем их больше, тем лучше. С Смирновой уравняемся после. Мне нужно теперь сделать езды и путешествия как можно больше. Изо всех средств, какие я ни предпринимал для моей странной болезни, доныне это одно мне помогало. Тяжки, тяжки мне были последние времена, и весь минувший год так был тяжел, что я дивлюсь теперь, как вынес его. Болезненные состояния до такой степени (в конце прошлого года и даже в начале нынешнего) были невыносимы, что повеситься или утопиться казалось как бы похожим на какое-то лекарство и облегчение. А между тем Бог так был милостив ко мне в это время, как никогда дотоле. Как ни страдало мое тело, как ни тяжка была моя болезнь телесная, душа моя была здорова; даже хандра, которая приходила прежде в минуты более сносные, не посмела ко мне приближаться. И те душевные страдания, которых доселе я испытал много и много [в последние годы], замолкнули вовсе, и среди страданий телесных выработалось в уме моем, так что во время дороги и предстоящего путешествия я примусь, с Божьим благословеньем, писать, потому что дух мой становится в такое время свежей и расположе<нней> к делу. О, как премудр в своих делах Управляющий нами! Когда я расскажу тебе потом всю чудную судьбу мою и внутреннюю жизнь мою (когда мы встретимся у родного очага) и всю открою тебе душу, – всё поймешь ты тогда, до единого во мне движенья, и не будешь изумляться ничему тому, что теперь так тебя останавливает и изумляет во мне. Друг мой, повторяю вновь тебе, люби меня, люби на веру. Вот тебе мое честное слово, что ты был во многом заблуждении насчет многого во мне и многое принято тобою в превратном смысле и вовсе в другом значении, и горько мне, горько было оттого в одно время, так горько, как ты даже и представить себе не можешь. Скажу также тебе, что не дело литературы и не слава меня занимала в то время, как ты думал, что они только и составляют жизнь мою. Ты принял платье за то тело, которое должно было облекать платье. *Душа и дело душевное* меня занимали[4], и трудную задачу нужно было решить, пред пользою которой ничтожны были те пользы, которые ты мне поставлял на вид. Богу угодно было послать мне страдания душевные и телесные, всякие и горькие и трудные минуты, всякие недоразумения тех людей, которых любила душа моя, и всё на то, чтобы разрешила<сь> скорей во мне та трудная задача, которая без того не разрешилась бы вовеки. Вот всё, что могу тебе сказать вперед; остальное всё договорит тебе мое же творение, если угодно будет святой воле ускорить его».

[1] См. ***1845. Ноября 2 <14>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] См.: *Городецкий*. С. 452.

[3] Подразумевается письмо от 28 ноября (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Ноября 28 <16>. Пятница. Рим***). Ответ Плетнева на это письмо см.: ***1845. Декабря 25 <1846. Января 6>. Вторник. Праздник Рождества Христова. Санкт-Петербург.***

[4] Ср. строки одного из *Четырех писем к разным лицам по поводу «Мертвых душ»* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Рожден я вовсе не затем, чтобы произвести эпоху в области литературной. Дело мое проще и ближе: дело мое есть то, о котором прежде всего должен подумать всяк человек, не только один я. Дело мое – *душа и прочное дело жизни*».

ФЕВРАЛЯ 21 <9>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский пишет Гоголю в Рим, прилагая к своему посланию письмо к Гоголю из Петербурга от П. А. Плетнева.

Из письма Жуковского: «Любезный Гоголек, вы не изменяете своему характеру и решительно отказались от всякой точности. Доказательством сему служит прилагаемое письмо от Плетнева, которому напрасные делаете вы хлопоты, высылая ему свидетельство о жизни по новому, а не по старому стилю, непременно надобно, чтобы эти свидетельства были выдаваемы 1/13 января, 1/13 мая и 1/13 сентября[1], иначе происходят из этого затруднительные расчеты, сумм вполне не выдают, и те, которые хлопочут о их получении, теряют время на ненужные хлопоты: если вы беспечны насчет себя, то не будьте беспечны насчет других; вот вам урок материальный в воздаяние за ваши моральные уроки. Письмо Плетнева было ко мне прислано не запечатанное. Я его и прочитал. – О себе скажу, что мое здоровье весьма поправилось... <...> Но вот что дурно: глаза слабеют и даже и с очками трудно становится читать. <...> При сем прилагаю вексель на тысячу рублей. Теперь две тысячи вам заплачены. Еще остается на мне две тысячи, которые в свое время вы получите. Прошу немедленно уведомить о получении векселя».

Деньги были выданы Гоголю из суммы, назначенной ему Наследником Александром Николаевичем[2]. В своей книге для записи отправленных писем Жуковский пометил: «1846 генваря <февраля> 21 к Гоголю со вложением векселя»[3].

[1] См. также ***1845. Декабря 25 <1846. Января 6>. Вторник. Праздник Рождества Христова. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1844. Мая 25 <13>. Троицкая родительская суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Мая 29 <17>. Среда. Баден-Баден.***

[3] См. ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

ФЕВРАЛЯ 11 <23>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1979. С. 383.

ФЕВРАЛЯ 26 <14>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Домовладелицы Антонина и Виттория Гуэрра (Guerra), предположительно, получают от Гоголя плату за наем квартиры с 26 февраля по 24 марта (н. ст.) 1846 г.[1] (расписка не сохранилась)[2].

В тот же день Гоголь написал ответное[3] письмо к Н. М. Языкову в Москву (судя по почтовому штемпелю[4], письмо было отправлено через день, 28 февраля):

«Письмо твое (от 16 янв<аря>)[5] получил; прежнее, с приложеньем прекрасных стихов на открытие памятника Карамзину, тоже получил[6]. <...> Богу угодно посылать мне такие недуги, каких прежде никогда не было. Тяжело, тяжело, иногда так приходится тяжело, что хоть, просто, повеситься. Но верю и даже слышу, что всё это во благо, и благословляю Бога за всё. <...> Как ни сильны были телесные недуги, но душа не болела, и хандра не приходила. Из всех средств, на меня действовавших доселе, я вижу, что дорога и путешествие действовали благодетельнее всего. А потому с весной начну езду и постараюсь писать в дороге. Дело, может быть, пойдет, тем более, что голова уже готова. <...> Странная судьба книги “Путешествие в Иерус<алим>” Норова[7], кото-

рая никак не может до меня доехать, показывает мне, что в этот <год> еще не судьба ехать и мне в Иерусалим. Впрочем эта поездка в таком случае только предпринималась, если бы я сам был готов и кончил свою работу[8], без которой мне нельзя ехать, как следует, с покойной совестью. О сем объясни и Надежде Николаевне[9].

Спроси у Шевырева, получил ли он письмо мое, писанное 25 декабря <ноября> 1845 года[10], а также у Аксаковых, отца и сына, получили ли они письма мои, приложенные в письме к Шевыреву. В следующем за сим письме напишу тебе маршрут моего странствия. А пока, если случится оказия что посылать, посылай на имя Жуковского во Франкфурт, с которым мне непременно следует и нужно видеться, если не в конце мая, то в начале июня»[11].

[1] Сведения о найме Гоголем квартиры в Риме с 28 октября (н. ст.) 1845 г. по 18 апреля (н. ст.) 1846 г. // *Свод*. Т. 3. С. 582.

[2] См. ***1846.* Января 29 <17>. Четверг. Рим**; ***1846. Марта 25 <13>. Среда. Рим***.

[3] См. ***1846. Января 16 <28>. Среда. Москва***.

[4] См.: *Городецкий*. С. 474.

[5] Письмо до нас не дошло.

[6] «Стихи на объявление памятника историографу Николаю Михайловичу Карамзину (посвящаются А. И. Тургеневу)» впервые напечатаны отдельным изданием (СПб., 1845; перепечатано: Москвитянин. 1846. № 1; недоброжелаельный отзыв В. Г. Белинского см.: Отечественные Записки. 1846. № 2); датированы Н. М. Языковым 25 октября 1845 г. Можно было бы предположить, что стихотворение было приложено к письму Гоголю от октября 1845 г. (***1845. Октября между 8 и 26. Москва***) или к письму от 21 ноября 1845 г. (см. ***1845. Ноября 21 <декабря 3>. Среда. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Москва***), однако в этих письмах Языков ни словом об этом не упоминает. По-видимому, стихотворение было приложено к еще одному не дошедшему до нас посланию Языкова.

[7] См. ***1845. Декабря 13 <25>. Четверг. Москва*** (примечания).

[8] Речь идет о втором томе «Мертвых душ». Подробнее см.: ***1845. Марта 20 <апреля 1>. Вторник. Москва*** (примечания).

[9] Шереметева.

[10] Речь идет о письме к С. П. Шевыреву от 20–25 ноября (н. ст.) 1845 г. (см. ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим***) и приложенных к нему письмах к С. Т. и К. С. Аксаковым. О своем послании к Шевыреву от 20–25 ноября (н. ст.) 1845 г. Гоголь уже спрашивал Н. М. Языкова в письме от 8 января (н. ст.) 1846 г. (см. ***1846. Января 8 <1845. Декабря 27>. Четверг. Рим***). – См. также ***1845. Декабря 20 <8>. Суббота. Рим***.

[11] См. ***1845. Июня 5 <мая 24>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***.

ФЕВРАЛЯ 14 <26>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет в Рим российскому чрезвычайному посланнику и министру при римском дворе А. П. Бутеневу:

«По Всеподданнейшему докладу Г. Министра Народного Просвещения последовало Высочайшее повеление о производстве из Государственного Казначейства Литератору Николаю Гоголю в продолжение 3-х летнего пребывания его за границею по 1000 рублей серебром в год. Деньги эти отпускаются по распоряжению Г. Министра Финансов под мою росписку для доставления по принадлежности. – На сем основании, приняв за Главного Казначейства причитающиеся деньги с 1-го мая по 1-е октября прошлого года, за вычетом 10% в пользу увечных, 416 руб<лей> 60 коп<еек>, и обратив сумму сию в вексель, за исключением употребленных на сие расходов, на 415 руб<лей>; по пребыванию Г. Гоголя в Риме, имею честь препроводить оный к Вашему Превосходительству, покорнейше прося приказать доставить вексель этот Г. Гоголю»[1].

[1] *Свод*. Т. 1. С. 675. – Согласно канцелярской помете, письмо было получено в Риме 8/20 марта 1846 г.

ФЕВРАЛЯ 27 <15>. ПЯТНИЦА. РИМ

Н. П. Ломтев записал в дневнике:

«Объявление карнавала. <...> Читаю “Мертвые Души” Гоголя. Завтра М. Б. Дагерротип для графа Толстого»[1].

В феврале (н. ст.) 1846 г. находившиеся в Риме русские художники сделали несколько памятных дагерротипных снимков, предназначавшихся для графа Ф. П. Толстого, который «сопровождал Императора Николая I во время его поездки в Италию и в Палермо, и присутствовал при всех заказах, данных Императором нашим художникам»[2]. Такие дагерротипные коллективные портреты граф Толстой получил 13 февраля (н. ст.)[3] и 17 февраля (н. ст.)[4] 1846 г.[5] Ранее, в конце октября — начале ноября (н. ст.) 1845 г., был сделан дагерротип русских художников с Гоголем[6].

[1] *Ломтев Н. П.* Дневник 1844–1848 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 561.

[2] См. ***1845. Октября конец — ноября начало <октября средина>. Рим.***

[3] См. ***1846. Февраля 13 <1>. Пятница. Рим.***

[4] См. ***1846. Февраля 17 <5>. Вторник. Рим.***

[5] *Гусева Е. Н.* О дагерротипе «А. А. Иванов в группе русских художников в Риме» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1995. М., 1996. С. 253, 254, 256.

[6] См. ***1846. Октября конец — ноября начало <октября средина>. Рим.***

ФЕВРАЛЯ 16 <28>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев отправляет в Рим письмо к Гоголю:

«Два раза писал я к тебе через Жуковского[1], после того, как получил твое письмо из Рима от 28 ноября[2]. Ты, кажется, небольшой охотник до исправной корреспонденции. <...> Вчера[3] отправил я наконец несколько денег к тебе из суммы, жалуемой тебе Государем[4]. Вексель адресован, для большей верности, на имя нашего посланника Бутенева[5], за университетской печатью. Ты *непременно* пришли отзыв по получении денег.

Вот и еще дело, на которое отвечай *скорее и определеннее.* Художник Бернардский желает издать первый том “Мертвых душ” со ста политипажными картинами и со ста такими же в тексте виньетками[6]. Я видел часть первых: они очень хороши. Ежели ты согласен позволить ему издание этого тома, он предлагает тебе заплатить *вдруг* 1500 р<ублей> сер<ебром> или в *два срока* 2000 р<ублей> сер<ебром>, с тем, что до истечения трех лет ты не будешь вновь печатать этого тома и позволишь ему теперь вдруг тиснуть 3600 экз<емпляров>. Издание будет выходить еженедельными выпусками, числом 25 выпусков. Отвечай немедленно, согласен ли ты на все это. Или пришли свои условия».

В тот же день Плетнев сообщал Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«Сегодня написал я <...> в Рим Гоголю <...>, что художник Бернардский покупает право издать “Мертвые души” с политипажами»[7].

[1] См. ***1845. Декабря 25 <1846. Января 6>. Вторник. Праздник Рождества Христова. Санкт-Петербург; 1846. Февраля 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1845. Ноября 28 <16>. Пятница. Рим.***

[3] См. ***1846. Февраля 14 <26>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[4] Подробнее см.: ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1846. Марта 20 <8>. Пятница. Рим.***

[6] Речь идет о намерении Е. Е. Бернардского издать «Мертвые души» с гравированными им иллюстрациями А. А. Агина. Письмо Бернардского к Плетневу, с этим предложением (не датировано), см.: Н. В. Гоголь.

Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 161–162. – См. также ***1846. Марта 20 <8>. Пятница. Рим*** (примечания).

[7] *Свод*. Т. 1. С. 675.

ФЕВРАЛЯ 16 <28>. СУББОТА (УТРО). МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 383.
[2] *Гриц*. С. 358.

1845 ДЕКАБРЬ – 1846 ФЕВРАЛЬ <1845 НОЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – 1846 ЯНВАРЯ СРЕДИНА>. РИМ

Графиня Е. П. Ростопчина читает Гоголю свою балладу «Насильный брак» (1845).

Н. В. Берг в «Воспоминаниях о Н. В. Гоголе» (1871) сообщал, что, по словам Ростопчиной, Гоголь в Риме «очень часто бывал» у нее: «Ему *первому* прочла она своего Барона. Гоголь выслушал очень внимательно и просил повторить. После того сказал: "Пошлите без имени в Петербург: не поймут и напечатают". (Я слышал это от самой графини.) Она так и сделала. Понял или нет тот, кто получил, этого я не знаю, но стихи были напечатаны[1] и прошли нисколько не замеченные большинством. *Тень Наполеона* видели в рисунке немногие. Когда явилось истолкование за границей, полиции было приказано отобрать где можно курьезный листок, и это послужило к большему распространению и славе сказанных стихов»[2].

В воспоминаниях о Ростопчиной (опубл. в 1893) Берг добавлял: «...Гоголь <...>, узнав, что в числе русских живут там и Ростопчины, очень скоро очутился у графини. Разговорились о том, о сем; дошли и до литературы.

– Что вы теперь пишете? – спросила графиня у своего гостя, не любившего таких вопросов, – нет ли у вас чего нового?

Гоголь отвечал, что он, "может быть, напишет что-нибудь в Риме; вероятно, сложа руки, сидеть не станет... но теперь у него ничего нет".

(Это был его всегдашний ответ при подобных расспросах, получавший ту или иную форму и окраску, смотря по месту и условиям, где, как и кем спрашивалось.)

– Может быть, у *вас* есть что-нибудь новое, – сказал он, немного погодя, хозяйке, – вы всегда так много и так мило писали!

Графиня была совершенно противоположных ему свойств: никогда не скрывала ни от кого своих стихотворных и прозаических тайн. Бывала с этой стороны временами даже чересчур откровенна: напрашивалась на чтения, душила гостей поэмами, драмами, романами... она обрадовалась вопросу Гоголя и сейчас же отвечала: "есть нечто... маленькие пустячки... хотите выслушать?"

– Прошу об этом покорно! – был ответ.

Графиня прочла "Насильственный брак", не приподнимая, однако же, маски.

Гоголь попросил прочесть еще раз и потом сказал: "Пошлите в Петербург: не поймут и напечатают. Чем хотите ручаюсь!"

– Как не понять! Помилуйте! – сказал автор, – ребенок поймет.

– Говорю вам: не поймут! Пошлите! Вы не знаете тупости нашей цензуры, а я знаю. Пошлите! (От самой графини. – *Примеч. Н. В. Берга. – И. В.*)

Послали к Булгарину, и пиеса явилась на страницах "Северной Пчелы", без имени автора. В самом деле, прочли и не поняли, по крайней мере, масса. Были, однако, читатели, которые за-

думывались над этим стихотворением, прочитывали раз, два и три, и, все-таки, не находили “тени Наполеона”. <...>

Вдруг приходит в Петербург *разъяснение* стихотворения в какой-то французской газете: все бросились перечитывать заброшенный листок, пошел шум. “Насильственный брак” сделался известною всякому мальчику пиесой, особенно после того, как III Отделение вздумало отбирать у подписчиков “Северной Пчелы” роковой номер и всячески уничтожать его по всем публичным местам. Стихотворение стало гулять по городу в бесчисленных списках. Уже было известно и имя автора, и засияло новыми лучами. Слава графини Ростопчиной, как поэта, выросла втрое, в течение нескольких дней. Говорили, что ее вызвали из-за границы в Петербург, что ей *сильно досталось;* досталось *точно так же* и Булгарину...

На самом деле ее перестали принимать во дворце и, как кажется, выслали в Москву. Могло быть и так, что графиня сама бежала из Петербурга от этого шума, сплетен, толков и пересудов... Это было около 1847 года»[3].

В аллегорической балладе Ростопчиной в образах старого властного барона и насильно взятой им «коварной» и неблагодарной жены изображались отношения России с Польшей. Чтение баллады Гоголю могло состояться в период с конца 1845 по февраль (н. ст.) 1846 г.

4 января 1846 г. А. О. Смирнова писала графине Ростопчиной из Калуги[4]: «...Дорогая Eudoxie <...> перестань взирать с <со>жалением на город, дающий одни искусственные удовольствия[5]. <...> ...В Риме и Неаполе, окруженных образцовыми творениями, ты найдешь тоже удовольствия и общество, о котором <...> сожалеешь. <...> Я надеюсь, что Гоголь будет ангелом-хранителем твоих художественных впечатлений; он поразительно чувствует искусство. <...> Наши мнения и взгляды совершенно расходятся, но это не мешает мне любить тебя и по сердечному влечению, и по привычке».

27 января (н. ст.) 1846 г. сам Гоголь сообщал Смирновой из Рима: «Графиня Растопчина тоже здесь. Она, при доброте и уме, пустовата. Это вовсе не *книга*, написанная о каком-нибудь одном и притом дельном предмете, а сшитые лоскутки всего: *tutti frutti* <*букв.* всякие фрукты; смесь; *ит.*>. Она, разумеется, всякий день по балам то у Торлони, то у Дория[6], то у посланников, словом — повсюду, где скука». Далее Гоголь добавлял, что именно для таких людей, как Ростопчина, «которые еще не избрали поприще и находятся покаместь на дороге», «готовятся “Мертвые души”»: «Тогда только уяснятся глаза у многих, которым другим путем нельзя сказать иных истин».

[1] Стихотворение было выслано Ростопчиной, в числе еще четырех стихотворений, Ф. В. Булгарину из Неаполя 14/26 августа 1846 г. и напечатано, вместе с этими стихотворениями, без имени автора, в № 286 «Северной Пчелы» от 17 декабря 1846 г.: I. Любовник и моряк; II. Насильный брак. Рыцарская баллада; III. Сосна на Корнише; IV. Молитва в грустный час; V. Крест у дороги (с. 1135–1136).

[2] *Берг Н. В.* Воспоминания о Н. В. Гоголе. 1848–1852 // *Свод.* Т. 3. С. 648.

[3] *Берг Н. В.* Графиня Ростопчина в Москве. (Отрывок из воспоминаний) // *Свод.* Т. 3. С. 661–662.

[4] См. ***1846. Января 4 <16>. Пятница. Калуга.***

[5] Подразумевается Париж.

[6] Римский князь.

ФЕВРАЛЯ СРЕДИНА[1] <ФЕВРАЛЯ КОНЕЦ>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ю. Ф. Самарин отправляет Гоголю в Рим ответное[2] письмо, начатое за месяц перед тем[3]:

<Средина января 1846>

«Хорошо, что вы первые ко мне написали, ибо я, кажется, не решился бы начать переписки с вами. Я давно от души желал с вами сблизиться, еще прежде, чем познакомился с А<лександрой> Ос<иповной>[4]. <...> По нескольку раз брался я за перо и бросал не оконченные письма; меня удерживало то самое, что выговорили вы в начале вашего письма. И вы, и многие другие считали меня

ненадежным... <...> Хорошо ли это было с их стороны и с вашей, не мое дело разбирать. Может быть, для меня нужно было провести несколько лет под бременем всеобщей недоверчивости; <...> но она оставила во мне неприязненное чувство к некоторым лицам, в том числе и к вам[5], и мне нужно было все это вам высказать, чтобы разделаться с ним раз навсегда. <...> Наконец, и от вас я услышал, что я спасен, что вы не боитесь за меня. <...> Болезнь моя принадлежит к числу самых обыкновенных в наше время <...>: это одностороннее развитие ума, погасившее чувство и подорвавшее волю... <...> Я думаю, говорю, защищаю на словах одно, а на деле покоряюсь другому; у меня есть убеждения, но нет ни веры, ни любви. <...> Я знаю, как это случилось. В детстве <...> одно религиозно-нравственное мерило служило мне для поверки всякого моего поступка и всякой мысли, так что малейшее отступление от него <...> наполняло меня раскаянием. Из этого первобытного состояния я вышел <...> вследствие внешних влияний... <...> Случайно попались мне в руки некоторые произведения современной французской литературы; я помню, как сильно они потрясли меня. Горделивое восстание личного духа против мирового порядка предстало мне в идеальном образе современной поэзии; его неотразимый соблазн пленил меня. Я понял вдруг возможность, не нарушая отношений, среди которых я был поставлен, оторваться мыслью от всего, чему я бессознательно покорялся, испытать одиночества и душевного безначалия, вкусить неведомых высоких страданий, и все, что скрыто от других. С этого времени обращение мое переменилось, прежняя моя откровенность исчезла... <...> ...Я успел откинуть от себя все сочувствия, врожденные и привитые воспитанием, всю покорность к религиозным началам, к семейным обычаям... <...> Таким образом был я приготовлен, когда я встретился с нашими общими знакомыми[6]; мысль моя, развившись односторонне на счет других способностей, приобрела ту непреклонную, холодную последовательность, <...> которая позволила мне стать с ними в уровень и принять самостоятельное участие в бесконечных спорах. Я не стану подробно рассказывать вам, какое влияние они на меня имели, скажу вам только вообще, что они помогли мне быстрее пробежать весь круг философского отрицания. <...> Христианство заключает в себе не одно учение, но вместе начало жизни... <...> Поэтому христианство воспринимается не одним умом, а всем существом человека. <...> Отстранив живое сочувствие и приступив к Христианству с требованиями логического постижения, я должен был дойти до того же, до чего дошла новейшая философия, т. е. до совершенного отрицания не только христианства, но вообще всякого бытия первоначального, независимого от знания. За этим крайним пределом отрицания возникает требование воссоздать разрушенное... <...> Таким образом <...> я дошел до признания живой истины и необходимости живого ее постижения, но самое это признание было результатом науки; это было только убеждение, тощее творение мысли. <...> ...Тут только я понял всю цену <...> отвергнутого мною. Я сам обессилил в себе душевный орган живого постижения; я был равнодушен к найденной истине. <...> Изредка пробуждалось во мне темное сознание односторонности моего развития при встрече с человеком, который в умственном отношении стоял ниже меня, не выговаривал и не отстаивал своих убеждений, но который не боялся моих возражений, которого мои вопросы не смущали – но все это были мимолетные впечатления. Только с переезда моего в Петербург[7] приобрело это для меня всю достоверность и ясность пережитого опыта. Здесь все мне было чуждо, если не прямо враждебно; но спора, в котором бы я отстоял свое убеждение, не могло быть. Я имел дело с безмолвным, неосязаемым врагом; не опровержениями он подрывал мои убеждения; он грозил пересоздать меня с ног до головы, приманками он склонял меня на уступки. И к стыду своему, я понял, как много я мог уступить и как легко, понял, как слабо одно холодное убеждение против давления света. Это была самая опасная минута – спасла и поддержала меня встреча с А<лександрой> О<сиповной>. Она оценила во мне именно то, чего свет не ценил, над чем он смеялся; ее участие вознаградило меня за все мои страдания; я сделался равнодушен к свету и ко всем его приманкам; я совершенно отстал от него и навсегда. <...>

<Средина февраля>

Это недописанное письмо пролежало в моем столе более месяца. Различные хлопоты развлекли меня. Я переменил службу, перешел в Министерство Внутренних Дел[8] и прикомандирован был к комитету по лифляндским делам: теперь я завален делом. Я снова перечитал то, что написал с месяц тому назад, многое хотел бы прибавить, но лучше отложить это до другого раза. Это письмо

объяснит вам главное и будет основою всех последующих. Теперь я буду писать к вам всякий раз, когда почувствую потребность исповеди, не дожидаясь ответов. <...> Вероятно, через месяц или два, я поеду в Ригу[9], но во всяком случае пишите в Петербург; я распоряжусь так, чтоб все письма мне пересылались».

[1] См. также ***1846. Февраля 21 <марта 5>. Четверг. Калуга.***
[2] См. ***1846. Января 3 <1845. Декабря 22>. Суббота. Рим.***
[3] См. также ***1846. Января 27 <февраля 8>. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[4] Смирнова.
[5] С Самариным Гоголь познакомился и встречался в Москве еще в конце 1839 – начале 1840 гг. (см. ***1839. Декабря 23. Суббота. Москва***; ***1840. Января 6. Суббота. Праздник Крещения Господня. Москва***). – См. также ***1840. Марта 29. Пятница. Москва***; ***1840. Мая 9. Четверг. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***
[6] Выпускник Московского университета (в 1838 г.) Самарин общался в Москве с К. С. Аксаковым, А. С. Хомяковым, братьями И. В. и П. В. Киреевскими, А. И. Кошелевым, А. И. Герценом, Т. Н. Грановским и др.
[7] Самарин отправился из Москвы в Петербург 7 августа 1844 г.
[8] Самарин, будучи титулярным советником, в конце 1845 – начале 1846 гг. служил в Петербурге одним из секретарей в канцелярии Общего Собрания первых трех Департаментов Правительствующего Сената; в январе – первой половине февраля 1846 г. получил звание камер-юнкера (см. ***1846. Февраля 21 <марта 5>. Четверг. Калуга***); с 9 февраля 1846 г. состоял чиновником особых поручений VIII класса при министре внутренних дел Л. А. Перовском.
[9] Самарин выехал в Ригу 21 июля 1846 г.

МАРТА 1 <ФЕВРАЛЯ 17>. ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Около этого времени Гоголь получил отправленную Н. Н. Шереметевой[1] из Москвы, через князя В. П. Голицына, посылку с письмом, двусторонним дорожным образом Божией Матери Иверской и Святителя Николая Мирликийского и рукописным сборником молитв[2].

[1] См. ***1845. Декабря 13 <25>. Четверг. Москва.***
[2] См. ***1846. Марта 24 <12>. Вторник. Рим.***

ФЕВРАЛЯ 17 <МАРТА 1>. ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ (УТРО). МОСКВА

Представление «Женитьбы» и «Тяжбы» в Малом театре[1]; в ролях Кочкарева и Бурдюкова – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 323, 404.
[2] *Гриц*. С. 358.

ФЕВРАЛЯ 17 <МАРТА 1>. ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1979. С. 383.

ФЕВРАЛЯ 18 <МАРТА 2>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Н. М. Языков пишет Гоголю в Рим:

«Я послал тебе несколько книг: тут все, что вышло у нас нового, хотя сколько-нибудь любопытного; ждут появления нового романа Загоскина[1] и нового же романа Кулиша[2] — и их пришлю, когда выйдут они в свет. Наш "Московский литературный сборник" еще не готов — имеет явиться к Святой неделе.

Нынешняя зима у нас крайне тиха, чересчур тиха. Елагины в деревне, Вас. Елагин женился. И. В. Киреевский поздоровел, бодрится и собирается писать. Петр Васильевич продолжает сидеть над собранием русских песен (которому уже 16-й год!), и он тоже в деревне. Хомяковы в Москве. Алексей Степанович написал еще прекрасную статью — под стать своим прежним, которые ты знаешь; она будет в нашем сборнике[3]. В Питере, по мнению "Отечественных записок", явился новый гений — какой-то Достоевский; повесть его найдешь ты в сборнике Некрасова[4]. Прочти ее и скажи мне твое о ней мнение: я сам не успел прочесть ее, потому что мои здешние благоприятели, читавшие ее, не похваляют ее! На сцене явилась новая драма: "Смерть Ляпунова", соч. Гедеонова, сынка известного директора театров. Говорят, что она, несмотря на свою бесхарактерность и неестественность, все-таки сильно действует на публику, пробуждая чувство народности. Я пришлю тебе эту драму, когда она будет напечатана. Панов написал биографию[5] покойного Валуева[6], которую он уже послал тебе. К. Аксаков сочинил водевиль[7], и петербургская цензура пропустила его на сцену, к нежданной радости автора. И. Аксаков всю зиму был болен: теперь выздоравливает. Получил ли ты его стихи[8] от Жуковского?

Мне кажется, что не все мои письма доходят к тебе. И от А. Анд. Иванова я о сю пору не получаю ответа на мой вопрос, получил ли он от княгини Зинаиды Волконской книгу "Памятники московской древности"?»[9]

[1] Брынский лес. Эпизод из первых годов царствования Петра Великого. Сочинение М. Н. Загоскина. М., 1846. Ч. 1–2.

[2] *Кулиш П. А.* Черная рада. Хроника 1663 года. М., 1857.

[3] Статья А. С. Хомякова «Мнение русских об иностранцах. Письмо к приятелю» (Московский литературный и ученый сборник. М., 1846).

[4] В «Петербургском сборнике, изданном Н. Некрасовым» (СПб., 1846) была опубликована повесть Ф. М. Достоевского «Бедные люди».

[5] *<Панов В. А.> В.* Биография Дмитрия Александровича Волуева. М., 1846 (цензурное разрешение 28 янв.). 18 с.; с датой и подписью: «Москва, 29 Декабря, 1845 года. В......».

[6] См. ***1845. Ноября 28 <декабря 10>. Среда. Новгород.***

[7] Водевиль К. С. Аксакова «Почтовая карета» (1845) был поставлен в Москве 24 апреля 1846 г. (см. ***1846. Апреля 30 <мая 12>. Вторник. Москва***).

[8] «Жизнь чиновника» и «Зимняя дорога» (см. ***1846. Января 23 <февраля 4>. Среда. Москва*** — примечания).

[9] Речь идет о книге «Памятники Московской древности с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы. Сочинение Ивана Снегирева, с 3 планами и 23 картинами, по рисункам академика Солнцева, отпечатанными красками и 18 гравированными и литографированными рисунками» (М., 1842–1845). — Книга была отправлена Языковым Иванову в Рим в начале июня 1845 г. (см.: *Виноградов 2001.* С. 354). Впоследствии Ф. В. Чижов написал в Риме пространную рецензию на эту книгу: *Чижов Ф.* Памятники Московской древности... // Московский Литературный и Ученый Сборник на 1847 год. М., 1847 (цензурное разрешение 21 февр.). Отдел критики. С. 113–146.

МАРТА НАЧАЛО <ФЕВРАЛЯ СРЕДИНА>. РИМ

В Рим приехал брат А. А. Иванова, Сергей Андреевич, который привез Гоголю из Парижа, от графа А. П. Толстого, письмо и книги[1] (письмо не сохранилось).

В 1879 г. В. В. Стасов, со слов С. А. Иванова (в несохранившемся письме), сообщал М. П. Боткину: «В 1846 году приехал в Рим брат Иванова, Сергей, архитектор, пенсионером от Академии художеств. Он встретил его с большим восхищением. Уезжая из Петербурга, Иванов оставил его еще ребенком; тогда не знали даже, на какое поприще он будет направлен. Александр Андреевич относился к нему самым теплым образом, давал ему постоянно, в письмах, советы. Его радовало слышать от всех приезжавших из России, какие он делает успехи, и что он становится одним из самых талантливейших архитекторов. С нетерпением ждал он его приезда, и наконец встретил его в своей мастерской, целовал его, как своего сына. Их жизнь в Риме была самая близкая, поместились они вместе. Архитектор Иванов предался ученым архитектурным занятиям, засел в библиотеки, начал изучать классиков. Это все крайне утешало Александра Иванова: он стал уважать его и считал лучшим из ученых архитекторов. Картину свою он ему показывал в первое время, но потом и тот ее не видал. Только раз он его пригласил, чтобы спросить совета насчет типа раба: который выбрать из сделанных этюдов, для картины[2]? Один был чрезвычайно характерен, с клеймом на лбу, кривым глазом, другой — похожий на тот, который теперь на картине. Гоголь постоянно советовал ему перенести в картину раба с клеймом, но Иванов архитектор пришел в ужас от этой головы, несмотря на то, что она ему очень нравилась, и он упросил ее не воспроизводить в картине. Несмотря на всю теплоту их отношений, братья иногда не видались по целым неделям, хотя жили вместе. Один вставал до рассвета и с наступлением ночи ложился, другой — наоборот, вставал позднее и не видал, когда брат уже ушел, а когда приходил домой, то опасался разбудить брата. Сергей Иванов смотрел на брата как на отца, постоянно старался беречь его, отвести, удалить от него какую-либо неприятность. Только воскресенье они проводили целый день вместе, осматривая древности. Их любимая прогулка была на Via Appia, и там в небольшой остерии[3] они обедали, потом продолжали осматривать древности, и с закатом солнца приходили назад в Рим. День Иванова начинался рано: в пять часов он уже был на ногах и торопился приняться за работу; между 12-и и 2-х он делал отдых, и потом работал до тех пор, покуда становилось темно. <...>

Вечером Александр Иванов, в 1846 г., еще неизменно проводил часа 2–3 у Гоголя, куда Сергей Иванов не ходил, и лишь остальной вечер они иной раз проводили вместе, у своих хозяев, или у их родственниц, сестер Монтекки и Марини»[4].

[1] См. ***1846. Апреля 18 <6>. Великая суббота. Рим.*** — См. также ***1846. Января 8 <1845. Декабря 27>. Четверг. Рим.***

[2] «Явление Мессии».

[3] Osteria — трактир, кабачок (*ит.*).

[4] С. А. Иванов о Гоголе и А. А. Иванове в воспоминаниях В. В. Стасова // *Свод.* Т. 3. С. 362.

МАРТА 4 <ФЕВРАЛЯ 20>. СРЕДА. РИМ

Гоголь пишет ответное[1] письмо к А. О. Смирновой в Калугу:

«Ваше письмо (от 14 генваря) получил трет<ьего> дни[2]. <...> ...Вижу <...> явно надо мною великую милость Божию. Голова и мысль вызрели, минуты выбираются такие, каких я далеко недостоин, и во всё время, как ни болело тело, ни хандра, ни глупая, необъяснимая скука не смела ко мне приблизиться. Да будет же благословен Бог, посылающий нам всё! И душе, и телу моему следовало выстрадаться. Без этого не будут "Мертвые души" тем, чем им быть должно. Итак, молитесь обо мне, <...> дабы вся душа моя обратилась в одни согласно-настроенные струны и бряцал бы в них сам дух Божий. Из всех средств доселе действовало лучше других на мое здоровье путешествие, а потому весь этот год я осуждаю себя на странствие и постараюсь так устроиться, чтобы можно было в дороге писать. Лето всё буду ездить по Европе в местах, где не был, осенью по Италии, зиму по островам Средиземного моря, Греции и наконец в Иерусалим. Теперь же ехать в обетованную землю не могу по многим причинам, а главное, что не готов — не в том смысле, чтобы смел думать, будто могу быть когда-либо готовым к такой поездке, да и какой человек может так приготовиться? Но потому, что в самом деле не спокойно на душе, не сделал еще того, вследствие

чего и по окончании чего полагал только совершить эту поездку. <...> В Риме я видаюсь и провожу время с немногими. Таких, которых бы сильно желала душа, здесь теперь нет. Нет даже таких, которые бы потребовали от меня сильной деятельности душевной вследствие какой-нибудь своей немощи. Большею частию это или простые, добрые люди, живущие с собой в мире, но у которых души не многострунные и немногокачественные, или же пребывающие в светской легкой суете, которые ходят не по земле, а по воде, а потому и трудно направлять стопы их на той стихии, где стопы не оставляют следа и всё изглаживается. А без надобности не хочется сталкиваться с людьми, да и некогда. Меня теперь занимает Калуга и внутренность России, а потому не оставляйте меня извещеньем о всяком происшествии, как бы оно вам ничтожно ни показалось. Вы, верно, уже получили мое длинное письмо[3] в ответ на ваше первое из Калуги; вы, вер<но>, уже дали на него ответ[4], и я, вероятно, недели через две его получу[5]. Теперь же покамест известите меня о раскольниках, какие находятся в Калужской губернии, именно: 1-е. Каких из них больше. 2-е. В чем состоит их раскол и в каком он теперь состоянии. 3<-е>. Каковы они в жизни, в работе, в трудах, как в крестьянском, так и в купеческом или мещанском состоянии сравнительно с православными. Об этом не позабудьте впереди письма, а потом обо всем прочем.

На это письмо напишите мне ответ еще в Рим, *второе* же ваше письмо уже не адресуйте в Рим (я первых чисел мая полагаю выехать из Рима и уже быть в дороге), но адресуйте на имя Жуковского, во Франкфурт, с которым мне необходимо нужно повидат<ься> и о многом переговорить. <...>

Поздравляю с великим постом[6] и от всего сердца желаю вам благодатного говения, а также и радостной встречи радостного дни Светлого Воскресения»[7].

[1] См. ***1846. Января 14 <26>. Понедельник. Калуга.***
[2] 2 марта (н. ст.).
[3] См. ***1846. Января 27 <15>. Вторник. Рим.***
[4] См. ***1846. Февраля 21 <марта 5>. Четверг. Калуга.***
[5] См. ***1846. Июня 5 <мая 24>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***
[6] Великий Пост начался в 1846 г. 18 февраля / 2 марта.
[7] 7/19 апреля 1846 г.

ФЕВРАЛЯ 21 <МАРТА 5>. ЧЕТВЕРГ. КАЛУГА

А. О. Смирнова пишет ответное[1] письмо к Гоголю в Рим:

«Вчера <...> было для меня явление утешительное. Обедал у нас судья мещовский некто Клементьев[2], человек лет сорока, женатый и очень, очень небогатый. Прокурор наш[3] его немного прижимал, и его выписал Николай Михайлович[4], чтобы сблизить их, примирить и вместе показать Клементьеву, что труды его, честность и благородство дают ему почетное место в обществе, несмотря на его положение. Лицо у него спокойное, взгляд ясный, хотя несколько меланхолический; одет он так, что в Петербурге его не впустили бы в переднюю к Воронцову. За столом коснулись мы литературы; он спросил, мне ли Лермонтов писал стихи[5], — и тогда посыпалась с его стороны тьма вопросов насчет Лермонтова, Жуковского и вас; перечитал он бездну: всего Байрона и Шекспира по-английски, Шиллера и Гете по-немецки, знает и французскую литературу; говорил удивительно просто, делал замечания самые верные и меткие; как бы желая меня испробовать, спросил меня, кто из новейших литераторов фр<анцузских> мне более нравится; я, конечно, отвечала, что Занд; он пожал плечами и сказал: “Как вы можете ею увлекаться, вы, которая любите Диккенса и Гоголя”[6]. Потом коснулись судебной части, сравнивали наше образование судебной части с английской и французской формой; он и тут показал, хотя очень скромно, как следует перед губернатором, свое знание; говорили о врачебной управе и вообще о медицине, он и тут говорил хорошо; особенно поразила меня его скромность, обстоятельность в разговоре и ясность.

Семь лет сидит в Мещовске судьей, по выбору дворянства, родился в губернии, воспитывался в Московском университете, служил, по желанию отца, в Ряжском пехотном полку; после его смерти

вышел в отставку, женился на бедной девушке и жил в деревушке, откуда вызвало его дворянство на это скромное поприще. После обеда я его зазвала к себе наверх и выпрашивала о многом. Так как всяк мерит на свой аршин, мне казалось, что он должен страдать в этой удушливой сфере маленького городка, но он сказал мне, что очень доволен судьбой, что единственно тревожит его болезненное состояние его жены, что есть люди честные и в Мещовске, что дурных он не имеет надобности видеть вне службы, что образованных, как он, нет, но что это и не всегда нужно, что ему достаточно читать одному с женой, а что от самых простых людей можно учиться многому. С большим любопытством, почти детским, смотрел на меня как на явление почти книжное и говорил мне, что я баловень Петербурга и должна скучать здесь. Я ему дала книг, журналов и обещала посылать каждый месяц новенькое и хочу ему писать. Так есть же зарытые жемчужины в России! Клементьев меня очень, очень порадовал. Особенно понравилась мне его смиренная борьба против беспорядков и спокойная покорность общепринятому порядку дел. Летом я съезжу на ярмарку в Мещовск, и он звал меня к себе; он, впрочем, устал от дел и хочет отказаться, если его выберут опять в судьи. Брат мой Клементий отправился в Петербург, он очень переменился в свою пользу, все так же жив, умен и забавен, но более сердечен и духовен. Сестру[7] жду опять с мужем; она отправляется в Кременчуг. Подъехала и моя княжна Цицианова из Троицы, вся упитанная Антонием[8] и Голубинским[9]: постничает и читает по целым часам, стоя, каноны и проч. Ее приезд меня оживил, во-первых, потому, что она за меня ездит в больницу[10], куда я уже давно не заглядывала. Моя боязнь такого роду, что я страждущих и больных не могу видеть: сейчас со мною делаются страхи и обдает меня холодным потом. <...> Аксаков Константин получил ваше письмо[11], писал мне — снял все, что не надобно, надел все, что надобно. Самарин очень рад вашему письму[12]; он камер-юнкером сделан. Длинное письмо[13] должен был он писать, но теперь вы сами предупредили его, написав Аксакову, чтобы он вздоров не делал. <...>

Понимаю вполне, что вы говорите о графине Нессельрод, тем уже довольна, что она вам понравилась; только и нужно было. В рассеянности Додо[14] не сомневаюсь; пусть ее до поры и времени. Состояние Дурновой, по мне, опаснее. Иванову дружеский поклон. Что Иордан? Подвигается ли? А мне Иванов обещал копию с Иоанна Кр<естителя> своего[15] в маленьком размере. Я, пожалуй, куплю всю его маленькую эскиз. Скажите это ему. <...> ...Господь да сохранит вас для нас и сподобит окончить труд».

[1] См. ***1846. Января 27 <15>. Вторник. Рим.***

[2] Александр Иванович Клементьев, штабс-капитан, мещовский уездный судья в 1846–1855 гг. В статье *XXI. Что такое губернаторша* «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь писал: «Ваш поступок, то есть ваш и вашего супруга, с уездным судьей М*** уезда, которого вы нарочно вызвали в город с тем, чтобы примирить его с прокурором, почтить его радушным угощением и дружеским приемом за прямоту, благородство и честность, — поверьте, сделал уже свое действие. Мне нравится при этом случае то, что судья (который, как оказалось, был просвещеннейший человек) одет был таким образом, что его, как вы говорите, не приняли бы в переднюю петербургских гостиниц. Хотел бы я в эту минуту поцеловать полу его заношенного фрака».

Позднее, 18 января 1851 г., Смирнова писала Гоголю: «У нас были в Калуге выборы, я увиделась с мещовским судьей Клементьевым; он всему уезду показался так горек, что его чуть не забаллотировали, однако он удержался на своем месте. Он любит свою должность, ею дорожит и говорит, что без нее не может жить. <...> Что будет далее с ним, не знаю; но он, конечно, очень замечателен» (см. ***1851. Января 18. Четверг. Москва***).

[3] Исполняющим должность калужского губернского прокурора был Федор Петрович Миотийский (1812–1868).

[4] Смирнов, калужский гражданский губернатор, муж Смирновой.

[5] Стихотворение Лермонтова «А. О. Смирновой», напечатанное в № 10 «Отечественных Записок» за 1840 г. (С. 229).

[6] См. также ***1840. Октября начало <сентября вторая половина>. Рим*** (примечания).

[7] Имеется в виду двоюродная сестра (см. ***1844. Сентября 26 <октября 8>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1844. Октября 24 <12>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1851. Января 18. Четверг. Москва***).

[8] Преподобный Антоний (Медведев), архимандрит Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. — См. ***1838. Октября 6 <18>. Четверг. Москва*** (примечания).

[9] Протоиерей Феодор Александрович Голубинский (1798–1854), профессор Московской Духовной академии.

[10] См. ***1845. Декабря 16 <28>. Воскресенье. Калуга*** (примечания).

[11] См. ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим.***
[12] См. ***1846 января 3 <1845 декабря 22>. Суббота. Рим.*** – Одновременно с письмом к Смирновой в Калугу Самарин, по-видимому, отправил из Петербурга в Рим ответное письмо к Гоголю (см. ***1846. Февраля средина <февраля конец>. Санкт-Петербург***).
[13] См. ***1846. Января 27 <15>. Вторник. Рим.***
[14] Графиня Е. П. Ростопчина.
[15] Подразумевается картина «Явление Мессии».

МАРТА 7 <ФЕВРАЛЯ 23>. СУББОТА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ФЕОДОРА ТИРОНА. РИМ

Вероятно, в этот день, в субботу первой седмицы Великого Поста, Гоголь, по древнему христианскому обычаю[1], приобщается Св. Христовых Таин[2].

[1] См. также ***1843. Марта 11 <февраля 27>. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Рим***; ***1848. Февраля 28 <марта 11>. Суббота первой седмицы Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Иерусалим***; ***1852. Февраля 16. Суббота. Шестой день Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Москва.***
[2] См. ***1846. Марта 24 <12>. Вторник. Рим.***

ФЕВРАЛЯ 25 <МАРТА 9>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Н. М. Языков сообщает Н. Н. Шереметевой:

«От Николая Васильевича я больше уже не получал писем — знаю только, по другим известиям из Рима, что он снова грустен и хандрит. Ему непременно должно жить в Москве или в Питере...»[1]

В тот же день В. С. Аксакова отвечала[2] М. Г. Карташевской:

«Мы также прочли Достоевского, и я согласна с тобой. Странная повесть[3] с большим достоинством, хотя вовсе почти не дает тех освежительных высоких наслаждений художеством, которые мы находим во всяком слове Гоголя; это совсем другое, но она сделала во многих местах сильное на меня впечатление, как верный рассказ этой несчастной жизни, и вообще чувство тяжелое, глубоко грустное, болезненное даже, не оставляло меня ни на минуту. — Его цель, конечно, была та, чтоб возбудить участие к этим несчастным бедным людям, не представляя их идеальными людьми, но со всеми их человеческими слабостями, и он эту цель достигает. — Несчастная форма его повести в письмах так неудобна, что от этого, вероятно, много выходит несообразности, и то, что должен был бы автор или действие говорить за его лицо, должны высказывать они сами про себя, особенно в письмах Мак<ара> Ал<ексеевича>, но несмотря на то, иногда очень искусно автор одевает свою мысль в слово этого бедного человека. В иных местах эта повесть даже очень скучна, в письмах Мак<ара> Алек<сеевича> часты повторения. Но некоторые письма Вариньки, ее журнал особенно хороши. — Даже и то не совсем естественно, чтоб такие люди стали переписываться и именно переписываться так, как они говорят. Разумеется, эта речь, отрывистая, сбивчивая, так, как она обыкновенно выходит из уст человека, особенно человека, как Мак<ар> А<лексеевич>, могла только явиться после того, как Гоголь ее создал, но из этого не следует, чтоб Достоевский подражал, хотя многие фразы прямо напоминают Гоголя, но теперь почти всякая естественная фраза уже невольно напоминает Гоголя, потому что он первый заговорил так. Мне кажется, что впечатление Акакия Акакиевича должно было породить эту повесть, хотя этот чиновник не похож на Акак<ия> Акакиевича. — Я не понимаю хорошенько, хотел ли автор словами Макара Алексеевича о "Шинели" Гоголя показать то впечатление, которое она должна произвести на этих людей или он сам отчасти разделяет его мнение; впрочем, кажется, что это говорит один Макар Алексеевич. — Странен конец,

потому я думаю, особенно, что мы не знаем точно прежних происшествий. Автор хотел, кажется, показать, что и в Вариньке, несмотря на ее горе и положение, есть своего рода суетность. – Мысли я никакой особенно не вижу в окончании; от кого же ты слышала или где ты читала то определение, которое тебя удивило, сообщи... <...> Во втором номере "От<ечественных> З<аписок>" напечатана его другая повесть[4], и, к удивлению, говорят, без всякого достоинства. Я очень бы желала прочесть какую-нибудь другую его повесть, только не в письмах, чтоб судить больше о самом авторе. Я слышала, что он сам чрезвычайно бедный человек. – В "От<ечественных> З<аписках>" мы читали перевод статьи St. Beuve, напечатанной в "Revue des Deux Mondes" о повестях Гоголя[5]. Прекрасная статья, и удивительно, как француз по французскому переводу мог столько оценить и понять Гоголя. В одном месте он говорит: "Такими сценами мы привыкли только восхищаться в Шекспире"[6]. Но всего, разумеется, он не мог и понять, особенно во франц<узском> переводе, который, как ни добросовестен, но не в состоянии передать подлинника»[7].

[1] Из писем Н. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 178.

[2] См. ***1846. Января 28 <февраля 9>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[3] «Бедные люди».

[4] «Двойник».

[5] Перевод статьи Ш. О. Сент-Бёва (познакомившегося с Гоголем лично в 1839 г.) из «Revue des Deux Mondes» («Обозрение двух миров») был напечатан в № 1 «Отечественных Записок» за 1846 г. в статье В. Г. Белинского «Отзывы французских журналов о Гоголе» (статья без подписи). См. ***1839. Июня после 5 – июля начало <мая после 24 – июня конец>. Рим, Чивитавеккья, Марсель.***

[6] Имеется в виду отзыв Сент-Бёва о повести «Тарас Бульба», которую критик назвал «запорожской Илиадой» и отметил в ней глубокие «черты истинной природы <...> которым мы привыкли удивляться только в сценах Шекспира» (цит. по: *<Белинский В. Г.>* Отзывы французских журналов о Гоголе // Отечественные Записки. 1846. № 1. Отд. 8. С. 47). Критик также писал: «Из повестей, переведенных г. Виардо, замечательнее и интереснее всех первая: Тарас Бульба. Это имя одного запорожского казацкого вождя. В его диком, зверском, величественном и, по мгновениям, высоком характере, автор хотел представить изображение того, что были еще некоторые из независимых вождей приднепровских берегов в первой половине XVII века. <...> Запорожцы, верные чистой греческой религии, являются поколением и республикой грубых и неукротимых рыцарей...» (*<Белинский В. Г.>* Отзывы французских журналов о Гоголе. С. 47).

[7] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 846–847.

МАРТА ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА <ФЕВРАЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>

В. А. Жуковский получает от Гоголя письмо с отрывком перевода И. А. Крылова из «Одиссеи».

См. ***1845. Ноября 28 <16>. Пятница. Рим***; ***1846. Февраля 6 <января 25>. Пятница. Рим***; Даты жизни и творчества В. А. Жуковского // *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847 гг. / Сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М., 2004. С. 407.

МАРТА 1 <13>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно почтовому штемпелю[1], П. А. Плетнев получил в этот день письмо Гоголя из Рима[2].

[1] См.: *Городецкий*. С. 452.

[2] См. ***1846. Февраля 20 <8>. Пятница. Рим.***

МАРТА 16 <4>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь пишет ответное[1] письмо к В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Благодарю вас и за письмецо и за вексель[2]. Жаль всё, однако же, что вы ни слова не написали мне о том, получили ли вы мои письма. Здоровья наши сильно расклеиваются. Мне подчас так бывает трудно, что всю силу души нужно вызывать, чтобы переносить, терпеть и молиться. Как подл и низок человек, особенно я! Столько примеров уже видевши на себе, как всё обращается во благо души, и при всем том нет сил терпеть благородно и великодушно! А Он так милостиво и так богато воздает нам за малейшую каплю терпенья и покорности! И среди самых тяжких болезненных моих состояний Он наградил меня такими небесными минутами, перед которыми ничто всякое горе. Мне даже удалось кое-что написать из "М<ертвых> душ", которое всё будет вам вскорости прочитано, потому что надеюсь с вами увидеть<ся>. Мне нужно непременно вас видеть до вашего отъезда в Россию[3] и о многом кой-чем переговорить. Путешествие и дорога мне помогали доселе лучше всяких средств и лечений, а потому весь этот год я осуждаю себя на странствие. Летом объеду всю Германию, заеду в Англию, которой не знаю, и в Голландию, которой тоже не вид<ел>. Осенью объеду Италию, <в> зиму берега Средиземного моря, Сирию, Грецию, Иерусалим и чрез Константинополь, если благословит Бог, в Россию, что долженствует быть весной грядущего, 1847 года. В продолжение путешествия я устроюсь так, чтобы в дороге писать, потому что труд мой нужен: приходит такое время, когда появленье моей поэмы есть существенная необходимость для теперешнего положения дел и мыслей. А как и почему, вы это увидите сами, если я хотя сколько-нибудь сумею ответить на вопрос, себе заданный, или, справедливее, если милосердный Бог вразумит меня, как следует ответить. Доселе и болезнями, и страданьями внутренними и внешними он возводил мою душу до надлежащего умягчения и способности почувствовать многое за других; он же и докончит начатое, и как ни велика моя хилость, но есть внутренняя твердость и вера в то, что велико его милосердие и всё с его помощью совершится. Христа ради, уведомьте меня о себе, как и каким образом вы располагаете возвращаться, и хотя раз напишите, что вы мое письмо получили, потому что я вовсе не знаю, получаете ли вы мои письма... <...> Я полагаю ехать отсюда в мае. В конце мая или в начале июня я буду уже во Франкфурте, а потому уведомьте меня, будете ли вы там. Впрочем, я приеду к вам всюду, куды ни назначите. Недельку проведем вместе. Прошу вас, если будете отправлять свои вещи в Россию, а с ними и мои книги, вынуть из них два экземпляра "Мертвых душ" и оставить их при вас для меня. В России они все выпроданы; я нигде не мог достать, а первая часть мне потребна при писании второй, и притом нужно ее самую значительно выправить. Не позабудьте же немедленный ответ на это письмо. <...> Аксаков пишет, что послал давно на ваше имя во Франкфурт следуемые мне книги, письмо и рукопись стихов сына[4]. Берегите всё до моего приезда».

[1] См. ***1846. Февраля 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[2] Гоголь благодарит за извещение о векселе. Документ был получен в Риме четыре дня спустя (см. ***1846. Марта 20 <8>. Пятница. Рим***).

[3] Жуковский собирался ехать в Россию, так как данное ему разрешение о пребывании за границей истекало 1 мая 1846 г.

[4] Поэмы И. С. Аксакова «Жизнь чиновника» и «Зимняя дорога» (см. ***1846. Января 23 <февраля 4>. Среда. Москва*** – примечания).

МАРТА 4 <16>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет в Рим ответное письмо Гоголю:

«Хотя подробный ответ на все твои вопросы, заключающиеся в письме твоем от 8/20 февр<аля>[1], ты уже, без сомнения, нашел в последнем моем к тебе письме[2] и в бумаге к Бутеневу с твоими деньгами[3]; однако я с удовольствием и еще раз пишу к тебе о том же. Деньги посланы все, сколько причиталось их по срок свидетельства миссии. Я и сам полагал, что со Смирновой ты разочтешься после. Жаль, что ты не объявил мне, куда намерен предпринять поездку: в Петербург или в Иерусалим. Пожалуйста, реши дело с Бернардским. Он нетерпеливо ждет ответа. Слышал ли ты, что умер Полевой[4]? Это бы ничего – да осталось девятеро детей[5] нищих. Благодарю Бога, что Он послал

тебе силы перенести прошлогодние страдания. Конечно, ты воспользуешься теперешним добрым расположением духа — и примешься за исправление должности своей: так я называю то, что Богом предопределено в жизни каждому из нас сделать. <...> Слышал ли ты, что Жуковский уже раздумал нынешним летом приехать в Россию? В<еликий> к<нязь> наследник мне сказывал, что он жалуется на слабость глаз. Это печалит меня несказанно. Между тем в 1847 г. будет 50 лет литературной жизни Жуковского. Надобно, чтобы вы оба приехали сюда на юбилей[6]. <...> Не прислал ли тебе Аркадий Россет каких новых рус<ских> книг? Здесь Белинский с Краевским беснуются за какого-то Достоевского. Но по мне, это пока — ничто. Разве?»

[1] См. ***1846. Февраля 20 <8>. Пятница. Рим.***

[2] См. ***1846. Февраля 16 <28>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1846. Февраля 14 <26>. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1846. Марта 20 <8>. Пятница. Рим.***

[4] 22 февраля 1846 г.

[5] Один из них — Петр Николаевич Полевой (1839–1902), впоследствии историк литературы и писатель.

[6] Ср. ***1849. Января 29. Суббота. Санкт-Петербург.***

МАРТА 4 <16>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Н. Н. Шереметева отправляет Гоголю письмо в Рим:

«Давно о вас, мой друг, ничего не знаю. Приехав сюда, посылали к Николаю Михайловичу[1] спросить о вас, пишет[2], давно не имел. <...> Может, сие к 19[3] придет, поздравляю вас с рождением. <...> Я к вам писала[4] после тяжкой моей болезни, от которой и до сих пор еще не могу оправиться. Наконец 21 февраля получила известие, что дочь моя Якушкина[5] очень больна, и мы с сыном[6] ту минуту поехали. Отцу Небесному угодно было, что уже я не застала в живых. <...> Семейство у ней два сына[7] остались, один в университете. <...> Как ни грус<т>но и больно сердцу, но дай Бог никогда не выпускать из виду, что наше главное на сем свете дело — заботиться о спасении души. <...> Я, похороня дочь 24 февр<аля>, на прошедшей неделе говела и третьего дня, 2 марта, по благости Божией сподобилась приобщиться Святых Таин — и о вас помнила. <...> Дай Бог вам спокойствие и с Его Отцовскою помощию свершить сочинение свое и потом путешествие. Я на этой неделе еду в деревню».

[1] Языков.

[2] См. ***1846. Февраля 25 <марта 9>. Понедельник. Москва.***

[3] См. ***1846. Марта 31 <19>. Вторник. Рим.*** — Письмо пришло в Рим позднее (см. ***1846. Апреля 4 <марта 23>. Суббота. Рим***).

[4] См. ***1846. Января 30 <февраля 11>. Среда. С. Ащерино.***

[5] Анастасия Васильевна (рожд. Шереметева; род. 1807), жена декабриста И. Д. Якушкина, дочь Н. Н. Шереметевой, умерла 20 февраля 1846 г.

[6] А. В. Шереметев.

[7] Имеются в виду братья Якушкины, Вячеслав (1823–1861) и Евгений (1826–1905) Ивановичи. Подробнее см.: ***1847. Декабря 10 <22>. Среда. Москва*** (примечания).

МАРТА 20 <8>. ПЯТНИЦА. РИМ

А. П. Бутенев получил вексель для Гоголя[1].

В тот же день Гоголь написал ответное письмо к П. А. Плетневу (согласно почтовому штемпелю[2], письмо было отправлено из Рима 24 марта (н. ст.) 1846 г.[3]):

«Вексель получил; письмо от 16/28 февраля[4] и прежнее[5] чрез Жуковского получил; свидетельство пришлю в апреле к сроку выдачи следуемой тогда трети. За неточность во всем другом не гневайся: от больного человека, одержимого в такой степени усталостью и изнеможеньем телесным,

трудно и требовать. Художнику Бернардскому объяви отказ[6]. Есть много причин, вследствие которых не могу покамест входить в условия ни с кем. Между прочим, во-первых, потому, что второе издание 1-й части будет только тогда, когда она выправится и явится в таком виде, в каком ей следует явиться; во-вторых, потому, что по странной участи, постигавшей издание моих сочинений, выходила всегда какая-нибудь путаница или бестолковщина, если я не сам и не при моих глазах печатал. А, в-третьих, я — враг всяких политипажей и модных выдумок[7]. Товар должен продаваться лицом, и нечего его подслащивать этим кондитерством. Можно было бы допустить излишество этих родов только в таком случае, когда оно слишком художественно. Но художников-гениев для такого дела не найдешь, да притом [чтобы быть так украшено] нужно, чтобы для того и самое сочинение было классическим, приобревшим полную известность, вычищенным, конченным и не наполненным кучею таких грехов, как мое».

[1] См. ***1846. Февраля 14 <26.>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] См.: *Городецкий.* С. 452.

[3] См. ***1846. Марта 24 <12>. Вторник. Рим.***

[4] См. ***1846. Февраля 16 <28>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1845. Декабря 25 <1846. Января 6>. Вторник. Праздник Рождества Христова. Санкт-Петербург.***

[6] Гравированные Е. Е. Бернардским иллюстрации А. А. Агина к «Мертвым душам» были изданы, но не все и без текста: Сто рисунков к сочинению «Мертвые души», рис. на дереве А. Агин, грав. Е. Бернардский. СПб., 1846. Полностью они были изданы только в 1892 г.

[7] В целом Гоголь скептически относился к умножению в печати иллюстрированных изданий (см. ***1842. Февраля 7 <января 26>. Понедельник. Париж*** — примечания).

МАРТА 9 <21>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ф. В. Булгарин в фельетоне «Северной Пчелы» пишет:

«...Одной литературной партии необходимо нужно было произвесть Г. Гоголя в первостепенные гении, прославлять его беспрерывно с криком и шумом. <...> Лермонтова поставили выше Шиллера, Державина и Пушкина, а Гоголя провозгласили основателем новой школы, повесть его, *Мертвые Души,* во многих местах забавную, во многих местах совершенно пошлую, названную автором, вероятно, в шутку *поэмою,* они признали *поэмою,* без шуток, и веселого рассказчика, какие десятками встречаются в других литературах, преважно сравнили... с Гомером!!!!!! <...> Но вот беда! Лермонтов умер, а Г. Гоголь едва ли будет продолжать писать, если верить слухам из Италии... Откуда же взять нового гения, чтоб криком о нем заглушить прежние известности? Вот явился молодой человек, Г. Достоевский, написавший две весьма слабые повести: *Бедные Люди* и *Двойник* <...>, — и партия ухватилась за Г. Достоевского, и давай превозносить его выше леса стоячего, ниже облака ходячего!»

<*Булгарин Ф. В.*> Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1846. 9 марта. № 55. С. 218.

МАРТА 21 <9>. СУББОТА. РИМ

Гоголь получает паспорт, выписанный русским консульством в Риме, для проезда в Неаполь и обратно:

«По указу ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКОГО, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляется через сие всем, и каждому, кому о том ведать надлежит, что показатель сего *Господин Профессор Гоголь отправляется отсюда в Неаполь с возвратом.*

Во свидетельство того и для свободного проезда дан сей паспорт за подписанием моим и с приложением печати Миссии.

В *Риме 9/21 Марта* дня 184*6*.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕГО ГОСУДАРЯ Моего, Тайный Советник, Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр при Дворах Римском и Тосканском и Орденов Св. Александра Невского, Белого Орла, Равноапостольного Князя Владимира Большого креста второй степени, Св. Анны первой степени, Св. Станислава первой степени и Королевско-Греческого ордена Спасителя Большого креста первой степени Кавалер

А. Бутенев».

Паспорт выписан на печатном бланке на двух листах, на русском и французском языках. Имя Гоголя, место назначения и дата вписаны (выделено курсивом). На обороте 1 л. прописки Гоголя в Неаполе и в Риме, на ит. яз. Документ в тот же день (в день выдачи) был заверен в римской полиции.

Свод. Т. 3. С. 591.

МАРТА 10 <22>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Согласно почтовому штемпелю[1], Н. М. Языков в этот день получил письмо Гоголя из Рима от 26–28 февраля (н. ст.) 1846 г.[2]

[1] См.: *Городецкий.* С. 474.
[2] См. ***1846. Февраля 26 <14>. Четверг. Рим.***

МАРТА 23 <11>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Гоголь пишет в Москву ответное[1] письмо к С. Т. Аксакову (письмо было отправлено на следующий день[2]):

«Письмо ваше от 23 генваря я получил. Благодарю вас много за присылку стихов Ив<ана> Серг<еевича>[3]. В них много таланта, особенно в первом, то есть в стансах, начинающихся так:

Среди удобных и ленивых,
Упорно-медленных работ...

Я удивляюсь только, почему они лучше последних, тогда как бы следовало быть последним лучше первых: человек должен идти вперед. Прежних стихов[4], вами посланных к Жуковскому, я не получил. Жуковский не упоминает даже ни слова в письмах своих, была ли какая-нибудь к нему посылка на мое имя. Я послал, однако ж, к нему запрос[5], на который доселе еще нет ответа. Благодарю также Ольгу Семеновну[6] за сообщение прекрасной проповеди Филарета[7], которую я прочел с большим удовольствием. Насчет недугов наших скажу вам только то, что, видно, они нужны и нам всем необходимы. <...> Доселе из всех средств, более мне помогавших, была езда и дорожная тряска, а потому весь этот год обрекаю себя на скитание, считая это необходимым и, видно, законным определением свыше. Летом полагаю объездить места, в которых не был в Европе северной, на осень в южную, на зиму в Палестину, а весной, если будет на то воля Божья, в Москву, а потому следующие письма адресуйте к Жуковскому. А всех вообще просите молиться обо мне, да путешествие мое будет мне во спасенье душевное и телесное и да успею хотя во время его, хотя в дороге, совершить тот труд[8], который лежит на душе».

Позднее, в 1854 г., С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя», комментируя настоящее письмо, заявлял: «Почерк руки и самое содержание письма, если внимательно в него всмотреться, показывают внутреннее ненормальное состояние Гоголя»[9]. Замечание вызвано критическим отношением Аксакова к «Выбранным местам из переписки с друзьями»[10].

[1] См. ***1846. Января 23 <февраля 4>. Среда. Москва.***

[2] См. ***1846. Марта 24 <12>. Вторник. Рим.***

[3] «Ночь» и «Среди удобных и ленивых...»

[4] «Жизнь чиновника» и «Зимняя дорога» (см. ***1846. Января 23 <февраля 4>. Среда. Москва*** – примечания).

[5] См. ***1846. Марта 16 <4>. Понедельник. Рим.***

[6] Аксакова.

[7] Слово святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского и Коломенского «в день восшествия на Всероссийский Престол Благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича» (см. ***1846. Января 23 <февраля 4>. Среда. Москва***).

[8] Намек на замысел «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[9] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 648.

[10] См. ***1852. Ноября 4. Вторник. Москва*** (примечания). – См. также ***1846. Мая 5 <апреля 23>. Вторник. Рим.***

МАРТА 24 <12>. ВТОРНИК. РИМ

Гоголь отправляет написанное 20 марта (н. ст.) 1846 г.[1] письмо к П. А. Плетневу в Петербург и ответное[2] послание к Н. М. Языкову в Москву, с вложением написанного накануне письма к С. Т. Аксакову[3] и ответного[4] письма к Н. Н. Шереметевой.

В письме к Языкову Гоголь сообщал: «Письмо твое от 27 генваря получил. От Аксакова тоже получил (от 23 генв<аря>), с присовокуплением стихов Ив<ана> Серг<еевича>[5], из которых мне особенно понравились стансы:

Среди удобных и ленивых,
Упорно-медленных работ...

В юноше виден талант решительный, стремлен<ье> приспособить поэзию к делу и к законному влиянию на текущие современные события, хотя сам поэт для этого еще не воспитался и, вероятно, будет долго еще ходить и колесить около, пока не попадет на самое дело[6]. Здоровье мое так же плохо, и с каждым днем прибавляется какой-нибудь новый недуг. <...> Авось дорога поможет, и Бог будет так милосерд, что вновь освежительным проездом чрез множество климатов и воздухов освежит меня, сколько нужно для подъятия труда. <...> Еду через месяц. Письма адресуй на имя Жуковского, с которым спешу увидеться до его отъезда в Россию. Летом, если Бог поможет, объезжу Голландию, [мест<ности> Герма<нии>] Англию, включая сюда купанье в море или греффенбергские проделки, к осени в Италию, зимою, если святая сила удостоит, в Иерусалим, ко времени Пасхи. Но об этом еще будет время переговорить. Передай письмо Серге<ю> Тим<офеевичу>, а другое – Надежде Николаевне».

Шереметевой Гоголь писал: «Благодарю вас, добрый друг мой Надежда Николаевна, за вашу посылку. Образ и молитвы[7] я, наконец, получил. То и другое пришло весьма кстати: накануне Великого Поста[8], накануне моего говения. Бог удостоил меня приобщиться Святых Таин[9]. Хотя бы и лучше мне хотелось говеть, хотя бы и более хотелось выполнить высокий обряд, хотя бы, наконец, желалось сколько-нибудь более быть достойным Его милостей, но благодаренье Ему и за то! Благодаренье и за то, что помог привести дух мой даже и в такое состояние! Без Его милости и того бы нельзя было мне сделать, и я в несколько раз был бы еще недостойнее. О! молитесь обо мне! Молитесь обо мне, друг мой, да поможет Он мне быть достойнее Его милостей, да поможет Он мне избавиться от всей мерзости моей душевной, да поможет мне избавиться от низкого малодушия моего, от недостатка твердой веры в Него, да простит мне за все мое бессилие и не отвращает лица Своего от меня, чтоб не одолела моя худость и злоба Его небесного милосердия»[10].

[1] См. ***1846. Марта 20 <8>. Пятница. Рим.***
[2] См. ***1846. Января 27 <февраля 8>. Воскресенье. Москва.***
[3] См. ***1846. Марта 23 <11>. Понедельник. Рим.***
[4] См. ***1845. Декабря 13 <25>. Четверг. Москва; 1845. Декабря 23 <1846. Января 4>. Воскресенье. Покровское; 1846. Января 30 <февраля 11>. Среда. С. Ащерино.***
[5] «Ночь» и «Среди удобных и ленивых...»
[6] См. ***1846. Января 23 <февраля 4>. Среда. Москва*** (примечания).
[7] См. ***1845. Декабря 13 <25>. Четверг. Москва.***
[8] См. ***1846. Марта 1 <февраля 17>. Прощеное воскресенье. Рим.***
[9] См. ***1846. Марта 7 <февраля 23>. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Рим.***
[10] Ср. молитву на сон грядущим св. Иоанна Дамаскина: «...да не одолеет моя злоба Твоей неизглаголанней благости и милосердию...»

МАРТА 25 <13>. СРЕДА. РИМ

Домовладелицы Антонина и Виттория Гуэрра (Guerra) получают от Гоголя плату за наем квартиры с 25 марта (н. ст.) по 2 мая (н. ст.) 1846 г.[1]

Текст расписки, выданной Гоголю В. Гуэрра, на ит. яз. (на листе бумаге, бывшей в употреблении у Гоголя, с филигранью: орел с распахнутыми крыльями на трех камнях в круге[2]).

[1] Сведения о найме Гоголем квартиры в Риме с 28 октября (н. ст.) 1845 г. по 18 апреля (н. ст.) 1846 г. // *Свод.* Т. 3. С. 582.
[2] Изображение филиграни см.: *Гоголь 1889–1896.* Т. 1. Между с. 2 и 3; № 4.

МАРТА 15 <27>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

П. А. Плетнев читает у М. П. Балабиной статью Ш. Сент-Бёва о Гоголе[1].

16 марта 1846 г. Плетнев извещал Я. К. Грота: «Вчера вечером у Балабиной мы прочитали статью Ste-Beuve – и она была в восхищении от нее»[2].

[1] См. ***1845. Декабря 17 <29>. Понедельник. Москва*** (примечания).
[2] *Свод.* Т. 1. С. 675.

МАРТА 29 <17>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Домовладелицы Антонина и Виттория Гуэрра (Guerra) получают от Гоголя отдельную (возможно, дополнительную) плату за наем квартиры с 29 марта (н. ст.) по 18 апреля (н. ст.) 1846 г.[1]

Текст расписки, выданной Гоголю В. Гуэрра, на ит. яз., на листе бумаге, бывшей в употреблении у Гоголя, с филигранью: орел с распахнутыми крыльями на трех камнях в круге[2].

[1] Сведения о найме Гоголем квартиры в Риме с 28 октября (н. ст.) 1845 г. по 18 апреля (н. ст.) 1846 г. // *Свод.* Т. 3. С. 582.
[2] См. также ***1846. Марта 25 <13>. Среда. Рим.***

МАРТА КОНЕЦ <МАРТА СРЕДИНА>. РИМ

Чтения Гоголя сестрам Екатерине и Елизавете Васильевнам Давыдовым.

15 мая 1846 г. В. Л. Давыдов отвечал дочерям Екатерине и Елизавете из Красноярска: «Как я благодарен г. Гоголю за его любезное внимание к вам и за превосходные чтения, которые он вам устраивал[1]. Передайте ему это обязательно, прошу вас. Спросите же у него, когда появится вторая часть его “Мертвых душ”? — Я только что перечел первую — в третий раз — и не сомневаюсь в том, что перечту ее снова. Без спора, г. Гоголь — наш лучший современный писатель, и он далеко опередил всех остальных».

Гоголь в письмах В. Л. Давыдова // *Свод.* Т. 3. С. 325.

[1] Согласно приблизительным расчетам о двухмесячном следовании в то время писем из-за границы в Красноярск (см. ***1840. Декабря 23 <11>. Среда. Рим***; ***1841. Февраля 8 <20>. Суббота. Красноярск***), письмо сестер Давыдовых, в котором они сообщали отцу о чтениях Гоголя, было отправлено в конце марта (н. ст.) 1846 г. (послание не сохранилось).

МАРТА 31 <19>. ВТОРНИК. РИМ

Гоголю исполнилось 37 лет.

МАРТА 31 <19>. ВТОРНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский пишет ответное[1] письмо Гоголю в Рим:

«Любезный Гоголек, пишу к вам только для того, чтобы отвечать на запрос ваш, заключающийся в последнем вашем письме: получены ли мною все ваши письма? Получены, сударь. От Аксакова получил я манускрипт для вас, и он у меня хранится. Это какие-то драматические сцены в стихах[2], под именем мистерий, в которых, точно, смысл есть мистерия. Наши поэты тянутся в гениальную оригинальность немилосердно. У меня поэтический запор все еще продолжается. Гомер[3] спит сном богатырским. <...> А вы, мой милый, начинаете — в час добрый. И план ваш пуститься в путь весьма одобряю. Только не советую на Восток: с вашими нервами затруднительные путешествия по горам, по степям, посреди препятствий и опасностей всякого рода никуда не годятся. Для таких путешествий необходимы силы богатырские. Ограничьте себя Европою; теперь только вы переезжали с места на место и оставались на житье в Риме или в Париже. Начните путешествовать как должно, то есть все осматривайте, что того стоит; как можно более путешествуйте пешком; определите на это год или два; и выкиньте из головы всякую заботу. Думайте во все это время только об одном Боге и пользуйтесь вполне свободою — это будут счастливые минуты, целительные для души и тела. <...> От Вьельгорских нет никакого слуха. От Смирновой получил краткое письмо из Калуги: она чахнет душою. Это мне очень прискорбно. <...>

Отрывок перевода Крылова из “Одиссеи” хорош; но думаю, что мой перевод, при такой же точности, опрятнее. Наш дедушка Крылов не подмел горницы: убрал ее прекрасно, да на полу валяются бумажки»[4].

[1] См. ***1846. Марта 16 <4>. Понедельник. Рим.***
[2] Произведения И. С. Аксакова «Жизнь чиновника» и «Зимняя дорога» (подробнее см.: ***1846. Января 23 <февраля 4>. Среда. Москва*** — примечания).
[3] Перевод «Одиссеи» Гомера.
[4] См. ***1845. Ноября 28 <16>. Пятница. Рим*** (примечания).

МАРТА 19 <31>. ВТОРНИК. МОСКВА

Н. М. Языков пишет Н. Н. Шереметевой в с. Покровское:

«Я получил письмо от Николая Васильевича[1]; вот вам выписка из этого письма...»[2]

Далее цитируются строки из письма Гоголя к Языкову от 26–28 февраля (н. ст.) 1846 г.: «Богу угодно посылать мне такие недуги, каких прежде никогда не было. Тяжело, тяжело, иногда так приходится тяжело, что хоть, просто, повеситься. Но верю и даже слышу, что все это во благо, и благословляю Бога за все. И в душе, и в голове много оттого выигрышу. Кроме того, и в эти тяжелые минуты не оставляло меня милосердие Его. Как ни сильны были телесные недуги, но душа не болела, и хандра не приходила. Из всех средств, на меня действовавших доселе, я вижу, что дорога и путешествие действовали благодетельнее всего. А потому с весной начну езду и постараюсь писать в дороге. Дело, может быть, пойдет, тем более, что голова уже готова».

В тот же день Языков отправил в Рим ответное письмо Гоголю:

«Твои письма от 25-го декабря <ноября> 1845 г.[3] и к Шевыреву и к Аксаковым дошли в свое время, и ответы[4] на них посланы к тебе тогда же. Пускайся в путешествие, если ты уверен, что действует благотворно на твое бренное тело, и пиши как можно больше: наша литература давно уже ждет твоего делания, а между тем на ее поприще правда никнет, а злочестие высится!

Посылаю тебе перевод предисловия к немецкому переводу "Мертвых Душ"[5]. Немец переводчик Löbenstein (ты, конечно, желал бы не stein, a hausen[6]), называет их ***народною русскою книгою,*** сделавшей столько же шуму в России, как "Mystères de Paris"[7] во Франции, — говорит, что ты получил за нее 3000 руб<лей> сер<ебром>, и что профессор Погодин, ее у тебя купивший, имел 4000 р<ублей> сер<ебром> барыша[8]. Далее следует приложение[9].

У нас составляется литературный сборник[10]: он будет лучше того, который ты получил уже, и будет гораздо толще: в него войдет целая санскритская драма, переведенная с подлинника Коссовичем[11], войдет повесть Дв. . . ., много стихов И. Аксакова и проч., и проч.

Путешествие А. Норова[12], которое до сих пор не давалось тебе, как клад, ты, конечно, уже получил, следственно можешь успокоиться по этой части. Вышел роман Загоскина: "Брынский лес"[13], прекрасно! Он, мне кажется, гораздо лучше "Юрия Милославскаго". Я пришлю его тебе.

У Надежды Николаевны Шереметевой большое горе: умерла Якушкина[14] и сама почтенная наша старушка то и дело прихварывает; теперь она в деревне, в Рузском уезде.

У нас носится слух, что Жуковскому отпуск отсрочен только до мая 1846 г., стало быть к июлю должно ждать его в Москву. Едва ли он здесь поселится: он привык к жизни тихой, так сказать, патриархальной, а здесь все-таки он будет в шуму градском и на бою.

Свербеевы и Хомяковы тебе кланяются. Елагины все в деревне».

[1] См. ***1846. Февраля 26 <14>. Четверг. Рим.***

[2] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 178.

[3] См. ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим.*** — См. также ***1845. Декабря 20 <8>. Суббота. Рим.***

[4] См. ***1846. Января 23 <февраля 4>. Среда. Москва.***

[5] Речь идет о предисловии переводчика Ф. Лёбенштейна к лейпцигскому изданию «Мертвых душ» 1846 г. В этом предисловии, список русского перевода которого сохранился в архиве С. П. Шевырева, дается следующая характеристика поэмы Гоголя: «Гоголь не надевает белых перчаток и не мягкими пальчиками прикасается он к ранам, — нет, он хватает их просто и, так сказать, медвежьею лапой — и резко выставляет истины, часто горькие, на вид своему правительству и народу. Он — пламенный патриот... но эта любовь не ослепляет его, она не мешает ему видеть ошибочное направление воспитания, жалкий упадок правосудия и судопроизводства и вообще все смешные стороны своих сограждан. Насмешливо улыбаясь, спокойно стегает он бичом сатиры и старого и малого, и общественное и государственное зло, не стараясь, как стараются многие другие писатели, приобресть себе благоволение публики, глядя сквозь пальцы на ее склонности» (*Михайлова А. Н.* Примечания // *Гоголь 1937–1952.* Т. 13. С. 458).

[6] Не камень, а жизнь.

[7] «Парижские тайны» (1842–1843) Э. Сю.

[8] «В 1846 году вышел немецкий перевод *Мертвых Душ*, сделанный Лёбенштейном. Переводчик в своем предисловии задел Погодина. Шевырев, извещая об этом последнего писал: "Тут клевета на тебя: переводчик говорит, что Гоголь взял на *Мертвые Души* с тебя три тысячи рублей серебром, а ты на эту сумму выиграл четыре тысячи рублей серебром распродажею издания. Надо бы где-нибудь эту клевету опровергнуть и разругать этого дурака. Я советовал бы послать в *Allgemeine Zeitung*, так как она всех более читается, и к <Я. П.> Иордану через <А. А.> Куника". Но Гоголь не протестовал против этой клеветы... <...> <следует фрагмент письма Гоголя

к Н. М. Языкову от 8 января (н. ст.) 1846 г. – ***1846. Января 8 <1845. Декабря 27>. Четверг. Рим***>, а познакомившись с предисловием, Гоголь писал тому же Языкову: "Благодарю за выписку предисловия к Немецкому переводу *Мертвых Душ*. Немец судит довольно здраво" <см. ***1846. Мая 5 <апреля 23>. Вторник. Рим***>. Долг справедливости побуждает нас заметить, что Погодин был издателем *Ревизора*, а не *Мертвых Душ*, и когда в том же 1846 году Гоголь вздумал сделать новое издание *Ревизора*, то Погодин писал Шевыреву: "Что наш бедный Гоголь?.. *Ревизора* он хочет печатать, но он позабыл, что получил от меня, кажется, две тысячи пятьсот рублей или две тысячи за издание, и что это издание осталось у меня все в кладовой, потому что он тогда же выдал полное собрание! <см. ***1846. Октября конец – ноября начало <ноября первая половина – ноября средина>***» (*Барсуков*. 1894. Кн. 8. С. 327).

[9] Приложение с переводом не сохранилось.

[10] Московский Литературный и Ученый Сборник. 1846 (цензурное разрешение 13 мая).

[11] Драма «Торжество светлой мысли», перевод с санскритского языка К. А. Коссовича, была послана Гоголю весной 1847 г. П. А. Плетневым (см. ***1847. Апреля 25 <мая 7>. Пятница. Санкт-Петербург***).

[12] См. ***1846. Июля 21 <9>. Вторник. Швальбах***.

[13] Брынский лес. Эпизод из первых годов царствования Петра Великого. Сочинение М. Н. Загоскина. М., 1846. Ч. 1–2.

[14] Анастасия Васильевна, дочь Шереметевой (см. ***1846. Марта 4 <16>. Понедельник. Москва***).

МАРТА 21 <АПРЕЛЯ 2>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Графиня Анна М. Виельгорская отправляет Гоголю в Рим письмо, начатое 18 марта 1846 г.:

«Петербург. 18-го марта.

<...> Может быть, в эту минуту обо мне думаете и говорите себе: "Какая ленивая, давно мне не писала". <...> До Великого поста[1] я была в самом дурном расположении и не была в духе писать. В начале февраля вдруг захворал меньшой ребенок[2] Аполлины Михайловны[3] и скончался на седьмой день болезни. Прочие, слава Богу, здоровы; только Софья Михайловна[4] что-то начинает опять худеть и немножко слабеть. Ей предписали морские ванны, и, может быть, придется нам поехать нынешнее лето куда-нибудь близко купаться, или в Ревель, или в Гельзингфорс. <...> ...Климатом я более не занимаюсь и никогда на него не сержусь. Вы теперь, может быть, думаете, что мне осталось меньше причин упадать духом, чем прежде, но очень ошибаетесь: я была в продолжительном унынии всю зиму. И как вам объяснить, отчего я унывала? сама я не знаю причину. Во-первых, надобно сказать, что маменька[5] была в самом печальном расположении почти всю зиму, и вы можете вообразить, что это на меня имеет большое влияние. Потом насчет Софьи Михайловны я иногда беспокоивалась, но, слава Богу, это не случалось часто. Не говоря о личных обстоятельствах, только и слышишь в городе о несчастиях, о голоде и болезнях. В некоторых из наших губерний умирают с голода; здесь, в Петербурге и около города, свирепствовает заразительная болезнь, le typhus[6], от которой множество людей каждый день умирает. Доктора говорят, что во время холеры не было больше умирающих, чем теперь. Несмотря на то, всю зиму танцевали, веселились, и я с прочими, только с разницею, что мне почти всегда было скучно или близко к тому и что мне большой свет ужасным образом надоел. <...> ...Самые добрые портятся в этом гадком свете. Где же умные люди? где же возвышенные души? Наша молодежь разделяется на две классы: первая, в которой находятся несколько умных людей, занимается картами; другая, составленная из самых молодых людей, живет только ногами, то есть умеет только танцевать. Я вам в пример скажу, любезный Николай Васильевич, что самые модные франты нынешней зимы, с которыми все щеголихи старались танцевать, такие пустые люди, что с ними нельзя иметь даже светского глупого разговора. В этом случае можно повторить слова школьного учителя во французской пьесе[7]: "Et quand je pense, que c'est la l'espoir de la patrie!.."[8] Но довольно об этом. Я уже вам, верно, надоела моими длинными размышлениями. Мне показалось, что я с вами где-нибудь сижу, как случалось в Остенде[9] или в Ницце[10], и что вам говорю все, что в голову приходит, и что вам рассказываю всякую всячину. Вы меня тогда слушали, тихонько улыбаясь и закручивая усы... Как я вас вижу, Николай Васильевич, точно как будто бы вы предо мной стояли!

21 марта.

На первой неделе Великого поста мы все вместе говели, и с тех пор я совсем ожила. <...> Мне очень хочется говеть еще на последней неделе; но не знаю, согласится ли на это духовный отец мой, Павский. Он предобрый и просвещенный человек, и я б очень желала его чаще видеть, но он очень далеко живет, и, во-вторых, в Петербурге вообще никогда не видим тех, которых хотелось бы видеть, а беспрестанно встречаемся с посторонними лицами. От Александры Осиповны довольно хорошие известия. Все в Калуге в восхищении от нее; остальное она, верно, вам сама написала, то есть то, что не в ее похвалу. Вы, верно, знаете, что Государь был в Москве и что опять сюда воротился. С тех пор, как Государыня уехала[11], я его больше никогда не вижу и едва ли не переговорила с ним несколько слов. Он, слава Богу, здоров. У цесаревны[12] мы были только на больших собраниях, так что я до сих пор ее только знаю издали, как и все другие. On ne dit que du bien d'elle et elle plait generalement. A propos[13], Николай Васильевич, с первым фельдъегером мы вам пошлем повесть Достоевского (молодого человека 22 лет) "Бедные люди", которая мне очень понравилась. Прочтите ее, пожалуйста, и скажите мне ваше мнение. Знаете ли, что господин Виардо, муж певицы, перевел и публиковал несколько из ваших повестей[14], как, например, "Тарас Бульба", "Старосветские помещики", "Записки сумасшедшего"; прочие я не помню. Рассердитесь вы на это, любезный Николай Васильевич, или нет? Я воображаю себе, что это вам неприятно будет, но напрасно; я, напротив, очень радуюсь, что вас будут знать и почитать не только в России, но и в других краях. "Vous etes une de nos gloires modernes"[15]: как же русскому вами не гордиться? Видите, вот как я вам это объясню: как русская, вы для меня *Гоголь*, и я вами горжусь, а как Анна Михайловна, вы только для меня Николай Васильевич, то есть христианский, любящий, вернейший друг».

[1] Великий Пост в 1846 г. начинался 18 февраля.
[2] Годовалая дочь (см. ***1845. Марта 1 <13>. Четверг. Санкт-Петербург***).
[3] Веневитинова, сестра Виельгорской.
[4] Графиня Соллогуб, сестра Виельгорской.
[5] Графиня Л. К. Виельгорская.
[6] Тиф *(фр.)*.
[7] О какой пьесе идет речь, неизвестно.
[8] Подумать только, что это-то и есть надежда родины! *(фр.)*
[9] См. ***1844. Июля 26 – сентября 15 <июля 14 – сентября 3>. Остенде.***
[10] См. ***1843. Ноября 19 <7> – 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***
[11] Императрица Александра Федоровна уехала за границу осенью 1845 г.
[12] Мария Александровна, жена наследника, будущего Императора Александра II.
[13] О ней говорят только хорошее, и она вообще всем нравится. Кстати... *(фр.)*.
[14] См. ***1845. Ноября первая половина <октября вторая половина>. Париж.***
[15] Вы – слава нашего времени *(фр.)*.

МАРТА 22 <АПРЕЛЯ 3>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Министр двора светлейший князь П. М. Волконский известил директора Императорских театров А. М. Гедеонова, что по представлению Гедеонова от 14 марта 1846 г. М. С. Щепкин увольняется в отпуск с половины мая по 1 октября в Южную Россию, для поправления здоровья[1].

Спустя несколько дней, 26 марта 1846 г., В. Г. Белинский сообщал из Петербурга В. П. Боткину: «Я еду с М. С. Щ<епкиным> в Новороссию (в Одессу и Крым). Воротимся мы в октябре»[2].

[1] *Гриц.* С. 359.
[2] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 269.

АПРЕЛЯ 4 <МАРТА 23>. СУББОТА. ПАРИЖ

Граф А. П. Толстой пишет письмо к Гоголю в Рим[1] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1846. Апреля 18 <6>. Великая суббота. Рим.***

АПРЕЛЯ 4 <МАРТА 23>. СУББОТА. РИМ

Согласно почтовому штемпелю, в Рим доставлено письмо к Гоголю Н. Н. Шереметевой из Москвы.

См. ***1846. Марта 4 <16>. Понедельник. Москва.*** – См. также ***1846. Апреля 5 <марта 24>. Воскресенье. Рим.***

АПРЕЛЯ 5 <МАРТА 24>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Гоголь пишет ответное[1] письмо Н. Н. Шереметевой:

«Очень вас благодарю. Здоровье мое лучше. Сердечно скорбел о вашей потере[2], о которой узнал вчера[3]. Я сам услыш<ал> много хорошего о покойнице. Бог да успокоит ее в месте злачном, откуда отбежала печаль и болезнь».

[1] См. ***1846. Марта 4 <16>. Понедельник. Москва.***
[2] Имеется в виду кончина дочери Шереметевой А. В. Якушкиной.
[3] См. ***1846. Апреля 4 <марта 23>. Суббота. Рим.***

МАРТА 25 <АПРЕЛЯ 6>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. МОСКВА

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской:

«Не помню, писала ли я тебе, что мы читали другую повесть Достоевского *Двойник* в От<ечественных> З<аписках> и насилу имели терпение прочесть ее. Такого подражания Гоголю, бездушного и даже наглого, и вообразить нельзя, и до того скучно, что я желаю, чтоб ты хоть взглянула на нее, чтоб иметь понятие об ней. Это, кажется, только можно одним объяснить, что автор хотел написать пародию на Гоголя или похвастаться, что и он может написать так же, и тут обнаруживается, что талант Достоевского не таков, как мы вообразили по первой повести».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 847–848.

МАРТА 27 <АПРЕЛЯ 8>. СРЕДА. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет П. А. Плетневу в Петербург:

«Благодарю вас истинно за сочувствие, которые Вы мне выразили в Современнике. Я сам не разделяю мнений г-на Студитского[1] в отношении к Гоголю; но Москвитянин хочет отличиться терпимостью всяких мнений. Я, впрочем, отвечаю только за то, что подписано моим именем»[2].

В опубликованном в 1846 г. в первом номере «Москвитянина» обзоре А. Е. Студитского «Русская словесность в 1845-м году» о Гоголе говорилось как о продолжателе «разрушительного» направления, заданного О. И. Сенковским и поддержанного М. Ю. Лермонтовым. «...Мы хотели <...>, чтобы поэт взглянул <...> на нашу жизнь, чтобы в его созданиях, как в верном зеркале, мы могли видеть себя со всех сторон». В «Мертвых душах», продолжал критик, «одного лица нет живого — в благородном значении этого слова, <...> название столько же прилагается и к тем душам, которые торгуются, продаются, покупаются, вводятся в крепости, и к тем, которые торгуют, продают, покупают, заключают крепости! Самое отвращение общества к отвратительному торгу выразилось в мертвой, отвратительной форме! Мольер, изображая в своих высших комедиях пороки своего общества, считал обязанностию выказывать и его добродетели, у Гоголя нет еще ничего подобного! Преклоняемся пред дарованием поэта, о жалеем о том мертвом направлении, по которому он шел до сих пор, изображая великую Русь и ожидаем с нетерпением новых произведений его гения, кои должны примирить с ним и недовольных»[3].

[1] Александр Ефимович Студитский, журналист, переводчик, сотрудник «Москвитянина».

[2] Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 94.

[3] *Студитский А.* Русская словесность в 1845 году // Москвитянин. 1846. № 1 (цензурное разрешение 30 янв.). С. 253–256.

МАРТА 29 <АПРЕЛЯ 10>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

М. С. Щепкин на благотворительном вечере в доме С. Ю. Самариной[1] на Тверской читает «Заколдованное место» и «Утро делового человека» Гоголя.

«29-го вечером был большой съезд на Тверской, в доме С. Ю. Самариной. Опять цель благотворительная. М. С. Щепкин читал *Заколдованное место* Гоголя, одно из лучших *мест* по нашему мнению из Вечеров на хуторе близь Диканьки, а в чтении Михаила Семеновича являлось оно во всем блеске своем. Потом слышали мы живую сцену: *утро делового человека.* Чтение перемежалось пением; зала была полна»[2].

[1] Софья Юрьевна Самарина (рожд. Нелединская-Мелецкая, 1793–1879), фрейлина императрицы Марии Феодоровны, жена (с 1818 г.) Ф. В. Самарина, мать Ю. Ф. Самарина.

[2] *<Львов В. В., князь> М. Ж.* Жизнь в Москве в марте 1846 года // Москвитянин. 1846. № 4 (цензурное разрешение 1 мая). С. 211; *Гриц.* С. 360.

МАРТА 31 <АПРЕЛЯ 12>. В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ – ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ, В КАТОЛИЧЕСКОЙ – ПАСХА. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

С. Т. Аксаков отправляет записку к А. О. Смирновой:

«Как я благодарен вам, милостивая государыня Александра Осиповна, за приятные ваши строки и за письмо Гоголя[1]. Я так давно не имел о нем никакого известия. Письмо это, конечно, утешительно, хотя видно, что он страдает физически и что нет надежды на его возвращение в Россию прежде окончания “Мертвых Душ” и посещения Иерусалима. Дай Бог, чтоб все это совершилось в продолжение нынешнего года. Помнит ли Гоголь, что в мае месяце пойдет пятый год его отсутствию, что все его имение, которым существуют его мать и сестры, будет взято в казну, если он еще год не возвратится? Напомните ему об этом[2]. <...> Возвращаю письмо Гоголя».

Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 586.

[1] От 4 марта (н. ст.) 1846 г. (см. ***1846. Марта 4 <февраля 20>. Среда. Рим***).

[2] Напоминание Аксакова Смирнова сообщила Гоголю в письме две недели спустя (см. ***1846. Апреля 14 <26>. Фомино воскресенье. Москва***).

АПРЕЛЯ 1 <13>. ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно почтовому штемпелю[1], в Петербург из Рима доставлено письмо Гоголя к П. А. Плетневу[2].

[1] См.: *Городецкий*. С. 452.
[2] См. ***1846. Марта 24 <12>. Вторник. Рим***. – См. также ***1846. Апреля 3 <15>. Великая среда. Санкт-Петербург***.

АПРЕЛЯ 2 <14>. ВЕЛИКИЙ ВТОРНИК

Семнадцатилетний Н. Д. Свербеев[1] пишет К. С. Аксакову:

«Желая иметь некоторые биографические сведения о Гоголе, обращаюсь к Вам, почтенный Константин Сергеевич. Я полагаю, что никто лучше Вашей семьи не знает Гоголя, поэтому Вам будет весьма нетрудно решить следующие вопросы: 1-е. Место и год рождения Гоголя; 2-е. Воспитание и вступление в службу; 3-е. Род службы и путешествия за границу; наконец, 4-е. К какому времени относятся главные его сочинения? Чем скорее Вы решите сии вопросы, тем буду я Вам благодарнее[2]»[3].

[1] Николай Дмитриевич Свербеев (1829–1860), сын Д. Н. и Е. А. Свербеевых; в 1846 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который окончил в 1850 г.; впоследствии чиновник Главного управления Восточной Сибири.
[2] Цель запроса Н. Д. Свербеева не установлена; ответ К. С. Аксакова неизвестен.
[3] *Свод*. Т. 3. С. 855.

АПРЕЛЯ 3 <15>. ВЕЛИКАЯ СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«Гоголь вчера[1] написал мне[2], что не согласен “Мертвые души” поручить Бернардскому издать с гравюрами, которые называет конфектными снадобьями для сбыта гнилого товара»[3].

6 апреля 1846 г. Грот отвечал Плетневу: «Мысль Гоголя касательно гравюр при книгах очень справедлива, но, кажется, он мог бы без унижения для себя согласиться на выгодное предложение»[4].

[1] Ср. ***1846. Апреля 1 <13>. Великий понедельник. Санкт-Петербург***.
[2] См. ***1846. Марта 20 <8>. Пятница. Рим***; ***1846. Марта 24 <12>. Вторник. Рим***.
[3] *Свод*. Т. 1. С. 676.
[4] Там же.

АПРЕЛЯ 3 <15>. ВЕЛИКАЯ СРЕДА

С. Марков[1] сообщает П. И. Бартеневу:

«Об Гоголе иногда говорят, но занимательного мало и нового ничего. <...> Ходят слухи, что 2-я часть “Мертвых душ” печатается; другие, напротив (впрочем, даже одни и те же), толкуют, что и 1-я их часть запрещена»[2].

Свод. Т. 3. С. 701.

[1] Сергей Марков, студент Московского университета.
[2] См. также ***1845. Ноября 4 <16>. Воскресенье. Секиренцы Прилуцкого уезда***; ***1845. Ноября 21 <декабря 3>. Среда. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Москва***; ***1846. Мая 17 <29>. Пятница. Санкт-Петербург***.

АПРЕЛЯ 16 ИЛИ 17 <4 ИЛИ 5>. СТРАСТНОЙ ЧЕТВЕРГ (ВЕЧЕР) ИЛИ СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь на богослужении в домовой церкви русского посольства, где встречается с А. С. Стурдзой.

Осенью 1852 г. Стурдза вспоминал: «...Суждено было мне встретить опять Гоголя ровно через 10 лет[1], и где же? в Риме, в посольской православной церкви, среди умилительных и возвышенных молитвословий великого пятка. По окончании службы мы подошли друг к другу, возобновили минутное знакомство, и оно в Риме же утвердилось взаимными посещениями и беседами лицом к лицу. Тогда-то, к моему изумлению, я нашел в Гоголе не колкого сатирика, не изобретательного рассказчика и автора умных повестей, а человека, стоявшего выше собственных творений, искушенного огнем страданий душевных и телесных, стремившегося к Богу всеми способностями и силами ума и сердца. Я должен сказать здесь, что беседы наши в Риме отразились потом, как в зеркале, в Выбранных местах из переписки Гоголя с друзьями. Итак, несмотря на бесчисленные толки о нем, Гоголь мыслил глубоко, говорил искренно и писал во всеуслышание именно то, чем полна была душа его, что составляло его убеждение, добытое размышлением, опытом и страданиями. Расставаясь со мною в Риме, он дал мне слово, что, обозрев православный восток и поклонившись гробу Господню, непременно заедет в Одессу через полтора года, и слово его сбылось»[2].

Стурдза А. С. Дань памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя // Москвитянин. 1852. № 20. Октябрь. Кн. 2 (цензурное разрешение 22 окт.). Отд. I. С. 224–228; с подписью: «Окна. Сентябрь 1852 года»; *Свод*. Т. 3. С. 631–632.

[1] Ср. ***1836. Августа около 18 <6>. Накануне или в день праздника Преображения Господня. Берн.***
[2] См. ***1848. Мая 3. Понедельник. Приют, близ Одессы.***

АПРЕЛЯ 5 <17>. СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА. МОСКВА

П. А. Плетнев пишет Д. И. Коптеву:

«Два раза уже недавно писал ко мне Гоголь[1]. Он в Риме и жалуется на плохое свое здоровье. Ему один здешний художник предложил было 2-ое издание Мертвых Душ со ста большими картинками и с несметным числом маленьких; но Гоголь отвечал, что картинки при книге считает он за конфектные снадобья, которыми приправляют дрянь. Это совершенно мое убеждение».

Свод. Т. 1. С. 676.

[1] См. ***1845. Ноября 28 <16>. Пятница. Рим***; ***1846. Марта 20 <8>. Пятница. Рим.***

МАРТ – СРЕДИНА АПРЕЛЯ <ФЕВРАЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – АПРЕЛЯ НАЧАЛО>. БРЮССЕЛЬ

П. В. Анненков знакомится с К. Марксом (после отъезда из Брюсселя в Париж завязывает с ним переписку)[1].

К Марксу Анненков явился с рекомендательным письмом от Г. М. Толстого[2]. Толстой писал Марксу: «Мой дорогой друг. Рекомендую Вам господина Анненкова. Этот человек должен по-

нравиться Вам во всех отношениях. Достаточно увидеть его, чтобы полюбить. Он расскажет Вам обо мне. Не имею возможности в настоящее время высказать Вам все, что хотел бы, так как через несколько минут уезжаю в Петербург. Примите уверения в искренности моих дружеских чувств. Прощайте и не забывайте вашего истинного друга Толстого»[3].

Из мемуарного очерка Анненкова «Замечательное десятилетие» (1880): «...С февраля 1846 г. <я> находился за границей[4]. <...> ...По дороге в Европу я получил рекомендательное письмо к известному Марксу от нашего степного помещика, также известного в своем кругу за отличного певца цыганских песен, ловкого игрока и опытного охотника. Он находился, как оказалось, в самых дружеских отношениях с учителем Лассаля и будущим главой интернационального общества; он уверил Маркса[5], что, предавшись душой и телом его лучезарной проповеди и делу водворения экономического порядка в Европе, он едет обратно в Россию с намерением продать все свое имение и бросить себя и весь свой капитал в жерло предстоящей революции[6]. Далее этого увлечение идти не могло, — но я убежден, что когда лихой помещик давал все эти обещания, он был в ту минуту искренен. Возвратившись же на родину, сперва в свои имения, а затем в Москву, он забыл и думать о горячих словах, прозвеневших некогда так эффектно перед изумленным Марксом... <...> Немудрено, однако же, что после подобных проделок как у самого Маркса, так и у многих других сложилось и долгое время длилось убеждение, что на всякого русского, к ним приходящего, прежде всего должно смотреть как на подосланного шпиона[7] или как на бессовестного обманщика. А дело между тем гораздо проще объясняется, хотя от этого и не становится невиннее.

Я воспользовался, однако же, письмом моего пылкого помещика, который, отдавая мне его, находился еще в энтузиастическом настроении, — и был принят Марксом в Брюсселе очень дружелюбно. Маркс находился под влиянием своих воспоминаний об образце широкой русской натуры, на которую так случайно наткнулся, и говорил о ней с участием, усматривая в этом новом для него явлении, как мне показалось, признаки неподдельной мощи русского народного элемента вообще. <...>

С первого же свидания Маркс пригласил меня на совещание, которое должно было состояться у него на другой день вечером с портным Вейтлингом, оставившим за собой в Германии довольно большую партию работников. Совещание назначалось для того, чтобы определить по возможности общий образ действий между руководителями рабочего движения. Я не замедлил явиться по приглашению»[8].

[1] См. ***1841. Апреля 7 <марта 26>. Великая среда. Рим*** (примечания). — См. также ***1846. Июля между 6 и 19 <между июня 24 и июля 7>. Бамберг***; ***1848. Марта после 29 — апреля около 6 <марта после 17 — около 25>. Париж.***

[2] См. ***1844. Июня между 15 и 19 <июня между 3 и 7>. Мангейм*** (примечания).

[3] *Чуковский К. И.* Григорий Толстой и Некрасов. К истории журнала «Современник» // Лит. наследство. Т. 49–50. М., 1949. С. 387.

[4] Анненков выехал за границу 8 января 1846 г. и останавливался в Берлине.

[5] Прочитав эти строки в «Вестнике Европы», Маркс написал: «Ложь. Ничего подобного он не говорил. Напротив, он уверял, что вернется к себе домой для вящего блага своих крестьян. Он даже был настолько наивен, что приглашал меня с собой» (*Чуковский К. И.* Григорий Толстой и Некрасов. С. 392).

[6] 8 мая 1846 г. Анненков писал Марксу из Парижа: «Я только что получил известие, что Толстой принял решение продать все имения, которые ему принадлежат в России. Нетрудно догадаться, с какой целью» (*Чуковский К. И.* Григорий Толстой и Некрасов. С. 391).

[7] После того, как радикальная газета «Ausburger Allgemeine Zeitung» сообщила о том, что Я. Н. Толстой является сотрудником III Отделения, Маркс обратился за разъяснением к Анненкову, не является ли этот Толстой его знакомым, Г. М. Толстым. 30 октября 1846 г. Анненков отвечал: «О Боже! И наш честный, простой, прямой Толстой, который теперь в России думает только о том, как бы распродать все свои имения и поселиться в Европе! Благодарю Вас, мой дорогой Маркс, от его имени, что Вы усомнились, читая статью в "Allgemeine...", и обратились ко мне за разъяснениями» (*Чуковский К. И.* Григорий Толстой и Некрасов. С. 391).

[8] *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // Вестник Европы. 1880. № 4. С. 492, 496–497.

АПРЕЛЯ 18 <6>. ВЕЛИКАЯ СУББОТА. РИМ

Гоголь пишет ответное[1] графу А. П. Толстому в Париж:

«Христос Воскрес! Прежде всего поздравляю вас с праздником всех праздников. Дай Бог сказать нам когда-нибудь на Руси и радостней и торжественней это святое приветствие друг другу, в пору *воскресенья Светлого Воскресенья*, в таком виде, в каком должно праздноваться оно на Руси[2]. Наконец, получил от вас письмецо от 4-го апреля; за месяц перед тем[3] получил другое с Ивановым[4], потом Ершов[5] привез мне от вас поклон. Три книги от Потоцкого[6], вместе с пилюлями, получил еще в начале минувшей зимы. Жаль, что не прислали мне Теологической энциклопедии с литургиями[7]; здесь нельзя достать, но, впрочем, всё равно, перегляжу[8] ее у вас в Париже. Думаю, с Божией помощью, двинуться из Рима через две недели, располагая зацепить Франции и Парижа единственно затем, чтобы взглянуть на вас. К концу мая, если не европейского, то нашего стиля, надеюсь вас увидать... <...> ...Помолимся оба, чтобы нам обоим было свиданье наше и в душевную и в духовную радость, — чем больше братски встречается между собою человек, тем ближе таковой встречей становится к Богу. <...> Передайте мой душевный поклон графине. <...> О приезде моем не сказывайте другим».

[1] См. ***1846. Апреля 4 <марта 23>. Суббота. Париж.***

[2] В заключительной статье *XXXII. Светлое Воскресенье* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846) Гоголь также писал: «В русском человеке есть особенное участие к празднику Светлого Воскресенья. Он это чувствует живей, если ему случится быть в чужой земле. <...> ...Он готов почти воскликнуть: "Только в одной России празднуется этот день так, как ему следует праздноваться!" <...> Отчего же одному русскому еще кажется, что праздник этот празднуется как следует, и празднуется так в одной его земле? <...> Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено Самим Христом. Разнесется звонкими струнами поэтов, развозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее — и праздник Светлого Воскресенья воспразднуется, как следует, прежде у нас, чем у других народов! <...> Знаю я твердо, что не один человек в России, хотя я его и не знаю, твердо верит тому и говорит: "У нас прежде, чем во всякой другой земле, воспразднуется Светлое Воскресенье Христово!"»

[3] См. ***1846. Марта начало <февраля средина>. Рим.***

[4] Сергей Андреевич.

[5] Лицо неустановленное.

[6] Граф Лев Северинович Потоцкий (1789–1860), русский посланник в Неаполе.

[7] Имеется в виду труд известного французского издателя святоотеческих творений аббата Ж. П. Миня (Migne) «Encyclopédie théologique, ou série des dictionnaires sur toutes les parties de la science religieuse» (Париж, 1844–1855; 50 т.)

[8] Ср. ***1845. Января 14 – марта 1 <января 2 – февраля 17>. Париж.***

АПРЕЛЯ 6 <18>. ВЕЛИКАЯ СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. Г. Белинский пишет А. И. Герцену:

«У художественных натур ум уходит в талант, в творческую фантазию, — и потому в своих творениях, как поэты, они страшно, огромно умны, а как люди — ограничены и чуть не глупы (Пушкин, Гоголь)»[1].

Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 262.

[1] См. ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва*** (примечания).

АПРЕЛЯ 19 <7>. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ. РИМ

Гоголь пишет поздравительное письмо к графиням Л. К. и Анне М. Виельгорским и графине С. М. Соллогуб (рожд. графине Виельгорской) (письмо адресовано: «Ее сиятельству графине Луизе Карловне Вьельгорской (рожд<енной> пр<инцессе> Бирон)»; согласно почтовому штемпелю[1], оно было отправлено из Рима в Петербург через день, 21 апреля[2]):

«Христос Воскресе! Посылаю вам это святое приветствие в самый день Светлого Воскресенья, мои прекрасные графини: и маминька и дочери! И вы давно ко мне не писали, и я давно к вам не писал. Но я знаю, однако же, и слышу в сердце моем, что вы часто обо мне думаете; знаете также и вы, что я очень часто думаю о вас. В этом, впрочем, нет большой заслуги с моей стороны: приятными мыслями приятно заниматься, а мысли о вас приятны. <...> Через две недели[3] я выезжаю из Рима и уведомляю вас, чтобы вы, если придет кому-нибудь из вас желание наградить меня несколь<кими> прекрасными строчками письма вашего, адресовали Жуковскому во Франкфурт, где я буду в июне[4]. <...> Для здоровья моего мне необходимо сделать как можно больше езды и дороги; это мне помогало доселе лучше всяких средств и лекарств. <...> Я полечусь, может быть, только в одном Греффенберге, и то в жаркие летние дни. Хочу побывать в Англии, Голландии. На зиму проберусь в Италию, на теплейшие места в Средиземном море, оттуда (если будет такая милость Божия, что позволит мне выполнить кое-какие невыплаченные долги[5], без которых нельзя ехать туда, куда душа хотела бы) проберусь в Иерусалим. Молитесь Богу, мои прекрасные графини, чтобы было всё так и чтобы весной в следующем году или в начале лета мы встретились с вами в России, и была бы в радость наша встреча, и не было бы на моей совести ничего такого, что бы стало меня укорять, что я ни за что получил такую награду, как встреча с моими друзьями, и притом в таком раю, каким для меня кажется теперь наша требующая любви нашей Россия. <...>

Если вам встретится оказия для удобной пересылки во Франкфурт, на имя Жуковского, то сделайте мне подарок. Пришлите два журнала на нынешний 1846 год: “Отечест<венные> Записки” и “Маяк”»[6].

[1] См.: *Городецкий*. С. 445.
[2] См. ***1846. Апреля 21 <9>. Вторник Светлой седмицы. Рим.***
[3] См. ***1846. Мая 6–8 <апреля 24–26>. Среда-пятница. Рим.***
[4] См. ***1846. Июня 5 <мая 24>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***
[5] Подразумевается второй том «Мертвых душ» (подробнее см.: ***1845. Марта 20 <апреля 1>. Вторник. Москва*** – примечания).
[6] Ежемесячный журнал, издававшийся в 1840–1845 гг. С. А. Бурачком. В 1846 г. не выходил.

АПРЕЛЯ 7 <19>. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь пишет А. А. Трощинскому:

«...После того, как я к вам писала, получила от сына моего коротенькое письмо[1], в котором он пишет, что все нездоров; и главная его болезнь, что он жестоко зябнет в таком теплом климате, в Риме, – бегает, а не ходит, чтоб согреться, и никак не помогает ничто; даже писать не может – руки коченеют от холода. Видно он изнурил себя большими трудами, в которых проводит жизнь. Нет счастья на земле!..»

Свод. Т. 1. С. 86.

[1] См. ***1845. Декабря 20 <8>. Суббота. Рим.*** – См. также ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим.***

АПРЕЛЯ 7 <19>. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает М. Г. Карташевской:

«Недавно пересылала нам Смирнова письмо от Гоголя[1]; он пишет, что проведет все лето в дороге, путешествие ему необходимо нужно, что поедет в Турцию, в Иерусалим, что он теперь, несмотря на свои физические страдания, испытывает чудные минуты, что самые его страдания необходимы для его труда; по всему видно, что труд его почти кончен; он просит всех молиться за него. – Все это я пишу для одной тебя. – Чего должны мы ожидать от окончания М<ертвых> Д<уш>, не может же быть, чтоб наши ожидания были обмануты, сохрани Бог, нет, это будет что-то чудное, чего мы и вообразить себе не можем заранее. Дай Бог, чтоб он совершил его».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 848.

[1] От 4 марта (н. ст.) 1846 г. из Рима (см. ***1846. Марта 4 <февраля 20>. Среда. Рим***).

АПРЕЛЯ 21 <9>. ВТОРНИК СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. РИМ

Гоголь отправляет в Москву ответное[1] письмо к Н. М. Языкову, с вложением письма к Н. Н. Шереметевой[2]; посылает в Петербург написанное в день Пасхи[3] поздравительное письмо к графиням Л. К. и Анне М. Виельгорским и графине С. М. Соллогуб.

Из письма к Языкову: «Христос Воскрес! Письмо получил, но книг, заключающих наши литер<атурные> новости, не получал, хотя ожида<л> целые две недели после получения письма. Жаль, что не упомянул, с кем они посланы[4]. Мне бы теперь сильно хотелось прочесть повестей наших нынешних писателей. Они производят на меня всегда действие возбуждающее, несмотря на самую тягость болезненного состояния моего. В них же теперь проглядывает вещественная и духовная статистика Руси, а это мне [страх] очень нужно. Поэтому для меня имеют много цены даже и те повествован<ия>, которые кажутся другим слабыми и ничтожными относительно достоинства художественного. Я бы все эти сборники прочитал с большим аппетитом, но их нет, и не знаю даже, куды и с кем они тобою посланы и когда их получу. От Жуковского я получил извещение[5], что он, точно, получил стихи Аксакова Ивана[6], но удержал их у себя, считая лучше вручить их мне лично, по приезде моем к нему. <...> Еще две недели, не более, остаюсь в Риме. Во Франкфурте полагаю быть в начале июня или в конце нашего мая. Всё посылай и адресуй во Франкфурт, на имя Жуковского. <...> Зябну и дрожу и бегу бросить письмо на почту и согреться».

В письме к Шереметевой Гоголь также писал: «Христос Воскресе! Знаю, что и вы произнесли мне это святое приветствие, добрый друг мой. Дай Бог воспраздновать нам вместе этот святой праздник во всей красоте его еще здесь, еще на земле, еще прежде того времени, когда по неизреченной милости Своей допустит нас Бог воспраздновать его на небесах в невечереющем дне Его вечного Царствия. Мне скорбно было услышать об утрате вашей[7], но скоро я утешился мыслью, что для христианина нет утраты, что в вашей душе живут вечно образы тех, к которым вы были

привязаны; стало быть, их отторгнуть от вас никто не может; стало быть, вы не лишились ничего; стало быть, вы не сделали утраты. Молитвы ваши за них воссылаются по-прежнему, доходят так же к Богу, может быть, еще лучше прежнего. Стало быть, смерть не разорвала вашей связи. Итак, Христос Воскрес, а с Ним и все близкие душам нашим[8]! <...> Вы уже знаете[9], что я весь этот год определяю на езду: средство, которое более всего мне помогало. В это время я постараюсь, во время езды и дороги, продолжать доселе плохо и лениво происходившую работу. На это подает мне надежду свежесть головы и бóль<шая> зрелость, к которой привели меня именно недуги и болезни. Итак, вы видите, что они были не без пользы и что все, нам ниспосылаемое, ниспосылается в пользу нашего же труда, предпринятого во имя Божие, хотя и кажется вначале, как будто бы перечит и препятствует нам. Молитесь же Богу, добрый друг, дабы отныне все потекло успешно и заплатил бы я тот долг[10], о котором немолчно говорит мне моя совесть, и мог бы я без упрека предстать перед гробом Господа нашего и совершить Ему поклонение, без которого не успокоится душа и не в силах я буду принести ту пользу, которую бы искренно и нелицемерно хотела принести душа моя».

[1] См. ***1846. Марта 19 <31>. Вторник. Москва***.

[2] См. ***1846. Мая 8 <20>. Среда. С. Покровское***.

[3] См. ***1846. Апреля 19 <7>. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Рим***.

[4] Книги для Гоголя были посланы через князя П. А. Вяземского графу Мих. Ю. Виельгорскому, ехавшему тогда с царским семейством в Италию (см. ***1846. Апреля 30 <мая 12>. Вторник. Москва***).

[5] См. ***1846. Марта 31 <19>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***.

[6] «Жизнь чиновника» и «Зимняя дорога» (подробнее см.: ***1846. Января 23 <февраля 4>. Среда. Москва*** – примечания).

[7] Имеется в виду кончина 20 февраля 1846 г. дочери Шереметевой Анастасии Васильевны Якушкиной, жены декабриста И. Д. Якушкина (см. ***1846. Марта 4 <16>. Понедельник. Москва***).

[8] Шереметева, получив письмо Гоголя, 8 мая 1846 г. отвечала: «Согласна с вами, мой друг, что для христианина несчастие не существует, но лишение близких нашему слабому сердцу чувствительно, и не чувствовать горя невозможно, лишь бы печаль была тихая, с безусловною покорностию к Тому, от Кого все ниспосылается и Которой знает, кому что нужно... <...> И я не о своем горе думаю, а молю Бога всегда, да упокоит душу ея во Царствии Небесном и не оставит Своим Отеческим Покровом ея семейства. <...> Ваша правда, что в душе живут вечно, к которым были привязаны. Любовь и молитва нас соединяет и с отсутствующими, и с отшедшими отсюда душами...» Вероятно, эти строки переписки Гоголя с Шереметевой и отразились в строках его толкования Литургии: «Церковь повелевает о всех возносить всеобщую молитву <...> разлуки нет между живущими в Боге <...> и брат, отшедший от нас, становится еще ближе к нам от силы любви».

[9] См. ***1846. Февраля 26 <14>. Четверг. Рим***.

[10] Подразумевается второй том «Мертвых душ» (подробнее см.: ***1845. Марта 20 <апреля 1>. Вторник. Москва*** – примечания).

АПРЕЛЯ 23 <11>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Гоголь отправляет в Васильевку ответное письмо матери:

«Христос Воскрес! Поздравляю вас всех. Письма ваши получи<л>, как ваше, так и сестер, с описаниями изб и мужиков[1]. Можно бы иное пополнее, но понимаю, что из слов других нельзя всё узнать. Весной, во время хорошей погоды, не мешает и заглянуть самим и проверить на деле, верны ли донесения других. На вопрос Лизы: "Всё ли записывать в расход?" отвечаю: "Всё, даже и то, что берется в долг у разносчиков[2] и купцов, означая только время, когда взято". Чем будет всё записано аккуратнее, тем лучше для нее: это ей очень, очень пригодится, хотя она еще и не ведает теперь, почему и для чего. О себе скажу вам, почтенна<я> маминька, что здоровье мое по-прежнему, всё стоит ни лучше, ни хуже. Впрочем, я решился не говорить и не думать больше о нем. Излиш<не> заботиться о здоровье грех. Нужно ввериться одному Богу; он вылечит. Я говорил докторам о ваших предположениях насчет глистов. С этим ни один не согласен: нет ни тошноты, ни слюнотечений и никаких тех признаков, которые бывают у людей, страждущих глистами. <...> Я еду через две недели из Рима с тем, чтобы, сделав побольше дороги (которая мне всегда помогала), заехать на несколько месяцев в Греффенберг и, полечившись там холодно<ю> водой, с молитвой, отправиться

потом на зиму вновь на юг, с тем, чтобы, поклонившись Святым Местам, возвратиться после такого поклонения в конце, если не в середине, будущего, 1847 года в Россию. Чувствую, что больше всего мне следует надеяться на Святые Места и поклонение Гробу Господню, чем на докторов и леченье. Пансион, мне вышедший[3], тысяча рублей серебром, дан мне вовсе не за заслуги, как вы полагаете, и не за какое-нибудь новое сочинение, но единственно из сострадания к моему болезненному и с тем вместе безденежному состоянию. Готового у меня ничего нет и не будет готово, пока не угодно будет воле Божией даровать мне надлежащие силы и двигнуть мою работу. <...> Письма адресуйте во Франкфурт, на имя Жуковского...»

[1] См. ***1845. Октябрь – декабря 20 <сентября средина – декабря 8>. Рим.***

[2] См. также ***1847. Января 25 <13>. Понедельник. Неаполь***; ***1847. Мая 3 <апреля 21>. Понедельник. Неаполь***; ***1848. Мая между 16 и 20. Сорочинцы***; ***1848. Мая 20. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Васильевка.***

[3] Речь идет о денежном пособии, назначенном Гоголю Императором Николаем I (подробнее см.: ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург***).

АПРЕЛЯ 14 <26>. ФОМИНО ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

А. О. Смирнова[1] пишет Гоголю ответное[2] письмо во Франкфурт:

«Письмо ваше последнее из Рима пришло в Калугу, но уже более меня не застало, любезный и добрый друг мой. С генваря месяца уже нервы мои расстроивались и в марте дошло до такой степени, что не знала, что со мною делать... <...> Я не вынесла Калуги и этого столкновения с миром новым для меня, в котором все раны человеческие наружу показываются. Все эти же раны и везде и в Петербурге, но там они прикрыты, и притом есть возможность приятного и полезного развлечения, а там, в Калуге, я была беспрестанно погружена в созерцание страданий и ничего не было для отдыха. Началось все чувством сильной болезни и какого-то удушья ума и души... Но оставим это, мне становится опять душно. Писать много не могу и не велено даже. Живу здесь в трактире Шевалье[3], купаюсь, хожу, пью воду, меня навещают Скалон[4] с женою, Рябинин[5], Мещерский, дядя мужа моего, его двоюродная сестра Голицына, Хилковы[6], изредка Хомяков, Свербеева, <К. С.> Аксаков, княгиня Софья[7]. С меня этого довольно, гуляю много, раскладываю patience[8], играю в пикет, завела себе Каролину Ивановну[9] и с ней болтаю о всяком вздоре. Мне нужен покой и особенно бездействие ума и души. Не знаю, что будет вперед, как скоро лучше – еду в Калугу, где дети и Н<иколай> М<ихайлович>[10] один в этом омуте. Трудна моя жизнь, трудна болезнь и трудна во многих отношениях. В душе рождается сильное желание увидеть еще Италию, наслаждаться еще, а сил для наслаждения, для забвения более нет.

Аксаков[11] был у меня в *немецком платье*; он очень мне нравится; старик[12] его болен. Он вам велел[13] напомнить, что ваши 5 лет прошли. Как у вас с имением устроено, чтобы не продали с аукциона. Пока довольно, пишите о своем здоровье. Меня несказанно обрадовало ваше последнее письмо, из которого вижу, что вы пишете и что душа и ум ваши здоровы, сильны и зрелы. Дай вам Бог Свое благословение на окончание труда. Молюсь о вас, сколько сил есть, молюсь ежедневно, как о своих родных братьях, муже и детях. Меня петербургские друзья обрадовали своим участием: все звали к себе; Софья Михайловна чуть сюда не собралась; Самарин тоже. Жуковского поцелуйте.

Христос Воскресе!.. В безмолвии у меня страхи и разыгрываются. Было и бывает еще ужасно».

[1] Смирнова приехала в Москву на лечение около 20 марта 1846 г.; вернулась в Калугу 20 мая 1846 г. (см. ***1846. Мая 25 <июня 6>. Троицкая родительская суббота. Калуга***; ***1846. Июня 15 <27>. Суббота. Калуга***; ср. ***1846. Мая 15 <27>. Среда. Москва***; ***1846. Мая 19 <31>. Воскресенье. Калуга***).

[2] См. ***1846. Марта 4 <февраля 20>. Среда. Рим.***

[3] Ипполит Шевалье, купец 2-й гильдии, содержатель гостиницы в собственном доме в Газетном переулке.

[4] Вероятно, Николай Александрович Скалон (1809–1857).

[5] Михаил Андреевич Рябинин (1814–1867), коллежский асессор. — См. также ***1846. Мая 8 <20>. Среда. Москва***; ***1846. Июля 4 <июня 22>. Суббота. Карлсбад***.

[6] Князь Дмитрий Александрович Хилков (1789–1857) и его жена Елизавета Григорьевна (рожд. княжна Волконская).

[7] «Щербатова, мать кн<язей> Григория <1819–1881> и Александра <1829–1902>» (позднейшее примечание дочери А. О. Смирновой Ольги Николаевны). Княгиня Софья Степановна Щербатова (рожд. Апраксина, 1798–1885), вторая жена московского генерал-губернатора (с 1843 г.) князя А. Г. Щербатова (1776–1848).

[8] Пасьянс — *букв.* терпение (*фр.*).

[9] «Была в доме <пра>бабушки княгини <княжны> Цициановой с детства своего» (примечание О. Н. Смирновой).

[10] Смирнов, муж Смирновой.

[11] Константин Сергеевич, переставший носить русскую народную одежду и возвратившийся к европейскому костюму.

[12] С. Т. Аксаков.

[13] См. ***1846. Марта 31 <апреля 12>. В Православной Церкви — Вербное воскресение, в Католической — Пасха. Радонежье (Абрамцево)***.

АПРЕЛЯ 17 <29>. СРЕДА. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева отправляет Н. М. Языкову в Москву ответное[1] письмо к Гоголю, начатое месяцем ранее, 19 марта 1846 г.:

«Марта 19.

Давно о вас, мой милый друг, ничего не знаю. Была в Москве, спрашивала у Николая Михайловича[2], тоже, говорит, давно не получал[3]. К нынешнему дню я к вам писала[4] и извещала вас о посещении Божием[5] со мною. <...> Сегодня несколько слов хотела написать, как-то вы проводите нынешней день. <...>

Апреля 16.

Христос Воскресе!

В самой Великой Праздник[6] сподобилась приобщиться Святых Таин. Помнила о вас с любовию, с нею и приветствовала вас в столь радостной для каждой христианской души праздник... <...> Письмо ваше, не знаю, от какого числа, третьего дни от Николая Михайловича получила. Наконец после столь долгих странствий благословение мое до вас достигло, да Великой угодник Николай Чудотворец не оставит вас своим предстательством у Престола Божия, Покрову Коего часто вас, мой милый друг, вручаю. <...> Из письма вашего не вижу, чтобы вы получили мои письма. Несколько раз к вам писала. Прощайте, мой друг, обнимаю вас со всею нежностию матери, и с этим чувством вас благословляю, вручаю Богу, молю Его, да Он вам поможет пребывать во внутренней тишине и уменье довольствоваться всем, что Ему, Отцу Небесному, угодно ниспослать... <...> Прошу вас, мой друг, помолитесь когда за усопшую *Анастасию*. Дай Бог ей Царствие Небесное. <...> Не зная вашего адреса, прошу Николая Михайловича о доставлении. <...>

17 апреля.

Еще на почту не уехали, еще с возлюбленным Николаем Васильевичем хоть несколько слов хочу сказать и убедительно просить: ради Христа берегите себя и помните, какой вам путь предстоит свершить, побывать в Иерусалиме, да благословение Божие сопутствует вас и возвратит благополучно. А до того еще надобно окончить сочинение свое, а для всего этого надобно силы, и берегите себя для Того, Кому вы всей душею служить желаете, да благословение Его над вами пребудет».

[1] См. ***1846. Марта 24 <12>. Вторник. Рим***.

[2] Языков.

[3] Ср. ***1846. Марта 19 <31>. Вторник. Москва***.

[4] См. ***1846. Марта 4 <16>. Понедельник. Москва***.

[5] Имеется в виду кончина 20 февраля 1846 г. дочери Шереметевой А. В. Якушкиной, жены декабриста И. Д. Якушкина (см. ***1846. Марта 4 <16>. Понедельник. Москва***).

[6] В праздник Пасхи 7/19 апреля 1846 г.

АПРЕЛЯ 17 <29>. СРЕДА. МОСКВА

А. О. Смирнова пишет П. А. Плетневу в Петербург:

«...Москва удивительно помогает отвлечению мысли от самой себя, потому что развлекает глаза прелестным разнообразием своих церквей и местоположением. Я не знаю, что выше, Москва или Рим. И что была бы Москва под римским солнцем, и что была бы она, если бы история наша, собственно русская, не остановилась бы на Петре. – Знакомых у меня здесь мало, однако же меня навещают кое-какие добрые люди, в их числе Хомяков. <...> Бывает и Константин Аксаков. Этот весь душа и пылкая страсть к России, к Москве и простосердечен, как ребенок. Вчера он мне читал очень замечательное стихотворение своего брата (нашего товарища председателя уголовной палаты) ***«Зимняя дорога»***. <...> Мне бы хотелось вернуться в начале мая[1] в Калугу и продолжать там свое лечение – не знаю, выпустит ли меня мой доктор Крейзер[2]. <...> Я получила письмо от Гоголя[3] очень радостное для нас, он пишет и теперь, вероятно, во Франкфурте у Жучка[4]. Не вышли ли его пять лет, чтобы не продали имение с аукциона».

Из писем А. О. Смирновой // *Свод*. Т. 2. С. 207.

[1] См. ***1846. Апреля 14 <26>. Фомино воскресенье. Москва*** (примечания).

[2] Лекарь Эдуард Богданович (Карл Эдуард) Крейзер (ум. в 1876).

[3] См. ***1846. Марта 4 <февраля 20>. Среда. Рим.***

[4] В. А. Жуковский.

МАЯ 1[1] <АПРЕЛЯ 19>. ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь отправляет в Васильевку второе[2] подряд письмо к матери и сестрам (содержание настоящего послания перекликается со статьями *III. Значение болезней* и *XXII. Русский помещик* «Выбранных мест из переписки с друзьями»):

«...Придет еще труднейшее и еще более бедовое время, чем теперь, отказать себе в том, что менее необходимо, а не быть приведену в необходимость обрезать себя в *самом необходимейшем*. Смотрите же, не пренебрегите никак этим моим предписанием. По окончаньи всякого месяца составьте из себя комитет и всякую издержку взвесьте сравнительно одну к другой... <...> ...Представляйте почаще перед свои глаза все несчастные случаи и все бедствия, какие могут приключиться человеку, и смотрите в то же время на себя, как вы нашлись бы среди их и как бы поступили благороднее, великодушнее и возвышеннее. Итак, вот тебе, Лиза. Кроме счетов, если у тебя найдется время, ты должна помогать своей старшей сестре[3] в обучении и в наставленьи крестьянских детей. <...>

Наконец обращаюсь к тебе, Ольга. <...> Последние твои донесения гораздо лучше и обстоятельнее прежних. Ты хорошо сделала, что не показывала своего письма сестрам (сужу так потому, что твое письмо была запечатано): они бы, верно, сказали тебе, что о том и о другом тебе не следует ко мне писать... <...> Слушай советы сестер во всяком деле и от других также принимай советы и благодари их за советы; но когда пишешь ко мне, не слушай ничьих советов; пиши, что велит тебе душа писать. Да и всех вас прошу так же поступать со мною. Если кому захочется даже свое внутреннее душевное дело выговорить, высказывайте его мне, как духовнику своему, лучше в запечатанном, особенном письме, потому что исповедь никому не должна быть известна, кроме духовника... <...> Из самых донесений твоих, сестра Ольга, уже видно, что в тебе более наклонностей собственно к практическому хозяйству, чем у всех твоих сестер. А потому тебе наиболее нуж-

но помышлять о том, чтобы приготовлять себя исподоволь к тому, дабы заступить место полной правительницы и распорядительницы всего име<ния>, когда маминька наша потребует, наконец, необходимого себе отдохновения... <...> ...Уже потому только, что ты выполнила исправно мое поручение переглядеть все избы и описать мужиков, ты узнала много того, чего прежде не знала. Ты узнала, например, 1-е — что до сих пор у вас у всех было весьма темное понятие о мужиках и что никому почти не было известно, каков каждый из них и чем, и как занимается; 2-е — что и приказчик, который бы лучше всех должен это знать, не умел сказать сам удовлетворительно об этом ничего; 3-е — что ни на чьи рассказы не следует полагаться, а следует всё рассмотреть самому, когда хочешь точно узнать, в чем дело, и когда захочешь хозяйничать умно, а не бестолково. Вот сколько вещей ты уже узнала на первый раз! Теперь ты сама из этого можешь вывести, что если тебе придется когда выбирать приказчика, то следует выбирать такого, который бы больше всех других знал, каков каждый мужик, чтобы мало, что знал бы качества и способности всех наперечет, но не был бы совой или клячей, на которой бы мужики ездили верхом, а умел бы повелевать[4] и приказывать, изворачивался бы проворно и молодцом. Такой и другим придает духу, и всё у него идет хорошо. <...>

Теперь ты сделай вот что. В первый хороший день отправл<яйся> на поле и пробудь хотя день при работах сама, для того, <1)> чтобы видеть, сколько в день может наработать всякий без отягощенья себя; 2-е) чтобы видеть, кто работает ленивее, а кто прилежнее; 3-е) чтобы видеть, умеет ли приказчик повелевать и смотреть за ними, и 4-е) чтобы видеть, умеют ли мужики повиноваться и слушаться приказчика. Ленивому ты должна говорить, что он может наработать больше, а именно столько-то, потому что при твоих собственных глазах такой-то мужик наработал столько, стало быть, и он может столько же, стало быть, грех ему так не де<лать>, что ты ему потому приказываешь и велишь, что Бог приказал трудит<ься> усердно. Он сказал: "В поте лица трудитесь[5]!" Стало быть, это грех, и с помещика за то взыщется. Прилежному ты должна говорить, похваливши его за труд, что он должен уговаривать и ленивого трудиться так же хорошо, как трудится он, что он должен усовещивать его и советовать, потому что Бог повелел не только думать об одном себе, но и о брате своем, не только вести себя хорошо, но и брата своего склонять хорошо вести себя. Приказчику ты должна говорить, что ему поручена власть, а власть такого роду дело, которое установлено от Бога. "Несть власти, аще не от Бога[6]" — сказано в Св. Писании, и потому он должен смотреть во все глаза за мужиками и повелевать им, заставлять, приказывать делать хорошо дело. Мужикам также расскажи, чтобы они слушали приказчика и умели бы повиноваться, несмотря на то, кто ими повелевает, хотя бы он был и худший их[7], потому что нет власти, которая не была бы от Бога. Словом, так говори с ними, чтобы они видели, что, исполняя дело помещичье, они с тем вместе исполняют и Божие дело.

Потом расспроси у приказчика порядок всех работ, которые будут предстоять в теперешнее летнее время, начиная с посева хлебов всех сортов, — когда именно, какого месяца и числа начнется всякая работа, и всё это по порядку выпиши на небольшом лоскутке бумажки и пришли мне[8], чтобы я знал, где и в каких местах, и в какое время, и какие именно работы будут у вас производиться в имении в продолжение всего лета.

Потом узнай от маминьки и от приказчика также, сколько четвертей всякого хлеба высеяно в этом году и где, в каких именно местах посеян всякий хлеб, и расспроси также, сколько четвертей хлеба было высеяно в прошлом году... <...> А также не позабудь прибавить, сколько его было потреблено на себя, сколько продано и сколько остается налицо. Не позабудь также уведомить и об урожае: сколько уродило противу посева, *сам-сем*[9] ли, сам-пят[10] или еще и того меньше. <...> Да и всех вас прошу и умоляю, мои сестры, как только <может> умолять и просить больной и страждущий брат ваш, не пренебрегать моими словами и выполнить свято мои поручения с точностью... <...> Я отправляюсь из Рима на днях с тем, чтобы, сделавши большую дорогу по Италии, Германии, Голландии, поспеть во-время в Греффенберг[11] на лечение холодною водою, которое мне все-таки немного помогло в прошлом году[12], несмотря на малый курс; теперь возьму побольше. <...> Верю, что и впредь все недуги, какие ни случатся со мною, будут мне также в пользу, а потому прошу вас молиться не о том, чтобы мне совершенно излечиться, а о том, чтобы мне поданы были свыше силы переносить легко недуги и чтобы не мешали они мне выполнить долг свой. Тогда только я и счастлив, тогда и весел духом среди самого нездоровья, когда чувствую, что хоть сколько-нибудь

выполнил свой долг. Письма ко мне адресуйте теперь во Франкфурт, попрежнему на имя Жуковского... <...> О получении этого письма уведомьте меня немедленно. Прошу вас вновь перечесть его внимательно несколько раз. Сестрам моим я бы советовал даже списать с него копию и иметь ее почаще у себя перед глазами».

Через несколько дней, 5 мая (н. ст.) 1846 г., Гоголь писал в Москву С. Т. Аксакову: «Напишите домой к маменьке моей запрос, получила ли она два моих письма[13], писанные после того, которое было приложено при вашем[14]. Последнее, от 1-го мая здешнего стиля, весьма нужное; об этом пусть немедленно вас уведомит она или сестры, а вы сообщите мне».

[1] См. ***1846. Мая 5 <апреля 23>. Вторник. Рим.***

[2] См. ***1846. Апреля 23 <11>. Четверг. Рим.***

[3] Анна.

[4] См. примеч. ниже.

[5] «В поте лица твоего будешь есть хлеб...» (Быт., 13, 19). – См. также ***1849. Октября 20. Четверг. Москва*** (письмо к графиням С. М. Соллогуб и Анне М. Виельгорской). – В статье *XXII. Русский помещик* «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь также писал: «Собери <...> мужиков и объясни им, что <...> они <...> должны покоряться той самой власти, под которою родились, потому что нет власти, которая бы не была от Бога. И покажи это им тут же в Евангелии <см. примеч. ниже>... <...> Потом скажи им, <...> что Богом повелено человеку трудом и потом снискивать себе хлеб, и прочти им тут же это в Святом Писании...» В сохранившихся главах второго тома «Мертвых душ» помещик Костанжогло так обосновывает «законность» хлебопашества: «Возделывай землю в поте лица своего. Это нам всем сказано; это недаром сказано. Опытом веков уже это доказано, что в земледельческом звании человек чище нравами».

[6] Имеются в виду слова св. апостола Павла из Послания к Римлянам: «...ибо нет власти не от Бога» (гл. 13, ст. 1); упоминаются также Гоголем в статье *XXII. Русский помещик* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (см. примеч. выше).

[7] Ср. заметку в записной книжке Гоголя 1841–1846 гг.: «Начальника над артельщиками выбрал мастер, и на вопрос: зачем выбрал, хорош поведеньем, что ли? – Нет, нехорош. – Не пьет, что ли? – Нет, пьяница. – Умен? – Нет, и неумен. – Так что ж он? – Повелевать умеет». – См. также ***1844. Января 2 <1843. Декабря 21>. Вторник. Ницца*** (примечания) и выписку *<5> О почитании священника, хотя бы и погрешающего (Св. Иоанна Златоуста)* сборника Гоголя «Выбранные места из творений св. отцов и учителей Церкви».

[8] Вероятно, позднее присланным кем-то календарем сельскохозяйственных работ Гоголь воспользовался при написании речи Скудронжогло (Констанжогло) в третьей главе второго тома «Мертвых душ» («Еще не появилась весна, а уж зачинаются работы...») (см. ***1849. Март. Москва***).

[9] Всемеро.

[10] Впятеро.

[11] См. ***1846. Июня вторая половина <июня первая половина>. Грефенберг-Фрейвальдау.***

[12] См. ***1845. Августа около 21 <около 8> – сентября 21 <9>. Грефенберг-Фрейвальдау.***

[13] Имеются в виду письма от 23 апреля (н. ст.) 1846 г. (см. ***1846. Апреля 23 <11>. Четверг. Рим***) и от 1 мая (н. ст.) 1846 г.

[14] См . ***1845. Декабря 20 <8>. Суббота. Рим.***

АПРЕЛЯ 19 <МАЯ 1>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]. «Гастроль Петерб<ургского> артиста <М. А.> Максимова, в роли Хлестакова»[2]; в роли Городничего – М. С. Щепкин[3].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 383.

[2] *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя> // *ГЦТМ.* Ф. 299. Ед. хр. 1852.

[3] *Гриц.* С. 361.

1845/46 ЗИМА – 1846 МАЯ НАЧАЛО <АПРЕЛЯ СРЕДИНА>. РИМ

Гоголь отправляет записку А. А. Теплову:

«Нельзя ли по поводу регулярства моего желудочного поведения устроить обед не позже 4-х часов? Сим весьма обяжете вашего слугу Г<оголя>».

Адрес на обороте письма: «Алексею Агрономовичу Теплову. Palaz<zo> Giorgi. Via Babuina. Primo porton. 1 piano. Signor Russo: Teploff».

Позднее Ф. А. фон Моллер, в письме из Рима от 20 января (н. ст.) 1847 г., передавал Гоголю поклон и поздравление с новым годом от Тепловых и сообщал: «Кроме Чернышевых и Тепловых, ни с кем из русских не видаюсь» (см. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Рим***).

МАЯ НАЧАЛО <АПРЕЛЯ КОНЕЦ>. РИМ

А. А. Иванов сообщает Н. М. Языкову в Москву:

«Книгу Чижова[1] читал Гоголь. Он, сверх ожидания, ею доволен. Он едет 10-го[2] отсюда».

Из писем А. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 345.

[1] Имеется в виду отдельный оттиск публикации: О работах русских художников в Риме. Письмо Ф. В. Чижова. Венеция, мая 1845 года // Московский литературный и ученый сборник. М., 1846. В статье значительное место было отведено описанию картины А. А. Иванова «Явление Мессии».

[2] Гоголь выехал из Рима ранее (см. ***1846. Мая 6–8 <апреля 24–26>. Среда-пятница***).

МАЯ 2 <АПРЕЛЯ 20>. СУББОТА. РИМ

В паспорте Гоголя сделана отметка:

«1846 20 апр<еля> / 2 мая во Флор<енцию> и Геную»[1]. (Гоголь выехал из Рима позднее[2]).

[1] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод*. Т. 2. С. 126. См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

[2] См. ***1846. Мая 5 <апреля 23>. Вторник. Рим***; ***1846. Мая 6–8 <апреля 24–26>. Среда-пятница.***

АПРЕЛЯ 20 <МАЯ 2>. СУББОТА. МОСКВА

В доме С. Ю. Самариной происходят чтения «в пользу г. Щепкина». Сам М. С. Щепкин читал повесть Гоголя «Старосветские помещики», отрывки из романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» и два стихотворения Н. А. Некрасова, «В дороге» и «Пьяница» (из «Петербургского сборника». СПб., 1846). П. М. Садовский прочел «Повесть о капитане Копейкине».

«В субботу было опять[1] чтение в доме С. Ю. Самариной, в пользу Г<-на> Щепкина. – В этот раз, с сожалением должны мы сказать, что вечер был не совсем удачен, не взирая на то, что слушателей было столько, сколько могла вместить зала. Михаил Семенович был, как говорится, не в ударе: первую пиесу Гоголя "Старосветские помещики", прекрасную пиесу, исполненную жизни,

естественности и чувства, прочел он так, как не привыкли мы слышать его. <...> Г<-н> Садовский прочел мастерски рассказ "о капитане Копейкине" из Мертвых душ Гоголя».

<*Львов В. В., князь*> *М. Ж.* Жизнь в Москве в апреле 1846 года // Москвитянин. 1846. № 5 (цензурное разрешение 30 мая). С. 242–243; *Гриц.* С. 361.

[1] См. ***1846. Марта 29 <апреля 10>. Пятница. Москва.***

МАЯ 5 <АПРЕЛЯ 23>. ВТОРНИК. РИМ

Гоголь незадолго до отъезда из Рима[1] пишет ответное[2] письмо к П. А. Плетневу в Петербург, отправляет в Москву новое (второе подряд)[3] письмо к Н. М. Языкову, с вложением письма к С. Т. Аксакову. (Письмо к Языкову имеет почтовый штемпель: «Roma 5 <*нрзб.*> 46»[4].)

Из письма к Плетневу: «Пишу к тебе на выезде из Рима и посылаю свидетельство о моей жизни. Деньги присылай во Франкфурт на имя Жуковского. У него я пробуду с неделю, может быть, и потом вновь в дорогу по северной Европе. Перемежевыв<аю> сии разъезды холодным купаньем в Грекфенберге и купаньем в море: два средства, которые и <по> докторскому отзыву и по моему собственному опыту мне можно только употреблять. Как я ни слаб и хил, но чувствую, что в дороге буду лучше, и верю, что Бог воздвигнет мой дух до надлежащей свежести совершать мою работу всюду, на всяком месте и в каком бы ни было тяжком состоян<ии> тела: лежа, сидя или даже не двигая рука<ми>. О комфортах не думаю, жизнь наша – трактир и временная станция: это уже давно сказано. О всем прочем скоро уведомлю. Мне настоит о многом с тобою поговорить, а потому извести меня подробно и немедленно, в случае отъезда твоего из Петербурга на лето, куда тебе адресовать, чтоб письма могли к тебе скорей доходить, ибо они будут. Прощай. Обнимаю и спешу[5]. <...> Всё, что ни случится, письмо или посылка, адресуй всё к Жуковскому, во Франкфурт»[6].

В письме к Языкову Гоголь также замечал: «Пишу к тебе на выезде из Рима. Письмо твое от 19 марта[7] получил, но книг не получал; они канули Бог весть где. <...> Иванов свои книги[8] получил. Благодарю за выписку предисловия к немецк<ому> переводу "М<ертвых> д<уш>"[9]. Немец[10] судит довольно здраво. Это лучший взгляд, какой может иметь на эти вещи иностранец. При всем том крайне неприятно, что "М<ертвые> д<уши>" переведены. Впрочем, что случилось, то случилось не без воли Божией. Дай только Бог силы отработать и выпустить втор<ой> том. Узнают они тогда, что у нас есть много того, о чем они никогда не догадывались и чего мы сами не хотим знать, если только будет угодно Богу подать мне силы среди самых немощей и болезней честно и свято выполнить дело.

На днях я прочел с любопытством и удовольстви<ем> похвальное слово Карамзину, произнесенное Погодиным[11]. Это лучшая его статья. <...> Но довольно. Спешу укладываться.

Адресуй письма и посылки во Франкф<урт>, попрежнему на имя Жуковского. <...>

Прилагаемое письмецо отправь немедленно к Сергею Тимофеевичу.

Письма мои к тебе, особенно последние, те, где какие-нибудь места, относящиеся к литерат<урному> делу, <сбереги>. Я не оставляю намер<ения> издать выбранные места из писем, а потому, может быть, буду сообщать к тебе отныне почаще те мысли, которые нужно будет пустить в общий обиход. Но это, говорю попрежнему, между нами».

Часть настоящего письма к Языкову почти без изменений была помещена Гоголем в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» – статья *XIII. Карамзин.*

В письме к Аксакову Гоголь в свою очередь сообщал, что пишет «на выезде из Рима»: «Еду я для того, чтобы ехать. Езда, как вы знаете, мое всегдашнее средство; а потому и теперь, как я ни хил и болезнен, но надеюсь на дорогу и на Бога, и прошу у Него быть в дороге, как дома, то есть, как

у Него Самого в покойные минуты души, дабы быть в силах и возможности, чтобы <что->нибудь произвесть; о том прошу молиться вас...»

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Это <...> письмецо написано так сбивчиво и таким дурным почерком, что должно предполагать, что Гоголь был болен или сильно расстроен нервами»[12].

[1] Отметка об отъезде была сделана в паспорте заблаговременно (см. ***1846. Мая 2 <апреля 20>. Суббота. Рим***).
[2] См. ***1846. Марта 4 <16>. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1846. Апреля 21 <9>. Вторник. Рим.***
[4] См.: *Городецкий*. С. 474.
[5] См. ***1846. Мая 6–8 <апреля 24–26>. Среда-пятница. Рим.***
[6] См. ***1846. Июня 2 <14>. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[7] См. ***1846. Марта 19 <31>. Вторник. Москва.***
[8] См. ***1846. Февраля 18 <марта 2>. Москва.***
[9] См. ***1846. Марта 19 <31>. Вторник. Москва*** (примечания).
[10] Ф. Лёбенштайн.
[11] См. ***1845. Сентября 19 <октября 1>. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).
[12] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод*. Т. 2. С. 745. – См. также ***1846. Марта 23 <11>. Понедельник. Рим*** (примечания).

МАЯ 6–8 <АПРЕЛЯ 24–26>[1]. СРЕДА-ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь выехал из Рима на второе[2] лечение в Грефенберг – дорогой через Флоренцию, Геную, Ниццу, Париж и Франкфурт.

[1] См. ***1846. Мая 5 <апреля 23>. Вторник. Рим***; ***1846. Мая 9 <апреля 27>. Суббота. Флоренция.***
[2] См. ***1845. Августа около 21 <около 8> – сентября 21 <9>. Грефенберг-Фрейвальдау.***

АПРЕЛЯ 25 <МАЯ 7>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Игроков» в Малом театре[1]; в роли Утешительного – М. С. Щепкин[2].

Через день, 27 апреля 1846 г., И. С. Аксаков сообщал родным: «В Москву приехал я часов в 5, следовательно, довольно рано... <...> На другой день[3] <...> отправились <...> к Ал<ександре> Осип<овне>[4], но ее не было дома: она смотрела “Игроков” Гоголя»[5].

Возможно, в этот же день А. О. Смирнова пригласила Щепкина в гости в Калугу.

Позднее, 11 июня 1846 г., В. Г. Белинский сообщал жене, М. В. Белинской[6], из Харькова: «В Москве[7] М. С. Щепкин познакомился с А. О. Смирновой[8]. <...> Так как она приглашала его в Калугу (где муж ее губернатором), то я еще в Москве[9] предвидел, что познакомлюсь[10] с нею»[11].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 333.
[2] *Гриц*. С. 362.
[3] 25 апреля 1846 г.
[4] Смирновой.
[5] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 911.
[6] Мария Васильевна Белинская (рожд. Орлова, 1812–1890), бывшая классная дама Екатерининского института, с 1843 г. жена В. Г. Белинского.

[7] В. Г. Белинский прибыл в Москву 28 апреля 1846 г., здесь его встретили М. С. Щепкин и А. И. Герцен (см. его письмо к жене от 1 мая 1846 г.; *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 274).

[8] Щепкин познакомился с Смирновой еще в 1844 г. в Петербурге (см. ***1844. Сентября 30 <октября 12>. Суббота. Санкт-Петербург***). – См. также ***1846. Мая 8 <20>. Среда. Москва***.

[9] В средине мая 1845 г.

[10] См. ***1845. Мая 18 <30>. Суббота. Калуга***; ***1845. Мая 23 <июня 4>. Четверг. Калуга***.

[11] Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 263.

МАЯ 9 <АПРЕЛЯ 27>. СУББОТА. ФЛОРЕНЦИЯ

Гоголь прибыл во Флоренцию.

В паспорте Гоголя сделана отметка: «9 мая во Флоренции».

Шевырев С. П. <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 126. См. ***1852. Мая 2–7. Москва***.

АПРЕЛЯ 27 <МАЯ 9>. СУББОТА. МОСКВА

Согласно почтовому штемпелю[1], Н. М. Языков в этот день получил письмо Гоголя из Рима[2].

[1] См.: *Городецкий.* С. 474.

[2] См. ***1846. Апреля 21 <9>. Вторник Светлой седмицы. Рим***.

АПРЕЛЯ 28 <МАЯ 10>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Графини Л. К. и Анна М. Виельгорские и графиня С. М. Соллогуб получают[1] поздравительное письмо Гоголя из Рима[2].

[1] Согласно почтовому штемпелю на письме (см.: *Городецкий.* С. 445).

[2] См. ***1846. Апреля 19 <7>. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Рим***; ***1846. Апреля 21 <9>. Вторник Светлой седмицы. Рим***.

АПРЕЛЯ 30 <МАЯ 12>. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]. «Гастроль артиста С. Петербургских театров А. Е. Мартынова в роли Подколесина»[2]; в роли Кочкарева – М. С. Щепкин[3].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 323.

[2] *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя> // *ГЦТМ.* Ф. 299. Ед. хр. 1852. Л. 9.

[3] *Гриц.* С. 362.

МАЯ 10 <АПРЕЛЯ 28>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ФЛОРЕНЦИЯ

Гоголь пишет письмо к В. А. Жуковскому во Франкфурт (согласно почтовому штемпелю, письмо было отправлено позднее, 13 мая (н. ст.) 1846 г. из Генуи[1]):

«Хотя вы не отвечали мне ни слова на запрос мой[2], в какое время лучше приехать к вам во Франкфурт, <...> однако же, <...> я решаюсь все-таки показать вам свою физиономию, как она ни гадка, ни болезненна, ни измята, ни исковеркана и телесными и душевными страданиями. Бог ее доселе сохранил, несмотря на всю ее гнусность; стало быть, она нужна на что-нибудь, а потому и вы приготовьтесь принять ее. В конце мая я полагаю быть у вас во Франкфурте. <...> Я только заеду на три дни в Париж, единственно для того, чтобы взглянуть на моего доброго гр<афа> А<лександра> П<етровича> Толстого, и оттуда чрез Бельгию во Франкфурт. Денька три-четыре проведем мы вместе. Мне с вами о многом нужно переговорить. О болезни или о лечении моем вовсе не думаю. Болезнь моя так мне была доселе нужна, как рассмотрю поглубже всё время страдания моего, что не дает духа просить у Бога о выздоровлении. Молю только Его о том, да ниспошлет несколько свежих минут и надлежа<щих> душевных расположений, нужных для изложения на бумагу всего того, что приуготовляла во мне болезнь страданьями и многими, многими искушеньями и сокрушеньями всех родов, за которые недостает слов и слез благодарить Его всеминутно и ежечасно. О сих свежих минутах молю и не сомневаюсь в Его святой милости, где ни будут они мне даны, в дороге ли, на почтовой станции, в тряском экипаже, или в покойной комнате, или даже в холодной ванне у Призница — всё равно, но слышит мое сердце, что они будут мне даны, и отверзутся мои уста возвестить хвалу Ему».

[1] См. ***1846. Мая 13 <1>. Среда. Генуя.***
[2] См. ***1846. Марта 16 <4>. Понедельник. Рим.***

АПРЕЛЯ 30 <МАЯ 12>. ВТОРНИК. МОСКВА

Н. М. Языков пишет ответное[1] письмо Гоголю (письмо адресует во Франкфурт к В. А. Жуковскому):

«Больно жаль мне, что ты о сю пору не получил книг, посланных мною еще в январе к князю Вяземскому для передачи гр<афу> Вельгорскому, который и отправил бы их в Рим. На днях послал я еще и тем же путем для тебя книги: 3-ю часть "Новоселья"[2] и "Брынский лес"[3]. Напишу Вяземскому, чтобы эти направить уже во Франкфурт[4]. Недавно был в Москве Чижов: наш журнал, кажется, состоится и пойдет в ход. Но начало ему не прежде 1848 года. Чижову необходимо заготовить по крайней мере на год статей для журнала, своих собственных: на московских писателей и сотрудников он мало надеется — и справедливо! С ними того и жди, что на мель сядешь, а наобещают с три короба».

Будучи в Москве, Чижов просил знакомых организовать подписку в пользу А. А. Иванова[5] и, в частности, читал на вечере у Свербеевых в конце апреля 1846 г. свою статью «Овербек», напечатанную в том же году в № 7 журнала П. А. Плетнева «Современник»[6]. Возможно, тогда же К. С. Аксаков подарил Чижову экземпляр своей диссертации о М. В. Ломоносове[7], с надписью: «Федору Васильевичу / Чижову / от [Акса<кова>] Сочинителя»[8].

На издание журнала Языковым было завещано 30 тысяч рублей, однако намерения Чижова оказались тщетными. 17 августа 1845 г. последний писал А. А. Иванову: «Петербургские журналы деятельны; но лучше и во сто раз было бы лучше, если бы не было такой мерзкой, подлой деятельности: ничего своего, все целиком перепечатывание с французского, немецкого и английского. Это ли литература? С другой стороны все свое ругают нещадно. Один ругает Гоголя, другой Языкова и Хомякова. Я не защищаю Языкова, вы слышали мои понятия о Гоголе; но первый дал нам стальной русский стих, последний единственный наш русский талант, Хомяков — полный самого благородного русского чувства. Не умею передать вам, как это сжимает сердце. Задумываю свой журнал в Москве, потому что "Москвитянин", хотя и хорош, но направление, но исполнение большею частию сильно плохо; да и направление не резко проведено. Мне бы только бы завести журнал, а там я уже найду редактора; сам же буду всеми силами стараться к вам; хоть чрез годик или полтора...»[9] 1 сентября 1845 г. Чижов вновь сообщал Иванову: «Кажется, министр <С. С. Уваров> намерен хлопотать о позволении издавать мне журнал в Москве. Условия его, что там не будет переводного с Запада: все свое и еще славянское.

Славяне от этого в восторге»[10]. В апреле 1847 г. Иванов извещал Гоголя: «Чижов уехал. Трудно, чтобы состоялся его журнал. Он очень, очень не готов ни к принятию должности, ни к журналу. Только святостию своей собственной жизни можно возвысить и возвеличить глубокие сведения»[11]. В мае 1847 г., при возвращении в Россию, Чижов, вследствие доноса австрийского правительства, был арестован на русской границе по подозрению в сочувствии освободительному движению австрийских славян[12], отвезен в Петропавловскую крепость[13], через две недели отпущен, но издательская деятельность ему была запрещена. 10 октября 1847 г. он сообщал Иванову: «...Журнал мой не состоялся; может быть, впоследствии его и позволят...»[14]

Далее в письме к Гоголю Языков сообщал:

«Вышли лекции Шевырева[15]; я скажу ему, чтобы он послал их тебе: эти лекции — подвиг важный и бессмертный: теперь перестанут думать, что наша словесность началась с Кантемира. Также придет время, когда увидят, что и история наша началась не с Лефорта!!

Ив. Аксаков уехал в Калугу, где он служит в палате. На прошлой неделе[16] давали водевиль К. Аксакова "Почтовая карета"[17]. Я пришлю тебе куплет о Питере и об Москве[18]; автор был вызван и осыпан рукоплесканиями».

[1] См. ***1846. Апреля 21 <9>. Вторник. Рим***; ***1846. Мая 5 <апреля 23>. Вторник. Рим.***

[2] Альманах А. Ф. Смирдина: Новоселье. СПб., 1846. Т. 3.

[3] Роман М. Н. Загоскина.

[4] Ср. ***1846. Мая 17 <29>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1846. Мая 16 <28>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва*** (свидетельство А. О. Смирновой).

[6] См.: *Чижов Ф. В.* Овербек // Современник. 1846. № 7. С. 17–68; *Барсуков.* 1894. Кн. 8. С. 342.

[7] Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. Рассуждение кандидата Московского Университета *Константина Аксакова,* писанное на степень магистра философского факультета первого отделения. М.: В типографии Николая Степанова, 1846 (Печатать по определению. Совета Московского Университета. Декабря 12 дня, 1845 года. Секретарь Совета Василий Спекторский). 522 с.

[8] Экзмпляр книги, с дарственной надписью, хранится в *РГБ* (шифр: S 23/46).

[9] *Виноградов 2001.* С. 355–356.

[10] Там же. С. 357.

[11] См. ***1847. Апреля первая половина <апреля начало>. Рим.*** — См. также ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Рим***; ***1847. Апреля 12 <марта 31>. Понедельник. Флоренция***; ***1847. Апреля 14 <2>. Среда. Флоренция***; ***1847. Мая 1 <апреля 19>. Венеция.***

[12] См. ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Радзивиллов.***

[13] См. ***1847. Мая 14 <26>. Среда. Санкт-Петербург.***

[14] *Виноградов 2001.* С. 474.

[15] История Русской Словесности, преимущественно древней. XXXIII публичные лекции *Степана Шевырева,* О<рдинарного> Профессора Московского Университета. М., 1846 (ценз. разр. 19 марта). Т. I. Ч. 1. — См. также ***1844. Октября 12 <сентября 30>. Суббота. Париж*** (примечания); ***1845. Декабря 16 <4>. Вторник. Рим*** (примечания).

[16] В среду 24 апреля 1846 г.

[17] См. также ***1846. Февраля 18 <марта 2>. Москва.***

[18] Имеются в виду заключительные строфы стихотворения «Москве» (1845): «Но час пришел, и новой силой / Была вся Русь потрясена: / С презреньем брошено что было — / Всё одолела новизна. / Тебя постиг удел суровый, / И мановением одним / Вознесся гордо город новый, / Столица — с именем чужим» (Поэты кружка Н. В. Станкевича. М.; Л., 1964. С. 386). Стихотворение Аксакова имеет эпиграф, взятый из статьи Гоголя «Петербургские записки 1836 года»: «Москва нужна для России; для Петербурга нужна Россия. (Из статьи "Современника" "Петербургские записки")».— См. также ***1845. Января 17 <29>. Среда. Москва*** (примечания); ***1845. В течение года. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1850. Декабря 25. Понедельник. Праздник Рождества Христова. Москва.***

АПРЕЛЯ 30 <МАЯ 12>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение майского номера журнала «Финский Вестник» с рецензией А. А. Григорьева на «Петербургский сборник» (СПб., 1846).

В своей рецензии Григорьев, в частности, писал: «...Г. Достоевского должны мы рассматривать как продолжателя известной школы. Что молодой поэт принадлежит к школе *Гоголя*, это слишком ясно из содержания "Бедных людей" и из формы, сообщенной им его "Двойнику". <...> В авторе на каждом шагу виден продолжатель, развитель Гоголя, хотя развитель самостоятельный и талантливый... <...> И как обыкновенно бывает, школа взяла у главы только его односторонности. Г. Достоевский, человек с большим талантом, смешал *личности* с минутами их *озарения*, с минутами возвращения им образа Божия, и уединивши их, так сказать, в особый мир, анализировал их до того, что сам поклонился им...»[1]

Одновременно в своей рецензии Григорьев с иронией вспоминал о давних статьях, посвященных «Мертвым душам», С. П. Шевырева[2] и К. С. Аксакова[3], говоря о них как выражении «настоящего восточного, неподдельного славянского мнения» — «того мнения, которое в великой поэме Гоголя поняло только Селифана с его словами: "От чего ж мужика и не посечь", и потом в этой новой Divina Comedia увидело Илиаду»[4].

[1] <*Григорьев А. А.*> Петербургский сборник. С. Петербург, 1846, в большую 8 // Финский Вестник. 1846. Т. 9. Май. Отд. V. С. 27–29.

[2] *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя... Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7; *Шевырев С. П.* Похождения Чичикова, или Мертвые Души. Поэма Н. Гоголя. Статья вторая // Москвитянин. 1842. № 8.

[3] *Аксаков К.* Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. М., 1842.

[4] Финский Вестник. 1846. Т. 9. Май. Отд. V. С. 23.

МАЯ 13 <1>. СРЕДА. ГЕНУЯ

Гоголь прибыл в Геную. Отправляет во Франкфурт письмо к В. А. Жуковскому, написанное во Флоренции 10 мая (н. ст.) 1846 г.[1]

Отметка в паспорте Гоголя о прибытии в Геную была сделана на следующий день: «14 мая Генуя»[2].

[1] См. ***1846. Мая 10 <апреля 28>. Воскресенье. Флоренция***.

[2] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 126. См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

МАЯ 14 <2>. ЧЕТВЕРГ. ГЕНУЯ

Гоголь пишет в Петербург ответ[1] на полученное еще до отъезда из Рима[2] письмо графини Анны М. Виельгорской:

«Пишу к вам с дороги, добрейшая и благодатная[3] Анна Миха<й>ловна. Благодарю вас за ваши подарки. Во-первых, за письмо. <...> Известия о Петербурге и о духе нынешнего нашего общества <...> мне были нужны. <...> Мне нужно знать всё, что у нас ни делается, как хорошего, так и дурного, а без того я буду всё еще глуп по-прежнему и никому не <с>делаю пользы... <...> Во-вторых, благодарю вас за книги. "Воспитанница" весьма замечательна. Соллогуб идет вперед. Литературная личность его становится степенней и значительней; нельзя, чтобы не сделалась от этого и его собственная внутренняя личность степенней и значительней. В писателе всё соединено с совершенствованием его таланта и обратно: совершенствованье таланта соединено с совершенствованием душевным. "Бедные люди"[4] я только начал, прочел страницы три и заглянул в середину, чтобы видеть склад и замашку речи нового писателя (напрасно вы оторвали одних "Бедных людей"[5], а не прислали весь сборник[6], я бы его прочел, мне нужно читать все новые повести; в них хотя и вскользь, а все-таки проглядывает современная наша жизнь). В авторе "Бедных людей" виден талант, вы-

бор предметов говорит в пользу его качеств душевных, но видно также, что он еще молод. Много еще говорливости и мало сосредоточенности в себе: всё бы оказалось гораздо живей и сильней, если бы было более сжато. Впрочем, я это говорю еще не прочитавши, а только перелистнувши. У меня так мало теперь читать из современного русского, что я читаю понемногу, в виде лакомства или когда очень придет трудно и дух в таком болезненно-черством состоянии, как мое болезненно тяжелеющее на мне тело. <...> Молитесь Богу, чтобы послал мне среди недугов, как бы тяжки они ни были, сколько можно более светлых минут, нужных для того, чтобы, наконец, сказать всё то, для чего я воспитывался внутри, для чего ниспосылались мне и самые тяжелые минуты, и самые болезни, за которые я беспрерывно должен молить Бога. <...> Адресуйте письма (и, если случатся, даже книжные посылки) во Франкфурт, к Жуковскому...»[7]

[1] См. ***1846. Марта 21 <апреля 2>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1846. Мая 6–8 <апреля 24–26>. Среда-пятница. Рим.***

[3] Намек на значение имени Виельгорской («Анна» на древнееврейском языке означает «благодать»).

[4] Ф. М. Достоевского. – См. также ***1846. Февраля 18 <марта 2>. Москва.***

[5] Повесть из сборника вырезала для Гоголя графиня С. М. Соллогуб (см. ***1846. Июня 19 <июля 1>. Среда. Павлино***).

[6] «Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым» (СПб., 1846).

[7] Ответ Виельгорской см.: ***1846. Ноября 20 <декабря 2>. Среда. Санкт-Петербург.***

МАЯ 16 <4>. СУББОТА. НИЦЦА

Гоголь проездом в Ницце.

В паспорте Гоголя сделана отметка: «16 мая Ницца».

Шевырев С. П. <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 126. См. 1852. Мая 2–7. Москва.

МАЯ 8 <20>. СРЕДА. МОСКВА

А. О. Смирнова пишет для М. А. Рябинина[1] рекомендательное письмо к Гоголю:

«Письмо это вам подаст Михаил Андреевич Рябинин, добрый общий наш приятель... Примите его очень хорошо, любезный друг мой, как бы вы приняли одного из моих братьев. Ему не из пустого любопытства хочется познакомиться с вами, он с собою возит все то, что вы написали; здесь у меня познакомился с Щепкиным[2], Хомяковым и Аксаковыми; он вам многое расскажет о всем, что здесь делается, кое-что и о Самарине, которого вы не должны упускать из виду и которым Москва недовольна, которым довольна я, однако же. Его положение самое трудное, самое тяжкое; он служит[3] по желанию отца и служит с ужасным убеждением, что ничего нельзя сделать для России. И оно, по несчастию, так: для России служащий ничего не может сделать, я в этом убедилась в Калуге. Николай Михайлович[4], как честный человек, страдает и уже со всем чиновным людом в ссоре, а министры потакают мошенникам».

[1] Московский знакомый Смирновой (см. ***1846. Апреля 14 <26>. Фомино воскресенье. Москва***). – О встрече Гоголя с Рябининым «на дороге в Карлсбад» см.: ***1846. Между июня 27 и июля 4 <июня между 15 и 22>. Дорога между Грефенбергом-Фрейвальдау и Карлсбадом***; ***1846. Июля 4 <июня 22>. Суббота. Карлсбад.***

[2] Ср. ***1846. Апреля 25 <мая 7>. Четверг. Москва.***

[3] См. ***1846. Февраля средина <февраля конец>. Санкт-Петербург*** (примечания).

[4] Смирнов, муж Смирновой.

МАЯ 8 <20>. СРЕДА. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева отправляет в Москву к Н. М. Языкову ответное[1] письмо Гоголю:

«С завтрашним днем Ангела вашего[2] вас, мой милый друг поздравляю. <...> Часто, мой друг, я вас вручаю Господу и от всего сердца молю Его, да поможет Он вам окончить ваш труд с пользою для ближнего, следовательно, и для вас. Дай Бог, чтобы с Его Отцовскою помощию вы могли свершить это, как должно, чтобы угодно было Господу, и вы с исполненною спокойствия душею отправились бы на поклонение. Воображаю эту минуту, когда вы предстанете пред Гробом Господним. Помоги вам, Боже, достигнуть сего невыразимого блаженства. <...> А вы уже сей год старайтесь с помощию Божиею докончить свой труд. <...> Письмо ваше дни три от Николая Михайловича[3] получила и сие к нему в Москву посылаю».

Вероятно, Языков отправил письмо Шереметевой – и свое письмо к Гоголю (не сохранилось) – с Н. А. Мельгуновым, отправлявшимся во Франкфурт к доктору И. Г. Коппу[4].

[1] См. ***1846. Апреля 21 <9>. Вторник. Рим.***
[2] См. ***1846. Мая 9 <21>. Четверг. День памяти св. Николая Мирликийского.***
[3] Языков.
[4] См. ***1846. Мая 17 <29>. Пятница. Москва.***

МАЯ 9 <21>. ЧЕТВЕРГ. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО

Именины Гоголя.

МАЯ 11 <23>. СУББОТА. НОВГОРОД-СЕВЕРСК

Ф. В. Чижов пишет А. А. Иванову в Рим:

«Завьялова очень не полюбили[1]; мне удалось сильно отстоять его; не его собственно я отстаивал, а художника пред обществом, которое, кроме богатства, не имеет никакого права судить его и им распоряжаться. Поклонитесь Гоголю. Об нем множество глупейших толков, и я сам не читал, а говорят, будто бы “Отечественные Записки” начали уже ругать его».

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 58.

[1] В Москве.

МАЯ 12 <24>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно почтовому штемпелю[1], в Петербург из Рима доставлено письмо Гоголя к П. А. Плетневу[2].

[1] См.: *Городецкий.* С. 452.
[2] См. ***1846. Мая 5 <апреля 23>. Вторник. Рим.***

МАЯ 25 <13>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский пишет А. О. Смирновой (вероятно, в Москву):

«Жду с одной стороны Великого Князя Наследника, он будет в половине июня (старого стиля); с другой стороны жду Гоголя, который едет не в Палестину, а в Остенду».

Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 62.

МАЯ 13 <25>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Цензурное разрешение «Московского Литературного и Ученого Сборника», в котором, в частности, напечатан отзыв А. С. Хомякова о самобытности творчества Гоголя:

«Наша жизнь не перекипела и наши духовные силы еще бодры и свежи. Действительно, единственное высокое современное художественное явление (в художестве слова) принадлежит нам. Этою радостию подарила нас Малороссия, менее средней России принявшая в себя наплыв чужеземных начал. Между тем как Западная (Белая) Россия, сокрушенная ими, или обессилела, по-видимому, надолго, как Малороссия мало ими потрясена в своей внутренней жизни; собственно Средней или Великой Руси предстоит борьба с иноземным просвещением и с его рабскою подражательностию. <...>

...Я желал бы, чтобы наши читатели и Литераторы поняли несколько пояснее смысл явления, <...> на которое уже наши журналы обратили свое поверхностное наблюдение... <...> Это явление есть довольно постоянное нападение на чиновника и насмешка над ним. Едва ли не Гоголь подал этот соблазнительный пример, за которым все последовали со всевозможным усердием. Эта ревность подражания доказывает разумность первого нападения, а пошлость подражания доказывает, что смысл нападения не понят. Для того, чтобы оценить это явление, надобно сперва понять — что такое чиновник. <...> ...Это слово <...> никогда не относится к некоторым должностям, по-видимому входящим в тот же служебный круг, — ни к посреднику, ни к предводителю, ни к городскому главе, ни к попечителю училищ, ни к профессору, ни к совестному судье; <...> оно вообще более относится <...> к вещественным формам, чем к тем, в которых выражается умственное или нравственное направление. <...> Глядя с этой точки зрения, можно понять всю нравственную истину Гоголя, и всю законность его глубокой, хотя добродушной и беспечной иронии и всю незаконность и слабость его подражателей. "Чиновник, — как это весьма хорошо понял один из наших журналов <...>, — есть нечто посредствующее между просвещением и жизнию, впрочем, не принадлежащее ни тому, ни другому". Гоголь — художник, созданный жизнию, имел право понять и воплотить мертвенность этого лица в те неподражаемые образы Дмухановского и других, которые в его повестях или комедиях являются с такою яркою печатью поэтической истины. Но это право нисколько не принадлежало его подражателям — Литераторам, созданным или воспитанным чужеземною образованностию. Такова причина, почему и подражания их, несмотря на талант писателей, выходят такими бледными и бессильными. Мертвенность человека — черта разительная и достойная комедии, дает жизни право насмешки и осуждения над ним, но она не дает этого права нашему просвещению, которое само в себе собственной жизни еще не имеет».

Мнение русских об иностранцах. Письмо к приятелю, А. Хомякова // Московский Литературный и Ученый Сборник. 1846 (цензурное разрешение 13 мая). С. 163, 189–191; *Свод.* Т. 3. С. 202.

МАЯ 14 <26>. ВТОРНИК. КАЛУГА

И. С. Аксаков сообщает родным в Москву:

«Если мысль моя зрела и выразилась в чем-нибудь, так уж, конечно, выразилась она в последних двух моих стихотворениях[1]. <...> Мне кажется, что я уже больше владею формой, чем прежде, что я подвинулся вперед, там что ни говори Гоголь...»

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 911.

[1] Речь идет о стихотворениях И. С. Аксакова «Среди удобных и ленивых...» и «Ночь», отправленных С. Т. Аксаковым Гоголю 23 января 1846 г. (см. ***1846. Января 23 <февраля 4>. Среда. Москва***). Гоголь отозвался об этих стихотворениях в письме к С. Т. Аксакову от 23 марта (н. ст.) 1846 г. (см. ***1846. Марта 23 <11>. Понедельник. Рим***). – См. также ***1846. Марта 24 <12>. Вторник. Рим.***

МАЯ 15 <27>. СРЕДА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Обед у Новоси<льцева>[1]. С <А. О.> Смирновой. Поговорил с ней об том, об сем»[2].

Впечатления Смирновой от встречи с Погодиным см. в ее письме к Гоголю от 16 мая 1846 г.: «...Погодин сух и черств, даже издали»[3].

[1] Петр Петрович Новосильцев (1797–1869), московский вице-губернатор с 1838 г.
[2] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 490.
[3] См. ***1846. Мая 16 <28>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва.***

МАЯ 16 <28>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ. МОСКВА

А. О. Смирнова отправляет Гоголю во Франкфурт письмо, начатое 14 мая 1846 г.:

«Москва. 14 мая 1846 г.

Давно я к вам не писала, любезный друг Николай Васильевич, давно и от вас не получала писем. <...> ...Я вам отвечала[1] на ваше последнее письмо[2] уже из Москвы, когда была еще очень больна. Усердно подчинила себя водяному лечению, которое с помощью хинина мне помогло. <...> Здешний доктор, конечно, не предается преувеличениям Присница, не морозит своих больных и не изнуряет ни гуляньем, ни усиленным потением. Одним словом, я довольна моим Крейсером[3], потому что мне лучше... <...> Первое время по приезде в Калугу, я сгоряча как бы не чувствовала болезни, поддерживала себя тревогами домашними, знакомилась с новым миром и готовилась к деятельности более общественной. Но и тут ожидали меня впечатления самые тяжкие, и под весну на меня как будто обрушилась вся жизнь прошлая, пустая. Я вдруг почувствовала, как мало я способна жить, любить и действовать. С каждым днем все слабела и наконец была на краю погибели. Я и не помню, как меня усадили в повозку и привезли в Москву. И теперь не хочу вспоминать этого страдания. В Москве развлекло меня само лечение, вся внешность для меня новая и общество мне знакомых людей. <...> Константин Сергеевич[4] навещал меня, когда приезжал в Москву, также Хомяков изредка; я была у Свербеевой, но с ней мы не сблизились, я не нахожу в ней простоты, а все притязания на простоту женщины, живущей вне света и его условий; впрочем, я, может быть, ошибаюсь, но таково мое первое впечатление. Здесь и в Петербурге, конечно, много сплетничали

на мой счет, здесь удивлялись, что я живу одна без детей и ни с кем не знакома и не знакомлюсь. Петербургские звали в столицу, и даже ваша графиня Вьельгорская[5] говорила m-lle Overbeck, что я развелась, вероятно, с Николаем Михайловичем, а в Калуге говорили, что я уехала к любовнику. Там по крайней мере не церемонятся в выборе слов и все объясняют просто. <...>

<16 мая>

Сегодня Вознесение[6], я отслужила молебен у Иверской и надеюсь вернуться в Калугу 21 числа. Меня ожидают дети с нетерпением... <...> В отношении к самой Калуге и к деятельности более общественной, мое присутствие вовсе бесполезно. <...> Общество, о котором вы мне писали, которое как бы препоручали мне, до такой степени испорчено в своем корне, что нечего о нем и думать. <...> Благотворительность так тесно связана с администрацией и со всем служебным бытом, устроена на таких фальшивых основаниях, что мне гадко входить во все это. Я машинально делаю то, что делали мои предшественницы. <...> Грустно, даже горестно видеть вблизи состояние внутренности России: но, впрочем, не следует об этом говорить. Мы должны с надеждою и светлым взором смотреть в будущее[7], которое в руках милосердого Бога. Я усердно молю Его о вашем сохранении, о возвращении вам крепости деятельной, испрашивая окончания вашего труда на пользу ближнему. <...> По-моему, вы хорошо делаете, что остаетесь в чужих краях; здесь все на это ропщут и негодуют, забывая, что посреди всеобщего возмущения мысли смущается спокойствие души, потребное на окончание всякого искреннего дела и на совершение полезного труда. Повторяйте часто: “Да не смущается сердце ваше и не устрашается”[8]; но по слабости человеческой хорошо, что вы отдалились от смущения.

Аксаковы все здесь, Сергей Тимофеевич очень страдает, и страдает со всем нетерпением новичка; нетерпелив, отрывист в ответах на семейные нежные вопросы; меня это более огорчило, чем удивило, потому что, кажется, ему предстоит долгая болезнь и, может быть, потеря зрения. <...> Константин добр и прост, как дитя; его нельзя не полюбить, не задумавшись о его будущности. Шевырев не высказывается с первого раза, но Погодин сух и черств, даже издали[9]. Хомяков так умен, что о душе его ничего нельзя сказать; можно, однако, уверительно сказать, что его сердце доброе. Здесь затеяли подписку для Иванова, по просьбе Чижова[10]; не худо бы собрать 6000, это его обеспечит на два года; все это сделается между людьми, его любящими, как русского художника. Тут были запросы умные — обидится ли он или нет? Мне кажется, что общество никогда не может обидеть личность, а скорее лицо может обидеть другое лицо. Меня удивило, что Государь, восхищаясь его картиной[11], не имел мысли ему помочь; вероятно, он забыл его в хлопотах путешествия и никто об нем не напомнил. Зачем у меня нет денег? Я так люблю Иванова и так дорожу его картиной. <...>

Меж нами будь сказано, я, живши в Павлине, разлюбила вашу графиню Вьельгорскую[12] и Нази[13]. Они обе заражены бароновской спесью[14], и Нази очень и очень увлекается польками и всем светским блеском. Добродетель их какая-то католическая[15], гордая и сухая. Софья[16] и Апполина[17] и оба графы Вьельгорские[18] — вот мои любезные.

Благодарю вас за письмо к Самарину[19]; оно его обрадовало и подкрепило, он находится в самой затруднительной борьбе с отцом, который связывает каждое его свободное движение. А отсюда на него от друзей нападки за отторжение. <...> Изредка напишите ему, потому что он страдает от своего фальшивого положения. Панов один его подкрепляет теперь, но едва ли и Панов доволен тем, что делает по необходимости.

Я беспрестанно езжу за город, была у рогожских и преображенских раскольников с Лужиным[20], обер-полицмейстером. Преображенские очень безнравственны, несмотря на стройность и чинность их быта. Рогожские лучше, хотя наружной свободы более. Впрочем, это понятно: первые без священников и таинств. Их церковь наводит грусть: иконостас без алтаря, они ждут церкви; вторые принимают наших расстриг — благословенные же получают священников от нас. Все это спутано, перемешано, и ежедневно являются новые гнуснейшие расколы. Лужин удивительный полицмейстер; Москва отдыхает после Цынского. Он так добр и благороден, вместе и строг и нравственен во всех отношениях; но что может отдельное лицо? Дай Бог ему силы надолго, но и он при всей силе телесной и при всем спокойствии душевном устает и страдает. А бедный Кавелин[21] погиб — не перенес, ибо гневался. А как было и не гневаться в его положении? Он был не на своем месте! Го-

ворят, что духовно он теперь высок и благодарит Бога в светлые минуты. <...> Я читаю очень мало, и то недели с три. По утрам одну главу Евангелия, а потом письма Плиния младшего; древность классическая проста, правильна и не переносит за границы невозможностей в добродетели. Все ограниченное теперь успокаивает мою больную мысль, а всего более прогулка и природа; в Калуге она прекрасна, и я погружусь в свой сад. Больных и страждущих я не могу видеть равнодушно, тотчас являются запросы и проч. Итак, я живу теперь жизнию материальной, по-видимому отдаляя все трудное, — это мне и доктором предписано. <...> Один совет — не смущайтесь и, если труд не дастся, забудьте об нем, займитесь трудами рук, точите, ройтесь в земле, займитесь ботаникой, будьте как дитя; это можно сделать, и ежедневная молитва на это подкрепит. Я серьезно думаю, что движение рук очень полезно, что укрепляет нервы; я сама работаю руками, вощу столы и стулья».

[1] См. ***1846. Апреля 14 <26>. Фомино воскресенье. Москва.***

[2] См. ***1846. Марта 4 <февраля 20>. Среда. Рим.***

[3] Лекарь Э. Б. Крейзер.

[4] Аксаков.

[5] Луиза Карловна.

[6] 16/28 мая 1846 г.

[7] См. ответ Гоголя в адресованной Смирновой статье *XXI. Что такое губернаторша* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: ***1846. Июля 6 <июня 24>. Понедельник. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Карлсбад.***

[8] Евангелие от Иоанна, гл. 14, стих 27.

[9] См. ***1846. Мая 15 <27>. Среда. Москва.***

[10] См. ***1846. Апреля 30 <мая 12>. Вторник. Москва.***

[11] «Явление Мессии». — См. ***1846. Декабря 16 <4>. Вторник. Рим.***

[12] Луиза Карловна.

[13] Графиня Анна М. Виельгорская, дочь Л. К. Виельгорской.

[14] См. также ***1835. Декабря 10. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[15] Графиня Л. К. Виельгорская была католичкой. Подробнее см.: *Виноградов И. А.* К истории отношений Гоголя с Виельгорскими // Наше наследие. 1998. № 46. С. 56–59; *Виноградов И. А.* Наследие незавершенного: Эссе «Ночи на вилле» в биографии и творчестве Н. В. Гоголя // Афоризм и фрагмент в литературе и искусстве. Жанры и исторические типы фрагментарного мышления. М.: ИМЛИ РАН (в печати); и коммент. к сочинению Гоголя «Ночи на вилле» в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 7. С. 763–777.

[16] Графиня С. М. Соллогуб, дочь Л. К. Виельгорской.

[17] А. М. Веневитинова, дочь Л. К. Виельгорской.

[18] Братья Виельгорские, Михаил Юрьевич (муж Л. К. Виельгорской) и Матвей Юрьевич.

[19] См. ***1846 января 3 <1845 декабря 22>. Суббота. Рим.***

[20] Полковник Иван Дмитриевич Лужин, впоследствии генерал-майор (1804–1868).

[21] В 1846 г. А. А. Кавелин в связи с расстроенным состоянием здоровья вынужден был оставить должность санкт-петербургского военного генерал-губернатора, которую он занимал с 1842 г.

МАЯ 16 <28>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ. МОСКВА, КАЛУГА

М. С. Щепкин и В. Г. Белинский выехали из Москвы в Калугу. Их провожали, «до первой деревни», А. И. Герцен, Т. Н. Грановский, Н. Х. Кетчер, И. И. Панаев, Е. Ф. Корш, А. Д. Галахов.

Гриц. С. 366.

МАЯ 17 <29>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Н. М. Языков в письме к Гоголю (адресованном во Франкфурт к В. А. Жуковскому) сообщает:

«Я недавно писал тебе с Мельгуновым[1], стремящимся за границу и во Франкфурт к Коппу. Я ничуть не виноват в неполучении тобою книг: виноват или кн<язь> Вяземский, или Виельгорский! Не посланы ли эти книги во Франкфурт[2]: это бы хорошо, иначе они вовсе не дойдут по адресу. Аксаковы хотели писать к тебе тоже с Мельгуновым. С<ергею> Т<имофеевичу> говорят получше: он теперь в Москве — лечится, и скоро опять в деревню.

Вот тебе новость и до тебя касающаяся: Погодин едет в Швецию, в Данию, в Голландию, осенью в Рим — и оттуда в Иерусалим: конечно, он так и распределил свое путешествие, чтобы захватить тебя с собою[3]. Я увижусь с ним на днях и напишу тебе подробнее об его новой поездке за границу и паломничестве. Тебе ведь было бы подручно и удобнее пуститься на Восток с добрым товарищем: одному в такую даль и в такое чужеземие и чуженародие, ей-ей, мне кажется, как-то боязно! <...> Мельгунову сильно помогло водолечение, и я на него сильно надеюсь».

[1] Письмо не сохранилось (см. ***1846. Мая 8 <20>. Среда. С. Покровское***).

[2] См. ***1846. Мая 17 <29>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[3] Паломничество Погодина в Иерусалим не состоялось (подробнее см.: ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь***).

МАЯ 17 <29>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Князь П. А. Вяземский в письме к В. А. Жуковскому во Франкфурт извещает о посылке ему, для передачи Гоголю от Н. М. Языкова, пяти русских книг (на самом деле было отправлено шесть книг).

«С. П. Марченко[1] <...> везет тебе пять русских книг для передачи Гоголю, коему отсылаются они из Москвы. Он, говорят, у тебя гостит и с гостинцем, — не с продолжением ли мертвых или воскресших душ? Впрочем, как ты в письме своем ничего о нем не говоришь, то сомневаюсь в справедливости здешнего слуха. Как он счастлив, что не читает в русских журналах того, что говорится о нем. Там, где бранят его, было бы для него еще сносно. Но он сам бы себе огадился, читая похвалы себе, например, в Отечественных записках»[2].

Позднее, 9 июня, Вяземский вновь писал Жуковскому: «Я недавно отправил к тебе присланные из Москвы для тебя и Гоголя книги, между прочими Московский сборник»[3].

В «Московском Литературном и Ученом Сборнике»[4] (М., 1846) были, в частности, опубликованы прочитанная ранее[5] Гоголем статья Ф. В. Чижова «О работах русских художников в Риме» и стихотворение Н. М. Языкова «Сампсон»[6]. Кроме этого сборника Гоголю были отправлены роман М. Н. Загоскина «Брынский лес» (М., 1846)[7], третья часть альманаха А. Ф. Смирдина «Новоселье» (СПб., 1846), «Невский Альманах на 1846 год» Е. В. Аладьина (СПб., 1846), «История Русской Словесности, преимущественно древней» С. П. Шевырева (М., 1846) и «Путешествие по Святой Земле в 1835 году» А. С. Норова (2-е изд. СПб., 1844. Ч. 1–2)[8].

[1] Муж (с 1835 г.) Екатерины Петровны Марченко, дочери русского посланника во Франкфурте-на-Майне П. Я. Убри.

[2] Гоголь в письмах князя П. А. Вяземского // *Свод.* Т. 1. С. 847.

[3] Там же. Т. 1. С. 847.

[4] См. ***1846. Июня 3 <15>. Понедельник. Москва.***

[5] См. ***1846. Мая начало <апреля конец>. Рим.***

[6] См. ***1846. Июля 21 <9>. Вторник. Швальбах.***

[7] См. ***1846. Апреля 30 <мая 12>. Вторник. Москва.***

[8] См. ***1846. Июля 21 <9>. Вторник. Швальбах.***

МАЯ КОНЕЦ <МАЯ СРЕДИНА>. ПАРИЖ

Гоголь в Париже у графа А. П. Толстого проездом во Франкфурт. Вероятно, пользуется здесь «Богословской энциклопедией...» аббата Ж. П. Миня[1]. По ре-

комендации Толстого обращается за консультацией по поводу своего здоровья к парижскому доктору Груббиᅠ[2]. Встречается с П. В. Анненковым.

18 апреля (н. ст.) 1846 г. Гоголь сообщал Толстому из Рима: «Думаю, с Божией помощью, двинуться из Рима через две недели, располагая зацепить Франции и Парижа единственно затем, чтобы взглянуть на вас. К концу мая, если не европейского, то нашего стиля, надеюсь вас увидать...» 6–8 мая (н. ст.) 1846 г. Гоголь выехал из Рима[3] и спустя несколько дней, в письме к В. А. Жуковскому, начатом 10 мая (н. ст.) 1846 г. во Флоренции и отправленном 13 мая (н. ст.) 1846 г. из Генуи, сообщал: «В конце мая я полагаю быть у вас во Франкфурте. <...> Я только заеду на три дни в Париж, единственно для того, чтобы взглянуть на моего доброго гр<афа> А<лександра> П<етровича> Толстого, и оттуда чрез Бельгию во Франкфурт». 16 мая (н. ст.) 1846 г. Гоголь был в Ницце; во Франкфурт прибыл в начале июня (н. ст.), побывав, очевидно, в Париже в конце мая (н. ст.) 1846 г.

В 1852 г. С. П. Шевырев на основании отметок в паспорте Гоголя пометил: «Через Францию во Франкф<урт>-на-М<айне>»[4].

Около 14 августа (н. ст.) 1847 г. в письме из Остенде Гоголь спрашивал Толстого: «Если вы встретите Анненкова, того самого, который — помните? — был у меня в Париже при вас, то, пожалуста, спросите его, получил ли он мое письмо к нему[5], адресованное в poste restante вместе с письмом к Белинск<ому>[6], с которым он в дружеских отношениях».

Из «Воспоминаний о Гоголе» П. В. Анненкова (1857): «...Со времени выезда моего из Рима[7] я уже более не видал Гоголя вплоть до 1846 г. Два раза получил я от него по письму, в России, из которых первое[8] заключало обыкновенные его комиссии, касавшиеся присылки книг и сообщения толков о его произведениях, а второе (1844[9]) содержало выговор за резкие суждения о людях, не понимавших или хуливших его литературную деятельность. Тем и ограничивались все наши сношения в течение пятилетней разлуки. Проезжая через Париж в 1846 г., я случайно узнал о прибытии туда же Николая Васильевича[10], остановившегося, вместе с семейством гр<афа> Т<олстого>, в отеле улицы De la Paix[11]. На другой же день я отправился к нему на свидание, но застал его уже одетым и совсем готовым к выходу по какому-то делу. Мы успели перекинуться только несколькими словами. Гоголь постарел, но приобрел особенного рода красоту, которую нельзя иначе определить, как назвав красотой мыслящего человека. Лицо его побледнело, осунулось; глубокая, томительная работа мысли положила на нем ясную печать истощения и усталости, но общее выражение его показалось мне как-то светлее и спокойнее прежнего. Это было лицо философа. Оно оттенялось, по-старому, длинными, густыми волосами до плеч, в раме которых глаза Гоголя не только что не потеряли своего блеска, но, казалось мне, еще более исполнились огня и выражения. Николай Васильевич быстро перебежал через все обычные выражения радости, неизбежные при свиданиях, и тотчас заговорил о своих петербургских делах. Известно, что после издания своих "Сочинений" Гоголь жаловался на путаницу в денежных расчетах, которой, однако же, совсем не было: Николай Васильевич забыл только сам некоторые из своих распоряжений. Тогда уже все было объяснено, но Николай Васильевич не желал казаться виноватым и говорил еще с притворным неудовольствием о хлопотах, доставленных ему всеми этими расчетами. Затем он объявил, что через два-три дня едет в Остенде купаться[12], а покамест пригласил меня в Тюльерийский сад, куда ему лежала дорога. Мы отправились. На пути он подробно расспрашивал, нет ли новых сценических талантов, новых литературных дарований, какого рода и свойства они, и прибавлял, что новые таланты теперь одни и привлекают его любопытство: "Старые все уже выболтали, а все еще болтают". Он был очень серьезен, говорил тихо, мерно, как будто весьма мало занятый своим разговором. При расставании он назначил мне вечер, когда будет дома, исполняя мое желание видеть его еще раз до отъезда в Остенде.

Вечер этот был, однако же, не совсем удачен. Я нашел Гоголя в большом обществе, в гостиной семейства, которому он сопутствовал. Николай Васильевич сидел на диване и не принимал никакого участия в разговоре, который вскоре завязался около него. Уже к концу беседы, когда зашла

речь о разнице поучений, какие даются наблюдением двух разных народов, английского и французского, и когда голоса разделились в пользу того или другого из этих народов, Гоголь прекратил спор, встав с дивана и проговорив длинным, протяжным тоном: “Я вам сообщу приятную новость, полученную мною с почты”. Вслед за тем он вышел в другую комнату и возвратился через минуту назад с писанной тетрадкой в руках. Усевшись снова на диван и придвинув к себе лампу, он прочел торжественно, с сильным ударением на слова, и заставляя чувствовать везде, где можно, букву *о*, новую “Речь” одного из известных духовных витий наших[13]. “Речь” была действительно прекрасна, хотя нисколько не отвечала на возникшее прение и не разрешала его нимало. По окончании чтения молчание сделалось всеобщим; никто не мог ни связать, ни даже отыскать нить прерванного разговора. Сам Гоголь погрузился в прежнее бесстрастное наблюдение; я вскоре встал и простился с ним. На другой день он ехал в Остенде»[14].

18 июня (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал графу А. П. Толстому из Грефенберга: «Перед выездом, в рассеянности, я позабыл вам сказать, что в одной молитве из тех, которые вам дал, пропущена одна строчка; так как один экземпляр переписывался с другого, то в обеих повторился тот же пропуск, именно в молитве III, после слов: “вем яко и самое колебан<ие> сие не без воли Твоей”, следует: “достоин его за грехи мои, но ведаю также, о Господи, что по милосердию ниспослешь мне крепость Твою, ею же облекал всех уповающих на Тя”».

[1] См. ***1846. Апреля 18 <6>. Великая суббота. Рим.***

[2] См. ***1846. Июня 18 <6>. Четверг. Грефенберг-Фрейвальдау***; ***1847. Июля 27 <15>. Вторник. Остенде.*** – См. также ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим*** (примечания).

[3] См. ***1846. Мая 6–8 <апреля 24–26>. Среда-пятница. Рим.***

[4] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 126. См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

[5] См. ***1847. Августа 12 <июля 31>. Четверг. Остенде.***

[6] См. ***1847. Августа 10 <июля 29>. Вторник. Остенде.***

[7] См. ***1841. Июля 19 <7>. Понедельник. Альбано.***

[8] Письмо от 10 февраля (н. ст.) 1844 г. из Ниццы.

[9] Имеется в виду письмо от 10 мая (н. ст.) 1844 г. из Франкфурта.

[10] См. также ***1846. Июня 8 <20>. Суббота. Калуга.***

[11] Гоголь не «сопутствовал» семейству Толстых, как писал Анненков, а приехал в Париж к графу А. П. Толстому. У Толстого в Париже Гоголь останавливался и в 1845 г., когда пробыл здесь с середины января по март (н. ст.) (см. ***1845. Января 14 – марта 1 <января 2 – февраля 17>. Париж***). По свидетельству генерал-майора Н. Б. Герсеванова (почерпнутому из третьих рук), Гоголь в Париже «имел даровую квартиру у графа Т<олстого>, в Неаполе <зимой 1846/47 г.> – у сестры его Софьи Петровны <Апраксиной>» (*Герсеванов Н.* Гоголь перед судом обличительной литературы. Одесса, 1861. С. 8).

[12] В Остенде Гоголь прибыл только 6 августа (н. ст.) 1846 г.

[13] Речь идет о «Слове в день восшествия на Всероссийский Престол Благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича, говоренное в Кафедральной церкви Чудова монастыря, Синодальным Членом, Высокопреосвященнейшим Филаретом, Митрополитом Московским, Ноября 20-го дня, 1845-го» (см. ***1846. Января 23 <февраля 4>. Среда. Москва***). Слово начинается цитатой из Первого соборного послания св. апостола Петра: «*Всех почитайте, братство возлюбите, Бога бойтеся, Царя чтите*, I Петр. 2, 17» (***Гоголь 2009–2010***. Т. 9. С. 751).

[14] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 464–465.

МАЯ 18 <30>. СУББОТА. КАЛУГА

М. С. Щепкин и В. Г. Белинский приезжают в Калугу.

Позднее, 11 июня 1846 г., В. Г. Белинский сообщал жене, М. В. Белинской: «В Калугу приехали в субботу (18 мая), прожив в ней одиннадцать дней».

Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 263.

МАЯ 19 <31>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Судя по почтовому штемпелю[1], в этот день графиня Анна М. Виельгорская получила ответное письмо Гоголя из Генуи[2].

[1] См.: *Городецкий*. С. 441.
[2] См. ***1846. Мая 14 <2>. Четверг. Генуя.***

МАЯ 19 <31>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. КАЛУГА

М. С. Щепкин открывает гастроли в Калуге, играет роль Городничего в «Ревизоре»[1]. После представления Щепкин и В. Г. Белинский ужинали у губернатора Н. М. Смирнова.

Позднее, 11 июня 1846 г., Белинский сообщал жене, М. В. Белинской: «Когда мы приехали в Калугу, ее <А. О. Смирновой> еще не было там[2]; в качестве хвоста толстой кометы, то есть Михаила Семеновича, я был приглашен губернатором на ужин в воскресенье, во время спектакля; потом <20 мая 1846 г.> мы у него обедали»[3].

[1] *Гриц*. С. 367.
[2] Смирнова собиралась приехать в Калугу 21 мая 1846 г. (см. ***1846. Мая 15 <27>. Среда. Москва***; ***1846. Мая 16 <28>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва***; ***1846. Мая 22 <июня 3>. Среда. Калуга***).
[3] Из писем В. Г. Белинского // *Свод*. Т. 3. С. 263.

МАЯ 20 <ИЮНЯ 1>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1979. С. 383.

МАЯ 22 <ИЮНЯ 3>. СРЕДА. КАЛУГА

Знакомство В. Г. Белинского с А. О. Смирновой.

Позднее, 11 июня 1846 г., Белинский сообщал жене, М. В. Белинской: «Пребывание в Калуге для меня останется вечно памятным по одному знакомству, которого я и не предполагал, выезжая из Питера. <...> C'est une dame qualite[1]; свет не убил в ней ни ума, ни души, а того и другого природа отпустила ей не в обрез. Она большая приятельница Гоголя, и Михаил Семенович[2] был от нее без ума[3]. <...> Во вторник[4] приехала она, а в четверг[5] я был ей представлен. Чудесная, превосходная женщина – я без ума от нее. Снаружи холодна, как лед, но страстное лицо, на котором видны следы душевных и физических страданий, изменяет невольно величавому наружному спокойствию. Благодаря тебе, братец ты мой, тебе, моя милая судорога, я знаю толк в этого рода холодных лицах»[6].

И. С. Аксаков 25 мая 1846 г. сообщал родным в Москву о первом визите Белинского к Смирновой 22 мая: «Я не успел хорошенько предупредить Ал<ександру> Осип<овну> насчет сего господина, и потому она часто делала ему подобные вопросы, напр<имер>, когда речь зашла о Гоголе: "Разве Вы хвалите Гоголя, ведь Вы его браните в своем журнале?", и Белинский, сидевший, впрочем, очень смирно, скромно и даже робко, кажется, этим очень обижался. – Сначала Ал<ександра>

Осип<овна> много рассказывала, по своему обыкновению, о чужих краях, о Грамаклее (место ее родины)... <...> Я поддерживал всячески разговор в этом роде, чтоб не подать поводу к спорам, однако ж под самый конец вечера дошло дело до Жорж Занд, и когда Белинский стал об ней говорить как о некоем божестве, которое, впрочем, начинает портиться, ибо в последних романах ее видно признание раскаяния и других добродетелей, то Ал<ександра> Осип<овна> вспыхнула, да ведь как. Начала кричать на Белинского довольно резко и доказывать весь вред и всю степень разврата Жорж Занд. Белинский возражал довольно горячо, но Ал<ександра> Осип<овна> хотя и говорила умно, но по-женски, т. е. доказывала анекдотами, случайными фактами и нападала, между прочим, на ее *плебейское сердце!* <...> Видя, однако, что Смирнова очень раздражилась, я встал, простился и увел ее гостей... Слышал, однако, от Щепкина, что Белинскому Смирнова-таки понравилась...»[7]

В. И. Шенрок писал: «...Горячо А. О. Смирнова спорила с Белинским, но, по воспоминаниям О. Н. Смирновой, это не произвело на него невыгодного впечатления, так как он после говорил Щепкину: "Александра Осиповна меня уверила своим гневом, что она умеет защищать друзей и что она честная женщина. Она говорит, что думает, прямо в глаза. Это такая редкая черта в женщине!"»[8]

[1] Это достойная дама (*фр.*).

[2] Щепкин.

[3] См. ***1846. Апреля 25 <мая 7>. Четверг. Москва.***

[4] Т. е. 21 мая 1846 г. И. С. Аксаков указывал, что уже в понедельник, т. е. 20 мая 1846 г., был у Смирновой, а во вторник, 21 мая, видел ее в театре (см. ***1846. Мая 25 <июня 6>. Троицкая родительская суббота. Калуга***).

[5] Т. е. 23 мая 1846 г. И. С. Аксаков указывал на среду, т. е. на 22 мая (см. ***1846. Мая 25 <июня 6>. Троицкая родительская суббота. Калуга***).

[6] Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 263.

[7] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 912. – Ответ С. Т. Аксакова на наст. письмо см. ***1846. Мая 29 <июня 10>. Среда. Москва.***

[8] <Воспоминания о Гоголе А. О. и О. Н. Смирновых в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока> // *Свод.* Т. 2. С. 360–361.

ИЮНЯ 5 <МАЯ 24>. ПЯТНИЦА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь во Франкфурте у В. А. Жуковского, который, очевидно, вручил[1] ему три письма от А. О. Смирновой (одно – из Калуги[2] и два – из Москвы[3]), а также списки поэм И. С. Аксакова «Жизнь чиновника» и «Зимняя дорога»[4]. Возможно, в этот день (или позднее, в конце июля (н. ст.) 1846 г. в Швальбахе[5]) Гоголь познакомил Жуковского со своей статьей «Светлое Воскресенье»[6], написанной для «Выбранных мест из переписки с друзьями»[7].

Из Франкфурта Гоголь в тот же день выехал через Прагу в Грефенберг.

В паспорте Гоголя была сделана отметка: «5-го июня во Фр<анкфурте>»[8].

[1] См. ***1846. Июня 6 <мая 25>. Троицкая родительская суббота. Прага.***

[2] См. ***1846. Февраля 21 <марта 5>. Четверг. Калуга.***

[3] См. ***1846. Апреля 14 <26>. Фомино воскресенье. Москва***; ***1846. Мая 16 <28>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва.***

[4] См. ***1846. Января 23 <февраля 4>. Среда. Москва*** (примечания).

[5] См. ***1846. Июля 19 – августа около 1 <июля 7 – июля около 20>. Швальбах.***

[6] См. ***1847. Февраля 18 <6>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[7] *XXXII. Светлое Воскресенье.* – 16 октября (н. ст.) 1846 г. статья была отправлена Гоголем П. А. Плетневу в Петербург (см. ***1846. Октября 16 <4>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***).

[8] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 126. См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

ИЮНЯ 6 <МАЯ 25>. ТРОИЦКАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА. ПРАГА

Гоголь в Праге проездом в Грефенберг. Начинает здесь большое ответное письмо к А. О. Смирновой об обязанностях губернаторши[1] (три письма Смирновой[2] были получены им накануне во Франкфурте у В. А. Жуковского[3]).

[1] См. ***1846. Июля 6 <июня 24>. Понедельник. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Карлсбад.***
[2] См. ***1846. Февраля 21 <марта 5>. Четверг. Калуга***; ***1846. Апреля 14 <26>. Фомино воскресенье. Москва***; ***1846. Мая 16 <28>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва.***
[3] См. ***1846. Июня 5 <мая 24>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

МАЯ 25 <ИЮНЯ 6>. ТРОИЦКАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА. КАЛУГА

И. С. Аксаков сообщает родным:

«У меня Щепкин до сих пор не был и умно сделал, потому что он с Белинским не разлучается нигде и таскает его всюду; нынче мы обедаем опять вместе у Смирнова, и французу-повару заказаны вареники... Теперь об Ал<ександре> Осиповне. Как вам известно, был я у нее в понедельник[1], во вторник[2] видел ее в театре. В середу вечером был я опять у нее, сначала один, потом вскоре приехал Щепкин и Белинский[3]. <...> Вообразите, в понедельник[4] дают "Женитьбу" Гоголя!!!! Это просто будет истязание, пытка, так скверны здешние актеры, по крайней мере, большая часть...»[5]

В тот же день, 25 мая 1846 г., И. С. Аксаков обедал у Смирновой, где были также М. С. Щепкин и В. Г. Белинский[6].

[1] 20 мая 1846 г.
[2] 21 мая 1846 г.
[3] См. ***1846. Мая 22 <июня 3>. Среда. Калуга.***
[4] Представление состоялось во вторник 28 мая 1846 г. (см. ***1846. Мая 28 <июня 9>. Вторник. Калуга***).
[5] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 912. – Ответ С. Т. Аксакова на наст. письмо см. ***1846. Мая 29 <июня 10>. Среда. Москва.***
[6] См. ***1846. Мая 28 <июня 9>. Вторник. Калуга.***

МАЯ 28 <ИЮНЯ 9>. ВТОРНИК. КАЛУГА

И. С. Аксаков сообщает родным:

«Вчера давали "Матроса"[1] и "Тяжбу"[2]; театр был почти полон. Щепкин был очень хорош в Бурдюкове. Нынче дают "Женитьбу"[3] Гоголя, и в ночь Щепкин едет. Я этому очень рад, потому что мне уже надоело так часто таскаться в театр, в субботу[4] я обедал вместе с ним и Белинским у Ал<ександры> Осиповны. Особенно ничего не было...»[5]

Позднее, 11 июня 1846 г., В. Г. Белинский сообщал жене, М. В. Белинской: «Потом я у ней <А. О. Смирновой> два раза обедал, в последний раскланялся, да еще в тот же вечер раскланялся с нею на лестнице, ведущей из-за кулис в ее ложу. Пишу тебе все это не больше, как материал для разговоров и рассказов при свидании, и потому в подробности не пускаюсь... <...> Выехали мы из Калуги со вторника на среду (29 мая), в 4 часа утра...»[6]

[1] Драматический водевиль Т. М. Ф. Соважа и Ж. Ж. Г. Делюрье. М. С. Щепкин играл в этом водевиле роль матроса Симона.

[2] Сцены Гоголя.
[3] В «Женитьбе» Щепкин играл роль Кочкарева (см.: *Гриц.* С. 368).
[4] 25 мая 1846 г. (см. ***1846. Мая 25 <июня 6>. Троицкая родительская суббота. Калуга***).
[5] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 912.
[6] Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 263.

МАЯ 29 <ИЮНЯ 10>. СРЕДА. МОСКВА

С. Т. Аксаков отвечает[1] сыну Ивану:

«Как мне досадно, что я не предупредил Ал<ександру> Ос<иповну> насчет Белинского и даже Щепкина; жаль, что ты этого не сделал. Мне больно, что она допустила их, наравне с тобою, в свое короткое общество и удостоила Белинского спора, когда следовало бы только сказать, что она не хочет слушать его мнений об этом предмете. Щепкин тоже довольно гадок и еще больше смешон, проповедуя отчаянные западные идеи, как я слышал»[2].

[1] См. ***1846. Мая 25 <июня 6>. Троицкая родительская суббота. Калуга.***
[2] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 587.

МАЙ 31 <ИЮНЯ 12>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре.

Ельницкая 1979. С. 323.

ИЮНЯ 1 <13>. СУББОТА. КАЛУГА

И. С. Аксаков отвечает[1] отцу, С. Т. Аксакову:

«Во вторник, как только что написал я письмо к вам[2], явился Щепкин, просидел у меня час... <...> Хвалил он очень Константина[3]... <...>, сказал что будет с 2-х часов у Ал<ександры> Осип<овны>[4], а Белинский приедет туда обедать, а оттуда он проедет в театр – играть в "Женитьбе", а из театра – в Воронеж. – Я бы мог поехать обедать к Смирновым, но не поехал <...>; отчасти <...> потому, что хотел этим господам предоставить полную свободу, ибо видел, что они, особенно же Щепкин, связаны в моем присутствии... <...> Вечером отправился я в театр; Щепкин был не очень хорош, хотя и очень понравился и публике, и Ал<ександре> Осиповне; даже Белинский, увидавши меня, сказал мне на ухо: "Ай, ай, как он нынче плоховат, верно, вследствие хлопотливого дня!" <...> ...Я сказал ей <Смирновой> свое мнение о Белинском и о Щепкине (тенденцию сего последнего я давно знаю, но он при мне об этом ни слова); она сказала мне, что объявила Белинскому, что вполне разделяет убеждения Конст<антина> Сергеевича. <...> Узнав, что Белинский женат, имеет ребенка[5] и что он атеист, она почувствовала к нему сильное сострадание; в самом деле, он жалок да еще болен»[6].

[1] См. ***1846. Мая 29 <июня 10>. Среда. Москва.***
[2] См. ***1846. Мая 28 <июня 9>. Вторник. Калуга.***
[3] К. С. Аксаков.
[4] Смирнова.
[5] Дочь Белинского Ольга (в замужестве Бензис) родилась 13 июня 1845 г. (ум. в 1904).
[6] *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 260–262.

ИЮНЯ 14 <2>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ГРЕФЕНБЕРГ-ФРЕЙВАЛЬДАУ

Гоголь прибыл в Грефенберг.

См. ***1846. Июня 18 <6>. Четверг. Грефенберг-Фрейвальдау.***

ИЮНЯ 2 <14>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев, получив письмо от Гоголя[1], пишет В. А. Жуковскому:

«Посланные мною к вам для Гоголя деньги верно уже дошли теперь до вас. Я не пишу особого письма Гоголю, потому что не люблю письмами своими ловить человека, переменяющего место. Да он же и сух необыкновенно в своих письмах, так что чувствуешь, до какой неловкости доводишь его, как вынудишь писать. Конечно, главная причина неискренности его в отвычке от меня в продолжение столь долговременной разлуки, а еще более в его болезни, расстроившей нервы его; но и без того, по характеру своему, он мало расположен к общежительности»[2].

[1] См. ***1846. Мая 5 <апреля 23>. Вторник. Рим.*** – На письме Гоголя имеется помета Плетнева: «От<вечал> Ж<уковско>му 2 июня 1846».
[2] *Свод.* Т. 1. С. 676.

ИЮНЯ 3 <15>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Е. А. Свербеева пишет В. А. Жуковскому:

«Панов[1] послал Вам через Вяземского изданный им “Московский литературный сборник”[2], в котором участвуют Языков, Хомяков, Вяземский, Аксаковы, Самарин, Павловы, Шевырев и другие московские литераторы и ученые. Хорошо, если бы Вы могли подействовать на Гоголя и склонить его к участию в этом издании[3]. Это дело трудное, и только Вы одни разве можете в нем успеть, не говоря ему, что мы Вас об этом просили.

Если Вы сами вздумаете откликнуться на серьезный призыв к Вам москвичей, Вы можете ко мне прислать, что Вы назначите для сборника. Я передам это в редакцию».

Гоголь в письмах Е. А. Свербеевой (рожденной княжны Щербатовой) // *Свод.* Т. 3. С. 852.

[1] В. А. Панов.
[2] См. ***1846. Мая 17 <29>. Пятница. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1846. Октября 15 <27>. Вторник. Москва.***

ИЮНЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА <ИЮНЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА>[1]. ГРЕФЕНБЕРГ-ФРЕЙВАЛЬДАУ

Гоголь вновь[2] находится на лечении у В. Присница.

6 апреля 1852 г. штаб-лекарь А. Т. Тарасенков в записках «Н. В. Гоголь в последнее время жизни» сообщал: «Лечение холодною водою у Пристница лет пять до смерти он исполнял неточно, разбавляя холодную воду теплою, всякий раз приступал к употребляемым там приемам с большою робостью, и вскоре, не окончив курса, бросил это лечение»[3].

[1] См. ***1846. Июня 14 <2>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау; 1846. Июля 4 <июня 22>. Суббота. Карлсбад.***

[2] См. также ***1845. Августа 23 <11> – сентября 21 <9>. Грефенберг-Фрейвальдау.***

[3] См. ***1852. Февраля 16. Суббота. Шестой день Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Москва.***

ИЮНЯ ОКОЛО 14[1] <ОКОЛО 2> – НЕ ПОЗДНЕЕ 18[2] <НЕ ПОЗДНЕЕ 6>. ЛИНДЕВИЗЕ.

Гоголь был в Линдевизе (Bad Lindewiese; современное название Липова Лазне; курорт неподалеку от Грефенберга-Фрейвальдау) для свидания с князем А. И. Барятинским.

Александр Иванович Барятинский (1814–1879), впоследствии фельдмаршал. Летом 1846 г. лечился за границей от ран, полученных на Кавказе.

Позднее, 2 ноября (н. ст.) 1846 г., Гоголь, побуждая графиню Анну М. Виельгорскую вместе с их общими знакомыми заняться раздачей денег от продажи предполагаемого благотворительного издания «Ревизора с Развязкой», писал: «Что вы думаете о князе Барятинском? У него душа очень добрая, и он во многом значительно переменился. Я с ним сошелся ближе в Грефенберге. Мне кажется, что ему недостает для полного себя укомплектованья близкого знакомства с половиной страждущею людей и практического познания затруднительных их положений под условием прижимающих и гнетущих их обстоятельств».

[1] См. ***1846. Июня 14 <2>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау.***

[2] См. ***1846. Июня 18 <6>. Четверг. Грефенберг-Фрейвальдау.***

ИЮНЯ 17 <5>. СРЕДА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский записывает в дневнике:

«У нас Мельгунов с женою»[1].

Н. А. Мельгунов привез Жуковскому из Москвы, для передачи Гоголю, письма Н. М. Языкова и Н. Н. Шереметевой[2].

[1] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847 гг. / Сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М., 2004. С. 287.

[2] См. ***1846. Мая 8 <20>. Среда. С. Покровское.***

ИЮНЯ 18 <6>. ЧЕТВЕРГ. ГРЕФЕНБЕРГ-ФРЕЙВАЛЬДАУ

Гоголь отправляет в Париж письмо к графу А. П. Толстому:

«Наконец, пишу к вам из Греффенберга, куда прибыл[1] благополучно, отдохнул два дни и вот уже другой день начал лечение. От дороги ли, а может быть, отчасти, и от грубиевского прописания[2], которое я выполнял доселе по возможности, в дороге я почувствовал себя несколько лучше, имел <...>[3] натуральное, один или два раза, что для меня важно и что, однако ж, прекратилось с начатием водяного курса. И Греффенберг и Фрейвалдау грустны, почти ни души; кроме бедного Дегалета[4], который еле ходит с закрытыми глазами и ничего не видит, только двое русских. Один армейский полковник Быков[5], другой какой-то Лосев[6]. Во Фрейвалдау никого. Был я в Линде<визе> затем, чтобы повидать князя Барятинского[7], который лечится у Шрота и от него в восторге. Его курс почти на исходе. Он говорит, что, несмотря на страшную слабость, чувствует себя как бы пе-

рерожденным. Но я уже давно привык не верить тем больным, которые еще вполне не вылечились, что, впрочем, никак не мешает быть Шроту в своем роде гениальным врачем, а кн<язю> Барятинскому умным и замечательным человеком, несмотря на [то] обвинение братца вашего Алексея Петровича[8] в глупости. В Греффенберге в это лето несравненно меньше лечащихся, чем во все прежние годы. Приезды значительно прекращаются, это я уже слышал всюду на дороге. Меня разбирает тоска. Абрейбунги[9] и умшлаги[10] противны и почти невыносимы, а главное то, что я не имею чрез то времени заняться тем, чем мне нужно спешить[11]; в дороге я имел возможности больше заниматься. Я думаю, я Греффенберг просто брошу, тем более, что от него вся надежда только на небольшое освежение, а перееду на море, именно в Остенде: там больше бывает русских, туда, может быть, и вы заедете из Лондона. Мне же особенно нужно бежать от тоски, которая наиболее меня одолевает тогда, когда нет с кем провести вечер и сколько-нибудь позабыть в беседе, тягость и трудность дня. Я получил письмо от Софьи Петровны[12], которая так убеждает и меня, и вас приехать в Неаполь, что вам особенно ни в каком случае невозможно не выполнить таких убедительных и жарких прошений. На это письмо вы отвечайте не в Греффенберг, но во Франкфурт, на имя Жуковского. Спросите у Груб<б>и, почему мне в Германии стали давать из аптек порошок не темносерый, как в Париже, но совсем желтый, и притом сухой, а не влажный.

Затем мысленно обнимая вас и графиню и моля Бога, да ниспошлет всё, что наиболее нужно душам вашим, остаюсь

вечно ваш Г<оголь>.

<...> Уведомьте меня обстоятельней о вашем маршруте. Мне бы никак не хотелось пропустить возможности с вами встретиться в Остенде».

Возможно, в тот же день, 18 июня (н. ст.) 1846 г., Гоголь отправил в Неаполь ответное письмо графине С. П. Апраксиной (письмо не сохранилось). В этом письме Гоголь, вероятно, обещал Апраксиной в первой половине августа (н. ст.) 1846 г. приехать в Неаполь, чтобы отправиться оттуда к Святым Местам.

В июле (н. ст.) 1846 г. А. А. Иванов сообщал Н. М. Языкову из Неаполя: «Апраксина получила письмо от Гоголя, где он пишет ей, что приедет в Неаполь через месяц[13], и отсюда пустится в Сирию. Завидное путешествие (для того), кто часто погружается в откровение Божие, кто беспрестанно следит Библию! Мне бы очень хотелось видеться здесь с Гоголем, и я думаю остаться выждать его, а на будущей неделе съездить дней на 10 в Палермо, для срисовки греческих мозаик в Монреале. Не найду ли пищи для нашей превосходной церкви? Ведь, может быть, не удастся быть более в Неаполе»[14].

22 июля (н. ст.) Иванов писал также брату, С. А. Иванову: «Самое важное это, что едет сюда Гоголь и будет в половине августа. Я решился его дожидаться здесь, хотя бы это стоило лишнюю неделю, тем более, что я здесь нашел себе верные занятия в Королевской Библиотеке. Шамполион, Денон и Роселини. Это все об Египте, воспитателе Моисея!»

[1] См. ***1846. Июня 14 <2>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау.***
[2] См. ***1845. Мая конец <мая средина>. Париж.***
[3] Пропущены три слова, не принятые в печати.
[4] См. ***1845. Марта 27–28 <апреля 8–9>. Вторник-среда. Санкт-Петербург.***
[5] Лицо неустановленное.
[6] Лицо неустановленное.
[7] См. ***1846. Июня около 14 <около 2> – не позднее 18 <не позднее 6>. Линдевизе.***
[8] Граф Алексей Петрович Толстой (1797–1861), генерал от кавалерии.
[9] Абрейбунги (Abreibungen; *нем.*) – обтирания.
[10] Умшлаги (Umschlagen; *нем.*) – обертывания.
[11] Вероятно, речь идет о «Выбранных местах из переписки с друзьями».
[12] Графиня Апраксина, сестра графа А. П. Толстого.
[13] Гоголь прибыл в Неаполь около 1 декабря (н. ст.) 1846 г.
[14] Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 346.

ИЮНЯ 8 <20>. СУББОТА. КАЛУГА

И. С. Аксаков сообщает родным в Москву:

«Ал<ександра> Осип<овна>[1] получила письмо от Самарина, который пишет, что Гоголь в Париже»[2].

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 913.

[1] Смирнова.
[2] См. ***1845. Мая конец <мая средина>. Париж.***

ИЮНЯ 24 <12>. СРЕДА. ГРЕФЕНБЕРГ-ФРЕЙВАЛЬДАУ

Гоголь пишет ответное письмо Н. М. Языкову в Москву:

«...Нахожусь в недуге, увеличивающемся более и более, чувствую, что нужно куда-нибудь двинуться, и недостает сил, а с тем вместе духа и решительности, ибо страшусь, что останусь один, что может случиться особенно в Гастейне, а это мне опасно. <...> Маленькое письмо твое от 27 дня мая[1] получил. <...> На дачу выезжай поскорее... <...> Жаль мне, что "Москвитянин", судя по письму твоему, готов прекратиться, впрочем, я уже видел с самого начала. Прыть и натуга у нас на миг, за нею в ту же минуту следует лень и беспечность, без одного повелевающего и движущего всем у нас никакое дело ни на каком поприще не состоится. А повелевать и двигать всем никто не умеет, но потому, что не умеет повиноваться. Впрочем, наше поле литературное, слава Богу, не бедно, и мне кажется вообще утешительным. Много очень замечательного. Я прочел "Тарантас" Соллогуба, который гораздо лучше его самого. Произведение очень удачное, таланта, ума и остроты много. Оно равно, выдержанно и даже в своем роде полно. Язык правилен, и слог очень хорош. Но еще больше меня остановили произведения Кулиша. Судя по отрывкам из двух романов[2], которые я прочел, в нем все признаки таланта большой руки, я бы очень хотел иметь сведения о нем самом, об авторе, тем более что о нем почти не говорят. Если Бог сохранит его, то ему предстоит важное место в нашей литературе. Повести Даля, особенно те, где купеческий, крестьянский и всякий хозяйственный домашний быт внутри нашего государства, по-моему, очень значительны, и мне кажется, что своей внутренней значительностью и полезностью они пополняют или выкупают отсутствие творчества в авторе. Жаль, что ты мне не прислал "Гаммы" Полонского[3], я бы очень хотел прочесть их. <...> Адресуй на имя Жуковского».

Характеристики повестей графа В. А. Соллогуба, романов П. А. Кулиша и повестей В. И. Даля встречаются также в статье Гоголя «О Современнике» (1846), адресованной П. А. Плетневу.

[1] Вероятно, речь идет о письме от 17 мая 1846 г. (см. ***1846. Мая 17 <29>. Пятница. Москва***).

[2] Отрывки из романа П. А. Кулиша «Михайло Чарнышенко, или Малороссия восемьдесят лет назад» (Киев. Ч. 1–3. 1843) были опубликованы в «Москвитянине» (1843. № 9) (см. ***1845. Июля 14 <26>. Суббота. Москва*** – примечания). Фрагмент «Козацкие паны. (Отрывок из неизданного романа П. Кулеша: *Черная Рада*)» был напечатан в № 1 «Москвитянина» за 1846 год (С. 82–122) (цензурное разрешение 30 января). Еще один фрагмент – «Один день из жизни запорожца Кирила Тура. (Отрывок из романа: *Черная Рада*)» (с подписью: П. Кулиш) – был напечатан в № 5 «Москвитянина» за 1846 год (С. 3–32) (цензурное разрешение 30 мая). Другие отрывки из романа Кулиша «Черная рада» печатались в «Современнике» (1845. № 3–4; 1846. № 1–3) (см. ***1846. Январь <января средина – февраля средина>. Санкт-Петербург***).

[3] Первый сборник стихотворений Я. П. Полонского (М., 1844). 1 мая (н. ст.) 1845 г. Гоголь сообщал Н. М. Языкову, что «с удовольствием» прочел опубликованное в № 2 «Москвитянина» за 1845 г. его послание «Я. П. Полонскому» («Благодарю тебя за твой подарок милый...») (см. ***1845. Мая 1 <апреля 19>. Четверг Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне***). Языков написал это стихотворение в ответ на присланные ему в подарок «Гаммы». Возможно, этим объясняется просьба Гоголя прислать ему этот сборник.

ИЮНЯ 27 <15>. СУББОТА. ГРЕФЕНБЕРГ-ФРЕЙВАЛЬДАУ

Гоголь пишет ответное письмо к В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Три письма[1], вами пересланные, получены исправно. Больше не присылайте, но удержите до моего приезда. Холодная вода, к изумлению, не производит на меня того благотворного действия, как прошлый год. Дорога помогает больше прочего. Видно, такова воля Божия. А потому с Богом вновь в дорогу. Недели через две или через полторы надеюсь с вами повидаться на несколько часов во Франкфурте, на пути в Остенде – попробовать морского воздуха и моря. <...>

От Смирновой получил письмо[2]. Ей лучше от холодного леченья, и самый слог письма показывает, что она в духе. Относительно вас она дает мне такое распоряжение: "Поклонитесь Жуку и поцелуйте его в лоб, из которого вылезет «Одиссея»"».

[1] Вероятно, имеются в виду письмо из Москвы от Н. М. Языкова от 30 апреля / 12 мая 1846 г. (см. ***1846. Апреля 30 <мая 12>. Вторник. Москва***) и отправленные после 8/20 мая 1846 г. с Н. А. Мельгуновым письмо от Н. Н. Шереметевой и еще одно письмо от Языкова (***1846. Мая 8 <20>. Среда. С. Покровское***; ***1846. Июня 17 <5>. Среда. Франкфурт-на-Майне***).

[2] См. ***1846. Мая 16 <28>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва***.

ИЮНЯ 15 <27>. СУББОТА. КАЛУГА

А. О. Смирнова сообщает В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Я лечилась два месяца в Москве водою. <...> Гоголю не пишу, и он мне не пишет».

Из писем А. О. Смирновой // *Свод*. Т. 2. С. 207.

ИЮНЯ 15 <27>. СУББОТА. ХАРЬКОВ

М. С. Щепкин в свой бенефис играет Кочкарева в «Женитьбе» (Подколесин – В. И. Живокини)[1].

Возможно, тогда же харьковская публика восторженно приветствовала в театре В. Г. Белинского[2].

[1] *Гриц*. С. 370.

[2] См. ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн*** (примечания).

ИЮНЯ 16 <28>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ХАРЬКОВ

М. С. Щепкин играет Кочкарева в «Женитьбе».

Гриц. С. 371.

ИЮНЯ 19 <ИЮЛЯ 1>. СРЕДА. ПАВЛИНО

Графиня С. М. Соллогуб пишет ответное[1] письмо Гоголю во Франкфурт:

«Последние известия, полученные от вас, любезный Николай Васильевич, хотя не определяют еще ваших планов для нынешнего лета, но доказывают, однако же, что вы приближае-

тесь к вашим друзьям. <...> Ваше суждение о "Воспитаннице"[2] меня очень порадовало. <...> Одобрение таких людей, как вы, милый и любезнейший друг, уже есть награда сама по себе; а Владимира[3] весьма нужно ободрять. <...> Владимир пишет теперь новую повесть[4], которую я вам постараюсь прислать, как скоро она выйдет. <...> Сестра[5] сделала вам, вероятно, подробное описание нашей жизни. Я посвятила нынешнее лето на два предмета: во-первых, хочу как можно более укрепить здоровье детей; во-вторых, усердно занимаюсь ботаникою и химиею. Соня и Саша[6] с утра до вечера в саду. Первая поливает цветы своего маленького садика, за которым я также смотрю, рвет цветы для моего herbier[7] и собирает кости, над которыми я намерена сделать разные химические опыты. Второй еще принадлежит растительному царству, питается солнцем и воздухом и очень похож на липовый цвет. Маменька[8] прилежно хозяйничает и, слава Богу, совершенно здорова. Анна Михайловна[9] иногда пригорюнивается. От брата[10] мы получили недавно хорошие известия. 30-го июня отправляется на год в чужие края Михаил Федорович Самарин. С ним я вам пришлю сборник, из которого я вырезала "Бедные люди"[11], и еще другие русские книги. Брат вам их доставит. <...> Кланяйтесь сердечно Василию Андреевичу Жуковскому и милой жене его».

[1] См. ***1846. Апреля 19 <7>. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Рим.***
[2] См. ***1846. Мая 14 <2>. Четверг. Генуя.***
[3] Граф В. А. Соллогуб.
[4] Вероятно, речь идет о повести «Старушка», вошедшей в цикл «Жизнь светской женщины», над которым Соллогуб работал уже летом 1845 г. Повесть вышла лишь в 1850 г. (см. ***1845. Октября конец <ноября средина>. Санкт-Петербург*** – примечания).
[5] Графиня Анна М. Виельгорская.
[6] Дети В. А. и С. М. Соллогубов.
[7] Гербарий *(фр.)*.
[8] Графиня Л. К. Виельгорская.
[9] Графиня Виельгорская, сестра С. М. Соллогуб.
[10] Граф М. М. Виельгорский.
[11] См. ***1846. Мая 14 <2>. Четверг. Генуя.***

ИЮНЯ 20 <ИЮЛЯ 2>. ЧЕТВЕРГ

С. Т. Аксаков пишет в Калугу ответное письмо сыну Ивану по поводу его ссоры с А. О. Смирновой:

«...И я, и Константин прочли с огорчением твое извещенье о вашей ссоре. <...> Разумеется, ты был ее причиной своими резкими выходками, ибо сказать: ваш друг и приятель[1] — подлец, а особенно женщине, которая не может за это ударить вас и вызвать на дуэль, — дело неизвинительное; на все есть манера: можно сказать то же, не оскорбив лицо, с котором говоришь. Разумеется, А<лександра> О<сиповна>[2] сбесилась и наговорила тебе того, что она не думает, не чувствует и не признает. Мне самому не один раз случалось, в пылу бешенства, то на себя наговаривать, исполнение чего было для меня невозможно и нравственно, и физически. Вот каким образом я объясняю речи А<лександры> О<сиповны>».

Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 587–588.

[1] Речь шла о И. А. Нелидове (см. письмо И. С. Аксакова к родным от 15 июня 1846 г.: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 268).
[2] Смирнова.

МЕЖДУ ИЮНЯ 27 И ИЮЛЯ 4 <ИЮНЯ МЕЖДУ 15 И 22>. ДОРОГА МЕЖДУ ГРЕФЕНБЕРГОМ-ФРЕЙВАЛЬДАУ И КАРЛСБАДОМ

По пути в Карлсбад Гоголь, вероятно, проезжает Прагу. В одном из городков между Грефенбергом и Карлсбадом встречает М. А. Рябинина[1] с рекомендательным письмом от А. О. Смирновой из Москвы[2].

[1] См. ***1846. Июля 4 <июня 22>. Суббота. Карлсбад.***
[2] См. ***1846. Мая 8 <20>. Среда. Москва.***

ИЮЛЯ 4 <ИЮНЯ 22>. СУББОТА. КАРЛСБАД

Гоголь отправляет в Петербург письмо к П. А. Плетневу, с вложением статьи «Об Одиссее, переводимой Жуковским». Пишет также в Петербург новое[1] ответное[2] письмо к А. О. Смирновой (последнее письмо было отправлено через день, 6 июля (н. ст.) 1846 г.[3]).

Из письма к Плетневу: «Не знаю, получил ли ты мое последнее письмо[4] из Рима со вложением свидетельства о моей жизни. По крайней мере, твоего ответа я еще не нашел, бывши во Франкфурте назад тому месяц. Теперь я заезжал в Греффенберг, чтобы вновь несколько освежиться холодной водой, но это лечение уже не принесло той пользы, как в прошлом году. Дорога действует лучше. Видно, на то воля Божья, и мне нужно более, чем кому-либо, считать свою жизнь беспрерывной дорогой и не останавливаться ни в каком месте иначе, как на временный ночлег и минутное отдохновение. Голове моей и мыслям лучше в дороге; даже я зябну меньше в дороге. И сердце мое слышит, что Бог мне поможет совершить в дороге всё то, для чего орудия и силы во мне доселе созревали. Покаместь тебе маленькая просьба (предвестие большой, которая последует в следующем письме[5]). Жуковскому нужно, чтобы публика была несколько приготовлена к принятию “Одиссеи”. В прошлом году я писал к Языкову[6] о том, чем именно нужна и полезна в наше время “Одиссея” и что такое перевод Жуковского. Теперь я выправил это письмо и посылаю его для напечатания вначале в твоем журнале[7], а потом во всех тех журналах, которые больше расходятся в публике, в виде статьи, заимствованной из “Современ<ника>”, с оговоркой вроде следующей: «Зная, как всем <в> России любопытно узнать что-либо о важном труде Жуковского, выписываем письмо о ней Н. Гоголя, помещенное в таком-то номере “Современника”». Нужно особенно, чтобы в провинциях всякое простое читающее сословие знало [во всех углах] хоть что-нибудь об этом и ждало бы с повсеместным нетерпением. А потому сообщи немедленно потом и в “Пчелу”, и в “Инвалид”, и в “О<течественные> З<аписки>”, и даже в “Б<иблиотеку> для Ч<тения>”, если примут. В Москву я сам пошлю экземпляр того же письма[8]. Недели через две жди от меня просьбы другой, которую я знаю, что ты выполнишь охотно. А до того не негодуй на меня ни за что прежнее, что приводило тебя в недоумение. Приходит уже то время, в которое всё объяснится. <...> Напиши слова два о получении этого письма и прибавь свое мнение о моей статье. <...> Адресуй попрежнему на имя Жуковского, во Франкфурт».

Из письма к Смирновой: «От Рябинина, которого я встретил[9] на дороге в Карлсбад, откуда и пишу, узнал я об вас и о том, что вам сделалось опять несколько хуже. Я, впрочем, и не думал, чтобы холодное лечение вам помогло много; его доста<то>чно было взять столько, сколько нужно для освежения. Вам дорога и переезд поможет больше. <...> Выполните <...> то, что я потребую от вас выполнить во имя Бога: <...> займитесь буквальным исполненьем того дела, о котором я вас прошу в прилагаемом при сем большом письме[10]. Оно было написано прежде[11]. Оно было писано в искреннем молении к Богу, чтоб хотя на этот раз вы послушались слов моих, потому что до сих пор вы еще ни один раз не отвечали на *те* из моих вопросов, на которые более всего мне нужны

были от вас ответы. Я уже хотел было на полгода, по крайней мере, прекратить нашу переписку, потому что она стала вовсе бесполезна. А за всякое *слово праздно*[12] с нас взыщется строго. Пишу к вам в Петербург, адресуя на имя Арк<адия> О<сиповича>[13], потому что Рябинин мне сказал, что вы к этому времени располагали быть в Петербург. Уведомьте хотя в нескольких словах, каким вы нашли Петербург, как вас приняли, и не позабывайте, что всё это не для пустого любопытства и что для письма, пишущего<ся> ко мне, не грех употребить больше времени, чем для тех писем, которые вы пишете к другим. <...> Адресуйте на имя Жуковского».

[1] Ср. ***1846. Июня 6 <мая 25>. Троицкая родительская суббота. Прага.***

[2] См. ***1846. Мая 8 <20>. Среда. Москва.***

[3] См. ***1846. Июля 6 <июня 24>. Понедельник. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Карлсбад.***

[4] См. ***1846. Мая 5 <апреля 23>. Вторник. Рим.***

[5] Намек на предстоящую присылку первой тетради рукописи «Выбранных мест из переписки с друзьями» (см. ***1846. Июля 30 <18>. Четверг. Швальбах***).

[6] Это письмо Гоголя (в первоначальной редакции) не сохранилось (см. ***1845. Сентября 21 <9>. Воскресенье. Грефенберг-Фрейвальдау***).

[7] Напечатано в № 7 «Современника» за 1846 г. (см. ***1846. Июля около 12 <около 24>. Санкт-Петербург***).

[8] См. ***1846. Июля 4–6 <июня 22–24>. Суббота-понедельник. Карлсбад.***

[9] См. ***1846. Между июня 27 и июля 4 <июня между 15 и 22>. Дорога между Грефенбергом-Фрейвальдау и Карлсбадом.***

[10] См. ***1846. Июля 6 <июня 24>. Понедельник. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Карлсбад.***

[11] См. ***1846. Июня 6 <мая 25>. Троицкая родительская суббота. Прага.***

[12] Мф. 12, 36.

[13] Россет, брат Смирновой.

ИЮЛЯ 4–6 <ИЮНЯ 22–24>. СУББОТА-ПОНЕДЕЛЬНИК. КАРЛСБАД

Вероятно, в эти дни Гоголь отправляет в Москву к Н. М. Языкову письмо, с вложением статьи «Об Одиссее, переводимой Жуковским»[1]. В письме Гоголь просил прислать ему свои письма[2] по поводу стихотворения Языкова «Землетрясение»[3].

Потребовавшиеся письма Гоголь предполагал использовать при написании статьи *XV. Предметы для лирического поэта в нынешнее время* «Выбранных мест из переписки с друзьями»[4]. Однако, судя по всему, пакет с письмами Языкова был получен Гоголем во Франкфурте уже после отправления П. А. Плетневу в Петербург, для издания, указанной статьи[5].

[1] Присланная Языкову статья была напечатана 25 июля 1846 г. в «Московских Ведомостях» (см. ***1846. Июля 25 <августа 6>. Четверг. Москва***) и в конце августа 1846 г. в «Москвитянине» (см. ***1846. Августа 20 <сентября 1>. Вторник. Москва***).

[2] См. ***1844. Декабря 2 <ноября 20>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Декабря 26 <14>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Января 2 <1844. Декабря 21>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[3] См. ***1846. Июля 4 <июня 22>. Суббота. Карлсбад***; ***1846. Июля 21 <9>. Вторник. Швальбах***; ***1846. Июля 16 <28>. Вторник. Москва.***

[4] См. ***1846. Сентября 12 <августа 31>. Суббота. Остенде.*** -- См. также ***1846. Июля 6 <июня 24>. Понедельник. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Карлсбад.***

[5] См. ***1846. Сентября 12 <августа 31>. Суббота. Остенде***; ***1846. Октября 5 <сентября 23>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне.***

ИЮЛЯ 6 <ИЮНЯ 24>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ИОАННА ПРЕДТЕЧИ. КАРЛСБАД

Гоголь заканчивает и отправляет к А. О. Смирновой в Петербург начатое 6 июня (н. ст.) 1846 г. в Праге[1] большое письмо об обязанностях губернаторши[2] (письмо является ответом сразу на несколько писем Смирновой к Гоголю[3]; вошло в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» под названием *XXI. Что такое губернаторша*[4]).

Вероятно, около того же времени Гоголь вносит в свою записную книжку 1841–1846 гг. план будущей книги:

«Предисловие[5].
Завещание.
Обязанности женщины.
О болезни.
О лиризме.
О науке.
О том, что <такое> слово.
О чтениях.
О помощи бедным.
О духовенстве.
В чем же наконец <существо русской поэзии>.
О театре.
Что может сделать <...>
Что такое губернаторша.
О предметах лирических[6].
Советы.
Карамзин».

Несколько статей этого перечня («О лиризме», «О науке», «О том, что такое слово», «В чем же, наконец, существо русской поэзии», «О предметах лирических») связаны с незавершенным замыслом Гоголя «Учебной книги словесности для русского юношества»[7].

В записной книжке Гоголя 1841–1846 гг. содержится отрывок, представляющий собой, по-видимому, набросок к статье *XVI. Советы* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Всегда почти выходит, что тот совет и упрек, которы<й> сделаем другим, как раз придется к тебе само<му>. Так что это вдвойне проясняет <?>. С тех пор я положил себе в урок никому не давать совета без того, чтобы искрен<не не> обратить самому себе, никому не делать упрека без того, чтобы внутренне не обратить его самому себе. Поверь, что советы и тебе нужны, и делай так же, <упрекни> в том себя, в чем упрекнул друго<го>. И если это кажется неправд<ой>, то не потому, чтоб это было неправд<ой>, но потому, что плохо видим себя. Я сделал это себе правило<м>, советую и тебе то же. Не думай, что ты бессилен и не мож<ешь> учиться, но учи, учась, действуй обоюдо<остро>».

В той же статье нашло также отражение содержание выписки Гоголя из Кормчей книги – *IV. Вступление. Из послания Св. Василия Великого к Амфилохию*: «...Я становлюся сведущее и рассудительнее самого себя, из самого вопроса научаяся многому, чего прежде не знал. Забота об ответе делается для меня учителем».

В плане отсутствует написанная к тому времени статья «Об Одиссее, переводимой Жуковским»[8] (включена в окончательный текст «Выбранных мест из переписки с друзьями»).

Письмо об обязанностях губернаторши Гоголь вложил в послание к брату Смирновой, Ар. О. Россету. К этому же посланию Гоголь приложил письмо к Смирновой от 4 июля (н. ст.) 1846 г.[9] и ответное[10] письмо к Ю. Ф. Самарину.

В первой половине июля 1846 г. Россет в Петербурге «сам отдал» письмо Гоголя Самарину[11], а письма Гоголя к Смирновой 16 июля 1846 г. переправил ей в Калугу[12].

В письме к Смирновой от 6 июня — 6 июля (н. ст.) Гоголь, в частности, писал: «Итак, вы возвратились вновь в ваш губернский город[13]. Вы должны с новыми силами возлюбить его: он ваш, он вверен вам, он должен быть вашим родным. <...> Вы устали — вот и всё. <...> Гоните паче всего роскошь, <...> эту страшную язву России, причину взяток, несправедливостей и всех мерзостей, какие у нас есть. <...> О вас уже распространились слухи вне Калуги; кое-что из них дошло и до меня. Но вы всё еще очень поспешны... <...> Вы понадеялись на то, что я знаю Россию, как пять пальцев, а я в ней ровно не знаю ничего. Если бы даже я и знал кое-что, то со времени моего отъезда многое изменилось. <...> Вы сами говорите, что в немногое время вашего пребывания в Калуге узнали Россию более, чем во всю свою жизнь[14]. Зачем же вы не поделились со мною вашими знаниями? <...> Во-первых, вы мне должны назвать все главные лица в городе по именам, отчествам и фамилиям, всех чиновников до единого. <...> Во-вторых, вы должны мне написать, в чем именно должность каждого. Всё это вы должны узнать лично от них самих, а не от кого-либо другого. Разговорившись со всяким, вы должны спросить его, в чем состоит его должность, чтобы он означил вам все ее предметы и ее пределы. Это будет первый вопрос. Потом попросите его, чтобы он изъяснил вам, чем именно и сколько в этой должности при нынешних обстоятельствах можно сделать добра. Это будет второй вопрос. Потом, чем именно и сколько на этой самой должности можно наделать зла. Это будет 3<-й> вопрос. <...> Потом на той же самой страничке, насупротив того же места или на другом лоскутке бумаги, ваши собствен<ные> замечания — что вы заметили о каждом господине в особенности, что говорят о нем другие, словом — всё, что можно прибавить о нем со стороны.

Потом такие же сведения доставьте мне обо всей женской половине вашего города. <...> Вы ищете всё избранных и лучших. Друг мой! за это я вам сделаю упрек; вы должны всех любить. Особенно тех, в которых побольше дрянца. По крайней мере, больше узнать их, потому что от этого зависит многое, и они могут иметь большое влияние на мужей. <...>

Сверх характеров и лиц обоего пола, запишите всякое случившееся происшествие, сколько-нибудь характеризующее людей или вообще дух губернии, запишите бесхитростно, в таком виде, как было вам пересказано. Запишите также две, три сплетни на выдержку, какие первые вам попадутся, чтобы я знал, какого рода сплетни у вас плетутся. Сделайте, чтобы это записыванье сделалось постоянным вашим занятием... <...>

Попросите Н<иколая> М<ихайловича>[15] обратить особенное внимание на то, чтобы советники губернского правления были люди честные. <...> Как только будут честные советники, тотчас будут честны капитан-исправники, заседатели, словом — всё станет честно. Надобно вам знать (если вы этого еще не знаете), что самая безопасная взятка, которая ускользает от всяких преследований, есть та, которую чиновник берет с чиновника по команде сверху вниз; это идет иногда бесконечной лестницей. <...> В дворянстве нашем есть удивительная черта, которая меня всегда изумляла, это чувство благородства, — не того благородства, которым заражено дворянство других земель, т. е. не благородства рождения или происхождения, но настоящего, нравственного благородства. Даже в таких губерниях и в таких местах, где, если разобрать порознь всякого дворянина, выйдет просто дрянь, а вызови только на какой-нибудь благородный подвиг — всё вдруг поднимется точно каким-то электричеством, и люди, которые делают пакости, сделают вдруг благороднейшее дело. <...> ...Ни в каком случае не должно упускать из виду того, что это те же самые дворяне, которые в 12 году несли всё на жертву, всё свое имущество, что ни было у каждого за душой. <...>

Вы хорошо сделали, что выгнали надзирательницу при доме умалишенных за то, что она вздумала продавать булки, назначенные этим несчастным. <...> Но не бросайте никакого человека, не отрезывайте возврата никому, следуйте за отрешенным. Иногда с горя, с отчаяния, со стыда впадает он еще в большие преступления[16]. Действуйте или через вашего духовника, или вообще через какого-нибудь умного священника... <...> Не подобьтесь мертвому закону, но живому Богу, который всеми бичами несчастий поражает человека, но не оставляет его до самого конца его жизни. <...> Если вас <...> будут слишком поражать наши печальные стороны и возмутится ваше сердце, — в таком случае советую вам беседовать об этом почаще с архиереем[17]; он же, как видно из слов ваших, умный человек и добрый пастырь. Покажите ему весь лазарет и обнаружьте ему все болезни больных ваших. Хотя бы он был и небольшой знаток в науке лечить, вы, несмотря на это, введите его во все припадки, признаки и явления болезней. Всё до последнего старайтесь ему очертить так

живо, чтобы всё это так и носилось у него пред глазами, чтобы город ваш, как живой, обитал в его мыслях так же беспрестанно, как он должен обитать беспрестанно в ваших мыслях, чтобы чрез то самые мысли его стремились сами собой на вечную молитву о нем. Поверьте, что от это<го> самого его проповедь с каждым воскресеньем будет направляться более и более к сердцам самих слушателей, и он сумеет потом выставить многое начистоту и, не устремляясь лично ни на кого, сумеет каждого поставить лицом к лицу к собственной мерзости своей, так <что> сам хозяин плюнет на свое же добро. Обратите также внимание на священников, <...> дело улучшения нашего в их руках, а не в руках кого-либо другого. Не пренебрегайте никем из них, несмотря на простоту и невежество многих. Их скорей можно возвратить к своему долгу, чем кого-либо из нас. <...> Между прочим не мешает вам также знать, что я не имею до сих пор никакого понятия о том, каково у вас в городе мещанство и купечество. Что они начинают также модничать и курить сигарки, это дело повсюдное, к тому же более внешнее. Узнайте о них в подробности. <...> Все забранные сведения послужат вам к тому, что очертят перед вами, что такое в существе должен быть мещанин и всякий горожанин в нынешнем положении. В уроде вы сколько-нибудь почувствуете идеал того же, чего карикатурой стал урод. <...> Священникам особенно нужна беседа с <...> опытными людьми, которые в немногих ярких и сжатых чертах умели [бы] пред ним очертить пределы и обязанности всякого звания и должности. Часто единственно от этого неведения и умный из них не знает, как ему быть с прихожанами, и говорит общими местами, не приклеивающимися к делу. <...> Говорите им, что обязанность их слишком страшна и что слишком великий ответ дадут они, что и синод, и сам Государь теперь особенно обращают внимание на частную жизнь священника, что им всем готовится переборка, что наконец уже все просыпаются и видят, что половина зол произошла оттого, что священники стали нерадиво исполнять свои должности... <...>

Старайтесь всех избранных и лучших в городе подвигнуть также на деятельность общественную. <...> Есть в русском человеке сокровенные струны[18], которых он сам не знает. <...> ...Если только сколько-нибудь сумеете очертить перед женщиной ее высокую обязанность, выполнения которой ждет от нее теперь весь мир, то есть быть воздвижницей ко всему прямому, честному и благородному, кликнуть клич миру на благородное стремление, то та же самая женщина, которую вы считали пустой, благородно вспыхнет, взглянет на самоё себя, на брошенные свои обязанности, подвигнет самоё себя на всё чистое, подвигнет своего мужа на честное и благородное выполнение своего долга и, швырнувши в сторону все свои тряпки, всех обратит к делу. О, я знаю, что женщины у нас очнутся прежде мужчин, благородно попрекнут нас, благородно хлестнут и погонят нас бичом стыда и совести, как глупое стадо баранов, прежде чем каждый из нас успеет очнуться и почувствовать, что ему следовало бы побежать и самому, не дожидаясь бича. <...> До сих пор я точно как в лесу. Слышу только о каких-то неизлечимых болезнях и не знаю, чем кто болит. А у меня обычай не верить по слухам никаким неизлечимостям, и никогда не назову я никакую болезнь неизлечимой по тех пор, пока не ощупаю ее моею собственной рукою. <...> Я не знаю, отчего вы вздумали, что я какой-то всезнающий. Что мне случилось вам кое-что предсказать и предсказанное сбылось, это произошло единственно из того, что вы меня ввели в тогдашнее положение души вашей. Велика важность угадать! Стоит только попристальнее вглядеться в настоящее, будущее вдруг выступит само собою. Дурак тот, кто думает о будущем мимо настоящего: он или соврет, или скажет загадку. Я вас между прочим еще побраню за следующие ваши строки[19], которые здесь выставлю вам перед глаза: *"Грустно и даже горестно видеть вблизи состояние России, но, впрочем, не следует об этом говорить. Мы должны с надеждою и светлым взором смотреть в будущее, которое в руках милосердного Бога"*. Оттого и беда вся, что мы не глядим в настоящее, а помышляем о будущем. Оттого и беда вся, что как только, всмотревшись в настоящее, заметим, что горестно, грустно и не так, как нам хочется, мы махнем на всё рукой и давай пялить глаза в будущее. Оттого Бог и ума нам не дает. [Все мы, сложа руки, глядим в будущее, позабыв, что в настоящем, что мы сами творцы будущего и что в настоящем должны творить свое будущее.] Оттого и будущее висит у нас теперь точно на воздухе. <...> Все позабыли, что пути и дороги к этому светлому *будущему* сокрыты именно в этом темном и запутанном *настоящем*, которого никто не хочет узнавать, всяк считает его низким и недостойным своего внимания! <...> С тех же пор, когда я стал побольше всматриваться в мерзости, я просветлел духом. Передо мной стали обнаруживать<ся> исходы, средства и пути. И благодарю

я более всего за то Бога, что он сподобил меня хотя сколько-нибудь узнать мерзости как мои собственные, так и бедных собратий моих. И если есть у меня какая-нибудь капля ума, свойственного не всем людям, так это оттого, что всматривался я побольше других в эти мерзости. И если мне удалось помочь некоторым близким друзьям моим, так это оттого, <что я> всматривался побол<ьше> в эти мерзости. И если я приобрел наконец любовь к людям не идеальную, но существенную любовь, так это всё же оттого, что всматривался я побольше в мерзости. Не пугайтесь же и вы мерзостей и особенно не отвращайтесь от тех людей, которые вам кажутся почему-либо мерзки. Уверяю вас, что придет время, когда многие у нас на Руси из *чистеньких* горько заплачут, закрыв руками лицо свое, именно оттого, что считали себя слишком чистыми, что хвалились чистотой своей и всякими возвышенными стремлениями куда-то».

Из письма к Россету: «Посылаю вам <...> письмецо для вашей сестрицы[20], которая, как мне сказал Рябинин[21], привезший от вас поклон, должна теперь уже находиться в Петербурге. <...> ...Не хандрите же и не держите носа вниз, но руководствуйтесь хотя единственно тем, что мой нос еще держится кверху, и пусть это будет вам барометром, если до сих пор не нашли лучшего. <...> ...Пишите во Франкфу<рт>, на имя Жуковского. <...> Передайте при сем маленькое письмецо Самарину. Я не знаю, где он находится».

Из письма к Самарину: «Благодарю вас весьма много за ваше письмо. Я его читал с большим любопытством. Ответ на него будет потом <...> <получен> вами неожиданным образом[22]. А до того времени мой совет (хотя я не знаю, любите ли вы советы и притом еще такие, которые нужно принять на веру... <...>), мой совет заняться вам в продолжение двух-трех месяцев каким-нибудь делом черствым, положительным и совершенно существенным, которое ближе всего к вам в буквальном смысле, хотя и не близко к душе или сердцу. Займитесь вот чем[23]: очертите мне круг и занятия вашей нынешней должности, которою вы теперь заняты, потом круг занятий всего того отделения или департамента, которого часть составляет ваша должность, потом круг занятий и весь объем [обязанност<ей>] того округа или министерства или иного главного управлен<ия>, которого часть составляет означенное отделение или департамент по числу восходящих инстанций. Всё это в самом сжатом существе самого дела и притом в том именно виде, как вы сами [это] разумеете... <...> Потом объясните мне, в чем именно состоит неповоротливость и неуклюжесть всего механизма и отчего она происходит, и какие от этого бывают плоды в нынешнее время как вокруг и вблизи, так и подальше от центра. Само собой разумеется, что по поводу этого вам предстоит премножество знакомств с чиновниками вашего ведомства, от которых в этом случае никак нельзя вам ускользнуть, потому что, не знавши лично самих двигателей и даже их собственного существа, вам будет открыта только одна половина. <...> Чтобы вам лучше подвигнуть себя на это, <...> вообразите себе, что вы меня любите и что подвиг этот делаете совершенно для меня, а не для себя, и что я будто бы при этом плохо уверен в вашей способности на самопожертвование и что это-то именно мне нужно доказать, а я вас вперед уже за это обнимаю и говорю: не будете в том раскаиваться»[24].

[1] См. ***1846. Июня 6 <мая 25>. Троицкая родительская суббота. Прага.***

[2] Муж Смирновой, Н. М. Смирнов, в 1845–1851 гг. был калужским губернатором.

[3] См. ***1845. Декабря 16 <28>. Воскресенье. Калуга***; ***1846. Февраля 21 <марта 5>. Четверг. Калуга***; ***1846. Апреля 14 <26>. Фомино воскресенье. Москва***; ***1846. Мая 16 <28>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва.***

[4] Глава была запрещена цензурой. Впервые опубликована в газете «Современность и Экономический листок» (1860. № 1), перепечатана под названием «Письмо Н. В. Гоголя» в журнале «Домашняя Беседа» (1866. Вып. 6).

[5] См. также ***1846. Июля до 30 <июня вторая половина – июля до 18>. Карлсбад – Швальбах.***

[6] См. ***1846. Июля 4–6 <июня 22–24>. Суббота-понедельник. Карлсбад.***

[7] См. ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4> – 1846. Мая 6–8 <апреля 24–26>. Рим*** (примечания).

[8] См. ***1846. Июля 4 <июня 22>. Суббота. Карлсбад***; ***1846. Июля 4–6 <июня 22–24>. Суббота-понедельник. Карлсбад.***

[9] См. ***1846. Июля 4 <июня 22>. Суббота. Карлсбад.***

[10] См. ***1846. Февраля средина <февраля конец>. Санкт-Петербург***; ***1846. Июня 27 <15>. Суббота. Грефенберг-Фрейвальдау.***

[11] См. ***1846. Июля 17 <29>. Среда. Санкт-Петербург.***

[12] См. ***1846. Июля 16 <28>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[13] В письме от 16 мая 1846 г. Смирнова сообщала Гоголю: «...надеюсь вернуться <из Москвы> в Калугу 21 числа» (см. ***1846. Мая 16 <28>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва***).

[14] 16 декабря 1845 г. А. О. Смирнова писала Гоголю из Калуги: «В этом месяце узнала я более о России и человечестве вообще, чем во все мое пребывание во дворце» (см. ***1845. Декабря 16 <28>. Воскресенье. Калуга***).

[15] Смирнов, муж Смирновой, калужский гражданский губернатор.

[16] Совет Гоголя восходит к словам св. апостола Павла во Втором послании к Коринфянам: «...вам лучше уже простить его и утешить, дабы он не был поглощен чрезмерною печалью...» (гл. 2, ст. 7).

[17] Имеется в виду преосвященный Николай (Соколов), в 1834–1851 гг. епископ Калужский. О нем Смирнова писала Гоголю 14 января 1846 г.

[18] Ср. строки одиннадцатой главы первого тома «Мертвых душ»: «...может быть, в сей же самой повести почуются иные, еще доселе не бранные струны, предстанет несметное богатство русского духа...»

[19] Гоголь приводит строки из письма к нему А. О. Смирновой от 14–16 мая 1846 г. (см. ***1846. Мая 16 <28>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва***).

[20] Точнее два письма к А. О. Смирновой – от 4 июля (н. ст.) 1846 г. и от 6 июня – 6 июля (н. ст.) 1846 г.

[21] См. ***1846. Между июня 27 и июля 4 <июня между 15 и 22>. Дорога между Грефенбергом-Фрейвальдау и Карлсбадом.***

[22] Намек на предстоящее появление «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[23] Сведения, о присылке которых просил Гоголь, были нужны ему для второго тома «Мертвых душ». Позднее замечаниями Самарина по поводу чиновничьей службы Гоголь воспользовался при переработке первой главы второго тома (см. ***1850. Марта 4. Суббота. Москва***; ***1850. Марта между 4 и 10. Москва***).

[24] Ответ Самарина см.: ***1846. Июля 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург.***

ИЮНЯ 30 <ИЮЛЯ 12>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ОДЕССА

М. С. Щепкин играет Бурдюкова в «Тяжбе» (Пролетов – В. И. Живокини)[1].

В. Г. Белинский, приехавший в Одессу вместе с Щепкиным, познакомился в этот период (в конце июня – начале июля 1846 г.) с одесским литератором Н. Д. Мизко[2].

[1] *Гриц.* С. 373.

[2] См. ***1851. Января 11. Четверг. Одесса.***

ИЮЛЯ 2 <14>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вышел в свет № 7 «Отечественных Записок» с рецензией В. Н. Майкова «Петербургские вершины, описанные Я. Бутковым». Здесь упомянут «господин Голядкин-старший[1], который так же выразителен и вместе с тем так же общ, как какой-нибудь Чичиков или Манилов»[2].

<*Майков В. Н.*> Петербургские вершины, описанные Я. Бутковым. Книга вторая. Санктпетерург. 1846 // Отечественные Записки. 1846. № 7 (цензурное разрешение 30 июня). Отд. 6. С. 12.

[1] Яков Петрович Голядкин-старший, герой повести Достоевского «Двойник».

[2] См. также ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь.***

ИЮЛЯ 3 <15>. СРЕДА. МОСКВА

Н. М. Языков сообщает брату А. М. Языкову:

«О Гоголе вот что я знаю от Мельгунова, писавшего мне из Крейцнаха. Итальянская зима, т. е. римская зима ему крайне вредна. Из Грефенберга он поедет в Остенде на морское купанье, лето проведет в Бельгии, осень в Сицилии, зимой пустится в Палестину».

Шенрок В. И. Из писем Н. М. Языкова к брату его Александру Михайловичу // Русская Старина. 1903. № 3. С. 539.

ИЮЛЯ 4 <16>. ЧЕТВЕРГ. ОДЕССА

М. С. Щепкин в бенефис П. И. Григорьева исполняет роль Городничего во втором действии «Ревизора» (Григорьев – Осип)[1].

[1] *Гриц.* С. 373.

ИЮЛЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА <ИЮНЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – ИЮЛЯ НАЧАЛО>. ШВАЛЬБАХ[1]

В. А. Жуковский пишет ответное[2] письмо к Гоголю (в Грефенберг или в Карлсбад):

«Любезный Гоголек, по вашему приказанию я только две недели посылал к вам письма. Теперь у меня их несколько скопилось для нас. Между ими одно с векселем[3]. Вы должны непременно побывать у меня в Швальбахе для получения этих писем. От Фридриха получите некоторые русские книги, для вас мною полученные»[4].

[1] Курорт близ Франкфурта-на-Майне.
[2] См. ***1846. Июня 27 <15>. Суббота. Грефенберг-Фрейвальдау.***
[3] См. ***1846. Июля 19 <7>. Воскресенье. Швальбах.***
[4] См. ***1846. Июля 21 <9>. Вторник. Швальбах.***

ИЮЛЯ 6 <18>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ю. Ф. Самарин пишет ответное[1] письмо Гоголю (письмо было отправлено позднее, 12 июля 1846 г., в Париж, с братом Самарина, Михаилом Федоровичем[2]):

«Я отправляю брата[3] за границу и, пользуясь случаем, хочу вам кое-что написать. <...> Вы не знаете моего отца[4]... <...> Он пожертвовал для меня своим положением в свете и при Дворе, видами честолюбия, оставил навсегда Петербург и, поселившись в Москве, занялся исключительно моим воспитанием. <...> Сосредоточив на мне свои надежды, <...> отец мой привык смотреть на меня, как на свое создание... <...> Я ужасно много перетерпел в детстве. Ничто мне не спускалось даром; малейшее сопротивление, самое робкое оправдание вменялось мне в вину; меня наказывали беспрестанно... <...> С тех пор, как я вышел из университета, жизнь моя была рядом пожертвований. (Вы понимаете, что я это говорю отнюдь не в похвалу себе.) Сильное желание влекло меня на ученое поприще; занимать кафедру казалось мне тогда и кажется теперь самою лучшею долею – я отказался от нее и вступил в службу; <...> наконец, после двух лет, почти потерянных, проведенных за самыми бесплодными занятиями, я просился за границу – и в этом получил отказ! <...> ...Теперь отец мой ставит мне в вину самый мой образ мыслей. Подозрительным взором смотрит он на друзей моих и ваших, на Хомякова, <К. С.> Аксакова, Погодина и других. При каждом удобном

случае осыпает их самыми несправедливыми и обидными упреками и ясно требует от меня разрыва с ними. <...> В то же самое время тот круг людей, с которыми я связан образом мыслей, ученою деятельностию и всеми убеждениями и сочувствиями, видимо осуждают меня и уклоняются от меня. Аксаков пишет мне письма, в которых грозит разрывом, если я не приму его образа мыслей, запечатленного исключительностью и потому только извинительного, что происходит от незнания людей и жизни. Он не умеет вглядываться в физиономию человека; он видит в нем не живое целое, сложенное из противоположных свойств и начал самых разнообразных, а строгий силлогизм на двух ногах, так что, узнав одно свойство, он выводит из него целый ряд выводов и без оглядки навязывает их лицу. Весь род человеческий для него распадается на безусловно белых и безусловно черных. Так, в последнее время, в письме ко мне, он разругал Александру Осиповну[5] за то, что она знакома с людьми, которых он называет подлецами и подлячками. Предвижу я, что и с ним я должен буду разойтись, и тем более досадно и грустно мне это, что нет законной причины к разрыву. Как жаль, что вас нет; вы один могли бы иметь смягчающее влияние на нас всех».

[1] См. ***1846. Июля 6 <июня 24>. Понедельник. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Карлсбад.***
[2] См. ***1846. Июля 12 <24>. Пятница. Санкт-Петербург.***
[3] М. Ф. Самарин (1824–1848).
[4] Федор Васильевич Самарин (1784–1853), полковник, шталмейстер, член петербургской масонской ложи Соединенных друзей (с 1812 г.); с 1826 г. в отставке.
[5] Смирнова.

ИЮЛЯ МЕЖДУ 6 И 19 <МЕЖДУ ИЮНЯ 24 И ИЮЛЯ 7>. БАМБЕРГ

Гоголь выехал из Карлсбада к В. А. Жуковскому в Швальбах; проездом в Бамберге случайно встретился с П. В. Анненковым, узнал от него о векселе, отправленном 26 января 1845 г. из Петербурга Н. Я. Прокоповичем[1] во Франкфурт, на имя Жуковского, для Гоголя[2].

20 июля (н. ст.) 1846 г. Гоголь сообщал П. А. Плетневу из Швальбаха: «Недавно я встретил одного петербургского моего знакомого, по фамилии Ан<н>енкова, который вместе с тем знаком и с Прокоповичем. Он мне объявил, что Прокопович послал мне в начале прошлого 1845 года четыре тысячи руб<лей> ассигн<ациями> во Франкфурт, на имя Жуковского. Этих денег я не видал и в глаза, но если бы получил их, то отправил бы немедленно к тебе»[3].

Из «Воспоминаний о Гоголе» П. В. Анненкова (1857): «Все это было весной, когда для туриста открываются дороги во все концы Европы. Следуя общему движению, я направился <из Парижа>[4] в Тироль, через Франконию и южную Германию. По обыкновению я останавливался во всех городах на моем пути и прибыл таким образом в Бамберг, где и расположился осмотреть подробнейшим образом окрестности и знаменитый собор его. Последний, как известно, принадлежит XII столетию, времени полного развития так называемого романского стиля, и стоит на горе, у подножия которой раскинулся город, связанный так неразлучно с воспоминаниями молодости, по милости "Геца фон-Берлихингена"[5]. Романские соборы, признаюсь, действовали на меня еще более готических в Европе: они разнообразнее последних, символика их гораздо затейливее и в мистических их барельефах, перемешанных с забавными фигурами вседневной жизни, более порыва, свежести и молодости. Пищи для любопытства и изучения в каждом романском соборе чрезвычайно много, и вот почему на другой день моего приезда в Бамберг я часа два или три пробыл между массивными столбами его главной церкви. Усталый и измученный более наблюдением и соображениями, чем самою ходьбою, я покинул собор и начал уже спускаться вниз с горы, когда на другом конце спуска увидел человека, подымающегося в гору и похожего на Гоголя как две капли воды. Предполагая, что Николай Васильевич теперь уже в Остенде и, стало быть, позади меня, я с

изумлением подумал об этой игре природы, которая из какого-нибудь почтенного бюргера города Бамберга делает совершенное подобие автора "Вечеров на хуторе", но не успел я остановиться на этой мысли, как настоящий, действительный Гоголь стоял передо мною. После первого моего восклицания: "Да здесь следовало бы жертвенник поставить, Николай Васильевич, в воспоминание нашей встречи", он объяснил мне, что все еще едет в Остенде, но только взял дорогу через Австрию и Дунай. (Поездка эта принадлежала к числу тех прогулок, какие Гоголь предпринимал иногда без всякой определенной цели, а единственно по благотворному действию, которое производили на здоровье его дорога и путешествие вообще, как ему казалось.) Теперь дилижанс его остановился в Бамберге, предоставив немцам час времени для насыщения их желудков, а он отправился поглядеть на собор. Я тотчас поторопился с ним назад и когда, полный еще испытанных впечатлений, стал ему показывать частности этой громадной и великолепной постройки, он сказал мне: "Вы, может быть, еще не знаете, что я сам знаток в архитектуре". Обозрев внутренность, мы принялись за внешние подробности, довольно долго глядели на колокольни и на огромного каменного человека (чуть ли не изображение строителя), который выглядывал с балкона одной из них; затем мы возвратились опять к спуску. Гоголь принял серьезный, торжественный вид: он собирался послать из Швальбаха (на Рейне), куда ехал, первую тетрадку "Выбранной переписки" в Петербург[6] и, по обыкновению, весь был проникнут важностью, значением, будущими громадными следствиями новой публикации. Я тогда еще и не понимал настоящего смысла таинственных, пророческих его намеков, которые уяснились мне только впоследствии. "Нам остается не много времени, — сказал он мне, когда мы стали медленно спускаться с горы, — и я вам скажу нужную для вас вещь... Что вы делаете теперь?" Я отвечал, что нахожусь в Европе под обаянием простого чувства любопытства. Гоголь помолчал и потом начал говорить отрывисто; фразы его звучат у меня в ушах и в памяти до сих пор: "Это черта хорошая... но все же это беспокойство... надо же и остановиться когда-нибудь... Если все вешать на одном гвозде, так уже следует запастись, по крайней мере, хорошим гвоздем...[7] Знаете ли что?.. Приезжайте на зиму в Неаполь... Я тоже там буду". Не помню, что я отвечал ему, только Гоголь продолжал: "Вы услышите в Неаполе вещи, которых и не ожидаете... Я вам скажу то, что до вас касается... да, лично до вас... Человек не может предвидеть, где найдет его нужная помощь... Я вам говорю — приезжайте в Неаполь... я открою тогда секрет, за который вы будете меня благодарить". Полагая, что настоящий смысл загадочных слов Гоголя может быть объяснен приближающимся сроком его вояжа в Иерусалим, для которого он ищет теперь товарища, я высказал ему свою догадку. "Нет, — отвечал Гоголь. — Конечно, это дело хорошее... мы могли бы вместе сделать путешествие, но прежде может случиться еще нечто такое, что вас самих перевернет... тогда вы уже и решите сами все... только приезжайте в Неаполь... Кто знает, где застигнет человека новая жизнь..." В голосе его было так много глубокого чувства, так много сильного внутреннего убеждения, что, не давая решительного слова, я обещал, однако же, серьезно подумать о его предложении. Гоголь перестал говорить об этом предмете и остальную дорогу с какой-то задумчивостью, исполненной еще страсти и сосредоточенной энергии, если смею так выразиться, мерным, отрывистым, но пламенным словом стал делать замечания об отношениях европейского современного быта к быту России. Не привожу всего, что он говорил тогда о лицах и вещах, да и не все сохранилось в памяти моей. "Вот, — сказал он раз, — начали бояться у нас европейской неурядицы — пролетариата... думают, как из мужиков сделать немецких фермеров... А к чему это?.. Можно ли разделить мужика с землею?.. Какое же тут пролетариатство? Вы ведь подумайте, что мужик наш плачет от радости, увидав землю свою; некоторые ложатся на землю и целуют ее как любовницу. Это что-нибудь да значит?.. Об этом-то и надо поразмыслить"[8]. Вообще он был убежден тогда, что русский мир составляет отдельную сферу, имеющую свои законы, о которых в Европе не имеют понятия. Как теперь смотрю на него, когда он высказывал эти мысли своим протяжным, медленно текущим голосом, исполненным силы и выражения. Это был совсем другой Гоголь, чем тот, которого я оставил недавно в Париже, и разнился он значительно с Гоголем римской эпохи. Все в нем установилось, определилось и выработалось. Задумчиво шагал он по мостовой в коротеньком пальто своем, с глазами, устремленными постоянно в землю, и поглощенный так сильно мыслями, что, вероятно, не мог дать отчета себе о физиономии Бамберга через пять минут после выезда из него. Между тем мы подошли к дилижансу: там уже впрягали лошадей, и пассажиры начали суетиться около мест

своих. "А что, разве вы и в самом деле останетесь без обеда?" — спросил я. "Да, кстати, хорошо, что напомнили: нет ли здесь где кондитерской или пирожной?" Пирожная была под рукою. Гоголь выбрал аккуратно десяток сладких пирожков, с яблоками, черносливом и вареньем, велел их завернуть в бумагу и потащил с собой этот обед, который, конечно, не был способен укрепить его силы. Мы еще немного постояли у дилижанса, когда раздалась труба кондуктора. Гоголь сел в купе, поместившись как-то боком к своему соседу — немцу пожилых лет, сунул перед собой куда-то пакет с пирожками и сказал мне: "Прощайте еще раз... Помните мои слова... Подумайте о Неаполе". Затем он поднял воротник шинели, которую накинул на себя при входе в купе, принял выражение мертвого, каменного бесстрастия и равнодушия, которые должны были отбить всякую охоту к разговору у сотоварища его путешествия, и в этом положении статуи с полузакрытым лицом, тупыми, ничего не выражающими глазами еще кивнул мне головой... Карета тронулась.

Таким образом, расквитался я с ним с моей стороны за проводы из Альбано[9]. Мы так же расстались у дилижанса в то время, но какая разница между тогдашним живым, бодрым Гоголем и нынешним восторженным и отчасти измученным болезнию мысли, отразившейся и на красивом, впалом лице его»[10].

[1] См. ***1845. Января 26 <февраля 7>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1847. Января 17 <29>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1847. Января 17 <29>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[3] См. также ***1847. Марта 9 <февраля 25>. Вторник. Неаполь*** (письмо к В. А. Жуковскому от 12 марта (н. ст.) 1847 г.).

[4] См. ***1846. Мая конец <мая средина>. Париж.***

[5] Гец (Готфрид) фон Берлихинген (1480–1562), немецкий рыцарь, герой трагедии И. В. фон Гете «Гец фон Берлихинген с железною рукою» (1773).

[6] См. ***1846. Июля 30 <18>. Четверг. Швальбах.***

[7] Ср. в письме Гоголя к княжне В. Н. Репниной-Волконской от 18 января (н. ст.) 1839 г.: «Много было и других разных анекдотов, *но на одном гвозде всего не повесишь*, говорит русская пословица»; в письме к М. С. Щепкину от 3 декабря (н. ст.) 1842 г.: «Не стыдно ли вам быть так неблагоразумну: вы хотите все повесить на одном гвозде...»; в «Предуведомлении для тех, которые пожелали бы сыграть как следует "Ревизора"» (1846): «Умный актер <...> должен рассмотреть главную и преимущественную заботу каждого лица, на которую издерживается жизнь его, которая составляет постоянный предмет мыслей, вечный гвоздь, сидящий в голове».

[8] По предположению В. П. Дорофеева, в рассуждениях о «пролетариатстве», о кровной связи русского крестьянина с землей и т. д. обнаруживается знакомство Гоголя с секретной запиской министра внутренних дел Л. А. Перовского «Об уничтожении крепостного состояния в России» (ноябрь 1845 г.) (*Анненков П. В.* Литературные воспоминания / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. П. Дорофеева. <Без м. изд.>, 1960. С. 566). — См. также ***1847. Сентября 7 <августа 26>. Вторник. Остенде.***

[9] См. ***1841. Июля 18 <6>. Воскресенье. Рим, Альбано***; ***1841. Июля 19 <7>. Понедельник. Альбано.***

[10] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 465–466.

ИЮЛЯ 19 <7>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ШВАЛЬБАХ

Гоголь пишет П. А. Плетневу в Петербург (сам Гоголь датировал письмо 20 июля, однако, судя по почтовому штемпелю[1], оно было отправлено из Швальбаха 19 июля (н. ст.) 1846 г.):

«От Жуковского я получил вексель[2]. Ожидал от тебя письма с уведомлением о том, остаешься ли ты на лето в Петербурге или едешь куда, что мне было весьма нужно знать для моих соображений[3], но письма не было; на место его записка к Жуковскому, где, как мне показалось, есть даже маленькое неудовольствие на меня[4]. По крайней мере, ты выразился так: "Гоголь не выставил даже, по обыкновенью своему, числа". Друг мой! У некоторых людей составилось обо мне мнение, как о каком-то ветренике или человеке, пребывающем где-то в пустых мечтах, не стыдно ли и тебе туда же? Один, может быть, человек нашелся на всей Руси, который именно подумал более всех о самом *существенном*, заставил себя сурьезно подумать о том, чем прежде всего следовало бы каждому заняться из нас, и этому человеку не хотят простить мелкой оплошности и пропуска в пустяке, че-

ловеку притом еще больному и страждущему, у которого бывают такие минуты, что и не в силах и руки поднять, не только мысли, — не хотят извинять. Ну, что тебе в числе наверху письма[5], когда в свидетельстве о жизни моей, при нем приложенном, было выставлено число, и я сказал, что, сейчас его получивши, сейчас спешу отправить на почту, а сам отправиться с дилижансом из Рима? <...> Друг мой, тяжело! Знаешь ли, как трудно мне писать к тебе? Или, ты думаешь, я не слышу духа недоверчивости ко мне, думаешь, не чувствую того, что тебе всякое слово мое кажется неискренним, и чудится тебе, будто я играю какую-то комедию? <...> Я говорил давно: "У меня другое дело, у меня *душевное* дело; не требуйте покуда от меня ничего, не создавайте из меня своего идеала, не заставляйте меня работать по каким-нибудь планам, от вас начертанным. Жизнь моя другая, жизнь моя внутренняя, жизнь моя покуда вам неведомая. Потерпите — и всё объяснится. Каплю терпенья!" Но терпенья никто не хотел взять, и всяк слова мои считал за фантазии. <...> Ты выполнишь, как верный друг, ту просьбу, которую я тебе изложу в следующем письме[6], которую, я знаю, тебе будет приятно выполнить, и после ней всё объяснится. <...> Две недели тому назад[7] послал я тебе статью мою об "Одиссее", просил напечатать как следует и сказать мнение о ней. Не позабудь того и другого[8]. <...> Адресуй попрежнему на имя Жуковского».

[1] См.: *Городецкий*. С. 452.

[2] См. ***1846. Июля первая половина <июня вторая половина — июля начало>. Швальбах.***

[3] Гоголь задумал поручить Плетневу издание «Выбранных мест из переписки с друзьями» (см. ***1846. Июля 30 <18>. Четверг. Швальбах***).

[4] Не вполне доброжелательное в то время отношение Плетнева к Гоголю вскоре негативным образом сказалось на прохождении в цензуре «Выбранных мест из переписки с друзьями» (см. ***1838. Ноября 29 <декабря 11>. Вторник. Санкт-Петербург*** — примечания; ***1842. Мая 26. Вторник — июня 5. Пятница. Санкт-Петербург*** — примечания; ***1846. Июля 31 <августа 12>. Среда. Спасская мыза*** — примечания).

[5] Речь идет о дате письма П. А. Плетневу от 5 мая (н. ст.) 1846 г. (см. ***1846. Мая 5 <апреля 23>. Вторник. Рим***).

[6] См. ***1846. Июля 30 <18>. Четверг. Швальбах.***

[7] См. ***1846. Июля 4 <июня 22>. Суббота. Карлсбад.***

[8] Ответ Плетнева см.: ***1846. Июля 15 <27>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

ИЮЛЯ 19[1] – АВГУСТА ОКОЛО 1[2] <ИЮЛЯ 7 – ИЮЛЯ ОКОЛО 20>. ШВАЛЬБАХ

Гоголь в Швальбахе у В. А. Жуковского; по его примеру принимает здесь ванны[3]. Возможно, в этот период (или ранее, 5 июня (н. ст.) 1846 г., во Франкфурте[4]) Гоголь познакомил Жуковского с своей статьей «Светлое Воскресенье»[5] (заключительная статья «Выбранных мест из переписки с друзьями»[6]).

[1] См. ***1846. Июля 19 <7>. Воскресенье. Швальбах.***

[2] См. ***1846. Июля 31 или августа 1 <июля 19 или 20>. Пятница или суббота. Швальбах, Эмс.***

[3] См. ***1846. Июля 26 <14>. Воскресенье. Швальбах.***

[4] См. ***1846. Июня 5 <мая 24>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[5] См. ***1847. Февраля 18 <6>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[6] *XXXII. Светлое Воскресенье.* — 16 октября (н. ст.) 1846 г. статья была отправлена Гоголем П. А. Плетневу в Петербург (см. ***1846. Октября 16 <4>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***).

ИЮЛЯ 8 <20>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева отправляет Н. М. Языкову в Москву, для пересылки Гоголю за границу, письмо к нему, начатое 29 июня 1846 г.:

«Покров<ское>. Июня 29 <1846>.

Где и как находится мой возлюбленной Николай Васильевич; я вас так преследую, что, кажется, повсюду с вами. Сегодня[1] по неизреченному милосердию Божию сподобилась приобщиться Святых Таин, и в самую блаженную минуту вспоминала о вас, о ваших страданиях. <...>

Июля 5. Покровское.

После того, как сие начала, две почты прошло, все ожидала от Николая Михайловича[2], который мне обещал, что получит от вас или что узнает о вас, меня известить. Не имея от него ни слова, признаюсь, беспокоит меня на ваш счет. Но в таком случае иного нечего делать, как прибегать к молитве; через нее только можно соединяться с отсутствующими, в молитве исчезает расстояние и то, что нам дорого, так кажется близко, как будто налицо. <...> Нынче день Преподобного Сергия[3] – у Троицы какой праздник. Молила угодника Божия, да не оставит он вас своим предстательством у Престола Всевышнего.

Хотела сегодня эти строки отправить, но 8-е число опять почта, не получу ли от Николая Михайловича что о вас, а буде к прискорбию моему ничего не узнаю, тогда отправлю сие. Слышу, что вас вызывают сюда. Я не смею на сей счет говорить своего мнения, а предоставляю себе одно – молиться о вас... <...>

Июля 8. Вечер.

Вот, мой друг, почта пришла, и опять никакого известия о вас не имею. Что думается и чувствуется, видит Бог, Ему, мой друг, от всего сердца вас вручаю, да Он вас не покинет. С сею почтою отправля<ю> к Николаю Михайловичу, прошу его об отправлении сих строк, а вас, мой милый друг, прошу, ради Христа берегите себя... <...> Обнимаю, благословляю вас со всею нежностию матери. С большим чувством, право, не могла бы и сына благословить, так мне теперь за вас и больно и грус<т>но, знав, что вы претерпеваете».

[1] 29 июня (ст. ст.), в день св. первоверховных апостолов Петра и Павла.
[2] Языков.
[3] 5 июля (ст. ст.) празднуется обретение честных мощей св. преподобного Сергия, игумена Радонежского (1422).

ИЮЛЯ 21 <9>. ВТОРНИК. ШВАЛЬБАХ

Гоголь отправляет в Москву ответное[1] письмо Н. М. Языкову:

«Наконец книги получены[2]: оба сборника – “Новоселье”[3], “Невск<ий> Альм<анах>”[4], книга Шевырева[5] и “Путешеств<ие> к Св<ятым> Местам”[6]. Благодарю очень, очень. Ты один только балуешь и лакомишь меня. Письмо мое[7], со вложением статьи об “Одиссее”, ты, вероятно, уже получил; жду твоих слов об этом. <...> В том же письме[8] я писал к тебе, чтобы прислал мне копию с моих писем к тебе по поводу “Землетрясения”[9]. Мне их нужно пересмотреть. Они, верно, очень вялы и неумны, как все мои письма, писанные прежде. Я даже любопытен знать, как я выразил ту мысль, которая бы могла иметь на тебя некоторое впечатление и не имела никакого. Она выразилась, верно, бессильно, а может быть, даже не выступила вовсе из-за неопрятных и неточных слов моих. Пишу к тебе из Швальбаха, куда заехал на время к Жуковскому. Думаю отселе направиться в Остенде к морю. Полагаю, что, с милостью Божьей, морской воздух будет мне впрок. Доселе только в дороге перевожу несколько дух и становлюсь свежее. Адресуй во Франкфурт, на имя Жуковского, потому что через месяц располагаю быть там. <...> Твой “Сампсон”[10] прекрасен; от него дышит библейским величием. Но смысл его я понимаю так: Сампсон, рассерженный своими врагами, глумящимися над его бессилием, происшедшим от забвения высшего служения Богу ради всяких светских мелочей, потрясает наконец храмину, дабы погубить в своих врагах врагов себе и вместе с ними погубить прежнего самого себя, дабы на место его явился вновь еще сильнейший силач, служащий Богу».

[1] См. ***1846. Мая 17 <29>. Пятница. Москва.***

[2] Книги были получены Гоголем от В. А. Жуковского по приезде в Швальбах (см. ***1846. Июля первая половина <июня вторая половина – июля начало>. Швальбах***).

[3] См. ***1846. Апреля 30 <мая 12>. Вторник. Москва.***

[4] См. ***1846. Мая 17 <29>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[5] «История Русской Словесности, преимущественно древней».

[6] А. С. Норова (подробнее см.: ***1845. Декабря 13 <25>. Четверг. Москва*** – примечания).

[7] См. ***1846. Июля 4–6 <июня 22–24>. Суббота-понедельник. Карлсбад.***

[8] Кроме утраченного письма, с просьбой «беречь» письма, написанные Языкову по поводу стихотворения «Землетрясение», Гоголь обращался к поэту 21 апреля (н. ст.) 1846 г. (см. ***1846. Января 23 <февраля 4>. Среда. Москва*** – примечания).

[9] См. также ***1846. Июля 16 <28>. Вторник. Москва.***

[10] Стихотворение Языкова «Сампсон» («На праздник стеклися в божницу Дагона...») впервые опубликовано в «Московском литературном и ученом сборнике» (М., 1846), также полученном Гоголем в Швальбахе. (Кроме перечисленных книг, Гоголь должен был получить также от Жуковского посланный Языковым роман М. Н. Загоскина «Брынский лес» (М., 1846); см. ***1846. Апреля 30 <мая 12>. Вторник. Москва.***)

ИЮЛЯ 10 <22>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно почтовому штемпелю[1], в Петербург из Карлсбада доставлено письмо Гоголя к П. А. Плетневу[2], с вложением статьи «Об Одиссее, переводимой Жуковским».

[1] См.: *Городецкий*. С. 452.

[2] См. ***1846. Июля 4 <июня 22>. Суббота. Карлсбад.*** – Ответ Плетнева не сохранился (см. ***1846. Августа 5 <17>. Понедельник. Санкт-Петербург***).

ИЮЛЯ ОКОЛО 22 <ОКОЛО 10>[1]. НЕАПОЛЬ

А. А. Иванов пишет Н. М. Языкову в Москву:

«Усердно благодарю вас за книги, но "Древностей Московских"[2] не получал. Вещь-то очень соблазнительная, всякому их хочется иметь у себя»[3].

[1] См. ***1846. Июня 18 <6>. Четверг. Грефенберг-Фрейвальдау.***

[2] Имеются в виду «Памятники Московских древностей» И. М. Снегирева. – См. также ***1846. Декабря 16 <4>. Среда. Рим.***

[3] Из писем А. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 346.

ИЮЛЯ ОКОЛО 12[1] <ОКОЛО 24>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Статья Гоголя «Об Одиссее, переводимой Жуковским» напечатана П. А. Плетневым в июльском номере журнала «Современник»[2].

20 июля / 1 августа 1846 г. Плетнев, в частности, извещал Я. К. Грота: «№ 7 Современника давно к тебе отправлен. Не понимаю, как 13-е число он еще не был в твоей комнате»[3].

[1] См. ***1846. Июля 15 <27>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] *Гоголь Н. В.* Об Одиссее, переводимой Жуковским. Из письма к Н. М. Языкову // Современник. 1846. Т. 43. С. 175–188. – Статья была прислана редактору журнала Плетневу самим Гоголем (см. ***1846. Июля 4 <июня 22>. Суббота. Карлсбад***).

[3] Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 809.

ИЮЛЯ 12 <24>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

М. Ф. Самарин отправляется за границу, в Париж. Ю. Ф. Самарин, получивший в конце мая – начале июня 1846 г. извещение о том, что Гоголь находится в Париже[1] (а значит может посетить Париж еще раз[2]), передает с братом письмо к Гоголю, написанное 6/18 июля 1846 г.[3], с дополнением – ответом на письмо Гоголя из Карлсбада от 6 июля (н. ст.) 1846 г.[4]:

«Неожиданно получил я ваше письмо накануне отъезда моего брата. Не понимаю, к чему клонится ваш совет. Не менее того я его выполню, ибо чувствую совершенную готовность слушаться вас. Впрочем, сухого, черствого, положительного дела эти два года я имел вдоволь. Составление реэстров, записок в сенате, свод постановлений о лифляндских крестьянах в Министерстве Внутренних Дел и проч. Довольно трудно мне выполнить то, чего вы от меня требуете; в 1-м департаменте сената я пробыл не долго, в общем собрании[5] еще менее, а теперь в министерстве внутренних дел я не занимаю штатного места. Я напишу обо всем, что знаю, что делаю сам и что видел. Это будет черство и сухо, поверьте. Через недели две я еду в Ригу с Ханыковым заниматься ревизиею городского управления и статистикою городских доходов – тоже сухо. Для себя я занимаюсь теперь историею сельского сословия в России. Дошел ли до вас "Московский Сборник"[6]? Последняя статья о "Тарантасе"[7] – моя.

От Александры Осиповны[8] я получил письмо вчера. Она живет на даче под Калугою; она была очень нездорова, жалуется на слабость головы, – но теперь ей легче; деревенский воздух помог ей.

Рекомендую вам брата; он едет лечиться; а больше для развлечения. Он нездоров и телом и душою. Расстройство нервов, происходящее от болезненной напряженности религиозного чувства, от какого-то ежеминутного наблюдения за самим собой – вот его недуг. Ему нужно развлечение, движение, участие к предметам внешним, которое бы позволило ему забыть о себе и отвлекло бы его от мрачных дум».

[1] См. ***1846. Июня 8 <20>. Суббота. Калуга.***

[2] Гоголь действительно вновь оказался в Париже, во время пребывания там М. Ф. Самарина (см. ***1846. Августа после 13 – около 20 <августа после 1 – около 8>. Остенде, Париж, Остенде***).

[3] См. ***1846. Июля 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1846. Июля 6 <июня 24>. Понедельник. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Карлсбад.***

[5] См. ***1846. Февраля средина <февраля конец>. Санкт-Петербург*** (примечания).

[6] См. ***1846. Июля 21 <9>. Вторник. Швальбах.***

[7] Повесть графа В. А. Соллогуба.

[8] Смирнова.

ИЮЛЯ 26 <14>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ШВАЛЬБАХ

Гоголь пишет С. П. Шевыреву в Москву (согласно почтовому штемпелю[1], письмо было отправлено из Швальбаха позднее, 29 июля[2]):

«Пишу к тебе несколько строк из Швальбаха, куда заехал с тем, чтобы повидаться с Жуковским, берущим здесь ванны, а с тем вместе отдохнуть и даже взять несколько ванн самому, которые, как сказывают, могут хоть несколько укрепить мои нервы. От Языкова я наконец получил[3] твои лекции[4]; прочел еще весьма немного, ибо, сам знаешь, такого рода книги неприлично глотать вдруг. Но уже по началу вижу важность дела и труда и веселю себя им впереди, как предстоящим лакомством. Теперь приступаю к тебе с просьбой моей, весьма убедительной: напечатать второе издание "М<ертвых> д<уш>", в том же самом виде, на такой же бумаге, в той же типографии, в том же числе экземпляров (2400, т. е. два завода), с присовокупленьем только предисловия, которое я пришлю потом[5], когда печатанье будет к концу. Нужно будет его отпечатать в месяц, дабы оно могло явиться в свет никак не позже 15-го сентября».

К этому времени Гоголь предполагал издать книгу «Выбранные места из переписки с друзьями»[6]. Готовившиеся в 1846 г. Гоголем издания «Ревизора» и «Мертвых душ» были не простыми переизданиями этих произведений, но, как и «Выбранные места из переписки с друзьями», преследовали цель остановить произвольные, предвзятые их истолкования радикальной критикой. Издание «Ревизора» готовилось с «Развязкой», призванной уяснить религиозный замысел пьесы и обратить каждого читателя или зрителя к самому себе. 24 октября (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал Шевыреву: «Играться и выйти в свет "Ревизор" должен не прежде появленья книги "Выбранные места": иначе всё не будет понятно вполне». 10 декабря (н. ст.) 1846 г. он писал Ар. О. Россету: «"Ревизора с Развязкой" следует отложить еще на год... <...> ...Нужно, чтобы публика имела время вчитаться получше в мои письма <подразумеваются «Выбранные места из переписки с друзьями»> и привыкнула к тем словам, которые покуда еще дико раздаются в ушах ее». В письме к П. А. Плетневу от 5 января (н. ст.) 1847 г. по поводу «Развязки...» Гоголь еще раз замечал: «Я и прежде предполагал дать ее на театре только в таком разе, если бы протекло значительное расстояние времени от появления в свет моей "Переписки", чтобы многие мысли успели обойтись в свете и в публике...»[7] «Мертвые души» сопровождались предисловием «К читателю от сочинителя» — также самым тесным образом связанным с содержанием «Выбранных мест...» (в частности, с одним из «Четырех писем к разным лицам по поводу "Мертвых душ"»). По признанию Гоголя в «Авторской исповеди», публикацией предисловия к первому тому поэмы он намеревался обратить читателей «на самих себя». В письме к Шевыреву от 20 января (н. ст.) 1847 г. Гоголь замечал: «Если ты поудержал выпуском в продажу второе издание "Мертвых душ", то сделал хорошо, потому что предисловие может быть понято читателям только по прочтении моей "Переписки"»[8].

Далее в письме к Шевыреву Гоголь писал о предполагаемом втором издании первого тома «Мертвых душ»:

«Экземпляры разойдутся, я это знаю. После того голоса[9], который я подам от себя [читателям] перед моим отправлением на поклонение к Святым Местам, их станут раскупать. Посылать же на цензурованье к цензору в Петербург я не думаю, чтобы оказалась надобность[10], тем более, что это фантастическое запрещение второго издания никогда не существовало. Оно образовалось в Москве по старой охоте ее к плетенью всякого рода сплетней. Это можешь изъяснить цензору, если бы он оказался малоумен, а не то предстань к Строганову[11] и объясни ему. Если же по причине какой-либо новой бестолковщины оказалось бы так, что нужно посылать в Петербург, то пошли к Никитенке и в то же время письмо к Плетневу, чтобы он его поторопил, потому что Никитенко, при всей благосклонности и расположеньи ко мне, несколько ленив и может замедлить присылкой. О получении этого письма уведоми, равно как и о распоряжениях, адресуя во Франкфурт, на имя Жуковского».

[1] См.: *Городецкий*. С. 468.

[2] См. ***1846. Июля 29 <17>. Среда. Швальбах.***

[3] См. ***1846. Июля 21 <9>. Вторник. Швальбах.***

[4] «История Русской Словесности, преимущественно древней».

[5] См. ***1846. Октября 3 <сентября 21>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[6] См. ***1846. Июля 30 <18>. Четверг. Швальбах.***

[7] См. ***1847. Января 5 <1846. Декабря 24>. Вторник. Рождественский сочельник. Неаполь.***

[8] См. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь.*** — См. также ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Москва*** (примечания).

[9] Намек на «Выбранные места из переписки с друзьями».

[10] Шевырев тем не менее отправил книгу в Петербург (см. ***1846. Июля 29 <августа 10>. Понедельник. Москва***).

[11] Граф Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882), попечитель Московского учебного округа.

ИЮЛЬ 14 <26>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре.

Ельницкая 1979. С. 323.

ИЮЛЯ 15 <27>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев, получив письмо от Гоголя[1], пишет В. А. Жуковскому в Швальбах:

«Гоголю скажите, что я получил его письмо[2] со статьею его о переводе вашем Одиссеи и уже тиснул это в № 8 <в № 7>[3] Совр<еменника>. Статья прелестна. За других газетчиков и журналистов не отвечаю, согласятся ли они у себя перепечатать эту статью: все они на меня злобствуют»[4].

[1] См. ***1846. Июля 19 <7>. Воскресенье. Швальбах***; *Городецкий.* С. 452.
[2] См. ***1846. Июля 4 <июня 22>. Суббота. Карлсбад.***
[3] См. ***1846. Июля около 12 <около 24>. Санкт-Петербург.***
[4] *Свод.* Т. 1. С. 676.

ИЮЛЯ 16 <28>. ВТОРНИК. МОСКВА

Н. М. Языков пишет брату А. М. Языкову:

«Мне помнится, что в прошлом 1845 году послал я тебе письмо Гоголя, в котором он говорит о моем стихотворении "Землетрясение". Это письмо просит Гоголь[1] прислать ему: оно необходимо ему для каких-то соображений. Так потрудись, почтеннейший, отыскать оное в твоих бумагах и переслать мне».

Шенрок В. И. Из писем Н. М. Языкова к брату его Александру Михайловичу // Русская Старина. 1903. № 3. С. 539.

[1] См. ***1846. Июля 4–6 <июня 22–24>. Суббота-понедельник. Карлсбад***; ***1846. Июля 21 <9>. Вторник. Швальбах.***

ИЮЛЯ 16 <28>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ар. О. Россет пишет своей сестре А. О. Смирновой в Калугу:

«Из письма твоего, любезная Сашинька, к Карлю[1] видно, что ты еще не решила твой отъезд, и потому решаюсь отправить прилагаемое письмо от Гоголя[2]. И мне, и Самарину он написал по нескольку строчек[3]; по ним можно судить, что он ободрился; кончает наставлением: все будет хорошо, не хандрите и не держите носа вниз, но руководствуйтесь хотя тем, что мой нос еще держится кверху, и пусть это будет вам барометром, если до сих пор не нашли лучшего. Я напишу его во Франкфурт, хотя он большая скотина: сам начертил несколько каракулек, а просит написать ему обо всем как можно подробнее, не упуская никаких мелочей, потому что в мелочах весь секрет».

Гоголь в письмах А. О. Россета к А. О. Смирновой // *Свод.* Т. 2. С. 366–367.

[1] Вероятно, имеется в виду курьер А. О. Смирновой Карл, или Шарль (Charles).
[2] Письмо Гоголя от 4 июля (н. ст.) 1846 г. из Карлсбада, с приложением письма, начатого 6 июня (н. ст.). 1846 г. в Праге (см. ***1846. Июля 4 <июня 22>. Суббота. Карлсбад***; ***1846. Июля 6 <июня 24>. Понедельник. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Карлсбад***). Последнее из этих посланий без изменений было помещено Гоголем в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» – статья *XXI. Что такое губернаторша.*
[3] Письма к Ар. О. Россету и Ю. Ф. Самарину от 6 июля (н. ст.) 1846 г. из Карлсбада. Самарин ответил Гоголю 12 июля 1846 г., Россет – 17/29 июля 1846 г.

ИЮЛЯ 29 <17>. СРЕДА. ШВАЛЬБАХ

Гоголь отправляет в Москву к С. П. Шевыреву письмо, написанное 26 июля (н. ст.) 1846 г.

См. ***1846. Июля 26 <14>. Воскресенье. Швальбах.***

ИЮЛЯ 17 <29>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ар. О. Россет пишет ответное[1] письмо к Гоголю во Франкфурт:

«Письмо ваше к сестре[2] я отправил вчера в Калугу[3]; письмо к Самарину сам отдал. Сестру ожидал на днях сюда; но теперь пишет, что в Калуге время стоит прекрасное, жить ей там летом легче, а потому не знаю, не отложить ли поездку до зимы, чего и для нее очень желаю. <...> Зимою доходили до меня слухи, что физические немощи вас уже слишком одолели.

Если бы вы мне сделали частные вопросы, я бы ответил вам обстоятельнее, но на вопрос вами заданный en gros[4]: "как ворочается все в ваших глазах?" я могу вам сказать только то, что все, благодаря Бога, ворочается по-прежнему... <...> ...Я бы хотел расспросить о вашей странствующей жизни: куда на зиму направите стопы: в Рим, в Париж ли, в Иерусалим, – как некоторые здесь говорят, коснуться как будто мимоходом, на самом деле по любви, до мертвых душ или чего другого; но знаю, что вы всегда склонны на подобные любопытные вопросы отвечать: "всяк Еремей про себя разумей"; позволяю вам в ваше удовольствие не отвечать на них. Скажу только, что вы уж чересчур мало оказываете уважения к деньгам. Ваши "Мертвые Души" продаются по 35 р<ублей>, да и то случайно, ибо их вовсе нет в лавках, а сочинения доходят до 80 р<ублей>. <...>

Самарин напечатал в "Московском Сборнике" статью: критика "на Тарантас" графа Соллогуба. Разумеется, он забыл пословицу: "не трогай...", а впрочем статья в полном смысле прекрасная замечательно-ясным, последовательным изложением мыслей и верностью взгляда, противоположного пошлому и мелкотравчатому взгляду наших петербургских мудрецов-литераторов. <...>

Если столкнетесь где-нибудь с Мухановыми[5], передайте им поклон; скажите, что боюсь, что они не приедут на зиму. Я их вам рекомендую; оба очень добрые люди; особенно со вторым, мне кажется, вы бы сошлись».

[1] См. ***1846. Июля 6 <июня 24>. Понедельник. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Карлсбад.***

[2] А. О. Смирнова.

[3] См. ***1846. Июля 16 <28>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[4] В общем (*фр.*).

[5] Владимир Алексеевич Муханов (1805–1876) и его брат Николай Алексеевич (1802–1871), сыновья сенатора Алексея Ильича Муханова (ум. в 1836). В. А. Муханов, камер-юнкер, нигде не служил по своему болезненному состоянию. Н. А. Муханов был почетным опекуном Петербургского Николаевского института, потом товарищем министров народного просвещения и иностранных дел и членом Государственного совета; был близок ко Двору. Вероятно, именно о нем Гоголь позднее упоминал в письме к В. А. Жуковскому, что тот поэту «известен» (см. ***1846. Августа 25 <13>. Вторник. Остенде***).

ИЮЛЯ ДО 30 <ИЮНЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – ИЮЛЯ ДО 18>. КАРЛСБАД – ШВАЛЬБАХ

Гоголь пишет *Предисловие* к «Выбранным местам из переписки с друзьями» (датировано самим Гоголем июлем 1846 г.).

Ср. ***1846. Июля 6 <июня 24>. Понедельник. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Карлсбад***; ***1846. Июля 30 <18>. Четверг. Швальбах.***

ИЮЛЯ 30 <18>. ЧЕТВЕРГ. ШВАЛЬБАХ

В. А. Жуковский, вероятно, получил из Петербурга письмо от П. А. Плетнева[1] и познакомил Гоголя с адресованными ему в этом письме строками (о публикации в «Современнике» статьи «Об Одиссее, переводимой Жуковским»). После этого Гоголь обратился к Плетневу с просьбой об издании «Выбранных мест из переписки с друзьями», приложив к письму тетрадь с первыми семью главами (статьями) книги[2]:

«Наконец моя просьба! Ее ты должен выполн<ить>, как наивернейший друг выполняет просьбу своего друга. Все свои дела в сторону, и займись печатаньем этой книги под названием: "Выбранные места из переписки с друзьями". Она нужна, слишком нужна всем — вот что покаместь могу сказать; всё прочее объяснит тебе сама книга; к концу ее печатания всё станет ясно, и недоразуменья, тебя доселе тревожившие, исчезнут сами собою. Здесь посылается начало. Продолженье будет посылаться немедленно. Жду возврата некоторых писем[3] еще, но за этим остановки не будет, потому что достаточно даже и тех, которые мне возвращены. Печатанье должно происходить в тишине: нужно, чтобы, кроме цензора и тебя, никто не знал. Цензора избери Никитенку: он ко мне благосклоннее других[4]. К нему я напишу[5] слова два. Возьми с него также слово никому не сказывать о том, что выйдет моя книга. Ее нужно отпечатать в месяц, чтобы к половине сентября[6] она могла уже выйти. Печатать на хорошей бумаге, в 8 долю листа средн<его> формата, буквами четкими и легкими для чтения, размещение строк такое, как нужно для того, чтобы книга наиудобнейшим образом читалась; ни виньеток, ни бордюров никаких, сохранить во всем благородную простоту. Фальшивых титулов пред каждой статьей не нужно; достаточно, чтобы каждая начиналась на новой странице, и был бы просторный пробел от заглавия до текста. Печатай два завода и готовь бумагу для второго издания, которое, по моему соображенью, воспоследует немедленно: книга эта разойдется более, чем все мои прежние сочинения, потому что это до сих пор моя единственная дельная книга. Вслед за прилагаемою при сем тетрадью будешь получать безостановочно другие. Надеюсь на Бога, что он подкрепит меня в сей работе. Прилагаемая тетрадь заномерована № 1. В ней предисловье и шесть статей, итого седьмь, да включая сюда еще статью об "Одиссее"[7], посланную мною к тебе за месяц пред сим[8], которая в печатании должна следовать непосредственно за ними, — всего восемь. Страниц в прилагаемой тетради двадцать. О получении всего этого уведоми немедленно. Адресуй попрежнему на имя Жуковского».

Состав и композиция книги к тому времени существенно изменились[9]. Композиционно «Выбранные места из переписки с друзьями» повторяют период церковного года от Прощеного воскресения до праздника Светлого Христова Воскресения — Пасхи. В «Предисловии» автор объявляет о своем намерении отправиться Великим Постом во Святую Землю и испрашивает у всех прощения, подобно тому как в преддверии поста, в Прощеное воскресенье, все христиане просят прощения друг у друга. Открывается книга «Завещанием», напоминающем каждому о памяти смертной. Центральное место занимает семнадцатая глава — «Просвещение»[10]. Венец книги — глава «Светлое Воскресенье».

6 февраля (н. ст.) 1847 г. Гоголь сообщал графине Анне М. Виельгорской: «В этой книге всё было мною рассчитано и письма размещены в строгой последовательности, чтобы дать возможность читателю быть постепенно введену в то, что теперь[11] для него дико и непонятно». 11 февраля (н. ст.) 1847 г. он писал также Ар. О. Россету: «У меня не без причины была наблюдена связь и некоторая последовательность в письмах. Они затем, чтобы читателя вести постепенно к уразумленью дела...»

[1] См. ***1846. Июля 15 <27>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] *Предисловие; I. Завещание; II. Женщина в свете; III. Значение болезней; IV. О том, что такое слово; V. Чтения русских поэтов перед публикою; VI. О помощи бедным.*

[3] См. ***1846. Июля 16 <28>. Вторник. Москва.***

[4] Расчет Гоголя на «благосклонность» А. В. Никитенко не оправдался (см. ***1846. Августа 1 <июля 20>. Суббота. Эмс*** — примечания). — Ранее Никитенко цензурировал гоголевскую «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», опубликованную впервые в альманахе А. Ф. Смирдина «Ново-

селье» (СПб., 1834). В этой повести Никитенко сделал ряд сокращений, чем Гоголь был недоволен (см. ***1834. Апреля 14. Лазарева суббота. Санкт-Петербург***) (автограф повести не сохранился). Тот же Никитенко был цензором «главы из романа» «Кровавый бандурист», которая 27 февраля 1834 г. по его представлению была запрещена (см. ***1834. Февраля 27. Вторник. Санкт-Петербург***). Когда год спустя отрывок из «Кровавого бандуриста» под названием «Пленник» был напечатан во второй части «Арабесок» (СПб., 1835; цензор В. Н. Семенов), Гоголь подарил Никитенко именно *эту* часть сборника с надписью: «Земляку и сослуживцу Александру Васильевичу Никитенко от искренне почитающего его Гоголя» (см. ***1835. Января 23. Среда. Санкт-Петербург***). Никитенко был также цензором первого тома «Мертвых душ» (М., 1842) и первого прижизненного собрания сочинений Гоголя в 4-х томах (СПб., 1842). Незадолго до выхода в свет собрания П. А. Плетнев 14 ноября 1842 г. писал Я. К. Гроту: «Пришел ко мне Никитенко и показал письмо из Рима от Гоголя <см. ***1842. Октября 30 <18>. Воскресенье. Рим***>, который рассыпается перед ним в комплиментах, потому что Никитенко цензирует его сочинения. Я краснел за унижение, до которого в нынешнее время доведены цензурою авторы...» (см. ***1842. Ноября 11 <23>. Среда. Санкт-Петербург***).

[5] См. ***1846. Августа 1 <июля 20>. Суббота. Эмс.***

[6] К этому времени Гоголь предполагал напечатать второе издание первого тома «Мертвых душ» (см. ***1846. Июля 26 <14>. Воскресенье. Швальбах***).

[7] *VII. Об Одиссее, переводимой Жуковским.*

[8] См. ***1846. Июля 4 <июня 22>. Суббота. Карлсбад.***

[9] Ср. ***1846. Июля 6 <июня 24>. Понедельник. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Карлсбад.***

[10] К содержанию этой статьи непосредственное отношение имеет выписка Гоголя <*Изложение 5–12 Слов книги святителя Иннокентия (Борисова) «О грехе и его последствиях: Беседы на Святую Четыредесятницу»*> (см. ***1845. Января 14 – марта 1 <января 2 – февраля 17>. Париж***).

[11] После цензурных сокращений, сделанных А. В. Никитенко (см. ***1846. Августа 1 <июля 20>. Суббота. Эмс*** — примечания).

ИЮЛЯ 19 <31>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Согласно почтовому штемпелю[1], Н. М. Языков вечером этого дня получил письмо Гоголя из Швальбаха[2].

[1] См.: *Городецкий.* С. 474.

[2] См. ***1846. Июля 21 <9>. Вторник. Швальбах.***

ИЮЛЯ 31 ИЛИ АВГУСТА 1 <ИЮЛЯ 19 ИЛИ 20>. ПЯТНИЦА ИЛИ СУББОТА. ШВАЛЬБАХ, ЭМС

Гоголь переезжает из Швальбаха в Эмс; встречает здесь графа И. П. Толстого с женой, Софьей Сергеевной (рожд. графиней Строгановой)[1].

Спустя несколько дней, 6 августа (н. ст.) 1846 г.[2], Гоголь сообщал из Остенде графу А. П. Толстому: «В Эмсе я встретил Ивана Петровича с его молодой супругой, которой после эмсских вод[3] сделалось значительно лучше. Таковы ее и его слова. Они, кажется, обоюдно счастливы, хотя оба не весьма знакомы с опытной жизнью грешного мира сего».

[1] Графиня Софья Сергеевна Толстая (рожд. графиня Строганова, 1824 – 13 февр. 1852), дочь попечителя Московского учебного округа графа С. Г. Строганова. — См. также ***1847. Января средина <января конец>. Москва***; ***1847. Февраля конец <февраля средина>. Неаполь.***

[2] См. ***1846. Августа 6 <июля 25>. Четверг. Остенде.***

[3] См. ***1846. Августа начало <июля вторая половина>. Висбаден.***

АВГУСТА 1 <ИЮЛЯ 20>. СУББОТА. ЭМС

Гоголь отправляет в Петербург письмо к цензору А. В. Никитенко с просьбой сохранить в тайне прохождение в цензуре «Выбранных мест из переписки с друзьями»:

«Я к вам с просьбою, почтеннейший Александр Васильевич! От Плетнева вы получите, если уже не получили, на процензирование некоторые из моих писем, которые имеют быть напечатаны отдельной книгой в весьма непродолжительном времени. От Плетнева вы будете всё получать по частям. По разным причинам я не хочу, чтобы до времени выхода о книге знали. А потому прошу вас, чтобы осталось только между вами и Плетневым и никто бы, кроме вас двух, не был введен третий. Что касается до самого существа книги в отношен<ии> цензуры, то я совершенно спокоен, уверен будучи с одной стороны — в вашей благосклонности, а с другой стороны — в безвинности самой книги, при составлении которой я сам был строгим своим цензором, что вы, я думаю, увидите сами. Если же какое и встретится выражение, которое бы даже с первого раза остановило вас, то я уверен, что к концу книги смысл его объяснится пред вами полней, и вы его признаете только нужным и ничего более. Если ж сделаете какую поправку или указание относительно слога, неточности выражений и т. п., то сим меня крайне обяжете. О письме, равно как и о получении от Плетнева начала рукописи, уведомите меня, адресуя во Франкфурт-на-Майне, на имя Жуковского... <...> Засим обнимаю вас от всей души».

Просьбу Гоголя хранить до времени выхода книги подготовку издания в тайне Никитенко не выполнил. Напротив, цензор повел себя прямо вопреки пожеланиям Гоголя. В итоге в письме к П. А. Плетневу от 11 февраля (н. ст.) 1847 г. Гоголь назвал свою книгу «обгрызенным Никитенкой оглодком», а спустя еще несколько дней, 22 февраля (н. ст.), писал А. О. Смирновой: «Точно как бы пред глазами матери зарезали ее любимейшее дитя, так мне тяжело бывает <...> цензурное убийство. И сделал тот самый цензор, который до того благоволил к моим произведениям[1], боясь, по его собственному выражению, произвести и царапинку на них. <...> Тут есть что-то, покуда для меня непонятное. <...> Знаю только то, что цензор был, кажется, в руках людей так называемого европейского взгляда, одолеваемых духом всякого рода преобразований, которым было неприятно появленье моей книги».

Догадка Гоголя оказалась вполне основательной. Именно Никитенко, будучи приятелем В. Г. Белинского, стал главным инициатором запрещения ряда статей в «Переписке с друзьями» — прежде всего статей религиозно-патриотического содержания. Цензор явился также одним из первых, для кого христианские взгляды Гоголя, открыто выраженные в новой книге, оказались настолько неприемлемыми, что цензор постарался — еще до публикации книги — бросить на них тень, объявив гоголевское сочинение следствием душевного помешательства автора. Вокруг еще не вышедшей книги в обществе была развернута целая кампания по подготовке публики к негативному восприятию нового гоголевского сочинения. Уже в начале августа 1846 г. (то есть спустя менее недели после того как рукопись книги поступила на рассмотрение Никитенко[2]) о готовящемся издании становится известным в Петербурге А. Н. Попову[3]. Ф. М. Достоевский (начинавший, как известно, свою писательскую карьеру в кругу Белинского) 5 сентября 1846 г. сообщал брату из Петербурга о готовящейся к печати гоголевской книге как свидетельстве ненормального душевного состояния автора[4].

Содержание книги Гоголя тесно связано с тогдашним официальным курсом Министерства Народного Просвещения на укрепление начал Православия, Самодержавия и Народности («...вся книга моя написана в духе самого правительства», — замечал Гоголь в январе 1847 г. в письме к Императору Николаю I[5]). То, что подобная книга подверглась радикальному прещению в цензуре — в той самой цензуре, которая состояла по прямому ведомству Министерства Народного Просвещения — в задачи которой входила проверка издаваемых сочинений на соответствие правительственному курсу, — объясняется исключительно личными качествами цензора.

Профессор Г. П. Георгиевский (1866–1947), хранитель рукописей бывшего Румянцевского музея (ныне — *РГБ*), писал в 1941 г. о цензурном вмешательстве Никитенко в текст «Выбранных мест...»: «Цензурный экземпляр книги Гоголя[6] обнаруживает, каким ущербом для нее было рукоприкладство Никитенки. Не только отдельные слова и строки, но целые отрывки и абзацы зачеркнуты и перекрещены красными чернилами цензора. Многие выражения и целые фразы заменены новыми, надписанными красными чернилами. Наконец, рука Никитенки зачеркнула целые письма или главы труда Гоголя, попросту закрестив их целыми листами, или же сделав надпись: "Этой и следующих статей печатать нельзя. А<лександр> Н<икитенко>". Таким способом

исчезли из книги разом 19[7], 20[8], 21[9], 26[10] и 28[11] письма или главы, целиком. Цензор поставил свою подпись на каждом листке рукописи, кроме тех листков, которые по решению цензора подлежали изъятию и потому не удостоивались его рукоприкладства»[12].

Из дел Санкт-Петербургского цензурного комитета также следует, что, помимо указанных статей, к уничтожению Никитенко были намечены еще три гоголевских письма (I[13], VIII[14], IX[15]) – которые, однако, удалось отстоять. Таким образом, «Выбранные места из переписки с друзьями» цензор предполагал сократить более чем на четверть. Подобным цензурным преследованиям не подвергалась никакая другая книга Гоголя. Цитированные строки письма Гоголя к А. О. Смирновой от 22 февраля (н. ст.) 1847 г. о «цензурном убийстве» свидетельствуют, как болезненно Гоголь воспринял сокращения Никитенко в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Плетневу Гоголь 6 февраля (н. ст.) 1847 г. также писал: «Я получил твое письмо с известием о выходе моей книги. <...> ...Не пропущено больше половины... <...> С меня сдирают не только рубашку, но самую кожу...» В тот же день он сообщал графу А. П. Толстому, что в Петербурге по поводу книги «образовалось что<-то> вроде демонского восстания к тому, чтобы воспрепятствовать ее выходу».

Последний выпад Никитенко против «Выбранных мест из переписки с друзьями» связан с его деятельностью на посту нового редактора журнала «Современник». Сразу после того как журнал был передан Плетневым Никитенко[16] (помимо редактора, в программе обновленного журнала издателями были заявлены Н. А. Некрасов и И. И. Панаев, в списке сотрудников первым значился В. Г. Белинский), в первом томе «Современника», вышедшего в 1847 г. под новой редакцией, явилась статья Белинского с резко отрицательным отзывом о гоголевской книге[17].

[1] См. ***1846. Июля 30 <18>. Четверг. Швальбах*** (примечания).

[2] См. ***1846. Июля 27 <августа 8>. Суббота. Спасская мыза***; ***1846. Июля 31 <августа 12>. Среда. Спасская мыза.***

[3] См. ***1846. Августа 11 <23>. Воскресенье. Москва.***

[4] См. ***1846. Сентября 5 <17>. Четверг. Санкт-Петербург.*** – См. также ***1846. Сентября 26 <октября 8>. Четверг. Радонежье (Абрамцево)***; ***1846. Ноября 1 <13>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1846. Ноября 6 <18>. Среда. Москва***; ***1846. Декабря 4 <16>. Среда. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1847. Января 15 <3>. Пятница. Неаполь.***

[6] Имеется в виду рукопись «Выбранных мест...», хранящаяся в Российской государственной библиотеке в Москве: *РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 2. 79 лл.

[7] *XIX. Нужно любить Россию.*

[8] *XX. Нужно проездиться по России.*

[9] *XXI. Что такое губернаторша.*

[10] *XXVI. Страхи и ужасы России.*

[11] *XXVIII. Занимающему важное место.*

[12] *Георгиевский Г. П.* «Выбранные места из переписки с друзьями». Рукопись Н. В. Гоголя, с цензурной правкой А. В. Никитенко / Записки отдела рукописей. Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Выпуск XI. Н. В. Гоголь. И. А. Гончаров. Редакция Н. Л. Мещерякова. <1941> // *РГБ*. Ф. 217. К. 7. Ед. хр. 1. Л. 48 об.–49.

[13] *I. Завещание.*

[14] *VIII. Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве.*

[15] *IX. О том же.*

[16] См. ***1846. Октября 23 <ноября 4>. Среда. Санкт-Петербург.***

[17] См. ***1847. Февраля 7 <19>. Пятница. Санкт-Петербург.*** – Подробнее о первенствующей роли А. В. Никитенко в цензурном преследовании книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» см.: *Виноградов И. А.* Неизвестные автографы двух статей Н. В. Гоголя о Церкви и духовенстве. К истории издания «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Проблемы исторической поэтики. Вып. 7: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 4. Сборник научных трудов / Петрозаводский гос. ун-т. Материалы IV Международной конференции. Июнь 2002 г. Петрозаводск, 2005. С. 219–245. – См. также ***1846. Октября 26 <ноября 7>. Суббота. Калуга.***

АВГУСТА НАЧАЛО <ИЮЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. ВИСБАДЕН

Гоголь из Эмса приехал в Висбаден к иерею Иоанну Базарову.

Из воспоминаний о. Иоанна Базарова: «Потом[1] он заехал ко мне по пути из Эмса. Рассказывая, что он встретил там так много русских дам, сделал замечание, что верно у русских женщин такая

уж дрянная натура, что им чаще других приходится отправляться в Эмс на лечение[2]. “И все это наш славный Петербург тому виною!” — заметил он».

Воспоминания протоиерея И. И. Базарова // *Свод.* Т. 3. С. 564.

[1] Ср. ***1845. Апреля 23 <11>. Великая среда. Франкфурт-на-Майне, Висбаден.***
[2] См. ***1846. Июля 31 или августа 1 <июля 19 или 20>. Пятница или суббота. Швальбах, Эмс.***

ИЮЛЯ 21 <АВГУСТА 2>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре.

Ельницкая 1979. С. 383.

АВГУСТА НАЧАЛО – АВГУСТА 5 <ИЮЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – ИЮЛЯ 24>. ШВАЛЬБАХ

По пути из Висбадена[1] в Остенде[2] Гоголь, вероятно, останавливается в Швальбахе у В. А. Жуковского.

Несколько дней спустя, 10 августа (н. ст.) 1846 г., Гоголь писал Жуковскому из Остенде: «Скажите вашей доброй и ангелоподобной хозяюшке, чтобы она на меня не гневалась за то, что я не простился с нею. Это у меня случается весьма часто и вовсе не есть знак хладнокровья или равнодушия, но, напротив, доверенности. Если бы я знал, что разлучаюсь надолго, или же чувствовал потребность что-нибудь сказать нужное при расставаньи, я бы никак этого не пропустил и сделал бы даже что-то торжественное из расставанья, как оно и должно быть. Скажите ей, что я мысленно так же с ней простился, как бы и лично, и, давши лобзанье вам и Саше[3], поцеловал в то же время в вас обоих ее самое. <...> В начале сентября полагаю быть у вас во Франкфурте...»[4]

[1] См. ***1846. Августа начало <июля вторая половина>. Висбаден.***
[2] См. ***1846. Августа 6 <июля 25> – сентября последние числа <сентября средина>. Остенде, Париж, Остенде.***
[3] Дочь Жуковского.
[4] См. ***1846. Сентября последние числа или октября первые числа – октября 22–23 <сентября средина – октября 10–11>. Франкфурт-на-Майне.***

ИЮЛЯ 24 <АВГУСТА 5>. СРЕДА. МОСКВА

Н. М. Языков пишет ответное[1] письмо Гоголю (адресует письмо во Франкфурт):

«Требуемое тобою письмо получишь ты скоро. Я уже хлопочу о нем[2]. Твои письма берегу я в достодолжной сохранности. Дело в том, что мне надобно съездить самому в Москву для вынутия оного письма, а езда в теперешние палящие жары для меня не шутка. Но будь спокоен, все сделается как тебе надобно.

Сердечно радуюсь, что книги, мною к тебе посланные, таки дошли, и, таким образом, мое к тебе преусердие по сей части оправдалось очевидно! Скажи мне твое мнение о повести Достоевского: питерские критики щелкоперы прокричали ему большую похвалу[3]; повесть эта довольно длинная — и мне не хотелось читать наудалую, ты же теперь <*нрзб.*> жаждою русского чтения: прочтешь и ее, какая бы ни была. Плетнев говорит, что Достоевский из числа твоих подражате-

лей и что разница между тобою и им та же, что Карамзиным и кн<язем> Шаликовым[4]!! Чертовская разница!

Твою прекрасную статью “Об Одиссее, переводимой Жуковским”, я уже послал Коршу, издателю “Московских ведомостей”[5], и посылаю в “Москвитянин”[6], хотя, признаюсь тебе, мой любезнейший, меня сильно соблазняло желание оставить ее для “Московского сборника”. И. Аксаков написал еще много прекрасных стихотворений, я бы прислал их тебе, если бы мог добиться списков: с Аксаковым вечно так! <...>

Попробуй ты заняться точением: купи себе токарный станок, можешь найти в Ганау тот самый, которым я потешался, спроси Коп<п>а! Я думаю, что телодвижение заменит тебе езду и проч.»

[1] См. ***1846. Июля 4–6 <июня 22–24>. Суббота-понедельник. Карлсбад***; ***1846. Июля 21 <9>. Вторник. Швальбах***.

[2] Имеется в виду просьба о присылке копий с писем, вызванных стихотворением «Землетрясение» (см. ***1846. Июля 16 <28>. Вторник. Москва***). Копии были отправлены Языковым 10 августа 1846 г. (см. ***1846. Августа 10 <22>. Суббота. Москва, Сокольники***).

[3] Прежде всего имеется в виду статья В. Г. Белинского, посвященная «Петербургскому сборнику». Она содержала обширный отзыв о «Бедных людях» Ф. М. Достоевского (Отечественные Записки. 1846. № 3. Отд. 5). – См. также ***1846. Февраля 18 <марта 2>. Москва***.

[4] Князь Петр Иванович Шаликов (1767 или 1768 – 1852), писатель и журналист.

[5] См. ***1846. Июля 25 <августа 6>. Четверг. Москва***.

[6] См. ***1846. Августа 20 <сентября 1>. Вторник. Москва***.

АВГУСТА 6 <ИЮЛЯ 25> – СЕНТЯБРЯ ПОСЛЕДНИЕ ЧИСЛА <СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА>. ОСТЕНДЕ, ПАРИЖ, ОСТЕНДЕ

Гоголь принимает лечебные «морские бани»[1] в Остенде. Продолжает работу над «Выбранными местами из переписки с друзьями» (последовательно отправляет П. А. Плетневу в Петербург для печатания три тетради: главы книги VIII–XIV[2], XV–XXI[3] и XXII–XXX[4]). Совершает новую[5] поездку в Париж к графу А. П. Толстому[6]. Пишет предисловие ко второму изданию первого тома «Мертвых душ»[7].

[1] См. ***1846. Августа 10 <июля 29>. Понедельник. Остенде***.

[2] См. ***1846. Августа 25 <13>. Вторник. Остенде***.

[3] См. ***1846. Сентября 12 <августа 31>. Суббота. Остенде***.

[4] См. ***1846. Сентября 26 <14>. Суббота. Праздник Воздвижения Креста Господня. Остенде***.

[5] Ср. ***1846. Мая конец <мая средина>. Париж***.

[6] См. ***1846. Августа после 13 – около 20 <августа после 1 – около 8>. Остенде, Париж, Остенде***.

[7] См. ***1846. Сентября 26 <14>. Суббота. Праздник Воздвижения Креста Господня. Остенде***.

АВГУСТА 6 <ИЮЛЯ 25>. ЧЕТВЕРГ. ОСТЕНДЕ

Гоголь пишет графу А. П. Толстому в Париж:

«Что с вами? Где вы? И отчего от вас до сих пор ни одной строчки? Я писал к вам из Грефенберга, где пробыл около месяца и всуе поджидал вашего брата Алек<сея> Петр<овича>. <...> Теперь я поселился на время в Остенде, где пробуду, может быть, месяц. До сих же пор пребывал с Жуковским в Швальбахе. <...> Попросите графиню написать также словечка два о состояньи здоровья своего, как душевного, так и телесного. <...> ...На днях получил известие от вашей сестрицы Софьи Петровны, которая также жалуется на ваше молчанье. Адресуйте в poste restante и пришлите ваш маршрут, чтобы я знал, где вас настигнуть и повидать, если вы не заедете в Остенде. <...> Если граф уехал из Парижа, прошу отвечать графиню».

ИЮЛЯ 25 <АВГУСТА 6>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

В № 88 «Московских Ведомостей» напечатана присланная в редакцию Н. М. Языковым[1] статья Гоголя «Об Одиссее, переводимой Жуковским».

[1] См. ***1846. Июля 24 <августа 5>. Среда. Москва.***

ИЮЛЯ 26 <АВГУСТА 7>. ПЯТНИЦА. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

В. С. Аксакова сообщает М. Г. Карташевской:

«Стихи Жуковского[1] малозамечательны и заставляют бояться, точно ли так хорош перевод “Одиссеи”, как его восхваляет Гоголь»[2].

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 848.

[1] Имеется в виду стихотворение В. А. Жуковского «Египетская тма (Опыт подражания Библейской поэзии)», напечатанное во втором «Московском ученом и литературном сборнике» (М., 1847; цензурное разрешение 21 февр.) (С. 188–190). Представляет собой стихотворное переложение семнадцатой главы Книги Премудрости Соломона; о содержании этой главы Гоголь напоминает в главе *XXVI. Страхи и ужасы России* «Выбранных мест из переписки с друзьями».
[2] См. ***1846. Июля 25 <августа 6>. Четверг. Москва.***

ИЮЛЯ 27 <АВГУСТА 8>. СУББОТА. МОСКВА

Согласно почтовому штемпелю[1], С. П. Шевырев получил в этот день письмо Гоголя из Швальбаха[2].

[1] См.: *Городецкий.* С. 468.
[2] См. ***1846. Июля 26 <14>. Воскресенье. Швальбах***; ***1847. Июля 29 <17>. Среда. Швальбах.***

ИЮЛЯ 27 <АВГУСТА 8>. СУББОТА. СПАССКАЯ МЫЗА[1]

П. А. Плетнев пишет Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«Вместе с твоим письмом принесли мне и от Гоголя письмо[2]. Он прислал для печатания особою книгою начало[3] нового сочинения своего: “Выбранные места из переписки с друзьями”. Еще не успел я и взглянуть, что это такое».

«Тотчас же»[4] по получении рукописи (в период с 27 до 29[5] июля 1846 г.) Плетнев, так и не прочитав ее, передал на рассмотрение цензору А. В. Никитенко.

Свод. Т. 1. С. 677.

[1] Дача около Лесного института, где Плетнев обычно проводил лето.
[2] См. ***1846. Июля 30 <18>. Четверг. Швальбах.***
[3] Предисловие и I–VI главы.
[4] См. ***1846. Августа 5 <17>. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[5] См. ***1846. Июля 31 <августа 12>. Среда. Спасская мыза.***

ИЮЛЯ 28 <АВГУСТА 9>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Игроков» в Малом театре.

Ельницкая 1979. С. 333.

АВГУСТА 10 <ИЮЛЯ 29>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ОСТЕНДЕ

Гоголь пишет ответное письмо матери в Васильевку и письмо к В. А. Жуковскому во Франкфурт (судя по почтовому штемпелю на письме к матери[1], письма были отправлены через два дня, 13 августа[2]).

Из письма к матери: «Я несколько замедлил ответом на письма ваши. Во время моих переездов нынешних не бывает так легко отвечать в ту же минуту. При этом я ожидал, не напишут ли мне чего сестры в ответ на мое длинное письмо[3], чтобы отвечать за одним разом, но от них, кажется, не ждать мне никаких ответов. Благодарю вас за то, что хотя вы пишете мне, по возможности, подробно и не отговариваетесь ни гостями, ни увеселениями. Скажу вам, однако же, то, что вы бываете весьма часто под влиянием несколько разгоряченных впечатлений. Письмо мое вы читали не в хладнокровную и совершенно спокойную минуту, а потому истолковали всё по-своему и приняли всё в таком смысле, в каком я вовсе и не думал. <...> Вы все вещи принимаете в большем виде[4], чем они есть, и ничего не в силах, принимать равнодушно, а потому и жизнь ваша есть еще до сих пор какое-то беспрерывное душевное беспокойство. Молитесь, Богу в такую минуту, когда почувствуете в себе беспокойство: это лучшее средство. После молитвы в такое время уясняется вдруг наш взгляд. Распаленное состояние проходит, и всякая вещь является в своем надлежащем виде. Вы беспокоите<сь> и за меня, думая, что я также, подобно вам всем, беспокоюсь, и пишете, чтобы я не принимал к сердцу писем сестер моих, думая, что это меня волнует. На это вам скажу только то, что я более беспокоюсь тем, когда мне ничего не пишут, а когда мне пишут и пишут подробно, тогда я ничуть не беспокоюсь, и огорчительного для меня в письме не может быть ничего. <...> ...Пишите подробно обо всем, не пропуская ничего, что у вас ни делается, как собственно в вашем доме, так равно и вокруг вас, у всех наших знакомых и соседей. Адресуйте попрежнему во Франкфурт, на имя Жуковского».

Из письма к Жуковскому: «Пишу и уведомляю <о> моем приезде сюда... <...> Две-три морские бани уже взял без отвращенья и без особенного удовольствия, как что-то пресное. <...> Все письма, а с ними и посылки, какие ни случатся, храните (как сказано и прежде) у себя. <...> Здесь есть несколько русских, с которыми я покамест не успел столкнуться. Видел пока только безногого Мещерского, женат<ого> на кн<яжне> Трубецкой[5], которого вы, я думаю, знаете. Здесь еще приятельница Смирновой, графиня Борх, урожден<ная> Лаваль[6]. Прочие, кажется, незамечательны. На дороге я встретил одного, с которым произо<шла> замечательная внутренняя история в последнее время. Чудны действия Божии, и никогда еще не были они так явны, как в последнее время. <...> В начале сентября полагаю быть у вас во Франкфурте[7]... <...> В здоровье моем то не весьма хорошо, что начинаю вновь крепко зябнуть и не могу оставаться в сидячем состоя<нии> так долго, как было бы потребно мне для переписывания или вообще для занятий. Малейший холодок на меня ощетинивается бурею».

[1] *Городецкий*. С. 447.

[2] См. ***1846. Августа 13 <1>. Четверг. Остенде.***

[3] См. ***1846. Мая 1 <апреля 19>. Пятница. Рим.***

[4] В адресованном А. О. Смирновой наставлении <О гневе и безгневии> (см. ***1843. Ноября 19 <7> – 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца***) Гоголь также писал: «Надлежит прежде всего человеку противустоять обману чувств. Наносящий оскорбление наносит его легко, часто равнодушно, и редко с желанием

сильно оскорбить. Но приемлющий оскорбление приемлет его тяжело, неравнодушно, как бы подставляет обе горсти для получения небольшой крохи, и видит все в большем виде».

[5] Князь Николай Иванович Мещерский (1798–1862), гвардии подполковник, разбитый параличом; был женат на княжне Александре Ивановне Трубецкой (ум. 1873).

[6] Софья Ивановна (1809–1871), жена графа А. М. Борха.

[7] См. ***1846. Сентября последние числа или октября первые числа – октября 22–23 <сентября средина – октября 10–11>. Франкфурт-на-Майне.***

АВГУСТА 10 <ИЮЛЯ 29>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский сообщает М. П. Погодину (вероятно, в Мариенбад[1]):

«У меня в Швальбахе гостил Гоголь[2]; ему вообще лучше; но сидеть на месте ему нельзя; его главное лекарство путешествие; он отправился в Остенде; оттуда поедет во Франкфурт и, поживя у меня несколько дней, отправится далее и будет несколько времени везде и нигде; потом воротится на родину, вероятно, в том же году, как и я»[3].

[1] См. ***1846. Июля 29 <августа 10>. Понедельник. Москва, Сокольники.***

[2] См. ***1846. Июля 19 – августа около 1 <июля 7 – июля около 20>. Швальбах; 1846. Августа начало – августа 5 <июля вторая половина – июля 24>. Швальбах.***

[3] Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод*. Т. 2. С. 62.

ИЮЛЯ 29 <АВГУСТА 10>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА, СОКОЛЬНИКИ

С. П. Шевырев пишет ответное[1] письмо к Гоголю во Франкфурт:

«Немедленно отвечаю тебе на письмо твое, полученное, вчера, любезный друг. Сначала о деле, которое мне поручаешь. Я сейчас из типографии. Она берется напечатать “Мертвые души” менее чем в два месяца, но никак не продлить печатания далее двух, след<овательно>, во всяком случае, к 15-му сентября кончить печатать не будет никакой возможности. Другой же типографии с такими средствами, как университетская, здесь мы не имеем. Другая задержка в цензуре. В здешнюю нечего и думать отдавать. Она не пропустила первого издания и, желая заслужить имя настойчивой в своих мнениях и последовательной в действиях, никак не согласится на второе. Я говорил с человеком, знающим коротко все ее свойства, и вследствие этого разговора сей час пишу письмо к Плетневу и отправляю последний экземпляр “Мертвых душ”, оставленный для тебя. Не знаю, как получится из Питера, но со времени получения считай два месяца типографской работы, может быть менее, но едва ли. Если через две недели получу обратно, то, стало быть, прежде 15-го октября не может быть отпечатано, или около того времени. <...> Уведомь: какую ты хочешь обвертку? с такою же ли виньеткой[2], какая была на первом издании? Напиши, чтобы я мог заказать ее Сиверсу[3] поскорее.

Я только что собирался писать к тебе, как получил письмо твое. Мне досадно, что ты читаешь мои лекции[4] по экземпляру, не от меня полученному. Не я в том виноват. Посылая экземпляр к Вяземскому, я приложил два: один для тебя, другой для Жуковского. Но, видно, они не были доставлены[5]. Мне это очень досадно. Недели через две[6] выйдет вторая часть. Я хотел и ее послать к тебе и к Жуковскому тем же путем, но теперь не знаю. Мне казалось, что Вяземский всех лучше найдет средства для того, чтобы доставить книгу к Жуковскому и к тебе. Напиши, не знаешь ли другого пути, более верного и скорого?

Твои сочинения продаются теперь весьма споро с тех пор, как истощился петерб<ургский> запас. Поручение твое[7], данное мне в предпоследних твоих письмах, я начал немедленно исполнять. Аксаков, по болезни глазной и потому, что должен жить в деревне, от того отказался[8]. До сих пор я роздал 415 р<ублей> асс<игнациями>. Неторопливо я делаю это дело, потому что при этом нужна большая осмотрительность: можно вместо добра сделать зло. Еще более боишься злоупотре-

блений, когда исполняешь волю другого в таком деле. Я желал бы отдавать тебе более подробный отчет во всем, но ты как-то посердился на меня в передпоследнем письме[9], и я боюсь чем-нибудь тебя обеспокоить. Но я надеюсь, что ты будешь спокойнее, узнав, что желание твое исполняется.

Спасибо тебе за письмо твое к Языкову об "Одиссее". Оно на днях явилось в "Московских Ведомостях"[10]. Я прочел его с величайшею радостью. Оно освежило меня. С нетерпением жду "Одиссеи". Дай Бог сил Жуковскому скорее ее окончить. Письмо твое произвело сильное впечатление на тех людей, с которыми случилось мне об нем говорить. Были такие, которые плакали от него. Тебе бы следовало написать предисловие к "Одиссее", когда она выйдет.

Говорить ли тебе, с какою жаждою мы все ждем второй части "Мертвых душ" не только ее, но даже вести об ней. Когда же ты едешь в Иерусалим? Да, да, вся Россия устремила на тебя *полные ожидания очи*[11]. Не пришла ли пора удовлетворить ей?

Погодин должен быть в Мариенбаде. Языков живет в Сокольниках. <...> Аксаковы<х> половина в деревне; Ольга Семеновна здесь с больною дочерью[12]. Я занят беспрерывно трудом своим. Но скоро начнутся лекции. В половине августа мы переедем в город. Я ближе буду к типографии. Но расстояние не мешает. Корректором второго издания будет тот же Виноградов, которого ты знаешь[13]. Я же рад бы всякий труд променять на корректуру 2-й части "Мертвых душ", а первая у нас пойдет, как по маслу, с печатного текста. Тут труда никакого нет».

В тот же день Шевырев писал П. А. Плетневу в Петербург:

«По просьбе Гоголя препровождаю к Вам последний экземпляр "Мертвых Душ". Он поручает мне второе издание. К здешней цензуре нечего обращаться: она не возьмется за решение такой мудреной задачи. Она же не решалась пропускать первого и, вероятно, захочет быть настойчивою. Сделайте милость, передайте экземпляр прежнему цензору[14] и попросите его от имени Гоголя ускорить подписание и возвращение, а главное: похлопочите о том сами. Гоголь, хотя и уверен в благосклонности и расположении к нему цензора, но еще более надеется на Вашу распорядительность. Он желает ускорить, как можно, второе издание. Я принимаю для того все меры типографские, но теперь главное зависит от цензуры, и еще более от Вас»[15].

[1] См. ***1846. Июля 26 <14>. Воскресенье. Швальбах.***

[2] Речь идет о литографии гоголевского рисунка обложки первого тома «Мертвых душ».

[3] Вероятно, художник Людвиг Сиверс.

[4] «История Русской Словесности, преимущественно древней».

[5] Ср. ***1846. Августа 21 <сентября 2>. Среда. Москва***; ***1846. Сентября 26 <14>. Суббота. Праздник Воздвижения Креста Господня. Остенде.***

[6] Вторая часть книги Шевырева вышла в августе 1846 г.: История Русской Словесности, преимущественно древней. XXXIII публичные лекции *Степана Шевырева,* О<рдинарного> Профессора Московского Университета. М., 1846. Т. I. Ч. 2 (лекции 6–10; цензурное разрешение 1 авг.).

[7] Речь идет об оказании Гоголем помощи «бедным, но достойным студентам» Петербургского и Московского университетов из денег, выручаемых от продажи его «Сочинений» (см. ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***).

[8] См. ***1846. Января 15 <27>. Вторник. Радонежье (Абрамцево).***

[9] См. ***1845. Ноября 20 <8>. Четверг. Рим.***

[10] См. ***1846. Июля 25 <августа 6>. Четверг. Москва.***

[11] Цитата из одиннадцатой главы первого тома «Мертвых душ».

[12] Ольга Сергеевна.

[13] Оптинский монах о. Порфирий (Григоров) 23 октября 1850 г. писал С. П. Шевыреву из Оптиной Пустыни о Виноградове: «Милостивый Государь Степан Петрович! Извините, что должник забывает своих кредиторов; хотя это ныне вещь обыкновенная; нужно только взять, а там Бог заплотит! – Мне <И. В.> Киреевский сказали, что Г-н Виноградов явился к вам, просил за кор<р>ектуру от их имени 7 руб<лей> серебром, и вы ему деньги отдали. – Я должен объяснить причину: Г-н Виноградов очень хорошо знал, что книги письма Затворника <Георгия> печатаются мною и кор<р>ектура ему поручена от меня, и он уже более десяти лет занимался по поручению моему и довольно исправно; но я и рекомендовал его <И. В. и Н. П.> Киреевским, чтоб платить ему безделицу; а между тем избавить вас от труда за нашей кор<р>ектурой; ибо она у вас много отнимает драгоценного времени, которое вы с такою пользою употребляете, что право совестно было видеть, как вы одолжили

нашу обитель, которая обязанностию поставляет молить о здравии вашем. И так деньги следовало получить Виноградову от меня; но он не занимался кор<р>ектурой, что доказывают опечатки, коих кроме неважных 100; хотя кор<р>ектовать было легко с печатного экземпляра. Он, видя, что за такое небережение по уговору не получит ничего, решился на поступок постыдной — воспользоваться добрым расположением вашим и пуститься на обман! По крайней мере хотя бы уведомил меня или Киреевского, а то никто ничего не знает о его проделках и легко могло прийти в забвение. — Мне за него стыдно; прилагаю при сем 7 рублей серебром, — кои возвращаю с чувствительною моею благодарностию, при желании вам всякого блага — имею честь пребыть Милостивого Государя Ваш *Богомолец и слуга Монах Порфирий Григоров*. 23 октября 1850. Оптина Пустынь» (*РНБ*. Ф. 850. Ед. хр. 213. Л. 1–2).

[14] А. В. Никитенко.

[15] Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод*. Т. 2. С. 94.

ИЮЛЯ 29 <АВГУСТА 10>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

С. Т. Аксаков пишет сыну Ивану в Калугу:

«Ты читал статью Гоголя[1]? Как хороша! Ее надо прочесть не один раз. Впрочем, я не верю в такое достоинство перевода и еще менее в *такое* действие “Одиссеи” на всех»[2].

Вероятно, в тот же день К. С. Аксаков в письме к брату Ивану также сообщал, что полная «глубины истины и красоты» статья Гоголя «Об Одиссее, переводимой Жуковским» тем не менее «совершенно ложна» в своей мысли о влиянии этого произведения, с которой никто не согласен[3].

В свою очередь, В. С. Аксакова 29 июля 1846 г. тоже писала И. С. Аксакову:

«Жуковский прислал какие-то стихи в сборник[4]: “Египетская мгла”[5], но ничего особенного в них. Это заставляет нас сомневаться в справедливости похвал Гоголя переводу “Одиссеи” Жуковского. Эта статья Гоголя помещена в 88-м № “Московских ведомостей”[6]. Чрезвычайно глубоки и умны его слова, и какие прекрасные места! — так оригинально, что всякий бы узнал Гоголя и без подписи. Видно, что чтение “Одиссеи” имело для него большое значение»[7].

В тот же день В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской в Петербург:

«В 88 № Москов<ской> Газет<ы> напечатана прекрасная, замечательная статья Гоголя, которая нас порадовала во многих отношениях. Видно, что он теперь бодр и занят своим трудом. Это статья по случаю перевода Жуковским *Одиссеи*. Может быть Гоголь и ошибается насчет достоинства перевода и даже насчет того впечатления, которое произведет Одиссея, но статья его не менее от того глубока и замечательна, и я желаю, чтоб ты ее прочла, моя милая Машенька, но боюсь, что ты не достанешь ее»[8].

[1] См. ***1846. Июля 25 <августа 6>. Четверг. Москва.***

[2] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 588.

[3] *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 633.

[4] Московский Литературный и Ученый Сборник на 1847 год. М., 1847 (цензурное разрешение 21 февр.). С. 188–190.

[5] См. ***1846. Июля 26 <августа 7>. Пятница. Радонежье (Абрамцево).***

[6] См. ***1846. Июля 25 <августа 6>. Четверг. Москва.***

[7] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 849.

[8] Там же.

ИЮЛЯ 29 <АВГУСТА 10>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно почтовому штемпелю[1], в этот день цензор А. В. Никитенко получил письмо Гоголя из Эмса[2].

[1] См.: *Городецкий*. С. 449.
[2] См. ***1846. Августа 1 <июля 20>. Суббота. Эмс.***

ИЮЛЯ 30 <АВГУСТА 11>. ВТОРНИК. КАЛУГА

И. С. Аксаков сообщает родным в Радонежье (Абрамцево):

«Вчера прочел я письмо Гоголя об Одиссее[1]. Многое чудесно хорошо; появление Одиссеи, может быть, замечательно как факт в XIX веке, но появление ее в России не может иметь влияния на современное общество, на европейское. Одиссея не вылечит Запада, не уничтожит его истории, а нас, русских, не примирит с порядком вещей, а влияние ее на русский народ — мечта. Точно будто наш народ читает что-нибудь, — есть ему время! А Гоголь именно налегает на простой русский народ. Нет, долго, слишком долго зажился он за границей. Что и говорить, Одиссея подействует благотворно на душу отдельного человека, и не одного».

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 913.

[1] Статью Гоголя «Об Одиссее, переводимой Жуковским» И. С. Аксаков прочел в «Московских Ведомостях» (см. ***1846. Июля 25 <августа 6>. Четверг. Москва***).

ИЮЛЯ 31 <АВГУСТА 12>. СРЕДА. СПАССКАЯ МЫЗА

П. А. Плетнев пишет Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«Гоголеву рукопись[1], не читав, я отдал Никитенке для цензированья. Вчера Никитенко и был поэтому у меня, рассказав, что у Гоголя есть один отрывок: "Завещание", где он рассказывает, что все, сочиненное им после "Мертвых душ", он сжег, как недостойное чтения; все, напечатанное прежде, называет нечестием и мерзостию; говорит о своем путешествии в Иерусалим, о своей смерти, о погребении его, словом: нельзя не подумать, что нравственный организм его в странном состоянии. Я полагаю, что религиозные споры в Западной Европе и неслыханный, даже не совсем заслуженный успех его в России произвели странное брожение в голове его — и он не умел этого переварить спокойно. Впрочем, подождем еще конца. Там, как он пишет, развязка этой его книги»[2].

Поскольку Плетнев не читал рукописи Гоголя, то возразить А. В. Никитенко по существу он не мог. 3 августа 1846 г. Я. К. Грот отвечал Плетневу на его письмо: «Удивляюсь, что ты не заглянул в рукопись Гоголя»[3]. Очевидно, что в отношениях с Никитенко такой поступок Плетнева был опрометчивым шагом. Сам Плетнев хорошо понимал, с кем имеет дело[4], однако в данном случае свою роль сыграло, по-видимому, давнее раздражение Плетнева против Гоголя[5], а также, вероятно, то, что рукопись была прислана Гоголем не для публикации в плетневском «Современнике» (как на это мог расчитывать Плетнев[6]), а для отдельного издания.

[1] См. ***1846. Июля 27 <августа 8>. Суббота. Спасская мыза.***
[2] *Свод.* Т. 1. С. 677.
[3] Там же.
[4] 13 марта 1846 г. Плетнев писал Гроту: «Не полагаю, чтобы критические статьи Никитенки были ценны и назидательны. Это другой экземпляр Белинского. Они много говорят о том, что есть *около*, а ни слова о том, что в самом предмете. Без дарования ничего не пронюхаешь в рассматриваемой книге; а я не признаю в них обоих никакого дарования. Это школяры, начитавшиеся Полевого, который и сам был обезьяной того, что делалось

до него. При том же Белинский и Никитенко несносны монотонностью языка и настроения: один говорит как *школяр*, а другой как *школьный мастер*» (*Свод*. Т. 1. С. 674).

[5] См. ***1838. Ноября 29 <декабря 11>. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1846. Июля 19 <7>. Воскресенье. Швальбах.***

[6] См. ***1844. Октября 27 <ноября 8>. Пятница. Санкт-Петербург.***

АВГУСТА 13 <1>. ЧЕТВЕРГ. ОСТЕНДЕ

Гоголь отправляет написанные 10 августа (н. ст.) 1846 г. письма к матери в Васильевку и к В. А. Жуковскому во Франкфурт.

См. ***1846. Августа 10 <июля 29>. Понедельник. Остенде.***

АВГУСТА ПОСЛЕ 13[1] – ОКОЛО 20 <АВГУСТА ПОСЛЕ 1 – ОКОЛО 8>. ОСТЕНДЕ, ПАРИЖ, ОСТЕНДЕ

Гоголь, вероятно, после получения ответного письма от графа А. П. Толстого из Парижа[2], употребив день езды по железной дороге, через Лилль, Дуэ, Аррас и Амьен ездил в Париж[3], откуда, по-видимому, тем же путем вернулся обратно.

В Париже Гоголь встретил М. Ф. Самарина, который передал ему письмо от своего брата Ю. Ф. Самарина.

19 июня 1846 г. графиня С. М. Соллогуб извещала Гоголя: «30-го июня отправляется на год в чужие края Михаил Федорович Самарин»[4]. На самом деле М. Ф. Самарин выехал за границу позднее. Ю. Ф. Самарин передал с братом свое ответное[5] письмо к Гоголю от 12/24 июля 1846 г.[6]

Вернувшись из Парижа в Остенде, Гоголь в 20-х числах августа (н. ст.) 1846 г. сообщал Ю. Ф. Самарину: «В проезд мой через Париж я познакомился с вашим братцем и от него получил ваше письмо...»[7]

[1] См. ***1846. Августа 13 <1>. Четверг. Остенде.***

[2] См. ***1846. Августа 6 <июля 25>. Четверг. Остенде.***

[3] Позднее, 27 марта (н. ст.) 1847 г., Гоголь сообщал П. А. Плетневу из Неаполя: «Из Остенде день езды в Париж, по железной дороге...»

[4] См. ***1846. Июня 19 <июля 1>. Среда. Павлино.***

[5] См. ***1846. Июля 6 <июня 24>. Понедельник. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Карлсбад.***

[6] См. ***1846. Июля 12 <24>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1846. Августа 20-е числа <августа средина>. Остенде.***

АВГУСТА 3 <15>. СУББОТА. МОСКВА

Д. Н. Свербеев отправляет записку жене, Е. А. Свербеевой[1]:

«Предполагаю, что ты не найдешь необходимым сообщать кому бы то ни было вчерашние мои замечания на статью Гоголя, может быть так же сгоряча написанные, как и эта статья[2]. Зачем сердить друзей и недругов порицаниями того, что их восхищает?»[3]

[1] Екатерина Александровна Свербеева (рожд. княжна Щербатова; 1808–1892).

[2] Замечания Д. Н. Свербеева на статью Гоголя «Об Одиссее, переводимой Жуковским» неизвестны.

[3] Из писем Д. Н. Свербеева // *Свод*. Т. 3. С. 845.

АВГУСТА 3 <15>. СУББОТА. КАЛУГА

И. С. Аксаков сообщает родным в Радонежье (Абрамцево):

«Смирнова больна, и это только заставляет меня еще навещать ее... <...> Она познакомила меня с Клементом, ее братом... <...> Я слышал еще прежде стороною и теперь подтвердил мне и Ар<нольди>, что А<лександра> О<сиповна> получила огромнейшее, листах в четырех, письмо от Гоголя[1], наполненное советами и разными христианскими наставлениями ей. Говорит, что письмо превосходное и что в нем Гоголь, к вящему их удивлению, пишет им про Калугу, как будто он в ней бывал несколько раз, говорит про многих чиновников и жителей, называя их по именам, про то, как А<лександра> О<сиповна> повела себя в Калуге, учит ее быть губернаторшей, брать пример с бывшей здесь лет 20 тому назад княгини Оболенской[2] (матери Мити[3], отец ее был здесь губернатором), делать добро так-то и так-то; а мужа ее – не гнать взяточников. "Я все знаю, мне известно все, что вы делаете", – прибавляет Гоголь; но не пишет, каким образом ему это все известно. <...> Я думаю, что Самарин, который в переписке с Гоголем, сообщает ему все еженедельные письма Смирновой, в которых она подробно описывает ему и всякое новое лицо и всякое новое калужское событие; да к тому же Самарин жил с Оболенским, который знает в Калуге всех. Да, Гоголь просит еще Смирнову описать ему новое учреждение губернского правления, все отношения палат между собою и т. п. Все это разделено по пунктам; впрочем, я самого письма не читал, а мне рассказывал это Арнольди».

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 913.

[1] Письмо, начатое Гоголем 6 июня (н. ст.) 1846 г. в Праге и отправленное А. О. Смирновой 6 июля (н. ст.) 1846 г. из Карлсбада (см. ***1846. Июля 6 <июня 24>. Понедельник. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Карлсбад***). Почти без изменений это письмо было помещено Гоголем в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» – статья *XXI. Что такое губернаторша.*

[2] Княгиня Аграфена Юрьевна Оболенская (рожд. Нелединская-Мелецкая; 1789–1828), жена князя А. П. Оболенского (1780–1855), бывшего в 1825–1831 гг. калужским губернатором. Сведения об А. Ю. Оболенской Гоголь взял из письма к нему А. О. Смирновой от 14 января 1846 г. (см. ***1846. Января 14 <26>. Понедельник. Калуга***). Ср.: «Покойный Н. В. Гоголь никогда не видал и не знал княгини Оболенской... <...> Если бы Н. В. Гоголь знал княгиню, он бы объяснил тайну влияния кн<ягини> Оболенской на это общество. Он бы понял, что предложенный им <...> рецепт, как сделаться хорошей губернаторшей, – никуда не годится. Вся тайна влияния женщины на общество заключается именно в безыскусственной правде и сердечной теплоте ее отношений к людям; а этой правды и этой теплой любви по заказу приобрести нельзя, а всякая подделка под эти чувства скорее отталкивает, чем привлекает людей. Княгиня Аграфена Юрьевна свыше была одарена могучей силой добра» (*Оболенский Д., князь.* Хроника недавней старины. Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1876. С. 291–292).

[3] Имеется в виду князь Д. А. Оболенский.

АВГУСТА 16 <4>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский пишет А. О. Смирновой в Калугу:

«У меня в Швальбахе гостил две недели Гоголь[1]; он стал здоров; теперь и он в Остенде, оттуда заедет во Франкфурт и потом надолго со мною простится».

Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 62.

[1] См. ***1846. Июля 19 – августа около 1 <июля 7 – июля около 20>. Швальбах.*** – См. также ***1846. Августа начало – августа 5 <июля вторая половина – июля 24>. Швальбах.***

АВГУСТА 5 <17>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет Гоголю во Франкфурт ответ на два его послания[1] (письмо не сохранилось).

В тот же день Плетнев отправил во Франкфурт письмо к В. А. Жуковскому:

«Начало новой книги Гоголя: *Выбранные места из переписки с друзьями*, получено мною и тотчас же отдано в цензуру. Печатать я подговорил типографию Департамента Внешней Торговли на 2400 экз<емпляров>. Теперь только необходимо, чтобы Гоголь аккуратно высылал мне продолжение. Уж вы похлопочите, чтобы он не задержал работы»[2].

[1] См. ***1846. Июля 4 <июня 22>. Суббота. Карлсбад***; ***1846. Июля 10 <22>. Среда. Санкт-Петербург***; ***1846. Июля 30 <18>. Четверг. Швальбах***. – На письмах Гоголя имеются одинаковые пометы Плетнева: «О<твечал> 5 авг<уста> 1846 по почте» (*Городецкий*. С. 452, 453).
[2] *Свод*. Т. 1. С. 677.

АВГУСТА 9 <21>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев в ответном[1] письме к С. П. Шевыреву в Москву сообщает:

«Мертвые души уже подписаны тем же цензором[2], который пропустил и первое издание – и препровождены обратно к вам. Гоголь прислал мне для напечатания особою книгой начало рукописи, под названием: Выбранные места из переписки с друзьями. Эту книгу я не получил еще от Никитенка»[3].

[1] См. ***1846. Июля 29 <августа 10>. Понедельник. Москва***.
[2] А. В. Никитенко.
[3] *Свод*. Т. 1. С. 678.

АВГУСТА 9 <21>. ПЯТНИЦА

Б. И. Ордынский[1] пишет А. А. Краевскому (вероятно, в Петербург):

«Мне было ужасно досадно прочесть в "Московских ведомостях" в конце июля[2] статью Гоголя "Об «Одиссее», переводимой Жуковским". Нужно Вам сказать, что я Гоголя высоко ценю, много обязан его сочинениям, едва ли не больше чем... университету. И вдруг – читаю статью его, написанную с каким-то желчным, почти личным раздражением, унижающим Гоголя; с увлечением, непростительным в наше время, когда, по собственным словам его, устали и перестали очаровываться и разочаровываться; с увлечением, решительно обманчивым, но этого мало – с незнанием дела. Кто не знает греческой литературы и прочтет Гоголеву статью, подумает, что "Одиссея" выше всего в греческой литературе. Что же скажет Гоголь об "Илиаде", которую все, кто только ни читал "Илиаду" и "Одиссею", со времени существования их, ставят далеко выше "Одиссеи"? Гоголь даже, кажется, поставил "Илиаду" ниже "Одиссеи". По крайней мере, он ничего об ней не говорит, кроме следующих престранных слов: "Объем ее («Одиссеи») велик: «Илиада» пред нею – эпизод". Что хотел сказать этим Гоголь, право, не понимаю! "Илиада" и "Одиссея" так различны, что можно с таким же правом сказать, что "Одиссея" – эпизод "Илиады". Вообще об этой статье можно много толковать и о многом сомневаться. Но самое любопытное место – о самом Одиссее: что он "во всякую трудную и тяжелую минуту обращался к своему милому сердцу, еще и не подозревая, что сим внутренним обращением к себе он уже творил ту внутреннюю молитву Богу, которую в минуты бедствий совершает всякий человек, даже не имеющий никакого понятия о Боге"[3]. На это можно заметить: 1) *милое* сердце по особенному свойству в гомерическом языке слова φίλος значит просто *свой*; так же говорится у Гомера φίλαι χεῖρες – свои руки. 2) Одиссею, человеку, еще древними про-

званному *практическим*, вовсе нейдет такая нравственная настроенность духа. Такие обращения к милому сердцу в “Илиаде” и в “Одиссее” почти исключительно бывают у Одиссея, человека осторожного и *всегда* прежде начатия дела, особенно важного, раздумывающего с собою, так или иначе поступить ему. Есть места, в которых такие обращения к милому сердцу обнаруживают в Одиссее даже маленькую трусость <...> Слишком опрометчивы тоже слова Гоголя: “Как глупы немецкие умники[4], выдумавшие, будто Гомер – миф, а все творения его – народные песни и рапсодии!” <...>

О Гоголе я распространился потому, что только сегодня прочел его статью, и она меня сильно раскачала: я не мог удержаться, чтоб не передать Вам впечатления, которого мне некому здесь передать»[5].

[1] Борис Иванович Ордынский (1823–1861), писатель и переводчик; старший учитель греческого языка в Ярославской гимназии, впоследствии профессор греческой и римской словесности сначала в Казанском, потом в Харьковском университетах. Автор разборов перевода «Одиссеи» Жуковского, напечатанных в «Современнике» и «Отечественных записках».

[2] См. ***1846. Июля 25 <августа 6>. Четверг. Москва.***

[3] В одной из своих выписок раздела <*50*>. *Изречения из св. Иоанна Златоуста* сборника «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви» Гоголь следующим образом пересказывал слова святителя об Апостоле Павле: «Павел, уставши от гонений, помолился Богу о прекращении их, не получил просимое, и гонения не прекращались; вопросил душу свою и услышал в ней голос Господа...». В источнике выписки слов: «вопросил душу свою и услышал в ней голос Господа», – нет (см. коммент. к выписке в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 828).

[4] Имеются в виду ученые, принадлежавшие к школе Ф. А. Вольфа и К. Лахманна. О современных Гоголю теориях по «гомеровскому вопросу» см.: *Лосев А. Ф.* Гомер. М., 1960; 2 изд., испр. – М., 2006. – Ср.: «...Омир (мифическое имя)...» (*Белинский В. Г.* Литературная хроника <1838> // Собр. соч.: В 9 т. М., 1977. Т. 2. С. 275).

[5] *Свод.* Т. 3. С. 862.

АВГУСТА 10 <22>. СУББОТА. МОСКВА, СОКОЛЬНИКИ

Н. М. Языков пишет Гоголю во Франкфурт:

«Вот тебе списки с твоих писем[1], тобою желаемые[2]. Пакет вышел таки толстый, не смотря на мелкописную рукопись. Твоя статья об “Одиссее”, переведенной Жуковским, уже напечатана в “Московских Ведомостях”[3] и в “Современнике”[4]; в “Москвитянине” тоже будет[5], но когда – не знаю. – “Как мне быть с Москвитянином? – говорит Студитский, которому Погодин поручил издавать его. – Михаил Петрович не оставил мне денег на издание, а типография в долг не верит”. – Твоя статья нравится всем *нашим*[6] и радует их, – статья сильно и прекрасно написанная! Восстают против нее только *духи тьмы* – наплевать на них! <...> Получил ли ты “Брынский Лес”[7]? и как тебе он нравится? – Получаешь ли ты “Современник”? Прочти в нем статью Чижова *Овербек*[8]. Я собираюсь перебираться в Москву; пора уже и на зимнее сидение. <...> Панов собирает второй том “Сборника Московского”. Что если бы прислать в него хоть малую толику? Как бы освежил и оживил его и всю нашу братию?»

[1] Имеются в виду копии с писем Гоголя, вызванных стихотворением «Землетрясение» (см. ***1844. Декабря 2 <ноября 20>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Декабря 26 <14>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Января 2 <1844. Декабря 21>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1846. Июля 4–6 <июня 22–24>. Суббота-понедельник. Карлсбад***; ***1846. Июля 21 <9>. Вторник. Швальбах.*** – См. также ***1846. Июля 16 <28>. Вторник. Москва***; ***1846. Июля 24 <августа 5>. Среда. Москва.***

[3] См. ***1846. Июля 25 <августа 6>. Четверг. Москва.***

[4] См. ***1846. Июля около 12 <около 24>. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1846. Августа 20 <сентября 1>. Вторник. Москва.***

[6] «Слово это, по-видимому, имеет отношение к известному стихотворению Языкова “К ненашим”...» (примечание В. И. Шенрока).

[7] Роман М. Н. Загоскина. – См. ***1846. Апреля 30 <мая 12>. Вторник. Москва.***

[8] *Чижов Ф. В.* Овербек // Современник. 1846. Т. 43. С. 17–68.

АВГУСТА 11 <23>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Е. А. Свербеева пишет А. Н. Попову в Петербург:

«Языков вчера читал Ваше письмо. Ничего не понимает в той новой книге Гоголя, которая угрожает нам[1]. Он от него получил письмо из Швальбаха от 22 июля[2], и он ему ни слова; но для меня, что он говорит о его “Самсоне”, теперь поясняет, что Вы пишете, т. е. видится в этих словах это новое его сочинение[3]. <...> Не правда ли? Как Вы думаете? Сейчас только прочла это письмо».

Гоголь в письмах Е. А. Свербеевой (рожденной княжны Щербатовой) // *Свод.* Т. 3. С. 853.

[1] Речь идет о «Выбранных местах из переписки с друзьями». Судя по этому сообщению, о готовящемся издании книги Гоголя Попову, находившемуся в Петербурге, стало известно спустя менее недели после того, как рукопись поступила на рассмотрение цензора А. В. Никитенко (см. ***1846. Июля 27 <августа 8>. Суббота. Спасская мыза***; ***1846. Июля 31 <августа 12>. Среда. Спасская мыза***).

[2] См. ***1846. Июля 21 <9>. Вторник. Швальбах.***

[3] Свербеева цитирует далее отзыв Гоголя в письме к Н. М. Языкову от 21 июля (н. ст.) 1846 г. о его стихотворении «Сампсон».

АВГУСТА 12 <24>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Н. М. Языков сообщает А. А. Иванову в Рим:

«Гоголь теперь, кажется, в Остенде: и в Сицилию, и Сирию пустится он еще осенью или зимою, такие у нас о нем слухи... <...> Гоголь печатает вторым изданием первую часть “Мертвых душ”: не знак ли это, что второе у него уже готово? То-то бы славно!»

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 178.

АВГУСТА 12 <24>. ПОНЕДЕЛЬНИК. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева отправляет Н. М. Языкову в Москву, для пересылки Гоголю за границу, письмо к нему, начатое 5 августа 1846 г. (Языков, возможно, отправил письмо Шереметевой к Гоголю во Франкфурт 23 августа 1846 г.[1]):

«Покровское. Августа 5 <1846>.

Давно, мой друг, от вас не имею, и сама вас не тревожу письмами, а с вами бываю часто. Сегодня по благодати Божией сподобилась приобщиться Святых Таин. <...> Каждой день и не раз во дне <...> о вас, мой друг, помнится в душе, ощущения коей относительно вас Бог видит; прошу благость Его, да возможете вы свершить свой труд для пользы ближнего, следовательно, во славу Божию. <...> ...Не разлучаюсь с мыслию, когда Бог приведет вас исполнить столь давнишнее и сильное души желание – поклониться Гробу Господню...»

Августа 12.

Хочу попросить Николая Михайловича[2] о доставлении к вам сих строк. О себе сказать нечего. Часто хвораю, и теперь нездорова. Третьего дни ставили пиявки. С жестокой болезни, что имела прошедшую зиму, до сих пор не могу оправиться, и то сказать 70 лет. Если доживу до сентября, то 71 будет, и то слава Богу... <...> ...С маия пятой год[3], как таки вас вспоминаю с любовию пред Тем, Которой все видит и все может».

[1] См. ***1846. Августа 23 <сентября 4>. Пятница. Москва, Сокольники.*** – Ответное письмо Гоголя: ***1846. Ноября 8 <октября 27>. Воскресенье. Флоренция.***

[2] Языков.
[3] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.***

АВГУСТА 25 <13>. ВТОРНИК. ОСТЕНДЕ

Гоголь посылает в Петербург письмо к П. А. Плетневу, с вложением второй тетради «Выбранных мест из переписки с друзьями»[1]. В тот же день Гоголь отправил письмо к В. А. Жуковскому во Франкфурт.

Из письма к Плетневу: «Посылаю тебе вторую тетрадь. В ней отдельно от первой 27 страниц, а в совокупности с нею 47, что значится по выставленным цифрам на всякой странице. Статей же в обеих тетрадях, вместе с прежде посланной отдельно об "Одиссее", четырнадцать, а с предисловием пятнадцать. Это составит почти половину книги. Уведоми покаместь, на скольких печатных страницах всё это размещается. Остальные тетради будут высылаться немедленно; по крайней мере, со стороны моей лености не будет никакого помешательства. Работаю от всех сил над перечисткой, переделкой и перепиской. Море, в котором я теперь купаюсь, благодаря Бога, освежает и дает силы меньше уставать и изнуряться. Молю и тебя не уставать и не пренебрегать наидобросовестнейшим исполнением этого дела. Вновь повторяю просьбу, чтобы до времени выпуска в свет книги никто о ней, кроме тебя и цензора Никитенка, сведений не имел. Типографию избери менее шумную, в которую вхож был бы ты один [или весьма немногие] и которую почти вовсе не посещали бы литераторы-щелкоперы. <...> О получении этой тетради уведоми немедленно, адресуя попрежнему на имя Жуковского. Я забыл в статье "О помощи бедным" сделать поправку[2]. Именно <в> середине этой статьи, после слов "Туда несите помощь", следует поставить так: "Но нужно, чтобы помощь эта произведена была истинно-христианским образом; если же она будет состоять в одной только выдаче денег, она ровно ничего не будет значить и не обратится в добро". И потом в той же статье, немного повыше, поставлено, кажется, неправильно слово "расхлестывается". Лучше поставить: "расхлещется"[3]. Впрочем, ты сам не пренебреги исправить ошибки в слоге, какие тебе ни попадутся. У меня и всегда слог бывал не щегольской даже и в более отработанных вещах, а тем пуще в таких письмах, которые вначале вовсе не готовились к печати».

Из письма к Жуковскому: «Одно письмо мое из Остенде (назад тому недели две)[4] вы уже, без сомненья, получили. Пишу теперь второе. Остаюсь я здесь немного долее, то есть от сего числа недели три, по крайней мере, — тем более, что море начинает, кажется, меня освежать, а это особенно необходимо для моей работы, и тем еще более, что на днях я был обрадован почти неожиданным приездом любезного моего гр<афа> А. П. Толстого, вам весьма известного, который прибыл сюда вместе с двумя братьями Мухановыми[5], из которых один также вам известен[6] и есть приятель наших общих знакомых. Они все пробудут здесь около месяца ради морского купанья. А потому прошу вас все письма, какие ни пришли ко мне доселе, запечатавши в один пакет, прислать мне сюды в Остенде, адресуя в poste restante. Что же придет к вам после этого, то всё удержать у себя до моего приезда и не пересылать.

В одно время с сим письмом к вам послано к Плетневу письмо со вложеньем второй тетради, о чем вы известите его и от себя, дабы в случае какой-нибудь неисправности на почте не произошло бестолковщины и можно было всё дело поправить заблаговременно. После 15-го сентября готовьте для меня мою комнату, где проживу с вами недельки две перед отправлением в большую дорогу[7], и побеседуем о том, о чем еще доселе не беседовали».

[1] В тетрадь вошли главы *VIII. Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве*; *IX. О том же*; *X. О лиризме наших поэтов*; *XI. Споры*; *XII. Христианин идет вперед*; *XIII. Карамзин*; *XIV. О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности.*
[2] Эта поправка была внесена П. А. Плетневым.
[3] Исправлено П. А. Плетневым на «расплещется».
[4] См. ***1846. Августа 10 <июля 29>. Понедельник. Остенде.***

[5] В. А. и Н. А. Мухановы.
[6] Вероятно, Н. А. Муханов (см. ***1846. Июля 17 <29>. Среда. Санкт-Петербург***).
[7] Гоголь намеревался, дождавшись выхода книги, ехать в Палестину.

АВГУСТА 13 <25>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Заседание Петербургского цензурного комитета, на котором цензор А. В. Никитенко поставил вопрос об исключении из книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» главы *I. Завещание.*

Выписка из журнала заседаний комитета: «В заседании Комитета 13 августа 1846 года слушали: представленное на разрешение Комитета Г. Ценсором Экстраординарным профессором Никитенкой из сочинения Гоголя, под названием: *отрывки из писем,* место заключающее в себе духовное завещание автора, которое только по необыкновенности своего содержания обратило на себя особенное внимание ценсора. Ценсурный Комитет, находя, что это не есть какой-либо оффициальный акт, составленный по предписанным формам, а просто литературное произведение в роде мемуара, определило упомянутое место дозволить к напечатанию. Подлинный подписали Гг. присутствовавшие Комитета».

РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 1879. Л. 14.

АВГУСТА 15 <27>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. МОСКВА

Е. А. Свербеева пишет А. Н. Попову в Петербург:

«Спешу отвечать Вам. Не знаю, что ожидать нам от книги Гоголя[1]: что-то странное. <...> Я не разглашу вестей о книге, скажу одному Языкову и Сергею Тимофеевичу[2] и попрошу обоих не говорить другим».

Гоголь в письмах Е. А. Свербеевой (рожденной княжны Щербатовой) // *Свод.* Т. 3. С. 853.

[1] Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями» (см. ***1846. Августа 11 <23>. Воскресенье. Москва***).
[2] Аксаков.

АВГУСТА 28 <16>. ПЯТНИЦА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский пишет ответное[1] письмо к Гоголю в Остенде:

«Сию минуту получил ваше письмо и отвечаю. Письма к вам высылаются все, какие у меня находятся, по сие число полученные[2]. Следующие за ними будут вас ожидать на моем столе. К Плетневу я о вас писал; вот от него к вам несколько строк; наши письма им получены исправно, и все пошло в ход. Не задерживайте продолжения. Что касается до нашего свидания, то надобно вам знать, что я намерен съездить в Веймар для встречи там великой княгини Ольги Николаевны. Она приезжает в Веймар 4/16 сентября и пробудет там 5/17. Чтобы мне ее захватить в Веймаре, надобно выехать из Франкфурта 2/14 числа. Из Веймара же не прежде возвращусь 6/18 или 7/19 сентября. Располагайте поэтому ваш заезд к нам во Франкфурт. Кланяйтесь любезному графу Толстому и Муханову. Жена вам дружески кланяется. Мы возвратились из Швальбаха здоровы; но Лотти привезли больную; у ней открылась нервическая горячка, но, слава Богу, теперь опасность миновалась, и она начинает выздоравливать, хотя еще не покидает постели».

[1] См. ***1846. Августа 25 <13>. Вторник. Остенде.***

[2] В частности, Жуковский отправил Гоголю в Остенде письмо М. П. Погодина из Вены (см. ответное письмо Гоголя: ***1846. Сентября 10 <августа 29>. Остенде***), письмо С. П. Шевырева из Москвы (см. ***1846. Июля 29 <августа 10>. Понедельник. Москва, Сокольники***; ***1846. Сентября 26 <14>. Суббота. Праздник Воздвижения Креста Господня. Остенде***) и, вероятно, письмо П. А. Плетнева из Петербурга (см. ***1846. Августа 5 <17>. Понедельник. Санкт-Петербург***).

Можно было бы допустить, что за шесть дней из Москвы во Франкфурт мог дойти пакет от Н. М. Языкова, отправленный 10 августа 1846 г. и заключавший в себе необходимые Гоголю копии его писем по поводу стихотворения «Землетрясение» (см. ***1846. Августа 10 <22>. Суббота. Москва, Сокольники***). В таком случае Гоголь мог воспользовался этими копиями при составлении статьи «Предметы для лирического поэта в нынешнее время». Однако пакет с письмами был, по-видимому, получен Гоголем позднее, по приезде во Франкфурт (см. ***1846. Сентября 12 <августа 31>. Суббота. Остенде***; ***1846. Сентября последние числа или октября первые числа – октября 22–23 <сентября средина – октября 10–11>. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Октября 5 <сентября 23>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне***).

АВГУСТА 16 <28>. ПЯТНИЦА. ХЕРСОН

М. С. Щепкин с труппой Д. Д. Жураховского ставит «Ревизора» в Херсоне (в роли Городничего – сам Щепкин).

Гриц. С. 376.

АВГУСТА 29 <17>. СУББОТА. ОСТЕНДЕ

В. А. Муханов сообщает сестрам[1]:

«Здесь мы нашли Гоголя, с которым познакомились[2]. Он очень замечателен, в особенности по набожному чувству, христианской любви и складной, правильной речи. Охотно беседуя обо всех предметах, он не любил говорить о своих сочинениях и о том, что пишет. Недавно читал он нам два прекрасные письма молодого Жерве[3] к своему отцу[4], писанные из Оптиной пустыни. Мы слушали с умилением. Сколько веры и любви в молодом подвижнике, оставившем мир и все прелести в тех летах, когда они так обольщают человека, и посвятившем себя Богу! Какое тихое и торжественное спокойствие в этой душе, достигшей пристани»[5].

[1] Сестры В. А. Муханова: Татьяна, Екатерина, Елизавета (фрейлины Императорского Двора) и Прасковия (ум. в 1894).

[2] 29 июля (н. ст.) 1846 г. Ар. О. Россет писал Гоголю из Петербурга: «Если столкнетесь где-нибудь с Мухановыми, передайте им поклон... <...> Я их вам рекомендую; оба очень добрые люди; особенно со вторым, мне кажется, вы бы сошлись». Братья В. А. и Н. А. Мухановы приехали в Остенде вместе с графом А. П. Толстым (см. ***1846. Августа 25 <13>. Вторник. Остенде***).

[3] Петр Александрович Жерве, отставной поручик; в 1844 г. стал насельником Оптиной Пустыни; после августа 1851 г. уволен из монастыря по собственному прошению. «1844 года. Генваря. В первых числах сего Генваря <...> поступил в Скит на жительство Отставной Поручик Петр Александрович Жерве, получивший воспитание в Пажеском Корпусе. Послушание его: Канонархом, а в Келейном Занятии: Токарное и Письменное» (*РГБ*. Ф. 214. Ед. хр. 360. Л. 49; опубл.: Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни: В 2 т. / Сост. монах Марк (Хомич А. Г.). М., 2008. Т. 1. С. 97). «1851 год. <...> Сего августа Послушник Петр Александ<рович> Жерве паки перешел из Скита в Обитель» (*РГБ*. Ф. 214. Ед. хр. 360. Л. 214; опубл.: Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня... Т. 1. С. 206). См. также: Насельники Оптиной пустыни XVII–XX веков: биографический справочник / Сост., вступ. ст. иером. Платона (Рожкова). Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина пустынь, 2017. С. 352.

[4] Александр Андреевич Жерве (1805–1881), генерал-лейтенант.

[5] Гоголь в письмах братьев В. А. и Н. А. Мухановых // *Свод*. Т. 3. С. 593.

АВГУСТА 20-Е ЧИСЛА <АВГУСТА СРЕДИНА>. ОСТЕНДЕ.

Гоголь пишет ответное[1] письмо к Ю. Ф. Самарину в Петербург:

«В проезд мой через Париж[2] я познакомился с вашим братцем и от него получил ваше письмо, за которое вас благодарю очень, потому что оно доставило мне короткое знакомство с вами, введя меня в ваши отношенья. Во всяком случае, вы не сделали ошибки, исповедавши мне положенье ваше. Нужно, чтобы хотя один человек понимал вас. А мне это возможно более, чем кому-либо другому, потому что я испытал сам многое, и вряд ли кто более моего может почувствовать, как затруднительно подобное положение. Вы, по крайней мере, нашли человека, которому можно изъяснить это, мне и это было невозможно. Итак, не смущайтесь, но храни вас Бог (поверьте в этом человеку опытному) входить в изъяснение с теми, которые вас обвиняют. Вы запутаете их и навлечете облака новых недоразумений. Всего лучше, по моему мнению, отвечать в ответ на все обвинения старою истиною, что нелегко осудить человека и что не нужно торопиться выводить заключения, что теперь, особенно в нынешнее время, всё в недоразумениях: недоразумения происходят даже между живущими в одном доме, не только между обитающими в разных городах. <...> Адресуйте во Франкфурт, poste restante, до самого сентября, а от сентября в Неаполь, на имя посольства».

[1] См. ***1846. Июля 12 <24>. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1846. Августа после 13 – около 20 <августа после 1 – около 8>. Остенде, Париж, Остенде.***

АВГУСТА 20 <СЕНТЯБРЯ 1>. ВТОРНИК. МОСКВА

Цензурное разрешение № 7 «Москвитянина» за 1846 г. со статьей Гоголя «Об Одиссее, переводимой Жуковским»[1] (прислана в журнал Н. М. Языковым[2]).

[1] Об Одиссее, переводимой Жуковским. (Из письма Н. В. Гоголя к Н. М. Языкову) // Москвитянин. 1846. Ч. IV. № 7. <Отд. 2>. Известия и смесь. С. 19–27; с пометой: «Франкфурт на Майне. 7-го Июля 1846 г.» (С. 27); и редакторским примечанием (вероятно, А. Е. Студитского; см. ***1846. Августа 10 <22>. Суббота. Москва, Сокольники***): «Эта статья была уже напечатана в Московских Ведомостях <см. ***1846. Июля 25 <августа 6>. Четверг. Москва***> и Современнике <см. ***1846. Июля около 12 <около 24>. Санкт-Петербург***>. С согласия Автора мы помещаем ее в Москвитянине, в полной уверенности, что она принесет удовольствие нашим читателям. – *Пр<имечание> Ред<актора>*» (С. 19).
[2] См. ***1846. Июля 24 <августа 5>. Среда. Москва.***

АВГУСТА 21 <СЕНТЯБРЯ 2>. СРЕДА. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет П. А. Плетневу в Петербург:

«Благодарю Вас от Гоголя и от себя за такое скорое возвращение “Мертвых Душ”, подписанных цензором[1]. Без Вас это дело бы оттянулось. Я уже печатаю. Гоголь обещает предисловие. Нетерпеливо желаю знать содержание той переписки, которую Вы печатаете. Скоро ли она выйдет[2]? Справедливо ли известие, что продолжение “Мертвых Душ” уничтожено автором?»[3]

В тот же день Шевырев писал князю П. А. Вяземскому:

«Посылаю Вашему сиятельству второй выпуск моей книги[4]. <...> Прилагаемые два экземпляра прошу Вас покорнейше доставить, при случае, В. А. Жуковскому и Н. В. Гоголю. Недавно я узнал[5], что дошел до них и первый выпуск[6]. Вам я тем обязан»[7].

[1] А. В. Никитенко.

[2] Запрос Шевырева был вызван сообщением в письме к нему Плетнева от 9 августа 1846 г. о том, что Гоголь прислал ему «для напечатания особою книгой начало рукописи, под названием: Выбранные места из переписки с друзьями» (см. ***1846. Августа 9 <21>. Пятница. Санкт-Петербург***).

[3] Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод*. Т. 2. С. 95.

[4] История Русской Словесности, преимущественно древней. XXXIII публичные лекции *Степана Шевырева*, О<рдинарного> Профессора Московского Университета. М., 1846. Т. I. Ч. 2 (лекции 6–10; цензурное разрешение 1 авг.).

[5] См. ***1846. Июля 26 <14>. Воскресенье. Швальбах***; ***1846. Июля 29 <августа 10>. Понедельник. Москва, Сокольники***.

[6] История Русской Словесности, преимущественно древней. XXXIII публичные лекции *Степана Шевырева*, О<рдинарного> Профессора Московского Университета. М., 1846. Т. I. Ч. 1 (лекции 1–5; цензурное разрешение 19 марта). – См. также ***1844. Октября 12 <сентября 30>. Суббота. Париж***; ***1847. Декабря 18 <6>. Суббота. Неаполь***; ***1848. Апреля 16. Суббота. Москва.***

[7] Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому 1825–1874 годов. (Из Остафьевского Архива). Изданы с предисловием и примечаниями Н. Барсукова. СПб., 1901. С. 147–148; *Свод*. Т. 3. С. 92.

АВГУСТА 23 <СЕНТЯБРЯ 4>. ПЯТНИЦА. МОСКВА, СОКОЛЬНИКИ

Н. М. Языков пишет Гоголю во Франкфурт. К своему посланию, вероятно, прилагает письмо к Гоголю Н. Н. Шереметевой из Покровского от 5–12 августа 1846 г.[1]

Из письма Языкова: «Шевырев печатает вторым изданием первую часть “Мертвых Душ”, но к сентябрю или даже в сентябре она едва ли явится в публику. Назад тому месяца четыре было напечатано в Москве письмо из Питера, и в том письме сказано, что 1-я часть “Мертвых Душ” издается с политипажами! Стало быть, это дудки!

Вот тебе наши новости: вышел второй выпуск лекций Шевырева[2], прекрасное продолжение великого его труда и патриотического подвига на радость всей Руси православной; читал их всласть. В Москве будет издаваться *полицейская газета* в роде той, какая в Питере; издателем ее Драшусов[3], писатель, как кажется, ничем не проявившийся на поле словесности, чиновник при здешнем генерал-губернаторе[4]. Очень вероятно, что этой газетой овладеет дух И. К. и прочих таких же. Видел ли ты, как ополчились на тебя в С<анкт>-П<етербурге> за твою статью об “Одиссее”?

Я на днях переберусь в Москву, на Тверскую...»

[1] См. ***1846. Августа 12 <24>. Понедельник. С. Покровское.***

[2] История Русской Словесности, преимущественно древней. XXXIII публичные лекции *Степана Шевырева*, О<рдинарного> Профессора Московского Университета. М., 1846. Т. I. Ч. 2 (лекции 6–10; цензурное разрешение 1 авг.).

[3] Владимир Николаевич Драшусов (1819–1883), выпускник физико-математического факультета Московского университета, один из секретарей канцелярии московского военного генерал-губернатора.

[4] Князь А. Г. Щербатов.

СЕНТЯБРЯ 5 <АВГУСТА 24>. СУББОТА. ОСТЕНДЕ

В. А. Муханов сообщает сестрам:

«Продолжаем довольно часто видеться с Гоголем; он внушает сочувствие и особенно приятен, как человек истинно верующий и которого Бог посетил Своею благодатью. На днях я встретил его на берегу моря, вечер был прекрасный, и месяц светил чудесно. Встречаю Гоголя.

– Знаете ли, – сказал он, – что со мной сейчас случилось? Иду и вдруг вижу перед собою луну, посмотрел на небо, и там луна такая же. Что же это было? Лысая голова человека, шедшего передо мною.

Впрочем, он молчалив, и говорит охотно, когда уже коротко познакомится».

Гоголь в письмах братьев В. А. и Н. А. Мухановых // *Свод.* Т. 3. С. 593.

АВГУСТА 24 <СЕНТЯБРЯ 5>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получил от Гоголя вторую тетрадь «Выбранных мест из переписки с друзьями» (автограф глав VIII–XIV), с сопроводительным письмом, о чем на послании Гоголя[1] сделал помету: «П<олучено> 24 авг<уста> с<т>. с<т>. 1846»[2].

В период с 24 по 27 августа 1846 г. Плетнев передал полученную тетрадь цензору А. В. Никитенко[3].

[1] См. ***1846. Августа 25 <13>. Вторник. Остенде.***
[2] *Городецкий.* С. 453.
[3] См. ***1846. Августа 27 <сентября 8>. Вторник. Санкт-Петербург.***

АВГУСТА 25 <СЕНТЯБРЯ 6>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. В. Никитенко подписывает цензурное разрешение второго издания первого тома «Мертвых душ»[1] (издание вышло в свет в том же году в Москве)[2].

[1] См. также ***1846. Октября 3 <15>. Четверг. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Москва***; ***1847. Января 7 <19>. Вторник. Москва***; ***1847. Января 9 <21>. Четверг. Москва.***

АВГУСТА 26 <СЕНТЯБРЯ 7>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

С. Т. Аксаков сообщает сыну Ивану в Калугу:

«Мы получили верное и секретное известие из Петербурга, что там печатается целая книга, присланная от Гоголя: *отрывки из писем или переписки с друзьями* (название хорошенько не помню)[1]. Вероятно, там помещено много из его писем к А<лександре> О<сиповне>[2], к Языкову и ко мне. Между прочим, там Гоголь признает совершенную ничтожность всего им написанного и говорит, что изорвал продолжение “Мертвых душ”, объявляет, что едет в Ерусалим и делает какое-то завещание публике или России. Плетнев печатает эту книгу в возможном секрете и потому не говори об этом никому ни слова; без сомнения, Александра Осиповна должна это знать.

Увы, исполняется мое давнишнее опасение! Религиозная восторженность убила великого художника[3] и даже сделает его сумасшедшим. Это истинное несчастье, истинное горе. Впрочем, ласкаю себя надеждой, что это как-нибудь да не так: может быть, он изорвал прежнее продолжение “Мертвых душ” и написал новое. Истина должна скоро открыться. Второе издание “Мертвых душ” уже печатается и к 15 октября выйдет в свет, если не задержит сам Гоголь присылкою предисловия. Меня удивляет эта несообразность: если он отказывается от всего им написанного, зачем второе издание “Мертвых душ”? Видно, Гоголь на меня сердится: пишет ко всем, кроме меня»[4].

Позднее, в 1854 г., С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» замечал: «1846 год. В этом году у меня сохранились только два письма Гоголя[5], но, кажется, их было больше[6]. Впрочем, я был так болен, особенно в конце года, что письма могли легко затеряться. Гоголь также был болен и телом, и душой. В этот

год составил он, втайне от всех московских друзей, известную книгу: “Выбранные места из переписки с друзьями”, да и в Петербурге, кажется, знал о ней один Плетнев»[7].

[1] Известие о готовящейся к печати книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» С. Т. Аксаков получил от Е. А. Свербеевой, а та – от А. Н. Попова (см. ***1846. Августа 11 <23>. Воскресенье. Москва***; ***1846. Августа 15 <27>. Четверг. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Москва***). В свою очередь, Попову о готовящемся издании сообщил, вероятно, сам П. А. Плетнев (см. ***1846. Сентября 18 <30>. Среда. Радонежье***).

[2] Смирновой.

[3] Подробнее см.: ***1849. Августа 27. Суббота. Радонежье (Абрамцево)*** (примечания).

[4] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 588.

[5] См. ***1846. Марта 23 <11>. Понедельник. Рим***; ***1846. Ноября с четверга 12 до понедельника-вторника 16–17 <с октября 31 до ноября 4–5>. Рим.***

[6] См. ***1846. Мая 5 <апреля 23>. Вторник. Рим.***

[7] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод*. Т. 2. С. 648.

АВГУСТА 27 <СЕНТЯБРЯ 8>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет ответное[1] письмо Гоголю во Франкфурт:

«Письмо твое из Остенде от 13/25 авг<уста> пришло ко мне 24 авг<уста>/5 сент<ября>[2]. С ним получил я вторую тетрадь рукописи[3], которую печатаю. Хорошо, что ты не замедлил присылкою, а то типография осталась бы без работы. Пожалу<й>ста, старайся и конец доставить вовремя. Никитенко цензирует теперь вторую тетрадь. По своему обыкновению, он непроворен и любит помучить терпение. В первой тетради он вычеркнул несколько фраз о Погодине[4]. Не знаю, как он сладит с письмом о духовенстве. Гражданская цензура обыкновенно передает такие статьи в духовную, где их совсем не пропускают. Я советовал Никитенке придумать другое заглавие, если только с таким пожертвованием можно спасти пьесу. Не знаю, чем это кончится.

Я во всем держусь твоих наставлений при печатании. Но не полагаюсь на Никитенку, чтобы он сохранил в секрете твое дело. По крайней мере уже подозреваю, что Никитенко разболтал об этом сколько-нибудь Одоевскому, который протежирует Никитенко для Краевского как издателя журнала, где работает и Одоевский с Белинским.

Типографию я выбрал в департаменте внешней торговли. Там фактор в ведении кн<язя> Вяземского, и никто из литераторов туда не ходит. Ты можешь приблизительно и сам сделать расчет, сколько выйдет печатных листов из твоей рукописи. Страница твоего письма в печати ложится без малого на двух страницах».

[1] См. ***1846. Августа 25 <13>. Вторник. Остенде.***

[2] См. ***1846. Августа 24 <сентября 5>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[3] Автограф глав VIII– XIV.

[4] В статье «О том, что такое слово» цензором А. В. Никитенко был исключен следующий фрагмент из критического отзыва Гоголя о М. П. Погодине: «Заговорит ли он о патриотизме, он заговорит о нем так, что патриотизм его кажется подкупной; о любви к Царю, которую питает он искренно и свято в душе своей, изъяснится он так, что это походит на одно раболепство и какое-то корыстное угождение. Его искренний, непритворный гнев противу всякого направления, вредного России, выразится у него так, как бы он подавал донос на каких-то некоторых, ему одному известных людей. Словом, на всяком шагу он сам свой клеветник».

СЕНТЯБРЯ 10 <АВГУСТА 29>. ЧЕТВЕРГ. ОСТЕНДЕ

Гоголь пишет ответное письмо М. П. Погодину в Вену:

«На письмо твое не отвечал, потому что не знал, куды отвечать: ты этого не объяснил. Упрек, будто я позабыл тебя, даже неприличен. Я не позабываю *никого* и *ничего*: ни добра, ни зла, и на-

хожу, что позабыть то и другое есть бабья мелочь характера. Нужно всё помнить для того, чтобы извоpотиться с тем и другим так, как повелел Христос. Когда я чувствую, что письмо мое нужно и от него какая-нибудь может быть польза душе, я пишу. Когда же не вижу надобности, не пишу. И мне нет до того дела, что и как обо мне думает человек, глядящий под условием сочиненных им самим отношений, а не тех, которые даны Христом. Скажу тебе только то, что если ты выехал с тем, чтобы ехать в Святую землю, и в этом нашла потребность твоя душа, то не следует оставлять такого намерения, особенно когда твое здоровье телесное сделалось лучше. Нечего и принимать в расчет мнение доктора, будто поездка по морю может быть тебе вредна: до сих пор я не слышал, чтобы в болезнях, подобных твоей, морской переезд делал вред. К тому ж, как я вижу даже из твоего письма, болезнь душевная у тебя сильнее телесной. Стало быть, здесь потребен иной, высший медик. Что же до меня, маршрут мой следующий: в Остенде, где живу для морского купанья, пробуду до последних числ сего месяца, оттуда через Франкфурт (где пробуду недели две)[1] в Италию, [пробуду] в Риме до декабря, в Неаполе до середины февраля будущего года, к великому посту и пасхе – в Иерусалим, путем Средиземного моря. Буду рад, если встречу тебя там. Но да внушит тебе Бог то, что тебе лучше и приличней. Он знает это больше нас. Стоит только хорошенько войти в самого себя и услышать голос Его Самого. До меня достигнули слухи, будто Погодин вновь стал тот же Погодин, каким был до смерти жены своей[2]. Сильное несчастие есть страшный будильник и дается затем человеку, чтобы он стал весь другой с ног до головы, как бы до тех пор он ни считал себя готовым и созревшим человеком. А потому разбери себя мысленно перед лицом Христа во всех своих поступках прежде смерти жены своей и после смерти ее, и если найдешь в себе всё в том же виде, как было прежде, и убедишься сам, что ты остался тот же Погодин, то мой совет ехать тогда в Иерусалим. Затем да сохранит тебя и наставит Бог во всем, я же, как говеющий и отправляющийся на богомолье, прошу тебя простить за всё, чем ни случилось мне огорчить тебя во всю жизнь мою. Если будешь писать, то до половины октября можешь адресовать во Франкфурт, на имя Жуковского, после же того в Рим, в poste restante, или в посольство»[3].

[1] См. ***1846. Сентября последние числа или октября первые числа – октября 22–23 <сентября средина – октября 10–11>. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1844. Ноября 6 <18>. Понедельник. Москва.***

[3] Ответ Погодина см.: ***1846. Сентября 24 <12>. Четверг. Вена.***

СЕНТЯБРЯ 12 <АВГУСТА 31>. СУББОТА. ОСТЕНДЕ

Гоголь, вероятно, так и не получив от Н. М. Языкова копии своих писем[1] по поводу стихотворения «Землетрясение»[2], закончил работу над статьей «Предметы для лирического поэта в нынешнее время» и отправил П. А. Плетневу в Петербург для печатания третью тетрадь «Выбранных мест из переписки с друзьями»[3].

В письме к Плетневу Гоголь сообщал: «Посылаю тебе третью тетрадь. (В ней семь статей, а с прежними 21; страниц тридцать две, а с прежними 80.) Не сердись, если не так скоро высылаю. Вины моей нет: тружусь от всех сил. Некоторые письма нужно было совсем переделать: так они оказались неопрятны. Еще две небольших тетрадки – и всё будет кончено. Не ленюсь ни капли; даже через это не выполняю как следует леченья на морских водах, где до сих пор еще пребываю. Прощай. Уведоми о полученье этой тетради[4], адресуя к Жуковскому. В месяц, надеюсь на Бога, всё будет кончено. Книжка выйдет в свет немного поздней, но зато дело будет прочней. Не скучай за работой и будь бодр!»

В тот же день Гоголь писал В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Уведомляю вас, что буду к вам или первого октября, или первых чисел октября, и что к Плетневу послана третья тетрадь. Работа идет, благодаря Бога, трезво и здравомысленно; море придает

сил и свежит. Еще немного свежего времени — и всё будет кончено. Обнимаю вас и говорю: “до свиданья”».

[1] См. ***1844. Декабря 2 <ноября 20>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Декабря 26 <14>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1845. Января 2 <1844. Декабря 21>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***.

[2] 10 августа 1846 г. пакет с этими письмами был отправлен Языковым, вероятно, во Франкфурт к В. А. Жуковскому (см. ***1846. Августа 10 <22>. Суббота. Москва, Сокольники***). Можно было бы предположить, что к 16/28 августа 1846 г. пакет уже был доставлен во Франкфурт — и Жуковский успел переслать его тогда к Гоголю в Остенде (см. ***1846. Августа 28 <16>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***). Однако, ответ на письмо Языкова Гоголь написал позднее по приезде во Франкфурт (см. ***1846. Октября 5 <сентября 23>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне***).

[3] В тетрадь вошли статьи *XV. Предметы для лирического поэта в нынешнее время*; *XVI. Советы*; *XVII. Просвещение*; *XVIII. Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ»*; *XIX. Нужно любить Россию*; *XX. Нужно проездиться по России*; *XXI. Что такое губернаторша*.

[4] Ответное письмо П. А. Плетнева см.: ***1846. Сентября 24 <октября 6>. Вторник. Санкт-Петербург***.

АВГУСТА КОНЕЦ <СЕНТЯБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА>. КАЛУГА

А. О. Смирнова посылает П. А. Плетневу в «Современник» посвященные ей стихотворения И. С. Аксакова «Вы примиряетесь легко...» и «Когда-то я порыв негодованья...»[1]

Позднее, в 1854 г., А. О. Смирнова вспоминала: «Я тотчас послала эти стихи[2] Плетневу в “Современную газету”[3], в которой была страшная пустота[4]. Иногда явятся, бывало, стихи Лермонтова, и печатался “Портрет” Гоголя. Меня поразил этот талант, и я спросила Плетнева, кто автор этой nouvelle. “Неужели вы не узнали? Это последнее произведение Гоголя”»[5].

[1] Стихотворения опубликованы после смерти Аксакова и Смирновой.

[2] Имеются в виду два стихотворения И. С. Аксакова, посвященные А. О. Смирновой: «Вы примиряетесь легко...» и «Когда-то я порыв негодованья...» (опубликованы после смерти Аксакова и Смирновой).

[3] Журнал «Современник».

[4] Сходную оценку журналу Плетнева давал также Гоголь (см. ***1842. Мая 26. Вторник — июня 5. Пятница. Санкт-Петербург*** — примечания; ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург*** — примечания). Подробнее см.: *Виноградов И. А.* «На поприще полемическом»: Гоголь — журналист и публицист // Очерки истории русской публицистики. М.: ИМЛИ РАН, 2018 (в печати).

[5] <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод.* Т. 2. С. 234.

СЕНТЯБРЯ 2 <14>. ПОНЕДЕЛЬНИК. <САНКТ-ПЕТЕРБУРГ>

П. А. Плетнев пишет Д. И. Коптеву:

«Гоголя не обвиняйте в напыщенности: его статья видимо вылилась от полноты убеждения в важности перевода Одиссеи. Не так пишут фразеры. Да он ныне и совсем стал человек новый по душе. Я печатаю теперь новую книгу его (выбор из его писем к друзьям), где он является не комическим писателем, а высокой назидательности христианином. И это, еще скажу, по сердечному увлечению. Так не пишут фразеры».

Свод. Т. 1. С. 678.

СЕНТЯБРЯ 3 <15>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев в письме к С. П. Шевыреву в Москву сообщает:

«Новая книга Гоголя содержит просто отрывки из его писем к друзьям о разных предметах литературы, искусств, нравственности и религии. В начале помещено его "Завещание", которое однажды, быв опасно болен, приготовил было он для друзей своих. Оно, конечно, странно, когда знаешь, что завещатель, слава Богу, жив и здоров. Но чтобы справедливо судить об этой пьесе, надобно приучить себя к мысли, что это пишет умирающий. Там, между прочим, он говорит, что всё хранившееся у него из его сочинений рукописных им сожжено. Поименований, однако же, никаких нет. Следственно, нельзя наверное сказать, что он отрекся от продолжения "Мертвых душ", которые, может быть, и не написаны им до сих пор. Настроение его совершенно нравственно-религиозное. Но это не сочинение объективное, следовательно, заключений никаких выводить не надобно насчет других его предприятий».

Свод. Т. 1. С. 678.

СЕНТЯБРЯ 3 <15>. ВТОРНИК. КАЛУГА

И. С. Аксаков пишет родным в Радонежье (Абрамцево):

«Глубоко огорчает меня все то, что вы пишете о Гоголе...[1] Правда ли это? С Смирновой я не говорил о нем, потому что не был у нее на этой неделе и вообще не видал ее вовсе более трех недель. Хочу совсем перестать к ней ездить. Она окружила себя всем тем, что есть самого дрянного в Калуге, но что раболепствует перед ней, людьми, даже неприятными ее мужу... <...> Я вчера слышал об ней такие вещи, делавшиеся недавно здесь, что если это правда, так она просто вредная женщина, не только развращенная в образе мыслей и понятий, но развращающая... В провинции если и дурны нравы, то люди эти в простоте сердечной и думают, что это дурно по общепринятым истинам христианским, но Смирнова, передавая им свое воззрение, успокаивает их щекотливость, для того, чтоб самой успокоиться. Если б все вокруг ее были мерзавцы и свиньи – это было бы, конечно, ей величайшим утешением. У ней в доме бывает одна молодая девушка, которую мать с доверенностью отпускает к ней часто на целый день, и Смирнова позволяет Бог знает что делать с нею у себя перед глазами своему брату[2], тешится этим, и когда один человек сказал ей, как может она позволять такие вещи при себе, то она ответила: "Que voules-vous, que je fasse, je m'en vais, quand cela devient trop fort!"»[3]

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 914.

[1] См. ***1846. Августа 26 <сентября 7>. Понедельник. Радонежье (Абрамцево)***.
[2] Вероятно, Л. И. Арнольди.
[3] Что прикажете мне делать, я ухожу, когда это переходит границы! (*фр.*).

СЕНТЯБРЯ 3 <15>. ВТОРНИК. СИМФЕРОПОЛЬ

М. С. Щепкин исполняет в Симферополе роль Городничего в «Ревизоре».

15–17 сентября 1846 г. А. Н. Серов писал В. В. Стасову из Симферополя: «Сколько я помню, ты, кажется, не совсем доволен был им <Щепкиным> в Городничем. И мне *прежде* больше бы понравилась игра Сосницкого в этой роли. Но разница большая: Сосницкий не видал ничего кроме Питера и играет петербургского частного пристава, а Щепкин играет уездного городничего, какого хотел Гоголь. Я оттого считаю гоголевские характеры лучшими ролями Щепкина, что до сих пор я видел только его одного *совсем* передающего Гоголя...»[1]

Рецензент «Таврических Ведомостей» в свою очередь писал: «В “Ревизоре” М. С. Щепкин представляет городничего, и здесь о нем должно сказать так же, как о Чупруне: провинциальный Городничий во всей форме и простой подлинности»[2].

Позднее, в 1876 г., И. И. Шмаков по поводу пребывания Щепкина и В. Г. Белинского в Симферополе сообщал: «Будучи в то время постоянным жителем Симферополя, я имел случай познакомиться с Белинским и видел его довольно часто во все время его пребывания там, которое продолжалось около 10 дней. Белинский приехал в Симферополь <...> вместе с <...> актером Щепкиным, который, по просьбе Симферопольской публики, согласился дать несколько драматических представлений в обществе наибездарнейших актеров, имевших анрепренером известного в Новороссийском крае актера <Д. Д.> Жураковского <Жураховского>. <...> ...Я был в театре на спектакле, в котором участвовал Щепкин; играли пиесу “Матрос”. Прошло с тех пор около 30 лет, но я до сих пор не могу забыть того приятного ощущения, которое произвела на меня чудная, задушевная игра Щепкина. <...> В особенности восторгался Александр Николаевич Серов, известный впоследствии композитор и музыкальный критик, в то время молодой, с артистическою наружностью, товарищ председателя уголовной палаты. <...> Внимание и участие симферопольской публики к Белинскому было очень велико: его постоянно навещали: <В. М.> Княжевич[3], Серов и <А. Ф.> Арендт и многие другие»[4].

[1] *Гриц.* С. 379–380.
[2] Там же. С. 380.
[3] Владислав Максимович Княжевич (1798–1873), литератор, член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, брат Александра и Дмитрия Владимировичей Княжевичей.
[4] *Шмаков И.* Белинский в Симферополе // Древняя и Новая Россия. 1876. Т. 1. № 2. С. 197–198.

СЕНТЯБРЯ 5 <17>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ф. М. Достоевский пишет брату Михаилу:

«Я тебе ничего не говорю о Гоголе, но вот тебе факт. В “Современнике” в следующем месяце будет напечатана статья Гоголя — его духовное завещание[1], в которой он отрекается от всех своих сочинений и признает их бесполезными и даже более. Говорит, что не возьмется во всю жизнь за перо, ибо дело его молиться. Соглашается со всеми отзывами своих противников. Приказывает напечатать свой портрет в огромнейшем количестве экземпляров и выручку за него определить на вспомоществование путешествующим в Иерусалим и проч. Вот. — Заключай сам».

Из писем Ф. М. Достоевского // *Свод.* Т. 3. С. 585.

[1] «Завещание» Гоголя появилось в печати позднее, в составе «Выбранных мест из переписки с друзьями» (см. ***1846 декабря 31 <1847 января 12>. Вторник. Санкт-Петербург***).

СЕНТЯБРЯ 20 <8>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ОСТЕНДЕ

Н. А. Муханов сообщает сестрам:

«Здесь Гоголь, которого мы довольно часто видаем. Никак нельзя сказать, чтобы это был автор *Тараса Бульбы, Старосветских помещиков* и *Записок сумасшедшего* — прочих его творений я не люблю. Впрочем, он очень теперь набожен, что, вероятно, переменит и направление его сочинений».

Гоголь в письмах братьев В. А. и Н. А. Мухановых // *Свод.* Т. 3. С. 593.

СЕНТЯБРЯ 9 <21>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

С. Т. Аксаков отвечает сыну Ивану в Калугу:

«В последнем письмеце твоем от 3-го сентября ты сообщаешь такие черты об Александре Осиповне[1], которые, если они справедливы, дают решительное выражение ее физиономии. Итак, мы все попались было в дураки! Но что же сказать о тех людях, т. е. о Гоголе и Самарине, которые ввели нас в такую ошибку? Неужели она так же искусно притворялась перед ними, как передо мной и Константином? Это было возможно на короткое время, приехав в Москву[2], оторвавшись от всего того, что прежде ее окружало; но с ними она не могла беспрестанно носить маску. Впрочем, о Гоголе нечего и говорить: он помешан на мысли обратить ее к раскаянию и другому образу жизни».

Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 589.

[1] Смирнова.

[2] Смирнова приехала в Москву на лечение около 20 марта 1846 г.; вернулась в Калугу 20 мая 1846 г. (см. ***1846. Мая 25 <июня 6>. Троицкая родительская суббота. Калуга***; ***1846. Июня 15 <27>. Суббота. Калуга***; ср. ***1846. Мая 15 <27>. Среда. Москва***; ***1846. Мая 19 <31>. Воскресенье. Калуга***).

СЕНТЯБРЯ 10 <22>. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре.

Ельницкая 1979. С. 323.

СЕНТЯБРЯ 10 <22>. ВТОРНИК. СИМФЕРОПОЛЬ

М. С. Щепкин исполняет роль Кочкарева в «Женитьбе».

Гриц. С. 385.

СЕНТЯБРЯ 10 <22>. ВТОРНИК. СИМФЕРОПОЛЬ

М. С. Щепкин исполняет роль Бурдюкова в «Тяжбе».

Гриц. С. 385.

СЕНТЯБРЯ 24 <12>. ЧЕТВЕРГ. ВЕНА

М. П. Погодин пишет во Франкфурт ответное[1] письмо Гоголю:

«Сажусь на пароход, по Дунаю, до Одессы[2], и отвечаю тебе два слова, любезный Николай Васильевич.

Всякое указание я считаю и считал благодеянием. Величайшее доказательство дружбы – откровенность в этом отношении, тем более что мы всегда, по слову Евангелия, яснее видим чужие сучья. Медики в физических болезнях себя лечить не могут. Первое письмо твое[3] я облил несколько раз горячими слезами[4]. Второе[5], общее, неудовлетворительно. “Все тот же Погодин”. Скажи – какой именно и в чем именно он исправиться должен. “Смотри сам”. Смотрю, но многого могу не увидать с бревном или бельмом на глазу. Укажи, кто друг и кто любит искренно. Мое дело будет

проверить по указанию и как сделать к исправлению. Говорить вообще — легко, но бесполезно. Легко сказать на исповеди: "Я грешен". Но в чем именно? Укажи мне на черты характера (как, например, о гневе в первом письме), привычки, склонности и самые дела, самые факты. Вот об чем просил и прошу.

Не морское путешествие опасно для ноги[6], а сухопутное. До сих пор она слаба очень и при малейшем камешке, который попадается под подошву, совершенно робеет. Медики говорят, что не должно подвергаться случайностям горных дорог, а подождать укрепления. Я не нашел в себе силы их не послушаться.

Заеду в Венгрию и потом Сербию. Из Одессы, может быть, в Крым, потом в Харьков к Иннокентию[7]. Иерусалим — оставлю, если Бог даст, до следующего года.

В Москве буду, если Бог даст, около половины октября по нашему стилю. Пиши туда.

Я любил тебя много до 1842 года и принимал живое участие во всем, что до тебя касалось, до последнего нашего расставания[8].

В это время совершенно расстроился и потерял всякую привязанность, огорченный донельзя. Быв в твоей деревне[9], у матушки, я нашел в глубине искру прежней привязанности. В сентябре 1843 года, кажется, в один вечер, возгорелось прежнее чувство, и я тотчас тебя уведомил[10]. Письмо твое[11] после смерти моей Лизы[12] наполнило сердце мое благодарностию. Теперь я спокоен и увидел бы тебя с удовольствием. Но не смею сказать, все ли прежнее чувство возвратилось. Это говорит тебе прежний Погодин, который не мог терпеть скрывать никаких своих чувствований. Но дурно ли это? <...> ...Жду твоего ответа[13]. Еду. Прощай. Будь здоров!»

[1] См. ***1846. Сентября 10 <августа 29>. Четверг. Остенде.***

[2] «...Путешествие 1846 г. предпринял П<огодин> собственно для здоровья, морем до Штетина, из Штетина в Берлин, где выслушал лекции у <К.> Риттера, <Ф. Л.> Раумера, <Л.> Штура, из которых с двумя последними и познакомился. В Мариенбаде провел месяц и потом три недели в Теплице. Из Вены отправился вниз по Дунаю. <...> ...По Дунаю из Галаца приплыл в Одессу, которую осмотрел под руководством Г. Мурзакевича; посетил опять Преосв<ященного> Иннокентия в Харькове» (<*Погодин М. П.*> Погодин, Михаил Петрович... // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... М., 1855. Ч. 2. С. 260, 261).

[3] См. ***1844. Декабря 20 <8>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[4] См. ***1844. Декабря 23 <1845. Января 4>. Суббота. Москва***; ***1845. Февраля 12 <24>. Понедельник. Москва.***

[5] См. ***1846. Сентября 10 <августа 29>. Остенде.***

[6] М. П. Погодин в мае 1844 г., упав из экипажа, сломал себе ногу (см. ***1844. Мая 16 <28>. Вторник. Москва***).

[7] Святитель Иннокентий (Борисов).

[8] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.***

[9] См. ***1842. Июля 16–17 <28–29>. Четверг-пятница. Васильевка.***

[10] См. ***1843. Сентября средина, после 12 <после 24>. Москва.***

[11] См. ***1844. Декабря 20 <8>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[12] См. ***1844. Ноября 6 <18>. Понедельник. Москва.***

[13] Ответ Гоголя: ***1846. Сентября последние числа или октября первые числа — октября 22–23 <сентября средина — октября 10–11>. Франкфурт-на-Майне.***

СЕНТЯБРЯ 26 <14>. СУББОТА. ПРАЗДНИК ВОЗДВИЖЕНИЯ КРЕСТА ГОСПОДНЯ. ОСТЕНДЕ

Гоголь посылает П. А. Плетневу в Петербург четвертую тетрадь «Выбранных мест из переписки с друзьями»[1]. Уведомляет его:

«Посылаю тебе четвертую тетрадь, еще маленькая тетрадка — и конец делу; она будет выслана уже из Франкфурта, куда теперь еду, и будет заключать две заключительные статейки[2] о поэзии, поэтах и еще кое-что, относящееся до собственной души из нас каждого, без чего книга была бы без хвоста. О получении же четвертой, ныне посылаемой, тетради уведоми меня сейчас

же, адресуя попрежнему на имя Жуковского; это необходимо для моего успокоенья. В ней 32 страницы, а считая с прежними — 112. Статей 9, а считая с прежними — тридцать. Слог изравняй; где встретишь грамматические ошибки, поправь. Не скучай за работой. Мужествуй и гляди твердо вперед. Всё будет светло. Говорю тебе это во имя Бога и обнимаю тебя крепко».

Одна из статей книги, отправленных в этот день Плетневу, — *XXVI. Страхи и ужасы России* — явилась ответом на несохранившееся «длинное» письмо к Гоголю графини Л. К. Виельгорской (рожд. герцогини Бирон)[3].

В тот же день Гоголь отправил в Москву ответное[4] письмо С. П. Шевыреву:

«Письмо твое получено несколько поздно. Жуковский, боясь, чтобы письма ко мне не разъехались со мною, хранил их до моего приезда во Франкфурт[5], а я пробыл в Остенде, где беру, или брал, морские ванны, немного долее; теперь еду к Жуковскому, а с ним пробуду недели две до отъезда моего в Италию и там отделаю окончательно мои дела относительно всяких ответов и писем. Предисловие ко второму изданию "М<ертвых> д<уш>" посылаю на днях к Плетневу[6]. От него ты получишь его процензированное. Виньетку на обертку для книги закажи ту же самую Сиверсу[7].

Читаю я твои лекции[8] по экземпляру, полученному от тебя, и жду с нетерпением второй тетради. Это первое степенное дело в нашей литературе. Но вот тебе покамест замечание: ты поторопился подать читателю или слушателям вперед тобою выведенные результаты, для полного уразумения которых еще не так подготовлены читатель или слушатель, а потому твоя книга покуда не вся целиком поймется всеми. Но это ничего. Может быть, посчастливится мне подставить ступеньку к твоей книге[9] тем, которые без того не подымутся к ней. Но прощай! Буду писать к тебе скоро и подробней...»

В тот же день В. А. Муханов сообщал сестрам:

«Иногда, и даже довольно часто, случалось мне видеть Гоголя, но при людях разговор идет общий и по большей части ничтожный. Когда же удается с ним беседовать наедине, как назидательна речь его! Вчера в третий раз посчастливилось мне так поговорить с ним, и я чувствовал, как вера его согревала мою душу. Через несколько дней едет он во Франкфурт, для свидания с Жуковским, оттуда в Италию, где проживет два-три месяца и потом отправится в Иерусалим. Он жалуется на здоровье и даже с трудом может переносить римскую зиму»[10].

[1] Главы *XXII. Русский помещик*; *XXIII. Исторический живописец Иванов*; *XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России*; *XXV. Сельский суд и расправа*; *XXVI. Страхи и ужасы России*; *XXVII. Близорукому приятелю*; *XXVIII. Занимающему важное место*; *XXIX. Чей удел на земле выше*; *XXX. Напутствие*.

[2] Статьи *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность* и *XXXII. Светлое Воскресенье* (см. ***1846. Октября 16 <4>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***).

[3] См. ***1846. Октября 22 <10>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***.

[4] См. ***1846. Июля 29 <августа 10>. Понедельник. Москва, Сокольники***.

[5] См. ***1846. Августа 25 <13>. Вторник. Остенде***; ***1846. Августа 28 <16>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***.

[6] См. ***1846. Октября 3 <сентября 21>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***.

[7] «Виньетка», т. е. литография гоголевского рисунка обложки первого тома «Мертвых душ», была заказана Шевыревым не Л. Сиверсу, а литографу Корнелию Яковлевичу Тромонину (ум. 1847) (см. ***1846. Октября 20 <ноября 1>. Воскресенье. Москва***).

[8] «История Русской Словесности, преимущественно древней».

[9] Намек на ожидаемое влияние «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[10] Гоголь в письмах братьев В. А. и Н. А. Мухановых // *Свод*. Т. 3. С. 593.

СЕНТЯБРЯ 14 <26>. СУББОТА. ПРАЗДНИК ВОЗДВИЖЕНИЯ КРЕСТА ГОСПОДНЯ. СПАССКАЯ МЫЗА

П. А. Плетнев получил от Гоголя из Остенде[1] третью тетрадь «Выбранных мест из переписки с друзьями» (автограф XV–XXI глав книги), с сопроводительным письмом (о получении свидетельствует помета Плетнева на письме Гоголя: «П<олучено> 14/26 Сен<тября> 1846»[2]).

В тот же день Плетнев отправил полученную тетрадь А. В. Никитенко, которому писал:

«Вот Вам, Александр Васильевич, и 3-ья тетрадка Гоголя. Он меня беспрестанно торопит печатанием. Пожалуста, возвратите мне 2-ую[3]. Вы не должны ничем стесняться. Тут для всех нас один судия — ваша совесть. Примирите дело ее приговором — и вас все мы обнимем. Кроме посылаемой будет еще тетрадки две — и конец делу. И эту не задержите. Говорят: "стояньем города не возьмешь". Так и с рукописями: от лежанья она не переменится. Адресуйте на мое имя в городскую мою квартиру»[4].

[1] См. ***1846. Сентября 12 <августа 31>. Суббота. Остенде.***
[2] *Городецкий.* С. 453.
[3] См. ***1846. Августа 24 <сентября 5>. Суббота. Санкт-Петербург.***
[4] *Свод.* Т. 1. С. 678–679.

СЕНТЯБРЯ 14 <26>. СУББОТА. ПРАЗДНИК ВОЗДВИЖЕНИЯ КРЕСТА ГОСПОДНЯ. КАЛУГА

И. С. Аксаков сообщает родным в Радонежье (Абрамцево):

«Третьего дня, наконец, явился ко мне Клементий Россет, у которого я не был с тех пор, как перестал ездить к Смирновой. <...> Он сообщил мне секрет, давно уже известный, о книге Гоголя».

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 915.

СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА <СЕНТЯБРЯ КОНЕЦ>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. Н. Попов пишет Е. А. Свербеевой в Москву:

«Сочинение Гоголя[1] почти отпечатано и скоро выйдет; издатели хранят его в тайне и даже мне не показали ни одного печатного листа. <...> Одоевский совершенно рехнулся, с ним просто говорить нельзя, готовит исповедь своих убеждений, разумеется против нас, и напечатает ее в сборнике Белинского[2]. Довольно трудно написать исповедь убеждений, ибо ему нечего исповедывать: он не грешен ни в каком убеждении»[3].

Гоголь в письмах А. Н. Попова // *Свод.* Т. 3. С. 863.

[1] «Выбранные места из переписки с друзьями».
[2] Речь идет о несостоявшемся альманахе В. Г. Белинского «Левиафан». 14 января 1846 г. критик писал А. И. Герцену: «Альманах должен выйти к Пасхе...» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 578); ему же, 20 марта 1846 г.: «Имя моему альманаху — "Левиафан". Выйдет он осенью...» (Там же. Т. 9. С. 589). «Переход "Современника" в руки Некрасова и Панаева заставил Белинского передать весь полученный им для "Левиафана" материал в редакцию нового журнала» (Белинский в неизданной переписке современников

(1834–1848) / Комментарий Н. Д. Эфрос // Лит. наследство. Т. 56. М., 1850. С. 178). О какой статье князя В. Ф. Одоевского идет речь в письме, не установлено.

[3] Ответное письмо Е. А. Свербеевой см.: ***1846. Сентября 24 <октября 6>. Вторник. Москва.***

СЕНТЯБРЯ 16 <28>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ТВЕРЬ

Н. Г. Будьдобрый[1] пишет Н. М. Языкову в Москву:

«На днях я прочитал в московских газетах отрывок из письма Гоголя к Вам об "Одиссее", переведенной Жуковским. Зная могущество переводчика и необъятное богатство, и грацию, и гибкость, и звучность русского слова, легко поверить, что перевод будет художественно прекрасен, как сам подлинник. Зная высокий смысл и чистоту и прелесть "Одиссеи", легко поверить и тому, что появление ее у нас породит много действительного добра. Судорожно-вычурные писатели наши поучатся по "Одиссее" правдоподобию и нравственной цели вымысла и любезной простоте повествования. Впрочем, скорей будущих, нежели настоящих поэтов урезонит "Одиссея". Настоящие певцы слишком горды, слишком уверены в своих (часто сомнительных) силах, и старика Гомера они не послушают. <...>

"Одиссея" может заставить покраснеть (еще способного краснеть) гражданина, обвинительно уличив его во множестве отступлений от прямых обязанностей своих, — может даже поворотить его на должную дорогу; словом, "Одиссея" произведет у нас благотворное влияние, но частное, а не всеобщее, не такое, какого ожидает Гоголь. Целой массы, всего народа нашего не обвеет ее чистое и нежное дыхание: он не прочитает ее. Где у нас грамотные мещане, солдаты, портные и мужики? Да и довольно ли только прочитать или услышать? <...> Видно у нас в чем-то глубоко гнездится великая помеха всеобщему улучшению, и "Одиссее" не снять ее.

Но надежды Гоголя — надежды сердца благородного, сильно желающего нам спасительного обновления жизни. Читая его письмо, так и кажется, что он готов бы был, ценою собственного злополучия, укоренить правду во все сердца и влить счастие во все души, и во всяком возвышенном явлении уже думает видеть средство к исполнению этих заветных и святых стремлений, которым в этом мире чуть ли не вечно суждено оставаться лишь стремлениями»[2].

Значение перевода В. А. Жуковского «Одиссеи» Гомера для упрочения народного быта Гоголь оценивал настолько высоко, что считал его определенно важнее отвлеченных рассуждений друзей о славянских началах. Известно, в частности, что Аксаковы критично отнеслись к переводу Жуковского[3]. Так, Константин Аксаков сообщал брату: «Получена "Одиссея" Жуковского. Это не Гомер. Мудрованья премного, особенно в начале». И тут же: «Из нескольких слов о нашей старине увидел я, что Гоголь ее самонадеянно не понимает»[4]. В связи с этим Гоголь, защищая перевод «Одиссеи» от критики Аксаковых, а точнее, отстаивая заключенные в самой поэме Гомера древние патриархальные начала, сходным образом противопоставлял суждениям друзей содержание русского «Домостроя» — с описанным в этом памятнике сходным народным бытом: «Эти книги больше всего знакомят с тем, что есть лучшего в русском человеке. Они гораздо полезнее всех тех, которые пишутся теперь о славянах и славянстве людьми, находящимися в броженьях, в переходных состояниях духа, возрастах, подвластных воображенью, обольщеньям самолюбивого ума и всяким пристрастьям»[5]. («Домострой» в свою очередь подвергся критике Аксаковых. К примеру, И. С. Аксаков в письме к отцу от 15 января 1850 г. — после встречи в Москве с Гоголем — приравнивал этот памятник к явлениям «немецкого духа»; прочитав его целиком, он высказался еще резче[6].)

В этом отношении Гоголь, считавший, что правды «больше» на стороне славянофилов, чем западников (статья «Споры»), а в письме к М. П. Погодину от сентября 1851 г. упоминавший о западниках как о «господах, до излишества живущих в Европе», был, очевидно, в еще большей степени «славянофилом», чем славянофилы Аксаковы. («Так свистун Пушкин вдруг, раньше всех Киреевских и Хомяковых, создает летописца в Чудовом монастыре, то есть раньше всех славянофилов высказывает всю их сущность и, мало того, — высказывает это несравненно глубже, чем все они до сих пор»[7].) С безусловным одобрением отнесся Гоголя к антизападническому стихотворению Н. М. Языкова «К ненашим»[8], а 8 июня 1848 г. Гоголь, в частности, писал С. Т. Аксакову о драме К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» (М., 1848): «Я ее прочту с любопытством уже и потому, что в ней должен заключаться [тот] вопрос, решеньем которого я серьезно теперь занят, не менее самого Конст<антина> Сергеевича».

Несомненной поддержкой славянофильства (однако, с намеком на незрелость) выступает также следующее возражение Гоголя В. А. Жуковскому в статье *X. О лиризме наших поэтов* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Тебе напрасно кажется, что нынешняя молодежь, бредя славянскими началами и пророча о будущем России, следует какому-то модному поветрию[9]. Они не умеют вынашивать в голове мыслей, торопятся их объявлять миру, не замечая того, что их мысли еще глупые ребенки, вот и все. <...> Зачем же ни Франция, ни Англия, ни Германия не заражены этим поветрием и не пророчествуют о себе, а пророчествует только одна Россия? — Затем, что сильнее других слышит Божью руку на всем, что ни сбывается в ней, и чует приближенье иного Царствия».

В целом Гоголь разделял главные положения славянофильства, считая некоторые из славянофильских начинаний преждевременными[10]. В то же время место Гоголя в славянофильском движении было во многом исключительным. Наибольший контраст гоголевским взглядам представляло славянофильство польских националистов, во главе с А. Мицкевичем[11]. С этой ветвью славянофильства едва не смыкалось в негативном отношении к исторической России отечественное западничество. Но взгляды Гоголя как славянофила во многом отличались и от позиции более близких ему по духу современников. И над сепаратистски ориентированным украинским славянофильством земляка О. М. Бодянского[12], и над оппозиционной, критически настроенной к «дому Романовых»[13] частью московского славянофильства (Аксаковы), — над всеми этими друзьями и знакомыми из круга славянофилов Гоголь возвышается как последовательный славянофил-«государственник». Вслед за Н. М. Карамзиным[14] и С. С. Уваровым[15] во главу угла славянофильства Гоголь ставил интересы России как уникального государства единственного славянского народа, сохранившего в истории свою независимость и самобытность[16].

[1] Николай Григорьевич Будьдобрый, учитель русской грамматики в Тверской гимназии, позднее воспитатель и преподаватель 4-й Московской гимназии; воспитанник Московского университета, где учился одновременно с В. Г. Белинским. См. «Список своекоштных студентов и слушателей Императорского Московского университета словесного отделения 1832 года»: «*Слушатели:* <...> Будь-добрый Николай. — Уволенный из купечества. 1831» (*Петрова К.* Список студентов словесного отделения Московского университета за 1832 г. // Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 421).

[2] Гоголь в письмах братьев Н. М. и А. М. Языковых и их друзей // *Свод.* Т. 3. С. 185.

[3] См. ***1846. Июля 29 <августа 10>. Понедельник. Радонежье (Абрамцево)***; ***1846. Июля 30 <августа 11>. Вторник. Калуга***; ***1846. Ноября конец — декабря 9 <декабря первая половина — декабря 21>. Москва***; ***1848. Ноября 22. Понедельник. Москва***; ***1848. Ноября 28. Воскресенье. Москва***; ***1849. Ноября конец. Москва.***

[4] См. ***1848. Ноября 28. Воскресенье. Москва.***

[5] Письмо к графине А. М. Виельгорской от 30 марта 1849 г. (см. ***1849. Марта 30. Великая среда. Москва***).

[6] В письме к родным от 12 января 1850 г. из Ярославля И. С. Аксаков писал: «<С. А.> Серебренников подарил мне одну рукопись: сочинение Астраханского Губернатора <В. Н.> Татищева в 1742 году об управлении деревнями и крестьянами. Не верится, чтобы это писал русский человек. Тут говорится, сколько раз крестьянин должен умывать руки, как вести себя в каждый час дня, словом, вся жизнь его подведена под самые строгие правила аккуратности, которые подчас хуже всякой тирании. Удивительно, как скоро перешел к нам этот немецкий дух!» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. С. 268). В письме от 15 января Аксаков добавлял: «Рукопись, про которую я Вам писал в последний раз, должна принадлежать самому историку Татищеву. Впрочем, Домострой Сильвестра едва ли чем лучше» (Там же. Ч. 1. Т. 2. С. 270). Из письма Аксакова к родным от 23 февраля 1850 г.: «Я прочитал на этой неделе весь Домострой попа Сильвестра и дивился, как могло родиться такое произведение: так многое в нем противно свойству русского человека! Я терпеть не могу правил в самой жизни и вообще не люблю обычая, как скоро уже он замерз, как скоро он покушается сделаться правилом и властвовать над жизнью. На этом основании я не люблю и монашеских уставов, где формулировано аскетическое стремление. Если б у меня был наставником Сильвестр и докучал мне своими нравоучениями, то я, и не будучи Иоанном Грозным, прогнал бы его от себя за тридевять земель! Впрочем, нельзя не сознаться, что образ жизни и поведения, предписываемый этим попом, совершенно напоминает теперешний купеческий образ жизни и обхождения, особенно там, где цивилизация незаметна... "Все для гостей, все для показу" — главная тема Сильвестра и наших купцов. <...> Попов и монастырскую братью кормить при всяком удобном случае. На домашних молебнах всегда молиться за царское семейство *поименно,* словом, как теперь. Но что удивительно — это экономия, расчетливость, аккуратность в хозяйстве — более, чем немецкая, и с которой жизнь просто каторга: все записывать, все взвешивать, постоянно остерегаться, чтобы люди не обокрали» (Там же. Ч. 1. Т. 2. С. 296–297; *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 120).

[7] *Ф. М. Достоевский* — Н. Н. Страхову. 23 апреля (5 мая) 1871. Дрезден // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 207.

[8] См. ***1845. Февраля 4 <января 23>. Вторник. Париж***; ***1845. Февраля 5 <января 24>. Среда. Париж.***

[9] В данном случае Гоголь подразумевает отзыв Жуковского о стихотворных поэмах И. С. Аксакова «Жизнь чиновника» (1843) и «Зимняя дорога» (1845) (см. ***1846. Января 23 <февраля 4>. Среда. Москва*** – примечания).

[10] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Спор К. С. Аксакова и В. Г. Белинского: Культурно-исторические аспекты полемики о жанре «Мертвых душ» // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии / Нежинский гос. ун-т им. Н. Гоголя, Гоголеведческий центр; Ин-т литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины. Нежин, 2012. Вып. 2 (19). С. 17–75). – См. также ***1840. Декабря 28 <16>. Понедельник. Рим*** (примечания); ***1846. Октября 5 <сентября 23>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[11] См. ***1845. Февраля 26 <14>. Среда. Париж*** (примечания).

[12] См. ***1836. Ноября начало <октября вторая половина> – 1837. Марта начало <февраля вторая половина>. Париж*** (примечания).

[13] См. ***1848. Января 25 <февраля 6>. Вселенская родительская суббота. Калуга.***

[14] В заключении первой главы первого тома «Истории государства Российского» Карамзин указывал: «Представив читателю расселение народов славянских <...> скажем, что они, сильные числом и мужеством, могли бы тогда, соединясь, овладеть Европою; но, слабые от развлечения сил и несогласия, почти везде утратили независимость, и только один из них, искушенный бедствиями, удивляет ныне мир величием (говорим о российских славянах)» (цит. по: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. (Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг.): В 12 т. (В 3 кн.). М., 1988. Т. 1. С. 18).

[15] По словам Уварова, основой российского славянофильства должно быть «наше государственное начало <...>, собственно *Русское* начало» (*Б<артенев> П. И.* Об Украйно-славянском обществе. (Из бумаг Д. П. Голохвастова) // Русский Архив. 1892. № 7. С. 348; см. также: Кирило-Мефодіївське товариство: В 3 т. Київ, 1990. Т. 3. С. 311). Повторяя Карамзина (см. примеч. выше), Уваров замечал, что из всех славян одна только Россия «выдержала удары судеб и приобрела *самобытность*», что «всё, что имеем мы на Руси, принадлежит нам одним, без участия других Славянских народов, ныне простирающих к нам руки и молящих о покровительстве» (*Б<артенев> П. И.* Об Украйно-славянском обществе. С. 349–350).

[16] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Космополит или патриот? Концепция патриотизма в спорах с Гоголем и о Гоголе // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2017. Т. 15. № 3. С. 35–69. – См. также ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Москва*** (примечания).

СЕНТЯБРЯ ПОСЛЕДНИЕ ЧИСЛА[1] ИЛИ ОКТЯБРЯ ПЕРВЫЕ ЧИСЛА[2] – ОКТЯБРЯ 22–23 <СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА – ОКТЯБРЯ 10–11>. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь живет во Франкфурте у В. А. Жуковского. По приезде, по-видимому, получил от Жуковского пакет из Москвы от Н. М. Языкова (от 10 августа 1846 г.)[3], новое письмо Языкова от 23 августа 1846 г. (с вложением письма от Н. Н. Шереметевой)[4], ответное письмо П. А. Плетнева из Петербурга от 27 августа 1846 г.[5], ответное письмо М. П. Погодина из Вены от 24 сентября (н. ст.) 1846 г.[6] Во Франкфурте Гоголь завершил работу над предисловием ко второму изданию первого тома «Мертвых душ»[7] и книгой «Выбранные места из переписки с друзьями»[8], написал «Развязку Ревизора»[9].

Отвечая тогда на письмо Погодина, Гоголь писал (письмо отправлено без даты[10]):

«Ты не поехал в Иерусалим и был прав, принявши за указание встретившиеся препятствия. Когда готово сердце и зовет душу Бог на такое дело, тогда не останавливают нас никакие препятствия: несешься весь, как корабль, покорный попутному дыханию небесного ветра. Письмо мое могло иметь значение только в таком случае, если бы <ты>, точно, отправился. Ты говоришь, оно вообще неудовлетворительное, в нем не сказано, в чем проступки Погодина и в чем ему следует исправиться. Друг мой, я не имею права тебе указывать. Ты мне можешь, потому что об этом я тебя просил. Я просил письмом[11], назад три года, от вас трех[12], не только от тебя одного, которого я просил прежде, указать мне всё, что [на ваши глаза] есть во мне низкого, недостойного, – по крайней

мере, в том, как оно кажется каждому, если не есть; душа моя желала упреков и указаний; на это письмо не было ответа. Ты — мастер видеть только недостатки в том, кто тебя лично разгневал; в том же, кто на твоей стороне или твоих образов мыслей, ты не видишь никаких недостатков, не в силах и не можешь их видеть, так же, как не можешь видеть и в себе самом».

В период тогдашнего проживания во Франкфурте Гоголь написал также письмо к графу А. П. Толстому в Париж[13] (письмо не сохранилось).

Из воспоминаний о. Иоанна Базарова: «Случилось мне потом[14] и еще встречать его у Жуковского, но он был мрачен, почти ничего не говорил и больше ходил по комнате, слушая наши разговоры»[15].

[1] См. ***1846. Сентября 26 <14>. Суббота. Праздник Воздвижения Креста Господня. Остенде.***

[2] См. ***1846. Сентября 12 <августа 31>. Суббота. Остенде*** (письмо к Жуковскому).

[3] См. ***1846. Августа 10 <22>. Суббота. Москва, Сокольники***; ***1846. Сентября 12 <августа 31>. Суббота. Остенде***; ***1846. Октября 5 <сентября 23>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне.***

[4] См. ***1846. Августа 23 <сентября 4>. Пятница. Москва, Сокольники.***

[5] См. ***1846. Августа 27 <сентября 8>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1846. Сентября 24 <12>. Четверг. Вена.***

[7] См. ***1846. Октября 3 <сентября 21>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[8] См. ***1846. Октября 16 <4>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[9] См. ***1846. Октября 24 <12>. Суббота. Страсбург.***

[10] Ср. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца.*** — Письмо, определенно, написано до отправления письма в Москву к С. П. Шевыреву из Страсбурга от 24 октября (н. ст.) 1846 г. (***1846. Октября 24 <12>. Суббота. Страсбург***). Передавая в этом послании письмо к С. Т. Аксакову, Гоголь мог бы вложить туда и письмо к Погодину, однако оно, по-видимому, было отправлено ранее.

[11] См. ***1844. Марта 12 <февраля 29>. Вторник. Ницца.***

[12] Об этой просьбе 1844 г. Гоголь упоминает также в письме к С. П. Шевыреву от 2 ноября (н. ст.) 1846 г. (см. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца***).

[13] См. ***1846. Ноября 24 <12>. Вторник. Неаполь*** (письмо к Толстому).

[14] Ср. ***1846. Апреля средина <апреля начало>. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Апреля 23 <11>. Великая среда. Франкфурт-на-Майне, Висбаден***; ***1846. Августа начало. Висбаден.***

[15] Воспоминания протоиерея И. И. Базарова // *Свод.* Т. 3. С. 564.

СЕНТЯБРЯ 18 <30>. СРЕДА. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

С. Т. Аксаков пишет сыну Ивану в Калугу:

«Шевырев, вероятно, спрашивал Плетнева о последнем сочинении Гоголя: ибо Плетнев пишет, что в сочинении Гоголя, которое скоро выйдет из печати, ничего нет такого, о чем пишет Шевырев и что известие это совершенно ложно; а я думаю, что оно справедливо и что Плетнев пишет для того таким образом, чтобы буквально исполнить волю Гоголя. Я боюсь, чтоб эта сплетня не поссорила Попова с Плетневым».

Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 589.

СЕНТЯБРЬ <АВГУСТА ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА> НЕАПОЛЬ

А. А. Иванов оставляет у графини С. П. Апраксиной в Неаполе письмо для Гоголя (письмо затем было отправлено Апраксиной к Гоголю во Флоренцию[1]):

«Ждал я вас здесь[2], наконец решился возвратиться в Рим, оставя вам это письмо. Вот что случилось замечательного со мной после вашего отъезда из Рима[3]. Видя Зубкова[4], одной грубой острасткой покорившего художников, и заметив, что все письма мои по почте ими читаются, я просил Сверчкова, чтобы послал мое письмо к Чижову с границы России, где я предлагаю Чижову Зубкова место[5]. По моему убеждению, это бы было и наше и его счастие. Сверчков, как видно, в дороге прочитал мое письмо и из преданности к Федору Моллеру сообщил мою мысль, отослал мое письмо к Чижову. Вскоре по отъезде Сверчкова поехал Моллер и, в тот же день, несчастный Рамазанов[6]. Я в те дни чувствовал себя расслабленным, а в день отъезда этого изгнанного товарища просил брата[7] съездить со мной в Альбано на неделю. Только что мы уехали, приходит человек к нашей хозяйке справляться, точно ли мы оба уехали и надолго ли. Чрез три дня приехали мы назад, я прямо в студию: дверь отворена. Я — в стол, где деньги: сверток с 50 скудами взят, а другой, початый, оставлен вместе с векселем и письмом Чижова, а в комоде почти все бумаги взяты, где я предполагал законы художникам русским[8]. Чрез два дня мне понадобилось денег; опрокинув початый сверток на правую руку, я засыпал ее каким-то белым порошком, и на другой день кисть руки очень опухла, так что я согнуть ее не мог. В эти дни от пищи в Фиано[9] мы оба чувствовали себя очень дурно, поднялась рвота, в испуге отравы[10] мы прибегнули к совету итальянского доктора и с помощью слабительных поправились, ослабев еще более от такого потрясения. Я совершенно ничего не в состоянии был делать.

Сижу в студии. Стучатся. Слышу голос Зубкова, уговаривающего меня отпереть. Я молчал. В злости перед уходом он в негодовании сказал: "Запирайте крепче, придут воры вас обкрадывать!"

Чтоб истребить или умалить вражду, я решился написать Зубкову учтивое письмо, предмет коего была просьба о Бориспольце и Чмутове. В ответ получил такую грубость, которую брат не позволил мне прочесть, видя расслабленное мое положение. Я решился оставить Рим и ехать в Неаполь. Василий Моллер, узнав от брата своего о призвании Чижова и поняв это по-своему, здесь решительно мне сказал, что он будет искать место Киля, что он меня очень хорошо понимает. Вскоре после этого, в именины королевы[11], один из матросов наших, производя пушечную пальбу с корабля русского, потерял обе руки. Я узнал это от Колонны[12], против окон которого высаживали увечного. Ему отрезали правую руку. Сострадая положению соотечественника на чужбине, оставленного всеми, потому что корабль отправился в Грецию, я не знал, что мне делать с сердцем. Коварный Моллер предлагает мне написать бумагу и что он едет в Кастель Амаре и будет там просить от моего имени знатных и посланника о вспомоществовании. Я сказал, что, будучи художником, при том не сильным, я напишу бумагу так, что Моллер будет выставлен, а я закрыт. Время было всего полчаса. Изложив мою мысль, как во первых пришлось, я отдал Моллеру, причем он сказал, что он ее перепишет, и уехал в Кастель Амаре. Чрез несколько дней приезжаю я сам туда, иду к Чернышевым и замечаю перемену их в обращении со мной. До сих пор никогда я ни о чем не разговарив<ал>, а тут начал дотрагиваться до сердец, рассказывая, как я у князя <П. М.> Волхонского работал за Рамазанова, как этот лучший талант отечественный употреблял все свои силы, чтобы выдержать приличную твердую наружность посреди высылки своей из Рима и из средины своего пеньсионерства, как потом постепенно замечали в дилижансе, что он лишается ума, и как, наконец, в Анконе обнаруживается совершенное его сумасшествие. Однако ж, кое-как собравшись с силами, он оттуда уехал,— где и как он — неизвестно...

Графиня[13] была тронута, однако ж не пригласила меня назавтра, где были все созваны на день рождения ее дочери[14]. Розенберг[15] был в полном довольстве от моего положения, и даже Класовский. Я уединился в Неаполе и, читая "Imitation de Jesu Criste"[16], хотел вам написать записочку, чтобы вы, приехав в Кастель Амаре, поправили мои дела. Более всего меня занимал дом С. П. Апраксиной, глубокие уважения к которому мне хотелось сберечь, и потому я хотел уехать, не простившись с ними, чтобы остаться при целости тех прекрасных идей, какие мне до сих пор о себе подавали. И в эти минуты получаю собственноручное ее письмо с приглашен<ием> к обеду. Я поцеловал вашу книжечку, вспомнил об вас и поклонился Богу. Одевшись, я решил ехать двумя часами прежде, чтобы извиниться, что не имею приличного платья, чтобы быть к обеду, — на что получил особенное ее разрешение. В промежутке времени виделся с Розенбергом, у которого физиогномия переменилась от злости, а Класовский проклинал свою должность учителя как пре-

зренную в глазах вельможного общества. Оба завидовали положению художника. Я провел время у Софьи Петровны как нельзя лучше. Ее подвиг вынудил меня говорить об искусстве, об откровении Божием и о связи его с художником, о несчастном положении художника русского и о верных данных — видеть впереди чудесную их будущность. Я здесь занимался в библиотеке древностями Египта, и наконец решился иметь собственностью лучше издание, т. е. Розеллини[17]. Дорого оно стоит — около 100 скуд; без денег — это деньги, но что ж делать? Жизнь, может быть, мне пресекут прежде, чем истощатся все последние способы существования? Если вы заблагорассудите взять меня с собой на поклонение Гробу Господню, то я готов совершенно».

[1] В ответном письме к Иванову Гоголь сообщал: «Я получил ваше письмо из Неаполя, любезный Александр Андреевич, вместе с письмом от Софьи Петровны» (см. ***1846. Ноября 7 <октября 26>. Суббота. Флоренция***).

[2] Ср. ***1846. Июня 18 <6>. Четверг. Грефенберг-Фрейвальдау***.

[3] Гоголь покинул Рим после 6–8 мая (н. ст.) 1846 г. (см. ***1846. Мая 6–8 <апреля 24–26>. Среда-пятница. Рим***); ответ А. А. Иванову на настоящее послание отправил 7 ноября (н. ст.) 1846 г. из Флоренции — будучи на пути в Рим. 12–17 ноября (н. ст.) Гоголь был в Риме (где виделся с А. А. Ивановым; см. ***1846. Ноября с четверга 12 до понедельника-вторника 16–17 <с октября 31 до ноября 4–5>. Рим***); около 19 ноября (н. ст.) 1846 г. прибыл на зиму в Неаполь (см. ***1846. Ноября 18–19 <6–7>. Среда-четверг. Неаполь***).

[4] Константин П. Зубков, секретарь инспекции над русскими художниками в Риме; вступил в должность вместо бежавшего в Америку А. В. Сомова (см.: ***1845. Декабря с субботы 13 до среды 17 <с 1 до 5>. Рим*** – примечания).

[5] См. также ***1847. Февраля 4 <января 23>. Четверг. Неаполь.***

[6] После столкновения с Л. И. Килем Н. А. Рамазанов был отозван из Рима в Россию, куда вернулся 1 октября 1846 г. В следующем году занял место преподавателя Московского училища живописи.

[7] С. А. Иванов.

[8] «Законы художникам Русским» были написаны А. А. Ивановым в начале 1846 г. (см.: *Виноградов 2001.* С. 379–382). Главной целью этих «Законов...» было, по замыслу художника, – «усовершенствование» живущих в Риме художников «к политической славе великого нашего отечества».

[9] Трактир в Риме.

[10] См. также ***1851. Мая 20 <8>. Вторник. Рим*** (примечания).

[11] Именины Марии Терезы Австрийской (1816–1867), жены короля Обеих Сицилий Фердинанда II, приходились на 6 июля (н. ст.)

[12] Н. Романо Колонна, вероятно, один из представителей старинной итальянской фамилии, общий знакомый Иванова и Гоголя в Неаполе. – См. также ***1847. Декабря 28 <16>. Вторник. Неаполь.***

[13] С. П. Апраксина.

[14] М. В. Апраксина (в замужестве княгиня Мещерская).

[15] Врач.

[16] «Подражание Иисусу Христу», книга, создание которой приписывается обычно фламандскому монаху Фоме Кемпийскому, была подарена А. А. Иванову Гоголем. – См. также ***1844. Февраля 14 <2>. Среда. Праздник Сретения Господня. Ницца.***

[17] Имеется в виду сочинение: *Rosellini.* Monumenti di Egitto e di Nubia.

ОКТЯБРЯ 1[1] <СЕНТЯБРЯ 19>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский высылает, с запозданием[2], П. А. Плетневу в Петербург полученное в русском посольстве свидетельство о жизни Гоголя, необходимое для получения денежного пособия от Государя[3].

[1] См. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца***; ***1846. Ноября 21 <декабря 3>. Четверг. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

[2] Ср. ***1846. Февраля 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[3] Подробнее см.: ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 3 <СЕНТЯБРЯ 21>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь отправляет в Петербург ответное[1] письмо П. А. Плетневу, с вложением предисловия ко второму изданию «Мертвых душ» «К читателю от сочинителя»:

«Письмо твое (от 27 август<а> стар<ого> стил<я>) получил[2]. <...> Посылаю <...> предисловие к второму изданию "Мертв<ых> душ", которое дай Никитенке подписать и отправь немедленно Шевыреву. <...> Четвертую тетрадь, высланную на прошлой неделе из Остенде[3], ты, вероятно, получил[4]. Занят пятою, которая будет готова с небольшим через неделю[5]. <...> Перевороти страницу: там есть поправка одного места в четвертой тетради.

Поправки в статье: "Занимающему важное место"[6].

В том месте, где говорится о дворянстве, сказано так: "Сословие это в своем ядре прекрасно, несмотря на шелуху, его облекающую".

Нужно так:

"Сословие это, в своем истинно русском ядре, прекрасно, несмотря на временно наросшую чужеземную шелуху".

В середине то<го> же места о дворянстве сказано так:

"Государь любит это сословие больше всех других, но любит в его истинном виде".

Нужно так:

"Государь любит это сословие больше всех других, но любит в его истинно русском значении, в том прекрасном виде, в каком оно должно быть по духу самой земли нашей"».

Позднее, в «Авторской исповеди» (1847), Гоголь писал: «Я поместил в книге моей "Переписка с друзьями" несколько писем к помещикам и к разным должностным лицам (из них большая часть не напечатана) вовсе не затем, чтобы со мной безусловно согласились, но чтобы опровергнули меня приведеньем анекдотических фактов. Возраженья такого рода от людей практических и опытных для меня важны тем, что поставляют меня ближе к делу, раскрывая мне глубже внутренность России. Но вместо дел, интересных для всякого русского человека, и наших русских вопросов занялись моей собственной личностью и исписали целые листы о том, имею ли я право мешаться в подобные дела. Я сделал в то же время воззванье ко всем читателям "Мертвых душ" — воззванье несколько неприличное и не весьма ловкое. Я очень знал, что над ним многие посмеются; но я готов был выдержать всякое осмеяние, лишь бы только добиться своего. Я думал, что, может, хоть пять, шесть человек захотят исполнить мою просьбу так, как я желал. Я не требовал собственно поправок на "Мертвые души": мне хотелось под этим предлогом добыть частных записок, воспоминаний о тех характерах и лицах, с которыми случилось кому встретиться на веку, изображений тех случаев, где пахнет Русью. Зная, что у всех нас есть какая-то лень, неподъемность на работу, вследствие которых почти всякому из нас трудно что-нибудь доставать из своей памяти, я думал, что чтенье "Мертвых душ" может расшевелить, особенно если и карандаш и бумага будут при этом под рукой. Я выставил свой адрес и просил прислать мне в письме только тех, которые не захотели бы печатать, но вообще я считал гораздо полезнее сделать их всеобщею известностью. Мне казалось даже необходимым и в нынешнее время это распространение известий о России посредством живых фактов, потому что в это время, которое недаром называют переходным, почти у всякого человека, на всех поприщах, заметно стремленье преобразовывать, поправлять, исправлять и вообще торопиться средствами противу всякого зла. Я думал, что теперь, более чем когда-либо, нужно нам обнаружить внаружу все, что ни есть внутри Руси, чтобы мы почувствовали, из какого множества разнородных начал состоит наша почва, на которой мы все стремимся сеять, и лучше бы осмотрелись прежде, чем произносить что-либо так решительно, как ныне все произносят. Я питал втайне надежду, что чтенье "Мертвых душ" наведет некоторых на мысль писать свои собственные записки, что многие почувствуют даже некоторое обращение на самих себя, потому что и в самом авторе, в то время когда писаны были "Мертвые души", произошло некоторое обращенье на самого себя. Я думал, что тот, кто уже находится на склоне дней своих и тревожим мыслью, что жизнь его протекла без пользы и он сделал мало для общего добра земли своей, почувствует сильнее, что он верным и живым изображеньем людей, характеров и случаев своего времени может познакомить с Русью людей молодых и начинающих действовать и таким образом больше чем вознаградит прекрасно за свою недеятельность. Молодой же, тот, кто вступает еще на поприще, кто еще ни к чему не охладел и потому имеет живость взгляда, кого любопытно занимает все, может изобразить эпоху современную, как она представляется молодым глазам юноши. Словом, я думал, как дитя; я обманулся некоторыми: я думал, что в некоторой части читателей есть какая-то любовь. Я не знал еще тогда, что мое имя в ходу только затем, чтобы попрекнуть друг друга и посмеяться друг над другом. Я думал, что

многие сквозь самый смех слышат мою добрую натуру, которая смеялась вовсе не из злобного желанья. Но на мое приглашение я не получил записок; в журналах мне отвечали насмешками[7]. Привожу все это затем, чтобы показать, как я употреблял все силы держаться на своем поприще и придумывал все средства, которые могли двинуть мою работу, не имея и в мыслях оставлять звание писателя. Не могу не заметить при этом случае, что многие изъявляли изумление тому, что я так желаю известий о России и в то же время сам остаюсь вне России, не соображая того, что, кроме болезненного состояния моего здоровья, потребовавшего теплого климата, мне нужно было это удаление от России затем, чтобы пребывать живее мыслью в России. <...> ...Во все пребыванье мое в России Россия у меня в голове рассеивалась и разлеталась. Я не мог никак ее собрать в одно целое: дух мой упадал, и самое желанье знать ее ослабевало. Но как только я выезжал из нее, она совокуплялась вновь в моих мыслях целой, желанье знать ее пробуждалось во мне вновь, и охота знакомиться со всяким свежим человеком, недавно выехавшим из России, становилась вновь сильна. Во мне рождалось даже уменье выспрашивать, и часто в один час разговора я узнавал то, чего не мог, живя в России, узнать в продолжение недели[8]. <...> Вот что заставило меня предпочесть пребыванье вне России, даже и в отношении к тому, чтобы побольше слышать о России. Я очень долго думал о том, каким бы образом узнать многое, делающееся в России, живя в России. Разъездами по государству не много возьмешь, останутся в голове только станции да трактиры. Знакомства и в городах и в деревнях тоже довольно трудны для разъезжающего не по казенной надобности: могут принять за какого-нибудь шпиона, и приобретешь разве только сюжет для комедии, которой имя бестолковщина. Если же узнают, что разъезжающий есть и писатель вместе, тогда положенье еще смешнее: половина читающей России уверена серьезно, что я живу единственно для осменянья всего, что ни есть в человеке, от головы до ног. А между тем никогда еще до сих пор не чувствовал я так сильно потребности знать современное состояние нынешнего русского человека — тем более что теперь так разошлись все в образах мыслей, так вихорь недоразумений обуял всех, что никто не в силах судить верно друг друга, и нужно как бы щупать собственно рукою всякую вещь, не доверяя никому. Я не мог быть без этих сведений. Ныне избранные характеры и лица моего сочинения крупней прежних. Чем выше достоинство взятого лица, тем ощутительней, тем осязательней нужно выставить его перед читателем. Для этого нужны все те бесчисленные мелочи и подробности, которые говорят, что взятое лицо действительно жило на свете. Иначе оно станет идеальным, будет бледно и, сколько ни навяжи ему добродетелей, будет все ничтожно. Нужно, чтобы русский читатель действительно почувствовал, что выведенное лицо взято именно из того самого тела, из которого создан и он сам, что это живое и его собственное тело. Тогда только сливается он сам с своим героем и нечувствительно принимает от него те внушения, которых никаким рассужденьем и никакою проповедью не внушишь. Это полное воплощенье в плоть, это полное округленье характера совершалось у меня только тогда, когда я заберу в уме своем весь этот прозаический существенный дрязг жизни, когда, содержа в голове все крупные черты характера, соберу в то же время вокруг его все тряпье до малейшей булавки, которое кружится ежедневно вокруг человека, — словом, когда соображу все от мала до велика, ничего не пропустивши. У меня в этом отношении ум тот самый, какой бывает у большей части русских людей, то есть способный больше выводить, чем выдумывать. Мне всегда нужно было выслушать слишком много людей, чтобы образовалось во мне собственное мое мнение, и тогда только мое мнение находили здравым и умным. Когда же я не всех выслушаю и тороплюсь выводом, оно выходило только резко и необыкновенно. <...> Итак, всего того, что мне нужно, я не мог достать. А не доставши его, мудрено ли, что я не мог работать?»

[1] См. ***1846. Августа 27 <сентября 8>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1846. Сентября последние числа или октября первые числа — октября 22–23 <сентября средина — октября 10–11>. Франкфурт-на-Майне.***

[3] См. ***1846. Сентября 26 <14>. Суббота. Праздник Воздвижения Креста Господня. Остенде.***

[4] См. ***1846. Сентября 24 <октября 6>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1846. Октября 16 <4>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[6] Статья не была пропущена цензором А. В. Никитенко.

[7] В. Г. Белинский в рецензии на второе издание «Мертвых душ» иронизировал по поводу гоголевского предисловия: «Итак, мы не можем теперь вообразить себе всех русских людей иначе, как сидящих перед ракрытою книгою "Мертвых душ" на коленях, с пером в руке и листом почтовой бумаги на столе...» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. С. 512).

[8] См., в частности: ***1839. Июля 13 <1>. Суббота — августа около пятницы 23 <около пятницы 11>. Мариенбад.***

ОКТЯБРЯ 5 <СЕНТЯБРЯ 23>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь отправляет в Москву ответное[1] письмо Н. М. Языкову и письмо к С. П. Шевыреву.

Из письма к Языкову: «И ты против меня! Не грех ли и тебе склонять меня на писание журнальных статей, — дело, за которое уже со мной поссорились некоторые приятели? Ну, что во мне толку и какое оживление "Московскому сборнику"[2] от статьи моей? Статья всё же будет моя, а не их; стало быть, им никакой чести. Признаюсь, я не вижу никакой цели в этом сборнике. Дела мало, а педантства много. А из чего люди в нем хлопочут, никак не могу себе определить. Вышел тот же мертвый номер "Москвитянина", только немного потолще. У нас воображают, что всё дело зависит от соединения сил и от какой-то складчины. Сложись-ка прежде сам да сделайся капитальным человеком, а без того принесешь сор в общую кучу. <...> Воспитай прежде себя для общего дела, чтобы уметь, точно, о нем говорить, как следу<ет>. А они: надел кафтан да запустил бороду[3], да и воображают, что распространяют этим русский дух по русской земле! Они просто охаивают этим всякую вещь, о которой действительно следует поговорить и о которой становится теперь стыдно говорить, потому <что> они обратили ее в смешную сторону».

Ранее, 28 ноября (н. ст.) 1842 г., Гоголь писал К. С. Аксакову: «Я не прощу вам того, что вы охладили во мне любовь к Москве. Да, до нынешнего моего приезда в Москву я более любил ее, но вы умели сделать смешным самый святой предмет. Толкуя беспрестанно одно и то же, пристегивая сбоку припеку при всяком случае Москву, вы не чувствовали, как охлаждали самое святое чувство вместо того, чтобы живить его. <...> Чувствуете ли вы страшную истину сих слов: Не приемли имени Господа Бога твоего всуе?»[4]. Сходный упрек содержится в статье Гоголя *IV. О том, что такое слово* «Выбранных мест из переписки с друзьями» — обращенной в большей степени к М. П. Погодину, но, безусловно, затрагивающей и Константина Аксакова: «Чем истины выше, тем нужно быть осторожнее с ними... <...> Не столько зла произвели сами безбожники, сколько произвели зла лицемерные или даже просто неприготовленные проповедатели Бога, дерзавшие произносить имя Его неосвященными устами».

Далее Гоголь писал Языкову: «Хотел я им кое-что сказать, но знаю, что они меня не послушают, а следовало бы каждому из <них> войти получше в собственные силы и рассмотреть, к какому делу каждый создан вследствие ему данных способностей. Им, слава Богу, уже по тридцати[5] и по сорока лет; пора оглядеться. А Панову[6] скажи так, что я весьма понял всякие ко мне заезды[7] по части статьи отдаленными и деликатными дорогами, но не хочет ли он понюхать некоторого словца под именем: *нет*? Это словцо имеет запах не совсем дурной, его нужно только получше разнюхать. Эти три строки можешь даже ему показать, а прочего не показывай; их не следует обескураживать. Я их выбраню, но потом и притом таким образом, что они после брани подымут нос, а не опустят. Нельзя говорить человеку: "Делаешь не так", не показавши в то же время, как должно делать. А потому и ты также сиди до времени смирно и не шуми, и хорошенько ощупай себя и свой талант, который, видит Бог, не затем тебе дан, чтобы писать посланья к Каролинам[8], но на дело больше крепкое и прочное. Ты прочти внимательно книгу мою[9], которая будет содержать выбор из разных писем. Там есть кое-что направленное к тебе, посильнее прежнего, и если Бог будет так милостив, что вооружит силою мое слово и направит его как раз на то место, на которое следует ударить, то услышат от тебя другие послания, а в них твою собственную силу со всем своеобразьем твоего таланта. Так я верю и хочу верить. Но до времени это между нами. Книгу печатает в Петербурге Плетнев, и выйдет <она> не раньше, как через месяц после полученья тобою этого письма. В Москве знает только Шевырев. <...> Адресуй в Рим или в poste restante, или на имя Иванова... <...> Во Франкфурте пробуду две недели. Жуковский тебе кланяется».

Из письма к Шевыреву: «Спешу прибавить[10] тебе несколько строк. На днях отправил к Плетневу предисловие к "М<ертвым> д<ушам>"[11]. Вероятно, ты его уже имеешь[12]. Исправь, пожалуйста, слог. Я не мастер на предисловия. Для меня труден этот приличный язык, которым должен разговаривать автор с нынешней публикою, а потому углаль всякое неловкое выражение и устрой всякий неуклюжий период. Мне нужно было сказать дело весьма для меня нужное. После это почувствуешь и сам, хотя теперь и не смекнешь, почему оно мне нужно[13]. Что книга выйдет несколько позже, это ничего; ей даже и не следует выходить раньше некоторого другого предисловия[14], не сделавши которого, мне нельзя и в дорогу. Дело это возложено на Плетнева. Это выбор из некоторых моих писем к друзьям, который должен выйти особой книгой. Но это пока между нами. Там, между прочим, часть моей исповеди и объяснение того, что так смущало некоторых относительно

моей скрытности и прочее. Печатать я должен был в Петербурге по причинам, которые можешь смекнуть и сам, по причине близости цензурных непосредственных и высших разрешений. В это дело, кроме Плетнева и цензора[15], не введен никто, а поэтому и ты не сообщай о нем никому, кроме разве Языкова, который имеет один об этом сведение, и то потому, что нечто из писем, мною к нему писанных, поступило в выбор. Из этой книги ты увидишь, что жизнь моя была деятельна даже и в болезненном моем состоянии, хотя на другом поприще, которое есть, впрочем, мое законное поприще, и что велик Бог в Своих небесных милостях. Но обо всем этом после. Может быть, через месяц, то есть, если не в конце октября, то в начале ноября, должна выйти книга, а потому до того времени не выпускай "М<ертвые> д<уши>". Плетнев пришлет тебе несколько экземпляров, а в том числе и подписанный цензором на второе издание, потому что, по моему соображению, книга должна разойтиться в месяц. Это первая моя дельная книга, нужная у нас многим, а может быть, если Бог будет так милостив, принесущая им действительную пользу: что изошло от души, то нельзя, чтобы не принесло пользы душе. Чрез неделю или полторы буду писать к тебе. Теперь захлопотался именно этим делом. <...> Адресуй письма в Рим, на имя посольства. Во Франкфурте остаюсь только две недели и едва управлюсь с делами, которые должен кончить здесь, отправляюсь в дорогу».

[1] См. ***1846. Августа 10 <22>. Суббота. Москва, Сокольники***; ***1846. Августа 23 <сентября 4>. Пятница. Москва, Сокольники***.

[2] «Московский литературный и ученый сборник», непериодический орган славянофилов, выходивший в 1846, 1847 и 1852 г.

[3] Намек на К. С. Аксакова.

[4] См. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим.***

[5] К. С. Аксакову в то время было двадцать девять лет.

[6] Василий Алексеевич, редактор «Московского Сборника».

[7] См. ***1846. Июня 3 <15>. Понедельник. Москва***; ***1846. Августа 10 <22>. Суббота. Москва, Сокольники.***

[8] Языкову принадлежит несколько стихотворных посланий к поэтессе Каролине Карловне Павловой (Яниш). В бумагах Гоголя сохранился список стихотворения Н. М. Языкова «К. К. Павловой» («Забыли вы меня! Я сам же виноват...», 1840; см.: *Гоголь 2009–1010.* Т. 17. С. 644–645). По словам Е. М. Хомяковой в письме к Н. М. Языкову от 1840 г., Гоголь был в восторге от одного его «Послания к Павловой» и выучил стихи наизусть (возможно, имелось в виду стихотворение Н. М. Языкова «К. К. Павловой» («В те дни, когда мечты блистательно и живо...», 1841); см. ***1840. Мая середина. Москва***).

[9] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[10] См. ***1846. Сентября 26 <14>. Суббота. Праздник Воздвижения Креста Господня. Остенде.***

[11] См. ***1846. Октября 3 <сентября 21>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[12] Ср. ***1846. Октября 3 <15>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[13] См. ***1846. Октября 3 <сентября 21>. Суббота. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[14] Гоголь имеет в виду «Выбранные места из переписки с друзьями».

[15] А. В. Никитенко.

СЕНТЯБРЯ 24 <ОКТЯБРЯ 6>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет во Франкфурт ответное письмо Гоголю (на письме Гоголя имеется помета Плетнева: «П<олучил> и о<тветил> на два посл<едних> письма[1] 24 сент<ября> 1846»[2]):

«Сию минуту получил я из Остенде и четвертую твою тетрадку[3]. Третья пришла еще прежде[4]. Таким образом, все идет исправно. Неисправен только Никитенко. Он более месяца держит у себя еще вторую тетрадь. Я не рад, что ты с ним связался. Его затрудняет глава о церкви. Собственно говоря, это надобно бы отправить в духовную цензуру. Но я знаю наперед, что там поступят еще хуже. Я просил Никитенка, сколько он может пропустить без содействия духовенства. Он и обещал – да все только мямлит. Первая тетрадь давно отпечатана. Если бы не такой цензор, давно бы все три были уже тиснуты. Нечего делать. Надобно все терпеть[5].

Скажи В. А. Жуковскому, что я, пересылая ему один из № "Современника", послал тут же и мой отчет по предполагаемому им изданию его сочинений[6]. Меня удивляет, что нет от него никако-

го отзыва. Или он передумал печатать? О Смирдине я более и более убеждаюсь, что он неблагонадежен. Обнимаю тебя. Когда же сам ты сюда прибудешь?»

[1] См. ***1846. Сентября 12 <августа 31>. Суббота. Остенде***; ***1846. Сентября 26 <14>. Суббота. Праздник Воздвижения Креста Господня. Остенде.***

[2] См.: *Городецкий*. С. 453.

[3] Автографы XXII–XXX глав «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[4] См. ***1846. Сентября 14 <26>. Суббота. Праздник Воздвижения Креста Господня. Спасская мыза.***

[5] Реакцию Гоголя на письмо Плетнева см.: ***1846. Октября 15–16 <3–4>. Четверг-пятница. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Октября 16 <4>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[6] В это время готовилось пятое издание «Стихотворений В. Жуковского» (Т. 1–9 вышли в 1849 г., т. 10–13 – в 1857 г.).

СЕНТЯБРЯ 24 <ОКТЯБРЯ 6>. ВТОРНИК. МОСКВА

Е. А. Свербеева отвечает[1] А. Н. Попову в Петербург:

«Очень жаль, что Вам не случилось видеть листы печатаемой книги Гоголя. Что-то мы в ней прочтем?»[2]

[1] См. ***1846. Сентября средина <сентября конец>. Санкт-Петербург.***

[2] Гоголь в письмах Е. А. Свербеевой (рожденной княжны Щербатовой) // *Свод*. Т. 3. С. 853.

ОКТЯБРЯ 8 <СЕНТЯБРЯ 26>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет А. О. Смирновой в Калугу:

«Что ж вы, друг мой, моя наидобрейшая Александра Осиповна, что вы замолкнули? Или вы находитесь не в том духе, чтобы писать ко мне, или вас озадачило длинное письмо мое[1]? <...> ...Молитесь, да попутствует мне неотлучно Бог в предстоящем мне путешествии[2]... <...> А я буду о вас молиться уже в Святой земле, в надежде, что там будет лучше моя молитва. А вы крепитесь. Если ж вам, точно, будет невыносимо в Калуге или где-либо, то это знак, что у вас болит душа, и тогда нужно другое лекарство. Благословясь, поезжайте с Богом со мной в Иерусалим, а деньги молельщикам и богомольцам всегда будут на дорогу. Отсюда отправляюсь в Италию, в этом же месяце. До декабря адресуйте письма в Рим, до февраля будущего года — в Неаполь. А первых чисел февраля я, с Богом, в дорогу».

[1] Письмо к Смирновой от 6 июня – 6 июля (н. ст.) 1846 г. об обязанностях губернаторши (см. ***1846. Июля 6 <июня 24>. Понедельник. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Карлсбад***).

[2] В Иерусалим.

СЕНТЯБРЯ 26 <ОКТЯБРЯ 8>. ЧЕТВЕРГ. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской:

«Я тебе еще не писала, что на днях должно выйдти новое сочинение Гоголя, содержание которого неизвестно; оно печатается под величайшим секретом в Петерб<урге> по его поручению; ждем ее нетерпеливо. — Что может она заключать? — У нас прошли слухи, что будто это отрывки из его переписки с друзьями, что будто он сжег второй том М<ертвых> Д<уш> и так далее, слухи, по которым должно заключить, что он не совсем в здравом уме, по крайней мере принял слишком одностороннее направление; но оказывается, что эти слухи — вздор; всего лучше, конечно, разре-

шит сама книга. — Прочтя его статью, нельзя этому верить, в ней есть, может быть, ошибочные взгляды и суждения, но все разумно, а сколько прекрасных, светлых мест. — Пожалуйста, не говори обо всем этом никому; впрочем, может быть, эта книга уже вышла у вас».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 850.

СЕНТЯБРЯ 30 <ОКТЯБРЯ 12>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получает обратно от А. В. Никитенко гоголевский автограф второй тетради «Выбранных мест из переписки с друзьями» (главы VIII–XIV), в котором поверх заголовков статей *VIII. Несколько слов о нашей Церкви и Духовенстве* и *IX. О том же* А. В. Никитенко красными чернилами дважды надписал: «Нельзя без разрешения»[1].

В тот же день Плетнев отправил автограф этих двух статей на рассмотрение духовного цензора.

Цензором писем стал протоиерей Тимофей Ферапонтович Никольский[2] (1788–1848), настоятель Казанского собора в Петербурге (с марта 1846 г.), магистр богословия, член Санкт-Петербургского комитета духовной цензуры (с 1842 г.), духовный писатель.

2 октября 1846 г. Плетнев, посылая Я. К. Гроту, «журнал» своих текущих дневниковых записей, сообщал: «В понедельник <30 сентября> корректура Гоголевских “Писем”. О Русской Церкви и духовенстве письмо, не пропущенное Никитенко, я отправил к духовному цензору»[3].

[1] *Виноградов И. А.* К истории создания и публикации духовной прозы Гоголя // *Гоголь 2009–2010.* Т. 6. С. 461.

[2] См. ***1846. Октября 1 <13>. Вторник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

[3] *Свод.* Т. 1. С. 680. – См. также ***1846. Октября 1 <13>. Вторник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 1 <13>. ВТОРНИК. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получает обратно[1] от духовного цензора протоиерея Тимофея Никольского гоголевский автограф статей *VIII. Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве* и *IX. О том же*, с замечаниями цензора: «Не может быть напечатана, потому что понятия о Церкви Рус<с>кой и Духовенстве конфузны. Цензор Протоиерей Тимофей Никольский. Окт<ября> 1го 1846 года»; «Не может быть напечатано. Цензор Протоиерей Тимофей Никольский»[2].

Работа любого цензора, к сожалению, не свободна от ошибок. В 1845 г. отцом Тимофеем Никольским не был одобрен к печати «Месяцеслов Православно-Кафолической Восточной Церкви» протоиерея Дмитрия Степановича Вершинского[3]. Это главное сочинение близкого знакомого Гоголя, настоятеля русской посольской церкви в Париже о. Дмитрия Вершинского (дочь которого Елизавета (1837–1904) впоследствии была замужем за сыном о. Т. Ф. Никольского, протоиерея Константина Никольского, 1824–1910) вышло в свет лишь в 1856 г. С другой стороны, в свое время под сомнение были поставлены взгляды самого о. Тимофея Никольского как духовного писателя. Подготовленная им в 1827 г. для второго издания книга «О молитве за умерших» (СПб., 1825, 1837, 1847, 1866) была запрещена как «сочинение не совсем православное». Критические замечания на книгу о. Тимофея высказал тогда святитель Филарет (Амфитеатров), в ту пору архиепископ Казанский (позднее митрополит Киевский и Галицкий). В числе других замечаний владыка отметил ссылки о. Тимофея на книги неправославных авторов, а именно, на толкование Библии Я. Менохия (Menochius) («Мнение Менохия

может быть неосновательно, а в книге, издаваемой для православных, несовместно»), а также на популярное в масонских кругах произведение немецкого мистика И. Г. Юнга-Штиллинга «Угроз Световостоков»[4]. «Какая это книга? – вопрошал святитель Филарет. – Принята ли она Православною Церковью? И даже известна ли ей?.. Св. Климента ставить наряду с Штиллингом не следует. Ничего не может быть вреднее и опаснее для чистоты православного учения веры, как таковое уродливое смешение»[5].

Получив от протоиерея Тимофея Никольского автограф Гоголя с запрещенными статьями о Церкви и духовенстве, Плетнев в тот же день обратился к обер-прокурору Святейшего Синода графу Н. А. Протасову с прошением:

«В. А. Жуковский поручил мне печатание нового сочинения Гоголя, под названием: *Выбор из переписки с друзьями*. В числе писем найдены мною два (VIII и IX): *О нашей Церкви* и *Духовенстве*. Я испрашивал разрешения Духовного Ценсора на позволение напечатать их; но он на то не согласился. Между тем, по моему понятию, образ суждений Гоголя таков, что надобно желать распространения подобных идей. Это обстоятельство дало мне смелость беспокоить Ваше Сиятельство покорнейшею просьбою: не удостоите ли Вы пробежать прилагаемые здесь вышеупомянутые два письма – и ежели я буду так счастлив, что мнение Ваше будет согласно с моим, то не окажете ли Вы содействия Вашего к пропуску их в печать. Во всяком случае я смею надеяться, что Ваше Сиятельство, по благосклонности Вашей, почтите меня уведомлением и обратною присылкою писем, которых начало уже набрано в Типографии»[6].

В тот же день, 1 октября 1846 г., Плетнев получил от Гоголя из Франкфурта письмо с вложением предисловия ко второму изданию «Мертвых душ» «К читателю от сочинителя» (на письме Гоголя имеется почтовый штемпель: «Получено 1846 Сен<тября> 30 вечер»; и пометы Плетнева: «П<олучено> 1 окт<ября> 1846»[7]; «От<ветил> Шевыр<еву> 3 окт<ября> 1846[8] и послал предисловие»).

[1] См. ***1846. Сентября 30 <октября 12>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] *Виноградов И. А.* К истории создания и публикации духовной прозы Гоголя // *Гоголь 2009–2010*. Т. 6. С. 461.

[3] См.: *Котович Ал.* Духовная цензура в России. (1799–1855 гг.). СПб., 1909. С. 410.

[4] См. ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург*** (примечания).

[5] <*Горчаков М. И., иерей; Никольский П. Т.*> Александр Тимофеевич Никольский. (1821–1876), приходской священник Входоиерусалимской (Знаменской) церкви в С.-Петербурге. Очерк жизни и деятельности. СПб., 1878. С. 349–350, 355.

[6] *Свод*. Т. 1. С. 679. – Письмо Плетнева было получено Протасовым 2 октября 1846 г. – См. также ***1846. Октября 16 <28>. Среда. Санкт-Петербург***; ***1846. Ноября 1 <13>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[7] См.: *Городецкий*. С. 453.

[8] См. ***1846. Октября 3 <сентября 21>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

ОКТЯБРЯ 3 <15>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев после получения 1 октября 1846 г. от Гоголя из Франкфурта предисловия ко второму изданию «Мертвых душ» «К читателю от сочинителя» (и последующего обращения к А. В. Никитенко за цензурным разрешением) отправил это предисловие к С. П. Шевыреву в Москву.

См. ***1846. Октября 3 <сентября 21>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Октября 1 <13>. Вторник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 15–16 <3–4>. ЧЕТВЕРГ-ПЯТНИЦА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь, по-видимому, получив из Петербурга письмо от П. А. Плетнева[1], вновь[2] пишет А. О. Смирновой в Калугу:

«Друг мой Александра Осиповна, мне скучно без ваших писем! Зачем вы замолчали[3]? <...> Взываю к вам о помощи. Вы должны ехать в Петербург[4], если только позволит вам ваше здоровье. От Плетнева узнаете всё и с ним обдумаете, как и чем можно быть лучше мне полезным. Приходит время, когда должна объясниться хотя отчасти свету причина долгого моего молчания и моей внутренней жизни. Друг мой, если Бог милостив, то можно собрать прекрасную жатву во славу святого имени Его. Верю, что Бог даст наконец мне радость принести добро многим душам. Друг мой прекрасный, требую от вас содействия; один человек, как бы он ни обдумал хорошо, всё ничего не значит. Встретились разные затруднения по поводу появленья той книги, которая, по убежденью души моей, будет теперь очень нужна и которую перед моим удаленьем во Святую землю нужно выдать непременно. Но с Плетневым переговорите обо всем. Кроме его и цензора[5], никто не знает; по крайней мере, я так желал, чтобы было. <...> Адресуйте письмо ваше в Неаполь. В Рим я вряд ли заеду, да и незачем. Еду отсюда дней через пять[6]. Жуковск<ий> здоров и вам кланяется».

[1] См. ***1846. Сентября 24 <октября 6>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1846. Октября 16 <4>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***.

[2] См. ***1846. Октября 8 <сентября 26>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***.

[3] Смирнова в это время была серьезно больна (см. ***1846. Октября 15 <27>. Вторник. Калуга***).

[4] Для представления «Выбранных мест из переписки с друзьями» Императору Николаю I (см. ***1846. Октября 16 <4>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***).

[5] А. В. Никитенко.

[6] См. ***1846. Октября между 22 и 24 <между 10 и 12>. Франкфурт-на-Майне, Страсбург***.

ОКТЯБРЯ 16 <4>. ПЯТНИЦА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет ответное[1] письмо П. А. Плетневу, с вложением двух заключительных глав «Выбранных мест из переписки с друзьями»[2]:

«Тороплюсь отправить тебе пятую и заключительную тетрадь. Так устал, что нет мочи; в силу сладил, особенно со статьей о поэзии, которую в три эпохи мои писал и вновь сожигал и наконец теперь написал, потому именно, что она необходима моей книге, в объясненье элементов русского человека[3]. Без этого она бы никогда не написалась: так мне трудно писать что-нибудь о литературе. Сам я не вижу, какой стороной она может быть близка к тому делу, которое есть мое кровное дело. Скорбно мне слышать происшедшие неустройства от медленности Никитенки. Но чем же виноват я, добрый друг мой? Я выбрал его потому, что знал его все-таки за лучшего из других[4], и притом, видя его имя, выставляемое у тебя на "Современнике" я думал, что ты с ним в сношеньях теснейших, чем с другими цензорами. <...> ...На него особенно следует наседать лично. Говоря ему беспрерывно то, о чем и я хочу с своей стороны ему хорошенько растолковать: что с книгой не нужно мешкать, потому что мне нужно прежде нового года собрать деньги за ее распродажу с тем, чтобы пуститься в дальнюю дорогу. Путешествие на Восток не то, что по Европе. Удобств никаких, издержек множество, а мне нужно, сверх этого, еще и помочь тем людям, которым, кроме меня, никто не поможет. Если же Никитенко будет затрудняться или одолеется робостью, то мое мненье — печатать книгу и в корректурных листах поднести всю на прочтенье Государю. Дело мое — правда и польза, и я верю, что моя книга будет вся им пропущена. В последнем случае поговори об этом хорошенько с Александрой Осиповной[5], если она только уже в Петербурге[6]; она сумеет, как это устроить. Если же дойдет до духовной цензуры, то этого не бойся. Не делай только этого официальным образом, а призови к себе духовного цензора и потолкуй с ним лично; он пропуст<ит> и ско-

рей, может быть, чем думаешь. В словах моих о Церкви говорится то самое, что Церковь наша сама о себе говорит и в чем всякий из наших духовных согласен до единого. Извини, что так дурно пишу. Устал в полном смысле и разболелся вновь всем телом; через два дни получишь другое письмо[7], с подробнейшим распоряжением относительно книги, ее выпуска, продажи и прочего. А между тем тут, в этой тетради, найдешь вставку и перемену к письму "О лиризме наших поэтов". Нужно выбросить всё то место, где говорится о значении власти монарха, в каком оно должно явиться в мире. Это не будет понято и примется в другом смысле. К тому же сказано несколько нелепо, о нем после когда-нибудь можно составить умную статью. Теперь выбросить нужно ее непременно, хотя бы статья была и напечатана, и на место ее вставить то, что написано на последней странице тетради.

Кусок, который следует выбросить, начинается словами: "Значение полномочной власти монарха возвысится еще" и прочее и оканчивается словами: "Такое определение не приходило *еще европейским* правоведцам"[8].

О получении этого письма уведоми меня непремен<но> письмом в Неаполь, на имя посольства или в poste restante, и всё, что ни случится о том, адресуй в Неаполь. <...> Страниц в 5<-й> тетради включительно с прежними 147, а статьи две и третья вставка».

[1] См. ***1846. Сентября 24 <октября 6>. Вторник. Санкт-Петербург.***
[2] Статьи *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность* и *XXXII. Светлое Воскресенье.*
[3] См. ***1834. Февраля 11. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).
[4] См. ***1846. Августа 1 <июля 20>. Суббота. Эмс*** (примечания).
[5] Смирнова.
[6] См. ***1846. Октября 15–16 <3–4>. Четверг-пятница. Франкфурт-на-Майне.***
[7] См. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***
[8] См.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 6. С. 577–579.

ОКТЯБРЯ 4 <16>. ПЯТНИЦА. С. ВАСИЛЬЕВКА

Мать и сестры Гоголя отправляют ему письма в Неаполь.

См. ***1846. Ноября 19 <7>. Четверг. Неаполь.***

ОКТЯБРЯ 4 <16>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев сообщает Д. И. Коптеву:

«О времени выхода писем Гоголя трудно сказать верно, потому что цензор Никитенко задерживает самые тоненькие тетрадки оригинала недель по 5-ти и 6-ти».

Свод. Т. 1. С. 680.

ОКТЯБРЯ 5 <17>. СУББОТА. КАЛУГА

И. С. Аксаков сообщает родным в Радонежье (Абрамцево):

«...В четверг[1] <...> отправился <...> к Смирновой... <...> Она, как кажется, теперь совсем здорова. Но мы с ней расходимся все более и более, невольно наговорили неприятностей друг другу и расстались очень сухо. <...> Разговор невольно коснулся религии, потому что она беспрестанно говорит об этом... <...> ...Она объявила мне, что находится на *прямом* пути... <...> что нельзя всем жить монахом, подобно мне... <...> что Гоголь поступает очень хорошо, переставая писать, ибо он уже весь исписался, исчерпал свой талант, данный ему от Бога[2], исполнил свое назначение и теперь должен жить, как все, всех любить и пр. и пр.»

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 915.

[1] 3 октября 1846 г.
[2] См. также ***1847. Января не позже 10 <не позже 22>. Калуга.***

ОКТЯБРЯ 20 <8>. ВТОРНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский дарит Гоголю новую записную книжку, с надписями:

«До свиданья. Франкфурт на Майне 1846, 8/20 октября»[1] (л. 1); «Да не смущается сердце ваше. Иоанн XIV, 1» (л. 2).

В первых строках статьи *XVII. Просвещение*, адресованной в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Жуковскому (отправлена П. А. Плетневу в Петербург для печатания 12 сентября (н. ст.) 1846 г.[2]; Жуковский «получил» и прочел это письмо уже «в печатном образе», т. е. в самой книге[3]), Гоголь замечал: «Еще раз пишу к тебе с дороги. Брат, благодарю за все! У Гроба Господа испрошу, да поможет мне отдать тебе хотя часть того умного добра, которым наделял меня ты. Веруй, и да не смущается твое сердце!»

Те же слова Спасителя были вылиты на надгробной плите дорогого Жуковскому с давних лет человека, племянницы поэта М. А. Мойер (рожд. Протасовой, 1793–1823). Картину с видом могилы Мойер Жуковский возил с собой. В своих «Рассуждениях и размышлениях» (1846–1847) он писал: «*Да не смущается сердце ваше: веруйте в Бога и в Меня веруйте*. В этом слове все возможные утешения, данные наперед человеку на все беды житейские. Сперва веруй, потом уже сердце твое будет тихо и мирно само собою. Из сердечных смущений истекает вера, из веры истекает мир»[4].

В ответной записке Гоголь благодарил В. А. Жуковского за подарок:

«Нельзя было лучше и кстати сделать подарка. Моя книжка вся исписалась. Подарку дан был поцелуй, а в лице его самому хозяину».

Подаренной записной книжкой Гоголь пользовался до июня 1850 г.[5]

В тот же день Гоголь писал П. А. Плетневу в Петербург (письмо было отправлено через день, 22 октября (н. ст.) 1846 г.[6]):

«Назад тому два дни[7] отправил к тебе пятую и последнюю тетрадь. От усталости и от возвращения вновь многих болезненных недугов не в силах был написать об окончательных распоряжениях. Пишу теперь. Ради Бога, употреби все силы и меры к скорейшему отпечатанью книги[8]. Это нужно, нужно и для меня, и для других; словом, нужно для общего добра. Мне говорит <это> мое сердце и необыкновенная милость Божия, давшая мне силы потрудиться тогда, когда я <...> не смел и ожидать потребной для того свежести душевной, и всё мне далось вдруг на то время: вдруг остановились самые тяжкие недуги, вдруг отклонились все помешательства в работе, и продолжалось всё это по тех пор, покуда не кончилась последняя строка труда. <...> ...Я действовал твердо во имя Бога, когда составлял мою книгу, во славу Его святого имени взял перо... <...> По выходе книги приготовь экземпля<ры> и поднеси всему царскому дому[9] [10] до единого[11], не выключая и малолетних, всем великим князьям, детям наследника, детям Марь<и> Никола<е>вны, всему семейству Михаила Павловича. Ни от кого не бери подарков и постарайся от этого вывернуться; скажи, что поднесенье этой книги есть выраженье того чувства, которого я сам не умею себе объяснить, которое стало в последнее <время> еще сильнее, чем было прежде, вследствие которого всё, относящееся к их дому, стало близко моей душе, даже со всем тем, что ни окружает их, и что поднесеньем этой книги им я уже доставляю удовольствие себе, совершенно полное и достаточное, что вследствие и болезненного своего состояния, и внутреннего состояния душевного, меня не занимает всё то, что может еще шевелить и занимать человека, живущего в свете. Но если кто из них предложит от себя деньги на вспомоществование многим тем, которых я встречу идущих на поклонение к Свя-

тым местам, то эти деньги бери смело. Друг, много есть людей, требующих помощи... <...> Многим художникам, многим, многим талантам следует хотя нищенское вспомоществова<ние>, чтобы не погибнули с голода в буквальном смысле. Есть многие, которые постигнули уже высшую тайну искусства и его высшее призвание, и для них так нужны Святые места и евангелическая земля, как народу еврейскому была нужна манна в пустыне. Много есть также людей и на других поприщах, которые принесут пользу истинную отечеству и всё выплатят с избытком, на них употребленное, и которые влекутся непостижимой душевной потребностью на поклоненье Святым местам именно в наступающем году. А потому если бы кто предложил из посторонних для этого деньги, бери и посылай ко мне. Дам отчет во всякой копейке и не брошу никому незаслуженно... <...> Нужно слишком соображать и взвешивать положенье тех, которым стремишься подать помощь, а особливо если располагаешь не своими, но чужими деньгами. Шесть экземпляров отдай (тот же час по выходе книги) Софье Михаил<овне> Соллог<уб>, с присоединеньем прилагаемого письма[12]. *Шесть экземпляров и* седьмой, с подписаньем цензора на второе издание, отправь немедленно в Москву к Шевыреву[13]. (Второе издание должно быть напечатано в Москве, ради несравненно большей дешевизны и ради отдыха тебе.) *Шесть экземпляров* отправь моей матери[14], с надписаньем: “Ее высокоб<лагородию> Марье Ивановне Гоголь, в Полтаву”. Один экземпл<яр> в Харьков Иннокентию, с присоединен<ием> при сем следуемого письмеца[15]. Два экземпляра – в Ржев Тверской губернии священнику Матвею Александровичу[16]. Экземпляра же три, а если можно и более, отправь немедленно мне с курьером[17]. Попроси от меня лично графиню Нессельрод, давши ей от имени моего экземпляр. Скажи, ей, что она очень, очень большое сделает мне одолженье, если устроит так, что я получу эту книгу в Неаполе наискорейшим порядком, и попроси ее тоже от меня отправить немедленно в Париж два экземпляра графу Александру Петровичу Толстому. Не позабудь и Жуковского[18]. Отдай еще Арк<адию> Россети три экземпляра[19] с письмом. <...> Прочие купят. Ты спрашива<л>, когда же я в Россию. Знает это Тот, Кто правит всеми нашими обстоятельствами. Что касается до меня, то скажу тебе, что еще никогда не было во мне желания такого сильного ехать в Россию, и я думаю из Иерусалима после Светлого праздника первым весенним путем на Константинополь и Одессу направить парус к берегам ее. Хочется очень обнять всё близкое душе моей, а в том числе и тебя. <...> Все, что ни будет, деньги, письма, всё адресуй в Неаполь, на имя посольства».

1 См. также ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Неаполь.***

2 См. ***1846. Сентября 12 <августа 31>. Суббота. Остенде.***

3 См. ***1847. Февраля 18 <6>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

4 *Жуковский В. А.* Сочинения в стихах и прозе. 10-е изд. СПб., 1901. С. 934.

5 См. ***1850. Июня в ночь с 24 на 25. Севск.***

6 См. ***1846. Октября 22 <10>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

7 См. ***1846. Октября 16 <4>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

8 «Выбранные места из переписки с друзьями» .

9 Всего около 20 лиц – Император Николай I, его жена Александра Феодоровна, их дети, наследник Александр Николаевич, великие княгини Мария и Ольга Николаевны, великие князья Константин, Николай и Михаил Николаевичи; жена наследника, Мария Александровна, их дети, великая княжна Александра Александровна, великие князья Николай и Александр Александровичи; дети великой княгини Марии Николаевны, герцогиня Лейхтенбергская Мария Максимилиановна, герцог Лейхтенбергский Николай Максимилианович, гергогиня Лейхтенбергская Евгения Максимилиановна; брат Императора Николая I Михаил Павлович, его жена, Елена Павловна, их дочери, великие княжны Мария и Екатерина Михайловны.

10 См. ***1846. Декабря 25 <1847. Января 6>. Среда. Праздник Рождества Христова. Санкт-Петербург.***

11 В письме к Плетневу от 2 ноября (н. ст.) 1846 г. Гоголь добавлял: «Царскому дому всему до единого. Вели переплетчику переплести для то<го> заблаговременно в приличные переплеты».

12 Письмо не сохранилось. Как и письмо к Плетневу, оно было отправлено 22 октября (н. ст.) 1846 г. (см. ***1846. Октября 22 <10>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***). В письме к графине Соллогуб Гоголь, очевидно, отправил несколько «надписаний», которые та, «разрезавши порознь», должна была наклеить «на первый листок» печатных экземпляров «Выбранных мест из переписки с друзьями», предназначавшихся к вручению (см. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца*** – письмо к С. П. Шевыреву). Надписи до нас не дошли. Одну из них – графине Л. К. Виельгорской – Гоголь позднее, в письме к графине Анне М. Виельгорской от 16 января (н. ст.) 1847 г., изменил (см. ***1847. Января 16 <4>. Суббота. Неаполь***).

[13] В письме к Плетневу от 2 ноября (н. ст.) 1846 г. Гоголь уточнял: «Шевыреву, в Москву (со включеньем процензурованного) 8 экзем<пляров>». Один из этих экземпляров предназначался отцу Иоанну Диомидовичу Никольскому (см. ***1846. Декабря 8 <ноября 26>. Вторник. Неаполь***), еще один – Н. Н. Шереметевой (см. ***1846. Ноября 8 <октября 27>. Воскресенье. Флоренция***; ***1847. Февраля 8 <20>. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Москва***). Остальные экземпляры назначались С. Т. Аксакову (см. ***1848. Октября 4 <16>. Суббота. Москва***), М. П. Погодину, М. С. Щепкину и, вероятно, П. В. Киреевскому или А. С. Хомякову (см. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца*** – письмо к Шевыреву).

[14] Самой матери и сестрам Гоголь, по-видимому, писал, что посылает им четыре экземпляра (см. ***1846. Декабря между 25 и 31 <1847. Января между 6 и 12>. Васильевка***). Один из этих шести экземпляров предназначался А. С. Данилевскому (см. ***1846. Ноября 8 <октября 27>. Воскресенье. Флоренция***), два других – матери и сестрам, четвертый экземпляр – А. А. Трощинскому; остальные – «святым людям», которые молились о Гоголе «по монастырям» (см. ***1846. Ноября 14 <2>. Суббота. Рим***). Впоследствии Гоголь распорядился об отправлении в Васильевку еще шести экземпляров – для сестер (см. ***1846. Ноября 19 <7>. Четверг. Неаполь***; ***1846. Декабря 4 <ноября 22>. Пятница. Неаполь***). О получении книги мать и сестры извещали Гоголя 18 февраля 1847 г. (см. ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Васильевка***).

[15] Письмо не сохранилось (см. ***1846. Октября 22 <10>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***).

[16] О протоиерее М. А. Константиновском Гоголь узнал за несколько лет до личной встречи, состоявшейся лишь в 1849 г. (см. ***1849. Января начало. Москва***). Заочное знакомство осуществилось благодаря другу Гоголя, графу А. П. Толстому, который знал отца Матфея еще в бытность свою в 1834–1837 гг. тверским губернатором. В период общения Гоголя с Толстым весной 1844 г. в Бадене в гоголевской записной книжке 1841–1846 гг. появилась запись: «Матвей Александрович, священ<ник> церк<ви> Спаса во Ржеве» (см. ***1844. Мая 23 <11>. Четверг. Баден-Баден***). (Незадолго до отправления письма к Плетневу Гоголь встречался с графом Толстым в Остенде; см. ***1846. Августа 25 <13>. Вторник. Остенде.***)

[17] В письме к Плетневу от 2 ноября (н. ст.) 1846 г. Гоголь уточнял: «Мне, в Неаполь, сколько может взять курьер – от трех до пяти экземпляров». Позднее, 4 декабря (н. ст.) 1846 г., Гоголь просил Плетнева прислать ему «сверх означенного <...> числа» еще «три или четыре экземпляра». (Один из дополнительных экземпляров книги, вероятно, предназначался для отца Тарасия Серединского; см. ***1846. Декабря 4 <ноября 22>. Пятница. Неаполь*** – примечания.) Экземпляр «Выбранных мест...» был получен Гоголем лишь в апреле 1847 г. – не от Плетнева (см. ***1847. Апреля 27 <15>. Вторник. Неаполь***).

[18] В письме к Плетневу от 2 ноября (н. ст.) 1846 г. Гоголь уточнял: «Жуковскому, во Франкфурт – 1».

[19] Экземпляры предназначались для самого Ар. О. Россета и для его сестры А. О. Смирновой.

ОКТЯБРЯ 9 <21>. СРЕДА. МОСКВА

Н. М. Языков пишет неизвестному лицу:

«Не знаю, с чего пошел слух, что Гоголь сошел с ума и сжег продолжение “Мертвых душ”. Я вчера получил от него письмо[1], в котором сумасшествие не заметно; а о своих сочинениях он обыкновенно ничего не пишет».

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 179.

[1] См. ***1846. Октября 5 <сентября 23>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне.***

ОКТЯБРЯ 22 <10>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ.

Гоголь отправляет в Петербург письма к Ар. О. Россету (письмо не сохранилось), к П. А. Плетневу (написано 20 октября (н. ст.) 1846 г.)[1]. В послание к Плетневу вкладывает написанное также 20 октября (н. ст.) 1846 г. послание к графине С. М. Соллогуб (рожд. графине Виельгорской) и общее письмо к графиням Л. К. и Анне М. Виельгорской и Соллогуб, а также письмо в Харьков к святителю Иннокентию (Борисову)[2] (последнее письмо тоже не сохранилось).

В общем письме к Виельгорским и Соллогуб Гоголь писал: «Что вы, мои прекрасные, мои близкие душе моей, все замолкнули? Что вы, моя старшая графиня, матушка моих милых сестер, после вашего длинного письма, исполненного гнева на современный порядок вещей (за которое потом вас побраню)[3], вдруг затихнули и отдыхаете на лаврах [удовольствовавшись тем, что удалось хоть кого-нибудь выбранить]? Пишите ко мне в Неаполь. Я еще не пущусь в дорогу раньше генваря последних чисел будущего 1847 года. <...> Чем обстоятельней и длинней письмо, тем будет лучше. Мне теперь нужны обстоятельные письма от моих друзей, чтобы открылось мне настоящее состояние душ их и знал бы я, о чем и как для них помолиться. <...> Весь ваш ваш родной брат Г<оголь>».

[1] См. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Москва.***

[3] Ответом на это несохранившееся письмо графини Л. К. Виельгорской (написанного, по-видимому, в период с мая по август 1846 г. из Петербурга) стала статья Гоголя *XXVI. Страхи и ужасы России* «Выбранных мест из переписки с друзьями». В статье, отправленной Плетневу в Петербург для печатания 26 сентября (н. ст.) 1846 г. (см. ***1846. Сентября 26 <14>. Суббота. Праздник Воздвижения Креста Господня. Остенде***), Гоголь писал: «На ваше длинное письмо, которое вы писали с таким страхом, которое просили сей же час истребить после прочтения и на которое отвечать просили не иначе, как через верные руки, а отнюдь не по почте, я отвечаю не только не по секрету, но, как вы видите, в печатной книге, которую, может быть, прочтет половина грамотной России. Побудило меня к тому то, что, может быть, мое письмо послужит в то же время ответом и прочим, которые, подобно вам, смущаются теми же страхами».

ОКТЯБРЯ МЕЖДУ 22 И 24 <МЕЖДУ 10 И 12>. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ, СТРАСБУРГ

Гоголь едет из Франкфурта в Страсбург[1].

Перед отъездом из Франкфурта Гоголь получил из Парижа письмо графа А. П. Толстого, с вложением письма Иконникова (возможно, Степана Михайловича)[2] (оба письма не сохранились).

[1] См. ***1846. Октября 22 <10>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Октября 24 <12>. Суббота. Страсбург.***

[2] См. ***1846. Ноября 24 <12>. Вторник. Неаполь*** (письмо к Толстому).

ОКТЯБРЯ 24 <12>. СУББОТА. СТРАСБУРГ

Гоголь в Страсбурге проездом в Италию. Отправляет в Москву письмо к С. П. Шевыреву, с вложением «Развязки Ревизора» и посланий к М. С. Щепкину и С. Т. Аксакову (датировка письма у Аксакову уточнена)[1]. Приступает к работе над «Предуведомлением» к благотворительному изданию «Ревизора с Развязкой».

Из письма к Шевыреву: «Прошу тебя доставить это письмо Щепкину, которое должен он прочесть при тебе, а потом дать его прочесть тебе и больше никому. <...> "Ревизор" должен быть напечатан в своем полном виде, с тем заключением, которое сам зритель не догадался вывесть. Заглавие должно быть такое: *"Ревизор с Развязкой. Комедия в пяти действиях, с заключением.* Соч. Н. Гоголя. *Издание четвертое, пополненное, в пользу бедных"*. Играться и выйти в свет "Ревизор" должен не прежде появленья книги "Выбранные места": иначе всё не будет понятно вполне[2]. Об остальных распоряжениях извещу тебя потом, вместе с присылкой необходимого предисловия[3]. Теперь же, за множеством всякого рода хлопот и ответов на письма, которые вряд ли кому-либо приходится получать со всех сторон в таком множестве, не могу писать более. Скажу только, что я на дороге, в Стразбурге; завтра[4] еду, пробираясь на Ниццу, в Италию.

Уведоми меня обо всем, что ни делается в Москве и что ни говорится обо мне, особенно всякие невыгодные и дурные слухи... <...> Теперь же вестей обо мне должно быть немало, потому что я еще

не помню, чтобы печатанье какой бы то ни было книги моей не было сопровождено всякого рода вестями, слухами, историями и вымыслами всех родов, как ни стараешься дело это производить сколько возможно потише. <...> Жду с нетерпеньем твоего уведомленья в Неаполь...»

Щепкину Гоголь сообщал: «...Вы должны взять в свой бенефис “Ревизора” в его полном виде, то есть следуя тому изданию, которое напечатано в полном собрании моих сочинений[5], с прибавлением хвоста, посылаемого мною теперь. Для этого вы сами непременно должны съездить в Петербург, чтобы ускорить личным присутствием ускорение цензурного разрешения. Не знаю, кто театральный цензор. Если тот самый Гедеонов[6], который был в Риме с графом Васильевым[7] и с которым я там познакомился[8], то попросите его от моего имени крепко. Во всяком случае, обратитесь по этому делу к Плетневу и гр<афу> М<их>. Ю. Вьельгорскому, которым всё объясните и которых участие может оказаться нужным. Скажите как им, так и себе самому, чтобы это дело до самого времени представления не разглашалось и оставалось бы в тайне между вами. Хлестакова должен играть Живокини[9]. Дайте непременно от себя мотив другим актерам, особенно Бобчинскому и Добчинскому. Постарайтесь сами сыграть перед ними некоторые роли. Обратите особенное внимание на последнюю сцену. Нужно непременно, чтобы она вышла картинной и даже потрясающей. Городничий должен быть совершенно потерявшимся и вовсе не смешным. Жена и дочь в полном испуге должны обратить глаза на его одного. У смотрителя училищ должны трястись колени сильно, у Земляники также. Судья, как уже известно, с присядкой. Почтмейстер, как уже известно, с вопросительным знаком к зрителям. Бобчинский и Добчинский должны спрашивать глазами друг у друга объясненья этому всему. На лицах дам-гостей ядовитая усмешка, [кроме охотницы] кроме одной жены Луканчика, которая должна быть вся — испуг, бледна, как смерть, и рот открыт. Минуту или минуты две непременно должна продолжаться эта немая сцена, так чтобы Коробкин, соскучившись, успел попотчевать Растаковского табаком, а кто-нибудь из гостей даже довольно громко сморкнуть в платок. Что же касается до прилагаемой при сем “Развязки Ревизора”, которая должна следовать тот же час после “Ревизора”, то вы, прежде чем давать ее разучать актерам, вчитайтесь хорошенько в нее сами, войдите в значенье и в крепость всякого слова, всякой роли, так, как бы вам пришлось все эти роли сыграть самому, и, когда войдут они вам в голову все, соберите актеров и прочитайте им, и прочитайте не один раз, — прочитайте раза три-четыре или даже пять. Не пренебрегайте, что роли маленькие и по нескольку строчек. Строчки эти должны быть сказаны твердо, с полным убежденьем в их истине, потому что это — спор, и спор живой, а не нравоученье. Горячиться не должен никто, кроме разве Семена Семен<ови>ча, но слова произносить должен всяк несколько погромче, как в обыкновенном разговоре, потому что это спор. Николай Никола<ев>ич должен быть даже отчасти криклив; Петр Петрович — с некоторым заливом. Вообще было бы хорошо, если бы каждый из актеров держался сверх того еще какого-нибудь ему известного типа. Играющему Петра Петровича нужно выговаривать свои слова особенно крупно, отчетливо, зернисто. Он должен скопировать того, которого он знал говорящего лучше всех по-русски. Хорошо бы, если бы он мог несколько придерживаться американца Толстого[10]. Николаю Николаевичу должно, за неимением другого, придерживать<ся> Ник<олая> Филипповича Пав<лова>, потому что у него самый ровный и пристойный голос из всех наших литераторов, притом в него не трудно попасть. Самому Семену Семеновичу нужно дать более благородную замашку, чтобы не сказали, что он взят с Николая Миха<й>лов<ича> Заг<оскина>[11]. Вам же вот замечание. Старайтесь произносить все ваши слова как можно тверже и покойней, как бы вы говорили о самом простом, но весьма нужном деле. Храни вас Бог слишком расчувствоваться. Вы расхныкаетесь, и выйдет у вас просто чорт знает что. Лучше старайтесь так произнести слова, [хотя] самые близкие к вашему собственному состоянию душевному, чтобы зритель видел, что вы стараетесь удержать себя от того, чтобы не заплакать, а не в самом деле заплакать. Впечатление будет оттого несколько раз сильней. Старайтесь заблаговременно, во время чтения своей роли, выговаривать твердо всякое слово, простым, но пронимающим языком, — почти так, как начальник артели говорит своим работникам, когда выговаривает им или попрекает в том, в чем действительно они провиноватились. Ваш большой порок в том, что вы не умеете выговаривать твердо всякого слова: от этого вы неполный владелец собою в своей роле. В

городничем вы лучше всех ваших других ролей именно потому, <что> [заставлены] почувствовали потребность говорить выразительней. Будьте же и здесь, и в "Развязке Ревизора", тем же городничим. Берегите себя от сентиментальности и караульте сами за собою. Чувство явится у вас само собою, за ним не бегайте; бегите за тем, как бы стать властелином себя. Обо всем этом не сказывайте никому в Москве, кроме Шевырева, по тех пор, покуда не возвратитесь из Петербурга. У вас язык немножко длинноват; вы его на этот раз поукоротите; если ж он начнет слишком почесываться, то вы придите в другой раз к Шевыреву и расскажите ему вновь, как бы вы рассказывали свежему и совсем другому человеку. "Развязку" нужно будет переписать, потому что, кроме экземпляра, нужного для театральной цензуры, другой будет нужен для подписанья цензору Никитенке, которому отдаст Плетнев, ибо "Ревизор" должен напечататься отдельно с "Развязкой" ко дню представления и продаваться в пользу бедных, о чем вы при вашем вызове по окончании всего должны возвестить публике, что не благоугодно ли ей, ради такой Богоугодной цели, сей же час по выходе из театра купить "Ревизора" в театральной же лавке, а кто разохотится дать больше означенной цены, тот бы покупал ее прямо из ваших рук для большей верности. А вы эти деньги потом препроводите к Шевыреву. Но об этом речь еще впереди. Довольно с вас покаместь этого. Итак, благословясь. поезжайте с Богом в Петербург. Бенефис ваш будет блистателен. Не глядите на то, что пиеса заиграна и стара. Будет к этому времени такое обстоятельство, что все пожелают вновь увидать "Ревизора"[12], даже и в том виде, в каком он давался прежде. Сбор ваш будет с верхом полон. Поговорите с Сосницким, чтобы увидать, можно ли то же самое сделать и в Петербурге сколько возможно таким образом, как в Москве. Прежде его испытайте: он немножко упрям в своих убеждениях. Скажите ему, что это стыдно и не в христианском духе иметь такое гордое мнение в своей безошибочности, и что он первый, если бы только захотел истинно постараться о том, чтобы последняя сцена вышла так, как ей следует быть, она бы сделалась чистая натура. Не приметил бы зритель никакой искусственности и принял бы ее за вылившуюся непринужденно. Скажите ему, что для русского человека нет невозможного дела, что нет даже на языке его и *слова* нет, если он только прежде выучился говорить всяким собственным страстишкам: *нет*.

Письмо это дайте прочесть Шевыреву, так же, как и самую "Развязку Ревизора", и о получении всего этого уведомите меня тот же час[13], адресуя в Неаполь, poste restante».

Из письма к С. Т. Аксакову: «Что вы, добрый мой, замолчали, и никто из вас не напишет о себе ни словечка? Я, однако ж, знаю почти всё, что с вами ни делается; чего не дослышал слухом, дослышала душа. Принимайте покорно всё, что ни посылается нам, помышляя только о том, что это посылается Тем, Который нас создал и знает лучше, что нам нужно. Именем Бога говорю вам: всё обратится в добро. Не вследствие какой-либо системы говорю вам, но по опыту. Лучшее добро, какое ни добыл я, добыл из скорбных и трудных моих минут. И ни за какие сокровища не захотел бы я, чтобы не было в моей жизни скорбных и трудных состояний, от которых ныла вся душа, недоумевал ум помочь. Ради Самого Христа, не пропустите без вниманья этих слов моих. Адресуйте мне в Неаполь. Раньше генваря [первых] последних чисел не думаю подняться в Иерусалим»[14].

Позднее, в 1854 г., С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя», предваряя цитату из настоящего письма, замечал: «Вот еще маленькое письмецо, без года и числа, вероятно относящееся к последним числам декабря 1846 года»[15].

[1] См. ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Москва.***

[2] См. ***1846. Июля 26 <14>. Воскресенье. Швальбах*** (примечания).

[3] См. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца.***

[4] См. ***1846. Октября 25 <13>. Воскресенье. Страсбург.***

[5] Издание 1842 г.

[6] Михаил Александрович Гедеонов (1814–1855), сын директора Императорских театров А. М. Гедеонова.

[7] Вероятно, Алексей Владимирович Васильев (1808–1895), граф, офицер, в 1835–1836 гг. сослуживец М. Ю. Лермонтова, знакомый А. С. Пушкина и князя П. А. Вяземского; в январе 1837 г. вышел в отставку и уехал путешествовать по Италии. В 1838–1839 гг. находился во Флоренции.

[8] Возможно, это произошло весной 1837 г., во время тогдашнего пребывания Гоголя в Риме (см. ***1837. Марта 26 <14> – июня вторая половина, не позднее 25 <июня первая половина, не позднее 13>. Рим***).

[9] См. также ***1842. Марта 14. Суббота. Вечер. Москва***; ***1842. Декабря 3 <ноября 21>. Суббота. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Рим.***

[10] Федор Иванович Толстой (1782–1846), граф, отставной полковник, был известен своими дуэлями и приключениями.

[11] Описка Гоголя: Загоскина звали Михаил Николаевич.

[12] Подразумевается предполагаемое впечатление от «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[13] Ответ Щепкина см.: ***1847. Мая 22 <июня 3>. Четверг. Москва.***

[14] См. также ***1846. Октября 8 <сентября 26>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Ноября 14 <2>. Суббота. Рим.*** – Ср. ***1846. Ноября 19 <7>. Четверг. Неаполь***; ***1848. Января 18 <6>. Вторник. Праздник Крещения Господня. Неаполь.***

[15] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 648.

ОКТЯБРЯ 25 <13>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. СТРАСБУРГ

Гоголь выехал[1] из Страсбурга в Ниццу[2] (вероятно, через Лион).

[1] См. ***1846. Октября 24 <12>. Суббота. Страсбург.***

[2] См. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца.***

ОКТЯБРЯ 13–14 <25–26>. ВОСКРЕСЕНЬЕ-ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Ф. В. Чижов отправляется из Москвы, через Петербург, за границу[1].

Незадолго до отъезда Чижов прочел в рукописи присланное П. А. Плетневым С. П. Шевыреву[2] предисловие Гоголя ко второму изданию первого тома «Мертвых душ» «К читателю от сочинителя»[3].

Позднее, 27 октября 1846 г., Н. М. Языков сообщал А. А. Иванову: «Октября 14 дня Ф. В. Чижов пустился из Москвы в Питер, где пробудет недели с две и потом устремится в Италию и в Рим... <...> С ним посылаю я вам несколько рисунков[4], которым ваше русское сердце порадуется»[5].

По возвращении из Италии Чижов 16 июля 1847 г. писал Гоголю: «Теперь у меня дело идет о том, чтоб начать издавать журнал: думаю я уже давным-давно, все нападали на меня, чтоб я начал прошлого года, то есть с 1-го генваря 1847 года; я отложил на год – все ругали меня, зачем я поехал в Италию; отчетливо я сам не мог сказать, зачем я еду, но чувствовал необходимость полного уединения. <...> Пришло ли время издавать журнал, – могу ли я вполне удовлетворить тем требованиям, каким теперь должен удовлетворять журналист московский – эти вопросы не дают мне покоя. Начинал я говорить с московскими – у них много горячки, все впопыхах, все толкуют мне о том, сколько можно собрать статей и на сколько книжек достанет, а то, чего я ищу, и сам не знаю чего, по крайней мере, определительного тоже я ни от кого не слышу».

[1] В паспорте Чижова отъезд из Москвы был помечен 13 октября 1846 г. (см.: Кирило-Мефодіївське товариство: В 3 т. Київ, 1990. Т. 3. С. 217).

[2] См. ***1847. Октября 3 <15>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Рим.*** – См. также ***1847. Января 7 <1846. Декабря 26>. Четверг. Рим.***

[4] Вероятно, речь идет о литографиях Корнелия Яковлевича Тромонина (ум. в 1847) рисунков московских древностей.

[5] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 179.

ОКТЯБРЯ 15 <27>. ВТОРНИК. КАЛУГА

А. О. Смирнова пишет ответное письмо Гоголю в Неаполь:

«Ваше длинное письмо[1] и ваши два коротенькие письма[2] я получила одно за другим, любезный друг мой. На длинное долго еще не буду в состоянии отвечать; с половины июля я беспрестанно хворала или, лучше сказать, была тяжко больна. <...> ...Физических страданий не было, кроме почти трехмесячной бессонницы. Меня не оставляли добрые люди; при мне были три старые девушки Бахметевы; они мне говорили: "выходим тебя, матушка, только слушай нас, да молись". И в самом деле, выучили меня молиться, возили в церковь, читали мне вслух Евангелие, молитвы, сочинения Тихона Задонского, Иннокентия[3], и как сестры ходили за мной. Меня Господь не оставил в самые трудные минуты, всегда молитва успокоивала меня и располагала к новой молитве. Теперь я уже хожу в среду и в пятницу к обедне, и не чувствую скуки, которая прежде мною овладевала. Но довольно о себе.

В последнем вашем письме вы просите меня ехать в Петербург. По первому же пути я сперва съезжу в Воронеж[4], по обещанию, а там прямо в Петербург. Впрочем, я уверена, любезный друг мой, что все устроится без меня; так было и с "Мертвыми Душами". Кажется, что письма ваши будут печататься: так сообщил мне Аркадий[5], по приказанию Плетнева. Я очень любопытна их прочитать. В первом коротеньком письме вы мне говорите: "Если вам скучно в Калуге, это знак, что душа ваша больна. Господь милостив: посылая одну болезнь, вылечивает от другой". Мне не скучно. Я люблю Калугу и губернский быт. Тут при многом дурном ярче выказываются хорошие стороны. Есть люди благочестивые и нет нестерпимого петербургского чуфорства, которое там лучших людей не оставляет... <...> У нас собираются до 20 человек запросто, с работами дамы, барышни бегают по зале, играют на клавикордах и поют, а народ слушает. <...>

Итак, вы в Иерусалиме[6]. Наконец, да благословит вас Господь в путь, не забудьте о мне грешной у гроба Господа нашего Иисуса Христа. Помолитесь прежде пресвятой Его Матери, а я за вас отслужу молебен с акафистом у чудотворного образа Калужской Божией Матери[7]. Молюсь за вас ежедневно, утром и вечером, поминаю и за обедней. Скоро еще помяну... У меня был Исидор Курский[8], проездом в Петербург, где он чередный. Мне он очень понравился; говорил про Филарета Киевского много интересного и кончил так: "это созревший грозд, красотой ни с чем несравненный". Прощайте, Христос с вами. Обнимаю вас; иду к обедне. Среда и пост! Н<иколай> М<ихайлович>[9] все хлопочет; его любят, да нельзя и не любить, потому что всем делает добро, хотя взяточников и выживает».

[1] Письмо от 6 июня – 6 июля (н. ст.) 1846 г. об обязанностях губернаторши (см. ***1846. Июля 6 <июня 24>. Понедельник. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Карлсбад***).

[2] См. ***1846. Октября 8 <сентября 26>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Октября 15–16 <3–4>. Четверг-пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[3] См. ***1844. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Дармштадт.***

[4] К мощам святителя Митрофана, первого епископа Воронежского. – См. также ***1846. Декабря 7 <19>. Суббота. Калуга***; ***1846. Декабря 10 <22>. Вторник. Калуга.***

[5] Ар. О. Россет, брат Смирновой.

[6] Гоголь отправился в Иерусалим только в январе 1848 г. (см. ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь***).

[7] Празднование совершается 2 сентября (н. ст.).

[8] Вероятно, имеется в виду преосвященный Илиодор (Чистяков, 1794–1861), архиепископ Курский и Белгородский. Ср. ***1846. Октября 16 <28>. Среда. Санкт-Петербург.***

[9] Смирнов, калужский гражданский губернатор, муж Смирновой.

ОКТЯБРЯ 15 <27>. ВТОРНИК. МОСКВА

Н. М. Языков пишет А. П. Елагиной:

«Гоголь сильно рассердился на Панова за его желание иметь Гоголеву статью в "Московский сборник"[1]. Он прислал престранное предисловие ко второму изданию 1-й части "Мертвых душ", которое на днях выйдет. Будь я на месте Шевырева, заведующего этим изданием, я бы не напечатал такого предисловия...»[2]

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 179.

[1] См. ***1846. Октября 5 <сентября 23>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне.*** – См. также письмо Е. А. Свербеевой В. А. Жуковскому от 3 июня 1846 г. (см. ***1846. Июня 3 <15>. Понедельник. Москва***).

[2] Второе издание «Мертвых душ» вышло в Москве в октябре 1846 г. (цензурное разрешение 25 августа 1846 г.).

ОКТЯБРЯ 16 <28>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Обер-прокурор Святейшего Синода граф Н. А. Протасов обращается в Синод с предложением:

«Ректор Императорского С. Петербургского Университета Действительный Статский Советник Плетнев в письме ко мне[1] изъясняет, что при печатании им ныне, по поручению В. А. Жуковского, нового сочинения Гоголя под названием: *Выбор из переписки с друзьями*, он не получил согласия Духовного Ценсора на издание двух из числа сих писем (VIII и IX): О нашей Церкви и Духовенстве, но находя с своей стороны, что по образу суждения Гоголя надобно желать распространения подобных идей, Г. Плетнев просит об исходатайствовании разрешения на издание сих писем, с возвращением оных. Имею честь предложить о сем Святейшему Синоду, прилагая означенные письма»[2].

В тот же день состоялось слушание в Синоде предложения обер-прокурора. В протоколе заседания были отмечены те места в автографе Гоголя, которые подлежали сокращению (сокращению подверглась только первая из статей):

«1846 года Октября 16 дня, по указу Его Императорского Величества, Святейший Правительствующий Синод слушали предложение Г. Обер-Прокурора Св. Синода, о пропуске к напечатанию писем Г. Гоголя под названием: несколько слов о нашей Церкви и Духовенстве. – ПРИКАЗАЛИ: Св. Синод, по рассмотрении означенных писем, определяет: поручить С. Петербургскому Комитету Д<уховной> Цензуры дать от себя разрешение на напечатание оных с нижеследующими в них изменениями, указанными в особо снятой и скрепленной в Канцелярии Св. Синода копии тех писем, именно: лист 1, строки 16, 17 и 18, и на обороте того же листа стр<ока> 1[а], слова: *"запрещая споры"* – и так далее до слов *"излишне беспокоиться"* – исключить; л. 1 об., стр<оки> 2, 3, вместо *"такое дело"* поставить *"ее"* и вместо *"его"* поставить *"ее"*; л. 2, стр<ока> 5, вместо *"мертвый труп"* – поставить *"безжизненна"*; л. 2, стр<оки> 15, 16, 17, слова: *"в сравнении"* и т. д. до слов *"ваше"* исключить; и л. 2, стр<оки> 19, 20, 21, 22, 23, и на обороте того же листа строки 1, 2, 3, 4 и 5, слова: *"внутри его"* и т. д. до слова *"ищем"* исключить. О чем и послать в Цензурный Комитет указ, с приложением помянутой копии, для надлежащего распоряжения, с тем, чтобы по скрепе в Комитете всех указанных на оной изменений, сделана была на копии разрешительная от имени Комитета надпись о печатании, а затем рукопись сия была бы выдана кому следует: уведомить же о сем Г. Плетнева – предоставить распоряжению Его Сиятельства, Г. Обер-Прокурора Св.Синода передав для сего в Канцелярию Его Сиятельства копию с сего определения.

Подлинное подписали: 18 Октября 1846 г. Антоний, митрополит Новгородский и С. Петербургский; Венедикт, Архиеп<ископ> Олонецкий; Илиодор, Архиеп<ископ> Курский, Гедеон, Архиеп<ископ> Полтавский; Обер Священник В. Кутневич; Обер Секретарь И. Бейер; Протоколист <*подпись нрзб.*>. Исполнено 20 Октября 1846 года»[3].

[1] См. ***1846. Октября 1 <13>. Вторник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. <Санкт-Петербург>.***

[2] *Свод.* Т. 1. С. 679–680. – Предложение подписано также директором канцелярии Святейшего Синода К. С. Сербиновичем. – См. также ***1846. Ноября 1 <13>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[3] *РГИА.* Ф. 796. Оп. 127. Ед. хр. 1631. Л. 2. – См. также ***1846. Октября 18 <30>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1846. Октября 20 <ноября 1>. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 17 <29>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получил[1] от Гоголя из Франкфурта письмо[2] с вложением заключительных статей «Выбранных мест из переписки с друзьями» (автографы глав XXXI и XXXII).

[1] См.: *Городецкий.* С. 453.

[2] См. ***1846. Октября 16 <4>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

ОКТЯБРЯ 18 <30>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Петербургский комитет духовной цензуры получает распоряжение Святейшего Синода[1] о статьях Гоголя *VIII. Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве* и *IX. О том же* «Выбранных мест из переписки с друзьями»[2].

[1] См. ***1846. Октября 16 <28>. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] *РГИА.* Ф. 797. Оп. 16. Ед. хр. 37414. Л. 4; *РГИА.* Ф. 807. Оп. 2. Ед. хр. 1072. Л. 20.

ОКТЯБРЯ 19 <31>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получает письмо Гоголя из Франкфурта[1] (на письме имеется почтовый штемпель: «Получено 1846 <*нрзб.*> 19 полдень»; и помета Плетнева: «П<олучено> 19 окт<ября> 1846»[2]).

В тот же день в связи с прохождением в цензуре «Выбранных мест из переписки с друзьями» Плетнев был с визитами у К. С. Сербиновича (не застал его дома) и у цензора А. В. Никитенко.

Спустя четыре дня, 23 октября 1846 г., Плетнев сообщал Я. К. Гроту: «В субботу <19 октября> <...> нужно было видеться по отрывкам из писем Гоголя с Сербиновичем, но я не застал его дома. Был тоже тщетно у Никитенки за третьею тетрадкой писем Гоголя»[3].

В третьей тетради находились письма XV–XXI, в том числе: *XIX. Нужно любить Россию*; *XX. Нужно проездиться по России*; *XXI. Что такое губернаторша*, – исключенные Никитенко[4].

[1] См. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Октября 22 <10>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[2] *Городецкий.* С. 453.

[3] *Свод.* Т. 1. С. 680.

[4] См. ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 20 <НОЯБРЯ 1>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

С. П. Шевырев в ответном[1] письме к Гоголю в Рим[2] сообщает:

«Подписав последнюю корректуру второго издания "Мертвых душ" и твоего предисловия, беру перо, чтобы поблагодарить тебя еще раз за это сочинение, которое вырастает более при каждом чтении. Вгляделся ты глубоко в неразумную сторону России, с полною любовью к другой, еще невидимой, несознанной стороне, открытия которой в художественном мире мы все от тебя ожидаем. Твое предисловие мне пришлось по сердцу: мне кажется из него, что ты растешь духовно. Я желаю, чтоб оно ввело тебя в сношения во всеми возможными русскими людьми из всех сословий. Но можно ли узнавать Россию, живучи все так далеко от нее? Неужели не чувствуешь потребности побывать опять в ней, чтобы освежить впечатления и собрать новые? С нетерпением ждем того, что печатает Плетнев[3]. "Мертвые души" пущу я вслед за этою книгой, как ты желаешь. На днях все будет отпечатано. Виньетку[4] я заказал Тромонину, который сделает точно такую же, но лучше, чем Сиверс. Благодарю тебя за твое замечание на мою книгу[5]. Я послал к тебе второй выпуск через Вяземского. <...> Ты прав. Первая лекция может быть ясна и оправдана в глазах тех только, которые меня слушали. Все будет понятно, когда окончится весь труд. Если бы я мог найти полгода свободного времени, все бы окончил. Но это невозможно. Я несу разные обязанности. Кроме двух курсов по университету для студентов, читаемых мною ежегодно, я намерен еще в нынешнем году прочесть публичный курс истории всеобщей поэзии[6]. От меня ждут слова. Я думал было сначала не читать, чтобы не отвлекаться от письменного труда. Ожидание публики меня не привлекало, хотя было мне и приятно. Но внутренний голос несколько раз повторил опять: читай. Я решился. Это отвлечет меня на время от издания, но в будущем году я надеюсь подвинуть его быстро. Теперь я не могу ожидать, чтобы книга моя возбудила большое сочувствие в публике, которая обворожена "Отечественными записками" и "Вечным жидом"[7]. Но довольно того, что она в немногое время вся мне окупилась, а издание ее стоило 2700 с лишком рублей. Это уже важно для такой книги. Это мне служит большим подкреплением. Я надеюсь, что, когда выйдут все части, сочувствие будет явственнее и общее. Трудно мне бывает сосредоточивать волю свою в одном действии. Я желал бы иметь твои силы.

Мы все поражены были ужасною смертью Линовского[8], профессора сельского хозяйства, который был зарезан своим крепостным человеком, им же облагодетельствованным. Линовский был прекрасною надеждою для науки и так начинал понимать Россию! В течение недели мы все были как без ума и от этой потери, и от самого события. Жду с нетерпением твоего письма из Рима. Посылаю тебе записку наборщика ко мне[9]. Я знаю, что ты любишь эти куриозы. <...>

Слог в предисловии твоем я весьма немного исправил только в том, что не совсем было гладко или согласно с нашими правилами. А в прочем вся твоя особенность, которою я весьма дорожу, осталась тут — и твой период».

[1] См. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Октября 22 <10>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Октября 19 <31>. Суббота. Санкт-Петербург***.

[2] См. ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Москва***. — Письмо было получено Гоголем в Неаполе (см. ***1846. Декабря 1 <ноября 19>. Вторник. Неаполь***).

[3] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[4] Речь идет о литографии гоголевского рисунка обложки первого тома «Мертвых душ».

[5] «История Русской Словесности, преимущественно древней».

[6] С. П. Шевырев начал чтение курса 7 декабря 1846 г и завершил 29 апреля 1847 г.

[7] Роман Э. Сю.

[8] Ярослав Альбертович Линовский (род. в 1818), профессор Московского университета по кафедре сельского хозяйства, убит своим слугой 1 октября 1846 г.

[9] Записка не сохранилась.

ОКТЯБРЯ 20 <НОЯБРЯ 1>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Петербургский комитет духовной цензуры, в дополнение распоряжения от 18 октября[1], получает новый официальный «Указ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКОГО, из Святейшего Правительствующего Синода» о статьях Гоголя *VIII. Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве* и *IX. О том же* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (в указе также перечислялись те места в первой статье Гоголя, которые подлежат сокращению)[2].

По получении указа Комитетом духовной цензуры было вынесено определение, согласно которому дальнейшая подготовка к печати статей Гоголя была поручена тому же цензору, который тремя неделями ранее запретил статьи к публикации, — протоиерею Тимофею Никольскому: «Определено: Так как в рукописи сей уже сделаны Святейшим Синодом нужные изменения и исправления, то поручить рассматривавшему предварительно сию рукопись Члену Комитета Протоиерею Никольскому скрепить оную по листам, и дав разрешительную от имени Комитета надпись о напечатании, препроводить затем оную в Канцелярию Г. Обер-Прокурора Святейшего Синода, согласно отношению оной от 18 октября № 7838»[3].

В тот же день, 20 октября 1846 г. директор синодальной канцелярии К. С. Сербинович, по поручению графа Н. А. Протасова, известил П. А. Плетнева, что «печатание представленных <...> двух писем Г. Гоголя разрешено (с исключением нескольких строк в первом письме)» и что «подлинник обоих писем <Гоголя> оставлен в Св. Синоде при деле»[4].

[1] См. ***1846. Октября 18 <30>. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] *РГИА.* Ф. 807. Оп. 2. Ед. хр. 1072. Л. 19, 24.
[3] *РГИА.* Ф. 807. Оп. 2. Ед. хр. 1072. Л. 24 об. — Оформление бумаг было окончено к 23 октября (см. ***1846. Октября 23 <ноября 4>. Среда. Санкт-Петербург***).
[4] *РГИА.* Ф. 797. Оп. 16. Ед. хр. 37414. Л. 12, 5. — Ср. ***1846. Октября 23 <ноября 4>. Среда. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 20 <НОЯБРЯ 1>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. КАЛУГА

И. С. Аксаков сообщает родным в Москву:

«Смирнова <...> недавно получила письмо от Гоголя[1]. Арнольди сказывал мне, что он пишет, будто в январе отправляется в Иерусалим, куда зовет и Смирнову! Он написал сочинение, в виде двух писем, о Русском Духовенстве, которое цензура сначала не пропустила, но Государь, по ходатайству Протасова, разрешил печатание[2], и оно выйдет особою книжкою. Вот еще новость: говорят, Плетнев продал "Современник" Белинскому и Панаеву...»

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 915.

[1] См. ***1846. Октября 8 <сентября 26>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***
[2] См. ***1846. Октября 1 <13>. Вторник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург***; ***1846. Октября 16 <28>. Среда. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 2 <ОКТЯБРЯ 21>. ПОНЕДЕЛЬНИК. НИЦЦА

Гоголь в Ницце проездом в Италию. Пишет в Петербург письмо к графине Анне М. Виельгорской – вкладывая в это письмо «Предуведомление» к предполагаемому благотворительному изданию «Ревизора с Развязкой»; пишет также письмо в Петербург к П. А. Плетневу – в это послание вкладывает новое (второе[1] подряд) письмо к М. С. Щепкину, а также письмо к И. И. Сосницкому. (Согласно почтовым штемпелям, письма к Виельгорской и к Плетневу были отправлены из Ниццы на следующий день, 3 ноября (н. ст.) 1846 г.[2]). Кроме того, пишет в Москву новое[3] письмо к С. П. Шевыреву – тоже с вложением «Предуведомления» к изданию «Ревизора с Развязкой».

Из письма к Виельгорской: «Вы всегда жаловались, что вам нет поприща, мало дела и не знаете, чем быть полезну другим. Это настоящая тайна хандры вашей, хотя этого покаместь вы еще не раскусили. Вам нужно дело. И вот вам дело: всё выслушайте внимательно и всё исполните усердно, что я и скажу, помолившись прежде покрепче Богу, во имя Которого вы должны предпринять это дело. В Петербурге и в Москве будет играться "Ревизор" в новом виде, с присовокупленьем его окончания или заключенья, в бенефис двух первых наших комических актеров[4]. Ко дню представления будет отпечатана пиеса отдельною книгою с присоединением доселе никому неизвестного ее окончания[5]. Продаваться она будет в пользу бедных и может распродаться в большом количестве, стало быть, принести значительную сумму. Выручка денег поручена Плетневу, который передаст их, по мере прихода, тем, которые должны взять на себя обязанность быть раздавателями этих денег бедным, в числе которых одно из главных лиц – вы, а потому и пишу я обо всем этом вам. Прилагаю при этом и предисловие, которое должно быть приложено в начале книги. Из него вы увидите, в чем дело и как нужно производить денежную раздачу. Соберите к себе всех тех, которых имена здесь означены[6], и переговорите с ними, взявши с них слово до времени не говорить об этом ни с кем из посторонних, кроме разве тех, которые, по замечанью кого-нибудь из них или вашему, могут быть включены в число раздавателей, которых чем больше, тем лучше. Старайтесь особенно склонить из женского пола таких, которых вы знаете как сострадательных, рассудительных и умных женщин. Я поставил здесь вашу приятельницу Дашкову единственно потому, что у ней есть особенная светлость душевная, постоянно разлитая в чертах ее лица, в которой может она оказывать ту помощь страждущим, о какой еще и сама она не знает. <...> Для большего облегчения себе всяк может вначале первые дела и первые подвиги возложить совершенно на священников и требовать только от них подробных рассказов, каким образом и как они произвели это дело. От этого нечувствительно потом научитесь помогать сами. Потому что помогать есть тоже наука... <...> Всё это сделайте как можно скорее, потому что имена и адресы следует выставить сейчас же в конце предисловия. Предисловие вы перепишите в числе двух экземпляров и отдайте немедленно Плетневу для припечатанья в книг<у>. Он должен успеть их отдать цензору и один из них отправить в Москву для напечатания тоже там при тамошнем издании, которое имеет выйти в одно и то же время с петербургским. Я не думаю, чтобы кто-нибудь из любящих меня отказался от обязанности быть раздавателем вспомоществования. Он будет не перед мною виноват, но перед Христом, и если станет оправдываться какими-нибудь светскими приличиями, то да вспомнит, чтобы не было когда-нибудь ему сказано от Бога то, что будет сказано многим Его устыдившимся: "Устыжусь и Я того, кто Меня устыдился"[7]. <...> Переговорите с Аркадием Россети и Самариным, не знают ли кого-нибудь еще из мужчин дельных, умеющих говорить и обращаться с людьми, которого можно употребить в это дело. Хорошо, если б еще хотя двух мужчин и хотя двух женщин. Муханова нет, он за границей. Но имя его пусть будет выставлено, хотя и без адреса; он будет потом, по приезде, очень полезен. Что вы думаете о князе Барятинском[8]? <...> Постарайтесь поговорить с ним сурьезно об этом предмете. Он если не может покуда сам непосредственно действовать, то может вспомоществовать посредством вас

или кого-нибудь из других, а тем временем может приглядеться сам к делу. <...> На это письмо напишите немедленный ответ в Неаполь на имя нашего посольства. <...>

Изберите себе, кроме вашего духовника (если он уже стар или обременен многими делами), в помощь другого, помоложе, которого может вам рекомендовать ваш же духовник... <...>, и посоветуйте сделать то же и другим вашим подругам».

Плетневу Гоголь сообщал: «Уже должен до сих пор ты получить три письма моих из Франкфурта: одно с присовокупление<м> предисловия ко втор<ому> изданию “М<ертвых> д<уш>”[9], другое со вложением пятой и окончательной тетради[10], третье с приложением писем к тем, которым должны быть посланы экземпляры[11]. Присовокупляю остальные мои распоряжения. <...> ...Нужно будет выбросить в статье “Русский помещик” выраженье: “Выбрани немцем, если не хватит другого слова”. Это примут еще в смысле моего личного нерасположения к немцам, а этого мне бы не хотелось, потому что я, в самом деле, его не имею. По мне, между нами есть гораздо более русских такого рода, которых бы следовало назвать немцами и которые повели себя гораздо хуже немцев. В письме “К близорукому приятелю”, не помню, вычеркнул ли я фразу в начале письма, которая в рукописном письме могла остаться, но в печати никак не должна пребыть, а именно: “Сел верхом на коротконосьи”. Нужно начать это письмо просто словами: “Вооружился взглядом современной близорукости и думаешь, что верно судишь о событиях”, и т. д. <...> Сам видишь, каким образом составлялась эта книга: среди лечений, среди разъездов, среди хлопот и дел, которых затруднительности ты и не предполагаешь, среди ответов на множество самых разнородных писем, требующих не пустых, но обдуманных ответов. <...> Теперь поговорим о *цене* книге. Если в ней окажется не более 500 страниц[12], то пустить ее по два рубли серебром... <...> Все вырученные деньги присылай немедленно на имя посольства в Неаполь. Жуковский, вероятно, послал тебе из Франкфурта свидетельство о жизни[13], вследствие которого, взявши из казначейства все следуемые мне по означенный день деньги, перешли в Неаполь. Не позабудь переслать экземпляров книги к всем тем, которые поименованы в последнем моем письме. <...>

Теперь другая просьба. В Петербург приедет Щепкин хлопотать о постановке “Ревизора” в настоящем виде ко дню его бенефиса, с присоединеньем доселе не игранного и не известного публике окончания пиесы, под именем “Развязка Ревизора”. Прими Щепкина как можно получше, потому что он стоит того во всех отношениях, и окажи ему покровительство и посредничество свое во всех делах, где сможешь, как относительно театральной цензуры, так и прочего. А “Ревизора”, вырвавши из собрания моих сочинений, где он напечатан в полнейшем виде противу двух прежних отдельных изданий, поднеси его на процензурованье Никитенке или другому цензору, какому найдешь приличнее, присоединивши к тому и “Развязку Ревизора”, которая находится в рукописи у Щепкина и которую, разумеется, нужно переписать. Всё это нужно произвести в двух экземплярах, потому что “Ревизор” должен выйти вдруг разом и в Петербурге, и в Москве, в двух изданиях (на московском выставится четвертое, на Петербургс<ком> — пятое). Выйти он должен ко дню бенефисов обоих актеров: в Петербурге Сосницкого, а в Москве Щепкина, так чтобы в день самого представленья мог бы тут же в большом количестве распродаться. Заглавие ему: “Ревизор с Развязкой. Комедия в пяти действиях с заключением. Соч. Н. Гоголя. Издание пятое. Продается в пользу бедных. Цена 1 рубль серебром”. Корректуру его, мне кажется, можно поручить Арк<адию> Россети. Он — человек степенный, надежный и дело это поймет, если ты не откажешься растолковать его и поучить. На него можешь, я думаю, возложить многое, что будет тебе тяжело и неудобно. Мне становится уже и скорбно, что я на тебя вдруг навьючил столько дел, но что ж делать? Мы все труженики. Ты видишь, что я работаю тоже не для себя. От графини Анны Миха<й>ловны Вьельгорской ты получишь “Предуведомленье к Ревизору”, из которого узнаешь, каким бедным собственно принадлежат деньги за “Ревизора” и каким образом должна быть им произведена раздача. Предуведомленье это, в двух экземплярах, поднеси на процензурование цензора и отправь одно в Москву для напечатанья к Шевыреву, который издаст “Ревизора” в Москве. В Петербурге же должен взять это попеченье на себя ты — Христа ради, а не ради меня. Прими хотя главный надсмотр и дела с книгопродавцами [придущими покупать экземпляры]. Собравши от них деньги, ты раздели эти деньги поровну между теми, на которых возложил я обузу быть раздавателями вспомоществований, как

всё это увидишь изложенным в предуведомлении. <...> Руки мои коченеют н леденеют, хотя в комнате теплота юга. Прощай до Неаполя. <...> Можешь взять в помощь Сосницкого по изданью “Ревизора”, переговоривши об этом с Щепкиным заблаговременно. Он будет особенно нужен по делу распродажи “Ревизора” в театральных лавках. Печатать один завод. При сем письмо к Щепкину».

Из письма к Щепкину: «Если вы совершенно сошлись и условились с Сосницким относительно постановки “Ревизора” в новом виде, то вот вам маленькое письмецо к Сосницкому, которое влагаю незапечатанным, чтобы могли прочесть его также и вы... <...> По делу хлопочите живо и никак не пропускайте бывать у всех, у кого следует. У графа Вьельгорского, Михал Юрьев<ича>, побывайте, как я вам уже говорил. Повидайтесь также с меньшой дочерью его, графиней Анной Миха<й>ловной. Скажите ей, что я непременно приказал вам к ней явиться, и расскажите ей обо всем относительно постановки “Ревизора”. Скажите ваши мысли о “Ревизоре” и вообще обо всем по этой части, равно как и о ходе дел. Она будет хлопотать о многом лучше мужчин. На ней, между прочим, лежит одна из главных обязанностей по поводу раздачи сумм<ы> для бедных, а потому всё это дело ей близко... <...> Она умна, многое поймет и на многое подвигнет других. А ко мне не позабудьте написать в Неаполь из Петербурга хоть несколько строк... <...> Сосницкому также скажите, чтобы написал ко мне.

Из письма к Сосницкому: «Если вы уже всё узнали от Щепкина и решились сделать дело, вас достойное, добрейший мой Иван Иванович, то присоединяю еще две-три строчки моей убедительнейшей просьбы. Обратите ваше внимание на последнюю сцену “Ревизора”. Обдумайте, обмыслите вновь. Из заключительной пиесы “Развязка Ревизора” вы постигнете, почему я так хлопочу об этой последней сцене и почему мне так важно, чтобы она имела полный эффект. Я уверен, что вы взглянете сами другими глазами на “Ревизора” после этого заключения, которого мне, по многим причинам, нельзя было тогда[14] выдать и только теперь возможно. Употребите все ваши силы, чтобы “Ревизор” был обстановлен со всех сторон и вполне хорошо, чтобы все актеры сделали свое дело хорошо. Вы сделаете этим дело не только доброе, но истинно христианское. (Продажа “Ревизора” в новом виде с “Развязкой” назначена в пользу бедных, а вы игрой своей и обстановкой можете возвысить его продажу.) Не поленитесь сыграть сами предуготовительно перед актерами роль Хлестакова[15], которую, кроме вас, решительно никто не может выполнить. Вы можете этим дать им раз навсегда мотив. Теоретически из них никто не может понять, что эту роль непременно нужно сыграть в виде светского человека comme il faut[16], вовсе не с желанием сыграть лгуна и щелкопера, но, напротив, с чистосердечным желаньем сыграть роль чином выше своей собственной, но так, чтобы вышло само собою, в итоге всего, и лгунишка, и подляшка, и трусишка, и щелкопер во всех отношеньях. <...> Что же касается до игры в последней пиесе, то есть в пиесе “Развязка Ревизора”, то насчет этого прочтите мои строки в письме к Щепкину. <...> Одно <...> замечу <...> всем, кто бы ни стал играть в пиесе “Развязка Ревизора” первую роль, то есть роль комического актера, – это то, чтобы произносить как можно тверже, крепче и проще слова, как бы самую простую, но близкую к делу и нужную речь. Храни Бог от всякой сентиментальности и напряженного жару, – вдруг не станет голоса к концу монолога, пересохнет горло и останешься в каком-то вяло-плаксивом и пьяном положеньи, тогда как следует пребывать во все время монолога в трезвом и светлом состоянии духа. Следует извоpотиться молодцом. Следует показаться полководцем, бодрящим и подстрекающим других на битву, а не рядовым солдатом, кидающимся самому в пыл сраженья. Словом, голос актера здесь должен быть победоносно-торжествующий, истинно генеральский голос. Этих слов не пропустите, Иван Иванович, и Щепкину также это скажите. <...> По окончании пиесы, когда вас вызовут, вы, раскланявшись с публикой, скажите ей, что не угодно ли ей купить “Ревизора”, который продается при выходе из театра в пользу бедных по рублю серебром с “Развязкой” вместе. Кто же пожелает дать больше, тот вручал бы деньги вам самим и покупал бы лично из ваших рук, а вы все эти <деньги> доставляйте Плетневу, которому поручен сбор денег... <...> Побывайте у Плетнева теперь же и спросите его, не нужно ли какого вспомоществованья собственно от вас в деле издания “Ревизора”, относительно ли корректуры или чего другого. <...> Смотрите, чтобы продажа в театральных лавках поручена была надежным продавцам, и не употребляйте для этого в

посредство какого-либо актера. Говорю это потому, что один из этих господ, на которых я вздумал было положиться, денежки прибирал к себе и на них кутил, складывая вину на продавцов, которые ему не приносят, а когда я вздумал, наконец, расспросить продавцов, дело открылось. <...> На этот раз грех будет [вдвое] большой на душе того, кто украдет копейку — деньги эти в пользу бедных; это им объявите. <...> ...Адресуйте в Неаполь (poste restante)».

Из письма к Шевыреву: «Спешу написать тебе несколько строк с дороги. Одно письмо мое из Франкфурта[17] с извещением об отправке предисловия к "М<ертвым> д<ушам>" Плетневу, ты, вероятно, получил. Другое, со вложением письма к Щепкину[18], ты, без сомнения, также <получил>, вместе с приложеньем "Развязки Ревизора". Теперь посылаю к тебе предуведомленье к "Ревизору". Прочитавши его и узнавши, в чем дело, ты собери всех тех, которых имена увидишь в конце предуведомленья[19], к себе и с ними потолкуй и объяви им мою просьбу, которую обращаю я к людям, любящим меня. Кто из них отшатнется и не захочет взять на себя обязанность раздачи бедным, грех будет на душе того. Потому что дело это ради Христа, а не ради меня. <...> ...Напиши исправно имена и отчества, с означеньем адресов и мест их жительства, и отправь немедленно в Петербург, чтобы это было припечатано в таком же виде и в петербургском экземпляре. Взамен ты получишь от Плетнева обстоятельное поименование лиц в Петербурге с их адресами. Одно издание "Ревизора" должен печатать ты в Москве (это будет числом четвертое). Другое (*пятое*) Плетнев в Петербурге. Заглавие, как я уже писал, должно быть такое: "Ревизор с Развязкой. Комедия в пяти действиях, с заключеньем. Соч. Н. Гоголя. Издание четвертое, в пользу бедных. Цена 1 рубль серебром". Печатать два завода, в Петербурге же печатается один завод. Ибо у меня какое-то предчувствие, что в Москве разойдется больше экземпляров "Ревизора", особливо когда узнают, с какой целью он издается. Оба издания должны выйти в день представления, в Москве в бенефис Щепкина, в Петер<бурге> в бенефис Сосницкого, так что продаваться они должны тот же вечер, по представлении пиесы. Объявить об этом должен публике сам бенефициант по вызове его, присовокупивши, что всяк из желающих дать более положенной цены за книгу дал бы в его собственные руки и принял бы от него самого экземпляр, взошедши по закрытии занавеса к нему самому на сцену. Деньги эти Щепкин должен принести к тебе, равно как и все деньги от театральных и всяких книгопродавцев, а ты должен разделить эти деньги всем поровну раздавателям вспомоществован<ия>. Не сердись на меня за эти новые, мною на тебя навязанные хлопоты; выполни их, как дело, угодное Богу, во имя Его делаемое. Так же благородно и в такой же точности, как то, о котором ты знаешь[20], за которое не знаю, как возблагодарить тебя. <...> На то письмо прошу ответа прямо в Неаполь. <...>

P. S. Когда получишь из Петербурга 8 экземпл<яров> книги "Выбранные места из переписки с друзьями", вручи следующим лицам, по приложенным при сем надписаниям, которые, разрезавши порознь, приклей на первый листок в книге. Не смущайся тем, что Погодину придется на долю надпись несколько крепкая[21]. Это ему нужно. Он немножко чихнет, но этот чих будет здравие [душевное]. Есть вещи, которые один я могу ему сказать и должен сказать, потому что получил на то право. Время свое я выждал. И теперь буду его потчевать многим его собственным добром, которого он в себе никак не подозревает. Я свое дело исполню лучше, нежели он. Назад тому три года, если я не ошибаюсь, я просил[22] открыто у вас всех себе упреков, но упреков я не получил. Теперь стану я попрекать, но упреки мои будут не от гнева, — что-то другое подвигнет ими. О! как нам нужно глядеть и глядеть ежеминутно на себя! Не отвращай и ты от себя взора. Многого и многого мы в себе не видим, и почти всего, что ни есть в нас дурного. Но Бог да хранит тебя! Благо, что ты сидишь над трудом[23], который уже невольно способен освятить [собою] человека и, оторвавши его от всего кружащегося, обратить на самого себя.

Не позабудь прислать мне в Неаполь сейчас же все письма, какие ни получишь на мое имя по поводу "Мер<твых> д<уш>"[24]. Они мне очень и очень нужны, так как никто не может предполагать и думать, опричь разве меня самого».

Из восьми надписей[25], посланных Гоголем Шевыреву для наклейки на экземпляры «Выбранных мест из переписки с друзьями» (СПб., 1847), сохранились две. Одна из них — семье самого Шевырева: «Милому дому Шевыревых от их друга»[26]. Другая надпись адресована М. П. Погодину:

«Неопрятному и растрепанному душой Погодину, ничего не помнящему, ничего не примечающему, наносящему на всяком[27] шагу оскорбления другим и того не видящему, Фоме неверному, близоруким и грубым аршином меряющему людей, дарит сию книгу в вечное напоминание грехов его, человек, также грешный, как и он, и во многом еще неопрятнейший его самого»[28].

[1] См. ***1846. Октября 24 <12>. Суббота. Страсбург.***

[2] См.: *Городецкий*. С. 442, 453; ***1846. Ноября 3 <октября 22>. Вторник. Ницца.***

[3] См. ***1846. Октября 24 <12>. Суббота. Страсбург.***

[4] И. И. Сосницкий — в Петербурге, и М. С. Щепкин — в Москве.

[5] «Развязка Ревизора».

[6] В заключение «Предуведомления» к благотворительному изданию «Ревизора с Развязкой» сообщается: «Имена и места жительств лиц, принявших на себя раздачу вспомоществований.

В Москве.	В Петербурге.
Авдотья Петров<на> Елагина,	Кн<ягиня> Ольга Степ<ановна> Одоевская,
живет в такой-то улице.	живет в такой-то ул<ице>.
Екатер<ина> Ал<ександровна> Свербеева.	Графиня Анна Мих<айловна> Вьельгорская.
Вера Сергеевна Аксакова.	Дашкова.
Алексей Степан<ович> Хомяков.	Аркадий Осипович Россети.
Василий Алек<сеевич> Панов.	Юрий Федор<ович> Самарин.
Николай Филип<пович> Павлов.	Владим<ир> Алексеевич Муханов».
Петр Васильеви<ч> Киреевский.	

[7] «Ибо, кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда приидет в славе Отца Своего со святыми Ангелами» (Мф. 8, 38).

[8] См. ***1846. Июня около 14 <около 2> — не позднее 18 <не позднее 6>. Линдевизе***; ***1846. Июня 18 <6>. Четверг. Грефенберг-Фрейвальдау.***

[9] См. ***1846. Октября 3 <сентября 21>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[10] См. ***1846. Октября 16 <4>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[11] См. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Октября 22 <10>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[12] Обрезанная цензурой книга составила в печати 287 страниц.

[13] См. ***1846. Октября 1 <сентября 19>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[14] В эпоху первой постановки комедии в 1836 г. (см. ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург***).

[15] «...Гоголь просил Сосницкого сыграть роль Хлестакова на школьной сцене, специально для актеров, чтобы показать, каким должен быть этот герой знаменитой комедии. Собственноручное письмо Николая Васильевича Гоголя с этой просьбой Иван Иванович показывал мне несколько раз и всегда при этом умилялся до слез. Из скромности же он не исполнил этой просьбы автора» (Воспоминания артиста А. А. Нильского // Исторический Вестник. 1894. Апрель. С. 109).

[16] В соответствии с светскими приличиями, комильфо (*букв.* как надо, как следует; *фр.*).

[17] См. ***1846. Октября 5 <сентября 23>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне.***

[18] См. ***1846. Октября 24 <12>. Суббота. Страсбург.***

[19] См. примеч. выше.

[20] Речь идет об оказании Гоголем помощи «бедным, но достойным студентам» Петербургского и Московского университетов из денег, выручаемых от продажи его «Сочинений» (см. ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Июля 29 <августа 10>. Понедельник. Москва, Сокольники***).

[21] См. ниже.

[22] См. ***1844. Марта 12 <февраля 29>. Вторник. Ницца.*** — См. также ***Сентября последние числа или октября первые числа — октября 22–23 <сентября средина — октября 10–11>. Франкфурт-на-Майне*** (письмо к М. П. Погодину).

[23] Подразумевается работа Шевырева над «Историей русской словесности, преимущественно древней».

[24] В предисловии «К читателю от сочинителя», которым было сопровождено второе издание первого тома «Мертвых душ» 1846 г. (см. ***1846. Октября 3 <сентября 21>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***), Гоголь просил людей разных званий присылать ему свои замечания на «Мертвые души».

[25] О надписи Аксаковым см.: ***1847. Октября 4 <16>. Суббота. Москва.***

[26] Надпись сделана «на клочке бумаги, наклеенном на шмуцтитуле книги, которая была куплена для Историко-филологического института его директором Н. А. Лавровским вместе со всей библиотекой С. П. Шевырева у его сына Бориса Степановича» (*Самойленко Г. В.* Новонайденный список второго тома «Мертвых душ» Гоголя // *Самойленко Г. В.* Творча спадщина М. Гоголя на перетині епох. Ніжин, 2009. С. 118–140).

[27] В автографе ошибочно: «на всякому».

[28] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 490. – Надпись была подклеена Погодиным на обороте л. 13 его дневника, после дневниковых записей от 10–18 января 1847 г., внизу страницы (см. ***1847. Января 15 <27>. Среда. Москва***). – 30 декабря 1846 г. С. П. Шевырев писал Гоголю: «...Остановила меня надпись Погодину. Я хотел тебе искренно сказать, что я ее не могу пропустить через мои руки, не хочу быть посредником в такой передаче. Не так, друг мой, говорят правду от любви, не тем языком, без того раздражения». 11 февраля (н. ст.) 1847 г. Гоголь отвечал: «Относительно надписи Погодину ты <...> попал в заблуждение. Я давно уже, слава Богу, ни на кого не сержусь. Но для надписи я прибирал нарочно самые жесткие слова, желая усилить в глазах его те недостатки, которые кажутся ему небольшими и неважными...»

НОЯБРЯ 3 <ОКТЯБРЯ 22>. ВТОРНИК. НИЦЦА

Гоголь отправляет в Москву и Петербург написанные накануне письма[1] – к графине Анне М. Виельгорской, к П. А. Плетневу, М. С. Щепкину, И. И. Сосницкому и С. П. Шевыреву.

[1] См. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца.***

ОКТЯБРЯ МЕЖДУ 17[1] И 23[2] <МЕЖДУ ОКТЯБРЯ 29 И НОЯБРЯ 4>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ф. В. Чижов проездом из Москвы за границу встречается с П. А. Плетневым[3].

[1] См. ***1846. Октября 13–14 <25–26>. Воскресенье-понедельник. Москва.***
[2] См. ***1846. Октября 23 <ноября 4>. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).
[3] См. ***1847. Января 15 <3>. Пятница. Рим.***

НОЯБРЯ 4 <ОКТЯБРЯ 23>. СРЕДА. ГЕНУЯ

Гоголь проездом в Генуе.

В паспорте Гоголя сделана отметка: «Генуя 4 ноября».

Шевырев С. П. <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 126. См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

ОКТЯБРЯ 23 <НОЯБРЯ 4>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Протоиерей Т. Ф. Никольский завершает оформление бумаг о разрешении к печати статей Гоголя *VIII. Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве* и *IX. О том же* «Выбранных мест из переписки с друзьями». Возвращает автографы статей в Канцелярию обер-прокурора Синода, вместе сопроводительным письмом, подписанным членами Комитета духовной цензуры архимандритом Макарием (Булгаковым, 1816–1882)[1] и им самим, протоиереем Тимофеем Никольским[2].

В тот же день разрешение Комитета духовной цензуры о напечатании статей Гоголя о Церкви и духовенстве было отправлено К. С. Сербиновичем П. А. Плетневу, при сопроводительном письме:

«Милостивый Государь, Петр Александрович. В дополнение к письму моему от 20 сего Октября[3] имею честь препроводить при сем два письма Г. Гоголя о Православной Церкви и Духовенстве с сделанною на оных от С. Петербургского Духовно-Цензурного Комитета разрешительною надписью о печатании»[4].

В тот же день, 23 октября 1846 г., министр народного просвещения граф С. С. Уваров подписал разрешение о передаче Плетневым журнала «Современник» (основанного А. С. Пушкиным[5]) А. В. Никитенко. Последний стал новым редактором журнала; издателями в программе «Современника» были заявлены Н. А. Некрасов и И. И. Панаев; в списке сотрудников первым был назван В. Г. Белинский.

Спустя три дня, 26 октября 1846 г., Плетнев извещал Я. К. Грота: «В прошедшую среду министр подписал дозволение о передаче Современника на редакцию Никитенки. С плеч моих спала гора. Панаев тут показал себя благородным человеком. Он предложил мне платить за уступленное ему издание каждый год в течение десяти лет по 3000 р<ублей> асс<игнациями>[6]. Я нахожу, что это уже и слишом выгодно для меня. Может быть, они и вгонят Современник в моду, но тут нужно рисковать капиталом, чего я не умел и не мог сделать»[7].

Плетнев, возмущавшийся ранее «визитами» Гоголя к «Белинскому, Краевскому, Некрасову, Панаеву»[8] — и на титульном листе «Современника» неизменно указывавший: «Издатели и редакторы: в 1836 г. А. С. Пушкин; в 1837 В. А. Жуковский и князь П. А. Вяземский с некоторыми другими литераторами. С 1838 П. А. Плетнев», — в 1846 году, в последнем номере «Современника», вышедшего под его редакцией, сообщал читателям: «Передаю редакцию "Современника" сослуживцу моему и товарищу по кафедре, профессору А. В. Никитенко. Довольно этого ручательства, чтобы я был покоен за будущую судьбу издания моего. "Мы (кстати повторю здесь) одно любим, одного желаем"»[9].

Вряд ли Плетнев был вполне искренен в этих строках. В то самое время, будучи занят, по поручению Гоголя, изданием «Выбранных мест из переписки с друзьями», он не раз жаловался на Никитенко за те препятствия, которые тот чинил новой книге в цензуре[10]. 1 ноября 1846 г. Плетнев, в частности, сообщал Шевыреву: «Вы удивляетесь, как посторонние узнают о делах цензуры. Да у нас все эти г-да цензоры тем только и живут, что пересказывают о предметах, которые кому-нибудь желательно скрыть до времени. Я знаю, что у Никитенка в те дни, в которые сбирается к нему ватага его, читали Гоголя в рукописи, присланной на цензирование»[11].

Передача журнала явилась полной неожиданностью для Гоголя и его друзей. Н. М. Языков в письме к Гоголю от 27 октября 1846 г. сообщал: «..."Современник" купили Никитенко, Белинский, И. Тургенев и прочие такие же, следственно, с будущего 1847 г. сей журнал, основанный Пушкиным, будет орудием щелкоперов»[12]. 31 октября 1846 г. С. П. Шевырев извещал Гоголя: «"Современник" в руках Никитенко, предводителя школы натуральной». Самому Плетневу Шевырев писал: «Известие о том, что Вы передаете Современник в руки Никитенко, скажу Вам искренно, меня очень огорчило»[13]. Год спустя, 16 октября 1847 г., Ф. В. Чижов в письме к Гоголю замечал о «Современнике» — «перешедшем от Плетнева к Панаеву, Никитенке и Белинскому»: «Судя по именам этих трех главных распорядителей, мне кажется, что Петр Александрович сильно погрешил, передав журнал Пушкина людям далеким от убеждений покойного нашего поэта»[14].

В одном из первых номеров журнала, вышедшем в 1847 г. под новой редакцией, появилась неприязненная статья Белинского о «Выбранных местах из переписки с друзьями». В то же время статья Гоголя «О Современнике», отправленная 4 декабря (н. ст.) 1846 г. Плетневу для публикации в журнале[15], осталась не напечатанной (впервые опубликована в 1857 г.[16]). Передачей «Современника» Гоголь, возлагавший на этот журнал определенные надежды (как это явствует из содержания статьи «О Современнике»), был, несомненно, также огорчен. В письме к самому Плетневу (от 8 декабря (н. ст.) 1847 г.) Гоголь, не желая больно задеть приятеля, но все-таки давая понять, что эта передача представляется ему несвоевременной, писал: «От Шевырева[17] я, между прочим, узнал новость, о которой ты меня совсем не известил, а именно, что "Современник" уже не в твоих руках, а перешел в руки к Никитенку, Белинскому и Тургеневу. А я послал (ничего об этом не ведая) на прошлой неделе[18] тебе статью о "Современнике", которую ты, вероятно, имеешь уже в руках и прочел. Не смею теперь никаких сделать тебе замечаний: они могут быть и ошибочны, и некстати. Скажу тебе только то, что мне кажется, что теперь, именно в нынешнее время, именно с наступающего 1847 года, твое участие в литературе гораздо нужнее, чем до этого времени. Во всё же минувшее время оно мне казалось совершенно бесплодным. Так что мне кажется, если бы ты даже вместо "Современника" стал бы издавать "Северные Цветы"[19], то и это

было бы полезно. А впрочем да вразумит тебя во всем Бог и наведет сделать то, что тебе следует, что, вероятно, тебе известней лучше, чем кому другому, а в том числе и мне. Что же касается до статьи моей, то поступи с ней так, как найдешь приличней»[20].

1 января 1847 г. сам Плетнев писал Гоголю по поводу передачи «Современника»: «Я бы не перестал его издавать, если бы в силах был жертвовать тем, чем до сих пор жертвовал для пользы общей, т. е. по 5 т<ысяч> р<ублей> ас<сигнациями> в год. Если бы у порядочных людей было столько же единодушия, сколько его оказывается в подобных предприятиях у бездельников, то на мне одном не лежало бы это бремя, которое собственно для меня не тяжело, но после окажется вредным для моей дочери. Только эта мысль и заставила меня сойти с поприща, на котором я стоял твердо и, могу сказать, честно. <...> Я надеюсь и отдельными сочинениями продолжать начатое мною в “Современнике”. Его утрата останется навеки пятном нашим гениальным эгоистам, которые, как все светские люди, не прощают добродетели, что она нищая, а втайне чтят порок за то, что он в золоте. Посмотрим, чем кончится это соединение негодяев группами и одиночное странствование честных людей».

Жена И. И. Панаева (с 1839 г.) Авдотья Яковлевна (дочь петербургского актера Я. Г. Брянского (Григорьева), во втором браке (с 1865 г.) Головачева), в 1889 г. вспоминала: «Белинский возмутился, что Плетнев выговаривал себе четыре тысячи в год за право и едва согласился на три. “Нелепое запрещение издавать новые журналы развивает в литературе ростовщичество, но что поделаешь; надо, господа, соглашаться – пусть его подавится этими тремя тысячами!” Страшным ударом для Белинского было, когда в цензурном комитете нашли, что Панаев и Некрасов не настолько благонадежные люди, чтобы их можно было утвердить редакторами. О редакторстве Белинского нечего было и думать... <...> Надо было приискать подходящего человека, которому разрешили бы редактировать “Современник”. Обратились к Никитенке, он согласился. Белинский кипятился, что прибавится еще новый тысячный расход на фиктивного редактора, но делать было нечего. <...> Панаев вкусил первые кислые плоды журнальной деятельности; притом же ему задал головомойку его превосходительнейший дядюшка В. И. Панаев, бывший литератор, воспевавший аркадских пастушков и пастушек. Дядя-генерал находил, что его племянник позорит старинную потомственную дворянскую фамилию, которую имел счастие носить, связавшись с разночинцами и торгашами»[21].

24 апреля (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал Ар. О. Россету о Плетневе: «Теперь, как вижу я, он остался в большом выигрыше, сдавши с рук “Современник”. Он теперь гораздо больше усредоточится в своих собственных силах. Кто созрел для книги, тому нечего издавать журнал. Это дело молодости»[22]. Однако, по-видимому, именно заботой о судьбе «Современника» объясняется организованная впоследствии, осенью 1848 г.[23], самим Гоголем в Петербурге встреча с «молодыми сотрудниками» журнала – И. А. Гончаровым, Д. В. Григоровичем, А. В. Дружининым, А. И. Кронебергом, Н. А. Некрасовым, – на которой присутствовали также П. В. Анненков, В. П. Боткин, И. И. Панаев и, возможно, Ф. М. Достоевский.

Оценка Гоголем «Современника», попавшего в руки Некрасова и Панаева, дошла до нас в дневниковой записи Е. А. Хитрово от 30 ноября 1850 г.: «О “Современнике”: “При Плетневе он был тоньше”. На вопрос княгини <Е. П. Репниной-Волконской>, лучше ли теперь “Современник”? Г<оголь>: “Хорошо этими книгами запасаться вместо оружия. Убить можно!” Княгиня: “Кого, скуку?” На это эха не было, а молчание»[24]. Позднее, в 1851 г., Гоголь, по воспоминаниям Г. П. Данилевского, говорил о прежнем редакторе «Современника»: «Слушайте Плетнева... Нынешние не ценят его и не любят... а на нем, не забывайте, почиет рукоположение нашего первоапостола, Пушкина...»[25]

1 Впоследствии митрополит Московский и Коломенский.

2 *РГИА*. Ф. 807. Оп. 2. Ед. хр. 1072. Л. 21; *РГИА*. Ф. 797. Оп. 16. Ед. хр. 37414. Л. 6.

3 См. ***1846. Октября 20 <ноября 1>. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

4 *РГИА*. Ф. 797. Оп. 16. Ед. хр. 37414. Л. 9.

5 См. ***1836. Января 15. Среда. Санкт-Петербург.***

6 См.: *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» в 40–50-х годах. Л., 1934. С. 36–38.

7 Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 844–845.

8 См. ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.***

9 *Плетнев*. К читателю Современника // Современник. 1846. № 12. С. 250.

10 Подробнее об этом см.: *Виноградов И. А.* Неизвестные автографы двух статей Н. В. Гоголя о Церкви и духовенстве. К истории издания «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Проблемы исторической поэтики. Вып. 7: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 4. Сборник научных трудов / Петрозаводский гос. ун-т. Материалы IV Международной конференции. Июнь 2002 г. Петрозаводск, 2005. С. 219–245. – См. также ***1846. Августа 1 <июля 20>. Суббота. Эмс*** (примечания).

11 См. ***1846. Ноября 1 <13>. Пятница. Санкт-Петербург.***

12 См. ***1846. Октября 27 <ноября 8>. Воскресенье. Москва.***

13 См. ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Москва.***

[14] См. ***1847. Октября 16 <28>. Четверг. Стародуб.***

[15] См. ***1846. Декабря 4 <ноября 22>. Пятница. Неаполь.***

[16] Впервые, с сокращениями, статью опубликовал П. А. Кулиш в изд.: Соч. и письма *Н. В. Гоголя.* СПб., 1857. Т. 6. С. 297–307. Полностью напечатана Н. С. Тихонравовым в: Соч. *Н. В. Гоголя.* 10-е изд. М., 1889. Т. 4.

[17] Известие о передаче «Современника» западникам Гоголь получил тогда не только от Шевырева, но и от Н. М. Языкова (см. выше).

[18] См. ***1846. Декабря 4 <ноября 22>. Пятница. Неаполь.***

[19] Альманах, издававшийся в 1825–1832 гг. бароном А. А. Дельвигом и О. М. Сомовым. Сотрудниками его были А. С. Пушкин, князь П. А. Вяземский, Е. А. Боратынский, К. Н. Батюшков, И. И. Козлов и др. В «Северных Цветах на 1831 год» было напечатано и произведение Гоголя — «Глава из исторического романа» «Гетьман» (см. ***1833. Декабря 24. Среда. Рождественский сочельник. Санкт-Петербург***).

[20] Статья осталась в бумагах Плетнева (см. ***1844. Октября 27 <ноября 8>. Пятница. Санкт-Петербург*** — примечания).

[21] Воспоминания А. Я. Головачевой // *Свод.* Т. 3. С. 289.

[22] См. ***1847. Апреля 24 <12>. Суббота. Неаполь.***

[23] См. ***1848. Сентября 25 или октября 2. Суббота. 10 часов вечера. Санкт-Петербург.***

[24] См. ***1850. Ноября 30. Четверг. Одесса.***

[25] См. ***1851. Ноября 5. Понедельник. Москва.***

НОЯБРЯ С 7 ПО 10[1] <ОКТЯБРЯ С 26 ПО 29>. ФЛОРЕНЦИЯ

Гоголь во Флоренции проездом в Рим.

[1] См. ***1846. Ноября 7 <октября 26>. Суббота. Флоренция.***

НОЯБРЯ 7 <ОКТЯБРЯ 26>. СУББОТА. ФЛОРЕНЦИЯ

В паспорте Гоголя сделана отметка:

«Флор<енция> 7 ноября[1] в Рим»[2].

В тот же день Гоголь отправил ответное[3] письмо А. А. Иванову в Рим:

«Я получил ваше письмо из Неаполя, любезный Александр Андреевич, вместе с письмом от Софьи Петровны[4]. Не отвечал на него по сих пор потому, что думал раньше вас увидеть, и потому, что на него ровно было нечего отвечать. За него следовало бы вас крепко выбранить, если бы я не знал, что подобное малодушие — не от вас, но от нерв ваших. <...> Охота вам заниматься всеми внешностями! Знали бы свою картину[5] и ничего больше, — и всё бы само собой пошло хорошо. Нет, вижу я слишком хорошо, что у вас нет полной любви к труду своему. Молите Бога о полученьи любви этой, — вот всё, что я могу вам сказать. Больше не сумею сказать и лично. И мне бы, по-настоящему, даже вовсе не следовало бы теперь ехать в Рим: он у меня совсем в стороне и не по дороге. Но нечего делать, я сделал уже глупость, взявши дорогу землей[6], и в наказание за это, сверх огромного круга и потери времени, должен даром, ни за что, ни про что, прожить четыре дни во Флоренции, в ожидании отхода дилижанса. Отсюда отправляюсь 10-го. Стало быть, если Бог поможет счастливо добраться, 12 ноября буду в Риме[7], т. е. в будущий четверг, утром, в 9 часов, как сказывают в конторе дилижансов. А потому, если вам будет свободно, то приходите прямо в dogana или таможню ждать меня. В Риме я должен пробыть никак не больше двух дней и еду в Неаполь, а потому прошу вас заранее узнать у Ангризана или другого дилижанщика, какой есть, могу ли ехать с ним в субботу. В Риме хотел бы иметь комнату на солнце. Спросите у Моллера. Если у него есть такая, я бы лучше желал остановиться у него, чем в трактире. <...> Молитесь, работайте и не думайте ни о чем, как только о вашей картине».

[1] Гоголь выехал из Флоренции позднее (см. ***1846. Ноября 10 <октября 29>. Вторник. Флоренция***).

[2] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 126. – См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

[3] См. ***1846. Сентябрь <августа вторая половина – сентября средина>. Неаполь.***

[4] Графиня Апраксина. В письме Апраксина приглашала Гоголя в Неаполь и приготовила для него у себя квартиру (см. ***1846. Ноября 24 <12>. Вторник. Неаполь*** – письмо Гоголя к В. А. Жуковскому).

[5] «Явление Мессии».

[6] Гоголь имеет в виду то, что из Ниццы мог отправиться в Неаполь морским путем, минуя Рим (через Чивитавеккью).

[7] См. ***1846. Ноября с четверга 12 до понедельника-вторника 16–17 <с октября 31 до ноября 4–5>. Рим.***

ОКТЯБРЯ 26 <НОЯБРЯ 7>. СУББОТА. КАЛУГА

И. С. Аксаков сообщает родным в Москву:

«Читали ли Вы или видели ли октябрьскую книжку “Библиотеки для Чтения”? Вообразите, там по поводу разбора какой-то книжонки Сенковский объявляет публике, что Гоголь болен, вдался в *мистицизм*[1]... <...> В этом же № есть новый разбор “Московского Сборника”, Никитенко[2]. Это по крайней мере написано вежливо. <...> Но какие все они подлецы: Никитенко, почитатель Гоголя[3], и рядом с его статьей ругательство на Гоголя».

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 915–916.

[1] См. **1846. *Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Москва*** (примечания).

[2] *Никитенко А.* Московский литературный и ученый сборник, 1846 года // Библиотека для Чтения. 1846. Т. 78. Отд. V. С. 1–22.

[3] О цензурном преследовании А. В. Никитенко «Выбранных мест из переписки с друзьями» см.: ***1846. Августа 1 <июля 20>. Суббота. Эмс*** (примечания).

НОЯБРЯ 8 <ОКТЯБРЯ 27>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ФЛОРЕНЦИЯ

Гоголь пишет в Москву письмо к Н. М. Языкову, ответное[1] письмо к Н. Н. Шереметевой и письмо к А. П. Елагиной (последнее письмо не сохранилось). (Согласно почтовому штемпелю на письме к Языкову[2], все эти письма были отправлены через день, 10 ноября, – при отъезде Гоголя из Флоренции в Рим[3].)

В тот же день, 8 ноября (н. ст.) 1846 г., Гоголь написал письмо на родину к А. С. Данилевскому (это письмо было отправлено неделю спустя из Рима[4]).

Из письма к Языкову: «Пишу несколько строк с дороги. Я теперь во Флоренции. Здоровье милостью Божией стало лучше. <...> Спешу в Неаполь через Рим, где, может быть, найду твои письма. Спроси у Шевырева, получены ли им три мои письма: одно с уведомлением о послании к Плетневу предисловия ко 2 изданию “М<ертвых> д<уш>”[5]; другое с приложением весьма нужного письма к Щепкину[6]; третье с приложением предуведомления к новому изданию “Ревизора”[7]. <...> Прилагаю при сем небольшую записочку Надежде Николаевне и небольшую записочку Авдотье Петровне, которые им препроводи. <...> ...Адресуй в Неаполь, poste restante».

Из письма к Шереметевой: «Теперь все подвигаюсь к югу, чтобы быть ближе к теплу, которое мне необходимо, и к Святым Местам, которые мне еще необходимей. Желанья в груди больше, нежели в прошедшем году. Даже дал мне Всевышний силы больше приготовиться к этому путешествию, нежели как я был к нему готов в прошедшем году. <...> Путешествие мое не есть простое поклонение. Много, много мне нужно будет там обдумать у гроба Самого Господа, от Него испросить благословения на все, в самой то<й> земле, где ходили Его небесные стопы. Мне нельзя

отправляться туда неготовому, как иному можно, и весьма может быть, что и в этот год мне будет определено еще не поехать. <...> Вы получите от меня в подарок на днях книгу[8], которая покажет вам, что я готовлюсь и хочу быть готовым. Не скройте от меня ваших мыслей о моей книге; скажите мне все, что скажет вам ваше сердце по прочтеньи ее, и молитесь обо мне. Теперь больше, чем когда-либо, нужны обо мне молитвы».

Из письма к Данилевскому: «Стыдно тебе позабывать меня и ни строчки не написать в продолжение какого-нибудь целого года! Стыдно так не уважать моими просьбами и считать ни за что мои душевные запросы! Но, вместо тебя, я прилагаю здесь письмо к милой жене твоей[9]; она, верно, лучше твоего исполнит мою просьбу. Тебе же прощаю твое пренебрежение и неисправность и в доказательство этого прощения посылаю тебе экземпляр моей книги[10], о которой скажи мне подробно и чистосердечно свое мнение, не скрывая ни которого из ощущений своих, — всё внаружу! Ты уже и сам, я думаю, теперь можешь почувствовать, что мне наиболее будут приятны те замечания, которые для всякого другого были бы неприятны. Не скрой от меня также и мнений всех других людей, какие ни услышишь. А потому я прошу тебя — старайся, при всякой встрече с людьми всех сословий и всех образований, заводить разговор о моей книге и всё это тот же час записывать в письме, чтобы не позабыть, и не откладывая посылать мне. Сим только загладишь все прежние свои проступки и неответы на мои письма. <...> Пиши в Неаполь, poste restante...»

Хотя, по свидетельству В. И. Шенрока (со слов самого Данилевского), в «Выбранные места из переписки с друзьями» «не вошло *ни одно* из писем» к Данилевскому[11], тем не менее Гоголь считал нужным послать и ему экземпляр своей книги.

[1] См. ***1846. Августа 12 <24>. Понедельник. С. Покровское.***
[2] См.: *Городецкий.* С. 474.
[3] См. ***1846. Ноября 10 <октября 29>. Вторник. Флоренция.***
[4] См. ***1846. Ноября 14 <2>. Суббота. Рим.***
[5] См. ***1846. Октября 5 <сентября 23>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне.***
[6] См. ***1846. Октября 24 <12>. Суббота. Страсбург.***
[7] См. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца.***
[8] Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями». Согласно распоряжениям Гоголя в письмах к П. А. Плетневу в Петербург от 20 октября (н. ст.) и от 2 ноября (н. ст.) 1846 г. и к С. П. Шевыреву в Москву от 2 ноября (н. ст.) 1846 г., Шереметева должна была получить книгу через Шевырева, которому поручено было приклеить «на первый листок в книге» присланную ему Гоголем дарственную надпись (экземпляр книги с наклеенной надписью Гоголя не сохранился).
[9] Письмо не сохранилось.
[10] Подразумеваются «Выбранные места из переписки с друзьями». Гоголь предполагал, что к тому времени, когда его мать будет вручать письмо Данилевскому, книга уже достигнет Васильевки (см. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Ноября 19 <7>. Четверг. Неаполь***).
[11] См. ***1839. Февраля 12 <января 31>. Вторник. Рим.***

ОКТЯБРЯ 27 <НОЯБРЯ 8>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Н. М. Языков отправляет в Рим на имя А. А. Иванова[1] свое последнее, перед кончиной[2], письмо к Гоголю, а также письмо к самому Иванову.

Гоголю Языков писал: «Ты, конечно, уже в Риме[3]: поздравляю тебя с возвращением на любимое твое сидение! — Мельгунов недавно возвратился из чужих краев, привез мне мало о тебе известий и нового только то, что ты, мой любезнейший, все-таки поедешь в Иерусалим. Да укрепит Бог твои телесные силы на это многотрудное странствование и да возвратишься ты с Востока свеж духом и бодр телом на совершение многого и многого — всего, чего от тебя достойно и праведно ожидаем мы, люди русские, народ православный!

Вот тебе животрепещущие новости нашего литературного мира: "Современник" купили Никитенко, Белинский, И. Тургенев и прочие такие же, следственно, с будущего 1847 г. сей журнал, ос-

нованный Пушкиным, будет орудием щелкоперов[4]. “Сын Отечества” оживляется под начальством Масальского. “Петербургские Ведомости” преобразуются и будут издаваться частными лицами. В Москве Драшюсов издавать будет “Московский Городской Листок” – ежедневную полицейскую газету! Погодина ждем на днях в Москву. “Москвитянин” остается по-прежнему.

Аксаковы переехали на зиму в Москву; бедный Сергей Тимофеевич опять сильно страдает глазами: говорят, что он лишится зрения; жаль почтенного и доблестного старца. Этаких людей мало и очень мало в наше время пошлости и подлости!»[5]

В письме к Иванову Языков сообщал: «Ваши картоны получены Рисовальным классом... Письмо мое к Николаю Васильевичу надписываю на ваше имя по его желанию»[6].

[1] 5 октября (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал Н. М. Языкову: «Адресуй в Рим или в poste restante, или на имя Иванова, что еще лучше». – См. также ***1846. Декабря 12 <ноября 30>. Суббота. Неаполь***; ***1846. Декабря 16 <4>. Среда. Неаполь.***

[2] См. ***1846. Декабря 26 <1847. Января 7>. Четверг. Москва.***

[3] См. ***1846. Ноября с четверга 12 до понедельника-вторника 16–17 <с октября 31 до ноября 4–5>. Рим.***

[4] Подробнее см.: ***1846. Октября 23 <ноября 4>. Среда. Санкт-Петербург.***

[5] Ответ Гоголя: ***1846. Декабря 16 <4>. Среда. Неаполь.***

[6] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 179.

НОЯБРЯ 9 <ОКТЯБРЯ 28>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ФЛОРЕНЦИЯ

Гоголь отправляет ответное[1] письмо Ар. О. Россету в Петербург, с вложением нового[2] письма к А. О. Смирновой.

Из письма к Россету: «Ваше милое письмецо, Аркадий Осипович, я получил. От Анны Михайловны Вьельгорской вы, я думаю, уже узнали о той обузе, которую мне угодно было возложить на вас[3]. Как ни тяжело это бремя, но вы должны принять его, оно обратится вам в бремя легкое и приятное; то же должен сделать и Самарин. Его душе и его внутреннему спокойствию это будет нужно. <...> Но сверх того бремени вот вам еще другое бремя. Отправляйтесь к Плетневу и предложите ему услуги свои в печатаньи “Ревизора” (в том виде, в каком он будет игран в бенефис Щепкина и Сосницкого, с присоединением новой, никому не известной пиески[4], служащей ему окончанием, о чем, вероятно, вы уже <знаете> из предисловия, посланного к Анне Мих<айловне> Вьель<горской>[5]). <...> Возьмитесь держать корректуру и возиться с типографией вы. От Александры Осиповны вот уже три месяца не имею ни строчки; не могу понять, что это значит, а я отправил уже три письма[6]. Полагая, что она должна быть в Петербурге, я прошу вас это сказать и передать ей это маленькое письмо. Если ж она еще не в Петербурге, а в Калуге, то я прошу переслать его к ней немедлен<но>... <...> На письмо это дайте мне немедленный ответ в Неаполь, адресуя в poste restante».

Из письма к Смирновой: «Письмо мое без означения месяца, числа и места, откуда писано[7], вы, вероятно, получили. <...> Повторяю вам опять то же, что писал в последнем письме: если уже вы исполнили всё как следует и находитесь теперь в Петербурге, то мне не остается ничего более, как поцеловать мысленно прекрасные ваши ручки. Если вы до сих пор еще в Калуге, то оставляйте всё и поезжайте в Петербу<рг>. <...> ...Остановитесь прямо у Вьельгорских... <...> Нужно именно, чтобы вы были у них. <...> Вы поступите умно и без моих указаний, поговоривши с Плетневым, которому тоже нужно придать более жару и рвения. Он несколько как будто вял или разучился действовать живо и расторопно. Ответ на эту записочку дайте немедленно в Неаполь».

[1] См. ***1846. Июля 17 <29>. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] Ср. ***1846. Октября 15–16 <3–4>. Четверг-пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[3] Россет был в числе тех, кому Гоголь поручил раздачу вспомоществований нуждающимся из сумм, ожидавшихся от выручки за благотворительное издание «Ревизора с Развязкой» (см. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца***).

[4] «Развязка Ревизора».

[5] См. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца.***

[6] Письмо от 6 июня – 6 июля (н. ст.) 1846 г. об обязанностях губернаторши (см. ***1846. Июля 6 <июня 24>. Понедельник. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Карлсбад***) и два письма от 8 и 15–16 октября (н. ст.) 1846 г. (см. ***1846. Октября 8 <сентября 26>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Октября 15–16 <3–4>. Четверг-пятница. Франкфурт-на-Майне***).

[7] См. ***1846. Октября 15–16 <3–4>. Четверг-пятница. Франкфурт-на-Майне.***

ОКТЯБРЯ 20-Е ЧИСЛА <НОЯБРЯ НАЧАЛО>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ф. М. Достоевский пишет брату Михаилу:

«Желаю вам всем счастья, друзья мои. Гоголь умер[1] во Флоренции 2 месяца назад».

Из писем Ф. М. Достоевского // *Свод.* Т. 3. С. 585.

[1] Вероятно, слова о «смерти» Гоголя были сказаны кем-то из тогдашнего западнического окружения Достоевского в том смысле, что Гоголь «умер» как писатель, задумав издать «Выбранные места из переписки с друзьями». По-видимому, слухами эти слова были разнесены как известие о буквальной смерти Гоголя. – См. также ***1846. Сентября 5 <17>. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Москва.***

НОЯБРЯ 10 <ОКТЯБРЯ 29>. ВТОРНИК. ФЛОРЕНЦИЯ

Гоголь отправляет в Москву послание к Н. М. Языкову, с вложением писем к Н. Н. Шереметевой и к А. П. Елагиной (письма были написаны 8 ноября[1]).

В тот же день Гоголь выехал из Флоренции в Рим.

Отметка об отъезде была сделана в паспорте Гоголя тремя днями ранее[2].

[1] См. ***1846. Ноября 8 <октября 27>. Воскресенье. Флоренция.***

[2] См. ***1846. Ноября 7 <октября 26>. Суббота. Флоренция.***

ОКТЯБРЯ 29 <НОЯБРЯ 10>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Заседание Петербургского цензурного комитета, на котором цензор А. В. Никитенко предложил исключить из книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» главы *XIX. Нужно любить Россию*; *XX. Нужно проездиться по России*; *XXI. Что такое губернаторша.*

Умалчивая о подлинных причинах неприязни к статьям Гоголя[1], Никитенко для их запрета выдвинул в цензурном комитете основания вполне благонамеренные – как этого и следовало ожидать от чиновника, служащего по ведомству Министерства Народного Просвещения.

Выписка из журнала заседаний комитета: «В заседании Санктпетербургского Ценсурного Комитета 29го Октября 1846 года СЛУШАЛИ: Представленные на разрешение Комитета Г. Ценсором Статским Советником Никитенкой отрывки из писем к друзьям Гоголя: 1. Нужно любить Россию; 2. Нужно проездиться по России; 3. Что такое Губернаторша. В этих отрывках с одной стороны автор обращается к таким частностям характера и обстоятельствам лиц, к коим пишет, что можно усумниться, приятно ли им будет обнародование подобных узаконений на их быт, отношения и действия, а с другой стороны помянутые отрывки заключают в себе многие мысли, хотя с добрым намерением излагаемые, но касающиеся таких общественных предметов, о которых частному лицу

едва ли прилично говорить тоном столь догматическим. Автор как будто считает себя уполномоченным, обращая внимание на разные официальные и общественные беспорядки, предлагает свои меры то к их изменению, то к улучшению. Сочинение его уже не есть общая картина вещей, дозволенная нравописателю и сатирику, а какое-то почти официальное изображение разных определенных сторон и случаев в нашем гражданском быту и по службе. Конечно, не вся статья от начала до конца содержит в себе подобные заметки, но отделить их от других мест, не подающих повода ни к каким ценсурным сумнениям, часто бывает совершенно невозможным по связи одних с другими и по самой принятой автором форме писем, в которой он не держится строгого порядка в распределении и переходах своих мыслей. Ценсурный Комитет, выслушав некоторые места из статей Г. Гоголя и убедясь в справедливости замечаний, рассматривающего их ценсора, определил: Статьи под названием: 1[е], Нужно любить Россию; 2. Нужно проездиться по России; и 3. Что такое Губернаторша, не дозволять к напечатанию. Подлинный подписали Гг. присутствовавшие Комитета»[2].

[1] См. ***1846. Августа 1 <июля 20>. Суббота. Эмс*** (примечания).
[2] *РГИА.* Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 1888. Л. 11.

ОКТЯБРЯ 29 <НОЯБРЯ 10>. ВТОРНИК. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет ответное[1] письмо Гоголю в Неаполь:

«Недавно писал я к тебе в Рим[2]. Если ты не получил письма моего, то выпиши его оттуда. Вслед за тем получил твой большой пакет с “Развязкой Ревизора” и с письмом к Щепкину. Он болен по возвращении из Крыма[3], но теперь ему получше. Я прочел ему и письмо твое, и “Развязку”. Все это его тронуло до слез[4]. Спешу передать тебе то впечатление, которое на меня произвела эта “Развязка”. В ней я вижу прекрасную дань твоего уважения к таланту Щепкина. Если бы даже она и не была сыграна, то, напечатанная, она будет памятником, тобою воздвигнутым в честь нашего истинно первого комического актера. Но, предлагая ему эту пиесу в бенефис, не подвергаешь ли ты его скромность искушению? Сам хозяин бенефиса предложит актерам и публике пиесу, в которой будут венчать его[5]? Что касается до внутреннего содержания, то горячий спор веден мастерски и как будто списан с наших прений; но нужно необыкновенное искусство актеров, чтобы передать высокую простоту этого спора, а если этого искусства не будет, то все охладит зрителя, который сочтет все это одним рассужденьем, а не драмою живою — следствием драмы сценической. Замечу еще одно: зрителю не покажется ли, что ты сам слишком заботишься о толковании своей пиесы? В заключении сравнение города с душевным городом, Хлестакова с внешней светской совестью, а настоящего ревизора с внутреннею — не покажется ли аллегориею[6]? Это будут слушать как проповедь. Комик и без того род проповедника в своей комедии, но зачем же прибавлять комедии проповедь? Это опасно. Много глубокого и сильного сказал ты в последнем слове актера, но со сцены так оно подействует, как в чтении? Может быть, я во всем ошибаюсь, но счел за нужное сказать, что думаю.

Поручения твои все будут исполнены. Пошлются немедленно два экз<емпляра> в театр<альную> цензуру и в печатную. Печатать “Ревизора” ты будешь в Петербурге али в Москве? уведомь. “Мертвые души” отпечатаны. Сегодня отправляю экз<емпляр> в Петербург для цензуры. Выпущу, когда выйдет твоя “Переписка”. Дай мне свои распоряжения насчет твоих денег. Ты хочешь от меня вестей о том, что здесь говорят о тебе. Когда я слушаю эти вести, всегда вспоминаю город NN в “Мертвых душах” и толки его о Чичикове. Глубоко ты вынул все это из нашей жизни, которая чужда публичности. Если желаешь, пожалуй — я тебе все это передам. Ты, кажется, так духовно вырос, что стоишь выше всего этого. Начну с самых невыгодных слухов. Говорят иные, что ты с ума сошел. Меня встречали даже добрые знакомые твои такими вопросами: “Скажите, пожаласта, правда ли это, что Гоголь с ума сошел?” — “Скажите, сделайте милость, точно ли это правда, что Гоголь с ума сошел?” Прошлым летом тебя уж было и уморили, и даже сиделец у банкира, через которого я к тебе отправлял иногда деньги, спрашивал у меня с печальным видом: правда ли то, что тебя уже нет на свете[7]? — Письмо твое к Жуковскому[8] было напечатано[9] кстати и уверило всех,

что ты здравствуешь. Письмо твое вызвало многие толки. Розен восстал на него в "Северной Пчеле"[10] такими словами: если "Илиаду" и "Одиссею" язычник мог сочинить, что гораздо труднее, то, спрашивается, зачем же нужно быть христианином, чтобы их перевести, что гораздо легче. Многие находили это замечание чрезвычайно верным, глубокомысленным и остроумным. Более снисходительные судьи о тебе сожалеют о том, что ты впал в мистицизм. Сенковский в "Библиотеке для Чтения" даже напечатал, что наш Гомер, как он тебя называет, впал в мистицизм[11]. Говорит, что ты в своей "Переписке", которая должна выйти, отрекаешься от всех своих прежних сочинений, как от грехов. Этот слух огорчил даже всех друзей твоих в Москве. Источник его — петербургские сплетни. Содержание книги твоей, которую цензуровал Никитенко, оглашено было как-то странно и достигло сюда. Боится, что ты хочешь изменить искусству, что ты забываешь его, что ты приносишь его в жертву какому-то мистическому направлению. Книга твоя должна возбудить всеобщее внимание, но к ней приготовлены уже с предубеждением против нее. Толков я ожидаю множество бесконечное, когда она выйдет».

Поводом для распространявшегося западниками мнения, что будто бы Гоголь «отрекается от всех своих прежних сочинений, как от грехов», послужили его слова из «Предисловия» к «Выбранным местам из переписки с друзьями»: «Мне хотелось хотя сим искупить бесполезность всего, доселе мною напечатанного...» Однако в этом гоголевском признании заключалось отнюдь не «отречение» от «прежних сочинений» – и не «презрение ко всей своей прошлой литературной деятельности» (как заявлял, к примеру, П. В. Анненков)[12], а понимание писателем того, что христианский смысл его творчества остался под влиянием радикальной критики «бесполезен», т. е. недоступен для читателя. Изданием новой книги Гоголь стремился освободить свои произведения от наросшей на них коросты произвольных интерпретаций.

При этом свое «наступление» Гоголь вел «по всем фронтам». Готовившиеся им в 1846 г. к новому изданию «Ревизор» и «Мертвые души» (произведения, от которых Гоголь, будто бы «отрекался»), в свою очередь, были не простыми переизданиями этих произведений, но, как и «Выбранные места из переписки с друзьями», преследовали цель остановить произвольные, предвзятые их истолкования[13]. Шевырев, комментируя в 1848 г. слова Гоголя о «бесполезности всего», им напечатанного, (и имея в виду в первую очередь В. Г. Белинского) замечал: «Ясно, что те самые люди, которые не поняли смысла его сочинений и начали ложный путь в нашей литературе, думая вести его от самого Гоголя, всего ближе навели его на ту мысль, что сочинения его были до сих пор бесполезны для большинства и что ему понадобилось снять с души хотя часть суровой за то ответственности. <...> Если бы он сам сознал отсутствие пользы во всем им написанном, то не выдал бы вслед за "Перепискою" второго издания "Мертвых душ"»[14]. В письме к П. А. Плетневу от 6 ноября 1846 г. Шевырев указывал в этой связи и на намерение Гоголя выпустить новое издание «Ревизора». «...Давно пора ему, – замечал в этом письме Шевырев, – для славы своей скинуть с себя пятно похвал и восклицаний, которые приносил ему Белинский»[15]. Такое же мнение высказывал ранее, в письме к В. А. Жуковскому от 17 мая 1846 г., князь П. А. Вяземский: «Как он <Гоголь> счастлив, что не читает в русских журналах того, что говорится о нем. Там, где бранят его, было бы для него еще сносно. Но он сам бы себе огадился, читая похвалы себе, например, в Отечественных записках»[16]. Д. К. Малиновский в 1850 г., имея в виду покойного уже к тому времени Белинского, замечал о «Переписке с друзьями»: «...В последней книге <...> мы не находим ничего *нового*, несогласного с предшествовавшим ей... <...> ...Эта книга возымела уже свое действие <...> она отняла много силы у тех, кто еще до ее появления был ее *непобедимым* противником»[17].

Анонимный рецензент «Литературной Газеты» (возможно, ее тогдашний редактор В. Р. Зотов) замечал по поводу упоминания Гоголем о Плюшкине в одном из писем «Выбранных мест...»: «...Гоголь говорит, что он заставит своего *Плюшкина* рассказывать удивительные вещи, если доберется до *третьего* тома *Мертвых Душ*. А в предисловии, как мы видели, этот же автор отказывается от всего, что им было <...> написано. Как согласить это?»[18] Очевидно, что, будучи огорчен малым воздействием своих произведений на современников в нравственном отношении, Гоголь был готов считать написанное им не вполне удавшимся. «Намеренье мое было доброе... – замечал он в "Предисловии" к "Выбранным местам...", – одна моя поспешность и торопливость были причиной тому, что сочинения мои предстали в таком несовершенном виде и почти всех привели в заблуждение насчет их настоящего смысла». С другой стороны, 28 августа (н. ст.) 1847 г. он сам писал С. Т. Аксакову: «К чему вы также повторяете нелепости, которые вывели из моей книги недальнозоркие, что я отказываюсь в ней от званья писателя, переменяю призванье свое, направление и тому подобные пустяки?» Сообщая 12 июня (н. ст.) 1847 г. П. А. Плетневу о работе над «Авторской исповедью», Гоголь замечал: «...Я готовлю теперь небольшую книжечку <...> в виде ответа на утвердившееся, неизвестно почему, мнение, что я возгнушался искусством, почел его низким, бесполезным и тому подобное». О том, что в словах Гоголя о «бесполезности всего», им напечатанного, не было «отречения» от своих произведений, свидетельствует, в частности, и факт чтения Гоголем осенью 1851 г. «Ревизора» артистам Малого театра[19], а также само намерение писателя переиздать в начале 1850-х гг. собрание своих сочинений[20].

Далее в письме к Гоголю Шевырев сообщал:

«Сочинения твои все продолжают расходиться. Скопляется порядочная сумма. Я не тороплюсь исполнять твое поручение[21]. Еще будет время. Аксакову письмо[22] я доставил. Он страдает глазами. Погодин только что возвратился[23] из славянских земель. <...>

Прибавлю еще к сказанному, что если бы вышла теперь вторая половина “Мертвых душ”, то вся Россия бросилась бы на нее с такою жадностию, какой еще никогда не было. Публика устала от жалкого состояния современной литературы. Журналы все запрудили пошлыми переводами пошлых романов и своим неистовым болтаньем. “Странствующий жид”[24] был самым любоп<ытным> явленьем. Три книгопродавца соревновали о нем. Ходебщики Логинова таскали за ноги “Вечного жида” по всем углам России. Ты думал о том, как бы Россия стала читать “Одиссею”. Нет, если хочешь взглянуть на существенность, подумай о том, как Россия читает “Вечного жида”, “Мартына Найденыша”[25], “Графа Монте-Кристо”[26], “Сына тайны”[27] и проч., и проч., и проч. Не худо заглядывать иногда во все это. Не пора ли дать ей получше пищи? Может быть, она и приготовлена в Петербурге. Твоей новой книги[28] еще не знаю. Но мы ждем от тебя художеств<енных> созданий. Я думаю, что в тебе совершился великий переворот, и, может быть, надо было ему совершиться, чтобы поднять вторую часть “Мертвых душ”. О, да когда же ты нам твоим творческим духом раскроешь глубокую тайну того, что так велико и свято и всемирно на Руси нашей! Ты приготовил это исповедью наших недостатков, ты и доверши».

В тот же день, 29 октября 1846 г., Шевырев сообщал П. А. Плетневу:

«Сегодня отправляю в цензурный комитет 8 экземпляров Мертвых Душ, из которых 6 дляценз<урного> комит<ета>, один для Вас, и один для г. цензора <А. В. Никитенко>. Сделайте милость, позаботьтесь о скорейшей высылке билета. Но Мертвые Души не должны выйти прежде появлений той книги, которую Вы печатаете. Потому прошу Вас покорнейше уведомить меня: к какому времени, думаете Вы, поспеют отрывки из Переписки с друзьями? Еще пишет Гоголь об издании вновь Ревизора с развязкой. Развязка эта прислана к Щепкину на мое имя. Надеюсь на днях Вам ее отправить, для доставления в цензуру театральную и печатную. Все это, как просит автор, должно оставаться втайне между нами. Неприятно было мне читать кощунские выходки Сенковского о том, как наш Гомер впал в мистицизм[29]. Какая в нем странная злость против Гоголя — и как мог он узнать о его новом направлении, в котором я, впрочем, судя по тому, что знаю, не нахожу ничего мистического. <...> Известие о том, что Вы передаете Современник в руки Никитенко[30], скажу Вам искренно, меня очень огорчило»[31].

[1] См. ***1846. Октября 24 <12>. Суббота. Страсбург.***

[2] См. ***1846. Октября 20 <ноября 1>. Воскресенье. Москва.***

[3] В Крым Щепкин ездил вместе с В. Г. Белинским (см. ***1846. Мая 16 <28>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва, Калуга***).

[4] Ср. ***1847. Мая 22 <июня 3>. Четверг. Москва.***

[5] См. ***1837. Января 15 <3>. Воскресенье. Париж.***

[6] См. ***1847. Мая 22 <июня 3>. Четверг. Москва*** (примечания).

[7] См. также ***1846. Октября 20-е числа <ноября начало>. Санкт-Петербург.***

[8] Имеется в виду статья «Об Одиссее, переводимой Жуковским», адресованная Н. М. Языкову.

[9] См. ***1846. Июля около 12 <около 24>. Санкт-Петербург***; ***1846. Июля 25 <августа 6>. Четверг. Москва***; ***1846. Августа 20 <сентября 1>. Вторник. Москва.***

[10] *Барон Розен.* Поэма Н. В. Гоголя об «Одиссее» // Северная Пчела. 1846. 14 августа. № 181. С. 722–723.

[11] О. И. Сенковский в статье, посвященной сборнику стихотворений Александры Бедаревой, писал: «...я печален — Гомер, знаете, болен... Туманное облако мистицизма окружило Гомера и его болезненное самолюбие...» (<*Сенковский О. И.*> Стихотворения А. Бедаревой. Киев, 1846 // Библиотека для Чтения. 1846. Т. 78. Отд. VI. С. 17–18).

[12] См.: *Анненков П.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 461.

[13] См. ***1846. Июля 26 <14>. Воскресенье. Швальбах*** (примечания).

[14] *Шевырев С.* Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя // Москвитянин. 1848. № 1. <Отд. 2>. С. 8.

[15] См. ***1846. Ноября 6 <18>. Среда. Москва.***

[16] См. ***1846. Мая 17 <29>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[17] *Малиновский Д. К.* О том, как надо разуметь смешное в произведениях Гоголя / Подготовка текста и примеч. И. А. Виноградова // Н. В. Гоголь и Православие. М.: К единству! 2004. С. 469–470, 476.

[18] <*Зотов В. Р.*> Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя // Литературная Газета. 1847. 30 янв. № 5. С. 73–75.

[19] См. ***1851. Ноября 5. Понедельник. Москва.***

[20] См. ***1851. Октября 10. Среда. Москва.***

[21] Речь идет о поручении, данном Гоголем С. П. Шевыреву в письме от 14 декабря (н. ст.) 1844 г., о пожертвовании Гоголем денег, выручаемых от продажи его сочинений, в пользу «бедных, но достойных» студентов Московского университета (см. ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***).

[22] См. ***1846. Октября 24 <12>. Суббота. Страсбург.***

[23] См. ***1846. Сентября 24 <12>. Четверг. Вена.***

[24] Роман Э. Сю.

[25] «Мартин-подкидыш, или Записки камердинера», роман Э. Сю.

[26] Роман А. Дюма.

[27] Роман французского писателя Поля Феваля.

[28] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[29] См. примеч. выше.

[30] См. ***1846. Октября 23 <ноября 4>. Среда. Санкт-Петербург.***

[31] Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 95.

НОЯБРЯ С ЧЕТВЕРГА 12[1] ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА-ВТОРНИКА 16–17 <С ОКТЯБРЯ 31 ДО НОЯБРЯ 4–5>. РИМ

Гоголь в Риме проездом в Неаполь; в храме при русском посольстве встретился с графом Д. Н. Блудовым; виделся также с художниками А. А. Ивановым и Ф. А. фон Моллером[2] (обещал им в феврале 1847 г. вернуться в Рим[3]). Иванов сообщил Гоголю, что Ф. В. Чижов «из Петербурга отправляется <...> прямо в Рим»[4].

Позднее, 24 ноября (н. ст.) 1846 г., Гоголь писал В. А. Жуковскому из Неаполя: «...Во время проезда моего через Рим уже ничто в нем меня не заняло, ни даже замечательное явление всеобщего народного восторга от нынешнего истинно достойного папы[5]. Я проехал его так, как проезжал дорожную станцию; обонянье мое не почувствовало даже того сладкого воздуха, которым я так приятно был встречаем всякий раз по моем въезде в него; напротив, нервы мои услышали прикосновенье холода и сырости. <...> В Риме встретил я в нашей церкви у обедни[6] Блудова[7], к которому, разумеется, я тот же час подошел. Он немного постарел[8], но нынешнее выраженье лица его мне очень понравилось: в нем что-то приятное и благостное. Он меня принял очень приветливо. К сожаленью, я не застал его дома, бывши на другой день[9] у него, и не могу больше рассказать о нем ничего. Покамест, как мне показалось, он доволен своими делами и папой, о котором отзывается с большим уваженьем».

В письме к Иванову из Неаполя от 12 декабря (н. ст.) 1846 г. Гоголь вспоминал об одной из бесед с художником: «Кажется, перед отъездом моим из Рима вы совершенно убедились в том, что Апраксиной[10] ничего не следует предпринимать по вашему делу, ни о чем не следует писать к Бутеневу, иначе изо всего этого выйдет новая глупая путаница. <...> Я вам сказал ясно: "Сидите смирно, не думайте ни о чем, не смущайтесь ничем, работайте — и больше ничего, всё будет обделано хорошо. В этом отвечаю вам я". Но вы меня считаете за ничто, доверия у вас к словам моим никакого»[11].

[1] См. ***1846. Ноября 7 <октября 26>. Суббота. Флоренция.***

[2] См. ***1846. Ноября 7 <октября 26>. Суббота. Флоренция***; ***1847. Января 15 <3>. Пятница. Рим.***

[3] См. ***1846. Декабря 16 <4>. Среда. Рим***; ***1847. Января 15 <3>. Пятница. Рим.***

[4] См. ***1846. Октября 13–14 <25–26>. Воскресенье-понедельник. Москва***; ***1846. Декабря 10 <ноября 28>. Четверг. Неаполь.***

[5] 1 июня (н. ст.) 1846 г. скончался папа Григорий XVI и на его место 16 июня (н. ст.) 1846 г. был избран Пий IX (1792–1878). Об избрании нового папы в Риме было объявлено 17 июня (н. ст.) 1846 г.

[6] Предположительно, в воскресенье 3/15 ноября 1846 г.

[7] Граф Дмитрий Николаевич Блудов приезжал в Рим для ведения переговоров о конкордате с папой римским. Конкордат был заключен 3 августа (н. ст.) 1847 г. (отменен в 1866 г.).

[8] Ср. ***1833. Июля 14. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1834. Июня 8. Пятница. Санкт-Петербург.***

[9] Предположительно, в понедельник 4/16 ноября 1846 г.

[10] Графиня С. П. Апраксина.

[11] См. ***1846. Декабря 12 <ноября 30>. Суббота. Неаполь.***

ОКТЯБРЯ 31 <НОЯБРЯ 12>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет новое (второе подряд)[1] письмо Гоголю в Неаполь; кроме того, отправляет в Петербург письма П. А. Плетневу и А. В. Веневитинову.

В письме Гоголю Шевырев сообщал: «Вслед за письмом, которое я к тебе отправил тому назад два дня, отправляю к тебе другое. Извини меня: я в письме своем сказал, может быть, не то, что следовало. Чем более вчитываюсь в "Развязку Ревизора", тем глубже и глубже мне она кажется. Я посудил об ней, как будет, может быть, судить публика, особенно в тех местах, которые примет она за нравоучение и от которых еще кислее сделает рожу, чем от "Ревизора". Но чем более и более я сам, уже не от лица публики, вникаю в это произведение, тем глубже оно мне является, тем более вижу, как ты духовно вырос и дорос до второй части "Мертвых душ", в которой, как надеемся, представишь такое добро, где уж будет точно добро. Не понимают, что надобно до этого дорасти и что ты растешь к этому. Отсюда и все нелепые толки, даже и близких тебе, которые тебя в новом периоде твоей жизни не понимают.

Сегодня я еще два раза перечитывал "Развязку" и послал два экз<емпляра> к Плетневу для двух цензур и написал письмо к Веневитинову для передачи просьбы твоей графу Вьельгорскому.

Щепкин все еще нездоров. Нельзя было лучшего воздвигнуть ему памятника, как эта "Развязка". Спасибо тебе. Ты придашь, может быть, тем ему новых сил для довершения его поприща. <...>

Литературная новость – у нас в Москве с нового года издается "Городской Листок" ежедневно; издатель – очень благородный и деятельный человек, Драшусов. Я принимаю участие. Если захочешь что скорее сообщить публике, то милости просим. Твоя книга, конечно, подаст повод ко многим разборам и прениям. Вероятно, и "Листок" будет их отголоском в твою сторону[2].

В Петербурге идет большая возня и пересадка. "Современник" в руках Никитенко[3], предводителя школы натуральной. Огромные академич<еские> "Ведомости". Смирдин издает всех русских писателей самым дешевым изданием. Бернардский издает 100 рисунков к "Мертвым душам"[4]. <...> Должны выйти на днях».

Веневитинову Шевырев писал: «У меня до тебя просьба, или, лучше, не у меня, а у Гоголя, и не до тебя лично, а до графа Михаила Юрьевича <Виельгорского>. Гоголь желает, чтобы Щепкин дал в свой бенефис "Ревизора" точно в том виде, в каком он напечатан в его сочинениях, и с прибавлением "Развязки", которую я сегодня через Плетнева посылаю в театральную цензуру[5]. Гоголь просит графа, чтобы он своим влиянием пособил этому доброму делу и чтобы всё было пропущено так, как Гоголю хочется. Передай эту просьбу графу с моим душевным ему почтением...»[6]

Из письма Шевырева к Плетневу: «Перед Вами два экземпляра Развязки Ревизора. Гоголь желает, чтобы Щепкин дал в свой бенефис Ревизора в том виде, как он напечатан в его сочинениях, с Развязкою, которая пред Вами. Вас и графа М. Ю. Виельгорского поручает он ему просить о том, чтобы Вы похлопотали о том где следует. Просит он и сам Гедеонова *от своего имени крепко,* если тот Гедеонов цензорует пиесы для театра, который был в Петербурге[7] с графом Васильевым: передайте ему эту просьбу, если Вы с ним знакомы. О графе Виельгорском я пишу к Веневитинову; но Вы, вероятно, и сами с ним знакомы. Один экземпляр Развязки назначается для сценической цен-

зуры, другой для типографской. Гоголь просит о сей последней Никитенко. Щепкин сам должен был ехать в Петербург, но не может: он болен, по возвращении своем из Крыма, и просил меня распорядиться всем этим. Гоголь желает, чтобы все это оставалось между нами в совершенной тайне. Итак, просим Вас сберечь эту тайну, сколько она от Вас зависит; но, конечно, за две цензуры Вам поручиться трудно.

Третьего дня я отправил к Вам экземпляры Мертвых Душ.

Развязку надобно прочесть несколько раз, чтобы вникнуть в смысл ее. В ней много глубокого»[8].

[1] См. ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Москва.***

[2] После выхода «Выбранных мест из переписки с друзьями» в «Московском Городском Листке» (1847. 10 марта. № 56; 17 марта. № 62; 18 марта. № 63; 19 марта. № 64) была опубликована сочувственная статья А. А. Григорьева «Гоголь и его последняя книга» (подпись: *А. Г.*). – См. ***1847. Марта 10 <22>. Понедельник. Москва***; ***1847. Марта 17 <29>. Великий понедельник. Москва***; ***1847. Марта 18 <30>. Великий вторник. Москва***; ***1847. Марта 19 <31>. Великая среда. Москва.***

[3] См. ***1846. Октября 23 <ноября 4>. Среда. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1846. Марта 20 <8>. Пятница. Рим.***

[5] См. ***1846. Октября 24 <12>. Суббота. Страсбург.***

[6] Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 96. – Ответ Веневитинова см.: ***1846. Декабря 10 <22>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[7] В Риме. Ср. в письме Гоголя к М. С. Щепкину от 24 октября (н. ст.) 1846 г.: «Если тот самый Гедеонов, который был в Риме с графом Васильевым и с которым я там познакомился, то попросите его от моего имени крепко».

[8] Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 96.

НОЯБРЯ 1 <13>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев посылает в Царское Село[1] на прочтение Наследнику Александру Николаевичу три запрещенных цензором А. В. Никитенко письма «Выбранных мест из переписки с друзьями» *XIX. Нужно любить Россию*; *XX. Нужно проездиться по России*; *XXI. Что такое губернаторша.*

На следующий день, 2 ноября 1846 г., Плетнев извещал Я. К. Грота: «Всю пятницу провел я за письмами. Послал на прочтение Наследника три письма Гоголя, не пропущенные[2] Никитенкою»[3].

Позднее, 13 ноября 1846 г., Плетнев в письме к Я. К. Гроту пояснял: «Мне хотелось знать мнение Наследника, действительно ли не надобно того печатать, что не пропустил Никитенко. Ежели бы Наследник почувствовал противное, он мог бы показать это Государю – и мы выиграли бы лишние три письма»[4].

1 ноября 1846 г. Плетнев сообщал также С. П. Шевыреву в Москву:

«Печатание Писем Гоголя встречает препятствия на каждом шагу. Никитенко по месяцу держит небольшие их тетрадки, высылаемые Гоголем постепенно. В первой[5] тетради было два письма о Церкви нашей и духовенстве. Цензор духовный на них надписал: *нельзя пропустить, ибо у сочинителя понятия о сих предметах конфузны*[6]. Я принужден был обратиться к графу Протасову[7], который предложил Синоду[8] решить мое дело. Синод, за исключением нескольких фраз, все пропустил. Но движение этого дела потребовало для себя слишком пять недель! Можете судить, какое надобно терпение с этими людьми. Во второй[9] тетради Никитенко вовсе исключил три письма. Это меня привело в отчаяние. Министра[10] нечего и просить. Он вообще недоверчив к тем людям, которые желают его противопоставить течению установленного им порядка. Чтобы разом разрезать этот узел, я при своем письме отправил сегодня эти три письма Гоголя прямо к наследнику. Не знаю, что из этого выйдет[11]. Между тем у Никитенко еще три тетрадки. Бог знает, сколько еще раз придется мне прибегать к помощи посторонних властей. Да и всегда ли это поможет? Всем надоешь. Ведь к сердцу никто таких дел не принимает. Итак едва ли и к Новому году я успею раз-

делаться с книгою. Вы удивляетесь, как посторонние узнают о делах цензуры. Да у нас все эти г-да цензоры тем только и живут, что пересказывают о предметах, которые кому-нибудь желательно скрыть до времени. Я знаю, что у Никитенка в те дни, в которые сбирается к нему ватага его, читали Гоголя в рукописи, присланной на цензирование. При том же Никитенко всегда благоговел, наравне с прочими бездушными профессорами нашими, перед Сенковским. Один я не умею заслужить их искренней любви и уважения. Толпа не умеет ни любить, ни уважать: она способна только или бояться, или бунтовать. О, как я чувствую справедливость того презрения, которое в душе питали к толпе Шекспир и наш Пушкин!»[12]

В тот же день, 1 ноября 1846 г., брат А. О. Смирновой Ар. О. Россет писал ей в Калугу:

«...Гоголя письма еще не вышли; только что выйдут, пришлю; их печатают в том самом почти виде, как были присланы. Мне говорил Плетнев, что в двух письмах он говорит о нашем черном и белом духовенстве, отдавая ему предпочтение перед западным. Цензор духовный[13] их не пропустил, надписав: “Нельзя, потому что идеи автора о нашем духовенстве конфузны”. Плетнев, нашед самую резолюцию конфузною, обратился к графу Протасову, и он разрешил с малыми поправками»[14].

[1] См. ***1846. Ноября 21 <декабря 3>. Четверг. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург*** (письмо к Гоголю).
[2] См. ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Санкт-Петербург.***
[3] *Свод.* Т. 1. С. 681.
[4] Там же. Т. 1. С. 684.
[5] *Ошибка. Следует:* во второй
[6] См. ***1846. Октября 1 <13>. Вторник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. <Санкт-Петербург>.***
[7] См. там же.
[8] См. ***1846. Октября 16 <28>. Среда. Санкт-Петербург.***
[9] *Ошибка. Следует:* В третьей
[10] С. С. Уварова.
[11] См. ***1846. Ноября 4 <16>. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[12] *Свод.* Т. 1. С. 680–681.
[13] Протоиерей Т. Ф. Никольский.
[14] Гоголь в письмах А. О. Россета к А. О. Смирновой // *Свод.* Т. 2. С. 367.

НОЯБРЯ 14 <2>. СУББОТА. РИМ

Гоголь отправляет письмо к матери в Васильевку, с вложением письма к А. С. Данилевскому, написанного за неделю перед тем во Флоренции[1].

Обращается к матери: «Не могу постигнуть причины вашего молчания. Я думал было, что застану, по крайней мере, по приезде моем в Рим от вас письмо, но и здесь обманулся. Вот уже более трех месяцев с лишком, как я не имею о вас ровно никакого известия. <...> Жду, что скажет мне Неаполь, куда отправляюсь на днях; авось-либо там лежит ваше письмо. О себе скажу, что здоровье, слава Богу, становится несколько крепче, и если все обстоятельства хорошо устроятся, то надеюсь в начале будущего года отправиться в желанную дорогу на поклоненье Гробу Господню.

Скоро после этого письма или, может быть, вместе с этим письмом получите вы небольшую книгу мою[2], которая содержит отчасти мою собственную исповедь. Ее мне следовало принесть перед моим отъездом. Посылаю вам выпущенный в печати отрывок из завещания[3], относящийся собственно к вам и к сестрам. <...> Вы получите шесть экземпляров, из которых один для вас, другой для сестер. Третий экземпляр отправьте теперь же немедленно, вместе с приложенным при сем письмом, к Данилевскому... <...> Четвертый экземпляр передайте Андрею Андреевичу[4], если он

где-нибудь близко около вас; если ж он в Петербурге, тогда, разумеется, нечего отправлять. <...> Но, вместо того, вы отдайте этот четвертый экземпляр, вместе с двумя последними, тем святым людям, которые молились обо мне по монастырям; просите, чтобы они прочли мою книгу и помолились бы обо мне еще крепче, чем когда-либо прежде. <...> У вас будут выпрашивать, под разными предлогами, сестры лишний экземпляр или для себя, или для приятельниц своих. Вы им не давайте: эта книга отнюдь не для забавы и не для ветреных светских девушек; здесь дело души, а потому нужно, чтобы ее прочли прежде всего духовники и люди, имеющие дело с душой и совестью человека. <...> Во всё время, когда я буду в дороге, вы не выезжайте никуда и оставайтесь в Васильевке. Мне нужно именно, чтобы вы молились обо мне [именно] в Васильевке, а не в другом месте. <...>

Сестрам моим советую особенно прочитать покрепче приложенный при этом листок из завещания. И присоединяю им, сверх того, еще несколько слов, которые прошу их так свято исполнить, как бы последнюю волю уже умершего их брата:

"Чтобы с этих пор увеличили они ко всем ласковость и приветливость, гораздо в большей степени, чем прежде. У Лизы было что-то похожее на кокетничество, когда ей случалось говорить с молодыми мужчинами или просто быть при них. Чтобы это было выброшено из головы. Чтобы на всех молодых людей глядели они так, как сестра глядит на брата; чтобы были с ними искренни, простодушны, говорливы и говорили так просто, как бы со мною, как бы век были знакомы со всеми ими. Чтобы на всякого пожилого и старого человека глядели бы, как на родного и как на весьма любимого дядю, если не как на отца; чтобы прислуживали ему и показывали такое внимание и так упреждали бы малейшее желан<ие> его, чтобы ему показалось действительно, как бы перед ним его племянницы или внуки. Словом, чтобы повсюду вокруг распространилась даже молва о радушном угощении всякого гостя хозяйками деревни Васильевки и чтобы все знали, что есть действительно такое место, где всякий гость есть брат и наиближайший сердцу человек, несмотря на то, какого бы он состояния и звания ни был".

Вот мои прибавочные слова. В них мое душевное, искреннее желание, и кто исполнит его, тот, значит, любит меня, и не бесчувственно его сердце, и еще есть частица истинного благородства в его душе. Когда всё у меня устроится, как следует, и я буду готов к путешествию, уведомлю вас о том письмом из Неаполя. [<...> В половине же генваря нашего стиля или в конце его по новому стилю я полагаю, если будет так угодно Богу, пуститься в дорогу[5]. Тогда вам и дана будет молитва обо мне в Васильевке.] Теперь, покуда, вы можете посетить все монастыри, прося молитв обо мне, и бывать везде по делам вашим. Но с половины генваря я попрошу вас помолиться обо мне уже в самой Васильевке».

[1] См. ***1846. Ноября 8 <октября 27>. Воскресенье. Флоренция.***

[2] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[3] См. ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн.***

[4] Трощинский.

[5] См. также ***1846. Октября 8 <сентября 26>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Октября 24 <12>. Суббота. Страсбург.*** – Ср. ***1846. Ноября 19 <7>. Четверг. Неаполь***; ***1848. Января 18 <6>. Вторник. Праздник Крещения Господня. Неаполь.***

ОКТЯБРЯ КОНЕЦ – НОЯБРЯ НАЧАЛО <НОЯБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА – НОЯБРЯ СРЕДИНА>

М. П. Погодин отправляет записку к С. П. Шевыреву:

«Что наш бедный Гоголь?.. *Ревизора* он хочет печатать, но он позабыл, что получил от меня, кажется, две тысячи пятьсот рублей или две тысячи за издание, и что это издание осталось у меня все в кладовой, потому что он тогда же выдал полное собрание! Я молчу и не претендую, Бог с ним, хоть и нахожусь теперь в самых тесных обстоятельствах. Не знаю, как и держусь. Между нами!»

Свод. Т. 2. С. 495.

НОЯБРЯ 4 <16>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Великий князь Александр Николаевич выразил согласие с решением цензора А. В. Никитенко[1] не печатать письма Гоголя *XIX. Нужно любить Россию, XX. Нужно проездиться по России* и *XXI. Что такое губернаторша* «Выбранных мест из переписки с друзьями»[2].

6 ноября 1846 г. П. А. Плетнев извещал Я. К. Грота: «Наследник пригласил меня в понедельник <4 ноября> в Зимний дворец. Был со мною очень любезен. Про письма Гоголя сказал, что лучше не печатать непропущенное, ибо много в этом частностей и мелочей, хотя сам он и читал с большим любопытством»[3].

В тот же день, 4 ноября 1846 г., Плетнев писал А. В. Никитенко:

«Шевырев прислал вам, Александр Васильевич, в подарок экземпляр второго издания Мертвых душ, который при сем и препровождаю. Еще просит он Вас процензировать, не для представления на театре, *а только для печатания* новую пьесу Гоголя: *Развязка Ревизора.* Гоголю хочется тиснуть ее на конце второго издания комедии его: Ревизор.

Так как у вас набирается много пьес Гоголя, которые вы должны процензировать, то я советую вам завести для них особый ящик: иначе они так разлягутся по кабинету вашему, что и не вдруг соберете их, когда я приступлю с просьбою достать мне какую либо тетрадку для набора. Вот и теперь принужден канючить о выдаче мне четвертой тетрадки его писем: меня торопит типография.

Из третьей тетради непропущенные вами три письма, на днях был мне случай читать в<еликому> к<нязю> наследнику.

Его Высочество совершенно согласен с нами, что это хоть и интересно и написано в добром духе, но тут так много частного и домашнего, хоть и без имен, что лучше не печатать это»[4].

Поощренный Плетневым, Никитенко в те же дни исключил из книги Гоголя еще два письма – *XXVI. Страхи и ужасы России* и *XXVIII. Занимающему важное место*[5].

В тот же день Плетнев обращался к А. М. Гедеонову[6]:

«Московский актер Щепкин прислал ко мне новую пьесу Гоголя[7], под названием: *Развязка Ревизора,* которую автор дозволяет ему, в день его бенефиса, разыграть на московском театре непосредственно за окончанием *пьесы: Ревизор,* избранной Щепкиным для этого дня.

Щепкин просит меня, чтобы я представил эту пьесу Вашему высокопревосходительству и испросил разрешения играть ее. Благоволите, Ваше высокопревосходительство передать ее в установленную для того цензуру, приказав возвратить ее мне для доставления Щепкину, как скоро дело о ней будет кончено»[8].

[1] См. ***1846. Ноября 1 <13>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] См. также ***1846. Ноября 8 <20>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[3] *Свод.* Т. 1. С. 683.

[4] Там же. Т. 1. С. 681.

[5] См. ***1846. Сентября 26 <14>. Суббота. Праздник Воздвижения Креста Господня. Остенде*; *1846. Ноября 1 <13>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1846. Ноября 6 <18>. Среда. Санкт-Петербург*; *1846. Ноября 8 <20>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[7] Пьеса была прислана П. А. Плетневу С. П. Шевыревым (см. ***1846. Ноября 6 <18>. Среда. Санкт-Петербург***).

[8] *Свод.* Т. 1. С. 682.

НОЯБРЯ 5 <17>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение «Развязки Ревизора» (цензор А. В. Никитенко).

См.: *Гоголь 2001–2012.* Т. 4. С. 113, 863. – См. также ***1846. Ноября 21 <декабря 3>. Четверг. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 6 <18>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. М. Гедеонов отвечает[1] П. А. Плетневу:

«Письмо Вашего Превосходительства, от 4-го сего ноября, и при оном сцену под названием “*Развязка Ревизора*”, сочинения г. Гоголя, я имел честь получить, но не зная причин, по которым актер Щепкин, желающий разыграть сцену сию в свой бенефис, беспокоит Ваше Превосходительство о посредстве в деле, принадлежащем к весьма обыкновенному порядку внутреннего управления дирекциею, и полагая, что разве Ваше Превосходительство, насчет образа постановки этой сцены имеете от автора особое уполномочие, я вследствие того покорнейше прошу почтить меня Вашим по сему предмету отзывом, с получением коего я не оставлю сделать, с своей стороны, в обыкновенном порядке хода этого дела распоряжений, к исполнению всего того, что по достоинству пьесы и по условиям театра будет возможно»[2].

В тот же день Плетнев отвечал Гедеонову:

«На запрос Вашего высокопревосходительства от 6 ноября сего года касательно сцены: *Развязка Ревизора,* почему она из Москвы прислана была ко мне для представления ее Вашему высокопревосходительству, имею честь донести следующее.

Актер Щепкин предполагал сам быть в С.-Петербурге, чтобы иметь честь лично представить пьесу Вашему высокопревосходительству, но, по возвращении своем из Крыма, сделался болен и поручил это ходатайство профессору московского университета Шевыреву, которому Гоголь передал заведывание своими сочинениями. Шевырев, зная без сомнения, что я имею честь быть известен Вашему высокопревосходительству, и полагая наверное, что я без малейшего промедления поспешу исполнить поручение его моим ходатайством непосредственно у Вашего высокопревосходительства, прислал ко мне пьесу прямо.

Я несказанно огорчен, если мое посредничество могло нанести какое либо неудовольствие Вашему высокопревосходительству, и не нахожу другого оправдания в том, кроме незнания форм относительно ценсирования пьес, назначаемых к представлению в театре»[3].

[1] См. ***1846. Ноября 4 <16>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] Гоголь в письмах директора Императорских Санкт-Петербургских театров А. М. Гедеонова // *Свод.* Т. 1. С. 819–820. – См. также ***1846. Ноября 8 <20>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[3] *Свод.* Т. 1. С. 682.

НОЯБРЯ 18–19 <6–7>[1]. СРЕДА-ЧЕТВЕРГ. НЕАПОЛЬ

Гоголь приезжает на зиму в Неаполь.

[1] См. ***1846. Ноября с четверга 12 до понедельника-вторника 16–17 <с октября 31 до ноября 4–5>. Рим; 1846. Ноября 19 <7>. Четверг. Неаполь.***

НОЯБРЯ 6 <18>. СРЕДА. МОСКВА

С. П. Шевырев отправляет в Петербург ответное[1] письмо П. А. Плетневу:

«Никитенко потерял и последнее достоинство в глазах моих. Я считал его благородным цензором и благородным человеком, но он, как видно, ни то, ни другое. Какое же право он имел оглашать рукописи, которые вверяются ему для прочтения? Неужели и общественное мнение против этого не действует? С одной стороны, Никитенко притесняет Гоголя, а с другой — он и его ватага распускают и в Петербурге и в Москве самые странные о нем слухи[2]. Эти люди не действуют без умысла. Но притеснения Никитенки будут оглашены и здесь. Здесь уже хоронят его литературный талант; говорят, что он отказывается от всех своих сочинений, как от грехов (хотя и печатает вторым изданием "Мертвые Души" и "Ревизора"); посягают даже на благородство его мнений. Не говорю уже о дальнейших толках, что он подпал влиянию иезуитов, что он сошел с ума. Город NN в "Мертвых Душах" с своими толками о Чичикове здесь в лицах. Источник всего этого главный — собрания у Никитенки и его цензурная нескромность. Противодействовать этому может только самый выход книги[3] и издание "Мертвых Душ". Тогда будут данные, по которым публика сама рассудит Гоголя. Я понимаю, что решительное изъявление мнений, которые в нем <Гоголе> не новы, но только созрели, могло озлобить всю эту партию и вызвать ее на такие действия против прежнего ее любимца. Понимаю, как она может против Гоголя неистовствовать; но я никак не мог вообразить, чтобы она могла унизиться до таких подлых против него действий. <...>

Здесь есть вестовщики, которые явно всем рассказывают, что они читали рукопись Гоголя у Никитенки, что там прочли они ужасы; цитируются места, фразы. Первое письмо Ваше несколько успокоило толки в кругу мне знакомых.

Объявляют за важную весть, что Белинский, который будет заведывать критикой Современника, изменил уже свое мнение о Гоголе и напечатает ряд статей против него. Это послужит только к чести Гоголя — и давно пора ему для славы своей скинуть с себя пятно похвал и восклицаний, которые приносил ему Белинский»[4].

[1] См. ***1846. Ноября 1 <13>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] В «Авторской исповеди» (1847) Гоголь писал: «...Односторонние выводы людей умных, и притом таких, которых я вовсе не считал односторонними, все эти придирки к словам, а не к смыслу и духу сочинения, показывают мне то, что никто не был в покойном расположенье, когда читал мою книгу; что уже вперед установилось какое-то предубежденье, прежде чем она явилась в свет... <...> Сила этого странного раздражения была так велика, что даже разрушила все те приличия, которые доселе еще сохранялись относительно к писателю. Почти в глаза автору стали говорить, что он сошел с ума, и прописывали ему рецепты от умственного расстройства».

[3] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[4] Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 97.

1846 НОЯБРЯ 18–19[1] <6–7> — 1847 МАЯ 11[2] <АПРЕЛЯ 29>. НЕАПОЛЬ

Гоголь живет в Неаполе на квартире, которую приготовила для него графиня С. П. Апраксина[3]. Вскоре по приезде пишет в Москву письмо Н. М. Языкову[4] (не сохранилось); знакомится[5] с настоятелем Христорождественской церкви в Неаполе иереем Т. Ф. Серединским[6].

Позднее протоиерей Тарасий Серединский вспоминал: «Когда я приехал в Неаполь, в то время (1846 г.) жила там генеральша А<праксина>. Вскоре после моего первого к ней визита, я был приглашен к ней на обед. Перед обедом, когда слуга доложил, что обед готов, генеральша сказала, скажите господину Гоголю. Потом, когда явился этот господин, она представила его мне. Лицо его было совершенно простое, обыкновенное, не представляющее ничего особенного, une figure

commune[7], как говорят французы. Украшением его служили усики и эспаньолетка. Череп его был несколько остроконечный, конусообразный. На темени был у него вихор. За обедом он говорил очень мало. В разговоре обнаруживалась его наблюдательность и меткая характеристика лиц, однако ж все было так просто, что я был сдержан в разговоре, боясь попасть впросак, признав его знаменитым писателем. Через несколько дней он был у меня. Я бывал у него. <...> Он провел две зимы[8] в Неаполе»[9].

28 февраля 1847 г. В. П. Боткин из Москвы сообщал о Гоголе П. В. Анненкову: «Он теперь в Неаполе; говорят, что ходит каждый день к обедне и с большим усердием молится Богу»[10].

В 1852 г. С. П. Шевырев на основании отметок в паспорте Гоголя пометил: «1846/7 в Неаполе зима»[11].

Возможно, в период тогдашнего проживания в Неаполе Гоголь ездил в Бари, к мощам своего небесного покровителя, святителя Николая Мирликийского (сведений об этой поездке не сохранилось). 22 сентября (н. ст.) 1845 г. А. А. Иванов писал брату С. А. Иванову: «У меня мысль была спровадить нынешней зимой тебя в Бари, чтобы сделать перспективный рисунок церкви соборной, где покоятся мощи Николая Чудотворца, столь важного святого для России. Но эта же мысль пришла теперь Раеву. Он туда сбирается, а я об этом пятый год уже как думал»[12].

Позднее, в 1880 г., протоиерей Петр Соловьев, путешествовавший в 1848 г. в качестве послушника, в составе Русской Духовной Миссии, к Святым Местам на одном пароходе с Гоголем, вспоминал, что писатель показывал ему маленький образ Святителя Николая – «верную копию в миниатюре с иконы святителя в Бар-граде (Бары), написанную для него по заказу искуснейшим художником» (в исполнении этой копии о. Петр, «не видав прототипа», отметил «латинское происхождение»). По словам о. Петра Соловьева, Гоголь «высоко ценил в художественном отношении свою икону и дорожил ею, как святынею»[13].

[1] См. ***1846. Ноября 18–19 <6–7>. Среда-четверг. Неаполь.***

[2] См. ***1847. Мая 11 <апреля 29>. Вторник. Неаполь.***

[3] См. ***1846. Ноября 24 <12>. Вторник. Неаполь*** (письмо Гоголя к В. А. Жуковскому).

[4] См. ***1846. Декабря 16 <4>. Среда. Неаполь.***

[5] См. ***1846. Декабря 4 <ноября 22>. Пятница. Неаполь*** (примечания).

[6] Протоиерей Тарасий Федорович Серединский (1822–1897) воспитывался в Херсонской Духовной семинарии. В 1845 г. закончил Санкт-Петербургскую Духовную академию. 28 июля 1846 г. принял священство, 14 августа 1846 г. возведен в ученую степень магистра, 20 августа 1846 г. назначен настоятелем Христорождественской церкви при русском посольстве в Неаполе (располагавшейся на вилле княгини В. П. Бутера (рожденной Шаховской), близ Палермо; см.: *АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 706. Л. 35–36), где состоял до 1859 г. (позднее, до 1886 г., – настоятель посольской церкви Св. равноапостольного князя Владимира в Берлине). Известный духовный писатель, автор многочисленных трудов по богословию, посвященных изучению западных конфессий в свете православного вероучения. Гоголю, работавшему с 1843 г. над книгой о Божественной Литургии, мог быть, в частности, известен первый труд отца Тарасия Серединского «О Богослужении Западной Церкви» (СПб., 1849). В 1860-х гг. протоиерей Тарасий Серединский был законоучителем детей великого князя Константина Николаевича (сына Императора Николая I) (1827–1892) – он был наставником великих князей Константина (1859–1915; известного впоследствии поэта, печатавшего свои произведения под инициалами «К. Р.»), Димитрия (1860 – расстрелян большевиками в 1919 г.), Вячеслава (1862–1879), великих княжон Ольги (1851–1931; с 1867 г. королевы Греции) и Веры (1854–1912; герцогини Виртембергской).

Православная церковь при русском посольстве существовала в Неаполе с начала XIX в. (церковь и причт были переведены в Неаполь из Турина). 15 февраля 1844 г. распоряжением Императора Николая I в Неаполе была учреждена новая церковь и утвержден штат при ней. Первый назначенный в Неаполь священник Петр А. Сперанский спустя два года вернулся в Петербург (29 сентября 1845 г. возведен в ученую степень магистра; в конце апреля 1846 г. определен, по Высочайшему повелению, «сверх штата», к церкви Петергофского дворца и в июне 1846 г. отбыл из Рима; *АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 706. Л. 5, 78); вместо него был назначен иерей Т. Ф. Серединский, который не позднее 24 августа 1846 г. выехал из Петербурга и прибыл в Неаполь 7/19 октября 1846 г. (*АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 706. Л. 34, 120). 13/25 ноября 1846 г. в Неаполь были доставлены и до 15/27 ноября вручены отцу Тарасию его магистерский крест, диплом магистра и аттестат (*АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 706. Л. 62, 129). Первое время пребывания в Неаполе отец Тарасий «терпел крайнюю нужду по причине дороговизны содержания, посему послан<ник> граф Л. С. Потоцкий в 1847 г. просил о прибавке ему жалованья. Государь Император 8 марта приказал выдать единовременное пособие в

количестве годового оклада, т. е. 1524 руб<ля>» (*Мальцев А. П., протоиерей.* Берлинский Братский Ежегодник. Православные церкви и русские учреждения за границею. Справочник с календарем на 1906 год. СПб., 1906. С. 230). В начале декабря (н. ст.) 1846 г. с просьбой о помощи к Императору Николаю Павловичу обратился и Гоголь, который просил Государя о выдаче ему заграничного паспорта для паломничества в Святую Землю (см. ***1846. Декабря 1–5 <ноября 19–23>. Среда-воскресенье. Неаполь***). В официальной переписке об этом принимал участие и русский посланник в Неаполе граф Л. С. Потоцкий (см. ***1847. Января 9 <21>. Четверг. Санкт-Петербург***).

К моменту знакомства с Гоголем о. Тарасию Серединскому было двадцать четыре года; он был моложе Гоголя на тринадцать лет. Сохранился письменный отзыв о. Тарасия о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя (см. ***1847. Апреля конец – мая до 11 <апреля средина – апреля до 29>. Неаполь***). Кроме того, по просьбе Гоголя о. Тарасий служил в Неаполе два молебна (см. ***1846. Декабрь <ноября вторая половина> – 1847. Мая 11 <апреля 29>. Неаполь***; ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь***).

[7] Общий рисунок (*фр.*).

[8] Под второй зимой о. Тарасий подразумевает пребывание Гоголе в Неаполе с ноября (н. ст.) 1847 г. по январь (н. ст.) 1848 г. (см. ***1847. Ноября начало <октября конец> – 1848. Января 19–20 <7–8>. Неаполь***).

[9] *Протоиерей Тарасий Серединский.* Записки заграничного священника // *Свод.* Т. 3. С. 591.

[10] См. ***1847. Февраля 28 <марта 12>. Пятница. Москва.***

[11] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 126. См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

[12] См. ***1845. Сентября 22 <10>. Понедельник. Рим.***

[13] См. ***1848. Января 27 <февраля 8>. Вторник. Родос.***

НОЯБРЯ 19 <7>. ЧЕТВЕРГ. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет в Васильевку ответное[1] письмо к матери и сестрам:

«Наконец в Неаполе нашел я письмо от вас (от октябр<я> 4), писанное вами по возвращении вашем из Киева. Оно меня очень утешило, так же как и письма всех троих сестер. Велика милость Божья, внушающая нам благие помышления. Так и ваша поездка в Киев, она была внушена вам Богом, а потому и плоды ее благодатны. <...> ...Мои добрые сестры, пишите мне всё, совершенно всё; вы теперь не можете написать пустяков. Благодаренье вечное Богу: вы теперь на прекрасной дороге. <...> Теперь не упрекну я вас ни в чем, да и мне ли, обремененному своими собственными несовершенствами, негодовать на вас? Нет, мы посоветываемся обоюдно о том, как быть нам лучшими и как исполнить на земле то, для чего мы призваны на землю. <...> Адресуйте письма в Неаполь, прибавляя на место poste restante: Palazzo Ferandini. Я еще не скоро отправляюсь в Палестину. Есть еще много дел, которые мне нужно кончить, без чего будет неспокойна моя совесть и мне будет невозможно поклониться Гробу Господню так, как бы я хотел. <...> Вы уже, вероятно, имеете в руках своих мою книгу[2], содержащую в себе исповедь некоторых дел моих. Скажите мне о ней всё, что ни почувствуют сердца и души ваши, равно как и всё, что ни услышите о ней от других людей, все отзывы, – какие ни услышите даже и от таких людей, которые почти неграмотны и почти вовсе ничего до того не читали. Особенно передавайте те, которые не в похвалу моей книги: такие именно мне нужны. Не оставляйте уведомлять меня о хозяйстве попрежнему. Расходы и приходы, записанные Лизою, получены мною в исправности. Я бы желал, однако ж, что<бы> в приходе было прибавляемо, кому именно продана всякая вещь и на какое употребление. В двух местах сказано "с проезжающих" и не сказано, за что. Если это за проезд через греблю или мосты, то этот сбор нужно прекратить, он же и невелик. Или, пожалуй, можно сбирать, но в пользу бедных и неимущих. А потому и мужик, приставленный при таком сборе, должен об этом говорить всякий раз тем, с которых берет деньги, и попросить их сказать свое имя, чтобы знали бедные, о ком следует им помолиться и за кого просить Бога. Прочее всё хорошо и, верно, будет еще лучше, когда станете перечитывать почаще расходы и взвешивать сравнительно всякую вещь одну с другою, чтобы видеть, которая из них необходимей другой и без которой можно обойтись. <...>

Из Петербурга вы получите еще четыре экземпляра[3], чтобы таким образом всякой сестре досталось по экземпляру. Ибо теперь я вижу, что книга моя будет вам доступна и понятна, и вы сделаете из нее прекрасное употребление, если будете почаще перечитывать ее».

[1] См. ***1846. Октября 4 <16>. Пятница. С. Васильевка.***

[2] «Выбранные места из переписки с друзьями». Книга вышла только 1/13 января (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург***).

[3] Позднее Гоголь обратился к П. А. Плетневу с просьбой прислать в Васильевку дополнительно не четыре, а шесть экземпляров (см. ***1846. Декабря 4 <ноября 22>. Пятница. Неаполь***). Таким образом, всего в Васильевку было отправлено двенадцать книг (см. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***).

НОЯБРЯ 7 <19>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. М. Гедеонов отвечает[1] П. А. Плетневу:

«Получив предполагаемую для бенефиса московского актера Щепкина новую сцену Гоголя под названием «*Развязка Ревизора*» совершенно другою дорогою противу того порядка, какой в этих случаях вообще по дирекции существует, я полагал, что Ваше Превосходительство изволите принимать в этом деле особенное участие, и потому, чтобы узнать положительнее Ваше намерение и по возможности сделать Вам угодное, я только с этим предположением и обратился к Вам, Милостивый Государь, с известным вопросом, принятом Вам, к искреннему моему сожалению, в другом смысле.

Что же касается собственно до пиесы, то должен сказать, что по принятым правилам при Императорских театрах, исключающих всякого рода одобрения артистов – самими артистами, а тем более венчания на сцене, она в этом отношении не может быть допущена к представлению»[2].

[1] См. ***1846. Ноября 6 <18>. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] Гоголь в письмах директора Императорских Санкт-Петербургских театров А. М. Гедеонова // *Свод.* Т. 1. С. 820. См. также ***1846. Ноября 8 <20>. Пятница. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 8 <20>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет С. П. Шевыреву в Москву:

«Спешу уведомить вас, почтенный Степан Петрович, о движении дела, которое вы на меня возложили. Получив рукопись "Развязки Ревизора", один экземпляр я отправил к Никитенко. Отзыва его не получил еще. С другим экземпляром отправился лично к Вяземскому. Моя размолвка с ним, о которой я писал к вам, не была *обнаруженною,* и потому я не чувствовал надобности переменить с ним тон прежних моих сношений. Он сказал мне, что с г. Гедеоновым, как главным судиею этого дела, он говорить не может взяться, потому что всегда чуждался его; а о графе М. Ю. Вьельгорском Вяземский прибавил, что между Гедеоновым и графом отношения совсем неблагоприятные для подобного дела, и что последний не возьмется просить о чем-либо первого.

После этого я не находил другого средства выйти из затруднения, как самому мне просить г. Гедеонова[1], тем более, что за несколько лет я бывал им принят. Препровождая к нему пьесу, я просил его приказать процензировать для представления и возвратить мне для отсылки. Но в ответ получил между прочим следующий запрос[2]: "Не зная причин, по которым актер Щепкин беспокоит В<аше> п<ревосходительств>о о посредстве в деле, принадлежащем к весьма обыкновенному порядку внутреннего управления дирекциею, и полагая, что разве, В<аше> п<ревосходительство>, на счет образа постановки этой сцены имеете от автора особое уполномочие, я прошу почтить меня вашим по сему предмету отзывом".

Я, в своем ответе[3], сказал, что Щепкин, сделавшись болен, просил Вас похлопотать об этом деле, как единственное лицо в Москве, заведывающее сочинениями Гоголя, и что не сам Щепкин, а вы прислали мне пьесу.

На это он мне отвечал[4], что по принятым правилам при театрах, исключающим всякого рода одобрение артистов самими артистами, а тем более венчание на сцене, пьеса Гоголя не может быть допущена к представлению.

Из этого я заключаю, что у директора театров есть какое-то неблагорасположение к Гоголю. Чтобы поправить дело, Вяземский советует[5] Щепкину, чтобы он сам написал к Гедеонову письмо, и объяснил бы, что в его поступке не было намерения уклониться от форм, что всё недоразумение произошло от его болезни и особенно от моего непростительного незнания отношений служащих при театрах к их директору.

Касательно сбережения тайны о появлении новых произведений Гоголя, вы можете быть покойны *в отношении ко мне лично*. Я нигде не бываю, никого не вижу, да и вообще не охотник говорить о новостях. Но, как я уже писал к вам, не так поступают наши цензора.

Искреннейше благодарю вас за экземпляр Мертвых душ. <...>

P. S. Попытка моя не увенчалась успехом[6]. Его Высочество лично объявил мне, что хоть это и очень интересно; но как тут много частностей и домашнего, то лучше не печатать»[7].

9 ноября 1846 г. Плетнев писал также Я. К. Гроту: «В пятницу <8 ноября> <...> заехал к Вяземскому посоветоваться насчет комиссии, данной мне Шевыревым, чтобы выхлопотать дозволение Щепкину разыграть в его бенефис одну новую сцену Гоголя, которую прислал он под названием: "Развязка Ревизора"»[8].

8 ноября 1846 г. Плетнев извещал также Д. И. Коптева: «...Теперь <...> читаю корректуру <...> Гоголя, ведя по последнему труду переписку с ним, с цензорами, даже с лицами высочайшего двора...»[9]

[1] См. ***1846. Ноября 4 <16>. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1846. Ноября 6 <18>. Среда. Санкт-Петербург.***
[3] См. там же.
[4] См. ***1846. Ноября 7 <19>. Четверг. Санкт-Петербург.***
[5] Совет был дан Вяземским во время нового визита к нему Плетнева, который состоялся в день отправления настоящего письма, 8 ноября 1846 г. (см. ниже фрагмент из письма Плетнева к Я. К. Гроту от 9 ноября 1846 г.).
[6] См. ***1846. Ноября 4 <16>. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[7] *Свод*. Т. 1. С. 683–684.
[8] Там же. Т. 1. С. 684.
[9] Там же.

НОЯБРЯ 9 <21>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ф. В. Булгарин в «Северной Пчеле», говоря о вышедших «Повестях, сказках и рассказах Казака Луганского» (В. И. Даля), замечает:

«Казак Луганский выше всех тех писателей так называемой новой школы, с которыми он участвует в наполнении журналов оригинальными сочинениями, гораздо выше Гоголя и по образованию, и по взгляду на предметы, и по изложению, и по языку, и мы не простили бы себе, если б осмелились поставить Казака Луганского в параллель с Г<-ом> Достоевским, которого Отеч<ественные> Записки на ваканцию, очищенную Гоголем, произвели в гении!»

<*Булгарин Ф. В.*> Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1846. 9 ноября. № 254. С. 1015.

НОЯБРЯ 10 <22> . ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Судя по почтовому штемпелю[1], в этот день графиня Анна М. Виельгорская получила письмо Гоголя из Ниццы[2], с вложением «Предуведомления» к предполагаемому благотворительному изданию «Ревизора с Развязкой».

В тот же день Плетнев также получил[3] письмо Гоголя из Ниццы[4], с вложением писем к М. С. Щепкину и к И. И. Сосницкому.

[1] См.: *Городецкий*. С. 442.
[2] См. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца***; ***1846. Ноября 3 <октября 22>. Вторник. Ницца***.
[3] На письме Гоголя имеется почтовый штемпель: «Получено 1846 Ноя<бря> 10 полдень»; и помета Плетнева: «П<олучено> 10 Нояб<ря> 1846» (*Городецкий*. С. 453).
[4] См. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца***; ***1846. Ноября 3 <октября 22>. Вторник. Ницца***.

НОЯБРЯ 11 ИЛИ 18 <23 ИЛИ 30>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Графиня Л. К. Виельгорская отправляет записку к княгине О. С. Одоевской:

«Я была у Вас, дорогая княгиня, надеясь увидеться и поговорить с Вами. <...> Дело касается нашего дорогого Гоголя, от которого мы получили письмо[1]. Ответить на него невозможно до нашего свидания. Таким образом, повидаться с Вами крайне необходимо».

Свод. Т. 2. С. 76.

[1] Имеется в виду письмо Гоголя к дочери графини Л. К. Виельгорской Анне Михайловне от 2 ноября (н. ст.) 1846 г., где Гоголь предложил А. М. Виельгорской взять на себя обязанность раздачи нуждающимся денег, вырученных от продажи нового благотворительного издания «Ревизора с Развязкой» (см. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца***). В Петербурге такую раздачу Гоголь поручил также, в числе других лиц, княгине О. С. Одоевской (см. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца*** – примечания). – См. также ***1846. Ноября 20 <декабря 2>. Среда. Санкт-Петербург***; ***1846. Ноября 21 <декабря 3>. Четверг. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург*** (письмо П. А. Плетнева к Гоголю).

НОЯБРЯ 24 <12>. ВТОРНИК. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет ответные письма В. А. Жуковскому во Франкфурт и А. О. Смирновой[1] в Калугу; отправляет также письмо в Париж к графу А. П. Толстому.

Из письма к Жуковскому: «Я прибыл благополучно в Неаполь, который во всю дорогу был у меня в предмете, как прекрасное перепутье. <...> Неаполь прекрасен, но чувствую, что он никогда не показался бы мне так прекрасен, если бы не приготовил Бог душу мою к принятью впечатлений красоты его. Я был назад тому десять лет в нем[2] и любовался им холодно. Во всё время прежнего пребыванья моего в Риме никогда не тянуло меня в Неаполь; в Рим же я приезжал всякий раз как бы на родину свою. Но теперь во время проезда моего через Рим уже ничто в нем меня не заняло[3]... <...> Но как только приехал я в Неаполь, всё тело мое почувствовало желанную теплоту, утихнули нервы, которые, как известно, у других еще раздражаются от Неаполя. Я приютился у Софьи Петровны Апраксиной, которой тоже, может быть, внушил Бог звать меня в Неаполь[4] и приуготовить у себя квартиру. Без того, зная, что мне придется жить в трактире и не иметь слишком близко подле себя желанных душе моей людей, я бы, может быть, не приехал. Душе моей, еще немощной, еще не так, как следует, укрепившейся для жизненного дела, нужна близость прекрасных людей затем, чтобы самой от них похорошеть. <...> На почте нашел я здесь себе письмо[5], пересланное мне из Франкфурта, на конверте которого знакомая мне ручка, <...> так что в мыслях моих вдруг предстал и сам прекрасный хозяин ее. Из Петербурга я не получил еще ни одного письма и не имею никаких известий[6]. <...> ...Замедленное появление моей книги может на несколько далее отодвинуть отъезд мой к Святым местам. Но если так действительно случится, то значит, что в этом воля

Божья... <...> Я и прежде думал не иначе отправляться в такую дорогу, как в сообществе хотя нескольких близких сердцу моему людей. <...> Наконец указаньем Божьим считаю я и возрастанье самого желанья ехать. Верю, что когда приспеет законное время и час садиться на корабль, желанье эта возрастет в такой силе, что я не буду чувствовать сам, как взойду на палубу, не почувствую сам, как понесусь, подобно неодушевленному кораблю, послушному попутному веянью одушевленного небесного дыхания. <...> Всех вас обнимаю, как близких и родных моему сердцу. <...> Адрес мой: Palazzo Ferandini...»

Из письма к Смирновой: «Наконец от вас письмо, друг мой Александра Осиповна! Велик Бог! Что было вам в страданье, то обратится вам в радость. Глядите светло вперед: всё будет прекрасно. Всё устроит Бог, как лучше и как должно. Если бы вы были вполне здоровы, вы были бы мне теперь нужны в Петербурге, но еще не вполне укрепившееся ваше здоровье заставило вас остаться в Калуге, — стало быть, это верный знак, что внутри России будете мне еще нужнее, чем в Петербурге. О себе скажу, что здоровье мое вашими ли молитвами или, может быть, общим дружным соединением молитв многих угодных Богу людей, которые всё время молились обо мне безустанно, поправилось неожиданно, совершенно противу чаяния даже опытных докторов. Я был слишком дурен, и этого от меня не скрыли. Мне было сказано, что можно на время продлить мою жизнь, но значительного улучшения в здоровье нельзя надеяться[7]. И, вместо того, я ожил, дух мой и всё во мне освежилось. Передо мной прекрасный Неаполь и воздух успокоивающий и тихий. Я здесь остановился как бы на каком-то прекрасном перепутьи, ожидая попутного ветра воли Божией к отъезду моему в Святую землю. <...> Путешествие это и прежде предполагалось предприняться таким образом, когда мне удастся всё сделать, что следует для того, чтобы с спокойной совестью отправиться в дорогу. Оно предполагалось не иначе произвестись, как в сообществе близких душе и сердцу моему людей; я еще не так окреп духом, чтобы в силах одному пуститься в такую дорогу. Еще немощна душа моя и не может без помощи других помолиться так, как бы хотела помолиться. Теперь замедления разных родов по поводу печатанья книги и вообще моих дел в Петербурге остановливают устроение всех споспешествующих обстоятельств к путешествию. Стало быть, воля Божия, чтобы на несколько времени я отодвинул назад отъезд мой. Со всеми теми людьми, которые хотели также ехать в этом году, случились тоже разные непредвиденные задержки[8]. Стало быть, нет еще воли Божией, чтобы я подымался в дорогу. Как погляжу внутрь самого себя, вижу, что далеко еще не готов к этому путешествию. Еще многого, многого того не сделал, без чего не в силах буду, как следует мне, помолиться. Путешествие мое не простое поклоненье. Путешествие мое для испрошенья благословен<ия> Божьего на подвиги мои в жизни, на те дела и подвиги, для которых даны мне Им же способности, которых мне не следовало до времени выказывать, но воспитать прежде в самом себе. Школьник, который даже и лучше других учился, всё однако же робеет, помышляя об экзамене и о предстоящем ему выпуске; как же не робеть тому школьнику, который чувствует, что еще нерадиво учился? Но да будет во всем воля Божья! Еще ничего не знаю, еду я или не еду этой зимой. <...> В Неаполе я у моря и жду погоды; остановился под крышей у Софьи Петровны Апраксиной. На письмах выставляйте Palazzo Ferandini или же попрежнему poste restante. <...> Ради Бога, не оставляйте меня уведомлен<ием> обо всем том, что делается с вами, хотя небольшие отрывки из дневника вашей жизни!»

Из письма к Толстому: «Спешу к вам написать несколько строчек из Неаполя, куда я прибыл благополучно, хотя после долгого странствования. В Неаполе так прекрасно и тепло. В душе моей стало так приютно и светло здесь, что я не сомневаюсь, что и с вами будет то же, если вы сюда заглянете. Как вы обрадуете вашу сестрицу[9] своим приездом! Русских здесь почти ни души; покойно и тепло, как нигде в другом месте. Солнце просто греет душу, не только что тело. Какая разница даже с Римом, не только с Парижем! Из Петербурга я еще не имею никаких известий и писем, но это меня ничуть не смущает; душа моя глядит светло вперед; всё будет прекрасно, потому что всё будет так, как угодно Богу, а Богу угодно только, что прекрасно и что в добро душе нашей. Вашей племяннице, Нат<алье> Влад<имировне>[10], гораздо лучше против того состояния, в котором я видел ее в Риме. Воздух ее целит видимо. Напишите мне слова два об Иване Петровиче[11]. Я полагал,

что уже найду его здесь; о нем беспокоятся. Усердный поклон графине. Ради Бога, не позабудьте написать ответ на это письмо немедля и объявите о себе всё, что ни случается с вами теперь. Из Франкфурта я писал к вам письмо[12]; не знаю, получили ли. Ваше письмо с приложеньем письма Иконникова[13] пришло ко мне весьма странно, в ту минуту, когда я садился в дорогу[14]. Вы говорите, может быть, оно будет мне кстати. Я не понял, в каком смысле. Иконников вам отсоветовывает в нем пускаться в дальнюю дорогу. Не есть ли это также и ваша мысль? Не хотели ли также и вы сказать мне этим, что мне теперь еще не следует пускаться в Иерусалим? Как бы то ни было, но обстоятельства так устраиваются, что, может быть, поезд мой, точно, на несколько времени отдалится. Еще страннее, что почти со всеми теми людьми, которые, подобно мне, хотели ехать в этом году, случились непредвиденные задержки, иные даже возвратились с дороги»[15].

[1] См. ***1846. Октября 15 <27>. Вторник. Калуга.***

[2] См. ***1838. Июля после 5–6 – сентября 5 <июня после 23–24 – августа 24>. Неаполь, остров Капри, Кастелламаре, Неаполь.***

[3] См. ***1846. Ноября с четверга 12 до понедельника-вторника 16–17 <с октября 31 до ноября 4–5>. Рим.***

[4] См. ***1846. Ноября 7 <октября 26>. Суббота. Флоренция.***

[5] Письмо Жуковского не сохранилось.

[6] Ср. ***1846. Ноября 21 <декабря 3>. Четверг. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.*** – Гоголь ожидал выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[7] См. ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим*** (примечания).

[8] См. ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь*** (примечания).

[9] Графиня С. П. Апраксина.

[10] Графиня Апраксина (1820–1853), дочь графини С. П. Апраксиной.

[11] Брат графа А. П. Толстого.

[12] Это письмо до нас не дошло (см. ***1846. Сентября последние числа или октября первые числа – октября 22–23 <сентября средина – октября 10–11>. Франкфурт-на-Майне***).

[13] Возможно, Степан Михайлович Иконников (1784–1868). Письмо Иконникова не сохранилось.

[14] См. ***1846. Октября между 22 и 24 <между 10 и 12>. Франкфурт-на-Майне, Страсбург.***

[15] Намек на М. П. Погодина.

НОЯБРЯ 14 <26>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев посылает Гоголю денежное пособие за период с 1 мая до 1 октября 1846 г.

См. ***1846. Ноября 21 <декабря 3>. Четверг. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 15 <27>. ПЯТНИЦА. КАЛУГА

И. С. Аксаков сообщает родным в Москву:

«Перечитываю Гоголя и еще грустнее становится, потому что вспомнишь о самом Гоголе, потому что после чтения Гоголя по крайней мере сутки двое не смеешь не только взяться за перо, но даже подумать о какой-нибудь литературной деятельности».

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 916.

НОЯБРЯ 16 <28>. СУББОТА. МОСКВА

Согласно почтовому штемпелю[1], Н. М. Языков получил в этот день письмо Гоголя из Флоренции[2], с вложением писем к Н. Н. Шереметевой и к А. П. Елагиной.

[1] См.: *Городецкий*. С. 474.
[2] См. ***1846. Ноября 8 <октября 27>. Воскресенье. Флоренция***; ***1846. Ноября 10 <октября 29>. Вторник. Флоренция***.

НОЯБРЯ 18 <30>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Большом театре; в роли Городничего – М. С. Щепкин.

Гриц. С. 393; *Ельницкая 1979*. С. 383.

НОЯБРЯ КОНЕЦ <НОЯБРЯ СРЕДИНА>. НЕАПОЛЬ

Гоголь получает из Москвы присланные Н. И. Любимовым[1] на имя графини С. П. Апраксиной книги[2].

[1] Николай Иванович Любимов (1811–1875), в ту пору вице-директор Азиатского департамента, приятель М. П. Погодина.
[2] См. ***1846. Декабря 4 <ноября 22>. Пятница. Неаполь***; ***1847. Марта 27 <15>. Лазарева суббота. Неаполь***.

ДЕКАБРЯ 1 <НОЯБРЯ 19>. ВТОРНИК. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет в Москву ответное[1] письмо С. П. Шевыреву, с просьбой напечатать в «Московских Ведомостях» объявление о втором издании первого тома «Мертвых душ» и предисловие к этому изданию («К читателю от сочинителя»):

«Сейчас взял на почте твое письмо от 20 октября / 1 ноября. Оно шло несколько долго[2]. Благодарю тебя за все труды и старания. Жду известия по делу “Ревизора”, равно как и мнения твоего о посланной тебе[3] “Развязке” его, в письме к Щепкину. Теперь же прошу тебя еще вот о чем: устрой, чтобы в “Московских Ведомостях” было напечатано объявление о втором издании “М<ертвых> д<уш>” и выписано целиком предисловие[4]. Я опасаюсь, что те, которые имеют уже первое издание и, стало быть, не имеют надобности во втором, не будут иметь случая прочесть предисловия, а мне слишком важны все замечания. Все же те замечания, которые будут присланы к тебе, не замедли никак доставлять мне. Я надеюсь, что ты будешь иметь деньги на все эти издержки от распродажи “М<ертвых> д<уш>”, которые, вследствие книги: “Выбранные места”, должны разойтись скоро. Жду с нетерпением получения второго выпуска твоих лекций[5]. Ты поступил умно и не без высшего вразумления, приостановив их печатанье. Через год или полгода времени они будут встречены с большей жаждой, чем теперь. Самое предуготовительное чтение истории всеобщей[6], по моему мнению, решительно необходимое теперь и даже более необходимое, чем когда-либо прежде, приуготовит и введет читателей и слушателей в существо твоего русского курса, которое для многих

иначе даже и не может сделаться доступным. <...> Дай мне сей же час твое искреннее и чистосердечное мнение о книге моей, не скрывая ничего. Из нее ты более почувствуешь, что мне следует всё говорить, что ни есть на душе: всё, с помощию Бога, обратится в добро моей душе. Передай мне также замечания и других, от кого их ни услышишь, не выключая даже простых и крепостных людей и не скрывая имен их...»

[1] См. ***1846. Октября 20 <ноября 1>. Воскресенье. Москва.***

[2] Письмо было адресовано в Рим (см. ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Москва***).

[3] См. ***1846. Октября 24 <12>. Суббота. Страсбург.***

[4] Объявление о втором издании первого тома поэмы появлялось на страницах «Московских Ведомостей» несколько раз (впервые – в № 3, от 7 января 1847 г.). Предисловие в газете напечатано не было.

[5] История Русской Словесности, преимущественно древней. XXXIII публичные лекции *Степана Шевырева,* О<рдинарного> Профессора Московского Университета. М., 1846. Т. I. Ч. 2 (лекции 6–10; цензурное разрешение 1 авг.). – См. также ***1847. Июня 14 <26>. Суббота. Москва.***

[6] Шевырев в своем письме сообщал Гоголю о намерении «прочесть публичный курс *истории всеобщей поэзии*» (а не «всеобщей истории», как пишет Гоголь). В 1848 г. в незавершенном <Письме по поводу «Мертвых душ»> Гоголь также замечал: «...Перечти всеобщую историю всего человечества. <...> Это чтенье [<...> теперь одно может] осветить и освежить взгляды».

НОЯБРЯ 19 <ДЕКАБРЯ 1>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Р. М. Зотов в «Северной Пчеле», размышляя о влиянии «натуральной школы» на театр, замечает:

«...Мы бы попросили умного человека <...> определить нам ясно и верно: что такое эта новая натуральная школа?..[1] <...> Все называют Гоголя и Лермонтова основателями этой школы, но в чем именно заключается ее теория, правила и сущность, никто еще не потрудился изложить приверженцам старой школы. <...> Мы всегда признавали в Гоголе большое, самобытное дарование, а о преждевременной кончине Лермонтова душевно скорбели... <...> Но мы сомневаемся, чтоб они когда-либо хотели основать новую литературную школу в том виде, как ее теперь понимают юные питомцы муз».

<*Зотов Р. М.* > *Р. З.* Театральная хроника // Северная Пчела. 1846. 19 ноября. № 262. С. 1045–1046.

[1] См. ***1846. Ноября 23 <декабря 5>. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ КОНЕЦ – ДЕКАБРЯ НАЧАЛО <СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА – НОЯБРЯ СРЕДИНА>. РИМ

А. А. Иванов, вероятно, после возвращения из Неаполя и получения в Риме 27 сентября (н. ст.) 1846 г. полутора тысяч рублей серебром, пожалованных Императором Николаем I – «с непременным» условием «окончить в год» картину «Явление Мессии»[1], пишет неустановленному лицу (возможно, П. Н. Жеребцовой, рожд. Толстой):

«Это правда, при последнем свидании я выпросил у вас год времени[2], надеялся сделаться практически достойным милостей ваших. И точно, делаю все, что могу, но натура дела моего весьма медленна... <...> Но неужели мы все еще живем в те суровые времена, когда нельзя в то же время прибавить и самые высокие наслаждения жизни, составляющие полноту человеческого блаженства[3]?

Очень бы желательно слышать что-нибудь о Николае Васильевиче <Гоголе>. Общий воспитатель, вероятно, еще более усовершенствовался внутри себя. Неужели истинным способностям

необходимо безобразное клеймо казенное, и особливо тогда, когда они еще не совсем утвердились в общем мнении. Я полагаю, что беседа художников для его будущности необходима[4]: он зачерпнет из нее многое, чтобы создать план будущего блестящего для них действия. Не одетый в казенную форму, он гораздо откровеннее найдет сердца лучших, на которых опирается все в будущем, а исполнив свои сочинения и окончив удобопонятным обществу (образом), приобретет законную себе определительность, как от нас, общества, так и от правительства, и то, что теперь было отвратительно, будет тогда и справедливо, и необходимо.

Сердечно жалею, что встречаю вас в горе, но не знаю, чей крест тяжелее. Мне, как последнему деятелю в пути образования, нужно самое нежное спокойствие, чтобы вести вдаль дела.

Был период в моей жизни, когда, под защитой неизвестности, созидалось у меня все любовию к искусству, теперь нужно ждать другого — милосердия и терпения общества.

Солнцева вещь для Языкова, как будто кончена[5]... Но все-таки Солнцев в этой картине и не преданный искусству человек, и не достоин имени русского»[6].

[1] См.: *Виноградов 2001.* С. 431. – См. также ***1847. Января 22 <10>. Пятница. Рим*** (примечания).

[2] 20 декабря 1845 г. Иванов сообщал отцу из Рима: «В пятницу ходили мы к Григорию Волконскому благодарить за его участие, об нас принятое. Потом порознь ходили к Парасковье Николаевне Жеребцовой с тем же» (*РГБ.* Ф. 332. К. 2. Ед. хр. 3. Л. 1451). Иванов подарил тогда Прасковье Николаевне и Лидии Александровне Жеребцовым три акварели, изображающие римские виды: «Храм Весты в Риме», «Вид в окрестностях Рима», «Вид на Ponte Molle близ Рима» (*Виноградов 2001.* С. 378).

Ранее, в феврале 1845 г., Иванов сообщал Гоголю из Рима: «Здесь Тон и г-жа Жеребцова. Она сегодня была у меня в студии и осталась очень довольна моим трудом...» (см. ***1845. Февраля средина <февраля начало>. Рим***). 15 марта (н. ст.) 1845 г. он также писал Гоголю: «Жеребцова обещалась Моллеру уговорить Волконского, чтобы не останавливать обо мне представления академического. Ведь Петр Михайлович, когда дело идет о выдаче денег, привык обыкновенно без разбору останавливать» (см. ***1845. Марта 15 <3>. Суббота. Рим***). – См. также ***1843. Июня 1–3 <мая 20–22>. Четверг. Праздник Вознесения Господня – суббота. Мюнхен.***

12 декабря (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал Иванову из Неаполя: «...Доверия у вас к словам моим никакого. Вы больше поверите каким-нибудь россказням какой-нибудь Жеребцовой <...>, нежели словам человека, который еще не был уличен во лжи, льстивыми посулами не заманивал человека и слово свое держал».

Ф. В. Чижов 23 апреля 1845 г. писал Иванову о Жеребцовой: «У Жеребцовой самое важное – ее отношения и то такие, какие она скрывает от всех и каждого, или по крайней мере не может выставлять напоказ; потом у нее прекрасная доброта и, третье, ее русская природа. Но нам нечего себя нахваливать в своей семье; та же русская природа имеет и плохую сторону, наша доброта такова, что она разливается во все стороны и для главного часто не останется ни капли, не достанет даже на утоление жажды. Совершенно такова Жеребцова, потому, по моему мнению, ее не надобно тормошить, а употребить в ту минуту, когда все орудия будут изведаны» (*Виноградов 2001.* С. 340).

[3] Иванов подразумевает свою предполагаемую женитьбу на дочери графини С. П. Апраксиной, Марии Владимировне (см. также ***1847. Июня конец – июля начало <июня вторая половина>. Неаполь***).

[4] См. также ***1847. Января 22 <10>. Пятница. Рим.***

[5] См. ***1845. Ноября 8 <октября 27>. Суббота. Рим.***

[6] Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 248–249; Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 346–347. – Датировка письма уточнена.

НОЯБРЯ 20 <ДЕКАБРЯ 2>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

Графиня Анна М. Виельгорская пишет ответное[1] письмо Гоголю в Неаполь:

«Вы хорошо отгадали, писавши мне, что деятельность мне непременно нужна... <...> Я вам также очень благодарна, <...> что, поручивши мне исполнить часть вашего проекта[2], вы оказали мне доверие, которое возвышает меня в собственных моих глазах. <...> Плетнева до сих пор я не могла видеть. Он живет на Васильевском острову, с которым очень долго не было сообщения; но я уж давно ему послала[3] ваше "Предуведомление" через княгиню Одоевскую, растолковавши ей прежде хорошенько ваши намерения. Она также готова исполнить их, но до сих пор "Ревизор" еще не вышел, так что нам покамест нельзя ничего предпринять. Я слышала, как будто цензура театра не пропустила вашу новую "Развязку Ревизора", но вы уж, верно, получили об этом решительные изве-

стия. Розети[4], Самарин и Муханов, о которых вы мне пишете, все три в отсутствии, и я не знаю, на сколько времени. Между тем вы, верно, услышите с удовольствием, что учредилось здесь общество под начальством Соллогуба (он был первый основатель сего общества), Вяземского, папеньки[5] и несколько других, которое скоро развилось и уже сделало много добра. Считают теперь в нем более ста членов, многие из которых люди со способностями и с искренним желанием помогать бедным и оказать им не только телесную, но душевную помощь. Князь Одоевский хотел, кажется, сам вам подробнее писать об этом обществе и хотел вам даже послать его статуты.

Давно, Николай Васильевич, очень давно, что я вам не писала; я даже не отвечала вам на последнее ваше письмо, полученное мною еще весной[6]. <...> Все лето я собиралась вам писать, но я б вам написала такое грустное письмо, что, мне казалось, еще лучше вам совсем не писать. Я не могу говорить с вами о погоде и о подобных вещах, а о душевном состоянии иногда желаешь молчать. Между тем в продолжение этих шести месяцев не прошел один день, в котором я бы не молилась за вас. Теперь, слава Богу, я гораздо веселее, хотя смерть в<еликой> к<няжны> Марии Михайловны[7] меня очень огорчила... <...> Первый месяц траура только кончился, так что я еще нигде не была и никого не видела. Мы остаемся всегда en famille[8], и только вечером навещают нас иногда некоторые из наших коротко знакомых. Все у нас в доме здоровы. Мои племянники премилы, а Александр Владимирович[9] покамест мой фаворит. <...> Папенька получил ваше письмо[10] и ждет решительного ответа, чтобы писать вам».

[1] См. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца.***

[2] Речь идет о помощи бедным из средств, вырученных по издании «Ревизора с Развязкой».

[3] Ср. ***1846. Ноября 11 или 18 <23 или 30>. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1846. Ноября 21 <декабря 3>. Четверг. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

[4] Ар. О. Россет.

[5] Граф Мих. Ю. Виельгорский.

[6] См. ***1846. Мая 14 <2>. Четверг. Генуя.*** – См. также ***1846. Октября 22 <10>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[7] Дочь великого князя Михаила Павловича великая княжна Мария Михайловна (род. в 1825 г.; скончалась 7/19 ноября 1846 г. в Вене).

[8] В семейном кругу *(фр.)*.

[9] Сын С. М. и В. А. Соллогубов.

[10] Письмо не сохранилось. Возможно, его содержание было связано с последующим обращением Гоголя к Вьельгорскому в послании от начала декабря (н. ст.) 1846 г. (также не сохранившемся), в котором содержалась просьба передать письмо Государю с прошением о выдаче заграничного паспорта (см. ***1846. Декабря 1–5 <ноября 19–23>. Среда-воскресенье. Неаполь***).

НОЯБРЯ 21 <ДЕКАБРЯ 3>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев отправляет в Неаполь запоздалый[1] ответ Гоголю (на пять[2] его посланий) и ответное[3] письмо С. П. Шевыреву в Москву.

В письме к Гоголю Плетнев сообщал: «Я не успел отвечать тебе на три письма твои; а именно: от 16 окт<ября> из Франкф<урта>, от 20 окт<ября> оттуда же и от 2 нояб<ря> из Ниц<ц>ы. <...> Все пять тетрадей твоих писем получены[4]. Четыре процензированы и печатаются. Пятая[5] еще у Никитенка, который на днях сделался болен; оттого и цензирование остановилось до его выздоровления. В прежних тетрадях он много писем не пропустил совсем, именно тех, где говорится о предметах касательно правления и официальных лиц (наприм<ер>: губернаторов и т. п.). Я имел смелость посылать непропущенные письма[6] на прочтение Наследника Цесаревича[7]. Его Высочество призывал меня к себе[8] и лично объявил, что и по его мнению *лучше* не печатать этого. Теперь ты должен убедиться, что я ничего не упустил в твою пользу. Проволочка с цензором и отсылка писем в Царское Село взяли много времени, так что доселе напечатано совсем только десять листов, – вероятно, около половины книги. Касательно писем о Церкви[9], я их посылал к гр<афу> Протасову[10], по предложению которого

их рассматривали в Синоде – и разрешили к напечатанию[11]. Но времени это дело взяло 1 ½ месяца. Вот как я принужден действовать. У меня, собственно, ни минуты не потеряно. Смирновой в Петербурге нет. О представлении книги в корректурных листах самому Государю и подумать нельзя. Ты совсем позабыл, сколько у него дел поважнее наших. С графиней Нессельрод я не знаком, да она так высоко от меня стоит, что и не долезешь до нее. Ты все думаешь, что в отечестве эти особы таковы же, как и за границею. О, совсем нет! Переслать же тебе я все найду случай и без нее. Второе издание "Мертвых душ" с присланным[12] тобою ко мне предисловием уже вышло в Москве. Присланные письма к разным особам доставлены будут непременно с экземплярами. Все поправки твои я успел внести в книгу. Свидетельство о жизни[13] я получил от Жуковского: оно подписано 1-го октября[14]. И вот еще 14/26 ноября[15] через посольство наше в Неаполе я отправил на твое имя вексель Штиглица в 1660 франков 56 су, что значит 408 р<ублей> 30 к<опеек> сереб<ром>. Это с 1-го мая 1846 г. по 1 окт<ября> тоже 1846 г. Пожалуйста, записывай у себя, да и меня уведомляй, верно ли все приходится. Помни, что банкиры вычитают при этом издержки пересылки и известные их проценты. Твою пьесу "Развязка ревизора" пропустили[16], но только *к печатанию*, а не *к представлению*, затем что увенчивать на сцене артисты товарища своего, по правилам нашей дирекции, не имеют права, как отозвался мне *действ<ительный> тайн<ый> советн<ик>* Гедеонов[17]. Я это уже сообщил Щепкину, который теперь болен. По выздоровлении он сам приедет сюда и будет хлопотать о дозволении *играть*. До тех пор я приостановился и новым изданием "Ревизора" с прибавкою[18]. Впрочем, не дожидаясь отзыва твоего по этому делу, я приступлю к нему и Шевыреву тоже скажу, лишь управлюсь с печатанием писем и с собственными делами... <...> Графиня Анна Мих<айловна> Вьельгорская ничего еще не присылала мне[19]. Я у них не бываю. Итак, напиши ей, чтобы она прислала мне твою бумагу[20], без которой нельзя мне и пустить в свет "Ревизора". Вообще будет все удобнее к исполнению, ежели ты издательские сношения свои ограничишь Шевыревым и мною. Другие особы только замедляют нас. Повторяю тебе и советую *записать*, что русские знатные люди за границею чрезвычайно дружно обходятся с своими соотечественниками, а на родине не допускают их и видеть себя».

Шевыреву Плетнев отвечал: «Надобно же было нам, милый Степан Петрович, пропустить столько времени прежде, нежели мы поняли друг друга. <...> Благодарю вас за дружбу, которую вы показали мне в письме своем от 6 нояб<ря>. Я уже писал вам, что моя попытка отстоять несколько писем Гоголя не удалась. Тут нельзя винить Никитенка. Но он в моих глазах всю жизнь был виноват. Это малороссиянин в полном смысле. Он не глуп, особенно, где нужна хитрость и пролазничество. Но у него нет благородной гордости, а есть временная спесь. Он прикидывается чтителем истинных талантов, а готов предать их за ласку счастливого пустомели. Такова его связь с Краевским, Соллогубом, Некрасовым, Белинским, Панаевым и множеством подобных им людей. В ценз<урном> ком<итете>, сидя между ослами, он с Очкиным управляет мнением. Иногда он защищает Пушкина, Гоголя, Жуковского, но только для того, чтобы в глазах толпы возвыситься над пошлостью товарищей своих. В других делах он лентяй, хотя и берется за все. Из угодничества высшим он готов пожертвовать своим наружным либерализмом. Ничего не читает, ничего не знает, а вечно толкует об убеждениях, и отделывается как на кафедре, так и в печати – фразами. Проникнув его, легко и употреблять его в пользу. Но ни в чем нельзя на него полагаться. Чванство и спесь заставили его всем рассказывать о доверенности к нему Гоголя. Он метит в друзья ко всякому новому гению. Другого умысла не ищите. Не имея возможности выслать вам первых отпечатанных листов Гоголя, я здесь выписываю вам места, по которым заключили, будто он потерян для литературы. Из его писем вы уже знаете, что он весь теперь проникнут смиренномудрием христианина. Вот отчего и напечатал он, что в Письмах его, по признанию тех, кому они были писаны, находится более нужного для человека, нежели в прочих его сочинениях. Он еще говорит, что сердце его уверяет, как книга эта нужна и может быть полезна, в чем убедился он не самолюбием, а тем, что никогда еще не питал он столь сильного желания быть полезным – и это относит к Божиему внушению. В Завещании прибавляет он, чтобы близкие к нему не ставили над могилой его никакого памятника, а постарались бы любовь свою к нему выразить твердостию во всех делах житейских и бодрением других в их несчастиях. Наконец объявляет, что, кроме напечатанного доселе, ничего не существует из его произведений; что все рукописное им сожжено – и если стал бы кто издавать

что-нибудь по смерти его под его именем, то будет подлог. Прочие письма исполнены ума светлого, простоты в слоге удивительной и нравственности высокой. По этим-то местам враги его, не веря искренности христианских его чувствований, заключают, что он погиб для литературы. Оставим без внимания шумные толки. Возьмем в пример самого Гоголя — и обновим литературу направлением высокой нравственной чистоты и христианства. Довольно жертв язычеству и земным страстям. Время думать о назначении высшем. Отечество и христианство — вот предметы наших помыслов и трудов. Искусству надобно сообщить более простоты, местности и применяемости, а языку искренности и национальности. Книга Писем Гоголя — есть первое явление самобытного мышления в России. Это творение, которое для иностранцев так же будет интересно, как для нас доселе интересны были творения первых мыслителей Европы.

По совету вашему я непременно займусь новым периодом рус<ской> лит<ературы>. Но признаюсь, немного нахожу такого, что сообщило бы труду цену общечеловеческую. Всё наше великое поднялось на каком-нибудь пьедестале иностранном. Державин, Карамзин, Крылов, Жуковский и Пушкин — это вся наша слава. Но поставьте подле них Клопштока, Гердера, Лафонтена, Шиллера и Байрона: на нашу долю остается небольшая часть творчества. Ежели Бог сохранит Гоголя и даст ему силы вполне высказаться: вот где будет начало самобытной русской литературы. Мы еще и не дотронулись до своей земли и жизни. Мы ученики, не вышедшие из школы. А литература должна отразить верно и жизнь, и язык, и место действия, и веру, и нравы, и законы, и правительство. О, это чудный предмет, когда его вообразишь ясно и полно!

Что касается до имени моего в числе сотрудников Современ<ника>, это столь уже известная и ничего не значущая формальность, что я, вышед на аппеляцию, потерял бы в общем мнении. Ничего еще не сделав для литературы, вдруг объявить, что не желаю видеть себя в толпе других — согласитесь, что это странно. Да я же и в № 12 от лица своего прямо говорю, что передав редакцию Современ<ника> товарищу своему, другому профессору[21], — остаюсь в убеждении видеть журнал не изменившимся.

Гоголь прислал письмо к Щепкину[22], которое и влагаю здесь. Он желает, чтобы Ревизор с Развязкою были вдруг напечатаны вами (4-ое изд<ание>) и мною (5-ое изд<ание>). Заглавие: *Ревизор с развязкою, комедия в 5 дейст<виях>, с заключением. Соч. Н. Гоголя. Продается в пользу бедных. Цен<а> 1 р<убль> сер<ебром>*. Печатать и вам и мне по 1200 экз<емпляров>. Но как до приезду сюда Щепкина неизвестно, чем кончится дело с дирекциею (Никитенко пропустил для печати), да и я не получил и еще одной бумаги от дочери Вьельгорского, нужной для нового издания Ревизора[23]; то и оставим это дело на некоторое время»[24].

[1] См. также ***1847. Апреля 4 <16>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1846. Октября 3 <сентября 21>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Октября 16 <4>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Октября 22 <10>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца.***

[3] См. ***1846. Ноября 6 <18>. Среда. Москва.***

[4] Имеется в виду рукопись «Выбранных мест из переписки с друзьями», высылавшаяся Плетневу по частям (см. ***1846. Июля 30 <18>. Четверг. Швальбах***; ***1846. Августа 25 <13>. Вторник. Остенде***; ***1846. Сентября 12 <августа 31>. Суббота. Остенде***; ***1846. Сентября 26 <14>. Суббота. Праздник Воздвижения Креста Господня. Остенде***; ***1846. Октября 16 <4>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***).

[5] Статьи *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность* и *XXXII. Светлое Воскресенье.*

[6] Статьи *XIX. Нужно любить Россию*; *XX. Нужно проездиться по России*; *XXI. Что такое губернаторша.*

[7] См. ***1846. Ноября 1 <13>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1846. Ноября 4 <16>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[9] Статьи *VIII. Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве*; *IX. О том же.*

[10] См. ***1846. Октября 1 <13>. Вторник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. <Санкт-Петербург>.***

[11] См. ***1846. Октября 20 <ноября 1>. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1846. Октября 23 <ноября 4>. Среда. Санкт-Петербург.***

[12] См. ***1846. Октября 3 <сентября 21>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[13] Свидетельство было необходимо для получения денежного пособия (подробнее см.: ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург***).

[14] См. ***1846. Октября 1 <сентября 19>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[15] См. ***1846. Ноября 14 <26>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[16] См. ***1846. Ноября 5 <17>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[17] См. ***1846. Ноября 7 <19>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[18] Имеется в виду задуманное Гоголем благотворительное издание «Ревизора» с «Предуведомлением» и заключительной «Развязкой Ревизора».

[19] Сама Виельгорская 20 ноября 1846 г. сообщала Гоголю, что «Предуведомление» к «Ревизору» «давно» отправила Плетневу через княгиню О. С. Одоевскую (см. ***1846. Ноября 20 <декабря 2>. Среда. Санкт-Петербург***).

[20] Подразумевается «Предуведомление» к благотворительному изданию «Ревизора с Развязкой».

[21] А. В. Никитенко.

[22] См. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца.***

[23] Имеется в виду «Предуведомление» — одно из дополнений к предполагаемому благотворительному изданию «Ревизора с Развязкой» (см. примеч. выше).

[24] *Свод.* Т. 1. С. 685–686.

ДЕКАБРЯ 1–5 <НОЯБРЯ 19–23>. СРЕДА-ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет в Петербург письмо к графу Мих. Ю. Виельгорскому (не сохранилось), прилагая к этому письму прошение к Государю Николаю Павловичу о выдаче заграничного паспорта на полтора года для путешествия к Святым Местам.

Из письма к Императору: «Еще более года суждено мне не видать моего отечества: для укрепленья моего в едва начинающем поправляться здоровьи моем потребен мне климат юга; для укрепленья же моего здравия душевного, еще более мне нужного чем телесное, потребно мне путешествие ко Святым Местам, составлявшее издавна живейшее желание мое. Я осмеливаюсь просить *Ваше Императорское Величество* о *Высочайшем* повелении *Вашем* выдать мне пашпорт на полтора года, особенный и чрезвычайный, в котором бы *Великим Именем Вашим* склонялись все власти и начальства Востока к оказанью мне покровительства во всех тех местах где буду проходить я. *Государь*! Знаю, что осмеливаться *Вас* беспокоить подобной просьбой может только один именитый, заслуженный гражданин *Вашего Государства*, а я ничто: дворянин незаметнейший из ряду незаметных, чиновник начавший было служить *Вам* и оставшийся поныне в 8 классе[1], писатель, едва означивший свое имя кое-какими незрелыми произведеньями. Но не я причиной ничтожности моей: Десять лет тяжких недугов оторвали меня от тех трудов к которым я порывался; десять лет тяжких внутренних страданий душевных лишили меня возможности подвизаться на полезных поприщах пред *Вами*. Но не пропали эти годы: Великой Милостью Бога устроенно было так чтобы совершалось в это время мое внутреннее воспитание, без которого не принесла бы пользы отечеству моя найревностнейшая служба; великой милостью Бога вложены в меня некоторые не общие другим способности, которых не следовало мне выказывать покуда не вызреют они во мне и не воспитаются, и которыми по возвращеньи моем из Святой Земли я ослужу *Вам* службу также верно и честно как умели служить истинно *Русские* духом и сердцем. Тайный, твердый голос говорит мне что не останусь я в долгу перед *Вами, Мой Царственный Благодетель*, Великодушный спаситель уже было погибавших дней моих!»

На подлиннике письма имеется резолюция директора канцелярии военного министерства, управляющего почтовым департаментом, В. Ф. Адлерберга от 29 декабря 1846 г. — когда прошение Гоголя было прочитано Государем: «*Высочайше* повелено сообщить Гр<афу> Нес<с>ельроду, чтобы он выслал ему отсюда паспорт на свободный проезд к Св. Местам, в Сирию, Египет и Турцию, и чтобы поручить его особому попечению наших Миссий и Консульств в тех местах; о чем уведомить и Гоголя. 29-го Декабря 1846». Далее следует канцелярская помета: «30-го Декабря 1846. 9 Генваря к Графу Нес<с>ельроде № 10».

8 декабря (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал графине Анне М. Виельгорской: «На прошлой неделе отправил я к вашему папиньке письмо с приложеньем письма к Государю, в котором я прошу о выдаче мне пашпорта еще на год в таком виде, в каком может приказать выдать один Государь. Постарайтесь, чтобы это было сделано по-

скорее. За Михаилом Юрьевичем водится, как сами знаете, забывчивость, а потому вы ему об этом напомните. Письмо, если пожелаете, можете также прочесть и вы...»

В ответ на обращение к Государю Гоголь через русского посланника в Неаполе графа Л. С. Потоцкого получил в начале февраля (н. ст.) 1847 г. ответ В. Ф. Адлерберга от 9 января 1847 г.[2], а затем, 5 марта (н. ст.) 1847 г., тем же Потоцким Гоголю был вручен пакет с заграничным паспортом (от 15 января 1847 г.) и тремя рекомендательными письмами на имя Гоголя от 20 января 1847 г.: К. В. Нессельроде к М. М. Устинову; Л. Г. Сенявина к К. М. Базили и Сенявина к А. М. фон Фоку; «для свободного путешествия к Святым Местам». Кроме того, граф Потоцкий дал прочесть Гоголю сопроводительное письмо Нессельроде к Потоцкому к указанному пакету, тоже от 20 января 1847г.[3]

[1] См. ***1831. Апреля 1, среда, и 13, Великий понедельник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[2] См.: ***1847. Января 9 <21>. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1847. Февраля не позднее 6 <января вторая половина, не позднее 25>. Неаполь.***

[3] См. ***1847. Января 20 <февраля 1>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 4 <НОЯБРЯ 22>. ПЯТНИЦА. НЕАПОЛЬ

Гоголь посылает П. А. Плетневу в Петербург статью «О Современнике», с сопроводительным письмом:

«Долго, долго нет от тебя ответа[1]. Дело, как видно, затянулось. Всё бы, однако ж, тебе следовало меня уведомить хотя двумя строчками об исправном получении моих писем с приложеньями как пятой тетради[2], так и поправок, посланных вослед за нею[3], писем к Щепкину, Вьельгорским[4] и проч. Но не смею, впрочем, винить тебя, зная, как много зависит не от нас. Даже не смущаюсь и не беспокоюсь долгим молчанием твоим. Сердце мое верит, что всё будет хорошо и будет так, как быть должно; стало быть, еще лучше, чем нам хочется. Посылаю тебе при сем прилагаемую статью[5], которую ты прочти внимательно и дай на нее чистосердечный и немедленный ответ... <...> Сверх означенного мною числа экземпляров книги для посылок кому следует, пришли мне еще[6] три или четыре экземпляра. К тебе явится Любимов[7] за ними. Ему можешь также поручить и другие присылки ко мне посредством курьеров, если тебе будет хлопотливо и скучно трактовать об этом с графиней Нессельрод. Впрочем, она — добрая женщина, и я уверен, что она постарается о том, чтобы всё дошло поскорее в мои руки. Не поскучай также немедленной отправкой ко мне (также посредством курьеров) всех тех писем, которые получишь от разных лиц с замечаньями на "М<ертвые> души". Эти письма мне очень, очень нужны, одним словом — так нужны, как никто не может знать, кроме разве одного меня. Отправь также моей матери, кроме прежних шести экземпляров[8], еще шесть других и Шевыреву также сверх посланных[9] еще шесть».

[1] Ср. ***1846. Ноября 21 <декабря 3>. Четверг. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1846. Октября 16 <4>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[3] См. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца.***

[4] См. ***1846. Октября 22 <10>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[5] Статья «О Современнике» осталась при жизни Гоголя неопубликованной (см. ***1844. Октября 27 <ноября 8>. Пятница. Санкт-Петербург*** — примечания).

[6] Ранее Гоголь просил Плетнева прислать ему в Неаполь «от трех до пяти экземпляров» «Выбранных мест из переписки с друзьями» (см. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне*** — примечания). Вероятно, один из дополнительных экземпляров книги предназначался для отца Тарасия Серединского (см. ***1847. Апреля конец — мая до 11 <апреля средина — апреля до 29>. Неаполь***), с которым Гоголь к тому времени, вероятно, уже познакомился.

[7] См. ***1846. Ноября конец <ноября средина>. Неаполь.***

[8] См. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

[9] Шевыреву ранее было назначено восемь экземпляров (см. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне*** — примечания).

НОЯБРЯ 23 <ДЕКАБРЯ 5>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ф. В. Булгарин в «Северной Пчеле» «отвечает» на вопрос Р. М. Зотова[1] о сущности *натуральной школы*:

«Наш почтенный сотрудник принял *шутку* за серьезную вещь, и *призрак* за существенность. Никто не изложил и никто не расскажет правил *натуральной школы*, потому что она *не существует*! По поводу выхода в свет статьи под заглавием *Петербургские углы*[2], в которой автор изобразил все, что только кроется за углами *противуизящного* и отвратительного, хотя и существующего в натуре, в подражание пестрым картинкам такого же достоинства в *Мертвых душах* Гоголя, Северная Пчела *в шутку* назвала это направление натуральною школою[3], чтоб каким-нибудь приличным и благородным выражением обозначить стремление подражателей Г. Гоголя к отыскиванию в натуре *противуизящного*, в том убеждении, что только то *хорошо*, что верно описали *с натуры*. <...> Безмерные и смешные похвалы Гоголю, в некоторых журналах, исказили вкус некоторых молодых литераторов, и они верят, что в литературе надобно только *рисовать картины*, и вовсе *не думать* и *ощущать*. <...> Наш почтенный сотрудник ошибочно поставил Лермонтова рядом с Гоголем, назвав их основателями натуральной, т. е. *противоизящной* школы! *Герой нашего времени* и все пиитические произведения Лермонтова настолько выше *Мертвых душ*, *Тараса Бульбы* и всех сказок и россказней г. Гоголя, насколько Евгений Сю, Виктор Гюго, Александр Дюма и Пушкин выше автора *Петербургских углов*, автора *Бедных людей*[4] <...> и других молодых писателей, не почитающих литературы высоким искусством, которое должно глубоко изучать, обогащая ум науками и укрепляя его размышлением и наблюдением над жизнью! Сочинения этих писателей похожи на щебетанье птиц в лесу... Слушны звуки, а нет ничего полного и связного».

<*Булгарин Ф. В.*> *Ф. Б.* Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1846. 23 ноября. № 265. С. 1058–1059.

[1] См. ***1846. Ноября 19 <декабря 1>. Вторник. Санкт-Петербург.***
[2] Н. А. Некрасова.
[3] 26 января 1846 г. (см. ***1847. Января 11 <23>. Суббота. Санкт-Петербург*** – примечания).
[4] Повесть Ф. М. Достоевского.

НОЯБРЯ 24 <ДЕКАБРЯ 6>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

С. Т. Аксаков сообщает сыну Ивану в Калугу:

«Прочтя присланные Гоголем Предуведомление к новому изданию Ревизора и новую его развязку, я убедился вполне, что Гоголь помешался. Я решился восстать напечатанию того и другого и на выпуск его книги, напечатанной в Петерб<урге>. Завтра посылаю сильное письмо об этом к Плетневу[1] и сейчас посылал показать его Шевыреву. Они могут меня не послушать; но я, по крайней мере, сделаю что могу. Вслед за этим напишу самое решительное и откровенное письмо[2] к Гоголю»[3].

В тот же день В. С. Аксакова также писала брату (отвечая на его письмо от 19 ноября 1846 г.[4]):

«Сегодня едет Лопухина[5] в Калугу и просила писем к тебе милый друг и брат Иван. – Я тебе писала в четверг, но не успела написать подробно о Гоголе, отесенька же непременно желает, чтоб ты об этом знал в подробностях. Суди сам, не помешательство ли это, по крайней мере, однопредметное. – До сих пор Шевырев не сообщил нам еще письма Гоголя к нему[6], но вот что мы знаем: он прислал *Предуведомление к Ревизору*, которое состоит вот в чем. Гоголь назначает деньги вырученные за новые издания Ревизора (вдруг будут печататься два издания одно в Москве, другое в Пе-

тербурге) в пользу бедных, преимущественно мелких чиновников. Просит всех читателей *Ревизора* стараться отыскивать бедных, разузнавать об них и препровождать их к лицам, означенным в конце, которые избранны им для раздачи денег бедным. Если же читатель не имеет времени заняться этим, то может прислать денежное вспоможение. Он ручается за лица избранные им, что они, не будучи обременены большими обязанностями, будут добросовестно исполнять это дело, они обязаны не только раздавать деньги, но разузнавать о причине бедности и если нужно напутствовать наставлениями, даже призывать на помощь священников. Читателей же он просит не удовлетворяться письменными сношениями, но лично передавать означенным лицам известия о бедных – Наконец он думает что лучше всего назначить час для таких свиданий и именно до 12 час. Лица в назначении следующие:

в Москве

Авд<отья> Пет<ровна> Елагина, Катер<ина> Алекс<андровна> Свербеева, Вера Серг<еевна> Аксакова, Хомяков, Панов, Павлов, Петр Васил<ьевич> Киреевский.

В Петерб<урге>

Виелгорская, Адоевская, Дашкова, Юр<ий> Фед<орович> Самарин, Аркадий Росетт, и не помню еще кто-то из мужчин. Разумеется, мое имя будет выключено, отесенька уже пишет о том к Плетневу[7], Свербеева также просила о том. Но возможно ли допустить вообще печатание этого, это конечно значит предать его на посмеяние всех, он этого не понимает, но здравомыслящие его друзья не должны допустить до этого; но Шевырев так упрям, что вероятно напечатает.

Развязка Ревизора состоит в разговоре актеров и некоторых лиц после представления Ревизора. Актеры венчают Мих<аила> Сем<еновича> Щепкина, заходит разговор об Ревизоре и Щепкин дает ключ к точному истолкованию Ревизора, а именно, что весь Ревизор ничто иное как наш душевный город, что все это наши страсти и что Хлестаков есть наша светская пустая совесть, перед которой наши страсти так сумеют вывернуться, что еще покажутся добродетельными, что появление настоящего Ревизора должно напоминать нам того Ревизора, перед которым мы неминуемо должны явиться, наша неумолимая совесть. – Наконец оправдывает слова *Над собой смеетесь,* и прибавляет: почему же нам и не сказать *над собой смеемся,* этого смеха больше всего боятся наши страсти, и так оканчивает в роде этих слов: станем же все служить земле и стремиться к Верховной красоте. – Разумеется и тут есть места прекрасные и сильные, но отесенька и Конст<антин> справедливо говорят, что это только частицы прекрасного из *Разъезда* и даже лишенные их силы. Истинно тяжелое чувство доставляет чтение всего этого. Увы, человек, со всей его премудростью, без простоты и смирения. Если Гоголь не образумится, он потерян разумеется как художник. Хотят все писать к нему. Хорошо, если б он принял советы друзей. – Не знаю, успеет ли маменька написать тебе сегодня, сейчас воротилась от обедни. <...> Отесенька велит тебе сказать, что он совершенно согласен с тобой в том, что ты отлагаешь печатание твоей книги[8].

Конст<антин> просит тебя переслать ему письмо Самарина. Конст<антин> читал Грановскому последние стихи твои и он пришел в совершенно искренний восторг»[9].

[1] См. ***1846. Ноября 25 <декабря 7>. Понедельник. Москва.***

[2] Письмо было отправлено Гоголю 9 декабря 1846 г. (см. ***1846. Ноября конец – декабря 9 <декабря первая половина – декабря 21>. Москва***).

[3] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 589.

[4] См.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 395; *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 332–333.

[5] Варвара Александровна Лопухина, жена Алексея Александровича Лопухина, сестра князя Д. А. Оболенского.

[6] Письмо от 2 ноября (н. ст.) 1846 г. из Ниццы (см. ***1842. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца***).

[7] См. ***1846. Ноября 25 <декабря 7>. Понедельник. Москва.***

[8] Имеется в виду книга стихов И. С. Аксакова. 10 сентября 1846 г. И. С. Аксаков писал родным из Калуги: «В субботу <7 сентября> получил я наконец письмо от Плетнева, в котором он пишет мне, что посылает рукопись (но рукопись еще не приходила в Калугу), возвращенную от Цензора. Он пишет, что радуется уже и тому, что рукопись возвращена, что Цензор перепачкал ее ужасно, но что всякий другой Цензор поступил бы еще хуже» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 376–377; *Свод.* Т. 2. С. 851). Спустя несколько дней, 14 сентября 1846 г., И. С. Аксаков вновь извещал родных: «В четверг получил

я наконец рукопись свою. "Чиновник" весь, с начала до конца, зачеркнут; не пропущены также стихотворения: "Зачем опять теснятся звуки" и пр. и "Сон". В некоторых других пиэсах также не пропущены некоторые стихи... <...> Но главное, что меня радует, так это то, что "Зимняя Дорога" пропущена почти вся: окончание о наборе пропущено совершенно, как было!» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 379; *Свод.* Т. 2. С. 851).

[9] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 850–851. – Ответ И. С. Аксакова см.: ***1846. Ноября 30 <декабря 12>. Суббота. Калуга.***

НОЯБРЯ 25 <ДЕКАБРЯ 7>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Н. Н. Шереметева отправляет ответное[1] письмо Гоголю в Неаполь[2] (письмо не сохранилось).

В тот же день С. Т. Аксаков писал П. А. Плетневу в Петербург:

«Хотя я виделся с вами только один раз в жизни, но у нас с вами так много общих друзей, мнений и оснований, что я пишу к вам как к старинному приятелю. Вы, вероятно, так же, как и я, заметили с некоторого времени особенное религиозное направление Гоголя; впоследствии оно стало принимать характер странный, и, наконец, достигло такого развития, которое я считаю если не умственным, то нервным расстройством[3]. Вы, верно, получили *предуведомление* к 4 и 5 изданию Ревизора, а также новую его *развязку*. Все это так ложно, странно и даже нелепо, что совершенно не похоже на прежнего Гоголя, великого художника. Я слышал, что вы печатаете какое-то его сочинение, в котором также много подобных несообразностей: книга еще не вышла, а неблагоприятные слухи уже бродят по всей России, и уже ваш литературный совестдрал, барон Брамбеус[4], торжественно объявил, что Гомер впал в мистицизм[5]. Если вы, хотя не вполне, разделяете мое мнение, то размыслите, ради Бога, неужели мы, друзья Гоголя, спокойно предадим его на поругание многочисленным врагам и недоброжелателям. Если милосердый Бог возвратит Гоголю прежнее его духовное и телесное здравие, и он спросит нас: «Друзья мои, я был болен, но где же был ваш рассудок?» — что мы станем отвечать ему?

Итак, мое мнение состоит в следующем: книгу, вероятно, вами уже напечатанную, если слухи о ней справедливы, не выпускать в свет, а предуведомление к Ревизору и новой его развязки совсем не печатать; вам, мне и С. П. Шевыреву написать к Гоголю с полною откровенностью наше мнение. Если он его не послушает, то мы откажемся от его поручений, пусть он находит себе других исполнителей. По крайней мере, мы сделаем, что можем. <...>

Во всяком случае имя моей дочери должно быть исключено из числа благотворительниц, назначенных Гоголем[6]. О том же просит вас, через меня, Катерина Александровна Свербеева»[7].

Позднее, в 1854 г., С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» замечал: «В конце этого <1846> года, во время жестокой моей болезни, дошли до меня слухи, что в Петербурге печатается известная книга Гоголя "Выбранные места из Переписки с Друзьями"; мне даже сообщили по нескольку строк из разных ее мест. Я пришел в ужас и немедленно написал к ее издателю П. А. Плетневу, чтоб он остановился изданием этой книги до вторичного приказания Гоголя, к которому я написал также большое письмо[8], в котором просил его отложить выход книги хоть на несколько времени. Плетнев не послушал моих убеждений[9], и книга вышла, а от Гоголя я получил ответ[10] уже в 1847 году»[11].

[1] См. ***1846. Ноября 8 <октября 27>. Воскресенье. Флоренция.***

[2] См. ***1847. Февраля 8 <20>. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Москва.***

[3] Подробнее см.: ***1849. Августа 27. Суббота. Радонежье (Абрамцево)*** (примечания).

[4] О. И. Сенковский.

[5] См. ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Москва*** (примечание).

[6] Имеется в виду список «лиц, принявших на себя раздачу вспомоществований» гоголевского «Предуведомления» к предполагаемому благотворительному изданию «Ревизора с Развязкой».

[7] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 590. Письмо написано В. С. Аксаковой под диктовку С. Т. Аксакова. На письме имеются пометы П. А. Плетнева: «Пол<учено> 1846 г. – Отв<ечено> 30 ноября 1846 г.» (см. ***1846. Ноября 30 <декабря 12>. Суббота. Санкт-Петербург***).

[8] См. ***1846. Ноября конец – декабря 9 <декабря первая половина – декабря 21>. Москва.***
[9] См. ***1846. Ноября 30 <декабря 12>. Суббота. Санкт-Петербург.***
[10] См. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь.***
[11] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 648.

ДЕКАБРЯ 8 <НОЯБРЯ 26>. ВТОРНИК. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет в Петербург письмо к графине Анне М. Виельгорской, с вложением нового (второго[1] подряд) послания к П. А. Плетневу; пишет в Москву ответное[2] письмо к С. П. Шевыреву.

Из письма к Виельгорской: «“Ревизора” надобно приостановить как представление на сцене, так и печатанье[3]. <...> Сообразя все толки, <...> я признаю благоразумным отложить это дело до следующего года. <...> Стало быть, с вас также снимается обуза быть распорядительницей денежных раздач бедным, которой я обременил как вас, так и другие христолюбивые души, что объявите им, а также и Плетневу, которому при сем передайте письмецо. Проволочка по делам моим <...> суть, между прочим, причиной, что приезд мой к вам в Россию еще должен быть отложен на год. Самого путешествия в Иерусалим, так желанного сердцу моему, я не в силах предпринять теперь так скоро, как бы хотел, именно через все эти проволочки и задержки. <...> Мне нужно сделаться более достойным такого путешествия, нужно более созреть духом к этому времени. На прошлой неделе[4] отправил я к вашему папиньке[5] письмо с приложеньем письма к Государю, в котором я прошу о выдаче мне пашпорта еще на год в таком виде, в каком может приказать выдать один Государь. Постарайтесь, чтобы это было сделано поскорее. За Миха<и>лом Юрьевичем водится, как сами знаете, забывчивость[6], а потому вы ему об этом напомните. <...> Жду с нетерпением <...> ваших откровенных мнений и мыслей о моей книге “Выбранные места”, которая, вероятно, уже вышла. Присовокупите к вашим собственным сужденьям отзывы всех, кого ни услышите, хорошие и дурные, не скрывая ничего, ни даже имен тех, которые их произнесут. Всё это мне нужно; всё меня учит и вразумляет».

Из письма к Плетневу: «“Ревизора” надобно приостановить как печатанье, так и представленье. Судя по тем вестям, которые имею, и по некоторым препятствиям и, наконец, принимая к сведению некоторые замечания Шевырева, изложенные им в письме[7], которое я сейчас получил, я вижу, что “Ревизор с Развязкой” будет иметь гораздо больше успеха, если будет дан через год от нынешнего времени. К тому времени я и сам буду иметь время получше оглянуть это дело, выправить пиесу и приспособить более к понятиям зрителей. Теперь же “Развязка Ревизора” в таком виде, как есть, может произвести действие противоположное и, при плохой игре наших актеров, может выйти просто смешной сценой. А потому, если, к счастию, еще не отдана в цензуру рукопись, то удержи ее под спудом у себя. Если ж отдана, то, взявши ее немедленно как бы для некоторой поспешной перемены, положи под спуд, употребив елико возможные меры к тому, чтобы она не пошла во всеобщую огласку. <...> Давно уже я не имею от тебя ни строчки. Из Петербурга вестей ни от кого. <...> Адресуй в Неаполь»[8].

Из письма к Шевыреву: «Оба письма твои, писанные одно за другим, получил. Благодарю за советы и мысли относительно “Развязки Ревизора”. Я соглашаюсь, однако же, больше с теми, которые в твоем первом письме. В предстоящем обстоятельстве я особенно руководствуюсь первыми впечатлениями: они для меня уже и тем важны, что мненье публики, даже и добродетельной и просвещенной, будет ближе к ним, нежели к тем, которые изложены в твоем втором письме и которые принадлежат, может быть, одному тебе или двум-трем, глядящим на вещи с точки повыше. “Ревизора” нужно отложить как игру, так и печатание. То и другое возымеет место ко времени бенефиса Щепкина в следующем году. Публика к тому времени будет больше приготовлена, а теперь,

в самом деле, впечатление может случиться совершенно противное тому, какое ожидается. Притом актеры наши так могут сгадить всю эту сцену, что она, просто, выйдет смешна. Да и сам Щепкин как нарочно заболел[9]. Это я считаю новым указаньем отложить "Ревизора". И я даже несколько удивился, как ты решился послать пиесу в Петербург, тогда как я именно писал[10] Щепкину привезти ее в Петербург не иначе, как лично.

Я рад, что в Москве издается "Листок"[11]. Это гораздо нужней в теперешнее время всех толстых журналов. Присылай мне всякий номер его, начиная с первого; заворачивай в пакет просто как письмо. Денег на пересылку не жалей (я надеюсь, что за "Мертвые души" выручится для того достаточно), равно как и на пересылку всех тех писем, которые ты будешь получать на мое имя с замечаниями на "М<ертвые> д<уши>". Эти письма мне очень, очень нужны. Ты спрашиваешь уже, как распоряжаться с деньгами. Их еще покамест нет, но если будут, то всё, остающееся от издержек за пересылку писем мне, совокупляй в капитал, который будет мне очень нужен для моего путешествия на Востоке. <...> Все письма адресуй в Неаполь. Неаполь я избрал своим пребыванием потому, что мне здесь покойней, чем в Риме, и потому, что воздух, по определенью доктора, для меня лучше римского, что, впрочем, я испытал: здесь я меньше зябну. Не оставляй меня, пожалуйста, известием обо всех речах, мнениях и толках как обо мне, так и об моих сочинениях. Проси и других также сообщать мне их и почаще браться за перо писать. Пришли мне назад "Развязку Ревизора", именно те самые листки, которые я послал к тебе. <...> Мне надобно в них многое пересмотреть, исправить и обделать лучше. Плетневу я писал[12] – отправить к тебе еще несколько экземпляров книги: "Выбранные места из переписки" для раздачи, кому найдется нужным.

Отыщи, пожалуйста, того самого священника, у которого я говел и исповедывался в Москве[13]. <...> Отдай ему один экземпляр книги, скажи, что я его помню и книгу мою нахожу приличным вручить ему, как продолжение моей исповеди. Узнай также при этом случае его имя и уведоми, где он теперь: там ли или перешел в другое место. Если найдешь приличным и выгодным иметь у себя для продажи экземпляры, то напиши об этом Плетневу, дабы он выслал. Как только получишь цензурный экземпляр, начинай печатать второе издание. В нем, как я полагаю, должна быть необходимо скорая потребность, особенно принимая к сведению то, что многие, кроме одного экземпляра для себя, купят еще и для раздачи людям простым и неимущим...»

[1] См. ***1846. Декабря 4 <ноября 22>. Пятница. Неаполь.***

[2] См. ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Москва***; ***1846. Октября 31 <ноября 12>. Четверг. Москва.***

[3] К этому времени Гоголь еще не получил из Петербурга письма Плетнева от 21 ноября 1846 г. с сообщением о том, что «Развязку Ревизора» цензура пропустила только к печатанию, а не к представлению (см. ***1846. Ноября 21 <декабря 3>. Четверг. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург***).

[4] См. ***1846. Декабря 1–5 <ноября 19–23>. Среда-воскресенье. Неаполь.***

[5] Граф Мих. Ю. Виельгорский.

[6] См. ***1835. Сентября конец – октября начало. Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Москва.***

[8] Ответ Плетнева см.: ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург.***

[9] О болезни М. С. Щепкина Гоголя извещал также позднее Плетнев (см. ***1846. Ноября 21 <декабря 3>. Четверг. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург***). (Ко времени написания письма к Шевыреву Гоголь еще не получил от Плетнева его послание. Ответ на письмо Плетнева Гоголь написал месяц спустя, 5 января (н. ст.) 1846 г.; см.: ***1847. Января 5 <1846. Декабря 24>. Вторник. Рождественский сочельник. Неаполь.***)

[10] См. ***1846. Октября 24 <12>. Суббота. Страсбург.***

[11] «Московский Городской Листок» издавался в 1847 г. В. Н. Драшусовым.

[12] 2 ноября (н. ст.) 1846 г. (см. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***).

[13] Речь идет о священнике церкви Преподобного Саввы Освященного на Девичьем поле отце Иоанне Диомидовиче Никольском (см. ***1841. Октября 17 – 1842. Мая 23. Москва***).

НОЯБРЯ 26 <ДЕКАБРЯ 8>. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Тяжбы» в Малом театре[1]; в роли Бурдюкова — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 404.
[2] *Гриц.* С. 393.

НОЯБРЯ 27 <ДЕКАБРЯ 9>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«Начнем-ка, помолясь Богу, мы с тобой литературу новую, — живую, насущно-необходимую, истинную, по образу и подобию той, что я усматриваю в письмах Гоголя[1]. <...> ...Гоголь — трепетный жилец, вопиющий не о законах изящества, а о том, что благо, душеспасительно и неизбежно, да вопиющий не оратором, а как велел Христос поучать земнородных. Да, я чувствую, что с этой книги в Европе станут вести летосчисление появления в мире русской литературы. До сих пор мы бродили около жизни, а он в нее врезался. <...> Тут до всего доходит речь, начиная с Церкви до расходной по хозяйству книги»[2].

Свод. Т. 1. С. 686.

[1] Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями».
[2] Подразумевается статья *XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России.*

ДЕКАБРЯ 10 <НОЯБРЯ 28>. ЧЕТВЕРГ. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет Ар. О. Россету в Петербург:

«В прежнем моем письме[1]к вам, Арк<адий> Осипович, я возлагал на вас хлопоты по изданью “Ревиэора”, в нынешнем слагаю их с плеч ваших. “Ревизора с Развязкой” следует отложить еще на год... <...> ...Нужно, чтобы публика имела время вчитаться получше в мои письма[2] и привыкнула[3] к тем словам, которые покуда еще дико раздаются в ушах ее. Прошу вас сказать открыто ваше мнение по прочтении моей книги и уведомить также, что говорят про нее другие. А еще лучше попросите всех, кого ни встретите, написать мне от себя самого письмецо и в нем непритворно поведать как ощущение свое, так и мысли других о книге и о степени ее надобности для общества, не скрывая ни мало ее недостатков. Попросите у В<асилия> А<лексеевича> Перовского (которому передайте самый душевный мой поклон) написать пять-шесть его собственных строчек. <...> Устройте так, чтобы я получил с нового года все толстые и тонкие русские литературные журналы, какие ни издаются в Петербурге: “Биб<лиотеку> д<ля> Чт<ения>”, “От<ечественные> Записки”, “Русск<ий> Инвал<ид>”, “Литер<атурную> Газету”, “Соврем<енник>” и даже “Финск<ий> Вестник”. Деньги для этого следует взять у Плетнева за первые вырученные экземпляры моей книги. Насядьте вместе с кн<язем> Вяземским на графиню Нессельрод, чтобы она обременила всем этим добром курьеров, едущих в Неаполь. Мне всё это очень нужно, гораздо больше, чем вы думаете. <...> Я слышал, что из Петербурга отправляется Чижов прямо в Рим[4]; <...> часть может свезти он. <...> Скажите также Плетневу, чтобы он не пропускал ни одной сколько-нибудь замечательной выходящей в свет новой книги, чтобы не купить экземпляр ее для меня и не послать мне. Теперь курьеров из Петербурга будет много, как по поводу великой княгини[5], так равно и по поводу разных духовно-дипломатических дел с папою[6]. <...> Всё, что ни есть, адресуйте в Неаполь».

[1] См. ***1846. Ноября 9 <октября 28>. Понедельник. Флоренция.***

[2] Имеется в виду книга «Выбранные места из переписки с друзьями» (см. ***1846. Декабря 31 <1847. Января 12>. Вторник. Санкт-Петербург***).

[3] Подробнее см.: ***1846. Июля 26 <14>. Воскресенье. Швальбах*** (примечания); ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Москва*** (примечания).

[4] См. ***1846. Октября 13–14 <25–26>. Воскресенье-понедельник. Москва.***

[5] Великая княгиня Мария Николаевна, герцогиня Лейхтенбергская, находилась тогда в Италии.

[6] Подразумеваются переговоры по вопросу о заключении конкордата с папой (см., в частности: ***1846. Ноября с четверга 12 до понедельника-вторника 16–17 <с октября 31 до ноября 4–5>. Рим***).

НОЯБРЯ 28 <ДЕКАБРЯ 10>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

С. Т. Аксаков сообщает сыну Ивану в Калугу:

«Я написал и послал сильный протест Плетневу[1], чтобы не выпускал в свет новой книги Гоголя, о которой ты знаешь и которая состоит из писем его ко мне и к другим и в которой точно есть завещание целой России, где Гоголь просит, чтоб она не ставила над ним никакого памятника[2], и уведомляет, что он сжег все свои бумаги. Требую также, чтоб не печатать “Предуведомление” к 5-му изданию “Ревизора” и новой его “Развязки”: ибо все это с начала до конца ложь, дичь и нелепость, и если будет обнародовано, то сделает Гоголя посмешищем всей земли русской. То же самое объявил я и Шевыреву. Не обязывая их к полному согласию со мною, я убеждаю их написать к Гоголю с совершенной откровенностью, что они думают. Сам же я начал диктовать большое письмо к Гоголю[3], в котором высказываю ему беспощадную правду. Очень жаль, что диктовка этого письма, сильно меня волнуя, увеличивает мои страдания и заставляет диктовать его понемногу: оно потеряет свою цельность и энергию. Если Гоголь нас не послушает, то я предлагаю Плетневу и Шевыреву (который со мной почти во всем согласен[4]) отказаться от исполнения поручений Гоголя: пусть он находит себе других палачей».

Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 590–591.

[1] См. ***1846. Ноября 25 <декабря 7>. Понедельник. Москва.***

[2] См. коммент. в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 6. С. 553–554.

[3] Письмо было отправлено 9 декабря 1846 г. (см. ***1846. Ноября конец — декабря 9 <декабря первая половина — декабря 21>. Москва***).

[4] См. также ***1847. Января 16 <28>. Четверг. Москва*** (второе письмо С. Т. Аксакова к сыну от 16 января 1847 г.).

НОЯБРЯ 29 <ДЕКАБРЯ 11>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление «Игроков» в Малом театре[1]; в роли Утешительного — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 333.

[2] *Гриц.* С. 394.

ДЕКАБРЯ 12 <НОЯБРЯ 30>. СУББОТА. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет ответное письмо А. А. Иванову в Рим и третье подряд[1] письмо к П. А. Плетневу в Петербург:

Из письма к Иванову: «Я получил пересланное вами письмо[2] и при нем несколько ваших строк[3], которые меня удивили. Чего вы ждете от приезда Викт<ора> Владим<ировича>[4] и о каком

решении ожидаете известий[5] – этого я никак не мог понять. В жизнь мою я еще не встречал такой беспокойной головы, какова ваша. Кажется, перед отъездом моим из Рима[6] вы совершенно убедились в том, что Апраксиной ничего не следует предпринимать по вашему делу, ни о чем не следует писать к Бутеневу, иначе изо всего этого выйдет новая глупая путаница. А теперь вдруг пишете, что сгораете нетерпением узнать, что о вас порешено, точно как будто бы между нами вовсе не происходило никаких разговоров. Вам чудится и представляется, что о вас должны все хлопотать и метаться, как угорелые кошки, точно таким же самым образом, как вы мечетесь во все стороны и углы по поводу даже всякого ничтожного, не только важного дела. Приехавши сюда, я даже ни разу не заводил о вас разговора. Один раз только сказала мне Софья Петровна[7], что получила от вас письмо, по которому она совершенно не знает, что ей делать, потому что не видит, чем в этом деле она может успешно помочь, и потом вслед затем спросила у меня, чтобы я сказал ей откровенно и чистосердечно, точно ли Иванов умен. На зто я сказал, что Иванов точно умен, но что он теперь болен, находится в нервическом расстройстве и потому делает дела, близкие к неразумию. С тех пор у нас и речи не было о вас. Вы сами знаете, что подталкивать людей на бесплодные дела я не охотник. <...> Вы всем надоели, и я не удивляюсь, почему даже Чижов перестал к вам вовсе писать. Я вам сказал ясно: "Сидите смирно, не думайте ни о чем, не смущайтесь ничем, работайте – и больше ничего, всё будет обделано хорошо. В этом отвечаю вам я". Но вы меня считаете за ничто, доверия у вас к словам моим никакого. Вы больше поверите каким-нибудь россказням какой-нибудь Жеребцовой[8] или каким-нибудь краснобайным обещаньям первого говоруна, нежели словам человека, который еще не был уличен во лжи, льстивыми посулами не заманивал человека и слово свое держал. <...> Решаюсь, собравши всё свое терпение, из которого вы способны вывести всякого человека, повторить вам в последний раз: "Сидите смирно, не каверзничайте по вашему делу (потому что вы не умеете поступать в своем деле благородно и здраво, а всё действуете какими-то переулками, которые решительно похожи на интриги), не беспокойте никого, молчите и не говорите ни с кем о вашем деле". За него взялся я и говорю вам, что оно будет сделано, как следует. Ответа ожидайте не из Неаполя и не от меня; ответ вам придет из Петербурга[9]. Он может прийти через месяц, но признаюсь – я бы очень желал, чтобы он не скоро пришел к вам, чтобы вы месяца четыре-пять помучились неизвестностью о себе: вы стоите того».

Из письма к Плетневу: «Мне пришло в мысль: не пропадают ли твои письма. Иначе ничем другим я не могу себе объяснить твоего молчания[10]. Во всяком случае, вексель с деньгами, следуемыми мне из казначейства, должен бы быть уже здесь, по моему расчету, месяц назад тому. Или Жуковский позабыл тебе послать[11] свидетельство о моей жизни[12]? Я взял здесь вновь свидетельство и посылаю его на всякий случай. Хорошо, что я здесь встретил знакомых и мог занять у них. Не то была бы беда. <...> Нужно теперь особенно так распорядиться нам, чтобы этого не случилось в наступающем году, который доведется мне изъездить по незнакомым землям, где нелегко будет изворачиваться, не имея в руках наличных денег. А потому ты присылай вперед, не дожидаясь моих извещений, в неаполитанское посольство с курьерами всякую тысячу рублей по мере того, как она накопится от продажи книги. Лучше мне в руках иметь лишнее, чем рисковать встретить подобный случай, который, как ты сам видишь, может случиться всегда. Уведоми, что стало печатанье книги. Я полагал приблизительно около 3000 р<ублей>. Не позабудь также прилагать записку, кому именно из книгопродавцев и сколько отпущено экземпляров[13], чтобы я мог держать весь счет всегда в голове и не мог наделать от неведения его глупостей и неосмотрительност<ей>. <...> Мне следовало до времени, бросивши всю житейскую заботу, поработать внутренне над тем хозяйством, которое прежде всего должен устроить человек и без которого не пойдут никакие житейские заботы. Но теперь, слава Богу, самое трудное устрояется; теперь могу приняться и за житейские заботы... <...> Шевыреву ты можешь послать экземпляров, сколько он ни востребует[14], для продажи в Москве. На это<го> человека можно положиться. [Это человек золото относительно аккуратности] У него точность, как у банкира. Он так выгодно выпродал все мои находившиеся у него книги, так изворотливо выплатил все мои долги, не оставив меня в неведении даже в последней копейке моих денег, что наиаккуратнейший банкир ему бы подивился. Тысячу рублей отложи на плату за письма ко мне, на журналы и на книги, какие выйдут позамечательней в этом году.

Я просил[15] Аркадия Россети заняться пересылкой их, если это окажется тебе обременительным и хлопотливым. В этом году мне будет особенно нужно читать почти всё, что ни будет выходить у нас, особенно журналы и всякие журнальные толки и мнения. То, что почти не имеет никакой цены для литератора, как свидетельство бездарности, безвкусия или пристрастия и неблагородства человеческого, для меня имеет цену, как свидетельство о состоянии умственном и душевном человека. Мне нужно знать, с кем я имею дело; мне всякая строка, как притворная, так <и> непритворная, открывает часть души человека; мне нужно чувствовать и слышать тех, кому говорю; мне нужно видеть *личность* публики, а без того у меня всё выходит глупо и непонятно. А потому всё, на чем ни отпечаталось выраженье современного духа русского в прямых и косых его направленьях, для меня равно нужно; то самое, что я прежде бросил бы с отвращением, я теперь должен читать. А потому не изумляйся, если я потребую присылать ко мне все газеты и журналы литературные, в которые тебя не влечет даже и заглянуть. <...>

Ты, я думаю, уже получил письмецо мое[16] чрез руки Анны Миха<й>ловны Вьельгорской, в котором уведомляю о решении моем отложить "Ревизора с Развязкой" как представление, так и печатание до будущего, 1848 года. Аркадий Россети, я думаю, уже тоже объявил тебе о присылке мне литературных журн<алов> с наступающего года... <...> Графиню Нессельрод я просил также устроить, чтобы курьеры могли брать эти посылки».

[1] См. ***1846. Декабря 4 <ноября 22>. Пятница. Неаполь***; ***1846. Декабря 8 <ноября 26>. Вторник. Неаполь***. – Ответ Плетнева на три письма Гоголя см.: ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург***.

[2] Письмо от Н. М. Языкова (см. ***1846. Октября 27 <ноября 8>. Воскресенье. Москва***; ***1846. Декабря 16 <4>. Среда. Неаполь***).

[3] Записка Иванова до нас не дошла.

[4] Граф Виктор Владимирович Апраксин (1822–1898), сын графа Владимира Степановича Апраксина (1796–1833) и графини Софьи Петровны, сестры графа А. П. Толстого; впоследствии действительный статский советник, гофмейстер, предводитель дворянства Орловской губернии (1856–1865). Кроме него, в семье В. С. и С. П. Апраксиных было еще двое детей: дочери графини Наталья Владимировна, фрейлина, и Мария Владимировна (в замужестве княгиня Мещерская), на которой в 1847 г. вынашивал планы жениться А. А. Иванов. В 1841 г. граф В. В. Апраксин был студентом Московского университета (см.: <*Бороздин К. М.*> *К. Б.* Опыт исторического родословия дворян и графов Апраксиных. СПб., 1841 (цензурное разрешение 28 мая). С. 13–14). – См. также ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*** (примечания).

[5] В конце 1846 г. Иванов писал графу В. В. Апраксину, находившемуся вместе с матерью, графиней С. П. Апраксиной, в Италии: «Бруни получил 35 тысяч за картину: посредством вас по окончании моей, положим, я получу 20. – Уполномочьте банкира в Риме, чтобы он мне верил до 20 тысяч ваших денег, упрочьте мир между мною и правительственными людьми, и дайте 5-ть тысяч на покупку книг с письмом ко мне, где бы можно было быть поощр<енными> и другим вельможам русским делать подобные поощрения. Ваш герб будет на всех книгах» (*Виноградов 2001*. С. 433–434). – См. также ***1847. Января 9 <1846. Декабря 28>. Суббота. Рим***.

[6] См. ***1846. Ноября с четверга 12 до понедельника-вторника 16–17 <с октября 31 до ноября 4–5>. Рим***.

[7] Графиня Апраксина.

[8] См. ***1846. Сентября конец – декабря начало <сентября средина – ноября средина>. Рим*** (примечания).

[9] Подразумевается действие статьи *XXIII. Исторический живописец Иванов* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[10] Ср. ***1846. Ноября 21 <декабря 3>. Четверг. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург***.

[11] См. ***1846. Октября 1 <сентября 19>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***.

[12] Свидетельство было необходимо для получения денежного пособия (подробнее см.: ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург***).

[13] Отчет по изданию книги Гоголя содержится в письме П. А. Плетнева от 11/23 января 1847 г. (см. ***1847. Января 11 <23>. Суббота. Санкт-Петербург***).

[14] Шевыреву было отправлено 1200 экземпляров (см. ***1847. Января 11 <23>. Суббота. Санкт-Петербург***).

[15] См. ***1846. Декабря 10 <ноября 28>. Четверг. Неаполь***.

[16] См. ***1846. Декабря 8 <ноября 26>. Вторник. Неаполь***.

НОЯБРЯ 30 <ДЕКАБРЯ 12>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев отправляет в Москву письмо к С. П. Шевыреву и ответное[1] письмо к С. Т. Аксакову.

Из письма Плетнева к Шевыреву: «Аксаков (отец) писал ко мне о Гоголе. Я должен отвечать ему, но не знаю ни чина его, ни имени отца его (что пожалу<й>ста при случае сообщите мне). Вот почему я и прошу вас, милый Степан Петрович, прочесть наперед прилагаемое здесь письмо – и, буде вы не найдете неуместным запечатать его, надписать и отправить к Аксакову. Он вообразил, что новые сочинения Гоголя уронят его в общем мнении, и что мы все, как друзья его, должны остановить их выпуск. Свербеева и дочь Аксакова не желают видеть своих имен в предисловии к Ревизору, где на них возлагается раздавать деньги бедным, ежели соберется их довольно от продажи Ревизора.

Соединитесь вы со мною и успокойте умы, встревоженные Сенковского выходкою. Разве не общая это участь наша, что негодяи ловят случай уронить репутацию порядочных людей? Гоголь не полагал, что запретят играть его новую сцену к Ревизору – и потому мог надеяться, что много распродано будет экз<емпляров> 4-го и 5-го изданий Ревизора. Вот от чего и пригласил он у нас и в Москве друзей раздавать его деньги. А тут уже нашли и бессмыслицу. Теперь конечно не соберется много денег от новых изданий. Итак не о чем и беспокоиться.

Не знаете ли вы, что Щепкин успел сделать[2] у Гедеонова?»[3]

Из письма Плетнева к С. Т. Аксакову: «Беру смелость успокоить вас, милостивый государь, на счет Гоголя. В нем поразителен для нас переход к самой высокой религиозности. Но мы его, как человека, и прежде очень знали мало. Мы, по его комическим сочинениям, сами составили внутреннюю характеристику его, которая, может быть, совсем не была верна. <...> ...Ни в книге его, которую я печатаю, ни в сцене, приделанной им к Ревизору, ни даже в Предисловии его к “Ревизору”, по моему мнению, ничего нет такого, что поразительнее было бы очень скромного, хотя и довольно странного, предисловия его ко второму изданию “Мертвых Душ”. Ошибка Гоголя во всем этом происходит от того, что он слишком любит Россию; а между тем, по долговременному из нее отсутствию, совсем не знает ее. Ему воображается, что у нас, как и за границею, признанный талант сделался предметом всеобщего внимания, участия, любви; что все от сердца интересуются его трудами, преднамерениями, даже частною его жизнью. В этом ослеплении, движимый самыми живыми чувствами христианской любви к ближним, он с ними обращается, разговаривает с ними, все рассказывает им, как нежнейшим друзьям, будучи убежден, что каждый шаг его им дорог и каждый вызов к добру – священ. Натурально, если бы в его природе было менее самолюбия, он и в нынешнем своем отношении к России не дошел бы до странностей, которые так многих озадачили. Но эти странности дают нам, друзьям его, только новый повод поддерживать честь имени его и сочинений, что и сделать нам легко; потому что, осмелюсь повторить торжественно, нет ни в одной фразе его ни бессмыслицы, ни подлости. Привожу вам в поручители Жуковского, который все читал и все находит так же, как и я»[4].

В тот же день брат А. О. Смирновой, Ар. О. Россет, отправил в Калугу письмо к ней Гоголя из Флоренции[5]. В своем письме к сестре Россет сообщал:

«Прилагаю письмецо от Гоголя; жалуется на твое молчание. Он прислал сюда прибавление к “Ревизору”. Вырученные деньги продажею нового “Ревизора” пожертвовал в пользу бедных, но как-то странным образом: устроил под председательством гр<афини> Нози[6] комитет, в который включил меня и Самарина; мы должны непременно собираться в 11 часов и рассуждать об употреблении суммы. Это всех здесь немного удивило; не знаю, как отвечать ему на это, тем более, что Гедеонов не взял на сцену прибавления, а сумма, вероятно, будет ничтожная...»[7]

[1] См. ***1846. Ноября 25 <декабря 7>. Понедельник. Москва.***
[2] См. ***1846. Ноября 8 <20>. Пятница. Санкт-Петербург.***
[3] *Свод*. Т. 1. С. 687.
[4] *Свод*. Т. 1. С. 687–688.
[5] См. ***1846. Ноября 9 <октября 28>. Понедельник. Флоренция.***
[6] «Так звали графиню Аполину <ошибка; следует: Анну> Михайловну Вьельгорскую (впоследствии княгиню Шаховскую). Гоголь был в нее влюблен и даже просил ее руки» (примеч. П. И. Бартенева). – Подробнее см.: ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*** (примечания).
[7] Гоголь в письмах А. О. Россета к А. О. Смирновой // *Свод*. Т. 2. С. 367.

НОЯБРЯ 30 <ДЕКАБРЯ 12>. СУББОТА. КАЛУГА

И. С. Аксаков пишет родным в Москву:

«Благодарю Вас за подробное сообщение известий о Гоголе. Это из рук вон и грустно, и тяжело невыносимо. Один гениальный художник в наше бедное время, на которого с надеждою обращались глаза, от которого ждал свежего, отрадного слова, — и тот гибнет».

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 916.

ДЕКАБРЯ 1 <13>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев читает А. О. Ишимовой и П. А. Кулишу первые корректурные листы «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя.

См. ***1846. Декабря 4 <16>. Среда. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 3 <15>. ВТОРНИК. МОСКВА

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской:

«Гоголь или болен или потерял здравый рассудок, живя так долго один в землях чужих. – Может быть даже и влияние (ему самому незаметное) католицизма, которое как-то мирится с православием, все это дает странный характер его религиозному направлению, которое овладело им до такой степени, что художник исчезает[1]. Несмотря на наши собственные невеселые обстоятельства, это нас сильно огорчает — отесенька так волновался и огорчался, что мы не допускали даже разговоров о Гоголе. Несмотря на все наши убеждения, отесенька хотя не вдруг продиктовал письмо к Гоголю[2] вполне откровенное, сильное и прекрасное. — Гоголь прислал к 4 и 5-му изданиям Ревизора *Предуведомление,* которое состоит в следующем: Гоголь назначает деньги, вырученные за Ревизора, в пользу бедных, особенно мелких чиновников; он просит всех читателей разузнавать о бедных и сообщать об них сведения лицам, избранным им на это дело, и сообщать не только письменно, но и лично. Лица же эти обязаны разузнавать о причинах бедности и давать наставления и даже прибегать к помощи священников. Лица же эти все почти наши знакомые, именно Елагина, Свербеева и – я! – несколько мужчин. Ар. Россет[3]. В своем предисловии к книге, которая должна выйдти в Петерб<урге>, он объявляет, что у него не остается манускриптов, то он сжег все свои бумаги и т. д.»

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 852.

[1] Подробнее см.: ***1849. Августа 27. Суббота. Радонежье (Абрамцево)*** (примечания).

[2] Письмо было продиктовано С. Т. Аксаковым сыну Константину и отправлено Гоголю 9 декабря 1846 г. (см. ***1846. Ноября конец – декабря 9 <декабря первая половина – декабря 21>. Москва***).
[3] «Ар. Россет» – вписано В. С. Аксаковой на полях позднейшей авторской копии письма.

ДЕКАБРЯ 16 <4>. СРЕДА. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет в Москву ответное[1] письмо Н. М. Языкову (письмо не застало поэта в живых[2]) и послание к М. С. Щепкину.

Судя по почтовому штемпелю на письме к Языкову[3], письма были отправлены на следующий день, 17 декабря. (Письмо к Щепкину было вложено в письмо к Языкову.)

Из письма к Языкову: «Твое письмо от 27 октября, адресованное в Рим на имя Иванова, получил я здесь только теперь[4], что довольно поздно. Вот уже скоро два месяца, как все меня оставили письмами. Что делается в Петербурге с моей книгой[5], я решительно ничего не знаю, а между тем от этих задержек и промедлений изменились мои собственные обстоятель<ства> и отдаляется мой собственный отъезд[6], который предполагался в таком случае, если всё потребное к путешествию, как самые деньги от продажи книги, так равно и другие, сопряженные с этим необходимости, устроится в конце исходящего или в начале наступающего года. <...> Стало быть, и самый приезд мой в Россию отлагается еще почти на год, то есть от сего числа считай ровно полтора года до того времени, когда придется нам <...> заменить словами нашу переписку. Назад тому уже более месяца я писал к тебе письмо из Неаполя[7], а еще назад тому один месяц писал письмо с дороги[8], в котором просил тебя отвечать в Неаполь. А потому я несколько даже удивился, увидя на пакете надпись в Рим[9]. При сем прилагаю письмо, которое прошу немедля доставить Щепкину. Жду с нетерпеньем твоих замечаний и толков о моей книге и еще раз прибавляю: пожалуста, без церемоний! Ты – человек несколько деликатный и всё как-то боишься говорить правду, как есть; ты всегда стараешься ее немножко присахарить. В глазах моих такое дело есть почти то же, что [негодная] замашка скверных докторов, которые, желая больному доставить удовольствие своею микстурою, подбавят к ней или лакреции, или сладкого корня и тем сделают ее в несколько раз противней. Всё пиши, не скрывай ни заметок ума, ни ощущений внутренних души. Мне кажется, то и другое у тебя должно родиться неминуемо по прочтении книги. А книгу прочти несколько раз от доски до доски, и после всякого прочтения – ко мне письмо, чтобы я знал твои и первые, и вторые, и третьи впечатленья; это будет нужно и для тебя, и для меня. А на письмо это дай немедленный ответ, а ответ адресуй в Неаполь, poste restante».

Из письма к Щепкину: «Вы уже, без сомнения, знаете, Миха<и>л Семенович, что "Ревизора с Развязкой" следует отложить до вашего бенефиса в будущем 1848 году[10]. <...> Кроме того, что дело будет не понято публикою нашей в надлежащем смысле, оно выйдет просто дрянь от дурной постановки пиесы и плохой игры наших актеров[11]. <...> ...Нужно, чтобы прежде всего я прочел вам самому "Ревизора", а вы бы прочли потом актерам. Бывши в Москве[12], я не мог читать вам "Ревизора". Я не был в надлежащем расположении духа, а потому не мог даже суметь дать почувствовать другим, как он должен быть сыгран. Теперь, слава Богу, могу. Погодите, может быть, мне удастся так устроить, что вам можно будет приехать летом ко мне. Мне ни в каком случае нельзя заглянуть в Россию раньше окончания работы[13], которую нужно кончить. Может быть, вам также будет тогда сподручно взять с собою и какого-нибудь товарища, больше других толкового в деле. А до того времени вы все-таки не пропускайте свободного времени и вводите, хотя понемногу, второстепенных актеров в надлежащее существо ролей, в благородный, верный такт разговора – понимаете ли? – чтобы не слышался фальшивый звук. Пусть на них никто не оттеняет своей роли и не кладет на нее красок и колорита, но пусть услышит общечеловеческое ее выражение и удержит общечеловеческое благородство речи. Словом, изгнать вовсе карикатуру и ввести их в понятие, что нужно не *представлять*, а *передавать*. Передавать прежде мысли, позабывши странность и особенность человека. Краски положить нетрудно; дать цвет роли можно и потом; для этого довольно встре-

титься с первым чудаком и уметь передразнить его; но почувствовать существо дела, для которого призвано действующее лицо, трудно, и без вас никто сам по себе из них этого не почувствует. Итак, сделайте им близким ваше собственное ощущение, и вы сделаете этим истинно доблестный подвиг в честь искусства. А между тем напишите мне (если книга моя "Выбран<ные> места из переписки" уже вышла и в ваших руках) ваше мнение о статье моей: "О театре и одностороннем взгляде на театр", не скрывая ничего и не церемонясь ни в чем, равным образом как и обо всей книге вообще. Что ни есть в душе, всё несите и выгружайте внаружу. Адресуйте в Неаполь, в poste restante».

[1] См. ***1846. Октября 27 <ноября 8>. Воскресенье. Москва.***

[2] См. ***1846. Декабря 30 <1847. Января 11>. Понедельник. Москва.***

[3] См.: *Городецкий.* С. 474.

[4] См. ***1846. Декабря 12 <ноября 30>. Суббота. Неаполь.***

[5] «Выбранные места из переписки с друзьями» (см. ***1846. Декабря 31 <1847. Января 12>. Вторник. Санкт-Петербург***).

[6] В Иерусалим.

[7] Письмо не сохранилось (см. ***1846. Ноября 18–19 <6–7> – 1847. Мая 11 <апреля 29>. Неаполь***).

[8] См. ***1846. Ноября 8 <октября 27>. Воскресенье. Флоренция.***

[9] 5 октября (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал Языкову: «Адресуй в Рим или в poste restante, или на имя Иванова...» (***1846. Октября 5 <сентября 23>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне***).

[10] «Указание Гоголя на то, что "Ревизора" следует отложить до бенефиса Щ<епкина> в будущем 1848 г., не следует толковать как его описку. <...> О том, что речь здесь не могла идти о наступающем 1847 г., свидетельствует то, что в 1847 г. бенефис Щ<епкина> состоялся 8 января, а Гоголь предлагает Щ<епкину> начать репетиции его пьес лишь после встречи с ним, которую он намечал на лето 1847 г.» (*Гриц.* С. 733). 5 января (н. ст.) 1847 г. в письме к П. А. Плетневу Гоголь также замечал: «Относительно "Ревизора" ты уже, верно, знаешь мое решение – отложить до следующего, 1848 года» (см. ***1847. Января 5 <1846. Декабря 24>. Вторник. Рождественский сочельник. Неаполь***).

[11] См. ***1839. Октября 17. Вторник. Москва*** (примечания).

[12] Имеется в виду пребывание Гоголя в Москве в 1839–1840 гг. (см. ***1839. Сентября 26 – октября 26. Москва***; ***1839 декабря 21. Четверг – 1840 апреля 27. Суббота. Москва***) и в 1841–1842 гг. (см. ***1841. Октября 17 – 1842. Мая 23. Москва***).

[13] Подразумевается второй том «Мертвых душ». Подробнее см.: ***1845. Марта 20 <апреля 1>. Вторник. Москва*** (примечания).

ДЕКАБРЯ 16 <4>. СРЕДА. РИМ

А. А. Иванов пишет в Москву Н. М. Языкову:

«Чижова все еще нет в Риме, но я жду его со дня на день[1]. Никогда он еще не был мне так нужен, как теперь: очень многое и важное он должен теперь порешить. Гоголь в Неаполе[2], будет в Рим в феврале[3]. Благодарю усердно вас за книгу "Древности русские"[4], я наконец ее получил от княгини Зинаиды Волконской».

Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 347.

[1] См. ***1846. Декабря 7 <19>. Суббота. Бреславль.***

[2] См. ***1846. Декабря 12 <ноября 30>. Суббота. Неаполь.***

[3] Вероятно, о возвращении в Рим в феврале 1847 г. Гоголь сообщил Иванову будучи проездом в Риме в средине ноября (н. ст.) 1846 г. (см. ***1846. Ноября с четверга 12 до понедельника-вторника 16–17 <с октября 31 до ноября 4–5>. Рим***). Позднее, 22 апреля (н. ст.) 1847 г., Гоголь писал Иванову, что предполагает быть в Риме «скоро после 5-го мая» (см. ***1847. Апреля 22 <10>. Четверг. Неаполь***), – и прибыл туда 12 мая (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Мая 12<апреля 30>. Среда. Рим***).

[4] См. ***1846. Июля около 22 <около 10>. Неаполь.***

ДЕКАБРЯ 4 <16>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«Мы прочли в воскресенье[1] то, что напечатано уже из писем Гоголя. Эффект удивительный. Это высочайшая книга нравственности. Послезавтра уезжает Кулеш»[2].

В тот же день, 4 декабря 1846 г., А. О. Ишимова писала Гоголю (письмо было закончено и отправлено в Неаполь позднее, 31 декабря 1846 г.[3]):

«На днях я прочитала у Петра Александровича[4] первые, отпечатанные листы вашей новой книги, Николай Васильевич! Я прочитала предисловие к ней и ваше завещание, и мне так захотелось пролепетать вам хотя миллионную часть той глубокой благодарности, которую должны чувствовать к вам все соотечественники ваши за добро, проливаемое вами на них этою новою книгою вашею! Я думала, что душа ваша, так много превышающая наши души, поймет потребность моей и извинит ее невольное излияние.

Много, бесчисленно много таких мест в прекрасной книге вашей, которые поражают своею истиною сердце христианина-читателя, но более всего поразило меня то, где вы, говоря о Прощальной повести сказали: “Соотечественники! страшно!.. Замирает от ужаса душа при одном только предслышании загробного величия и тех духовных высших творений Бога, перед которыми пыль все величие Его творений, здесь нами зримых и нас изумляющих. Стонет весь умирающий состав мой, чуя исполинские возрастания и плоды, которых семена мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища от них подымутся”... Ах! как глубоко справедливы эти слова! <...> О, если бы вы могли поучить нас и тому, как сделаться похожими на вас! Как постичь, подобно вам, все ничтожество земного счастья, как устремиться с такой непоколебимостью к одному небесному! <...> Как ни строго запрещаете вы оплакивать вас, но я сочла бы истинным несчастием для себя, если бы никогда более не увидела вас, никогда бы не поговорила с вами! <...> ...Мне хочется сказать вам перед отъездом вашим в Святую Землю: “Помолитесь за меня, особенно от той молитвы, которою вы обещали молиться за всех соотечественников ваших”, т. е. подарите мне одно мгновение из тех, которые вы проведете у Гроба Господня, и употребите его на произнесение имени моего[5] перед Святынею... <...> Я уверена также, что вы не найдете просьбу мою к вам странною; вы поймете, что она излилась из всего того, что *ваша*, — можно сказать *святая* книга — должна возбудить в сердце, уже чувствующем нужду в возрождении духовном, но еще не имеющем для него довольно сил. <...> Я не хотела сказать Петру Ал<ександровичу>, от чего я вздумала писать к вам, и сказала только, что я посылаю вам небольшую брошюрку об человеке, достойном памяти[6], и хочу при этом случае поблагодарить вас за книгу вашу. <...> Душа моя чувствует какую-то невозможную потребность сказать вам о том впечатлении, которое произвела на меня ваша новая книга, и этою откровенностью как бы попросить у вас благословения на мои труды. Так ни ничтожны они в литературе, но, посвященные детям и юношеству, они заслуживают вашего внимания, избранный из народа нашего! Как бы я была счастлива, если бы вы хотя что-нибудь прочитали из них и сказали мне хоть два слова о том, что вы думаете о них. Надеюсь на это тогда, когда вы возвратитесь на родину. Прилагаемая брошюра (если только можно будет отправить ее с этим письмом) есть отрывок из книги[7], которую В. А. Жуковский назвал *брильянтом из книг*».

В 1893 г. автор публикации писем А. О. Ишимовой и М. В. Изъединовой[8] сообщал: «К числу искреннейших почитателей Гоголя, не только как писателя, но и как человека, принадлежала, между прочим, Александра Осиповна Ишимова, прославившаяся педагогическими трудами и изданиями, из которых, кроме ее “Русской истории для детей”, наибольшей известностью пользовался очень распространенный в свое время детский журнал “Звездочка”. Мы не можем определить точно, когда именно началось знакомство Ишимовой с Гоголем, но, вероятно, не позже 1840–1841 годов[9], так как в 1842 году Гоголь всего на несколько дней заезжал в Петербург[10], а между тем во время издания “Переписки с друзьями” Ишимова относилась к нему, как к старому знакомому. Посредником в их письмах и иных сношениях был всегда П. А. Плетнев, почему надо думать, что

у него-то они познакомились и встречались. Знакомство было, впрочем, довольно поверхностное и во всяком случае не короткое. Когда печаталась “Переписка с друзьями”, Плетнев, несмотря на строжайшее запрещение автора, показывал многим знакомым корректурные листы книги[11], и в том числе не только Ишимовой, что и не скрывалось от Гоголя, но и совершенно незнакомому ему П. А. Кулишу. Последний в своих “Записках о жизни Гоголя” говорит по этому поводу: “Книга произвела на всех, кому показал ее поверенный поэта, такое впечатление, какое испытывает человек, когда его ведут в огромную фабрику... <...>”[12]. Иное впечатление произвела книга на самого Плетнева и на А. О. Ишимову... <...> Ишимова написала Гоголю восторженное письмо, на которое получила вскоре ответ[13], остающийся до сих пор неизвестным. О том, что ответ был, мы узнаем из переписки Ишимовой с Гоголем, и из следующих слов письма последнего к Плетневу: “Прости меня, если у меня вырвалось какое-нибудь слово, тебя оскорбившее, в том письме моем, в котором вложено было письмо к доброй А. О. Ишимовой”[14]. <...> С отношениями Гоголя к Ишимовой можно ближе познакомиться из следующих писем к нему последней; письма же к Ишимовой знакомой ее Извединовой <Изъединовой> любопытны в связи с ее собственными письмами и потому еще, что самый факт сбережения их доказывает, что Гоголь непритворно дорожил упреками и невыгодными отзывами о себе даже людей весьма дюжинных»[15].

[1] См. ***1846. Декабря 1 <13>. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[2] *Свод*. Т. 1. С. 688.

[3] См. ***1846. Декабря 31 <1847. Января 12>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[4] Плетнев.

[5] Ср. ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим.***

[6] Иоанн-Амвросий Розенштраух, лютеранский пастор в Харькове. Пер. с нем. А. Ишимовой. СПб., 1847.

[7] Брошюра Ишимовой представляет собой перевод отрывка из книги: Mittheilungen aus dem Nachlasse von Iohannes Ambrosius Rosenstrauch, früherem Consistorialraht und Prediger in Charkow. Leipzig, 1845 (Известия, взятые из бумаг, оставшихся после смерти Иоанна-Амвросия Розенштрауха, бывшего советником консистории и пастором в Харькове. Лейпциг, 1845).

[8] См. ***1847. Мая 21 <июня 2>. Среда. Санкт-Петербург.***

[9] См. ***1839. Октября 30 – декабря 17. Санкт-Петербург.***

[10] См. ***1841. Октября 7 <19>. Вторник – 14 <26>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.***

[11] Подробнее см.: ***1846. Августа 1 <июля 20>. Суббота. Эмс*** (примечания).

[12] См. ***1847. Марта 6 <февраля 22>. Суббота. Неаполь*** (примечания). – См. также ***1847. Февраля 12 <24>. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

[13] См. ***1847. Февраля 6 <января 25>. Вселенская родительская суббота. Неаполь.***

[14] См. ***1847. Марта 6 <февраля 22>. Суббота. Неаполь.***

[15] Письма Ишимовой и Извединовой <Изъединовой> по поводу сочинений Гоголя // Русская Старина. 1893. № 6. С. 551–552.

ДЕКАБРЯ 5 <17>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

С. Т. Аксаков сообщает сыну Ивану в Калугу:

«Я уведомлял тебя, что писал Плетневу[1]; вчера получил от него преглупый ответ[2]. Довольно одного такого друга, чтобы поддержать Гоголево сумасшествие.

Письмо к Гоголю[3] лежало тяжелым камнем на моем сердце; наконец в несколько приемов я написал его. Я довольно пострадал за то, но согласился бы вытерпеть вдесятеро более мучения, только бы оно было полезно, в чем я сомневаюсь. Болезнь укоренилась, и лекарство будет недействительно или даже вредно; нужды нет, я исполнил свой долг как друг, как русский и как человек».

Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 591.

[1] См. ***1846. Ноября 25 <декабря 7>. Понедельник. Москва.***

[2] См. ***1846. Ноября 30 <декабря 12>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[3] Отправлено 9 декабря 1846 г. (см. ***1846. Ноября конец – декабря 9 <декабря первая половина – декабря 21>. Москва***).

ДЕКАБРЯ 19 <7>. СУББОТА. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет в Рим ответное письмо А. А. Иванову:

«Верно, вы не молитесь или дурно молитесь. Если бы вы молились так, как следует, письмо мое[1] принесло бы вам радость, а не огорчение. <...> Письмо, к вам писанное, было писано вовсе не с тем, чтобы бить лежащего, но чтобы поднять того, который изо всех <сил> старается лежать и валяться».

[1] См. ***1846. Декабря 12 <ноября 30>. Суббота. Неаполь.***

ДЕКАБРЯ 7 <19>. СУББОТА. БРЕСЛАВЛЬ

Ф. В. Чижов выехал железной дорогой из Бреславля в Вену.

Незадолго до отъезда Чижов в частной беседе говорил, что «поедет в Рим, а оттуда в Сербию, Албанию, Далмацию и Кроацию», а на вопрос: «Для чего он носит бороду?»[1], – сказал, что «около Москвы много помещиков запущают бороды, дабы сблизиться с русскими купцами и крестьянами, и что это для них очень нужно, дабы скорее уничтожить разницу между дворянством и нижним классом жителей»[2].

[1] См. также ***1835. Сентябрь-декабрь. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Радзивиллов.***
[2] Кирило-Мефодіївське товариство: В 3 т. Київ, 1990. Т. 3. С. 214, 216, 217.

ДЕКАБРЯ 7 <19>. СУББОТА. КАЛУГА

И. С. Аксаков сообщает родным в Москву:

«Вечером, 5 декабря, воротилась Смирнова из Воронежа[1]... <...> Сейчас принесли мне ваши письма. Плетнев – человек вообще очень ограниченный, но то, что говорит Плетнев, говорит и Алекс<андра> Осиповна, которая, как сказывал мне вчера Арнольди, получила письмо от Самарина с подробным описанием всех Гоголевых действий, но ничем нисколько не смутилась и не огорчилась, а говорит только, что он исписался».

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 916.

[1] См. ***1846. Октября 15 <27>. Вторник. Калуга.***

НОЯБРЯ КОНЕЦ – ДЕКАБРЯ 9 <ДЕКАБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА – ДЕКАБРЯ 21>. МОСКВА

С. Т. Аксаков пишет[1] Гоголю в Неаполь:

«Давно, очень давно надобно было мне писать к вам. Давно душа моя рвалась излиться в вашу душу; но с февраля прошедшего года я жестоко страдаю и только летом имел отдых, как будто для того, чтоб собраться с силами: с 1-го же октября по настоящее число [ноября] декабря я страдаю постоянно. <...> Необходимость заставляет меня употребить руку Константина[2]... <...> Уже давно начало не нравиться мне ваше религиозное направление[3]. Не потому, что я, будучи плохим Христианином, плохо понимал его, и оттого боялся, но потому, что проявление Христианского

смирения казалось мне проявлением духовной гордости вашей. Многие места в ваших письмах ко мне меня смущали; но они были окружены таким блеском поэзии, такою искренностью чувства, что я не смел предаться, не смел поверить моему внутреннему голосу, их охуждавшему, и старался перетолковать свое неприятное впечатление в благоприятную для вас сторону. Я бывал даже увлечен, ослеплен вами и помню, что один раз написал к вам горячее письмо[4], истинно скорбя о том, что я сам, как Христианин, неизмеримо далек от того, чем бы я мог быть. Между тем ваше новое направление развивалось и росло. Опасения мои возобновились с большей силою: каждое ваше письмо подтверждало их. Вместо прежних, дружеских, теплых излияний, начали появляться наставления проповедника, таинственные, иногда пророческие, всегда холодные и, что всего хуже, полные гордыни в рубище смирения. Я мог бы доказать слова мои многими выписками из ваших писем, но считаю это излишним и слишком тягостным для себя трудом. Вскоре прислали вы нам, при самом загадочном письме[5], душеспасительное чтение Фомы Кемпийского с подробным рецептом: как, когда и по скольку употреблять его, обещая нам несомненный переворот в духовной жизни нашей... Опасения мои превратились в страх, и я написал вам довольно резкое и откровенное письмо[6]. В это время меня начинала постигать ужасная беда: я терял безвозвратно зрение в одном глазу и начинал чувствовать ослабление его в другом. Отчаяние овладевало мною. Я излил скорбь мою в вашу душу[7] и получил в ответ несколько сухих и холодных строк[8], способных [не утешить, а взбесить человека] не умилить, не усладить страждущее сердце друга, а возмутить его[9]. После этого вы были долго больны... <...> Телесное здоровье ваше, как видно, поправилось, и деятельность возобновилась, но какая деятельность? Каждое ваше действие было для меня новым ударом, и один другого сильнейшим. Статья ваша, напечатанная в "Моск<овских> Вед<омостях>"[10], о переводе "Одиссеи", заключая в себе много прекрасного[11], в то же время показывала ваш непростительно ошибочный взгляд на то действие, какое вы ему [пророчите] предсказываете с самоуверенностью, догматически. Похвалы ваши переводу превзошли не только меру, но и самую возможность достоинства такого труда. Одни видели в этом поэтическое увлечение, другие — пристрастие дружбы; но я знал вас хорошо: ясность и глубина взгляда и верность суда, даже в предметах, мало вам известных, были отличительными вашими качествами, и я, посреди похвал и восклицаний ваших друзей и почитателей, горестно молчал и, тоскуя, думал о будущем. Предисловие ваше ко 2-му изданию "Мерт<вых> Д<уш>" поразило меня глубже, и когда Шевырев читал мне его — то мои стенания от физических мучений заменились стенаниями душевными, и я тогда же [умолял] предлагал не печатать вашего объяснения с читателями. В коротких словах скажу вам заключение, которое выведет из него здравый толк простого русского человека: "*Кой черт, скажет он, сочинитель сам признается, что плохо знает Русь, и для того, чтоб избежать промахов во 2-м томе своего сочинения, почти 5 лет живет за границей, да, видно, и еще хочет там оставаться, потому что просит нас замечать его промахи, описывать нравы наши, обычаи и вообще весь русской быт и все это пересылать к нему через петерб<ургского> и московского корреспондентов? Он, видно, хочет, живя на чужбине и с каждым днем забывая то, что знал о Святой Руси, чужими руками жар загребать?*" Нужно ли говорить, что скажут те люди, которые понимают, как ложна мысль, будто из мертвых описаний житейских фактов и анекдотов может постигаться жизнь и дух обширнейшей, разнообразнейшей страны и великого народа, в ней живущего. Вслед за этим разнеслись темные слухи, что в Петерб<урге> печатается целая книга ваших сочинений, в которой помещена ваша переписка с друзьями[12], состоящая из проповедей и пророчеств, ваше признанье, что все написанное вами до сих пор ничтожно и не достойно внимания[13], ваше извещение, что вы сожгли продолжение "Мерт<вых> Д<уш>" и что вы отправляетесь в Иерусалим, и наконец ваше завещание, чтоб не ставили никакого памятника на вашей могиле[14]. Не зная, до какой степени справедливы эти слухи, тем не менее, уже не я один, но многие из тех, для коих драгоценны вы и ваш великий талант, пришли в неописанный ужас. Враги ваши торжествовали, и уже Брамбеус торжественно и печатно объявил, что новый Гомер впал в мистицизм[15]. Вскоре получили мы доказательства, после которых, по моему мнению, должно было всему поверить: мы получили для напечатания *Предуведомление* к 4-му изданию "Ревизора" в пользу бедных и новую его "Развязку". Друг мой, где же то Христианское смирение, которое велит делать добро так, чтоб шуйца не ведала, что творит десница? Вы всенародно, в услышание всей России, устраиваете свое благотворительное общество, назначаете поимянно членов оного и

с подробностью предписываете им образ их действию, невозможный в исполнении, несообразный ни с чем до последней крайности. Как вы могли подумать, что лица, назначаемые вами, особенно женщины, могли быть так неразборчивы, так нескромны, что согласились бы принять публичные обязанности благотворения, вами на них возлагаемые?.. Разумеется, никто не согласится, и ваше "Предуведомление" уничтожается само собою. Но где же ваш прежний, ясный и здравый взгляд на публичность, гласность в деле благотворения? Давно ли вы сами поручали такие дела Шевыреву[16] и мне[17] под условием глубокой тайны? Этой тайны не знают даже наши семейства. Наконец обращаюсь к последнему вашему действию — к новой "Развязке Ревизора". Не говорю о том, что тут нет никакой развязки, да и нет в ней никакой надобности, но подумали ли вы о том, каким образом Щепкин, давая себе в бенефис "Ревизора", увенчает сам себя каким-то венцом, поднесенным ему актерами? Вы позабыли всякую человеческую скромность. Вы позабыли, вы уже не знаете, как приняла бы все это русская образованная публика. Вы позабыли, что мы не французы, которые готовы бессмысленно восторгаться от всякой эффектной церемонии[18]. Но мало этого. Скажите мне, ради Бога, положа руку на сердце: неужели ваши объяснения "Ревизора" искренны? Неужели вы, испугавшись нелепых толкований невежд и дураков, сами святотатственно посягаете на искажение своих живых творческих созданий, называя их аллегорическими[19] лицами? Неужели вы не видите, что аллегория внутреннего города не льнет к ним, как горох к стене? Что название Хлестакова светскою совестью не имеет смысла: ибо принятие Хлеста<кова> за Ревизора есть случайность?

Вы некогда обвиняли меня в неполной искренности, вы требовали беспощадной правды — вот она. Если выражения мои резки, то вы, зная меня, не должны ими оскорбиться, но берегитесь подумать, что это вспышка моей горячей, страстной, как вы называете, натуры,— вы жестоко ошибетесь. Пятый год душа моя наполняется этими чувствами и убеждениями, и наконец переполнилась мера. Посердитесь на меня, лишите меня вашей дружбы, но внемлите правде, высказанной мною».

[1] Об этом письме см. также: ***1846. Декабря 3 <15>. Вторник. Москва***; ***1846. Декабря 5 <17>. Четверг. Москва***.

[2] Аксаков, сын С. Т. Аксакова.

[3] Проявлявшееся порой, как в настоящем случае, неприятие С. Т. Аксаковым религиозной настроенности Гоголя (подробнее см.: ***1849. Августа 27. Суббота. Радонежье (Абрамцево)*** — примечания), со своей стороны, художественно было осмыслено в одном из героев второго тома «Мертвых душ» — помещике Петухе, в образе которого были использованы некоторые черты Сергея Тимофеевича (см.: *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. М.: Наука, 2007. Вып. 1. С. 104–107; см. также ***1840. Июня 10 <мая 29>. Среда. Варшава*** — примечания; ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково*** — примечания). В свою очередь М. П. Погодин в 1849 г. записал в дневнике об Аксаковых: «Вечер у Акс<аковых>, где я испытываюсь злобою против невежества и барства» (см. ***1849. Декабря 5. Понедельник. Москва***); двумя месяцами ранее: «Обед<ать> опять к Акс<аковым>. Гадко смотреть на наших помещиков. Соверш<енные> свиньи, а эти еще добрые» (см. ***1849. Сентября 20. Вторник. Москва***).

[4] Письмо не сохранилось.

[5] См. ***1844. Февраля 10 <января 29>. Суббота. Ницца.***

[6] См. ***1844. Апреля 17 <29>. Понедельник. Москва.***

[7] См. ***1845. Марта 10 <22>. Суббота. Москва.***

[8] См. ***1845. Мая 2 <апреля 20>. Пятница Светлой седмицы. Франкфурт-на-Майне.***

[9] См. ***1845. Мая 24 <июня 5>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва.***

[10] См. ***1846. Июля 25 <августа 6>. Четверг. Москва.***

[11] См. также ***1846. Июля 29 <августа 10>. Понедельник. Радонежье (Абрамцево).***

[12] Известие о печатании «Выбранных мест...» С. Т. Аксаков получил от Е. А. Свербеевой (см. ***1846. Августа 15 <27>. Четверг. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Москва***). — См. также ***1846. Августа 26 <сентября 7>. Понедельник. Радонежье (Абрамцево).***

[13] Об ошибочности такого мнения см.: ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Москва*** (примечания).

[14] См. ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн*** (примечания).

[15] См. ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Москва*** (примечание).

[16] См. ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[17] См. ***1845. Ноября 25 <13>. Вторник. Рим.***

[18] См. ***1837. Января 15 <3>. Воскресенье. Париж.***

[19] Ошибочная интерпретация слов Гоголя. Подробнее см.: ***1847. Мая 22 <июня 3>. Четверг. Москва*** (примечания).

ДЕКАБРЯ 10 <22>. ВТОРНИК. КАЛУГА

А. О. Смирнова отправляет ответное[1] письмо Гоголю в Неаполь и письмо П. А. Плетневу в Петербург.

Из письма Смирновой к Гоголю: «Вашу записочку из Флоренции я нашла в Калуге по возвращении из Воронежа[2]. Я не в Петербурге потому, что по обещанию должна была, при возвращении первых сил и установлении пути, ехать к Святителю[3]. Вчера вечером обдумывала, как совершить поездку в Питер, потому что по всем признакам я беременна, и ухабы вредны в этом положении; вчера же узнала, что Плетнев писал Сергею Тимоф<еевичу>[4] и отвечал на все их сомнения и толки, что он будет все платить и выполнит вашу волю свято, и таким образом мне совершенно не нужно ехать в Петербург. За болезнию же были большие упущения по нашим делам и по делам вверенного мне дома Трудолюбия. Остановилась раздача хлеба бедным и постройка домов бескровным. Питер у нас открыл базар и духовный концерт в пользу этих несчастных, которыми мне давно пора заняться. В Воронеже я говела и за вас отслужила молебен, любезный друг, — молебен напутственный в Иерусалим. В Москве все смущены вашим заключением к "Ревизору"[5], упрекают вас в самолюбии, в уверенности и самонадеянности, в незнании публики и проч.; в особенности восстают на портрет. Не знаю, что вам сказать на этот счет: не знаю хорошо расположения вашего. Есть такие эпохи в жизни — едва ли это не решительные — в которые о светских толках не думаешь. Молю Бога от души, чтобы Он вас не оставил и напутствовал к добру и спасению».

Из письма Смирновой к Плетневу: «Гоголь два раза писал ко мне[6], чтобы я ехала в Петербург и, переговорив с вами, принялась за дело живо и с жаром[7]. Ехать мне решительно нельзя, я и ему уже об этом писала в Неаполь[8]: на 1000 верст дороги моих физических сил не хватит. Я не сомневалась, что дело без меня обойдется, и что в ваших руках он, как у Христа за пазушкой. Вчера в этом удостоверилась письмом старика Аксакова к сыну. Тогда как в Москве произошло недоумение, сомнение, и самая глупая боязнь за рассудок Гоголя, вы один осмелились объявить им, что будете все печатать и выполните его волю свято. Дело в том, что они все Гоголя любят как свое знамя и хотят, чтобы он носил их цвета, считают уже за отпадшего или упадшего того, кто осмелится отступить от принятого ими за истину. В кого они теперь его из Гомеров разжалуют. Прошу вас, любезный друг, не смущаться их толками и печатать и действовать в его смысле. Что есть странности за Гоголем, знаем мы это и знали и они, но пока он их забавлял, все ему прощалось, а теперь пойдут опять глупые нападки. Что Гоголь для нас пропал в смысле чисто-изящном, это я предвидела давно; не менее того он останется высоким явлением в истории и литературы нашего времени и обличителем эпохи своей. Тут многое бы можно сказать, но чтобы не коснуться лишнего, письменно, окончу еще просьбою оставаться вам твердо в вашем добром намерении. <...> Отвечайте скорее Гоголю в Неаполь poste restante и мне. Пришлите скорее его письма о духовенстве. Я рада, что вы развязались с Современником»[9].

[1] См. ***1846. Ноября 9 <октября 28>. Понедельник. Флоренция.***

[2] 5 декабря 1846 г. (см. ***1846. Декабря 7 <19>. Суббота. Калуга***). — См. также ***1846. Октября 15 <27>. Вторник. Калуга.***

[3] К мощам святителя Митрофана, первого епископа Воронежского.

[4] Аксаков.

[5] «Развязка Ревизора».

[6] См. ***1846. Октября 15–16 <3–4>. Четверг-пятница. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Ноября 9 <октября 28>. Понедельник. Флоренция.***

[7] Речь идет об издании «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[8] См. ***1846. Октября 15 <27>. Вторник. Калуга.*** — Ответ Гоголя см.: ***1846. Ноября 24 <12>. Вторник. Неаполь.***

[9] Из писем А. О. Смирновой // *Свод.* Т. 2. С. 207–208.

ДЕКАБРЯ 10 <22>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. В. Веневитинов отправляет ответное[1] письмо С. П. Шевыреву в Москву:

«Тебе, вероятно, уже известна участь покушения Гоголя насчет “Ревизора”. Переделанная эта пьеса отказана. Впрочем, не говоря об этой новой пьесе, которой не знаю, в самом Гоголе с некоторых пор заметны такие странности, которые огорчают всех любящих его и его необыкновенный талант. Это останется между нами, ибо я думаю, что все эти странности суть следствие временного раздражения нервов»[2].

[1] См. ***1846. Октября 31 <ноября 12>. Четверг. Москва.***
[2] *Свод.* Т. 2. С. 128.

ДЕКАБРЯ 13 <25>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление спектакля «Мертвые души, комические сцены» (сост. Н. И. Куликовым) в Малом театре[1]; в роли Дробяжкина – М. С. Щепкин[2].

В тот же день Д. К. Малиновский[3] закончил свое первое обширное послание к Гоголю, начатое годом ранее, 19 декабря 1845 г. (Письмо было отправлено в Неаполь 30 января 1847 г. через С. П. Шевырева[4].) В заключительных строках письма Малиновский замечал:

«Прощайте, автор *Мертвых* (живых) *душ, Тараса Бульбы, Переписки*[5] и т. д.»

[1] *Ельницкая 1979.* С. 350.
[2] *Гриц.* С. 394.
[3] Дмитрий Константинович Малиновский (1826–1871), студент математического факультета Московского университета, впоследствии преподаватель математики во 2-м Московском кадетском корпусе; один из прототипов помещика Тентетникова во втором томе «Мертвых душ». Подробнее см.: *Виноградов И. А.* «А нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?» Проблемы интерпретации и текстологии второго тома поэмы // Гоголевский вестник. М., 2007. Вып. 1. С. 184–198; *Гоголь 2009–2010.* Т. 14. С. 513–542.
[4] См. ***1847. Января 30 <февраля 11>. Четверг. Москва.***
[5] См. ***1846. Декабря 31 <1847. Января 12>. Вторник. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 14 <26>. СУББОТА. КАЛУГА

И. С. Аксаков сообщает родным в Москву:

«...Я был у нее <А. О. Смирновой> в понедельник[1] вечером. <...> Говорили про Гоголя, она разделяет мысль Плетнева, что все следует печатать[2]. Сидел я недолго; в среду[3] поутру заезжал я к Николаю Михайловичу[4] по делам службы, был призван к Ал<ександре> О<сипо>вне в кабинет, где она прочла мне письмо, полученное ею накануне от Гоголя[5]: письмо очень бодрое и светлое, безо всяких особенных выходок. Живет он в Неаполе, под ***крылышком***[6] С. Петр. Апраксиной, собирается ехать в Иерусалим, чтоб испросить благословение на новые подвиги, но все это ничего в сравнении с тем, что он делал».

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 917.

[1] 9 декабря 1846 г.
[2] Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями». – См. также ***1847. Января не позже 10 <не позже 22>. Калуга.***
[3] 11 декабря 1846 г.
[4] Смирнов.
[5] Письмо из Неаполя от 24 ноября (н. ст.) 1846 г. (см. ***1846. Ноября 24 <12>. Вторник. Неаполь***).
[6] В письме Гоголя: «...остановился под крышей у Софьи Петровны Апраксиной».

ДЕКАБРЯ КОНЕЦ <ДЕКАБРЯ СРЕДИНА>. РИМ

А. А. Иванов, отвечая Ф. В. Чижову на письмо от 24 декабря (н. ст.) 1846 г.[1], сообщает:

«Скажу вам важную новость: Гоголь наверное поедет нынешней весной, и даже очень скоро, поклониться Святому Гробу и напечатать свою вторую книгу[2], которую все благомыслящие ждут с благоговением»[3].

[1] См.: *Виноградов 2001.* С. 436–437.
[2] Имеется в виду второй том «Мертвых душ».
[3] Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 347. – Датировка письма уточнена.

ДЕКАБРЯ 16 <28>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Судя по почтовому штемпелю[1], в этот день графиня Анна М. Виельгорская получила письмо Гоголя из Неаполя от 8 декабря (н. ст.) 1846 г.[2], с вложением письма к П. А. Плетневу[3].

[1] См.: *Городецкий.* С. 442.
[2] См. ***1846. Декабря 8 <ноября 26>. Вторник. Неаполь.***
[3] См. также ***1846. Декабря 18 <30>. Среда. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 17 <29>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получил письмо Гоголя из Неаполя от 4 декабря (н. ст.) 1846 г.[1]; сделал на письме помету: «П<олучено> 17 дек<абря> 1846»[2].

[1] См. ***1846. Декабря 4 <ноября 22>. Пятница. Неаполь.***
[2] *Городецкий.* С. 454. – См. также ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 17 <29>. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Тяжбы» в Малом театре.

Ельницкая 1979. С. 404.

ДЕКАБРЯ 18 <30>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получил[1] – на этот раз от графини Анны М. Виельгорской[2] – еще одно[3] письмо Гоголя из Неаполя[4].

[1] См.: *Городецкий*. С. 454; ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург***;

[2] См. ***1846. Декабря 16 <28>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[3] Ср. ***1846. Декабря 17 <29>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1846. Декабря 8 <ноября 26>. Вторник. Неаполь.***

ДЕКАБРЯ 19 <31>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно почтовому штемпелю[1], Ар. О. Россет получил письмо Гоголя из Неаполя[2].

[1] См.: *Городецкий*. С. 464.

[2] См. ***1846. Декабря 10 <ноября 28>. Четверг. Неаполь.*** – Ответ Россета см.: ***1846. Декабря 29 <1847. Января 10>. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

1847/46

1847 ЯНВАРЯ 1 <1846 ДЕКАБРЯ 20>. ПЯТНИЦА. РИМ

Ф. В. Чижов, приехав в Рим и, по-видимому, повидавшись с А. А. Ивановым, сообщает А. Н. Попову:

«Гоголь в Неаполе, пишет[1], что хворает; я думал было поехать к нему, но теперь не имею времени».

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод*. Т. 3. С. 59.

[1] Письмо Гоголя (адресованное, вероятно, Иванову) не сохранилось.

1846/47

1846 ДЕКАБРЯ 20 <1847 ЯНВАРЯ 1>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление спектакля «Мертвые души, комические сцены» (сост. Н. И. Куликовым) в Малом театре[1]; в роли Дробяжкина – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 350.

[2] *Гриц*. С. 395.

1846 ДЕКАБРЯ 22 <1847 ЯНВАРЯ 3>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получил[1] третье подряд[2] письмо Гоголя из Неаполя[3].

[1] См. ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург***; *Городецкий*. С. 433, 454.

[2] Ср. ***1846. Декабря 17 <29>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1846. Декабря 18 <30>. Среда. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1846. Декабря 12 <ноября 30>. Суббота. Неаполь.***

1847 ЯНВАРЯ 5 <1846 ДЕКАБРЯ 24>. ВТОРНИК. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет ответное[1] письмо П. А. Плетневу в Петербург:

«Письмо твое (от 21 ноя<бря> / 3 декаб<ря>) получил; вексель получен за четыре дни прежде. Долгое молчание твое я приписывал именно не чему другому, как затяжке дела и препятствиям по части пропуска статей. Нужно, чтобы попался слишком умный цензор, который бы слишком хорошо знал всё в России и всех в России, и, сверх того, чтобы он весь преисполнен был желанием добра и здраво увидел бы законный источник его, чтобы отважиться всё пропустить до последнего слова в моих письмах. Ты свое дело сделал, хлопотал и старался изо всех сил, но я своего дела не сделал. Мое дело — настоять, чтобы всё было пропущено. Если я, благословясь и молясь Богу, составлял книгу, взвешивая потребности современные жаждущего общества и многого того, что покамест не видно поверхностным и ничего не хотящим знать людям, если я до сих пор нахожусь в твердом убеждении, что книга моя полезна, то будет малодушно с моей стороны остановиться при начале и не употребить всех сил для того, чтобы довести к концу дело. Если у нас не будет столько любви к доброму делу, чтобы уметь бороться из-за него с препятствиями, если мы не станем употреблять хотя столько постоянства и настойчивости в благих и добрых подвигах, сколько человек низкий употребляет в низких, в стремлении к своей своекорыстной и низкой цели, то где же тогда заслуга наша перед добром? <...> Государь должен видеть все письма, не пропущенные цензурою. Кроме того, что так следует, чтобы он знал образ мыслей моих и помышлений, — это законный ход дела. Когда все затруднились высшие инстанции в разрешении и недоумевают, верховная власть решает все сомнения. Если книга уже вышла в свет без этих писем, это ничего не значит, это даже еще лучше. Теперь будет предлог всякому заговорить с Государем о письмах, не пропущенных цензурою. Сердце же мое говорит мне, что он книгу мою прочтет и будет даже интересоваться о том, что к ней относится. А потому нужно, чтобы эти письма, весьма чисто и четко переписанные, были наготове. Представить их может тогда и граф Мих<аил> Юр<ьевич> Вьельгорский. <...> Как только же они будут разрешены к печатанью, ты их тотчас же отправь в Москву к Шевыреву, чтобы он их вместил во *второе* издание, долженствующее печататься в Москве, прибавив к слову “издание”: “пополненное и умноженное”. Если же сам Государь скажет, что *лучше* их не печатать, тогда другое дело: я тогда не скажу ни слова и не имею права ни на какое прекословие, потому что решил дело тот, кто лучше моего и всех нас знает выгоды своего государства. <...> Относительно “Ревизора” ты уже, верно, знаешь мое решение — отложить до следующего, 1848 года[2]. Дейст<вительный> тайн<ый> сов<етник> Гедеонов[3] распорядился весьма кстати запрещением представлять на театре “Развязку”. Я и прежде предполагал дать ее на театре только в таком разе, если бы протекло значительное расстояние времени от появления в свет моей “Переписки”, чтобы многие мысли успели обойтись в свете и в публике; иначе всё покажется дико и странно. Что же касается до напечатанья “Ревизора” отдельно, то это имело бы смысл и расход только в таком случае, если бы пиеса возымела в представлении большой успех и произвела сильное впечатление. А без этого нечего об этом и думать. “Развязку Ревизора” положи до времени под спуд. Мне нужно будет потом и самому ее хорошенько пересмотреть. Многое нужно будет сказать гораздо умнее и понятней, чем там сказано[4]. Да и всего “Ревизора” нужно будет, хорошенько пообчистивши, дать совершенно в другом виде, чем он дается ныне на театре. Теперь же на него гадко и противно глядеть: из него актеры сделали такую тривиальность, что, я думаю, нет человека, которому бы приятно было на него поглядеть[5]. <...> Не гневайся на меня за то, что я послал тебя к графине Нессельрод. Если найдешь другую скорую оказию переслать мне книги, — конечно, хорошо. А если не найдешь, почему не обратиться к ней, хоть, положим, для того, чтобы попробовать, ведь она же не съест тебя за это! А мне простительно это покушение, потому что она исполнила уже одну комиссию мою в то время, когда еще не знала меня вовсе лично, и сама даже вызвалась[6]. Почему ж мне не подумать, что она и теперь может для меня сделать одолжение, уже узнавши меня лично[7] [и давши слово быть посредницей в подобных делах]? Вообще я должен тебе заметить, что ты напрасно считаешь меня челове-

ком, доверчиво предающимся людям и полагающимся на всякие сладкие обещания. В твоих глазах я – какой-то прыткий юноша, довольно самолюбивый, которого можно усластить похвалами и всякими вежливыми обхождениями со стороны всякого рода значительных людей, а мне, говорю тебе не в шутку, это приторно, и я чаще знакомлюсь даже с такими людьми, от которых надеюсь получить именно черствый прием: мне это нужно для многих, многих, слишком многих причин... <...> Скажу тебе только, что настает наконец такое время, когда упреки, жесткие слова и даже несправедливые поступки от других становятся жизнью и потребностью душевной, и от них удивительно уясняется глаз, растёт ум, силы, и, словом, растет всё в человеке... <...> Ты меня не знаешь. Я думал, что многое объяснит тебе моя книга, но, кажется, ты считаешь ее за маску, которую я только надел для публики. Иначе ты не сделал бы мне напоминания во второй раз, в конце письма твоего о том, что нужно быть осторожну в обращении с знатными русскими людьми, что они способны улещать словами и дружелюбны<ми> обхожденьями за границей, а приехавши к себе, не хотят и видеть тех же людей [et caetera] и проч. Я бы этих слов не сказал бы и тому, который еще недавно начал узнавать людей. Из всего того, что мною написано, несмотря на всё несовершенство написанного, можно, однако же, видеть, что автор знает, что такое люди, и умеет слышать, что такое душа человека... <...> ...Не без воли Промысла высшего определено было мне в последнее время сталкиваться с человеком в его трудные минуты и в самые тяжелые состоянья душевные, в какие только и обнажается пред мною душа человека. Вот почему мне случилось узнать насквозь многих таких людей, которых никогда не узнать светскому человеку со всех сторон. <...> Твоя душа не занемогла тогда никакою скорбью, а потому и не могла обнаружить себя передо мною, да и я не в силах был бы <...> ее услышать. Вот почему мы, умея ценить друг друга, однако же не знали друг друга, и не было между нами истинно родного голоса, по которому человек человеку в несколько раз ближе, чем брат брату. Еще тебе скажу: не думай, что я бы когда-либо обольщался словами человека, даже и тогда, когда меньше знал свет и был далеко невоспитаннее теперешнего. Драгоценный дар слышать душу человека мне уже был издавна дарован Богом, и в неразвитом своем состоянии он уже руководил меня в разговорах с людьми, и перед мной сами собой отделялись звуки истинные слов от звуков фальшивых в одном и том же человеке, поэтому я весьма рано стал примечать, что есть дурного в хорошем человеке и что есть хорошего в дурном человеке. Ко мне становился человек вовсе не тою стороною, какою он сам хотел стать перед мною; он становился противувольно той стороной своей, которую мне любопытно было узнать в нем, так что он иногда, сам не зная как, обнаруживал себя перед мною больше, чем он сам себя знал. <...> Вместо того, чтобы воспользоваться сделанным мне твоим замечанием, я сделаю тебе несколько своих замечаний... <...> 1-е. Что люди знатные и вообще находящиеся в высших кругах имеют горькие и скорбные душевные минуты и не находят даже и средств показать себя с настоящей и с лучшей стороны своей, и положенья их, если рассмотришь внимательно все обстанавливающие их обстоятельства, так бывают трудны, что не бывает решительно средств выйти из необходимости быть в черствых и в холодных сношеньях с людьми. 2-е. Что все живущие в Петербурге, хорошие и дурные без исключенья, более или менее покрываются, сами не слыша, наружною (очевидною для других и незаметною для себя) обмазкою эгоизма, и, поверь, она у всех нас. Рассмотри себя построже: ты и в себе отыщешь признаки того. <...> 3-е. Что если мы будем смотреть на холодный прием, нам оказанный, и остановимся какой-нибудь невнимательностью к нам, которая покажется нам или пренебреженьем к нашему званью, или неуваженьем к нашим достоинствам, то никогда не сойдемся мы с человеком и никогда не придем к душе его, и будем вечно играть в жмурки между собою. Но если, не смутясь никаким наружным холодом, сделаешь прямо приступ, к душе его и скажешь ему открыто: "Я, мимо всех приличий, пришел к вам в уверенности, что благородна душа ваша и свято вам чувство добра, и вследствие этого я твердо говорю вам: вы должны сделать такое-то дело!" Поверь, что тот же холодный человек окажется другим после таких слов. Я, по крайней мере, уже испытал это. Скажу тебе, что есть у меня знакомства, которые начались с первого раза даже упреками с моей стороны, и от меня приняты были благодарно такие замечания, которые от другого не были бы приняты и за которые бы даже на других рассердились. И эти люди сделались вдруг мне близкими людьми. Нет, напрасно ты думаешь, что ты знаешь людей, а я их не знаю. Ты знаешь их под светской их маской. Я очень понимаю, что на твоем месте и при твоих отношеньях с ними нельзя и уз-

нать их иначе. Даже тот человек, который изворотливей тебя и более навыкся с людьми и более твоего одарен способностями слышать разнообразные силы и способности человека, как открытые, так и [потаенные] сокровенные, даже и тот по тех пор не узнает вполне человека, покуда не загорится весь любовью к человеку и покуда человек не сделается его наукою и единственным занятием, а душа человеческая единственным его помышлением. Если хотя часть такой любви поселится в душе, тогда всё простишь человеку, не оскорбишься никаким его приемом, напротив, с любопытством ожидаешь от него всего, чтобы видеть, в каком состоянии душа его и как ему помочь потом освободиться от того, что [помрачает] мешает оказаться его достоинствам в истинном их свете. Даже я, получивший теперь, может быть, одну только песчинку этой любви, уже не могу теперь поссориться ни с одним человеком, как бы он несправедливо ни поступил со мною. <...> Друг мой, не пропусти этих слов. Прочитай письмо мое два или три раза, в разные расположенья духа твоего. Почему знать? Может быть, в них заключена правда, именно в это время нужная душе твоей. Не мы управляем своими действиями; незримо правит ими Бог; мы только орудия Его воли, и нами же Он говорит нам, а потому не нужно пропускать ничьих слов без того, чтобы не рассмотреть, что из них нужно взять в применение к самому себе. Но я заговорился; обращаюсь к письму твоему. Ты говоришь, чтоб я издательские сношения ограничил тобой и Шевыревым и не вмешивал сюда никого, но я никого и не вмешивал: по поводу "Развязки Ревизора" Шевырев написал без моего ведома письма к Вьельгорскому и Веневитинову: он позволил себе распорядиться так по случаю болезни Щепкина, которому поручено было *лично* хлопотать об этом. Слово [это] *лично* я особенно подтвердил Шевыреву потому, что я боюсь переписки и хлопот письменных, как огня: от них только бестолковщина и недоразумения. Анне Миха<й>лов<не> Вьельгорской назначена была часть вовсе не издательская; ей поручалась просто раздача сумм бедным в случае, если бы был издан "Ревизор" и выпродан. Этого дела никто бы умнее ее не мог произвесть. Я тебе особенно советую с ней познакомиться. У ней есть то, чего я не знаю ни у одной из женщин: не ум, а *разум*; но ее не скоро узнаешь; она вся *внутри*. Россети я тебе советовал иметь в виду только в таком случае, когда не позволят твои собственные дела заняться изданием "Ревизора", которых я предполагал у тебя довольно; теперь же, как вижу из письма твоего, их даже более, чем я предполагал. Россети я поручал еще заняться пересылкою и покупкою мне нововыходящих журналов и книг тоже в таком случае, если бы тебе невозможно и затруднительно было этим заняться. Я, признаюсь, думал, что ты не поверишь, чтобы мне так нужны были новые книги и особенно всякая журнальная дрянь, которая действительно для многих, и особенно для людей умных, есть дрянь, но которая для меня теперь слишком нужна, равно как и всякое вообще литературное движение и голос, в каком углу ни раздающийся, истинный или притворный. <...> Много уже моих просьб, слишком для меня значительных, и вопросов, слишком для меня важных, оставлено без ответа и удовлетворения именно потому, что они показались маловажными в глазах тех людей, к которым были обращены. <...> Насчет отправки мне [новых книг] литературных новостей, поручи и другим узнавать обо всех едущих за границу, чтобы не пропускать никаких случаев переслать мне. Я бы советовал тебе особенно посоветоваться с кн<язем> Вяземским и Россети, каким бы образом устроить так, чтобы курьеры могли брать мне все новые журналы. Князь Вяземский очень хорош с графиней Нессельрод, а Россети может подвигнуть В. Перовского похлопотать, который, по своему доброму расположению ко мне и вообще по своей доброй душе, сделает от себя, что сможет. Князю Вяземскому ты можешь дать, если он того пожелает, просмотреть мои письма, не пропущенные цензурою. Он – человек умный, и его замечания мне будут особенно важны. <...> Может быть, и он как-нибудь придумает с своей стороны способствовать к тому, чтобы были прочитаны и пропущены цензурой высшею остальные письма. <...> Поздравляю тебя с наступающим новым годом и от всей души желаю, чтобы он весь исполнен был небесной благодати для твоей души».

[1] См. ***1846. Ноября 21 <декабря 3>. Четверг. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

[2] См. также ***1846. Декабря 16 <4>. Среда. Неаполь.***

[3] Александр Михайлович.

[4] Результатом этого намерения стала новая редакция окончания «Развязки Ревизора». Вероятно, это новое окончание было написано Гоголем после возвращения ему рукописи С. П. Шевыревым (см. ***1846. Декабря***

30 <1847. Января 11>. Понедельник. Москва). — См. также *1847. Июля 10 <июня 28>. Суббота. Франкфурт-на-Майне*.

[5] Подробнее см.: *1839. Октября 17. Вторник. Москва*.

[6] См. *1844. Октября 10 <22>. Вторник. Санкт-Петербург*.

[7] См. *1846. Января 27 <15>. Вторник. Рим*.

1846/47

1846 ДЕКАБРЯ 25 <1847 ЯНВАРЯ 6>. СРЕДА. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Начальник Его Императорского Величества Военно-Походной Канцелярии В. Ф. Адлерберг[1] отвечает П. А. Плетневу:

«По установленному порядку ученые творения, как по части наук, так и по части словесности, посвящаемые или подносимые авторами особам Императорского дома, должны быть представляемы Министром Народного Просвещения или непосредственно, или через Министра Императорского Двора. Из сего Ваше Превосходительство усмотреть изволите, что я по вступлении князя Петра Михайловича Волконского в исправлении должности Министра Двора не имею права докладывать Государю Императору о предмете, к его обязанностям относящимся, даже естьли б ходатайство об этом дошло до меня по установленному пути, чрез Министра Народного Просвещения. Ответствуя сим на почтеннейшее письмо Ваше[2], Милостивый Государь, и жалея о том, что от опоздавшего несколькими днями вопроса Вашего я лишен возможности оказать вам готовность мою быть полезным вам и г-ну Гоголю, мне остается присовокупить, что я не сумневаюсь в успехе возложенного на вас г-ном Гоголем поручения, естьли вы изволите обратиться к Сергею Семеновичу[3] и к князю Петру Михайловичу[4]. В отношении подарков я также не вижу препятствий, даже естьли вы словесно о том заявите. В получении же денег для желающих посетить Святые места я предвижу некоторое затруднение, т. е. в образе изложения желания г-на Гоголя, и думаю, что лучшее средство было бы то, чтобы Ваше Превосходительство каждый представляемый экземпляр сочинения г-на Гоголя сопровождали письмом, в котором изъяснили бы его желание»[5].

Свод. Т. 1. С. 705.

[1] Владимир (Эдуард) Федорович Адлерберг (1791–1884), начальник Военно-Походной Канцелярии Императора с 1832 г., с 1847 г. — граф.

[2] Письмо неизвестно. Послание было написано П. А. Плетневым по получении от Гоголя письма от 20 октября (н. ст.) 1846 г. из Франкфурта (см. *1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне*). — См. также *1846. Декабря 31 <1847. Января 12>. Вторник. Санкт-Петербург*.

[3] Уварову.

[4] Волконскому.

[5] Плетнев, очевидно, воспользовался советом Адлерберга, когда в обращении к С. С. Уварову написал: «Для поправления здоровья находящийся ныне в Неаполе писатель наш Николай Гоголь доставил ко мне для издания в свет новое сочинение свое...» (см. *1846. Декабря 31 <1847. Января 12>. Вторник. Санкт-Петербург*).

1847/46

1847 ЯНВАРЯ 7 <1846 ДЕКАБРЯ 26>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Ф. В. Чижов пишет Н. М. Языкову[1] в Москву:

«Иванов сильно работает, но картины решительно никому, ни Гоголю, ни мне, не показывает. <...> Он сильно работает, но много и очень много помех, которые сильно действуют на его характер, и мне его очень и очень жаль. <...> Гоголя нет в Риме; он совершенно здоров, и ничего нет об нем странного; он в Неаполе, — много значит долго быть в Риме: впадаешь в такую патриархальность, при которой предисловие к “Мертвым душам”[2] делается делом естественным[3]. Каково-то оно принято?»

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 59.

[1] Н. М. Языков умер в день отправления настоящего письма (см. ***1846. Декабря 26 <1847. Января 7>. Четверг. Москва***).
[2] См. ***1846. Октября 13–14 <25–26>. Воскресенье-понедельник. Москва.***
[3] См. также ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Рим.***

1846 ДЕКАБРЯ 26 <1847 ЯНВАРЯ 7>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Кончина Н. М. Языкова.

1846 ДЕКАБРЯ 27 <1847 ЯНВАРЯ 8>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев сообщает С. П. Шевыреву, что сам, без помощи книгопродавцев, намерен переслать ему в Москву 1200 экземпляров книги «Выбранные места из переписки с друзьями»[1]:

«Выбранные места из писем Гоголя уже отпечатаны и на днях поступят в продажу. Ежели из книгопродавцев никто сам не вызовется отправить часть издания в Москву, то я перешлю это на Ваше имя, с тем, чтобы Вы потрудились распорядиться продажею и отправляли бы деньги уже сами к Гоголю, – а он очень нуждается.

Я определил так: один экземпляр стоит 2 р<убля> серебром. Кто берет из купцов от 1 до 49 экземпляров, тому нет уступки, а с 50 до 99 уступается 10 проц<ентов>; с 100 до 199 – 15 проц<ентов>; с 200 до 599 – 20 проц<ентов>; с 600 и более до конца издания – 25 проц<ентов>.

Гоголь мне написал, что он уже отдумал в нынешнем году печатать новое издание "Ревизора" с прибавлением новых сцен[2]. Итак, все планы по этому делу останутся до его сюда прибытия».

Свод. Т. 1. С. 688.

[1] А. Г. Дементьев указывал, что Плетнев отослал книги «только 15 января и, видимо, расчеты на книгопродавцев <...> не оправдались, так как послал Плетнев сам (см. неопубликованное письмо Плетнева Шевыреву от 15 января 1847 г. о бумагах Шевырева)» (Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 208–209; *Свод.* Т. 1. С. 688). – См. также ***1847. Января 11 <23>. Суббота. <Санкт-Петербург>.***
[2] В письме к П. А. Плетневу от 8 декабря (н. ст.) 1846 г. из Неаполя Гоголь распорядился отложить печатание и постановку «Ревизора с Развязкой» на год (см. ***1846. Декабря 8 <ноября 26>. Вторник. Неаполь***).

1846 ДЕКАБРЯ 27 <1847 ЯНВАРЯ 8>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской в Петербург:

«Об Гоголе слухи все не лучше. Говорят, что он еще хочет издать книгу об русском духовенстве[1], не знаю, правда ли. – Отесенька писал письмо к Плетневу[2] с тем, чтобы остановить печатание всех этих странностей, но Плетнев не согласен; нам порукой Жук<овский>, который одобрил все намерения Гоголя. Отесенька письма своего к Гоголю[3] никому почти не показывал, для того, чтоб Гоголь не обиделся. Что-то он будет отвечать[4], мы мало имеем надежды на успех, т. е. чтоб он взглянул здоровыми глазами на все свои действия. – Говорят даже, будто он целые дни проводит с монахами, но мы этому решительно не верим; он сохранил православие, но принял дух религии

католический, все это желание проповедывать, полагать какие-то вольные формы и для молитвы и для благотворительности, все это в духе католицизма, а не в нашем».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 852.

[1] Ср. также ***1845. Ноября 21 <декабря 3>. Среда. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Москва.***
[2] См. ***1846. Ноября 25 <декабря 7>. Понедельник. Москва.***
[3] Письмо от конца ноября – 9 декабря 1846 г. (см. ***1846. Ноября конец – декабря 9 <декабря первая половина – декабря 21>. Москва***).
[4] См. письмо Гоголя к С. Т. Аксакову от 20 января (н. ст.) 1847 г. из Неаполя: ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь.***

1847/46

1847 ЯНВАРЯ 9 <1846 ДЕКАБРЯ 28>. СУББОТА. РИМ

Племянник графа А. П. Толстого граф В. В. Апраксин[1] пишет матери, графине С. П. Апраксиной (рожд. графине Толстой):

«Я был вчера также у художника, посетившего вас в Искии. Он меня принял с большим удовольствием, показал мне свою картину, которая, действительно, поразительна и будет достойна великих мастеров, если только ей суждено быть законченной[2]. Я говорю так потому, что нашел беднягу в том же состоянии морального упадка. Завтра утром я снова приду к нему, чтоб прочесть ему письмо о нем, которое я предполагаю написать Николаю Васильевичу Гоголю[3]. Это письмо, может быть, не отправится по своему назначению так быстро, как мне хотелось бы, потому, что я не доверяю его почте и оно должно ждать специальной оказии в Неаполь. Эти предосторожности, может быть, излишни, но поскольку здесь чужие тайны, следует быть особенно осторожным»[4].

[1] См. ***1846. Декабря 12 <ноября 30>. Суббота. Неаполь*** (примечания).
[2] Речь идет об А. А. Иванове и его картине «Явление Мессии». В октябре 1847 г. А. А. Иванов, вспоминая о времени, проведенном в Искии (селение на острове с одноименным названием, близ Неаполя), писал графине С. П. Апраксиной: «Столь приближенный к вашему дому благословенными воспоминаниями Искии и Кастелламаре, я чувствую непреодолимое желание знать о положении и здоровье как вашем, так и достопримечательнейшего семейства вашего» (см. ***1847. Октября начало <сентября вторая половина>. Рим***). «Как полезно мне было прошедшее лето у вас. <...> Благословенные сцены в Искио способны дух мой воскресить из самых горчайших пришибов жизненных и дать мне новые силы к существованию» (см. ***1847. Октября 25 <13>. Понедельник. Рим***).
[3] Письмо неизвестно.
[4] Гоголь в письмах графа В. В. Апраксина // *Свод.* Т. 2. С. 79.

1846/47

1846 ДЕКАБРЯ 28 <1847 ЯНВАРЯ 9>. СУББОТА

Н. Н. Шереметева отправляет А. О. Смирновой – вероятно, из Москвы в Калугу – письмо, адресованное Гоголю[1] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1847. Февраля 8 <20>. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Москва; 1847. Июня 25 <июля 7>. Среда. Калуга.***

1846 ДЕКАБРЯ 29 <1847 ЯНВАРЯ 10>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Император Николай I читает прошение Гоголя о предоставлении ему заграничного паспорта для паломничества к Святым Местам[1].

В тот же день Ар. О. Россет отправил Гоголю ответное[2] письмо в Неаполь (письмо не сохранилось)[3].

[1] См. ***1846. Декабря 1–5 <ноября 19–23>. Среда-воскресенье. Неаполь.***
[2] См. ***1846. Декабря 10 <ноября 28>. Четверг. Неаполь***; ***1846. Декабря 19 <31>. Четверг. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь.***

1846 ДЕКАБРЯ 30 <1847 ЯНВАРЯ 11>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет в Неаполь ответ на три письма Гоголя[1]:

«По желанию твоему возвращаю тебе Развязку Ревизора. На днях ты получишь от меня большое письмо. Книги твоей из Петерб<урга> жду со дня на день. 1-го января будет здесь праздновано семисотлетие Москвы[2]. Но как-то грустно оно начинается. Только и слышим о больных. <...> Счастлив, что ты в Неаполе; но не смотря на то, пора бы и к нам».

В настоящем, кратком письме Шевырев, опасаясь расстроить Гоголя, умалчивал о кончине Н. М. Языкова, последовавшей 26 декабря 1846 г.[3] Однако в тот же день вечером он написал Гоголю обещанное «большое» письмо, которое отправил в Неаполь графине С. П. Апраксиной, с просьбой передать адресату:

«Не стало нашего доброго, милого Языкова. Он скончался 26-го декабря, на другой день праздника Р<ождества> Х<ристова>, в 5 часов пополудни. Кончина его была самая тихая, без страданий. <...> ...Языков <...> знал наперед свою кончину. За три дня до нее он сам пожелал исповедоваться и причаститься Св<ятых> Тайн. <...> За два дня до смерти он утром сзывал всех в доме и спрашивал: “Верите ли в воскресение мертвых?” <...> Сегодня мы отслушали вечером последнюю панихиду на дому, а завтра его похороним на Даниловом кладбище, подле Валуева, его племянника, и Венелина[4]. Сегодня же пришло и твое письмо к нему[5], которое показывал мне брат его, Петр Михайлович. В него вложено письмо к Щепкину. <...> Знаю, как тебе будет горька эта весть. <...> Боялся также прямо написать тебе. Потому прошу Софью Петровну, чтобы она с свойственною ей мягкостью и любовью приготовила тебя к этой вести и утешила в горе. <...> Береги себя, милый друг, для всех нас и для России, которая многого ждет от тебя. Что делать? Здоровье Языкова не обещало долгой жизни. По крайней море он умер без страданий. Чистота души его есть прекрасный завет всем его близко знавшим. “Блаженни чистии сердцем: тии Бога узрят”[6]. <...>

И виноват опять перед тобою, что не вдруг отвечал тебе на письмо твое о новых твоих распоряжениях касательно распродажи “Ревизора” в пользу бедных и касательно надписей на книги, тобою мне присланных[7]. <...> Здесь, я думаю, остановила меня надпись Погодину[8]. Я хотел тебе искренно сказать, что я ее не могу пропустить через мои руки, не хочу быть посредником в такой передаче. Не так, друг мой, говорят правду от любви, не тем языком, без того раздражения. Если ты любишь его, скажешь и правду ему иначе. Ведь надобно не обжечь, а согреть. У тебя же тут всякое слово — огонь. Вспомни слова ап<осто>ла Иакова[9]. Ведь до сих пор я и этого не решался тебе сказать. А смерть Языкова дала мне какую-то силу. Да будемте же все настоящим образом любить друг друга, и тогда сам Бог внушит слова наставительные, а не жгучие. <...>

Ты уже знаешь, что цензура не пропустила твоей “Развязки” и что, след<овательно>, все твои предположения не могут сбыться. Отвечаю на последние твои два письма. Два завода “Мертвых душ” лежат у меня в доме, готовые к распродаже. Ты писал ко мне, чтобы выпустить их в свет после того, как выйдут “Выбранные места”. <...> Когда явится твоя книга в Петербурге, тогда выпущу и “Мертвые души”. О предисловии[10] я попрошу издателя “Московских Ведомостей”[11]. Впрочем, “Отечественные Записки”, незаконно пользуясь экземплярами, присланными в петербургскую цензуру, уже успели напечатать отрывки из этого предисловия[12]. Цензура петербургская делает чудесные вещи. Никитенко твои рукописи оглашал всем своим друзьям, приятелям и знакомым[13]. “Листок” и замечания на “Мертвые души” пересылать тебе буду по мере получения. Священника, духовника твоего[14], найду и вручу ему экземпляр. С нетерпением ожидаю твоей книги как потому, что мне хочется скорее прочесть ее, так и для того, что она развяжет мне руки во всех моих действиях.

Из письма твоего к Языкову[15] я вижу, что ты еще хочешь отложить свое путешествие на Восток и возвращение в Россию на год. Это напрасно. Деньги будут. У меня есть же твоя лежащая сумма. Хотя есть ей другое назначение, но не вдруг же она употребится.

После можно будет выручить ее из распродажи “Мертвых душ” и употребить, как ты предписал. А между тем зачем же откладывать доброе дело? Возвратиться в Россию тебе пора. Даже отсюда ты мог бы предпринять это путешествие. Что ни говори, а жить в чужом народе и в чужой земле — вбираешь в себя чужую жизнь, чужой дух, чужие мысли. Вот это заметили многие и в твоих религиозных убеждениях и действиях. Мне кажется тоже, что ты слишком вводишь личное начало в религию и в этом увлекаешься тем, что тебя окружает. Римское католичество ведет к тому, что человек не Бога начинает любить, а себя в Боге. Даже молитва в нем переходит в какое-то самоуслаждение. Я заметил в письме твоем, что ты в побочных обстоятельствах видишь себе указания (так, н<а>п<ример>, болезнь Щепкина). Это мне напомнило княгиню З<инаиду>[16], которая также во всяком обстоятельстве жизни видит Бога, ей указующего. Да ведь надобно заслужить это высокое состояние пророка. Есть, конечно, во всем воля Божия. И волос не падет с головы без нее. Но видеть во всяком постороннем обстоятельстве личное отношение Бога ко мне значит как бы хотеть приобрести милость Божию в свою собственность и самозабвенно назваться избранником Божиим и любимцем. Это все продолжение motu proprio[17] римского владыки. Берегись этой заразы. От нее хранит чистое и смиренное наше Православие. Вот и поэтому пора тебе на родину. Здесь погрузишься в жизнь своего народа и стряхнешь с себя лишнее чужое. <...>

У меня все дети[18] были больны. <...> До этого еще я начал курс. Трудно было. Прочел 4 лекции. Они возбудили участие. О, как жаль мне, что ты не с нами!»

[1] См. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца***; ***1846. Декабря 1 <ноября 19>. Вторник. Неаполь***; ***1846. Декабря 8 <ноября 26>. Вторник. Неаполь.***

[2] См. ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Москва.***

[3] См. ***1846. Декабря 26 <1847. Января 7>. Четверг. Москва.***

[4] Позднее на кладбище Свято-Данилова монастыря «близ Языкова, Венелина, Валуева» был погребен и Гоголь (см. ***1852. Февраля 24. Воскресенье. Москва***).

[5] См. ***1846. Декабря 16 <4>. Среда. Неаполь.***

[6] Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 8.

[7] См. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца.***

[8] См. там же.

[9] «И язык — огонь, прикраса неправды; язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело и воспаляет круг жизни, будучи сам воспаляем от геенны» (Соборное послание св. апостола Иакова, гл. 3, ст. 6).

[10] «К читателю от сочинителя».

[11] См. ***1846. Декабря 1 <ноября 19>. Вторник. Неаполь*** (примечания).

[12] См.: <*Майков В. Н.*> Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Изд. второе. М., 1846 // Отечественные Записки. 1846. № 12 (цензурное разрешение 30 ноября; выход в свет 3 декабря). С. 57.

[13] См. ***1846. Августа 11 <23>. Воскресенье. Москва***; ***1846. Августа 15 <27>. Четверг. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Москва***; ***1846. Августа 26 <сентября 7>. Понедельник. Радонежье (Абрамцево)***; ***1846. Сентября 5 <17>. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1846. Сентября средина <сентября конец>.***

Санкт-Петербург*; *1846. Сентября 18 <30>. Среда. Радонежье (Абрамцево)*; *1846. Сентября 26 <октября 8>. Четверг. Радонежье (Абрамцево)*; *1846. Ноября 1 <13>. Пятница. Санкт-Петербург*; *1846. Ноября 6 <18>. Среда. Москва*; *1846. Ноября 25 <декабря 7>. Понедельник. Москва.

[14] Священник церкви Преподобного Саввы Освященного на Девичьем поле отец Иоанн Диомидович Никольский (см. ***1841. Октября 17 – 1842. Мая 23. Москва***).

[15] См. ***1846. Декабря 16 <4>. Среда. Неаполь.***

[16] З. А. Волконская. В конце 1820 – начале 1830-х гг. Шевырев был наставником ее сына Александра.

[17] По собственному побуждению *(лат.)*. Этими словами по традиции начинались послания римских пап, не согласованные с кардиналами и касавшиеся обычно внутриполитических и административных дел Папской области.

[18] Сын Борис и дочь Екатерина.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«По поводу упадка творчества Гоголя и чрезмерной медленности, с какой писался 2 том "Мертвых Душ", появилась в 1846 г. известная карикатура Неваховича[1] "Шествие в храм славы" (См. "Ералаш", 1846, лист 24-й)».

Шенрок В. И. <О карикатуре М. Л. Неваховича «Шествие в храм славы»> // *Свод.* Т. 3. С. 864.

[1] Михаил Львович Невахович (1817 – 23 августа 1850), водевилист, художник-карикатурист, издатель журнала «Ералаш» (1846–1849).

КОНЕЦ ГОДА. МОСКВА

Г. Рор обращается к М. П. Погодину:

«Вы друг Гоголя: только это и дает мне право к Вам обратиться. Но, надеюсь, что этого достаточно. Дело вот в чем. Мне поручено редакцией "La Revue des Deux Mondes" приготовить работу о Гоголе[1]. Самая необходимая подготовка мною уже произведена, но мне не хватает еще некоторых сведений, которые я надеюсь получить от Вас. Не будете ли Вы столь любезны указать день и час, когда я смогу Вас увидеть, не причиняя Вам беспокойства?»[2]

В новом письме к Погодину Рор писал:

«Что касается писем Гоголя, нет ли средства нам как-нибудь с ними устроиться? Не могли ли б Вы, например, разрешить мне как-нибудь расположиться в воскресный день, в уголке, где Вы бы мне сообщили отдельные места этой переписки? Вы можете полностью рассчитывать на мою скромность. Единственное, чего я желаю, – это внимательно прочесть письма[3]. Возвращаю Вам заметку, которой Вы выразили желание заняться»[4].

Позднее, 19 марта (н. ст.) 1852 г., князь П. А. Вяземский сообщал Погодину из Парижа о выходе в свет трехтомной книги Г. Рора «Республиканский миссионер в России» (Un missionnaire republicainen Russie. Paris, 1852; книга была издана анонимно)[5].

[1] Статья Г. Рора о Гоголе в «Revue des Deux Mondes» не была напечатана.

[2] Гоголь в письмах Г. Рора к М. П. Погодину // *Свод.* Т. 2. С. 556.

[3] Выполнил ли Погодин просьбу Г. Рора – неизвестно.

[4] Гоголь в письмах Г. Рора к М. П. Погодину // *Свод.* Т. 2. С. 557.

[5] См. ***1852. Марта 19 <7>. Пятница. Париж.***

1846 ДЕКАБРЯ МЕЖДУ 25 И 31 <1847 ЯНВАРЯ МЕЖДУ 6 И 12>. ВАСИЛЬЕВКА

Младшая сестра Гоголя Ольга пишет в Неаполь ответное[1] письмо брату (датировка письма уточнена):

«Несравненный братец, как я должна благодарить Бога, что даровал вам лучшего здоровья. Да благословит Он вас на счастливый путь. Я буду крепко молиться до самого вашего возвращения, дабы Бог невредимо привел вас к нам. <...> Я ни о чем более не думаю, как о Боге, и ничто меня не занимает, только одна моя комната, в которой я могу молиться уединенно, и никто мне не мешает; с тех пор, как приехала с Киева, я совсем переменилась, меня почти никто не узнает, я беспрестанно молюсь, а когда служение бывает в церкви, я никогда не пропущу, — вы можете подумать, что я это для того делаю, чтобы все люди видели, напротив, я стараюсь скрывать от людей, но от домашних нельзя скрыть, если на них смотреть, тогда б я не должна и к Богу прибегать, как мне грустно слышать, что мне беспрестанно твердят: к чему ты это делаешь, Бог этого не требует; но зачем мне следовать све<тски>м...[2] жителям, которого я не терплю, и искать удовольствия, когда я знаю, что это не вечность, но мне хотелось бы на том свете получить блаженство».

Позднее в связи с поездкой на богомолье в Киев Ольга Васильевна вспоминала: «В то время многие ездили на богомолье; <...> и я сделалась богомольная, строго наблюдала посты; кроме всех постов, по средам и пятницам; впрочем, тогда у нас все так постили. Я постоянно в церковь ходила: ни одну обедню, вечерню и утреню не пропускала и все читала Священное Писание. Знакомые доставляли мне громадные старинные книги, в кожаном переплете пол-аршина длины, и два вершка толщины, под названием Четьи Минеи. Бывало, читаем до дурноты, но все-таки четыре таких книги прочла.

У нас в саду был гротик, и я там повесила образ и лампаду, каждый вечер ходила туда, зажигала лампадку и молилась не своим чувством, а по молитвенникам. В гротике было сыро, и я ходила туда до тех пор, пока не сделалась у меня на ноге рожа и больше месяца пролежала с ногой. Бывало, каждое утро и вечер стояла на молитве по часу, по два. Часто ходила в Будищанский монастырь, там подружилась с одной монахиней, любила слушать ее рассказы, но она не уговаривала поступить в монастырь (большую часть, все монашки имеют привычку уговаривать всех поступать в монастырь), а моя монашка, не знаю, почему, — потому ли, что я ей всегда приносила гостинец, сахар, чай и прочее, или просто она жалела меня, — бывало, говорила мне: “Если бы вы знали, что скрывается под этой рясой — зависть, ругань, ненависть друг к другу, а в рясе и в мантии показываемся святошей. Нет, в свете скорей спастись, чем мы в монастыре”. Раз мать ездила с нами, то есть сестры, я и одна девица Лукьянович[3], — в Киев на богомолье. Мы везде там побывали. В Лавре мы ходили в пещеры; там я боялась отстать от своих. Там такая теснота, только по двое можно ходить. Как-то опередили меня две мещанки, я прошу их пропустить меня вперед, чтоб не отставать от своих, а они отвечают: “здесь не разбирают, кто в шляпе или без шляпы”. Потом спрашивают меня: вы грамотны? Когда сказала: да, тогда они пропустили меня вперед, с тем, чтобы я читала надписи каждого угодника. Кроме Лавры, ходили в церковь Андрея Первозванного, потом в Михайловскую, где мощи Варвары, наконец, в женский монастырь. Там монашки начали водить нас по всей церкви, показывать разные чудовние образа и какой-то крест и везде требуют пожертвовать: наконец, у матери не хватило мелочи, просит разменять 25 рублей, а они отвечают: “у нас не разменивают”; значит, давай все. Насилу вырвались оттуда, и так нас поводили и показали все святости; с тем и уехали. А что в городе, какие виды или гулянья, мы того не видали. Вот как было в мое время. А теперешние мамаши, как только дочери взрослые, так везут на бал или в клуб, или путешествуют.

Еще мать возила нас в Ахтырский монастырь[4]. Там большой образ Богородицы, во весь рост. Там был замечательный игумен, отец Сергий[5]: маленький, горбатый, кроткий, добрый. Монахи его очень любили. Там мы встретилися с знакомой дамой, которая нас познакомила с игуменом, и он пригласил нас к себе на чай. О чем говорили — ничего не слышала. Когда приехали домой, мать связала игумену дюжину чулок, но нога у него оказалась громадная, как у великана, а я вышивала на бумажной канве гарусом “О. Сергия”, а для монастыря вышила гарусом орарь в 6 аршин длины»[6].

Далее в письме к брату Ольга Васильевна сообщала:

«Я ничего более не читаю, как святые книги и Евангелие, это единственное удовольствие; сестры предлагают мне разные вести прочесть и рассказуют, как интересны, но я тем отговариваюсь,

что мне некогда, много работ перед праздниками, а когда придут праздники, тогда я запрусь в своей комнате и читаю святые книги, которые у нас есть в доме, а и когда гости помешают; но какая досада, что здесь нельзя достать божественных книг, мне так хочется обо всем подробно знать; я бы и вам никогда не открыла своей тайны, если б не узнала, что вы истинный христианин и можете мне много дать полезное наставление; но с каким нетерпением я жду экземпляров <книги>[7], которую вы нам посылаете, если б она не пропала на почте, я буду ее очень часто читать, если б скорей с Петербурга прислали, мне так хочется иметь в своих руках; как хорошо вы сделали, что велели 4 экземпляра прислать, а то б мне не досталось, потому что я меньшая. Мне ужасно как хочется достать Книгу Житие Святого Ефрема Сирина, и о<т>того я продаю свои лишние вещи, которые меня так занимали, и при оказии пошлю в Киев купить, она довольно большая и толстая. Киевской схимник советовал всякой день читать, и говорят, что чудесная книга, я сама немного прочла, когда была в одном доме — там она лежала на столе, и я в восторге от нее. Как я утром борюсь с сном и своей проклятой ленью, но однако я преодолеваю всегда, встаю, как только начнет светать, и стою на молитве до тех пор, пока все не устают[8], у меня есть молитвенник на всякой день, но только по праздникам нечего читать, а в буднишний день работаю, я беру на свечу зарабатывать, я б и праздниками работала б, но мне хочется Богу посвятить эти дни, а между тем отдохну, потому что у меня часто пальцы нарывают; вообразите, какое мое положение: я ездила лечиться от глухоты и не застала доктора, он ездил куда-то наследство получать, и теперь я опять должна ждать до весны, и так несносно быть глухой, мне-то ничего, я всегда слышу, что говорят, но то досадно, что в церкви не все слышу. Такое на меня отчаяние находило, когда вспомню, что должна в суете жить, я было начала думать, где б мне жить, чтобы спасти свою душу, а в монастыре страшно, там, говорят, сильнее всего вселяется нечистый дух, а между тем надобно заботиться о пище и о одеянии, <а> о спасении души бедным монахиням некогда думать, а чрез это в них вселяются разные сплетни и одна перед другой старается получше одеться. Но теперь я покойна, знаю, что вы будете одобрять мое намерение, теперь я чувствую еще более к вам привязанность и любовь, когда истинно познала Бога, как Он милостив, что посылал ко мне такие чувства, что я могу ранее спасти свою душу, но я боюсь Бога благодарить за это, чтоб не быть таким, как в Евангелии сказано за фарисея, но молю, чтобы <Он>[9] принял мою молитву, как мытаря когда-то проклят<ого> принял. Как мне приятно, что я могу с вами откровенно говорить, какое блаженство было б, если б я лично с вами говорила, сколько б вы мне наставлений давали; как я севодни молилась за вас, один Бог был свидетелем, и ко всем святым прибегала и умоляя их, чтоб они следовали за вами и молились; а особенно Николая угодника, я недавно читала его житие, и чудо, каким он чудом спасал всех погибающих, да сохранит он и вас от всякой [погибели] опасности. На новой год[10] я дам на часточку, чтоб молились за вас, говорят, что в это время Бог всегда принимает молитвы, и говорят, что ничто так не важно, как часточка, я всегда даю, как только узнаю из вашего письма, что вы были очень больны; я говела с маминькой в Филип<п>овку[11], как приятно мне тогда было, и теперь с нетерпением жду Великого поста[12], если бы Бог удостоил меня два раза отговеться, никогда мне не бывает так приятно, как во время говенья, тогда я припоми<на>ю все свои грехи и умоляю в богопрощении. Дай Бог, чтоб вы благополучно возвратились в наш край, вы бы нам рассказали, как там. Когда Бог поможет вам там побывать, то привезите все святости[13], хоть по капельке, и молитесь за меня, чтоб Бог принял меня в числе Своих любимиц, но достойна ли я от Него требовать, и заслужила ли я такую милость, о, научите меня, любезный братец, как я должна Ему служить, хотя я имею слабого характера, но для Него я могу пожертвовать собой. Из окна увидела, что подъехала *<1 нрзб.>* бедная девушка, иду к ней; отправила гост<ь>ю, сажусь опять писать, чтоб наполнить мое письмо. Какая бедная девица в 5 верстах от нас живет, ее фамилия Бондаревская, она довольно часто у нас бывает, и ко мне больше всех привязана, потому что я допрашиваю у нее рассказать мне все свое горе, и советую ей все равнодушно переносить и на Бога надеяться; она ужасно как все к сердцу принимала, до того, что больна бывала, но теперь она все равнодушно переносит и меня всякой раз благодарит за мое наставление, и говорит, что она теперь гораздо здоровее стала; ее обстоятельства ужаснее тем, что она одна в своем доме, и крестьян ни души нет; ей досталось от родителей[14] маленькой кусочек земли да домик, и она, бедная, сама своими руками обрабатывает свою землю, и говорит, когда приеду домой, такая тоска найдет, что просто не знает, что делать, да еще она недавно схоронила свою

больную сестру; когда б хоть она была грамотна, то б могла чтением заняться; маминька часто ей помогает, если в чем она нуждается, я ей советую наняться домоводкой, чтоб только не быть одной, но она не соглашается; у нее есть братья[15], они служат. Может, вам и не интересно знать об наших соседей, но я для того пишу, чтоб подлиннее вам показалось мое письмо, а между тем мне приятно, что я прежде этого делала, что вы писали радушно принимать гостей, но только делиться я не могу с бедными, потому что я не в своей власти, но теперь я настроюсь делиться с бед<ными>, когда мне мам<инька> и тетинька[16] подарют на именины[17] денег; но только не мужикам, они сейчас пропьют, какое бы большое благодеяние Государь сделал бы для спасения человеческой души, если б велел истребить все винокурни и шенки, хотя мы чрез это лишимся больше половину доходов, нечестно получать такие деньги, за которые гибнет человеческая душа, и какое тиранство бывает в пьяном виде, так что никакая сила их не остановит, и сколько несчастное семейство от них терпят, не только простой народ, но и благородные, с нами еще хуже бывает, одного уже взяли в тюрьму, нашего соседа молодого Зарудного, он у нас никогда не бывал, но я его часто видела на ярмонке, как он пил вино стакан за стаканом, и что имел все пропил; говорят, он имел большое состояние, и ничего не оставил своим детям, у него шесть дочерей и все почти взрослые и три сына, но что он делал с несчастным семейством, просто ужасно слышать, жену свою беспрестанно бил до того, что и нос перекрутил и царапал ее ужасно, также и дочерям тоже досталось, наконец его взяли в тюрьму, потом на Сибирь отошлют, также и старшую его дочь взяли под суд, и не знаю, чем это кончится; прочие дворяне видят перед глазами пример и не каются, говорят, что не могут преодолеть. Один пьяный мужик рассуждает, що хто ее выдумав, горилку, чи вона человика до ума доведе, уже мене барыня <*1 нрзб.*> и была мене, но не можно іи покинуты. Если б точно не было водки, тогда б, верно, не было столько грешников. Пишите к нам почаще, в каких местах вы находитесь, чтоб маминьку успокоить; она ужасно как грустит и плачет за вами; она беспокоится, что все морем будете ехать, этого-то я сама боюсь, но Бог милостив, Он верно не будет нас так жестоко наказывать»[18].

[1] См. ***1846. Ноября 19 <7>. Четверг. Неаполь.***

[2] Фрагмент письма утрачен.

[3] Надежда Гавриловна.

[4] См. также ***1792. Июля 2 (?). Пятница. Ахтырка.***

[5] Отец Сергий (Измайлов, 1795–1863), игумен Свято-Троицкого Ахтырского монастыря (с декабря 1842 г.), с 1853 г. – архимандрит.

[6] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 202–203.

[7] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[8] Суждение Гоголя по этому поводу см.: ***1848. Мая 9. Воскресенье. День памяти св. Николая Мирликийского. Вторая половина дня. Васильевка.***

[9] Фрагмент письма утрачен.

[10] С 31 декабря 1846 г. на 1 января 1847 г. (с 12 на 13 января (н. ст.) 1847 г.).

[11] Народное название Рождественского (Филиппова) поста, который начинается после дня памяти св. апостола Филиппа (14 ноября ст. ст.) и продолжается до Рождества Христова (25 декабря / 7 января).

[12] Великий Пост начинался в 1846 г. с 18 февраля / 2 марта.

[13] Просьбу сестры Гоголь выполнил. В записной книжке 1846–1850 гг. в заметке «В Иерусалиме» пометил: «*Купить крестики* из перламутра, четки и проч. и образки всех сортов, освятить их на Гробе Господнем». В 1848 г. Гоголь привез на родину из Святой Земли несколько реликвий (см. ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим***; ***1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Васильевка***).

[14] См. также ***1823. Июль. Васильевка, Ярески, Кибинцы*** (примечания).

[15] Вероятно, имеются в виду Николай Иванович Бондаревский, капитан, начальник жандармской команды в Таганроге, и Никодим Иванович Бондаревский, лекарь, уездный врач в Каневе.

[16] Е. И. Ходаревская.

[17] В день св. равноапостольной великой княгини Ольги, 11 июля (ст. ст.).

[18] Ответ Гоголя см.: ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь.***

1847 ЯНВАРЯ 12 <1846 ДЕКАБРЯ 31>. ВТОРНИК. НЕАПОЛЬ

1847/46

Гоголь в письме к Ф. А. фон Моллеру в Рим поздравляет его с новым годом[1] (письмо не сохранилось); в письмо вкладывает послание к А. А. Иванову:

«Поздравляю вас, Александр Андреевич, с новым годом и желаю от всей души, чтобы он исполнен был для вас весь благодати небесной. За мои два письма[2], несколько жесткие, не сердитесь. Что ж делать, если я должен именно такие, а не другие письма писать к вам? Посылаю вам молитву, молитву, которою ныне молюсь я всякий день. Она придется и к вашему положению... <...> Читайте ее поутру всякий день. А если заметите за собой, что находитесь в тревожном и особенно неспокойном состоянии духа, тогда читайте ее всякий час... <...>

Молитва

Влеки меня к Себе, Боже мой, силою святой любви Твоей. Ни на миг бытия моего не оставляй меня; соприсутствуй мне в труде моем, для него же произвел меня в мир, да, свершая его, пребуду весь в Тебе, Отче мой, Тебя единого представляя день и ночь перед мысленные очи мои. Сделай, да пребуду нем в мире, да обесчувствеет душа моя ко всему, кроме единого Тебя, да обезответствует сердце мое к житейским скорбям и бурям, их же воздвигает сатана на возмущенье духа моего, да не возложу моей надежды ни на кого из живущих на земле, но на Тебя единого, Владыко и Господин мой! Верю бо, яко Ты один в силах поднять меня; верю, яко и сие самое дело рук моих, над ним же работаю ныне, не от моего произволения, но от святой воли Твоей. Ты поселил во мне и первую мысль о нем; Ты и возрастил ее, возрастивши и меня самого для нее; Ты же дал силы привести к концу Тобой внушенное дело; строя все во спасенье мое: насылая скорби на умягченье сердца моего, воздвигая гоненья на частые прибеганья к Тебе и на полученье сильнейшей любви к Тебе, ею же да воспламенеет и возгорится отныне вся душа моя, славя ежеминутно святое имя Твое, прославляемое всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

[1] См. ***1847. Января 15 <3>. Пятница. Рим***; ***1847. Января 20 <8>. Среда. Рим.***

[2] См. ***1846. Декабря 12 <ноября 30>. Суббота. Неаполь***; ***1846. Декабря 19 <7>. Суббота. Неаполь.***

1846 ДЕКАБРЯ 31 <1847 ЯНВАРЯ 12>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1846/47

Выход в свет книги «Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя» (Санктпетербург: В Типографии Департамента Внешней Торговли. 1847)[1].

Несмотря на обширные цензурные изъятия, сделанные в книге Гоголя приятелем В. Г. Белинского цензором А. В. Никитенко[2], «Выбранные места...», даже в обрезанном виде, сохранили свое ярко выраженное религиозно-патриотическое содержание[3]. Именно это вскоре явилось главной причиной нападок на писателя со стороны западнической партии, прежде всего Белинского[4].

В день выхода книги, 31 декабря 1846 г., в газете «Северная Пчела» было напечатано извещение:

«В книжном магазине П. И. Крашенинникова и К°, в Петербурге, на Невском проспекте, против Казанского Собора, в доме Имзена, поступили в продажу: *На сих днях отпечатанная книга:* ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ. Сочинение *Николая Гоголя.* <...> Цена 2 р<убля> сер<ебром>...»[5]

Далее в извещении было помещено «Содержание» — названия всех глав вышедшей книги.

На следующий день, 1/13 января 1847 г., П. А. Плетнев в письме к Гоголю в Неаполь сообщал: «Вчера совершено великое дело: книга твоих писем пущена в свет»[6].

В тот же день, 31 декабря 1846 г., Плетнев писал графу С. С. Уварову:

«Для поправления здоровья находящийся ныне в Неаполе писатель наш Николай Гоголь доставил ко мне для издания в свет новое сочинение свое[7] под названием: “Выбранные места из переписки с друзьями”. В письме ко мне[8] по этому случаю он возложил на меня обязанность по окончании печатания, поднести экземпляр его книги Вашему Сиятельству и униженнейше просить ходатайства Вашего о поднесении ее Их Императорским Величествам и Государю Великому Князю Михаилу Павловичу.

Не считая себя в праве не исполнить что-либо из возложенного на меня отсутствующим лицом поручения, я имею честь представить все четыре экземпляра книги Гоголя на благоуважение Вашего Сиятельства, почтительнейше прося приказать уведомить меня, могу ли я в ответ сообщить Гоголю, что Ваше Сиятельство удостоиваете милостивого внимания книгу его»[9].

Тогда же, 31 декабря 1846 г., А. О. Ишимова закончила и отправила Гоголю в Неаполь письмо, начатое 4 декабря 1846 г.:

«Отправляю к вам, Николай Васильевич, письмо, написанное под первым влиянием первых листов вашей прекрасной книги[10]. Теперь я прочитала ее всю и не могу выразить вам, как это благотворное влияние еще усилилось от всего того, что я еще узнала из нее! Каждое письмо в ней можно назвать уроком для жизни. *Светлое воскресенье* есть прекрасное заключение этой необыкновенной книги. Я читала несколько глав из нее Павскому, и он поражен был ее высокими истинами. — Мы с Петр<ом> Ал<ександровичем>[11] ожидаем, что она сделает решительный переворот не в одной литературе нашей, но вообще в образе мыслей наших соотечественников, еще столь шатком и непостоянном. По крайней мере это будет со всеми избранными из них. Как порадуется тогда сердце ваше, так искренно любящее их!

Брошюрку мою — “*Иоанн-Амвросий Розенштраух*”[12] — я отдала Петру Ал<ександровичу> для отсылки к вам при случае. Я уверена, что вы обратите внимание на этого человека. Дивлюсь своей смелости, что я пишу к вам так много. Я спросила однако ж у П<етра> Ал<ександровича>, можно ли обременить вас чтением какого-нибудь письма, и он сказал мне, что можно. Простите пожалуйста, если я неумеренно воспользовалась этим дозволением и заставила вас потерять много драгоценных минут на это чтение... По крайней мере, не думайте отвечать мне до тех пор, пока не будет у вас совершенно лишнего времени, и пока вы не почувствуете охоты сказать мне несколько слов на то многословное излияние, от которого я не могла удержать души моей.

Воспитанница моя Оленька[13], которую вы знали еще очень маленькою, просит меня поклониться вам и попросить вас привезти ей от Святого Гроба хотя несколько песчинок. Она с большим вниманием слушала, когда мы читали у П<етра> А<лександровича> книгу вашу, и говорит, что она не знает, как бы она стала теперь говорить с вами, что ей кажется трудно сыскать слова, достойные вас. Прощайте, помолитесь за нас!»

[1] Связь книги с образованием самого Гоголя в Гимназии высших наук в Нежине (***1821. Мая 1. Воскресенье. Нежин*** — примечания) см.: ***1847. Июля 12–15 <июня 30 — июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн*** (примечания).

[2] Подробнее см.: ***1846. Августа 1 <июля 20>. Суббота. Эмс*** (примечания).

[3] См. ***1847. Июля 12–15 <июня 30 — июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн*** (примечания).

[4] См. ***1847. Февраля 6 <18>. Четверг. Санкт-Петербург; 1847. Февраля 7 <19>. Пятница. Санкт-Петербург; 1847. Июля 12–15 <июня 30 — июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн.***

[5] Библиографические и разные известия // Северная Пчела. 1846. 31 дек. № 293 (цензурное разрешение 30 дек.). С. 1172.

[6] См. ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург.***

[7] Настоящая формулировка появилась вследствие совета В. Ф. Адлерберга (см. ***1846. Декабря 25 <1847. Января 6>. Среда. Праздник Рождества Христова. Санкт-Петербург***).

[8] См. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***. – См. также ***1846. Декабря 25 <1847. Января 6>. Среда. Праздник Рождества Христова. Санкт-Петербург***.).

[9] *Свод.* Т. 1. С. 689.

[10] См. ***1846. Декабря 4 <16>. Среда. Санкт-Петербург.***

[11] Плетнев.

[12] См. ***1846. Декабря 4 <16>. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

[13] Дочь Плетнева.

ЯНВАРЯ 1 <13>. СРЕДА. ПРАЗДНИК ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДНЯ И ПРАЗДНОВАНИЕ СЕМИСОТЛЕТИЯ МОСКВЫ[1]. НЕАПОЛЬ

В этот день Гоголь, предположительно, пишет молитву:

«Боже, благослови! Да появится в настоящем году созрелый и полный плод!»

В молитве подразумевался второй том «Мертвых душ». В начале 1848 г. Гоголь отправился к Святым Местам[2], куда предполагал поехать лишь по завершении этого тома[3].

[1] См. ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Москва.***

[2] См. ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь.***

[3] См. ***1845. Марта 20 <апреля 1>. Вторник. Москва*** (примечания).

ЯНВАРЯ 1 <13>. СРЕДА. ПРАЗДНИК ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДНЯ И ПРАЗДНОВАНИЕ СЕМИСОТЛЕТИЯ МОСКВЫ. МОСКВА

Торжества в честь семисотлетия Москвы, с иллюминацией Красной Площади и стен Кремля.

Корреспондент газеты «Северная Пчела» в 1847 г. сообщал: «С Высочайшего соизволения первый день Нового Года будет у нас ознаменован празднованием, которое совершит Святая Церковь, призывая благословение Всевышнего на первопрестольный град Русского Царства, вступающего в осьмой век своего бытия. <...> Ни один год, на памяти нашей, не был ожидаем в Москве с таким удовольствием... <...> Хотя История не называет достоверно дня основания Москвы, между тем летопись свидетельствует, что первый в ней съезд Русских Князей был в 1147 году, по случаю пиршества, которое Князь Юрий Владимирович давал своему союзнику Святославу Ольговичу, на праздник Похвалы Пресвятыя Богородицы[1]. <...> К 28-му числу будущего Марта[2], к коему летопись относит первое пиршество в Москве союзных Князей, Н. В. Сушков располагает издать свою поэму <“Москва”>»[3].

В преддверии семисотлетия Москвы, 23 апреля 1846 г., К. С. Аксаков писал: «В 1847 году, 28-го марта, минет семьсот лет столице Русской земли <...> Москва <...> истинная столица Святой Руси. <...> В С.-Петербургских Ведомостях высказано было мнение, что Москва уже не действительная столица Руси, а древность и предмет воспоминания <...> Прежде нежели станем отвечать <...> взглянем на самые события <...> В 1703-м году была основана новая столица, город Санктпетербург <...> Но вот, через столетие <...> собралась гроза, гроза неожиданная <...> С Запада шел Наполеон <...> В эту минуту явилась Москва, опять, со всем своим значением

столицы <...> и приняла на себя тяжелый удар новейшего врага. <...> По всей Русской земле раздалось вновь ее имя <...> И на это имя снова поднялся русский народ <...> Такое явление обнаружило внутри — сокровенное и кажется навсегда утвердило значение Москвы, вечной столицы земли Русской...»[4]

В том же, 1846 г., Гоголь, приглашая из-за границы в Москву на жительство В. А. Жуковского, писал: «В Москву ты приедешь, как в родную свою семью. Она предстанет тебе желанной пристанью...» («Выбранные места из переписки друзьями»; книга вышла в свет 31 декабря 1846 г. — накануне празднования 700-летия первопрестольной столицы[5]).

[1] Встреча произошла накануне праздника, в пятницу 4/11 апреля 1147 г. (см.: *Хавский П.* Семисотлетие Москвы. 1147–1847, или Указатель источников ее топографии и истории за семь веков. 4–5 апреля 1847 года, в честь симисотлетнего юбилея, совершившегося со дня исторической известности Москвы. М., 1847 (цензурное разрешение 18 ноября 1846 г.). С. 1–2).

[2] «Сие угощение достопамятно: оно происходило в Москве. <...> По крайней мере знаем, что Москва существовала в 1147 году, Марта 28...» (<*Карамзин Н. М.*> История государства Российского. 2-е изд., испр. СПб., 1818. Т. 2. С. 216–217).

[3] Московский городской вестник // Северная Пчела. 1847. 3 янв. № 2. С. 6.

[4] *А<ксаков К. С.>* Семисотлетие Москвы // Московские Ведомости. 1846. 23 апр. № 49. С. 344–346.

[5] См. ***1846. Декабря 31 <1847. Января 12>. Вторник. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 1 <13>. СРЕДА. ПРАЗДНИК ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДНЯ И ПРАЗДНОВАНИЕ СЕМИСОТЛЕТИЯ МОСКВЫ[1]. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет № 1 журнала «Современник» с рецензией В. Г. Белинского на второе издание первого тома «Мертвых душ». Критик заявлял:

«Важные <...> недостатки романа *Мертвые Души* находим мы почти везде, где из поэта, из художника силится автор стать каким-то пророком[2] и впадает в несколько надутый и напыщенный лиризм... <...> ...К несчастию, эти мистико-лирические выходки в *Мертвых Душах* были не простыми, случайными ошибками со стороны их автора, но зерном, может быть, совершенной утраты его таланта для русской литературы... Все более и более забывая свое значение художника, принимает он тон глашатая каких-то великих истин, которые в сущности отзываются не чем иным, как парадоксами человека, сбившегося с своего настоящего пути ложными теориями и системами, всегда гибельными для искусства и таланта. Так, например, в прошлом году вдруг появилась статья Гоголя о переводе *Одиссеи* Жуковским, <...> исполненная пародоксов, высказанных с превыспренними претензиями на пророческий тон... <...> Второе издание *Мертвых Душ* явилось с предисловием, которое... которое... которое испугало нас еще больше знаменитой в летописях русской литературы статьи об Одиссее... Это предисловие внушает живые опасения за авторскую славу в будущем (в прошедшем она непоколебимо прочна) творца *Ревизора* и *Мертвых Душ*; оно грозит русской литературе новою великою потерею прежде времени... Предисловие это странно само по себе, но его тон... <...> В этом тоне столько неумеренного смирения и самоотрицания, что они невольно заставляют читателя предполагать тут чувства совершенно противоположные... <...> ...Мы не можем теперь вообразить себе всех русских людей иначе, как сидящих перед раскрытою книгою *Мертвых Душ* на коленях, с пером в руке и листом почтовой бумаги на столе....»[3]

В тот же день, 1 января 1847 г., П. А. Плетнев отправил Гоголю ответное[4] письмо в Неаполь:

«Вчера[5] совершено великое дело: книга твоих писем[6] пущена в свет. Но это дело совершит влияние свое только над избранными; прочие не найдут себе пищи в книге твоей. А она, по моему убеждению, есть начало собственно русской литературы. Все до сих пор бывшее мне представ-

ляется как ученический опыт на темы, выбранные из хрестоматии. Ты первый со дна почерпнул мысли и бесстрашно вынес их на свет. <...> Теперь только ты нажил себе настоящих противников и врагов. Но тем лучше. Без них дело все тянется и свертывается. <...> В том маленьком обществе, в котором уже шесть лет живу я, ты стал теперь гением помыслов и деяний. Только, повторяю, не везде будет оказан этот прием твоей книге. Страшно подумать — а это выйдет, что у многих недостанет сил кончить ее. Но она должна возвестить истину о нас и за пределами России. Оттуда научать нас ценить собственное сокровище наше, как это совершается и над всем в мире искусств. Вот почему я не намерен тотчас же приступить ко второму изданию. Нужно это сделать тогда, когда раскупят две тысячи экз<емпляров>. На первый раз все вместе петербургские книгопродавцы сложились и взяли у меня только 400 экз<емпляров>, потому что я объявил обыкновенную 20-процентную уступку не иначе, как при отпуске по крайней мере 200 экз<емпляров> вдруг. Со 100 же экз<емпляров> до 199 уступается только 15 проц<ентов>; с 50 до 99 уступка 10 пр<оцентов>; с 1 до 49 экз<емпляров> нисколько не уступается. Но кто возьмет вдруг 600 экз<емпляров>, тому я уступлю и 25 проц<ентов>. Более нет никаких сделок. Все идет на чистые деньги по 2 р<убля> с<еребром> за экземпляр, оттого что в книге вышло, по милости красных чернил Никитенка[7], только 287 страниц. Все твои поправки пришли вовремя, и — что дозволил цензор — внесено в текст. Не пропущенного им уже нельзя было отстоять никакою силою. Итак, чего не найдешь ты в книге, то, значит, не было позволено внести в нее. Я перед тобою совершенно чист и прав»[8].

Чрезвычайные похвалы, которые расточал Плетнев в начале своего письма крайне обрезанной цензурой гоголевской книге, по-видимому, объясняются отчасти тем, что на самом деле «совершенно чистым и правым» перед Гоголем в деле издания «Выбранных мест из переписки с друзьями» он себя не чувствовал. Получив экземпляры книги, Гоголь 30 января (н. ст.) 1847 г. писал А. О. Смирновой: «Из книги моей напечатана только одна треть <...>, какой-то странный оглодок, а не книга. Плетнев объявляет весьма хладнокровно, что просто не пропущено цензурой. Самые важные письма <...> не вошли в нее... <...> Бессонницы, <...> известие о смерти Языкова, <...> наконец известие о беде, постигшей мою книгу, и о нелепом ее появлении в свет, — всё это изнурило меня»[9]. 6 февраля (н. ст.) 1847 г. он писал также самому Плетневу: «Я получил твое письмо с известием о выходе моей книги. Зачем ты называешь великим делом появление моей книги? Это и неумеренно, и несправедливо. Появление моей книги было бы делом не *великим*, но точно полезным, если бы все уладилось и устроилось, как следует. Теперь же <...> не пропущено больше половины и притом [самой существенной]... <...> В таком случае уж лучше было бы придержать книгу. <...> Ты не знаешь того, какой именно стороной были полезны мои письма тем, к которым они писались; <...> а потому тебе и невозможно <...> почувствовать, что чувствую я [а потому я извиняю тебе твое равнодушие к этому делу]. <...> С меня сдирают <...> самую кожу, <...> а тебе кажется, что с меня <...> снимают одну шинель...» В тот же день Гоголь сообщал графине Анне М. Виельгорской: «Плетнев <...> сделал неосмотрительную вещь, выпустив в свет один кусок моей книги»[10]. 10 февраля (н. ст.) 1847 г. в письме к В. А. Жуковскому Гоголь повторял: «Плетнев имел неосмотрительность [не дождавшись] выпустить оставшийся клочок»[11]. Об этом же Гоголь писал 11 февраля (н. ст.) 1847 г. Ар. О. Россету: «Плетнев сделал большую неосмотрительность этим выпуском одного клочка наместо всей книги. Нужно было ждать терпеливо разрешенья высшего на пропуск всех тех писем, которые должны были служить подкреплением мыслей, сказанных в этом клочке»; тогда же, С. П. Шевыреву: «Плетнев сделал неосмотрительность непростительную, поторопившись ее выпуском и не дождавшись моих распоряжений относительно самых значительных статей, в нее не вошедших». 10 марта (н. ст.) 1847 г. в письме к Шевыреву Гоголь добавлял: «...Я очень сердился на бедного Плетнева за то, что он, не дождавшись, что я скажу в ответ на непропущение целой половины книги, поторопился выпустить остаток ее. Но теперь я помирился и с этим. Слышу *ощутительней*, что свыше всё распоряжается лучше, чем мы думаем».

11 февраля (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал также Плетневу: «Не благодарю тебя покаместь еще ни за что, — ни за дружбу, ни за аккуратность, ни за хлопоты по делам моим. Что ж делать! Есть дела, которые должны быть впереди наших личных дел, а таким я почитаю пропуск именно тех самых статей, которые не показались тебе важными и насчет которых ты согласился, что их *лучше* не печатать»[12].

Далее в письме к Гоголю Плетнев сообщал:

«Из типографии, равно как и из бумажной лавки, и от переплетчика, я не получил еще счетов. Все приобретенные продажею 400 экз<емпляров> деньги пойдут на уплату издания. Лишь только очищу долг, излишек немедленно пошлю к тебе. То же буду делать и при дальнейшем получении денег от продажи книги. У тебя, впрочем, хоть не много, но должно быть денег от посылки мною в

прошедшем ноябре 21 числа с<тарого> с<тиля> 408 р<ублей> 30 к<опеек> серебром с 1-го мая по 1-е октября[13].

По новому твоему свидетельству из Неаполя[14] я еще не брал твоей пенсии — да и не стоит брать за два месяца: окт<ябрь> и нояб<рь>. Лучше возьми тогда, когда уже недалек будет срок отъезда твоего. Я по новому свидетельству и получу тебе все, что придется на далекое твое путешествие. Даже ты можешь, показав это мое письмо Хвостову[15], устроить так, чтобы миссия, снабдив тебя необходимым количеством наличных денег, получала от меня уплату из твоих доходов по продаже книги и по пенсии. Все экземпляры, по твоему расписанию[16], уже розданы и разосланы. Только не доставлено велик<ой> кн<ягине> Елене Павловне[17] и вел<икой> кн<яжне> Екатерине Михайловне[18], так как они в путешествии. Для тебя отдано 5 экз<емпляров>, для Толстого — 2 и для Жуковского — 1, все через Вяземского графине Нессельрод. Пожалуйста, не вини меня, если окажется какая неисправность. Уж я не мог найти вернее дороги: Вяземский приятель Нессельродов. О поднесении всем особам царск<ой> фамилии я писал прямо к Адлербергу, исправлявшему должность Волконского. Но в этот самый день последний вступил в свое звание и первый отказал мне, хотя очень вежливо. Тогда я для поднесения Имп<ерато>ру, Имп<ератри>це и В<еликому> Князю Михаилу Павловичу отослал экз<емпляры> к Уварову, а для семейства Наследника и В<еликой> К<нягини> Марии Николаевны послал прямо к ним сам при собственном к каждому письме. В<еликой> К<нягине> Ольге Николаевне отправил сам же в Стутгардт. Я не мог не пожертвовать несколькими экз<емплярами> твоей книги, несмотря на твое замечание, что прочие купят и сами. Наприм<ер>, к А. О. Смирновой отправил 2 экз<емпляра>, Уварову и Вяземскому по 1 экз<емпляру>, Балабиной и ее дочери[19] 2 экз<емпляра>. Для фактора, все поверившего в долг, и для лиц, почти принадлежащих к моему семейству, для моей дочери и для меня пошло всего 7 экз<емпляров>. Остальное все будет продаваться. Передо мною теперь лежат все твои письма с той поры, как задумал ты об этом издании, т. е. с мая из Рима[20] — и до 30 нояб<ря> / 12 дек<абря> из Неаполя[21]. Этих писем всех 14. Из них ни одного не оставлено без ответа, говоря о первых одиннадцати. Что касается до последних трех, я не имел еще времени отвечать на них: зато теперь на все отвечу вдруг. Мне казалось, уже лучше сделать все дело, а потом толковать. Да у меня же в эти три последние месяца прошлого 1846 года вдруг столкнулось множество срочных и экстренных дел: 1. Я смотрел за печатанием полного собрания сочинений Крылова в 3 томах и написал к нему биографию автора на 6 печатных листах (издание на днях выйдет)[22]; 2. Я готовил Крылова же биографию совсем особую, для детей, в пользу которых особо изданы будут только его басни в одном томе[23]; 3. Я оканчивал 10, 11 и 12 № "Современника" перед сдачею его Никитенко[24]; 4. Я составлял годичный отчет об ученой и административной деятельности всех членов нашего университета; наконец, 5. Я составлял годичный же отчет о деятельности всех 20 академиков II Отделения Академии наук. Кроме того, я не переставал читать университетские лекции и ежедневно работать по канцелярии университета, где проходит через мои руки более 6 т<ысяч> бумаг в год. Вот посреди скольких и сколь разнокалиберных занятий я должен был печатать твою книгу и держать исправно с тобою корреспонденцию. Надеюсь, что ты отдашь справедливость моей деятельности. Итак, теперь ответы. Письмо от 22 нояб<ря> / 4 дек<абря>[25] получено мною 17/29 дек<абря>[26]. Оно шло очень долго. Другие из Неаполя приходят в двадцать дней, а это в двадцать пять. Любимов за книгами еще не был у меня. Впрочем, пока уже послано тебе 5 экз<емпляров> через графиню Нессельрод. Писем касательно "Мертвых душ" пока еще нет. Да я и не полагаю, чтобы неподвижная публика наша расшевелилась от теплого твоего призыва. О "Современнике" ты рассуждаешь[27], как должно рассуждать человеку, на все смотрящему издали. Тебе представляется он и мелким, и бесплодным. А он между тем принес много добра. Это мне известно по письмам Шевырева и из провинций. <...> Из твоих же суждений о "Современ<нике>" я вижу, что ты о нем говоришь понаслышке, да и то из тех отзывов, которые, естественно, должны были враждовать со мною. Иначе как согласить высокое стремление твое к делу души с осуждением другого лица, которое 9 лет о том же только и говорило? Но теперь уже дело кончено. <...> Подобным образом рассуждаешь ты и о всех писателях, поименованных тобою в письме. Издали они тебе кажутся интереснее, нежели они в действительности. Впрочем, у тебя многое угадано верно, так что когда ты будешь здесь, то из статьи твоей о "Современ<нике>" можно будет выбрать много хорошего; теперь же пусть она

останется в моем архиве. В другом письме своем, от 26 нояб<ря> / 8 дек<абря>[28], полученном мною 18/30 дек<абря>[29], ты говоришь, что с 1847 года нужнее участие мое в литературе, нежели было прежде. Это тебе показалось оттого, что в 1846 году я уже выступил из безмолвной методы действия на публику, а начал носом тыкать негодяев в их пакости[30]. Но это не мое естественное состояние. Это была вспышка долго удерживаемого гнева. Я хочу лучше презирать в молчании, нежели пачкаться для бесславной победы. Впрочем, с 1847 года литература и без меня повернется: твоя книга вызовет все новое в круг умственной деятельности. Последнее твое письмо от 30 нояб<ря> / 12 дек<абря>[31] получено 22 дек<абря> / 3 янв<аря>[32]. В нем ты жалуешься на медленность мою в отсылке тебе денег. Теперь уже ты получил их. Мы с Аркадием Россети определили высылать тебе “Северную Пчелу”, “Современник” и “Отечественные Записки”. Я за них уплачу из твоих денег, кои получу за новую книгу твою. Распорядись, в случае отъезда твоего, кому получать в Неаполе эти журналы».

[1] См. ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Москва.***

[2] См. также ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва*** (примечания).

[3] <*Белинский В. Г.*> *В. Б.* Похождения Чичикова, или Мертвые души». Поэма Н. Гоголя. Издание второе. Москва. 1846 // Современник. 1847. № 1 (цензурное разрешение 30 дек. 1846). Отд. 3. С. 56–58. – Журнал был получен Гоголем 23 апреля (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Апреля 24 <12>. Суббота. Неаполь***).

[4] См. ***1846. Декабря 4 <ноября 22>. Пятница. Неаполь***; ***1846. Декабря 8 <ноября 26>. Вторник. Неаполь***; ***1846. Декабря 12 <ноября 30>. Суббота. Неаполь.***

[5] См. ***1846. Декабря 31 <1847. Января 12>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[6] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[7] Т. е. по цензорскому произволу А. В. Никитенко. Подробнее см.: ***1846. Августа 1 <июля 20>. Суббота. Эмс*** (примечания).

[8] Ср. ***1838. Ноября 29 <декабря 11>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1846. Июля 31 <августа 12>. Среда. Спасская мыза.***

[9] См. ***1847. Января 30 <18>. Суббота. Неаполь.***

[10] См. ***1847. Февраля 6 <января 25>. Вселенская родительская суббота. Неаполь.***

[11] См. ***1847. Февраля 10 <января 29>. Среда. Неаполь.***

[12] Имеются в виду следующие строки из письма Плетнева к Гоголю от 21 ноября 1846 г., где тот писал о не пропущенных Никитенко статьях «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «В прежних тетрадях он много писем не пропустил совсем, именно тех, где говорится о предметах касательно правления и официальных лиц (наприм.: губернаторов и т. п.). Я имел смелость посылать непропущенные письма на прочтение Наследника Цесаревича. Его Высочество призывал меня к себе и лично объявил, что и по его мнению *лучше* не печатать этого. Теперь ты должен убедиться, что я ничего не упустил в твою пользу». – См. ***1846. Ноября 4 <16>. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1846.*** **Ноября 8 <20>. Пятница. Санкт-Петербург**; ***1846. Ноября 21 <декабря 3>. Четверг. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

[13] См. ***1846. Ноября 14 <26>. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1846. Ноября 21 <декабря 3>. Четверг. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

[14] См. ***1846. Декабря 12 <ноября 30>. Суббота. Неаполь.***

[15] Александр Васильевич Хвостов (1809–1861), секретарь русского посольства в Неаполе. (До осени 1846 г. Хвостов был русским посланником в Турине.)

[16] См. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

[17] Великая княгиня Елена Павловна (1809–1873), жена великого князя Михаила Павловича.

[18] Великая княжна Екатерина Михайловна (1827–1894), дочь великого князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны, впоследствии (с 1851 г.) герцогиня Мекленбург-Стрелицкая.

[19] Один экземпляр М. П. Вагнер (рожд. Балабина) вскоре отправила на прочтение святителю Игнатию (Брянчанинову), в ту пору архимандриту, настоятелю Троице-Сергиевой пустыни близ Петербурга (см. ***1847. Февраль-март <февраля средина – апреля первая половина>***; ***1847. Апреля 4 <16>. Пятница. Санкт-Петербург***).

[20] См. ***1846. Мая 5 <апреля 23>. Вторник. Рим.***

[21] См. ***1846. Декабря 12 <ноября 30>. Суббота. Неаполь.***

[22] Имеется в виду изд.: Полное собрание сочинений И. А. Крылова, с биографией его, написанной П. А. Плетневым. СПб., 1847. Т. 1–2.

[23] Басни И. А. Крылова. С биографиею, написанною П. А. Плетневым. СПб., 1847.

[24] См. ***1846. Октября 23 <ноября 4>. Среда. Санкт-Петербург.***

[25] См. ***1846. Декабря 4 <ноября 22>. Пятница. Неаполь.***

[26] См. ***1846. Декабря 17 <29>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[27] Речь идет о статье Гоголя «О Современнике», отправленной Гоголем Плетневу 4 декабря (н. ст.) 1846 г. (см. ***1846. Декабря 4 <ноября 22>. Пятница. Неаполь***). В начале статьи Гоголь замечал: «"Современник" вышел плохим журналом... <...> Тощее содержание его тоненьких книжек, неживой, безучастный, вялый и неопределенный слог его суждений обо всем современном задавал только загадку решать: зачем он назван "Современником"?» – См. также ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1846. Августа конец. Калуга***.

[28] См. ***1846. Декабря 8 <ноября 26>. Вторник. Неаполь.***

[29] См. ***1846. Декабря 18 <30>. Среда. Санкт-Петербург.***

[30] В 1846 г. Плетнев поместил в «Современнике» ряд полемических выпадов против Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча, А. А. Краевского, О. И. Сенковского, Н. В. Кукольника и Ф. К. Дершау.

[31] См. ***1846. Декабря 12 <ноября 30>. Суббота. Неаполь.***

[32] См. ***1846. Декабря 22 <1847. Января 3>. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 1 <13>. СРЕДА. ПРАЗДНИК ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДНЯ И ПРАЗДНОВАНИЕ СЕМИСОТЛЕТИЯ МОСКВЫ[1]. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь пишет А. А. Трощинскому:

«...На сих днях я получила убийственные письма от моего сына; первое, от 14-го декабря[2] пущенное, с приложением завещания своего, при отъезде в Палестину, куда он намеревался отправиться в половине настоящего января; а другое, 19-го того же месяца[3], где он отлагает еще свою поездку и обещается написать, когда выедет. Он что-то издает до отъезда своего, чтоб мог поклониться Гробу Господню, так как он желает; полагая выехать прежде, он издал какое-то сочинение, где есть и его исповедь, и воображает, что я уже имею в руках его книги – один экземпляр вам, другой мне и тем, кто молился о его выздоровлении; но я о сю пору не имею этих книг. Он пишет, что они пришлются из Петербурга и распоряжается так, как будто никогда не увидится с нами. Завещание его раздирает мое сердце, тем более, что он не пишет "на случай моей смерти", а просто, по его смерти что должно нам делать. Видно тяжкие труды, которые он всегда нес для пользы неимущих, изнурили бедное его здоровье. Он приготовил много, назначая печатать после смерти. Я слышала, что в бытность свою в Риме, Государь спросил моего сына, почему он не печатается своих сочинений, и он отвечал, что цензура не пропускает, а (он) не желает ничего переменить; и он ему сказал: "я буду твоим цензором"; но он сам никогда никому ничего такого не пишет в таком роде. Я полагаю, что он и попросил Государя напечатать по смерти своей; и еще на этих днях я слышала от того человека, который читал княжны Варвары Репниной письмо, писанное ей петербургским профессором[4], который получил от сына моего письмо, чтоб не считали сочинений прежних за его, а что только по возвращении из Иерусалима они будут издаваться...»[5]

[1] См. ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Москва.***

[2] См. ***1846. Ноября 14 <2>. Суббота. Рим.***

[3] См. ***1846. Ноября 19 <7>. Четверг. Неаполь.***

[4] П. А. Плетнев.

[5] *Свод.* Т. 1. С. 86.

ЯНВАРЯ 2 <14>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет № 1 «Отечественных Записок» со статьей В. Н. Майкова «Нечто о русской литературе в 1846 году», в которой критик сопоставлял с Гоголем Ф. М. Достоевского:

«Еще в ноябре и декабре 1845 года все литературные дилетанты ловили и перебрасывали отрадную новость о появлении нового огромного таланта. "Не хуже Гоголя", кричали одни; "лучше

Гоголя", подхватывали другие; "Гоголь убит", вопили третьи... <...> Если Гоголь был не понят и не оценен в первые годы своей деятельности по противоположности его произведений с романтическим направлением, господствовавшим в то время в нашей литературе, то нет ничего мудреного, что и популярность Достоевского нашла себе препятствие в противоположности его манеры с манерой Гоголя. <...> И Гоголь и г-н Достоевский изображают действительное общество. Но Гоголь – поэт по преимуществу социальный, а г-н Достоевский – по преимуществу психологический. Для одного индивидуум важен как представитель известного общества или известного круга; для другого самое общество интересно по влиянию его на личность индивидуума. Гоголь тогда только вдохновляется лицом, когда чувствует возможность проникнуть с ним в одну из обширных сфер общества. Чтоб поладить с Чичиковым, он изъездил с ним все углы и закоулки русской провинции. То же самое можно сказать и о всех других его произведениях, за исключением "Записок Сумасшедшего". Собрание сочинений Гоголя можно решительно назвать художественной статистикой России. У г. Достоевского также встречаются поразительно художественные изображения общества, но они составляют у него фон картины и обозначаются большею частию такими тонкими штрихами, что совершенно поглощаются огромностью психологического интереса».

<*Майков В. Н.*> Нечто о русской литературе в 1846 году // Отечественные записки. 1847. № 1 (цензурное разрешение 31 дек. 1846). Отд. 5. С. 2–3. – Журнал был получен Гоголем 23 апреля (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Апреля 24 <12>. Суббота. Неаполь***).

ЯНВАРЯ 2 <14>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]; в роли Кочкарева – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 323.
[2] *Гриц*. С. 396.

ЯНВАРЯ 15 <3>. ПЯТНИЦА. НЕАПОЛЬ

Предположительно в этот день Гоголь написал прошение Императору Николаю I рассмотреть не пропущенные цензурой статьи в книге «Выбранные места из переписки с друзьями» (письмо не датировано; 16 января (н. ст.) 1847 г. было передано графу В. В. Апраксину[1], отправлявшемуся в Петербург; письмо по назначению – Императору Николаю Павловичу – доставлено не было).

Кроме того, в этот день Гоголь написал письмо в Петербург к П. А. Плетневу (письмо датировано 15 января (н. ст.) 1847 г.; также было передано на следующий день Апраксину) и письмо в Париж к протоиерею Димитрию Вершинскому (с предложением отправиться вместе к Святым Местам).

Из письма к Императору: «Всемилостивейший Государь! Только после долгого обдумывания и помолившись Богу, осмеливаюсь писать к Вам. Вы милостивы: последний подданный Вашего государства, как бы он ничтожен сам по себе ни был, но если только он находится в том затруднительном состоянии, когда недоумевают рассудить его от Вас постановленные власти, имеет доступ и прибежище к Вам. Я нахожусь в таком точно состоянии: я составил книгу в желании ею принести пользу моим соотечественникам и сим хотя сколько-нибудь изъявить признательность Вам, Государь, за ваши благодеяния[2] и милостивое внимание ко мне. Цензура не решается пропустить из моей книги статей, касающихся должностных лиц, тех самых статей, при составлении которых я имел неотлучно перед своими глазами высшие желания души Вашего Императорского Величе-

ства. Цензура находит, что статьи эти не вполне соответствуют цели нашего правительства; мне же кажется, что вся книга моя написана в духе самого правительства. Рассудить меня в этом деле может один тот, кто, обнимая не одну какую-нибудь часть правления, но все вместе, имеет чрез то взгляд полнее и многостороннее обыкновенных людей и кто сверх того умеет больше и лучше любить Россию, чем как ее любят другие люди; стало быть, рассудить меня может один только Государь. <...> ...С любовью к Вам по гроб и за гробом остаюсь Вашего Императорского Величества признательный верноподданный Николай Гоголь».

Из письма к Плетневу: «Письмо это вручит тебе Апраксин (Викт<ор> Владим<ирович>), весьма дельный [и приятный] молодой человек, вовсе не похожий на юношей-щелкоперов. Он глядит на вещи с дельной стороны и, будучи владелец огромного имения, намерен заняться благосостоянием его сурьезно[3]. Его мать – прекраснейшая душой и добрейшая женщина, а брат ее, граф Ал<ександр> Петр<ович> Толстой, мой большой друг и человек очень нужный для России во многих самых *существенных* отношениях. Назад тому неделю я написал к тебе письмо[4] в ответ на твое (от 21 ноя<бря> / 3 дек<абря>[5], содержащее извещение о проволочке печатанья), которое, вероятно, ты уже получил. С почтой было как-то неловко обо всем этом трактовать, и потому я написал не всё, о чем следовало. Теперь, пользуясь счастливой оказией, я еще раз прочел твое письмо, еще раз взвесил всё, еще раз представил себе мысленно всё содержание книги и никак не вижу причины, почему *лучше* не печатать тех писем, которые, мне кажется, заставят оглянуться на себя построже некоторых должностных людей, особенно тех, которые имеют прекрасную душу и добрые намеренья и грешат по неведению. <...> Еще я не вижу причины также, почему *нельзя и думать о представлении книги на просмотрение Государя* (как ты выразился), присовокупляя, что я позабыл, сколько у него дел поважнее наших. Дела его всё же ни о чем другом, как о его подданных; я также его подданный; я также имею право подать просьбу ему самому, как и всякий другой, в тех случаях, где не берут на себя ответственности и полномочья постановленные над нами судьи. Ты позабыл также, что книгу эту я печатаю вовсе не для собственного удовольствия и также не для удовольствия других; печатаю я ее в уверенности, что этим исполняю свой долг и служу свою службу. Стало быть, какова бы книга ни была, но она стоит внимания Государя, тем более, что в ней есть вещи, прямо относящиеся к правительству и порядку дел. Всё это сообразивши, я решился написать письмо к Государю и отправил его к гр<афу> Вьельгорскому для вручения. А для тебя прилагаю при сем довольно чистую копию с тем, чтобы на случай, если бы одно бы затерялось, осталось другое. Обо всем этом переговори немедленно и хорошенько с гр<афом> Михаил<ом> Юрьевичем. Припоминая себе хорошен<ько> письма, я вижу, что отчасти виной робости цензуры не смысл и дух писем, но некоторые жесткие, неприличные и отчасти грубые неловкости в выражениях. Это нужно изгладить. Прочитайте вместе с кн<язем> Вяземским и вместе с ним смягчите, елико возможно, всё, что найдете неловким и неприличным услышать из моих уст. Вдвоем вы будете и отважней, и осмотрительней относительно поправок. Скажи ему, что он сделает мне этим большое благодеяние, которого я никогда не позабуду, и покажи ему в удостоверение эти самые мои строки. Два письма только я почитаю надобным выбросить[6]: “Близорукому приятелю”[7] и “Страхи и ужасы России”[8], именно потому, что они более других пусты по содержанию и вряд ли придутся кому-либо кстати. Прочее мне всё кажется нужным»[9].

Из письма к протоиерею Димитрию Вершинскому: «От Тарасия Федоров<ича> Серединского[10] я узнал, что вы также собираетесь в Иерусалим. Весьма буду рад, если придется нам вместе и совершить это путешествие. Уведомляю вас, что я думаю отсюда подняться в средине февраля месяца. Если вам будет возможно тоже около этого времени прибыть в Неаполь, то напишите словечка два».

[1] См. ***1847. Января 16 <4>. Суббота. Неаполь.***

[2] См.: ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[3] Подробнее см.: ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*** (примечания).

[4] См. ***1847. Января 5 <1846. Декабря 24>. Вторник. Рождественский сочельник. Неаполь.***

[5] См. ***1846. Ноября 21 <декабря 3>. Четверг. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

[6] См. также ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь*** (письмо к С. П. Шевыреву); ***1847. Февраля 28 <16>. Воскресенье. Неаполь*** (письмо к Ар. О. Россету).

[7] Письмо *XXVII. Близорукому приятелю* цензором А. В. Никитенко было пропущено.

[8] Письмо *XXVI. Страхи и ужасы России (Письмо к графине <Л. К. Виельгорск>ой)* Никитенко запретил. 22 марта 1847 г. Ар. О. Россет, в частности, сообщал сестре, А. О. Смирновой: «В <письме> к гр<афине> Вел<егурской>, "Страхи и ужасы России", самое заглавие как-то странно. <...> Теперь он <Гоголь> мне пишет: письма этого не печатать, вероятно, по просьбе гр<афини> Вел<егурской>, которая немного компрометирована сим письмом» (см. ***1847. Марта 22 <апреля 3>. Великая Суббота. Санкт-Петербург***). – Ср. также измененную дарственную надпись для экземпляра «Выбранных мест из переписки с друзьями», предназначавшегося Л. К. Виельгорской: ***1847. Января 16 <4>. Суббота. Неаполь*** (письмо к Анне М. Виельгорской).

[9] Ответ П. А. Плетнева см.: ***1847. Апреля 4 <16>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[10] См. ***1846. Ноября 18–19 <6–7> – 1847. Мая 11 <апреля 29>. Неаполь*** (примечания).

ЯНВАРЯ 15 <3>. ПЯТНИЦА. РИМ

Ф. А. фон Моллер получает из Неаполя письмо от Гоголя[1], с вложением послания к А. А. Иванову; вручает гоголевское письмо художнику.

В тот же день Ф. В. Чижов писал Гоголю из Рима в Неаполь:

«Моллер и Иванов говорили мне, что вы приедете в Рим[2]; сегодня они получили[3] ваши письма и отвечают, что не знают. Желание и очень сильное, желание увидеть вас, – зачем? определительно сказать не умею, – заставляет меня спросить вас самих – не думаете ли вы побывать в Риме до апреля? Уделите несколько минут и ответьте на этот вопрос. Все московские[4] и в Петербурге Плетнев[5] думали, что я вас увижу в Риме, поэтому все поручили мне вам кланяться. <...> Если вы мне напишете, потрудитесь адресовать в Café greco[6] (Via condotti)».

Через день, 17 января (н. ст.) 1847 г., Чижов пометил в дневнике: «Писано к Магденке и к Гоголю»[7]. Ответное послание Чижов получил 25 января (н. ст.) 1847 г.[8] На это несохранившееся письмо Гоголя Чижов отвечал на следующий день, 26 января (н. ст.) 1847 г.[9]

[1] См. ***1847. Января 12 <1846. Декабря 31>. Вторник. Неаполь.***

[2] См. ***1846. Ноября с четверга 12 до понедельника-вторника 16–17 <с октября 31 до ноября 4–5>. Рим.***

[3] См. также ***1847. Января 20 <8>. Среда. Рим.***

[4] См. ***1846. Октября 13–14 <25–26>. Воскресенье-понедельник. Москва.***

[5] См. ***1846. Октября между 17 и 23 <между октября 29 и ноября 4>. Санкт-Петербург.***

[6] Трактир в Риме.

[7] Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 59.

[8] См. ***1847. Января 25 <13>. Понедельник. Рим.***

[9] См. ***1847. Января 26 <14>. Вторник. Рим.***

ЯНВАРЯ 16 <4>. СУББОТА. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет письма в Петербург к графине Л. К. Виельгорской, к ее дочери, графине Анне М. Виельгорской, и к князю П. А. Вяземскому. Все эти письма, а также два послания к Государю (написанное накануне, 15 января (н. ст.) 1847 г.[1], и копию письма от 1–5 декабря (н. ст.) 1846 г.[2]), а также послание к П. А. Плетневу (с копией письма к Государю от 15 января (н. ст.) 1847 г.) передает графу В. В. Апраксину[3], отправляющемуся в Петербург.

Из письма к Л. К. Виельгорской: «Несмотря на то, что вы совсем позабыли меня и оставляете без ответа мои письма, я пишу к вам. И не только пишу, но <и> обременяю вас довольно затруд-

нительной просьбой. Вы должны ее исполнить, это будет ваш истинно-христианский подвиг относительно меня. Я сам не знаю, почему я обратился прямо к вам, Графиня, наместо того, чтобы обратиться, как оно было бы приличней, по этому делу к Михаилу Юрьевичу[4]. Просто сердце мое мне говорит, что Вы, несмотря на то, что имеете преимущественно перед другими из вашей семьи некоторые несовершенства[5], как-то: уменье гневаться, огорчаться, унывать, не обдумывать и не воздерживаться, имеете, однако ж, несравненно более всех силы и энергии душевной, и если предстанет такое дело, которое потребует великодушной отваги, то ни у кого, кроме Вас, не достанет характера совершить его. Вот в чем дело: Вы уж, без сомнения, знаете, что я печатаю книгу[6]. Печатаю ее я вовсе не для удовольствия публики и читателей, а также и не для полученья славы или денег. Печатаю я ее в твердом убеждении, что книга моя нужна и полезна России именно в нынешнее время, в твердой уверенности, что если я не скажу этих слов, которые заключены в моей книге, то никто их не скажет, потому что никому, как я вижу, не стало близким и кровным дело общего добра. Писались эти письма не без молитвы, писались они в духе любви к Государю и ко всему, что ни есть доброго в земле Русской. Цензура не пропускает именно тех самых писем, которые я более других почитаю нужными. В этих письмах есть кое-что такое, что должен прочесть и Сам Государь и все в Государстве. Дело мое я представляю на суд самому Государю, и я вам прилагаю здесь письмо к Нему, которым умоляю Его бросить Взгляд на [эти] письма, <...> писанные в движеньи чистой и нелицемерной любви к нему, и, решить самому, следует ли их печатать или нет. Сердце мое говорит мне, что он скорей меня одобрит, чем укорит. Да и не может быть иначе: высокой душе его знакомо все прекрасное, и я твердо уверен, что никто во всем государстве не знает его так, как следует. Письмо это подайте ему Вы, если другие не решатся[7]. Потолкуйте об этом втроем с Миха<и>л<ом> Юрьевичем и Анной Михайловной. Кому бы ни было присуждено из вашей фамилии подать мое письмо Государю, он не должен смущаться неприличием такого поступка. Всяк из вас имеет право сказать: “Государь, я очень знаю, что делаю неприличный поступок; но этот человек, который просит суда вашего и правосудия, нам близок: если мы о нем не позаботимся, о нем никто не позаботится; Вам же дорог всяк подданный ваш, а тем более любящий вас таким образом, как любит он”. С Плетневым, который печатает мою книгу, вы переговорите предварительно, чтобы он мог приготовить непропускаемые статьи таким образом, чтобы Государь мог их тот же час после письма [моего] прочесть, если бы того пожелал. К Миха<и>лу Юрьевичу я послал назад тому месяц мою просьбу Государю[8] об отсрочке моего пребыванья за границей еще на год вследствие непременного докторского присуждения остаться еще зиму на самом теплейшем юге, что совершенно справед<-ливо>, потому что я в силу начинаю согреваться в Неаполе и уже хотел было ехать в Палермо, не зная, куда деться от холода, тогда как всем другим было тепло. Если это письмо еще не подано, то употребите все силы подать его также Государю. Мне нужна необходимо выдача пашпорта такого, в котором бы, сверх прочего находящегося в обыкновенных пашпортах, склонялись бы Именем Государя Власти Востока оказывать мне особенное покровительство во всех тех землях, где я буду. Мне нужно много видеть то, на что не обращают внимания другие путешественники. Путешествие это делается вовсе не ради простого любопытства и даже не для одной собственной потребности моей душевной. Путешествие это затем, дабы быть в силах потом сослужить Государю истинно честную службу, какую я должен сослужить Ему вследствии данных мне от Бога способностей и сил. Прилагаю и это письмо, если на случай посланное или не дошло или затерялось».

Из письма к А. М. Виельгорской: «Спешу, пользуясь счастливой оказией и посредством моего доброго приятеля Викт<ора> Влад<имировича> Апраксина, которого вы уже, вероятно, знаете[9], написать также и вам несколько строчек, моя добрейшая Анна Михайловна. В письме к вашей маминьке изложено подробно дело, в котором нужно будет мне предстательство кого-нибудь из вашей семьи у Государя. Итак, вы видите, вместо раздачи тех благотворений, которыми я было хотел, в случае представления “Ревизора”, обложить вас, вы должны теперь оказать благотворение мне самому. Я уверен, что всё будет благоразумно, счастливо и хорошо, если вы только перед тем, чтобы действовать, помолитесь усердно Богу об успехе. Не оставьте, еще прошу вас, Плетнева, познакомьтесь с ним и поговорите хорошенько. Мне кажется, как будто он чем-то страждет и есть у него какое-нибудь душевное горе. В существе своем это добрейшая душа. Один порок за ним был

только — тот, что он, не сделавши такого дела, которое бы упрекало в чем-либо, имел некоторую гордость чистотой своей. Он был передо мной невинно виноват, потому что судил о мне по давнему времени, в которое я был ему известен, и ничего не понимал во мне в моем нынешнем времени, которое было от него скрыто и неизвестно. Вы, вероятно, теперь с ним в сношении по поводу книги моей, которую он печатает. Кстати о книге. Если она выйдет и Софья Михайловна поднесет вам всем [мои] экземпляры, которыми я прежде хотел было вас попотчевать в виде сюрприза с моими собственными надписаньями, то вы в экземпляре, следуемом графине Луиз<е> Карл<овне>, на место прежней надписи[10], наклеите следующую с некоторыми изменень<ями>, особенно если сделается великодушное дело:

"Моей прекрасной и великодушной графине Луизе Карловне, хотя, увы! всё еще не совсем моей".

Попросите Плетнева, чтоб он познакомил вас с своей дочерью[11], и напишите мне, какова она. Я ее оставил ребенком и знаю, что он весь живет ею».

Из письма к Вяземскому: «Может быть, вы уже прочли мою книгу (если она вышла в свет). Дайте мне о ней ваше чистосердечное мненье, не скройте от меня ничего. Во имя Христа прошу вас о том. Если ж не вышла моя книга в свет или же вышла, но с исключением многих писем (относящихся к должностным порядкам и не пропущенных цензурою), то я вас прошу пробежать и эти письма: ваши замечанья будут мне очень важны и дороги. Может быть, вы найдете, что можно смягчить некоторые фразы и выражения перед тем, как подать их Государю, потому что я, несмотря на неловкость и странность многого, хочу, чтоб письма эти были напечатаны. Может быть, они, несмотря на все недостатки, заставят хотя некоторых, лучших из нашего общества, оглянуться сурьёзней и строже на себя и вокруг себя — с меня будет этого довольно. Но вы, не останавливаясь этим, скажите мне все-таки ваше мненье даже и о том, хорошо и я делаю, печатая их, или нет. <...> Мне так мало делают замечаний доброжелатели мои, что я должен за ними обращаться к недоброжелателям и отыскивать крупицы этих замечаний среди кучи всякого рода бранных слов. Говорю вам это для того, чтобы вы никак не боялись огорчить меня каким-нибудь резким или даже оскорбительным словом: для меня их нет, а тем более из уст тех людей, которых я уважаю. <...> Есть еще другая просьба, которую я в надежде на доброту вашу смело вам повергаю. Мне слишком будет нужно весь этот год моего пребывания за границей (после которого надеюсь наконец увидеть вас лично вместе со всеми близкими моему сердцу людьми в России) читать всё, что ни будет печататься и делаться в нашей литературе. Как ни скучны наши журналы, но я должен буду прочесть в них всё, что ни относится до нашего современно-литературного движения, кем бы это ни произносилось, в каком бы духе и виде ни обнаружилось; мне это очень, очень нужно, — вот всё, что я могу сказать. Я прошу о содействии вашем относительно присылки [всего] этого ко мне. Мне кажется, что вам возможно будет устроить посредством графини Нессельрод или Поленова[12], или кого другого, чтобы курьеры, едущие в Неаполь, могли захватывать с собой для меня посылки. А посылки с книгами вы получите или от Плетнева, или от Арк<адия> Россети. <...> Еще раз прошу вас, не позабудьте сообщить ваше мнение о всей книге вообще. Сначала ваше первое впечатление, потом второе и наконец третие. Не поскучайте для этого прочесть не один раз (и в разные времена) мою книгу...»

В ответ[13] на просьбу Гоголя Вяземский в апреле 1847 г. опубликовал статью «Языков. — Гоголь» (Санктпетербургские Ведомости. 1847. 24 апр. № 90; 25 апр. № 91)[14].

[1] См. ***1847. Января 15 <3>. Пятница. Неаполь.***

[2] См. ***1846. Декабря 1–5 <ноября 19–23>. Среда-воскресенье. Неаполь.***

[3] В письме к Ар. О. Россету от 11 февраля (н. ст.) 1847 г. Гоголь, в частности, писал: «Вяземского поблагодарите также... <...> Спросите его, получил ли он письмо мое, посланное с Апраксиным...» (см. ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь***).

[4] Муж Виельгорской.

[5] См. ***1835. Декабря 10. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[6] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[7] Просьба Гоголя осталась не исполненной. Позднее, 27 марта (н. ст.) 1847 г., Гоголь писал графу Мих. Ю. Виельгорскому: «...Добрую графиню прошу не беспокоиться и не тревожить себя мыслью, что она в

чем-нибудь не исполнила моей просьбы. Скажу вам искренно, что мною одолевала некоторая боязнь за неразумие моего поступка, но в то же время какая-то как бы неестественная сила заставила его сделать и обременить графиню смутившим ее письмом. Скажите ей, что в этом деле никак не следует торопиться, что я слишком уверился в том, что для полного успеха нужно очень повременить и очень все обдумать» (см. ***1847. Марта 27 <15>. Лазарева суббота. Неаполь***).

[8] См. ***1846. Декабря 1–5 <ноября 19–23>. Среда-воскресенье. Неаполь.***

[9] Подробнее см.: ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*** (примечания).

[10] См. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[11] Дочь Плетнева, Ольга Петровна (в замужестве Лакьер, 1830–1852), рано лишилась матери (см. ***1839. Апреля 21 <мая 3>. Пятница. Санкт-Петербург***). Воспитательницей ее была писательница А. О. Ишимова. А. М. Вьельгорская исполнила просьбу Гоголя (см. ***1847. Апреля 4 <16>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1847. Мая 5 <17>. Понедельник. Санкт-Петербург*** – примечания; ***1847. Мая 8 <20>. Четверг. Санкт-Петербург***).

[12] Дмитрий Васильевич Поленов (1806–1878), археолог, дипломат, сын В. А. Поленова (см. ***1847. Января 21 <февраля 2>. Вторник. Санкт-Петербург*** – примечания), отец художника В. Д. Поленова (1844–1927). Последний был крестником Ф. В. Чижова. Позднее В. Д. Поленов и его сестра Е. Д. Поленова расписали храм при сельскохозяйственной школе в Кологриве, учрежденной, в числе еще нескольких учебных заведений Костромской губернии, по завещанию Чижова. В росписях храма были использованы мотивы библейских эскизов А. А. Иванова.

[13] См. ***1847.* Февраля 14 <26>. Пятница. Санкт-Петербург.**

[14] Фрагменты этой статьи Вяземского и отношение к ней Гоголя см.: ***1847. Января 6 <18>. Понедельник. Праздник Крещения Господня. Санкт-Петербург***; ***1847. Июня 11 <мая 30>. Пятница. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

ЯНВАРЯ 4 <16>. СУББОТА. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет П. А. Плетневу в Петербург:

«С нетерпением ожидаю книги Гоголя[1]. Содержание ее в Северной Пчеле[2] возбудило еще более мое любопытство. Мертвые Души я пускаю в продажу. С нашими книгопродавцами невозможны те условия, которые вы учредили с петербургскими. У нас и за двести никто не в силах отдать денег вдруг. Не поменяться ли нам? Не прислать ли и мне к вам “Мертвых Душ”? Не знаю, куда деваться с книгами Гоголя. Дом у меня тесен. Хорошо, что они не залеживаются»[3].

В тот же день Шевырев вновь писал Плетневу:

«Сегодня утром к вам писал, любезнейший Петр Александрович, и вот пишу в другой раз. Ко мне явился книгопродавец, желающий купить за наличные деньги до 1200 экз<empляров> новой книги Гоголя, с уступкою 25 проц<ентов>. По вашему письму я запродал ему все. Потому прошу вас, как можно скорее, выслать мне экземпляры. Издержки пересылки вне счета, т. е. на счет автора. Итак, сделайте милость, поторопитесь. Я тотчас бы отправил деньги к Гоголю»[4].

[1] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[2] См. ***1846. Декабря 31 <1847. Января 12>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[3] Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 97.

[4] Там же. Т. 2. С. 98.

ЯНВАРЯ 4 <16>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев сообщает С. П. Шевыреву в Москву:

«Сегодня, по тяжелой почте, отправляю вам, милый Степан Петрович, десять экзем<пляров> новой книги Гоголя. Это собственно для вас и ваших близких. Для продажи отдумал я брать на

себя хлопоты пересылки и вас еще обременять хлопотами. Это дело книгопродавцев. Они знают и средства и время пересылки. Буде вам понадобятся экземпляры, напишите мне немедленно: я вновь отправлю, сколько вам будет нужно. Гоголь рассчитывал приступить немедленно ко второму изданию Писем в Москве. Но мы не будем спешить этим. Надобно переждать, когда разойдется большая часть экз<empляров> первого издания[1].

Что то вы мне скажете об этой книге? А я, и все, составляющие мой кружок, в восхищении от чудного мира, в который перешел Гоголь сам и переносит читателя. И этого человека хотели прославить сумасшедшим! Действительно, он ничем не похож на тех, которые осмелились клеветать на святость его учения. Не себя же им назвать безумными! Вот почему они и свалили вину на него.

Не говоря уже о чудном впечатлении, которое остается в сердце от чтения таких, наприм<ер>, писем, как об Иванове, или Светлое Воскресение, полюбуйтесь в предпоследней статье его мастерством очерчивать писательские характеры. Это совершенство критики.

Ужасную новость сообщил мне сию минуту кн<язь> Вяземский: не стало и поэта Языкова[2]! Боже, всё лучшее падает, давая простор невежеству и бездарности. Как это известие поразит и Гоголя и Жуковского! Они, после Пушкина, на нем только и отдыхали мыслию. В 1847 году надобно будет праздновать 50-летний юбилей литературной жизни Жуковского[3] – а Языкова-то и не стало! ужасно!

Две недели пробыл у меня Грот. Как много мы говорили с ним о положении *правой* стороны литераторов в наше время. Раз, быв с визитом у жены Соллогуба и сойдясь тут с ним, не пожалели мы его и пропели ему такую песню, от которой долго тошнить его будет».

Свод. Т. 1. С. 689–690.

[1] См. ***1847. Января 11 <23>. Суббота. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1846. Декабря 26 <1847. Января 7>. Четверг. Москва.*** – См. также ***1846. Декабря 30 <1847. Января 11>. Понедельник. Москва.***
[3] Ср. ***1849. Января 29. Суббота. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 6 <18>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК КРЕЩЕНИЯ ГОСПОДНЯ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Князь П. А. Вяземский пишет П. Я. Чаадаеву в Москву[1]:

«У нас возбудила общее внимание книга Гоголя[2]. То-то у вас будут толки о ней. Она очень замечательна по новому направлению, которое принято умом его. Замечательна и особенно хороша она и потому, что он ею разрывает с своим прошедшим, а еще более с прошедшим и ответственностью, которую наложили на него и неловкие подражатели, и безусловные поклонники. Мне очень хочется написать о ней. Но не знаю, удастся ли»[3].

В апреле 1847 г. Вяземский опубликовал статью «Языков. – Гоголь», где, в частности, писал: «Уж за несколько лет началось в нем духовное преображение. Об этом знали только некоторые приятели, поверенные его сердечных исповедей. Для них и появление книги Гоголя совершение ожиданного события»[4].

[1] См. ***1847. Апреля 29 <мая 11>. Вторник. Москва.***
[2] «Выбранные места из переписки с друзьями».
[3] Гоголь в письмах князя П. А. Вяземского // *Свод.* Т. 1. С. 848.
[4] *Вяземский П. А., князь.* Языков. – Гоголь // *Свод.* Т. 1. С. 842.

ЯНВАРЯ 7 <19>. ВТОРНИК. МОСКВА

В № 3 газеты «Московские Ведомости» напечатаны два сообщения о поступлении в продажу второго издания «Мертвых душ» и рисунков к «Мертвым душам» художника А. А. Агина, гравированных Е. Е. Бернардским[1]:

«В книжных лавках Свешникова и Базунова, в доме Университетской Типографии и на Никольской улице, поступили в продажу: Похождения Чичикова, или МЕРТВЫЕ ДУШИ, поэма Н Гоголя, издание второе. М. 1846 г.; цена 3 р<убля> 50 к<опеек> сер<ебром>. СТО РИСУНКОВ из сочин<ения> Н. В. Гоголя МЕРТВЫЕ ДУШИ. Гравированные Е. Бернардским. Спб. 1846 г.; цена за все сто Рисунков 11 р. 50 к. серебр., с пересылкою; при подписке 8-ми выпусков, или 32 рисунка, выдаются»[2];

«В книжной лавке Александра Иванова Манухина и Алексея Васильева Булаковского поступили в продажу на сих днях отпечатанные: Похождения Чичикова, или Мертвые Души, Поэма Н. Гоголя, второе изд. М. 1847 г.; ц<ена> 3 р<убля>, а с перес<ылкой> 3 руб<ля> 50 коп<еек> серебр<ом>...»[3]

[1] См. также ***1847. Января 9 <21>. Четверг. Москва.***
[2] Московские Ведомости. 1847. 7 янв. № 3. С. 24.
[3] Прибавления к № 3 Московских Ведомостей. (Янв. 7-го <1847>). С. 32.

ЯНВАРЯ 20 <8>. СРЕДА. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет в Москву послание к Н. М. Языкову (о смерти поэта[1] он еще не знает), ответное[2] письмо к С. Т. Аксакову и письмо к С. П. Шевыреву. Пишет также ответное[3] письмо к сестре Ольге в Васильевку (письмо было отправлено позднее, 25 января (н. ст.) 1847 г.[4]).

Из письма к Языкову: «Ты меня совсем позабыл. Вновь приступаю к тебе с просьбою: всё сказать мне по прочтении книги моей, что ни будет у тебя на душе, не смягчая ничего и не услащивая ничего, а я тебе за это буду в большой потом пригоде. А если у тебя окажется побуждение к благотворению, которое ты, по доброте своей, оказывал мне доселе (я разумею здесь пересылку всякого рода книг), то вот тебе и другая просьба: пришли мне в Неаполь следующие книги: во-первых, летописи Нестора, изданные Археографическою комиссиею[5], которых я просил и прежде[6], но не получил, и, в pendant к ним, “Царские выходы”[7]; во-вторых, “Народные праздники” Снегирева[8] и, в pendant к ним, “Русские в своих пословицах”[9] его же. Эти книги мне теперь весьма нужны, дабы окунуться покрепче в коренной русский дух».

Из письма к Аксакову: «Я получил ваше письмо, добрый друг мой Сергей Тимофеевич. Благодарю вас за него. Всё, что нужно взять из него к соображению, взято. Сим бы следовало и ограничиться, но, так как в письме вашем заметно большое беспокойство обо мне, то я считаю нужным сказать вам несколько слов. Вновь повторяю вам еще раз, что вы в заблуждении, подозревая во мне какое-то новое направление. От ранней юности моей у меня была одна дорога[10], по которой иду. Я был только скрытен, потому что был неглуп — вот и всё. Причиной нынешних ваших выводов и заключений обо мне (сделанных как вами; так и другими) было то, что я, понадеявшись на свои силы и на (будто бы) совершившуюся зрелость свою, отважился заговорить о том, о чем бы следовало до времени еще немножко помолчать, покуда слова мои не придут в такую ясность, что и ребенку стали бы понятны. Вот вам вся история моего мистицизма. Мне следовало несколько времени еще поработать в тишине, еще жечь то, что следует жечь, никому не говорить ни слова о внутреннем себе и не откликаться ни на что, особенно не давать никакого ответа моим друзьям насчет сочинений моих. Отчасти неблагоразумные подталкиванья со стороны их, отчасти невозможность видеть самому, на какой степени собственного своего воспитанья нахожусь, были причиной появления статей, так возмутивших дух ваш. С другой стороны, совершилось всё это не без воли Божией. Появление книги моей, содержащей переписку со многими весьма замечательными людьми в России (с которыми я бы, может быть, никогда не встретился, если бы жил сам в России и оставался в Москве), нужно будет многим (несмотря на все непонятные места) во многих истинно существен-

ных отношениях. А еще более будет нужно для меня самого. На книгу мою нападут со всех углов, со всех сторон и во всех возможных отношениях. Эти нападения мне теперь слишком нужны: они покажут мне ближе *меня самого* и покажут мне в то же время *вас*, то есть *моих читателей*. Не увидевши яснее, что такое в настоящую минуту я сам и что такое мои читатели, я был бы в решительной невозможности сделать дельно свое дело. <...> А чувств ваших от меня не скрывайте никаких! По прочтении книги тот же час, покуда еще ничто не простыло, изливайте всё наголо, как есть, на бумагу. Никак не смущайтесь тем, если у вас будут вырываться жесткие слова: это совершенно ничего, я даже их очень люблю. <...> Руку для того употребляйте первую, какая вам подвернется; кто почетче и побойчее пишет, тому и диктуйте. Секретов у меня в этом отношении нет никаких. Один только секрет и был[11], о котором я просил вас никогда даже и мне не напоминать и о котором вы неблагоразумно упомянули в вашем письме. Сами сказали, что о нем и семейство ваше не знает, и дали написать эти слова не вашей руке[12]. Это нехорошо. Если вы почувствовали надобность упомянуть об этом деле для того, чтобы сделать сравнение с распоряжением по части продажи “Ревизора” (которого издание и представлен<ие> мною отложено), то лучше было обойтись просто, без этого сравнения, тем более, что оно совсем неверно и невпопад. Есть дела, которые действительно нужно производить так, чтобы и другая рука наша не видела того[13], и есть дела, которые нужно производить открыто, в виду всех, которые суть просто наш непременный долг, а не подвиг благотворения. Если почти все наши писатели издавали книги для бедных, если даже Булгарин, Греч и многие другие, укоряемые в корыстолюбии, производили в пользу бедных пожертвованья, публичные чтения и тому подобные, — почему же я не могу также и что же я за исключение? и отчего копейка от другого есть долг, а от меня подвиг благотворения? Друг мой, вы не взвесили как следует вещи, и слова ваши вздумали подкреплять словами Самого Христа[14]. Это может безошибочно сделать один только тот, кто уже весь живет в Христе, внес Его во все дела свои, помышленья и начинанья, Им осмыслил всю жизнь свою и весь исполнился духа Христова. А иначе — во всяком слове Христа вы будете иметь свой смысл, а не тот, в котором оно сказано».

Позднее, в 1854 г., С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя» замечал: «Из этого ответа видно, что, если мое письмо и поколебало Гоголя, то он не хотел в этом сознаться; а что он поколебался, это доказывается отменением некоторых его распоряжений[15], на которые я нападал всего более. (Теперь еще не время говорить об этом, потому что надобно говорить слишком пространно и слишком откровенно[16].) Между тем мне прочли кое-как два раза его книгу (я был еще болен и ужасно страдал). Я пришел в восторженное состояние от негодования и продиктовал к Гоголю другое, небольшое, но жесткое письмо[17]. В это время [Д. Н. Свербеев] NN, в письме ко мне[18], сделал несколько очень справедливых замечаний. Я послал и его письмо вместе с своим к Гоголю. <...> [В письмах ко мне Гоголь не вполне сознавался в своей ошибке, но мне случилось прочесть его письмо к совершенно незнакомому для него человеку[19], который, по преданности своей к Гоголю, написал к нему[20] свое мнение об его книге, вероятно, выраженное весьма кротко и почтительно. В ответе Гоголя[21], между прочим, есть следующее место: “Одно помышление о том, с каким неприличием и самоуверенностью сказано в ней многое, заставляет меня гореть от стыда. Стыд этот мне нужен”. И еще в другом месте: “Но книга моя была не от дурного умысла, на ней только лежит печать неразуменья человеческого или, лучше, моего, а потому я верю в Божью милость, что не допустит Он, чтобы из книги моей почерпнули вред”. Эти строки были тогда же выписаны мною: в них заключается полное признание.]»[22]

О том, что С. Т. Аксаков ошибочно истолковывал слова Гоголя, свидетельствует позднейшее письмо к нему писателя, от 28 августа (н. ст.) 1847 г., на которое Аксаков отвечать не пожелал[23].

В письме к Шевыреву Гоголь писал: «От Плетнева я получил известие[24], что печатанье книги моей задержалось по причине многих возней с цензурами всякого рода и что многих писем к должностным лицам не решаются пропустить. Я послал ему кое-какие распоряжения по этому делу: письма и просьбы, кому следует, о их пропуске. Зная высокую душу Государя, я уверен, что дело будет сделано так, как следует. Если же книга, на случай, уже вышла с исключением тех писем, которые я почитаю нужными, и разрешение им последовало уже по отпечатан<ии> самой книги, то я поручил Плетневу переслать немедленно все таковые письма к тебе для включения их во второе издание, которым должен позаняться ты, даже и в таком случае, если бы первое не разошлось: на это нечего глядеть; пока второе выйдет, первое разойдется. Если книга выйдет очень толста, можно поставить потонее бумагу или употребить шрифт более вместительный, а строки почаще. Впро-

чем, ты будешь знать и сам, как распорядиться заблаговременно, чтобы форма книги была опрятна, прилична и даже щеголевата. Если ты поудержал выпуском в продажу вт<орое> изд<ание> “Мер<твых> душ”, то сделал хорошо, потому что предисловие[25] может быть понятно читателям только по прочтении моей “Переписки”[26]. А без этого всё это будет дико, и никто не увидит сильной нужды моей в исполнении моей просьбы. Прилагаю тебе оглавление или перечень статей книги, дабы ты видел порядок и место всякой и куды именно следует вставить те, которые не попали в перв<ое> издание[27]. <...>

Два письма, 1-е “К близорук<ому> приятелю” и 2-е “Страхи и ужасы России”, я вычеркнул сам, потому что мне они показались лишними: их содержание незначительно и вряд ли они придут кому кстати. Если же они помещены уже в первом издании, то пусть остаются и во втором. <...> Еще раз прошу тебя крепко не позабыть мне передать твои собств<енные> впечатления по прочтении книги, никак не скрывая ничего. Я думаю, ты еще более почувствуешь по прочтении книги, что мне следует выставлять напоказ все заблужденья и грехи мои, никак не осматриваясь и не взвешивая слов своих и даже ни в каком случае не оговариваясь, как бы ни показались жесткими замечания. <...>

Два письмеца при сем прилагаются, Языкову и Аксакову.

Пожалуста, не позабудь исправить всякие ошибки, как [грамматические] мои собствен<ные>, так и типографские. У Плетнева, вероятно, их набралось много. Он проглядывает это: я заметил на моей статье об “Одиссее” в “Соврем<еннике>”».

Из письма к сестре: «Как мне приятно писать к тебе, добрая сестра моя Ольга, приятно потому, что ты уже возлюбила Бога больше всего на свете... <...> Прочитавши письмо мое[28], так смутившее прочих, ты только крепче и лучше помолилась обо мне Богу... <...> Люби же так и впредь Его <...> чтобы образ Его стоял в мыслях твоих неотлучно впереди всех, впереди матери, впереди брата, впереди сестер и впереди всего на свете. Христос сказал: “Оставь и отца, и мать, и всё на свете и следуй за мною”[29]. <...> Как же поступал Христос? <...> Он проходил города и села, всюду искал людей, везде приносил утешительное слово свое, везде целил болящие души и помогал им спасаться, указывая всем путь и дорогу к спасению. Так и нам следует поступать, не сидеть в удалении от людей, <но> повсюду отыскивать страждущих и помогать им[30], полюбить всех людей так, как полюбил Он сам, положивший за них жизнь Свою. И сим одним только мы можем угодить ему и получить на небесах блаженство. Апостол Петр уверял Господа чаще всех других учеников, что он любит его. Божественный Учитель на это молчал и потом, когда Петр уже совсем убедил себя, что он любит Господа, сделал, в свою очередь, такой запрос: “Симоне Ионин, любишь ли мене?” – “Люблю, Господи”, – отвечал на это Петр. “Паси овцы моя!” – сказал Спаситель[31]. <...> Все люди стали одна семья, и загорелась небесная любовь на земле. Так должны и мы поступать, как поступали они: полюбя людей *любовью во Христе*, помогать им повсюду. Истинно христианская помощь не в одном денежном подаянии, – это еще небольшая помощь[32]. Избавить от нужды, холода, болезни и смерти человека, конечно, есть доброе дело, но избавить от болезни и смерти его душу есть в несколько раз большее. Обратить преступного и, грешника ко Господу – вот настоящая милостыня, за которую несомненно можно надеяться получения небесного блаженства. Ибо ты сама уже, вероятно, узнала из Евангелия, что на небесах больше радуются обратившемуся грешнику, чем самому праведнику[33]. <...> Много в вашем соседстве пребывает людей во пьянстве, буйстве, разврате всякого рода и пороках. Губят невозвратно свою душу – и нет человека, который подвигнулся бы жалостью к ним, и нет человека, который бы так пожалел о душах их, как бы о собственной душе своей, и возгорелся бы хотя частицею той любви, которою горит к нам Божественный Спаситель наш. Не думай, чтобы душа человека могла уже так грубо зачерстветь, что никакие слова не в силах поколебать его. <...> Нужно расспросить обо всех обстоятельствах того, кому хочешь помочь, даже из его прежней жизни, нужно расспросить о нем также всех других его знающих и потом, когда уже всё узнаешь, крепко помолиться Богу, чтобы вразумил, как поступить умно и разумно, и поступишь разумно, потому что Бог подаст разум просящему. Если будешь лечить кого-нибудь, лечи в то же время и душу его, и лечение твое будет сугубо-целительно. Говори больному своему, что если он хочет, чтобы лекарство твое ему, точно, помогло, то прежде всего должен освободить свою душу от всего

тяжкого, что на ней лежит, строго пересмотреть самого себя, не наделал ли он каких грехов, за которые послал ему Бог болезнь, и покаяться в них и дать искреннее обещание не делать ничего впредь подобного. <...> Читай всякий день Новый Завет, и пусть это будет единственное твое чтение. Там всё найдешь, как быть с людьми и как уметь помогать им. Особенно для этого хороши послания апостола Павла. Он всех наставляет и выводит на прямую дорогу, начиная от самых священников и пастырей Церкви до простых людей, всякого научает, как ему быть на своем месте и выполнить все свои обязанности в мире как в отношении к высшим, так и низшим. Читай не помногу: по одной главе в день весьма достаточно, если даже не меньше. Но, прочитавши, предайся размышлению и хорошенько обдумай прочитанное, чтобы не принять тебе в буквальном смысле то<го>, что должно быть принято в духовном смысле. Обдумай, как применить к делу прочитанное в теперешнее время при нынешних обстоятельствах, которые во многом изменились противу тогдашних, какие были во время апостола Павла, хотя сила дела осталась та же. Иначе и с добрым намерением можно наделать много неразумных дел. Всякое слово из Святого Писания требует здравого и долгого размышления и предварительной молитвы к Богу о том, чтобы вразумил вникнуть в истинный смысл его, и потом требует также молитвы к Богу о том, чтобы помог уже понятое разумно применить к делу и привести к исполнению. <...> Даже и в простые слова простого человека следует хорошенько вслушиваться... <...> Ты уже видела на деле, как многие, прочитавши без всякого рассуждения слова письма моего, все их перетолковали по-своему и наделали тем вред самим себе, хотя мои слова совсем не были так мудрены, чтобы не понять их. Чтение Ефрема Сирянина будет для тебя полезно только во время поста и особенно во время говенья, когда ты будешь иметь дело с самой собой; во все же прочие дни, когда ты будешь иметь дело с людьми, держись Евангелия и посланий апостольских. Говеть я тебе советую четыре раза в год, в четыре главные поста[34], и в это время, оставивши всех, думать об одной себе, переселиться как бы в мысленный монастырь, перебирая всю себя во всех делах соделанных, начиная от последнего, пред тем бывшего своего говенья, спрашивая у себя отчет во всем, поверяя себя пристально, от каких недостатков своих успела уже освободиться и какие еще остаются, чтобы тебе ко всякой новой исповеди приходить сколько-нибудь не такой же, какой ты приступала в прошлом году, но хотя сколько-нибудь лучшей против прежней, чтобы таким образом вечно тебе возрастать и совершенствоваться. Когда же говенье твое кончилось, и монастырь твой должен кончиться. Ты вновь должна возвратиться в мир к людям, и на столе твоем на место Ефрема Сирянина пусть вновь лежит Евангелие. Молись не много в день и не стой долго на молитве. Лучше произноси от всей души: *Господи помилуй* или *Господи помоги* при всяком деле и начинании, какое ни случилось бы делать <в> продолжение дня, – и дела твои помолятся за тебя сами собою и на место всяких слов. Не поступай так, как те, которые заставляют себя насильно простоять по часу и более на молитве всякое утро и вечер, а остальное время дня обходятся вовсе без Бога, позабывая призывать его во всяком поступке и житейском деле. Оттого и не получают они никакой пользы от своей набожности, шатаются, как слабый тростник от ветра, и всякое не только несчастие, но даже малейшая неприятность в силах смутить их и заставить потеряться... <...> Представляй себе также вперед всякие огорчения, неприятности, несчастия, могущие случиться на всяком шагу нам в жизни, и попробуй себя, как бы ты их перенесла, чтобы видеть, в какой степени ты христианка и чего еще недостает тебе. И если почувствуешь, что душа твоя еще слаба и нет твердости в духе, тогда читай страдания Иова. И душа твоя окрепнет, ты воспитаешься понемногу так, что никакое несчастие не в силах будет сокрушить тебя. <...> Всё это письмо мое ты перечти внимательно, перечти его не один раз, но несколько, в различные часы и в различные состояния душевные. Можешь даже дать прочесть его и сестрам, если они захотят того, хотя я сомневаюсь, чтобы оно было ими как следует понято. Мудрость свою они покуда черпают из разного рода повестей, а не из Евангелия, а потому все вещи стоят пред ними не в настоящем свете. <...>

Скоро ты получишь из Москвы несколько денег для раздачи бедным, которые я просил переслать к тебе. Хоть их немного, но если с разумом распределить их, они придутся в помощь».

[1] См. ***1846. Декабря 26 <1847. Января 7>. Четверг. Москва.***

[2] См. ***1846. Ноября конец – декабря 9 <декабря первая половина – декабря 21>. Москва.***

[3] См. ***1846. Декабря между 25 и 31 <1847. Января между 6 и 12>. Васильевка.***

[4] См. ***1847. Января 25 <13>. Понедельник. Неаполь.***

[5] Полное собрание русских летописей, издаваемое Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 3; 1843. Т. 2, 4; 1846. Т. 1.

[6] См. ***1843. Октября 5 <сентября 23>. Четверг. Дюссельдорф.***

[7] «Выходы Государей Царей и Великих Князей, Михаила Феодоровича, Алексия Михайловича, Феодора Алексиевича, всея Руси Самодержцев. (С 1632 по 1682 год)» (М., 1844). – См. также ***1844. Декабря 2 <ноября 20>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Декабря 14 <26>. Четверг. Москва***; ***1845. Января 14 – марта 1 <января 2 – февраля 17>. Париж*** (примечания).

[8] Имеется в виду сочинение И. М. Снегирева: Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Издан<ие> И. Снегирева. М., 1837. Вып. 1 (цензурное разрешение 20 февр.); М., 1838. Вып. 2 (цензурное разрешение 19 янв.); М., 1838. Вып. 3 (цензурное разрешение 9 авг.); М., 1839. Вып. 4 (цензурное разрешение 16 февр.). – См. также ***1839. Мая 5 <апреля 23>. Воскресенье. Рим***; ***1841. Октября 17 – 1842. Мая 23. Москва*** (примечания); ***1847. Декабря 2 <ноября 20>. Четверг. Неаполь*** (примечания); ***1849. Март. Москва*** (примечания).

[9] Книга И. М. Снегирева «Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках» (М., 1831–1834). – См. также ***1837. Июня 29 <июля 11>. Вторник. День памяти св. первоверховных апостолов Петра и Павла. Санкт-Петербург*** (примечания).

[10] Подробнее см.: ***1828. Марта 1. Четверг. Нежин***. – См. также ***1847. Марта 18 <6>. Четверг. Неаполь.***

[11] Подразумевается определение Гоголем денег, выручаемых от продажи его «Сочинений», на оказание помощи «бедным, но достойным студентам» Петербургского и Московского университетов (см. ***1844. Декабря 14 <2>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***).

[12] Терявший зрение С. Т. Аксаков обычно диктовал свои письма кому-либо из членов семьи. Письмо, на которое отвечает Гоголь, было написано рукой К. С. Аксакова.

[13] «...Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6, 3–4).

[14] Аксаков, имея в виду гоголевское «Предуведомление» к предполагаемому благотворительному изданию «Ревизора с Развязкой», писал Гоголю: «Друг мой, где же то христианское смирение, которое велит делать добро так, чтобы шуйца не ведала, что творит десница? Вы всенародно, во услышанье всей России, устраиваете свое благотворительное общество...»

[15] По поводу «Развязки Ревизора».

[16] Намерение «пространно» и «откровенно» изложить историю взаимоотношений с Гоголем после выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» С. Т. Аксаков так и не исполнил. Его «История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852» осталась незавершенной (доведена только до сентября 1843 г.). Чем дольше работал он над мемуарами о Гоголе, тем, по-видимому, далее самоуверенное сознание собственной правоты отступало.

[17] См. ***1847. Января 27 <февраля 8>. Понедельник. Москва.***

[18] См. ***1847. Января 16 <28>. Четверг. Москва.***

[19] Имеется в виду князь В. В. Львов.

[20] См. ***1847. Февраля 13 <25>. Четверг. Москва.***

[21] См. ***1847. Марта 20 <8>. Суббота. Неаполь.***

[22] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод*. Т. 2. С. 648, 649.

[23] См. ***1847. Августа 28 <16>. Суббота. Остенде***; ***1847. Октября 3 <15>. Пятница. Москва.***

[24] См. ***1846. Ноября 21 <декабря 3>. Четверг. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

[25] «К читателю от сочинителя».

[26] Подробнее см.: ***1846. Июля 26 <14>. Воскресенье. Швальбах*** (примечания).

[27] Далее приводится перечень статей книги, в котором вычеркнуты (без исправления последующей нумерации) два письма: *XXVI. Страхи и ужасы России*; *XXVII. Близорукому приятелю*. – См. также ***1847. Января 15 <3>. Пятница. Неаполь*** (письмо к П. А. Плетневу).

[28] См. ***1846. Ноября 14 <2>. Суббота. Рим.***

[29] «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф. 10, 37–38).

[30] Фрагмент: «Следовать за Христом значит во всем подражать ему ~ отыскивать страждущих и помогать им...» – восходит к одной из выписок Гоголя из Беседы св. Иоанна Златоуста «о том, какое попечение должен иметь каждый Христианин о своем ближнем, впадшем в грех» в сборнике «Выбранные места из творений св. отцов и учителей Церкви» (выписка *27. Разные изречения из Иоанна Златоуста*). – Ср. также коммент. к главе *IV. О том, что такое слово* «Выбранных мест из переписки с друзьями» в изд.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 6.

[31] Евангелие от Иоанна, гл. 21, ст. 15–17. – См. ***1852. Февраля с 18 до 20. С понедельника до среды. Москва*** (примечания).

[32] См. также *1844. Декабря 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне* (примечания).

[33] В статье *X. О лиризме наших поэтов* «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь вспоминает притчи Спасителя о потерянной овце, потерянной драхме и блудном сыне, переданные св. апостолом и евангелистом Лукой: «...На небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии. <...> Так, говорю вам, бывает радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся. <...> ...Станем есть и веселиться, ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (гл. 15, ст. 7, 10, 23–24). – Ср. в статье Гоголя: «...На небесах умеют поступать так. Там только радуются обращению грешника еще более, чем самому праведнику, и все сонмы невидимых сил участвуют в небесном пиршестве Бога».

[34] Великий, Петровский, Успенский и Рождественский.

ЯНВАРЯ 20 <8>. СРЕДА. РИМ

Ф. А. фон Моллер пишет ответное[1] письмо Гоголю в Неаполь:

«Поздравляю вас также с новым годом, почтеннейший Николай Васильевич... <...> Благодарю вас за милое ваше письмецо... <...> Я совершенно согласен с вами в том, что Провидение все устраивает к лучшему и что самые препятствия и остановки часто бывают причиной успеха в наших предприятиях. Я слишком часто испытал это на себе самом, чтобы унывать теперь от того, что столь долгое время не могу приступить к исполнению моей давно затеянной картины. Что за гадость вышла бы, если бы я начал ее в прошлую осень. Композиция ее с тех пор во сто крат выиграла, и даже в последнее время, после вашего отъезда в Неаполь многое в ней устроилось и обработалось гораздо удачнее, и что страннее всего, что после стольких перемен я наконец возвратился опять к самой первоначальной идее, разумеется несколько развитой и положенной. Дела мои по мастерской также, слава Богу, устроились довольно хорошо. На будущей неделе, наконец, надеюсь перебраться в новую мастерскую и с Божией помощью принимаюсь за картон.

Иванова встречаю по вечерам у Фальконе; письмецо ваше[2] вручил ему в тот же день[3]. Письмо ваше, адресованное в Cafe Greco[4], он также получил. На мой вопрос, будет ли он к вам писать, ответил мне, что он полагает, что было бы весьма неблагоразумно с его стороны отвечать на ваши последние три письма[5]. Когда я ему сказал, что вы с участием меня спрашиваете, то он ответил, что его этот ваш вопрос очень удивляет, ибо он полагает, что вы сами бы должны были знать, до какой степени ваши письма могли огорчить; впрочем он теперь гораздо спокойнее и я его часто вижу даже в весьма веселом расположении духа.

Чернышевы-Кругликовы[6] кланяются вам от души и поздравляют с новым годом; также и Тепловы[7] и Анна Гавриловна[8], которая желает вам всех благ земных и небесных. Граф было несколько времени стал чувствовать себя очень хорошо, как вдруг опять от неизвестных причин получил новую простуду с кашлем и проч., отчего теперь опять здоровье его несколько порасклеилось. Он, однако ж, не опасно болен и одышка с ним бывает теперь весьма редко и не так сильна, как прежде. Здоровье графини, которое также довольно долгое время было в наилучшем состоянии, теперь опять несколько расстроилось вследствие простуды; теперь уж третий день лихорадка.

Нас всех очень обрадовало, что вы отложили до будущего года ваше путешествие на восток; это подает нам надежду еще в нынешнем году увидеться с вами в Риме.

Насчет слухов о вас я теперь еще пока ничего узнать не мог, ибо кроме Чернышевых и Тепловых ни с кем из русских не видаюсь. Но будьте уверены, что коль скоро мне удастся узнать что-нибудь на ваш счет, я не премину немедленно же вам сообщить.

Братья мои свидетельствуют вам почтение свое; они прибыли сюда накануне нашего нового года».

[1] См. *1847. Января 12 <1846. Декабря 31>. Вторник. Неаполь.*

[2] См. там же.

[3] См. *1847. Января 15 <3>. Пятница. Рим.*

[4] См. *1846. Декабря 19 <7>. Суббота. Неаполь.*

[5] См. *1846. Декабря 12 <ноября 30>. Суббота. Неаполь*; *1846. Декабря 19 <7>. Суббота. Неаполь*; *1847. Января 12 <1846. Декабря 31>. Вторник. Неаполь.*

[6] Граф Иван Гаврилович Чернышёв-Кругликов (1787–1847), его жена Софья Григорьевна (рожд. графиня Чернышёва; 1799–1847).

[7] Бывший граф (до 1826 г.), декабрист Захар Григорьевич Чернышёв (1796–1862) (наследство и графское звание которого перешло в 1832 г. к его зятю — мужу старшей сестры И. Г. Кругликову) был женат (с 1834 г.) на Екатерине Алексеевне Тепловой (1814–1878), племяннице И. Г. Кругликова, дочери Екатерины Гавриловны Тепловой (рожд. Кругликовой; ум. в 1826). Родственником Е. Г. Тепловой был, вероятно, Алексей Агрономович Теплов, с которым Гоголь встречался в Риме (см. также ***1845/46 зима — 1846 мая начало <апреля средина>. Рим***).

[8] Сестра графа И. Г. Чернышёва-Кругликова Анна Гавриловна Пражская (рожд. Кругликова; 1788–1855).

ЯНВАРЯ 8 <20>. СРЕДА. МОСКВА

С. П. Шевырев отправляет в Неаполь[1] письмо и деньги Гоголю; пишет также письмо в Петербург П. А. Плетневу.

В письме к Гоголю Шевырев сообщал: «Посылаю тебе, любезный друг, первые вырученные деньги за 2-е издание М<ертвых> Душ. Типография подождет и конечно не долго. За бумагу также отдать успеем. Издание, судя по началу, не залежится. Плетнев писал ко мне, что ты нуждаешься. Потому и тороплюсь отправить. Я выпустил М<ертвые> Души, лишь только получил известие, что вышла твоя Переписка. Но последней все еще не получал. А у меня один книгопродавец уже закупил вперед 1200 экз<емпляров> твоей Переписки на наличные деньги, с уступкою 25 проц<ентов>. Деньги получу, как вышлются экземпляры, и немедленно перешлю к тебе. Плетнев в восторге от твоей книги[2]. Мне до смерти досадно, что ее еще у нас нет. Прилагаемая трета прима от Ценкера и Колли на Турнгейнсов в Париже в 2415 фр<анков> (соответств<уют> 2100 р<ублям> ас<сигнациями>) от 11 января 1847 за № 11944. 2-я осталась у меня. <...>

Присылать тебе весь Городской Листок? Ведь это ужасно дорого станет. Я тебе пришлю свою лекцию и еще статью, которая тебе сладка будет в нашем общем горе»[3].

Из письма Шевырева к Плетневу: «Вчера получил письмо ваше от 4-го[4], любезнейший Петр Александрович. Я уже начинал сетовать на вас: что вы не присылаете книгу Гоголя[5], когда ее получили некоторые книгопродавцы? До сих пор она до меня не дошла. Жду сегодня или завтра. Ваше письмо еще более раздражает мое нетерпение. Я уже писал к вам, что 1200 экз<емпляров> запроданы за наличные деньги. Поскорее присылайте их»[6].

[1] Ответ Гоголя см.: ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь.***

[2] См. ***1847. Января 4 <16>. Суббота. Санкт-Петербург.*** — См. также ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург*** (примечания).

[3] Имеется в виду кончина Н. М. Языкова (см. ***1846. Декабря 26 <1847. Января 7>. Четверг. Москва***).

[4] См. ***1847. Января 4 <16>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[5] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[6] Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 98.

ЯНВАРЯ 9 <21>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Начальник Его Императорского Величества Военно-Походной Канцелярии В. Ф. Адлерберг обращается к государственному канцлеру, министру иностранных дел графу К. В. Нессельроде:

«Известный литератор наш Николай Гоголь, уволенный от службы с чином 8-го класса, обратился к *Государю Императору* со всеподданнейшим письмом о выдаче ему паспорта, для путешествия к Святым местам.

Его Величество, по прочтении сего письма, *Высочайше* повелеть мне соизволил: сообщить Вашему Сиятельству, дабы Вы, Милостивый Государь, приказали снабдить Г. Гоголя беспошлинным паспортом, на полтора года, для свободного проезда к святым местам и вместе с тем сообщили бы Посольству нашему в Константинополе, а равно всем Консулам нашим в Турецких владениях, в Египте, Сирии и Малой Азии, что *Государю Императору* благоугодно дабы Г-ну Гоголю было оказываемо с их стороны всевозможное покровительство и попечение. Сверх того *Его Величество* желает, чтобы независимо от таковых сообщений Ваших означенным лицам Г-н Гоголь был бы снабжен еще и рекомендательными к ним же письмами от Вашего Сиятельства.

О *Высочайшей* воле сей, уведомляя Ваше Сиятельство, для зависящего исполнения, считаю долгом присовокупить, что я ныне же известил об оной Г. Гоголя, который находится теперь в Неаполе»[1].

В тот же день Адлерберг написал письмо к Гоголю (письмо было отправлено в Неаполь с сопроводительной запиской к управляющему Императорской миссией в Неаполе графу Л. С. Потоцкому от 9 января 1847 г., в которой последнему предписывалось доставить письмо «по принадлежности»[2]).

Адлерберг писал Гоголю: «*Государь Император* изволил прочитать с особенным благоволением всеподданнейшее письмо ваше о выдаче вам паспорта для путешествия к Святым местам. *Его Величество Высочайше* повелеть мне соизволил: уведомить Вас, Милостивый Государь, что таковых чрезвычайных паспортов, какого Вы просите, у нас никогда и никому не выдавалось, но что искренно желая содействовать вам в благом вашем намерении, *Государь Император* приказал Министру Иностранных Дел снабдить вас беспошлинным паспортом, на полтора года, для свободного путешествия к Святым местам, и вместе с тем сообщить посольству нашему в Константинополе и всем консулам нашим в Турецких владениях, Египте, Сирии и Малой Азии, что *Государю Императору* угодно, дабы вам было оказываемо с их стороны всевозможное покровительство и попечение, и независимо от сих сообщений означенным лицам доставить вам рекомендательные к ним же письма от него, Графа Нессельроде.

О таковой *Высочайшей* воле уведомляя Вас, Милостивый Государь, считаю долгом присовокупить, что вместе с сим об оной мною сообщено Министру Иностранных Дел, для надлежащего с его стороны исполнения».

[1] Из документов и свидетельств о паломничестве Гоголя к Святым Местам // *Свод*. Т. 3. С. 605.
[2] Там же. Т. 3. С. 606.

ЯНВАРЯ 9 <21>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

В прибавлениях к № 4 газеты «Московские Ведомости» напечатано сообщение о поступлении в продажу книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» и о продаже[1] второго издания «Мертвых душ» и рисунков к «Мертвым душам» художника А. А. Агина, гравированных Е. Е. Бернардским:

«В книжных магазинах М. Д. Ольхина, в Москве на Тверской улице, в доме Мятлевой, и в С.-Петербурге на Невском проспекте, в доме Заветного, поступили в продажу *только что отпечатанные новые книги*: ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ, *Николая Гоголя*. Спб. 1847 г.; цена 2 р<убля> сер<ебром>, с пересыл<кой> 2 руб<ля> 50 коп<еек>; МЕРТВЫЕ ДУШИ, или похождения Чичикова, поэма Н. Гоголя. Издание второе. Москва 1846 г.; цена 3 руб<ля> серебр<ом>, с пересыл<кой> 3 руб<ля> 50 коп<еек> сер<ебром>; СТО РИСУНКОВ из соч<инения> Н. Гоголя МЕРТВЫЕ ДУШИ, гравирован<ных> Е. Бернардским. Спб. 1846 г.; цена за все сто Рисунков 11 руб<лей> 50 к<опеек> серебр<ом>, с пересылк<ой>; вышедшие 8-мь выпусков Гг. подписавшимся выдаются»[2].

В тот же день С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану в Калугу: «Сейчас прочли в газетах, что в Москве продается новая книга Гоголя, а мы ее не имеем»[3].

В свою очередь В. С. Аксакова в тот же день писала брату: «Сию минуту видели в газетах объявление новой книги Гоголя, а мы ее еще не получали[4]. При первой вести, что в Петербурге вышла эта книга, к Шевыреву явились книгопродавцы и 1200 экземпляров купили и дали задаток тут же. С нетерпением ожидаем ее. — Второе издание "Мертвых душ" также вышло»[5].

Е. И. Попова[6] тогда же записала в своем дневнике: «*1847 год. 9 января, четверг.* <...> Приехав к Свербеевой, я взошла к ней, и она, почти не дав мне времени поклониться, вдруг спросила: "Знаете ли, что Иван Васильевич[7] получил письмо, что Авдотья Петровна[8] больна?" <...> "Знаете ли вы, — продолжали почти в один голос Катерина Александровна и Николенька[9], — что, судя по новой книге Гоголя, видно, что он с ума сошел?" "Да, это может случиться", — отвечала я, почти сама не зная, о ком говорят. Николенька хотел непременно, чтобы я выслушала несколько замечаний на Гоголя, напечатанных в Отечественных Записках[10], но для меня это было жестоким принуждением: я не знала, как дождаться конца»[11].

[1] См. также ***1848. Января 7 <19>. Вторник. Москва.***

[2] Прибавления к № 4 Московских Ведомостей. (Янв. 9-го <1847>). С. 46.

[3] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 591.

[4] Вероятно, к вечеру того же дня книга Гоголя уже была в распоряжении Аксаковых (см. ***1847. Января 11 <23>. Суббота. Москва***).

[5] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 853.

[6] Елисавета Ивановна Попова (ум. в 1876 г.), дочь московского книгопродавца Ивана Васильевича Попова.

[7] Киреевский.

[8] Елагина, мать И. В. Киреевского.

[9] Свербеевы.

[10] В январском номере «Отечественных Записок» за 1847 г., в отделе «Библиографическая хроника» (с. 69–71), была напечатана заметка В. Н. Майкова (без подписи) о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя (см. ***1847. Январь 2 <14>. Четверг. Санкт-Петербург***).

[11] Дневник Елисаветы Ивановны Поповой 1847–1852 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 859.

ЯНВАРЯ НЕ ПОЗЖЕ 10[1] <НЕ ПОЗЖЕ 22>. КАЛУГА

Новая[2] ссора И. С. Аксакова с А. О. Смирновой — на этот раз из-за непрочитанной еще книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (о книге они оба судили по отзывам С. Т. Аксакова из Москвы и по слухам).

Много лет спустя, в письме к И. С. Аксакову от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г., Смирнова замечала: «Не забудьте нашу ссору в Калуге, когда вы воротились и порицали "Переписку с друзьями"; слова Ханыкова к вам: "Поздравляю вас с первым впечатлением". Меня ночью Лева катал в санях; мои ругательства на вас как шишки на бедного Макара, при всех, и Клушин[3], этот смехотворный болтун, удивлялся придворному языку»[4].

Поскольку калужские письма И. С. Аксакова к родным от 11 и 18 января 1847 г. свидетельствуют о восторженном восприятии им книги Гоголя[5], очевидно, что его ссора с Смирновой по поводу «Выбранных мест...» случилась чуть ранее, — вероятно, в самом начале января 1847 г., до 10 числа (отдельные столкновения на этой почве происходили между ними и ранее, в октябре-декабре 1846 г.; см. примеч. ниже). 11 января 1847 г. Смирнова сообщала Гоголю: «...Меня смущали толки и московское *ополчение* (друзья[6]!), которое долетало ко мне через Ивана Аксакова. <...> Я вполне уверена, вопреки многим, что не оставит на дороге заблуждений, односторонности и мелкого формализма Господь того, кто умеет просить Его благодатного света. (Вас упрекали в католицизме и мелком формализме, потому что в предисловии[7] назначены часы для дела и образ, как делать добро.) Я это говорила Аксакову, говорила, разумеется, с свойственною мне неприличною прытко-

стию и совершенно с ним рассталась. Теперь вы оправданы; бедный Плетнев, о котором сказано было, что он старый колпак, и все готов печатать[8], даже и то, что на вас налагает печать стыда, т. е. сумасшествия (и как будто бы сумасшествие стыд, а не такой же недуг нашей страждущей за грехи природы и не есть наказание Божие или испытание Его, как будто всякая болезнь не есть стыд... Но это другая статья). Оправдана и я в глазах москвичей, которые принимали за ужасную холодность к вам и к делу общему мои слова следующие: "если Гоголь не будет писать, видно, Богу так угодно, а за его душу я не боюсь, она будет спасена"[9]. Других слов я не говорила, да и сказать не могла, потому что верно, что силы и даются, и отнимаются по особенному предусмотрению Божию. Я по себе знаю в своем маленьком кругу действий, что у меня не даром отнялась на время сила ума и даже воли; страдания мои были почти сверх сил, а теперь уже чувствую, как это было нужно».

Хотя ссора произошла из-за сложившегося еще до выхода книги по слухам негативного мнения о ней отца Ивана Аксакова, Сергея Тимофеевича (которое И. С. Аксаков передал Смирновой), однако позднее сам Иван Аксаков в письме к родным от 25 января 1847 г. замечал по поводу своего отношения к «Выбранным местам...»: «Я не могу не согласиться с Вами во многом; я сам при чтении книги сильно смущался выходками на Погодина[10], похвалами дому Романовых[11], разделением на 7 куч[12] и т. п., и говорил все это еще прежде Смирновой»[13].

[1] См. ***1847. Января 10 <22>. Пятница. Калуга.***

[2] Ср. ***1846. Июня 20 <июля 2>. Четверг.*** – См. также ***1847. Февраля 15 <27>. Суббота. Калуга.***

[3] Павел Николаевич Клушин (1814–1886), калужский вице-губернатор с 20 февраля 1846 г. по 1854 г.

[4] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 272.

[5] См. ***1847. Января 11 <23>. Суббота. Калуга; 1847. Января 18 <30>. Суббота. Калуга.***

[6] См. также ***1847. Февраля 15 <27>. Суббота. Калуга.***

[7] На самом деле в статье *XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России.*

[8] См. ***1846. Декабря 14 <26>. Суббота. Калуга.***

[9] См. ***1846. Октября 5 <17>. Суббота. Калуга.***

[10] В статье *IV. О том, что такое слово.*

[11] В статье *X. О лиризме наших поэтов.*

[12] В статье *XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России.*

[13] См. ***1847. Января 11 <23>. Суббота. Калуга; 1847. Января 25 <февраля 6>. Вселенская родительская суббота. Калуга.***

ЯНВАРЯ 22 <10>. ПЯТНИЦА. РИМ

А. А. Иванов пишет Гоголю в Неаполь:

«Не отвечаю ни на одно из трех ваших писем[1], потому что боюсь ответ поверить бумаге, и только при личном свидании со мной вы разберете, кто из нас виноват.

Доброта Виктора Владимировича[2] меня изумляет: он, между прочим, берется переслать это письмо к вам.

Положение мое, все еще тревожное, не может иначе устроиться, как вами, то есть когда вы ступите в службу к князю[3] как секретарь русских художников[4]. Вся ваша деятельность будет состоять в написании четырех-пяти отчетов об лучших из нас во все продолжение окончания моей картины[5], в которых вы гениальным пером вашим приготовите Государя на верную оценку наших художнических произведений, кои в продолжение этого же времени будут иметь свое окончание. Отчеты ваши будут печататься по Высочайшему повелению, и, следовательно, ваш талант приготовит в то же время публику отечественную понимать величие и высоту художника.

Князь будет руководитель или наставник Киля, утвержденный Государем. Об этом будут стараться многие. Князь предложит Чижову звание агента. Должность его будет — заменять начитанность пенсионерскую, то есть он вместо их будет вычитывать книги, какие они ему укажут, на разных языках и выносить им оттуда результаты, приспособленные к художнической точке зрения, из чего после вы, пожалуй, составите книгу для образования молодых будущих в России

<художников>. К этому он знает математику[6]; следовательно – клад для архитекторов. Ему будет вверена библиотека, приращение коей будет зависеть от вас и от совета пенсионеров, всегда под председательством князя. Он будет иметь казенные две комнаты на сей конец. Князь может тогда отставить доктора и эти деньги обратить на покупку книг».

Под «доктором», которого следовало «отставить», Иванов, по-видимому, подразумевал, лекаря М. Б. (М. Г.) Розенберга. Ранее, в начале 1846 г., в «Законах художникам Русским» художник писал князю П. М. Волконскому: «Пенсионеры прежде находились в ведении посланника и были свободны в своих действиях... <...> Желая получать жалованье и жить выгодно за границей, Киль сообщает Кривцову о желании своем быть директором русских художников в Риме. Кривцов, благородно вступившись за тридцать человек художников, сам соблазнился этою мыслью и, в награду за спасение миллиона денег казенных, утвержден был <в 1840 г.> на это место. Убитый сим явлением, дух художников впал в пустословие, безделие и другие пороки. Слабые и начинающие молодые подласкивались к директору, для снискания денег, а чувствовавшие себя истинными художниками отложились от своего общества и замирали в бедности и беззащитности, ища боковыми дорогами кой-какого содержания. Директор выдумал себе секретаря (должность конференц-секретаря при «Начальнике над Русскими художниками, находящимися в Риме», намеревался занять весной 1840 г. Гоголь[7]; с октября 1840 г. эту должность стал исполнять (вплоть до осени 1846 г.) племянник Кривцова А. В. Сомов[8]; затем должность занял К. П. Зубков. – *И. В.*), русскую библиотеку[9] («библиотекарем» этой русской библиотеки в Риме Кривцов предложил в 1841 г. стать Гоголю[10] – в качестве замены уже занятой племянником должности секретаря. – *И. В.*), теперь <в 1845 – начале 1846 г.> поставил агента, доктора (имеется в виду лекарь Розенберг[11]. – *И. В.*) и слугу – все это в виде нужном для художников, тогда как художники только потому к ним и обращаются, что секретарь посольства отказывается подписать свое имя на позволении ходить в Ватикан, боясь мешать действиям директора»[12].

Далее Иванов писал:

«Киль останется попечителем художников третьего разряда, то есть не достигших пенсионерского звания и имеющих надобность в помощи. Он же будет передавать векселя пенсионерам. Все это требует непременно мудрых советов и действий Софьи Петровны[13].

О приезде ее превосх<одительства> прошу известить меня ранее, дабы я мог выехать навстречу в Альбано, – не лишите меня этого удовольствия. Аристократ, действующий согласно с высотой своего звания, невольно влечет к себе на поклонение людей и самыми высокими достоинствами! Кстати, мне очень нужно повидаться с дальним родственником Лапченки.

Недавно мне случилось испытать диавольское нашествие вот в каких словах[14]: "Начальник над русскими художниками в Риме, заведывающий Высочайшими заказами Государя Императора в Италии, отъезжая во вторник вечером на некоторое время из Рима и желая видеть пред отъездом своим заказанную вам Его Императорским Величеством картину[15], а потому и предлагаю вам, милостивый государь, согласно желанию его превосходительства генерал-майора Киля, находиться в студии вашей во вторник 5-го генваря, с 10 часов утра до 12 пополудни, ибо около сего времени его превосходительство намерены посетить студию вашу. Секретарь дирекции Константин Зубков".

И вот был мой ответ: "На присланную вами бумагу долгом почитаю ответствовать, что данная мною подписка при получении денег от Государя Императора заставляет меня употребить все мои часы на приведение к возможно скорейшему окончанию моей картины. Вследствие чего я работаю над нею безостановочно и потому никоим образом не могу уделять ни малейшего времени для приема посетителей в мастерской моей. При сем за нужное считаю известить вас, что, облагодетельствованный милостями Монарха и ободренный его благосклонным вниманием к труду моему, я теперь ни при каких неожиданно могущих встретиться обстоятельствах не дерзну беспокоить его о дальнейшем пособии. Письмо это может служить мне подпискою. Вследствие всего этого прошу покорно вас, милостивый государь, представить генерал-майору Килю, что я убедительнейше прошу оставить меня беспрепятственно заниматься моею работою, без чего я никак не в состоянии буду, не возмущая моих занятий, исполнить мое искреннее желание – окончить картину мою к возможно скорейшему времени. До сих пор я отказывал самым близким мне лицам и, кроме их, людям государственным, глубоко мною уважаемым, именно потому, что всякое посещение, и еще более показ работы на полном ее движении, возмущает мое внутреннее спокойствие и решительно останавливает ход ее".

Все, что я тут вам написал, все это тайна, которую прошу никому не доверять».

Кроме того, Иванов подготовил для князя П. М. Волконского письмо, с которым тот, по замыслу художника, должен был обратиться к Гоголю:

«По поручению Его Превосходительства, посланника Рус<с>кого в Риме[16], я должен был войти в положение между Директорством[17] и художниками Рус<с>кими в Риме, вследствие разных происшедших тут неприятностей[18].

Разобрав дело, нахожу необходимым сменить Секретаря[19] и Агента и предложить должность первого Вам, как известному глубокомыслием и одаренному чувством изящного, а следовательно, совершенно способного чувствовать дальнейшее развитие отечественных художников, от совершенства коих непосредственно зависит эстетическая жизнь [будущего] человечества.

Не льстя Вам нисколько, я совершенно верю, что сам Государь в гениальных отчетах Ваших найдет отраду и услаждение среди тягостных забот своего Высокого ремесла, а напечатанные, по прочтении Его Величеством, драгоценные листы Ваши доставят публике верный взгляд на изящное и воспитают ее к понятию о высоте и величии соотечественного художника».

Очевидно, что Иванов назначал Гоголю то же место, какое тот предполагал получить сам, по материальным соображениям, еще в 1840 г. (см. примеч. выше). Однако ответ Гоголя на предложение Иванова 1847 г. был резко отрицательным[20].

Аналогичное письмо от имени Волконского Иванов подготовил тогда для обращения к Ф. В. Чижову: «Милост<ивый> Госуд<арь> Федор Васильевич. По просьбе посланника мне поверено устроить порядок Директорства над Рус<с>кими художниками. Заметив необходимость сменить Агента, я предлагаю эту должность Вам, со вручением Библиотеки и с суммами на дальнейшее ее приращение, что будет вами исполняемо с совета пенсионеров, в моем присутствии. Рус<с>кие художники, как и все сословия молодого нашего отечества, более или менее не так ведены в молодых летах, за непрояснившимся еще коренным путем истинно рус<с>кого образования: пропущено и пренебрежено многое, то наставниками, то ими самими; у многих недостает изучения Европейских языков. Все это вместе заставляет меня обратиться к Вам, как известному ученостью, могущей совершенно быть приспособленной к замещению убылых мест в их образовании. Поверьте, что ответы Ваши на вопросы художников, что стоить будет Вам долгих и трудных изысканий, очутившись в их произведениях, вполне оценятся мною и, следовательно, представятся на особое рассмотрение Его Величества»[21].

[1] См. ***1846. Декабря 12 <ноября 30>. Суббота. Неаполь***; ***1846. Декабря 19 <7>. Суббота. Неаполь***; ***1847. Января 12 <1846. Декабря 31>. Вторник. Неаполь***. – См. также ***1847. Января 20 <8>. Среда. Рим***.

[2] Граф Апраксин.

[3] Министру Императорского двора князю П. М. Волконскому. В начале 1846 г. Иванов отправил князю составленные им «Законы художникам Русским» (см.: *Виноградов 2001*. С. 379–382).

[4] См. ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Санкт-Петербург***. – См. также ***1846. Сентября конец – декабря начало <сентября средина – ноября средина>. Рим***.

[5] «Явление Мессии».

[6] Ф. В. Чижов был профессором математики; с 1832 по 1840 г. читал курс математических наук в Петербургском университете, числясь в должности адъюнкта. В 1836 г. получил звание магистра.

[7] См. ***1840. Февраля 1. Четверг. Москва***; ***1840. Мая 3. Пятница. Москва*** (письмо Гоголя к В. А. Жуковскому

[8] См. ***1845. Декабря с субботы 13 до среды 17 <с 1 до 5>. Рим***.

[9] См. ***1840. Декабря 31 <1841. Января 12>. Вторник. Москва***.

[10] См. ***1841. Августа около 26 <около 14>. Дюссельдорф, Франкфурт***.

[11] См. ***1846. Февраля 13 <1>. Пятница. Рим***.

[12] *Виноградов 2001*. С. 379–380.

[13] Графиня Апраксина.

[14] 3 января 1847 г. начальник над русскими художниками в Риме генерал-майор Л. И. Киль отправил также А А. Иванову следующее письмо: «Министерство Императорского Двора. От начальника над русскими художниками. Предлагаем вам находиться в студии 5-го января в 10 часов для того, чтобы чиновники могли прийти и проверить ход работы художника» (*Виноградов*. 2001. С. 442).

[15] «В конце... <1845> года сам Государь Император Николай Павлович был у Иванова в студии <см. ***1845. Декабря 16 <4>. Вторник. Рим***>; был чрезвычайно доволен трудом, благодарил еще раз его в своих покоях, и

утвердил его окончательно. Но потом <27 сентября 1846 г.> Иванову выдали 1 500 руб<лей> сер<ебром>, с непременным обязательством окончить в год картину» (Доклад А. А. Иванова 1857 г. президенту Академии художеств великой княгине Марии Николаевне, подготовленный для князя Г. П. Волконского) (*Виноградов 2001*. С. 430–431). «...Ходатайство вице-президента Академии, графа Ф. П. Толстого, <в марте 1846 г.> о доставлении ему <Иванову> приличных средств к довершению картины, не было уважено, и генерал-майору Килю поручено было наблюдение за производством Императорского заказа (Дела Мин<истра> Импер<аторского> Двора, 30 апреля и 21 декабря 1846, за № 176, и 3 января 1847 г.)» (Доклад князя Г. П. Волконского 1857 г. великой княгине Марии Николаевне) (*Виноградов 2001*. С. 441). – См. также ***1846. Сентября конец – декабря начало <сентября средина – ноября средина>. Рим.***

[16] Имеется в виду А. П. Бутенев.

[17] Подразумевается Л. И. Киль.

[18] Завершая 22 января (н. ст.) 1847 г. письмо к Гоголю, Иванов в черновом автографе ко всему прочему замечал: «Ставассера и Климченку довели до того, что они сожалеют, что еще в живых находятся их родители, а то бы решились на уголовное преступление. Прочие все в унынии».

[19] Подразумевается секретарь инспекции над русскими художниками в Риме К. П. Зубков.

[20] См. ***1847. Февраля 4 <января 23>. Четверг. Неаполь.***

[21] *Виноградов 2001*. С. 444–445.

ЯНВАРЯ 10 <22>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление «Тяжбы» в Малом театре[1]; в роли Бурдюкова – М. С. Щепкин[2].

В тот же день М. П. Погодин записал в дневнике:

«Не пишется. Обедать к сестре. Заехал к Ане. Пишут против книги Гоголя[3]. После обеда к Шев<ыреву>. Показал мне место обо мне[4], и я огорчился до слез[5], до глубины сердца: кроме ругательств о моем слоге, <*нрзб.*>ности, Гоголь пишет, что он не встречал ни одного юноши, который бы сказал мне спасибо, которого бы подвигнул я к добру, работая 30 лет, как муравей! <*3 нрзб.*>, и на бале у Черт<ковых> поговор<или> с Ел<изаветой> Гр<игорьевной>[6] – Павлова ругает книгу, и как будто в ту же <*1 нрзб.*>. Прочие тоже. – Поговорил с Заг<о>ск<иным>, Чаад<аевым>. Попросил Капниста о <*2 нрзб.*>. – Приехал домой в 2 часа. Начал читать – он помешался, и пожалел об нем, прочел другие места, расхохотался»[7].

Позднее, 17 марта 1847 г., Погодин писал Гоголю в Неаполь: «Книгу твою я увидел в первый раз 10 января. Мне указали прежде всего места, которые касаются до меня. Огорчен был я до глубины сердца: как – *30 лет я трудился, и ни один юноша не говорит мне будто спасибо, и ни одного юношу не подвигнул я будто ни к какому добру?* Я готов был плакать. Мы ехали тогда с Шевыревым на бал к Чертковым. В этом духе, под шумок музыки, между тем как сердце обливалось кровью, говорил я о книге с Лизаветой Григорьевной. Лишь только воротился домой, во втором часу ночи, принялся читать книгу. Прочел "Завещание" – испугался, продолжал чтение – задумывался, смеялся, соглашался и нет. На другой день поутру прочел все разом, и впечатление осталось совершенно мирное и гармоническое, так что я был сам поражен такою внезапною переменой. Ни малейшего неприятного чувства, огорчения не нашлось. Тотчас написал об этом Лизавете Григорьевне и Шевыреву, которые были одни свидетелями моего волнения. Первые эти минуты почитаю я удивительными, священными, и воспоминание об них теперь еще доставляет мне удовольствие. Ну как ужасное волнение <...> могло улечься вдруг, так что и следа не видать! Такое действие послужило для меня доказательством, что книга, несмотря на свои недостатки и странности, написана искренно, от души, с добрым намерением.

В разговорах с приятелями, при случаях, после, я передавал это, но вообще был холоден, разбирал с ними сочинение по частям, большею частию был недоволен, сетовал за себя, но не сердцем, а умом, и отстаивал только искренность, приписывая все нехорошее и странное болезненному душевному расстройству»[8].

Далее в черновике письма Погодин замечал: «...а расстройства первоначального далекого, от тебя самого потаенного, причиною — полагал и теперь полагаю — гордость. На эту уду поймал тебя злой дух, принявший вид ангела светла. Твое уединение (вспомни, что и Спасителя искушал он в пустыни) помогло ему много, и ум у тебя начал заходить за разум. К тому же и характер скрытный. Бревна в своем глазу мы не видим, но видим ясно сучек у ближнего. Это есть великая истина, в которой я убежен глубоко, и вот почему письмо твое[9] после кончины Лизы[10] с обнаружением некоторых моих пороков я счел благодеянием, облил его несколько раз слезами и нарочно, страясь преодолеть свое самолюбие, читал его некоторым из моих, считающих меня совершенным человеком, читал при случае врагу Строганову и проч. Так и писал к тебе и просил убедительно говорить мне, что есть именно дурного. Свидетель Бог, что говорил истину, и желаю исправиться. Так писал тебе и в прошлом году, кажется — из Теплица[11]. Для чего же тебе поносить и ругать меня публично, с какою целию? Если б я не слушал тебя, то ты мог бы рассудить (справедливо или нет): надо ж де его наказать и вразумить перед всеми... не лучше ли он так послушает. Но оставим это. Я заклинаю тебя всем для тебя священным, расскажи мне, объясни, что ты именно во всех моих поступках, словах, сочинениях находишь порочного, предосудительного. Давно, давно считаю я такую откровенность первым признаком дружбы истинной и высокой; недавно убедился, что ценить такую дружбу могут немногие и положил хранение устом, — но за себя в этом отношении более, чем в ином, ручаюсь. Всякий совет приму к сердцу».

[1] ***Ельницкая 1979.*** С. 404.
[2] ***Гриц.*** С. 397.
[3] Имеется в виду «Выбранные места из переписки с друзьями».
[4] В статье *IV. О том, что такое слово.* — См. ***1841. Октября 7 <сентября 25>. Четверг. Берлин*** (примечания).
[5] С. Т. Аксаков 16 января 1847 г. писал сыну Ивану: «Вчера был у меня Погодин. Он признается, что в первые минуты был оскорблен до глубины души (Шевырев сказывал, что он горько плакал, но скоро успокоился и теперь искренне смеется)» (см. ***1847. Января 16 <28>. Четверг. Москва***).
[6] Черткова.
[7] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 490.
[8] См. ***1847. Марта 17 <29>. Великий понедельник. Москва.***
[9] См. ***1844. Декабря 20 <8>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***
[10] См. ***1844. Ноября 6 <18>. Понедельник. Москва.***
[11] См. ***1846. Сентября 24 <12>. Четверг. Вена.***

ЯНВАРЯ 10 <22>. ПЯТНИЦА. КАЛУГА

А. О. Смирнова, ее брат Л. И. Арнольди, И. С. Аксаков и мещовский судья А. И. Клементьев приступают к чтению только что полученной Смирновой из Петербурга[1] (вероятно, от брата Ар. О. Россета) книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями».

На следующий день Смирнова сообщала Гоголю: «Ваша книга меня примирила[2] с Аксаковым; мы читали вместе, брат, Лев Арнольди, очень умный и благородный малый, Ив<ан> Серг<еевич> и я; случился тут еще мещовский судья Клементьев, о котором, кажется, я писала к вам[3], и умолял меня достать ему эту книжечку. Аксаков и Лева еще в восторге, просидели за ней целую ночь. Перескажу вам их первые, вторые и последние впечатления»[4].

[1] См. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург.***
[2] Ср. ***1847. Января не позже 10 <не позже 22>. Калуга.***
[3] См. ***1847. Февраля 21 <марта 5>. Четверг. Калуга.***
[4] См. также ***1847. Января 11 <23>. Суббота. Калуга*** (письмо И. С. Аксакова).

ЯНВАРЯ 11 <23>. СУББОТА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Прочел всю книгу[1]. Увидел, что Гоголь не хотел обругать меня, а дать публичную оплеуху і назидание, и примирился с ним мыслию. Ни досады, ни огорчения не осталось. А горько то, что ої все-таки помешался, и в помешательстве сжег сво<е> сочинени<е>. По суждени<ям> об его кни ге, буду судить о людях. Это даст мне масштаб. Много страниц превосходных. А помешательств произвела в ней гордость, как я видел уже давно. Он считает своей обязанностию учить всех. Во поучил и меня! Христианство в аплике[2], а не серебренное. Гоголь *<2 нрзб.>* привил видимое смирение, которое паче гордости. Бог с ним; рад, что не сержусь. Вечер<ом> был <М. А.> Дмит<риев> поговорили о Библии, о литер<атуре>, о правлении, о Гоголе»[3].

В 1855 г., в наброске воспоминаний о Гоголе, Погодин замечал: «Является его книга, где он дал мне пощечину[4]. Я многим писал, Акс<акову> и Шев<ыреву>, кажется. Переписка по поводу книги. Надо справиться в моих письм<ах>. Его раска<яние>[5] и проч.

Я попал ему прямо в сердце, кажется, оттого и злоба, хоть закрытая, может быть, ему самому неизвестная. После он раскаялся, но все то же таилось»[6].

В тот же день, 11 января 1847 г., С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану в Калугу:

«Наконец третьего дня[7] получили мы новую книгу Гоголя. Александра Осиповна[8], верно, ее имеет и даст тебе прочесть. Увы, она превзошла все радостные надежды врагов Гоголя и все горестные опасения его друзей! Самое лучшее, что можно сказать об ней — назвать Гоголя сумасшедшим. Мы прочли только половину: читать ее долго сряду слишком тяжело, да времени как-то нет.

В первом номере "Современника" я выслушал только две статьи Белинского: о русской литературе и втором издании "Мертвых душ"[9]. С обеими статьями я совершенно согласен, они мне очень нравятся. Не забавно ли, что в Петербурге свободно пропускают то в *журналах*, за что здесь преследуют ученые диссертации!»[10]

В приписке к посланию отца В. С. Аксакова, в свою очередь, сообщала брату: «Сегодня пишем мы тебе сверх обыкновения милый друг и брат Иван; на этой неделе много происходило интересного, много получено нового и у нас чтения и толки беспрестанные. Получена книга Гоголя и мы пришли в ужас и уныние. Ты сам прочтешь и увидишь, слов нет, чтоб выразить всю эту нелепость, как сделался пошл и вял его язык в последних годах. Лучше если б это было простое сумасшествие.

Мы получили также Современник в котором много интересного, статья Белинского о М<ертвых> Д<ушах> очень справедлива и теперь нельзя восставать ни против каких браней и нападений. Это всё глубоко грустно. Мы читали *Кто виноват*[11], многое очень умно и хорошо, но зато много там пошло, особенно эта беспрестанная претензия на остроту нисколько не смешную»[12].

[1] Имеется в виду «Выбранные места из переписки с друзьями».

[2] Накладное серебро (*фр.*).

[3] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 490.

[4] Имеется в виду статья «Выбранных мест из переписки с друзьями» «О том, что такое слово» с резко критической характеристикой М. П. Погодина.

[5] Гоголь собирался написать статью «О достоинстве сочинений <и> литературных трудов Погодина» (см. его письмо к С. П. Шевыреву от 27 апреля (н. ст.) 1847 г.), однако не исполнил своего намерения. Биограф Погодина Н. П. Барсуков замечал: «...Письма *О достоинстве сочинений и литературных трудов Погодина* Гоголь не написал, а *жесткие слова* остались навсегда и послужили орудием для врагов Погодина, не умевших или не желавших судить *о достоинстве сочинений и литературных трудов* его» (*Барсуков.* 1894. Кн. 8. С. 550; см. также: *Свод.* Т. 2. С. 570).

[6] *Погодин М. П.* <Набросок воспоминаний о Гоголе> // *Свод.* Т. 2. С. 521.

[7] Ср. ***1847. Января 9 <21>. Четверг. Москва.***

[8] Смирнова.

[9] Имеются в виду статья В. Г. Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» и рецензия на второе издание «Мертвых душ» в первом номере «Современника» 1847 г.

[10] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 591.

[11] Роман А. И. Герцена.

[12] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 591. – Ответ И. С. Аксакова см.: ***1847. Января 18 <30>. Суббота. Калуга.***

ЯНВАРЯ 11 <23>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газете «Северная Пчела» напечатан отзыв Ф. В. Булгарина о «Выбранных местах из переписки с друзьями».

В статье Булгарин, в частности, замечал: «...Г<-н> Гоголь, рожденный и воспитанный в Малороссии, не изучил духа Великороссийского наречия, точно так же, как не изучил духа Русского народа, а потому и рисует характеры, и пишет или понаслышке, или по собственному произволу. <...> ...Последним сочинением он доказал, что у него есть и сердце, и чувство, и что он дурными советами увлечен был на грязную дорогу, прозванную нами[1] натуральною школою»[2].

В тот же день П. А. Плетнев, отвечая на давний запрос Гоголя[3], отправил ему в Неаполь письмо с «подробным отчетом» о продаже книги «Выбранные места из переписки с друзьями»:

«Сегодня отдал я 750 р<ублей> с<еребром>[4] банкиру барону Штиглицу для доставления тебе в Неаполь. Это часть денег от продажи “Выбранных мест” из переписки твоей с друзьями. Представляю тебе подробный отчет всего делопроизводства.

Напечатано 2400 экз<емпляров>, но за исключением 75, отданных безденежно в цензуру и разным лицам по твоему назначению, пошло в продажу только 2325 экз<емпляров>. Публикованная цена 2 р<убля> с<еребром>. <...>

Шевырев прислал ко мне требование, чтобы я немедленно препроводил ему 1200 экз<емпляров>, которые он продал вдруг с уступкою 25 проц<ентов>... <...> Таким образом все издание сошло с рук почти в одну неделю. Но книгопродавцы, купившие его, взяли с меня честное слово, что я не приступлю к 2-му изданию, пока не распродадут они по крайней мере ¾ всего первого издания. Надобно это обещание сдержать, чтобы не уронить кредиту и не подорвать горячности благородно действовавших.

Итог этого издания, как ты видишь, равняется 3527 р<ублям> 50 к<опейкам> с<еребром>. Сумма денег распределена мною следующим образом: все издержки по изданию уплачены и равняются только 556 р<ублям> с<еребром>. Тебе сегодня послано 750 р<ублей> с<еребром>. Оставил я при себе на издержки при отправлении 1200 экз<емпляров> с транспортом в Москву 36 р<ублей> с<еребром>. Выдел за “Сев<ерную> Пч<елу>”, “От<ечественные> Зап<иски>” и “Соврем<енник>”, для тебя выписываемые на 1847 год и отсылаемые А. Россетти, – 48 р<ублей> с<еребром>. Остающиеся на книгопродавцах в долгу до следующей субботы 337 р<ублей> 50 к<опеек> будут немедленно к тебе отправлены по получении, если только не понадобится из них взять что-нибудь для уплаты за транспорт. Что касается до 1800 р<ублей> с<еребром>, находящихся у Шевырева, ты от него получишь их немедленно, лишь дойдет до Москвы транспорт с книгами, имеющий отсюда отправиться 13 (25) января.

О книге твоей не успели еще ни слова сказать ни в журналах, ни в газетах – а ее уже нет. Это прекрасно. Я знаю, что левая сторона литераторов будет жестоко нападать на тебя за перемену характера сочинений. Но ты плюнь на эту сторону. Она охотно и хвалить бы взялась тебе, если ты ей подарил хоть одно письмецо для журнальца. Мне известно, что из читавших трое не могли оторваться от книги, пока ее не кончили, отчего ночь проведена ими без сна. Это барон Ф. Ф. Корф[5], Н. И. Надеждин и один молодой еще только начинающий писатель Николаевский[6] (с будущей осени он поступит к нам в студенты, кончив курс в москов<ском> инст<итуте> восточ<ных> яз<ыков> Лазаревых). <...> Пиши ко мне тотчас же по получении каждого письма моего. Получил ли ты мое письмо от 13 января? И дошли ли до тебя книги?»

В тот же день, 11 января 1847 г., Плетнев сообщал С. П. Шевыреву в Москву:

«Сегодня я пишу к Вам, любезный Степан Петрович, наскоро, только чтобы уведомить, что 13 января в понедельник 1200 экземпляров книги Гоголя отправлены будут к Вам с транспортом. Тогда я еще напишу Вам и перешлю квитанции конторы транспортов. Сегодня писал я к Гоголю и послал ему все деньги за прочие экземпляры его книги. Теперь издание это уже продано до экземпляра[7]. Надобно, однако, пообождать печатание 2-го издания. Иначе мы подорвем книгопродавцев, что не будет честно... Если Вы получите за 1200 экземпляров все 1800 р<ублей> вдруг, то, пожалуйста, ни дня не откладывайте и пошлите их к Гоголю. Я уже об этом писал ему. Деньги ему теперь очень нужны»[8].

В этот же день Плетнев писал также Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«Уж я написал письмо к Гоголю о том, что его книга продана вся. Половина (1200 экземпляров) выписана в Москву. Посылаю тебе расчет типографии, печатавшей Гоголя. Если ты увидишь, что у вас берут дороже, то вышли сюда оригинал: я возьмусь напечатать по цене гоголевской: это все ужасно дешево, особенно печатание 2400 экземпляров с набором 9 р<ублей> сер<ебром>. Я дороже платил за Современник, печатая только 600 экземпляров. Николаевский, прочитав Гоголя, пришел в неописанный восторг... <...> Приезжал ко мне барон Ф. Ф. Корф. Он тоже в восхищении от Гоголя. Эти оба, получив книгу, целую ночь не спали, пока не кончили чтения. У Ф<едора> Ф<едоровича> уже готова большая статья о книге. Вечером сегодня он будет читать ее у Александры Осиповны[9], а завтра отдаст Очкину[10] для печатания. Я читаю Гоголя у Балабиных. Петру Ивановичу, разумеется, все это не нравится. Варвара Осиповна, как много об этом предмете уже читавшая, и притом строгая католичка, иное хвалит, иное находит слишком старым, а иное чисто заимствованным. Но мне кажется, не надобно так критиковать нравственно-религиозную и вместе литературную книгу. Это не догматическое сочинение. Это отрывки из вседневных помышлений. Если в них все чисто и возвышенно, то мелочи не следует и замечать. <...>

Счет по изданию Гоголя прилагаю. Не правда ли, это удивительно дешево? Гоголь, за исключением 75 экземпляров даровых и в цензуру, за прочие 2325 экземпляров получил 3527 р<ублей> 50 к<опеек> сер<ебром>. Уплатив в типографию 555 р<ублей> 78 к<опеек>, чистой прибыли ему досталось 2971 р<убль> 72 к<опейки> сер<ебром>. Экземпляры все уже проданы, в том числе 1200 вытребованы в Москву. Здешние деньги я уже послал ему, а московские пошлет Шевырев»[11].

[1] «...Г. Некрасов принадлежит к новой, т. е. *натуральной* литературной школе, утверждающей, что должно изображзать природу без покрова» (<*Булгарин Ф. В.*> *Ф. Б.* Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1846. 26 янв. № 22. С. 86).

[2] <*Булгарин Ф. В.*> *Ф. Б.* Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1847. 11 янв. № 8. С. 30. – Газета была получена Гоголем 23 апреля (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Апреля 24 <12>. Суббота. Неаполь***).

[3] См. ***1846. Декабря 12 <ноября 30>. Суббота. Неаполь***.

[4] 3150 франков (см. ***1848. Июня 8. Вторник. Васильевка***). Когда позднее, в апреле 1848 г., Гоголь собрался обналичить вексель, сделать это ему не удалось (см. ***1848. Апреля 14 <26>. Среда Светлой седмицы. Константинополь***; ***1848. Мая 16. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1848. Июня 8. Вторник. Васильевка***).

[5] Барон Федор Федорович Корф (1803–1853), писатель.

[6] С. А. Николаевский.

[7] 15 января 1847 г. Плетнев снова сообщал Шевыреву об отправлении к нему еще одной партии «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1200 экземпляров), отмечая, что «новой книги Гоголя не осталось у нас ни одного экземпляра» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 696; *Свод*. Т. 1. С. 690). – См. также ***1846. Декабря 27 <1847. Января 6>. Пятница. Санкт-Петербург***.

[8] *Свод*. Т. 1. С. 690.

[9] Ишимова.

[10] А. Н. Очкин (1791–1865) был цензором, а также редактором «Санкт-Петербургских Ведомостей».

[11] *Свод*. Т. 1. С. 690–691.

ЯНВАРЯ 11 <23>. СУББОТА. КАЛУГА

А. О. Смирнова пишет Гоголю (адресует письмо в Рим[1]):

«Книга ваша[2] вышла под новый год, любезный друг Николай Васильевич. И вас поздравляю с таким вступлением, и Россию, которую вы подарили этим сокровищем. Странно! Но вы, все то, что вы писали доселе, ваши “Мертвые Души” даже, — все побледнело как-то в моих глазах, при прочтении вашего последнего томика. У меня просветлело на душе за вас; хотя одна, Аркадий и Плетнев не сомневались в милости Божией к вам, меня смущали толки и московское *ополчение* (друзья!), которое долетало ко мне через Ивана Аксакова[3]. <...> Теперь вы оправданы... <...> Ваша книга меня примирила с Аксаковым[4]... <...>

Ну, душа моя, крепко обнимаю вас и поздравляю с милостию Божиею. От Надежды Николаевны Шереметевой получила письмо; она просила передать, что узнаю о вас, и говорит, что бегала к Иверской не раз, когда узнала, какие толки носились по Москве, велеречивой и опрометчивой. Теперь вот что я сделаю в своей Калуге. Купцу Антипину[5] велела привезти 20 экз<емпляров> сюда. 10 беру в дом, а 10 останутся в лавке у него. Еленев[6] (студент московск<ого> универс<итета>), советник губ<ернского> правления, взял *один*; *другой* — лихвенский предв<одитель> Яковлев[7]; *третий* — чиновник особ<ых> пор<учений> Экарев[8], мой сотрудник по делу благотворительности; *четвертый* — Нелединский[9], сын Юрия Алекс<андровича>, бывший развратнейшим человеком в жизни и искренне обратившийся в прошлом году через Самарина[10] старика, который дал ему толкование Иннокентия на молитву Ефрема Сирина[11]; *пятый* — генерал Темерязев[12], отставленный от должности ген<ерал>-губ<ернатора> астраханского; *шестой* — помещик Чириков, хороший человек, но, по несчастию, пьет. Четыре постараюсь пустить в купечество и духовенство. Одну непременно пошлю Брилиянтову[13], старшему члену духовному. Он умный, но черствый человек; на днях в один Яковлев день[14] он схоронил жену и взрослую замужнюю дочь, от которой двое детей осталось с нетрезвым отцом, священником же. А с десятью экземплярами вот что намерена сделать. По поводу базара и других оборотов в пользу бедных, даже и *маскарада*, у меня были переписки с уездными предводителями[15], которые единодушно показали много услужливости. Теперь приходится их благодарить письменно, при каждом письме приложу книгу с надписью: “*в знак благодарности;* подарок *вам и семье вашей*”, и присовокуплю просьбу написать мне впечатления их при прочтении, равно и тех, которым дадут ее честь. Все вам перешлю в оригинале, равно как и передам что услышу. Писать вам можно отсюда много, только записывать ежедневно, но при болезни и бездне занятий, в особенности при непорядочной жизни, это не всегда возможно. А непорядок не от меня зависит, а множества побочных обстоятельств, выше которых я не могу стать»[16].

В тот же день И. С. Аксаков сообщал родным из Калуги в Москву:

«Я <...> нашел у нее <А. О. Смирновой> только что полученную ею из Петербурга книгу Гоголя. Мы сели читать ее[17], потом, когда наехали разные гости, ушли с Арнольди наверх и там читали до половины второго, но всё не прочли всей книги, и Смирнова уступила мне книгу на ночь и на нынешний день до вечера[18]. <...> Книгу Гоголя надо читать не раз и не два, а 20 тысяч раз! Я примирился с ним вполне и вижу, что все взводимое на него — вздор, и что не погиб он для нас, как юмористический писатель. Откинем всякий ложный стыд, мешающий нам поклоняться тому, во что мы веруем, и говорить тем языком, которым невольно заговорит душа, когда проникнется серьезным значением жизни, когда все станет в ней важно и торжественно. Гоголь прав и является в этой книге как идеал художника-христианина, которого не поймет Запад, так же, как и не поймет этой книги. Что за язык, Господи Боже мой, что за язык! Упиваться можно этим языком, лучшим всяких стихов. Серьезно надо взглянуть на эту книгу. Она способна пересоздать многих. Совестно становится перед этою торжественною, важною тишиною, когда вспомнишь о наших скороспелых трудах, крикливых восторгах и всякой мелочной душевной возне. Мне страшно было вчера взяться за книгу, когда я почуял, что в ней заключается, боялся проснуться другим, боялся излечения...

Презрительная суета и пустота так овладевают человеком, что ему хочется непременно сделать смешным строгий голос правды, чтобы избавиться от ее неумолимого преследования: так будет и с этой книгой...»[19]

К письму И. С. Аксаков приложил свое стихотворение. Вероятно, что это было стихотворение «Свой строгий суд остановив...», сочиненное под впечатлением от книги Гоголя (см. ***1847. Июль <июля средина – августа средина>. Москва*** – примечания; ***1850. Апреля 26. Среда Светлой седмицы. Москва*** – текст стихотворения).

[1] См. ***1847. Марта 22 <апреля 3>. Великая Суббота. Калуга.***

[2] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[3] См. ***1847. Января не позже 10 <не позже 22>. Калуга.***

[4] См. ***1847. Января 10 <22>. Пятница. Калуга.***

[5] Иван Фомич Антипин (см. ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота – июля вторая половина, не позднее 26. Калуга***).

[6] Николай Васильевич Еленев, советник первого отделения Калужского губернского правления.

[7] Семен Павлович Яковлев, предводитель дворянства в Лихвине.

[8] Александр Федорович Экарев, коллежский регистратор, младший чиновник по особым поручением при калужском гражданском губернаторе Н. М. Смирнове, муже Смирновой.

[9] Сергей (Гавриил-Сергей) Юрьевич Нелединский-Мелецкий (1795–1871), участник Отечественной войны и заграничных походов 1812 года. Как и его отец, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, состоял в масонских ложах.

[10] Ф. В. Самарин, отец Ю. Ф. Самарина; с 1812 г. состоял в петербургской масонской ложе Соединенных друзей, куда в 1816 г. поступил С. Ю. Нелединский-Мелецкий. Замужем за Ф. В. Самариным была (с 1818 г.) сестра С. Ю. Нелединского-Мелецкого Софья Юрьевна (1793–1870).

[11] См. ***1845. Июня 15 <27>. Пятница. Москва*** (примечания).

[12] Иван Семенович Тимирязев (1790–1867), астраханский военный губернатор в 1834–1844 г.; после сенатской ревизии (в которой принимал участие И. С. Аксаков) уволен с поста губернатора, а затем и с военной службы. Жил в своем имении Ржавец Лихвинского уезда Калужской губернии. Злоупотребления Тимирязева доказаны не были, и в 1853 г. ему был возвращен чин генерал-лейтенанта, с назначением на службу в сенат.

[13] Протоиерей калужской Благовещенской церкви Алексей Иванович Брилиантов, член калужской Духовной консистории.

[14] 4/16 января 1847 г.

[15] Калужский уездный предводитель дворянства – П. А. Квашнин-Самарин; перемышльский – Н. И. Хлюстин; козельский – Т. Г. Головин; жиздринский – И. Н. Шепелев; малоярославецкий – Л. П. Рохманов (Рахманов); боровский – Л. П. Чебышев; лихвинский – С. П. Яковлев; мещовский – И. И. Толмачев; мосальский – А. А. Суходольский; медынский – Д. П. Груздев; тарусский – П. И. Веселовский.

[16] Ответ Гоголя см.: ***1847. Февраля 22 <10>. Понедельник. Неаполь.***

[17] См. также ***1847. Января 10 <22>. Пятница. Калуга*** (отрывок из письма А. О. Смирновой к Гоголю от 11 января (н. ст.) 1847 г.).

[18] См. также ***1847. Января 14 <26>. Вторник. Калуга.***

[19] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 917.

ЯНВАРЯ 25 <13>. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕАПОЛЬ

Гоголь в ответ на письмо матери из Васильевки отправляет ей подряд два письма; прилагает также письмо к сестре Ольге, начатое 20 января (н. ст.) 1847 г.[1] Вероятно, в тот же день Гоголь получил из Москвы письмо от С. П. Шевырева[2], с известием о кончине Н. М. Языкова и вложением «Развязки Ревизора». Пишет письмо к В. А. Жуковскому во Франкфурт и к графине Л. К. Виельгорской в Петербург.

В первом письме к матери Гоголь сообщал: «Сейчас[3] я получил ваше письмо и спешу на него отвечать... <...> Никак я не мог думать, чтобы вас могло так огорчить мое письмо и присланный

вместе с ним отрывок из моего завещания[4], которое было сделано тогда, как я, точно, был недалеко от смерти[5]... <...> Вы, как видно, не хорошенько вчитавшись в письмо мое, прошедшее приняли за настоящее. Я послал вам отрывок из завещания, рассчитывая на то, что вы уже получили мою книгу[6], в которой завещание мое напечатано целиком, в объяснение причины, зачем напечатана самая книга и статьи, в ней находящиеся. <...> Как мне это прискорбно, что вы все не в меру опечалились! Вот как дурно не думать о смерти и не помышлять о будущей жизни... <...> Только одна моя сестра Ольга показала высокое спокойствие духа в строках письма своего и твердую веру в Бога. <...> Не понимаю, отчего вам представляется, что я намерен остаться навсегда в Иерусалиме, тогда как я именно затем еду в Иерусалим, чтобы иметь право возвратиться в Россию и начать наконец мою службу истинную отечеству, к которой так долго приготовляюсь или, лучше, — к которой готовит меня сам Бог. <...> Я бы очень хотел, чтобы вы меня хотя сколько-нибудь умели любить любовью во Христе. Доныне мне кажется, что одна только сестра Ольга начинает меня любить такою любовью».

Из второго письма к матери: «Пишу к вам вновь по поводу ваших писем, перечитавши их снова. Сначала мне было очень неприятно, что письмо мое, пришедши не вместе с книгой, ввело вас в заблуждение и тревожное состояние духа. Теперь я вижу, что случилось это не без воли Божией. Письмо мое нечаянным образом послужило пробою вашего состояния душевного <...>, — тем более, что по письмам, писанным по приезде из Киева, мне уже было показалось, что сестры мои поняли, что такое христианство и чем оно необходимо в делах жизни. Я обманулся. <...> ...Завещание мое, сделанное во время болезни, мне нужно было напечатать по многим причинам в моей книге. Сверх того, что это было необходимо в объясненье самого появленья такой книги, оно нужно затем, чтобы напомнить многим о смерти, — о которой редко кто помышляет из живущих. Бог не даром дал мне почувствовать во время болезни моей, как страшно становится перед смертью, чтобы я мог передать это ощущение и другим. <...> ...Память смертная — это первая вещь, которую человек должен ежеминутно носить в мыслях своих. В Священном Писании сказано, что тот, кто помнит ежеминутно конец свой, никогда не согрешит[7]. <...> По тех пор, покуда человек не сроднится с мыслью о смерти и не сделает ее как бы завтра его ожидающею, он никогда не станет жить так, как следует, и всё будет откладывать от дня до дня на будущее время. <...> Без этой мысли о смерти и вечности я бы не перенес и нынешней моей печальной утраты, о которой, вероятно, вы уже слышали. Я лишился наилучшего моего друга, с которым я жил душа в душу, Н. М. Языкова[8], к которому я питал истинно родственную любовь, потому что питать истинно родственную любовь я могу только к тем, которые понимают мою душу и живут сколько-нибудь во Христе делами жизни своей. <...>

Кстати о моем приезде в Россию. <...> Если Бог мне поможет устроить мои дела, кончить мое сочинение[9], без которого мне нельзя ехать в Иерусалим[10], то я отправлюсь в начале будущего 1848 года в Святую Землю с тем, чтобы оттуда летом того же года возвратиться в Россию. Итак, помните, что это может случиться только в таком случае, если Бог мне поможет всё устроить так, как я думаю, и не пошлет мне препятствий, какие остановили в нынешнем году поезд мой... <...> У меня есть, точно, желание ехать в Россию, и желание сильное; это я вам объявляю, но это не *обещание*, — понимаете ли вы это? <...> ...Я вас просил[11] оставаться в Васильевке и не выезжать только в таком случае, если бы отправился действительно в этом году в Иерусалим, но я не просил вас вообще не выезжать в Полтаву или в другие места. Напротив, если бы вас стали упрашивать навестить, вы не можете совершенно отказать. В городе можно узнать больше людей, чем в деревне, и если бы взглянули только другими и высшими глазами на общество, то вы бы увидели, что предстоит множество на всяком шагу прекрасных подвигов и дел. <...> Человек страждет на всяком шагу, и на всяком месте часто происходят безмолвные страдания там, где мы не подозреваем и не предполагаем... Если бы они дали себе труд расспросить только одних городских священников о том, каковы у них люди в их приходах и чем они страждут и какие у них болезни душевные и нужды, то они узнали бы уже много того, чего не знают и не видят многие люди. Кроме того, всякий чиновник, если только его расспросишь, в чем состоит его должность, то увидишь, что он состоит в каком-нибудь соприкосновеньи с людьми и знает людей и вещи с такой стороны, с какой не знает другой. Словом, от всех можно учиться на всяком шагу. И если только один год так проведешь,

терпеливо узнавая и выпытывая и не спеша сгоряча помогать на донкишотский образец, когда еще не умеешь помогать, тогда наконец дойдешь, точно, до того, что узнаешь душу человека и увидишь, что на всяком шагу предстоит дело и занятие высокое для души – и вся жизнь обратится в наслажденье. Писал я также о гостеприимстве и хлебосольстве, но о хлебосольстве всем тем, что Бог послал, что производит собственная земля и хозяйство, а не тем, что берется в городе из бакалейных лавок или что привозят разносчики[12]. Этой дрянью никого не удивишь и не насытишь, – только что трата насчет неимущих, потому что, если рассмотришь к концу года расходы да подведешь итог и смету всему, так увидишь, что на это ушла одна и другая тысяча. Но если бы хозяйки распорядились, чтобы на столе у них не было ничего покупного, и говорили бы гостю своему: "Мы вас угощаем не тем, что вы едите всякий день: это, мы знаем, вам прискучило, да и вышло оно бы, во всяком случае, хуже того, что вы едите всякий день, потому что город от нас далек, вина к нам могут придти дурные, а не хорошие, но угощаем мы вас нашими национальными малороссийскими блюдами, которых вы, верно, в городах не найдете"; то, поверьте мне, гостю будут в несколько раз приятнее эти простые вкусные блюда, чем те, которые хотят быть на манер немецкий и выходят ни се, ни то. А домашние хорошо сделанные наливки ему понравятся гораздо больше французских порченных <вин>, и таким образом одна-другая тысяча осталась бы в кармане, и, может быть, от нее досталось бы на долю и тем, которые умирают от нужды. Истинное хлебосольство не в том, чтобы завести у себя стол ничем не хуже других людей, обезьянничая на манер других и боясь на всяком шагу того, чтобы гость не осудил чего и не посмеялся над чем. Истинное хлебосольство состоит в радушном внимании к гостю, в уменьи расспрашивать и интересоваться его положением и обстоятельствами, в умении показать ему сочувствие в его горе и в его веселии, в уменьи сказать ему утешительное слово, так чтобы ему, по уезде от вас, стало бы легко на душе и показалось бы ему, что он был у близких и родных себе людей».

Из письма к Жуковскому: «И Языкова уже нет[13]! Небесная родина наша наполняется ежеминутно более и более близкими нашими сердцу и тем как бы становится нам еще желанней и драгоценней. Брат мой прекрасный, отныне мы должны быть еще ближе друг другу и, живя на земле, глядеть так друг на друга, как бы встретившиеся в дому Небесного Родителя нашего братья. Посылаю выписку из письма Шевырева»[14].

Из письма к Виельгорской: «Из рук Вик<тора> Влад<имировича> Апраксина вы уже, вероятно, получили мое письмо[15] со всякими порученьями, на вас возлагаемыми. Если всё это пришло к вам поздно, и дело по поводу печатанья книги устроилось само собою благополучно, и книга вышла в свет без всяких пропусков, <...> то вот вам другое дело, тоже истинно доброе и тоже достойное вашей доброй души, графиня. Если Государь взглянул благосклонно на мою книгу и пришлась она ему по сердцу, то употребите все старания ваши чрез людей, к Государю приближенных, посоветовавшись с Миха<и>лом Юрьевичем[16], <...> чтобы цензор, пропустивший мою книгу, был награжден, чтобы досталась на его долю если не награда, то, по крайней мере, благоволение за доверие к благородству высокой души Государя, которое показал он пропуском моей книги. Что ни говорите, но победить все смущения, как собственные, так равно и от других людей, которые смущали со всех сторон бедного цензора, восторжествовать над всякого рода страхами и опасеньями и робостью собственного своего цензурного начальства, значит иметь слишком высокое мнение о благородстве души Государя и о возвышенности помышлений его. Если будет так устроено, что цензор Никитенко будет отличен за благородный поступок свой[17], то этим будет сделано истинно доброе дело, а мне драгоценнейший подарок, какой бы я мог получить из рук ваших».

[1] См. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь***; ***1847. Февраля 16 <4>. Вторник. Неаполь.***

[2] См. ***1846. Декабря 30 <1847. Января 11>. Понедельник. Москва.***

[3] Письмо было получено около 20 января (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь***).

[4] См. ***1846. Ноября 14 <2>. Суббота. Рим.*** – См. также ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Васильевка.***

[5] См. ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн.***

[6] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[7] Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, гл. 7, ст. 39.

[8] См. ***1846. Декабря 26 <1847. Января 7>. Четверг. Москва.***

[9] Второй том «Мертвых душ».

[10] Подробнее см.: ***1845. Марта 20 <апреля 1>. Вторник. Москва*** (примечания).

[11] См. ***1846. Ноября 14 <2>. Суббота. Рим.***

[12] См. также ***1846. Апреля 23 <11>. Четверг. Рим***; ***1847. Мая 3 <апреля 21>. Понедельник. Неаполь***; ***1848. Мая между 16 и 20. Сорочинцы***; ***1848. Мая 20. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Васильевка.***

[13] См. ***1846. Декабря 26 <1847. Января 7>. Четверг. Москва.***

[14] Имеется в виду письмо от 30 декабря 1846 г. (см. ***1846. Декабря 30 <1847. Января 11>. Понедельник. Москва***).

[15] См. ***1847. Января 16 <4>. Суббота. Неаполь.***

[16] Граф Виельгорский, муж Л. К. Виельгорской.

[17] На самом деле А. В. Никитенко был главным инициатором запрещения целого ряда статей «Выбранных мест из переписки с друзьями» религиозно-патриотического содержания, что объяснялось западническими взглядами цензора и его дружбой с В. Г. Белинским (подробнее см.: ***1846. Августа 1 <июля 20>. Суббота. Эмс*** – примечания). – См. также ***1847. Января между 25 и 30 <января между 13 и 18>. Неаполь.*** – Узнав об этом, Гоголь 6 февраля (н. ст.) 1847 г. писал графине Анне М. Виельгорской: «...Сам цензор был разглашатаем всего, так что даже в Москве знали обо всем и повторяли изуродованные с умыслом мысли и фразы. А я еще не так давно писал к <...> вашей маминьке, чтобы не позабыть цензора печатавшего, и хотел за него хлопотать изо всех сил, чтобы досталась и ему какая-нибудь честь за пропуск моей книги» (см. ***1847. Февраля 6 <января 25>. Вселенская родительская суббота. Неаполь***).

ЯНВАРЯ 25 <13>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Ф. В. Чижов получил[1] ответное[2] письмо Гоголя из Неаполя (письмо не сохранилось).

[1] См.: Записи о Гоголе в дневниках Ф. В. Чижова / Публикация Л. Каплана // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 784.

[2] См. ***1847. Января 15 <3>. Пятница. Рим.***

ЯНВАРЯ 13 <25>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получил[1] письмо Гоголя из Неаполя[2].

[1] На письме имеется почтовый штемпель: «Получено 1847 Ген<варя> 13 вечер»; и помета Плетнева: «П<олучено> 13 Янв<аря> 1847» (*Городецкий.* С. 454).

[2] См. ***1847. Января 5 <1846. Декабря 24>. Вторник. Рождественский сочельник. Неаполь.***

ЯНВАРЯ 26 <14>. ВТОРНИК. РИМ

Ф. В. Чижов отправляет Гоголю ответное письмо в Неаполь:

«Письмо ваше я получил[1]; оно заставляет меня распорядиться так, чтоб непременно улучить время быть в Неаполе. Настоящие занятия мои не позволяют этого делать ранее половины марта; потом я приеду. Сделайте одолжение, писавши сюда, напишите ваш адрес, чтоб скоро можно было найти вас. Очень и очень хотелось бы снискать ваше доброе мнение, чтоб, опираясь на это, на многое попросить ответов и советов, или, по крайней мере, мнений. Теперь мы на распутии, – большею частию идет так, как, кажется, должно по внутреннему голосу; но иногда этого недовольно, надобно было бы и поотчетливее ждать путь и ход. Думаешь иногда спросить совета, как-то принимают так не радушно, так не по-братски, что невольно закрываешься там, где нужно было бы открываться

всему. Разумеется, большею частию виноват сам, – спрашиваешь не из искреннего желания узнать истину, а так чтобы “себя показать и людей посмотреть”».

[1] См. ***1847. Января 25 <13>. Понедельник. Рим.***

ЯНВАРЯ 14 <26>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Государственный канцлер, министр иностранных дел граф К. В. Нессельроде сообщает министру внутренних дел Л. А. Перовскому распоряжение Императора Николая I о выдаче Гоголю беспошлинного заграничного паспорта на полтора года, «для путешествия к Святым местам»[1].

В тот же день Нессельроде отвечал[2] В. Ф. Адлербергу, что «сообщил по принадлежности Г. Министру Внутренних Дел *Высочайшую* волю о выдаче Г. Гоголю заграничного паспорта, так как от Министерства Иностранных Дел даются таковые паспорта только лицам, состоящим в ведомстве оного, или отправляемым от сего Министерства по делам службы за границу; все же прочие лица снабжаются заграничными паспортами от Министерства Внутренних Дел»:

«При чем я просил Г. Действительного Тайного Советника Перовского паспорт для Г. Гоголя прислать ко мне, для доставления ему чрез посредство Миссии нашей в Неаполе. <...> ...По получении от Г. Министра Внутренних Дел означенного паспорта, я отправлю оный вместе с потребными для Г. Гоголя рекомендательными письмами к Посланнику нашему при Неаполитанском Дворе, для передачи сему Литтератору. В то же время я не премину послать предписания Миссии и подлежащим Консульствам нашим в Турции об оказании ему покровительства и всевозможного содействия»[3].

[1] Из документов и свидетельств о паломничестве Гоголя к Святым Местам // *Свод.* Т. 3. С. 607.
[2] См. ***1847. Января 9 <21>. Четверг. Санкт-Петербург.***
[3] Из документов и свидетельств о паломничестве Гоголя к Святым Местам // *Свод.* Т. 3. С. 608.

ЯНВАРЯ 14 <26>. ВТОРНИК. КАЛУГА

И. С. Аксаков пишет родным в Москву:

«Не получу ли я писем от вас с нынешней почтой, по крайней мере, книги Гоголя[1]? Едва ли вы успеете это сделать. <...> ...В субботу[2] вечером <...> был я <на поздравлении Александра О. Россета с помолвкой>, чтоб отдать книгу Гоголя Смирновой[3]... <...> О книге Гоголя не пишу вам потому, что хочу перечесть ее еще раз и ожидаю ее прибытия».

Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 342–343.

[1] «Выбранные места из переписки с друзьями».
[2] 11 января 1847 г.
[3] См. ***1847. Января 11 <23>. Суббота. Калуга.***

ЯНВАРЯ 14 <26>. ВТОРНИК. МОСКВА

В. С. Аксакова пишет брату Ивану в Калугу:

«Твое письмо[1], милый друг и брат Иван, удивило нас до крайности. Нет, ты ослепил себя своею собственною мечтою. Ты так был недоволен собой и всею жизнью, ты жаждал примиренья, разрешения твоим вопросам, тебя вдруг освежила мысль, что ты нашел, и ты уже ничего не видал другого. Я вполне уверена, что, перечетши в другой раз, ты совсем иначе на все взглянешь, если только позволишь себе быть искренним совершенно с самим собой. Мы также прочли только еще один раз, но для нас не новость все эти мысли Гоголя; они прежде являлись в таком ослепительном блеске; то был такой восторг души, что мы не позволяли себе самим замечать то, что было непонятного и странного, и то было писано для одного или двух людей, а не на весь мир. <...> В первую минуту по прочтении письма твоего я усомнилась в истине нашего впечатления, но я вспомнила, как мы прежде увлекались, как добросовестно, почти религиозно принимали его слова, как все то уже перечувствовали прежде, вспомнила новую книгу и думаю, что ты скорее ошибаешься. – По крайней мере, эта книга не произвела вовсе почти никакого впечатления благотворного на мою душу. Я помню, как особенно некоторые места из "Мертвых душ" сильно потрясали и производили переворот в мыслях, приносили гораздо более плода душе, нежели все его теперешние проповеди.

В первую минуту по прочтении нескольких отрывков из книги мне чуть не плакать хотелось, но только не от умиления, а от глубокой горести об Гоголе. <...> Сегодня получили письмо от его матери. Он, думая, что она уже получила книгу, прислал ей тот отрывок из завещания, который не напечатан. Лиза хотела его мне прислать. Мать и сестры пришли в отчаяние: думают, что он уже не воротится к ним. – Не знаю, что им отвечать <...>

Стихи твои[2], присланные сегодня, мне чрезвычайно нравятся. Они так прекрасны и истинны вполне – то должен был бы быть Гоголь, что ты в нем видишь уже теперь, и, может быть, еще он будет, я не теряю надежды. <...>

У нас идут такие толки с утра до вечера и о собственном нашем деле и о Гоголе».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 853.

[1] Письмо И. С. Аксакова к отцу от 11 января 1847 г. (см. ***1847. Января 11 <23>. Суббота. Калуга***). – См. также ***1847. Января 16 <28>. Четверг. Москва.***

[2] К письму И. С. Аксакова было приложено его стихотворение. Возможно, что это было стихотворение «Свой строгий суд остановив...», сочиненное под впечатлением от книги Гоголя (см. также ***1847. Января 21 <февраля 2>. Вторник. Калуга***; ***1847. Апреля 30 <мая 12>. Среда. Москва***; ***1847. Июль <июля средина – августа средина>. Москва***).

ЯНВАРЯ 15 <27>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Министр внутренних дел граф Л. А. Перовский отправляет государственному канцлеру, министру иностранных дел графу К. В. Нессельроде заграничный паспорт[1] «для находящегося в Неаполе Литератора Николая *Гоголя* на проезд к Святым местам», с просьбой «поручить, кому будет следовать, при выдаче сего паспорта Г. Гоголю истребовать от него паспорт, по коему он ныне проживает за границею»[2].

В тот же день П. А. Плетнев в письме к С. П. Шевыреву сообщил об отправлении к нему в Москву новой партии экземпляров «Выбранных мест из переписки с друзьями»[3].

[1] См. ***1847. Марта 5 <февраля 21>. Пятница. Неаполь.***

[2] Из документов и свидетельств о паломничестве Гоголя к Святым Местам // *Свод.* Т. 3. С. 609.

[3] См. ***1846. Декабря 27 <1847. Января 6>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1847. Января 11 <23>. Суббота. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 15 <27>. СРЕДА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Вечером был у Акс<аковых>, и толковали о Гоголе[1]. Как возвышал он прежде, так теперь низлагает»[2].

Далее, на обороте 13-го листа дневника, после записей от 10–18 января 1847 г., внизу страницы, Погодин подклеил адресованную ему дарственную надпись Гоголя (которую тот прислал[3] С. П. Шевыреву для наклейки на экземпляр «Выбранных мест из переписки с друзьями»).

[1] О содержании беседы см. письмо С. Т. Аксакова к сыну Ивану от 16 января 1847 г. в Калугу: ***1847. Января 16 <28>. Четверг Москва.***

[2] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 490.

[3] См. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца.***

ЯНВАРЯ СРЕДИНА <ЯНВАРЯ КОНЕЦ>. МОСКВА

Попечитель Московского учебного округа граф С. Г. Строганов, вероятно, по просьбе Гоголя, переданной графу через находившуюся в Неаполе его дочь, графиню С. С. Толстую[1], отправляет к ней за границу свой отзыв о «Выбранных местах из переписки»:

«Несколько дней в Москве, разумеется, в Москве литературной, говорят только о последнем сочинении Гоголя – Письмах к его приятелям; – я прочел это сочинение; надобно сознаться, что это любопытное произведение; критика Мертвых Душ замечательна и единственна в своем роде, два письма о Церкви Православной[2] исполнены вещей хороших (bonne choset!), но когда окончишь это чтение, неприятно устаешь, слышав человека, говорящего только о себе самом, все к себе относящего, и рассказывающего вещи, которые унижают достоинство человека и разрушают всю прелесть (sous charme), как самолюбие играет главную роль в этой исповеди, и как восторженность (exaltation) Гоголя кажется ненатуральною, спрашиваешь себя, не есть ли это исповедь больного? Одно время докажет нам, если автор в состоянии произвести что-либо после этого перерождения; или, если будучи рожден для высокого в тривиальном, он не отказался от призванья своего, сделав первый шаг для своего облагороживанья (pour l'ennoblie), человек, может быть спасся, но сочинитель может быть потерян, что было бы очень жалко»[3].

Позднее, 25 марта (н. ст.) 1847 г. Гоголь, в частности, писал А. А. Иванову из Неаполя о графине С. С. Толстой и ее муже, графе И. П. Толстом: «Пишу к вам несколько строчек с граф<ом> Иван<ом> Петр<овичем> Толстым, который есть родной брат моего закадычного приятеля, Ал<ександра> Петр<овича>, стало быть, с тем вместе родной брат и Софье Петровне <Апраксиной>, вам довольно знакомой, а потому вы, если вам не будет это в тягость, позвольте взглянуть им на вашу картину. Граф и графиня (урожд. графиня Строганова) очень добрые люди, а потому вы можете им даже объяснить ваше положение. Они же едут, не останавливаясь, в Россию, стало быть, будут иметь случай заговорить и с другими о вашем положении».

27 октября 1850 г.[4], О. М. Бодянский записал в дневнике: «Гр<аф> С. Г. Строганов рассказывает, что он, по просьбе Гоголя, через дочь его, графиню Толстую, бывшую с мужем[5] за границей, написал свое мнение о "Переписке Гоголя с друзьями", которое заключил так: "человек спасен, но автор погиб". После сего Гоголь замолчал и был мрачен весь вечер. "Это человек, по словам Строганова, в высшей степени самолюбивый", что и я подтвердил с своей стороны»[6].

Перевод письма графа С. Г. Строганова (с фр. языка; без указания автора послания) сохранился в рукописном фонде Гоголя Российской государственной библиотеки. Авторство устанавливается впервые на основании совпадения заключительных строк письма («...человек, может быть спасся, но сочинитель может быть потерян...») с приведенным свидетельством Бодянского о том, что письмо Строганова оканчивалось словами: «человек спасен, но автор погиб». Написано послание было спустя «несколько дней» после появления в продаже в Москве «Выбранных мест из переписки с друзьями», т. е. после 9/21 января 1847 г.[7]

Гоголь, вероятно, прочел (или выслушал) отзыв Строганова в Неаполе в конце февраля (н. ст.) 1847 г.[8]

[1] См. ***1846. Июля 31 или августа 1 <июля 19 или 20>. Пятница или суббота. Швальбах, Эмс.***
[2] Статьи «Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве» и «О том же».
[3] *Свод.* Т. 3. С. 864.
[4] См. ***1850. Октября 27. Пятница. Москва.***
[5] Имеется в виду граф Иван Петрович Толстой (1810–1873), брат А. П. Толстого.
[6] Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 227.
[7] См. ***1847. Января 9 <21>. Четверг. Москва.*** – О чтении Строгановым «Выбранных мест из переписки с друзьями» упоминал также позднее М. П. Погодин в письме к Гоголю. 2/14 июня 1847 г. он сообщал ему из Москвы по поводу статьи в «Выбранных местах...» *IV. О том, что такое слово* (с критикой Погодина): «А граф Строганов, прочитав твои письма, с кошачьей злобой говорит мне: “Ваши друзья говорят об вас то же”». Гоголь 8 июля (н. ст.) 1847 г. отвечал Погодину: «В конце своего письма ты, давши мне маленький урок, как оно и следовало, говоришь: “нужно любить, любить и любить”, и вслед за этим с чувством огорченного человека негодуешь на Строганова [за новую колкость] за неприглядную и злую колкость. Что сказать на это: “Надо любить и Строганова!” С тех-то именно нужно начать, которые нас огорчают, а иначе когда же мы выучимся любить?»
[8] См. ***1847. Февраля конец <февраля средина>. Неаполь.***

ЯНВАРЯ 16 <28>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

С. Т. Аксаков отправляет сыну Ивану ответное[1] письмо в Калугу, начатое 14 января 1847 г.:

«14 января 1847 г. Москва.

Сейчас получил письмо твое, милый друг Иван, от 11 января. Не будучи в состоянии заниматься теперь никаким другим делом, кроме разговора с тобою, я принимаюсь диктовать письмо, хотя оно пойдет еще послезавтра. Письмо твое не изумило, не поразило меня, а просто уничтожило на некоторое время. Я также прочел всю книгу Гоголя. Если б я не имел утешения думать, что он на некоторых предметах помешался, то жестким бы словом я назвал его. Я вижу в Гоголе добычу сатанинской гордости, а не христианское смирение. Я никогда не прощу ему выходок на Погодина[2]; в них дышит дьявольская злоба, а он изволит утопать в сладости любви христианской. Меня оскорбило письмо его к Веневитиновой[3], которое и написать совестно, не только напечатать, которое нашпиговано *ангельскими устами и небесным голосом,* где определяется чисто католическое воззрение на красоту женщины и употребление оной и, между прочим, говорится о *рукоплесканиях на небесах.* Я не мог читать без отвращения печатное завещание человека живого и здорового, в каждом слове которого дышат неимоверная гордость и опять-таки злоба на Погодина; где эстамп “Преображения Господня” так и ложится рядом с его портретом. Боже мой, какое впечатление произведет это завещание на его бедную мать! Я не мог без горького смеха слушать его наставленья помещикам[4], как надобно им пахать, жать и косить впереди своих крестьян; как заставлять их прикладываться к некоторым словам Священного Писания, *тыкая* в них пальцем, как чинить суд и расправу и как уверить умный русский народ, что помещик для того только справляет барщину, чтоб они в поте лица снедали хлеб свой; как раскладывать свой годовой доход[5], которого никогда при начале года в руках не бывает, на семь куч и если в куче, назначенной для благотворения, недостанет денег, то дать людям умирать возле себя, а из другой кучи не брать! Я не мог без жалости слышать этот язык, пошлый, сухой, вялый и безжизненный, которым ты упиваешься, и только статья о русской литературе и литераторах и письмо об Иванове напомнили мне прежнего Гоголя. Неужели не поразило тебя выражение: *прекрасный Небесный Отец наш* и рядом: *прекрасный друг мой* (говоря о Жуковском). Я теперь уже готов услышать от тебя, что статья, которой не называю[6], непосредственно вытекает из духа христианского! Этот дух по крайней мере неглуп. Я прочел книгу и отдал читать другим: пишу теперь на память, которая стала у меня плоха. Я уверен, что найду в ней десятки подобных доказательств. Я не буду знать, что мне возразить тому человеку, который скажет: это – хохлацкая штука: широко замахнулся, не совладел с громадностью художественного исполнения второго тома, да и прикинулся проповедником христианства.

Мы все собираемся писать к Гоголю[7], более или менее в одинаковом смысле. Разумеется, все, что я написал тебе, я не только никому не скажу, но и не позволю сказать при мне, кроме истинных друзей Гоголя»[8].

Отправив письмо, С. Т. Аксаков в тот же день, 16 января 1847 г., принялся за новое письмо к сыну, где замечал:

«Обстоятельства переменяются. Мы не можем молчать о Гоголе, мы должны публично порицать его. Шевырев даже хочет напечатать беспощадный разбор его книги[9]. Дело в том, что хвалители и ругатели Гоголя переменились местами: все мистики, все ханжи, все примиряющиеся с подлою жизнию своею возгласами о христианском смирении, весь скотный двор Глинки[10] и особенно женская свита К. В. Новосильцевой[11] утопают в слезах и восхищении. Я думал, что вся Россия даст ему публичную оплеуху, и потому не для чего нам присоединять рук своих к этой пощечине; но теперь вижу, что хвалителей будет очень много, и Гоголь может утвердиться в своем сумасшествии. Книга его может быть вредна многим. Вчера был у меня Погодин. Он признается, что в первые минуты был оскорблен до глубины души[12] (Шевырев сказ<ыв>ал, что он горько плакал[13]); но скоро успокоился и теперь искренно смеется. Он хочет написать к Гоголю: *Друг мой, Иисус Христос учит нас подставлять правую ланиту, получив пощечину в левую; но где же учит он давать публичные оплеухи?* Вся его книга проникнута лестью и страшной гордостью под личиной смирения: он льстит женщине, ее красоте, ее прелестям; он льстит Жуковскому[14]; он льстит власти. Он не устыдился напечатать, что нигде нельзя говорить так свободно правду, как у нас. Может ли быть безумнее гордость, как требованье, чтоб, по смерти его, его завещание было немедленно напечатано во всех журналах, газетах и ведомостях, дабы никто не мог отговориться неведением оного? Чтоб не ставили ему памятника, а чтоб каждый вместо того сделался *лучшим?* Чтоб все исправлялись *о имени его?..* Все это надобно повершить фактом, который равносилен *41 числу мартобря* (в "Записках сумасшедшего"). Известное стихотворение Пушкина к Гнедичу: *С Гомером долго ты беседовал один* Гоголь принял за стансы к царю[15]. Неужели это не бросилось тебе в глаза?

Сейчас получили письмо твое от 14 января и вместе с ним письмо от матери Гоголя, которая еще не получила его книги, но получила его завещание... добрый, нежный сын! <...>. Книги Гоголя в продаже нет: ибо всего было прислано тридцать пять экземпляров, а тысяча двести выслано из Петербурга в прошедший понедельник[16]. Итак, ты не скоро еще ее получишь. Я уверен, что мысли твои о книге Гоголя должны измениться. Ты обольстил сам себя предположением чистого христианского направления в Гоголе. Что Александра Осиповна? Если ты захочешь, то можешь показать ей или прочесть в моем письме все, касающееся до книги Гоголя. Я даже желал был сообщить ей письмо мое к нему[17], читанное тобою. Неужели необыкновенный ум этой женщины не поймет меня?»[18]

В тот же день, 16 января 1847 г., О. Сем. Аксакова также писала сыну:

«С изумлением, разиня рты и поднявши руки, слушали мы письмо твое о книге Гоголя. Вот тебе, Ванечка, семейная картина при чтении твоего письма; больше ничего не скажу; отец так много и сильно написал, что прибавлять уже не стоит... <...> Одно сильное действие возбудила во мне эта книга: *сильное негодование* — вот и польза его книги; до сих пор не могу истребить этого ощущения, оно же и поддерживается вестями (которые привез Боткин и переданные нам Константином), что *он* иначе не ходит, как потупя взор, и ему говорят тихо, с подобострастием: "Николай Васильевич, Николай Васильевич, хорошо ли это блюдо?", а он, кушая, отвечает: "Софья Петровна[19], думайте о душе вашей"[20]. Эта картина Тартюфа[21] так мне противна, что я не могу ее выносить хладнокровно. Много виноваты в том и Александра Осиповна[22], и прочие дамы, а здесь обвиняют меня, но я любила в нем истину, а не притворство»[23].

В это время «вести» о Гоголе, услышанные К. С. Аксаковым от В. П. Боткина, — о том, что Гоголь в Неаполе в обществе графини С. П. Апраксиной (сестры

графа А. П. Толстого) «ходит каждый день к обедне и с большим усердием молится Богу»[24] — и «иначе не ходит, как потупя взор»[25], занимают, по-видимому, всех Аксаковых. Около того времени В. С. Аксакова записала на отдельном листе (заметка, возможно, представляет собой набросок ее письма в Петербург к двоюродной сестре М. Г. Карташевской):

«О Гоголе я только по инстинкту догадываюсь, что он падает ниже в таланте; но приезжий, необыкновенного ума человек, сказывал мне на этих днях, что он решительно поглупел, по крайней мере талант его убит мистическим расположением, в которое он впал сообществом Г<-на> Толстого[26], человека весьма ограниченного, и, вероятно, Жуковского, которого сентиментальность тоже не ведет ни к чему великому»[27].

В тот же день, 16 января 1847 г., Вера Аксакова писала Карташевской в Петербург:

«Как скоро будет оказия, перешлю тебе отесенькино письмо к Гоголю[28], на которое еще до сих пор нет ответа[29], не знаем, какое произведет оно на него впечатление. Тебе оно, я уверена, вполне понравится. <...> Наше время чрезвычайно замечательно, но опасно. Боже мой, какое ужасное явление стоит пред нами, — это Гоголь. Может быть, ты уже также прочла книгу, прошу тебя написать все-все твое впечатление и мнение подробно, — именно твое я желаю знать. Отесенька не хочет, чтоб дядя[30] знал наше мнение, и потому не сообщай ему моего письма. У нас идут самые живые толки об этом, иные на него [нападают] негодуют, другие [бранят] видят в этом сума<с>шествие, третьи даже, но это несправедливо, воображают, что это обман. По прочтении первых же страниц нельзя сомневаться в однопредметном помешательстве Гоголя, и на нас это произвело глубоко горестное впечатление, в первую минуту даже страшно было читать; что за нелепости, что за сума<с>шедшая гордость, называющая себя смирением, что за проповеди обо всех и всем, что за католический взгляд на женщину, что за лесть. Язык холоден, вял большею частью, только два-три письма и <*1 нрзб.*> статья о литераторах прекрасны. — Неужели это падение всей нравственной духовной стороны человека, нет, это не может быть, тут слишком нелепые есть вещи; он всегда был непонятно странен, эти странности развились до сумасшествия, по крайней мере, однопредметного. Уже одно печатание этой книги, этих писем есть доказательство нездравого рассудка. Как печатать завещание при жизни — не сума<с>шествие ли это; может быть сума<с>шествие вследствие гордости духовной, но все-таки сума<с>шествие, и это есть ему извинение во многом, чего бы иначе и извинить нельзя. Что за злоба на Погодина[31], который очень справедливо вчера нам сказал: Спаситель говорит, чтоб мы подставляли другую щеку, когда нас ударили в одну, но где же Он говорит, чтоб мы давали пощечины; если ты прочла книгу, то ты вспомнишь, что Гоголь говорит, как полезно дать пощечину человеку в виду всех, это относится до Погодина. — Ужасное и горестное явление. Может быть, он сжег сокровища, которых уже не в состоянии произвести. — Но кто знает, может быть, он и выздоровеет. Один человек не без смысла заметил, что это в самом Гоголе переходное состояние, стремление к истине, и хотя тут много темных сторон, но он выйдет на свет. — Дай Бог. Вот чем разрешились все те неясные чудные ожидания; впрочем, он все еще хочет продолжать М<ертвые> Д<уши>. Но что это будет! Я не выписываю тебе некоторых мест, некоторых выражений, книгу нашу мы дали знакомым, после напишу, может быть, подробнее, но если ты читала, то сама заметишь. Здесь ее еще немногие имеют, ждут с нетерпением, еще не пришел большой транспорт из Петерб<урга>. — Многие уже хотят писать, кто Гоголю прямо, кто в журналах. В новом Соврем<еннике> есть статья во многом очень справедливая о Предисловии к новому изданию М<ертвых> Д<уш> первой части[32]. — Отесенька так волнуется, говорит об Гоголе, что нельзя удержать. Хвалители Гоголя совершенно переменились. Теперь его хвалят мистики, ханжи и т. п.; все же прежние его хвалители его громко порицают. — Нас обвиняют в том, что мы развили в нем эту гордость, — нет, это несправедливо, мы, конечно, добросовестно принимали его слова, видели и тогда странности его, но говорили, что это странности, которые мы не можем истолковать

и потому не судили его, но тогда в нем был восторг духовного стремления, увлекательного даже для людей холодных, но теперь остались одни слова, тем вернее должно быть наше впечатление, что мы не вдруг позволили себе его осудить. Жаль, что ты не знаешь его прежних писем к отесеньке»[33].

В тот же день, 16 января 1847 г., Д. Н. Свербеев по предложению С. Т. Аксакова написал ему письмо о «Выбранных местах из переписки с друзьями»[34] (27 января 1847 г. Аксаков отправил это письмо Гоголю в Неаполь)[35].

Из письма Свербеева: «Нет, не решаюсь я, Сергей Тимофеевич, по вызову вашему, писать прямо Гоголю замечания мои на его новую книгу. Меня удерживает чувство приличия... <...> Не довольно <...> знаком я с Гоголем, чтобы писать ему откровенно, а одно уважение мое к его гениальному таланту, <...> не дает еще мне никакого права на такую откровенность. Я боюсь оскорбить его; признаюсь вам, боюсь еще более увидеть в печати ответ *его ко мне*, а этот ответ невольно пристегнет и меня к его знаменитости, тогда как я решительно не хочу быть прихвостником ни у какой знаменитости. Письменные же сношения с Гоголем — вы сами это видите — опаснее, нежели с кем бы то ни было. Он как-то и почему-то поставил себя вне всех приличий, и доказательством этому самая та книга, на которую требуете вы моих замечаний. Ну, как ему вздумается и меня, пребывающего вне службы семьянина, отсылать по утрам в детскую или на гумно, как он велит посылать в департамент одного служащего своего приятеля; ну, как заставит и меня делить на семь кучек мои скромные доходы[36], да еще запретит, не взирая ни на какую крайнюю нужду, занимать из одной кучи для другой; ну, как он все эти строгие указы, данные на мое имя, еще обнародует для примера другим. <...> Иное дело, если вы возьмете на свою ответственность передать ему на бумаге все, что я говорил вам прежде о его книге, если вы сверх того оградите меня вашим словом от всякого печатного и даже письменного поучения. На этих условиях вот вам мои замечания: располагайте ими как вам угодно, но не иначе, как под вышесказанной с вашей стороны ответственностью.

Сперва повторю я чужие мнения о книге, которые удалось мне выслушать справа и слева от прочитавших *Избранные письма Гоголя...* <...> Были такие читатели, — их не много, — которые обливали слезами умиления и предисловие и завещание Гоголя, и особливо два письма его о нашей церкви. В простоте сердца они *сознали* своим плачем не только его великий гений, но и его великое смирение. Другие, напротив, робко выражали свои сомнения насчет этого смирения. Третьи, посмелее, называли уже книгу первым неудачным опытом автора в этом великом подвиге христианина. Но поразил меня отчаянный смельчак, который — видно, сердит он был на Гоголя за Ноздрева — во всеуслышание объявил, что автор писем отныне должен называться не Николаем, а Тартюфом[37] Васильевичем.

Еще страннее, что у некоторых читателей было заготовлено по нескольку мнений на эту книгу: в своем кабинете и в короткой беседе они говорили одно, в гостиных — другое. Потом нашелся даже один такой читатель, который восхищался многим, всего более восхищался в Гоголе его резким, выходящим из пределов приличия тоном, с которым он говорит всему русскому обществу, и его дерзкой откровенностью с друзьями, на которых он прямо указывает всем своим грозным, карающим перстом, и его требованием выменять дурной портрет его на изящный образ Преображения и его проповедью всем и каждому обратиться к добру, а не ставить ему памятника и его волею обнародовать свое завещание во всех журналах и ведомостях Российской империи и пр. и пр. Выражая этими именно выражениями свое удивление, свое сочувствие к Гоголю, этот читатель сказал мне: "русская публика, русское общество — нуль. Ему все сказать возможно, и чем смелее, чем дерзновеннее писатель. чем выше ставит он себя перед русским обществом, чем откровеннее выражает свое гордое к нему презрение, тем более и более благоговеет перед ним это общество, тем ниже преклоняет оно свою голову". Такой грозной выходки не мог уже оставить я без возражения непрошенному защитнику великого писателя, от которого, я уверен, сам Гоголь отскочил бы с ужасом. "Нет! — отвечал я ему, — русское общество не так пошло, как вы осмеливаетесь о нем думать, не так ничтожно, как вы дерзаете о нем произносить. Оно умеет замечать странности своих знаменитостей... <...>".

После всех этих разнообразных мнений можно, кажется, сказать, что книга наделала много шуму и, как некогда *"Мертвые Души"*, стала камнем преткновения, о который спотыкаются мно-

гие, получая порядочные синяки от этого падения. А каких бы еще диковинных мнений наслушались мы, если бы наши московские торгаши книгами не отсылали от себя покупателей за неимением книги. После будет поздно; первая вспышка пройдет. Привилегированные умники, уже давно прочитавшие книгу, наложат на общество свое собственное мнение, ему обрадуется большинство и примет с голоса. Есть люди осторожные, слишком к себе недоверчивые, которые этого именно и ждут.

Еще одно мнение слышал я от умного, скромного и религиозного читателя, который был удивлен непонятным применением стихов Пушкина[38] к идеалу царя, изображенному Гоголем. Самый идеал казался ему не совсем верным выводом из христианского учения. Я начал было защищать мысль Гоголя; он со мною спорил и вдруг от меня вышел, сказав: “не приходится”.

Мое собственное мнение о книге могу выразить тремя на ней подписями: 1) уничижение паче гордости, 2) гордость смирения, 3) надувательство. По мере чтения приходили мне в голову две первых подписи. Не знаю, ясным ли покажется вам ясное для меня их различие. По прочтении всей книги – “просто надувательство!” сказал я громко, один в своей комнате, и тут же с грустью закрыл и положил ее на стол. <...> ...“Видно, уж у нас такая надувательная сторона”, сказал Гоголь[39]. <...> Только одного не берусь я решить <...>: надувает ли он, прежде чем сам надувается, или же надувается прежде сам, а потом уже надувает своих читателей.

Еще два слова. После такого тяжелого, такого горького урока, который дал нам великий поэт своим падением, мы еще в нем не отчаиваемся, мы ожидаем от него вещего, утешительного голоса о его бодром, победном над собою восстании».

Получив это послание, С. Т. Аксаков 19–20 января 1847 г. писал сыну Ивану: «Свербеев написал письмо ко мне, в котором очень умно и очень зло разбирает книгу Гоголя; уже четыре дня я держу его в своих руках, не имея духу послать: боюсь, не оскорбится ли он?»[40]

[1] См. ***1847. Января 11 <23>. Суббота. Калуга.*** – См. также ***1847. Января 14 <26>. Вторник. Москва.***

[2] В статье *IV. О том, что такое слово* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[3] Имеется в виду статья *II. Женщина в свете*, которую С. Т. Аксаков считал адресованной А. М. Веневитиновой (рожд. графине Виельгорской, 1818–1884).

[4] В статье *XXII. Русской помещик.*

[5] В статье *XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России.*

[6] *X. О лиризме наших поэтов.*

[7] См. ниже письмо к С. Т. Аксакову Д. Н. Свербеева от 16 января 1847 г.

[8] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 593.

[9] См. также ***1846. Ноября 28 <декабря 10>. Четверг. Москва***; ***1847. Января 30 <февраля 11>. Четверг. Москва.*** – Однако С. П. Шевырев в статье «Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя» (Москвитянин. 1848. № 1 (цензурное разрешение 27 дек. 1847). <Отд. 2>. С. 1–29) выступил в поддержку Гоголя. – См. ***1847. Декабря 27 <1848. Января 8>. Суббота. Москва.***

[10] Подразумевается Ф. Н. Глинка.

[11] Графиня Екатерина Владимировна Новосильцева (рожд. графиня Орлова, 1770–1849).

[12] Статьей *IV. О том, что такое слово* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[13] См. ***1847. Января 10 <22>. Пятница. Москва.***

[14] См. также ***1847. Января 30 <февраля 11>. Четверг. Москва*** (письмо С. П. Шевырева).

[15] См. ***1842. Января между 2 и 7. Москва*** (примечания).

[16] 13 января 1847 г.

[17] От 9 декабря 1846 г. (см. ***1846. Ноября конец – декабря 9 <декабря первая половина – декабря 21>. Москва***).

[18] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 594.

[19] Графиня С. П. Апраксина (рожд. графиня Толстая).

[20] Ср. ***1845. Декабря 10 <22>. Понедельник. Москва***; ***1846. Ноября 18–19 <6–7> – 1847. Мая <апреля 29>. Неаполь.***

[21] См. также ***1847. Апреля 24 <мая 6>. Четверг. Москва.***

[22] Смирнова.

[23] Из писем О. Сем. Аксаковой (рожденной Заплатиной) // *Свод.* Т. 2. С. 780.

[24] Письмо В. П. Боткина к П. В. Анненкову от 28 февраля 1847 г. (см. ***1847. Февраля 28 <марта 12>. Пятница. Москва***).

[25] Письмо О. Сем. Аксаковой к сыну Ивану от 16 января 1847 г. (см. выше).

[26] Разделяемое всеми членами семьи Аксаковых представление о том, будто на формирование «мистического расположения» Гоголя оказал влияние граф А. П. Толстой, ошибочно (см. ***1848. Декабря 4 или 5. Суббота или воскресенье. Москва***).

[27] *Аксакова В. С.* <Заметка о Гоголе 1847 г.> // *Свод.* Т. 2. С. 866.

[28] Письмо от конца ноября – 9 декабря 1846 г. (см. ***1846. Ноября конец – декабря 9 <декабря первая половина – декабря 21>. Москва***). – См. также ***1847. Января 20 <февраля 1>. Понедельник. Москва.***

[29] Гоголь ответил С. Т. Аксакову 20 января (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь***).

[30] А. Т. Аксаков.

[31] Подразумевается статья «О том, что такое слово».

[32] Имеется в виду рецензия В. Г. Белинского «Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Издание второе. Москва, 1846». В предисловии Гоголя «К читателю от сочинителя», находящемся в тесной связи с книгой «Выбранные места из переписки с друзьями», критик увидел «столько неумеренного смирения и самоотрицания, что они невольно заставляют читателя предполагать тут чувства совершенно противоположные...» По словам критика, это предисловие «внушает живые опасения за авторскую славу в будущем» и «грозит русской литературе новою великою потерею прежде времени...» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. С. 511).

[33] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 854–855.

[34] См. ***1847. Января 23 <февраля 4>. Четверг. Москва***; ***1847. Марта 6 <февраля 22>. Суббота. Неаполь.***

[35] См. ***1847. Января 27 <февраля 8>. Понедельник. Москва.***

[36] Имеется в виду статья *XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России.*

[37] См. также ***1847. Апреля 24 <мая 6>. Четверг. Москва.***

[38] Имеется в виду стихотворение А. С. Пушкина «К Н**» («С Гомером долго ты беседовал один...») (см. ***1842. Января между 2 и 7. Москва*** – примечания).

[39] Имеется в виду реплика из заключительного монолога Ихарева в комедии «Игроки»: «Такая уж надувательная земля!»

[40] И. С. Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. 1. С. 409.

ЯНВАРЯ 17 <29>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Секретарь канцелярии Императрицы Александры Феодоровны И. П. Шамбо[1] извещает министра народного просвещения графа С. С. Уварова:

«Препровожденный ко мне при отношении Вашего Сиятельства от 10-го сего января экземпляр сочинения *Н. Гоголя*, под названием: *Выбранные места из переписки с друзьями*, – я имел счастие всеподданнейше представить Государыне Императрице, и Ее Императорское Величество всемилостивейше соизволила благодарить Автора за поднесение этой книги»[2].

В тот же день П. А. Плетнев отправил письмо к В. А. Жуковскому во Франкфурт и ответное[3] письмо к Гоголю (письмо к Гоголю, возможно, также было отправлено не в Неаполь, а во Франкфурт)[4].

На письме к Гоголю имеется помета Плетнева: «О<тветил> 17 Янв<аря> 1847. Тут же и вексель на посл<анника> в 205 р<ублей> с<еребром>, а от Прокопов<ича> Жуковскому в Франк<фурт> на М<айне> тогда же»[5].

Из письма Плетнева к Жуковскому: «В нынешнем письме моем я препровождаю к вам вексель (Secunda) барона Штиглица, выданный им товарищу Гоголя Прокоповичу еще 26 янв<аря> 1845 года[6], когда происходило издание Гоголевых сочинений в 4 томах. Первый экземпляр этого векселя (Prima), как объясняет мне Прокопович, в свое время был отправлен во Франкфурт на Майне на ваше имя для передачи Гоголю. Между тем Гоголь, нынешним летом видевшийся в Швальбахе с каким-то Анненковым[7], который сказывал ему об этой посылке Прокоповича, писал

ко мне, будто он еще не получал денег по этому векселю. Тут вышла с его стороны какая-нибудь сбивчивость. Я просил Прокоповича объяснить мне дело и узнать от Штиглица, отдадутся ли деньги, если первый вексель пропал на почте. Штиглиц отвечал, что и теперь, по второму его векселю, еще можно получить деньги, как скоро по первому не было выдачи. Итак, я вас прошу потрудиться объяснить все это дело, потом написать обо всем к Гоголю в наше посольство в Неаполе, и наконец уведомить меня обо всем, чтобы я мог успокоить Прокоповича. Вы, конечно, знаете уже о смерти поэта Языкова[8]. Живо воображаю, как это опечалит вас. <...> Вы должны уже получить[9] теперь новую книгу Гоголя, мною изданную. Ваш экземпляр я отдал Вяземскому, который вызвался отправить его через графиню Нессельрод»[10].

Из письма Плетнева к Гоголю: «Нынешним письмом мы кончим с тобою общее дело наше по изданию твоих писем. Еще раз, для облегчения взгляда, представлю все в одном общем отчете. Напечатано 2400 экз<empляров>. Из них 1200 экз<емпляров> вытребовал Шевырев, у которого купец все взял разом с уступкою 25 проц<ентов>. Тебе за эти экз<емпляры> отчислиться должно 1800 р<ублей> с<еребром>, что и получишь ты прямо от Шевырева. Из оставшихся у меня 1200 экз<емпляров> только 1125 экз<емпляров> пошло в продажу, а остальные 75 в подарки и в ценз<урный> ком<итет>. Сначала из числа 1125 экз<емпляров> продал я только 400 экз<емпляров> вдруг, и уступка была 20 проц<ентов>, а после взяты все остальные экз<емпляры> 725 вдруг с уступкою 25 проц<ентов>. Таким образом, я за первые получил 640 р<ублей> с<еребром>, а за вторые 1087 р<ублей> 50 к<опеек> с<еребром> – всего же 1727 р<ублей> 50 к<опеек> с<еребром>. Из этой суммы 10 января[11] послано тебе 750 р<ублей> с<еребром> да здесь посылается сегодня 205 р<ублей> с<еребром>, и того 955 р<ублей> с<еребром>. Прочие же 772 р<ублей> 50 к<опеек> с<еребром> пошли на следующие расходы: в типографию за издержки по изданию 556 р<ублей> с<еребром>, за высылаемые тебе через Арк<адия> Росети журналы 48 р<ублей> с<еребром>, за отправление в Москву с транспортом книги в числе 1200 экз<емпляров> 28 р<ублей> 50 к<опеек> да за двукратную прописку векселей у Штиглица 1 р<убль> 40 к<опеек> с<еребром>. Оканчивая этот счет, сообщу тебе подробности о векселе Прокоповича, о котором ты узнал от Анненкова и писал ко мне.

Прокопович в начале 1845 г.[12] действительно послал во Франкфурт вексель на имя Жуковского, для передачи тебе, оставив у себя второй его экземпляр (secunda). Он воображал, что ты давно деньги получил. Надобно полагать, что тут вышла какая-нибудь сумятица. Когда я уведомил Прокоповича, что ты этих денег не получал, он привез мне для удостоверения второй экз<емпляр> векселя. Я велел Прокоповичу побывать с ним у Штиглица, где сказали, что если по первому действительно выдано не было, то еще можно получить по второму. Вот я и решился сегодня же этот второй экземпляр послать при объяснительном письме к Жуковскому. Я прошу его получить деньги и переслать тебе или объяснить тебе все дело. Ты должен, для успокоения Прокоповича и меня, непременно написать мне как ответ на это письмо поскорее, так и о том, что получишь в уведомление от Жуковского.

С курьером я отправляю к тебе в одном пакете две брошюры: перевод Берга (недавно кончившего в Москве университетский курс) "Краледворской рукописи"[13] и мою биографию Крылова[14], написанную к полному собранию сочинений его, изданному в 3-х томах и сегодня только вышедшему. Ты мне должен сказать свое мнение об этом моем труде. Если он удался, то я примусь за Карамзина, а наконец и за Жуковского[15]. Без "Современника" мне раздолье. А прежде я похож был на собаку на привязи.

Как должна поразить тебя кончина Языкова! Ты с ним столько времени жил вместе. И я даже, который давно разлучился с ним, не могу опомниться от такого удара. Теперь-то *нас* уж немного.

О представлении Государю переписанной вполне новой книги твоей теперь и думать нельзя. Иначе какими глазами я встречу Наследника, когда он сам лично советовал мне не печатать запрещенных цензором мест[16], а я как будто в насмешку ему полезу далее. Да и кто знает, не показывал ли он этого Государю, который, не желая дать огласки делу, велел, может быть, ему от себя то сказать, что я от него слышал. Лучше вот что сделай. Ведь нельзя же ограничиться тебе одною книгою этих предметов столь важных, столь необходимых всем, особенно в России. Итак, составив новую в

этом роде книгу, ты внеси в нее все запрещенное, как будто писанное после, и эту рукопись пошли прямо на имя В. Перовского, прося его употребить содействие, чтобы Государь удостоил на нее взглянуть или поручил кому пробежать прежде цензора. Тогда, во-1-х, ничто твое не пропадет, во-2-х, все новое будет непременно пропущено.

Прошу прощения у тебя в том, что так поспешно вывел несправедливое заключение о *всех* аристократах наших, судя по *некоторым*. Но ты напрасно воображаешь, будто в сердце моем нет полной веры к личным твоим убеждениям. Если бы похожее что на это происходило в душе моей, я не принялся бы с таким жаром за все дела твои. Нет, уж и потому я верую в святость дел и помыслов твоих, что сам давно стремлюсь подняться сердцем и помыслами и жизнию на эту высоту, единственную цель теперешней моей жизни.

Пожалуйста, на время отбытия своего на Восток устрой в Неаполе или где удобнее так, чтобы все письма, пакеты и другие посылки, на твое имя адресуемые, или доставлялись тебе, или по крайней мере сохранялись до твоего возвращения. А то одна мысль, что я столько теряю времени на письма, которые пропадут на почте, отнимает всю охоту писать».

[1] Иван Павлович Шамбо (1783–1848), секретарь Императрицы Александры Федоровны, учитель немецкого языка великого князя Александра Николаевича.

[2] *Свод*. Т. 3. С. 597.

[3] См. ***1847. Января 5 <1846. Декабря 24>. Вторник. Рождественский сочельник. Неаполь***; ***1846. Января 13 <25>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1847. Февраля 4 <января 23>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[5] *Городецкий*. С. 454.

[6] См. ***1845. Января 26 <февраля 7>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1846. Июля между 6 и 19 <между июня 24 и июля 7>. Бамберг.***

[8] См. ***1846. Декабря 26 <1847. Января 7>. Четверг. Москва.***

[9] См. ***1847. Февраля 18 <6>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[10] *Свод*. Т. 1. С. 691.

[11] 11 января 1847 г. (см. ***1847. Января 11 <23>. Суббота. Санкт-Петербург***).

[12] См. ***1845. Января 26 <февраля 7>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[13] Краледворская рукопись. Собрание древних чешских эпических и лирических песен. М., 1846.

[14] См. ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург*** (примечания).

[15] О Н. М. Карамзине Плетнев не написал, не встретив поддержки в семье писателя. О В. А. Жуковском в 1852 г. были написаны статьи «Василий Андреевич Жуковский» и «О жизни и сочинениях В. А. Жуковского».

[16] См. ***1846. Ноября 4 <16>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 29 <17>. ПЯТНИЦА. РИМ

Ф. В. Чижов, получив из Москвы от Е. А. Свербеевой письмо с известием о кончине Н. М. Языкова[1], отмечает в дневнике:

«Грустно и очень грустно. Языкова больше нет. Сегодня целый день я как потерянный. Что я в нем теряю, того уже ни в ком потерять не могу. Бог знает, что делает.

Завтра пишу к *Кат<ерине> Алекс<андровне> Свербеевой, Гоголю и К<атерине> Маркевич*. <...>

Я писал к Гоголю, надобно будет его увидать и с ним поговорить о многом. Сильно хотелось бы теперь поехать в Неаполь, именно на карнавал, но не знаю, кажется, не решусь»[2].

В начатом в тот же день послании к Гоголю в Неаполь (письмо было закончено и отправлено на следующий день[3]) Чижов сообщал:

«Грустным вестником надобно мне быть для вас[4], Николай Васильевич, очень грустным. Вот вам слова из письма Свербеевой, сегодня мною полученного. "Грустная весть, боюсь, как бы не

достигла до вас прежде моих строк. Языков болен нервической горячкой и нет никакой надежды. Силы его так были истощены и прежде. Вам, конечно, очень грустно будет по нем. Кому из друзей его не грустно! В моем последнем письме, отправленном 24 дек<абря>, я не хотела вас опечалить вестью о болезни Языкова. Иноземцев еще не терял надежды тогда. Я плохо надеялась, мне сердце говорило, что угрожает нам. Петр Михайлович[5] при нем. Александр Михайлович[6] прожил с ним три недели, уехал, когда уже он занемог. Хомяковых нет здесь; им писали о неминуемом горе".

Вы знали Языкова больше других, вам придется и грустить далеко больше других. Мне стыдно признаваться, как меня поразило это, может быть, и потому, что Языков был в глазах моих святым человеком.

Александр Андреевич[7] грустит со мною; он вам кланяется. Он дает мне надежду здесь вас увидеть, но так не ясно. Чем больше думаю, тем более чувствую необходимость вас видеть. Дай вам Бог здоровья, оно нам нужно».

[1] См. ***1846. Декабря 26 <1847. Января 7>. Четверг. Москва.***

[2] Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 59.

[3] См. ***1847. Января 30 <18>. Суббота. Рим.***

[4] О кончине Языкова Гоголь узнал ранее из письма С. П. Шевырева (см. ***1846. Декабря 30 <1847. Января 11>. Понедельник. Москва***; ***1847. Января 25 <13>. Понедельник. Неаполь***).

[5] Старший брат Языкова.

[6] Второй старший брат Языкова.

[7] Иванов.

ЯНВАРЯ МЕЖДУ 25[1] И 30 <ЯНВАРЯ МЕЖДУ 13 И 18>. НЕАПОЛЬ

Гоголь, еще не имея у себя отпечатанной книги «Выбранные места из переписки с друзьями», пишет в Петербург письмо к графу Мих. Ю. Виельгорскому с просьбой представить не пропущенные цензором А. В. Никитенко статьи «на суд Государю»[2] (письмо Гоголя не сохранилось).

Посланные П. А. Плетневым 31 декабря 1846 – 1 января 1847 г.[3] через князя П. А. Вяземского и графиню М. В. Нессельроде пять экземпляров «Выбранных мест из переписки с друзьями», Гоголь ни тогда, ни позднее так и не получил. 11 февраля (н. ст.) 1847 г. он сообщал Плетневу: «Книга до меня не дошла, чему я отчасти даже рад, потому что, признаюсь, мне бы тяжело было на нее глядеть в ее обезображенном виде».

22 февраля (н. ст.) 1847 г. в письме к А. О. Смирновой Гоголь замечал: «От Плетнева я получил только вместе с уведомлень<ем> о выходе книги... <...> Я до сих пор не получал ее и даже боюсь получить»[4].

В. А. Жуковский, которому Плетнев также послал книгу Гоголя через графиню Нессельроде[5], получил посылку во Франкфурте в средине февраля (н. ст.) 1847 г.[6] Гоголь, однако, 6 марта (н. ст.) 1847 г. сообщал Плетневу: «Уведомляю <...> тебя, что книг до сих пор не получил ни одной. Я полагаю, это оттого, что, вероятно, они были адресованы на мое имя, а так как сам по себе я человечек не велик, <...> то курьер их и оставил в какой-нибудь канцеля<рии> по дороге»[7]. 14 марта (н. ст.) 1847 г. Гоголь извещал князя В. Ф. Одоевского: «Я до сих пор еще не получил никакой книги из Петербурга, ни моей, ни чужих». В тот же день он писал графине С. М. Соллогуб: «Скажите Плетневу или лучше Ар<кадию> О<синовичу> Россети, что я до сих пор не получил из Петербурга никаких книг и не знаю, отправлены ли они и куда»[8].

Аналогичные упоминания о том, что от Плетнева книга до Гоголя так и не дошла, содержатся в его последующих письмах. 20 марта (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал князю В. В. Львову: «Я не видал моей книги в печати...»[9]; 25 марта (н. ст.) 1847 г. – А. А. Иванову: «Книги этой я не получил»[10]; 27 марта (н. ст.) 1847 г. – тому же Плетневу: «Не могу постигнуть, почему я до сих пор не получил ни одной книги, ни моей, ни чужих...»[11]; 13 апреля (н. ст.) 1847 г. – Ар. О. Россету: «Не могу постигнуть, отчего не пришла ко мне до сих пор ни одна из книг, которые, вы говорите, мне посланы»[12]; 24 апреля (н. ст.) – опять Россету: «Уведомляю вас, <...> что, наконец, книги получены... <...> Зачем не пришли мои "Выбранные места" и в каких местах они теперь пребывают, этого никак не могу понять».

Свидетельство о том, что Гоголь вскоре получил откуда-то книгу, содержится в его письме к С. П. Шевыреву от 27 апреля (н. ст.) 1847 г.: «Скажу тебе <...> несколько слов о замечании твоем <...> на статью мою

“О лиризме русск<их> поэтов”... <...> Я не отвечал на это потому, что, не имея моей книги, не знал, в каком виде напечатана эта статья. Теперь, скрепясь духом, пробежал. Это просто бессмыслица. Статья эта и у меня *в рукописи* выходила довольно темна, а с этими <...> обрезываньями цензуры <...>, — просто путаница»[13].

В конце апреля (н. ст.) 1847 г. Гоголь передал книгу настоятелю Христорождественской церкви при русском посольстве в Неаполе о. Тарасию Серединскому[14]. По-видимому, книга была доставлена Гоголю кем-то из знакомых, но не Плетневым, так как 8 мая (н. ст.) 1847 г., незадолго до отъезда из Неаполя[15], Гоголь вновь сообщал ему: «...Моя книга не дошла»[16].

[1] См. ***1847. Января 25 <13>. Понедельник. Неаполь.***
[2] См. ***1847. Января 30 <18>. Суббота. Неаполь.***
[3] См. ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург.***
[4] См. также ***1847. Февраля 6 <января 25>. Вселенская родительская суббота. Неаполь*** (примечания)
[5] См. ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург***; ***1847. Января 17 <29>. Пятница. Санкт-Петербург.***
[6] См. ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Февраля 18 <6>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***
[7] См. ***1847. Марта 6 <февраля 22>. Суббота. Неаполь.***
[8] См. ***1847. Марта 16 <4>. Вторник. Неаполь.***
[9] См. ***1847. Марта 20 <8>. Суббота. Неаполь.***
[10] См. ***1847. Марта 25 <13>. Четверг. Неаполь.***
[11] См. ***1847. Марта 27 <15>. Лазарева суббота. Неаполь.***
[12] См. ***1847. Апреля 13 <1>. Вторник. Радоница. Неаполь.***
[13] См. ***1847. Апреля 27 <15>. Вторник. Неаполь.***
[14] См. ***1847. Апреля конец — мая до 11 <апреля средина — апреля до 29>. Неаполь.***
[15] См. ***1847. Мая 11 <апреля 29>. Вторник. Неаполь.***
[16] См. ***1847. Мая 8 <апреля 26>. Суббота. Неаполь.***

ЯНВАРЯ 30 <18>. СУББОТА. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет А. О. Смирновой в Калугу:

«По делам моим произошла совершенная бестолковщина. Из книги моей напечатана только одна треть в обрезанном и спутанном виде, какой-то странный оглодок, а не книга. Плетнев объявляет[1] весьма хладнокровно, что просто не пропущено цензурой. Самые важные письма, которые должны были составить существенную часть книги, не вошли в нее, — письма, которые направлены были именно к тому, чтобы получше ознакомить с бедами, происходящими от нас самих внутри России, и о способах исправить многое, письма, которыми я думал сослужить честную службу Государю и всем моим соотечественникам. Я писал на днях Вьельгорскому[2], прося и умоляя представить эти письма на суд Государю. Сердце говорит мне, что он почтит их вниманьем своим и повелит напечатать. Друг мой, прошу вас, молитесь обо всем этом и особенно молитесь о том, чтобы послал Бог необходимое спокойствие в мою душу, которое теперь слишком трудно будет сохранить мне, потому что недуги приступили ко мне вновь. Бессонницы, продолжающиеся уже более месяца, известие о смерти Языкова, с которым мы жили душа в душу, наконец известие о беде, постигшей мою книгу, и о нелепом ее появлении в свет, — всё это изнурило меня. Друг мой, молитесь обо мне, да Господь подаст мне силы и укрепит меня...»

[1] См. ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1847. Января между 25 и 30 <января между 13 и 18>. Неаполь.***

ЯНВАРЯ 30 <18>. СУББОТА. РИМ

Ф. В. Чижов заканчивает и отправляет начатое накануне[1] письмо к Гоголю в Неаполь о кончине Н. М. Языкова:

«Простите, что докучаю вам свиданиями с вами; просто бы приехать к вам, но я не скрою, что и средства, и время у меня таковы, что во всякой поездке надобно дать строгий себе отчет. Если вы решительно не будете сюда, лучше было бы поехать во время карнавала. И без настоящей неприятности, он мне не был бы весел, а теперь я не знаю, успею ли я до него одуматься. Вчера меня поразило известие, — сегодня входит глубже, и чем больше вижу, что мы потеряли, тем больше тоскуется. Тем или другим путем мы теряем все прекрасное. Напишите, Николай Васильевич, несколько строк; может быть, вы вашим уединением укрепили силы, веру в Провидение и покорность ему, — научите, как снискать их».

[1] См. ***1847. Января 29 <17>. Пятница. Рим.***

ЯНВАРЯ 18 <30>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет № 3 «Иллюстрации», где напечатана рецензия на «Выбранные места из переписки с друзьями»:

«Гоголь и Редактор Иллюстрации[1] выросли вместе, воспитывались в одном и том же заведении[2] и потому мнение наше, не сходное, впрочем, ни с мнением его порицателей, ни с приговором его хвалителей, в случае строгости имело бы вид расчетливого беспристрастия, в противном случае походило бы на похвалы товарищу; это заставлять нас уклониться от изложения наших мыслей; между тем мы получили письмо, без подписи, но видимо от товарища по учению[3]. Находя его довольно интересным и во многих отношениях справедливым, мы решаемся поместить его в подлиннике, в очищение наше перед читателями. Вот оно:

«На днях я прочитал, любезный друг, новое сочинение Гоголя: "Выбранные места из переписки с друзьями". Что сказать тебе об этой книге? С первых строк она поразила меня: здесь уже не тот Гоголь, который рисовал верную картину жизни русских для русских; здесь Гоголь является учителем русского народа, объясняет ему, что такое значит русский народ, что такое он сам и его сочинения. Он учит нас как русской, который всею душею любит свое отечество, как христианин, который видит в Церкви опору всей жизни. <...> Искренно, по-русски надобно благодарить Гоголя за то, что он раскрыл нам в своей переписке свою душу, которая пылает любовью к России: это пламя ярко осветило все созданное Гоголем, так ярко, что мы не можем не видеть истины, если не совсем слепы. <...> Жалею <...>, что не могу теперь исполнить завещания автора, который просит разослать эту книгу по возможности всем русским, и от этого ты, может быть, не будешь иметь возможности прочитать ее до будущего месяца. Прощай...»

Эти письма возбуждают в наших обществах разговор и даже споры. И это уже хорошо. Мы совершенно охладели к литературе нашей; в состав наших бесед она не входит...»[4]

В тот же день, 18 января 1847 г., П. А. Плетнев сообщал Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«"Гоголь"[5], как ты видишь, разошелся в две недели. Это, конечно, не произошло от поворота идей публики к лучшему, а от любопытства и противоречащих толков»[6].

[1] Н. В. Кукольник.

[2] Гимназия высших наук Князя Безбородко в Нежине.

[3] Автором письма был студент Петербургского университета, «товарищ по факультету и близкий знакомец» Н. Г. Чернышевского (см. ***1847. Января 24 <февраля 5>. Пятница. Санкт-Петербург***).

[4] Еженедельник // Иллюстрация, еженедельное издание всего полезного и изящного. 1847. 18 янв. № 3 (87) (цензурное разрешение 17 янв.). С. 47–48.

[5] Имеется в виду книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями».

[6] *Свод.* Т. 1. С. 691.

ЯНВАРЯ 18 <30>. СУББОТА. КАЛУГА

И. С. Аксаков пишет родным в Москву:

«Теперь о книге Гоголя. Я думаю, Вас немало удивит такая разность впечатлений наших. Мне кажется, я свободнее Вас. Я судил по одним впечатлениям, которые на меня производила эта книга, по тому, как говорит князь Урусов, пробегали ли мурашки по коже или нет. Забудьте, что это писал Гоголь, и признайте за каждым человеком право вещать такое серьезное, опытом жизни запечатленное слово. <...> Что и говорить, и в этой книге есть много вещей, которые показывают, что Гоголь еще не вполне установился, много таких, которых я переварить не могу, напр<имер>, письмо о семи кучках денег[1], предуведомление к Ревизору и т. п. Хотя, надобно признаться, здесь проявляется более странность личного характера Гоголя, всегда у него бывшая, какая-то педантская систематичность (которая есть отчасти и у Константина), нежели странность, вообще свойственная этому направлению. Меня что радует? То, что он мирится и мирит искусство с религией, что он продолжает "Мертвые Души", что даже и здесь, с высоты чудного своего языка, прикасаясь к какому-нибудь предмету, он вдруг заговорит его языком, не брезгуя выражениями. Это меня радует. И какой высокий, чудный образ художника предстает перед глазами! На какую неизмеримую высоту возносит он с собою искусство и служителей искусства, и какое благоговение слышно у него всюду перед нашей дивной душой, перед святым призванием поэта! <...> Мне дела нет до того впечатления, которое Гоголь произведет на публику. На меня он подействовал, точно будто новое поприще деятельности открылось для моей души. Вчера вечером и на ночь написал я стихи, которых еще и не перечитывал нынче. Их надобно отделать, и во вторник я их пришлю к Вам[2]. <...> Вера пишет, что язык слаб и вял. Это такой язык, который, как стихи, невольно удерживается в памяти. <...> Досадно только, что помещено письмо о доме Романовых и государе»[3].

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 918.

[1] Подразумевается статья *XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России.*

[2] См. в наст. изд. письмо И. С. Аксакова князю Д. А. Оболенскому от июля 1847 г.: ***1847. Июль <июля средина – августа средина>. Москва.***

[3] Подразумевается статья *X. О лиризме наших поэтов.*

ЯНВАРЯ 20 <ФЕВРАЛЯ 1>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В Министерстве иностранных дел Гоголю выписаны рекомендательные письма для путешествия к Святым Местам.

Государственный канцлер, министр иностранных дел граф К. В. Нессельроде составил, для вручения Гоголю, рекомендательное письмо к управляющему Императорской миссией в Константинополе М. М. Устинову; еще два рекомендательных письма для передачи Гоголю написал директор Азиатского департамента Л. Г. Сенявин[1]: он составил письмо к русскому генеральному консулу в Бейруте К. М. Базили и письмо к русскому генеральному консулу в Александрии А. М. фон Фоку.

К этим рекомендательным письмам, а также к новому заграничному паспорту Гоголя[2] Нессельроде в тот же день составил сопроводительную записку на имя управляющего Императорской миссией в Неаполе графа Л. С. Потоцкого, а также отправил соответствующее рекомендательное письмо к Устинову[3] в Константинополь[4].

[1] Лев Григорьевич Сенявин (1805–1861), директор Азиатского департамента (с 1841 по 1848), товарищ министра иностранных дел (с 1850).

[2] См. ***1847. Января 15 <27>. Среда. Санкт-Петербург.***

[3] Ответ Устинова см.: ***1847. Февраля 14 <26>. Пятница. Пера.***

[4] Из документов и свидетельств о паломничестве Гоголя к Святым Местам // *Свод*. Т. 3. С. 609–610. – См. также ***1847. Января 21 <февраля 2>. Вторник. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 20 <ФЕВРАЛЯ 1>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Е. А. Свербеева пишет Гоголю в Неаполь:

«С грустным впечатлением оставила меня ваша книга[1]... <...> Все кричат о ней[2], все удивляются этому учению христианскому, вашему призыву всем обратиться к Богу, и все это учение облекается самою страшною гордынею. Вы призываете на молитву за вас святителей и всю Россию: не есть ли это уверенность в заслуге всемирной? Многие радуются, что вы разбиваете вашу славу писателя, а мне грустно не за талант, мне грустно состояние души вашей: в нем видно увлечение, добросовестное увлечение, но нет смирения, а дышит дух превозносящийся. Молю Господа, да придет на помощь к вам и утвердит вашу душу на должной степени того христианского смирения, которого вы имеете только обманчивый отблеск. Вы как будто впали в прелесть, — таково впечатление, которое производит на меня ваша книга. <...>

Смерть нашего доброго Языкова, верно, поразила вас. <...> Языков последнее время жизни много думал о вас и сердечная тревога о вашем душевном состоянии не оставляла его. Не дожил он до вашей книги, но преждевременно заботился о ней и боялся ее появления».

Е. И. Попова тогда же записала в своем дневнике: «*1847 год.* <...> *20 января, понедельник.* Катерина Александровна[3] оставила меня обедать. Зная мои чувства, она велела накрыть стол для нас двоих в своем кабинете. Она прочла мне свое письмо к Гоголю; оно писано от любящей и верующей души, и потому прекрасно. Она просила меня его поправить, но кроме некоторых неважных ошибок, мне хотелось сохранить прелесть душевной простоты и свободы ее писем к друзьям своим. Дмитрий Николаевич[4] читал также мне два свои произведения: письмо к С. Т. Аксакову о Гоголе[5] и письмо к дворянскому предводителю об определении самими дворянами отношений крестьян к первым. Слог и того и другого письма совершенно русской и потому приятен русскому уху, но письмо против Гоголя невыносимо: Катерина Александровна сказала, что оно ей не нравится, и мне также не понравилось. Я угадала ее чувства и вполне согласна с нею»[6].

В тот же день В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской в Петербург:

«Отесенька посылает тебе письмо свое к Гоголю[7]; оно было писано еще до выхода этой несчастной книги. — От тебя уже давно опять нет писем, ожидаю с нетерпением, что ты мне напишешь об этой книге. Ты не можешь себе представить, какие шумные толки идут у нас об ней; все эти дни с утра до вечера у нас кто-нибудь, и первое слово о Гоголе. Мы хотим, несмотря на наше мнение, перечесть эту книгу снова[8]. <...>

Ты, верно, уже знаешь о недавней смерти 26 декабря Ник<олая> Мих<айловича> Языкова, известного поэта. Шевырев хотел было посвятить первую лекцию его памяти и сказал о том графу Строг<анову> как попечителю универс<итета>. Он не позволил, сказав, что этот поэт принадлежал к *оппозиционной партии*. Возмутительная вещь, Шевырев, несмотря на то, сказал несколько слов об Языкове, прибавив, что ему не удалось поговорить об нем более. — Что за мысли *оппозиционная партия?* у нас никаких партий нет, по крайней мере, люди, которые обращаются к своей народности, не составляют никакой партии, никакого общества, а просто всякий хочет быть вполне русским. <...>

Если ты читала книгу Гоголя, то, вероятно, была поражена словами о Царе[9], но я убеждена, что это вытекает из его религиозных взглядов и просто есть сума<с>шествие, иначе это было бы ужасно насколько отвратительно, но это не может быть»[10].

[1] «Выбранные места из переписки с друзьями».
[2] См. также ***1847. Января 22 <февраля 3>. Среда. Москва.***
[3] Свербеева.
[4] Свербеев.
[5] См. ***1847. Января 16 <28>. Четверг. Москва.***

[6] Дневник Елисаветы Ивановны Поповой 1847–1852 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 859.

[7] Письмо от конца ноября – 9 декабря 1846 г. (см. ***1846. Ноября конец – декабря 9 <декабря первая половина – декабря 21>. Москва***).

[8] «В неизданных письмах В. С. Аксаковой к М. Г. Карташевской за этот период весьма значительное место занимают высказывания семьи Аксаковых и их круга о "Выбранных местах из переписки с друзьями". Отметим здесь письма от 16 и 30 января, 21 февраля, 2 и 16 апреля 1847 г.» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 700).

[9] Подразумевается статья *X. О лиризме наших поэтов.*

[10] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 855–856.

ЯНВАРЯ 21 <ФЕВРАЛЯ 2>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Министр народного просвещения граф С. С. Уваров извещает П. А. Плетнева:

«Вследствие письма Вашего Превосходительства от 31-го минувшего Декабря[1], я имел счастие представить сочинение Гоголя, под названием "Выбранные места из переписки с друзьями" Ее Императорскому Величеству Государыне Императрице. Ее Величество всемилостивейше соизволила благодарить автора за поднесение этой книги. Уведомляя о сем Ваше превосходительство, для сообщения Г<-ну> Гоголю, покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном моем почтении»[2].

В тот же день директор Департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел В. А. Поленов[3] отправил управляющему Императорской миссией в Неаполе графу Л. С. Потоцкому пакет с заграничным паспортом и рекомендательными письмами[4] для Гоголя[5].

[1] См. ***1846. Декабря 31 <1847. Января 12>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] *ИРЛИ.* Ф. 652. Оп. 2. № 28. Л. 1.

[3] Василий Алексеевич Поленов (1776 – 21 июля 1851), писатель, академик, тайный советник, контр-адмирал; отец Д. В. Поленова (см. ***1847. Января 16 <4>. Суббота. Неаполь*** – примечания), дед художника В. Д. Поленова.

[4] См. ***1847. Января 20 <февраля 1>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[5] Из документов и свидетельств о паломничестве Гоголя к Святым Местам // *Свод.* Т. 3. С. 611. – См. также ***1847. Марта 5 <февраля 21>. Пятница. Неаполь.***

ЯНВАРЯ 21 <ФЕВРАЛЯ 2>. ВТОРНИК. КАЛУГА

И. С. Аксаков пишет родным в Москву:

«Вот вам стихи, милый отесинька и милая маменька. <...> Письма ваши от четверга[1] получил я в субботу[2], по отправлении своего. Они меня ужасно смутили, встревожили и нарушили то состояние духа, в котором я очутился по прочтении книги Гоголя. Вновь полон я сомнений и вопросов и уж третьего стихотворения в духе первых двух не напишу[3]. Беру у Смирновой книгу Гоголя и подробно буду отвечать вам на каждый пункт письма».

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 918–919.

[1] См. ***1847. Января 16 <28>. Четверг. Москва.***

[2] 18 января 1847 г.

[3] См. ***1847. Апреля 30 <мая 12>. Среда. Москва; 1847. Июль <июля средина – августа средина>. Москва.***

ФЕВРАЛЯ ОКОЛО 2 <ЯНВАРЯ ОКОЛО 21>. НЕАПОЛЬ

Гоголь получил из Петербурга письмо от Ар. О. Россета.

См. ***1846. Декабря 29 <1847. Января 10>. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь***.

ЯНВАРЯ 22 <ФЕВРАЛЯ 3>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев сообщает Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«Императрица[1] присылала ко мне просить еще двух экземпляров Гоголя. Я принужден был купить их в книжной лавке».

Свод. Т. 1. С. 692.

[1] Александра Феодоровна.

ЯНВАРЯ 22 <ФЕВРАЛЯ 3>. СРЕДА. МОСКВА

Е. А. Свербеева пишет А. Н. Попову в Петербург:

«Здесь книга Гоголя занимает всех[1], все кричат, жестоко нападают на него. Каролина Карловна[2] в каком-то исступлении! Николай Филиппович[3] написал критику[4] и нынче читает ее у Киреевского — он, который никогда не признавал таланта гениального Гоголя с жадностию бросился на эту книгу — прибирает эпиграфы из “Тартюфа”[5], хлопочет, кричит. Это отвратительно — признаюсь Вам, не могу я хладнокровно всё это выслушивать. Как жалки люди, как жадно ловят они всякую возможность осмеять, опорочить талант. Как гадко радуются возможности падения всякой знаменитости. Павлов от этого не вырастет ни на волос — что же за отвратительная суетливость. Жалкие люди!»

Гоголь в письмах Е. А. Свербеевой (рожденной княжны Щербатовой) // *Свод*. Т. 3. С. 854.

[1] См. также ***1847. Января 20 <февраля 1>. Понедельник. Москва*** (письмо Свербеевой Гоголю).
[2] Павлова.
[3] Павлов.
[4] Три «письма к Н. В. Гоголю» Н. Ф. Павлова о «Выбранных местах из переписки с друзьями» были опубликованы позднее в № 28, 38 и 46 «Московских ведомостей» за 1847 г. (от 6, 29 марта и от 17 апреля).
[5] См. также ***1847. Апреля 24 <мая 6>. Четверг. Москва***.

ЯНВАРЯ 22 <ФЕВРАЛЯ 3>. СРЕДА. РИГА

Ю. Ф. Самарин сообщает А. О. Смирновой в Калугу:

«Я получил письмо от Чижова из Рима. Он пишет, что Гоголь — в Неаполе, но к карнавалу прибудет в Рим».

Из писем Ю. Ф. Самарина // *Свод*. Т. 3. С. 212.

ФЕВРАЛЯ 4 <ЯНВАРЯ 23>. ЧЕТВЕРГ. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет в Рим письма к Ф. А. фон Моллеру и к Ф. В. Чижову[1] (послания не сохранилось). В письме к Чижову («об Иванове и вообще о художниках»[2]) просит вручить[3] прилагаемое ответное[4] письмо А. А. Иванову:

«Что с вами делается, Александр Андреич? Я с изумлением прочел ваше письмо, недоумевая, ко мне ли оно писано? Предложение ваше, сделанное в прошлом году Чижову[5], которого вы хотели сделать секретарем, положим, еще могло иметь какой-нибудь смысл, потому что Чижов занимался этой частью и притом не избрал себе никакого отдельного поприща, но и ему не прилично было такое место: как бы то ни было, он профессор и приготовил себя вовсе не для того, чтобы сыграть роль чиновника для письма. Но сделать мне такое предложение — уж этакого сюрприза я никак не мог ожидать[6]. Я не могу только постигнуть, как могло вдруг выйти из головы вашей, что я, во-первых, занят делом, требующим, может, побольше вашего *полного* посвященья ему своего времени, что у меня и сверх моего главного дела, которое вовсе не безделица, наберется много других, более сообразных с моими способностями, чем то, которое вы предлагаете, что и самый образ мыслей моих, даже и насчет этого дела, вовсе не сообразен с образом мыслей тех людей, которых вы хотите постановить моими начальниками, и даже с вашими, что я, наконец, на дороге и остановился в Италии только на время, как в гостинице и трактире, что даже и прежде, не только теперь, я уже по причине моих недугов не мог связать себя никакою должностью, потому что я сегодня здесь, а завтра в другом месте. Но всё это вдруг вышло у вас из головы, как бывает со всеми теми людьми, которые не умеют ничего хорошенько сообразить и обо всем порядочно подумать. И какой странный, решительный тон письма: такой-то должен быть тем-то. Киль должен заняться таким-то делом, князь Волконский[7] таким. Наконец, мне самому предписаны границы и пределы моих занятий, так что я невольно спросил: "Да чья же здесь воля изъявляется?"[8] По слогу письма можно бы подумать, что это пишет полномочный человек: герцог Лейхтенбергский или князь Петр Михайлович Волконский по крайней мере. Всякому величаво и с генеральским спокойствием указывается его место и назначение. Словом, как бы распоряжался здесь какой-то крепыш, а вовсе не тот человек, которого в силах смутить и заставить потеряться на целый месяц первая бумага Зубкова. Мне определяется и постановляется в закон писать пять отчетов в год — даже и число выставлено! И какие странные выражения: писать я их должен *гениальным* пером. Стоят *отчеты о ничем* гениального пера! А хотел бы я посмотреть, что сказали бы вы, если бы вам кто-нибудь сверх занятия вашей картиной[9] предложил рисовать в альбомы по пяти акварелей в год. <...> Нужно уважать путь и дорогу всякого человека, если только они уже избраны им, а не отвлекать его от избранного им уже поприща. <...> Ради Бога, оглянитесь пристально на самого себя! Разве вы не чувствуете, что нечистый дух хочет вас вновь втянуть в эти прожекты, которые наполнили беспокойством жизнь вашу и отняли у вас так много драгоценного времени. Сколько раз вы давали мне обещание не вмешиваться больше в эти официальные дела, сознаваясь сами, что не имеете для этого настоящего познания людей и света. Сколько раз сознавались сами, что все эти прожекты только запутывали еще более дела и на место помощи, которую вы хотели принести ими страждущим товарищам, только производили то, что положение их становилось еще тягостней и хуже. И не успел я выехать из Рима[10], как у вас в голове образовался уже новый проект, всех других сложнейший, всех других несообразнейший и более всех других невозможнейший относительно исполнения. <...> ...Вы всяким новым подвигом вашим, как бы нарочно, стараетесь подтвердить разнесшую<ся> нелепую мысль о вашем помешательстве, И зачем вы меня обманываете: зачем пишете, будто бы работаете над картиной и даже будто бы молитесь? Кто работает, точно, над делом, тому некогда сочинять такие проекты. Кто молится, у того виден разум во всех словах и поступках, и Бог не допускает его к таким ветреным и необдуманным сочинениям. <...> Дело ваше устроится лучше, чем вы думаете. <...> Ради Христа, гоните этого духа искушения, рисующего вам всякие возможности там, где их нет, обольщающего вас, разгорячающего воображение ваше, поселяющего в вас дымное надмение самим собой и уверенность в уме своем, заставляющего вас влюбляться в собственные мысли, иэ которых иные, если

и не глупы в основании своем, то выразятся у вас в таком виде, что скорей походят на бред человека в горячке. Запритесь в свою студию и предоставьте всякие ходатайства по делам художества Чижову: он, и не вступая в официальные сношенья с вашим начальством, сумеет как человек, более вас покойный и хладнокровный, уладить многое миролюбно, без бумаг и канцелярий. Вот всё, что я вам скажу. Больше мне нечего прибавить. Относительно вас совесть моя покойна: я сделал для вас то, что повелел мне собственный мой рассудок, а не ваш[11]. Если <бы> вы потерпели хотя немного времени, то увидите этого плоды».

[1] См. ***1847. Февраля 7 <января 26>. Воскресенье. Рим.***

[2] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Рим.***

[3] См. также ***1847. Февраля средина <февраля начало>. Рим.***

[4] См. ***1847. Января 22 <10>. Пятница. Рим.***

[5] См. ***1846. Сентябрь <августа вторая половина – сентября средина> Неаполь.***

[6] Предложение Иванова было, действительно, неожиданным, однако, по сути, художник предлагал Гоголю занять то же место, какое тот сам предполагал получить, по материальным соображениям, в 1840 г. (см. ***1847. Января 22 <10>. Пятница. Рим*** – примечания).

[7] Петр Михайлович.

[8] «Чтобы обезопасить себя от "начальника над русскими художниками в Риме", генерал-майора Л. И. Киля <см. ***1847. Января 22 <10>. Пятница. Рим***>, Иванов создает план, по которому "руководителем Киля" должен стать министр двора, кн<язь> П. М. Волконский, от имени которого он и составляет наперед <...> предписания с предложением Гоголю и Чижову вступить в должности секретаря и агента русских художников. Эту quasi-официальную бумагу Иванов затем наскоро пересказывает, уже от своего лица, в ответе Гоголю, – чем и объясняется так оскорбивший Гоголя полномочный тон письма: "да чья же здесь воля изъявляется?"» (*Зуммер В. М.*, проф. Неизданные письма Ал. Иванова к Гоголю // Известия Азербайджанского гос. ун-та им. В. И. Ленина. Т. 4–5. Общественные науки. Баку, 1925. С. 39).

[9] «Явление Мессии».

[10] См. ***1846. Ноября с четверга 12 до понедельника-вторника 16–17 <с октября 31 до ноября 4–5>. Рим.***

[11] Подразумевается статья *XXIII. Исторический живописец Иванов* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

ФЕВРАЛЯ 4 <ЯНВАРЯ 23>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский пишет ответное[1] письмо Гоголю в Неаполь:

«Я еще не отвечал на последнее письмо ваше... <...> А я вас сменил на череде испытания, и оно совершается надо мною самым тяжким образом, совершается в моей бедной жене. Вы оставили ее уже больною. <...> Теперь опять начинает она двигаться; но слаба и похудела, как скелет. Такова наша жизнь с самого Швальбаха. При всем этом "Одиссея" молчит – и вот уже два года ровно, как она молчит. <...> Я виноват перед вами не только молчанием, но и тем, что замедлил переслать к вам письмо[2], на имя ваше полученное, мною распечатанное, но не читанное. Посылаю его. <...> Ко мне заезжал Michel Вьельгорский, ездивший из Берлина в Швейцарию курьером. Также был здесь и Барятинский, который совсем здоровый, полный, цветущий, возвращается в Петербург. О книге вашей[3] пишет ко мне Ишимова, что она вышла и производит великое действие. Это радует меня несказанно. Прощайте, мой милый, напишите ко мне, когда соберетесь в путь. <...> Отвечайте немедленно».

[1] См. ***1846. Ноября 24 <12>. Вторник. Неаполь.***

[2] Возможно, письмо П. А. Плетнева (см. ***1847. Января 17 <29>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь***).

[3] «Выбранные места из переписки с друзьями».

ЯНВАРЯ 23 <ФЕВРАЛЯ 4>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

С. Т. Аксаков пишет сыну Ивану в Калугу:

«Всего вероятнее, ты не можешь переварить книги Гоголя, на которой сильно споткнулся и ушибся; легко может быть, что возобновление прежних сношений с Алек<сандрой> Осип<овной> сконфузило тебя самого... <...> О книге Гоголя надо говорить много и долго, я читаю ее во второй раз и очень медленно. Благодаря Бога, я уже совершенно убежден в полной искренности сочинителя и его духовное состояние объясняется для меня: он находится в состоянии перехода, всегда исполненного излишеств, заблуждений, ослепления. Мне блещет луч надежды, что Гоголь выйдет победоносно из этого положения, но книга его чрезвычайно вредна: в ней все ложно, следственно и впечатления будут ложны. Самым близким и живым доказательством тому служишь ты сам. Сегодня я ожидаю твоего ответа на мое последнее письмо и потому не стану распространяться с возражением тебе и книге Гоголя. Скажу только, что, говоря о примирении искус<с>тва с религией, он всеми словами и действиями своими доказывает, что художник погиб в нем[1]. Дай Бог, чтоб это было только на время. Ты, видно, позабыл мое письмо к нему и мои слова о новой развязке Ревизора. Вчера вечером мы перечли письмо "о значении женщины в свете" . Большую статью надо написать на это письмо. Боже мой, до какой степени оно противно духу христианскому! Это письмо не только католическое, оно языческое! Нигде так ярко не изобличается ложность направления Гоголя. Какая скотина должна быть духовная цензура, его пропустившая. Гоголь не отвечает мне, и если будет отвечать, то нескоро: он станет ожидать моего мнения о книге; он, вероятно, думает, что она снимет пелену, застилающую глаза мои. Я еще не решился, писать к нему или нет. Многие пишут или собираются писать к нему. Свербеев написал письмо ко мне[2], в котором очень умно и очень зло разбирает его книгу. Уже четыре дня я держу его в своих руках и не имею духу послать: боюсь, не оскорбится ли он. Вера думает со мною одинаково, а Костя строже нас обоих к Гоголю. Мать находится еще в волнении, следовательно, предается излишеству. Загоскин говорит, что надо ехать в Неаполь и расцеловать Гоголя. Филарет сказал, что, хотя Гоголь во многом заблуждается, но надобно радоваться его христианскому направлению. Понятно, что ничего другого он сказать не может. Вчера мы слышали, что сегодня приедет в Москву Смирнова с братьями[3]; если это правда, то жаль, что ты не пишешь о своих последних к ней отношениях: мы не будем знать, как держать себя»[4].

Послание было отправлено И. С. Аксакову одновременно с письмом В. С. Аксаковой от того же числа, в котором та обращалась к брату:

«Вчера получили мы письмо твое[5], милый друг и брат Иван, с более подробным отчетом по поводу новой книги Гоголя, вчера еще вечером перечли мы письмо *Женщина в свете* и несмотря на все наши старания заставить себя восхищаться, не могли успеть в этом, а напротив я еще более нежели прежде была поражена той ложной мыслью, на которой основано все это письмо. — Неужели ты этого не чувствуешь, неужели не оскорбляет тебя, что слабости человеческие делаются орудием в святом деле, это просто святотатство и совершенно католический взгляд на вещи; католики обыкновенно выбирают самых хорошеньких женщин, чтоб собирать деньги в церкви и всякой уже дает не из любви к Богу и сострадания к нищему, но потому что не может отказать такой красавице, и вот что проповедует Гоголь слабым женщинам, льстя их тщеславию и красоте. — Ты говоришь, какие прекрасные есть места, точно, есть прекрасные отдельные выражения, есть даже два-три письма вполне прекрасные, но это только блес<т>ки того, что было прежде, и блес<т>ки большею частью окруженные такими странными ложными мыслями, что они исчезают совершенно и не оставляют по себе впечатления. Ты пишешь, что судил по тому, что мурашки пробегали у тебя по телу, я сужу именно по тому же, что я этого не испытала, именно при чтении этой книги ни разу не содрогнулось у меня сердце, — совсем не то было при чтении других прежних его сочинений, все, что ты ни пишешь теперь вследствие этой книги, то я понимаю, если б ты сказал после чтения или

М<ертвых> Д<уш> или Разъезда, Портрета и т. д. Там так чудно заключается в этих крепких живых образах, так цельно все то прекрасное, что он потом отрывками представляет нам искаженное разведенною водою, с целью наставлять и научать нас. И оно по моему выходит мертво, бессильно и не может быть благотворно. Я никогда не сомневалась в искренности Гоголя, и не справедливо было бы сомневаться, он заблуждается совершенно искренно, и добродушно выставляет себя со всеми своими заблуждениями на свет, не сознавая их разумеется; — может быть это только временное заблуждение, и даже неизбежное, для того, чтоб ему достигнуть той высоты, к которой он стремится: но не надобно же признавать его заблуждения за истину. — Иногда я боюсь, чтоб он не остался всегда в этих заблуждениях, потому, что зерна их лежали в нем всегда и тесно связаны с его странной натурой; так постепенно развивались они, что нельзя найти им начала, или надобно признать эти начала за истину, и так сквозь страданий телесных и душевных (которые могут ему служить оправданием и как будто подкреплением его мыслей) достигли они до тепер<ешней> степени, а главное беда — то, что он искренно убежден, что он призван на то, чтоб возвещать всем истину. — Знаешь ли, милый, но и мне право приходит в голову, что если ты будешь последователен в своих мыслях, то можешь примириться с воззрением Ал<ександры> Осип<овны>[6], которое прямо выходит из того же воззрения, которое выражается в письме *Женщина в свете*, с тем христианским снисхождением, которое не только извиняет, но дозволяет человеческие слабости. Но, я думаю, уж тебе надоели все мои возражения. Прощай, мой милый друг и брат Иван, пожалуйста, не сердись на мои слова, молю Бога, чтоб ты был здоров, мне что-то сдается, что ты не совсем здоров, ради Бога лучше напиши. — Обнимаю тебя, сестра твоя Вера.

Маменьки нет дома, все сестры и Конст<антин> тебя обнимают. Конст<антин> хотел тебе писать. Очень рада что девушки видят <*2 нрзб.*>

Что эта Кобрина[7], не в роде ли красавиц, которые нравятся Константину?..»[8]

[1] Подробнее см.: ***1849. Августа 27. Суббота. Радонежье (Абрамцево)*** (примечания).

[2] Письмо Д. Н. Свербеева к С. Т. Аксакову от 16 января 1847 г. о «Выбранных местах из переписки с друзьями» было отправлено С. Т. Аксаковым Гоголю при письме от 27 января 1847 г. (см. ***1847. Января 27 <февраля 8>. Понедельник. Москва***).

[3] Из восьми братьев Смирновой, вероятно, имеются в виду К. О. Россет и Л. И. Арнольди.

[4] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 595.

[5] Письмо И. С. Аксакова к родным от 18 января 1847 г. (см. ***1847. Января 18 <30>. Суббота. Калуга***).

[6] Смирновой.

[7] Кобрина, калужская знакомая И. С. Аксакова.

[8] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 856–857.

ЯНВАРЯ 24 <ФЕВРАЛЯ 5>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Восемнадцатилетний Н. Г. Чернышевский пишет родным:

«По поводу предисловия к второму изданию “Мертвых душ”, в котором Гоголь просит каждого читателя сообщать ему свои замечания на его книгу, было высказано столько пошлых острот или плоскостей в “Современнике”[1], что можно предвидеть, что за Письма к друзьям Гоголя не постыдятся назвать и в печати сумасшедшим Никитенко, Некрасов и Белинский с товарищами, как давно провозгласили его эти господа на словах. Тем приятнее было прочитать благородную и умную статейку в 3 № “Иллюстрации”[2], в которой прямо и без страха высказывается истинный взгляд на это благородное самопризнание, “Исповедь” Гоголя, в которой признается, что не помешан еще человек, если доступно его сердце чувству смирения, хотя он вместе чувствует и достоинство свое, и если он не стыдится высказать свое сердце и думает найти людей, понимающих его. Утешила меня эта статья. И вдруг вчера я узнаю, что она писана моим товарищем по факультету и близким знакомцем, который ничего еще не печатал, не хотел и этого печатать, но не смог не написать и не послать в “Иллюстрацию” в порыве чувства. Очень, очень мне было приятно это».

Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949. Т. 14. С. 105–106.

[1] Имеется в виду статья В. Г. Белинского (см. ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург***).
[2] См. ***1847. Января 18 <30>. Суббота. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 6[1] <ЯНВАРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА, НЕ ПОЗДНЕЕ 25>. НЕАПОЛЬ

Управляющий Императорской миссией в Неаполе граф Л. С. Потоцкий передает Гоголю извещение В. Ф. Адлерберга от 9 января 1847 г. о готовящейся выдаче ему паспорта и рекомендательных писем для паломничества в Иерусалим[2].

[1] См. ***1847. Февраля 6 <января 25>. Вселенская родительская суббота. Неаполь***; ***1847. Февраля 10 <января 29>. Среда. Неаполь.***
[2] См. ***1847. Января 9 <21>. Четверг. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 6 <ЯНВАРЯ 25>. ВСЕЛЕНСКАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет в Петербург ответное[1] письмо к П. А. Плетневу (с вложением ответного[2] письма к А. О. Ишимовой[3]; письмо к ней не сохранилось); кроме того, пишет в Петербург письма к графине Анне М. Виельгорской и к ее отцу графу Мих. Ю. Виельгорскому (от последнего послания сохранилось лишь «оглавление статей» «Выбранных мест из переписки с друзьями»[4]). Отправляет также письмо к графу А. П. Толстому в Париж. Вероятно, в тот же день пишет письмо к протоиерею М. А. Константиновскому во Ржев с просьбой высказать мнение о «Переписке с друзьями» (два экземпляра книги были отправлены ранее, 1 января 1847 г.[5], отцу Матфею во Ржев, по распоряжению Гоголя[6], Плетневым).

Из письма к Плетневу: «Я получил твое письмо с известием о выходе моей книги[7]. Зачем ты называешь великим делом появление моей книги? Это и неумеренно, и несправедливо[8]. <...> ... Сколько могу судить по числу страниц, тобою объявленных в письме[9], не пропущено больше половины и притом той существенной половины, для которой была предпринята вся книга, да к тому (как ты замечаешь глухо) вымарано даже и в пропущенных множество мест[10]. В таком случае уж лучше было бы придержать книгу. На книгу мою ты глядишь как литератор, с литературной стороны; тебе важно дело собственно литературное. Мне важно то дело, которое больше всего щемит и болит в эту минуту. Ты не знаешь, что делается на Руси, внутри, какой болезнью там изнывает человек, где и какие вопли раздаются и в каких местах. Тепло, живя в Петербурге, наслаждаться с друзьями разговорами об искусстве и о всяких высших наслаждениях. Но когда узнаешь, что есть такие страданья человека, от которых и бесчувственная душа разорвется, когда узнаешь, что одна капля, одна росинка помощи в силах пролить освежение и воздвигнуть дух падшего, тогда попробуй перенести равнодушно это уничтоженье писем. Ты не знаешь того, какой именно стороной были полезны мои письма тем, к которым они писались; ты души человека не наследовал, не разоблачал как следует ни других, ни себя самого пред самим собою, а потому тебе и невозможно всего того почувствовать, что чувствую я... <...> С меня сдирают не только рубашку, но самую кожу... <...> В бестолковщине этого дела по части цензуры, конечно, я виноват, а не кто другой. Мне бы следовало ввести с самого начала в подробное сведение всего этого графа Миха<и>ла Юрьевича Вьельгорск<ого>. Он бы давно довел до сведенья Государя о непропущенных статьях. Это добрая

и великодушная душа, не говоря уже о том, что он мне родственно-близок по душевным отношеньям ко мне всего семейства своего. Он, назад тому еще месяц, изъяснил Государю такую мою просьбу, которой, верно, никто бы другой не отважился представить[11]. Просьба эта была гораздо самонадеяннее нынешней, и ее бы вправе был сделать уже один слишком заслуженный государственный человек, а не я. И добрый Государь принял ее милостиво, расспрашивал с трогательным участием обо мне и дал повеленье канцлеру написать во все места[12], начальства и посольства за границей, чтобы оказывали мне чрезвычайное и особенное покровительство повсюду, где буду ездить или проходить в моем путешествии. И чтобы этот самый Государь отказался бросить милостиво-благосклонный взгляд на статьи мои, не хочу я и верить этому. Перепиши всё набело, что не пропущено цензурою, вставь все те места, которые замарал красными чернилами Никитенк<о>, и подай всё, не пропуская ничего, Михаилу Юрьевичу. Я не успокоюсь по тех пор, пока это дело не будет сделано так, как следует. Иначе оно у меня не сделано. Какие вдруг два сильные испытания! С одной стороны нынешнее письмо от тебя; с другой стороны письмо от Шевырева[13] с известием о смерти Языкова. И всё это случилось именно в то время, когда и без того изнурились мои силы вновь приступившими недугами и бессонницами в продолжение двух месяцев, которых причины не могу постигнуть. Но велика милость Божия, поддерживающая меня даже и в эти горькие минуты несомненной надеждой в том, что всё устроится, как ему следует быть. Как только статьи будут пропущены, тотчас же отправь их к Шевыреву для напечатанья во втором издании в Москве, которое, мне кажется, удобнее произвести там как по причине дешевизны бумаги и типографии, так равно и потому, что он менее твоего загроможден всякого рода делами и изданьями. На это письмо дай немедленный ответ. <...>

Если же ты не будешь занят никаким другим делом и время у тебя будет совершенно свободное, и будет предстоять возможность отпечатать весьма скоро книгу хорошо и без больших издержек, тогда приступи сам. Пожалуста, ничего не пропусти и статьи, пострадавшие много от цензора, вели лучше переписать все целиком, а не вставками. Они у меня писаны последовательно и в связи, и я помню место почти всякой мысли и фразе. Особенно, чтобы статья “О лиризме наших поэтов” не была перепутана; разумею, чтобы большая вставка, присланная мною при пятой тетради, вставлена была как следует, на место страниц уничтожен<ных>. Порядок статей нужно, чтобы был именно такой, как у меня. Я послал Мих<аилу> Юрьев<ичу>[14] оглавление[15] по порядку всех статей. Если потребуется для проформы какой-нибудь цензор, то не лучше ли выбрать кого-нибудь другого, а не Никитенка?»[16]

Из письма к Виельгорской: «Вы уже, без сомнения, получили мое письмецо чрез В<иктора> В<ладимировича> Апраксина вместе с большими письмами, порученными вашей маминьке[17]. Письма эти следует пустить как следует в ход. Плетнев, как я узнал, сделал неосмотрительную вещь, выпустив в свет один кусок моей книги. Статьи, которые составляли одну только треть книги, которые могли быть вполне ясны только в соединении с другими статьями[18]. <...> Связь разорвана. Книга вышла какой-то оглодыш. Все должностные и чиновные лица, для которых были писаны лучшие статьи, исчезнули вместе с статьями из вида читателей; остался один я, точно как будто бы я издал мою книгу именно затем, чтоб выставить самого себя на всеобщее позорище. А между тем все непропущенные статьи именно нужны в нынешний миг обстоятельств в русском быту нашем, особенно внутри России. Об этом всем приложите и вы старание. Нужно, чтобы Плетнев представил Миха<и>л<у> Юрьевичу все сполна непропущенные статьи и все те места, которые вычеркнуты цензором в статьях уже пропущенных, потому что вычеркнуты они совершенно несправедливо и неосновательно. Во всем этом деле был какой-то необъяснимый ков. Цензор был в руках каких-то дурных людей, употреблявших всё, чтобы произвести бессмыслицу в книге вымаркою многих мест, связывающих и объясняющих обстоятельства предшествующие и последующие, и чрез <то> иметь право при ее появлении в свет напасть, как на бессмыслицу и бред расстроенного воображения, на то, что автор выдает за истину. Сам цензор сыграл необыкновенно странну<ю роль>. От него требовалась[19] тайна, потому что я хотел отпечатать книгу в тишине... <...> А между тем сам цензор был разглашатаем всего, так что даже в Москве знали обо всем и повторяли изуродованные с умыслом мысли и фразы[20]. А я еще не так давно писал к графине, вашей

маминьке[21], чтобы не позабыть цензора печатавшего, и хотел за него хлопотать изо всех сил, чтобы досталась и ему какая-нибудь честь за пропуск моей книги. <...> Нужно, чтобы книга моя явилась немедлен<но> вторым изданием в полном виде своем, большой и толстой книгой со всеми статьями. Я бы не хлопотал об этом так, если бы это было мое дело. Но прочитайте сами вместе с папинькой вашим <...> эти непропущенные статьи и скажите сами, мое ли в них заключено дело или то, о котором хлопочет сам Государь и все возвышенные души. Но вам понятно чувство любви высшей к родине, а потому об этом нечего говорить. Я прилагаю здесь письмецо к *Миха<и>лу Юрьевичу* и оглавление статей в том виде и порядке, в каком они должны следовать одна за другою. <...> Извините, что пишу неразборчиво и дурно. Я сижу больной, руками едва движу и от бессонниц, продолжающихся уже более месяца (не знаю отчего), очень ослабел. <...> Не позабудьте собирать замечания и свои, и чужие о моей книге»[22].

Из письма к Толстому: «Давно уже я не писал к вам[23], добрейший мой Александр Петрович. <...> По делам моим относительно книги произошла в Петербурге страшная бестолковщина. Образовалось что<-то> вроде демонского восстания к тому, чтобы воспрепятствовать ее выходу. Какие-то таинственные партии европейцев и азиатцев вместе совокупились, чтобы смутить и сбить с толку цензуру[24]. Вместо толстой книги, вышла небольшая брошюра, которую, вероятно, уже вы получили, потому что я писал[25] послать к вам два экземпляра. Все статьи и письма к разным чиновникам и должностным лицам, по мнению моему нужнейшие, не пропущены. Всё это, однако ж, меня не смутило, несмотря на хворость мою (ибо я опять начал болеть и расклеился). Все непропущенные статьи идут на рассмотренье Государя и чрез месяц или два на место вами полученного куска книги, объеденного и обгрызенного цензурой, получите второе издание уже в виде полной и порядочной книги. Сердце мое говорит мне, что всё обделается хорошо. Государь был так милостив ко мне и еще месяц тому назад, узнавши о моем путешествии, мной предпринимаемом, расспрашивал с участием обо мне у Мих<аила> Юрьев<ича> Вьельг<орского> и дал приказание канцлеру написать во все посольства, миссии и начальства тех земель на Востоке где ни буду проходить, оказывать мне особенное покровительство. А вы, какова ни есть моя книга в нынешнем виде ее, все-таки, дайте мне чистосердечное и откровенное ваше мнение и скажите ощущение ваше. Хотя сюда и не попали статьи, направленные собственно к вам[26], но вы все-таки прочитайте ее несколько раз, и что вам ни придет новое по поводу ее на мысли, мне передайте. Путешествие мое, как вы видите, во всяком случае должно быть отложено к будущему году. Теперь же лето мне нужно будет полечиться, потому что источник всех недугов, кажется, те же нервы. Может быть, опять поеду в Остенде. Без сомнения, мы с вами встретимся, если не там, то во Франкфурте, куды я в конце весны или в начале лета, а потому напишите ваш маршрут. Недуг мой состоит в бессонницах, которые продолжаются уже скоро два месяца, в расслаблении тела, в сыпях на ногах, но, несмотря на всё это, даже на волненья нервные, душа по милости Божией пребывает в спокойном равновесии. Самая смерть Язы<кова> не произвела во мне тревожных чувств печали, но что-то неопределенное и как бы светлое. Как будто бы он для меня не умер. Прощайте! На это письмо дайте мне немедленный ответ, адресуя в Palazzo Ferandini, обиталище доброй вашей сестрицы[27]. Графине[28] мой душевный поклон!»

Из письма к отцу Матфею Константиновскому: «Я прошу вас убедительно прочитать мою книгу и сказать мне хотя два словечка о ней... <...> Не скройте от меня ничего и не думайте, чтобы ваше замечание или упрек был для меня огорчителен. <...> Не затрудняйтесь тем, что меня не знаете; говорите мне так, как бы меня век знали. Напишите мне письмецо в Неаполь... <...> Приложите в моем письме маленькое письмецо, хотя также из двух строчек, к гр<афу> Александру Петровичу Толстому, который также к этому времени приедет в Неаполь, с тем, чтобы выпроводить меня к Святым местам, а может быть, даже и самому туда пуститься, если Богу будет угодно поселить ему такую мысль. Вашими двумя строками вы его много, много обрадуете.

В заключение прошу вас молиться обо мне крепко, крепко во всё время путешествия, которое, видит Бог, хотелось бы совершить в потребу истинную души моей, дабы быть в силах потом совершить дело во славу святого имени Его. Помолитесь же обо мне, и Бог вам воздаст за это десятерицею.

Посылается вам книга в двух экземплярах: один для вас, а другой для того, кому вы захотите дать»[29].

Матфей Александрович Константиновский (1791–1857), священник Спасо-Преображенской церкви г. Ржева, с 1838 г. протоиерей, настоятель Успенского собора; проповедник. Об отце Матфее Гоголь узнал в Бадене от графа А. П. Толстого[30]. На письмо Гоголя о. Матфей ответил (письмо не сохранилось)[31], и между ними завязалась переписка, от которой до нас дошло семнадцать писем Гоголя и одно отца Матфея. П. А. Кулиш, вероятно, со слов графа А. П. Толстого сообщал: «Г<оголь> носил всегда при себе *письма О<тца> Матвея*»[32]; «Гоголь так дорожил письмами отца Матвея, что носил их всегда при себе»[33]. Их первая встреча состоялась в начале января 1849 г. в доме графа А. П. Толстого в Москве[34].

Из воспоминаний Т. И. Филиппова (1874): «О. Матвей (родился 1792 г., ум. 1857 г.), сын священника села Константинова, Новоторжского уезда Тверской губернии, воспитанник тверской семинарии, где кончил курс вместе с П. А. Плетневым (с которым в 50-х годах и возобновил свое давнее знакомство при моем посредстве), поступил дьяконом в с. Осечно (ныне известно по железнодорожной станции) Вышневолоцкого уезда, откуда, по прошествии семи лет, был переведен, по особому распоряжению архиепископа Филарета (впоследствии митрополита Московского), священником в корельское село Диево, Бежецкого уезда, помещиков Демьяновых, с которыми он был связан теснейшими узами дружбы и признательности, а оттуда, через 13 лет, перешел того же уезда в древнее село Езьско, упоминаемое в одном из исторических документов XII века в числе новгородских владений, где пробыл 3 ½ года, до своего перевода во Ржев (1836 г.), который состоялся не без участия в том гр<афа> Александра Петровича, бывшего в ту пору тверским губернатором. <...> По назначении своем губернатором в Тверь гр<аф> А<лександр> П<етрович>, как человек государственный, не мог оставить без внимания вопроса о состоянии раскола во вверенной ему губернии и, очень хорошо понимая, что раскол и отчуждение от Церкви в значительной части нашего народа поддерживались небрежением клира и продажностию чиновников, вошел в соглашение с бывшим архиепископом тверским Григорием[35] о том, чтобы в те места, где жители наиболее склонны к расколу, ему посылать самых испытанных в честности чиновников, а архиерею поставлять безукоризненных по жизни и учительных священников. Задача для обоих была нелегкая, и я не знаю, как было в других местах, но по отношению ко Ржеву, в котором в ту пору старообрядцы имели явное и решительное преобладание над православными, преосвященному Григорию удалось исполнить ее с большим успехом, чем гр<афу> Толстому: чиновники, назначенные туда губернатором, были не лучше соседних старицких и зубцовских; а преосвященный Григорий перевел туда из села Езьска о. Матвея, назначив его к приходской церкви Преображения, окруженной старообрядческим населением, и тем дал дальнейшему ходу раскола во Ржеве совершенно иное, для православия весьма благоприятное направление. (За двадцать лет пребывания о. Матвея во Ржеве в городе произошла в этом отношении замечательная перемена, благодаря отчасти общему влиянию времени, но прежде всего благодаря проповеднической деятельности о. Матвея. И победа его была бы еще благотворнее, полнее и чище, если бы в последнее время своей жизни он не принял прямого и усердного участия в преследовании раскола...)

В этой-то церкви и произошла первая встреча графа Александра Петровича с о. Матвеем, за которой последовало сперва предпринятое графом из любопытства знакомство, а потом и тесное взаимное между ними сближение, продолжавшееся до самой кончины о. Матвея (1857). Рассказывают ржевские старожилы, бывшие тому будто бы свидетелями, что когда в средине обедни, совершаемой о. Матвеем, вошел в церковь граф и сопровождавшие его местные чиновники, пролагая ему путь, произвели неизбежный при их усердии шум и смятение, то о. Матвей в произнесенной им за этою обеднею проповеди не оставил этого обстоятельства без смелого и для всех присутствовавших весьма внятного, хотя и не прямо на лицо направленного, обличения и что это именно обстоятельство, само по себе весьма естественное, но, по нашим нравам, необычайное, и поселило с первого же раза в гр<афе> Александре Петровиче особенное уважение к о. Матвею. <...>

...С этой поры между ними устанавливается духовный союз на всю жизнь. Я не могу сказать, было ли уже в душе гр<афа> Александра Петровича, еще до встречи с о. Матвеем, готовое расположение к усвоению строгих правил христианской жизни[36], которое он впоследствии исполнял с такою покорностью, или же эта встреча породила в нем первую мысль о обязательности этих правил для всех, следовательно и для него самого; но то несомненно, — так как я знаю это уже от самого графа, — что в лице о. Матвея ему впервые представился никогда до знакомства с ним не виданный им образец такой именно веры, которая выражается не в одних только благочестивых размышлениях, но во всем составе жизни... <...>

О том, что было между графом и о. Матвеем со дня первого их свидания до моего знакомства с графом <в 1852 г.>[37], я распространяться не буду, как по тому, что подробности их сношений в это время мне недостаточно известны, так еще более по тому, что дело не в них, а в том нравственном итоге, к которому они привели графа Александра Петровича... <...>

(Заговорив об о. Матвее, я считаю почти неизбежным сказать хотя два слова об его отношениях к Гоголю. Говорили, будто бы "Переписка с друзьями" была последствием того влияния, которое имел на Гоголя

о. Матвей. Это совершенно неверное предположение. Гоголь не имел с о. Матвеем, до издания “Переписки”, никакого сношения и ни разу не видал его в лицо. Самое знакомство между ними, в первый раз заочное, началось тем, что Гоголь, подавленный бременем обрушившихся на него за издание “Переписки” оскорблений, послал свою книгу к о. Матвею во Ржев, при письме, в котором просил его суда над собою и над своею книгою. <...>)»[38].

[1] См. ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1846. Декабря 31 <1847. Января 12>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1847. Марта 6 <февраля 22>. Суббота. Неаполь.***

[4] См.: *Городецкий*. С. 437.

[5] См. ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

[7] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[8] См. ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург*** (примечания).

[9] Книга к тому времени еще не была получена Гоголем (см. ***1847. Января между 25 и 30 <января между 13 и 18>. Неаполь*** – примечания).

[10] Запрещению цензора А. В. Никитенко подверглись в «Выбранных местах из переписки с друзьями» письма *XIX. Нужно любить Россию, XX. Нужно проездиться по России, XXI. Что такое губернаторша, XXVI. Страхи и ужасы России, XXVIII. Занимающему важное место.* От цензурных сокращений пострадали статьи *X. О лиризме наших поэтов, XXIII. Исторический живописец Иванов* и др. Никитенко явился также одним из первых, для кого христианские взгляды Гоголя, открыто выраженные в новой книге, оказались настолько неприемлемыми, что цензор постарался – еще до публикации книги – бросить на них тень, объявив гоголевское сочинение следствием душевного помешательства автора (подробнее см.: ***1846. Августа 1 <июля 20>. Суббота. Эмс*** – примечания).

[11] Имеется в виду просьба о выдаче заграничного паспорта для паломничества к Святым Местам (см. ***1846. Декабря 1–5 <ноября 19–23>. Среда-воскресенье. Неаполь***; ***1847. Декабря 8 <ноября 26>. Вторник. Неаполь*** – письмо к графине Анне М. Виельгорской).

[12] Об этом повелении Гоголь узнал из письма В. Ф. Адлерберга от 9 января 1847 г. (см. ***1847. Января 9 <21>. Четверг. Санкт-Петербург***).

[13] См. ***1846. Декабря 30 <1847. Января 11>. Понедельник. Москва.***

[14] Отправленное в тот же день, 6 февраля (н. ст.) 1847 г., письмо к графу Мих. Ю. Виельгорскому, не сохранилось.

[15] См. также ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь*** (письмо к С. П. Шевыреву).

[16] На подлиннике письма имеется помета Плетнева: «П<олучено> 17/29 февр<аля> 1847» (см. ***1847. Февраля 17 <29>. Понедельник. Санкт-Петербург***). Ответ Плетнева см.: ***1847. Апреля 4 <16>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[17] См. ***1847. Января 16 <4>. Суббота. Неаполь.***

[18] См. ***1846. Июля 30 <18>. Четверг. Швальбах*** (примечания).

[19] См. ***1846. Августа 1 <июля 20>. Суббота. Эмс.***

[20] См. ***1846. Августа 1 <июля 20>. Суббота. Эмс*** (примечания).

[21] Имеется в виду письмо к графине Л. К. Виельгорской от 25 января (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Января 25 <13>. Понедельник. Неаполь***).

[22] Ответ Виельгорской см.: ***1847. Мая 8 <20>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[23] Ср. ***1846. Ноября 24 <12>. Вторник. Неаполь.***

[24] См.: ***1846. Августа 1 <июля 20>. Суббота. Эмс*** (примечания).

[25] См. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

[26] Подразумеваются статьи *XIX. Нужно любить Россию, XX. Нужно проездиться по России* и *XXVIII. Занимающему важное место.*

[27] Графиня С. П. Апраксина.

[28] А. Г. Толстая.

[29] Ответ отца Матфея до нас не дошел (см. ***1847. Мая 8 <апреля 26>. Суббота. Неаполь***).

[30] См. ***1844. Мая 23 <11>. Четверг. Баден-Баден.***

[31] Ответ Гоголя см.: ***1847. Мая 8 <апреля 26>. Суббота. Неаполь.***

[32] См. ***1848. Сентября 12. Воскресенье. Москва.***

[33] *Кулиш* 1856. Т. 2. С. 181; Соч. и письма Н. В. Гоголя. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 6. С. 442.

[34] См. ***1849. Января начало. Москва.*** – Подробнее см.: ***1849. Февраля после 25 (после пятницы второй недели Великого Поста) – марта 6. Крестопоклонное воскресенье. Москва, Ржев, Москва*** (примечания);

Воропаев В. А. Ржевский знаменитый проповедник. История взаимоотношений Гоголя и отца Матфея // Москва. 1997. № 6. С. 162–174; *Виноградов И. А.* Гоголь в Ржеве в 1849 году: О неизвестной поездке писателя // Вестник славянских культур. 2015. № 4 (38). С. 98–106.

[35] Преосвященный Григорий (Постников, 1784–1860), архиепископ Тверской и Кашинский с 1831 по 1 марта 1848 г.; впоследствии митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский (с 1 октября 1856 г.; назначение графа А. П. Толстого на должность обер-прокурора Святейшего Синода произошло 20 сентября 1856 г.; кончина митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского Никанора (Клементьевского) – 17 сентября 1856 г.).

[36] В период знакомства и последующего сближения графа А. П. Толстого с отцом Матфеем Константиновским значительное влияние на графа оказал в духовном отношении Гоголь (см.: ***1848. Декабря 4 или 5. Суббота или воскресенье. Москва*** – примечания). – См. также: *Виноградов И. А.* Воспоминания о Гоголе и письма к нему графа А. П. Толстого (из неопубликованных материалов П. А. Кулиша) // Н. В. Гоголь и русская литература. К 200-летию со дня рождения великого писателя. Девятые Гоголевские чтения: Сб. докл. Междунар. науч. конференции, Москва. 1–5 апреля 2009 г. / Под общ. ред. В. П. Викуловой. М., 2010. С. 75–82.

[37] См. ***1852. Февраля не позднее 5. Москва.***

[38] *Филиппов Т.* Воспоминание о графе Александре Петровиче Толстом // *Свод.* Т. 3. С. 886–889.

ЯНВАРЯ 25 <ФЕВРАЛЯ 6>. ВСЕЛЕНСКАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА. МОСКВА

С. Т. Аксаков пишет сыну Ивану в Калугу:

«Обращаюсь к твоему письму. Я живо понимаю твое смущение. Я сам, медленно перечитывая в другой раз, а иное и в третий, нередко впадаю в смущение: неужели это один и тот же человек? Но для меня многое объясняется временем, когда писаны его статьи. Все то, где является еще поэтический, ясный и верный взгляд, иногда выражаемый чудными словами, писано не позже 44-го года. К тому же нельзя, чтоб слепота его направления могла разлить со всех сторон сияния его лучезарного таланта. Я становлюсь спокойнее и даже допускаю иногда отрадную мысль, что Гоголь выйдет победоносно из ложного своего направления. Его книга овладела всеми умами. Люди, уже переговорившие об ней между собою, встречаясь на другой день и начиная свой разговор: “что и говорить о книге Гоголя”, продолжают говорить о ней и говорят целые часы. Павлов пишет о ней[1] и читал кое-что Косте: он говорит, что очень умно[2]. Я решился не писать к нему большого письма, с получением ответа на прежнее, тебе известное письмо. Послезавтра посылаю Гоголю письмо Свербеева[3]; сам напишу несколько строк, которые сообщу тебе».

Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 596.

[1] Три статьи, или «письма» Н. Ф. Павлова о «Выбранных местах из переписки с друзьями» были напечатаны в 1847 г. в «Московских ведомостях»: Первое письмо к Н. В. Гоголю (Н. Ф. Павлова) // Московские Ведомости. 1847. 6 марта. № 28. С. 217–219; Второе письмо к Н. В. Гоголю (Н. Ф. Павлова) // Московские Ведомости. 1847. 29 марта. № 38. С. 289–291; Четвертое письмо к Н. В. Гоголю (Н. Ф. Павлова) // Московские Ведомости. 1847. 17 апр. № 46. С. 354–355 (см. ***1847. Марта 6 <18>. Четверг. Москва***; ***1847. Марта 29 <апреля 10>. Суббота Светлой седмицы. Москва***; ***1847. Апреля 17 <29>. Четверг. Москва***). В том же году статьи были перепечатаны в «Современнике» (№ 5, 8).

[2] См. также ***1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва*** (письмо К. С. Аксакова к Гоголю).

[3] См. ***1847. Января 23 <февраля 4>. Четверг. Москва.***

ЯНВАРЯ 25 <ФЕВРАЛЯ 6>. ВСЕЛЕНСКАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА. КАЛУГА

И. С. Аксаков пишет родным в Москву:

«Получил я Вашу посылку из Москвы: перекрашенные платья и книгу Гоголя. <...> Книгу Гоголя немедленно по получении отослал А<лександре> О<сиповне>, которая просила меня о том, раздавши все свои экземпляры по чужим рукам. Что Вам рассказать про эту неделю? В понедельник[1] был я у Смирновой, читал ей Ваше письмо и Верочкино... Ей, равно как и мне, интересны все впечатления. <...> Я не могу не согласиться с Вами во многом; я сам при чтении книги сильно смущался выходками на Погодина[2], похвалами дому Романовых[3], разделением на 7 куч[4] и т. п., и говорил все это еще прежде Смирновой. Распоряжения насчет портрета[5] тоже мне были не по сердцу. Но мне кажется, что Гоголь искренен, что он действует так по обязанности, налагаемой на него убеждением, что все это может быть полезно людям. Слышится иногда истинный, пронзительный голос душевной муки; право, слышатся иногда слезы! Я убежден, впрочем, что все это направление не помешает ему окончить Мертвых Душ. Что если Мертвые Души явятся, если просветленный художник уразумеет всю жизнь, как она есть, со всеми ее особенностями, но еще глубже, еще дальше проникнет в ее тайны, не односторонне, не увлекаясь досадой или насмешкой, — ведь это должно быть что-то исполински-страшное. 2-й том должен разрешить задачу, которой не разрешили все 1847 лет христианства. <...> А<лександра> О<сиповна> вся за Гоголя, но не спорит против Ваших возражений, говоря, что указываемое Вами — слабости и крайности, от которых он не вполне очистился и т. п. Она убеждена, впрочем, что Гоголь не в состоянии более написать "Мертвых Душ"».

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 919.

[1] 20 января 1847 г.
[2] В статье *IV. О том, что такое слово.*
[3] В статье *X. О лиризме наших поэтов.* — Позднее о значении для России монархии спорил с Гоголем К. С. Аксаков (см. ***1848. Ноября 28. Воскресенье. Москва***).
[4] В статье *XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России.*
[5] В статье *I. Завещание.*

ФЕВРАЛЯ 7 <ЯНВАРЯ 26>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РИМ

Ф. В. Чижов отправляет Гоголю ответное[1] письмо в Неаполь:

«Поручения вашего я не мог исполнить так, как вы желали, и очень жаль мне, что не удалось исполнить. Ваше письмо Моллер отдал мне в трактире у Фальконе, подле меня сидел Иванов; едва я распечатал, тотчас же прочел надпись на его письме, не читая еще своего, и отдал ему. Но сколько ни случается от мала до велика, всегда само собою дела устраиваются лучше, нежели как мы предполагаем их устроить. Письмо ваше сильно его расстроило; больше всего мучит его то, что он вас заставил беспокоиться сильно о его положении. Он говорит: "нам гораздо лучше все оставить до личного свидания". Не знаю, что вы писали к нему, а знаю только то, что в его деле две стороны, одна нравственная, заключенная в нем самом; другая внешняя, зависящая от начальства и их гадостей. Начальство скверно не от желания вредить, а просто потому, что скверно; столкновения его с Ивановым еще хуже, чем с другими, потому что неопытность его в общественной жизни вызывает много такого, что бы само никогда не вышло. Он тоже не виноват. Гораздо важнее это внутреннее состояние души его, на которую, как мне кажется, надобно действовать успокоивающими средствами. Вам более, я думаю, чем кому-либо знакомо то, как тяжело и как дорого нам достается уединение. Искренно признаваясь и по собственному опыту, и по наблюдениям над многими, я подсмотрел одно, — что, оставаясь в уединении все с самим собой, невольно влюбляешься в самого себя. Кто вынесет себя братом ближнего в уединении, тот истинно высок в глазах моих. Христос в пустыне не остался без искусителя; где же нам уйти от него? В два года, что я не видал Иванова, я нашел перемену: душа его осталась так же чиста, если не чище, но менее спокойствия, то есть еще менее, потому что немного было и прежде. По мне тут человеческого врачевания мало; молитва и дело, — покорность и овладение собою, — так мне кажется. Во внешней его жизни есть одна ужасная гадость, только она и может заботить его. Говорил ли он вам, что он дал подписку в год непре-

менно кончить картину, — я очень и очень боюсь, чтоб по истечении года его не потревожили. Как вы думаете, не поговорить ли с Волконским? С Устиновым и другими властьми я не знаком. Вот вам дело Иванова. Положение других недавно было плоше, потому что от одной минуты зависела у некоторых вся будущность. Киль обходится с ними, как с солдатами, разумеется, этим выводит из терпения, а дальше все зависит от случая. Теперь Киля нет здесь и они пока покойны.

Вы мне пишете о Моллере, — сколько я слегка ни сталкивался с ним, везде ждал очень хорошего человека, по крайней мере в такой степени, чтоб любить его без деятельных сношений. Но если я с ним не близок, это зависит от того, что при настоящем моем положении и внутреннем, и внешнем я весь отдал какой-нибудь работе. Вне ее, я или с старыми искренними друзьями, или с людьми, которых столкновение облегчает мой путь к цели. Не вините меня, Николай Васильевич, — и без того обстоятельства много стоили и сил, и времени; пора смотреть на себя просто как на рабочего и сближаться только с теми, кто ощутительно или не ощутительно может подвигнуть работу. Я вас не могу не уважать, а потому не хочу быть не искренен; наши склады совершенно различны. Я русак, люблю Россию, потому что она — я, а я — она — не сойтись мне с людьми, которые ее любят за то, или за другое и считают себя ее частию. Но не в суд и не в осуждение я говорю это, а рассказываю, как это делается внутри нас. Мы с Моллером встречаемся хорошо, — я имею все данные, чтоб чтить его как художника, как доброго человека, и, еще очень важное, пошедшего по пути призвания; он не имеет причины презирать меня. Любить он меня не может: он читал мою статью[2]. Поверьте, что я никак в душе не имею против полу-русских, Бог с ними! — но та же душа тянет к русским. Половина не по нутру русской природе. Я рад, что письмо ваше вызвало меня сказать, что как есть. Вы можете бранить меня, порицать, но похвалите за то, что говорю искренно. Душевно вас уважающий Ф. Чижов.

Отчество мое Васильевич.

Счастливы вы, что помирились с разлукою; знаю я, что тут, в грусти, чисто эгоистическое чувство, но когда подумаю, их нет, делается грустно до того, что владеть собой не умею».

[1] См. ***1847. Февраля 4 <января 23>. Четверг. Неаполь.***

[2] Вероятно, имеется в виду статья Чижова «Овербек», где, в частности, говорится: «Все наши художники могут быть разделены на два отделения: наши — не наши, то есть воспитанные в нашей Академии, взросшие у нас, но не соединенные с нами ни религиею, ни воспитанием детским. Они, большею частию, и даже — можно сказать, все — протестанты» (*Чижов Ф. В.* Овербек // Современник. 1846. Т. 43. № 7. С. 66). Федор Антонович (Отто Фридрих) фон Моллер принадлежал к протестантскому (лютеранскому) вероисповеданию. — См. также ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Радзивиллов*** (примечания).

ЯНВАРЯ 27 <ФЕВРАЛЯ 8>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

С. Т. Аксаков отправляет Гоголю в Неаполь письмо, к которому прилагает письмо к нему самому, к Аксакову, Д. Н. Свербеева[1].

Из письма Аксакова: «Если вы желали произвести шум, желали, чтоб высказались и хвалители и порицатели ваши, которые теперь отчасти переменились местами, то вы вполне достигли своей цели. <...> ...Вы искренно подумали, что призвание ваше состоит в возвещении людям высоких нравственных истин в форме рассуждений и поучений, которых образчик содержится в вашей книге... Вы грубо и жалко ошиблись. Вы совершенно сбились, запутались, противоречите сами себе беспрестанно и, думая служить небу и человечеству, — оскорбляете и Бога и человека.

Если б эту книгу написал обыкновенный писатель — Бог бы с ним; но книга написана вами; в ней блещет местами прежний могучий талант ваш, и поэтому книга ваша вредна: она распространяет ложь ваших умствований и заблуждений. Издали предчувствовал я эту беду, долго горевал и думал встретить грозу спокойно; но когда разразился удар, то разлетелось мое разумное спокойствие. О, недобрый был тот день и час, когда вы вздумали ехать в чужие края, в этот Рим, губитель русских умов и дарований! Дадут Богу ответ эти друзья ваши, слепые фанатики и знаменитые маниловы, которые не только допустили, но и сами помогли вам запутаться в сети собственного ума

вашего, дьявольской гордости, которую вы принимаете за христианское смирение. Горько убеждаюсь я, что никому не проходит безнаказанно бегство из отечества: ибо продолжительное отсутствие есть уже бегство — измена ему.

Я не хотел писать к вам до получения ответа на письмо мое от 9 декабря[2]; но сердце не вытерпело. <...> Прилагаю письмо Д. Н. Свербеева... <...>

P. S. Я не хотел и не хочу касаться до частностей вашей книги; но не могу умолчать о том, что меня всего более оскорбляет и раздражает: я говорю о ваших злобных выходках против Погодина[3]. Я не верил глазам своим, что вы даже в завещании (я верю вам, что вы писали точно завещание, а не сочинение, хотя этому поверить довольно трудно), расставаясь с миром и со всеми его презренными страстями, — позорите, бесчестите человека, которого называли другом и который точно был вам друг, но *по-своему*. Погодин сначала был глубоко оскорблен; мне сказывали даже, что он плакал[4]; но скоро успокоился. Он хотел написать к вам следующее: "Друг мой! Иисус Христос учит нас, получив оплеуху в одну ланиту, подставлять со смирением другую; но где же он учит давать оплеухи?" Желал бы я знать, как бы вы умудрились отвечать ему».

[1] См. ***1847. Января 16 <28>. Четверг. Москва***; ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь*** (воспоминания С. Т. Аксакова).

[2] См. ***1846. Ноября конец — декабря 9 <декабря первая половина — декабря 21>. Москва.***

[3] Имеется в виду статья *IV. О том, что такое слово* «Выбранных мест из переписки с друзьями». — См. ***1841. Октября 7 <сентября 25>. Четверг. Берлин*** (примечания).

[4] См. ***1847. Января 10 <22>. Пятница. Москва***; ***1847. Января 16 <28>. Четверг. Москва.***

ЯНВАРЯ 28 <ФЕВРАЛЯ 9>. ВТОРНИК. МОСКВА

Н. Н. Шереметева пишет М. И. Гоголь в Васильевку:

«Письмо ваше, Почтеннейшая Марья Ивановна от 2 генваря получила, благодарю за оное. Очень согласна с вами, как вы желаете, чтобы Господь вас утешил благополучным возвращением Николая Васильевича, помоги ему, мой Боже, исполнить свое обещание, побывать в Святых Местах. Спрашиваете о Погодине, он здесь. В исходе декабря я его видела на погребении у Языкова Николая Михайловича, который так был дружен с Николаем Васильевичем — как-то он примет это известие[1]. Думаю, с покорностию, по теперешним его христианским правилам, да поможет ему Господь во всем повиноваться Его святой воле. Вчера был сороковой день незабвенной и добродетельной Прасковье Ивановне Раевской[2]. Жаль ее для себя, больно потерять такого человека. Я в мою жизнь мало встречала таких радушных. Ей ничто не чуждо, все бывало близко, и горе другого делила с любовию и с нею всегда спешила на помощь к нуждающимся».

Из писем Н. Н. Шереметевой // *Свод*. Т. 3. С. 544–545.

[1] Н. М. Языков умер 26 декабря 1846 г.

[2] По другим источникам, П. И. Раевская умерла 21 декабря 1846 г. (*Николай Михайлович, великий князь*. Московский Некрополь. <Сост. В. И. Саитов, Б. Л. Модзалевский>. СПб., 1908. Т. 3. С. 3).

ФЕВРАЛЯ 10 <ЯНВАРЯ 29>. СРЕДА. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет В. А. Жуковскому во Франкфурт (письмо во многом повторяет содержание письма Гоголя к графу А. П. Толстому от 6 февраля (н. ст.) 1847 г.[1]):

«По делам моим относительно печатанья книги произошла совершенная бестолковщина. Больше половины писем остановлены цензурой, именно тех самых, которые относятся к должностным лицам и всяким чиновным дельцам, стало быть, самых *существенных* и, по-моему, нужных писем.

Плетнев имел неосмотрительность[2] [не дождавшись] выпустить оставшийся клочок. Вышла не то книга, не то брошюра. Лица и предметы, на которые я обращал внимание читателя, исчезнули, и выступил один я, своей собственной личной фигурой, точно как бы издавал книгу затем, чтобы показать себя. Бестолковщина эта меня прежде бы очень рассердила, но теперь, слава Богу, спокойствие мое не возмутилось. Я обратился с письмом к Государю[3], прося его разрешить это дело и бросить взгляд на статьи, которые были писаны в сердечном желаньи сослужить ему сим службу. Сердце мое говорит мне, что он не отвергнет. Тем более, что два месяца тому назад он приказал выдать мне не только новый пашпорт на пребыванье мое за границей, но приказал канцлеру написать во все наши миссии и начальства на Востоке, чтобы мне повсюду было оказываемо особенное покровительство, где ни буду проходить я, и потом, спустя несколько времени, расспрашивал обо мне с трогательным участием у Михал Юрьев<ича> Вьельгорского. Всё это показывает мне, что рука Божья чьими-то чистейшими молитвами хранит меня! Здоровье мое несколько вновь расстроилось. Ночи я не сплю и сам не могу понять отчего, потому что волненья нервического нет, ниже волненья в крови. Слабость усилилась, и некоторые прежние недуги стали возвращат<ься>. Но Божьей милостью дух унынья далеко от меня. И самая неожиданная смерть Языкова не повергнула меня в печаль, но в какое-то тихое унованье. Всею душою обнимаю всех вас, от мала до велика, составляющих прекрасную и близкую душе моей семью. <...> Ради Бога, словечко о самом себе и о распоряжениях по поводу отъезда в Россию!»

[1] См. ***1847. Февраля 6 <января 25>. Вселенская родительская суббота. Неаполь.***
[2] Подробнее см.: ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург*** (примечания).
[3] См. ***1847. Января 15 <3>. Пятница. Неаполь.***

ЯНВАРЯ 29 <ФЕВРАЛЯ 10>. СРЕДА (УТРО). МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 383.
[2] *Гриц.* С. 398.

ЯНВАРЯ 29 <ФЕВРАЛЯ 10>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. Г. Белинский пишет В. П. Боткину по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями»:

«А славянофилы напрасно сердятся на Гоголя: он только консеквентнее[1] и добросовестнее их — вот и все[2]. Мальчишки! Розгами бы их!»

Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 263.

[1] Последовательнее (от *фр.* consequent — последовательный).
[2] Подразумевается, по-видимому, недовольство семейства Аксаковых новой книгой Гоголя.

ФЕВРАЛЯ 11 <ЯНВАРЯ 30>. ЧЕТВЕРГ. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет в Петербург ответное[1] письмо к Ар. О. Россету, с вложением ответного[2] письма к П. А. Плетневу; посылает в Москву ответ на два письма[3] С. П. Шевырева и письмо Н. Н. Шереметевой (последнее письмо не сохранилось). В послание к Шевыреву вкладывает записку к М. П. Погодину.

Отправлению писем предшествовала заметка в записной книжке Гоголя 1846–1850 гг.: «Писать письма: Плетневу с уведомлением о получении денег, Шевыреву ответ на его грустное письмо, Над<ежде> Никол<аевне> <Шереметевой>».

Из письма к Ар. О. Россету: «Я получил[4] ваше письмо от 29 декабря русского штиля и вслед за ним[5] письмо Плетнева с извещением о выпуске книги[6]. Плетнев сделал большую неосмотрительность этим выпуском одного клочка наместо всей книги[7]. <...> Не пропущено почти всё то, где объясняется, как сказанное приложить к делу: все письма к должностным лицам и чиновникам внутри России, в которых объясняется возможность делать и подвиги истинно христианские на всяком месте светских должностей наших. Безделица! Я книгу составлял вовсе не затем, чтобы сердить Белинских, Краевских и Сенковских, я глядел во внутрь России, а не на литературное общество. Книга теперь состоит из общих мест, и наместо тех лиц и предметов, которые должны были выступить на вид читателей, выступил на сцену один я, точно как бы я затем издавал свою книгу, чтобы себя показать. Вы уже, без сомнения, знаете, что я писал всем, кому следует[8], чтобы представить это дело на рассмотренье того, кому следует[9]. А потому, как только это будет разрешено, книга должна явиться вторым изданием в полном виде с размещением всех мест в таком точно порядке[10], как было у меня до времени беспорядков, произведенных взбалмошно-неразумной цензурой. <...> Плетнев глядит на это дело с своей точки, ему любо моей книгой дразнить своих литературных недоброжелателей. Второе издание я предполагал печатать в Москве, поручив его Шевыреву, по причине, что, во-первых, там бумага и печатанье стоят дешевле, а во-вторых, и потому, чтобы не сказал Плетнев, что я уже вовсе без совести и навьючиваю его, как лошадь, моими делами. Но теперь вижу, что в Москве может случиться легко проволочка и какая-нибудь путаница, а книге следует непременно выйти к Светлому Воскресению[11]. Ибо не мешает вам узнать (если вы этого еще не знаете), что после Светлого Воскресения сбыт и расход книжный прекращается и вся Россия погружается в непробудный сон во всех отношениях. Итак, печатанье вновь должно обрушиться на плечи Плетнева, но вы ему помогите, стряхните лень и постарайтесь изворотиться молодцом и гоголем в типографском деле. Эта работа не так скучна, как вы думаете, вы почувствуете потом даже маленькие наслаждения преследовании всяких промахов со стороны наборщиков, а иногда в поправке и самого автора, который, доселе знает очень плохо грамматику и русское словосочинение. Не мешает вам также принять к сведению, что всякую скоро отпечатанную книгу можно отпечатать еще вдвое скорее: вся тайна заключается в прибавке лишнего числа наборщиков, зависящей от приказанья фактора. Теперь поговорю с вами о самом Плетневе. Я бы очень хотел знать его собственное состояние душевное. Это чистейшая душа в полном смысле слова, исполненная чистейших желаний. Но он, как мне кажется, попал в фальшивые отношения и в фальшивые столкновения с людьми, через это он приобрел сухость и черствость, которых у него прежде не было, и некоторое озлобление противу некоторых (кто бы они ни были), совершенно несвойственное его душе. Мне кажется, если бы я узнал хорошенько его внутреннее состояние, я бы ему, может быть, помог. В письме его я приметил какие-то неясные жалобы на многих людей нынешнего петербургского света. Он говорит о добродетели, находящейся в угнетении и презираемой за бедность ее даже от наших благороднейших людей, из чего я думаю, что он получил некоторый щелчок по части каких-нибудь аристократических покушений. Сколько возможно, рассмотрите его вновь, как бы сызнова, и напишите мне о нем. Вы хоть человек себе и молчаливый, но, мне кажется, взгляд у вас верен, и вы редко даете промаха. Благодарю вас за готовность вашу споспешествовать снабжению меня книгами. Вяземского поблагодарите также много, много. Спросите его, получил ли он письмо мое, посланное с Апраксиным[12], которым я просил его войти в мое скорбное положение по части всего не пропущенного цензурой и выправить в совокупности с Плетн<евым> и графом Мих<аилом> Юрьев<ичем> Вьельгорским всё, что окажется у меня неловко и неприлично, перед подачей статей на высшее рассмотрение. В прибавку к журналам, мне посылаемым, я попрошу "Иллюстрацию" Кукольника[13] за прошлый год, переплетенную в одну книгу. На нынешний я не прошу. В книге этой есть повести *Даля*[14], которые мне очень нужны. Этого писателя я уважаю потому, что от него всегда заберешь какие-нибудь сведения положительные о разных проделках в России. Там же есть и другие повести из русского быта. Пожалуста, не забывайте того, что мне следует присылать только те книги, где слышна сколько-нибудь Русь, хотя бы даже в зловонном виде. Я очень

боюсь, чтобы Плетнев не стал меня потчевать Финляндией[15] и книгами, издаваемыми Ишимовой, которую я весьма уважаю за полезные труды, и уверен, что книги ее истинно нужны, но только не мне. Мне нужны не те книги, которые пишутся для добрых людей, но производимые нынешнею школою литераторов, стремящеюся живописать и цивилизировать Россию. Всякие петербургские и провинциальные картины, мистерии[16] и прочие. В прошлом году вышла книжка "Петербургские вершины", ее мне пришлите обе части[17]. <...> Я устаю теперь весьма скоро, потому что здоровье мое вновь несколько расклеилось. Вот уж скоро два месяца, как одержим я бессонницами (которым не могу постигнуть причины). Не позабудьте же, мой добрый и мною любимый Аркадий Осипович, передавать мне все впечатления, какие где ни будет производить моя книга во всех кругах, даже в самых низших слоях, не выключая и дворовых людей. А потому вы просите всех сколько-нибудь благотворительных людей покупать мою книгу не для одних себя, но затем, чтобы раздавать их умеющим читать и не имеющим на что купить. <...> При сем письмецо к Плетневу»[18].

Из письма к Плетневу: «Я пишу к тебе эту маленькую записочку только затем, чтобы уведомить тебя, что письмо твое со вложеньем векселя мною получено. Книга до меня не дошла[19], чему я отчасти даже рад, потому что, признаюсь, мне бы тяжело было на нее глядеть в ее обезображенном виде. Ты, вероятно, теперь уже получил три пись<ма> мои[20], с распоряженьями по части второго издания ее, в полном виде, со включеньем всех мест и приведеньем всего в полный порядок. <...> Если же, прежде пропуска статей, окажется сильная потребность второго издания книги даже и в нынешнем ее виде, то отпечатай насколько, елико возможно, еще завод, если не два, и печатай полное издание третие, не заботясь о том, что не разошлось второе. Не позабудь того, что я прошу читателей покупать не только для себя, но и для тех, которые не в силах сами купить. А для раздачи людям простым, я думаю, даже лучше придется книга в ее нынешнем виде. Цену можешь положить меньшую; впрочем, это зависит от твоего соображения. Что касается до книги в ее полном виде, то ей цена три рубли серебром, не меньше. Как бы то ни было, но в ней должно быть около 600 страниц. Денег мне больше не присылай, потому что поездка моя вследствие этих смут и хлопот, равно как и самого моего здоровья, ныне вновь ослабевшего, равно как и неполучения тоже до сих пор пашпорта[21], отодвинута далее. А отправь покуда две тысячи моей матери, если удосужишься и если деньги накопились»[22].

Из письма к Шевыреву: «Я получил[23] твое письмо с известием, что Языкова уже не стало. Итак, эта небесная, безоблачная душа уже на небесах! Из всех моих друзей у него больше других было тех *некоторых особенностей*, какие были и в моей природе, которых он не обнаружил, однако ж, ни в сочинениях своих, ни даже в беседах с другими и которые были причиной, что между нами было тесное дружество. Наши мысли и вкусы были почти сходны. Но разум и чистота младенчества, каких у меня не было, светились в одно и то же время в его словах. <...> Благодарю тебя за то, что ты, наконец, заговорил со мной откровенно и отважился сделать мне упреки. Их я жду отовсюду, ищу ото всех, хотя еще никто не верит словам моим и думает, что я морочу людей. <...> Начну с того, что твое уподобление меня княгине Волконской относительно религиозных экзальтации, самоуслаждений и устремлений воли Божией лично к себе, равно как и открытье твое во мне признаков католичества, мне показались [несправедливыми] неверными. Что касается до княгини Волконской, то я ее давно не видал, в душу к ней не заглядывал; притом это дело такого рода, которое может знать в настоящей истине один Бог; что же касается до *католичества*, то скажу тебе, что я пришел ко Христу скорее *протестантским*, чем *католическим* путем. Анализ над душой человека таким образом, каким его не производят другие люди, был причиной того, что я встретился со Христом, изумясь в Нем прежде мудрости человеческой и неслыханному дотоле знанью души, а потом уже поклонясь Божеству Его. Экзальтации у меня нет, скорей арифметический расчет; складываю просто, не горячась и не торопясь, цифры, и выходят сами собою суммы. На теориях у меня также ничего не основывается, потому что я ничего не читаю, кроме статистических всякого роду документов о России да собственной внутренней книги. Относительно надписи Погодину[24] ты также попал в заблуждение. Я давно уже, слава Богу, ни на кого не сержусь. Но для надписи я прибирал нарочно самые жесткие слова, желая усилить в глазах его те недостатки, которые кажутся ему небольшими

и неважными, и несколько даже уязвить душу. Что ж делать? Иных людей не заставишь по тех пор развязать, как следует, язык, покуда не рассердишь. К тому ж я угощал его тем же, чем угощаю себя ежедневно и чем желал бы, чтобы потчевали меня почаще другие. Впрочем, напрасно ты такого дурного мнения о Погодине. Он гораздо лучше, чем ты его себе представляешь, и особенно теперь. Он *великодушен*, и это составляло всегда главную черту его характера, несмотря на все недостатки его: он сам станет колоть себя и поражать именно моими словами, теми самыми, которые я прибрал ему в надпись. В доказательство же, что я ничего не имею противу его на душе своей, прилагаю при сем письмецо к нему самому. Наконец в заключение и в благодарность за упреки я присовокупляю здесь упрек тебе, — упрек в *пристрастии*, которое заметили в тебе не только я, но все те, которые тебя знают или же прочли твои сочине<ния>. *Дух пристрастия* у тебя слышался всегда во всем. *Пристрастие* к земле, к людям, даже к собственной своей одной какой-нибудь мысли, которую ты будешь долго прилаживать и пригонять ко всему. Давно ли говорили почти все, что Шевырев никак не может обойтись без Италии и где бы то ни было, кстати или некстати, приклеит ее. Этот дух пристрастия стал исчезать в тебе в последних твоих сочинениях, по мере того, как стал ты приближаться к разумной средине всего. Его нет почти вовсе в твоем курсе[25]. Я думал, что оно уже в тебе исчезло. Но теперь вижу, что оно сохранилось еще во всей силе к тем людям, которых ты любишь. Ты в них не видишь недостатков; если ж и видишь, не высказываешь; высказываешь недостатки ты одним врагам своим или же тем, которые огорчили. И к чему между нами эта осторожность, чтобы как-нибудь не обжечь словом? Лучше бы ты эту осторожность наблюдал в своих прежн<их> перепалках с Белинским и другими литератор<ами>; подслащиванье можно употреблять в деле с людьми, стоящими на низшей перед нами ступеньке воспитанья, а мы, слава Богу, не дети. Да и пора уж быть нам наконец мужами. Зачем же мы себя называем избранными и лучшими других, когда мы не умеем переносить того, что не только переносит легко христианин, но даже приемлет благодарно, как лучшее даяние? <...> В продолжение долгого времени ты молчал, таил перед мною все чувства и помышленья обо мне и только на могиле Языкова осмелился заговорить, выражаясь, что одна могила Языкова внушила тебе смелость. Да что же я? Лютый зверь какой, к которому даже и подступить страшно? <...> Такой друг, никогда не может быть *вполне полезен*. <...> Сейчас принесли мне твое письмо со вложеньем векселя. Ты напрасно мне его прислал; в деньгах я покаместь не нуждаюсь. Бестолковщина по части книги моей в Петербурге и другие непредвиденные препятствия отодвинули отъезд мой на Восток, а потому деньги храни у себя до моего востребования. Я получил уже деньги от Плетнева вместе с известием о выходе моей книги в обезображенном цензурою виде. <...> Вышло наместо толстой и солидной книги что-то странное, не то книга, не то брошюра. Последовательность и связь — всё пропало. В унынье от этого я, разумеется, не пришел, потому что знаю высокую душу Государя и не сомневаюсь в пропуске, но всё несколько неприятно. В прежнем моем письме я поручал второе издание книги в ее полном виде тебе. Но теперь вижу, что это замедлит ее появление; пересылка, медленность москов<ских> типографий, наконец, недоумения, которые могут произойти по поводу вставок всех выпущенных мест и надлежащего их размещения, — всё это заставляет меня вновь возложить это дело на Плетнева. Не позабудь, однако ж, передать мне все мненья об этом явившемся в печати оглодке, как твои, так и других; поручай и другим узнавать, что говорят о ней во всех слоях общества, не выключая даже и дворовых людей, а потому проси всех благотворительных людей покупать книгу и дарить людям простым и неимущим. Еще попрошу тебя об одном одолжении. Доброго моего Языкова уже нет на земле, а потому и некому баловать меня присылкою книг, что с такой охотой и радушьем исполнял он, а потому не позабудь, хотя изредка, если узнаешь, что кто-нибудь отправляется за границу, присылать мне. Я бы теперь хотел иметь русские летописи, изданные Археограф<ическою> комиссией[26], — их, кажется, уже три, если не четыре тома, — и Снегирева "Описанье русских праздников и увеселений", присовокупив к нему его книгу: "Русские в своих пословицах"[27]. Тот, кто возьмет их, если не довезет до Неаполя, то может оставить во Франкфурте у Жуковского. Об этих книгах я просил еще неда<вно> Языкова в маленьком письмеце[28], вложенном в твое письмо, не зная, что он уже покойник в ту минуту, как я писал к нему».

Из письма к Погодину: «...Если ты подумаешь, что я имею какое-нибудь неудовольствие на тебя, то будешь не прав. Ничего не питаю к тебе другого, кроме расположения самого дружеского. Но не

скрою, что я желал бы любить тебя более, чем люблю теперь. А потому предуведомляю тебя вперед, что отныне я буду тебе говорить много самых жестких и оскорбительных слов[29] и стану просить тебя, соединясь вместе со мною, вооружиться противу всего того, что мрачит твою душу и мешает ей высказаться во всем ее благородстве, чего ты сам собою не можешь даже и увидать. По всему вижу, что, кажется, дело хочет устроиться так, дабы мы встретились в Иерусалиме у Гроба Господня. И тебе случилось помешательство отправиться туда в нынешнем году, которое ты принял за указание Божие, и я также с своей стороны принужден теперь отложить эту поездку до следующего года. Будем же помышлять взаимно, каждый с своей стороны, о том, как бы нам встретиться между собою таким образом, как на небесах в дому Самого Бога встречаются между собой братья...»

[1] См. ***1846. Декабря 29 <1847. Января 10>. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1847. Января 17 <29>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1847. Февраля 4 <января 23>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[3] См. ***1846. Декабря 30 <1847. Января 11>. Понедельник. Москва***; ***1847. Января 8 <20>. Среда. Москва.***

[4] См. ***1847. Февраля около 2 <января около 21>. Неаполь.***

[5] См. ***1847. Февраля 6 <января 25>. Вселенская родительская суббота. Неаполь.***

[6] См. ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург.***

[7] Подробнее см.: ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург*** (примечания).

[8] См. ***1847. Января 15 <3>. Пятница. Неаполь***; ***1847. Января 16 <4>. Суббота. Неаполь***; ***1847. Января между 25 и 30 <января между 13 и 18>. Неаполь.***

[9] Императору Николаю I.

[10] См. ***1846. Июля 30 <18>. Четверг. Швальбах*** (примечания).

[11] См. ***1847. Марта 23 <апреля 4>. Светлое Христово Воскресение. Праздники православной и католической Пасхи.***

[12] См. ***1847. Января 16 <4>. Суббота. Неаполь.***

[13] Еженедельный журнал, издававшийся в Петербурге в 1845–1849 гг. под редакцией Н. В. Кукольника. – См. также ***1847. Января 18 <30>. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1848. Июня 20. Воскресенье. Васильевка.***

[14] В «Иллюстрации» за 1845–1846 гг. печатались этнографические материалы В. И. Даля под заглавием «Поверья, суеверия и предрассудки русского народа».

[15] П. А. Плетнев, благодаря многолетней дружбе с профессором Гельсингфорсского университета Я. К. Гротом, опубликовал большое число переводов шведских и финских авторов, написал статьи «Финляндия в русской поэзии» (1842), «Епископ Франсен, шведский поэт» (1845). В качестве альтернативы славянофильству и западничеству П. А. Плетнев разрабатывал своеобразную концепцию «Севера», который мыслился им как цивилизация, сочетающая европейскую просвещенность и чистоту патриархальных нравов.

[16] Подразумеваются тайные, неисследованные стороны современного быта, по аналогии с «Mysteres de Paris» Э. Сю и «Mysteres de Londres» П. Феваля.

[17] Сборник рассказов и очерков повестей Я. П. Буткова (СПб., 1845. Т. 1; 1846. Т. 2). – См. также ***1846. Июля 2 <14>. Вторник. Санкт-Петербург.*** – В рецензии на первый том повестей Буткова, напечатанной в 1845 г. в «Иллюстрации», проводилась параллель между Бутковым и Гоголем. Рецензент, в частности, писал: «Мы тяжелы на сатиру, которую едва ли жалует наша публика. Вот каррикатуры, приспособленные ко времени, наша страсть. <...> ...Сочинения Н. В. Гоголя также представляют не сатиру, а каррикатуры современного мира. Того нет в природе, что он описывает. Типы его – создания веселой фантазии; но дело мастера боится. Каррикатуры Гоголя читались с удовольствием, читаются и будут читаться» (Библиография. <...> Петербургские вершины, описанные Я. Бутковым. Книга I-ая. С.-П.-бург, 1845 // Иллюстрация, еженедельное издание всего полезного и изящного. 1845. 10 ноября. № 31 (цензурное разрешение 6 ноября). С. 490–491).

[18] Ответ Россета см.: ***1847. Марта 12 <24>. Среда. Санкт-Петербург.***

[19] Ср. ***1847. Января между 25 и 30 <января между 13 и 18>. Неаполь***; ***1847. Февраля 6 <января 25>. Вселенская родительская суббота. Неаполь*** (примечания).

[20] Письма П. А. Плетневу от 5 января, от 15 января, от 6 февраля (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Января 5 <1846. Декабря 24>. Вторник. Рождественский сочельник. Неаполь***; ***1847. Января 15 <3>. Пятница. Неаполь***; ***1847. Февраля 6 <января 25>. Вселенская родительская суббота. Неаполь***).

[21] См. ***1847. Марта 5 <февраля 21>. Пятница. Неаполь.***

[22] Ответ Плетнева см.: ***1847. Апреля 4 <16>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[23] См. ***1847. Января 25 <13>. Понедельник. Неаполь.***

[24] Имеется в виду дарственная надпись на экземпляре «Выбранных мест из переписки с друзьями» (см. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца***).

[25] В «Истории русской словесности, преимущественно древней».
[26] См. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь*** (примечания).
[27] См. там же.
[28] См. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь.***
[29] Об отношении Погодина к этим строкам см.: ***1847. Февраля 23 <марта 7>. Воскресенье. Москва.***

ФЕВРАЛЯ 11 <ЯНВАРЯ 30>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский отправляет начатое накануне письмо к Гоголю в Неаполь:

«10 февраля 1847.

<...> ...Вы уже теперь, вероятно, получили то известие, которое уже дошло до меня стороною, но которому я еще тогда не верил, когда послал к вам последнее письмо мое[1]. <...> Третьего дня[2] я получил письмо от Плетнева[3], и он в нем подтвердил мне, что правда, правда, что Языкова нет на свете. <...> Свет здешний для нас час от часу более беднеет. За шесть лет перед этим я бы это гораздо сильнее почувствовал при теперешнем печальном случае: но воля Божия новыми, свежими узами привязала мою душу к здешнему свету[4]; они навсегда уничтожили для меня возможность *одиночества*... <...> Теперь эта поэтическая душа, в последнее время столь очищенная верою, живет новою жизнию, которую более других здесь могла предчувствовать, – жалеть ли о том, что эта новая жизнь для нее началась? Нет. Но жаль, жаль ее быстрого удаления из нашего света, из нашего соседства, жаль, что этот гармонический голос для нас замолчал, что это знакомое нам существо, живое, доброе, милое, теперь заперто в тесной могиле и навсегда пропало из глаз наших. <...>

При своем письме Плетнев посылает мне вексель (secunda) для доставления вам и говорит, что этот самый вексель (prima) был уже в генваре 1845[5] мне послан для вас же и что до сих пор нет слуху, получили ли вы его когда-нибудь. Право, ничего не помню. Если был мне прислан для вас такой вексель, то, конечно, был он вам и доставлен. Я справлялся с своею книгою, в которую я записываю отправленные письма, – там стоит 1845 генваря 23 к Гоголю[6] с письмом Смирновой[7] и Шереметевой[8]; генваря 13 к Гоголю[9] просто; 1846 генваря <февраля> 21 к Гоголю со вложением векселя[10]. Вот и все. Не знаю ничего о векселе, который должен бы идти через руки Прокоповича. Не знаете ли вы чего сами об этом? Впрочем, если этот вексель prima пропал, то по сему, здесь посылаемому, secunda, деньги вы получите. Только прошу меня уведомить о его получении. Во всех сих делах вы, любезнейший, не наблюдаете надлежащей точности. Мне почти ни разу вы не отвечали в таких случаях, когда я вам посылал деньги; и если бы я сам не вел у себя записки, то никаких бы концов собрать было невозможно. Этого же векселя я, конечно, не получал; эта посылка была бы, верно, у меня записана в книге. <...>

<11 февраля (н. ст.) 1847>
P. S. 29 генв<аря> /10 февр<аля>.

Я хотел вчера послать это письмо и вексель; но Убриль советовал мне, чтобы избавить вас от хлопот, через Родшильда снестись с гамбургским банкиром[11], на которого вексель адресован, и взять от него для вас свидетельство, что по векселю (prima) не уплачено. Без этого свидетельства неаполитанский банкир не выдаст вам денег; он от себя пошлет справку в Неаполь, и это протянется долее. Убриль сам взялся хлопотать об этом деле; когда ему вексель будет возвращен, то он перешлет его к нашему министру в Неаполе Потоцкому для доставления вам, а вы на этот счет его предуведомите. А меня все-таки известите о получении сего письма, дабы я знал, что вы о прибытии векселя предуведомлены. И от меня пошлется к вам в нынешнем месяце *третья* тысяча; о получении двух первых вы никакого не дали мне письменного документа; а для порядка это было бы не лишнее, понеже эти деньги даны великим князем[12], а я обязан дать отчет в уплате их если не ему самому, то его конторе».

[1] См. ***1847. Февраля 4 <января 23>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***
[2] 8 февраля (н. ст.) 1847 г.

[3] См. ***1847. Января 17 <29>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[4] Жуковский имеет в виду свою женитьбу, состоявшуюся 21 мая 1841 г. (см. ***1840. Октября 29 <17>. Четверг. Рим*** – примечания).

[5] См. ***1845. Января 26 <февраля 7>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1845. Января 24 <12>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[7] См. ***1845. Января 1 <13>. Понедельник. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург***; ***1845. Января 25 <13>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[8] См. ***1845. Января 23 <11>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[9] См. ***1845. Января 13 <1>. Понедельник. Праздник Обрезания Господня. Франкфурт-на-Майне.***

[10] См. ***1846. Февраля 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[11] В. А. Ротшильд.

[12] Наследник Александр Николаевич.

ЯНВАРЯ 30 <ФЕВРАЛЯ 11>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

С. П. Шевырев отправляет письмо к Гоголю в Неаполь. К письму, по-видимому, прилагает обширное послание Д. К. Малиновского, которое тот начал за год перед тем, 19 декабря 1845 г., и закончил 13 декабря 1846 г.[1]

Позднее, в 1865 г., Малиновский вспоминал: «В 1847-м году, будучи московским студентом 2-го курса, послал я чрез покойного С. П. Шевырева[2] большой пакет к Гоголю в Италию, куда он (в предисловии ко второму изданию *Мертвых душ*) просил своих читателей выслать ему заметки, которые помогли бы ему более узнавать Россию[3]. Содержанием моего юношеского послания были мои собственные личные излияния пред человеком, которого в своем представлении далеко отделял я в то время от всех известных мне современников, высоко ценя искренность, свежесть, живой аромат его поэзии»[4].

Из письма Шевырева: «Спешу к тебе отправить деньги, полученные вчера за 1201 экземпляр твоей книги[5], с уступкою 25-ти процентов, всего 1802 р<убля> серебром (1 экз<емпляр> продан мною за 2 р<убля> серебром): вот вексель в 7253 фр<анка> 5 сант<имов> за № 12017[6]. Вторая *трета* остается у меня.

Об книге твоей много толков. Она составляет теперь главный предмет светских разговоров. Говорят и за нее, и против нее. Прежде чем говорить о книге, я скажу о твоем поступке с Погодиным[7]. Мне кажется он нехорошим. Ты говоришь[8], что полезно бывает человеку получить публичную оплеуху: полезно тому, кто ее с смирением примет (так и принял Погодин), но каково тому, кто дает? кто же из нас вправе дать ее, когда сам Иисус Христос не бросил камня в грешницу? Мы, говорящие о Церкви и Православии, должны вести себя во всем святее и чище для того, чтобы вместе с собою не подвергнуть оговору Церковь и Православие.

Странно еще говоришь ты, что в наше время можно сказать вслух всякую правду, и в доказательство приводишь Карамзина[9], которого "Записка о древней Руси"[10] до сих пор не напечатана, и когда я вздумал из нее немногое (не самое важное) привести на лекции, то получил за это выговор от попечителя[11]. Мы еще не доросли до высокой правды: никого в том обвинять не надобно. Видно, все еще мы ее недостойны; да и где же она есть? Нет ее и в западных государствах, имеющих право гордиться перед нами своею искренностью; не будем же обвинять и себя в том, что ее нет у нас, но и не будем льстить своему времени. Правда, что чистый душою имеет на правду большее право, но говорит-то ее только людям безобидным, которых нечего бояться.

Как мог ты сделать ошибку, нашед в послании Пушкина к Гнедичу совершенно иной смысл[12], смысл неприличный даже? Не знаю, как Плетнев не поправил тебя. Послание адресовано к Гнедичу: как же бы Пушкин мог сказать кому другому "ты проклял нас"?

Судя по книге твоей, ты находишься в состоянии переходном, разум твой убежден в истине нашей Церкви и Православия, но воля твоя заражена современною болезнию – болезнию личности, и ты действуешь скорее как римский католик, а не как православный. Так могу я объяснить в твоем завещании первую мысль о своем теле, а последнюю о портрете[13]. В тебе есть самообожание: им ты и нравишься тем нашим дамам, которые хотя и православные, но заражены тою же болезнию, как

и ты. Так объясняю я твое поклонение одной из них, которой ты позволяешь говорить все, уверяя ее, что все будет прекрасно[14], если бы даже случилось ей сказать вздор, что может случиться со всяким. Советы твои помещику, хозяйке и проч. проистекают из той же личности твоей, страдающей недугом. Прекрасны письма о Русской Церкви и духовенстве, о Светлом Празднике Воскресения, многое о наших поэтах (ты умеешь даже и известное облечь в новую форму, говоришь как творец, как художник). Замечу только, что ты слишком льстишь Жуковскому[15].

Второе издание твоей книги я приму на себя на том только условии, чтобы уничтожено было то, что ты сказал о Погодине. В противном случае отказываюсь. Я не хочу, чтобы через мои руки проходила оплеуха человеку, которого я люблю и уважаю, несмотря на его недостатки, которых в каждом из нас много. Ты же говоришь в одном из писем: исправляй их прежде в самом себе. Неряшество в слоге и в изданиях простительнее, чем неряшество душевное, проистекающее в нас от неограниченного самолюбия. За первое отвечаем мы только публике и вредим им только самим себе; за второе отвечаем Богу».

Из письма к Гоголю Малиновского:

«19[е] декабря <...>. Середа. 1845[й] год.

<...> Прежде всего не поскучайте прочесть это письмо. Во-вторых: извините, что, не имея счастья и чести знать вас лично, <...> я осмеливаюсь беспокоить вас письмом. <...> Что я вам пишу и что могу написать? Ничего. <...> Э, буду писать что попало! (Извините, извините, сто раз извините, что я по видимому так небрегу, я хочу писать что ни попало потому, что – дельного ничего и никогда не могу писать, об этом и учитель гимназии, у которого я учился[16], знает; а писать к вам – смерть хочется; извините.) <...> ...Да будет вам известно, что я студент Математического факультета. <...> Ну, умен ли я, этого решительно не знаю; впрочем, маменька мне говорит, что я очень умен; папенька с этим не соглашается и говорит, что я *мог бы* быть умен, *если б*... если б, напр<имер>, прилежно занимался французским языком и т. д. <...> Я-таки читал довольно и *знаю* (это слово поставлено, потому что другого не нашел) некоторых писателей. Иных я видел даже портреты и многие (писатели) мне приятны. Напр<имер>, в сто русских литераторах не правда ли очень хорош Кукольник[17]? Читать его – я не много читал, однако верю, что он поэт и этого достаточно. Я его люблю. Слышал я стороною, что он, знаете, этак... выпить любит <...>, и это еще более обрисовало мне его характер. Я слышал, что он был влюблен, и это еще более дало мне об нем понятие... <...> Читал я Марлинского (я выписываю не все, что читал), и Марлинский мне нравится, но теперь не время об нем говорить. Вы... вашего я и портрета не видал, раз только мельком на Смоленском рынке взглянул на него и то не верю, чтобы это был ваш. Вы, во-первых, не должны быть толсты, красные толстые щеки, не думаю, чтобы у вас были, глаза, мне кажется, у вас едва ли голубые, впрочем последнего не утверждаю. Итак, дело зашло об вас. Вас я почитаю умнее и Кукольника и Марлинского... <...> ...Вас я меньше люблю, нежели Кукольника. Кажется, это неправда, впрочем уважаю я вас гораздо больше. <...>

22[е] число декабря <1845>, суббота.

<...> У меня есть брат, осьмнадцати лет, ростом и душею сущее еще почти дитя. Сегодня в разговоре с ним зашла речь как-то об ваших сочинениях, и он объявил мне, что несмотря на повсеместное и безусловное поклонение им, многие из них ему неприятны; “напр<имер>, *Игроки*, – говорит он, – это мне кажется такая скучная вещь... не знаю, что в них есть хорошего”. Я не отвечал ему ничего, потому что не знал, что отвечать. В самом деле, я не понимаю этой пьесы. Какая цель ее[18]? Осмеять карточную игру? Бог знает, эта ли ее цель; а, если эта, Бог знает, достигнута ли она. <...>

...Вчера или третьего дня я видел в Москвитянине ваш портрет[19]... <...> ...Я почитал вас моложе. Это много значит: продолжение моего письма уж вовсе не таково, как начало; по крайней мере я так думаю. Я так же откровенен к вам, но... откровенно вам скажу, выходок теперь вы меньше встретите... <...> Я начал, кажется, о портрете. <...> Я предполагал в вас гораздо более *легкого, афинского, поэтического* ума (не в одних сочинениях), а теперь думаю, что, если он у вас был, жизнь его охладила, если он вовсе не замерз, то... далеко зарылся. <...> Лучший мой приятель[20], чело-

век очень умный, рассматривая вместе со мною ваш портрет, сказал мне, что на правой стороне вашего лица (т. е. у правого глаза, т. е. на портрете) начертана грусть, а на левой (около левого глаза) насмешка. <...> В сочинениях ваших грусть очень ясна, насчет насмешки я вам скажу, что она кажется снисходительна. <...> ...Все сочинения ваши, которые я прочел в разные времена, были для меня безукоризненны, натянутости ни в одной строчке я не заметил. Только в драматических статьях: об *Игроках* не умею ничего сказать; *Лакейская*... ну, это... лакей богатая пища; еще в *Театральном разъезде* один, очень умно рассуждающий чиновник показался мне слишком сладким и бескорыстным: если он идеал или гений (у меня странная философия: идеал мужчины у меня попадает, кажется, с гением, впрочем, это еще не так для меня ясно), то едва ли пошел бы *в штатскую службу;* впрочем еще я большой профан. Об *Ревизоре*: не смею судить: я его два раза видел и ни разу не читал; об *Женитьбе* могу сказать вам только то, что у меня есть один знакомый, который роль Подколесина сыграл бы едва ли не лучше Садовского. — Не знаю, почему, *пишучи* к вам, я ни над чем не задумываюсь и ничего не перемарываю... <...> Вы однако же где-то сказали, что, если в каком-нибудь сочинении есть новая или удачно выраженная, хоть даже одна или две, мысли, автор не должен скрывать его от света[21]. Ах, как это соблазнительно! Каждая строка так и кажется новою мыслию! Каждое слово так и лезет в печать!.. Увы! увы! блаженны зрящие!.. Сказать ли вам, что и я в Гимназии был автором, что и теперь еще один мой бывший товарищ (теперь студент Словесного факультета, известный стихотворец[22], впрочем малый не глупый) и теперь еще говорит мне: “Отчего ты, Малиновский, ничего не печатаешь?”!!.. Да-с; нынче, напр<имер>, мне попалась какая-то семиклас<с>ная моя сатира (не подумайте, в стихах) — фу ты, что за претензии!.. <...> Надобно вам еще заметить, что из тысячи моих сочинений одно, кажется, только кончено. Разумеется, я говорю здесь не о клас<с>ных сочинениях. Те у меня все с концом. Расскажу вам с горя хоть про клас<с>ные сочинения, об моем литературном поприще на гимназических *<1 нрзб.>*. Я там был несколько известен. <...> Сначала (в 5м классе) учитель[23] <...> мне говорил: “да, не дурно”, и ставил *4;* в 6м классе я начал философствовать, излагать свои новые мысли, учителю это не нравилось, я продолжал, он мне ставил *3;* впрочем в 6м классе я почти не занимался, был *в душе поэтом* и писал за неимением времени в классе; в седьмом я остепенился, принялся за сочинения как надо, не щадил ни пота, ни крови и — заблистала звезда моя, учитель от первого сочинения пришел в восторг, разбранился с инспектором[24] (сей меня не любил и публично поставил мне *пять с крестом*). Но... тяжело мне с собой ладить, ни в чем не могу я успеть — вместо того, чтобы поддержать о себе хорошее мнение, я пренебрег похвалами учителя и начал писать ему такие сочинения, такие сочинения, что у него волос дыбом на голове становился: вообразите себе, не было ни *начала*, ни *средины*, ни *окончания!* Чему же я учился!.. Учитель в досаде назвал меня казаком — луганским[25]: видно не любил он этого казака! Вот вам мои клас<с>ные сочинения. Но в гимназии же начал я и не клас<с>ными заниматься. В 6м классе, напр<имер>, у нас издавался журнал. Редактором его был упомянутый мною поэт; участвовали в нем все наши знаменитости (я не был знаменит еще, потому что был откровенен только с одним (который заметил у вас под левым глазом остроту), ему одному только были известны мои литературные труды; прочие знали меня как *гуляку* и как *шута;* учитель как *лентяя*); участвовал в нем и другой поэт (Г<-н> Берг[26], помещающий теперь в Москвитянине, тогда бывший в 7м классе), еще один известный юморист[27] (с огромными способностями, уверяю вас; жаль только, что как-то груб и дик; он теперь вместе со мною; *избалован славою* и потому иногда нескромен; откровенно признается вашим подражателем и потому приторно иногда читать его статьи. Удивляюсь, как ему прежде меня не пришла фантазия писать к вам; он любит странности). Еще другие многие участвовали; я был зрителем; впрочем и зрителем не был. У директора[28] были литературные вечера, на квартире бывали многие профессора. Я с своим другом, человеком очень энергическим, который, как и я, стремился — тщетно стремился, пробиться туда! поневоле должны были философствовать дома. <...> ...В седьмом классе <...> уж *<1 нрзб.>* наконец наши литераторы и поэты, что около них тоже поэт сидит!.. И вот редактор попросил меня участвовать. После долгих *<1 нрзб.>* я согласился и получил на свои руки *литературную летопись* и *смесь*. Но где мне что-нибудь сделать!.. В литературной летописи вместо трех строк я писал три страницы, в *смеси* писал огромные статьи, *главы из неоконченных романов*, редактор заметил, что со мной каши не сваришь, журнал не выходил, публика ждала, вдруг... одно мое сочинение попалось инспектору! Я едва не

получил отставку, а журнал был прекращен. <...> ...Вообразите мою наглость — что я хочу с вами некоторым образом посоветоваться. <...> ...Может быть и я могу сделаться порядочным писателем, а это для России не худо, а я большой патриот. Может быть во мне и в самом деле есть талант, как говорят иные. Да еще в четвертом классе я затевал писать философию. <...> ...Сделайте милость, напишите мне ответ! <...>

Декабрь, 24е число, Понедельник, <1845> <...>.

Завтра Рождество Христово. Блажен, у кого сердце чисто. Знаете ли, как прежде сердце у меня было чисто?.. Горько вспомнить. Бывало... да мало ли что бывало! А теперь... завтра, может быть, я и к заутрене пойду, но только для того, чтоб там на соседок швей поглядеть. Не знаю, что писать вам, а спать пока не хочется. Читали вы Кота Мура[29], мое любимое сочинение? Я очень похож с одной стороны на Крейслера. <...> Никому не желаю из своих родных смерти, желаю только, чтобы забыли они меня, бросили и — оставили одного! <...> Одиночество так одиночество. "И жизнь как пасмурное..." и т. д. Одни эти две строчки ручаются за гений Лермонтова[30]. А в самом деле смешная штука жизнь человеческая. Чего, чего в ней нету! И молодые люди с претензиею и без претензий, и даже с некоторою приятностию и... и Сидор даже действует в ней. Жаль, что вы его не знаете. Это наших жильцов человек. Я хоть, *<1 нрзб.>*, имею описательный талант и описываю кой-кого иногда, а этого... нет, еще рука не подымается. Если развернется мой талант, я вам опишу его. <...> Да, и я презанимательная штука. Если вы захотите писать дramму в несмешном вкусе — опишите меня. <...> Послушайте, откровенно вам скажу, во мне есть частичка гения. Это не несправедливо. Душа говорит, я не хвастаюсь. Из меня ничего не будет — это другое дело, может быть. Я писать не могу, но понимать и наслаждаться могу. <...>

Декабрь, 25е число, вторник. <1845>. <...>

После того, что вы писали о святочных вечерах, о посиделках и т. п.[31], после того, что вы об них знаете, как их понимаете и себе представляете — я боюсь, а желал бы, об них говорить. <...> Не знаю, почему люблю я деревенские вечера, люблю их спокойные, веселые лица (не вечеров), но потому-то и смерть тошно мне не только видеть их, но даже думать об них. Смерть тошно, т. е. смерть... тоска ужасная! — Не знаю, каково ваше положение, а мое... без шуток, и слов не подберу. Есть у меня отец, мать, тетка, два брата — все преотличные, предобрые люди, но... я зачем попал в это семейство, зачем и я член семейства? Поверите ли, и без того мочи нет от самого себя, а тут еще обязанности. Я должен хорошо теперь заниматься, приготавливаться к экзаменам, а потом на службу и др., по праздникам начальников поздравлять[32], по будням бумаги писать. <...> ...Жаль, что я не парубок какой-нибудь или просто не мужик сиволапый, тогда хоть сивуха разогревала бы сердце мое, и водила ногами. Говорят, для молодых людей есть всегда готовое удовольствие — женщины; это правда, но не для всех. Для меня напр<имер>... конечно, и мне бы иной вечерок хотелось провести с дамами; пойду, бывало, и... попаду в б... — Не потому, чтоб мне некуда было ходить, чтобы у меня не было барышень и дам знакомых. Ни одной барышне я интересен быть не могу. Нынче дамы перестали, кажется, уж любить разочарованных, с черным кольцом на руке, со вздо<ха>ми в груди, с... а если б и любили — мне надежды мало, я не разочарован, колец надевать не стану, вздохов испускать также. <...> Бывало, я хоть в пьянстве находил удовольствие. <...> Знаете ли, и в непристойном доме, среди погибших можно находить удовольствие. Бывало... право и про такие минуты приятно вспомнить. Сижу, бывало, с прекрасным лицем с взъерошенными волосами за длинным столом, а вокруг-то меня?.. Ух, славно по черте поминку творят. <...> Заметили ли вы, что и в гареме-то я рассеян? Да, вот то-то и беда, что я, исключительно пред прочими людьми самый ненастоящий человек. Впрочем, я соврал, что мне беспрестанно грустно, это вздор, иногда и смешно даже бывает. Ну про праздники я правду, кажется, сказал: где люди веселятся, там всегда почти мне бывает скучно. <...> Призвание мое на поприще писания (если я буду писать) — конечно, философии, это дело решенное, но, кажется, я и водевили могу писать. Я начал было один под заглавием *Именины*, написал листа четыре, прочел одному человеку, да вы его знаете, т. е. я вам говорил об нем, этот ваш подражатель. Так как он хоть и с отличными способностями, но со вкусом еще не совсем эстетическим, и ума столь тонкого, как я, не имеет, то и... ему что-то не понравилось,

а я и рад тому случаю, и брат. Впрочем, брат мой хвалил начало. Я хотел представить двух *несчастных* супругов, между которыми кошка дорогу перешла. Вашему подражателю, не знаю, почему, не понравилось одно место, как жена вскинулась на мужа за то, что он вместо трех пряников ошибкой съел шесть; а это было хоть и не очень забавно на бумаге, зато очень естественно на деле. Кроме водевилей я еще могу много, много писать! Напр<имер>, недавно я начал писать роман и воспользовался тем, что предлагаю вам — начал описывать себя. План был не дурен, места могли быть порядочные, деньги нужны — как не писать? Право, если б написал, непременно пустил бы в печать хоть за 25 рублей. Что за дело, что дурно, у Александровского сада еще не перевелись покупатели. Критику журналов я к счастию не уважаю, об публике мало думаю, сам я... от дурного творения не переменюсь, публике дрянь, а себе хорошее, это китайская политика, а китайцы — мой конек. <...> ...Для чего я пишу? Чтобы напечатать? Эта-то мысль, что я пишу для печати и не дает мне, кажется, ничего кончить, потому что охлаждает мои вдохновения пуще мороженого. <...> Говорю вам без шуток: в голове моей гнездится такая философия, об которой и Канту во сне не снилось. Если я еще напишу — я достигну своего назначения. [Может быть эта философия и есть *русская наука*, об которой каждую минуту <?> состоит Главная Идея <*1 нрзб.*> существованья <?>.] <...> Прощайте, не поминайте меня лихом, я добрый человек. <...> Забыли вы Русь нашу. <...>

...Какие же мои настоящие мысли? Увы, они улетучились. А право, много, очень много было в голове и чуть ли не выдержки из моей будущей философии. Предметом этих мыслей была статья: о том, как должно обходиться с людьми в прямом и переносном смысле, т. е. вообще с людьми и с *людьми*, т. е. с лакеями, кучерами, девками и т. д. Эта статья заслужила бы особое внимание потому, что основывалась не на одних моих теориях, а родил ее опыт, теория же только обработала. Хотя я одной ногой стою уже на постели, но спать мне еще не хочется, и потому попробую поговорить минут пять своей философии, так как уж я делал кой-какие намеки. Во-первых, что такое философия? Философия, кажется, говорят иные, есть наука всех наук, есть солнце, озаряющее тьму и т. д. Я этих представлений не слишком понимаю. По-моему, философия... Я слышал, будто отдельной науки — философии — нет, она разлита во всех науках, она есть разум тех всех наук. Предупреждаю вас, насчет философии я профан; знаю только, что Кант писал философию, что надобно иметь бычачью голову, чтоб не сойти от нее с ума, что логика есть часть философии; больше ничего не знаю, по крайней мере не помню. Я, кажется, сказал вам то об философии, что от других слышал. Что же я думаю об этом? Я думаю, что, если философия разлита во всех других науках, если она есть результат их, то... что же ей однако мешает отделиться от прочих наук, что мешает разум<у> затем составить новое целое?.. <...> По-моему, ничего. Стало быть, по-моему философия в отдельности, как наука, существует. Что ж такое это за наука? Очень просто по-моему. Наука эта — *наука жизни*[33]. Последняя заслуживает таких метафор. Да может ли и быть иначе? По правде вам сказать, не знаю, к какому веку относятся мои поверья, только я думаю, что напрасно учить наукам, если они ничему не научают; мне не нужно знать в жизни, существуют ли мнимые количества, чему равняется сторона десятиугольника и т. п., но я вижу иную пользу математики и занимаюсь ею. География... у нас, слава Богу, извощики есть[34] и т. д. Таким образом, все науки без приложения (к жизни) что такое? Грех, время грех даром тратить. Но... как бы вам сказать это?.. в каждой из <и>звестных наук еще можно ее собственную пользу видеть: арифметика учит считать, геометрия — мерить, физика — погоду узнавать, география — без извощиков обходиться и т. д. Что же за польза от философии (без приложения)? Она ум развивает? Так ведь этак, пожалуй, и преферанс и <*1 нрзб.*> его развивают. Если же она не более преферанса эта делает, что же такое ее ученики? *Метафизики*, право *метафизики*. <*1 нрзб.*>, даже хоть и <*1 нрзб.*> одних теорий ни к чему не ведет, разве только в желтый дом или в Хемницерову яму[35]. Об этом, мне кажется, и толковать нечего. Итог философии должна быть *наука жизни*. — Всякий живет <*1 нрзб.*> имеет какую-нибудь философию (и у *бесхарактерных* даже есть своя философия). Более или менее, след<овательно>, философия должна быть проще всех наук. Напрасно иные думают (если только кто-нибудь это думает), что в философии должно быть все уму понятно, философия должна быть основана на религии и след<овательно> тут уж — не философствуй!.. все прочее, конечно, должно быть собрано. В нашем, Русском (нищем) народе понятия о религии нечисты и недостаточны, он еще необразован, след<овательно>, для него еще не может быть правильной (это слово надо бы заменить) философии; для среднего класса моя фи-

лософия пошла бы, как по маслу; у высшего (я разделяю по степени образованности), у ученых... не знаю, ученые хотят иногда видеть вдали и не видят под носом. Для автора (и для ученых, пожалуй) философия должна быть наукой, а для учеников (у меня бы учились не для науки, но для жизни; наука не остановится от этого; на это есть доказательства), для учеников... они бы и не воображали (конечно, для иных надобно хорошего учителя кроме книги), что это наука, а... так себе, легкие и благоразумные правила с картинками и презанимательными историями. О, если б вы знали, какой план в моей голове! В мою философию пошли бы все лица из ваших мертвых душ, из Священной истории, из... Если б жизнь моя пошла так, как я думаю, я бы лет через 20ти непременно принялся за эту философию[36]. Впрочем, открыть вам все мои мысли — вы почтете меня сумасшедшим. Недаром я хотел писать арифметику с картинками. Итак, вот вам кое-что о моей философии; но идеи мои еще смутны и не так, как надобно, ясны. <...>

1846 г. 18е Апреля, Четверг.

<...> Объяснюсь с вами как можно более канонически.

В нем признака небес напрасно не ищи:
То кровь кипит, то сил избыток!
Скорее жизнь в заботах истощи,
Разлей отравленный напиток! —

Вот что говорит Лермонтов в стихотворении “Не верь себе”. Боюсь и теперь еще верить себе, но, кажется, начинаю. <...> Давно мне показалось, что *божественный глагол коснулся до моего слуха*, давно встрепенулась душа моя, давно начал я тосковать в забавах мира, даже прежде жизни я малодушно погрузился в заботы суетного света[37]. <...>

1846й год. 13е декабря.

С полчаса назад я узнал о втором издании *Мертвых душ*, я справился, у кого из моих знакомых оно есть, нанял извощика, прочел предисловие[38] и вот, обрадованный, достаю со дна своего заветного ларчика эту тетрадку и пишу к вам. <...> ...Напишу к вам последнее послание сегодня вечером и отправлю его завтра с Богом к Степану Петровичу Шевыреву.

Милостивый Государь.

Прошу вас, простите юношеской выходке! По слабым поводам я вообразил себя поэтом, вообразил себя Бог знает чем и, не мало не запинаясь, не задумываясь, написал к вам семь листов вздору, чистого вздору, и этот вздор, признанный самим мною почти сполна за чистый вздор, я однако посылаю и чего-то жду, чего-то от него надеюсь. <...> Вы поэт, вы призваны созерцать тайны природы, духа человеческого, но бесконечное непостижимо, недостижимо, и дух ваш, возмущенный своею немощию, безграничностию стремления, мучается, рассерженная его пытливостью природа бросает в него тысячами вопросы, и он останавливается, смотрит, тело закрывает ему глаза, он борется, изнемогает и... тут начинается разлад поэта с жизнию, с самим собою, с определением, для него пуст до бесконечности полный мир Божий, он один в этом мире, пожелал бы убежать и от себя и — куда же ему бежать от самого себя? он к своей пытке прикован. <...> ...Вера только может облегчить ее, в Евангелии только уляжется дух наш, оно только есть избыточное и покойное вместилище для его бесконечности. Вы поэт, дух ваш не мертв, он живет и — много других состояний готовит он вам. <...> Вы поэт и для вашей потехи собраны все Чичиковы, Маниловы, Собакевичи, фантазия, или что другое, не щадит для вас даже добрых людей, заставляет их говорить, действовать, думать перед вами, не щадит их скромности, вы видите, как они бреются, подпрыгивают на одной ножке, принимают сурьезные мины, вы смеетесь и — все-таки вы недовольны!!.. Не завидуйте, люди, поэту, не ищите его участи, его участь высока, но и горька, он страдает и за себя и за вас! Да, вы не поймете, не поверите, что часто он за вас горит от стыда, лишается спокойствия, счастия, мрачен, как ночь, безутешен, как приговоренный к казни, ропщет на Бога и — много он терпит за вас, а вы — строите себе в зеркало умильные гримасы, потчуете друг друга табаками и — что вам до чего за дело: как, дескать, сотоварищи и мы... право не хуже других!! И потом вы со смехом и

некоторым сожалением спрашиваете: да какой же это дурак об нас плачет?!.. Ха, ха, ха! Вот, Иван Иванович, до чего нашлись люди — и об нас забота припала! Ха, ха, ха! а я думал: умру и поплакать некому будет и т. д. В самом <деле>, странно сотворен человек! Посмотришь, те же руки, те же ноги, нос, уши, а — Боже мой! — какая глубокая пропасть, какая длинная цепь отделяет их друг от друга! Как называется это животное, эта машина с языком, с аппетитом и таким удивительным пищеварением? Человек. А этот, что думает спорить с Богом, повелевает громами и гадает судьбу первого? Человек. <...> А вам, поэтам, что делать, чего дожидаться? Какие жизненные интересы завлекают вас? Семейства-то у вас нет, жена не дожидается, когда вас нет дома, дети не приласкаются, когда придете, да и ходить-то вам некуда, все гулять надоест; за деньгами, за нуждой?.. ан вам же выходит стыдно, смеетесь над человечком, а в нужде к нему же идете да еще и покланяетесь!.. Домой приходите, садитесь, сложа руки, на диван — ишь, все не по вас, все вам скучно, заниматься тем, чем другие занимаются, писателю неинтересно, скучно, бесполезно, вас даже и вопросы и занятия ученых не занимают, вы порешили, <*1 нрзб.*>, все ихние вопросы, оставили всех позади, опередили всех, хотите всех куда-то вести!!.. эх, взять бы!.. куда вы приведете? туда же, куда сами пришли? ничего не делать, даром хлеб есть, да только сидеть повеся нос?.. Уж и так ныньче, почитает молодежь ваших книг да ничего не видя со ста<*нрзб.*>ести, одуреет, как белены объевшись: и то не хорошо, и то не сообразно с человеческим назначением (а знаете ли вы это назначение?), и то скучно, и это скучно! Сведете вы скоро мир весь на каторгу! Смотрите, басурманы, что вам придется на том свете!.. И от других достается поэтам, и от себя достается, и от бездушной природы часто достается, и друга нет, и человека не найдешь, с кем бы поговорить было можно и... хоть в омут беги: просто неизвестно зачем поэты родятся? Поглядите, как юный канцелярист занят контрадансом, как голый прапорщик любуется на свои усы — где ж поэтам занятие? Не стану определять здесь их занятий, их назначение, их надлежащего образа жизни, отношений к миру, людям, ближним, к самим себе, к своей совести и т. д. Я хотел только сказать, что поэту иногда солоно приходится, и фантазия не мила.

Но все-таки поэт великое звено в цепи создания, велико его назначение, высока участь! А вот люди... *пустые* есть люди, известного рода... ну, этим бедняжкам жутко иногда приходится! И тем больше им тяжелее, чем больше имеют возможностей сознавать свою пустоту, т. е. чем менее они пусты. Буду говорить прямо об себе. <...>

Я человек со способностями, одарен умом, чувствами, не лишен воли. Вещь небольшая, а много наделала. Не будь я писателем, заглуши стремление к творчеству, разлей отравленный напиток, все-таки ум остался бы при мне, у меня его достало бы на то, чтоб помириться с своею участью, избрать дорогу, и на этой дороге каждый шаг запечатлевать своею талантливостию, добротою, добродетелью, счастливить по возможности себя и других, разговаривать с совестию и благополучно, может быть, и с земною славою добрести до конца. Но... я ни к чему не гожусь, я не имею воли. Трудно себе представить такого, можно сказать, беспутного, бесталантливого человека, при всех моих добрых намерениях, при всей моей часто <*1 нрзб.*> талантливости. Какие у меня таланты? Я наделен воображением, у меня есть маленькая фантазия, я меня вкус довольно эстетичен, чувства нежны, сердце доброе. Но за это я только поплачиваюсь и дорого поплачиваюсь! Воображение, фантазии и все прочие признаки поэта мучат часто, или мучили меня, хоть и восторгают, нечего сказать. Сердце доброе, мягкое, чувства нежные... тяжело им иногда принимать то, что передает ум и вкус и прочие наблюдательные и разбирательные способности. Не говорю, чтобы все это было источником только зла, оно доставляет мне и пропасть добра: фантазия уносит с земли и лелеет в бесконечности, доброе сердце, нежные чувства, хороший вкус доставляют много, много истинных наслаждений, ум в случае нужды и прислужиться умеет, огорчивши, пожалуй, и утешит, своего братца рассудок приставит в <*1 нрзб.*>, планов прекрасных начертит и т. п. Но где же воля? Как без ней обойтись? Ее очень у меня мало, а без ней плохо. Скажу вам коротко, какую бы я себе ни задал задачу, какой бы план не начертил для своей деятельности, ничего не выходит, ничего не делаю. <...> Я желал вам выразить себя и, кажется, успел в этом: я не лгал по крайней мере. Судите обо мне, как Бог вас вразумит и как сами умудритесь, если я не мог вам дать понятие о себе. <...> Прошу вас только, так же, как вы просите читателя, от души, написать мне ваше мнение, если я и не то, чем воображаю себя, все я стою участия. Я вам буду очень благодарен. Чтобы дале<е> быть

<*2 нрзб.*>, я с своей стороны напишу вам свои замечания на *Мертвые души*, если только они вам будут к чему-нибудь годны. <...>

Если вы нуждаетесь в советах, то помните главный: Какая бы черная минута не приключилась человеку, минута безвинного, безгрешного, бесконечно доброго нашего Спасителя на кресте была горьче, она зато спасла весь род наш, дала нашему горю несомненное утешение. Плакали ли вы когда наконец пред Богом? Если *да*, то знаете, что сладость таких слез заглушит всякую горесть».

Дмитрий Константинович Малиновский (1826–1871), в пору написания письма к Гоголю – студент математического факультета Московского университета. В 1902 г. сын Д. К. Малиновского, И. Д. Малиновский, сообщал о своем отце: «Подполковник артиллерии, преподаватель математики во 2 Моск<овском> Кад<етском> корпусе, <...> потомок старого дворянского рода польского происхождения, <...> давно уже обрусевшего и православного, отец мой, уроженец Москвы, получил хорошее образование: он прошел классическую гимназию, два курса университета по математическому факультету и впоследствии на военной службе окончил курс Артиллерийской Академии. Прервать прохождение университетского курса ему пришлось по домашним обстоятельствам, не дававшим ему средств для продолжения высшего образования. Оставив университет, он поступил в военную службу нижним чином... <...> Сделать цельную и плодотворную карьеру отцу не пришлось, с одной стороны, вследствие ограниченности средств его родителей в пору его молодости, с другой – по слабости здоровья, мешавшей ему проявить в жизни или даже в писательстве всю ту энергию мысли, которая видна по оставшимся многочисленным черновым его запискам, дневникам и письмам. По направлению своему он был истинный романтик, пламенный идеалист: он изливался в жалобах, сетованиях, размышлениях, но не мог показать себя на чем-нибудь строго определенном, практическом. Математик по специальному образованию, отлично знавший высшие отделы своей науки, составлявший собственные курсы для своих учеников, он не мог удовлетвориться своею специальностью и тяготел к вопросам нравственным и эстетическим. В области нравственной философии, он, глубоко верующий и верный сын Православия, утверждал основы добродетели на вере во Христа. Не обладая твердым характером, будучи довольно увлекающимся по природе, он свое утешение находил в духе материнской любви и всепрощения, с которым относится Церковь к своим кающимся чадам. Как эстетик, он любил и понимал прекрасное совершенно самостоятельно; насколько видно по его преклонению пред Гоголем, Шекспиром, Сервантесом, произведениями античного эпоса, литературный вкус его был безупречен. Сам однако он не чувствовал в себе сильного творческого таланта и, кроме нескольких лирических стихотворений, напечатанных в "Молве" и в отдельных оттисках, он не создал ничего крупного»[39].

Как показывает исследование, письма Д. К. Малиновского послужили Гоголю, наряду с воспоминаниями о собственных школьных годах (пребывании в нежинской Гимназии высших наук), одним из источников размышлений о «науке жизни» «необыкновенного наставника» Александра Петровича во втором томе «Мертвых душ». Некоторыми чертами Малиновский послужил также Гоголю в качестве прототипа при создании образа Тентетникова[40].

Подобно герою второго тома «Мертвых душ», помещику Тентетникову, Малиновский – «недоучившийся студент». Университета Малиновский не закончил, с трудом перешел на второй курс, где остался на второй год. Произошло это не от недостатка способностей. Хотя уже гимназию Малиновский закончил «кое-как» (обучался он в знаменитой 1-й Московской мужской гимназии, располагавшейся на Пречистенке), однако мог учиться превосходно (а в начальных классах так и учился) и курс гимназических наук (семь классов) знал в итоге хорошо. Кроме того Малиновский обладал определенными педагогическими способностями, руководил образованием двух своих младших братьев, а поступив в 1845 г. в Московский университет, давал уроки, так что его личный заработок превышал доходы всего семейства. Семья Малиновского имела небольшой дом в Москве и существовала на скудные средства; отец Малиновского был чиновником в отставке и в 1840-е гг. подрабатывал уроками на фортепьяно. 13 июня 1849 г. Д. К. Малиновский вместе с братом Сергеем, тоже студентом, вступил в военную службу, «фейерверкером» в артиллерийскую бригаду[41]; 19 июля 1850 г. произведен в юнкеры; с 7 сентября до 2 октября 1851 г. находился в командировке по поводу сдачи экзаменов в артиллерийском отделении Военно-Учебного Комитета в Петербурге; 3 декабря 1851 г. назначен прапорщиком третьей батареи Гренадерской артиллерийской бригады, но «отправлен к батарее не был» и с 29 декабря 1851 до 25 января 1852 г. находился в отпуске (во время которого, вероятно, встречался с Гоголем)[42]; в батарею прибыл 31 января 1852 г. Позднее, в 1854 г., Дмитрий Константинович окончил курс Михайловской артиллерийской академии в Петербурге, дослужился до звания капитана (по выходе в отставку в 1866 г. получил чин подполковника). В 1860–1865 гг. он был преподавателем математики во 2-м Московском кадетском корпусе (переименованном тогда в военную гимназию) – и вынужден был оставить службу вследствие серьезного заболевания[43].

С юности главной причиной неудач Малиновского была «болезнь воли». Это наглядно видно из его писем к Гоголю[44]. Проблемы, поднятые Малиновским в его письмах, а также сама «болезнь» Малиновского, и стали проблемами – и «болезнью» героя второго тома Андрея Ивановича Тентетникова. Но негативные черты Тентетникова – только одна из составляющих этого образа. Обращение к письмам Малиновского позволя-

ет вполне определенно обозначить и вторую, оставшуюся нереализованной сторону личности героя. Если по своим недостаткам Тентетников — так же, как и его прототип Малиновский, примыкают к «огорченным людям», носителям «лермонтовского» разочарования, то по своим положительным задаткам они же, несомненно, противостоят «недоучившемуся студенту» В. Г. Белинскому (этот «недокончивший учебного курса эстетик» выступает в поэме соблазнителем Тентетникова).

Малиновский по своим убеждениям был, в отличие от Белинского, близок к славянофилам. Так, в письме к Гоголю от 22–25 апреля 1849 г. он писал: «Петр Великий много заимствовал у Иностранцев, но он не завидовал им. Так и мы, заметив и украв у чужеземцев хорошее, должны этим и ограничиться. Сок их нечего сосать, он оказывается тлетворен, а у нас есть вместо него свой, который если не сформировался еще, так тем лучше, потому что это значит, он будет еще лучше, чем теперь»[45]. «Славянофильским» был и круг общения Малиновского. Позднее он переписывался с М. П. Погодиным, был знаком (хотя не близко) с Н. В. Бергом, С. П. Шевыревым, П. Д. Юркевичем, Ю. Ф. Самариным. В 1868 г. в газете Погодина «Русский», кроме воспоминаний о Гоголе[46], он опубликовал несколько статей антинигилистического содержания: «Письмо к редактору "Русского"»[47]; «К редактору "Русского" о Коломне»[48]; «К статье "похвала материализму"»[49]. Последняя статья заслужила одобрение П. Д. Юркевича, к которому Малиновский обратился за поддержкой[50]. Примечателен отзыв Юркевича о статье, которым Малиновский предварил публикацию: «Статья очень кстати. Она говорит о материализме так, как понимают его практические люди. Материализм не просто доктрина (учение); оно знамя, которое поднимается недовольством и озлоблением. Покойный митрополит <Филарет> не нашел лучшего опровержения этому учению, как установление особенного моления о всякой душе *скорбящей и озлобленней*. Какое глубокое познание сердца человеческого сказалось в этом взгляде! Жизнь надорвана страстию и свобода духа исчезла от службы эгоизму. Остаются чувствительными одни материальные нужды. Чуткость к истине и правде исчезла. Но материальные нужды — это злые духи, которые раздражают, огорчают, озлобляют. Да, душа озлобленная нуждается в молении. Убедить ее нельзя, как нельзя хромого исцелить одним словом. Поэтому действительно бестактен, лишен чувства истины тот католический митрополит, который занимался вопросом о материализме в Сенате. Дайте душе мир и тишину, она будет размышлять и постигать. Она не знает истины, потому что не может приступить к ее исканию; а знать надо, а чувство голода реально; и так существует только одно бесспорное — материя»[51].

«Многословие, неумение четко выразить мысль, закончить вовремя речь, своеобразное "топтание на месте" — главный недостаток писем Малиновского, который он сам хорошо сознавал»[52]. По словам Г. П. Георгиевского, «Малиновский послал первое письмо Гоголю, вероятнее всего, из весьма поверхностного желания вступить в переписку с знаменитым писателем, выявить в письме свою "гениальность" и заинтересовать собою Гоголя. Письмо написано с чисто мальчишеской развязностью и самомнением»[53]. Гоголь, однако, снисходительнее отнесся к своему корреспонденту, не замедлив вступить с ним в переписку.

В тот же день, 30 января 1847 г., С. Т. Аксаков писал из Москвы в Калугу сыну Ивану:

«Что касается до книги Гоголя, то я сам часто смущаюсь не менее твоего: в последнем письме к тебе я был гораздо спокойнее, но прочитав в другой раз статью *О лиризме наших поэтов*, я впал в такое ожесточение, что, отправляя к Гоголю письмо Свербеева, вместо нескольких строк, в которых хотел сказать, что не буду писать к нему писем об этой книге до тех пор, пока не получу ответа на мое письмо от 9 декабря, — написал целое письмо[54], горячее и резкое, очень, очень жалею, на следующей почте пришлю тебе копию. Вчера прочли мы, едва ли не в третий раз письмо об Иванове, которое понравилось мне гораздо менее прежнего. Они оба погибают от лукавого мудрствования, верить надобно в простоте сердца. Это ужасная ошибка и даже дерзость, по-моему, мешать имя Бога во все наши дела. Разумеется, всякий талант от Бога, но мысль, что прежде надобно сделаться святым, чтобы изобразить Святое — нелепость. Из этого вы<й>дет, что Иванов не кончит картины "Появления Господня"[55], а Гоголь — "Мертвых Душ". Кто может осмелиться сказать самому себе: я теперь готов, я добродетелен, я свят? Много, много надобно говорить об этом. Я хочу переписать книгу Гоголя с белыми местами, вновь перечитать ее и записать все мои замечания. Эту книгу я отошлю к нему, разумеется, с оказией. Я сделаю все, что может сделать друг для друга, брат для брата и человек с поэтическим чувством — теряющий великого поэта. До тех пор я не успокоюсь совершенно. Как мне больно слышать твои слова: "все это может быть полезно людям... просветленный художник уразумеет всю жизнь". Какая мечта. Мы сходимся в одном с Ал<ексан-дрой> Ос<иповной>[56], что Гоголь не в состоянии кончить Мер<твых> Душ. Ты говоришь о суде публики; но ведь большинство публики — публика калужская; итак, мало интересу знать ее суд. Ты

кидаешься в ужасные крайности: для понимания необходима образованность ума. Мужики наши свежи, новы, просты и умны, но в них нет слуха, чтоб услышать и пр., хоть Гоголя; этот слух — образованность, а ты так изволишь ее позорить»[57].

[1] См. ***1846. Декабря 13 <25>. Пятница. Москва.*** – Ответ Гоголя см.: ***1847. Марта 13 <1>. Суббота. Неаполь.***

[2] Степан Петрович Шевырев (род. в 1806) скончался в 1864 г.

[3] Имеется в виду предисловие ко второму изданию первого тома поэмы «К читателю от сочинителя» (1846), в котором Гоголь просил своих читателей присылать ему замечания на поэму или через С. П. Шевырева в Москве, или через П. А. Плетнева в Петербурге – «смотря по тому, к кому какой город ближе».

[4] *Малиновский Д. К.* <История знакомства> // *Свод.* Т. 3. С. 676–677.

[5] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[6] См. ***1847. Марта 10 <февраля 26>. Среда. Неаполь.***

[7] Подразумевается статья Гоголя *IV. О том, что такое слово* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[8] В статье *XXVII. Близорукому приятелю.*

[9] В главе *XIII. Карамзин* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[10] См. ***1836. Февраль. Санкт-Петербург.***

[11] Попечителем Московского учебного округа с 1835 по 1847 г. был граф С. Г. Строганов.

[12] См. ***1842. Января между 2 и 7. Москва*** (примечания); ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания).

[13] См.: ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт*** (примечания).

[14] Имеется в виду письмо *II. Женщина в свете* «Выбранных мест из переписки с друзьями», адресатом которого Шевырев считал, видимо, А. О. Смирнову.

[15] См. также ***1847. Января 16 <28>. Четверг. Москва*** (письмо С. Т. Аксакова).

[16] Вероятно, имеется в виду учитель словесности С. И. Протопопов (см. примеч. ниже).

[17] Имеется в виду литография портрета Н. В. Кукольника (1809–1868) работы К. П. Брюллова (1836), помещенная в изд. А. Ф. Смирдина: Сто русских литераторов. СПб., 1839. Т. 1. (Второй том этого издания вышел в 1841 г.; третий – в 1845 г.)

[18] См.: *Виноградов И. А.* Смысл игры в комедии Гоголя «Игроки» // Вестник славянских культур. 2016. № 2 (40). С. 140–148; *Виноградов И. А.* Творений Гоголевых чтение. О духовном наследии писателя. М., 2018 (в печати).

[19] Имеется в виду литография П. Ф. Зенькова с портрета Гоголя работы А. А. Иванова (1841), помещенная М. П. Погодиным в № 11 журнала «Москвитянин» за 1843 г. Подробнее см.: ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт*** (примечания). – См. также ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье*** (о надписи Гоголя к его портрету, сделанной для Д. К. Малиновского в альманахе «Молодик на 1844 год»).

[20] Возможно, М. И. Орлов (см. ***1849. Октября 17. Понедельник. Москва***).

[21] Имеются в виду строки из предисловия к сборнику «Арабески» (1835): «...если сочинение заключает в себе две, три еще не сказанные истины, то уже автор не вправе скрывать его от читателя, и за две, три верные мысли можно простить несовершенство целого».

[22] Лицо неустановленное.

[23] Вероятно, Семен Иванович Протопопов, бывший учителем словесности в 1-й Московской гимназии до 1846 г. Учившийся в гимназии чуть поэже Малиновского М. А. Лакомте вспоминал: «Мы совсем почти не познакомились в гимназии с произведениями нашей новой словесности. С Пушкиным, Лермонтовым, Жуковским, – не говоря уже о Гоголе, который тогда был еще совсем новым писателем, – мы не были знакомы хорошо не только по полному собранию их сочинений, но хотя бы по классному чтению и изучению какого-нибудь отдельного их произведения. Из библиотеки для преподавателей нам книг не выдавали; ученических библиотек тогда не было» (<*Лакомте М. А.*> Воспоминания педагога. 1844–1887 // Гимназия. 1888. № 2. <Отд. 2>. С. 29).

[24] «Вся гимназия держалась инспектором Павлом Михайловичем Поповым, бывшим учителем словесности (впоследствии он был директором Моск<овского> коммерч<еского> училища). Я не знаю его отношений к директору, – может быть, многие распоряжения инспектора зависели от директора, – но для нас инспектор Попов в гимназии был все; мы чувствовали, что все от него исходило, что он был душою воспитательного и учебного дела. <...> Многие, и по окончании курса, составили себе понятие о П. М. Попове как о человеке жестоком. Вряд ли это справедливо. Я полагаю, что при подобном суждении о личности П. М. Попова смешиваются понятия о личном его характере с господствовавшею в то время у нас суровою системою воспитания (телесные наказния). Мне думается, однако, что П. М. Попов был больше опытным руководителем учебного дела, нежели отличным воспитателем. Я ставлю в заслугу П. М. Попову хороший подбор, в большинстве случаев, умных, даровитых, знающих свое дело преподавателей» (<*Лакомте М. А.*> Воспоминания педагога. 1844–1887 // Гимназия. 1888. № 1. <Отд. 2>. С. 89–90).

[25] Казак Луганский – литературный псевдоним В. И. Даля.

[26] Николай Васильевич Берг (1823–1884), поэт, переводчик, журналист. Обучался в 1-й Московской гимназии. В 1844 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Являлся членом «молодой редакции» «Москвитянина». Оставил воспоминания о Гоголе (см. в наст. летописи).

[27] Лицо неустановленное.

[28] «Директором гимназии, – он же директор училищ, – в мое время был Матвей Алексеевич Окулов, штатский генерал, что в то время на директорском месте было большою редкостью, камергер, лично известный Великому Князю Михаилу Павловичу, известный всей аристократической Москве; следовательно, человек влиятельный, особа. Говорили у нас, что директор Окулов находился в контрах с попечителем учебного округа гр<афом> С. Г. Строгановым, и мы никогда их вместе в гимназии не видали» (<*Лакомте М. А.*> Воспоминания педагога. 1844–1887 // Гимназия. 1888. № 1. <Отд. 2>. С. 90).

[29] Роман Э.-Т.-А. Гофмана «Житейские воззрения Кота Мурра».

[30] Вероятно, имеются в виду строки стихотворения М. Ю. Лермонтова «Монолог» (1829; опубл. в 1859): «Как солнце зимнее на сером небосклоне, / Так пасмурна жизнь наша».

[31] Подразумеваются повести «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

[32] Ср. строки второго тома «Мертвых душ» о недовольстве «переписчика» Тентетникова начальником отделения Леницыным, вызванном, в частности, тем, что тот имел «все замашки мелких начальников, как то: брать на замечанье тех, которые не являлись к нему с поздравленьем в праздники, даже мстить всем тем, которых имена не находились у швейцара на листе».

[33] См. также ***1842. Июля 29 <17>. Пятница. Гастейн*** (письмо к П. В. Нащокину); ***1847. Марта 16 <4>. Вторник. Неаполь*** (письмо к графине Анне М. Виельгорской); ***1847. Июня 14 <26>. Суббота. Москва***.

[34] Подразумевается реплика Простаковой в комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» (действие 4, явление 8).

[35] Имеется в виду содержание басни И. И. Хемницера «Метафизик» («Метафизический ученик») об ученом глупце, попавшем в яму и предающемся «метафизическим размышлениям» вместо того, чтобы оттуда выбраться.

[36] Если религиозные и патриотические взгляды Малиновского, его стремление создать русскую «науку жизни» (см. примеч. выше) нашли отражение в упоминании об огромном сочинении о России, над которым работает помещик Тентетников во втором томе «Мертвых душ» («Сочинение это долженствовало обнять всю Россию со всех точек – с гражданской, политической, религиозной, философической, разрешить затруднительные задачи и вопросы, заданные ей временем, и определить ясно ее великую будущность...»), то те же размышления о «науке жизни» – о которой Малиновский много рассуждал, но, по-видимому, так ничего и не сделал, – возможно, отразились в замечании автора о том, как Тентетников писал свое сочинение о России: «...Колоссальное предприятие больше ограничивалось одним обдумыванием. Изгрызалось перо, являлись на бумаге рисунки, и потом все это отодвигалось на сторону...»

[37] Пересказ стихотворения А. С. Пушкина «Поэт» («Пока не требует поэта...»).

[38] Второе издание первого тома «Мертвых душ», вышедшее в 1846 г., сопровождались предисловием «К читателю от сочинителя», тесным образом связанным с содержанием «Выбранных мест из переписки с друзьями» (см. ***1846. Июля 26 <14>. Воскресенье. Швальбах*** – примечания). В предисловии ко второму изданию первого тома «Мертвых душ» «К читателю от сочинителя» Гоголь, в частности, сообщал, что читатели могут отправлять ему свои замечания «или на имя ректора С.-Петербургского университета, его превосходительства Петра Александровича Плетнева, адресуя прямо в С.-Петербургский университет, или на имя профессора Московского университета, его высокородия Степана Петровича Шевырева, адресуя в Московский университет», – что и было воспринято Д. К. Малиновским как возможность отправить свое письмо Гоголю через Шевырева.

[39] *Малиновский И. Д.* Знакомство Гоголя с моим отцом // Записки Общества истории, философии и права при Императорском Варшавском университете. 1902. Вып. 1. С. 75–91.

[40] См. об этом: см.: *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. М., 2007. Вып. 1.

[41] См. ***1849. Июня 13. Понедельник***.

[42] См. ***1852. Января начало. Москва***.

[43] См.: *РГВИА*. Ф. 400. Оп. 9. Ед. хр. 1519. 13 лл.; опубл.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 14. С. 520–524.

[44] См. в частности, письмо Малиновского к Гоголю от 1–12 апреля 1847 г.: ***1847. Июня 14 <26>. Суббота. Москва***.

[45] См. ***1849. Апреля 23. Суббота***.

[46] *Малиновской Д.* Нечто о Гоголе // Русский. Газета политическая и литературная. (М.), 1868. 30 июля. № 22. С. 1–2. – См. в наст. летописи.

[47] Русский. 1868. 2 ноября. № 94. С. 3–4.

[48] Русский. 1868. 5 ноября. № 96. С. 3–4.

[49] Русский. 1868. 7 ноября. № 98. С. 2–3.

[50] См. письмо Малиновского к Погодину от 4 ноября 1868 года: *РГБ*. Ф. 231. Разд. II. К. 20. Ед. хр. 4[а]. Л. 21 об.

[51] *Малиновский Д.* К статье «похвала материализму» // Русский. 1868. 7 ноября. № 98. С. 2.
[52] *Нечаева В. С.* Ранний Достоевский. 1821–1849. М., 1979. С. 157.
[53] *Георгиевский Г. П.* Корреспондент Гоголя – Д. К. Малиновский // *РГБ.* Ф. 217. К. 7. Ед. хр. 1. Л. 54.
[54] См. ***1847. Января 27 <февраля 8>. Понедельник. Москва.***
[55] «Явление Мессии».
[56] Смирнова.
[57] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 596.

ФЕВРАЛЯ 1 <13>. СУББОТА (УТРО). МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]; в роли Кочкарева – М. С. Щепкин[2].

В тот же день М. П. Погодин записал в дневнике:

«Вечер <...> у Аксак<овых>, где толки о Гоголе»[3].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 323; *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя> // *ГЦТМ.* Ф. 299. Ед. хр. 1852. Л. 9.
[2] *Гриц.* С. 398.
[3] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 491.

ФЕВРАЛЯ 1 <13>. СУББОТА. КАЛУГА

И. С. Аксаков пишет родным в Москву:

«Она <А. О. Смирнова> читала мне письмо Самарина[1]. Осторожный Самарин, не имея еще сведений, какого мнения о книге Гоголя А<лександра> О<сиповна>, пишет о книге чрезвычайно легко и загадочно, не произнося никакого решительного приговора; однако же, видно, что он ею очень недоволен».

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 919.

[1] См. также письмо Самарина к К. С. Аксакову от февраля 1847 г. (***1847. Февраль <февраля средина – марта средина>. Рига***).

ФЕВРАЛЯ 2 <14>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Игроков» в Малом театре[1]; в роли Утешительного – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 333.
[2] *Гриц.* С. 398.

ФЕВРАЛЯ 2 <14>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно почтовому штемпелю[1], графиня Л. К. Виельгорская получила в этот день письмо Гоголя из Неаполя[2].

[1] См.: *Городецкий.* С. 445.
[2] См. ***1847. Января 25 <13>. Понедельник. Неаполь.***

ФЕВРАЛЯ 3 <15>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет № 2 «Отечественных Записок» со статьей А. Д. Галахова по поводу предисловия Гоголя ко второму изданию первого тома «Мертвых душ»[1] и двумя статьями В. Н. Майкова, первая – о «Выбранных местах из переписки с друзьями»[2], вторая – об издании Е. Е. Бернардского и А. А. Агина «Сто рисунков из сочинения Н. В. Гоголя "Мертвые души"»[3]. (Журнал был получен Гоголем в Неаполе 23 апреля (н. ст.) 1847 г.[4]).

Галахов, имея в виду признания Гоголя в предисловии ко второму изданию первого тома «Мертвых душ» в недостаточном знании России, «возражал» писателю: «Книга ваша достигла второго издания. Тысячи экземпляров ее разошлись по России. Она известна каждому образованному человеку. Ее прочли с большим удовольствием, как произведение высоко поэтическое, а таким может назваться только действительное изображение жизни. И что же? сам автор говорит, что он был оплошен, незрел и поспешен, что в книге его описания неверны, что в его книге множество промахов и ошибок, так что на каждой странице есть что поправить. Чем же, позвольте спросить, восхищалась публика, читая "Мертвые Души"? – оплошностью и незрелостью автора, неверными описаниями, изображениями не действительности, множеством промахов и ошибок?..»[5]

Майков в рецензии на «Выбранные места из переписки с друзьями» заявлял: «Странно было бы требовать от человека, так тяжко страждущего душою и телом, правильного логического воззрения на жизнь и ее условия»[6].

В тот же день, 3 февраля 1847 г., графиня С. М. Соллогуб в письме к Гоголю в Неаполь благодарила его за врученные ей П. А. Плетневым[7] «Выбранные места из переписки с друзьями»:

«Ваше сердечное воспоминание[8] меня очень тронуло. Примите от нас всех искреннее благодарение за ваш чудесный подарок. Книга ваша произвела здесь много шума и различные толки. Новость и неожиданность содержания поразили многих. Я узнала во всех ваших письмах знакомого мне милого друга, несколько дикого в Бадене[9], веселого и любезнейшего в Ницце[10], доброго, необходимого, но немного грустного посетителя в Остенде[11]. Вы высказали вашу думу, и мы вас поняли, и ваш голос раздался по всему любимому вами краю и нашел сочувствие во многих сердцах. Но, к несчастию, многие вас совершенно не поняли, и ваш труд останется для них бесполезным.

Я бы охотно прислала вам выписки из многочисленных критик, которые появились в разных наших журналах, но не смею решиться на такое дело. Критики столь язвительны, разбор ваших писем так немилосердно строг и насмешлив и выведенные заключения из собственных ваших слов и суждений так странны и преувеличенны, что я считаю лишним упоминать о них здесь... <...> Спорить со всеми теми, которые говорят, что эта книжка недостойна вашего огромного таланта, что вы потеряны для литературы, для искусства и проч., я не могу, так как и вам нельзя преобразовать нынешнее общество, дух и направление которого весьма нехристианское и невозвышенное.

Петр Александрович сказывал мне, что цензура не пропустила некоторых из замечательнейших ваших писем. Сестра[12] и я мы очень любопытны знать, кому вы пишете первое ваше письмо, которое нам так понравилось ("Женщина в свете").

Александра Осиповна[13] писала мне недавно про вас. Я вижу с радостью, что она из числа тех друзей, которые умеют вас ценить и, кроме автора, видеть в вас *христианина*. Маменька получила ваше письмо[14] и намерена скоро писать вам. Настал пост и вместе с ним тишина, чему я очень рада. <...> Когда вы преклоните колени перед гробом Спасителя, то не забудьте нас[15]. Я не забываю вашей просьбы и часто молюсь за вас. <...> Обнимаю вас от всей души. Повторяю вам ваши собственные слова: "не унывайте", сказанные мне вами столь часто».

[1] <*Галахов А. Д.*> *Сто-один.* Письмо к Н. В. Гоголю по поводу предисловия ко второму изданию «Мертвых душ» // Отечественные Записки. 1847. № 2. Отд. 5. С. 77–82 (с датой: «15 января 1847»).

[2] <*Майков В. Н.*> Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя // Отечественные Записки. 1847. № 2. Отд. 6. С. 69–71.

[3] <*Майков В. Н.*> Сто рисунков из сочинения Н. В. Гоголя «Мертвые Души» // Отечественные Записки. 1847. № 2. Отд. 6. С. 71–88.

[4] См. ***1847. Апреля 24 <12>. Суббота. Неаполь.***

[5] <*Галахов А. Д.*> *Сто-один.* Письмо к Н. В. Гоголю по поводу предисловия ко второму изданию «Мертвых душ». С. 79.

[6] *Майков В. Н.*> Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. С. 70.

[7] См. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Января 16 <4>. Суббота. Неаполь***.

[8] Письмо Гоголя к Соллогуб не сохранилось (см. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***).

[9] См. ***1843. Июля 8 <июня 26>. Суббота – августа 27 <15>. Воскресенье. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Баден-Баден, Карлсруэ, Баден-Баден.***

[10] См. ***1843. Ноября 19 <7> – 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***

[11] См. ***1844. Июля 26 – сентября 15 <июля 14 – сентября 3>. Остенде***; ***1844. Августа 8 <июля 27>. Четверг. Остенде.***

[12] Из двух сестер С. М. Соллогуб, Ап. М. Веневитиновой и графини Анны М. Виельгорской, имеется в виду, вероятно, последняя.

[13] Смирнова.

[14] См. ***1847. Января 25 <13>. Понедельник. Неаполь.***

[15] См. ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим.***

ФЕВРАЛЯ 15 <3>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Ф. В. Чижов перечитывает «Мертвые души» и выписывает в свой дневник ряд фраз, показавшихся ему «неправильными в языке». В итоге замечает:

«...Все это <легко>[1] замечать, потому что ошибки ученические, не соединенные нисколько собственно с языком, слогом, а просто недосмотры грамматики и главное видно, что Гоголь не русский».

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 59–60.

[1] В копии оставлен пробел для неразобранного слова.

ФЕВРАЛЯ СРЕДИНА <ФЕВРАЛЯ НАЧАЛО>. РИМ

А. А. Иванов пишет ответное[1] письмо Гоголю в Неаполь:

«Я был встревожен до болезненного состояния вашими письмами из Неаполя[2] и под сим-то влиянием написал вам последнее[3], в тоне которого не была истина, – и, как на беду, у меня тогда очень мало времени было подумать. <...> В беседах с вами, и именно с одними вами, дух мой не только не утомляется, но еще и возвышается. Вы знаете, что мне сказать и чего не говорить; вы меня любите мудро.

У меня к переменам погоды побаливает сердце и грудь; чтобы воспрепятствовать повториться постоянной болезни, я просил бы вас покорнейше спросить у Циммермана средств к отвращению недуга. Хотел было я и сам пуститься к вам с этим. Но все как-то льщусь надеждой, что, может быть, избавлюсь от бедствия и примусь как следует за дело. Очень не хочется терять ни времени, ни деньги. <...>

Моллер, подавая мне письмо ваше, утвердительно сказал, что вы в Иерусалим не едете, – значит, что и мое положение разрешено[4]. Карнавал приближается, а следовательно и личное свида-

ние с вами[5]. Конечно, тут многое будет зависеть от здоровья членов дома Апраксиных. Но если вы пуститесь к нам, в столицу искусств, то дайте мне знать о дне вашего прибытия: мне бы очень хотелось встретить вас в Альбано, тем более, что я опять имею большую надобность побывать у <родственника> художника Лапченки.

Да устранит Бог всякое диавольское нашествие от вас, и да пребудете целы и мирны, как то́ явил Он нам в образе Иисуса Христа».

[1] См. ***1847. Февраля 4 <января 23>. Четверг. Неаполь.***

[2] См. ***1846. Декабря 12 <ноября 30>. Суббота. Неаполь; 1846. Декабря 19 <7>. Суббота. Неаполь.***

[3] См. ***1847. Января 22 <10>. Пятница. Рим.***

[4] В сентябре (н. ст.) 1846 г. А. А. Иванов писал Гоголю: «Если вы заблагорассудите взять меня с собой на поклонение Гробу Господню, то я готов совершенно» (см. ***1846. Сентябрь <августа вторая половина – сентября средина> Неаполь***).

[5] Ср. ***1847. Мая 12 <апреля 30>. Среда. Рим.***

ФЕВРАЛЯ 16 <4>. ВТОРНИК. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет в Васильевку новое[1] письмо к матери, с вложением письма к племяннику Н. П. Трушковскому (последнее письмо не сохранилось).

Из письма к матери: «Назад тому недели две я писал вам довольно длинное письмо со вложеньем другого, еще более длинного, к сестре Ольге[2]. <...> Вероятно, вы уже получили и самую книгу мою[3], в которой находится выбор из моих писем к тем близким моему сердцу людям, которые меня понимали и любили, просьбы и желанья мои исполняли и стали душой и жизнью своей мне родными людьми. Вы, может быть, получили и деньги, две тысячи рублей, которые я поручил переслать к вам из Петербурга[4], как только будет выпродана моя книга. Тысячу из этих денег употребите в уплату процентов в ломбард, 500 в уплату за ученье племянника моего, остальные 500 разделите между собой, для собственных нужд своих. То есть, по сту рублей всякой сестре и двести рублей для маминьки».

Сестра Ольга Васильевна вспоминала: «Раз прислал нам брат подарок, матери тысячу рублей, а нам по сто рублей. Трушковскому 50 рублей на ружье[5], но он никогда в руки не брал ружья. Мать на эти деньги сделала каменную ограду вокруг церкви, сестры купили себе золотые вещи, а я купила токарню ручную и разные инструменты; я истратила 200 рублей, а 1000 рублей пошли на уплату процента за долг»[6].

Далее Гоголь писал матери: «Повторяю вам всем вновь, что относительно денежных расходов нужно более, чем когда-либо, наблюдать бережливость и благоразумие, чтобы уметь не только содержать самих себя, но еще прийти в возможность помогать другим... <...> Если вам вообразилось, что вы уже распоряжаетесь очень умно <...>, то знайте, что дух гордости овладел вами, и сам сатана подсказывает вам такие речи... <...> Горе тому, кто самоуверен и не рассматривает прежних поступков в убеждении, что они все умны: ему никогда не добыть разума, и Бог его оставит. Из отчетов о приходах и расходах ваших, доставляемых мне Лизою[7], <...> вижу <...>, что было в приходе в продолжение всего года денег свыше 16 000, а включая сюда один пропущенный месяц, можно предполагать, что доход по именью вашему может в иной год простираться до двадцати тысяч[8]. Положим, около шести тысяч должно выходить на уплаты процентов, – всё остается на всё прочее с лишком 10 тысяч. С этими средствами, живя в собственной деревне, на всем готовом, грех гневить Бога, жаловаться на обстоятельства и наполнять жалобами письма, как это делали некоторые из сестер, и особенно Лиза, в продолжение пяти лет сряду. Я и в чужой земле, будучи [од<но> время] некоторое время совершенно беэ всяких средств, вовсе не живя на всем готовом, добывая слишком трудно копейку для самого скудного содержания, протянулся, однако же, с помощью Божией до сих дней и увидел, что причина скудости человека заключается почти всегда в нем самом. Именно от уверенности, что он уже совершенно ограничил себя во всем и не издерживает ни на что лишнее. <...> Перечтите хорошенько все ваши расходы и приходы с тех пор, как их стала делать Лиза, и

взвесьте всякую вещь по степени ее надобности и необходимости, одну перед другою, — вы увидите сами, что многие издержки были такие, о которых вы и не думали в начале года, которые — сюрприз для вас самих, именно потому, что вы о них не думали в начале года. Вы увидите, что многие издержки сделаны собственно затем, чтобы не отстать от других, чтобы избегнуть нареканья, что у вас что-нибудь не так хорошо или не так, как у других людей, из боязни выставить недостаток и бедность на многих вещах, начиная от мебелей, экипажей, стола, кушаньев, прислуги, дворовых людей и всего, что ни есть в доме. Не говорю я это затем, чтобы вас попрекнуть в чем-либо по этой части, но говорю это затем, чтобы сказать, что для тех людей, которые смущают себя мыслию в продолженье года, что именье их опишут в казну за невнесенье процентов и что им нечем уплачивать казенных податей, следовало бы подумать прежде, в начале года, о том, чтобы первые деньги отложить для этого дела, а на всё прочее только в таком случае позволять себе расходы, когда уже совершенно обеспечено главное. <...> Прежде я помню, что по именью доходу было только шесть тысяч, теперь увеличилось целым десятком тысяч более, а хозяева всё так же находятся в вечном безденежьи, как было и прежде. <...> Я писал, чтобы все сестры сурьезно в конце каждого месяца сверяли счеты и поверяли степень необходимости всякой издержки и в конце года вновь рассмотрели бы все расходы до мельчайших подробностей, подведя верный итог всему затем, чтобы извлечь оттуда себе инструкцию в надоумленье, как быть в следующем году. <...> Прибавляю в придачу: представлять себе в начале года все издержки, могущие быть во всё продолжение года, чтобы не иметь потом всякого рода сюрпризов... <...> Повторяю Лизе еще раз: постараться о том, чтобы приходы и расходы велись исправней, обстоятельней и точней, чем как они ведутся ныне, и было бы ясно сказано, кому что продано, на какое употребление и куды, в какой город или деревню. Равно как и в расходах тоже не нужно пропускать ничего. Я бы желал даже, чтобы тем людям, которым поручена продажа, поручено было вместе с тем разговаривать со всяким продавцом и разведывать <у> всякого продавца (разумеется, как будто бы от собственного любопытства своего, а не потому, что это ему наказано делать), на что и зачем он покупает, куды и в какие руки потом перепродает, не пропуская при этом случая расспросить, откуда и сам он и как у них живут, в чем достаток и недостаток, и чем добывают копейку и выигрывают, в чем терпят. Так, чтобы, расспросивши хорошенько продавца, мог бы он потом рассказать Лизе и о быте, и образе жизни тех людей, которые живут не в вашей деревне. Все эти подробности мне очень нужны, и вы потом только узнаете, какая потом будет польза от этого для вас. <...> ...Теперь я излагаю мою просьбу потому, что в душе моей живет уверенность, что если и не выполнят другие, то есть у меня одна такая сестра[9], которая одна всё выполнит [за всех] и для которой, я вижу, дорого всякое желание мое. При этом прилагаю письмо племяннику, которого заставляйте писать ко мне почаще, но писем его сами не читайте: это его свяжет, он будет стыдиться, а ему следует быть со мной откровенным во всем. Пишу к вам так часто теперь потому, что мне улучилось иметь свободное время и потому что вижу надобность хоть сколько-нибудь вас укрепить в *деле жизни*. Я никогда не думал до сих пор, чтобы вы были так мало христианки. <...> ...Вы, как видно, мастерицы только исполнять наружные обряды, не пропускать вечерни, поставить свечку да ударить лишний поклон в землю. А на практике и в деле, где нужно именно показать человеку, что он живет, точно, во Христе, вы, как говорится, на *попятный двор*. Вот почему я написал к вам сряду два длинных письма, нынешнее и предыдущее, еще не получивши ответа на прежние, чтобы мне не быть за вас в ответе перед Богом. Но теперь в продолжение целого года вы не будете от меня получать писем, кроме разве изредка самых маленьких с извещеньем, что, слава Богу, жив. Потому что у меня есть дело, которым следует позаняться и которое важней нашей переписки. А потому советую вам почаще перечитывать мои прежние письма во всё продолжение года так, как бы новые».

[1] Ср. ***1847. Января 25 <13>. Понедельник. Неаполь.***

[2] См. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь.***

[3] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[4] См. ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь*** (письмо к П. А. Плетневу).

[5] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Неаполь.***

[6] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 211.

[7] См. ***1845. Марта средина <марта начало> — июня 18 <6>. Франкфурт-на-Майне или Гомбург***; ***1845. Октябрь — декабря 20 <сентября средина — декабря 8>. Рим***; ***1846. Ноября 19 <7>. Четверг. Неаполь.***

[8] Позднее, в письме к сестре Ольге от 4 марта (н. ст.) 1847 г., Гоголь писал: «В прежнем моем письме я сделал ошибку, которую хотел тотчас исправить, но не успел. А именно: поверяя счеты, веденные Лизой, я счел не так. Вместил в один год ту сумму, которая приходится за два года. А потому и выставил 20 000 доходу, тогда как следовало выставить 10 000. Но и это я не знал тогда, в какой степени верно, потому что отчетов за два месяца тогда не получал. Письмо, в котором были заключены эти счеты, где-то долго странствовало и пришло ко мне гораздо позже. А потому, пожалуста, поверь вместе с сестрами хорошенько приход и расход за весь год и напиши мне итог за весь год, чтобы я знал наверно, сколько получено всего». 6 апреля (н. ст.) 1847 г. он писал также самой Елисавете: «Я тебя пожурил за неумение вести аккуратно счет и в то же время дал промах сам, счевши за два года наместо одного, так что, наместо десяти, у меня вышло почти двадцать тысяч. Пожалуста, сверь хорошенько за весь год, то есть подведи точный итог всему расходу и всему приходу в продолжение года. У меня двух месяцев недостает».

[9] Младшая сестра Ольга Васильевна.

ФЕВРАЛЯ 4 <16>. ВТОРНИК. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«У Акс<аковых> чит<ал> письмо к ним от Гоголя[1]. Так и пашет холодом. Хуже книги»[2].

В тот же день В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской в Петербург:

«Сегодня уже 4 февраля, я начала письмо уже день пять уже назад... <...> Вчера же я еще получила письмо от тебя... <...> Все, что ты пишешь о Гоголе, совершенно справедливо, милый друг мой, и многое ты особенно прекрасно выразила. С одним я не совсем согласна, мне кажется, не надобно было бы печатать этой книги, именно потому, что это пишет Гоголь, который имеет такую силу над всей публикой, если это заблуждения, то он много увлечет за собою туда же, и я знаю даже, что увлекает; чем ослепительнее являются эти заблуждения, тем они опаснее; мне кажется, не надобно было бы показывать этого переходного, полного ложных увлечений состояния великого человека. Но дай Бог, чтоб оно было переходное состояние, признаюсь, я иногда совершенно в этом отчаиваюсь. Мне кажется иногда, что в нем погиб не только художник, но даже и человек. Мы перечли еще раз его книгу со вниманием, старались вначале откинуть все свои предубеждения и под конец еще более нашли несообразностей, нежели прежде. По прочтении этой книги мне представилась какая-то бездна запутанных мыслей, ложных толкований, заблуждений, и все это, разумеется, выведено из неоспоримых истин, из прекрасного стремления, но так, что эти начальные побудительные причины теряются почти в том хаосе мудрствований. — Гоголь не фанатик религиозный, т. е. по крайней мере не такой, как мы привыкли понимать под этим словом. Лучше было бы, когда бы он бежал в пустыню, отвергал бы мир, убивал бы постом и молитвой свое тело, бичевал бы себя, делал бы всевозможные нелепости, но он не то, он хочет примирить жизнь и весь порядок вещей с христианским [направл<ением>] [верой] стремлением, он не говорит даже против света, он ищет примирения, и тут-то впадает в ложь[3], примером этого служит его письмо *Женщина в свете*, которое многих обольстит и которое есть великое зло тем самым. Оно, точно, прекрасно написано, особенно местами, но неужели, милый друг, ты не видишь того ложного взгляда, на котором оно основано. Возможно ли красоту женщины считать орудием, от Бога данным для внушения святых истин, для влияния благодатного на людей; если даже оно в самом деле так бывает в обществе, то это только показывает испорченность его; и стало быть, Гоголь проповедует католический взгляд, что для благого дела можно употреблять всякие орудия и возбуждать слабости человеческие для того, чтоб человек стал лучше, не заботясь о том, какая побудительная причина в нем действует, и не думая о том, что он вносит этим самым порчу в человека, потому что затемняет чистоту его искренних, бескорыстных, святых побуждений. — Католики, конечно так действуют, они выбирают в действительности хорошеньких молоденьких женщин, и, конечно, тут всякой дает не для Бога, а ради того, что не может отказать вследствие самых житейских отношений и побуждений далеко не высоких и не чистых. В самом деле при первом чтении явился мне прекрасный образ этой женщины, но потом тут везде такие несообразные крайности, и возможно ли писать это в лицо ко-

му-нибудь и печатать. Я даже скорее соглашусь с некоторыми, которые находят это письмо просто страстным письмом. — Не подумай, чтоб я говорила против примирения Христианства с жизнью, я совсем далека от этого. — Я утверждаю, что возможно примирение только не в спокойном признании и извинении слабостей человеческих, а в непрестанной борьбе с ними, для этого не нужно оставлять мир, всякой на своем месте может это исполнить, и мне кажется, тут просто, само собой разрешаются все те неопределенные стремления разрешить этот вопрос. Простоты [побольше], вот чего не достает у всех [нас]; все мудрствуют, Гоголь заразился тоже этой болезнью и запутался совершенно. — Вчера наконец получил отесенька ответ от него[4] на свое письмо, которого копии ты имеешь, вспомни его и прочти теперь это Гоголево письмо и скажи свое душевное впечатление. Я тебе пока не скажу нашего впечатления для того, чтоб услыхать, как ты сама на него взглянешь. Чувствую, что пишу сбивчиво, но ты все-таки поймешь, мне только это и нужно. Недавно, отсылая письмо Свербеева (писанное к отесеньке о книге Гоголя)[5] к Гоголю, отесенька не удержался и написал к нему небольшое, но сильное письмо[6], впрочем, полное искренней душевной скорби, так что и оно не должно его оскорбить. Гоголь пишет еще до получения этого письмеца, и потому его письмо написано только под влиянием первого отесенькиного письма, которое у тебя есть.

Все, что дяд<енька>[7] написал о Гоголе, справедливо и во многом сходно с твоим мнением, моя милая Машенька. Не верь, что тебе будут говорить о Жорж Занд, будто в ней выражается христианская любовь; в ней это все равно такая же ложь, несмотря на то, что имеет вид истины, и просто это конец нашего века отразился и в ней, но со всеми самыми вредными заблуждениями и отвратительными выводами»[8].

[1] Письмо к С. Т. Аксакову от 20 января (н. ст.) 1847 г. из Неаполя (см. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь***).

[2] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 491.

[3] Подробнее о мнениях Аксаковых о Гоголе см.: ***1849. Августа 27. Суббота. Радонежье (Абрамцево)*** (примечания).

[4] От 20 января (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

[5] См. ***1847. Января 16 <28>. Четверг. Москва***.

[6] От 27 января 1847 г. (см. ***1847. Января 27 <февраля 8>. Понедельник. Москва***).

[7] А. Т. Аксаков.

[8] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 857–858.

ФЕВРАЛЯ 4 <16>. ВТОРНИК. ТОБОЛЬСК

М. А. Фонвизин[1] пишет брату И. А. Фонвизину[2] в Москву:

«Друг мой сердечный, брат Иван Александрович. Письмо твое от 18-го января, № 6, я получил. Мы оба очень благодарны тебе за намерение прислать нам последнее сочинение Гоголя. Сообщаемое тобою о внутренней перемене, в нем происшедшей, есть событие тем более утешительное, что Гоголей у нас не много. Все произведения его обличают огромный талант, и в этом отношении едва ли кто-нибудь из современных русских литераторов может с ним сравниться; ибо все они более или менее подражатели, а Гоголь в высокой степени самобытен. — В его “Мертвых душах”, несмотря на всю карикатурность, столько истинной пользы — столько верной наблюдательности — столько неподдельного глубокого чувства! Невозможно удержаться от смеха, видя уморительные проделки всех этих гротесков; но это смех горький, оставляющий в душе читателя безотчетное скорбное чувство. Если правда, что Гоголь уничтожил вторую часть своей поэмы, то можно об этом пожалеть: он, вероятно, выставил бы в ней изящные идеалы русского человека, в противоположность карикатурам, так живо обрисованным в первой части. Да и Чичикова, верно, он вывел бы на более обширное поприще деятельности и сделал бы из него важное лицо. — “Мертвые души” оправдывают один французский стих: et le vrai n'est pas toujours vraisemblable[3]. И точно, что, кажется, невероятнее завязки и главной пружины действия всей сказки: покупка и продажа мертвых душ! А я помню, что, действительно, когда-то случилось нечто подобное: один спекулятор (его уже

нет на свете) перевел в собственное маленькое имение, и где-то в глуши, слишком двести умерших душ из вотчин своей жены и свояченицы, вместе с немногими живыми душами – и после все эти мертвые души заложил в Опекунский совет. При этом соблюдены были все законные формы, т. е. совершены акты покупки; мертвые души перечислены в другую губернию; в гражданской палате взято свидетельство на залог и пр. Это случилось вскоре после нашествия французов. – Не знаю, какие последствия имела эта спекуляция – вероятно, за смертию замысловатого изобретателя никто не потерпел. Все эти подробности слышал я от его близкого родственника, покойного М<ихаила> В<асильевича> Бибикова, который, если ты помнишь, жил у нас. – Если Гоголь точно предал огню свой пятилетний труд, всеми с таким нетерпением ожидаемый, то это такая жертва, на которую очень немногие способны, – жертва, показывающая всю искренность и силу новых его убеждений. Я слышал, что он много времени провел с Жуковским – не он ли подействовал на него так благодетельно? Вот как я заговорился о Гоголе – опять повторю: точно, у него необыкновенный талант! Возьми хоть, например, газетное[4] его объявление о переводе Одиссеи – много ли найдешь у нас таких прекрасных страниц? – А его Тарас Бульба? – Что если бы он при теперешнем своем религиозном направлении написал *Старосветских помещиков* (одна из его повестей). Что бы это вышла за прелесть!»[5]

[1] Михаил Александрович Фонвизин (1788–1854), племянник Д. И. Фонвизина, генерал-майор (с 1820), с 1822 г. в отставке, масон (с 1818), декабрист, друг И. Д. Якушкина – зятя Н. Н. Шереметевой. В 1827 г. отправлен в Сибирь, с 1838 по 1853 г. жил на поселении в Тобольске. С М. А. Фонвизиным был близко знаком руководитель Алтайской духовной миссии в Бийске преподобный Макарий (Глухарев), которого в 1840 г. Гоголь пригласил в наставники к своим сестрам (см.: *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 244).

[2] См. ***1842. Март – мая до 23. Москва.***

[3] И правда не всегда правдоподобна (*фр.*).

[4] Имеется в виду публикация статьи Гоголя «Об Одиссее, переводимой Жуковским» в «Московских Ведомостях» (см. ***1846. Июля 25 <августа 6>. Четверг. Москва***).

[5] *Свод.* Т. 3. С. 549.

ФЕВРАЛЯ 18 <6>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский посылает в Неаполь ответное[1] письмо Гоголю:

«...Коротенькое письмецо твое, со вложением выписки из письма Шевырева, я получил – благодарю. Жаль для нас, что тот Языков, который теперь разовьется из души, освобожденной от земного, не перед нами совершит свое развитие и что это явление отнято у земли. <...> ...Твоя книга[2] теперь в моих руках[3], что я уже ее всю прочитал или почти всю, то есть кроме двух последних статей[4], уже мне известных[5], что я в ней нашел два письма ко мне[6], которые сделали большой крюк в Петербург, дабы из типографии Департамента внешней торговли[7] дойти до меня в печатном образе; что я все это прочитал с жадностью, часто с живым удовольствием, часто и с живою досадою на автора, который (вопреки своему прекрасному рассуждению о том, что такое слово[8]) сам согрешил против слова, позволив некоторым местам из своей книги (от спеха выдать ее в свет) явиться в таком неопрятном виде, что, наконец, эта книга должна произвести и произведет всеобщее сильное и благотворное действие, что я намерен ее перечитать медленно в другой раз и что по мере чтения буду писать к автору все, что придет в голову о его мыслях или по поводу его мыслей, что эта переписка может также составить книгу[9], которая, если подлинно будет в ней что-нибудь достойное общего внимания, может выйти вслед за первою и вместе с нею пробудить в головах русских также несколько добрых мыслей. Итак, Гоголек, жди от меня длинных писем; я <...> наперед не делаю никакого плана... <...> Я часто замечал, что у меня <наплыв> наиболее светлых мыслей тогда, как их надобно импровизировать в выражение или в дополнение чужих мыслей; <...> у меня почти все или чужое, или по поводу чужого – и все, однако, мое. Ты наперед должен знать, что я на многое из твоей книги буду делать нападки (то есть нападки любви к тебе и к добру, которое мы оба любим); но эти нападки будут более на форму, нежели на содержание. Горе и досада берет, что ты

так поспешил. И на что была нужна эта поспешность, понять не могу. Если б вместо того, чтобы скакать в Неаполь, ты месяца два провел со мною во Франкфурте, мы бы все вместе пережевали и книга бы была избавлена от многих пятен литературных и типографических, которых теперь с нее не снимешь. И мне бы ты был полезен <...>: у Рейтерна большая часть дома больна; <...> теперь больны нервическою горячкою Миа[10], Жатто[11] и девка в доме, а женина болезнь усиливается беспокойством о сестре и брате[12]... <...> ...Долго ли пробудешь ты в Неаполе; куда и когда отправишься».

[1] См. ***1847. Января 25 <13>. Понедельник. Неаполь.***

[2] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[3] См. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург***; ***1847. Января 17 <29>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[4] Статьи *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность* и *XXXII. Светлое Воскресенье.*

[5] См. ***1845. Марта 3 <февраля 19> – мая 15 <3>. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Июня 5 <мая 24>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Июля 19 – августа около 1 <июля 7 – июля около 20>. Швальбах.***

[6] Статьи *X. О лиризме наших поэтов* и *XVII. Просвещение.*

[7] В этой типографии печаталась книга Гоголя: Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. Санктпетербург. В типографии Департамента внешней торговли. 1847.

[8] Имеется в виду статья *IV. О том, что такое слово.*

[9] См. также ***1847. Декабря конец <декабря средина>. Франкфурт-на-Майне.*** – В. А. Жуковский написал в форме писем к Гоголю статьи «О смерти» (в основе письмо, отправленное Гоголю 24 марта (н. ст.) 1847 г.; см. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Марта 24 <12>. Среда. Франкфурт-на-Майне***), «О молитве» (конец 1847 г.; см. ***1845. Апреля 23 <11>. Великая среда. Франкфурт-на-Майне, Висбаден*** – примечания; ***1851. Октября 1. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы***), «О поэте и современном его значении» (29 января 1848 г.).

[10] Сестра жены Жуковского Мария (Мия, род. в 1822) скончалась 10/22 февраля 1847 г. (см. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***).

[11] Домочадец Е. Р. фон Рейтерна.

[12] Имеется в виду один из братьев жены Жуковского, Александр (1824–1879) или Василий (1829–1896).

ФЕВРАЛЯ 6 <18>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

С. Т. Аксаков пишет сыну Ивану в Калугу:

«Книгу Гоголя мы прочли окончательно, иные статьи даже по 3 раза; беру назад прежние мои похвалы некоторым письмам, или, правильнее сказать, некоторым местам: нет ни одного здорового слова, везде болезнь или в развитии или в зерне».

Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 597.

ФЕВРАЛЯ 6 <18>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. Г. Белинский, стремясь дискредитировать «Выбранные места из переписки с друзьями», в письме к В. П. Боткину пускает слух о порочности Гоголя.

Из письма Белинского: «2-я книжка “Современника” вышла вовремя[1]. Она лучше первой. Но Никитенко так поправил одно место в моей статье о Гоголе[2], что я до сих пор хожу, как человек, получивший в обществе оплеуху. Вот в чем дело: я говорю в статье, что-де *мы*, хваля Гоголя, не ходили к нему справляться, как он думает о своих сочинениях, то и теперь *мы* не считаем нужным делать это; а он, добрая душа! В первом случае *мы* заменил словом *некоторые* – и вышла, во-1-х, галиматья, а во-2-х, что-то вроде подлого отпирательства от прежних похвал Гоголю и сваления

вины на других. А там еще цензора подрадели — и все это произвольно, без основания. Вот они — поощрения к труду! <...> Читал ли ты "Переписку" Гоголя? Если нет, прочти. Это любопытно и даже назидательно: можно увидеть, до чего доводит и гениального человека онанизм».

Клеветой на Гоголя Белинский — которому друзья старательно создавали славу «идеалиста»[3] — стремился опорочить «Выбранные места из переписки с друзьями». По-видимому, имея в виду слухи, распускаемые окружением Белинского, доктор А. Т. Тарасенков в 1852 г. свидетельствовал о Гоголе: «...онании <...> не был подвержен»[4].

Ранее, в письме к М. А. Бакунину, датируемом 15–20 ноября 1837 г., сам критик признавался: «Итак, узнай то, что я так упорно ото всех скрывал, вследствие ложного стыда и ложного самолюбия — я был онанистом и не очень давно перестал им быть — года полтора или два. Я начал тогда, когда ты кончил — 19-ти лет. <...> Нет, Мишель, что ни говори, а я превосходнее тебя: я не был кадетом, не был офицером в Москве, без книг, без людей, без денег и сапог, я начал не мальчишкою, а юношею — нет, я выше тебя»[5].

Публикуя в 1991 г. эти строки, В. Н. Сажин замечал: «Речь <идет> о победе, одержанной Белинским в эпистолярном поединке с Михаилом Бакуниным. <...> ...Для читателей этой переписки победа Белинского до сих пор не очевидна — ее свидетельство опущено во всех наличных публикациях писем Белинского. <...> Спор вышел по поводу сообщения Бакунина в августе 1837 года о своей душевной победе над внешними обстоятельствами и «восстании» к подлинно духовному существованию. Белинского это задело. Его уязвило <...> заявление Бакунина о победе над собой, которое звучало (или так воспринималось Белинским) как укор отстающему другу. Белинский решил продемонстрировать, что цена победы Бакунина над собой невелика, поскольку не так глубока степень его падения. Иное дело — пропасть, в какой находится Белинский. <...> Таким образом Белинский намеревался доказать Бакунину свое первенство в степени падения и тем объяснить невозможность собственного духовного "восстания". <...> ...Текст, который явился решающим аргументом Белинского в эпистолярном поединке с Бакуниным, выпущен во всех изданиях. Печатаем его по автографу ГИМ (ф. 281, ед. хр. 8). Его место в цитируемом издании[6] на с. 111. За словом "в своем" следует читать — вместо отточия в скобках: "онанизме". Далее идет решающее признание Белинского. <...> Выяснилось, между прочим, гораздо более сказанного. Выяснилась (или еще раз подтвердилась?) неуемная жажда Белинского в каждой точке спора с оппонентом одерживать верх, причем ценой этого верховенства может быть и абсолютное, ничем не ограничиваемое самобичевание и саморазоблачение...»[7]

Сходные признания скандального или провокационного характера были свойственны Белинскому и позднее, в частности, незадолго до его вполне «булгаринского» выпада против Гоголя как автора «Выбранных мест из переписки с друзьями». Одно из таких признаний дошло до нас в воспоминаниях Ф. М. Достоевского (который начинал свое поприще в окружении западников). Сам Достоевский считал этот эпизод важнейшим для характеристики воззрений Белинского как убежденного атеиста — и прямо с рассказа об этом полагал начать в конце 1872 г. свою известную статью о Белинском и Герцене — «Старые люди» — в самом первом, заглавном выпуске «Дневника писателя»[8]. Однако в «Дневник писателя» это свидетельство Достоевского не попало и явилось в печати только спустя восемь лет, в изложении другого лица и в уцелевшей лишь случайно журнальной публикации. В полной мере это свидетельство стало известным только в 2001 г.

2 января 1873 г., на следующий день после выхода в свет № 1 журнала «Гражданин», с первыми статьями «Дневника писателя» («Вступление» и «Старые люди»), Достоевского навестил старший брат известного философа Вл. С. Соловьева писатель Всеволод Сергеевич Соловьев (1849–1903). Показывая ему журнал, Достоевский сказал: «Вот хотя бы о Белинском (он раскрыл № "Гражданина" с первым своим "Дневником писателя"), разве тут я все сказал, разве то я мог бы сказать! И совсем-то, совсем его не понимают. Я хотел бы просто привести его собственные слова — и больше ничего... ну, и не мог»[9]. В дневниковой записи Вс. С. Соловьева от 2 января 1873 г. и в одном из уникальных экземпляров «Исторического Вестника» за 1881 г., с текстом его «Воспоминаний о Ф. М. Достоевском», сохранились идентичные фрагменты, содержащие те слова Белинского, которые хотел, но не смог привести Достоевский в «Дневнике писателя»: «...Есть вещи, о которых если вдруг, так никто даже и не поверит. <...> ...Раз прихожу я к Белинскому; у него только что родилась дочь[10], жена лежит рядом в комнате. Он показывает мне ребенка и говорит: "вот она! ну, если она вырастет и если почувствует влечение ко мне, а я к ней — так я и в связи с ней буду..."»[11] «И вы придаете такое значение этим скверным словам?! — возразил Достоевскому Соловьев, — да ведь от слова до дела еще далеко...» «Конечно, конечно, — отвечал Достоевский, — только Белинский-то был не таков; он если сказал, то мог и сделать; это была натура простая, цельная, у которой слова и дело вместе»[12].

Пущенный Белинским в 1847 г. порочащий слух о Гоголе распространял, в частности, Л. М. Жемчужников, бездоказательно приписывая эти сведения целому кругу лиц — Ф. В. Чижову, Г. П. Галагану, Н. Я. Прокоповичу, — завершая, однако, опять-таки именем Белинского: «О Гоголе он <Чижов> и Галаган сообщали, что сначала он был остер и интересен, а потом... застенчив, скрывался и замечен в самом несчастном пороке, о котором говорил его товарищ Прокопович и другие лица. Сомневаться в этом едва ли возможно и этим объясняются его болезненные письма к друзьям, возмутившие Белинского и всех лучших людей того времени»[13].

О «пасквиле» на Гоголя, «будто Гоголь умер от истощения от онанизма», сообщал также Ф. И. Буслаев в дневниковой записи от 24 мая 1852 г., – вероятно, со слов приятеля Белинского, И. С. Тургенева: «Ух – гадко!»[14] Позднее, 13 августа 1856 г., О. М. Бодянский записал в дневнике о сходном высказывании о Гоголе А. С. Норова[15]. (Последний был далек от западников, но, вероятно, не мог простить Гоголю образ сластолюбивого моряка Жевакина в «Женитьбе», в котором узнаваемыми для Норова оказались отдельные черты его самого[16].)

Далее в письме к Боткину Белинский писал о Гоголе: «А славяноперды московские напрасно на него сердятся. Им бы вспомнить пословицу: неча на зеркало пенять, коли рожа крива. Они подлецы и трусы, люди неконсеквентные[17], боящиеся крайних выводов собственного учения; а он человек храбрый, которому нечего терять, ибо все из себя вытряс, он идет до последних результатов»[18].

[1] См. ***1847. Февраля 7 <19>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] Имеется в виду статья «Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя».

[3] См.: *Тургенев И. С.* Воспоминания о Белинском // Вестник Европы. 1869. № 4. С. 711.

[4] См. ***1852. Февраля 16. Суббота. Шестой день Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Москва.***

[5] *Сажин В.* Рука победителя. Выбранные места из переписки В. Белинского и М. Бакунина // Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 39; *Свод.* Т. 3. С. 264.

[6] *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9.

[7] *Сажин В.* Рука победителя. С. 39.

[8] *Достоевский Ф.* Дневник пиателя. <...> II. Старые люди // Гражданин. Газета-журнал политический и литературный. 1873. 1 янв. № 1. С. 15–17; *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. 1873. <...> II. Старые люди // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1980. Т. 21. С. 8–12.

[9] *Соловьев Вс. С.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Исторический Вестник. 1881. Март. С. 607.

[10] Дочь Белинского Ольга родилась 13 июня 1845 г. Визит Достоевского к Белинскому состоялся, вероятно, в сентябре 1845 г.

[11] *Викторович В. А.* Достоевский о Белинском: «непечатное» // Литературные мелочи прошлого тысячелетия. К 80-летию Г. В. Краснова. Сборник научных статей. Коломна, 2001. С. 132–134.

[12] Там же. С. 132–133.

[13] *Жемчужников Л. М.* Мои воспоминания из прошлого // *Свод.* Т. 1. С. 395.

[14] См. ***1851. Июля 1. Воскресенье. День памяти св. бессребреников Космы и Дамиана. С. Спасское.***

[15] См. ***1852. Февраля 16. Суббота. Шестой день Великого Поста. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Москва.***

[16] См. ***1842. Декабря 9 <21>. Среда. Санкт-Петербург; 1850. Ноябрь – декабря до 15. Одесса.***

[17] Непоследовательные (от *фр.* consequent – последовательный).

[18] Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 264.

ФЕВРАЛЯ 7 <19>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет № 2 «Современника», где напечатана критическая статья В. Г. Белинского о «Выбранных местах из переписки с друзьями»[1].

В тот же день Белинский писал В. П. Боткину:

«Какой Павлов написал статью о Гоголе[2] – Н<иколай> Ф<илиппович>? Уведомь, равно как и о том, будет ли она напечатана и где?»[3]

В этот же день, 7 февраля 1847 г., графиня Анна М. Виельгорская отправила в Неаполь ответное[4] письмо Гоголю:

«...Должна я вас благодарить за экземпляры ваших писем[5], которые вы назначили каждому из нас[6]... <...> ...Мы прочли их с необыкновенным интересом, но с различными впечатлениями. Я вас совершенно узнаю в ваших письмах; для меня все в них просто, понятно; мне кажется, читая их, что я вас слышу, как вы часто с нами говорили... <...> Вы судите теперь обо всем, как каждый истинный христианин должен судить, то есть посредством религии. Она одна назначает всем предметам сей

земли их настоящую цену... <...> Читая ваши письма, душа слышит, что вы правы. Но я не должна медлить исполнить ваше желание узнать, что другие говорят о новой книге вашей. Много говорят о ней, любезный Николай Васильевич, и я иногда спрашиваю себя, какое впечатление она б сделала на меня, знала бы я вас только по вашим сочинениям. Вы можете вообразить себе, как люди, знавши вас только по сих пор как комического или по крайней мере как светского автора, как они должны, читая вашу книгу, удивляться, теряться и, может быть, смущаться вашей для них внезапной и непонятной перемене. У Софии Михайловны[7] собираются по середам знакомые ее мужа[8], почти все русские, люди умные, некоторые из них литераторы. Так я слышала, что иные полагают вас потерянным для литературы; вообще все хвалят ваши письма, но не одобряют "Предисловия" и особенно духовного завещания, видя в них, как они говорят, "уничижение паче гордости". Признаюсь вам откровенно, я сама сожалею, что вы напечатали ваше духовное завещание, не оттого, что оно мне не нравится, но оттого, что оно не может понравиться публике и что она не может понять его. <...> Вы говорите иногда о себе с таким удивительным смирением (как, например, в третьем письме по поводу "Мертвых душ"), что большее число ваших читателей должны думать, что вы или играете комедию, или слишком самолюбивы, не зная сами, что такое смирение, и думавши, может быть, что оно только находится в святых. Говорили предо мной, что вы всегда были самолюбивы и что теперь ваше самолюбие приняло только другой вид. Извините, любезный Николай Васильевич, что я вам так откровенно пишу; впрочем, я знаю, что даже самые несправедливые, злые критики ваших литературных недоброжелателей не могли б теперь оскорбить вас. Вы вознеслись выше всех низких, мелочных страстей и слабостей сей жизни и, верно, единственно заняты вашим пред<по>лагаемым путешествием к Святым местам. Еще одно слово о ваших письмах. Мне особенно понравились: "Женщина в свете", "О нашей Церкви и духовенстве", "О театре...", "Предметы для лир<ического> поэта...", "Советы", "Просвещение" (все, что вы говорите про наши церкви, мне пришлось удивительно по сердцу), "Русский помещик", "Чем может быть жена..." и пр., "Чей удел на земле выше". Я останавливаюсь, чтобы не всех назвать. Владимир[9] говорит, что многие из ваших писем sont des chefs-d'oeuvres[10]; я только сужу сердцем и впечатлениями. В эту минуту я получила ваше письмо через Апраксина. Вы желаете, чтобы я короче познакомилась с Плетневым. Я готова все сделать, что может вам доставить удовольствие, но не думайте, чтоб я могла быть теперь кому-нибудь душевно полезна. Мне самой нужна помощь, и я так занята душевным моим состоянием, что мне ужасно трудно выходить из себя и заниматься другими. <...> ...Все изнемогло во мне, и я могу сказать с Давидом: "Нет здравого места в теле моем"[11]. Но Бог милостив, и "претерпевый до конца спасен будет"[12]. Сам Иисус сказал: "Прискорбна есть душа Моя до смерти"[13], как же нам тогда не знать внутренние тяжелые скорби? <...> ...Вспомните[14] обо мне при Гробе Господнем и покрепче помолитесь за меня... <...>

У маменьки глаза болели, но ей теперь лучше, и она вам будет отвечать. Насчет вашего пашпорта[15] папенька вам уже давно написал, что Государь приказал всем нашим министрам и консулам взять вас под их покровительство и по возможности облегчить вам трудности вашего путешествия».

В тот же день, 7 февраля 1847 г., П. А. Плетнев получил[16] письмо Гоголя из Неаполя от 15 января (н. ст.) 1847 г.[17]

[1] <*Белинский В. Г.*> *В. Б.* Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. Спб. 1847// Современник. Т. 1. № 2 (цензурное разрешение 30 янв.). Отд. 3. С. 103–124. – Журнал был получен Гоголем 23 апреля (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Апреля 24 <12>. Суббота. Неаполь***).

[2] Имеется в виду первая из трех статей Н. Ф. Павлова о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя. Статьи были напечатаны в № 28, 38, 46 «Московских ведомостей» за 1847 г. (см. ***1847. Марта 6 <18>. Четверг. Москва***; ***1847. Марта 29 <апреля 10>. Суббота Светлой седмицы. Москва***; ***1847. Апреля 17 <29>. Четверг. Москва***) и в том же году перепечатаны в «Современнике» (№ 5, 8). – См. также ***1847. Января 25 <февраля 6>. Вселенская родительская суббота. Москва***; ***1847. Марта 15 <27>. Лазарева суббота. Санкт-Петербург***.

[3] Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 266.

[4] См. ***1847. Января 16 <4>. Суббота. Неаполь***.

[5] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[6] См. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Января 16 <4>. Суббота. Неаполь.***

[7] Графиня Соллогуб (рожд. графиня Виельгорская), сестра А. М. Виельгорской.

[8] Граф В. А. Соллогуб.

[9] Граф В. А. Соллогуб.

[10] Шедевры *(фр.).*

[11] Псалом 37, стих 4.

[12] Евангелие от Матфея, гл. 10, стих 22, гл. 24, стих 13; Евангелие от Марка, гл. 13, стих 13.

[13] Евангелие от Матфея, гл. 26, стих 38.

[14] См. ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим.***

[15] См. ***1847. Марта 5 <февраля 21>. Пятница. Неаполь.***

[16] См.: *Городецкий.* С. 454.

[17] См. ***1847. Января 15 <3>. Пятница. Неаполь.***

ФЕВРАЛЯ 20 <8>. СУББОТА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ФЕОДОРА ТИРОНА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский отправляет Гоголю письмо в Неаполь:

«Странные дела происходят на земле, любезный Гоголек. В генваре 1845 года послан ко мне вексель на ваше имя[1] — я его не получал; а только с генваря 1847 спрашивают[2] у меня: получил ли я этот вексель? Следовательно, в течение ровно двух лет никто не позаботился узнать, что сделалось с этим векселем. Хорош ты, Гоголек. А даешь прекрасные советы экономии дамам и эти советы еще печатаешь для пользы всей России[3]. <...> Теперь это дело решено; из Гамбурга пришло уведомление, что prima не уплачен (куда он девался, Бог ведает). Франкфуртский Родшильд[4] напишет завтра к неаполитанскому Родшильду[5], чтобы по векселю сделать уплату, как скоро ты с ним явишься. Ему же дано поручение выдать тебе и от меня 1000 рублей ассигнациями, в принятии которых ты должен дать ему расписку, дабы, по предъявлении сей расписки мне, я мог заплатить здешнему Родшильду деньги. Вексель же твой secunda для большей верности послан Убрилем к нашему посланнику Потоцкому, к которому прошу немедля явиться и взять вексель, а меня уведомить об его получении. Из великокняжеских же денег теперь выдано мною тебе 3000 рублей, остается еще на мне *одна* тысяча, которая в будущем году в феврале месяце к тебе пошлется... но куда? Итак:

1) по получении сего письма ты явишься к *Потоцкому,* он выдаст тебе вексель secunda, отправленный к нему Убрилем.

2) С этим векселем secunda явишься в *контору Родшильда* и получишь там по нему уплату.

3) У того же Родшильда потребуешь 1000 рублей ассигнациями, которые здешним Родшильдом поручено ему выдать тебе моим именем.

4) Обо всем этом меня уведомишь.

Еще переписки с тобою[6] я не начинал; но скоро начну[7] ее».

[1] См. ***1845. Января 26 <февраля 7>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[3] Имеется в виду статья *XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России,* а также статьи *II. Женщина в свете* и *VI. О помощи бедным* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[4] Барон А. Ротшильд.

[5] В. А. Ротшильд.

[6] См. ***1847. Февраля 18 <6>. Четверг. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[7] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

ФЕВРАЛЯ 8 <20>. СУББОТА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ФЕОДОРА ТИРОНА. МОСКВА

Н. Н. Шереметева, по древнему христианскому обычаю, в субботу первой седмицы Великого Поста приобщается Св. Христовых Таин. В этот день начинает письмо к Гоголю (письмо было продолжено[1] и отправлено[2] в Неаполь позднее):

«Давно от вас, мой друг, не имею. К вам отвечала на письмо ваше 25 ноября[3], после еще писала через Александру Осиповну[4] 28 декабря[5]. Сегодня по милосердию Божию сподобилась приобщиться Святых Таин. О Вас вспоминала с любовию пред Тем, Которой один видит наши сердца, Он видит, с какою любовию о вас пред Ним я вспоминаю. <...> Все ожидаю, не получит ли от вас кто известия, как вы приняли кончину доброго Николая Михайловича[6]. (Думаю, кто из друзей ваших давно о сем писали; он 26 декабря[7] скончался.) Дай Бог ему Царствие Небесное, а нам память смертную, чтобы остатки дней провести так, чтобы сподобиться блаженной вечности. <...> Знаю иных, которые по благости Божией достигли до сего блаженного состояния, им легко жить, все близко, ничто не чуждо для человека, возлюбившего всем сердцем Господа; он спокойствием ближнего дорожит если не свыше, то наверное не менее, как собственным. Кто постиг необходимость самоотвержения, тот не станет заботиться, кто к нам каков; лишь бы мы были ко всем хороши и хранили ко всем любовь, которая при помощи Божией всегда научит нас, как поступать относительно ближнего.

Благодарю вас за книгу[8], которую вы мне прислали[9] и о которой вы ко мне в ноябре писали[10], как прочту, чтобы не скрыла от вас своих мыслей. Мой друг, можете быть уверены, что с людьми, близкими мне по душе, не могу ничего затаить, что относится до них...»

В тот же день, 8 февраля 1847 г., С. Т. Аксаков писал из Москвы в Калугу сыну Ивану:

«Белинский не так написал о книге Гоголя, как я ожидал[11]. Впрочем, хорошенько подумав, я почти соглашаюсь, что так и следовало ему написать: он не был в дружеских сношениях с Гоголем. Не мог сказать голой правды о многих статьях и притом болен. Несмотря ни на что, Гоголь не перестает занимать меня с утра до вечера: он, точно, помешался[12], в том нет сомнения; но в самом помешательстве много плутовства – должно в этом признаться. Сума<с>шедшие бывают по-своему плуты и надуватели: это я видел не один раз, и помешательство их делается и жалко и гадко. Мне пришла странная и вместе утешительная мысль в голову, что если Гоголь, получив множество печатных и письменных отзывов, скажет: “*Я вижу, что мои читатели еще не в состоянии понять второго тома Мерт<вых> Душ, да и я еще не созрел для написания его в настоящем виде, а потому оставляю этот труд до времени и начинаю писать прежние побасенки*”... и напишет нам чудные побасенки[13]. Эта мысль имеет основанием две причины. Первая: он пишет в последнем своем письме ко мне[14]: “Ваши нападения мне теперь слишком нужны: они покажут мне ближе *меня самого* и покажут мне в то же время *Вас*, т. е. *моих читателей*. Не увидевши яснее, что такое в настоящую минуту я сам и что такое мои читатели, я был бы в решительной невозможности сделать дельно свое дело”. Вторая состоит в том, что Гоголь в письме своем к Щепкину[15], горячо заботясь о постановке на сцену своей нелепейшей новой развязки Ревизора, между прочим, пишет такие забавные штуки, что надобно хохотать и вместе удивляться ясности взгляда и меткости выражений»[16].

[1] См. ***1847. Февраля 20 <марта 4>. Четверг. Москва.***

[2] См. ***1847. Февраля 26 <марта 10>. Среда. Москва.***

[3] Письмо не сохранилось (см. ***1846. Ноября 25 <декабря 7>. Понедельник. Москва***).

[4] Смирнова.

[5] Письмо до нас не дошло (см. ***1846. Декабря 28 <1847. Января 9>. Суббота***; ***1847. Июня 25 <июля 7>. Среда. Калуга***).

[6] Языков.

[7] См. ***1846. Декабря 26 <1847. Января 7>. Четверг. Москва.***

[8] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[9] См. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне*** (примечания); ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург.***

[10] См. ***1846. Ноября 8 <октября 27>. Воскресенье. Флоренция.***

[11] Имеется в виду статья В. Г. Белинского «Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя» (Современник. 1847. Т. 1. № 2. Отд. III. С. 103–124).

[12] Подробнее см.: ***1849. Августа 27. Суббота. Радонежье (Абрамцево)*** (примечания).

[13] Выражение из «Театрального разъезда...» Гоголя.

[14] От 20 января (н. ст.) 1847 г. из Неаполя (см. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь***).

[15] От 24 октября (н. ст.) 1846 г. (см. ***1846. Октября 24 <12>. Суббота. Страсбург***).

[16] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 597.

ФЕВРАЛЯ 8 <20>. СУББОТА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ФЕОДОРА ТИРОНА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«Третьего дня[1] вечер провел я <...> с Авророй[2]. <...> О письмах Гоголя говорила <она> не только с восхищением, но и со слезами умиления».

Свод. Т. 1. С. 692.

[1] 6 февраля 1847 г.

[2] Имеется в виду Аврора Карловна Карамзина (1808–1902; рожд. баронесса Шернваль фон Вавллер, в первом браке (с 1836 по 1840) Демидова, во втором браке с 1846 г.).

ФЕВРАЛЯ 22 <10>. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет ответное[1] письмо А. О. Смирновой в Калугу (содержание письма перекликается с написанной позднее «Авторской исповедью», 1847):

«Как мне приятно было получить ваши строчки... <...> С появленья моей книги еще никто не писал ко мне. Кроме коротких уведомлений, что книга вышла и производит разнообразные толки, я ничего еще не знаю. Какие именно толки — не знаю, не могу даже и определить их вперед, потому что не знаю, какие именно из моих статей пропущены, а какие не пропущены. От Плетнева я получил только вместе с уведомлень<ем>[2] о выходе книги и об отправленьи ее ко мне уведомленье, что больше половины не пропущено, статьи же пропущенные обрезаны немилосердно цензурою. Вся цензурная проделка для меня покаместь темна и не разгадана. Знаю только то, что цензор[3] был, кажется, в руках людей так называемого европейского взгляда, одолеваемых духом всякого рода преобразований, которым было неприятно появленье моей книги[4]. Я до сих пор не получал[5] ее и даже боюсь получить. Как ни креплюсь, но, признаюсь вам, мне будет тяжело на нее взглянуть. Всё в ней было в связи и в последовательности и вводило постепенно читателя в дело — и вся связь теперь разрушена! Будьте свидетелем моей слабости душевной и моего неуменья переносить: всё, что для иных людей трудно переносить, я переношу уже легко с Божьею помощью и не умею только переносить боли от цензурного ножа, который бесчувственно отрезывает целиком страницы, написанные от чувствовавшей души и от доброго желания. Весь слабый состав мой потрясается в такие минуты. Точно как бы пред глазами матери зарезали ее любимейшее дитя, так мне тяжело бывает это цензурное убийство. И сделал тот самый цензор, который до того благоволил к моим произведениям[6], боясь, по его собственному выражению, произвести и царапинку на них. Плетнев приписывает это его глупости. Но я этому не совсем верю: человек этот не глуп. Тут есть что-то,

покуда для меня непонятное. Я просил Вьельгорского и Вязем<ского> пересмотреть внимательно все непропущенные статьи и, уничтоживши в них то, что покажется им неприличным и неловким, представить их на суд дальше. Если и Государь скажет, что лучше не печатать их, тогда я почту это волей Божьей, чтобы не выходили в публику эти письма; по крайней мере, мне будет хоть какое-нибудь утешение в том, когда я узнаю, что письма были читаны теми, которым, точно, дорого благосостояние и добро России, что хотя крупица мыслей, в них находящихся, произвела благодетельное влияние, что семя, может быть, будущего плода заронилось вместе с ними в сердца. Письма эти были к помещикам[7], к должностным людям, письмо к вам о том, что [долж<но>] можно делать губернаторше[8], попало также туда, а потому вы не удивляйтесь, что оно пришлось вам не совсем кстати: я, писавши его к вам, имел уже в виду многих других и желал посредством его добиться верных и настоящих сведений о внутреннем состояньи душевном люда живущего у нас повсюду. <...> Я бы давно был гораздо умнее нынешнего, если бы мне доставлялась верная статистика. Если бы вы доставляли мне в продолжение года хотя такие известия, какие содержатся в нынешнем вашем милом письме, на которое я вам отвечаю (хотя в нем говорится только о невозможности делать добро), то я чрез это самое к концу года пришел бы в возможность сказать вам вещи, гораздо более удобные к приведению к исполнению. <...> Вся книга моя долженствовала быть пробою: мне хотелось ею попробовать, в каком состоянии находятся головы и души. Мне хотелось только поселить посредством ее в голове идеал возможности делать добро, потому что есть много истинно доброжелательных людей, которые устали от борьбы и омрачились мыслью, что ничего нельзя сделать. <...> Мне нужно много набрать знаний; мне нужно хорошо знать Россию. Друг мой, не позабывайте, что у меня есть постоянный труд: эти самые "Мертвые души", которых начало явилось в таком неприглядном виде. Друг мой, искусство есть дело великое. Знайте, что все те идеалы, которых напичкали головы французские романы, могут быть выгнаны [вдруг] другими идеалами. И образы их можно произвести так живо, что они станут неотразимо в мыслях и будут преследовать человека в такой степени, что [все] львицы возжелают попасть в другие львицы. Способность созданья есть способность великая, если только она оживотворена благословеньем высшим Бога. Есть часть этой способности и у меня, и я знаю, что не спасусь, если не употреблю ее, как следует, в дело. А употребить ее, как следует, в дело я в силах только тогда, когда разум мой озаряется полным знанием дела. Вот почему я с такою жадностью прошу, ищу сведений, которых мне почти никто не хочет или ленится доставлять. Не будут живы мои образы, если я не сострою их из нашего материала, из нашей земли, так что всяк почувствует, что это из его же тела взято. Тогда только он проснется и тогда только может сделаться другим человеком. Друг мой, вот вам [моя] исповедь. [<...> Ее объявляю вам [первым], потому что вас удостоил Бог понимать многое... <...>] С московскими моими приятелями[9] об этом не рассуждайте. Они люди умные, но многословы и от нечего делать толкут воду в ступе. Оттого их может смутить всякая бабья сплетня и сделаться для них предметом неистощимых споров. Пусть их путаются обо мне; я их вразумлять не буду. <...> Ваши мысли о трудности иметь какое-нибудь доброе влияние на жителей города Калуги очень основательны и разумны. Но не смущайтесь этим и вообще тем, что душа ваша остается без больших подвигов. Уже и это подвиг, если добрый человек, подобный вам, захотел жить в городе Калуге. А подвиги придут. <...> ...Присоединяйте к концу вашего письма всякий раз какой-нибудь очерк и портрет какого-нибудь из тех лиц, среди которых обращается ваша деятельность, чтобы я по нем мог получить [полную идею] хоть какую-нибудь идею о том сословии, к которому он принадлежит в нынешнем и современном виде. Например, выставьте сегодня заглавие: *Городская львица.* И, взявши одну из них такую, которая может быть представительницей всех провинциальных львиц, опишите мне ее со всеми ухватками — и как садится, и как говорит, и в каких платьях ходит, и какого рода львам кружит голову, словом — личный портрет во всех подробностях. Потом завтра выставьте заглавие: *Непонятая женщина* и опишите мне таким же образом непонятую женщину. Потом: *Городская добродетельная женщина.* Потом: *Честный взяточник*; потом: *Губер<н>ский лев.* Словом, всякого такого, который вам покажется типом, могущим подать собою верную идею о том сословии, к которому он принадлежит. Вспомните прежнюю вашу веселость и уменье замечать смешные стороны человека, и, вооружась ими, вы сделаете для меня живой портрет, а мысль, что это вы делаете не для праздного пересмеханья, а для добра, одушевит вас охотою рисовать с такими

подробностями портреты, с какими бы вы пренебрегли прежде. После вы увидите, если только милость Божия будет сопровождать меня в труде моем, какое христиански доброе дело можно будет сделать мне, наглядевшись на портреты ваши, и виновницей этого будете вы. <...> Для того всё приятно делать, кого любишь, а вы меня любите, за что да наградит вас Бог много, много!»

[1] См. ***1847. Января 11 <23>. Суббота. Калуга.***

[2] См. ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург.***

[3] А. В. Никитенко.

[4] Подробнее см.: ***1846. Августа 1 <июля 20>. Суббота. Эмс.***

[5] Подробнее см.: ***1847. Января между 25 и 30 <января между 13 и 18>. Неаполь*** (примечания).

[6] См. ***1846. Июля 30 <18>. Четверг. Швальбах*** (примечания).

[7] Статьи *XXII. Русский помещик* и *XXV. Сельский суд и расправа* цензором А. В. Никитенко были частично сокращены, но пропущены.

[8] См. ***1846. Июля 6 <июня 24>. Понедельник. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Карлсбад.*** – О запрещении цензором статьи *XXI. Что такое губернаторша* П. А. Плетнев Гоголю не сообщал.

[9] Подразумеваются Аксаковы.

ФЕВРАЛЯ 12 <24>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев сообщает Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«На этой неделе я получил письма от Гоголя, Жуковского и Кулеша. Гоголь все хлопочет, чтобы непропущенные места в письмах его дозволено было напечатать. Он приложил ко мне копию с письма об этом к Государю[1], которое просил М. Виельгорского доставить Его Величеству. Я пока никакого не сделал движения по этому делу. Жду еще письма Гоголя в ответ на мой совет приготовить вторую часть писем, внести туда непропущенное и стараться представить эту часть вместо цензуры прямо Государю. <...> Кулеш описывает свою свадьбу[2]. Шевченко (малороссийский поэт и живописец) был у него шафером. Я послал Кулешу книгу Гоголя, от которой он, жена его и ее мать в восхищении»[3].

П. А. Кулиш в своем дневнике 3 февраля 1847 г. записал: «В первые дни после нашей свадьбы исполнены были впечатлений высоких. То читали Пушкина <...> то радовались письмам бесценного П<етра> А<лександровича> и его домашних. К увеличению наших духовных наслаждений, П<етр> А<лександрович> прислал нам "Выбранные места из переписки с приятелями" Гоголя, с наказом запереться ото всех с Сашею и за раз прочитать внимательно всю книгу. Голос сердечного убеждения, которым проникнута эта книга, поразил теперь меня самого, хотя в Петербурге первые листы этой книги, тогда изготовлявшейся, показались мне ниже таланта Гоголя; а мой друг <А. М. Белозерская> так восхищался некоторыми письмами (особенно письмом "Женщина о свете"), что хотел переписать их для себя, но я подарил ему всю книгу»[4]. О своем впечатлении от «Переписки с друзьями» Кулиш вспоминал позднее в «Опыте биографии Н. В. Гоголя...»[5]

[1] См. ***1847. Января 15–16 <3–4>. Неаполь.***

[2] Речь идет о женитьбе Кулиша на Александре Михайловне Белозерской (1829–1911), украинской писательнице, известной впоследствии под псевдонимом Ганна Барвинок.

[3] *Свод.* Т. 1. С. 692

[4] *Иофанов.* С. 96–97.

[5] См. ***1847. Марта 6 <февраля 22>. Суббота. Неаполь*** (примечания).

ФЕВРАЛЯ 13 <25>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Князь В. В. Львов[1] пишет Гоголю в Неаполь:

«Зачем напечатали вы "Выбранные места из Переписки" вашей с друзьями? <...> "Уча других, также учимся" (стр. 120, "Советы"), отвечаете вы мне. – Это так, но разве кафедра дается так легко?

а мне кажется, что вот эти слова ваши дельны и прикладны: "Нет, храни Бог, в эти минуты переходного состояния душевного пробовать объяснить себя какому-нибудь человеку: нужно (надобно) бежать к одному Богу и ни к кому более" (стр. 157, "Исторический живописец Иванов"). <...> Ах, как хорош конец в введении вашем: "прошу всех в России помолиться обо мне!" (стр. 6, предисловие). <...> ...Издание писем ваших есть ошибка, есть шаг назад на пути избранном вами, есть дань духу гордости; оно показывает, что ежели вы победили многое, то не видите еще самого сильного врага, *духа прелести,* который стоит всегда на страже у последних врат, ведущих от тьмы к свету. <...> Вас ожидают бесконечные соблазны, которые возбудили вы сами, напечатав письма. Толки уж начались: "что сделалось с Гоголем?" пр. и пр. Не хочу стать в ряду тех, которым поручено окружать вас соблазнами. Что теряет публика в старом Гоголе? — любимого автора. Что приобретает она в обращенном? — ничего! <...> Вы будете ожидать критики на последнее произведение ваше? — не дождетесь! Состояние души вашей, высказанное в письмах, не делает из этих писем достояния критики литературной, а те, которые поймут дело, исполнят желание ваше и будут "молиться о вас", и только! <...> Хотите отвечать мне — отвечайте! — адресуя в Москву, на Новую Басманную, в дом ген<ерала> Л. Перовского...»[2]

[1] Князь Владимир Владимирович Львов (1804–1856), детский писатель, впоследствии цензор.
[2] Ответ Гоголя см.: ***1847. Марта 20 <8>. Суббота. Неаполь.***

ФЕВРАЛЯ 14 <26>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Брат А. О. Смирновой Ар. О. Россет пишет ей в Калугу:

«Толки о Гоголе мне также до смерти надоели. Мне кажется, что одно можно ему сказать положительно: письма его не должны были поступать в печать, а оставаться в руках тех, кому были писаны. Доказательством этого служит то, что его соотечественники, о которых он так трогательно заботится в предисловии, на любовь его посылают ему на прощание кто — сумасшедшего, кто подлеца или лжеца или гордеца. Так выразились единогласно журналы и почти единогласно масса. Сверх сего, прислушиваясь к толкам, слышишь, что все говорят о Гоголе, а никто о том, что он написал; все разбирают, что с ним случилось, а содержание книги осталось в стороне. Это понятно: у нас могут заняться лицом, если с ним случится какой-нибудь странный казус, а общих интересов, в коих принимали бы живое участие, нет. Ни одна пословица так полно не достигла цели, как та, что всяк Еремей про себя разумей.

Я послал к нему журналы; больно ему будет не услышать ни одного доброго слова. Говорят, Вяземский пишет и хочет напечатать в Московском Городском Листке; он получил письмо от Гоголя[1], и это подало ему повод отвечать[2] печатно».

Гоголь в письмах А. О. Россета к А. О. Смирновой // *Свод.* Т. 2. С. 368.

[1] Письмо к князю П. А. Вяземскому от 16 января (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Января 16 <4>. Суббота. Неаполь***).
[2] Статья князя П. А. Вяземского «Языков. — Гоголь» была напечатана в «Санктпетербургских Ведомостях» (1847. 24 апр. № 90; 25 апр. № 91).

ФЕВРАЛЯ 14 <26>. ПЯТНИЦА. ПЕРА

Управляющий Императорской миссией в Константинополе М. М. Устинов отвечает[1] государственному канцлеру, министру иностранных дел графу К. В. Нессельроде:

«Во исполнение предписания вашего Сиятельства от 20 Января, № 228, я не оставил предварить Генеральных Консулов наших в Египте, Бейруте, Смирне, Консула в Салониках и Вице-Кон-

сула в Яффе и Дарданеллах о предпринимаемом, с *Высочайшего* разрешения, известным литтератором Николаем Гоголем путешествии ко Святым Местам, предписав сим Агентам оказывать ему всевозможное покровительство и попечение, и в случае нужды зависящие пособия, а также доложить Миссии о местах, которые посещаемы будут Г-м Гоголем»[2].

[1] См. ***1847. Января 20 <февраля 1>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] Из документов и свидетельств о паломничестве Гоголя к Святым Местам // *Свод.* Т. 3. С. 611.

ФЕВРАЛЯ 15 <27>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение № 2 журнала «Финский Вестник», с отрицательной рецензией на «Выбранные места из переписки с друзьями»:

«Ни одна книга в последнее время не возбуждала такого шумного движения в литературе и обществе, ни одна не послужила поводом к столь многочисленным и разнообразным толкам, как “Выбранные места из переписки с друзьями”[1]. <...> Некоторые весьма умные люди настоятельно утверждают, что отречение Гоголя от своих собственных сочинений и некоторые другие статьи, помещенные в “Переписке”, ясно, как день, доказывают о новом просветленном, и для жизни, и для наук, направлении, им принятом. <...> Если б мы были знакомы с автором до выхода еще этой книги, то мы дали бы ему тогда один совет, <...> предать ее вместе с другими его рукописными сочинениями, если в них такое же обилие странных идей, сожжению»[2].

Вечером того же дня, 15 февраля 1847 г., графиня Анна М. Виельгорская получила от Гоголя (судя по почтовому штемпелю[3]) письмо из Неаполя, с вложением письма к ее отцу, графу Мих. Ю. Виельгорскому[4].

[1] Об этом же писал сам Гоголь в начальных строках «Авторской исповеди» (см. ***1847. Июня 10 <мая 29> – июля 10 <июня 28>. Франкфурт-на-Майне***).

[2] Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. Санктпетербург, 1847 года. Цена 2 руб<ля> сереб<ром>; весовых за 2 фун<та> // Финский Вестник. Учено-литературный журнал, издаваемый Ф. К. Дершау. 1847. № 2. Отд. IV. С. 33, 35, 37.

[3] См.: *Городецкий.* С. 442.

[4] См. ***1847. Февраля 6 <января 25>. Вселенская родительская суббота. Неаполь.***

ФЕВРАЛЯ 15 <27>. СУББОТА. КАЛУГА

И. С. Аксаков сообщает родным в Москву об еще одной[1] его ссоре с А. О. Смирновой – снова из-за Гоголя:

«Смирнова задержала меня расспросами о том, что делается в Москве, о Гоголе. У меня в кармане было Ваше письмо[2], и я ей хотел сообщить известие о письме Гоголя к Щепкину, и, добираясь до этого места, прочитывал про себя, однако же вслух, Ваши, правда, жесткие рассуждения о сумасшествии Гоголя и о плутовстве в его сумасшествии. Подняв случайно глаза, я ужаснулся. Смирнова вся вспыхнула, потом побледнела, потом затряслась, потом подняла руки кверху, и пошла потеха. Я вовсе этого не хотел, стал извиняться, успокаивать ее, сказал, что не буду ей возражать... Не тут-то было. Она оскорбилась Вашими выражениями о Гоголе. Это бы еще ничего, но, по свойственной женщинам манере, заехала Бог знает куда, так что и я под конец рассердился. Начала с того, что Гоголь ошибался в “*вашей*” семье, он думал найти друзей[3] и нашел вместо того людей, которые дорожат только его талантом, что “*вы*” его надули и надуваете, но ее не надуете, и что она откроет глаза Гоголю[4] и т. п. Потом стала ругать всю Москву, Вас вообще и меня в особенности. Вы

(т. е. Москва и Вы), которые с утра до ночи твердите о христианстве и любви христианской... Тут я не выдержал. “Прошу покорно оставить христианство в покое в теперешнем разговоре”,— сказал я <...>. Еще поругавшись, я ушел из комнаты, не простясь».

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 920.

[1] См. ***1846. Июня 20 <июля 2>. Четверг***; ***1847. Января не позже 10 <не позже 22>. Калуга.***
[2] См. ***1847. Февраля 8 <20>. Суббота.***
[3] См. также ***1847. Января не позже 10 <не позже 22>. Калуга.***
[4] См. письмо А. О. Смирновой Гоголю от 18 февраля 1847 г: ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Калуга.***

ФЕВРАЛЯ 28 <16>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет в Петербург второе подряд[1] письмо к Ар. О. Россету и такое же повторное[2] письмо к князю П. А. Вяземскому (судя по почтовому штемпелю на послании к Россету[3], письма были отправлены через день, 2 марта[4]).

Из письма к Россету: «Что ж вы, <...> обещали сообщить мне мнения и свои, и чужие о книге и вдруг замолкнули. <...> Вы уже, верно, получили мое письмо со включеньем письма к Плетневу и с убедительной просьбой к вам самим заняться моей книгой... <...> Нужно <...>, чтобы вся сплошь была переписана моя рукопись, <...> с исключеньем только двух статей, которые нужно выбросить: “Близорукому приятелю” и “Страхи и ужасы Р<оссии>”[5]. Нужно, чтобы необходимо моя рукопись была прочитана[6] вся сплошь и в связи внимательно граф<ом> М<ихаилом> Ю<рьевичем> В<ьелгорским> и кн<язем> Вяземск<им>. Мне бы хотелось также, чтобы и Васил<ий> Алекс<еевич> Перовский на нее обратил вниманье и прочел бы всю с начала до конца. <...> А до того времени, как я писал вам в прежнем письме, следует книгу тиснуть в другой раз в прежнем виде. <...> ...Передайте при сем прилагаемое письмецо князю Вяземскому... <...> Выписываю вам здесь порядок писем, какой должен быть в издании ***настоящем*** моей книги[7]...»

Из письма к Вяземскому: «Вы уже, вероятно, получили, мой добрый князь, мое письмо и в нем просьбу мою, усердную и убедительную просьбу о восстановлении моей книги в ее настоящем виде. <...> О представлении поспешном моей книги Государю я вовсе не думаю. У меня одно желание, чтобы она была прочитана прежде вами, взвешена, разобрана строго и выправлена. Мне бы желалось, чтобы ее прочел также внимательно гр<аф> М. Ю. Вьельг<орский>, потом В. А. Перовский, и сказали бы оба свои замечания... <...> Князь! Не позабуду по гроб этой услуги вашей! Появленье книги моей уже может быть важно потому, если заставит хотя задуматься общество о предметах более существенных. Это правда, что на ней лежит какой-то фальшивый тон и неуместная восторженность, что произошло от <того>, что книга эта действительно долженствовала явиться по смерти. Здесь действовал также страх за жизнь свою и за возможность окончить начатый труд (“М<ертвые> д<уши>”), страх извинительный в моих болезненных недугах, которые были слишком тяжелы. Этот страх заставил заговорить вперед о многих таких вещах, которые следовало развить во всем сочинении так, чтобы не походили они на проповедь. Вот отчего в некоторых письмах есть некоторые неуместные вставки, выходящие из обыкновенного тона писем. Вот отчего в некоторых местах есть напыщенности и выраженья, показывающие самонадеянного или высоко задумавшего о себе человека. Я их не могу хорошо всех видеть, но вы их заметите, потому что в чужом глазу бревно виднее и потому что ваш ум способен обнимать многие стороны дела. Я уверен, что если только выбросить все неприличные и заносчивые выражения, книга моя примет вид, в котором может предстать на цензуру и в публику. Нет вещи, которой бы нельзя было сказать, если только сумеешь сказать поосмотрительней и полегче. Пословица недаром говорит: “Тех же щей, да пожиже влей”. <...> Во всех же мнениях и мыслях вообще о предметах повыше представьте себе мысленно мою личность и везде, где только приметите, что чиновник 8 класса[8] слишком зара-

портовался, сделайте так, чтобы он не позабыл, что он чиновник 8 класса. <...> Скажу вам также, что в ней сверх всего есть также и мое собственное душевное дело, что вы, я думаю, уже и приметили, а потому для меня слишком важны все мненья, ею возбужденные в публике. Мне нужны все эти нападенья, которых так боится человек, потому что, опровергая меня, всяк мне что-нибудь да выскажет, чего бы никак не высказал... <...> Мне нужно много поумнеть для того, чтобы "Мертвые души" вышли тем, чем следует быть им. И вот почему я вдвое более хлопочу о моей книге».

[1] См. ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь.***

[2] См. ***1847. Января 16 <4>. Суббота. Неаполь.***

[3] См.: *Городецкий*. С. 464.

[4] См. ***1847. Марта 2 <февраля 18>. Вторник. Неаполь.***

[5] См. также ***1847. Января 15 <3>. Пятница. Неаполь*** (письмо к П. А. Плетневу); ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь*** (письмо к С. П. Шевыреву).

[6] См. ***1847. Февраля 22 <марта 6>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[7] Далее приводится перечень статей «Выбранных мест из переписки с друзьями», в котором вычеркнуты (без исправления последующей нумерации) два письма: *XXVI. Страхи и ужасы России*; *XXVII. Близорукому приятелю*. – См. также ***1847. Января 15 <3>. Пятница. Неаполь*** (письмо к П. А. Плетневу).

[8] См. ***1831. Апреля 1, среда, и 13, Великий понедельник. Санкт-Петербург*** (примечания). – Возможно, к 1847 г. относится сохранившаяся подпись Гоголя: «Отставной чиновник 8 класса Николай Васильевич Гоголь» (*Городецкий*. С. 439).

ФЕВРАЛЯ 17 <29>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получил[1] письмо Гоголя из Неаполя от 6 февраля (н. ст.) 1847 г.[2] В тот же день В. Г. Белинский писал В. П. Боткину:

«Прочти в 35 № (15 февраля) "Санкт-Петербургских ведомостей" статью Губера[3] о книге Гоголя: это замечательное и отрадное явление. <...> Что за чудак Мельгунов! Пишет он к Панаеву, чтобы делать нам авансы Павлову для получения от него в "Современник" писем к Гоголю[4]. Для этого нам должно перевести из каких-то немецких журналов отзывы о Павлове, вероятно, преувеличенные. К чему это? "Теперь (говорит Мельгунов), когда звезда Гоголя закатилась, звезда Павлова опять засияет". Что за ерунда!»[5]

[1] См.: *Городецкий*. С. 454.

[2] См. ***1847. Февраля 6 <января 25>. Вселенская родительская суббота. Неаполь.***

[3] Эдуард Иванович Губер (1814 – 10 апреля 1847), поэт, переводчик, критик.

[4] См. ***1847. Февраля 7 <19>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[5] Из писем В. Г. Белинского // *Свод*. Т. 3. С. 266.

ФЕВРАЛЯ КОНЕЦ <ФЕВРАЛЯ СРЕДИНА>. НЕАПОЛЬ

Вероятно, в этот период дочь попечителя Московского учебного округа графа С. Г. Строганова, графиня С. С. Толстая, прочитала Гоголю письмо ее отца из Москвы с мнением о «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «...Человек, может быть спасся, но сочинитель может быть потерян...» По преданию, Гоголь, выслушав отзыв, «замолчал и был мрачен весь вечер».

См. ***1847. Января средина <января конец>. Москва.***

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ <ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ЯНВАРЯ – НАЧАЛО МАРТА>. МОСКВА

По свидетельству знакомого М. П. Погодина, Г. Рора[1] (в третьем томе его сочинения «Республиканский миссионер в России» — «Un missionnaire republicainen Bussie», Париж, 1852), в этот период в одной из московских гостиных состоялся следующий разговор о «Выбранных местах из переписки с друзьями»:

«Действительно, — сказала одна дама, — последняя книга Гоголя, его "Переписка с друзьями", — книга высоконравственная, и она меня несколько примирила с ним.

— По-моему, сударыня, его прежние сочинения столь же нравственны, как и последнее, и нравственность их гораздо живей и интересней. Они отличаются от нее как хорошая комедия от проповеди, временами наводящей скуку.

— Несомненно, что в своем последнем сочинении Гоголь несет чистейший вздор <...> — едко произнес молодой представитель новой школы.

— Извините меня, — живо возразил святоша с претензиями на знание литературы. — Нигде Гоголь не достигал такой высоты, как в своей переписке. Наконец-то он попал на истинную дорогу!..

— На дорогу спасения души, вероятно, — насмешливо возразил молодой человек, — но эта дорога, конечно, весьма далека от поэзии.

— Что касается меня, — сказал толстяк Николай, — я никогда терпеть не мог этого Гоголя. Во-первых, он малоросс. Он издевается над нашей Россией, он ее позорит перед лицом всего мира. Это шут. Вот что я всегда говорил.

— Полноте, Николай Матвеевич, — сказал славянофил. — Гоголь, наоборот, слава нашей родины; это наш великий национальный поэт, и он нежно любит Россию.

— Вот как! И поэтому он нас изображает как нацию мошенников? Не так ли?

— Предположите, — сказал я толстяку Николаю, — что у вас болен ребенок; вы призываете к нему двух врачей. Один из них не дает себе труда осмотреть вашего ребенка и объявляет, что он совершенно здоров; второй внимательно выслушивает его, определяет болезнь, подробно описывает вам ее, чтоб вы могли ее излечить. Который же из обоих врачей больше любит вашего ребенка?

— Чорт возьми, конечно второй!

— Ну вот, Гоголь, подобно этому второму врачу, указал на некоторые болезни России».

«Когда появились "Выбранные места из переписки с друзьями", — сообщал далее Г. Рор, — все захотели их прочесть, и почти тотчас же зазвучали и порицания и хвалебные гимны. Это повторялось при каждом появлении Гоголя в печати. Впрочем, на этот раз выявилось и значительное различие: большая часть читателей ограничилась тем, что прочла лишь начало книги или перелистала ее; с другой стороны, множество давних противников Гоголя, особенно партия моралистов и святош, стало на его защиту, в то время как большинство его прежних приверженцев высказывалось против него. <...> Потом выступили газетные и журнальные критики. И здесь переменились роли. Молодая критика, эта юная гвардия, столь сильно преданная и неутомимая в превознесении и защите поэтического царства Гоголя, открыто выступила против него; она не отказывалась от славного прошлого великого писателя, но лишь для того, чтоб явственней отречься от его нынешнего падения, осуждаемого ею с горькими сарказмами или строгими упреками»[2].

Погодину Г. Рор дал в книге отрицательную характеристику.

[1] См. ***1846. Конец года. Москва***; ***1852. Марта 19 <7>. Пятница. Париж.***

[2] Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 694; см. также: Гоголь в письмах Г. Рора к М. П. Погодину // *Свод.* Т. 2. С. 556–557.

МАРТА 1 <ФЕВРАЛЯ 17>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Ф. В. Чижов записывает в дневнике:

«Вечер занимался с С. А. Ивановым математикою... <...> Явилось внутри очень гадкое: читал я Северную Пчелу, там Булгарин разбирает Гоголя[1], поругивает его, и мне как будто бы не то что приятно, этого я не скажу, а немного отдохновительно, именно как будто высота Гоголя давила меня — чувство сильно пошлое и нельзя скрыть, оно явилось».

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 60.

[1] Имеется в виду публикация: <*Булгарин Ф. В.*> *Ф. Б.* Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1847. 11 янв. № 8. С. 29–31 (см., в частности: ***1829. Конец сентября — первая половина октября. Санкт-Петербург*** — примечания). В письме к Гоголю от 4 марта (н. ст.) 1847 г. Ф. В. Чижов сообщал: «Не знаю, читали ли вы "Сев<ерную> Пчелу"; если не читали и если вам занимательно знать ее суждение (очень пошлое, это я говорю без духа партии), напишите, я выпишу».

ФЕВРАЛЯ 17 <МАРТА 1>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

С. Т. Аксаков пишет сыну Ивану в Калугу:

«Ты не можешь себе представить, милый мой друг Иван, как потешило меня твое письмо от 15-го февраля[1], вчера мною полученное! Эта горячая схватка с А<лександрой> О<сиповной>[2] посреди изумленного калужского общества меня восхитила: "вся вспыхнула, потом побледнела, потом затряслась, потом подняла руки кверху и пошла потеха..." Эти слова, так живо рисующие всю сцену, внезапно перенесли меня на место действия, откуда я сегодня еще не совсем удалился. За эту сцену я даже с А<лександрой> О<сиповной> почти помирился; если б она была здесь, то я сейчас бы к ней поехал. Я вижу, что она любит Гоголя, как человека. Она не совсем поняла мои слова: "*плутовство в самом сумасшествии*", — и ты мог бы их и не читать ей, если не имел намерения прочесть их. Но я рад тому и другому. Я должен по совести сказать, что А<лександра> О<сиповна> даже отчасти права: мы, надувая самих себя Гоголем, надували и его, и поистине я не знаю ни одного человека, который бы любил Гоголя, как друг, независимо от его таланта. Надо мною смеялись, когда я говаривал, что для меня не существует личность Гоголя, что я благоговейно, с любовию смотрю на тот драгоценный сосуд, в котором заключен великий дар творчества, хотя форма этого сосуда мне совсем не нравится. <...>

Я желаю, чтобы ты показал или прочел ей все, что я писал о Гоголе. Я желал бы, чтобы все, мною написанное и сказанное о нем, было тогда же напечатано. Ибо теперь, после его ответа на мое письмо, я уже не могу ни говорить, ни писать о нем. Ты не знаешь этого письма. Я перенес его спокойно, равнодушно; но самые кроткие люди, которые его прочли, приходили в бешенство».

Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 598.

[1] См. ***1847. Февраля 15 <27>. Суббота. Калуга.***
[2] Смирнова.

МАРТА 2 <ФЕВРАЛЯ 18>. ВТОРНИК. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет в Петербург написанное 28 февраля (н. ст.) 1847 г. письмо к Ар. О. Россету, с вложением составленного тогда же письма к князю П. А. Вяземскому.

См. ***1847. Февраля 28 <16>. Воскресенье. Неаполь.***

ФЕВРАЛЯ 18 <МАРТА 2>. ВТОРНИК. ВАСИЛЬЕВКА

Мать и сестры Гоголя отправляют ему в Неаполь свои письма с отзывами о «Выбранных местах из переписки с друзьями»[1] (письма не сохранились).

По поручению Гоголя[2], двенадцать экземпляров книги были присланы в Васильевку П. А. Плетневым[3]. Кроме матери и сестер, книги предназначались для вручения А. С. Данилевскому, А. А. Трощинскому, а также «святым людям», которые молились о Гоголе «по монастырям», и др.

[1] См. ***1847. Апреля 6 <марта 25>. Вторник Светлой седмицы. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Неаполь.***

[2] См. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Ноября 19 <7>. Четверг. Неаполь***; ***1846. Декабря 4 <ноября 22>. Пятница. Неаполь.***

[3] См. ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 18 <МАРТА 2>. ВТОРНИК. МОСКВА

Ф. Ф. Вигель пишет Гоголю письмо по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» (письмо было отправлено позднее – 4 апреля 1847 г. оно было приложено П. А. Плетневым к его посланию Гоголю в Неаполь[1]):

«Сочинитель этих писем также высоко стоит над автором “Ревизора” и “Мертвых душ”, как сей последний далеко отстоит от Шаликова[2]. Не могу описать восторгов, с которыми смотрел я на *Преображение* Гоголя. Я смеялся над теми, которые сравнивали его с Гомером[3]. Теперь я каюсь в том, признавая в них великий дар предчувствия, предвидения, хотя сравнение их в глазах моих несколько сохраняет еще свою преувеличенность. Гоголь был доселе верный наблюдатель нравов, искусный их живописец, остроумный и оригинальный автор; но как все это далеко от необыкновенного мужа, умевшего соединить в себе глубокую мудрость с пламенной поэзией души. Святость и геройство христианина и патриота, которыми он, кажется, весь проникнут, превыше таланта, превыше даже гения, которого впрочем в сей книжке дает он несомненные доказательства. Меня уверяли, что тут гордость более видна, чем смирение. Это не совсем справедливо: правда, и она местами выказывается; но в этом-то несовершенстве вся и прелесть сочинения! Я смотрел на него, как на изнеможение, как на остаток слабости после сильной борьбы и победы над собою. И что за мысли! и какая их выразительность! с фейерверком сравнить их мало! в них нечто молнии подобное. Читая, право, как будто идешь ослепленный светом и оглушенный громами; глазам и слуху надобно привыкнуть к его слогу. Меня также уверяли (ибо я почти никого не вижу), что это действие произвело появление книги на всех глупцов, которые с бешеным ревом в бессилии своем пали ниц. Позвольте с их внезапною ненавистью поздравить Вас, Господин Гоголь! Честь и хвала – их досада и осуждения! Вместе с тем, позвольте мне изъявить сожаление о том, что в Вашем прекрасном творении есть места, на которые с большою основательностию имеют они право нападать. Например, как можно в глаза или в письме, что все равно, грозить почтенного старца, высоко мнением и званием поставленного, вами уважаемого, вами же везде достойно прославляемого, названием *гадкого старичишки*, если он не воздержится от негодования[4]. <...> ...Кажется, надлежало бы вам говорить с большею умеренностию о мнимом неряшестве и растрепанности слога почтенного Погодина[5]. Как вы на то решились[6]?... <...> Простите мне: никакого орудия, вами поданного, не хотелось бы мне видеть в руках новых врагов ваших. Воротимтесь к ним; имен их я не знаю или в уединении моем давно их позабыл. Люди, которые достойны теперь понимать вас, <...> сказывали мне, что все эти враги были недавно великими почитателями, даже обожателями вашими. Когда, в первой молодости, создали вы себе идеал совершенства и начали искать его между вашими соотичами, когда вместо того встречали вы часто множество гнусных пороков и, вооружив руку вашу

огромным хлыстом, перевитым колючим тернием, с ожесточением, без милосердия, стали стегать в них: тогда эти люди с остервенением вам рукоплескали. Что побуждало их к тому? любовь ли к родине, коей сынам чаяли они от того исправления? ненависть ли к ней за неудачи свои, в коих, право, не она и не Правительство, а природа их была виновата? Невольно надобно придержаться последнего мнения; ибо сколь тщательно убегали они от всяких сношений, даже от простых встреч с писателями добрыми, умными, восторженными, которых вся жизнь была любовь и гимн Отечеству, столь усердно искали они сближения со всеми отъявленными Руссофобами, в числе коих и вы были ими помещены. Блеск необыкновенного ума вашего их восхитил; они в состоянии были понять, даже оценить его, особенно же всю едкость вашей, тогда неумолимой, чудесной, как бы не сказать, изящной злости.

Долго, долго близорукие их очи любовались доступными их зрению, всеми признанными великими литературными вашими достоинствами. Они гордились вами, они уже почитали вас *своим*; как вдруг вам вздумалось швырнуть в них небольшим, но для них не менее тяжелым томом, на котором как будто написано: *Ненашим*[7]. <...> Наконец опомнились и, никак не умея объяснить себе причину столь страшной перемены, заскрежетав зубами, пустились обвинять вас, кто в лицемерии, кто в повреждении ума. <...> ...Я плохо верю озлоблению людей за великий, умилительный подвиг сердечного раскаяния, за красноречивое, увлекательное изображение истин, поучаемых нашею матерью Православной Церковй, за выражение нежнейшей сыновней любви к нашему великому Отечеству. Но если правда все сказанное мне, если действительно сии несчастные, изменившие чести своей родины, вас дерзают называть отступником, тогда... о, Русский Бог! прости им прегрешение их: не ведают, что врут.

Мне кажется, вы где-то[8] говорите о двух станах, о Славянистах и Европистах, о Восточниках и Западниках, о староверах и нововерах; я тоже что-то такое слышал, только не совсем так. Утверждают, что есть две какие-то партии, но ничего не упоминается ни о станах, ни о вражде, ни о ратоборстве. Сравнивают это со спортом (оттого-то так много в журналах о спорте и порют вздору!); у этих скакунов, говорят, одна цель, но только две разные дороги, по которым каждый надеется удобнее и скорее доскакать. Убеждений во мнениях, ими излагаемых и проповедуемых, уже не ищите; они только средства, а цель — знаменитость, которая, по достижении, сама тотчас обращается в средство... к получению приза, то есть успехов, каких бы то ни было и где бы то ни было, в гостиных ли, в Университете, или в Канцеляриях Министерств; иной ограничивается губернскими дворянскими выборами. Эти две параллельные линии так близко одна от другой и так дружно бегут, что без напряженного внимания трудно одну от другой отличить. К наукам, к словесности ни у кого нет жару, страсти; и потому встречаются по навыку изрядные ремесленники; артиста ни одного. Говорите же им потом языком гомеровского или библейского вдохновения, толкуйте им об Одиссее или о Моисее. Давно, давно, лет семь тому назад, случалось мне быть в одном из многочисленных их сонмищ; оглушенный исходил я из него, и ничего в памяти моей не осталось, кроме каких-то невнятных звуков, неясных ликов, полузабытых имен. Кто несет католицизм, кто гегелизм, кто коммунизм, кто во что горазд. Все хладнокровно горячится, все бредит Европой, все прославляет ее, смешивает Россию с грязью...»

Несмотря на субъективность высказываний, Вигель в настоящем письме не без оснований указал, что определенная «оппозиционность» к существующему положению вещей отличала не только «европистов», но и «восточников». Будучи приверженцами начал Православия, Самодержавия, Народности (с долей оппозиционности к конкретным представителям власти), славянофилы именно поэтому часто были недовольны реальным течением дел на практике. Критика «справа» порой нечувствительно смыкалась с критикой «слева». Даже С. П. Шевырев, ожидавший от Гоголя в последующих томах «Мертвых душ» «изображения высокой и прекрасной стороны жизни», тем не менее в целом был согласен с критическим пафосом первого тома. И. С. Некрасов, в частности, свидетельствовал: «У меня был в руках тот экземпляр, по которому в первый раз прочел "Мертвые души" Шевырев. Экземпляр весь испещрен был знаками восклицания и словами одобрения, но не было ни одного критического замечания»[9]. А. О. Смирнова, сообщая в 1847 г. Гоголю о неприятии Аксаковыми его книги «Выбранные места из переписки с друзьями», не без раздражения писала: «Ненависть к власти, к общественным привилегиям, к высокому рождению и богатству — таковая-то отвлеченная страсть к идеальному русскому, таящемуся в бороде, — вот начало этих господ»[10]. (Примечательна также дневниковая запись А. С. Пушкина от 22 декабря 1834 г., передающая его слова о дворянстве, сказанные в беседе с великим князем

Михаилом Павловичем: «Что касается до tiers état <третье сословие; *фр.*>, что же значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатства? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне[11]. Сколько ж их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много»[12].)

Министр народного просвещения князь П. А. Ширинский-Шихматов 9 мая 1852 г. писал попечителю Московского учебного округа В. И. Назимову[13] по поводу статьи И. С. Аксакова «Несколько слов о Гоголе», опубликованной в славянофильском «Московском Сборнике» (М., 1852)[14]: «...Кто дал сочинителю статьи право клеймить все *современное общество* печатью *пошлости и ничтожества,* от которых будто бы *из наболевшей души Гоголя вырывались мучительные стоны.* Судить по героям *Мертвых Душ* о целом Русском обществе — есть верх несправедливости, никому не дозволительной <...> ...Статья под заглавием "Несколько слов о Гоголе" <...> безотчетным расточением выходящих из всякой меры похвал Гоголю <...> накидывает тень подозрения на его намерения и действия, которого покойный писатель наш не заслужил ни жизнию, ни христианскою своею кончиною...»[15]

Князь П. А. Вяземский в 1847 г. писал: «...Чрезмерные, часто ложные похвалы, приторные гимны усердных поклонников не могли не навесть уныния на человека с умом светлым и высоким. <...> Впрочем, что Гоголь попал в руки литературным шарлатанам, это немудрено... <...> Что люди, провозглашающие наобум какое-то учение западных начал, искали в Гоголе союзника и оправдателя себе, это еще понятно. Он был для них живописец и обличитель народных недостатков и недугов общественных. Эти обличения несколько напоминали им болезненное, лихорадочное волнение Французских романистов. <...> Они не понимали Гоголя, но по крайней мере так могли в свою пользу перетолковывать создания его вымыслов. Но что те, которые отказываются и предохраняют нас от влияния чужеземного, что те, которые хотят, чтобы мы шли к усовершенствованию своим путем, росли и крепли в собственных началах, чтобы те самые радовались картинам Гоголя, это для меня непостижимо. В картинах его, по крайней мере в тех однородных картинах, которые начинаются *Ревизором* и кончаются *Мертвыми душами*, все мрачно и грустно»[16].

Д. Н. Свербеев в 1864 г. указывал, что именно «доктрина славянофилов, без их ведома, изобрела порох для огнедышащих против России орудий другой доктрины, доктрины Бакуниных, Огаревых, Герценов, Михайловых, Чернышевских и т. д., дала им в руки самые лучшие спички для их поджогов, приспособила самые прочные колеса для того паровоза, на котором Бакунин, Огарев и проч. желают мчать нас в пропасть, вместо той загадочной тележной тройки, в которой ухарски хотел прокатиться с нами Гоголь; его телега так и осталась не запряженною, а революционный паровоз уже скачет...»[17]

П. Н. Полевой (сын Н. А. Полевого) позднее писал: «Припомним то положение, которое Гоголь занял во главе русской литературы после того, как выдал в свет первую часть "Мертвых душ"; припомним то, что те партии, на которые наше общество сороковых годов распадалось так резко и так определенно, смотрели на Гоголя одинаково благоприятно, равно сочувствовали ему и почти равно превозносили его <...> ...Дело в том, что невинный, веселый, свежий юмор его первых произведений нравился всем, а его жестокая, беспощадная сатира, бичевавшая русскую жизнь, еще более пришлась всем по вкусу. Недовольство современною русскою действительностью в сороковых годах было общим не только среди крайних и умеренных западников, но и среди славянофилов; при этом недовольстве (которое можно было высказывать лишь весьма осторожно), как у западников, так и у славянофилов, были уже наготове для будущего теоретически выработанные планы переустройства русской жизни; у западников они опирались на парламентаризме и последнем слове европейской политической и экономической науки, а у славянофилов на фантастической идеализации древнерусских и народных начал. Отрицательное направление Гоголя ни тем, ни другим не мешало; его порицания и отрицания только служили подтверждением той необходимости будущих реформ, которую и славянофилы, и западники одинаково считали панацеей всех зол и бедствий русской жизни. Вот почему Гоголь — и тем, и другим — был люб и дорог именно как апостол отрицания, как порицатель и обличитель»[18].

Применительно к славянофилам это наблюдение верно лишь отчасти. Ф. В. Чижов, например, — которому тоже была присуща некоторая «оппозиционность», 4 марта 1847 г. писал, однако, самому Гоголю: «...Как подействовало на меня ваше сочинение — "Мертвые Души". <...> В первый раз я прочел его в Дюссельдорфе и оно просто не утомило, а оскорбило меня. <...> ...Как русский был оскорблен до глубины сердца»[19]. Сдержанно отнесся к первому тому «Мертвых душ» М. П. Погодин[20]. Шевырев в 1842 г. во второй из своих статей о «Мертвых душах» замечал: «...Комический юмор Автора мешает иногда ему обхватывать жизнь во всей ее полноте и широком объеме. Это особенно ясно в тех ярких заметах о Русском быте и Русском человеке, которыми усеяна Поэма. По большей части мы видим в них одну отрицательную, смешную сторону, полобхвата, а не весь обхват Русского мира»[21]. В 1843 г. Шевырев писал, что «произведение Гоголя» «берет покамест действительность Русскую одною ее изнанкою. <...> Да, мы скажем даже не для того только, чтобы умолкли все неистовые клики, но для полноты впечатления, принятого Россиею, настоит крайняя необходимость во второй обещанной Поэтом половине, которая, по слову его, должна раскрыть самые высокие движения Русского духа»[22].

Со своей стороны и Гоголь стремился обратить взгляд своих хвалителей-«оппозиционеров» на самих себя. Касалось это, конечно, в первую очередь западников, решительным отмежеванием от которых стал выход в свет гоголевских «Выбранных мест из переписки с друзьями»[23]. Но «Выбранные места...» были обращены не только к западникам. Определенным уроком они послужили и некоторым из оппозиционно настроенных славянофилов. Не случайно, С. Т. Аксаков, негативно воспринявший «Переписку с друзьями», позднее, прочитав «Авторскую исповедь» Гоголя, писал 19 ноября 1852 г. Шевыреву: «Она непосредственно относится ко мне. По крайней мере я нашел в ней полный ответ на каждое слово моих укорительных писем»[24]. «...Душа моя изныла, – писал Гоголь С. Т. Аксакову 10 июля (н. ст.) 1847 г., – как ни креплюсь и ни стараюсь быть хладнокровным. <...> Можно еще вести брань с самыми ожесточенными врагами, но храни Бог всякого от этой страшной битвы с друзьями!»

Показательно в этом смысле отношение Гоголя именно к Аксаковым – семейству, которое всегда было искренне расположено к Гоголю и к которому сам Гоголь испытывал неизменную дружбу и привязанность (не разделяя, однако, при этом их политических взглядов – будучи, в отличие от представителей оппозиционного славянофильства, убежденным славянофилом-«государственником»[25].) В облике своих друзей Аксаковых Гоголь уже в начале 1840-х гг. подмечал такие черты, которые, по его мнению, были недостойны христианина[26]. Есть основания полагать, что некоторыми чертами С. Т. Аксакова и его жены О. Сем. Аксаковой Гоголь воспользовался при создании образа помещика Петра Петровича Петуха во втором томе «Мертвых душ». В частности, в описании отъезда Чичикова из имения Петуха были использованы обстоятельства отъезда самого Гоголя из Москвы в 1840 г. – где он простился с провожавшими его Аксаковыми[27]. В конце 1841 г. – в период завершения первого тома «Мертвых душ» – Гоголь по приезде из-за границы в поисках словарного материала обратился к С. Т. Аксакову, почерпнув в беседах с ним ряд слов, появившихся тогда в записных книжках 1841–1844 и 1841–1845 гг. и частично использованных в первом и втором томах поэмы[28]. Гоголь занес тогда в записные книжки сведения об охотничьих собаках, псовой охоте, «птичьих и звериных криках», «рыбных ловлях», о промыслах «в Оренбургской губернии», о лесах, болотной, речной, степной и лесной дичи и др. Все эти заметки перекликаются с содержанием написанных позднее книг С. Т. Аксакова «Записки об уженье рыбы» (1847), «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852), «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (1855)[29]. При изображении имения помещика Петуха во втором томе Гоголь упомянул о рассказанном ему С. Т. Аксаковым способе «ловли рыбы снастью», использовал одно из названий цвета голубей – «чагравый»[30]. По-видимому, из бесед с С. Т. Аксаковым появилась в записной книжке 1841–1844 гг. и заметка «Блюда» (с описанием «кулебяки»), непосредственно примыкающая к указанным записям. Этой заметкой Гоголь тоже воспользовался при создании образа Петра Петровича Петуха («Да кулебяку сделай на четыре угла»). В облике этого героя, всей душой преданного «рыбным ловлям» и «кулебякам», угадываются отчасти черты и самого С. Т. Аксакова. 20 сентября 1851 г. Гоголь, поздравляя Аксакова с днем рождения, писал: «Весьма жалею, что не с вами сижу за кулебякой <...> Здравствуйте, бодрствуйте, готовьте ваших птиц (“Записки ружейного охотника...”. – *И. В.*), а я приготовлю вам душ...» (второй том поэмы).

Примечательно, что Петух с сыновьями собирается на жительство в Москву, где жил с своим многочисленным семейством С. Т. Аксаков, славившийся, подобно гоголевскому герою, радушным гостеприимством и хлебосольством (имение в Оренбургской губернии Аксаковы – по неспособности Сергея Тимофеевича к хозяйствованию – оставили в 1826 г.). Из быта Аксаковых заимствована, по-видимому, Гоголем и любовь Петуха к народной песне: «Зато награждены они были удивительным весенним вечером. <...> Парень-запевала <...> третий от руля, починал чистым, звонким голосом <...> пятеро подхватывало, шестеро выносило, и разливалась она, беспредельная, как Русь».

Можно предположить, что и об С. Т. Аксакове, об его известной оппозиционности правительственному курсу (но и не только об Аксакове), размышлял Гоголь, когда, преследуя цель показать во втором томе, «как и лучшие люди могут вредить не хуже худших, если не легло в основанье их характеров *главное*»[31], обращался к своим читателям: «Земля не возделывается. Россия до сих пор остается в первоначальном пустынном виде. Нет, не возможно [это уженье] обратиться в рыбарей и удить рыбу. Следует оставить заботу о частной и личной <жизни> и нужно вспомнить о бедной России» (набросок к речи генерал-губернатора в заключительной главе второго тома «Мертвых душ»). Страстное увлечение Аксакова рыбной ловлей Гоголь, очевидно, соотносил с евангельским повествованием о призвании Спасителем «рыбарей» Петра, Андрея, Иакова и Иоанна к апостольскому служению[32]. (Некоторым объяснением, почему отдельные черты Аксаковых послужили Гоголю материалом для создания одного иэ образов «Мертвых душ», могут служит также раздраженные реплики об Аксаковых в дневнике Погодина 1849 г.[33]) В третьей статье «по поводу “Мертвых душ”» «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь писал одному из своих друзей – людей «прекрасных», тех, что «считали себя лучшими»: «...Мне хотелось попробовать, что скажет вообще русский человек, если его попотчеваешь его же собственной пошлостью[34]. <...> Тут, кроме моих собственных, есть даже черты многих моих приятелей, есть и твои».

Далее в письме к Гоголю Вигель замечал: «Не знаю; так было прежде; теперь, может быть, многое уже изменилось. О, если б сердца этих людей получили способность к восприятию двойного

небесного огня, коим вы объяты, если б хотя одна искра его туда к ним заронилась! Совершенное перерождение их было бы того последствием: все мелочи пустого, жалкого их самолюбия отстали бы от них, как шелуха засохших струпьев отпадает от исцеленной кожи. <...> Вы весьма справедливо заметили[35], что Пушкин красотою своего стихотворного слога увлек и обратил в подражателей других отличных поэтов, гораздо прежде его на поприще вступивших. Так точно и вы красотою ваших мыслей и чувств сильно подействовали на человека, далеко вас в жизни опередившего: вы не могли указать ему на недостатки его; но заставили его самого с сокрушением к ним обратиться в великие дни, в которые Церковь наша призывает нас к покаянию, посту и молитве[36]. <...> Было время, что я вас долго и близко знал[37] (о, горе мне) и не узнал!... <...> Если нам когда-либо случится еще встретиться в жизни, то никакая холодность с вашей стороны не остановит излияний сердечной благодарности моей за восхитительные наслаждения, доставленные мне чтением последнеизданной вами книги».

О. М. Бодянский в 1853 г. записал в своем дневнике: «26/I. После обеда у Н. В. Сушкова, пригласившего меня лично накануне, по случаю приезда брата его жены[38] Ф. И. Тютчева, который, однако же, отозван был Графом С. С. Уваровым и пришел уже вечером, часу в 7-м. Разговаривая о том о сем, между прочим речь зашла о покойном Гоголе. Тут он показал мне письмо его к Ф. Ф. Вигелю, писанное в ответ[39], и вместе с тем и письмо Вигеля. Оба взял я себе списать, как чрезвычайно замечательные характеристики того и другого»[40].

[1] См. ***1847. Апреля 4 <16>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] См. также ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург*** (примечания).

[3] Подразумевается К. С. Аксаков (см. ***1840. Января 2. Вторник. Москва*** – примечания; ***1842. Июля 24 <августа 5>. Пятница. Москва***).

[4] Имеются в виду следующие строки статьи *XI. Споры (Из письма к Л***)*: «Мысль твоего сочинения, которым хочешь заняться, очень умна, и я даже уверен, что исполнишь это дело лучше всякого литератора. Но об одном тебя прошу: производи его в минуты, сколько возможно, хладнокровные и спокойные. <...> Вспомни, что ты человек <...> весьма в летах. <...> ...Если старик начнет горячиться, он делается просто гадок... <...> Смотри же, чтоб не сказали о тебе: “Эк, скверный старикашка! всю жизнь валялся на боку, ничего не делая, а теперь выступил укорять других, зачем они не так делают!”»

[5] Имеется в виду статья *IV. О том, что такое слово.*

[6] См. ***1841. Октября 7 <сентября 25>. Четверг. Берлин*** (примечания).

[7] Вигель сравнивает «Выбранные места...» с антизападническим стихотворением Н. М. Языкова «К ненашим» (1844; опубл. в 1871). – См. ***1845. Февраля 4 <января 23>. Вторник. Париж***; ***1845. Февраля 5 <января 24>. Среда. Париж*** (примечания).

[8] В статье *XI. Споры.*

[9] *Некрасов И. С.* Значение Гоголя в истории русской литературы // *Некрасов И. С.* О значении Лермонтова и Гоголя в истории русской литературы. Две публичные лекции. Одесса. 1887. С. 34.

[10] См. ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Калуга.***

[11] См. также ***1844. Июня между 15 и 19 <июня между 3 и 7>. Мангейм*** (примечания).

[12] *Пушкин.* Полн. собр. соч.: В 16 т. <Без м. изд.> Изд-во АН СССР, 1949. Т. 12. С. 335.

[13] Владимир Иванович Назимов (1802–1874), попечитель Московского учебного округа и председатель Московского цензурного комитета.

[14] См. ***1852. Апреля между 19 и 25. Москва.***

[15] См. ***1852. Апреля между 19 и 25. Москва*** (примечания).

[16] *Вяземский П. А., князь.* Языков. – Гоголь // Санктпетербургские Ведомости. 1847. 24 апр. № 90. С. 418.

[17] *Симонова И. А.* Федор Чижов. М., 2002. С. 198.

[18] *Полевой П. Н.* Век нынешний и век минувший. (Из очерков будущей истории литературы) // Исторический Вестник. 1887. № 4. С. 182–183.

[19] См. ***1842. Августа 21 <9>. Воскресенье. Дюссельдорф.***

[20] См. ***1841. Января 31 <февраля 12>. Пятница. Москва*** (примечания).

[21] *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья вторая // Москвитянин. 1842. № 8 (ценз. разр. 22 авг.). С. 366.

[22] *Шевырев С.* Критический перечень произведений Русской Словесности за 1842 год // Москвитянин. 1843. № 1. С. 282–286.

[23] См.: *Виноградов 2000.* С. 347–369.

[24] См. ***1852. Ноября 19. Среда. Радонежье (Абрамцево).***

[25] См. ***1846. Сентября 16 <28>. Понедельник. Тверь*** (примечания).

[26] См. ***1841. Мая 15 <3>. Суббота. Рим.***

[27] См. ***1840. Июня 10 <мая 29>. Среда. Варшава.***

[28] См. ***1841. Октября после 20 — декабря первая половина. Москва.***

[29] См.: *Шенрок.* Т. 4. С. 978; *Гоголь 1994.* Т. 8. С. 812, 815.

[30] См. коммент. в изд.: *Гоголь 1994.* Т. 5. С. 570, 571.

[31] Подробнее см.: ***1849. Мая 16. Понедельник. Москва*** (примечания).

[32] См.: ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково.***

[33] См. ***1849. Декабря 5. Понедельник. Москва***; ***1849. Сентября 20. Вторник. Москва.***

[34] Ср. в «Майской ночи...»: «“Приказ голове, Евтуху Макогоненку. Дошло до нас, что ты, старый ду...” — “Стой, стой! не нужно! — закричал голова, — я хоть и не слышал, однако ж знаю, что главного тут дела еще нет. Читай далее!”»; и в «Ревизоре»: «Почтмейстер *(продолжая читать).* “Городничий — глуп, как сивый мерин...” — Городничий. О, <...> нужно еще повторять! как будто оно там и без того не стоит».

[35] Имеются в виду строки статьи *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Даже прежние поэты стали перестраивать лад лир своих. Известный переводчик «Илиады» Гнедич, прелагатель псалмов Ф. Глинка, партизан-поэт Давыдов, наконец сам Жуковский, наставник и учитель Пушкина в искусстве стихотворном, стал потом учиться сам у своего ученика».

[36] Имеются в виду дни Великого Поста, начинавшегося в 1847 г. 3/15 февраля.

[37] См. ***1833. Июля 14. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1835. Декабря 14 или 21 или 28. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1836. Января 18. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1836. Января вторая половина — февраль. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[38] Дарья Ивановна Сушкова (рожд. Тютчева, 1806–1879), жена Н. В. Сушкова, сестра Ф. И. Тютчева.

[39] См. ***1847. Мая 8 <апреля 26>. Суббота. Неаполь.***

[40] Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского. 1852–1856 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 232.

ФЕВРАЛЯ 18 <МАРТА 2>. ВТОРНИК. КАЛУГА

А. О. Смирнова пишет Гоголю, адресуя письмо не в Неаполь, а в Рим[1]:

«Давненько нет от вас писем... <...> Стороною я узнала[2], что вы в любезном нашем Риме[3] и, вероятно, говели на первой неделе[4]? На днях узнала от Аксакова[5], что вы писали к Сергею Тимофеевичу[6] и просили его написать, какое впечатление производят ваши письма[7], и сами опасаетесь, что публика еще не созрела для такого рода книг. Нашли же вы к кому адресоваться. Все его общество сами из числа тех людей, которые не созрели для вашей книги[8] и едва ли когда созреют, потому что считают себя выше всех истин Хр<истианских>, которые в их глазах des lieux communs[9].

Вы спрашиваете, созрело ли общество, т. е. чувствует ли оно потребность в утешении духовном и, мне кажется, ваш вопрос ошибочный. Где и когда общества были готовы и принять, и оценить всякое произведение истинно высокое и выходящее из колеи посредственности? <...> Да и теперь у нас, мы слушаем и читаем Иннокентия и Филарета, хотя, конечно, не созрели ни до высокого богословия последнего, ни до духовного развития Иннокентия. Читают их немногие и, конечно, не Аксаков и не пишущая и не критикующая братия, но читают их те, над которыми они смеются, и читают с благодарностью и думают во столько, во сколько им дано думать.

Скажу вам, что здесь в духовенстве разошлась ваша книга; наш приятель Петр Степанович Аложинский очень ею доволен и сказал мне: “он пророчески говорит”. А Петр Степанович очень умный и дельный поп, лет 55-ти. Он говорит: “да зачем Гоголю смущаться тем, что многие его будут бранить, или вовсе не поймут его; он должен быть убежден, что стоит на пути истины, если руководствуется Богом и любовию к ближнему, и потому не должен смущаться всем криком друзей”.

Критика Белинского[10] самая пустая, и легко понятно — почему. Ему хотелось вас бранить за направление, а направление он не осмелился обругать, да и цензура не пропустила бы тогда его статьи. Все другие статьи просто глупы. Отзывы же письменные ваших друзей — просто не христианские, недоброжелательные, и в их глазах вы просто сумасшедший. Я с Аксаковыми поссорилась по этому поводу[11], исключая старушки Ольги Семеновны. Они вечно порицали Петербург, балы и всю пустоту светскую, потому что по обстоятельствам были вне этой пустоты, а сами из литературы, социализма и всех современных вопросов сделали пустоцвет и пустозвоние. Жуковского осмеивали; кивали уже головой, говоря о Пушкине, одним словом, ставили себя выше всего, не

сделавши ровно ничего. Кроме того, что вас стараются уличить в расстройстве ума, говорят еще, что вы католик, формалист, как будто может обойтись что-либо без законной формы, и как будто в нашей Церкви не было своего формальщика; говорят, что вашею книгою могут только прельщаться плачливые ханжи, какова Новосильцева в Москве, и скотный двор Ф. Н. Глинки. Я себя считаю теперь на скотном дворе и в числе ханжей и, признаюсь, очень рада, что не обретаюсь в числе Аксаковых, живущих по неведомому мне *закону любви*, как и весь славянский мир. Ненависть к власти, к общественным привилегиям, к высокому рождению и богатству — таковая-то отвлеченная страсть к идеальному русскому, таящемуся в бороде, — вот начало этих господ[12]. Не коммунизм же это со всеми своими гадостями, т. е. коммунизм Жорж Занда. <...>

Смерть Языкова вас, вероятно, огорчила; странно, что он хотел, чтобы ему сделали цыганские поминки: после духовного обряда, сам назначил повару, какой изготовить обед и какие вина подавать. Эта поэтическая шалость мне показалась глупою и неуместною для человека, который умер, не исполнивши долг христианский[13]; в Москве всех это тешило, а друзья его пили всю ночь; читая его стихи. Но мне это просто гадко; человеку слабому и больному много вздора приходит на ум, но здоровые друзья не всегда должны исполнять его волю. Признаюсь вам, мне очень надоедают люди эксцентрические, которые никак не могут увериться, что все в жизни просто для человека верующего и повинующегося безусловно воле Божией.

Беспрестанный запрос о том, примиряется ли художество, вообще искусство и общественный порядок с Евангелием[14], наводят на меня нестерпимое нетерпение. Этими вопросами промышляет здесь Аксаков, которому Бог уделил место товарища председателя уголовной палаты. Шутка ли всякий день решать судьбу или жизнь человека в 25 л<ет>; а он один решает, потому что председатель и все прочие, по торжественной своей глупости, ничего не знают. Впрочем, кроме его никто у нас в Калуге не помышляет об этих вопросах.

Все заняты минутным интересом, неслужащие и дворяне-помещики жалуются, разоряются, а служащие, если не наживаются, то живут хорошо и плотно местечками. Вообще все говорят, что теперь места не то, что в старину, вероятно от того, что более служащих, — другому приписать нельзя скудость доходов неправильных. Вот вам разговор довольно любопытный. Я и брат Лев Арнольди, старший секретарь губернского правления:

— Лёва, ты берешь взятки?

— Не умею.

— А разве надобно уметь это дело?

— А как же — это талант. Во-1-х, уже как бы по духу смекнули, что я не беру, и никто мне не предлагал.

— А сколько ты мог бы брать?

— Тысяч 7 асс<игнациями> в нашей губернии, а есть хорошие, где берут до 15000 старшие секретари.

— Да ты что ж не берешь, я бы брала и давала бедным, или бы составила сумму и предъявила бы ее Государю.

— Не умею; возьму так, что меня тотчас сгубят они же, и за этот же факт меня сам Государь накажет.

Разговор любопытный, фамильный и, вероятно, ежедневный в России. Вообще человек, который не берет, если в высоком месте, не поддержан лично милостями Государя; если в маленьком чине, не имеет состояния, — считается дураком и его никто в грош не ставит в чиновном люде. Он им всегда чужд и даже они его не терпят, очень недоверчивы к нему. Тому живой пример мещовский судья[15], который должен будет оставить даже место. Впрочем, служащие по выборам менее подвергаются ненависти за бескорыстие, потому что дворяне все-таки его поддерживают. Не смотря на весь этот страшный порядок дел, на параллельную организацию взяточного дела с ходом дела, я убеждена, что надобно служить всякому честному человеку, бороться со злом, пока сил станет, — и никого не сгонят с места. Это один способ принести свою лепту в России.

Надобно стать уже на слишком высокой степени духовного развития мужчине, чтобы заняться единственно управлением имения, не помышляя о своих выгодах. Тут каждый мужчина способен увлечься и более запутать дела свои, и начинает спекуляции, строит фабрики, заводы, входит в

винокурение и проч.; а известно, что все это вздор и пагуба для имений. Я убеждена, что кроме хлебопашества, еще нельзя, до поры до времени, ничего заводить в России, а на такую скуку и однообразность способны еще одни женщины. И точно, женщины весьма редко расстраивают свое имение, если остаются хозяйками. Вследствие чего хозяйничаю я, пока мой губернатор губернаторствует, т. е. воюет против взяточников. Обыкновенно вот его наказ при определении чиновника: “Вот вам место, м<илостивый> г<осударь>, вы отсюда можете дойти до стряпчего или советника. О вас хорошо пока относятся; знайте, что при первой взятке вы пойдете под суд, потому на месте всякий способен уклоняться”. Он так занят, что решительно не может заняться имением и потому мало-помалу все перешло в мое ведомство, и я по утрам сижу с надворною описью или отчетами. К собственному удивлению моему, не только не скучаю этим делом, но даже скучаю, когда его нет.

Теперь пришло приказание от Государя подать ведомость о всех пустопорожних землях во всей Империи, приказание самое неопределительное, так что наверное не знают, какие это пустопорожние земли — болота ли, кустарники ли, или просто необработанные поля. Сносились с министерством, откуда написали: извольте справиться с такою-то статьею Св<ода> зак<онов>. А там сказано так глухо, что теперь всяк себе и делает по своему соображению. Это повеление породило пропасть толков и опасений между помещиками. В одном уезде Харьковской губ<ернии> решили так перепуганные помещики: “это вот что, дескать: всех владельцев, у которых менее 20 душ, будут переселять в Сибирь”. Это напоминает разговор двух дам: “это вот что: Чичиков хочет увезти губернаторскую дочку”...

Прощайте, любезный друг, обнимаю вас крепко, молюсь за вас всякий день и прошу писать хоть несколько строк».

[1] См. ***1847. Марта 22 <апреля 3>. Великая Суббота. Калуга.***

[2] Из письма Ю. Ф. Самарина (см. ***1847. Января 22 <февраля 3>. Среда. Рига***).

[3] 20 апреля (н. ст.) 1847 г. Гоголь отвечал Смирновой: «...Вам <...> кто-то наврал, что я в Риме, тогда как до сих пор из Неаполя я никуда ноги не заносил» (см. ***1847. Апреля 20 <8>. Вторник. Неаполь***).

[4] Ср. ***1843. Марта 6 <февраля 22>. Понедельник. Начало Великого Поста. Рим***; ***1843. Марта 11 <февраля 27>. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Рим.***

[5] Иван Сергеевич.

[6] См. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь.***

[7] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[8] См. ***1847. Января не позже 10 <не позже 22>. Калуга***; ***1847. Февраля 15 <27>. Суббота. Калуга.***

[9] Общие места (*фр.*).

[10] Имеется в виду статья В. Г. Белинского «Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя» (Современник. 1847. Т. 1. № 2. Отд. III. С. 103–124).

[11] См. ***1847. Февраля 15 <27>. Суббота. Калуга***; ***1847. Июля 26 <августа 7>. Суббота. Радонежье (Абрамцево)***.

[12] Подробнее см.: ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Москва*** (примечания).

[13] Н. Н. Шереметева 20 февраля 1847 г. сообщала Гоголю, что перед смертью Языков «исповедовался и приобщился» (см. ***1847. Февраля 20 <марта 4>. Четверг. Москва***).

[14] См. ***1847. Января 25 <февраля 6>. Вселенская родительская суббота. Калуга***; ***1848. Ноября 10. Среда. Одесса.***

[15] А. И. Клементьев.

ФЕВРАЛЯ 19 <МАРТА 3>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. Г. Белинский пишет И. С. Тургеневу:

«Гоголь покаран сильно общественным мнением и разруган во всех почти журналах, даже друзья его, московские славеноперды, и те отступились если не от него, то от гнусной его книги».

Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 266.

МАРТА 4 <ФЕВРАЛЯ 20>. ЧЕТВЕРГ. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет ответное[1] письмо В. А. Жуковскому во Франкфурт; отправляет также письма к М. П. Погодину и к С. П. Шевыреву в Москву – последнее, с вложением письма к сестре Ольге в Васильевку (Шевырев должен был переслать это письмо на родину Гоголя).

Отправив письмо к Жуковскому, Гоголь в тот же день получил от него из Франкфурта новое письмо, от 18 февраля (н. ст.) 1847 г.[2] (ответил на это послание спустя несколько дней, 6 марта (н. ст.) 1847 г.)[3].

Из письма к Жуковскому от 4 марта (н. ст.) 1847 г.: «Оба письма (одно от 4-го февраля и другое от 10-го) мною получены одно за другим, хотя они шли довольно долго. Еще не получая их, я отправил также два письма[4], одно за другим. <...> Я получил на днях письмо от Смирновой[5]. Она теперь оправилась от своих нервических страданий... <...> ...В это время <...> мне случилося получить всякого рода поражений по самым чувствительным струнам души моей от людей, разумеется, не знающих души моей. Но как всё это было нужно! <...> Я и подумать не мог, как много во мне еще осталось гордости, самонадеянности, самолюбия, самонадменности и высокомерия. Да будет благословен Бог, раскрывающий перед нами нашу душу. <...> ...Мне теперь тяжело взглянуть на мою книгу[6], мне кажется в ней всё так напыщенно, неумеренно, невоздержно, что от стыда закрываю вперед обеими руками лицо. О, как мне трудно управляться в моем душевном хозяйстве! Именье дано в управленье большое, а управитель еще слишком плох и слишком не научен, как привести именье в стройность[7]. Как мне трудно достигнуть той простоты, которая уже при самом рожденьи влагается другому в душу, и до которой я должен достигать трудными путями всякого рода поражений!

От Плетнева я получил извещение[8], что назад тому два года был послан ко мне, точно, вексель[9] от Прокоповича во Франкфурт. <...> Надобно знать, что вексель этот был послан ко мне против желанья моего, тогда как я уже сделал совсем другое распоряжение из моих денег. Но хозяина, которому принадлежали деньги, не послушали, оттого, может быть, и постигнула такая участь этот вексель. <...> ...Мне теперь деньги не нужны. Деньги теперь ползут ко мне со всех сторон, именно потому, что я перестал о них заботиться. Безденежье приходит только тогда, когда человек хлопочет о деньгах. <...>

Теперь я должен буду для укрепления нерв моих проездиться в Швальбах и потом на морское купанье, а после этого в Неаполь и оттуда на Восток. Стало быть, в июне, если будет Бог так милостив, мы встретимся во Франкфурте. Видно, недаром было написано в записной книжке, данной мне во Франкфурте на дорогу[10]: "до свиданья" и вслед за этим прибавлено: "Франкфурт"».

Из письма к Погодину: «От Сергея Тим<офеевича> Аксакова я получил письмо[11] и в нем извещение, что ты был глубоко оскорблен моими словами о тебе, напечатанными в моей книге[12]... <...> И С. Т. Аксаков, и Шевырев, и ты сам уверены, что я на тебя сержусь, и под этим углом смотрят на все слова мои, привыкши по чувству нежного участья щадить человека в миролюбное время и высказывать ему правду только в гневе. Вы и в моих словах увидели гнев и, что еще хуже, долговременную мстительность[13]. Но ни гнева, ни мстительности у меня тут не было. Первый давно прошел, второй же никогда не питал ни <к> кому, даже как бы он ни оскорбил меня. Напротив, меня всегда веселила впереди мысль примиренья и с самым непримиримым и наиболее противу меня ожесточенным неприятелем. Минута прощенья и примиренья мне всегда казалась праздником и лучшею минутою в жизни. Вот тебе истинная правда моего сердца. Но меня всегда изумляло твое беспамятство. Я долго думал и придумывал, как бы дать тебе почувствовать, что ты оскорбляешь человека, никак не думая оскорбить его. Не думал бы я об этом так постоянно и долго, если бы не случилось такое дело, где ты чуть-чуть не был причиной страшного события, которое отравило бы на всё время твою жизнь и сделало бы твою совесть мучительницей твоей».

О каком «деле» идет речь, неизвестно. Намек на это событие Гоголь сделал в тот же день в письме к Шевыреву (см. ниже). Погодин в черновике ответного письма к Гоголю (от 17 марта 1847 г.) писал: «О каком беспамятстве ты еще пишешь — ей Богу, не понимаю. Где я *чуть-чуть не был причиной страшного события, которое отравило бы на все время мою жизнь?* Умоляю тебя — объясни. Я трепещу всем сердцем. Перечел еще раз письмо твое. Вижу, что ты теперь горазо спокойнее и способнее рассуждать. Слава Богу, слава Богу! Но ты был очень расстроен, сам не примечая того. Такое расстройство случается с нами, людьми, работающими головою, от разных причин, более или менее важных, даже физических, от напряжения, от занятий и т. п.» В письме к Гоголю от 2 июня 1847 г. Погодин также писал: «Да, я все позабывал тебя спросить, что за страшное происшествие, к которому я подавал повод? Ума приложить не могу».

Далее в письме к Погодину Гоголь замечал: «Какие бы ни были причины слов моих о тебе в книге моей, но слова мои — правда, ты рассмотри их сам, в них нет лжи. <...> Увидеть тебя, говорить с тобой, глядеть на тебя мне стало так теперь желательно, как никогда доселе. И мне кажется, что дружба наша с этих только пор начнется, а доселе был один ее обманчивый призрак, условленный шаткими светскими понятьями о дружбе... <...> Друг мой или, лучше, брат (в названии брата есть что-то лучшее, нежели в названии друга, да и Христос велит нам быть братьями), пиши ко мне просто, всё, что ни есть на душе твоей, всё оно будет мне равно приятно, как бы ты ни выразился. <...> Признаюсь тебе, что я было уже несколько изнемог и от недугов, и от многих тяжелых испытаний <...>, и я не знаю, что тяжелее — получить ли неприличное нападенье от близкого человека в печатной книге или получать письменные упреки от самых близких друзей в лицемерии, ханжестве, надувании других и скорбные упреки в играньи комедии там и в том, что было священнейшею мыслью и любовью души). Много нужно сил, чтоб это вытерпеть, но я теперь вытерпливаю с большим мужеством. Любовь к тебе стала сладким чувством, утешающим и освежающим силы мои, и мне чувствуется, что и в твоей душе что-нибудь да произошло в это время, и строки мои найдут в ней отклик. Напиши же мне и не медли».

Из письма к Шевыреву: «Долго я не постигал причины твоего молчанья в такое время, когда мне больше всего были нужны твои письма. Наконец, из письма Серг<ея> Тим<офеевича> Аксакова[14] (исполненного упреков самых жестких и даже не совершенно справедливых, но притом нужных душе моей) я догадался, что ты должен быть сердит на меня за Погодина. Я и позабыл было, что в книге моей есть слова о Погодине, которые и он и вы приняли в другом смысле. Вы твердо убедили себя, что я питаю гнев и неудовольствие против Погодина... <...> ...Когда я, точно, сердился на Погодина, от меня никто не слышал тогда дурного слова о Погодине... <...> Потом <...> едва было не случилось такое дело[15], за которое замучила бы его совесть. Содержа беспрестанно в голове мысль о том, как указать Погодину недостатки его, поставляющие его в неприятные отношения с людьми, я, может быть, выражался о нем сильней, чем выражается обыкновенно приятель о приятеле. <...> Во всяком случае, в статье о Погодине нет лжи... <...> Что же касается до слов Сергея Тимофеевича, что будто я обесчестил Погодина публично, то это совершенно несправедливо. Моей ненависти против Погодина никто не отыскал в этих словах о Погодине из людей, которым незнакомы наши отношения. Их увидели вы потому, что взглянули уже глазами предубежденными и потому, что вам известны многие такие обстоятельства, которые не могут быть известны читателю. Если ж кто и отыщет в них следы ненависти и озлобленья моего противу Погодина, тогда бесчестье мне, а не Погодину. <...> Разве и теперь не называют меня даже близкие мне люди лицемером, Тартюфом[16], двуличным человеком, играющим комедию даже в том, что есть святейшего человеку. Или, ты думаешь, легко это вынести? Это еще Бог весть, какая из оплеух посильнее для того, чтобы вынести, эта ли или та, которую я дал, по вашему мненью, Погодину. <...> Прежде я только уважал его, любил его великодушные мысли и благородство его высших стремлений, но не его самого. Я не подавал ему руки на тесную дружбу. Он первый начал меня называть ты. <...> Но теперь чувствую, что между нами завяжется дружба, которой никто уже на земле не разорвет, потому что Христос станет между нами и поможет нам объясниться. В одно время с этим письмом моим к тебе я написал и к нему письмо. А потому ты спроси его, получил ли он. <...> Уведоми меня обо всем о моей книге, ничего не скрывая, иначе дашь отчет за это Богу, потому что ради Господа Христа я прошу об этом. При сем письмо к сестре моей Ольге, которое я прошу тебя отправить в Полтаву, в д<еревню> Василевку, вместе с проповедями

Иннокентия[17], которые потрудись купить на мои деньги. И если деньги накопились, то отправь немедленно две тысячи сто рубл<ей> ассигнациями, 2100 р<ублей>, к моей матери...»

Из письма к сестре Ольге: «Любезная сестра моя Ольга, из посылаемых при сем денег (двух тысяч ассигнац<иями>) сто рублей принадлежат тебе, прочие же, как я писал в письме к маминьке[18] назад тому неделю, должны быть распределены таким образом: 100 р<ублей> Анне, 100 Елисавете, 200 маминьке, 500 в пансион за вашего племянника[19], а 1000 в уплату процентов, которых ни на что другое не трогать, даже и в таком случае, когда бы хотелось оттуда занять на время. Сверх того, я посылаю тебе 50 р<ублей> моих на раздачу бедным тем, которых ты найдешь в наибольшей нужде и которые возымеют намерение истинное вести порядочную жизнь. От времени до времени будут тебе присылаться из Москвы деньги на бедных. Посылаются тебе также проповеди Иннокентия, которые ты прочти и скажи мне, как они тебе показались и чем именно для тебя полезны. На остальные пятьдесят рублей нужно будет сделать от меня какой-нибудь подарок племяннику. Или купить хорошее ружье, если он охотник, или что-нибудь такое, что он наибольше любит. <...> Еще прошу вас поверять всякий месяц счеты именно таким образом, как я просил, взвешивая всякую вещь и сравнивая, во сколько мер одна другой нужнее. <...> Напишите каждая о том, что ни услышите о моей книге, и свои собственные впечатления, толки других, и добрые и дурные, и что говорят в Полтаве. Никакими толками и замечаньями не следует пренебрегать, особенно дурными: они заставляют нас все-таки лишний раз на себя оглянуться. Сначала кажется неправда, а как всмотришься получше, увидишь, что дыма без огня не бывает, на дне лежит и правда».

[1] См. ***1847. Февраля 4 <января 23>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***.

[2] См. ***1847. Февраля 18 <6>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***.

[3] См. ***1847. Марта 6 <февраля 22>. Суббота. Неаполь***.

[4] См. ***1847. Января 25 <13>. Понедельник. Неаполь***; ***1847. Февраля 10 <января 29>. Среда. Неаполь***.

[5] См. ***1847. Января 11 <23>. Суббота. Калуга***.

[6] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[7] Ср. строки письма Гоголя к протоиерею М. А. Константиновскому около 9 мая (н. ст.) 1847 г.: «Бог дал большое именье мне со всеми угодьями и удобствами, а сам управитель далеко еще не умен так, чтобы уметь управлять им». — См. также ***1843. Апреля средина — мая 2 <апреля начало — апреля 20>. Рим*** (примечания); ***1844. Между декабря 1 и 14 <между ноября 19 и декабря 2>. Франкфурт-на-Майне***.

[8] См. ***1847. Января 17 <29>. Пятница. Санкт-Петербург***.

[9] См. ***1845. Января 26 <февраля 7>. Пятница. Санкт-Петербург***.

[10] См. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***.

[11] См. ***1847. Января 27 <февраля 8>. Понедельник. Москва***.

[12] Имеется в виду статья *IV. О том, что такое слово* «Выбранных мест из переписки с друзьями». — См. ***1841. Октября 7 <сентября 25>. Четверг. Берлин*** (примечания).

[13] См. ***1841. Ноябрь-декабрь. Москва***; ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***.

[14] См. ***1847. Января 27 <февраля 8>. Понедельник. Москва***.

[15] Этот намек Гоголя, сделанный им также в письме к Погодину (см. выше), остается неясным.

[16] См. также ***1847. Апреля 24 <мая 6>. Четверг. Москва***.

[17] См. ***1844. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Дармштадт*** (примечания).

[18] См. ***1847. Февраля 16 <4>. Вторник. Неаполь***.

[19] Н. П. Трушковский.

МАРТА 4 <ФЕВРАЛЯ 20>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский после прочтения книги «Выбранные места из переписки с друзьями»[1] начинает письмо к Гоголю (завершено и отправлено в Неаполь позднее, 24 марта (н. ст.) 1847 г.[2]; впоследствии первая половина письма, от 4 марта (н. ст.) 1847 г., была переработана Жуковским в статью под названием «О смерти. Из письма к Н. В. Гоголю»[3]):

«В последнем моем письме к тебе[4], мой милый Católicos Гоголек, я обещался снова начать чтение твоей книги с карандашом в руках, дабы, делая на нее замечания всякого рода, сообщать тебе через письма все то, что будет приходить мне в голову. Эта работа по моему вкусу; не надобно делать никакого плана... <...> Но до сих пор я не мог приняться за перечитывание книги; причину этого скажет тебе прилагаемый здесь печатный листок[5]. Бог посетил наше семейство тяжким испытанием. Вот уже десять дней, как наша милая сестра Мия кончила жизнь свою; <...> с самого начала болезни было в ней жадное желание причаститься С<вятых> Тайн, и, когда это желание исполнилось, совершенный, светлый покой поселился в ее душе – этот покой выражался и на ее лице всякий раз, когда душа брала верх над слабеющим телом. Утром 22 февр<аля> отец и сестра[6] стояли перед нею; <...> она, казалось, спала; вдруг тихо вздохнула; отец ищет ее пульс, он остановился... <...> *Смерть только для живых есть зло*[7], – сказал Карамзин; с одной стороны, это правда, с другой – заблуждение. Не мертвые нас теряют; мы, живые, теряем мертвых; и чем более к ним было любви, тем горестнее их утрата; чем теснее были с ними узы, тем болезненнее разрыв их. И в этом действительное *зло* смерти. Оно исключительно для одних живых... <...> Но в то же время смерть есть великое благо и для живущих, и тем большее благо, чем милее нам был наш умерший. Это глубоко понимает разум, освещенный лучом христианства. Но какую великую силу приобретает убеждение разума, когда оно становится *опытом сердца*. <...> ...Когда над нами самими совершается удар свыше, <...> уже не в листах книги мы ищем тогда Спасителя нашего. Он сам нас находит, Он сам становится к нам лицом к лицу; ценою бедствия покупаем мы лицезрение Бога. <...> Я видел отца, отдавшего в руки Бога любимую дочь свою, я слышал отца, прославляющего не словами, а радостию сердца волю Всевышнего, взявшую дитя его, только что расцветшее для жизни. Здесь всего простее повторить слова, сказанные им своей семье, в первую минуту утраты: "Великое дело Божие над нами совершилось; мы видели своими глазами, как наша милая дочь перешла к небесному Отцу своему; она принесла ему чистую, ничем житейским не потревоженную и с Ним примиренную душу. И теперь мы знаем, без всякого земного сомнения знаем, что ей дано все то, чего бы мы никакою силою нашей любви не могли ни дать, ни сохранить ей в жизни. Мы можем только благодарить и славить. После такого ясного узнания милости неизреченной не позволим себе никогда ни пожалеть, что она от нас взята, ни пожелать, чтобы она была с нами. Будем смирны; и чтобы наше горе никогда не пересилило нашей теперешней радости! За себя будем только покорны; за нее благодарность и радость". Таким языком говорит христианство о величайшем земном несчастии, которое без него раздавило бы душу и которое с ним становится для нас преображением человеческого мрака в утешительный свет Божий».

[1] См. ***1847. Февраля 18 <6>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1847. Марта 24 <12>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***

[3] Напечатано впервые: *Жуковский В. А.* Соч. СПб., 1857. Т. 2. С. 123–127.

[4] См. ***1847. Февраля 20 <8>. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Франкфурт-на-Майне.***

[5] Траурное объявление о смерти Мии Рейтерн.

[6] Е. Р. Рейтерн и Е. А. Жуковская.

[7] Строка из стихотворения Н. М. Карамзина «На скоропостижную смерть Петра Афанасьевича Пельского» (1803).

МАРТА 4 <ФЕВРАЛЯ 20>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

Ф. В. Чижов написал письмо к Гоголю в Неаполь, о чем пометил в дневнике:

«Написал письма к К<атерине> В. Галаган, Григ<орию> П. Галаган<у>, Свербеевой и Комаровскому (и Гоголю, Гоголю не послал и отсылаю их завтра)»[1].

Письмо к Гоголю Чижов, однако, не стал отправлять и на следующий день. Оно было послано в Неаполь спустя более месяца, 14 апреля (н. ст.) 1847 г., из Флоренции[2]; при этом Чижов сообщал тогда Гоголю: «Письмо это <...> было совершенно приготовлено к отсылке, неслось на почту; но мне пришло на мысль, – какое право имею я на такую искренность? одним словом – я не знаю вас»[3].

Из письма Чижова к Гоголю от 4 марта: «...Обстоятельства, именно отправка книг, плохое здоровье, неимение нисколько денег более, чем сколько мне нужно на поездку и приближение к России, а главное какая-то апатия, в которой не умею дать отчету самому себе, лишают меня возможности быть в Неаполе. <...> Вместе с этим все заставляет меня писать к вам далеко больше, чем я писал. Прошедшее письмо[4], может быть, вам не понравилось... <...> Писавши об Иванове и вообще о художниках[5], вы предполагали меня выше и сильнее, чем каков я в самом деле; в настоящую минуту не только действовать на других, а дай Бог, чтоб и самому сколько-нибудь с собою управиться. <...> Иванову или я что-нибудь сделал, или его душа в минуту сильного борения. Он со мной совершенно посторонний, и я уверен, что если он недоволен мной, то, верно, я виноват. Вы сделали бы истинно христианское дело, написав ему что-нибудь утешительное; мне кажется, что душа его нуждается в подпоре. Сегодня я получил очерки лица покойного Языкова и мне хочется их гравировать, — только слабые очерки: не похожи. При письме, в котором они присланы мне, Галаган пишет следующее, — что я считаю недурным передать вам: “Гоголь произвел здесь необыкновенное движение. Везде говорят о нем. Вся читающая публика за него; все же литераторы против него до ожесточения и говорят, что он доказал этими сочинениями необузданное самолюбие и гордость, и в этом они видят влияние католицизма”. Самарин писал только одно, что получил вашу книгу, что благодарит вас, хоть говорит: “сильно хотелось бы поспорить”[6]. Не знаю, читали ли вы “Сев<ерную> Пчелу”[7]; если не читали и если вам занимательно знать ее суждение (очень пошлое, это я говорю без духа партии), напишите, я выпишу. <...> Не знаю, почему мысль о вашей гордости внутренней запала в меня очень сильно, когда я был в Москве и читал предисловие ко второму изданию “Мертвых Душ”[8]. От того же, что им сами вы вводите себя в исключение, я никак вам определить не умею. Теперь эта мысль прошла, может быть, от того, что в уединении душе доступнее стало состояние вашего уединения[9]. Отрывки, помещенные в “Сев<ерной> Пчеле”, произвели на меня чувство грустное, именно от обращения к самому себе, но их там очень не много. Они же дали мне как будто бы какое-то право передать вам и то, как подействовало на меня ваше сочинение — “Мертвые Души”. <...> В первый раз я прочел его в Дюссельдорфе и оно просто не утомило, а оскорбило меня[10]. <...> Один приятель мой, петербургский чиновник, первый своим неподдельным восторгом сблизил меня с красотами “Мертвых Душ”, — я прочел еще раз, после читал еще, отчетливее понял, что восхищало меня, но болезненное чувство не истреблялось. Чиновник этот не из средины России, — он родился и взрос в Петербурге, ему не понятны те глупости, какие у нас взрощены с детства. Не браните меня, Николай Васильевич, или, пожалуй, браните, но не сердитесь за то, что я высказываю, как и что во мне было, вам понятно, что я вас не могу не уважать. Оставя уже то, что я много читал, следовательно, не мог не оценить блеска таланта, но я был в последнее время очень близок с Языковым, и прежде с ним сошелся; давно дружен с Ивановым, поэтому уважение к вам взрощено у меня и другими побочными путями. Со всеми вместе прежде я нападал (все внутри меня и в разговоре о вас) на ошибки против языка[11]; время научило понимать, что, судя о вас, эти нападки мелочь; в книге — дело другое, ну да за то ведь никто, как вы, и указы принимаете. Вот вам, Николай Васильевич, столько искренности, сколько есть на эту минуту, было бы и больше, если бы вся голова не была занята другим делом, теперь тоже побуждало меня видеться с вами, чтоб услышать ваше искреннее мнение. Не знаю, не писали ли вам из Москвы, что мы с покойным Языковым хотели издавать журнал[12], то есть я хотел, а Языков давал мне свое имя и часть денег, весьма значительную. <...> Читая это, никак, пожалуйста, <не принимайте к себе,> смотрите посторонним взглядом, — то есть не думайте, что это предисловие к просьбе о вашем участии. Языков поверял мне ваши понятия об участии в журнале, говорил, как вы упорно не хотели участвовать у Киреевского; после этого, разумеется, я никогда бы не стал и пытаться, потому что не имею ни малейшего права. Несмотря на то, мнение ваше для меня важно и очень важно. Мне хочется составить журнал из чисто оригинальных статей, если только можно, и этим больше, нежели чем-нибудь, высказать его русское направление. В самом направлении очень бы хотелось и больше бы, чем хотелось, чистоты и безвраждебности, не одной внешней, чтоб только не браниться с лицами, — это нечего и говорить, — но внутренней, какая невольно сказывается, как только начнешь писать. В душе моей я понимаю вполне, что любовь к России не требует и не вызывает вражды с западом и вообще любовь не влечет за собою ненависти к чему бы то ни было, но что же хотите, когда

она вкрадывается? Разумеется, чем больше входишь в себя, уверен я, что чем больше обратишься к Церкви, тем менее будет вражды и тем сильнее укрепится любовь в сердце, это только и надежда. Вот вам данные для суждения, — прошу вас не пренебрегите моею просьбою и отвечайте мне, что вы думаете о моем начинании. <...> Поверьте еще, что, писавши вам о Моллере[13], я не мог писать иначе; знаю я, что, написавши иначе, я лучше бы представил себя в ваших глазах, но это было бы очень неблагородно и нечестно с моей стороны».

В то время неизвестная дама, близкая к славянофилам (возможно, Е. А. Свербеева), писала Чижову в Рим: «Я вам могла надоесть моими беспрестанными письмами. Теперь ожидаю нетерпеливо вашего решения ехать сюда скорее... Не отлагайте ради Бога и приезжайте... Петр Васильевич <Киреевский> засел за работу, и, конечно, никакое другое издание не будет иметь его труда, кроме вашего... Иван Васильевич <Киреевский> принимается писать и разбирать Гоголя... Хомяков ждет вас нетерпеливо и очень занят мыслью <о> журнале. Все наши здесь ждут деятельности и возможности помещать статьи; теперь просто некуда. "Москвитянин" упал совершенно; "Листок"[14] дурен. Где печатать?.. Расписались наши, и охота смертная у всех писать, да печатать негде. Приезжайте, приезжайте, приезжайте... поскорее, пожалуйста»[15].

27 марта (н. ст.) 1847 г. Чижов покинул Рим и отправился в Москву[16]. 4 мая (н. ст.) 1847 г. он выехал из Венеции в Россию и 6/18 мая (н. ст.) 1847 г. был арестован на границе[17].

[1] Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 60.
[2] См. ***1847. Апреля 14 <2>. Среда. Флоренция.***
[3] См. ***1847. Апреля 12 <марта 31>. Понедельник. Флоренция.***
[4] См. ***1847. Февраля 7 <января 26>. Воскресенье. Рим.***
[5] Письмо не сохранилось (см. ***1847. Февраля 4 <января 23>. Четверг. Неаполь***).
[6] См. также ***1847. Февраль <февраля средина — марта средина>. Рига.***
[7] См. ***1847. Марта 1 <февраля 17>. Понедельник. Рим*** (примечания).
[8] См. ***1846. Октября 13–14 <25–26>. Воскресенье-понедельник. Москва.***
[9] См. также ***1847. Января 7 <1846. Декабря 26>. Четверг. Рим.***
[10] См. ***1842. Августа 21 <9>. Воскресенье. Дюссельдорф.***
[11] См. ***1847. Февраля 15 <3>. Понедельник. Рим.***
[12] См. ***1846. Апреля 30 <мая 12>. Вторник. Москва*** (примечания).
[13] См. ***1847. Февраля 7 <января 26>. Воскресенье. Рим.***
[14] «Московский Городской Листок».
[15] *Симонова И. А.* Федор Чижов. М., 2002. С. 93–94.
[16] См. ***1847. Марта 20 <8>. Суббота. Рим.***
[17] См. ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Радзивиллов.***

ФЕВРАЛЯ 20 <МАРТА 4>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно почтовому штемпелю[1], Ар. О. Россет[2] получил в этот день письмо Гоголя из Неаполя.

[1] См.: *Городецкий.* С. 464.
[2] См. ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь.***

ФЕВРАЛЯ 20 <МАРТА 4>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Н. Н. Шереметева продолжает письмо к Гоголю, начатое 8/20 февраля 1847 г.[1] (письмо было отправлено в Неаполь позднее, 26 февраля[2]):

«Все поджидала, не получит ли кто от вас, как вы приняли о кончине доброго Николая Михайловича[3], но доселе не слыхала. Решилась докончить свое письмо. Нынче год, как я лишилась дочери[4]. Господи, упокой душу ея... <...> В книге вашей мне много и очень много пришлось по сердцу. <...> Начну с сознания вашего: прося у всех прощения, говорите, что, иногда и умышленно поступали[5]. Сознание для меня есть дело высокое, оставить свою худобу, которую кроме Бога ни-

кто не знал. Таковой поступок достоин истинного Христианина, постигавшего вполне, что не в том важность, скрыть от людей, но что сим прогневляем Милосердного Господа, а пред Ним и для Него надобно, чтобы поступали чисто и прямо. Итак, мой милой друг, за вас и за ваше сознание радуюсь душею и благодарю Бога. И от души прошу вас и умоляю именем Иисуса Христа впредь, мой друг, ради Христа не подвергайтесь умышленности. Мне кажется, если кого и нечаянно оскорбишь, то от сего сам жестоко потерпишь, быв виною горя ближнего. Еще тяжелее, буде умышленно — то грех перед Богом, и самому должно быть очень больно — что поступил против обязанности христианина, которой должен охранять, беречь ближнего, а нарушая его спокойствие, приносим вред душе своей, а на сем свете наше главное дело — спасать душу. <...>

Вы в Завещании говорите о портрете[6], что без воли вашей и позволения опубликован ваш портрет... <...> И хочу сказать свое мнение <...>; все относится к тому, кто поступил самопроизвольно и нанес, может, сим вам оскорбление. <...> ...Мне кажется, <...> что самую эту несправедливость, с какою в сем случае относительно вас поступлено, изложить прямо к тому лицу, чтобы он да вы знали. <...> ...Скажу как перед Богом, что на сем свете ничего не существует, за что можно бы долго досадовать. <...> ...А одним словом скажу, что ваша книга меня много по вас порадовала. <...> Как и кто принял вашу книгу, передавать чужих слов не хочу, сами, может, пишут, а здесь скажу только то, что очень хвалит вашу книгу тот, которого я чту высоко, которой отлично хороший человек и высокой духовности[7]. Он был тронут вашей книгой, и уверен, что вы ничего не в состоянии сказать, как по внутреннему убеждению и что есть такие истины, что бы он желал, чтобы другие поняли, с какою любовию и чистотою желаете передать свои ощущения. Вот я ни с кем не говорила и не говорю, что писала к вам, а только этому человеку прочла, которой все видит в Боге; я с тем и прочла ему, как он скажет, потому что я высоко чту его прямоту и беспристрастие. Он мне сказал: хорошо, пошлите. Вот я и посылаю. Он вас отроду не видывал, но по этой книге познал и полюбил. Я с вами раз о нем говорила до отъезду вашего[8]. <...> Вы тогда же записали его имя. <...> ...Прошу и молю Премилосердного, да Он по благости Своей поможет вам свершить давно вами данной обет. Много и душевно порадуюсь, узнав, что вы отправились, и больше того еще порадуюсь, узнав, что вы там, и сподобились поклониться Гробу Господню. <...>

О Николае Михайловиче никаких подробностей вам не сообщаю, думаю, все знаете от друзей своих. А скажу вам только, что меня очень порадовало, что он сам пожелал приобщиться. Его, говорят, уверяли, что он не так опасен, но он сказал: я сам чувствую. И, слава Богу, исповедовался и приобщился».

[1] См. ***1847. Февраля 8 <20>. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Москва.***

[2] См. ***1847. Февраля 26 <марта 10>. Среда. Москва.***

[3] Языков (см. ***1846. Декабря 26 <1847. Января 7>. Четверг. Москва***).

[4] Дочь Шереметевой А. В. Якушкина умерла 20 февраля 1846 г. (см. ***1846. Марта 4 <16>. Понедельник. Москва***).

[5] Имеется в виду следующее признание Гоголя в *Предисловии* к «Выбранным местам из переписки с друзьями»: «...Мне случалось многим наносить неприятности, иным, может быть, и умышленно».

[6] Подробнее см.: ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[7] Речь, по-видимому, идет о И. А. Фонвизине, бывшем декабристе, набожном масоне, брате декабриста М. А. Фонвизина (см. ***1842. Март — мая до 23. Москва***). Об отношении И. А. Фонвизина к книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» позволяет косвенно судить письмо его брата Михаила из Тобольска от 4 февраля 1847 г. (см. ***1847. Февраля 4 <16>. Вторник. Тобольск***). О подлинном характере религиозных взглядов И. А. Фонвизина см.: ***1851. Июня между 5 и 25. Москва.*** — См. также: *Виноградов И. А.* Материалы по изучению масонского и декабристского движения, полученные Гоголем от декабриста И. А. Фонвизина и Н. Н. Шереметевой // Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 229–245.

[8] См. ***1842. Март — мая до 23. Москва.***

ФЕВРАЛЯ 20 <МАРТА 4>. ЧЕТВЕРГ

А-р В. Станкевич[1] пишет Н. М. Щепкину[2]:

«Получили мы письма Гоголя к друзьям[3]. Вот, брат, штука-то! Я даже такого и не ожидал! Книжка довольно толстая, и ни строки путной. Читать ее тяжело, жалко и досадно, чорт знает как! Гоголь сделался Осипом, только резонерствующим в духе отвратительного ханжества. Есть поразительные вещи: в одном месте Гоголь говорит, что в нем такое сцепление мерзостей, какого он не встречал ни в ком. Эти мерзости, говорит он, отделил он только от себя в лицах, им воспроизведенных[4]. Я думаю, что он тут просто врет на самого себя. Вряд ли после такой книжицы дождемся чего-нибудь путного от Гоголя»[5].

В 1854 г. критик С. С. Дудышкин в рецензии на «Опыт биографии Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша замечал: «Мы попросим читателя припомнить то место из "Переписки", где Гоголь говорит, как он освобождался от своих недостатков, передавая их действующим лицам "Мертвых душ"... <...> Гёте, у которого так трудно подметить его собственную личность, в произведениях его <...>, рассказывает, что все эти произведения, ни больше, ни меньше, как история его собственной жизни»[6].

В 1856 г. одесский приятель Гоголя Н. Д. Мизко также указывал: «Возводимое Гоголем на себя личное сродство его с своими произведениями и их героями напоминает подобную же черту в характеристике Гёте, сознававшегося, что сочинениями своими он освобождался от увлечений, его поражавших; так, например, в одном месте своей автобиографии, под названием "Истина и Вымысел", вот как объясняет он создание "Вертера": "*Этим сочинением более чем каким-либо другим я избавился от бурного элемента, в который я был вовлечен* сам собою и другими... <...> Я чувствовал себя, как бы после исповеди, опять веселым и свободным, вправе на новую жизнь. <...> Но сколько *чувствовал я себя облегченным и просветленным чрез перемены действительности в поэзию,* столько же друзья мои ошиблись, полагая, что должно поэзию обращать в действительность, разыгрывать такой же роман и, при случае, застрелиться, и что сначала произошло с некоторыми, потом отразилось и в массе публики, и эта книжечка, бывшая для меня столь полезною, была признана очень вредною" (Wahrheit und Dichtung, dreizehntes Buch, Goethe's poetische und prosaishe Werke. Stutgart und Tübingen, 2-te Band, S. 787)». «Признания Гёте, – заключал Мизко, – подтверждены фактами его жизни... <...> А что знаем мы о внутренней и даже внешней жизни нашего Гоголя...»[7]

[1] Александр Владимирович Станкевич (1821 – после 1870-х), писатель, брат поэта и философа Н. В. Станкевича (1813–1840).

[2] Николай Михайлович Щепкин (1820–1886), сын М. С. Щепкина; впоследствии книгоиздатель.

[3] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[4] Имеется в виду третье из «Четырех писем к разным лицам по поводу "Мертвых душ"».

[5] *Свод.* Т. 3. С. 43.

[6] *Дудышкин С. С.* Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение Николая М. Санктпетербург. 1854 // Отечественные Записки. 1854. № 11. Отд. 3. С. 25.

[7] <*Мизко Н. Д.*> *Н. Д.* Голос из провинции об отрывках из второй части поэмы Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» // Отечественные Записки. 1856. Т. 106. № 6. <Отд. 2> С. 51–52. – Подробнее см.: ***1842. Декабря 1 <13>. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания); *Виноградов И. А.* Гоголь и Лермонтов как «собеседники» Белинского. («Услуги» критика и ответы Гоголя) // Творчество Гоголя и русская общественная мысль. Тринадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва. 31 марта – 3 апреля 2013 г. / Департамент культуры г. Москвы; ГБУК «Дом Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2013. С. 262–271.

МАРТА 5 <ФЕВРАЛЯ 21>. ПЯТНИЦА. НЕАПОЛЬ

Гоголь получил от управляющего Императорской миссией в Неаполе графа Л. С. Потоцкого присланный из Петербурга пакет с заграничным паспортом и рекомендательными письмами для проезда к Святым Местам[1].

«Января 15. 1847[2]. Находящийся в Неаполе чиновник 8 класса[3] Николай Гоголь отправляется для путешествия по Святым Местам сроком на полтора года»[4].

На следующий день, 6 марта (н. ст.) 1847 г., Гоголь сообщал П. А. Плетневу: «Уведомляю тебя, что отъезд мой на Восток, по случаю расклеившегося моего здоровья, позднего получения паспорта (его получил только вчера, стало, я бы не поспел в Иерусалим к Светлому празднику[5], если бы и

мог ехать) и наконец по случаю всякого рода препятствий, случившихся с теми моими приятелями, которые должны были также ехать в Иерусалим (я же один, по немощи душевной и телесной, не мог пуститься в такую дорогу[6]), итак, по случаю всего этого и вместе с тем по случаю надобности ехать на железные воды и на морское купанье, отъезд мой отодвинут».

Спустя две недели, 19 марта (н. ст.) 1847 г., Потоцкий извещал государственного канцлера, министра иностранных дел графа К. В. Нессельроде: «Немедленно по получении мною 20 февраля / 4 марта сего года доставленных мне предписаний Вашего Сиятельства от 20 Января за № 232, паспорта и писем для находящегося здесь Литтератора Николая Гоголя[7], я передал их ему, предоставив ему вместе с тем прочесть вышеозначенное предписание. Согласно с желанием Г. Гоголя, я считаю долгом повернуть к *Высочайшим* Стопам и представить Вам, Милостивый Государь, живейшую благодарность его за облегчение ему как посещения Св. Мест, так и исполнения предпринимаемого им ученого труда[8]. Сильно расстроенное здоровье сего сочинителя не позволяет ему, однако, отправиться немедленно, и он находится в необходимости отложить отъезд свой на Восток до конца будущего лета, чтоб начать, с наступлением весны, пользоваться минеральными водами на берегах Рейна»[9].

[1] См. ***1847. Января 20 <февраля 1>. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1847. Января 21 <февраля 2>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1847. Января 15 <27>. Среда. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1831. Апреля 1, среда, и 13, Великий понедельник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[4] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 126. См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

[5] См. ***1847. Марта 23 <апреля 4>. Светлое Христово Воскресение.***

[6] См. ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь*** (примечания).

[7] См. в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 14. С. 144–148.

[8] По-видимому, речь идет о задуманной Гоголем книге по географии России для юношества (см. письма Гоголя к графиням С. М. Соллогуб и Анне М. Виельгорской от 20 октября 1849 г. — ***1849. Октября 20. Четверг. Москва***; к графу Л. А. Перовскому или князю П. А. Ширинскому-Шихматову или графу А. Ф. Орлову от июля 1850 г. — ***1850. Июля 10–18. Васильевка***; а также «Оглавление» предполагаемого V тома собрания сочинений Гоголя 1851–1852 гг.: см. ***1851. Октября конец, до 30. Москва*** — примечания). Замысел этой книги — «живой географии России» — возник, вероятно, в преддверии казавшегося близким окончания работы над вторым томом «Мертвых душ».

[9] Из документов и свидетельств о паломничестве Гоголя к Святым Местам // *Свод.* Т. 3. С. 612. — См. также ***1847. Апреля 14 <26>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 21 <МАРТА 5>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ар. О. Россет получил письмо Гоголя из Неаполя, с вложением письма к П. А. Плетневу[1]; передал это послание адресату (на письме к Плетневу имеется его помета: «П<олучено> 21 февр<аля> 1847»[2]).

[1] См. ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь.***

[2] *Городецкий.* С. 454.

ФЕВРАЛЯ 21 <МАРТА 5>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской в Петербург:

«Я хотела было тотчас отвечать тебе, милый друг мой, милая Машенька, но все не удавалось. Между тем ты должна была получить еще письмо от меня после отправки твоего. Твое письмо, мой милый друг, в котором так живо и прекрасно выражается твое негодование против письма Гоголя[1], прочли мы с таким удовольствием, тем более, что это как будто было самое полное и подробное

выражение нашего собственного впечатления, и в этом случае наше сочувствие было вполне одинаково; я не могла не смеяться даже, читая твои некоторые слова, где так горячо выражается твое оскорбленное чувство за отесеньку, и так как между нами были мужчины, то негодование выразилось такими энергическими словами, которые женщине несвойственны; впрочем, не отесенька их сказал, а только Константин, ты можешь себе представить, как его должен был возмутить этот ответ. До выхода книги отесенька никому не показывал письма своего к Гоголю[2], но после книги, видя, что для Г<оголя> не существует уже более никаких частных дружеских отношений, показал свое письмо и потом ответ его; не осталось человека, который бы более или менее не был оскорблен им, и приговор был общий, что письмо хуже книги. — Еще не получая ответа от Гоголя, отесенька не выдержал и написал ему несколько строк по прочтении уже его книги; я списала это письмо[3] и посылаю тебе, милый друг, мне оно чрезвычайно нравится. Оно так искренно, так вырвалось невольно из души и так сильно и прекрасно, — отесенька даже жалел, что послал его, но теперь доволен, потому что по получении такого ответа на первое письмо, не был бы в состоянии написать ему впечатление, произведенное его книгою. — Отесенька удивительно спокойно и кротко принял его ответ, но писать к нему с тою душевною горячею откровенностью после такого ответа, разумеется, не в состоянии. — Мне жаль, мой милый друг, что мы расходимся во мнении насчет письма к Соллогуб[4], впрочем, это только потому, что мы разно его понимаем, разное в нем видим. — Ты прочла его только один раз, но перечти его еще, и я уверена, что впечатление будет другое, нельзя же также забывать, что у Гоголя ничто теперь не говорится просто, а все примыкает к бесконечной цели его систематических взглядов, выводов, и что его ни на минуту не оставляет мысль о цели общей пользы, в достижении которой он в отношении самого себя не сомневается; он говорит догматически, а не так, как ты да мы стали бы говорить для того, чтоб утешить простодушно и примирить с собой какую-нибудь недоверчивую к себе женщину; мы, может быть, сказали бы и лишнее, только для того, чтоб она успокоилась, но в этом высказалось бы наше личное желание и усилие ее успокоить; Гоголь же проповедует, а не утешает, и потому всякое его слово получает смысл непреложной общей истины (которой, по крайней мере, он верит), какого-то нравоучения, иначе для чего бы и печатать такое письмо; у него нет слова даром, он простодушно ставит каждое свое слово за правило. Он вполне уверен, что он призван на проповедание и не забывает этого ни на одну минуту, потому что нет у него ни одного слова, сказанного просто, от души; но везде слышно присутствие этой мысли, потому он и кажется неискренен. В первую минуту по прочтении этого письма у меня осталось впечатление какого-то прекрасного образа этой женщины, в том образе (ты права) выразилась художественная сторона Гоголя. Но и тут не могли меня не остановить некоторые невыносимо ложные мысли и выражения. При повторном же чтении этой книги, когда передо мною открылся весь хитросплетенный состав его самолюбовного и самоуверенного мудрования, я увидала ясно, что и это письмо выходит из одного же источника и что меня обольстил только на минуту прекрасный образ, который и сам даже ложен. Вспомни, милый друг, эти места: *но у вас есть другие орудия, с которыми все возможно. Во-первых, вы имеете уже красоту,* или дальше: *Если уже один бессмысленный каприз красавицы бывал причиною переворотов всемирных*[5] *и заставлял делать глупости наиумнейших людей, что же было бы тогда, если б этот каприз был осмыслен и направлен к добру.* Скажи, пожалуйста, разве не прямо он велит употреблять красоту как средство, что же такое эти всемирные перевороты и благие дела, которые будут делаться только вследствие каприза красавицы, с той только разницею, что этот каприз по ее же произволу направлен к добру, а не ко злу. Но тут слова Гоголя говорят сами за себя, и нечего прибавлять; а что он дает советы, это видно из следующих: *вам не дам такого совета, какой бы мне следовало дать всякой другой женщине, к тому способной.* Нет, мой милый друг, именно я не буду согласна с тем, что все равно <что> красота природы, что красота человеческая; человек существо падшее, в этом нет сомнения, природа все одна и та же, всегда одинаково прекрасна, в человеке и зло и добро, в природе все цельно, нераздельно, там нет ни внешнего, ни внутреннего, сперва в человеке было то же, его внешняя красота была выражением только его внутренней красоты и сливалась в одно прекрасное, так что нельзя было бы и приметить их отдельно, не могло существовать и понятие о их разделенном проявлении, теперь же не то, и Гоголь, говоря: *вы имеете уже красоту,* говорит сперва о красоте внешней и о ее именно влиянии в капризе красавицы; возможно ли допускать такого рода влияние красоты на

благие действия человека, и разве не во вред это будет душевной красоте человека, бескорыстности его добрых побуждений. Можно допустить влияние прекрасного человека разве только тогда, когда все будет прекрасно и когда вероятно никто бы и не замечал и не говорил об этом; впрочем, такого рода утопий я не понимаю.

Пример, который ты приводишь, милый друг, говорит против тебя самой, ты именно говоришь про девушку, которая действует единственно своей внутренней душевной красотой, а не отличается никакими внешними достоинствами. — Не говорю уже о том, как оскорбительно должно быть для скромного чувства такой женщины слышать такие слова, которые даже могли бы если не исторгнуть, то нарушить ее душевную смиренную чистоту и спокойствие».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 859–860.

[1] Имеется в виду письмо Гоголя к С. Т. Аксакову от 20 января (н. ст.) 1847 г. из Неаполя (см. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь***).

[2] Письмо от конца ноября — 9 декабря 1846 г. (см. ***1846. Ноября конец — декабря 9 <декабря первая половина — декабря 21>. Москва***).

[3] От 27 января 1847 г. (см. ***1847. Января 27 <февраля 8>. Понедельник. Москва***).

[4] Имеется в виду статья Гоголя «Женщина в свете». В. С. Аксакова полагала, что эта статья адресована графине С. М. Соллогуб (рожд. графине Виельгорской). Однако сама С. М. Соллогуб в письме от 3 февраля 1847 г. спрашивала Гоголя: «Сестра <графиня А. М. Виельгорская> и я мы очень любопытны знать, кому вы пишете первое ваше письмо, которое нам так понравилось ("Женщина в свете")» (см. ***1847. Февраля 3 <15>. Понедельник. Санкт-Петербург***). Кроме того, как указал В. И. Шенрок, письмо надписано «к ....ой», а не Соллогуб, и отнесено к 1846 г., «когда С<офья> М<ихайловна> не могла уже жаловаться, что не может быть полезной детям, так как у нее был уже тогда сын Александр и дочь Софья, прозванная Беби, и как видно из <...> переписки Виельгорских с Гоголем, она была напротив уже совершенно погружена в свои семейные обязанности, в которых находила высшее наслаждение жизни» (*Шенрок.* Т. 4. С. 595).

[5] Ср.: «Ветхий завет научает нас первым понятиям о женщине; он открывает первое ее унижение: она была виновницею падения рода человеческого; но в ней же Всемогущей воле угодно было дать ему и спасение» (Призвание женщины. С английского. СПб.: В Типографии Имп. Академии Наук, MDCCCXL <1840> (цензурное разрешение 3 дек. 1839 г. — цензор С. С. Куторга). С. 74). Книга была переведена Ф. В. Чижовым (см.: Кирило-Мефодіївське товариство: В 3 т. Київ, 1990. Т. 3. С. 247).

МАРТА 6 <ФЕВРАЛЯ 22>. СУББОТА. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет ответное[1] письмо В. А. Жуковскому во Франкфурт и письмо к П. А. Плетневу в Петербург. Едва отправив письмо Жуковскому, он получает от него новое послание[2] (на это письмо Гоголь ответил позднее, 12 марта (н. ст.) 1847 г.[3]).

В тот же день, 6 марта (н. ст.) 1847 г., Гоголь в письме к Плетневу сделал приписку о получении письма от Жуковского и отправил ответное[4] письмо к С. Т. Аксакову в Москву, с вложением письма к Н. Н. Шереметевой.

Из письма к Жуковскому: «Письмо от 6/18 февраля, пущенное из Франкфурта тобою с известием о книге моей, получено мною только третьего дни, то есть четвертого марта[5]. Появленье книги моей разразилось точно в виде какой-то оплеухи: оплеуха публике, оплеуха друзьям моим и, наконец, еще сильнейшая оплеуха мне самому. <...> Я размахнулся в моей книге таким Хлестаковым, что не имею духу заглянуть в нее. Но тем не менее книга эта отныне будет лежать всегда на столе моем, как верное зеркало, в которое мне следует глядеться для того, чтобы видеть всё свое неряшество и меньше грешить вперед. При всем том книга моя полезна. В одну неделю исчезнули все экземпляры ее[6] (хотя печатано было два завода). Все дотоле бывшие вопросы в литературе вдруг заменились другими, и все предметы разговоров умных людей наших обществ заменились другими предметами. Я ожидаю, что после моей книги явится несколько умных и дельных сочинений, потому что в моей книге есть именно что-то, зарывающее на умственную деятельность человека.

Несмотря на то, что сама по себе она не составляет капитального произведения нашей литературы, она может породить многие капитальные произведения. Но, признаюсь, радостней всего мне было услышать весть о благодатном замысле твоем писать письма по поводу моих писем[7]. Я думаю, что появление их в свет может быть теперь самым приличным и *нужным* у нас явлением, потому что после моей книги всё как-то напряжено, все более или менее, как противники, так и защитники, находятся в положении неспокойном, а многие недоумевают просто, куды пристать, не умея согласить многих, по-видимому, противоположных вещей, от той резкости, с какою они выражены. Появление твоих писем может теперь произвести благотворное и примиряющее действие. <...> Стыдно, что воз<о>мнил о себе, будто мое школьное воспитанье уже кончилось и могу я стать наравне с тобою. Право, есть во мне что-то хлестаковское. <...>

Назад тому дня два, я отправил уже одно письмо к тебе, занумерованное 4-м мартом[8], в котором содержится мой маршрут. Ночи мои всё по-прежнему без сна; я слаб телом, но духом, слава Богу, довольно свеж».

Из письма к Плетневу: «Прости меня, добрый друг, за те большие неприятности, которые я, может быть, нанес тебе моими неугомонными просьбами о восстановлении моей книги в ее прежнем виде. Прости меня, если у меня вырвалось какое-нибудь слово, тебя оскорбившее, в том письме моем, в котором вложено было письмо к доброй А. О. Ишимовой[9]. <...> Не ради достоинства самих статей, но ради важности самого предмета, мне хотелось, чтобы по поводу их было сказано другими умней и лучше моего, и от этого распространилось бы у нас большее знание земли своей и народа своего. <...> Я писал к князю Вяземскому[10] и графу М. Ю. Вьельгор<скому>[11] рассмотреть строго мою книгу. К князю Вяземскому писал потом еще письмо[12], умоляя уничтожить <...> заносчивые выходки... <...> ...Этими статьями я хотел не столько учить других, но самому многому научиться, потому что — говорю тебе не ложь — мне нужно слишком многого набраться от умных людей, чтобы написать как следует мои “Мертвые души”, которые, право, могут быть очень нужная у нас вещь и притом дельная вещь. Мне нужно много практических и положительных сведений, которые я думал вызвать этими статьями, — именно затем, чтобы быть так же ясну и просту в “М<ертвых> д<ушах>”, как неясен и загадочен в этой книге моей. Нужно взять из нашей же земли людей, из нашего же собственного тела так, чтобы читатель почувствовал, что это именно взято из того самого материала, из которого и он сам составлен. Иначе не будут живы образы и не произведут благотворного действия. А потому, Бог весть, может, по прочтении моей книги сплошь, придет князю Вяземскому[13] благая мысль подарить и русскую литературу, и меня такими письмами, которые, разумеется, в несколько раз будут лучше моих, прямей и ближе к делу, и могут быть напечатаны отдельной книгой. Может быть, и добрейший граф М. Ю. Вьельгорский снабдит меня такими замечаньями, за которые всю жизнь свою буду ему благодарен. <...> Покажи им <...> это письмо мое, то есть и ему, и князю Вяземскому. Может быть, они, прочитавши его, сколько-нибудь извинят меня и простят меня. Мне кажется, что всё семейство его, мною нежно любимое, мною недовольно, потому что с появленья моей книги никто из них не писал ко мне. Скажи им, что все мои проступки, в которых видят и самонадеянность, и самолюбие, и самоослепление, происходят просто от глупости, от нетерпенья переждать немного, пока придешь в такое состояние, что сможешь заговорить просто и без напыщенности о том, что теперь выражается грубо, неотесанно и напыщенно. <...> Итак, желанье мое, чтобы граф М. Ю. Вьель<горский>, князь Вяземск<ий> и да<же> В. А. Перовский, если захотят, были моими судьями, и для этого мне бы хотелось, чтобы вся книга была переписана сплошь, с включением всего (кроме двух статей — “К близорук<ому> приятелю” и “Страхи и ужасы”, которые совсем не для печати и на место которых у меня готовились другие, под тем же заглавием). <...> Уведомляю тебя, что отъезд мой на Восток, по случаю расклеившегося моего здоровья[14], <...> отодвинут. А потому мне всякие письма следует до мая первых чисел отправлять еще в Неаполь, а от мая до сентября во Франкфурт, на имя Жуковского, а с сентября вновь в Неаполь, откуда, если Бог благословит, на Восток, а с Востока — на нашу русскую сторону. Уведомляю также тебя, что книг[15] до сих пор не получил ни одной[16]. Я полагаю, это оттого, что, вероятно, они были адресованы на мое имя, а так как сам по себе я человечек не велик, несмотря на великую возню, которая идет обо мне теперь в литературе, то курьер их и оставил в какой-нибудь канце-

ля<рии> по дороге. Всего бы лучше адресовать или на имя посланника[17], или, по крайней мере, секретаря[18] посольства. Что касается до векселя Прокоповича, то он, вероятно, получен кем-нибудь другим. <...> ...Деньги эти были посланы против моего желанья, когда уже было сделано им другое распоряжение[19], а потому и не судьба была прийти <им> в мои руки. Прокоповичу скажи, чтобы он об этом не сокрушался: что случилось, то случилось. Скажи ему также, что у меня на душе не только нет против него какого-нибудь неудовольствия, но, напротив того, самое дружески-товарищественное расположенье, а потому грех будет ему, если и он питает против меня какое-нибудь неудовольствие. Прошу тебя также сделать мне истинно дружескую услугу: посылать прямо по почте в письме, вырвавши из журналов, листки, где говорится о моей книге, в каком бы ни было смысле и кем бы ни были они сказаны. Я хочу лучше заплатить подороже за пересылку, чем совсем не получить их или получить тогда, когда они не будут мне нужны. Деньги, я полагаю, у тебя для этого будут от второго издания, которое я просил (в письме, вероятно, доставленном уже тебе от Ар<кадия> Россети[20]) напечатать сходно с первым, как можно поскорее, если настоят требования от книгопродавцев. Жуковский, который получил мою книгу, пишет[21], что в ней множество опечаток. Пожалуста, похлопочи об исправлении. <...>

От Жуковского я получил письмо[22] с известием, что prima вексель, как оказалось по банкирским справкам, не уплачена, а потому, как только получу эти деньги, то немедленно препровожу их Прокоповичу для известн<ого> дела».

Из письма к Аксакову: «Благодарю вас, мой добрый и благородный друг, за ваши упреки; от них хоть и чихнулось, но чихнулось во здравие. Поблагодарите также доброго Дмитрия Николаевича Свербеева и скажите ему, что я всегда дорожу замечаньями умного человека... <...> Поблагодарите также и милую супругу его за ее письмецо[23]. Скажите им, что многое из их слов взято в соображение и заставило меня лишний раз построже взглянуть на самого себя. Мы уже так странно устроены, что по тех пор не увидим ничего в себе, покуда другие не наведут нас на это[24]. <...> Не слишком ли вы уже положились на ваш ум и непогрешительность его выводов? <...> Ну, что если я вам расскажу следующую повесть? Повар вызвался угостить хорошим и даже необыкновенным обедом тех людей, которые сами не бывали на кухне, хотя и ели довольно вкусные обеды. Повар сам вызвался; ему никто не заказывал обеда. Он сказал только вперед, что обед его иначе будет сготовлен, и потому потребуется больше времени. Что следовало делать тем, которым обещано угощение? Следовало молчать и ожидать терпеливо. Нет, давай кричать: "Подавай обед!" Повар говорит: "Это физически невозможно, потому что обед мой совсем не так готовится, как другие обеды, для этого нужно поднимать такую возню на кухне, о которой вы и подумать не можете". Ему в ответ: "Врешь, брат!" Повар видит, что нечего делать, решился, наконец, привести гостей самих на кухню, постаравшись, сколько можно было, расставить кастрюли и весь кухонный снаряд в таком виде, чтобы из него хотя какое-нибудь могли вывести заключенье об обеде. Гости увидели множество таких странных и необыкновенных кастрюль и, наконец, таких орудий, о которых и подумать бы нельзя было, чтобы они требовались для приуготовленья обеда, что у них закружилась голова».

Позднее, в 1854 г., С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя», комментируя настоящее письмо, замечал: «В этом письме поразительно сходство вашего мнения о книге Гоголя (стр. 155 Опыта Биографии) с его собственным объяснением или оправданием. Я отвечал[25] Гоголю между прочим: "Да кто же вас заставлял водить читателя в кухню?"»[26]

Аксаков имел в виду следующее суждение Кулиша о «Переписке с друзьями»: «Она произвела на всех, кому показал ее поверенный поэта[27], такое впечатление, какое испытывает человек, когда его введут в огромную фабрику, где отливаются из чугуна или бронзы колоссальные создания скульптуры. <...> Кажется, что искусство ваятеля выступило из своих пределов, потеряло свои правила и гибнет вместе со всею его спутавшеюся фабрикою. Так именно – по крайней мере на пишущего эти строки – подействовала "Переписка с друзьями". <...> ...Сжалось за него <Гоголя> сердце у каждого истинного ценителя его таланта, хотя никто не мог тогда объяснить себе, чего именно надо опасаться»[28].

Сравнение Кулиша, в свою очередь, почерпнуто у самого Гоголя, который в 1834 г., в статье «О средних веках», писал: «Все, что мы имеем, <...> – все это <...> образовалось в темные, закрытые для нас Средние века. <...> ...Без глубокого и внимательного исследования их <...> не полна Новая история; и слушатели ее похожи на посетителей фабрики, которые изумляются быстрой отделке изделий, совершающейся почти перед глазами их,

но позабывают заглянуть в темное подземелье, где скрыты первые всемогущие колеса, дающие толчок всему: такая история похожа на статую художника, не изучившего анатомии человека».

Завершая письмо к Аксакову, Гоголь замечал: «Передавайте мне все толки и сужденья, какие откуда ни услышите, и свои, и чужие... <...> Душевный поклон доброй Ольге Семеновне[29] и всем вашим. <...> Насчет Погодина есть также недоразумения, но, вероятно, он уже с вами об этом объяснился, потому что я ему писал подробно третьего дня, т. е. 4 марта[30]. К Шевыреву было также послано письмо от 4 марта. При сем письмецо Надежде Николаев<не> Шереметьевой».

Из письма к Шереметевой: «...Вы ко мне ничего не пишете. <...> Вы, верно, молитесь обо мне. <...> Верю, что ради молитв тех праведников, которые обо мне молятся, Бог спасет меня, — даже и тогда, когда бы душа моя была опутана со всех сторон теми обольщениями лукавыми, которые подозревают во мне ныне. <...> Со смерти прекрасного Языкова[31] нашего, <...> вы не прислали ко мне ни одной строчки».

[1] См. ***1847. Февраля 18 <6>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1847. Февраля 20 <8>. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Франкфурт-на-Майне.***

[3] См. ***1847. Марта 12 <февраля 28>. Пятница. Неаполь.***

[4] См. ***1847. Января 27 <февраля 8>. Понедельник. Москва.***

[5] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Неаполь.***

[6] 11 января 1847 г. П. А. Плетнев сообщал Гоголю: «О книге твоей не успели еще ни слова сказать ни в журналах, ни в газетах — а ее уже нет. Это прекрасно» (см. ***1847. Января 11 <23>. Суббота. Санкт-Петербург***). Недостоверным является сообщение П. А. Кулиша, который, комментируя настоящие строки письма Гоголя к Жуковскому, замечал: «Неизвестно, кто сообщил Гоголю такое известие. Книга пошла очень тупо» (Соч. и письма Н. В. Гоголя. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 6. С. 350).

[7] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[8] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Неаполь.*** — На самом деле письмо датировано не было.

[9] См. ***1847. Февраля 6 <января 25>. Вселенская родительская суббота. Неаполь.***

[10] См. ***1847. Января 16 <4>. Суббота. Неаполь.***

[11] Письмо не сохранилось (см. ***1847. Февраля 6 <января 25>. Вселенская родительская суббота. Неаполь***).

[12] См. ***1847. Февраля 28 <16>. Воскресенье. Неаполь.***

[13] По примеру В. А. Жуковского (см. ***1847. Февраля 18 <6>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***).

[14] См. ***1847. Марта 5 <февраля 21>. Пятница. Неаполь.***

[15] Экземпляров «Выбранных мест из переписки с друзьями» .

[16] Подробнее см.: ***1847. Января между 25 и 30 <января между 13 и 18>. Неаполь*** (примечания).

[17] Граф Л. С. Потоцкий. К осени (16 сентября) 1847 г. Потоцкого на посту посланника в Неаполе сменил граф Михаил Иринеевич Хрептович (1809–1892).

[18] А. В. Хвостов.

[19] Речь идет о выдаче пособий «бедным, но достойным» студентам Петербургского университета (см. ***1844. Между декабря 1 и 14 <между ноября 19 и декабря 2>. Франкфурт-на-Майне***).

[20] См. ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь.***

[21] См. ***1847. Февраля 18 <6>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[22] См. ***1847. Февраля 20 <8>. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Франкфурт-на-Майне.***

[23] См. ***1847. Января 20 <февраля 1>. Понедельник. Москва.***

[24] Подробнее см.: ***1844. Марта 12 <февраля 29>. Вторник. Ницца*** (примечания).

[25] Письмо не сохранилось (см. ***1847. Марта конец <апреля средина>. Москва***).

[26] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 649.

[27] П. А. Плетнев (см. ***1846. Декабря 4 <16>. Среда. Санкт-Петербург***).

[28] *Кулиш 1854 (2).* С. 155.

[29] Жена С. Т. Аксакова.

[30] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Неаполь.***

[31] См. ***1846. Декабря 26 <1847. Января 7>. Четверг. Москва.***

ФЕВРАЛЯ 22 <МАРТА 6>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ар. О. Россет, исполняя просьбу Гоголя[1], читает у князя П. А. Вяземского, в присутствии П. А. Плетнева и Ф. И. Тютчева, не пропущенные цензором А. В. Никитенко главы «Выбранных мест из переписки с друзьями»[2].

[1] См. ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь***; ***1847. Февраля 21 <марта 5>. Пятница. Санкт-Петербург***. – См. также ***1847. Февраля 28 <16>. Воскресенье. Неаполь***.

[2] См. ***1847. Марта 12 <24>. Среда. Санкт-Петербург***; ***1847. Марта 22 <апреля 3>. Великая Суббота. Санкт-Петербург***.

ФЕВРАЛЯ 23 <МАРТА 7>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Ш<е>в<ырев> приезжал и удивил меня своими экстазами. Страсть превознесть. К Ак<саковым>, которые подтвердили то же. Письмо Гоголя[1], который обещает [об]ругать меня еще в знак дружбы!»

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 491.

[1] См. ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь***.

МАРТА 8 <ФЕВРАЛЯ 24>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПАРИЖ

В. А. Муханов сообщает сестрам:

«Хорошо, если свет ее оценит[1], в ней много прекрасного, и она, конечно, принадлежит к малому числу книг, которые всегда читаешь и перечитываешь с пользою и удовольствием. Какое право давать советы? говорят иные. Излагать святые истины, направлять людей к добру и отводить от мрака к свету, что может быть выше этого назначения, которое есть назначение писателя! Письма Гоголя, по мне, – лучше всего написанного им прежде и, когда я буду иметь возможность завестись своим экземпляром, то вряд ли не всегда они будут при мне».

Гоголь в письмах братьев В. А. и Н. А. Мухановых // *Свод.* Т. 3. С. 594.

[1] Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями».

ФЕВРАЛЯ 24 <МАРТА 8>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

С. Т. Аксаков пишет сыну Ивану в Калугу:

«...Прилагаю тебе копию с письма Гоголя[1] и прошу, прежде чем начнешь его читать, хорошенько припомнить мое письмо»[2].

Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 598.

[1] От 20 января (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь***).

[2] Вероятно, Аксаков имеет в виду либо свое письмо к Гоголю от конца ноября – начала декабря 1846 г. (на которое отвечал Гоголь 20 января (н. ст.) 1847 г.) (см. ***1846. Ноября конец – декабря 9 <декабря первая***

половина – декабря 21>. Москва), либо другое свое письмо к Гоголю, от 27 января 1847 г., копию которого сам послал сыну в Калугу (см. ***1847. Января 27 <февраля 8>. Понедельник. Москва***; ***1847. Января 30 <февраля 11>. Четверг. Москва***).

МАРТА 9 <ФЕВРАЛЯ 25>. ВТОРНИК. НЕАПОЛЬ

Гоголь получил от управляющего Императорской миссией в Неаполе графа Л. С. Потоцкого присланный ему русским посланником во Франкфурте П. Я. Убри вексель[1] на четыре тысячи рублей ассигнациями[2] (или 1168 рублей серебром[3]). Отвечает на записку Убри.

Записка Убри к Гоголю не сохранилась. Ответное письмо Гоголя датировано: «Марта 8»; в послании к В. А. Жуковскому от 12 марта (н. ст.) 1847 г. Гоголь упоминает о письме к Убри как отправленном 10 марта[4], однако почтовый штемпель указыват на другую дату: «Napoli 1847. 9 Mar»[5].

Из письма к Убри: «Не знаю, как благодарить вас за <...> те хлопоты, которыми вы обременили себя по поводу моего векселя. Все получено мною в исправности. Отъезд мой в Палестину (по случаю расклеившегося вновь моего здоровья и надобности ехать на железные воды и морское купанье) несколько отодвинут. А потому очень может быть, что я буду иметь удовольствие проездом через Франкфурт принести вам лично мою признательность».

12 марта (н. ст.) 1847 г. Гоголь извещал также Жуковского: «В бестолковщине по части этого векселя и его чудных странствий я совершенно не виноват, потому что не получал из Петербурга никакого предварительного предуведомленья о том, что мне будет выслан вексель, ниже извещения последующего о том, что мне послан вексель. Узнал я об этом случаем, весьма недавно: встретившись с одним знакомым Прокоповича[6] и разговорившись с ним о самом Прокоповиче, я узнал неожиданно и нечаянно, что им были посланы ко мне деньги, и в ту же минуту дал об этом знать Плетневу, и Плетнев, уже вследствие моего отзыва, сделал разыскание. Надобно знать, что этот вексель был послан ко мне уже тогда, когда я не просил денег и назначил совершенно другое употребление тем деньгам[7], из которых он мне был послан. Оттого-то и не судьба ему была прийти в мои руки. И как странно! И теперь, в ту самую минуту, когда здешний неаполитанский Ротшильд[8] уже дал было повеление своей кассе выдать мне по нем деньги, им овладело вдруг сомнение. Ни удостоверение гамбургского Гейне[9], ни ручательство франкфуртского кровного брата[10] не могло его успокоить. Еврейская душа почувствовала в эту минуту только то, что дело идет о деньгах, стало быть, о предмете, священнейшем всего на свете, а потому просила меня дать ему время сделать еще от себя разыскания и снестись с Гамбургом. А потому я распорядился так, чтобы он всё взял на свои руки, как разъясненье по делу векселя, так и доставку его обратно к барону Штиглицу[11] для выдачи денег Плетневу на употребление, уже назначенное, что всё взялся он исполнить в непродолжительное время. Денег мне теперь не нужно. Я богат»[12].

27 марта (н. ст.) 1847 г. Гоголь сообщал также П. А. Плетневу в Петербург: «Я получил от Жуковского секунду векселя и в то же время от нашего посланника из Франкфурта, Убриля[13], известие, что мне будут выданы по нем от здешнего банкира Ротшильда все деньги, вследствие его переговоров с его братом, франкфуртским Ротшильдом. Но как странно и как видно, что мне не судьба получить эти деньги! Ротшильдом здешним овладело вдруг сомнение (хотя он уже приказал было мне выдать деньги). Все справки, сделанные во Франкфурте и в Гамбурге относительно незаплаты по первому векселю, показались ему недостаточны, и он попросил у меня времени вновь списаться с Гамбургом, вследствие чего я и просил его распорядиться так, чтобы этот вексель был из Гамбурга препровожден обратно к Штиглицу, а Штиглиц выдал бы деньги эти тебе. Ты их держи у себя. У Прокоповича денег моих достаточно. Но об этом деле мы поговорим с тобой потом: дело, которое должно остаться между нами[14], совсем, не так глупо, как кажется с виду, но я не надлежащим образом объяснил свою мысль».

8 мая (н. ст.) 1847 г. Гоголь еще раз писал Плетневу: «Вексель секунду я послал обратно к тебе[15] через Штиглица, потому что здесь не взялся по нем выдать деньги банкир. Стало быть тут уж не мое распоряжение. Такова судьба его. Деньги эти береги у себя. Прокоповичу не следует ничего говорить».

[1] См. ***1847. Февраля 20 <8>. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1845. Января 26 <февраля 7>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1847. Мая 22 <июня 3>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1847. Марта 12 <февраля 28>. Пятница. Неаполь.***

[5] *Городецкий.* С. 466.

[6] Речь идет о встрече с П. В. Анненковым в Бамберге в июле (н. ст.) 1846 г. (см. ***1846. Июля между 6 и 19 <между июня 24 и июля 7>. Бамберг***).

[7] Речь идет о выдаче пособий «бедным, но достойным» студентам Петербургского университета (см. ***1844. Между декабря 1 и 14 <между ноября 19 и декабря 2>. Франкфурт-на-Майне***).

[8] Банкир В. А. Ротшильд.

[9] Банкир.

[10] А. фон Ротшильд.

[11] Петербургский банкир.

[12] См. ***1847. Марта 10 <февраля 26>. Среда. Неаполь.***

[13] П. Я. Убри.

[14] Подразумевается помощь нуждающимся студентам Петербургского университета (см. ***1844. Между декабря 1 и 14 <между ноября 19 и декабря 2>. Франкфурт-на-Майне***).

[15] См. ***1847. Мая 22 <июня 3>. Четверг. Санкт-Петербург.***

МАРТА 10 <ФЕВРАЛЯ 26>. СРЕДА. НЕАПОЛЬ

Гоголь получает из Франкфурта от В. А. Жуковского «1000 рублей ассигнациями»[1] (или 285 рублей 70 копеек серебром), из суммы, назначенной для него Наследником Александром Николаевичем[2].

На печатном бланке неапольской банкирской конторы Ротшильда Гоголем была написана расписка в получении от банкира В. А. Ротшильда 285 рублей 70 копеек, подписанная: «Nicolas Gogol»[3]. (12 марта (н. ст.) 1847 г. расписка была приложена Гоголем к письму В. А. Жуковскому во Франкфурт[4].)

Вероятно, тогда же Гоголь в своей записной книжке 1846–1850 гг. отметил факт получения из Москвы денег, вырученных С. П. Шевыревым от продажи «Выбранных мест из переписки с друзьями»:

«Вексель[5] № 12017 Moscou le 1 <11>[6] Fevrier 1253 <7253> f. Suivant l'avis de M. Rougimont de Lowenberg, Paris»[7].

В тот же день, 10 марта (н. ст.) 1847 г., Гоголь написал ответное[8] письмо Шевыреву в Москву (согласно почтовому штемпелю[9], письмо было отправлено позднее, 13 марта[10]):

«Письмо твое от 30 января со вложением векселя (ценою 182 <1802>[11] р<убля> серебр<ом>) получил. Деньги, выручаемые за "М<ертвые> д<уши>", держи у себя и не посылай до моего извещения. В прежнем письме моем (от 4 марта)[12] я просил тебя выслать матери моей две тысячи сто рублей ассигнациями и проповеди Иннокентия[13] сестре Ольге. <...> Насчет поступка моего с Погодиным ты уже, вероятно, получил объяснение, если получил мое письмо от 4 марта; Погодин

также введен в загадку этого дела, поэтому что и к нему было отправлено письмо того же числа. В письме твоем мало слов о моей книге, но благодарю и за немного. Ты прав, отыскавши в моей книге следы состоянья переходного. Скажу тебе в утешенье только то, что состоянье, во время которого писалась она, миновалось. Мне было страшно самому за многое в моей книге, когда она печаталась, и поверь мне, что книгой моей я дал себе самому гораздо сильнейшую оплеуху, нежели друзьям моим. Но много было причин к ее изданию, а между прочим и та, чтобы увидали наконец читатели и почитатели мои (увы! и самые друзья), что не следует торопить меня к печатанью, когда я сам чувствую, что не пришел еще в силы выражаться ясно и просто (до простоты надобно вырасти). По моим прежним письмам, которые я писал к вам, по тому болезненному стону, который был в них слышен всякий раз, когда приходилось мне отвечать на понуканья выступить на поприще литературное, можно бы, казалось, смекнуть, что незачем торопить меня. О, если бы Погодин с самого начала поверил мне на честное слово, не произошло бы между нами этих загадочных явлений. Но что сделано, то сделано. Всё делается не без воли Божией. Не явись моя книга, не сделаны были бы мне упреки, заставившие меня гораздо строже оглянуться на самого себя. Ускользнуло бы от меня *ведение* моего собственного состояния душевного... <...> Что ж делать, если такова натура русского человека, что его не заставишь до тех пор говорить, покуда не выведешь его из терпения, зацепя за самую живую струну. Поверь, что без этой книги мне бы не узнать всего того, что мне необходимо знать для того, чтобы мои “Мертвые души” вышли то, чем им следует быть. По поводу моего *неведения* многих вещей, которые у меня выдаются с такою дерзостью за *знание*, многие невольно будут заставлены выказать свое *ведение*, которого я добиваюсь. <...> Прими просто, на веру эти слова мои: “Покуда не заговорит общество о тех предметах, о которых говорится в моей книге, мне физически невозможно двинуть свою работу”. <...> Собирай все толки, все замечанья, всё, что ни будет сказано обо мне и о книге моей и преимущественно о предметах, заключенных в моей книге, даже хотя бы, по-видимому, иные из них были и незначительны. <...> Передавай самые жесткие, самые язвительные слова. Говорю тебе истинно, что от всего этого такая польза уму, сердцу и душе моей, как ты и представить себе не сумеешь. Что ж делать, если мне таким, а не другим образом определено добраться до зрелости и разума! Проси и других записывать в простоте и бесхитростно все слова, какие ни услышат, именно, как их услышат. Мне кажется, что даже некоторые из студентов, которые поумнее и побойчее и к тому же имеют случаи побольше обращаться с людьми, могли бы записать многие слова и мненья, слышанные от людей всякого сословия, к которым принадлежат и сами, – хоть, положим, в виде тебе подаваемых упражнений в словесности по части приобретения простого слога и искусства передавать природу просто, как она есть. Право, труд мой больше *полезный* и *существенный*, чем думают многие, и он стоит того, чтобы друзья мои, всё мне простивши, все мои несправедливости, поработали бы грудью за меня. Ты, Погодин и Аксаков, как люди, более других долженствующие быть близкими мне и отныне соединенные со мною неразрывней, чем когда-либо прежде (потому что именно с этих пор только должно начаться прямое познание друг друга), можете много для меня сделать. Говорю для меня, тогда как по-настоящему следовало бы сказать для добра, потому что, видит Бог, работаю для добра и себя хочу сделать лучшим затем, чтобы быть в силах сделать добро. Погодин, мне кажется, бы многое мог записать, что услышит от простых людей и купцов, с которыми ему весьма часто случается говорить. Прочти им эти строки. <...> Мне бы очень нужно было иметь всегда у себя в ящике один-другой портрет, набросанный ловкою рукою, хоть и бегло, с человека, которого бы можно было назвать *типом* и представителем своего сословия в его современном, нынешнем виде».

[1] См. ***1847. Февраля 20 <8>. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1844. Мая 25 <13>. Троицкая родительская суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Мая 29 <17>. Среда. Баден-Баден.***

[3] *Городецкий*. С. 439; см. также: *Свод*. Т. 2. С. 127.

[4] См. ***1847. Марта 12 <февраля 28>. Пятница. Неаполь.***

[5] См. также ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Неаполь*** (письмо к В. А. Жуковскому).

[6] Шевырев отправил Гоголю вексель на 7253 франка 11 февраля (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Января 30 <февраля 11>. Четверг. Москва***).

[7] Москва, 1 <11> февраля, 1253 <7253> франка, по доверенности господина Ружемона де Ловенберга, Париж (*фр*.).

[8] См. ***1847. Января 30 <февраля 11>. Четверг. Москва.***
[9] См.: *Городецкий.* С. 468.
[10] См. ***1847. Марта 13 <1>. Суббота. Неаполь.***
[11] См. ***1847. Января 30 <февраля 11>. Четверг. Москва.***
[12] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Неаполь.***
[13] См. ***1844. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Дармштадт*** (примечания).

ФЕВРАЛЯ 26 <МАРТА 10>. СРЕДА. МОСКВА

С. П. Шевырев отправляет записку к Н. Н. Шереметевой, где отвечает на ее вопрос о Гоголе:

«Гоголь все в Неаполе – и адрес его не переменился. Путешествие его в Иерусалим отложено. Судя по письму его[1], он здоров. Кончину Н. М. Языкова он перенес, как догадываюсь, хорошо. В письме он не выразит того, что вероятно перечувствовал. Вот несколько слов из письма.

"Наши мысли и вкусы были почти сходны. Но разум и чистота младенчества, каких у меня не было, светились в одно и то же время в его словах. Как он был добр ко мне и как любил меня! О! да удостоит нас Бог всех совершить честно свой долг на земле, чтобы удостоиться небесного блаженства, и ликовать вместе с ним, с которым уже и здесь на земле было так приятно беседовать, как бы беседовал с Ангелом на небесах"»[2].

Получив ответ Шевырева, Шереметева в тот же день отправила Гоголю в Неаполь письмо, начатое 8/20 февраля 1847 г.[3]:

«...Все письмо не отправляла, все поджидала, не будет ли о вас какого известия, и дождалась. Вчера мне сказали, что Шевырев от вас получил, и я отроду в первый раз к Степану Петровичу сегодня писала, и он, так добр, тотчас отвечает, что вы здоровы и адрес тот же. Сию минуту посылаю на почту, благодарю Бога, что о вас узнала».

[1] Письмо Гоголя к Шевыреву от 11 февраля (н. ст.) 1847 г. из Неаполя (***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь***).
[2] Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 98–99.
[3] См. ***1847. Февраля 8 <20>. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Москва.***

МАРТА 12 <ФЕВРАЛЯ 28>. ПЯТНИЦА. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет ответное[1] письмо В. А. Жуковскому во Франкфурт :

«Едва только успел я отправить[2] ответ на добрейшее письмо твое (от 6/18 февраля), как принесли мне вновь твои строчки с извещеньем о высылке мне денег и векселя. Вслед затем я получил письмо от Убриля[3] <...> со вложением *секунды* векселя. Я известил его тот же час о получении моем как письма, так и векселя, назад тому два дни (письмом от 10-го марта)[4]. <...> Меня очень занимает теперь здоровье Елисаветы Алексеевны[5]. Мне кажется, ей лучше бы всего помогли морские купанья. <...> Мы бы тогда все вместе отправились в Остенде, потому что мне море необходимо. Это я вижу сам: из всех других оно более всего прочего помогало, и я сделал только в том оплошность, что не два или три года сряду купался, как мне советовали непременно, а понадеялся на достаточность одного раза. В июне[6] месяце, если даст Бог, я буду во Франкфурте, и мы потолкуем о многом, о чем бы следовало мне давно потолковать, но Бог отнимал у меня язык, и я не мог самого простого дела рассказать просто. Как я рад, что отъезд мой на Восток немного отодвинулся: для этого путешествия нужно хоть сколько-нибудь лучше приготовиться, не говоря уже о том, чтобы и самому несколько поопрятней принарядиться. <...> При сем следует расписочка в получении денег»[7].

[1] См. ***1847. Февраля 20 <8>. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1847. Марта 6 <февраля 22>. Суббота. Неаполь.***

[3] Русский посланник во Франкфурте П. Я. Убри.

[4] См. ***1847. Марта 9 <февраля 25>. Вторник. Неаполь.***

[5] Жена Жуковского.

[6] См. ***1847. Июня 10 <мая 29> – июля 10 <июня 28>. Франкфурт-на-Майне.***

[7] К подлиннику приложена расписка от 10 марта (н. ст.) 1847 г. (только подпись – автограф Гоголя) в получении Гоголем от неаполитанского банкира В. А. Ротшильда по ордеру Жуковского 285 рублей 70 копеек серебром (см. ***1847. Марта 10 <февраля 26>. Среда. Неаполь***).

ФЕВРАЛЯ 28 <МАРТА 12>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. Г. Белинский пишет В. П. Боткину:

«Спасибо тебе за пересылку письма Анненкова[1]. <...> О статье моей о Гоголе[2] мне не хотелось бы писать к тебе, ибо я положил себе за правило – никогда и ни с кем не спорить о моих статьях, защищая их. Но на этот раз нарушаю мое правило потому, что ты болен... <...> Видишь ли, в чем дело: ты решительно не понимаешь меня, хотя и знаешь меня довольно. Я не юморист, не остряк; ирония и юмор – не мои оружия. Если мне удалось в жизнь мою написать статей пяток, в которых ирония играет видную роль <...>, – это произошло совсем не от спокойствия, а от крайней степени бешенства... <...> Теперь слушай: кроме того, что я болен и что мне опротивела и литература и критика так, что не только писать, читать ничего не хотелось бы, – я еще принужден действовать вне моей натуры, моего характера. Природа осудила меня лаять собакою и выть шакалом, а обстоятельства велят мне мурлыкать кошкою, вертеть хвостом по-лисьи. Ты говоришь, что статья "написана без довольной обдуманности и несколько сплеча, тогда <как> за дело надо было взяться с тонкостью". Друг ты мой, потому-то, напротив, моя статья и не могла никак своею замечательностию соответствовать важности (хотя и отрицательной) книги, на которую писана, что я ее обдумал. Как ты мало меня знаешь! Все лучшие мои статьи нисколько не обдуманы, это импровизации... <...> Статья о гнусной книге Гоголя могла бы выйти замечательно хорошею, если бы я в ней мог, зажмурив глаза, отдаться моему негодованию и бешенству[3]. Мне очень нравится статья Губера[4] (читал ли ты ее?) именно потому, что она писана прямо, без лисьих верчений хвостом. Мне кажется, что она – моя, украдена у меня и только немножко ослаблена. Но мою статью я обдумал, и потому вперед знал, что отличною она не будет, и бился из того только, чтоб она была дельна и показала гнусность подлеца. И она такою и вышла у меня, а не такою, какою ты прочел ее. <...> Эффект этой книги был таков, что Никитенко, <ее> пропустивший, вычеркнул у меня часть выписок из книги, да еще дрожал и за то, что оставил в моей статье. Моего он и цензора вычеркнули целую треть... <...> Ты решительно не понял этой книги, если видишь в ней *только* заблуждение, а вместе с ним не видишь артистически рассчитанной подлости. Гоголь – совсем не К. С. Аксаков. Это – Талейран, кардинал Феш, который всю жизнь обманывал Бога[5], а при смерти надул сатану. Вообще, ты с твоею терпимостию доходишь до нетерпимости именно тем, что исключаешь нетерпимость из числа великих и благородных источников силы и достоинства человеческого. <...> И отзыв Анненкова о книге Гоголя[6] тоже не отзывается терпимостью».

Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 267.

[1] Письмо не сохранилось. Об этом послании В. П. Боткин 28 февраля 1847 г. писал П. В. Анненкову: «Зная, какую радость письмо Ваше принесет Белинскому, я послал его к нему» (см. ***1847. Февраля 28 <марта 12>. Пятница. Москва***).

[2] Имеется в виду статья «Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя».

[3] «Прочитав <...> письмо <Гоголя от 20 июня (н. ст.) 1847 г. из Франкфурта>, Белинский опять *залаял собакой, завыл шакалом, зажмурил глаза и весь отдался негодованию и бешенству.* В таком-то душевном настроении написал он, 15 июля 1847 г., в Зальцбрунне свой возмутительный *ответ Гоголю* <см. ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн***>. С красноречием и энергиею, не стесняясь

цензурой, изложил Белинский миросозерцание западников, которых выразителями были *Отечественные Записки* и стал в то время преобразованный *Современник*, миросозерцание анти-православное и следовательно анти-русское, миросозерцание, с которым самоотверженно боролись Погодин и Шевырев в своем *Москвитянине*, в лекциях, в сочинениях, словенофилы в своих спорах, сочинениях и наконец сам Гоголь в своей книге. Миросозерцание это имело огромное влияние на духовное развитие целых последующих поколений, и в этом смысле *Ответ Белинского Гоголю* имеет значение акта исторического. Но нравственное чувство не дозволяет нам привести его в его цельном виде» (*Барсуков*. 1894. Кн. 8. С. 596). – См. также ***1839. Ноября 25. Суббота. Санкт-Петербург***.

[4] См. ***1847. Февраля 17 <29>. Понедельник. Санкт-Петербург***.

[5] «...Кардинал Феш <...> был редкий знаток; отличался изящным вкусом и понимал все таинства художественной торговли. Почетных посетителей он обыкновенно сам водил по Галлерее. <...> От произведений, коих содержание не соответствовало строгости нравов, приличных служителю Церкви, он умно отклонял внимание посетителя...» (Кардинал Феш и его галлерея // Художественная Газета. 1840. 1 янв. № 1 (цензурное разрешение 20 декабря 1839 г.). С. 39–40).

[6] Отзыв неизвестен. Однако судя по сохранившейся переписке Гоголя с Анненковым, а также по мемуарам последнего о Гоголе, можно предположить, что этот отзыв во многом совпадал с восприятием гоголевской книги Белинским. Подробнее см.: *Виноградов И. А.* П. В. Анненков – биограф Н. В. Гоголя // Н. В. Гоголь и его литературное окружение: Восьмые Гоголевские чтения: Сб. докл. Междунар. конференции / Под общ. ред. В. П. Викуловой. М., 2009. С. 145–155.

ФЕВРАЛЯ 28 <МАРТА 12>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

В. П. Боткин сообщает П. В. Анненкову:

«...Белинский едет – не могу вам только теперь сказать, на какие именно воды, знаю только, что куда-то в Силезию... <...> Главное в том, что средства есть, да еще и вы прибавляете к ним. Зная, какую радость письмо ваше принесет Белинскому, я послал его к нему. Рад я, что вы получили книжку при письме, которую просил я Огареву переслать к вам. Можете представить себе, какое странное впечатление произвела здесь книга Гоголя; но замечательно также и то, что все журналы отозвались о ней, как о произведении больного и полупомешанного человека, один только Булгарин приветствовал Гоголя, но таким язвительным тоном, что эта похвала для Гоголя хуже пощечины[1]. Этот факт имеет для меня важность: значит, что в русской литературе есть направление, с которого не совратить ее и таланту посильнее Гоголя; русская литература брала в Гоголе то, что ей нравилось, а теперь выбросила его, как скорлупку выеденного яйца. Воображаю, какой удар будет напыщенному невежеству Гоголя, и ничего бы так не желал теперь, как вашей с ним встречи. Он теперь в Неаполе; говорят, что ходит каждый день к обедне и с большим усердием молится Богу. Замечательно еще то, что здесь славянская партия теперь отказывается от него, хотя и сама она натолкнула на эту дорогу. Хотелось бы мне сообщить вам обстоятельство о здешних славянофилах, но эти господа так разделены в своих доктринах, так что что голова, то и особое мнение; разумеется, и в них есть правая и левая стороны, и правой стороне книга Гоголя пришлась совершенно по сердцу».

Из писем В. П. Боткина // *Свод*. Т. 3. С. 294.

[1] См.: <*Булгарин Ф. В.* > *Ф. Б.* Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1847. 11 янв. № 8. С. 29–31.

ФЕВРАЛЬ <ФЕВРАЛЯ СРЕДИНА – МАРТА СРЕДИНА>. РИГА

Ю. Ф. Самарин в черновых набросках письма к К. С. Аксакову в Москву замечает:

«О чем говорить теперь, если не о письмах Гоголя[1]. <...> Вы знаете, что для меня Гоголь и каковы мои отношения к нему. <...> Но что же мне делать? Слова его не ложатся мне в душу. Многому

я не могу сочувствовать, многое меня оскорбляет и вызывает к противоречию. <...> Это отверстое Евангелие, эти тексты, помещик, заставляющий крестьян кланяться перед налоем и лобызать слова, которые он изредка слышит в церкви и пропускает мимо ушей. И все это говорит Гоголь. <...> Причина неудачи – в ошибочном понятии Гоголя о собственном его назначении. <...> Это не художественное произведение, а наставление. <...> Прежде он показывал, теперь он советует и объясняет. <...> ...Но Гоголь все-таки художник; он призван к тому, чтобы проповедовать живыми образами. <...> Не то впечатление я испытывал при чтении других его произведений, о которых он отзывается теперь с таким неестественным пренебрежением»[2].

В отправленном письме к К. С. Аксакову Самарин писал:

«Я не пишу к Сергею Тимофеевичу особо, потому что желаю, чтобы ты прочел это письмо при нем, особенно то, что относится к книге Гоголя и более *никому* бы не читал его и не говорил о его содержании. <...>

Говорить ли о книге Гоголя? Она произвела на меня тяжелое и грустное впечатление, такое грустное, какого я давно не испытывал. Прочтя ее, я написал было длинное письмо, которого не послал и в котором почти слово в слово говорил то же, что ты. Да, гордость, гордость отшельника, самая опасная из всех гордостей, затемняет его сознание о его призвании. <...> Вся книга должна была вылиться в другой форме. <...> Я уверен, что и образ помещика явился бы вовсе не в том виде, в каком представляется теперь, если бы он отлился в форме художественной, а не аналитической. Наконец, еще две вины: оскорбительный и крайне несправедливый приговор Погодину[3] и умышленное умолчание о Москве»[4].

[1] Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями». В черновике неотправленного письма к Гоголю Ю. Ф. Самарин сообщал о своем впечатлении от этой книги: «Это впечатление так неприятно и тяжело, что оно становится преградою между Вами и мною и мне было бы совестно скрывать его от Вас. С первых же слов Вашей книги меня как бы оттолкнули от Вас» (*Ефимова М. Т.* Ю. Самарин о Гоголе // Пушкин и его современники. Псков, 1970. С. 142). – См. также ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Рим.***

[2] Из писем Ю. Ф. Самарина // *Свод.* Т. 3. С. 213.

[3] В статье «О том, что такое слово».

[4] Из писем Ю. Ф. Самарина // *Свод.* Т. 3. С. 213.

МАРТА 13 <1>. СУББОТА. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет в Москву написанное ранее, 10 марта (н. ст.) 1847 г.[1], письмо к С. П. Шевыреву[2], с вложением ответного[3] письма Д. К. Малиновскому.

Из письма к Малиновскому: «Я читал листки вашей исповеди со вниманьем и любопытством. Многое в них разбросано и не пришло в тот порядок, в каком должно быть, но добрые начала бродят и в самом хаосе. И если только Тот, Кто устрояет всё, поможет и вам устроиться сообразно силам вашим – из вас выйдет человек полезный и *нужный* земле своей. Мысль ваша описывать современный окружающий вас люд, по поводу моих “Мертвых Душ”, очень умна, и я уверен, что это принесет пользу обоюдную как мне, так и вам, а может быть, даже и самой публике, если окажется в ваших записках кое-что приличное знать и другим и по этому случаю стоющее быть публикованным. Посещайте сколько возможно меньше те публичные места, о которых вы упоминаете в листках наших, как-то Б.[4] и трактиры (разве в смысле наблюдателя, тогда ступайте хоть в тюрьмы и воровские шайки). Берегите здоровье ваше, его же так немного дано людям позднейшего поколения; поэтому я бы вам не советовал также много заниматься по ночам и вообще делать что-нибудь привалом и запоем, хотя бы самое наиполезнейшее дело. Наблюдайте разумную ровность во всем и блюдите за чистотой сердца своего, потому что без нее невозможно полное и совершенное развитие сил наших».

Позднее, в 1865 г., Малиновский вспоминал: «...Я ждал получить отзыв на каждое свое чувство, на каждую частную мысль свою — отзыв гениального творчества на все неустроившиеся струны души моей. И пусть не осудит читатель молодого человека, когда сознаюсь, что получив первое короткое и сжатое письмо Гоголя, я был недоволен им... Лестный отзыв писателя о моих силах прошу читателя отставить без особого внимания. Как ни мало удовлетворило меня первое письмо Гоголя, но, сделавшись ему знакомым, я, конечно, не думал покидать этого знакомства»[5].

[1] См. ***1847. Марта 10 <февраля 26>. Среда. Неаполь.***
[2] Письмо было получено Шевыревым в день Пасхи 23 марта / 4 апреля 1847 г. (см. ***1847. Марта 23 <апреля 4>. Светлое Христово Воскресение. Праздники православной и католической Пасхи. Москва***).
[3] См. ***1847. Января 30 <февраля 11>. Четверг. Москва.***
[4] Так в автографе.
[5] *Малиновский Д. К.* <История знакомства> // *Свод.* Т. 3. С. 677.

МАРТА 1 <13>. СУББОТА. КАЛУГА

И. С. Аксаков пишет родным в Москву:

«Благодарю Вас за присылку[1] письма Гоголя[2]. Да, признаюсь, в нем столько высокомерной нежности, что это даже оскорбительно. Мне было ужасно досадно, когда я читал его».

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 920.

[1] См. ***1847. Февраля 24 <марта 8>. Понедельник. Москва.***
[2] См. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь.***

МАРТА 16 <4>. ВТОРНИК. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет в Петербург ответное[1] письмо графине Анне М. Виельгорской, с вложением письма к князю В. Ф. Одоевскому, и — по тому же адресу — ответное[2] письмо к графине С. М. Соллогуб (рожд. графине Виельгорской), с вложением письма к ее мужу, графу В. А. Соллогубу.

Из письма к Виельгорской: «Я получил приятное письмецо ваше <...> от 7/19 февр<аля> с изъявленьем вашего мненья о моей книге. Строчки ваши были мне нужны. Я уже начинал было думать, что весь дом ваш сердит на меня за что-нибудь и наказывает меня молчаньем, наказанием тягостнейшим для меня всех других наказаний. <...> Вы сказали мне очень вообще и очень в ***обширном*** смысле о мнениях, раздающихся в обществе о моей книге, но я бы желал слышать это с большими подробностями, характеризующими личность тех, которые произносят мнения. Я знаю, что раздаются в обществе мнения, невыгодные насчет меня самого, <...> как-то: о двусмысленности моего характера, о поддельности моих правил, о моем действовании из каких-то личных выгод и угождений некоторым лицам. Всё это мне нужно знать, нужно знать даже и то, кто именно как обо мне выразился. Не бойтесь, я не вынесу из избы сору. Всё это послужит к добру и мне, и тем, которые обо мне каким бы то образом ни выразились. Книга моих писем выпущена в свет затем, чтобы пощупать ею и других и себя самого, чтобы узнать, на какой именно степени душевного состояния стоит теперь каждый из нашего нынешнего современного общества и на какой степени душевного состояния стою теперь я сам... <...> Книга моя вышла не столько затем, чтобы распространить какие-либо сведения, сколько затем, чтобы добиться самому многих тех сведений, которые мне необходимы для труда моего, чтобы заставить многих людей умных заговорить о предметах более важных и развернуть их знания, скупо скрываемые от других. Не скройте от меня также отзывов того человека, который нам близок обоим[3]. Я не знаю, почему ваш папинька[4] скрывал от меня его

мнение о “Мертвых душах”, которое я узнал уже случайно большим крюком, пять лет спустя после появления моей книги. Если это скрыто было от меня затем, чтобы не огорчить меня, то вновь вам повторяю, что никакие жесткие слова человека мной любимого не в силах смутить меня или уменьшить моей любви к нему... <...> ...Всё это вместе учит меня той мудрости, которой мне необходимо надобно приобрести побольше затем, чтобы уметь, наконец, заговорить потом просто и *доступно* для всех о тех вещах, которые покуда недоступны. Поверьте мне, что мои последующие сочинения произведут столько же *согласия* во мнениях, сколько нынешняя моя книга произвела разноголосицы, но для этого нужно *поумнеть*. <...> А для этого мне нужно было непременно выпустить эту книгу и выслушать <...> все те толки, от которых отворачивает уши человек неопытный, несведущий в науке жизни[5] и в науке души человеческой. Итак, не скрывайте от меня ничьих мнений о моей книге и ради меня дайте себе труд узнавать их... <...> От вашей приятельницы до слуги и горничной девушки вашей всяк может сказать мне что-нибудь нужное. <...> Не пропускайте также хотя в нескольких беглых чертах изображать мне [характер] портрет того лица, которому принадлежат слова, если лицо его мне неизвестно. <...> Здоровье мое так расшаталось, что я должен прежде поездки моей в Иерусалим укрепить мое тело железными водами и морскими купаньями. Придется опять навестить Остенде, который для меня так дорог по воспоминаньям[6]. О, если бы привел мне Бог вновь ощутить такую радость, как назад тому три года, когда <...> привезла вас вдруг железная дорога... <...> Поездка из Петербурга в Остенде так легка: всё морем, не нужно даже экипажа. <...>

Напишите мне, как вам показался Апраксин[7]. <...> Передайте при сем следуемое письмо к<нязю> Одоевскому, а княгиню О<доевскую>[8] поблагодарите много за ее доброту».

Из письма к Одоевскому: «Я думал, что по поводу выхода книги моей друзья мои поставят себе в непременную обязанность передать мне свои ощущения... <...> И хоть бы какое-нибудь слово от кого-нибудь из Петербурга! Я могу только догадываться, что есть обо мне слишком много невыгодных толков, к которым подал я сам повод темнотой, неясностью слов и выражений (которыми страдал долго и следы которых остались слишком ощутительны в моей книге), неполным развитием тех истин, которые следовало подать в виде, доступном для читателя; но какие именно эти толки — я не знаю. <...> Ради самого Христа, передай мне хотя важнейшие из них. Ты видишь много умных людей. У тебя ж они притом и собираются всякую неделю. Что тебе стоит передать мне мнения их всех и прибавить в заключенье свое? Не бойся, я не вынесу из избы сору и ни на кого не рассержусь, хотя бы он выразился обо мне, как об наипрезреннейшем человеке. <...> Передай мой душевный поклон княгине. Скажи ей, что мне слишком совестно, что я дерзнул было наложить на нее одно хлопотливое дело[9]. Я после увидел сам, что это было неумно, а она, добрая душа, несмотря на всё, изъявила готовность великодушную исполнить мою просьбу. <...> Спроси у Вяземского, получил ли он письмо через Россети Арк<адия> Осиповича[10]. Я до сих пор еще не получил никакой книги из Петербурга, ни моей[11], ни чужих».

Из письма к графине Соллогуб: «Наконец от вас письмо! как я ему обрадовался. <...> В строчках ваших светится по-прежнему жемчужина — душа ваша, то же самое младенческое радушие и та же братская любовь ко мне. — Бог да наградит вас за все это! Скажу вам, что мне скучно было без писем от людей, любящих меня, особенно теперь, когда мне так дорого всякое слово из России и когда мне желалось бы все знать, что ни говорят обо мне. Душе моей было также нужно несколько освежительное слово, потому что я было изнемог. Передайте при сем следуемое письмецо Владимиру Александровичу[12] и попросите его также и от себя исполнить мою просьбу. Обнимите всех ваших и перецелуйте их. А у Графини, вашей маминьки[13], и у Г<рафа> Михайла Юрьевича попросите мне прощенья за все мои докуки, которыми я наскучал им, за мою неотёсанность и всякие грубые поступки, которых за мною водится в достаточном количестве, хотя по доброте своей вы смотрите на многое сквозь пальцы. <...>

В одно время с письмом к вам я отправляю также письмо к Анне Михайловне. Скажите Плетневу или лучше Ар<кадию> О<сиповичу> Россети, что я до сих пор не получил[14] из Петербурга никаких книг и не знаю, отправлены ли они и куда».

Из письма к графу Соллогубу: «Хотя вы человек (как все мы, грешные русские люди мужеска пола) несколько ленивый на подъем, но авось доброе расположение ваше ко мне пересилит лень и заставит вас не только отвечать на письмо мое, но даже выполнить мою просьбу. <...> Вы живете в свете, видаете [светс<ких>] людей всех кругов и сортов, какие ни водятся в Петербурге, будьте так милостивы и аккуратны, передайте мне их толки о моей книге. Выберите из каждого круга такого человека, который побойчее и может назваться его представителем, расспросите его и передайте мне его суд и определение. Теперь таких представителей и кругов много, потому что мнения, как я слышал, страшно разделились, и пребывает *разноголосица*, какой доселе не бывало. Особенно не скрывайте от меня мнений неблагоприятных, как бы они жестки ни были».

[1] См. ***1847. Февраля 7 <19>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1847. Февраля 3 <15>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[3] Возможно, речь идет об Императоре Николае I.

[4] Граф Мих. Ю. Виельгорский.

[5] См. также ***1842. Июля 29 <17>. Пятница. Гастейн*** (письмо к П. В. Нащокину); ***1847. Января 30 <февраля 11>. Четверг. Москва*** (письмо к Гоголю Д. К. Малиновского).

[6] См. ***1844. Июля 26 — сентября 15 <июля 14 — сентября 3>. Остенде***; ***1844. Августа 8 <июля 27>. Четверг. Остенде.***

[7] Граф Виктор Владимирович (см. ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*** — примечания).

[8] Ольга Степановна (рожденная Ланская), жена князя В. Ф. Одоевского.

[9] Княгиня О. С. Одоевская была включена Гоголем в «Предуведомлении» к предполагаемому благотворительному изданию «Ревизора с Развязкой» в список лиц, которым поручалась раздача пособий бедным людям (см. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца*** — примечания).

[10] См. ***1847. Февраля 28 <16>. Воскресенье. Неаполь.***

[11] См. также ниже письмо Гоголя к графине С. М. Соллогуб. — Ср. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца*** (примечания).

[12] Муж Соллогуб.

[13] Графиня Л. К. Виельгорская.

[14] См. примеч. выше.

МАРТА 16 <4>. ВТОРНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский получил письмо Гоголя из Неаполя[1] (об этом свидетельствует штемпель на письме: «16 Marz 1847»).

[1] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Неаполь.***

МАРТА 18 <6>. ЧЕТВЕРГ. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет ответное письмо А. С. и У. Г. Данилевским в Киев:

«Я получил ваши строчки, милые друзья мои. Пишу к вам обоим, потому что вы составляете *одно*. Хотя письма ваши коротеньки, но я глотал с жадностью подробности *житья* вашего и перечитал их не один раз. Хотел бы вам заплатить тем же, то есть повестью о себе, но повесть эта так чудна, так необыкновенна, что нужно слишком собраться с духом и привести себя в очень покойное расположение, в то расположение, в каком находится старый инвалид, уже поместившийся дома, на родине, среди детей и внучат, когда ему легко рассказывать о прошедших битвах. После, когда приведет меня Бог побывать в Киеве (который еще заманчивей от вашего в нем пребывания), я, может быть, сумею вам рассказать просто и ясно многое, но теперь во внутреннем доме моем происходит еще столько мытья, уборки и всякой возни, что хозяину просто невозможно быть толкову в речах даже и с наиближайшим другом. Покуда скажу тебе вот что, мой добрый Александр. Ты никак не смущайся обо мне по поводу моей книги[1] и не думай, что я избрал другую дорогу писаний.

Дело у меня то же, какое и было всегда и о котором замышлял еще в юности[2], хотя не говорил о том, чувствуя бессилие свое выражаться ясно и понятно (всегдашняя причина моей скрытности). Нынешняя книга моя есть только свидетельство того, какую возню нужно было мне поднимать для того, чтобы "Мертвые души" мои вышли тем, чем им следует быть. Трудное было время, испытанья были такие страшные и тяжелые, битвы такие сокрушительные, что чуть не изнемогла до конца душа моя. Но, слава Богу, всё пронеслось, всё обратилось в добро. Душа человека стала понятней, люди доступней, жизнь определительней, и чувствую, что это отразится в моих сочинениях. В них отразится та верность и простота, которой у меня не было, несмотря на живость характеров и лиц. Нынешняя моя книга выдана в свет затем, чтобы пощупать ею, во-первых, самого себя, а во-вторых, других – узнать посредством ее, на какой степени душевного состоянья своего стоит теперь каждый из нашего современного общества. Вот почему я с такою жадностью собираю все толки о ней. Мне важно, кто и что именно сказал, важна и самая *личность* того человека, который сказал, его черты характера. Итак, знай, что всякий раз, когда ты передашь мне мысли какого-нибудь человека о моей книге, прибавя к тому и портрет самого человека, то этим ты сделаешь мне большой подарок, мой добрый Александр. А вас прошу, моя добрая Юлия, или по-русски *Улинька*, что звучит еще приятней <...>, если у вас будет свободное время в вашем доме, набрасывать для меня слегка маленькие портретики людей, которых вы знали или видаете теперь, хотя в самых легких и беглых чертах. Не думайте, чтоб это было трудно. Для этого нужно только помнить человека и уметь его себе представить мысленно. <...> ...Мне теперь очень нужен русский человек, везде, где бы он ни находился, в каком бы звании и сословии он ни был. Эти беглые наброски с натуры мне теперь так нужны, как живописцу, который пишет большую картину, нужны этюды. Он, хоть, невидимому, и не вносит этих этюдов в свою картину, но беспрестанно соображается с ними, чтобы не напутать, не наврать и не отдалиться от природы. Если же вас Бог наградил замечательностью особенною и вы, бывая в обществе, умеете подмечать его смешные и скучные стороны, то вы можете составить для меня *типы*, то есть, взявши кого-нибудь из тех, которых можно назвать представителем его сословия или сорта людей, изобразить в лице его то сословие, которого он представитель, – хоть, например, под такими заглавиями: *Киевский лев; Губернская femme incomprise*[3]; *Чиновник-европеец*; *Чиновник-старовер*, и тому подобное. А если душа у вас сердобольная и сострадает к положенью других, опишите мне раны и болезни вашего общества. Вы сделаете этим подвиг христианский, потому что из всего этого, если Бог поможет, надеюсь сделать доброе дело. Моя поэма, может быть, очень нужная и очень полезная вещь, потому что никакая проповедь не в силах так подействовать, как ряд *живых примеров*, взятых из той же земли, из того же тела, из которого и мы. Вот вам, мои добрые, моя собственная повесть и подробности того, что составляет нынешнюю жизнь мою, в отплату вам за ваши тоже весьма коротенькие известия о себе. Но вы, однако же, не забывайте себя показывать мне почаще и не пренебрегайте этими, по-видимому незначительными, подробностями, но которые, однако ж, для меня драгоценны. Сами посудите: если мне теперь дорог и близок всякий человек на Руси, то во сколько крат должен быть мне дороже и ближе человек, связанный узами дружбы со мной? <...>

Вот вам мой маршрут: до мая я в Неаполе, а там отправляюсь на воды и морское купанье, по случаю вновь пришедших недугов и расстроившихся нерв моих. Укрепивши мои нервы, проберусь разными дорогами по Европе вновь в Неаполь к осени, с тем, чтобы оттуда двинуться на Восток. Всю зиму и начало весны проведу на Востоке, а оттуда, если Бог благословит, пущусь в Русь, на Константинополь, Одессу и, стало быть, на Киев, а в Киеве, около июня месяца, обниму вас, что имеет быть, по моему расположению, в будущем году»[4].

[1] «Выбранные места из переписки с друзьями». – В издание книги Данилевский посвящен не был; писем к нему Гоголя в ней нет (см. ***1839. Февраля 12 <января 31>. Вторник. Рим*** – примечания), однако из всех школьных друзей экземпляр «Выбранных мест...» Гоголь считал нужным послать именно Данилевскому (которому еще в 1839 г. советовал «жизнь чувственную переменить на духовную»; см. ***1839. Февраля 12 <января 31>. Вторник. Рим***; см. также ***1838. Мая 13 <1>. Воскресенье. Рим. Вилла княгини З. А. Волконской***).

[2] Подробнее см.: ***1828. Марта 1. Четверг. Нежин.*** – См. также ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь*** (письмо к С. Т. Аксакову).

[3] Непонятая женщина (*фр.*).

[4] См. ***1848. Мая 29. Троицкая родительская суббота – июня 1. Вторник Троицкой седмицы. Киев.***

МАРТА 6 <18>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

В «Московских Ведомостях» напечатано первое критическое письмо Н. Ф. Павлова о «Выбранных местах из переписки с друзьями».

Первое письмо к Н. В. Гоголю (Н. Ф. Павлова) // Московские Ведомости. 1847. 6 марта. № 28. С. 217–219. – См. также ***1847. Марта 29 <апреля 10>. Суббота Светлой седмицы. Москва***; ***1847. Апреля 17 <29>. Четверг. Москва.***

МАРТА 7 <19>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской в Петербург:

«Во вчерашних газетах № 28 напечатано письмо к Гоголю по поводу его книги[1]; очень многое чрезвычайно умно и ловко подмечено и сказано, но что-то бездушное слышится в этой статье, по крайней мере совершенное отсутствие теплоты и убеждения. Видно также, что это выработанная вещь, и в некоторых местах очень неясно выражено. Статья эта – Павлова и тем более как-то не располагает к себе[2]. – Но она замечательна как первый голос в Москве и умнее и острее всех статей, которые мы читали до сих пор, выставляет нелепости Гоголя <...> Попов, между прочим, защищает несколько Гоголя, но здесь на него все напали. Хомяков, впрочем, тоже защищает, но ему мало верят; всякой думает, что он шутит».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 861.

[1] См. ***1847. Марта 6 <18>. Четверг. Москва.***

[2] Л. И. Арнольди в письме к И. С. Аксакову от 11 мая 1847 г. также отмечал, что в статьях о Гоголе «завистливого, сухого» Павлова нет «теплого чувства и деликатности» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 701; *Свод.* Т. 2. С. 861).

МАРТА 20 <8>. СУББОТА. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет в Москву ответное[1] письмо к князю В. В. Львову:

«Благодарю вас за письмо ваше, исполненное такого искреннего участия. Я рассматривал долго вашу подпись. Одного князя Львова я знал[2], но тот, кажется, в Петербурге. <...> ...Книга моя была не от дурного умысла, на ней только лежит печать неразумия человеческого или, лучше, – моего, а потому я верю в Божью милость, что не допустит он, дабы из книги моей почерпнули вред. <...> Одно помышленье о том, с каким неприличием и самоуверенностью сказано в ней многое, заставляет меня гореть от стыда. (Я не видал моей книги в печати; знаю только, что она выпущена в обезображенном виде, с пропуском и выключением больше половины статей и мест. В статьях и в размещении их была некоторая связь, а в связи все-таки некоторое объяснение дела). Стыд этот мне нужен. Не появись моя книга, мне бы не было и вполовину известно мое состояние душевное. <...> Люди, с которыми я нахожусь ныне в сношениях, уверены не шутя в моем совершенстве. Где же мне было добыть голос осужденья? <...> Нет, не допустит Бог впасть меня в ту *прелесть*, в которую подозревают меня впадшим; ради молитв тех праведников, которые о мне молятся, Он спасет меня. <...> Я бы очень желал услышать мнения тех, которые прочли мою книгу не один раз, но несколько... <...>: там есть некоторые душевные тайны, которые не вдруг постигаются и которые покуда приняты <...> совсем в другом смысле. Так как вы питаете такое искренно-доброе

участие ко мне и к сочиненьям моим, то считаю долгом известить вас, что я отнюдь не переменял направленья моего. Труд у меня всё один и тот же, всё те же “Мертвые души”. И одна из причин появленья нынешней моей книги была возбудить ею те разговоры и толки в обществе, вследствие которых непременно должны были выказаться многие мне незнакомые стороны современного русского человека, которые мне очень нужно взять к соображенью, чтобы не попасть в разные промахи при сочинении той книги, которая должна быть вся природа и правда. Если Бог даст сил, то “Мертвые души” выйдут так же просты, понятны и всем доступны, как нынешняя моя книга загадочна и непонятна. Что ж делать, если мне суждено сделать большой крюк для того, чтобы достигнуть той простоты, которою Бог наделяет иных людей уже при самом рожденьи их»[3].

[1] См. ***1847. Февраля 13 <25>. Четверг. Москва.***

[2] Возможно, это и был адресат Гоголя, который, как родственник П. И. Раевской, мог встретиться с Гоголем в одном из московских домов.

[3] Подробнее см.: ***1843. Апреля средина – мая 2 <апреля начало – апреля 20>. Рим*** (примечания).

МАРТА 20 <8>. СУББОТА. РИМ

Ф. В. Чижов в письме к Гоголю в Неаполь сообщает, что отправляется из Рима[1] в Москву[2] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1847. Марта 25 <13>. Четверг. Неаполь.*** – См. также ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Радзивиллов.***

[2] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Рим.***

МАРТА 10 <22>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

В «Московском Городском Листке» напечатана первая[1] часть статьи А. А. Григорьева «Гоголь и его последняя книга»[2].

[1] См. также ***1847. Марта 17 <29>. Великий понедельник. Москва***; ***1847. Марта 18 <30>. Великий вторник. Москва***; ***1847. Марта 19 <31>. Великая среда. Москва.***

[2] Гоголь и его последняя книга. (Статья А. Г.) <Часть> I // Московский Городской Листок. 1847. 10 марта. № 56. С. 225–226.

МАРТА 24 <12>. СРЕДА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский заканчивает и отправляет Гоголю в Неаполь письмо, начатое 4 марта (н. ст.) 1847 г.[1]:

«12 (24) марта.

Выставленное здесь число скажет тебе, что это письмо, начатое 4 марта, целые двадцать дней пролежало на письменном столе моем; мне некогда было приняться за его окончание; не хотелось послать его неоконченным. Наконец я должен был решиться на последнее, прибавив: продолжение впредь. Этим отрывком, который в следующем письме составит целое, начинается моя с тобой переписка по поводу избранных мест из твоих писем. Что буду тебе писать, еще теперь не знаю, да и знать этого мне не нужно; буду писать, что напишется, смотря по тому, что, и как, и когда взойдет на мысль при чтении книги. Я между тем получил твое письмо[2], в котором ты меня уведомляешь о намерении посетить Швальбах и Остенде прежде Иерусалима. Это благоразумно. А было неблагоразумно оставаться в Неаполе в такое время, когда пребывание в нем всегда вредно для нерв. Теперь надобно его оставить и перебраться скорее к нам на север. И всего бы лучше прямо в мое соседство. Случившееся насчастие в нашем семействе[3], вероятно, произведет изменения и в моих

планах: жду на это разрешения из Петербурга; что велит Государь, то и будет. Но из этого следует, что мы могли бы еще пожить если не в одном доме, то в одном месте, и мои критико-философические письма шли бы не через почту, а передавались бы из рук в руки. Я еще не мог приняться за свою главную работу, за "Одиссею"; надобно размахаться, прежде нежели начать снова полет. И я размахался тем, что кончил "Рустема и Зораба"[4], которого (в этом я уверен) ты прочтешь с удовольствием, ибо в этом отрывке, составляющем целое, высокая поэзия не Древней Греции, не образованного Запада, но пышного, пламенного Востока. Теперь переписываю и в то же время поправляю поэму. Мне весело будет слушать, как ты опять будешь читать ее вслух предо мною для новых поправок. <...> Убриль уведомил меня, что ты получил вексель[5]; смешно, право, что мне ты ничего об этом не пишешь[6], тогда как знаешь, что вексель был доставлен мне и что я обязан об нем дать отчет тем, кто его мне доставил».

[1] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Неаполь***; ***1847. Марта 12 <февраля 28>. Пятница. Неаполь.***

[3] Кончина М. фон Рейтерн (см. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***).

[4] Свободное переложение перевода Ф. Рюккерта «Roostem und Suhrab, eine Heldengeschichte in zwolf Buchern» (Erlangen, 1838) («Ростем и Зураб, героическое повествование в двенадцати книгах»). Немецкий перевод, в свою очередь, является переложением одного эпизода поэмы Фирдоуси (около 940–1020 или 1030) «Шах-наме».

[5] См. ***1847. Марта 9 <февраля 25>. Вторник. Неаполь.***

[6] Ср. ***1847. Марта 12 <февраля 28>. Пятница. Неаполь.***

МАРТА 12 <24>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«10 марта в понедельник, в 8 ч<асов> утра, вздумалось мне сходить без приглашения к вашему Канцлеру <графу К. В. Нессельроде>. Я желал попросить его наведаться, отчего В<еликая> К<нягиня> Мария Николаевна оставила без ответа письмо мое, при котором я препроводил к ней <"Выбранные места из переписки с друзьями"> Гоголя»[1].

В тот же день Ар. О. Россет отправил ответное[2] письмо Гоголю в Неаполь[3]:

«Благодарю вас <...> за книгу[4], присланную мне Плетневым[5]. Я прочел ее, как вы желали, два раза, останавливаясь на многих местах с восхищенным вниманием. Вы просите сообщить вам откровенно мое мнение; не думаю, чтобы мое мнение вам было нужно. Я червь; принадлежу к очень маленькому числу ваших личных знакомых и к малому числу людей более или менее одинаковых с вами мнений о делах мира сего. Вы могли писать к друзьям, но книгу издавали не для знакомых и не для единомышленников, а для всех и, по-видимому, более для тех, кои любят помудрствовать лукаво. Поэтому скажу вам откровенно, какое впечатление произвела книга на публику, и постараюсь объяснить, почему она произвела впечатление такое, а не этакое.

Прекрасна страница в вашем завещании, где вы так трогательно, с такой любовью обращаетесь к вашим соотечественникам; прекрасно письмо о лиризме наших поэтов; прекрасны два письма к покойному Языкову[6]; прекрасно "Просвещение", Живописец Иванов, Светлое Воскресение; прекрасны наконец несколько страниц и много строк других писем. Жаль мне, невыразимо жаль, что все это прекрасное, если не пропало, то много утратило силы. Да, Николай Васильевич, вы угадали — на сцену выступила не книга, а вы, едва ли не одни вы; лучшим сему доказательством служат толки: все рассуждают о вас и никто или мало говорят о том, о чем вы говорите. Вы приписываете сие цензуре, вас обкорнавшей — я не согласен... <...> Дело покуда в том, что личность ваша задавила книгу; впечатление собственно книги было ничтожно, тогда как в настоящее время у нас оно действительно могло быть важно.

На днях вышлю вам журналы с бранными отзывами; вы назвали журналистов козлами[7]; они невежи, — говоря не по-французски, просто скоты. Публика вообще добрее и снисходительнее: она бы посовестилась на голос любви, присланный ей издалека соотечественником, отвечать ему сумасшедшим, иезуитом, гордецом или лжецом; но читая отзывы журналов с очень уменьшительным стеклом, вы узнаете и отзыв публики, для которой предназначена книга. Знаю, что вы ее предназначали всем, ожидали, что ее прочтут и лакеи и дворники, но эти ожидания — мечтательные ожидания и принадлежат к числу тех странностей, которые выставили так ярко вас, ужасно повредили книге... <...>

Говоря о публике, должен по примеру известного московского полицеймейстера[8], определить, кого называю публикой. Высшее наше общество не читает, а разве прочтет только ту русскую книгу, которая, по какому-нибудь случаю, обратит всеобщее внимание; оно живет, хотя менее чем прежде, чужими интересами, питает свою любознательность (или убивает время) иностранными книгами; влиянию русской книги не поддается и суждения о ней никогда не произносит. Его надо оставить в покое и не беспокоиться о том, что оно делает и говорит. Интересы этого общества слишком связаны с интересами России, чтоб рано или поздно, указами или силою обстоятельств, оно не вернулось из-чужа восвояси. За сим идут помещики. Живя уединенно, вдали от шумов, внутри земли и своего народа, все, что говорится о русских коренных началах, о русском быте, о нуждах и потребностях России, ее страданиях и радостях, находит более сильный отголосок, и ваша книга, которой главная тема *душа и прочное дело жизни,* христианство, царь и Россия, — помещиками, как я надеюсь, будет оценена. По их прямому действию на народ обстоятельство это весьма утешительно. О нашем брате военном нечего хлопотать: у военного на уме, ей-Богу, служба: он действительно живет по команде и, не мудрствуя лукаво, исполняет свое дело прочно, т. е. усердно служит и усердно будет служить царю и России. Потом выступает публика — это среднее с.-петербургское и московское выслужившееся дворянство, огромный класс чиновников (53000), мелких писак (их у нас уже много), артистов всякого рода и иных и прочих, всякого сброда, которые выслушали университетский или гимназический курсы; они[9] читают жадно, читают русские книги и пребывают, бедные, под сильным гнетом русской литературы. По мере увеличения университетов и гимназий и облегчения правительством способов к образованию класс этот, или сословие, пожалуй хоть tiers état[10], увеличивается непомерно и начинает выступать с теми же атрибутами, с какими везде существует. Повсюду он служил и служит камнем преткновения, не принадлежа ни к какому самостоятельному сословию, он сидит entre deux chaises, le cul par terre[11]; имея полуобразованную голову и тощий желудок, его наитруднее убедить думать о душе и прочном деле жизни; он заносчив, раздражителен, требует исполненного христианской любви обращения с ним, потому что истинно несчастный склонен к ненависти ко всем и ко всему, и если он собьется с пути, занесется бреднями протестантскими, гегелевскими, не знаю уж какими, его не поставишь скоро на прямую дорогу. Это-то именно публика, для которой существуют серьезные русские книги; она же и ваша публика; она вас читала, теперь прочла; она вас любила и превозносила; теперь же, не знаю, любит ли, но ни в каком случае не превозносит, а или бранит, или сожалеет, или подшучивает, смотря по характеру и темпераменту каждого. Многие думают, что ныне литературой немного возьмешь, и журналы, особенно у нас, цензурованные — вздор. Оно, быть может, и правда, но не у нас. В Европе вылгалась литература и ей уж не верят: теперь лгут проповедники и авторы, скоро и им перестанут верить, если еще верят, исключая старых баб из Faubourg 51, Germain[12]; кому там будут верить, один Бог знает. У нас не то; у нас литература только начала чепуху молоть и лгать; ей еще верят, и она еще действует; иначе не объяснить себе, почему, при совершенном отсутствии талантов, публика так добродушно приняла на себя роль дойной коровы — кормить своих козлов тысячами и тысячами подписчиков. Прочтите одну страничку главного представителя "Отеч<ественных> Записок"[13] — и вы вмиг смекнете о духе господствующей нашей литературы. Вонь эта — разумеется, в пределах и очень в пределах, ибо боится, — вселила, однако, уже порядочную долю той гордости ума, о которой вы говорите в одном письме. Вот первая причина, почему самое ваше направление, ваши начала не одобрены были вашею же публикою. Она прочла вашу книгу, вспомнила прочитанную ею накануне трескотню и сказала: "нет, Гоголь не наш брат, он отсталый и запоздалый, не следует ни идеям века, ни успехам просвещения, ни современному состоянию науки и прочим пустым и по-

шлым фразам, которые применяются ко всему, не объясняют ровно ничего, но в головах публики молодой и школьной оставляют гордый сумбур ума. Впрочем это относится собственно к направлению; всякое, тем более ваше, должно было встретить противников. Дело в том, почему впечатление настоящей книги было *ничтожно* (на публику, а не на лица), тогда как прежних сочинений было значительно и так значительно, что если поразобрать хорошенько, не в вас ли (хотя невольно и Бог знает как случилось) надо искать и начальную разгадку современного духа нашей литературы. Вы первый пустили в литературу сатиру над всем, что Русью пахнет, — и увлекли. Случилось событие беспримерное в литературе, и у нас ни к селу, ни к городу: сатира стала господствовать; все бросилось смеяться над всем, а осмеяние — прямой проводник к неуважению, к утрате святого чувства — признавать святое смешным и к пренебрежению всего. Никто из наших писателей не высказывался вполне; духовная его сторона, религиозные убеждения, оставались тайной, исключая разве Карамзина, который не проповедывал прямо христианство, не говорил о церквах, о нашей Церкви, но выразился православным, т. е. просто христианином без примеси, хоть бы даже и очень умной, и без фанатизма. Вы первый светский писатель выступили с решительным религиозным направлением и должны были тем сильнее поразить всех, что ваше прошлое не позволяло предполагать такого направления Что ни говори, а перейти прямо с Хлестакова и Чичикова на Христа и душу — озадачит хоть кого. Вы пренебрегли и прошлым наших писателей и вашим прошлым, и тем, что у нас привыкли видеть человека говорящего о Христе в рясе, а не во фраке, и выступили прямо учителем, да каким учителем! прямым проповедником с самым доктринерным тоном, почти без апелляций, которого советов все спрашивают и, получив, только слушают и благодарят. Тон этот иных удивил, других оскорбил, третьи над ним посмеялись и причислили к числу тех странностей и причуд, о которых скажу после. Вот вторая причина, почему влияние книги было ничтожно. Вяземский, которому вообще ваша книга понравилась, первое что сказал мне: "о Гоголе надо сказать то, что сказал Суворов о Екатерине: «Суворов может всегда говорить о Екатерине, Репнин[14] — иногда, Курис[15] — никогда»". Говоря о Христе, светскому писателю — место Репнина.

В книге вашей вы выступаете прежде всего христианином. Каким путем пришли вы к Христу? — путем болезни. Путь очень действительный для нас с вами, слабый для других. Убеждать человеку больному человека, который, слава Богу, здоров, — самое ненадежное средство. Каждый знает, что болезнь и старость прибегают часто к Христу и Им утешаются; каждый говорит, что они хорошо делают, и каждый остается в ожидании, когда его постигнет то или другое. Чем увлекали вы публику в прошлых сочинениях? Обилием жизни и внутренней силы; до мелочи касались, а читатель был весь ваш. — Какой господствующий тон настоящей книги? Тон болезненной слабости телесной, расстройства нервического, напуганного воображения, душевной скорби, какого-то уныния, тяжелого для читателя, когда оно длится почти без отдыха от первой страницы до последней. Мне кажется, что, представляя христианство в настоящем его духе, в духе света, крепости и силы, ныне скорее обратишь человека ко Христу. Когда выступит наша Церковь, просветлит или высветлит всего насквозь нам человека (эта страница ваша просто прелесть), человек этот выразится нам в противоположной вам форме. Он покажет нам примером, что человек может жить в мире <со> Христом и для Христа, и потому именно, что сумеет жить для одного Христа, будет жить с всегда свежими, добрыми силами, без уныния и без страха, ибо любовь, по словам Павла[16], "изгоняет страх"[17]. Никто из св. отцов так много и так прекрасно не говорил о покаянии, как Ефрем Сирин и Иоанн Лествичник. Прочтите у Иоанна самый плач, начинающийся словами: "плач есть златое жало вашей души"; он умилит вас, но подымет, даст вам силы не пугаться страшным расстоянием от земли до неба, покажет, что сладко быть христианином, и тем действительнее возбудит желание приблизиться к Христу. Избави нас, Боже, от проповеди духовной и светской, если она сама только стонет, а других только пугает; такая проповедь действует только на воображение и производит лишь религиозных католических дам, которым если бы сказал кто-нибудь наверное: "все будущее вздор — нет Бога!" — они едва ли не сказали бы: "и слава Богу!" Места, которые наиболее в вашей книге нравились, суть места, где вы выказывали силу и вызывали других бодро действовать на поприще каждого; напротив того говорите о себе, о страданиях, скорбите, жалуетесь, — там внимание читателя обращалось на вас и возбуждало бесплодное чувство соболезнования к вам, вовсе для вас не нужного. К сожалению, первых мест менее; общий тон — слабость, уныние — и вот тре-

тья причина, почему впечатление книги было ничтожно. Наконец причуды и странности. Они уж слишком ярко вас выставили и убили книгу. Вы могли пренебречь приличиями, литературными обычаями, презреть общим мнением, но не должны были, ради пользы самой книги, пренебречь слабостью человека. — Как быть, а человек уж так создан, что, посмотрев на солнце, заговорит об этих пятнах. Что делают с солнцем, то делают и с вашей книгой. На вопрос: "читал ли Гоголя?" — каждый помимо всего заговорит о завещании, публичной исповеди, портрете, посмертных памятниках, просьбе раскупать книгу, раздавать ее всем и проч. и проч. Каждый или жалеет, если добр, что в книгу прекрасную попали странности, или подшучивает, если веселого нрава, или задает себе вопрос: "неужели светский писатель, если заговорит о Христе, не делается весь христианином, не может быть просто христианином, а вместе чудаком и оригиналом?" Не знаю никого даже из ваших почитателей самых снисходительных, которые бы не желали, чтобы этих странностей не было в книге. Мало, очень мало людей, которые бы не только на книгу, даже на картину, смотрели с чувством предубеждения к хорошему, умели бы пользоваться ее красотами, забывая о ее недостатках, которые бы применили с пользою при чтении совет Жуковского при воспоминании об утраченных людях: "не говори с тоской: их нет, а с благодарностию — были"[18]. По-моему, писатель должен знать эту слабость и не пренебрегать ею.

Вот вам, любезнейший Николай Васильевич, описание речей, мною слышанных, или лучше вывод из слышанного. Прошу вас думать, что мне это стоило: мне было бы гораздо приятнее написать то, что вам приятно бы было читать. Я мог бы написать, назвать поименно, как некоторые были в истинном восторге, не зная вас вовсе, полюбили и не променяли бы настоящую вашу книгу на все ваше прежнее. Но это лица, отдельные лица; впечатление, на них произведенное, можно было предугадать, зная их образ мыслей, их любящую душу и сердце, откликающееся на все, что выражено искренно, прямо от сердца. Кстати об искренности; но тут уж я не отвечаю, а, в свою очередь, задаю вам вопрос. Скажите, отчего многие и очень многие в вас сомневаются, не верят, упрекают в самолюбии, и в смирении видят не смирение, а развивающуюся гордость, и едва ли не самую ужасную гордость — гордость монаха-отшельника. Людей легко обмануть молча или не тратя слов, а не странно ли, что, читая книгу в триста страниц, они составляют понятие об авторе совсем другое, чем есть автор. Внутреннее ли их чувство всех обмануло, или виноват автор, дурно выразившись в книге? Этого я уж не понимаю и объяснить не могу.

Теперь буду отвечать на письмо ваше от 11 февраля. На другой же день[19] его получения[20] я с Плетневым был у Вяземского, нашел у него Тютчева; мы прочли непозволенные письма и положили ожидать ответа вашего на предложение Плетнева поместить письма в другом томе, представив весь том Г<осударю>. Он вас знает и вам дозволит то, чего бы не дозволил другому. Два письма к графу Толстому: "нужно любить Россию" и "проездиться по России", не понимаю, почему не пропущены; что же касается до остальных трех, это можно было предвидеть. В письме к графине В<иельгорской> "Страхи и ужасы России" самое заглавие странно. Нет сомнения, что на Руси много злоупотреблений сильно вопиющих, все мы это знаем, и более всех нас едва ли не само Правительство, но опять видеть страхи и ужасы — это преувеличено. Правительству же дозволять распространяться слухам об ужасах и страхах едва ли, смотря на вещи с практической стороны, было бы благоразумно. В письмах: "Что такое губернаторша" и важным лицам[21] содержатся советы. По принятому у нас порядку каждое служебное лицо получает наставление от лица, выше его стоящего в служебной иерархии. Позволять частному лицу публично говорить, что генерал-губернатор должен то делать, а министр то и то, у нас не принято, едва ли может быть допущено и даже одобрено общим мнением. Но повторяю, что если вы непременно желаете их печатания, отвечайте Плетневу: вы лучшего и деятельнейшего помощника не найдете; все, что можно сделать, он сделает, во-первых, потому, что из кожи лезет, чтоб быть вам приятным (я это сам вижу), а во-вторых, имеет доступ к лицам власть имеющим. Я очень люблю и уважаю Виельгорских, но надо знать тоже, во сколько и на что их хватит. Вы обращайтесь к Плетневу.

Обращаюсь к содержанию этих писем. Вы полагаете, что от того выступили в книге вы, что их не напечатали, что книга вышла оглодок из общих мест и, главное, применения общих мест к делу не видно и цель книги не достигнута. Скажу вам откровенно мое уже о них мнение, так как публика их еще не знает. Тут же кстати скажу и о впечатлении вашей книги собственно на меня. Нет, не

могу, никак не могу, тысячу раз не могу с вами согласиться. В этих письмах вы, собственно лицо ваше, выступаете еще ярче; по новости и оригинальности, с какими вы выступаете, и по новости самых предметов, публика еще более будет рассуждать о вас, а не говорить о том, о чем вы говорите. Вы претендуете в них на звание практиканта, являясь учителем-знатоком жизни во всех ее подробностях и мелочах, который каждого на его поприще научит жить, что называется, благоразумно, т. е. применять общие места к делу с пользой для себя и для других. Наука применения не дана поэтам; едва ли какая истина была доказана так дружно, как доказали эту истину поэты всех веков и народов. Вы, любезный Николай Васильевич, поэт, поэт прекрасный, за которого благодарю Бога, что он явился в России и говорит родным, мне любезным языком; поэт, единственный друг мой, который никогда в жизни со мной не разлучается; он преобразился в книгу и сидит всегда при мне, у меня на полке, разделенный только Пушкиным от той великой книги[22], которая всех нас учит, всех попрекает, всем грозит, всех умиляет, всех утешает, но все это делает общими местами, предоставляя воле и уму-разуму каждого применять общие места к делу. Будьте и вы верны вашему призванию, оставайтесь на вышине вам подобающей, выставляйте нам наши мелочи и пошлости, осмеивайте их, упрекайте нас ими, но сами будьте в стороне, не показывайте в учении вашем, как бы вы с ними справились. Читатель может найти, что и вы бы запутались и не вышли бы сухи из воды, и тогда он потеряет доверие к общим местам; словом, питайте, как следует поэту, в душе моей добрые чувства; вы сами окажете или оказали уже самую большую услугу, какую может оказать человек человеку. За сим будьте спокойны; применить их к делу, сладить с мелочами сумею лучше вас потому, что, возившись с ними всю жизнь, лучше их знаю. Положим, что доныне действовал я дурно; это потому, что в душе не было доброго чувства; теперь умудренный и улучшенный вами, буду действовать лучше, останусь ли в звании артиллерии полковника или перейду на место председателя, губернатора[23] и проч. Нет сомнения, что многие от души поблагодарят вас за книгу; впрочем сами получите письма хвалебные и благодарственные.

Прилагаю отрывок из письма сына Вяземского из Константинополя к отцу. Он просил вам переслать его[24] и сказать, что отзыв сына о вашей книге ему очень приятен. Вяземский в день чтения у него заболел, очень и очень заболел и только что стал оправляться. Он извиняется перед вами, непременно вам напишет и напишет печатно[25]. Слово о Плетневе. Его я знаю за честнейшую душу в полном смысле слова, и чем более вижу (благодаря вам вижу его чаще), тем более его люблю и уважаю. Жалобы объясняю одиночеством: он имел друзей — их не стало; искал других — они его не отталкивали, но сблизиться с ними — не мог, потому что, не зная французского языка, — нем. Жизнь многих людей в России объясним себе только тем, что они не воспитаны на русско-французский манер. Странно это, жалко, — но справедливо. Повторяю, что Плетнев, особенно для вас, — золото: много он выстрадал, слушая толки о вас последнее время; оскорбить вам его будет грех.

В заключении прошу вас именем искреннейшей любви моей к вам и преданности простить меня, если эа наслаждение, вами мне доставленное, отплачиваю вам письмом черствым и вздором. Вполне допускаю, что, быть может, я ошибся. Божусь вам, я бы этого желал, а торжество вашего направления в России, ваших начал, вашего взгляда для меня столь же дорого, сколько и вам, ибо люблю Россию не менее вас, а в них счастье России.

Сверх сего Плетнев продал журнал Никитенке[26]; Пушкина[27] затеяла с ним род процесса за право продажи. Случилась неприятная история; его это оскорбило и было причиной жалоб и намеков на людей, на коих он вам намекал».

Позднее, 22 марта 1847 г., Россет сообщал сестре А. О. Смирновой: «Я вписал Гоголю довольно подробно и откровенно, какое впечатление произвела вообще его книга на публику. В письме этом я не столько боялся, что передал впечатление неверно, сколько того, чтобы оно не показалось ему черствым. Я читал его Вяземскому и Плетневу: они уговорили меня послать его. Летом буду в Калуге и прочту, ибо оставил у себя копию»[28].

[1] *Свод.* Т. 1. С. 693.
[2] См. ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь.***
[3] См. также ***1847. Июля 14–15 <2–3>. Среда-четверг. Эмс.***
[4] «Выбранные места из переписки с друзьями».
[5] См. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург.***

[6] Статья *XV. Предметы для лирического поэта в нынешнее время (Два письма к Н. М. Я<зыков>у).*

[7] В статье *VII. Об Одиссее, переводимой Жуковским.*

[8] Вероятно, слова московского полицеймейстера о «публике» и «народе» Гоголь передавал Россету в Риме в 1843 г. (см. ***1843. Января 26 <14>. Четверг. Рим*** (примечания). — Полицеймейстерами в Москве в то время были: полковник Ф. И. Миллер, подполковник Д. Н. Ермолов (сменивший Миллера в период до 10 декабря 1841 г.), а также Л. Н. Верещагин и Н. П. Брянчанинов. — См. также ***1844. Сентября 21 <9> — 1845. Января 10 или 11 <1844. Декабря 29 или 30>. Франкфурт-на-Майне.***

[9] В публикации В. И. Шенрока, по-видимому, ошибочно: «одни».

[10] Третье сословие (*фр.*).

[11] Между двумя стульями, задом на земле (*фр.*).

[12] Имеется в виду старая французская аристократия, проживавшая в пригороде Парижа Фобур Сен-Жермен (Faubourg Saint-Germain).

[13] В. Г. Белинский.

[14] Князь Николай Васильевич Репнин (1734–1801).

[15] Иван Онуфриевич Курис (1762–1836).

[16] На самом деле, по словам св. апостола Иоанна Богослова.

[17] 1 Ин. 4, 14.

[18] Строки стихотворения В. А. Жуковского «Воспоминание» («О милых спутниках, которые наш свет...») (1821).

[19] См. ***1847. Февраля 22 <марта 6>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[20] См. ***1847. Февраля 21 <марта 5>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[21] Письмо *XXVIII. Занимающему важное место.*

[22] Имеется в виду Новый Завет.

[23] «А. О. Россет был в самом деле впоследствии губернатором в Вильне» (примечание В. И. Шенрока).

[24] Отзыв до нас не дошел.

[25] Статья князя П. А. Вяземского «Языков. — Гоголь» была напечатана в № 90 и 91 (от 24 и 25 апреля) «Санкт-Петербургских Ведомостей» за 1847 г. Статья была написана в ответ на просьбу Гоголя к Вяземскому высказать свое мнение о книге (см. ***1847. Января 16 <4>. Суббота. Неаполь***). Фрагменты этой статьи и отношение к ней Гоголя см.: ***1847. Января 6 <18>. Понедельник. Праздник Крещения Господня. Санкт-Петербург***; ***1847. Июня 11 <мая 30>. Пятница. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[26] См. ***1846. Октября 23 <ноября 4>. Среда. Санкт-Петербург.***

[27] Вдова А. С. Пушкина, жена П. П. Ланского.

[28] См. ***1847. Марта 22 <апреля 3>. Великая Суббота. Санкт-Петербург.***

МАРТА 12 <24>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

М. И. Гоголь пишет в Неаполь ответное[1] письмо сыну — «исполненное упреков»[2] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1847. Января 25 <13>. Понедельник. Неаполь***; ***1847. Февраля 16 <4>. Вторник. Неаполь.***

[2] См. ***1847. Мая 3 <апреля 21>. Понедельник. Неаполь.***

МАРТА 25 <13>. ЧЕТВЕРГ. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет в Рим письмо к А. А. Иванову и ответное[1] письмо к Ф. В. Чижову.

Из письма к Иванову: «Пишу к вам несколько строчек с граф<ом> Иван<ом> Петр<овичем> Толстым[2]... <...> Не нужно скрывать ничего в своей истории, <...> но нужно рассказать так, чтобы слушающий вас оставил в сторону суд над врагами вашими (подобно вам самим) и проникнулся бы в такой степени участием к тому положению, в каком может очутиться всякий истинный художник, взглянувший на труд, как на святое дело... <...> От Чижова я получил письмо с известием о том, что он оставляет внезапно Рим. Это мне прискорбно: я бы желал очень о многом переговорить с ним лично. Передайте ему при сем следуемое письмо. <...> Нечто, как о вашей картине[3], так

и о положении вашем, как художника, сказано мною в, одном из моих писем[4], напечатанных отдельною книгою. Книги этой я не получил[5]. Знаю только, что она обезображена и обрезана жестоко цензурой, а потому и не могу знать, что из этого письма оставлено, а что выброшено. <...> Советую вам также не гневаться на те мои жесткие письма[6], которые я писал к вам из Неаполя. Поверьте, что их полезно перечитывать, несмотря даже и на то, если бы они были совершенно несправедливы»[7].

Из письма к Чижову: «Мне было очень прискорбно узнать из письма вашего (от 20 марта) о вашем решении так рано оставить Италию. А я думал было с вами увидаться в Риме, в первых числах мая. Мне хотелось о многом с вами переговорить лично, и это была единственная причина тому, что я не отвечал на ваше прежнее, очень доброе и милое письмецо[8]. Объясненья письменные вообще меня сильно затрудняют... <...> ...Я бы возрадовался не шутя внезапному повороту ваших обстоятельств, который заставил бы вас остаться май месяц в Риме. <...> ...Не поскучайте <...> познакомить меня обстоятельно и подробно с вашими мыслями, намерениями и даже движеньями доброй души вашей. <...> ...Как только разоблачится передо мною человек со всеми изгибами его особенностей и наклоненьями его взгляда на вещи, мне тогда так же с ним свободно, как с товарищем, с которым росли и воспитывались вместе. <...> Бог в помощь вам! Искренно вас любящий Н. Г<оголь>».

[1] См. ***1847. Марта 20 <8>. Суббота. Рим.***
[2] Граф Иван Петрович Толстой (1810–1873), брат А. П. Толстого. – См. ***1847. Января средина <января конец>. Москва.***
[3] «Явление Мессии».
[4] Имеется в виду статья *XXIII. Исторический живописец Иванов* в «Выбранных местах из переписки с друзьями».
[5] Подробнее см.: ***1847. Января между 25 и 30 <января между 13 и 18>. Неаполь.***
[6] См. ***1846. Декабря 12 <ноября 30>. Суббота. Неаполь; 1846. Декабря 19 <7>. Суббота. Неаполь; 1847. Февраля 4 <января 23>. Четверг. Неаполь.***
[7] Ответ Иванова см.: ***1847. Апреля первая половина <апреля начало>. Рим.***
[8] См. ***1847. Февраля 7 <января 26>. Воскресенье. Рим.***

МАРТА 14 <26>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно почтовому штемпелю[1], Ар. О. Россет получил в этот день письмо Гоголя из Неаполя[2].

[1] См.: *Городецкий.* С. 464.
[2] См. ***1847. Марта 2 <февраля 18>. Вторник. Неаполь.***

МАРТА 27 <15>. ЛАЗАРЕВА СУББОТА. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет в Петербург письмо к графу Мих. Ю. Виельгорскому и новое[1] письмо к П. А. Плетневу.

Из письма к Виельгорскому: «Я страдаю душой при одном помышлении о том, сколько нанес вам хлопот и тревог, мой найдобрейший Граф Михаил Юрьевич; но, вероятно, вы уже знаете из письма моего к Плетневу, о котором он, вероятно, уже вам сообщил, что мои искания гораздо умереннее. Желанье мое, чтобы и вы и князь Вяземский прочли[2] раза два непропущенные статьи и выбросили бы из них все жесткие, дикие и оскорбляющие выражения. <...> Чтобы лучше заметить во мне все то, что следует умягчить и оговорить, я просил князя Вяземского[3] не позабывать при чтеньи писем моих, что их пишет чиновник маленького чина. <...> А добрую Графиню прошу не беспокоиться и не тревожить себя мыслью, что она в чем-нибудь не исполнила моей просьбы. Скажу

вам искренно, что мною одолевала некоторая боязнь за неразумье моего поступка, но в то же время какая-то как бы неестественная сила заставила его сделать и обременить Графиню смутившим ее письмом[4]. Скажите ей, что в этом деле никак не следует торопиться, что я слишком уверился в том, что для полного успеха нужно очень повременить и очень все обдумать».

Из письма к Плетневу: «Давно не имею от тебя известий, добрый друг мой. (Я писал к тебе еще не так давно, именно 6 марта). Если тебя затруднили дела по моей книге, то, повторяю тебе вновь, торопиться с представленьем рукописных статей не нужно, — тем более, что, во всяком случае, полное издание книги не поспело бы прежде лета. Лучше получше выправить эти статьи, выбросить из них всё резкое и оскорбляющее. Я просил князя Вяземского в письме к нему, которое, вероятно, вручил ему Росетти (оно было от 28 февр<аля>), чтобы он, читая эти статьи, имел неотлучно в своих мыслях то, что писавший их есть не более, как чиновник 8 класса... <...> Не могу постигнуть, почему я до сих пор не получил ни одной книги, ни моей[5], ни чужих, тогда как в прошлом году мне случилось получить несколько книг весьма скоро. Я помню, что получил[6] через Любимова, на имя Апраксиной, несколько книжек в полтора месяца изворота. Теперь пишет Любимов Апраксиной, что он был у тебя именно с тем, чтобы взять книги для меня, но не получил их [от тебя][7]. Видно, не судьба мне видеть мою книгу и вообще читать вышедшие теперь у нас книги. Пожалуста, посылай хотя в письмах листки тех мест, где говорится о чем-нибудь по поводу моей книги. Не жалей на это денег: они скоро должны у тебя вновь накопиться от второго издания книги, которое я просил тебя произвести в скорости по первому изданию, если проволочка по поводу включенья невключенных статей окажется долгой, и которое просил тебя возложить на Россети, если тебе окажется невозможность заняться им самому. Но удивляет меня то, что ни от Россети, ни от всех тех людей и друзей, которые обещали мне сообщать всё, что ни услышат из толков о моей книге, не получил почти ни строки. Маршрут мой тебе уже известен из письма моего от 6 марта. Всё, что ни будет высылаться ко мне с первых чисел майя, следует адресовать во Франкфурт, на имя посольства или Жуковского. Кстати: советуй тем, которые страдают нервами, ехать на морское купанье в Остенде, которое решительно лучшее из всех прочих и помогает чудесно, а самая поездка туда необыкновенно легка: из Петербурга можно прямо морем, не бравши с собою экипажа, в одну неделю достигнуть Остенде или вплоть морем, или с пересестом на железную дорогу, что не требует тоже экипажа и хлопот. Из Остенде день езды в Париж, по железной дороге, и день езды в Лондон, с пароходом. А мне бы хотелось очень переговорить, будучи в Остенде, со многими из русских, и особенно с теми, которые поумней и могли бы мне сообщить многое интересное. Прежняя моя дикость исчезла, и мне теперь не трудно разговориться».

[1] См. ***1847. Марта 6 <февраля 22>. Суббота. Неаполь.***

[2] См. ***1847. Февраля 22 <марта 6>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1847. Февраля 28 <16>. Воскресенье. Неаполь.***

[4] См. ***1847. Января 16 <4>. Суббота. Неаполь.***

[5] Подробнее см.: ***1847. Января между 25 и 30 <января между 13 и 18>. Неаполь*** (примечания).

[6] См. ***1846. Ноября конец <ноября средина>. Неаполь.***

[7] В письме от 20 октября (н. ст.) 1846 г. Гоголь просил Плетнева прислать ему в Неаполь «от трех до пяти» экземпляров книги (см. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне*** — примечания). До визита Н. И. Любимова Плетнев отправил Гоголю пять экземпляров через графиню М. В. Нессельроде (см. ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург***). В письме от 4 декабря (н. ст.) 1846 г. Гоголь сообщал Плетневу, что за книгами к нему явится Любимов, и просил добавить к пяти экземплярам «еще три или четыре» (см. ***1846. Декабря 4 <ноября 22>. Пятница. Неаполь***).

МАРТА 15 <27>. ЛАЗАРЕВА СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. Г. Белинский пишет В. П. Боткину:

«Книга Гоголя как будто пропала, — и я немного горжусь тем, что верно предсказал (не печатно, а на словах) ее судьбу. Русского человека не надуешь такими проделками, а если и надуешь, так на минуту. Если еще не вовсе забыто существование этой книги, так это потому, что от времени до времени напоминают о ней журнальные статьи. Статья Н. Ф. Павлова[1] — образец мастерства писать. Я прочел ее несколько раз, и с каждым разом она кажется мне все лучше и лучше. Сколько ума, какая последовательность, как все ровно и цело; дочитывая конец ясно видишь начало и середину! Словом — чудо, а не статья! Сначала на меня произвел было неприятное впечатление взгляд на мертвопочитание *русской породы*; но я сообразил, что вся сила статьи в том и заключается, что Павлов бьет Гоголя не своим, а его же оружием, и имеет в виду доказать не столько нелепость книги, сколько ее противоречие с самой собою. Но особенно понравилась мне в статье одна мысль — умная до невозможности: это ловкий намек на то, что перенесенная в сферу искусства книга Гоголя была бы превосходна, ибо ее чувства и понятия принадлежат законно Хлестаковым, Коробочкам, Маниловым и т. п. Это так умно, что мочи нет! Жаль одного: что эта превосходная статья напечатана в "Московских ведомостях" — издании, сохраняющем свято внешние формы времен Петра Великого и читаемом только в Москве, да и то больше людьми солидными. Что как бы позволил нам Николай Филиппович перепечатать его статью в "Современнике"[2], и позволил бы не словесно, а письмом к Панаеву! Право, от этого не одним нам было бы хорошо: статья получила бы больше народности».

Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 268.

[1] См. ***1847. Марта 6 <18>. Четверг. Москва.*** — См. также ***1847. Февраля 7 <19>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] Три письма Н. Ф. Павлова, посвященные «Выбранным местам из переписки с друзьями» (см. ***1847. Марта 6 <18>. Четверг. Москва***; ***1847. Марта 29 <апреля 10>. Суббота Светлой седмицы. Москва***; ***1847. Апреля 17 <29>. Четверг. Москва***), были перепечатаны в № 5 и 8 «Современника» за 1847 г.

ФЕВРАЛЬ-МАРТ <ЯНВАРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – МАРТА СРЕДИНА>. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет ответное письмо С. Н. Молчановой в Москву:

«Вы просите молиться о Прасковье Ивановне[1], но она так жила на земле, что мы должны теперь просить ее о нас молиться. Во всяком случае я упомяну ее имя при Святом Гробе[2]. А вас прошу помолиться о том, чтобы Бог не возгнушался принять от грешных уст моих мои молитвы. Если встретите кого-нибудь из тех, чья жизнь и молитва угодны Богу, попросите их также помолиться обо мне. Я очень помню доброе выражение лица вашего и ласки ваши сестре моей. Рад буду, если приведет Бог нам встретиться в Москве».

[1] Прасковья Ивановна Раевская умерла 21 декабря 1846 г. (*Николай Михайлович, великий князь.* Московский Некрополь. <Сост. В. И. Саитов, Б. Л. Модзалевский>. СПб., 1908. Т. 3. С. 3). 28 января 1847 г. Н. Н. Шереметева писала М. И. Гоголь: «Вчера был сороковой день незабвенной и добродетельной Прасковье Ивановне Раевской» (Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. М., 2001. С. 152). Согласно этому свидетельству, Раевская умерла 19 декабря 1846 г.

[2] См. ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим.***

МАРТА 16 <28>. ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получил письмо Гоголя из Неаполя[1] (на письме имеется почтовый штемпель: «Получено 1847 Мар<та> 16 Полдень»; и помета Плетнева: «П<олучено> 21 февр<аля> 1847»[2]).

[1] См. ***1847. Марта 6 <февраля 22>. Суббота. Неаполь.***
[2] *Городецкий.* С. 454.

МАРТА 17 <29>. ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

В «Московском Городском Листке» напечатана вторая[1] часть статьи А. А. Григорьева «Гоголь и его последняя книга»[2].

В тот же день М. П. Погодин получил письмо Гоголя из Неаполя[3] и приступил к ответному посланию (письмо было закончено и отправлено позднее, 24 марта 1847 г.[4]):

«Сейчас получил письмо твое <...> и отвечаю тебе, утешенный, умиленный. У меня отлегло сердце, развязались руки. До сих пор никак не мог я собраться с духом, чтоб писать к тебе о твоей книге[5]; боялся больше всего, чтоб ты не приписал моего мнения растревоженной личности. <...>

В исполнение твоего желания скажу тебе прежде всего, как я получил твое письмо. Ныне страстной понедельник. Я только что возвратился от обедни и стал пить чай. Передо мной сидел босняк, ездивший к Царю просить о покровительстве Православной Церкви, угнетенной турками, Я говорил с ним, а между тем был в раздумье, говеть или отложить до лета, потому что теперь неспокоен духом и слишком стеснен обстоятельствами. Ты не можешь себе представить, сколько удовольствия доставило мне письмо твое. Я проводил скорее гостя и начал его перечитывать. Решение говеть — вот первые его плоды.

Книгу твою я увидел в первый раз 10 января. <...>[6]».

[1] См. также ***1847. Марта 10 <22>. Понедельник. Москва***; ***1847. Марта 18 <30>. Великий вторник. Москва***; ***1847. Марта 19 <31>. Великая среда. Москва.***
[2] <*Григорьев А. А.*> Гоголь и его последняя книга. <Часть> II // Московский Городской Листок. 1847. 17 марта. № 62. С. 249–250.
[3] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Неаполь.***
[4] См. ***1847. Марта 24 <апреля 5>. Понедельник Светлой седмицы. Москва.***
[5] «Выбранные места из переписки с друзьями».
[6] Следующий далее фрагмент письма см.: ***1847. Января 10 <22>. Пятница. Москва*** (примечания). – «Выбранные места из переписки с друзьями» вышли в свет 31 декабря 1846 г. и были получены в Москве около 9 января 1847 г. (см. ***1847. Января 9 <21>. Четверг. Москва***).

МАРТА 18 <30>. ВЕЛИКИЙ ВТОРНИК. МОСКВА

В «Московском Городском Листке» напечатана третья[1] часть статьи А. А. Григорьева «Гоголь и его последняя книга»[2].

[1] См. также ***1847. Марта 10 <22>. Понедельник. Москва***; ***1847. Марта 17 <29>. Великий понедельник. Москва***; ***1847. Марта 19 <31>. Великая среда. Москва.***
[2] <*Григорьев А. А.*> Гоголь и его последняя книга. <Часть> III // Московский Городской Листок. 1847. 18 марта. № 63. С. 254.

МАРТА 31 <19>. ВЕЛИКАЯ СРЕДА. НЕАПОЛЬ

Гоголю исполняется 38 лет.

МАРТА 19 <31>. ВЕЛИКАЯ СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«В <Вербное> воскресенье <16 марта> возил я Олю к Виельгорским, потому что мать Софьи Михайловны[1], по просьбе Гоголя, желавшего, чтобы она ему дала непременно обстоятельный отчет обо мне и моей дочери, сама сбиралась ехать к нам. На другой день я один обедал у них, и, кажется, Оля понравилась всем. Интересна очень незамужняя (меньшая) дочь Виельгорских, Анна Михайловна. Это существо еще небеснее (если только уж возможно) и Софьи Михайловны[2].

Не получает ли у вас кто Московские Ведомости? Там в № 28 есть письмо Павлова к Гоголю[3]. Это образец эгоистической холодности, сатанински адресующейся к чувству, теплому и возвышенному, но, конечно, всегда побуждаемому суемудрием земным»[4].

Свод. Т. 1. С. 693.

[1] Графиня Л. К. Виельгорская, мать графини С. М. Соллогуб (рожд. Виельгорской).

[2] 21 марта 1847 г. Я. К. Грот отвечал П. А. Плетневу: «Анну Михайловну я знаю; она очень поразила меня при первой встрече с нею прошлой зимой у Соллогуба» (*Свод.* Т. 1. С. 693).

[3] См. ***1847. Марта 6 <18>. Четверг. Москва.***

[4] 21 марта 1847 г. Я. К. Грот отвечал П. А. Плетневу: «Половину статьи Павлова я уже прочел: тягостное впечатление производит она. Немногим лучше была и та, что поместили в Отечественных Записках» (*Свод.* Т. 1. С. 693). 26 марта 1847 г. Плетнев вновь писал Гроту: «Да, статья Павлова противна сердцу» (*Свод.* Т. 1. С. 693).

МАРТА 19 <31>. ВЕЛИКАЯ СРЕДА. МОСКВА

В «Московском Городском Листке» напечатана четвертая[1] (последняя) часть статьи А. А. Григорьева «Гоголь и его последняя книга»[2].

В тот же день С. П. Шевырев писал О. В. Гоголь в Васильевку:

«Братец Ваш, Николай Васильевич, поручил мне переслать к Вам прилагаемое письмо[3] — и с тем вместе проповеди Иннокентия[4]; но сии последние вышли все в книжных лавках, и вот причина, почему я не мог исполнить этого поручения, а как только появится новое издание, я немедленно Вам его доставлю»[5].

[1] См. также ***1847. Марта 10 <22>. Понедельник. Москва***; ***1847. Марта 17 <29>. Великий понедельник. Москва***; ***1847. Марта 18 <30>. Великий вторник. Москва.***

[2] <*Григорьев А. А.*> Гоголь и его последняя книга. (Окончание) <Часть> IV // Московский Городской Листок. 1847. 19 марта. № 64. С. 255–256.

[3] От 4 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя (см. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Неаполь***).

[4] См. ***1844. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Дармштадт*** (примечания).

[5] Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 99.

МАРТА 20 <АПРЕЛЯ 1>. ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет П. А. Плетневу в Петербург:

«Как давно я к вам не писал, любезнейший Петр Александрович! С тех самых пор, как получил от вас книгу Гоголя[1], деньги за которую к нему немедленно отправил. Были многие причины моему безмолвию. Недосуг одна из них, но более причина нравственная. Книга Гоголя произвела во мне много дум, которым надобно было перекипеть. Прежде всего мне был неприятен его поступок с

Погодиным[2], вы меня поймете. Передо мною были книга и поступок; перед вами только книга. Вы не знали их отношений. Вы не знали того, как Погодин любил Гоголя и как помогал ему во время самой тяжкой нужды его. Гоголь говорит, что полезно бывает человеку получить публичную оплеуху: может быть, полезно тому, кто получит да сумеет перенести ее и стать выше, но каково тому, который решается дать ее? — Гоголь похерил одним почерком пера 30-ти летнюю деятельность человека, с которым я был близок, начиная с 18-ти моих лет: вот уже 22 года, — человека, которого я привык любить и уважать, несмотря на все его недостатки, искупаемые великими, редкими, особенно в наше время, достоинствами. Обвиняйте меня, как хотите. Я забыл на время о книге, я видел поступок, в котором, кроме неправды, была еще неблагодарность. Я долго не мог писать ни к Гоголю, ни к вам. Обращения страшны, когда противоречат им поступки. То, что надобно приписать человеку, приписывают началу, в нем действующему. Христианину, объявляющему себя во всеуслышанием таким, ничего не спустят. Всякое пятнышко на нем выкажут и протрубят о нем.

Но время лечить раны — и все выяснить. Гоголь уже знает обо всем. Он обратился к Погодину[3] с такою любовию, какой еще никогда не питал к нему. Вот для меня лучшее доказательство, что книга его, в которой много уродливого в христианском смысле, проистекала из самого чистого источника. Обидевший обыкновенно ненавидит обиженного, а Гоголь еще более любит Погодина с тех пор, как обидел. И теперь я уверен более, чем когда-нибудь, что книга Гоголя, несмотря на многие в ней заблуждения, принесет великую пользу, выяснив многое, потому что все, истекающее из доброго и чистого источника, если бы на время и помутилось, принесет добро и пользу.

Вы не удивитесь тому, что я ни слова не говорю еще о книге. Вы сами лучше, чем кто-нибудь, цените прежде человека, а потом писателя. Самая книга для меня — переход Гоголя к какой-то высшей точке, переход во многом неуклюжий и странный, но тем не менее замечательный и в психологическом и в литературном отношении. Много светлых, новых, свежих мыслей о Церкви, о народе, о литературе. Но вместе с тем много и разных промахов. Какая гордость во всех советах, какие он дает! Как мог он так истолковать послание Пушкина к Гнедичу! Толкование даже неприличное, если вникнуть во все послание[4]. Статья его об Одиссее показывает, что он всей Одиссеи не читал. Но все-таки и здесь искры мыслей прекрасных.

Книга Гоголя подействует непременно, но никто не захочет признать ее действия. Нам надобно говорить об ней после, когда проследим все ее влияние. Я, может быть, соберусь сказать об ней, но это будет тогда, когда выскажется все другими[5]. Не знаю, прочли ли вы статью Павлова[6]. Из всего напечатанного до сих пор она — самое замечательное и самое сильное против Гоголя. Но Павлов пристрастен — и потому суждение его не может быть полно. А Гоголю надобно выслушать Павлова, которого статью здесь разные люди толкуют разным образом. Она произвела сильное впечатление. С нею согласились многие благомыслящие, но ей сочувствует и противная сторона, толкуя ее иначе. Пускай, пускай высказываются мнения. Гоголь сам того и хочет».

Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 99–100.

[1] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[2] Подразумевается статья «О том, что такое слово».

[3] В письме от 4 марта (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Неаполь***).

[4] См. ответ П. А. Плетнева в письме к С. П. Шевыреву от 24 марта 1847 г.: ***1847. Марта 24 <апреля 5>. Понедельник Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1847. Декабря 27 <1848. Января 8>. Суббота. Москва.***

[6] Имеется в виду первая из трех статей, или «писем» Н. Ф. Павлова о книге Гоголя, напечатанных в № 28, 38, 46 «Московских Ведомостей» за 1847 г. (см. ***1847. Марта 6 <18>. Четверг. Москва***; ***1847. Марта 29 <апреля 10>. Суббота Светлой седмицы. Москва***; ***1847. Апреля 17 <29>. Четверг. Москва***) и в том же году перепечатанных в «Современнике» (№ 5, 8).

МАРТА КОНЕЦ <МАРТА СРЕДИНА>. РИМ

Граф И. П. Толстой, не застав А. А. Иванова дома, оставляет ему записку:

«Граф Толстой привез с собой из Неаполя письмо г-ну Иванову от Н. В. Гоголя[1], но имеет поручение вручить его лично, а потому сожалеет весьма, что не застал г. Иванова, и просит его к себе завтра утром в половине 11-го»[2].

Свод. Т. 3. С. 722.

[1] См. ***1847. Марта 25 <13>. Четверг. Неаполь.***
[2] См. также ***1847. Апреля первая половина <апреля начало>. Рим.***

АПРЕЛЯ 1 <МАРТА 20>. ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет ответное[1] письмо к Н. Н. Шереметевой в Москву:

«Я получил доброе письмо ваше <...> сегодня, в страстн<ой> четверг, и сегодня же вам отвечаю. Я было уже начинал думать, <...> что и вы негодуете на меня за мою книгу, как вдруг получаю два листа вашего письма и какого письма! Бог да наградит вас за него! <...> Весьма мало вы себе позволили замечаний на мою книгу и даже и за них просите у меня извинения. <...> Упреки мне нужны, упреками воспитывается моя душа, и упреки составляют теперь мою пищу, которой питаюсь. <...> Главной виной того множества упреков, которым подвергнулась моя книга, есть *незрелость* моя. <...> Большая часть упреков родилась от всяких недоразумений, к которым я подал сам повод неясностью слов моих, в том числе и самое дело о портрете. Поступки Погодина относительно меня были совершенно неумышленны. Он действовал, вовсе не думая оскорбить меня. Надобно вам знать получше Погодина. Это добрейшая душа и добрейшее сердце. Великодушие составляет главную черту его характера. Но с тем вместе некоторая грубость, незнание приличий, беспамятство и рассеянность (по причине множества разных дел, которыми он всегда был опутан) поставляли его беспрестанно в неприятные отношения с людьми, в возможность огорчать их, без желания огорчить. Я долго думал о том, как объяснить ему все это и заставить его оглянуться на себя, как вдруг моя книга без моего ведома нанесла ему поражение (я совершенно позабыл слова и фразы статей, и если бы сам печатал, то, вероятно бы, ослабил их, имея намерение более объяснить неприкосновенность прав собственности писателя). Скажу вам, что я этому даже обрадовался, имея случай чрез это с ним прямо объясниться. Я писал к нему письмо (от 4 марта)[2], которым, вероятно, он удовлетворен. Скажу вам еще, для полного успокоения вашего, что я никогда еще не любил так Погодина, как люблю его теперь. Человек этот, кроме того, что всегда был достоин всякого уважения, в последнее время значительно изменился. Несчастия и разные душевные потрясен<ия> умягчили его душу до того, что она теперь способна понимать многое из того, к чему прежде была менее чувствительна. И я чувствую, что отныне у нас с ним будет дружба большая и здесь, и там. Вот вам, мой друг, непритворный отчет по этому делу!

Поездка моя в Иерусалим несколько отодвинулась, по причине всяких хлопот, переписок по поводу печатания книги, по причине несколько вновь порасстроившегося моего здоровья, а наконец и по той причине, что я не отважился отправиться один. Почти со всеми, имевшими то же намерени<е> отправиться в этом году в Иерусалим, случились непредвиденные препятствия[3]. <...> Я не так крепок и душой и телом, я не так живу в Боге, чтобы обойтись без помощи людей, и мне братская помощь человека еще более нужна в этом путешествии, которое для меня есть важнейшее из событий моей жизни. <...> Летом, по причине расстроившихся нерв моих, я должен буду ехать на воды в Германию и на морское купанье, а потому ответ на это письмо вы адресуйте уже во Франкфурт — или по-прежнему на имя Жуковского, или же на имя нашего посольства. <...> Со времени смерти незабвенного моего Языкова никто ко мне теперь не пишет часто. Он да вы только умели меня так любить, что, не смущаясь ничем — ни долгим молчанием моим, ни неуменьем моим быть признательну за такую нежную дружбу — писали ко мне всегда и не забывали меня никогда в мыслях и молитвах ваших. <...> Поздравляю вас с преддверием Светлого Воскресения Христова»[4].

[1] См. ***1847. Февраля 26 <марта 10>. Среда. Москва.***

[2] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Неаполь.***

[3] Подробнее см.: ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь*** (примечания).

[4] См. ***1847. Марта 23 <апреля 4>. Светлое Христово Воскресение. Праздники православной и католической Пасхи. Москва.***

МАРТА 14 <26> – МАРТА 22 <АПРЕЛЯ 3>. ВЕЛИКАЯ СУББОТА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«*Март.* <...> *14–22.* Любезное и нежное письмо от Гоголя[1]. Утешился, но сердца на него у меня нет, разве когда раздумаешься. – Думал о степени своей полезности. Говел в <*1 нрзб.*>, ходил в Церковь... <...> Читал Еван<гелие>. Думал. Писал письмо к Гоголю[2]. Разбирался».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 491.

[1] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Неаполь.***

[2] Письмо от 17–24 марта 1847 г. (см. ***1847. Марта 24 <апреля 5>. Понедельник Светлой седмицы. Москва***).

МАРТА 22 <АПРЕЛЯ 3>. ВЕЛИКАЯ СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Брат А. О. Смирновой, Ар. О. Россет, сообщает ей в Калугу:

«Гоголь и мне писал[1], жалуясь, что вышла не его книга, а оглодок из общих мест, что главные письма, в которых он показывает, как общие места применять к делу, не пропущены. От этого, по его мнению, выступила не книга, а он. Он просил Плетнева, Вяземского и Велеурского прочесть непозволенные письма, исправить что нужно и представить прямо к Государю. Я их читал[2] у Вяземского при Плетневе и Тютчеве вместо Велеурского, и положили ожидать ответа Гоголя на предложение Плетнева – письма эти, поместив в следующем томе, представить весь том Государю. След<овательно> в настоящую минуту нам нечего предпринимать; тем более, что в письме Гоголя[3], на днях мною полученном, он сам просит не спешить. При том не знаю, желать ли, чтобы письма были напечатаны. Их всего пять. В первом: “Нужно любить Россию”, – он развивает мысль, что нельзя любить Бога, не полюбив Россию. Во втором: “Нужно проехаться по России”, – он уговаривает графа Толстого не идти в монастырь, развивает мысль, что монастырь для него – Россия, и учит, как с пользою должно ездить по России. Эти два письма так себе и с некоторыми лишь поправками, может быть, и будут пропущены. В третьем, к гр<афине> Вел<еурской>, “Страхи и ужасы России”, самое заглавие как-то странно. Все мы знаем, что у нас много злоупотреблений, знает это более нас даже самое правительство; но опять видеть страхи и ужасы – это преувеличено. Во всяком случае дозволить печатно распространяться этим слухам было бы неблагоразумно. Теперь он мне пишет: письма этого не печатать, вероятно, по просьбе гр<афини> Вел<еурской>, которая немного компрометирована сим письмом[4]. В четвертом: “Что такое губернаторша” (тебе адресованном), и в пятом: “Важным лицам”[5] – содержатся советы, как поступать лицам на известных местах. По моему мнению, вопреки мнению Гоголя, эти письма не исправят, а еще более повредят книге; по новости и оригинальности, с какими он является, и по новости самих предметов в нашей литературе, лицо его еще ярче выступает, и они добьют собственно книгу. Так думают и Вяземский, Тютчев и Плетнев – все его доброжелатели и ценители. Я написал об этом Гоголю довольно подробно[6], как равно написал ему откровенно, какое впечатление произвела вообще его книга на публику. В письме этом я не столько боялся, что передам впечатление неверно, сколько того, чтобы оно не показалось ему черствым. Я читал его Вяземскому и Плетневу, и они уговорили меня послать его. Летом буду в Калуге и прочту, ибо оставил у себя копию».

Гоголь в письмах А. О. Россета к А. О. Смирновой // *Свод*. Т. 2. С. 368–369.

[1] Имеется в виду письмо от 11 февраля (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь***).

[2] См. ***1847. Февраля 22 <марта 6>. Суббота. Санкт-Петербург***.

[3] Не сохранилось.

[4] См. ***1835. Декабря 10. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания). – Ранее, 24 августа 1838 г., сын графини Л. К. Виельгорской, Иосиф, писал сестре Софье Михайловне из Эмса: «Я благодарю Бога, что я русский... <...> Россия молода, народ свеж, и ее ожидают великие судьбы. Я с каждым днем становляюсь более и более русским в душе. <...> ...Я <...> обрусел, почувствовал какую-то национальную гордость, которая во мне дремала; любовь к отечеству сильно пробудилась, и я вижу, что русские могут также гордиться своим отечеством» (*Розанов А. С.* Ф. Лист в Риме в 1839 г. (по материалам семейного архива графов Виельгорских) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1983. Л., 1985. С. 301–302). В своем дневнике Виельгорский 30 марта 1838 г. записал: «...К моему прискорбию, <...> Мамá <графиня Л. К. Виельгорская> <...> всегда охуждает Россию и восхваляет чужие земли... <...> ...Я всегда ей противоречу... <...> Причиною споров Россия, которую Мама охуждает, а я защищаю...» (*Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. М., 1999. С. 290, 292).

[5] Статья *XXVIII. Занимающему важное место*.

[6] Письмо от 12 марта 1847 г. (см. ***1847. Марта 12 <24>. Среда. Санкт-Петербург***).

МАРТА 22 <АПРЕЛЯ 3>. ВЕЛИКАЯ СУББОТА. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет Гоголю ответное[1] письмо в Неаполь (письмо было отправлено на следующий день[2]):

«Пишу к тебе за 2 часа до нашей Воскресной полночи. Надеюсь, что ты уже получил[3] те мои письма[4], в которых я говорил тебе о твоей книге[5], и деньги, в одном из них посланные за книгу. Весьма благодарен тебе за то письмо, в котором ты высказал мысли свои о моем пристрастии. <...> Пристрастие мое проистекает во мне от избытка чувства над разумом. <...> ...Ни о чем я теперь относительно себя не молю так Бога, чтоб Он успокоил чувство мое и прояснил мысль мою. Действие этой молитвы я уже в себе заметил и питаю надежду на исправление. Особенно в течение публичных лекций моих я испытал на себе это; но тут другие препятствия – самолюбие, питаемое во мне всеми моими слушателями. Вот гидра, с которою надобно бороться беспрерывно. <...> Ты избалован был всею Россиею: поднося тебе славу, она питала в тебе самолюбие. Потому в тебе и должно быть его больше, чем во мне. <...> В книге твоей оно выразилось колоссально, иногда чудовищно. Самолюбие никогда так не бывает чудовищно, как в соединении с верою. В искусстве, в науке, во всяком деле человеческом оно может значить и принести плод даже, а в вере оно уродство. Но несмотря на то, тут выйдет прок. Тебе надобно было высказаться. Книга твоя проистекла все-таки из доброго и чистого источника, а что из доброго источника проистекает, то непременно к добру и приведет. Последнее письмо твое еще более убедило меня в этом. Ты обидел Погодина[6]. Обидевший обыкновенно не любит обиженного, но ты теперь-то и начинаешь любить его. В добрый час! Теперь, конечно, ты можешь быть ему полезен. Но, мне кажется, ты должен публично сознаться в том, что его обидел. Ты говоришь, что и забыл о словах оскорбительных, какие были в письмах твоих о Погодине, потому что был занят чем-то важнейшим. Да разве о таких вещах забывают и что же может быть этого важнее?! Тут же ты читаешь урок: слово гнило да не исходит из уст ваших! – а сам, говоря о человеке близком, сказал такое слово, которое забыл. Сказать человеку, что он 30 лет работал, как муравей, по пустякам и что ни один человек не сказал ему за то спасибо, сказать такую неправду и забыть еще, что сказал, – все это у тебя нипочем. Ты не встретил ни одного признательного юноши: ну да что же делать, если ты не встретил?»

Ранее, в январе 1840 г., сам Гоголь писал о Погодине В. А. Жуковскому: «Бедный мой Погодин! Добрая душа! сколько он хлопотал и старался обо мне! Никогда брат... О, если бы ему всё удалось в жизни! Но этому человеку много борьбы было и будет. Он потерял теперь всё состояние свое, весь капитал, который замошенничали у него подлейшим образом. И хоть бы упрек, хоть бы что-нибудь похожее на печаль показалось у него. Он

опять занялся своей историей и позабыл всё. И какой величественный, какой удивительный его труд теперь! Клянусь, мир не знает этого человека!! но будет время, когда имя его вознесут наравне с именами первых столбов науки».

Позднее Гоголь собирался написать статью «О достоинстве сочинений <и> литературных трудов Погодина»[7].

Возможно, «обида», сознательно нанесенная Погодину в «Выбранных местах из переписки с друзьями», объясняется, помимо прочего, нежеланием Гоголя, чтобы тот высказал книге в печати свое одобрение. По замыслу Гоголя, «Переписка с друзьями» была адресована людям самых разнообразных взглядов и направлена на объединение противоборствующих в России партий (см. ***1844. Марта 12 <февраля 29>. Вторник. Ницца*** – примечания), тогда как вероятно восторженный отклик на его книгу Погодина, в журнале «Москвитянин», сделал бы ее знаменем лишь одной, хотя и наиболее близкой самому автору партии – и тем самым оттолкнул бы от книги, сформировал предвзятое к ней отношение читателей других взглядов, прежде всего западников, стоящих, по словам Гоголя в письме к С. П. Шевыреву от 11 февраля (н. ст.) 1847 г., «на низшей перед нами ступеньке воспитанья».

Далее Шевырев писал Гоголю:

«Еще Погодин виноват, что печатал многие материалы литературные, что радовался всяким строкам великого человека. Как решить о великом человеке: какая строка дорога? какая нет? Если бы иная и сбавила величия, не мешает. Все в человеке великом поучительно, и потому не беда, если Погодин печатал и то, что тебе кажется пустяком, а что другому не покажется. Но довольно о том. Ты написал Погодину нежное, дружелюбное письмо[8]. Теперь, когда ты полюбил его, говори ему о его недостатках, и теплое слово твое, конечно, подействует лучше, нежели черствые выходки в твоих письмах и надписях[9].

Много явилось статей о твоей книге. Петербургских я почти не читал, за исключением статьи Белинского в "Современнике"[10]. Он на тебя злится за книгу – и только. Бедный Белинский в злой чахотке. В Петербурге все тебя ругали, за исключ<ением> Булгарина[11], который обрадовался случаю оправдаться и сказал: "Вот видите! ведь я правду говорил, что сочинения Гоголя никуда не годятся. Вот он и сам то же говорит". Здесь вышло две статьи. Одна в "Листке", Григорьева[12], с сочувствием к тебе. Другая, самая сильная статья против тебя из всего до сих пор напечатанного, статья Павлова[13]. Она возбудила во многих сочувствие, и много об ней говорят. Все статьи московские к тебе посылаю по почте. Может быть, они вызовут тебя к ответу. Павлов печатает ряд писем и разбирает всю книгу твою по косточкам. Может быть, и я скажу свое слово, когда переслушаю всех[14].

Главное справедливое обвинение против тебя следующее: зачем ты оставил искусство и отказался от всего прежнего? зачем ты пренебрег даром Божиим? В самом деле, ведь талант дан тебе был от Бога. Ты развил его, ты не скрыл его в землю. За что же пренебрегать тем? Ты таким пренебрежением оскорбляешь и Бога, оскорбляешь и людей, которые в тебе любовались этим талантом и его ценили. Как хочешь, это внушение гордости личной, гордости духовной, против которой ты сам же говоришь на последних страницах твоей книги. Возвратись-ка опять к твоей художественной деятельности. Принеси ей опять твои обновленные силы. Твой комический талант еще так нужен в нашей России, и нужен именно против того врага, с которым ты борешься. Конечно, прежде ты иногда шалил им. Но эти шалости понятны в поэте нашей эпохи. У Гомера в "Илиаде" боги ведут себя всегда чрезвычайно дурно, бранятся и дерутся, когда люди предаются злобе, гневу и терзают друг друга. Боги греческие – поэты или поэзия. Так и поэзия ведет себя дурно, дерется и бранится, когда у людей скверно идет дело. Таков Аристофан. Таков был и ты. Твоя поэзия также дралась, ругалась, шалила, как боги греческие, как Юнона, Марс, Венера. Но ты мог бы теперь высокую комедию, всю силу смеха, которым ты одарен, обратить на самого дьявола. Раз случилось мне говорить с одним русским, богомольным странником, который собирался в Иерусалим и был у меня. Звали его Симеон Петрович. Рыженький старичок. У меня записана в книге вся его беседа, но есть в ней особенно одни слова, которые тебе принадлежат как комику. Выписываю из моей книги: "Весьма иронически и всегда с насмешкой говорил он о дьяволе, называя его дураком: «В яме сидит, дурак, сам и хочет, чтобы и другие туда же засели. Прямой дурак!»" Вот мысль русского и христианского комика: дьявол первый дурак в свете и над ним надобно смеяться. Смейся, смейся над дьяволом: смехом твоим ты докажешь, что он неразумен. Ведь в самом деле, все глупости людей от него. Пока-

зывай же людям, как он их путает, как они от него глупеют, мелеют, как и великое он у них отнимает! Ведь это запас неистощимый для комика русского! Ведь даже не одна Россия, но весь мир может войти в твою комедию. Ты пишешь ко мне, что ты путем разума, путем скорее протестантским, дошел до Христа: итак, если разум для тебя во Христе, то неразумие и вся глупость должны быть в человекоубийце, во враге его. Итак, преследуй врага твоим неистощимым, чудным хохотом[15], и ты совершишь доброе дело людям в пользу вечного разума, который во Христе. Христос растворит твое сердце любовию, которая внушит тебе и высокие создания. Перед тем, как писать к тебе, я прочел опять твое "Светлое Воскресенье". Во имя Его, – и вот уже гремит оно по Москве, – прошу тебя: возвратись к искусству. Не заставь людей в России говорить, что Церковь и вера отнимают у нее художников и поэтов. Спешу к заутрене. Обнимаю тебя. Христос Воскресе!»[16]

Беседа со странником Симеоном Петровичем, о которой упоминает Шевырев, состоялась 2 октября 1843 г. Запись об этом в своем дневнике Шевырев сделал на следующий день, 3 октября: «Весьма иронически и всегда с насмешкой говорил он о дьяволе, называя его дураком: в яме сидит дурак сам – и хочет, чтобы и другие туда же засели. Прямой дурак!»[17] 27 апреля (н. ст.) 1847 г. Гоголь отвечал Шевыреву: «Слова твои о том, как чорта выставить дураком, совершенно попали в такт с моими мыслями. Уже с давних пор только о том и хлопочу, чтобы после моего сочинения насмеялся вволю человек над чортом. Я бы очень желал знать, откуда происхожденьем тот старик, с которым ты говорил. Судя по его отзыве о чорте, он должен быть малороссиянин».

В 1845 г. польский критик М. А. Грабовский в статье, посвященной собранным П. А. Кулишом украинским народным преданиям, отмечал: «Дьявол в воображении украинского народа не представляется могучим духом зла, свирепым и ужасным, каким бы должен быть по догмату Христианства. У украинцев он слывет существом только злобным, вредным и довольно часто покоряемым и обманываемым людьми. Поэтому в преданиях народных играет он роль чаще смешную, нежели страшную, что совершенно понял Гоголь, облекавший в юмор свои фантастические повести»[18]. Ранее, в 1842 г., археолог и этнограф А. И. Дмитрюков[19] также замечал: «Круг действия Малороссийских демонов чрезвычайно обширен и разнообразен; Малороссияне менее убеждены в истине их существования, нежели как они это показывают и говорят; все рассказы их о действиях демонов большею частию отражаются иронией...»[20]

Гоголь, создавая образы героев своих ранних повестей, во многом следовал этому простонародному отношению к нечистой силе (нашедшему отражение не только в русском, но и в мировом фольклоре). Однако сам подобных представлений писатель не разделял. Большинство героев «Вечеров на хуторе близ Диканьки» обнаруживают, с одной стороны, «бесстрашие» перед нечистью, с другой, – крайнюю беспечность к своей участи; их «храбрость» оборачивается прямым безрассудством. По замыслу Гоголя, эти «бесстрашные» герои, по неведению или духовной лености, часто являют отсутствие страха именно там, когда бы следовало со страхом вспомнить о наказании, грозящем им за легкомысленную беззаботность и неосмотрительность в «невидимой брани». Постоянно толкующие о кознях лукавого, рассказывающие друг другу истории о его проделках, герои Гоголя на деле подменяют заповеданное Апостолом трезвение (1 Петр. 5, 8) мечтательными баснями и сказками и, преданные им, почти всегда недооценивают своего противника. И напротив, – подверженность вполне реальным – уже не сказочным и не фантастическим – искушениям лукавого гоголевские рассказчики в «простоте» своей считают делом вполне «обыкновенным» и даже безгрешным – не имеющим ничего общего со злыми духами. Между тем эти воздействия темных сил и представляют собой, по Гоголю, действительную брань добра и зла за души людей – брань куда более серьезную и опасную, чем благополучные путешествия героев в «пекло» и обратно народных легенд и анекдотов[21].

В тот же день, 22 марта 1847 г., Е. А. Свербеева писала А. Н. Попову в Петербург:

«Получил Сергей Тимофеевич Аксаков славное письмо от Гоголя[22]. Как я рада, что мы с Вами одни в нем не обманулись, не сомневаясь. Все другие отчаялись и жестоко поступали с ним – совсем не по-дружески. Позвольте мне послать Ваше письмо к нему о его книге – оно его утешит – дайте его напечатать[23]. Павлов, своими громами вооруженный, для меня кажется очень сам напуган своим громким голосом и как будто стыдится, что заговорил[24] или, лучше, выкрикнул так громко, а голосу-то и не хватит, мне кажется, у червячка. Пускай же и накажется за громадность своего предприятия. Хотел было поднять скалу на Гоголя, а скала рушится на нем, мне так это видится»[25].

[1] См. ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь.***

[2] См. ***1847. Марта 23 <апреля 4>. Светлое Христово Воскресение. Праздники православной и католической Пасхи. Москва.***

[3] См. ***1847. Марта 10 <февраля 26>. Среда. Неаполь***; ***1847. Марта 13 <1>. Суббота. Неаполь.***

[4] См. ***1847. Января 8 <20>. Среда. Москва***; ***1847. Января 30 <февраля 11>. Четверг. Москва.***

[5] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[6] Имеется в виду статья *IV. О том, что такое слово* «Выбранных мест из переписки с друзьями». — См. ***1841. Октября 7 <сентября 25>. Четверг. Берлин*** (примечания).

[7] См. ***1847. Апреля 27 <15>. Вторник. Неаполь***; ***1847. Июня 1 <мая 20>. Вторник. Париж.***

[8] См. ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь.***

[9] Имеется в виду присланная Шевыреву надпись для наклейки на экземпляр «Выбранных мест из переписки с друзьями», предназначавшийся М. П. Погодину (см. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца***).

[10] Современник. 1847. № 2.

[11] <*Булгарин Ф. В.*> *Ф. Б.* Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1847. 11 янв. № 8.

[12] В «Московском Городском Листке» (1847. 10 марта. № 56; 17 марта. № 62; 18 марта. № 63; 19 марта. № 64) была напечатана статья А. А. Григорьева «Гоголь и его последняя книга» (подпись: *А. Г.*).

[13] Имеется в виду первая из трех статей, или «писем» Н. Ф. Павлова, напечатанных в № 28, 38, 46 «Московских ведомостей» за 1847 г. (см. ***1847. Марта 6 <18>. Четверг. Москва***; ***1847. Марта 29 <апреля 10>. Суббота Светлой седмицы. Москва***; ***1847. Апреля 17 <29>. Четверг. Москва***) и в том же году перепечатанных в «Современнике» (№ 5, 8).

[14] См.: *Шевырев С.* Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя // Москвитянин. 1848. № 1 (цензурное разрешение 27 дек. 1847). <Отд. 2>. С. 1–29; ***1847. Декабря 27 <1848. Января 8>. Суббота. Москва.***

[15] См. также призыв Шевырева к Гоголю в посвященном ему в 1839 г. стихотворении «Что ж дремлешь ты? — Смотри, перед тобой..»: «...Новый пир, пир Талии задай, / Чтобы на нем весь мир захохотал, / Чтобы порок от маски задрожал...» (см. ***1839. Января 30 <18>. Среда. Рим***).

[16] Ответ Гоголя см.: ***1847. Апреля 27 <15>. Вторник. Неаполь.***

[17] *РНБ.* Ф. 850. Ед. хр. 20. Шевырев С. П. Журнал. Записки и заметки. 1843–1852 г. 95 л. Л. 7.

[18] <*Грабовский М. А.* > Об украинских народных преданиях. *С польского В. В–ский* // Москвитянин. 1846. № 11 и 12 (том вышел позднее; ценз. разр. — 11 марта 1847 г.). С. 151. — Перевод статьи, опубликованной в виленском журнале «Рубон». 1845. Т. 6.

[19] Алексей Иванович Дмитрюков (1795–1868), археолог, этнограф, педагог.

[20] <*Дмитрюков А. И.* > Очерки демонологии Малороссиян // Москвитянин. 1842. № 12 (ценз. разр. 25 дек.). Смесь. С. 112.

[21] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* ...И по ту, и по эту сторону Диканьки // Творчество Н. В. Гоголя в контексте православной традиции: Коллективная монография / Науч. ред., сост., предисл. Г. В. Мосалевой. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. С. 117–182.

[22] См. ***1847. Марта 6 <февраля 22>. Суббота. Неаполь.***

[23] Письмо неизвестно.

[24] См. ***1847. Марта 6 <18>. Четверг. Москва.***

[25] Гоголь в письмах Е. А. Свербеевой (рожденной княжны Щербатовой) // *Свод.* Т. 3. С. 854.

МАРТА 22 <АПРЕЛЯ 3>. ВЕЛИКАЯ СУББОТА. КАЛУГА

А. О. Смирнова получает письмо от Гоголя[1]; пишет ему ответное поздравление (письмо было закончено и отправлено позднее, 25 марта 1847 г.[2]):

«Христос Воскресе!.. <...> Сегодня утром получила ваше письмо, от 28-го <22-го> февраля, из Неаполя; вы не даете мне адреса и я все пишу в Рим, в посольство[3]. Там уже два моих письма[4] вас ждут, после появления вашей переписки[5], кроме того, которое вы получили[6]. Здоровье мое плохо... В конце мая ожидаю родов своих и тут решится, чего мне ждать от будущности. Я уже раз было совсем отправилась на тот свет и была в совершенном беспамятстве. Не знаю, что теперь Бог даст».

[1] См. ***1847. Февраля 22 <10>. Понедельник. Неаполь.***

[2] См. ***1847. Марта 25 <апреля 6>. Вторник Светлой седмицы. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Калуга.***

[3] В письме от 10 мая (н. ст.) 1847 г. Гоголь отвечал: «Не могу понять, почему вы так сильно беспокоились насчет моего местопребыванья и адреса, тогда как я вам не писал ни слова о том, что оставляю Неаполь. От октября <ноября> прошлого года <см. ***1846. Ноября 18–19 <6–7>. Среда-четверг. Неаполь***> до 10 мая нынеш-

него сижу в Неаполе и никуды ноги не заносил отсюда. Уже в двух письмах подтвердил я вам, что я в Неаполе. Но не знаю, или не доходят мои письма?»

[4] Одно из писем было отправлено 18 февраля 1847 г. (см. ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Калуга***), второе письмо неизвестно.

[5] Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями».

[6] См. ***1847. Января 11 <23>. Суббота. Калуга.***

МАРТА 23 <АПРЕЛЯ 4>. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИКИ ПРАВОСЛАВНОЙ И КАТОЛИЧЕСКОЙ ПАСХИ. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет М. П. Погодину по поводу полученного им письма Гоголя от 4 марта (н. ст.) 1847 г.[1]:

«Христос Воскресе! <...> Гоголь пишет ко мне о письме к тебе. С нетерпением желаю прочесть его. Мне приятно его обращение к тебе. Оно открывает мне все-таки, что книга его, несмотря на множество в ней грехов и ошибок, проистекла из чистого источника»[2].

С. Т. Аксаков, получив, в свою очередь, письмо Гоголя от 6 марта (н. ст.) 1847 г.[3], также писал Погодину: «Я знаю, что вы получили письмо от Гоголя и письмо доброе; я получил такое же, и потому не приедете ли вы ко мне, чтоб я мог прочесть ваше, а вы мое, и чтоб мы вместе порадовались и потолковали»[4].

В тот же день, 23 марта 1847 г., Шевырев получил новое письмо от Гоголя, с вложением письма к Д. К. Малиновскому[5], и отправил ему в ответ в Неаполь свое, начатое накануне[6]:

«К матери твоей отослал 2100 р<ублей> асс<игнациями>[7] из денег, выручен<ных> за сочинения; а после вложу из "Мертвых душ", когда накопятся. К сестре твоей письмо[8] отослал[9]. Иннокентия проповедей[10] нет: все издание истощилось.

В день праздника получил письмо твое, которое было для меня истинным подарком. Тут вложено и письмо к Малиновскому. Исполню, исполню твое желание. Буду писать к тебе чаще и пришлю тебе подробный отчет о всех толках, касающихся до твоей книги».

[1] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Неаполь.***

[2] *Барсуков.* 1894. Кн. 8. С. 549.

[3] См. ***1847. Марта 6 <февраля 22>. Суббота. Неаполь.***

[4] *Барсуков.* 1894. Кн. 8. С. 549.

[5] См. ***1847. Марта 10 <февраля 26>. Среда. Неаполь***; ***1847. Марта 13 <1>. Суббота. Неаполь.*** – Письмо Гоголя к Шевыреву от 10–13 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя имеет московский почтовый штемпель: «Получ<ено> Вечера 1847 Марта 22» (*Городецкий.* С. 468).

[6] См. ***1847. Марта 22 <апреля 3>. Великая Суббота. Москва.***

[7] По просьбе Гоголя (см. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Неаполь***; ***1847. Марта 10 <февраля 26>. Среда. Неаполь***).

[8] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Неаполь.***

[9] См. ***1847. Марта 19 <31>. Великая среда. Москва.***

[10] См. ***1844. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Дармштадт*** (примечания).

МАРТА 24 <АПРЕЛЯ 5>. ПОНЕДЕЛЬНИК СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. МОСКВА

М. П. Погодин завершает и отправляет Гоголю в Неаполь письмо, начатое 17 марта 1847 г.[1]:

«Продолжаю, окончив говение.

Самое ясное и осязательное доказательство этого расстройства[2] и вместе искренности книги есть "Завещание". Разберем его, сколько удержала память (книги нет дома).

1. "Не хоронить до..."[3] Но ты мог и можешь умереть на море, в чужих краях, в Азии. Для чего же нам здесь сказывать это желание? Это раз, а потом: как требовать или даже предполагать, чтоб вся Россия прочла твое завещание, чтоб не могла отказываться незнанием (пред кем, для чего?). Не лучше ли просто носить, хоть на кресте, записку: "Прошу не хоронить меня до..."

2. "Не ставить памятника..." Захотят поставить – поставят, и для себя, а не для тебя. Разве памятники ставят для усопших? На что им они? "А сделаться лучше". Кто делается лучше, тот делается для себя, для Христа, а для другого никто не делывался лучше[4], особенно для незнакомого автора. И друзьям мудрено тут рассчитывать. Может быть, даже есть нечто и грешное в том, чтобы делаться лучше по завещанию, вместо памятника!

3. "Не плакать". У кого есть слезы, тот их выльет, а у кого нет, тому и говорить нечего. Слезы полезны плачущему. "Не плакать даже и об лучшем муже". Что за сличения, сравнения? Ты умрешь ныне, другой завтра, как тут соединить рассуждения!

4. О портрете[5]. Начать писать и вспомнить... Это фигура, оборот автора, а не умирающего человека. Дурная литография не помешает знаменитой гравюре, как Иорданову "Преображению" тысяча прежних. Перепечатывать никто не думал и никто не имеет права. В одно время с Москвою вышел в Харькове при "Молодике" совершенно другой портрет. Мне недавно сказали, что ты был взбешен помещением портрета в "Москвитянине". Я не мог никак этого предполагать. Я думал даже сделать тебе маленькое удовольствие, а твоим почитателям большое. Никакой другой мысли не было и не могло быть. Спрашиваться в России никогда не было в обычае. Зачем я, как близкий человек, не спросился? – не подумал, а может быть, вместе и не хотел поставить тебя в щекотливое положение дозволять свой портрет. Вреда твоей собственности не произошло, в этом я уверяю. Впрочем, если ты сердился и сердишься, то извини меня. Пошлю пока написанное. Остальное с следующей почтой. Обнимаю тебя крепко».

[1] См. ***1847. Марта 17 <29>. Великий понедельник. Москва.***

[2] См. ***1847. Января 10 <22>. Пятница. Москва.***

[3] См. ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн*** (примечания).

[4] См. там же.

[5] Подробнее см.: ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

МАРТА 24 <АПРЕЛЯ 5>. ПОНЕДЕЛЬНИК СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев отвечает[1] С. П. Шевыреву в Москву:

«Много печальных мыслей приходило мне в голову в продолжение молчания вашего, любезнейший Степан Петрович! Наконец я даже думал, что Гоголь, который в последнее время теснее соединил нас, сделался причиною и разрыва между нами. Но, слава Богу! вы отозвались – и я нашел в вас, более, нежели когда-нибудь, человека по моему сердцу. Всё, что вы ни сказали о Гоголе, меня утешает и трогает. <...> Совершенно соглашаясь с вами во всем, что сказали вы мне о самом Гоголе и его книге, прибавлю здесь несколько слов в дополнение общего мнения нашего.

Гоголь, лицом к лицу увидев очарование христианского возвышения над земными отношениями нашими, подумал, что и мы все, его друзья, уже поднялись в эту же сферу и принимаем всё, так сказать, по термометру его собственной крови. Без сомнения вы верите, что, вызывая торжественно все толки на каждое слово в его сочинениях, Гоголь не руссовствовал, а смиренно подставил всем не только спину, но и лицо свое, которое теперь наперерыв и оскверняют *благородные* критики наши оплеваниями. <...> Надобно, как он и просит всех, прочитать его книгу вдруг всю, и не раз, а по крайней мере три: тогда (и то призванные к постижению высоких откровений) все

поймут в его книге, все полюбят — и ничему не удивятся. Павлов не так поступил[2] — да, кажется, и не способен поступить он иначе: он и книге Гоголя ищет смыслу, ухватясь, как полицейской сыщик за описание примет, за грамматику, логику и лексикон, тогда как ему следовало бы прежде всего ухватиться за сердце. Я готов всё простить Белинскому и Губеру с братиею, но не прощаю Павлову; потому что Гоголь, обратившись к нему с письмом как к достойному слов его, получил от него недостойный ответ. Что за идея, будто художник в некоторые минуты не смеет быть просто христианином! Гоголь говорит же им, что он напишет и второй том Мертвых душ. Ужели кто рисовал только сцены из языческой мифологии, лишен права бросить и очерк ангела? За то, вместе с нравственностию и религиею, сколько обозначил он как гениальный писатель предметов литературных, патриотических и философских! Критика прошла все это мимо. Его обзор наших поэтов[3] есть для меня теперь лучшее руководство в истории отечественной литературы. Вы прекрасно сказали, что пускай наперед выскажутся все. Действительно, в этом шуму непристойно и бесполезно говорить благомыслящему человеку. После этих замечаний моих вы уже поймете, отчего не могу я приписать гордости всех советов, помещенных Гоголем в книге. Это, опять скажу, забвение смысла наших слов, происшедшее от высокости христианства, на которую вознеслась душа его. Путь, по которому прошел новый Гоголь, и весь процесс, совершившийся внутри его, ему так уже знаком, и в такой мере им прочувствован, что он забыл о нас, ни в чем в этом не участвовавших: он говорит с нами, как бы и мы поднялись уже в его сферу. То, что вы считаете за послание Пушкина к Гнедичу (как и я иногда думал), писано к Государю[4]. Раз, во время балу в Аничковом дворце, он долго не выходил, остановившись над Илиадой, которая попалась ему на глаза и которую он стал тут читать. При вступлении его заметили на его лице выражение серьезное. Это видел и Пушкин, который, возвратясь домой, и написал:

"С Гомером долго ты беседовал один" и проч.

Прочтите до конца: вам теперь будет понятно каждое слово. А прежде, когда я вместо Государя воображал Гнедича, не мог растолковать себе, к чему говорится тут о пляске и проч. Этот рассказ в Гоголевой книге Никитенко вычеркнул.

Скоро ли отпечатаны будут прочитанные вами 19 лекций[5]? Я с нетерпением жду их. Но еще нетерпеливее желаю читать воззрения ваши на Данта и Шекспира. Это два мира христианских времен».

Свод. Т. 1. С. 694–695.

[1] См. ***1847. Марта 20 <31>. Великий четверг. Москва.***
[2] См. ***1847. Марта 6 <18>. Четверг. Москва.***
[3] Статья *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность.*
[4] См. ***1842. Января между 2 и 7. Москва*** (примечания).
[5] См.: История Русской Словесности, преимущественно древней. XXXIII публичные лекции *Степана Шевырева,* О<рдинарного> Профессора Московского Университета. М., 1846 (ценз. разр. 19 марта). Т. I. Ч. 1.

АПРЕЛЯ 6 <МАРТА 25>. ВТОРНИК СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. ПРАЗДНИК БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет в Васильевку ответные[1] письма к матери и к сестре Елисавете.

Из письма к матери: «Христос Воскрес! Поздравляю вас всех от всей души с радостным для всего мира праздником. Благодарю вас за письма ваши от 18 февр<аля>[2] и преимущественно вас, маминька, за ваше довольно обстоятельное письмо. Не оставляйте меня и впредь подобными известиями как о книге, так и о прочем. Не думайте только, что после этой книги моей будут все при-

мирены со мной. Напротив, может быть, никогда еще не раздавались в таком большом количестве против меня крики и осуждения, как будут раздавать<ся> отныне. Но вы этим не смущайтесь: всё делается не без воли Божией. Мне нужны несравненно строжайшие упреки, чем какие когда-либо доселе мне были деланы. <...> Итак, не смущайтесь никакими неприятными заключениями обо мне, но передавайте их мне просто так, как их услышите. А между тем помолитесь обо мне и просите всех молиться. Молитесь о том, чтобы прогнал милосердный Бог далеко от меня духа самоуверенности, гордости, самоослепления, который ежеминутно может овладеть нами, так что мы и сами не можем того заметить. Молитесь, чтобы осенил меня Бог светом разума своего и действовал бы я по святой Его воле, чтобы здраво и ясно глядел я и на себя, и на других и мог бы видеть даже издали приближение нечистого духа искушений, от которого одна только небесная милость Божия может избавить нас да чистые, усердные молитвы, призывающие эту милость на нас. Передайте мой искренний душевный поклон доброй Софье Васил<ьевне> Скалон... <...> На это письмо ответ адресуйте уже во Франкфурт, по прежнему адресу. <...> Лизе при сем следует письмецо».

Из письма к сестре: «Христос Воскресе, добрая моя Лиза! Отвечаю тебе на твои два письма. Ими я гораздо больше доволен, чем всеми твоими прежними письмами, хотя в них заключается грустное известие о смерти Прасковьи Ивановны Раевской[3], которой безмятежная и чистая душа уже ликует теперь на небесах. Не грусти о ней, но молись, чтобы и она помолилась о тебе потом на небесах. Известие твое о бедственной судьбе твоей крестницы[4] также трогательно. Но зачем же ты не возьмешь ее к себе? Или места нет в доме, что ли? И зачем тебе уступать свою комнату? Можно особенно определить для этого комнату и назвать ее просто детскою, потому что, Бог весть, может быть, опять отыщется какая-нибудь сиротка, которой негде приютиться на свете. Прежде[5] я тебе отсоветовал это единственно потому, что ты была немножко ветрена и глядела на это занятие, как на игрушку. Теперь, когда ты глядишь на это, как на христианскую обязанность, — другое дело. <...> Одевать ее можно очень просто; чем проще, тем лучше. Воспитывать тоже можно очень просто. Нужно только, чтобы она была добра душой и сердцем, хозяйка, услужлива, приветлива, ласкова, как ласточка, и готова на всякую работу и труд как для себя, так и для других. По-моему, я бы не отдавал и в институт, потому что дома можно лучше выучиться всему тому, что нужно для девушки для того, чтобы сделаться хорошей хозяйкой, хорошей женой и хорошей матерью. Девушке бедной вовсе не нужны те таланты, которые приобретаются для того, чтобы блистать в обществе. Иначе она себе не сыщет и мужа, потому что мужчины теперь сделались сметливей и начинают выбирать себе просто добрых хозяек. А потому больше всего старайся возлагать маленькие порученности по домоводству. <...> Что же касается до ученья, то не делай из этого ничего педантского и не заставляй долго сидеть за книгой: напротив, реже сколько можно. Старайся лучше всё полезное внушать посредством рассказов; это будет гораздо действительнее. Прочитай прежде сама, что найдешь нужным для ребенка, и потом подумай о том, как бы рассказать ему таким образом, как самую занимательную сказку, так, чтобы твой урок был ему как бы в награду. Поверь, что это будет так нравиться детям, что они будут приступать к тебе ежеминутно с просьбой рассказать что-нибудь, и посредством этого ты можешь внушить в немного времени много того, чего в целые годы не внушат учителя. Ум твоей воспитанницы будет чрез это гораздо больше развит, чем у той, которая выходит из института. Поэтому я тебе советую читать самой особенно такие книги, из которых можно извлечь что-нибудь хорошее для детей по части истории, путешествий по разным землям, по части естественной истории и вообще всего того, что знакомит с мудростью творений Божьих. Из повестей избирай в свои рассказы такие, где изображено, как сделалась какая-нибудь девочка отличною хозяйкой и заслужила от всех похвалу, как привела себя в возможность делать всем добро и всюду благотворить. Всё это будет и для тебя гораздо приятнее, и для твоих воспитанниц, которых ты сможешь без труда учить разом всех, потому что, как только они почувствуют приятность твоих рассказов, то обсядут тебя кучкой и не сведут с тебя глаз. Не говори им только, что это урок, но что это рассказ и повесть им в награду за исправность, услужливость, прилежанье и внимательность. Воспитанье производится очень легко, если только хоть сколько-нибудь прежде воспитает себя тот, который воспитывает других. Уже достаточно присутствовать только в обществе воспитанных и добросердечных людей, чтобы от них нечувствительно набраться и себе самому того же.

Я поместил тебя к Прасковье Ивановне[6] совсем не затем, чтобы чему-нибудь выучиться, но чтобы нечувствительно сделаться и самой доброю, находясь ежеминутно окруженной кроткими и незлобивыми людьми, тогда как если бы ты осталась тогда в доме, ты бы еще более раздражилась в характере от беспрестанных ссор и споров с сестрой. Но, живя там и видя пред собой беспрестанно светлое, исполненное доброты лицо Прасковьи Ивановны, ты и сама стала нечувствительно выражать на лице своем[7] больше светлости и спокойствия. <...> ...Умей только привязать к себе воспитанниц своих так, чтобы они любили тебя без памяти, и они воспитаются сами собою. <...> Путем любви можно всё передать человеку. <...> Насчет ведения приходов и расходов прочитай еще раз всё, что ни было мною писано в письмах. Статья эта вовсе не маловажная, и от нее зависит много всяких улучшений и возможностей умней распоряжаться во всем. От упреков моих не приходи в сокрушение: ты видишь — я сегодня попрекну, завтра похвалю. Таков уж человек; в нем пребывает рядом одно с другим: и то, что достойно похвалы, и то, что достойно порицанья. Хотя я тебе кажусь гораздо совершеннее тебя, но во мне также пребывают они рядом, а потому я не смущаюсь ни от какого упрека, но благодарю за него, потому что он заставляет меня построже взглянуть на себя».

[1] См. ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Васильевка.***

[2] Письма не сохранились.

[3] См. ***1847. Февраль-март <января вторая половина — марта средина>. Неаполь.***

[4] Сирота Эмилия (вероятно, дочь И. Я. Ващенко); впоследствии была замужем за доктором З. П. Ковриго.

[5] Ранее, в 1845 г. , сирота Эмилия уже жила в доме Гоголей (см. ***1845. Декабря 10 <22>. Понедельник. Васильевка***).

[6] См. ***1840. Апреля 27. Суббота. Москва; 1840. Мая 10. Пятница. Москва.***

[7] Ср. ***1843. Февраля 3 <января 22>. Пятница. Рим.***

МАРТА 25 <АПРЕЛЯ 6>. ВТОРНИК СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. ПРАЗДНИК БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. КАЛУГА

А. О. Смирнова заканчивает и отправляет ответное письмо Гоголю, начатое 22 марта 1847 г. (адресует письмо в Рим)[1]:

«Вчера мы говорили с братом[2], что вам бы непременно нужно приехать хотя на шесть месяцев — пожить в губернском городе[3], что именно ничего нет лучше, как быть в коротких сношениях с губернаторшей. Живя в доме, вы увидели бы весь ход машины и весь бы мир этот открылся вам во всей широте и наготе... Даже три месяца достаточны. Теперь мне уже самой многое не является в тех разительных чертах, как вначале, когда весь этот быт был нов. Странно довольно, что лет 50 тому назад общий ход дел был хуже, т, е. резче были беспорядки, но были люди строгой, высокой нравственности, или люди очень умные и вообще более русские; а теперь как-то все обмельчало и оскудело. Меня уверяют, что это оскудение, нравственное особенно, сделалось заметно после войны 1812 года, — говорил мне это один очень умный священник, здесь в Калуге, — то, что прежде многие говорили.

Описать вам отдельные лица я теперь не могу, потому что при болезненном состоянии тела исчезла веселость ума, которая водилась... <...> Есть странные нравственные явления, но в подробности я не буду их описывать.

Алексей Алексеевич Т<роицкий>[4], главный врач Хлюстинской больницы[5], женился недавно в Петербурге на воспитаннице воспитательного дома, хорошей, доброй, бедной и молоденькой девушке. Все его хвалят, любят и в больнице им очень довольны все. Человек он очень искательный, всякий праздник явится непременно ко мне в белом галстухе, с огромным бантом, в шведских перчатках, руку прижимает к сердцу и говорит, низко кланяясь: “Ваше превосходительство, не смел, ей-Богу, не смел вас беспокоить, приехал узнать о здоровьи, но люди доложили”. От меня едет ко всем властям, и говорит о нравственности много и хорошо, жену обожает, о семейном счастьи говорит самым трогательным образом, и в самом деле хороший муж, отец и хозяин; добр очень до

людей. Показалось мне странно, что у него Гамбсова[6] мебель вся в разброс по тесным комнатам его казенной квартиры и карета на плоских рессорах, низенькая. Я спросила инспектора врачебной управы[7], откуда такие богатства? Он мне отвечал с удивлением: "Да разве вы не знаете, что он был 20 лет на содержании у старухи С–виной, когда был врачом в Боровске; за свою верную службу получил капитал; она умерла, он и зажил". Я сказала: "Да ведь это все-таки подлость". "Конечно, сказал Быховский (хохол, очень умный и прекрасный человек), — но Т<роиц>кий прекрасный человек, не смотря на 20-тилетнюю подлость". Как это вместе все соединяется?!

Вот еще факт любопытный. Хфилипп Иванович Х<ристианович>[8], но впрочем он теперь обер-прокурор в 7-м департаменте[9] в Москве, и Калуга в 7-м департаменте. Сидит он там с сенатором Бегичевым[10], а Бегичев ревизовал нашу губернию, когда Хфилипп Иванович был председателем гражданской палаты, и представил его в весьма черных красках, а с тех пор время ушло и Х<ристианович> сидит у него на спине и будет ему делать неприятности, на что он мастер, и нашему губернатору будет *наклеивать носы*, как говорят в провинциях. Стоило после того посылать сенатора ревизовать палату, и какого мнения Панин[11] о честности. Результат такого назначения пагубен для губернии, потому что это укрепляет людей в той мысли, что надобно быть пройдохой, и что в самом деле честные и прямые люди умирают с голоду в мелких чинах, или, если имеют состояние, как например Николай Михайлович[12], то оставляют службу, вследствие неприятностей от министра, которому представят вас мошенники начальники департаментов, как беспокойного человека, неуживчивого и гонящего самых дельных чиновников. А делец всегда вор и бестия в губернии...

Женщины молодого поколения, т. е. те, которые говорят по-французски, вообще дрянь. Читают романы Сю, Дюма в переводах и набирают самых глупых мыслей. Целый день рыскают одна к другой, играют в преферанс с утра. Есть очень бедные, которые на счету львиц, потому что не дурны собой; эти дуры не занимаются хозяйством, ни детьми, ни работой, а туда же читают над окошечком низенького деревянного домика и выжидают какого-нибудь льва. Упрямство у них удивительное; они убеждены, что вся премудрость черпается в фельетонах, и многие мне отвечали: "неужели мы вам поверим, что лучше читать проповеди, нежели романы французские, а куда в свет уйдешь с проповедями! Для разговора нужно знать «Mystères de Paris» и «Вечного жида»". Вообще утрачивается от этого искусство наливок, солений и варений, и все занятия прошлого женского поколения. Посты многие из этих дам еще соблюдают, но не знаю, по какой связи в мыслях; ни от одной толку не добьешься на этот счет. А знаете ли, что было в Москве великим постом? В пользу бедных выдумали катанье по городу и глисады с гор с факелами. Народ толпится по улицам и вокруг гор, и говорит: "хорошо придумали господа: барин сядет, да к себе барыню посадит на колени, а там ужинают, – вот их и пост". Князь Голицын, Сергей Михайлович, писал об этом генерал-губернатору[13]; но так как его супруга[14] председательница общества благотворительности, то письмо князя Сергея Михайловича осталось без внимания. Говорят, что преосв<ященный> Филарет тоже просил кн<язя> Щербатова отменить эти катанья, которые Константин Сергеевич[15] называет "богоугодным коверканьем". Вспомните, что Тихон Задонский тому 70 лет, в Воронеже, на маслянице, остановил бесчинствующий народ одним словом. А преосв<ященного> Филарета не послушался высший круг, бесчинствующий из ложных понятий о благотворительности и просвещении! На что-де нам, людям просвещенным, пост и соблюдение церковных постановлений! И все искупается словами: "в пользу бедных". Вот пагубный пример для губерний!

Пост — дело весьма важное не для отдельных лиц, но как гражданское обуздание для низшего народа; известно, что откупщики пируют все по постам.

Письмо это я пишу неделю, потому что в промежутке нашла на меня такая слабость, что не было возможности продолжать, и теперь кое-как дописываю. Не взыщите, что все сбито, без связи и порядка. Связь есть в сущности, потому что все это примыкает к тому, что вижу и слышу ежедневно.

Отчего вся гадость и безнравственность меня более здесь поражает, нежели в Петербурге? Ведь люди не лучше же там? впрочем, мне кажется, что лучше; может быть, я и ошибаюсь».

В тот же день, 25 марта 1847 г. И. С. Аксаков писал родным из Калуги в Москву:

«Ал<ександру> Осиповну не видел и, вероятно, не увижу, потому что ехать к ней не хочу. В 1-ой день праздника[16] получила она (сказывал мне Арнольди) письмо от Гоголя[17], говорит, самое утешительное. Он уверяет ее, что будет 2-й том "Мертвых душ", будет непременно; что книгу свою издал он для того, чтобы посудить и себя и публику... <...> Благодарит ее за любовь и говорит: с моими московскими приятелями не рассуждайте обо мне: они люди умные, но многословы и... Тут еще некоторые эпитеты, которые Арнольди не мог припомнить[18]. Мне же дать прочесть это письмо Смирнова, несмотря на все просьбы Арнольди, отказала!»[19]

[1] См. ***1847. Марта 22 <апреля 3>. Великая Суббота. Калуга.***

[2] Л. И. Арнольди.

[3] В ответном письме от 10 мая (н. ст.) 1847 г. Гоголь, в свою очередь, приглашал Смирнову в Остенде (см. ***1847. Мая 10 <апреля 28>. Понедельник. Неаполь***).

[4] Старший врач калужского Приказа общественного призрения, надворный советник.

[5] См. ***1845. Декабря 16 <28>. Воскресенье. Калуга.***

[6] Эрнст Гамбс (1805–1849) – владелец модного мебельного магазина в Петербурге. Упоминается во втором томе «Мертвых душ» в рассуждении Гоголя о разорительности роскоши: «Ведь всякий из нас чем-нибудь попользуется: <...> тот крадет у детей своих ради какой-нибудь приезжей актрисы, тот у крестьян ради мебелей Гамбса или кареты»; а также в статье *XX. Нужно проездиться по России* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «...Разорить полдеревни или пол-уезда затем, чтобы доставить хлеб столяру Гамбсу, есть вывод, который мог образоваться только в пустой голове эконома XIX века, а не в здоровой голове умного человека».

[7] Василий Яковлевич Быковский (Быховский, 1804–1877), инспектор калужской врачебной управы, штаб-лекарь, коллежский советник. Позднее Гоголь с ним познакомился (см. ***1849. Июля 8–9. Пятница-суббота – июля вторая половина, не позднее 26. Калуга***).

[8] Статский советник.

[9] Правительствующего Сената.

[10] Дмитрий Никитич Бегичев (1786–1855).

[11] Граф Виктор Никитич Панин (1801–1874), министр юстиции в 1841–1862 гг.

[12] Смирнов, муж Смирновой.

[13] Князь Алексей Григорьевич Щербатов (1776–1848).

[14] Княгиня Софья Степановна Щербатова (рожд. Апраксина, 1798–1855).

[15] Аксаков.

[16] На самом деле накануне праздника (см. ***1847. Марта 22 <апреля 3>. Великая Суббота. Калуга***).

[17] См. ***1847. Февраля 22 <10>. Понедельник. Неаполь.***

[18] В письме Гоголя: «Они люди умные, но многословы и от нечего делать толкут воду в ступе. Оттого их может смутить всякая бабья сплетня и сделаться для них предметом неистощимых споров. Пусть их путаются обо мне; я их вразумлять не буду».

[19] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 921.

МАРТА 25 <АПРЕЛЯ 6>. ВТОРНИК СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. ПРАЗДНИК БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно почтовому штемпелю[1], графиня Анна М. Виельгорская получила в этот день письмо Гоголя из Неаполя, с вложением письма к князю В. Ф. Одоевскому[2].

[1] См.: *Городецкий.* С. 442.

[2] См. ***1847. Марта 16 <4>. Вторник. Неаполь.***

МАРТА 26 <АПРЕЛЯ 7>. СРЕДА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Князь П. А. Вяземский пишет С. П. Шевыреву в Москву:

«Скажите Павлову, что первое письмо его к Гоголю[1] очень умно, но слишком зло и жестоко, а следовательно несколько и несправедливо. Вообще наши критики смотрят на Гоголя, как смотрел бы барин на крепостного человека, который в доме его занимал место сказочника и потешника и вдруг сбежал из дома и постригся в монахи. <...> Сказывают, что и вы строго судите новую книгу Гоголя. Я всегда был того мнения, что вы, Хомяков и другие слишком преувеличивали достоинство его, придавали ему произвольно значение, которое было ему не в меру, и таким образом производили вредное действие и на общее мнение, и на него самого. Равно и теперь полагаю, что вы неправы, если не сочувствуете книге его. Разумеется, в ней много странностей, излишеств, натяжек, натуг; но все это было и в прежних творениях его, в которых вы видели преобразование, возрождение, преображение литературы нашей. В Гоголе много истинного, но он сам не истинен; много натуры, но он сам не натурален; много здравого, бодрого, но он сам болезнен. Был таковым прежде: таков и ныне».

Гоголь в письмах князя П. А. Вяземского // *Свод.* Т. 1. С. 847.

[1] См. ***1847. Марта 6 <18>. Четверг. Москва.***

МАРТА 26 <АПРЕЛЯ 7>. СРЕДА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. РИГА

Ю. Ф. Самарин пишет А. О. Смирновой в Калугу:

«У нас все продолжаются толки о письмах Гоголя; не выходит ни одного номера журнала, в котором бы его не бранили. В этом отношении он будет доволен; у него наберется куча мнений самых разнообразных».

Из писем Ю. Ф. Самарина // *Свод.* Т. 3. С. 214.

МАРТА 27 <АПРЕЛЯ 8>. ЧЕТВЕРГ СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газете «Северная Пчела» напечатана первая[1] критическая статья Л. В. Бранта, посвященная «Выбранным местам из переписки с друзьями»[2].

[1] См. также ***1847. Апреля 4 <16>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1847. Апреля 5 <17>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] <*Брант Л. В.*> *Я. Я. Я.* Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. С. Петербург. 1847. (Статья первая) // Северная Пчела. 1847. 27 марта. № 67. С. 266–267.

МАРТА 28 <АПРЕЛЯ 9>. ПЯТНИЦА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. МОСКВА

С. Т. Аксаков пишет сыну Ивану в Калугу:

«Не знаю, писал ли я тебе о самой радостной новости: о письмах Гоголя? Вот уже теперь четыре письма, написанные им с 4-го марта: два к Шевыреву[1], а одно ко мне[2] и одно к Погодину[3], и все эти письма писаны уже другим человеком! Уже нет ни высокомерного спокойствия, ни лицемерного смирения; но положение его ужасно. Кипяток последнего моего письма[4] и ледяной холод письма Свербеева, обрушившиеся на него в одно и то же время, образумили и оскорбили его душу. Он благодарит меня, но в то же время негодует. Письмо его начинается так: "благодарю Вас, мой добрый и благородный друг, за ваши упреки! хотя мне и чихнулось от вашего письма, но чихнулось во здравие!" Зато вся его нежность обратилась на Щепкина и Погодина; к последнему он пишет даже страстное письмо, что показывает еще продолжающееся болезненное состояние духа — пусть

он никогда ко мне не обратится, для меня это все равно. Для спасения Гоголя я готов сделаться и презренным орудием казни, и отвратительнейшим палачом».

Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 599.

[1] От 4 и 10 марта (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Неаполь***; ***1847. Марта 10 <февраля 26>. Среда. Неаполь***).
[2] От 6 марта (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Марта 6 <февраля 22>. Суббота. Неаполь***).
[3] От 4 марта (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Неаполь***).
[4] От 27 января 1847 г., с вложением письма Д. Н. Свербеева к С. Т. Аксакову от 16 января 1847 г. (см. ***1847. Января 27 <февраля 8>. Понедельник. Москва***).

МАРТА МЕЖДУ 24 И 29[1] <АПРЕЛЯ МЕЖДУ 5 И 10>. МОСКВА

Н. Н. Шереметева отправляет к Гоголю в Неаполь письмо, начатое 19/31 марта 1847 г. (в день его рождения[2]):

«Еще вас, мой милый друг, мой возлюбленный незабвенный Николай Васильевич благословляю, вручаю Богу и Им вас умоляю: ни к чему не приступайте, не помолясь и не испрося на то Его Отцовского благословения. <...> ...С терпением и смирением все переносите, легче самому потерпеть, нежели, храни Господи, кого оскорбить».

[1] См. ***1847. Апреля 24 <мая 6>. Четверг. Москва***.
[2] См. ***1847. Марта 31 <19>. Великая среда. Неаполь***.

МАРТА 29 <АПРЕЛЯ 10>. СУББОТА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. МОСКВА

В «Московских Ведомостях» напечатано второе[1] критическое письмо Н. Ф. Павлова по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями»[2].

[1] См. также ***1847. Марта 6 <18>. Четверг. Москва***; ***1847. Апреля 17 <29>. Четверг. Москва***.
[2] Второе письмо к Н. В. Гоголю (Н. Ф. Павлова) // Московские Ведомости. 1847. 29 марта. № 38. С. 289–291.

МАРТА 20–29 <АПРЕЛЯ 1–10>. МОСКВА

В. П. Боткин сообщает П. В. Анненкову:

«20-го марта.

<...> Наши славяне книгу Гоголя приняли холодно, но это потому только, что Гоголь имел храбрость быть последовательным и идти до последних результатов, а семена белены посеяны в нем теми же самыми славянами: “Нечего на зеркало бранить, когда рожа крива”. Павлов (Н. Ф.) написал разбор книги Гоголя в форме писем к нему и для большего круга читателей печатает их в “Московских Ведомостях”[1]; эти письма – образец остроумия, сарказма и ловкости. Я вам писал уже, кажется, о замечательном факте нашей журналистики; разумею то, как письма Гоголя были приняты журналами. Не нашлось ни одного журнала, чтоб похвалить их, но в публике, именно в московской и провинциальной, они нашли себе большую симпатию. Для этой-то публики написаны письма Павлова. До сих пор напечатано только еще одно письмо; я вам пришлю его. <...>

29-го марта.

<...> Пришлю вам в следующем письме статью Павлова о книге Гоголя, как образец критики. А о критике вообще скажу только одно: нашего друга время, кажется, миновалось. Да об этом после, и между нами».

Из писем В. П. Боткина // *Свод.* Т. 3. С. 294–295.

[1] См. ***1847. Марта 6 <18>. Четверг. Москва***; ***1847. Марта 29 <апреля 10>. Суббота Светлой седмицы. Москва***; ***1847. Апреля 17 <29>. Четверг. Москва***. – См. также ***1847. Января 25 <февраля 6>. Вселенская родительская суббота. Москва***; ***1847. Февраля 7 <19>. Пятница. Санкт-Петербург***.

АПРЕЛЯ 12 <МАРТА 31>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ФЛОРЕНЦИЯ

Ф. В. Чижов записывает в дневнике:

«Сегодня получил очень милое письмо от Гоголя[1]. Это хорошо, но дурно то, что я много теряю времени. Это последнее <*1 нрзб.*> знакомство, что я делал, именно знакомство с <Г. П.> Данилевским. Он хорош, все это так; но у меня времени не четвериками меряно, а я его трачу. <...> Сегодня Великанов[2] говорил со мною о Данилевском, да, говорит, он человек образованный, это видно, часто много говорит от прочитанного. И это он сказал с таким неулыбающимся видом, что я не мог не засмеяться»[3].

В тот же день Чижов продолжил письмо к Гоголю в Неаполь, начатое 4 марта (н. ст.) 1847 г.[4] (письмо было закончено и отправлено через день, 14 апреля (н. ст.) 1847 г.[5]):

«Письмо это, как вы увидите[6], было совершенно приготовлено к отсылке, неслось[7] на почту; но мне пришло на мысль, – какое право имею я на такую искренность? одним словом – я не знаю вас. Письмо ваше, сегодня мною полученное, развязало мне руки. <...> Из Москвы пишут беспрестанно, требуют моего приезда наискорейшего[8], я частию с ними соглашаюсь. Дело теперь идет о нашем будущем журнале[9]. Каким я его себе представляю, – он был бы очень и очень полезен. Говорить о прекрасном русском не словом, а делом, показать его во всех путях!.. Для этого у меня отысканы кое-кто, кроме всех вам известных; но все страшно, не в отношении ко мне самому, потому что я, другой, третий, мы нужны как орудие. Мне страшно то, что если дело не удастся, тогда оно сильно потеряет в глазах общества. Может быть, и это нечего не значит, и точно ничего не значит в непреложном порядке вещей, но на своем веку все кажется, что следует сделать что-нибудь осязательное для самого себя. Наша молодежь еще сильно не зрела; наши зрелые не исключительно писатели; есть уважаемые мною писатели, для которых внешняя оболочка мысли важнее души и самой мысли. Вы знаете всех наших пишущих; я говорю о тех, которых могу считать участниками благородного, по крайней мере теперь, в предначертании, и очень благородного дела. Пугает больше всего то, что говоришь о чистоте, ищешь ее и думаешь быть ее проповедником, – а как заглянешь в себя в глубине уединения и в встречах с светом, – ужасно много червяков и самых страшных, самых скверных. Одна надежда на Бога; делать надобно, на то Он сотворил; внутреннее побуждение указывает путь. Дай Бог, чтоб он не был ложен».

[1] См. ***1847. Марта 25 <13>. Четверг. Неаполь***.
[2] Иван Ильич Великанов (ум. в 1874), купец, коммерции советник, поставщик итальянского мрамора.
[3] Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 60.
[4] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Рим***.
[5] См. ***1847. Апреля 14 <2>. Среда. Флоренция***.
[6] Далее, очевидно, Чижов приложил свое неотправленное письмо к Гоголю от 4 марта (н. ст.) 1847 г.
[7] 5 марта (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Рим*** – дневниковая запись Чижова).

[8] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Рим*** (примечания).
[9] См. ***1846. Апреля 30 <мая 12>. Вторник. Москва*** (примечания).

АПРЕЛЯ 13 <1>. ВТОРНИК. РАДОНИЦА. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет ответное[1] письмо Ар. О. Россету в Петербург (письмо датировано Гоголем: «Неаполь. Апреля 15», однако почтовый штемпель указывает на другую дату: «Napoli 1847 13 apr.»[2]):

«Не знаю, как благодарить вас <...> за ваше письмо и сообщенье разных мнений. <...> Одна из причин печатания моих писем была и та, чтобы поучиться, а не поучить. А так как русского человека по тех пор не заставишь говорить, покуда не рассердишь его и не выведешь совершенно из терпения, то я оставил почти нарочно много тех мест, которые заносчивостью способны задрать за живое. Скажу вам не шутя, что я болею незнанием многих вещей в России, которые мне необходимо нужно знать. Я болею незнаньем, что такое нынешний русский человек на разных степенях своих мест, должностей и образований. Все сведения, которые я приобрел доселе с неимоверным трудом, мне недостаточны для того, чтобы “Мертвые души” мои были тем, чем им следует быть. <...> Что же касается до того, что при этом деле пострадала моя личность (я должен вам признаться, что доныне горю от стыда, вспоминая, как заносчиво выразился во многих местах, почти a la Хлестаков), то нужно чем-нибудь пожертвовать. Мне также нужна публичная оплеуха и даже, может быть, более, чем кому-либо другому. <...> ...Вам стоит понемногу, в виде журнала, записывать всякий день хотя, положим, в таких словах: “Сегодня я услышал вот какое мнение; говорил его вот какой человек; жизни он следующей; характера следующего (словом, в беглых чертах портрет его); если ж он незнакомец, то: жизни его я не знаю, но думаю, что он вот что, с вида же он казист и приличен (или неприличен); держит руку вот как; сморкается вот как; нюхает табак вот как”. Словом, не пропуская ничего того, что видит глаз, от вещей крупных до мелочей. <...> Я даже уверен, что это будет вам приятно, потому что вас будет услаждать постоянно мысль, что вы это делаете для человека, вас очень любящего, которому это будет так радостно, как радостно ребенку получать перед праздником наилюбимейшую игрушку. Что ж делать, если эта, по-видимому, игрушка в глазах других для меня совсем не игрушка; это в такой степени не игрушка, что если я не наберусь в достаточном количестве этих игрушек, у меня в “Мертвых душах” может высунуться на место людей мой собствен<ный> нос, и покажется именно всё то, что вам неприятно было встретить в моей книге. Поверьте, что без выхода нынешней моей книги никак бы я не достигнул той [высокой] безыскусственной простоты, которая должна необходимо присутствовать в других частях “М<ертвых> д<уш>”, дабы назвал их всяк верным зеркалом, а не карикатурой. <...>

Издавать ради непропущенных писем новый том, как советует Плетнев, мне невозможно; у меня есть занятия, о которых не нужно позабывать, а время у меня всё рассчитано; к тому ж появление вторично сочиненья в том же роде не произведет даже и шума. Мне нужно только, чтобы Вяземский снабдил своими замечаниями и поправками. Я потом пересмотрю и выправлю их так, чтобы и без высших рассмотрений простой цензор их пропустил. <...> ...Беспрестанно позабываем умную пословицу: “Тех же щей, да пожиже влей”. <...> Но во всяком случае эти письма нужно включить в книгу, а не издавать отдельно. Они все-таки возвысят ее значение, напомнив русскому о России, а не о мне. Не нужно, чтобы эта книга была заброшена. <...> Ее нужно перечитать несколько раз не только тем, которые ее совсем не поняли, но даже и тем, которые поняли ее лучше других. Там есть [много] несколько душевных тайн, которые не вдруг постигаются. Много принимается совсем не в том смысле, в каком хотел я сказать, даже и людьми весьма умными. Хорошо, если бы издание в полном виде могло быть отпечатано к сентябрю. <...> Письмо это дайте прочесть Плетневу. <...> Не могу постигнуть, отчего не пришла ко мне до сих пор ни одна из книг, которые, вы говорите, мне посланы[3]. Всем прочим привозят курьеры всё, даже крупу гречневую, вязигу и икру на кулебяки, а мне ни газетного листочка. <...> Адресуйте отныне всё во Франкфурт, на имя Жуковского».

[1] См. ***1847. Марта 12 <24>. Среда. Санкт-Петербург.***
[2] См.: *Городецкий.* С. 464–465.
[3] Подробнее см.: ***1847. Января между 25 и 30 <января между 13 и 18>. Неаполь*** (примечания).

ФЕВРАЛЬ-МАРТ[1] <ФЕВРАЛЯ СРЕДИНА – АПРЕЛЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА>

Святитель Игнатий (Брянчанинов), в ту пору архимандрит, настоятель Троице-Сергиевой пустыни близ Петербурга, возвращая своей духовной дочери, бывшей ученице Гоголя[2], М. П. Вагнер (рожд. Балабиной), «Выбранные места из переписки с друзьями», пишет отзыв о книге (позднее отзыв был отправлен Гоголю: 4 апреля 1847 г. П. А. Плетнев приложил письмо святителя Игнатия к своему посланию Гоголю в Неаполь[3]):

«С благодарностию возвращаю вам книгу, которую вы мне доставляли. Услышьте мое мнение о ней.

Виден человек, обратившийся к Богу с горячностию сердца. Но для Религии этого мало. Чтоб она была истинным светом для человека собственно, и чтоб издавала из него неподдельный свет для ближних его, необходимо нужна в ней *определительность*, и *определительность* сия заключается в точном познании истины, в отделении ее от всего ложного, от всего лишь кажущегося истинным. Это сказал Сам Спаситель: *Истина свободит вас*[4]. В другом месте Писания сказано: *слово Твое истина есть*[5]. Посему желающий стяжать *определительность* глубоко вникает в Евангелие и по учению Господа выправляет свои мысли и чувствования. Тогда он возможет в себе отделить правильные и добрые мысли и чувствования от поддельно и мнимо-добрых и правильных. Тогда человек вступает в чистоту, как и Господь после Тайной Вечери сказал ученикам Своим, яко образованным уже учением истины: *вы чисти есте, за слово, еже рех вам*[6].

Но одной чистоты недостаточно для человека: ему нужно оживление, вдохновение. Так, — чтоб светил фонарь, недостаточно часто вымывать стекла, нужно, чтоб внутри его зажжена была свеча.

Сие сделал Господь с учениками Своими. Очистив их истиною, Он оживил их Духом Святым, и они соделались светом для человеков. До приятия Духа Святаго они не были способны научить человечество, хотя уже и были чисты.

Сей ход должен совершиться с каждым Христианином, Христианином на самом деле, а не по одному имени: сперва очищение истиною, а потом просвещение Духом.

Правда, есть у человека врожденное вдохновение, более или менее развитое, происходящее от движения чувств сердечных. Истина отвергает сие вдохновение как смешанное, умерщвляет его, чтоб Дух, пришедши, воскресил его обновлением состояния. Если же человек будет руководствоваться прежде очищения истиною своим вдохновением, то он будет издавать для себя и для других не чистый свет, но смешанный, обманчивой: потому что в сердце его лежит не простое добро, но добро, смешанное со злом, более или менее.

Применив сии основания к книге Гоголя, можно сказать, что она издает из себя и свет и тьму.

Религиозные его понятия не определены[7], движутся по направлению сердечного вдохновения; неясного, безотчетливого, душевного, а не духовного.

Поелику он писатель, а в писателе непременно *от избытка сердца уста глаголят*[8]; или: сочинение есть непременная исповедь сочинителя, но по большей части им не понимаемая, и понимаемая только таким христианином, который возведен Евангелием в отвлеченную страну помыслов и чувств, и в ней разложен свет от тьмы; то книга Гоголя не может быть принята целиком и за чистые глаголы истины. Тут смешано.

Желательно, чтоб этот человек, в котором видно самоотвержение, причалил к пристанищу истины; где начало всех духовных благ.

По сей причине советую всем друзьям моим, по отношению к религии, заниматься единственно чтением Святых Отцев, стяжавших очищение и просвещение, как и Апостолы, и потом напи-

савших свои книги, из коих светит чистая истина, и кои читателям сообщают вдохновение Святаго Духа. Вне сего пути узкого и прискорбного сначала для ума и сердца, — всюду мрак, всюду стремнины и пропасть! Аминь».

Святитель Игнатий (в мире Дмитрий Александрович Брянчанинов; 1807–1867), епископ Кавказский и Черноморский (с 1867 г.), духовный писатель. Канонизирован Русской Православной Церковью в 1988 г. Память его совершается 30 апреля (ст. ст.), а также 23 января (ст. ст.), в день празднования Собора Костромских святых.

Получив отзыв святителя Игнатия, Гоголь 8 мая (н. ст.) 1847 г. отвечал Плетневу: «Что касается до письма Брянчанинова, то надобно отдать справедливость нашему духовенству за твердое познание догматов. Это познание слышно во всякой строке его письма. Все сказано справедливо и все верно. Но, чтобы произнести полный суд моей книге нужно быть глубокому душеведцу, нужно почувствовать и услышать страданье той половины современного человечества, с которою даже не имеет и случаев сойтись монах; нужно знать не свою жизнь, но жизнь многих. Поэтому никак для меня не удивительно, что им видится в моей книге смешение света со тьмой. Свет для них та сторона, которая им знакома; тьма та сторона, которая им незнакома...»

Смысл последней фразы Гоголя («...тьма та сторона, которая им незнакома...»), болью которого было «страданье той половины современного человечества, с которой не имеет и случаев сойтись монах», объясняется вполне из отправленного им в тот же день, 8 мая (н. ст.), письма к протоиерею Матфею Константиновскому, где писатель, говоря о «Выбранных местах...», что в них есть «душевное дело, исповедь человека, который почувствовал сильно, что воспитанье наше начинается с тех только пор, когда кажется, что оно уже кончилось», замечал, что «там изложен отчасти и процесс такого дела, понятный даже и не для христианина, несмотря на неточность моих слов и выражений, непонятных для не страдавшего теми недугами, какими страждут неверующие люди нынешнего времени». Словом, речь у Гоголя идет о всех тех, которые, пребывая во «тьме», «не ходят в церковь»: «Книга моя подействовала <...> на тех, которые *не ходят в церковь* и которые не захотели бы даже выслушать слов, если бы вышел сказать им поп в рясе», — с ними-то и «не имеет случая сойтись монах».

Проблема расхождения между мирянином и монахом виделась Гоголю и в несколько ином освещении. В статье *XXI. Что такое губернаторша* «Выбранных мест из переписки с друзьями» он, например, писал, что часто священник, не искушенный в современных злоупотреблениях — в тех «вещах и проделках, о которых не говорит вовсе на исповеди нынешний человек, <...> оттого, что не видит грехов своих» (статья *XX. Нужно проездиться по России*), — «не знает, как ему быть с прихожанами и слушателями, изъясняется общими местами, не обращенными никакой стороной собственно к предмету». «Сказать: "Не крадьте, не роскошничайте, не берите взяток, молитесь и давайте милостыню неимущим" — теперь ничто и ничего не сделает», — полагал Гоголь. «Жизнь нужно показать человеку, жизнь, взятую под углом ее нынешних запутанностей, а не прежних...» Как кажется, Гоголь прямо руководствовался здесь апостольскими словами: «Кто говорит на незнакомом языке, тот назидает себя; а кто пророчествует, тот назидает церковь. Желаю, чтобы вы все говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали. <...> А потому говорящий на незнакомом языке молись о даре истолкования» (1 Кор. 14, 4–5, 13)[9]. 28 августа (н. ст). 1847 г. Гоголь, в частности, писал Шевыреву: «Не снизойдя к другим, нельзя их возвести к себе...»

Не следует преувеличивать степень расхождения Гоголя со святителем Игнатием. Забота о христианском просвещении России была у них общая. Совпадая в критике европейской цивилизации и одинаково признавая превосходство перед ней в религиозном отношении древнего патриархального быта, Гоголь и святитель Игнатий расходились лишь в представлениях о самом характере пастырского влияния на народную жизнь[10]. Характерно, например, что развернутая двенадцать лет спустя А. И. Герценом полемика со святителем по вопросу крепостного права и европейской цивилизации в судьбе России во многом повторяла спор В. Г. Белинского с Гоголем.

[1] См. ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург***; ***1847. Апреля 4 <16>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1831. Февраль (?). Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1847. Апреля 4 <16>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[4] Евангелие от Иоанна, гл. 8, ст. 32.

[5] Там же, гл. 17, ст. 17.

[6] Там же, гл. 15, ст. 3.

[7] Так в рукописи.

[8] Евангелие от Матфея, гл. 12, ст. 34.

[9] См. также ***1844. Декабря 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[10] См.: *Виноградов И. А.* К истории создания и публикации духовной прозы Гоголя // *Гоголь 2009–2010.* Т. 6. С. 441–443; см. также: *Гоголь 2009–2010.* Т. 6. С. 656–657, 661–662.

МАРТА КОНЕЦ[1] <АПРЕЛЯ СРЕДИНА>. МОСКВА

С. Т. Аксаков, возможно, отправляет Гоголю ответное[2] письмо в Неаполь (письмо не сохранилось); в письме замечает:

«Да кто же вас заставлял водить читателя в кухню?»

[1] См. ***1847. Марта 28 <апреля 9>. Пятница Светлой седмицы. Москва.***
[2] См. ***1847. Марта 6 <февраля 22>. Суббота. Неаполь*** (примечания).

АПРЕЛЯ НАЧАЛО <АПРЕЛЯ СРЕДИНА>. РИГА

Ю. Ф. Самарин пишет А. С. Хомякову в Москву:

«Я узнал, что дано *весьма секретное* приказание схватить Чижова[1], Савича[2] и Кулиша[3], как скоро они переедут нашу границу, запечатать всех их бумаги и препроводить их под надзором жандарма в Петербург. <...> ...Весьма может быть, что доберутся и до нас[4]. <...> ...Как бы предупредить Чижова и прочих. <...> ...Петербургская цензура не пропускает ничего против "Отечественных Записок", "Современника" и в пользу Гоголя»[5].

В письме к А. О. Смирновой от 22 февраля (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал по поводу цензурных сокращений в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Вся цензурная проделка для меня покаместь темна и не разгадана. Знаю только то, что цензор <А. В. Никитенко> был, кажется, в руках людей так называемого европейского взгляда, одолеваемых духом всякого рода преобразований, которым было неприятно появленье моей книги».

В свое время марксистский исследователь Я. З. Черняк (из круга Л. Б. Каменева (Розенфельда) и М. О. Гершензона) самонадеянно заявлял по поводу этих строк Гоголя: «Нет нужды опровергать полную необоснованность этого предположения»[6]. Между тем сохранившиеся документы полностью подтверждают догадку Гоголя[7].

[1] См. ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Радзивиллов.***

[2] Николай Иванович Савич (1808–1892); состоял, вместе с П. А. Кулишом, в Украино-славянском обществе. В 1847 г., будучи за границей, передал А. Мицкевичу поэму Т. Г. Шевченко «Кавказ».

[3] См. ***1847. Апреля 14 <2>. Среда. Варшава.***

[4] Спровоцированные сепаратистской деятельностью Украино-Славянского общества гонения на славянофилов незаслуженно затронули тогда Чижова, Хомякова, Самарина и И. С. Аксакова (см. ***1849. Марта 17–22. Четверг-понедельник***). Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Славянофильство русское, польское и украинское: Н. В. Гоголь, А. Мицкевич и О. М. Бодянский // Гоголь и славянский мир. Шестнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва, 29 марта; Белград, 30 марта — 4 апреля 2016 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Гоголя — мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2016. С. 69–77; *Виноградов И. А.* Гоголь и западное славянофильство: К постановке проблемы // Studia Litterarum. 2017. № 4. С. 182–207.

[5] *Самарин Ю. Ф.* Соч. М., 1911. Т. 12. С. 422–423; Из писем Ю. Ф. Самарина // *Свод.* Т. 3. С. 214.

[6] Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 584.

[7] О роли петербургской цензуры (а именно приятеля В. Г. Белинского цензора А. В. Никитенко) в сокращении, более чем на четверть, «Выбранных мест из переписки с друзьями» см.: *Виноградов И. А.* Неизвестные автографы двух статей Н. В. Гоголя о Церкви и духовенстве. К истории издания «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Проблемы исторической поэтики. Вып. 7: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 4. Сборник научных трудов / Петрозаводский гос. ун-т. Материалы IV Международной конференции. Июнь 2002 г. Петрозаводск, 2005. С. 219–245; *Виноградов И. А.* Цензурная история «Выбранных мест из переписки с друзьями» // *Гоголь 2009–2010.* Т. 6. С. 445–464.

АПРЕЛЯ 14 <2>. СРЕДА. ФЛОРЕНЦИЯ

Ф. В. Чижов записывает в дневнике:

«Писал вчера Гебгардту, сегодня Гоголю»[1].

В этот день Чижов завершил и отправил в Неаполь письмо к Гоголю, начатое в Риме 4 марта (н. ст.) 1847 г.[2]:

«Третьего дня[3] я получил письмо ваше и тотчас же мне пришло на мысль послать то, что я писал к вам прежде; оно писалось искренно. <...> По внутреннему чувству я уверен, что Церковь могла бы иметь на меня благодатное влияние, хотя и знаю, что я не сформировал себя так, чтоб она делалась для меня необходима просто без суждений о ее необходимости, чтоб я шел в нее, как идут наши простые русские, потому что нельзя же не пойти. <...>

...Мне хотелось бы очень передать вам все подробности о журнале[4], о его составе, о моих надеждах, о моих желаниях, я думаю, и мог бы принудить себя, но для этого надобно довольно большое усилие, на которое теперь, при постоянных нападках, то из Москвы, то из других мест, — теперь я не способен. Постараюсь улучить время в Венеции, а вы хорошо бы сделали, написавши туда... <...> Я в Венеции остаюсь до 1-го мая, если получу из Москвы непременное требование туда приехать; если же нет, тогда до 15-го, никак не дальше[5]. Назад я не могу воротиться. Какое-то, может быть, и педантское понятие о том, что я, не оправдавши себя необходимостию, не могу тратить ни времени, ни денег, беспрестанно меня мучит, — а на деле ни одна трата не оправдывается ничем. Что хотите? Положительные науки сильно испортили целость русской природы, — все одно скажу вам — вполне русская жизнь, может быть, и поправит ее.

Если можете подействовать сколько-нибудь на спокойствие души Иванова, сделайте истинно доброе дело. Мне очень грустно вспоминать о том, что я его оставил очень грустным. Только, ради Бога, не говорите ему о нервном расстройстве, потому что и без того сильно мнителен. Каким путем поедете вы во Франкфурт, — нельзя ли тут съехаться?»

[1] Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод*. Т. 3. С. 60.

[2] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Рим***; ***1847. Апреля 12 <марта 31>. Понедельник. Флоренция***.

[3] См. ***1847. Апреля 12 <марта 31>. Понедельник. Флоренция***.

[4] См. ***1846. Апреля 30 <мая 12>. Вторник. Москва*** (примечания).

[5] См. ***1847. Апрель — начало мая <марта средина — апреля средина>. Венеция***.

АПРЕЛЯ 2 <14>. СРЕДА. МОСКВА

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской в Петербург:

«Статью Конст<антина> из газет я переписала наскоро и посылаю тебе. Хотела было также переписать письмо Гоголя[1], полученное недавно, но отесенька отдал его прочесть кому-то и потому отлагаю до другого раза его присылку. Это письмо совсем не похоже на предпоследнее, которое я тебе присылала, Гоголь опомнился и сам видит свои ошибки и признает их, письмо это было для нас истинно радостной неожиданностью. Мы уже отчаялись в возможности достигнуть до него какими бы то ни было словами и советами, думали, что он оградил себя недосягаемой гордостью. Теперь же все не то; это я тебе говорю не только вследствие этого одного письма. В одно время и даже после этого он написал уже несколько писем к разным лицам[2], и все они полны искреннего простого признания своих заблуждений и смирения неподдельного. Вообрази же себе его положение, когда он, поверивши всем упрекам и взглянувши беспристрастно на себя, увидал во многом, как истинны эти упреки и какую он сделал ошибку, напечатавши эту книгу. Вот его слова в одном

письме: “Конечно, я никому не мог дать такой оплеухи, как самому себе, напечатанием этой книги”[3]; и в другом месте: “что ж делать, если уже мы так устроены, что не увидим своих недостатков, пока не укажут нам на них другие”[4]. Видно, что ему горько, глубоко больно слышать такие упреки и чувствовать, что он неправ, что он сам обольстил себя; некоторые же упреки, которые он получает, столько оскорбительны, как напр<имер>, упреки в Тартюфстве[5], в двуличности, в обмане. — Он также почувствовал, как он оскорбил Погодина, и писал к нему самое нежное письмо[6] — К Смирновой он пишет[7], что непременно напечатает второй том М<ертвых> Д<уш>. Он только умоляет всех писать к нему все мнения, и свои и чужие, о нем и о его книге; говорит, что это ему необходимо нужно. Он теперь в душе своей уверен, а не то что унижается по произволу своей гордости. Его письма так искренни и просты, — именно таковые, какие мог только написать человек в его положении. Он и оправдывает себя по-своему, и, разумеется, многие места отзываются его странными взглядами, от которых же не может он отказаться вдруг, это было бы неестественно, но он уже им не доверяет слепо. Теперь надобно, чтобы все писали, все нападали на его книгу и беспрестанно поддерживали его в сношениях, хотя письменных, с Россиею, — разумеется, лучше было бы, если б кто-нибудь поехал к нему и вывез его из этой губительной Италии, и вообще из этой жизни, столько отвлеченной, уединенной от движения общего. Живя в чужих краях безвыездно пять лет, почти один или окружен вредными для него людьми, которые только могли развить это опасное направление, он совершенно запутался и потерял разумный светлый взгляд на вещи; теперь эти сильные упреки, то общее негодование, возбужденное его книгой, от которой ожидал он себе славы и получил бесславие, заставили его очнуться от этого усыпления; дай Бог, чтоб осуществились наши надежды, чтобы было полное выздоровление».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 861–862.

[1] От 6 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

[2] Имеются в виду письма к М. П. Погодину и к С. П. Шевыреву от 4 марта (н. ст.) 1847 г., к С. П. Шевыреву от 10 марта (н. ст.) и к князю В. В. Львову от 20 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

[3] Ср. в письме Гоголя к С. П. Шевыреву от 10 марта (н. ст.) 1847 г.: «...книгой моей я дал себе самому гораздо сильнейшую оплеуху, нежели друзьям моим».

[4] Ср. в письме Гоголя к С. П. Шевыреву от 4 марта (н. ст.) 1847 г.: «...целой половины наших грехов мы не видим, а потому и нужно, чтобы другие нам помогали, указывая их *вполне*»; к С. Т. Аксакову от 6 марта (н. ст.) 1847 г.: «Мы уже так странно устроены, что по тех пор не увидим ничего в себе, покуда другие не наведут нас на это».

[5] См. ***1847. Апреля 24 <мая 6>. Четверг. Москва.***

[6] От 4 марта (н. ст.) 1847 г.

[7] В письме от 22 февраля (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Февраля 22 <10>. Понедельник. Неаполь***).

АПРЕЛЯ 14 <2>. СРЕДА. ВАРШАВА

Арест будущего первого биографа Гоголя П. А. Кулиша в связи с сепаратистской деятельностью Украино-славянского общества. (На следующий день Кулиш был отправлен в Петербург и 10 апреля 1847 г. доставлен в III Отделение[1].)

В первой половине мая 1847 г. С. И. Пономарев в адресованном брату «дружеско-братском журнале» записал: «Писатель Кулиш задумал безумное дерзкое дело, ужасно подумать, и как могла родиться в человеке такая мысль в теперешнее время. Ему вздумалось поселить в Малороссиянах мало-помалу мысль и намерение отделить Малороссию от России и это, к сожалению, верно. Он поехал за границу с молодою женою. На таможне у него нашли переписку, исполненную слишком вольных мыслей, оскорбительных для Верховной власти, с гг. Шевченко (писателем), Костомаровым (проф<ессором> Унив<ерситета> Киевского) и Марковичем (студ<ентом> унив<ерситета>). Там его задержали и отправили в Петербург. Многие здесь <в Нежине> видели его, когда провозили из Киева. Тех господ, его соучастников, и даже родственников, говорят, всех потащили туда же. Чем-то это кончится?»[2]

Украино-славянское общество было основано в конце 1845 – начале 1846 гг. (организаторы называли свой кружок обществом Св. Кирилла и Мефодия). Кулиш, проявивший на следствии полное раскаяние, был осужден на три года ссылки и отправлен на службу в Тулу. (Деятельность общества носила сепаратистский характер. Оправдание политического сепаратизма идеей единства славян Император Николай I называл смешением «преступного с святым»[3].) В конце января 1851 г. Кулиш вернулся в Петербург[4]. Последовавшая спустя год, 21 февраля 1852 г., внезапная кончина Гоголя стала началом работы Кулиша над его биографией.

27 февраля 1852 г. Кулиш обратился в письме к О. М. Бодянскому (проживавшему в Москве) с просьбой: «Сообщите мне, пожалуйста, пане земляче, с первою почтою, какие можете собрать известия о жизни и деяниях Гоголя...»[5] Спустя чуть больше месяца статья Кулиша «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя» (без подписи) уже появилась в печати[6] – вопреки запрету Императора печатать Кулишу свои произведения (запрет был снят лишь 5 апреля 1856 г.[7], но печататься Кулиш начал гораздо раньше под псевдонимом: *Николай М.*; под этим псевдонимом вышли в 1854 и 1856 г. его «Опыт биографии Н. В. Гоголя...» и «Записки о жизни Н. В. Гоголя...»).

Лично с Гоголем Кулиш знаком не был. По этому поводу М. П. Погодин, оценивая в 1854 г. «Опыт биографии Н. В. Гоголя...», замечал: «Главный недостаток, по нашему мнению, состоит в том, что автор не знал лично своего героя, и потому подле верной черты в его портрете, встречается иногда совершенно ложная»[8]. На ошибочные представления Кулиша о Гоголе, проистекающие от того, что биограф не был лично знаком с писателем, указывал в том же году С. Т. Аксаков, обращаясь к А. О. Смирновой: «...Довольны ли вы пониманием Гоголя, как художника и человека, его образом, который начертан биографом, никогда не знавшим и не видавшим даже Гоголя» (письмо от 15 ноября 1854 г.)[9]. В своих воспоминаниях о Гоголе (1854–1855) Аксаков повторял: «Ошибочные мнения о Гоголе, как о человеке, постоянно вкрадываются в сочинения всех пишущих о нем, потому что из них, даже сам биограф его, – лично Гоголя не знали...»[10]

Имея в виду то, что ко времени знакомства с польским критиком М. А. Грабовским в 1843 г. Кулиш резко изменил свое отношение к истории Украины и, в частности, к повести Гоголя «Тарас Бульба»[11], то последовавшее спустя несколько лет обращение к жизнеописанию Гоголя, помимо других соображений, диктовалось, по-видимому, стремлением украинофильствующего биографа, осужденного по делу Украино-славянского общества, сделать из признанного всеми писателя знамя малороссийского сепаратизма, т. е. являлось попыткой отыскать следы подобных взглядов если не в художественных произведених Гоголя (в ранних забытых или неопубликованных), то по крайней мере в его биографии, в эпистолярном наследии. Однако, работая над гоголевской биографией, Кулиш как представитель оппозиционно-сепаратистской партии столкнулся с непреодолимыми трудностями: неизменной объединительной позицией Гоголя по отношению ко всем славянским народам, включая русский и украинский. Отсюда – зародившаяся еще в 1843 г. под влиянием Грабовского острая неприязнь Кулиша к гоголевскому «Тарасу Бульбе»[12]. После того, как попытка обнаружить у Гоголя сепаратистские взгляды не удалась, Кулишу оставалось лишь «преодолевать» писателя. Затаенная неприязнь, личные амбиции, неспособность понять и осмыслить духовный путь Гоголя («полусумасшедшего поэта», – как называл Кулиш Гоголя в одном из своих писем[13]) – все это вместе так или иначе отразилось в составленной Кулишом гоголевской биографии.

Так, о «Тарасе Бульбе» в положительном смысле Кулиш вспоминал лишь тогда, когда ему, вопреки взглядам самого Гоголя, нужно было «доказать» «превосходство» украинской нации над великорусской. Такое «понимание» гоголевских произведений Кулиш мог почерпнуть либо из книги А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России» (1851) – вызвавшей в свое время возмущение Гоголя[14]; либо из «Очерков гоголевского периода русской литературы» (1855) Н. Г. Чернышевского[15], повторявшего в этом случае содержание книги Герцена.

«Повести, которыми дебютировал Гоголь, – писал Герцен, – составляют ряд картин нравов и пейзажей Малороссии, истнино прекрасных... <...> Подобные повести невозможны в Великороссии за неимением предмета, оригинала. По мере того, как Гоголь отходит от Малороссии и приближается к средней России, наивные и прелестные образы исчезают. Нет более полудикого героя, в роде *Тараса Бульбы*; нет добродушного, патриархального старика, какого он так хорошо изобразил в *Старосветских помещиках*. Под московским небом все в нем становится мрачным, пасмурным, враждебным»[16].

«Изображение идеалов, – вторил Герцену Чернышевский, – всегда было слабейшею стороною в сочинениях Гоголя <...> именно по силе его таланта, состоявшей в необыкновенно тесном родстве с действительностью: когда действительность представляла идеальные лица, они превосходно выходили у Гоголя, как, например, в "Тарасе Бульбе" <...>. Если же действительность не представляла идеальных лиц <...>, – что оставалось делать Гоголю?»[17]

Вполне разделяя эти высказывания, Кулиш 9 февраля 1857 г. писал Г. П. Галагану: «От погляньте на нашого Гоголя: як вин сылкававсь <силился> выявыть художественным способом щось велыке з велыкои Руси! Покы спысував те, що в ій есть, то був страшенной сылы майстром. <...> От же, як прыйшлось до "благородных личностей", як довелось изобразать велыкыи подвыгы духа, до которых не дорис бородатый брат наш, то измучыв себе Гоголь, роспынаючысь за грихы миру великоруського, а благородной личности не создав ни одноиі!

Не кажыть мени нихто, що не той був талант у Гоголя. Дав вину пробу своего таланту ще замолоду — на Тараси Бульби. Ще був тогди школярем Гоголь и не багату умив своеи ридной историы и этнографыи; тым то й наробыв велыкых помылок <ошибок> у Тараси Бульби; от же з усима помылкамы, Тарас Бульба (яко лыце, а не повисть) прыпадае бильш до души, а ниж оттой откупщык, оттой велыкый хозяин, оттой доблестный князь, що зопсовалы <испортили> собою "Мертвыи Душы"»[18].

Остается удивляться «забывчивости» Кулиша, когда тот 5 января 1890 г., изображая себя противником «революционной прессы», писал В. И. Шенроку: «Я дважды принимался писать биографию Гоголя, и во втором труде был к нему строже; а если бы пришлось еще когда-нибудь высказаться об этой литературной личности, то был бы еще строже. Сообщенная мною Вам семинарская песенка о чернеце и чернице[19] вместе с назидательным примечанием в "Мертвых душах" о фетюке и с кой-чем другим, показывает в нем обыкновенного шалуна; но люди, на которых он, по недостатку начитанности (не говорю учености), смотрит снизу вверх, сделали его ханжою. Анекдотическое балагурство с талантом комика повело его к художественному воспроизведению ходячих типов; но крайнее невежество в истории, политике и философии, вместе с подстрекательством тайно революционной прессы, привели его к восклицаниям: "Русь! Куда ты мчишься? Дай ответ! и зачем все, что ни есть в тебе, устремило на меня исполненные ожидания очи?" Это сбило его с дороги постепенного развития, каким шел Пушкин, и он, после сильных нот начал брать слабые, негармонирующие с жизнью, какова она есть. Что касается его попыток воспроизвести былое (имеется в виду, очевидно, опять-таки "Тарас Бульба". — *И. В.*), то в этом ему далеко до Пушкина, как до небесной звезды»[20].

(Сравнивая Гоголя с Пушкиным, Кулиш употребляет гоголевскую характеристику К. К. Каневского в письме к М. П. Балабиной от апреля 1838 г.: «Каневский может нарисовать хорошо портрет Кривцова, но до художника ему далеко, как до небесной звезды».)

В 1859 г. А. А. Григорьев писал, в частности, Я. П. Полонскому по поводу статьи Кулиша, предложенной для публикации в журнале графа Г. А. Кушелева-Безбородко «Русское Слово»: «...*Должен ли* наш журнал носить какой-либо цвет и иметь какое-либо *убеждение*? Если *да* — то *как же* мы можем печатать г. Кулиша, который в отношении к Гоголю то же, что г. Чернышевский в отношении к Пушкину?»[21]

[1] См.: Кирило-Мефодiiвське товариство: В 3 т. Київ, 1990. Т. 1. С. 54–55, 59; Т. 2. С. 12–14.

[2] Письма И. С. Аксакова, Н. П. Барсукова, П. С. Билярского, О. М. Бодянского, кн<язя> П. А. Вяземского, В. П. Гаевского, Г. Н. Геннади, Н. В. Гербеля, Г. З. Елисеева, П. А. Ефимова, Н. И. Костомарова, М. А. Максимовича, В. И. Межова, М. П. Погодина, А. Н. Пыпина, М. М. Стасюлевича, М. И. Сухомлинова, Н. С. Тихонравова и А. А. Хованского к библиографу С. И. Пономареву, с примечаниями издателя. Материалы для биографии С. И. Пономарева, с хронологическим списком его трудов. М., 1915. С. 24–25.

[3] См. ***1849. Марта 17–22. Четверг-понедельник. Санкт-Петербург.***

[4] См.: Кирило-Мефодiiвське товариство: В 3 т. Київ, 1990. Т. 2. С. 176.

[5] См. ***1852. Февраля 27. Среда. Санкт-Петербург.***

[6] См.: *Кулиш 1852.* С. 189–201; ***1852. Апреля 1. Вторник Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

[7] См.: Кирило-Мефодiiвське товариство: В 3 т. Київ, 1990. Т. 2. С. 187.

[8] *<Погодин М. П.> М. П.* <Редакционное примечание> / *Б. А.* *<Алмазов Б. Н.>* Современник, 1854 г., № IV, V // Москвитянин. 1854. Июль. Кн. 1 (№ 13; цензурное разрешение 14 июля). Отд. 4. С. 36.

[9] *Свод.* Т. 2. С. 620.

[10] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 663. – См. также ***1852. Ноября 4. Вторник. Москва*** (письмо И. С. Аксакова к отцу от 27 августа 1854 г. и ответ С. Т. Аксакова от 9 сентября 1854 г.)

[11] См. ***1843. Июль <июля средина — августа средина>. С. Александровка Чигиринского уезда; 1846. Январь <января средина — февраля средина>. Санкт-Петербург.***

[12] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Первый биограф Гоголя // *Кулиш 2003.* С. 3–14, 46–63.

[13] Пантелеймон Кулiш. Листи до М. Д. Бiлозерского. Упорядкування, вступна стаття й коментарi О. Федорука. Львiв; Нью-Йорк, 1997. С. 73–74.

[14] Выписки из этой брошюры Герцена были высланы Гоголю М. С. Скуридиным в письме из Петербурга от 13 сентября 1851 года (см. ***1851. Сентября 13. Четверг. Санкт-Петербург***).

[15] В 1856 г. в майском номере «Современника» была опубликована благожелательная рецензия Н. Г. Чернышевского на «Записки о жизни Н. В. Гоголя...» Кулиша.

[16] Цит. по переводу выписок из брошюры Герцена, посланных Гоголю М. С. Скуридиным (см. ***1851. Сентября 13. Четверг. Санкт-Петербург***).

[17] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1947. Т. 3. С. 10–11.

[18] Частная переписка Г. П. Галагана // Киевская Старина. 1899. № 9. С. 346–348. См. также ***1842. Мая между 23 и 28. Москва.***

[19] Речь идет об одной из «соромицких» народных песен, содержание которых нашло отражение в замысле повести Гоголя «Вий» (см. ***1833. Ноября 9. Четверг. Санкт-Петербург***).

[20] *Крутикова Н. Е.* Н. В. Гоголь. Исследования и материалы. Киев, 1992. С. 289; впервые частично опубликовано: *Иофанов*. С. 95–96.

[21] *Григорьев, Аполлон*. Письма / Издание подготовили Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. М., 1999. С. 210.

АПРЕЛЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА <АПРЕЛЯ НАЧАЛО>. РИМ

А. А. Иванов пишет в Неаполь ответное[1] письмо к Гоголю:

«Получил[2] я письмо ваше от графини Толстой[3], но так как письма ваши из Неаполя[4] превышали все неприятности, какие мне случалось претерпеть эту зиму, то я решился оставить это ваше письмо нераспечатанным, дабы не пострадать сызнова.

Виктор Владимирович[5] ознаменовал приезд сюда водворением мира – между правительственными людьми и художниками. Что с тех пор все идет еще успешнее вперед – это более всего чувствительно и важно для меня, как более всех пострадавшего.

Если уже вам уж очень нужно что-нибудь от меня, то гораздо мне легче к вам приехать в Неаполь, чем прочесть ваше письмо. Скажите через кого-нибудь, и я сейчас приеду. Чижов уехал. Трудно, чтобы состоялся его журнал[6]. Он очень, очень не готов ни к принятию должности, ни к журналу. Только святостию своей собственной жизни можно возвысить и возвеличить глубокие сведения».

[1] См. ***1847. Марта 25 <13>. Четверг. Неаполь.***

[2] См. ***1847. Марта конец <марта средина>. Рим.***

[3] С. С. Толстая, жена графа И. П. Толстого.

[4] См. ***1846. Декабря 12 <ноября 30>. Суббота. Неаполь; 1846. Декабря 19 <7>. Суббота. Неаполь; 1847. Февраля 4 <января 23>. Четверг. Неаполь.***

[5] Граф Апраксин.

[6] См. ***1846. Апреля 30 <мая 12>. Вторник. Москва*** (примечания).

АПРЕЛЯ 3 <15>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

С. Т. Аксаков пишет сыну Ивану в Калугу:

«Вчера я узнал, что Князь Владимир Львов писал прямо к Гоголю замечание на его книгу[1] и получил ответ весьма благоприятный, т. е. Гоголь благодарит и сознается, что напрасно печатал книгу[2]. Костя читал даже и в Северной Пчеле ужаснейшее ругательство на Гоголя от Фад<д>ея Булгарина[3]. Кажется, глаза его открылись, ран получил он довольно: не пора ли их врачевать. <...> Что касается до писем Гоголя к Смирновой, то это прежняя манера Гоголя выпутываться из какой-нибудь прорухи. Второму тому я не верю: или его не будет или будет дрянь. Добродетельные люди – не предмет для искус<с>тва. Эта задача неисполнимая. Я надеюсь, что Гоголь примется за прежние *пустячки и побасенки*[4], тут я надеюсь опять насладиться творческими произведениями. Если Арнольди вправду забыл другие эпитеты – стало они незначительны[5]. <...> Очень жалею о болезни Смирновой: напиши мне об ней; несмотря ни на что, я навсегда сохраню симпатию к этой женщине».

Из писем С. Т. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 599.

[1] Письмо от 13/25 февраля 1847 г. из Москвы: ***1847. Февраля 13 <25>. Четверг. Москва.***

[2] Имеется в виду письмо от 20 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя, в котором, однако, Гоголь отнюдь не «сознается, что напрасно печатал книгу», а замечает: «...Считаю долгом известить вас, что я отнюдь не переменял направленья моего. Труд у меня всё один и тот же, все те же "Мертвые души". И одна из причин появленья нынешней моей книги была возбудить ею те разговоры и толки в обществе, вследствие которых непременно

должны были выказаться многие мне незнакомые стороны современного русского человека, которые мне очень нужно взять к соображенью, чтобы не попасть в разные промахи при сочинении той книги, которая должна быть вся природа и правда. Если Бог даст сил, то "Мертвые души" выйдут так же просты, понятны и всем доступны, как нынешняя моя книга загадочна и непонятна. Что ж делать, если мне суждено сделать большой крюк для того, чтобы достигнуть той простоты, которою Бог наделяет иных людей уже при самом рожденьи их. Итак, вот вам покуда посильное изъясненье того, зачем вышла моя книга» (см. ***1847. Марта 20 <8>. Суббота. Неаполь***).

[3] Вероятно имеется в виду рецензия на «Выбранные места из переписки с друзьями» в № 67 «Северной пчелы» от 27 марта 1847 г., подписанная инициалами Я. Я. Я. и принадлежавшая не Ф. В. Булгарину, а Л. В. Бранту.

[4] Выражения из «Театрального разъезда...» Гоголя.

[5] См. письмо И. С. Аксакова к родным от 25 марта 1847 г. из Калуги: ***1847. Марта 25 <апреля 6>. Вторник Светлой седмицы. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Калуга.***

АПРЕЛЯ СРЕДИНА <АПРЕЛЯ НАЧАЛО>. РИМ

А. А. Иванов пишет графу И. П. Толстому (возможно, в Неаполь[1]):

«Хотя Н. В. Гоголь и препоручил мне с вами быть совершенно открытым, объясняя мое прошедшее и настоящее положение, но я из многих опытов вижу, что совсем мне не следует говорить о личности и действиях высоких лиц по роду, как о своем круге. Тем более, что сам я весьма плохой знаток в жизни практической, своими занятиями всегда от нее отделяемый. — И потому ограничусь только тем, что более всего для меня ясно и нужно для ваших действий в Петербурге, если соблаговолите покровительствовать для меня. <...>

Виктор Владимирович[2] во второе[3] посещение моей студии принес мне уверение, что меня беспокоить никто не будет в продолжении всего окончания картины[4]. Откуда и на чем основываясь он мне это говорил, этого мне неизвестно. Если можно совершенно опереться на его слова, то мне более нечего и желать. — Но люди непостоянны, и вот почему на всякой случай нужно вам знать, в чем мое было прошедшее затруднение. Меня внезапно заставили расписаться[5] в непременном окончании картины в один год, не дали даже и подумать. — Срок этому будет в сентябре. Если начнут тогда меня сызнова беспокоить, то совершенно разрушат и здоровье мое, и состав всего труда. — Предоставляю вам на рассмотрение, как тут лучше поступить. Предупредить ли особым Высочайшим повелением сентябрьское на меня нападение, или постараться прислать бумагу сюда из канцелярии генерала Адлерберга, чтобы деньги 5-ть тысяч взяты от меня были назад и отданы только тогда, когда картина будет окончена. В сем последнем случае, конечно, я буду в затруднении искать в заем денег у частных лиц. Но все-таки это лучше, чем быть беспрестанно беспокоену правительственными лицами нашего монархического неограниченного правления».

Из писем А. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 347–348.

[1] См. ***1847. Апреля 29 <17>. Четверг. Неаполь.***

[2] Граф Апраксин.

[3] Ср. ***1847. Апреля первая половина <апреля начало>. Рим.***

[4] «Явление Мессии».

[5] 27 сентября (н. ст.) 1846 г. (см.: *Виноградов 2001*. С. 431).

АПРЕЛЯ 4 <16>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газете «Северная Пчела» напечатано начало[1] второй[2] критической статьи Л. В. Бранта, посвященной «Выбранным местам из переписки с друзьями»[3].

В тот же день П. А. Плетнев отправил в Неаполь[4] еще один запоздалый[5] ответ Гоголю (на четыре[6] его послания), с вложением двух писем о «Выбранных местах

из переписки с друзьями» — святителя Игнатия (Брянчанинова)[7] к М. П. Вагнер (рожд. Балабиной) от февраля-марта 1847 г.[8] и Ф. Ф. Вигеля к Гоголю от 18 февраля 1847 г.[9]

Из письма Плетнева: «Не рассердись, мой друг, что давно не писал я к тебе. Ты и сам отчасти причиною тому. Если уцелело у тебя мое последнее к тебе письмо (от 17/29 января 1847 г.)[10], то перечти его снова — и убедишься, не должен ли я был беспрестанно ждать решительного слова твоего на тот вопрос, который относился ко второму изданию книги твоей и к помещению непропущенных в ней писем во второй том подобной книги. Но ты ни в одном из писем своих ко мне не упомянул о том ни слова[11]. Время шло да шло — и вот теперь прошел и праздник Пасхи, после которого, как ты сам справедливо сказал, незачем и приступать к печатанию книги. Отложим это все дело до сентября. Но устроим покамест что-нибудь решительное и удобоисполнимое. В ожидании от тебя ответа на вопрос, как поступить лучше, хлопотать ли для этой самой книжки о непропущенных письмах или действительно удобнее внести их как новые в рукопись второго тома, мы (т. е. князь Вяземский, граф М. Ю. Вьельегорский и я) займемся строгим обсуживанием, какие места в непропущенных письмах не следует даже и представлять Государю. Таким образом, к ответу твоему мне на это письмо у нас будет уже определено, чем пополнить переписку твою, в первый ли том или во второй назначишь ты внести эти дополнения. Теперь постараюсь дать тебе удовлетворительные ответы на то, что содержится в последних твоих ко мне письмах: 3/15 января, 25 янв<аря> / 6 февр<аля>, 30 янв<аря> / 11 февр<аля>, 23 <22> февр<аля> / 6 мар<та>, на которые до сих пор не отвечал я. В. В. Апраксина[12] не удалось мне видеть. От него без меня принесли[13] твое письмо, и я остался в неведении, проездом ли он был здесь или на житье тут поселился. <...> Ты говоришь: "Есть люди, которые имеют прекрасную душу и добрые намерения и грешат по неведению". Это больше мечта, нежели истина. Вот отчего Павлов во втором к тебе письме ("Московские Ведомости")[14] так сардонически и осмеивает подобное в тебе убеждение. Ты выговариваешь мне, зачем я на твою книгу смотрю с литературной стороны. У меня идея о литературе всегда сливается с жизнию. Итак, твоя книга важна, по моему мнению, в литературе оттого, что она подействует на жизнь. Упрекая меня, что, тепло живя в Петербурге, я не сочувствую тем, кому холодно подалее от столицы, ты очень ошибаешься. Но я знаю, что вдруг ничто не приходит к совершенству. Ежели каждый своею порядочною жизнию будет давать пример другим, то он со временем принесет пользу, равную с тем, кто это выразил в книге. Аркадий Росетти сам писал к тебе[15]. Он не отказывается для тебя работать, но не согласен, чтобы письма к его сестре[16] были напечатаны так, как они в рукописи. Теперь никто из книгопродавцев не являлся ко мне с уведомлением, что настоит сильная потребность во втором издании писем. Твоя мысль, что так как ты советовал богачам покупать книгу твою для бедных, а потому и разойдется ее несметное число, более филантропическая, нежели философическая: богачи и для себя не покупают русских книг; твою разобрали люди среднего сословия, которые тем и удовольствовались. Вот пройдет лето — опять явится в книге потребность, а мы тут и со вторым изданием либо со вторым томом. Ты не велишь присылать тебе больше денег. Да у меня и не осталось ни копейки. Просмотри хорошенько общий отчет по изданию. Таким образом, отсылка денег в Малороссию теперь не может иметь места. Шевырев мне писал, что и он все твои деньги тебе же отослал. У тебя их должно скопиться вдруг очень много, особенно с теми, которые ты получил[17] по secunda (векселю от Прокоповича, тебе мною пересланному через Жуковского). <...> Напрасно тревожишься ты, будто я могу сколько-нибудь огорчиться твоими выговорами за неудачу в издании твоей книги. Пока ты не открывал мне сердца своего, я мог считать подобные от тебя требования неуместными; но с тех пор как ты душою слился со мной, я тебя не отделяю от себя. Больше об этом ни слова. Моя Ольга была у Вьельгорских по твоему желанию[18]. Они очень обласкали ее. Ты хочешь переслать к Прокоповичу обратно деньги, как только получишь по его векселю[19]. Этого не делай[20]. Он уже знает, что деньги нашлись (по письму Жуковского ко мне), — и очень тем доволен. Напрасно Жуковский напугал тебя, что в книге твоей много опечаток[21]. Я прочитывал ее раз двадцать — и не встретил ни одной опечатки. Может быть, по неразборчивости руки иначе понял корректор самый смысл. Но для меня все очень хорошо. Недоставление паспорта задержало тебя на нынешний год. Я верую, что Провидение лучше нас знает, что устрояет. Все, что

о книге твоей пишут, пересылается тебе Аркадием Осиповичем Росетти через Прянишникова. Но ты увидишь, какой вздор несут наши журналисты. Оно так и должно быть. Может ли что наставительного автору, думавшему о предмете годы, сказать критик, бросающийся за перо в минуту чтения? Твоя жажда читать эти глупости — единственное пятно для меня на чистой душе твоей. Ни Карамзин, ни Крылов, ни Жуковский, ни Пушкин не учились от наших критиков: они только сами погружались в свои думы. И ты, когда разберешь дело, должен будешь сознаться, что никто тебя так верно не поправит в ошибках, как сам ты. Сказал же Пушкин:

Ты — царь: живи один[22]!

Прилагаю к тебе письма: 1) от Брянчанинова (архимандрита Сергиевского монастыря, подле Стрельны, который его отдал Marie Balabina) и 2) от Вигеля из Москвы».

[1] См. также ***1847. Апреля 5 <17>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] См. также ***1847. Марта 27 <апреля 8>. Четверг Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

[3] *<Брант Л. В.> Я. Я. Я.* Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. (Статья вторая и последняя) // Северная Пчела. 1847. 4 апр. № 74. С. 294–295.

[4] См. ***1847. Мая 8 <апреля 26>. Суббота. Неаполь.***

[5] См. также ***1846. Ноября 21 <декабря 3>. Четверг. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург***; ***1847. Июля 29 <августа 10>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1847. Января 15 <3>. Пятница. Неаполь***; ***1847. Февраля 7 <19>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1847. Февраля 6 <января 25>. Вселенская родительская суббота. Неаполь***; ***1847. Февраля 7 <19>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь***; ***1847. Марта 6 <февраля 22>. Суббота. Неаполь***; *Городецкий.* С. 454.

[7] В ту пору архимандрита, настоятеля Троице-Сергиевой пустыни близ Петербурга.

[8] См. ***1847. Февраль-март <февраля средина — апреля первая половина>.***

[9] См. ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Москва.***

[10] См. ***1847. Января 17 <29>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[11] Ср. ***1847. Января 5 <1846. Декабря 24>. Вторник. Рождественский сочельник. Неаполь***; ***1847. Января 15 <3>. Пятница. Неаполь***; ***1847. Февраля 6 <января 25>. Вселенская родительская суббота. Неаполь***; ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь***; ***1847. Марта 6 <февраля 22>. Суббота. Неаполь.***

[12] См. ***1847. Января 16 <4>. Суббота. Неаполь.***

[13] Графиня Анна М. Виельгорская получила в Петербурге письмо Гоголя, отправленное из Неаполя 16 января (н. ст.) 1847 г., также с графом В. В. Апраксиным, 7 февраля 1847 г. (см. ***1847. Февраля 7 <19>. Пятница. Санкт-Петербург***).

[14] См. ***1847. Марта 29 <апреля 10>. Суббота Светлой седмицы.*** — См. также ***1847. Марта 22 <апреля 3>. Великая Суббота. Москва*** (примечания).

[15] См. ***1847. Марта 12 <24>. Среда. Санкт-Петербург.***

[16] Подразумевается статья *XXI. Что такое губернаторша (Письмо к А. О. С<мирнов>ой).*

[17] См. ***1847. Марта 9 <февраля 25>. Вторник. Неаполь.***

[18] См. ***1847. Января 16 <4>. Суббота. Неаполь*** (письмо к графине Анне М. Виельгорской); ***1847. Мая 5 <17>. Понедельник. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1847. Мая 8 <20>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[19] Ср. письмо Гоголя к П. А. Плетневу от 27 марта (н. ст.) 1847 г.: ***1847. Марта 9 <февраля 25>. Вторник. Неаполь.***

[20] Ответ Гоголя, от 8 мая (н. ст.) 1847 г., см.: ***1847. Марта 9 <февраля 25>. Вторник. Неаполь*** (примечания).

[21] См. ***1847. Февраля 18 <6>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[22] Стихотворение «Поэту» (см. ***1830. Декабря 24. Среда. Рождественский сочельник. Санкт-Петербург***).

АПРЕЛЯ 17 <5>. СУББОТА. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет письмо к П. А. Плетневу в Петербург; отправляет также два письма во Франкфурт — ответное[1] письмо В. А. Жуковскому, с вложением расписки в получении тысячи рублей[2] ассигнациями, и письмо к Е. Р. фон Рейтерну, с вложением выписок «Об утратах (Из Златоуста)» и «О Божественной плоти Иисуса Христа и о нашей (Из Тертуллиана)».

Гоголь переписал для Рейтерна выписки <41>. *Об утратах (Из Златоуста)* и *7. О Божественной плоти Иисуса Христа и о нашей (Из Тертуллиана)* из своего рукописного сборника «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви», составлявшегося зимой 1843/44 г. в Ницце[3] и завершенного осенью 1845 г. во Франкфурте[4]. (Источник первой выписки – Святого Иоанна Златоустого О благоразумном перенесении скорбей, из первой Беседы на 2<-е> Послание к Коринф<янам> // Христианское Чтение. 1842. Т. 2. С. 207–210; вторая выписка была сделана из статьи неизвестного автора: Тертуллиан и его сочинения // Христианское Чтение. 1842. Т. 2. С. 410–417). Выписку «Об утратах» Гоголь посылал также в декабре 1844 г. М. П. Погодину[5].

Из письма к Плетневу: «От Арк<адия> Осип<овича> Россети[6] я узнал <...> о том, что ты много натерпелся из-за меня, слушая всякие толки обо мне. Не знаю, как благодарить за доброту твою. <...> А толками не смущайся. <...> ...Я теперь ежеминутно благодарю Бога за то, что книга моя произвела именно эти толки, а не такие, которые были бы в мою пользу. <...> Без этих толков передо мною не раскрылось бы так общество и люди, которых мне нужно непременно знать; у меня долго еще будет всё невпопад, и язык мой не будет доступен для всех, покуда не узнаю так людей, как мне хочется узнать. Поверь, что без этой книги не было бы на чем испробовать нынешне<го> человека. А проба эта нужна, и в этом отношении книга моя, несмотря на все ее недостатки, сокровище. Ты сам это испытаешь, если будешь на ней пробовать человека. <...> А через это самое ты будешь иметь возможность оказать благодеяние мне, тебя любящему, сообщая наблюдения свои, которые многому меня научат. О делах по книге я уже писал от 15 <13>[7] апреля Арк<адию> Ос<иповичу>. <...> Мне кажется, ты бы лучше сделал, если бы взял на месяц или на два отпуск за границу и прилетел бы ко мне морем, в семь дней в Остенде. <...> Ты бы тогда привез сам статьи, просмотренные князем Вяземским, с его замечаньями. И захватил бы с собою журналы и книги, потому что я до сих пор не получил ни печатного листка. Мы бы о многом переговорили с тобою и перетолковали, съездили бы вместе даже в Лондон. Из Остенде день езды в Лондон и день езды в Париж. Ни экипажей, ни дорожных запасов не нужно; везде пароходы и железные дороги, даже к Жуковскому[8] можно съездить по железной дороге. <...> Напиши на это письмо ответ не медля и адресуя на имя Жуковского. Я подоспею к его получен<ию> во Франкфурт. В Остенде я полагаю пробыть июль и август».

Из письма к Жуковскому: «Приятное и грустное письмо твое, бесценный друг мой, я получил. <...> Я, не медля ни мало, вслед за письмом к Убрилю, написал другое к тебе[9], с обстоятельным уведомлением о векселе и с приложением расписки в получении третьей тысячи[10]. Прилагаю, на всякий случай, еще раз расписку, если письмо мое как-нибудь пропало. Но обратимся к сладостно-грустной стороне письма. Разумею высокохристианский подвиг семейства Рейтернов. О, дай Бог многим тем (если не всем), которые тщеславятся православием своим и истиною Церкви своей и тем, что одни они только спасутся, такую высокую добродетель! Я другого ничего не мог придумать в изъявленье моего участия Рейтерну, как послать ему отрывок из Златоуста, который потрудись им изъяснить как-нибудь по-немецки. Выписываю еще, на всякий случай, из Тертуллиана о *воскресении тел*. Мне кажется, истина воскресения тел недостаточно объяснена и признана у лютеран. Статья эта покажется Рейтерну очень усладительной, особенно после прочтения Златоуста. <...> Обнимаю вас всех, милые сердцу моему, и через месяц питаю удовольствие обнять вас лично».

Из письма к Рейтерну: «От Василья Андреевича Жуковского я узнал только недавно, что одна из милых дочерей ваших уже не присутствует более с вами в смысле вещественном. Я взял в руки перо с тем, чтобы писать вам и показать мое участие. Но меня вдруг остановил вопрос: что могу я сказать вам? и чем могу показать свое участие? Кто принял с такою высокою радостию созревшего христианина Божье посещение, какие речи можно сказать такому человеку? Ничего не придумал я сделать лучше, как послать вам отрывок из Златоуста. Я уверен, что он придется вам более по сердцу, чем все те слова, какие мог бы я сказать вам».

[1] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Марта 24 <12>. Среда. Франкфурт-на-Майне***. – Первая половина письма Жуковского впоследствии была переработана им в статью под названием «О смерти». В письме сообщалось о смерти дочери Е. Р. фон Рейтерна, свояченицы В. А. Жуковского, Мии.

[2] *Городецкий*. С. 439; см. также: *Свод*. Т. 2. С. 127.

[3] См. ***1843. Ноября 19 <7> – 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***

[4] См. ***1844. Сентября 21 <9> – 1845. Января 10 или 11 <1844. Декабря 29 или 30>. Франкфурт-на-Майне.***

[5] См. ***1844. Декабря 20 <8>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[6] Имеется в виду письмо Ар. О. Россета от 12 марта 1847 г. (см. ***1847. Марта 12 <24>. Среда. Санкт-Петербург***).

[7] См. ***1847. Апреля 13 <1>. Вторник. Радоница. Неаполь.***

[8] Во Франкфурт.

[9] См. ***1847. Марта 12 <февраля 28>. Пятница. Неаполь.***

[10] Деньги были присланы Гоголю из суммы, назначенной ему Наследником Александром Николаевичем (см. ***1844. Мая 25 <13>. Троицкая родительская суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Мая 29 <17>. Среда. Баден-Баден***).

АПРЕЛЯ 5 <17>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газете «Северная Пчела» напечатано окончание[1] второй[2] критической статьи Л. В. Бранта, посвященной «Выбранным местам из переписки с друзьями»[3].

Брант, в частности, писал: «...Теперь, когда личное вмешательство Г<-на> Гоголя в противоположные о нем суждения еще более прежнего запутало хитрый вопрос о действительном значении и достоинстве его произведений, со всех сторон слышатся слова: да что же такое в самом деле эти произведения, много лет выхваляемые одними, строго осуждаемые другими, и в том числе строже всех самим автором? — Мудреный вопрос этот может быть если не окончательно разрешен, то, по крайней мере, значительно пояснен правдивым и вполне добросовестным разбором всех сочинений Г<-на> Гоголя, — разбором, чуждым всякого увлечения в пользу или не <в> пользу автора. <...> ...Исследование вопроса о сочинениях Г<на> Гоголя будет тем более кстати, что с ним соприкасается общий вопрос о направлении тех действователей современной литературы Русской, которые провозгласили этого писателя своим вожатым, и не усвоив себе ни одного из его достоинств, сумели перенять только его недостатки и ложные воззрения на предметы жизни и искусства...»[4]

В тот же день, 5 апреля 1847 г., П. А. Плетнев получил письмо Гоголя из Неаполя[5] (на письме имеется почтовый штемпель: «Получено 1847 апр<еля> 5 вечер»; и помета Плетнева: «П<олучено> 5/17 апр<еля> 1847»[6]).

В тот же день Плетнев писал В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Много пропустил я времени, прежде нежели собрался писать к вам, Василий Андреевич. Причиною тому разные хлопоты, насылаемые на меня Гоголем в письмах. Теперь, слава Богу, стало полегче. Он решился отложить свою поездку на Восток до будущего года, а потому и 2-ое издание Писем его я отложил до осени. В это время Вьельгорский и Вяземский успеют что-нибудь сделать касательно пропуска мест, запрещенных цензурою. Меня очень тревожит страсть Гоголя читать все глупости, какие пишут об его книге. Из них он намерен поучаться и совершенствоваться. Втолкуйте ему, что от этих бредней можно разве только с ума сойти или просто разозлиться. Ежели бы у вас достало терпения пробежать пошлости, непристойности и грубости, которые позволяют себе газетчики и журналисты, то вы, конечно, употребили бы все свое влияние, чтобы вылечить Гоголя от женского любопытства. Когда я смотрю, с каким упорством он требует к себе присылки всех этих бредней, то мне невольно приходит на ум, что Гоголь не совсем предан душою делу истины и религии, а только высматривает, что заговорят люди о новой его штуке. Это унизительно. Вознесшись на такую высоту бесстрастия и самопожертвования, убедясь в душе, что это долг христианина, можно ли хлопотать о следствиях произнесенного слова? Оно уже все свое совершило тем, что было произнесено. Ему, по словам его, хочется еще понаучиться. Да разве не в нем самом источник откровения? Ведь не Булгарин же с Сенковским и Павловым научили его броситься в объятия религии и нравственности. Так и продолжение этого совершенствования осталось только

в нем. Он пиши только так, как говорит его сердце, а читатели уже получат то, что он обязан дать, как творец учения»[7].

[1] См. ***1847. Апреля 4 <16>. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] См. также ***1847. Марта 27 <апреля 8>. Четверг Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***
[3] <*Брант Л. В.*> *Я. Я. Я.* Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. (Статья вторая и последняя) (Окончание) // Северная Пчела. 1847. 5 апр. № 75. С. 298–299.
[4] Там же. С. 299.
[5] См. ***1847. Марта 27 <15>. Лазарева суббота. Неаполь.***
[6] См.: *Городецкий.* С. 455.
[7] *Свод.* Т. 1. С. 695–696.

АПРЕЛЯ 5 <17>. СУББОТА. КАЛУГА

И. С. Аксаков пишет родным в Москву:

«Письмо Гоголя к Вам[1] и другим очень значительны; чиханье очень полезно и очень облегчает перепонки залегшего носа. <...> Прочел я статью вторую Павлова в газетах[2]; умно, прекрасно, но, воля ваша, так холодно, так веет неискренностью, нетеплотою убеждений, так слышится скрытая радость, что есть возможность и ему, Павлову, лягать Гоголя».

Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 366; см. также: Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 921.

[1] Письмо от 6 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.
[2] Вторая из трех статей, или «писем» Н. Ф. Павлова о книге Гоголя, была напечатана 29 марта 1847 г. в № 38 «Московских Ведомостей» (см. ***1847. Марта 29 <апреля 10>. Суббота Светлой седмицы. Москва***).

АПРЕЛЯ 7 <19>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре.

Ельницкая 1979. С. 383.

АПРЕЛЯ 7 <19>. ПОНЕДЕЛЬНИК. КАЛУГА

А. О. Смирнова сообщает В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Читали ли вы книгу Гоголя[1] и знаете ли вы, какие толки пошли о нем? В Москве его сочли совсем за сумасшедшего и объявили это во всеуслышание, разумеется, *его друзья*[2]. Он много страдал, и все ошибки его в том, что он всех полагал такими же страдающими; а дело в том, что большая часть живет в ладу с своими пороками: в этом мне порукой целый город Калуга, преспокойно почивающий на лаврах своего разврата и безнравственности».

Из писем А. О. Смирновой // *Свод.* Т. 2. С. 208.

[1] «Выбранные места из переписки с друзьями».
[2] Имеются в виду Аксаковы. – См. ***1847. Февраля 15 <27>. Суббота. Калуга***; ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Калуга***; ***1847. Июля 26 <августа 7>. Суббота. Радонежье (Абрамцево)***.

АПРЕЛЯ 20 <8>. ВТОРНИК. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет ответное[1] письмо А. О. Смирновой в Калугу:

«Я получил ваши бесценные строчки... <...> Всё, что ни творится относительно меня, творится мне в науку... <...> В письме к Аксакову[2] вовсе не было изложено мысли или опасений моих, что общество, дескать, не созрело для моих писем: ее вывели умники сами собою. Вы видите, что они [даже] из книги моей выводят тоже не то, что в ней есть, а то, что им хочется вывесть. Всякому хочется основать свою точку взгляда затем, чтобы красно поговорить и самому порисоваться; отсюда католицизмы, формализмы и всякие *измы*. Таким образом вам тоже кто-то наврал, что я в Риме[3], тогда как до сих пор из Неаполя я никуда ноги не заносил. <...> Мне жалко, что ваше милое письмецо скиталось почти два месяца. Еще одна к вам просьба: не спорьте обо мне никогда ни с кем из людей умных (разумею особенно тех, которые живут в уме своем, а не преимущественно в душе и сердце) и никогда не сердитесь ни на кого из-за меня, и Боже вас сохрани с кем-нибудь поссориться из-за меня[4]! Лучше собирайте всё, что ни говорится обо мне, и всё мне передавайте. Меня ничто не смутит, если Бог меня не оставит, а Бог милостив, — ему ли оставить меня, если я искренно молюсь ему, молясь о том, чтобы уметь ему вечно молиться, и если много людей ему угодных и лучших возносят за меня грешного жаркие молитвы? Но мне нужно непременно всех выслушать, чтобы поступить умно. Путь мой тверд, и я до сих пор один и тот же, с некоторыми улучшениями (по милости Божией). <...> Все эти брани, толки, противуречия обо мне еще также нужны затем, чтобы показать мне гораздо ближе общество, как никому другому оно не может показаться. Заметили ли вы одно необыкновенное свойство моей книги, какое вряд ли имела доселе какая-нибудь книга? Именно то, что она, несмотря на все бесчисленные свои недостатки, может служить пробным камнем для узнания нынешнего человека? В сужденьях своих о ней обнаружится перед вами весь человек, даже позабывши свою осторожность. Это весьма не безделица для писателя, а особливо такого, для которого предметом стал не шутя человек и душа человека. Бог недаром отнял у меня на время силу и способность производить [прек<расные>] произведенья искусства, чтобы я не стал произвольно выдумывать от себя, не отвлек<ался> бы [никак] в идеальность, а держался бы самой существенной правды. И правда Руси передо мной теперь выступила, как никогда прежде. <...> Вот почему мне так дороги все толки, даже и людей, по-видимому, самых простых и глупых: они мне открывают их душевное состояние. Ответ на это письмо вы адресуйте во Франкфурт, на имя Жуковского. Мая первых чисел[5] я отсюда выезжаю. Лето провожу на водах, июль и август в Остенде на морском купаньи, а оттуда на осень в Италию, дабы оттуда в Иерусалим. А у Гроба Господня укреплюсь и духом, и телом, да и может ли быть иначе? Бог милостив. Не он ли сам внушил стремленье поработать и послужить Ему? Кто же другой может внушить нам это стремленье, кроме Его самого? Или я не должен ничего делать на прославленье имени Его, когда всякая тварь Его прославляет, когда и бессловесные слышат силу Его? Мне ставят в вину, что я заговорил о Боге, что я не имею права на это, будучи заражен и самолюбием, и гордостью, доселе неслыханною. Что ж делать, если и при этих пороках все-таки говорится о Боге? Что ж делать, если наступает такое время, что невольно говорится о Боге? Как молчать, когда и камни готовы завопить о Боге[6]? Нет, умники не смутят меня тем, что я недостоин и не мое дело, и не имею права: всяк из нас до единого имеет это право, все мы должны учить друг друга и наставлять друг <друга>, как велит и Христос и апостолы. А что не умеем выражаться мы хорошо и прилично, что иногда выскочат слова самонадеянности и уверенности в себе, за то Бог и смиряет нас, и нам же благодетельствует, посылая нам смирение. Если бы книга моя сделала успех и много бы людей было на моей стороне, тогда бы, точно, могла бы овладеть мною гордость и все те пороки, которые мне приписывают. Теперь, вследствие всех этих толков осмотревшись со всех сторон на себя, я могу заговорить таким взвешенным и умеренным голосом, что трудно будет им придраться ко мне. <...> Просите обо мне молиться по-прежнему всех умеющих молиться людей. Просите молиться именно о том, чтобы отогнал от меня Бог духа обольщения, гордости и всех тех пороков, которыми попрекают меня, и чтобы не отходил от меня мой ангел-хранитель».

[1] См. ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Калуга.***

[2] См. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь.***

[3] О предполагаемом приезде Гоголя в Рим Смирнова узнала из письма Ю. Ф. Самарина (см. ***1847. Января 22 <февраля 3>. Среда. Рига***). В письме от 18 февраля 1847 г. А. О. Смирнова писала Гоголю: «Стороною я узнала, что вы в любезном нашем Риме...» — См. также ***1847. Марта 22 <апреля 3>. Великая Суббота. Калуга***; ***1847. Марта 25 <апреля 6>. Вторник Светлой седмицы. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Калуга.***

[4] Подразумевается ссора Смирновой с И. С. Аксаковым. — См. ***1847. Февраля 15 <27>. Суббота. Калуга***; ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Калуга***; ***1847. Июля 26 <августа 7>. Суббота. Радонежье (Абрамцево)***.

[5] См. ***1847. Мая 11 <апреля 29>. Вторник. Неаполь.***

[6] Вспоминается ответ Спасителя фарисеям, пытавшимся запретить ученикам славословить Господа при Входе Его в Иерусалим: «...Если они умолкнут, то камни возопиют» (Лк. 19, 40).

АПРЕЛЯ 8 <20>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Директор Азиатского департамента Л. Г. Сенявин сообщает управляющему Императорской миссией в Константинополе М. М. Устинову:

«Миссия наша в Неаполе уведомила[1], что литератор Николай Гоголь, на путешествие коего к святым местам последовало Выс<очай>шее соизволение, находится в необходимости, по причине сильно расстроенного здоровья, отложить отъезд свой на Восток до конца будущего лета».

Из документов и свидетельств о паломничестве Гоголя к Святым Местам // *Свод.* Т. 3. С. 614.

[1] См. ***1847. Марта 5 <февраля 21>. Пятница. Неаполь*** (примечания).

АПРЕЛЯ 8 <20>. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Большом театре; в роли Городничего — М. С. Щепкин[1].

В тот же день М. П. Погодин отправил второе[2] письмо к Гоголю в Неаполь, о чем записал в дневнике:

«Писал письмо Гоголю»[3].

Из письма Погодина к Гоголю: «Вслед за первым вот к тебе и второе письмо... <...> Недели две я не был в городе, никого не видал и не знаю, получил ли кто от тебя письмо в это время.

Продолжаю о книге — я остановился, кажется, на предисловии. Состоя из желаний и требований физически и нравственно невозможных, оно казалось мне (и теперь, через три месяца, кажется) плодом расстроенного воображения, состояния ненормального. Такие явления случаются с нами от разных причин: долговременного уединения, одинокого напряженного размышления, усиленной деятельности и даже многих причин физических. Недавно малый пример видел я на Шевыреве. Приезжает он ко мне в воскресенье и остается полчаса, говорит дело, но в его глазах, голосе, движениях, оборотах речи я заметил что-то необыкновенное. Проводив, еду тотчас к знакомым, расспрашиваю стороною о последних его лекциях — и слышу многие вещи, кои удостоверяют меня, что он встревожен. Слышу, что он в газетах тогда же спорит с Мельгуновым о благотворительности[4], в "Листке" — с одним молодым человеком о воспитании. Плохо дело, думаю я, еду чрез два дня к нему на публичную лекцию. Речь шла об "Одиссее", но что же — весь спор и вся твоя книга просвечивала мне насквозь в его словах, хотя они, казалось, были обращены совсем в другую сторону, и он был весь не свой. Я испугался, написал к нему на другой день письмо, прося оставить лишние споры, отказаться на время от общества и его толков, запереть двери от посетителей (чтоб

река вступила в берега). Слава Богу, волнение прошло скоро и он успокоился мало-помалу. В таком положении мы принимаем все слишком к сердцу, и предметы представляются совершенно под другим углом. Может быть, и ты после болезни был так настроен и написал свое завещание, разве не имел какой особой мысли или какого особого намерения, что за тобой водилось, – придумывать, катая шарики[5], разные мудреные вещи... <...> О, друг мой, в простом сердце Бог почивает, говорит русская пословица. <...>

Возвратимся к книге (которой все-таки у меня нет дома). Вот что представлялось мне, когда я думал об ней. Ты посеребрился христианством, но не просеребрился. Не казалось оно мне проникнувшим твою душу, а только покрывшим.

Христос говорит беспрестанно: "Не учите, не становитесь учителями"[6], а ты берешься учить и учишь всех от первой строки до последней.

"Не осуждайте"[7], – говорит Христос, а ты все точно осуждаешь.

"Принимайте пощечины"[8] – а тебе кажется, что надо давать пощечины, да еще и покрепче, и даешь. "Исправляйтесь молча" – а ты напоказ.

Ты говоришь: я отдал свои пороки героям "Мертвых душ" и стал лучше[9]. Не ясно ли, что ты слишком неопытен в истинной христианской жизни? Христианин никогда не скажет – не может сказать, – чтоб он от какого порока избавился. <...> По этой же причине мне очень странно было слышать от кого-то, что ты не поехал в нынешнем году в Иерусалим, потому что ты не готов. Но если ты скажешь когда, что ты готов, то в ту самую минуту ты будешь так далеко от Иерусалима, как никогда. Усовершенствования делаются в нас неприметно, и горе, если мы любуемся ими. Рост духовный, как рост физический, таинствен, и от греха никогда мы не далеки. Эти наблюдения служили мне всегда доказательством первородного греха, человеческого падения и давали понимать мудрость апостольского выражения, что всякий человек есть ложь[10].

Далее – ты говоришь часто: я грешен, я никуда не гожусь и тому под<обное>.– Эти гуртовые покаяния решительно ничего не значат, и делать их очень легко! Иван Васильевич[11] твердил у нас беспрестанно, что он самый окаянный грешник, и все-таки это не мешало ему проливать кровь ежеминутно. <...> Во всей своей книге унизительного о себе ты не сказал ни слова – и все увидели в ней гордость; а не смирение, как это и есть: потаенная, сокрытая от тебя гордость под мнимой тобою одеждой смирения. <...> Любви сердечной в книге мне не слышалось, так точно и в первом письме твоем к Аксакову[12], от которого так и несло холодом, которое проникнуто было мыслию об усовершенствовании только себя, о пользе для себя и в других видело только орудия. Это письмо было для меня противно, так что я, получа последнее твое письмо[13], дышащее любовью, не хотел было показывать его им, чтоб не огорчить противоположностью, но услышал от них, что они получили в одно время со мною также письмо в этом роде[14]; тогда прочел уже я им и свое. Но поздно. <...> Прощай. <...> До следующей недели»[15].

[1] *Гриц*. С. 400.

[2] См. ***1847. Марта 24 <апреля 5>. Понедельник Светлой седмицы. Москва.***

[3] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 491.

[4] Об этой полемике см.: *Барсуков*. 1895. Кн. 9. С. 65–72. – См. также ***1847. Марта 25 <апреля 6>. Вторник Светлой седмицы. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Калуга***; ***1849. Марта 19 <7>. Понедельник. Баден*** (примечания).

[5] См. ***1841. Октября 17 – 1842. Мая 23. Москва.***

[6] Ср. Иак. 3, 1.

[7] Мф. 7, 1; Лк. 6, 37.

[8] Мф. 5, 39.

[9] Имеются в виду строки третьего письма главы *XVIII. Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ»* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Я уже от многих своих гадостей избавился тем, что предал их своим героям, обсмеял их в них и заставил других также над ними посмеяться». Подробнее о смысле этого гоголевского высказывания см.: ***1835. Августа 14 – 18–19. Киев***; ***1847. Февраля 20 <марта 4>. Четверг.***

[10] См. также ***1847. Июня 10 <мая 29> – июля 10 <июня 28>. Франкфурт-на-Майне.***

[11] Царь Иван IV Грозный.

[12] См. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь.***

[13] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Неаполь.***

[14] См. ***1847. Марта 6 <февраля 22>. Суббота. Неаполь.***

[15] Ср. ***1847. Апреля 10 <22>. Четверг. Москва.***

АПРЕЛЯ 9 <21>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Государственный канцлер, министр иностранных дел граф К. В. Нессельроде сообщает начальнику Его Императорского Величества Военно-Походной Канцелярии В. Ф. Адлербергу:

«...Г. Тайный Советник Граф Потоцкий, уведомив меня о вручении литератору Гоголю паспорта и писем[1], присовокупил, что он находится в необходимости, по причине сильно расстроенного здоровья, отложить отъезд свой на восток до конца будущего лета, а между тем, с наступлением весны, пользоваться минеральными водами на берегах Рейна»[2].

На письме имеется помета: «Доложено Его Величеству. — 14 Апреля 1847».

В тот же день, 9 апреля 1847 г., граф В. В. Апраксин писал матери в Неаполь:

«Я надеюсь <...> приготовить письмо для Николая Васильевича. Скажите ему, от моего имени, что он получит выдержки из отзывов всех журналов, газет и т. п. о его книге[3], но не ранее, чем через две недели»[4].

[1] См. ***1847. Марта 5 <февраля 21>. Пятница. Неаполь*** (примечания).
[2] Из документов и свидетельств о паломничестве Гоголя к Святым Местам // *Свод.* Т. 3. С. 614.
[3] Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями».
[4] Гоголь в письмах графа В. В. Апраксина // *Свод.* Т. 2. С. 79.

АПРЕЛЯ 22 <10>. ЧЕТВЕРГ. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет ответное[1] письмо к Ф. В. Чижову в Венецию (письмо, вероятно, не было получено Чижовым[2] — и не сохранилось) и два подряд письма к А. А. Иванову в Рим (второе письмо к Иванову было написано после получения письма из Рима от брата художника, С. А. Иванова).

Из первого, ответного[3] письма Гоголя к Иванову: «Благодарю вас, мой добрый Александр Андреевич, за ваше скорое доставленье моего письма Чижову[4]. Если будете писать к нему, то уведомите, что я послал ему ответ в Венецию сегодня. <...> Упреков от меня больше не будет. Будьте беззаботны насчет будущего: оно в руках Того, Кто всех нас умнее. Мы с вами переговорим и перетолкуем[5] на словах обо всем тихо, рассудительно и так, что останемся оба довольны друг другом. Затем обнимаю вас и вместе с вами и доброго вашего братца[6]. Если будет время, напишите что-нибудь о Риме: кто теперь там сидит и кто остается до 10 мая из приезжих? Я полагаю около этого времени — и даже скоро после 5-го мая — быть в Риме. Федору Ивановичу[7] передайте также поклон, если он не позабыл меня посреди упоений от лицезрения того предмета[8], ради которого был надолго позабыт гравчик[9] и который, как я слышал, находится теперь в Риме».

Из второго письма к Иванову: «Едва только я написал к вам письмо, как получил от вашего братца извещение о том, что вы сделались больны. В тот же час я отправился к Циммерману[10] и передаю вам всё, что он объявил. Он полагает, что это явленье чисто геморроидальное. Пластыря к груди не нужно, но к заднему проходу необходимо нужно приставить побольше пьявок, принять несколько слабительных и несколько ванн с отрубями. Призвать можете Аллерса[11] и ему всё это сообщить. Ехать теперь он вам полагает ненужным. Если ж и ехать, то не прежде, как поправитесь;

дорога вас теперь взволнует. <...> Мне очень прискорбно, если и я участвовал также неуместными моими письмами[12] к вашему огорчению. Но возложите несокрушимое упование на Бога. Он вас вынесет повсюду. Обо всем прочем переговорим лично. <...> На это письмо дайте ответ хотя через вашего доброго братца, которого благодарю много за то, что он мне сообщил немедля о вас».

[1] См. ***1847. Апреля 14 <2>. Среда. Флоренция.***
[2] Ср. ***1847. Мая 1 <апреля 19>. Венеция.***
[3] См. ***1847. Апреля первая половина <апреля начало>. Рим.***
[4] См. ***1847. Марта 25 <13>. Четверг. Неаполь.***
[5] См. ***1847. Мая 12 <апреля 30>. Среда. Рим.***
[6] С. А. Иванов, архитектор.
[7] Иордан.
[8] Возможно, речь идет о Е. П. Олферьевой (см. ***1841. Февраля 14 <2>. Воскресенье. Праздник Сретения Господня. Вечер. Рим*** – примечания).
[9] Инструмент (граверный резец).
[10] Врач, практиковавший в Риме и Неаполе.
[11] Врач в Риме.
[12] См. ***1846. Декабря 12 <ноября 30>. Суббота. Неаполь; 1846. Декабря 19 <7>. Суббота. Неаполь; 1847. Февраля 4 <января 23>. Четверг. Неаполь.***

АПРЕЛЯ 10 <22>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

М. П. Погодин пишет третье подряд[1] письмо к Гоголю в Неаполь:

«Тяжело мне, грустно — неприятности, оскорбления, огорчения, и к каждому из них находится подтвердительный эпиграф[2] из искренних мнений самого близкого человека. <...> Если бы ты знал, сколько ты сделал мне вреда, зла, существенного, положительного, своими выходками, которые поминутно звенят в ушах моих... <...> ...Я страдаю и подчас лишаюсь терпения: скорблю, грущу. В таком-то расположении принялся теперь за перо, хоть третьего дня только послал к тебе второе письмо.

Не помню уже, на чем остановился. Все равно. Буду говорить тебе об общих твоих советах. Они все показывают совершенное незнание обстоятельств, о коих ты берешься учить. Например, о западном направлении — ты не имеешь вовсе никакого понятия, куда оно начало было хватать и хватает. Какой яд разливается у нас! Надо наблюдать, следить постоянно, внимательно, чтоб оценить или взвесить, какую пользу или вред, а ты прочтешь едва страничку, чрез два месяца в третий, да и пустишь шутку. Побывай-ка ты в губернии, поговори с капитан-исправником или заседателевой дочерью, которая начиталась мадам Занд (раздаваемой даром при наших журналах), почитай новые русские повести да потом и суди! В пять лет ныне происходит в обществе то, на что требовалось прежде пятьдесят. Посмотри на молодых людей нового поколения, в Петербурге, Москве, да и посмейся с ними, если найдешь духу. А ты поехал с давно прошедшими типами и потом подаешь свои советы!

Во всякой статье твоей есть прекрасные вещи и вместе такие, кои явно для специальных знатоков обнаруживают твое неведение. Одни вопиют против смешения духа с душою, которых при рассуждениях этого рода смешивать то же, что тело с душою. Другие указывают на несообразность понятий о Русской Церкви и в чем состоит Православие. Об "Одиссее" все сначала еще пожали плечами. Пятое евангелие не сделает того, что приписываешь ты переводу Жуковского[3]. Для всех ясно, что это сочиненное письмо на заданную себе тему — похвалить приятеля. Говорят: Гомер написал "Одиссею", Жуковский перевел "Одиссею", Гоголь рецензировал "Одиссею", Языков напечатал рецензию об "Одиссее", а по справке оказалось, что по-гречески из всех четырех знал только один — Гомер. Такое увлечение воображения в строгом христианине невозможно. Да, верно, ты и не читывал "Одиссеи", кроме двух-трех отрывков, выслушанных у Жуковского. Мужик будет читать "Одиссею" и сравнивать свое положение с языческим и сделается лучше — это такой вздор, какой может натянуть студент или семинарист, получивший заказ панегирика.

Всех смущает больше всего это беспрерывное желание быть апостолом, учительствовать, когда христианин начинает обыкновенно с себя. Сказать помещику[4] в наше время: делай так – и ты будешь богат, как Крез,– непозволительно. Крезы – черт с ними. Дай Бог, чтобы Крезов не было.

Что ты пишешь о Красавице[5] – письмо годится в альманах, в арабески, и только, приятный комплимент, а сама Божия Матерь не могла произвесть таких чудес, каких ты ожидаешь, я не знаю, от какой дамы. Точно так же или гораздо более соблазняют всех ожидания от твоей любви, когда сам Иисус Христос отведен был людьми на распятие. Прекрасная поэзия, которая отстает от действительности на неизмеримое расстояние и дает повод ко множеству недоразумений. Противно всем твое стремление (давнее) тереться около знатных, к которым ты очень пристрастен, видишь достоинства в посредственностях и вообще не находишь сказать им ничего, кроме лести, когда все зло там. Но довольно.

Есть, однако ж, люди, которым книга нравится, не только частями, как мне, но и вся сполна. Это большей частию люди средние, которые не замечают и не разбирают всех нитей основы и утка, а любят послушать нравоучения и посмотреть хороших видов. Досадно мне, что некоторым лицемерам еще она нравится. В истории твоей души книга, верно, займет важную ступень, но не произведет такого действия... <...> Да где же ты будешь жить летом? Приезжай-ка к нам, *преодолев свое самолюбие* и заклав тем свою гордость не на словах, не умничаньем, что всякому легко, а на деле, что трудно, ох, трудно!.. <...>

Ожидай письма еще скоро[6]. Мне хочется поскорее излить всю душу... Ох, некому!»

В тот же день, 10 апреля 1847 г., С. Т. Аксаков писал сыну Ивану в Калугу:

«Гоголь, кажется, совершенно очнулся: туповатый князь Владимир Львов, писавший статьи о московской жизни в "Москвитянине" и, за грехи наши, продолжающий писать их в "Листке", не будучи знаком с Гоголем, написал к нему письмо о его последней книге. Письму следовало быть также глуповатому; но иногда Господь умудряет глупцов, и, может быть, письмо было и неглупо и недурно написано. Главное дело в том, что ответ Гоголя прекрасен. Прилагаю тебе на особой бумажке некоторые выписки из письма[7]. <...> Я выписал начало: письмо большое, исполнено искренней благодарности. Жаль, что оно ходит по Москве, сопровожденное нелепыми толками. Вот как идет все на свете»[8].

[1] См. ***1847. Марта 24 <апреля 5>. Понедельник Светлой седмицы. Москва***; ***1847. Апреля 8 <20>. Вторник. Москва.***

[2] Имеется в виду статья *IV. О том, что такое слово* «Выбранных мест из переписки с друзьями». – См. ***1841. Октября 7 <сентября 25>. Четверг. Берлин*** (примечания).

[3] Имеется в виду статья *VII. Об Одиссее, переводимой Жуковским* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[4] Подразумевается статья *XXII. Русский помещик* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[5] В статье *II. Женщина в свете* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[6] См. ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Москва.***

[7] Имеется в виду письмо Гоголя к князю В. В. Львову от 20 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя (см. ***1847. Марта 20 <8>. Суббота. Неаполь***).

[8] Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 600.

АПРЕЛЯ 10 <22>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1979. С. 383.

АПРЕЛЯ 24 <12>. СУББОТА. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет в Петербург новое[1] письмо Ар. О. Россету:

«Уведомляю вас, <...> что, наконец[2], книги получены сего апреля 23 числа. Именно следующие: 2 номера "Соврем<енника>"[3] и два номера "Отечественных Записок"[4], два охапка "Северной Пчелы"[5] и биография Крылова[6]. Зачем не пришли мои "Выбранные места"[7] и в каких местах они теперь пребывают, этого никак не могу понять. Скажите Плетневу, что я читаю биограф<ию> Крылова с таким удовольствием, с каким давно не читал никакой русской книги[8]. Она имеет интерес даже для ребенка и, вероятно, сделается у нас книгой народной. Теперь, как вижу я, он остался в большом выигрыше, сдавши с рук "Современник"[9]. Он теперь гораздо больше усредоточится в своих собственных силах. Кто созрел для книги, тому нечего издавать журнал. Это дело молодости[10]. Я писал к нему от 17 апреля[11] вслед за благодарственным письмом вам от 15 апреля. Уведомьте меня о полученьи как вашего, так и его письма. Теперь, я полагаю, много отправляется за границу, а потому вы можете упросить свезти для меня несколько книг или в Остенде, или во Франкфурт. Я бы желал получить ныне вышедшие повести Даля[12] и две части "Петербургских вершин" Буткова[13]. Вообще всё, что только зацепило хоть сколько русского человека и его жизни, мне теперь очень нужно. <...> Адресуйте к Жуковскому».

[1] Ср. ***1847. Апреля 13 <1>. Вторник. Радоница. Неаполь.***

[2] Упоминаемый далее отдельный оттиск статьи П. А. Плетнева «Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова» был отправлен Гоголю 17 января 1847 г. (см. ***1847. Января 17 <29>. Пятница. Санкт-Петербург***).

[3] Первые два номера журнала за 1847 г.: Современник. Литературный журнал, издаваемый с 1847 года И. Панаевым и Н. Некрасовым под редакциею А. Никитенко. Т. 1. № 1–2 (см. ***1847. Мая 8 <апреля 26>. Суббота. Неаполь***). В № 1 была напечатана рецензия В. Г. Белинского на второе издание первого тома «Мертвых душ», в которой критик, в частности, замечал: «Важные <...> недостатки романа *Мертвые Души* находим мы везде, где из поэта, из художника силится автор стать каким-то прорицателем...» (*В. Б.* Похождения Чичикова, или Мертвые Души. *Поэма* Н. Гоголя. *Издание второе. Москва. 1846* // Современник. 1847. Т. 1. № 1. Отд. 3. С. 56; см. ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург***). (Подробнее см.: ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва*** – примечания.) Во втором номере журнала была напечатана неприязненная статья Белинского о «Выбранных местах из переписки с друзьями»: *В. Б.* Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. Спб. 1847 // Современник. 1847. Т. 1. № 2. Отд. 3. С. 103–124; см. ***1847. Февраля 7 <19>. Пятница. Санкт-Петербург.*** – В тех же номерах журнала были напечатаны произведения И. С. Тургенева (см. ***1847. Сентября 7 <августа 26>. Вторник. Остенде***).

[4] См. ***1847. Январь 2 <14>. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1847. Февраля 3 <15>. Понедельник. Санкт-Петербург.*** – См. также ***1847. Сентября 7 <августа 26>. Вторник. Остенде*** (примечания); ***1849. Март. Москва*** (примечания); ***1851. Октября конец, до 30. Москва*** (примечания).

[5] См. ***1847. Января 11 <23>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург*** (примечания).

[7] Подробнее см.: ***1847. Января между 25 и 30 <января между 13 и 18>. Неаполь*** (примечания).

[8] См. также ***1847. Мая 8 <апреля 26>. Суббота. Неаполь*** (письмо к Плетневу).

[9] См. ***1846. Октября 23 <ноября 4>. Среда. Санкт-Петербург.***

[10] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* «На поприще полемическом»: Гоголь – журналист и публицист // Очерки истории русской публицистики. М.: ИМЛИ РАН, 2018 (в печати).

[11] См. ***1847. Апреля 17 <5>. Суббота. Неаполь.***

[12] Повести, сказки и рассказы. Сочинения Казака Луганского: В 4 т. СПб., 1846. – См. также ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь.***

[13] См. ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь.***

АПРЕЛЯ 13 <25>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ф. И. Тютчев пишет П. Я. Чаадаеву в Москву:

«...Я охотно поболтал бы с вами вволю о литературных и других наших занятиях прошедшей зимы, каковы "Переписка" *Гоголя*, ваш огромный "Московский сборник"[1] и т. п., но увы! трудно беседовать на расстоянии шестисот верст, и что бы там ни говорили, а письменная беседа утомляет почти так же, как партия в шахматы по переписке...»

Тютчев Ф. И. Соч.: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 126; *Свод.* Т. 3. 596.

[1] Имеется в виду славянофильский «Московский литературный и ученый сборник» (М., 1846).

АПРЕЛЯ 14 <26>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. Ф. Адлерберг докладывает Императору Николаю I, что Гоголь «находится в необходимости, по причине сильно расстроенного здоровья, отложить отъезд свой на восток до конца будущего лета, а между тем, с наступлением весны, пользоваться минеральными водами на берегах Рейна».

См. ***1847. Апреля 9 <21>. Среда. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 27 <15>. ВТОРНИК. НЕАПОЛЬ

Гоголь, получив, наконец (после 24[1] апреля (н. ст.) 1847 г.), отпечатанную в Петербурге свою книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», пишет в Москву ответное[2] письмо С. П. Шевыреву и письмо к М. С. Щепкину (последнее письмо, в котором Гоголь звал актера приехать в Остенде[3], не сохранилось).

Из письма к Шевыреву: «Благодарю очень за милое письмецо твое от 22 марта. <...> Прежде всего поговорим <...> о моем печатном отзыве о Погодине. Позабыл я <о> моих словах потому, что, право, не думал писать их в том смысле, в каком они кажутся тебе (хотя я сам изумился резкости слов моих, когда прочел в печати). <...> Таково действие всякого сочинения, в котором рассматривается половина дела, а не всё дело. <...> Я вовсе не хотел попрекнуть Погодина за то, что он работал тридцать лет, как муравей, но за то, что он не умел поступить так, чтобы увидали все, что он тридцать лет, как муравей, работал для добра. Статьи этой не нужно уничтожать, но вслед за ней я помещу письмо к тебе, под заглавием: "О достоинстве сочинений <и> литературных трудов Погодина"[4] – и мы увидим, в состоянии ли эти недостатки затмить те его достоинства, которые принадлежат ему одному и которых никто другой не имеет. Мы рассмотрим также и то, умеет ли теперь кто-нибудь из нас так любить Россию, как любит он. <...> Скажу тебе также несколько слов о замечании твоем в прежнем письме[5] на статью мою "О лиризме русск<их> поэтов" и о всем, что ни сказано о монар<хической> власти по поводу стихотвор<ения> Пушкина. Я не отвечал на это потому, что, не имея моей книги, не знал, в каком виде напечатана эта статья. Теперь, скрепясь духом, пробежал. Это просто бессмыслица. Статья эта и у меня *в рукописи* выходила довольно темна, а с этими, непонятными даже для меня, обрезываньями цензуры даже таких мест, которых непропуск можно только приписать к какому-нибудь особенному умыслу самой цензуры, — просто путаница. Не говоря о разных вещах поважнее, прилагаю тебе здесь непропущенный листок, служащий ответом на твой запрос о стихотворении Пушкина[6]. Несмотря на всю неприятность, которую с первого раза нанес мне жалкий вид статьи моей и толки, разнесшиеся в публике, о моем низкопоклонстве, я потом не только успокоился, но даже обрадовался и жду только того, чтобы на меня побольше напали со всех сторон за эту статью и, если можно, даже в Европе. Тогда только я получу голос и, в виде оправданья, могу заговорить, наконец, о том, каким образом богатством милости и всепрощающей любви может уподобиться монарх Богу. Много есть вещей, которых по тех пор не найдешься, как сказать, покуда не нападут на тебя. Мысль статьи этой была добрая. Поверь,

что нам всем следует уметь прощать и помнить ежеминутно о том, что уменьем прощать мы более всего можем уподобиться Богу.

Слово о моем отречении от искусства. Я не могу понять, отчего поселилась эта нелепая мысль об отречении моем от своего таланта и от искусства[7], тогда как из моей же книги можно бы, кажется, увидеть было, хотя некоторые, какие страдания я должен был выносить из любви к искусству, желая себя приневолить и принудить писать и создавать тогда, когда я не в силах был, когда из самого предисловия моего к второму изданию “Мертв<ых> душ” видно, как я занят одною и тою же мыслью и как алчу забрать тех сведений, которые мне нужны для моего труда. Что ж делать, если душа стала предметом моего искусства, виноват ли я в этом? Что ж делать, если заставлен я многими особенными событиями моей жизни взглянуть строже на искусство? Кто ж тут виноват? Виноват Тот, без воли Которого не совершается ни одно событие.

Появление моей книги, несмотря на всю ее чудовищность, есть для меня слишком важный шаг. Книга моя имеет свойство пробного камня: поверь, что на ней испробуешь как раз нынешнего человека. <...> Хорошо бы прилагать при всяком мнении портрет того лица, которому мнение принадлежит, если лицо мне незнакомо. Поверь, что мне нужно основательно и радикально пощупать общество, а не взглянуть на него во время бала или гулянья. Иначе у меня долго еще будет всё невпопад, хотя бы и [возвратилась] возросла способность творить. Я очень жалею, что не попали в мою книгу письма к разным должностным и государственным людям. Меня бы, конечно, тогда разбранили бы еще больше. Сказали бы еще более: не в свое дело залез и впутался, но тем не менее по поводу этих статей обнаружилось бы передо мною многое внутри России. И многие, в желании доказать мне мои ошибки, стали бы рассказывать те вещи, которые именно мне нужны. А этих вещей никакими просьбами нельзя вымолить. Одно средство: выпустить заносчивую, задирающую книгу, которая заставила бы встрепенуться всех. Поверь, что русского человека, покуда не рассердишь, не заставишь заговорить. Он всё будет лежать на боку и требовать, чтобы автор попотчевал его чем-нибудь *примиряющим с жизнью* (как говорится). Безделица! как будто можно *выдумать* это примиряющее с жизнью. Поверь, что какое ни выпусти [я теперь] художест<венное> произведение, оно не возымеет теперь влиянья, если нет в нем именно тех вопросов, около которых ворочается нынешнее общество, и если в нем не выставлены те люди, которые нам нужны теперь в нынешнее время. Не будет сделано этого — его убьет первый роман, какой ни появится из фабрики Дюма. <...> Жду с нетерпением всех печатных критик [чтобы увидать, в чем именно меня обвиняют]. Отныне адресуй всё к Жуковскому. Из Неаполя отправляюсь на днях. Июнь буду близ Франкфурта на водах. Конец июля, весь август и начало сентября буду на морском купаньи в Остенде, которое одно доселе мне помогало. Осенью вновь в Неаполь затем, чтобы оттуда на Восток. Не позабудь прислать с какой-нибудь оказией те книги, о которых я просил, то есть русские летописи и “Русские праздники” Снегирева[8]. А если накопятся деньги, то памятники раскрашен<ные> Москвы Снегирева[9]. При сем отдай письмо Щепкину и напиши мне, что он скажет на него в ответ. <...> Не сердись на мой дурной почерк, изломанный слог, недописки и поправки. Не позабывай, что это неотлучные приметы человека, который еще строится и хлопочет около своей постройки».

[1] См. ***1847. Апреля 24 <12>. Суббота. Неаполь.*** – Ср. ***1847. Января между 25 и 30 <января между 13 и 18>. Неаполь*** (примечания).

[2] См. ***1847. Марта 22 <апреля 3>. Великая Суббота. Москва***; ***1847. Марта 23 <апреля 4>. Светлое Христово Воскресение. Праздники православной и католической Пасхи. Москва.***

[3] См. ***1847. Мая 22 <июня 3>. Четверг. Москва.***

[4] Эта статья, о которой Гоголь упоминает также в письме к самому М. П. Погодину от 1 июня (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Июня 1 <мая 20>. Вторник. Париж***), не была написана. – См. также ***1847. Марта 22 <апреля 3>. Великая Суббота. Москва*** (примечания).

[5] См. ***1847. Января 30 <февраля 11>. Четверг. Москва.***

[6] К письму был приложен отрывок из статьи *X. О лиризме наших поэтов* «Выбранных мест из переписки с друзьями» о происхождении стихотворения А. С. Пушкина «С Гомером долго ты беседовал один...» «Листок этот было бы лишним печатать здесь, так как почти все в нем заключающееся уже напечатано в последнем издании “Сочинений Гоголя” <1867 г., под ред. Ф. В. Чижова> <...> Не достает только следующей приписки под стихами Пушкина: “Слух о том, что это стихотворение Гнедичу, распустил я. С моих слов повторили это «Отеч<ественные> Зап<иски>». (Дело идет о стихотворении “С Гомером долго ты беседовал один”.) – О. М<ил-

лер>"» (примеч. О. Ф. Миллера в статье: *Миллер О. Ф.* Неизданные письма Гоголя // Русская Старина. 1875. № 12. С. 661).

[7] Подробнее см.: ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Москва*** (примечания).

[8] См. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь*** (примечания); ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь.***

[9] Речь идет о книге «Памятники Московской древности с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы. Сочинение Ивана Снегирева, с 3 планами и 23 картинами, по рисункам академика Солнцева, отпечатанными красками и 18 гравированными и литографированными рисунками» (М., 1842–1845).

АПРЕЛЯ 28 <16>. СРЕДА. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет в Петербург письмо к Н. Я. Прокоповичу:

«Давно уже я не писал к тебе. Ты также давно не писал ко мне. Если ты думаешь (особенно после прочтения моей книги), что я переменился или стал не тот, что был прежде, то скажу тебе, что я всё тот же и почти то же самое люблю, что любил в юности моей, хотя и не открывал никому многих сокровенных чувств[1]; разница вся в том, что теперь многое во мне стало проще (по книге не суди) и что я больше, чем когда-либо, люблю старинные мои связи и прежних друзей моих, особенно тех, с которыми от незабвенного Нежина началась моя дружба. А потому напиши мне хоть несколько словечек о себе... <...> Письма адресуй на имя Жуковского, в Франкфурт. От Данилевского я получил письмо, который также о тебе спрашивает. Он также о тебе не знает ничего. Уведоми меня также о всех изустных толках, какие тебе случается слышать о моей книге. Я бы очень желал знать, что говорят о ней разные чиновники средней руки, всех сортов учителя, равно как и люди нам обоим с тобой знакомые»[2].

[1] Подробнее см.: ***1828. Марта 1. Четверг. Нежин.***

[2] Ответ Прокоповича см.: ***1847. Мая 12 <24>. Понедельник. День Святого Духа. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 16 <28>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«Читал ли ты в Московском Городском Листке разбор книги Гоголя? Это из всего виденного и читанного мною достойнее внимания, исключая то, что содержится в начале статьи. А какую дичь несет этот же критик *А. Г.* (говорят, какой-то Григорьев) в обозрениях журналов?»[1]

Свод. Т. 1. С. 693.

[1] 19 апреля 1847 г. Грот отвечал Плетневу: «Читал я в Московском Листке разбор книги Гоголя и также остался им доволен» (*Свод.* Т. 1. С. 693).

АПРЕЛЯ 16 <28>. СРЕДА. МОСКВА

С. П. Шевырев отправляет письмо Гоголю (написано на копии второго «письма» Н. Ф. Павлова к Гоголю, напечатанного 29 марта 1847 г. в № 38 «Московских Ведомостей»[1]):

«Вот тебе и второе письмо Павлова... <...> Извини, что не пишу к тебе, как бы хотел. Дай срок, окончу скоро свой публичный курс. <...> Покамест посылаю тебе все здесь о тебе напечатанное. <...>

У Великого Князя Наследника[2] родился сын Владимир[3], и вчера Москва праздновала новорожденного.

Книга твоя, там что ни пиши, говорят, вся разошлась. Выхлопотал ли ты новое издание в том виде, как хотел?

Второе письмо Павлова произвело менее действия. Говорят, что он тебя разбирает юридически, как стряпчий. Нравится это так называемой ультразападной партии, которая на тебя сильнее всех рассердилась за книгу».

В тот же день В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской:

«Вчера только нам возвратилось письмо Гоголя[4] и потому я не успела переписать тебе его. Я уверена, что ты убедишься в искренности его, когда прочтешь эти письма. Я желала бы тебе переслать их все, но это довольно затруднительно будет сделать. – Это не есть перемена его направления нисколько, но признание своих заблуждений, признание своей гордости, самоослепления. Он сам говорит в одном письме очень искренно: "Люди, с которыми я ныне нахожусь в сношениях, не шутя уверены в моем совершенстве; где же было мне найти голос осуждения. – Нет, не даст мне Бог впасть в ту прелесть, в которую предполагают меня впадшим"[5]. Ему самому страшно стало за себя, потому что он увидал, ему указали ту пропасть, над которой он стоял, не замечая этого. – Он просто жил в каком-то чаду самоослепления и религиозного мудрствования, пять лет жизни отвлеченной, в сношениях только с людьми, поклоняющимися ему, людьми пустыми или странными, и которым он мог без возражения проповедовать все то, что потом напечатал, а главное, то болезненное нервное ипохондрическое состояние, которое особенно в последнее время доходило у него до крайности, все это вместе довело его до того состояния духовного, которое выказалось в его книге; тут, конечно, в этом смысле неуспех его книги мог на него подействовать, он ожидал толков, но более местных, а возможность таких суждений, и особенно от таких людей, и не представлялась, вероятно, его воображению. Такие суждения заставили его усомниться в своей непогрешимости, а это сомнение уже было возвращение к более здравому взгляду на себя, то и увидал, разумеется, еще не во всем, но во многом, по крайней мере, свои ошибки, свои заблуждения. – В одном письме[6] своем говорит он (он не видал <еще> своей книги в печати): "Одно помышление о том, с каким неприличием и самоуверенностью сказано в ней многое, заставляет меня гореть от стыда". – И потом, дальше: "стыд этот мне нужен". – Ты видишь, что изменилось не столько его направление, сколько его безусловная вера в себя, а это уже клич ко многому. – Удивляюсь, мой милый друг, как ты защищаешь письмо к женщине в свете. Но так как видно, что мы не сойдемся в этом взгляде, то я и оставляю спор. Что и говорить, что там могут быть прекрасные места. Что касается до Павлова, то как ни умна его статья[7], как ни хорошо и ни ловко высказаны многие места, но она производит неприятное впечатление, а особенно статья вторая, в которой тон просто противен, так все бездушно, так все выработано, так слышна радость нанесть удар великому таланту, – и это впечатление общее»[8].

[1] См. ***1847. Марта 29 <апреля 10>. Суббота Светлой седмицы. Москва.***

[2] Александр Николаевич, будущий Император Александр II.

[3] Владимир Александрович (1847–1909), великий князь.

[4] От 6 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

[5] Из письма к князю В. В. Львову от 20 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

[6] В письме к князю В. В. Львову от 20 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя.

[7] См. также ***1847. Марта 7 <19>. Пятница. Москва.***

[8] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 863–864. Впервые частично опубликовано: *Машинский С. И.* С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество. М., 1961. С. 257.

АПРЕЛЯ 29 <17>. ЧЕТВЕРГ. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет письмо в Рим (послание адресовано, вероятно, Ф. А. фон Моллеру):

«Я получил[1] от брата Александра Андреевича Иванова[2] известие, что сам Ал<ександр> Андр<еевич> болен стесненьем в груди, с просьбой, чтобы я посоветовался по этому поводу с Циммерманом. Я отправился тот же час к Циммерману и всё, что получил от него в ответ, написал в письме, пущенном отсюда третьего дня. А потому прошу вас убедительно — немедленно наведаться к Иванову и узнать, получил ли он это письмо вместе с другим, предыдущим, отправленным того же дни. Оба были адресованы в кафе Greco. Если ж, на случай, он их не получил, то вот вам вновь предписанье Циммермана. <...> Теперь же подвертывается под руку обстоятельство еще лучшее. Сам Циммерман едет завтра вместе с кн<язем> Волконским[3] и, вероятно, в понедельник ввечеру они будут оба в Риме. А потому объявите об этом Иванову. Скажите также, что и о нем, то есть относительно его дела, кое-что переговорено. Но самое лучшее с его стороны даже и не помышлять и не расспрашивать никого об участи его дела. Я хотя человек сам по себе и не очень важный, но устроил так, что в Петербур<ге> всем обнаружилось производительное дело — картина Иванова[4] — и теперь смекнули даже и недальные умом, что Иванова торопить никак не следует[5]. Я это ему давал знать и в письмах[6], которые так огорчили его (что для меня до сих пор загадка), прося его положиться хоть сколько-нибудь на меня и не беспокоиться. Но я не знаю, почему он не поверил моим словам, тогда, когда после меня Апраксин, молодой человек, почти ему незнакомый, сказал ему те же слова[7], не объясня даже причин, на которых он их основал, и он ему поверил и успокоился. Правда, в письмах моих были жесткие слова, но я их нарочно поставил с тем, чтобы дать ему случай этими же самыми словами попрекнуть себя самого за свое малодушие. Слова эти были те же самые, которые я употреблял весьма часто в разговоре и за которые он никогда не сердился. Но теперь только вижу, какая разница сказать то же самое в письме и на словах. Скажите ему, что я прошу у него прощенья. Я не только не думал оскорбить его, но даже хотел излечить от беспокойства и, как плохой доктор, не попал, как следует, в болезнь. <...>

Около 10 мая[8], а может и прежде, надеюсь, увидимся. На письмо это ответ, однако ж, напишите немедленно, чтобы я знал, что оно вами получено».

[1] См. ***1847. Апреля 22 <10>. Четверг. Неаполь.***

[2] От С. А. Иванова.

[3] Григорий Петрович.

[4] «Явление Мессии».

[5] Подразумевается действие статьи *XXIII. Исторический живописец Иванов* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[6] См. ***1846. Декабря 12 <ноября 30>. Суббота. Неаполь***; ***1846. Декабря 19 <7>. Суббота. Неаполь***; ***1847. Февраля 4 <января 23>. Четверг. Неаполь.*** — См. также ***1847. Марта 25 <13>. Четверг. Неаполь.***

[7] См. ***1847. Апреля средина <апреля начало>. Рим.***

[8] См. ***1847. Мая 12 <апреля 30>. Среда. Рим.***

АПРЕЛЯ 17 <29>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

В «Московских Ведомостях» напечатано «четвертое» (по счету — третье)[1] критическое письмо Н. Ф. Павлова по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями»[2].

[1] См. также ***1847. Марта 6 <18>. Четверг. Москва***; ***1847. Марта 29 <апреля 10>. Суббота Светлой седмицы. Москва.***

[2] Четвертое письмо к Н. В. Гоголю (Н. Ф. Павлова) // Московские Ведомости. 1847. 17 апр. № 46. С. 354–355; с подстрочным примечанием: «Помещение третьего Письма, по обстоятельствам, отлагается до другого времени» (С. 354); и заключительной пометой: «Будет продолжение» (С. 355). — Подробнее см.: ***1847. Июня 14 <26>. Суббота. Москва*** (примечания).

АПРЕЛЯ 30 <18>. ПЯТНИЦА. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет в Москву ответное[1] письмо М. П. Погодину, с вложением писем к его матери, А. М. Погодиной, и к теще Е. Ф. Вагнер (последнее письмо не сохранилось; в этом письме Гоголь ошибочно назвал Елизавету Фоминишну Вагнер Аграфеной Кузьминишной[2]).

Из письма к Погодину: «Благодарю тебя за твои усладительные строки, хотя их было очень много. Пожалуста, пиши ко мне. <...> ...Пиши на небольших лоскутках, какие тебе попадутся под руку, — всё, что ни просится в тебе излиться. <...> Чувствую, что только теперь начинаю быть достойным дружбы и могу быть полезным другу. Вот тебе покуда известие о моих местопребываниях: отсюду я отправляюсь первых чисел мая. Весь июнь и начало июля во Франкфурте (то есть на водах близ Франкфурта). Август и начало сентября — в Остенде на морском купаньи, которое доселе было единственным средством, мне помогавшим. На осень — в Италию, чтобы оттуда отправиться к Святым местам. Если ты еще не переменил своего намерения, как бы нам хорошо было теперь отправиться вместе[3]. <...> Помощь брата, необходимая на всяком пути в нашей жизни, становится еще необходимей, когда путь этот — богомолье. Передай при сем приложенные два письмеца твоим матушкам. Затем от всей души тебя обнимаю и целую твоих деток».

Из письма к Погодиной: «Здравствуйте, моя добрая Аграфена Михайловна! Хотя очень много времени прошло с тех пор, как мы с вами расстались[4], но я не позабыл ни доброты вашей, ни вашего радушного гостеприимства и помышляю с удовольствием о том, когда приведет нас Бог опять увидеться. Уведомляю вас, что если любезный сын ваш Михаил Петрович отправится к Святым местам, то он найдет во мне верного попутчика. <...> Мы за вас помолимся у Гроба Господня[5], а вы за нас помолитесь в Москве».

В тот же день паспорте Гоголя была сделана отметка:

«1847 18/30 апр<еля> из Неап<оля> в Рим»[6].

Гоголь выехал из Неаполя позднее[7].

[1] См. ***1847. Марта 17 <29>. Великий понедельник. Москва***; ***1847. Марта 24 <апреля 5>. Понедельник Светлой седмицы. Москва.***

[2] См. ***1847. Июня 2 <14>. Понедельник. Москва.***

[3] Подробнее см.: ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь*** (примечания).

[4] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.***

[5] См. ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим.***

[6] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 126. См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

[7] См. ***1847. Мая 11 <апреля 29>. Вторник. Неаполь.***

АПРЕЛЯ ПОСЛЕ 29 <АПРЕЛЯ ПОСЛЕ 17>. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет А. А. Иванову в Рим:

«Александр Андреевич! Циммерман не будет в Риме[1], а потому исполните все его предписания, посоветовавшись с Аллерсом».

[1] Ср. ***1847. Апреля 29 <17>. Четверг. Неаполь.***

АПРЕЛЬ – НАЧАЛО МАЯ <МАРТА СРЕДИНА – АПРЕЛЯ СРЕДИНА>. ВЕНЕЦИЯ

Ф. В. Чижов находится в Венеции.

См.: Кирило-Мефодіївське товариство: В 3 т. Київ, 1990. Т. 3. С. 218; ***1847. Апреля 14 <2>. Среда. Флоренция***; ***1847. Мая 1 <апреля 19>. Венеция***.

МАЯ 1 <АПРЕЛЯ 19>. ВЕНЕЦИЯ

Ф. В. Чижов пишет письмо Гоголю, адресуя послание в Рим, на имя А. А. Иванова:

«Надобно писать к вам, Николай Васильевич, хоть даже для того, чтоб больше знакомить с собою. Теперь в Москве все кричат, чтоб я скорее ехал, что дескать надобно лично переговорить о журнале[1], – я не еду, по разным важным для меня причинам. Между прочим и для того не еду, чтоб выгадать как можно более уединения. Задача журнала в настоящую минуту такова, что когда представишь себе <...> даже приблизительное решение – и тогда голова кружится. <...> ...Для меня так ясно, что мы назначены занять собою следующий период истории... <...> ...Первое условие ясности понимания этого, – любовь такая, которая, сосредоточиваясь около своего, не допускала бы ненависти ни к кому чужому. В понятии все это так, – шаг на дело и пошло все вверх дном. Изучение истории дало мне еще вывод: кроме того, что мы должны быть представителями человечества в грядущем периоде, именно, что мы вступим на человеческое господство без битвы, без уничтожения до нас бывшего, а только приведем все в общее согласие, водворим стойкий мир и спокойствие незыблемое. Мне весьма важно передать вам эти убеждения, потому что они должны отразиться во всех подробностях будущего журнала... <...> Итак, в нем мне хотелось видеть русскую народность не на словах, а в сущности. Проповедуя всем: и взглядом на вещи, понятиями, чувствами, самым выбором предметов, одно именно все русское (хоть множество будет статей о Западной Европе), он не должен быть врагом Западу, потому что Запад есть точно так же, как Россия, орудие Промысла, для исполнения Его предвечных законов. Тут я наперед предвижу ужасную трудность. <...> ...Судить, не приговаривая, очень и очень трудно. Трудно это нам особенно потому, что, браня Запад, мы не браним отступления от Божеских предначертаний и высказываем собственное негодование за то, что мы ему подчинились; не подчиниться же не могли, виновато наше воспитание. Лично я вины этой не вижу; Богу больше, чем нам, известно, какими путями вести человека и человечество; нельзя резко разделить на два соприкасающиеся периода жизни, – тут в этой невозможности я вижу историческую необходимость временного слияния нашего с Европою. Самостоятельность будущего периода осталась в самостоятельности нашей природы, которая в самые минуты необходимого слияния восстает против него, потому что чувствует себя неспособною носить чуждое иго. Все это в общих выводах легко понять и все ясно представляется уму, но в журнале нет общих выводов, там надобно говорить статьями, следовательно отдельными мнениями и фактами. <...> Если бы Бог дал столько чистоты, чтоб личности все уничтожались в деле, тогда защита истины никогда не вызвала бы вражды, именно потому, что нет развращенного сердца, в глубине которого ясно, или темно, не было бы чувства истины. Прошу вас, Николай Васильевич, пишите ко мне, что и о чем я не знаю, но прошу потому, что в минуту внутреннего колебания чрезвычайно как нужна опора. Она была у меня в чистой и праведной душе Языкова, но Богу угодно было взять его; теперь в Москве моя душа не находит опоры. Я глубоко уважаю многих, но одного уважения мало. <...> Не знаю, куда адресовать к вам[2] и потому пишу чрез Иванова[3]... Как-то вы найдете его, а я оставил очень грустным! <...> Иордан даст вам портрет Языкова, возьмите один экземпляр и для Жуковского. Мой адрес: <...> В Прилуки Полтавской губ<ернии>, а оттуда в село Секиренцы».

[1] См. ***1846. Апреля 30 <мая 12>. Вторник. Москва*** (примечания).

[2] Ср. ***1847. Апреля 22 <10>. Четверг. Неаполь.***
[3] См. ***1847. Мая 12 <апреля 30>. Среда. Рим.***

МАЯ 3 <АПРЕЛЯ 21>. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет ответное письмо матери в Васильевку:

«Я получил письмо ваше от 12 марта[1], исполненное упреков. Простите меня: я перед вами виноват. Виноват также и перед моими добрыми сестрами, <...> которым я показал, как бы вовсе не замечаю любви их. У меня был некоторый свой умысл: получая сам отвсюду упреки, любя упреки и находя неоцененную пользу для души моей от всяких упреков (даже и несправедливых), я хотел прислужиться и вам тем же. <...> Поверьте, что я совсем не думаю, чтобы кто-нибудь [из вас] из них был бестолков в делах жизни. <...> Но, зная по себе, как способны мы задремать, когда окружающие нас люди говорят нам об одних только наших достоинствах и ни слова не упоминают о недостатках наших, я принял на себя на время мне не принадлежащую должность... <...> Упрек мой в распоряжениях и расходах экономических был совершенно несправедлив. Это я увидел ясно из вашего письма, где вы означили обстоятельно, на какие именно потребности забираются товары у разносчиков[2] и в лавках. Если бы отчеты Лизы были несколько аккуратней и подробней, как я просил, то я бы, может быть, вовсе не сделал его. Я имел в виду не столько попрекнуть сестер за сделанное дело, сколько напомнить вообще об аккуратности впредь, которой вообще у всех нас, грешных русских людей, очень мало, начиная с меня. <...> Отныне не только вы, которой, как матери, я не имею права давать упреков, но даже никто из моих сестер не получит от меня ни за что выговора. <...> Вновь повторяю вам, если вы думаете, что я уверен в совершенстве моем и в том, что я могу учить других, вы впадете в то же самое заблуждение, в которое впали и другие. Никогда еще я не чувствовал так живо, что я ученик, что мне нужно многому учиться, и никогда еще не сгорал я таким желанием учиться. Письмо ваше, исполненное мне выговоров, я принял с благодарностью. <...> Я надеюсь, вы уже получили письмо мое от 6-го апреля, в котором было вложено письмо к Лизе[3]. В нем я также писал вам о моем маршруте. Письма адресуйте во Франкфурт-на-Майне, по прежнему адресу. <...> Отсюда я выезжаю на днях».

[1] См. ***1847. Марта 12 <24>. Среда. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1847. Января 25 <13>. Понедельник. Неаполь.*** – Ср. также ***1848. Мая между 16 и 20. Сорочинцы; 1848. Мая 20. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Васильевка.***
[3] См. ***1847. Апреля 6 <марта 25>. Вторник Светлой седмицы. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Неаполь.***

МАЯ 6 <АПРЕЛЯ 24>. ЧЕТВЕРГ. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет А. А. Иванову в Рим:

«...Я выезжаю из Неаполя во вторник 11 мая, стало быть скоро, пополудни на другой день, как уверяют управляющие конторою дилижансов, буду у вас в Риме. А потому, если пожелаете встретить меня, то приходите между двенадцатью и часом в [контору] догану (в середу, 12-го)».

См. ***1847. Мая 12 <апреля 30>. Среда. Рим.***

АПРЕЛЯ 24 <МАЯ 6>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно почтовому штемпелю[1], Ар. О. Россет получил в этот день письмо Гоголя из Неаполя[2].

[1] См.: *Городецкий*. С. 465.
[2] См. ***1847. Апреля 13 <1>. Вторник. Радоница. Неаполь.***

АПРЕЛЯ 24 <МАЯ 6>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Н. Н. Шереметева пишет ответное[1] письмо Гоголю во Франкфурт (письмо было закончено и отправлено на следующий день[2]):

«Письмо ваше, мой милый друг, много меня за вас порадовало, и благодарю Бога за спокойствие, в коем по Его же благости находитесь. <...> Пишу на имя Василья Андреевича[3], говорят, еще он там пробудет. <...> Говорите, не позабывать к вам писать. Беседа с вами, мой друг, доставляет удовольствие душе, постоянно вам с любовию и дружеством преданной. Наверное относительно вас все и всегда со всею откровенностию скажу, что на сердце, в глубине коего, дай Бог нам вполне познать и почувствовать, что на сем свете нет свыше блаженства, как обращаться чаще ко Господу[4]. <...> Говорите, я мало позволила себе замечаний на вашу книгу. Зато другие, мой друг, не поскупились, так щедро отправляли многое множество разных замечаний. Слыша о сем, всегда единого желала, чтобы эти замечания и упреки сопровождались любовию, а где любовь, там все скажется просто, следовательно, и внятно, и может принести желаемую пользу. Говорите, упреками воспитывается душа ваша и упреки составляют вашу пищу. Сей год недостатку в них не было, вы столько и со всех сторон их получали, можно ими удовлетвориться и оградить себя вперед от этих утомительных, а иногда, может, болезненных и трогательных для души происшествий. <...> Говорите, что путешествие к Святым Местам есть важнейшее из событий вашей жизни. Это я понимаю, что вы так чувствуете и, призвав на помощь Бога, старайтесь сближаться с исполнением этого благого, Самим Господом внушенного намерения. Говорите, вам необходимо получше приготовиться. Мой милой друг, наше дело пожелать только от чистого сердца, а Сердцевидец по благости Своей свершит благое намерение, а сами что мы можем; одно – молиться и молиться. Вы не можете представить, как мне о сем думается, как желаю и как молю Бога, чтобы Он вам помог свершить сие путешествие. Если доживу до сего, как глубоко порадуюсь вашему блаженству. Более сказать нечего. После того письма, на которое вы отвечаете, я еще к вам писала и отправила на Святой неделе[5], а начато было 19 марта – день вашего рождения. <...> Очень понимаю, что вам часто помнится о добром Языкове. Дай Бог ему Царствие Небесное, а нам память смертную и остатки дней провести так, чтобы сподобиться блаженной вечности. Посылаю вам молитву[6], она вам по душе придется. С любовию, мой друг, желаю, чтобы вы докончили свой труд на пользу ближнего, следовательно, и вам на утешение, и чтобы вы имели довольно сил исполнить ваше обещание».

В тот же день М. П. Погодин записал в дневнике:

«В театре с Павл<овым>. – <...> Страшно, как подходит многое к Гоголю»[7].

В этот день в Москве шло представление комедии Мольера «Тартюф, или Обманщик» (1664)[8].

[1] См. ***1847. Апреля 1 <марта 20>. Великий Четверг. Неаполь.***
[2] См. ***1847. Апреля 25 <мая 7>. Пятница. Москва.***
[3] Жуковский.
[4] См. реминисценцию этих строк в «Размышлениях о Божественной Литургии» Гоголя: «...Бог предоставил, как лучшее из наслаждений, наслажденье молиться, ибо ничего не совершает Бог и ничему не благодетельствует, не делая участником в самом совершении и в самом благодеянии Своем Свое творение, да насладится оно высоким блаженством благотворения...» – Ср. также строки гоголевской «Авторской исповеди» (1847): «...Я и до сих пор уверен, что едва есть ли высшее из наслаждений, как наслажденье *творить*».
[5] См. ***1847. Марта между 24 и 29 <апреля между 5 и 10>. Москва.***
[6] К письму Шереметева приложила молитву ко Господу о прощении, заступлении и помощи «В руце Твоего превеликого Милосердия, о Боже мой! вручаю душу и тело мое, чувства и глаголы моя...»

[7] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 491.

[8] См.: «Императорский Московский Театр. <...> *Au petit Téatre.* Jeudi, 24 Avril, No 13 l'abonnement, les Artistes Français de S<a> M<ajesté> Impériale auront l'bonheur de donner, pour la 15-ème représentation de *M-me Arnould-Plessy: Tartufe ou l'Imposteur,* comédie en cinq actes, de *Molière,* dans laquelle *M-me Arnould-Plessy,* remplira le rôle d'Elmire. *Valérie,* comédie en trois actes de M-r E. Scribe, de l'Academie française, dans laquelle *M-me Arnould-Plessy,* remplira le rôle de Valérie» (Московские Ведомости. 1847. Вторник, 22-го Апреля. № 48. С. 364; Московские Ведомости. 1847. Четверг, 24-го Апреля. № 49. С. 380). Перевод: «*В Малом театре.* В четверг, 24 апреля, абонемент № 13, Французские Артисты Е<го> Императорского В<еличества> будут иметь честь дать к 15-ому представлению *Г-жи <Ж. С.> Арну-Плесси: Тартюф, или Обманщик,* комедия в пяти актах, *Мольера,* в которой *Г-жа Арну-Плесси* исполнит роль Эльмиры. *Валерия,* комедия в трех актах Г-на Е. Скриба, члена французской Академии, в которой *Г-жа Арну-Плесси,* исполнит роль Валерии» (*фр.*). – См. также ***1847. Января 16 <28>. Четверг. Москва*** (письма О. Сем. Аксаковой и Д. Н. Свербеева); ***1847. Января 22 <февраля 3>. Среда. Москва***; ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Неаполь***; ***1847. Апреля 2 <14>. Среда. Москва***; ***1848. Сентября 25 или октября 2. Суббота. 10 часов вечера. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 25 <МАЯ 7>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Н. Н. Шереметева заканчивает и отправляет Гоголю во Франкфурт письмо, начатое накануне[1]:

«...Пожалу<й>ста, не предпринимайте ничего, не помолясь прежде и не испрося на то Его Отцовского благословения».

[1] См. ***1847. Апреля 24 <мая 6>. Четверг. Москва.***

АПРЕЛЯ 25 <МАЯ 7>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«Из Москвы, учитель второй тамошней гимназии, Каетан Андреевич Коссович поручил мне от его имени доставить вам, Василий Андреевич, и Н. В. Гоголю по экземпляру перевода его с санскритского языка: Торжество светлой мысли[1], – что я и исполняю.

При этом прошу вас уведомить Гоголя, что деньги, четыре тыс<ячи> асс<игнациями>, пропадавшие столько времени, получены мною от Штиглица. Об этом при случае подробнее буду писать к нему».

Свод. Т. 1. С. 696.

[1] См. также ***1846. Марта 19 <31>. Вторник. Москва.***

МАЯ 8 <АПРЕЛЯ 26>. СУББОТА. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет в Петербург ответное письмо П. А. Плетневу[1], с вложением ответного[2] письма к Ф. Ф. Вигелю (сам Гоголь датировал письмо к Плетневу 9 мая, однако, судя по почтовому штемпелю, оно было отправлено из Неаполя 8 мая (н. ст.) 1847 г.[3]).

Вероятно, в тот же день, 8 мая, Гоголь написал ответное письмо протоиерею М. А. Константиновскому во Ржев[4] (также помеченное 9 мая) и недатированное письмо к графу А. П. Толстому в Париж (письмо к Толстому имеет почтовый штемпель: «1847... Mag»).

Черновая редакция письма Гоголя к отцу Матфею хранилась позднее у графини А. Г. Толстой[5]. Очевидно, именно об этом автографе, оставленном Гоголем в 1847 г. в Париже у графа А. П. Толстого[6], идет речь в письме к графу от 14 августа (н. ст.) 1847 г.: «На днях, я получил письмо от Матвея Александровича — ответ на мое (итак, вы можете копию, находящуюся у вас, изорвать)».

Из письма к Плетневу: «Я получил милое письмо твое (от 4/16 апреля) перед самым моим отъездом из Неаполя... <...> Ответ на твои запросы ты, вероятно, уже имеешь отчасти из письма моего к Россети (от 15 <13> апреля)[7], отчасти из письма к тебе (от 17 апреля)[8]. Благодарю тебя также за приложение двух писем, для меня очень значительных. Вигелю я написал маленький ответ, при сем прилагаемый, который, пожалуста, передай ему немедленно. Что касается до письма Брянчанинова, то надобно отдать справедливость нашему духовенству за твердое познание догматов. Это познание слышно во всякой строке его письма. Всё сказано справедливо и всё верно. Но, чтобы произнести полный суд моей книге, для этого нужно быть глубокому душеведцу, нужно почувствовать и услышать страданье той половины современного человечества, с которою даже не имеет и случаев сойтись монах; нужно знать не свою жизнь, но жизнь многих. Поэтому никак для меня не удивительно, что им видится в моей книге смешение света со тьмой. Свет для них та сторона, которая им знакома; тьма та сторона, которая им незнакома[9]; но об этом предмете нечего нам распространяться. Всё это ты чувствуешь и понимаешь, может быть, лучше моего. Во всяком случае, письмо это подало мне доброе мнение о Брянчанинове. Я считал его, основываясь на слухах, просто дамским угодником и пустым попом.

Несколько слов насчет изумленья твоего моему любопытству знать все толки, даже пустые, обо мне и о моей книге. Друг мой, как ты до сих пор не можешь почувствовать, что это мне необходимо! В толках этих я ищу не столько поученья себе, сколько короткого знания тех людей, которых мне нужно знать. В сужденьях о моих сочинениях обнаруживается сам человек. Говорит журналист, но ведь за журналистом стоит две тысячи людей, его читателей, которые слушают его ушами и смотрят на вещи его глазами. Это не безделица! Мне очень нужно знать, на что нужно напирать. Не позабудь, что я, хоть и подвизаюсь на поприще искусства, хотя и художник в душе, но предметом моего художества современный человек, и мне нужно его знать не по одной его внешней наружности. Мне нужно знать душу его, *ее нынешнее состояние.* Ни Карамзин, ни Жуковский, ни Пушкин не избрали этого в предмет своего искусства, потому и не имели надобности в этих толках. Будь покоен на мой счет: меня не смутят критики и ни в чем не заставят меня пошатнуться, что здраво и крепко во мне. Из всех писателей, которых мне ни случалось читать биографии, я еще не встретил ни одного, кто бы так упрямо преследовал раз избранный предмет. Эту твердость мою я чту знаком Божьей милости к себе. Без него как бы мне сохранить ее, сообразя то, что редкому довелось выдержать такие битвы со всякими отвлекающими от избранного пути обстоятельствами! После всех этих толков у меня только лучше прочищаются глаза на то же самое, на что я гляжу, и больше рвенья к делу. Повторяю тебе, что я слишком тверд в главных моих убеждени<ях>. Но у меня правило: всех выслушай, а сделай по-своему. И что я сделаю по-своему, всех выслушавши, то уже трудно поднять будет на публичное посмешище, даже и *временное.*

Россети прав насчет письма к его сестре[10]. Совершенно в таком виде, как оно есть, ему неприлично быть в печати. Попроси его, чтобы он назначил карандашом все места, по его мнению, и неловкие. <...> Письма адресуй все во Франкфурт... <...> Книга твоя о Крылове прекрасна *во всех отношениях*[11]. Это первая биография, в которой передан так верно писатель. Журнал[12] я наконец получил за генварь и за февраль, но моя книга[13] не дошла»[14].

Из письма к Вигелю: «Мне было очень чувствительно ваше доброе участие ко мне. <...> Вы, не оскорбившись ни дерзким тоном моей книги, ни неизвинимой самонадеянностью ее автора, обратили вниманье на *существенную* ее сторону. За *алканье добра*, которое прозрели вы в страницах ее, вы умели простить мне все ее недостатки. Нет, я не ослеплен собой в такой мере, как думают. Даже и ваша оценка моей книги (слишком высокая) меня не наполнила той гордостью, которую мне приписывают теперь вообще, хотя, признаюсь вам чистосердечно, я всегда вас почитал за очень умного человека и, стало быть, имел бы право от вашего мнения возгордиться. Книга моя есть отчет в моей внутренней возне. В ней видно, что строился человек, точно, для чего-то доброго, хотя <еще>

и не состроился; оттого и все эти заносчивые замашки, неряшество, неосмотрительность, темнота и проч. и проч. Зрелость и юность вместе! То состояние, которого представитель моя книга, уже во мне миновалось. Доказательством этого служит мне то, что я краснею от стыда за многое, в ней выраженное. Но без этой книги, может быть, мне трудно было бы достигнуть той простоты, которая мне необходима. Она, точно, есть для меня какое-то очищение. После нее я стал проще и яснее духом, и мне кажется, что я теперь могу заговорить таким образом, что меня выслушают без гнева. Не могу вам изъяснить, как мне было приятно прочесть те строки вашего письма, где мельком показали вы мне вашу душу и дали мне случай познакомиться с вами ближе. Не питать негодования против личных врагов — это уже очень много! Это начало любви. Любить же *добро земли своей*, как любили его всегда вы, есть еще более *необщее* всем качество и стоит многих громких заслуг и выслуг. Я уверен, что в ваших записках[15] есть много того, что способно сообщить это качество и другим».

Из письма к отцу Матфею: «Что могу сказать вам в ответ на чистосердечное письмо ваше? Благодарность! Вот первое слово, которое я должен сказать вам, хотя очень хотелось бы мне иметь от вас не такое письмо. Все слова ваши, как о евангельском значении милостыни[16], так и о прочем — святая истина. В них я убежден, против них не спорю, а между тем в книге моей [показалось вам] изложено так, как бы я был против этого. Как изъяснить это явление? Скажу более: статью о театре[17] я писал не с тем, чтобы приохотить общество к театру, а с тем, чтобы отвадить его от развратней стороны театра, от всякого рода балетных плясавиц и множества самых странных пиес, которые в последнее время стали кучами переводить с французского. Я хотел отвадить от этого указанием на лучшие пиесы [и напомнить в то же время авторам сочинять более нравственные и возвышающие пиесы] и выразил всё это таким нелепым и неточным образом, что подал повод вам думать, что я посылаю людей в театр, а не в церковь. Храни меня Бог от такой мысли! Никогда я не имел ее даже и тогда, когда гораздо меньше чувствовал святыню святых истин. Я только думал, что нельзя отнять совершенно от общества увеселений их, но надобно так распорядиться с ними, чтобы у человека возрождалось само собою желание после увеселения идти к Богу — поблагодарить Его, а не идти к чорту — послужить ему. Вот была основная мысль той статьи, которую я не сумел хорошо написать. Скажу вам нелицемерно и откровенно, что виной множества недостатков моей книги не столько гордость и самоослепление, сколько незрелость моя. Я начал поздно свое воспитание, в такие годы, когда другой человек уже думает, что он воспитан. Обрадовавшись тому, что удалось в себе победить многое, я вообразил, что могу учить и других, издал книгу и на ней увидел ясно, что я — [еще] ученик. Желание и жажда добра, а не гордость, подтолкнули меня издать мою книгу, а как вышла моя книга, я увидел на ней же, что есть во мне и гордость, и самоослепление, и много того, чего бы я не увидал, если бы не была издана моя книга. Эта строптивость, дерзкая замашка [и повелительный тон, которые], которая так оскорбила вас в моей книге, произошла тоже от другого источника. Воспитывая себя самого суровою школою упреков и поражений и находя от них пользу существенную душе, я был не шутя одно время уверен в том, что и другим это полезно, и выразился грубо и жестко. Я позабыл, что голосом любви следует говорить, когда хочешь чему поучить других, и чем святее истина, тем смиреннее нужно быть тому, который хочет возвещать о ней. Я попался сам в тех самых недостатках, в которых попрекнул других. Словом, всё в этой книге обличает невоспитанье мое. Бог дал большое именье, множество в нем всяких угодий и удобств, земли не окинешь глазом, а сам управитель, которому поручено это имение, еще не умеет управлять им[18]. Вот вам портрет мой! Сил много, но уменья править этими силами мало, — может быть, от того самого, что слишком много дано сил. Не могу скрыть от вас, что меня очень испугали слова ваши, что книга моя должна произвести вредное действие и я дам за нее ответ Богу. Я несколько времени оставался после этих слов в состоянии упасть духом, но мысль, что безгранично милосердие Божие, меня поддержала. Нет, есть хранящая святая сила, которая не дремлет в мире, которая направляет к хорошему даже и то, что от дурного умысла произвел человек. А книга моя не от дурного умысла: мое неразумие всему причиною. Зато Бог и наказал меня, наказал меня тем, что все до единого вопиют против моей книги, хотя и разнообразны до бесконечности причины этих криков. Но как милостиво и самое наказание Его! В наказание Он дает мне почувствовать смире-

ние — лучшее, что только можно дать мне. Каким бы другим образом я мог взглянуть <на> себя, если бы не посыпались на меня градом со всех сторон упреки и обвинения? (Если бы кто увидал те жесткие письма, исполненные упреков, которые я получаю во множестве отовсюду, и прочитал бы те статьи, которые теперь печатаются во множестве против меня, у него б закружилась на время голова). Вы сами, верно, знаете, что от людей близких и всегда с нами живущих не услышишь осуждения: за наши небольшие им услуги, иногда даже просто за одну ровность нашего характера, они уже готовы почитать нас за совершеннейшего человека. Но когда раздадутся со всех сторон крики по поводу какого-нибудь публичного нашего действия и разберут по нитке всякую речь нашу и всякое слово, и когда, руководимые и личными нерасположеньями, и недоразумениями, станут открывать в нас даже и то, чего нет, тогда и сам станешь искать в себе того, чего прежде и не думал бы искать. Есть люди, которым нужна публичная, в виду всех данная оплеуха. Это я сказал где-то в письме, хотя и не знал еще тогда, что получу сам эту публичную оплеуху. Моя книга есть точная мне оплеуха. Я не имел духу заглянуть в нее, когда получил ее отпечатанную[19]: я краснел от стыда и закрывал лицо себе руками при одной мысли о том, как неприлично и как дерзко выразился о многом; отсутствие мест, выпущенных цензурою и не замененных ничем другим, разрушивши связь и сделавши темным, почти бессмысленным многое, еще более увеличило недостатки ее в глазах моих. Итак, книга моя, прежде чем быть полезной для других, полезна и для меня, и это считаю знаком ко мне милости Божией. Мне нужно зеркало, в которое я должен глядеться всякий день, чтобы видеть мое неряшество. Что же до влияния на других, то мне как-то не верится, чтобы от книги моей распространился вред на них. За что Богу так ужасно меня наказывать? Нет, Он отклонит от меня такую страшную участь, если не ради моих бессильных молитв, то ради молитв тех, которые Ему молятся обо мне и умеют угождать Ему, ради молитв моей матери, которая из-за меня вся превратилась в молитву. Теперь я собираю весьма тщательно толки о моей книге со всех сторон, равно как и отчет о всех впечатлениях, ею производимых. Сколько могу судить по тем, которые доселе имею, книга моя не произвела почти никакого впечатления на тех людей, которые находятся уже *в недре Церкви*, что весьма естественно: [тому, кто сидит уже у самого источника] кто имеет у себя дома лучший обед, тот не станет по чужим домам искать [дурного] худшего; кто добрался до самого родника вод, тому незачем бегать за полугрязными ручьями, хотя бы и они стремились в ту же реку. Напротив, из тех, которые находятся в недре Церкви и действительно веруют, многие даже вооружились против моей книги! и стали еще бдительнее на страже собственной своей души. Книга моя подействовала только на тех, которые *не ходят в церковь* и которые не захотели бы даже выслушать слов, если бы вышел сказать им поп в рясе. Если это правда и если, точно, некоторые пошатнулись в неверии своем и пошли хотя из любопытства в церковь, то это одно уже может меня успокоить. Там, то есть в церкви, они найдут лучших учителей. Достаточно, что занесли уже ногу на порог дверей ее. О книге моей они позабудут, как позабывает о складах ученик, выучившийся читать по верхам. Причину этого для вас, может быть, странного явления я могу объяснить тем, что в книге моей, несмотря на все великие недостатки ее, есть, однако же, одна только та правда, которую покуда заметили немногие. В ней есть душевное дело, исповедь [непритворная такого] человека, который почувствовал сильно, [что воспитанье его только что начинается и что следует именно воспитываться тогда, когда, вышедши из школы, думаешь, что стал готовым человеком] что воспитанье наше начинается с тех только пор, когда кажется, что оно уже кончилось. Там изложен отчасти и процесс такого дела, понятный даже и не для христианина, несмотря на неточность моих слов и выражений, непонятных для не страдавшего теми недугами, какими страждут неверующие люди нынешнего времени. Мне кажется, что если кто-нибудь только помыслит о том, чтобы сделаться лучшим, то он уже непременно потом встретится со Христом, увидевши ясно, как день, что без Христа нельзя сделаться лучшим, и, бросивши мою книгу, возьмет в руки Евангелие. И потому-то, я думаю, напрасно не обратили внимания на эту сторону моей книги все те, которые имеют дело с душою человека. Мне кажется, что следовало бы даже, отбросивши на время в сторону все оскорбляющие слова, резкие выражения и даже целиком те статьи, на которых отразились мое несовершенство, недостатки и невежество, прочитать внимательно и даже несколько раз некоторые статьи, особенно те, где ум не может быть вдруг судьей и которые проверить можно только *собственной душой* своей. Как бы то ни было, но если вы заметите, что книга моя

произвела на кого-нибудь вредное влияние и соблазнила его, уведомьте меня, ради самого Христа, обстоятельно и отчетливо, не скрывая ничего. Мне нужно знать это. Бог милостив: если Он попустил меня сделать злое дело, то Он же поможет мне и исправить его. Хотя я положил себе долгом не писать [ничего важного] по тех пор, пока не поучусь лучше делу и не приобрету языка более кроткого и никого не оскорбляющего, но некоторые необходимые объясненья[20] на мою книгу, равно как и сознанье в том, в чем я ошибся, я должен буду сделать непременно, чтобы не соблазнялись юноши и люди неопытные. Мне пришло при этом случае на мысль, что, может быть, вы опасаетесь какого-нибудь влияния с моей стороны на Александра Петровича[21] (опасенье очень естественное для вас, так его любящего!), а потому долгом считаю известить вас, что он теперь не со мной. Я давно уже не видал его. Во время же нашего пребывания вместе разговоры у нас были совсем не о тех предметах, о которых помещены письма. Видя его тоскующую душу и безотрадные жалобы на жизнь, потерявшую для него цену, которой конца он ожидал с каким-то нетерпением, я старался подвигнуть его на деятельность и на взятие должности внутри России [и взглянуть на это, как на дело христианское для спасения души своей, уверяя его, что, только делая добро другим и позабывши себя для других, можно спастись самому], мысля, что должность, взятая в смысле поприща для подвигов христианских, может дать пищу душе его. К этому побуждала меня и [всем свойственная] любовь [к земле своей] к родине, которая страждет много оттого, что слишком мало в ней таких должностных людей, которые заключали бы <в себе> все качества и способности Александра Петровича. Об этом я писал к нему действительно письма, которые, я не знаю почему, не попали в мою книгу и не пропущены[22], тогда как, по моему убеждению, они гораздо полезнее и нужнее всех помещенных. О театре и о тому подобных вещах мы с ним, кроме каких-нибудь двух-трех слов, не имели разговоров. Этот предмет ни его, ни меня не мог занимать. Письмо о театре я писал, имея в виду публику, пристрастившуюся к балетам и операм, пожирающим ныне страшные суммы денег, и в то же самое время имел в виду издателя журнала "Маяк"[23], С. А. Бурачка[24], который, судя по статьям его, должен быть истинно почтенный и верующий человек, но который, однако ж, слишком горячо и без разбора напал на всех наших писателей, утверждая, что они безбожники и деисты, потому только, что те не брали в предмет христианских сюжетов. Я вовсе не хотел оскорбить издателя "Маяка". Я хотел только напомнить ему самому, как христианину, о смирении, но выразился так, что словами моими действительно он мог быть обижен. Из некоторых слов вашего письма мне показалось, что вы его знаете. Скажите ему, что я умоляю его простить меня. [Скажите ему, что душа моя, несмотря на все недостатки мои, никогда, однако же, даже и тогда, когда я был гораздо хуже, неспособна была питать озлобление к людям, тем более к людям, которых я уважаю. А Бурачка я уважаю истинно и нелицемерно[25].] Попросите за меня и вы также. Наконец, простите меня и вы сами, добрая и молящаяся о всех нас душа! [Вам я нанес, может быть, больше всех оскорблений выпуском моей книги.] Очень понимаю, что для вас оскорбительнее, чем для многих, появленье такой книги, от которой соблазнятся те, за спасение которых вы молитесь. Еще раз повторяю вам, что цель моей книги была добрая, но вы видите сами, что обо мне нужно молиться более, чем о всяком другом человеке. [Положение мое [точно] опасно. Молитесь же, да Бог не оставит меня, не предаст меня в добычу лживого мудрствования собственного, но вразумит святым разумом.] Если Бог меня не вразумит Своим разумом, что я буду тогда? Участь моя будет страшнее участи всех прочих людей. Молитесь же обо мне, ради самого Христа. Всё прочее, чего не вместит письмо, передаст вам лично Александр Петрович, с которым, если даст Бог, надеюсь увидеться в Париже и который стремится к вам, как птица из клетки на волю (и, верно, не даром стремится). Еще раз прося молитв ваших, прошу вас уведомить меня, хотя двумя строчками, что письмо это вами получено, без чего я не буду спокоен. Адресуйте во Франкфурт-на-Майне... <...> Признательный вам много за вашу откровенность Н. Гоголь».

Значительное время, истекшее между письмом Гоголя (6 февраля (н. ст.) 1847 г.) и ответом о. Матфея, возможно, объясняется обстоятельствами, изложенными в позднейшем письме к Гоголю К. И. Маркова[26]. Последний 20 ноября 1849 г. писал: «В 1846 г. вы препроводили к ржевскому протоиерею отцу Матвею экземпляр "Выбранных мест из переписки с друзьями" при письме, в котором просили его разрешить некоторые вопросы из богословия, но, сколько мне известно, ответа не получили. Не желая, чтобы вы безвинно укорили достойного священника в невежливости, я взял намерение объяснить причину его молчания. В то время, как он получил ваше письмо, я находился в Ржеве. Так как уведомление ваше, куда адресовать вам ответ, было написано

по-французски, а отец Матвей не знает этого языка, то он просил одного из своих знакомых перевести ему адрес ваш. Знакомый его, увидев ваш автограф, упросил его взять письмо к себе на дом под предлогом трудности перевести адрес без помощи словаря и ученых справок. Когда письмо ваше вышло таким образом из рук отца Матвея, то сметливый переводчик разгласил его по всему уезду и на запрос владетеля его отвечал, что его *зачитали*. Из этого вы ясно видите, что причина молчания отца Матвея заключалась в незнании вашего адреса. Он очень соболезновал об этом случае, и мне известно, что он намеревался отвечать на ваши вопросы пространно и с особенною ревностью».

Из письма к Толстому: «Что с вами происходит, мой добрейший Александр Петрович? <...> Я всё ожидал, что вы по обещанию вашему напишете мне, как сказали вы сами в письме вашем, не далее, как через неделю, обо всем, и вот уже прошло с тех пор два месяца – и от вас ни строчки! Так что я намереваюсь (скучая неизвестностью) заглянуть к вам в Париж, и Софья Петровна[27] о вас также беспокоится, тем более, что Наталья Владимировна[28] писала весьма длинное письмо к графине Анне Егоровне[29], ожидала с нетерпеньем на него ответа и не дождалась. <...> На днях выезжаю из Неаполя и, если даст Бог, обниму вас лично в Париже».

[1] См. ***1847. Апреля 4 <16>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Москва.***

[3] См.: *Городецкий*. С. 455.

[4] Письмо отца Матфея, в котором он отвечал на письмо Гоголя от 6 февраля (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Февраля 6 <января 25>. Вселенская родительская суббота. Неаполь***), до нас не дошло.

[5] См.: *Гиляровский Вл.* Неизданное письмо Гоголя и его кресло // Русское Слово. 1902. 21 февр. № 51. С. 2; *Свод*. Т. 1. С. 368–369.

[6] См. ***1847. Мая около 30 – июня 6 <мая около 18 – 25>. Париж.***

[7] См. ***1847. Апреля 13 <1>. Вторник. Радоница. Неаполь.***

[8] См. ***1847. Апреля 17 <5>. Суббота. Неаполь.***

[9] Подробнее см.: ***1847. Февраль-март <февраля средина – апреля первая половина>*** (примечания).

[10] Имеется в виду статья *XXI. Что такое губернаторша (Письмо к А. О. С<мирнов>ой)* «Выбранных мест из переписки с друзьями», не пропущенное цензурой (см. также ***1845. Июля 28 <16>. Понедельник. Карлсбад*** – примечания).

[11] См. также ***1847. Апреля 24 <12>. Суббота. Неаполь.***

[12] «Современник» (см. ***1847. Апреля 24 <12>. Суббота. Неаполь***).

[13] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[14] Подробнее см.: ***1847. Января между 25 и 30 <января между 13 и 18>. Неаполь*** (примечания).

[15] Записки Вигеля впервые были опубликованы в 1863–1865 гг.

[16] Вероятно, имеется в виду отклик отца Матфея на статью Гоголя *VI. О помощи бедным* «Выбранных мест из переписки с друзьями». Возможно, отец Матфей неодобрительно отозвался о следующих строках статьи: «Большею частию случается так, что помощь, точно какая-то жидкость, несомая в руке, вся расхлещется по дороге, прежде чем донесется, и нуждающемуся приходится посмотреть только на одну сухую руку, в которой нет ничего. Вот о каком предмете следует подумать, прежде чем собирать пожертвованья».

[17] Имеется в виду статья *XIV. О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[18] См. также ***1843. Апреля средина – мая 2 <апреля начало – апреля 20>. Рим*** (примечания); ***1844. Между декабря 1 и 14 <между ноября 19 и декабря 2>. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Неаполь.***

[19] Около 27 апреля (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Апреля 27 <15>. Вторник. Неаполь***). Подробнее см.: ***1847. Января между 25 и 30 <января между 13 и 18>. Неаполь*** (примечания).

[20] Намек на замысел «Авторской исповеди» (см. ***1847. Февраля 22 <10>. Понедельник. Неаполь***; ***1847. Июня 10 <мая 29> – июля 10 <июня 28>. Франкфурт-на-Майне***).

[21] Граф Толстой. Подробнее см.: ***1847. Февраля 6 <января 25>. Вселенская родительская суббота. Неаполь*** (примечания).

[22] Имеются в виду статьи *XIX. Нужно любить Россию, XX. Нужно проездиться по России* и *XXVIII. Занимающему важное место* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[23] Ежемесячный «учено-литературный журнал» религиозно-патриотического содержания, издававшийся в Петербурге с 1840 по 1845 г. П. А. Корсаковым и С. А. Бурачком; с 1841 г. – Бурачком.

[24] Степан Анисимович Бурачок (1800–1876), генерал-лейтенант, литератор.

[25] В конце июля 1849 г. Гоголь писал графу А. П. Толстому: «Обнимите от всей души Скурыдина, Бурачка и всех, кто только помнит меня» (см. ***1849. Июля конец. Москва***).

[26] Константин Иванович Марков, отставной поручик, помещик Лебединского уезда Харьковской губернии, сын могилевского гражданского губернатора (в 1837–1838 гг.) И. В. Маркова (1785–1855).
[27] Графиня Апраксина, сестра Толстого.
[28] Графиня Апраксина, дочь С. П. Апраксиной.
[29] Жена Толстого.

АПРЕЛЯ 26 <МАЙ 8>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получает письмо Гоголя из Неаполя[1] (на письме имеется почтовый штемпель: «Получено 1847 Апр<еля> 26. Полдень»; и помета Плетнева: «П<олучено>, 26 апр<еля> / 8 мая 1847»[2]).

В тот же день Плетнев писал Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«24-го и 25-го апреля в Академических Ведомостях помещена статья Вяземского: "Языков. — Гоголь"[3]. Прочти ее и скажи мне, какое на тебя произведет она впечатление»[4].

2 мая 1847 г. Грот отвечал Плетневу: «Был на днях у Теслева, увидел я С.-Петербургские Ведомости и предложил ему прочитать вслух статью Вяземского; я знал, что она не может очень занять его, но меня увлекало нетерпение. Она меня в высшей степени удовлетворила: она так хорошо выразила то, что я сам про себя думал о Гоголе и его последней книге»[5].

[1] См. ***1847. Апреля 17 <5>. Суббота. Неаполь***.
[2] *Городецкий.* С. 455.
[3] *К<нязь> Вяземский.* Языков. — Гоголь // Санктпетербургские Ведомости. 1847. 24 апр. № 90; 25 апр. № 91. — См. также ***1847. Июня 11 <мая 30>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***.
[4] *Свод.* Т. 1. С. 693.
[5] Там же. Т. 1. С. 694.

МАЯ 10 <АПРЕЛЯ 28>. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет ответное[1] письмо А. О. Смирновой в Калугу:

«Сейчас, накануне[2] моего выезда из Неаполя, получил бесценное письмо ваше... <...> (Оно от 22 марта). <...> Не могу объяснить себе причин вашей болезни, не могу понять, зачем вы так долго болеете. Не затем ли, чтобы оставить вновь на время Россию? Не нужны ли вам морские купанья — единственное средство в нервических недугах, которые всем равно помогают? Не проездиться ли вам в Остенде? Как бы мы вновь провели прекрасно время вместе!.. <...> Прекрасна встреча с родными и с старыми товарищами нашего детства, но встреча с теми, с которыми породнились душами во имя Христа, еще прекрасней. А там — почему знать? — если самая дорога вам станет помогать и езда, почему вам не съездить в одно время со мною в Иерусалим? <...> По крайней мере, в Остенде всегда можно проездиться. Езда морем; экипажа брать с собой не нужно; иэ Петербурга прямо на корабль — и в неделю с небольшим вы в Остенде. Если ж из Остенде захотите отправиться подальше, то теперь везде железные дороги, и все-таки не нужно экипажа. Если только отложить в сторону все русские барские замашки, то можно так дешево съездить, как не съездите по России. Письма покуда адресуйте ко мне на имя Жуковского во Франкфурт. <...> ...Вот вам мои нынешние маршруты: май в дороге; июнь во Франкфурте или в окружности его, на водах, словом — где будет Жуковский; конец июля, август и сентябрь (половина, если не весь) в Остенде. А потом опять в Неаполь, дабы отсюда уже в Иерусалим. Но прощайте... как бы хотелось сказать: "до скорого свидания!" Тороплюсь укладываться. Бог да пошлет вам облегченье и благополучные роды!»

[1] См. ***1847. Марта 22 <апреля 3>. Великая Суббота. Калуга***; ***1847. Марта 25 <апреля 6>. Вторник Светлой седмицы. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Калуга***.

[2] См. ***1847. Мая 11 <апреля 29>. Вторник. Неаполь.***

АПРЕЛЯ КОНЕЦ[1] – МАЯ ДО 11 <АПРЕЛЯ СРЕДИНА – АПРЕЛЯ ДО 29>. НЕАПОЛЬ

Настоятель Христорождественской церкви при русском посольстве в Неаполе иерей Тарасий Серединский пишет статью «Мысли при чтении сочинения: Выбранные места из переписки с друзьями – Николая Гоголя. 1847 года» (книга, вероятно, была передана о. Тарасию в Неаполе самим Гоголем):

«К числу друзей автора принадлежу и я. Однако ж это не препятствует мне говорить об его сочинении прямо, искренно, беспристрастно. Amicus Socrates, Amicus Plato, sed magis amica veritas[2].

Кто знаком лично с автором, тот не может не приметить, что это сочинение есть самая точная копия с своего оригинала, что это – тот же автор, но только в письмени. В самом деле, не многие, кажется, из писателей так ярко, так выпукло, так осязательно выразили свою личность в своем сочинении, как она выражена здесь. Но в том-то и достоинство, в том-то и заслуга литератора, если он говорит прямо, искренно, если он высказывает то, что у него лежит на сердце, а не принимает на себя какую-нибудь личину для угождения публики.

С тою же искренностию решился и я высказать свои мысли на счет его сочинения. Этим мне хотелось, с одной стороны, исполнить просьбу самого автора (стр. 5)[3], а с другой стороны, по поводу этого сочинения и самому сказать несколько слов о таких предметах, о которых сам автор говорит кратко.

Содержание сочинения с первого взгляда может показаться странным, едва ли не беспримерным. Читая первые страницы его, иной даже, быть может, с усмешкой скажет самому себе: "Что за странная мысль пришла в голову автора печатно говорить о таких предметах? Не болен ли он нервною горячкою, или Английским сплином?" Словом, его сочинение может показаться для многих безумием, юродством. Но это взгляд близорукий. Кто кружится в вихре суеты житейской и не имеет времени, или не хочет по временам уединяться и размышлять о самом себе, о своей религии, о своей судьбе за гробом, для того суждения автора покажутся дикими, странными. Но кого болезни и нужды житейские заставляли подумать о своей жизни настоящей и будущей, тот может хорошо понимать Г<-на> Гоголя. – Притом, кто входил в некоторое соприкосновение с его душою, тот не мог не изумиться ее оригинальности, тот даже мог подумать, что он родился и жил не на земном шаре, а на каком-нибудь Сириусе. "Стыдно тому, говорит автор, кто привлечется каким-нибудь вниманием к гниющей персти, которая уже не моя" (стр. 8). Как понимать эти слова? Если здесь говорится о теле его, погребенном уже в земле, то ужели автор думает, что кто-нибудь разроет его могилу и полюбопытствует взглянуть на бренные его останки? Если же здесь речь идет о теле, лежащем еще во гробе до погребения и при погребении, то нет никакого стыда смотреть на него всякому христианину, тем более Православному. Только Неаполитанец, по смерти своего друга или родственника, бегает от его трупа, как от заразы, и не видит его до самого погребения, а предоставляет чужим рукам положить его во гроб, отвезти на кладбище и опустить в яму. Напротив Православный Русский человек с уважением смотрит на бренные останки усопшего. Ибо, что такое тело человеческое, как не храм Духа Святаго? Что такое и труп человека, как не семя, которое в недрах своего тления заключает источник жизни будущей, Воскресения? Но эта персть «уже не моя?», и это несправедливо. Она твоя была, есть и будет. Автор думает, что когда душа разлучилась с телом, то тело, как добыча червей, уже не принадлежит ему потому-де, что оно сгниет, истлеет и обратится в первобытный прах, а душа навсегда освободится от него. Не правое мудрование! Ты никогда не избавишься от своего тела. Ты с собою за гроб уносишь основу его, а в день всеобщего Воскресения восприимешь его вполне.

Говоря о влиянии, какое может произвести на всех Одиссея Гомера в переводе Г<-на> Жуковского, автор замечает, что "Греческое многобожие не соблазнит нашего народа" (стр. 46). В этом мы

не согласны с автором. Конечно, Одиссея не может увлечь народ к многобожию, но может поселить в нем множество гибельных суеверий. Сам же автор в следующем за сим письме замечает, что мы не знаем своей Церкви. Если же люди образованные не знают Церкви, то что сказать о простом народе? А не зная Церкви, как он может удержаться на той высоте мыслей, которую усвояет ему автор? Не столько надобно опасаться за народ, сколько за таких вельмож, которые имеют самое ограниченное понятие о Православной Церкви и Вере (а таких людей немало) и которые по тому самому готовы сказания Гомера (о! ужас!) сравнивать с сказаниями Библейскими. Вообще автор в указанном месте слишком идеально смотрит на состояние Веры в России. Обратись он к жалкой действительности, он сказал бы совершенно не то, что теперь сказал. Ибо даже в высшем обществе он встретил бы такое невежество истин религии, что и сам закрыл бы глаза от стыда.

“Напрасно смущаетесь вы нападениями, которые теперь раздаются на нашу Церковь в Европе” (стран. 58)[4]. Это совершенно справедливо потому, что нет еще ни одного сочинения в Европе о Православной Церкви, в котором не было бы насчет ее весьма значительных промахов. Не очень давно M<onsieur>[5] Theiner[6] издал в свет огромную книжку о Русской Церкви, основываясь в своих исследованиях, как сам он говорил в своем предисловии, на официальных документах и стараясь всеми силами говорить о нашей Церкви сущую правду. И однако ж, что он говорит об ней? такую дичь, что уши вянут. Иные даже боятся и имени своего выставить на своем сочинении, и весьма справедливо поступают. Ибо, наполнивши целую книжку грубыми ошибками относительно исследуемого предмета, кто отважится выставить на ней свое имя? Напротив, кто ближе знаком с нашею Церковию, как наприм<ер>, Baader[7], тот не может не говорить в ее пользу. Следовательно, опровергать иностранные мнения о Русской Церкви, значит сражаться с тенями. Кто же решится на это? Православная Церковь в этом отношении подражает своей Главе Иисусу Христу, Который на все несправедливые обвинения Своих врагов пред Пилатом и особенно пред Иродом отвечал молчанием. Но это молчание красноречивее бесконечного многословия защищающего Его невинность, потому что за нее ручалась праведная Его жизнь. Так точно должны поступать и мы. Подлинно для нас возможна одна только пропаганда — жизнь наша (стр. 60), как прекрасно заметил автор. Это надобно твердо держать в памяти особенно тем, которые путешествуют за границею.

В следующем за тем письме[8] автор опровергает те причины, которыми обыкновенно объясняют слабость у нас власти церковной. Но опровергши эти ложные причины, автор однако ж не показал истинных, а они — пред глазами; стоит только обратить внимание на пастырей и на паству. Пастыри опасаются, чтобы чрез свою твердость не лишить себя житейских выгод, почестей и отличий, и потому раболепствуют пастве, а паства, особенно великие и сильные земли, воображая, что они также велики и сильны и пред Религиею, пред лицем Божиим, злоупотребляют смирением Пастырей и малозначительностию их в сравнении с чинами и достоинствами общественными.

Далее, мы уже вполовину только сочувствуем автору относительно законных поприщ (стр. 63), на которых должны Священники встречаться с своими прихожанами. Известно, что исповедь не может быть продолжительна потому, что много бывает желающих исповедываться. Известно также, каким вниманием награждают проповедников в Воскресные дни и какую пользу от проповеди получают в это время верующие. Известно наконец и то, что Сам Основатель Христианства и Его сподвижники благовествовали слово спасения не с одной кафедры церковной и не пред одним судилищем совести. По всему тому очень необходимо, чтобы руководители наши ко спасению как можно чаще могли беседовать с своими руководимыми о предметах Веры. Этими домашними беседами они едва ли не легче, нежели поучениями с кафедры, могут разогнать тот мрак неведения относительно Веры и Церкви Православной, который господствует, к сожалению, даже в самых светлых домах; из этих бесед Православные узнают, что Духовенство вовсе не так грубо и невежественно, как обыкновенно его себе представляют, хотя оно и не говорит по-французски и по-немецки. Даже одно частое явление Священника в один и тот же дом благотворно тем, что напоминает собою о религии, что может искоренить пагубный предрассудок, по которому всякая встреча с Священником считается предзнаменованием неудачи, а приход в дом — безмолвною проповедию *горя тому дому*. От чего предки были счастливее нас? От того, что они сближались с служителями олтаря, от того, что они ничего не начинали без церковного молитвословия, от того, что Священник был вместе для них и друг и советник, которому они беспрекословно повиновались; словом, от

того, что Церковь они вводили в свою жизнь. (В городах и селах Малороссии доселе удержалось это первобытное счастие народа.) А теперь к Священнику обращаются в таких лишь случаях, когда сего требует закон гражданский, и стало быть обращаются только по тому побуждению, чтобы не быть виноватыми пред законом гражданским! O tempora! O mores![9]

Несправедливо поэтому автор отказывает Священникам в возможности входить в общества: эту мысль свою подтверждает он примером "светских людей, которые толкаются вечно среди света и при всем том всех пустее". Но это происходит, надобно сказать, от того, что они только именно *толкаются,* т. е. придут на полчаса, на час, поговорят о здоровье, о погоде, о театре и т. п. и уедут. Само собою разумеется, что так никто и никогда не изучит свет. Ужели же так поступать должны и Священники? Ничуть. В опровержение автора, мы можем указать в свою очередь также на пример тех светских людей, которые на все смотрят наблюдательным взором, и которые поэтому очень хорошо знают свет. Автор говорит: "найди только прежде ключ к своей собственной душе, когда же найдешь, тогда этим же самым ключем отопрешь души всех" (стр. 65). Сделал бы я его духовником и посмотрел бы, как он ключем своей души начал отпирать души всех! Нет, друг мой, нельзя одним ключем отпирать тысячи замков. Глубоко сердце человека, и еще глубже оно при исповеди. Искренно, искренно говорю тебе, что обращаясь среди общества, священник может узнать недуги общества, а в особенности недуги частных лиц, гораздо лучше, нежели как они высказываются на исповеди, так, что пред ним нужно будет им исповедоваться для того только, чтобы самим признать за собою те грехи, которые еще прежде исповеди известны Священнику, и принять от него разрешение и враче<в>ство.

Далее, автор крайне превозносит Русских Лирических поэтов[10], считая источник их Лиризма самого *Бога* (стр. 68 и 81). Эта мысль весьма соблазнительна! Иной подумает, что поэт есть богодухновенное лице и наоборот! — В письме о существе Русской поэзии[11] автор мастерски излагает историческое ее развитие и везде высказывает глубоко проницательный свой взгляд на каждого Русского поэта.

Последнее письмо о Светлом Воскресении Христовом[12] не чуждо мистицизма, который особенно ясно выразился на последней странице, где автор говорит: "Это не мысль выдуманная в голове. Такие мысли не выдумываются. Внушением Божиим пораждаются они разом..." (стр. 286).

В заключение благодарю автора за искренность и назидательность его писем: от них веет истинно Христианским чувством. И вместе прошу объяснить мне тираду от слов: "Церковь наша должна святиться в нас" и далее, до слов: "как нам защищать..." (59 стр.). По моему разумению, здесь или понятие о Церкви смешано с понятием о Вере, или же Церковь признается обществом только внутренним, невидимым, но в последнем случае такой взгляд на Православную Церковь будет односторонен и неверен.

Св<ященник> М<агистр> Т<арасий> С<рединский>».

Самим Гоголем отпечатанная в Петербурге книга «Выбранные места из переписки с друзьями» была получена в Неаполе в конце апреля (н. ст.) 1847 г.[13] Вероятно, именно Гоголем книга и была передана отцу Тарасию. Колония русских в Неаполе была весьма немногочисленна. «Русских здесь почти ни души...» — сообщал, в частности, Гоголь графу А. П. Толстому из Неаполя (24 ноября (н. ст.) 1846 г.). Очевидно, периодом с конца апреля по начало мая (н. ст.) 1847 г. (11 мая (н. ст.) Гоголь выехал из Неаполя в Рим) и следует датировать отзыв отца Тарасия о гоголевской книге.

Во время кратковременного пребывания в Париже в конце мая — начале июня (н. ст.) 1847 г. Гоголь разговаривал об отце Тарасии Серединском с протоиереем Димитрием Вершинским. В высказанном тогда Гоголем суждении об отце Тарасии можно усмотреть своеобразный отклик на его статью о «Выбранных местах...» Об этом суждении Гоголя сообщал сам отец Тарасий в своих «Записках...»: «В бытность свою в Париже г<-н> Гоголь отозвался обо мне моему свояку, протоиерею Вершинскому, так: "очень серьезен в служении и совсем другой в общественной жизни"»[14]. В этих словах можно услышать косвенное возражение Гоголя на размышления отца Тарасия по поводу «законных поприщ <...>, на которых должны священники встречаться с своими прихожанами», которое тот высказал, критикуя соответствующие положения книги Гоголя.

Однако критический (во многом) отзыв отца Тарасия о «Переписке с друзьями» не изменил отношений к нему Гоголя. 24 сентября (н. ст.) 1847 г., по истечении года знакомства, Гоголь сообщал протоиерею Матфею Константиновскому: «В Неаполе <...> основалась русская церковь и очень хороший священник». По свидетельству самого отца Тарасия, зимой 1847/48 г. Гоголь исповедывался у него и приобщался Святых Таин[15], а перед отправлением в Иерусалим (в январе 1848 г.) просил отслужить напутственный молебен[16].

[1] См. ***1847. Января между 25 и 30 <января между 13 и 18>. Неаполь*** (примечания).

[2] Сократ мне друг, Платон мне друг, но истина дороже (*лат.*).

[3] Имеется в виду обращение Гоголя к читателям в *Предисловии* к «Выбранным местам из переписки с друзьями»: «Прошу их <...> выставить благородно все недостатки, какие могут быть найдены ими в этой книге...» (Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. СПб., 1847. С. 5).

[4] Статья *VIII. Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве.*

[5] Господин (*фр.*).

[6] А. Тейнер, немецкий католический священник (см. ***1841. Марта 23 <11>. Суббота. Рим***). В 1841 г. в Аугсбурге вышла его книга «Новейшее состояние католической Церкви обоих обрядов в Польше и России от Екатерины II до наших дней» («Die neuesten Zustande der katholischen Kirche beider Ritus in Polen und Russland seit Catharina II bis auf unsere Tage»). О. Тарасий подразумевает, очевидно, французский перевод этой книги, изданный в 1843 г. в Париже с предисловием графа Ш. Ф. Монталамбера – «Превратности католической Церкви обоих обрядов в Польше и в России» («Vicissitudes de l'eglise catholique des deux rites en Pologne et en Russie»). В этом же году в Лугано был издан и итальянский перевод этой книги – «Превратности католической Церкви в Польше и в России от Екатерины II» («Vicende della chiesa cattolica nella Polonia e nella Russia da Catharina II»). 10 сентября (н. ст.) 1844 г. А. И. Тургенев писал князю П. А. Вяземскому: «В Германии Тейнер, монах оратории <духовной конгрегации>, издавший года за три сильную критику и клевету на наше церковное правительство, недавно издал другую книгу с переводом рапортов графа Протасова Государю, с злобными, а иногда и с дельными примечаниями. Я писал слова два о сей книге к Сербиновичу... <...> Знает ли он о сей новой книге? Не худо бы ответить» (Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 4. С. 294).

[7] Ф. К. Баадер, немецкий философ и теософ (см. ***1839. Августа 12 <июля 31>. Понедельник. Мюнхен*** – примечания).

[8] Статья *IX. О том же.*

[9] О времена! О нравы! (*лат.*).

[10] Статья *X. О лиризме наших поэтов.*

[11] Статья *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность.*

[12] Статья *XXXII. Светлое Воскресенье.*

[13] См. ***1847. Января между 25 и 30 <января между 13 и 18>. Неаполь*** (примечания); ***1847. Февраля конец <февраля средина>. Неаполь.***

[14] См. ***1847. Мая около 30 – июня 6 <мая около 18 – 25>. Париж.***

[15] См. ***1848 января 6 <1847 декабря 25>. Четверг. Праздник Рождества Христова. Неаполь.***

[16] См. ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь.***

МАЯ ДО 11 <АПРЕЛЯ ДО 29>. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет записку С. А. Соболевскому:

«Очень сожалею, что не застал дома. Зайду ввечеру».

На письме имеются пометы (С. А. Соболевского?): «1847» и «Неаполь». По сообщению А. К. Виноградова, Соболевский в 1847 г. «май <...> проводит в Неаполе»[1]. Гоголь покинул Неаполь 11 мая (н. ст.) 1847 г.[2] Следовательно, записка написана до этого числа.

Возможно, в этот же период Гоголь написал новое[3] письмо М. П. Погодину в Москву, где спрашивал приятеля о его детях[4] (письмо не сохранилось).

[1] *Виноградов А. К.* Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928. С. 83.

[2] См. ***1847. Мая 11 <апреля 29>. Вторник. Неаполь.***

[3] Ср. ***1847. Апреля 30 <18>. Пятница. Неаполь.***

[4] См. ***1847. Июня 2 <14>. Понедельник. Москва.***

1846 ДЕКАБРЬ <НОЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА> – 1847 МАЯ 11[1] <АПРЕЛЯ 29>. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет записку к иерею Тарасию Серединскому («Милостивому государю Тарасию Федоровичу Серединскому»; датировка письма уточнена[2]):

«Я не помню, сказал ли я вам, что молебен должен быть вместе с обедней. На всякий случай лучше вас побеспокою об этом сею запиской, прося убедительно, если для вас всё равно, начать обедню пораньше, именно в 10 часов с четвертью».

Позднее протоиерей Тарасий Серединский вспоминал: «Однажды он прислал мне записку об отслужении Литургии и молебна»[3].

[1] См. ***1846. Ноября 18–19 <6–7> – 1847. Мая 11 <апреля 29>. Неаполь.***
[2] Ср. ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь.***
[3] *Протоиерей Тарасий Серединский.* Записки заграничного священника // *Свод.* Т. 3. С. 591.

МАЯ 11[1] <АПРЕЛЯ 29>. ВТОРНИК. НЕАПОЛЬ

Гоголь выезжает из Неаполя в Рим. Перед самым отъездом получил посылку от С. П. Шевырева.

25 мая (н. ст.) 1847 г. Гоголь сообщал Шевыреву из Марселя: «Перед самым выездом из Неаполя получил твои два пакета, со вложением двух критик из газет[2] и маленькой твоей записочки»[3].

Отметка об отъезде была сделана в паспорте Гоголя более чем за полторы недели[4].

[1] См. ***1847. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Неаполь***; ***1847. Мая 10 <апреля 28>. Понедельник. Неаполь.***
[2] Имеется в виду первое из трех писем Н. Ф. Павлова и статья А. А. Григорьева, о посылке которых Шевырев извещал Гоголя в письме от 22–23 марта 1847 г.: «Все статьи московские к тебе посылаю по почте» (см. **1847. Марта 22 <апреля 3>. Великая Суббота. Москва**; ***1847. Марта 23 <апреля 4>. Светлое Христово Воскресение. Праздники православной и католической Пасхи. Москва***).
[3] Записка С. П. Шевырева не сохранилась.
[4] См. ***1847. Апреля 30 <18>. Пятница. Неаполь.***

АПРЕЛЯ 29 <МАЯ 11>. ВТОРНИК. МОСКВА

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской в Петербург:

«Мы не слыхали о напечатании книги Гоголя в 20 т<ысяч> экземпляров, и мне это кажется что-то невероятно. – Наши знакомые Хомяковы поедут через неделю за границу и увидятся, вероятно, там с Гоголем»[1].

Около этого времени Н. Н. Шереметева передала с А. С. Хомяковым письмо к Гоголю[2].

В тот же день, 29 апреля 1847 г., П. Я. Чаадаев закончил свой ответ[3] князю П. А. Вяземскому по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями», начатый в средине марта того же года. (Письмо было отправлено адресату еще позднее, спустя почти год. Закончив письмо, Чаадаев долго не посылал его, а тем временем давал списывать свое послание разным лицам[4].)

Из письма Чаадаева к Вяземскому:

«<Средина марта 1847>

<...> У Вас, слышно, радуются книгою Гоголя[5]; а у нас, напротив того, ею очень недовольны. <...> Как вы хотите, чтоб в наше надменное время, напыщенное народною спесью, писатель даровитый, закуренный ладаном с ног до головы, не зазнался, чтоб голова у него не закружилась? <...> Недостатки книги Гоголя принадлежат не ему, а тем, которые превозносят его до безумия, которые преклоняются пред ним, как пред высшим проявлением самобытного русского ума, которые ожидают от него

какого-то преображения русского слова... <...> Смирение, насколько его есть в его книге, плод нового направления автора; гордость, в нем проявившаяся, привита ему его друзьями. Это он сам говорит, в письме к к<нязю> Львову, написанном по случаю этой книги[6]. <...> ...Знаете ли, откуда взялось у нас на Москве это безусловное поклонение даровитому писателю? Оно произошло оттого, что нам понадобился писатель, которого бы мы могли поставить наряду со всеми великанами духа человеческого, с Гомером, Дантом, Шекспиром, и выше всех иных писателей настоящего времени и прошлого[7]. <...>

<29 апреля 1847>

Эти строки были написаны до получения вашей книжечки[8]; <...> скажу вам в двух словах <...> свое мнение о вашей статье. Вам, вероятно, известно, что на нее здесь очень гневаются. Разумеется, в этом гневе я не участвую. Я уверен, что если вы не выставили всех недостатков книги, то это потому, что вам до них не было дела, что они и без того достаточно были выказаны другими. Вам, кажется, всего более хотелось показать ее важность в нравственном отношении и необходимость оборота, происшедшего в мыслях автора, и это, по моему мнению, вы исполнили прекрасно. <...> Ему как будто не могут простить, что, веселивши нас столько времени своею умною шуткою, ему раз вздумалось поговорить с нами не смеясь, что с ним случилось то, что ежедневно случается в кругу обыкновенной жизни с людьми менее известными, и что он осмелился нам про это рассказать по вековечному обычаю писателей, питающих сознание своего значения. Позабывают, что писатель, и писатель столь известный, не частный человек, что скрыть ему свои новые, задушевные чувства было невозможно и не должно; что он, не одним словом своим, но и всей своей душою, принадлежит тому народу, которому посвятил дар, свыше ему данный; позабывают, что при некоторых страницах слабых, а иных и даже грешных, в книге его находятся страницы красоты изумительной, полные правды беспредельной, страницы такие, что, читая их, радуешься и гордишься, что говоришь на том языке, на котором такие вещи говорятся. <...> На меня находит невыразимая грусть, когда вижу всю эту злобу, возникшую на любимого писателя, доставившего нам столько слезных радостей, за то только, что перестал нас тешить и, с чувством скорби и убеждения, исповедуется пред нами и старается, по силам, сказать нам доброе и поучительное слово. Все, что мне бы хотелось сказать вам на этот счет, вы отчасти уже сказали сами несравненно лучше, чем бы мне удалось тоже выразить, особенно на языке, которым так бессильно владею; но одно, о чем намекал уже в первых своих строках, кажется, упустили из виду, а именно высокомерный тон этих писем. <...> Не поверите, до какой степени люди в краю нашем изменились с тех пор, как облеклись этой народною гордынею, неведомой боголюбивым отцам нашим. Вот что меня всего более поразило в книге Гоголя и чего вы, кажется, не заметили. Во всем прочем с вами заодно»[9].

[1] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 864.

[2] См. ***1847. Июля 13 <1>. Вторник. Эмс***; ***Июля 24 <12>. Суббота. Остенде.***

[3] См. ***1847. Января 6 <18>. Понедельник. Праздник Крещения Господня. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1848. Февраля 11 <23>. Среда. Санкт-Петербург.***

[5] Речь идет о «Выбранных местах из переписки с друзьями».

[6] Имеется в виду письмо Гоголя к князю В. В. Львову от 20 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя: ***1847. Марта 20 <8>. Суббота. Неаполь.***

[7] П. Я. Чаадаев подразумевает семью Аксаковых, и прежде всего поддержанную А. С. Хомяковым и Ю. Ф. Самариным брошюру К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (М., 1842). Вызревание замысла статьи Аксакова относится к концу 1839 г. (см. ***1840. Января 2. Вторник. Москва***). В тот же период, а именно, 12 февраля 1840 г., состоялся единственный визит Гоголя к Чаадаеву. Впечатления, полученные Чаадаевым от этого посещения (во все время визита Гоголь дремал), могли, по мнению Д. Н. Свербеева, сказаться в суждениях Чаадаева о Гоголе: «Долго не мог забыть Чаадаев такого оригинального посещения, и конечно, оно вспомнилось ему при чтении Гоголя, а может быть, и при суждении о его произведениях» (см. ***1840. Февраля 12. Понедельник. Москва***).

В отношении Чаадаева к «Мертвым душам», очевидно, нашла отражение и история с публикацией в 1836 г. — в год выхода «Ревизора» — известной чаадаевской статьи «Философические письма к г-же ***. Письмо 1-ое» (первое из восьми писем). Письмо было напечатано в октябрьском номере журнала Н. И. Надеждина «Телескоп». В сравнении с шумным успехом гоголевской комедии (обличавшей современные нравы) Чаадаеву казалось несправедливым, что за публикацию его «философического» письма (с критикой не только современности, но и самой русской истории — «истории наших предков») журнал был закрыт, Надеждин сослан

в Усть-Сысольск (ныне – Сыктывкар), а сам Чаадаев объявлен сумасшедшим. Позднее в своей «Апологии сумасшедшего» (1837; опубл. в 1862) Чаадаев не без оскорбленного чувства – и с уверенностью в своем превосходстве – замечал: «...Капризы нашей публики удивительны. Вспомним, что вскоре после напечатания злополучной статьи <...> на нашей сцене была разыграна новая пьеса (на самом деле премьера “Ревизора” состоялась не “вскоре после”, а за пять месяцев *до* появления статьи Чаадаева. – *И. В.*). И вот, никогда ни один народ не был так бичуем, никогда ни одну страну не волочили так в грязи, никогда не бросали в лицо публике столько грубой брани и, однако, никогда не достигалось более полного успеха. Неужели же серьезный ум, глубоко размышлявший о своей стране, ее истории и характере народа, должен быть осужден на молчание, потому что он не может устами скомороха высказать патриотическое чувство, которое его гнетет? Почему же мы так снисходительны к циническому уроку комедии и столь пугливы по отношению к строгому слову, проникающему в сущность явлений?» (*Чаадаев П. Я.* Статьи и письма / Вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова. М., 1987. С. 145).

[8] Имеется в виду статья князя П. А. Вяземского «Языков. – Гоголь», напечатанная в 1847 г. в № 90 и 91 «Санкт-Петербургских Ведомостей» (от 24 и 25 апреля) и, вероятно, присланная П. Я. Чаадаеву в виде отдельного оттиска (см. также ***1847. Июня 6 <мая 25>. Воскресенье. Париж***). Фрагмент этой статьи Вяземского см.: ***1847. Января 6 <18>. Понедельник. Праздник Крещения Господня. Санкт-Петербург.***

[9] *Свод.* Т. 3. С. 865–867.

МАЯ 12[1] <АПРЕЛЯ 30>. СРЕДА. РИМ

Гоголь прибыл в Рим; встретился здесь с А. А. Ивановым[2] и, вероятно, с Ф. А. фон Моллером[3] и Ф. И. Иорданом. По-видимому, получил от Иванова письмо Ф. В. Чижова, а от Иордана – два экземпляра портрета Н. М. Языкова – для себя и для В. А. Жуковского[4].

На следующий день в паспорте Гоголя была сделана отметка: «1/13 мая в Риме»[5].

22 апреля (н. ст.) 1847 г. Гоголь в письме к Иванову, сообщая о своем будущем приезде в Рим, замечал: «Мы с вами переговорим и перетолкуем на словах обо всем тихо, рассудительно и так, что останемся оба довольны друг другом»[6].

И. С. Тургенев, познакомившийся с Ивановым спустя около десяти лет – осенью 1857 г., – в 1861 г. вспоминал: «Иванов глубоко сожалел о современном направлении наших художников (один из них[7] при мне величал Рафаэля *бездарным*) и рассказывал нам кое-что о Брюллове и о Гоголе, которого называл постоянно Николаем Васильичем. Из его почтительных, но осторожных отзывов о нашем великом писателе можно было заключить, что он особенно хорошо изучил его. Гоголь нисколько не понимал Иванова, хотя превозносил его “Явление Христа”; ведь тот же Гоголь приходил в восторг от “Последнего дня Помпеи”; а любить эти две картины в одно и то же время невозможно. Иванов с особенным сочувствием упоминал о страшном впечатлении, произведенном на Гоголя всеобщим осуждением его “Переписки”; об этом, да еще о 1848 годе, Иванов говорил не иначе как с содроганием. Может быть, ему в голову приходило, что “вот и мою картину, пожалуй, так же разбранят”, а в началах, которые чуть было не восторжествовали в 1848 году, он почему-то видел конец и разорение всякого художества»[8].

[1] См. ***1847. Мая 11 <апреля 29>. Вторник. Неаполь.***

[2] См. ***1847. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Неаполь.***

[3] См. ***1847. Апреля 29 <17>. Четверг. Неаполь.***

[4] См. ***1847. Мая 1 <апреля 19>. Венеция.*** – См. также ***1847. Июня 10 <мая 29> – июля 10 <июня 28>. Франкфурт-на-Майне.***

[5] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 126. См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

[6] См. ***1847. Апреля 22 <10>. Четверг. Неаполь.***

[7] Е. С. Сорокин.

[8] *Тургенев И. С.* Литературные воспоминания. IV. Поездка в Альбано и Фраскати. (Воспоминание об А. А. Иванове) // *Свод.* Т. 3. С. 823.

АПРЕЛЯ 30 <МАЯ 12>. СРЕДА. МОСКВА

И. С. Аксаков пишет князю Д. А. Оболенскому:

«О Гоголе я совсем не такого мнения, как ты думаешь. Я его никогда не бранил, напротив, был поражен многим, что и прежде лежало в душе моей и написал по поводу того стихотворения о душе человеческой, которые тебе пришлю вместе с прочими[1]. Но должен признаться, что в книге Гоголя много лжи и нелепицы, много скрытой гордости и самолюбия, — словом, ум за разум зашел. Меня же, впрочем, поражает не это собственно, а то, что побудило его поднять те страшные вопросы о примирении религии с жизнью, вопросы, кажется, неразрешимые».

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 921.

[1] См. ***1847. Июль <июля средина – августа средина>. Москва.***

МАЯ 1 <13>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет № 5 «Современника», где перепечатаны[1] первое и второе[2] из «Писем к Н. В. Гоголю» Н. Ф. Павлова[3].

[1] См. ***1847. Марта 6 <18>. Четверг. Москва.***
[2] См. ***1847. Марта 29 <апреля 10>. Суббота Светлой седмицы. Москва.***
[3] См. также ***1847. Августа 1 <13>. Пятница. Санкт-Петербург.***

МАЯ 1 <13>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ. РИГА

Ю. Ф. Самарин пишет А. О. Смирновой в Калугу:

«Вчера я получил “Московские Ведомости”, выписанные мною ради писем Павлова о Гоголе[1]. В первом письме, в котором разбирается завещание, к сожалению, есть правда; следующие — из рук вон плохи. Павлов не дорос даже до ошибок Гоголя. Впрочем, на Гоголя все толки производят хорошее впечатление. Мне прислали из Москвы копию с письма его к кн<язю> Львову[2], которую к вам препровождаю. В каждом слове видна бодрость и охота к труду. Это письмо и меня ободрило, и мне хотелось бы ободрить вас».

Из писем Ю. Ф. Самарина // *Свод.* Т. 3. С. 214.

[1] Три письма к Гоголю Н. Ф. Павлова были опубликованы в № 28, 38 и 46 «Московских ведомостей» за 1847 г. (см. ***1847. Марта 6 <18>. Четверг. Москва***; ***1847. Марта 29 <апреля 10>. Суббота Светлой седмицы. Москва***; ***1847. Апреля 17 <29>. Четверг. Москва***).
[2] Имеется в виду письмо Гоголя к князю В. В. Львову от 20 марта (н. ст.) 1847 г. из Неаполя: ***1847. Марта 20 <8>. Суббота. Неаполь.***

МАЯ 3 <15>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев сообщает Я. К. Гроту в Гельсингфорс:

«Сегодня же ты получишь № 98 Северной Пчелы, где Булгарин[1] уничтожил Вяземского за его статью "Языков и Гоголь", напечатанную в №№ 90 и 91 Академических Ведомостей. Я не потому говорю *уничтожил*, чтобы сознавал какую-либо истину в словах Булгарина. Напротив, он лжет явно. <...> Но я чувствую, что Вяземский в тексте своем не оградил себя от возможности прикосновения столь ядовитого гада, каков Булгарин. <...> Он два раза читал мне в рукописи эту статью. Я не мог же сгладить с нее все, чем она должна явиться, как Вяземского произведение. <...> Он совсем не упомянул было ни о Крылове, ни о Грибоедове. Я этого потребовал. Но и тут он ограничился упоминанием только о первом, а о втором промолчал, за что и бичует его Булгарин с наслаждением. <...> Напротив, Булгарин, даром что человек без дарований, набил руку к производству мерзостей. По началу его статьи можно подумать, что он в восторге от Вяземского. Но потом как все прибрано к возвышению Северной Пчелы и унижению Гоголя»[2].

Свод. Т. 1. С. 694.

[1] См.: <*Булгарин Ф. В.*> *Ф. Б.* Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1847. 3 мая. № 98. С. 389–391.
[2] 5 мая 1847 г. Грот отвечал Плетневу: «Я полагаю, что, как бы ни была написана статья Вяземского, Булгарин одинаково отделал бы ее. Опытному врагу нетрудно опозорить и самое лучшее произведение» (*Свод.* Т. 1. С. 694).
7 мая 1847 г. Плетнев еще раз писал Гроту по поводу статьи Вяземского: «Он довольствуется приобретенным единожды и без хорошей системы. <...> При том же Вяземский совсем не знает законов русского языка и тонкостей его словосочинения. Но я все-таки люблю его ум и особенно характер его. Беда, что это знатный человек, следовательно, не нуждающийся в литературе как в ремесле, что нас лучше всего совершенствует в ее законах. Да он же и самое ленивое существо, так что и надежды нет видеть исправление недостатков его» (*Свод.* Т. 1. С. 694).

МАЯ 4 <16>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Князь П. А. Вяземский в письме, начатом 21 апреля / 3 мая 1847 г., сообщал В. А. Жуковскому во Франкфурт:

«21 апреля... <...> Я на днях отправил к тебе чрез Родионова[1] посылку с книгами для Гоголя от Аркадия Россети, то есть посылку с печатной бранью журналов о последней книге его. Гоголь должен быть теперь с тобою. Скажи ему, что он скоро получит от меня печатный ответ на письма его ко мне. Я написал о нем и о Языкове довольно большую статью».

4/16 мая Вяземский выслал статью Жуковскому для передачи Гоголю:

«Письмо мое залежалось до нынешнего дня, потому что хотелось мне прислать тебе и Гоголю мою статью. Вот она. <...> Если Гоголя нет с тобою, перешли к нему скорей мою статью»[2].

Гоголь в письмах князя П. А. Вяземского // *Свод.* Т. 1. С. 848.

[1] Ростислав Родионович Родионов (около 1800 – 1872), душеприказчик В. А. Жуковского.
[2] См. также ***1847. Июля первая половина <июня конец>. Неаполь***; ***1847. Июня 11 <мая 30>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***.

МАЯ 5 <17>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Графиня Анна М. Виельгорская пишет ответное[1] письмо Гоголю (письмо было отправлено – в Неаполь или во Франкфурт – позднее, 8 мая 1847 г.[2]):

«Вы желали, чтобы Государь прочел ваши цензурою не пропущенные письма, но папенька[3], кн<язь> Вяземский и Плетнев – другого мнения. Плетнев вам, уж верно, писал, что он эти самые письма прочел Вел<икому> Кн<язю>[4] и что Александр Николаевич согласился с цензурою. Вот отчего папенька думает, что теперь лучше подождать, а в будущий год выдать второе издание вашей книги и тогда уж постараться напечатать и запрещенные ваши статьи, конечно, с согласием Государя. Покамест папенька, кн<язь> Вяземский и, кажется, Плетнев хотят собираться каждое воскресение, чтоб прочесть вместе вашу рукопись и чтобы сделать те замечания и пропуски, которые покажутся им нужными. Теперь насчет вашего желания узнать сколько можно мнений о вашей книге я, кажется, не могу вам ничего нового сказать. Ваши московские и петербургские друзья вам, верно, подробно о том писали, и я слышала, что вам даже послали до вас касающиеся напечатанные статьи. И отчего, любезный Николай Васильевич, вы так хотите узнать мнения других? Вы ведь пишете по своему убеждению и не можете переменить его по воле других? Конечно, критика может во многом быть вам полезна, но мне кажется, что вы не должны слишком заниматься ею и что довольно, ежели вы ее спокойно примете, не искавши ее сами с такой ревностью. Вы это, верно, делаете из смирения и из истинного желания de vous eclairer[5], но в то же время помните, любезный Николай Васильевич, что ваше имя и ваш талант обязывают вас быть самостоятельным и что вы должны иметь некоторое уважение к самому себе и к званию писателя, важность и высоту которого вы сами так глубоко чувствуете»[6].

[1] См. ***1847. Февраля 6 <января 25>. Вселенская родительская суббота. Неаполь.***

[2] См. ***1847. Мая 8 <20>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[3] Граф Мих. Ю. Виельгорский.

[4] Александр Николаевич.

[5] Просветиться *(фр.)*.

[6] Виельгорская, очевидно, пересказывает суждения П. А. Плетнева, который не позднее конца марта – начала апреля 1847 г. был, по желанию Гоголя, с дочерью Ольгой в гостях у Виельгорских (см. ***1847. Января 16 <4>. Суббота. Неаполь*** – письмо к графине Анне М. Виельгорской; ***1847. Апреля 4 <16>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1847. Мая 8 <20>. Четверг. Санкт-Петербург***).

МАЯ 18 <6>. ВТОРНИК. ФЛОРЕНЦИЯ

Гоголь во Флоренции; пишет новое[1] письмо в Киев к Данилевским – «инспектору 2 Благород<ного> пансиона при Киевской I гимназии» А. С. Данилевскому и его жене Ульяне Григорьевне:

«Хотя следовало бы мне, по примеру благоразумных людей, прежде дождаться от вас ответа, добрые друзья мои (на мое письмо от 18 марта), а потом уже писать к вам, но так как желание знать о вас велико, так как в то же время страх за исправное полученье вышеозначенного письма прокрадывается тоже в мои помышления, то решаюсь лучше бросить лишний раз с дороги записочку вам с повторением в другой раз моего адреса. До июля последних чисел я во Франкфурте (то есть в окружностях его), а потом весь август нов<ого> стиля и большую половину сентября в Остенде, а оттуда – в Италию. А потому адресуйте в Франкфурт-на-Майне, на имя посольства. С октября же месяца по-прежнему в Неаполь».

В 1852 г. С. П. Шевырев на основании отметок в паспорте Гоголя обозначил маршрут следования Гоголя из Рима: «Через Флоренцию – Геную – Ниццу»[2].

[1] Ср. ***1847. Марта 18 <6>. Четверг. Неаполь.***

[2] *Шевырев С. П.* <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 126. См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

МАЯ 6 <18>. ВТОРНИК. МОСКВА

М. П. Погодин пишет новое, четвертое[1] письмо к Гоголю (письмо было отправлено либо в Неаполь, либо во Франкфурт). В своем дневнике Погодин пометил:

«Пис<ал> к Гоголю»[2].

Из письма Погодина: «Последнее письмо к тебе[3] писал я мрачный и печальный — это пишу более спокойный и довольный. Нашел стих писать, писал много[4] и развеселился. Что я делал — не могу тебе сказать: как-то язык не поворачивается после твоих отзывов. <...> ...Буду говорить теперь о твоем авторстве. Ты сам, по Пушкину, определил его верно[5], но не вполне: ты часто хватаешь и за сердце, и умиляешь. В “Шинели” ты сказал: “Сколько грубой свирепости бывает в самом добром и благородном человеке” — или что-то в этом смысле: этим выражением как будто снялась у меня одна плена катаракта с глаза. Часто я думал об нем, искал в себе и сознавался и горько раскаивался. Часто думаю и теперь; и вспоминаю разные происшествия из своей жизни: был в Вятке один молодой почтальон, который написал ко мне прекрасное письмо и просил, чтоб я доставил ему средства учиться. Я начал хлопотать чрез знакомых в Почтовом департаменте. Его уволили. Он приехал в Москву и жил у меня. Строганов не хотел принимать в университет без гимназического экзамена. Надо было почтальону учиться по-латыни. Посадил я его за грамматику. Прожил он у меня с год, но успехов не оказывал. Мне стало досадно, и я приписывал неуспешность недостатку прилежания, часто журил его и однажды сказал: “Эх, брат, видно, у тебя охота смертная, да участь горькая”. Это слово вспоминаю я с горестью: не пало ль оно ему тяжело на сердце? (После он занемог горячкою и умер в университетской клинике.) Так точно припоминаю некоторые выходки с моей Лизою[6]. Почем знать,— может быть, иная проникла глубоко, и хотя она меня знала, хотя выходки эти были очень редки, наперечет, касались одного предмета — отношений к ее родным и вскоре исправились, хотя нежность моя к ней наедине (при людях мне всегда было совестно даже подойти к ней) была чрезвычайная, но внутренние следствия для нас закрыты. Теперь приходят такие мысли, спрашивается — что христианственнее может сделать автор? Какая прекрасная служба! Вот твое дело — а учительство и проповедничество — оборони тебя Бог! Есть другие люди! На меня, следовательно и на всякого, так или иначе действовали твои сочинения, а ты вздумал их ругать, потому что ум зашел у тебя за разум, увлеченный гордостью, злым духом, который явился пред тобою в образе ангела светла и поймал тебя на уду смирения, которое глубоко названо “паче гордости”.

Но я отвлекся от твоего авторства. Ты не имеешь способности поправлять, и вместо поправок ты переделываешь. Вот почему никогда не распространялся я в замечаниях для тебя. Я считал их бесполезными. Ты соглашаешься почти со всяким замечанием и полагаешь, что непременно во всяком должна быть истина (это крайность), и если бы предлагать тебе замечания, то первое твое сочинение было бы и последним и вышло бы по смерти (не такой ли сгиб ума и у Иванова[7]?). Если тебе укажут какое место в сочинении, ты переделаешь его, но переделанное будет иметь те же достоинства и те же недостатки, и так далее. Следовательно, вместо переделки лучше писать другое, и вместо одного сочинения выйдет несколько сочинений — в барыше читатели, словесность и автор! Поэтому напрасно откладываешь ты путешествие в Иерусалим — чрез год-де я буду лучше. Напрасно сжег 2<-й> том “Мертвых душ”[8] — после-де я напишу лучше. Ты напишешь другое, а за что же мы потеряли то? Так Сассо-Феррато оставил сто Мадонн вместо одной. Я сравниваю тебя с живописцем, которому указывают недостатки или сам он видит, а он беспрестанно смазывает написанное и пишет вновь.

“Мертвых душ” — в русском языке нет. Есть души ревизские, прописные, убылые, прибылые. “В ворота гостиницы одного губернского города” — столько родительных никогда по-русски не ставится рядом: зависимость их не русская. “В ворота гостиницы въехала” — оборот не русский. “Въехала на двор” — вот как по-русски. Два мужика толкуют о колесе — это хорошо, но не могут они спорить о Москве и Казани, ибо на пространство тысячи верст не могут простираться вероят-

ности. От Толедо может ли колесо доехать до Паузилиппо? А до Собачьей пещеры[9]? Но никто не будет спорить о Флоренции или Милане. С Девичьего колеса может доехать до Тверской, до Лефортова – ну на 10, 15 верст, и т<ак> далее. На досуге по вечерам я хотел было исписать “Мертвые души”, но оставил это намерение после твоей последней книги, чтоб мои замечания не были растолкованы отмщением. Теперь ты видишь, почему я подталкивал тебя печатать и почему не делал замечаний, т. е. чтоб не задерживать даром. Писать ты сам никогда и не будешь правильно. Тебе нужен стилист, который бы исправлял безделицы, а язык твой и без правильности имеет такие достоинства высшие, которые заменяют ее с лихвою. Греч и Булгарин правильны, да что же толку!

Давно не получал никто писем от тебя. Что делается с тобою! И мне пора бы получить ответ[10] на первое письмо[11], посланное на Свят<ой> неделе.

Вот тебе происшествие, волос становится дыбом, о помещике, которого ты учишь быть Крезом. В Калужской губернии один (Хитров) блудил *в продолжение 25 лет* со всеми бабами, девками – матерями, дочерьми, сестрами (а был женат и имел семейство). Наконец какая-то вышла из терпения. Придя на работу, она говорит прочим: “Мне мочи нет, барин все пристает ко мне. Долго ль нам мучиться? Управимся с ним”. Те обещались. Всех было 9, большею частию молодые, 20, 25, 30 лет. Приезжает барин, привязал лошадь к дереву, подошел к женщине и хлыстнул ее хлыстом. Та бросилась на него, прочие к ней на помощь, повалили барина, засыпали рот землею и схватились за яйца, раздавили их, другие принялись пальцами выковыривать глаза и так задушили его. Потом начали ложиться на мертвого и производить над ним образ действия: как ты лазил по нас! Два старика стояли одаль и не вступались. Когда бабы насытили свою ярость, они подошли, повертели труп: умер, надо вас выручать! Привязали труп к лошади, ударили и пустили по полю. Семейство узнало, но не рассудило донести суду, потому что лишилось бы десяти тягол (оно было небогато), и скрыло. Лакей, рассердясь на барыню, прислал чрез месяц безыменное письмо к губернатору, и началось следствие. Девять молодых баб осуждены на плети и каторгу, должны оставить мужей и детей. Как скудна твоя книга пред русскими вопросами!

Писал ли я тебе о некоторых наблюдениях и замечаниях моих во время болезни моей и Лизиной? Киреевский[12] опасно болен. <...>

Где ты лето?

Кстати перепишу тебе отрывок из письма ко мне Иннокентия[13], которое получил уже давно, в ответ на мой вопрос о твоей книге. Мне хотелось знать его мнение как человека вне нашего светск<ого> круга.

“Гоголя читал и даже записку его с книгою получил, не знаю от кого, не от вас ли[14]? Он просит отвечать. Но куда же? В Неаполь? А его уже там нет. И что писать? Если вы пишете к нему, то скажите, что я благодарен за дружескую память, помню и уважаю его, а люблю по-прежнему, радуюсь перемене с ним, только прошу его не парадировать[15] набожностию: она любит внутреннюю клеть[16]. Впрочем, это не то чтоб он молчал. Голос его нужен, для молодежи особенно, но если он будет неумерен, то поднимут на смех, и пользы не будет”.

Осталось место, и потому скажу тебе два слова о своих, которых ты забыл среди своих усовершенствований, а любовь все вмещает! Но, не шутя, знаешь ли ты, что у меня скоро дочь невеста, что сын готовится в гимназию и меньших двое, т. е. крестник твой и малютка, подрастают. О, друг мой, тяжело, тяжело! С моим грубым тоном, моим суровым характером, угрюмостью, как воспитывать девочку, нежное создание, которое требует ласки, кротости, снисходительности! <Я обра>батываюсь, но – медведю танцовать мудрено. <Впро>чем, об этом – подробности после. Маменька моя здорова, весела. Елизавета Фоминична[17] живет спокойно.

Да – у тебя богатые знакомые. Собери-ка т<ысячи> две руб<лей> асс<игнациями> да пошли их в пакете в Прагу к Шафарику. Великое благодеяние это будет и п<олез>нейшее дело. Сам я расстроен, а собирать нет уже сил. Толстой А. П. обещался мне, лет пять назад, но позабыл и проч. Адрес: Herrn Paul Joseph Schafarik, Gustos an der K. K. Bibliothek».

[1] Ср. ***1847. Марта 17 <29>. Великий понедельник. Москва***; ***1847. Марта 24 <апреля 5>. Понедельник Светлой седмицы. Москва***; ***1847. Апреля 8 <20>. Вторник. Москва***; ***1847. Апреля 10 <22>. Четверг. Москва.***

[2] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 491.

[3] См. ***1847. Апреля 10 <22>. Четверг. Москва.***

[4] В это время Погодин работал над «Русской историей». 4 мая 1847 г. он устроил в своем доме чтенне ее глав. Прочитанные отрывки были затем опубликованы в «Москвитянине».

[5] Имеются в виду строкн третьего письма главы *XVIII. Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ»* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Обо мне много толковалн, разбирая кое-какие мои стороны, но главного существа моего не определили. Его слышал один только Пушкин. Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та *мелочь*, которая ускользает от глаз, мелькнула бы *крупно* в глаза всем».

[6] Елизавета Васильевна, покойная жена Погодина (см. ***1844. Ноября 6 <18>. Понедельник. Москва***).

[7] Имеется в виду художник А. А. Иванов.

[8] Первоначальная редакция второго тома поэмы была сожжена писателем в июне 1845 г. (см. ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн***). О сожжении сам Гоголь сообщил в одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[9] Толедо – улица в Неаполе. Грот Паузилиппо (Павзилиппе) и Собачья пещера – достопримечательности окрестностей Неаполя.

[10] См. ***1847. Апреля 30 <18>. Пятница. Неаполь.***

[11] См. ***1847. Марта 17 <29>. Великий понедельник. Москва***; ***1847. Марта 24 <апреля 5>. Понедельник Светлой седмицы. Москва.***

[12] Иван Васильевич.

[13] Ответ Гоголя святителю Иннокентию (Борисову) см.: ***1847. Июля 8 <июня 26>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[14] «Выбранные места из переписки с друзьями», с сопроводительной запиской Гоголя, отправил святителю Иннокентию из Петербурга П. А. Плетнев (см. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Октября 22 <10>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Января 1 <13>. Среда. Праздник Обрезания Господня и празднование семисотлетия Москвы. Санкт-Петербург***).

[15] Здесь: выставлять напоказ (от фр. parader; *фр.*).

[16] См. также ***1847. Июня 20 <8>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне*** (письмо к В. Г. Белинскому).

[17] Вагнер, теща Погодина.

МАЯ 6 <18>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Император Николай I утвердил представленную ему министром Императорского двора князем П. М. Волконским «Инструкцию Начальнику над Русскими художниками в Риме» и назначил к этому начальнику «секретаря[1], с присвоением должности сей десятого класса»[2].

[1] См. ***1847. Января 22 <10>. Пятница. Рим.***

[2] 21180. – <1847> Мая 6. Высочайше утвержденная инструкция Начальнику над Русскими художниками в Риме // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1848. Т. 22. Отделение 1. С. 419.

МАЯ 6 <18>. ВТОРНИК. РАДЗИВИЛЛОВ

Ф. В. Чижов при возвращении в Россию арестован на границе[1].

«В мае 1847 г., по доносу австрийского правительства, следившего за Чижовым в период его путешествий по землям австрийских славян, он был арестован при возвращении в Россию и доставлен с границы прямо в Петропавловскую крепость. <...> Через две недели Чижова освободили, но без права въезда в столицы, и за ним был учрежден полицейский надзор. Издательская деятельность была ему категорически воспрещена, и все литературные работы должны были представляться в III Отделение и даже лично Николаю I. <...> Чижов уехал в Киевскую губернию, где оставался до конца царствования Николая I»[2].

«Справка. 5-го Марта сего <1856> года получено в 3-м Отделении отношение Статс-секретаря Князя Голицына от 29-го февраля, при котором сообщена всеподданнейшая просьба Надворного Советника Чижова о разрешении ему представлять сочинения свои прямо в Цензурный Комитет, не представляя оных в 3-е Отде-

ление, как это было приказано ему в 1848 году. Князь Голицын просил с возвращением этой просьбы сообщить по оной сведения, а также заключение по означенному ходатайству Чижова. Вследствие этого 3-ье Отделение на другой же день (6 марта за № 352) сообщило г. Статс-Секретарю Князю Голицыну, что Чижов был в 1847 году арестован по подозрению в прикосновенности его к Украино-Славянскому Обществу, но подозрение это не подтвердилось и что Высочайшее повеление о представлении его сочинений в 3-ье Отделение дано было вследствие близких его сношений с известными за границею славянофилами. При этом сообщено было Князю Голицыну, что в представленных после того в 3-ье Отделение сочинениях Чижова не было замечено решительно ничего вредного и что напротив все статьи его, касающиеся преимущественно шелководства, выказывали его примерное трудолюбие и стремление к пользе общей, и потому удовлетворение помянутой просьбы его 3-ье Отделение с своей стороны находило возможным. 13 апреля 1856»[3].

В октябре 1843 г. В. И. Штернберг, в частности, сообщал И. К. Айвазовскому из Рима: «На днях приехали Эпингер и Чижов, которые, как тебе известно, были в Черногории, Далмации, Кроации и <*нрзб.*>. Первый отрастил себе большую бороду, а второй совсем зарос бородой»[4].

Помимо помощи австрийским славянам, Ф. В. Чижов зимой 1843/44 г. стал «инициатором создания <...> кружка, своего рода землячества, — еженедельных собраний русских художников в Риме[5]. Они получили название “суббот”. <...> Дневник Чижова того времени доносит до нас свидетельства о том, какие именно произведения выносились на суд кружка. Так, в одну из “суббот” декабря 1843 года был заслушан перевод с итальянского, выполненный Александром Поповым; затем, пишет Чижов, “читали мы русские вещи Хомякова. Я думаю всегда оканчивать чтение чем-нибудь русским, но только именно русским”»[6].

12 октября (н. ст.) 1844 г. художник И. С. Шаповаленко писал Г. П. Галагану: «Прошлую зиму г-н Чижов пригласил нас всех русских к себе, носящих русские фамилии, а не иностранные, и читал нам весьма занимательную статью о народе славянском и именно об тех, которые до сих пор находятся под властью Германии. В то время находился в Риме один студент московский г-н Попов, который там же читал историю искусств, переводил с французского и сообщил нам несколько славянских простонародных песен, в которых каждое слово очень близко нашему сердцу и нашему понятию»[7].

А. А. Иванов в период между 10 и 12 ноября (н. ст.) 1844 г. писал Гоголю: «Патриотическая мысль Чижова — составить из наших русских художников одно целое, которое бы трудилось к живым успехам отечества, не понятна: она покуда вооружила еще более наших пришлецов, а русские по-старому остались и беспечны, и ленивы. Более всего меня теперь утешают письма Языкова, которых уже три, — истинно русские, они-то раздувают искру, которую Чижов заронил здесь в мою студию»[8].

Позднее, летом 1845 г., Иванов сообщал Н. М. Языкову: «У нас теперь является Моллер <...> Он Чижова очень не любит, и точно, если б не отважный Чижов глубоко запустил в сердца двух из нас идею о народности Русской, то и мы оба, т. е. я и Серебряков, [охотно бы] подпали бы под иго нашего Кира. В настоящую минуту, когда уже Чижов ярко отрезал народность от приставных русских, уже у меня не достает духу просить Моллера [взаймы]: верю, что помогать ему, значит бить своих...»[9]

7 февраля (н. ст.) 1847 г. Чижов, в свою очередь, писал Гоголю по поводу своих отношений с Ф. А. фон Моллером: «Я русак, люблю Россию, потому что она — я, а я — она — не сойтись мне с людьми, которые ее любят за то, или за другое и считают себя ее частию. <...> Мы с Моллером встречаемся хорошо, — я имею все данные, чтоб чтить его как художника, как доброго человека <...> он не имеет причины презирать меня. Любить он меня не может: он читал мою статью[10]. Поверьте, что я никак в душе не имею против полу-русских, Бог с ними! — но та же душа тянет к русским»[11].

Позднее в «Мыслях, приходящих при чтении Библии» (1846–1847) Иванов записал: «[Горячий] Чижов в неистовстве патриотизма создал нам новых врагов из [немцев] пришлецов. — Он не рассудил, что последнему народу в ряду образования человечества вверено самоотвержение, посредством которого он должен вступить на поприще действий. — Каждый Русской должен отречься от себя и трудиться, сколько силы достанет, в пользу всего человечества, где более всего его поймут свои, как свежие люди, сохранившие первообразную цельность нравов. Будет время, что человечество сознается, что без Русских им нельзя достичь до общей цели — благоденствовать во веки веков»[12].

Л. М. Жемчужников в 1855 г. вспоминал: «В числе лиц, навещавших Галаганов <в Сокиренцах>, был маленький, с быстрыми и умными глазками, Фед<ор> Вас<ильевич> Чижов, бывший профессор математики, потом учитель Галагана, с семейством которого он сделал путешествие в Италию. В Риме Чижов и Галаганы познакомились коротко с художником А. А. Ивановым и Н. В. Гоголем. Иванов сделал на них сильное и хорошее впечатление, как человек верующий, добросовестный и серьезно относящийся к искусству. Неуважение Иванова к К. Брюллову[13] сильно отразилось на Чижове, на нем же отразилось и его уважение к Овербеку, о котором он впоследствии написал брошюру[14]. Чижов был умный, весьма веселый и истинный друг дома. <...> В бытность свою в славянских землях он помогал распространению православия и сочувствия России, взят австрийским правительством и отправлен на границу, где, встреченный жандармом, был привезен в III отделение, а оттуда отправлен на житье в хуторок, под Киевом, и занялся шелководством»[15].

[1] Кирило-Мефодіївське товариство: В 3 т. Київ, 1990. Т. 3. С. 221.

[2] *Швабе Н. К.* Архив Ф. В. Чижова // Записки Отдела Рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1953. Вып. 15. С. 45.

[3] *Петров В.* Пантелимон Куліш у п'ятдесяті роки. Життя, ідеологія. Творчість. Київ, 1929. Т. 1. С. 209–210. – См. также: *Виноградов 2001.* С. 474–477.

[4] Айвазовский. Документы и материалы / Составители М. С. Саргсян, Г. Г. Арутюнян, Г. М. Шатирян. Ереван, 1967. С. 72–73. – См. также ***1846. Декабря 7 <19>. Суббота. Бреславль.***

[5] См. ***1843. Июля 11 <июня 29>. Вторник. День памяти св. первоверховных апостолов Петра и Павла. Венеция.***

[6] *Симонова И. А.* Федор Чижов. М., 2002. С. 69–70.

[7] *Маркина Л. А.* Живописец Федор Моллер. М., 2002. С. 105.

[8] См. ***1844. Ноября между 10 и 12 <октября между 29 и 31>. Рим.***

[9] *Зуммер Вс. М.* Книга Боткина как источник для биографии Ал. Иванова // Мистецтвознавство. Збірник 1-й: Харківськоїсекції науково-дослідчої катедри мистецтвознавства. Харків, 1928. С. 13.

[10] По-видимому, имеется в виду статья Чижова «Овербек», напечатанная в № 7 «Современника» за 1846 г. (см. ***1847. Февраля 7 <января 26>. Воскресенье. Рим*** – примечания).

[11] См. ***1847. Февраля 7 <января 26>. Воскресенье. Рим.***

[12] *Виноградов 2001.* С. 655.

[13] См. также ***1847. Июль-август <июня средина – августа средина>. Рим*** (примечания).

[14] См.: *Чижов Ф. В.* Овербек // Современник. 1846. № 7. С. 17–68.

[15] *Жемчужников Л. М.* Мои воспоминания из прошлого // *Свод.* Т. 1. С. 395.

МАЯ 19 <7>. СРЕДА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский пишет Н. Н. Шереметевой в Москву:

«Сию минуту получил ваше любезное письмо, почтеннейшая Н<адежда> Н<иколаевна>, и спешу отвечать вам на него в нескольких словах. Во-первых, донесу вам, что Гоголя нет еще во Франкфурте[1], почему письмо ваше пролежит у меня несколько времени, прежде нежели дойдет ему в руки; посылать же в Неаполь я не хочу, ибо он уже давно писал мне, что будет во Франкфурте через месяц».

Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 63.

[1] Гоголь прибыл во Франкфурт 10 июня (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Июня 10 <мая 29> – июля 10 <июня 28>. Франкфурт-на-Майне***).

МАЯ 20 <8>. ЧЕТВЕРГ. ГЕНУЯ

Гоголь в Генуе[1], откуда отправляет новое[2] письмо к А. О. Смирновой в Калугу:

«Хотя не более десяти дней тому назад, как я писал к вам последнее мое письмо из Неаполя (от 10 маия) в ответ на ваше милое письмо из Калуги от 22 марта[3], в день Светлого Воскресен<ия>, но так как мои письма, может быть, вас хоть на две минуты развлекут в часы болезненных томлений ваших, <...> то я пишу к вам еще раз с дороги. Да не смущается сердце ваше[4]: молитесь покойно и тихо и веруйте в беспредельную Божью любовь к нам. <...> Если же вам после родов окажется необходимым укрепиться и восстановить расстройство нервов ваших, то повторяю вам вновь то же предложение, которое вы уже прочли в моем прежнем письме, то есть, посоветовавшись с умным доктором, пуститься морем в Остенде. <...> Поездка самая покойная. В Петербург в 7 дней, с помощью пароходов или железных дорог, как хотите на выбор, <и> вы в Остенде. <...> Будьте покойны насчет меня относительно моей книги[5]. Я совершенно тверд и больше ничего, как только благодарю Бога именно за те толки, которые она производит... <...> Чем далее, тем более вижу, что без этих толков мне бы не узнать, как следует, людей и нашего общества... <...> Что касается до слов

ваших, чтобы я не смущался изменою друзей моих, то на это замечу вам, что измены с их стороны нет никакой. У некоторых из них не хватило разумения, они спутались — вот и всё. Впрочем, я на многих из них вовсе не надеялся и не называл их никогда своими друзьями: они себя считали моими друзьями, но не я их. Вы знаете, что я несколько недоверчив и, зная слабость человеческую, вообще не охотник понадеяться чересчур на какого-нибудь человека. Об Аксаковых, как вы можете себе припомнить, я даже и не говорил вам никогда. Хотя я очень уважал старика и добрую жену его за их доброту, любил их сына Константина за его юношеское увлечение, рожденное от чистого источника, несмотря на неумеренное, излишнее выражение его, но я всегда, однако ж, держал себя вдали от них. Бывая у них, я почти никогда не говорил ничего о себе; я старался даже вообще сколько можно меньше говорить и выказывать в себе такие качества, которыми бы мог привязать их к себе. Я видел с самого начала, что они способны залюбить не на живот, а на смерть. Это не та разумная, неизменно-твердая любовь во Христе, возвышающая человека, но скорее чувственная, родственная любовь[6]... <...> Словом, я бежал от их любви, ощущая в ней что-то приторное; я видел, что они способны смотреть распаленными глазами на предмет любви своей. Эту распаленную любовь к моим сочинениям восчувствовал их сын, потому что в душе его заключено действительно чувство высокой поэтической красоты. Эту распаленную любовь сообщил он и отцу своему, который без того, может быть, был бы умереннее и не пришел бы в такое отчаянье от мысли, что я погиб для искусства. Почувствовать, что всё, совершающееся в нас, совершается не без воли Божией и что событие, во мне случившееся, случилось не во вред искусству, но к возвышению искусства, почувствовать этого из них никто не в силах[7], ни отец, ни сын, а потому вы не смущайтесь также их речами против меня. Речи эти пройдут. <...> Адресуйте во Франкфурт, на имя Жуковского. Июнь и почти весь июль пробуду в окружностях Франкфурта. В конце июля переезжаю в Остенде, где пробуду август и большую половину сентября».

[1] См. также ***1847. Мая 18 <6>. Вторник. Флоренция.***

[2] Ср. ***1847. Мая 10 <апреля 28>. Понедельник. Неаполь.***

[3] См. ***1847. Марта 22 <апреля 3>. Великая Суббота. Калуга***; ***1847. Марта 25 <апреля 6>. Вторник Светлой седмицы. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Калуга.***

[4] См. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.***

[5] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[6] См. ***1846. Мая 15 <3>. Суббота. Рим*** (примечания).

[7] Подробнее см.: ***1849. Августа 27. Суббота. Радонежье (Абрамцево)*** (примечания).

МАЯ 8 <20>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Графиня Анна М. Виельгорская заканчивает и отправляет ответное[1] письмо Гоголю (в Неаполь или во Франкфурт[2]), начатое 5 мая 1847 г.[3]:

«Плетнев был раз у нас с дочерью[4], которая премиленькая. <...> ...Вы меня еще просили писать вам, как мне понравится молодой Апраксин[5]. Я его вовсе не видала. Он был раз у маменьки[6], а потом заболел на всю зиму, и весной, как только он выздоровел, он отправился в Москву. <...> Матвей Юрьевич[7] уехал в Берлин повидаться с братом[8], но воротится к нам в конце этого месяца. Il a aussi ete question pour nous[9] поехать за границу, чтобы взять где-нибудь в Северном или Балтийском море морские купанья. Доктор говорил, что это для нас всех очень нужно, но я предвижу вперед, что мы никуда не поедем и просто останемся все лето в Павлине[10]. <...> Нервы Софьи Михайловны[11] и маменьки также не в самом лучшем состоянии.

<...> ...Постарайтесь быть как можно более спокойны духом, не думайте слишком много о нас, о России, о судьбе и влиянии вашей книги, словом, сделайтесь на короткое время эгоистом, заботитесь только о вашем здоровье, и, делая это, вы именно будете заботиться о нас, которые так желаем вашего выздоровления и скорого приезда в Россию. <...> Мы скоро переедем на дачу. <...> Маменька не может переносить петербургский климат, который имеет на нее грустное влияние, и она очень желает уехать отсюда на несколько месяцев. Может быть, мы еще увидимся это лето.

Ежели мы на что-нибудь решимся, я вам сейчас напишу. <...> Папенька[12] поручил мне сказать вам, чтоб вы о втором издании вашей книги не беспокоились, что все будет сделано».

[1] См. ***1847. Февраля 6 <января 25>. Вселенская родительская суббота. Неаполь.***

[2] Ответ Гоголя см.: ***1847. Июля 8 <июня 26>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[3] См. ***1847. Мая 5 <17>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[4] П. А. Плетнев с дочерью Ольгой в гостях у Виельгорских, по желанию Гоголя, не позднее конца марта – начала апреля 1847 г. (см. ***1847. Января 16 <4>. Суббота. Неаполь*** – письмо к графине Анне М. Виельгорской; ***1847. Апреля 4 <16>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1847. Мая 5 <17>. Понедельник. Санкт-Петербург*** – примечания). 21 мая 1847 г. А. О. Ишимова сообщала Гоголю: «Оленька вас усердно благодарит за милый поклон ваш. Писал ли вам П<етр> А<лександрович> или графиня В<иельгорская>, как наша робкая и застенчивая девочка перепугалась, когда графиня объявила свое желание видеть ее? Она вообразила, что ей сделают экзамен во всех ее знаниях, которые у ней еще совершенно младенческие».

[5] Подробнее см.: ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*** (примечания).

[6] Графиня Л. К. Виельгорская.

[7] Граф Виельгорский, дядя А. М. Виельгорской.

[8] Брат А. М. Виельгорской, Михаил.

[9] Речь шла о том, чтобы нам тоже *(фр.)*.

[10] В Павлине находилась дача Виельгорских.

[11] Графиня Соллогуб, сестра А. М. Виельгорской.

[12] Граф Мих. Ю. Виельгорский.

МАЯ 21 <9>. ПЯТНИЦА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. НИЦЦА[1]

Именины Гоголя.

[1] См. ***1847. Мая 18 <6>. Вторник. Флоренция***; ***1847. Мая 20 <8>. Четверг. Генуя***; ***1847. Мая 22 <10>. Троицкая родительская суббота. Везон-ла-Ромен.***

МАЯ 22 <10>. ТРОИЦКАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА. ВЕЗОН-ЛА-РОМЕН

В паспорте Гоголя сделана отметка (последняя в описании этого паспорта 1842–1847 гг., сделанном в 1852 г. С. П. Шевыревым):

«22 мая Pont de Vai».

Шевырев С. П. <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 126. См. ***1852. Мая 2–7. Москва.***

МАЯ 11 <23>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДЕНЬ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович получил письмо Гоголя из Неаполя[1] (на письме имеется помета Прокоповича: «Получил 11 мая 1847 с<т>. ст.»).

[1] См. ***1847. Апреля 28 <16>. Среда. Неаполь.***

МАЯ 12 <24>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЕНЬ СВЯТОГО ДУХА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович пишет ответное[1] письмо Гоголю во Франкфурт:

«Я получил твое письмо из Неаполя <...> и, не отлагая в долгий ящик, принимаюсь за ответ. Напрасно ты приписываешь молчание мое предполагаемой будто бы мною перемене в тебе. Совсем нет; я не писал тебе просто потому, что не получал от тебя ответов и не знал, куда адресовать к тебе. Что касается до перемен, то, какие бы они ни были, они не властны изменить моих чувств к тебе. <...>

Ты просишь меня сообщить тебе изустные толки о твоей последней книге между чиновниками средней руки и всеми сортами учителей. Признаюсь, теперь всего менее ожидал я подобной просьбы от тебя: что имело смысл и значение в отношении прежних твоих сочинений, то в настоящем случае похоже, по моему мнению, на какое-то бесполезное любопытство. Ведь подобного рода книга может быть написана или вследствие убеждения, или вследствие неубеждения. В первом случае, что тебе за дело до толков чиновников всех рук и учителей всех сортов? Дело твое сделано, слово сказано; слово сказано не для одного доставления приятного занятия уму и вкусу[2] – слово сказано для распространения пользы душе и для поучения людям, для прочного дела жизни[3], чтоб снять с души хоть часть суровой ответственности за бесполезность прежде написанного[4]...

На что же тебе знать невинную болтовню чиновников за преферансом или мимоходом сказанное слово бедным тружеником науки? Что в них тебе? Им не ускорить созревания плодов посеянного тобою слова, да и не замедлить его! Не эти толки важны для творения, имеющего значение, какое ты сам указал ему: для творения, вылившегося из глубоко убежденной души в минуты ее просветления. Для него важны не толки, а беспристрастный суд и правдивый приговор будущей истории литературы русской. Во втором случае, т. е. если книга твоя написана вследствие неубеждения, опять-таки не могу понять, к чему тебе знать различные толки: книга, говорят, раскуплена, а такое известие удовлетворительнее всех толков.

Но все это я сказал так, между прочим, а желание твое исполню; и что знаю, то сообщу без утайки... <...> Ни одна из книг, выходивших на русском языке, не производила таких разнообразных и противоположных друг другу толков в той части публики, мнением которой ты интересуешься, как твоя "Переписка". Но все это разнообразие можно разделить на три категории, имеющие, в свою очередь, различные подразделения. Одни считают тебя ни больше ни меньше как святым человеком, для которого так и распахнулись двери рая в будущей жизни, покупают твою книгу и, следуя твоему совету, дарят ее нуждающимся в благодати или в хлебе насущном. Другие приписывают издание твоих писем расчету. В этом классе встречается более всего подразделений, и догадки о целях, руководивших тобою, идут от простой денежной выгоды до таких соображений и планов, какие тебе, конечно, и в голову не могли прийти[5]. Третьи относят все к расстройству твоего здоровья и оплакивают в тебе потерю гениального писателя. Я слышал даже, что кто-то из этих переплел твою книгу с "Чаромутием" нашего чудака Лукашевича[6], вышедшим будто нарочно одновременно с твоею "Перепискою". Вот все, что могу сообщить тебе о различных мнениях и толках, которые доводилось мне слышать.

Ты пишешь, что Данилевский спрашивает тебя обо мне, не имея от меня никакого известия. И тут та же причина моего молчания: я не знаю, где он... <...> А между тем я все там же, на том же месте, в том же уголке, который некогда радушно принимал тебя[7] и готов всегда принять, если только ты не побрезгуешь в нем приютиться.

Благодарю тебя за вопрос твой о моем житье-бытье и о моих домашних. <...> Число детей не превышает, слава Богу, полдюжины; нужды кое-что и превышают, ну, да что об этом!»

[1] См. ***1847. Апреля 28 <16>. Среда. Неаполь***; ***1847. Мая 11 <23>. Воскресенье. День Святой Троицы. Санкт-Петербург.***

[2] Цитируются строки *Предисловия* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Я писатель, а долг писателя – не одно доставленье приятного занятья уму и вкусу...»

[3] Прокопович приводит слова последнего из «Четырех писем к разным лицам по поводу "Мертвых душ"» «Переписки с друзьями»: «Дело мое — *душа и прочное дело жизни*».

[4] Подразумеваются строки «Завещания» «Переписки с друзьями»: «В этих письмах было кое-что послужившее в пользу тем, к которым они были писаны. Бог милостив; может быть, послужат они в пользу и другим, и снимется чрез то с души моей хотя часть суровой ответственности за бесполезность прежде написанного».

[5] В. Г. Белинский — не понимавший и не принимавший основных мотивов гоголевского творчества и приписывавший Гоголю в последние годы корыстолюбивое заискивание пред власть имущими, — в 1847 г., после выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями», сообщал в письме к Гоголю о ходивших в Петербурге слухах, будто книга была написана им «с целию попасть в наставники к сыну наследника». Слухи имели под собой основание (см. ***1847. Июля 12–15 <июня 30 — июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн*** — примечания; ***1851. Декабря конец. Москва***).

[6] Чаромутие, или Священный язык магов, волхвов и жрецов, открытый Платоном Лукашевичем, с прибавлением обращенных им же в прямую истоту чаромути и чарной истоти языков русского и других славянских и части латинского. Петргород, 1846.

[7] См. ***1841. Октября 7 <19>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1841. Октября 7 <19>. Вторник — 14 <26>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1842. Мая 26. Вторник — июня 5. Пятница. Санкт-Петербург***.

МАЯ 12 <24>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЕНЬ СВЯТОГО ДУХА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Чита<л> статью Вязем<ского>[1]. Надобно написать ответ».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 491.

[1] Имеется в виду первая часть статьи «Языков. — Гоголь» (Санктпетербургские Ведомости. 1847. 24 апр. № 90; 25 апр. № 91).

МАЯ 25 <13>. ВТОРНИК. МАРСЕЛЬ

Гоголь в письме к С. П. Шевыреву в Москву извещает о получении в Неаполе[1] присланных Шевыревым первого из трех писем Н. Ф. Павлова о «Выбранных местах из переписки с друзьями», а также посвященной этой же книге статьи А. А. Григорьева:

«Благодарю тебя за всё это много... <...> Переписывать статьи прежние не трудись. Некоторые я получил, то есть те, которые напечатаны в первых двух номерах "Современника"[2] и "Отечественных Записок"[3]. Я бы очень желал, однако ж, знать, что сказано обо мне в "Библиотеке для Чтения"[4] и во второстепенных журналах, как-то: "Иллюстрации", "Литературных Прибавлениях" и не было ли чего в "Инвалиде". Всё это мне важно не ради толков о мне самом, но ради желанья знать, на какой высоте собственного мышления своего стоит ныне действительно всяк из пишущих, а за ним, разумеется, часто и публика, его читающая. Книга моя, несмотря на все ее грехи, есть удивительный оселок для испробования нынешнего человека. <...> Заплачено за оба твои письма, если не ошибаюсь, два пиастра с чем-то. Вышло несколько дороже оттого, что письма ко мне пришли посредством банкира. <...> Статья Григорьева, довольно молодая, говорит больше в пользу критика, чем моей книги. Он, без сомнения, юноша очень благородной души и прекрасных стремлений. Временный гегелизм пройдет, и он станет ближе к тому источнику, откуда черплется истина. Статья Павлова говорит тоже в пользу Павлова и вместе с тем в пользу моей книги. Я бы очень желал видеть продолжение этих писем: любопытствую чрезмерно знать, к какому результату приведут Павлова его последние письма. Покуда для меня в этой статье замечательно то, что сам же критик говорит, что он пишет письма свои затем, чтобы привести себя в то самое чувство, в каком он был

пред чтением моей книги, и сознается сам невинно, что эта книга (в которой, по его мнению, ничего нет нового, а что и есть нового, то ложь[5]) сбила, однако же, его совершенно с прежнего его положения (как он называет) *нормального*. Хорошо же было это нормальное положение! Он, разумеется, еще не видит теперь, что этот возврат уже для него невозможен и что даже в этом первом своем письме сам он стал уже лучше того Павлова, каким является в своих *трех последних повестях*[6]. Пожалуйста, этого явления не пропусти из виду, когда восчувствуешь желанье сказать также несколько слов по поводу моей книги. Когда же будешь писать критику[7], то обрати внимание на *главные предметы* книги, о которых рассужденья только и могут доставить пользу обществу, а не какие-нибудь пункты завещания, относящиеся к моей личной оригинальности, бесполезной для публичных трактатов. Имей в виду не защиту меня, но защиту добра, и тогда статья твоя сделает гораздо более добра мне самому. Ты можешь уже и сам, я думаю, почувствовать, что, каков я ни есть, но любовь к добру все-таки у меня сильнее, чем любовь к собственной личности моей, несмотря на то, что последняя выразилась у меня, по мнению многих, весьма ярко в моей книге. Относительно последнего обстоятельства скажу тебе всю правду. (Правды этой, однако ж, не надобно пускать в ход; она пусть будет между нами.) Я разъял себя анатомически, рассмотрел себя строго и расспросил себя еще раз, поставляя себя мысленно как бы пред суд самого Того, Кто будет судить меня, и вижу, что этой личной любви нет; виной всему моя твердая вера в свое будущее, которое произошло от сознанья сил своих. Я чувствовал всегда, что я буду участник сильный в деле общего добра и что без меня не обойдется примиренье многого, между собою враждующего[8]. Об этом следовало бы молчать, — тем более, что я всегда чувствовал, что это последует только тогда, если я воспитаю себя так, как следует; но что ж, если у молодых сил нет столько благоразумия, чтоб уметь до времени не похвастаться? Но как бы то ни было, когда будешь писать критику, имей в виду дело *общего добра*, а не меня; гляди на то, чтобы не сказать чего-либо противного *добру*, а не мне, и умей обратить внимание на *важное* и главнейшее, на то, что более нужно и полезно обществу. Пусть критика будет не длинна и не охватывает много, но пусть скажет о некотором, но *многозначительном*. Скажи об этом и Хомякову, если он захочет что написать. Напечатать, по-моему, следует непременно в двух газетах: в "Московских Ведомостях" особенно, а потом и в "Листке"[9], а подписать: "Из такой-то газеты". Нужно всячески стараться о том, чтобы *значительные и полезные* статьи разошлись не только в равном числе с теми, которые легко расходятся, но даже в большем.

Я получил известие, что Вяземский, который принимает участие большое в моей книге, готовит также письмо[10]. Я это отчасти предчувствовал. Обыкновенно заваривают сраженье прежде мальчишки, а потом выходят тузы, обсмотревшие хорошенько и спокойно, с кем и против чего следует воевать...»

[1] См. ***1847. Мая 11 <апреля 29>. Вторник. Неаполь.***

[2] В № 1 «Современника» за 1847 г. была напечатана статья В. Г. Белинского о втором издании «Мертвых душ», в № 2 — его же статья о «Выбранных местах из переписки с друзьями» (см. ***1847. Мая 8 <апреля 26>. Суббота. Неаполь*** — примечания).

[3] В № 2 «Отечественных Записок» за 1847 г. была напечатана статья А. Д. Галахова по поводу предисловия ко второму изданию «Мертвых душ», датированная 15 января 1847 г.: *<Галахов А. Д.> Сто-один.* Письмо к Н. В. Гоголю по поводу предисловия ко второму изданию «Мертвых душ» // Отечественные Записки. 1847. Т. 50. № 2. Отд. 5. С. 77–82. Обращаясь к Гоголю, Галахов писал: «Книга ваша достигла второго издания. Тысячи экземпляров ее разошлись по России. Она известна каждому образованному человеку. Ее прочли с большим удовольствием, как произведение высоко-поэтическое, а таким может назваться только действительное изображение жизни. И что же? сам автор говорит, что он был оплошен, незрел и поспешен, что в книге его описания неверны, что в его книге множество промахов и ошибок, так что на каждой странице есть что поправить. Чем же, позвольте спросить, восхищалась публика, читая "Мертвые Души"? — оплошностью и незрелостью автора, неверными описаниями, изображениями не действительности, множеством промахов и ошибок?..» (*<Галахов А. Д.> Сто-один.* Письмо к Н. В. Гоголю по поводу предисловия ко второму изданию «Мертвых душ». С. 79).

Далее в № 2 «Отечественных Записок» за 1847 г. следует две статьи В. Н. Майкова (без подписи), несшитые журнальные листы которых сохранились в бумагах Гоголя (*РГБ*. Ф. 74. К. 9. Ед. хр. 7): *<Майков В. Н.>* Выбраннные Места из Переписки с Друзьями Николая Гоголя. *Санктпетербург. 1847. В тип. Департамента Внешней Торговли. В 8-ю д. л. 287 стр.* // Отечественные Записки. 1847. Т. 50. № 2. Отд. 6. С. 69–71; *<Майков В. Н.>* Сто рисунков из сочинения Н. В. Гоголя: «Мертвые души»...Рисовал А. Агин, гравировал на дереве Е. Бернардский. СПб. 1846 // Отечественные Записки. 1847. Т. 50. № 2. Отд. 6. С. 71–88.

[4] <*Сенковский О. И.*> Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. СП.-бург, 1847 года в тип. Д. Внешней Торговли, в 8, стр. 287 // Библиотека для Чтения. 1847. Т. 80. № 2 (цензурное разрешение около 3 февраля). Отд. 6.

[5] Имеется в виду отзыв Н. Ф. Павлова, сопроводившего свое первое «письмо» к Гоголю по поводу «Выбранных мест...» следующим эпиграфом (на немецком языке, с подстрочным переводом): «Эта книга содержит в себе много истинного и много нового; но, к сожалению, истинное в ней не ново, а новое не истинно. Лихтенберг» (Первое письмо к Н. В. Гоголю (Н. Ф. Павлова) // Московские Ведомости. 1847. 6 марта. № 28. С. 217; см. также: *Павлов Н. Ф.* Сочинения. М., 1985. С. 254). В «Авторской исповеди» (1847) Гоголь также замечал: «Не могу скрыть, что меня еще более опечалило, когда люди, также умные, и притом не раздраженные, провозгласили печатно, что в моей книге ничего нет нового, что же и ново в ней, то ложь, а не истинно. Это показалось мне жестоко».

[6] Подразумевается сборник, содержавший повести Н. Ф. Павлова «Маскарад», «Демон», «Миллион» и озаглавленный «Новые повести» (СПб., 1839).

[7] *Шевырев С.* Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя // Москвитянин. 1848. № 1 (цензурное разрешение 27 дек. 1847). <Отд. 2>. С. 1–29; ***1847. Декабря 27 <1848. Января 8>. Суббота. Москва.***

[8] Подробнее см.: ***1834. Мая 28. Понедельник. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1834. Июня 10. Воскресенье. День Святой Троицы. Санкт-Петербург.***

[9] «Московский Городской Листок».

[10] Статья Вяземского была напечатана в «Санкт-Петербургских Ведомостях» 24 и 25 апреля (т. е. 6–7 мая н. ст.) 1847 г.: *К<нязь> Вяземский.* Языков. – Гоголь // Санктпетербургские Ведомости. 1847. 24 апр. № 90; 25 апр. № 91.

МАЯ 13 <25>. ВТОРНИК. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет П. А. Плетневу в Петербург:

«Письмо ваше о Гоголе[1] объяснило мне многое, что до тех пор оставалось непонятным. Правда ли, что книга его будет напечатана в прежнем виде без всяких изменений? – Спасибо Вяземскому за многое, что сказал он[2]; но зачем восставать против народного направления, несправедливо приписывая ему какую-то односторонность? Впрочем, за это Вяземский принял уже достойную награду в том полном сочувствии, которое публично выразил ему Булгарин»[3].

Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 100–101.

[1] См. ***1847. Марта 24 <апреля 5>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] Имеется в виду публикация: *К<нязь> Вяземский.* Языков. – Гоголь // Санктпетербургские Ведомости. 1847. 24 апр. № 90; 25 апр. № 91.

[3] См. ***1847. Мая 3 <15>. Суббота. Санкт-Петербург.***

МАЯ 14 <26>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Арестованный в Радзивиллове[1] Ф. В. Чижов доставлен в Петербург[2].

[1] См. ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Радзивиллов.***

[2] Кирило-Мефодіївське товариство: В 3 т. Київ, 1990. Т. 3. С. 221.

МАЯ 14 <26>. СРЕДА. МОСКВА

Н. Н. Шереметева обращается к С. П. Шевыреву:

«Слышала, что вы получили от Николая Васильевича Гоголь[1]. Потрудитесь сказать, где он теперь и как его адрес...»

Из писем Н. Н. Шереметевой // *Свод*. Т. 3. С. 545.

[1] Вероятно, имеется в виду письмо Гоголя к С. П. Шевыреву от 27 апреля (н. ст.) 1847 г.

МАЯ 16 <28>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев отправляет во Франкфурт письмо к В. А. Жуковскому (письмо начато накануне, 15 мая) и ответное[1] письмо к Гоголю (послание датировано: «16/28 мая, 1847. СПб.»).

Из письма Плетнева к Жуковскому: «15 мая... <...> В книге Гоголя я не нахожу таких ошибок, какие вам представляются. Она только оригинальна как сам Гоголь и все, им издаваемое. Наша публика, конечно, не привыкла к таким явлениям и потому приведена в недоумение. Но благо, ею произведенное, недвусмысленно. Я знаю многих, которые восхищены этою новостию. Второго издания этой книги (как уже решено между Вяземским, Мих<аилом> Виельгорским, Россети и мною) до осени не будет. Есть в книге этой недосмотры касательно плавности и чистоты языка; но они, как принадлежность слога Гоголя, неисправимы. Не думаю, чтобы когда-нибудь дошел он до той исправности в выражениях, которая отличает школу Карамзина от новейших русских писателей. Я не сержусь на Гоголя, что он любит читать глупые на него критики. Но сожалеть об этом не перестану. Сколько потери времени, а извлечь из того нельзя ничего. Лучше бы он себя перечитывал: тогда додумался бы до многого. <...>

16 (28) мая. <...> Прилагаю письмо к Гоголю. Он верно читает постоянно Северную Пчелу. Вчера или третьего дня была там вторая бранная статья на Вяземского[2], с тем вместе и на него. Указываю на это для того, что, по вашим словам, Гоголь изо всего извлекает пользу. Что до меня, признаюсь, ничего не умею извлечь из пошлых личностей наших, кроме горечи во рту»[3].

Из письма Плетнева к Гоголю: «Ты, пожалуйста, никому не верь, чтобы люди, не знающие меня и, по словам твоим, не умеющие ценить меня (а ценить-то, молвлю искренно, и нечего), могли подействовать на меня неприятно. Я давно понял и почувствовал, что чем долее живешь, тем менее делаешься нужен посторонним людям: следовательно, мы и не сходимся ни в чем. Я живу совершенно один, за исключением тех, кого надобно принимать мне для моей дочери. Если я досадую от глупых толков про книгу твою, это происходит от сожаления, в каком жалком состоянии очутилась без пастыря бедная литература наша.

О поездке за границу нынешний год нельзя мне и думать. Я оканчиваю к 1848 году второе четырехлетие ректорства своего. Надобно дослужить это полугодие. Когда совершится в декабре выбор нового ректора, я оставлю службу совсем — и тогда-то волен буду, подобно тебе, разъезжать по свету, да и еще не один, а с дочерью, которая между тем кончит первоначальное воспитание свое и начнет окончательное под непосредственным руководством моим.

Я писал уже к Василию Андреевичу, что получены мною от Штиглица те деньги, которые некогда посланы были к тебе Прокоповичем. Ты должен определительно сказать, надобно ли их хранить для печатания новых изданий твоих, или кому отослать их. Во всяком случае, не покидай меня без уведомления.

Сегодня был я у В<еликого> К<нязя> Наследника[4]. Е<го> В<ысочество> изволил меня спрашивать, где проводишь ты лето. Когда я объявил, что в Германии, то В<еликий> К<нязь> заметил, что, вероятно, увидит тебя, сбираясь провожать Цесаревну[5] в Дармштат.

Мне очень жаль, что здоровье и предположение касательно путешествия на Восток не позволяет тебе приехать с Василием Андреевичем в Петербург. Верно, ты и не знаешь, что 1847 год есть юбилейный год пятидесятилетнего его служения музам[6]. Как бы радостно было для такого случая собраться всем нам вместе и приветствовать одним хором бесценного учителя-поэта нашего. Ведь уже нас и не много осталось. Кроме Вяземского, дома Вьельгорских и Карамзиных да Смирновой, я даже не знаю, с кем делить нам эту радость, делить не шумно, а семейно. Конечно, чувства наши

найдут чистый отголосок в сердце В<еликого> К<нязя> Наследника. Этим счастием не приходится никому насладиться, кроме Василия Андреевича. Когда я сегодня упомянул об этом В<еликому> К<нязю>, он так и оживился и даже приказал мне написать, что я думал бы сделать по этому случаю. Меня очень обрадовало это участие.

Старайся, друг, укрепить свое здоровье и напасть на такой путь жизни, чтобы ты мог идти ровным шагом. О, как отрадно чувствовать все в себе благонадежным и ежедневно находить как физические, так и умственные силы свежими для исполнения возложенных Богом на нас обязанностей! Вот два года, как на этот путь навел меня один врач[7], никем почти незнаемый в Петербурге».

[1] См. ***1847. Апреля 17 <5>. Суббота. Неаполь***; ***1847. Апреля 26 <май 8>. Суббота. Санкт-Петербург***.
[2] Имеется в виду публикация: <*Булгарин Ф. В.?*> *Бр. Иск.* Несколько замечаний на статью: Языков и Гоголь. Соч. Князя П. А. Вяземского // Северная Пчела. 1847. 15 мая. № 107. С. 426–428.
[3] *Свод.* Т. 1. С. 696–697.
[4] Александр Николаевич.
[5] Мария Александровна.
[6] Ср. ***1849. Января 29. Суббота. Санкт-Петербург***.
[7] Христиан Андреевич Нордстрем (примечание Я. К. Грота).

МАЯ ОКОЛО 30[1] – ИЮНЯ 6 <МАЯ ОКОЛО 18–25>. ПАРИЖ

Гоголь в Париже; живет здесь в одной гостинице с братьями В. А. и Н. А. Мухановыми; «почти каждый день обедает» с ними у графа и графини А. П. и А. Г. Толстых[2]; встречается с протоиереем Димитрием Вершинским, с М. С. Скуридиным[3]. Читает у Толстого (и оставляет у него в Париже) черновик своего ответного письма к протоиерею М. А. Константиновскому от 8 мая (н. ст.) 1847 г.[4]

Позднее протоиерей Тарасий Серединский, со слов о. Димитрия Вершинского, сообщал: «В бытность свою в Париже г. Гоголь отозвался обо мне моему свояку, протоиерею Вершинскому, так: "очень серьезен и совсем другой в общественной жизни"»[5].

[1] См. ***1847. Мая 25 <13>. Вторник. Марсель***; ***1847. Июня 6 <мая 25>. Воскресенье. Париж***.
[2] См. ***1847. Июня 6 <мая 25>. Воскресенье. Париж***.
[3] См. ***1847. Июня 22 <10>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне***.
[4] См. ***1847. Мая 8 <апреля 26>. Суббота. Неаполь***.
[5] *Протоиерей Тарасий Серединский.* Записки заграничного священника // *Свод.* Т. 3. С. 591.

МАЯ 19 <31>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получил письмо Гоголя из Неаполя[1] (на письме имеется почтовый штемпель: «Получено 1847 Май 18 Полдень»; и помета Плетнева: «П<олучено> 19/31 Мая 1847»[2]).

[1] См. ***1847. Мая 8 <апреля 26>. Суббота. Неаполь***.
[2] *Городецкий.* С. 455.

ИЮНЯ 1 <МАЯ 20>. ВТОРНИК. ПАРИЖ

Гоголь отправляет ответ на два письма[1] М. П. Погодина из Москвы:

«Я получил твои два письма вдруг. В них так много грусти, что у меня не поднялось даже перо оправдываться в твоих обвинениях по поводу книги, [несправедливых] исполненных, впрочем, противуречий. Друг мой, ради Христа, утешься, оставь на время и книгу и меня... <...> Состояние души твоей нервически-тревожно, как почти у всех нас в нынешнее время[2], а потому все оскорбления, огорчения растут в глазах наших и кажутся большими, чем в самом деле. <...> Всё люди, с которыми я ни сходился и с кем ни знакомился коротко, все страждут, даже и те самые, о которых по виду меньше всего можно заключать, чтобы они были несчастны, так что даже и решить не могу, чьи страданья сильнее. Мне кажется, что тягостнее всех других страданий страдания, происходящие от *взаимных недоразумений*, а эти страдания теперь стали решительно повсеместны. Только и слышишь со всех сторон, как расходятся друзья, как люди, созданные затем, чтобы любить друг друга, невозвратно отторгнулись друг от друга[3]. <...> Ради Бога, утешься и вспомни, что есть среди нас Христос, всех нас утешитель, что есть ковчег среди колебанья всеобщего — святая Церковь, в которую можно ежеминутно укрыться. Ты в Москве, где и утром и вечером отверсты двери церковные, где несколько раз в день обедня и всякий вечер всенощная, где наконец есть и духовники, кому исповедать свою душу. Ты говоришь в письме твоем, что тебя режут, пилят, колют из-за моих неосторожных слов о тебе. Рассмотри хорошенько, не кажется ли это тебе в преувеличенном виде. Как я ни несправедлив перед тобою, но я сказал только о неряшестве твоем и торопливости. Я не отвергал в тебе достоинств твоих, я о них только *не упомянул*, потому что речь была не о тебе. Ради Бога, утешься: я не хотел у тебя просить извиненья и оправдываться перед тобою в поступке моем, потому что готовил статью о твоем литературном поприще[4], где, не скрывая ни одного из твоих недостатков, только намеревался вычислить и поименовать твои достоинства, перед которыми, слава Богу, могут побледнеть твои недостатки. Я и прежде думал о такой статье, но не знал, каким образом сказать так, чтобы не попрекнули меня товариществом и связями с тобой. <...> Поверь, что еще не так тяжело слышать, когда охуждают труд наш и судят его, как слышать, когда судят нашу душу и над ней произнесут такой суд, от которого содрогнется вся внутренность. Будто — ты думаешь — легко выслушать от близких, прекрасных душой, даже, может быть, святых людей, обвинения и улики в том, за что бесчестье на земле, а в будущей жизни мука вечная: это еще потяжелее, чем презренье от презренных людей. <...> ...Никогда, как в нынешнее время, еще не страдало такое множество от *недоразумений*. Это всеобщее переходное состояние, которому подвержено теперь всё, что ни стоит впереди, что ни есть цвет современного человечества, усиливает еще более эти недоразумения. Все это, может быть, затем, чтобы не осмелился человек слишком полагаться ни на кого и почувствовал бы сильнее, что один только Христос есть его друг в минуты несчастий. <...> К Нему же доступ так прост: двери церковные открыты; стоит войти, покорно сложить руки крестом и выслушать первые слова, какие ни скажет служитель Христов: они все придутся кстати. <...> Адресуй в Франкфурт...»

[1] См. ***1847. Апреля 8 <20>. Вторник. Москва***; ***1847. Апреля 10 <22>. Четверг. Москва*** (письма были адресованы Гоголю в Неаполь).

[2] См. также ***1844.Января 2 <1843. Декабря 21>. Вторник. Ницца*** (примечания).

[3] Подробнее см.: ***1834. Мая 28. Понедельник. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1834. Июня 10. Воскресенье. День Святой Троицы. Санкт-Петербург.***

[4] См. также ***1847. Апреля 27 <15>. Вторник. Неаполь.***

МАЯ 21 <ИЮНЯ 2>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Ишимова отправляет во Франкфурт ответное[1] письмо Гоголю, с вложением трех писем, полученных ею от М. В. Изъединовой[2] из Москвы — от 30 января, 30 марта и 17 апреля 1847 г.

Из письма Ишимовой: «Давно я получила письмо ваше и желала тогда же бы благодарить вас за него, но, зная, как дорого время ваше, удержалась от исполнения желания моего. Но вчера[3], видев из письма вашего к Петру Александровичу[4], как полезными и необходимыми для себя считаете

вы все письма, касающиеся до сочинений ваших, я вспомнила, что и у меня есть таких два письма от одной московской дамы. Хотя эти письма носят на себе отпечаток самого грубого невежества, но должны обратить на себя ваше внимание, потому что написавшая их принадлежит к довольно большому кругу в Москве, и, вероятно, имеет некоторое влияние на знающих ее: о ней говорят как о самой благочестивой, умной и доброй женщине. Я была у ней не более двух раз, и то потому, что у ней гостила одна из моих петербургских знакомых. С первого же свидания тон ее показался мне несколько резким, однако потом мы поладили, и я вовсе не воображала получить когда-нибудь от нее письма в таком роде, как прилагаемое здесь. Начало этой странной переписки сделано было по случаю книги, переведенной мною с немецкого, под названием: "Иоанн-Амвросий Розенштраух, лютеранский пастор в Харькове"[5]. Я посылаю и ее к вам, но вы можете пока прочитать ее и у Вас<илия> Анд<реевича>[6]. Московской знакомке моей показалось святотатством с моей стороны переводить жизнь *лютеранского* пастора, и вот что побудило ее обратиться ко мне с искренним желанием вырвать душу мою из ада. Я посылаю вам и это первое письмо ее и еще другое, чтобы вы получили более понятия об ее образе мыслей. Сначала мне совестно было представить вам эти страницы, исполненные таких невежественных понятий, но Петр Ал<ександрович> сказал мне, чтоб я не думала об этом. Читайте же и подивитесь, или, лучше сказать, *пожалейте!..* А это еще одна из тех женщин, которые и слывут добрыми и в самом деле делают добро. Вам нужно прочитать и то, за что она меня бранит, и потому я отправила к вам вместе с Розенштраухом и пять книжек "Звездочки" моей нынешнего года. Вы найдете в них все то, о чем она говорит в письме своем, если только у вас станет терпенья прочитать все».

Из письма Изъединовой к Ишимовой от 30 января 1847 г.: «Неожиданно получила я на днях от г-жи Молчановой[7] книжечку: Жизнь и деяния пастора Розенштрауха, переведенную вами; <...> зачем прислали вы ко мне ее? <...> Милая, добрая, снисходительная, ученая, любезная Александра Осиповна заглянула некогда в беленький домик на Донской улице в Москве — и оставила по себе в сердце неученой, незнающей светских приличий, простой старушки неизгладимое воспоминание о самых приятнейших минутах ее затворнической жизни. <...> Зная вас за неподражаемую сочинительницу для образования юношества, осмеливаюсь спросить вас, почему вы избрали этот предмет для перевода, а не другой? <...> ...Я недоумеваю, почему вы решаетесь губить бесполезно, а может быть и со вредом, драгоценное время, данное вам Самим Богом для образования христианских детей? Не оставлю вас в покое, пока вы не объяснитесь на мои вопросы».

Из письма Изъединовой к Ишимовой от 30 марта 1847 г.: «С любовию приветствую вас взаимно сими словами: Воистину Воскресе Господь наш Иисус Христос[8]!.. <...> О каких неприязненных распрях говорите вы? — письма мои есть уже доказательство любви моей к вам; с первого приступа моего я решилась во что бы то ни стало исхитить душу вашу из рова погибельного, куда вы стремились по одному незнанию, вы еще так неопытны, что и теперь выражение это, может быть, приписываете или энтузиазму, или фанатизму. Оставлю самим вам раскрыть глаза на опасное положение ваше и буду продолжать. В 1-м ответе вашем вы написали: *веры все равны*; вот то ужасное положение ваше, которое заставило меня употребить сильные выражения, *заметьте это*; сын или дочь, считающие каждого встречного отцом своим, не огорчают ли своего нежного любвеобильного родителя? Дети, бегающие туда и сюда, не знающие совершенно правил отца, не исполняющие его приказаний, достойны ли отцовского наследства? Дети, не защищающие своей матери, поражаемой злодеями, достойны ли любви матери? Они достойно получают проклятие родителей. Отлучаются наследства. Не правда ли? Вот чего я боюсь за вас; вот почему я, преодолев мою робость состязаться с *литератором*, решилась вступить с вами в переписку. Неужели избавление от смерти вы назовете неприязненными спорами? и ради Воскресения Господня окончите едва начатое дело —*спасение души вашей?* <...> Не ваша вина, что не знали до сих пор превосходство православной религии. — Это почти обыкновенно всех так воспитывают, прикрывая жестокую холодность снисходительностью — какую и вы доселе выказывали к прочим вероисповеданиям. Жалкое заблуждение поблажать еретикам и оставлять без внимания свою истинную матерь Православную Церковь на поругание чуждым людям! видеть, как убивают родную мать и молчать? Повторите

вышеписанное, и сами увидите, куда влекло вас неведение. 2-е. Пастор Р<озенштраух> 20-ть лет наблюдал за умирающими? да неужели наши священники, закрыв глаза, напутствуют русских к смерти? Но вот в чем обман сатаны. Немец скажет речь, сложит руки, наклонит голову —и это тотчас напишут и русские с восторгом читают, а православный священник проводит всю жизнь свою у одра больных — умирающих, или в холодной комнате безвозмездно учит закону Божию бедных сирот, делит с ними последний кусок хлеба, отнимая его от своего семейства, и по смирению молчит и об нем никто не напишет, никто и не знает (в Москве я знаю такого священника, да и не одного), а что вы не слыхали о добродетельных наших священниках подобного, то этому причина круг вашего знакомства и занятий — чего мы ищем, то и находим. Далее — Бог спасает язычников; за что? когда? Тогда, как язычник, подобно Корнилию сотнику, пожелает креститься во имя Отца и Сына и Св. Духа — то, конечно, Бог, видя его желание, пошлет ему подобного апостолу Петру человека. Но чтобы язычник, не признающий воплощения Сына Божия, не верующий в заслуги Иисуса Христа, мог получить Царствие Небесное — этого нет ни в каких священных книгах, ни в Евангелии: разбойник вошел в рай с Воскресшим Спасителем, но он на кресте уверовал, сказав: *Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем.* <...> ...Догматы веры одинаковы, потому что Иисус Христос преподал их сам ученикам своим св. апостолам... <...> Вот откуда произошло начало 7-ми таинств православной нашей церкви. Крещение, причащение, брак, елеосвящение, миропомазание, покаяние, священство. Лютеране отвергли 5-ть, оставив себе только два, скажите, сыны ли они Божии? и кто снисходит к их заблуждению, может ли назваться член Православной Церкви? Нет, тот *тать и разбойник.* Если б вы знали это прежде, то не выхваляли бы так Розенштрауха; мне больно было видеть прекрасную душу вашу утопающею в лютеранизме — единственно по незнанию. <...> Верю неизменно, что вы желаете узнать основные правила Православной Церкви и что только недостаток времени в изучении догматов Православия держал вас в неведении... <...>

Теперь поговорим о Гоголе. Я читала последнее его маранье[9] и нахожу, что он большой руки дурак (простите это грубое выражение, вспомните, что это пишет старушка неученая из-под Донского монастыря), все его прежние сочинения были грязны, сальны и наполнены ругательствами, так же и Булгарина, они годны для лакейской, да и того не позволят в благочестивом доме, а последнее его маранье такая путаница, так глупо, что я бросила его как негодное ни к чему. Прочтите в "Московских Ведомостях" две статьи г-на Павлова[10], он прекрасно отделал его, и если бы я обладала даром письма, то поблагодарила бы Павлова, что так уничтожил дурака Гоголя. Скажите, что за радость раскрывать свету, т. е. людям — коварство, обман, разврат и т. п.; это ведь так обыкновенно: *всяк человек* ложь; разве можно научить кого через насмешки? сатиры? Никогда. Облагородьте ваше перо, пишите примеры добродетели, и порочные устыдятся и станут стараться жить добродетельно. Если Гоголь помещен в число литераторов, то я бы стыдилась быть литератором, вот мое мнение. У истинных писателей христианских должно выходить из пера одно превосходное, чистое, благородное. Господь каждому дал дар писать важнее, нежели говорить. Слово исчезает в воздухе, лишь только произнесут его; оно забывается, изглаживается и смягчается другими словами, а писание идет далеко, распространяется (благодаря писакам) во все концы вселенной, переживает писателя, и как надо быть осторожным в писании! Прочитав сочинение, судят о качестве и характере писателя; русская пословица справедлива: *что написано пером, не вырубишь топором.* Если скажете: *Да Гоголь всех смешил.* Жалко! Употребить всю жизнь и какую краткую на то, чтобы служить обезьяною публике. Бог дал дар поэзии. Хорошо! но сумасбродная Ростопчина, как фурия, беснуется в стихах. Мала разве книга природы для поэтического письма женщины? Малы превосходные творения св. отцов, чтобы перевести их в стихи? судите сами — справедлива ли я? Человек лучшее творение Божие, умаленный малым чем от Ангела, вместо глубокой благодарности к Создателю своему изрыгает или хулу, или ругательство, горькие насмешки или разврат и его называют *литератором.* Я читала современные журналы, потому что мне нужно было для воспитания детей, в продолжение 25-ти лет у меня было 18 воспитанников, тогда мне надо было много читать, чтобы следить за нравами писателей и предостерегать детей от опасного чтения. Напрасно выхвалил Гоголь Пушкина — сей последний мог бы сделать много хорошего, если бы не употреблял ум свой во зло».

Из письма Изъединовой к Ишимовой от 17 апреля 1847 г.: «Возлюбленная Александра Осиповна! Вот как мне грустно, что, не дождавшись ответа вашего на последнее письмо мое к вам, я решилась опять писать вам и в горе моем жаловаться вам на вас.

Третьего дня, находясь в кругу почтенных, благомыслящих матерей, я с удивлением и стыдом слушала суждение о вашем журнале "Звездочка" для *детей старшего возраста*. Невыгодное мнение о вас поразило меня; я не выписывала всего вашего журнала, а для моего воспитанника имею только одну книжечку, сочиненную вами под названием: "Чтение для первого возраста" — книжка превосходная; судя по ней, я судила и о прочих сочинениях ваших; судите же, каково было мое негодование, когда я услышала, что вас порицают, осуждают за статью под названием "Новые книги". Я слушала, молчала, но не верила. На другой день я купила три книжки *журнала для старшего возраста* № 1, 2 и 3 и, увы! убедилась собственными глазами во всем, что слышала. Недоумеваю, удивляюсь и душою скорблю, что вы истратили столько красноречия в пользу безумного Г<оголя> и так убедительно приглашаете старшего возраста детей, *чистых, свежих*, слушать небесную гармонию "Выбранных мест из переписки с друзьями Н. В. Гоголя". Чистые, свежие дети должны броситься в объятия Евангелия, а не в объятия поэзии Г<оголя>. Не стану описывать вам по страницам мое опровержение на вашу похвалу Г<оголю> — вы хорошо знаете вашу статью "Новые книги"... <...> Мне кажется, что статью "Новые книги" не вы сочинили, потому что не выставили вашего имени, а во всех трех №№ везде выставлены под статьями имена сочинителей; когда я попаду на эту счастливую мысль, то мне становится легче, радостнее. Я думаю тогда: Александра Осиповна только издательница этого — она не рассмотрела, она, по снисходительности к собрату своему литератору, закрыла глаза и, скрепя сердце, поместила эту жалкую статью, написанную самым страстным пером без спросу рассудка и даже (простите ради Бога) стыдливости. <...> Осмелясь сообщить вам как сестре о Христе мнение мое о статье "Новые книги", я обязана, с свойственною христианке откровенностию, сказать вам мысли мои о статье "Дюссельдорф" Кайзереверт: там такая бессмыслица написана, что я бьюсь об заклад, что тот, кто написал ее — немец. Он не читал жизни наших святых отцов, не знает происхождения, начала обителей и монастырей и по невежеству своему написал: *монастыри ваши сделались бы полезны для человечества, праздность бы перестала укрываться в них, леность бы превратилась в деятельность, и необразованность мало-помалу исчезла бы.* Безумец, написавший это, не заслуживает даже того, чтобы доказать ему его безумие. Наши монастыри возымели основание свое еще во 2-м веке. Первые пустынники были: Павел Фивейский, Антоний Великий, Феодосий Великий, Марк Фраческий, Иларион Великий, Виссарион, Аммун, Исидор и проч. Они были светила Церкви и удалились в пустыни, чтобы вполне предаться богомыслию, молитве, бдению, посту и умерщвлению своей плоти; святая Церковь и до ныне в своих священнопениях воспевает их подвиги, труды и празднует их память. Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов, Афанасий и Кирилл и многие др<угие> были призваны из пустыни и поставлены епископами и светили и теперь просвещают всю вселенную, но их никто даже из отъявленных нечестивцев не посмеет назвать праздными невеждами. Скажите, что за дурацкое суждение, что в монастырях должны быть богадельни или школы? Благодаря попечительному и мудрому нашему Царю у нас на все есть особенные люди, весьма способные исправлять должности, возложенные на них. Есть богадельни, школы, приюты, училища, корпуса, институты и множество разных благотворительных заведений, для чего же еще в монастырях заводить богадельни и школы? Разве для того, чтобы школьники, выучась писать, написали бы подобные бредни, как статья о Дюссельдорфе? Наскоро, чтобы не утомлять вас, перейду от древних отцов церкви к преподобному Сергию: он от юности удалился в пустыню, где теперь, по его св. молитвам, существует лавра. Кто не знает св. жизни препод<обного> Сергия, его трудов, его св. подвигов, его теплых молитв за Отечество, за Царя и за всех православных? и кто осмелится сказать, что препод<обный> угодник Божий и великий чудотворец Сергий был ленив, необразован? Одна адская злоба может это сказать. Не правда ли? Но, скажут нынешние литераторы, теперь нет таких монахов, а чем они докажут? Никто из живых не почтен святым; пример этому св. Митрофан Воронежский. Он был так смирен сердцем, что даже и место рождения его неизвестно, он не учился ни в каком университете, а св. мощи его производят великие чудеса. Он не имел в своем монастыре ни богадельни, ни школы; так как же он достиг такой святыни? Смирением, удалением от мира, от его сует, вниманием *само-*

му себе, исполнением всех догматов св. Православной Церкви, любовию, живою верою в Господа Иисуса Христа и проч<ими> добродетелями, соделанными втайне сердца; на кого воззрю, на кроткаго, смиреннаго, трепещущаго словес моих, слова Господа нашего Иисуса Христа. Как можно сказать, что монастыри наши есть убежище для праздности, необразованности? Живые доблестные мужи уверяют нас, что наши монастыря суть рассадники мудрости, смирения, терпения; мало ли у нас архиереев, которые, проходя жизнь подвижническую, научают нас всем добродетелям через их пастырские наставления? Глава духовенства, митрополиты: Антоний С.-Петербургский, Филареты Московский и Киевский одарены свыше духом Христовым, Божественною благодатью, среди непрерывных трудов в св. Синоде и своих епархиях, они беспрестанно учат, утешают, укрепляют слабый дух наш и воссылают св. молитвы за Царя и Отечество у престола Божия, разве это не труд? разве может сделать все это невежда? Преосвященные Иаков[11], Иннокентий, Григорий[12], Платон[13], Никанор[14] и Илиодор[15], которых я имею счастие знать лично, разве они ленивцы? Прочитайте их проповеди, и вы с благоговением упадете к освященным стопам их и будете просить, чтобы они умолили за вас Господа. А сколько в пустынях св. старцев и стариц? — их, как звезд на небе, не перечесть. Скажите, можно ли после всего этого утерпеть, чтобы не обличить глупца, который вздумал язвить наши монастыри, не знавши ничего. Что значит монах? Он есть мертвец, уже не существует для мира, по правилу св. В<асилия> он не должен ни выходить из монастыря, ни разглагольствовать с посторонними, у него много дела в церкви, в келье и в своем сердце. Ему запрещено правилом св. отец заниматься с отроками; такому же правилу подчинены и женские монастыри. А что касается сестер милосердия, то у нас никому не запрещено быть ею, лишь бы хотели наши дамы и у себя дома и в больницах. Что делают так называемые grandes dames? вместо того, чтобы делать бесполезные визиты, посещать театры, танцовать, почему они не ходят в больницы? не ухаживают за больными? Вот на что бы господа литераторы обратили свое внимание, а то берут описывать предмет вовсе им незнакомый. Сохрани меня Бог, чтобы я напрасно нападала на литераторов; в образованном государстве нужны ученые люди, но ученые люди никогда не станут писать о том, чего не знают, а наши жалкие литераторы выставят какого-нибудь пастора, который по образцу Лютера устроил нечто похожее на монастырь, где ни постов, ни обетов, ни правил св. отец, да поместил там же и богадельню и школу — и кричат, что превосходно, а по мне так это жалкое смешение всего и больше ничего. Если скажут, что некоторые монашествующие не исполняют своего назначения, то это еще ничего не значит: в семье не без урода! да благомыслящий человек не обратит на это внимания. Надо светлыми глазами смотреть на многое превосходное, зло неизбежно в этом свете, пустые люди есть везде и по большей части в так называемом *большом кругу*. Прошу вас, не огорчайтесь грубою правдою, мне больно видеть, что Россия так унижена каким-нибудь неопытным писателем: — все немецкое хорошо, а русское худо. Вера превосходная попираема невеждами, истинная Церковь смешана с ложною, монастыри поруганы, святителей, столпов Православной Церкви, называют необразованными, это невыносимо! и кто же это пишет? сами русские, наглотавшиеся чужестранного воздуха. Вот причина моего горя. Вы издательница журнала "Звездочка", в котором помещены статьи. Две статьи "Дюссельдорфа" и "Новые книги", то я вам жалуюсь и прошу: прочитывайте примернее собираемые сочинения, строго цензируйте их. Помните, что ваш журнал читают *чистые, свежие* возрасты обоих полов, что слова ядовитые, намазанные медом увлекательного красноречия, отравят молодые отрасли любезного нашего отечества; неужели эта отрава должна идти из ваших рук? Это ужасно! нет, я верить не хочу, одно невнимание, поспешность и неумеренный восторг литературный увлек вас. Я не хочу думать, чтобы вы, одаренная нежными чувствами ко всему истинно хорошему, были согласны возрастить в юных сердцах отвращение от нашего отечества, от уважения к святителям Православной Церкви, от св. обителей — словом, от всего святого и бросить их в объятия непонятной Г<оголевой> поэзии? воспламенить их неопытные сердца чем-то набранным из разных романов? Не понимаю плана вашего! Я не выписываю теперь многого из вашей похвалы г-ну Г<оголю>, потому что, сверх ожидания моего, письмо мое и так уже очень длинно и, верно, утомило вас. <...> Простите! желаю, чтобы при чтении этих двух листков негодование не имело места в сердце вашем...»

[1] См. ***1847. Февраля 6 <января 25>. Вселенская родительская суббота. Неаполь.***

[2] Мария Владимировна Изъединова (рожд. Неклюдова), вдова полковника Алексея Михайловича Изъединова (1795–1844), чиновника по особым поручениям при московском генерал-губернаторе князе Д. В. Голицыне (1771–1844). Имела девять детей, младшему из которых, сыну Илье, было ко времени переписки с Ишимовой 13 лет (см.: Сборник биографий кавалергардов. 1801–1826. Составлен под ред. С. Панчулидзева. СПб., 1906. <Т. 3>. С. 307). В 1893 г., при публикации писем Изъединовой к Ишимовой, ее фамилия, по-видимому, ошибочно была прочитана как «Извединова» (см.: Письма Ишимовой и Извединовой по поводу сочинений Гоголя // Русская Старина. 1893. № 6. С. 551–567).

[3] Ср. ***1847. Мая 19 <31>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[4] Имеется в виду письмо Гоголя к П. А. Плетневу от 8 мая (н. ст.) 1847 г. (См. ***1847. Мая 8 <апреля 26>. Суббота. Неаполь***).

[5] См. ***1846. Декабря 4 <16>. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

[6] Жуковский.

[7] Возможно, С. Н. Молчанова.

[8] См. ***1847. Марта 23 <апреля 4>. Светлое Христово Воскресение. Праздники православной и католической Пасхи. Москва.***

[9] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[10] Имеются в виду первые две из трех статей, или «писем» Н. Ф. Павлова о «Выбранных местах из переписки с друзьями», напечатанных в № 28, 38, 46 «Московских ведомостей» за 1847 г. (см. ***1847. Марта 6 <18>. Четверг. Москва***; ***1847. Марта 29 <апреля 10>. Суббота Светлой седмицы. Москва***; ***1847. Апреля 17 <29>. Четверг. Москва***) и в том же году перепечатанных в «Современнике» (№ 5, 8).

[11] Преосвященный Иаков (Вечерков, 1792–1850), архиепископ Нижегородский и Арзамасский.

[12] Преосвященный Григорий (Постников, 1784–1860), архиепископ Тверской и Кашинский, с 1831 г. (впоследствии митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский).

[13] Преосвященный Платон (Городецкий, 1803–1891), епископ Ковенский, с 1843 г. (впоследствии митрополит Киевский и Галицкий).

[14] Преосвященный Никанор (Клементьевский, 1787–1856), епископ Ревельский (с 1826 г.), епископ Калужский (с 1831 г.), архиепископ Минский (с 1834 г.), архиепископ Варшавский (с 1843 г.), впоследствии, с 1848 г., – митрополит Санкт-Петербургский и Новгородской.

[15] Преосвященный Илиодор (Чистяков, около 1792 — 1861), епископ Курский и Белгородский, с 1832 г.; с 1844 г. – архиепископ.

МАЯ 22 <ИЮНЯ 3>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев отправляет на хранение в ломбард 1168 рублей серебром[1] (или 4000 рублей ассигнациями), по векселю, полученному от Гоголя из Неаполя[2].

[1] См. ***1848. Мая 16. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1847. Марта 9 <февраля 25>. Вторник. Неаполь*** (примечания). – См. также ***1848. Июня 21. Понедельник. Спасская мыза.***

МАЯ 22 <ИЮНЯ 3>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

М. С. Щепкин пишет ответное[1] письмо к Гоголю с отказом играть в «Развязке Ревизора» (актеру предназначалась в этой пьесе главная роль). Будучи в то время под влиянием партии западников[2], Щепкин писал:

«На первые ваши три письма[3] я не отвечал... <...> Первые два письма ваши получены во время моей болезни, и я не мог действовать по смыслу ваших писем в этом случае. Третие письмо остановляло уже все действие по части "Ревизора"; а главное — причиною ли тому болезненное состояние мое... <...> По выздоровлении, прочтя ваше окончание "Ревизора", я бесился на самого себя, на свой близорукий взгляд, потому что до сих пор я изучал всех героев "Ревизора" как живых людей. <...> Не давайте мне никаких намеков, что это-де не чиновники, а наши страсти; нет, я не хочу этой переделки: это люди, настоящие, живые люди, между которыми я взрос и почти состарился... <...> Вы из

целого мира собрали несколько лиц в одно сборное место, в одну группу, с этими людьми в десять лет я совершенно сроднился, и вы хотите их отнять у меня. <...> ...Теперь, как все это высказалось, я, право, не знаю, может быть, все это вздор, вранье, но уже все это высказалось, так ему и быть!»

Вопреки словам Щепкина (а также мнению С. Т. Аксакова[4] и отчасти – С. П. Шевырева[5]), гоголевское истолкование «Ревизора» в «Развязке...» вовсе не предполагало того, чтобы сделать из «живых людей» – полнокровных художественных образов – некую аллегорию. Автор только обнажил главную мысль комедии, без которой она часто воспринимается как простое обличение нравов. «"Ревизор" – "Ревизором", – отвечал Гоголь Щепкину около 10 июля (н. ст.) 1847 г., – а примененье к самому себе есть непременная вещь, которую должен сделать всяк зритель изо всего, даже и не "Ревизора", но которое приличней ему сделать по поводу "Ревизора"». Главным пафосом комедии, с которым она и создавалась[6], была идея возмездия, постигающего человека за совершаемые беззакония. Эту мысль и обнажает Гоголь в «Развязке», стремясь обратить каждого читателя или зрителя к самому себе. Не случайно идеи «Развязки Ревизора», восходящие ко времени создания самой комедии, были изложены Гоголем, в другой форме, еще в 1841 г. в одиннадцатой главе «Мертвых душ». Кроме того, проблематику «Ревизора», раскрытую в «Развязке», можно обнаружить в целом ряде других гоголевских произведений, включая самые ранние: «Сорочинской ярмарке», «Записках сумасшедшего», «Тарасе Бульбе», «Коляске», «Риме», в статьях «О Средних веках», «О сословиях в государстве»[7].

Столкнувшись с неприятием «Развязки...» в кругу друзей, Гоголь отказался от ее публикации. Задуманное им издание «Ревизора» с «Развязкой» в пользу бедных не состоялось. Позднее, после смерти Гоголя, Щепкин, несмотря на высказанное в 1847 г. неприятие «Развязки Ревизора», по-видимому, пересмотрел свое отношение к этой пьесе[8], – вернувшись тем самым к первоначальному впечатлению, когда, по прочтении ему Шевыревым «Развязки...», был тронут ею «до слез»[9].

Далее в письме Щепкин (совершивший в 1846 г. полугодовую поездку в Одессу и Крым с В. Г. Белинским[10]) отвечал отказом на приглашение Гоголя приехать к нему в Остенде.

Позднее, 14 июня 1847 г., С. П. Шевырев в связи с этим отказом актера, замечал: «Щепкин не решился собраться к тебе. Я его понукал. Он, как думаю, находится под разными влияниями издателей "Современника", тебе не сочувствующих. В нем есть какая-то перемена не совсем в его выгоду как художника и как старика».

Из письма Щепкина: «Последнее письмо ваше совершенно оживило меня, и я в таком был поэтическом моменте, что я вот так <бы> сел и поехал, чтоб обнять вас, и Степан Петрович Шевырев уже начернил и письмо к директору[11] об отпуске за границу. <...> ...Но, пообдумав все это, нашел все это почти не выполнимым... <...> Средства, придуманные вами, хороши, но не верны. Хотя на водах и много бывает русских, но все, что можно сделать при вашем пособии, – тысячу и даже, может быть, полторы, разумеется, во все вечера, и этих денег точно может быть достаточно на вояж в Париж и Лондон, хотя и это еще не совсем точно. Но доехать до Остенде[12] – на это тоже требуются все деньги и деньги. <...> ...У меня <...> дома, кроме прислуги, 17 человек; им прожить нужно 1000 <рублей> в месяц. А как поездка моя никак не может быть меньше трех месяцев, следовательно, им надо три тысячи, а мне на вояж 2500 <рублей>. <...> Мне нужно видеть заграничные театры, очень нужно, незнание языка меня не пугает, главное я пойму, и оно необходимо мне для моих записок, в конце которых хочу изложить свой взгляд на драматическое искусство вообще и в чем состоит особенность каждого театра в Европе в настоящее время. Это будет окончательным делом моей практической деятельности! <...> ...Но 5500 <рублей> ставят этому препону».

[1] Ответ на несохранившееся письмо Гоголя, приложенное к письму С. П. Шевыреву от 27 апреля (н. ст.) 1847 г. (***1847. Апреля 27 <15>. Вторник. Неаполь***). Написано рукой брата актера – А. С. Щепкина.

[2] См. ***1839. Августа конец <августа средина>. Вена*** (примечания); ***1839. Сентября 29. Пятница – октября 1. Воскресенье. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. С. Волынское*** (примечания).

[3] См. ***1846. Октября 24 <12>. Суббота. Страсбург***; ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца***; ***1846. Декабря 16 <4>. Среда. Неаполь.***

[4] См. ***1846. Ноября конец – декабря 9 <декабря первая половина – декабря 21>. Москва.***

[5] См. ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Москва.*** – Ср. ***1846. Октября 31 <ноября 12>. Четверг. Москва.***

[6] См. ***1836. Октября конец. Санкт-Петербург*** (примечания).

[7] См. ***1839. Октября 17. Вторник. Москва*** (примечания).

[8] См. ***1852. Сентября 17. Среда. Санкт-Петербург.***

[9] См. ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Москва.***

[10] См. ***1846. Марта 22 <апреля 3>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1846. Мая 16 <28>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва, Калуга***; ***1846. Мая 18 <30>. Суббота. Калуга***; ***1846. Мая 19 <31>. Воскресенье. Калуга***; и др.

[11] А. М. Гедеонов.

[12] В письме к С. П. Шевыреву от 27 апреля (н. ст.) 1847 г., к которому было приложено несохранившееся гоголевское письмо к Щепкину, Гоголь сообщал, что лето и начало осени он проведет на морском купании в Остенде.

МАЯ 22 <ИЮНЯ 3>. ЧЕТВЕРГ. КАЛУГА

А. О. Смирнова пишет Гоголю во Франкфурт[1]:

«...С часа на час жду родов... <...>; если останусь жива, напишу... <...> У нас все идет своим порядком, т. е. вице-губернатор[2] поссорился с губернатором; видно, для управления России это нужно, потому что в Орле та же штука, в Нижнем тоже и во многих других городах подобное. Прокурор[3] пишет доносы, одним словом — губерния свое дело делает. Приехал ревизор из Питера[4] — ревизовать юстиционные места. Ив<ан> Аксаков из уголовной палаты перебрался в московский сенат. Если Бог даст здоровье и силы после родов, я вам опишу всю дрязгу с вице-губернатором, которому фамилия К<луши>н, и разные похождения наших львиц губернских, всю физиогномию города, во время гвалта, словом — все, все.

Читали ли вы п...е письма Павлова в "Московских Ведомостях"[5] против вас; в них высказалась вся лакейская натура Павлова. Вяземский вам, вероятно, послал свою статью[6]. Жуку[7] дружеский поклон. <...> ...Молитесь обо мне, а я вас никогда не забываю»[8].

[1] См. ***1847. Апреля 20 <8>. Вторник. Неаполь***; ***1847. Мая 10 <апреля 28>. Понедельник. Неаполь.***

[2] П. Н. Клушин.

[3] Ф. П. Миотийский.

[4] Князь Сергей Иванович Давыдов (1790–1878), сенатор (с 1845 г.), с 1852 г. вице-президент Академии наук (см. ***1849. Января 26. Среда. Калуга*** — примечания).

[5] См. ***1847. Марта 6 <18>. Четверг. Москва***; ***1847. Марта 29 <апреля 10>. Суббота Светлой седмицы. Москва***; ***1847. Апреля 17 <29>. Четверг. Москва.***

[6] *К<нязь> Вяземский.* Языков. — Гоголь // Санктпетербургские Ведомости. 1847. 24 апр. № 90; 25 апр. № 91.

[7] В. А. Жуковский.

[8] Ответ Гоголя см.: ***1847. Июня 20 <8>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***

ИЮНЯ 5 <МАЯ 24>. СУББОТА. ЗАЛЬЦБРУНН

В. Г. Белинский пишет жене, М. В. Белинской:

«Я вовсе раскис и изнемог душевно, вспомнилось и то и другое, насилу отчитался "Мертвыми душами". <...> Анненков приедет к нам в Зальцбрунн[1] 10 июня / 29 мая. Мы получили от него письмо[2]. Июня 4 он выезжает из Парижа».

Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 269.

[1] Сам Белинский выехал из Петербурга 5/17 мая 1847 г. и прибыл в Зальцбрунн (ныне г. Щавно-Здруй в Польше) вместе с И. С. Тургеневым 22 мая/3 июня 1847 г. П. В. Анненков приехал в Зальцбрунн вечером 29 мая/10 июня 1847 г. (т. е. спустя неделю после прибытия туда Белинского и Тургенева; см.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 12. С. 368, 372) и пробыл там с Белинским до конца его лечения по 3/15 июля 1847 г.

[2] Письмо не сохранилось.

ИЮНЯ 6 <МАЯ 25>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПАРИЖ

Гоголь выехал из Парижа во Франкфурт.

Через два дня, 9 июня (н. ст.) 1847 г., В. А. Муханов сообщал сестрам из Парижа: «Отсюда в воскресенье уехал Гоголь, который провел здесь неделю в одной гостинице с нами. Мы почти каждый день обедали с ним у Толстых; здоровье его совершенно поправилось: он все время был весел, разговорчив и бодр, одним словом — другой человек, а не тот, которого мы встретили прошлым летом в Остенде. Путешествие его в Иерусалим не совершилось, потому что вырученные за последнюю книгу деньги пришли поздно, а без них не с чем было пуститься в дальний путь. Кстати о книге: удивительно, что после критик, больше жестоких и исполненных остервенения, он не только вовсе не раздражен, но, напротив, покойнее и светлее духом прежнего. Вяземский прислал брату статью свою об Языкове и Гоголе[1]; он один, кажется, из печатных судей понял сочинителя *Переписки с друзьями*, и объяснил удовлетворительно, почему произошло недоумение между Гоголем и его ценителями по поводу последней книги: невозможно единомыслие при воззрении на предметы с противоположных точек»[2].

В тот же день, 9 июня (н. ст.) 1847 г., Н. А. Муханов также писал сестрам: «...Во Франкфурте мы найдем Жуковского и Гоголя и проведем день с ними»[3].

Вскоре после отъезда Гоголя граф А. П. Толстой отправился из Парижа в Англию для консультации с зубными врачами[4].

[1] Имеется в виду статья князя П. А. Вяземского «Языков. — Гоголь», напечатанная в 1847 г. в № 90 и 91 «Санкт-Петербургских Ведомостей» (от 24 и 25 апреля) и, вероятно, присланная Н. А. Муханову в виде отдельного оттиска (см. также ***1847. Апреля 29 <мая 11>. Вторник. Москва***). Фрагмент этой статьи Вяземского см.: ***1847. Января 6 <18>. Понедельник. Праздник Крещения Господня. Санкт-Петербург***.

[2] Гоголь в письмах братьев В. А. и Н. А. Мухановых // *Свод*. Т. 3. С. 594.

[3] Там же. Т. 3. С. 594.

[4] См. ***1847. Июня 22 <10>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Августа 14 <2>. Суббота. Остенде***; ***1847. Августа 23 <11>. Понедельник. Остенде***; ***1847. Сентября 24 <12>. Пятница. Остенде***.

ИЮНЯ 10 <МАЯ 29> — ИЮЛЯ 10 <ИЮНЯ 28>[1]. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь живет у В. А. Жуковского во Франкфурте. Сразу по приезде, возможно, передает Жуковскому портрет Н. М. Языкова[2]; пишет в Калугу письмо к А. О. Смирновой (о Вигеле[3]; письмо не сохранилось), тогда же, 10 июня (н. ст.) 1847 г., начинает ответное[4] письмо к П. А. Плетневу (отправлено через день, 12 июня[5]); сообщает, что работает над «Авторской исповедью»[6].

Из письма к Плетневу: «Письмецо твое от 16/28 мая получил. Жуковский, как ты уже, вероятно, знаешь, отложил отъезд в Россию по причине болезни жены, заставляющей его провести вместе с нею всё лето в Интерлакене, в Швейцарии. Жаль, конечно, что празднованье юбилея его[7] не состоится, но, по мне, в юбилеях здешних есть что-то грустное. Не оттого ли, что приходишь в такие лета, когда чувствуется сильней, чем прежде, что следует помышлять о юбилее небесном? Во всяком случае, хорошо бы нам хотя половиною мыслей стремиться жить в иной, обетованной истинно стране. Блажен, кто живет на этой земле, как владелец, который купил уже себе имение в другой губернии, отправил туды все свои пожитки и сундуки и сам остался налегке, готовый пуститься вслед за ними. Его не в силах смутить тогда никакая земная скорбь и огорченья от всякого мелкого дрязга жизни».

В 1844 г. в «Правиле жития в мире»[8] Гоголь также писал: «Все да управляется у нас *любовью к Богу*. <...> Блажен, кто начал свои подвиги прямо с любви к Богу. Он быстрее всех других полетит по пути своему <...>.

Весь мир тогда предстанет пред ним в ином и в истинном виде: к миру он привяжется потому только, что Бог поместил его среди мира и повелел привязаться к нему <...>. ...на всякую земную любовь нашу, как бы чиста и прекрасна она ни была, мы должны взирать как на одни видимые и недостаточные знаки бесконечной любви Божией. Это только одни искры, одни края той великолепной ризы, в которую облеклась безмерная и безграничная любовь Божия»[9].

Далее Гоголь писал Плетневу: «Я рад, что ты, как вижу из письма твоего, спокоен. Я сам тоже спокоен. Путь мой, слава Богу, тверд. Хотя тебе кажется, что я несколько колеблюсь и как бы недоумеваю, чем заняться и какую избрать дорогу, но дорога моя всё одна и та же. <...> Очень понимаю, что некоторых истинно доброжелательных мне друзей — в том числе, может быть, и самого тебя — несколько смущает некоторая многосторонность, выражающаяся в моей книге, и как бы желанье заниматься многим наместо одного. Для этого-то я готовлю теперь небольшую книжечку, в которой хочу, сколько возможно яснее, изобразить повесть моего [авторства] писательства[10], то есть в виде ответа на утвердившееся, неизвестно почему, мнение, что я возгнушался искусством, почел его низким, бесполезным[11] и тому подобное. В нем скажу, чем я почитаю искусство, что я хотел сделать с данным мне на долю искусством, развивал ли я, точно, самого себя из данных мне материалов или хитрил и хотел переломить свое направление, — ясно, сколько возможно ясно, чтобы и не литератор мог видеть, я ли виновен в недеятельности или Тот, Кто располагает всем и против Кого идти трудно человеку. <...> Книжечка может выходом своим устремить вниманье на перечтение “Переписки с друзьями” в исправленном и пополненном издании. А потому, пожалуста, перешли мне не медля статьи, снабженные вашими замечаньями, для переделки, адресуя во Франкфурт, на имя посольства».

В «Авторской исповеди» Гоголь писал: «Все согласны в том, что еще ни одна книга не произвела столько разнообразных толков, как “Выбранные места из переписки с друзьями”[12]. И что всего замечательней, чего не случилось, может быть, доселе еще ни в какой литературе, предметом толков и критик стала не книга, но автор. <...> В итоге мне послышались три разные мнения: первое, что книга есть произведение неслыханной гордости человека, возомнившего, что он стал выше всех своих читателей, имеет право на вниманье всей России и может преобразовывать целое общество; второе, что книга эта есть творение доброго, но впавшего в прелесть и в обольщенье человека, у которого закружилась голова от похвал, от самоуслаждения своими достоинствами, который вследствие этого сбился и спутался; третье, что книга есть произведение христианина, глядящего с верной точки на вещи и ставящего всякую вещь на ее законное место. На стороне каждого из этих мнений находятся равно просвещенные и умные люди, а также и равно верующие христиане. Стало быть, ни одно из этих мнений, будучи справедливо *отчасти*, никак не может быть справедливо *вполне*. Справедливее всего следовало бы назвать эту книгу верным зеркалом человека. В ней находится то же, что во всяком человеке: прежде всего желанье добра, создавшее самую книгу, которое живет у всякого человека, если только он почувствовал, что такое добро; сознанье искреннее своих недостатков и рядом с ним высокое мненье о своих достоинствах; желанье искреннее учиться самому и рядом с ним уверенность, что можешь научить многому и других; смиренье и рядом с ним гордость, и, может быть, гордость в самом смирении; упреки другим в том самом, на чем поскользнулся сам и за что достоин еще больших упреков. <...> Словом, книга может послужить только доказательством великой истины слов апостола Павла, сказавшего, что весь человек есть ложь[13]. <...>

Издавая ее под влияньем страха смерти своей, который преследовал меня во все время болезненного моего состояния, даже и тогда, когда я уже был вне опасности, я нечувствительно перешел в тон, мне несвойственный и уж вовсе не приличный еще живущему человеку. Из боязни, что мне не удастся окончить того сочиненья моего[14], которым занята была постоянно мысль моя в течение десяти лет, я имел неосторожность заговорить вперед кое о чем из того, что должно было мне доказать в лице выведенных героев повествовательного сочинения. Это обратилось в неуместную проповедь, странную в устах автора, в какие-то мистические непонятные места, не вяжущиеся с остальными письмами. Наконец, разнообразный тон самих писем, писанных к людям разных характеров и свойств, писанных в разные времена моего душевного состоянья. Одни были писаны в то время, когда я, воспитываясь сам упреками, прося и требуя их от других, считал в то же время надобностью раздавать их и другим; другие были писаны в то время, когда я стал чувствовать, что упреки следует приберечь для самого себя, в речах же с другими следует употреблять одну только братскую любовь. От этого и мягкость и резкость встретились почти вместе. Наконец, непомещение[15] многих тех статей, которые должны были войти в книгу, как связывавшиеся и объясняющие многое. Наконец, моя собственная темнота и неуменье выражаться — принадлежности не вполне организовавшегося писателя — все это споспешествовало тому, чтобы сбить не одного читателя и произвести бесчисленное множество выводов и заключений невпопад. <...>

Я могу ошибаться, могу попасть в заблужденье, как и всякий человек, могу сказать ложь в том смысле, как и весь человек есть ложь; но назвать все, что излилось из души и сердца моего, ложью — это жестоко. Это

несправедливо так же, как несправедливо и то, что в книге моей ничего нет нового. Исповедь человека, который провел несколько лет внутри себя, который воспитывал себя, как ученик, желая вознаградить, хотя поздно, за время, потерянное в юности, и который притом не во всем похож на других и имеет некоторые свойства, ему одному принадлежащие, – исповедь такого человека не может не представить чего-нибудь нового. <...>

...Я считаю обязанностью отвечать только на тот запрос, который сделан мне почти единоустно от лица читателей всех моих прежних сочинений, – запрос: зачем я оставил тот род и то поприще, которое за собою уже утвердил, где был почти господин, и принялся за другое, мне чуждое?

Чтобы отвечать на этот запрос, я решаюсь чистосердечно и сколько возможно короче изложить всю повесть моего авторства, чтобы дать возможность всякому справедливее обсудить меня, чтобы увидал читатель, переменял ли я поприще свое, умничал ли сам от себя, желая дать себе другое направление, или в моей судьбе, так же как и во всем, следует признать участие Того, Кто располагает миром не всегда сообразно тому, как нам хочется, и с Которым трудно бороться человеку. Может быть, эта чистосердечная повесть моя послужит объясненьем хотя некоторой части того, что кажется такой необъяснимой загадкой для многих в недавно вышедшей моей книге. <...>

Я не могу сказать утвердительно, точно ли поприще писателя есть мое поприще[16]. <...> Может быть, с летами <...> веселость эта[17] исчезнула бы, а с нею вместе и мое писательство. Но Пушкин заставил меня взглянуть на дело серьезно[18]. <...> После "Ревизора" я почувствовал, более нежели когда-либо прежде, потребность сочиненья полного, где было бы уже не одно то, над чем следует смеяться[19]. <...> Я оставил на время все современное; я обратил внимание на узнанье тех вечных законов, которым движется человек и человечество вообще. <...> Я наблюдал над собой, как учитель над учеником, не в книжном ученье, но и в простом нравственном, глядя на себя самого как на школьника. Я поместил кое-что из этих проделок над самим собою в книге моих писем вовсе не затем, чтобы пощеголять чем-нибудь (да и не знаю, чем тут щеголять), но из желанья добра: авось кому-нибудь принесет это пользу; я был уверен, что много, подобно мне, воспитались в школе плохо и потом, подобно мне, спохватились, желая искренно себя поправить. <...> ...В нынешней моей книге "Переписка с друзьями", в которой многое походит на одни предположения, собственно предположений нет. В ней всё выводы; но дело в том, что одни выводы взяты из всех сторон дела и потому всем ясны, другие из некоторых, не всем известных, и потому темны, а для многих кажутся даже и вовсе нелепицей. Вот отчего в редком моем сочинении не встречается рядом и зрелость и незрелость, и муж и ребенок, и учитель и ученик. <...>

Как воевать с собою, если сделался требователен к самому себе? Как полететь воображеньем, если б оно и было, если рассудок на всяком шагу задает вопрос: "Зачем?" <...> Зачем мне определено было не иначе приобрести познанье души человека, как произведя строгий анализ над собственной душою? Зачем желаньем изобразить русского человека я возгорелся не прежде, как узнавши получше общие законы действий человеческих, а узнал их не прежде, как пришедши к Тому, Кто один ведатель и действий человеческих и всех малейших наших душевных тайн?.. <...> Зачем венцом всех эстетических наслаждений во мне осталось свойство восхищаться красотой души человека везде, где бы я ее ни встретил? <...>

Я пробовал несколько раз писать по-прежнему, как писалось в молодости, то есть как попало, куда ни поведет перо мое; но ничто не лилось на бумагу. Обрадовавшись тому, что расписался кое-как в письмах к моим знакомым и друзьям, я захотел тотчас же из этого сделать употребленье, и едва только оправился от тяжкой болезни моей, как составил из них книгу, постаравшись дать ей какой-то порядок и последовательность, чтобы она походила на дельную книгу, не размысливши того, что многое, обращенное к некоторым, общество примет на свой счет, особенно после завещанья, обращенного к лицу всех соотечественников. Я боялся сам рассматривать ее недостатки, а почти закрыл глаза на нее, зная, что если рассмотрю я построже мою книгу, может, она будет так же уничтожена, как я уничтожал "Мертвые души"[20] и как уничтожал все, что ни писал в последнее время. Я думал, что этой книгой я хоть сколько-нибудь заплачу за долгое мое молчание, введу и объясню мое трудное положение, почему я не мог писать в это время, обращу внимание на практическое и на дело жизни. Я думал вслед ее заговорить о том, что раскроет предо мною побольше Русь, освежит, оживит меня и заставит меня взяться за перо. Не тут-то было: все обрушилось на меня упреками. <...>

Как сравню эту книгу с уничтоженными мною "Мертвыми душами", не могу не возблагодарить за ниспосланное мне внушение их уничтожить. <...>

Я решился твердо не открывать ничего из душевной своей истории, выносить всякие заключения о себе, какие бы ни раздавались, в уверенности, что, когда выйдет второй и третий том "Мертвых душ", все будет объяснено ими и никто не будет делать запроса: что такое сам автор? – хотя автор и должен был весь спрятаться за своих героев. Но, начавши некоторые объяснения по поводу моих сочинений, я должен был неминуемо заговорить о себе самом, потому что сочиненья связаны тесно с делом моей души. Бог весть, может быть, и в этом была также воля Того, без воли Которого ничто не делается на свете; может быть, произошло это именно затем, чтобы дать мне возможность взглянуть на себя самого. <...> ...Когда выставишься перед лицо незнакомых людей, <...> и посыплются со всех сторон упреки впопад и невпопад, ударят и с умыслом и невзначай по всем чувствительным струнам твоим, – тут поневоле взглянешь на себя с таких сторон, с каких бы никогда на себя не взглянул; станешь в себе отыскивать тех недостатков, которых никогда бы не вздумал прежде отыскивать.

Это та страшная школа, от которой или точно свихнешь с ума, или поумнеешь больше чем когда-либо. Не без стыда и краски в лице я перечитываю сам многое в моей книге, но при всем том благодарю Бога, давшего мне силы издать ее в свет. Мне нужно было иметь зеркало, в которое бы я мог глядеться и видеть получше себя, а без этой книги вряд ли бы я имел это зеркало. Итак, замышленная от искреннего желания принести пользу другим, книга моя принесла прежде всего пользу мне самому. <...>

Учить общество в том смысле, какой некоторые мне приписали, я вовсе не думал. <...> Если бы не завещание, которое я поместил довольно неосторожно, в котором намекал о поученье, которое обязан дать всяк автор поэтическими созданьями своими, никто бы и не вздумал мне приписывать этого апостольства... <...> Несмотря на многие неопределительные и темные места, <...> после чтения ее приходишь к тому же заключенью, что верховная инстанция всего есть Церковь и разрешенье вопросов жизни — в ней. Стало быть, во всяком случае после книги моей читатель обратится к Церкви, а в Церкви встретит и учителей Церкви, которые укажут, что следует ему взять из моей книги для себя, а может быть, дадут ему наместо моей книги другие — позначительнее, полезнее и для которых он оставит мою книгу, как ученик бросает склады, когда выучится читать по верхам. <...> Нет, в книге "Переписка с друзьями" как ни много недостатков во всех отношениях, но есть также в ней много того, что не скоро может быть доступно всем. Нечего утверждаться на том, что прочел два или три раза книгу, иной и десять раз прочтет, и ничего из этого не выйдет. <...> Не могу не изъявить также и благодарности тем, которые могли бы также осыпать меня за многое упреками, но которые, почувствовав, что их уже слишком много для немощной натуры человека, рукой скорбящего брата приподняли меня, повелевши ободриться. Бог да вознаградит их: я не знаю выше подвига, как подать руку изнемогшему духом».

С содержанием «Авторской исповеди» перекликаются также заметки в записной книжке Гоголя 1846–1850 гг.: «Зачем я оказался учителем?»; «Мне стало так совестно [за мою недеятельность]»; а также письмо Гоголя к отцу Матфею Константиновскому от 12 января (н. ст.) 1848 г.

Новой редакцией «Авторской исповеди» стало послание Гоголя к В. А. Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1848 г. из Неаполя, которое он намеревался напечатать, вместо «Завещания», в новом издании «Выбранных мест из переписки с друзьями» под названием «Искусство есть примирение с жизнью»[21].

Далее в письме к Плетневу Гоголь замечал: «В следующем письме я пришлю тебе свидетельство о моей жизни для взятия денег из казначейства, которые держи у себя вместе с прежними, к тебе посланными чрез Штиглица. Они, может быть, мне понадобятся к концу года. На Восток будет пересылать мне трудно, а остаться там, Бог весть, может быть, придется долее рассчитываемого времени. Стало быть, нужно будет деньгами запастись. Путешествие это, доселе откладываемое с года на год, становится чрез то самое мне более желанным и заманчивым. Точно как бы душа моя говорит мне, что я там найду [тайно] искомое издавна и лучшее всего того, что находил доныне».

Возможно, в этот период Жуковский познакомил Гоголя с замыслом своей поэмы «Странствующий жид».

Позднее, 1 февраля (н. ст.) 1850 г., Жуковский писал Гоголю: «План "Странствующего жида" тебе известен; я тебе его рассказывал и даже читал начало, состоящее не более как из двадцати стихов»[22].

[1] См. ***1847. Июля 10 <июня 28>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1847. Мая 12 <апреля 30>. Среда. Рим.***

[3] См. ***1847. Июня 20 <8>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне*** (письмо к А. О. Смирновой). – Ср. ***1847. Мая 8 <апреля 26>. Суббота. Неаполь.***

[4] См. ***1847. Мая 16 <28>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1847. Июня 12 <мая 31>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[6] См. также ***1847. Июня 20 <8>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Июля 7 <июня 25>. Среда. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Июля 10 <июня 28>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн***; ***1847. Августа 10 <июля 29>. Вторник. Остенде.***

[7] Пятидесятилетие литературной деятельности В. А. Жуковского. – Ср. ***1849. Января 29. Суббота. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1843. Ноября 19 <7> – 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***

[9] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Космополит или патриот? Концепция патриотизма в спорах с Гоголем и о Гоголе // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2017. Т. 15. № 3. С. 35–69.

[10] Подразумевается «Авторская исповедь».

[11] Подробнее см.: ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Москва*** (примечания).

[12] См. также ***1847. Февраля 15 <27>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[13] Гоголь приводит слова св. апостола Павла из Послания к Римлянам (гл. 3, ст. 4). На полях принадлежавшей ему Библии Гоголь против этих слов сделал помету: «Человек Ложь, Бог истинен».

[14] «Мертвые души».

[15] Речь идет о цензурных изъятиях А. В. Никитенко (см. ***1846. Июля 31 <августа 12>. Среда. Спасская мыза***; ***1846. Августа 13 <25>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1846. Сентября 30 <октября 12>. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1846. Октября 4 <16>. Пятница. <Санкт-Петербург>***; ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1846. Ноября 4 <16>. Понедельник. Санкт-Петербург***).

[16] См. ***1825. Январь-апрель. Нежин*** (примечания).

[17] См. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка*** (примечания).

[18] См. ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург***; ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург***; ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[19] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт*** (примечания).

[20] См. ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн.***

[21] См. ***1848. Января 10 <1847. Декабря 29>. Понедельник. Неаполь.***

[22] См. ***1850. Февраля 1 <января 20>. Пятница. Баден-Баден.***

ИЮНЯ 11 <МАЯ 30>. ПЯТНИЦА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет в Петербург письмо к князю П. А. Вяземскому (письмо было отправлено на следующий день, 12 июня (н. ст.) 1847 г.[1]):

«Благодарю вас, добрейший князь, много и много за ваше участие. Ваша статья в "Санктпетербургских Ведомостях" о Языкове и обо мне[2], кроме всех тех достоинств и свойств, которые принадлежат особенности собственно вашего ума, меня очень тронула тем чувством соучастия, которое принадлежит только одной нежной и любящей душе. Одно только меня остановило: мне кажется, что выразились вы несколько сурово о некоторых моих нападателях[3], особенно о тех, которые прежде меня выхваляли. Мне кажется вообще, мы судим их слишком неумолимо. Бог знает, может быть, в существе многие из них добрые люди и влекутся даже некоторым, хотя отдаленным, желанием добра; но кого не увлекает самолюбие, некоторый успех и множество разных соблазнов, окружающих со всех сторон человека? Бог знает, может быть, и нам будет сделан упрек в гордости за то, что мы несколько жестоко оттолкнули их[4], оскорбясь какою-нибудь их дерзостью, тогда как наш совет, может быть, им был бы нужен и спас бы их от многого того, за что их укорять теперь справедливо. Скажите мне искренно, что вы об этом думаете? Мне же становится теперь жалок решительно всяк человек, потому что, право, положенье всех в нынешнее время страшно трудно и, к кому ни приглядишься ближе, всяк порождает к себе сострадание. <...> Мне кажется, как будто еще недостаточно любви у всех нас (хорошо, по крайней мере, то, что мы это более или менее чувствуем); мне кажется, как будто мы всё еще действуем не собственно против *нечистой силы*, подталкивающей на грехи и на заблуждения людей, но против самих людей, которых подталкивает на грехи *нечистая сила*. Самые наиболее любящие из нас еще не исполнены любовью к людям в такой степени, в какой исполнены ненавистью к их заблуждениям. Оттого и все статьи наши, подвигнутые самым искренним желанием добра, не вносят надлежащего примирения. Мне кажется, что теперь, в нынешнее время, более нужны не статьи нападательные или защитительные, которые невольным образом обратятся на чью-нибудь личность и выставят на сцену нас самих, сколько статьи уяснительные многих важных вопросов, относящихся к тем вечным истинам, которые хотя покуда еще и не раздаются в обществе, но к которым поворот, однако же, неминуемо долженствует наступить. Я разумею здесь собственно те истины, о которых могут сказать только люди государственные. Если о них не раздадутся теперь здравые определения, годные укрепить хотя некоторых или дать им знать, по крайней мере приблизительно, чего держаться, то их пойдут скоро коверкать вовсе негосударственные люди и могут сбить всех с толку. Вы видите, что некоторое поползновение к тому же обнаруживается. Даже и я, человек вовсе негосударственный, заговорил о том. Итак, есть какое-то поветрие, которому все подвергаются равномерно.

Тем более теперь нужен голос мастеров того ремесла, в которое впутываются люди посторонние. Я, признаюсь, ожидал и даже теперь ожидаю от вас статьи, в которой бы и я, и книга остались в стороне, а выступил бы на сцену предмет, для которого вам даны такие орудия. У вас есть всё, что нужно для государственного мужа; притом любви к России, слава Богу, довольно; любви к добру также, а если к этому еще присоединится всеми нами искомая, истинная любовь в Христе ко всем братиям, вы отыщете скорее всех ту верную законную середину, к которой мы стремимся, и голос ваш будет доступен многим сердцам и умам; а покуда я жду с нетерпеньем листков моей рукописи[5], снабженных вашими замечаниями, потому что с моей стороны все-таки нужно что-нибудь сказать, хотя, разумеется, поприличней и в такой мере, в какой позволительно сказать негосударственному человеку. Нужно, чтобы мы все-таки питали любовь к своей государственности, а не летали мысленно по всем землям, говоря о России; чтоб чувствовали, по крайней мере, что строенье нового исходит из духа самой земли, из находящихся среди нас материалов»[6].

«Помнится мне, — замечал позднее Вяземский, — статья моя о Гоголе никому не нравилась, начиная с него самого. Но я и не думал угождать ему... Еще менее искал я угодить хвалебникам или порицателям Гоголя»[7].

В статье Вяземский положил начало произвольному представлению о первом томе «Мертвых душ» как «аде»[8]. Поскольку «Мертвые души», задуманные в трех частях, были названы Гоголем «поэмой» — в то время как содержание первого тома ограничивалось сферой «пошлого» зла, Вяземский писал: «...В *Мертвых Душах* казалось ему <Гоголю> очень натурально сложить в одну часть всю домашнюю черноту человека, весь хлам и нечистоту общества, предоставляя себе в последующих частях ввести читателя в светлые и праздничные покои. Подобное распределение грешит и против художественности и против нравственной истины. <...> Как общество, так и человек образуются из составных частей. Наш свет не рай, но и не ад»[9].

Позднее, в 1866 г., Вяземский, развивая свою мысль, прямо предположил, что в основу трехчастного замысла поэмы было положено деление «Божественной комедии» Данте на «ад», «чистилище» и «рай»: «О попытках его <Гоголя>, оставленных им в недоконченных посмертных главах романа <поэмы "Мертвые души">, положительно судить нельзя; но едва ли успел бы он без крутого поворота и последовательно выйти на светлую дорогу и, подобно Данту, довершить свою Divina Comedia Чистилищем и Раем. Конечно, дело не в заглавии; но, по общепринятым понятиям величать подобное произведение поэмою, могло казаться неуместною шуткою или, что еще хуже, неуместным притязанием, и в этом отношении, позволю себе сказать, виноваты были Московские приятели Гоголя[10]. <...> Но знаете ли вы, откуда взялось у нас в Москве это безусловное поклонение даровитому писателю? Оно произошло от того, что нам в Москве стал нужен человек, которого бы мы могли поставить наряду с великанами духа человеческого, с Гомером, Дантом, Шекспиром, и выше всех прочих писателей настоящего и прошлого времени»[11].

В начале 1870-х гг. Ф. В. Чижов, знакомый, очевидно, с этой публикацией Вяземского, писал ему: «В задуманных "Мертвых Душах" была поэма в трех томах: l'inferno <ад; *um.*>, то есть пошлость нашей современной жизни; il purgatorio <чистилище; *um.*> — нормальная жизнь настоящего общества, нисколько не знакомая и никогда не бывшая доступной таланту Гоголя; наконец il paradiso <рай; *um.*> — это идеал современного человека, человека русского. Не знаю, насколько дошел он сам, насколько дослушался кружка близких ему людей, тогдашних Славянофилов <...>, но он в идеале русского человека кажется не вполне сознательно и не глубоко обдуманно, принимал идеал человека, то есть человека такого, до которого назначено достигнуть человеку на земле. Об этом я не буду распространяться, — это не гордость, не самохвальство, а вывод исторический. Русский может быть гадок, гаже других, и тем еще он гаже, что идеалы его выше; но идеал его выше недосязаемо. Простите, об этом говорить не буду»[12].

Предположение князя Вяземского, согласно которому содержание первого тома «Мертвых душ» оказывалось «адом» (письмо Чижова долгое время оставалось неопубликованным), было подхвачено позднее (со ссылкой на Вяземского[13]) критиком Алексеем Ник. Веселовским: «...Читателю ясно, что для романиста изображаемый им мир чудаков и уродов давно стал синонимом тьмы кромешной, где не осталось места ни одному честному влечению. Однажды сам автор наводит на сравнение с дантовым Адом, называя путеводителя, провожавшего Чичикова с его друзьями по гражданской палате до залы "присутствия", новым Виргилием, "прислужившимся им, как некогда Виргилий прислужился Данту". Но палата, да и весь старый суд были только одним из подразделений или адских рвов (malebolge) огромного темного царства...»[14]

Иных доказательств в подтверждение своего мнения Веселовский не нашел. Несмотря на это, его гипотеза получила впоследствии распространение и стала удобной идеологической «аксиомой» при истолковании «Мертвых душ» в советской критике: «Третья часть должна была относиться к первой, как рай относится к аду»[15]; «Гоголь предполагал свою поэму написать в трех книгах (по образцу "Божественной комедии" Данте — ад, чистилище, рай), но уже работа над вторым томом показала всю *безуспешность* осуществления этого замысла»[16].

[1] См. ***1847. Июня 12 <мая 31>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[2] Статья П. А. Вяземского «Языков. – Гоголь» была напечатана в № 90 и 91 (от 24 и 25 апреля) «Санкт-Петербургских Ведомостей» за 1847 г. Вероятно, Гоголь прочел статью в газете, имевшейся во Франкфурте. – См. ***1847. Мая 4 <16>. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1847. Июля первая половина <июня конец>. Неаполь.***

[3] Намек на В. Г. Белинского и его сторонников.

[4] Настоящая фраза проясняет историю происхождения трех писем Гоголя к В. Г. Белинскому 1847 г. – двух отправленных (см. ***1847. Июня 20 <8>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Августа 10 <июля 29>. Вторник. Остенде***) и одного неотправленного (см. ***1847. Июля конец – августа начало <июля вторая половина>. Остенде***). Ср. также слова Гоголя в письме к С. П. Шевыреву от 11 февраля (н. ст.) 1847 г., которого он порицал за излишнюю осторожность по отношению к себе: «Лучше бы ты эту осторожность наблюдал в своих прежних перепалках с Белинским и другими литераторами; подслащиванье можно употреблять в деле с людьми, стоящими на низшей перед нами ступеньке воспитанья...» (***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь***). – См. также ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва*** (примечания); ***1842. Августа 18 <6>. Четверг. Праздник Преображения Господня. Гастейн*** (примечания); ***1844. Декабря 26 <14>. Четверг. Франкфурт-на-Майне*** (примечания); ***1845. Января 9 <1844. Декабря 28>. Четверг. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[5] Рукопись «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[6] Ср. в заметке Гоголя «Рассмотрение хода просвещения России» в записной книжке 1846–1850 гг.: «Россия должна была развиться из своих начал. На Европу нужно было глядеть не породнившись, не обессилев. Если дом уже состроен по одному плану, нельзя ломать его».

[7] *Барсуков.* 1894. Т. 8. С. 587.

[8] См. также ***1842. Июля 29 <августа 10>. Москва.***

[9] Языков. – Гоголь. (Статья князя П. А. Вяземского) // Санктпетербургские Ведомости. 1847. 25 апр. № 91. С. 422; см. также: *Свод.* Т. 1. С. 850. – Ср. ***1842. Июня 10 и 11 <22 и 23>. Среда и четверг. Новгород.*** – См. также: *Виноградов И. А.* Значение Рима в наследии Гоголя // Творчество Н. В. Гоголя в контексте европейских культур. Взгляд из Рима. Семнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. научн. конф. Москва; Рим, 30 марта – 1 апреля 2017 г. / ГБУК «Дом Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2018 (в печати).

[10] 3 августа 1856 г. Вяземский писал также С. П. Шевыреву: «Московские приятели много повредили ему, расширив донельзя значение его. Это и его, и их спутало. <...> ...Он говорит, что публика не поймет “Мертвых Душ”? <...> ...Что тут за глубина, которой не каждому дано измерить и исследовать? Это галерея людей более или менее больных общечеловеческими болезнями, и в особенности русскими болячками; портреты писаны бойкой кистью и красками чрезвычайно живыми и яркими; вот и все, а если и скрывается в этом творении тайный смысл (une arrière-penséy), т. е. автор предполагал заключить в нем тайный смысл и все кончить каким-то coup de theater, то тем хуже. Это-то и доказало бы, что в нем не было творческого начала, которое, как жизнь, развивается постепенно и последовательно. “Мертвые Души” – то же, что “Ревизор”, – ряд мастерских отдельных сцен, но ядра тут нет» (Гоголь в письмах князя П. А. Вяземского // *Свод.* Т. 1. С. 849–850). – См. также ***1836. Января 18. Суббота. Санкт-Петербург.***

[11] Выдержки из старых бумаг Остафьевского Архива. Письма к кн. П. А. Вяземскому... с объяснениями кн. П. А. Вяземского // Русский Архив. 1866. № 7. Стб. 1082, 1084; см. также: *Свод.* Т. 1. С. 850.

[12] Гоголь в воспоминаниях, дневниках и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 67.

[13] «Мысль о возможности сравнить план обоих произведений высказана вскользь кн. П. А. Вяземским в заметке, приложенной к одному письму Гоголя, Рус. Архив, 1866, VII». – *Примеч. А. Н. Веселовского во втором издании книги* (*Веселовский Алексей.* Этюды и характеристики. Второе, значительно доп. изд. М., 1903. С. 596).

[14] *Веселовский Ал.* Этюды и характеристики. М., 1894. С. 595.

[15] *С. Р.* Н. В. Гоголь (1809–1852) // Смена. 1927. 6 марта. № 54. С. 3.

[16] *Бабушкин Н. Ф.* Н. В. Гоголь великий русский писатель-патриот. Томск, 1952. С. 27.

ИЮНЯ 12 <МАЯ 31>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Судя по почтовому штемпелю[1], в этот день Гоголь отправил в Петербург начатое 10 июня (н. ст.) 1847 г.[2] письмо к П. А. Плетневу, с вложением написанного накануне[3] письма к князю П. А. Вяземскому.

Из письма к Плетневу: «При сем письмецо к Вяземскому. Передай от меня поклон Балабиным. Особенно Марье Петровне. Напиши мне хоть несколько строчек о том, как она живет своим домом.

Я слышал, что она просто чудо в домашнем быту, и хотел бы знать, в какой мере [это истина] и как она всё делает».

Этот же вопрос Гоголь поставил в последующей заметке в его записной книжке 1846–1850 гг.: «М. П. Вагнер о том, как ей было вдруг перейти от идеального мира к существенному. Не затрудняет ли ее хозяйственный [мелочной] хлам и как он ведется». Запись эта связана с поездкой Гоголя, по возвращении из-за границы, в Петербург в сентябре-октябре 1848 г.[4], где жила М. П. Вагнер. На следующей странице записной книжки Гоголь поместил заметку <О браке> («...Прежде всего обязанности мужа и жены...»)[5]. Ранее, 14 апреля 1844 г., М. П. Балабина, выходя замуж, благодарила Гоголя за выписанные им откуда-то «прекрасные строки о браке»[6].

Далее в письме к Плетневу Гоголь замечал: «А. О. Ишимову поблагодари за [маленькую] книжечку "Розенштрауф"[7]. Я нашел, что она очень хороша. Письмо же о легкости ига Христова — сущий перл».

[1] См.: *Городецкий*. С. 455.
[2] См. ***1847. Июня 10 <мая 29> — июля 10 <июня 28>. Франкфурт-на-Майне.***
[3] См. ***1847. Июня 11 <мая 30>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***
[4] См. ***1848. Сентября 18. Суббота — октября 9. Суббота. Санкт-Петербург.***
[5] См. ***1848. Сентября 16. Четверг. Санкт-Петербург.***
[6] См. ***1844. Апреля 14 <26>. Пятница. Санкт-Петербург.***
[7] Речь идет о книге: Иоганн-Амвросий Розенштраух, лютеранский пастор в Харькове. Пер. с нем. А. Ишимовой. СПб., 1847. — См. ***1846. Декабря 4 <16>. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1847. Мая 21 <июня 2>. Среда. Санкт-Петербург.***

ИЮНЯ 2 <14>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

М. П. Погодин отправляет во Франкфурт ответ Гоголю (вероятно, на три его письма[1]):

«Наконец спрашиваешь ты о детях[2]. Согласись, как вообще отвлеченна наша дружба и как мало знакомы мы с жизнию. Каковы дети, что они обещают, чего не обещают, как ты их воспитываешь, чем ты живешь, что делается с тобою — вопросы великой важности, от которых зависит много самое расположение души, а они представляются под конец почти наравне с предметами простого любопытства. Этот упрек относится не к тебе одному, но и ко мне и ко многим, если не ко всем. Я расскажу тебе теперь все семейное. Это пятое[3] мое письмо вместе с прежним и еще два-три последующих должны составить одно письмо, которое пишется отрывками, а после приведется, пожалуй, в порядок в твоей душе, как и моей. <...> Саше[4] уж 13 лет. При ней живет девушка, m<ademoiselle> Symonds[5], дочь того американца, с которым я жил у Трубецких[6]. Плачу ей 1200 <рублей ассигнациями>. Добрая, образованная девушка, но <воспитанная> в пансионе, след<овательно>, с искусственными привычками и взглядом на вещи. У Саши сердце нежное, любящее, характер веселый. Митя[7] развивается туго, мало еще понятия и смысла. При нем живет немец, учащий по-латыни и немецки, — 1200 <рублей ассигнациями> за 1½ года, до следующего экзамена в гимназию. Рисовать показывал большую способность, и рисовал очень хорошо, но теперь особого учителя нанимать нет сил. Ване 5 лет и Груше 3. При них русская немка, порядочная женщина, но сухая. Таков характер, кажется, и у надзирательницы да и у Елизаветы Фоминичны[8], которую ты окрестил, кстати, Аграфеной Кузьминишной[9]. <...> Брат Григорий Петрович совершенно у меня на руках. А мои доходы все прекратились, кроме одной пенсии, так что я не знаю, что и делать. <...> Имение свое положил я все в свой музей, который теперь не имеет цены и состоит из вещей драгоценнейших, но не дающих хлеба. Рукописей вчетверо больше, чем у Румянцева[10], а вещей и древностей 40 шкапов. Расстаться с ним при жизни я не могу, потому что, кроме изучения, он доставляет мне единственное утешение и развлечение. Прекратить покупки не могу, как игрок перестать играть в карты. Собирание мое сделалось известно по всей России, и со всех сторон несут и везут мне всякие редкости. Ну как

откажешься? Всякую неделю получаю я что-нибудь, и одна корреспонденция с комиссионерами представляет прелюбопытные вещи. Теперь пускаюсь на спекуляцию[11], которая или поправит мои дела, или я увязну уже так, что только вытаскивайте. Ты знаешь коллекцию эскизов, что была у Глинки[12]? С тех пор не нашлось охотника купить ее даже за 100 тысяч рублей. Каковы подлецы наши богачи, которых ты так честишь. Ее хотят увезти в чужие края. Я решился купить ее за 70 тысяч руб<лей> асс<игнациями> — 4350 эскизов! План мой — огласить ее в Европе. Тотчас получится, надеюсь, предложение. Тогда правительство опомнится и купит у меня это неоцененное собрание. Деньги занимаю. Но если это не удастся? Не думаю, впрочем: свое возвращу я непременно. И это хорошо. Чтоб по крайней мере не ушло из России это с<обрание>. <...> Я не могу справиться с собою в другом отношении. <...> Теперь третий год я один, и природа требует своего. <...> Нашел ты время толковать со мною о неряшестве слога!

Обращаюсь к твоему последнему письму[13]. Не об неряшестве, не о торопливости я говорил тебе, а об том обвинении, будто в 30 лет ни одного я юношу не подвигнул к добру, ни в одном не произвел хороших впечатлений, ни одной мысли не обдумал и не понял вполне. Мне все кажется преувеличенным. Разумеется! А какая разница между есть и кажется? Мне надо подать совет... он замирает на моих устах — мне слышится голос: "Куда тебе советовать?" Ну да что толковать об этом! У меня на другой день по прочтении книги не осталось горести в сердце, а я говорю тебе в исполнение твоего желания, что происходит наяву или в воображении. Следовательно, утешения мне не нужно. Почему я не сердился? Сначала я полагал, что доброе сердце не помнит зла. А теперь с горестию вижу, что все только гордость, первородный грех играет большую роль. "Что ни говорите вы, друзья и враги, благородные и подлецы, я знаю свою силу и покажу вам ее и пристыжу вас всех", — такое сознание, верно, лежит в глубине этого доброго, по-видимому, сердца, и потому я спокоен и не сержусь. Любить, любить и любить! Молиться, молиться и молиться! Желать быть лучше — вот все, что мы можем, слабые, падшие люди... Глупо ты делаешь, что живешь в чужих краях. Откажись от твоего ума, он увлекает тебя Бог знает куда! <...>

Киреевскому лучше. Отец Макарий[14] скончался в тот день, в который назначил свой выезд из Иерусалима. Третьего дня у нас на дворе умерла женщина молодая, ездившая накануне с мужем в город за покупками. Поутру гуляла, в 12 ч<асов> родила, в 5 скончалась.

Ну, собрал ли ты[15] от любезных своих богачей хоть тысячу руб<лей> асс<игнациями> (если не более) и послал Шафарику? Это необходимо, а я не могу и собирать — здесь нельзя. Сделай эту милость и пошли. Предоброе и преполезное дело. Адрес: Paul Joseph Schafarik, Sr. Wohlgeboren, Gustos an der K. K. Bibliothek in Prag. Sarbergasse, № 146. Ты хочешь писать о моих изданиях — да разве ты их знаешь?

Между малороссиянами открылось что-то недоброе[16].

На Аксакова ты, верно, сердишься? Это нехорошо. Старик писал тебе искренно и любя[17].

Что наш век есть век недоразумений — это святая истина! Да, я все позабывал тебя спросить, что за страшное происшествие, к которому я подавал повод[18]? Ума приложить не могу.

Пиши мне с первою почтою. Ты все волнуешься; старое и новое в тебе борется. Это ясно для меня по письмам. Какие противоречия ты находишь у меня? Следовательно, ищешь по крайней мере.

"Мне надо сказать: ты украл это у меня?"[19] Да что же у тебя украсть? Ты не говорил ни одного даже слова, слышите ли столько <?> А граф Строганов, прочитав твои письма, с кошачьей злобой говорит мне: "Ваши друзья говорят об вас то же"[20]. А люди незнакомые или знакомые, но легкие, министры или NN, SS, от которых зависит мое положение? Мне совестно смотреть им в глаза!»

[1] Первое письмо от 30 апреля (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Апреля 30 <18>. Пятница. Неаполь***); второе (предполагаемое) письмо не сохранилось (см. ***1847. Мая до 11 <апреля до 29>. Неаполь***); третье письмо — от 1 июня (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Июня 1 <мая 20>. Вторник. Париж***).

[2] В письме к Погодину от 30 апреля (н. ст.) 1847 г. Гоголь замечал: «...От всей души тебя обнимаю и целую твоих деток». Однако вопрос о детях содержался, по-видимому, в несохранившемся письме Гоголя.

[3] Ср. ***1847. Марта 17 <29>. Великий понедельник. Москва***; ***1847. Марта 24 <апреля 5>. Понедельник Светлой седмицы. Москва***; ***1847. Апреля 8 <20>. Вторник. Москва***; ***1847. Апреля 10 <22>. Четверг. Москва***; ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Москва.***

[4] Александра Михайловна, дочь М. П. Погодина, в замужестве Зедергольм.

[5] Софья Ивановна Сеймонд (в первом браке Бель; во втором – Погодина; 1826–1887), вторая жена Погодина (с 1860 г.) (см. ***1851. Октября 9. Вторник. Москва*** – примечания).

[6] С 1819 по 1827 г. состоял домашним учителем в семействе князя И. Д. Трубецкого.

[7] Сын Погодина.

[8] Вагнер, теща Погодина.

[9] См. ***1847. Апреля 30 <18>. Пятница. Неаполь.***

[10] Погодин говорит о коллекции книг и рукописей, собранной графом Н. П. Румянцевым.

[11] В 1852 г. Погодин был вынужден продать свое «Древлехранилище» Публичной библиотеке в Петербурге.

[12] См. также ***1840. Июня 14 <2>. Воскресенье. День Святой Троицы. Краков*** (примечания).

[13] См. ***1847. Июня 1 <мая 20>. Вторник. Париж.***

[14] Преподобный Макарий Алтайский (Глухарев) скончался 18 мая 1847 г. в Болховском Троицком Оптине монастыре. – См. также ***1847. Июля 14 <26>. Понедельник. Москва***; ***1852. Марта 16. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (письмо А. О. Смирновой к В. А. Жуковскому).

[15] См. ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Москва.***

[16] Имеется в виду сепаратистская деятельность Украино-славянского общества (подробнее см.: ***1847. Апреля 14 <2>. Среда. Варшава*** – примечания).

[17] Речь идет о письме С. Т. Аксакова к Гоголю от 27 января 1847 г.: ***1847. Января 27 <февраля 8>. Понедельник. Москва.***

[18] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Неаполь.***

[19] Вероятно, Погодин цитирует слова Гоголя из несохранившегося письма (см. ***1847. Мая до 11 <апреля до 29>. Неаполь***).

[20] Между Погодиным и графом С. Г. Строгановым существовали неприязненные отношения.

ИЮНЯ НАЧАЛО <ИЮНЯ СРЕДИНА>. КИЕВ

А. С. и У. Г. Данилевские отправляют во Франкфурт ответные письма на два письма[1] Гоголя (письма Данилевских не сохранились)[2].

[1] См. ***1847. Марта 18 <6>. Четверг. Неаполь***; ***1847. Мая 18 <6>. Вторник. Флоренция.***

[2] См. ***1847. Июля 10 <июня 28>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Октября 4 <16>. Суббота. Киев.***

ИЮНЯ 5 <17>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Женитьбы» и «Тяжбы» в Малом театре[1]; в ролях Кочкарева и Бурдюкова – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 323, 404.

[2] *Гриц*. С. 403.

ИЮНЯ 7 <19>. СУББОТА. МОСКВА

А. А. Григорьев пишет М. П. Погодину:

«Крепко запало мне в душу слово Гоголя: “с словом надобно обходиться честно”[1]; книга его осветила для меня всю бездну, в которой я стоял, – бездну шаткого безверия, самодовольных теорий, разврата, лжи и недобросовестности; позорно стало мне звание софиста, стыдно взглянуть на все свое прошедшее... “Лучше быть поденщиком”, – сказал я себе, и – видит Бог – я готов бы был камни таскать скорее, чем продолжать говорить самоуверенно то, что отвергает душа моя... <...>

...Спадает с меня постепенно гниль разочарования и безочарования, <...> снова способен я пламенно верить в добро...»

Григорьев А. Письма / Издание подготовили Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. М., 1999. С. 20–21.

[1] «Обращаться с словом нужно честно» (статья *IV. О том, что такое слово* «Выбранных мест из переписки с друзьями»).

ИЮНЯ 20 <8>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет письмо П. В. Анненкову (адресуя, вероятно, в Париж; письмо не сохранилось; получено Анненковым в Зальцбрунне), а также ответное[1] письмо к Н. Я. Прокоповичу и письмо к В. Г. Белинскому в Петербург (Белинский получил письмо Гоголя также в Зальцбрунне; туда его переслал из Петербурга Прокопович). Кроме того, в тот же день Гоголь написал ответные письма к Н. Н. Шереметевой[2] в Москву и к А. О. Смирновой[3] в Калугу.

Судя по почтовому штемпелю на письме к Прокоповичу[4], оно было отправлено из Франкфурта через день, 22 июня. Возможно, в тот же день были отправлены и другие письма.

В 1880 г. Анненков в мемуарном очерке «Замечательное десятилетие» вспоминал о несохранившемся письме к нему Гоголя от 20 июня (н. ст.) 1847 г.: «...Живя уже с больным Белинским на водах в Силезии, в Зальцбрун<н>е, я опять получил от Гоголя письмо, но уже мягкое и отчасти грустное письмо. Книга его "Переписка с друзьями" уже вышла и принесла ему такую массу огорчений, упреков, наконец, клевет и незаслуженных оскорблений, что он склонился под этой бурей общественного негодования, как тростник — до земли. Состояние его духа отразилось и на письме...»

В том же «Замечательном десятилетии» Аннненков добавлял: «Приближалось время окончания лечебного курса и нашего отъезда из Зальцбрунна. Белинский чувствовал себя гораздо лучше, кашель уменьшился, ночи сделались покойнее — он уже поговаривал о скуке житья в захолустьи. Почти накануне нашего выезда[5] из Зальцбрунна в Париж я получил неожиданное письмо от Н. В. Гоголя, извещавшего, что изданная им "Переписка с друзьями" наделала ему много неприятностей, что он не ожидает от меня благоприятного отзыва о его книге, но все-таки желал бы знать настоящее мое мнение о ней, как от человека, кажется, не страдающего заносчивостию и самообожанием. Это было первое письмо после того надменно-учительского[6], о котором говорено, и первое после короткой встречи нашей в Париже[7] и Бамберге[8]. Оно довольно ясно обнаруживало в Гоголе желание если не утешения и поддержки, то, по крайней мере, тихой беседы. В конце письма Гоголь неожиданно вспоминал о Белинском и кстати посылал ему дружеский поклон, вместе с письмом прямо на его имя[9], в котором упрекал его за сердитый разбор "Переписки" во 2-м № "Современника"[10]. Это и вызвало то знаменитое письмо Белинского о его последнем направлении, какого Гоголь еще и не выслушивал доселе, несмотря на множество перьев, занимавшихся разоблачением недостатков "Переписки", попреками и бранью на ее автора. Когда я стал читать вслух письмо Гоголя, Белинский слушал его совершенно безучастно и рассеянно, — но, пробежав строки Гоголя к нему самому, Белинский вспыхнул и промолвил: "А, он не понимает, за что люди на него сердятся — надо растолковать ему это — я буду ему отвечать"»[11].

Каким путем и в какой день дошло по адресу письмо, отправленное Гоголем Анненкову, достоверно не известно. Спустя полтора месяца, 12 августа (н. ст.) 1847 г., Гоголь, будучи в Остенде, написал Анненкову новое письмо (тоже в Париж), которое отправил одновременно с письмом к Белинскому от 10–12 августа (н. ст.) 1847 г.[12] В новом письме Гоголь, вопреки заявлению Анненкова, будто писатель «склонился» в то время под «бурей общественного негодования, как тростник — до земли», вновь обратился к Анненкову с рядом наставлений — в частности, призванных обратить последнего к изучению русской жизни[13].

Из письма к Прокоповичу: «Благодарю тебя за письмо. Оно мне принесло особенное удовольствие именно по следующей причине: я начинал уже было думать, что ты от должностных своих занятий, несколько черствых, заклёкнул и завял. Но слог письма бодр, мысль свежа. Почему тебе не попробовать пера? Что ни говори, способности не даются нам даром, и взыщется строго за неупотребленье их. У тебя же, судя по твоим школьным, еще писанным в Нежине, повестям, есть все свойства повествователя. Речь твоя лилась плодовито и свободно, твоя проза была в несколько раз лучше твоих стихов и уже тогда была гораздо правильней нынешней моей. Нет разве предмета о чем писать? Но разве ты не жил? Разве не видел людей? Разве не открывалась перед тобою душа человека? Разница в том, что она перед тобою раскрывалась, начиная с нежнейшего возраста. Или мир, тобою узнанный, считаешь ничтожным, непривлекательным, нелюбопытным для других? Но в таком случае нужно прежде доказать, что человек на тех мест<ах>, где ты его находил, не способен для высоких ощущений. Но мы с тобой знаем, что кадетский учитель имеет такие минуты, каких не доводится иметь и чиновнику, который неизвестно зачем стал преимущественным предметом пера. Может быть, точно, виноват в этом несколько и я. Как бы то ни было, но всё это такого рода вещи, о которых следовало бы тебе подчас подумать очень сурьезно. Тебя удивляет, зачем я так жаден слышать толки о моей книге. Затем, что я очень жаден знать людей, а в толках о моей книге все-таки более или менее обрисовывается передо мною человек со всем своим [вежеством] знанием и невежеством и, что всего важнее, открывает мне свое собственное душевное состояние, которое для меня еще важней его характеристики внешней, и которого, согласи<сь> сам, я бы никак не мог узнать без моей книги. Кстати о толках. Я прочел на днях критику во 2 № "Современника" Белинского. Он, кажется, принял всю книгу написанною на его собственный счет и прочитал в ней формальное нападение на всех разделяющих его мысли. Это неправда; в книге моей, как видишь, есть нападенье на всех и на всё, что переходит в крайность. Вероятно, он принял на свой счет козла[14], который был обращен к журналисту вообще. Мне было очень прискорбно это раздраженье не по причине жесткости слов, которых будто бы я не умею переносить: ты знаешь, что я могу выслушивать самые жесткие слова. Но потому, что, как бы то ни было, человек этот говорил обо мне с участием в продолжение десяти лет. Человек этот, несмотря на излишества и увлечения, указал справедливо, однако ж, на многие такие черты в моих сочинениях, которых не заметили другие[15], считавшие себя на высшей точке разумения перед ним. И я заплатил бы этому человеку неблагодарностью, когда я умею отдавать справедливость даже тем, которые выставляют на вид и отыскивают во мне одни недостатки! Напротив, я в этом случае только обманулся: я считал Белинского возвышенней, [и даже великодушней и] менее способным к такому близорукому взгляду и мелким заключеньям. Я не знаю, почему так тяжело вынести упрек в неблагодарности, но для меня этот упрек был тяжелее всех упреков, потому что в самом деле душа моя благодарна, и я люблю благодарить, потому что чувствую от этого собственное наслаждение. Пожалуста, переговори с Белинским и напиши мне, в каком он находится расположении духа ныне относительно меня. Если в нем кипит желчь, пусть он ее выльет против меня в "Современнике", в каких ему заблагорассудится выражениях, но пусть не хранит ее против меня в сердце своем. Если ж в нем угомонилось неудовольствие, то дай ему при сем прилагаемое письмецо, которое можешь прочесть и сам.

По всему вижу, что мне придется сделать некоторые объяснения[16] на мою книгу, потому что не только Белинский, но даже те люди, которые гораздо больше его могли бы знать меня относительно моей личности, выводят такие странные заключения, что просто недоумеваешь. Видно у меня темноты и неясности несравненно больше, чем я сам вижу. Еще одна просьба. Разузнай, пожалуста, какой появился другой Гоголь, будто бы мой родственник. Сколько могу помнить, у меня родственников Гоголей не было ни одного, кроме моих сестер, которые, во-первых, женского рода, а во-вторых, в литературу не пускаются. У отца моего были два двоюродных брата[17] священника, но те были просто Яновские, без прибавления Гоголя, которое осталось только за отцом [как происходившим по прямой линии][18]. Если появивший<ся> Гоголь[19] есть один из сыновей священника Яновского, из которых я, однако ж, до сих еще <пор> не видал своими глазами никого, то в таком случае он может действительно мне приходиться троюродным братом, но только я не понимаю, зачем ему похищать названье Гоголя. Не потому я это говорю, чтоб стоял

так за фамилию Гоголя, но потому, что в самом деле от этого могут произойти какие-нибудь гадости, истории с книгопродавцами, обманы и подлоги в книжном деле. Я потому и прошу тебя для избежания всяких печатных огласок известить лично книгопродавцев, чтобы они были осторожны, и если кто явится к ним под именем Гоголя и станет что-нибудь предлагать или действовать от моего имени, то чтобы они помнили, что собственно Гоголя у меня родственника нет... <...> Адресуй в Франкфурт-на-Майне...»

Из письма к Белинскому: «Я прочел с прискорбием статью вашу обо мне во втором № "Современника". Не потому, чтобы мне прискорбно было то унижение, в которое вы хотели меня поставить в виду всех, но потому, что в ней слышится голос человека, на меня рассердившегося. А мне не хотелось бы рассердить даже и не любившего меня человека, тем более вас, о котором я всегда думал, как о человеке меня любящем. Я вовсе не имел в виду огорчить вас ни в каком месте моей книги. Как это вышло, что на меня рассердились все до единого в России, этого я покуда еще не могу сам понять. Восточные, западные и неутральные[20] — все огорчились. Это правда, я имел в виду небольшой щелчок каждому из них, считая это нужным, испытавши надобность его на собственной своей коже (всем нам нужно побольше смирения), но я не думал, чтоб щелчок мой вышел так грубо неловок и так оскорбителен. Я думал, что мне великодушно простят и что в книге моей зародыш примирения всеобщего, а не раздора. Вы взглянули на мою книгу глазами рассерженного человека и потому почти всё приняли в другом виде. Оставьте все те места, которые покаместь еще загадка для многих, если не для всех, и обратите внимание на те места, которые доступны всякому здравому и рассудительному человеку, и вы увидите, что вы ошиблись во многом. <...>

Не легко было <...> решиться и на подвиг выставить себя на всеобщий позор и осмеяние, выставивши часть той внутренней своей клети[21], настоящий смысл которой не скоро почувствуется. Уже один такой подвиг должен был бы заставить мыслящего человека задуматься и, не торопясь подачей собственного голоса о ней, прочесть ее в разные часы своего душевного расположения, более спокойного и более настроенного к своей собственной исповеди, потому что в такие только минуты душа способна понимать душу, а в книге моей дело души. Вы бы не сделали тогда тех оплошных выводов, которыми наполнена ваша статья. Как можно, например, из того, что я сказал, что в критиках, говоривших о недостатках моих, есть много справедливого, вывести заключение, что критики, говорившие о достоинствах моих, несправедливы? Такая логика может присутствовать в голове только раздраженного человека... <...> Ну а что, если я долго носил в голове и обдумывал, как заговорить о тех критиках, которые говорили о достоинствах моих и которые по поводу моих сочинений разнесли много прекрасных мыслей об искусстве? И если я беспристрастно хотел определить достоинство каждого и те нежные оттенки эстетического чутья, которыми своеобразно более или менее одарен был из них каждый? И если я выжидал только времени, когда мне можно будет сказать об этом, или, справедливей, когда мне *прилично* будет сказать об этом, чтобы не говорили потом, что я руководствовался какой-нибудь своекорыстной целью, а не чувством беспристрастья и справедливости? Пишите критики самые жесткие, прибирайте все слова, какие знаете, на то, чтобы унизить человека, способствуйте к осмеянью меня в глазах ваших читателей, не пожалев самых чувствительнейших струн, может быть, нежнейшего сердца, — всё это вынесет душа моя, хотя и не без боли и скорбных потрясений. Но мне тяжело, очень тяжело (говорю вам это истинно), когда против меня питает личное озлобление даже и злой человек, не только добрый, а вас я считал за доброго человека. Вот вам искреннее изложение чувств моих!»

Письмо к Белинскому было отправлено Гоголем в Петербург вместе с письмом к Прокоповичу — и было получено Белинским в Зальцбрунне (Силезия), где лечился критик (ныне г. Щавно-Здруй в Польше). Это произошло 12 июля (н. ст.) 1847 г.[22]

Прокопович получил письма Гоголя в Петербурге 18/30 июня 1847 г.[23] и вскоре передал послание, адресованное Белинскому, приятелю критика Н. Н. Тютчеву (1815–1878), который, в свою очередь, возможно, отправил гоголевское послание — вместе с собственным письмом к Белинскому — в редакцию «Современника». При этом в письме к Белинскому от 22 июня/4 июля 1847 г. Н. Н. Тютчев пересказал содержание

письма Гоголя к Прокоповичу от 8/20 июня 1847 г.: «Прилагаемое письмо принес мне вчера Прокопович. Вместе с тем он прочел мне письмо, которое он получил сам. Там сказано, “что из вашей статьи видно, что Вы приняли его последнее сочинение как манифест против себя и всех ваших знакомых, что он такого воззрения не ожидал с вашей стороны, и что ему ваша статья была тем больнее, потому что вы 10 лет говорили о нем с любовью, разъяснили читающей публике много, и указали те многие достоинства, которых кроме вас никто не подметил”[24]. Но гораздо более странно – интереснее другое место письма к Гоголю <так в публикации; следует: к Прокоповичу>. Он спрашивает: “Какой появился *новый Гоголь?* в русс<кой> лит<ературе>”? – просит предуведомить книгопродавцев – для предупреждения обмана, и почти грозит печатным объяснением. – Возвращаясь к своей книге, он говорит, что всеобщее восстание против нее вынудит его к печатным объяснениям. – Затем прощайте. – Что это никто из вас не пишет ни слова, ни вы, ни Т<ургенев>, ни А<нненков>. <...> Некрасов побывал в Москве и заключил с кем следует союзы, особенно с В. П. Б<откиным>...»[25]

Между 25 и 27 июня (7 и 9 июля н. ст.) 1847 г. франкфуртское письмо Гоголя к Белинскому от 8/20 июня 1847 г. было, наконец, отправлено из Петербурга в Зальцбрунн, о чем 27 июня / 9 июля Прокопович сообщал Гоголю: «Я несколько виноват перед тобою, что не известил тебя в прошлом письме об отъезде Белинского за границу: тогда письмо твое к нему не прогулялось бы понапрасну сюда. Но все равно, оно отправилось по первой же почте к нему в Силезию в Зальцбрунн, откуда ты, вероятно, и получишь от него ответ». В ответном письме к Гоголю, начатом 12–15 июля (н. ст.) 1847 г. в Зальцбрунне и отправленном 17 июля (н. ст.) 1847 г. из Дрездена, Белинский сообщал: «...Нынешним летом начинающаяся чахотка прогнала меня за границу, и N <имеется в виду либо Н. Я. Прокопович, либо Н. Н. Тютчев, либо Н. А. Некрасов> переслал мне ваше письмо в Зальцбрунн, откуда я сегодня же <15 июля (н. ст.)> еду с Ан<ненковым> в Париж через Франкфурт-на-Майне».

Из письма к Шереметевой: «Благодарю вас, добрейший друг мой, за письма, которыми вы меня не оставляете. Ваши слова, что упреки, даваемые кому бы то ни было, должны сопровождаться любовью искренней к тому, кого попрекаешь, очень справедливы. Нужно слишком много любви, чтобы уметь сделать истинно полезным другому упрек наш. И притом какой любви! нежной, сострадательной, полной снисхожденья к бедной и слабой нашей природе, ничего не умеющей переносить, как нужно. Отныне постараюсь это иметь в виду неотлучно во всех сношеньях с кем бы то ни было, если придется в чем попрекнуть. <...> Дух мой, который, признаюсь, по немощи моей, было уже немного поупал и поколебался, воздвигнулся вновь и как бы еще сильней стал. <...> С другой стороны меня радует то, что после этих тревог хочется сильней в Иерусалим, и сердце как бы говорит мне, что там найду искомое. <...> Ваши молитвы теперь еще нужней, чем прежде. Не ради их ли укрепил меня Бог и хранит? Адресуйте во Франкфурт-на-Майне».

Из письма к Смирновой: «Я получил ваше маленькое, но очень милое письмецо от 22 мая. <...> Бог милостив; я надеюсь, что Он и без моих [нич<тожных>] бессильных и вялых молитв восстановит вас и что, вероятно, вы уже разрешились, по Его милости, благополучно. От вашего братца, Арк<адия> Осиповича, я получил такое прекрасное и такое *нужное* письмо[26], что не знаю, как благодарить его. Он собрал в нем все толки, какие случилось ему слышать о моей книге, и прибавил в конце собственные свои. Я бы очень желал, чтобы вы упросили и другого вашего братца, Клементия Осиповича[27], сделать то же, то есть собрать все толки тех лиц, которых суждения случилось ему слышать, присоединивши к тому и портреты их самих, и присоединить в заключенье и свой собственный вывод как о книге моей, как о толках на мою книгу, так равно и людях, подымающих толки. <...> Вы же никак не огорчайтесь всякими печатными статьями вроде Павлова, в которых, как вы пишете, слышна лакейская натура. Какова бы ни была натура того, который пишет (это его дело, и за это он даст ответ, а не я), но тем не менее мне нужно после всякой такой статьи осмотреться получше на самого себя и замотать, как говорится, многое себе на ус. И это уже совершенно мое дело, за это я дам ответ, а не кто другой. Я не знаю ни одной статьи, которая бы чему-нибудь меня не научила, так что, чем далее, тем более вижу истину слов: “Всё может нас учить, если только захочешь сам учиться”. Я знаю только одного моего приятеля, очень почтенного во всех отношениях человека, от которого одного я ничему не научился. Этот приятель мой есть бедный Погодин. Всё, что ни говорил он обо мне и мне, всё было невпопад. Ни разу во всю жизнь свою не определил мне справедливо ни одного моего действия. Вы можете сами постигнуть, каково было положенье мое с этим чело-

веком в те поры, когда я сердился на всякую напраслину, особливо когда эта напраслина возводится на нас любящим нас человеком. А человек этот, точно, любил меня, но по-своему, [вроде того медведя] но от этой любви мне приходило до слез. Теперь, разумеется, всё это прошло. Я сам пришел в положение человека, могущего о себе слышать всё хладнокровно. Он, кажется, сам почувствовал, что я его не отталкиваю и что я хочу стать с ним в прямые отношения, но при всем том (изумительное дело!), как только заговорит он обо мне или о моей книге, по мере того, как он отыскивает в ней меня, — всё до последне<го> слова невпопад, так что Булгарин, Сенковский, Павлов и наконец все щелкоперы и наездники, которые налетают [на мою книгу] в еженедельных газетах затем, чтобы порисоваться самому и показать, что и у него есть чем боднуть, словом — самый несправедливейший и бранчивый из них сказал мне что-нибудь нужного принять к сведенью, один он ничего, — кроме разве той истины, которою мне, без сомнен<ия>, следовало бы воспользоваться, а именно: уметь вынести полное исковерканье себя, смолчать всё, — принять на свой счет и не хотеть оправдаться. Я бы очень желал, чтобы вы познакомились с ним[28], расспросили бы его сами, каких он мыслей обо мне, не сердясь ни на что и руководствуясь изрядным запасом терпения. Оправдывать меня перед ним не нужно. Лучше всего, если бы его можно было возвести до христианского сознания, что он может ошибиться, что весьма трудно судить о таком человеке, который еще строится, но не состроился, и потому весь внутри, что здесь можно всякое действие принять ошибочно, истолковав его в другую сторону, что такого человека может понять разве один такой, который сам тоже строится. Словом, если бы могли его убедить хотя в справедливости этой мысли, то это было бы уже доброе дело. Положение подобных людей, точно, жалко. Как бы то ни было, но они должны страдать обо мне, если только меня любят. Они теперь точно малые дети, и у них Бог весть что в голове: они, например, думают, что я имею необыкновенную страсть к знатным[29], знакомлюсь только с ними, что для меня незнатный человек, будь благороднейший и высоких добродетелей, нипочем; словом, такие вещи, что мне сделалось даже стыдно писать о себе, не только разуверять. Не позабудьте при этом, что Погодин, сверх того, еще истинный христианин, который очень расположен видеть собственные недостатки. Но он до такой степени позабывчив, что его во всяком деле и действии нужно приводить ко Христу. Ставши лицом к самому Христу, он вдруг опомнится и увидит как следует вещь. На миг отнесешь от него образ Христа — он вдруг отдалится от справедливого воззрения на житейское дело. И думает уже обо всем вновь как Погодин, а не как христианин. Если вы будете когда-либо в Москве, не позабудьте также познакомиться с Шевыревым[30]. Человек этот стоит на точке разумения, несравненно высшей, чем все другие[31] в Москве, и в нем зреет много добра для России. Я вам также писал несколько о Вигеле в прежнем письме[32] и просил вас не позабыть его также в ваш проезд. Я всегда о нем думал, что он умный и притом честный и благородный человек, в чем согласны были все знавшие его недостатки и грехи, но я никогда не думал, чтобы он так высоко чувствовал и умел понимать вещи, как увидел теперь из его письма, и мне стало очень грустно за его одиночество. Но прощайте. Будьте бодры духом! Не смущайтесь ничем и предоставьте всё Богу, который так умно всё делает, как нам и во сне не может привидеться. Недуги ваши, верно, дело свое сделали: душа ваша стала, верно, еще лучше и колебалась затем, чтобы сделаться чрез то тверже и крепче, а от нее окрепнет и тело, которое зависит всё от состоянья души. Во мне тоже было несколько смущался и колебался дух, затем, чтобы стать покрепче: [подоб<но>] недаром говорят, что деревья, шатаемые ветром, пускают глубже в землю корни[33]. Зато теперь яснее передо мною путь мой, и никогда еще не хотелось мне так в Иерусалим, как теперь. <...> Адресуйте по-прежнему в Франкфурт».

[1] См. ***1847. Мая 12 <24>. Понедельник. День Святого Духа. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1847. Апреля 24 <мая 6>. Четверг. Москва***; ***1847. Апреля 25 <мая 7>. Пятница. Москва.***
[3] См. ***1847. Мая 22 <июня 3>. Четверг. Калуга.***
[4] См.: *Городецкий*. С. 463.
[5] 15 июля (н. ст.) 1847 г.
[6] См. ***1844. Мая 10 <апреля 28>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***
[7] См. ***1846. Мая конец <мая средина>. Париж.***
[8] См. ***1846. Июля между 6 и 19 <между июня 24 и июля 7>. Бамберг.***

[9] Имеется в виду письмо Гоголя к Белинскому от 8/20 июня 1847 г. из Франкфурта. Вопреки сообщению мемуариста, это послание, по-видимому, не было приложено к письму Гоголя Анненкову от того же числа, но, возможно, пришло отдельно (см. выше).

[10] См. ***1847. Февраля 7 <19>. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1847. Мая 8 <апреля 26>. Суббота. Неаполь*** (примечания).

[11] *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод.* Т. 3. С. 516, 517–518.

[12] См. ***1847. Августа 12 <июля 31>. Четверг. Остенде.***

[13] См. ***1847. Августа 12 <июля 31>. Четверг. Остенде*** (примечания); ***1847. Августа 24–25 <сентября 5–6>. Воскресенье-понедельник. Москва*** (примечания).

[14] Имеется в виду соответствующее высказывание о «журнальных вождях» в главе *VII. Об Одиссее, переводимой Жуковским* «Выбранных мест из переписки с друзьями». Это обращение Гоголя к «журналистам вообще» имело тем более знаковый характер, что их деятельность он ставил в один ряд с пагубными явлениями последних времен. Кроме сравнения «журнальных вождей» с «козлами» — апокалиптическими «козлищами» (Мф. 25, 32–33), об этом же свидетельствует гоголевская характеристика «журнальной литературы» в заключительной статье «Переписки с друзьями» *XXXII. Светлое Воскресенье.* Апокалиптическая сущность современной прессы подчеркивается здесь в именовании ее «всепогубляющей саранчой» (см.: Откр. 9, 3), что «на крыльях журнальных листов <...> нападает на сердце людей повсюду»: «...Уже одна чистая злоба воцарилась наместо ума».

[15] Подробнее см.: ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва*** (примечания).

[16] Подразумевается «Авторская исповедь» (см. ***1847. Июня 10 <мая 29> – июля 10 <июня 28>. Франкфурт-на-Майне***).

[17] Меркурий Кириллович и Савва Кириллович Яновские.

[18] См. ***1674. Декабря 6. Воскресенье. Польский королевский лагерь под Кальником***; ***1679. Января 7 или 9. Вторник или четверг. Межигорский Спасо-Преображенский монастырь (близ Киева)***; ***1788. В течение года. Киев.***

[19] Возможно, Гоголь имеет в виду Степана Меркурьевича Яновского.

[20] Нейтральные.

[21] См. также ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Москва***; ***1847. Июля 8 <июня 26>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[22] См. ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн.***

[23] См. ***1847. Июня 18 <30>. Среда. Санкт-Петербург.***

[24] Подробнее см.: ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва*** (примечания).

[25] В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948. С. 278; *Свод.* Т. 3. С. 528.

[26] См. ***1847. Марта 12 <24>. Среда. Санкт-Петербург.***

[27] Россет.

[28] Знакомство Смирновой с Погодиным состоялось в 1845 г. (см. ***1845. Ноября 3 <15>. Суббота. Москва***). – См. также ***1846. Мая 15 <27>. Среда. Москва.***

[29] См. ***1847. Апреля 10 <22>. Четверг. Москва.***

[30] С Шевыревым Смирнова познакомилась 15 января 1846 г. (см. ***1846. Мая 16 <28>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва***).

[31] См. также ***1827. Января 1. Суббота. Праздник Обрезания Господня. Москва*** (примечания); ***1835. Марта 10. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4> – 1846. Мая 6–8 <апреля 24–26>. Рим*** (примечания).

[32] Это письмо Гоголя до нас не дошло (см. ***1847. Июня 10 <мая 29> – июля 10 <июня 28>. Франкфурт-на-Майне***).

[33] См. ***1843. Ноября 19 <7> – 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца*** (примечания).

ИЮНЯ 22 <10>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь отправляет письмо к графу А. П. Толстому в Париж, а также несколько писем, написанных 20 июня (н. ст.) 1847 г.[1], – в Париж П. В. Анненкову, в Петербург Н. Я. Прокоповичу и В. Г. Белинскому, в Москву Н. Н. Шереметевой и в Калугу А. О. Смирновой.

Из письма к Толстому: «Ожидал, ожидал извещенья вашего о том, куды вы и как, и когда, и – по обыкновенью – вновь не дождался, а между тем истек уже почти месяц с тех пор, как мы с вами

расстались[2], мой наидобрейший и наилюбезнейший Александр Петрович, которому хотел бы я от души вставить в уста наипрекраснейшие зубы, а в душу, которая, слава Богу, и без того хороша, наижеланнейшее спокойствие и веселие. Но как быть! ничего нам не дается по тех пор, пока, отказавшись от собствен<ных> желаний, не благословим, сложа руки крестом, именно то самое состоянье, какое послал нам Бог. <...> Посылаю вам, между прочим, счет, по которому я заплатил за вас в Hotel d'Angleterre (будто бы незаплаченный прежде). Вы, пожалуста, его берегите, не то вас как раз заставят заплатить еще раз. Здесь, как я заметил (да и вообще везде во всех как просвещенных, так и непросвещенных землях), это в обычае. <...> Графине душевный поклон. <...> Скурыдину[3] передайте также поклон».

[1] См. ***1847. Июня 20 <8>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).
[2] См. ***1847. Июня 6 <мая 25>. Воскресенье. Париж.***
[3] Михаил Сергеевич Скурыдин (Скуридин).

ИЮНЯ 10 <22>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получает письмо Гоголя из Франкфурта, с вложением письма к князю П. А. Вяземскому[1] (на письме имеется почтовый штемпель: «Получено 1847. Июн<ь> 9 вечер»; и помета Плетнева: «П<олучено> 10 Июня 1847»[2]).

В тот же день, 10 июня 1847 г., Плетнев отправил письмо Гоголя Вяземскому, с запиской:

«Имею честь препроводить к вашему сиятельству письмо Гоголя, в сию минуту полученное мною в пакете на мое имя. Гоголь теперь во Франкфурте на Майне, куда просит и отсылать к нему письма, адресуя их в русское посольство. Я от Гоголя узнал следующие новости. Жуковский отложил намерение приехать в С<анкт>п<етер>б<ург> нынешним летом. Он с больною женою своею останется в Интерлакене в Швейцарии. Итак, о юбилее[3] и хлопотать нечего. <...>

Гоголь написал еще какую-то книжку, которая, по его словам, должна возвратить публику к чтению его "Переписки с друзьями". И потому он настоятельно требует от нас, чтобы мы ему доставили для просмотру ненапечатанные места его книги (рукопись уже возвращена мне графинею А. М. Виельгорскою)»[4].

[1] См. ***1847. Июня 10 <мая 29> — июля 10 <июня 28>. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Июня 12 <мая 31>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[2] *Городецкий.* С. 455.
[3] Ср. ***1849. Января 29. Суббота. Санкт-Петербург.***
[4] *Свод.* Т. 1. С. 697.

ИЮНЯ 14 <26>. СУББОТА. МОСКВА

С. П. Шевырев отправляет письмо к Гоголю во Франкфурт, с вложением копии четвертого письма Н. Ф. Павлова о «Выбранных местах из переписки с друзьями»[1] и ответного[2] письма Д. К. Малиновского Гоголю от 1–12 апреля 1847 г.

Из письма Шевырева: «Посылаю тебе, любезный друг, два письма, полученные на твое имя, одно из них[3] от Малиновского, и копию с 4-го письма Павлова о твоей книге. Третье письмо Павлова не было не только напечатано, но даже и написано. Так мне сказывал автор, которому я это выговаривал, особенно после того, как в публике разошелся слух, что третьего письма не пропустила цензура. Я не понимаю, почему он нарушил порядок числительный».

Из статей Павлова, посвященных «Выбранным местам из переписки с друзьями», в 1847 г. в «Московских Ведомостях» были напечатаны первая, вторая и четвертая (согласно авторскому обозначению)[4]. На то, что третье письмо Павлова (не обнаруженное до сих пор) существовало, указывают слова самого автора в подстрочном примечании к четвертому письму: «Помещение третьего Письма, по обстоятельствам, отлагается до другого времени»[5]. О том же могут свидетельствовать слова В. П. Боткина в письме к А. А. Краевскому от 3 апреля 1847 г. из Москвы: «Вы конечно заметили в <Московских> Ведомостях "Письма к Гоголю" Н. Ф. Павлова. Вот образцовая критика, критика, напоминающая манерой своей Вольтера: Павлов бьет Гоголя его же оружием, и я не знаю, каково-то будет чувствовать себя он, читая эти письма. Их будет несколько; 3-е письмо превосходно»[6].

Высказывались предположения, что третье «письмо» Н. Ф. Павлова (которое могло быть написано в период с 30 марта по 2 апреля 1847 г.) не было пропущено цензурой. Впервые это мнение высказал А. И. Герцен в беседе с В. Г. Белинским[7]. Мнение Герцена позднее было поддержано исследователем В. П. Вильчинским, полагавшим, что неизвестная статья Павлова не попала в печать «по соображениям цензурного порядка»[8]. По мнению Вильчинского, Гоголь даже читал третье письмо Павлова, о чем якобы могут свидетельствовать слова Гоголя в письме к Шевыреву от 7 июля (н. ст.) 1847 г.[9]: «Доказательством вероятности этого предположения служит следующее. В письме к Шевыреву от 7 июля 1847 г. Гоголь благодарит за пересылку "двух критик Павлова" и сообщает, что, по его мнению, "обе критики... слабее первых" (разрядка моя. — *В. В<ильчинский>*). Таким образом, можно думать, что до получения двух последних критических писем Павлова Гоголь читал письма к нему на ту же тему (о существовании их Шевырев мог и не знать). А что этих писем было, как минимум, два, свидетельствует то место из письма, где говорится о "первых" (а не о "первой") критиках, употребляется форма множественного числа, которую мы не имеем никаких оснований считать опиской»[10].

История получения Гоголем статей Павлова показывает, что гипотеза Вильчинского нуждается в дополнительной аргументации — и без этого не может быть принята. Первое письмо Павлова было послано Гоголю Шевыревым 22–23 марта 1847 г.[11], второе — 16 апреля 1847 г.[12]

25 мая (н. ст.) 1847 г. Гоголь сообщал Шевыреву из Марселя: «Перед самым выездом из Неаполя получил твои два пакета, со вложением двух критик из газет...» (Гоголь выехал из Неаполя 29 апреля/11 мая 1847 г.). Судя по содержанию письма, в пакетах были первая статья Павлова и статья А. А. Григорьева. Позднее, отвечая Шевыреву на настоящее письмо (т. е. на письмо от 14/26 июня, с «копией с 4-го письма Павлова»), Гоголь 7 июля (н. ст.) 1847 г. писал: «Два письма твои, со вложением писем и двух критик Павлова, получил. <...> Обе критики Павлова значительно слабее первых»[13]. Очевидно, вместе с письмом от 14/26 июня 1847 г. было получено и письмо от 16 апреля 1847 г. (со второй статьей Павлова). Получив таким образом, вторую и четвертую статьи Павлова, Гоголь не мог противоставлять их «первым» статьям того же Павлова (так как «первыми» в таком случае оказывались бы не первая и вторая, а первая и третья статьи). Следует предположить во фразе Гоголя: «Обе критики Павлова значительно слабее первых», — либо описку (и читать: «...слабее первой»), либо полагать, что под «первыми» Гоголем подразумеваются те «две критики из газет» (первая статья Павлова и статья Григорьева), которые были получены им с письмом Шевырева от 22–23 марта 1847 г. при выезде из Неаполя 11 мая (н. ст.). Во всяком случае, когда позднее, в августе 1848 г. (до 24-го числа), Гоголь перечитал статьи Павлова и написал их автору письмо по этому поводу, то речь в нем шла только о трех опубликованных письмах, и никакое другое, неопубликованное письмо не подразумевалось: «Я читал со вниманием и несколько раз ваши письма, напечатанные в "Москов<ских> Ведом<остях>". Возвратившись в Россию, я перечел их еще раз, над многим задумался»[14].

Далее в письме к Гоголю Шевырев сообщал: «Недавно я послал тебе по твоей просьбе 3 тома летописей и "Русские праздники" Снегирева[15]. Все это доставит тебе кн<язь> А. Волконский, который уже извещал меня из Варшавы, что получил эти книги от Похвиснева[16], который их взял с собою. Лежат у меня еще "Пословицы" Снегирева[17] для тебя, да не знаю, с кем их отправить, а тогда не мог достать. Первой оказии не пропущу.

На письма твои буду отвечать следом. И без того пакет велик. Мне нравится твое расположение духа. Ответ Павлову очень значителен. Требование примиряющего с жизнию от лежащих на боку много меня рассмешило. Щепкин не решился собраться к тебе. Я его понукал[18]. Он, как думаю, находится под разными влияниями издателей "Современника", тебе не сочувствующих. В нем есть какая-то перемена не совсем в его выгоду как художника и как старика. Хорошо бы было, если бы ты сам за него взялся. А вы оба были бы друг другу полезны. Я собираюсь в путь. Скажу после. <...> Мой 2-й выпуск[19], верно, уже есть у Жуковского».

Из письма к Гоголю Малиновского:

«1847 г. 1-е Апреля.

<...> Принесши вам искреннюю благодарность за ваш ответ, спешу и сам на него отвечать. — Признаюсь вам откровенно, послав вам свои записки, я не раз раскаивался и внезапно краснел от мысли, что так безрассудно обеспокоил вас. <...> Я читал ваши сочинения и — не по толкам журналистов, не по говору всей публики, а сам по себе, по указанию души — нашел в них поэта, какого не встречал: ваша поэзия — не указываю ей места высокости — ваша поэзия так изумительна, так полна, так богата обилием жизни, что, кажется, вишни у старосветских помещиков так вишнями и пахнут, сады в Миргороде так и отдыхают под солнцем, солнце так и печет их, так и светит и на пыльные немощеные <*нрзб.*>ытые улицы и на душистые, высокотравные роскошные степи и... и т. д. и т. д. ... Хоть жарко, а Иван Иваныч все-таки идет к Ивану Никифоровичу... да впрочем, об чем я вам говорю? Вы это все знаете и чувствуете и наслаждаетесь гораздо больше моего. Я также наслаждался, читая, от<к>рывал малейший намек на картину, на красоту, и пораженный вашим могуществом вызывать то, что скрыто у нас на душе, оставлял книгу, созерцал ваши картины и так любил их, так наслаждался ими, как будто я их видел когда-то в младенчестве, и мне было как-то и радостно и грустно и я даже почти мог плакать. Ваша поэзия пахнет действительностию и жизнию. <...>

Вы пишете: если Бог поможет мне устроиться, из меня может выйти человек полезный и нужный. <...> ...Я всегда забывал средину и задавал себе задачи выше сил. <...> Но я много уклонился от совершенствования. Разочаровавшись в недоступной великости своей, я хотел сделаться хорошим обыкновенным человеком, мне сначала должно было забыть утрату, и я пустился искать тех удовольствий, над которыми прежде смеялся. Недаром я над ними смеялся, они в самом деле пусты. Для меня они были и вредны. <...> Да, в нынешний век замотался человек. Даже самые старички, ревнители нравственных догматов, и те стали холоднее к ним. Да, равнодушие, за которым прежде гонялись как за модою, теперь само всех погоняет. <...> Боюсь я этого равнодушия, боюсь! хочу употребить для своего исправления меры положительные. <...>

2-е Апреля.

<...> ...Я истинно сокрушаюсь о себе, искренно жажду исправления и, без всякого лицемерия, почти отчаялся в возможности исправиться. <...>

Понимаете ли, в чем мое горе? В том, что я слит из высокого и самого пошлого. <...> Силы, силы нет во мне, воли, воли нет — вот мое горе, крайняя слабость — мое горе. <...> ...И жизнь моя в том пройдет, и буду я замечателен, так, как жертва, жертва душевной слабости — ничем не замечателен... <...> Вот моя болезнь, от нее-то мне надо лекарство. Что за дело, что у меня есть, может быть, воображение, фантазия, искры творчества? И это пропадет, как пропадет жизнь моя, как пропадет душа. Откровенно вам скажу, я гордился бы ими, если б они у меня были, но считаю их побочными, дарами частными, положим, нужными для других, но для меня только приятными; грех их зарыть, но я готов на этот грех, готов молчать всю жизнь, хоть будь у меня в груди пророческие истины: а мне жаль души своей, жаль обратиться в ничтожество, потерять истинное о себе мнение, мне жаль себя — для себя, из эгоизма. Спасите меня, спасите, если можете! Там... что будет, то и хорошо. <...>

Вы знали Пушкина, я его не знаю, но мне кажется, что если б вы его спросили, что он думает об жизни — он ответил бы: не знаю. Руссо я <...> слышал, что он заблуждался, и мне чувствуется, что на него просто жаль было смотреть: бедняжка! не вынесла слабая организация всех впечатлений! он уничтожился, уничтожился собственными мыслями и чувствами! Вольтер... говорят, и Бога отверг. Байрон <...> имел ли он истинное понятие о жизни? <...> был ли у него светлый, настоящий взгляд, были ли даже постоянные убеждения? Баратынский, тихий, нежный цветок между людьми, <...> не знает, что он такое, зачем призван и что ему делать? Вот коллекция ***развитых*** умов, умов даровитых, природою отмеченных — и результат этих умов? (Я не об творениях их говорю.) Открыли ли они человеку что <*1 нрзб.*> о его бытии? <...> Они все грустили, все были недовольны, спрашивали: "дар напрасный, дар случайный — жизнь! зачем ты мне дана?.."[20] А ответ ни один не

дал. <...> Теперь к вам обращаюсь, скажите вы мне: что значит человек в жизни? Оставьте на время Евангелие, ответьте мне как *философ*, ученый, знающий, умный, опытный, живший, наблюдавший человек? Вы непременно, мне кажется, должны сказать: значение удивительное! Человеку непостижное! Знает про это Бог, человек может знать только то, что указал ему Бог. Не знаю, точно ли вы это скажете, а если скажете, то я думаю вот что: мир еще не достиг разумения, жизнь ведется не так, как должно и... какая обязанность людей умных? Тут я невольно останавливаюсь и читаю вам панегирик за ту мысль, до которой вы дошли, радостно благодарю вас за выдачу в свет ваших писем[21]. Но... еще много тут не сделанного, не дознанного, не объятого. Поставить свет на ноги — О!.. Боже, благослови труд!.. <...>

Не легко сказать свету: ты не так стоишь! Во-первых, свет на тебя восстанет и ты, встретив несочувствие и гордое упрямое сопротивление, изнеможешь, устанешь отстаивать правду. Горе, огорчение, пожалуй, мизантропия будет не вашим уделом. Но положим, истина, защищаемая высшим умом, зажмет рот не всякому — тщета твоих слов может тебя обезоружить. Мир говорит тебе: да! да! твоя правда! и потом забыл слова твои; прочел, позевал, побранил, похвалил, насладился и чрез час как встрепан<н>ый: даже и не подумал заметить, что в словах твоих была ему не потеха, а счастие, вся жизнь твоя, посвященная его благу. И ты, разочарованный, обманутый, смотришь во все глаза, и не знаешь, какую и мысль себе в голову вставить, как и к чему ум приложить, и досадуешь до слез на самого себя, стыдишься своей выходки... одним словом — как оплеванный. Вот участь ментора у взбалмошного, хоть и доброго, но капризного и отчасти глупого ребенка. <...> Но пускай ментор тверд и разумен, он предвидел восстание, неблагодарность, встретил их как необходимость и наградою себе кладет высшую награду в самом добре своем, утешение ждет от Бога, от дальнейших успехов — еще вопросы: как дознать одобрение Божие?.. <...> Почем знать, одобряет ли Бог труды мои? Может быть, Он еще ставит мне в грех то, что я возгордился, забыл Его предусмотрительность и промысл и бросился без святого призвания на кафедру пророка? <...>

Когда вы писали Миргород, Старосветских помещиков, Тараса Бульбу, скажите мне, помышляли ли вы о пользе? Мне этого не кажется; вы, вероятно, писали, потому что писалось, а писалось, потому что живо представлялось и жаль было покинуть, не пустить жить Ивана Иваныча, Ивана Никифорыча, Афанасия Иваныча, Пульхерию Ивановну и Бульбу с его кружком. Скажите же, написавши, теперь, вы считаете эти повести полезными для человечества? Не было ли это игрушкой для вас, не есть ли это игрушка и для света? Я пока не знаю. Идеею, зародышем *Мертвых душ* была польза, но думали ли вы о пользе, когда писали, когда заставляли действовать Собакевича, Манилова, Чичикова? Мне кажется, во время творчества забывается польза и присутствует в творце какое-то удовольствие, что-то в роде радости. Началом подобных произведений может быть мысль о пользе, но чтобы эта мысль проникнула весь акт производства — этого я что-то не могу себе представить. А результат такого дела есть ли польза? <...> Вы говорите, что понимаете *Мертвые души* как полезную вещь; я никак не могу понять заметной их пользы. Вы говорите[22], что Пушкину стало грустно, когда он прочел начало *Мертвых душ*; я до того в этом отношении туп, что не только при первом прочтении их не почувствовал грусти, но даже и теперь по указании не могу ощутить неприятного чувства, читая. Вы говорите, помнится мне, что вы виноваты пред русским человеком и всклепали на него частные недостатки, сшили его из одних недостатков; с этим я не согласен, и разве это только наводит меня на мысль о пользе *Мертвых душ*. Отчего грустите? Разве *Мертвые души* со всеми своими героями, со всеми своими пороками уничтожат, уничтожают добродетели русского человека, какие в нем есть? Может быть, эта-то мысль, что, где видишь казнь, там не все живут злодеи, и не позволила мне грустить[23]. <...> Можно сказать, что при чтении *Мертвых душ* я только наслаждался высоким произведением. Почему же вы себя обвиняете? Я не понимаю. Разве лица *Мертвых душ* мертвы? разве они не живые люди? Помилуйте, они вовсе не сшиты, а взяты у натуры; разумеется, они не сняты с каких-нибудь живых индивидуалов, но все-таки взяты живьем из русской натуры и их пороки и недостатки вовсе не чужие, а их собственные. Что ж делать, вы не виноваты, что у них нет добродетелей. Вам приходится обвинять себя только в том, зачем вы не взяли какого-нибудь небывалого героя, зачем не постарались скрыть, спрятать то, что заметили дурного; так ведь есть пословица: не тот вор, кто крадет, а тот,

кто прячет. Вы взяли свои пороки и ими наделили Чичикова, Ноздрева, Собакевича? Извините, мне право кажется, что вы немного ошибаетесь. Вы только напали в Русском человеке на те пороки, которые и в вас есть и в ваших знакомых есть. Разве эти пороки только в вас и есть? Да помилуйте, любой порок из *Мертвых душ* в любом человеке из нас найдется! Если вы говорите, что обнаружение вашего порока вас от него избавило, почему ж и другим это не поможет? Не знаю; и я бы на вашем месте пенял на себя за то, что еще мало пороков обнаружил, что умел схватить только те, которые во мне да в знакомых есть, а других не схватил. В ваших героях только пороки? <...> Да в них и добродетели есть. Разве у Манилова, у Ноздрева сердце не доброе? Доброе. И еще найдется, если станете искать, добродетели. Право, не понимаю, что вы говорите! Взгляните-ка, у Шекспира или у кого-нибудь другого какие есть злодеи. Да они любого вашего порочного героя не только загоняют, одним видом испугают. Пушкин удивился безнравственности ваших лиц, а сам написал Мазепу и других. Он по-моему больше грех сделал: во-первых, взялся описывать пороки лица, которое в самом деле жило, во-вторых, может быть и вправду что-нибудь всклепал на него. А вы не клепали ни на Ноздрева, ни на Чичикова, ни на кого. Может быть вам то неприятно, что вы набрали все *недобродетельных?* Простите меня, мне право немножко смешно стало: эк вы как себя доконать все хотите! И тут ничего дурного нет, цель вашей книги была такова, чтобы выставить порок. Если б вы вместо: "Мертвые души", поставили: "Русские", ну тогда вы были бы виноваты в клевете. <...>

А меня так сомнение печалит несколько: достигли ли вы своей цели? кроме удовольствия принесет ли что ваша книга?.. Я уверен, что она принесет пользу, но слишком незаметную, потому что может действовать не иначе как на отдельные лица. Мой порок, и вчуже осмеянный, принесет мне пользу — это я испытал. Вы еще были очень снисходительны, вы не порок описали, а целиком взяли людей с недостатками, а люди эти так похожи на людей, что и пороки на них не надписаны, как будто они и в самом деле живут с нами. Вы были совершенным творцом. Вот не читали ли вы повести нового писателя Достоевского "Двойник", там кажется уж слишком пересолено или по крайней мере взят больной человек. По сходству кой в чем героя этой повести со мною я очень его дичился и, признаюсь вам, начал стыдиться того, чего прежде не стыдился. Грубому вкусу наших читателей так и надобно побольше посолить, чтобы они расчухали и начали исправляться. Все-таки я сбиваюсь с своей материи. Книги книгам рознь, великое великому не равно, одно высоко и полезно, другое высоко и более приятно. *Мертвые души* полезны, полезны и письма ваши. Польза последних прямее и очевиднее, польза первых медленнее, незаметнее, но зато глубже. Что ж полезнее?.. Нет, я сбился, потерял толк и не могу более продолжать. Говорю только, что польза, приносимая писателем, для меня предмет сбивчивый. <...>

5е Апреля.

<...> Все сочинения, кроме ученых, в отношении к их пользе, мне кажется, можно разделить на два рода: образчик первого — ваши письма, другой — все прочие изящные произведения. Род первый — прямо назначающийся для пользы. Но что же такое это за род? К чему, к какому роду отнести ваши письма? Мне кажется, этот род еще не сформировался, а он есть, он может быть, особенно если пользу класть целию книги. Книга ваших писем... дело еще без системы, без плана и определенной цели, но дело большого таланта и, как начаток, как прелюдия к великому начинанию, дело великое. Может быть, я брежу, а мне думается, что ваша книга — дверь в новую область. Эта область: право, не умею хорошо сказать, что она такое, она содержит в себе... — новую философию. Цель этой философии открыть глаза миру, предмет ее — польза человечества. Эта философия, если она есть, по необъятности и великости своей есть дело не человека, а времен и человечества. Вся она в целости и величии явится, когда человек кончит бытие свое на земле, когда он оправдается перед Богом и достигнет конца своего совершенствования. Теперь... И по предмету и по цели, и по объекту и по субъекту эта наука питает множество частей и отделов, и хорошо, если какому-нибудь писателю посчастливится сформировать хоть какую-нибудь ее часть.

В наши времена <...> этот род сочинений нов, ваши письма чуть ли не первый опыт в нем. На этот род не знают еще, как и смотреть, и считают его падением искусства, каким-то грамматиче-

ским увлечением поэта, вовсе не нормальным, не смелою попыткою, здоровым, свежим трудом в новой области, а следствием болезни и если не увядания, так заражения сил. Напр<имер>, ваши письма — об них нельзя было не похлопотать. Писатель ничего не хочет, ни творит, ни описывает, ни забавляет себя, ни других; он зрит суетность мира и хочет беседовать с читателем как брат, как друг, вразумлять его, наставлять его. Он оставил окольную дорогу и к цели своей — к пользе — стремится прямо. Конечно, такому сочинению нельзя было не встретить ропота. Во-первых, читателям (почти всем) жаль, что такой писатель, как вы, не *пишет* более, уж не будут выходить в свет его повести и описания, об которых он, кажется, забыл и думать, а если и думает, так думает вовсе как не о повестях. Во-вторых: "что ж, думает читатель, ну, если это в самом деле не болезненное сочинение, если это та же литература, и, пожалуй, может быть изящная?.. Ведь тогда что ж... как пойдет этакая все литература... пожалуй, и за книгу не возьмешься!!" Да, мне кажется, ваши письма несколько испугали читателя. И чуть ли не тон ваш особенно испугал его. Почем знать, может быть здесь в читателе морщится современный человек, которому поднесли первую ложку лекарства. Не верящие журналам и те, я думаю, заглянули в них, чтобы узнать, что сказано в них о ваших письмах. А журналы?.. В-третьих, как хотите, много может в человеке и гордость. Ты наставлял весь народ и тебя слушали, ты от предмета переходил к предмету, от идеи к идее, тянул, переливал, и притом так умно, глубоко, что пока удивляешься, наслаждаешься, не видишь, как и время летит. Хоть ты и сам иногда замечал, что — черт возьми — все-таки до дела никак что-то не доберешься, но, что за дело! ты выучился рассуждать умно, хорошо, незаметно открыл в себе весьма легкое решение повелевать умами и след<овательно> быть великим, ты рассуждал, тебя слушали, противоречия смаковали, ты даже уже начал забывать, гордиться своим умом, свыкся с своею должностию, полюбил ее бескорыстно как хозяин — вдруг... об твоих идеях и помину нет, на тебя и не взглянули, и ты, услышав новые речи, новые и притом очень простые наставления... Это просто значит отбивать хлеб!.. И вот, восстали на вас те, которые вас хвалили, и наоборот, и так далее, одни пошли против других, начались рассуждения, рассуждения, толки и — теперь трудно добраться толку, кто за ним[24] пойдет насчет вашей книги. <...>

Некоторые ваши речи дают разуметь, что вы считаете свои письма вовсе не каким-нибудь антрактным делом. Если это так — вы не поверите, как я рад. Но дело не в том, дело — в пользе таких сочинений.

Положим, что книга ваша написана с целию, цель эта есть польза, но достигнута ли эта цель?

Если рассуждать как-нибудь a priori[25], конечно, польза очевидна. Истины книги очевидны, имеют основание незыблемое, суть следствия вдохновения и самого высокого чувства — они высказаны как нельзя лучше и книга не умрет без плодов, без добрых плодов: добро, ею содержимое, привьется, по крайней мере, сильно подействует на читателя. Но после этого рассуждения я вас спрошу, отчего ж книга ваша не только не исторгла слез умиления, не заставила заговорить сердца читателей так же, как оно говорило у автора, но даже еще встретила гордые противоречия и насмешки? Оттого что в нынешнем веке, или лучше, в нынешние времена, хоть люди и стали умнее, как нельзя быть умней, хоть они и передумали, переисследовали все и давно смеются над ходулями, давно ищут науки жизни[26] и уже, кажется, нашли ее, а вы говорите правду: время плохое! Ослепление страшное! <...> Я согласен, вы зрите пустоту, вы чувствуете наше ослепление, ваша книга изобличит в вас высокую душу, пламенные, возвышенные чувства, но зачем же и вам подпадать ослеплению, зачем свои чувства считать законом, свою книгу почитать слишком могущественною. <...> Учение Иисуса Христа, предел всего высокого, и то стоило Ему жизни; чего же хочет человек? Пиши, коли есть что писать, но не рассуждай много: об следствиях трудов своих не думай — это гордость; на неудачи, встреченные ими у людей, не жалуйся — это гордость и оскорбление ближнего; на талант, данный тебе Богом, не ропщи — это страшная гордость, оскорбление Божества. <...> Кто как должно утвердился в истинах Христианских, в вере в Бога, в Его провидение и благость, тот станет ли сомневаться в них? Подобает ли человеку жаловаться на судьбу своего рода? он из нее даже и не знает ничего. Об одном только плакать позволено человеку на земле, об грехах своих, и то не вдаваясь в отчаяние. <...> Мне кажется, что вы уже слишком много цените пост писателя, считаете его слишком важным — извините меня. <...> Конечно, может быть книгам много назначено сделать в судьбе человека, может быть они не раз входили в страницы *определения*, но... все

не человеку, мне кажется, обсудить и рассчитать их влияние, он пусть только пишет их — с целию доброю, но смиренно, без рассуждений. <...> Позвольте вам сделать еще несколько вопросов. Неужели, увлекшись пользою [книги] произведения, вы хотите ни за что не считать его более элегантную сторону — изящность? Неужели вы хотите приняться за 2ой том *Мертвых душ* не иначе как за доброе дело? Нет. Вы говорите, книги пишутся для пользы, я скажу еще: и для удовольствия. Человек пишет или читает высокое произведение, он отдыхает, наслаждается высоким, не земным наслаждением — и этого слишком довольно.

6е Апреля.

<...> Итак, положим, я высказал вам, что для света недурно бы было выпустить новую философию, не спускающую глаз с религии; положим, что я отнес ваши письма к этой части литературных произведений; положим, что я думаю, что вы крепко схватились душею за идею: пусто в мире Божием! Оставили люди Отца своего! <...> Но неужели вы, проникнутый высоким религиозным чувством, отвергнете то, что я назвал другим родом словесных произведений? Тараса Бульбу, поэзию Пушкина, Шекспира, романы Вальтер-Скотта и т. д.? Неужели вы отвергнете все кроме пользы, само вырывающееся чувство, восхищающие картины, как, напр<имер>, ваша Июльская ночь[27], степи? Неужели вы отвергнете поэзию? Нет, не думаю, не верю; в ваших словах "пусто в мире Божием!"[28] уж картина, в груди вашей не умерла поэзия. Стало быть, ошиблись те, которые говорят, что вы умерли для поэзии, если положились даже не признать ваши письма за поэзию. Стало быть, и я ошибся, когда думал думать, что вы хотите быть каким-то нанятым рыцарем какой-то педантской пользы. Стало быть, я не ошибся, что философия, об которой я бредил, не есть какой-то бесплодный аргумент, как далеко может идти ум человеческий; стало быть, она есть поэзия, вдохновение, высокая, божественная вещь, не этюды для упражнения ума... стало быть... <...>

12е Апреля.

<...> В читанных вами моих листках я назвал философию *наукою жизни*. Вот что я тогда думал: образование полезно, необходимо, как путь к совершенству, как совершенствование, развитие ума. <...> Я думаю, что всякая наука должна иметь приложение к жизни и приносить ощутительную пользу хоть в просветлении идей. Я слышал, что философию называют солнцем всех наук, и потому считал ее, можно сказать, соком всех наук, выжимками из них добра и пользы. Я называл ее наукою жизни и в этом смысле считал ее просто учебником, как человеку жить на свете.

Теперь я думаю не совсем то. Проповедь, моралистика не есть философия. Философия теперь мне представляется понятием высшим, так, что для моей, прежде понимаемой мною философии я считаю необходимою иную, еще — философию. Я полагал, что написать философию значит, сообразуясь с религиею, с треволнениями человеческой жизни, с эфирностию человеческий знаний и образования, написать речь, умную, толковитую, исполненную чувства и здравого смысла, написать именно учебник жизни. Теперь я вижу, этого мало. Надобно оправдать *свою философию*. Ум человеческий претензлив, ему и Евангелие иногда может показаться недостаточным, если в нем не *философствуют*. Надо непременно философствовать. Надо решить (сообразуясь с своею целию) все человеческие сомнения, недоумения. Для людей мало верить Св. Писанию — надо его защитить, оправдать!!.. Надо разобрать начало мира, цель бытия, надо... много надо! И стало быть я ошибался, считая философии и Гегеля, и Шлегеля, и Канта... и т. д. за ничто, за вещь бесполезную. Сами по себе они бесполезны, потому что *мертвы* и... именно представляют из себя ничто иное как памятник мудрости человеческой; но такая философия необходима как оправдание, и, хотя не составляет прямого удовлетворения (моему) требованию от философии, но служит основою, на которой должна быть соткана (моя) философия. И потому мне кажется, философия должна быть двойственна, двойчаткою: одна часть — умозрение, другая — приложение его, наука. Вторая есть настоящая философия, есть истинно полезная вещь, первая — ее анатомия, прямая философия; вторая есть стройная, высокая, живая наука, первая — скелет ее. Вторая — для всего мира, достигнет того, чтобы оправдать перед человеком совершенствование

его мысли, первая пусть будет *для немощных*, пусть достигнет того, чтобы оправдать сестру свою, чтобы быть учебником для учителей. Сущность, содержимое первой – для меня, профана, пока не ясно. В ней принимаются теории, в ней... объясняется образ творения, взвешиваются достоинства религии... Непременно, непременно и поскорей должна явиться такая философия – Христианская. Сущность другой философии какая? Защитивши, оправдавши Христианские истины, надо их укоренить в сердце мира, надо начертить план для всей жизни человека, определить по возможности все интересы жизни, решить все задачи ее, легко, просто, как Бог велит, – вот задача той философии, об которой я думаю. Если я так хвастлив, смел и самонадеян, что не обинуюсь сказать о том, что желал бы написать такую философию, что мне хочется ее написать, – я, однако, кладу до начала предприятия лет десять времени, проведенного с пользою, в наблюдении над жизнию, над человеком, в учении, в труде. Потом (так я думаю сам с собою) я сберу вкупе мои знания, помолясь Богу, призову вдохновение и вылью в свет мою мудрость... <...> Я вам говорил, что моя философия возьмет в себя и героев *Мертвых душ* и других и, пожалуй, новых в случае нужды создаст... Не могу я теперь высказать вам ее сущность, только, уверяю вас, она лежит у меня на душе и впоследствии, может быть, просветлится. Цель моей философии – поставить человека сколько возможно на прямую дорогу, и потому я хочу действовать на него с его детства. Укоренить в человеке чистую нравственность, мне кажется, нужно с младенчества, и потому: сперва надо создать умнейший курс *детского воспитания*. Я желал бы начать этот курс священною историею, которую надо написать так, чтобы она живо, благодетельно и на всю жизнь проникла существо дитяти, чтобы принятие ее было в нем зародышем Христианской Философии. Потом науки, преподносимые не педантски, а так, чтобы и дитя счел их не пустою вещью, чтобы и ему они гласили мудрость. Я вам говорил, кажется, об арифметике с картинками – в таком роде хотел бы я преподать детям науки, и незаметно, потому что почти приятно, и так полезно, чтобы польза была не какой-то миф, каковою она бывает и для многих наставников, а вещь положительная и очевидная. А повести, а действие на воображение, на чувства?.. Ух, я, кажется, несбыточную вещь думаю. – Вот моя философия. <...>

Мечты, мечты золотые! чем-то вы кончитесь?!.. Я человек слабый, многого из себя не сделаю, что могу сделать, многое во мне пропадет и, верней всего, сам я пропаду в водовороте различных обстоятельств, и пузырька не вскочит над моей могилой. Почти решительно я говорю вам это, потому что чем больше живу, тем больше убеждаюсь в совершенном своем бессилии. <...> Против Бога я восставать не буду и не упаду духом до того, чтобы роптать на Него, стану заглаждать мои прежние проступки... <...>

Извините меня, я ваши письма читал не все и мельком и потому много, я думаю, наврал об них».

Позднее, в 1865 г., Малиновский вспоминал: «Особым толчком для моих новых писем к именитому и любимому писателю, и отчасти для нового содержания этих писем послужило появление "Переписки с друзьями". "Вы открыли светской литературе дверь в новую область", – с трепетом радости писал я к Гоголю[29], тогда как вокруг меня раздавались порицания той же самой книги. Я сообщил ему некоторые собственные бывшие тогда в голове моей мысли, и их-то он называет во втором письме[30] моею *философиею*»[31].

[1] Четвертое письмо Павлова о книге Гоголя было напечатано в 1847 г. в № 46 «Московских Ведомостей» (см. ***1847. Апреля 17 <29>. Четверг. Москва***).

[2] См. ***1847. Марта 13 <1>. Суббота. Неаполь***; ***1847. Марта 23 <апреля 4>. Светлое Христово Воскресение. Праздники православной и католической Пасхи. Москва.***

[3] От кого было второе письмо, неизвестно.

[4] См. ***1847. Марта 6 <18>. Четверг. Москва***; ***1847. Марта 29 <апреля 10>. Суббота Светлой седмицы. Москва***; ***1847. Апреля 17 <29>. Четверг. Москва***. – См. также ***1847. Января 25 <февраля 6>. Вселенская родительская суббота. Москва***; ***1847. Февраля 7 <19>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1847. Апреля 17 <29>. Четверг. Москва.***

[6] Письма В. Г. Белинского и В. П. Боткина к А. А. Краевскому // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1889 год. СПб., 1893. Приложения. С. 78.

[7] См. ***1847. Декабря 2–6 <14–18>. Вторник-суббота. Санкт-Петербург.***

[8] *Вильчинский В.* О письмах Н. Ф. Павлова к Н. В. Гоголю. (К оценке современниками «Выбранных мест из переписки с друзьями») // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1963. Т. 22. Вып. 5. С. 428.

[9] См. ***1847. Июля 7 <июня 25>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***

[10] *Вильчинский В.* О письмах Н. Ф. Павлова к Н. В. Гоголю. С. 428.

[11] См. ***1847. Марта 22 <апреля 3>. Великая Суббота. Москва***; ***1847. Марта 23 <апреля 4>. Светлое Христово Воскресение. Праздники православной и католической Пасхи. Москва.***

[12] См. ***1847. Апреля 16 <28>. Среда. Москва.***

[13] См. ***1847. Июля 7 <июня 25>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***

[14] См. ***1848. Между июня 3 и августа 24. Васильевка.***

[15] См. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь*** (примечания); ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь***; ***1847. Апреля 27 <15>. Вторник. Неаполь.***

[16] Возможно, Михаил Николаевич Похвиснев (1811–1882), с 24 мая 1847 г. по 14 декабря 1850 г. находился в отставке.

[17] См. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь*** (примечания); ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь.***

[18] См. ***1847. Мая 22 <июня 3>. Четверг. Москва.***

[19] Речь идет о второй части «Истории русской словесности...» (см. ***1846. Декабря 1 <ноября 19>. Вторник. Неаполь***).

[20] Цитируются начальные строки стихотворения А. С. Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...» (1828). Святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский, ответил Пушкину стихотворным посланием «Не напрасно, не случайно...», которое распространялось в списках.

[21] Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями»

[22] В одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу "Мертвых душ"» «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[23] Сходную мысль Гоголь высказывает в «Развязке Ревизора»: «Если выставишь всю дрянь, какая ни есть в человеке, и выставишь ее таким образом, что всякой из зрителей получит к ней полное отвращение, спрашиваю: разве это уже не похвала всему хорошему? спрашиваю: разве это не похвала добру?» – См. также ***1847. Июля конец – августа начало <июля вторая половина>. Остенде.***

[24] Подразумевается, по-видимому, В. Г. Белинский (см. также ***1849. Апреля 25. Понедельник***).

[25] Изначально, до и вне всякого опыта (*лат.*).

[26] См. также ***1847. Января 30 <февраля 11>. Четверг. Москва.***

[27] Имеется в виду повесть «Майская ночь, или Утопленница».

[28] Подразумеваются строки заключительной статьи «Выбранных мест из переписки с друзьями» *XXXII. Светлое Воскресенье*: «Боже! пусто и страшно становится в Твоем мире!»

[29] Имеются в виду следующие строки письма Д. К. Малиновского к Гоголю от 5 апреля 1847 г.: «Может быть, я брежу, а мне думается, что ваша книга – дверь в новую область». Эти слова Малиновский напомнил Гоголю два года спустя, в письме от 22–25 апреля 1849 г.: «Прочитав вашу книгу, я написал к вам, что вы по моему мнению открыли ею для пера дверь в новую область».

[30] Письмо Гоголя к Д. К. Малиновскому от 7 июля (н. ст.) 1847 г. из Франкфурта (см. ***1847. Июля 7 <июня 25>. Среда. Франкфурт-на-Майне***).

[31] *Малиновский Д. К.* <История знакомства> // *Свод.* Т. 3. С. 677.

ИЮНЯ 18 <30>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович получает[1] из Франкфурта письмо от Гоголя, с вложением письма к В. Г. Белинскому[2].

Письмо Гоголя к Белинскому вскоре было отправлено критику в Зальцбрунн[3].

[1] См.: *Городецкий.* С. 463.

[2] См. ***1847. Июня 20 <8>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Июня 22 <10>. Понедельник. Франкфурт-на-Майне.***

[3] Подробнее см.: ***1847. Июня 20 <8>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

ИЮНЯ КОНЕЦ – ИЮЛЯ НАЧАЛО <ИЮНЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. НЕАПОЛЬ

А. А. Иванов пишет Гоголю во Франкфурт (сохранились лишь черновые наброски письма):

«Иисус Христос <...> утвердил слово Свое благодати и истины для грядущих народов к образованию. – Слабое человечество не в состоянии было в совершенстве понять всю глубину Божественного учения. Церковь жгла живых открыто, а тайные общества преследовали всех тех, кто к ним не присоединялся, предаваясь и пьянству и распутству. Россия – новая и последняя нация в ряду образований человеческих, одаренная Самоотвержением и приспособлением всего к действительной жизни и самым здравым разбором. Вот этой-то нации предоставлено решить судьбу всего человечества при полном развитии своего образования.

Восточная ученость более всего доступна русскому. Разберем и приспособим ее к делу.

Евангелист Матвей предполагал, что царь пошлет вельмож своих устроить конец царствованию страстям человеческим.

Марк с ним тоже согласен, что этим начнется перерождение человечества, но тут же говорит, что избранные народа скажут и царю и вельможам, в чем глубина специальности каждой отрасли образования души человеческой. – Они освятят знания своею божественною нравственностию и тем приобретут к себе полную веру. Восхищение и довольство и Царя и вельмож будет так велико, что последние охотно будут выдавать своих дочерей за таковых светильников человечества[1]. <...>

Художник – существо почти неизвестное древним евреям, в ряду истории человечества следившим только за развитием глубины ума и сердца, тесно сопряженных с Богом. – Он слегка обозначен при горе Синайской у создания скинии. – Храм Соломонов был отличительное прибежище для служения Единому Богу жертвоприношениями животных, что Моисей узаконил, предрекши воплощение Благодати и Истины, показанной нам в Иисусе Христе, низвергнувшим словом Своим все [таковые] внешние службы и жертвоприношения, создав из сердца Своего нам Церковь.

Мы, не постигающие вполне мысли Христовой и не в состоянии будучи до такой степени очиститься от беззаконий и пороков, чтобы тоже создать из сердец наших Храмы Богу, полагаем, что наши беспрестанные преступления могут выкупиться соблюдением обрядов, символически Его славимых <славящих>. Вот отсюда-то и нужно, чтоб мудрой художник русский создал нам Библию в изящных видах и приложил к ней все свои ученые исторические разъяснения. В них-то найдут приятный отдых и Царь, и вельможи, в них-то будет проясняться истинно-народное Образование Русское. Для всего этого, во-первых, нужно иметь художнику Полную Свободу Действий [которую у нас на каждом шагу рады казнить смертью], которой одно произношение уже кажется несносным в наше время.

Христос, представляющий собою связь человека с Богом, т. е. человеческую плоть с невинностью и глубочайшими сведениями, первый высвободил Себя от всех искушений и послужил нам светильником в жизни. Пожертвовав Собой, Он совсем не разрушал супружества, подтвердив это следующими словами: М<атфей, гл.> XIX, <ст.> 8[2]. <...>

Всякой мудрой и образованной русской есть Сын Человеческой, пора бы нам с Вами это почувствовать и пуститься в действие по стезе Единородного Сына Божия, смертию Своею даровавшего нам Благодать и Истину.

И потому извольте-ка Вы, не дожидаясь ужасов, немедленно напечатать Ваш второй том[3]. Мы, великороссийцы, верующие в целость седьмой части планеты (nombre rond et consacré chez les Hébreux, les Egypties, les Perses et les Orientaux de nos jours[4]), поклонимся Вашей малороссийской подметчивости и, оценя вполне Ваше глубокомыслие, будем любить Ваш край на основаниях слова Божия, которое Вы же нам и приспособите, и разложите для действий в Вашем сочинении, и таким образом, – пересозданные еще раз, каждой человек в последнем народе в ряду образований <будет> во всей силе своего духовного развития, – и <вы> завершите последнюю цель Провидения, показавшего нам первой пример в Христе».

Около того же времени, летом 1847 г., Иванов записал в дневнике:

«Comme le Fils de l'homme n'est pas venu pour étre servi, mais pour servir, et vie pour la redemption de plusieurs[5].

Самоотвержение дано вполне только русским. Вот почему они, как последний народ в образовании, совершенно поймут Спасителя рода человеческого и приспособят Его учение ко всем отраслям образования человеческого. Но в настоящую, переходную минуту — минуту трудную для избранных, — можно ли допустить их до земного блаженства, т. е. до женитьбы? Вот вопрос, который решит Гоголь напечатанием своего сочинения, который решу и я окончанием моей картины <“Явление Мессии”>»[6].

[1] В то время Иванов вынашивал планы женитьбы на графине Марии Владимировне Апраксиной (вышедшей вскоре замуж за князя С. В. Мещерского) (см. также ***1846. Сентября конец — декабря начало <сентября средина — ноября средина>. Рим***). Отвечая художнику, Гоголь писал: «Если вы подумали о каком домашнем очаге, о семейном быте и женщине, то, сами знаете, вряд ли эта доля для вас!» (см.: ***1847. Июля 24 <12>. Суббота. Остенде***).

[2] «Глагола им: яко Моисей по жестосердию вашему повеле вам пустити жены ваша: изначала же не бысть тако...» (Мф. 19, 8).

[3] «Мертвых душ».

[4] Неделимое и святое число у евреев, египтян, персов и современных восточных народов *(фр.)*.

[5] Так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих *(фр.)* (Мф. 20, 28).

[6] Гоголь в дневниковых записях А. А. Иванова 1844–1849 гг. // *Свод*. Т. 3. С. 358.

ИЮНЯ 19 ИЛИ 20 <ИЮЛЯ 1 ИЛИ 2>. ЧЕТВЕРГ ИЛИ ПЯТНИЦА. БАДЕН

В. А. Муханов сообщает сестрам:

«На пути сюда, во Франкфурте, надеялись видеть Жуковского, но он был в Дармштадте[1], куда ожидали Государя Наследника. Зато провели день с Гоголем[2], который ездил вместе с нами в Гомбург, известный своими водами и играми, этою язвою германских вод. Мы много говорили с ним о последней его книге[3]; он не любит толковать о своих сочинениях, но на сей раз изменил своему правилу. Ему многие ставят в вину, что без всякой причины, без малейшего права, он вздумал быть всеобщим наставником. Между тем ему никогда подобная мысль не приходила в голову. Занимаясь сочинением, для которого нужно было ему собрать много материалов и в особенности узнать мысли и мнения его соотечественников о некоторых предметах, о которых он намерен говорить в своем творении, он издал свою переписку, чтобы вызвать толки и прения. Цель его достигнута. Он получил множество писем с замечаниями на книгу. Если бы я не был кругом виноват перед Марией Сергеевной[4], то просил бы ее доставить мнение о книге Гоголя, но мнение искреннее, откровенное. Я переслал бы автору, который принял бы с величайшей признательностью. Замечательно, что именно, когда думают наши литераторы, что Гоголь потерян для словесности, он вознесся на такую высоту, с которой, если пустить в свет какое сочинение, то оно будет несравненно лучше всего доселе им написанного».

Гоголь в письмах братьев В. А. и Н. А. Мухановых // *Свод*. Т. 3. С. 594.

[1] Поездку в Дармштадт В. А. Жуковский совершил в июне 1847 г.

[2] Гоголь пробыл во Франкфурте с 10 июня по 10 июля (н. ст.) 1847 г.

[3] Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями».

[4] «Мария Сергеевна Муханова, фрейлина Высочайшего двора — двоюродная сестра наших Мухановых. Любопытные автобиографические записки ее напечатаны в *Русском Архиве* и изданы отдельною книгой в 1878 г.» (примеч. протоиерея Н. М. Миловского).

ИЮНЯ 20 <ИЮЛЯ 2>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

А. А. Григорьев обращается к М. П. Погодину:

«Мне хочется убедить одну даму, что Гоголь вовсе не с ума сошел. Одолжите меня дня на четыре его последнею книгою, то есть *Перепискою*».

Гоголь в письмах А. А. Григорьева к М. П. Погодину // *Свод*. Т. 2. С. 562.

ИЮЛЯ 7 <ИЮНЯ 25>. СРЕДА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь пишет ответное письмо матери в Васильевку и ответ на два письма С. П. Шевырева[1] из Москвы; кроме того, пишет в Москву ответное письмо Д. К. Малиновскому.

Согласно почтовому штемпелю на письме Гоголя к матери, оно было отправлено из Франкфурта на следующий день[2]; вероятно тогда же были посланы и письма к Шевыреву и Малиновскому (письмо к Шевыреву, как и письмо к матери, датировано Гоголем 7 июля).

Из письма к матери: «Приехавши во Франкфурт, я нашел ваши письма. Вы удивляетесь, почему я вас всех вознес похвалами в последнем письме[3]. Я сам не знаю, как это случилось. Отчасти, может быть, оттого, что я заметил в вас какое-нибудь уныние от несовершенств[4], отчасти, может быть, оттого, что вы показали сами в ваших письмах какие-нибудь хорошие черты свои, отчасти, может быть, и оттого, что я почувствовал вину свою, попрекнувши вас [несправедливо] в том, в чем не имел права попрекать, и вследствие этого приписал больше цены вашим достоинствам, чем приписывал прежде. Как бы то ни было, но верно то, что мы все бываем прекрасны и все бываем [дурны] безобразны. Прекрасны бываем тогда, когда почувствуем истинно, что мы безобразны, и безобразны тогда, когда подумаем, что мы прекрасны. Безобразные от нас самих, но красота наша от Бога, и по мере только того, как мы пребываем в Нем, мы бываем прекрасны. Упреки же, равно как и советы мои, я прекратил потому, что увидел получше свое собственное безобразие и почувствовал, что мне необходимей делать себе самому упреки и давать себе самому советы. <...> Одна из сестер моих сказала, что советы мои нужны, [но просила] чтобы я подавал их, как брат и друг, щадя немощь человеческую. Дело в том, что я теперь не нахожусь и не знаю, какой и в чем может быть от меня совет. Самая наименьшая из сестер моих[5] находится уже в том возрасте, который в женщине есть возраст полной зрелости ума. Стало быть, всякая может очень хорошо знать, в чем дело. Никто не может так определить, что нам нужно, как мы сами себе, если только дадим себе труд рассмотреть наши способности и все те орудия, которые нам дал Бог затем, чтобы ими работать. Которой же захочется упреков и советов, та может перечесть мои прежние письма, где множество и того и другого, и из этого множества выберет себе тот, который ей приличнее. <...> Повторяю вам еще, что отныне я буду реже писать к вам. Некогда, да и меньше предметов. <...> Кто любит кого во Христе, тот не скучает и разлукой, да и вряд ли есть для того человека слово *разлука*: во Христе все вместе, все живы, все неразлучны. Стало быть нам нужно стремиться к Нему, если хотим стремиться друг к другу».

Из письма к Шевыреву: «Два письма твои, со вложением писем и двух критик Павлова[6], получил. <...> Обе критики Павлова значительно слабее первых[7], а главное, как мне показалось, в них не слышна необходимая потребность душевная писавшего или даже какая-нибудь иная цель, кроме желанья несколько порисоваться самому перед публикою. Изо всех отзывов я вижу только то, что мне следует отвечать на один вопрос, который, кажется, есть всеобщий: зачем я оставил поприще писателя или переменил направление его? На это мне следует сделать чистосердечное изъяснение моего авторского дела[8], чтоб читатель видел сам, оставлял ли я поприще, переменял ли

направление, умничал ли сам, желая изменить себя, или есть посильнее нас общие законы, которым мы подвержены, все бедные человеки... <...>

Несколько слов о Малиновском. В нем, сколько могу судить из длинного письма его, должно быть очень много хорошего. А судя по толстой серой бумаге[9], на которой писано письмо его, он должен быть не богат. Купи на мой счет стопу самой тонкой почтовой бумаги и подари ему от себя на описанья современного народа, проходящего перед его глазами по поводу "М<ертвых> д<уш>". Если в его записках <...> окажется что-нибудь такое, что можно напечатать, то прикажи наскоро списать его и напечатать потом в "Москвитянине" или другом журнале. Тогда весьма кстати можно будет прицепиться к оказанью денежного вспомоществования в виде платы за статью от журналиста или от тебя, как соучастника и сотрудника в журнале. Таким же образом можно поступать и с другими талантливыми студентами, заставляя их охотнее сочинять, переводить и даже наблюдать жизнь и дух общества. <...> При сем передай следуемое письмецо Малиновскому.

Определи из моих денег, выручаемых за "Мертвые души", сумму на пересылку мне по почте всякого рода писем. Около 500 рублей ассигнациями назначь для этого непременно и никак не позабывай присылать мне всякую статью из журнала обо мне, приказавши переписать мелким шрифтом на мои деньги, и всё высылай по почте».

Из письма к Малиновскому: «Я прочел ваши письма. Мне кажется, что покаместь вы делаете то, что, вероятно, вам следует делать. Если мысли ваши так жаждут изливаться — пусть они изливаются; сам человек все-таки от того в выигрыше, становясь или лучше, или понятнее себе самому. План вашей философии слишком огромен, но если мысль о нем так шевелит вас и не дает покою, то, вероятно, у вас для этого есть какие-нибудь силы; иначе неоткуда бы взяться и самой мысли. Осуществление его (не целиком, а отчасти) возможно только от частого обращенья с человеком на жизненном поприще. Вам следует прежде попробовать самому на каком-нибудь служебном месте исполнить таким образом долг, как бы, вам казалось, следовало всякому. Иногда на время бывает нам нужно перебить мыслительную жизнь нашу просто деятельной жизнью в прозаическом смысле. Мне кажется, что для вас не бесполезно, хоть на малое время, званье учителя с некоторым самопожертвованьем, то есть, отказавшись от всяких улучшений и новых метод[10], которые будут беспрестанно представляться (потому что, слава Богу, голова у вас не без изобретательности), придержаться метода прежних учителей и в это время наблюдать попристальней над теми, которых вы наставляете. Чем тише вы будете действовать вначале и чем постепенней будете наблюдать за человеком, начиная с самых нежнейших возрастов, тем у вас будет полнее познанье человека. Во всяком случае деятельность нам нужна вначале почти [машинальная] механическая, в определенной колее, уже известной. Открытия же покуда передавайте бумаге, не торопясь применением. Так мне кажется. А впрочем да наведет вас Бог на то, что вам лучше и для вас удобнее».

[1] См. ***1847. Апреля 16 <28>. Среда. Москва***; ***1847. Июня 14 <26>. Суббота. Москва.***

[2] См. ***1847. Июля 8 <июня 26>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[3] См. ***1847. Мая 3 <апреля 21>. Понедельник. Неаполь.***

[4] Подробнее см.: ***1841. Октября 7 <сентября 25>. Четверг. Берлин*** (примечания).

[5] Ольга Васильевна.

[6] Имеются в виду письмо Шевырева от 16 апреля 1847 г., написанное на копии второго «письма» Н. Ф. Павлова о «Выбранных местах из переписки с друзьями» (письмо Павлова напечатано 29 марта 1847 г. в № 38 «Московских Ведомостей») (см. ***1847. Марта 29 <апреля 10>. Суббота Светлой седмицы. Москва***; ***1847. Апреля 16 <28>. Среда. Москва***) и письмо Шевырева от 14 июня 1847 г., с письмом Д. К. Малиновского и копией четвертой статьи Павлова (см. ***1847. Апреля 17 <29>. Четверг. Москва***; ***1847. Июня 14 <26>. Суббота. Москва***).

[7] См. ***1847. Июня 14 <26>. Суббота. Москва*** (примечания).

[8] Намек на «Авторскую исповедь».

[9] См. также ***1848. Августа 10. Вторник.***

[10] Ср. строки первой главы второго тома «Мертвых душ»: «...Большую часть наук читал он сам. <...> ...Без всяких педантских терминов, огромных воззрений и взглядов, которыми любят пощеголять молодые профессора, он умел в немногих словах передать самую душу науки...» — См. также ***1847. Января 30 <февраля 11>. Четверг. Москва*** (примечания).

ИЮНЯ 25 <ИЮЛЯ 7>. СРЕДА. КАЛУГА

А. О. Смирнова пишет ответ на два письма[1] Гоголя из Франкфурта. В письмо вкладывает оставленное ею ранее неотправленным письмо к Гоголю Н. Н. Шереметевой от 28 декабря 1846 г.[2] (последнее письмо не сохранилось).

Из письма к Гоголю Смирновой: «...Я получила два ваших письма из Франкфурта с тех пор, как родила, но отвечать еще не могу на них, как бы желала. Скажу вам, что родила 30-го мая в ночь, очень благополучно, сына, которого назвали, 22-го числа июня, Михайлом: поправляюсь медленно – нервы слабы. 10-го июля отправлюсь прямо в Ревель без остановки, но так как я ночую всякую ночь, то туда доберусь едва к 25-му июля. Надеюсь, что эти ванны, как ни слабы, помогут мне более, чем ванны с разною медицинскою дрянью. Ваши письма для меня отрадны; вижу, что милосердный Бог укрепил и дух ваш и тело. Может быть и то, что дух так бодр, что забывается немощное тело. Молю ежедневно о вас и благодарю за вашу молитву. Христос с вами.

...Клементий Осипович[3] как-то не очень охотно берется писать к вам, но Лёва[4] за то верно приготовит длинное и, вероятно, нужное вам письмо. Он очень умный малый. Много возился с Аксаковым, Иваном, и знает всех московских. Вот вам вопрос: что лучше, *львицы* нынешние, или поколение тому назад 30 лет, когда били девок по щекам? У нас в губернии существуют еще оба явления. Не смейтесь моему вопросу; он вызван рассказами моей собеседницы бабушки, которая 33 года разъезжала по уездам и знает всех богатых и мелких господ. От этих людей более узнаешь, нежели сам по себе... <...> Посылаю письмо от Над<ежды> Ник<олаевны> Шереметьевой, о котором было забыла».

[1] Одно из писем Гоголя к Смирновой из Франкфурта, в котором он «писал несколько о Вигеле», до нас не дошло (см. ***1847. Июня 10 <мая 29> – июля 10 <июня 28>. Франкфурт-на-Майне***), второе письмо – от 20 июня (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Июня 20 <8>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне***).

[2] См. ***1846. Декабря 28 <1847. Января 9>. Суббота***; ***1847. Февраля 8 <20>. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Москва***.

[3] Россет.

[4] Л. И. Арнольди.

ИЮЛЯ 8 <ИЮНЯ 26>. ЧЕТВЕРГ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь отправляет написанные накануне[1] письмо к матери в Васильевку и письма к С. П. Шевыреву и к Д. К. Малиновскому в Москву.

В тот же день пишет ответное[2] письмо к графине Анне М. Виельгорской в Петербург, письмо к А. О. Смирновой в Калугу и ответ на два письма[3] М. П. Погодина из Москвы. В последнее письмо вкладывает послание к святителю Иннокентию (Борисову).

Судя по почтовому штемпелю[4], письмо к Погодину было отправлено из Франкфурта на следующий день, 10 июля[5]. Вероятно, в тот же день были отправлены и письма к Виельгорской и к Смирновой.

Из письма к Виельгорской: «Очень вас благодарю, добрейшая Анна Миха<й>ловна, за ваше письмо и все известия. Бог да поможет вам за это самое ровное и спокойное расположение духа, какое бывает только в раю, где, по выраженью простолюдинов, ни холодно, ни жарко, а самая середина. Оно и не мудрено, потому что Бог есть [действительно] средина всего, а покой – та высшая минута состоянья душевного, к которой всё стремится. Благодарю за ваши дружеские советы и за ваши заботы. Я, слава Богу, покоен довольно и, мне кажется, даже здоровьем несколько получше.

О толках, на мою книгу я заботился потому, что мне нужно знать необходимо, в каком состоянии находятся у нас головы и души. Это нужно знать нашему брату для того, чтобы речь писателя попала в надлежащий тон — ни выше, ни ниже нотой противу того, как следует быть, чтобы большее количество людей нас поняло. В моей же книге, как вы знаете, слог речи очень поднялся. Это, может быть, и лучше для четырех-пяти человек, но для других дико. То же можно бы выразить попроще, но до этой простоты нужно вырасти самому — вот беда! Это всегда бывает с теми, которые строятся и воспитываются. Я теперь во Франкфурте. Отсюда еду в Остенде, где пробуду до первых чисел сентября, после чего в Италию, а там на Восток. Перецелуйте всех ваших от мала до велика и скажите им, что мысли мои не расстаются с ними, что это бывает что-то вроде маленькой рюмочки драгоценного вина, какое выпивается только в праздники после обеда. И Софья Миха<й>ловна, и вы, и графиня, ваша маминька[6], в этом, вероятно, не сомневаетесь. Уведомьте меня, на что вы решились и где проводите лето. Александра Осиповна приобрела сына Михаила[7], о чем, вероятно, уже знаете. <...> Вы, кажется, летом с нею увидитесь? Думал было и я ее увидать, так же как и вас... <...> Но кажется, что еще не скоро определено мне увидаться с друзьями; <...> видно затем, чтобы мы помнили, что если хотим увидеться, то должны стремиться к Тому, в Котором все увидимся и где нет разлуки».

Из письма к Смирновой: «Очень меня обрадовало появленье на свет Михаила, которого уже одно имя, переводя с еврейского на русский, значит: "Кто равен Богу?" <...> Думал было с вами увидаться, но мисс Овербек пишет[8], что вам путь назначен в Гельсингфорс. Недурно и то: вы повидаетесь с Вьельгорскими, с Аркади<ем> Оси<повичем>[9], с Плетневы<м> и Вяземским. А мне следует, видно, приучаться жить заочно с вашим милым образом, — тем более, что нам обоим это возможно. И вы, и я хотим жить во Христе, а живущие во Христе видятся вечно между собою. Николаю Миха<йловичу>[10] передайте поклон, мис<с> Овербек благодарность за известие, а деток всех перецелуйте».

Из письма к Погодину: «Друг мой, упреки твои жестоки. Почему не проходит ни одного письма, в котором бы ты не попрекнул меня какими-то знатными друзьями[11]? "Ты угождаешь одним знатным", "тебе дороги одни знатные". Стыдно тебе! Вот тебе вся правда о моих знакомствах, о которых ты судишь понаслышке, ничего не зная наверное: я, точно, знакомств наделал очень много в последние четыре года, но большею частью с людьми умными и всякого рода практическими людьми, которые могли мне какие-нибудь сообщить сведения о том, что делается внутри Руси, сведения, которые я вот уже четыре года собираю жадно. Из прочих я познакомился с весьма немногими, и то вовсе не потому, что они были знатны, но потому, что встретил добрую, любящую душу. <...> ...Ты в мыслях и заключеньях твоих обо мне можешь скорее ошибиться, чем я о тебе. Ты передо мною был всегда открыт, а я пред тобо<ю> закрыт. Ты занят был всегда почти науками и развлечен множеством разнообразных занятий по разным предметам, у меня же предметом был всегда человек и душа человека. А теперь еще более, чем когда-либо прежде, это сделалось моим предметом. — Притом не позабудь, что между нами случилось дело, которое поставило нас в фальшивые отношения[12]. <...> Я прошу тебя также простить и за мой неуместный печатный отзыв о тебе[13], который так огорчил тебя без всякого желанья с моей стороны огорчить тебя. Отзыв этот был писан в то время, когда я воспитывал себя упреками, отвсюду требовал себе указаний и упреков и раздавал также всем указанья и упреки. У меня вышло из головы, что позволительное в письмах между собою нельзя выносить на свет перед публику, по крайней мере не объяснивши ясно, в каком смысле следует принимать и разуметь. Еще раз прошу у тебя прощения и обращаюсь по очень важному пункту письма твоего. Ты намереваешься жениться. <...> ...С твоей стороны будет благоразумней жениться на немке, нежели на русской. Во всяком случае избирай такую, которая была <бы> характера сколько возможно *хладнокровного* и покойного... <...> Никак не позабывай того, что ты можешь сильно оскорбить, вовсе не думая оскорбить... <...> Выбирай такую, которая бы уже создалась в характере, а не следовало бы ее тебе воспитывать самому, потому что, как сам знаешь, в тебе нет того хладнокровья и терпенья, какие необходимы воспитателю. <...> Вообще ты понимаешь, что такое человек. Ты

признаешь даже, что у всякого есть свои особенности, которые нужно принять к соображению. Но всякий раз, когда ты имел какое-нибудь дело с каким-нибудь человеком, у тебя вдруг всё это выходило из головы, и тебе воображалось, что перед тобою стоит такой же, как ты, Погодин, и ты от него можешь требовать того самого, что от себя самого. <...> Всё это особенно прими теперь к соображению и проси также не выпускать из виду этого пункта тех, которые будут для тебя отыскивать невесту. Но да устроит Бог это дело к наилучшему, от меня же покуда прими желанье искреннейшее и от всего сердца: да не почувствуешь ты во второй жене никакого отличия от прежней и кажется тебе всю жизнь, как бы в ней ты обнимаешь свою первую жену. В конце своего письма ты, давши мне маленький урок, как оно и следовало, говоришь: “нужно любить, любить и любить”, и вслед за этим с чувством огорченного человека негодуешь на Строганова[14] за неприглядную и злую колкость. Что сказать на это: “Надо любить и Строганова!” С тех-то именно нужно начать, которые нас огорчают, а иначе когда же мы выучимся любить? Мы будем только повторять, что *нужно любить*, и больше ничего. Я не понял, в каком смысле и к чему собственно нужно отнести твои последние слова, которыми ты совершенно неожиданно заключил твое письмо без всякого отношенья к предметам предыдущим, разумею следующий обращенный ко мне совет: “Откажись от ума своего; он тебя заводит Бог весть куда”. <...> Как будто не всеми нами правит высшая нас сила. Как будто не она попустила явиться и книге моей. <...> В ней излиянье меня. Разве было бы тогда лучше, если бы все эти недостатки мои, которые так всех поразили, что уже несомненно стали говорить о союзе моем с дьяволом, оставались бы скрытными во мне, — что ж бы от того я выиграл? <...> Лучше молиться Богу, но работать всеми способностями и силами. Бог не оставит на дороге заблужденья того, кто Ему молится и от всех сил хочет Ему работать, хоть бы и заставил его лукавый поколесить несколько в сторону. Бог выведет его вновь на дорогу. Это невозможно: молящегося Бог никогда не оставит. А тебе скажу, что нельзя давать таких советов, которых смысл так обширен, что не знаешь, какой стороной обратить его к делу. <...> Что же касается до ума, то не только от него, но даже от многого отказался. Еще за месяца два перед сим кипело сильное желанье видеть родину, теперь и оно ослабело, как и всё прочее. Утомился ли дух мой от этого вихря недоразумений и войны, происшедшей оттого с друзьями, но сердце мое просит покоя, и ни о чем другом не думается, как о том, чтобы как-нибудь добраться до Иерусалима. <...>

Пожалуста, отправь прилагаемое при сем письмо Иннокентию, которому я очень благодарен и за искренность и за доброту вместе.

О Шафарике: богачей во Франкфурте не случилось мне видеть никаких. Однако ж я просил одного человека. Мне обещано кое-что послать. Скажу Шафарику, чтобы он дал тебе знать, получил ли он какой-нибудь вексель. Если нет, я что-нибудь пошлю ему от себя».

Из письма к владыке Иннокентию: «Погодин мне доставил замечание ваше о моей книге[15]. Благодарю вас много и от всего сердца моего за то, что вы не скрыли от меня мнения вашего. Очень вижу, и не без сильного стыда, свои грехи, выступившие в этой книге. Книга вышла точно затем, чтобы я имел зеркало глядеться. Повремени я немного и дай устояться тому состоянию души, какое у меня было во время печатанья книги, может быть, она бы не вышла совсем в свет, но тогда бы не было и зеркала. А я до сих пор еще не знаю, хорошо ли было бы, если бы всё то, что теперь обнаружилось так ярко, было бы во мне скрыто. Самая цель книги была добрая. Внутреннюю клеть[16] свою я вовсе выставляю не затем, чтоб себя выставлять, но думал, что это послужит в добро тем, которые подобно мне, не получивши надлежащего воспитания в юности и в школе, спохватились потом и в те года, когда человеку кажется странным начинать воспитанье. Парадировать набожностию я тоже не хотел. Я хотел чистосердечно показать некоторые опыты над собой, именно те, где помогла мне религия в исследованьи души человека, но вышло всё это так неловко, так странно что я не удивляюсь этому вихрю недоразумения, какой подняла моя книга. Многое в ней вышло нечаянностию для меня самого. Многое вырвалось почти против воли моей. Уверяю вас что многое из того, что кажется высокомернейшею гордостию есть просто ребячество и незрелость юности, которая всегда выражается заносчиво и высокомерно, но здесь, натурально, она получила другой смысл, потому что дело коснулось такого предмета, к которому юноше не следовало бы касаться.

Вы можете почувствовать, что я находился в том состоянии, во время которого следовало молчать и изъясняться только с одним духовником. Но, на беду, я писатель, а писатель болтлив и говорит о том, что посильней его теребит[17]. Притом мне было трудно достать такого духовника, которому бы я мог исповедаться.

Природа у меня во многом слишком не похожа на других людей. Я был издавна скрытен от неуменья изъясниться. Нужно было мне встретиться с глубоким душевидцем, потому что всё во мне, даже и самые сочинения, так тесно соединились с душой, что вряд ли бы это было понятно обыкновенному человеку, даже и тогда, если бы я умел получше изъясниться. А потому эта книга, имеющая вид учить других, может быть, <была> необходимым извержением того, что стремилось во мне излиться. Я не думаю, чтобы книга моя произвела вред. Бог милосерд, и, мне кажется, Он не накажет меня так страшно за мое неразумие. Путаница от нее будет только покуда больше в словах и суждениях, чем на деле; как бы то ни было, но я ведь указываю на Церковь, как на высшую инстанцию и разрешенье всего, – стало быть, сомневающийся обратится к Церкви, а не к какому-нибудь писателю светскому. Во всяком случае это для меня урок. Я дал себе слово остановиться писать, видя, что нет на это воли Божией. Говорить о мелком и ничтожном в жизни не хочется; говорить же о высоком, – но тут на всяком шагу встретишься со Христом и можешь наговорить нелепостей. Словом, нужно мне в это время притихнуть, исполнять просто какую-нибудь должность, самую незаметную, [теперь мне не видную] не видную, но взятую во имя Божие, где бы я был обязан больше исполнять, больше молиться и меньше мыслить. Так мне кажется. Вы меня очень порадуете, если мне скажете в ответ на это хоть одно словечко. Простите мне всё и вспомните, что на вас освящение высшее и что вас может вразумить чрез это Бог сказать мне слово, очень нужное моему сердцу; вспомните и то, что положенье мое, может, было в несколько раз труднее положения всякого другого человека и не легка моя дорога, и что я, может, больше других имею чрез это право на сострадательно-братское участие служителя Христова. Адресуйте в Франкфурт... <...> Если ж вы найдете, что вам приличнее не дать мне никакого ответа, то уведомьте хотя одним словечком об этом Погодина, чтобы я знал, что письмо мое пришло в ваши руки. Но нет, вы можете мне сказать [только], что вы молитесь обо мне, и это уже будет мне утешительно».

[1] См. ***1847. Июля 7 <июня 25>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1847. Мая 5 <17>. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1847. Мая 8 <20>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Москва***; ***1847. Июня 2 <14>. Понедельник. Москва.***

[4] См.: *Городецкий.* С. 463.

[5] См. ***1847. Июля 10 <июня 28>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[6] Л. К. Виельгорская.

[7] Михаил Николаевич Смирнов родился 30 мая 1847 г. (см. ***1847. Июня 25 <июля 7>. Среда. Калуга***); умер в 1889 г.

[8] Письмо гувернантки Смирновых к Гоголю (с сообщением о рождении у Смирновой сына) до нас не дошло.

[9] Россет, брат Смирновой.

[10] Муж Смирновой.

[11] См. ***1847. Апреля 10 <22>. Четверг. Москва***; ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Москва***; ***1847. Июня 2 <14>. Понедельник. Москва.***

[12] См. ***1841. Октября 17. Пятница. Москва.***

[13] В статье *IV. О том, что такое слово* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[14] Граф Сергей Григорьевич.

[15] См. ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Москва.***

[16] См. также ***1847. Июня 20 <8>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне*** (письмо к В. Г. Белинскому).

[17] Ср. начальные строки заключительной главы позднейшей редакции второго тома «Мертвых душ»: «Все на свете обделывает свои дела. “Что кому требит, тот то и теребит”, – говорит пословица». Трéбить – быть потребну, надобиться (словарь В. И. Даля).

ИЮНЯ 27 <ИЮЛЯ 9>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович пишет ответное[1] письмо Гоголю во Франкфурт:

«Я несколько виноват перед тобою, что не известил тебя в прошлом письме[2] об отъезде Белинского за границу: тогда письмо твое к нему не прогулялось бы понапрасну сюда. Но все равно, оно отправилось по первой же почте к нему в Силезию в Зальцбрунн[3], откуда ты, вероятно, и получишь от него ответ.

Эта поездка была необходима для Белинского: только от нее одной зависит спасение жизни его, бывшей, в продолжение последней зимы, не один раз на волоске и сохранившейся в противность всех правил и приговоров медицины.

Пользуясь твоим позволением, я прочитал письмо твое к нему. Мне кажется, ты очень ошибаешься, воображая, что статью свою Б<елинский> написал, приняв на свой счет некоторые выходки твои вообще против журналистов. Зная Белинского давно, я не могу не быть уверенным, что ни одна строчка его не назначалась мщению за личное оскорбление. Почему не судить проще и не принимать всего сказанного им встрече совершенно противоположных друг другу убеждений, искренних в нем и, конечно, не притворных и в твоей книге? Белинский не говорил хладнокровно о прежних твоих сочинениях, мог ли он говорить хладнокровно и о последних? Впрочем, он сам, вероятно, в ответе своем выскажет тебе все свои побуждения.

Поручение твое разузнать о появившемся здесь, по словам твоим, твоем однофамильце я выполнил; но никаких следов его здесь не отыскалось, никто ни о чем подобном в Петербурге не слыхал, и не знаю, откуда к тебе дошли эти вести. Впрочем, на всякий случай я просил управляющего конторою агентства Языкова[4] предупредить всех книгопродавцев, с которыми со всеми она имеет сношение».

[1] См. ***1847. Июня 20 <8>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1847. Мая 12 <24>. Понедельник. День Святого Духа. Санкт-Петербург.*** – Белинский выехал за границу 5 мая 1847 г.

[3] Подробнее см.: ***1847. Июня 20 <8>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[4] Имеется в виду петербургская Контора агентства и комиссионерства Языкова и К°, занимавшаяся высылкой иногородним лицам «всех возможных предметов необходимости, пользы и роскоши, какие можно купить или заказать в С. Петербурге или выписать из-за границы», а также торговлей сырьем, недвижимостью, оформлением подписки «на все выходящие в Петербурге журналы и газеты» и приемом на комиссию и высылкой русских книг.

ИЮНЯ 27 <ИЮЛЯ 9>. ПЯТНИЦА. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева отправляет Гоголю письмо во Франкфурт[1] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1847. Августа 5 <17>. Вторник. С. Покровское.***

ИЮЛЯ 10 <ИЮНЯ 28>. СУББОТА. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь посылает несколько писем в Петербург, Москву, Калугу и, предположительно, в Киев. В Петербург были отправлены написанное 8 июля[1] письмо к графине Анне М. Виельгорской и письмо к П. А. Плетневу, с вложением ответного[2] послания к А. О. Ишимовой (последнее письмо не сохранилось); в Москву – написанное также 8 июля письмо к М. П. Погодину, с вложением письма к святителю Иннокентию (Борисову), и письмо к С. Т. Аксакову. Кроме того, в этот

же день в Москву, вероятно, было отправлено ответное[3] письмо к М. С. Щепкину (письмо не датировано). В Калугу Гоголь послал написанное 8 июля письмо к А. О. Смирновой. Возможно, к этому же времени относится ответное[4] письмо Гоголя А. С. и У. Г. Данилевским, отправленное в Киев (письмо не сохранилось).

Из письма к Плетневу: «Посылаю тебе свидетельство о жизни[5]. Деньги возьми, но храни их у себя до времени отсылки их в Константинополь, что нужно будет сделать в начале весны будущего года. Если какой-нибудь можно получить в это время на них нарост, что, как говорит Жуковский, будто бы делается, то, конечно, не дурно; если ж это пустяк, то, разумеется, не стоит из-за него хлопотать. Ожидаю от тебя известия о том, где проводишь лето и когда к тебе посылать небольшую вещь[6], которую бы мне хотелось напечатать в виде отдельной небольшой книжки, о которой я уже тебе сказывал. Можно ли тебе будет прислать ее через месяц от сего дня? Хочу послать к тебе также переделанную “Развязку Ревизора”[7], которая вышла теперь, кажется, ловче. Спроси у того художника[8], который предлагал мне изданье “Мертвых душ” с рисунками: не хочет ли он издать с виньетками “Ревизора”, с присоединен<ием> означенной заключительной пиесы, разумея по виньетке к голове и к хвосту всякого действия, на той же странице, где и слова. Я отсюда еду в Остенде. Впрочем адрес по-прежнему: во Франкфурт. <...> При сем следует письмецо к Ишимовой»[9].

Из письма к Аксакову: «Погодин мне сделал запрос[10]: отчего я так давно не писал к вам и не сердит ли я на вас, Сергей Тимофеевич? Я к вам не писал потому, что, во-первых, вы сами не отвечали мне на последнее письмо мое[11], а во-вторых, потому, что вы, как я слышал, на меня за него рассердились. Ради самого Христа, войдите в мое положенье... <...> Искренним языком можно говорить только с тем, кто сколько-нибудь верит нашей искренности. Но если знаешь, что пред тобою стоит человек, уже составивший о тебе свое понятие, в нем утвердившийся, тут у наиискреннейшего человека онемеет слово, не только у меня, человека, как вы знаете, скрытного, которого и скрытность произошла от неуменья объясниться. <...> Отношенья мои стали слишком тяжелы со всеми теми друзьями, которые поторопились подружиться со мной, не узнавши меня. Как у меня еще совсем не закружилась голова, как я не сошел еще с ума [от таких друзей моих] от всей этой бестолковщины – этого я и сам не могу понять! Знаю только, что сердце мое разбито и деятельность моя отнялась. Можно еще вести брань с самыми ожесточенными врагами, но храни Бог всякого от этой страшной битвы с друзьями! <...> Если я люблю и хочу любить даже тех, которые меня не любят, то как могу я не любить тех, которые меня любят? Но я прошу вас теперь не о любви. Не имейте ко мне любви, но имейте хотя каплю милосердия, потому что положенье мое, повторяю вам вновь, тяжело. Если бы вы вошли в него хорошенько, вы бы увидели, что мне трудней, нежели всем тем, которых я оскорбил. Друг мой, я говорю вам правду. <...>

Передайте поклон мой добрейшей Ольге Семеновне, а за нею Конст<антину> Серг<еевичу> и всем вашим. Не знаю сам, хорошо ли делаю, что пишу; может быть, и это письмо приведет вас в неудовольствие. Я теперь раскаиваюсь, что завел переписку с Погодиным. Хотя я только и думаю, принимаясь за перо, как бы не оскорбить его, но однако же замечаю, что письма мои не приносят ему никакого успокоенья. При тех же понятиях, какие у него обо мне, ныне всякое слово с моей стороны обо мне самом может только его еще больше спутать. Друг мой, тяжело очутиться в этом вихре недоразумений! Вижу, что мне нужно надолго отказаться от пера во всех отношеньях и от всего удалиться.

Адресуйте во Франкфурт, poste restante»[12].

Позднее, в 1854 г., С. Т. Аксаков в адресованном П. А. Кулишу «Продолжении кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя», предваряя цитату из настоящего письма, замечал: «Из всех остальных писем[13] этого года, которых у меня находится четыре, я могу вам сообщить только одно, и то с выпусками. Я считаю это письмо очень нужным для биографии, потому что оно достаточно показывает, в каком положении находился Гоголь после издания известной своей книги»[14].

Из письма к Щепкину: «Письмо ваше, добрейший Миха<и>л Семенович, так убедительно и красноречиво, что если бы я и точно хотел отнять у вас городничего, Бобчинского и прочих героев,

с которыми, вы говорите, сжились, как с родными по крови, то и тогда бы возвратил вам вновь их всех, может быть, даже и с наддачей лишнего друга. Но дело в том, что вы, кажется, не так поняли последнее письмо мое. Прочитать "Ревизора" я именно хотел затем, чтобы Бобчинский сделался еще больше Бобчинским, Хлестаков Хлестаковым, и словом — всяк тем, чем ему следует быть. Переделку же я разумел только в отношении к пиесе, заключающей "Ревизора". Понимаете ли это? В этой пиесе я так неловко управился, что зритель непременно должен вывести заключение, что [будто] я из [всего] "Ревизора" хочу сделать аллегорию. У меня не то в виду. "Ревизор" — "Ревизором", а примененье к самому себе есть непременная вещь[15], которую должен сделать всяк зритель изо всего, даже и не "Ревизора", но которое приличней ему сделать <по> поводу "Ревизора". Вот что следовало было доказать по поводу слов: "разве у меня рожа крива?" Теперь осталось всё при своем. И овцы целы, и волки сыты. Аллегорья аллегор<ией>, а "Ревизор" — "Ревизором". Странно, однако ж, что свиданье наше не удалось. Раз в жизни пришла мне охота прочесть как следует "Ревизора", чувствовал, что прочел бы действительно хорошо, — и не удалось. Видно, Бог не велит мне заниматься театром. <...> Очень рад, что вы занялись ревностно писанием ваших записок. Начать в ваши годы писать записки, это значит жить вновь. Вы непременно помолодеете и силами и духом, а чрез то приведете себя в возможность прожить лишний десяток лет».

О содержании несохранившегося письма Гоголя к Данилевским отчасти позволяет судить ответное письмо Данилевского[16], в котором тот замечал: «Письмо твое меня истинно повеселило: я вижу, что хандра, твоя неотвязчивая спутница в последнее время, употребляет все усилия расстаться с тобой, несмотря на то, что ты придерживаешь ее за полу». Кроме того, Гоголь спрашивал в письме имя жены Данилевского и сообщал: «Поеду в Италию, оттуда на Восток, а там обниму тебя и денька два-три побеседуем с тобой»[17].

В тот же день, 10 июля (н. ст.) 1847 г., Гоголь и В. А. Жуковский выехали из Франкфурта, — вероятно, в Висбаден[18].

22 июля (н. ст.) 1847 г. Ф. И. Тютчев сообщал жене из Бадена о своем прибытии во Франкфурт 10 июля (н. ст.) 1847 г.: «Жуковский и Гоголь, для которых я привез письма и посылки, уехали в самый день моего приезда»[19].

[1] См. ***1847. Июля 8 <июня 26>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1847. Мая 21 <июня 2>. Среда. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1847. Мая 22 <июня 3>. Четверг. Москва.***

[4] См. ***1847. Июня начало <июня средина>. Киев.*** — См. также ***1847. Октября 4 <16>. Суббота. Киев.***

[5] Свидетельство было необходимо для получения денежного пособия (подробнее см.: ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург***).

[6] «Авторскую исповедь».

[7] Судя по сохранившемуся черновому автографу фрагмента новой редакции «Развязки Ревизора» в пьесе было существенно переделано окончание. — См. также ***1846. Декабря 8 <ноября 26>. Вторник. Неаполь***; ***1846. Декабря 30 <1847. Января 11>. Понедельник. Москва***; ***1847. Января 25 <13>. Понедельник. Неаполь.***

[8] Е. Е. Бернардский (см. ***1846. Февраля 16 <28>. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1846. Марта 20 <8>. Пятница. Рим***).

[9] Ответ Плетнева см.: ***1847. Июля 29 <августа 10>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[10] См. ***1847. Июня 2 <14>. Понедельник. Москва.***

[11] См. ***1847. Марта 6 <февраля 22>. Суббота. Неаполь.***

[12] Ответ Аксакова см.: ***1847. Июля 26 <августа 7>. Суббота. Радонежье (Абрамцево).***

[13] См. ***1847. Марта 6 <февраля 22>. Суббота. Неаполь.***

[14] *Аксаков С. Т.* Продолжение кратких сведений и выписок из писем для биографии Гоголя. <1845–1852 гг.> <Письмо к П. А. Кулишу> <Июль-октябрь 1854> // *Свод.* Т. 2. С. 649.

[15] См. ***1847. Мая 22 <июня 3>. Четверг. Москва*** (примечания).

[16] См. ***1847. Октября 4 <16>. Суббота. Киев.***

[17] Ср. ***1848. Мая 29. Троицкая родительская суббота. Киев.***

[18] См. ***1847. Июня около 10 — июля 11 <мая около 29 — июня 29>. Воскресенье. День памяти св. первоверховных апостолов Петра и Павла. Висбаден.***

[19] *Тютчев Ф. И.* Соч.: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 134; *Свод.* Т. 3. С. 596.

ИЮНЯ ОКОЛО 10 – ИЮЛЯ 11 <МАЯ ОКОЛО 29 – ИЮНЯ 29>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. ПЕРВОВЕРХОВНЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА. ВИСБАДЕН

В указанный период Гоголь встречался в Висбадене с графом М. М. Виельгорским и иереем Иоанном Базаровым.

Позднее, 26 июля (н. ст.) 1847 г., Гоголь писал графине С. М. Соллогуб из Остенде: «От Михал Михалча узнал я о появлении на свет Елисаветы Александровны <Владимировны>[1]. От всей души вас поздравляю. Теперь Вы стали вполне мать семейства. Двое детей[2] все еще как-то не составляют семьи, но три уже семья. <...> С Михал Михалчем я виделся в Висбадене, где он пьет воды и купается. Он, мне показалось, как будто похорошел и помолодел; черты лица его сделались тонее. По мне, это признак, что золотушность в нем уменьшилась».

В 1853 г. отец Иоанн Базаров вспоминал: «Бывши у меня в Висбадене в 1847 году, он обратил внимание на строющуюся на одной горе близ Висбадена православную церковь[3] и заметил: "Как это странно, что немцы, сами не сознавая того превозносят нашу Православную Церковь. До сих пор только одна православная церковь находилась в Германии – это надгробная церковь королевы Виртембергской Екатерины Павловны на горе Ротенберг, близ Стутгардта[4]. Вот теперь строют другую, и тоже на горе! Как будто самый Промысл указывает на то, что Православная Церковь должна стоять *выше* всех других. И подождите (прибавил он) недолго, и она загорится звездою первой величины на горизонте христианства"»[5].

[1] Елизавета Владимировна Соллогуб (в замужестве Сабурова; муж – министр народного просвещения А. А. Сабуров) родилась в Петербурге 18/30 мая 1847 г. (ум. в 1932).

[2] Софья и Александр.

[3] Имеется в виду строившаяся герцогом Адольфом Нассауским, в память о покойной супруге великой княгине Елисавете Михайловне (см. ***1845. Января 30 <февраля 11>. Вторник. Санкт-Петербург*** – примечания), церковь Св. праведной Елизаветы, на склоне Таунусских гор (строительство было завершено в 1855 г.) (см.: *Мальцев Алексий, протоиерей, настоятель русской посольской церкви в Берлине.* Германия в церковно-религиозном отношении с подробным описанием православно-русских церквей. Пг., 1903. Стб. 76). «Замечательно прежде всего самое положение Висбаденской церкви. По широкому шоссе или по тропинке, во всяком случае чрез густой лес, нужно подняться, к северо-западу от города, на один из уступов Таунусских гор, которыми, почти со всех сторон, окаймляется горизонт Баденский. Чудная панорама открывается отсюда глазам. <...> Архитектура храма – византийская. <...> Архитектор Герман, сооружавший этот храм, ездил предварительно в Петербург и Москву, для изучения русской церковной архитектуры» (*Мальцев А. П., протоиерей.* Берлинский Братский Ежегодник. Православные церкви и русские учреждения за границею. Справочник с календарем на 1906 год. СПб., 1906. С. 62).

[4] Основана в 1824 г.

[5] Воспоминания о В. А. Жуковском. Письмо священника И. Базарова // *Свод.* Т. 3. С. 565.

ИЮЛЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА <ИЮНЯ КОНЕЦ>. НЕАПОЛЬ

А. А. Иванов сообщает брату, С. А. Иванову, в Рим:

«Я здесь останусь еще три недели, что составит 30 бань – курс, для которого я сюда приехал. Мне очень нужно знать, согласен ты со мной путешествовать, в половине августа, во Флоренцию, Милан и Венецию, так, чтобы к октябрю быть в Риме и засесть крепко за работу? <...> Ты все как будто сердишься: поверь моей опытности, что ссора с самим собой и с другими останавливает все

успехи и высокие действия, без которых весь свет был бы вздор. Мы, специально ведущие духовное развитие отечества, непременно должны искать премудрого примирения с властью, обращая ее нам в покровительство. Без согласия этих двух сторон нельзя ждать возможного преуспеянья. Ты очень дурно сделал, что не приготовился принять в Помпее важнейших особ. Ты меня поставил в обманщики. А что еще хуже, книжечку о Языкове и Гоголе[1] увез с собой, тогда как Софья Петровна[2] немедленно должна была ее послать к Гоголю. Сделай милость, сейчас же ее вышли на мое имя сюда».

Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 348. – Датировка письма уточнена.

[1] Отдельный оттиск статьи князя П. А. Вяземского «Языков. – Гоголь» из «Санкт-Петербургских Ведомостей» 1847 г., 24 апр., № 90; 25 апр., № 91. – По-видимому, оттиск статьи был отправлен в Неаполь графине С. П. Апраксиной, для передачи Гоголю, В. А. Жуковским (см. ***1847. Мая 4 <16>. Воскресенье. Санкт-Петербург***). Если С. А. Иванов даже и немедленно выслал обратно брату в Неаполь увезенную с собой статью Вяземского, то к 11 июня (н. ст.) 1847 г. (когда статья была прочитана Гоголем; см. ***1847. Июня 11 <мая 30>. Пятница. Франкфурт-на-Майне***), этот экземпляр вряд ли мог быть получен Гоголем во Франкфурте. Вероятнее всего, Гоголь прочел статью в газете, имевшейся во Франкфурте. (Сохранившиеся материалы позволяют определенно судить о пребывании А. А. Иванова в Неаполе лишь с конца июня по конец августа (н. ст.) 1847 г. 12 мая (н. ст.) 1847 г. Иванов был еще в Риме, где встречался с Гоголем. См.: *Виноградов 2001.* С. 457–466.)

[2] Графиня Апраксина.

ИЮЛЯ 13 <1>. ВТОРНИК. ЭМС

Е. М. Хомякова, будучи в Эмсе, сообщает сестре, П. М. Бестужевой, что у них в гостях в настоящую минуту находится Гоголь и что во время проезда ее с мужем, А. С. Хомяковым, через Франкфурт (до 10 июля (н. ст.) 1847 г.) они встречались там с В. А. Жуковским, который также собирался приехать в Эмс[1]:

«Здесь <во Франкфурте> мы нашли Жуковского, который также будет с семьей в Эмсе, а теперь у нас сидит Гоголь»[2].

Р. Хюбнер в 1989 г. сообщал: «Как видно из курортных книг, он <Гоголь> находился здесь с середины июля, уехав не позднее 3 августа[3]; но не в июне, как можно прочесть на помещенной на доме "Panorama" мемориальной доске. Таким образом, жил он опять на Mainzer Straße[4], но на этот раз несравненно взыскательнее. Великолепный дом, законченный в 1840 г., собственность архитектора Христиана Койхена, знал много именитых гостей.

Как Гоголь мог позволить себе такой дорогой отель, непонятно[5]. Денежные затруднения и долги были постоянным состоянием писателя. <...> При его пристрастии к Италии, прежде всего, к Риму, "Panorama", построенная в стиле итальянского неоренессанса, с типичным горизонтальным кровельным окончанием, должна была казаться Гоголю очень привлекательной. Фасад с изобилием формальных элементов и балюстрадами, пожалуй, давал писателю ощущение пребывания в палаццо»[6].

Гоголь узнал от Хомякова новости о М. П. Погодине[7], о С. П. Шевыреве[8]. Вероятно, тогда же Хомяков передал Гоголю письмо от Н. Н. Шереметевой из Москвы[9].

[1] См. ***1847. Июля 14–15 <2–3>. Среда-четверг. Эмс.***

[2] Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой) // *Свод.* Т. 3. С. 196.

[3] Точнее, Гоголь выехал из Эмса в Остенде 16 июля (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Июля 16 <4>. Пятница. Эмс***).

[4] См. ***1843. Июня 11 <мая 30>. Воскресенье. День Святой Троицы. Висбаден, Эмс.***

[5] В 1847 г. Гоголь провел в Эмсе лишь четыре дня «под одною кровлею» с семействами Жуковских и Хомяковых (см. ***1847. Июля 14–15 <2–3>. Среда-четверг. Эмс***; ***1847. Июля 20 <8>. Вторник. Эмс***).

[6] *Хюбнер Р.* <Гоголь в Эмсе в 1843 и 1847 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 555.

[7] См. ***1847. Августа 31 <19>. Вторник. Остенде.***

[8] См. ***1847. Августа 28 <16>. Суббота. Остенде.***

[9] См. ***1847. Апреля 29 <мая 11>. Вторник. Москва***; ***1847. Июля 24 <12>. Суббота. Остенде.***

ИЮЛЯ 14–15 <2–3>. СРЕДА-ЧЕТВЕРГ. ЭМС

В. А. Жуковский в письме к князю П. А. Вяземскому (начатом в Эмсе 14 июля (н. ст.) 1847 г. и отправленном 1 августа[1]) сообщает:

«2/14 июля. <...> Я собрался было ехать в Петербург, ждал только прибытия Великого Князя[2], чтобы, с ним повидавшись, отправиться в путь; но вдруг Копп решил, что жене надобно дышать горным швейцарским воздухом; и я собрался в Швейцарию всею семьею, – и это не сбылось: Копп увидел, что еще нужно жене короткое лечение и предписал ей Эмс... <...> Таким образом я опять на год здесь. Но будущею весною, оправится ли жена или нет, возвращусь к вам: если жена оправится, возвращусь на житье, а когда не оправится, приеду погостить. Из этого следует, что и мой юбилей не состоится[3]. Но разве нужно для этого мое присутствие? <...>

3/15 <июля>. Перед отъездом моим в Эмс я видел с величайшим удовольствием у себя Андрея Карамзина с его Авророю и порадовался ими[4]. Знаешь ли, с кем я живу под одною кровлею в Эмсе? – с Хомяковым[5]. Он здесь с женою, которая лечит Эмсом свою больную грудь (впрочем, ее болезнь не имеет ничего опасного). Хомяков – живая, разнообразная, поэтическая библиотека; добродушный, приятный собеседник. Он мне всегда был по нутру; теперь я впился в него, как паук голодный в муху: навалил на него чтение вслух моих стихов... <...> К нам подъехал и Гоголь, и мы на досуге триумвиратствуем. <...> Но что значит эта фраза в твоем письме: *Тютчев тебе расскажет о нашем житье-бытье?* Письмо я получил по почте. Где же Тютчев[6]? Неужели он проехал через Франкфурт? Как и где отыскать его? <...> Статью твою о Гоголевой книге[7] я читал с необыкновенным удовольствием. Многое даже меня глубоко тронуло. Но к ней я намерен возвратиться после; теперь только вообще благодарю тебя за мастерски написанную статью. Вот истинная критика»[8].

В письме к А. О. Смирновой из Эмса от 7 августа (н. ст.) 1847 г. Жуковский также сообщал: «Гоголь (теперь он в Остенде) читал мне прекрасное письмо Аркадия о его книге[9]. В вашей семье, надобно признаться, ум свил себе гнездо и сидит на нем без слета; сидит, да и высиживает»[10].

[1] См. также ***1847. Августа 1 <июля 20>. Воскресенье. Эмс.***

[2] Александр Николаевич.

[3] Ср. ***1849. Января 29. Суббота. Санкт-Петербург.***

[4] Возможно, Гоголь также находился еще в то время во Франкфурте. (Гоголь выехал из Франкфурта в Эмс ранее, чем Жуковский с семьей; см.: ***1847. Июля 13 <1>. Вторник. Эмс.***)

[5] «30 мая 1847 года Хомяков выехал из нелюбимого им города <Петербурга> и в июле был уже в Эмсе» (Русский Архив. 1866. Стб. 1073). См. также ***1847. Июля 13 <1>. Вторник. Эмс.***

[6] См. ***1847. Июля 10 <июня 28>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[7] *К<нязь> Вяземский.* Языков. – Гоголь // Санктпетербургские Ведомости. 1847. 24 апр. № 90; 25 апр. № 91.

[8] Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива // Русский Архив. 1866. Стб. 1071–1074; см. также: Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 64.

[9] Письмо Аркадия Осиповича Россета, брата А. О. Смирновой, к Гоголю от 12 марта 1847 г. о «Выбранных местах из переписки с друзьями» (см. ***1847. Марта 12 <24>. Среда. Санкт-Петербург***).

[10] Гоголь в письмах В. А. Жуковского // *Свод.* Т. 2. С. 64.

ИЮЛЯ 12–15 <ИЮНЯ 30 – ИЮЛЯ 3>. ПОНЕДЕЛЬНИК-ЧЕТВЕРГ. ЗАЛЬЦБРУНН

В. Г. Белинский пишет ответное[1] письмо Гоголю. Письмо датировано: «Зальцбрунн 15-го июля н. с. 1847-го года»; однако начато было ранее, 12 июля, а отправлено (вероятно, во Франкфурт) позднее, 17 июля, из Дрездена[2].

Автограф письма Белинского не сохранился. Впервые оно было напечатано А. И. Герценом[3] в Лондоне в первом выпуске альманаха «Полярная Звезда» (1855)[4].

Из мемуарного очерка П. В. Анненкова «Замечательное десятилетие» (1880): «...Белинский начинал уже бояться самого себя, бояться тех еще не порабощенных сил, которые в нем жили, и могли при случае, вырвавшись наружу, уничтожить за раз все плоды прилежного лечения. Он принимал меры против своей впечатлительности. Сколько раз случалось мне видеть, как Белинский, молча и с болезненным выражением на лице, опрокидывался на спинку дивана или кресла, когда полученное им ощущение сильно въедалось в его душу, а он считал нужным оторваться или освободиться от него. <...> Можно было ожидать, что, несмотря на все предосторожности, наступит такое мгновение, когда он не справится с собой, — и действительно, такое мгновение наступило для него в конце нашего пребывания в Зальцбрунне.

Надо знать, чем был за полгода до своей смерти Белинский, чтобы понять весь пафос этого мгновения, имевшего весьма важные последствия, и от дальнейших и окончательных результатов которого освободила его только смерть. Я подразумеваю здесь известное его письмо к Гоголю, много потерявшее теперь из первоначальных своих красок, но в свое время раздавшееся по интеллектуальной России, как трубный глас. Кто поверит, что когда Белинский писал его, он был уже не прежний боец, искавший битв, а, напротив, человек, наполовину замиренный и потерявший веру в пользу литературных сшибок, журнальной полемики, трактатов о течениях русской мысли и рецензий, уничтожающих более или менее шаткие литературные репутации. <...> Одного только не мог он переносить: спокойствие и хладнокровное размышление покидало его тотчас, как он встречался с суждением, которое, под предлогом неопределенности или неубедительности европейских теорий, обнаруживало поползновение позорить труды и начинания эпохи, не признавать честности ее стремлений, подвергать огулом насмешке всю ее работу, на основании тех самых отживших традиций, которые именно и привели всех к нынешнему положению дел. При встрече с ораторством или диффамацией такого рода Белинский выходил из себя, а книга Гоголя "Переписка с друзьями" была вся, как известно, проникнута духом недоверчивости и наглого презрения к современному движению умов, которое еще и плохо понимала. Вдобавок, она могла служить еще и тормозом для возникавших тогда в России планов крестьянской реформы... <...> Негодование, возбужденное ею у Белинского, долго жило в скрытном виде в его сердце, так как он не мог излить его вполне в печатной оценке произведения по условиям тогдашней цензуры, а потому, лишь представился ему случай к свободному слову, — оно потекло огненной лавиной гнева, упреков и обличений... <...>

В тот же день <12 июля (н. ст.) 1847 г.>[5] небольшая комната, рядом с спальней Белинского, которая снабжена была диванчиком по одной стене и круглым столом перед ним, на котором мы свершали наши довольно скучные послеобеденные упражнения в пикет[6], — превратилась в письменный кабинет. На круглом столе явилась чернильница, бумага, и Белинский принялся за письмо к Гоголю, как за работу, и с тем же пылом, с каким производил свои срочные журнальные статьи в Петербурге. То была именно статья, но писанная под другим небом...

Три дня сряду <13–15 июля (н. ст.)> Белинский уже не поднимался, возвращаясь с вод домой, в мезонин моей комнаты, а проходил прямо в свой импровизированный кабинет. Все это время он был молчалив и сосредоточен. Каждое утро после обязательной чашки кофе, ждавшей его в кабинете, он надевал летний сюртук, садился на диванчик и наклонялся к столу. Занятия длились до часового нашего обеда, после которого он не работал. Не покажется удивительным, что он употребил три утра на составление письма к Гоголю, если прибавить, что он часто отрывался от работы, сильно взволнованный ею, и отдыхал от нее, опрокинувшись на спинку дивана. Притом же и самый процесс составления был довольно сложен. Белинский набросал сперва письмо карандашом на разных клочках бумаги, затем переписал его четко и аккуратно набело, и потом снял еще с готового текста копию для себя. Видно, что он придавал большую важность делу, которым занимался, и как будто понимал, что составляет документ, выходящий из рамки частной, интимной корреспонденции. Когда работа была кончена, он посадил меня перед круглым столом своим и прочел свое произведение.

Я испугался и тона, и содержания этого ответа, и, конечно, — не за Белинского, потому что особенных последствий заграничной переписки между знакомыми тогда еще нельзя было предвидеть;

я испугался за Гоголя, который должен был получить ответ, и живо представил себе его положение в минуту, когда он станет читать это страшное бичевание. В письме заключалось не одно только опровержение его мнений и взглядов: письмо обнаруживало пустоту и безобразие всех идеалов Гоголя, всех его понятий о добре и чести, всех нравственных основ его существования – вместе с диким положением той среды, защитником которой он выступил. Я хотел объяснить Белинскому весь объем его страстной речи, но он знал это лучше меня, как оказалось: "А что же делать? – сказал он. – Надо всеми мерами спасать людей от бешеного человека, хотя бы взбесившийся был сам Гомер. Что же касается до оскорбления Гоголя, я никогда не могу так оскорбить его, как он оскорблял меня в душе моей и в моей вере в него"»[7].

Один из главных – едва ли не главный (но не озвученный ни Анненковым, ни самим Белинским) мотив создания ответного письма к Гоголю – ярко выраженное – вызывающее болезненное раздражение Белинского – религиозно-патриотическое начало «Выбранных мест из переписки с друзьями» – произведения, которое до сих пор является самой патриотической книгой нашей классической словесности[8]. Несмотря на то, что цензором А. В. Никитенко книга Гоголя была сокращена более чем на треть[9] – исключены были главы *XIX. Нужно любить Россию, XX. Нужно проездиться по России, XXI. Что такое губернаторша, XXVI. Страхи и ужасы России, XXVIII. Занимающему важное место,* – «Переписка с друзьями», даже в таком «обгрызенном Никитенкой оглодке»[10] (так Гоголь называл свою книгу после «цензурного убийства»[11], которое совершил над ней приятель Белинского) сохранила свой главенствующий пафос.

Со страниц вышедшей книги Гоголь обращался к современникам с открытым призывом «любить Россию» (название одной из статей «Переписки с друзьями» – «Нужно любить Россию», однако патриотическое начало пронизывает каждую, без исключения, главу этого произведения). Ни в чем не изменяя своим прежним воззрениям – ни тем, что выразились в «позитивном» «Тарасе Бульбе», ни тем, что определили критический пафос «Ревизора» и первой части «Мертвых душ», – Гоголь писал:

«Оставивши все прочее в сторону, посмотрим на нашу Россию, и в особенности на то, что у нас так часто перед глазами, – на множество всякого рода злоупотреблений[12]. <...> ...Так много страждующих внутри России от голода, пожаров, болезней и всякого рода несчастий[13]. <...>

...Одиссея подействует на тех, которые <...>, находясь в гимназиях и университетах, видят перед собой еще туманно и неясно свое будущее поприще. Их она может навести с самого начала на прямой путь, избавив от лишнего шатания по кривым закоулкам[14], по которым натолкались изрядно их предшественники[15]. <...> ...На страждущих и болеющих от своего Европейского совершенства Одиссея подействует. <...> ...Многое из времен патриархальных, с которыми есть такое сродство в Русской природе, разнесется невидимо по лицу Русской земли[16]. <...>

...Церковь наша есть жизнь... <...> ...Мы <...> шли все время мимо нашей Церкви и едва знаем ее даже и теперь... <...> Эта Церковь <...> одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши <...> и, не изменив ничего в государстве, дать силу России изумить весь мир согласною стройностью <...> организма[17]... <...> В ней заключено все, что нужно для жизни истинно Русской... <...> Мы повторяем еще бессмысленно слово "просвещение". <...> Слово это взято из нашей Церкви, которая уже почти тысячу лет его произносит, несмотря на все мраки и невежественные тьмя, отвсюду ее окружавшие[18]... <...>

...Наши поэты видели всякий высокий предмет в его законном соприкосновенье с верховным источником лиризма – Богом... <...> ...Два предмета вызывали у наших поэтов этот лиризм, близкий к библейскому. Первый из них – *Россия.* <...> Это что-то более, нежели обыкновенная любовь к отечеству. <...> Сверх любви участвует здесь сокровенный ужас при виде тех событий, которым повелел Бог совершиться в земле, назначенной быть нашим отечеством, прозрение прекрасного нового здания, которое покамест не для всех видимо зиждется... <...> ...Перейдем к другому предмету <...> *любви к Царю.* <...> Государство без полномощного Монарха то же, что оркестр без капельмейстера: как ни хороши будь все музыканты, но, если нет среди них одного такого, который бы движеньем палочки всему подавал знак, никуда не пойдет концерт. <...> Поэты наши прозревали значение высшее Монарха, слыша, что он неминуемо должен наконец сделать весь одна *любовь,* и таким образом станет видно всем, почему Государь есть образ Божий, как это признает покуда чутьем вся земля наша. <...> ...Всемогущий голос любви <...> один только может быть доступен

разболевшемуся человечеству, <...> Государь <...> один может только <...> обратить в стройный оркестр государство[19]. <...> ...Поэзия с первого стихотворения, появившегося в печати, приняла у нас торжествующее выражение, стремясь высказать в одно и то же время восхищение от света, внесенного в Россию, изумление от великого поприща, ей предстоящего, и благодарность Царям, того виновникам[20]. <...>

Возвеличь в торжественном гимне незаметного труженика, какой, к чести высокой породы Русской, находится посреди отважнейших взяточников, который не берет даже и тогда, как все берет вокруг него. <...> Ублажи гимном того исполина, какой выходит только из Русской земли, который вдруг пробуждается от позорного сна, становится вдруг другим. <...> Покажи, как совершается это богатырское дело в истинно Русской душе, но покажи так, чтобы невольно затрепетала в каждом Русская природа... <...> ...Огни, а не слова излетят от тебя, как от древних Пророков, если только <...> так возлюбишь спасение земли своей, как возлюбили они спасение Богоизбранного своего народа[21]. <...>

Я до сих пор не могу выносить тех заунывных, раздирающих звуков нашей песни, которая стремится по всем беспредельным Русским пространствам. Звуки эти вьются около моего сердца... <...> ...У редкого из нас доставало столько любви к добру, чтобы он <...> положил самому себе в непременный закон служить земле своей... <...> От души было произнесено это обращение к России: "В тебе ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться ему!" Оно было сказано не для картины, или похвальбы: я это чувствовал; я это чувствую и теперь. В России, теперь, на всяком шагу можно сделаться богатырем. Всякое звание и место требует богатырства. Каждый из нас опозорил до того святыню своего звания и места (все места святы), что нужно богатырских сил на то, чтобы вознести их на законную высоту[22]. <...>

Появление второго тома[23] в том виде, в каком он был, произвело бы скорее вред, нежели пользу. <...> Вывести несколько прекрасных характеров, обнаруживающих высокое благородство нашей породы, ни к чему не поведет. <...> Многие у нас уже и теперь <...> стали хвастаться не в меру Русскими доблестями... <...> Хвастаются будущим! Нет, по мне, уже лучше временное уныние и тоска от самого себя, нежели самонадеянность в себе. <...> Нет, <...> бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого. Последнее обстоятельство было мало и слабо развито во втором томе "Мертвых душ", а оно должно было быть едва ли не главное; а потому он и сожжен[24]. <...> Рожден я вовсе не за тем, чтобы произвести эпоху в области литературной[25]. <...>

...Что такое наша поэзия вообще? зачем она была, к чему служила, и что сделала для всей Русской земли нашей? <...> Поэты наши слышали, что не приспело еще время <...> хвастаться собою; что еще нужно нам самим прежде организоваться, стать собою и сделаться Русскими. <...> ...Поэты как бы заботились только о том, чтобы не пропало <...> лучшее из нашей природы. <...> Нельзя уже теперь заговорить о тех пустяках, о которых еще продолжает ветрено лепетать молодое <...> поколение поэтов; нельзя служить и самому искусству, <...> не уразумев цели высшей... <...>; нельзя повторять Пушкина. <...> Другие дела наступают для поэзии. <...> ...Придется ей теперь вызвать на другую, высшую битву человека – на битву уже не за временную нашу свободу, но за нашу душу... <...> Скорбью ангела загорится наша поэзия и, ударивши по всем струнам, какие ни есть в Русском человеке, внесет в самые огрубелые души святыню того, чего никакие силы и орудия не могут утвердить в человеке. Вызовет нам нашу Россию – нашу русскую Россию: не ту, которую показывают нам грубо какие-нибудь квасные патриоты, и не ту, которую вызывают к нам из-за моря очужеземившиеся русские, но ту, которую извлечет она из нас же и покажет таким образом, что все до единого, каких бы ни были они различных мыслей, образов воспитанья и мнений, скажут в один голос: "это наша Россия; нам в ней приютно и тепло, и мы теперь действительно у себя дома, под своей родной крышею, а не на чужбине!"[26] <...>

В Русском человеке есть особенное участие к празднику Светлого Воскресения. <...> Как бы этот день пришелся, казалось, кстати нашему девятнадцатому веку, когда мысли о счастии человечества сделались почти любимыми мыслями всех... <...> Но на этом-то самом дне, как на пробном камне, видишь, как бледны все его христианские стремленья... <...> Отчего же одному Русскому еще кажется, что праздник этот празднуется как следует, и празднуется так в одной его земле?

Мечта ли это? Но зачем же эта мечта не приходит ни к кому другому, кроме Русского? <...> Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно Русского и что освящено Самим Христом. Разнесется звонкими струнами поэтов, развозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее — и праздник Светлого Воскресенья воспразднуется, как следует, прежде у нас, чем у других народов! <...> ...Есть уже начала братства Христова в самой нашей Славянской природе, и побратанье людей было у нас роднее <...> и кровного братства... <...> ...Есть, наконец, у нас отвага, никому не сродная, и если предстанет нам всем какое-нибудь дело, решительно невозможное ни для какого другого народа, хотя бы даже, например, сбросить с себя вдруг и разом все недостатки наши, все позорящее высокую природу человека, — то с болью собственного тела, не пожалев самих себя, как в двенадцатом году, не пожалев имуществ, жгли домы свои и земные достатки, так рванется у нас все сбрасывать с себя позорящее и пятнающее нас, ни одна душа не отстанет от другой, и в такие минуты всякие ссоры, ненависти, вражды — все бывает позабыто, брат повиснет на груди у брата, и вся Россия — один человек. Вот на чем основываясь, можно сказать, что праздник Воскресенья Христова воспразднуется прежде у нас, чем у других»[27].

В исключенных цензором Никитенко главах книги Гоголь, оставаясь столь же неизменно верен смыслу своих прежних художественных созданий, писал:

«Если только возлюбит Русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России[28]. <...> ...Монастырь ваш — Россия! <...> Вспомните, что когда приходила беда ей, тогда из монастырей выходили монахи и становились в ряды с другими спасать ее[29]. <...> Пока я еще мало входил в мерзости, меня всякая мерзость смущала, я приходил от многого в уныние, и мне становилось страшно за Россию; с тех же пор, как стал я побольше всматриваться в мерзости, я просветлел духом; передо мною стали обнаруживаться исходы, средства и пути, и я возблагоговел еще более перед Провиденьем[30]. <...> Служить же теперь должен из нас всяк не так, как бы служил он в прежней России, но в другом Небесном государстве, главой которого уже Сам Христос... <...> Еще пройдет десяток лет, и вы увидите, что Европа приедет к нам не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продают больше на европейских рынках. Я бы вам назвал многих таких, которые составят когда-нибудь красоту земли Русской и принесут ей вековечное добро[31]... <...> ...Вы взошли именно на ту степень состоянья душевного, на которой нужно быть тому, кто захотел бы сделать теперь пользу России. <...> ...Вся Русская земля взывает о помощи и <...> помощь ей можно оказать одними подвигами благородства... <...> ...Россия, точно, <...> несчастна от грабительств и неправды, которые до такой наглости еще не возносили рог свой...»[32]

Одной из первостепенных целей Белинского в полемике с Гоголем по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями»[33] была задача отвести внимание читателей от главного содержания гоголевской книги, от ее основополагающей идеи. Переведя разговор на частности, критик вполне достиг этой цели — так что патриотическая составляющая книги долгое время оставалась на периферии читательского восприятия. Навязав полемику, Белинский существенно сузил проблематику книги. Тем самым в понимании, интерпретации и пересказе гоголевского сочинения Белинский, в силу иного склада мировоззрения, оказался толкователем столь же неискусным, как и в прежних критических разборах «ранних» художественных произведений Гоголя.

Периодические вспышки богоборчества и русофобии проявлялись у Белинского и ранее, — в частности, в его «грязном и не эстетическом», «преисполненном» нападок «на Россию и русского человека» письме к К. С. Аксакову 1839 г.[34]; в памфлете на С. П. Шевырева «Педант» 1842 г.[35]; в оценке поэзии М. Ю. Лермонтова[36]; в частных письмах к В. П. Боткину и откровенных разговорах с начинающим свою писательскую карьеру Ф. М. Достоевским[37]; в постоянном «отвращении» к «николаевской» действительности[38]. Это негативное мироощущение, в «благородном» обличье негодования по поводу положения дел в России[39], в полной мере нашло отражение в строках письма Белинского к Гоголю 1847 г.

Из письма Белинского к Гоголю: «Вы только отчасти правы, увидав в моей статье *рассерженного* человека: этот эпитет слишком слаб и нежен для выражения того состояния, в какое привело меня чтение вашей книги. <...> Тут дело идет не о моей или вашей личности, а о предмете, который гораздо выше не только меня, но даже и вас: тут дело идет об истине, о русском обществе, о России. <...> ...Нельзя перенести оскорбленного чувства истины, человеческого достоинства; нельзя умол-

чать, когда под покровом религии и защитою кнута проповедуют ложь и безнравственность как истину и добродетель».

Позднее, 2 декабря (н. ст.) 1847 г., Гоголь, имея в виду последнюю фразу Белинского, писал С. П. Шевыреву: «Мне нужно будет очень много посмотреть в России самолично вещей, прежде чем приступить ко второму тому. Теперь уже стыдно будет дать промах. Ты видишь (или, по крайней мере, должен видеть более прочих), что предмет не безделица и что беда, не будучи вполне готовым и состроившимся, приняться за это дело. Сделавши это дело хорошо, можно принести им большую пользу; сделавши же дурно, можно принести *вред*. Если и нынешняя моя книга, “Переписка” (по мнению даже неглупых людей и приятелей моих), способна распространить *ложь и безнравственность* и имеет свойство увлечь, то сам посуди, во сколько раз больше я могу увлечь и распространить ложь, если выступлю на сцену с моими живыми образами. Тут ведь я буду посильнее, чем в “Переписке”. Там можно было разбить меня впух и Павлову[40], и барону Розену[41], а здесь вряд ли и Павловым, и всяким прочим литературным рыцарям и наездникам будет под силу со мной потягаться».

18 декабря (н. ст.) 1847 г. Гоголь вновь писал Шевыреву: «Ты не можешь себе представить, как сердит всякого человека, не дошедшего до нашей точки зрения, похвальба открыть то, что ему еще не открыто и чье существование, разумеется, он должен отвергать, как несбыточное. Его бесит это, как бесит ложь, проповедываемая с видом истины, и бесит еще более, когда он видит, как увлекаются другие».

Из письма Белинского: «...Я любил вас со всею страстью, <...> одного из великих вождей <...> на пути сознания, развития, прогресса».

Именно от этого утверждения критика берет начало получившее впоследствии широкое распространение деление Гоголя на «раннего» и «позднего». Между тем фраза Белинского объективно не может служить основанием для периодизации творческого пути писателя, так как изначально настоящий смысл гоголевских произведений, представления самого Гоголя о путях развития России заведомо исключались из «любви» критика[42].

Далее из письма Белинского: «...Я <...> представляю не одно, а множество лиц... <...> Вы сами видите хорошо, что от вашей книги отступились даже люди, по-видимому, одного духа с ее духом».

Здесь Белинский подразумевал прежде всего своих давних московских знакомых и друзей Аксаковых[43], из которых более или менее доброжелательно отнесся к книге Гоголя лишь один Иван Аксаков.

Из письма Белинского: «...Вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек...»

Взятая Белинским на вооружение еще в 1835 г. теория о бессознательности художественного творчества — определение Гоголя как художника, творящего в состоянии «поэтического сомнамбулизма», — означала для критика на практике возможность произвольного истолкования его произведений, а возникающие при этом противоречия выдавались в соответствии с этой теорией за противоречия между «гениальной» художнической интуицией писателя и его якобы неглубоким мировоззрением[44]. Стремление отрицать или дискредитировать авторскую мысль в художественном произведении, придав ему иное толкование, наряду с восторженными похвалами, пронизывает большинство критических выступлений Белинского, посвященных гоголевскому творчеству.

Из письма Белинского: «...Вы столько уже лет привыкли смотреть на Россию из вашего *прекрасного далека...*»

В письме к Белинскому от 10 августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал: «...Я получил около пятидесяти разных писем по поводу моей книги: ни одно из них не похоже на другое, нет двух человек, согласных во мненьях об одном и том же предмете, что опровергает один, то утверждает другой. И между тем на всякой стороне есть равно благородные и умные люди. Покуда мне показалось только то непреложной истиной, что я не знаю вовсе России, что многое изменилось с тех пор, как я в ней не был, что мне нужно почти сызнова узнавать всё то, что ни есть в ней теперь. А вывод из всего этого вывел я для себя тот, что мне не следует выдавать в свет ничего, не только никаких *живых образов*, но даже и двух строк какого бы то ни было писанья, по тех пор, покуда, приехавши в Россию, не увижу многого своими собственными глазами и не пощупаю собственными руками. Вижу, что укорявшие меня в незнании многих вещей и несоображении многих сторон обнаружили передо мной собственное незнание многого и собственное несоображение многих сторон. Не все вопли услышаны, не все страданья взвешены. Мне кажется даже, что не всякий из нас понимает *нынешнее время*, в котором так явно проявляется

дух *построенья полнейшего*, нежели когда-либо прежде: как бы то ни было, но всё выходит теперь внаружу, всякая вещь просит и ее принять в соображенье, старое и новое выходит на борьбу, и чуть только на одной стороне перельют и попадут в излишество, как в отпор тому переливают и на другой. Наступающий век есть век разумного сознания; не горячась, он взвешивает всё, приемля все стороны к сведенью, без чего не узнать разумной средины вещей. Он велит нам оглядывать многосторонним взглядом старца, а не показывать горячую прыткость рыцаря прошедших времен; мы ребенки перед этим веком. Поверьте мне, что и вы, и я виновны равномерно перед ним. И вы, и я перешли в излишество. Я, по крайней мере, сознаюсь в этом, но сознаетесь ли вы? Точно так же, как я упустил из виду современные дела и множество вещей, которые следовало сообразить, точно таким же образом упустили и вы; как я слишком усредоточился в себе, так вы слишком разбросались. Как мне нужно узнавать многое из того, что знаете вы и чего я не знаю, так и вам тоже следует узнать хотя часть того, что знаю я и чем вы напрасно пренебрегаете».

В письме к П. В. Анненкову от 12 августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь также писал: «Я получил письмо от Белинского, которое меня огорчило не столько оскорбительными словами, устремленными лично на меня, сколько чувством ожесточенья вообще. <...> Не увлекись я духом излишества, который раздувает теперь всех, я бы выразился, может быть, так, что со мною во многом бы согласились те, которые оспаривают теперь меня во всем, хотя чувствую, что и тогда видна была бы во мне односторонность: занявшись своим собственным внутренним воспитанием, проведя долгое время за Библией, за Моисеем, Гомером — законодателями веков минувших, читая историю событий, кончившихся и отживших, наконец, наблюдая и анатомируя собственную душу в желаньи узнать глубже душу человека вообще и встретясь на этом пути с Тем, Который более всех нас знал душу человека, я весьма естественно стал на время чужд всему современному. Зато теперь проснулось во мне любопытство ребенка знать всё то, чего я прежде не хотел знать. Точно как бы на то была уже такая воля, чтобы я не прежде приступил к узнанию мирских дел, как узнавши получше самого себя. И мне кажется, что я теперь далее всякого другого могу уйти на пути *разведыванья*: ни раздраженья, ни фанатизма во мне нет, ничьей стороны держать не могу, потому что везде вижу частицу правды и много всяких преувеличиваний и лжи».

Около 18 августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь сообщал также графу А. П. Толстому в Париж: «Муханов мне сказывал, что вас смущает множество русских, наехавших в вашу гостиницу, в числе которых находится даже и литератор Белинский. Кстати о Белинском: я получил от него недавно письмо, которое, по словам его, само просилось вследствие моего приглашенья всем говорить мне правду. Письмо, действительно, чистосердечное и с тем вместе изумительное уверенностью в непреложность своих убеждений. Он видит совершенно одну сторону дела и не может даже подумать *равнодушно* о том, что существует и может существовать другая сторона того же дела. Я написал ему в ответ только то, что мы все еще плохо понимаем те вещи, о которых говорим, что прежде всего следует нам излечить себя от самоуверенности в себе и торопливости выводить заключения».

В письме к П. А. Плетневу от 24 августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь замечал: «Ты прав совершенно, признавая важность литературы (разумея в высоком смысле ее влиянья на жизнь). Но как много нужно, чтобы дойти до того, какое полное знание жизни, сколько разума и беспристрастия старческого, чтобы создать такие живые образы и характеры, которые пошли бы навеки в урок людям, которых бы никто не назвал в то же время идеальными, но почувствовал, что они взяты из нашего же тела, из нашей же русской природы! Как много нужно сообразить, чтобы создать таких людей, которые были бы истинно нужны *нынешнему времени*! Скажу тебе, что без этого внутреннего воспитанья я бы не в силах был даже хорошенько рассмотреть [что такое нынешнее время] всё то, что необходимо мне рассмотреть. Нужно очень много победить в себе всякого рода щекотливых струн, чтобы ничем не раздражиться, ни на что не рассердиться и уметь хладнокровно выслушивать всех и взвесить всякую вещь. Теперь я хоть и узнал, что *ничего не знаю*, но знаю в то же время, что *могу узнать* столько, сколько другой не узнает. <...> Постараюсь по приезде в Россию получше разглядеть Россию, всюду заглянуть, переговорить со всяким, не пренебрегая никем, как бы ни противоположен был его образ мыслей моему, и словом — всё *пощупать самому*».

Из письма Белинского: «...Вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности».

В неотправленном письме к Белинскому от конца июля — начала августа (н. ст.) 1847 г.[45] Гоголь замечал: «Вы говорите, что спасенье России в Европейской Цивилизации. Но какое это беспредельное и безграничное слово. Хоть бы вы определили, что такое нужно разуметь под именем Европейской Цивили<зации>, которое бессмысленно повторяю<т>... <...> Тут и фаланстерьен, и красный, и всякий, и все друг друга готовы съесть, и все носят такие разрушающие, такие уничтожающие начала, что уже даже трепещет в Европе всякая мыслящая голова и спрашивает невольно, где наша цивилизация? И стала Европейская Цивилизация призрак, который точно <был>, покуда ее видели издали, <когда же попытались>[46] хватать <ее> руками, она рассы<пается>. И прогресс, он тоже был, пока о нем не дум<али, когда же> стали ловить его, он и рассыпал<ся>».

Далее из письма Белинского: «Ей <России> нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!)...»

В неотправленном письме к критику от конца июля — начала августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь возражал: «Вы говорите, что Россия д<олго и напрасно моли>лась. Нет, Россия м<олилась не зря. К>огда она молилась, то она спаса<лась>. <О>на помолилась в 1612, и спаслась от поляков; она помолилась в 1812, и спаслась от французов. Или это вы называете молитвою, что [одна тысячная] одна из сотни <молится>, а все прочие кутят, сломя голову, с утра до вечера на всяких зрелищах, заклады<вая> последнее свое имущество, чтобы насладиться всеми комфорта<ми>, которыми наделила нас эта б<естолковая?> Европейская Цивилизация?»

Из письма Белинского: «...<России> нужны <...> права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение. А вместо этого она <Россия> представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр — не человек...»

В 1842 г. сам Белинский замечал по поводу «Мертвых душ»: «Неужели в иностранных романах и повестях вы встречаете все героев добродетели и мудрости? Ничего не бывало! Те же Чичиковы, только в другом платье: во Франции и в Англии они не скупают мертвых душ, а подкупают живые души на *свободных* парламентских выборах! Вся разница в цивилизации, а не в сущности. Парламентский мерзавец образованнее какого-нибудь мерзавца нижнего земского суда; но в сущности оба они не лучше друг друга»[47].

Далее из письма Белинского: «...Россия <...> представляет собою ужасное зрелище страны, где <...> нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей. <...> Не буду распространяться о вашем дифирамбе любовной связи русского народа с его владыками. <...> ...Этот дифирамб <...> уронил вас в глазах даже людей, в других отношениях очень близких к вам, по их направлению (опять подразумеваются, в первую очередь, Аксаковы[48]. — *И. В.*). <...> ...Когда европейцем, особенно католиком овладевает религиозный дух — он делается обличителем неправой власти, подобно еврейским пророкам, обличавшим в беззаконии сильных земли. У нас же наоборот, постигнет человека <...> religiosa mania[49], он тотчас же земному богу подкурит больше, чем небесному...»

Позднее в записную книжку 1846–1850 гг. Гоголь внес отрывок диалога, который, по-видимому, намеревался включить во второй том «Мертвых душ»[50] в качестве ответа Белинскому и его последователям: «А вы думаете, легко воров выгнать? Царь, который только и думает о том, как их выгнать, да и тот не может, — Царь, у которого и войско, и вся сила есть. Как же вы хотите, без всякой силы и власти, это сделать? Что спьяна передушите всех, думаете поправить? Думаете, лучше будет погибнуть? Те, которых шеи потолще, останутся. Что, те святые, что ль? Еще больше станут допекать друг друга».

В неотправленном письме к критику от конца июля — начала августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал: «Вам показались ложью слова мои Государю, напоминающие ему о святости его званья и его высоких обязанностей. Вы называете <их> лестью. Нет, каждому из нас следует напоминать, что званье его свято, и тем более Госуд<арю>. Пусть вспомнит, как страшен ответ, который <потребуется> от него. Но если каждого из нас званье свято, то тем более званье того, кому достался трудный и страшный удел заботиться о мил<л>иона<х>. Зачем напоминать о святости званья? Да мы должны даже друг другу напоминать о свя<тости на>ших обязанностей и званья. Без <этого человек> погрязнет в материальных чувствах. <Вы говорите>, кстати, будто я <спел> похвальную песнь нашему правительству. Я нигде не пел. Я заметил, что Правительство состоит из нас же; мы выслуживаемся и составляем правительство. Если же Правительство [сделалось, как вы говорите] огромные корпорации воров [что отчасти и справедливо], или вы думаете, этого не знает никто из Рус<с>ких... <...> [Рассмотрим их] пристально, отчего это? Не оттого ли эта сложность и чудовищное накопление прав, не оттого ли, что мы все кто в лес, кто по дрова? Один смотрит в Англию, другой в Пруссию, третий во Францию. Тот выезжает на одних началах, другой на других. Один сует Государю тот проэкт, другой <иной, третий> опять иной. Что ни человек, <то разные проекты и раз>ные мысли, что ни <город>, то разные мысли и <проекты... Как же не> образоваться посреди <такой разладицы вор>ам и всевозможным <плутням и несправедливостям, когда всякий <видит, что везде> завелись препятствия, думает только о себе и о том, как бы себе запасти потеплей квартирку... <...>

...<Довольно> забот нам и вокруг себя. Нужно <прежде> их исполнить, тогда общество <само> собою пойдет хорошо. А если <упустим> обязанности относительно лиц <близких, погнавш>ись за обществом, —

<то> не <исполним и т>е так же точно. Я зна<л> в последнее время много прекрасных л<юдей>, <которые> совершенно сбились. [Многие, видя, что общество идет ду<рно>], что порядок дел беспрестанно запут<ывает>ся, думают преобразованьями и реформами, обращеньем на такой и на другой лад поправить мир; другие думают, что посредством какой-то особенной, довольно посредствен<ной> литературы, которую вы называете бел<л>етристикой, можно подействовать на воспитание общества. [Плоды, если происходят, то вовсе не те, о которых думает автор, а чаще такие, от которых с испугом отшатывается сам.] Но благосостояние общества не приведут в лучшее состояние ни беспорядки, ни [пылкие головы. Брожение] внутри не исправить никаким [проектам и реформам] конституциям.

<...> <Общест>во образуется само собою, общес<тво> слагается из единиц. <Надобно, чтобы каждая едини>ца исполнила долж<ность свою... <...> Нужно вспомнить человеку, <что> он вовсе не материальная скотина, <но> высокий гражданин высокого небесного <гра>жданства. Покуда <ско>лько-нибудь не будет <он> жить жизнью <неб>есного гражданина – до тех пор не <пр>идет в порядок и зе<мное> гражданство».

В первоначальном слое заключительной главы второго тома «Мертвых душ» (относящемся, предположительно, к осени 1847 – зиме 1847/48 г.), Муразов говорит Чичикову: «Точно, как можно завести благоустройство в здешней жизни, не помысливши о другой жизни. Поверьте-с, Павел Иванович, что покамест, брося все, что из-за чего грызут и едят друг друга на земле, не подумают о благоустройстве [собственного] душевного имущества, не установится благоустройство и земного имущества».

Далее в письме Гоголь обращался к Белинскому: «Будем ис<правлять свое> дело; чес<тно> <будем стара>ться, чтоб не зарыть в землю т<алант>. Будем отправлять свое ремесл<о, тогда> все будет хорошо, и состоянье <общества> поправится само собою. В <этом> много значит Государь. <Ему дана должн>ость, которая важ<на и> пре<выше> всех. С Госуд<аря> у нас все берет пример. Стоит только ему ис<полнять> <долг> хорошо, не коверкая ничего, так и все пойдет само собою. Почему знать, может быть, придет ему мысль жить в остальное время от дел скромно, в уединении, вдали от развращающего двора, <от> всего этого накопленья. И всё <обер>нется само собою просто. Сумасшедш<ую жизнь> <захотят> бросить. Владельцы разъедутся по поместьям, станут заниматься делом. Чиновники увидят, что не нужно жить богато, перестанут красть. А честолюбец, увидя, что важные места не награждают ни деньгами, <н>и богатыми жалованьями, <оставит службу>».

В письме к Анненкову от 12 августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь также замечал: «Убедите его <Белинского> прежде всего в той непреложной истине, что излишество теперь удел всех, кто только сколько-нибудь имеет сердце не бесчувственное к делам мира, какой-нибудь характер и какое-нибудь убеждение. Все переливают через край, потому что никто не спокоен. Я, более других спокойный и хладнокровный, впал в излишество более других: писавши мои письма, я был истинно убежден в той мысли, что все звания и должности могут быть освящены человеком и что чем выше место, тем оно должно быть святее; я хотел рассмотреть все места и звания в их чистом источнике, а не в том виде, в каком они являются вследствие злоупотреблений человеческих; я начал с высших должностей; я хотел напомнить человеку о всей святости его обязанностей, а выразился так, что слова мои приняли за куренье человеку».

Из письма Белинского: «Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания... <...> Это чувствует даже само правительство (которое хорошо знает, что делают помещики со своими крестьянами и сколько последние ежегодно режут первых), что доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров и комическим заменением однохвостого кнута треххвостою плетью[51]. <...> И в это-то время великий писатель, который своими дивно-художественными, глубоко истинными творениями так могущественно содействовал самосознанию России, давши ей возможность взглянуть на себя самое как будто в зеркале, – является с книгою, в которой во имя Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег... <...> Нет, если бы вы действительно преисполнились истиною Христова, а не дьяволова учения, – совсем не то написали бы вы вашему адепту из помещиков. Вы написали бы ему, что так как его крестьяне – его братья во Христе, а как брат не может быть рабом своего брата, то он и должен или дать им свободу, или хоть, по крайней мере, пользоваться их трудами как можно льготнее для них, сознавая себя, в глубине своей совести, в ложном в отношении к ним положении. <...> А ваше понятие о национальном русском суде и расправе, идеал которого нашли вы в словах глупой бабы в повести Пушкина, и по разуму которой должно пороть и правого и виноватого? <...> И такая-то книга могла быть результатом трудного внутреннего процесса, высокого духовного просветления!.. Не может быть!.. Или вы больны и вам надо спешить лечиться, или – не смею досказать моей мысли...

Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов – что вы делаете?.. Взгляните себе под ноги: ведь вы стоите над бездною... Что

вы подобное учение опираете на православную церковь — это я еще понимаю: она всегда была опорою кнута и угодницей деспотизма; но Христа-то зачем вы примешали тут? Что вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения. И оно только до тех пор и было *спасением* людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии. Церковь же явилась иерархией, стало быть, поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми, — чем и продолжает быть до сих пор. Но смысл учения Христова открыт философским движением прошлого века. И вот почему какой-нибудь Вольтер, орудием насмешки потушивший в Европе костры фанатизма и невежества, конечно, больше сын Христа, плоть от плоти его и кость от костей его, нежели все ваши попы, архиереи, митрополиты и патриархи, восточные и западные. Неужели вы этого не знаете? А ведь все это теперь вовсе не новость для всякого гимназиста... <...> ...Неужели вы искренно <...> пропели гимн гнусному русскому духовенству, поставив его неизмеримо выше духовенства католического? <...> ...Неужели <...> вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? <...> Кого русский народ называет: *дурья порода, колуханы*[52], *жеребцы*?»

В неотправленном письме к критику от конца июля — начала августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь замечал: «<С чего начать мой> ответ на ваше письмо? <Начну его с ваших же слов>: "Опомнитесь, вы стоите <на краю> бездны". Как [далеко] вы сбились с прямого пути, в каком вывороченном виде стали перед вами вещи. <...> О, да внесут святые силы мир в вашу страждущую, измученную душ<у! Зачем вам> было переменять раз выбранную, мир<ную> <дорогу?>. Что могло быть прекраснее, как показывать читателям красоты в твореньях наших писателей, возвышать их душу и силы до пониманья всего прекрасного, наслаждаться трепетом пробужденного в них сочувствия и таким образом прекр<асно> действовать на их души. Дорога эта привела бы вас к примиренью с жизнью. Что до политических событий, само собою умирилось бы общество, если бы примиренье было в духе тех, которые имеют влияние на общество. Дорога эта заставила бы вас благословлять все в природе. А теперь уста ваши дышат желчью и ненавистью. <...> Зачем вам с вашею пылкою душою вдаваться в этот омут политической, в эти мутные события соврем<енности>, среди которой и твердая осмотрительная многосторонн<ость> теряется. <...> <Оставь>те этот мир обнагл<евших, омертвевши>х, который обмер, <для которого> ни вы, ни я не рождены. <Позвольте мне> напомнить прежние <ваши> <раб>от<ы> и сочин<ен>ия; позвольте мне <такж>е напомнить вам прежнюю вашу дорогу... <...> Литератор сущес<твует для доб>ра, он должен служить искусству, <котор>ое вносит в души мира высокую примиряющую <исти>ну, а не вражду, <лю>бовь к человеку, <а> не ожесточ<ение> <и> ненависть».

Слова Гоголя к ожесточенному Белинскому — «благословлять все в природе» — представляют собой реминисценцию стихотворения А. С. Пушкина «Демон» (1823)[53]: «И ничего во всей природе / Благословить он не хотел». Словами о «примиреньи с жизнью» Гоголь обращал также Белинского к содержанию своего «Портрета» (1842), одна из частей которого, посвященная художнику, достойно употребившему свой талант, завершается утверждением, что «для успокоения и примирения всех нисходит в мир высокое созданье искусства», а другая, — повествующая о художнике, совокупившем в себе «хулу и отрицанье», оканчивается сравнением его с «тем страшным демоном, которого идеально изобразил Пушкин».

Уже в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь заключил ряд значимых перекличек со статьями, написанными Белинским в так называемый «примирительный» период его деятельности[54]. Эти переклички должны были, по замыслу Гоголя, послужить неким залогом «примирения» с Белинским. В свою очередь, в приведеных строках письма к критику по поводу «Переписки с друзьями» Гоголь дважды призвал его оставить «желчь и ненависть» и вернуться к «примирительному» настрою. В свою очередь, предполагавшееся к публикации в новом издании «Переписки» письмо к В. А. Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1848 г. «Искусство есть примирение с жизнью»[55] также преследовало цель напомнить Белинскому (который в то время был еще жив) о «примирительной» эпохе его жизни[56]. Это соответствовало представлениям Гоголя о роли искусства, которые он высказывал еще в 1836 г. в черновых набросках «Театрального разъезда...» (начатого вскоре после первого представления «Ревизора»). Пораженный истолкованием его комедии некоторыми зрителями, Гоголь так объяснял ее настоящую цель: «Ожесточенный и огорченный обидой, несправедливостью человек уже бы поднял, может быть, руку на своего врага; но, увидя достойно осмеянным в театре, уже почти примиряется <...> он готов был вознести руку на самого себя и прекратить свои мученья, — но вдруг божественно потряслась душа, — <...> и выходит он примиренный с жизнью»[57].

Именно этими соображениями отчасти объясняется то, почему Гоголь не отправил Белинскому свое первое ответное письмо[58], написав спустя некоторое время другой ответ, более сдержанный[59]. Судя по всему, Гоголь

руководствовался написанным им самим ранее «Правилом жития в мире»[60]: «От споров, как от огня, следует остерегаться, как бы ни сильно нам противуречили, какое бы неправое мнение нам ни излагали, не следует никак раздражаться, ни доказывать напротив; но лучше замолчать и, удалясь к себе, взвесить все сказанное и обсудить его хладнокровно. Но и обсудивши не говорить, если чувствуем, что не можем сказать так, чтобы оно именно было доступно тому человеку, с которым говорим, или же если чувствуем, что не можем сказать хладнокровно и безгневно. Истина, сказанная в гневе, раздражает, а не преклоняет. Итак, воспитать другого и подать ему душевную истинную помощь мы можем тогда, когда достигли сами до высочайшего незлобия, когда никакие оскорбления не могут оскорбить нас. Тогда и разум наш получает свет и может наблюдать поступки других, видеть их прегрешения и научать нас, как избавляться от них. Тогда и Бог помогает нам на всяком шагу, внушая действительные средства противу всего. На сем основана и жизнь: учиться самому и научать других, и самому вознестись и другого вознести к Богу».

Отношение Гоголя к Белинскому определялось убеждением, что «обратить <...> грешника ко Господу» — это «настоящая милостыня, за которую <...> можно надеяться получения небесного блаженства»[61].

Далее в неотправленном письме Гоголь писал Белинскому: «Отчего вам показалось, что я спел тоже песнь нашему гнусному, как <вы> выражаетесь, духовенству? Неужели слово мое, что проповедник восточной Церкви должен жизнью и делами проповедать. И отчего у вас такой дух ненависти? Я очень много знал дурных попов и могу вам рассказать множество смешных про них анекдотов, может быть больше, нежели вы. Но встречал зато и таких, которых святости жизни и подвигам я дивился, и видел, что они созданье нашей Восточной Церкви, а не западной. Итак, я вовсе не думал воздавать песнь духовенству, опозорившему нашу Церковь, но духовенству, возвысившему нашу Церковь. <...> Но какое невежество блещет на всякой стра<нице>! [Как дерзнуть с таким малым запасом сведен<ий> толковать о таких велики<х предметах>. Вы не кончили даже университетского <курса>.] Вы отделяете Церковь и Е<е> <пастырей от> Христианства, ту самую Церковь, <тех самых> пастырей, которые мученическою сво<ей смертью> запечатлели истину всякого слова Христова, которые тысячами гибли под ножами и мечами убийц, молясь о них, и наконец утомили самих палачей, так что победители упали к ногам побежденных, и весь мир исповедал <Христа>. И этих самых Пастырей, этих мучеников Епископов, вынесших на плечах святыню Церкви, вы хотите отделить от Христа[62], называя их несправедливыми истолкователями Христа. Кто же по-вашему ближе и лучше может истолковать теперь Христа? Неужели нынешние ком<м>унисты и Социалисты[63], [объясняющие, что Христос повелел отнимать имущества и гра<бить> тех, которые нажили себе состояние]? <...> <Спаситель> нигде никому не говорит, <что нужно приобрета>ть, а еще напротив и <настоятельно нам?> велит Он уступать: <*1–2 вырвано*> <снима>ящему с тебя одежду, <отдай последнюю> руб<ашку, прося>щему тебя пройти с тобой <одно> поприще, пройди два[64]. <...> Опомнитесь! [Куда вы зашли?] Волтера называ<ете> оказавшим услугу Христианству и говорите, что это известно всякому ученику Гимна<зии>. Да я, когда был еще в Гимназии, я и тогда не восхищался Волтером. У меня <и> тогда было настолько ума, чтоб видеть в Волтере ловкого остроумца, но далеко не глубокого человека. Волтером не могли восхищаться [ни Пушкин, ни Суворов, ни все сколько-нибудь] полные, зрелые умы, им восхищалась недоучившаяся молодежь. <...> <Не>льзя, получа легкое журнальное образов<ание, судить> о таких предметах. Нужно для этого <изучи>ть Историю Церкви. Нужно сызнова <прочи>тать с размышленьем всю историю <чело>вечества в источника<х, а не> в нынеш<них> легких брошюрках, н<аписанных> <*1 вырвано*> Бог весть кем. Эти <поверхностные> <энциклопеди>ческие сведения разбрасывают ум, а не сосредо<то>чивают его».

Из письма Белинского: «...Русский человек произносит имя Божие, почесывая себе задницу. <...> ...По натуре своей глубоко атеистический народ».

Претендуя на более глубокое понимание «смысла учения Христова» (якобы «открытого философским движением прошлого века»), т. е. выдавая себя за последователя «истинного христианства», Белинский тут же от Христа — и от Его Церкви — открыто отрекался. Если же указать на свидетельство о Белинском Ф. М. Достоевского — как отзывался критик о христианстве в частных беседах — то его зальцбруннское письмо к Гоголю можно назвать еще весьма сдержанным[65]. «Дивное явленье! — восклицал позднее о подобных метаморфозах святитель Игнатий, епископ Кавказский и Черноморский, в связи с подобным же выступлением другого деятеля революционной демократии, А. И. Герцена, — ругатель Христа и враг Его принимается объяснять учение Христово»[66].

В неотправленном письме от конца июля — начала августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь отвечал критику: «Что мне сказать вам на резкое замечание, будто Русской мужик не склонен к Религии и что, говоря о Боге, он чешет у себя другой рукой пониже спины. Замечание, которое вы с такою самоуверенностью произносите, как будто век обращались с Русским мужиком? Что тут <гово>рить, когда так красноречиво г<оворят> тысячи церквей и монастырей, покрывающих <Русь>. Они строят<ся> [не дарами] богатых, но бедны<ми> лептами неимущих. Тем самым народом, о котором вы говорите, что он с неуваженьем отзывается о Боге, и который делится

последней копейкой с бедным и Бог<ом>... <...> Нет, Вис<с>арион И<ванович>[67], нельзя судить о Русском народе тому, кто прожил век в Петербурге, в занятьях легкими журнальными <статейками и романами> тех французских ро<манистов[68], которые> так пристрастны, <что не хотят видеть>, как из Евангелия исх<одит истина, и не замечают> того, как уродливо и косо изображ<ена у> них жизнь. Теперь позвольте же ск<азать>, что я более пред вами [имею права заговорить] <о Русском> народе. По крайней мере, мои сочинения, по едино<душному> убежденью, показывают знание пр<ироды> русской, выдают человека, который был с народом наблюда<телен> и <*1 вырвано*> стало быть, уже имеет дар вход<ить в его жизнь>, и что может быть то<чно> глуб<оким знатоком> природы, о чем говорено <было> много и что подтвердили сами вы в ваших критиках. А что представите <вы> в доказательство вашего знания <человеческой> природы и Русского народа, что вы произвели такого, в котором видно <это> зна<ние>? Предмет <этот> велик, и об этом бы я мог вам <написать> книги».

Из письма Белинского: «Вспомнил я еще, что в вашей книге вы утверждаете как великую и неоспоримую истину, будто простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна»[69].

В неотправленном письме к критику от конца июля – начала августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь отвечал: «Вы бы устыдились сами того грубого смысла, который вы придали советам моим помещику. Как эти советы ни обрезаны цензурой[70], но <в н>их нет протеста противу грамотности, <а> разве протест против развращенья <Русск>ого грамотою, наместо того, что грамота нам дана, чтоб стремить к высшему свету человека. Отзывы ваши о помещике вообще отзываются временами Фон Визина. Давно уж все не то и не в том виде. С тех пор много, много изменилось в России, и теперь показалось многое другое. Что для крестьян выгоднее правление одного помещика, уже довольно образованного, [который] воспитался и в университете [и стало быть, уже многое должен чувствовать] и который всегда с ними, или <быть> под управлением <многих чиновнико>в, менее образованных, <корыстолюбив>ых и заботящихся о том <только, чтобы нажи>ться? Да и много <есть таких предмето>в, о которых следует <тепе>рь подумать заблаговременно, прежде <нежели с> пылкостью невоздержного рыцаря и юноши тол<коват>ь об освобождении, чтобы это осво<божд>енье не было хуже рабства».

Слова Гоголя представляют собой реминисценцию главы «Русская изба» неозаглавленного очерка А. С. Пушкина о А. Н. Радищеве[71]: «Фонвизин, лет за пятнадцать пред тем путешествовавший по Франции, говорит, что, по чистой совести, судьба Русского крестьянина показалась ему счастливее судьбы Французского земледельца. <...> Прочтите жалобы Английских фабричных работников: волоса встанут дыбом от ужаса»[72]. (Размышления о «пролетариатстве» Гоголь продолжил в письме к П. В. Анненкову от 7 сентября (н. ст.) 1847 г.[73])

Далее в письме к Белинскому Гоголь замечал: «Слова мои о грамотности вы приняли в буквальном, тесном смысле. Слова эти были сказаны помещику, у которого крестьяне земледельцы. Мне даже было смешно, когда из этих слов вы поняли, что я вооружался против гра<мотности>. Точно как будто бы об этом теперь вопрос, вопрос, решенный уже давно нашими отцами. Отцы и деды наши, даже безграмотные, решили, что грамотно<сть> нужна. Не в этом дело. Мысль, которая проходит сквозь всю мою книгу, есть та, как просветить прежде грамотных, чем безграмотных, как просветить прежде тех, которые имеют дело и близкие столкновения с народом, чем самый народ. Всех этих мелких чинов<ников> и власти, которые все грамотны и которые между тем много делают злоупотреблений. Поверьте, что для этих господ нужнее издавать те книги, которые, вы думаете, полезны для народа. Народ [лучше исполняет долг, чем мы] меньше испорчен, чем все это грамотное население. Но издать книги для этих господ, которые бы открыли им тайну, как быть с народом, и с подчиненными, которые им поручены, не в том обширном смысле, в котором повторяется слово: не крадь, соблюдай правду. Или: помни, что твои подчиненные люди такие же, <как> и ты, и тому <подобное>, но которые могли бы ему открыть, как именно не красть, чтобы точно собл<юдалась> правда».

В «Авторской исповеди» (1847) Гоголь также писал: «Из двух-трех слов, сказанных такому помещику, у которого все крестьяне земледельцы, озабоченные круглый год работой, вывести заключение, что я воюю против просвещенья народного, – это показалось мне очень странно, тем более что я полжизни думал сам о том, как бы написать истинно полезную книгу для простого народа, и остановился, почувствовавши, что нужно быть очень умну для того, чтобы знать, что прежде нужно подать народу. А покуда нет таких умных книг, мне казалось, что слово устное пастырей Церкви полезней и нужней для мужика всего того, что может сказать ему наш брат писатель. Сколько я себя ни помню, я всегда стоял за просвещенье народное, но мне казалось, что еще прежде, чем просвещенье самого народа, полезней просвещенье тех, которые имеют ближайшие столкновения с народом, от которых часто терпит народ. Мне казалось, наконец, гораздо более требовавшим вниманья к себе не сословие земледельцев, но то тесное сословие, ныне увеличивающееся, которое вышло из земледельцев, которое занимает разные мелкие места и, не имея никакой нравственности, несмотря на небольшую грамотность, вредит всем затем, чтобы жить на счет бедных. Для этого-то сословия мне казались наиболее необходимыми книги умных писателей, которые, почувствовавши сами их долг, умели бы им их объяснить. А землепашец наш мне всегда казался нравственнее всех других и менее других нуждающимся в наставлениях писателя. <...> Не менее странно также из того, что я выставил ярко на вид наши русские элементы, делать вывод, будто я

отвергаю потребность просвещенья европейского и считаю ненужным для русского знать весь трудный путь совершенствованья человеческого. И прежде и теперь мне казалось, что русский гражданин должен знать дела Европы. Но я был убежден всегда, что если, при этой похвальной жадности знать чужеземное, упустишь из виду свои русские начала, то знанья эти не принесут добра, собьют, спутают и разбросают мысли, наместо того чтобы сосредоточить и собрать их. И прежде и теперь я был уверен в том, что нужно очень хорошо и очень глубоко узнать свою русскую природу и что только с помощью этого знанья можно почувствовать, что именно следует нам брать и заимствовать из Европы, которая сама этого не говорит. Мне казалось всегда, что, прежде чем вводить что-либо новое, нужно не как-нибудь, но в корне узнать старое; иначе примененье самого благодетельнейшего в науке открытия не будет успешно. С этой целью я и заговорил преимущественно о старом».

Далее из письма Белинского: «...Подобное направление в России давно уже не новость. Даже еще недавно оно было вполне исчерпано Бурачком с братиею. <...> Чья же голова могла переварить мысль о тожественности Гоголя с Бурачком?»

8 мая (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал протоиерею Матфею Константиновскому: «...Бурачка я уважаю истинно и нелицемерно»[74]. В конце июля 1849 г. он писал также графу А. П. Толстому: «Обнимите от всей души Скурыдина, Бурачка и всех, кто только помнит меня»[75]. В другом письме к Толстому, от 10 июля 1850 г., Гоголь вновь замечал: «Скурыдину и Бурачку передайте <...> мои заочные поклоны»[76].

Из письма Белинского: «Некоторые остановились было на мысли, что ваша книга есть плод умственного расстройства, близкого к положительному сумасшествию. Но они скоро отступились от такого заключения: ясно, что книга писалась не день, не неделю, не месяц, а может быть, год, два или три; в ней есть связь; сквозь небрежное изложение проглядывает обдуманность, а гимны властям предержащим хорошо устраивают земное положение набожного автора. Вот почему распространился в Петербурге слух, будто вы написали эту книгу с целию попасть в наставники к сыну наследника. <...> ...Если ее принимали все <...> за хитрую, но чересчур перетоненную проделку для достижения небесным путем чисто земных целей — в этом виноваты только вы».

В неотправленном письме к Белинскому от конца июля — начала августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь отвечал: «Своекорыстных <...> целей я и прежде не имел, когда меня еще неско<лько> занимали соблазны мира, а тем бо<лее теперь>, когда пора подумать о смерти. Никакого не было у меня своекорыстного ум<ысла>. Ничего не хотел <я> ею выпр<ашивать>. Есть прелесть в бедности. Вспомнили б вы по крайней мере, <что> у меня нет даже угла, и я стараюсь о том, как бы еще облегчить мой небольш<ой> походный чемодан, чтоб легче было расставаться с [миром]. Вам следовало поудержаться клеймить меня теми обидными подозрениями, какими я бы не имел духа запятнать последнего мерзавца. Это вам и следовало бы вспомнить. Вы извиняете себя гневным рас<положением духа>. Но как же <в гневном расположении духа> [вы решаетесь говорить] <о таких> <...> важных предметах и не ви<дите, что вас ослепляет гневный?> / ум и отнимает с<покойствие>».

Отвергая корыстолюбивые намерения в издании «Выбранных мест из переписки с друзьями», Гоголь тем не менее не отрицал самого намерения стать, подобно своим друзьям В. А. Жуковскому и П. А. Плетневу, наставником будущего Наследника престола. Это намерение объяснялось совсем иными причинами, которые Белинскому, не разделявшему главные мотивы гоголевского творчества, объяснять было напрасно. Гоголь всегда стремился расширить круг своего влияния на общество. Литературное поприще ему представлялось лишь одной из форм государственного служения. С этим стремлением связана, в частности, его ранняя педагогическая деятельность — сначала в Патриотическом институте, затем — в Петербургском Императорском университете. В «Авторской исповеди» Гоголь признавался: «Я не могу сказать утвердительно, точно ли поприще писателя есть мое поприще <...> в те годы, когда я стал задумываться о моем будущем <...> мысль о писателе мне никогда не всходила на ум, хотя мне всегда казалось, что я сделаюсь человеком известным, что меня ожидает просторный круг действий и что я сделаю даже что-то для общего добра. Я думал просто, что <...> все это доставит служба государственная». Среди заветных чаяний Гоголя было понятное при таком образе мыслей желание повлиять на образ мыслей будущего Государя. Этим, в частности, объясняется его сближение в 1839 г. с соучеником великого князя Александра Николаевича (будущего Императора Александра II), графом И. М. Виельгорским, в котором окружающие видели «правую руку» будущего царя. Позднее, в 1842 г., побуждая П. В. Нащокина сделаться воспитателем сына богатого откупщика Д. Е. Бенардаки, Гоголь замечал: «Вспомните, что тому, кого вы образуете, предстоит поприще большое... <...> Уже одни богатства дадут ему всегда возможность иметь сильное влияние в России. <...> Может быть, счастье многих будет зависеть от вас». В октябре 1841 г. Гоголь, имея в виду широкий круг деятельности, открывающийся человеку, наделенному талантом, писал также Жуковскому: «...Помочь таланту значит помочь не одному ближнему, а двадцати ближним вокруг».

В конце жизни Гоголь действительно предполагал получить место воспитателя при Дворе – при сыне Наследника, великом князе Николае Александровиче (1843–1865). Художник М. И. Железнов вспоминал, как незадолго до смерти писателя, в конце декабря 1851 г., он слышал переданное Гоголю кем-то из друзей извещение, что «место, которое он желает получить при детях наследника, уже занято и что ему нельзя получить этого места»[77].

Далее из письма Белинского: «Еще прежде этого в Петербурге сделалось известным ваше письмо к Уварову, где вы говорите с огорчением, что вашим сочинениям в России дают превратный толк, затем обнаруживаете недовольство своими прежними произведениями и объявляете, что только тогда останетесь довольны своими сочинениями, когда тот, кто и т. д. Теперь судите сами: можно ли удивляться тому, что ваша книга уронила вас в глазах публики и как писателя и, еще больше, как человека? <...> И публика тут права: она видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от мрака самодержавия, православия и народности...»

На протяжении всей своей писательской деятельности Гоголь был неизменным поборником начал Православия, Самодержавия, Народности, следование которым провозгласил в 1832 г., по инициативе Императора Николая I, С. С. Уваров[78] – занявший вскоре пост министра народного просвещения. Белинский упоминает о письме Гоголя к Уварову от конца апреля (н. ст.) 1845 г. с благодарностью за ходатайство перед Государем об оказании материальной помощи[79]. Между тем Белинскому, несомненно, было известно не только это письмо Гоголя к Уварову, но и гораздо более раннее обращение Гоголя за помощью к Императору в 1837 г.[80] (слухи об этом распространялись не только в Петербурге, но достигли даже Малороссии[81]), а также намерение Гоголя открыто высказать тогда в печати свои верноподданнические чувства в <Письме из Рима к редактору журнала «Современник» П. А. Плетневу>[82]. Обо всем этом Белинский мог быть осведомлен непосредственно от его близких приятелей Н. Я. Прокоповича и А. В. Никитенко, которым об этих фактах было хорошо известно (Никитенко был ценэором упомянутого письма к Плетневу). Очевидным для современников, в том числе для Белинского, было и активное сотрудничество Гоголя с Уваровым в 1834 г. в «Журнале Министерства Народного Просвещения» – в самом начале деятельности министра по укреплению начал Православия, Самодержавия, Народности[83]. Обо всем этом Белинский предпочел, однако, умолчать, поскольку это противоречило бы его интерпретации «раннего» Гоголя как «обличителя» самодержавия, которое навязывал критик читателям своими истолкованиями гоголевских произведений.

Из письма Белинского: «Вы, сколько я вижу, не совсем хорошо понимаете русскую публику. Ее характер определяется положением русского общества, в котором кипят и рвутся наружу свежие силы, но, сдавленные тяжелым гнетом, не находя исхода, производят только уныние, тоску, апатию. Только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед. Вот почему звание писателя у нас так почтенно, почему у нас так легок литературный успех, даже при маленьком таланте. Титло поэта, звание литератора у нас давно уже затмило мишуру эполет и разноцветных мундиров. И вот почему у нас в особенности награждается общим вниманием всякое так называемое либеральное направление, даже и при бедности таланта, и почему так скоро падает популярность великих поэтов, искренно или неискренно отдающих себя в услужение православию, самодержавию и народности. Разительный пример – Пушкин, которому стоило написать только два-три верноподданнических стихотворения[84] и надеть камер-юнкерскую ливрею[85], чтобы вдруг лишиться народной любви. И вы сильно ошибаетесь, если не шутя думаете, что ваша книга пала не от ее дурного направления, а от резкости истин, будто бы высказываемых вами всем и каждому. Положим, вы могли это думать о пишущей братии, но публика-то как могла попасть в эту категорию? Неужели в “Ревизоре” и “Мертвых душах” вы менее резко, с меньшею истиною и талантом, и менее горькие правды высказали ей? И она действительно осердилась на вас до бешенства, но “Ревизор” и “Мертвые души” от этого не пали, тогда как ваша последняя книга позорно провалилась сквозь землю. <...> Не без некоторого чувства самодовольства скажу вам, что мне еще кажется, что я немного знаю русскую публику».

В неотправленном письме к Белинскому от конца июля – начала августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал: «Еще меня изумила эта отважная самонадеянность, с которою вы говорите: “Я знаю [об<щество>] наше и дух его”, и ручаетесь <в этом>. Как можно ручаться за этот ежеминутно меняющийся хамелеон? Какими данными вы можете удостоверить, что знаете общество? Где ваши средства к тому? Показали ли вы где-нибудь в сочиненьях своих, что вы глубокий ведатель души человека? Прошли ли вы опытной жиз<нью>? Живя почти без прикос-

новенья с людьми и светом, ведя мирную жизнь журнального сотрудника, во всегдашних занятия<х> фельетонными статьями, как вам иметь понятие об этом громадном страшилище, котор<ое самыми неожи>данными явленьями <ловит человека> в ту ловушку, в ко<торую попадают>все молодые пи<сатели, рассуждающие обо> всем мире и человечестве... <...> <Возьмитесь снова> <*1 нрзб.*> за свое поприще, с <которого вы удалились> с легкомыслием юно<ши>. Начните <вновь> ученье. Примитесь за тех поэтов <му>дрецов, которые воспитывают душу. Вы <сами> сознали, <что> журнальные занятия выветривают душу и что вы замечаете наконец пустоту в себе. <Это> и не может быть иначе. Вспомните, что вы учились кое-как, не кончили даже университетского курса. Вознаградите <это> чтеньем больших сочинений, а не сов<ременных> брошюр, писанных разгоряченным <умом>, совращающим с прямого взгляда».

Из письма Белинского: «Времена наивного благочестия давно уже прошли и для нашего общества. Оно уже понимает, что молиться везде все равно и что в Иерусалиме ищут Христа только люди или никогда не носившие его в груди своей, или потерявшие его. Кто способен страдать при виде чужого страдания, кому тяжко зрелище угнетения чуждых ему людей — тот носит Христа в груди своей и тому незачем ходить пешком в Иерусалим. Смирение, проповедуемое вами, во-первых, не ново, а во-вторых, отзывается, с одной стороны, страшною гордостью, а с другой — самым позорным унижением своего человеческого достоинства. Мысль сделаться каким-то абстрактным совершенством, стать выше всех смирением может быть плодом только или гордости, или слабоумия и в обоих случаях ведет неизбежно к лицемерию, ханжеству, китаизму. <...> ...Вы не поняли ни духа, ни формы христианства нашего времени. Не истиной христианского учения, а болезненною боязнью смерти, черта и ада веет от вашей книги. И что за язык, что за фразы! *"Дрянь и тряпка стал теперь всяк человек"*[86]. Неужели вы думаете, что сказать всяк вместо всякий значит выразиться библейски? Какая это великая истина, что, когда человек весь отдается лжи, его оставляют ум и талант! <...>

...Ваш отзыв о ваших почитателях вдвойне нехорош. Я понимаю необходимость иногда щелкнуть глупца, который своими похвалами, своим восторгом ко мне только делает меня смешным; но и эта необходимость тяжела, потому что как-то по-человечески неловко даже за ложную любовь платить враждою. Но вы имели в виду людей если не с отменным умом, то все же и не глупцов. Эти люди в своем удивлении к вашим творениям наделали, может быть, гораздо больше восторженных восклицаний, нежели сколько вы сказали о них дела; но все же их энтузиазм к вам выходит из такого чистого и благородного источника, что вам вовсе не следовало бы выдавать их головою общим их и вашим врагам, да еще вдобавок обвинить их в намерении дать какой-то предосудительный толк вашим сочинениям».

Вопреки этим заявлениям критика, одним из главных мотивов, побудивших Гоголя к изданию «Выбранных мест из переписки с друзьями», явилось именно стремление писателя остановить развернутое журнальной критикой во главе с Белинским радикальное «погребение» настоящего смысла его художественных произведений[87]. «Когда мы хвалили сочинения Гоголя, — заявлял сам Белинский в статье, посвященной новой книге Гоголя, — то не ходили к нему справляться, как он думает о своих сочинениях...»[88] Очевидно, что упрек Белинского Гоголю в том, будто писатель «обвинил» его (якобы несправедливо) «в намерении дать какой-то предосудительный толк» его сочинениям, является не более, чем одним из приемов литературной полемики.

В «Авторской исповеди» (1847) Гоголь замечал: «...Странным показалось мне, когда из одного места моей книги, где я говорю, что в критиках, на меня нападавших, есть много справедливого, вывели заключения, что я отвергаю все достоинства моих сочинений и не согласен с теми критиками, которые говорили в мою пользу. (На завещанье не следовало упираться. В нем судишь себя строго, потому что готовишься предстать на суд пред Того, пред Которым ни один человек не бывает прав[89].) Я очень помню и совсем не позабыл, что по поводу небольших моих достоинств явились у нас очень замечательные критики, которые навсегда останутся памятниками любви к искусству, которые возвысили в глазах общества значенье поэтических созданий. Но неловко же мне говорить самому о своих достоинствах, да и с какой стати? О недостатках моих литературных я заговорил, потому что пришлось кстати, по поводу психологического вопроса, который есть главный предмет всей моей книги. Как же не соображать этих вещей!»

Говоря о «замечательных критиках», явившихся по поводу его сочинений, Гоголь в данном случае имел в виду прежде всего Белинского. 20 июня (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал о нем Н. Я. Прокоповичу: «Человек этот, несмотря на излишества и увлечения, указал справедливо, однако ж, на многие такие черты в моих сочинениях, которые не заметили другие, считавшие себя на высшей точке разумения перед ним». — Эти слова, рассчитанные на то, чтобы их прочел Белинский, носили в значительной степени «дипломатический» характер[90]. Гоголь преследовал цель вернуть критика к так называемому «примирительному» периоду его деятельности[91].

Далее из письма Белинского: «...Вяземский <...> развил вашу мысль и напечатал на ваших почитателей (стало быть, на меня всех больше) чистый донос[92]. Он это сделал, вероятно, в благодарность вам за то, что вы его, плохого рифмоплета, произвели в великие поэты, кажется, сколько я помню, за его "*вялый, влачащийся по земле стих*"[93]. Все это нехорошо! А что вы только ожидали времени, когда вам можно будет отдать справедливость и почитателям вашего таланта (отдавши ее с гордым смирением вашим врагам), этого я не знал, не мог, да, признаться, и не захотел бы знать. Передо мною была ваша книга, а не ваши намерения. Я читал и перечитывал ее сто раз и все-таки не нашел в ней ничего, кроме того, что в ней есть, а то, что в ней есть, глубоко возмутило и оскорбило мою душу».

В неотправленном письме к Белинскому от конца июля — начала августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал: «Как мне защищаться против ваших нападений, когда нападенья невпопад? <...> Вы говорите, что вы прочли будто сто раз мою книгу. Тогда как ваши же слова говорят, что вы ее не читали ни разу. Гнев отуманил глаза вам и ничего не дал вам увидеть в настоящем смысле. Блуждают кое-где блестки правды посреди огромной кучи софизмов и необдуманных юношес<ких> увлечений».

Из письма Белинского: «Если б я дал полную волю моему чувству, письмо это скоро бы превратилось в толстую тетрадь. Я никогда не думал писать к вам об этом предмете, хотя и мучительно желал этого и хотя вы всем и каждому печатно дали право писать к вам без церемоний, имея в виду одну правду. Живя в России, я не мог бы этого сделать, ибо тамошние Шпекины[94] распечатывают чужие письма не из одного личного удовольствия, но и по долгу службы, ради доносов. Но нынешним летом начинающаяся чахотка прогнала меня за границу, и N[95] переслал мне ваше письмо в Зальцбрунн, откуда я сегодня же[96] еду с Ан<ненковым> в Париж через Франкфурт-на-Майне. Неожиданное получение вашего письма дало мне возможность высказать вам все, что лежало у меня на душе против вас по поводу вашей книги. Я не умею говорить вполовину, не умею хитрить: это не в моей натуре».

Будучи изощренным литературным политиком и полемистом, Белинский был не всегда искренен с своими читателями. В 1842 г., сразу по выходу первого тома «Мертвых душ», он, к примеру, признал, что «нельзя ошибочнее смотреть на "Мертвые души" и грубее понимать их, как видя в них сатиру»[97], однако позднее, в 1847 г., поучал К. Д. Кавелина: «Насчет Вашего несогласия со мною касательно Гоголя и натуральной школы я вполне с Вами согласен, да и прежде думал таким же образом. Но вы, юный друг мой, не поняли моей статьи[98], потому что не сообразили, *для кого* и *для чего* она писана. Дело в том, что писана она не для Вас, а для врагов Гоголя и натуральной школы... <...> Поэтому, я счел за нужное сделать уступкн, на которые внутренно и не думал соглашаться, и кое-что изложил в таком виде, который мало имеет общего с моими убеждениями касательно этого предмета. Например, все, что Вы говорите о различии натуральной школы от Гоголя, по-моему совершенно справедливо; но сказать этого печатно я не решусь: это значило бы наводить волков на овчарню, вместо того, чтобы отводить их от нее. А они и так напали на след и только ждут, чтобы мы проговорились. Вы, юный мой друг, хороший ученый, но плохой политик...»[99]

Кроме того, в своей критической деятельности Белинский, будучи не всегда искренен, порой не чуждался и заявлений откровенно скандального и провокационного характера[100].

В заключение своего письма Белинский заявлял: «...Если вы имели несчастие с гордым смирением отречься[101] от ваших истинно великих произведений, то теперь вам должно с искренним смирением отречься от последней вашей книги и тяжкий грех ее издания в свет искупить новыми творениями, которые напоминали бы ваши прежние».

По поводу своих «прежних» произведений Гоголь в неотправленном письме к Белинскому от конца июля — начала августа (н. ст.) 1847 г. замечал: «Как же с вашим одиосторонним, пылким, как порох, умом, уже вспыхивающим прежде, чем еще успели узнать, что истина, [а что <ложь>] как вам не потеряться? Вы сгорите, как свечка, и других сожжете. О, [как] сердце мое ноет [в эту минуту за вас!] Что, если и я виноват, что, если и мои сочинения послужили вам к заблуждению. Но нет, как ни рассмотрю все прежние сочинения <мои>, вижу, что они не могл<и соблазнить вас. Как ни> смотреть на них, в <них нет лжи некоторых> [<тороп>ливых] совреме<нных> произведений. <Ваш ум> отуманился. В каком странно<м> <...> виде приняли вы см<ысл моих произведений>. В <н>их же есть мой ответ. Когда [я писал их, я благоговел п]<ред тем, пред> чем человек должен благо<го>веть. Насмешк<а> [и нелюбовь слышалась у меня] не над Властью, не над коренными

законами нашего Государства, но над извращеньем, над уклоненьями, над неправильными толкованьями, над дурным <приложением их>, над струпом, который накопился... <...> Нигде не было у меня насмешки <над тем>, что составляет основанье Рус<с>ского характера и его великие силы[102]. Насмешка была только над мелочью, несвойственной его характеру. Моя ошибка в том, что я мало обнаружил Рус<с>кого человека, я не развергнул его, не обнажил до тех великих родников, которые хранятся в его душе. Но это нелегкое дело. Хотя я и больше вашего наблюдал за Рус<с>ким человеком, хотя мне мог помогать некоторый дар ясновиденья, но я не был ослеплен. Глаза у меня были ясны. Я видел, что я еще незрел для того, чтобы бороться с событьями выше тех, какие были доселе в моих сочинениях, и с характерами сильнейшими[103]. Всё могло показаться преувеличенным [и неестеств<енным>] и напряженным. Так и случилось с этой моей книгой, на которую вы так напали. Вы взглянули на нее распаленными глазами, и все вам предстало в ней в другом виде. <...> Я хотел ею только остановить несколько пылких голов, готовых закружиться и потеряться в этом омуте и беспорядке, в каком вдруг очутились все вещи мира».

В письме к В. А. Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1847 г., предназначавшемся к публикации во втором издании «Выбранных мест из переписки с друзьями» под названием «Искусство есть примирение с жизнью»[104], Гоголь также замечал: «Я решился собрать все дурное, какое только я знал, и за одним разом над ним посмеяться, — вот происхождение "Ревизора"[105]! Это было первое мое произведение, замышленное с целью произвести доброе влияние на общество, что, впрочем, не удалось: в комедии стали видеть желанье осмеять узаконенный порядок вещей и правительственные формы, тогда как у меня было намерение осмеять только самоуправное отступленье некоторых лиц от форменного и узаконенного порядка».

В ноябре — начале декабря 1850 г. Гоголь писал также цензору В. Н. Лешкову: «Образ мыслей моих совершенно известен и Государю Императору и Государю Наследнику. В сочинениях моих насмешки <не> над прави<тельством>, но над людьми, употребляющими во зло доверие правительст<ва>, не над [зако<нами>] постановленья<ми>, но над злоупотребленьем их. Все это у недальновидного цензора часто смешивае<тся> [с теми сочиненьям<и>, которые имеют вполне вредную [неблаго<родную>] и недостойную Рус<ского> цель]...»[106]

Ф. М. Достоевский, начинавший свою литературную карьеру в кругу западников, за чтение «в заседании» петрашевцев 15 апреля 1849 г. «письма Белинского в ответ Гоголю»[107], 23 апреля того же года был арестован[108] и через восемь месяцев «за недонесение о рапространении преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского» приговорен к «смертной казни расстрелянием»[109] — замененной на эшафоте четырехлетней каторгой в Омске, с лишением всех прав состояния и последующей сдачей в солдаты. (Потомственное дворянство было возвращено Достоевскому лишь в 1857 г.; полицейский надзор за ним сохранялся до 1875 г.)

О популярности Белинского в период написания им зальцбруннского письма к Гоголю П. А. Плетнев 27 марта 1847 г. в письме к С. П. Шевыреву свидетельствовал: «...Мы живем в жалкую эпоху. Глупейший враль становится для нынешней публики оракулом. Еще сегодня Срезневский рассказывал о торжестве Белинского в Харькове[110], о таком народном торжестве, какого не удостоивались при жизни ни Карамзин, ни Пушкин. Афишу, которую в грязных лапах своих подержал Белинский в Харьковском театре, тамошние дамы разорвали по клочкам и разделили меж собою. Признаюсь, я от души всегда гнушался этим успехом, зная, что только пошлостями, да матерщиной доходить можно до сердца толпы, столь справедливо презренной Шекспиром и Пушкиным»[111].

Позднее, 17 сентября 1856 г., И. С. Аксаков писал брату Константину из Николаева: «Ты не можешь себе представить, до какой степени <...> легкий способ угощать людей готовыми произведениями чужой кухни имеет успех в провинции и до какой степени люди жадно бросаются на эту готовую пищу, несмотря на то, что она производит несварение в желудке и поносы. Нет ни одного *учителя* гимназии, ни одного уездного учителя, который бы не был под авторитетом русского запада, который бы не знал наизусть письма Белинского к Гоголю, и под их руководством воспитываются новые поколения. Очень жалею, что кафедры университетские недоступны никому из наших»[112].

9 октября 1856 г. И. С. Аксаков писал также родным из Екатеринослава: «И Полевой, и Белинский имели огромное влияние на общество, вредное, дурное, но все же громадное влияние. Много я ездил по России: имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому, жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни. Нет ни одного учителя гимназии в губернских городах, который бы не знал наизусть письма Белинского к Гоголю; в отдаленных краях России только теперь еще проникает это влияние и увеличивает число прозелитов. Тут нет ничего странного. Всякое резкое отрицание нравится молодости, всякое негодование, всякое требование простора, правды принимается с восторгом там, где сплошная мерзость, гнет, рабство, подлость грозят поглотить человека, огадить, убить в нем все человеческое. "Мы Белинскому обязаны своим спасением", — говорят мне везде молодые честные люди в провинциях. И в самом деле, в провинции вы можете видеть два класса людей: с одной стороны, взяточников, чиновников в полном смысле этого слова, жаждущих лент, крестов и чинов, помещиков, презирающих идеологов, привязанных к своему барскому достоинству и крепостному праву, вообще довольно гнусных. Вы отворачиваетесь от них, обращаетесь к другой стороне, где видите людей молодых, честных, возмущающихся злом и гнетом, поборников

эмансипации и всякого простора, с идеями гуманными. Они часто несут всякую чепуху и сами не видят, что путь их логически оканчивается подлостью петербургского практицизма, но порицание и отрицание их понятны. И если вам нужно честного человека, способного сострадать болезням и несчастиям угнетенных, честного доктора, честного следователя, который полез бы на борьбу, — ищите таковых в провинции между последователями Белинского. О славянофильстве здесь в провинции и слыхом не слыхать, а если и слышат, так от людей, враждебных направлению. Да оно и не может возбуждать сочувствия молодежи, лезущей вперед, оно требует большой справедливости, беспристрастного разумения, основательности и проч. Требования эмансипации, железных путей и проч. и проч., сливающиеся теперь в один общий гул по всей России, первоначально возникли не от нас, а от западников, а я помню время, когда, к сожалению, славянофилы, хотя и не все, противились и железным дорогам, и эмансипации, последней потому только, что она формулирована была под влиянием западных идей. Да и что делать бедной провинции, если она ищет света и обращается за ним к литературной деятельности столицы»[113].

Много лет спустя, 5 мая (н. ст.) 1871 г., Ф. М. Достоевский в письме к Н. Н. Страхову замечал: «Смрадная букашка Белинский (которого Вы до сих пор еще цените) был немощен и бессилен талантишком, а потому и проклял Россию и принес ей сознательно столько вреда»[114]. Со своей стороны, В. И. Ульянов (Ленин) в 1914 г. назвал зальцбруннское письмо Белинского к Гоголю «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати»[115]. Долгое время под влиянием этой оценки письма творчество Гоголя делилось на две части. С одной стороны, гоголевские произведения, и прежде всего «Ревизор» и «Мертвые души», истолковывались как прямая политическая сатира, направленная на свержение самодержавия, с другой, — утверждалось мнение, будто вследствие изменившегося у писателя в конце жизни мировоззрения он вступил в противоречие со своим гением. В силу внелитературных причин этот взгляд уже со второй половины XIX в. возобладал в публицистике и ученых статьях о Гоголе.

[1] См. ***1847. Июня 20 <8>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1847. Июля 17 <5>. Суббота. Дрезден.***

[3] См. ***1847. Июля 29 <17>. Четверг. Париж.***

[4] Полярная Звезда на 1855 год. Лондон, 1858. Кн. 1. С. 65–75.

[5] В день получения Белинским письма от Гоголя (см. ***1847. Июня 20 <8>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне***).

[6] Пикет — здесь: карточная игра.

[7] *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод.* Т. 3. С. 517–518.

[8] См.: *Виноградов И. А.* Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя») // Литературный факт. 2017. № 5. С. 412–422; дополненная редакция статьи: *Виноградов И. А.* Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя») // Актуальные вопросы изучений духовной и светской словесности / Ред. М. И. Щербакова. РАН. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017. Вып. 1. С. 77–94.

[9] Подробнее см.: ***1846. Августа 1 <июля 20>. Суббота. Эмс*** (примечания).

[10] См. ***1846. Августа 1 <июля 20>. Суббота. Эмс*** (примечания).

[11] См. ***1847. Февраля 22 <10>. Понедельник. Неаполь.***

[12] Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. СПб., 1847. С. 17. — Статья *II. Женщина в свете.*

[13] Там же. С. 37. — Статья *V. Чтения русских поэтов перед публикою.*

[14] О личных мотивах данного высказывания см.: ***1821. Мая 1. Воскресенье. Нежин*** (примечания).

[15] Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. СПб., 1847. С. 51. — Статья *VII. Об Одиссее, переводимой Жуковским.*

[16] Там же. С. 56–57.

[17] Там же. С. 59–60. — Статья *VIII. Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве.*

[18] Там же. С. 126, 129. — Статья *XVII. Просвещение.*

[19] Там же. С. 68–71, 74, 76–78. — Статья *X. О лиризме наших поэтов.*

[20] Там же. С. 201. — Статья *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность.*

[21] Там же. С. 119–120. — Статья *XV. Предметы для лирического поэта в нынешнее время.*

[22] Там же. С. 135, 138, 140. — Статья *XVIII. Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ».*

[23] «Мертвых душ».

[24] См. ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн.***

[25] Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. СПб., 1847. С. 151–153. — Статья *XVIII. Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ».*

[26] Там же. С. 259, 261–262, 267–268, 270–271. — Статья *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность.*

[27] Там же. С. 272, 274–275, 284–286. – Статья *XXXII. Светлое Воскресенье.*

[28] Статья *XIX. Нужно любить Россию.*

[29] Статья *XX. Нужно проездиться по России.*

[30] Статья *XXI. Что такое губернаторша.*

[31] Статья *XXVI. Страхи и ужасы России.*

[32] Статья *XXVIII. Занимающему важное место.*

[33] См. также ***1847. Февраля 6 <18>. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1847. Февраля 7 <19>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[34] См. ***1839. Ноября 25. Суббота. Санкт-Петербург.***

[35] См. ***1842. Января 6. Вторник. Праздник Крещения Господня. Москва.***

[36] См. ***1842. Декабря 1 <13>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[37] См. ***1835. Мая после 4 – не позднее 10. Москва*** (примечания); ***1847. Февраля 6 <18>. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания).

[38] См. ***1842. Декабря 11 <23>. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

[39] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Космополит или патриот? Концепция патриотизма в спорах с Гоголем и о Гоголе // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2017. Т. 15. № 3. С. 35–69.

[40] Н. Ф. Павлов. – См. ***1847. Марта 6 <18>. Четверг. Москва***; ***1847. Марта 29 <апреля 10>. Суббота Светлой седмицы. Москва***; ***1847. Апреля 17 <29>. Четверг. Москва.*** – См. также ***1847. Января 25 <февраля 6>. Вселенская родительская суббота. Москва***; ***1847. Февраля 7 <19>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[41] Барон Е. Ф. Розен.

[42] Подробнее об этом см.: *Виноградов И. А.* Гоголь и Белинский: К истории полемики // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии. Ніжин, 1999. Вып. 4. С. 50–73; *Виноградов 2000.* С. 347–369; *Виноградов И. А.* К истории создания и публикации духовной прозы Гоголя // *Гоголь 2009–2010.* Т. 6. С. 419–542.

[43] См., в частности: ***1847. Января 29 <февраля 10>. Среда. Санкт-Петербург.*** – Подробнее см.: ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Москва*** (примечания).

[44] См. ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва*** (примечания); ***1836. Апреля между 19 и 29. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1840. Декабря 11 <23>. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

[45] На письмо Белинского Гоголь написал два ответа, из которых отправил только второй (см. ***1847. Июля конец – августа начало <июля вторая половина>. Остенде***; ***1847. Августа 10 <июля 29>. Вторник. Остенде***).

[46] В угловые скобки здесь и далее в гоголевском письме заключен текст, вырванный в подлиннике и восстановленный редактором.

[47] *Белинский В. Г.* Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке // Собр. соч.: В 9 т. Т. 5. С. 133.

[48] См. примеч. выше. – См. также ***1847. Января 25 <февраля 6>. Вселенская родительская суббота. Калуга***; ***1848. Ноября 28. Воскресенье. Москва 1848. Ноября 28. Воскресенье. Москва.***

[49] Религиозная мания *(лат.).*

[50] См. ***1848. Мая 7–9. Пятница-воскресенье. Дорога от Одессы до Васильевки (Николаев, Елисаветград, Александрия, Кременчуг, Решетиловка, Полтава)*** (примечания).

[51] В 1845 г. в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» наказание кнутом заменялось увеличенным количеством ударов плетью.

[52] Слово «калухан» (а не «колухан», как у Белинского) означает: «еретик, отщепенец, отступник от Православия, <...> молокан, духоборец или скопец» (словарь В. И. Даля). Очевидно, что слышанное где-то слово Белинский употребляет не к месту, полагая в нем какой-то иной смысл.

[53] См. ***1824. Октября 16. Четверг. Москва.***

[54] См. ***1839. Ноября около 9. Москва***; ***1842. Декабря 1 <13>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[55] См. ***1848. Января 10 <1847. Декабря 29>. Понедельник. Неаполь.***

[56] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя: идейные предпосылки и мотивы создания // *Гоголь 2009–2010.* Т. 6. С. 419–445.

[57] См. также ***1847. Июня 14 <26>. Суббота. Москва*** (примечания). (Письмо Д. К. Малиновского было полученно Гоголем в начале июля (н. ст.) 1847 г.; см. ***1847. Июля 7 <июня 25>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***)

[58] См. ***1847. Июля конец – августа начало <июля вторая половина>. Остенде.***

[59] См. ***1847. Августа 10 <июля 29>. Вторник. Остенде***; ***1847. Августа 12 <июля 31>. Четверг. Остенде.***

[60] См. ***1843. Ноября 19 <7> – 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***

[61] Подробнее см.: ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва*** (примечания).

[62] Ср. в выписке *<53> О почитании святых (Из частного письма протоиерея Сабинина)* гоголевского сборника «Выбранные места из творений св. отцов и учителей Церкви»: «Кто же имеет теперь большее право на пребывание в Боге, если не святые, которых большая часть положили свои души из-за любви к Богу Отцу, Богу Сыну, Богу Духу Святому, которые утучнили своею кровью почву, на которой прозябло, развилось и возросло Христианство?»

63 См. ***1845. Января 9 <1844. Декабря 28>. Четверг. Париж.***

64 Из Нагорной проповеди Спасителя: «...Хотящему судитися с тобою, и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу. И аще кто тя поймет по силе поприще едино, иди с ним два» (Мф. 5, 40–41).

65 См.: *Достоевский Ф. М.* – Страхову Н. Н. 18 (30) мая 1871. Дрезден // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 29. Кн. 1. С. 215; а также письмо В. Г. Белинского к В. П. Боткину от 7 сентября 1841 г.: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. С. 483.

66 <*Святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Кавказский и Черноморский*>. Замечания на отзыв журнала «Колокол» к Кавказскому епископу Игнатию // Богословский Вестник. 1913. № 2. С. 201.

67 Так в автографе. Следует: «Григорьевич».

68 См. ***1831. Августа 21. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания).

69 Подразумевается статья *XXII. Русский помещик* «Переписки с друзьями».

70 Цензором гоголевской книги был приятель Белинского А. В. Никитенко (подробнее см.: ***1846. Августа 1 <июля 20>. Суббота. Эмс*** – примечания).

71 См. ***1834 – 1836 начало.***

72 Соч. Александра Пушкина. СПб., 1841. Т. XI. С. 48–49.

73 См. ***1847. Сентября 7 <августа 26>. Вторник. Остенде.***

74 См. ***1847. Мая 8 <апреля 26>. Суббота. Неаполь.***

75 См. ***1849. Июля конец. Москва.***

76 См. ***1850. Июля 10. Понедельник. Васильевка.***

77 См. ***1851. Декабря конец. Москва.***

78 См. ***1832. Октябрь 18–23. Вторник-воскресенье. Москва*** (примечания).

79 См. ***1845. Апреля конец, после 25 <апреля между 13 и 18>. Висбаден или Франкфурт-на-Майне.***

80 См. ***1837. Апреля 18 <6>. Вторник. Рим.***

81 См. ***1839. Марта 25 <13>. Понедельник. Рим.***

82 См. ***1837. Ноября 2 <октября 21>. Четверг. Женева***; ***1837. Ноября 30 <18>. Четверг. Рим.***

83 Подробнее об этом см.: *Виноградов И. А.* Гоголь и Уваров. Неизвестная страница биографии писателя // Н. В. Гоголь: Загадка третьего тысячелетия. Первые Гоголевские чтения / Под общ. ред. В. П. Викуловой. М., 2002. С. 189–202; *Виноградов И. А.* Н. В. Гоголь и С. С. Уваров: Православие, Самодержавие, Народность // Духовный путь Н. В. Гоголя. М., 2009. Ч. 2. С. 184–227; *Виноградов И. А.* Гоголь – историк и наблюдатель быта // *Гоголь 2009–2010.* Т. 8. С. 587–617; *Виноградов И. А.* «На поприще полемическом»: Гоголь – журналист и публицист // Очерки истории русской публицистики. М.: ИМЛИ РАН, 2018 (в печати).

84 Имеются в виду стихотворения А С. Пушкина «Стансы» (1826) и «Друзьям» (1828).

85 Звание камер-юнкера Пушкин получил в 1834 г.

86 Цитата из статьи *XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

87 Подробнее см.: ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн*** (примечания).

88 *Белинский В. Г.* Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя // Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. С. 237.

89 Реминисценция 142-го псалма св. пророка Давида: «Господи <...> не вниди в суд с рабом Твоим, яко не оправдится пред Тобою всяк живый» (ст. 1–2).

90 См.: ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва*** (примечания).

91 Подробнее см.: ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва*** (примечания); ***1847. Июля конец – августа начало <июля вторая половина>. Остенде.***

92 Имеется в виду статья князя П. А. Вяземского «Языков. – Гоголь», напечатанная в 1847 г. в № 90 и 91 «Санкт-Петербургских Ведомостей» (от 24 и 25 апреля). – См. ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Москва*** (примечания). – См. также ***1846. Мая 17 <29>. Пятница. Санкт-Петербург.***

93 В статье о русской поэзии «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь писал: «...этот тяжелый, как бы влачащийся по земле стих Вяземского, проникнутый подчас едкой, щемящей русской грустью».

94 Шпекин – почтмейстер в «Ревизоре».

95 Имеется в виду либо Н. Я. Прокопович, либо Н. Н. Тютчев, либо Н. А. Некрасов (см. ***1847. Июня 20 <8>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне*** – примечания).

96 15 июля (н. ст.) 1847 г.

97 *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 5. С. 53–54.

98 Имеется в виду статья «Ответ “Москвитянину”».

99 *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 5. Т. 9. С. 682. – См. также: Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 269.

100 См. ***1847. Февраля 6 <18>. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания).

[101] Об ошибочности этого представления см.: ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Москва*** (примечания).

[102] Подробнее см.: ***1839. Сентября 22 <10>. Воскресенье. Вена*** (примечания).

[103] Подробнее см.: ***1849. Мая 16. Понедельник. Москва*** (примечания).

[104] См. ***1847. Июля конец – августа начало <июля вторая половина>. Остенде***; ***1848. Января 10 <1847. Декабря 29>. Понедельник. Неаполь.***

[105] См. ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург.***

[106] См. ***1850. Ноября после 7 – декабря начало. Одесса.***

[107] См. ***1849. Апреля 15. Пятница. Санкт-Петербург.***

[108] См. ***1849. Апреля 23. Суббота. Санкт-Петербург.***

[109] См. ***1849. Декабря 29. Четверг. Санкт-Петербург.***

[110] См. ***1846. Июня 15 <27>. Суббота. Харьков.***

[111] Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 198.

[112] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 942.

[113] Там же. Т. 2. С. 942–943.

[114] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 208.

[115] *Ленин В. И.* Из прошлого рабочей печати в России // Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1961. Т. 25. С. 94.

ИЮЛЯ 16 <4>. ПЯТНИЦА. ЭМС

Гоголь, простившись с В. А. Жуковским и А. С. и Е. М. Хомяковыми, выехал из Эмса в Остенде.

См. ***1847. Июля 13 <1>. Вторник. Эмс***; ***1847. Июля 20 <8>. Вторник. Эмс***; ***1847. Августа 1 <июля 20>. Воскресенье. Эмс.***

ИЮЛЯ 17 <5>. СУББОТА. ДРЕЗДЕН

В. Г. Белинский в Дрездене завершает и отправляет (вероятно, во Франкфурт) письмо к Гоголю, составленное в Зальцбрунне[1].

Из мемуарного очерка П. В. Анненкова «Замечательное десятилетие» (1880): «...<Нам> ничего не оставалось делать в Зальцбрунне. Мы выехали в Дрезден, по направлению к Парижу»[2].

[1] См. ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн.***

[2] *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод.* Т. 3. С. 518.

ИЮЛЯ 7 <19>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно почтовому штемпелю[1], графиня Анна М. Виельгорская получила в этот день письмо Гоголя из Франкфурта[2].

[1] См.: *Городецкий.* С. 442.

[2] См. ***1847. Июля 8 <июня 26>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Июля 10 <июня 28>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

ИЮЛЯ 20 <8>. ВТОРНИК. ЭМС

А. С. Хомяков сообщает неизвестному лицу:

«Здесь в Эмсе житье мне славное. Место милое. Гоголь погостил четыре дня. Жуковский здесь; пропасть написал и прекрасные вещи. Гоголь бодр и хорош; но нисколько нельзя предвидеть, что он будет писать или делать. Сам не знает»[1].

17/29 августа 1847 г. Е. А. Свербеева писала также С. П. Шевыреву: «Хомяковы должны были быть в Остенде, куда и Гоголь поехал. Я, кажется, писала к Вам, что Гоголь был у Хомяковых в Эмсе, где жил с своей семьей и Жуковский. Гоголь, пишет Катерина Михайловна <Хомякова>, похудел, но здоров»[2].

[1] Гоголь в письмах А. С. Хомякова и его жены Е. М. Хомяковой (рожденной Языковой) // *Свод*. Т. 3. С. 197.
[2] Гоголь в письмах Е. А. Свербеевой (рожденной княжны Щербатовой) // *Свод*. Т. 3. С. 854.

ИЮЛЯ 8 <20>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получил письмо Гоголя из Франкфурта[1] (на письме имеется почтовый штемпель: «Получено 1847 Июл<ь> 7 Вечер»; и помета Плетнева: «П<олучено> 8/20 июля 1847»[2]).

[1] См. ***1847. Июля 10 <июня 28>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[2] См.: *Городецкий*. С. 455.

ИЮЛЯ 11 <23>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Письмо от Гоголя[1] и дум<ал> о нем».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 491.

[1] См. ***1847. Июля 8 <июня 26>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Июля 10 <июня 28>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***.

ИЮЛЯ 24 <12>. СУББОТА. ОСТЕНДЕ

Гоголь приехал в Остенде[1]; совершил продолжительную прогулку по городу[2]. В тот же день написал ответное[3] письмо А. А. Иванову в Неаполь и, возможно, ответ[4] на письмо Н. Н. Шереметевой, полученное в Эмсе от А. С. Хомякова[5] (письмо к Шереметевой не датировано; указано лишь место отправления: «Остенде»; оно было получено в с. Покровском три недели спустя, 3/15 августа 1847 г.[6]).

Из письма к Иванову: «Ваше письмо несколько темновато. Не позабывайте, что вы находитесь в состоянии того нервического размягчения, когда все чувствуется сильней и глубже: и удовольствия и неприятности. Прежде всего нужно благодарить за это состояние Бога; оно не даром; оно посылается избранникам затем, чтобы умели они выше почувствовать многие вещи, чем они есть, — затем, чтобы быть в силах потом и других возвести на высоту, высшую той, на которой пребывают люди; равно как и горести даются нам почувствовать сильней затем, чтобы мы были сострадательней прочих к страждущим положеньям других. Но нужно помнить, что творец высших ощущений есть Бог, возвышающий наше сердце до них, а не самый тот предмет, который, по-видимому, произвел их. Я не понимаю также хорошо, зачем именно вы привели слова Евангелиста Луки[7]. Если вы подумали о каком домашнем очаге, о семейном быте и женщине, то, сами знаете, вряд ли эта доля для вас! Вы — нищий, и не иметь вам так же угла, где приклонить главу, как не

имел его и Тот, Которого пришествие дерзаете вы изобразить кистью! А потому Евангелист прав, сказавши, что иные уже не свяжутся никогда никакими земными узами. Но оставим речи о том, что в разговоре может объясниться, а не в письме. Наследник, узнавши о вашем болезненном состоянии, принял в вас участие. От Олсуфьева[8], вероятно, вы получите бумагу, может быть, даже вместе с деньгами. Все вам советуют заботиться о здоровье. Принуждать же вас оканчивать картину[9] никто не будет. Жуковский хотел писать также от себя к Лейхтенбергскому. Стало быть, на этот счет будьте покойны. Не позабывайте также и того, что посольство в Риме составлено большею частию из благородных людей. Если бы они имели возможность получше вас узнать, они бы сами постарались о вас. Но все на этом свете опутано недоразуменьями, все в облаке взаимных недоразумений, — может быть, затем, чтобы напомнить человеку сильней, что жить он должен в Боге, даже и тогда, когда вся жизнь его, по-видимому, отдана людям».

Из письма к Шереметевой: «Ваши письма[10], одно через Хомякова, другое по почте[11], получил одно за другим. <...> ...Благодарю Бога за то, что Он внушил вам мысль полюбить меня и обо мне помолиться. Только сила любви и сила молитвы помогли вам сказать такие нужные душе слова и наставления. Они одни только могли направить речь вашу ответно на то, что во мне, и пролить целенье в тех именно местах, где больше болит. Теперь я нахожусь в Остенде. Здесь буду купаться в море в продолжение месяца с лишком[12]. Ответ на это письмо адресуйте во Франкфурт, лучше на имя посольства, потому что Жуковский еще не уверен, останется ли он во Франкфурте: жене его предписывают провести осень в Швейцарии. В половине сентября я выезжаю в Италию. Думаю, пробуду по-прежнему в Неаполе до времени отправления в Иерусалим. Путешествие это хочу устроить так, чтобы недели за две до Пасхи быть в Иерусалиме[13]. Друг мой Надежда Николаевна, молите Бога, чтоб Он удостоил меня так поклониться Святым Местам, как следует человеку, истинно любящему Бога, поклониться. О, если бы Бог, со дня этого поклоненья моего, не оставлял меня никогда и утвердил бы меня во всем, в чем следует быть крепку, и вразумил бы меня, как ни на один шаг не отступаться от воли Его! Мысли мои доныне были всегда устремлены на доброе, желанье добра меня всегда занимало прежде всех других желаний, и только во имя Его предпринимал я действия свои. Но как на всяком шагу способны мы увлекаться! как всюду способна замешаться личность наша! как и в самоотвержении нашем еще много тщеславного и себялюбивого! как трудно, будучи писателем и стоя на том месте, на котором стою я, уметь сказать только такие слова, которые действительно угодны Богу! как трудно быть благоразумным, и как мне в несколько раз трудней, чем всякому другому, быть благоразумным! Без Бога мне не поступить благоразумно ни в одном моем поступке, а не поступлю я благоразумно — грех мой несравненно больший противу всякого другого человека. Вот почему обо мне следует, может быть, больше молиться, чем о всяком другом человеке».

[1] См. ***1847. Июля 26 <14>. Понедельник. Остенде.***

[2] См. ***1847. Августа 2 <июля 21>. Понедельник. Остенде.***

[3] См. ***1847. Июня конец — июля начало <июня вторая половина>. Неаполь.***

[4] См. ***1847. Апреля 29 <мая 11>. Вторник. Москва.***

[5] См. ***1847. Июля 13 <1>. Вторник. Эмс.***

[6] См. ***1847. Августа 3 <15>. Воскресенье. С. Покровское.***

[7] Ссылка на Евангелиста Луку, отсутствующая в черновиках письма Иванова к Гоголю (по свидетельству В. М. Зуммера, одна страница в них вырвана, — «остались лишь невосстановимые начала слов»), встречается в «Мыслях, приходящих при чтении Библии» Иванова, где художник поместил черновой набросок письма к Апраксиным: «...Евангелист Лука в восторге описал последнюю ступень супружеского совершенства: они не женятся и замуж не будут выходить, как обыкновенные люди, [но яко Ангелы Божии]...» (Лк. 20, 35–36). — Подробнее см.: ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*** (примечания).

[8] Василий Дмитриевич Олсуфьев (1796–1858), с 1856 г. граф; был в дружеских отношениях с В. А. Жуковским, А. С. Хомяковым, М. П. Погодиным и другими писателями и учеными.

[9] «Явление Мессии».

[10] Письма не сохранились.

[11] Вместе с письмом от Шереметевой Гоголь должен был получить также и письмо от А. О. Смирновой (см. ***1847. Июня 25 <июля 7>. Среда. Калуга***).

[12] Ср. ***1847. Сентября конец <сентября вторая половина>. Остенде.***

[13] Подробнее см.: ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь*** (примечания).

ИЮЛЯ 24[1] – СЕНТЯБРЯ КОНЕЦ[2] <ИЮЛЯ 12 – СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА>. ОСТЕНДЕ

Гоголь, в Остенде на морских купаниях, где в августе встречается с княгиней О. К. Долгоруковой[3], Н. П. Глебовым-Стрешневым[4], Хомяковыми[5], Мухановыми[6], графом В. В. Апраксиным[7], в сентябре – с графинями Л. К. и Анной М. Виельгорскими и графом М. М. Виельгорским[8], а также с графиней М. Д. Нессельроде[9].

[1] См. ***1847. Июля 24 <12>. Суббота. Остенде.***

[2] См. ***1847. Сентября конец <сентября вторая половина>. Остенде.***

[3] См. ***1847. Августа 1 <июля 20>. Воскресенье. Остенде.***

[4] См. ***1847. Августа 2 <июля 21>. Понедельник. Остенде; 1847. Августа 14 <2>. Суббота. Остенде***

[5] См. ***1847. Августа между 6 и 12 <июля между 25 и 31>. Остенде.***

[6] См. ***1847. Августа 14 <2>. Суббота. Остенде; 1847. Августа 16 <4>. Понедельник. Остенде; 1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн*** (письмо к графу А. П. Толстому около 18 августа (н. ст.) 1847 г.).

[7] См. ***1847. Августа 22 <10>. Воскресенье. Остенде; 1847. Августа 24 <12>. Вторник. Остенде; 1847. Августа 31 <19>. Вторник. Остенде.***

[8] См. ***1847. Сентября 1 <августа 20>. Среда. Остенде.***

[9] См. ***1847. Сентября вторая половина <сентября первая половина>. Остенде.***

ИЮЛЯ 26 <14>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ОСТЕНДЕ

Гоголь в письме в Петербург к графине С. М. Соллогуб поздравляет ее с рождением третьего ребенка, дочери Елисаветы[1].

Из письма Гоголя: «Вот уже три дня почти, как я в Остенде[2]. Моря еще почти не пробовал. Немножко нужно отдохнуть и дать всему во мне успокоиться. <...> Анне Миха<й>ловне[3] я писал письмо недавно[4], назад тому недели две. Попросите ее, чтобы она попросила Матвея Юрьевича[5] (сами также попросите его) об Иванове. Этого несчастного человека просто вгонят в гроб. Он находится в величайшем нервическом расстройстве и не в состояньи держать кисти в руках, а его смущают какими-то, Бог весть откуда приходящими, приказаньями оканчивать картину[6] как можно скорее. Попросите, чтобы было устроено так, чтобы пришла от Лейхтенбергского[7] бумага, в которой было бы ему предписано, чтобы он прежде позаботился об излечении себя, а потом уже об окончании картины. Что торопиться его никто не просит, что, напротив, уверены, что он, как человек благородный, употребит все усилия исполнить ее наилучшим образом и без понуканий. Тем более, что картина его не нужна ни для какого строющегося здания. Она не заказ, а для нее нужно еще придумывать место, где поместить ее, когда она будет кончена. Похлопочите об этом. Вы сделаете истинно христианское дело. Уведом<ь>те меня, что делает теперь Владимир Александрович[8]. А равным образом напишите хоть что-нибудь из того, что у вас теперь делается в Павлине. Выберите один день и изобразите его от раннего утра до самого позднего вечера. Пусть мне покажется, что я с вами, и расстояние, нас разделяющее, исчезло».

К письму была подклеена (по-видимому, позднее) заметка Гоголя «Припомнить все случаи, которые производили самые сильные смущения и душевные страдания». Листы бумаги автографов отличаются (бумага письма более тонкая, чем бумага заметки). С содержанием письма заметка также не связана.

[1] См. ***1847. Июня около 10 – июля 11 <мая около 29 – июня 29>. Воскресенье. День памяти св. первоверховных апостолов Петра и Павла. Висбаден.***

[2] См. ***1847. Июля 24 <12>. Суббота. Остенде.***
[3] Графиня Виельгорская.
[4] См. ***1847. Июля 8 <июня 26>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Июля 10 <июня 28>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***
[5] Граф Виельгорский, дядя А. М. Виельгорской и С. М. Соллогуб.
[6] «Явление Мессии».
[7] Герцог Лейхтенбергский Максимилиан.
[8] Граф Соллогуб, муж С. М. Соллогуб.

ИЮЛЯ 14 <26>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«Письмо к Гого<лю>»[1].

В тот же день Погодин отправил во Франкфурт ответное[2] письмо Гоголю:

«Книга твоя[3] доставила тебе много горечи, вот тебе и капля удовольствия, любезнейший Николай Васильевич. Посылаю тебе письмо, писанное ко мне одним молодым человеком[4]...

Лишь только начал я писать тебе это, как получил твое письмо от июля 8. Грустно мне было прочесть его. Твоя ладья все носится по морю, волнами все бьет ее в ту и другую сторону, и далеко тебе до пристани, далеко до Иерусалима! <...>

Ты просил меня прежде: "Пиши ко мне все, все, что придет в голову, на первом лоскутке"[5] и тому под<обное>. Что же обращает прежде всего твое внимание в моих письмах? Мелочи, мимоходные замечания, вырванные слова ходом речи, одним словом, лыко в строке, а что важно в отношении к тебе, ко мне, то как будто пропадает незамеченное. Какие-то пустые противоречия ты находишь, какими-то упреками огорчаешься, тогда как я сказал тебе с самого начала, и сказал торжественно, что я не сержусь и не думаю укорять тебя, и поступок твой со мною хотел *еще впредь* разобрать исторически, к сведению, к назиданию обоюдному; до него *еще не доходил* черед в моем письме! Однажды только, помнится, я передал некоторые обстоятельства; впрочем, все-таки только к сведению. Увидя теперь, что ты понять этого никак не можешь и видишь, предполагаешь настоящие ощущения, жалобы вместо *исторических справок,* я то письмо свое (в шести[6] отделениях) прекращаю и анализировать твоего поступка, как предполагал прежде, во избежание недоразумений, не буду. <...>

Ты пеняешь мне за упреки о знати. Если я что не люблю на свете, так это знать. Я убежден, что она физически выродилась, что кровь течет в ней иная, что она не способна ни к какому добру (чему, кроме физики, содействует и воспитание), что все прекрасные и сладкие ее слова не имеют жизни и того смысла, какой эти самые слова имеют для других людей, что они оптически обманывают себя больше, чем других. Убедился я в этом после многих опытов, даже с теми людьми, с которыми ты в связи. Не скрою, что плебейское происхождение, молодость, проведенная в знатном доме[7], при виде всех его мерзостей и пр., было причиною, что я вдался в крайность, и я бывал несправедлив в этом отношении, следовательно, мог и на тебя подосадовать излишне, мог подшутить, но не может быть, чтоб я написал тебе, как ты передаешь: "Ты угождаешь одним знатным", "Тебе дороги только знатные". Нет, не может быть, чтоб я так написал. Ты перевернул мои слова, и в этом виде я не признаю их своими. Вот тебе разительный пример, как наше воображение, или самолюбие, или что ты хочешь перевертывает вещи по своему произволу и судит перевернутые вовсе несправедливо. Прошу тебя с дипломатическою верностию выписать мне мои слова[8]. Если они написаны так, как ты передал, то они послужат мне уроком, а наоборот – тебе. <...>

Выкинь из головы мысль, что ты можешь получить сведения о России по слухам. Нет, нет и нет. Ты получишь совершенный вздор. Одна неделя дома покажет тебе все лучше и вернее, чем пять лет в чужих краях. У нас чудеса со всяким днем воочию совершаются, и ловить их может только зоркий глаз на месте. И кого ты слушаешь? Богатых, праздных, полуфранцузских-полунемецких магнатов! Опять попались они под перо! <...>[9]

Ты пишешь[10], что два года мучился желанием оправдаться передо мною, и вдруг меня же *обругал*, обвинил перед отечеством, перед друзьями, перед врагами, перед царем, даже перед потомством — сказал, что в 30 лет я ничего не сделал, не подвигнул ни одного юношу на добро, и по поводу рассуждения обо мне заключил, что со словом надо обращаться честно! то есть не так, как я. Следовательно, я обращался нечестно! Ну вот как дьявол путает твои слова или мои понятия.

Перечел окончание твоего письма[11]. Ну — поцелуемся! Ничего не было, не поминать больше! Пусть моя (наша Лиза) будет свидетельницею с высоты своего жилища. <...> Двенадцать лет ты меня знал, двенадцать лет не видал ничего, кроме добра, и вдруг одно слово или, лучше, смысл, который ты сам дал слову, выводит тебя из границ, производит презрение, ненависть! Одно слово, — а меня ты назвал в надписи Фомою Неверным[12]. Меня не понимают, ругают. Не видал я, или почти не видал, участия. Это, видно, мой крест! Лишился и единственного друга! <...>

О второй части письма твоего[13] писать теперь не могу. До следующего раза. О<тец> Макарий[14] скончался, и прекрасной кончиной».

[1] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1843–1848 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 491.

[2] См. ***1847. Июля 8 <июня 26>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Июля 10 <июня 28>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***.

[3] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[4] Имеется в виду письмо к М. П. Погодину А. А. Григорьева. О получении этого несохранившегося письма Григорьева Гоголь извещал С. П. Шевырева в письме от 8 сентября (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Сентября 8 <августа 27>. Среда. Остенде***).

[5] См. ***1847. Апреля 30 <18>. Пятница. Неаполь***.

[6] См. ***1847. Марта 17 <29>. Великий понедельник. Москва***; ***1847. Марта 24 <апреля 5>. Понедельник Светлой седмицы. Москва***; ***1847. Апреля 8 <20>. Вторник. Москва***; ***1847. Апреля 10 <22>. Четверг. Москва***; ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Москва***; ***1847. Июня 2 <14>. Понедельник. Москва***.

[7] Погодин был сыном крепостного, управляющего московскими домами графа И. П. Салтыкова. С 1819 по 1827 г. состоял домашним учителем в семействе князя И. Д. Трубецкого.

[8] 10 апреля 1847 г. Погодин писал Гоголю: «Противно всем твое стремление (давнее) тереться около знатных, к которым ты очень пристрастен, видишь достоинства в посредственностях и вообще не находишь сказать им ничего, кроме лести...»

[9] Следующий далее текст письма Погодина см.: ***1841. Октября 17. Пятница. Москва***; ***1842. Мая около 17. Москва*** (примечания); ***1837. Марта 30 <18>. Четверг. Рим*** (примечания); ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки***.

[10] См. ***1841. Октября 17. Пятница. Москва*** (примечания).

[11] В конце письма от 8 июля (н. ст.) 1847 г. Гоголь замечал: «Если это письмо тебя чем огорчило, то прости, потому что на всяком шагу нам нужно друг друга прощать».

[12] Редь идет о надписи М. П. Погодину, предназначенной для наклейки на экземпляр «Выбранных мест из переписки с друзьями» (см. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца***).

[13] Имеются в виду наставления Гоголя по поводу высказанного Погодиным желания вторично жениться.

[14] См. также ***1847. Июня 2 <14>. Понедельник. Москва***.

ИЮЛЯ КОНЕЦ <ИЮЛЯ СРЕДИНА>. ОСТЕНДЕ

Гоголь отправляет письмо к К. М. Базили в Бейрут[1] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1847. Декабря 25 <1848. Января 6>. Четверг. Праздник Рождества Христова. Бейрут***.

ИЮЛЯ КОНЕЦ (ПОСЛЕ 26[1] <ПОСЛЕ 14>). ОСТЕНДЕ

Гоголь отправляет в Петербург письмо к графу Матв. Ю. Виельгорскому:

«Я к вам написал письмо об Иванове[2], но рассудивши, как трудно толковать о деле малопонятном, и зная то, что у нас по тех пор никакие хлопоты не возымеют надлежащего действия, пока общий крик и общий голос не станут за того человека, о котором хлопочут, я рассудил мое письмо напечатать просто в книге, которую вы теперь держите в руках. Потом я услышал, что Иванову вышло некоторое вспоможение[3]. Нет нужды. Все-таки сделайте к тому прибавление, а напечатанное письмо предложите на прочет как моей прекрасной благодетельнице Марии Николаевне[4], так и герцогу Лейхтенбергскому. Все-таки недурно, если по поводу этого дела узнают, что бывают такие положения людей, на которые следует иногда обращать внимание, хотя они сами и не издают во всеуслышанье воплей и криков. — Напишите мне словечка два ваших собственных о моей книге, не скрывая ничего, что в ней вам понравилось и что не понравилось».

[1] См. ***1847. Июля 26 <14>. Понедельник. Остенде.***

[2] Имеется в виду статья *XXIII. Исторический живописец Иванов* (*Письмо к гр. Матв. Ю. В<иельгорско>му*) «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[3] В июле 1846 г. по Высочайшему повелению А. А. Иванову были выданы 1500 рублей и еще 300 червонцев от Наследника Цесаревича.

[4] Великая княгиня, жена герцога Лейхтенбергского Максимилиана.

ИЮЛЯ 27 <15>. ВТОРНИК. ОСТЕНДЕ

Гоголь отправляет письмо к графу А. П. Толстому в Париж:

«Пишу к вам несколько строчек из Остенде, куды приехал на прошлой неделе[1] и где прежде всего расклеился в здоровьи. Сделайте милость, спросите у Груб<б>и, приняться ли мне за тот порошок, который был предписан назад тому год[2]? Потому что припадки несколько похожи на прежде бывшие. В месте, где сердце, урчанье и бурлыканье, как в животе; во рту точно как бы подымаются крошки съеденного хлеба, так что нужно беспрестанно глотать, — словом, как бы пища не сварилась. Слабость заметная во всем теле, прекращенье[3]... и заметное исхуденье в немного дней. Я посылаю на всякий случай копию с прежнего рецепта, и если он скажет, что он годится, или на место его даст другой, или найдет нужным кое-что прибавить к прежнему, то во всяком случае прошу вас послать в аптеку и, заказавши две порции, послать с железной дорогой сюды, в Остенде, потому что здесь, как вы знаете, в аптеках нельзя найти никаких медикаментов. Этим меня много одолжите, а впрочем пора бы вам, как мне кажется, и самому заглянуть сюды. Дорога в Лондон через Остенде. Через неделю или полторы приедет сюды Хомяков[4], который собирается также в Лондон; мне бы также хотелось взглянуть. Хомяков может, по моему мнению, больше, чем кто-нибудь другой, поговорить с англичанами толково о Православии. Он в продолжение последних пяти лет, как мы с ним не видались, имел множество новых диспутов с раскольниками в разных местах и везде славно побеждал, так что имя его пронеслось по Руси. Уведомьте меня хотя двумя словечками о графине[5], уехала ли она из Парижа и благополучно <ли>, то есть без хлопот, при надлежащем состоянии здоровья и без печальных приключений с девушками[6]. От всей души желаю ей самого благодатного пути и благодатного прибытия на родину. Напишите ей, что я помню ее доброту и радушие и буду просить всех, кого ни встречу во Святой Земле молящихся, помолиться о ней и о вас вместе[7]. <...> Сильно желалось бы вас обнять еще раз в Остенде. <...> Скурыдину передайте поклон».

[1] См. ***1847. Июля 24 <12>. Суббота. Остенде.***

[2] См. ***1846. Мая конец <мая средина>. Париж; 1846. Июня 18 <6>. Четверг. Грефенберг-Фрейвальдау.***

[3] Пропущены три слова, не употребляющиеся в печати.

[4] См. ***1847. Августа 6 <июля 25>. Пятница. Остенде.***

[5] Жена Толстого.

[6] Речь идет о горничных графини А. Г. Толстой, которых она возила с собой за границу.

[7] См. ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим.***

ИЮЛЯ 16 <28>. СРЕДА. РОМНЫ

Ф. В. Чижов пишет Гоголю (письмо адресует, вероятно, во Франкфурт):

«Давно надобно было бы мне писать к вам, но обстоятельства, именно непредвидимая поездка из Радзивилова в Петербург[1], потом оттуда в Ромны, вывела меня из моего обычного положения. <...> Теперь я читаю недавно вышедшую в свет вашу Переписку: она более, чем все ваши письма ко мне, дает мне какое-то право писать к вам род исповеди. <...> ...Меня мучит то, что у меня мало работается; я не ленив и очень не ленив и вместе с тем ничего не пишется. Не только чувствую, но как бы осязаю внутри, что многого не достает. Ваши письма дали этому неопределенному осязанию большую ясность. После них я увидел яснее, что у меня нет глубины ни мысли, ни чувства, и если бы не поддерживала меня не приобретенная, но просто врожденная покорность Богу, если бы я не говорил себе беспрестанно: ты избрал себе поприщем деятельности — быть писателем, <...> я бросил бы перо и все долгое изучение. Научиться можно чему хотите, но откуда взять то, чтобы все привходящее извне входило глубоко в мысль и все перечувствовалось бы всею глубиною чувства[2]. <...> Если же говорить всю правду, и к вам не поехал, то есть не напряг все силы, чтоб ехать к вам, именно по тому же. Что я ему скажу, думал я, когда я сам себе ничего сказать не умею! <...> Теперь, писавши к вам, пишу, питаясь одной надеждой, авось либо вы что-нибудь мне скажете. Скажите, если время мне услышать, а может быть просто надобно всего ждать от времени, просто созреть, чтобы узнать тайну, если даже она вся будет состоять в том, что не дано ничего, что надобно употребить на переводы или тому подобные труды чисто вещественные, внешние. <...> Если можете, скажите мне что-нибудь в письме на внутренние мои вопросы. <...> Я еще месяц или полтора пробуду в Малороссии, где адрес мой: Ее высокоблагородию Катерине Васильевне Галаган, в Прилуки Полтавск<ой> губ<ернии>, для передачи Чижову. После я буду в Москве; там напишите мне через Аксакова, или через Свербееву, или через Шевырева. Буду ждать с нетерпением ваших писем, а здесь думаю пожить в Густынском монастыре близь Прилук, а туда тянет надежда — не услышу ли что-нибудь появственнее».

[1] Чижов имеет в виду свой арест (см. ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Радзивиллов***; ***1847. Мая 14 <26>. Среда. Санкт-Петербург***).

[2] Следующий далее текст письма Чижова см.: ***1846. Октября 13–14 <25–26>. Воскресенье-понедельник. Москва.***

ИЮЛЯ 29 <17>. ЧЕТВЕРГ. ПАРИЖ

В. Г. Белинский читает А. И. Герцену свое письмо к Гоголю от 12–17 июля 1847 г.[1]

Из мемуарного очерка П. В. Анненкова «Замечательное десятилетие» (1880): «...По прибытии в Париж Г<ерцен>, уже поджидавший нас, явился в отель Мишо, где мы остановились, и Белинский тотчас же рассказал ему о вызове, полученном им от Гоголя, и об ответе, который он ему послал. Затем он прочел ему черновое своего письма. Во все время чтения уже знакомого мне письма я был в соседней комнате, куда, улучив минуту, Г<ерцен> шмыгнул, чтобы сказать мне на ухо: “Это — гениальная вещь, да это, кажется, и завещание его”. <...>

Париж оказался уже не под силу Белинскому. С первых же дней лихорадочное движение толпы, днем и ночью шумящие и ослепляющие кафе и магазины, суета и говор, восстающие с раннего утра, и толки, перекрестным огнем раздающиеся со всех сторон, утомили его скорее, чем я ожидал. <...> ...Насколько становился Белинский снисходительнее к русскому миру, настолько строже и взыскательнее относился к заграничному. С ним случилось то, что потом не раз повторялось со многими из наших самых рьяных западников, когда они делались туристами: они чувствовали себя как бы обманутыми Европой, смотрели на нее с упреком, как будто она не сдержала тех обещаний,

какие надавала им втихомолку. <...> Мы слышали, что позднее и уже находясь в Петербурге, Белинский принял известие о революции 48-го года в Париже почти с ужасом[2]. Она показалась ему неожиданностию, оскорбительной для репутации тех умов, которые занимались изучением общественного положения Франции и не видели ее приближения»[3].

[1] См. ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн***; ***1847. Июля 17 <5>. Суббота. Дрезден.***

[2] См. также ***1841. Апреля 7 <марта 26>. Великая среда. Рим*** (примечания).

[3] *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод.* Т. 3. С. 518–519.

ИЮЛЯ 17 <29>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре.

Ельницкая 1979. С. 323.

ИЮЛЯ 19 <31>. СУББОТА. МОСКВА

В. П. Боткин сообщает П. В. Анненкову в Париж:

«Ты получил письмо от Гоголя? По рассказам, это письмо показывает, что Гоголь потерял наконец смысл к самым простым вещам и делам»[1].

Послание Гоголя к Анненкову, написанное, предположительно, 20 июня (н. ст.) 1847 г. во Франкфурте (одновременно с письмом к В. Г. Белинскому), не сохранилось. В мемуарах «Замечательное десятилетие» Анненков сообщал: «...Живя <...> с больным Белинским на водах в Силезии, в Зальцбрун<н>е, я <...> получил от Гоголя письмо...» По каким-то причинам мемуарист предпочел не публиковать это письмо[2] (другие имевшиеся у него письма Гоголя Анненков в своих мемуарах напечатал).

[1] Из писем В. П. Боткина // *Свод.* Т. 3. С. 295.

[2] См. ***1847. Июня 20 <8>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

АВГУСТА 1 <ИЮЛЯ 20>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ОСТЕНДЕ

Гоголь встретился[1] с княгиней О. К. Долгоруковой[2].

[1] См. ***1847. Августа 2 <июля 21>. Понедельник. Остенде.***

[2] Ольга Карловна Долгорукова (рожд. графиня Сен-При; 1807–1853), жена князя Василия Андреевича Долгорукова (1804–1868).

АВГУСТА 1 <ИЮЛЯ 20>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ЭМС

В. А. Жуковский в письме к князю П. А. Вяземскому и П. А. Плетневу (начатом в Эмсе 14 июля (н. ст.) 1847 г.[1] и отправленном 1 августа) сообщает:

«Вчера Хомяков уехал, и мне без него очень пусто в Эмсе. Он прочитал все *мое*, и теперь, все, кажется, в порядке; прочитал *и свое* весьма замечательное. Гоголь отправился в Остенду»[2].

Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива // Русский Архив. 1866. Стб. 1077.

[1] См. также ***1847. Июля 15 <3>. Четверг. Эмс.***

[2] См. ***1847. Июля 16 <4>. Пятница. Эмс.***

АВГУСТА 2 <ИЮЛЯ 21>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ОСТЕНДЕ

Гоголь пишет ответное письмо графу А. П. Толстому в Париж:

«Не отвечал вам тотчас по той причине, что поджидал порошка, который, как вы пишете, мне послали. Порошок не пришел; я получил только письмо, а на письме не выставлено, чтобы следовала при нем посылка. Чиновники уверили меня, что не было посылки, а потому я вновь к вам <с> просьбой взять порошок в парижской аптеке, потому что здесь аптекари, как вам известно, ничего не имеют. Ответы на вопросы Груб<б>и[1], которого не знаю, как благодарить, при сем прилагаю. Мне кажется, что мне как будто стало несколько лучше. Но всё, однако же, я не смею купаться иначе, как в самый теплый день и когда нет совсем ветра. Ветер необыкновенно сильно действует на кожу и чувствую слабость большую. От небольшого ветра меня то бросает в пот, то знобит. Спросите Груб<б>и, не будут ли для меня теперь чересчур сильны волны. Ваши известия о бедной нашей России не утешительны. Я тоже имею много неутешительных: к кровопролитьям на Кавказе прибавилась еще и холера[2] в тех местах[3]. Но как подумаю, ведь нам прежде всего нужно жить в Боге, а не в России. Ведь мы знаем, что без Божьей воли ничего не делается. <...> Будем исполнять закон Христа относительно тех людей, с которыми нам придется столкнуться (закон этот можно исполнять всюду), а о России Бог позаботится и без нас. Как Ему оставить ее, если есть столько людей, которые о ней молятся? Помолимся и мы о ней крепко, как только можем молиться, а потом палку в руки и вновь в путь-дорогу, по примеру всякого помышляющего о душе своей человека. Мне кажется, на вас неаполитанская зима может подействовать благотворно; там было хорошо и мне, и я согрелся. Очень было бы приятно встретиться с вами в Италии. Почему знать, может быть, случилось бы так, что и в Россию пришлось бы возвратиться в одно время[4]... Покуда в Остенде немного русских. Из знакомых вам, кажется, один только Глебов[5] да ваша родственница Сен-При Долгорукая, которую я видел всего один раз и не дальше, как вчера[6]. <...> Передайте мой усердный поклон графине[7], если она еще в Париже. Доброму Миха<и>лу Сергеевичу[8] также поклон; книги он может подарить первому встречному, всего лучше которому-нибудь из наших парижских попов, они же охотники собирать книги. <...>

Приложение

Ответы на вопросы Груб<б>и:

1. Причина благоприятного состояния здоровья, может быть, отчасти волнение после дороги. В первый день[9] я много ходил по городу, особенно сейчас после обеда, чего прежде не делывал.
2. Сон порядочен.
3. После обеда бывают небольшие отрыжки, часа через три после еды бывает иногда тягость в желудке.
4. Аппетиту большого не бывает даже и после купанья.
5. Бурчанье около сердца бывает больше перед обедом, ввечеру и на другой день перед завтраком.
6. Крошки во рту чувствуются также гораздо спустя после еды.
7. Во рту горьковатый вкус.

После доброго приема зейдлицких[10] порошков (двойного) прослабило и с тех пор имею[11]... но почти каждодневно.

Чувствуется (особенно по утрам и лежа в постеле) боль вверху спины, между двумя лопатками, немного пониже первого позвонка, как бы *внутри*».

[1] См. также ***1847. Июля 27 <15>. Вторник. Остенде.***

[2] См.: Внутренние известия // Северная Пчела. 1847. 4 июля. № 149. С. 594.

[3] См. ответ графа А. П. Толстого в письме от 5 августа (н. ст.) 1847 г.: ***1847. Августа 5 <июля 24>. Четверг. Париж.***

[4] Гоголь намекает на то, что граф Толстой мог бы отправиться вместе с ним в Иерусалим (см. также ***1847. Февраля 6 <января 25>. Вселенская родительская суббота. Неаполь*** – письмо к отцу Матфею Константиновскому).

[5] Вероятно, Н. П. Глебов-Стрешнев (см. ***1845. Октября конец – ноября начало <октября средина>. Рим***).

[6] См. ***1847. Августа 1 <июля 20>. Воскресенье. Остенде.***

[7] Жена Толстого.

[8] Скуридин.

[9] См. ***1847. Июля 24 <12>. Суббота. Остенде.***

[10] Порошки врача К. К. Зейдлица.

[11] Пропущено восемь слов, не употребляющихся в печати.

ИЮЛЯ 22 <АВГУСТА 3>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев, выполняя распоряжение Гоголя («Денег мне больше не присылай...»)[1], отправил на хранение в ломбард 650 рублей серебром[2], выданных государственным казначейством из денежного пособия Гоголю Императора Николая I[3].

[1] См. ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь.***

[2] См. ***1848. Мая 16. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[3] Пособие было назначено Гоголю в 1845 г. сроком на три года (подробнее см.: ***1845. Февраля 22 <марта 6>. Четверг. Санкт-Петербург***).

ИЮЛЯ 22 <АВГУСТА 3>. ВТОРНИК. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

В. С. Аксакова пишет М. Г. Карташевской:

«Неделю тому назад отесенька получил письмо от Гоголя[1] – горькую жалобу на недоверие к нему и т. д. по случаю некоторых слов, переданных, разумеется, в ложном виде и с ложным истолкованием, вероятно, А<лександрой> Оси<повной> Смирновой, потому что она говорила Ивану, рассердившись (и не понявши их) на отзывы отесенькины о Книге Гоголя, что она откроет Гоголю глаза[2] и т. д. Отесенька отвечает ему[3] со всею искренностью, но Гоголь, точно, <вызывает> жалость, хотя и сам виноват большею частию; все не соберусь прислать тебе его письма».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 864–865.

[1] От 10 июля (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Июля 10 <июня 28>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***).

[2] См. письмо И. С. Аксакова к родным от 15 февраля 1847 г.: ***1847. Февраля 15 <27>. Суббота. Калуга.***

[3] В письме, отправленном 26 июля 1847 г. из Радонежья (Абрамцево) (см. ***1847. Июля 26 <августа 7>. Суббота. Радонежье***).

ИЮЛЯ 23 <АВГУСТА 4>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1979. С. 383.

ИЮЛЯ КОНЕЦ – АВГУСТА НАЧАЛО <ИЮЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. ОСТЕНДЕ

Гоголь пишет ответное[1] письмо В. Г. Белинскому в Париж, однако, не желая окончательно «оттолкнуть» от себя критика[2], решает не отправлять этого письма.

Содержание послания, заключающего в себе конкретные ответы Гоголя на обвинения Белинского в зальцбруннском письме, представлено в наст. летописи в комментариях к письму критика[3].

Вскоре, 10 августа (н. ст.) 1847 г.[4], Гоголь написал Белинскому другое, более мягкое и сдержанное послание (Гоголь руководствовался стремлением вернуть Белинского к «примирительному» периоду его деятельности[5]). Спустя некоторое время после отправления нового письма (не ранее 28 августа (н. ст.) 1847 г. – возможно, в конце этого года или позднее) Гоголь порвал ставший ненужным ответ[6]. Подлинник неотправленного письма был склеен впоследствии П. А. Кулишом[7].

[1] См. ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн***; ***1847. Июля 17 <5>. Суббота. Дрезден.***

[2] См. ***1847. Июня 11 <мая 30>. Пятница. Франкфурт-на-Майне*** (примечания); ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн***; ***1847. Июля 17 <5>. Суббота. Дрезден*** (примечания).

[3] См.: ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн.***

[4] См. ***1847. Августа 10 <июля 29>. Вторник. Остенде***; ***1847. Августа 12 <июля 31>. Четверг. Остенде.***

[5] См.: ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва*** (примечания); ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн***; ***1847. Июля 17 <5>. Суббота. Дрезден*** (примечания).

[6] Периодом с конца августа до декабря (н. ст.) 1847 г. датируется грамматическая заметка Гоголя «Синтаксис», написанная на заключительной странице письма Гоголя к Белинскому. Как указал Г. М. Фридлендер, второй отрывок в этом наброске («Я уходом от старого уходила...») взят Гоголем, по-видимому, из его собрания народных песен (см. раздел *<II> Русские песни*, № XIX, в изд.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 17). Другой вариант этой песни содержится в книге И. М. Снегирева «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (М., 1838. Кн. 2. С. 98–99). Из этого же издания извлечены Гоголем и остальные отрывки (М., 1838. Кн. 2. С. 100; М., 1839. Кн. 4. С. 167–169, 183–184). О получении книг Снегирева Гоголь хлопотал с начала 1847 г. (см. его письма к Н. М. Языкову от 20 января (н. ст.), С. П. Шевыреву от 11 февраля (н. ст.) и 27 апреля (н. ст.). 14 июня Шевырев извещал Гоголя: «Недавно я послал тебе по твоей просьбе 3 тома летописей и "Русские праздники" Снегирева. Все это доставит тебе кн<язь> А. Волконский, который уже извещал меня из Варшавы, что получил эти книги от Похвиснева, который взял их с собою». Неизвестно, когда именно книги были доставлены Гоголю. Во всяком случае, 28 августа (н. ст.) он писал С. П. Шевыреву: «Книг покуда еще никаких от тебя не получаю». Получение их Гоголь подтвердил лишь 2 декабря (н. ст.) 1847 г., в письме к Шевыреву. Очевидно, что письмо к Белинскому от конца июля – начала августа (н. ст.) Гоголь долго сохранял неразорванным.

[7] Осенью 1854 г. П. А. Кулиш, вместе с Л. М. Жемчужниковым, впервые посетил Васильевку, где нашел радушный прием. Вернувшись в свой хутор Мотроновку, он извещал О. М. Бодянского: «...Мы знайшлы и Яновщыну, про котору понабрихував той Данылевськый нис<е>нитныци <вздора; *укр.*> <см. ***1852. Октября 14. Вторник. Москва***>. Стара Гоголыха и iи дочкы прелюбезни люде. Так нас прыголубылы, як родычив, и яки тилько булы шпаркгалы <исписанные бумаги> (з чимодана с нимеччины и письмо до сестры до Ганны), усе нам – нате, батечкы, що хотя робить соби. Ще й бильше обищали, як побачусь из их небожам у Москви. Воно бо там служыты-ме. И небожа (Трутовськый <имеется в виду Н. П. Трушковский>) гарный хлопчык» (письмо от 4 октября 1854 г.) (*Титов А.* Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому. Киев, 1898. С. 118). «Материалы, собранные мною в Яновщине, – писал позднее Кулиш Жемчужникову, – и полученные мною из Петербурга и Москвы здесь, так объемисты, что если я не посижу на месте за работой целого месяца, то у меня не будет в эту зиму сделано дело» (*Шенрок В. И.* П. А. Кулиш. Биографический очерк. Киев, 1901. С. 102). В письме к Бодянскому от 12 ноября 1854 г. Кулиш сообщил ряд подробностей о собранных им материалах: «... Когда <был> отпечатан шкаф Гоголя в Москве <см. ***1852. Февраля 22. Пятница. Москва***; ***1852. Апреля 30. Среда. Москва***>, в нем собраны были лоскутки изорванной рукописи. Эти лоскутки вложены были в пакетец и надписаны рукою Шевырева: "Клочки чего-то изорванного" <см. ***1852. Мая 2–7. Москва***>. Во время пребывания своего в Васильевке <см. ***1852. Июля 10. Четверг. Васильевка***>, он как-то прозевал этот пакетец, и теперь он вручен мне сестрами поэта. Я соединяю клочки, и что же оказывается? Это ответ Белинскому на его оскорбительное письмо. Целые фразы этого ответа вошли в авторскую исповедь, но много в нем есть такого, что и не вошло туда, а это многое – прекрасно!» (*Титов А.* Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому.

С. 81–82). Фрагменты этого письма были впервые опубликованы Кулишом (с нечточностями) в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» (СПб., 1856. Т. 2. С. 108–113).

ИЮЛЯ КОНЕЦ – АВГУСТА НАЧАЛО <ИЮЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. НЕАПОЛЬ

А. А. Иванов пишет ответное[1] письмо Гоголю в Остенде:

«Вы совершенно справедливо заметили в письме Вашем от июля 24, что все в настоящем положении света происходит от недоразумений, и чем выше место человека, тем опаснее недоразумения его. – Что касается моих недоразумений, то я надеюсь, что они все вдруг разрешатся с окончанием моей картины[2], а до тех пор я бы очень желал и все употреблю, чтобы все, и Вы, считали меня за мертвого человека. Этим спасется мое время, сосредоточатся силы, столь нужные к совершенному окончанию дела, и все, что посеяно, то гораздо лучше вырастет, избавится душа от страданий, какие беспрестанно являются от различных несовершенств соприкасающихся ко мне людей.

Важные подробности моего житья у Софьи Петровны[3] я вам расскажу изустно, если, однако ж, Вы прежде сознаетесь сами, что обидели меня многими выражениями в последнем письме Вашем».

[1] См. *1847. Июля 24 <12>. Суббота. Остенде.*

[2] «Явление Мессии».

[3] Графиня Апраксина.

АВГУСТА 5 <ИЮЛЯ 24>. ЧЕТВЕРГ. ПАРИЖ

Граф А. П. Толстой пишет ответное[1] письмо Гоголю в Остенде:

«Отвечаю на письмо, полученное вчера. Вот наставление Груб<б>и. При сем два порошка: № 1 и № 2. Порошок № 1 есть тот самый, который уже послан к Вам чрез Messageries Royales[2]. (Вы получите этот порошок в Конторе des Messageries Royales, которая на дебаркадере железной дороги. Таким образом и мне прошлого года присылали лекарства. Так всегда отправляют Аптека Бранта и посылки всегда доходят.) Его следует употребить по объясненному порядку, шесть раз в день. Когда же вы почувствуете себя в лучшем положении, то есть когда не будет ни журчанья, ни тягости в желудке, ни чувства крошек во рту, и когда испражнения перестанут быть жидкими, – тогда оставить порошок № 1 и принимать порошок № 2.

Порошок № 2 принимать порядком, какой был предписан для прошлогоднего порошка, т. е. посыпать говядину и другое всякое мясо, какое вы кушаете, и сверх того принимать три раза в день в стакан воды – утром вставая, после обеда и ложась спать.

Пока испражение жидкое, не есть ни каких плодов, ни сырых, ни вареных, – а придерживаться мясной пищи, – избегать сколь возможно всего жирного, пирожного и овощей. А когда испражнение перестанет быть жидким и вы перейдете к порошку № 2, то приучать себя к плодам, выбирая самые зрелые, и есть их во время обеда, а потом и во время завтрака, но никогда прежде или после завтрака и обеда.

Дела Кавказские и многие другие очень, конечно, грустны, – но этого рода события подходят к наказаниям праведнейшего Судии, подобным холере, неурожаям и т. п. Меня не столько огорчают приговоры и наказания, сколько ослепление, ведущее неминуемо к новым неведомым несчастиям. Меня ужасает всеобщее, единодушное и постоянное угождение всем презреннейш<им> страстям и похотям человеческим. И власти предержащие, и литераторы, и художники, [и мы] и ученые, и промышленники, а в Риме, кажется, и сама Церковь, – все дружно сами пустились и других тащат на широкий путь. – Вот весьма удивительные слова будущего кардинала Вентуры[3], произнесенные им в Ц<еркви> С<вятого> Петра в Риме, на днях в надгробном слове О'Кон<н>елю[4]: "L'Eglise saura bien, oui elle fait, se ref<u>ser des Rois et, se tournant vers la democratie, baptiser culti hiroine

sauvage, la faire chretienne, imprimer sur son front le signe de la consecration divine, et lui dire: Regni, et elle rignera"[5]. – Народ наградил его криками, рукоплесканьями, которые прерывали часто его речь, и провожая домой, провозгласил Кардиналом.

В бессильных (и даже постыдных) наших Кавказских делах я больше всего жалею черкес. Как можно дойти до такой нелепости, чтобы положить на мере истребление лучшей, первой, совершеннейшей физически, породы из всех известных на земном шаре. Это бы для нас <было> неоцененное сокровище, рассадник силы и красоты; а мы их бесщадно и бездумно губим, и огнем, и мечом, и отравляем воронцовским просвещением, т. е. ромом, вином и прочими плотоугодиями. (Весь восток жив, кажется, нашею Россиею; мы, я думаю, будем за него отвечать перед Богом. Как же нам не любить востока и особенно черкес, которые и черти, и богатыри, и лучший обращик из всего создания.) В Тифлисе обратил на себя величайшее внимание и награды Купец[6] какой-то – пожертвовавший сумму на сооружение огромного театра[7], при закладке коего было высшее начальство, причем многие напечатали такие пошлости, что стыдно читать[8].

Кстати о Чтении: я на досуге прочел кой-что: между прочим историю (новую и дов<ольно> подроб<ную>) Испании от Филиппа II-го[9]. Может быть, я глуп, и дай Бог, чтобы я был как можно глупее, чтобы глупость облегчила мою ответственность пред Богом, но в этой истории я все нахожу для нас уроки и указания. И на них возложено было многое от Провидения, и им следовало быть устроителями целой части света, и им даны были и многие силы, и всякие орудия, и мужество, и богатство; но они богатство обратили в роскошь неслыханную и небывалую, от которой весь высший класс пришел в совершенное расслабление и даже одурел (начи<ная> с Царс<кого> дома), как в наказание за беспечье в Америке[10]. Впрочем, что бы я ни читал, везде мне чудится Россия и весьма мрачная для меня ее будущность. Но авось я по глупости своей так думаю. Дай Бог, чтобы так было».

[1] См. ***1847. Августа 2 <июля 21>. Понедельник. Остенде.***

[2] Королевские перевозки (*фр.*).

[3] См. ***1844. Мая 23 <11>. Четверг. Баден-Баден*** (примечания).

[4] Даниэль О'Коннель (O'Connel; 1775 – 15 мая 1847), ирландский политический деятель.

[5] Церковь непременно должна суметь, да она и делает это, отказаться от королей, и, устремляясь к демократии, окрестить героиню дикого культа, сделать ее христианской, запечатлеть на ее лбу знак божественного признания и сказать ей: «Царствуй!»; и она будет царствовать (*фр.*; перевод Е. Г. Домогацкой).

[6] Гавриил (Габриэл) Иванович Тамамшев, купец 1-й гильди, армянский меценат и благотворитель.

[7] «*Тифлис.* 15 Апреля <1847> на Эриванской площади происходила закладка большого каменного театра с лавками. В продолжение 5-ти зимных месяцев свозилось туда огромное количество материалов и производилась земляная работа... <...> В фундамент южного угла здания была заложена медная доска с вырезанною на ней следующею надписью: "*В XXI лето благополучного царствования ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-го, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКОГО, при управлении и в присутствии Наместника Кавказского Генерал-Адъютанта Князя <М. С.> Воронцова, Начальника Гражданского Управления Генерал-Лейтенанта <П. А.> Ладинского, Тифлисского Военного Губернатора Генерал-Майора <С. Н.> Ермолова и многих почетных лиц, заложено здание первого Русского Театра в Тифлисе, иждивением Почетного Гражданина Гавриила Тамамшева, по проэкту, составленному Италианским Архитектором <Д. Б.> Скудиери...*"» (Кавказ. Газета политическая и литературная. 1847. 19 апр. № 16. С. 62; перепечатано: Внутренние иэвестия // Северная Пчела. 1847. 7 мая. № 101. С. 401–402).

[8] Вероятно, настоящие строки связаны с одной из бесед Гоголя с графом А. П. Толстым о значении театра. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Толстому адресовано письмо *XIV. О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности.*

[9] Вероятно, труд Ф. Минье «Антонио Перес и Филипп II», изданный в 1845 г. в Париже (на фр. яз.). В 1847 г. В. П. Боткин перевел книгу на русский язык для «Отечественных Записок» (№ 9 и 11).

[10] См. также ***1839. Марта 10 <февраля 26>. Воскресенье. Рим*** (примечания). ***1841. Июня 10 <мая 29>. Четверг. Рим*** (примечания).

АВГУСТА 6 <ИЮЛЯ 25>. ПЯТНИЦА. ОСТЕНДЕ

В Остенде приезжает А. С. Хомяков с семьей.

Согласно сведениям заграничного паспорта и письмам Хомякова, он прибыл в Остенде с женой и двумя детьми, Дмитрием и Марией, 25 июля / 6 августа 1847 г.[1]

После встречи и беседы с Хомяковым (во время которой, вероятно, обсуждался[2] арест Ф. В. Чижова в мае 1847 г.[3]) Гоголь отправляет в Париж письмо к графу А. П. Толстому:

«Уведомляю вас, что порошок[4] приехал. Он меня несколько изумил своею белизною. Сначала я думал, что не по ошибке ли прислан мне чужой, прежний[5] был темносерый, а рецепт не изменился. На вкус магнезия вместо перчиковки, а на поверхности воды, в которой принимал порошок, показался голубой цвет и по нем струи как бы меди ([гов<орю>] разумею о случайно оставшейся до другого дни рюмке). <...> Скажите Груб<б>и, что порошки во рту, как я заметил, чувствуются особенно после выхода из морской ванны, и грудь бывает в состояньи стесненном. <...> Хомяков приехал также. О тульском дворянстве говорит он, что тульские помещики сами изъявили желание составить комитет».

Историю создания тульского комитета по крестьянскому вопросу изучил позднее В. И. Семевский: «В начале 1844 г. тульские дворяне П. <Н.> Мяснов <род. в 1817>, В. Муравьев, гр<аф> Н. Н. Татищев, Ошанин и М. П. Болотов (к ним присоединились еще гр<аф> В. А. Бобринский <1804–1874; член Южного общества в 1824 г.>, <П. П.> Воронцов-Вельяминов <род. в 1796; член московской ложи Ищущих манны в 1820 г.>, И. Раевский и Ключарев... <...>) подали местному губернатору <князю А. М. Голицыну> такое заявление: "Желая с верноподданническим усердием исполнить Монаршую волю, изъявленную в указе об обязанных крестьянах <от 2 апреля 1842 г.>", они "встретили затруднение в том, что имения их, состоя в залоге в кредитных установлениях <...>, сверх того, по бедственному 1840 году обременились значительными долгами частными". Имея все это в виду, они решились, "представить воззрению Государя Императора" следующие предложения. Каждый из них готов наделить своих крестьян и дворовых по 1 дес<ятине> земли на ревизскую душу "в вечную собственность", включая в это число усадьбы, огороды, огуменники и выгоны. <...> Наконец, они "отказываются навсегда от всех крестьянских обязательных работ и прочих повинностей, приносящих ежегодно от каждой ревизской души, по самому крайнему исчислению, более 8 руб<лей> сер<ебром>". За это освобождение крестьяне, кроме подушной подати, должны будут вносить по 3 руб<ля> сер<ебром> с каждой десятины земли; этот поземельный сбор <...> должен поступать <...> в государственные доходы, вследствие чего они увеличатся втрое. <...> За свои собственные интересы помещики не опасаются: они знают, что крестьянам придется сделаться их арендаторами. <...> В. Г. Белинский в письме к П. В. Анненкову <от 1–10 декабря 1847 г.> <...> между прочим говорит, что несколько лет тому назад "движение тульского дворянства в пользу" вопроса об уничтожении крепостного права "было остановлено правительством с высокомерным презрением". Это обвинение основано на неверных слухах. В том же самом 1847 г. тульские дворяне, когда среди них был вновь поднят вопрос об изменении быта крепостных крестьян, заявили, что в ответ на представленный ими проект 1844 г. правительство потребовало, чтобы они исполнили одно условие – заручились согласием крестьян на свои предложения; <...> но добровольного согласия своих крепостных тульским дворянам было бы, разумеется, трудно добиться в данном случае. <...> ...Из официальных документов нам известно, что тульский губернатор обратился по Высочайшему повелению к местным дворянам, желавшим изменить положение своих крестьян, с запросом: "отказались ли они совершенно от предположений увольнения крестьян на представленных им условиях, или приготовляют новые проекты?" На это 9 дворян, подписавших проект 1844 г., отвечали следующее: "Мысль отрешения крепостного права, в обширном его значении, нас никогда не оставляла... <...> ...Нижеподписавшиеся отмеливаются испрашивать соизволения Государя Императора на составление комитета под наблюдением начальника губернии, с принятием в члены оного <...> помещиков, знающих основательно быт, нравы, понятия крестьян, выгоды местного земледелия и промыслов, которые <...> будут в состоянии приступить к составлению проектов относительно токмо собственных своих имений. <...>". <...> В апреле 1847 года тульский губернатор объявил ходатайствовавшим <...> волю Государя, чтобы они ограничились составлением проекта освобождения крестьян в их собственных имениях. (Мяснов рассказывает в своих записках: "Вследствие этого начались наши совещания у губернатора, которым был тогда Ник. Ник. Муравьев (Амурский)... при рассуждениях завязывались большие и бестолковые споры"). К концу ноября того же года проект этот был готов и уже подписан тремя помещиками из числа желавших дать свободу своим крестьянам, прочие же в это время еще не подписали его или за отсутствием, или "за несовершенным одномыслием в порядке освобождения"... <...> К счастию для крестьян, составителям проекта не удалось добиться осуществления своих предположений: в 1848 году министерство внутренних дел нашло проект дворян Тульского уезда неудовлетворительным»[6].

Далее в письме к Толстому Гоголь сообщал:

«Мухановых и Тютчева еще нет».

12 августа (н. ст.) 1847 г. Тютчев приехал из Франкфурта к Жуковскому в Эмс[7], где до него, в средине июля (н. ст.) 1847 г., были Хомяков и Гоголь[8].

[1] См.: *Хомяков А. С.* О старом и новом. Статьи и очерки / Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Ф. Егорова. М., 1988. С. 430. – См. также ***1847. Июля 27 <15>. Вторник. Остенде.***

[2] См. ***1847. Октября 16 <28>. Четверг. Стародуб.***

[3] Подробнее см.: ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Радзивиллов*** (примечания).

[4] См. ***1847. Июля 27 <15>. Вторник. Остенде***; ***1847. Августа 2 <июля 21>. Понедельник. Остенде.***

[5] См. ***1846.* Мая конец <мая средина>. Париж**; ***1846. Июня 18 <6>. Четверг. Грефенберг-Фрейвальдау.***

[6] *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 2. С. 238–243, 254.

[7] Тютчев провел тогда в Эмсе шесть дней, до 5/17 августа 1847 г., которые провел в беседах с Жуковским и за чтением его перевода «Одиссеи» (см. ***1844. Сентября 21 <9> – 1845. Января 10 или 11 <1844. Декабря 29 или 30>. Франкфурт-на-Майне***).

[8] См. ***1847. Июля 13 <1>. Вторник. Эмс***; ***1847. Июля 14–15 <2–3>. Среда-четверг. Эмс***; ***1847. Июля 16 <4>. Пятница. Эмс.***

ИЮЛЯ 25 <АВГУСТА 6>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«В пятницу, 25-го июля происходило погребение умершей начальницы Патриотического Института, Луизы Федоровны Вистингаузен. Служба совершалась в Лютеранской <евангелической> церкви Св. Екатерины на Вас<ильевском> Острове, откуда шествие потянулось на Смоленское Кладбище. Пастор Ян[1] заставил плакать многих из слушателей надгробною речью... <...> Трудно представить зрелище великолепнее и умилительнее. Теснота была непостижимая; число экипажей изумительное; картина воспитанниц, провожавших покойную, — истинно трогательная...»

Хроника // Иллюстрация. 1847. 2 авг. № 28. С. 65. – См. также: Луиза Федоровна Вистингтаузен <так> // Иллюстрация. 1847. 13 дек. № 47. С. 360–362.

[1] Август Вильгельм Фридрих Ян (Jahn, 1775–1855), пастор Лютеранско-евангелической церкви Св. Екатерины в Петербурге с 1819 г.

АВГУСТА МЕЖДУ 6 И 12 <ИЮЛЯ МЕЖДУ 25 И 31>. ОСТЕНДЕ

Гоголь провожает А. С. Хомякова с семьей в Англию.

После возвращения из-за границы А. С. Хомяков в статье «Англия» писал: «...Варны и Англы <...> по-видимому, принадлежат Славянским семьям... <...> Англы перешли, как известно, из Померании, т. е. из Славянского поморья, в Тюрингию, а оттуда к устьям Рейна, откуда они переселились в Англию и дали ей свое имя. <...> Так думал я прошлого года в Остенде[1], где приятно делил время между купаньем, шатаньем по бесплодным дюнам, пистолетной стрельбой и беседой с Русскими приятелями. Надобно же поселить землю Угличан, иначе Англичан, которая так близка к Остенде.

Был теплый Июльский вечер. После чая пошел я гулять по городу. Часов в 10 зашел в кофейню и вижу, что в 12 часов ночи отходит в Англию Тритон, лучший из пароходов, содержащих прямое

сообщение Остенде с Лондоном. Я поспешил домой, сообщил это известие всей моей компании, и после очень короткого совещания решено было ехать. Полчаса сборов, да полчаса ужина, и в половине 12-го отправились мы, большие и малые, на пристань. (Гоголь нас проводил до пристани и пожал нам руку на прощанье.) Без четверти в 12 были мы на пароходе; в 12 часов заворчал котел, завертелись колеса, и мы пошли. <...>

Кому не известно, что Англия не уступает почти никакой стране в отдельных отраслях наук, а в общности их превосходит все остальные земли Европы? Частным исключением можно, конечно, назвать превосходство Германии в философии... <...> Тут Германия владычествует: тут она действовала смело, и ее труд продолжается одною Россиею, дополняющею теорию о свободе художества теориею отношений художества к народу и самого художника к своим произведениям (разумеется, этого успеха искать должно не в прогрессистах, насвистывающих чужие мысли с чужого голоса, а в мыслителях самостоятельных, в Гоголе (письма)[2], в Жуковском (письмо о Слове)[3], в Ш<евыреве>, в А<ксакове>[4] и других)...»[5]

Согласно указанию А. С. Хомякова на «июльский» вечер, Гоголь проводил семью Хомяковых в Англию не позднее 31 июля / 12 августа 1847 г. Спустя два дня, 2/14 августа 1847 г., он сообщал графине Л. К. Виельгорской: «Я <...> чуть было не уехал в Лондон с Хомяковым и жалею, что этого не сделал, потому что к вашему приезду в Остенде успел бы возвратиться всячески. Но я так боялся, что в отсутствие мое может быть от вас получено письмо, в котором вы как-нибудь перемените план свой, и, не будучи в возможности сообразиться с ним, я могу потерять с вами несколько дней свидания, что это навело беспокойство на дух мой, и я думаю, что я не в силах был бы спокойно рассматривать Лондон, как ни велико было мое желание осмотреть многое мне нужное».

Хомяковы вернулись в Остенде из Англии к 27 августа / 8 сентября 1847 г.[6]

[1] См. ***1847. Августа 6 <июля 25>. Пятница. Остенде.***

[2] Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями». При жизни Гоголя А. С. Хомяков упоминал о нем в своих статьях еще несколько раз, всегда подчеркивая самобытность его творчества, сравнительно с подражательным характером современного искусства (см. ***1842. Июля 24 <августа 5>. Пятница. Москва***; ***1842. Августа вторая половина <августа конец – сентября средина>***; ***1843. Августа 8 <20>. Воскресенье. Москва***; ***1844. Мая 18 <30>. Четверг. Москва***; ***1845. Марта 1 <13>. Четверг. Москва***; ***1845. Мая 26 <июня 7>. Суббота. Москва***; ***1846. Мая 13 <25>. Понедельник. Москва***; ***1848. Сентября 11. Суббота. Москва*** – примечания).

[3] Имеется в виду литературное письмо В. А. Жуковского «Слова поэта – дела поэта», написанное во Франкфурте 29 января (н. ст.) 1848 г. (см. ***1848. Января 29 <17>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***) и опубликованное под названием «О поэте и современном его значении. Письмо к Н. В. Гоголю» в № 4 «Москвитянина» за 1848 г. (см. ***1848. Марта 31 <апреля 12>. Среда. Москва***). Написано по поводу статьи Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» «О том, что такое слово», а также в ответ на письмо Гоголя к Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1848 г. из Неаполя (см. ***1848. Января 10 <1847. Декабря 29>. Понедельник. Неаполь***), задуманное в качестве новой вступительной статьи (вместо «Завещания») «Искусство есть примирение с жизнью» ко второму изданию «Выбранных мест из переписки с друзьями» (не осуществлено).

[4] Имеется в виду К. С. Аксаков.

[5] Англия. Письмо А. С. Хомякова // Москвитянин. 1848. Ч. IV. № 7 (цензурное разрешение 28 июня). С. 1–2, 31; *Свод*. Т. 3. С. 199–200.

[6] См. ***1847. Сентября 8 <августа 27>. Среда. Остенде.***

АВГУСТА 7 <ИЮЛЯ 26>. СУББОТА. ОСТЕНДЕ

Согласно почтовому штемпелю[1], в этот день Гоголь отправил в Висбаден ответное письмо к графине Л. К. Виельгорской (письмо ошибочно датировано днем позже: «Остенде, 8 августа»).

Вероятно, в этот же день, 7 августа (н. ст.) 1847 г., Гоголь написал еще два письма – ответное[2] послание к графу А. П. Толстому в Париж (также датиро-

ванное: «8 августа») и письмо к племяннику Толстого графу В. В. Апраксину в Нордернай (письмо не сохранилось; в нем Гоголь просил Апраксина приехать в Остенде)[3].

Из письма к Виельгорской: «Не могу вам изъяснить, как меня приятно изумило ваше письмо[4], возвестившее о близости вашего присутствия. Так как вы не подписали вашего имени, то я прочел его раза два, желая удостовериться, точно ли оно от вас, и точно ли это вы — та самая графиня Луиза Карловна, с которой мы так приятно ссорились и так приятно мирились, как дай Бог всем людям так ссориться и так мириться. Дай Бог, чтобы помог вам Висбаден в таком случае я готов благодарить Юнке[5] от души за то, что разлучил нас на три недели. Я буду вас здесь дожидаться. Скажите, какой Апраксин в Нордерне? Вы написали: Вик<тор> Степ<анович>[6]. Если это сын Софьи Петровны, Вик<тор> Владимирович, то я ему просто напишу, чтобы он приезжал сюда. Зачем ему сидеть там, где, вероятно, никого у него нет знакомых, а здесь будет, без сомнения, и дядя его, гр<аф> Алек<сандр> Петро<вич> Толстой, хоть на две недели, Хомяков, Муханов, и с вами, вероятно, также будет ему приятно встретиться. — Напишите мне хоть две строчки о том, как вы проводите время в Висбадене, и передайте об этом же просьбу мою Анне Михайловне[7], добрейшей и незлобивейшей из всех Анн Миха<й>ловн, какие когда-либо были на свете. Я уже, признаюсь, хотел было ехать к вам в Висбаден, но, опасаясь бестолковщины, которая могла бы произойти, не столько по части моего здоровья, сколько по части некоторых распоряжений, ради которых нельзя было подняться раньше недели, призадумался. Здоровье мое на нынешний раз не получает значительной поправки от ванн. Сделались было такие недуги, вследствие которых я должен был прекратить на время ванны, но здоровье духа моего довольно крепко. Начинаю вновь понемногу купаться. <...> ...Почты стали неизвестно почему медленны. Ваше письмо из Берлина шло сюда ровно неделю».

Из письма к Толстому: «Письмо ваше от 5 августа получил; порошков еще нет, но, вероятно, они скоро придут вслед. <...> Дай вам Бог за это и здоровья, и блаженной участи творить то, что угодно Ему. Насчет черкесов я с вами совершенно согласен; мы совершенно не умели из них сделать нашу силу и крепость и Бог весть из-за чего задумали истреблять то, что послужило бы к добру нашему. Только, мне кажется, вряд ли удастся и модному просвещению одолеть этот народ. Бог не даром сберегает простоту некоторых народов и хранит в ущельях и горах остатки патриархального быта. Напишите мне заглавие той испанской истории, которую вы читаете[8]; мне хотелось бы также прочесть ее. Она, как видно, написана хорошо и толково. Старая Испания, точно, всё могла бы иметь и всё потеряла. Но новая Испания в ее нынешнем виде стоит того, чтоб ее рассмотреть: это начало чего-то. Я пробежал на днях напечатанные в “Современнике” письма русского там бывшего, Боткина[9], которые, во многих отношениях, очень интересны, особенно там, где обнаруживают свежесть сил народа и характер, очень похожий на характер добрых, простых народов, образовавшийся, однако ж, в это время смут, которые не допустили воцариться там ни новой гражданственности, ни новой роскоши».

Словам Гоголя о «новой роскоши» соответствует реплика помещика Скудронжогло (Костанжогло) в третьей главе второго тома «Мертвых душ»: «В чем же быт? в чем же занятия крестьянина? В хлебопашенстве? Так старайся, чтобы он был хорошим хлебопашцем. Ясно? Нет, нашлись умники, говорят: “Из этого состоянья его нужно вывести. Он ведет слишком грубую, простую жизнь: нужно познакомить его с предметами роскоши”. Что сами благодаря этой роскоши стали тряпки, а не люди, и болезней черт знает каких понабрались, и уж нет осьмнадцатилетнего мальчишки, который бы не испробовал всего: и зубов у него нет, и плешив, — так хотят теперь и этих заразить. Да слава Богу, что у нас осталось хотя одно еще здоровое сословие, которое не познакомилось с этими прихотями! За это мы просто должны благодарить Бога. Да, хлебопашцы для меня всех почтеннее. Дай Бог, чтобы все были хлебопашцы!»

В 1831 г. М. Л. Магницкий в записке, поданной Императору Николаю I, писал о русском народе: «...Добрый и верный Богу и Царю народ наш отделен по счастию от Европы как медною стеной, — верою, языком, климатом, пищею, и всеми своими обычаями и привычками. — Как ни старались сделать его, в иллюминатском смысле, *европейским*, — прошло более полувека и сие не удалось. Провидение как бы сберегает на что-то сей новоизбранный Свой Израиль, подобно древнему, невредимым, посреди отпадающих от Него и мятущихся народов»[10].

Сходную характеристику Гоголь давал в повести «Рим» итальянскому народу: «Европейское просвещение как будто с умыслом не коснулось его и не водрузило в грудь ему своего холодного усовершенствования».

В конспекте-очерке «Калмыки», составленном в 1834 г. по книге Н. А. Нефедьева «Подробные сведения о волжских калмыках» (СПб., 1834) (см. ***1834. Август. Санкт-Петербург***), Гоголь также замечал: «В религии калмыков таятся слишком замечательные начала, говорящие много о внутренней силе этого беспечного народа» (этой фразы нет у Нефедьева; она принадлежит Гоголю); «Мы подействовали на них просвещением... сообщили картежную игру, до которой они стали страстные охотники...» (слова о «просвещении» также прибавлены Гоголем).

Далее в письме к Толстому Гоголь сообщал: «Хомяков, между прочим, привез с собой катихизис, отысканный им на греческом языке в рукописи, и перевод его на русский[11], тоже в рукописи. Катехизис необыкновенно замечательный. Еще нигде не была доселе так отчетливо и ясно определена Церковь, ее границы, ее пределы. Всё в таком виде и в такой логической последовательности, что может сильно подействовать на немцев и англичан. По моему мнению, на французский язык его не следует вовсе переводить. Французов могут познакомить с ним немцы и англичане своими собственными сочинениями, которые, без сомнения, появятся не в малом количестве по поводу этой книги в той и другой земле. <...> Сюда собирается графиня Вьельгорская, с Анной Михайловной и Михаилом Михайловичем. Они уже в Висбадене, где графиня-мать лечится от глаз, а сын от небольшой ранки на ноге, которая, однако ж, почти совершенно прошла. Анна Михайловна, кажется, здорова, — по крайней мере ни от чего не лечится. В то же самое время я узнал, что племянник ваш Виктор Владимирович Апраксин находится в Нордернеу, где берет морские ванны. Я написал ему письмо, в котором прошу его заглянуть в Остенде, где, может быть, он встретит вас, что, без сомненья, и вам, и ему будет приятно, и признаюсь, в то же время подумал: хорошо, если бы он познакомился и узнал Ан<ну> Миха<й>лов<ну>. Почему знать? Может быть, они бы понравились друг другу[12]. У Виктора Вл<адимировича> желанье сильное сделаться помещиком и заняться не шутя благоустройством крестьян. В таком случае вряд ли ему во всей России найти где лучшую помощницу, которая дейс<твует и> рассуждает так умно об этом деле, как я не встречал никого из нашей братьи мужчин. <...> ...Нам во всяком случае следует искать тех знакомств и встреч, от которых хотя сколько-нибудь может похорошеть душа. Сами мы не можем дойти ни к чему без помощи других. И к Богу мы можем доходить только посредством частых обращений с людьми, тоже к нему стремящимися. <...> Графине[13] передайте самый душевный поклон».

[1] См.: *Городецкий.* С. 445.

[2] См. ***1847. Августа 5 <июля 24>. Четверг. Париж.***

[3] См. ***1847. Августа 20 <8>. Пятница. Коксгавен (Куксхафен).*** — Подробнее см.: ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино.***

[4] Письмо не сохранилось.

[5] Врач.

[6] Виельгорская ошибочно назвала графа Виктора Владимировича Апраксина Виктором Степановичем.

[7] Дочь Л. К. Виельгорской.

[8] См. ***1847. Августа 5 <июля 24>. Четверг. Париж*** (примечания).

[9] Имеются в виду «Письма об Испании» В. П. Боткина. Гоголь прочел первое письмо, напечатанное в № 3 «Современника» за 1847 г. (письма печатались под общей рубрикой «Письма об Испании»; в № 10 и 12 журнала за 1847 г. были опубликованы второе и третье письмо; позднее — остальные; отд. изд. — 1857 г.).

[10] Русская Старина. 1899. № 3. С. 619–620.

[11] Речь идет о трактате А. С. Хомякова «Церковь одна» (конец 1844 — начало 1845 г.). Хомяков скрывал свое авторство и выдавал это сочинение за найденную где-то древнюю рукопись. Он намеревался напечатать трактат с предисловием и послесловием от своего имени (ныне неизвестны). «Церковь одна» впервые была опубликована только в 1864 г. в т. 13 журнала «Православное Обозрение»; вошла в собр. соч. Хомякова (Прага, 1867. Т. 2). Гоголь собственноручно переписал для себя этот трактат. «Ближайший родственник и наследник Николая Васильевича Гоголя (пожелавший остаться неизвестным) <вероятно, Н. В. Быков или Ю. В. Быков, один из племянников Гоголя> предоставил нам свой семейный архив. В архиве этом находилось до 160 (если считать и отрывки) писем Гоголя к матери его, Марии Ивановне Гоголь-Яновской; кроме того здесь были переписанные рукою Николая Васильевича целые произведения и отрывки любимых им авторов; напр<имер>: некогда запрещенная статья Хомякова "Церковь едина", "Демон" — Лермонтова, заключающий несколько новых строф и стихов, сравнительно с виденными нами печатными текстами. Главным образом, архив состоял из

бумаг исторического характера: переписка, стихотворения, записная книжка, отрывок комедии — отца, затем переписки — матери, деда, бабки, прадеда, прабабки, теток — Николая Васильевича. Наконец — всякие документы» (*В. Б.* Письма Н. В. Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 381). — См. также ***1845. Мая 6 <апреля 24>. Вторник. Радоница. Париж*** (примечания); ***1849. Марта 30. Великая среда. Москва*** (примечания).

[12] Подробнее см.: ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*** (примечания).

[13] Жена Толстого.

ИЮЛЯ 26 <АВГУСТА 7>. СУББОТА. РАДОНЕЖЬЕ (АБРАМЦЕВО)

С. Т. Аксаков отправляет во Франкфурт ответ на два[1] письма Гоголя:

«Я получил письмо ваше, милый друг Николай Васильевич, из Франкфурта от 10 июня... <...> Не знаю, почему Погодин сделал вам допрос: отчего вы так давно не пишете ко мне и не сердитесь ли на меня? <...> Я даже не ожидал от вас письма, потому что сам не отвечал вам на два. Прежде всего спешу уверить вас, что я никогда на вас не сердился (принимая это слово в настоящем его значении) и что я никогда не переставал верить искренности вашей. Грех тому опрометчивому человеку, который внушил вам такие мысли. Я подозреваю, что это сделала Смирнова: она случайно услыхала несколько строк из письма моего к сыну об вас[2], не поняла их и не могла понять хорошо, потому что они получали полный смысл в связи с другими, а в отрывке имели даже превратный смысл. Смирнова сделала горячую схватку с моим сыном, наговорила ему, мне и всему моему семейству много грубостей, сама получила их столько же и грозилась открыть вам глаза[3]. Я вижу, она это исполнила[4]; но безрассудная женщина, в которой многие достоинства я ценю высоко и которую, именно за эту вспышку, я полюбил больше, вместо открытия глаз ваших несколько отуманила их, разумеется, на время. Она не подозревала, что прежде всего я с полною, жестокою искренностью излил в письмах к вам[5] самим всю горечь огорченной дружбы к человеку и оскорбленного чувства уважения к великому таланту. Она не различила во мне любящей души от озлобления и гнева. По моему убеждению, вы книгой своей нанесли себе жестокое поражение, и я кинулся на вас самих, как кинулся бы на всякого другого, нанесшего вам такой удар, без пощады осыпая вас горькими упреками. <...>

Первое, большое письмо мое (кажется, от 12 января[6]) было написано и послано к вам до выхода вашей книги. Второе, небольшое письмо, с приложением письма Свербеева[7], написано по прочтении книги, но *до получения* вашего ответа[8] на мое большое письмо. Ответ ваш был ужасен... <...> Ваш ответ дышал холодом, высотою величия, на котором вы тогда думали стоять в непроницаемом вооружении вашего нового, мнимого призвания. <...> Ответ ваш[9] на мое второе письмо, начинающийся замечательными словами, что вам “чихнулось во здравие”, обрадовал меня чрезвычайно; письмо же ваше к кн<язю> Львову[10] обрадовало еще более. <...> Высказать свою радость я не смел: я боялся помешать процессу вашего восстановления. <...> ...Бог милостив. <...> Вы исполните свой обет, помолитесь у Гроба Господня, талант ваш явится с новым блеском, и все забудут вашу несчастную книгу. <...> Полное выздоровление вы получите только на родной почве... <...> Коли вам почему-нибудь будет тяжело жить в Москве постоянно, то у меня есть премилый уголок в пятидесяти верстах от Москвы, в котором я надеюсь жить даже по зимам, кроме нынешнего года... <...> Дом у нас большой и хорошо расположенный. Вы будете иметь спокойное и удобное помещение... <...> К тому же вам необходимо поездить по России. Надобно заглянуть в глубь ее: в степную и приволжскую сторону. Константин может быть вашим товарищем, если вы захотите. Я сам имею намерение, если Бог подкрепит мое здоровье, уехать на целый год в Оренбургскую губернию... <...> Мы теперь все живем в нашей подмосковной, кроме больной нашей Оленьки, которая живет в Москве, вместе с братом своим Иваном, который там служит в Сенате обер-секретарем. Не знаю, дошла ли до вас диссертация Константина[11]? 7 марта был его диспут: несмотря на многие гонения, все кончилось благополучно. <...> Вы можете адресовать одно письмо *в Сергиевский посад, Московской губернии, на мое имя;* но всего вернее через Шевырева».

О. Сем. Аксакова к настоящему письму сделала приписку:

«Обнимаю вас по-старому, друг наш Николай Васильевич, молю Бога, чтобы привел поскорее увидеться с вами».

[1] См. ***1847. Марта 6 <февраля 22>. Суббота. Неаполь***; ***1847. Июля 10 <июня 28>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1847. Февраля 8 <20>. Суббота. День памяти св. великомученика Феодора Тирона. Москва*** (письмо С. Т. Аксакова к сыну Ивану).

[3] Об этом эпизоде И. С. Аксаков рассказал отцу в письме от 15 февраля 1847 г. из Калуги (см. ***1847. Февраля 15 <27>. Суббота. Калуга***).

[4] См. письмо А. О. Смирновой Гоголю от 18 февраля 1847 г: ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Калуга.***

[5] См. ***1847. Ноября конец – декабря 9 <декабря первая половина – декабря 21>. Москва***; ***1847. Января 27 <февраля 8>. Понедельник. Москва.***

[6] В действительности от 9 декабря 1847 г. (см. ***1847. Ноября конец – декабря 9 <декабря первая половина – декабря 21>. Москва***).

[7] См. ***1847. Января 16 <28>. Четверг. Москва***; ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь*** (воспоминания С. Т. Аксакова); ***1847. Января 27 <февраля 8>. Понедельник. Москва.***

[8] См. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь.***

[9] См. ***1847. Марта 6 <февраля 22>. Суббота. Неаполь.***

[10] Письмо Гоголя к князю В. В. Львову от 20 марта (н. ст.) 1847 г.: ***1847. Марта 20 <8>. Суббота. Неаполь.***

[11] Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. Рассуждение кандидата Московского Университета *Константина Аксакова*, писанное на степень магистра философского факультета первого отделения. М., 1846.

АВГУСТА 10 <ИЮЛЯ 29>. ВТОРНИК. ОСТЕНДЕ

Гоголь пишет в Париж новое[1] ответное[2] письмо В. Г. Белинскому (письмо было отправлено через день[3]):

«Я не мог отвечать скоро на ваше письмо. Душа моя изнемогла, всё во мне потрясено, могу сказать, что не осталось чувствительных струн, которым не был<о> бы нанесено поражения еще прежде, чем получил я ваше письмо. Письмо ваше я прочел почти бесчувственно, но тем не менее был не в силах отвечать на него. Да и что мне отвечать? Бог весть, может быть, и в ваших словах есть часть правды[4]. <...> ...Покаместь помните прежде всего о вашем здоровьи. Оставьте на время современные вопросы. Вы потом возвратитесь к ним с большею свежестью, стало быть и с большею пользою как для себя, так и для них. Желаю вам от всего сердца спокойствия душевного, первейшего блага, без которого нельзя действовать и поступать разумно ни на каком поприще».

[1] Ср. ***1847. Июля конец – августа начало <июля вторая половина>. Остенде.***

[2] См. ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн***; ***1847. Июля 17 <5>. Суббота. Дрезден.***

[3] См. ***1847. Августа 12 <июля 31>. Четверг. Остенде.***

[4] Ср. в неотправленном письме Гоголя к Белинскому от конца июля – начала августа (н. ст.) 1847 г.: «Блуждают кое-где блестки правды посреди огромной кучи софизмов и необдуманных юношеских увлечений» (см. ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн*** – примечания); и в письме к П. В. Анненкову: «...Везде вижу частицу правды и много всяких преувеличиваний и лжи» (см. ***1847. Августа 12 <июля 31>. Четверг. Остенде***). – Следующий далее текст письма см.: ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн*** (примечания).

ИЮЛЯ 29 <АВГУСТА 10>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет во Франкфурт запоздалый[1] ответ Гоголю на три[2] его письма:

«Долго я не писал тебе оттого, что каждое из трех последних писем твоих заставляло меня ждать от тебя то дополнения известий, то какой-либо присылки. Здесь даю тебе отзыв на все вдруг. Теряю надежду приготовить для тебя копию с книги "Переписка с друзьями", в исправленном виде. Уже-ли забыл ты, как трудно здесь соединить на серьезное общее дело три-четыре должностные лица? И зимою это трудно до невероятности, а летом невозможно. М. Вьельгорский живет на своей даче по Петергофской дороге и откочевывает то в Петербург, то в Петергоф. Вяземский поселился на Аптекарском острову, до обеда занят по должности, а после вечно в свете. Я двадцать один год живу на одном месте у Лесного института на даче Беклешовой. Но письма и посылки адресуй ко мне, как прежде, в университет. А. Россет уехал в Калугу к сестре[3] и еще не возвратился. Я даже не знаю, дождешься ли ты когда-нибудь исправленного нами экз<емпляра> "Переписки". Уж не заняться ли тебе самому этим делом? Ты столько прочитал замечаний о книге, столько обдумал и сам все в ней, что несравненно лучше посторонних можешь приготовить второе издание, *исправленное и дополненное*. <...> ...Я тотчас же могу приступить к печатанию. За помощь тебе от означенных твоих друзей не отвечаю. Мой голос для них – ничто. Уж если решительного чего захочешь от них, напиши к Вяземскому или к Россети сам и объяви, что к *такому-то сроку ждешь* исполнения, а после того ни в чем нуждаться не будешь. С нашими друзьями не сладить иначе. Другую книжку твою, "Повесть твоего писательства"[4], можешь ко мне прислать, когда только вздумаешь. Я ее тотчас же и тисну. Свидетельство о жизни получено мною – и деньги положены в ломбард до времени. Там же лежат и прежние деньги твои, полученные мною по *второму* векселю от Штиглица[5]. Ты должен заблаговременно предуведомить меня, когда и сколько понадобится тебе денег и по какому адресу прислать их. Прелестную новую поэму Жуковского[6] цензор пропустил всю до единого стиха – и я уже отправил процензированную рукопись обратно к Жуковскому, чтобы он мог, как ему хотелось, напечатать ее в Карлсру. Зачем бы и тебе, для сокращения издержек, не делать так же? Притом и ошибок уж не будет под собственным надзором. Пришли, если желаешь, и переделанную развязку "Ревизора". Я покажу ее Бернардскому. Без рукописи он не может ничего сказать, в состоянии ли он готовить картинки к изданию всего "Ревизора". Да не дурно бы сделал ты, если бы занялся повнимательнее и всею комедиею, перечитал бы ее с пером в руках и прислал бы весь оригинал в таком виде, как желаешь напечатать его с развязкою».

[1] См. также ***1846. Ноября 21 <декабря 3>. Четверг. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург***; ***1847. Апреля 4 <16>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] Письма от 8 мая (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Мая 8 <апреля 26>. Суббота. Неаполь***; ***1847. Мая 19 <31>. Понедельник. Санкт-Петербург***), от 10–12 июня (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Июня 10 <мая 29> – июля 10 <июня 28>. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Июня 12 <мая 31>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Июня 10 <22>. Суббота. Санкт-Петербург***) и от 10 июля (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Июля 10 <июня 28>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Июля 8 <20>. Вторник. Санкт-Петербург***).

[3] А. О. Смирнова.

[4] Позднейшее название этого произведения Гоголя, данное С. П. Шевыревым, – «Авторская исповедь».

[5] См. ***1847. Марта 9 <февраля 25>. Вторник. Неаполь***; ***1847. Апреля 25 <мая 7>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[6] «Рустем и Зораб» (см. ***1847. Марта 24 <12>. Среда. Франкфурт-на-Майне*** – примечания).

АВГУСТА 12 <ИЮЛЯ 31>. ЧЕТВЕРГ. ОСТЕНДЕ

Гоголь заканчивает и отправляет в Париж написанное 10 августа[1] письмо к В. Г. Белинскому; посылает также в Париж письмо к П. В. Анненкову (датировано: «Остенде. Августа 12»).

В послании к Белинскому Гоголь в этот день сделал приписку: «В одно время с письмом к вам отправил я письмо и к Анненкову. Спросите у него, получил ли он его. Я адресовал в Poste restante».

Позднее в письме к графу А. П. Толстому в Париж, отправленном около 14 августа (н. ст.) 1847 г., Гоголь также замечал: «Если вы встретите Анненкова, того самого, который — помните? — был у меня в Париже при вас[2], то, пожалуста, спросите его, получил ли он мое письмо к нему, адресованное в poste restante вместе с письмом к Белинск<ому>, с которым он в дружеских отношениях».

Из письма к Анненкову[3]: «Узнавши, что вы в Париже, пишу к вам. Я получил письмо от Белинского, которое меня огорчило <...> чувством ожесточенья вообще. Последнее сокрушительно для его здоровья. Вы теперь при нем: отводите от него всё возмущающее дух его. <...> ...Здоровье мое, которое началось было уже поправляться и восстановляться, потряслось от этой для меня сокрушительной истории по поводу моей книги. <...> Недавно я прочел ваши письма о Париже[4]. Много наблюдательности и точности, но точности дагеротипной. Не чувствуется кисть, их писавшая; сам автор — воск, не получивший формы, хотя воск первого свойства, прозрачный, чистый, именно такой, какой нужен для того, чтобы отлить из него фигуру. Словом, в письмах не видно, зачем написаны письма. В то же время прочел я письма Боткина[5]. Я их читал с любопытством. В них всё интересно, может быть, именно оттого, что автор мысленно занялся вопросом разрешить себе самому, что такое нынешний испанский человек, и приступил к этому смиренно, не составивши себе заблаговременно никаких убеждений из журналов, не влюбившись в первый выведенный им вывод, как делают это люди с горячим темпераментом, не рассматривающие того, что выведен вывод только из двух, из трех сторон дела, а не изо всех, как случается это с Белинским, со многими людьми на Москве, со мною грешным и вообще со всеми теми, в которых много гордости и убежденья, что они стоят на высшей точке воззрения на вещи. В ваших же письмах мне показалось, как будто вы не задавали самому себе сурьезного вопроса. Я подумал: что если бы на место того, чтобы дагеротипировать Париж, который русскому известен более всего прочего, начали вы писать записки о русских городах, начиная с Симбирска[6], и так же любопытно стали бы осматривать всякого встречного человека, как осматриваете вы на мануфактурных и всяких выставках всякую вещицу[7]? Если при этом описании зададите себе внутреннюю задачу разрешить самому себе, что такое нынешний русский человек во всех сословиях, на всех местах, начиная от высших до низших, и, держа внутри себя этот вопрос, будете глядеть на всякое событие и случай, как бы они ничтожны ни были, как на явленье психологическое, ваши записки вышли бы непременно интересны. Тем более, что у вас, как мне кажется, нет пристрастия и сильной уверенности в истине своих выводов и заключений. Я очень помню одно ваше письмо, которое вы писали мне из Симбирска в ответ на кое-какие упреки с моей стороны. Оно меня тронуло этим отсутствием гордой самоуверенности в себе; я вам искренно позавидовал. <...> Вы бы сделали хорошо, если бы заглянули в Остенде. Это так близко от Парижа. По железной дороге день езды. Мы бы вспомнили старину. Скажу вам, что мне теперь сильней, чем когда-либо, хочется видеть всех, с кем я давно знаком. Люди, с которыми я повстречался в юности моей, становятся мне теперь с каждым годом как бы родственней и ближе — оттого ли, что способность воспоминания, которая была всегда во мне *живая*, при повороте дней моих к старости стала еще живей или оттого, что в самом деле любовь к человеку во мне увеличилась. Как бы то ни было, но я благодарю Бога за это чувство. Оно так умиряет, так успокоивает душу даже и среди помышлений о судьбах человечества, общества и всего мира. <...> Если увидите Боткина, поклонитесь ему. <...> Белинскому ответ я написал, адресуя в poste restante».

[1] См. ***1847. Августа 10 <июля 29>. Вторник. Остенде.***

[2] См. ***1846. Мая конец <мая средина>. Париж.***

[3] См. также ***1847. Июля 12–15 <июня 30 — июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн*** (примечания).

[4] Гоголь мог ознакомиться с первыми шестью из девяти «Парижских писем» Анненкова, печатавшихся в «Современнике» (Современник. 1847. № 1–6, 9, 11, 12; 1848. № 1).

[5] См. ***1847. Августа 7 <июля 26>. Суббота. Остенде*** (примечания). — См. также ***1847. Августа 24–25 <сентября 5–6>. Воскресенье-понедельник. Москва*** (примечания).

[6] Анненков был симбирским уроженцем.

[7] Гоголь повторяет мысль, высказанную им ранее в запрещенной цензурой статье *XX. Нужно проездиться по России* «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Таким же самым образом, как русский путешественник, приезжая в каждый значительный европейский город, спешит увидеть все его древности и примечательности, таким же точно образом и еще с большим любопытством, приехавши в первый уездный или губернский город, старайтесь узнать его достопримечательности. Они не в архитектурных строениях и древностях, но в людях. Клянусь, человек стоит того, чтоб его рассматривать с большим любопытством, нежели фабрику или развалину». — См. также ***1842. Августа 18 <6>. Четверг. Праздник Преображения Господня. Гастейн*** (примечания). — По-видимому, исполнением гоголевского пожелания стала работа Анненкова над его «Провинциальными письмами». Начатые после совершенного им летом 1849 г. путешествия от Богородска до Симбирска, они печатались в 1849–1851 гг. в «Современнике» (1849. № 8, 10, 12; 1850. № 1, 3, 5, 9; 1851. № 1, 10; см. также: *Анненков П. В.* Накануне пятидесятых годов. Письма из провинции (1849 г.) // *Анненков П. В.* Соч. Воспоминания и критические очерки. Собр. статей и заметок. 1849–1868 гг. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1877. Отд. 1. С. 1–160).

ИЮЛЯ 31 <АВГУСТА 12>. ЧЕТВЕРГ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь пишет О. Сем. Аксаковой в Радонежье (Абрамцево):

«Благодарю вас, почтеннейшая Ольга Семеновна, за принимаемое участие в наших делах. Милосердой наш Творец щедро награждает нас хлебом и уже о сю пору, когда не успели большого количества приготовить, цены унизились, по полтине на ас<с>игнации уже продается мука ржаная, а когда совсем соберут и изготовят, то будет дешевлее; стараются уплачивать подати, но я не желаю продать теперь хлеб, прошу, чтобы потерпели, они знают, что за мной никогда не оставалась недоимка, я все силы употребляла для уплаты, несчастные годы только лишали меня всех средств к уплате; когда бы можно заберечь этот хлеб, много бы поправилось наше состоянье, но я не могу пользуваться трудовыми деньгами моего сына и не сказав ему еще об этом, мы на месте, а ему в дороге они нужнее еще нашего, предполагая такое дальнее путешествие».

Свод. Т. 1. С. 114.

ИЮЛЬ <ИЮЛЯ СРЕДИНА – АВГУСТА СРЕДИНА>. МОСКВА

И. С. Аксаков пишет князю Д. А. Оболенскому:

«Вот тетрадь стихов моих... <...> ...новых нет; теперь уже месяцев шесть, как я не пишу стихов... <...> В тетради я отметил карандашом стихи, писанные вследствие Гоголевой книги[1], или, лучше сказать, вследствие мыслей, ею возбужденных»[2].

Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 922.

[1] «Выбранные места из переписки с друзьями».
[2] «Твой строгий суд остановив... Зачем душа твоя смирна... Не дай душе твоей забыть» (примеч. А. Ф. Аксаковой в изд.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. С. 438).

АВГУСТА 1 <13>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет № 8 «Современника», где перепечатано[1] «четвертое» (по счету — третье) из «Писем к Н. В. Гоголю» Н. Ф. Павлова[2].

[1] См. ***1847. Апреля 17 <29>. Четверг. Москва.***
[2] См. также ***1847. Мая 1 <13>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Санкт-Петербург.***

АВГУСТА 14 <2>. СУББОТА. ОСТЕНДЕ

Гоголь отправляет письмо к графу А. П. Толстому в Париж и ответное письмо к графине Л. К. Виельгорской в Висбаден.

Из письма к Толстому: «Уведомьте меня хотя двумя строчками, получили ли мое письмо от 2 августа, в котором я извещал вас о Вьельгорских[1] и о том, что они едут в Остенде? Уведомьте меня также о том, в какой степени вы довольны *дантистами*, и владеете ли вы хорошо теми зубами, которые вставлены, и как много вы их себе вставили? Наконец, словечка два о вашем маршруте. На днях, я получил письмо от Матвея Александровича — ответ на мое[2] (итак, вы можете копию, находящуюся у вас, изорвать[3]). В письме этом многое пришлось очень кстати моему душевному состоянию. Я уверен, что если бы я умел изъяснить ему и прочее, что он покуда принял в другом смысле, он бы мне и там сказал много нужного. Письмо это имело отрадно-успокоительное на меня действие: душа ангельская слышна в его строках. Я верю, что он обо мне молится, как брат молится о брате, и не знаю, как благодарить за это Бога. За эти молитвы я обязан также вам, как и за многое другое. <...> Мысль, что проведу с вами пол-зимы в Неаполе и наговоримся обо всем, очень радостна, а покуда на это письмо хоть две строчки!»

Из письма к Виельгорской: «Письмо Луизы Карловны[4] было расцеловано за неимением *налицо* ее ручки. <...>[5] Уведомьте меня сей же час, если вы раздумаете ехать в Остенде: я его сей же час брошу и приеду к вам. <...> Здесь из ваших знакомых покуда Муханов[6] и Глебов-Стрешнев[7], очень добрый человек, который отчасти вам и родственник. Есть еще несколько русских, но самое главное то, что в Остенде можно почти никого не видать, если — захотите. Несмотря, на маленькое место, занимаемое городом, люди никак не встречаются и не сталкиваются, именно потому, что по причине морского ветра всяк отворачивает свое лицо в сторону и прижмуривает глаза. На это письмецо напишите хоть две строчки — или вы, или Анна Миха<й>ловна, или Миха<и>л Миха<й>лович...»

[1] Гоголь извещал об этом в письме не от 2-го, а от 7-го августа (н. ст.) 1847 г.: ***1847. Августа 7 <июля 26>. Суббота. Остенде***.

[2] Письмо протоиерея Матфея Константиновского, написанное в ответ на письмо Гоголя от 8 мая (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Мая 8 <апреля 26>. Суббота. Неаполь***), до нас не дошло.

[3] Речь идет о первоначальной редакции письма Гоголя к отцу Матфею Константиновскому от 8 мая (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Мая 8 <апреля 26>. Суббота. Неаполь***; ***1847. Мая около 30 — июня 6 <мая около 18 — 25>. Париж***).

[4] Письмо не сохранилось.

[5] См. ***1847. Августа между 6 и 12 <июля между 25 и 31>. Остенде*** (примечания).

[6] Владимир Алексеевич Муханов. — См. также ***1847. Августа 16 <4>. Понедельник. Остенде***.

[7] Вероятно, Н. П. Глебов-Стрешнев (см. ***1845. Октября конец — ноября начало <октября средина>. Рим***).

ИЮЛЯ КОНЕЦ <АВГУСТА ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА>. БЕЙРУТ

К. М. Базили пишет ответное[1] письмо Гоголю[2] (вероятно, во Франкфурт; письмо не сохранилось).

[1] См. ***1847. Июля конец <июля средина>. Остенде***.

[2] См. ***1847. Декабря 25 <1848. Января 6>. Четверг. Праздник Рождества Христова. Бейрут***.

АВГУСТА СРЕДИНА <АВГУСТА НАЧАЛО>. ОСТЕНДЕ

Гоголь отправляет письмо к Н. Я. Прокоповичу в Петербург (согласно почтовому штемпелю, письмо было получено Прокоповичем 25 августа 1847 г.[1]):

«...В Неаполе я пробуду еще до февраля. В феврале отправляюсь на Восток, а оттуда в Россию, и если Бог устроит всё благополучно, то, может быть, будущим летом увидимся в Петербурге».

[1] См. ***1847. Августа 25 <сентября 6>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

АВГУСТА СРЕДИНА <АВГУСТА НАЧАЛО>. ПАРИЖ

В. Г. Белинский и П. В. Анненков получают ответные письма Гоголя из Остенде[1]. Анненков написал тогда Гоголю ответ[2] (письмо не сохранилось), Белинский отвечать не стал.

Из мемуарного очерка Анненкова «Замечательное десятилетие» (1880): «В Париж пришел также и ответ Гоголя на письмо Белинского из Зальцбрунна. Грустно замечал в нем Гоголь, что опять повторилась старая русская история, по которой одно неосновательное убеждение или слепое увлечение непременно вызывает с противной стороны другое, еще более рискованное и преувеличенное, посылал своему критику желание душевного спокойствия и восстановления сил и разбавлял все это мыслями о серьезности века, занимающегося идеей полнейшего построения жизни, какого еще и не было прежде. Что он подразумевал под этим построением, — письмо не высказывало и вообще не отличалось ясностью изложения. Белинский не питал злобы и ненависти лично к автору “Переписки”, прочел с участием его письмо и заметил только: “какая запутанная речь; да, он должен быть очень несчастлив в эту минуту”»[3].

[1] См. ***1847. Августа 10 <июля 29>. Вторник. Остенде***; ***1847. Августа 12 <июля 31>. Четверг. Остенде.***
[2] См. ***1847. Августа 31 <19>. Вторник. Остенде.***
[3] *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод.* Т. 3. С. 519.

АВГУСТА 3 <15>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева получила[1] письмо Гоголя из Остенде[2].

[1] См. ***1847. Августа 5 <17>. Вторник. С. Покровское.***
[2] См. ***1847. Июля 24 <12>. Суббота. Остенде.***

АВГУСТА 16 <4>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ОСТЕНДЕ

В. А. Муханов сообщает сестрам:

«Здесь, тотчас по приезде, явился к нам Гоголь[1], и свиделись мы с Хомяковым[2]. Несколько дней, проведенных с последним[3], были совершенным праздником. Какое сокровище знания и остроумия и вместе какая доброта, какое всегда ровное расположение[4]! <...> К сожалению, он недолго оставался с нами; пробыв в Остенде несколько дней, пустился в Англию, где предстоит обширное поле его любознательности. И здесь костюм его не изменился: он не оставил мурмолки и зипуна»[5].

В тот же день Н. А. Муханов также писал сестрам:

«...Остаток нашего времени протекает с Гоголем»[6].

[1] См. также ***1847. Августа 14 <2>. Суббота. Остенде.***
[2] 17/29 июля 1847 г. Ф. И. Тютчев писал жене Эрнестине Федоровне из Карлсруэ: «Предчувствие подсказало мне, что твой брат <барон Карл Пфеффель> уже выехал из Мюнхена. Я предполагал это ввиду того, что на

мое письмо он ответил молчанием. Но это вряд ли стоит считать неудачей, ибо ничто не мешает мне съездить к нему в Остенде. Многие из моих знакомых тоже предполагают поехать туда. <...> Оба брата Мухановых, мои сотрапезники и верные баденские спутники, тоже будут там, равно как и две наших литературных знаменитости, — Хомяков и Гоголь. <...> Итак, весьма вероятно, что я съезжу в Остенде, но еще не могу сказать, когда» (*Тютчев Ф. И.* Соч.: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 136–137). 6 августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь сообщал графу А. П. Толстому из Остенде: «Хомяков приехал... <...> Мухановых и Тютчева еще нет».

12 августа (н. ст.) 1847 г. Тютчев приехал из Франкфурта к Жуковскому в Эмс, где до него, с 13 по 16 июля (н. ст.) 1847 г., также был Гоголь (см. ***1847. Июля 13 <1>. Вторник. Эмс***; ***1847. Июля 16 <4>. Пятница. Эмс***).

[3] А. С. Хомяков прибыл в Остенде 6 августа (н. ст.) 1847 г. и отправился в Англию не позднее 12 августа (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Августа 6 <июля 25>. Пятница. Остенде***; ***1847. Августа между 6 и 12 <июля между 25 и 31>. Остенде***).

[4] См. также ***1843. Апреля средина — мая 2 <апреля начало — апреля 20>. Рим*** (примечания).

[5] Гоголь в письмах братьев В. А. и Н. А. Мухановых // *Свод.* Т. 3. С. 595.

[6] Там же. Т. 3. С. 595.

АВГУСТА 5 <17>. ВТОРНИК. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева пишет ответное[1] письмо Гоголю во Франкфурт (письмо было закончено на следующий день[2]; отправлено через день[3]):

«Сегодня, мой милой друг, мой возлюбленной Николай Васильевич, по неизреченному милосердию Божию сподобилась приобщиться Святых Таин... <...> Письмо ваше, мой милый друг, я получила 3 августа[4]. Из оного вижу, что вы моих два письма[5] получили через Хомякова и Василья Андреевича[6]. Еще я писала и по вашему назначению прямо на ваше имя в Франкфурт. Я так и отправила 27 июня[7], подписав на пакете *poste restante*, должны давно получить. <...> ...Нынче в обедни молила Всемилосердного Отца нашего, да благословение Его сопутствует вас, и с Его помощию возможете свершить ваше благое намерение и, достигнув Святых Мест, поклониться с чувством, угодным Милосердному Богу... <...> ...Знайте, возлюбленной, Господом мне данной сын, что всегда помню, молюсь о вас... <...> ...Обнимаю вас со всею нежностию матери...»

[1] См. ***1847. Июля 24 <12>. Суббота. Остенде.***

[2] См. ***1847. Августа 6 <18>. Среда. Праздник Преображения Господня. С. Покровское.***

[3] См. ***1847. Августа 7 <19>. Четверг. С. Покровское.***

[4] См. ***1847. Августа 3 <15>. Воскресенье. С. Покровское.***

[5] Письма до нас не дошли.

[6] Письмо было отправлено Жуковскому во Франкфурт А. О. Смирновой (см. ***1847. Июня 25 <июля 7>. Среда. Калуга***).

[7] См. ***1847. Июня 27 <июля 9>. Пятница. С. Покровское.***

АВГУСТА ОКОЛО 18[1] <ОКОЛО 6>. ОСТЕНДЕ

Гоголь пишет ответное письмо графу А. П. Толстому в Париж:

«Я несколько замедлил отвечать вам, добрейший Александр Петрович. Вы спрашиваете о письме Матвея Александровича[2]: оно скорее длинно, чем коротко. Видно, что сердце в нем разговорилось и что он, точно как [добрый] купец, рад от всей души продать товар свой. Тексты, приводимые из Св. Писания, показывают в нем полного хозяина, который знает, где, в каком месте нужно что брать. Говорит он о том, как все мы — церкви живого Бога и должны слушаться духа, в нас живущего, а не земной телесности нашей; что никому из нас не прожить столько, как мы прожили, и потому, оставивши все хлопоты и вещи мира, следует нам поворотить во внутреннюю жизнь. Почти половина письма пришлась мне кстати, другая потому не пришлась, что он не в том смысле взял некоторые слова мои, но тем не менее и эта половина справедлива. Мне чувствуется, что следующее письмо, которое получу от него, может уже прийтись целиком к душе моей. Скажу, что

вследствие письма его я больше осмотрелся и хочу снова перечитать всё мною читанное для души, начиная с Ефрема Сирянина, Златоуста и Макария Египетского, как советует он, тем более, что я замечал, что после всякого такого чтения становится яснее взгляд на Евангелие, и многие места в нем становятся доступнее. Впрочем обо всем этом, равно как и прочем, поговорим при свидании. А покамест сделаете недурно и вы, если займетесь таким же чтеньем хоть по главе в день, разумеется, с обращеньем на себя и припоминаньем себе всей прежней жизни своей. Вам станет тоже потом доступнее Евангелие и яснее всякое слово Спасителя.

О делах римских и кардинале Вентур<е> не могу судить, потому что не знаю, в каком именно смысле разумеет он сам сказанные слова. Демон излишества так теперь раздувает речи всех, так всяк почти против собственного желания переливает через верх, что мне покамест звучит в ушах: "Не судите, да не осуждены будете"[3]. Если бы я всю речь прочел, тогда, может быть, что-нибудь сумел сказать.

О Вьельгорских не могу сказать, когда будут. Кажется, не раньше 1-го сентября. Стало быть, графиня Анна Егорьевна[4] может их встретить еще, проезжая Франкфурт. О племяннике вашем[5] я подумал потому, что в нем есть большая ревность к хозяйству и забота об устроении судьбы крестьян[6]. Вот почему мне подумалось о том, что ему нужна была бы умная помощница в таком деле. Вообще же насчет женитьбы я думаю, что тем, которые ездят на воды, не следует вступать в брак, а лучше бы подумать о том, как служить Богу, предоставя браки тем, которые здоровы и еще годятся на расплод.

Я уже вам писал, что мне стало лучше еще до приниманья порошков, тем не менее я стал принимать порошки. Теперь начал принимать второй номер; что будет от этого, не знаю. Немножко было вновь началось бурчанье около сердца, но теперь прошло. Зато, мне кажется, стали больше охладевать оконечности, то есть руки и ноги. <...> Хомякова до сих пор еще нет из Лондона. Графине душевный поклон».

[1] Ср. ***1847. Августа 14 <2>. Суббота. Остенде***; ***1847. Августа 23 <11>. Понедельник***.
[2] Протоиерей Матфей Константиновский. – См. также ***1847. Августа 14 <2>. Суббота. Остенде***.
[3] «И не судите, и не судят вам: и не осуждайте, да не осуждени будете» (Лк. 6, 37). В отдельном наброске Гоголь написал: «Господи, дай мне помнить вечно мое малоумие, мое неведение, мое незнание, недостаток образования моего. [Никого не судить, и сторониться выводить мнение. Да помню ежеминутно слова Апостола Твоего. Не все да будет] Да не выведу ни о ком и ни о чем неосмотрительного мнения».
[4] Толстая, жена графа Толстого.
[5] Граф В. В. Апраксин.
[6] Подробнее см.: ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*** (примечания).

АВГУСТА 6 <18>. СРЕДА. ПРАЗДНИК ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева заканчивает начатое накануне[1] письмо Гоголю во Франкфурт (письмо было отправлено на следующий день[2]):

«Здравствуйте, мой друг, с нынешним великим праздником Преображения Господня! Вам этот пост не удастся поговеть, да, может, где вы теперь находитесь, и церкви нашей нет. Дай Бог, чтобы внутренно не прерывалась молитва. <...> ...Молюсь о вас от всей души, как о своих детях... <...> Говорите, мой друг, что в самоотвержении нашем еще много тщеславия и себялюбия. Это истинно, но и заметя это, унывать не надо, а все и со всею простотою и любовию обращаться ко Господу, Который во веки не отвергнет призывающих Его во истине. <...> Говорите, мой друг, как трудно, будучи писателем и стоя на том месте, на котором вы стоите, уметь сказать только такие слова, которые действительно угодны Богу. На это вот мое мнение. Вы не сами по себе сделались писателем, вам дано дарование, и Кто вас сим наградил, к Нему прибегайте, Его молите и просите, чтобы Он вас наставил, что когда сказать, и в этой молитве отбросьте себя и всех и все, а ищите единой воли

Милосердного нашего Отца. Поверьте, с Его святою помощию отзовется на сердце, как поступить и что сказать, — и после что не последует, вы останетесь покойны, что не искали ни славы, ни воли своей, а желали выполнить долг, возложенной на вас самим Провидением, которое вас одарило дарованием, и не передав его, как следует, было бы неблагодарность против Бога, Наградившего вас[3]. <...> Так мне чувствуется, и со всею простотою души, вам до гроба преданной, сказала и далее молю Бога, да Он вас не оставит и наставит, как свершить свой труд и как свершить это путешествие. <...>

Когда будете писать, сделайте дружбу сказать, что вы знаете о Василье Андреевиче[4]. Очень мне его жаль. Прежде он писал ко мне, чтобы я его известила, где буду в августе, что он проездом будет в Москве; я и отвечала, что я нарочно приеду, чтобы взглянуть на него».

[1] См. ***1847. Августа 5 <17>. Вторник. С. Покровское.***

[2] См. ***1847. Августа 7 <19>. Четверг. С. Покровское.***

[3] Ср. в статье Гоголя *XX. Нужно проездиться по России* (1845) «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Бог мне помог накопить несколько умного и душевного добра и дал некоторые способности, полезные и нужные другим, — стало быть, я должен раздать это имущество не имущим его, а потом уже идти в монастырь».

[4] Жуковский.

АВГУСТА 7 <19>. ЧЕТВЕРГ. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева отправляет[1] написанное 5 и 6 августа[2] письмо Гоголю во Франкфурт.

[1] См. ***1847. Октября 14 <26>. Вторник. С. Покровское.***

[2] См. ***1847. Августа 5 <17>. Вторник. С. Покровское; 1847. Августа 6 <18>. Среда. Праздник Преображения Господня. С. Покровское.***

АВГУСТА 7–8 <19–20>. ЧЕТВЕРГ-ПЯТНИЦА. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает М. Г. Карташевской в Петербург:

«7 августа. <...> Мы в Москве с субботы[1] утра... <...> Может быть, это письмо застанет уже Яшу[2] у вас, я думаю, какая вам радость свидеться после годовой разлуки. Что Яша должен был видеть Гоголя, я знала прежде тебя, потому что знаю, что Гоголь в Остенде, но что же ты мне не пишешь подробности их свидания, как Яша его нашел и т. д. Пожалуйста, рас<с>проси его и напиши, человек посторонний видит иногда яснее. Как приеду в деревню, пришлю тебе письма Гоголя, все никак не удается. <...>

Пятница, 8 августа. Мы остались до сегодняшнего вечера в Москве... <...> Одни наши знакомые, именно Свербеевы, вчера приехали в Москву также на время, вчера сын[3] зашел к нам... <...> Хотелось бы видеться с его матерью, не знаю удастся ли, она получили письма от Хомяковой, которая, говорит, в восхищении от своей поездки, особенно от приему ее мужу в Праге, Хомяков написал маленькие стихи даже, в благодарность, впрочем, незначительные[4]. Они виделись также с Гоголем, но подробностей не знаю».

Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 865.

[1] С 2 августа 1847 г.

[2] Я. Г. Карташевский.

[3] Н. Д. Свербеев.

[4] В 1847 г. А. С. Хомяков был в Праге, где 19 июня сделал надпись в альбом В. Ганки, а 20 июня написал стихотворение о славянском единстве «Не гордись перед Белградом...» Памятником посещения Праги стало также стихотворение А. С. Хомякова 1847 г. «Беззвездная полночь дышала прохладой...», где он описывает видение,

как в храме на Петчине — «Молитва славянская громко звучала / В напевах знакомых минувшим векам / И в старой одежде святого Кирилла / Епископ на Петчин всходил / И следом валила народная сила, / И воздух был полон куреньем кадил./ И клир, воспевая небесную славу, / Звал милость Господню на Западный край...»

АВГУСТА 20 <8>. ПЯТНИЦА. КОКСГАВЕН (КУКСХАФЕН)

Граф В. В. Апраксин пишет матери в Неаполь:

«В то время как я читал Ваши письма, я получил письмо от Гоголя, который умоляет меня приехать[1]; вчера я решился, и через час я отправляюсь в Амстердам, Роттердам и Остенде, куда я прибуду через двое суток».

Гоголь в письмах графа В. В. Апраксина // *Свод.* Т. 2. С. 80.

[1] Письмо не сохранилось (см. ***1847. Августа 7 <июля 26>. Суббота. Остенде***). Просьба Гоголя к Апраксину приехать в Остенде связана с тем, что в начале 1847 г. у Гоголя возникла идея познакомить его с графиней Анной М. Виельгорской (подробнее см.: ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*** — примечания).

АВГУСТА 22 <10>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ОСТЕНДЕ

Гоголь встретился с прибывшим в Остенде графом В. В. Апраксиным.

См. ***1847. Августа 20 <8>. Пятница. Коксгавен (Куксхафен)***; ***1847. Августа 23 <11>. Понедельник. Остенде.***

АВГУСТА 22 <10>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПАРИЖ

В. Г. Белинский пишет жене, М. В. Белинской:

«В прошлую среду (18 августа <н. ст.>) неожиданно получил я твое письмо... <...> В середу <18 августа н. ст.> <...> является Анненков и подает мне твое письмо. Еще за неделю перед тем[1] он подал мне также письмо[2], но то было от Гоголя».

Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 269.

[1] См. ***1847. Августа средина <августа начало>. Париж.***
[2] См. ***1847. Августа 10 <июля 29>. Вторник. Остенде***; ***1847. Августа 12 <июля 31>. Четверг. Остенде.***

АВГУСТА 10 <22>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРИЛУКИ

Ф. В. Чижов пишет Е. М. Хомяковой:

«Просил бы я Алексея Степановича[1] передать Жуковскому и Гоголю подробности предполагаемого нами журнала[2], чтоб услышать их ответы».

Гоголь в дневниковых записях и письмах Ф. В. Чижова // *Свод.* Т. 3. С. 62.

[1] Хомяков. — Хомяковы вернулись в Россию из-за границы осенью 1847 г.
[2] См. также ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Рим.***

АВГУСТА 23 <11>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ОСТЕНДЕ

Гоголь отправляет в Париж письмо к графу А. П. Толстому (датировка письма уточнена; дата, поставленная на письме: «Август 21», — вероятно, ошибочна или указывает на время, когда письмо было начато):

«От вас давно нет вестей, наилюбезнейший мой Александр Петрович. Муханов тоже на это жалуется. Вчера[1] приехал сюда ваш племянник Викт<ор> Владим<ирович> Апраксин. Он поправился здоровьем. Вам надобно его узнать. Он очень умный и очень желающий действовать полезно; только и думает, чтобы заняться деревней, хозяйством и благосостояньем крестьян. От Вьельгорских я получил на днях известие. Они едут к 1 сентября. Обнимаю вас от всей души. Напишите хоть словечка два или, еще лучше, приезжайте сами. Право, люди, которые ждут вас и любят вас, и хотят вас видеть — не безделица. Оставьте в сторону дрянные ваши зубы, которые не стоят гроша. Даже и тогда, если б были хороши. Душа лучше зубов и всего на свете».

[1] См. ***1847. Августа 22 <10>. Воскресенье. Остенде.***

АВГУСТА 24 <12>. ВТОРНИК. ОСТЕНДЕ

Гоголь отправляет ответные письма к графине Анне М. Виельгорской в Висбаден и к П. А. Плетневу[1] в Петербург (согласно почтовому штемпелю, письмо получено Плетневым 27 августа 1847 г.[2]).

Из письма к Виельгорской: «Ваше милое письмецо[3] получил. Конечно, жалко, что не поехал я с Хомяковым в Лондон, но так как это уже прошло, и как без Хомякова мне не хочется там быть, а Хомякову уже время возвратиться назад, то я попеченье об этом отложил, тем более, что Лондон как-то в глазах моих побледнел, — может быть, оттого, что Висбаден стал заманчив и выгнал его из головы. <...> От Апраксина, который теперь здесь, я покуда расспросил о вас; хоть известий было и немного и он вас видел мало, но мне приятно было услышать о вас и немногое. Море здесь по-прежнему лижет остендскую плотину, издает фосфорический свет и греет спины купающихся, ожидая с нетерпением ваших».

Из письма к Плетневу: «Твое милое письмецо (от 29 июля/10 авг<уста>) получил. Оставим на время всё. Поеду в Иерусалим, помолюсь, и тогда примемся за дело, рассмотрим рукописи и всё обделаем сами лично, а не заочно. <...> Не хочу ничего ни делать, ни начинать, покуда не совершу моего путешествия и не помолюсь, как хочется мне помолиться, поблагодаря Бога за всё, что ни случилось со мною. Теперь только, выслушавши всех, могу последовать совету Пушкина: "Живи один"[4] и проч. А без того вряд ли бы мне пришелся этот совет, потому что все-таки для того, чтобы идти дорогой собственного ума, нужно прежде изрядно поумнеть. <...> Везде сказана часть какой-нибудь правды, несмотря на то, что главная и важная часть книги моей едва ли, кроме тебя да двух-трех человек, кем-нибудь понята. Редко кто мог понять, что мне нужно было также вовсе оставить поприще литературное, заняться душой и внутренней своей жизнью для того, чтобы потом возвратиться к литературе создавшимся человеком и не вышли бы мои сочинения [лите<ратурные>] блестящая побрякушка. <...>

Напиши мне <...>, расстаешься ли ты с университетом. <...> Оставить профессорство — это я понимаю, но оставить ректорство — это, мне кажется, невеликодушно. Как бы то ни было, но это место почтенное. Оно может много возвыситься от долговременного на нем пребывания благородного, честного и возвышенного чувствами человека. Мне так становится жалко, когда я слышу, что кто-нибудь из хороших людей сходит с служебного поприща, как бы происходила какая-нибудь утрата в моем собственном благосостоянии. <...> Важнейшая государственная часть все-таки есть

воспитанье юношества. А потому на значительных местах по министерству просвещения все-таки должны быть те, которые прежде сами были воспитатели и знают опытно то, что другие хотят постигнуть рассужденьем и умствованьями. <...> Письмо адресуй в Неаполь по-прежнему. Я пробуду там до февраля».

[1] См. ***1847. Июля 29 <августа 10>. Вторник. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1847. Августа 27 <сентября 8>. Среда. Санкт-Петербург.***
[3] Письмо не сохранилось.
[4] Цитата на стихотворения Пушкина «Поэту» («Поэт! не дорожи любовию народной»).

АВГУСТА 14 <26>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Племянница А. А. и С. А. Ивановых, Е. А. Сухих[1], пишет в Рим к С. А. Иванову:

«Ты мне делаешь вопрос: *что такое женщина?* Хотела бы знать, какая причина понудила тебя к такому вопросу. Ты пишешь, что теперь именно такое время, когда тебе необходимо знать, сколько можно вернее определение этого вопроса. К чему же? Или ты собираешься избрать себе жену из среды достойных итальянок? Прекрасно! В таком случае возьми в руки книгу Гоголя, исполненную истин чистых, под заглавием *"Избранные места из переписки с друзьями"* и читай страницу 17; между прочим он говорит: *"душа жены хранительный талисман для мужа, оберегающий его от нравственной заразы; она есть сила, удерживающая его на прямой дороге, и проводник, возвращающий его с кривой на прямую, и наоборот, душа жены может быть его злом и погубить его на веки"*[2]. Как хорошо это сказано, и я, не одаренная красноречием и философическими рассуждениями, преклоняю голову и совершенно отказываюсь рассуждать после нашего знаменитого писателя Гоголя. <...> — Итак, выбирай себе талисман — и если женщина невеста — сделавшись женой, оправдает твои упования, в таком случае это будет одно только счастие, а отнюдь не знание женщин; потому <что> нет женщины, которая, будучи невестой, не заставила бы жениха своего иметь о себе хорошее понятие, — а потом, сделавшись женой, муж узнает в полном смысле свою добродетельную невесту, тут приходит разочарование, но уже позднее, и судьба решена. — Значит, все зависит от счастия»[3].

[1] Екатерина Андреевна Сухих (в замужестве Ганскау), дочь Андрея Акимовича (Екимовича) и Екатерины Андреевны Сухих (рожденной Ивановой), племянница А. А. и С. А. Ивановых.
[2] Цитируется статья «Женщина в свете».
[3] Из писем А. И. Иванова к С. А. Иванову // *Свод*. Т. 3. С. 360.

АВГУСТА 28 <16>. СУББОТА. ОСТЕНДЕ

Гоголь отправляет в Москву письмо к С. П. Шевыреву, с вложением ответного[1] письма к С. Т. Аксакову.

Из письма к Шевыреву: «Я уже давно не получал от тебя писем. <...> От Хомякова[2] узнал несколько отрывочных о тебе известий. Книг покуда еще никаких от тебя не получаю[3]. Пробежал некоторые номера русских журналов, которые попались мне в руки и которых в силу можно было держать в руках по причине толщины. Взгляд на них мне был нужен. Все-таки в них выражается часть того общества, которое больше всех других читает книги. Это нужно принять к сведению всякому, кто ни заводит речь с обществом. Своя собственная речь сделается доступнее. Не снизойдя к другим, нельзя их возвести к себе, а теперь, право, всяк из нас требует снисхождения: как ему не заблудиться в это время броженья и смешенья всего!

Что касается до объяснений на мою книгу, то я решился дело это оставить[4]. Покуда не съезжу в Иерусалим, не предприму ничего, а до того и другие от многого очнутся.

Прилагаю тебе при сем письмо к Сергею Т<имофеевичу> Аксакову, которое ты можешь прочесть...»

Из письма к Аксакову: «В любви вашей ко мне я никогда не сомневался, добрый друг мой Сергей Тимофеевич. Напротив, я удивлялся только излишеству ее, — тем более, что я на нее не имел никакого права: я никогда не был особенно откровенен с вами и почти ни о чем том, что было близко душе моей, не говорил с вами, так что вы скорее могли меня узнать только как писателя, а не как человека, и этому, может быть, отчасти способствовал милый сын ваш Конст<антин> Сергеевич. В противность составившейся в Москве обо мне сказке, которой вы так охотно верите, что я, т. е., люблю угождения и похвалы каких-то знатных Маниловых, скажу вам, что я скорее старался отталкивать от себя, чем привлекать всех тех, которые способны слишком сильно любить; я и с вами обращался несколько не так, как бы следовало. Обольстили меня не похвалы других, но я сам обольстил себя, <...> чем кто больше получил даров и талантов, тем больше себя обольщает. А демон излишества, который теперь подталкивает всех, раздует так наше слово, что и смысл, в котором оно сказано, не поймется.

Не сердитесь на Смирнову; не называйте ее безрассудною женщиною. Женщина эта почтена была короткою дружбой Пушкина и Жуковского, которые любили ее именно за здравый рассудок и за добрую душу. Она меня знала еще прежде[5], чем вы меня знали[6], — знала как человека, а не как писателя, видела меня в те душевные состояния мои, в которые вы меня не видели. С ней мы были издавна, как брат и сестра, и без нее Бог весть, был ли бы я в силах перенести многое трудное в моей жизни; а потому и не мудрено, что, несмотря на пристрастие ее ко мне, многое в моей книге она почувствовала полней и не перетолковала в такую превратную сторону, как перетолковали вы.

Да, книга моя нанесла мне пораженье, но на это была воля Божия. Да будет же благословенно имя Того, Кто поразил меня! Без этого поражения я бы не очнулся и не увидал бы так ясно, чего мне недостает. Я получил много писем очень значительных, гораздо значительнее всех печатных критик. Несмотря на всё различие взглядов, в каждом из них, так же, как и в вашем, есть своя справедливая сторона. Но вывести вполне верного заключения о всей книге вообще никто не мог, и не мудрено: Осудить меня за нее справедливо может один Тот, Кто ведает помышления и мысли наши в их полноте. Из нас же, грешных людей, может справедливее других произнесть ей окончательный суд только тот, кто имеет полный ум, способный обнимать все стороны дела и не влюбился еще сам ни в какую свою собственную мысль, потому что, как бы то ни было, несмотря на всё ребячество и незрелость этой книги, в ней видны следы взгляда, более полного, чем у тех, которые делают на нее замечания и критики, несмотря на то, что в авторе ее и нет тех знаний, какие могут быть по частям у всякого критика.

К чему вы также повторяете нелепости, которые вывели из моей книги недальнозоркие, что я отказываюсь в ней от звания писателя, переменяю призванье свое[7], направление и тому подобные пустяки? Книга моя есть законный и правильный ход моего образования внутреннего, нужного мне для того, чтобы стать писателем, не мелким и пустым, но почувствовавшим святость и своего звания, как и всех других званий, которые все должны быть святы. Выразилось всё это заносчиво, получило торжественный тон от мысли приближения к такой великой минуте, какова смерть. А дьявол, который надмевает всякого из нас самоуверенностью, раздул до чудовищности кое-какие места. Невоздержание заставило меня издать мою книгу. Видя, что еще не скоро я совладаю с моими "Мертвыми душами", и скорбя истинно о бесхарактерности направления и совершенной анархии в литературе, проводящей время в пустых спорах, я поспешил заговорить о тех вопросах, которые меня занимали[8] и которые готовился развить или создать в живых образах и лицах. Опрометчивая, а по-вашему *несчастная*, книга вышла в свет. Она меня покрыла позором, по словам вашим. Она мне, точно, позор, но благодарю Бога за этот позор, благодарю за то, что попустил Он явиться ей в свет. Не увидел бы я без ней ни неряшества моего, ни самоослепления, ни многого того, чего не хочет видеть в себе человек; не изъяснилось бы без нее много того, что мне необходимо нужно знать для моих "М<ертвых> д<уш>", и не узнал бы <я> ни в каком состоянии находится наше общество, ни какие образы, характеры, лица ему нужны, и что именно следует поэту-художнику избрать ныне в предмет творения своего.

Друг мой! не будьте и вы также самоуверенны в непреложности своих заключений. Повторяю вам вновь: по частям разбирая мою книгу, вы можете быть правы, но произнести так решительно окончательный суд моей книге, как вы произносите, это гордость в уме своем. Мне показалось даже, как бы в устах ваших раздались не ваши, а какие-то юношеские речи, как бы в этом месте вашего письма сказал, несколько понадеясь на себя, Конст<антин> Сергеевич, а не вы. В них отзывается такой смысл: "Твоя голова не здрава, а моя здрава; я вижу ясно вещь и потому могу судить о тебе". Друг мой, теперь такое время, что вряд ли у кого из нас здрава, как следует, голова. Глядеть на меня, как на блудного сына, и ожидать моего возвращения на путь истинный может только тот, кто сам стоит уже на этом истинном пути. А это один только Бог ведает, кто из нас на каком именно месте стоит. Лучше всем нам иметь больше смирения и меньше уверенности в непреложной истине и верности своего взгляда. Что касается до меня, я буду от всех моих сил, сколько их есть во мне, молиться Богу на тех самых местах, которые зрели его в образе Христа, чтобы простил мне за всё, на что подтолкнула меня моя самоуверенность, гордость и самоослепление.

За ваше гостеприимно-дружеское приглашение остановиться у вас во время приезда моего в Москву благодарю от души, но не воспользуюсь им только потому, что в рассуждении помещения своего гляжу просто на материальные удобства. Во всяком случае, у кого бы то ни остановился, вы этого никак не считайте знаком какого-нибудь предпочтения или чего другого, тому подобного. Притом, если Бог благословит возврат мой в Россию, я в Москве не думаю пробыть долго. Мне хочется заглянуть в губернии: есть много вещей, которые для меня совершенная покуда загадка, и никто не может мне дать таких сведений, как бы я желал. Я вижу только то, что и все другие так же, как и я, не знают России.

Что касается до зимнего моего пребывания, то я еще не уверен, останусь ли на зиму в России. После моей последней тяжкой болезни во мне осталась такая зябкость, что даже Рим стал для меня холоден, и я должен был переехать в Неаполь. Последняя зима, проведенная мною в Москве[9], мне была очень тяжела и оставила грустное воспоминание. Натура моя сделалась несколько похожею на стариковскую, требующую юга: крови мало, и та движется медленно, а нервы в то же время так чувствительны, что малейшая северная мгла действует сильно, от морозного же дня у меня захватывает дух в груди. Вы говорите, что воздух родины подействует благотворно на мое здоровье, и сами надеетесь тоже себе возобновления сил. Друг мой, не позабудем того, что вы находитесь уже в тех летах, когда не возможен, совершенный возврат прежнего здоровья, а я, будучи слабым и болезненным от дня рождения моего и перешедши за лучшую половину жизни моей, не могу тоже быть тем, чем был прежде. Будем лучше просить Бога о том, чтобы остальные дни наши помог нам провести в полном мире с совестью нашей, где бы ни случилось нам провесть их, и чтобы хоть чем-нибудь дал нам возможность загладить часть прежнего, искупя хоть чем-нибудь бесполезность и праздность нашей жизни.

Мне кажется, что, если бы вы стали диктовать кому-нибудь воспоминания прежней жизни вашей и встречи со всеми людьми, с которыми случилось вам встретиться[10], с верными описаниями характеров их, вы бы усладили много этим последние дни ваши, а между тем доставили бы детям своим много полезных в жизни уроков, а всем соотечественникам лучшее познание русского человека. Это не безделица и не маловажный подвиг в нынешнее время, когда так нужно нам узнать истинные начала нашей природы, которые покуда мы рассматриваем только в мужике, да и то плохо.

Но прощайте. Бог да хранит вас! Благодарю Ольгу Семеновну: мне кажется, что она обо мне молится. Это лучшая услуга, какую только на земле мы можем оказать своему брату»[11].

[1] См. ***1847. Июля 26 <августа 7>. Суббота. Радонежье (Абрамцево).***

[2] См. ***1847. Июля 13 <1>. Вторник. Эмс.***

[3] Ответ на сообщение С. П. Шевырева в письме от 14 июня 1847 г.: «Недавно я послал тебе по твоей просьбе 3 тома летописей и "Русские праздники" Снегирева. Все это доставит тебе кн<язь> А. Волконский, который уже извещал меня из Варшавы, что получил эти книги от Похвиснева, который их взял с собою» (см. ***1847. Июня 14 <26>. Суббота. Москва***).

[4] Речь идет об «Авторской исповеди».

[5] См. ***1831. Июля после 10. Царское Село.***

[6] См. ***1832. Июля 2. Суббота. Москва.***

[7] Подробнее см.: ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Москва*** (примечания).

[8] См. ***1844. Сентября 19 <7>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***; ***1844. Октября 27 <ноября 8>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[9] См. ***1841. Октября 17 – 1842. Мая 23. Москва.***

[10] Это пожелание Гоголь повторил в письме к С. Т. Аксакову от 18 декабря (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Декабря 18 <6>. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Неаполь***). Совет Гоголя Аксаков выполнил, написав очерк «Знакомство с Державиным» (см. ***1849. Октября 5. Среда. Радонежье***), «Семейную хронику» (1856) и «Детские годы Багрова-внука» (1858) (см., в частности: ***1839. Октября 14. Суббота. Москва*** – воспоминания И. И. Панаева). О влиянии Гоголя на становление С. Т. Аксакова как писателя см. также: ***1841. Октября после 20 – декабря первая половина. Москва*** (примечания).

[11] С. Т. Аксаков отвечать Гоголю не пожелал, о чем 3 октября 1847 г. сообщил Шевыреву для передачи Гоголю (см. ***1847. Октября 3 <15>. Пятница. Москва***).

АВГУСТА 17 <29>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. И. Иванов пишет сыну, С. А. Иванову, в Рим:

«Я, прочитав письмо Г-на Гоголя о моем сыне[1], не мог <...> остаться равнодушным к состоянию его; несмотря на то, что он почитает нищенство свое блаженством, но ему нужны средства для окончания картины[2], а не для иных каких нужд, а потому я пришлю ему вексель <...> в 1000 руб<лей> ассигнациями, от которых денег он не может отказываться, ибо они те самые, которые он мне прислал после бывшего у нас в доме пожара, но которые остались у меня без употребления. <...> Г-н Гоголь хорошо понимает состояние брата твоего, потому что и сам испытал нечто тому подобное, что испытал брат твой над трудами своими, и души их взаимно слились как бы в одно существо, угодное одно другому».

Из писем А. И. Иванова к С. А. Иванову // *Свод.* Т. 3. С. 359.

[1] Подразумевается статья *XXIII. Исторический живописец Иванов* в «Выбранных местах из переписки с друзьями».

[2] «Явление Мессии».

АВГУСТА 17 <29>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 383.

[2] *Гриц.* С. 404.

АВГУСТА 31 <19>. ВТОРНИК. ОСТЕНДЕ

Гоголь отправляет ответные письма П. В. Анненкову[1] в Париж и М. П. Погодину[2] в Москву.

Из письма к Анненкову: «Очень был рад вашему доброму письму. Прежде всего замечу вам, что вы ошиблись, принявши голос изнеможения и некоторой скорби, которая должна была слышаться в письме моем, за нечто похожее на *отчаяние.* Слава Богу, отчаянью я не предавался даже и в минуты, несравненно более тяжкие. Я слишком уверен в том, что Тот, Кто распоряжается делами мира, Им созданного, несравненно умнее всех нас и знает, что делать, а потому ни в каком случае упасть духом не могу без Его воли. Но я изнемог. Это понятно: я человек. И не знаю, кто бы на моем месте, как бы он крепок и силен ни был, избегнул скорби. Чтобы вам сделалось сколько-нибудь

понятно мое положение, скажу вам, что в [последнее] небольшое время прожитой мной жизни мне случилось сделать много тесных душевных [прекрасных] связей, основанных не на каких-нибудь расчетах житейских, но на познании души человеческой, связей, доставивших мне случай вкусить высшее наслаждение – любоваться красотой *души*, которая есть перл и жемчужина Божьих творений. Я ловил все оттенки ее и движенья, разбросанные по частям во многих из тех людей, с которыми я встречался душевно. (Плод этого наблюдения вы, может быть, встретите в "Мертвых душах", если Бог поможет как следует им написаться.) Не мудрено, что связи с людьми стали для меня очень чувствительны, и сердце мое, заключа более нежных оттенков в себе самом, стало чутко и способней любить людей вообще. А потому можете почувствовать сами, каково мне было получить вдруг множество писем, ударивших по многим таким струнам, которые и не существуют в другом человеке, увидеть вихорь недоразумений, обуявших всех и многих вовсе сбивши с толку, услышать упреки такие, которыми я бы не имел духу попрекнуть и наипрезреннейшего человека, и увидеть такое грубое незнанье *души* даже и у тех, которые имели сами нежную и добрую душу. Скорбь моя была велика, но вы, я думаю, не можете почувствовать этой скорби. Самолюбие, честолюбие не в тех грубых видах, в каких принимают их в свете, но в тех тонких оттенках, в каких они пребывали во мне, были потрясены и поражены сильно; но вы, я думаю, этих слов не поймете. Что же касается до публики и до суда общественного, то скажу вам откровенно, что, несмотря на небольшую почувствованную вначале неприятность, это не могло меня сильно поразить. Авторскому честолюбию давно уже нанесены были изрядные щелчки, и я сам даже давал их себе не мало, как вы это можете видеть из самой книги моей, где все-таки есть часть моей собственной душевной истории. Скажу вам даже, что в каком бы ни было виде осталось лицо мое в глазах публики, хотя бы имя мое в оклеветанном виде достигнуло потомства и осталось таковым до конца мира, меня теперь это не смущает, так я уверен, что судить меня будет Тот, Кто повелел быть и миру, и нам, и ведает мысли наши в их *полноте*, не сбиваясь темнотой выражений наших и неуменьем нашим определительно изъясняться. Скажу вам истинно и откровенно, что этот прием моей книге для меня в несколько раз лучше приема благосклонного, и если бы у меня спросили, не хочу ли я, чтобы всё это было сон, и, пораженье моей книги было во сне, я бы не согласился. В изданьи моей книги я никак не раскаиваюсь и благодарю Бога, ее допустившего. Без этой книги не пощупать бы мне ни самого себя, ни людей и не пополнить бы никогда всех тех сведений даже в *психологическом отношении*, которые мне необходимы для "Мерт<вых> душ". И цель моего путешествия к Святым Местам теперь уже та, чтобы поблагодарить Бога прежде всего за всё со мной случившееся. Вот вам чистая правда моего состоянья душевного. Напишите мне в отплату что-нибудь о себе; я бы очень хотел знать, что вас занимает в Париже в настоящую минуту и что именно вы приобрели в познании современных вещей. Нельзя, чтоб вы какой-нибудь стороны не изучили или не изглубили, стало быть, нельзя, чтобы не было возможности чему-нибудь поучить меня. Скажите мне также, где вы намерены провести зиму. Сколько мне помнится, вы хотели тоже проездиться по другим землям и заглянуть даже на Восток. Если это будет в наступающем году, то я этому очень рад и уведомляю вас, что я зиму, то есть ее начало, проведу в Неаполе, а в феврале сажусь на корабль и странами восточными проберусь в Россию, то есть на Константинополь. Во всяком случае напишите мне несколько строк на это письмо, чтобы я знал, что оно вами получено. <...> Я еще пробуду недели две в Остенде».

Из письма к Погодину: «Что-то странное делается между нами: тебе кажется по моим письмам, что я нахожусь в неспокойном состоянии духа; мне кажется по твоим письмам, что ты находишься в неспокойном состоянии. Тебе кажется, что я толкую криво все твои слова и вижу вещи не в том виде; мне кажется, что ты даешь превратный смысл всякому моему слову и видишь их не в том виде. Какой-то нечистый дух нас путает. Открестимся от него! И положим между собой: не оправдываться ни в чем друг пред другом. Судить ведь нас будет Бог, а не люди и не мы сами себя, а потому – что нам в оправданиях перед собой! Уважим лучше несхожие друг на друга *особенности* наших характеров и вследствие этого не будем спешить выводить друг о друге заключения. От Хомякова[3] я узнал очень приятную для меня новость: именно, что ты пишешь сурьезно русскую историю. Бог да благословит тебя в этом труде; это твой настоящий труд. Здесь ты соберешься весь в себя и будешь собой. Доныне ты был весь разбросан, а потому и не в силах был *быть собой*.

Оттого легко было и нападать на тебя и поражать тебя. Тут же в этом деле соберутся твои силы в плотную твердыню и на тебя трудно будет напасть кому бы то ни было. Труд твой доставит тебе много сладких минут и забвенье всего того, что способно смущать нас и повергать в малодушие. <...> Гляди поменьше на все эти пустяки и мелочи, иди себе своей дорогой. Думай беспрерывно о том главном деле, для которого дал тебе Бог способности и силы, молись ему, и всё будет хорошо. <...> Если будешь писать, адресуй в Неаполь».

В тот же день, 31 августа (н. ст.) 1847 г., граф В. В. Апраксин сообщал матери в Неаполь:

«Гоголь ожидает со дня на день Вьельгорских — мать, дочь[4] и сына, которые объявили, что приедут 1 сентября»[5].

[1] См. ***1847. Августа средина <августа начало>. Париж.***
[2] См. ***1847. Июля 14 <26>. Понедельник. Москва.***
[3] См. ***1847. Июля 13 <1>. Вторник. Эмс.***
[4] Подробнее см.: ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*** (примечания).
[5] Гоголь в письмах графа В. В. Апраксина // *Свод*. Т. 2. С. 81.

ИЮЛЬ-АВГУСТ
<ИЮНЯ СРЕДИНА – АВГУСТА СРЕДИНА>.
РИМ

Скульптор К. М. Климченко[1] пишет статью[2], в которой критикует гоголевское письмо *XXIII. Исторический живописец Иванов* в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Намеревается опубликовать свою статью «в наиболее читаемой» петербургской газете, под псевдонимом Молотков, с названием: «Письмо из Рима Никколе Синчеро» («Никколо Синчеро» — псевдоним скульптора и литератора Н. А. Рамазанова, приятеля Климченко)[3].

Содержание «Письма...» Климченко отчасти повторяет возражения на статью Гоголя «Исторический живописец Иванов» самого А. А. Иванова[4]. Однако полемика Климченко с Гоголем по поводу подлинного облика Иванова имела и личные мотивы. Александр Иванов относился к Климченко, а также (некоторое время) к Рамазанову и Ставассеру, критически — как к тем, кто «сам собой править не умеет» и теряет время «за картами и вином»[5]. Негативно отзывался также Иванов, по другим соображениям, о Брюллове и Бруни — «двух пришлецах» русского искусства. На последние суждения Иванова определенно возражает Климченко в своей статье[6]. Кроме того, Климченко настаивает на том, что Иванов является приверженцем школы пуристов. В этой связи примечательно упоминание Рамазанова в статье 1847 г. (подписанной: «Художник Никколо Синчеро») о «завистниках» Брюллова в Риме как людях, «раздутых рафаэльскими и пуристическими претензиями»[7].

Из статьи Климченко: «...На днях один из моих знакомых, в кипе книг, присланных ему из Петербурга, получил *выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя*. Перелистывая эту книгу, я встретил письмо с заголовком: *Исторический живописец Иванов*. <...> Прочитал и у меня зарябило в глазах; что это такое?! <...> Тут и тени нет того художника, с которым я знаком вот уже три года[8]! <...>

Я, как вам известно, любезный Никкола, не принадлежу ни к партии Пуристов[9], ни к школе, основанной на правде и жизни; не курю фимиама исключительно в мастерской Овербека, и из моего уважения и удивления к именам Брюл<л>ова и Бруни не делаю обожания, и потому, прочитав выдумки Гоголя об Иванове, решился высказать действительную правду, от которой автор писем совершенно уклонился. <...> ...Окончанию труда Иванова[10] немало мешают следующие причины: медленность механизма, до крайности щепетильная <его натура>; отдельное, педантическое изучение изображаемых им предметов; потом заранее разнесенная слава и порожденные ею ожидания

в публике, которые по-видимому теперь пугают самого художника; да и самая картина, делаемая им уже несколько лет, сколько можно заметить, ему пригляделась и прискучила... <...> Иванов, при всех приписываемых ему страданиях и терзаниях, здоров, полон, румян, страдает, правда, несколько глазами, однако имеет постоянно хороший аппетит и смеется при забавных рассказах за пятерых... <...> ...Несколько раз, по целым дням, я нежился на южном привлекательном солнышке вместе с Ивановым. <...> Тружеников постоянно застают в мастерской, а Иванов, вероятно, по поводу изучения *всякого камешка и древесного листика,* проводил большую часть времени не только, как говорит Гоголь, *в нездоровых Понтийских болотах, в пустынных местах Италии и захолустьях, находящихся вокруг Рима;* но и в Неаполе, на Искии, в Саренто, во Флоренции, Альбано, Дженсано, Аричи и в Тиволи, – и трудно согласиться с автором письма, чтобы жизнь в подобных местах не доставляла прямого *наслаждения* и рассеянности художнику, покидавшему иногда на значительное время свою работу. <...>

...Рим точно говорил некогда о картине Иванова, а в последние годы об ней почти и помина нет... <...> Теперь Рим толкует о превосходной группе Нимфы с Сатурном нашего прекрасного скульптора Ставассера[11], а об Иванове если и говорят художники, то ограничиваются лишь вопросом: «ma quando, Signor Ivanoff, finira il suo quadro[12]?»... <...>

В Риме, в недавние времена, образовалась секта в исторической живописи, которая, вместо того, чтобы умно изучать произведения всех веков и родов <...>, – поставила себе в непременную цель приближаться из всех сил исключительно к характеру и достоинствам итальянских живописцев дорафаэльских времен, названных этою сектою *Пуристами,* почему и секта самая носит название Пуристов. Стиль Массачио, Фиезоле, Чимабуе, Джиотто и других принят ими за высочайший и единственный образец живописи[13], – и это слепое увлечение вовлекло многих художников в такого рода вялое, скучное и безжизненное подражание <...>, что, право, стоя пред их картинами, можно заснуть. Такого рода сон одолевает многих и в мастерской главы пуристической школы, именно Овербека, несмотря на то, что он очень рачительно и достаточно педантически толкует публике сюжеты своих картин. <...> Все, что в круге пуризма, то составляет у пуристов *высшую степень искус<с>тва;* а все, что антипуристическое, то называется *искусством нынешнего модного века.* – Вот голос фанатической секты, которая вербует таланты и губит их безвозвратно, и этот голос отозвался и в письмах Гоголя, потому что Иванов говорит: если ему (Иванову) удастся в его картине выказать хотя осьмую часть тех достоинств, какими отличаются картины Овербека, то он сочтет себя счастливейшим[14]. <...>

...Овербек каждое воскресенье между посетителями всевозможных наций в мастерской своей является, уверяю вас, в высоком бархатном берете, синем бархатном не широком и до того длинном халате, что полы его падают на пол студии и в падении своем едва ли не красивее рисуют складки, нежели его кисть[15]. <...> ...Многие из посетителей мастерской Овербека более смотрят на него самого, на его шапку и халат, нежели на его произведения; и эти многие понимают, между прочим, что составляет высшую степень искус<с>тва; да на беду имеют также понятия и о высшей степени шарлатанства. <...>

Чтобы в Иванове не предполагали *ленивца и ничего не делающего человека,* то Гоголь предлагает *следить за его жизнию, которая скажет все;* а именно, как *он плюнул на все приличия и условия светские, надел простую куртку,* которая, впрочем, в большом употреблении и у прочих художников в Риме; как *отогнал от себя мысль об удовольствиях и пирушках,* между тем как в загородных поездках артистов, одушевленных простодушным весельем и сопровождаемых всегда изобретением какого-нибудь сюрприза для общества, я встречал в Иванове очень приятного и веселого собеседника, который не отказывался также делать верховые прогулки по горам, прямо из удовольствия. Еще далее Гоголь говорит, что <...> *ведет* (Иванов) *жизнь истинно монашескую,* – любопытно было бы знать, к какому ордену монахов причисляет автор выбранных мест исторического живописца, и как последний, *корпя день и ночь над своей работою,* встречается довольно часто гуляющим, охотно принимает участие в загородных поездках с проживающими в Риме русскими путешественниками, и вручая иногда ключ от мастерской своему ученику Ш<аповаленко>[16], оставляет Рим на целые месяцы. <...> *Молясь ежеминутно* ему следовало быть осенену более Христианским смирением и любовию ко всему тому, что является прекрасного в светлой сфере искус<с>тва, и тогда Иванов не

забрасывал бы, в виду нескольких доверившихся ему русских талантов, ничтожною и презрительною грязью те произведения, которые порождает кисть соотечественных нам художников, несравненно более плодовитых и гораздо более уважаемых всеми, нежели сам Иванов[17]. <...>

P. S. Я выехал из Vicola del Vantagio, где через несколько домов от меня находилась мастерская исторического живописца Иванова[18], и вот вам мой новый адрес: Roma, via Felice, № 11[19]. Опять попал на прежнюю квартиру»[20].

Заявляя, что в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя отозвался «голос фанатической секты» пуристов, Климченко явно преувеличивал влияние немецких назарейцев на Гоголя и А. А. Иванова. Их отношение к художественной школе пуристов отличалось от того, каким его полагал автор письма.

На протяжении многих лет Иванов действительно испытывал к Овербеку всегдашнее уважение, называл его «высочайшим и единственным» своим «судьей и советником» и записывал его суждения в свои альбомы и тетради. По мнению исследователей, даже последний труд Иванова – задуманный им в 1846 г. цикл библейских эскизов[21] – был отчасти навеян творчеством художников-«назарейцев» – серией рисунков Овербека «Семь Таинств», объединявших, как и у Иванова, сходные по смыслу события Ветхого и Нового Завета[22], и обширным циклом композиций Корнелиуса, которые должны были украсить проектированное в Берлине кладбище для королевской фамилии[23]. Неудивительно, что в последний год жизни Иванов защищал творчество художников-пуристов в беседах с А. С. Хомяковым и В. В. Стасовым. Чтобы еще более приблизить Овербека к русским художникам, Иванов предлагал даже сделать его членом Российской Академии художеств и наградить орденом. (В числе прочего, Иванов изобразил немецких художников-«назарейцев» (а также Гоголя) в цикле своих акварелей «Октябрьские праздники» 1842 г.)

Однако, «сочувствие» Иванова творчеству немецких художников-«назарейцев» отнюдь не было безоговорочным. Так, сообщая в письме к отцу от 27 июня 1840 г. о картине Овербека «Союз религии с искусствами», Иванов, приветствуя ее появление, признает в то же время и правоту ее критиков: «Один из самых острых немецких противников, известный скульптор и живописец Вагнер[24] замечает, впрочем не без основания, что аллегория Овербека никому не понятна, что фонтан с двумя чашами, составляющий основную мысль картины, никак разгадан быть не может без письменных объяснений, которые, в самом деле, сначала помещены были в газете, а после у самой картины прибиты были для публики <...> Вот и Овербек! как ни глубокомыслен, а замкнулся тоже в темноту, не достигнув совершенства аллегории, весьма, впрочем, немногим удававшейся»[25].

В сдержанной оценке немецкого художника Иванов находил понимание у одного из друзей Гоголя славянофила Ф. В. Чижова. Чижов посвятил Овербеку большую статью, в которой, говоря о подражании немецкому живописцу русских художников, замечал: «Когда дело шло о форме, мы и подчинялись; дошло до души, она первая встрепенулась и ощутила в себе сильное, неукротимое требование являться в собственном своем образе. Каким явится нам этот образ? Подождем этого от созданий истинно-русских художников...»[26] В письме к Н. М. Языкову от 29 марта (н. ст.) 1844 г. Чижов замечал: «В архитектуре наших церквей, так же как и в письме образов, есть то же существенное отличие от католических, какое находим в наших двух совершенно различных разветвлениях христианских... <...> Католические или, правильнее, немецкие храмы петербургские нам не пример. Мы очень часто говорим об этом с Ивановым. Я полагаю, что в самых даже фресках мы должны как можно строже держаться Священного Писания и св. Отцев... <...> Поэтому ввести такое изображение слов св. Евангелиста Луки, какое ввел Овербек, было бы у нас противурелигиозно. Он изобразил слово Луки *и пребывать в послушании*[27] <...> так, что Спаситель в одном месте черпает воду, в другом поливает цветы, в третьем несет доски Иосифу, в четвертом метет комнату. Мне кажется, тут буквы приняты вместо смысла и совершенно не понят дух евангельского рассказа»[28]. Сам Иванов, сообщая Чижову в декабре 1845 г. о новых картинах Овербека, писал: «Овербек окончил картину свою "Положение в гроб"[29] бесподобно, еще сделал несколько рисунков "Тайная Вечеря" и "Христос, удрученный крестом, обращается к плачущей толпе" – бесподобно. Тут же "Маленький Христос-столяр пилит в присутствии Иосифа и Марии" – ну, уже это католическая дичь. В пору тому, что "Христос метлой метет стружки из-под Иосифова столярного станка". Нельзя, нельзя так вольничать, да и зачем?»[30]

Таким же сдержанным, как оценка Иванова и Чижова, было и отношение к художникам-пуристам Гоголя. По свидетельству П. В. Анненкова, общавшегося с Гоголем в Риме в 1841 г., писатель критически отзывался о художниках-«назарейцах». Анненков вспоминал: «Раз после вечера, проведенного с одним знакомым живописца Овербека, рассказывавшим о попытках этого мастера воскресить простоту, ясность, скромное и набожное созерцание живописцев дорафаэлевской эпохи, мы возвращались домой, и я был удивлен, когда Гоголь, внимательно и напряженно слушавший рассказ, заметил в раздумье: "Подобная мысль могла только явиться в голове немецкого педанта"»[31]. Подтверждение этому свидетельству Анненкова можно найти у Гоголя в написанной в те же годы повести «Рим» (1842), где, говоря о постепенном знакомстве героя с древним Римом, рассказчик замечает, что приехавший после долгого отсутствия на родину римский князь изучал свой город «не так, как иностранец»-«педант», – «преданный одному Титу Ливию и Тациту, бегущий мимо всего, к одной только древ-

ности, желавший бы в порыве благородного педантизма срыть весь новый город, — нет, он находил все ра́вно прекрасным: мир древний, шевелившийся из-под темного архитрава, могучий средний век, положивший везде следы художников-исполинов и великолепной щедрости пап, и, наконец, прилепившийся к ним новый век...»

В творчестве художников-назарейцев Гоголя не устраивало прежде всего внешнее подражание старым мастерам, изучение старины извне, без вживания в живую ткань Предания Церкви. «...Пока в самом художнике не произошло истинное обращенье ко Христу, не изобразить ему того на полотне», — замечал Гоголь в статье «Исторический живописец Иванов». Для достижения полноты «первобытного типа» иконы — без которого религиозное изображение не может, по убеждению Гоголя, считаться настоящей иконой — художнику необходимо вхождение в жизнь и опыт Церкви. Гоголю были созвучны суждения А. С. Хомякова, который в связи с картиной Иванова замечал о некоторых из «первоклассных произведений живописи»: «...Страшно развитая мускулатура в творениях великого Буонаротти, <...> многие подробности в бессмертных творениях Рафаэля (св. Варвара в Дрезденской Мадонне, положение Христа в Фолиньезской, почти вся делла Седия, и др.) носят на себе характер личного произвола, а не суть отражения христианского явления в художественном созерцании христианского духа. Многие из новейших поняли этот недостаток и хотели его избегнуть. Первые в этом критическом отношении были немцы <...> но понять этот недостаток было для них возможно, избегнуть — нельзя. <...> Многим был обязан наш Иванов Овербеку, которого он любил душевно, и за которого сильно заступался (как я это знаю из его спора со мною); в исполнении же немецкие живописцы остались ниже искомого ими идеала <...> ...Постоянно <...> старались они об одном — о ближайшем подражании наивности древних живописцев (полуиконописцев)... <...> Но все, что человек прививает себе насильно, остается бесполезным в художестве... <...> Иванов не впадал в ошибку современных нам до-Рафаэлистов. Он не подражал чужой простоте: он был искренно, а не актерски прост в художестве, и мог быть простым потому, что имел счастие принадлежать не пережитой односторонности латинства, а полноте Церкви, которая пережита быть не может...»[32]

Подобным образом и Гоголь формальным попыткам художников-пуристов вернуться к дорафаэлевской традиции предпочитал более ощутимое — «для всех, отдалившихся от христианства» — «веяние духа» в созданиях Рафаэля. Именно так формулирует Гоголь в повести «Портрет» (1842) эстетическое кредо русского художника, обучавшегося в Италии: «...Он не стоял ни за пуристов, ни против пуристов. Он равно всему отдавал должную ему часть, извлекая изо всего только то, что было в нем прекрасно, и наконец оставил себе в учители одного божественного Рафаэля». (Очевидно, таким же неприятием «педантизма» руководствовался Гоголь, и когда отвечал на обвинения Пушкина в «нехристианстве»: «...Есть много охотников действовать сгоряча, по пословице: "Рассердясь на вши, да шубу в печь", <...> через это уничтожается много того, что послужило бы всем на пользу. <...> Односторонность в мыслях показывает только то, что человек еще на дороге к христианству, но не достигнул его, потому что христианство дает уже многосторонность уму»; статья *XIV. О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности* «Выбранных мест из переписки с друзьями».)

Но при этом сама оценка творчества Рафаэля проистекала у Гоголя из представления о глубоких византийских корнях итальянской живописи. В одной из своих исторических выписок начала 1830-х гг. Гоголь отмечал: «Живописное искусство перешло из Византии в Русь прежде, нежели в Италию <...> Чимабуэ <...> обучаясь у греческих живописцев <...> воскресил это художество в своем отечестве» («Особые заметки»). «Падение Греческой Империи, — замечал также Гоголь в лекции "Обозрение Всеобщей Истории" (1835), — <...> привело в западные Христианские земли бежавших Греков, а вместе с собой они перенесли ученость и вкус к изящному». Как вспоминала А. О. Смирнова, Гоголь любил Рафаэля, сравнительно с другими итальянскими живописцами, именно за «сжатый строгий рисунок» и, в частности, выделял Джованни Беллини за «божественную наивность». «Но все это, — добавлял Гоголь, — не может сравниться с нашими византийцами, у которых краска ничего, а все в выражении и чувстве»[33].

Подчеркивая превосходство живой жизни во Христе перед «рабским», «педантическим» следованием традиции, Гоголь писал С. П. Шевыреву о воспитании молодых людей: «...Чаще будем изображать им настоящий Образец человека, Который есть совершеннейшее из всего, что увидел слабыми глазами своими мир <...> еще лучше, если мы даже и говорить им не будем о Нем, о Совершеннейшем, но заключим Его сами в душе своей, усвоим Его себе, внесем Его во все наши движения <...> Не нужно даже <...> и говорить: "Я скажу в таком-то духе". Дух этот будет веять сам собою от каждого нашего слова» (письмо от 14 декабря (н. ст.) 1844 г.). В письме к В. А. Жуковскому от 28 февраля 1850 г. Гоголь также писал: «Друг, ты требуешь от меня изображений Палестины со всеми ее местными красками <...> Я думаю, что вместо меня всякий простой человек, даже русский мужичок, если только он с трепетом верующего сердца поклонился, обливаясь слезами, всякому уголку Святой Земли, может рассказать тебе более всего того, что тебе нужно».

Таким образом, вопреки мнению Климченко о якобы чрезмерном пристрастии Иванова и Гоголя к религиозной живописи художников-«назарейцев», и тот и другой одинаково сознавали и ее достоинства, и ее недостатки.

[1] Константин Михайлович Климченко (1816–1849), скульптор. Его имя впервые появляется в переписке Иванова весной 1845 г. (см.: *Виноградов 2001*. С. 338, 342).

[2] Содержание статьи впервые пересказано в 2009 г. (см.: *Виноградов И. А.* «Жизненное дело» Гоголя и его статья «Исторический живописец Иванов» (по неопубликованным материалам) // Публицистическое и литературно-критическое наследие Н. В. Гоголя (к 200-летию со дня рождения писателя). Сборник материалов всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя. Пенза, 2009. С. 67–84); с незначительными сокращениями статья опубликована в 2013 г.: *Свод.* Т. 3. С. 393–395.

[3] См. также ***1841. Октября 7 <сентября 25>. Четверг. Берлин*** (примечания).

[4] См. ***1847. Июня конец – июля начало <июня вторая половина>. Неаполь***; ***1847. Декабря между 15 и 27 <между 3 и 15>. Рим***; ***1848. Июня конец <июня средина>. Рим***; ***1850. Января 30 <18>. Четверг. Рим***; ***1851. Июля конец – августа начало. Москва.***

[5] См. ***1845. Январь <1844. Декабря средина – 1845 января средина>. Рим***; ***1845. Ноября 8 <октября 27>. Суббота. Рим.***

[6] См. примеч. ниже.

[7] *<Рамазанов Н. А.> Художник Никколо Синчеро.* Несколько слов о К. П. Брюллове и об И. Н. <И. К.> Айвазовском // Репертуар и Пантеон Театров, издаваемый И. Песоцким, под редакциею Ф. А. Кони. 1847. Т. 5 (цензурное разрешение 20 мая). <Отд. 6>. С. 2.

[8] В годы знакомства К. М. Климченко с Ивановым в Риме неоднократно проживал и Гоголь: с 24 октября (н. ст.) 1845 г. по 5 мая (н. ст.) 1846 г.; 10–14 ноября (н. ст.) 1846 г.; 12 мая (н. ст.) 1847 г.

[9] Пуристами (от *лат.* puritas – чистота) называли в 1820–1850-х гг. группу немецких религиозных художников во главе с Фридрихом Овербеком (1789–1869) и Петером фон Корнелиусом (1783–1867), известных также под названием назарейцев (от Назарета – городка в Галилее, где прошли детские и отроческие годы Спасителя).

В молодости Ф. Овербек вместе с группой своих соотечественников отправился в Рим, был очарован итальянскими мастерами, предшественниками Рафаэля, и через них пришел к пониманию немецких художников XV–XVI вв. В 1813 г. в Риме вместе с товарищами он перешел из протестантства в католичество и поселился в брошенном при Наполеоне монастыре Св. Исидора. Овербек упрекал Микеланджело в «поклонении античности» и видел отсутствие страха Божия в произведениях Рафаэля (см.: *Алпатов М. В.* Александр Андреевич Иванов. Жизнь и творчество: В 2 т. М., 1956. Т. 1. С. 137–139, 398; *Алленов М. М.* Александр Андреевич Иванов. М., 1980. С. 136). О спорах проживавших в Риме русских по поводу творчества пуристов Н. В. Станкевич, в частности, сообщал Ф–м в письме из Рима от 25 марта 1840 г.: «<А. Т.> Мар<ко>ва я еще более полюбил... <...> Особенно с выгодной стороны представился он мне в одном споре с Ш<евыревы>м. Ш<евырев> стал защищать направление новой немецкой живописи, старание подражать Перуджино и проч. Ш<евырев> видит в этом необходимую реакцию языческому направлению, начатому Микель-Анджелом, возвращение к типу первоначального предания. Аргументы его: "Ведь должна же быть христианская живопись! А коли так, так надо держаться типа, оставленного преданием". Напрасно Мар<ков> старался возразить, что тип этот не дело предания, а дело художников; в ответ следовало исчисление образов, отступивших от типа, речь о Мадоннах-Римлянках и Христе-Аполлоне Микель-Анджело. Напрасно я старался объяснить, что духовной тип образов – в Евангелии, а наружный – в природе, что характер дает Евангелие, а черты – лица, подмечаемые свободным художником. Ничего! "*Даже* язычники имели тип" (уж на что негодяи!). – О том не думает, что мы обожаем духовный образ Спасителя, а не те или другие черты. А у язычников какой тип? Сам же Ш<евырев> говорит: Гомер. Тут Мар<ков> ему объясняет, что как у греков тип в Гомере, так наш в Евангелии. "Да Фидий ведь не прямо взял у Гомера, а у какого-нибудь другого художника!" – Ну так тот же взял у Гомера? Или он подсмотрел какого-нибудь бога? – Я старался поскорее кончить этот разговор, а то ведь пришли бы к неразрешимому. Конечно, Гомер дает не один характер, но и наружный очерк богов своих и делает его так прекрасно, что скульптор в самом деле одушевляется им и осуществляет его. Евангелие передает нам только Бога в духе. Живопись может только представить *часть* божества, сколько оно выказывается в наружных чертах; в них не может быть выражено все, что составляет содержание божественного, но этот человеческий лик принимает *такое* выражение, когда его носит божественное существо! Итак, *отблеск божества* – вот что составляет главное в христианской живописи. Я допустил бы тут еще предание – столько, сколько оно нужно для других, чисто исторических картин. Но понимаете ли вы *начало* противников? Они и сами не определяют слишком тип, оставляют много художнику. Но они *не свободно* требуют типа, не просто для распознания этих лиц: нет! у них это другого рода требование: "Я не могу уважать вот это римское лицо, давайте мне то, которое сохранено преданием!" Они поклоняются *определенному*, они чтят *предание, данное* – они больше язычники, нежели они думают. Потом – ведь немецкая школа хочет не только сохранения этого преданного типа, она подражает манере старых живописцев, их складкам и проч. Это уж не может быть никак оправдано ничем. Тут Ш<евырев> вступает уже на техническое поле и уверяет, что в старину лучше делали складки! Тут уж недобросовестность, кажется. Впрочем, Ш<евырев> сознает, что, как реакция, эта школа имеет *свои крайности*. Я же в этой школе вижу то направление, которое заставило многих протестантов с поэтическою душою принять католическую веру... Когда не воспитана сила души, когда не очищена голова, не приучена к отчетливости, а неопределенные, страстные порывы волнуют все существо, манят его в лучший, более свободный, поэтический

мир – тогда невольно человек обращается к прежнему его небу, населенному живыми существами с их индивидуальностию, где царствует лицо, любимое с детства, кроткое, любящее (das ewig Weibliche) и где в каких-то полудуховных сферах, кажется, снится какой-то чудный сон! Не то ли делают и эти живописцы? Мадонны с человеческими лицами, просветленными чистою материнскою любовию, обнаруживающие божественное *в жизни*, – не по них! У Перуджино сохранились кроткие образы, которое более их удовлетворяют! Прекрасные головки с красивою прической, чуждые сильного выражения, но fromme, с пассивным благоговением, часто с младенческою робостию и как будто замешательством в лице; в них есть что-то *не здешнее* – но это не значит высшее, а непохожее на здешнее и несколько фантастическое; их окружает нездешний цвет неба, нездешняя зелень и золотые венцы висят над ними на воздухе! Этого им и надо!» (Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым. М., 1857 (цензурное разрешение 7 дек.). С. 327–328).

[10] Картины «Явление Мессии».

[11] Имеется в виду скульптурная группа «Нимфа и сатир, надевающий ей на ногу сандалию» П. А. Ставассера.

[12] Когда же господин Иванов закончит свою картину? (*ит.*).

[13] См., в частности, статью Ф. В. Чижова «Джованни Анджелико Фиезолийский, и об отношении его произведений к нашей иконописи» (Русская Беседа. 1856. Т. 4 (цензурное разрешение 20 дек.). Отд. 5).

[14] Настоящее свидетельство К. М. Климченко приводит, по-видимому, со слов самого Иванова. В опубликованных письмах и записных книжках Иванова, в мемуарной литературе о художнике, это свидетельство не встречается.

[15] Ср. свидетельство Н. А. Рамазанова о том, как в начале 1846 г. А. А. Иванов показывал Рим живописцу М. Н. Воробьеву и, в частности, познакомил его с И. Ф. Овербеком. По словам Рамазанова, Иванов, «подобострастно смотревший на Овербека и его произведения, хотел непременно сам ввести Воробьева в мастерскую немецкого художника. Так и случилось в одно из воскресений, в дни, когда студия Овербека бывала открыта для всех желающих. М<аксим> Н<икифорович> со вниманием осматривал труды художника, но немало был смущен появлением самого Овербека среди публики в каком-то леонардовинчевском халате и в такой же средневековой шапке, – так что с трудом сдержал улыбку при ознакомлении с Овербеком, чрез посредство Александра Андреевича. Дело обошлось рукопожатием: М<аксим> Н<икифорович> говорил только по-русски. По выходе из мастерской Воробьев на восторженные похвалы Иванова Овербеку и на слова его, что все живописцы, включительно с говорившим, должны у Овербека учиться, в недоумении остановился и отвечал: “или я, братец, на старости лет выжил из ума, или ты повихнулся: не тебе приходится учиться у Овербека, а он должен учиться у тебя!”» (*Рамазанов Н.* Материалы для истории художеств в России. М., 1863. Кн. 1. С. 32).

[16] Иван Савельевич Шаповаленко (Шаповалов, 1817–1890), художник, мозаичист.

[17] Подразумеваются негативные отзывы Иванова о К. П. Брюллове и Ф. А. Бруни. 4 сентября 1842 г. Иванов, в частности, писал В. А. Жуковскому: «Имея впереди двух пришлецов, занявших быстротою эскизного исполнения все внимание русских, плодом коего я предвижу гибель для школы отечественной, я сделал все, что от меня зависело». М. И. Железнов передавал, что Иванов называл стиль Брюллова «распутным» (*Алпатов М. В.* Александр Андреевич Иванов. Жизнь и творчество: В 2 т. М., 1956. Т. 2. С. 304). – См. также ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Радзивиллов*** (свидетельство Л. М. Жемчужникова).

[18] О том, что мастерская Иванова в Риме на протяжении многих лет (начиная с первой половины 1840-х гг.) находилась в переулке Vantaggio, близ Рипетты, сообщали также: *Рамазанов Н. А.* Воспоминания об отжившем театральном мире Петербурга и о пребывании Василия Андреевича Каратыгина с семейством в Риме // Москвитянин. 1853. № 12. Отд. 1. С. 190; *Ковалевский П. М.* Об Иванове и его картине // Отечественные Записки. 1859. № 3. Отд. 1. С. 117.

[19] На улице Felice, в доме № 126, проживал в Риме в 1837–1843 гг. Гоголь. Подробнее см.: ***1837. Ноября не позднее 30 <не позднее 18> – 1838. Июля начало <июня вторая половина>. Рим*** (примечания).

[20] <*Климченко К. М.*> *Молотков.* Письмо из Рима Никколе Синчеро <Н. А. Рамазанову> // *Свод.* Т. 3. С. 393–395.

[21] См. ***1846. Января 2 <1845. Декабря 21>. Пятница. Рим.***

[22] *Копировский А. М.* Монументальные циклы Александра Иванова: метод и замысел // Советское искусствознание 83. М., 1984. Вып. 1 (18). С. 159.

[23] *Прахов А.* Материалы для биографии Александра Андреевича Иванова // Пчела. 1875. 22 июня. № 23. С. 295.

[24] Иоганн-Мартин фон Вагнер (1777–1858), немецкий скульптор и живописец.

[25] *Боткин М. П.* Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. СПб., 1880. С. 126–129; см. также: *Бернштейн Б. М.* Александр Андреевич Иванов (1806–1858). Письма и записные книжки // Мастера искусства об искусстве. М., 1969. Т. 6. С. 300–301.

[26] *Чижов Ф. В.* Овербек // Современник. 1846. № 7. С. 69.

[27] Имеется в виду 51-й стих второй главы Евангелия от Луки: «...и бе повинуяся има».

[28] *Розанов И.* Н. М. Языков и Ф. В. Чижов. Переписка 1843–1845 гг. // Литературное наследство. Т. 19–21. М., 1935. С. 117–118, 123.

[29] «Оплакивание Христа» (1845).
[30] См. ***1845. Декабря между 20 и 29 <между 8 и 17>. Рим.***
[31] См. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим.***
[32] *Хомяков А. С.* Картина Иванова. Письмо к редактору // Русская Беседа. 1858. Т. 3. С. 2, 9–11.
[33] См. ***1837. Июня 28 – июля не позднее 15 <июня 16 – июля не позднее 3>. Турин, Марсель, Барселона, Мадрид, Лиссабон, Турин, Баден-Баден.***

СЕНТЯБРЯ 1 <АВГУСТА 20>. СРЕДА. ОСТЕНДЕ

Гоголь встречается с приехавшими в Остенде графинями Л. К. и Анной М. Виельгорскими и графом М. М. Виельгорским[1].

Спустя некоторое время Виельгорские отправились в Петербург[2] (куда прибыли 30 сентября 1847 г.)[3]; при прощании Гоголь и А. М. Виельгорская обещали писать друг другу[4].

[1] См. ***1847. Августа 23 <11>. Понедельник. Остенде***; ***1847. Августа 31 <19>. Пятница. Остенде***; ***1847. Сентября вторая половина <сентября первая половина>. Остенде*** (примечания).
[2] См. ***1847. Сентября вторая половина <сентября первая половина>. Остенде***; ***1848. Января 23 <11>. Воскресенье. О. Мальта.***
[3] См. ***1847. Ноября 7 <19>. Пятница. Санкт-Петербург.***
[4] См. также ***1847. Ноября 7 <19>. Пятница. Санкт-Петербург.***

АВГУСТА 21 <СЕНТЯБРЯ 2>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Игроков» в Малом театре[1]; в роли Утешительного – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 333.
[2] *Гриц.* С. 405.

СЕНТЯБРЯ 2–5 <АВГУСТА 21–24>. ПАРИЖ

П. В. Анненков пишет ответное[1] письмо Гоголю в Остенде (письмо не сохранилось; Гоголь ответил Анненкову 7 сентября (н. ст.) 1847 г.[2]).

[1] См. ***1847. Августа 31 <19>. Вторник. Остенде.***
[2] См. ***1847. Сентября 7 <августа 26>. Вторник. Остенде.***

АВГУСТА 24–25 <СЕНТЯБРЯ 5–6>. ВОСКРЕСЕНЬЕ-ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

В. П. Боткин пишет П. В. Анненкову в Париж:

«...Поговорим, наконец, серьезно о ваших "Письмах"[1]. <...> Гоголь упрекает их в "бесцельности". Но он хвалит мои "Письма"[2] за то же, за что бранит ваши. <...> Гоголь так погряз в доктринерстве, что уже не может понять всей прелести "бесцельности". Но я скажу более: ваши "Письма" в России не могут быть оценены по достоинству; я разумею людей образованных. Всякое молодое общество больше всего любит доктринерство, догматизм. <...> Ваши "Письма" бесцельны, то есть вы не поставили себе задачею "разрешить, каков нынешний французский человек!" (Гоголь клевещет на меня; мне в голову не приходило задавать себе вопрос о нынешнем "испанском человеке".)

Что касается до меня, то один такой вопрос возбудил бы во мне смех, и я заранее был бы уверен, что разрешение будет пустой вздор или фразы. <...>

Все, что пишете вы о переписке с Гоголем, в высшей степени интересно. Впрочем я всегда относил "Переписку с друзьями" более к гордости своей гениальности и невежеству, нежели к расчетливой подлости. Но переписка Белинского и ваша с ним очень, очень важна в настоящем его положении. <...>

Бог знает, как любопытно прочесть письмо Белинского к Гоголю и ответ его, равно и письмо Гоголя к вам. Мы с Коршем задумали просить вас: нет ли какой возможности сообщить их нам. По крайней мере, хоть письмо Гоголя к вам».

Из писем В. П. Боткина // *Свод*. Т. 3. С. 295.

[1] Имеются в виду «Парижские письма» П. В. Анненкова. К тому времени были известны лишь первые шесть из девяти «Парижских писем» Анненкова, печатавшихся в «Современнике» (1847. № 1–6, 9, 11, 12; 1848. № 1).

[2] Имеются в виду «Письма об Испании» В. П. Боткина. Гоголь прочел первое письмо, напечатанное в № 3 «Современника» за 1847 г. (Письма печатались под общей рубрикой «Письма об Испании». В 10 и 12 номерах журнала за 1847 г. были опубликованы второе и третье письмо; позднее — остальные; отд. изд. 1857 г.). 12 августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал П. В. Анненкову: «Недавно я прочел ваши письма о Париже. Много наблюдательности и точности, но точности дагеротипной... <...> Словом, в письмах не видно, зачем написаны письма. В то же время прочел я письма Боткина. Я их читал с любопытством. В них всё интересно, может быть, именно оттого, что автор мысленно занялся вопросом разрешить себе самому, что такое нынешний испанский человек...» — См. также ***1847. Августа 12 <июля 31>. Четверг. Остенде*** (примечания).

АВГУСТА 25 <СЕНТЯБРЯ 6>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович получил письмо Гоголя из Остенде.

См. ***1847. Августа средина <августа начало>. Остенде.***

СЕНТЯБРЯ 7 <АВГУСТА 26>. ВТОРНИК. ОСТЕНДЕ

Гоголь пишет ответное[1] письмо П. В. Анненкову в Париж:

«Понятие мое о Божестве не так узко, как вы думаете, но, по крайней мере, оно гораздо пространнее того смысла, который вы придали словам моим. Но это предмет долгих речей и толков, а потому отложим его. Покаместь дело в том, что мы все идем к тому же, но у всех нас разные дороги, а потому, покуда еще не пришли, мы не можем быть совершенно понятными друг другу. Все мы ищем того же: всякий из мыслящих ныне людей, если только он благороден душой и возвышен чувствами, уже ищет законной желанной *середины*, уничтоженья лжи и преувеличенностей во всем и снятья грубой коры, грубых толкований, в которые способен человек облекать самые великие и с тем вместе простые истины. Но все мы стремимся к тому различными дорогами, смотря по разнообразию данных нам способностей и свойств, в нас работающих. Один стремится к тому путем религии и самопознанья внутреннего, другой — путем изысканий исторических и опыта (над другими), третий — путем наук естествознательных, четвертый — путем поэтического постигновенья и орлиного соображенья вещей, не обхватываемых взглядом простого человека, словом — разными путями, смотря по большему или меньшему в себе развитию преобладательно в нем заключенной способности. Анатомируя человека, видишь, что в мозгу и голове особенно устроены для этого орган<ы> возвышенья и шишки на голове. Органы даны — стало быть, они нужны затем, чтобы каждый стремился своей дорогой и производил в своей области открытия, никак невозможные для того, кто имеет другие органы. Он может наговорить много излишеств, может увлечься своим предметом, но не может лгать, увлечься фантомом[2], потому что говорит он не от своего произ-

воления: говорит в нем способность, в нем заключенная, и потому у всякого лежит какая-нибудь правда. Правду эту усмотреть может только всесторонний и *полный* гений, который получил на свою долю полную организацию во всех отношениях. Прочие люди будут путаться, сбиваться, мешаться, привязываться к словам и попадать в бесконечные недоразумения. Вот почему всякому необыкновенному человеку следует до времени не обнаруживать своего внутреннего процесса, которые совершаются теперь повсеместно, и прежде всего в людях, стоящих впереди: всякое слово его будет принято в другом смысле, и что в нем состоянье *переходное*, то будет принято другими за *нормальное*. Вот почему всякому человеку, одаренному талантом необыкновенным, следует прежде состроиться сколько-нибудь самому.

Ваше желание следить всё, не останавливаясь особенно ни над чем, очень понятно. В нем слышится разумное стремленье всего нынешнего века. Но непонятен для меня дух некоторого [довольства] *удовлетворенья* вашим нынешним состояньем, точно как бы вы уже нашли важную часть того, что ищете, и как бы стали уже на верховную точку вашего разумения и вашего воззренья на вещи. Вы уже подымаете заздравный кубок и говорите: “Да здравствует простота положений и отношений, основанных на практической действительности, здравом смысле, положительном законе, принципе равенства и справедливости!” Смысл всего этого необъятно обширен[3]. Целая бездна между этими словами и примененьями их к делу. Если вы станете действовать и проповедывать, то прежде всего заметят в ваших руках эти заздравные кубки, до которых такой охотник русский человек, и перепьются все, прежде чем узнают, из-за чего было пьянство. Нет, мне кажется, никому из нас не следует в нынешнее время торжествовать и праздновать настоящий миг своего *взгляда и разуменья*. Он завтра же может быть уже другим; завтра же можем мы стать умней нас *сегодняшних*. Несмотря на то, что взгляд мой на *современность* только что проснулся, и я еще новичок в этом деле, но, сколько могу судить по тем результатам, которые отбираю теперь от всех людей, прилежно наблюдающих над действующими ныне силами в Европе, я, однако ж, заметил некоторую неполноту в ваших наблюденьях и упущенья, которые вы сделали на вашем пути. Это я приписываю тому, что вы сделали представителем всего для себя Париж и оставили совершенно в стороне Англию, где важная сторона современного дела. По моему разумению, вам почти необходимо туда съездить, и не то чтобы взглянуть только на Лондон, но именно прожить в Англии, затем избрать в предмет наблюдений не один какой-нибудь класс *пролетариев*[4], изученье которого стало теперь модным, но взглянуть на все классы, не выключая никого из них. Несмотря на чудовищное совмещение многих крайностей, до такой степени противуположных, что если бы кто из нас заговори о них обеих вдруг, — могли бы подумать, что оратор хочет служить и Богу, и чорту вместе; несмотря на это, местами является такое разумное слитие того, что доставила человеку высшая *гражданственность*, с тем, что составляет первообразную *патриархальность*, что вы усумнитесь во многом, равно как и в том, действительно ли в вас отражается *полно* вся нынешняя *современность*».

Об Англии Гоголю рассказал в те дни только что вернувшийся оттуда А. С. Хомяков[5]. Именно Хомякову после поездки в Лондон была близка мысль о «разумном слитии» в Англии прошлого и современности. «...Громадная фабрика, грустное явление в целом мире, представляет в Англии какой-то характер смелой Поэзии», — замечал он в написанной по свежим впечатлениям статье «Англия»[6]. Гоголь в следующем письме к Анненкову[7] еще раз возвращается к вопросу о «диких крайностях» Англии — о сосуществовании в ней богатых исторических традиций («в громадных глыбах то, что уже уничтожено в других землях») и самого современного настоящего («то, что еще не начиналось в Европе»). Это «чудовищное совмещение многих крайностей» чревато, на его взгляд, глубокими потрясениями. «По крайней мере, — пишет он Анненкову об Англии, — нужно заглянуть в те мины, где готовятся близкие взрывы». Этим Гоголь как бы подчеркивает, что, несмотря на «местами», действительно, «разумное слитие» в ней древней патриархальности с «высшей гражданственностью», в целом, однако, промышленная цивилизация нового времени, независимо от того, в какой стране она развивается, неизбежно входит во все большее противоречие с «первообразной» культурой. Говоря о готовящихся в Англии «взрывах», Гоголь повторяет сказанное им ранее о Европе в целом. В 1842 г. он замечал в «Театральном разъезде...» об «общественных ранах» России: «...Внутри <...> свирепствует болезнь... <...> ...она может взорваться...» А в 1846-м, в преддверии прокатившейся в конце 1840-х гг. по Европе волны революций, добавлял: «В Европе завариваются теперь повсюду такие сумятицы, что не поможет никакое человеческое средство, когда они вскроются, и перед ними будет ничтожная вещь те страхи, которые вам видятся теперь в России» (глава *XXVI. Страхи и ужасы России* «Выбранных мест из переписки с друзьями»).

Далее Гоголь обращался к Анненкову:

«Мне кажется еще, что вы напрасно чуждаетесь специального труда. Какой-нибудь специальный труд должен быть непременно у каждого из нас. Сверх пребыванья на боевой вершине современного движенья, нужно иметь свой собственный уголок, в который можно было <бы> на время уходить от всего. Нельзя, чтобы каждый из нас не получил на долю свою какой-нибудь способности, ему принадлежащей; нельзя, чтобы не было ее и у вас. Иначе мы бы все походили друг на друга, как две капли воды, и весь мир был бы одна мануфактурная машина. Без этого специального труда не образуется характер индивидуала, из которых слагается общество, *идущее вперед*. Без этих своеобразно работающих единиц *не быть* общему прогрессу».

Две недели спустя Гоголь, отвечая Анненкову, принявшему эту мысль превратно, в европейском духе, замечал: «Вы всё, однако же, прочитывайте внимательнее мои письма. Никак не позабывайте, что теперь, когда всякий из нас более или менее строится и вырабатывается, никто не может быть совершенно понятен другому и употребляет такие слова и термины, которые у одного значат не совсем то, что у другого»[8].

Об отношении самого Гоголя к проблеме разделения труда можно судить по одному из набросков к несохранившимся главам второго тома «Мертвых душ»: «"Вот оно, вот оно, что значит, а не то, что нынешнее просв<ещенье?>, которое превратило человека в машину, что весь век свой вытащивает одну <*1 нрзб.*> Какой тесный круг, какое <*1 нрзб.*> дело". Учитель бесился, не зная, что сказать. Он говорил: как-де незачем ненужное. Человек <должен> всё делать».

За четыре с половиной месяца до отправления письма к Аненнкову, 24 апреля (н. ст.) 1847 г., Гоголь получил от Ар. О. Россета «два номера "Отечественных Записок"»[9], где мог прочесть начало пространной работы В. А. Милютина «Пролетарии и Пауперизм в Англии и во Франции»[10]. В статье Милютина встречается сходное рассуждение о «превращении <...> человека в машину»: «Успехи механики значительным образом упростили труд; то, что делалось прежде человеком, делается теперь машиной; человеку остается только приводить эту машину в действие, а для исполнения этой обязанности вовсе не нужно, чтобы работник имел какие-либо способности и таланты. Чрезмерное разделение работ также облегчает труд, уменьшает необходимость в уменье, в опытности и даже в силе, и уподобляет человека простой машине, которая постоянно и безостановочно совершает известные движения. <...> Человек превращается в инструмент, от которого не требуется никаких свойств человеческой природы... <...> Земледелец, которого беспрестанные изменения в погоде, в ценах, в почвах, в способах обработывания принуждают к беспрестанным рассчетам и комбинациям, остается среди своих занятий существом мыслящим. Но если многосложный труд развивает ум человека, то ясно, труд раздробленный должен производить совершенно противное действие на работника»[11]. (Ранее, в средине 1830-х гг.[12], внимание Гоголя к судьбе «английских фабричных работников» мог привлечь также А. С. Пушкин в неозаглавленной статье о А. Н. Радищеве[13].)

Мысль о том, что западноевропейское промышленное разделение труда приводит человека к утрате дарованных ему способностей, отчетливо звучит и в первой главе второго тома «Мертвых душ»: «И почувствовал, что это разнообразие работ мужика, который сам своим трудом может и накормить, и одеть, и обстроить, земледелец, ткач, сукновал, и молотит, — одним уже разнообразием этих работ, что был умнее...» (позднейшая карандашная приписка к тексту главы). Об этом же размышлял ранее Гоголь в «Тарасе Бульбе»: «Не было ремесла, которого бы не знал казак: накурить вина, снарядить телегу, намолоть пороху, справить кузнецкую, слесарную работу... <...> Современные иноземцы справедливо дивились тогда необыкновенным способностям его».

В то же время на низменные конечные цели промышленного разделения труда — производство предметов «цивилизованной» модной роскоши — Гоголь явно намекает в комедии «Игроки», где герой, объясняя «разделение труда» среди мошенников — карточных шулеров для более эффективного ведения их «дела», замечает: «Это, что называется в политической экономии распределением работ. Все равно каретник. Ведь он не весь же экипаж делает сам». Сходным образом размышляет о разделении труда «пузатый дворецкий» в «Лакейской», видящий свое призвание — «долг» и «обязанность» — в наблюдении за слугами, сословием, по Гоголю, вовсе бесполезным[14].

Однако Гоголь не отрицает разделения труда в принципе. Исходя из законности земледельческого труда[15], он признает ту его форму, какая может существовать в патриархальном обществе, основанном на земледелии. В соответствии с этим он пишет 13 октября (н. ст.) 1840 г. сестре в Васильевку: «...Так как одному человеку нельзя входить во всё, то по этому самому и должно непременно разделить труды». И в статье «Русский помещик»: «...Всяк должен служить Богу на своем месте, а не на чужом».

Другим источником для осмысления проблемы разделения труда, вероятно, послужило Гоголю Первое послание св. апостола Павла к Коринфянам, где каждый отдельный христианин назван членом единого Тела Христова — Церкви, для служения которой ниспосылаются людям различные духовные дарования (гл. 12). «Что ж другое все способности и дары, которые розные у всякого? — говорит во втором томе Муразов Хлобуеву. —

Ведь это орудия моленья нашего». В предмертном завещании «Друзьям моим» Гоголь также писал: «Общество тогда только поправится, когда всякий частный человек займется собою и будет жить как христнанин, служа Богу теми орудиями, какие ему даны...»

Из письма Гоголя к Анненкову: «В письме вашем вы упоминаете, что в Париже находится Герцен[16]. Я слышал о нем очень много хорошего. О нем люди *всех партий* отзываются как о благороднейшем человеке. Это лучшая репутация в нынешнее время. Когда буду в Москве, познакомлюсь с ним непременно, а покуда известите меня, что он делает, что его более занимает и что предметом его наблюдений. Уведомьте меня, женат ли Белинский[17] или нет; мне кто-то сказывал, что он женился. Изобразите мне также портрет молодого Тургенева, чтобы я получил о нем понятие как о человеке; как писателя, я отчасти его знаю: сколько могу судить по тому, что прочел, талант в нем *замечательный* и обещает большую деятельность в будущем».

По-видимому, с произведениями Тургенева Гоголь познакомился тогда по публикациям первых номеров «Современника» 1847 г. (перешедшего от Плетнева к Панаеву и Некрасову[18]). В первом номере журнала (полученном Гоголем в Неаполе 23 апреля (н. ст.) 1847 г.[19]) был напечатан рассказ Тургенева «Хорь и Калиныч. (Из записок охотника)», а также цикл из девяти описательных стихотворений Тургенева под общим названием «Деревня» («I. Люблю я вечером к деревне подъезжать...» ; II. На охоте – летом; III. Безлунная ночь; IV. Дед; V. Гроза; VI. Другая ночь; VII. «Кроткие льются лучи с небес на согретую землю...»; VIII. Перед охотой; IX. Первый снег).

Рассказ «Хорь и Калиныч» содержал, в числе прочего, определенный антиславянофильский выпад: «...Из наших разговоров <с Хорем> я вынес одно убежденье, которого, вероятно, не ожидают читатели, – убежденье, что Петр Великий был по преимуществу русский человек, русский именно в своих преобразованиях. Русский человек так уверен в своей силе и крепости, что он не прочь и поломать себя; он мало занимается своим прошедшим и смело глядит вперед. – Что хорошо, то ему и нравится, что разумно, того ему и подавай, а откуда оно идет, ему все равно. <...> В десяти верстах от усадьбы находилось дотла разоренное село, принадлежавшее... ну, кому бы то ни было. Владелец этого села ходил, вероятно, потехи ради, в мурмолке, и рубашку носил с косым воротником. Думаете ли вы, что Хорь промолчал об этой мурмолке, что эта мурмолка его ослепила? Как бы не так!..»[20]

Во втором номере «Современника» (также полученном Гоголем 23 апреля (н. ст.) 1847 г.) был напечатан рассказ Тургенева «Петр Петрович Каратаев». В третьем номере появились тургеневские «Письма из Берлина. (Письмо первое, 1 марта н. ст., 1847)» (номер был получен Гоголем в конце июля – начале августа (н. ст.) 1847 г. в Остенде[21]). В пятом номере журнала было напечатано продолжение цикла рассказов «Записки Охотника»: II. Ермолай и мельничиха; III. Мой сосед Радилов; IV. Однодворец Овсяников; V. Льгов.

В «Ермолае и мельничихе» вновь звучали прозападнические ноты. В уста черствого крепостника была вложена фраза: «...Вы все, молодые люди, <...> мало знаете собственное свое отечество; <...> вы все только немецкие книги читаете».

В рассказе «Мой сосед Радилов» подвергается сомнению церковный запрет жениться на сестре покойной жены – мотив, который Гоголь подверг осмеянию еще в «Ревизоре», в реплике Хлестакова: «Это ничего! Для любви нет различия; и Карамзин сказал: "Законы осуждают". Мы удалимся под сень струй...»

В «Однодворце Овсяникове» выведен «один из людей старого века» – вполне дидактически напоминающий, по воле автора, «русских бояр допетровских времен» – отнюдь не хвалящий, а напротив, порицающий «старое время»: «...Неужто ж я так и умру и новых порядков не увижу?»[22] Вполне явственно «белые нитки» западнической идеологии «торчат» в еще одном эпизоде тургеневской повести. В образе молодого толстого и неумного барина Любозвонова здесь опять-таки высмеивается славянофильство: «...Ходит барин в плисовых панталонах, словно кучер, <...> бороду отпустил, а на голове така шапонька мудреная... <...> Я-де русский, говорит, и вы русские; я русское все люблю...»[23]

Очевидно, что отзыв Гоголя о Тургеневе в письме к западнику Анненкову носил вполне комплиментарный характер[24]. Тем не менее, 1 декабря (н. ст.) 1847 г., т. е. спустя около трех месяцев после отправления Гоголем письма к Анненкову, сам Тургенев писал П. Виардо[25] из Парижа: «Один из моих друзей[26], но это между нами, показал мне письмо Гоголя, в котором этот человек, вообще такой высокомерный и придирчивый, говорит с большой похвалой о вашем покорном слуге. Одобрительный отзыв такого мастера доставил мне большое удовольствие»[27].

В заключение письма к Анненкову Гоголь писал:

«На это письмо вы еще можете мне написать ответ. В Остенде я пробуду еще недели две. Здоровье мое несколько укрепилось от ванн, но наступившие холода действуют на меня крайне вре-

доносно. Кровь у меня стала стариковская, движется медленно и уж не только не кипит, но еле-еле может сама согреться, а потому требует беспрерывной помощи юга[28]. Прощайте, мой добрый Павел Васильевич, а по старому Жюль»[29].

Как заметил В. И. Шенрок, все содержание письма имеет отношение к полемике, вызванной «Перепиской с друзьями» и частной перепиской В. Г. Белинского с Гоголем,— «вследствие чего нельзя особенно не пожалеть, что нам остаются неизвестными письма Анненкова к Гоголю»[30]. (В. Г. Белинский в сентябре 1847 г. вернулся в Петербург, где 26 мая следующего года скончался от туберкулеза в возрасте 37 лет[31].). Ср. позднейшую характеристику, данную Гоголем П. В. Анненкову в письме к М. П. Погодину от сентября 1851 г.: «...Господá, до излишества живущие в Европе».

1 См. ***1847. Сентября 2–5 <августа 21–24>. Париж.***

2 Призрак, видение (*фр.*).

3 Ср. в неотправленном письме к В. Г. Белинскому от конца июля – начала августа (н. ст.) 1847 г.: «Вы говорите, что спасенье России в европейской цивилизации. Но какое это беспредельное и безграничное слово. <...> Тут и фаланстерьен, и красный, и всякий, и все готовы друг друга съесть <...> И стала европейская цивилизация призрак...»

4 По свидетельству самого Анненкова, о «пролетариатстве» Гоголь разговаривал с ним ранее в Бамберге (см. ***1846. Июля между 6 и 19 <между июня 2 и июля 7>. Бамберг***).

5 См. ***1847. Сентября 8 <августа 27>. Среда. Остенде.***

6 Англия. Письмо А. С. Хомякова // Москвитянин. 1848. Ч. IV. № 7 (цензурное разрешение 28 июня). С. 20.

7 См. ***1847. Сентября 20 <8>. Понедельник. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Остенде.***

8 См. там же.

9 См. ***1847. Апреля 24 <12>. Суббота. Неаполь.***

10 <*Милютин В. А.*> *В. М.* Пролетарии и Пауперизм в Англии и во Франции. Статья первая // Отечественные Записки. Учено-литературный журнал, издаваемый Андреем Краевским. 1847. Т. L. № 1. Отд. II. С. 1–70; <*Милютин В. А.*> *В. М–н.* Пролетарии и Пауперизм в Англии и во Франции. Статья вторая // Отечественные Записки. 1847. Т. L. № 2. Отд. II. С. 130–160. – Содержание второй статьи Милютина, посвященной «экономическому быту сельских классов» в Англии, Ирландии и Франции, должно было напомнить Гоголю сохранившуюся в его бумагах статью неизвестного автора о положении крепостных крестьян в Малороссии. – См. также ***1849. Март. Москва*** (примечания).

11 <*Милютин В. А.*> *В. М.* Пролетарии и Пауперизм в Англии и во Франции. Статья первая. С. 23, 51–52.

12 См. ***1834 – 1836 начало.***

13 См. ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн*** (примечания).

14 «Слуги не сословие», «без слуг можно обойтись», – замечает во втором томе помещик Василий Платонов. «Дворовых мужики называют дармоедами», – пометил Гоголь в своей записной книжке 1841–1844 гг. См. также в «Коляске» (1836) «Капитал был тотчас употреблен на шестерку действительно отличных лошадей, вызолоченные замки к дверям, ручную обезьяну для дома и француза-дворецкого». В конце жизни сам Гоголь привез с собой в Москву мальчика-слугу С. Григорьева только в 1851 г., а в 1848 г. отправился из Васильевки в Москву без слуги (см. ***1848. Сентября 5. Воскресенье. Орел***; ***1851. Мая 23–30. С. Власовка Константиноградского уезда Полтавской губернии***).

15 Быт. 13, 19; Сир. 7, 15. – Ср. размышления на этот счет помещика Костанжогло во втором томе поэмы, статью Гоголя *XXII. Русский помещик* «Переписки с друзьями» и его заметку «Труд».

16 А. И. Герцен выехал из России в 1847 г. Знакомство с ним Гоголя не состоялось. А. А. Иванов сообщал позднее, между 6 и 10 декабря (н. ст.) 1847 г., Гоголю из Рима: «Здесь Герцен. Сильно восстает против вашей последней книги» (см. ***1847. Декабря между 6 и 13 <между ноября 24 и декабря 1>. Рим***). 14 декабря (н. ст.) 1847 г. Гоголь отвечал Иванову: «Герцена я не знаю, но слышал, что он благородный и умный человек, хотя, говорят, чересчур верит в благодатность нынешних европейских прогрессов и потому враг всякой русской старины и коренных обычаев» (см. ***1847. Декабря 14 <2>. Вторник. Неаполь***). Позднее, в 1851 г., Гоголь, имея в виду книгу Герцена «О развитии революционных идей в России» (1851) говорил И. С. Тургеневу: «Почему Герцен позволяет себе оскорблять меня своими выходками в иностранных журналах?» (см. ***1851. Октября между 26 и 31. Москва***). Характерно при этом, что Гоголь продолжал считать Герцена в числе своих «друзей»: «Мне досадно, что друзья придали мне политич<еское> значение» (там же). – Подробнее об этом отношении Гоголя к своим недоброжелателям см.: ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва*** (примечания); ***1842. Августа 18 <6>. Четверг. Праздник Преображения Господня. Гастейн*** (примечания); ***1847. Июня 11 <мая 30>. Пятница. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

17 В. Г. Белинский был женат, с 1843 г., на М. В. Орловой.

18 См. ***1846. Октября 23 <ноября 4>. Среда. Санкт-Петербург.***

[19] См. ***1847. Апреля 24 <12>. Суббота. Неаполь.***
[20] *Тургенев Ив.* Хорь и Калиныч. (Из записок охотника) // Современник. 1847. Т. 1. № 2. Смесь. С. 62.
[21] См. ***1847. Августа 12 <июля 31>. Четверг. Остенде*** (примечания).
[22] *Тургенев Ив.* Записки охотника // Современник. 1847. № 3. С. 157.
[23] Там же. С. 158.
[24] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Литературная проповедь Н. В. Гоголя: pro et contra // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 2. С. 17–92.
[25] Полина Виардо-Гарсия (1821–1910), французская певица, композитор; жена Л. Виардо.
[26] Очевидно, Анненков.
[27] Из писем И. С. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 820.
[28] См. также ***1836. Июня 28 <16>. Вторник. Гамбург*** (примечания); ***1839. Мая 30 <18>. Четверг. Рим***; ***1841. Октября 17 – 1842. Мая 23. Москва*** (письмо к С. Т. Аксакову от 28 мая (н. ст.) 1847 г.).
[29] Прозвище Анненкова (см. ***1833. Сентября вторая половина. Санкт-Петербург***).
[30] Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 4. С. 80–81.
[31] См. ***1848. Мая 26. Среда. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ 8 <АВГУСТА 27>. СРЕДА. ОСТЕНДЕ

Гоголь проводил Хомяковых, вернувшихся в Остенде из поездки в Англию и отправлявшихся – через Париж и Берлин – в Россию.

5/17 сентября 1847 г. Хомяковы были уже в Берлине, 11/23 сентября – в Вержболово (ныне – г. Вирбалис), откуда через Ковно (Каунас) отправились в Петербург[1].

Проводив Хомяковых, Гоголь написал письмо к С. П. Шевыреву в Москву и ответное[2] письмо к Ф. В. Чижову (согласно почтовому штемпелю на письме к Шевыреву[3], оно было отправлено из Остенде на следующий день, 9 сентября; письмо к Чижову не сохранилось[4]; оно было вложено в письмо к Шевыреву[5]).

Из письма к Шевыреву: «На прошедшей неделе отправил к тебе письмо (со вложеньем письма к С. Т. Аксакову)[6]. Теперь пишу вновь, именно по следующему случаю. Погодин в удостоверенье некоторого доброго влияния моей книги прислал мне письмо к нему Григорьева[7]. Из этого письма, между прочим, видно, что Григорьев находится в большой нужде и занимает или, может быть, уже занял у Погодина деньги. Из этого непременно выйдет после какая-нибудь у них история, как случалось почти всегда со всеми, которые сталкивались с Погодиным денежно. Особенно теперь, когда Погодин сам не при деньгах. Устрой, пожалуста, так, чтобы Григорьев заплатил Погодину теперь же деньги все сполна. Закажи ему статью для журнала, который хочет издавать с наступающим годом Чижов[8], и заплати за нее деньги ему вперед. К Чижову я пишу при сем письмо (которое ты вручи ему лично), где рекомендую ему взять в сотрудники Григорьева и Малиновского, как людей очень способных и талантливых. Пожалуста, ты замолвь за них доброе слово с своей стороны. Еще прошу особенно тебя наблюдать за теми из юношей, которые уже выступили на литературное поприще. В их положение хозяйственное стоит, право, взойти. Они принуждены бывают весьма часто из-за дневного пропитанья брать работы не по силам и не по здоровью. Цена 5 рубл<ей> серебром за печатный лист просто бесчеловечная. Сколько ночей он должен просидеть, чтобы выработать себе нужные деньги, особенно если он при этом сколько-нибудь совестлив и думает о своем добром имени! Не позабудь также принять в соображение и то, что нынешнее молодое поколенье и без того болезненно, расстроено нервами и всякими, недугами. <...> Сейчас только что проводил Хомякова. Как мне приятно было с ним встретиться! Приезд его был точно Божий подарок. Но он пробыл [со мной] так мало. Я не успел с ним наговориться и только по отъезде его почувствовал, что о многом не расспросил его. <...> Адресуй в Неаполь».

[1] См.: *Хомяков А. С.* О старом и новом. Статьи и очерки / Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Ф. Егорова. М., 1988. С. 430.
[2] См. ***1847. Июля 16 <28>. Среда. Ромны.***

[3] См.: *Городецкий*. С. 469.
[4] Ответ Чижова см.: ***1847. Октября 16 <28>. Четверг. Стародуб.***
[5] См. ***1847. Октября 4 <16>. Суббота. Москва.***
[6] См. ***1847. Августа 28 <16>. Суббота. Остенде.***
[7] См. ***1847. Июля 14 <26>. Понедельник. Москва*** (примечания).
[8] Подробнее см.: ***1846. Апреля 30 <мая 12>. Вторник. Москва*** (примечания).

АВГУСТА 27 <СЕНТЯБРЯ 8>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получил письмо Гоголя из Остенде.

См. ***1847. Августа 24 <12>. Вторник. Остенде.***

СЕНТЯБРЯ 10 <АВГУСТА 29>. ПЯТНИЦА. ОСТЕНДЕ

Гоголь пишет графу А. П. Толстому в Лондон (судя по почтовому штемпелю[1], письмо было отправлено из Остенде на следующий день, 11 сентября):

«20-го или 21-го отсюда выезжаю[2]. Гр. Вьельгорские тоже и, вероятно, того же числа оставят Остенде. А потому хорошо бы вы сделали, если бы по уезде из Лондона племянника вашего Вик<тора> Влад<имировича>[3], которому при сем прошу передать мой поклон, немедля приехали к нам. Теперь здесь довольно уединенно, всё почти разъехалось. Мы с вами здесь бы наговорились, а может быть, и отправились отсюда в одно время в Италию».

[1] См.: *Городецкий*. С. 465.
[2] Ср. ***1847. Сентября 24 <12>. Пятница. Остенде***; ***1847. Сентября конец <сентября вторая половина>. Остенде.***
[3] Апраксин.

АВГУСТА 31 <СЕНТЯБРЯ 12>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Согласно почтовому штемпелю[1], М. П. Погодин в этот или на следующий день получил письмо Гоголя из Остенде от 19/31 августа[2].

[1] «Получ<ено> Вечера 1847 Августа 31» (*Городецкий*. С. 463).
[2] См. ***1847. Августа 31 <19>. Вторник. Остенде.***

СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА <СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО>. ПАРИЖ

П. В. Анненков пишет ответное письмо Гоголю в Остенде (письмо не сохранилось).

См. ***1847. Сентября 7 <августа 26>. Вторник. Остенде***; ***1847. Сентября 20 <8>. Понедельник. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Остенде.***

СЕНТЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА <СЕНТЯБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА>. ОСТЕНДЕ

Гоголь встретился с графиней М. Д. Нессельроде.

Позднее, 20 ноября (н. ст.) 1847 г., Гоголь сообщал Ар. О. Россету из Неаполя: «Я виделся с графиней Нессельрод, которая была очень добра ко мне в Остенде...» В тот же день Гоголь писал из Неаполя А. О. Смирновой: «В Остенде я виделся[1] с графиней Вьельгорской и ее дочерью, умницей Анной Михайловной. Море им помогло обоим. Там же я видел графиню Нессельрод и Мухановых»[2].

[1] См. ***1847. Сентября 1 <августа 20>. Среда. Остенде.***

[2] См. ***1847. Августа 14 <2>. Суббота. Остенде***; ***1847. Августа 16 <4>. Понедельник. Остенде***; ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн*** (письмо к графу А. П. Толстому около 18 августа (н. ст.) 1847 г.).

СЕНТЯБРЯ 7 <19>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

В. С. Аксакова сообщает М. Г. Карташевской в Петербург:

«Дяд<енька>[1] расскажет тебе про письмо Гоголя[2]; оно таково, что я не желала бы, чтоб ты его прочла, оно бы тебя слишком возмутило[3]. После этого, разумеется, не стоит к нему писать. Бог с ним. <...> – Я думаю, что теперь наши сношения с ним прекратятся»[4].

18 декабря (н. ст.) 1847 г. Гоголь, будучи в Неаполе, написал С. Т. Аксакову еще одно письмо[5], затем – по возвращении в Россию – последовала «простая записочка» из Одессы[6] (получена О. Сем. Аксаковой в Москве между 3 и 8 мая 1848 г.[7]; доставлена С. Т. Аксакову в Радонежье (Абрамцево) 11 мая[8]; письмо не сохранилось). На последнее обращение отвечали Гоголю К. С. Аксаков и сам С. Т. Аксаков[9]. Последний объяснял задержку с ответом случившейся с ним (с 6 мая 1848 г.) болезнью.

[1] А. Т. Аксаков.

[2] От 28 августа (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Августа 28 <16>. Суббота. Остенде***).

[3] В письме Гоголь, в частности, обращался к С. Т. Аксакову: «Друг мой! не будьте <...> самоуверенны в непреложности своих заключений. <...> Мне показалось даже, как бы в устах ваших раздались не ваши, а какие-то юношеские речи... <...> Глядеть на меня, как на блудного сына, и ожидать моего возвращения на путь истинный может только тот, кто сам стоит уже на этом истинном пути».

С. П. Шевырев 4/16 октября 1847 г. извещал Гоголя по поводу его письма: «Письмо к С. Т. Аксакову я доставил, прочитавши сам, и сожалею о том, что не остановил его, хотя ты мне и не давал на то права. <...> Письмо твое огорчило Ольгу Семеновну, которая не хотела было даже его и показывать С<ергею> Т<имофееви>чу. <...> Мне тут показались две вещи жесткими. Они считали тебя всегда другом семейства. Ты же начинаешь с того, что как будто бы отрекаешься от этой дружбы и потому даешь себе право быть с ними неискренним. Далее, говоря о Константине, ты несколько раз повторяешь "с любезнейшим вашим сыном"; мне показалось это выражение и повторение проистекающим не из того чувства, которое, как мне кажется, ты питал всегда к их семейству...» (см. ***1847. Октября 4 <16>. Суббота. Москва***).

[4] Гоголь в письмах В. С. Аксаковой 1839–1847 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 866.

[5] См. ***1847. Декабря 18 <6>. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Неаполь.***

[6] См. ***1848. Апреля 21. Среда. Одесса.***

[7] См. ***1848. Мая 9. Воскресенье. День памяти св. Николая Мирликийского. С. Покровское***; ***1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва.***

[8] См. ***1848. Мая 11. Вторник. Радонежье (Абрамцево)***.

[9] См. ***1848. Мая 21. Пятница. День памяти св. равноапостольного царя Константина и матери его Елены. Москва.***

СЕНТЯБРЯ 20 <8>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ОСТЕНДЕ

Гоголь пишет ответное[1] письмо П. В. Анненкову в Париж (судя по почтовому штемпелю[2], письмо было отправлено на следующий день, 21 сентября):

«За разными помехами отвечаю вам немного поздно. Оно, впрочем, и лучше: я имел чрез это возможность прочесть еще раз ваше письмо, а это весьма не мешает в нынешнее смутное время взаимных недоразумений. В письме вашем есть много умных заметок, но они — не ответ на то, что говорю я. Они остались сами по себе, и письмо мое осталось [тоже] само по себе. Та середина, которую вы прозрели, по мненью вашему — безошибочно, в словах моих, ведет человека, точно, к посредственности. Но дело в том, что я под словом "середина" разумел ту высокую гармонию в жизни, к которой стремится человечество, которая слышится несколько вперед только людьми, преобладательно одаренными поэтическим элементом, но никак не может обратиться в систему какого-нибудь стремленья каждого человека. К средине этой идут не поскабливаньем того и другого в той и другой партии: напротив, к ней идет каждый своею дорогою; всякое усилие гениального человека в своей области усиливает приближение всего человечества к этой середине. Вы назвали мое стремление выслушивать с равным вниманием все работающие ныне силы стремлением уравновешивать эти силы. Это довольно грубая ошибка. Это стремленье есть просто *желанье знать дело обстоятельней другого*. Вот и всё!

За обвинение в самонадеянности прошу простить. Упрек этот я сделал вам больше по недоразумению моему; к такому заключению привела меня некоторая резкость ваших слов. Например, и теперь, говоря об Англии, вы говорите, что там нет никакой замечательной борьбы и движения, могущих занять человека, наблюдающего успехи строящейся ныне *общественности*. Выразиться таким образом может только тот, кто знает вдоль и вдоль и впоперек нынешнюю Англию. А точно ли вы ее знаете? Когда вы могли узнать ее, когда сами говорите тут же, что вам даже не хочется узнавать ее? Были у нас на Руси еще не так давно два государственные мужа, которые произнесли два разные изречения. Аракчеев сказал: "Что я знаю, то знаю, а чего не знаю, того и знать не хочу". Канкрин же, Егор Францович, выразился один раз так: "Милостиво государ, я все знаю, я даже не знаю, чего я не знаю". У нас с вами, слава Богу, [вероятно] нет качеств и свойств этих государственных мужей, равно как и образа мыслей, им принадлежавших. Но не позабывайте, что понемножку может находиться во всяком человеке всякой всячины, а потому иногда не дурно взвесить *тон* собственных слов, которыми мы выражаем наши мнения, чтобы пощупать ощутительно, сколько у нас есть свойства канкринского или аракчеевского. <...> В Соединенных Штатах действительно вырабатывается теперь видней общественное дело, а потому не мудрено, что глаза наблюдающего большинства обращены теперь туды. Но и земля, в которой заключилось в громадных глыбах то, что уже уничтожено в других землях, и то, что еще и не начиналось в Европе, земля, которая, несмотря на [чудовищные] дикие крайности, вырабатывает, однако ж, безостановочно Байронов и Диккенсов[3], не может дремать в такое время, когда раздаются вопросы, так важные для человечества. По крайней мере, нужно заглянуть в те мины, где готовятся близкие взрывы[4].

Всё, что вы говорите по поводу пролетариев, умно, справедливо, местами глубоко. Но я нападал в письме моем не на *всеобщее* устремление всех к этому вопросу, но на умных людей, которые предались исключительно пристально-близкому созерцанию этого предмета, которого нельзя как следует рассмотреть *вблизи*. Это явленье не на воздухе. Хвост и узлы этого дела скрыты во многих, по-видимому, побочных предметах. Нужно попристальней взглянуть всё вокруг. Для умного человека мало войти в один тот круг, в который введены *публика* и *пренье журнальное*. Ему нужно что-нибудь знать из того, о чем *публика* еще не говорит *сегодня*, чтоб знать хотя за два дни вперед о тех вопросах, о которых пойдет речь потом. Иначе останешься в хвосте, а вовсе не наравне с веком. Идти выше своего века, положим, только возможно какому-нибудь необъятно-громадному гению, но стремиться быть выше журнальной верхушки своего века есть непременный долг всякого умно-

го человека, если только он одарен какими-нибудь действующими способностями. <...> Всё, что вы захотите теперь написать, адресуйте отныне в Неаполь, poste restante».

[1] См. ***1847. Сентября средина <сентября начало>. Париж.***
[2] См.: *Городецкий.* С. 440.
[3] Ср. ***1840. Октября начало <сентября вторая половина>. Рим*** (примечания); ***1846. Февраля 21 <марта 5>. Четверг. Калуга.***
[4] Подробнее см.: ***1847. Сентября 7 <августа 26>. Вторник. Остенде*** (примечания).

СЕНТЯБРЯ 9 <21>. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Игроков» в Малом театре[1]; в роли Утешительного – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 333.
[2] *Гриц.* С. 405.

СЕНТЯБРЯ 11 <23>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Согласно почтовому штемпелю[1], С. П. Шевырев в этот день получил письмо Гоголя из Остенде от 8–9 сентября (н. ст.) 1847 г.[2]

[1] См.: *Городецкий.* С. 469.
[2] См. ***1847. Сентября 8 <августа 27>. Среда. Остенде.***

СЕНТЯБРЯ 24 <12>. ПЯТНИЦА. ОСТЕНДЕ

Гоголь пишет ответное письмо протоиерею Матфею Константиновскому во Ржев:

«Бог да наградит вас за ваши добрые строки! Многое в них пришлось очень кстати моей душе; со многим я уже согласился еще прежде, чем пришло ваше письмо. Например, насчет того, чтобы не оправдываться пред миром. В самом деле, ведь судить нас будет Бог, а не мир. Не знаю, сброшу ли я имя литератора, потому что не знаю, есть ли на это воля Божия, но, во всяком случае, рассудок мой говорит мне не выдавать ничего в свет в продолжение долгого времени, покуда не созрею лучше сам *внутренне и душевно.* А покуда съезжу в Иерусалим, помолюсь у Гроба Господня, как только в силах помолиться. Помолитесь обо мне, добрая душа, чтобы я в силах был тепло и сильно помолиться. Просите Бога, чтобы на самом том месте, где проходили Божественные стопы Единородного Сына Его, сказало бы мне сердце мое всё, что мне нужно. Хотелось бы мне, чтобы со дня этого поклоненья моего понес бы я повсюду образ Христа в сердце моем, имея ежеминутно Его пред мысленными глазами своими. Признаюсь вам, я до сих пор уверен, что закон Христов можно внести с собой повсюду, даже в стены тюрьмы, и можно исполнять его требования во всяком званьи и сословии. Его можно исполнять также и в званьи писателя. Если писателю дан талант, то, верно, недаром и не на то, чтобы обратить его во злое. Если в живописце есть склонность к живописи, то, верно, Бог, а не кто другой, виновник этой склонности. Вольно было живописцу, на место того, чтобы изображать кистью предметы высокие, образа угодников Божиих и высших людей, писать соблазнительные сцены развратных увеселений и униженья человеческого! Разве не может и писатель в занимательной повести изобразить живые примеры людей лучших, чем каких изображают другие писатели, – представить их так живо, как живописец? Примеры сильнее рассужденья; нужно только для этого писателю уметь прежде самому сделать<ся> добрым и угодить жизнью своей

сколько-нибудь Богу. Я бы не подумал о писательстве, если бы не было теперь такой повсеместной охоты к чтению всякого рода романов и повестей, большею частию соблазнительных и безнравственных, но которые читаются потому только, <что> написаны увлекательно и не без таланта. А я, имея талант, умея изображать живо людей и природу (по уверению тех, которые читали мои первоначальные повести), разве я не обязан изобразить с равною увлекательностию людей добрых, верующих и живущих в законе Божием? Вот вам (скажу откровенно) причина моего писательства, а не деньги и не слава. <...> Если бы я знал, что на каком-нибудь другом поприще могу действовать лучше во спасенье души моей и во исполненье всего того, что должно не исполнить, чем на этом, я бы перешел на то поприще. Если бы я узнал, что я могу в монастыре уйти от мира, я бы пошел в монастырь. Но и в монастыре тот же мир окружает нас, те же искушенья вокруг нас, так же воевать и бороться нужно со врагом нашим. Словом, нет поприща и места в мире, на котором мы бы могли уйти от мира, а потому я положил себе докуда вот что: теперь, именно со дня полученья вашего письма, я положил себе удвоить ежедневные молитвы, отдать больше времени на чтение книг духовного содержания; перечту снова Златоуста, Ефрема Сирянина и всё, что мне советуете, а там — что Бог даст. Нельзя, чтобы сердце мое, после такого чтения и такого распределения времени, не настроилось лучше и не сказало мне яснее путь мой. А вас прошу, так как вы стали уже богомолец мой и ведаете уже отчасти мою душу (о, как бы мне хотелось открыть вам всю мою душу, быть у вас во Ржеве, исповедаться и сподобиться причащенья Тела и Крови Христовой, преподанных рукою вашею[1]!), прошу вас молиться тем временем обо мне, особенно во всё время путешествия моего в Иерусалим. Я отправлюсь туда ко времени Пасхи. До того же времени пробуду в Неаполе. Если получу от вас несколько напутственных строк, буду очень, очень рад. Гр<афа> Александра Петровича я видел на один день[2] во время проезда его в Англию для совещанья с зубными докторами. Он лишился зубов и должен был на место их вставлять другие. Это вместе с другими недугами было причиной того, что он должен был отложить возврат свой в Россию до весны. Он будет также в Неаполе для свиданья с своей сестрой Апраксиной, проводящей там зиму. Стало быть, я с ним опять увижусь. Я рад, по крайней мере, тому, что он останется эту зиму не в Париже, но будет у родных. Он очень тоскует. В Неаполе же основалась [теперь] русская церковь и очень хороший священник[3]. Всё это в соединении с климатом, я думаю, подействует на него хорошо. Тоска его в том, что в недугах своих и в самом лишеньи зубов он видит гнев Божий и наказанье себе, и неутешен он оттого, что не в силах, как бы хотел, молиться. Он негодует на черствость свою и недостаток слез. На вас его единственная надежда. Он думает, что ваши молитвы о нем действительней его молитв. Он обрадовался необыкновенно, узнавши, что я получил от вас письмо, будучи уверен, что вы, писавши ко мне, вспомнили и о нем и лишний раз за него помолились. Напишите ему хотя две строчки, какие скажет вам сердце ваше, и вложите их в виде особенного письмеца в письмо ко мне. Я уверен, что эти строчки придадут ему большую бодрость. <...>

В непродолжительном времени, может быть, вы получите из С.-Петербурга деньги, которые попрошу вас раздать тем из страждущих, которые больше других нуждаются. Мне бы хотелось, чтобы они пришли в руки тех, которые усерднее других молятся Богу. <...> Как я жалею, что я не богат и не могу теперь послать более!»

[1] См. ***1849. Февраля после 25 (после пятницы второй недели Великого Поста) — марта 6 (Крестопоклонное воскресенье). Москва, Ржев, Москва.***

[2] Гоголь виделся с графом Толстым в Париже, где прожил неделю (см. ***1847. Мая около 30 — июня 6 <мая около 18 — 25>. Париж***; ***1847. Июня 6 <мая 25>. Воскресенье. Париж***).

[3] Протоиерей Тарасий Серединский.

СЕНТЯБРЯ 13 <25>. СУББОТА. ВОЛОГДА. СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Архиепископ Ириней (Нестерович, 1783–1864) пишет князю П. А. Вяземскому в Петербург:

«10-го сентября получил я от Павла Алексеевича Шепилова[1] сочинение Ваше: Языков. – Гоголь[2]. <...> Вы воздаете должное Языкову и Гоголю. Языков, *<1 нрзб.>*, Венелин – вдохновенные пророки Русские: первый как поэт, последние как ясновидцы. Гоголь – он что? Гоголь из сочинения, о котором Ваше Сиятельство беседуете с Россиею и газетными и особыми статьями, выдал себя за Пророка небесного. Он обещает в завещании оставить после себя гробовое творение[3], а пока издает выбранные места из переписки с друзьями; спешит в Иерусалим; нужны деньги для благотворений; покупайте. – Чем начинает книгу? Женщиною. Выставляет избранную. В обществе от ее прелестей забывают свою чувственность самые поклонники чувственности. – Но это ли говорит опыт? Напротив; но *<2–3 нрзб.>* служит развитию этого влечения к женщине. – *<1нрзб.>*, которую Ваше Сиятельство разобрали, не служит ли доказательством, что Гоголь смотрел не на нее, а на счастливого Поэта, *<1 нрзб.>* сделать ее доступною для ученого мира Русского: выросли на вербе груши. – Всю книгу окупает лиризм наших поэтов. Эта статья классическая. Не одно *<1 нрзб.>*».

РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1968. Л. 3–4.

[1] П. А. Шепилов (Шипилов, 1784–1855), бывший директор Вологодских училищ, директор 2-й Петербургской гимназии (с 1831 г.), директор Гатчинского сиротского института (с 1840 г.), зять К. Н. Батюшкова, чиновник в отставке (с 1847 г.), вологодский помещик.
[2] *К<нязь> Вяземский.* Языков. – Гоголь // Санктпетербургские Ведомости. 1847. 24 апр. № 90; 25 апр. № 91.
[3] «Прощальная повесть».

СЕНТЯБРЯ КОНЕЦ <СЕНТЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. ОСТЕНДЕ

Гоголь выехал из Остенде, направляясь в Неаполь.

В 1852 г. С. П. Шевырев на основании отметок в паспорте Гоголя обозначил маршрут его следования: «Марсель, Ницца – октябрь 1847. / Генуя – Флор<енция> – Рим – *<дата не поставлена>*. / Неаполь – *<дата не поставлена>*».

Шевырев С. П. <Itinerarium, составленный на основании отметок в паспортах Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 2. С. 126. См. 1852. Мая 2–7. Москва.

ОКТЯБРЯ НАЧАЛО <СЕНТЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. РИМ

А. А. Иванов пишет графине С. П. Апраксиной в Неаполь:

«Столь приближенный к вашему дому благословенными воспоминаниями Искии и Кастелламаре, я чувствую непреодолимое желание знать о положении и здоровье как вашем, так и достопримечательнейшего семейства вашего. Третьего дня, возвратясь в Рим[1], был у графа Строгонова, но он меньше мне мог сказать, чем я знаю. <...> В Риме все успокоилось; иностранцы, прожившие здесь десять лет, имеют право вступить в службу национальной гвардии, по своему желанию. Так мне сказали английские художники; но почтеннейший наш художник Иордан стоял уже два раза на часах.

Видя вас особенно внимательными к течению дел моих, я должен вам сказать, что на днях получил бумагу следующего содержания: “Императорская Академия Художеств. Г-ну академику Александру Иванову. – Правление И<мператорской> А<кадемии> Х<удожеств>, препроводив к г-ну начальнику русских художников в Рим следующий вексель на Высочайше назначенную вам, по представлению Его Императорского Высочества, президента Академии[2], сумму на содержание в Риме на полгода, для окончания картины[3] вашей, в 1 768 франков 80 сент<имов>, уведомляет вас о сем, с тем, чтобы вы явились к генерал-майору Килю за получением векселя”. <...> Что это за

бумага, вследствие чего она прислана, можно ли мне быть уверенным, что не понесу новых страданий, если возьму эти маленькие деньги? <...> Жду со дня на день Николая Васильевича[4], и тогда воспользуюсь его опытностью».

Из писем А. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 348–349.

[1] Иванов вернулся в Рим из поездки на север Италии (см. ***1848. Июля начало <июня вторая половина>. Неаполь*** – примечания).
[2] Лейхтенбергский герцог Максимилиан.
[3] «Явление Мессии».
[4] См. ***1847. Сентября конец <сентября вторая половина>. Остенде***; ***1847. Октября 29 <17>. Пятница. Рим.***

СЕНТЯБРЬ 30 <ОКТЯБРЯ 12>. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Тяжбы» в Малом театре[1]; в роли Бурдюкова – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979*. С. 404.
[2] *Гриц*. С. 405.

ОКТЯБРЯ 2 <14>. ЧЕТВЕРГ. СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГИЕВА ЛАВРА

А. О. Смирнова пишет Гоголю (вероятно, во Франкфурт) (датировка письма уточнена[1]):

«Господь Бог милосердный привел меня сюда после возобновления сильных припадков моей болезни. Страдала и страдаю, любезный друг Николай Васильевич. Я здесь была тому назад 8 лет, совсем с другими чувствами, теперь чувствую большое услаждение у гроба Преподобного. Наместник[2] меня принял очень милостиво, он духовен и любовен, исполнен жалости помочь каждому. Душа радуется при встрече с такими людьми, как будто не так одиночно в этом мире. Он читал вашу книгу[3] и многим очень доволен; радуется духу вашему и что вы не боялись говорить громко о том, чем наполнена душа ваша: "аще кто постыдится Мене, того Я..."[4] и проч. Светские люди не так вас судили и говорили: "зачем ему нам говорить о Боге?" Им, видно, за вас совестно было. Лечилась гомеопатиею в Москве, мне не хуже; на аллопатию не ставало уже сил. Где вы и куда собираетесь? Когда в Иерусалим? Пишите все в Калугу. Прощайте, молитесь обо мне, а я о вас не забыла у гроба преподобного Чудотворца. Ваша от души. Сбираюсь в Питер[5], если Богу угодно; без Бога ни до порога».

О своей первой поездке в Свято-Троицкую Лавру, состоявшейся осенью 1838 г., Смирнова упоминала в письме к графине Е. П. Ростопчиной от 6 октября 1838 г., а также в мемуарах 1854 г.[6]

[1] См.: *Свод*. Т. 2. С. 235. – В первой публикации письма (см.: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой, рожд. Россет // Русская Старина. 1890. № 8. С. 279) письмо ошибочно датировано 1846 г.
[2] Преподобный Антоний (Андрей Гаврилович Медведев, 1792–1877), архимандрит (с 1831 г.) Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. – См. также ***1838. Октября 6 <18>. Четверг. Москва***; ***1849. Августа 19. Пятница. Радонежье (Абрамцево), Сергиев Посад, Радонежье.***
[3] «Выбранные места из переписки с друзьями» .
[4] Мк. 8, 38; Лк. 9, 26.
[5] См. ***1847. Ноября начало <октября конец> – 1848. Января 19–20 <7–8>. Неаполь.***
[6] См. ***1838. Октября 6 <18>. Четверг. Москва.***

ОКТЯБРЯ СРЕДИНА <ОКТЯБРЯ НАЧАЛО>. РИМ

А. А. Иванов, получив на свое послание[1] ответ графини С. П. Апраксиной, вновь пишет ей в Неаполь:

«Вашему письму я немало изумился; там так велико выражено ваше ко мне расположение, что если бы рассказать это кому-либо, показалось бы неимоверным. – Великое дело письма, они сохраняют минуты добродетельных чувствований, отделяя их от неизбежных обихода слабостей житейских, напоминающих всегда человеку о земном его происхождении, и доставляют, хотя на время, самые [высокие] отрадные часы. Жаль, что не из этого запаса выдает мне чувства свои Николай Васильевич[2]. Он как-то все не может примириться с мыслью, что художник тоже в свою очередь может быть, как и он, почтенным человеком. – Я с ним на скором свидании[3]. Любопытно, каким-то он меня гостинцем употчует».

Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 349.

[1] См. ***1847. Октября начало <сентября вторая половина>. Рим.***
[2] Гоголь.
[3] См. ***1847. Октября 29 <17>. Пятница. Рим.***

ОКТЯБРЯ 3 <15>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

С. Т. Аксаков отправляет записку к С. П. Шевыреву:

«Я переехал в Москву и сегодня ожидаю свою старуху с детьми. Живу от вас очень далеко и не надеюсь скоро вас увидеть, а потому покорнейше прошу написать к Н. В. Гоголю (когда будете писать к нему), что я отвечать на его письмо[1] не буду. Пора нам оставить <друг> друга в покое».

Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 600.

[1] Имеется в виду письмо Гоголя к С. Т. Аксакову от 28 августа (н. ст.) 1847 г., вложенное Гоголем в письмо к С. П. Шевыреву от того же числа (см. ***1847. Августа 28 <16>. Суббота. Остенде***). – См. также ***1847. Октября 4 <16>. Суббота. Москва.***

ОКТЯБРЯ 4 <16>. СУББОТА. МОСКВА

С. П. Шевырев пишет Гоголю в Неаполь:

«Давно я не писал к тебе, любезный друг. <...> В конце июня <...> я <...> предпринял с сыном поездку, которая продлилась до конца июля. <...> Я был у Троицы, в Александрове, Переяславле Залесском, Ростове, Ярославле, Вологде, Кириллове, Белозерске. Главная цель моего странствования был Кириллов монастырь, где я пожил с неделю и порылся в библиотеке. <...> Много, много собрал любопытного. Мне хочется все это рассказать в книге[1]. Теперь я тем и занят. Оттуда быстро проехал я через Весьегонск, Рыбинск, Углич и Тверь в Москву. <...> Письма твои все я получил. Письмо к С. Т. Аксакову[2] я доставил, прочитавши сам, и сожалею о том, что не остановил его, хотя ты мне и не давал на то права. <...> Письмо твое огорчило Ольгу Семеновну, которая не хотела было даже его и показывать С<ергею> Т<имофееви>чу. <...> Мне тут показались две вещи жесткими. Они считали тебя всегда другом семейства. Ты же начинаешь с того, что как будто бы отрекаешься от этой дружбы и потому даешь себе право быть с ними неискренним. Далее, говоря о Константине, ты несколько раз повторяешь "с любезнейшим вашим сыном"; мне показалось это выражение и повторение проистекающим не из того чувства, которое, как мне кажется, ты питал

всегда к их семейству, и выразил это даже в своей простой и прекрасной надписи к книге твоей[3], надписи, которая после первой размолвки все сердца их обратила снова к тебе. <...> Могу сказать одно: не знаю в Москве другого семейства и других людей (включая в то число и самого себя), которые бы имели большее право на полную твою дружбу и любовь, как Аксаковы. Уважение к тебе, как писателю, и любовь и преданность к тебе, как человеку, они конечно сохраняли всегда чисто, свято, неизменно. За тебя готовы они были против всех и каждого. Против тебя боролись только с тобою самим, но не иначе. Повинись-ка перед ними, друг, и покрой все это самым теплым излиянием твоего любящего сердца, уже отгадавшего их любовь, и полным забвением всего прошедшего. В тебе все еще, как вижу, страдают нервы; и раздражен в письме твоем не ты, но нервы. Знаешь ли что? Я думаю, Италия тебе их испортила и все еще более портит. Я помню влияние ее на себе. Едва теперь могу отделываться от этого влияния. Италия – нервопорча; доказательством тому княгиня З<инаида>[4]. Признаюсь тебе: мне досадно, что ты все бросаешься на эту Италию, которая до конца тебе нервы испортит. Лучше бы ты избрал климат умереннее и не так раздражительный, например Ниcу. Твоя зябкость происходит также от нерв. В Италии на время будет тебе лучше, а потом опять пойдет хуже. Такая страна изнеживает человека, особливо северного, получившего от природы другое назначение. Письмо Григорьева к Погодину я получил в твоем письме, но ничего сделать не мог. Погодин сам был не в деньгах и потому не мог дать Григорьеву более 10-ти руб<ей> серебром. Чижов журнала не предпримет, потому что позволение на Русский Вестник взято министерством назад. Если что случится вперед, я буду иметь в виду твое желание помочь Григорьеву. Но теперь не знаю, как за это дело взяться. Григорьев прежде бывал у меня, но потом прекратил сношения. Его натура была слишком испорчена формулами немецкой философии Гегеля. Я знаю несколько молодых людей нового поколения, которых до того она расшатала, что они ни на чем остановиться не могут[5]. Не думаю даже, чтобы и естественные науки могли сделать из его головы что-нибудь путное. Вышед из унив<ерситета> первым и отличнейшим кандидатом юридич<еского> ф<акульте>та, он начал с того, что перепутал все дела нашего совета, где правил д<олжность> секретаря. Отсюда бежал он в Петерб<ург>. Там странствовал по разным журналам, и воротился разочарованный в Москву, где сначала пристроил себя к Листку. Что будет далее, не знаю. Та беда, что нем<ецкая> формальная философия приучает ум к какому-то неугомонному шатанию между *да* и *нет* во всяком вопросе науки, жизни, общества, – и разум становится каким-то бедным маятником в голове, который не находит точки успокоения[6]. При этом невольно припоминаю слова ап<остола> Павла (2 Посл<ание> к Коринфянам, ст<ихи> 17–19): "Или по плоти предпринимаю я, что предпринимаю, так что у меня то да, да, то нет, нет? Верен Бог, что слова наше к вам не было то да, то нет! Ибо Сын Божий, Иисус Христос, проповеданный у вас нами, мною и Силуаном и Тимофеем, не был да и нет, но в Нем было *да*". Вот этого-то положительного *да* не находит разум, свихнутый немецкою философией, какая преподавалась у нас. Григ<орьев> в числе жертв ее. Малиновский был у меня сегодня. Я сделал ему помощь из твоей суммы, но он не хотел принять ее иначе как заимообразно. Письмо твое к Чижову я отправлю на днях. Не знал адреса. Он давно не писал ко мне. Ты, м<ожет> б<ыть>, слышал о неприятностях, какие были с ним[7]. Он вышел из них совершенно чист и оправдан, как и должно было ожидать, но, не менее того, журнала в этом году издавать он не может. Я весьма благодарен тебе за то, что ты в последнем письме разрешил мне делать помощь из твоей суммы, кроме студентов, и молодым литераторам, начинающим поприще. Вот, например, теперь передо мною сидит Грязовецкий слепец-математик[8], явление весьма необыкновенное. Почти от рожденья слепой, он дошел до истин математических ощупью и решал важные задачи. Теперь занимается психологией. Бедность загнала его, но он нашел средство добраться до Москвы. Дух его не гаснет, но горит сильнее. Хочется ему и в университет, и в беседу с учеными и литераторами. Замечательно в нем знание и понимание Священного Писания и отцов Церкви. Чтецами его были крестьяне и мещане. От них он принял духовную премудрость. <Мно>го любопытного сообщил он мне о низших наших сословиях. Вот бы тебе с такими людьми беседовать! В Грязовце я узнал его лично. Прежде читал об нем в М<осквитяни>не[9]. Полюбился ему мой голос и речь, и он добрался до Москвы ко мне, чтобы только спасти мысль свою здесь в городе. М<ертвые> Души расходятся не так скоро, как я было предполагал сначала. Ждут все второй части. Если бы она явилась, в один бы день расхватали два издания. Можно за это поручиться. Выйдет ли твоя

Переписка новым и полным изданием? Свое дело она сделала. Много вопросов подняла она, за которые тебе спасибо. А собрать все голоса в свою пользу — да кто же в наше время этого достигнет? Получил ли ты наконец Летописи и Праздники Снегирева[10]? Я знаю, что Похвиснев, с которым я их послал, доставил их к Волконскому[11] в Варшаву, а В<олконский>, сам собравшийся за границу, хотел все это доставить Жуковскому. Пословицы[12] остались у меня, потому что экземпляра у Базунова не было. Я получил после, когда уже Похвиснев уехал. <...>

С нетерпением буду ждать твоего ответа, особливо в отношении к Аксакову, ибо меня сердечно занимает ваша размолвка. От тебя зависит прекращение всего и возвращение не только прежних ваших отношений, но и утверждение крепчайшей между вами дружбы».

[1] Книга Шевырева вышла в свет в 1850 г.: Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году. В двух частях. М., 1850.

[2] Имеется в виду письмо Гоголя к С. Т. Аксакову от 28 августа (н. ст.) 1847 г., вложенное Гоголем в письмо к Шевыреву от того же числа (см. ***1847. Августа 28 <16>. Суббота. Остенде***). — См. также ***1847. Октября 3 <15>. Пятница. Москва***.

[3] Дарственная надпись Аксаковым на экземпляре «Выбранных мест из переписки с друзьями» (см. ***1846. Октября 20 <8>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца***) не сохранилась.

[4] Княгиня З. А. Волконская.

[5] Ср. ***1846. Февраля средина <февраля конец>. Санкт-Петербург*** (письмо Ю. Ф. Самарина к Гоголю).

[6] В статье «Рассмотрение хода просвещения России», в записной книжке 1846–1850 гг., Гоголь писал: «Науки не делали своего дела уже потому, что отвлеклись от жизни, набили головы множеством терминов, увлекли их в философию, стали решать на бумаге то, что совершенно иначе разрешалось в жизни, приучили к строенью воздушных замков и сделали людей неспособными к практи<ческому> делу...»

[7] См. ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Радзивиллов***.

[8] Михаил Алексеевич Серебряков (род. в 1809 г.). Шевырев познакомился с Серебряковым в Грязовце в июле 1847 г. В сентябре 1847 г. Серебряков приехал в Москву и обратился за помощью к Шевыреву, намереваясь поступить в Московский университет. Шевырев рекомендовал его профессору Н. Е. Зернову (см.: <*Шевырев С. П.*> *С. Ш.* Слепец математик Серебряков // Москвитянин. 1848. № 1 (цензурное разрешение 27 дек.). С. 39–40; *Зернов Н. Е.* Письмо <к С. П. Шевыреву> о слепце-математике <от 30 сентября 1847 г.> // Москвитянин. 1848. № 1. С. 40–45).

[9] См.: <*Серебряков М. А.*> Письмо слепца-математика. (Присланное к Инспектору Вологодской Гимназии Ф. И. Фортунатову) // Москвитянин. 1842. Ч. 5. № 10 (цензурное разрешение 26 окт.). С. 547–552; *Смелков С. А.* Биография слепца-математика // Москвитянин. 1842. Ч. 5. № 10. С. 552–558; см. также: *Смелков С.* Биография Слепца-Мамематика // Прибавление к Вологодским Губернским Ведомостям. Суббота, Января 23-го 1843 года. № 4. С. 33–40.

[10] См. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь*** (примечания); ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь***; ***1847. Апреля 27 <15>. Вторник. Неаполь***; ***1847. Июня 14 <26>. Суббота. Москва***.

[11] Князь Александр Никитич.

[12] См. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь*** (примечания); ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь***; ***1847. Июня 14 <26>. Суббота. Москва***.

ОКТЯБРЯ 4 <16>. СУББОТА. КИЕВ

А. С. Данилевский отправляет ответное[1] письмо Гоголю во Франкфурт. Жена Данилевского, Ульяна Григорьевна, к письму мужа прибавляет свое послание.

Из письма Данилевского: «Последнее письмо твое получил я перед отъездом моим в Малороссию[2]. Винюсь, что не отвечал тебе немедленно в надежде, что по возвращении буду иметь возможность сообщить тебе бездну новостей касательно нашего мирного уголка. Не тут-то было!

Я располагал, уезжая из Киева, быть везде и повидаться со всеми, а кончилось тем, что просидел в нашей деревушке гадячского уезда во время моего отпуска, исключая двух дней, пожертвованных Семеренькам и Сорочинцам. До Толстого не доехал; стало, и у твоих не был. Дурная осенняя погода заставила меня, из опасения простуд, которым подвержено мое семейство, и разных других обстоятельств, направить поскорее лыжи в Киев.

Из всего этого осталось только то, что я не знаю теперь, как адресовать к тебе письмо мое. Пошлю его на удачу во Франкфурт: вероятно, Жуковский знает твой адрес. <...>

Как тебе не стыдно так кратко и так неопределенно говорить о себе, когда ты знаешь, сколько твоя персона близка моему сердцу, сколько интересна. "Поеду в Италию, оттуда на Восток, а там обниму тебя и денька два-три побеседуем с тобой". Как! мы только на два дня увидимся с тобой, и вследствие каких новых планов? Хоть бы ты сказал слова, мой таинственный друг! А я с таким нетерпением, с такою радостью ожидал твоего окончательного возврата в Россию, что, признаюсь, эти два-три дня меня совершенно ошеломили.

Что до меня, я все там же, все так же инспекторствую. Не знаю, долго ли это еще продлится, но знаю то, что желал бы очень переменить род службы, а потому прошу тебя, когда будешь в Одессе[3], повидайся с Александром Орлаем[4] и поговори с ним на мой счет: может быть, он найдет возможность и средства доставить мне какое-нибудь место в Одессе. Теперь это единственное мое желание. Бога ради, не поперечь ему. При свидании ты сам убедишься, что это не каприз; может быть, пожалеешь, что не исполнил моей просьбы. Ты можешь даже, если твоя добрая воля, начать дело о перемещении моем теперь, не откладывая его в долгий ящик и написав к твоим друзьям в Петербург, чтобы сколько-нибудь приготовить их заране и уладить наперед мой путь в Одессу.

Ты непременно хочешь знать имя моей жены: именуется она Ульяной Григорьевной[5] и намерена присоединить к моему письму несколько слов, относящихся до нашего житья-бытья».

Из письма Данилевской: «Александр всегда возлагает на меня сообщить вам <...> подробности нашего житья-бытья, как он говорит; но жизнь наша так однообразна, что, право, нечего и говорить о ней. Все, что сказала я вам в моем первом письме[6], повторяется всякий день с кое-какими переменами, о которых не стоит говорить.

Бывши с Сорочинцах (Александр отправил меня туда двумя месяцами прежде себя[7]), я виделась с родными вашими. Je suis toujours heureuse, quand je puis passer, ne passé que quelques heures, avec votre excellente mère; elle est toujours si bonne pour moi, elle aime tant mon Alexandre[8]! Они, вероятно, пишут к вам и извещают подробно о себе. Всех их я видела совершенно веселых и здоровых.

Марья Ивановна ждет-не-дождется вашего приезда в Россию. Не обманите же ее и наши ожидания, доставьте мне случай скорее познакомиться с вами лично.

В Сорочинцах я видела также вашего давнишнего и постоянного обожателя Ивана Григорьевича Пащенка[9]; он приезжал в Сорочинцы купаться в Псле для поправления здоровья. Псел опять входит в моду, и Сорочинцы сделались notre[10] Baden-Baden, notre Ostende et cetera[11]. Туда съезжаются на сезон помещики окрестных уездов пользоваться целительными водами Псла. В числе прочих страждущих была там ваша же знакомая m-lle Minotri[12], которая воспитывалась вместе с вашими сестрами, — очень милая девушка!

Вот все, что нашла сказать вам хотя несколько интересного. Теперь мы опять в нашем скучном Киеве, боимся холеры, не употребляем никаких фруктов, пьем мяту, и так далее.

Александр имеет намерение переменить службу. Как бы я была рада, если бы это удалось ему!

Пишите к нам; мы все вас так искренно любим. Да хранит вас Господь во все время странствования вашего. Помолитесь и за нас у Гроба Господня»[13].

[1] См. ***1847. Июля 10 <июня 28>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[2] Вероятно, в начале августа (ст. ст.) 1847 г.

[3] Из Иерусалима в Россию Гоголь возвращался через Одессу.

[4] Сын И. С. Орлая де Карва.

[5] В письме из Неаполя от 18 марта (н. ст.) 1847 г. Гоголь называл жену Данилевского по имени, но без отчества: «А вас прошу, моя добрая Юлия, или по-русски *Улинька*, что звучит еще приятней (вашего отечества вы не захотели мне объявить, желая остаться и в моих мыслях под тем же именем, каким называет вас супруг ваш), вас прошу <...> набрасывать для меня слегка маленькие портретики людей, которых вы знали или видаете теперь...»

[6] Письмо не сохранилось (см. ***1847. Июня начало <июня средина>. Киев***).

[7] Вероятно, в начале июня (ст. ст.) 1847 г. (ср. ***1847. Июня начало <июня средина>. Киев***).

[8] Я всегда счастлива, когда я могу провести, хотя несколько часов, с вашей превосходной матушкой; она всегда так добра ко мне, она так любит моего Александра!

[9] И. Г. Пащенко в начале 1848 г. умер (см. ***1848. Мая 4. Вторник. Одесса***).

[10] Наш (*фр.*).

[11] И так далее (*лат.*).

[12] Возможно, ошибка в публикации. По-видимому, соученицей сестер Гоголя, Анны и Елисаветы, встреченной Данилевской, была П. Ф. фон *Минстер* (а не Minotri). – Ср. ***1850. Сентября 23. Суббота. Васильевка***; ***1850. Сентября 28. Четверг. Полтава***.

[13] См. ***1847. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим***.

ОКТЯБРЯ 8 <20>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. И. Иванов пишет сыну, С. А. Иванову, в Рим:

«Читая сочинение Г-на Гоголя относительно к твоему брату[1], я представлял себе его терпящим крайнюю бедность, но терпящим оную добровольно, ибо сказано в сочинении, что нищенство почитает он за блаженство. Почитать оное таковым относительно к себе можно предоставить всякому на произвол его, но в отношении к трудам своим, принадлежащим уже не самому человеку, который исполняет оный по обязанности к отечеству, исполняющий не может и не должен располагаться произвольно в перенесении нужды к окончанию труда своего. <...> Вот почему я и хотел прислать ему 1000 руб<лей> ассигнациями; сумма незначительная, но все-таки что ни есть да значит на несколько времени, чем не иметь ничего, а потому и ничего и не делать. Я говорю так потому, что мне это так представляется, ибо брат твой был летом в Неаполе, а теперь пишет письмо из Флоренции; беспрерывные переезды из одного места в другое дают о том понятие, что картиною своею брат твой не занимается как следует, а почему, мне неизвестно, и так я должен сам собою о том догадываться, что он не имеет к тому средств (денежных), почему и хотел по возможности моей оных ему прислать, но из письма твоего и из слов Ф. А. Моллера вижу, что должен отклонить такое мое намерение...»

Из писем А. И. Иванова к С. А. Иванову // *Свод*. Т. 3. С. 359.

[1] Подразумевается статья *XXIII. Исторический живописец Иванов* в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя.

ОКТЯБРЯ 10 <22>. ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь пишет Петру П. Косяровскому:

«Очень желаю познакомиться с милой супругой вашей... <...> 3 года как я имела несчастие лишиться старшей моей дочери[1]... <...> Сын мой напугал меня своей болезнью так, что я доходила до отчаяния, но опять милосердый Творец сжалился надо мной и успокоил меня насчет его выздоровления. Многие уверяют меня, что он здоров, и он не пишет более о болезни, увидя, как он напугал меня. Ему предстоит путешествие в Палестину. Да донесет его Господь благополучно и возвратит здорового и счастливого в Россию к нам. Помолитесь и вы, мой добрый братец, об исполнении этого. Сын мой все время был в Неаполе, а теперь во Франкфурте на Майне[2]. В половине генваря полагает уехать в Ерусалим. Когда я писала ему, почему он так долго не был у нас, то он отвечал мне: «Я рвусь вас видеть, но не имею права явиться к вам, покуда не поклонюсь Гробу Господню и тем исполню свое обещание и потребность души моей»[3]. Дочери мои со мной живут в деревне очень редко – выезжают в наш город Полтаву. <...> Внучик мой Коля[4] довольно хорошо учится и утешает меня своим поведением и успехами. Он уже в пятом классе Гимназии».

Свод. Т. 1. С. 110.

[1] М. В. Трушковская. – См. ***1844. Марта 24 <апреля 5>. Страстная пятница. Васильевка***.

[2] См. ***1847. Июля 7 <июня 25>. Среда. Франкфурт-на-Майне.***

[3] По-видимому, М. И. Гоголь пересказывает здесь своими словами строки письма к ней сына от 25 января (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Января 25 <13>. Понедельник. Неаполь***).

[4] Н. П. Трушковский.

ОКТЯБРЯ 25 <13>. ПОНЕДЕЛЬНИК. РИМ

Вероятно, в этот день А. А. Иванов начинает ответное письмо графине С. П. Апраксиной, окончательный вариант которого был отправлен им в Неаполь несколько дней спустя, 29 октября (н. ст.) 1847 г., по приезде в Рим Гоголя[1]:

«Получил я два векселя: один <от> Академии, о котором уже вам докладывал[2], а другой от Государя Наследника во 100 червонцев, присланный мне Жуковским[3] с весьма замечательным письмом. Великой Поэт предлагает мне заняться tableau de genre!!![4] — среди самых решительных минут окончания моей картины[5]. Ну, право, после этого я готов миролюбиво расцеловать и Устинова, и князя, и Киля.

[Как полезно мне было прошедшее лето у вас. Я узнал, что все, что стоит выше меня, тоже люди, способные также ошибаться и впадать в пороки, которые настолько же гнуснее наших, насколько и добродетели выше. — Благословенные сцены в Искио способны дух мой воскресить из самых горчайших пришибов жизненных и дать мне новые силы к существованию.]

Но отстранимся на время от мелочей и бирюлек, какие поочередно приходят в головы [соприкасающимся ко мне людям], не постигающим главной и великой мысли, что художники, и в особенности русские, назначение свое имеют в замирении всего человечества. Я сердечно рад, на безлюдьи великих харак<теров>, что сыскал в вас особу, способную почитать всю важность этого периода.

Слишком многих сил нужно бы было, чтобы привести все вдруг в систематический порядок; однако ж, постоянно имея главную цель, не нужно упускать ничего из вида, что может споспешествовать оной.

Важным советником и твердым укрепителем этой большой мысли может быть, по моему мнению, Николай Васильевич[6]. Глубокий сердцеведец легко может укреплять дух каждого художника, достойного быть участником такого великого похода. Что в соединении с моими практическими знаниями по искусству составит уже верный почин.

Общество наше не без чувства уже и теперь: в проезд его молодые хотели его приветствовать торжественным обедом. Но мы еще не достигли той [законной] гармонии, которая бы нам определила законность старших, безобидную для младших. При развитии мысли вышеупомянутой все оживится, придет в одно целое, зажжет правильную и строгую деятельность, но тут очень-очень нужен глубокий сердцеведец.

Прошу вас обо всем об этом помыслить в самые лучшие минуты вашего прекрасного сердца. Поход достоин избранных [всех] и высших сословий, за его поручится само время; чем более мы будем жить, тем очевиднее будет его требование.

Медленное преуспеяние художника с талантом стоит больших трудов и усилий на избранной им тропе; недостаток способов продолжать ее, конечно, заставит его [вовсе] закабалиться и в ничтожную отрасль искусства. Вот об этом-то грустит теперь душа моя, [четверых] троих живописцев, довольно уже сформированных, мы должны лишиться в такое время, когда Академия совершенно потеряла всю силу выдавать вновь молодых.

Если непременно нужно замедление, то знайте, что чрез это погибнуть должны три живописца, далеко уже зашедшие в своей дороге. Знаю я из опыта, как трудно выбиваться художнику с талантом на тропу доступного ему совершенства; нельзя, не могу не принять эту гибель глубоко к душе»[7].

[1] См. ***1847. Октября 29 <17>. Пятница. Рим.***

[2] См. ***1847. Октября начало <сентября вторая половина>. Рим.***

[3] Вероятно, одновременно, 26 сентября / 8 октября 1847 г. В. А. Жуковский отправил из Дарлингама в Рим письмо А. П. Бутеневу (получено в Риме 13/25 октября 1847 г.): «Благоволите взять на себя труд передать вло-

женное письмо с принадлежащим к нему векселем нашему живописцу Иванову, находящемуся теперь в Риме. Пользуюсь этим случаем, чтобы также просить вас обратить к благосклонности ваше внимание на Иванова. Он имеет талант превосходный, по своим качествам нравственным достиг вполне уважения, но его обстоятельства весьма затруднительны. Ему нужна всякого рода подпора, и моральная столько ж, как материальная. Знаю ваше доброе сердце; оно понимает все тайны сердца человеческого и с благоговением далит его страдания. Поручаю вам Иванова; он истинный художник, следовательно, осужден иногда иметь такого рода страдания, какие одному только чуткому сердцу могут быть понятны» (*АВПРИ*. Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 109. Л. 561).

[4] Жанровая картина (*фр*.).

[5] «Явление Мессии».

[6] Гоголь.

[7] Из писем А. А. Иванова // *Свод*. Т. 3. С. 349–350.

ОКТЯБРЯ 14 <26>. ВТОРНИК. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева отправляет письмо к Гоголю в Неаполь:

«Очень грус<т>но, мой друг; так давно от вас ничего не знаю, ровно ничего не знаю. На последнее письмо ваше[1] и по вашему назначению адресовать в Франкфурт в наше посольство я так и подписала и 7 августа[2] отправила, не знаю, получили <ли>. <...> На прошедшей неделе писала к разным, просила известить, что о вас знают, и чтобы спросили у Степана Петровича Шевырева о вас. Мне отвечают, Шевырева не видали, а слышали, что вы в Неаполе, куды и пишу... <...> По последнему письму вашему, вы уже решительно собираетесь к Святым Местам. Помоги вам Господи свершить сей путь по Его святой воле. Скажите, с кем вы отправляетесь. Дай Бог вам Товарищество единодушное. Прощайте, мой друг и сын возлюбленной, Богом мне данной! И помню о вас, как о сыне, и молюсь, как за сына. <...> Письмо свое подпишите *в Москву*, на В<о>здвиженке, в доме графа <Д. Н.> Шереметева».

[1] См. ***1847. Июля 24 <12>. Суббота. Остенде.***

[2] См. ***1847. Августа 7 <19>. Четверг. С. Покровское.***

ОКТЯБРЯ 16 <28>. ЧЕТВЕРГ. СТАРОДУБ

Ф. В. Чижов пишет ответное[1] письмо Гоголю в Неаполь:

«...Правду сказать, вряд ли собрался бы написать, если бы ваши строки не вызвали меня из моего апатического состояния. Со времени отправления к вам моего письма, то есть от июня <июля>[2] месяца, по сию минуту я почти не отходя был при постели больной[3] и остаюсь при ней, — вот причина, почему мне трудно было бы собраться писать... <...> Хомяков писал, что встретился с вами в Остенде[4], поэтому, вероятно, вы слышали о тех неприятностях, какие случились со мною весною[5]. Благодаря им, издание журнала не может состояться до 1849 года... <...> Совершенно понимаю справедливость ваших слов в отношении сотрудников[6], но согласитесь, однако ж, что журнал на своих плечах не поднимешь. Весьма и весьма благодарю вас за указание двух — Григорьева и Малиновского; я их не знаю, но по вашему наставлению прибегну к Шевыреву. Между молодыми мне нравится Самарин Юрий; впрочем, надеюсь, что, как найдется дело, тогда и сотрудники соберутся. Переводов я буду избегать сколько возможно... <...> Молодые москвичи сильно мне нравятся; одно меня от них немного отклоняет, — это их вражда к европейскому, и отклоняет тем сильнее, что я, грешный, и сам чувствую ее в себе довольно. А согласитесь с тем, что на вражде не выедешь и самая вражда ясное указание, что видишь одну внешность, одно незаконное, между тем как во всем прожитом людьми основа всегда законна. Так же законна болезнь, как законно здоровье. Душевно желал бы, как бы говорите, давать читателям настолько, сколько сам понимаю, петь, как поет бурят, — да слова ваши рецепт, для которого нет аптеки. Поверьте, — и нечего мне выпрашивать у вас, чтоб вы верили, вы это знаете, — говоришь часто выше своих понятий, никак не потому, чтоб это

говорилось умышленно, а именно потому, что не умеешь с собой сладить, – ум за разум заходит. А для этого хорошо помолчать еще годик; молчание и уединение дела не испортят. Одно сильно меня утешает, что дал Бог жить в то время, когда видимо и осязательно мир идет к лучшему, и когда это лучшее ясно видишь в русской природе. Трудно мне было бы и перечесть, сколько раз случалось мне видеть, как то, что в минуты гордого самодовольствия приписывал я своему улучшению и считал исключительно своим собственным нравственным приобретением, я находил далеко в лучшем виде у людей, по-видимому, не способных ни к чему порядочному. Стремление к деятельному христианству делается час от часу более общим, правда, что частехонько оно остается одним стремлением, но и то уже слава Богу. Если не даст Бог ничего сделать лучшего из предполагаемого мною журнала, и то принесет пользу, что молодым пишущим будет возможность работать по убеждению. Хоть бы труд взял свое и то было бы уже большим приобретением. Созревшее поколение (я все говорю о Москве) благородно, благонамеренно, с чистыми побуждениями, но беда одна, что все это никак не хочет подчинить себя труду правильному. Кажется бы и не беда, но на поверку выходит много бед. Все остается в своем кругу и не передается другим. Потом, так как все делается по вдохновению, или по крайней мере по призванию, то отсюда выходит в деятельной жизни старое зло, – все люди делятся на вдохновенных или призванных и непризванных. Первые считают себя вправе жить на счет других; другие не могут признавать их первенства, не видя от них ничего на деле. По мне призвание призванием, а труд трудом. Труд дело великое, когда сам трудишься, как-то вместе с этим даешь цену и труду другого; в работе поденщика не видишь ничего унизительного, а только благодаришь Бога, что Он эту работу просветлил и возвеличил убеждением.

Не знаю, известны ли вам и сколько известны настоящие наши журналы и газеты. Первые решительно сборники для чтения, почти с первого до последнего листа наполнены переводами французских романов и исторических статей, которые в моде во Франции. Не в суд им я говорю, но передаю вам как вижу: из 500 страниц часто не выберешь десяти, чтоб прочесть в семейном кругу, образованном, желающем послушать. Большинство довольно; но и тому начинает наскучивать чтение, в котором нет ни одной живой мысли. Не знаю я только, каков "Современник", перешедший от Плетнева к Панаеву, Никитенке и Белинскому. Судя по именам этих трех главных распорядителей, мне кажется, что Петр Александрович сильно погрешил, передав[7] журнал Пушкина людям далеким от убеждений покойного нашего поэта. Говорят, будто бы в "Современнике" есть стремление к народности; но зная редакторов, я думаю, что это не задушевная любовь к русскому, а дань настоящему требованию. Русское пошло, слава Богу, в ход, потому его и стараются сбывать с рук – это выгоднее. Из газет, кроме "Северной Пчелы", теперь в ходу "Петерб<ургские> Ведомости". По внешности, они лучше "Пчелы", а повникнув, найдешь в них петербургского франта. Обо всем говорят гладко, кажется, и умно, и дельно, в тоне нет ничего непристойного, напротив, все очищено, вежливо и даже доведено до изысканной опрятности, а послушаешь – ничего не остается. Есть тут иногда и проповеди Филарета и заметки Кобдена и провозглашения о скотолюбии, о хорошем обращении с животными, возгласы и похвалы благотворительности. Главное старание быть приличным и, если можно, никого не обидеть, то есть не заехать в рыло. Только не знаю, почему-то в итоге видишь, что русские препорядочные скоты и что им единственное спасение – объевропеиться.

"Московский Городской Листок", говорят, пуст до крайности, я сам его не видал.

В литературе нашей неповременной нет ничего нового; может быть, этому надо радоваться, но, признаюсь, невольно негодуешь, видя, что в журналах читается все уже чересчур не русское, начиная с языка до понятий.

Вот вам все, что мне известно в глуши, – думаю, что скоро буду в Москве, оттуда могу написать поотчетливее. Дай Бог, чтоб южный климат поправил вас и прислал бы к нам, а нам сильно <нужно> крепко верующего и твердо убежденного собрата. Буду продолжать писать к вам в Неаполь; в случае перемены жилища известите меня чрез Шевырева».

[1] См. ***1847. Сентября 8 <августа 27>. Среда. Остенде.***

[2] См. ***1847. Июля 16 <28>. Среда. Ромны.***

[3] Имеется в виду Е. В. Маркевич, скончавшаяся два месяца спустя, 16 декабря 1847 г. (см. ***1843. Июля 11 <июня 29>. Вторник. День памяти св. первоверховных апостолов Петра и Павла. Венеция*** – примечания). Незадолго до отправления письма к Гоголю, 10 октября 1847 г., Чижов писал А. А. Иванову из Стародуба:

«Почти с того дня, как я расстался с вами у Ponte Molo, начались со мною беды. Вероятно вы знаете о моем неожиданном и невольном путешествии от Радзивилова в Петербург. Это было первым неожиданным для меня происшествием при въезде в Россию. Тем бы могли и кончиться беды мои, но вот его следствия. Особа, с которою было связано все мое личное, вне-общественное существование, услышав о том, что я где-то, а где именно, неизвестно, получила сначала легкий удар, потом потеряла зрение, после получила разлитие молока...» (*Виноградов 2001*. С. 473–474).

[4] См. ***1847. Августа 6 <июля 25>. Пятница. Остенде***; ***1847. Августа между 6 и 12 <июля между 25 и 31>. Остенде***; ***1847. Сентября 8 <августа 27>. Среда. Остенде.***

[5] Подробнее см.: ***1847. Мая 6 <18>. Вторник. Радзивиллов*** (примечания).

[6] Как предположил В. И. Шенрок, «Гоголь советовал Чижову больше работать самому и не полагаться на сотрудников» (*Шенрок В. И.* Друзья и знакомые Николая Васильевича Гоголя в их к нему письмах // Русская Старина. 1889. № 8. С. 378).

[7] См. ***1846. Октября 23 <ноября 4>. Среда. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 28 <16>. ЧЕТВЕРГ. РИМ

В Рим прибыл Ф. А. фон Моллер.

См. ***1847. Октября 28 <16>. Четверг. Рим.***

ОКТЯБРЯ 29 <17>. ПЯТНИЦА. РИМ

Гоголь по пути в Неаполь, вероятно, прибыл из Флоренции в Рим[1].

Во время тогдашнего кратковременного пребывания Гоголя в Риме А. А. Иванов советовался с ним, брать или не брать деньги, присланные художнику из петербургской Академии художеств «на содержание в Риме на полгода, для окончания картины»[2].

Позднее, 14 декабря (н. ст.) 1847 г., Гоголь писал Иванову из Неаполя: «Уведомьте меня, сделали ли вы что-нибудь относительно того почталиона[3], о котором я вас просил в Риме перед выездом моим».

В тот же день, 29 октября (н. ст.) 1847 г., Иванов отправил графине С. П. Апраксиной в Неаполь письмо, начатое 25 октября (н. ст.)[4]:

«Извините, что опаздываю ответом на оба ваши письма. <...> Отлагал и потому, что ждал нашего общего друга и учителя, Николая Васильевича, и потому не являлся до сего дня в канцелярию посольства. <...> Нужна бумага из Петербурга, в которой бы помещено было, что они меня не имеют права беспокоить посещением в студию, а иначе, говорит Устинов, Киль, как пристав над царскими заказами, или князь, по особой просьбе Государя, придут свидетельствовать, как продвигается моя картина. <...> Вы не поверите, как скучно смотреть на этих людей, которых все занятие состоит как будто в том, чтобы беспокоить людей, истинно и дельно занимающихся. Ясно, что тут недостает лица с глубоким сердцеведением, и способного понимать художника, — тогда все бы приняло благой оборот. <...> Покамест скажу, что получил от Устинова два векселя: один от Академии, о котором вам писал, а другой от Государя Наследника во сто червонцев, присланный мне Василием Андреевичем Жуковским, с весьма замечательным письмом, о котором я буду говорить после. Вчера сюда прибыл Моллер, и весьма благодарил меня за ваше внимание к его здоровью, переданное мною по вашему поручению»[5].

В Рим Гоголь больше не возвращался. У А. А. Иванова остались тогда книги Гоголя и целый ряд его рукописей[6], в том числе сборник украинских песен и дум[7].

[1] См. ***1847. Сентября конец <сентября вторая половина>. Остенде.***

[2] См. ***1847. Октября начало <сентября вторая половина>. Рим.***

[3] Речь идет о почтальоне, потерявшем деньги (которые, возможно, были посланы Гоголю Ивановым; см. ***1847. Декабря 28 <16>. Вторник. Неаполь***) и уволенном за это со службы. Иванов впоследствии заботился об устройстве его денежных дел (см. ***1847. Декабря между 15 и 27 <между 3 и 15>. Рим***).

[4] См. ***1847. Октября 25 <13>. Понедельник. Рим.***

[5] Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 350–351.

[6] См. ***1843. Апреля 30 <18>. Фомино воскресенье. Рим.***

[7] См. ***1839. Октября средина <сентября конец> – 1840. Августа средина <августа начало>.*** – Возможно, именно этот сборник значился позднее в описи библиотеки А. А. и С. А. Ивановых: «Canzoni populari della Piccola Russia. Manoscritto di moderno carattere» (Народные песни Малороссии. Современная рукопись; *ит.*) (*Мусатова Т. Л.* Новая книга о Гоголе в Риме: В 2 т. М., 2017. Т. 1. С. 141).

ОКТЯБРЯ 21 <НОЯБРЯ 2>. ВТОРНИК

Недавний выпускник Нежинской гимназии С. И. Пономарев[1] записывает в своем дневнике – «Путевых заметках»:

«Вот другой том Москвитянина... В нем приковывает все внимание читателя повесть Гоголя *“Рим”*; это – высокое, чудное создание поэта по своей концепции и творчеству. Как поразительна, удивительно верна, понята им характеристика Франции и величавого Рима. Читая его, забываешь, что это творение поэта, и думаешь видеть в нем философский трактат о значении этих двух стран. Восклицания похвалы и удивления невольно исторгаются из уст при чтении. Изумляюсь Гению художника, который во всяком избранном им роде сочинения показал удивительную наблюдательность и точное знание предмета, из изображаемого».

Письма И. С. Аксакова, Н. П. Барсукова, П. С. Билярского, О. М. Бодянского, кн<язя> П. А. Вяземского, В. П. Гаевского, Г. Н. Геннади, Н. В. Гербеля, Г. З. Елисеева, П. А. Ефимова, Н. И. Костомарова, М. А. Максимовича, В. И. Межова, М. П. Погодина, А. Н. Пыпина, М. М. Стасюлевича, М. И. Сухомлинова, Н. С. Тихонравова и А. А. Хованского к библиографу С. И. Пономареву, с примечаниями издателя. Материалы для биографии С. И. Пономарева, с хронологическим списком его трудов. М., 1915. С. 20.

[1] Степан Иванович Пономарев (1828–1919), филолог, библиограф, поэт.

1847 НОЯБРЯ НАЧАЛО[1] <ОКТЯБРЯ КОНЕЦ> – 1848 ЯНВАРЯ 19–20[2] <7–8>. НЕАПОЛЬ

Гоголь живет в гостинице[3] в Неаполе. С первых дней встречается с графом А. П. Толстым[4], позднее – с его сестрой, графиней С. П. Апраксиной[5], и племянницами, графинями Н. В. и М. В. Апраксиными[6]. Из письма графини А. Г. Толстой к мужу, А. П. Толстому, узнает, что А. О. Смирнова находится в Петербурге[7].

[1] См. ***1847. Октября 29 <17>. Пятница. Рим; 1847. Ноября 7 <октября 26>. Воскресенье. Неаполь.***

[2] См. ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь.***

[3] См. ***1847. Декабря 5 <ноября 23>. Воскресенье. Неаполь; 1848. Января 10 <1847. Декабря 29>. Понедельник. Неаполь.***

[4] См. ***1847. Ноября 7 <октября 26>. Воскресенье. Неаполь; 1847. Декабря 14 <2>. Вторник. Неаполь.***

[5] См. ***1847. Декабря 5 <ноября 23>. Воскресенье; 1847. Неаполь. Декабря 14 <2>. Вторник. Неаполь.***

[6] См. ***1848. Января 22 <10>. Суббота. О. Мальта; 1848. Апреля 13 <25>. Вторник Светлой седмицы. Константинополь.***

[7] См. ***1848. Января 23 <11>. Воскресенье. О. Мальта.*** – См. также ***1847. Октября 2 <14>. Четверг. Свято-Троицкая Сергиева Лавра.***

НОЯБРЯ 7 <ОКТЯБРЯ 26>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕАПОЛЬ

Граф А. П. Толстой отправляет записку к сестре, графине С. П. Апраксиной:

«Обедаю в 5 часов с Гоголем и иногда с Циммерманом»[1].

Из писем графа А. П. Толстого // *Свод.* Т. 3. С. 722.

[1] Врач, лечивший русских художников в Италии.

НОЯБРЯ 5 <17>. СРЕДА. МОСКВА

М. П. Погодин пишет ответное[1] письмо Гоголю в Неаполь:

«От Шафарика я получил известие, что от тебя не было к нему ничего. А я надеялся по твоему обещанию[2]. Вот почему не люблю я твоих замечательных магнатов! От слова до дела далеко. Они хороши – поговорить вечером в теплой комнате, а предоставь им сделать что-нибудь, тогда и увидишь. И об чем дело? О какой-нибудь тысяче рублей для сугубо доброго дела, человеку достойному, известному! Каждый из них мог бы дать впятеро, а пятерым так пришлось бы по 200 р<ублей> асс<игнациями>. Стыдно и писать.

Мы все здоровы. Холера[3] проходит. Действовала слабо и только на неосторожных. Для характеристики Москвы: Иверскую[4] брали в 17000 мест, и надо было записываться за две недели. С утра до вечера разъезжала она по городу, а петерб<ургские> журналы говорят, что Россия изжила свою религ<иозную> жизнь. Слава Богу – нет.

Посылаю тебе несколько моих последних отрывков[5]. Желаю знать мнение о "Святославе"[6].

Хомяков проехал чрез Москву, не видавшись ни с кем.

Аксаковых ты сильно огорчил[7]. Если они виноваты, то идолопоклонством пред тобою. И не тебе за то наказывать. Мои отношения к ним также изменились внутренно, потому что у них стало два семейства в одном: старое и молодое, которого крайностей я не разделяю, а старики наоборот. <...>

Мои обстоятельства плохи. <...>

Последнее письмо твое ко мне не понравилось: все как-то обращаешь ты внимание на пустяки, мелочи, а не на главное. Поймем мы себя и других, верно, не здесь. А понять непременно должно, след<овательно>, *Там* – есть».

[1] См. ***1847. Августа 31 <19>. Вторник. Остенде.***

[2] См. ***1847. Июля 8 <июня 26>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[3] Эпидемия холеры, стихшая в Москве к концу 1847 г. и возобновившаяся в следующем году.

[4] Иверскую Икону Божией Матери.

[5] Речь идет о статьях Погодина «Святослав (отрывок)» (Москвитянин. 1847. Ч. 2. С. 9–30) и «Великая княгиня Ольга» (Москвитянин. 1847. Ч. 3. С. 17–24).

[6] См. ***1848. Августа 13. Пятница. Москва.***

[7] Имеется в виду письмо Гоголя к С. Т. Аксакову от 28 августа (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Августа 28 <16>. Суббота. Остенде***).

НОЯБРЯ 7 <19>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Графиня Анна М. Виельгорская пишет Гоголю в Неаполь:

«Мы оба, любезный Николай Василевич, не спешили выполнить своего обещания писать друг другу[1], как скоро мы будем на месте, следовательно я не спрашиваю у вас прощения, потому что вы столько же виноваты, как и я[2].

Мы приехали в Петербург 30-го сентября, нашего стиля, на “Владимире”, после самого прекрасного и тихого, не совсем трехдневного мореплавания. Мы нашли здесь всех наших совершенно здоровыми. Софья Михайловна[3] так потолстела, что больше на себя не похожа. Вы, которые столько любите, чтобы женщины были полны, сильны и свежего цвета лица, вы бы очень были бы довольны теперешней наружностью Софьи Михайловны. Муж ее[4] до сих пор не воротился. Он все в деревне, занимается делами, которые не в завидном положении. В его отсутствие сестра всегда спокойнее и веселее; не знаю, как будет нынче, но я очень боюсь, что расстроенные дела ее мужа наведут на нее новые неприятности и беспокойствия. Она и Владимир желают уехать весной в деревню, чтоб остаться там, по крайней мере, год сряду и, может быть, и больше. Маменька[5], с другой стороны, не может об этом думать хладнокровно и говорит, что она не пустит сестру одну в деревню (с таким мужем). <...> Собою я не слишком недовольна: с тех пор, как мы здесь я все была спокойна и расположена всем наслаждаться и всем заниматься. Вы справедливо говорили, что рисование будет для меня очень полезно против уныния. Я все продолжаю рисовать с большой охотою и хочу непременно взять хорошего учителя pour faire des progrés en peu de temps[6]. Я нетерпелива рисовать хорошо и быть в состоянии не копировать, а выражать свои собственный мысли.

Не могу кончить письмо мое, не давши вам известия о холере. Говорят, что она совсем не сильна в Москве и гораздо менее смертельна, чем месяц тому назад. В Петербурге она еще не показалась. <...> Ожидаю письмо от вас с нетерпением».

[1] См. ***1847. Сентября 1 <августа 20>. Среда. Остенде.***

[2] Около того же времени Гоголь написал письмо А. М. Виельгорской, которое не сохранилось (см. ***1848. Января 23 <11>. Воскресенье. О. Мальта***).

[3] Графиня Соллогуб, сестра Виельгорской.

[4] Граф В. А. Соллогуб.

[5] Графиня Л. К. Виельгорская.

[6] Чтобы добиться прогресса в кратчайшие сроки (*фр.*).

НОЯБРЯ 20 <8>. СУББОТА. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет письмо к Ар. О. Россету в Петербург и ответные письма к А. О. Смирновой[1] в Калугу и к А. С. Данилевскому[2] – «инспектору 2-го Благородного пансиона при Первой киевской гимназии» – в Киев.

Из письма к Россету: «Вы меня совсем позабыли... <...> Или за то, что я до сих пор еще не благодарил вас как следует за вашу дружбу и хлопоты обо мне? <...> Я вам угожу потом. Вы знаете, что я весь состою из *будущего*, в настоящем же есмь *нуль*. Вот отчего я так бываю нагл в своих требованиях от друзей, забираю у них всё, занимаю в долг и не плачу! Если только Бог поможет, снабдя меня небольшим здоровьем еще на несколько лет, то всё будет выплачено. Всё смекнуто, соображено, замотано на ус и зарублено на стенке. Ни одно из суждений не пропущено и критики от здравых до не совсем здравых и самых нелепых были прочитаны недаром. Словом, вижу самыми хладнокровными глазами, что дело может пойти хорошо. А вы все-таки не оставляйте меня. Всякая строчка, которая показывает мне какую-нибудь сторону нашего общества, сторону русского или полурусского человека, – для меня сущая драгоценность. Не могу вам даже и объяснить, как всё это меня возбуждает, как светит и подымает на деятельность дух. Жизнь ведь перед вами все-таки движется, и люди проходят какие бы то ни было. Покуда не вглядишься в них пристально, они, кажется, не стоят наблюдения, а как вглядишься – станет открываться с каждым днем больше и больше вещей, поражающих наблюдателя души человеческой. Не позабывайте же меня. Уведомляйте меня хотя в нескольких строчках, в каких новых видах обнаруживается ныне *гадость и достоинство* человека на Руси. А остальные номера и книжки журналов все-таки пришлите мне в Неаполь. Я виделся с графиней Нессельрод, которая была очень добра ко мне в Остенде[3] и, вероятно, не откажется пособить, если бы курьеры стали отказывать<ся> брать пакеты. Впрочем, только в этом году на вас навьючена эта комиссия. Журналы на 1848 год (если Бог даст) надеюсь

читать в России. В том же году надеюсь обнять и вас самих[4]... <...> До февраля я ни в каком случае не выезжаю из Неаполя».

Из письма к Смирновой: «Наконец от вас письмецо, добрая моя! Благодарю вас, милый друг, за ваши молитвы и всегдашнюю память. Я очень понимаю, что если я живу на свете и всё обращается мне в добро, то, верно, это делается силою молитв людей, любящих меня. Я теперь в Неаполе, затем, что здесь мне как-то покойнее и отсюда я ближе к выгрузке на корабль. Думаю пуститься в феврале. Но если слишком будет бурно, что (по словам моряков) случается особенно в феврале, то отложу до весны. Прежде у меня было в мысли говеть [и] быть во время Пасхи[5] в Иерусалиме, потом побывать [и побывать] во всех местах, ознаменованных святыми событиями. Теперь ничего другого не хочется, как только поклониться в тишине Святому Гробу, принеся на нем благодарность за всё, со мной случившееся, испросить сил и мужества на свое дело и потом возвратиться прямо в Россию. Прошу вас, добрый друг, попросить всех умеющих молиться — помолиться о моем благополучном возврате. О вас я постараюсь молиться, как сумею. Но, признаюсь вам, молитвы мои так черствы! Я прежде думал, что я лучше молюсь, что я почти умею молиться временами. Но теперь вижу, что если не захочет сам Тот, Которому молишься, никак нельзя помолиться. <...> А вы успокойтесь, моя страдалица. Сложите тихо руки крестом, как младенец, и предайтесь доверчиво воле Того, Кто посылает вам страданье. Страданья эти только затем, чтобы выработалась получше душа ваша, и когда это совершится, они потом удалятся. Так как вас всё еще занимает (судя по письму вашему) судьба моей книги[6], то я вам скажу еще раз: не имейте ничего противу тех, которые против нее. Говорю вам искренно, что они мои благодетели. Без них я бы никогда не осмотрелся пристально вокруг себя, не взвесил самого себя и не созрел бы для моего труда. Ничего не бывает без смысла у Бога. И я очень благодарю Бога за то, что допустил явиться моей книге в свет, а с тем вместе допустил вооружиться против нее. <...> Напишите мне сколько-нибудь об образе жизни своей и об образе жизни тех, которые вас окружают теперь. Хоть маленький листочек из вашего дневника!»

Из письма к Данилевскому: «Письмо твое от 4 октября я получил. Адрес мой я тебе выставил в Неаполь (в прежнем письме[7]), но ты это позабыл, что с нами, грешными, случается. Подтверждаю тебе вновь, что я в Неаполе и остаюсь здесь, по крайней мере, до февраля. Потом в дорогу Средиземным морем, и если только Бог благословит возврат мой на Русь, не подцепит меня на дороге чума, не поглотит море, не ограбят разбойники и не доконает морская болезнь, [от которой доселе я страдал страшно][8] наконец, не задержат карантины, то в июне или в июле увидимся[9]. Писал я: "Побеседуем денька два вместе", потому что, сам знаешь, всяк из нас на этом свете — дорожный человек, куда-нибудь да держащий путь, а потому оставаться на ночлеге слишком долго из-за того только, что приютно и тепло и попались хорошие тюфяки, есть уже баловство. У всякого есть дело, прикрепляющее его к какому-нибудь месту. Я же не зову тебя в Москву или в Петербур<г>, или в Неаполь, хотя <бы> мне и приятно было иметь тебя об руку. Я хотя и не имею никакой службы, собственно говоря о формальной службе, но тем не менее должен служить в несколько раз ревностнее [на своем <месте>] всякого другого. Жизнь так коротка, а я еще почти ничего не сделал из того, что мне следует сделать. В продолженьи лета мне нужно будет непременно заглянуть в некоторые, хотя главные, углы России. Вижу необходимость существенную взглянуть на многое своими собственными глазами. А потому, как бы ни рад был прожить подоле в Киеве, но не думаю, чтобы удалось больше двух дней; столько полагаю пробыть и у матушки. Осень — в Петербурге, зиму — в Москве, если позволит, разумеется, здоровье. Если же сделается хуже — отправлюсь зимовать на юг. Теперь я должен себя холить и ухаживать за собой, как за нянькой, выбирая место, где *лучше и удобнее работается*, а не где веселей проводить время. Твое намерение перебраться в Одессу, вероятно, не без основания, иначе ты не стал бы так хлопотать о том. Но это дело такое, о котором, как мне кажется, следует потолковать лично. Писать же теперь в Петербург (к кому? и о чем?) это будет трата времени и ничего больше. Мне кажется, прежде следовало бы тебе списаться с кем-нибудь в Одессе, выглядеть себе место, узнать, хорошо ли оно и не занято ли уже кем-нибудь, и потом уже хлопотать. Покаместь советую тебе написать самому в Петербург к Плетневу, если

только место по ученой части. Он лучше других может помочь здесь, тем более, что он и тебя самого знает, да и по дружбе ко мне о тебе особенно похлопочет, а я, пожалуй, прибавлю и от себя слово. Милую Ульяну Григорьевну[10] благодарю много за приписочку и вести. <...> Адресуй в Неаполь, poste restante».

[1] См. ***1847. Октября 2 <14>. Четверг. Свято-Троицкая Сергиева Лавра.***

[2] См. ***1847. Октября 4 <16>. Суббота. Киев.***

[3] См. ***1847. Сентября вторая половина <сентября первая половина>. Остенде.***

[4] См. ***1848. Сентября 18. Суббота – октября 9. Суббота. Санкт-Петербург.***

[5] Подробнее см.: ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь*** (примечания).

[6] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[7] См. ***1847. Мая 18 <6>. Вторник. Флоренция.***

[8] Гоголь опасался умереть от морской болезни, которой всегда страдал (см., в частности: ***1829. Июня 6–14 <18–26>. Кронштадт – Травемюнде. Борт парохода «Николай I»***). 6 августа (н. ст.) 1844 г. он, в частности, писал В. А. Жуковскому: «Уже несколько лет, как дал обещанье не ехать морем, это для меня и в здоровом состоянии было невыносимо... <...> Я страдал ужасно даже и во время небольшого волненья...» (см. ***1844. Августа 6 <июля 25>. Вторник. Остенде***). В конце ноября – начале декабря (н. ст.) 1847 г., Гоголь сообщал из Неаполя Н. Н. Шереметевой: «Отправляться мне приходится во время, когда на море бывают непогоды, а я бываю сильно болен морскою болезнью даже и во время малейшего колебанья» (см. ***1847. Ноября конец – декабря начало <ноября вторая половина>. Неаполь***). В письме из Неаполя от 2 декабря (н. ст.) 1847 г. Гоголь признавался С. П. Шевыреву: «...По малодушию моему сильно боюсь моря. Я страдаю ужасно от морской болезни, а пути почти одиннадцать дней...» 7 декабря (н. ст.) 1847 г. он сообщал также М. П. Погодину: «...Замирает малодушный дух мой при одной мысли о том, какой длинный мне предстоит переезд, и все почти морем, которого я не в силах выносить и от которого страдаю ужасно»; 12 декабря (н. ст.) 1847 г. писал матери: «Дорога мне предстоит не малая, езда почти всё морем, на котором я обыкновенно страдаю сильно от морской болезни»; в тот же день, П. А. Плетневу: «Я стражду сильно, когда бываю на море, а моря мне придется много».

Ранее, в *Предисловии* к «Выбранным местам из переписки с друзьями», Гоголь объяснял помещение здесь своего «Завещания» тем, что, по его словам, смерть могла «застигнуть» его на пути в Иерусалим: «...Прилагаю <...> завещание, с тем чтобы в случае моей смерти, если бы она застигла меня на пути моем, возымело оно тотчас свою законную силу, как засвидетельствованное всеми моими читателями». Прошение о благополучном плавании он включил и в молитву, которую 12 января (н. ст.) 1848 г. выслал Шереметевой и 15 января (н. ст.) 1848 г. матери: «Боже, соделай безопасным путь его, <...> восстанови тишину морей и укроти бурное дыхание непогоды!» («...бурное дыхание ветров!») (см. ***1848. Января 12 <1847. Декабря 31>. Среда. Неаполь***; ***1848. Января 15 <3>. Суббота. Неаполь***). В «Авторской исповеди» Гоголь замечал: «...Я не нахожу ничего странного, если и ученик по окончании своего ученья спешит сказать благодарственное слово учителю. Если сын спешит на могилу отца перед тем, как предстоит ему поприще, – почему же и мне не поклониться той могиле, которой поклоняются все, на которой все получают себе какое-нибудь напутствие, где вдохновляются все, даже и не поэты? Странно, может быть, то, что я об этом сказал в печатной книге (в *Предисловии* к «Переписке с друзьями». – *И. В.*). Но я в то время только что оправился от тяжкой болезни. Я был слаб; я не думал, что буду в силах совершить это путешествие. Мне хотелось, чтобы помолились обо мне те, которых вся жизнь стала одною молитвой. Я не знал, как сделать, чтобы голос мой достигнул в глубину келий и стен затворников, в мысли, что авось кто-либо из прочитавших донесет им мое слово». Прибыв на Мальту, Гоголь 22 января (н. ст.) 1848 г. писал графу А. П. Толстому: «Рвало меня таким образом, что все до едина возымели о мне жалость...»; и на следующий день – графине А. М. Виельгорской: «Если бы еще такого адского состоянья были одни сутки, меня бы не было на свете»; и Шевыреву: «Еще не было сильной бури, а уже меня привело в такое состояние беспрерывной рвотой всякие десять минут, что я походил скорей на умирающего, чем на сохраняющего в себе залог жизни. <...> ...Как подумаю, что предстоят целые дни безостановочного пребыванья на море без заездов на твердую землю, – дух захватывает».

[9] См. ***1848. Мая 29. Троицкая родительская суббота – июня 1. Вторник Троицкой седмицы. Киев.***

[10] Жена Данилевского.

НОЯБРЯ 12 <24>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. И. Иванов пишет сыну, С. А. Иванову, в Рим:

«Ты писал мне, что брат твой[1] получил какое-то огорчение по дирекции, учрежденной над русскими пенсионерами в Риме. – Брату твоему ожидать надлежит и впредь чего-либо подобного от

дирекции, которая действует таким образом не сама собою, но по назначению от тех, кому не нравится долгое пребывание его за границею под предлогом окончания его работы, которая могла бы быть давно приведенною к концу, естьли бы он ею занимался по обыкновению всех художников, не выжидал какого-то вдохновения свыше. Я говорю здесь о вдохновении потому, что об оном узнал я из книги Г-на Гоголя, *Письма к друзьям*, где он много говорит об твоем брате[2] относительно его чувствований, чувствований необыкновенных».

Из писем А. И. Иванова к С. А. Иванову // *Свод.* Т. 3. С. 360.

[1] А. А. Иванов.
[2] Подразумевается статья *XXIII. Исторический живописец Иванов* в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя.

НОЯБРЬ <ОКТЯБРЯ КОНЕЦ – НОЯБРЯ СРЕДИНА>. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет письмо к К. М. Базили в Бейрут[1] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1847. Декабря 25 <1848. Января 6>. Четверг. Праздник Рождества Христова. Бейрут.***

ДЕКАБРЯ 2 <НОЯБРЯ 20>. ЧЕТВЕРГ. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет в Москву ответное[1] письмо С. П. Шевыреву:

«Наконец от тебя письмо. Благодарю очень за вести. <...> Весьма жалею, если моим письмом огорчил моего доброго Сергея Тимофеевича Аксакова[2]. <...> В письмах С<ергея> Т<имофеевича> было тоже не мало того, от которого бы другой огорчился. Но зачем же один я только не вправе огорчаться ничем, а прочие вправе огорчаться? <...> Что я меньше любил Аксаковых, чем они меня, это совершенная правда, и зачем мне это скрывать? Но дело в том, что я теперь больше люблю всё то, что достойно любви, чем когда-либо прежде; стало быть, неминуемо должно быть, что и любовь моя к друзьям моим стала большею, чем когда-либо прежде. Это также правда, и ее ты передай Сергею Тимофеевичу, если только он действительно на меня в неудовольствии. <...>

Замечание твое, что мои нервы страдают именно от климата неаполитанского, я не думаю, чтоб было справедливо; по крайней мере, я здесь чувствую себя не только лучше, чем в Германии, но даже, чем в Риме. Впрочем, попробую прожить в России. Очень был бы рад и почел бы за особенную милость Божию, если б климат наш пришелся мне теперь впору. Я очень соскучился по России и жажду с нетерпением услышать вокруг себя русскую речь. А тебя прошу заблаговременно отмечать для меня на особенной записочке всё то, что, по твоему мнению, мне нужно видеть и слышать, равно как и имена всех тех людей, с которыми мне следует познакомиться. Твой слепец[3], о котором ты упоминаешь, должен быть для меня очень потребный человек. Мне теперь особенно будут нужны беседы с теми людьми, которые могут подать мне сведения верные и *близкие* обо всех сословиях вообще, и особенно низших. Пожалуйста, не забывай также отмечать и всякие книжки, выходящие по этой части. Снегирева я получил; дивлюсь, как этого человека разбрасывает во все стороны! По дороге он никак не может идти, но, точно с похмелья, и вправо, и влево, повторяя несколько раз одно и то же. Нужно иметь четыре головы, чтобы его читать. Даже эту малую толику, которую он собрал в своей книге, трудно увидеть из его же книги. Летописи[4] также получил и благодарю очень за всё это».

Выписки из книги И. М. Снегирева «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (М., 1839. Кн. 1–4) Гоголь внес в свою записную книжку 1846–1850 гг. Кроме того, выписки из этой книги находятся в грамматической заметке Гоголя «Синтаксис»[5], написанной на том же листе бумаги, что и последняя часть неотправленного письма Гоголя к В. Г. Белинскому от конца июля – начала августа (н. ст.) 1847 г.[6]

Выписки из книги Снегирева: «Первый весенний праздник *Красная горка*. Состоит из хороводов по улице, изображающих сеянье проса. – ...Хороводница запевает: “Заплетися, плетень”. – Хор поет: “Расплети-

ся, плетень"», — использованы Гоголем в описании хороводов в первой главе второго тома «Мертвых душ» («На деревне - заплетались и расплетались весенние хороводы...»). К этим же выпискам восходит упоминание о Красной горке в четвертой главе второго тома («...уже испокон века собираются крестьяне праздновать там Красную горку»)[7].

Далее в послании к Шевыреву Гоголь писал:

«На замечанье твое, что "Мертвые души" разойдутся вдруг, если явится второй том, и что все его ждут, скажу то, что это совершенная правда; но дело в том, что написать второй <том> совсем не безделица. Если ж иным кажется это дело довольно легким, то, пожалуй, пусть соберутся да и напишут его сами... <...> Словом, на все эти ребяческие ожидания и требования 2 тома глядеть нечего. Ведь мне же никто не хотел помочь в этом самом деле, которого ждет! Я не могу ни от кого добиться записок его жизни. Записки современника, или, лучше, воспоминанья прежней жизни, с окруженьем всех лиц, с которыми была в соприкосновении его жизнь, для меня вещь бесценная. Если б мне удалось прочесть биографию хотя двух человек, начиная с 1812 года[8] и до сих пор, т. е. до текущего года, мне бы объяснились многие пункты, меня затрудняющие. Но довольно обо всем этом. Бог милостив, и у Него всё возможно. Может быть, мне будет дано здоровье, силы и возможность не полагаться ни на кого, высмотреть всё самому.

Я еще остаюсь в Неаполе до половины февраля, а в феврале думаю сесть на корабль, хотя, признаюсь, по малодушию моему сильно боюсь моря. Я страдаю ужасно от морской болезни[9], а пути почти одиннадцать дней, включая туда остановки по одному дню в Мальте, Александрии и Афинах. Со мной ни души: всё, что и собиралось прежде в Иерусалим, отложило поездку[10]. Погодин даже не отвечал мне на мой запрос: едет ли он или нет в этом году? <...> Признаюсь, часто даже находит на меня мысль: зачем я поеду теперь в Иерусалим? Прежде я был, по крайней мере, в заблуждении насчет самого себя. Я думал, что я хоть немного лучше того, что я есмь. Я думал, что я подвинулся ближе к тому делу, за которым ехал в Иерусалим, я думал, что молитвы мои что-нибудь будут значить у Бога, если только помолятся мои земляки, люди той же земли, чтобы значили что-нибудь мои молитвы. Теперь думаю: не будет ли оскорблением святыни мой приезд и поклоненье мое? Если бы Богу было угодно мое путешествие, возгорелось бы в груди моей и желание сильнее, и всё бы меня тянуло туда, и не посмотрел бы я на трудности пути. Но в груди моей равнодушно и черство, и меня устрашает мысль о затруднениях.

Вот какая мысль приходит мне часто на ум, а прежде она не приходила. Не показывай, пожалуйста, никому этой странички моего письма; покажи разве одной только старушке Над<ежде> Ник<олаевне> Шереметевой[11], если она будет обо мне спрашивать: она обо мне помолится в простоте сердца. Прочие будут выводить из этого всякие заключения и умничать...»

[1] См. ***1847. Октября 4 <16>. Суббота. Москва.***

[2] Подразумевается письмо Гоголя к Аксакову от 28 августа (н. ст.) 1847 г. (см. ***1847. Августа 28 <16>. Суббота. Остенде***).

[3] М. А. Серебряков.

[4] См. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь*** (примечания); ***1847. Февраля 11 <января 30>. Четверг. Неаполь***; ***1847. Апреля 27 <15>. Вторник. Неаполь***; ***1847. Июня 14 <26>. Суббота. Москва***; ***1847. Октября 4 <16>. Суббота. Москва.***

[5] См.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 421, 777. – См. также ***1841. Октября 17 – 1842. Мая 23. Москва.***

[6] См. ***1847. Июля конец – августа начало <июля вторая половина>. Остенде.***

[7] К этим описаниям примыкает также следующая фраза в записной книжке Гоголя 1846–1850 гг.: «*Гулянка,* которой ждали целый год поселяне, была в полном своем разгаре». Эта фраза была, в свою очередь, использована в первой главе второго тома «Мертвых душ»: «В деревне пошли хороводы. Гулянью был простор».

[8] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* 1812 год и «Тарас Бульба»: прошедшее и настоящее в замысле Н. В. Гоголя // 1812 год и мировая литература. М., 2013. С. 91–140; *Виноградов И. А.* 1812 год в героях «Тараса Бульбы» и «Мертвых душ» // Вестник Литературного института. 2015. № 2. С. 37–41.

[9] См. также ***1847. Ноября 20 <8>. Суббота. Неаполь*** (примечания).

[10] Подробнее см.: ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь*** (примечания).

[11] См. ***1847. Декабря 17 <29>. Среда. Москва.***

НОЯБРЯ 20 <ДЕКАБРЯ 2>. ЧЕТВЕРГ. С. ПОКРОВСКОЕ

Н. Н. Шереметева пишет Гоголю письмо в Неаполь (письмо было закончено и отправлено позднее, 10 декабря 1847 г.[1]):

«По неизреченному милосердию Божию сподобилась приобщиться Святых Таин... <...> О вас, мой друг, как помнилось это время, Бог видит. <...> ...Мне больно, так давно не имею от вас ни слова. В Москву пишу, осведомляюсь о вас, и никакого известия не имею. На последнее письмо ваше[2], которое получила в исходе июля[3], к вам 7 августа[4] отвечала и по назначению вашему адресовала в Франкфурт в наше посольство. <...> Все ждала, ждала, наконец 14 октября[5] написала к вам в Неаполь – на это бы пора получить ответ. <...> В столь важное и отрадное для души время[6] хотелось хоть немного с вами, мой друг, побеседовать, и как случится быть в Москве[7], там о вас узнаю и отправлю эти строки. Вы сближаетесь с отъездом к Святым Местам и чрез это мне еще как-то ближе становитесь... <...> Что до отъезду вашего ради Христа обдумайте и внутренно себя исследуйте, нет ли какой против кого бы то ни было неприятности. Ради Бога все сбросьте с сердца, в котором должна водвориться тишина и спокойствие, чтобы ничто не теснило душу, которая стремится поклониться Гробу Господню. Ох, не только в это время, но, мне кажется, вообще трудно существовать, имея что-нибудь на сердце против кого бы то ни было. <...> По благости Его *должно* и *можно* убедиться в том, что на сем свете нет ничего, за что бы можно было продолжительно досадовать. В минуту оскорбления по слабости нашей что-то почувствуешь, но вслед за этим увидишь, что для собственного спокойствия необходимо, чтобы на сердце не было иного ощущения относительно каждого, как только то, что долг Христианской требует. Тогда идешь просто и прямо, повсюду ничто внутренно не теснит; мое дело не о том заботиться, кто ко мне каков, а дай Бог, чтобы я была ко всем хороша, а если и случится по слабости нашей что сказать и тем ближнего оскорбить, то сознать свою ошибку есть истинное утешение. Сознание есть признак души высокой. <...> ...Если кто скажет или сделает какую неприятность, что за важность, от чего не стерпеть ради Христа, не вступайтесь за себя, а с смирением примите и возблагодарите Милосердного Господа, и по Его милосердию тотчас почувствуете душе отраду, которую и передать словами нельзя, но глубоко познаете беспрерывное Его о нас Отцовское попечение».

[1] См. ***1847. Декабря 10 <22>. Среда. Москва.***
[2] См. ***1847. Июля 24 <12>. Суббота. Остенде.***
[3] На самом деле 3 августа 1847 г. (см. ***1847. Августа 3 <15>. Воскресенье. С. Покровское***).
[4] См. ***1847. Августа 7 <19>. Четверг. С. Покровское.***
[5] См. ***1847. Октября 14 <26>. Вторник. С. Покровское.***
[6] Дни Рождественского поста, с 15 ноября по 24 декабря (ст. ст.).
[7] См. ***1847. Декабря 10 <22>. Среда. Москва.***

НОЯБРЯ КОНЕЦ – ДЕКАБРЯ НАЧАЛО <НОЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет в Москву ответ на два письма[1] Н. Н. Шереметевой:

«Я виноват перед вами... <...> В оправданье вам ничего не могу другого сказать, кроме того, что "просто не писалось". <...> О том, что далеко от души, говорить ***не хочется***, о том же, что близко душе, говорить ***не можется***, и пребываешь в молчаньи, сам не зная отчего. Я теперь в Неаполе; приехал сюда затем, чтобы быть отсюда ближе к отъезду в Иерусалим. Определил даже себе отъезд в феврале, и при всем том нахожусь в странном состоянии, как бы не знаю сам, еду ли я или нет. Я думал, что желанье мое ехать будет сильней и сильней с каждым днем, и я буду так полон этою мыслью, что не погляжу ни на какие трудности в пути. Вышло не так. Я малодушнее, чем я думал, меня все страшит. <...> Отправляться мне приходится совершенно одному; товарища и человека,

который бы поддержал меня в минуты скорби, со мною нет, и те, которые было располагали в этом году ехать, замолкли[2]. Отправляться мне приходится во время, когда на море бывают непогоды, <а> я бываю сильно болен морскою болезнью[3] даже и во время малейшего колебанья. Все это часто смущает бедный дух мой и смущает, разумеется, оттого, что бессильно мое рвенье и слаба моя вера. Если бы вера моя была сильна и желанье мое жарко, я бы благодарил Бога за то, что мне приходится ехать одному и что самые трудности и минуты опасные заставят меня сильней прибегнуть к Его помощи и вспомнить о Нем лучше, чем как привык вспоминать о Нем человек в обыкновенные и спокойные дни жизни. В последний год или, лучше, в последнюю половину года, произошло несколько перемен в душе моей. Я обсмотрелся больше на самого себя и увидел, что я еще ученик во всем, даже и в том, в чем, казалось, имел право считать себя уже выучившимся и знающим. Это меня много смирило, вооружило большей осторожностью и недоверчивостью к себе и с тем вместе как бы охладило меня и в том, в чем бы я никогда не хотел охлаждаться. О, молитесь, мой добрый друг, чтобы росой божественной благодати оросилась моя холодная душа, чтобы твердая надежда в Бога воздвигнула бы во мне все, и я бы окреп, как мне нужно, затем, чтобы ничего не бояться, кроме Бога. Молитесь, прошу вас, так крепко обо мне, как никогда не молились прежде».

[1] См. ***1847. Августа 7 <19>. Четверг. С. Покровское***; ***1847. Октября 14 <26>. Вторник. С. Покровское.***
[2] Подробнее см.: ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь*** (примечания).
[3] См. также ***1847. Ноября 20 <8>. Суббота. Неаполь*** (примечания).

ДЕКАБРЯ 4 <НОЯБРЯ 22>. СУББОТА. РИМ

А. И. Герцен заезжает к А. А. Иванову с рекомендательным письмом от И. П. Галахова[1]. Не застав художника дома, оставляет ему записку с просьбой назначить час, когда можно прийти:

«Препровождая к вам, милостивый государь, письмо от искреннейшего приятеля вашего, Ивана Павловича Галахова[2], я считаю долгом сказать, что я сегодня был уже у вас на Piazza Apollinaria, там мне сказали, что вы уехали с г. Моллером за город. Если вы назначите свободный час, я попрошу позволения прийти к вам; что касается до меня, у меня все часы свободны»[3].

[1] Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1812–1870. М.: Наука, 1974. С. 423.
[2] 9/21 ноября 1847 г. Галахов писал: «Почтеннейший Александр Андреевич! <...> Рекомендую вам близкого мне приятеля и москвича, Александра Ивановича Герцена. Это второе качество в нем должно иметь для вас некоторую привлекательность. Познакомившись, оба увидите, как далеко может идти ваше знакомство; я могу только заверить, что г. Герцен с участием и признательностью воспользуется вашей одолжительностию, которой в Риме для опытного художника немало повода» (Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1812–1870. М.: Наука, 1974. С. 421).
[3] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1961. Т. 23. С. 48–49.

ДЕКАБРЯ ОКОЛО 5 <НОЯБРЯ ОКОЛО 23>. РИМ

А. И. Герцен знакомится с А. А. Ивановым (по-видимому, в его студии)[1].

Позднее, в 1858 г., Герцен вспоминал: «При первом свидании мы чуть не поссорились. Разговор зашел о “Переписке” Гоголя[2], Иванов страстно любил автора, я считал эту книгу преступлением. Влияние этого разговора не изгладилось, многое поддерживало его»[3].

[1] Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1812–1870. М.: Наука, 1974. С. 423.
[2] См. также ***1847. Декабря между 6 и 13 <между ноября 24 и декабря 1>. Рим.***
[3] *Герцен А. И.* А. Иванов // Собр. соч.: В 30 т. М., 1958. Т. 13. С. 326.

ДЕКАБРЯ 5 <НОЯБРЯ 23>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет в Рим письмо А. А. Иванову, с вложением письма к Ф. А. фон Моллеру (последнее письмо не сохранилось).

Из письма к Иванову: «Давно уже я о вас не имею никаких вестей... <...> Не опасайтесь от меня жестких писем, я их теперь даже и не сумею написать, ибо вижу, что если и нужно кого попрекать, так это больше *себя*, а не другого. Я живу в Неаполе довольно уединенно и мирно, несмотря на то, что живу в трактире. Как-то лень искать квартир, и я день за днем остаюсь в Hotel de Rome. С Софьей Петровной[1] вижусь довольно часто. Полагаю прожить здесь до половины февраля, а в половине февраля сажусь на корабль с тем, чтобы пуститься в Иерусалим, а оттуда в Россию. Если встретите кого-нибудь из моих знакомых, приехавших в Рим, которые бы пожелали со мной видеться, то скажите им, что от их воли — заглянуть в Неаполь. Узнайте, не отправляется ли кто также в Иерусалим около этого времени; в таком случае дайте ему мой адрес. Мне очень будет приятно иметь попутчика-земляка. Передайте при сем прилага<емое> письмецо Моллеру... <...> Не отправляется ли на Восток кто-нибудь из художников-архитекторов? Ему бы со мною было выгодно, притом и издержек меньше».

[1] Графиня Апраксина, сестра графа А. П. Толстого.

НОЯБРЯ 24 <ДЕКАБРЯ 6>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Предписание директора Императорских театров А. М. Гедеонова Конторе Императорских Московских театров о возобновлении с М. С. Щепкиным контракта на три года.

Гриц. С. 407.

ДЕКАБРЯ 7 <НОЯБРЯ 25>. ВТОРНИК. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет письмо к М. П. Погодину в Москву:

«Что же ты, добрый мой, замолчал опять[1]? Остановило ли тебя просто *нехотенье* писать <...> или оскорбило тебя какое-нибудь выраженье письма моего[2]? <...> Что нам глядеть на слова? <...> Мне очень многих случилось оскорбить на веку. Если мне не станут прощать *близкие* и великодушные, как же тогда простят *далекие* и малодушные? Чем далее, тем более вижу, как я много оскорбил тебя[3]; могу сказать, что только теперь чувствую [всю] *величину* этого оскорбления, а прежде и в минуту, когда я нанес это публичное оскорбление тебе, я вовсе его не чувствовал, я даже думал, что я поступаю так, как следовало мне. Странное, однако ж, дело, я не чувствую, однако ж, ни стыда, ни раскаяния. Я только люблю тебя больше, именно от<того>, что чувствую себя неправым перед тобою, точно как бы мне теперь хочется любить только тех, кто великодушнее меня. Твердое ли убеждение в том, что нет вещи *неисправимой*, и гордая надежда на силы, которые подаст мне Бог исправить промахи мои, — что бы то ни было, только я гляжу с каким-то бесстыдством в глаза всем тем, которых я оскорбил, а в том числе и тебе. <...> Пиши, не дожидаясь моих ответов, до самого февраля месяца. <...> Не стыдись и малодушия твоего, поведай и его, если оно найдет на тебя. Ты скажешь дело знающему человеку. Малодушнее меня, я думаю, нет в мире человека, несмотря на то, что [бывает иногда] есть действительно способность быть великодушным. <...> О себе скажу только то, что покаместь здоровьем слава Богу. Много, много произошло всякого рода вещей, явлений в моем внутреннем мире, и всё Божьей милостью обратилось в душевное добро и в предмет

созданий точно художественных, если только даст Бог силы физические совершить то, что уже вызрело в душе и в уме. <...> Мне очень теперь хочется ехать в Россию, но замирает малодушный дух мой при одной мысли о том, какой длинный мне предстоит переезд, и всё почти морем, которого я не в силах выносить и от которого страдаю ужасно[4]. Не ехать же в Иерусалим как-то стало даже совестно. Если нет внутреннего желанья, так сильного, как прежде, то все-таки следует хотя поблагодарить за всё случившееся, потому что случилось многое из того, что, я думал, без Иерусалима не случится: дух освежило, и силы [на дело] обновились...»

[1] Ср. ***1847. Ноября 5 <17>. Среда. Москва.***
[2] См. ***1847. Августа 31 <19>. Вторник. Остенде.***
[3] Подразумевается статья *IV. О том, что такое слово* «Выбранных мест из переписки с друзьями».
[4] См. также ***1847. Ноября 20 <8>. Суббота. Неаполь*** (примечания).

НОЯБРЯ 28 <ДЕКАБРЯ 10>. ПЯТНИЦА

Выпускник Нежинской гимназии С. И. Пономарев записывает в своем дневнике – «Путевых заметках»:

«Недавно читал я *Арабески* Гоголя (1 часть) и сильно восхищался статьями его, помещенными там. <...> Когда достану вторую часть, тогда непременно выражу свое суждение о *Арабесках*, а теперь скажу только, что я до сих пор любил и уважал Гоголя как поэта, прочитавши же *Арабески*, я уважаю его еще более, уважаю как ученого, и ученого с могучими силами, мыслями, с оригинальнейшими и справедливейшими суждениями, какие редко, очень редко случалось мне читать. – Остается теперь только достать последнее его сочинение “Выбранные места из переписки с друзьями”, и я тогда прочту все сочинения его. Хотя, впрочем, у меня много предубеждения против этой переписки, образовавшегося вследствие отзыва журналов (От<ечественные> З<аписки>; Совр<еменник>; Ф<инский> В<естник>; Б<иблиотека> д<ля> Ч<тения>), но я очень желал бы достать ее и прочесть».

Письма И. С. Аксакова, Н. П. Барсукова, П. С. Билярского, О. М. Бодянского, кн<язя> П. А. Вяземского, В. П. Гаевского, Г. Н. Геннади, Н. В. Гербеля, Г. З. Елисеева, П. А. Ефимова, Н. И. Костомарова, М. А. Максимовича, В. И. Межова, М. П. Погодина, А. Н. Пыпина, М. М. Стасюлевича, М. И. Сухомлинова, Н. С. Тихонравова и А. А. Хованского к библиографу С. И. Пономареву, с примечаниями издателя. Материалы для биографии С. И. Пономарева, с хронологическим списком его трудов. М., 1915. С. 22.

ДЕКАБРЯ 12 <НОЯБРЯ 30>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕАПОЛЬ

Гоголь посылает письмо к П. А. Плетневу в Петербург, с вложением нового[1] письма к протоиерею Матфею Константиновскому (письмо к отцу Матфею Плетнев должен был переслать во Ржев). В тот же день Гоголь отправляет письмо матери в Васильевку, к которому, вероятно, прикладывает письмо к сестре Анне[2].

Из письма к Плетневу: «Я думал, что по приезде в Неаполь найду от тебя письмо. <...> Если я не получу до времени моего отъезда от тебя письма и дружеского напутствия в дорогу, мне будет очень грустно: предстоящая дорога не легка. Я стражду сильно, когда бываю на море[3], а моря мне придется много. Я один; со мной нет никого, кто бы поддержал меня в пути в мои малодушные минуты, равно как и в минуты бессилья моего телесного. <...> Ради Бога, не медли и напиши не один раз, но два и три. Если, даст Бог, мы увидимся в наступающем 1848 году, – поблагодарю за всё лично. До февраля я буду еще здесь. Адресуй в Неаполь, poste restante. А с тех же пор, то есть от половины февраля нового штиля, адресуй в Константинополь, на имя нашего посланника Титова[4]. Денег посылать не нужно. Если не обойдусь с своими, то могу в Константинополе прибегнуть к

займу. Свидетельством о жизни, при сем прилагаемым, вытребуй следуемые мне деньги в сто (100) рублей серебром отправь в скорейшем, как можно, времени в город Ржев (Тверской губернии) тамошнему протоиерею Матвею Александровичу для передачи кому следует, присоединив при сем прилагаемое письмо, а остальные <деньги> присовокупи к прежним».

Из письма к отцу Матфею: «При этом письмеце вы получите, почтеннейший и добрейший Матвей Александрович, 100 рублей серебром. Половину этих денег прошу вас убедительно раздать бедным, то есть беднейшим, какие вам встретятся, прося их, чтобы помолились они о здоровьи душевном и телесном того, который от искреннего желания помочь дал им эти деньги. Другую же половину, то есть остальные 50 рублей, разделить надвое: 25 рублей назначено на три молебна о моем путешествии и благополучном возвращении в Россию, которые умоляю вас отслужить в продолжение Великого поста и после Пасхи, как вам удобнее. 25 рублей остальные оставьте покуда у себя, издерживая из них только на те письма, которые вы писали или будете писать ко мне, равно как и те, которые получаете от меня и будете получать. Я вас ввел в издержки, потому что уже такое постановление: с тех не берут за письма, которые находятся за границей, за всё платят вдвойне те, которые остаются в России. Оттого и упала на вас одного тягость [издержания]. <...> От всей души признательный вам за молитвы и добрые советы Николай Гоголь. Если вам придет добрая мысль написать ко мне, то адресуйте в Неаполь, poste restante... <...> Я еще до февраля остаюсь».

Надпись на письме к отцу Матфею: «В Ржев Тверской Губернии. Соборному Протоиерею Матвею Александровичу. При сем 100 р<ублей> серебром»[5].

Из письма к матери: «Очень давно я уже не получал от вас писем и не знаю, что с вами делается. Если вам некогда, почему же сестры не пишут? Уведомляю вас, что я остаюсь в Неаполе до февраля месяца. А в феврале думаю двинуться в путь, если Бог благословит его. Дорога мне предстоит не малая, езда почти всё морем, на котором я обыкновенно страдаю сильно от морской болезни[6]. <...> ...Я прошу вас теперь всех молиться обо мне крепко, как только можете. На это письмо вы еще можете написать ответ. Если не будете откладывать и отправите его тот же час, то оно меня застанет еще в Неаполе».

Из письма к сестре Анне: «От Шевырева ты получишь несколько книг, которые ты должна будешь прочесть вместе с племянником[7], потому что они собственно для него. Но я бы хотел, чтобы ты их прочитала тоже. Они могут и тебя несколько навести на то, что именно нужно знать тому, кто бы захотел бы истинно честно служить земле своей. Тебе [не мешает это знать] это нужно, чтобы уметь внушить своему племяннику *желание* любить Россию и *желанье* знать ее. Прочитай особенно книгу самого Шевырева "Чтения русской словесности". Они тебя введут глубже в этот предмет, чем племянника, потому что он еще дитя, и ты будешь потом в силах истолковать ему многое, чего он сам не поймет. Старайся также внушить ему, что на всяком месте можно исполнять свято долг свой, и нет в мире места, которое бы можно назвать было презренным. Всякое место может быть облагорожено, если будет на него благородный человек. Между книгами одна будет Гуфланда "О жизни человеческой"[8], ты ее передай Ольге[9]. Это ее книга, так же, как и прочие духовного содержания. Пожалуста, почаще экзаменуй племянника в тех науках, которые он учит в гимназии. Заставляй еще почаще изъяснять тебе, в чем именно состоит такая-то и такая наука и что в ней содержится. Проси его слушать повнимательнее преподавателей, чтобы пересказать потом тебе, уверь его, что ты многому и сама хочешь поучиться у него. <...> Тогда тебе лучше откроется, что он такое и к чему именно есть у него способности. Старайся также доказать ему, что тот, кто *желает* учиться и быть полезным земле своей, тот сумеет научиться и у профессора не очень умного, а кто не имеет этого *желанья*, тот не научится ничему и у наиумнейшего учителя. Чтобы он не научился не радеть и о самой *науке* из-за того только, что *учитель* не совсем хорош. Но чтобы чувствовал, что тогда еще больше нужно *работать* самому, когда учитель не так хорош».

[1] Ср. ***1847. Сентября 24 <12>. Пятница. Остенде.***

[2] Судя по неполному адресу (письмо надписано: «Сестре Анне Васильевне Гоголь»), послание было вложено в письмо к матери. Содержание письма к сестре связано с письмом к С. П. Шевыреву от 18 декабря (н. ст.)

1847 г., когда Гоголь написал сестре еще одно послание (см. ***1847. Декабря 18 <6>. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Неаполь***).

[3] Подробнее см.: ***1847. Ноября 20 <8>. Суббота. Неаполь*** (примечания).

[4] В. П. Титов.

[5] *Городецкий*. С. 439.

[6] Подробнее см.: ***1847. Ноября 20 <8>. Суббота. Неаполь*** (примечания).

[7] Н. П. Трушковский.

[8] Имеется в виду русский перевод книги берлинского врача, профессора Х. В. Гуфеланда (Гуфланда, 1762–1836) «Kunst, das menschliche Leben zu verlängern» (Искусство продления человеческой жизни; *нем.*), вышедшей первым изданием в 1796 г. Выписки из этого сочинения делал в 1804–1807 гг. В. А. Жуковский, который в 1820 г. познакомился с Гуфеландом и впоследствии много с ним общался. (На дочери Гуфеланда Елизавете был женат А. С. Стурдза.) – См. также ***1847. Декабря 18 <6>. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Неаполь***. – См. также ***1850. Июля 1. Суббота. Сорочинцы, Васильевка, Полтава***.

[9] О. В. Гоголь занималась лечением крестьян.

ДЕКАБРЯ МЕЖДУ 6 И 13 <МЕЖДУ НОЯБРЯ 24 И ДЕКАБРЯ 1>. РИМ

А. А. Иванов пишет ответное[1] письмо Гоголю в Неаполь:

«Очень приятно мне было чувствовать ваше письменное преобразование в отношении ко мне от 5 декабря. Вы просите обо мне вестей, и еще и письменно. Это последнее совершенно несообразно с моим настоящим положением. И потому, если неожиданный и необыкновенный случай не заставит Софью Петровну[2] и вас двинуться в Рим прежде февраля, то я бы желал молчать, ибо в этом только нахожу мое спасение.

Здесь Герцен. Сильно восстает против вашей последней книги[3]. Жаль, что я сам ее не читал, но то, что его ужасает, мне кажется очень справедливо[4]. Племянница моя[5] почувствовала ко мне глубокое уважение вследствие вашего обо мне там письма[6]. Отец хотел посылать денег. Академия устыдилась и изумилась, и я полагаю, что вследствие сего <выслала> ко мне на полгода содержание. Григорович[7] очень вами недоволен.

Написав это письмо, я никак не хотел посылать его к вам, сумневаясь, не сказал ли я вам чего-нибудь тут, могущего возмутить вас против меня, чего, однако ж, у меня совсем в намерении не было. Если вы найдете что гордым <или> хвастливым, то заметьте, но так, чтоб не оставалось ничего в вашей душе затаенного. Самый глубокий сердцеведец и знающий хорошо людей часто может ошибаться в письмах к самому близкому своему приятелю».

[1] См. ***1847. Декабря 5 <ноября 23>. Воскресенье. Неаполь.***

[2] Графиня Апраксина.

[3] Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями». – См. ***1847. Июля 29 <17>. Четверг. Париж***; ***1851. Сентября 13. Четверг. Санкт-Петербург***.

[4] См. также ***1847. Декабря около 5 <ноября около 23>. Рим.***

[5] См. ***1847. Августа 14 <26>. Четверг. Санкт-Петербург.***

[6] Письмо *XXIII. Исторический живописец Иванов.*

[7] В. И. Григорович.

ДЕКАБРЯ 14 <2>. ВТОРНИК. НЕАПОЛЬ

Гоголь отправляет ответное[1] письмо А. А. Иванову в Рим:

«Благодарю вас за письмецо, несмотря на то, что в нем и немного говорите о себе самом. Бодритесь, крепитесь! Вот всё, что должен говорить на этой страждущей земле человек человеку! А потому, вероятно, и я сказал бы вам эти же самые слова, если бы вы что-нибудь написали о вашем состояньи душевном. Итак, вы правы, что умолчали. Софья Петровна[2] с братом своим графом

Александром Петровичем[3] хотят в конце февраля быть к вам в Рим и, без сомнения, вас утешат и успокоят, сколько смогут. Но помните, что ни на кого в мире нельзя возлагать надежды тому, у кого особенная дорога и путь, не похожий на путь других людей. *Совершенно* понять ваше положение никто не может, а потому и *совершенно* помочь вам никто не может в мире. Как вы до сих пор не можете понять хорошенько, что вам без Бога — ни до порога, что и вставая, и ложась вы должны молиться, чтобы день ваш и наступил и прошел благополучно, без помехи, чтобы Бог дал вам сил, даже если и случится помешательство, не возмутиться оттого. <...> Герцена я не знаю, но слышал, что он благородный и умный человек, хотя, говорят, чересчур верит в благодатность нынешних европейских прогрессов и потому враг всякой русской старины и коренных обычаев. Напишите мне, каким он показался вам, что он делает в Риме, что говорит об искусствах и какого мнения о нынешнем политическом и гражданском состоянии Рима, о чивиках[4] и о прочем. Я не знал, что вы не читали моего письма о вас[5]. Я думал, что вы прочли всю мою книгу у Софьи Петровны в Неаполе. Если вы любопытны знать его, то посылаю его при сем, выдравши из книги. А книгу привезет вам Софья Петровна. Я не знаю, сделало ли мое письмо что-нибудь в вашу пользу, но, по крайней мере, в то время, когда я его писал, я был уверен, что оно у вас нужно».

[1] См. ***1847. Декабря между 6 и 13 <между ноября 24 и декабря 1>. Рим.***
[2] Графиня Апраксина.
[3] Толстой.
[4] Civico — граждане (*ит.*).
[5] Имеется в виду письмо *XXIII. Исторический живописец Иванов* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

ДЕКАБРЯ 15 <3>. СРЕДА. РИМ

Ф. И. Иордан пишет Ф. В. Чижову (возможно, в Стародуб[1]):

«От девиц Раевских[2] я недавно имел случай получить для прочтения "Письма к друзьям" Н. В. Гоголя и, признаюсь, многими из них душевно восхищался, особенно письмом насчет перевода В. А. Жуковским "Одиссеи". Впрочем, все-таки жаль, что тот, кто создан сочинять картины, пустился давать уроки, ибо легче разбирать и советовать, чем сочинять, — по крайней мере мне так кажется как художнику».

Из писем Ф. И. Иордана // *Свод.* Т. 3. С. 380.

[1] См. ***1847. Октября 16 <28>. Четверг. Стародуб.***
[2] Имеются в виду Елена и Софья Николаевны Раевские. — См. также ***1847. Декабря между 15 и 27 <между 3 и 15>. Рим.***

ДЕКАБРЯ 2–6 <14–18>. ВТОРНИК-СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. Г. Белинский пишет В. П. Боткину в Москву:

«...Что касается до Н. Ф. Павлова, то, вместо писем о Париже с Сретенского бульвара, я бы советовал ему позаняться третьим письмом к Гоголю[1], да на этом уж и кончить, так как дальше идти ему, видимо, не суждено провидением. Когда мы получили в Париже тот № "Современника", где IV-е письмо, я захохотал, а Герцен пресерьезно остановил меня замечанием, что, верно, 3-е письмо не пропущено цензурою. Я даже покраснел от нелепости моего предположения. Но, воротясь в Питер, я узнал, что я был прав и что в отношении к литературе, как и многому другому, москвичи, действительно, находятся на особых правах у здравого смысла и смело могут издать сперва конец, потом середину, а *наконец* — начало своего сочинения».

Из писем В. Г. Белинского // *Свод*. Т. 3. С. 270.

[1] См. ***1847. Июня 14 <26>. Суббота. Москва*** (примечания).

ДЕКАБРЯ 18 <6>. СУББОТА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет ответное письмо сестре Анне (датировка письма уточнена). Это письмо, с надписью: «Сестре Анне Васильевне», Гоголь сначала намеревался вложить в новое[1] письмо к Шевыреву в Москву, которое отправил в тот же день, с приложением писем к С. Т. Аксакову и к сестре Ольге (последнее письмо Шевырев должен был переслать в Васильевку). Однако затем Гоголь передумал и приложил послание сестре Анне к новому[2] письму к матери, адресованному прямо в Васильевку[3] (письмо к матери не сохранилось).

Из письма к сестре Анне: «На письмо твое, сестра Анна Васильевна, я не отвечал, хотя был им доволен. Насчет племянника[4] нашего скажу тебе, что мне показалось, будто в нем ни к чему нет особенной охоты. Я его совсем не спрашивал о том, в какую он хочет службу. Он — дитя и не может еще и знать даже, что такое служба, я думал только, не вырвется ли как-нибудь в словах его любовь и охота к какому-нибудь [к чем<у-нибудь>] близкому делу, которое под рукой и о котором мальчик в его лета может иметь понятие. Но мысль о дипломатии ни к чему не показывает наклонности. Там большею частью праздные места и должности без занятий, куда назначаются только богатые и знатные люди, да и при том мало одного француз<ского> языка. Нужно их знать много. Стало быть об этом нечего и думать. А ты внуши ему, по крайней мере, желанье читать побольше исторических книг и желанье узнавать собственную землю, географию России, историю России, путешествия по России. Пусть он расспрашивает и узнает про всякое сословие в России, начиная с собственной губернии и уезда: что такое крестьяне [помещ<ичьи>], на каких они условьях, сколько работают в этом месте, сколько в другом, какими работами занимаются. Что такое купцы и чем торгуют, что производит такой-то уезд или губерния и чем промышляют в другом месте. Словом, нужно, чтобы в нем пробудилось желанье узнавать быт *людей*, населяющих Россию. С этими познаньями он может сделаться потом хорошим чиновником и нужным человеком государству. Ты можешь слегка приучать его к этому даже в деревне Васильевке. Например, в первую ярманку, какая случится у вас, вели ему высмотреть хорошенько, каких товаров больше и каких меньше, и записать это на бумажке, скажи, что это для меня. Потом пусть запишет, откуда и с каких мест больше привезли товаров и чьи люди больше торгуют и больше привозят. Это заставит его и переспросить, и поразговориться со многими торговцами. А потом может таким образом и в Полтаве замечать многое. Нужно, чтобы он не пропускал ничего без *наблюдательности*. Если в нем пробудится *наблюдательность* всего, что ни окружает, тогда из него выйдет человек, без этого же свойства он будет кругом *ничто*. Вот всё, что почитаю нужным передать тебе по предмету племянника. Теперь о тебе самой лично. Мне кажется, что тебе как старшей сестре следовало бы кое-что заметить и смекнуть относительно, например, расходов, которые присылает мне Лиза. Я не буду давать тут своих советов. Но замечу однако ж, что есть люди, которые никак не в силах удержать у себя денег, хотя и не тратят их попустому; если у них в кассе завелась копейка, уже они неспокойны и думают, как бы пристроить поскорее эту копейку. Триста рублей у них будет, например, в этот месяц в приходе — все триста издержат до последней копейки. Тысяча рублей будет в приходе вся тысяча также издержится. Как иногда не подумать: ну да если бы не тысяча, а триста рублей только я получила в этом месяце, ведь я бы была без целых семисот рублей, стало быть эти семьсот могут быть и не издержаны, хотя, конечно, я лишусь многих нужных вещей. Мне, например (я говорю о себе), если приходится уплочивать большую сумму в конце года, я употребляю уже все силы, чтобы во всяком месяце от расхода было в остатке хотя четверть прихода, и этих денег ни за

что не трачу, хоть будь наинужнейшая вещь. Но у вас тоже как только явятся деньги, сейчас давай думать, куда бы их тот же час пристроить. Никто никак не вытерпит, чтобы они просто полежали. Я, например, послал маминьке[5] и сказал, чтобы тысячу из этих денег отложить на уплату податей. Маминька давай думать тот же час, куды бы деть эти деньги, и придумала их наместо уплаты податей на церковь. Новая экстренная и непредвиденная издержка! Давай сделать каменный пол в церкви. Эти вещи хорошо делать уже тогда, <когда> необходимейшее сделано. О церкви, конечно, прежде всего следует подумать, но о каменном ли помосте речь? Прихожане могут помолиться и на деревянном. Вопрос, как они молятся и умеют ли молиться, об этом прежде следует хлопотать. Помощь бедному — другое дело. Иоанн Златоуст велит для этого продавать даже и утвари церковные[6]. Упоминаю об этом для того, чтобы показать тебе делом, как часто случается вам издерживать на то, на что уже можно только потом издерживаться, когда уже самое необходимейшее сделано. Например, вас три хозяйки в доме и с маминькой четыре. И вы, уже не говоря о том, что не в силах управиться одни в имении, в котором не больше двухсот душ, вы не в силах управиться в собственном дворе и доме. Нужно было нанимать домоводку и платить ей триста пятьдесят рублей в год. Это не бездельная сумма. Подобная сумма в мое время платилась только управителю, который целый <день> был в поле и таскался при работах с мужиками, да и от этой суммы охала васильевская экономия. Как же в самом деле этак жить? Поступая в таком смысле и духе, вечно будешь в нужде, хотя бы я вдвое получал больше денег. Пожалуста, не принимай это за упрек, но обдумай сама хорошенько и сообрази. Не забывай, что маминька тебя любит, что ты можешь иметь на нее влияние и можешь остановить от иного. Скажи Ольге, что я к ней буду писать и пришлю ей несколько денег на раздачу бедным и на отслуженье нескольких молебней о моем благополучном путешествии и возвращении в Россию».

Из письма к Шевыреву: «Письмо мое от 2 декабря ты уже, без сомнен<ия>, получил. Хочется еще поговорить с тобой. Я прочел вторую книжку твоих лекций[7]. Она еще значительней первой, это ты чувствуешь, вероятно, и сам. В ней *ощутительней и ближе* показывается читателю дело. Но и в ней проглядывает *поспешность* поделиться с читателем всем, даже и тем, что еще для самого себя видится несколько в отдаленной перспективе — общий порок всех, идущих вперед людей! Что для себя еще перспектива, пусть и останется в себе. Говорить нужно только о том, к чему уже пришел совершенно[8]. Увы! я узнал это на опыте. Еще, мне кажется, не нужно читателю говорить вперед о всей огромности того горизонта, который намерен захватить своею книгою. Лучше высказать ему *словесно* скромнейшее и более частное намерение, а книга пусть ему сама собой обнаружит этот горизонт. Мне кажется, можно было не говорить вперед: "Я хочу показать *всего* русского человека в литературе", разве прибавивши: "насколько он в ней выразился". А, вместо того, просто раскрыть своей книгой действительно всего русского человека, как ты, вероятно, и сделаешь, но что не всякий может покуда смекнуть даже из тех, кому нравится твоя книга. <...> Увы! весь неуспех доброго дела от нас, и всему виноваты мы сами. Как трудно умерить себя! Как трудно сделать так, чтобы в твореньи нашем дело выступало *само* и говорило собою, а не *слова наши* говорили о деле! Как трудно также уберечься от этих двух-трех выходок, которые проскользнут где-нибудь в книге, на которые упершись, читатель уже подымает войну противу всей книги! А человек так всегда готов, выражаясь не совсем опрятной пословицей: "рассердясь на вши, да всю шубу в печь!" Мне особенно понравилось, что ты развил в своей книге мысль о *безличности* наших первоначальных писателей, умевших всегда позабыть о себе. [Это было между прочим причиною того, что передо мною обнаружилось еще более мое собственное безрассудство, которое я так ярко обнаружил в моей книге.] По прочтении твоей книги передо мною обнаружилось еще более мое собственное безрассудство в моей "Переписке с друз<ьями>". Я уже давно питал мысль — выставить на вид свою *личность*. Я думал, что если не пощажу самого себя и выставлю на вид все человеческие свои слабости и пороки и процесс, каким образом я их побеждал в себе и избавлялся от них, то этим придам духу другому не пощадить также самого себя. Я совершенно упустил из виду то, что это имело бы успех только в таком случае, если бы я сам был похож на других людей, то есть на большинство других людей. Но выставить себя в образец человеку, не похожему на других, оригинальному уже вследствие оригинальных даров и способностей, ему данных, это невозможно даже и тогда, если бы такой человек и действительно почувствовал возможность достигать того, как быть на всяком

поприще тем, чем повелел быть человеку сам Богочеловек. Я спутал и сбил всех. Поэтические движения, впрочем, сродные всем поэтам, все-таки прорвались и показались в виде чудовищной гордости, несовместимой никак с тем смиреньем, которое отыскивал читатель на другой странице, и ни один человек не стал на ту надлежащую точку, с которой следовало глядеть на эту загадочную книгу. Гляжу на всё, дивлюсь до сих пор и думаю только о том, каким бы образом я мог прийти в мое нынешнее состояние без этой публичной оплеухи, которою я попотчевал самого себя в виду всего Русского царства. Только теперь чувствую силу того, что говоришь в книге твоей о личности писателя. Прежде я бы не понял и долго бы из-за моих героев показывал бы непережеванного себя, не замечая и сам того. Напиши мне, пожалуста, как идет в продаже твоя книга и сколько экземпляров было напечатано. Затем к тебе просьба вот какая. Пошли из моих денег, выручаемых за "Мер<твые> души", сто рублей ассигнациями, при следуемом здесь письмеце, сестре Ольге, если можно, не откладывая времени. А на другие *сто* рублей ассигнациями накупи книг такого рода, которые могли бы отрока, вступающего в юношеский возраст, познакомить сколько-нибудь с Россиею (отрока лет тринадцати), как-то: путешествия по России, история России и все такие книги, которые без скуки могут познакомить собственно со *статистикой* России и *бытом* в ней живущего народа, всех сословий. Я не знаю и не могу теперь припомнить, что у нас выходило хорошего по этой части. Но нельзя, чтобы не вышло чего-нибудь в последние года, где бы посущественней и поближе показывалось внутреннее состояние государства и что могло бы легко и с интересом читаться детьми. Начни тем, что купи у самого себя лекции русской литературы, вышедшие доселе выпуски, и записки твоего путешествия[9], если только они выйдут (я жду их с большим аппетитом: мне кажется, что эта книга будет больше для меня, чем для всякого другого). Купивши все такие книги, уложи их в ящик и отправь в Полтаву на имя сестры моей Анны [которой также прилагаю при сем письмецо][10]. <...> У меня есть племянник[11], почти брошенный мальчик, которому получить воспитанья блестящего не удастся, но если в нем чтеньем этих книг возбудится *желанье* любить и знать Россию, то это всё, что я желаю; это, по-моему, лучше, чем если бы он знал языки и всякие науки. Об участи его я тогда не буду заботиться: он, верно, и сам пойдет своей дорогой и будет добрым служакой где-нибудь в незаметном уголку государства. А этого и предовольно для русского гражданина. Всё прочее может поселить только заносчивость в бедном человеке. Присоедини к этому русский перевод Гуфланда о сохранении жизни[12]. Он существует. Поручи книгопродавцам его отыскать. У меня есть одна сестра[13], которая воспиталась сама собою в глуши. Языка иностранного не знает. Но Бог наградил ее чудным даром лечить и тело, и душу человека. С семнадцатилетнего возраста она отдала себя всю Богу и бедным и умерла для всего другого в жизни. Она лечит с необыкновенным успехом всякими травами, которых целебное свойства открыла сама, и часто молит Бога, чтобы заболеть, затем, чтобы испытать на себе самой новые придуманные ею средства. Читать ей медицинских книг не следует; пусть ее ведет натура. Но ей нужна такая книга, которая бы дала ей ближайшее понятие вообще о природе человека, как в нем движется кровь, как переваривается пища, и прочее. Пожалуста, спроси какого-нибудь умного врача, нет ли у нас на русском такой книги, которая бы могла быть по этой части доступна простолюдину, а не какому-нибудь ученому и воспитанному человеку, в которой была бы полная и коротенькая, понятная самому дитяти *анатомия* человека. Если что найдется по этой части, то, пожалуста, приложи к посылке, надписавши на книге: "Ольге Васильевне", чтобы она не замешалась с другими. Еще пошли ей же лучшее, какое у нас вышло, изъяснение литургии. Ты, верно, это знаешь. <...>

При сем следует также письмецо к Серг<ею> Т<имофеевичу> Аксакову. Хотя я уверен, что неудовольствие его на меня прошло, но тем не менее пусть он из этих строк увидит, что совсем не нужно давать серьезного, строгого толкования многим нашим словам, которые вырываются весьма часто без расчета и намерения.

Адрес мой просто: в Неаполь, poste restante.

Если хватит денег, то, пожалуста, присовокупи к книгам новую [какую-то книгу], недавно вышедшую книгу Иннокентия, в которой, говорят, очень хорошие поучительные слова, и книгу "Новая скрыжаль" преосв<ященного> Вениамина[14]. На всех таковых книгах надпиши: "Ольге Васил<ьевне> Гоголь". А весь ящик адресуй Анне Васильев<не>. Письмо же с деньгами на имя Ольги Вас<ильевны> прошу тебя отправить вперед и, если можно, не медля».

Из письма к Аксакову: «Шевырев мне пишет[15], что в моем письме к вам было что-то для вас огорчительное, так что он даже не хотел его вам показывать, опасаясь им расстроить вас. Правда ли это, любезный друг мой? Ведь мы обещали писать друг другу все чувства и ощущения, как они есть, не скрывая ничего, хотя бы в них было и неприятное для нас. Если в письме моем нашлось кое-что занозистое и колкое, то это ничуть не дурно. Это новые горючие вещества, подкладываемые в костер дружбы, который без того пламенел бы лениво и вяло, что всегда почти бывает, если друзья живут вдали друг от друга. Рассудите сами, что за соус, если не поддадут к нему лучку, уксусу и даже самого перцу, — выйдет пресное молоко. В письме моем к вам я сказал сущую правду: я вас любил, точно, гораздо меньше, чем вы меня любили. Я был в состоянии всегда (сколько мне кажется) любить всех вообще, потому что [к ненависти я не был способен] я не был способен ни к кому питать ненависти. Но любить кого-либо особенно, предпочтительно я мог только из *интереса*. Если кто-нибудь доставил мне *существенную пользу* и чрез него обогатилась моя голова, если он натолкнул меня на новые наблюдения или над ним самим, над его собственной душой, или над другими людьми, словом, если чрез него как-нибудь раздвинулись мои познания, я уже того человека люблю, хоть будь он и меньше достоин любви, чем другой, хоть он и меньше меня любит. Что ж делать? вы видите, какое творенье человек, у него прежде всего свой собственный интерес. Почему знать? может быть, я и вас полюбил бы несравненно больше, если бы вы сделали что-нибудь собственно для головы моей, положим, хоть бы написаньем записок жизни вашей[16], которые бы мне напоминали, каких людей следует не пропустить в моем творении и каким чертам русского характера не дать умереть в народной памяти. Но вы в этом роде ничего не сделали для меня. Что ж делать, если я не полюбил вас так, как следовало бы полюбить вас! <...> Мне кажется, что я теперь все-таки люблю вас больше, нежели прежде, но это потому только, что любовь моя ко всем вообще увеличилась: она должна была увеличиться, потому что это *любовь во Христе*. <...> А на самом деле, может быть, и это ложь, и я ничуть не умею любить лучше, чем прежде. Поэты лгут [часто] иногда невинным образом, обманывая сами себя[17]. Рожденные понимать многое, постигать мыслию красоту чувств и высокие явленья в душе человеческой, они часто [обманываются и] думают, что уже вмещают в самих себе то, что могут только несколько оценить и с некоторой живостью выставить на глаза другим, и величаются *чужим*, как своим *собственным* добром. Напишите мне что-нибудь. Письмо ваше еще застанет меня в Неаполе».

Из письма к сестре Ольге: «Я от тебя тоже давно не имею писем, любезная сестра моя Ольга. <...> Посылаю тебе 100 рублей ассигнациями; половина из них, то есть 50 рублей, на раздачу бедным, а другая половина на отправленье в разных местах (где получше молятся) молебней о моем благополучном возвращении в Россию в здравьи и в состояньи духа, угодном Богу. Молись и ты обо мне покрепче. В Москве я поручил выслать несколько книг сестре Анне, между ними будет одна о сохранении жизни человека Гуфланда. Эта книга [будет] полезна тебе тем, что познакомит тебя получше с натурой человека, что тебе очень нужно знать в таких случаях, когда придется лечить человека. <...> Я просил также Шевырева прислать тебе две-три книги духовного содержания. А покуда рекомендую также и тебе прочесть книгу самого Шевырева "Чтения русской словесности". Это очень важная и полезная книга, написанная человеком истинно верующим и любящим Бога».

[1] См. ***1847. Декабря 2 <ноября 20>. Четверг. Неаполь.***

[2] См. ***1847. Декабря 12 <ноября 30>. Воскресенье. Неаполь.***

[3] См. примеч. ниже.

[4] Н. П. Трушковский.

[5] См. ***1847. Февраля 16 <4>. Вторник. Неаполь.***

[6] Возможно, имеются в виду «Беседы на Евангелие св. апостола Матфея» св. Иоанна Златоуста, где говорится: «...Ты видишь человека, покрытого рубищем и окостеневшего от холода, а вместо того, чтобы дать ему одежду, ставишь золотые столбы, говоря, что делаешь это в честь его: не скажет ли он, что ты над ним насмехаешься? <...> украшаешь пол, стены, верхи столбов, привязываешь к лампадам серебряные цепи, а на Христа. связанного в темнице, и взглянуть на хочешь. Говоря это, не запрещаю и в том быть щедрым, но советую также не оставлять и другого или даже и предпочитать последнее» (беседа L). Ср. также в беседе LXXX: «...Если увидишь, что кто-нибудь сделал и приносит священные сосуды, или заботится о другом каком-нибудь

украшении церковном, касающемся стен и пола, – не позволяй продавать или истреблять то, что сделано, чтобы не ослабить его усердия. Если же кто прежде чем сделать, скажет тебе о своем намерении, то вели раздать нищим...» – О знакомстве Гоголя с «Беседами на Евангелие св. апостола Матфея» св. Иоанна Златоуста см.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 721; ***1843. Ноября 19 <7> – 1844. Марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца*** (примечания); ***1844. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Дармштадт.***

[7] История Русской Словесности, преимущественно древней. XXXIII публичные лекции *Степана Шевырева,* О<рдинарного> Профессора Московского Университета. М., 1846. Т. I. Ч. 2 (лекции 6–10; цензурное разрешение 1 авг.). – См. также ***1847. Июня 14 <26>. Суббота. Москва***; ***1847. Декабря 1 <ноября 19>. Вторник. Неаполь.***

[8] Подробнее см.: ***1843. Апреля средина – мая 2 <апреля начало – апреля 20>. Рим*** (примечания).

[9] См. ***1847. Октября 4 <16>. Суббота. Москва.***

[10] Зачеркнув строки, Гоголь, однако, передумал и вложил письмо к сестре Анне не в письмо к Шевыреву, а в письмо к матери, адресовав оба эти два письма к родным прямо в Васильевку (см. ***1847. Января 15 <3>. Суббота. Неаполь***). – Ср. также ***1847. Декабря 12 <ноября 30>. Воскресенье. Неаполь***; ***1847. Декабря 30 <1848. Января 11>. Вторник. Москва***).

[11] Н. П. Трушковский.

[12] См. ***1847. Декабря 12 <ноября 30>. Воскресенье. Неаполь.***

[13] О. В. Гоголь.

[14] Новая скрижаль, или Дополнение к преждеизданной скрижали с таинственными объяснениями о церкви, о разделении ее, о утварях и о всех службах, в ней совершаемых, на четыре части разделенное, Вениамина, архиепископа Нижегородского и Арзамасского. М., 1803, 2-е изд. – 1806, 3-е – 1811.

[15] См. ***1847. Октября 4 <16>. Суббота. Москва.***

[16] См. также ***1847. Августа 28 <16>. Суббота. Остенде.***

[17] Подробнее см.: ***1843. Апреля средина – мая 2 <апреля начало – апреля 20>. Рим.***

ДЕКАБРЯ 7 <19>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. Г. Белинский пишет К. Д. Кавелину:

«...Многие, не видя в сочинениях Гоголя и натуральной школы так называемых “благородных” лиц, а все плутов и плутишек, приписывают это будто бы оскорбительному понятию <о> России, что в ней-де честных, благородных и вместе с тем умных людей быть не может. Это обвинение нелепое, и его-то старался я и буду стараться отстранить. Что хорошие люди есть везде, об этом и говорить нечего, что их на Руси, по сущности народа русского, должно быть гораздо больше, нежели как думают сами славянофилы (то есть истинно хороших людей, а не мелодраматических героев)... <...> Но вот горе-то: литература все-таки не может пользоваться этими хорошими людьми, не впадая в идеализацию, в реторику и мелодраму, то есть не может представлять их художественно такими, как они есть на самом деле, по той простой причине, то их тогда не пропустит цензурная таможня. А почему? Потому именно, что в них человеческое в прямом противоречии с тою общественною средою, в которой они живут[1]. <...> Что между Гоголем и натуральною школою – целая бездна; но все-таки она идет от него, он отец ее, он не только дал ей форму, но и указал на содержание. Последним она воспользовалась не лучше его (куда ей в этом бороться с ним!), а только сознательнее. Что он действовал бессознательно, – это очевидно, но Корш больше, чем прав, говоря, что все гении так действуют. <...> Петр Великий – не исключение. <...> Гений – инстинкт, а потому и откровение... <...> Сознательно действует талант, но зато он кострат, бесплоден; своего ничего не родит, но зато лелеет, ростит и крепит детей гения. Посмотрите на Ж. Санд в тех ее романах, где рисует она свой идеал общества: читая их, думаешь читать переписку Гоголя».

Из писем В. Г. Белинского // *Свод.* Т. 3. С. 270–271.

[1] См. ***1840. Декабря 11 <23>. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

ДЕКАБРЯ 10 <22>. СРЕДА. МОСКВА

Н. Н. Шереметева завершает и отправляет Гоголю в Неаполь письмо, начатое в с. Покровском 20 ноября 1847 г.[1]:

«Я сюда приехала, мой друг, проведать внука Якушкина, которой в здешнем университете. Нынешний год кончил курс кандидатом и отправился за границу[2]. <...> От его рождения и доселе все были вместе с ним и с братом его[3], которой поехал в Петербург на службу. Кажется, и не доживешь до их возвращения. В прошлом году мать их схоронили[4], из милого семейства никого не осталось[5]. <...> Милосерд Господь, я более, нежели кто-либо, должна сие чувствовать. Он наградил меня таким сыном[6], которой во всю жизнь свою кроме радости ничего мне не доставлял. Теперь имеет свое семейство, жена, шесть человек детей[7], а меня в моей старости все так же бережет, с тою же любовию и дружеством... <...> Как будете сбираться в дальней путь[8], заблаговременно напишите, чтобы мне вас проводить молитвою и в ней с вами не разлучаться. Донеси вас Господи до места, и там, мой друг, вспомните о человеке, которой с вами не разлучается с минуты, как в первой раз с вами встретилась[9]. Вот, этому уже слишком пять лет. Христос с вами, подвизайтесь! Посылала к Степану Петровичу Шевыреву, спрашивала о вашем адресе, и по полученному от него пишу. А вы, мой друг, ко мне подпишите: *в Москве*, на В<о>здвиженке, в доме графа Шереметева. <...> Когда граф Александр Петрович[10] с вами и когда припомнит обо мне, скажите мое почтение. Мы мало знакомы, а с сыном моим он очень был знаком»[11].

[1] См. ***1847. Ноября 20 <декабря 2>. Четверг. С. Покровское.***

[2] Е. И. Якушкин, окончивший в 1847 г. курс Московского университета, слушал за границей лекции по юридическим наукам. 5 февраля 1848 г. Шереметева писала Н. Д. Фонвизиной: «...Евгения Михаил Николаевич <Муравьев> уговаривал остаться и жалованья ему предлагали полторы тысячи <рублей> серебром, но он желает продолжать учиться и поехал за границу. Недавно из Парижа от него было к отцу письмо, где он описывает какого-<то> профессора, о чем слушал Иван Александрович <Фонвизин> <и> сказал, что удивительно, с какою верностию он делает замечания насчет лекции» (*РГБ*. Ф. 319. К. 4. Ед. хр. 48. Л. 21 об.) С 1 ноября 1850 г. Е. И. Якушкин стал преподавателем Константиновского межевого института. Впоследствии (с 1859 г.) – управляющий ярославской палатой государственных имуществ (назначен на эту должность М. Н. Муравьевым, ставшим в 1857 г. министром государственных имуществ), позднее – управляющий ярославской казенной палатой. Специалист в области права, автор труда «Обычное право. Материалы для библиографии обычного права»; историк декабристского движения (см.: *Семевский В.* Евгений Иванович Якушкин // Русское Богатство. 1905. № 5. С. 257–261; *Равич Л. М.* Евгений Иванович Якушкин (1826–1905). Л., 1989).

[3] В. И. Якушкин в начале 1847 г. по ходатайству зятя Шереметевой М. Н. Муравьева поступил на службу в Министерство внутренних дел, затем служил по Межевому ведомству, которым управлял М. Н. Муравьев; с 1853 г. – чиновник по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири графе Н. Н. Муравьеве (Амурском).

[4] См. ***1846. Марта 4 <16>. Понедельник. Москва.***

[5] Отец В. И. и Е. И. Якушкиных, декабрист И. Д. Якушкин (1793–1857), жил на поселении в Ялуторовске Тобольской губернии; вернулся в Москву незадолго до смерти.

[6] А. В. Шереметев.

[7] См. ***1846. Января 30 <февраля 11>. Среда. С. Ащерино*** (примечания).

[8] В Иерусалим.

[9] См. ***1839. Октября 7. Суббота. Москва; 1840. Апреля 23–24. Вторник-среда. Москва.***

[10] Толстой.

[11] В 1820-х гг. штабс-капитан А. В. Шереметев был адъютантом командира 5-го пехотного корпуса графа П. А. Толстого, отца А. П. Толстого, который проходил службу подле отца.

ДЕКАБРЯ МЕЖДУ 15 И 27 <МЕЖДУ 3 И 15>. РИМ

А. А. Иванов пишет ответное[1] письмо Гоголю в Неаполь:

«Как не закаивался я ни к кому не писать писем, но ваша статья обо мне[2] насильно водит перо и руку. Целую и обнимаю вас в знак совершенного с вами замирения, и возвращаюсь опять в то положение, когда, смотря на вас с глубочайшим уважением, верил и покорствовал вам во всем[3]. Я вполне был всегда уверен, что посредником между художниками и высшим начальством, кроме вас, никто не может быть. Чем скорее вы тут будете, тем менее мы понесем страданий, которые, за неимением такого человека, как вы, обрушиваются на лучших, а в особенности на меня. Могу еще желать, чтобы вы это прочитали Софье Петровне[4].

Одно мне позвольте возразить против следующих слов вашей статьи: "*Иванов ведет жизнь истинно монашескую*". И очень бы не отказался иметь женой монахиню — женщину, занятую преследованием собственных своих пороков!»

Своей статьей «Исторический живописец Иванов» Гоголь поставил Иванова в глазах русского общества на такую высоту, на какой сам художник в то время еще не стоял — и на которую, по «замыслу» Гоголя, он только еще должен был взойти по мере духовного совершенствования[5]. Как показало время, этот «замысел» Гоголя не вполне оправдался. В 1849 г. сам Иванов записал в своей тетради: «Николай Васильевич Гоголь сделал меня известным, вывел на трескучую мостовую человеческих страстей... <...> Этот опытный христианин пропустил весьма важный факт христианства, что прежде чем не вызрел человек и не почувствовал сам себе окончания, не должно ему выходить к людям...»[6]

Как полагал Гоголь, художнику, для успешного исполнения предпринятого им замысла, необходимо было вступить на путь вполне монашеского отречения — «отдаться своему делу, как монах монастырю», «умереть для всех приманок жизни» — «отогнавши от себя <...> даже мысль завестись когда-либо женою» (статья «Исторический живописец Иванов»). Иванов же в то время был увлечен планами женитьбы на графине М. В. Апраксиной[7].

Позднее Иванов в разговорах с окружающими неоднократно упоминал о том, что статья Гоголя его тяготит. В 1856 г. он говорил П. М. Ковалевскому: «Николай Васильевич сделал мне много вреда похвалами: после его слов я не вправе выставить свою картину... С меня слишком много спросится»[8].

Еще до знакомства с книгой Гоголя Иванов в своих «Мыслях, приходящих при чтении Библии» записал: «С тех пор, как я оставил непостижимого Бога, пропали совсем силы к работе: что стоило легкого взгляда, то теперь ужасный труд. — Слава, составленная Им прежде, уже для меня невыносимая тягость. Чижов[9] меня гнетет, потому что я оставил Бога. <...> Да исплачу слезами опять силу Божию. Господи, Боже мой, помоги мне, снизойди в слезах моих ко мне»[10].

Говоря о мотивах творческой деятельности Иванова — и истолковании этих мотивов Гоголем, один из биографов Иванова, А. П. Новицкий, сделал даже такой вывод: «Увидев, что Иванов столько лет сидит над своею картиною, Гоголь, естественно, по свойственному всем нам качеству, судить о других по самому себе, решил, что с Ивановым происходит то же, что было с ним. Он не знал, что Иванов писал картину не только ради нравственного переворота, но, главным образом, ради славы...»[11] Основания для такого критического вывода у биографа были. На это указывает содержание высказываний самого Иванова 1830-х гг.: «...Когда Богу было угодно собственно русского вывести на поприще славы художественной, то Он внушил Иванову прославить Единородного Сына Своего!»[12]; «...Я сказал г. Григоровичу, что начну картину единственно из того, чтоб русские привыкли к мысли, что Иванов хочет писать картину, составляющую смысл всего Евангелия»[13]. На эту черту Иванова и намекал Гоголь, когда в письме к художнику от 28 декабря (н. ст.) 1847 г. напоминал ему о «тщеславии, самолюбии, желаньи временной славы и земных суетных помышлениях»[14].

Далее в письме Иванов сообщал Гоголю:

«Я опять испугался людей, чувствую себя несколько расстроенным, и потому боюсь в этом положении являться обществу. Вот почему и к Г<ерцену> нейду. Новое политическое состояние Рима требует большого времени, чтобы заметить важные и истинные плоды.

Книга ваша ходит здесь по рукам, и я бы мог ее достать у Раевских[15], но я не был у них с начала их приезда, и это-то меня уже сильно от них отстраняет. Удивляюсь доброте Софьи Петровны: решилась изувечить свою книгу для меня. Пожалуйста, принесите ей за это мою искреннейшую благодарность.

Почтальона[16] навещал в лазарете, [потом] по выходе его оттуда; выдал ему сначала три, а после еще два наполеондора. Через несколько дней он приходил жаловаться, что потерял на дороге последние два».

[1] См. ***1847. Декабря 14 <2>. Вторник. Неаполь.***

[2] Статья *XXIII. Исторический живописец Иванов* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

[3] См. ***1838. Декабря 20 <8>. Четверг. Рим***; ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4>. Рим*** (примечания).

[4] Графиня Апраксина.

[5] См. ***1841. Октября 7 <сентября 25>. Четверг. Берлин*** (примечания).

[6] *Виноградов 2001.* С. 511.

[7] См. ***1847. Июня конец – июля начало <июня вторая половина>. Неаполь.***

[8] *Виноградов 2001.* С. 547.

[9] Славянофил Ф. В. Чижов был единомышленником Гоголя и Иванова.

[10] *Виноградов 2001.* С. 661.

[11] *Новицкий А.* Гоголь и Иванов // Русское Обозрение. 1893. № 3. С. 350; см. также: *Новицкий А. П.* Опыт полной биографии А. А. Иванова. М., 1895. С. 93.

[12] *Виноградов 2001.* С. 102.

[13] Там же. С. 121.

[14] См. ***1847. Декабря 28 <16>. Вторник. Неаполь.*** – См. также ***1847. Октября 7 <сентября 25>. Четверг. Берлин*** (примечания).

[15] См. ***1847. Декабря 15 <3>. Среда. Рим.***

[16] См. ***1847. Октября 29 <17>. Пятница. Рим.***

ДЕКАБРЯ 14 <26>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Н. Н. Шереметева, получив письмо Гоголя из Неаполя[1], в тот же день отправляет ему ответное послание[2] (письмо не сохранилось).

[1] См. ***1847. Ноября конец – декабря начало <ноября вторая половина>. Неаполь.***

[2] См. ***1847. Декабря 18 <30>. Четверг. Москва.***

ДЕКАБРЯ КОНЕЦ <ДЕКАБРЯ СРЕДИНА>. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

В. А. Жуковский пишет Гоголю в Неаполь (датировка письма уточнена[1]):

«Вообрази, любезнейший Гоголек, что ты еще ни разу не написал ко мне с тех пор, как мы расстались[2]. Не знаю, как это изъяснить. Вот тебе еще письмо[3]. Я распечатал, чтобы уменьшить вес, но не читал. Теперь принялся за твою книгу[4], и если удастся сделать сколько-нибудь путных замечаний, то они вместе с написанным прежним[5] будут напечатаны под титулом: *Отрывки из писем к Гоголю, писанных к нему о его книге*[6]. Работа привлекательная. Она мне служит переходом к "Одиссее". Между тем и "Одиссея" и "Рустем"[7] печатаются в Карлсру. Полное издание моих сочинений выйдет, если поможет Бог, в начале осени 1848»[8].

[1] См. ответ Гоголя: ***1848 января 10 <1847 декабря 29>. Понедельник. Неаполь.***

[2] См. ***1847. Июля 16 <4>. Пятница. Эмс.***

[3] Вероятно, письмо из Ржева от протоиерея Матфея Константиновского, которого Гоголь в письме от 8 мая (н. ст.) 1847 г. из Неаполя просил адресовать письма во Франкфурт (см. ***1847. Мая 8 <апреля 26>. Суббота. Неаполь***). (В следующем письме к о. Матфею из Остенде Гоголь адрес не уточнил, заметив лишь, что отправится в Иерусалим «ко времени Пасхи», а до того времени пробудет в Неаполе: «Если получу от вас несколько напутственных строк, буду очень, очень рад»; см. ***1847. Сентября 24 <12>. Пятница. Остенде.***) Вслед за ответным письмом Жуковскому (см. ***1848. Января 10 <1847. Декабря 29>. Понедельник. Неаполь***) Гоголь вскоре написал ответ и о. Матфею (см. ***1848. Января 12 <1847. Декабря 31>. Среда. Неаполь***).

[4] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[5] См. ***1847. Марта 4 <февраля 20>. Четверг. Франкфурт-на-Майне.***

[6] См. ***1847. Февраля 18 <6>. Четверг. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[7] Эти произведения составили три тома «Новых стихотворений В. Жуковского» (СПб.: Придворная типография В. Гаспера, в Карлсруэ, 1849). – См. также ***1848. Ноября до 18. Москва***; ***1848. Ноября 18. Четверг. Москва***; ***1848. Ноября 20. Суббота. Москва***; ***1849. Мая 30 <18>. Среда. Базель.***

[8] Издание вышло в 1849 г. в девяти томах.

ДЕКАБРЯ 28 <16>. ВТОРНИК. НЕАПОЛЬ

Гоголь пишет ответное[1] письмо А. А. Иванову в Рим:

«Очень рад, что мое письмо о вас показалось вам удовлетворительным. Великодушью Софьи Петровны[2] не удивляйтесь: я вырвал его из собственного экземпляра. Вы получите целиком и всю книгу, которою можете даже и подтереться. Нападенья на книгу мою отчасти справедливы. Я ее выпустил весьма скоро после моего болезненного состояния, когда ни нервы, ни голова не пришли еще в надлежащий порядок. Я поторопился точно таким же образом, как любите торопиться вы, и впутался в дела прежде, чем показал на это право свое. Нужно было не соваться прежде, чем не сделаешь свое *собственное дело*, и копаться около него, закрывши глаза на всё, по пословице: "Знай, сверчок, свой шесток!" Этой поспешностью я даже повредил многому тому, что хотелось защитить. Книгу вашу я отдал Колонне[3]. Странная судьба бедного почтальона. Жаль, что вы не пишете, пострадал ли он или нет, то есть выгнан на улицу или есть у него какой-нибудь угол. Я на всякий случай написал письменное изъяснение, при сем прилагаемое[4], которое прошу вас вручить начальству, если только с него требуют и взыскивают убытки, а он невинен. Если он, точно, беден и ему действительно нечем жить, то возьмите у Моллера из моих денег 100 франков. Из них дайте себе два наполеона, а остальные 60 дайте ему, но в виде скуд, римскою монетою. Напрасно вы дали ему наполеонами. Серебром, может быть, он бы не потерял. Скажите Моллеру, чтобы остальные 600 он хранил у себя до моего свиданья с ним. Если ж так случится, что меня где-нибудь на моем странствии настигнет смерть, что всё от Божьей воли, то эти деньги пусть остаются в запас на помочь такому из русских художников, которому придется слишком круто и решительно будет неоткуда взять денег. Скажите также Моллеру, что я пред ним виноват: порученности его не исполнил. Впрочем, я буду к нему на днях писать. Каковы нынешние ваши обстоятельства – смущенья и заботы, я этого не знаю, но, вероятно, и смущенья и заботы в изобилии, как у всякого очень чувствительного человека. Во всяком случае, скажу вам то, что говорю самому себе, что осталось в результате от всей моей опытности и мудрости, какие только пребывают в моей бедной голове!

Работая свое дело, нужно твердо помнить, для Кого его работаешь, имея беспрестанно в виду Того, Кто заказал нам работу. Работаете вы, например, для земли своей, для вознесенья искусства, необходимого для просвещения человека, но работаете потому только, что так приказал вам Тот, Кто дал вам все орудия для работы. Стало быть, заказыватель Бог, а не кто другой. А потому Его одного следует знать. Помешает ли кто-нибудь – это не моя вина, я этим не должен смущаться, если только действительно другой *помешал*, а не я сам себе *помешал*. Мне нет дела до того, кончу ли я свою картину или смерть меня застигнет на самом труде; я должен до последней минуты своей работать, не сделавши никакого упущенья с своей собственной стороны. Если бы моя картина погибла или сгорела пред моими глазами, я должен быть так же покоен, как если бы она существовала, потому что я не зевал, я трудился. Хозяин, заказавший это, видел. Он допустил, что она сгорела. Это Его воля. Он лучше меня знает, что и для чего нужно. Только мысля таким образом, мне кажется, можно остаться покойным среди всего. Кто же не может таким образом мыслить, в том, значит, еще много есть тщеславия, самолюбия, желанья временной славы и земных суетных помышлений. И никакими средствами, покровительствами, защищениями не спасет он себя от беспокойства.

Вот весь итог посильных наблюдений, опытности и мудрости, какие только я мог вывести из своей жизни. Передаю его вам в виде подарка на новый наступающий <год> и душевно желаю вам всякого добра. <...>

Поклонитесь от меня Бейне[5] и расспросите его, как он ехал из Байрута в Яффу, а из Яффы в Иерусалим[6]. Во сколько дней? С какими удобствами и неудобствами? Попросите его, чтобы он написал небольшую об этом записочку. <...>

Всего лучше, если увидите почтальона, отправьте его прежде всего к Иордану, который умеет расспрашивать. Пусть он узнает все его обстоятельства. И если окажется, что почталион просто дурак и сам виноват, то лучше дать деньги или матери, или тому, кто его кормит».

[1] См. ***1847. Декабря между 15 и 27 <между 3 и 15>. Рим.***
[2] Графиня Апраксина.
[3] См. ***1846. Сентябрь <августа вторая половина – сентября средина> Неаполь.***
[4] Не сохранилось.
[5] Карл (Август) Андреевич Бейне (1816–1858), архитектор. В 1847 г. совершил путешествие в Сирию и Египет, осматривал храмы Иерусалима и Дамаска.
[6] Просьбу Гоголя Иванов выполнил (см. ***1848. Января начало <1847. Декабря после 20>. Рим***). Ответ Бейне см.: ***1848. Января 13 <1>. Четверг. Праздник Обрезания Господня. Флоренция.***

ДЕКАБРЯ 17 <29>. СРЕДА. МОСКВА

С. П. Шевырев отправляет Н. Н. Шереметевой письмо к нему Гоголя из Неаполя[1], с сопроводительной запиской:

«Посылаю Вам письмо ко мне от Н. В. Гоголя, зная, какое сердечное участие Вы в нем принимаете. Он же сам желает, чтоб Вы особенно прочли последнюю страничку его письма, которая произвела на меня грустное впечатление. Видно, что он сильно огорчен отзывами о книге своей, да и в самом деле есть за что. Сомневаться в искренности убеждений человека и сомневаться публично – кто же имеет право? В первом номере “Москвитянина” будущего года я выражу свое мнение[2]. Прошу Вас покорнейше, прочитав письмо, мне возвратить его. Гоголь ждет Ваших молитв за него – и, конечно, ждет Ваших утешений, которые, как видно, особенно для него сладки».

Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 101.

[1] См. ***1847. Декабря 2 <ноября 20>. Четверг. Неаполь.***
[2] См. ***1847. Декабря 27 <1848. Января 8>. Суббота. Москва.*** – См. также ***1848. Апреля 21. Среда. Одесса.***

ДЕКАБРЯ 18 <30>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Н. Н. Шереметева пишет новое[1] письмо Гоголю в Неаполь:

«Письмо ваше[2] <...> я получила 14 дека<бря>, и тотчас вам отвечала, а теперь <...> Степан Петрович[3] к вам собирается писать[4]; пользуюсь сим случаем, еще хоть немного с вами, мой друг, побеседовать хочется. Ради Христа берегите себя, не смущайтесь и от сего вредного спасению нашему чувства ограждайтесь молитвою. <...> Из Франкфурта в июне ко мне писали[5] и сердечно меня порадовали, что после этих тревог сильнее хочется в Иерусалим. Помоги вам Господи свершить это путешествие, и я уповаю на Отца Небесного, что приобре<те>те душе блаженство».

[1] Ср. ***1847. Декабря 14 <26>. Воскресенье. Москва.***
[2] См. ***1847. Ноября конец – декабря начало <ноября вторая половина>. Неаполь.***
[3] Шевырев.
[4] См. 1847. ***Декабря 17 <29>. Среда. Москва.***
[5] См. ***1847. Июня 20 <8>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне.***

1848/47

1848 ЯНВАРЯ НАЧАЛО <1847 ДЕКАБРЯ ПОСЛЕ 20>. РИМ

А. А. Иванов пишет ответное[1] письмо Гоголю в Неаполь и письмо к К. А. Бейне во Флоренцию.

Из письма Иванова к Гоголю: «Когда вам опять придет мысль укорять меня за ранний и несчастной выступ в столкновение с людьми высшими, то, пожалуйста, вспоминайте и то, что вы

меня на это тогда благословляли и я, поверя вам, вышел в действия, в которых вижу теперь себя всегда у края гибели. — Но полно нам обращаться к тому, что и как было. Весьма естественно, что русской человек в действиях дальнейшего развития духовного беспрестанно делает ошибки. Зато, пробивая свой истинно национальный такт, страданиями отмежевывает всем свои границы. Теперь нужно придумывать средства излечивать раны, полученные на сражении, а не растравлять их напрасными воспоминаниями и упреками.

Ваше письмо последнее совсем не ответ на мое и я думаю, что лучше всего будет, если мы отложим переписку до личного свидания. — Это может быть хоть в Molo di Gaeta[2] при переезде Софьи Петровны[3] в Рим; ведь здоровье Нат<алии> Влад<имировны>[4] не позволит без отдыха ехать около двух сот миль. — В письмах как-то все не то высказывается, а особливо теперь, когда чувствуешь себя очень уже изможденным от разных ударов.

Пожалуйста, не очень сожалейте о почтальоне: он человек в самом лучшем [состоянии], совершенно теперь здоров, живет не дурно, может найти всегда семье кусок хлеба, особливо если ему приложить еще два наполеона. — К Бейне напишу от вашего имени во Флоренцию, — и дам ему ваш адрес в Неаполь. Мне все кажется, что вы дождетесь меня, чтобы ехать вместе в Палестину[5]. Что будет гораздо лучше для обоих.

Прошу вас не думать, чтобы я когда-нибудь был способен к хитрости и интриге. В ваших строках — "Великодушию Софьи Петровны не удивляйтесь, я вырвал его из собственного экземпляра", — видна какая-то нечистота, во мне подозреваемая, тогда как из предыдущего письма явствует, что книга вашего сочинения была ее собственностью».

Из письма Иванова к Бейне: «Николай Васильевич[6], при засвидетельствовании вам своего поклона, просит вас написать к нему в Неаполь[7], <...> как вы ехали из Байрута в Яфу и из Яфы в Иерусалим. В полной уверенности, что вы исполните это [лестное] поручение важнейшего из наших литераторов, остаюсь ваш покорный слуга...»[8]

[1] См. ***1847. Декабря 28 <16>. Вторник. Неаполь.***

[2] Пристань Гаэта, гавань на берегу Гаэтанского залива, между Римом и Неаполем.

[3] Графиня Апраксина.

[4] Графиня Апраксина, дочь С. П. Апраксиной.

[5] Подробнее см.: ***1848. Января 18 <6>. Вторник. Праздник Крещения Господня. Неаполь*** (примечания); ***1848. Января 19–20 <7–8>. Среда-четверг. Неаполь*** (примечания).

[6] Гоголь.

[7] См. ***1847. Декабря 28 <16>. Вторник. Неаполь.*** — Бейне писал Гоголю 13 января (н. ст.) 1848 г.: ***1848. Января 13 <1>. Четверг. Праздник Обрезания Господня. Флоренция.***

[8] Из писем А. А. Иванова // *Свод.* Т. 3. С. 351.

1847 ДЕКАБРЯ 23 <1848 ЯНВАРЯ 4>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получает[1] письмо Гоголя из Неаполя[2].

[1] См.: *Городецкий.* С. 455.

[2] См. ***1847. Декабря 12 <ноября 30>. Воскресенье. Неаполь.***

1847 ДЕКАБРЯ 24 <1848 ЯНВАРЯ 5>. СРЕДА. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев отправляет[1] в Неаполь ответ на два (августовское[2] и декабрьское[3]) письма Гоголя (письмо Плетнева не сохранилось).

[1] См.: *Городецкий.* С. 455.

[2] См. ***1847. Августа 24 <12>. Вторник. Остенде***; ***1847. Августа 27 <сентября 8>. Среда. Санкт-Петербург***.

[3] См. ***1847. Декабря 12 <ноября 30>. Воскресенье. Неаполь***; ***1847. Декабря 23 <1848. Января 4>. Вторник. Санкт-Петербург***.

1848/47

1848 ЯНВАРЯ 6 <1847 ДЕКАБРЯ 25>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА. НЕАПОЛЬ

Гоголь, возможно, приобщается Св. Христовых Таин.

Позднее протоиерей Тарасий Серединский вспоминал: «Во вторую зиму <пребывания Гоголя в Неаполе> я его исповедывал и приобщал...»

Протоиерей Тарасий Серединский. Записки заграничного священника // *Свод.* Т. 3. С. 591.

1847/48

1847 ДЕКАБРЯ 25 <1848 ЯНВАРЯ 6>. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА. БЕЙРУТ

К. М. Базили пишет ответное[1] письмо Гоголю в Неаполь:

«Каким же это образом еще в ноябре не получил ты <...> письмо мое, писанное в июне или в июле[2] (не помню, только знаю, что это было в ту пору больших жаров, когда я был в горах[3]), в ответ на твое письмо из Остенде[4]? А жаль, если письмо затерялось, не столько потому, что оно было исполнено нежности к тебе и воспоминаний школьных, дорогих более и более сердцу моему, по мере того, как голова седеет, сколько потому, что тем письмом я усердно приглашал тебя, если возможно скорее, в Бейрут, чтобы доставить мне удовольствие, а тебе случай и, может быть, также некое удовольствие совершить благочестивый твой поход в Иерусалим вместе со мною. Если в течение января (по-нашему) можешь сюда поспеть, это сбудется; если позже, т. е. в феврале или в марте, то только свидимся; если еще позже, то я скажу, что именно ты ждал моего отъезда из Сирии, чтобы сюда заехать, ибо в апреле[5] непременно отправляюсь в Россию с семейством. Не будь страха от наступающих летних жаров, страха за детей, в особенности за необходимость их отправить в мае, то клянусь тебе Аллахом, пожалуй, я бы еще прождал месяц, чтобы только свидеться с тобою. Но ведь женатому, семейному человеку предстоит много соображений, тебе непостижимых. Как бы то ни было, а если приедешь позже и не застанешь меня ты здесь, в Бейруте, в Яффе и в Иерусалиме найдешь прием отличный и радушный — в том тебе ручаюсь. Если бы ты совершил путешествие со мною, то расходов тебе бы не стоило никаких от твоего приезда до твоего выезда из Сирии, потому что лишняя лошадь у меня есть, а разумеется жил бы ты у меня и здесь и в Иерусалиме. Если приедешь без меня, то сделай милость не хлопочи о конвоях и прочих вздорах, о коих толкуют светские путешественники — шарлатаны в подражание Ламартину[6]. Приезжай по расчету пароходов как найдешь удобнее и кратче, через Александрию или Смирну, в Бейрут. Заметь только, что, отправившись из Александрии сюда, надо здесь просидеть 12 дней в карантине, а из Смирны сюда карантина нет. Из Бейрута на лодке переедешь в Яффу — это стоит безделицу. Из Яффы нужна лошадь для тебя и разве лошадь для поклажи, буде есть поклажа, чтобы в один день переехать в Иерусалим. А я хоть и буду в отсутствии, а ручаюсь головой — никто тебя не обидит. В Иерусалиме поживешь у патриарха[7], сколько захочешь, и тем же церемониалом поедешь назад. Насчет расходов видишь, что необходимых весьма немного, а что, как и почему захочешь дать потом и прочим в Иерусалиме, об этом подробно объяснишься с домашним вице-канцлером в Яффе[8], человеком действительно почтенным, коему уже ты рекомендован.

Хотелось бы еще присовокупить подробности о себе самом и о своем семействе, да уже об этом я писал тебе, и помнится, что и жена моя присовокупляла приглашение тебе поспешить сюда по-

скорее. Если сам ты по обычной рассеянности получил письмо и не прочитал (со мною это случается с того времени, как получаю письма пронумерованные), то, брат, не приезжай, а то готова виселица ради толикого преступления. Ведь и я и добрая моя жена по-братски, запросто тебя просили погостить всю зиму здесь: здесь климат лучше вашего неапольского. <...> Спеши к нам и не беспокойся ни о чем: я озабочусь о твоем отправлении и обо всем, а если меня не застанешь, то мои чиновники все исполнят как следует. Твой навсегда К. Базили».

[1] См. ***1847. Ноябрь <октября конец – ноября средина>. Неаполь.***

[2] См. ***1847. Июля конец <августа первая половина>. Бейрут.***

[3] В Ливанских (примечание В. И. Шенрока; см.: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 684).

[4] См. ***1847. Июля конец <июля средина>. Остенде.***

[5] См. ***1848. Марта 25 <апреля 6>. Четверг. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Бейрут.***

[6] Французский писатель А. де Ламартин (1790–1869) совершил паломничество в Святую Землю в 1832 г., описав его в своем дневнике «Путешествие на Восток» («Voyage en Orient», 1835).

[7] Имеется в виду патриарх Иерусалимский Кирилл II (1795–1877).

[8] Имеется в виду российский вице-*консул* (а не канцлер) в Яффе Николай Степанович Марабути, коллежский регистратор, бывший греческий вице-консул, с 1839 г. на русской службе, в 1844 г. принят в российское подданство. – См. также ***1848. Февраля 2 <14>. Понедельник. Праздник Сретения Господня. Яффа.***

1847 ДЕКАБРЯ 26 <1848 ЯНВАРЯ 7>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1979. С. 383.

1847 ДЕКАБРЯ 27 <1848 ЯНВАРЯ 8>. СУББОТА. МОСКВА

Цензурное разрешение № 1 «Москвитянина», где напечатана статья С. П. Шевырева о «Выбранных местах из переписки с друзьями»[1].

В статье Шевырев, имея в виду признание Гоголя, что «главным свойством» своего таланта является умение изображать «ярко пошлость жизни», замечал: «...Мы взвесим слово: *главное свойство* и остережемся от того, чтобы признать это свойство в Гоголе исключительным. <...> Малороссийский период его произведений доказал, что он способен к изображению высокой и прекрасной стороны жизни...»[2]

Шевырев подразумевал «Тараса Бульбу». Еще в 1842 г. он писал о первом томе «Мертвых душ»: «Талант Гоголя был бы весьма односторонен, если бы ограничивался одним комическим юмором, если бы обнимал только одну низкую сферу действительной жизни <...> Вспомним, что одно и то же перо изобразило нам ссору Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, старосветских помещиков и Тараса Бульбу[3]. Художественный талант Гоголя совершил такие замечательные переходы, когда жил и действовал в сфере своей родной Малороссии. По всем данным и по всем вероятностям должно предполагать, что те же самые переходы совершит он и в новой огромной сфере своей деятельности, в жизни русской <...> Если “Ревизор” и первая часть “Мертвых душ” соответствуют Шпоньке и знаменитой ссоре двух малороссов, то мы вправе ожидать еще высоких созданий в роде “Тараса Бульбы”, взятых уже из русского мира»[4]. Эти строки Шевырева вызвали два непосредственных отклика Гоголя. В письме к Шевыреву от 12 ноября (н. ст.) 1842 г. он писал: «Замечание твое о неполноте комического взгляда, берущего только в пол-обхвата предмет, могло быть сделано только глубоким критиком-созерцателем. <...> Я много освежился душой по прочтеньи твоих статей и ощутил в себе прибавившуюся силу». В другом письме к критику, от 2 марта (н. ст.) 1843 г., Гоголь отзывался еще более восторженно: «...Какую глубокую радость слышала душа моя, когда мимо слов моих, мимо меня самого, узнавали меня глубиною чувств своих... <...> Следы этого везде слышны во 2-й статье твоего разбора Мертвых душ, который я уже прочел несколько раз».

В тот же день, 27 декабря 1847 г., Шевырев получил (судя по почтовому штемпелю[5]) письмо Гоголя из Неаполя[6].

[1] *Шевырев С.* Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя // Москвитянин. 1848. № 1. <Отд. 2>. С. 1–29.

[2] Там же. С. 10. – См. также ***1842. Мая между 23 и 28. Москва*** (примечания); ***1846. Октября 29 <ноября 10>. Вторник. Москва*** (примечания).

[3] Шевырев перечисляет здесь повести «Миргорода» не по их расположению в сборнике, а по времени создания, что оказывается соответствующим замыслу первого и второго томов «Мертвых душ». Вероятно, совершившийся в период работы над «Миргородом» переход от «отрицания» к «утверждению» давал Гоголю уверенность в возможности подобного же завершения своей поэмы. – См. также ***1849. Мая 16. Понедельник. Москва*** (примечания).

[4] *Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья вторая // Москвитянин. 1842. № 8 (ценз. разр. 22 авг.). С. 363–364.

[5] См.: *Городецкий.* С. 469.

[6] См. ***1847. Декабря 18 <6>. Суббота. Неаполь.***

1847 ДЕКАБРЯ 28 <1848 ЯНВАРЯ 9>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Женитьбы» в Малом театре[1]; в роли Кочкарева – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 323.

[2] *Гриц.* С. 408.

1848/47

1848 ЯНВАРЯ 10 <1847 ДЕКАБРЯ 29>. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕАПОЛЬ

Гоголь получил письмо В. А. Жуковского из Франкфурта, с вложением письма протоиерея Матфея Константиновского из Ржева[1] (последнее письмо не сохранилось). Пишет Жуковскому ответное письмо, предполагая напечатать его во втором (несостоявшемся) издании «Выбранных мест из переписки с друзьями» под названием «Искусство есть примирение с жизнью».

По своему содержанию письмо к Жуковскому являет собой сокращенный вариант «Авторской исповеди»[2]. В то же время на замысел письма, очевидно, оказало влияние прочитанное тогда же письмо о. Матфея, что делает рассчитанную на публикацию статью «Искусство есть примирение с жизнью» косвенным ответом и на его послание. (Частный ответ о. Матфею Гоголь отправил через день, 12 января (н. ст.) 1848 г.[3])

Из письма Жуковскому: «Виноват перед тобой, душа моя! Всякий день собираюсь писать – и непостижимая *неохота* удерживает. Передо мной опять Неаполь, Везувий и море! Дни бегут в занятиях, время летит так, что не знаешь, откуда взять лишний час. Учусь, как школьник, всему тому, чему пренебрег выучиться в школе. <...> Хотелось бы поговорить <...> о нашем милом *искусстве,* для которого живу и для которого учусь теперь, как школьник. Так как теперь предстоит мое путешествие в Иерусалим, то хочу тебе исповедаться; кому же, как не тебе? Ведь литература заняла почти всю жизнь мою, и главные мои грехи – здесь. <...> Не мое дело решить, в какой степени я поэт; знаю только то, что, прежде чем понимать значенье и цель искусства, я уже чувствовал чутьем всей души моей, что оно должно быть свято. И едва ли не со времени <...> первого свиданья нашего[4] оно уже стало *главным* и *первым* в моей жизни, а все прочее *вторым.* Мне казалось, что уже не должен я связываться никакими другими узами на земле, ни жизнью семейной, ни должностной жизнью гражданина, и что словесное поприще есть тоже служба. Еще я не давал себе отчета (да и мог ли тогда его дать), что должно быть предметом моего пера, а уже творческая сила шевелилась

и собственные обстоятельства жизни моей наталкивали на предметы. Все совершалось как бы независимо от моего собственного (свободного) произволения. Никогда, например, я не думал, что мне придется быть сатирическим писателем и смешить моих читателей. Правда, что, еще бывши в школе, чувствовал я временами расположенье к веселости и надоедал товарищам неуместными шутками[5]. Но это были временные припадки, вообще же я был характера скорей меланхолического и склонного к размышлению. Впоследствии присоединилась к этому болезнь и хандра. И эти-то самые болезнь и хандра были причиной той веселости, которая явилась в моих первых произведениях[6]: чтобы развлекать самого себя, я выдумывал без дальнейшей цели и плана героев, становил их в смешные положения — вот происхождение моих повестей! Страсть наблюдать за человеком, питаемая мною еще сызмала, придала им некоторую естественность; их даже стали называть верными снимками с натуры. Еще одно обстоятельство: мой смех вначале был добродушен; я совсем не думал осмеивать что-либо с какой-нибудь целью, и меня до такой степени изумляло, когда я слышал, что обижаются и даже сердятся на меня целиком сословия и классы общества, что я наконец задумался. "Если сила смеха так велика, что ее боятся, стало быть, ее не следует тратить по-пустому". Я решился собрать все дурное, какое только я знал, и за одним разом над ним посмеяться, — вот происхождение "Ревизора"[7]! <...> ...В комедии стали видеть желанье осмеять узаконенный порядок вещей и правительственные формы, тогда как у меня было намерение осмеять только самоуправное отступленье некоторых лиц от форменного и узаконенного порядка. Представленье "Ревизора" произвело на меня тягостное впечатление[8]. <...> Мне хотелось убежать от всего[9]. <...> Уже давно занимала меня мысль *большого сочиненья*, в котором бы предстало все, что ни есть и хорошего и дурного в русском человеке, и обнаружилось бы пред нами видней *свойство* нашей русской природы. <...> ...Болезни и тяжкие душевные состоянья <...> обратили к тому, к чему прежде, чем сделался писатель, уже имел я охоту: к наблюденью внутреннему над человеком и над *душой человеческой*. <...> На этом-то пути поневоле встретишься *ближе с* Тем, Который Один из всех доселе бывших на земле показал в Себе полное познанье души человеческой... <...> С этих пор способность творить стала пробуждаться; живые образы начинают выходить ясно из мглы; чувствую, что работа пойдет, что даже и язык будет правилен и звучен, а слог окрепнет. <...> Выпуск книги "Переписка с друзьями", с которою (от радости, что расписалось перо) я так поспешил, <...> пришелся в пользу мне самому. <...> Несмотря на пристрастье суждений об этой книге и разномыслие их, в итоге послышался общий голос, указавший мне место мое и границы, которых я, как писатель, не должен переступать.

В самом деле, не мое дело поучать проповедью. Искусство и без того уже поученье. Мое дело говорить *живыми образами*, а не рассужденьями. Я должен выставить *жизнь* лицом, а не трактовать о жизни. Истина очевидная. Но вопрос: мог ли бы я без этого большого крюку сделаться достойным производителем искусства? Мог ли бы я выставить жизнь в ее глубине так, чтобы она пошла в поученье? Как изображать людей, если не узнал прежде, что такое *душа человеческая?* Писатель, если только он одарен творческою силою создавать собственные образы, воспитайся прежде как человек и гражданин земли своей, а потом уже принимайся за перо! Иначе будет все невпопад. Что пользы поразить позорного и порочного, выставя его на вид всем, если не ясен в тебе самом идеал ему противуположного прекрасного человека? Как выставлять недостатки и недостоинство человеческое, если не задал самому себе запроса: в чем же достоинство человека? и не дал на это себе сколько-нибудь удовлетворительного ответа. Как осмеивать исключенья, если еще не узнал хорошо те правила, из которых выставляешь на вид исключенья? Это будет значить разрушить старый дом прежде, чем иметь возможность выстроить наместо его новый. Но искусство не разрушенье. В искусстве таятся семена созданья, а не разрушенья. Это чувствовалось всегда, даже и в те времена, когда все было невежественно. Под звуки Орфеевой лиры строились города. Несмотря на не очищенное еще до сих пор понятие общества об искусстве, все, однако же, говорят: "Искусство есть примиренье с жизнью". Это правда. Истинное созданье искусства имеет в себе что-то успокоивающее и примирительное. Во время чтенья душа исполняется стройного согласия, а по прочтении удовлетворена: ничего не хочется, ничего не желается, не подымается в сердце движенье негодованья противу брата, но скорее в нем струится елей всепрощающей любви к брату. И вообще не устремляешься на *порицанье* действий другого, но на *созерцанье* самого себя. Если же созданье

поэта не имеет в себе этого свойства, то оно есть один только благородный горячий порыв, плод временного состоянья автора. Оно останется как примечательное явленье, но не назовется созданьем искусства. Поделом! Искусство есть примиренье с жизнью!»

Содержание этого отрывка восходит к «Театральному разъезду...» (1842), где Гоголь писал, в частности, о значении «чистого смеха», что он призван укрощать мятежные движения скорбящей души, порывы человека к самоубийству или гневу против ближнего, являя тем самым одну из сторон того очистительного и утешительного воздействия искусства на человека, когда «вдруг» брызнут «свежительные слезы из его очей» и выходит он «примиренный с жизнью»[10].

Мыслью о недопустимости самоубийственной ненависти проникнуты и обращенные к революционерам слова Гоголя в заметке, относящейся к маю 1848 г. и являющейся своего рода «продолжением» ответа[11] Гоголя на письмо В. Г. Белинского 1847 г.[12]: «Что спьяна передушите всех, думаете поправить? Думаете, лучше будет погибнуть?» (записная книжка 1846–1850 гг.). Можно предположить, что само название настоящей статьи — «Искусство есть примирение с жизнью» — связано с теми произведениями критика, которые тот написал в так называемый «примирительный» период своей деятельности. Так, в своем неотправленном письме к Белинскому Гоголь замечал: «Позвольте мне напомнить прежние ваши работы и сочинения <...> Литератор <...> должен служить искусству, которое вносит в души <...> высшее примиренье, а не вражду...»[13]

Далее Гоголь писал Жуковскому: «Искусство есть водворенье в душу стройности и порядка, а не смущенья и расстройства. Искусство должно изобразить нам таким образом людей земли нашей, чтобы каждый из нас почувствовал, что это *живые люди*, созданные и взятые из того же тела, из которого и мы. Искусство должно выставить нам на вид все доблестные *народные* наши качества и свойства, не выключая даже и тех, которые, не имея простора свободно развиться, не всеми замечены и оценены так верно, чтобы каждый почувствовал их и в себе самом и загорелся бы желаньем развить и возлелеять в себе самом то, что им заброшено и позабыто. Искусство должно выставить нам все дурные наши народные качества и свойства таким образом, чтобы следы их каждый из нас отыскал прежде в себе самом и подумал бы о том, как прежде с самого себя сбросить все, омрачающее благородство природы нашей. Тогда только, и таким образом действуя, искусство исполнит свое назначенье и внесет порядок и стройность в общество!

Итак, благословясь и помолясь, обратимся же сильней, чем когда-либо прежде, к нашему милому искусству. Что касается до меня, то, отложивши все прочее на будущее время (когда Бог удостоит быть достойным сколько-нибудь того), хочу заняться крепко “Мертвыми душами”. Съезжу в Иерусалим (чего стало даже и совестно не сделать), поблагодарю, как сумею, за все бывшее. Помолюсь, да укрепится душа и соберутся силы, и с Богом за дело. Очень, очень бы хотелось, чтобы привел Бог нам опять пожить вместе, в Москве, вблизи друг от друга. Перечитывать написанное и быть судьей друг другу теперь будет еще больше нужно, чем прежде. <...> Твое письмо еще застанет меня в Неаполе. Раньше февраля я не думаю подняться. Обнимаю все твое милое семейство вместе с Рейтернами»[14].

В приписке к посланию Гоголь добавил: «Если письмо это найдешь не без достоинства, то прибереги его. Его можно будет при втором издании “Переписки” поставить впереди книги на место “Завещания”, имеющего выброситься, а заглавье дать ему: “*Искусство есть примирение с жизнью*”».

В конце жизни Гоголь намеревался поместить письмо в пятом томе готовившегося им собрания сочинений среди статей из «Выбранных мест...» и «Арабесок»[15].

Далее Гоголь замечал: «Всё хочу спросить и всё позабываю: есть ли у тебя латинский надстрочный перевод “Одиссеи”, напечатанный недавно в Париже вместе с подлинником. Весьма красивое издание. Весь Гомер в одном томе, в большую осьмушку. Editore Ambrosio Firmin Didot. Parisiis. 1846[16]. Мне он показал<ся> весьма удовлетворительным и для тебя полезнейшим прочих».

В ответ В. А. Жуковский 29 января (н. ст.) 1848 г. написал статью «О поэте и современном его значении. *Письмо к Н. В. Гоголю*», напечатанную в № 4 «Москвитянина» за 1848 г.[17]

[1] См. ***1847. Декабря конец <декабря средина>. Франкфурт-на-Майне.***

[2] См. ***1847. Июня 10 <мая 29> – июля 10 <июня 28>. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Августа 10 <июля 29>. Вторник. Остенде.***

[3] См. ***1848. Января 12 <1847. Декабря 31>. Среда. Неаполь.***

[4] См. ***1830. Декабрь. Санкт-Петербург.***

[5] См., в частности: ***1824. Май. Нежин***; ***1825. Декабря 12. Суббота. День памяти святителя Спиридона Тримифунтского. Суббота. Нежин.***

[6] См. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка*** (примечания); ***1834. Июня 27. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

[7] См. ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[9] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт.***

[10] См. также ***1842. Сентября 1 <августа 20>. Четверг. Гастейн*** (примечания).

[11] См. ***1847. Июля конец – августа начало <июля вторая половина>. Остенде.***

[12] См. ***1847. Июля 12–15 <июня 30 – июля 3>. Понедельник-четверг. Зальцбрунн.***

[13] См. также ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва.***

[14] Семья художника Е. Р. фон Рейтерна, тестя В. А. Жуковского.

[15] См. ***1851. Октября конец, до 30. Москва*** (примечания).

[16] Издатель Амброзио Фирмин Дидо. Париж. 1846.

[17] См. ***1848. Января 29 <17>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***; ***1848. Марта 31 <апреля 12>. Среда. Москва***; ***1848. Апреля 19 <7>. Великая среда. Ганау***; ***1848. Апреля 21. Среда. Одесса.***

1847 ДЕКАБРЯ 30 <1848 ЯНВАРЯ 11>. ВТОРНИК. МОСКВА

1847/48

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего – М. С. Щепкин[2].

В тот же день С. П. Шевырев, по поручению Гоголя в письме из Неаполя[3], отправил его сестре Ольге в Васильевку деньги и письмо к ней от брата, с сопроводительным письмом:

«По поручению братца Вашего, <...> полученному мною вчера, препровождаю к Вам тридцать рублей серебром (вместо 100 руб<лей> ассигнац<иями>), как он приказывает, ибо ассигнационный счет с 1-го января уже не существует. <...> Прилагаю и письмо от Вашего брата»[4].

[1] *Ельницкая 1979.* С. 383.

[2] *Гриц.* С. 408.

[3] См. ***1847. Декабря 18 <6>. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Неаполь.***

[4] Гоголь в письмах С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 2. С. 101.

1848 ЯНВАРЯ 12 <1847 ДЕКАБРЯ 31>. СРЕДА. НЕАПОЛЬ

1848/47

Гоголь пишет ответное письмо протоиерею Матфею Константиновскому во Ржев (письмо было прислано Гоголю В. А. Жуковским из Франкфурта[1]). Отправляет также ответное[2] письмо Н. Н. Шереметевой в Москву.

Из письма к отцу Матфею: «Благодарю вас много за бесценные ваши строки. Прочитал несколько раз ваше письмо. Прочитаю потом еще в минуты других расположений душевных. Смысл нам не вдруг открывается, а потому нужно повторять чтение того, что относится до души нашей. Я верю, что вы молились обо мне и просили у Бога вразумленья сказать мне то, что для меня нужно, а потому, верно, после откроется мне в нем и больше. Хотя и теперь вы сказали много того, за что душа моя будет благодарить вас и в будущей и в здешней жизни. Всё, что говорите вы об учительстве[3], принял очень к сведению и вследствие этого, разумеется, взглянул пристальнее и на себя и на учительство. Не могу только решить того, действительно ли то дело, которое меня занимает и было

предметом моего обдумывания с давних пор, есть учительство. Мне оно кажется только долгом и обязанностию службы, которую я должен был сослужить моему отечеству, как воин, гражданский и всякий другой чиновник, если только он получил для этого способности. Я, точно, моей опрометчивой книгой[4] (которую вы читали) показал какие-то исполинские замыслы на что-то вроде вселенского учительства. Но книга эта есть произведение моего переходного душевного состояния, временного, едва освободившегося от болезненного состояния. Опечаленный некоторыми неприятными происшествиями, у нас случающимися, и нехристианским направлением современной литературы, я опрометчиво поспешил с этой нерассудительной книгой и нечувствительно забрел туда, где мне неприлично. А диавол, который <тут> как тут, раздул до чудовищной преувеличенности даже и то, что было и без умысла учительствовать, что случается всегда с теми, которые понадеются несколько на свои силы и на свою *значительность* у Бога. Дело в том, что книга эта не мой род. Но то, что меня издавна и продолжительнее занимало, это было изобразить в большом сочинении добро и зло, какое есть в нашей Русской земле, после которого русские читатели узнали бы лучше свою землю, потому что у нас многие, даже чиновники и должностные, попадают в большие ошибки по случаю незнания коренных свойств русского человека и народного духа нашей земли. Я имел всегда свойства замечать все особенности каждого человека, от малых до больших, и потом изобразить его так перед глазами, что, по уверению моих читателей, что человек, мною изображенный, оставался, как гвоздь, в голове, и образ его так казался жив, что от него трудно было отделаться. Я думаю, что если я, с моим умением живо изображать характеры, узнаю получше многие вещи в России и то, что делается внутри ее, то я введу читателя в большее познание русского человека. А если я сам, по милости Божией, проникнусь более познаньем долга человека на земле и познаньем истины, то от этого нечувствительно и в сочинении моем добрые русские характеры и свойства людей получат привлекательность, а нехорошие — такую непривлекательность, что читатель не возлюбит их даже и в себе самом, если отыщет. Вот как я думал и поэтому узнавал всё, что ни относится до России, узнавал души людей и вообще душу человека, начиная со своей.

Еще я не знал сам, как с этим слажу и как успею, а уже верил, что это будет мне возможно тогда, когда я сам сделаюсь лучшим. Вот в чем я полагаю мое писательство. Итак, учительство ли это? Я хотел представить только читателю замечательнейшие предметы русские в таком виде, чтобы он сам увидел и решил, что нужно взять ему, и, так сказать, сам бы поучил самого себя. Я не хотел даже выводить нравоучения; мне казалось (если я сам сделаюсь лучше), всё это нечувствительно, мимо меня, выведет сам читатель. Вот вам исповедь моего писательства. Бог весть, может быть, я в этом неправ, а потому вопрошу себя еще, стану наблюдать за собою, буду молиться. Но, увы! молиться не легко. Как молиться, если Бог не захочет? Вижу так много в себе дурного, такую бездну *себялюбия* и неуменья пожертвовать земным *небесному*. Прежде мне казалось, что я уже возвысился душой, что я значительно стал лучше прежнего, в минуты слез и умилений, которые я ощущал во время чтения святых книг. Мне казалось, что я удостоивался уже милостей Божиих, что эти сладкие ощущенья есть уже свидетельство, что я стал ближе к небу. Теперь только дивлюсь своей гордости, дивлюсь тому, как Бог не поразил меня и не стер с лица земли. О друг мой и самим Богом данный мне исповедник! горю от стыда и не знаю, куда деться от несметного множества не подозреваемых во мне прежде слабостей и пороков. И вот вам моя исповедь уже не в писательстве. Исписал бы вам страницы во свидетельство моего малодушия, суеверия, боязни. Мне кажется даже, что во мне и веры нет вовсе; признаю Христа Богочеловеком только потому, что так велит мне ум мой, а не вера. Я изумился Его необъятной мудрости и с некоторым страхом почувствовал, что невозможно земному человеку вместить ее в себе, изумился глубокому познанию Его души человеческой, чувствуя, что так знать душу человека может только сам творец ее. Вот всё, но веры у меня нет. Хочу верить[5]. И, несмотря на всё это, я дерзаю теперь идти поклониться Святому Гробу. Этого мало: хочу молиться о всех и всём, что ни есть в Русской земле и отечестве нашем. О, помолитесь обо мне, чтобы Бог не поразил меня за мое недостоинство и удостоил бы об этом помолиться! Скажите мне: зачем мне, вместо того, чтобы молиться о прощеньи всех прежних грехов моих, хочется молиться о спасеньи русской земли, о водвореньи в ней мира, наместо смятения, и любви, наместо ненависти к брату? Зачем я помышляю об этом, наместо того, чтобы оплакивать собственные грехи мои?»

В 1902 г. профессор Варшавского университета Александр Иванович Смирнов (1842–1905) указывал: «Как в древности, в начале XII в. великий молитвенник за русскую землю черниговец паломннк игумен Даниил молился пред Гробом Господним за всю Русь, так и великий печальник за всю Россию, полтавец Гоголь в 1848 г. перед отправлением своим в Иерусалим писал: "Хочу молится о всех и о всем, что ни есть в Русской земле и отечестве нашем; хочется мне молиться о спасении Русской земли, о водворении в ней мира и на место смятения и любвн на место ненависти к брату". В письме же из самого Иерусалима к Жуковскому[6] он писал: "О, да поможет нам Бог, и тебе и мне, собрать все силы наши на произведенье творений, нами лелеемых во глубине душ наших, в добро земли нашей, и да просветит нас светом разума святаго Евангелия Своего"»[7].

В 1911 г. выпускник Киевской Духовной академии, священник Косма Павлович Петрушевский (1875–1954) также замечал: «Гоголь едет в Иерусалим и в смиренном сознании своего недостоинства, полный горячей любви к людям, к своей родине, подобно древнерусскому паломнику, игумену Даниилу, молится здесь за себя и еще больше за русскую землю»[8].

Далее Гоголь писал отцу Матфею: «Зачем мне хочется молиться еще и о том, чтобы Бог дал силы мне загладить новым, лучшим делом и подвигом мои прежние худые, даже и в деле писательства? О, молитесь обо мне, добрая душа моя! Молитесь, чтобы Бог избавил меня от всякого духа искушения и дал бы мне уразуметь его истинную волю. Молитесь, молитесь крепко обо мне, и Бог вам да поможет обо мне молиться! Порученье ваше исполняю, Евангелие читаю и благодарю вас за это много.

Уведомьте меня двумя строками, получены ли вами из Петербурга деньги, 100 рублей серебром[9], на молебны <и> на бедных.

Адресуйте в Константинополь таким образом: A monsieur conseiller de la Mission Russe a Constantinople Jean de Chalczinsky (Ивану Дмитриевичу Халчинскому) для передачи Николаю Васильевичу Гоголю.

Прощайте. О, если бы Бог удостоил меня помолиться крепко о вас[10] в благодарность за ваше благодеяние!»

Из письма к Шереметевой[11]: «Ваше письмо <...> получил. <...> Вследствие вашего наставления, я осмотрел себя и вопросил, не имею ли чего на сердце противу кого-либо, и мне показалось, что ни против кого ничего не имею. Вообще у меня сердце незлобное, и я думаю, что я в силах бы был простить всякому за какое бы то ни было оскорбление. Трудней всего примириться с самим собой. Тем более, что видишь, как всему виной сам: не любят меня через меня же, сердятся и негодуют на меня потому, что собственным неразумным образом действий заставил я на себя сердиться и негодовать. А неразумны мои действия оттого, что я не проникнулся святынею помыслов, как следует на земле человеку. И не умею исполнять в младенческой и чистой простоте сердца слова и законы Того, Кто их принес нам на землю. Собираюсь в путь, готовлюсь сесть на корабль ехать в Святую Землю, а между тем как мало похожу на человека, собирающегося в путь! Как много в душе мелочного, земных привязанностей, земных опасений! Как малодушна моя душа! Друг мой, молитесь обо мне, молитесь крепче, чем когда-либо прежде! Молитесь о том, чтобы Бог дал силы мне помолиться так, как должен молиться Ему на земле человек, Им созданный и облагодетельствованный. Поручите отслужить молебень о благополучном моем путешествии такому священнику, о котором вы знаете, что он от всей души обо мне помолится. Я прилагаю при сем записочку того, о чем бы я хотел, что<б> помолили<сь>, сверх того, что находится в обыкн<овенных> молебнях. <...> Я к вам еще напишу несколько строк перед самым отъездом»[12].

Из молитвы, приложенной к письму Шереметевой: «Боже, соделай безопасным путь его, пребыванье в Святой Земле благодатным... <...> Преклони сердца людей к доставлению ему покровительства, повсюду, где будет проходить он[13]; восстанови тишину морей и укроти бурное дыхание непогоды[14]! Душу же его исполни благодатных мыслей во все время дороги его! <...> Исправи его молитву и дай ему <силу> помолиться у Гроба Святаго о собратьях и кровных своих, о всех людях земли нашей и о всей отчизне нашей[15], о ее мирном времени, о примирении всего в ней враждующего и негодующего, о водворении в ней любви и о воцарении Твоего Царства, Боже!»

В записной книжке Гоголя 1846–1850 гг. сохранилась заметка «Чьи имена вспомнить у Гр<оба> Св<ятого>», а также заметка «В Иерусалиме», где Гоголь пометил: «*Писать* письма: домой, Матвею Александр<о-

вичу>, Надежде Никол<аевне> и Жуковскому, Толстому; вторые: Шевыреву и в нем Малиновск<ому> – к Плетневу»[16].

Молясь о примирении в России «всего в ней враждующего и негодующего», Гоголь включил в свою заметку «Чьи имена вспомнить у Гр<оба> Св<ятого>» имя декабриста Г. С. Батенькова[17]. В то время, когда Гоголь составлял молитву «Боже, соделай безопасным путь его...», по всей Европе прокатилась волна революций. Еще в «Выбранных местах...», в статье *XXVI. Страхи и ужасы России*, Гоголь писал: «В Европе завариваются теперь повсюду такие сумятицы, что не поможет никакое человеческое средство, когда они вскроются, и перед ними будет ничтожная вещь те страхи, которые вам видятся в России. В России еще брезжит свет, есть еще пути и дороги к спасенью...» С назревавшими революционными событиями Гоголь непосредственно столкнулся в январе 1848 г. в Неаполе, откуда поэтому был вынужден выехать в Иерусалим раньше, чем намеревался[18].

В конце 1840-х гг. Гоголь составил и другую молитву: «Господи! спаси и помилуй бедных людей. <...> Не давай лукавому возвеселиться и овладеть нами. Не дай врагу поглумиться над нами и мрачному производить беспорядки и неустройства, возмутить стройность, знаменующую присутствие Твое с нами. <...> Яви человеколюбие Свое ради Святой Крови Своей, ради жертвы за нас принесенной».

Вероятно, в эту же эпоху были написаны Гоголем «Вступление» и «Заключение» к его «Размышлениям о Божественной Литургии» (сохранившиеся на отдельных листах). Своим содержанием они прямо перекликаются с молитвами «Господи! спаси и помилуй бедных людей...» и «Боже, соделай безопасным путь его...» Во «Вступлении» Гоголь замечал: «Скорбя от неустроений своих, человечество отовсюду <...> взывало к Творцу своему, <...> слыша, что порядок и стройность могут быть водворены в мире только Тем, Который в стройном чине повелел двигаться мирам, от Него созданным». В «Заключении» он добавлял: «И если общество еще не совершенно распалось, если люди не дышат полною, непримиримой ненавистью между собою, то сокровенная причина тому есть Божественная Литургия, напоминающая человеку о святой, небесной любви к брату». М. П. Погодин по возвращении Гоголя из Святой Земли писал ему 5 мая 1848 г.: «Ты произнес горячую молитву за Святую Русь в такое страшное время: "Вскую шаташася языцы и людие поучишася тщетным!"»[19] В. А. Жуковский в 1848 г. в письме к Гоголю также замечал: «В то время, как я полагал, что вокруг тебя шумит возмутившийся Неаполь, ты спокойно стоял у Гроба Господня и, смотря на него, глубже понимал и значение человеческих тревог на земле и тайну небесного мира души человеческой...»[20]

Далее из молитвы Гоголя: «И сподоби его, Боже, восстать от Святаго Гроба с обновленными силами, с духом бодрым и освеженным возвратиться к делу и труду своему, на добро земле своей, на устремленье сердец наших к прославленью Святого Имени Твоего!»

Такая же молитва (с незначительными изменениями) была послана Гоголем три дня спустя матери[21].

[1] См. ***1847. Декабря конец <декабря средина>. Франкфурт-на-Майне***; ***1848. Января 10 <1847. Декабря 29>. Понедельник. Неаполь.***

[2] См. ***1847. Ноября 20 <декабря 2>. Четверг. С. Покровское***; ***1847. Декабря 10 <22>. Среда. Москва.***

[3] В записной книжке Гоголя 1846–1851 гг. находятся два отрывка, представляющие собой, по-видимому, черновые наброски к настоящему письму: «Зачем я оказался учителем? Я сам не помню. Мне показалось, что гибнет лучшее, что перо писателя обязано служить истине и беспощадное жало сатиры коснулось, вместе с искоренением злоупотреблений, и того, что должно составлять святыню; что слишком уже много увлеклись течением времени и не останавливаются оглянуться вокруг себя.

Мне так стало совестно [за мою недеятельность], мне так стали тяжелы упреки, что я остаюсь так долго в бездейственности. Я поспешил: [я думал], что если обнаружу мое состояние душевное и чем я занят...» (не дописано).

[4] «Выбранные места из переписки с друзьями».

[5] Признание Гоголя напоминает восклицание отца бесноватого отрока в Евангелии от Марка: «...Верую, Господи! помоги моему неверию» (гл. 9, ст. 24).

[6] См. ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим.***

[7] *Смирнов А.* Из последних лет жизни и литературной деятельности Н. В. Гоголя // Сборник статей, посвященных учениками и почитателями академику и заслуженному ординарному профессору Филиппу Федоровичу Фортунатову... Варшава, 1902. С. 467.

[8] *Петрушевский К.*, священник. Выписки Н. В. Гоголя из творений свв. Отец и из сочинений духовных писателей как материал для определения его религиозно-нравственных воззрений. (Киевская Духовная академия, 1911) // *НБУ*. Ф. Дис. 2165. С. 258–259.

[9] См. ***1847. Декабря 12 <ноября 30>. Воскресенье. Неаполь.***

[10] См. ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим.***

[11] Ответ Шереметевой см.: ***1848. Февраля 3 <15>. Вторник. Москва.***

[12] Следующее письмо к Шереметевой Гоголь отправил уже из Мальты (см. ***1848. Января 23 <11>. Воскресенье. О. Мальта***; ***1848. Февраля 13 <25>. Пятница. С. Покровское***).

[13] См. ***1847. Января 20 <февраля 1>. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1847. Января 21 <февраля 2>. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1847. Марта 5 <февраля 21>. Пятница. Неаполь.***

[14] Гоголь опасался умереть от морской болезни (см.: ***1847. Ноября 20 <8>. Суббота. Неаполь*** – примечания).

[15] См. примеч. выше.

[16] См. ***1848. Февраля 4 <16>. Среда. Иерусалим.***

[17] См. ***1847. Вторая половина года. Томск.***

[18] См. ***1848. Января 18 <6>. Вторник. Праздник Крещения Господня. Неаполь.*** – Подробнее см.: ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** (примечания).

[19] См. ***1848. Мая 5. Среда. Москва.***

[20] См. ***1848. Апреля 19 <7>. Великая среда. Ганау.***

[21] См. ***1847. Января 15 <3>. Суббота. Неаполь.***

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ГОДА. ТОМСК

Ссыльный декабрист Г. С. Батеньков[1] отправляет Гоголю два письма по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» (первое из писем до адресата не дошло, на второе, также несохранившееся, Гоголь ответил; ответ его, однако, известен лишь из краткого пересказа Батенькова).

Сохранился черновой набросок одного из писем Батенькова к Гоголю 1847 г.: «Выше тебе замечено, что не издал в свое время вдруг всей поэмы. Ты в своих героях имеешь уже дело с людьми известными, проглядывающими в историю, с людьми, принадлежащими всему государству. Оставаясь просто поэтом, ты нам уже ничего не скажешь. Надо перестановить мысль и возвысить пошлость уже во вторую степень. Предстанут тебе не взятки, а дурное расположение дел, ложное об них понятие <...> Пожалуй, и эта, второй степени пошлость уместится в губернском городе, но корни-то ее уже не тут. Они в общем бассейне народного быта. Нет не губернского города, который бы был самим собою. Эти нити, которые связывают его со столицею, ужели никогда не темнеют и не ржавеют. По ним и идет тон <...> Ты резко напал на взятки и усвоение казны и хорошо сделал, но хорошо для первой только части. На тебе лежит еще долг подняться во вторую, да ведь так подняться, что надобно и первую-то поднять с собою и в меру возвышения углубиться. <...> ...Думаете <...> достигнуть цели через поношение и уничижение? Едва ли. Чорт не выгоняет чорта <...> взятки у нас необходимое последствие исторического развития. Оно в существе наших форм <...> неразумно было бы форме ослаблять себя простыми слабительными и потогонными».

Позднее, в автобиографических записках Батеньков сообщал: «...Прочитав “Исповедь”[2] Гоголя и зная вполне его состояние, желал я изъяснить ему его: написал сряду два к нему письма; одно, и лучшее, не дошло. На другое он отвечал, благодарил и обещал не почитать свои *Мертвые Души* ни слишком великим делом, ни грехом смертным»[3].

7 октября 1855 г. Батеньков писал Н. А. Бестужеву[4]: «Бывает время, когда чувству человека предстанет вдруг дурная сторона жизни во всем ее громадном безобразии и не просияет ни один луч уму от благотворного света. Душа предается справедливой скорби и негодованию, не видя ничего, кроме произведений зла, организованного и окрепшего. Отсюда мысли о двух началах, когда сохраняется еще память добра: о сатане – если ищется утешение в религии, и почти отчаяние, когда нет ни того, ни другого пособия. Кто не испытал подобного состояния? Надобно разве совсем погрязнуть в этой тьме, чтобы ее не приметить. Умный Гоголь не мог вынести и потерял талант и жизнь, единожды до того коснувшись. Собственный мой опыт в этом роде научил меня выразуметь ваше последнее письмо.

В пылкой молодости со мною бывало это часто: тогда, обыкновенно, замыкался я в самом себе, как решительный эгоист. Но сердце всегда заставляло вспоминать, или искать что-то лучшее; итак, мало-помалу, познание добра и зла стало для меня серьезною наукою и благодетельным искус-

ством, некоторым охлаждением страстного на них взора. Но я имел большой досуг, и не знаю, в какой мере метод мой применим к другому. О нем тот же Гоголь писал ко мне, что он чувствует его истину, но как-то не мог ею воспользоваться на самом деле»[5].

В записной книжке Гоголя 1846–1850 гг. сохранился помянник, или список лиц, которых Гоголь собирался помянуть по прибытии в Святую Землю. Список этот, включающий в себя имена самых близких писателю людей – друзей и родственников, неожиданно оканчивается фамилией декабриста Г. С. Батенькова: «Чьи имена вспомнить у Гр<оба> Св<ятого>: <отца> Матвея Александр<овича>, Надежду Николаевну Ш<еремете-ву>, всю родную семью мою, Александру Осиповну С<мирнову>, Степана Петровича Шев<ырева>, Михаила Петров<ича> Погод<ина>, Александра Петровича Толстого, Петра Александровича Плетнева, Василия Андреевича Жуков<ского>, Вьельгорских, Аксаковых и всех близких сердцу друзей и благодетелей. Батинков...»

История появления имени Батенькова в «помяннике» Гоголя такова. В 1846 г. Батеньков, проведший в одиночном заключении двадцать лет, был освобожден из заточения и отправлен на поселение в Томск. (Такому долговременному заключению в Петропавловской крепости Батеньков подвергся один из всех декабристов, так что М. О. Гершензон в свое время выдвинул даже гипотезу, будто Батеньков «был посажен в крепость по его собственному желанию»[6].)

По прибытии в Сибирь Батеньков прочел гоголевские «Выбранные места из переписки с друзьями» и — как сам он позднее сообщал об этом в своих записках — отправил Гоголю два письма. Как позволяют судить дошедшие до нас материалы, эти письма, если не тоном, то своим содержанием во многом напоминали известное «зальцбруннское» письмо к Гоголю Белинского 1847 г. Согласно сохранившемуся в бумагах Батенькова отрывку одного из писем, ссыльный декабрист советовал Гоголю в последующих томах «Мертвых душ» «переставить мысль и возвысить пошлость уже во вторую ступень», — показав ее связь «со столицею» (см. выше).

Долгое заключение, очевидно, не развеяло декабристских иллюзий Батенькова, и он, подобно радикально настроенному Белинскому, истолковывавшему «Ревизор» и «Мертвые души» в духе политической сатиры, ожидал от Гоголя произведений, написанных в том же духе. Позднее, в статье, посвященной «Мертвым душам», Батеньков писал: «...Теперь едва ли уже Хлестаков не городничим, и дух его едва ли не вознесся до парения в департаментах <...> необходимо усилить концепцию <...> Эта концепция должна быть та же, что была (ибо Гоголь в прежних творениях точно прекрасен), та же, но непременно в новом моменте. Может быть ниже, басистее, но зато несравненно глубже»[7].

По словам Батенькова, его первое письмо к Гоголю — «лучшее» письмо — до писателя не дошло. На другое Гоголь «отвечал, благодарил и обещал не почитать свои *Мертвые Души* ни слишком великим делом, ни грехом смертным» (см. выше).

Между тем в письмах Батенькова речь шла не только о гоголевской поэме и об усилении ее «концепции». Другой темой был вопрос религиозный. Как сообщал Батеньков в своей автобиографии, сразу после осуждения его в 1826 г. на многолетнее заключение он «полагал остаток жизни провести в крайнем смиренин и непрестанной молитве» — «стоя на коленях перед образом по целым дням»[8]. Однако путь, на который в своем вынужденном «затворе» попытался вступить бывший масон-декабрист — в прошлом член ложи «Избранного Михаила» в Петербурге (1816) и один из основателей ложи «Восточного Светила на востоке Томска» (1818–1821) — оказался ему не по силам. Взятый на себя, без соответствующей подготовки, подвиг закономерно привел к истощению душевных сил, к надрыву, и «внезапным осиянием ума» Батеньков, по его словам, «увидел», что путь, им выбранный, «есть только отрицание и не ведет ни к чему кроме изнурения»[9].

Батеньков признавался, что избрал тогда другое средство для борьбы с душевными страданиями — «обратился внутрь самого себя» и «воспользовался методом масонов к обозрению и устройству представшего» ему «нового мира»[10]. Как позволяет судить содержание одного из писем Батенькова, где он подробно описывает совершившийся в нем перелом, закончившийся неудачей «молитвенный подвиг» Батенькова был очевидным следствием демонического наваждения, ввергнувшего его в состояние духовной прелести.

«В Генваре или Феврале 1828 года, — писал Батеньков, — последовало действительное наитие духа. Казалось, весь покой, в котором я находился, наполнился волнующимся пламенем, столько же видимым, сколько и понятным. Само собой разумеется, что пламя не могло сожигать, было невещественное и я разумел это. Разумел также, что со мною происходит то самое, что происходило с пророками и в день Пятидесятницы. С этого времени слагал я уже стихи чрезвычайно сильные и умные. В них развивалась наиболее свобода веры, мысли и гражданского быта, стремление к слиянию добра и зла в идее жизни <...> На Страстной неделе 1828 года произошло новое потрясение души <...> я <...> стал слышать голос. С этого дня я не имел уже воли и должен был беспрекословно <...> покоряться влечению силы, далеко превосходившей естественное состояние <...> В день Пасхи <8 апреля> <...> восторг достиг своей высшей степени. Я почувствовал себя Творцом, равным Богу, и вместе с Богом решился разрушить мир и пересоздать <...> Голос <...> поставил меня на колени на непрерывную молитву перед образом Троицы и мучил, повелевая и отменяя свои повеления и изъяснения. Так простоял я на коленях целый месяц <...> Видя несообразность с разумом такой жестокости, я решился не повиноваться Ангелу и оставил молитву, устремясь всеми силами души к обыкновенной жизни»[11]. Тогдашний

комендант Петропавловской крепости А. Я. Сукин назадолго до Страстной седмицы 1828 г., 26 марта, сообщал А. Х. Бенкендорфу: «...Содержащийся в Алексеевском равелине Государственный преступник Батеньков на прошедшей неделе принял намерение не употреблять никакой пищи и пития и лишился вовсе сна; а в словах и суждениях своих показывает иногда себя человеком в уме помешанным. Посещение присланного к нему <24 марта> для Христианского утешения Казанского Протоиерея Петра <Мысловского> не произвело над ним желаемого действия и никакой перемены в словах и суждениях его...»[12] Исследователи сходятся во мнении о последовавшем тогда умственном расстройстве Батенькова. Наиболее явственно это состояние отразилось в двух посланиях Батенькова к Государю 1835 г., а также и в его записках 1845 г.[13] Екатерина Ивановна Елагина (рожд. Мойер, 1818–1890), в семье которой Батеньков жил некоторое время после возвращения из Сибири, отмечала также «*громадное* самолюбие» бывшего декабриста[14].

Намерением поделиться с Гоголем своим «молитвенным» опытом — или, иначе говоря, вывести писателя из «заблуждения» (как полагал Батеньков) — тот и объяснял отправление своих писем к Гоголю. «Впоследствии, — замечал Батеньков в записках, — прочитав "Исповедь" Гоголя и зная вполне его состояние, желал я изъяснить ему его...» (см. выше). Однако ответ Гоголя, очевидно, не удовлетворил Батенькова, ибо позднее, в статье о «Мертвых душах», тот вновь выразил неудовольствие по поводу религиозности писателя: «...Не скроем: нам страшно, что Гоголь впадает в мистицизм, прямой или патриотический»[15]. Тем, что Гоголь «не смог» воспользовался предложенным ему методом «слияния добра и зла», Батеньков и объяснял «потерю» писателем «таланта и жизни» (см. выше письмо Г. С. Батенькова к Н. А. Бестужеву от 7 октября 1855 г.).

[1] Гавриил Степанович Батеньков (1793–1863), подполковник, масон, декабрист, сотрудник М. М. Сперанского. В 1827–1846 гг. содержался в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. В 1846–1856 гг. был на поселении в Томске.

[2] Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями».

[3] *Батеньков Г. С.* Данные. Повесть собственной жизни // *Свод.* Т. 3. С. 598.

[4] Николай Александрович Бестужев (1791–1866), капитан-лейтенант, литератор, брат А. А. Бестужева (Марлинского), масон, декабрист; приговорен к бессрочной каторге; с 1839 г. жил на поселении в Селенгинске.

[5] *Свод.* Т. 3. С. 598.

[6] *Гершензон М.* Русские пропилеи. М., 1916. Т. 2. С. 21–22.

[7] *Снытко Т. Г.* Г. С. Батеньков-литератор // Лит. наследство. Т. 60. Кн. 1. М., 1956. С. 317–318.

[8] *Батеньков Г. С.* Данные. Повесть собственной жизни <1861> // Русский Архив. 1881. Кн. 2. № 4. С. 260–261.

[9] Там же. С. 261.

[10] Масонские воспоминания Батенькова // *Пыпин А. Н.* Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 468.

[11] *Гершензон М.* Русские пропилеи. Т. 2. С. 33–35.

[12] *Модзалевский Б. Л.* Декабрист Батеньков. Новые данные для его биографии // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 110.

[13] См.: <*Гиргас Л. Ф.*> Гавриил Степанович Батенков. Историко-биографический очерк // Русская Старина. 1889. № 8. С. 329; *Модзалевский Б. Л.* Декабрист Батеньков. С. 117–126, 128–129.

[14] *Гершензон М.* Русские пропилеи. Т. 2. С. 94.

[15] *Снытко Т. Г.* Г. С. Батеньков-литератор. С. 318.

Список сокращений

Гоголь 1889–1896 – Соч. *Н. В. Гоголя.* 10-е изд. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. М., 1889. Т. 1–5; Соч. *Н. В. Гоголя.* Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым и В. Шенроком. М.; СПб., 1896. Т. 6; СПб., 1896. Т. 7.

Гоголь 1937–1952 – Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. <В 14 т.> <Л.>: АН СССР, 1937. Т. 2 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, В. В. Гиппиус, В. П. Петров, Н. Л. Степанов, Б. М. Эйхенбаум; 1938. Т. 3 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, В. Л. Комарович, Н. И. Мордовченко, Н. Л. Степанов, Б. М. Энгельгардт; 1940. Т. 1 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, Н. П. Андреев, А. И. Белецкий, Г. С. Виноградов, В. В. Гиппиус, М. К. Клеман, Н. К. Пиксанов, Н. Л. Степанов, П. Т. Щипунов; 1940. Т. 10 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, Г. А. Бялый, Г. С. Виноградов, Ц. С. Вольпе, В. В. Гиппиус, Б. П. Городецкий, А. И. Грушкин, А. Г. Дементьев, С. Н. Дурылин, А. И. Комаров, Л. В. Крестова, А. Н. Михайлова, Л. Б. Модзалевский, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский, Л. А. Плоткин, И. Г. Ямпольский; 1949. Т. 5 / Тексты и коммент. подготовили М. П. Алексеев, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский, А. Л. Слонимский; 1951. Т. 4 / Тексты и коммент. подготовили В. В. Гиппиус, В. Л. Комарович; 1951. Т. 6 / Тексты и коммент. подготовили В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур; 1951. Т. 7 / Тексты и коммент. подготовили В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур, В. Л. Комарович; 1952. Т. 8 / Тексты и коммент. подготовили О. Б. Билинкис, Л. М. Лотман, В. Б. Томашевский, Г. М. Фридлендер; 1952. Т. 9 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, А. А. Назаревский, Г. М. Фридлендер; 1952. Т. 11 / Тексты и коммент. подготовили М. К. Азадовский, Ц. С. Вольпе, В. В. Гиппиус, Б. П. Городецкий, А. Г. Дементьев, С. Н. Дурылин, Л. В. Крестова, Н. Г. Машковцев, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский, М. А. Панченко; 1952. Т. 12 / Тексты и коммент. подготовили Р. Б. Заборова, А. Н. Михайлова, А. А. Назаревский, Г. М. Фридлендер; 1952. Т. 13 / Тексты и коммент. подготовили А. Н. Михайлова, Г. М. Фридлендер; 1952. Т. 14 / Тексты и коммент. подготовила А. Н. Михайлова.

Гоголь 1994 – Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. Сост., подгот. текстов и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Русская книга, 1994.

Гоголь 2001 – Неизданный Гоголь. Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. 600 с.

Гоголь 2001–2012 – Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 23 т. Т. 1 / Тексты и коммент. подготовили И. Ю. Винницкий, Е. Е. Дмитриева, Ю. В. Манн, К. Ю. Рогов. М.: Наследие, 2001 (2 изд., стереотипное – М.: Наука; ИМЛИ РАН, 2003); Т. 4 / Тексты и коммент. подготовили И. А. Зайцева, Ю. В. Манн. М.: Наука, 2003; Т. 3 / Тексты подготовила Л. В. Дерюгина; коммент. подготовили С. Г. Бочаров, Л. В. Дерюгина. М.: Наука, 2009; Т. 7. Кн. 1–2 / Тексты и коммент. подготовили Н. Л. Виноградская, П. Ю. Гуревич, Е. Е. Дмитриева, И. А. Зайцева, Ю. В. Манн, О. К. Супронюк, А. С. Шолохова. М.: Наука, 2012.

Гоголь 2009 – Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009.

Гоголь 2009–2010 – Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 1–15; М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2010. Т. 17.

Список сокращений

АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва.

Барсуков – *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1–22. СПб., 1888–1910.

Виноградов 2000 – *Виноградов И. А.* Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы миросозерцания. М.: Наследие, 2000. 448 с.

Виноградов 2001 – *Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. М., 2001. 776 с. + 16 с. илл.

Виноградов 2015 – *Виноградов И. А.* Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: Из истории образования в России. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 352 с.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации, Москва (бывш. *ЦГАОР*).

ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва.

ГЛМ – Государственный литературный музей, Москва.

Городецкий – *Городецкий Б. П.* Описание автографов Н. В. Гоголя в собрании Института Литературы Академии Наук СССР // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. 1938. Т. 1.

Гриц – *Гриц Т. С.* М. С. Щепкин. Летопись жизни и творчества / Отв. ред. и сост. первой части (1788–1822) А. П. Клинчин. «Летопись» дополнили и снабдили справочным аппаратом Т. М. Ельницкая, А. П. Клинчин, Н. Г. Литвиненко, А. Я. Альтшуллер, Л. С. Данилова, И. А. Клецкая, Н. В. Королева, В. В. Сомина, М. Б. Рабинович. Иконографию М. С. Щепкина собрал и описал Н. П. Пахомов. Вступ. ст. В. Б. Шкловского / АН СССР; Ин-т истории искусств Мин. культуры СССР; Ин-т театра, музыки и кинематографии Мин. культуры СССР. М., 1966. 881 с.

ГЦТМ – Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, Москва.

Ельницкая 1978 – *Ельницкая Т. М.* Репертуарная сводка. Репертуар петербургского Александринского и московского Малого театров. 1826–1845 // История русского драматического театра: В 7 т. М., 1978. Т. 3.

Ельницкая 1979 – *Ельницкая Т. М.* Репертуарная сводка. Репертуар петербургского Александринского и московского Малого театров. 1846–1861 // История русского драматического театра: В 7 т. М., 1979. Т. 4.

Иофанов – *Иофанов Д.* Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы. Киев, 1951.

ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург.

Клинчин – *Клинчин А. П.* Провинциальный театр <в 1826–1845 гг.> // История русского драматического театра: В 7 т. М., 1978. Т. 3.

Кулиш 1852 – <*Кулиш П. А.*> Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя // Отечественные Записки. 1852. № 4. Отд. 8. С. 189–201.

Кулиш 1853 – <*Кулиш П. А.*> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2 (цензурное разрешение 25 янв.). Отд. 7. С. 109–121.

Кулиш 1854 (1) – <*Кулиш П. А.*> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. Николая М. // Современник. 1854. Т. 43. № 2 (цензурное разрешение 31 янв.). Отд. 2. С. 37–92;

Т. 44. № 3 (цензурное разрешение 28 февраля). Отд. 2. С. 1–84; Т. 44. № 4 (цензурное разрешение 31 марта). Отд. 2. С. 91–154.

Кулиш 1854 (2) – <*Кулиш П. А.*> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение *Николая М.* СПб., 1854 (цензурное разрешение 22 апр.).

Кулиш 1856 – <*Кулиш П. А.*> *Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. СПб., 1856. Т. 1–2 (цензурное разрешение 15 янв.).

Кулиш 2003 – *Кулиш П. А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: В двух томах / Вступ. статья и коммент. И. А. Виноградова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 704 с.

Назаревский – *Назаревский А. А.* Из архива Головни // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 315–357.

НБУ – Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины, Киев (бывш. *ЦНБ*).

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства, Москва (бывш. *ЦГАЛИ*).

РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва (бывш. *ГБЛ*).

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив, Москва.

РГИА – Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург (бывш. *ЦГИА*).

РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (бывш. *ГПБ*).

Свод – *Виноградов И. А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В трех томах. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1; 2012. Т. 2; 2013. Т. 3.

Супронюк. Словарь – *Супронюк О. К.* Н. В. Гоголь и его окружение в Нежинской гимназии. Биобиблиографический словарь. Киев, 2009.

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (бывш. *ЛГИА*).

ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы (бывш. *ЦГИАМ*).

Шенрок – *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1892. Т. 1; М., 1893. Т. 2; М., 1895. Т. 3; М., 1896. Т. 4.

Именной указатель

Географическая канва жизни и творчества Гоголя 1845–1847

Париж 8

1845. Января 14 – марта 1 <января 2 – февраля 17>. Гоголь живет в Париже у графа А. П. Толстого, бывает у Виельгорских, у А. И. Тургенева; часто посещает богослужения в русской посольской церкви, совершаемые настоятелем протоиереем Д. С. Вершинским, продолжает работу над книгой о Литургии, пользуется библиотекой настоятеля. В этот же период Гоголь принимается за изучение греческого языка – в круг его чтения входит текст Литургии на греческом и латинском языках (в бумагах писателя сохранился ряд рукописей с чином Литургии св. Василия Великого и Литургии св. Иоанна Златоуста). Вероятно, знакомится с трудом известного французского издателя святоотеческих творений аббата Ж. П. Миня (Migne) «Богословская энциклопедия, или серия словарей по всем частям религиозных знаний» (Париж, 1844–1855; 50 т.). В занятиях Гоголю помогает отставной учитель-эллинист Ф. Н. Беляев. В Париже Гоголь прочитывает служебные Минеи за полгода, составляет при чтении рукописный сборник «Каноны и песни церковные» (I–CCXXVI); переписывает, из того же источника, одну из паремий; делает выписку из книги «Выходы Государей Царей и Великих Князей, Михаила Феодоровича, Алексия Михайловича, Феодора Алексиевича, всея Русии Самодержцев. (С 1632 по 1682 год)» (М., 1844). Кроме перечисленных книг, в библиотеке протоиерея Димитрия Вершинского Гоголь, вероятно, познакомился с трудом французского археолога А. Дидрона «Иконография христианства» (Париж, 1843). Из этой книги Гоголь сделал ряд прорисей икон для А. А. Иванова. Предположительно тогда же Гоголь прочел в августовском номере «Журнала Министерства Народного Просвещения» за 1844 г. обзор богословских трудов, напечатанных в русской периодике за первые три месяца этого года. Этот обзор был написан сотрудником министерского журнала И. Д. Галаниным. Из статьи Галанина Гоголь сделал пространную выписку, представляющую собой подробное изложение 5–12 глав книги святителя Иннокентия (Борисова) «О грехе и его последствиях: Беседы на Святую Четыредесятницу». В бумагах Гоголя сохранился также список, рукою неустановленного лица, рецензии П. С. Билярского (напечатана в том же номере «Журнала Министерства Народного Просвещения», где помещен обзор Галанина) на статью П. В. Хлудова (Маяк. 1844. Т. 13) о книге А. И. Левшина «Прогулки Русского в Помпеи» (СПб., 1843) 8

1845. Января 26 <14>. Протоиерей Димитрий Вершинский после воскресной обедни, предположительно, дает Гоголю том январской

Содержание

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

И. А. ВИНОГРАДОВ

ЛЕТОПИСЬ
ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
Н. В. ГОГОЛЯ
в семи томах

том пятый
1845–1847

Дизайн обложки и макет тома Д. К. Бернштейн
Корректор Е. Н. Сченснович
Компьютерная верстка А. З. Бернштейн

Подписано в печать 15.10.2018

Формат 70×100 1/16
Усл.-печ. л. 58,0; уч.-изд. л. 74,82.
Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
тел. (495) 691-23-01, 690-05-61

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ № 1030

ИМЛИ РАН

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Н.В. ГОГОЛЯ

ТОМ 5

Москва 2018